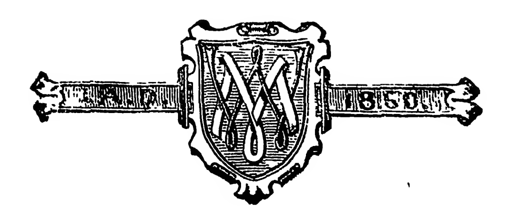
ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ТОМЪ I.

ВТОРОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ ИЗДАНІЕ.



ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, № 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнецкій мостъ, д. Рудакова

1868.

ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (КАРАВАННАЯ, № 24), ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ трудныя эпохи преобразованій, которыя приходится переживать государствамъ, трезвые уроки исторіи могутъ быть нужнѣе всего. Значеніе такихъ уроковъ въ дѣлѣ гражданскаго воспитанія признается съ глубокой древности, и не здѣсь, конечно, мѣсто говорить о немъ. Точно такъ же неумѣстно было бы говорить здѣсь и о значеніи геніальнаго труда Шлоссера. Это имѣло бы видъ рекламы въ пользу такой вещи, которую всякая реклама оскорбляетъ. Наша публика хорошо знаетъ цѣну этого имени, но знаніе это пріобрѣтено не изъ подлинныхъ трудовъ великаго историка, а изъ журнальныхъ статей о немъ и компиляцій, могущихъ удовлетворить только людей поверхностныхъ, а не такихъ, которые ищутъ непосредственнаго общенія съ великими наставниками человѣчества. Но громадный, по объему, трудъ Шлоссера не могъ быть до сихъ поръ доступенъ большинству. Масса книгъ, въ которыхъ нуждается наше развивающееся общество, слишкомъ велика, чтобы оно могло платить значительную сумму за одно какое-либо сочиненіе. Имѣя все это въ виду и зорко слѣдя за потребностями общества, мы дѣлаемъ новое усиліе, результатомъ котораго должно явиться почти безпримѣрное по дешевизнѣ изданіе.

Первое русское изданіе Всемірной Исторіи въ 18 томахъ стоитъ 27 р. с. Нѣмецкій оригиналъ въ третьемъ народномъ изданіи стоитъ 22 талера. Мы же нашли возможнымъ выпустить теперь компактное изданіе, въ которомъ прежніе 18 томовъ обращаются въ 6 томовъ и будутъ стоить только 15 р. с.

Какъ ни скромна издательская дѣятельность, но мы будемъ гордиться ею, если сдѣлаемъ трудъ Шлоссера столь же популярнымъ въ Россіи, какъ онъ популяренъ въ Германіи, и если убѣдимся, что усилія наши на пользу общества не остаются незамѣченными имъ. Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на дороговизну русскихъ книгъ. Мы дѣлаемъ попытку удешевить до крайнихъ предѣловъ возможности одно изъ самыхъ необходимыхъ сочиненій и по результату этой попытки будемъ судить о возможности отваживаться впредь на подобныя предпріятія.

М. Вольфъ.

НЕКРОЛОГЪ Ф. ШЛОССЕРА,

СОСТАВЛЕННЫЙ Г. ГЕРВИНУСОМЪ.

Еще не такъ давно смерть похитила у насъ Арндта и Дальмана въ Боннѣ; и вотъ на дняхъ, 23 сентября, за ними послѣдовалъ Фридрихъ Христофоръ Шлоссеръ на 58 году жизни (род. 17 ноября 1776 года въ Еверѣ). Этими сѣверо-германскими историками, кажется, навсегда пресѣклось въ германской духовной жизни характеристическое поколѣніе нѣмецкихъ ученыхъ, отличавшихся необыкновенно крѣпкими, какъ тѣлесными, такъ и духовными силами. Они всѣ трое жили въ бурное время, и въ ихъ литературной дѣятельности различнымъ образомъ отразился тотъ періодъ, когда нѣмецкій народъ сознавалъ свое политическое и національное призваніе, и это сознаніе вступило въ борьбу съ преданіями и стремленіями чисто внутренними, обращенными исключительно на духовные интересы. Всѣ трое развивались въ различныя времена, но начало ихъ развитія совпадаетъ съ періодомъ униженія и порабощенія Германіи; народный позоръ сильно дѣйствовалъ на нихъ и невольно устремлялъ ихъ всеобъемлющіе умы на общественную дѣятельность, исполняя сердца самымъ горячимъ сочувствіемъ къ судьбѣ ихъ націи. Тяжкія народныя страданія сообщили ихъ характерамъ, сильнымъ отъ природы, такую желѣзную твердость, что потомкамъ ихъ въ слѣдующемъ разслабленномъ поколѣніи она казалась даже излишнимъ упрямствомъ и заносчивостью, достойною порицанія. Въ нихъ нѣмецкій народъ видѣлъ людей, ему сочувствовавшихъ, неразрывно связавшихъ свою литературную дѣятельность съ его радостями и страданіями; онъ уважалъ въ нихъ народныхъ писателей, служившихъ народному дѣлу даже въ такихъ сочиненіяхъ, которыя по объему, формѣ и содержанію были всего менѣе народны и принадлежали повидимому къ чисто ученымъ и спеціальнымъ.

Таковъ былъ даже тотъ между ними, который никогда не принималъ непосредственнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, который прямо порицалъ всякое стремленіе къ популярности въ наукѣ, отличался самымъ рѣзкимъ характеромъ, и съ самою суровою строгостью любилъ бичевать слабости нѣмцевъ, — именно Шлоссеръ. Было время, когда вся Германія единодушно удивлялась въ этомъ человѣкѣ огромной начитанности, обширной учености и умѣнью пользоваться своими знаніями; — когда всѣ глубоко уважали его за его свободный политическій образъ мыслей и за смѣлость, съ какою онъ высказывалъ его, что было большою рѣдкостью въ нѣмецкомъ кабинетномъ ученомъ прошлаго столѣтія; — когда его строгая нравственная проповѣдь и критика возбуждали родъ нѣмаго благоговѣнія. Въ это время я, его благодарный ученикъ, сидѣлъ у ногъ его въ Гейдельбергѣ и съ одинаково напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его и тогда, когда онъ оживлялъ свои чтенія отдѣльными замѣчаніями, которыя обнаруживали глубокое знаніе свѣта и людей и разъясняли для меня разнообразные вопросы и сомнѣнія, волнующіе юношескую душу, — и тогда, когда онъ рисовалъ въ величественныхъ картинахъ эпохи развитія человѣческаго рода, и передъ моимъ юнымъ умомъ съ шумомъ растворялись врата исторіи. Въ то время я могъ только чувствовать все значеніе этого человѣка въ исторической наукѣ для нѣмецкой страны и народа, могъ только вѣрить въ его высокое достоинство; и общественное мнѣніе не разрушало во мнѣ этой вѣры. Если я прямо и откровенно скажу, что я и теперь еще не потерялъ вѣры въ великое значеніе этого человѣка, то меня многіе, можетъ быть, назовутъ пристрастнымъ и упрекнутъ въ излишней благодарности и въ робости сужденій бывшаго ученика, который всегда остался ученикомъ. Вѣдь въ настоящее время въ Германіи мнѣнія о Шлоссерѣ не такъ единогласны, какъ были прежде.

Въ такія времена, когда движеніе совершается съ неслыханною быстротою, очень естественно можетъ случиться, что надъ ученымъ изслѣдователемъ одержатъ верхъ соперники, принимающіе участіе въ разрушительной дѣятельности молодаго, подвижнаго поколѣнія; тогда вкусы и потребности минуты не находятъ себѣ удовлетворенія у писателя, который жилъ очень долго; тогда обыкновенно забываютъ отношеніе его сочиненій ко времени ихъ происхожденія и упускаютъ изъ виду то значеніе, какое они имѣли преимущественно для этого времени. При всеобщемъ развитіи въ Германіи учености, затрогивавшей современные, жизненные вопросы, естественно, ученость Шлоссера должна была нѣсколько потерять во мнѣніи общества. Роскошно развившаяся и дорожившая изящными формами литература отодвинула на заднiй планъ простыя и безъискуственныя сочиненія Шлоссера. Читающая публика, избаловавшая свой вкусъ и чувство привлекательнымъ, изящнымъ чтеніемъ, невольно отворачивалась отъ суровой строгости старомоднаго нравственнаго судьи. Въ пишущемъ мірѣ мало-по-малу образовался кружокъ систематическихъ противниковъ, рѣшившихся отомстить за нападки, рѣзкости, обиды, можетъ быть, даже незаслуженныя, которыя они лично и непосредственно вытерпѣли отъ Шлоссера во все время его многолѣтней критической дѣятельности. Были между ними люди

ученые и они вели споръ основательно, съ знаніемъ дѣла и съ достоинствомъ. Но были между ними также и неопытные послѣдователи противоположныхъ направленій, отличавшіеся въ спорахъ только рѣзкостью и школьною нетерпимостью; ставя на пьедесталъ учителей своей школы, они укоряли нѣмецкій народъ въ слѣпомъ и очевидномъ заблужденіи за то, что онъ считалъ Шлоссера великимъ историкомъ и читалъ его сочиненія съ большею охотою, чѣмъ сочиненія многихъ, если не всѣхъ, современныхъ его противниковъ. И такъ какъ всякое новое мнѣніе находитъ толпу безразсудныхъ послѣдователей, то въ Германіи скоро распространился взглядъ на Шлоссера, вмѣсто прежняго глубокаго уваженія, выражавшій какое-то презрѣніе къ нему. Способъ изложенія Шлоссера находили труднымъ и невразумительнымъ по его безпорядочности и отсутствію всякаго метода. — Его ученую критику считали просто только страстнымъ желаніемъ порицать безъ разбора все, кромѣ своихъ собственныхъ сочиненій. — Его нравственную критику находили узкою за ея односторонній масштабъ брюзгливой мѣщанской морали, которая унижала всякое историческое величіе. — Въ его политической критикѣ видѣли постоянное колебаніе сюда и туда, отрицаніе всякой формы правленія, всякаго національнаго характера и народнаго быта; всѣ они представлялись ему одинаково негодными. — Наконецъ его взглядъ на общій ходъ исторіи называли запутаннымъ и видѣли въ немъ безпорядочный хаосъ, въ которомъ нельзя достигнуть никакой цѣли и нигдѣ нельзя найти успокоенія.

Всѣ эти упреки имѣютъ видъ справедливости и до нѣкоторой степени не лишены основанія. Но они не могли разрушить того перваго инстинктивнаго мнѣнія, какое составилось въ Германіи о Шлоссерѣ; они никогда не могли поколебать моихъ прежнихъ убѣжденій въ значеніи этого необыкновеннаго человѣка. Противники Шлоссера, порицая его за рѣзкія и пристрастныя сужденія, сами были несправедливы къ нему. Несправедливость эта состояла не въ томъ только, что они видѣли въ немъ одни недостатки и не признавали его достоинствъ: они судили объ немъ поверхностно и не хотѣли объяснять его ошибокъ тѣми основаніями, которыя лежали въ самомъ существѣ и полнотѣ его характера. Даже въ самыхъ слабыхъ натурахъ можно наблюдать то коренное свойство человѣческаго духа, по которому всѣ недостатки и достоинства извѣстной личности находятся въ самой тѣсной связи между собою; не рѣдко же особенное преимущество избранныхъ натуръ обнаруживается именно въ томъ, что чѣмъ цѣльнѣе, выше и основательнѣе развитъ въ нихъ умъ и характеръ, тѣмъ неразрывнѣе и нераздѣльнѣе переплетаются у нихъ тѣ общіе корни, изъ которыхъ выростаютъ ихъ хорошія и дурныя качества. Въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ точки зрѣнія и отъ того, желаютъ ли разсматривать однѣ только тѣни, или вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнить и свѣтъ, который образуетъ эти тѣни.

Недавняя утрата этого человѣка обязываетъ меня хоть сколько-нибудь содѣйствовать безпристрастной и правильной оцѣнкѣ его всѣми средствами, какія находятся въ моихъ знаніяхъ и моемъ опытѣ. Въ этомъ важномъ случаѣ, произнося судъ надъ мертвымъ, я буду говорить съ полною откро-

венностью и безпристрастіемъ, измѣнить которымъ не позволяетъ мнѣ воспоминаніе о нравственныхъ правилахъ покойника и о его личномъ характерѣ. Поэтому было бы совершенно неумѣстно на всѣ рѣзкіе и опредѣленные упреки, высказанные противъ него, отвѣчать пошлыми фразами или опровергать ихъ общими мѣстами. Каждый будетъ имѣть больше довѣрія къ моему дѣлу, если я буду вести его прямо, основательно и безпристрастно.

Такимъ образомъ противникамъ, порицающимъ небрежную безпорядочность въ сочиненіяхъ Шлоссера, я могу представить еще новыя доказательства въ пользу ихъ мнѣнія, и въ то же время не лишусь везможности защитить и себя, и его. Дѣйствительно, нѣтъ произведеній ни одного автора, которыя были бы такъ небрежны и безпорядочны, казались бы такими неполными и незаконченными, какъ историческія сочиненія Шлоссера. Своимъ происхожденіемъ они обязаны самымъ разнообразнымъ мотивамъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, случайному расположенію и желанію, постороннему поводу и чужому побужденію; продолженіе ихъ, обработка и объемъ также часто и случайно измѣнялись и принимали тотъ или другой видъ. Въ своей юности (такъ писалъ онъ самъ), колеблясь между философіей и богословіемъ, между церковной исторіей и изученіемъ классической древности, сочинялъ онъ разныя біографіи и монографіи, выбирая предметы для нихъ повидимому совершенно безразлично изъ среднихъ и новыхъ вѣковъ, на Востокѣ и на Западѣ. Читая во Франкфуртѣ лекціи по исторіи философіи, онъ началъ съ 1811 года заниматься древней исторіей и обработалъ первый томъ своей Всемірной исторіи (1815). Впослѣдствіи, прекративъ чтеніе лекцій, онъ продолжалъ писать вторую часть своего сочиненія, главнымъ образомъ для себя, какъ тетрадь для собственнаго употребленія; въ третьей части онъ опять перемѣнилъ тонъ, чтобы дать возможность и другимъ читать и понимать его сочиненіе. На четвертой части онъ совсѣмъ остановился, и въ то же время сомнительные труды Риса и Лудена побудили его ревностно заняться разработкой всей средневѣковой исторіи. Потомъ онъ вдругъ перескочилъ къ XVIII вѣку (1823), предназначая сочиненіе объ немъ первоначально для себя, въ руководство при своихъ чтеніяхъ; развивъ его нѣсколько подробнѣе, по совѣту А. Гумбольта, Шлоссеръ и въ этомъ видѣ, по его собственному признанію, отложилъ его въ сторону, какъ неполное и несовсѣмъ понятное безъ его устныхъ объясненій. Затѣмъ послѣдовало общее обозрѣніе исторіи древняго міра (1826); сначала онъ излагалъ его кратко, потомъ подробнѣе, и наконецъ заключительная часть вышла такая, что вмѣстѣ съ указателемъ могла составить цѣлый томъ. По окончаніи его явилась переработанная исторія XVIII вѣка съ подробными литературными отдѣлами, заимствованными, очевидно, изъ его черновыхъ тетрадей, никогда не предназначавшихся для печати. Не окончивъ этого сочиненія, принятаго всѣми съ восторгомъ, онъ снова оставилъ его, чтобы прибавить къ своей исторіи среднихъ вѣковъ два тома о XIV вѣкѣ, обработанные не вездѣ по одному плану, потому что онъ обѣщалъ ихъ издателю. Въ это же время въ угоду своему другу Берхту издавалъ онъ историческій архивъ и по просьбѣ товарища Бера писалъ множество критическихъ статей

въ Гейдельбергскихъ лѣтописяхъ. Затѣмъ, по неотступной просьбѣ Гфререра и Франка, онъ далъ свое согласіе на популярную переработку различныхъ его сочиненій въ одну общую Всемірную исторію, которая потомъ перешла въ другія руки, и въ которой онъ пополнилъ большой пробѣлъ XV — XVII вѣка, обработанный менѣе всѣхъ прежнихъ его сочиненій. Безъ сомнѣнія, весьма трудно найти у какого-нибудь другаго писателя столько различныхъ побужденій и цѣлей въ неутомимой и обширной литературной дѣятельности и соотвѣтствующее этому разнообразіе, неровность и отсутствіе тщательной обработки въ изложеніи.

Впрочемъ среди этой смѣси мотивовъ, побуждавшихъ нашего историка къ трудамъ, мы находимъ одну постоянную точку зрѣнія, одну основную цѣль, которая, при всей кажущейся прихотливости и безпорядочности, самымъ тѣснымъ образомъ связана съ особенностями натуры Шлоссера и ея характеристическими достоинствами и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно объясняетъ существенныя черты его метода изложенія, которыя могли показаться отсутствіемъ всякаго метода. Принужденный внѣшними обстоятельствами сдѣлаться учителемъ исторіи прежде, чѣмъ онъ усвоилъ себѣ историческія знанія во всемъ ихъ объемѣ, и не находя въ нѣмецкой литературѣ печатныхъ, основныхъ руководствъ для своихъ занятій, Шлоссеръ долженъ былъ ткать для другихъ въ то время, когда еще самъ былъ занятъ собственнымъ ученіемъ и весь погруженъ въ изученіе источниковъ. Такимъ образомъ, собирая матеріалы для себя и составляя записки для своихъ слушателей, онъ пріобрѣлъ привычку дѣлать публику свидѣтельницей своихъ кабинетныхъ предварительныхъ занятій. Это вполнѣ объясняетъ его манеру писать, которую онъ, благодаря своей сильной натурѣ, съ самаго начала такъ усвоилъ себѣ, что впослѣдствіи при всемъ своемъ желаніи не могъ совершенно ее оставить. Онъ самъ сознавалъ, и часто высказывалъ какъ необходимо дополнять его труды другими сочиненіями о тѣхъ же предметахъ: въ своихъ сочиненіяхъ онъ очень охотно упускалъ все, что было достаточно обработано другими. Такъ напримѣръ, исторію иконоборческихъ императоровъ онъ хотѣлъ первоначально изложить такимъ образомъ, чтобы читатели ея необходимо должны были имѣть подъ рукою Гиббона. Даже въ своей Всемірной исторіи, въ которой вообще соблюдено больше порядка, онъ имѣлъ намѣреніе ограничиться одними „указаніями“ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось предметовъ общеизвѣстныхъ; чтобы не повторять сужденій, высказанныхъ другими, онъ писалъ римскую исторію и исторію крестовыхъ походовъ такъ, что ее могъ понимать только читатель, знакомый съ Нибуромъ и Вилькеномъ. Вообще всѣ сочиненія его предназначались не для тѣхъ людей, которые ничего не читали прежде. Имѣя въ виду это, онъ очевидно считалъ форму изложенія дѣломъ второстепеннымъ. Въ своей „преднамѣренно и по самому предмету сухой книгѣ“ о среднихъ вѣкахъ онъ излагаетъ одни только голые факты, заботясь болѣе о содержаніи и повѣркѣ источниковъ, нежели о колоритѣ и живописномъ изложеніи; онъ предполагалъ, что понимающій дѣло человѣкъ часто обращаетъ больше вниманія на примѣчанія, чѣмъ на текстъ, а на самый текстъ смотритъ

какъ на примѣчанія. Такимъ образомъ его историческія сочиненія всегда были ничто иное, какъ родъ постоянной критики источниковъ и свода ихъ; и тамъ, гдѣ онъ прямо и исключительно становится на эту точку, какъ напримѣръ въ своей статьѣ о панегиристахъ и порицателяхъ Наполеона, помѣщенной въ историческомъ архивѣ Берхта, тамъ онъ и другимъ кажется и самъ чувствуетъ себя совершенно свободнымъ, потому что тамъ онъ, точно у себя дома, держится совершенно непринужденно и наиболѣе вѣренъ самому себѣ. Отъ этой особенности Шлоссера зависѣло отсутствіе методики, небрежность слога, бѣглость въ изложеніи и многіе другіе недостатки даже относительно того, что онъ считалъ самымъ важнымъ и священнымъ въ своей дѣятельности, именно содержанія матеріаловъ и группировки фактовъ. Слѣдуя болѣе счастливому вдохновенію, нежели филологически точнымъ основаніямъ и изслѣдованіямъ, онъ писалъ съ поспѣшностью, при которой неизбѣжны были частныя ошибки и слишкомъ скорыя заключенія. Нѣтъ надобности отъискивать ихъ: онъ откровенно указалъ на нихъ самъ. Иногда изъ-подъ пера его сорвется анахронизмъ въ 100 лѣтъ; иногда у него представляются выигранными сраженія, которыя на самомъ дѣлѣ были проиграны; онъ называетъ потерянными классическія творенія, которыя сохранились; надежда на свою твердую память измѣняла ему въ такихъ случаяхъ. Равнодушный къ вспомогательнымъ второстепеннымъ отраслямъ исторіи, онъ пренебрегалъ отдѣльными генеалогическими, хронологическими, географическими замѣчаніями и частными вопросами, которые для „дѣтей и педантовъ" составляютъ самое главное въ исторіи, и такъ же охотно дозволялъ Берхту и Кригку исправлять свой слогъ, какъ охотно поручалъ разсматривать подобныя мелочи Нибуру и Миллеру при случайныхъ встрѣчахъ съ ними. Его живая любознательность не дозволяла ему слишкомъ долго останавливаться на мелкихъ незначительныхъ подробностяхъ; этой живости, сообщившей его ученымъ стремленіямъ такой обширный и удивительный объемъ, онъ жертвовалъ иногда основательностью. Гдѣ можно найти другаго историка, который бы самостоятельно разобралъ всю область исторіи по первоначальнымъ источникамъ во всемъ обширномъ объемѣ? Уже въ 1823 году онъ составилъ планъ, окончивши исторію среднихъ вѣковъ, присоединить къ ней новѣйшую исторію и даже въ 1830 году не оставлялъ мысли обработать новую исторію по образцу своего всемірно-историческаго обозрѣнія. Но когда Шлоссеръ увидѣлъ, что для этого не хватитъ его силъ и жизни, то честолюбіе заставило его согласиться на изданіе популярной всемірной исторіи, чтобы по крайней мѣрѣ хоть этимъ способомъ пополнить пробѣлъ съ 14 до 17 вѣка: „чтобы все-таки что-нибудь цѣлое" — говаривалъ онъ въ наивной радости, не докончивая (по своей привычкѣ) понятной мысли.

Эта растянутость, небрежность и неполнота составляли слабую сторону въ сочиненіяхъ Шлоссера и дали критикамъ его обильную пищу. Настоящаго, хотя бы и самаго строгаго, но достойнаго его критическаго разбора его трудовъ не было; потому что наша критика не обращаетъ вниманія на сочиненія тѣхъ, которые не принадлежатъ къ литературнымъ партіямъ.

Нѣкоторые недостатки и ошибки были указаны ему въ анонимныхъ письмахъ издателями, истинными и ложными друзьями, и въ то же время появились противъ него статьи другаго рода, въ которыхъ кліенты покровительствуемыхъ въ Пруссіи историческихъ и философскихъ школъ только превозносили своихъ собственныхъ учителей. При такомъ положеніи вещей Шлоссеру, не боявшемуся порицаній и не желавшему похвалъ, ничего не оставалось дѣлать для поддержнія собственнаго достоинства, какъ хранить молчаніе, и не обращать вниманія на лай „литературныхъ собакъ". Кто въ ученомъ мірѣ не знаетъ по собственному опыту того прискорбнаго факта, что глубокомысленный философъ, возвышенный поэтъ и проницательный историкъ должны выслушивать сужденія и приговоры отъ вздорныхъ говоруновъ, которые занимаются критикой какъ ремесломъ для пріобрѣтенія куска хлѣба? Многіе, подвергшіеся такому суду, скрываютъ свое негодованіе изъ приличія и по благоразумію; такой человѣкъ, какъ Шлоссеръ, не долженъ былъ негодовать уже по одному чувству собственнаго достоинства. Но его раздражали нападки другихъ на тѣ недостатки, которые самъ же онъ указалъ въ своихъ сочиненіяхъ, и онъ началъ (1817) въ своихъ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ, а потомъ въ Гейдельбергскихъ лѣтописяхъ отвѣчать на эти нападки въ своихъ ученыхъ критикахъ. Съ совершенною беззастѣнчивостью сталъ онъ прямо высказывать все то, что обыкновенно скрываютъ другіе, обнаружилъ мелкую раздражительность, обидчивость, зависть всякой похвалѣ, которая не касалась его, презрѣніе къ чужимъ указаніямъ, нетерпимость и ѣдкость въ сужденіяхъ о каждомъ направленіи, несогласномъ съ его собственнымъ; — все это такія черты, которыя, казалось, обнаруживали недостатокъ самообладанія, терпимости и безпристрастія, способны были бросить тѣнь на характеръ человѣка и показывали какъ будто онъ совершенно предался страсти къ противорѣчіямъ и къ порицанію. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это были случайныя вспышки, которыя противорѣчили самымъ задушевнымъ правиламъ Шлоссера. Онъ даже самъ сознался въ нихъ. Въ предисловіи ко второй части своей исторіи среднихъ вѣковъ (1821) онъ извинялся въ слишкомъ рѣзкомъ порицаніи недостатковъ людей, вообще очень достойныхъ, ясно сознавая, что завистливое униженіе другихъ и презрѣніе къ нимъ легко могутъ довести до надменности. Однакожъ преобладающія черты его сильной и прямой натуры всегда брали перевѣсъ надъ требованіями условныхъ приличій, и конечно, указанныя особенности Шлоссера можно причислить къ тѣмъ недостаткамъ, которые неразрывно связаны съ его добродѣтелями. Насиловать свою прямую и честную натуру было для него невозможно во всякихъ отношеніяхъ, тѣмъ менѣе въ ученомъ. Очарованный личностью герцогини де Сенъ-Ле, приславшей ему свои записки, онъ однакожъ сказалъ ей прямо, что, не смотря на все ихъ остроуміе, ничего не можетъ извлечь изъ нихъ для своей цѣли. Онъ былъ друженъ съ Грегуаромъ и открыто принималъ его въ изгнаніи, но въ исторіи 18 столѣтія съ самою наивною откровенностью говорилъ объ его удивительномъ ослѣпленіи. Даже самого Данте подвергъ онъ своей придирчивой и щепетильной критикѣ, обыкно-

венной въ его сочиненіяхъ, — Данте, которому онъ удивлялся съ такимъ энтузіазмомъ и у котораго учился строгому безпристрастію въ отношеніи къ своимъ собственнымъ единомышленникамъ: какъ же можно было отъ такого служителя истины требовать снисходительности къ школьнымъ мудрецамъ его времени и къ литературнымъ противникамъ, питавшимъ къ нему непримиримую ненависть.

Тотъ судилъ бы слишкомъ поверхностно и несправедливо, кто сталъ бы утверждать, что Шлоссеръ порицалъ рѣшительно все, и что страсть къ порицанію всегда происходила у него отъ досады и желчи. О многихъ современныхъ и отечественныхъ историкахъ, въ которыхъ онъ видѣлъ серьезное, самоотверженное стремленіе къ изслѣдованіямъ, имѣвшимъ въ виду разысканіе истины, онъ всегда отзывался съ уваженіемъ и признательностью, безъ всякой мелкой завистливости. Таковы напр. Масковъ, Мезеръ, Планкъ, Вилькенъ, Ремъ, а особенно Шпиттлеръ, его учитель въ Геттингенѣ; нужно было самому слышать отзывы Шлоссера о Шпиттлерѣ, чтобы убѣдиться, какимъ благоговѣніемъ онъ былъ проникнутъ къ этому дѣйствительно замѣчательному человѣку, и какъ неизмѣнны были его чувства къ нему. Когда онъ замѣчалъ въ комъ-нибудь различіе тѣхъ воззрѣній, которыя были для него священны въ жизни и существенны въ наукѣ, тогда только отвращеніе его не имѣло предѣла и выражалось съ такою силой, при которой скрывать или сдерживать свое неудовольствіе оказывалось для него рѣшительно невозможнымъ. Но нельзя указать ни одного случая, когда бы онъ взялся судить и рядить о какихъ-нибудь важныхъ предметахъ, не имѣя объ нихъ точнаго понятія. Въ Гиббонѣ онъ уважалъ долго, а въ J. Миллерѣ всегда, строгаго критика источниковъ; его нерасположеніе къ первому возникало постепенно, по мѣрѣ того какъ онъ узнавалъ его неточность и открылъ источникомъ ея — риторическую напыщенность, которая непріятно поражала его уже въ Миллерѣ и сдѣлалась для него отвратительной въ обоихъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ долженъ былъ разочароваться въ политическомъ характерѣ Миллера и замѣтилъ въ Гиббонѣ сочувствіе къ свѣтскимъ развратнымъ господамъ и повѣсамъ. Но въ нерасположеніи его къ этимъ современникамъ нисколько не участвовало чувство какой-нибудь личной непріязни, потому что такое же нерасположеніе онъ обнаруживалъ иногда къ Діодору, Ксенофонту и Саллюстію, писателямъ давно минувшихъ временъ. Шлоссеръ съ одинаковымъ негодованіемъ возставалъ всегда противъ нравственной испорченности, противъ отсутствія правилъ въ жизни, противъ пустой мишуры въ наукѣ, риторическихъ украшеній, поэтическихъ манеръ, прагматическихъ характеристикъ и душевныхъ картинъ, противъ живописной романтичности, искусственныхъ поддѣлокъ подъ древность и стремленій сохранить колоритъ времени въ историческихъ изложеніяхъ. И какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ ясныя основанія, вытекавшія изъ его цѣлостной натуры, удаляли его отъ историческихъ корифеевъ, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ уважалъ постоянно; но случайныя его выходки и нападки на другихъ, которыхъ онъ не назы-

валъ по именамъ, давали поводъ заключать, что его сужденіями руководила придирчивость и мелкая досада.

Такъ напр., замѣчая въ Дальманѣ стремленіе соединить теорію съ практикою, историка возвысить до государственнаго человѣка, Шлоссеръ, при всемъ своемъ уваженіи къ Дальману за его прямой, во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный характеръ, не одобрялъ его стремленій, и, не смотря на то, что самъ же всегда стремился отъ буквы науки къ ея духу, отъ книги въ жизнь, высказывалъ совершенно противоположный взглядъ, которому онъ остался вѣренъ навсегда. Для него наука стояла совершенно отдѣльно отъ жизни, которая должна „сама управлять собою", такъ какъ только настоящій практическій человѣкъ можетъ дѣйствовать сообразно съ жизненными потребностями и дѣйствовать твердо тамъ, гдѣ бы полузнающій постоянно колебался.

Такія мысли, доведенныя до крайности, могли казаться односторонними; но ихъ не должно понимать строго буквально. Или ужъ должно взвѣшивать строго каждое слово, и тогда односторонность исчезнетъ при двойномъ противорѣчіи, которое часто встрѣчается въ выраженіяхъ Шлоссера. Онъ не соглашался на соединеніе теоретика съ практикомъ въ одномъ лицѣ, роль эта представлялась ему неудобною уже по причинѣ разъединенія силъ, и онъ лично ни въ какомъ случаѣ не былъ способенъ разыгрывать ее. Но отдѣлить науку отъ жизни невозможно, если она, по выраженію Шлоссера, „должна давать образецъ для жизни": на эту-то часть его фразы и нужно обращать особенное вниманіе. Одна крайность вызываетъ другую, совершенно противоположную и дѣло разъясняется. Когда Штейнъ составилъ планъ собрать всѣхъ нѣмецкихъ историковъ, Шлоссеръ отказался участвовать въ этомъ національномъ дѣлѣ. Онъ указалъ при этомъ только на второстепенныя причины отказа; главнѣйшая же заключалась въ томъ, что онъ невольно сознавалъ необходимость тѣснаго сближенія науки съ жизнію, а отъ этой задачи отвлекли бы его труды по исторической филологіи. Науку эту онъ вполнѣ уважалъ, но лично сознавалъ себя еще менѣе способнымъ къ ней, нежели къ дѣятельности государственнаго человѣка.

Отъ этого сочувствія Шлоссера къ жизненнымъ интересамъ явилась въ немъ рѣшимость заниматься собственно настоящей исторіей, оставляя въ сторонѣ кропотливыя изслѣдованія вспомогательныхъ, второстепенныхъ наукъ, всю антикварную, археологическую и миѳологическую мудрость. Онъ, подобно Ѳукидиду, Маккіавелли и другимъ историкамъ въ духѣ новѣйшей образовательной школы,— признавалъ, что въ исторіи важнѣе всего теченіе событій, а не описаніе извѣстныхъ постоянныхъ и неизмѣняющихся положеній и отношеній, „не измѣреніе пространства, какъ онъ самъ выражался, а исчисленіе моментовъ." Это была не прихоть и не упрямство, но обдуманный принципъ, вслѣдствіе котораго онъ всѣ до-историческія сказанія, миѳическія и религіозныя повѣствованія исключалъ изъ исторіи въ строгомъ смыслѣ, и считалъ ихъ только подготовкой къ изученію исторіи. По его мнѣнію, историкъ не долженъ бродить съ своими изслѣдованіями въ

хаосѣ древнихъ временъ, среди болотъ варваровъ и лѣсовъ браминовъ, но искать свѣта въ воздѣланныхъ, ясныхъ странахъ исторіи. Онъ уважалъ и цѣнилъ богатую результатами историческую критику Нибура, филологическую мозаику Отфрида Миллера, но ему казалось, что благоговѣніе предъ сомнительными результатами, полученными изъ изученія миѳовъ, древностей и надписей, можетъ вытѣснить ясную и свѣтлую исторію, и критическая микрологія распространится до того, что унизитъ самую исторію и сдѣлаетъ ее вспомогательною наукою филологіи.

Такимъ же точно отрицательнымъ образомъ относился Шлоссеръ и къ другому дипломатически-архивному историческому методу, господствовавшему въ школѣ Ранке. Ничто такъ не характеризуетъ многосторонности германскаго духа, какъ одновременное возникновеніе и совмѣстное существованіе этихъ двухъ противоположныхъ воззрѣній на цѣль и методъ исторіи; они взаимно дополняютъ другъ друга, что есть у одного, того нѣтъ у другаго, и что имѣетъ другой, того недостаетъ первому. Оба метода существенно критическіе и равно отрывочны. Оба предполагаютъ въ читателѣ знакомство съ другими историческими книгами и не хотятъ повторять того, о чемъ уже говорилось тысячу разъ. Одинъ методъ беретъ историческій матеріалъ во всемъ его объемѣ и употребляетъ его въ дѣло въ видѣ сухаго лѣтописнаго разсказа, но освѣщеннаго со всѣхъ сторонъ; здѣсь при безпорядочной, неравномѣрной и безъискусственной обработкѣ теряется цѣлость исторіи, и она распадается на отрывочныя повѣствованія. Другой методъ, не касаясь всего матеріала, избирая отдѣльные моменты и представляя ихъ съ частныхъ точекъ зрѣнія, въ формѣ изложенія мемуаровъ, старается напротивъ изъ отрывковъ составить связное цѣлое. Одинъ дополняетъ существующія историческія сомнѣнія, такъ сказать, пропущенными, просмотрѣнными мѣстами уже извѣстныхъ источниковъ, другой ищетъ дополненій въ памятникахъ и свѣдѣніяхъ, еще никому неизвѣстныхъ. Въ этомъ разыскиваніи и открытіи неизвѣстнаго послѣдователи втораго метода находятъ главную прелесть историческихъ занятій и считаютъ свои занятія полезными и необходимыми, даже если бы открытія, сдѣланныя ими, „сами по себѣ и не имѣли большой важности.“ Противъ этого очень неглубокаго взгляда защитники перваго метода, невольно смущаемые подавляющимъ громаднымъ количествомъ уже открытыхъ и извѣстныхъ матеріаловъ, дѣлаютъ такое серьезное и значительное возраженіе: исторія не можетъ, подобно другимъ наукамъ, оставлять въ сторонѣ и сдавать въ архивъ устарѣвшія или рѣшенныя дѣла, напротивъ того ея исключительное свойство и состоитъ въ томъ, что, при безостановочномъ развитіи народовъ, она накопляетъ необозримую массу матеріаловъ, увеличивающуюся въ огромной пропорціи; поэтому — прежде всего необходимо подумать о томъ, какъ бы въ этомъ чрезмѣрномъ обиліи матеріаловъ ограничиться однимъ безусловно важнымъ. Для этой цѣли нужно въ тѣхъ отдѣлахъ исторіи, которые представляются незначительными по отсутствію въ нихъ духовныхъ интересовъ, искать только общаго духа и сущности исторіи; въ другихъ же, представляющихъ духовный интересъ, ограничиться основательнымъ изслѣдо-

ваніемъ частностей, а все остальное предоставить „волѣ Божіей.“ При такомъ методѣ легко упустить изъ виду установленныя новыми изслѣдованіями тѣ простыя точки зрѣнія на великія историческія событія, которыя обыкновенное воззрѣніе вывело совершенно вѣрно изъ общеизвѣстныхъ фактовъ. Въ этомъ случаѣ историкъ легко можетъ впасть въ ошибку, преувеличивая значеніе неизданныхъ источниковъ только потому, что они новы, и значеніе дипломатическихъ свидѣтелей потому, что они какъ лица, посвященныя въ дипломатическія тайны, могутъ вѣрно разсуждать о случившихся событіяхъ: но положеніе дипломата не можетъ сообщить его свидѣтельству никакого особеннаго значенія больше того, какое бы оно имѣло въ устахъ и не дипломатическаго лица; само по себѣ извѣстіе дипломата имѣетъ такую же важность, какъ и сказаніе всякаго современнаго и способнаго наблюдателя, который относительно собственно фактической стороны событій гораздо меньше можетъ ошибаться, чѣмъ даже дипломатъ. По этому воззрѣнію еженедѣльный отчетъ дипломата имѣетъ преимущество предъ великими взглядами Маккіавелля, изъ которыхъ нельзя извлечь никакихъ подробностей и ничего новаго; различіе обоихъ разбираемыхъ нами методовъ нигдѣ не обнаруживается такъ поразительно, какъ въ сужденіяхъ объ этомъ великомъ историческомъ геніи. Представитель перваго метода осудилъ бы въ этомъ человѣкѣ дипломата, но зато призналъ бы въ немъ великій государственный умъ и удивлялся бы его историческому пониманію; сторонникъ втораго остался бы совершенно равнодушенъ къ его историческому сочиненію, такъ какъ оно не представляетъ ничего новаго и только пересказываетъ свѣдѣнія, извѣстныя изъ источниковъ, но тѣмъ болѣе цѣнилъ бы его дипломатическія извѣстія, сообщаемыя имъ, какъ агентомъ флорентинскаго правительства. Первый назвалъ бы его великимъ гражданиномъ за его честную политическую дѣятельность, не смотря на суровыя выраженія его политическихъ принциповъ; второй возсталъ бы противъ этихъ выраженій и съ большимъ удовольствіемъ выхвалялъ бы какого-нибудь оратора, Гвичіардини, который однако пользуется самою невыгодною репутаціей, какъ политическій дѣятель. Отъ этихъ внѣшнихъ различій въ воззрѣніяхъ двухъ историческихъ школъ легко перейти и къ существенной разницѣ, опредѣляющей ихъ отношеніе другъ къ другу, и къ ихъ великому предмету, — къ исторіи прошедшаго и къ государственной жизни настоящаго. Очевидно, что направленіе, нравственныя понятія и политическіе взгляды не могутъ быть одинаковы у тѣхъ, которые имѣютъ въ виду одни только слова, и существуетъ большая разница между двумя школами, изъ которыхъ одна признаетъ важными, а другая — совершенно ничтожными свидѣтельства людей, которые писали и говорили часто для искаженія истины, для которыхъ исторія есть уже дѣло совершившееся, а не совершающееся, которые въ качествѣ слугъ и писцовъ руководились дикими взглядами и всегда старались угодить и властителямъ, для которыхъ они писали, и тѣмъ, за которыми они наблюдали. Шлоссеръ, не желая дѣлать изъ исторіи собраніе сплетень, весьма осторожно заимствовалъ свѣдѣнія у этихъ пресмыкающихся рабовъ. Онъ находилъ совершенно излишнимъ рыться

въ копяхъ угля, когда въ зеленѣющемъ лѣсу открытой для всѣхъ исторіи было много свѣжихъ, нетронутыхъ еще деревъ. При этомъ методѣ, для котораго важна была жизнь, дѣйствія и факты сами по себѣ очень легко и естественно достигнутъ вѣрнаго опредѣленія и безпристрастной оцѣнки природы и характера частныхъ лицъ, народовъ и эпохъ, — что съ большимъ трудомъ доставалось послѣдователямъ другаго метода при всемъ ихъ искусствѣ. Чтобъ достигнуть этого, требуется гораздо больше, чѣмъ разборъ всевозможныхъ архивовъ, нужно еще объясненіе идеальныхъ мотивовъ въ исторіи и изученіе литературы, самой ясной и открытой стороны всякой исторіи. Въ томъ употребленіи, какое сдѣлалъ Шлоссеръ изъ литературы для разъясненія духа политической исторіи, состоитъ его самостоятельная и важная заслуга. Этимъ онъ не только расширилъ и увеличилъ способы изслѣдованія, но и сдѣлался настоящимъ народнымъ историкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, народнымъ — не за популярную форму изложенія, а потому, что обратилъ вниманіе на идеальную сторону исторіи, на духовныя стремленія народа, нисколько не зависящія отъ произвольныхъ правительственныхъ учрежденій и распоряженій, и въ которыхъ нужно искать свободный, ничѣмъ не стѣсняемый источникъ историческихъ дѣяній.

И въ области исторіи литературы Шлоссеръ также избѣгалъ сухихъ и спеціально ученыхъ, равно какъ и всякихъ эстетическихъ разсужденій, до такой степени, что даже мнѣ, его ученику, это подавало поводъ вступать съ нимъ въ споръ. Здѣсь руководили имъ совершенно опредѣленные и всегда неизмѣнные принципы, хотя по нѣкоторымъ выходкамъ его и можно было сначала заключать, — что и дѣлали очень многіе, — будто бы онъ отрицалъ многое единственно по страсти къ противорѣчію, изъ желанія показать свое превосходство надъ ученикомъ. Но если бы кто-нибудь видѣлъ, когда онъ, по прочтеніи послѣдняго тома моей исторіи нѣмецкой поэзіи, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, рано утромъ пришелъ ко мнѣ, съ сіяющимъ взоромъ и съ внутреннею радостью почти не находилъ словъ для выраженія мнѣ благодарности за то, что я въ моихъ сужденіяхъ о многихъ предметахъ и лицахъ какъ бы напередъ угадалъ его собственныя мысли, и съ какимъ восторгомъ онъ выразилъ увѣренность, что я достигну своей цѣли, если постоянно буду руководствоваться такими здравыми сужденіями, — тотъ узналъ бы настоящій, дѣйствительный характеръ Шлоссера, чуждый всякой мелочности въ дѣлахъ, серьезно его затрогивавшихъ.

Тѣ же самые внутренніе и соотвѣтствовавшіе характеру Шлоссера мотивы, которые руководили его научною критикой, лежали и въ основаніи его нравственной критики, хотя послѣдняя, подобно первой, казалась иногда слѣдствіемъ случайнаго настроенія и расположенія духа. Пустые люди, заимствовавшіе свое образованіе и знаніе людей изъ романовъ и салоновъ, почерпнувшіе историческія и политическія свѣдѣнія изъ газетъ, представляли себѣ Шлоссера какимъ-то ворчливымъ и брюзгливымъ моралистомъ, вѣчно все бранившимъ, который въ своихъ сочиненіяхъ является ограниченнымъ, мелочнымъ, нравственнымъ судьею, непонимающимъ политическаго величія людей, дерзко и съ тупымъ презрѣніемъ говоритъ о са-

мыхъ знаменитыхъ историческихъ личностяхъ, завистливо и односторонне порицаетъ всякаго рода заслуги, какъ скоро онѣ не соотвѣтствуютъ его расположеніямъ и не нравятся ему. Какъ можно интересоваться исторіей и жизнью вообще, и не слѣдуетъ ли съ отчаяніемъ тотчасъ же закрыть книгу, если въ самомъ дѣлѣ, какъ выходитъ по Шлоссеру, человѣчество такъ дурно, если всѣ дѣйствія прославляемыхъ нами личностей вытекаютъ изъ дурныхъ побужденій, если всякое историческое величіе есть только пустой блескъ, если во всѣхъ славныхъ дѣяніяхъ есть такъ много отвратительныхъ сторонъ?

На подобныя обвиненія Шлоссеръ не могъ бы отвѣчать, что онъ съ 15-лѣтняго возраста долженъ былъ заботиться самъ о себѣ, что съ нимъ жизнь обошлась самымъ суровымъ образомъ, что онъ никогда не видалъ ея свѣтлой стороны, и что ему должно быть поставлено въ заслугу то обстоятельство, что онъ и при этомъ никогда не измѣнилъ своему достоинству и не утратилъ энергіи. Но онъ не отвѣтилъ бы такъ; такое оправданіе имѣло бы слишкомъ личный характеръ и не соотвѣтствовало его натурѣ и всѣмъ его личнымъ свойствамъ. И какъ ни мало знаютъ его обвинители человѣческую натуру, но они по собственнымъ наблюденіямъ увидѣли бы несправедливость своихъ обвиненій и должны были бы согласиться что человѣкъ съ свѣтлымъ и счастливымъ характеромъ, умѣвшій, смотря по обстоятельствамъ, казаться серьезнымъ и шутливымъ, важнымъ и непринужденнымъ, имѣлъ въ своей натурѣ настолько нравственной и физической силы, чтобы не подчиняться случайному настроенію и расположенію духа, мрачнымъ сторонамъ темперамента, хандрѣ и апатіи.

На представленныя обвиненія Шлоссеръ могъ бы отвѣтить, что въ исторіи, изображающей жизнь въ большихъ размѣрахъ и не такъ, какъ въ романахъ и повѣстяхъ, поверхностная любовь къ жизни не научитъ ничему при всей ясности чувства и ума; что изъ изученія исторіи человѣкъ выноситъ не ненависть къ людямъ, но строгій взглядъ на міръ и серьезныя правила для жизни; что по крайней мѣрѣ на великихъ наблюдателей міра и людей, измѣрявшихъ внѣшнее собственной внутренней жизнью, на Шекспира, Данте, Маккіавелли изученіе человѣческой жизни производило всегда впечатлѣніе, располагавшее къ весьма строгимъ и серьезнымъ взглядамъ. Кто вслѣдствіе строгаго воспитанія съ юности привыкъ смотрѣть на добро и справедливость, какъ на неизмѣнный, естественный и необходимый законъ, ненуждающійся въ похвалахъ и прославленіяхъ, кого постоянно убѣждали содѣйствовать уничтоженію зла и лжи, тому строгость Шлоссера никогда не покажется слишкомъ строгою; а въ своихъ сочиненіяхъ Шлоссеръ постоянно обращался къ читателямъ, которые были добры по природѣ, имѣли здравый смыслъ и ясное чувство, и которымъ была понятна строгая нравственность.

Дѣйствительнымъ отвѣтомъ на указанныя обвиненія Шлоссера служили его слова, направленныя противъ людей совершенно другаго воспитанія, желавшихъ въ исторіи какъ и въ морали другаго метода, который бы, какъ говорится, обмывалъ не замочивая, „и смотрѣлъ бы на жизнь во

всѣхъ ея отношеніяхъ снисходительно и осторожно, если она ужъ не совсѣмъ дурна"; этому методу онъ всегда предпочиталъ свою суровую манеру, съ какою онъ обличалъ людей. Онъ понималъ, что для того, кто желаетъ быть постоянно вѣрнымъ себѣ и служить истинѣ, снисходительность къ свѣту, къ людямъ и ихъ отношеніямъ есть дѣло второстепенной важности. Онъ зналъ, что „мелкія души" клеймятъ способность открывать вездѣ дурное названіемъ „дьявольской", но не боялся этого упрека тамъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ не видѣлъ ничего хорошаго. „Онъ судилъ строго не потому, что находилъ удовольствіе въ этой строгости, но потому, что считалъ это своею обязанностью". Его катоновская душа „скорѣе пожертвовала бы собой, чѣмъ измѣнила своимъ убѣжденіямъ."

Появленіе его важнѣйшихъ сочиненій во время разгара самой позорной реакціи, конечно, не мало способствовало тому, чтобы еще усилить свойственную ему рѣзкость въ сужденіяхъ; все направленіе этой реакціи возбуждало глубокое отвращеніе въ его огненной натурѣ. При своемъ независимомъ характерѣ онъ возмущался всей душой наглостью правителей, равнодушіемъ и вялостью управляемыхъ, и, желая противодѣйствовать реакціи, не могъ воздержаться отъ безпощадно строгихъ приговоровъ. Чтобы вѣрно оцѣнить сужденія Шлоссера о людяхъ и объ исторіи, нужно постоянно имѣть въ виду, что онъ хотѣлъ противодѣйствовать крайнему, одностороннему направленію, господствовавшему въ его время, мнѣніямъ толпы, которая, смотря по направленію моды, являлась то набожною, то невѣрующею, то свободною, то рабскою,хотѣлъ противопоставить другіе основательные и постоянные взгляды. Чтобы вполнѣ постигнуть основанія и причины его сужденій, нужно знать въ каждомъ частномъ случаѣ, противъ какого господствующаго и общепринятаго мнѣнія направлялъ онъ свою рѣчь прямо или косвенно. Тогда ясно будетъ, что его нравственный ригоризмъ, въ которомъ видѣли доказательство узкой односторонности, убѣждаетъ напротивъ въ его обширной многосторонности и составляетъ такое свойство его натуры, по которому онъ могъ быть настоящимъ историкомъ по призванію. По его убѣжденію, „человѣческому уму суждено ошибаться, переходить изъ одной крайности въ другую" и не находить средняго пути, который ведетъ къ истинѣ; поэтому при живости своего духа онъ могъ вообразить, что его назначеніе состояло въ томъ, чтобы служить указателемъ и направителемъ волнующихся мнѣній, одной господствующей крайности противопоставлять другую, и онъ какъ будто самъ сбивался съ средняго пути, который между тѣмъ составлялъ главную черту его образованія и былъ плодомъ его жизненнаго опыта. Шлоссеръ признавалъ, что всякое истинное сужденіе о человѣческихъ дѣлахъ на половину можетъ быть ошибочнымъ, и въ каждомъ ошибочномъ сужденіи есть часть правды; если онъ однажды по какой-нибудь причинѣ рѣзко противорѣчилъ одному мнѣнію, а въ другой разъ по той же самой причинѣ возставалъ также и противъ мнѣній, противоположныхъ первому, то это, конечно, дѣлалось не по одной только прихоти, но всегда по какимъ нибудь внѣшнимъ побужденіямъ, по поводу современныхъ событій. Въ домашнемъ кругу онъ иногда издѣвался надъ слѣпою вѣрою, искавшею

для себя опоры непремѣнно въ какомъ-нибудь внѣшнемъ вѣроисповѣданіи; но когда нѣмецкое католическое движеніе охватило Германію, онъ въ томъ же кругу доказывалъ серьезный смыслъ этой повидимому безсмысленной привязанности къ католическому вѣроисповѣданію. Иногда онъ, все-таки вслѣдствіе своей многосторонности, обнаруживалъ совершенно противоположное свойство, соглашаясь съ различными, даже противоположными взглядами, потому что взгляды эти можно было признавать до нѣкоторой степени вѣрными и даже сочувствовать имъ. Такимъ образомъ въ своихъ историческихъ приговорахъ онъ отличался крайнею осторожностью и крайнимъ безпристрастіемъ, недопускавшимъ никакой односторонности, въ которой его обыкновенно упрекаютъ. Въ своей исторіи объ иконоборческихъ императорахъ онъ иногда говоритъ въ пользу защитниковъ иконъ, потому что, по его же собственнымъ словамъ, „у людей, которыхъ ослѣпляетъ чистая истина, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ чувственнаго можно легко уничтожить и сверхчувственное“; иногда же онъ становится на сторону иконоборцевъ. Никто сильнѣе Шлоссера не порицалъ тѣхъ, которые, не смотря на безконечное разнообразіе человѣческихъ характеровъ, каждаго человѣка считаютъ или исключительно добрымъ, или совершенно худымъ, и мѣрятъ все по собственной мѣркѣ; никто рѣшительнѣе его не вооружался противъ односторонности тѣхъ моралистовъ, которые, зная несовершенство всякой добродѣтели, отрицали однакожъ всякое доброе качество тамъ, гдѣ они видѣли хоть одинъ порокъ. Кто изъ историковъ съ большимъ безпристрастіемъ и меньшею строгостью судилъ о великихъ, обыкновенно презираемыхъ личностяхъ съ жестокимъ характеромъ, которыхъ Шлоссеръ называлъ „наказаніемъ небесъ для развращенныхъ поколѣній!“ Сравните его сужденія объ этихъ демоническихъ натурахъ въ исторіи съ сужденіями современныхъ ученыхъ, вы увидите во всемъ блескѣ его безпристрастіе; въ этихъ случаяхъ величіе его еще болѣе возрастаетъ передъ нами отъ противоположности съ ограниченными сужденіями другихъ. Онъ защитилъ благородный характеръ Александра отъ обвиненій его Плутархомъ въ безнравственности; онъ отрицалъ легковѣрныя похвалы Плутарха, расточаемыя Алкивіаду; онъ умѣлъ безпристрастно оцѣнить величіе Григорія VII и Фридриха II; онъ отгадалъ призваніе Наполеона — быть реформаторомъ своего времени, и смѣялся надъ Ласъ-Казомъ, представлявшимъ его какимъ-то бумажнымъ героемъ. Будучи человѣкомъ религіознымъ, онъ все-таки говорилъ съ уваженіемъ о бурной французской литературѣ и считалъ ее могущественнымъ рычагомъ исторіи, не смотря на то, что она систематически стремилась къ уничтоженію христіанства, какъ вредной системы; онъ отдавалъ должную справедливость жирондистамъ, когда они въ порокахъ своего необыкновеннаго времени видѣли нѣчто отличное отъ мелкихъ преступленій незначительныхъ людей и временъ; въ страшномъ Дантонѣ онъ признавалъ глубину чувства, въ завистливомъ Ребеспьерѣ — честность, въ порочномъ Мирабо — величіе духа. Нельзя же требовать, чтобы столь различныя свойства подобныхъ людей онъ назвалъ однимъ именемъ! И нельзя желать, чтобы въ своихъ историческихъ сужденіяхъ онъ отказался отъ того глубокаго

нравственнаго чувства, которымъ всегда руководился въ жизни! Въ своихъ устныхъ чтеніяхъ, въ противоположность Дальману, онъ отдѣлялъ общественную публичную нравственность отъ частной или домашней, и въ этомъ отношеніи сходился совершенно съ Маккіавелли; но именно вслѣдствіе этого онъ считалъ еще болѣе нужнымъ руководствоваться во всѣхъ своихъ сужденіяхъ выраженіемъ Виргилія discite justitiam moniti въ духѣ своего Данте, — видѣлъ необходимость высоко держать знамя вѣчнаго нравственнаго закона, чтобы бойцы на жизненномъ дѣятельномъ поприщѣ, иногда оставляющіе его по увлеченію и по внѣшнему принужденію, всегда имѣли бы предъ глазами знакъ, который предохранялъ бы ихъ отъ опасности ложныхъ и двусмысленныхъ ученій. Возможно ли было послѣ этого, чтобы нравственная чувствительность и строгость этого человѣка не обнаруживались въ каждомъ отрывкѣ его сочиненій! Положимъ, иногда въ этой строгости можно открыть слѣды минутнаго дурнаго расположенія духа; но въ такомъ случаѣ его рѣзкія и преувеличенныя сужденія нужно дополнять или ограничивать другими, непремѣнно его же собственными сужденіями. Онъ упорно отказывается въ своихъ сочиненіяхъ переписывать то, что было разработано и изложено другими историками; тѣмъ болѣе онъ не рѣшился бы повторять свои собственныя сужденія. Шлоссеръ твердо помнилъ, что онъ однажды сказалъ о томъ или другомъ предметѣ; такую же память онъ предполагалъ и въ своихъ читателяхъ, или надѣялся, что тѣ, которые позабыли какія-нибудь его сочиненія, прочитаютъ ихъ еще разъ. Это всего менѣе можно показать въ одномъ примѣрѣ, именно въ его сужденіяхъ о послѣднемъ изъ названныхъ нами выше героевъ французской революціи. Кто захотѣлъ бы судить о взглядѣ Шлоссера на Мирабо по тексту послѣдняго изданія исторіи XVIII столѣтія, тотъ составилъ бы себѣ невѣрное понятіе объ этомъ взглядѣ. Нужно еще для этого обратить вниманіе на одно примѣчаніе во второмъ изданіи этого сочиненія и дополнить его другими общеизвѣстными фактами, которые Шлоссеръ не хотѣлъ повторять, и тогда передъ нами возстанетъ цѣлый образъ Мирабо вмѣсто односторонней характеристики. Кто обратится къ первому изданію, тотъ найдетъ тамъ ясные слѣды удивленія, которое возбуждалъ въ Шлоссерѣ геній Мирабо. Кто наконецъ изъ личныхъ бесѣдъ съ Шлоссеромъ знаетъ, съ какимъ воодушевленіемъ онъ говорилъ объ этомъ человѣкѣ (воодушевленіемъ, посредствомъ котораго онъ всякому истинному и дѣйствительному величію придавалъ привлекательный блескъ, возбуждавшій удивленіе и стремленіе къ подражанію) кто также изъ его чтеній припомнитъ относящіяся сюда объясненія, тотъ, ни минуты не колеблясь, согласится, что Шлоссеръ представилъ самую полную и правдивую оцѣнку геніальнаго оратора.

Политическая и національная критика Шлоссера, подобно его нравственной и научной критикѣ, также утверждалась на твердыхъ, широкихъ основаніяхъ и руководилась благородными побужденіями. Эта критика повидимому всего болѣе подтверждаетъ то мнѣніе о Шлоссерѣ, что у него не было никакихъ политическихъ принциповъ, что передъ его страстью къ порицанію не устоялъ ни одинъ народъ, ни одна форма госу-

кратія. Ошибочность этого мнѣнія нигдѣ не обнаруживается такъ очевидно, какъ въ его политической критикѣ. Правда, Шлоссеръ не принадлежитъ ни къ какой партіи, не проповѣдуетъ никакого догмата относительно политическаго устройства; но этого не станетъ дѣлать истинный историкъ, считающій своею обязанностью не подавать ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы на него смотрѣли какъ на сторонника какой-нибудь партіи. Шлоссеру была ненавистна всякая систематика вообще, а въ примѣненіи къ государству онъ даже считалъ ее нелѣпостью. Онъ терпѣть не могъ искусственныхъ выдумокъ, теоретическаго сочиненія государственныхъ формъ и всякаго организированья, чѣмъ такъ восторгается нашъ вѣкъ, потому что лучше хотѣлъ, чтобы само собою, естественно произошло то, что желали сдѣлать люди. Онъ считалъ лучшимъ не то государство, гдѣ написаны лучшіе законы и гдѣ они охраняются сильной рукой, а то, гдѣ процвѣтаютъ лучшіе нравы, гдѣ довѣріе подчиненныхъ и честность начальствующихъ дѣлаютъ излишнимъ всякое принужденіе и строгую дисциплину. Кто не могъ найти въ сочиненіяхъ Шлоссера никакой основной политической мысли, тотъ пусть прочитаетъ ихъ еще разъ, имѣя въ виду его точку зрѣнія, вслѣдствіе которой онъ всегда ставилъ на первомъ мѣстѣ благосостояніе большинства, ненавидѣлъ всякое устройство, всякую правительственную форму, всякаго государственнаго человѣка, если только они противодѣйствовали этой главной задачѣ государства; и напротивъ сочувствовалъ всякому, кто ставилъ ее цѣлью всѣхъ своихъ стремленій. Шлоссеръ носитъ на себѣ ясный оттѣнокъ демократа. Не надобно только придавать этому слову, какъ политической характеристикѣ, то безсмысленное значеніе, которое въ настоящее время соединяется съ нимъ. Шлоссеръ судилъ о массѣ такъ, какъ судятъ объ ней люди, хорошо ее понимающіе; подобно Гёте онъ признавалъ, что масса хороша въ дракахъ, слаба въ разсужденіяхъ, предана заблужденіямъ и отъ одной глупости переходитъ къ другой. Но онъ не думалъ однакожъ, что государство и правительство должны отвернуться отъ толпы, а напротивъ того требовалъ, чтобы они обратили на нее всю свою заботливость. Онъ вмѣстѣ съ Данте утверждалъ, что не народъ существуетъ для короля, а король для народа, подобно Лессингу видѣлъ счастье государства только въ благосостояніи всѣхъ его членовъ; всякое же государство, въ которомъ страдаютъ отдѣльные члены и классы, онъ называлъ „покровомъ тираній.“ Будучи аристократомъ по воспитанію, онъ сросся всѣмъ существомъ своимъ съ народомъ и питалъ врожденную ненависть къ придворнымъ, къ дворянской спеси и барству; еще въ юности Шлоссера товарищъ его, пасторъ Шеръ въ Еврѣ, иронически говорилъ объ немъ: „по всему существу своему онъ аристократъ, но его ученіе фрисландски-свободное.“ Онъ былъ монархистомъ только въ одномъ убѣжденіи, именно въ томъ, что для великихъ государствъ новаго времени считалъ необходимымъ одну точку соединенія, признавая государственное единство могущественнымъ противодѣйствіемъ главному злу демократіи — зависти; во всемъ остальномъ по своему настроенію онъ былъ настоящій демократъ, какъ самъ прямо сознавался. Онъ до такой степени былъ пропитанъ демократизмомъ, что, тотъ кто имѣлъ случай слы-

степени былъ пропитанъ демократизмомъ, что, тотъ кто имѣлъ случай слышать его запросто въ домашнемъ кругу, могъ заподозрить его въ сочувствіи демократизму, въ самомъ выраженіи его. Но объяснить демократическія выходки такого опытнаго человѣка какими-нибудь неясными или насмѣшливыми тенденціями, значитъ не имѣть ни малѣйшагопонятія о его глубокой и необыкновенной натурѣ.

Его демократическое направленіе выходило изъ самыхъ благородныхъ человѣческихъ основаній, на которыхъ оно вообще только и возможно. Онъ видѣлъ здоровую, неиспорченную натуру преимущественно въ беднѣйшихъ, нуждающихся слояхъ средняго и нисшаго класса народа. Какъ человѣкъ, сосредоточенный на внутренней жизни, учившій презирать внѣшнія богатства, видѣвшій задачу жизни въ одинаковомъ счастіи какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, Шлоссеръ доставлялъ возвышенное утѣшеніе бѣдной части человѣчества, неиспорченной внѣшними богатствами, когда говорилъ, что самыя великія и счастливыя дѣйствія въ исторіи произведены были ея вліяніемъ, что люди, „исцѣлившіе человѣчество отъ ранъ, нанесенныхъ ему гордостью роскошью и варварствомъ,“ были дѣти пастуховъ и плотниковъ, ваятелей и, рудокоповъ, бѣдные рыбаки и преслѣдуемые миссіонеры (Всемірная исторія).

Демократическое направленіе Шлоссера вытекало изъ самыхъ сильныхъ и естественныхъ національныхъ основаній, какія только возможны. Онъ былъ фрисландецъ и, какъ настоящій сынъ своего племени, гордился своими земляками, не знавшими дворянства, гостепріимными, прямыми, жившими и одѣвавшимися по-старинному, которые вдали отъ большихъ дорогъ и значительныхъ торговыхъ мѣстъ сохранили свою простоту, честность и суровость. Разсуждая о неудачныхъ монархическихъ попыткахъ грековъ и утверждая, что идея истинной монархіи свойственна только германцамъ, онъ не забываетъ при этомъ сдѣлать исключеніе для фрисландскаго племени, которое болѣе расположено къ демократіи (т. II Всемірной исторіи); извѣстно, съ какою горячностью еще въ юности онъ восхвалялъ въ спорахъ съ Штейномъ благосостояніе своей родной земельки, потому что тамъ неизвѣстно было дворянство. Съ особеннымъ удовольствіемъ возвращался онъ мыслію къ давнопрошедшимъ временамъ, когда, при демократическомъ правленіи Дитмарсовъ (Dithmarsen),“ народная жизнь была оживлена, и существовало разнообразіе самостоятельныхъ формъ управленія, котораго напрасно стали бы искать теперь, когда человѣкъ долженъ примѣняться къ сочиненнымъ формамъ, а не формы къ человѣку.“ Въ такомъ же духѣ написана у Шлоссера вся исторіи греческихъ государствъ въ назиданіе современному испорченному поколѣнію; съ этой же точки зрѣнія совершенно въ другомъ свѣтѣ представляются его сужденія о политическихъ сочиненіяхъ цвѣтущихъ временъ американской и французской революціи и о томъ великомъ государственномъ переворотѣ, (о которомъ онъ впрочемъ говорилъ такъ много и дурнаго), посредствомъ котораго французскій народъ возвратилъ себѣ отнятыя у него въ теченіе столѣтій права, земли и всѣ преимущества, — даже мораль и религію. Съ восторгомъ говорилъ Шлоссеръ, подобно Маккіавелли, о простой жизни, какую вели демократически управлявшіеся

средневѣковые города въ Германіи, Швейцаріи и Нидерландахъ. Въ исторіи Альфреда и демократически-монархическаго устройства англо-саксовъ Шлоссеръ какъ бы находитъ идеалъ государя и государственнаго устройства: идеалъ государя — въ человѣкѣ, который представлялъ въ себѣ рѣдкое соединеніе учености и чувства законности съ проницательностью, благочестіемъ и храбростью, идеалъ государства — въ свободной націи, которая сама себя защищала и сама собой управляла, сама поддерживала у себя законность и порядокъ, и не была произвольно понуждаема сверху.

На этотъ отзывъ о первомъ періодѣ англійской исторіи едва ли обращали вниманіе тѣ, которые обличали Шлоссера въ односторонности, вслѣдствіе которой онъ съ презрѣніемъ отзывался объ англичанахъ, какъ бы нисколько не понимая величія этого народа. А между тѣмъ онъ очень важенъ, и доказываетъ, что всегда, гдѣ Шлоссеръ подробно говоритъ объ англійской исторіи, у него ясно выражается строго послѣдовательный, чуждый всякой односторонности, свободный взглядъ, который еще болѣе подтверждаетъ его послѣдовательность въ демократическомъ образѣ мыслей. Со времени Вильгельма Завоевателя англійская исторія становится для него вдвойнѣ привлекательною, потому что съ этого времени вступаютъ въ упорную борьбу королевская власть и феодальное правительство съ разными учрежденіями стараго демократически-монархическаго порядка. Въ исторіи XVIII столѣтія (перваго изданія) онъ совершенно отдѣляетъ исторію Англіи отъ остальной европейской исторіи, потому что одна только Англія развивалась независимо отъ всеобщаго абсолютизма, потому что тамъ монархія въ теченіе XVII столѣтія постоянно уступала демократіи, и вслѣдствіе того благосостояніе народа увеличивалось, между тѣмъ какъ всю остальную Европу тяжелыя цѣпи эгоизма, расточительности и роскоши давили еще сильнѣе, чѣмъ іерархія, деспотизмъ и рыцарство. Со времени покоренія Индіи въ Англіи, по его мнѣнію, стала преобладать военная сила; гордость, страсть къ угнетенію, деньгамъ и къ утонченной роскоши испортили прежнюю простоту нравовъ, отравили источники разумной жизни, измѣнили прежнее значеніе свободныхъ землевладѣльцевъ, которые составляли до тѣхъ поръ основаніе всей націи. Послѣ французской революціи, когда реакція доставила опасный перевѣсъ монархическому и дворянскому принципу, Шлоссеръ сильно и послѣдовательно возставалъ противъ крайняго вигизма всей политики великаго Питта и его утонченнаго торизма. На эту спорную политику великаго государственнаго человѣка въ такое опасное время съ недоумѣніемъ смотрѣли всѣ историки, политики и предводители англійскихъ партій: какъ же послѣ этого не удивляться рѣшительному и рѣзкому сужденію объ немъ нѣмецкаго историка, такъ блистательно оправданному послѣдующимъ внутреннимъ развитіемъ Англіи и исходомъ всѣхъ революцій, предоставленныхъ ихъ собственной судьбѣ, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ! Поэтому нѣтъ лучшаго примѣра, какъ именно эти воззрѣнія Шлоссера на весь ходъ англійской исторіи, для того, чтобы доказать ложность того мнѣнія, что онъ не имѣлъ никакихъ политическихъ убѣжденій и не питалъ сочувствія ни къ одной національности. Казалось, (именно только казалось), что онъ всего болѣе

былъ расположенъ къ англійской націи, если только его любовь къ нѣмецкой не была еще сильнѣе.

Между тѣмъ въ его сочиненіяхъ все повидимому клонилось къ тому, чтобы унизить нѣмцевъ отъ начала до конца ихъ исторіи. Онъ находилъ, что Тацитъ слишкомъ превозносилъ ихъ въ самомъ началѣ ихъ исторіи только для контраста. Онъ презиралъ нѣмцевъ, когда между ними стали распространяться византійскій придворный развратъ, тщеславіе, педантизмъ и коварство, возбуждавшіе въ немъ отвращеніе; онъ изливалъ на нихъ свой гнѣвъ, когда они во времена сильныхъ императоровъ обманывали иноземцевъ, а во времена слабыхъ сами поддавались ихъ обману. Онъ не хотѣлъ изображать развращенія и упадка Германіи въ послѣднія столѣтія по чувству стыда за это дѣйствительно постыдное время, точное изученіе котораго пробудило въ немъ такое же негодованіе, какое онъ питалъ къ своему времени. Онъ какъ будто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о блестящемъ періодѣ нѣмецкой литературы, если взять во вниманіе равнодушіе его къ первымъ литературнымъ знаменитостямъ и любовь, съ которою онъ занимался знаменитостями третьей величины. Казалось, даже войны за освобожденіе, если судить только по его книгамъ, не возбуждали въ немъ естественнаго патріотическаго воодушевленія. Но въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ не нужно забывать того, что онъ никакъ не могъ принудить себя повторять то, о чемъ уже много говорили другіе, и что восторженныя описанія были не въ духѣ писателя, такъ мало заботившагося о формѣ изложенія; Шлоссеръ не былъ восторженнымъ даже и тогда, когда ему приходилось описывать настоящее, изъ добродѣтели вытекающее воодушевленіе, которое всегда возбуждало его удивленіе, и не имѣя котораго люди, по его мнѣнію, всегда впадаютъ въ равнодушіе и эгоизмъ. Не нужно упускать изъ виду и того, что всякій историкъ невольно оставляетъ безъ вниманія великія, но непродолжительныя явленія съ ихъ дѣйствіями, когда они, достигши извѣстной высоты, скоро опять сходятъ съ нея и принимаютъ жалкій видъ. Когда Гете, тоже мало надѣявшійся на нѣмцевъ, при счастливомъ исходѣ событій 1813 года призывалъ всѣхъ воскликнуть „amen,“ чтобы подобное счастье было не послѣднимъ, Шлоссеръ, конечно, не вдругъ бы рѣшился послѣдовать его призыву, предугадывая, что оно будетъ послѣднимъ на долгое время. Тогдашніе близкіе знакомые Шлоссера очень хорошо знаютъ, какъ строго судилъ онъ о событіяхъ и о политическихъ дѣятеляхъ, съ какою ясностью предвидѣлъ ходъ будущихъ событій и заранѣе раскрылъ глаза своимъ приближеннымъ; они помнятъ, какъ досада на успѣхи реставраціи заставила его искать утѣшенія въ Платонѣ и Дантѣ, а несчастная судьба его народа опять обратила его взоръ на современное положеніе дѣлъ. Онъ, понималъ все бремя и позоръ наполеоновской системы на нѣмецкой почвѣ и потому не могъ не сочувствовать подвигамъ, благодаря которымъ совершилось освобожденіе Германіи; но все, что послѣдовало тотчасъ же за этими великими подвигами, всѣ молодушныя и постыдныя дѣйствія нѣмцевъ возбуждали въ немъ тѣмъ большее негодованіе къ своимъ соотечественникамъ, чѣмъ болѣе онъ любилъ ихъ. Онъ гордился (1844) тѣмъ

что предназначаетъ свою Всемірную исторію единственно для нѣмцевъ, одобреніе которыхъ тѣмъ болѣе дорого для него, что онъ „изъ любви къ отечеству (слѣдуя примѣру Данте) не щадилъ и порицалъ въ своихъ соотечественникахъ вялость, умничанье, пустую ученость, излишекъ въ людяхъ, готовыхъ говорить и писать, и недостатокъ въ людяхъ способныхъ на дѣло, ихъ ученую надутость и академическую грубость." И къ чести нѣмецкой націи нужно сказать, что она слушала сильныя обличительныя рѣчи своего строгаго учителя, не переставая любить и уважать его. Она у своихъ писателей видала такую настоящую нѣмецкую натуру, какая была рѣдко въ немъ. Друзья Шлоссера скажутъ, какъ онъ разсуждая о характерахъ народовъ, оставлялъ въ сторонѣ англичанъ и французовъ, и твердымъ голосомъ, полною грудью и своимъ выразительнымъ тономъ доказывалъ превосходство нѣмецкаго племени съ гордымъ сознаніемъ, что онъ узналъ это на опытѣ. Тогда онъ отдавалъ честь даже нѣмецкой непрактичности, которую обыкновенно такъ порицалъ. Занятія его съ самаго начала были многосторонни и имѣли универсальный видъ, но въ послѣднее время онъ почти исключительно занимался Франціей; современное положеніе дѣлъ онъ изучалъ по англійскимъ журналамъ и газетамъ; въ своей же домашней, сердечной и внутренней жизни и душою и тѣломъ онъ былъ настоящій нѣмецъ, и ничего болѣе какъ нѣмецъ; одна попытка играть другую роль сдѣлала бы его смѣшнымъ.

Такимъ образомъ не хладнокровнымъ, а только поверхностнымъ и пристрастнымъ читателямъ могла не нравиться суровость нравственныхъ сужденій Шлоссера о людяхъ и временахъ и рѣзкость его политическихъ приговоровъ надъ народами и жизненными отношеніями; они одни изъ его изложенія исторіи во всемъ ея объемѣ могли вывести то печальное заключеніе, что человѣчество — только большой необработанный садъ, а исторія — безпорядочная куча фактовъ безъ разумной цѣли и плана. Дѣйствительно, исторія Шлоссера не имѣетъ телеологическаго характера. Его мысль не указывала ему, и его ученіе не указываетъ намъ нигдѣ на опредѣленную цѣль, на извѣстный предѣлъ совершенства, на будущее блаженное состояніе земнаго человѣчества. Но развѣ въ этомъ нельзя оправдать его, какъ историка? Собственно какъ историкъ онъ занимался прошедшимъ, которое намъ извѣстно; а кто хочетъ знать будущее, которому можно только вѣровать, тотъ пусть обратится лучше къ богословію. Правда и то, что Шлоссеръ, не любившій мудрствованій и философствованій, рѣдко касается послѣднихъ историко-философическихъ вопросовъ, и только ограничивается простыми намеками и указаніями безъ методическаго развитія ихъ; однакожъ на свою Всемірную исторію онъ смотрѣлъ, какъ на философію исторіи онъ видѣлъ только движеніе, постоянное видоизмѣненіе и перемѣну, волны, уничтожающія одна другую, не имѣющія ни начала, ни конца въ этомъ вѣчномъ потокѣ событій; изъ разсмотрѣнія этого неизмѣримаго движенія онъ вывелъ одинъ только опытный результатъ, который съ возможною ясностью высказалъ въ началѣ своей всемірной исторіи, „какъ первое и послѣднее положеніе всякой исторіи," а именно: человѣческій родъ

при всѣхъ переворотахъ постоянно развивается, „изъ смерти является жизнь, увяданіе одной части производитъ процвѣтаніе другой, за каждымъ разрушеніемъ слѣдуетъ возрожденіе.“ Какой же болѣе утѣшительный результатъ могутъ вывести изъ исторіи благочестивые, добродушные и даже слабые смертные? Какой можетъ быть болѣе успокоительный взглядъ на самыя грустныя и приводящія въ отчаяніе явленія исторіи, на самыя трагическіе періоды движенія назадъ, упадка и омертвѣнія? И этотъ взглядъ Шлоссеръ высказалъ въ формѣ, весьма доступной самымъ простодушнымъ людямъ.

Въ молодости Шлоссеръ предназначалъ себя къ духовному званію и чувствовалъ къ нему внутреннее призваніе и расположеніе. Однако, по его собственнымъ словамъ, еще въ училищѣ онъ не имѣлъ уже положительной вѣры и въ классѣ постоянно предлагалъ возраженія противъ того религіознаго ученія, которое преподовалось ему съ каѳедры. Въ Геттингенѣ лекціи Планка увлекли его послѣдовательностью и систематичностью, но онъ все-таки не соглашался съ основаніями старой системы и въ молодые годы, пока онъ еще не совершенно отказался отъ своего призванія, Шлоссеръ, по собственному его признанію, много и часто думалъ о необходимости совершеннаго преобразованія теологіи. Но то, чего не могла дать ему вѣра, было возбуждено въ немъ стремленіемъ къ созерцательности, живою фантазіей, перелагавшсю символическія народныя воззрѣнія въ духовныя формы, и педагогическою дѣятельностью (во Франкфуртѣ) въ должности учителя, на обязанности котораго, по его убѣжденію, лежало поддерживать уваженіе къ существующей вѣрѣ; вслѣдствіе этого въ немъ явилось желаніе противодѣйствовать модному, насмѣшливо-презрительному обращенію съ религіей, желаніе, общее у него съ Штейномъ, Фихте, Шлейрмахеромъ, и со всѣми достойными людьми той эпохи внутренняго возрожденія Германіи. Вся натура Шлоссера была глубоко религіозна, хотя его религіозность далеко была отъ всякихъ положительныхъ вѣроисповѣданій и внѣшней обрядности. Онъ не ходилъ въ церковь, но всегда съ благоговѣніемъ размышлялъ о тайнахъ загробной жизни, которыхъ не можетъ раскрыть исторія; вслѣдствіе внутренней потребности онъ читалъ евангеліе, сочиненія пророковъ въ библіи, проповѣди и библейскія толкованія Лютера, но съ такимъ же благоговѣйнымъ настроеніемъ и съ такимъ же чувствомъ читалъ и объяснялъ поэтическія произведенія Эсхила и Данте. Для него были священны великіе учители всякой религіи и у всякаго народа. Онъ восхищался, подобно Абеляру, христіанскимъ образомъ мыслей Платона и Сократа и въ калифѣ Омарѣ, на высотѣ своего положенія презиравшемъ земныя богатства, видѣлъ истиннаго философа. Его натурѣ былъ противенъ вольтеризмъ; онъ съ воодушленіемъ и жаромъ говорилъ о просвѣтительной, непонятной даже XVIII вѣку, философіи Абеляра, который не хотѣлъ отдѣлять религіи отъ нравственнаго существа человѣка и вѣры отъ здраваго смысла, и хвалилъ его философію особенно за то, что Абеляръ оставилъ неприкосновенною богословскую систему своего времени и умѣлъ отдѣлить отъ нея ту область, гдѣ можетъ найти удовлетвореніе всякій мыслящій человѣкъ. Онъ не бо-

ялся указывать на хорошія стороны французкой свободы въ дѣлахъ религіи въ то время, когда невозможна была „ни слѣпая вѣра, ни ложное суевѣріе“, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на Руссо, который также возставалъ противъ „слѣпаго невѣрія, какъ и противъ слѣпаго суевѣрія“, но еще болѣе сочувствовалъ Мозеру, которому деспотизмъ въ дѣлахъ вѣры и государства былъ также противенъ, какъ и беззаконная иррелигіозная свобода, и Лессингу который въ борьбѣ противъ зелотизма велъ себя какъ истинный философъ, „для котораго неподвижная религія была все-таки лучше совершеннаго отсутствія всякой религіи.“ Шлоссеръ питалъ глубокое отвращеніе къ ханжамъ, которые въ своей дѣятельности унижали свои религіозные принципы, но охотно бралъ сторону искреннихъ піетистовъ противъ новѣйшей вялой схоластики строгихъ лютеранъ: во всѣхъ случаяхъ важнѣе всего было для него то, что религія постоянно оживляетъ въ людяхъ сознаніе того, что они принадлежатъ къ высшей сферѣ бытія.

Такими религіозными чувствованіями и воззрѣніями проникнуты особенно первыя его сочиненія. Настоящій порядокъ міра онъ непосредственно соединялъ съ судьбою его въ будущей жизни. Онъ думалъ, что человѣческія дѣйствія получатъ награду или наказаніе на божественномъ судѣ. Это мнѣніе о воздаяніи загробномъ должно удовлетворять самыхъ религіозныхъ людей и утѣшить ихъ даже при видѣ того безотраднаго образа исторіи, какой она получила подъ перомъ Шлоссера, напитаннымъ желчью. Но психологу, знатоку людей, это мнѣніе кажется предосудительнымъ, особенно для историка, который, какъ представляли древніе, долженъ прислушиваться къ тайному голосу Немезиды, поддерживающей болѣе дѣйствительное и законно сообразное равновѣсіе и соотвѣтствіе между человѣческими дѣйствіями и страданіями, нежели какое мы могли бы понять и установить въ жизни нашихъ ближнихъ, или какое захотѣли бы признать въ нашей собственной

Шлоссеръ самъ впослѣдствіи отказался отъ этого мнѣнія. Пришло время, когда то уваженіе, съ какимъ онъ когда-то отзывался о религіозномъ и нравственномъ чувствѣ народа, не помѣшало ему разсуждать чисто раціонально при рѣшеніи великихъ вопросовъ относительно вмѣшательства въ исторію таинственныхъ сверхъестественныхъ силъ, — время, когда онъ искалъ успокоенія въ ученіи естествоиспытателей, невѣрно названныхъ матеріалистами и пантеистами, которые видѣли Бога „во внутренней связи всѣхъ естественныхъ явленій.“ Но такъ какъ онъ былъ небольшой знатокъ связи этихъ явленій, и такъ какъ въ немъ, по выраженію Апостола, „духъ постоянно боролся съ плотію“, то онъ продолжалъ вѣрить въ двоякій міръ, внѣшній и внутренній; въ этой вѣрѣ онъ твердо держался того убѣжденія, что ни одна вещь на землѣ не произошла случайно, что необходимый законъ и вѣчный порядокъ правитъ большимъ и малымъ, что руководящее провидѣніе проникаетъ всю исторію, и какъ бы ни были отрывочны звуки, намъ все-таки удается схватить эту „мелодію судебъ.“ Этой вѣры не могло поколебать въ немъ убѣжденіе въ свободѣ человѣческой воли, которую онъ понималъ весьма просто, защищалъ подобно великимъ знатокамъ человѣческой природы, Маккіавелли, Шекспиру и Данте, и горячо отстаивалъ про-

тивъ новѣйшихъ историковъ и политико-экономовъ, которые говорили о людяхъ, „какъ о стадахъ овецъ и барановъ.“ Какъ Шлоссеръ соглашалъ человѣческую свободу съ управляющими дѣйствіями промысла, съ предвѣдѣніемъ и всевѣдѣніемъ, — этого онъ нигдѣ не высказалъ и это было бы для него чрезвычайно трудно при его историческомъ образѣ мыслей. Онъ видѣлъ въ исторіи господство Бога „который въ себѣ самомъ имѣетъ свой законъ и черезъ этотъ законъ постепенно открываетъ человѣческому духу свое существо“, но если при такомъ образѣ воззрѣній онъ расходился съ теистическимъ представленіемъ богослововъ, то онъ также точно не соглашался и съ пантеистическими взглядами. Замѣтно, что онъ вездѣ хочетъ держаться средины между прагматизмомъ, который все въ исторіи объясняетъ человѣческими силами, и детертинизмомъ, который вездѣ видитъ непосредственное дѣйствіе божественнаго предопредѣленія: при этомъ мысли читателя предоставляется свобода дѣйствовать въ этой срединѣ, какъ ей угодно, потому что и самъ Шлоссеръ не склонялся ни на ту, ни на другую сторону, руководясь чувствомъ и инстинктомъ, который удерживалъ его отъ крайностей, въ которыя, казалось, попеременно впадалъ. Когда онъ возставалъ противъ зависимости людей отъ мѣстныхъ, временныхъ и физическихъ условій, тогда могло казаться, что онъ до крайности преувеличиваетъ свободу человѣческой воли; но чтобы разубѣдиться въ этомъ, нужно было слышать, съ какимъ сочувствіемъ, по поводу появленія землевѣдѣнія Риттера, онъ отзывался о стремленіяхъ есетствоиспытателей открыть тѣсную связь между внѣшними и внутренними явленіями, и обратить вниманіе на его сужденія о тѣхъ случаяхъ въ исторіи, когда отважные люди неразумно возставали противъ непреодолимой силы времени и въ этомъ нашли свою погибель. Также точно, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, можно было думать что онъ понимаетъ міроправленіе слишкомъ ограниченно, въ смыслѣ личнаго божественнаго дѣйствія и особенныхъ божественныхъ опредѣленій; но его ясное ученіе о свободномъ человѣческомъ самоопредѣленіи постоянно убѣждаетъ насъ въ противномъ. Если бы отъ него потребовали положительныхъ и ясныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, онъ сказалъ бы, что рѣшеніе ихъ есть дѣло философа. Главная задача его собственно историческаго ученія состояла въ томъ, чтобы пробудить практическій взглядъ на жизнь, содѣйствовать здравому пониманію свѣта и людей и развивать историческую наблюдательность. При его искусствѣ сопоставлять и сравнивать сходные періоды въ исторіи народовъ и объяснять ихъ одни другими, важно было бы для него изслѣдовать тѣ законы природы, которые имѣютъ неотразимое вліяніе на исторію; но онъ справедливо полагалъ, что это дѣло другихъ наукъ. Освѣщать слишкомъ яркимъ свѣтомъ ту связь исторіи съ законами природы, которая едва примѣтна даже взору знатока, онъ считалъ дѣломъ не относящимся къ историческому повѣствованію, которое представляетъ смѣну повидимому случайныхъ явленій. Но что онъ вездѣ въ человѣческихъ дѣйствіяхъ видѣлъ внутреннюю законосообразность развитія, признавалъ правильность и порядокъ въ движеніи, постоянно среди перемѣнъ, господство въ исторіи міроваго нравственнаго закона, — въ этомъ согласятся всѣ

безпристрастные читатели Шлоссера, если только они внимательно читали всѣ его сочиненія.

Я хочу теперь резюмировать все, что кажется мнѣ результатомъ всѣхъ вышеизложенныхъ разсужденій. Нельзя отрицать отсутствія внѣшней системы и порядка въ сочиненіяхъ Шлоссера, и въ этомъ отношеніи правы тѣ его порицатели, которые не могутъ возвыситься надъ внѣшнею стороною его сочиненій. Но эти недостатки сводятся къ рѣшительнымъ достоинствамъ, изъ которыхъ они проистекали. Относительно безъискусственности своего изложенія онъ, повидимому нерасположенный и неспособный къ рефлекціи, однако поразительно ясно сознававшій всѣ особенности своей натуры, самъ часто говорилъ,что стиль его весьма тѣсно связанъ съ его образомъ мыслей и характеромъ развитія, и что онъ желаетъ удержать даже недостаткиего съ тѣмъ, чтобы только постоянно оставаться вѣрнымъ самому себѣ. Онъ всегда держался этого мнѣнія, потому что ему казался подозрительнымъ всякій внѣшній лоскъ, потому что изъ самаго разительнаго примѣра, изъ византійской исторіи, онъ узналъ гибельное вліяніе искусственной рѣчи на образованіе и вкусъ народа. Въ изящно написанныхъ французскихъ и англійскихъ историческихъ сочиненіяхъ Шлоссеръ удивлялся искусству расположенія, представленія и описанія событій, но въ то же время онъ говорилъ, что даже самые лучшіе историки этихъ націй для внѣшнихъ прикрасъ жертвуютъ простотою, истиною и безпристрастіемъ, что у нихъ одна фраза, одно слово, употребленное для благозвучія и эффекта, представляютъ предметъ въ ложномъ свѣтѣ. Кромѣ того, обращая большое вниманіе на форму, историкъ часто теряетъ способность переноситься въ древнія времена и представлять натуру другихъ народовъ, способность, составляющую главное свойство историка. Шлоссеръ наполнялъ цѣлыя страницы своей Всемірной исторіи выписками на древнихъ языкахъ, потому что видѣлъ въ этомъ вѣрнѣйшее средство представить намъ образъ древности, неповрежденный риторическимъ лакомъ. Въ своихъ сердечныхъ изліяніяхъ онъ часто съ презрѣніемъ отказывался отъ всякой объективности, но въ то же время былъ проникнутъ убѣжденіемъ что историкъ, „желающій достойнымъ образомъ оцѣнить величіе человѣческой души въ событіяхъ всѣхъ временъ, долженъ напередъ усвоить себѣ образъ мыслей каждаго времени.“ Эти воззрѣнія Шлоссера произвели тотъ результатъ, что его сочиненія, не смотря на недостатокъ въ нихъ художественныхъ качествъ и на ихъ тяжеловатое изложеніе, а можетъ быть, и вслѣдствіе этихъ особенностей, гораздо непосредственнѣе, чѣмъ многіе художественные разсказы переносятъ насъ къ другимъ народамъ и отдаленнымъ вѣкамъ, что въ нихъ, не смотря на рѣзко выступающую личность автора, скорѣе достигается объективность, невозможная для художественныхъ историковъ, и эта объективность тѣмъ лучше, чѣмъ яснѣе въ ней отражается личность: такъ какъ для насъ совершенно неважна та объективность, которая достигается посредствомъ ничтожной субъективности. Непосредственное знакомство съ источниками и знаніе духа каждаго историческаго времени съ самаго начала рѣзко отличали Шлоссера отъ другихъ нѣмецкихъ историковъ, писавшихъ въ духѣ Вольтера и пользовавшихся тогда большимъ поче-

томъ, Шиллера, Вольтмана, Іогана Миллера въ его всеобщей исторіи, потомъ Роттека и др., въ произведеніяхъ которыхъ духъ писателя закрывалъ собою духъ описываемаго времени. Произведенія ихъ дали первый поводъ къ его рѣзкой критикѣ, которая никогда не могла казаться слишкомъ строгою къ подобнымъ историческимъ фабрикаціямъ. Въ противоположность ложному направленію этой школы возникло въ Германіи стремленіе взяться за исторіографію съ другой стороны, именно начать съ точнаго изслѣдованія и разбора сыраго историческаго матеріала: въ этомъ стремленіи лежалъ зародышъ и возниковеніе нашей отечественной исторической науки. Въ 1810 г. Вилькенъ издалъ свои Крестовые походы, въ 1811 Нибуръ издалъ Римскую исторію, въ томъ же году и Шлоссеръ началъ свою Всемірную исторію; — это былъ настоящій годъ рожденія нашей самостоятельной исторіографіи, совпадавшій съ временемъ, когда наша нація, угрожаемая иноземнымъ владычествомъ и совершеннымъ разложеніемъ, пришла наконецъ къ сознанію своей политической чести и своихъ обязанностей. Съ этого времени, когда наша поэзія выродилась въ романтизмъ, вмѣсто поэтическаго искусства, стало увеличиваться внутреннее значеніе и вліяніе искусства историческаго на культуру и жизнь нѣмецкаго народа; и несомнѣнно, что изъ этого тріумвирата Шлоссеръ сильнѣе и продолжительнѣе всѣхъ содѣйствовалъ такой перемѣнѣ. Вилькенъ сдѣлалъ первый шагъ къ точному и сообразному съ источниками изложенію великаго событія въ исторіи, Нибуръ, идя по слѣдамъ Вольфа, далъ исторической критикѣ обширное значеніе, Шлоссеръ доказалъ сочинителямъ всеобщихъ исторій, Шрекку, Маскову, Риттеру, Энгелю и др., что одно собраніе историческихъ матеріаловъ еще немного значитъ: онъ началъ оживлять безжизненное тѣло матеріаловъ уже въ самыхъ первыхъ своихъ сочиненіяхъ, занимавшихся почти исключительно фактическою стороною исторіи. Не надобно забывать, что когда онъ писалъ о среднихъ вѣкахъ, въ Германіи объ этомъ предметѣ было только незначительное сочиненіе Риса (1817), когда обработывалъ свою древнюю исторію, въ Германіи существовала только латинская компиляція Эйхгорна, а изъ иностранныхъ сочиненій были исторіи Митфорда, писавшаго въ духѣ партіи, и Гиллиса, выписывавшаго изъ источниковъ безъ всякаго толку: нужно только взглянуть на разстояніе, отдѣлявшее Шлоссера отъ его предшественниковъ, и сравнить его съ тѣми преимуществами, которыя имѣли историки, слѣдовавшіе за нимъ въ обработкѣ средней и древней исторіи, чтобы убѣдиться, какъ много сдѣлалъ Шлоссеръ для исторіи. Какой вообще важный шагъ сдѣлала наука въ Германіи въ лицѣ этихъ трехъ ученыхъ, это обнаружилось тотчасъ же непосредственными слѣдствіями ихъ ученыхъ трудовъ: по слѣдамъ Нибура пошла критическая школа, приготовившая для древней исторіи совершенно новую почву; послѣ Вилькена и Шлоссера явились многочисленныя сочиненія о среднихъ вѣкахъ, Рема, Раумера, Мансо, Стенцеля, Ашбаха и друг., предпринятый отнасти по мысли и указанію Шлоссера. Отчего же сочиненія Шлоссера, не смотря на свою тяжеловатость, имѣли такое сильное и благотворное вліяніе? Оттого, что въ основаніи ихъ лежало здоровое воззрѣніе, составляющее характеристическій

признакъ геніальности историка, оттого, что въ нихъ была разумная критика и безпристрастіе сужденій даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ работа историка повидимому составляла только мозаику изъ заимствованныхъ камней и красокъ, и несомнѣнно, что изученіе этихъ сочиненій принесетъ пользу всякому будущему изслѣдователю. Критика Нибура заключалась съ повѣркѣ историческихъ сужденій. Цѣль всѣхъ сочиненій Шлоссера была одна: тонкимъ и вѣрнымъ чутьемъ своихъ сужденій возбудить въ читателяхъ самодѣятельность мысли, повѣркою, расположеніемъ и установкою фактовъ „дать имъ всѣ элементы для самостоятельныхъ сужденій.“ И на какомъ другомъ предметѣ было въ его время полезнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и труднѣе, сдѣлать пробу вѣрности его историческихъ сужденій, какъ не на исторіи среднихъ вѣковъ? Гдѣ нужно было больше безпристрастія, чтобы добраться до истины по источникамъ, написаннымъ ограниченными, но яростными приверженцами разныхъ партій, которые путались и самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчили другъ другу въ своихъ показаніяхъ? гдѣ требовалось болѣе искусства, чтобы не сбиться съ прямой дороги среди современныхъ, но также противорѣчащихъ сужденій раціоналистовъ, видѣвшихъ въ іерархіи и феодализмѣ лукавую систему рабства и угнетенія, и романтиковъ, мечтавшихъ о кулачномъ правѣ и всеобщемъ невѣжествѣ. Послѣ этого какъ много значила та завидная самостоятельность Шлоссера, та окрытая, смѣлая увѣренность, съ какою онъ указывалъ мысли читателя прямой путь ясно и живо, не тратя много словъ, путь, по которому мы идемъ теперь смѣло и бодро, но не шли бы, еслибъ не прошелъ прежде насъ этотъ путеводитель. Итакъ, современники Шлоссера не ошибались, когда признали историческимъ событіемъ съ виду казавшееся неважнымъ сочиненіе человѣка, которому равно противно было и осмотрѣть на средніе вѣка глазами Вольтера, и заставить себя „съ точки зрѣнія нашей культуры, даже нашихъ слабостей“ приходить въ восторгъ отъ ужасающихъ проявленій грубой силы въ средніе вѣка.

За этимъ первымъ историческимъ событіемъ послѣдовало второе, еще важнѣйшее, когда Шлоссеръ издалъ свою исторію XVIII вѣка, въ которой онъ отъ чисто научной критики обратился къ нравственно-политической критикѣ описываемыхъ временъ и событій. Если Нибуръ далъ толчекъ смѣлой и свободной критикѣ, съ которой начинается новая эра въ области историческаго изслѣдованія, то Шлоссеръ, какъ истинный ученикъ Шпиттлера, далъ обширнѣйшее значеніе точки зрѣнія своего учителя, состоящей въ томъ, чтобы сдѣлать изъ исторіи практическое примѣненіе къ обстоятельствамъ времени, избирать такіе предметы для разработки, которые соотвѣтствуютъ потребностямъ времени, и представлять ихъ въ такомъ видѣ, чтобы они удовлетворяли этимъ потребностямъ. На такую точку зрѣнія, свойственную истинному историку, Шпиттлеръ сталъ вслѣдствіе холодныхъ теоретическихъ соображеній, а Шлоссеръ вслѣдствіе внутреннихъ побужденій всей своей натуры, безсознательно стремившейся къ общей совокупной жизни съ временемъ и человѣчествомъ; и это направленіе по прямому наслѣдству отъ обоихъ учителей перешло къ первымъ и вторымъ ихъ ученикамъ, которые

старались употреблять свои историческія способности для общаго блага всего отечества. Это направленіе выступаетъ уже въ первыхъ біографическихъ сочиненіяхъ Шлоссера и въ его исторіи среднихъ вѣковъ, гдѣ онъ повидимому отвергаетъ всякое стремленіе къ практичности. Уже тогда, вмѣстѣ съ образованнѣйшими и благороднѣйшими людьми своего отечества онъ ясно сознавалъ потребность времени, требовавшую религіознаго противодѣйствія непомѣрному возбужденію внѣшняго честолюбія. При первомъ взглядѣ кажется, будто бы онъ совершенно случайно взялся за біографію Абеляра и Дульцина, Безы и Петра Мученика; но первое изъ этихъ сочиненій написано, очевидно, съ намѣреніемъ противопоставить фанатикамъ, мечтавшимъ о внѣшней геройской славѣ, дѣянія религіознаго мечтателя и внутреннюю жизнь философа, которые руководились внутренними духовными основаніями, а во второмъ онъ, съ тою же цѣлью изобразилъ жизнь двухъ людей, которые, презирая чувственныя наслажденія, занимавшія современниковъ Шлоссера, готовы были для дѣла Божія пожертвовать всѣми мірскими разсчетами, даже самою жизнью, и въ которыхъ желаніе внутренняго спасенія взяло рѣшительный перевѣсъ надъ мыслію о внѣшнихъ выгодахъ. Онъ хотѣлъ напомнить всѣмъ о людяхъ, „которые съ такимъ воодушевленіемъ и самоотверженіемъ сражались за истину, съ какимъ герои сражаются за внѣшніе интересы,“ чтобы слава героевъ вѣры не омрачалась славою воинскою. Онъ хотѣлъ изобразить то время, „когда отрадная надежда будущаго спасенія давала людямъ твердость и силу переносить настоящія страданія и принимать на себя тяжкіе труды;“ этимъ онъ надѣялся принести пользу, хотя по скромности своей и не считалъ себя способнымъ „остановить потокъ времени и быть орудіемъ провидѣнія.“ Въ этихъ словахъ ясно обнаруживается честолюбивое намѣреніе дѣйствовать благотворнымъ образомъ на духъ времени съ внутренней религіозной точки зрѣнія. Мысль о необходимости возвысить внутреннюю жизнь современнаго поколѣнія дотого занимала его, что онъ при первомъ изданіи своей древней исторіи поручилъ другу своему Мейеру, „хорошо понимавшему, что значитъ пріобрѣтеніе вѣчныхъ благъ“, обработать еврейскую исторію, потому что самъ онъ не увѣренъ былъ въ томъ, что изложилъ ее съ той именно точки зрѣнія, которую считалъ необходимою для достиженія своей цѣли. Въ біографіи Беза Шлоссеръ даже защищалъ кровавый способъ, которымъ этотъ человѣкъ „въ свое время“ разрушалъ принципъ терпимости, такъ сильно было его убѣжденіе, что для нравственности народовъ опасны быстрые переходы отъ грубѣйшаго суевѣрія и самаго тяжелаго религіознаго гнета къ совершенному безвѣрію и полной независимости, отъ деспотизма къ необузданной свободѣ.

Въ то время предъ глазами у него была исторія революціонной Франціи. Но когда взорамъ его предстала исторія реставрированной Франціи, тогда направленіе его образа мыслей измѣнилось и стало болѣе сообразнымъ съ свойствами его натуры; всѣ знаменитѣйшія его сочиненія принадлежатъ уже этому измѣненному направленію. Настало время униженія, время Карлсбадскихъ рѣшеній, союзовъ между государями, легитимистики и реакціи,

возвращенія бурбонизма, духовенства и дворянства; подтвердилась старая истина, „какъ нелѣпо надѣяться, чтобы какое-нибудь сословіе добровольно отказалось отъ своихъ привилегій, уступая духу времени“, что къ несчастью, писалъ онъ (1823), повторяется теперь еще разъ. Его возмущало возвращеніе къ прежней „тупости“, своеволію, неисправимости іерархіи, аристократіи и абсолютизма; онъ видѣлъ, что въ Англіи изображенные Байрономъ характеры появляются въ литературѣ и жизни, какъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ, видѣлъ, что вездѣ снова возникаютъ поводы, вызвавшіе страшную катастрофу 1789 г. Когда совершались эти событія, Шлоссеръ имѣлъ уже независимое положеніе въ Гейдельбергѣ, въ кругу даровитыхъ людей; этотъ завидный городъ вдвойнѣ соотвѣтствовалъ его натурѣ, удовлетворяя съ одной стороны своимъ привлекательнымъ мѣстоположеніемъ его любви къ сельской жизни и созерцательности, а съ другой стороны, поддерживая постоянную связь со всѣми странами свѣта, какъ большой городъ, лежащій въ центрѣ міровыхъ дорогъ. Въ 1822 г. онъ провелъ шесть мѣсяцевъ въ Парижѣ въ сношеніяхъ съ самыми разнородными личностями; горизонтъ его зрѣнія расширился, и требованія его увеличились; онъ самъ сознавалъ (1823), что обстоятельства времени требуютъ отъ него другихъ работъ, кромѣ занятій средневѣковой исторіей; онъ видѣлъ другую цѣль и другой путь къ цѣли, понялъ, что теперь только онъ сталъ на ту точку зрѣнія, съ которой можетъ опредѣлить „потребности времени“. Онъ не находилъ для себя никакого удовольствія заниматься разглагольствованіями объ интересахъ минуты, но „считалъ обязанностью всякаго безпристрастнаго человѣка возвысить свой голосъ надъ криками одной и воплями другой партіи.“ Тогда онъ издалъ исторію XVIII столѣтія, написанную не горячимъ слогомъ, но проникнутую горячимъ духомъ; издалъ для того, чтобы со всею рѣшительностью противодѣйствовать неестественному обратному движенію духа времени. Кратко, афористически, сильно и самыми рѣзкими чертами изобразилъ онъ отвратительную и мерзкую придворную жизнь XVIII столѣтія и выставилъ ее какъ оправданіе французской революціи; онъ ясно указалъ моментъ разрушенія, котораго достигъ монархизмъ неестественнымъ развитіемъ финансовой системы, военной силы и абсолютизма, и въ противоположность представилъ благодѣтельное вліяніе новаго духа свободы, возставшаго противъ стараго рутиннаго порядка и обратившагося къ демократическимъ принципамъ, которые только послѣ открытой, упорной борьбы и посредствомъ насильственнаго переворота восторжествовали надъ своекорыстіемъ и привилегіями. Все это было написано въ то время, когда англійскіе журналы, органы торійской партіи, еще проповѣдовали рѣшительный политическій обскурантизмъ; когда въ Германіи и Италіи было подавляемо всякое свободное движеніе, когда французское правительство обратилось противъ Испаніи, чтобы возстановить тамъ и у себя порядокъ; когда еще ни Тьеръ, ни Минье не писали о французской революціи; когда наглые защитники стараго рутиннаго порядка ораторствовали смѣло, ни откуда не слыша возраженій; когда подлая политика Генца и Меттерниха господствовала во всѣхъ государствахъ материка. Въ такое время въ Германіи дѣйстви-

тельно было великимъ подвигомъ со стороны историка — признать во всеуслышаніе энтузіазмъ и величіе всѣхъ, даже самыхъ обыкновенныхъ личностей, способствовавшихъ торжеству революціи, — вмѣстѣ съ Мирабо защищать необходимость разрушенія, которое должно было предшествовать созиданію; — указывать великія послѣдствія свободныхъ учрежденій, „даровавшихъ Франціи равенство и другія благодѣянія, за которыя потомство вѣчно благословляло бы революцію, хотя бы она кромѣ этого и не сдѣлала ничего хорошаго;" — наконецъ признать неизбѣжнымъ, „чтобы нація очистилась пламенемъ революціи какъ въ огненной купели и чтобы это пламя проникло во все старое дерево отъ корня его до вершины." Стало быть, общественное мнѣніе не ошиблось, когда придало такое важное значеніе этой книгѣ, которая тотчасъ же появилась въ Парижѣ во французскомъ переводѣ, а въ Германіи пробудила отъ политическаго усыпленія и тупаго безмолвія тѣмъ, что всѣ указанныя горькія истины высказала рѣзкимъ и суровымъ тономъ и не побоялась обращаться съ прославленными историческими фигурами, какъ съ обманщиками, плутами и глупцами. Какъ мало однако нравился Шлосcеру такой тонъ и какъ искренно было его увѣреніе, что онъ не находитъ удовольствія въ занятіяхъ времени интересами дня, это доказалъ онъ тѣмъ, что опять (1826) обратился къ своей древней исторіи. По окончаніи исторіи XVIII столѣтія, онъ оставилъ въ сторонѣ и средневѣковую исторію, не смотря на то, что въ это время все средневѣковое хотѣли ввести жизнь, государство и церковь, и принялся писать древнюю исторію въ такомъ же духѣ, какъ и XVIII столѣтіе, только нѣсколько сдержаннѣе, постоянно имѣя въ виду то, „что соотвѣтствовало бы потребностямъ времени." Онъ хотѣлъ свое болѣзненное время лечить греческой литературой и греческимъ государственнымъ устройствомъ; съ этой точки зрѣнія нужно смотрѣть на его книгу, какъ на простой, скромный опытъ безъ ученыхъ претензій, не потерявшій однакожъ своего значенія и послѣ многихъ частныхъ и новыхъ открытій, измѣнившимъ объемъ и значеніе историческихъ матеріаловъ. Онъ хотѣлъ противопоставить устройство древнихъ государствъ, гдѣ каждый чувствовалъ себя свободнымъ, сознавалъ свое достоинство, гдѣ религія оживляла людей и законы и сдерживала страсти, настоящему превратному положенію вещей, „когда текучую воду хотятъ превратить въ гнилое болото, стараясь задушить страсти и полицейскими мѣрами водворить вездѣ гробовую неподвижность." (Всемірная исторія). Съ особенною энергіей указывалъ онъ на сочиненія древнихъ, истиныхъ эллиновъ, которые внушали всѣмъ великимъ людямъ позднѣйшей Греціи, всѣмъ благороднымъ римлянамъ и въ новое время итальянскимъ гуманистамъ глубочайшее отвращеніе ко всякому произвольному правленію и незаконной власти, воодушевляли стремленіемъ къ истинной свободѣ и учили уважать законъ, все справедливое, доброе и святое. Не ошибался, значитъ, и Гете, когда признавалъ нашего автора человѣкомъ, который „стремился отъ мрака къ свѣту" и принадлежитъ къ числу тѣхъ свѣтлыхъ личностей, къ которымъ относилъ себя и самъ Гете. И неужели общественное мнѣніе ошибалось въ своихъ сужденіяхъ о Шлоссерѣ, когда его исторія XVIII сто-

лѣтія выдержала четыре изданія, непосредственно слѣдовавшія одно за другимъ, не смотря на свой значительный объемъ и суровое настроеніе ея автора? Въ самыхъ сочиненіяхъ Шлоссера, въ ихъ здоровомъ основаніи и отношеніи къ духу времени заключается причина того, — что государственный человѣкъ, желающій узнать дѣйствительный ходъ человѣческихъ дѣяній, скорѣе обратится къ Шлоссеру, какъ настоящему практическому совѣтнику, рѣдкому между нѣмцами, чѣмъ къ какому-нибудь другому, болѣе изящному писателю; что философствующій историкъ, ищущій закона въ теченіи историческихъ событій, если онъ не хочетъ идти длиннымъ путемъ изученія источниковъ, скорѣе ввѣрится въ области историческихъ воззрѣній руководящему свѣточу Шлоссера, чѣмъ кого-нибудь другаго, такъ какъ геній Шлоссера былъ чисто историческаго свойства и не могъ смотрѣть на событія иначе, какъ съ точки зрѣнія духа времени, постояннаго измѣненія и развитія; что наконецъ другъ народа, который во всякомъ писателѣ прежде всего видитъ человѣка, и въ каждомъ движеніи его пера старается подмѣтить его сердечныя движенія, гораздо охотнѣе возьметъ въ руки Шлоссера, чѣмъ какого-нибудь школьнаго или придворнаго исторіографа, потому что въ Шлоссерѣ онъ найдетъ самое горячее сочувствіе народу. И нѣмецкій народъ цѣнилъ въ этомъ историкѣ не одно только сердце, способное къ глубокой симпатіи. Въ безукоризненномъ характерѣ этого человѣка, въ пламенной любви къ истинѣ, въ нравственномъ одушевленіи, въ ясномъ взглядѣ на ходъ міровыхъ событій нѣмецкая нація признала существенныя черты истиннаго историка, которыя заставили ее забыть неважные недостатки во внѣшней формѣ его сочиненій; въ немъ она нашла и оцѣнила типъ настоящаго національнаго ученаго и наставника въ исторіи, который лучше другихъ могъ приспособляться къ настоящей нѣмецкой натурѣ. Да, не смотря на разногласіе мнѣній объ немъ разныхъ школъ и партій, всегда останется вѣрнымъ то, что сказалъ объ немъ другъ и ученикъ его, Эйлерсъ: что „изъ всѣхъ писателей того времени онъ имѣлъ самое обширное и сильное вліяніе на нравственное міросозерцаніе и на политическій смыслъ нѣмецкаго народа;“ что своими сочиненіями воздвигъ себѣ памятникъ, „болѣе вѣковѣчный, чѣмъ бронза или мѣдь.“

Сущность всего направленія ученой дѣятельности Шлоссера состояла въ томъ, что онъ не похожъ былъ на сухихъ ученыхъ, которые, по остроумному выраженію Лихтенберга, многому учились, но ничему не научились, которые пользовались знаніемъ только для школы, которые не умѣли примѣнить науку ни къ собственной частной, ни къ общественной жизни и вели жизнь несообразную съ требованіями своихъ собственныхъ ученій, для которыхъ наука была не закономъ жизни, а только суетнымъ академическимъ щегольствомъ, которые упускали изъ виду существенную цѣль всякаго образованія и посвящали себя благороднымъ внутреннимъ занятіямъ для неблагородныхъ внѣшнихъ цѣлей. Шлоссеръ, какъ писатель, не хотѣлъ, да и не могъ измѣнить своей натурѣ и своему характеру. Какимъ онъ является въ своихъ сочиненіяхъ, такимъ онъ былъ и дома и въ школѣ; въ изученіи его личности, которая собственно и опредѣляетъ достоинства чело-

вѣка, нужно искать дополненія къ его сочиненіямъ и ключа къ уразумѣнію его вліянія на духовную жизнь нѣмцевъ. Тотъ получитъ весьма неполное понятіе о сочиненіяхъ Шлоссера, кто не будетъ дополнять и объяснять ихъ его лекціями, лекціи — его частными бесѣдами, а бесѣды — всею его личностью.

Вслѣдствіе замѣчательной двойственности своей натуры Шлоссеръ былъ человѣкомъ, сочиненія котораго можно вполнѣ понять, только зная все ихъ общественное значеніе и изучивъ его личность во всей ея сосредоточенности. Шлоссеръ имѣлъ вліяніе на національное образованіе, однакожъ онъ не искалъ славы и не цѣнилъ ее на поприщѣ этой дѣятельности. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что тотъ только дѣйствуетъ съ успѣхомъ на другихъ, кто дѣйствуетъ на самого себя и хочетъ самъ себя образовать; сдѣлай что-нибудь, найдутся другіе, которые воспользуются этимъ и поведутъ дѣло дальше и дальше. Онъ хотѣлъ дѣйствовать больше устнымъ преподаваніемъ, чѣмъ своими сочиненіями, хотя и въ этой сферѣ чуждъ былъ всякаго честолюбія и смѣялся надъ стремленіемъ многихъ сдѣлаться основателями какой-нибудь школы, какъ надъ „безсмысленною суетностью.“ „Наука,“ писалъ онъ въ 1817 году, „заключаетъ блаженство въ себѣ самой, она полезна въ устномъ преподаваніи.“ И дѣйствительно, Шлоссеръ по природѣ своей могъ быть скорѣе учителемъ, чѣмъ писателемъ, хотя его устная рѣчь въ послѣдовательности и силѣ уступала его сочиненіямъ. Достоинство его какъ профессора возрастало по мѣрѣ того, какъ онъ сосредоточивался и погружался въ себя; рѣчь его была тѣмъ лучше и полнѣе содержаніемъ, чѣмъ болѣе онъ освобождался отъ всякаго внѣшняго принужденія и чѣмъ глубже проникалъ въ то блаженное убѣжище, котораго искалъ въ своей наукѣ. Его чтенія были несравненно безпорядочнѣе, чѣмъ его сочиненія. Онъ всегда предполагалъ въ слушателяхъ знаніе фактовъ, частныя выдающіяся событія представлялъ неполно и отрывочно, изложеніе его было безсвязно и безъискусственно, предложенія рѣдко бывали правильны и гладки и рѣдко доводились до конца безъ перерывовъ. Но поучительные взгляды на міръ и исторію, на людей и народы, на прошедшее и настоящее, ясныя сравненія, практическія замѣчанія о тысячѣ разныхъ предметовъ и вопросовъ, которыхъ онъ касался мимоходомъ, — все это въ лучшее время его умственной силы сильно развивало и воодушевляло слушателей, производя на нихъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Этимъ объясняется почему Шлоссеръ даже въ глубокой старости, когда недостатки его преподаванія еще болѣе увеличились, всегда привлекалъ къ себѣ множество внимательныхъ слушателей. Еще поучительнѣе и оживленнѣе являлся онъ на вечерахъ, которые назначалъ у себя одинъ разъ въ недѣлю, и на которые собирались его слушатели, приглашенные имъ къ чаю; здѣсь онъ, не останавливаясь долго на обыкновенныхъ разговорахъ, выслушивалъ и предлагалъ вопросы о предметахъ его чтеній или о какихъ-нибудь новостяхъ, и обыкновенно входилъ въ длинныя разсужденія объ одномъ изъ затронутыхъ вопросовъ. Для того, кто посѣщалъ домъ Шлоссера, польза его лекцій еще болѣе увеличивалась отъ того, что онъ могъ лично спрашивать у него объясненій, въ которыхъ нуждался;

отъ этихъ личныхъ сношеній происходило то, что учитель, не нравившійся иногда на каѳедрѣ, противъ воли и безъ намѣренія пріобрѣталъ себѣ множество учениковъ. Но близко узнать натуру Шлоссера могъ только тотъ, кого онъ приглашалъ читать съ нимъ наединѣ какого-нибудь греческаго поэта или преимущественно Данте. Тогда въ восторгѣ отъ поэта онъ забывалъ все его окружающее и подъ вліяніемъ поэтическаго вдохновенія излагалъ, переводилъ и объяснялъ великія мѣста Божественной Комедіи: невольно и всѣмъ своимъ существомъ сливался онъ съ поэтомъ и въ немъ обнаруживалъ себя; жесткая скорлупа отпадала, и оставалось одно ядро; тогда только вполнѣ была видна его сократовская натура. Правда, Сократъ избѣгалъ роли учителя, не хотѣлъ имѣть учениковъ, и въ рѣчахъ его было отсутствіе всякихъ діалектическихъ пріемовъ; въ этомъ отношеніи Шлоссеръ совершенно не похожъ былъ на Сократа. Но онъ хвалилъ великаго философа за то, что онъ сильно и рѣшительно противодѣйствовалъ ложному и обманутому времени, и, не желая основывать школы, самъ хотѣлъ научиться распознавать основанія добра и истины, чтобы не ослѣпляться блескомъ лжи и не обманываться жизнью. Все это можно сказать и о самомъ Шлоссерѣ. Внутреннимъ основаніемъ ученія Сократа было понятіе о равенствѣ людей; онъ имѣлъ ясный взглядъ на внутреннюю и внѣшнюю жизнь, уклонялся отъ государственной службы и общественной дѣятельности, но стремился приготовить къ нимъ своихъ учениковъ наилучшимъ образомъ и, не смотря на свое расположеніе къ духовному созерцанію, презиралъ всякія умствованія о дѣлахъ жизни загробной и обращалъ вниманіе на то, что нужно и важно было для человѣка здѣсь на землѣ; не отдѣляя мудрости отъ нравственности, онъ цѣнилъ только то знаніе, которое ведетъ къ благоразумной и добродѣтельной жизни, вѣрилъ въ всесильное провидѣніе и въ участіе божества во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ; всѣ эти черты напоминаютъ намъ характеръ, направленіе и дѣятельность Шлоссера. Къ довершенію сходства, и у Шлоссера прекрасная внутренняя природа скрывалась подъ странными наружными формами, которыя часто отличали геніевъ, пролагавшихъ дорогу къ новому умственному направленію времени. Кто видалъ Шлоссера только въ его домашнемъ быту и семейномъ кругу, въ спокойномъ, непринужденномъ расположеніи духа, или кто знаетъ его по его авторскимъ negligée, по рецензіямъ и предисловіямъ, тотъ можетъ вообразить себѣ его смѣшнымъ чудакомъ; но кто проникъ въ глубину его души, тому открылся его настоящій образъ, тотъ видѣлъ божественныя изображенія, для которыхъ странная внѣшность служила только покровомъ. Совершенно въ такомъ смыслѣ выразился объ немъ одинъ его пріятель, англичанинъ, слѣдующими мѣткими словами: „Шлоссеръ, — это человѣкъ, у котораго внѣшность не искусно телеграфируетъ съ внутреннимъ его существомъ, — прекрасный, но нерѣдко разстроенный инструментъ, — часы, на которыхъ минутная стрѣлка иногда идетъ невѣрно, но часовая постоянно вѣрна; онъ походитъ на лекарство, отлично дѣйствующее, но горькое на вкусъ, отъ котораго сначала отказываются, но которое потомъ благословляютъ“.

Преувеличенные слухи объ этой жесткости и грубости Шлоссера распространены были по всей Германіи и основывались, конечно, болѣе на его жесткихъ и суровыхъ печатныхъ выходкахъ, чѣмъ на дѣйствительномъ близкомъ наблюденіи его личности. Многіе иностранцы пріѣзжали въ Гейдельбергъ, чтобы познакомиться съ человѣкомъ, слава котораго распространилась повсюду; нѣкоторые изъ нихъ считали необходимымъ предварительно освѣдомиться, не обезпокоятъ ли они своимъ посѣщеніемъ ворчливаго ученаго, зарывшагося въ книжной пыли, и „не угрожаетъ ли имъ опасность быть вытолканными за дверь". И съ какимъ изумленіемъ уходили они отъ него, увидавши изъ перваго же знакомства совсѣмъ не то, что ожидали встрѣтить! Они совершенно измѣняли свое мнѣніе о немъ, если имѣли случай наблюдать его личность въ домашней жизни. Дѣйствительно, Шлоссеръ былъ настоящій кабинетный нѣмецкій ученый; но совершенно особеннаго характера. До 50 лѣтъ онъ прожилъ холостякомъ и не хотѣлъ слышать о другой подругѣ жизни, кромѣ своей науки. Съ шести часовъ утра и до поздняго вечера онъ постоянно сидѣлъ за своими занятіями, исключая времени, посвященнаго на ѣду и прогулку; тотчасъ послѣ обѣда онъ принимался за чтеніе газетъ. Его желѣзное здоровье позволяло ему вести такой завидный образъ жизни и давало его единственному глазу, товарищъ котораго былъ совершенно поврежденъ оспой, возможность выдерживать такое непомѣрное напряженіе. Трудно было съ перваго раза предполагать въ немъ такую физическую силу, взглянувши на его тѣло, наклоненное въ одну сторону, на его дрожащія движенія и на нетвердую походку; но кто видалъ его энергическія движенія руками и верхнею частью туловища, кто слышалъ его сильный голосъ, за который онъ еще въ дѣтствѣ получилъ отъ своихъ товарищей названіе крикливаго пѣтуха, тотъ могъ судить объ его природной силѣ, поддерживаемой правильнымъ и умѣреннымъ образомъ жизни. Во время болѣзни Шлоссеръ, до самой глубокой старости, не принималъ никакихъ лекарствъ и всегда лечилъ себя сномъ, продолжавшимся непрерывно днемъ и ночью; его смерть была просто только уничтоженіемъ силъ и не сопровождалась никакими болѣзненными припадками. Его діэта состояла въ самой строгой умѣренности; онъ любилъ здоровую и вкусную пищу, никогда не пилъ вина, а только одно пиво; онъ аккуратно совершалъ свои прогулки или работалъ въ саду; всякій могъ отвлекать его отъ занятій, ему никогда не докладывали о приходящихъ, и онъ никому не отказывалъ. Приходящіе не находили ни въ немъ, ни около него, ничего похожаго на обыкновенную обстановку нѣмецкихъ книгогадовъ, ни пыли, ни грязи ученаго кабинета. Его галстухъ и воротнички иногда бывали измяты, но всегда были изъ тонкой и хорошей матеріи, вымыты и выглажены аккуратно и чисто. Его превосходная библіотека стояла въ отличномъ порядкѣ, рабочій кабинетъ былъ изящно убранъ, на прекрасномъ палисандровомъ столѣ находились самыя нужныя вещи. На первый взглядъ Шлоссеръ казался угловатымъ, однако неповоротливости и неуклюжести въ немъ не было замѣтно. Онъ былъ непринужденъ и ловокъ даже въ домашнемъ хозяйственномъ бытѣ, гдѣ мужчины вообще рѣдко бываютъ ловки. На своихъ

вечерахъ въ небольшомъ кругу учениковъ, онъ самъ приготовлялъ и разливалъ чай, предлагалъ закуску съ полною внимательностью, не придавая большой важности дѣлу, но и безъ всякой небрежности. Женившись на дѣвушкѣ, образованной и прекрасно воспитанной, онъ долженъ былъ носить перчатки, ходить съ тросточкой, являться въ обществѣ, посѣщать вечера, гдѣ играли въ вистъ, и предпринималъ увеселительныя прогулки; ко всему этому онъ привыкъ гораздо скорѣе, чѣмъ ожидали отъ него товарищи, между которыми были люди свѣтскіе, и онъ встрѣчался съ ними и въ заграничныхъ путешествіяхъ какъ истый туристъ и ловкій свѣтскій человѣкъ. Послѣ женитьбы онъ предоставилъ женѣ, искусной хозяйкѣ, всѣ мелочи по хозяйству, но самъ заботился о важнѣйшихъ хозяйственныхъ дѣлахъ и велъ ихъ съ съ пунктуальностью, которая всегда отличала его. Его расходы строго соображались съ приходами. Онъ жилъ аккуратно, и вообще держался средины между расточительностью и скупостью. Онъ не любилъ отказывать себѣ въ чемъ-нибудь, но не любилъ также ненужныхъ расходовъ и двусмысленныхъ благодѣяній; когда же требовалась дѣйствительная помощь, когда нужно было помочь больному безъ всякихъ средствъ или поддержать какое-нибудь благотворительное заведеніе, онъ безъ всякаго тщеславія жертвовалъ щедрою, даже расточительною рукою. При такой его страсти къ порядку, кажется совершенно непрактичнымъ капризомъ его обыкновеніе никогда не запирать денежнаго ящика; онъ терпѣть не могъ, чтобы его запирали даже на время его отсутствія изъ дому. Онъ требовалъ, чтобы въ его домѣ прислуживали только вѣрные люди. Знатокъ людей, обладавшій въ высшей степени способностью узнавать людей по одному взгляду, при первой встрѣчѣ съ ними, руководимый своимъ инстинктомъ, онъ никогда не ошибался въ выборѣ прислуги, совѣтниковъ и адвокатовъ. Точно также онъ не ошибался и въ выборѣ своихъ пріятелей и собесѣдниковъ. Бывали, конечно, и исключенія: по добродушію, безпечности, для избѣжанія непріятностей онъ поддерживалъ иногда знакомство съ людьми недостойными, которыхъ онъ однако вполнѣ понималъ; но неудовольствіе, какое обнаруживали въ такихъ случаяхъ его друзья, служитъ доказательствомъ, что это дѣйствительно бывали только исключенія изъ общаго правила, что его постоянное общество состояло изъ людей избранныхъ и безукоризненныхъ. Та же самая нравственная строгость, которая высказывается въ его сочиненіяхъ, обнаруживалась и во всѣхъ его житейскихъ отношеніяхъ. Онъ прекратилъ всякія сношенія съ двумя извѣстными своими товарищами за то, что одинъ изъ нихъ рѣшился на какую-то низкую продѣлку, въ которой уличилъ его Шлоссеръ, а другой отказался отъ своего молодаго друга, преслѣдуемаго по политическимъ дѣламъ. По чувству нравственнаго достоинства Шлоссеръ не вмѣшивался въ университетскія дѣла, что обыкновенно приписывали его непрактической натурѣ. Въ должности библіотекаря онъ однако показалъ, что съ успѣхомъ можетъ вести и практическія дѣла; но несправедливость университетскаго совѣта относительно студентовъ, самолюбіе и своекорыстіе членовъ факультета, вредное для общаго дѣла,

пошлое настроеніе того общества, которое по своему образованію и по познаніямъ должно было служить образцомъ для всѣхъ, — все это до такой степени возмущало его, что онъ старался не принимать участія въ университетскихъ дѣлахъ. Близкіе его друзья, молодые, полные жизни и отваги, и его товарищи, ревностные къ общему благу, порицали его за такую невнимательность къ общимъ дѣламъ и видѣли въ ней своекорыстное желаніе избавиться отъ хлопотъ; но, наученные собственнымъ опытомъ, они скоро просили у него извиненія за такія порицанія. Товарищи Шлоссера, имѣвшіе съ нимъ серьезныя столкновенія и оскорблявшіеся его откровенной прямотою и рѣзкостью, не мало содѣйствовали тому, что объ немъ распространился слухъ какъ о человѣкѣ, неуживчивомъ и отталкивавшемъ отъ себя всякаго; слухъ этотъ смущалъ и посѣщавшихъ его иностранцевъ, пока они сами не убѣждались въ его неосновательности.

Съ перваго взгляда на Шлоссера всякій могъ видѣть въ немъ человѣка, сосредоточеннаго, съ сильной душой и твердымъ, самостоятельнымъ характеромъ, закаленнымъ очень рано подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ его юношеской жизни. Самый младшій изъ двѣнадцати братьевъ и сестеръ, онъ рано лишился отца и въ крайней бѣдности сурово и строго былъ воспитанъ матерью, по смерти которой, на пятнадцатомъ году, сдѣлался полнымъ господиномъ самого себя. Это раннее чувство независимости отъ внѣшнихъ отношеній и искусственныхъ потребностей сообщило ему, еще юношѣ, самоувѣренность, гордость и отвагу, то чувство собственнаго достоинства, которое не оставляло его до самыхъ преклонныхъ лѣтъ и воодушевленный которымъ онъ подписалъ подъ своимъ портретомъ своею полновѣсною рукою слѣдующія полновѣсныя слова Данте:

Sta come torre fermo, che non crolla
Giammai le cima per soffiar di venti.

Стой, какъ твердая башня, которую
никогда не сокрушитъ порывъ вѣтра.

Безпорядочныя манеры и незнаніе условныхъ приличій были другою чертою Шлоссера, бросавшеюся въ глаза и происходившею отъ его самоувѣренности. Суровость, наслѣдованную имъ отъ Рюстринга, онъ перенесъ изъ дому въ школу, изъ школы въ жизнь, и иногда не могъ, да и н е х о т ѣ л ъ, какъ онъ говоритъ, отказаться отъ нея. Въ юности своей изъ общества крестьянъ онъ перешелъ въ общество ученыхъ, а отъ ученыхъ — къ знатнымъ голландцамъ, сдѣлавшись на 21 году домашнимъ учителемъ въ семействѣ графа Бентинкъ-Роне, скрывавшемся въ Голландіи; оттуда (1798—1800) онъ поступилъ въ домъ небогатаго купца въ Гамбургѣ, гдѣ пришелъ въ столкновеніе съ людьми совершенно другаго рода, съ актерами и праздными весельчиками; потомъ, во время замѣчательныхъ политическихъ событій онъ вступилъ въ свѣтское общество франкфуртскихъ купцовъ, съ которыми находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, и, послѣ непродолжительной учительской практики въ Еверѣ (1808 — 10), снова возвратился къ нимъ и всю жизнь свою оставался друженъ съ ними. Послѣ того онъ зани-

малъ послѣдовательно должность учителя гимназіи и лицея во Франкфуртѣ и профессора въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Изъ всѣхъ этихъ обществъ онъ вышелъ „угловатымъ и дюжимъ", какъ онъ самъ себя называлъ, и потомъ въ придворномъ обществѣ, въ близкихъ сношеніяхъ съ великой герцогиней Стефаніей, нимало не старался усвоить себѣ другія манеры, отличныя отъ тѣхъ, къ которымъ привыкъ въ юности. Неполучившій свѣтскаго образованія, суровый и несдержанный, онъ легко обнаруживалъ мужской эгоизмъ, свойственный всѣмъ намъ, но естественно обнаруживавшійся у него гораздо сильнѣе, чѣмъ у другихъ. Ему трудно было умѣрять и сдерживать свои страстныя вспышки, но то добросердечіе, которое онъ, при всей своей рѣзкости, выказывалъ въ близкомъ кругу своихъ знакомыхъ, невольно привлекало къ нему всѣхъ. Онъ не могъ удержаться отъ порицаній и отъ выраженія своего неудовольствія, не могъ подавить въ себѣ гордаго сознанія собственнаго достоинства и увѣренности въ своихъ сужденіяхъ, да онъ даже объ этомъ и не старался. Къ нему могутъ быть отнесены упреки, которые Ворчестеръ дѣлалъ Перси:

Вы слишкомъ склонны къ порицанью!
Если это иногда свидѣтельствуетъ о величіи смѣлости и жарѣ,
То вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ суровость и гнѣвъ,
Недостатокъ чувства и умѣренности,
Гордость, высокомѣріе, высокое мнѣніе о себѣ и хулу;
Малѣйшій изъ этихъ недостатковъ лишаетъ насъ любви людей,
И кладетъ пятно на всѣ прекрасныя дарованья,
Отнимая у нихъ истинную цѣну.

На это Шлоссеръ отвѣчалъ бы словами прямодушнаго героя: „хорошо, учите меня; Богъ да благословитъ ваши добрыя чувства!" Можетъ быть, онъ самъ считалъ существенными и нераздѣльными чертами своего характера привитую къ его натурѣ фрисландскую грубость, соединенную съ франкской страстностью. Но они были ни болѣе ни менѣе какъ случайные наросты на его чисто-гуманной натурѣ. Съ перваго раза незнакомому человѣку Шлоссеръ могъ показаться сухимъ, холоднымъ и неловкимъ, но никогда не казался онъ растерявшимся или невѣжливымъ; какъ скоро онъ немного знакомился съ личностью, разговоръ его становился живымъ и долго не прерывался, а иногда отличался даже самою утонченною внимательностью къ собесѣднику. Онъ не слишкомъ любилъ мягкосердечныхъ и сантиментальныхъ людей, но снисходительно щадилъ эти натуры, когда они представлялись ему въ полной безъискуственности. Одинъ наивный ученикъ пришелъ однажды къ Шлоссеру собственно за тѣмъ, чтобы просить у него утѣшенія въ скорби по случаю смерти своего друга; и онъ не раскаявался въ своемъ посѣщеніи, а ушелъ отъ него растроганный и утѣшенный. Кто изъ часто-посѣщавшихъ Шлоссера имѣлъ случай наблюдать его въ кругу его семейства и близкихъ друзей, среди которыхъ сердце его раскрывалось вполнѣ, тотъ знаетъ другую внѣшнюю сторону его оригинальнаго характера, его юморъ, совершенно противорѣчившій его страшной суровости. Чудакъ, считавшійся обыкновенно ворчливымъ, являлся тогда человкомъ

добродушнымъ и веселымъ, его сильный задушевный смѣхъ возбуждалъ во всѣхъ искреннюю веселость, его игривая и шутливая сатира невольно располагала къ нему окружавшихъ его друзей и женщинъ и вызывала у присутствующихъ остроты на его счетъ. Въ такія минуты самымъ забавнымъ образомъ обнаруживались его игривость, простодушіе, живость, теплота чувствъ; все, что у него было на душѣ, выливалось наружу непринужденно и быстро, какъ у дитяти. Тогда только можно было убѣдиться, до какой степени прямота и правдивость проникали все существо этого человѣка. Не было ничего опаснѣй, какъ ввѣрить ему какую-нибудь тайну, невозможность притворяться каждую минуту могла заставить его противъ воли выдать ее. Вслѣдствіе живости чувства, которою также отличались Лютеръ, Данте, Абеляръ, заслужившіе удивленіе, онъ, какъ въ незначительныхъ разговорныхъ мелочахъ, такъ и въ великихъ историческихъ предметахъ, въ одинъ моментъ открывалъ самыя различныя стороны, отъ одного и того же случая получалъ вдругъ самыя разнородныя впечатлѣнія, по наивности чувства соединялъ ихъ вмѣстѣ и заразъ высказывалъ самыя противорѣчивыя чувствованія и сужденія, которыя, однако, согласовались самымъ естественнымъ образомъ, если дополнить ихъ невысказанными соединительными членами. Когда я, въ началѣ моего учительскаго поприща, пришелъ однажды къ нему и сообщилъ, что меня приглашаютъ въ Геттингенъ, вслѣдствіе чего я, конечно, долженъ былъ разстаться съ нимъ, онъ сказалъ: „да? ну я очень радъ!“ но потомъ тотчасъ же прибавилъ, понизивъ голосъ: „мнѣ это очень жаль.“ Дальманъ спрашивалъ у него однажды объ одномъ изъ его знакомыхъ, что это за человѣкъ. Онъ отвѣчалъ на это буквально такъ: „это совершенный негодяй, впрочемъ мой добрый пріятель, я его никогда не вижу у себя.“ Разсказываютъ о Шлоссерѣ анекдотъ, который какъ двѣ капли воды похожъ на разсказъ о томъ судьѣ, который разомъ оправдалъ истца и отвѣтчика и наконецъ согласился на замѣчаніе посторонняго свидѣтеля, который утверждалъ, что только одинъ изъ нихъ можетъ быть правъ. Впрочемъ такое безсознательное и нерѣшительное колебаніе мыслей, надъ которымъ онъ самъ посмѣялся бы, еслибы обратилъ на него вниманіе, обнаруживалось у него только тогда, когда дѣло шло о чемъ-нибудь неважномъ, къ чему онъ былъ равнодушенъ, а не тогда, когда отъ него требовалось серьезное и важное рѣшеніе, какъ въ исторіи съ судьею. То же самое можно сказать и относительно его критическихъ выходокъ, которыя являлись у него только тогда, когда онъ находился въ пріятномъ и веселомъ расположеніи духа; нужно самому пережить подобныя минуты, и выходки въ сочиненіяхъ его представятся совершенно въ другомъ свѣтѣ. Когда онъ въ разговорѣ издѣвался надъ разными литературными героями и ихъ подвигами и потомъ въ концѣ всегда прибавлялъ: „а впрочемъ все это пустяки,“ — то развѣ самый щепетильный человѣкъ могъ назвать злословіемъ его сужденія, которыя въ дѣйствительности были просто шуткой. Если они по тону и выраженію переходили иногда за предѣлы шутки, то достаточно было сказать ему хоть одно серьезное слово, чтобы остановить его и вызвать его обыкновенную разсудительность. Однажды въ то время, когда въ

Германіи всѣ бросились на промышленыя предпріятія, которыя не нравились идеальной натурѣ Шлоссера, такъ же какъ и жадная торговая страсть къ барышамъ, въ большомъ собраніи зашла рѣчь о выгодахъ и невыгодахъ промышленаго прогресса, и Шлоссеръ полусерьезно и полушутя, однако сердитымъ тономъ, сказалъ одному изъ разговаривавшихъ: „къ сожалѣнію, относительно этого пункта ваше мнѣніе совершенно несогласно съ моимъ!“ Тотъ совершенно спокойно отвѣчалъ: „относительно нравственныхъ и общественныхъ слѣдствій промышлености — дѣйствительно мы не согласны; но я желалъ бы знать, считаете ли возможнымъ остановить успѣхи промышлености и задержать ихъ послѣдствія.“ Нѣтъ, это невозможно! сказалъ онъ съ жаромъ. И за этимъ уже съ нимъ можно было совершенно спокойно обсуждать вопросъ со всѣхъ сторонъ. Если въ эти минуты шутливаго настроенія какъ-нибудь были задѣты его демократическія симпатіи и антипатіи, тогда онъ весь предавался своимъ сердечнымъ изліяніямъ. Если какое-нибудь современное новое происшествіе представлялось ему доказательствомъ неисправимости привилегированныхъ классовъ, онъ съ шуткой и горечью повторялъ самыя рѣзкія и ужасныя выраженія, которыя когда-либо были сказаны о радикальномъ излеченіи зла; со стороны можно было подумать, что человѣкъ хочетъ только произвести эффектъ сильными выходками яраго демократизма, — что было совершенно противно его прямой натурѣ. Во время волненій, предшествовавшихъ 1848 году, бургомистру Винтеру въ Гейдельбергѣ по поводу разногласія его съ правительствомъ устроена была шумная уличная демонстрація, выражавшая сочувствіе, и многочисленная толпа провожала его до дому; Шлоссеръ съ видимымъ удовольствіемъ разсказывалъ объ этой, видѣнной имъ сценѣ, хотя и не былъ расположенъ къ виновнику торжества и повторялъ: это хорошо, это должно быть такъ! Поэтому могло показаться, что ему, какъ и многимъ другимъ, нравятся шумныя демонстраціи и уличные крики, но если-бы серьезно спросить у него мнѣніе объ этомъ предметѣ, онъ отвѣтилъ бы, что участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ и его волненіе по поводу ихъ, какъ это мы видимъ и въ Англіи послѣ реставраціи, совершенно необходимы.

Серьезные и значительные предметы, разсматриваемые серьезно и основательно, составляли обыкновенный и постоянный предметъ разговоровъ Шлоссера. Въ многочисленныхъ обществахъ онъ обнаруживалъ одну только сторону своей натуры, выражавшуюся въ шумныхъ, крикливыхъ порывахъ его беззавѣтной веселости; зато въ уединенныхъ бесѣдахъ, съ глазу на глазъ, онъ замѣтно выказывалъ другую противоположную сторону своей натуры, созерцательное настроеніе. Еще въ дѣтствѣ, проведенномъ въ домѣ тетки, онъ горячо полюбилъ природу, получилъ наклонность къ идилліи стремленіе къ уединенію и глубоко внутреннему анализу. Въ отрывкѣ своей автобіографіи онъ разсказываетъ, что первоначально имѣлъ въ виду только созерцательную жизнь, а на поприще академической и литературной дѣятельности вступилъ противъ своего желанія. Справедливость этого увѣренія доказывается какъ выборомъ предметовъ для первыхъ его сочиненій, такъ и тѣми симпатіями, которыя онъ обнаруживалъ въ молодости. Религіозные

мечтатели, жившіе во времена сильныхъ религіозныхъ движеній, христіанскіе миссіонеры, строгіе монахи, „которые возвышались мыслію надъ скоропроходящими явленіями, презирая трудъ, заботы, самую жизнь ради того блага, которое они созерцали въ духѣ", — были для него великими образами, возбуждавшими благоговѣйное удивленіе. Онъ уважалъ въ Яковѣ Бемѣ великій духъ, „пиѳійскія слова котораго еще не нашли истолкователя". Онъ воодушевлялся великимъ твореніемъ Данте и его безконечною прелестью для души, которая желаетъ достигнуть неба не моленіями и чудесами, но хочетъ найти его въ себѣ самой, въ мірѣ и самопознаніи. Десятки разъ перечитывалъ онъ это твореніе, слѣдуя въ объясненіи его болѣе символическимъ, чѣмъ историческимъ толкователямъ; при чтеніи онъ съ большимъ удовольствіемъ останавливался на сверхчувственныхъ отдѣлахъ чистилища и рая, на созерцательной мечтательности, когда поэтъ, созерцая чистую внутреннюю жизнь и блаженство, состоящее въ видѣніи Божества, учитъ насъ умирать для міра. Но при этомъ стремленіи къ самоуглубленію Шлоссеръ, цѣнившій у Данте особенно то, что его мечтательность не противорѣчила разсудку, не думалъ возвращаться ни къ заблуждавшемуся мистицизму, ни къ схоластикѣ того времени; также точно и смерть для внѣшняго міра онъ понималъ не въ удаленіи отъ него, не въ томъ смыслѣ, чтобы не имѣть объ немъ никакого познанія. Ему врядъ ли бы понравились еще болѣе глубокія созерцанія Миноритовъ времени Данте, для которыхъ реальный міръ совершенно испарялся въ духовный газъ. Данте, утверждавшій, что два различныя солнца ведутъ человѣческую природу къ двоякому блаженству дѣятельной и созерцательной жизни, казался Шлоссеру великимъ именно потому, что онъ проникъ въ обѣ жизни, что онъ въ своей душѣ,— смотря потому обращалась ли она къ себѣ или къ внѣшнему міру, — съ одинаковымъ искусствомъ соединялъ оба противоположные взгляда на человѣческую жизнь, что онъ въ одно и то же время глубоко проникалъ въ государственныя отношенія своего времени и въ платоническія мечтанія о божественной любви, что онъ съ одной стороны отличался практичностью и строгой исторической критикой, а съ другой совершенно терялся въ идеалахъ божественной и человѣческой мудрости. Обманутый въ юности идеальною, мысленною любовью, Данте бросился въ вихрь политическаго міра, чтобы потомъ опять обманутымъ и разочарованнымъ возвратиться къ духовной жизни въ своемъ твореніи, которое въ заключеніи представляетъ соединеніе божественнаго существа съ человѣческимъ; Шлоссеръ же, напротивъ, обстоятельствами времени былъ вырванъ изъ своей внутренней жизни и обратился къ теченію внѣшнихъ событій, котораго потомъ онъ никогда уже не оставлялъ. Еще въ юности, съ мудростью старца, онъ рѣшилъ, что „мірской шумъ есть ничто иное, какъ дыханіе вѣтра", или, какъ выражается онъ самъ: что „въ жизни одна тѣнь исчезаетъ за другой, чтобы потомъ уступить ничему;" но именно вслѣдствіе этого онъ и рѣшился неутомимо изучать эти преходящія событія, не отчаяваясь подобно тому, „кто изъ чтенія стиховъ, романовъ и полуфилософіи выноситъ только разочарованіе и и падаетъ на порогѣ преддверія храма." Самоуглубленіе и обращеніе къ

внутреннему нисколько не препятствовало ему въ изученіи внѣшняго міра, напротивъ оно служило залогомъ болѣе вѣрнаго пониманія его, потому что не позволяло ему ослѣпляться никакимъ внѣшнимъ блескомъ. „Свѣтъ божественнаго разума, писалъ онъ въ 1817 году, съ трудомъ проникаетъ сквозь туманъ разсудка: если простая жизнь, тихое спокойствіе души и домашній миръ нарушены шумными развлеченіями и безпокойно-тревожною жизнью въ обществѣ, когда человѣкъ теряетъ истинную свободу и независимость среди множества заботъ и исканія удовольствій, — какъ можетъ тогда прошедшее чисто и ясно отразиться отъ помраченнаго зеркала его души?“ Только вслѣдствіе такого соединенія созерцательныхъ и практическихъ подробностей возможно было такое рѣдко встрѣчающееся явленіе, что человѣкъ, проникнутый мыслью „о ничтожествѣ вещей и суетности человѣческихъ дѣйствій“, обнялъ всю обширную область исторіи именно для того, чтобы основательно изучить эти дѣйствія. Германія увидѣла случай, заключавшій въ себѣ повидимому противорѣчіе, чистый идеалистъ сдѣлался историкомъ, призваніе котораго состоитъ въ изслѣдованіи предметовъ реальныхъ. Въ самомъ существѣ натуры Шлоссера, такъ же какъ и во многихъ частныхъ проявленіяхъ ея, замѣтна была подобная двойственность, кажущееся колебаніе между двумя крайними противоположностями. Трудно сказать, какая изъ этихъ двухъ сторонъ его существа яснѣе обнаруживалась въ его личныхъ отношеніяхъ къ людямъ. Если ему предлагали какой-нибудь практическій вопросъ, на который онъ не надѣялся отвѣтить въ смыслѣ спрашивавшаго, тогда онъ скромно и съ плутовскимъ выраженіемъ говорилъ: вѣдь вы знаете, я мечтатель! Когда ему хвалили моднаго набожнаго человѣка, у котораго на столѣ постоянно красовалась библія, или предлагали трудный богословскій вопросъ, онъ называлъ себя „сыномъ міра сего“. Тѣсное соединеніе въ немъ здоровой, практической и созерцательной натуры составляло существенное свойство его характера. И тамъ всего сильнѣе проявлялись его симпатіи, гдѣ онъ находилъ ясныя черты такого же совмѣстнаго существованія этихъ двухъ свойствъ. Его уваженіе къ Англіи частью основывалось на томъ, что тамъ „жажда славы въ потомствѣ соединяется съ мыслію о ничтожествѣ всего земнаго.“ Онъ восторгался героями Оссіана потому, что у нихъ храбрость соединялась съ презрѣніемъ къ жизни, и благоговѣлъ передъ Данте, видя въ немъ удивительное соединеніе знанія свѣта и способности отрѣшаться отъ него. Можно сказать, что Шлоссеръ заимствовалъ отъ Данте свое призваніе и назначеніе, и это объясняетъ нравственную строгость въ его историческихъ сочиненіяхъ. „Какъ благочестивая душа“, писалъ онъ однажды, „чувствуетъ потребность въ словахъ, исходящихъ съ неба, такъ серьезная и строгая душа нуждается въ такомъ воззрѣніи на ходъ міра и человѣческихъ дѣйствій, которое бы показало ничтожность ихъ, обнаружило суетную гордость дѣйствій и знаній, составляющихъ въ дѣйствительности бездѣйствіе и незнаніе, нуждается въ вѣрномъ и надежномъ руководителѣ, который бы привелъ его къ такому взгляду.“ Такимъ руководителемъ былъ для него Данте, такимъ же руководителемъ строгой и серьезной души хотѣлъ сдѣлаться и онъ самъ въ своей дѣятель-

ности. Это сходство въ направленіи, духѣ и характерѣ двухъ личностей, жившихъ въ столь различныя времена, такъ поразительно и сильно, что оно могло основываться только на сходствѣ ихъ физическихъ натуръ. Они дѣйствительно похожи были другъ на друга чертами лица, кроткимъ, но рѣзкимъ взглядомъ, большимъ вздернутымъ носомъ, выдающимся подбородкомъ, рѣзко очерченными и плотно сжатыми губами. Характеристики Данте, составленныя Боккачіо и Виллани, въ самыхъ существенныхъ чертахъ могутъ быть приложены къ Шлоссеру. То же самое, что у насъ обыкновенно говорится о Шлоссерѣ, высказано было Виллани о Данте: „его познанія сдѣлали его высокомѣрнымъ, склоннымъ къ порицанію и гордости, и онъ, какъ неуклюжій ученый, не умѣлъ обращаться съ свѣтскими людьми; но онъ прославилъ себя другими достоинствами, ученостью и высокими дарованіями; его колоссальныя произведенія составляютъ гордость и славу его отечества.“

Желательно было бы, чтобы и наше нѣмецкое отечество за честь и славу, которыя принесъ ему этотъ двойникъ Данте, сохранило объ немъ такое же благородное воспоминаніе, какое Италія хранитъ о своемъ поэтѣ, строгомъ судьѣ нравственныхъ поступковъ. Такое воспоминаніе объ немъ сохранилось несомнѣнно по крайней мѣрѣ въ одной душѣ; и этого достаточно для человѣка высокой нравственности, который никогда не искалъ никакихъ внѣшнихъ почестей. Говоря надгробную рѣчь Іоганну Гейнриху Фоссу, онъ въ концѣ ея выразилъ желаніе, чтобы хоть одинъ изъ друзей его оплакалъ его по смерти такъ, какъ онъ оплакиваетъ умершаго учителя. Это желаніе его исполнено. Я убѣжденъ, что если бы Шлоссеръ ничего другаго не сдѣлалъ кромѣ того, что онъ сдѣлалъ лично для меня, то и тогда жизнь его была бы важна въ самой высокой степени.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

ОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ.

Всемірную исторію обыкновенно дѣлятъ на исторію древняго міра, исторію среднихъ вѣковъ и исторію новѣйшаго времени. Первый изъ этихъ отдѣловъ распадается еще на двѣ главныя части: на *эпоху древнѣйшихъ восточныхъ народовъ*, и на *эпоху греко-римскую*. Постепенное развитіе человѣческаго рода, въ главныхъ чертахъ, шло по направленію суточнаго движенія солнца. Въ Азіи, гдѣ родъ человѣческій получилъ начало, и въ сосѣднемъ съ нею Египтѣ культура разцвѣла впервые. Затѣмъ, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, она не переходила за предѣлы востока. Но лѣтъ за тысячу до рождества Христова во всемірной исторіи принимаетъ участіе Европа; и, между тѣмъ какъ восточные народы падаютъ все ниже и ниже, греки и римляне дѣлаютъ эту часть свѣта средоточіемъ всемірныхъ событій. Въ послѣднія времена древняго міра, эти два главные народа древней Европы и затѣмъ христіанство, распространили культуру въ западной половинѣ европейскаго материка, а тысячу лѣтъ спустя, она, подобнымъ же образомъ, перешагнула за предѣлы стараго свѣта и коснулась Америки.

Главное различіе двухъ великихъ періодовъ древняго міра заключается въ томъ, что образованность древнѣйшихъ восточныхъ народовъ всегда, болѣе или менѣе, носила печать неподвижности, съ выступленіемъ же греческаго народа на историческое поприще, начался періодъ новаго, дѣйствительно свободнаго развитія человѣчества. Нѣкоторые народы востока и до нашихъ дней неизмѣнно сохранили этотъ характеръ отдаленной древности. Таковы китайцы и индійцы, — древнѣйшіе изъ всѣхъ народовъ, составляющихъ и въ настоящее время отдѣльныя государства. И тѣ и другіе могутъ поэтому всего лучше показать намъ, какъ были устроены государства первобытной эпохи. Первый изъ этихъ народовъ принадлежитъ къ монгольскому племени, второй — къ кавказскому. Поэтому ихъ исторія приводитъ насъ къ первымъ временамъ двухъ главныхъ вѣтвей нашего племени, которыя прежде однѣ составляли предметъ исторіи человѣчества. Китайцы въ историческомъ отношеніи важны еще и потому, что, какъ образованнѣйшій изъ всѣхъ монгольскихъ народовъ, они знакомятъ насъ съ главными характеристическими чертами этого племени на высшей степени его развитія. Дѣйствительно, хотя монгольскія племена достигли въ Китаѣ, Японіи и Индо-Китаѣ извѣстной степени цивилизаціи, но затѣмъ, въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ столѣтій, не сдѣлали ни одного шага впередъ. Остальная часть этого племени никогда не оставляла своего кочеваго быта.

Изъ народовъ кавказскаго племени, одни только индійцы сохранили до нашего времени, безъ значительныхъ измѣненій, цивилизацію первобытной эпохи. Всѣ прочіе народы этого племени, достигшіе высшей образованности, сбросили съ себя печать этого періода. Въ ихъ средѣ развилась цивилизація прогрессивная, причемъ то тотъ, то другой народъ становился передовымъ. Вслѣдствіе этого кавказское племя, уже въ отдаленнѣйшія времена возвысившееся надъ другими, сохранило свое первенство и въ позднѣйшіе періоды. Съ первыхъ дней исторіи и до настоящаго времени оно, безъ всякаго перерыва, составляетъ ядро человѣчества и центръ, вокругъ котораго вращается вся всемірная исторія.

Совсѣмъ другое значеніе имѣло африканское племя, — третья главная вѣтвь обитателей стараго свѣта. Эта многочисленная группа народовъ.

никогда не распространявшаяся за предѣлы Африки, не имѣла почти никакого вліянія на исторію остальнаго человѣчества. Большая часть африканскихъ народовъ никогда не достигала той степени развитія, которую мы называемъ цивилизаціей. Да и тѣ немногіе, которые поднялись на первую степень образованности, развились такъ мало, что ихъ исторія состоитъ только изъ ряда случайныхъ, внѣшнихъ событій. Совершенно несходные въ этомъ отношеніи съ главными народами двухъ первыхъ племенъ, народы африканскаго племени, по этому самому, весьма рѣдко упоминаются во всемірной исторіи. Основываясь на темномъ преданіи, дошедшемъ до грековъ, можно только предполагать, что въ отдаленнѣйшей древности часть этого племени достигла довольно высокой степени развитія и, вслѣдствіе этого, играла значительную роль въ сѣверной Африкѣ. Поэтому всего приличнѣе упомянуть объ африканскомъ племени здѣсь, при вступленіи въ исторію первобытныхъ государствъ.

У грековъ, называвшихъ всѣ народы, обитавшіе къ югу отъ Египта и въ средней Африкѣ, э ѳ і о п а м и, было древнее преданіе о томъ, что въ глубокой древности эѳіопскія племена сѣверной Африки жили въ тѣсномъ союзѣ между собою и достигли высокой степени цивилизаціи и могущества. При царѣ, по имени Т е а р к о н ѣ, завоеванія ихъ распространились до самыхъ береговъ Средиземнаго моря. Но государство это, въ теченіе извѣстнаго періода времени угрожавшее даже востоку и крайнему западу нашей части свѣта, скоро распалось, и африканское племя уже рано впало въ то состояніе, въ которомъ осталось и до настоящаго времени. Нельзя, однако, опредѣлить съ достовѣрностью, всѣ ли народы, подвластные Теаркону, были дѣйствительно негры, потому что греки называли именемъ эѳіоповъ не только людей этого племени, но и вообще всѣхъ жителей извѣстнаго имъ крайняго юга. По этому самому нельзя также съ достовѣрностью сказать, къ какому племени принадлежало другое знаменитое эѳіопское государство — М е р о э, лежавшее къ югу отъ Нубіи и достигшее цивилизаціи тоже въ первобытныя времена. Государство это процвѣтало еще въ началѣ государственной жизни египтянъ и продолжало существовать почти до рождества Христова. Главою его считался царь, находившійся, однако, въ полной зависимости отъ духовенства, которое управляло всѣми дѣлами. Столица государства, называвшаяся также Мероэ, имѣла знаменитый оракулъ и была средоточіемъ дѣятельной караванной торговли между Египтомъ и внутренней Африкой.

Но, какова бы ни была судьба этого первобытнаго государства и вообще народовъ африканскаго племени этой эпохи, — достовѣрно, однако, что въ позднѣйшее время вліяніе ихъ на сосѣдніе народы было очень незначительно. Для всего же человѣчества они никогда не имѣли никакого значенія. Поэтому всѣ народы африканскаго племени исключаются изъ числа народовъ, исторія которыхъ необходима для яснаго изложенія постепеннаго развитія человѣчества.

Эти послѣдніе народы принадлежатъ къ к а в к а з с к о м у или къ м о н г о л ь с к о м у п л е м е н и. Впрочемъ, значеніе послѣдняго, сравнительно съ первымъ, почти ничтожно. Всѣ монгольскіе народы, достигшіе цивилизаціи, уже весьма рано отказались отъ всякаго дальнѣйшаго развитія. Поэтому они и занимаютъ только вторую главную ступень человѣческаго развитія. Вслѣдствіе этого, а также и потому, что образованнѣйшій изъ монгольскихъ народовъ еще въ первобытныя времена достигъ своей нынѣшней цивилизаціи, — исторію древнихъ государствъ и начинаютъ съ китайцевъ. Отъ китайцевъ, — у которыхъ монгольская цивилизація достигла высшаго своего развитія, — слѣдуетъ перейти къ индійцамъ, потому что изъ всѣхъ народовъ кавказскаго племени они одни сохранили свою древнюю культуру и такимъ образомъ, по своей неподвижности, усвоили главную характеристическую черту монгольскихъ народовъ. Прочіе главные народы нашего племени постепенно достигли высшихъ степеней развитія и на этомъ пути не только пріобрѣли себѣ владычество надъ міромъ, но и создали для цѣлаго человѣчества средства и формы лучшаго общественнаго быта. Народамъ кавказскаго племени принадлежитъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, общественной и домашней жизни, въ наукѣ и искусствѣ изобрѣтеніе всего дѣйствительно благороднаго, всего, что достойно разумнаго существа.

КИТАЙЦЫ.

Какъ образованнѣйшая часть монгольскаго племени, китайцы стоятъ во главѣ великой восточно-азіятской вѣтви человѣческаго рода. Ихъ культура относится еще къ первобытной эпохѣ, а государство древнѣе всѣхъ, теперь существующихъ. Значеніе китайцевъ во всемірной исторіи важно въ особенности потому, что, со временъ отдаленнѣйшей древности и до нашихъ дней, ихъ цивилизація сохранила почти одинъ и тотъ же характеръ. Они представляютъ намъ образецъ народа, который, не смотря на раннюю и довольно высокую цивилизацію, остановился на извѣстной степени умственнаго развитія.

Письменные памятники Греціи и Рима, заключающіе въ себѣ большую часть достовѣрныхъ извѣстій о древнихъ народахъ, ничего не говорятъ намъ о китайцахъ. Съ этимъ народомъ, извѣстнымъ у нихъ подъ именемъ серовъ, греки и римляне не имѣли никакихъ столкновеній и только со временъ Александра Великаго стали покупать шелкъ въ Бухаріи у китайскихъ торговцевъ. Напротивъ того, сами китайцы имѣютъ историческія книги, составленіе которыхъ должно быть отнесено за нѣсколько вѣковъ до рождества Христова. Съ этого времени и до нашихъ дней исторія Китая была ведена у нихъ безъ всякаго перерыва и составляетъ предметъ особенныхъ сочиненій китайскихъ историковъ. Изъ болѣе отдаленныхъ временъ у китайцевъ сохранились только неточныя извѣстія и сказочныя преданія, помѣщенныя, однако, въ упомянутыхъ сочиненіяхъ, какъ часть ихъ достовѣрной исторіи. Такимъ образомъ хотя событія, разсказанныя въ китайскихъ историческихъ книгахъ, и восходятъ до 3082 года до р. Х., но достовѣрныя извѣстія начинаются не ранѣе, какъ за 782 года до нашего лѣтосчисленія.

Родоначальники китайскаго народа, по всей вѣроятности, прикочевали въ Китай изъ горъ Кунь-луня или Куль-куня, лежащихъ въ западной части сѣвернаго Китая. Время этого событія совершенно неизвѣстно. Китайцы не были, однако, первыми поселенцами этого края. Въ эпоху ихъ прибытія онъ уже былъ населенъ другимъ народомъ, который сначала былъ покоренъ, а потомъ частью истребленъ ими. И до сихъ поръ еще остатки этого народа живутъ въ дикомъ состояніи подъ именемъ Мяо-це въ горахъ южнаго Китая. Предки нынѣшнихъ китайцевъ поселились сначала въ средней части края, и здѣсь-то были положены начатки китайской цивилизаціи. Время появленія этихъ первыхъ начатковъ образованности опредѣлить невозможно, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно относится къ эпохѣ первобытной древности.

Всего замѣчательнѣе въ китайскихъ сказаніяхъ о первоначальной жизни

народа то, что и они говорятъ о наводненіяхъ, уничтожившихъ почти весь человѣческій родъ. Преданія упоминаютъ о двухъ такихъ наводненіяхъ, или потопахъ: первое произошло за 2,600 лѣтъ до р. Х. въ правленіе китайскаго владѣтеля Фо-ги, второе — при владѣтелѣ Іао, царствованіе котораго относятъ къ 2350 году до р. Х. Китайцы превозносятъ обоихъ этихъ государей, какъ первыхъ цивилизаторовъ народа и великихъ законодателей. Изъ остальныхъ правителей этой малоизвѣстной эпохи, упоминаемыхъ въ китайскихъ преданіяхъ, замѣчателенъ только императоръ Ву-ванъ. Онъ былъ первоначально правителемъ области, подвластной китайскому императору, но впослѣдствіи, соединившись съ другими вельможами, возсталъ противъ своего повелителя, свергнулъ его съ престола (1122 до р. Х.) и самъ сдѣлался императоромъ. Потомки его съумѣли удержать престолъ въ своемъ родѣ, и такимъ образомъ Ву-ванъ сталъ основателемъ новой династіи, царствовавшей съ 1122 по 248 до р. Х., и извѣстной подъ именемъ Че-у. Съ половины періода, въ теченіе котораго эта династія царствовала въ Китаѣ, извѣстія, сообщаемыя китайскими историками, становятся достовѣрными.

До вступленія на престолъ Ву-вана, форма правленія въ Китаѣ была та же самая, какъ и у всѣхъ древнѣйшихъ народовъ въ первыя времена ихъ существованія. Эта патріархальная форма правленія была впослѣдствіи снова введена въ Китаѣ и сохранилась тамъ до нашихъ дней.

Сущность ея состоитъ въ томъ, что весь народъ принимается за одно семейство, въ которомъ государь считается отцомъ. Всѣ члены государства обязаны оказывать ему то же безусловное повиновеніе, на которое, по тѣмъ же идеямъ, въ частной жизни имѣетъ право глава каждаго семейства. Во время владычества династіи Че-у, эта правительственная форма была замѣнена другою, вслѣдствіе того, что вельможи, помощи которыхъ Ву-ванъ былъ обязанъ престоломъ, не согласились признать его неограниченнымъ властителемъ. Онъ былъ принужденъ раздѣлить между ними всю страну, распавшуюся, такимъ образомъ, на множество владѣній, правители которыхъ, хотя и признавали верховную власть императора, но не были обязаны безусловно повиноваться ему и, большею частью, произвольно распоряжались въ своихъ владѣніяхъ. Эта феодальная система (какъ обыкновенно называютъ государственное устройство подобнаго рода) ослабила въ Китаѣ верховную власть. Но, съ другой стороны, она имѣла и благодѣтельное вліяніе на страну: существованіе мелкихъ владѣній способствовало повсемѣстному распространенію цивилизаціи, а возникновеніе большаго числа дворовъ мелкихъ владѣтелей, одновременно, во многихъ частяхъ государства, оживило искусства, ремесла и торговую дѣятельность. Вслѣдствіе этого населенность страны стала быстро увеличиваться; вмѣсто прежнихъ мѣстечекъ и селъ, изъ княжескихъ резиденцій образовались города, число которыхъ постоянно возрастало вмѣстѣ съ развитіемъ промышлености.

Такимъ образомъ, въ эту эпоху Китай впервые получилъ тотъ оригинальный видъ, который онъ сохраняетъ и въ настоящее время. Тогда на ряду съ земледѣліемъ стала развиваться промышленость, и сдѣлалась замѣтною чрезвычайная населенность, поражающая европейскихъ путешественниковъ и достигшая въ собственномъ Китаѣ большихъ размѣровъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ земнаго шара.

Въ царствованіе династіи Че-у жилъ величайшій и знаменитѣйшій изъ китайскихъ философовъ Кон-фуце, или, какъ его обыкновенно называютъ въ Европѣ, Конфуцій. Время его жизни не извѣстно съ достовѣрностью, но, по свѣдѣніямъ, заслуживающимъ наибольшаго вѣроятія, можно полагать, что онъ жилъ около 484 года до р. Х. Конфуцій былъ основателемъ литературы Китая, создалъ особенную религіозную систему и долженъ считаться истиннымъ творцомъ нынѣшняго государственнаго устройства китайцевъ. Впрочемъ, во всѣхъ этихъ трехъ отношеніяхъ справедливѣе назвать его не творцомъ, а только реформаторомъ. Великое значеніе Конфуція заключается не во введеніи новыхъ идей, новаго образа жизни или новаго государственнаго быта, но, подобно большей части великихъ людей, дѣятельность которыхъ служила началомъ новой эпохи въ жизни человѣчества, — онъ потому только имѣлъ продолжительное вліяніе на судьбу своего народа, что глубоко изучилъ и понялъ природу китайцевъ.

Преобразовывая религіозную жизнь, умственное образованіе и государственныя отношенія народа, Конфуцій руководствовался не столько своими собственными идеями, сколько духомъ китайской жизни и національнымъ характеромъ. Онъ отыскивалъ господствовавшія нѣкогда у китайцевъ понятія о предметахъ высшихъ, собиралъ поученія, сохранявшіяся отъ мудрецовъ китайской древности, и изучалъ обычаи, пустившіе глубокіе корни въ жизни народа. Возстановляя забытое или замѣняя его новымъ, но близко подходящимъ къ старому, — Конфуцій все это связалъ въ одно цѣлое и далъ новую силу жизненнымъ элементамъ своего народа. Такимъ образомъ, Конфуцій не былъ творцомъ цивилизаціи, религіи и государственныхъ учрежденій китайцевъ, но только собралъ, привелъ въ порядокъ и возстановилъ остатки старины и тѣхъ особенностей жизни, которыя были свойственны коренной природѣ китайца. Ниже будетъ подробно сказано, что сдѣлалъ Конфуцій (которому и теперь еще во многихъ, въ честь его построенныхъ, храмахъ покланяются, какъ величайшему представителю націи) для умственнаго развитія и религіозныхъ вѣрованій народа. Относительно государственнаго управленія, дѣятельность его важна въ особенности потому, что онъ снова пріучилъ китайцевъ къ патріархальнымъ учрежденіямъ и такимъ образомъ вызвалъ возстановленіе прежняго государственнаго устройства, распространившагося, однако, во всей странѣ не ранѣе, какъ черезъ двѣсти лѣтъ послѣ его смерти. Вскорѣ послѣ Конфуція явился новый дѣятель, по имени Мен-це, учившій въ духѣ своего предшественника и считаемый китайцами величайшимъ мудрецомъ послѣ Конфуція.

Лѣтъ черезъ двѣсти послѣ смерти Конфуція, въ 248 до р. Х., могущественнѣйшій изъ китайскихъ князей, Чванъ-сянъ-ванъ, свергнулъ своего верховнаго повелителя съ престола и положилъ конецъ династіи Че-у. Затѣмъ онъ провозгласилъ себя императоромъ и сдѣлался основателемъ новой династіи, Циновъ, — вытѣсненной съ престола въ 206 году. Чванъ-сянъ-ванъ и его преемникъ Чинъ-ванъ (Ши-хоанъ-ти) выгнали изъ Китая всѣхъ мелкихъ владѣтелей, соединили всѣ части государства въ одно цѣлое и возстановили прежнее патріархальное управленіе. Послѣдній изъ этихъ двухъ императоровъ раздвинулъ завоеваніями предѣлы своего государства. Чинъ-вану, одному изъ знаменитѣйшихъ императоровъ въ китайской исторіи, приписываютъ постройку великой стѣны, для защиты сѣверо-востока собственнаго Китая отъ сосѣднихъ разбойничихъ племенъ, называемыхъ татарами. Эта стѣна, теперь приходящая въ разрушеніе, проведена большими изгибами черезъ горы и долины вплоть до моря, на протяженіи 300 нѣмецкихъ миль. Мѣстами она идетъ въ два и три ряда и имѣетъ въ высоту до 26, а въ толщину до 15 или 16 футовъ. Впрочемъ, Чинъ-ванъ построилъ не всю стѣну: отдѣльныя части ея уже были построены до него двумя мелкими князьями, вассалами императорскаго китайскаго престола, для защиты своихъ владѣній. Чинъ-ванъ соединилъ эти части и, продолживъ ихъ, воздвигъ, такимъ образомъ, громадное сооруженіе. Разсказываютъ также, что для того, чтобъ царствовать неограниченно и уничтожить даже воспоминанія о прежнихъ правахъ и обычаяхъ, онъ приказалъ сжечь всѣ книги, кромѣ относящихся до земледѣлія, медицины и другихъ, какъ ему казалось, неопасныхъ предметовъ. По всей вѣроятности, преданіе это вымышлено.

Цины пали также вслѣдствіе возстанія; за ними, въ теченіе четырнадцати вѣковъ, слѣдуетъ длинный рядъ разныхъ династій, изъ которыхъ одна только династія Сонов заслуживаетъ вниманія. Вотъ замѣчательнѣйшія событія этого длиннаго періода. Въ 57 году до р. Х. начались первыя сношенія китайцевъ съ японцами. Народъ этотъ, также принадлежащій къ монгольскому племени, отправилъ въ этомъ году въ Китай пословъ съ подарками императору. По разсказамъ китайцевъ, японцы находились тогда въ полудикомъ состояніи, и, только благодаря сношеніямъ съ Китаемъ, получили настоящую цивилизацію. Около того же времени былъ положенъ конецъ могуществу разбойничьяго и воинственнаго народа, жившаго на сѣверѣ Китая и, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, часто разорявшаго эту страну. Народъ этотъ, принадлежавшій къ тюркскому племени и называвшійся Хіонъ-ну, незадолго передъ тѣмъ производилъ самые опустошительные набѣги на Китай; но, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій до и послѣ р. Х. ки-

тайцы: съ помощью какого-то другаго средне-азіятскаго народа, частью покорили, а частью оттѣснили его къ западу. Думали, что Хіонъ-ну не что иное, какъ прославившіеся впослѣдствіи въ европейской исторіи Гунны, но это предположеніе основано только на сходствѣ именъ и не подтверждается никакими другими доказательствами. Въ 386 году по р. Х. Китай распался на два государства, изъ которыхъ каждое имѣло своего императора. По географическому положенію, ихъ обыкновенно называютъ сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ. Въ 581 году они снова соединились. Какъ прежде и послѣ, такъ и въ то время, тюркскія и монгольскія орды часто разоряли страну своими набѣгами. Книгопечатаніе, изобрѣтенное китайцами никакъ не позже 930 года нашей эры, до сихъ поръ совершенно отлично отъ нашего; у нихъ книги печатаются посредствомъ деревянныхъ досокъ, на которыхъ вырѣзанъ текстъ каждой страницы.

Послѣдней династіей этого длиннаго періода была династія — Соновъ. Государи этого дома, владѣвшаго престоломъ съ 960 по 1280, не стѣсняли свободы мысли и сношеній съ другими народами и отличались любовью къ наукамъ и искусствамъ. По этому самому они порицаются китайцами всѣхъ позднѣйшихъ временъ. Ихъ упрекаютъ въ томъ, что, отступивши отъ старинныхъ обычаевъ страны, они не только были свергнуты чужеземными варварами, но вмѣстѣ съ собою погубили и отечество. И теперь еще судьба этихъ государей приводится, какъ примѣръ гибельныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ нововведеній и сношеній съ иностранцами. А между тѣмъ, если бы ихъ начинанія успѣли укорениться, Китай получилъ бы живую, прогрессивную цивилизацію и снова соединился бы съ массой человѣческаго рода, отъ которой отдѣленъ уже столько вѣковъ. Впрочемъ, Соны господствовали только въ южной и средней части Китая; на сѣверѣ держались нѣкоторыя независимыя владѣтельныя фамиліи. Эта часть страны была вскорѣ покорена монголами, распространившими оттуда свое владычество на югъ, и принудившими императоровъ сонской династіи къ платежу дани. Наконецъ, когда великій завоеватель, Чин-гисъ-ханъ, соединилъ въ одно цѣлое многочисленныя тюркскія и монгольскія племена и основалъ свою громадную монархію, — весь Китай былъ покоренъ оружіемъ его народовъ. Въ 1280 году палъ послѣдній императоръ сонской династіи, и вся нація должна была признать своимъ владыкой внука Чингисъ-хана, Кубилай-хана.

Владычество монголовъ въ Китаѣ продолжалось съ 1280 по 1368. Монгольскіе государи, династія которыхъ называется Іенъ, рѣзко отличались отъ китайцевъ своими нравами и обычаями. Подобно Сонамъ, они не стѣсняли сношеній съ иностранцами. Поэтому, во время ихъ владычества, были посланы съ запада въ Китай, въ качествѣ миссіонеровъ христіанскіе епископы, которые и оставались въ немъ до паденія монголовъ. Тогда же предпринялъ свое путешествіе въ Китай знаменитый венеціянецъ, Марко Поло, путевыя записки котораго до сихъ поръ еще составляютъ одинъ изъ главныхъ источниковъ для изученія этой страны. Религія Іеновъ, — такъ называемый ламаизмъ, — пустила также въ Китаѣ глубокіе корни. Такимъ образомъ, Китай, подъ монгольскимъ владычествомъ, пришелъ въ еще болѣе близкое соприкосновеніе съ чужеземной цивилизаціей и обычаями, нежели во времена Соновъ. Но, не смотря на это, бытъ китайцевъ все-таки нисколько не измѣнился, все чужое, что успѣвало проникнуть въ Китай, скоро гибло или преобразовывалось на китайскій ладъ.

Въ 1368 китайцы возстали и свергли монгольское иго. Предводителемъ ихъ былъ человѣкъ незнатнаго происхожденія, нѣкто Чу, названный по вступленіи на императорскій престолъ Хонъ-ву, и сдѣлавшійся основателемъ новой династіи Миновъ. Въ 1644 и этотъ домъ палъ вслѣдствіе бунта, имѣвшаго послѣдствіемъ вторженіе чужеземцевъ. Когда одному предпріимчивому китайскому простолюдину удалось счастливо начать возстаніе, правительство призвало на помощь манджуровъ, обитающихъ къ сѣверо-востоку отъ Китая и принадлежащихъ къ такъ называемой тунгузской вѣтви монгольскаго племени. Манджуры явились и низложили узурпатора, но возвели на китайскій престолъ своего собственнаго князя. Манджурская династія называется иначе Тай-цинской и до сихъ поръ владѣетъ престоломъ. Изъ государей этого дома знаменитѣе другихъ Канъ-хи (1661 — 1722) и Кянъ-лунъ (1736 — 1799). Государи эти хотя и были чужеземцы, но не произвели никакой перемѣны въ характерѣ китайцевъ; напротивъ

того, собственная ихъ народность совершенно измѣнилась подъ вліяніемъ китайской національности.

Таковы замѣчательнѣйшія событія китайской исторіи, и уже этихъ немногихъ данныхъ достаточно, чтобы понять характеристическую черту быта китайцевъ. Ихъ давняя отчужденность отъ всего остальнаго человѣчества была возможна единственно вслѣдсвтіе чудовищнаго расширенія границъ государства. Пространство имперіи со всѣми подвластными ей землями по крайней мѣрѣ вдвое больше пространства всей Европы. Одинъ собственный Китай больше половины нашей части свѣта. По переписи 1813 года населеніе имперіи доходитъ до 370 милліоновъ. Слѣдствіемъ чрезвычайнаго расширенія границъ является такое разнообразіе почвы, произведеній и климата, что Китай гораздо скорѣе можетъ обходиться безъ чужеземныхъ произведеній и безъ сношеній съ иностранцами, нежели вся Европа съ тѣхъ поръ, какъ ее населяютъ образованные народы.

Главная характеристическая черта китайской жизни заключается въ ея неподвижности или въ постоянно отличавшемъ ее недостаткѣ прогрессивнаго развитія. Государственное устройство, идеи и промышленость китайцевъ не измѣнились въ главныхъ чертахъ своихъ въ теченіе 2,500 лѣтъ. Перемѣны замѣтны только въ мелочахъ. Китайцы отличаются безпримѣрнымъ въ исторіи цѣлаго человѣчества упорствомъ и мертвой неподвижностью, съ которымп они держатся всѣхъ преданій и обычаевъ старины. Это свойство ихъ характера до того сильно, что, даже принимая что-нибудь чужое, они никогда не измѣняли своего историческаго направленія. Напротивъ того, это чужое не только вскорѣ теряло свою самобытность и подчинялось китайскому элементу, но даже примѣнялось ко всѣмъ его прихотливымъ особенностямъ.

Другая главная черта, столь же рѣзко отличающая китайцевъ отъ народовъ запада, заключается въ слабомъ развитіи чувства и фантазіи. Китайцы скорѣе всякой другой націи могутъ считаться народомъ, въ которомъ преобладаетъ разсудокъ. Фантазія и чувство, составляющія особенность нашего быта, въ Китаѣ всегда имѣли мало вліянія на національный характеръ, и оставались чуждыми китайцамъ. Въ ихъ литературѣ нѣтъ высоко поэтическихъ произведеній, которыя могли бы дать имъ право на мѣсто въ ряду другихъ великихъ по умственному развитію народовъ. Ихъ жизни недостаетъ высшаго поэтическаго наслажденія. Поэзія, составляющая у насъ во всѣхъ своихъ разнообразныхъ видахъ одно изъ лучшихъ украшеній жизни, у китайцевъ играетъ совершенно второстепенную роль, и служитъ только предметомъ разговоровъ, развлеченія, а не источникомъ болѣе глубокаго и продолжительнаго наслажденія. Подобнымъ же образомъ, въ искусствахъ пластическихъ, они въ такой же мѣрѣ отдаютъ преимущество полезному, практическому, разсчитанному, — и вообще разсудку, прилежанію и технической сторонѣ, — въ какой мы подчиняемъ все это въ нашихъ художественныхъ произведеніяхъ идеѣ прекраснаго. Ихъ религія основана не на чувствѣ, а на разсудкѣ; поэтому для массы она является дѣломъ предразсудка и обычая, а для образованныхъ людей — простою философіей и моралью. Подобнымъ же образомъ, китайцы не могутъ возвыситься до пониманія требованій чести. Вслѣдствіе этого, мы не находимъ въ ихъ исторіи ни общей любви къ родинѣ, ни національнаго воодушевленія и мужества, благодаря которымъ столько другихъ народовъ, въ теченіе цѣлыхъ періодовъ, старались превзойти другъ друга и снискать уваженіе современниковъ и потомства. Наконецъ, третья характеристическая черта китайцевъ заключается въ преобладаніи чувственныхъ потребностей, или въ томъ, что какъ массы, такъ и отдѣльныя личности, заботятся преимущественно объ удобствахъ матеріальной жизни. Вслѣдствіе этого господствующаго направленія, мы находимъ въ Китаѣ такое раннее и полное развитіе всего, что служитъ къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей жизни. Земледѣліе, фабрики, каналы, рано достигли у нихъ замѣчательной степени совершенства, между тѣмъ какъ все, что порождается чувствомъ и фантазіей, всегда находилось въ грубомъ и неразвитомъ состояніи.

Основной характеръ существующаго въ Китаѣ правительства всегда былъ патріархальнымъ, хотя эта форма правленія—остатокъ временъ первобытныхъ — въ существѣ своемъ давно лишилась смысла и обратилась въ пустую форму. Народъ составляетъ какъ бы одно семейство, въ главѣ котораго стоитъ единодержав-

ный неограниченный императоръ. Императору оказываются величайшія почести, распространяющіяся даже на самое имя его, на его дворецъ и одежду. Это благоговѣніе передъ лицомъ императора тѣмъ глубже коренится въ народѣ, что государь считается сыномъ неба и носитъ этотъ титулъ. Безусловное повиновеніе, сходное съ дѣтскимъ послушаніемъ, — вотъ высшій и священнѣйшій законъ государства. Всѣ граждане считаются равными другъ другу по рожденію. Члены императорскаго дома составляютъ единственное дворянство имперіи, и, за исключеніемъ ихъ, одни только потомки Конфуція пользуются наслѣдственными привилегіями. Но, не смотря на эти основныя начала государственнаго устройства, не смотря на чрезвычайное преклоненіе передъ личностью императора и кажущуюся неограниченность его власти, — Китай все-таки не чистая монархія. Императоръ самъ находится въ зависимости отъ того неизмѣняющагося духа, которымъ съ незапамятныхъ временъ проникнутъ Китай, отъ древнихъ учрежденій, нравовъ и обычаевъ націи. Управленіе имперіи находится въ рукахъ ученаго сословія, изъ среды котораго выбираются всѣ чиновники. Ученѣйшіе изъ нихъ составляютъ высшій государственный совѣтъ, который подъ предсѣдательствомъ императора издаетъ законы и, какъ высшая инстанція, рѣшаетъ всѣ дѣла. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Китаѣ монархическая форма прикрываетъ владычество аристократіи, хотя и не наслѣдственной. Это аристократія школьной учености. Ученые, — т. е. не тотъ класъ общества, который мы называемъ образованнымъ сословіемъ, а просто всѣ, выдержавшіе экзаменъ по извѣстной программѣ, — составляютъ почетнѣйшую часть націи. **Мандарины**, или чиновники выбираются только изъ ихъ среды и занимаютъ высшее мѣсто въ общественной іерархіи. Все прочее населеніе стоитъ далеко ниже этихъ избранниковъ, и, напримѣръ, промышленый классъ, которому европейскія государства обязаны всѣмъ своимъ могуществомъ и величіемъ, въ Китаѣ не только не пользуется уваженіемъ, но даже смѣшивается съ простымъ народомъ, или чернью. Сами мандарины дѣлятся на девять классовъ, смотря по своимъ знаніямъ, отъ которыхъ и зависитъ назначеніе на высшія или низшія должности. Различіе классовъ (чиновъ) обозначается одеждой и преимущественно видомъ и цвѣтомъ шарика, носимаго на шапкѣ. — Мандарины подчинены другъ другу по старшинству своихъ чиновъ; каждый изъ нихъ рабъ своего начальника и полновластный повелитель своихъ подчиненныхъ.

Области, города и села въ Китаѣ точно также распредѣлены по разрядамъ, какъ и чиновники. Управленіе страной, до мельчайшихъ подробностей, подчинено опредѣленнымъ правиламъ и предписаніямъ. Всѣ сношенія производятся письменно, и, вслѣдствіе того, крайне неудобны по своему формализму. Весьма многія стороны частной дѣятельности опредѣляются правительственными распоряженіями: можно даже положительно сказать, что почти все, что происходитъ въ Китаѣ, дѣлается по предписанію закона. Никто не имѣетъ права открыто жить по своему вкусу, а долженъ и въ этомъ отношеніи сообразжаться съ опредѣленными правилами. Даже одежда и домашнее хозяйство не избѣжали правительственнаго вмѣшательства. Внѣшній видъ и размѣры домовъ также опредѣляются закономъ, соотвѣтственно званію владѣльца. Частный человѣкъ, какъ бы богатъ онъ ни былъ, не имѣетъ права строиться иначе, какъ по образцамъ, установленнымъ для простыхъ гражданъ. Такимъ образомъ, Китай, въ сущности не что иное, какъ обширное полицейское учрежденіе. Имперія поддерживается и управляется нравственными изрѣченіями, заучиваемыми въ дѣтствѣ, приманкою чиновничьихъ отличій и, наконецъ, палочными ударами. Послѣдніе употребляются, какъ весьма обыкновенная исправительная мѣра, распространяемая на всѣ сословія государства.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ Китаѣ все дѣлается по заведенному однажды порядку, основанному на завѣщанныхъ предками законахъ и учрежденіяхъ и поддерживаемому полицейскимъ насиліемъ. Жизни нѣтъ въ такомъ государствѣ, и понятіе о политическомъ развитіи совершенно чуждо китайцу. Все общественное зданіе можно сравнить съ машиной, гдѣ различныя сословія, многочисленные разряды чиновниковъ и территоріяльныя дѣленія замѣняютъ колеса, а государь съ своимъ государственнымъ совѣтомъ служитъ двигателемъ, и гдѣ, для избѣжанія порчи механизма, необходимо устранять все, что не подходитъ къ дѣдовскимъ правиламъ и учрежденіямъ. Для болѣе нагляднаго представленія,

можно привести слова китайца, который говоритъ, что китайская имперія экипажъ, постоянно ѣдущій по одной и той же дорогѣ; экипажъ — гдѣ государь замѣняетъ кучера, высшіе чиновники — его руки, остальные — возжи, и гдѣ уздою служитъ законъ, а кнутомъ — наказанія.

Промышленость и ремесла, также какъ и государственное устройство, зависятъ отъ старыхъ обычаевъ и отличаются своею глубокою древностью и застоемъ. Нѣкоторыя отрасли ихъ достигли высокаго совершенства, но онѣ находились въ такомъ же состояніи уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, другія же и теперь такъ же несовершенны, какъ были въ первобытныя времена. Земледѣліе, напримѣръ, все еще слѣдуетъ правиламъ, заключающимся въ древнѣйшихъ книгахъ китайцевъ. Малоспособное къ полевымъ работамъ животное, родъ буйвола, никогда не было замѣняемо другимъ. Въ плугъ до сихъ поръ еще впрягаются люди. Такъ же неизмѣнно сохранилась система рѣчнаго судоходства и канализація. Въ Китаѣ и въ настоящее время не чеканятъ другой монеты, кромѣ мелкихъ, просверленныхъ кусковъ, изъ смѣси мѣди съ цинкомъ, цѣною около полушки. Для болѣе крупныхъ платежей употребляютъ связки такихъ монетъ, нанизанныхъ сотнями на шнурокъ, также куски серебра, которое каждый разъ приходится взвѣшивать, или, наконецъ, привезенные изъ Европы испанскіе піастры. Напротивъ того, хорошій фарфоръ выдѣлывается уже давно. Еще въ періодѣ, предшествовавшемъ ихъ достовѣрной исторіи, китайцы приготовляли отличные письменные матеріалы, совершенно неизвѣстные большей части народовъ древности. Бумага, которую китайцы теперь употребляютъ, была изобрѣтена еще за 150 лѣтъ до р. Х. Приготовленіе шерстяныхъ и бумажныхъ матерій и фабрикацію многихъ инструментовъ и утвари также должно отнести къ первобытной эпохѣ. То же слѣдуетъ сказать о шелкѣ, выдѣлка котораго была изобрѣтена китайцами слишкомъ за двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, и въ теченіе многихъ вѣковъ оставалась извѣстна имъ однимъ. Въ древности за предѣлами Китая шелкъ считался рѣдкимъ и дорогимъ произведеніемъ, которое греки и римляне получали чрезъ Бухарію. Не прежде шестаго вѣка нашей эры начали выдѣлывать шелкъ въ восточной Европѣ, и только въ двѣнадцатомъ стали разводить шелковичныхъ червей въ Италіи.

Сообразно съ характеромъ китайцевъ, ихъ духовная жизнь также рѣзко отличается отъ нашей. У нихъ все ученіе и знаніе есть главнымъ образомъ дѣло памяти, направленное ко внѣшнимъ интересамъ. Воспитаніе стремится только къ тому, чтобы юношество заучивало наизусть мораль и знанія, завѣщанныя предками, и чтобы будущее поколѣніе жило точно такъ же, какъ предъидущее. Китайцы не заботятся о томъ, чтобъ пріучить молодой умъ къ самостоятельному мышленію и сдѣлать его способнымъ понять и оцѣнить то, что дѣйствительно важно для человѣчества. Такимъ образомъ, въ китайскомъ воспитаніи молодому поколѣнію стараются вбить въ голову запасъ мертвыхъ знаній и развить въ немъ практическую сноровку. Самое свойство китайскихъ письменъ значительно препятствуетъ развитію истиннаго и самостоятельнаго образованія. Они состоятъ не изъ буквъ, соотвѣтствующихъ извѣстнымъ звукамъ, а изъ знаковъ, выражающихъ опредѣленное понятіе. Такимъ образомъ, каждому слову соотвѣтствуетъ особенный знакъ. Эти знаки, конечно, можно разложить на меньшее число такъ называемыхъ основныхъ знаковъ или ключей, изъ соединенія которыхъ и образуются всѣ слова. Хотя вслѣдствіе этого изученіе китайскихъ письменъ не такъ трудно, какъ у насъ обыкновенно воображаютъ, но, все же на это нужно гораздо больше времени, чѣмъ сколько употребляется на обученіе грамотѣ у народовъ, имѣющихъ звуковую (фонетическую) азбуку.

Такимъ образомъ у китайцевъ называется образованіемъ заучиваніе наизусть и умѣнье примѣнять заученное къ интересамъ практической жизни. Умственная независимость, поэзія и искусства не имѣютъ и не даютъ у нихъ никому значенія. Къ этому присоединяется еще и другая замѣчательная черта китайской цивилизаціи — совершенная зависимость отъ правительства образованности и науки, подчиненныхъ его распоряженіямъ точно такъ же, какъ у насъ мѣры и вѣсы. Умственный капиталъ націи не составляетъ тамъ общественнаго имущества, которымъ каждый имѣетъ право свободно пользоваться и наслаждаться. Правительство опредѣляетъ предметъ и способъ преподаванія, заказываетъ книги,

подвергаетъ лицъ, посвятившихъ себя ученому поприщу, частымъ испытаніямъ, и доставляетъ имъ, какъ ученымъ, то мѣсто въ обществѣ и то значеніе, которое въ европейскихъ государствахъ зависитъ единственно отъ мнѣнія образованныхъ людей. Военные, такъ же какъ и гражданскіе чиновники, подвергаются экзамену; строго опредѣленными статьями закона весь ученый міръ раздѣленъ на степени и разряды, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ быть обойденъ. Стать во главѣ образованнаго сословія и имѣть вліяніе на развитіе націи позволяется только тому, кто прошелъ всѣ эти ступени и принаровилъ свой умъ къ предписаніямъ закона.

Впрочемъ, и умственное развитіе китайцевъ принадлежитъ глубочайшей древности. Конфуцій первый положилъ прочное основаніе этому направленію. Поэтому его творенія остаются постоянно главнымъ предметомъ преподаванія и изученія, и на экзаменахъ обращается вниманіе на то, чтобы экзаменующіеся умѣли подражать не только его взглядамъ и образу мыслей, но даже и самой манерѣ писать.

Важнѣйшія произведенія китайской литературы — кины, то есть пять самыхъ древнихъ сочиненій, считающихся образцовыми и даже отчасти священными книгами. Онѣ частью написаны самимъ Конфуціемъ, частью же составлены имъ по дошедшимъ до него письменнымъ памятникамъ древности и называются: И-кинъ, Шу-кинъ, Ши-кинъ, Ли-кинъ и Чунъ-це. Книги эти заключаютъ въ себѣ нравственныя поученія, изложеніе гражданскихъ обязанностей, стихотворенія и, наконецъ, разсказы изъ древнѣйшей исторіи Китая. Знаменитѣйшее и важнѣйшее изъ этихъ произведеній Шу-кинъ — исторія Китая, восходящая до 620 года до р. Х. Написанная Конфуціемъ, какъ наставленіе въ правительственной мудрости и указатель истинныхъ основаній гражданственности, — она по этому самому изобилуетъ мудрыми правилами и изреченіями великихъ людей. Кромѣ киновъ, китайцы сохранили еще многія другія сочиненія, принадлежащія отдаленной древности. Нѣкоторыя изъ нихъ, по мнѣнію китайцевъ, могутъ быть поставлены непосредственно за кинами, и называются малыми кинами. Какъ одно изъ важнѣйшихъ произведеній китайской литературы, слѣдуетъ также назвать государственныя лѣтописи, начатыя лѣтъ за сто до р. Х. и продолжаемыя до сихъ поръ. Онѣ составляютъ шестьдесятъ весьма объемистыхъ томовъ и содержатъ не только государственую исторію, но исторію торговли, изобрѣтеній, литературы и, наконецъ, статистическія и географическія данныя о Китаѣ.

Подобно образованію, религія тоже подчинена государственнымъ цѣлямъ. По формѣ и по имени каждый долженъ держаться религіи императора, точно такъ же, какъ въ Англіи до послѣдняго времени каждый, желавшій занять общественную должность или мѣсто въ парламентѣ, долженъ былъ клятвенно признать такъ называемый «test act», то есть изложеніе 39 догматовъ англиканской церкви. О религіозныхъ убѣжденіяхъ никто не справляется. Поэтому въ Китаѣ можетъ держаться всякая религія, склоняющаяся передъ государствомъ и подходящая къ китайскому быту. Но по той же причинѣ тамъ не могло укорениться христіанство — религія, по самому существу своему, требующая самостоятельности. Въ Китаѣ дозволяется исповѣдовать всякую религію, не нападающую на авторитетъ правительства и на духъ государственныхъ учрежденій. Настоящая религіозная потребность не можетъ быть сильна въ народѣ, у котораго преобладаетъ разсудокъ, а чувство развито такъ мало. И дѣйствительно, у китайцевъ религія состоитъ только въ исполненіи нравственныхъ обязанностей, причемъ она съ одной стороны обставляется философскими поученіями, а съ другой — чисто внѣшнимъ, обрядовымъ культомъ. Поэтому-то между тремя, господствующими въ Китаѣ, религіями очень мало вражды, и многіе посѣщаютъ храмы всѣхъ трехъ религій. Къ этимъ, господствующимъ въ Китаѣ, религіямъ принадлежатъ ученія Конфуція, Лао-це и Фо. Первой изъ нихъ держится большая часть образованныхъ и ученыхъ, и такъ какъ они управляютъ государствомъ, то ее можно назвать государственной религіей, тѣмъ болѣе, что она основана на тѣхъ же принципахъ, на которыхъ построена и правительственная система. Хотя она и признаетъ невидимаго, на небѣ живущаго, Бога, называемаго Шанъ-ти, но не приписываетъ никакого внѣшняго поклоненія ему и вообще не выводитъ

обязанностей человѣка изъ его отношеній къ божеству. Поэтому приверженецъ ученія Конфуція можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ держаться и другой религіи. Также мало говоритъ Конфуцій и о свойствахъ божества, о состояніи человѣка послѣ смерти и обо всемъ, что не подлежитъ нашимъ чувствамъ. Онъ былъ занятъ только здѣшнимъ міромъ, и ученіе его указываетъ пути къ истинному счастію, заключающемуся, по мнѣнію Конфуція, въ познаніи самого себя, въ преобладаніи въ насъ благороднѣйшихъ свойствъ нашего существа, въ исполненіи обязанностей и въ желаніи добра ближнимъ. Въ этомъ ученіи, какъ повсюду у китайцевъ, послушаніе родителямъ считается одной изъ высшихъ добродѣтелей. Отсюда явилось у его приверженцевъ поклоненіе предкамъ и великимъ людямъ старины, и поэтому же въ честь Конфуція построено много храмовъ. Самому божеству можетъ приносить жертвы одинъ только императоръ, считающійся сыномъ неба и представителемъ бога на землѣ.

Другая, господствующая въ Китаѣ, религія получила начало немного ранѣе ученія Конфуція. Основателемъ ея былъ современникъ Конфуція — Лао-це или Лао-кіюнь. Послѣдователи этой религіи называются Тао-це. Она основана на древнемъ, принадлежащемъ востоку Азіи, міросозерцаніи, по которому коренной причиной всего существующаго признается высшее, вѣчное, духовное существо, а души—изліяніемъ (эманацией) этого существа. Сообразно съ этимъ понятіемъ Лао-це проповѣдовалъ переселеніе душъ, т. е., встрѣчающееся также и у другихъ народовъ, вѣрованіе, что душа человѣка, незапятнанная грѣхами, возвращается послѣ смерти къ божественному началу, тогда какъ грѣхи осуждаютъ ее на посмертное пребываніе въ другихъ тѣлахъ физическаго міра. Во имя этой идеи онъ проповѣдовалъ также презрѣніе къ внѣшности и подавленіе своихъ вожделѣній и страстей, провозглашая душевное спокойствіе, пріобрѣтаемое этимъ путемъ, величайшимъ благомъ. Его послѣдователи постепенно примѣшали къ этому ученію самое отчаянное суевѣріе, и религія Тао-це стала теперь смѣсью волхвованій, предвѣщаній и самыхъ странныхъ идей и стремленій, какъ, напримѣръ, желаніе отыскать напитокъ безсмертія или философскій камень.

Всего болѣе распространена въ Китаѣ религія Фо. Это н что иное, какъ возникшее въ Индіи и искаженное въ Китаѣ ученіе Будды, котораго китайцы называютъ Фо, и который, быть можетъ, былъ современникомъ, Лао-це. Ученіе Фо проникло въ Китай въ 58 году нашей эры, но распространилось повсемѣстно не ранѣе 265 года.

Религія эта — жрецы которой называются бонзами — искаженіе господствующаго въ Монголіи, Тибетѣ и Индо-Китаѣ буддизма, также извращеннаго суевѣріемъ и часто называемаго въ Европѣ ламаизмомъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ религія Фо есть организованная система обмана, съ помощью котораго толпы, находящихся будто бы въ ближайшихъ сношеніяхъ съ богами, жрецовъ живутъ въ праздномъ покоѣ на счетъ народа, проповѣдуя, вмѣсто истинной нравственности, одни суевѣрные обряды и повиновеніе духовенству.

ИНДІЙЦЫ.

Индійцы составляютъ самое восточное звено длинной цѣпи близко родственныхъ между собою народовъ, которые мы соединяемъ подъ именемъ индо-германской или индо-европейской группы. Эта многочисленная семья народовъ, заключающая въ себѣ образованнѣйшую часть кавказскаго племени, занимаетъ на поверхности земной болѣе мѣста, чѣмъ какая бы то ни было другая вѣтвь человѣческихъ племенъ. Она распространена отъ устьевъ Ганга, черезъ среднюю и сѣверо-западную Азію и всю Европу, до Америки, гдѣ къ ней принадлежатъ всѣ христіане европейскаго происхожденія. Въ Европѣ къ индо-германской вѣтви принадлежитъ все населеніе, за исключеніемъ лапландцевъ, немногихъ малочисленныхъ народовъ въ Россіи, мадьяровъ въ Венгріи, турокъ, евреевъ, басковъ и, можетъ быть, албанцевъ.

Индо-германская группа распадается на шесть вѣтвей; а каждая вѣтвь, въ свою очередь, состоитъ изъ нѣсколькихъ народовъ, ближе подходящихъ другъ къ другу, чѣмъ къ остальнымъ частямъ группы. Индійцы принадлежатъ къ такъ называемой индійской вѣтви народовъ. Кромѣ индійцевъ, къ ней относятъ еще только два народа: кафировъ, живущихъ въ горахъ Гинду-ку, и цыганъ, разсѣянныхъ почти повсюду. Впрочемъ, родство цыганъ съ индійцами положительно доказано только недавно, благодаря изученію ихъ языка. Въ Индіи съ незапамятныхъ временъ живутъ еще и другія племена, какъ: Туды, Куліи, Билли (Tuda, Kulie, Bill), оставшіяся въ первобытной дикости и глубоко презираемыя индійцами; но всѣ они не имѣютъ ничего общаго съ народами индо-германской группы. Можно даже сказать, что до сихъ поръ еще неизвѣстно, къ какому племени они принадлежатъ.

Индійцы въ свою очередь распадаются на болѣе мелкія племена, каковы, напримѣръ, маграты, раджпуты, сейки и кашмирцы. Ихъ общее имя индійцы было дано имъ древними персами, заимствовавшими его отъ названія Инда, одной изъ двухъ главныхъ рѣкъ страны. Индійцы (Indi) есть искаженное древними греками имя индусы (Hindu). При открытіи Америки этотъ новый материкъ былъ сочтенъ частью Индіи, и потому то же имя было дано и туземнымъ жителямъ Америки, не принадлежащихъ однако ни къ индійской вѣтви, ни даже къ кавказскому племени вообще. Въ послѣднее время, для отличія туземныхъ жителей Америки отъ настоящихъ индійцевъ, послѣднихъ стали обыкновенно называть индусами и индійцами, а первыхъ индѣйцами.

Индійцы принадлежатъ къ древнѣйшимъ народамъ и уже за много столѣтій до нашей эры составляли особую націю; но свѣдѣнія наши объ ихъ древ-

нѣйшей исторіи такъ ничтожны, что мы не можемъ ничего опредѣлить съ достовѣрностью до эпохи ближайшей къ рождеству Христову. Сочиненія индійцевъ о древнѣйшемъ періодѣ ихъ исторіи наполнены исключительно недостовѣрными и иногда крайне несвязными извѣстіями. Другіе же народы, у которыхъ, какъ, напримѣръ, у грековъ, мы находимъ кое-какія свѣдѣнія объ Индіи, лишь весьма поздно вступили съ нею въ соприкосновеніе. Поэтому для насъ исторія Индіи начинается приблизительно за 300 лѣтъ до р. Х., когда македонскій царь Александръ Великій покорилъ часть этого народа. Греки разсказываютъ намъ еще и о другихъ походахъ, предпринятыхъ въ Индію полубогами, Геркулесомъ и Вакхомъ, ассирійской царицей Семирамидой, египетскимъ царемъ Сезострисомъ и царемъ персидскимъ Киромъ; но нѣтъ сомнѣнія однакожъ, что всѣ эти преданія— миѳы, изъ которыхъ можно только заключить, что владычество ассиріянъ и персовъ простиралось до Инда, и что Индія уже тогда была богатой и населенной страной. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти извѣстія положительнѣйшимъ образомъ доказываютъ, что начало индійской цивилизаціи относится къ эпохѣ, далеко предшествовавшей началу положительной исторіи Индіи.

Кажется, что индійцы, такъ же какъ и китайцы, не были первыми поселенцами страны. Можно думать, что еще до появленія индійцевъ она была заселена тѣми необразованными народами другаго происхожденія, языка и нравовъ, которые и теперь живутъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи, уступивъ большую часть края сильнѣйшимъ пришельцамъ. Миѳы индійцевъ говорятъ, что они явились въ страну съ сѣверо-запада, и можно со всею вѣроятностью предполагать, что они поселились первоначально въ верхней части бассейна Ганга. Здѣсь и слѣдуетъ искать причину, почему индійцы считаютъ эту страну священной, а находящуюся въ ближайшей части Гималайскаго хребта гору М е р у — центромъ земли и жилищемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ боговъ.

Однимъ изъ древнѣйшихъ индійскихъ учрежденій является раздѣленіе народа на извѣстное число наслѣдственныхъ сословій, называемыхъ к а с т а м и, которыя отличаются другъ отъ друга занятіями, обязанностями и правами и считаются неизмѣнными и установленными волею божества.

Распаденіе индійцевъ на такія касты произошло, вѣроятно, слѣдующимъ образомъ. Часть народа, превосходившая массу умомъ и силою, подчинила ее и заставила служить себѣ. Чтобы сдѣлать свое владычество наслѣдственнымъ и обезпечить его отъ возмущеній, эта часть націи стала увѣрять остальную, что такой порядокъ выражаетъ собою волю божества. Религію старалась она обогатить миѳами, умножила богослужебные обряды и облекла завѣщанное стариной ученіе о богѣ въ форму сказокъ и образныхъ представленій. Она окружила себя ореоломъ глубокаго знанія, святости и исключительнаго права на священство и въ религіозномъ ученіи, которое проповѣдовала народу, провозглашала власть свою божескимъ установленіемъ. Такъ сложилась важнѣйшая изъ индійскихъ кастъ — каста духовенства, члены которой называются б р а м а н а м и, или б р а м и н а м и. Чтобы поддерживать свое значеніе также и внѣшней силой, эта каста впослѣдствіи представила богатымъ и воинственнымъ родамъ нѣкоторыя особенныя преимущества и образовала изъ нихъ двѣ другія касты. Такимъ образомъ, еще въ глубокой древности индійцы распались на четыре касты. Жрецы, воины и земледѣльцы съ торговцами образовали три высшія и, такъ сказать, благородныя касты; между тѣмъ какъ изъ массы остальнаго населенія составилась четвертая каста, обязанная повиноваться тремъ первымъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что кастовой бытъ индійцевъ съ самаго начала былъ тѣсно связанъ съ ихъ религіей. Первоначально она была чрезвычайно простымъ культомъ, состоявшимъ въ поклоненіи невидимой, господствующей въ природѣ, божественной силѣ. Но по мѣрѣ того какъ развивалось кастовое устройство и усиливалось вліяніе жрецовъ, религія эта все болѣе и болѣе искажалась, такъ что перешла, наконецъ, въ то нелѣпое идолопоклонство, которое и до сихъ поръ еще держится въ Индіи, и въ которомъ только образованнѣйшая часть націи можетъ узнать чистыя идеи, когда-то служившія основаніемъ ему. Эту религію называютъ религіей браминовъ, для отличія отъ сектъ, возникшихъ изъ нея. Одна изъ этихъ сектъ образовалась еще въ отдаленныя времена индійской исторіи. Лѣтъ за 500 или 600 до рождества Христова явился

въ Индіи реформаторъ, по имени Гаутама, или, какъ его обыкновенно называютъ, Будда, и основалъ религію, извѣстную подъ именемъ буддизма. Гаутама возставалъ не только противъ идолопоклонства, въ которое впала браминская религія, но проповѣдовалъ равенство людей и старался навсегда уничтожить кастовый бытъ. Онъ нашелъ многихъ приверженцевъ, и нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ его смерти ученіе его было принято даже нѣкоторыми индійскими государями. Въ теченіе долгаго времени оно держалось во многихъ мѣстностяхъ Индіи рядомъ съ браманизмомъ, но затѣмъ вступило съ нимъ въ отчаянную борьбу, въ которой, наконецъ, было побѣждено. Въ неизвѣстную для насъ эпоху послѣ рождества Христова, кровавое преслѣдованіе совершенно уничтожило буддизмъ въ Индіи, но онъ распространился въ сосѣднихъ странахъ и до сихъ поръ еще существуетъ на островѣ Цейлонѣ, въ Индо-Китаѣ, Тибетѣ, Китаѣ и у монголовъ. Однако и это ученіе уже давно перешло въ самое нелѣпое идолопоклонство, и хотя кастовое устройство не было возстановлено, но поклонники буддизма снова были подчинены власти празднаго духовенства.

Замѣчательнѣйшими событіями достовѣрной исторіи Индіи, насколько она принадлежитъ древнему міру, были слѣдующія. Въ 327 году до р. Х. Александръ Великій предпринялъ свой походъ въ Индію; тогда западная часть ея была раздѣлена тогда на нѣсколько государствъ, между повелителями которыхъ замѣчательнѣе другихъ были Поръ и Таксилъ. Онъ проникъ въ Индію черезъ области нынѣшнихъ городовъ Кабула и Пешауэра, но, вслѣдствіе отказа арміи идти дальше, былъ принужденъ остановиться у восточныхъ границъ нынѣшняго Пенджаба. Македонскій царь покорилъ себѣ западную Индію, и, покидая ее въ 325 году, раздѣлилъ между нѣсколькими владѣтелями, которые должны были управлять его именемъ. По смерти Александра одинъ индіецъ, котораго греки называютъ Сандрокоттомъ, подчинилъ себѣ всю западную Индію и успѣлъ даже присоединить къ своему государству восточныя области, т. е. всю обширную страну, омываемую Гангомъ. Вскорѣ послѣ этого на него напалъ Селевкъ I, владѣвшій Сиріей и всѣми странами, лежащими между нею и Индіею. Селевкъ побѣдоносно проникъ до среднихъ частей Ганга и принудилъ Сандрокотта признать его своимъ верховнымъ повелителемъ. Потомство Сандрокотта царствовало въ Индіи до II вѣка нашей эры, и внукъ его былъ первымъ царемъ, перешедшимъ къ буддизму и сдѣлавшимъ это ученіе государственной религіей. Владѣтели Индіи были сначала вассалами сирійскаго царства, и хотя на время сдѣлались независимыми, но были снова покорены сирійскимъ царемъ Антіохомъ III. Вскорѣ западная Индія подчинилась Бактріи, — греческому государству, образовавшемуся къ сѣверо-востоку отъ нея. Вслѣдствіе этихъ отношеній къ Сиріи и Бактріи, индійцы долго находились въ частыхъ сношеніяхъ съ народами, усвоившими себѣ языкъ, нравы и цивилизацію Греціи. Это не могло не отразиться на нихъ и особенно на ихъ литературѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что большая часть того, въ чемъ эти народы сходятся, перешло не отъ индійцевъ къ грекамъ, а наоборотъ.

Около этого времени жили два знаменитые индійскіе царя, Викрамадитія и Саливагана, являющіеся героями многихъ преданій и поэмъ. Царствованіе перваго изъ нихъ считается золотымъ вѣкомъ индійской науки и искусствъ. Кромѣ того, съ именами этихъ государей связаны два особенныя лѣтосчисленія: эра Саливагана, начинающаяся съ 78 года по р. Х., и эра Викрамадитія, начинающаяся 56 годомъ до р. Х. Послѣдняя до сихъ поръ еще повсемѣстно употребляется въ Индіи.

Послѣ паденія Бактріи отдѣльныя части Индіи находились въ постоянной зависимости отъ персидскихъ царей. Наконецъ, чрезъ тысячу лѣтъ послѣ р. Х., вся Индія была завоевана мухаммеданскими народами, и съ этихъ поръ индійцы никогда уже не могли возстановить своей независимости.

Рядомъ съ этими важнѣйшими событіями древнѣйшей исторіи Индіи мы видимъ еще совершенно особенный интересъ въ неизмѣнившемся съ незапамятныхъ временъ оригинальномъ бытѣ народа. Индійцы рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ народовъ, не исключая и китайцевъ, начало общественности которыхъ относится къ той же первобытной древности. Китайцы—народъ односторонній, народъ, у котораго преобладаетъ разсудокъ; индійцы — народъ фантазіи и чув-

ства. Способность пониманія, практичности и наблюденія, свойственная первымъ, почти никогда не проявляется у послѣднихъ, но, съ другой стороны, индійцы обладаютъ высокимъ поэтическимъ чувствомъ, котораго китайцы совершенно лишены. Кромѣ того, они отличаются наклонностью къ загадочному, мистическому, и религіозными вѣрованіями, которыя, — въ противоположность религіи Китая, состоящей изъ морали и внѣшнихъ церемоній,—изобилуютъ образами, миѳами и разнообразнѣйшими представленіями о божествѣ и его отношеніяхъ къ человѣку. Но индійцы имѣютъ ту общую черту съ китайцами, что они также давно страдаютъ недостаткомъ прогрессивнаго развитія, что и у нихъ жизнь и бытъ неподвижны, неизмѣнны, и за двѣ тысячи лѣтъ, а можетъ быть, и ранѣе, находились въ томъ же состояніи, въ какомъ мы видимъ ихъ теперь.

Духовная жизнь этого народа выражается въ постоянномъ смѣшеніи религіозныхъ ощущеній, философскихъ идей и поэтическаго созерцанія. Ни одинъ изъ этихъ трехъ видовъ дѣятельности человѣческаго духа никогда не господствуетъ у нихъ исключительно, а всегда находится подъ вліяніемъ остальныхъ. Вслѣдствіе этихъ особенностей своей внутренней природы, индійцы, при всемъ своемъ религіозномъ одушевленіи и мечтательности, разнообразіи философскихъ представленій и богатствѣ поэтическихъ образовъ, не имѣютъ ни настоящей религіи, ни здраваго взгляда на вещи, ни истинной поэзіи.

Религія индійцевъ съ теченіемъ времени видоизмѣнялась въ ученіи четырехъ главныхъ сектъ, извѣстныхъ подъ именемъ: браманизма, буддизма, секты джаиновъ и секты сейковъ. Послѣдняя изъ нихъ, возникшая нѣсколько столѣтій тому назадъ, и предпослѣдняя, явившаяся, повидимому, въ періодъ искорененія въ Индіи буддизма, принадлежатъ не къ древней, а къ новѣйшей исторіи Индіи. Буддизмъ произошелъ изъ браманизма, то есть изъ искаженія первобытной религіи Индіи, состоявшей въ поклоненіи силамъ природы. Религія браминовъ учитъ, что вселенная была создана божествомъ, установившимъ извѣстные законы, по которымъ все въ мірѣ совершается само собою. Но, отъ времени до времени, міровой порядокъ разстроивается и затрудняется, и тогда, по ученію браминовъ, снова является божество, въ видѣ человѣка или животнаго, и возстановляетъ гармонію. Ученіе это признаетъ существованіе трехъ главныхъ божествъ, соединяющихся въ одно подъ именемъ Тримурти. Божества эти: Брама (творецъ) Вишну (сохранитель) и Сива (разрушитель). Изъ нихъ воплощается и является на землю для возстановленія порядка только Вишну, носившій при одномъ изъ своихъ воплощеній имя Кришны, почему его иногда и боготворятъ подъ этимъ именемъ. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ божествъ, религія браминовъ признаетъ еще множество высшихъ и низшихъ боговъ и богинь и при нихъ цѣлые милліоны служебныхъ духовъ. Многія растенія и животныя, преимущественно корова, считаются также священными и составляютъ предметъ поклоненія.

Объ образованіи земли и объ ея первыхъ переворотахъ, такъ же какъ и о жизни и отношеніяхъ боговъ, у браминовъ есть множество разныхъ преданій, иногда весьма нелѣпыхъ. Ихъ ученіе говоритъ, что сначала Брама сотворилъ только духовный міръ и духовныя существа и уже потомъ, когда многія изъ нихъ отвратились отъ божества, создалъ міръ видимый, который долженъ былъ служить мѣстомъ ссылки для падшихъ духовъ и дать имъ возможность собственными силами снова возвратить свое достоинство. Смотря по степени, въ какой это удается существамъ вещественнаго міра, они послѣ смерти переселяются въ болѣе благородные организмы. Такимъ образомъ, браманизмъ тоже проповѣдуетъ переселеніе душъ и признаетъ жизнь въ этомъ мірѣ наказаніемъ и временемъ испытанія. Но всѣ ученія браминовъ скрыты подъ аллегоріями и миѳами и достигаютъ слуха и чувства народа уже въ непонятномъ видѣ. По ученію этой религіи, молитва, жертвоприношенія, покаяніе, очищенія, для которыхъ вода Ганга считается самой священной, благочестивыя странствованія, особенно къ источникамъ Ганга, дѣла благотворительности и состраданіе къ животнымъ служатъ средствами постоянно приближаться къ божеству. Самое богослуженіе окружено большимъ блескомъ и состоитъ изъ многихъ обрядовъ, часто глубоко оскорбляющихъ нравственное чувство истинно религіознаго человѣка, и въ которыхъ весьма важную роль играетъ пляска посвященныхъ богу дѣвъ (баядерокъ).

Священнымъ языкомъ у нихъ служитъ санскритскій, а, такъ называемыя, **Веды** считаются священнѣйшими книгами.

По ученію буддистовъ, богъ и природа одно, такъ какъ видимый и невидимый міръ только различныя части и состоянія одного и того же существа. Это существо не имѣетъ лица, а есть самое бытіе, — жизнь сама по себѣ. Оно предвѣчно и является въ двухъ различныхъ состояніяхъ — въ покоѣ и въ дѣятельности. Покой — состояніе совершенное, высшее; а природа и вселенная нечто иное, какъ перешедшія въ дѣятельность силы божества, постоянно стремящіяся вернуться въ состояніе покоя. Но физическія существа достигаютъ этого не иначе, какъ рядомъ переселеній изъ низшихъ тѣлъ въ высшія и наконецъ въ тѣло человѣка. Уже изъ него они могутъ, исполненіемъ требованій религіи, перейти въ свое первобытное состояніе и вернуться къ блаженству покоя. Отъ времени до времени, человѣкъ успѣваетъ еще во время земной своей жизни достигнуть высшаго совершенства, — такого человѣка называютъ буддой (мудрецомъ). Онъ издаетъ законы, которые должны служить человѣчеству путеводной нитью до тѣхъ поръ, пока другой человѣкъ не возвысится до буддическаго просвѣтлѣнія. Всѣ такіе будды у послѣдователей буддизма считаются святыми, и одинъ изъ нихъ, по имени Гаутама, былъ основателемъ этого ученія. У буддистовъ главными средствами достигнуть блаженства считается исполненіе начертанныхъ Гаутамой обязанностей, созерцаніе и изслѣдованіе законовъ природы и разнаго рода эпитимій, освобождающія человѣка отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ. Такова сущность буддизма. Слѣдовательно, онъ, подобно браманизму, проповѣдуетъ переселеніе душъ, но, вмѣсто того чтобы воплощать и низводить на землю божество, допускаетъ, что, отъ времени до времени, люди возвышаются до значенія бога. По ученію буддистовъ, богъ не есть особенное, личное существо, а только первобытная, пребывающая въ покоѣ сила, и всѣ духовныя и физическія существа — только части ея, перешедшія въ дѣятельность, но стремящіяся къ соединенію съ ней и къ покою. Поэтому буддисты не признаютъ Тримурти и прочихъ браминскихъ боговъ, а поклоняются предвѣчному бытію и порядку вселенной, но затѣмъ еще различнымъ буддамъ, богамъ и духамъ, потому что и ихъ религія постепенно перешла въ идолопоклонство. Такъ, напримѣръ, они поклоняются тѣламъ своихъ буддъ, тогда какъ послѣдователи браманизма питаютъ отвращеніе ко всѣмъ мертвымъ тѣламъ, какъ къ чему нечистому. Буддисты тоже приносятъ жертвы, но ни въ какомъ случаѣ не кровавыя, держатъ очень строгіе посты и имѣютъ великолѣпныя богослужебныя торжества. Они отвергаютъ священныя книги браминовъ, и для отличія отъ послѣднихъ, ихъ собственныя написаны языкомъ, называемымъ *пали*. Они не признаютъ раздѣленія на касты, какъ устройство, по ихъ понятіямъ, весьма гнусное, поэтому ихъ жрецы, называемые бонзами, выбираются изъ всѣхъ сословій. Бонзы должны соблюдать обѣтъ безбрачія, но только до тѣхъ поръ, пока остаются въ своемъ званіи, и каждый изъ нихъ имѣетъ право, когда захочетъ, вернуться въ свѣтъ и тогда жениться. Жрецы буддистовъ живутъ въ монастыряхъ, построенныхъ поблизости отъ храмовъ.

Всѣ разнородные языки, которыми говорятъ индійцы, родственны между собою и принадлежатъ къ такъ называемой индо-германской группѣ. Всего ближе подходятъ они къ языку цыганъ, кафировъ и къ мертвому, но служащему на островѣ Явѣ для священнодѣйствія, языку кави. Вмѣстѣ съ этими тремя языками они составляютъ то подраздѣленіе индо-германской группы, которое извѣстно подъ именемъ индійской, или санскритской семьи языковъ. Важнѣйшій изъ индійскихъ языковъ — санскритскій. Вмѣстѣ съ зендскимъ, принадлежащимъ къ персидской семьѣ языковъ, онъ древнѣйшій изъ языковъ индо-германской группы и всего ближе подходитъ къ совершенно уже исчезнувшему, коренному, первобытному языку Индіи. Прежде санскритскій языкъ употреблялся народомъ, но вышелъ изъ употребленія еще за нѣсколько вѣковъ до р. Х. Изъ всѣхъ извѣстныхъ языковъ это одинъ изъ самыхъ богатыхъ, и въ Индіи на немъ совершается богослуженіе и написаны важнѣйшія произведенія литературы. Отсюда и взялось его имя, потому что «санскритъ» значитъ «священный, чистый или классическій языкъ» и, слѣдовательно, выражаетъ понятіе, противоположное простонародному языку. Всѣ, дѣйствительно

образованные индійцы знаютъ по санскритски. Языкъ пали, принадлежащій также къ индійской семьѣ языковъ, тоже весьма давно вышелъ изъ употребленія и теперь сохранился только у буддистовъ въ Индо-Китаѣ и на островѣ Цейлонѣ, какъ языкъ богослуженія и литературы. Онъ ближе другихъ подходитъ къ санскритскому и можетъ считаться происходящимъ отъ него. Третій, тоже мертвый языкъ этой семьи — пракритъ, на которомъ написаны священныя книги джаинской секты, встрѣчается только въ индійскихъ драмахъ и другихъ произведеніяхъ поэзіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сценахъ его употребляютъ вмѣстѣ съ санскритскимъ. Впрочемъ, словомъ «пракритъ», которое значитъ простой, низкій языкъ, иногда пользуются для обозначенія всѣхъ индійскихъ языковъ, кромѣ санскритскаго. Къ той же семьѣ языковъ относятся, наконецъ, различныя народныя нарѣчія, употребляемыя индусами въ разныхъ мѣстностяхъ страны и происходящія отъ санскритскаго, съ которымъ, однако, они имѣютъ гораздо менѣе сходства, чѣмъ пали и пракритъ. Всѣхъ ихъ считается до двадцати шести. Въ это число включается также языкъ инди, или индави и языкъ индустани. Оба они не принадлежатъ никакой опредѣленной мѣстности; первый языкъ поэзіи въ средней Индіи, а второй служитъ разговорнымъ языкомъ образованныхъ индійцевъ, а также живущихъ въ Индіи мухаммеданъ и европейцевъ. Индустани называется также у европейцевъ языкомъ браминовъ, деванагари, нагри или, наконецъ, (что весьма неправильно), монгольскимъ языкомъ.

Литература индійцевъ, также какъ и весь ихъ бытъ, есть смѣшеніе идей съ поэтическими и религіозными впечатлѣніями, въ которомъ нельзя найти порядка и единства ни въ содержаніи, ни въ формѣ. Кромѣ того, почти всѣ, даже ученыя, произведенія индійской литературы написаны въ поэтической формѣ. Нѣкоторыя изъ ихъ сочиненій весьма древни, такъ какъ индійцы еще въ самую отдаленную эпоху имѣли азбучныя письмена, и древнѣйшій ихъ языкъ, санскритскій, выработался уже очень давно. Произведенія собственно индійской, т. е. браминской, литературы написаны частью этимъ языкомъ, частью пракритомъ, инди, или индустани. Однако, большая часть книгъ, написанныхъ этими двумя нарѣчіями или пракритомъ, — только переводъ съ санскритскаго. Сочиненія, написанныя буддистами, пока ихъ секта держалась въ Индіи, почти всѣ погибли, — большая часть изъ нихъ была написана языкомъ пали.

У индійцевъ, слѣдующихъ браминскому ученію, самымъ древнимъ и священнымъ литературнымъ произведеніемъ считаются четыре, такъ называемыя Веды. Такъ какъ онѣ были написаны въ глубокой древности, то въ нихъ еще видна простая, чуждая идолопоклонства, религія первобытныхъ временъ Индіи. Веды не были произведеніемъ одного человѣка, написаны не въ одно время и потому разнятся между собою по духу и языку. Каждая изъ этихъ четырехъ книгъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: литургическаго и поучительнаго; — первый содержитъ молитвы и гимны, второй разныя правила и наставленія, какъ относительно вѣры, такъ и по другимъ предметамъ, напримѣръ, по части медицины, астрономіи и т. п. Теперь, впрочемъ, ищутъ назиданія и духовнаго просвѣтлѣнія не въ содержаніи этихъ книгъ; по нимъ просто читаютъ и молятся, вовсе не понимая того, что написано, и одному чтенію Ведъ приписывается освящающая и омывающая грѣхи сила. При этомъ можно повторять слова молитвъ даже въ обратномъ порядкѣ, потому что чудотворная сила приписывается не содержанію ихъ, а самимъ словамъ. Священнѣйшею книгою послѣ Ведъ считается книга законовъ Мену, или Ману, названная такъ по имени одного вымышленнаго, властителя древности. Это сочиненіе явилось послѣ Ведъ, но также принадлежитъ отдаленной эпохѣ и содержитъ поученія относительно общественной и частной жизни и религіи. Кастовое устройство, слѣдовъ котораго нѣтъ въ Ведахъ, выставляется въ немъ, какъ божественное установленіе. Священными сочиненіями считаются также, непринадлежащія уже къ глубокой древности, Упаведы и Веданги, составляющія какъ бы толковникъ Ведъ, и Пураны, т. е. собраніе длинныхъ поэмъ о сотвореніи міра, подвигахъ боговъ и полубоговъ и о разныхъ преданіяхъ индійской древности, заключающей въ себѣ самыя нелѣпыя басни и сказки. Къ священнымъ книгамъ причисляются также двѣ большія героическія поэмы: Магабгарата и Рамайана. Онѣ состоятъ изъ множества эпизодовъ и содержатъ: первая повѣствованіе о междуусобной борьбѣ

одного владѣтельнаго дома, вторая — разсказъ о подвигахъ Вишну во время одного изъ его воплощеній. Индійцы имѣютъ также юридическія, философскія, грамматическія и другія научныя сочиненія, написанныя на санскритскомъ языкѣ какъ въ давнее, такъ и въ новѣйшее время. Врожденная склонность этого народа къ созерцательной жизни, частое раздѣленіе его на мелкія государства и связанное съ этимъ существованіе многихъ дворовъ должны были вызвать весьма раннее развитіе наукъ и искусствъ. Индійская литература богата разнаго рода поэтическими произведеніями, написанными какъ по-санскритски, такъ и на другихъ языкахъ. Изъ нихъ особенно интересны поэтическія сказки и разсказы, служившіе отчасти образцомъ для арабскихъ сказокъ, и, наконецъ, драматическія произведенія, трагедіи, комедіи, содержаніе которыхъ заимствовано изъ миѳологіи или изъ домашней и общественной жизни. (Сборникъ нѣкоторыхъ сказокъ, извѣстный подъ именемъ Гитопадесы, былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ). Въ драматическихъ произведеніяхъ встрѣчаются нѣкоторыя простонародныя нарѣчія, но боги и знатные люди говорятъ въ индійскихъ драмахъ по-санскритски, а остальныя дѣйствующія лица на народныхъ нарѣчіяхъ. Лучшая и знаменитая драма индійцевъ называется кольцо Сакунталы и приписывается поэту Калидасѣ, котораго индійцы считаютъ своимъ величайшимъ драматическимъ писателемъ. Онъ жилъ, по всей вѣроятности, незадолго до р. Х. Другая знаменитая въ исторіи индійской литературы личность — Віясъ жилъ, какъ полагаютъ, за нѣсколько вѣковъ до р. Х. Индійцы приписываютъ ему множество произведеній и, сверхъ того, приведеніе въ порядокъ и распредѣленіе содержанія Ведъ и Пуранъ.

Подобно литературѣ, искусство индійцевъ возникло также изъ религіи и ея обрядовъ. Впрочемъ, самые древніе изъ сохранившихся памятниковъ, большею частью, принадлежатъ не религіи браминовъ, а буддизму. Основываясь на разныхъ надписяхъ и символахъ, этой религіозной сектѣ приписываютъ подземныя постройки, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи. Онѣ состоятъ изъ многихъ, соединенныхъ между собою храмовъ, жилищъ и галлерей, высѣченныхъ въ скалѣ. Громаднѣйшія изъ нихъ находятся въ Эллорѣ, гдѣ онѣ углубляются во внутрь горы почти на 4 версты и богато украшены изваяніями. Кромѣ ихъ пользуются извѣстностью подземные храмы въ Элефантѣ, Сальсеттѣ и Магамалайпурамѣ. Такія громадныя сооруженія возможны только тамъ, гдѣ духовенство, пользуясь изобиліемъ рабочихъ силъ, суевѣріемъ и терпѣніемъ народа, можетъ, во имя служенія божеству, заставлять работать всю массу подвластнаго ему населенія. Неизвѣстно, принадлежатъ ли буддистамъ и древнѣйшіе изъ подземныхъ храмовъ Индіи, — но достовѣрно, что имъ однимъ принадлежатъ два особенныхъ вида священныхъ зданій, называемыхъ ступами и пагодами. Ступы — каменныя куполообразныя зданія, имѣвшія назначеніе хранить въ себѣ тѣла почитаемыхъ ими святыхъ, и до сихъ поръ еще въ значительномъ числѣ встрѣчаются въ Индіи. Пагоды, имѣющія видъ башень, строятся надъ священнѣйшимъ мѣстомъ храма и, повидимому, предназначены единственно для того, чтобы еще издали указывать вѣрующимъ мѣсто молитвы. Такихъ пагодъ у буддистовъ чрезвычайно много.

Картины и изваянія, находимыя въ храмахъ и пещерахъ, составляютъ относительно красоты совершенную противоположность съ произведеніями высокаго искусства, созданнаго греками на западѣ. Одинъ англійскій художникъ, занимавшійся ихъ изученіемъ, ставитъ ихъ въ этомъ отношеніи на одну степень съ грубыми художественными попытками островитянъ Южнаго океана, хотя, по его же словамъ, механическая часть работы часто превосходна. Произведенія эти отличаются преобладаніемъ колосальнаго, неестественнымъ соединеніемъ животныхъ и человѣческихъ формъ тѣла, безобразнымъ увеличеніемъ числа отдѣльныхъ членовъ тѣла и изображеніемъ боговъ, со множествомъ разнообразныхъ аттрибутовъ.

Подчиненіе искусства религіи и зависимость его отъ духовенства не давали простора свободной творческой фантазіи художника. Поэтому характеръ индійскаго искусства оставался неизмѣннымъ во всѣ времена, такъ-что трудно различать другъ отъ друга произведенія разныхъ вѣковъ. Индійское искусство страдало застоемъ, недостаткомъ развитія, и, сравнивая себя съ народами запада,

индійцы могутъ гордиться только раннимъ возникновеніемъ у нихъ художествъ, но никакъ не ихъ совершенствомъ.

Такое же раннее развитіе, въ соединеніи съ пренебреженіемъ къ усовершенствованію, мы видимъ и въ ремеслахъ Индіи. Рядомъ съ земледѣліемъ, всегда уважавшимся болѣе всѣхъ прочихъ промысловъ, индійцы уже въ отдаленнѣйшія времена занимались промышленостью въ значительныхъ размѣрахъ. Они имѣютъ большую природную способность къ ручнымъ работамъ, и ловкость ихъ въ этомъ отношеніи удивляла грековъ еще во время похода Александра. По природѣ своей индійцы склонны къ механическимъ и сидячимъ занятіямъ. Ихъ страна не нуждается ни въ какихъ иностранныхъ произведеніяхъ, кромѣ развѣ шелка, и, напротивъ того, имѣетъ много продуктовъ, съ давнихъ поръ служившихъ приманкою для другихъ народовъ. Наконецъ, не смотря на свое нерасположеніе къ иностранцамъ, они не только никогда не запрещали сношеній съ ними, но особенная и уважаемая часть ихъ націи постоянно вела торговлю съ чужими краями. Этими обстоятельствами легко объясняется высокая степень и раннее начало промышлености и торговли идійцевъ. Но и здѣсь мы видимъ обусловливаемый учрежденіями и законами страны недостатокъ въ развитіи, въ движеніи впередъ. Дѣйствительно, еще въ ближайшее къ рождеству Христову время каждая отрасль промышлености въ каждой общинѣ была подчинена наблюденію особаго наслѣдственнаго должностнаго лица, что стѣсняло свободную дѣятельность духа изобрѣтательности. Важнѣйшею отраслью промышлености въ Индіи издавна было тканье, находившееся постоянно на одной и той же степени совершенства. Торговля также рано развилась въ Индіи, и еще до Рождества Христова въ этой странѣ были проведены большія искусственныя дороги съ обозначеніемъ ихъ протяженія и гостиницами для путешественниковъ. Торговое сословіе принадлежитъ къ одной изъ трехъ высшихъ кастъ, и индійскіе купцы, называемые баніанами, съ давнихъ поръ посѣщали рынки западной Азіи.

Наконецъ, и общественная жизнь индійцевъ и ихъ оригинальное государственное устройство находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ браминской религіи. Въ основаніе всего быта индійскихъ государствъ легло кастовое устройство, которое брамины успѣли глубоко вкоренить въ народѣ, выставляя касты учрежденіемъ самого божества. По смыслу ихъ ученія, причина, почему человѣкъ раждается въ низшей, а не высшей кастѣ, заключается въ образѣ жизни передъ его рожденіемъ, и только путемъ добросовѣстнаго исполненія обязанностей своей касты можетъ онъ, при слѣдующемъ рожденіи, перейти въ высшую. Народы Индіи раздѣляются на четыре главныя касты, изъ которыхъ первыя три составляютъ благороднѣйшую часть націи, а послѣдняя, т. е. простой народъ, считается подвластной и созданной единственно для служенія имъ. Члены первой или жреческой касты называются браманами, или браминами; затѣмъ слѣдуютъ кшаттріи, или члены второй военной касты; потомъ вайзіи, — составляющіе третью земледѣльческую и торговую касту; и, наконецъ, судры, т. е. лица, принадлежащія къ кастѣ ремесленниковъ и слугъ. Кромѣ этихъ четырехъ кастъ, есть еще многочисленный классъ людей, называемыхъ паріями, которыхъ индійцы не причисляютъ ни къ одной изъ кастъ и не признаютъ частью націи. Это, очевидно, остатки покоренныхъ народовъ не-индійскаго происхожденія. Теперь ихъ точно также глубоко презираютъ, какъ и въ древности, когда они назывались чандалами, и даже совсѣмъ не считаютъ людьми, хотя степень этого презрѣнія неодинакова въ разныхъ мѣстностяхъ Индіи. Паріевъ заставляютъ исполнять самыя унизительныя работы, запрещаютъ всякія сношенія съ индусами, и одно прикосновеніе къ нимъ считается грѣхомъ; такимъ образомъ, этотъ классъ людей впалъ въ самую глубокую, скотскую безнравственность.

Священная для индійцевъ, книга законовъ Мену учитъ, что брамины созданы изъ рта Брамы, воины — изъ его рукъ, вайзіи — изъ лядвей и, наконецъ, судры — изъ ногъ. Поэтому призваніе браминовъ и заключается въ проповѣди священнаго слова, воиновъ — въ охраненіи общества, вайзій — въ произведеніи жизненныхъ продуктовъ, а судровъ — въ служеніи тремъ высшимъ кастамъ. Эти призванія наслѣдственны, и дѣти, родившіяся отъ членовъ разныхъ кастъ, не причисляются къ четыремъ отдѣламъ, которые одни считаются чистыми, насто-

ящими кастами, а составляютъ промежуточныя или смѣшанныя касты. Такихъ кастъ весьма много, и священная книга законовъ Мену съ большою подробностью опредѣляетъ относительную степень ихъ достоинства. Члены первыхъ трехъ кастъ носятъ общее имя дважды рожденныхъ, потому что, при вступленіи ихъ въ юношескій возрастъ, надъ ними совершаютъ торжественный обрядъ принятія и посвященія въ касту, — что считается вторымъ рожденіемъ и не дѣлается въ четвертой кастѣ. Посвященіе заключается въ торжественномъ возложеніи шнурка, который служитъ отличительнымъ знакомъ высшихъ кастъ и носится чрезъ лѣвое плечо поперегъ груди. Только первымъ тремъ кастамъ разрѣшено чтеніе священныхъ книгъ, четвертой же запрещается, какъ тяжкій грѣхъ, не только читать, но и слушать ихъ. Даже предписанные религіозные обряды различны для каждой касты, и по закону всякій человѣкъ долженъ исполнить только обязанности своего сословія и не позволять себѣ нести обязанности кастъ высшихъ.

По книгѣ законовъ Мену, главное призваніе браминовъ заключается въ чтеніи и толкованіи богослужебныхъ обрядовъ. Поэтому ихъ земли должны быть освобождены отъ налоговъ, и имъ позволено принимать милостыню, тогда какъ остальныя сословія имѣютъ право только раздавать ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ та же книга законовъ позволяетъ браминамъ прибѣгать для пропитанія себя къ земледѣлію, скотоводству, торговлѣ и другимъ занятіямъ. Не всѣ изъ нихъ жрецы, но весьма многіе становятся купцами, воинами, врачами и должностными лицами; нѣкоторые занимаются преподаваніемъ или изученіемъ наукъ. Но, чѣмъ бы они ни занимались, ихъ вниманіе прежде всего должно быть обращено на точное исполненіе всѣхъ правилъ и обрядовъ, предписанныхъ для нихъ закономъ. На этомъ въ значительной степени основано значеніе браминовъ въ обществѣ, и всякое упущеніе должно быть искуплено тяжелымъ покаяніемъ. Такъ, напримѣръ, они не имѣютъ права умерщвлять животныхъ иначе, какъ для жертвоприношеній, не должны ѣсть съ лицами остальныхъ кастъ, чаще другихъ обязаны совершать омовенія и т. п. По своему происхожденію брамины дѣлятся на разные классы, но степень уваженія къ нимъ все-таки зависитъ, главнымъ образомъ, отъ рода ихъ занятій. Наибольшимъ почетомъ окружены тѣ, которые посвятили себя преимущественно толкованію Ведъ. Каста воиновъ первоначально имѣла своимъ назначеніемъ защиту страны, но въ позднѣйшее время войска стали набираться и изъ другихъ сословій. Кромѣ того съ давнихъ поръ существовалъ обычай выбирать изъ этой касты мѣстныхъ властителей, — обычай, не всегда, впрочемъ, исполнявшійся, такъ-что въ исторіи Индіи встрѣчаются государи, принадлежавшіе не только къ остальнымъ двумъ высшимъ кастамъ, но даже къ кастѣ судровъ. Вайзіи были обложены податями и занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и торговлею. Судры, составляющіе огромное большинство индійскаго народа, имѣли назначеніе прислуживать высшимъ кастамъ и, взамѣнъ этого, должны были получать отъ нихъ необходимое содержаніе. Въ случаѣ невозможности вступить въ услуженіе, законодательство Мену позволяетъ имъ заниматься ремеслами, запрещая, однако, пріобрѣтать имущество. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, положеніе судровъ совершенно измѣнилось. Теперь они составляютъ ремесленный классъ и, сверхъ того, занимаются земледѣліемъ.

Кромѣ этихъ четырехъ главныхъ отдѣловъ или кастъ, изъ которыхъ вторая и третья почти совсѣмъ вымерли, — населеніе Индіи раздроблено еще на множество цеховыхъ подраздѣленій, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ родамъ занятій. Это также основано на господствующихъ понятіяхъ о наслѣдственности человѣческой дѣятельности. Иностранцы часто смѣшивали эти второстепенныя подраздѣленія съ настоящими кастами, и оттого-то приходится часто слышать, что въ Индіи болѣе четырехъ кастъ. Такъ, напримѣръ, древніе греки думали, что индійскій народъ раздѣленъ на семь кастъ.

Кастовое устройство составляетъ основу всего государственнаго быта Индіи и въ то же время язву, задерживающую развитіе индійской націи. Въ отношеніи къ другимъ народамъ единство религіи связываетъ всѣ касты въ одно цѣлое, но между собою они до такой степени разъединены взаимными предразсудками, презрѣніемъ къ нисшимъ кастамъ и ненавистью къ высшимъ, что нечего и думать о соглашеніи интересовъ, объ одинаковыхъ и дружныхъ стремленію къ одной общей цѣли. Благодаря кастамъ и вкоренившемуся понятію

объ ихъ необходимости и святости, жреческое сословіе успѣло чрезвычайно прочно утвердиться въ Индіи и задерживаетъ тамъ всякое совершенствованіе націи, всякое проявленіе истинно человѣческаго величія. Касты и ихъ подраздѣленія служатъ преградами, разобщающими націю и уничтожающими возможность единства. Каждой отдѣльной кастѣ предписана особенная форма жизни, особенный родъ образованія, и всякое стремленіе къ иной жизни, иному образованію, запрещается, какъ грѣхъ. Вслѣдствіе этого въ Индіи уже давно не существуетъ единства, — этой благороднѣйшей черты человѣческой природы, — исчезла всякая индивидуальность, всякое свободное развитіе силъ, и масса народа унижена до состоянія животнаго. Индійской націи совершенно чуждо высокое понятіе объ отечествѣ, каждый живетъ только для своей касты, и прозябаетъ неподвижно на опредѣленномъ ему клочкѣ земли. Удивительно ли, что, не смотря на свою храбрость и отвращеніе ко всему иностранному, этотъ народъ всегда былъ порабощаемъ чужеземными завоевателями! Непреодолимыя преграды, положенныя въ Индіи развитію человѣческой личности, дали народу жизнь спокойную и удобную, но однообразную и пустую, и неизбѣжно должны были привести къ изнѣженности и чувственности. Тамъ человѣкъ уже привыкъ находить счастье въ механическомъ прозябаніи и ненарушимомъ покоѣ, онъ не чувствуетъ униженія своей природы и даже доходитъ до того, что гордится имъ. Такимъ образомъ въ Индіи для высшихъ классовъ жизнь всегда была пріятнымъ сномъ, а для низшихъ колебаніемъ между тяжелымъ трудомъ и постыдной чувственностью.

Основываясь на своихъ священныхъ книгахъ, индійцы держатся наслѣдственно-монархическаго правленія. Уже въ древнѣйшей ихъ исторіи мы видимъ страну раздѣленною на мелкія владѣнія, правители которыхъ, или раджи, обыкновенно находились въ вассальной зависимости отъ какого-нибудь верховнаго властителя. Кажется, что такое верховное владычество всего чаще принадлежало царямъ Магады, т. е. страны, омываемой верхнимъ теченіемъ Ганга. Въ Индіи существовала, значитъ, такъ называемая феодальная система, и это названіе здѣсь тѣмъ болѣе умѣстно, что, по древне-индійскимъ понятіямъ, царь былъ владѣтелемъ, собственникомъ всей земли. Цари и владѣтельные князья воспитывались браминами, посвящавшими ихъ также на царство. Большая часть высшихъ должностей тоже находилась въ рукахъ браминовъ, и такъ какъ священные законы Мену обязывали властителей почитать и повиноваться браминамъ, то весьма часто царь былъ простымъ орудіемъ жрецовъ, и управленіе находилось въ рукахъ одного или нѣсколькихъ лицъ изъ жреческой касты.

Даже при вассальной подчиненности другому большему государству, каждое владѣніе составляло и до сихъ поръ составляетъ что-то замкнутое, отдѣленное отъ остальной страны. То же самое должно сказать и о каждомъ округѣ, городѣ и селеніи. Всѣ эти части имѣютъ свое отдѣльное управленіе, и каждый житель знаетъ только своего ближайшаго начальника, не имѣя понятія о цѣлой системѣ. Каждое селеніе управляется своими наслѣдственными должностными лицами и, платя царю извѣстную подать, не имѣетъ болѣе никакихъ другихъ отношеній къ нему. Весь урожай считается достояніемъ всего селенія и, за вычетомъ подати царю и жрецамъ округа, жалованія браминамъ, наслѣдственнымъ должностнымъ лицамъ, ремесленникамъ, врачу, музыканту и нѣкоторымъ другимъ лицамъ въ селеніи, распредѣляется между жителями, смотря по количеству принадлежащей имъ земли.

Суды въ Индіи третейскіе. Члены ихъ выбираются старшинами кастъ или семействъ, а иногда и всѣми лицами, составляющими общину. На рѣшенія дозволяется аппелировать высшимъ судамъ, учреждаемыхъ правителями. Приговоры составляются на основаніи священныхъ книгъ, которыя опредѣляютъ не только религіозныя обязанности, но и гражданскія права частныхъ лицъ. Способы доказательствъ и роды наказаній, теперь еще употребляемые въ Индіи, одни уже достаточно показываютъ, до какой степени задерживается развитіе народа, вязаннаго неизмѣннымъ государственнымъ устройствомъ и клерикальными узами. Между тѣмъ какъ у другихъ народовъ, съ развитіемъ образованности и теченімъ времени, наказанія все болѣе и болѣе смягчаются, въ Индіи и до сихъ поръ еще употребляются самыя свирѣпыя истязанія. Ордаліи, или божьи суды, точно также, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, были оставляемы греками и христіанскими наро-

дами среднихъ вѣковъ, замѣнившими ихъ, наконецъ, исключительно показаніями свидѣтелей. Въ Индіи, напротивъ того, и до сихъ поръ еще держатся суды божьи, состоящіе изъ испытанія огнемъ и водой и другихъ суевѣрныхъ способовъ доказательствъ.

Такимъ образомъ, знакомство съ различными сторонами быта индійцевъ раскрываетъ передъ нами печальный примѣръ вреднаго вліянія, которое имѣетъ духовное рабство даже на народъ, богато одаренный отъ природы и уже рано достигшій извѣстной степени развитія. Кто изъ насъ не ужаснется при видѣ этого вѣчнаго стѣсненія ума, кто, взглянувъ на этотъ народъ, не полюбитъ еще съ большей силой цивилизацію Европы, — кто вдвойнѣ не проклянетъ преступленіе тѣхъ, которые низкимъ обманомъ заграждаютъ путь свѣту разума и задерживаютъ свободное развитіе человѣчества.

ВАВИЛОНЯНЕ и АССИРІЯНЕ.

Юго-западная Азія колыбель особой группы народовъ, извѣстной подъ именемъ семитической, или арамейской вѣтви кавказскаго племени. Главное ея отличіе отъ вѣтви индо-германской заключается въ совершенно другомъ характерѣ языковъ, но обѣ онѣ играютъ одинаково важную роль въ исторіи цивилизаціи человѣчества. Имя семитическихъ народовъ происходитъ отъ имени Сима, библейскаго ихъ родоначальника, а арамейскими ихъ зовутъ потому, что Сирія, или Арамъ есть одно изъ важнѣйшихъ обиталищъ этихъ племенъ. Изъ народовъ древности къ нимъ принадлежатъ: евреи, арабы, сирійцы, финикіяне и пунійцы, или карфагеняне. Обыкновенно къ нимъ же причисляютъ вавилонянъ, ассиріянъ и египтянъ. Хотя результаты новѣйшихъ филологическихъ изысканій привели нѣкоторыхъ ученыхъ къ сомнѣнію въ справедливости этого предположенія, но до сихъ поръ они еще не успѣли пріискать для этихъ племенъ болѣе близкаго родства. Изъ народовъ новѣйшихъ къ семитической вѣтви принадлежатъ, кромѣ евреевъ и арабовъ, еще копты, курдистанскіе несторіяне, марониты, друзы и нѣкоторыя другія немногочисленныя племена Сиріи. Большинство абиссинцевъ тоже принадлежитъ къ этому племени.

На востокѣ сирійской пустыни, на берегахъ рѣкъ Евфрата и Тигра, находилось средоточіе двухъ государствъ, — Вавилонскаго и Ассирійскаго, — игравшихъ важную роль въ древнѣйшей исторіи востока. Собственная Вавилонія лежала между обѣими названными рѣками, гранича къ сѣверу съ Месопотаміей, а къ югу съ Персидскимъ заливомъ. Столицей ея былъ Вавилонъ, построенный на обоихъ берегахъ Евфрата и лежавшій нѣсколько южнѣе нынѣшняго Багдада. Ассирія находилась по другую сторону Тигра, къ востоку отъ Месопотаміи, и столица ея, Ниневія, стояла на Тигрѣ, недалеко отъ нынѣшняго города Моссула. Вавилонія, юго-западная часть которой, прилегающая къ Аравіи, называлась Халдеей, извѣстна теперь подъ именемъ Иракъ-Араби. Большая часть Ассиріи соотвѣтствуетъ нынѣшнему Курдистану и Моссулу. На сѣверѣ страна эта гориста, но южная, большая ея часть представляетъ богато орошенную и потому, почти вездѣ, плодоносную равнину. Вавилонія, напротивъ того, совершенно плоская низменность, подверженная ежегоднымъ разливамъ Тигра и въ особенности Евфрата. Въ древности, — благодаря обширной канализаціи, регулировавшей разлитіе рѣкъ, предохранявшей страну отъ образованія болотъ и съ другой стороны доставлявшей ей необходимое орошеніе, — Вавилонія была одной изъ плодоноснѣйшихъ странъ земнаго шара.

Древнѣйшіе изъ извѣстныхъ жителей этихъ двухъ странъ уже рано сложились въ особыя націи, подъ именемъ вавилонянъ и ассиріянъ. Вавилонское государство образовалось ранѣе Ассирійскаго, потому что, по первой книгѣ Моисея, Ассирія была заселена выходцами изъ Вавилона. Тотъ же историческій источникъ относитъ основаніе города Вавилона еще къ первобытной эпохѣ человѣчества.

Древнѣйшая исторія обоихъ государствъ скрывается въ баснословныхъ преданіяхъ. Первымъ правителемъ Вавилона считаютъ Нимврода, бывшаго, будто бы, страстнымъ охотникомъ, и имя котораго въ этомъ отношеніи перешло даже въ пословицу. Вавилоняне рано освоились съ земледѣліемъ и ремеслами и, подъ вліяніемъ этихъ мирныхъ занятій, пріобрѣли болѣе кроткій характеръ и привычку къ наслажденіямъ и нѣгѣ. Поэтому имъ приходилось много терпѣть отъ сосѣднихъ грубыхъ и сильныхъ народовъ. Наконецъ, Вавилонія подпала подъ власть ассирійскаго царя Нина, который считается основателемъ этой послѣдней монархіи и строителемъ города Ниневіи, и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій составляла провинцію Ассиріи. Нинъ, о которомъ древніе передали намъ лишь сказочныя извѣстія, выставляется ими, какъ великій завоеватель. По одному преданію, онъ жилъ за 2000 лѣтъ, а по другому за 1200 лѣтъ до р. X., и покорилъ, какъ говорятъ, всю западную и среднюю Азію. Нинъ долго былъ несчастливъ въ попыткахъ завоевать Бактрію, находившуюся въ нынѣшней Великой Бухаріи, но, наконецъ, ему удалось побѣдить бактрійцевъ и овладѣть ихъ столицей, Бактрою. Онъ долго тщетно осаждалъ ее, пока жена одного изъ его полководцевъ, Семирамида, не открыла пути, по которому можно было проникнуть въ городъ и въ расплохъ напасть на жителей. Овладѣвъ Бактрою, Нинъ женился на этой женщинѣ. Основанный имъ городъ, Ниневія, имѣлъ впослѣдствіи отъ 10 — 12 нѣмецкихъ миль въ окружности, и населеніе въ 2 милліона, по свидѣтельству пророка Іоны. Стѣны Ниневіи имѣли до 100 футъ высоты и были такъ толсты, что по нимъ могли ѣхать рядомъ три колесницы. Эти стѣны были укрѣплены 1500 оборонительныхъ башень. Съ небольшимъ за 600 лѣтъ до нашей эры, Ниневія была разрушена мидянами и вавилонянами, но впослѣдствіи на томъ же мѣстѣ, или близко отъ него, былъ построенъ новый городъ того же имени, развалины котораго сохранились и до сихъ поръ.

По смерти Нина, правительницею за своего сына Ниніаса сдѣлалась Семирамида, управлявшая государствомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Ея исторія также наполнена баснями и сказками. Древніе воображали себѣ царицу Семирамиду женщиной предпріимчивой, воинственной и рожденной для власти, и, сообразно съ этимъ представленіемъ, приписали ей множество разныхъ подвиговъ. По словамъ преданія, она предпринимала побѣдоносные походы до предѣловъ Индіи и внутренней Африки, вновь основала городъ Вавилонъ, украсила его великолѣпнѣйшими зданіями и провела въ своемъ царствѣ и въ покоренныхъ ею областяхъ много дорогъ и каналовъ. На основаніи этого преданія, въ позднѣйшія времена Семирамидѣ стали приписывать во многихъ мѣстностяхъ Азіи всѣ такого рода великія сооруженія, происхожденіе которыхъ не было извѣстно. По легендамъ востока, Вавилонъ подъ властью Семирамиды сталъ однимъ изъ чудесъ свѣта, но, по другимъ, болѣе правдоподобнымъ извѣстіямъ, надо думать, что постройка его величественныхъ зданій принадлежитъ гораздо позднѣйшему вавилонскому царю, Навуходоносору. Древніе писатели говорятъ, что окружность Вавилона составляла 12 нѣмецкихъ миль, а городская стѣна его имѣла 350 футъ высоты и 87 толщины. Для въѣзда въ городъ, расположенный огромнымъ четыреугольникомъ, находилось съ каждой стороны двадцать пять воротъ; а для защиты городскаго вала на немъ были построены цѣлыя сотни оборонительныхъ башень. По срединѣ города протекалъ Евфратъ, на обоихъ берегахъ котораго стояли два большіе царскіе дворца. Въ центрѣ Вавилона стояла высокая башня, воздвигнутая въ честь бога Бела. Знаменитѣйшимъ изъ памятниковъ города были, такъ называемые, висячіе сады, т. е. гигантское каменное сооруженіе съ четырьмя огромными террасами, засыпанными землей и обращенными въ сады. Но, уже во время рождества Христова великій Вавилонъ почти весь лежалъ въ развалинахъ, а теперь отъ него остались только кучи мусора.

Слѣдующіе періоды исторіи вавилонянъ и ассиріянъ для насъ совершенно

неизвѣстны, до начала осьмаго вѣка предъ р. Х., когда эти народы пришли въ враждебное столкновеніе съ евреями. Въ это время въ Ассиріи царствовалъ государь, называющійся въ ветхомъ завѣтѣ Фуломъ. Въ 773 году онъ напалъ на Израильское царство и на сосѣднее съ нимъ государство Сирійское или Дамасское, но потомъ за деньги согласился заключить съ ними миръ. Ему наслѣдовалъ Тиглатъ-Пилесаръ, къ которому обратился съ просьбой о помощи іудейскій царь Ахазъ, когда противъ него соединились цари Израиля и Сиріи (740). Тиглатъ-Пилесаръ охотно исполнилъ его желаніе, и при этомъ случаѣ завоевалъ всю Сирію и большую часть Израиля. Покоренныя страны были обращены въ области Ассирійской монархіи, а большая часть ихъ населенія отведена въ плѣнъ и поселена недалеко отъ Каспійскаго моря. Царь іудейскій преклонился передъ владыкой Ассиріи, обѣщалъ платить ему дань и очистилъ одному изъ ассирійскихъ идоловъ мѣсто въ храмѣ Іеговы.

Со времени покоренія жителей Палестины, Ассирійская монархія пришла въ непріязненныя столкновенія съ египтянами. Палестина стала театромъ войны между этими двумя державами, и Израильское царство первое пало жертвою ихъ соперничества. Преемникъ Тиглатъ-Пилесара, Салманъ, или Салманассаръ принудилъ послѣдняго израильскаго царя Осію къ платежу дани, но тотъ вскорѣ отказался отъ исполненія договора и, посредствомъ союза съ Египтомъ, старался защищать себя отъ ассиріянъ. Тогда Салманассаръ снова направилъ противъ него свое побѣдоносное оружіе, овладѣлъ, послѣ трехлѣтней осады, столицей его Самаріей и обратилъ Израиль въ провинцію своей монархіи (730—722). Финикія, за исключеніемъ стоявшаго на островѣ города Тира, также была принуждена подчиниться ассирійскому царю. Кажется, что тогда же ассиріяне снова покорили Вавилонъ, возвратившій свою независимость за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, но когда именно — неизвѣстно.

Салманассару наслѣдовалъ Санхерибъ. Этому государю пришлось прежде всего подавлять возстаніе, вспыхнувшее въ Вавилонѣ подъ предводительствомъ Меродаха-Валадана. Затѣмъ Санхерибъ рѣшился напасть на Египетъ, чтобъ подчинить и его ассирійскому владычеству. Онъ успѣлъ уже привести свою армію къ самой границѣ Египта, но другіе враги заставили его поспѣшно отступить. Въ Палестинѣ чума истребила большую часть его войска, и, когда Тиргака, царь Эѳіопіи и Египта, двинулся противъ него, Санхерибъ поспѣшно отступилъ въ Ассирію (около 712 до р. Х.). Вскорѣ послѣ того, онъ былъ убитъ тамъ двумя своими сыновьями. Этимъ воспользовался Ассаргаддонъ, ассирійскій намѣстникъ въ Вавилоніи, и овладѣлъ престоломъ. Убійцы Санхериба были принуждены бѣжать изъ государства, и Ассаргаддонъ восемь лѣтъ владычествовалъ надъ Ассиріей и Вавилоніей. Послѣ него, въ теченіе 21 года правилъ Саммугъ, а потомъ Сарданапалъ, извѣстный по своей роскоши и сладострастію.

Въ правленіе Сарданапала ассирійскимъ намѣстникомъ въ Вавилоніи былъ Набополассаръ, или Навуходоносоръ I, человѣкъ предпріимчивый, объявившій себя (около 600 до р. Х.) независимымъ властителемъ своей области. Вслѣдъ затѣмъ онъ соединился съ мидійскимъ царемъ Кіаксаромъ, на дочери котораго женился сынъ его Навуходоносоръ, и, вмѣстѣ съ мидійцами, напалъ на Ассирію. Сарданапалъ погибъ въ этой борьбѣ. Онъ былъ осажденъ въ Ниневіи и, когда разливъ Тигра разрушилъ часть городской стѣны, сжегъ себя вмѣстѣ съ своими женами и сокровищами. Городъ былъ разрушенъ, а государство раздѣлено между завоевателями.

Въ Вавилоніи, достигшей, такимъ образомъ, господства въ передней Азіи, были въ неизвѣстное намъ время поселены ассиріянами халдеи, — *воинственное* племя, жившее до тѣхъ поръ къ сѣверу отъ Ассиріи въ гористомъ краѣ, прилегающемъ къ Черному морю, и долгое время составлявшее ядро ассирійской арміи. По всей вѣроятности, это теперешніе курды, принадлежащіе къ персидской вѣтви кавказскаго племени. Это сильное, воинственное племя вскорѣ сдѣлалось господствующей частью населенія Вавилоніи, гдѣ оно даже передало свое имя кастѣ жрецовъ. Слово халдеецъ имѣетъ, такимъ образомъ, двойной смыслъ и безразлично употребляется, какъ названіе этого народа и для обозначенія вавилонской

жреческой касты. Основатель новой вавилонской династіи, Набополассаръ, также происходилъ изъ этого племени.

Набополассаръ былъ вовлеченъ въ войну съ египетскимъ царемъ, Нехао, распространившимъ свое владычество до самаго Евфрата. Но въ 604 году до р. Х. сынъ Набополассара, Навуходоносоръ II, бывшій сначала его соправителемъ, разбилъ египетскаго царя при Кархемишѣ, или Киркезіумѣ на Евфратѣ, отнялъ у него завоеванныя имъ азіатскія области и подчинилъ себѣ іудейскаго царя Іоакима. Іудеи нѣсколько разъ безуспѣшно пытались освободиться отъ него. Наконецъ, въ 585 году онъ разрушилъ ихъ столицу Іерусалимъ и отвелъ большую часть населенія въ Вавилонъ. Финикіяне, за исключеніемъ жителей Тира, добровольно покорились ему еще въ самомъ началѣ войны. Съ Тиромъ вавилонскій царь велъ войну нѣсколько лѣтъ сряду, но не могъ его покорить. Онъ завоевалъ Египетъ, часть его жителей переселилъ въ Вавилонъ и, говорятъ, даже обложилъ податью сосѣднія съ Египтомъ африканскія земли. По всей вѣроятности, Навуходоносоромъ же были построены тѣ величественныя зданія Вавилона, громадныя стѣны, великолѣпныя ворота, дворцы и висячіе сады, которые считались у древнихъ чудесами свѣта и обыкновенно приписывались Семирамидѣ.

По смерти этого царя, которому наслѣдовалъ (562) сынъ его, Эвильмеродахъ, Вавилонская монархія стала быстро клониться къ упадку, между тѣмъ какъ царство мидянъ и персовъ росло и возвышалось. Еще нѣсколько государей процарствовало въ Вавилонѣ, а затѣмъ персидскій царь, Киръ, напалъ на распадавшуюся монархію, послѣдній царь которой былъ въ союзѣ съ лидійскимъ царемъ, Крезомъ, незадолго передъ тѣмъ побѣжденнымъ персами. Киръ разбилъ войско вавилонянъ и осадилъ городъ, которымъ персы овладѣли, отведя воды изъ Евфрата и вступивъ въ Вавилонъ ночью по сухому руслу рѣки. Вавилонія потеряла самостоятельность и стала персидской провинціей (539 до р. Х.).

Вотъ главныя событія исторіи двухъ государствъ, которыя съ береговъ Евфрата и Тигра поочередно господствовали надъ значительной частью передней Азіи. О нравахъ, частной жизни и религіи ассиріянъ до насъ дошло такъ мало свѣдѣній, что мы не можемъ сказать о нихъ ничего положительнаго; напротивъ того, о внутреннемъ бытѣ Вавилоніи мы имѣемъ болѣе подробныя извѣстія. Въ обѣихъ странахъ государи пользовались неограниченною властью, слѣдовательно, въ нихъ была чисто деспотическая форма правленія, господствующая и теперь еще въ западной половинѣ Азіи. Религія вавилонянъ состояла въ поклоненіи небеснымъ свѣтиламъ, особенно солнцу и лунѣ, а также производительной силѣ земли. Совершеніе богослуженія и все высшее образованіе націи находилось въ рукахъ касты жрецовъ. Эта каста была единственной въ Вавилоніи, такъ какъ касты возникаютъ исключительно подъ клерикальнымъ владычествомъ, а Вавилонія уже весьма рано стала деспотической монархіей. Вавилонская жреческая каста, первоначальное устройство которой намъ неизвѣстно, въ позднѣйшее время не имѣла чисто наслѣдственнаго характера, какъ въ Индіи или Египтѣ. Въ нее часто принимались лица, непринадлежавшія къ ней по рожденію, а иногда и иностранцы, по приказанію государя или вслѣдствіе ихъ учености, какъ напримѣръ, пророкъ Даніилъ. Члены этой касты въ позднѣйшее время вавилонской исторіи назывались халдеями, а въ библіи — магами, имя, которое давали также членамъ жреческой касты въ древней Персіи. Они были разсѣяны по всей странѣ, жили доходами съ розданныхъ имъ земель, имѣли своего верховнаго главу, назначавшагося государемъ, и, по роду своихъ занятій, распадались на многія подраздѣленія, или классы. Греки и римляне приписывали халдеямъ большія астрономическія свѣдѣнія. Существовавшее въ Вавилоніи поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ, обычай опредѣлять по положенію звѣздъ благопріятное для всякаго дѣла время и, наконецъ, необходимость, по случаю наводненій и канализаціонной системы, съ точностью знать времена года еще въ глубокой древности должны были привести вавилонянъ къ занятіямъ астрономіей. Однако, халдеи, одни занимавшіеся тамъ науками, недалеко подвинули впередъ астрономію. Геометрія, также рано понадобившаяся имъ для канализаціи и постройки плотинъ, оставалась тоже во младенческомъ состояніи, не

простираясь далѣе простаго землемѣрія и первыхъ началъ науки. Затѣмъ, халдеи занимались еще толкованіемъ сновъ, колдовствомъ и медициной.

Раннее развитіе и громадные памятники строительнаго искусства въ Вавилоніи легко объясняются свойствами страны. Дѣйствительно, она не была защищена горами, а между тѣмъ ее окружали воинственныя кочевыя племена, и слѣдовательно, уже рано возникла необходимость укрѣпленій. Камня годнаго для построекъ въ странѣ не было, и потому вавилоняне принуждены были замѣнять его кирпичемъ, а для большей прочности кирпичныхъ укрѣпленій стѣны нужно было дѣлать толще и массивнѣе.

Благодаря системѣ орошеній, Вавилонія уже въ отдаленныя времена была хорошо воздѣлана. Съ другой стороны, городскія ремесла также должны были развиться и умножиться, вслѣдствіе значительнаго числа большихъ городовъ, частаго пребыванія двора въ Вавилонѣ, даже во время подчиненія его ассирійскимъ царямъ, и, наконецъ, вслѣдствіе роскоши, которой окружали себя тамошніе деспоты. Тканье полотна и шерсти, вышиваніе, красильное производство, приготовленіе ковровъ и косметическяхѣ издѣлій и многія другія отрасли промышлености уже рано процвѣтали въ Вавилонѣ. Подобнымъ же образомъ, еще въ древнѣйшія времена началась тамъ довольно оживленная торговля съ Индіей и Персіей съ одной стороны, и съ передней Азіей съ другой; но невѣроятно, чтобы вавилоняне находились въ прямыхъ сношеніяхъ съ Индіей.

Вавилоняне съ самаго начала своей исторіи являются народомъ мирнымъ, изнѣженнымъ, любившимъ роскошь и наслажденіе и вообще глубоко упавшимъ въ нравственномъ отношеніи.

ЕГИПТЯНЕ.

Въ Египтѣ, гдѣ населеніе теперь незначительно и находится въ нищетѣ, когда-то, въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, процвѣтала цивилизація, развалины которой и теперь еще возбуждаютъ удивленіе всего свѣта. Остатки древне-египетской образованности представляются намъ въ многочисленныхъ и величественныхъ архитектурныхъ произведеніяхъ. Но, кромѣ своихъ громадныхъ размѣровъ и многочисленности, они удивляютъ насъ своею глубокою древностію, доказывающею раннее развитіе въ Египтѣ цвѣтущей цивилизаціи; дѣйствительно, нѣкоторыя изъ этихъ зданій, можетъ быть, древнѣйшіе памятники человѣчества. Наши историческія извѣстія о древнемъ мірѣ не показываютъ намъ ни одного государства, которое могло бы быть съ достовѣрностью признано древнѣе египетскаго. Еще въ эпоху Авраама, когда исторія іудеевъ, какъ отдѣльной націи, только-что начиналась, въ Египтѣ, — по книгамъ Моисея, самому древнему и вѣрному изъ историческихъ источниковъ, — существовало образованное государство, а во времена Іосифа, когда іудеи еще кочевали, египетская цивилизація уже достигла почти полнаго своего развитія.

Бытъ древнихъ египтянъ обусловливался особенностями страны болѣе, чѣмъ бытъ всѣхъ остальныхъ народовъ; не зная этихъ особенностей, нельзя даже понять характера народа и его цивилизаціи. Египетъ начинается въ жаркомъ поясѣ и простирается къ сѣверу до Средиземнаго моря, на протяженіи, почти равномъ протяженію Германіи отъ Сѣвернаго моря до Адріатическаго. Сѣверная часть страны, или нижній Египетъ, большая низменность, орошаемая многочисленными развѣтвленіями Нила и сливающаяся на западѣ съ ливійской, а на востокѣ съ аравійской пустыней. Остальная и гораздо большая часть страны, т. е. верхній и средній Египетъ, представляетъ собою длинную долину, орошаемую Ниломъ и образованную двумя горными цѣпями: ливійской съ запада и аравійской съ востока. Эти горные хребты, въ различныхъ пунктахъ неодинаково удаленные другъ отъ друга, на югѣ Египта состоятъ преимущественно изъ массъ гранита, а далѣе къ сѣверу изъ песчаника, и, наконецъ, отъ окрестностей древнихъ Ѳивъ до границъ нижняго Египта, изъ мѣла и известняка. Обѣ цѣпи невысоки и совершенно лишены растительности, за исключеніемъ немногихъ рѣдкихъ кустарниковъ. Своими склонами горы эти прилегаютъ къ пустынямъ, которыя съ восточной стороны простираются до Аравійскаго залива, а съ западной сливаются съ великою ливійской пустынею.

Такимъ образомъ, Египетъ представляетъ на сѣверѣ расширяющуюся въ видѣ вѣера полосу плодородной почвы, окруженную пустынями. Съ юга Египетъ

также отдѣленъ отъ остальнаго міра, такъ какъ Нилъ течетъ тамъ тоже посреди пустынь и недалеко отъ границы Египта перестаетъ быть судоходнымъ, вслѣдствіе множества пороговъ и быстринъ. Въ пустынѣ, къ востоку отъ Египта, до самыхъ береговъ Краснаго моря нѣтъ ни одного клочка плодородной земли. Но къ западу, въ различныхъ разстояніяхъ отъ нильской долины, подобно островамъ въ песчаномъ морѣ, попадаются отдѣльныя полосы земли, имѣющія источники и покрытыя растительностью. Пространства эти, называемыя у арабовъ уахъ, или уади, а у европейцевъ оазами, по одному древне-египетскому слову, представляютъ впадины пустыни, гдѣ ключи, бьющіе изъ подошвы окрестныхъ возвышенностей, даютъ жизнь растительности. Знаменитѣйшіе изъ нихъ: во-первыхъ, наиболѣе удаленный отъ Египта, оазъ Сиуа или, какъ его называли древніе, оазъ Аммоніумъ; затѣмъ, оазы эль-Баріэ, Фарафрэ, Дакхэль и, наконецъ, лежащій южнѣе прочихъ оазъ эль-Харгэ, извѣстный у древнихъ подъ именемъ Великаго оаза. Въ древности всѣ эти оазы принадлежали Египту. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ первый, потому что тамъ находился храмъ, оракулъ котораго пользовался большимъ уваженіемъ даже за предѣлами Египта. Храмъ этотъ былъ посвященъ богу Аммону-Ра, высшему изъ всѣхъ египетскихъ божествъ. Онъ изображался съ бараньей головой и у грековъ и римлянъ назывался Юпитеромъ аммонскимъ. Для служенія этому богу и его оракулу состояло при храмѣ множество жрецовъ, управлявшихъ и всѣмъ оазомъ. Развалины храма, или Аммоніума, какъ его часто называютъ, сохранились и до нашихъ дней.

Самъ Египетъ превратился бы въ такую же пустыню, какъ и окружающія его страны, если бы не орошался Ниломъ. Дѣйствительно, въ нижнемъ Египтѣ дожди такъ рѣдки, что иногда ихъ не бываетъ цѣлый годъ, а въ верхнемъ они бываютъ не чаще, какъ черезъ 15 или 20 лѣтъ. Такимъ образомъ, въ цѣломъ Египтѣ не было бы никакой растительности, если бы Нилъ своими разливами каждый годъ не увлажнялъ почвы. Эта же рѣка доставляетъ жителямъ единственную годную для питья воду. Съ конца іюня до осенняго равноденствія уровень воды въ Нилѣ постепенно поднимается, держится затѣмъ около двухъ недѣль на наибольшей своей высотѣ, и потомъ начинаетъ медленно понижаться до конца мая слѣдующаго года. Достигнувъ наибольшей высоты воды, Нилъ заливаетъ на нѣкоторое время оба берега. Вездѣ, куда достигнутъ волны, земля становится плодородной, а непосредственно за этимъ предѣломъ начинается голая, лишенная растительности пустыня. Въ Египтѣ Нилъ имѣетъ, такимъ образомъ, два русла: большое, которое онъ занимаетъ разъ въ годъ во время своего разлива, и малое, которое онъ наполняетъ постоянно. Все, что не входитъ въ черту его большаго русла, составляетъ пустыню. Граница между пустыней и покрытой растительностью почвой большею частью проведена такъ рѣзко, что можно стоять одной ногой въ пустынѣ, а другой на плодородной почвѣ. Но Нилъ не только орошаетъ, но и удобряетъ почву Египта. Во время разлива вода его содержитъ необыкновенно плодоносный илъ, который и остается на покрытой водою землѣ. Правильное возвышеніе уровня Нила зависитъ отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей, падающихъ въ жаркомъ поясѣ въ извѣстное время года. Илъ, вѣроятно, состоитъ изъ разложившихся вулканическихъ камней, которые приносятся Ниломъ изъ Абиссиніи и составляютъ лучшее удобреніе почвы.

Ежегоднымъ наслоеніемъ этого удобренія Нилъ постепенно возвысилъ почву Египта, а въ первобытныя времена осадокъ этотъ образовалъ даже весь нижній Египетъ. Эта часть страны есть дѣйствительно ничто иное, какъ образовавшійся въ устьи рѣки наносъ, посредствомъ котораго Нилъ постепенно расширяетъ предѣлы страны по направленію своего теченія. Древніе египтяне утверждали, что въ первое время ихъ исторіи нижній Египетъ былъ просто болотомъ, которое уже впослѣдствіи постепеннымъ наслоеніемъ Нила поднялось настолько, что обратилось въ сухую и обитаемую мѣстность. По этой же причинѣ и вся почва Египта постоянно возвышается, такъ-что развалины сохранившихся еще древнихъ городовъ теперь уже не поднимаются надъ поверхностью почвы, а напротивъ, углублены въ землю. Это возвышеніе, впрочемъ, не вездѣ равномѣрно и постоянно уменьшается по направленію къ нижнимъ частямъ рѣки. У южныхъ границъ Египта почва поднимается на одинъ футъ, приблизительно въ каждые

188 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ мѣстности, гдѣ стоялъ нѣкогда древній городъ Ѳивы, для образованія такого наноса требуется не менѣе 244 лѣтъ. Въ новѣйшее время этимъ обстоятельствомъ воспользовались для того, чтобъ опредѣлить время сооруженія зданій, развалины которыхъ еще существуютъ и, такимъ образомъ, повѣрить точность историческихъ преданій, гдѣ говорится объ ихъ построеніи. Эти вычисленія также убѣждаютъ насъ въ томъ, что еще въ первыя времена достовѣрной исторіи Египетъ былъ уже населенъ древнимъ и давно цивилизованнымъ народомъ.

Высота разлива Нила не всегда бываетъ одинакова. Иногда она такъ незначительна, что рѣка заливаетъ лишь небольшое пространство, и тогда бываетъ неурожай, потому что почва Египта ничего не можетъ производить безъ такого орошенія. Чтобы усилить ея плодородіе и провести воду въ мѣста, незаливаемыя Ниломъ, еще въ глубокой древности были устроены плотины и каналы. Благодаря этимъ же средствамъ, орошеніе и удобреніе были регулированы, и явилась возможность удерживать воду на поляхъ долѣе, чѣмъ сколько бы она оставалась безъ этихъ мѣръ. Въ новѣйшее время вся эта система пришла въ большое запущеніе, и потому производительныя силы страны уменьшились. Но, какъ велико было плодородіе ея въ древности, можно видѣть изъ того, что во времена Іосифа избытокъ семи хорошихъ годовъ позволилъ выдержать семь послѣдовавшихъ за тѣмъ неурожаевъ.

Египетъ, — почва котораго такъ хороша, что дѣлаетъ излишними почти всѣ полевыя работы, кромѣ попеченія о правильномъ орошеніи, — могъ нѣкогда прокармливать громадное населеніе. Греческіе писатели говорятъ, что во время завоеванія этой страны персами число довольно населенныхъ городовъ доходило до 20,000. Цыфра эта, очевидно, преувеличена, но самая смѣлость преувеличенія показываетъ, какъ густо былъ населенъ Египетъ сравнительно съ другими странами. Тогдашнее населеніе его полагаютъ въ 7 милліоновъ, тогда какъ теперешнее не превышаетъ 1½ или 2½ милліоновъ. Въ Египтѣ климатъ очень здоровъ, и не бываетъ лихорадокъ, свирѣпствующихъ въ другихъ странахъ, подверженныхъ правильнымъ періодическимъ наводненіямъ: почти всегда безоблачное небо и жгучее солнце быстро осушаютъ влажность, оставляемую Ниломъ по вступленіи его въ берега.

Первоначально жители Египта дѣлили страну свою на двѣ главныя части, называвшіяся верхнимъ и нижнимъ Египтомъ. Первый былъ расположенъ южнѣе, имѣя столицею Ѳивы, а послѣдній, съ главнымъ городомъ Мемфисомъ, занималъ сѣверную, большую часть страны. Впослѣдствіи отъ нижняго Египта отдѣлили все пространство, заключенное между горными цѣпями, и назвали его среднимъ Египтомъ, такъ-что подъ именемъ нижняго Египта стали разумѣть съ тѣхъ поръ одну только равнину, разстилающуюся между моремъ и сѣверною оконечностью этихъ горъ. Въ среднемъ Египтѣ столицею сдѣлался Мемфисъ, а въ нижнемъ Геліополисъ. Нижній Египетъ, въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова́, у грековъ назывался также Дельтой, потому что Нилъ, раздѣленный тамъ на два главные рукава, даетъ ему форму треугольника, третью сторону котораго образуетъ морской берегъ, а такую же форму Δ имѣетъ въ греческой азбукѣ буква дельта (Д).

Знаменитѣйшими мѣстностями древняго Египта были: въ верхнемъ Египтѣ, — который, по имени своей столицы, назывался также Ѳиваидой, — южнѣе прочихъ городовъ лежалъ городъ Филе, построенный на острову Нила, и недалеко отъ него, также на острову, городъ Элефантина. Близъ этихъ острововъ находятся, такъ называемые, нильскіе водопады, или, вѣрнѣе, пороги. Ни одинъ изъ этихъ водопадовъ не достигаетъ высоты болѣе 5 или 7 футовъ, и у лѣваго берега рѣки есть мѣсто, гдѣ суда могутъ проходить внизъ, а при помощи бичевы, даже вверхъ по рѣкѣ, хотя съ значительными предосторожностями и не безъ опасности. Ниже водопадовъ, недалеко отъ нынѣшняго Ассуана, лежалъ городъ Сіене, отъ котораго произошло слово сіенитъ, названіе одной горной породы, очень похожей на гранитъ.

Изъ остальныхъ городовъ верхняго Египта, всѣхъ значительнѣе и знаменитѣе была его столица — Ѳивы. Они были построены на обоихъ берегахъ Нила и занимали протяженіе около четырнадцати верстъ вдоль по рѣкѣ. Въ отдален-

нѣйшія времена Ѳивы были столицей всего края и царской резиденціей, но, послѣ перенесенія мѣстопребыванія правительства въ Мемфисъ, стали клониться къ упадку. Развалины Ѳивъ, такъ же какъ и выше названныхъ городовъ, существуютъ и до сихъ поръ. Къ числу этихъ развалинъ принадлежатъ два большіе храма, Луксорскій и Карнакскій, лежащіе на правомъ берегу Нила и названные такъ отъ двухъ деревень, находящихся на занимаемыхъ ими нѣкогда мѣстахъ. Луксорскій храмъ имѣетъ до 500 футовъ длины. Двухверстное разстояніе, отдѣляющее его отъ Карнакскаго храма, было покрыто цѣлыми аллеями колоссальныхъ сфинксовъ, которыхъ было такъ много, что одна изъ этихъ аллей состояла приблизительно изъ 600 такихъ колоссовъ. Въ томъ же мѣстѣ находятся развалины Карнакскаго дворца, главная зала котораго имѣетъ 318 футовъ длины и 159 ширины и украшена 134 колоннами; поперечникъ самыхъ толстыхъ изъ нихъ доходитъ до 11 футовъ, а окружность ихъ капителей составляетъ 74 фута, такъ-что на верхней ихъ площадкѣ могутъ удобно помѣщаться 100 человѣкъ. На лѣвомъ берегу рѣки лежатъ также величественныя развалины храма и дворца Мединетъ-Абу, и другихъ храмовъ, называемыхъ Мемноніумомъ, какъ и вообще вся западная часть Ѳивъ. Тамъ же находятся двѣ знаменитыя статуи одного царя, высѣченныя изъ одного камня, каждая въ 61 футъ высоты, и извѣстныя подъ именемъ Мемнонскихъ колоннъ, потому что греки считали ихъ изображеніемъ упоминаемаго въ ихъ миѳологіи героя, Мемнона, одного изъ сыновей Авроры. Одна изъ этихъ статуй славилась у грековъ и римлянъ въ особенности тѣмъ, что, по распространенному въ древности преданію, при восхожденіи солнца издавала гармоническіе звуки. Эти звуки, которыми, какъ говорили, Мемнонъ привѣтствовалъ свою мать, — происходили, можетъ быть, отъ того, что нагрѣтый лучами восходящаго солнца воздухъ приводилъ въ движеніе отдѣлившіяся пластинки и зерна гранита. На лѣвомъ берегу рѣки находятся остатки двойной аллеи изъ каменныхъ сфинксовъ, величественныя развалины гробницы царя Озимандиса и обломки одной изъ его статуй, имѣющей между плечами 21 футъ ширины. На ней находится, какъ говорятъ, слѣдующая надпись: «Я Озимандисъ, царь царей; кто хочетъ знать, какъ я былъ великъ, тотъ превзойди меня въ одномъ изъ моихъ твореній». Наконецъ, должно еще упомянуть объ остаткахъ подземныхъ построекъ въ Ѳивахъ или о знаменитыхъ подземныхъ кладбищахъ этого города. Въ горахъ западнаго берега Нила, въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ Ѳивъ, высѣчены въ скалахъ, на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, разной величины помѣщенія, соединенныя между собою галлереями и простирающіяся далеко внутрь горы. Они служили для сбереженія мертвыхъ тѣлъ. Изъ этихъ многочисленныхъ кладбищъ замѣчательнѣе всѣхъ, такъ называемыя, Ѳивскіе царскіе склепы въ Бибанъ-эль-Молукской долинѣ этой цѣпи горъ, дѣйствительно служившіе мѣстомъ погребенія царскихъ труповъ и отличающіеся своими размѣрами и великолѣпіемъ. Впрочемъ, они уже давно разрушены и ограблены позднѣйшими обитателями Египта.

Къ сѣверу отъ Ѳивъ, также на берегу Нила, находятся развалины города Тентиры, въ одномъ изъ храмовъ котораго въ новѣйшее время было найдено изображеніе зодіакальнаго круга египтянъ. Этотъ кругъ, находящійся теперь въ Парижѣ, однако, не остатокъ египетской древности, а также какъ и самый храмъ принадлежитъ ко времени римскаго владычества.

Въ среднемъ Египтѣ, особенно замѣчательна большая круглая равнина, — эль-Фаюмъ (въ древности Арсиноэ), — лежащая въ западной горной цѣпи и замкнутая со всѣхъ сторонъ горами и пустыней. Эта въ высшей степени плодородная равнина соединяется съ нильской долиной горнымъ проходомъ, составляющимъ единственный входъ въ нее. Большой каналъ, называемый каналомъ Іосифа, соединяетъ равнину съ Ниломъ и оплодотворяетъ ее его водами. Каналъ Іосифа ведетъ къ такъ называемому Меридову озеру, которое въ глубокой древности, при царѣ того же имени, было, какъ говорятъ, выкопано человѣческими руками, но нѣтъ сомнѣнія, что оно естественный водяной бассейнъ, расширенный только при этомъ государѣ. Меридово озеро имѣло когда-то болѣе 24 нѣмецкихъ миль въ окружности, и посреди его возвышались тогда двѣ пирамиды. Оно регулировало высоту уровня воды, какъ при недоста-

точномъ, такъ и при слишкомъ сильномъ разливѣ Нила, и такимъ образомъ обезпечивало урожай не только въ Фаюмской равнинѣ, но и въ части средняго Египта. На краю этой равнины, въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ къ юго-востоку отъ города Медина-эль-Фаюмъ, находятся громадныя массы камня и мусора, считаемыя остатками знаменитаго Лабиринта. По описанію древнихъ грековъ, онъ былъ величайшимъ зданіемъ въ цѣломъ свѣтѣ и имѣлъ такіе громадные размѣры, что всѣ зданія Греціи, взятыя вмѣстѣ, не могли съ нимъ сравняться. Лабиринтъ состоялъ, какъ говорятъ, изъ соединенія двѣнадцати дворцевъ и заключалъ 3,000 комнатъ, въ которыхъ каждый уголъ былъ сдѣланъ изъ одного куска камня. Зданіе было построено четыреугольникомъ, стороны котораго имѣли до 650 футовъ длины. По множеству ходовъ и комнатъ этого зданія, гдѣ безъ проводника легко можно было заблудиться, имя его стало употребляться для обозначенія всякой постройки, состоящей изъ запутанныхъ ходовъ. Назначеніе лабиринта неизвѣстно. По неправдоподобнымъ разсказамъ древне-греческихъ писателей, онъ былъ построенъ двѣнадцатью, когда-то вмѣстѣ царствовавшими, египетскими царями, какъ общій ихъ дворецъ.

Мемфисъ, столица средняго Египта, лежалъ къ югу отъ нынѣшняго Каира, у выхода изъ долины, образуемой двумя цѣпями горъ, сопровождающихъ теченіе Нила до начала Дельты. Онъ былъ когда-то также великъ какъ Ѳивы, но отъ него не оссалось такого множества памятниковъ, потому что развалины ихъ совершенно занесены иломъ и пескомъ. Близъ мѣста, гдѣ нѣкогда стоялъ Мемфисъ, т. е. къ западу отъ него и отъ Нила, находятся величайшія изъ египетскихъ пирамидъ. Онѣ составляютъ нѣсколько группъ, и общее число ихъ доходитъ до сорока. Три самыя большія и знаменитыя изъ нихъ принадлежатъ къ группѣ, которую, по имени одного новаго поселенія, называютъ пирамидами Гизе. Онѣ окружены безчисленными кладбищами, и, по имени своихъ предполагаемыхъ строителей, называются пирамидами Хеопса, Хефрена и Микерина. Самая большая изъ нихъ пирамида Хеопса, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть величайшее зданіе въ мірѣ. Она состоитъ изъ 203 рядовъ камней, имѣетъ 468 парижскихъ футовъ отвѣсной высоты и четыреугольное основаніе въ 716½ футовъ въ каждомъ фасѣ. Вершина ея представляетъ теперь площадку въ 31 футъ въ поперечникѣ. Входъ во внутренность находится на высотѣ 38 футовъ. Пирамида Хефрена имѣетъ 428, а пирамида Микерина 307 футовъ высоты. По разсказу греческаго историка Геродота, доставкою матеріаловъ и постройкою Хеопсовой пирамиды занимались 100,000 человѣкъ въ продолженіе 20 лѣтъ. Говорятъ, что и другія пирамиды на нѣкоторой высотѣ отъ подошвы, и притомъ всегда съ сѣверной стороны, имѣютъ отверстіе, которое узкимъ ходомъ ведетъ во внутренность зданія. Въ Хеопсовой пирамидѣ находится глубокая яма, ведущая вверхъ и внизъ, корридоры и нѣсколько комнатъ. Въ каждой изъ нихъ стоитъ продолговатый каменный ящикъ, считающійся за царскій саркофагъ, въ которомъ, будто бы, прежде лежала мумія. Подобнымъ же образомъ устроены и прочія пирамиды, во внутренность которыхъ могли проникнуть. Недалеко отъ пирамидъ Гизе находится высѣченная въ скалѣ статуя сфинкса, въ 117 парижскихъ футовъ длины, и теперь по шею засыпанная пескомъ. Открытая часть ея имѣетъ около 27 футовъ высоты, а окружность головы статуи составляетъ 81 футъ. Между передними лапами и шеей въ новѣйшее время было отыскано отверстіе, теперь, однако, снова засыпанное пескомъ. Многіе полагаютъ, что оно ведетъ подземными ходами въ самую большую изъ пирамидъ.

Столицей нижняго Египта былъ Геліополисъ (городъ солнца), названный такъ греками потому, что былъ посвященъ богу солнца и заключалъ самый знаменитѣйшій изъ его храмовъ. Египетское имя города было: Онъ, и подъ этимъ названіемъ Геліополисъ упоминается и въ библіи въ разсказѣ объ Іосифѣ. Подобно Ѳивамъ и Мемфису, онъ былъ знаменитъ жреческимъ училищемъ и считался какъ бы университетомъ Египта. При устьяхъ двухъ крайнихъ изъ семи рукавовъ Нила стояли два большіе города: Пелузіумъ на востокѣ и Канопусъ на западѣ. Но важнѣйшимъ изъ нижне-египетскихъ городовъ, послѣ Геліополиса, былъ Саисъ, лежавшій внутри Дельты и также славившійся своей жреческою академіей. Въ этомъ-то городѣ Амазисъ, одинъ изъ послѣднихъ царей Египта, поставилъ высѣченный изъ цѣльной скалы небольшой храмъ, пере-

возка котораго съ острова Элефантины, гдѣ онъ былъ изготовленъ, до Саиса потребовала трехлѣтняго труда 3,000 человѣкъ. Онъ имѣлъ 34 фута длины, 24½ ширины и 12 высоты. Александрія, самый знаменитый изъ всѣхъ городовъ нижняго Египта, была построена Александромъ Великимъ уже чрезъ нѣсколько столѣтій послѣ паденія независимости Египта.

Источниками для египетской исторіи служатъ: указанія ветхаго завѣта, — самыя вѣрныя изъ всѣхъ извѣстій, какія мы только имѣемъ объ Египтѣ, извѣстія древне-греческихъ историковъ, нѣсколько легковѣрно записанныя съ изустныхъ разсказовъ, дошедшіе до насъ отрывки также мало достовѣрной исторіи, составленной по храмовымъ архивамъ египетскимъ жрецомъ, Манеѳо, въ третьемъ вѣкѣ до нашего лѣтосчисленія, нѣсколько отысканныхъ древне-египетскихъ рукописей, архитектурные памятники страны и, наконецъ, гіероглифическія надписи на стѣнахъ этихъ зданій. Но, не смотря на всѣ эти источники, невозможно составить полную исторію Египта, которая бы шла далѣе восьмаго вѣка до р. X. Относительно болѣе отдаленныхъ временъ мы принуждены ограничиться нѣкоторыми отдѣльными происшествіями и общей характеристикой состоянія цивилизаціи, не будучи въ состояніи очертить связный ходъ событій этой эпохи.

Древніе египтяне не принадлежали къ африканской расѣ, какъ это прежде думали нѣкоторые ученые. Историческія данныя и изслѣдованія, произведенныя надъ муміями, доказываютъ несомнѣннѣйшимъ образомъ, что ихъ должно причислить къ кавказскому племени; но ближайшее ихъ родство съ которой нибудь изъ вѣтвей этого племени до сихъ поръ еще не опредѣлено положительно. Нѣкоторые ученые держатся мнѣнія, что они принадлежали къ одной семьѣ съ нынѣшними нубійцами или барабрами и, вмѣстѣ съ ними и нѣкоторыми другими сѣверо-африканскими народами, составляли такъ называемую нубійскую, или эѳіопскую вѣтвь кавказскаго племени. Другіе, напротивъ того, причисляютъ ихъ къ семитическому, или арамейскому племени, къ которому также принадлежатъ евреи, арабы, финикіяне и другіе народы. Нынѣшнихъ христіанскихъ обитателей Египта, извѣстныхъ подъ именемъ коптовъ, считаютъ потомками древнихъ египтянъ. Языкъ ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, происходитъ отъ древне-египетскаго.

Вѣроятно, что предки египтянъ прикочевали чрезъ Аравію и Бабъ-эль-Мандебскій проливъ сначала въ Нубію и уже потомъ переселились въ Египетъ. Съ жителями Нубіи и даже болѣе южныхъ принильскихъ странъ они всегда оставались въ сношеніяхъ. Жившіе тамъ въ древности народы были имъ родственны по происхожденію, — а многочисленные остатки зданій и статуй, встрѣчающіеся тамъ теперь и отмѣченные печатью египетскаго стиля, доказываютъ продолжительную связь этихъ народовъ съ египтянами.

Первоначально египтяне занимали только верхнюю часть страны. Но уже во времена Авраама, т. е. за 2000 до р. X., нижній Египетъ былъ не только заселенъ, но и успѣлъ достигнуть цвѣтущей цивилизаціи. Египетскій лѣтописецъ насчитываетъ 29 династій, послѣдовательно властвовавшихъ въ Египтѣ до персидскаго нашествія. Первымъ царемъ страны считаютъ Менеса. Однимъ изъ его преемниковъ, время жизни котораго точно также нельзя опредѣлить, былъ упомянутый нами Озимандисъ. Подобнымъ же образомъ, нельзя съ точностью сказать, какіе цари властвовали въ Египтѣ во время прибытія туда Авраама и впослѣдствіи Іосифа.

Въ эпоху, слѣдовавшую за появленіемъ въ нильской долинѣ Авраама, Египетъ подвергся нападенію, грозившему совершеннымъ уничтоженіемъ его цивилизаціи. Въ нижнемъ Египтѣ находились болотистыя мѣстности и луга, гдѣ жили египетскіе пастушескіе роды, и которые, какъ кажется, часто отводились подъ извѣстными условіями инороднымъ кочующимъ племенамъ. Такого рода примѣръ мы видимъ на евреяхъ. Эти номады размножались иногда до такой степени, что производили нападенія на цивилизованныя области Египта и грозили ихъ независимости. Подобная же опасность нѣсколько разъ угрожала въ средніе вѣка мухаммеданскому государству, образовавшемуся въ Египтѣ; и такую-то грозу пришлось выдержать египтянамъ нѣсколько позже эпохи Авраама. Многочисленное пастушеское племя, неизвѣстнаго происхожденія, называвшееся гиксами, завоевало тогда нижній и средній Египетъ, и затѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ

вѣковъ господствовало въ этомъ краѣ. Лишь послѣ столь длиннаго періода удалось наконецъ египтянамъ изгнать ихъ изъ своего отечества. Во время владычества гиксовъ, которыхъ считаютъ 17-й египетской династіей, прибылъ въ Египетъ Іосифъ, а въ царствованіе 18-й династіи Моисей вывелъ израильтянъ изъ Египта въ Ханаанъ. Правленіе этой династіи считается самымъ цвѣтущимъ временемъ египетской цивилизаціи.

Въ 15-мъ вѣкѣ до нашего лѣтосчисленія царствовалъ Меридъ, который построилъ во многихъ городахъ большія сооруженія, провелъ каналъ изъ Нила въ Фаюмскую долину и соединилъ эту рѣку съ названнымъ по его имени озеромъ. Знаменитѣйшимъ изъ царей, слѣдовавшихъ за нимъ, былъ Сезострисъ, которому, впрочемъ, это имя дали греки, между тѣмъ какъ его настоящее египетское имя было, кажется, Рамзесъ или Рамессесъ. Преданіе приписываетъ этому царю походы въ глубь Эѳіопіи, въ отдаленный востокъ Азіи, также какъ и въ Европу до Ѳракіи и береговъ Дона. Въ изображеніяхъ, сохранившихся еще на египетскихъ памятникахъ, ни одинъ изъ царей не прославляется такъ часто, какъ Сезострисъ. Впрочемъ, по всей вѣроятности, экспедиціи его не переходили за предѣлы Эѳіопіи. Аравіи и странъ, прилегающихъ къ Персидскому заливу; въ противномъ случаѣ, невозможно бы было объяснить, почему объ этихъ походахъ не упоминается въ ветхомъ завѣтѣ. Сезострису приписываютъ также множество большихъ сооруженій всевозможныхъ родовъ.

Одинъ изъ слѣдующихъ за тѣмъ царей, Рампсинитъ, жившій приблизительно за 1200 лѣтъ до р. X., украсилъ великолѣпными зданіями городъ Мемфисъ. Его ближайшими преемниками были два брата, Хеопсъ и Хефренъ, и сынъ перваго, Микеринъ, которымъ греческіе историки приписываютъ постройку большихъ пирамидъ Гизе. Многіе изслѣдователи древности полагаютъ однако, что подъ этими тремя именами слѣдуетъ разумѣть царей гораздо древнѣйшаго періода. Въ новѣйшее время очень многіе пришли къ заключенію, что эти пирамиды были построены за 2000 лѣтъ до р. X. и даже гораздо ранѣе, и что вообще это древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ человѣческаго искусства. Они основываютъ это мнѣніе на томъ, что въ кладбищахъ, находящихся близъ пирамидъ, найдены были имена царей, которыхъ нѣтъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ египетскихъ династій; а также и на томъ, что на большомъ сфинксѣ есть іероглифическая надпись, относящаяся будто бы къ періоду между Меридомъ и Сезострисомъ. Впрочемъ, дѣйствительная древность пирамидъ, вѣроятно, никогда не будетъ опредѣлена съ точностью, потому что на нихъ нѣтъ никакихъ надписей, ни даже малѣйшаго слѣда скульптурной работы.

Ближайшее затѣмъ время египетской исторіи покрыто мракомъ, который только отъ времени до времени разсѣевается извѣстіями, сообщаемыми ветхимъ завѣтомъ. Внутреннія безпокойства, нападенія другихъ народовъ и завоеваніе страны нубійскими и эѳіопскими царями потрясли и разстроили древнѣйшее государство, которое около этого времени начинаетъ терять свою замкнутость и вступаетъ въ постоянныя сношенія съ государствами передней Азіи. Іудейскій царь Соломонъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ тогдашнимъ царемъ Египта, но подъ конецъ его правленія отношенія между обѣими державами измѣнились. Въ Египтѣ вспыхнула революція, при помощи которой Шешонкъ, или Сизакъ успѣлъ низвергнуть царя и вступить на престолъ. Новый царь сталъ поддерживать Іеровоама противъ Ровоама, сына Соломона, обложилъ Іудею контрибуціей, овладѣлъ Іерусалимомъ и похитилъ всѣ сокровища храма (791 до р. X.). Послѣ Шешонка, египетская исторія снова становится темной и запутанной. Хотя въ правленіе Ассы, третьяго царя іудейскаго, и вторгается изъ Египта въ Іудею царь Серахъ, испытывающій при этомъ сильное пораженіе (947 до р. X.), но библія говоритъ, что онъ былъ кушитъ. А въ библіи этимъ именемъ называются то эѳіопы, то аравійскія племена по обоимъ берегамъ Краснаго моря; такъ что никакъ нельзя рѣшить, былъ ли Серахъ эѳіопскимъ царемъ, покорившимъ Египетъ, или правителемъ какого-нибудь государства, возникшаго между Египтомъ и Краснымъ моремъ.

Около половины восьмаго вѣка до нашего лѣтосчисленія, Египетъ былъ завоеванъ эѳіопами подъ предводительствомъ царя Сабакона, который властвовалъ въ Египтѣ съ 765 по 715 годъ. Въ библіи этого царя называютъ Со, или

Севе. Израильское царство было тогда сильно стѣснено ассирійскими царями, Тиглатъ-Пилесаромъ и Салманассаромъ, и потому царь Осія обратился съ просьбою о помощи къ Сабакону, который однако не захотѣлъ начинать войны съ могущественной Ассирійской монархіей, и Израиль былъ подавленъ превосходствомъ непріятельскихъ силъ. Вслѣдствіе этого граница Ассирійской монархіи приблизилась къ Египту, и оба государства должны были неизбѣжно придти въ непріязненное столкновеніе. По словамъ одного греческаго историка, египтяне, послѣ смерти Сабакона, сбросили съ себя эѳіопское иго, и вскорѣ затѣмъ на престолъ вступилъ жрецъ по имени Сетосъ, долго удерживавшій за собою власть. Но, по другимъ, гораздо болѣе правдоподобнымъ извѣстіямъ, которыя сходятся также и съ показаніями библіи, послѣ Сабакона вступилъ на престолъ сынъ его, Себихосъ, по смерти котораго верховною властью овладѣлъ эѳіопскій царь, Таракъ или Тиргака. Этотъ царь, господствовавшій въ одно и то же время въ Египтѣ, Эѳіопіи и надъ сосѣдними народами пустыни, велъ войну съ Санхерибомъ, тогдашнимъ царемъ Ассиріи. Санхерибъ хотѣлъ завоевать Египетъ и двинулся туда съ огромной арміей, но Тиралка выступилъ противъ него съ еще большими силами, и Санхерибъ, потерявшій отъ чумы большую часть своихъ войскъ, былъ принужденъ оставить предпріятіе и спѣшить назадъ въ Ассирію.

Въ ближайшее затѣмъ время, исторія котораго очень безсвязна, эѳіопская династія была изгнана египтянами. Но въ то же время началась анархія, потомъ многодержавіе, пока, наконецъ, въ половинѣ седьмаго вѣка до р. Х. не удалось одному изъ многихъ владѣтелей Египта, Псамметиху изъ Саиса, вытѣснить остальныхъ и основать новую династію, господствовавшую надъ цѣлою страною. Греки называли время, непосредственно предшествовавшее Псамметиху, Додекархіей, или правленіемъ двѣнадцати, — потому что государство было раздѣлено на двѣнадцать частей, имѣвшихъ своихъ отдѣльныхъ царей. Вотъ что объ этомъ времени говоритъ одинъ греческій историкъ, разсказъ котораго, впрочемъ, не болѣе какъ романическое представленіе того простаго факта, что Псамметихъ съ помощью наемныхъ иностранныхъ солдатъ выгналъ изъ страны остальныхъ владѣтелей. Греческій историкъ говоритъ, что двѣнадцать государей рѣшились управлять сообща и, въ знакъ своей тѣсной дружбы, построили величественный, составленный изъ двѣнадцати дворцовъ, лабиринтъ. По другимъ источникамъ онъ былъ построенъ позже, однимъ Псамметихомъ, а по третьимъ — гораздо ранѣе этого времени и совсѣмъ съ другою цѣлью, можетъ быть, просто изъ желанія воздвигнуть громадное зданіе, возбуждающее удивленіе. Союзные владѣтели слышали отъ одного оракула, что судьба предназначила единодержавіе тому изъ нихъ, который въ извѣстномъ храмѣ принесетъ жертву въ мѣдномъ сосудѣ. И вотъ, когда однажды они совершали въ этомъ храмѣ торжественное жертвоприношеніе, и первосвященникъ сталъ раздавать имъ золотыя чаши для обычнаго обряда съ жертвеннымъ питьемъ, — оказалось, что въ храмъ по ошибкѣ было принесено всего одиннадцать чашъ. Тогда Псамметихъ, бывшій послѣднимъ и потому не получившій чаши, снялъ свой мѣдный шлемъ и въ немъ принесъ жертву. Остальные государи, помня предсказаніе оракула, увидѣли въ этомъ умышленное дѣйствіе и потому лишили Псамметиха власти и изгнали его въ дальнюю область нижняго Египта. Онъ рѣшился отмстить имъ и для того обратился къ оракулу, который отвѣчалъ, что за него отмстятъ мѣдные люди изъ-за моря. Псамметихъ не понялъ этого отвѣта, но увидѣлъ, что предсказаніе сбылось, когда, покрытые латами греческіе и карійскіе морскіе разбойники высадились въ нижнемъ Египтѣ. Узнавъ въ нихъ исполнителей своей мести, Псамметихъ купилъ ихъ содѣйствіе блестящими обѣщаніями и, во главѣ ихъ, побѣдилъ остальныхъ владѣтелей Египта.

Достигнувъ господства надъ Египтомъ съ помощью иноземныхъ наемниковъ, превосходившихъ египтянъ храбростью и вооруженіемъ, Псамметихъ, даже послѣ паденія своихъ противниковъ, содержалъ иностранную армію, которая была ему безусловно предана и помогла утвердиться на престолѣ. Туземная каста воиновъ была раздражена этимъ, и значительная часть ея переселилась изъ Египта въ Эѳіопію. Правленіе Псамметиха замѣчательно въ особенности потому, что онъ наперекоръ давней привычкѣ египтянъ къ отчужденности и неудовольствію, съ которымъ они встрѣчали иностранцевъ, облегчилъ послѣднимъ доступъ въ Еги-

петъ. Болѣе всего онъ заботился о томъ, чтобъ оживить торговыя сношенія съ энергическими и промышлеными греками и этимъ путемъ доставить египтянамъ преимущества, которыя имѣли предъ ними греки. Затѣмъ, Псамметихъ старался подвинуть предѣлы своего государства къ Азіи. Съ этою цѣлью онъ напалъ на филистимлянъ, которыхъ и побѣдилъ послѣ весьма продолжительной и упорной борьбы; но смерть остановила дальнѣйшее исполненіе его плана.

Въ 617 до р. Х. ему наслѣдовалъ сынъ его, Нехао, все вниманіе котораго было обращено на развитіе торговли и на завоеванія. Онъ снова создалъ египетскій флотъ и, въ видахъ торговли, сдѣлалъ попытку соединить посредствомъ канала Средиземное море съ Краснымъ. Каналъ этотъ, который долженъ былъ связать верхнюю часть самаго восточнаго изъ рукавовъ Нила съ крайними пунктами Краснаго моря, не былъ однако оконченъ, и неизвѣстно, какія причины заставили Нехао бросить начатое дѣло. Нехао съ большою энергіею продолжалъ завоевательныя предпріятія своего отца. Онъ двинулся на завоеваніе Вавилонской монархіи и на пути, въ сраженіи при Мегиддо, разбилъ іудейскаго царя Іосію (611), пытавшагося задержать его, и сдѣлалъ его данникомъ Египта. Противъ вавилонянъ онъ сначала дѣйствовалъ счастливо и завоевалъ даже все пространство отъ Палестины до Евфрата; но въ 604 году до р. Х. былъ разбитъ на голову Навуходоносоромъ при Кархемишѣ на Евфратѣ. Это пораженіе лишило его всѣхъ сдѣланныхъ имъ завоеваній, и, къ концу царствованія Нехао, владѣнія его снова ограничились однимъ Египтомъ. Сынъ и преемникъ Нехао, Псаммисъ, или Псамметихъ II, царствовавшій съ 594 по 588 до р. Х., предпринималъ походъ въ Эѳіопію, о которомъ мы знаемъ только то, что онъ не могъ быть особенно счастливъ, потому что нигдѣ нѣтъ и слѣда разсказовъ объ его успѣхѣ. Сынъ его, Апрій (588 — 563), продолжалъ политику Псамметиха и Нехао. Онъ направилъ свое оружіе противъ финикіянъ и имѣлъ успѣхъ въ этой войнѣ. Но его походы, произволъ, жестокость и, наконецъ, пристрастіе къ иностранцамъ, составлявшимъ значительную часть арміи, возбудили противъ него всеобщее неудовольствіе египтянъ. Поэтому, когда онъ былъ разбитъ въ походѣ противъ греческой колоніи Кирены, лежавшей къ западу отъ Египта, египетская часть его арміи возмутилась и выбрала царемъ одного изъ полководцевъ — Амазиса. Между обоими претендентами завязалась борьба. Оставшіеся вѣрными Апрію иностранные наемники дрались весьма храбро, но все-таки должны были уступить перевѣсу силъ египтянъ. Самъ Апрій былъ взятъ въ плѣнъ. Амазисъ отвезъ его въ тогдашнюю резиденцію, Саисъ, хотѣлъ сохранить ему жизнь и обращался съ нимъ, какъ съ царемъ, но былъ, наконецъ, принужденъ уступить неистовству народа, въ высшей степени озлобленнаго противъ Апрія. Низложенный царь былъ выданъ саисской черни и задушенъ ею. Около этого времени, вѣроятно, въ продолженіе борьбы между Апріемъ и Амазисомъ, Египетъ былъ завоеванъ Навуходоносоромъ, и на короткое время подчинился вавилонянамъ. Но быстрое паденіе вавилонскаго могущества, начавшееся со смертью этого царя, спасло тогда Египетъ отъ долговременной потери политической самостоятельности.

Амазисъ царствовалъ съ 563 по 525 до р. Х. и, подобно царямъ низложенной имъ династіи, имѣлъ резиденціею Саисъ. Онъ возстановилъ порядокъ, потрясенный насильственной перемѣной династіи, сильною рукою управлялъ Египтомъ, и, по примѣру своихъ ближайшихъ предшественниковъ, вскорѣ составилъ себѣ греческое наемное войско. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ не могъ не видѣть, что греки были гораздо искуснѣе въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ египетская военная каста. Онъ также всячески старался оживить торговлю, заключалъ для этого союзы съ различными греческими государствами, и вообще поощрялъ сношенія съ греками больше, чѣмъ всѣ прежніе египетскіе цари. Амазисъ позволилъ имъ не только поселиться въ странѣ для торговли, но даже строить себѣ храмы и открыто отправлять богослуженіе; онъ самъ сдѣлалъ нѣкоторымъ храмамъ Греціи дорогіе подарки и прислалъ, напримѣръ, весьма значительную сумму для возстановленія знаменитаго дельфійскаго храма. Изъ его греческихъ союзниковъ всѣхъ болѣе прославился Поликратъ, владѣтель острова Самоса. Этотъ человѣкъ такъ удачно велъ всѣ свои предпріятія, что его другъ Амазисъ былъ даже встревоженъ этимъ. Убѣжденный въ непрочности всего земнаго, въ томъ, что человѣкъ не можетъ быть постоянно счастливъ, и тѣмъ тяжелѣе поражается

неизбѣжнымъ горемъ, чѣмъ болѣе счастія выпало ему на долю, — Амазисъ уговаривалъ Поликрата самому причинить себѣ несчастіе, чтобы такимъ образомъ удовлетворить завистливую судьбу и доставить себѣ ту очередующуюся смѣсь страданія и радостей, изъ которой необходимо должна состоять жизнь. Поликратъ послѣдовалъ совѣту, и бросилъ въ море величайшее свое сокровище дорогое кольцо. Черезъ нѣсколько дней одинъ рыбакъ принесъ ему въ подарокъ какую-то пойманную имъ рѣдкую рыбу, и, когда ее стали варить, въ ней нашли брошенное кольцо. Поликратъ счелъ это за знакъ особенной милости боговъ, и въ этомъ смыслѣ написалъ Амазису письмо. Но Амазисъ тогда испугался еще болѣе и еще тверже укрѣпился въ своей мысли, что избытокъ счастія долженъ впослѣдствіи подвергнуть Поликрата тѣмъ большему бѣдствію. Онъ даже объявилъ Поликрату, что отказывается отъ его дружбы, чтобы, — какъ говоритъ разсказывающій эту исторію греческій писатель Геродотъ, — избавить себя отъ скорби, которую ему пришлось бы ощутить, если бы несчастіе постигло Поликрата, пока тотъ еще продолжалъ оставаться его другомъ. И день несчастія дѣйствительно наступилъ для владыки Самоса. Одинъ персъ хитростью лишилъ Поликрата власти и задушилъ его. Хотя Геродотъ, справедливо признающій въ судьбѣ Поликрата поразительный примѣръ непостоянства счастія, и говоритъ, что чисто человѣческія причины побудили Амазиса разорвать дружбу съ нимъ, но, нѣтъ сомнѣнія, что тутъ дѣло не обошлось безъ какихъ-нибудь, не дошедшихъ до насъ, политическихъ отношеній.

Всѣ извѣстія сходятся въ томъ, что подъ управленіемъ Амазиса Египетъ благоденствовалъ. Его благосостояніе значительно развилось и доставило Амазису средства украсить нѣкоторые города, и особенно Мемфисъ и Саисъ, величественными зданіями и увеличить великолѣпіе многихъ храмовъ новыми статуями. Но и Египетъ долженъ былъ испытать прихотливый нравъ счастія и измѣнчивость всего земнаго; потому что еще въ правленіе Амазиса разыгралась буря, лишившая страну независимости. Въ Азіи въ это время была основана Киромъ огромная Персидская монархія, второй властитель которой, Камбисъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, рѣшился покорить Египетъ. Смерть избавила самого Амазиса отъ грозившей опасности, но еще до этого Камбисъ окончилъ почти всѣ приготовленія къ походу, и чрезъ полгода Египетъ уже былъ персидской провинціей. Финикіяне, — вѣроятно, изъ зависти къ цвѣтущей торговлѣ грековъ, покровительствуемыхъ Амазисомъ, — Поликратъ Самосскій и жители Кипра, когда-то покоренные Амазисомъ, добровольно присоединились къ врагамъ его и поддержали персовъ своимъ флотомъ. Одинъ изъ предводителей греческихъ наемныхъ войскъ, обиженный Амазисомъ, бѣжалъ къ Камбису и своимъ знаніемъ положенія дѣлъ въ Египтѣ, много помогъ персамъ при составленіи плана кампаніи.

Можно сказать, что сынъ Амазиса, Псамменитъ, вступилъ на престолъ только за тѣмъ, чтобы уступить его персамъ, потому что, едва прошло шесть мѣсяцевъ со смерти отца его, какъ онъ уже былъ плѣнникомъ персидскаго царя (525 до р. X.). Персы двинулись въ Египетъ сухимъ путемъ, и потому Псамменитъ расположился лагеремъ на восточной границѣ государства при городѣ Пелузіумѣ. Здѣсь произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ, послѣ долгаго и упорнаго боя, египтяне были разбиты. Черезъ семьдесятъ лѣтъ греческій историкъ Геродотъ видѣлъ еще это поле усѣяннымъ костями убитыхъ. Онъ считалъ возможнымъ отличать между ними персовъ по хрупкости ихъ черепа, сравнительно съ твердымъ, какъ камень, черепомъ египтянъ. Ему объясняли эту разницу тѣмъ, что персы постоянно покрывали головы, тогда какъ въ Египтѣ низшія сословія съ молодыхъ лѣтъ брили голову и подвергали ее дѣйствію воздуха и солнечныхъ лучей. Разбитая армія египтянъ потянулась назадъ къ Мемфису и заперлась тамъ, но Камбисъ овладѣлъ городомъ и взялъ въ плѣнъ царя и все войско. До паденія города, египтяне убили присланнаго къ нимъ персидскаго парламентера, вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ корабля, на которомъ онъ пріѣхалъ. Поэтому весьма вѣроятно, что очень многіе молодые египтяне были казнены въ Мемфисѣ, по приговору персидскихъ войсковыхъ судей. Съ царемъ Псамменитомъ Камбисъ поступилъ также милостиво, какъ это всегда дѣлали персы отдаленнѣйшаго періода съ побѣжденными государями. Онъ получилъ владѣніе въ окрестностяхъ персидскаго города Сузы, съ позволеніемъ привести туда, для своего

развлеченія, шесть тысячъ имъ самимъ выбранныхъ египтянъ. По другому, гораздо менѣе правдоподобному, извѣстію, онъ подвергся болѣе жестокой участи. Говорятъ, что вмѣстѣ съ упомянутыми выше молодыми египтянами, былъ казненъ и единственный сынъ Псамменита. Псамменитъ видѣлъ, какъ его вели въ оковахъ, но не пролилъ при этомъ ни одной слезы. Онъ сохранилъ такое же наружное спокойствіе и при видѣ своей дочери, которая въ одеждѣ невольницы проходила подъ его окнами. Но, увидѣвъ престарѣлаго и любимаго имъ египтянина, лишеннымъ имущества и просящимъ милостыню, — онъ заплакалъ объ его участи. Узнавъ объ этомъ, Камбисъ приказалъ спросить Псамменита о причинахъ его страннаго поведенія. Псамменитъ отвѣтилъ, что онъ могъ проливать слезы о несчастіи друга, но что скорбь его о дѣтяхъ была такъ велика, что онъ не могъ плакать. Тогда Камбисъ почувствовалъ состраданіе и сталъ не только ласково обращаться съ Псамменитомъ, но даже сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ въ Египтѣ. Однако, вскорѣ послѣ того Псамменитъ составилъ заговоръ и потому былъ казненъ.

Впослѣдствіи египтяне приписывали персидскому царю и много другихъ варварскихъ поступковъ. Говорятъ, напримѣръ, что онъ ограбилъ и разрушилъ множество храмовъ и кладбищъ и ругался надъ религіозными понятіями и обычаями египтянъ. Но эти разсказы очевидно частью выдуманы, частью преувеличены и объясняются сильной ненавистью къ нему даже позднѣйшихъ египтянъ. Разсказываютъ, между прочимъ, что въ Саисѣ онъ приказалъ открыть гробъ Амазиса и выбросить трупъ этого царя. Такъ же варварски поступилъ онъ будто бы, когда вернулся изъ неудачнаго похода въ пустыню и засталъ мемфисское населеніе празднующимъ рожденіе священнаго быка. Быкъ этотъ былъ зарѣзанъ, жрецы преданы бичеванію, а жители подверглись всякаго рода насиліямъ. Камбисъ хотѣлъ также покорить оазъ Сиуа или Аммоніумъ и съ этой цѣлью отправилъ туда часть своего войска; но отрядъ этотъ заблудился въ пустынѣ и погибъ до послѣдняго человѣка, неизвѣстно гдѣ и какъ. Самъ Камбисъ съ большей частью оставшагося у него войска пошелъ въ Эѳіопію, для завоеванія одного тамошняго негрскаго государства; но и этотъ походъ былъ немногимъ счастливѣе. Взятые въ путь запасы истощились въ нѣсколько дней, и персы должны были питаться мясомъ вьючныхъ животныхъ и встрѣчавшимися травами и кореньями; наконецъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи стали по жребію выбирать даже людей на съѣденіе. Тогда Камбисъ отказался отъ своего плана и поспѣшилъ назадъ въ Египетъ.

Египетъ оставался персидской провинціей въ продолженіе двухъ вѣковъ. Затѣмъ, когда Александръ Великій произвелъ переворотъ на всемъ востокѣ историческаго міра, онъ снова на нѣкоторое время сталъ свободенъ, подъ управленіемъ династіи греческихъ царей. Древній бытъ египтянъ хотя и продолжалъ существовать во все время персидскаго владычества и даже долгое время спустя, но никогда уже не достигалъ прежняго своего значенія. Египетъ былъ однимъ изъ тѣхъ первобытныхъ государствъ, развитіе которыхъ было дѣломъ исключительно одной жреческой касты, а тогда уже наступилъ новый періодъ міровой жизни, въ которомъ могло процвѣтать только то, что соотвѣтствовало духу времени. Общественные принципы и формы, господствовавшіе въ Египтѣ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, уже не подходили къ духу новаго времени; и потому первобытная цивилизація этой страны осталась тѣмъ же, чѣмъ была со временъ завоеванія его персами, — т. е. грудой развалинъ, гдѣ жизнь открывается только ищущему назиданія историку.

Въ Египтѣ, также какъ и въ большей части первобытныхъ государствъ, характеристическою чертою общественнаго быта было преобладаніе жрецовъ и кастовое устройство. О числѣ *кастъ* въ Египтѣ существуютъ весьма различныя мнѣнія. Можно однако положительно сказать, что главныхъ кастъ тамъ было всегда четыре; всѣ же остальныя были только подраздѣленія ихъ и корпораціи. Жрецы и воины составляли двѣ первыя и знатнѣйшія касты. Остальныя двѣ заключали въ себѣ всю массу трудящагося класса, но нельзя опредѣлить, гдѣ проходила между ними раздѣльная черта, потому что древніе писатели въ этомъ отношеніи противорѣчатъ другъ другу. *Каста жрецовъ* была почетнѣйшею и своимъ преобладающимъ вліяніемъ господствовала надъ всѣми остальными. Къ ней принадлежали жрецы и всѣ служители культа. Она одна обладала всѣми

тайнами религіи, знаніями науки и глубокими познаніями въ искусствахъ. Занимая, кромѣ того, всѣ судебныя мѣста и высшія должности по всѣмъ отраслямъ управленія и составляя въ то же время верховный совѣтъ государя, жрецы, такимъ образомъ, давали направленіе всей общественной жизни. Самъ царь, при вступленіи на престолъ, дѣлался членомъ жреческой касты. Совершенная независимость ея положенія обезпечивалась и тѣмъ, что она владѣла особенными землями, освобожденными отъ налоговъ и составлявшими, говорятъ, цѣлую треть плодороднаго пространства Египта. Главою касты былъ первосвященникъ — важнѣйшее лицо въ государствѣ, послѣ царя. Затѣмъ, жрецы имѣли особенныя духовныя коллегіи, или академіи, изъ которыхъ самыя знаменитыя были въ Ѳивахъ, Мемфисѣ и Геліополисѣ. Всѣ высшія судебныя мѣста замѣщались не иначе, какъ членами этихъ коллегій. Жрецы распадались на нѣсколько отдѣловъ, болѣе или менѣе почетныхъ, смотря по божествамъ, которымъ они служили, и по роду своихъ занятій. Сверхъ того существовало нѣсколько степеней посвященія въ тайны религіи, и каждый жрецъ могъ проходить ихъ не иначе, какъ одну за другой. Значеніе жрецовъ зависѣло отъ той степени, къ которой они принадлежали, но достигшихъ высшей степени посвященія всегда было очень немного. Въ эти же религіозныя тайны постоянно посвящались и вступавшіе на престолъ цари. Кромѣ царя, онѣ не могли быть открыты ни одному лицу другой касты. Только въ позднѣйшее время отъ этого правила стали дѣлать отступленія, но и тогда свѣтскіе люди допускались только къ нисшимъ степенямъ посвященія. Новѣйшія изысканія доказали, что у египтянъ жреческимъ саномъ могли быть облечены и женщины изъ жреческой касты или изъ царской фамиліи. Жрецы жили въ зданіяхъ, принадлежавшихъ къ храмамъ тѣхъ божествъ, которымъ они служили. Всѣ они должны были исполнять извѣстныя обязанности, предписанныя только членамъ ихъ касты. Такимъ образомъ, важнѣйшей внѣшней добродѣтелью ихъ была опрятность, поэтому они не имѣли права носить шерстяныхъ тканей и должны были брить волосы на всемъ тѣлѣ. На египетскихъ картинныхъ изображеніяхъ всегда можно узнать жреца по бритому темени и лицу.

Слѣдующей, по значенію, кастой была в о е н н а я. Она пользовалась въ Египтѣ большимъ уваженіемъ, чѣмъ какое обыкновенно имѣетъ это сословіе въ клерикальныхъ государствахъ, потому что Египетъ былъ богатой страной, окруженный бѣдными и грубыми племенами, постоянно грозившими ему нападеніемъ. Военная каста зависѣла исключительно отъ царя и этимъ самымъ давала ему силу, безъ которой онъ необходимо сдѣлался бы простымъ орудіемъ въ рукахъ жрецовъ. Военная каста также была освобождена отъ налоговъ и владѣла землями, раздѣленными между ея членами, которые во время войны получали, говорятъ, еще особенное жалованье. По извѣстіямъ греческихъ писателей, воиновъ было болѣе 400,000, но въ мирное время на службѣ находилось не болѣе 180,000. Они были расположены по разнымъ городамъ и пограничнымъ крѣпостямъ, часто перемѣщались съ мѣста на мѣсто и, прослуживъ извѣстный срокъ, увольнялись по домамъ. Въ военномъ отношеніи страна дѣлилась на двѣ части; воины, поселенные въ одной изъ нихъ, назывались калазирійцами, а въ другой гермотибійцами. Главное начальство надъ войскомъ во время войны принадлежало обыкновенно самому царю; полководцами были члены царской фамиліи и знатныя лица изъ военной касты. Въ случаѣ большихъ войнъ, войска набирались также въ покоренныхъ областяхъ. Армія состояла изъ пѣхоты и колесницъ. Въ безчисленныхъ изображеніяхъ египетскихъ войскъ, встрѣчающихся на древнихъ памятникахъ, нѣтъ ни одного всадника, хотя верховая ѣзда была въ употребленіи, и египетскія лошади славились въ древности даже за предѣлами страны. Впрочемъ, такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ и въ другихъ источникахъ часто упоминается объ египетскихъ всадникахъ, то нужно допустить, что у древнихъ египтянъ существовалъ и этотъ родъ войска, но только имѣлъ второстепенное значеніе. Главною частью были стрѣлки, вооруженные луками и дѣйствовавшіе какъ въ сомкнутомъ строю, такъ и съ колесницъ. Колесницы были двуколесныя и устроены такъ, что на нихъ можно было только стоять. Оружіе состояло изъ латъ, щитовъ, шлемовъ, мечей, пикъ, метательныхъ копій, боевыхъ топоровъ, палицъ и пращей; военная музыка — изъ трубъ и барабановъ. Въ египетской арміи употреблялись также знамена и значки съ весьма различными изображеніями.

Остальныя двѣ касты, которыя можно назвать народными, состояли изъ податной и подчиненной массы населенія. Къ нимъ принадлежало торговое сословіе и весь трудящійся классъ, начиная отъ земледѣльцевъ, — самаго почетнаго въ Египтѣ рабочаго сословія, — до пастуховъ, занятіе которыхъ считалось самымъ низкимъ, и между которыми свинопасы были въ особенномъ презрѣніи. У египтянъ были также бѣлые и черные рабы, которыми дѣлались не одни военноплѣнные, но и покупавшіеся въ другихъ странахъ невольники, какъ это мы видимъ изъ исторіи Іосифа. Покоренные народы, большею частью, считались какъ бы собственностью государства и употреблялись на общественныя работы. Кастовой бытъ такъ глубоко укоренился въ египетскомъ народѣ и такъ тѣсно слился съ его взглядами и привычками, что держался еще цѣлыя три столѣтія послѣ паденія независимости Египта; держался и прежде, не смотря на частыя ссоры между двумя высшими кастами и царемъ. Въ древности ссоры эти едва не довели однажды до междоусобной войны между воинами и жрецами, въ слѣдствіе стремленія послѣднихъ завладѣть свѣтскою властію, а при Псамметихѣ значительная часть военной касты выселилась изъ Египта, оскорбленная тѣмъ, что этотъ государь основалъ свою власть при содѣйствіи иноземныхъ войскъ.

Во главѣ государства стоялъ царь, принадлежавшій къ кастѣ воиновъ, но при вступленіи на престолъ принимавшійся въ касту жрецовъ. Онъ былъ въ одно и то же время главою государства и главою религіи, потому что въ Египтѣ религія и государство были нераздѣльны. Престолъ былъ наслѣдственный, и, повидимому, царь пользовался неограниченною властью, но въ сущности онъ былъ связанъ жрецами, занимавшими мѣста первыхъ сановниковъ, нравами, обычаями и древними законами страны, считавшимися у народа священными, установленными божествомъ. Нѣкоторые изъ этихъ древнихъ законовъ касались даже частной жизни царя. Его занятія и удовольствія были ему предписаны на каждый часъ. Даже ежедневная пища не зависѣла отъ его выбора, и вино, которое въ древнемъ Египтѣ всѣ пили охотно, было или совершенно запрещено царю или разрѣшено ему лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ. Такимъ образомъ въ дѣйствительности царская власть была очень ограничена. Но съ другой стороны, благодаря особеннымъ условіямъ общественнаго быта, энергическій правитель могъ всегда пріобрѣсть гораздо большую и самостоятельную власть. Дѣйствительно, военная каста была подчинена не жрецамъ, а непосредственно царю; сосѣдство же дикихъ народовъ часто заставляло египтянъ вести войны. Такимъ образомъ, если счастливый походъ пріобрѣталъ царю расположеніе военной касты, то, опираясь на нее, онъ могъ сломить вліяніе духовенства и царствовать по своему произволу. Напримѣръ, во времена Іосифа, египетскій царь такъ мало зависѣлъ отъ жрецовъ и такъ мало подчинялся старымъ обычаямъ, что могъ сдѣлать иностранца своимъ министромъ!

Какъ и вездѣ на востокѣ, царь былъ предметомъ глубочайшаго благоговѣнія и, при вступленіи на престолъ, былъ весьма торжественно посвящаемъ въ свой новый санъ. Особенная одежда, посохъ и носимый надъ нимъ вѣеръ изъ страусовыхъ перьевъ — были главными знаками царскаго достоинства. Въ живописи и скульптурѣ, такъ же какъ и на царскихъ знаменахъ, достоинство царя аллегорически изображалось посредствомъ ястреба и державы. Это были собственно эмблематическіе знаки солнца, и этимъ выражалась мысль, что царь господствуетъ на землѣ, какъ солнце на небѣ. Отсюда явилось, такъ часто употребляемое въ библіи, имя фараонъ, или собственно фра, которое по-египетски значило солнце. Царскій дворецъ находился вблизи храма и имѣлъ съ нимъ сообщеніе. Хотя онъ состоялъ изъ многихъ и прекрасныхъ зданій, но все же не былъ такъ великолѣпенъ, какъ строенія, предназначавшіяся для погребенія царей. Впрочемъ, почетъ, отдаваемый умершему царю, заключался не въ одномъ только блестящемъ украшеніи его тѣла и гробницы. Вся страна въ этомъ случаѣ носила въ теченіе 72 дней трауръ, въ продолженіе котораго всѣ храмы были заперты, народъ носилъ траурныя одежды, совершалъ молитвы и не употреблялъ мяса и вина. По окончаніи этого траура, происходилъ весьма странный обрядъ. Набальзамированное тѣло царя ставилось при входѣ въ склепъ, вокругъ собирался народъ и жрецъ говорилъ похвальное слово покойнику. Если народъ былъ недоволенъ

его правленіемъ и принималъ рѣчь съ ропотомъ, царь лишался чести быть погребеннымъ въ царскомъ склепѣ, и тогда его хоронили вмѣстѣ съ прочими.

Администрація Египта была очень проста. Страна была раздѣлена на, такъ называемые, номы или округи, изъ которыхъ въ каждомъ находилось должностное лицо, завѣдывавшее всѣми дѣлами по управленію. Номы, въ свою очередь, дѣлились на другія меньшія части, управлявшіяся подобнымъ же образомъ. О законодательной дѣятельности въ Египтѣ мы не имѣемъ свѣдѣній; но кажется, что новыя статьи или дополненія закона появлялись чрезвычайно рѣдко. О содержаніи законовъ мы знаемъ многое, что можетъ дать намъ понятіе объ оригинальномъ взглядѣ древнихъ египтянъ на право. Основной принципъ египетскаго законодательства заключался въ томъ, что нужно лишать преступника возможности повторить свое преступленіе. Поэтому, напримѣръ, составителей фальшивыхъ актовъ или дѣлателей фальшивой монеты лишали орудій ихъ преступленія, т. е. обѣихъ рукъ, а за выдачу непріятелю государственной тайны отрѣзывали языкъ. Другое основное начало заключалось въ томъ, что должно предупреждать преступленія, и что всякій, кто пренебрегъ этой обязанностью, подлежитъ наказанію. Сообразно съ этимъ, всякаго, кто увидѣлъ совершеніе убійства и не старался ему препятствовать, наказывали такъ же какъ убійцу. Каждый имѣлъ не только право, но и обязанность доносить о всякомъ преступленіи, котораго былъ свидѣтелемъ; не исполнившихъ этого подвергали тѣлесному наказанію и трехсуточному лишенію пищи. Ложнаго доносчика приговаривали къ тому наказанію, какое было опредѣлено за преступленіе, о которомъ онъ доносилъ. Третья особенность египетскаго законодательства заключалась въ томъ, что можно было обвинить человѣка судебнымъ порядкомъ даже послѣ смерти. Въ случаѣ доказательства преступленія, покойникъ лишался чести погребенія. По египетскимъ законамъ, убійство наказывалось строже, чѣмъ у грековъ и римлянъ. Даже за убійство раба, если только оно было совершено съ умысломъ, полагалась смертная казнь. Родители, убивавшіе собственныхъ дѣтей, наказывались только тѣмъ, что три дня и три ночи сряду должны были, подъ надзоромъ воиновъ, держать на рукахъ трупъ своего ребенка. Это исключеніе было сдѣлано, повидимому, на основаніи той мысли, что тотъ, кто убиваетъ существо, которому самъ далъ жизнь, не такъ виноватъ, какъ убійца другаго человѣка. — Судопроизводство древняго Египта отличалось тѣмъ страннымъ установленіемъ, что истецъ и отвѣтчикъ хотя и являлись въ судъ вмѣстѣ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ права говорить въ судѣ. Первый подавалъ свою жалобу письменно, второй точно также подавалъ свое оправданіе, и затѣмъ обѣимъ сторонамъ объявлялся приговоръ.

Образъ жизни низшихъ классовъ былъ простъ и сообразенъ съ климатомъ. Обыкновенный хлѣбъ, остатки котораго въ новѣйшее время были найдены въ склепахъ, приготовлялся изъ дурры, или индійскаго проса. Кромѣ того, дѣлали хлѣбъ изъ другихъ зеренъ и изъ сѣмени лотуса, болотнаго растенія, корень котораго также употреблялся въ пищу. Затѣмъ, пища состояла главнымъ образомъ изъ разнаго рода мяса, фруктовъ и множества овощей; свинина была запрещена. Высшія сословія пили очень много вина и особый родъ пива, приготовлявшагося изъ ячменя. Обыкновеннымъ питьемъ была нильская вода, которая и теперь еще считается очень здоровой. На время наводненія, когда Нилъ былъ мутенъ, египтяне составляли запасы воды, которую держали въ особенныхъ сосудахъ. Жилища многихъ лицъ изъ высшихъ сословій были отдѣланы съ большимъ великолѣпіемъ и снабжены самой разнообразной мебелью. Судя по изображеніямъ на памятникахъ, надобно также думать, что египтяне имѣли большія и прекрасно расположенные сады.

Женщины пользовались большею независимостью и свободою, нежели вообще на востокѣ. Многоженство было, однако, позволено, но примѣры его встрѣчались рѣдко. Вопреки господствующему на востокѣ обычаю, женщины могли также являться въ обществѣ вмѣстѣ съ мужчинами.

Религія египтянъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, была очень проста и состояла въ поклоненіи единому, невидимому, высшему существу, и многочисленные боги, обожаемые египтянами, были не что иное, какъ олицетворенія различныхъ свойствъ и проявленій этого существа. Такимъ образомъ, религія эта

имѣла характеръ исключительно эмблематическій. Но такъ понимали ее только тѣ немногіе жрецы, которые достигали до полнаго посвященія въ тайны египетской религіи. Масса народа, напротивъ, была убѣждена въ дѣйствительномъ существованіи всѣхъ этихъ боговъ, вѣрила буквальному значенію тѣхъ миѳовъ, какіе про нихъ разсказывали и которые должны бы были только служить ей аллегорическимъ представленіемъ догматовъ, — и, такимъ образомъ, пришла къ чистому идолопоклонству. Жрецы, умышленно скрывая отъ народа истину, развили въ немъ суевѣріе, усилившееся еще въ слѣдствіе идей о загробной жизни, побуждавшихъ народъ заботиться о строгомъ исполненіи всѣхъ мелочныхъ религіозныхъ обрядовъ. Египетская религія исказилась, наконецъ, до того, что стала предметомъ отвращенія, даже для языческихъ народовъ древности, и совершенно утратила свою первоначальную чистоту. Египтяне вѣрили въ переселеніе душъ, и, по ихъ понятіямъ, каждая человѣческая душа до своего рожденія странствуетъ по тѣламъ различныхъ животныхъ, а послѣ смерти нисходитъ въ преисподнюю, называемую Аменти, гдѣ ее судитъ богъ подземнаго міра, Озирисъ. Если она окажется чистой и доброй, то переходитъ въ лучшій міръ, гдѣ пользуется полнымъ блаженствомъ. Въ противномъ случаѣ, она въ извѣстной части ада подвергается разнымъ мукамъ, потомъ переходитъ въ тѣла различныхъ животныхъ и, пространствовавъ такимъ образомъ по меньшей мѣрѣ 3000 лѣтъ, снова возвращается въ прежнее свое человѣческое тѣло.

Высшее существо, принадлежности и свойства котораго, по тайному ученію жрецовъ, были олицетворены многочисленными богами, которымъ поклонялись египтяне, — само не имѣло у нихъ никакого имени и не могло быть изображаемо ни въ какомъ видѣ. Кромѣ того, египтяне имѣли 8 великихъ боговъ и множество мелкихъ и поклонялись еще особеннымъ покровительствующимъ божествамъ городовъ, разныхъ мѣстностей, мѣсяцевъ и дней.

Былъ также и богъ зла — Тифонъ. Сильнѣе и распространеннѣе всего было поклоненіе Озирису и Изидѣ, которые потому такъ и прославились за предѣлами Египта. Еще писатели древности были несогласны между собою относительно идей, представляемыхъ различными божествами. Озириса и Изиду, напримѣръ, считали то солнцемъ и луной, то солнцемъ и природой, то олицетвореніемъ оплодотворящей воды Нила и земли. Положительное рѣшеніе подобныхъ вопросовъ затрудняется тѣмъ, что египтяне часто придавали атрибуты одного божества другому.

Храмы обыкновенно посвящались нѣсколькимъ богамъ вмѣстѣ; вслѣдствіе этого, египетскіе боги раздѣлялись на многія группы, которыя въ различныхъ городахъ составлялись различно.

Общими отличительными чертами или аттрибутами боговъ, которые почти всегда можно отыскать на изображеніяхъ, были: скипетръ, такъ называемый ключъ Нила, и у боговъ мужескаго пола поднятая кверху косичка бороды. Такъ называемый нильскій ключъ состоитъ изъ палки съ прикрѣпленной къ верхнему концу поперечной палкой, составляющей съ первой фигуру большаго Т. Боги изображаются держащими его одной рукой за рукоятку, придѣланную къ поперечной палкѣ. Этотъ атрибутъ былъ символомъ жизни. Ученые держались прежде ложнаго мнѣнія, будто онъ изображаетъ благодѣяніе, оказываемое божествомъ Египту, посредствомъ ежегодныхъ разливовъ Нила, и потому дали ему названіе нильскаго ключа. — Боги изображались въ трехъ видахъ: или въ чисто человѣческомъ образѣ, къ которому тогда присоединяли отличительные атрибуты изображаемаго божества; или съ человѣческимъ тѣломъ и головою какого-нибудь животнаго, посвященнаго этому божеству; или, наконецъ, въ полномъ образѣ этого животнаго, украшеннаго въ такомъ случаѣ общими атрибутами. Признаніе животныхъ священными и поклоненіе имъ имѣло, вѣроятно, различныя причины, и главнымъ образомъ: пользу, приносимую ими человѣку, вѣрованіе въ переселеніе душъ и, наконецъ, мысль, что нѣкоторыя животныя, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, могутъ считаться аллегорическимъ изображеніемъ извѣстныхъ свойствъ боговъ. Священныхъ животныхъ было множество, такъ же какъ и священныхъ растеній. Важнѣйшимъ изъ первыхъ былъ, рождавшійся съ особеннымъ знакомъ, быкъ Аписъ. — Богослуженіе египтянъ отличалось торжественностью, но многіе изъ обрядовъ были отвратительны. Религіозные праздники и процессіи

повторялись весьма часто. Постройка храмовъ и изображеніе различныхъ миѳовъ стоили громадныхъ суммъ и поглощали всю дѣятельность и силу трудящагося населенія Египта.

Съ религіей египтянъ было тѣсно связано и употреблявшееся у нихъ бальзамированіе труповъ. Одинъ французскій ученый въ новѣйшее время выразилъ мнѣніе, что жрецы въ глубокой древности ввели этотъ обычай, заботясь о здоровьѣ живыхъ. Ежегодные разливы Нила, размягчая почву до извѣстной глубины, производятъ быстрое гніеніе тѣлъ, которое распространяетъ въ воздухѣ заразительные міазмы. Чтобы предупредить могущія произойти отъ этого болѣзни, и былъ введенъ, по мнѣнію этого ученаго, обычай бальзамировать тѣла людей и всего чаще встрѣчающихся въ Египтѣ животныхъ. Но хитрые жрецы скрыли дѣйствительную причину обычая и связали его съ религіей, такъ какъ она лучше нежели строгость гражданскихъ законовъ, обезпечиваетъ исполненіе данныхъ народу постановленій. Доказательства своего мнѣнія этотъ ученый видитъ въ томъ, что чума, теперь такъ часто свирѣпствующая на востокѣ, всегда начинается въ Египтѣ и стала тамъ появляться не прежде VI вѣка нашей эры, когда впервые окончательно прекратился обычай бальзамированія, и что, наконецъ, эта губительная болѣзнь никогда не посѣщала верхняго Египта, гдѣ Нилъ уже давно не выступаетъ изъ своихъ береговъ. Но это предположеніе не имѣетъ ни малѣйшей вѣроятности, уже по той простой причинѣ, что можно было достигнуть той же цѣли гораздо легче, хороня мертвыхъ въ ближайшей пустынѣ, гдѣ трупы скорѣе бы высыхали. Ни одинъ народъ не дѣлалъ для своихъ мертвыхъ такъ много, какъ египтяне, ни одинъ такъ не заботился объ ихъ сохраненіи, ни одинъ не соединялъ такъ близко столь противоположныя во всѣхъ отношеніяхъ понятія жизни и смерти. Поэтому невозможно, чтобы чисто внѣшняя причина привела къ обычаю бальзамированія; и хотя мы не знаемъ положительно, какъ онъ возникъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣлъ тѣсное соотношеніе съ внутреннимъ бытомъ египетскаго народа, съ его самобытнымъ взглядомъ на жизнь и его религіозными понятіями. Вѣроятно, что обычай этотъ возникъ подъ вліяніемъ вѣрованія въ возвращеніе души въ прежнее тѣло.

Способъ бальзамированія былъ различенъ, смотря по состоянію семейства умершаго. Тѣла бѣдняковъ просто погружались на нѣсколько недѣль въ жидкость, устранявшую гніеніе, и завертывались въ какую-нибудь грубую ткань или рогожу. Напротивъ того, трупы богатыхъ предохранялись отъ гніенія самыми дорогими химическими веществами, завертывались въ тонкое полотно и клались въ изящно украшенные каменные или деревянные гробы. Муміи бѣдныхъ помѣщались въ общественныхъ склепахъ, а у богатыхъ устроивались для этого особенные склепы, иногда состоявшіе изъ нѣсколькихъ комнатъ и богато украшенные живописью и скульптурной работой. Помѣщеніе, гдѣ клалась мумія, было, по мнѣнію египтянъ, настоящимъ жилищемъ человѣка, тогда какъ дома, занимаемые людьми при жизни, служатъ имъ не болѣе, какъ временнымъ пристанищемъ. И до сихъ поръ еще находятъ множество мумій въ египетскихъ склепахъ. Самые богатые изъ нихъ уже давно открыты и ограблены, а муміями арабы въ верхнемъ Египтѣ уже давно пользуются, какъ дешевымъ топливомъ, замѣняющимъ весьма рѣдкое въ томъ краѣ дерево. Родственники умершихъ приносили имъ жертвы и вообще ихъ считали поддерживающими нѣкоторую связь съ своими семействами до тѣхъ поръ, пока не распадалось ихъ тѣло. Пренебреженіе родственниковъ къ ихъ памяти считалось безчестіемъ. Пиры египтянъ часто сопровождались обыкновеніемъ, доказывающимъ, до какой степени этотъ народъ свыкся съ мыслью о смерти и какъ серьезно глядѣлъ онъ на жизнь. Въ самомъ разгарѣ пира, мимо гостей проносили неожиданно деревянное изображеніе муміи, а иногда и настоящую мумію. И это дѣлалось не за тѣмъ, чтобы, какъ думаютъ нѣкоторые, напомнить, что жизнь коротка, и что ею должно наслаждаться, но для того, чтобы понудить присутствующихъ къ умѣренности и возбудить въ нихъ мысль о высшихъ цѣляхъ жизни.

Наука въ Египтѣ была предоставлена жрецамъ, которые одни только и занимались ею. Это ограниченіе предѣловъ высшаго образованія одной только частью націи съ самаго начала стѣснило его развитіе. Другія препятствія къ этому заключались въ высокой цѣнѣ письменнаго матеріяла и въ свойствахъ

письменъ. Египтяне еще въ первобытныя времена изобрѣли бумагу, вошедшую въ употребленіе и за предѣлами Египта. Сами египтяне пользовались только ею, да и въ цивилизованныхъ странахъ Европы она держалась весьма долго, пока наконецъ, во II вѣкѣ до р. Х., была совершенно вытѣснена пергаментомъ. Она приготовлялась изъ водяного растенія, которое называется папирусомъ. Стволъ его разрѣзывался на тонкія пластинки, которыя склеивались вмѣстѣ. Имя этого растенія не только стало именемъ бумаги египтянъ, но и перешло въ языки образованныхъ народовъ запада, для обозначенія различныхъ письменныхъ матеріяловъ.

У египтянъ было три рода письменъ: гіероглифическое письмо, гіератическое и демотическое, или обыкновенное. Эти три рода письменъ образовались послѣдовательно одинъ изъ другаго. Первоначальное гіероглифическое письмо было рисованіемъ и состояло изъ фигуръ предметовъ, о которыхъ шла рѣчь. Въ сохранившихся египетскихъ письменахъ насчитываютъ до 800 такихъ фигуръ. Гіератическое письмо было только сокращеніемъ гіероглифическаго и первымъ переходомъ египтянъ отъ рисованія къ письму. Вмѣсто того, чтобы рисовать цѣлую фигуру, стали ограничиваться одною только частью ея, — изображали, напримѣръ, вмѣсто цѣлаго льва, одну только заднюю часть его тѣла. Демотическое письмо есть, въ свою очередь, сокращеніе гіератическаго и возникло въ слѣдствіе необходимости имѣть для вседневнаго употребленія болѣе скорый видъ письма. Знаки были не только упрощены, но и число ихъ значительно сокращено по сравненію съ гіератическимъ письмомъ, гдѣ ихъ почти такъ же много, какъ въ гіероглифическомъ. Легко понять, что посредствомъ гіероглифовъ въ ихъ первоначальномъ видѣ нельзя написать и одной фразы. Поэтому еще въ древности египтяне должны были въ своихъ гіероглифахъ прибавить къ простымъ рисункамъ предметовъ другіе знаки, изображающіе понятія аллегорически или напоминающіе звукъ слова. Для изображенія однихъ собственныхъ именъ, они необходимо должны были уже рано перейти къ употребленію буквъ. Такимъ образомъ гіероглифическое письмо еще въ раннемъ періодѣ утратило свой первоначальный характеръ и стало заключать три рода знаковъ: начертательные или простые рисунки предметовъ, аллегорическіе (напримѣръ, поднятыя руки для изображенія понятія о жертвоприношеніи) и фонетическіе, т. е. выражающіе звукъ слова или отдѣльной буквы. Египетскія буквы образовались такимъ образомъ, что начертательные и аллегорическіе знаки предметовъ превратили въ начальныя буквы словъ, которымъ они соотвѣтствуютъ: напримѣръ, знакъ орла, котораго древне-египетское названіе было «агомъ», обращенъ былъ въ букву А. Въ эту азбуку, однако, вошли только знаки извѣстнаго числа словъ, при чемъ ихъ приходилось по нѣскольку на каждую букву.

Такимъ образомъ гіероглифы египтянъ отличаются отъ нашего письма большимъ количествомъ буквъ и соединеніемъ ихъ съ начертательными, или символическими значками. Въ новѣйшее время достигли, наконецъ, искусства отчасти разбирать эти письмена. Найденъ былъ камень, извѣстный подъ именемъ Розетской надписи, на которомъ были три надписи. Въ одной изъ нихъ, греческой, было, между прочимъ, объяснено, что остальныя двѣ содержатъ то же самое и высѣчены одна гіероглифами, а другая демотическимъ письмомъ. Хотя, къ несчастію, начало гіероглифической надписи разрушено, но все же можно было составить гіероглифическую азбуку, отыскивая нѣсколько разъ повторяющіяся собственныя имена и опредѣляя отдѣльныя буквы сравненіемъ этихъ именъ между собою.

Гіероглифы вовсе не были, какъ многіе думаютъ, письменами тайными, извѣстными только жрецамъ. Писатели древности увѣряютъ, что каждый благовоспитанный человѣкъ умѣлъ читать ихъ. Кромѣ того, на домашней утвари, встрѣчаемой въ гробницахъ бѣднѣйшихъ ремесленниковъ, есть такія же гіероглифическія надписи, заставляющія думать, что и эти люди могли ихъ разбирать. Всего болѣе употреблялись гіероглифы для надписей на общественныхъ зданіяхъ. Гіеротическое письмо обыкновенно употреблялось жрецами. Демотическое служило преимущественно для ежедневнаго употребленія.

Хотя у древнихъ египтянъ и существовали науки, однако, степень, до которой онѣ успѣли развиться, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа высокой. Такъ, съ медициной, напримѣръ, они познакомились уже очень рано, но на этомъ поприщѣ были далеко превзойдены греками и уже потому не могли

сдѣлать въ этой наукѣ большихъ успѣховъ, что не знали химіи и не занимались анатоміей. Въ такомъ же положеніи были у нихъ и математическія науки. Хотя разливы Нила и потребность земледѣлія рано заставили египтянъ заняться землемѣріемъ, но такъ какъ они не знали даже теоремы Пиѳагора и нѣкоторыхъ другихъ положеній начальной геометріи, то можно сказать, что эта наука у нихъ не пошла далѣе первыхъ началъ и простѣйшаго практическаго примѣненія. Система орошеній, имѣвшая для нихъ такую важность, находилась постоянно въ одномъ и томъ же положеніи. Ихъ механика была также не совершенна. Конечно, нельзя не удивляться, видя, что въ Ѳивахъ, напримѣръ, есть статуя, вѣсящая 17,740 центнеровъ и перевезенная туда слишкомъ за пятьдесятъ миль, или что вѣсъ другаго памятника, поставленнаго въ одномъ изъ храмовъ и высѣченнаго изъ цѣльной скалы, превосходитъ 100,000 центнеровъ. Но египтяне передвигали эти громадныя массы камня посредствомъ множества рукъ, съ помощью только крайне простыхъ машинъ, и притомъ употребляли на это очень много времени.

Ремесла у египтянъ стояли высоко. Утварь и ткани, находимыя въ ихъ гробницахъ, доказываютъ удивительно раннее и высокое развитіе матеріяльныхъ средствъ жизни. Но мы видимъ, что и въ ремеслахъ, какъ во всемъ остальномъ, египтяне, разъ достигнувъ извѣстной степени совершенства, останавливались и не шли далѣе. Позднѣйшія ихъ произведенія были повтореніемъ прежнихъ или шагомъ назадъ. Затѣмъ, мы видимъ у нихъ распредѣленіе труда, доведенное до самыхъ мелочей. Какъ теперь у насъ на фабрикахъ каждый разрядъ рабочихъ постоянно изготовляетъ извѣстную часть предмета, такъ и въ Египтѣ каждый отдѣлъ касты изъ поколѣнія въ поколѣніе занимался одной и той же работой или только частью ея. Народъ точно пріобрѣталъ этимъ путемъ большую сноровку, но зато былъ униженъ до значенія простой машины. Произведенія египетской промышлености были очень разнообразны. Найденныя вещи доказываютъ большое разнообразіе утвари, оружія и тканей. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ были очень тонки, прочны и великолѣпны. Ихъ выдѣлывали изъ льна, шерсти, бумаги и смѣси двухъ послѣднихъ веществъ. Древніе въ особенности прославляютъ матерію, по имени виссонъ, о которой мы однако не знаемъ положительно, изъ льна или бумаги она приготовлялась. Египтяне были въ совершенствѣ знакомы съ искусствомъ золоченія. Кромѣ того, въ гробницахъ найдены изображенія фабрикаціи стекла и различные стеклянные сосуды; цвѣтное стекло и поддѣльные драгоцѣнные камни также изготовлялись очень искусно. Египтяне были знакомы съ стекляннымъ фарфоромъ и эмалью. Кожи выдѣлывали они такъ же какъ мы, умѣли вытѣснять на нихъ разные узоры и украшали ихъ рельефными фигурами. Имъ былъ извѣстенъ и родъ сафьяна, для котораго, какъ и для другихъ издѣлій, они имѣли особенный лакъ. Но они не умѣли приготовлять и смѣшивать красокъ, изъ которыхъ всего чаще употреблялись у нихъ зеленая, красная, голубая и желтая.

Искусство египтянъ, такъ же какъ и вся ихъ цивилизація вообще, отмѣчено тѣмъ же характеромъ застоя и недостатка прогрессивности. Какъ и все прочее, оно было поставлено въ тѣснѣйшую зависимость отъ религіи и потому связано законами, составленными жреческою кастою. Оно служило, главнымъ образомъ, только для приданія большаго великолѣпія культу, а не для вседневной жизни вообще. Въ дѣлѣ искусства египтяне постоянно держались несовершенныхъ образцовъ своихъ предковъ; полагаютъ даже, что художникамъ было запрещено изображать предметы религіознаго содержанія иначе, чѣмъ это было принято и предписано встарину. Поэтому произведенія египетскаго искусства были до такой степени тождественны во всѣ времена, что еще Платонъ говоритъ, что тысячелѣтнія картины и статуи египтянъ нисколько не лучше и не хуже тѣхъ, какія дѣлались въ его время. Произведенія разныхъ столѣтій очень часто кажутся произведеніемъ одного и того же человѣка. Даже и въ позднѣйшее время, когда Египетъ подпалъ подъ власть греческой династіи и познакомился съ твореніями греческаго искусства, — египтяне остались вѣрны своему художественному стилю и продолжали работать по образцамъ, которыхъ держались ихъ предки. Въ памятникахъ ихъ искусства замѣчается только та разница, что чѣмъ они древнѣе, тѣмъ болѣе отличаются смѣлостью плана и совершенствомъ исполненія.

Изображенія живыхъ существъ какъ въ живописи, такъ и въ скульп-

турѣ, далеки отъ недостижимой красоты произведеній искусства Греціи и обличаютъ свойственную египтянамъ неспособность сознавать и передавать идеалъ красоты въ образахъ реальнаго міра. Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ не видно настоящаго характера предмета, и нѣтъ гармоніи, связывающей отдѣльныя части тѣла въ стройное цѣлое. Также плохи изображенія сценъ, въ которыхъ нѣтъ ни перспективы, ни настоящей группировки. Кромѣ того, всѣ фигуры, за весьма рѣдкими исключеніями, постоянно рисуются въ профиль. Всѣ онѣ вообще выражаютъ только какое-нибудь дѣйствіе, но нигдѣ не видно настоящей жизни, признака чувства или страсти. Воинъ, напримѣръ, отличается отъ жреца только одеждой и внѣшними признаками; лицо какого-нибудь царя всегда одно и то же, сражается ли онъ въ бою или приноситъ жертву въ храмѣ. Грація также чужда фигурамъ египетскаго искусства. Изящныя формы встрѣчаются только въ ихъ мебели и утвари, а также и въ нѣкоторыхъ архитектурныхъ украшеніяхъ. Животныя большею частью изображены вѣрнѣе и живѣе, чѣмъ люди.

Скульптура египтянъ отличается колоссальностью своихъ созданій, но страдаетъ тѣми же самыми недостатками, какъ и живопись. Ихъ барельефы, въ сущности, просто копіи съ картинъ. Большею частью ихъ и дѣлали такъ, что рисовали сначала картину на стѣнѣ, а потомъ выдалбливали камень вокругъ фигуръ. Барельефы эти также постоянно раскрашивались. — Одно созданіе ихъ фантазіи, часто повторяющееся въ египетскихъ изваяніяхъ и весьма часто упоминаемое, заслуживаетъ особеннаго описанія. Это сфинксъ, или изображеніе львинаго тѣла съ головою какого-нибудь другаго животнаго или человѣческою. Всего чаще попадаются сфинксы съ человѣческими, бараньими и ястребиными головами. Первый изъ этихъ видовъ, выражавшій соединеніе мудрости и физической силы, всего чаще повторяется нашими художниками. Всѣ сфинксы вообще были символическими изображеніями царей и боговъ. Боговъ узнавали по ихъ звѣринымъ головамъ и украшеніямъ, составлявшимъ ихъ аттрибуты. На сфинксахъ, изображавшихъ царей, высѣкались съ боку ихъ имена.

Произведенія египетской архитектуры возбуждаютъ въ насъ удивленіе точно также не своею художественностью, а чудовищными размѣрами, громадностью механическаго труда и своимъ техническимъ совершенствомъ. Общественныя зданія Египта, развалины которыхъ еще и теперь удивляютъ путешественниковъ, были созданіемъ клерикальной эпохи, когда вся сила націи направлялась къ такого рода предпріятіямъ, и цѣлыя массы народа трудились надъ однимъ дѣломъ, какъ живая машина. Кромѣ того, для такихъ построекъ пользовались еще трудомъ побѣжденныхъ или заискивавшихъ покровительства египтянъ, народовъ. Терпѣніе и настойчивость, необходимыя для такихъ произведеній, тѣмъ удивительнѣе, что египтяне употребляли для нихъ самые твердые камни, какъ напримѣръ: гранитъ, сіенитъ и базальтъ. Можно, сверхъ того, довольно положительно сказать, что они дѣлали это въ такія времена, когда еще не имѣли желѣзныхъ инструментовъ. Безъ этихъ инструментовъ египтяне умѣли также высѣкать съ большою тонкостью и чистотою надписи въ 2 дюйма глубины; и рѣшительно непонятно, какими средствами они придавали такую твердость мѣднымъ и бронзовымъ инструментамъ.

Древнѣйшіе памятники египтянъ находятся въ верхнемъ Египтѣ. Они или высѣчены въ скалахъ, или построены изъ кирпича, высушеннаго на солнцѣ, или же изъ тесаныхъ камней. Послѣдніе употреблялись для постройки храмовъ и имѣли иногда такіе громадные размѣры, что, напримѣръ, въ развалинахъ Карнакскаго дворца есть вдѣланный въ стѣну кусокъ песчаника, имѣющій 40 футовъ длины и 5 толщины. Деревянныя зданія строились очень рѣдко, что объясняется уже однимъ недостаткомъ лѣса въ странѣ. Потолки храмовъ, за самыми рѣдкими исключеніями, дѣлались изъ горизонтально положенныхъ плитъ. Искусство кладки сводовъ было примѣнено въ Египтѣ лишь незадолго до завоеванія его персами. Многіе, не смотря на это, полагаютъ, что египтяне были знакомы съ этимъ искусствомъ и прежде, но какъ бы ни было, достовѣрно по крайней мѣрѣ, что своды не появлялись ранѣе, и что вообще сводчатая форма совершенно не входила въ египетскую архитектуру. Стѣны почти всѣхъ египетскихъ зданій, снаружи и внутри, разукрашены яркими цвѣтами и очень часто покрыты раскрашенными фигурами и надписями. Колонны составляютъ единственную часть

египетскихъ построекъ, въ которой встрѣчается нѣкоторое разнообразіе. Своею массою, числомъ и покрывавшей ихъ живописью, онѣ производили въ храмахъ величественное и въ тоже время подавляющее впечатлѣніе.

Къ знаменитѣйшимъ произведеніямъ египетской архитектуры принадлежатъ кладбища въ скалахъ, пирамиды, храмы и обелиски. Послѣдніе, только какъ составныя части храмовъ, могутъ быть отнесены къ числу произведеній архитектуры. Кладбища въ скалахъ были устроены въ огромномъ числѣ въ горахъ, по обоимъ берегамъ Нила, но преимущественно на западной сторонѣ. По величинѣ и отдѣлкѣ замѣчательнѣе всѣхъ такъ называемые ѳивскіе царскіе склепы, составлявшіе когда-то настоящіе города мертвыхъ; до сихъ поръ ихъ отыскано до двадцати одного. По своей величинѣ, числу комнатъ и корридоровъ, и по великолѣпію украшеній, склепы были далеко не одинаковы. Всѣ они имѣютъ одну только дверь и никогда не освѣщаются дневнымъ свѣтомъ. Ихъ стѣны покрыты надписями, изваяніями и живо изображаютъ все окружавшее человѣка въ жизни: производство различныхъ ремеслъ, земледѣльческія занятія, охоту, сцены домашней жизни и т. п. Въ этихъ склепахъ находятъ также постоянно погребавшуюся вмѣстѣ съ трупами всевозможную утварь и даже дѣтскія игрушки. Благодаря всему этому, мы теперь знакомы съ бытомъ египтянъ почти до малѣйшихъ подробностей и знаемъ его точнѣе, чѣмъ жизнь всѣхъ остальныхъ народовъ древности.

П и р а м и д ы — четырехсторонния зданія, боковыя поверхности которыхъ составляютъ треугольники и сходятся на верху въ одну точку, имѣютъ видъ искусственныхъ горъ и предназначались для погребенія мертвыхъ. Большая часть пирамидъ находилась близъ Мемфиса на его большомъ кладбищѣ. Они были построены здѣсь царской династіей, сдѣлавшей Мемфисъ своей столицей, съ цѣлью противопоставить проставленнымъ верхне-египетскимъ каменнымъ кладбищамъ — исполинское сооруженіе другаго рода, хотя имѣвшее то же назначеніе. Нельзя съ точностью опредѣлить, сколько пирамидъ еще уцѣлѣло близъ Мемфиса или во всемъ Египтѣ вообще. Нѣкоторыя изъ нихъ очень малы и потому легко могутъ быть незамѣчены путешественниками; притомъ многія изъ тамошнихъ развалинъ сохранились въ такомъ видѣ, что нельзя узнать, были ли онѣ пирамидами или чѣмъ-нибудь другимъ. Стороны пирамидъ вполнѣ соотвѣтствуютъ четыремъ странамъ свѣта. Большая часть изъ нихъ построена изъ известняка; другія сложены изъ необожженныхъ кирпичей; наконецъ, у третьихъ ребра выведены изъ плитняка, а остальная часть состоитъ изъ того же кирпича. Прежде большая часть изъ нихъ была одѣта гранитомъ или мраморомъ, который теперь почти весь исчезъ.

Х р а м ы египтянъ раздѣлены на нѣсколько большихъ и малыхъ отдѣленій, и часто окружены множествомъ пристроекъ, принадлежавшихъ къ нимъ. Великолѣпнѣе всего отдѣлывались обыкновенно передовыя входныя залы и, такъ называемые, п и л о н ы, т. е. два очень высокія, массивныя зданія, строившіяся впереди храмоваго двора; между ними помѣщались главныя въѣздныя ворота. Пилоны составляли самую высокую, возносившуюся надъ прочими часть зданія; но ихъ строили не при всѣхъ храмахъ. Передъ каждымъ пилономъ обыкновенно ставили два о б е л и с к а, или остроконечныя колонны. Эти памятники, принадлежащіе собственно Египту, всегда состоятъ изъ цѣлаго куска камня и имѣютъ видъ высокой четыреугольной колонны, вверху постепенно съуживающейся и вдругъ заканчивающейся фигурой маленькой пирамиды. Такъ какъ первый обелискъ, привезенный изъ Египта въ Римъ, былъ взятъ изъ посвященнаго солнцу города Геліополиса, — то въ Европѣ и составилось мнѣніе, что всѣ обелиски были поставлены въ честь бога солнца и какъ бы указывали на него. Это, однако, несправедливо, и назначеніе обелисковъ заключалось въ томъ, чтобы, посредствомъ надписей, которыми они всегда были покрыты, сообщать входящему въ храмъ время построенія или расширенія послѣдняго и увѣковѣчить имя строителя. Обелиски дѣлались всегда изъ самыхъ твердыхъ камней, и, при средней высотѣ отъ 100 до 150 футовъ, постоянно состоятъ изъ одного куска. Привезенный въ Парижъ, Луксорскій обелискъ стоялъ прежде въ Ѳивахъ, въ одномъ большомъ дворцѣ, и имѣетъ 70 парижскихъ футовъ высоты.

Такимъ образомъ, главные памятники египетскаго искусства отмѣчены характеромъ колоссальнаго. Но въ произведеніяхъ этого страннаго народа еще

болѣе господствуетъ неизмѣнная приверженность къ старинѣ — другая черта, составлявшая основаніе всего его быта. Прогрессивность — это характеристическое отличіе западныхъ народовъ и новаго времени — была чужда египтянамъ и ѳеократическимъ государствамъ первобытныхъ временъ. Поэтому ихъ созданія лишены той свѣжести и жизни, ихъ національный бытъ — того разнообразія личностей и отношеній, благодаря которымъ ходъ событій плодотворно дѣйствуетъ на внутреннюю жизнь народа. Ихъ отношенія, ихъ произведенія и ихъ духовная жизнь не измѣнились въ главныхъ чертахъ во все продолженіе ихъ исторіи. То, что этотъ народъ разъ себѣ усвоилъ, пускало въ немъ глубокіе корни: кастовой бытъ египтянъ, характеръ ихъ искусства, путаница ихъ миѳологическихъ образовъ и представленій, ихъ жизнь, обусловливавшаяся вѣрованіемъ въ переселеніе душъ, и наконецъ чрезвычайная заботливость объ умершихъ — все это держалось у нихъ еще цѣлыя столѣтія послѣ того, какъ духъ времени совершенно измѣнился, и Египетъ, подъ персидскимъ, греческимъ и римскимъ владычествомъ познакомился съ другими принципами и другими формами жизни. Только послѣ прочнаго утвержденія въ этой странѣ христіанства, преобразившаго весь міръ,— рушился, наконецъ, древній бытъ Египта, исполинскіе памятники котораго уже давно лежали въ развалинахъ.

ИЗРАИЛЬТЯНЕ.

Израильтяне важнѣйшій изъ народовъ востока. Мѣсто это принадлежитъ имъ не только потому, что они, при царяхъ своихъ Давидѣ и Соломонѣ, пріобрѣли большое вліяніе на государства западной половины Азіи, — но и въ слѣдствіе того, что, съ возникновеніемъ у нихъ христіанства, ихъ исторія и литература получили великое значеніе для народовъ всѣхъ странъ. Кромѣ того, книги, переданныя намъ израильтянами, составляютъ рядъ самыхъ достовѣрныхъ и систематически изложенныхъ сочиненій о древнѣйшей исторіи человѣчества. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ даже быть названы самими древними изъ имѣющихся историческихъ сочиненій. Такъ какъ подробности древнѣйшей исторіи израильтянъ извѣстны всякому, то здѣсь нѣтъ надобности разсказывать объ этихъ событіяхъ, а достаточно будетъ очертить общій ходъ развитія еврейскаго народа.

Исторія этого народа самымъ тѣснымъ образомъ связана съ его религіей; но только иначе, чѣмъ въ другихъ первобытныхъ государствахъ. У евреевъ мы не видимъ, чтобы незначительная часть націи, составляющая касту духовенства, подчинила себѣ остальную массу народа посредствомъ различныхъ злоупотребленій религіею. Весь народъ считался какъ бы однимъ семействомъ равноправныхъ братьевъ, главою и руководителемъ которыхъ былъ самъ Богъ. По понятіямъ израильтянъ, народъ могъ подчиняться только Богу, а не власти одного человѣка. Государство имѣло только одну цѣль — религію, и эта идея проходитъ чрезъ всю исторію еврейскаго народа.

Сами израильтяне дали своему бытописанію характеръ исторіи воспитанія народа Богомъ. Богъ является у нихъ владыкой и руководителемъ, который, наказывая и награждая свой народъ, ведетъ его путемъ разныхъ событій къ достиженію высшихъ цѣлей. Съ этой основной идеей съ самаго начала проникнувшей въ народъ и постоянно выражавшейся въ его исторіи, связано еще другое представленіе, также встрѣчаемое въ древнѣйшихъ книгахъ іудеевъ и, по мѣрѣ хода исторіи, выступавшее впередъ съ большей и большей силою и значеніемъ. Это идея о «Мессіи», т. е. искупителѣ и спасителѣ, который, какъ видимый посланникъ невидимаго Бога, долженъ явиться между іудеями, обновить ихъ въ нравственномъ отношеніи и основать вѣчную монархію, обнимающую все человѣчество.

Израильтяне главный народъ семитической или арамейской группы. Они вышли первоначально изъ страны, лежащей у верховьевъ Евфрата и Тигра, и отсюда переселились въ Месопотамію, а потомъ въ Палестину. Древнѣйшее ихъ имя евреи. Обыкновенно полагаютъ, что это имя значитъ пришлецы, или чуже-

земцы, и было дано израильтянамъ во время ихъ переселенія въ Палестину, тамошними кочевыми племенами. Но противъ этого объясненія можно представить много возраженій, и гораздо вѣроятнѣе, что имя «евреи» принадлежало израильтянамъ еще до водворенія ихъ въ Палестинѣ и имѣло какое-нибудь другое значеніе, намъ неизвѣстное. Можетъ быть также, что первоначально оно было тождественно съ словомъ «арабы» и впослѣдствіи замѣнено именемъ израильтянъ, вошедшимъ во всеобщее употребленіе въ періодъ наибольшаго могущества іудейскаго народа и мало-по-малу вытѣснившимъ прежнее имя евреевъ. Въ послѣдній періодъ своей исторіи они стали называться іудеями и первоначальнымъ именемъ евреевъ.

Исторія израильтянъ начинается со временъ Авраама, жившаго болѣе чѣмъ за 2,000 лѣтъ до рождества Христова. Только съ этого времени являются они какъ нація, живущая своей отдѣльной жизнью и отличающаяся отъ остальныхъ своимъ самобытнымъ развитіемъ. Прежде они исчезали въ общей массѣ человѣчества. Авраамъ и его современники — евреи вели жизнь кочевую и составляли какъ бы одно семейство или немногочисленный родъ, управлявшійся однимъ верховнымъ главою, или патріархомъ. При жизни Авраама, это кочевое племя переселилось изъ Месопотаміи въ Палестину, или Ханаанъ. Здѣсь, такъ же какъ и прежде, оно вело кочующую, пастушескую жизнь. Однажды неурожай заставилъ это племя перейти въ Египетъ; но оно снова покинуло эту страну и вернулось въ Палестину, съ тѣхъ поръ сдѣлавшуюся настоящимъ мѣстомъ жительства и родиной іудеевъ. Здѣсь продолжали они свою кочевую жизнь при сынѣ Авраама Исаакѣ и внукѣ его Іаковѣ, или Израилѣ, оставаясь постоянно простымъ, честнымъ пастушескимъ народомъ, съ неиспорченными нравами и вѣрой въ единаго Бога.

У Іакова было двѣнадцать сыновей, сдѣлавшихся родоначальниками двѣнадцати колѣнъ, на которыя раздѣлялся народъ израильскій. Младшій изъ нихъ, Іосифъ, былъ проданъ въ рабство и отвезенъ въ Египетъ, гдѣ необыкновенныя обстоятельства дали ему возможность достигнуть высокаго сана при царскомъ дворѣ. Онъ призвалъ въ Египетъ своихъ приближенныхъ и соплеменниковъ, которымъ было позволено поселиться въ богатомъ пастбищами округѣ Гесемъ (Гозенъ) въ нижнемъ Египтѣ (около 1900 лѣтъ до р. Х.). Израильтяне пробыли здѣсь 430 лѣтъ и въ теченіе этого времени такъ размножились, что стали уже многочисленнымъ племенемъ. Но египтяне ихъ ненавидѣли — вслѣдствіе глубокаго своего презрѣнія къ пастушеской жизни и отвращенія, вообще, ко всѣмъ иностранцамъ и иновѣрцамъ. Видя постоянное умноженіе евреевъ, они стали подвергать ихъ самымъ невыносимымъ притѣсненіямъ, опасаясь, что это племя можетъ сдѣлаться опаснымъ для Египетскаго государства. Египтяне всячески старались уменьшить ихъ число, изнуряли тяжелыми работами и, наконецъ, рѣшились совершенно истребить ихъ. Но время самаго ужаснаго гнета и жестокихъ преслѣдованій сдѣлалось для израальтянъ временемъ освобожденія и возрожденія. Человѣкъ, котораго сами враги его народа познакомили со всею своею наукою и посвятили въ свои религіозныя таинства, — Моисей, на сороковомъ году жизни явился спасителемъ своего народа. Израильтяне подъ гнетомъ ужаснаго рабства глубоко упали въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи; Моисей возвратилъ имъ свободу и прежнюю родину, составилъ новое законодательство, не только обезпечивавшее политическую ихъ независимость отъ преждевременной гибели, но и сдѣлавшее израильтянъ однимъ изъ важнѣйшихъ народовъ міра. Моисей и братъ его, Ааронъ, вывели израильтянъ изъ Египта въ сѣверную Аравію. Чтобъ спасти свой народъ отъ религіознаго паденія и разврата, внушить ему болѣе благородный образъ мыслей и сохранить чистоту первобытной вѣры, — великій законодатель долго кочевалъ въ этомъ пространствѣ; только послѣ сорокалѣтняго странствованія, и уже по смерти Моисея, израильтяне достигли своего прежняго отечества. На горѣ Синаѣ Моисей далъ іудеямъ священные законы, какъ руководство въ ихъ будущей жизни и основаніе государственнаго ихъ устройства въ Ханаанѣ.

Законодательство Моисея установило между религіею и государствомъ совсѣмъ иную связь, чѣмъ какая существовала у другихъ народовъ востока, государственныя учрежденія которыхъ далеко уступаютъ іудейскимъ. Утвержденіе

вѣры въ единаго Бога, возстановленіе правильнаго богослуженія, т. е. такого поклоненія божеству, которое не могло уже, какъ у индійцевъ и египтянъ, перейти во внѣшніе обряды и вредныя для нравственности церемоніи, преобразованіе пастушескаго быта израильтянъ въ земледѣльческій, и, наконецъ, обезпеченіе каждой личности отъ произвола властей — вотъ главныя цѣли, которыхъ старался достигнуть Моисей. Единственною главою государства долженъ былъ считаться одинъ Богъ. Именемъ Его должны были управлять старшины колѣнъ, при которыхъ должно было состоять наслѣдственное духовенство для совѣта и для наблюденія за ненарушимостью государственныхъ законовъ. Судебныя должности замѣщались духовенствомъ и старшинами каждаго города. Для исполненія священническихъ обязанностей было избрано одно изъ двѣнадцати колѣнъ — колѣно Левія, раздѣленное на двѣ части: собственно духовенство, съ первосвященникомъ во главѣ, составляло одно только семейство брата Моисея, Аарона. Остальнымъ членамъ этого колѣна были предоставлены мѣста низшихъ священнослужителей, законовѣдовъ, судей и врачей. Прочія колѣна, число которыхъ, посредствомъ распаденія одного изъ нихъ на два, снова было доведено до двѣнадцати, сдѣлались владѣльцами раздѣленной между ними ханаанской земли. Колѣно Левія не имѣло особаго участка, но было поселено на землѣ остальныхъ колѣнъ и получало десятую часть ихъ доходовъ. Такимъ образомъ и у израильтянъ организовалась каста духовенства; но она не была, какъ у индійцевъ и египтянъ, въ прямомъ противорѣчіи съ свѣтскими сословіями, а, напротивъ, сама на половину принадлежала къ нимъ. Въ слѣдствіе этого израильскій народъ былъ навсегда обезпеченъ отъ униженія, какое выпало на долю низшихъ кастъ въ Египтѣ и въ Индіи. Религія была самымъ тѣснымъ образомъ связана съ государствомъ и съ бытомъ его гражданъ; законодательство старалось предупредить упадокъ нравственности и возможность перехода къ идолопоклонству. Запрещеніе торговать и поклоняться всякимъ изображеніямъ и различныя религіозныя правила и поученія были главными мѣрами, направленными къ этой цѣли.

Моисей умеръ около 1480 г. до р. Х. Новый предводитель израильтянъ, Іисусъ Навинъ, завоевалъ Ханаанъ, жители котораго были истреблены, а вся страна раздѣлена между двѣнадцатью колѣнами. Первыя триста лѣтъ пребыванія израильтянъ въ Ханаанѣ (до половины двѣнадцатаго вѣка до р. Х.) называются періодомъ судей. Это было время колебанія израильтянъ между ихъ прежнимъ бытомъ и религіозными и гражданскими законами, установленными Моисеемъ. Израильтяне часто возвращались къ кочевой жизни, запрещенной Моисеемъ, и, въ слѣдствіе сношеній съ сосѣдними племенами, впадали иногда въ идолопоклонство. Единство происхожденія, вѣры, законовъ и нравовъ должно бы было поддерживать согласіе между двѣнадцатью колѣнами или штатами, на которыя Моисей раздѣлилъ народъ, — но этого не было; колѣна часто враждовали между собою, нѣкоторыя изъ нихъ оказывались слабыми въ борьбѣ съ сосѣдними язычниками, или уступали приманкѣ ихъ идолослуженія, и, такимъ образомъ, отдѣлялись отъ остальныхъ колѣнъ, то своимъ вѣроотступничествомъ, то подчиненіемъ непріятелю. Тогда отъ времени до времени являлись вдохновленные герои, возбуждавшіе падающій патріотизмъ и теплоту вѣры, ободрявшіе малодушныхъ и освобождавшіе своихъ соплеменниковъ отъ владычества язычниковъ. Такіе люди предводительствовали иногда однимъ только колѣномъ, иногда нѣсколькими, а иногда и всѣми вмѣстѣ. Такъ какъ по окончаніи войны они обыкновенно оставались во главѣ народа, то имъ и дали названіе судей. Знаменитѣйшими изъ нихъ были Гофоніилъ, пророчица Девора, Гедеонъ, Іефѳай и Сампсонъ. Впослѣдствіи, когда первосвященникъ Илій былъ облеченъ саномъ судьи, вопреки закону Моисея соединили духовную власть съ свѣтской, — должность свѣтскаго правителя съ должностью первосвященника. Эти годы были для израильтянъ временемъ самаго глубокаго паденія. Злоупотребляя именемъ и властью отца, два сына Илія позволяли себѣ гнуснѣйшія преступленія. Казалось, что растлѣніе нравовъ и могущество враждебнаго народа филистимлянъ доведутъ израильтянъ до окончательной гибели. Но въ это время умеръ Илій и на его мѣсто, въ 1156 г. до р. Х., избранъ судьею человѣкъ, спасшій израильтянъ отъ грозившей имъ опасности.

Это былъ Самуилъ, съ избраніемъ котораго должность судьи была снова

отдѣлена отъ сана первосвященника. При немъ вѣра, заповѣданная Моисеемъ, успѣла, наконецъ, укорениться вполнѣ. Истинно набожный, строго справедливый и одаренный высокимъ умомъ, Самуилъ успѣлъ снова оживить полуугасшій національный духъ и возбудить въ израильтянахъ патріотизмъ и мужество для отраженія опасности, грозившей со стороны филистимлянъ. Для этого онъ основалъ такъ называемыя школы пророковъ, гдѣ молодые люди получали высшее умственное и нравственное образованіе, приготовлявшее ихъ къ дѣлу поученія народа и управленія имъ. Изъ этихъ школъ вышли не только величайшіе поэты націи, но и тѣ вдохновленные патріоты и люди оппозиціи, которые впослѣдствіи, подъ именемъ пророковъ, съ смѣлой энергіей защищали законъ Моисея и право противъ насилія царей.

Воинственный духъ, овладѣвшій тогда народомъ, въ слѣдствіе вновь ожившейся идеи національности и побѣдъ внушилъ израильтянамъ желаніе имѣть, подобно другимъ народамъ, своего царя, который, какъ единственный и постоянный глава государства, могъ бы поддерживать связь между колѣнами и предводительствовать войскомъ во время войны. Исполненіе этого желанія рѣзко противорѣчило законодательству Моисея, по которому главою государства признавался одинъ только Богъ, и народомъ можно было управлять не иначе, какъ по его заповѣдямъ. Поэтому Самуилъ всѣми силами старался отклонить израильтянъ отъ ихъ желанія, но не имѣлъ однако успѣха и долженъ былъ уступить настойчивымъ требованіямъ народа. Онъ выбралъ въ цари Саула, изъ колѣна Веніяминова, и, послѣ побѣды надъ аммонитами, выборъ этотъ былъ утвержденъ всѣмъ народомъ (1095 до р. X.). Храбрый Саулъ велъ много удачныхъ войнъ съ врагами своей страны, но задача правителя была выше его силъ, и онъ не избѣжалъ ошибокъ. Послѣ его смерти на престолъ вступилъ Давидъ изъ могущественнаго племени Іуды, уже прежде посвященный въ цари Самуиломъ (1055) и прославившійся какъ пророкъ, поэтъ и военачальникъ. Сначала большая часть колѣнъ оставалась вѣрною единственному сыну Саула, но постепенно и они подчинились Давиду, и въ 1048 г. онъ былъ уже признанъ царемъ всего Израиля.

Правленіе Давида и его сына и преемника, Соломона, составляютъ самый блестящій періодъ исторіи израильскаго народа. Подъ властью этихъ государей израильтяне достигли вершины своего могущества и сдѣлались главнымъ народомъ передней Азіи. Въ ихъ же правленіе возникли у израильтянъ ремесла и торговля, и Палестина достигла высокой степени благосостоянія. Давидъ царствовалъ съ 1048 по 1014 годъ, и, какъ человѣкъ и царь, былъ безспорно лучшимъ правителемъ, котораго когда-либо имѣлъ іудейскій народъ. Онъ велъ счастливыя войны съ сосѣдними народами, но предпринималъ походы не для распространенія своего царства, а для того только, чтобы прикрыть его границы владѣніями побѣжденныхъ народовъ. Удовлетворяя потребностямъ израильтянъ, онъ открылъ пути торговли и, такимъ образомъ, положилъ начало той великой торговой дѣятельности, которую Соломонъ впослѣдствіи развилъ въ подвластныхъ ему странахъ.

Внутренняя политика Давида отличается большимъ благоразуміемъ, справедливостью и отсутствіемъ всякаго деспотизма. Онъ сохранилъ прежнихъ князей колѣнъ, оставилъ старшинамъ управленіе округами и назначилъ судей и должностныхъ лицъ изъ самыхъ почетныхъ гражданъ. Предводительство надъ войскомъ онъ ввѣрялъ только такимъ людямъ, которые, какъ его знаменитый полководецъ Іоавъ, выказали свои достоинства во дни опасности. Повелѣвая могущественной державой, простиравшейся отъ границъ Египта до лежащаго на Евфратѣ богатаго торговаго города Тапсака или Типсака, онъ сохранилъ однако простоту нравовъ и образа жизни и весьма искусно распоряжался финансами страны. Кромѣ того, израильтяне обязаны ему основаніемъ столицы Іерусалима, который онъ отнялъ у непріятеля, укрѣпилъ и сдѣлалъ своею резиденціею и религіознымъ центромъ, перенеся туда величайшую святыню израильтянъ — ковчегъ завѣта. Давидъ хотѣлъ также построить въ Іерусалимѣ и храмъ, но былъ удержанъ отъ этого плана пророкомъ Наѳаномъ. Наконецъ, вдохновленный, набожный и смиренный духъ царя имѣлъ могучее вліяніе на поэзію и внѣшнее богослуженіе народа. Онъ былъ творцомъ лирической поэзіи израильтянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основателемъ ихъ церковной музыки. Конецъ его царствованія былъ

омраченъ мятежами, возбужденными сыномъ его Авессаломомъ, заплатившимъ за это своею жизнью.

Соломонъ, царствовавшій съ 1014 по 975 годъ, самый славный изъ израильскихъ царей. Отличаясь предпріимчивостью, поэтическимъ даромъ, образованностью и любовью къ наукѣ и искусствамъ, — онъ доставилъ Израилю почетнѣйшее мѣсто въ ряду тогдашнихъ государствъ и царствовалъ съ мудростью, справедливостью и великолѣпіемъ, вошедшимъ въ пословицу. Благосостояніе и могущество его народа доставили ему средства содержать блестящій дворъ, основывать новые города и строить великолѣпные дворцы. Важнѣйшими и самыми знаменитыми изъ его построекъ были: Іерусалимскій храмъ и основанный имъ городъ Тадморъ, или Пальмира. Городъ этотъ, построенный для оживленія торговли въ одномъ оазѣ сирійской пустыни, между Дамаскомъ и Евфратомъ, сдѣлался однимъ изъ главныхъ пунктовъ караванной торговли древняго міра, и, въ слѣдствіе этого, однимъ изъ самыхъ богатыхъ и великолѣпныхъ городовъ западной Азіи. Храмъ Соломона былъ построенъ на горѣ Моріи иностранными художниками и рабочими, потому что сами израильтяне были еще очень не развиты въ художественномъ и ремесленномъ отношеніи. Болѣе всего было призвано работниковъ изъ богатаго промышленостью финикійскаго города Тира. Храмъ, — раскинутый на очень большомъ пространствѣ, въ слѣдствіе значительнаго числа жилищъ для священниковъ и другихъ пристроекъ, — отличался не красотою архитектуры, но своимъ необыкновеннымъ великолѣпіемъ и громадной массой благородныхъ металловъ, употребленныхъ на его украшеніе.

Соломонъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ сосѣдними финикіянами и египтянами и, вмѣстѣ съ первымъ изъ этихъ двухъ народовъ, пускался въ обширныя торговыя предпріятія. Они доставляли ему много богатствъ, но были вредны для націи, потому что занятія торговлей противорѣчили ихъ законамъ, и, сверхъ того, потому, что торговля эта велась не израильтянами, а финикіянами и на финикійскихъ корабляхъ. Морская торговля Соломона шла чрезъ Аравійскій заливъ, и главнымъ рынкомъ ея былъ Офиръ, страна, положеніе которой теперь нельзя опредѣлить съ достовѣрностью. Нѣкоторые полагаютъ, что это была часть Аравіи, другіе говорятъ, что подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть извѣстную часть восточно-африканскаго прибрежья; наконецъ, въ новѣйшее время многіе стали склоняться къ мысли, что Офиръ Соломона былъ не что иное, какъ Остъ-Индія. Поддерживая союзъ съ финикіянами и занимаясь торговлей, не смотря на то, что она была запрещена законодательствомъ Моисея, Соломонъ въ то же время измѣнилъ и устройство войска, взявъ при этомъ за образецъ египетскую армію. Онъ ввелъ запрещенную Моисеемъ кавалерію, приводя для этого лошадей изъ Египта такъ какъ въ Аравіи въ то время еще не было коневодства. Приближаясь къ старости, Соломонъ сталъ все болѣе и болѣе подражать образу жизни деспотическихъ владыкъ востока и, такимъ образомъ, отдѣлился отъ народа, предался роскоши и великолѣпію, обременительнымъ для его подданныхъ, взялъ множество женъ, большею частью иностранокъ, и, наконецъ, ввелъ даже при дворѣ идолослуженіе сосѣднихъ народовъ. Поэтому неудивительно, что къ концу его царствованія вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго сталъ Іеровоамъ, одинъ изъ его высшихъ сановниковъ. Возстаніе было подавлено; но Іеровоамъ бѣжалъ въ Египетъ и съумѣлъ склонить на свою сторону тамошняго царя, такъ что Соломону стала грозить новая опасность. Тотчасъ послѣ смерти Соломона, надъ Палестиной разразилась гроза, которую онъ навлекъ на нее своими поступками. Старшія девять колѣнъ соединились, чтобы положить конецъ деспотизму, введенному Соломономъ. Они потребовали отъ сына Соломона, Ровоама, чтобы онъ отказался отъ отцовской системы правительственнаго произвола и снялъ съ народа давящій его гнетъ; не получивъ удовлетворенія на свои требованія, они провозгласили царемъ Іеровоама. Власть Ровоама признали только колѣна Іуды и Веніямина (975). Такимъ образомъ, Израильское царство распалось на двѣ части. Большая изъ нихъ сохранила названіе Израиля, а царство Ровоама стало называться царствомъ Іудейскимъ. Столицей Іудеи былъ Іерусалимъ, а столицей Израиля сначала Сихемъ, потомъ Ѳерса и, наконецъ, Самарія, построенная чрезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ этого распаденія. Израильское царство существовало 253 года и имѣло въ это время двадцать царей, изъ которыхъ у

третій не принадлежалъ къ дому Іеровоама. Іудейское царство продержалось 390 лѣтъ, въ немъ также смѣнилось двадцать царей, которые всѣ были потомками Ровоама.

Съ раздѣленіемъ израильскаго народа, который непосредственно передъ тѣмъ достигъ высшей точки своего могущества и блеска, начинается и его паденіе. Но не это раздѣленіе и не могущество враговъ погубили Израиль. Причины паденія заключались въ начавшемся уже при Соломонѣ упадкѣ національнаго духа и въ пренебреженіи закона Моисея. Тотчасъ, послѣ образованія Израильскаго царства, цари его отпали отъ вѣры отцовъ своихъ и предались идолопоклонству, заимствованному у египтянъ, финикіянъ, ассиріянъ и сирійскихъ племенъ. Чтобы предупредить возможность перехода своихъ подданныхъ на сторону іудейскихъ царей, они даже запретили имъ ѣздить въ Іерусалимъ, гдѣ находились храмъ и кивотъ завѣта. Народъ возвращался иногда къ прежней національной религіи, но цари замѣнили настоящихъ пророковъ, проникнутыхъ духомъ истиннаго патріотизма и народности, толпою пророковъ придворныхъ, т. е. лгуновъ и гнусныхъ льстецовъ, и, такимъ образомъ, сами лишили себя средства узнавать настроеніе умовъ въ народѣ. Лишь изрѣдка слышали они голосъ правды истинныхъ пророковъ, какими были, напримѣръ, Илія и Елисей. Но и цари іудейскіе, при которыхъ постоянно находились истинные пророки (напр. Амосъ, Михей, Исаія) по своимъ связямъ съ другими народами часто впадали въ идолопоклонство египетское, вавилонское или финикійское. Оба государства къ собственному своему вреду часто заключали союзы съ другими народами, изъ которыхъ иные были когда-то покорены Давидомъ и Соломономъ, но снова освободились въ моментъ распаденія Израиля. Находясь между сильными монархіями: Египетской съ одной стороны и Ассирійской и Вавилонской съ другой, они всетаки постоянно враждовали между собою. Египетъ, Ассирія и Вавилонія, имѣя центромъ своего могущества берега Нила и Евфрата, сталкивались въ Палестинѣ, которая дѣлалась, такимъ образомъ, театромъ ихъ войнъ и добычею побѣдителя.

Израильское царство было уничтожено въ 722 году до р. Х. ассирійскимъ царемъ Салманассаромъ. Послѣдній владыка этого царства, Осія, и большая часть народа были принуждены оставить Палестину и переселиться въ далекія области Ассиріи. Это событіе называется обыкновенно ассирійскимъ плѣненіемъ. Напротивъ того, жители Вавилоніи и ближайшихъ къ Сидону мѣстностей были принуждены переселиться въ Палестину, и тамъ, обращенные левитами къ закону Моисея, смѣшались съ оставшимися израильтянами, и стали родоначальниками, ненавистныхъ для чистыхъ евреевъ, самаритянъ. Царство Іудейское было покорено въ 585 г. до р. Х. вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ, разрушившимъ Іерусалимъ и переселившимъ большую часть жителей Іудеи, вмѣстѣ съ послѣднимъ ея царемъ, Седекіей, въ Вавилонъ, куда незадолго предъ тѣмъ уже была привезена значительная часть евреевъ. Въ этомъ, такъ называемомъ, вавилонскомъ плѣненіи, началомъ котораго считается 604 г., т. е. годъ перваго отведенія туда іудеевъ, — они пробыли до 535 года, когда персидскій царь Киръ позволилъ имъ вернуться на родину. Съ этого времени Іудеи снова жили въ Палестинѣ, но уже какъ персидскіе подданные. Вернувшіеся были, однако, только левиты или принадлежали къ колѣнамъ Веніяминову и Іудину, и потому съ тѣхъ поръ имя іудеевъ стало обыкновенно употребляться для обозначенія всего израильскаго народа. Судьба остальныхъ десяти колѣнъ совершенно неизвѣстна. Позднѣйшая исторія евреевъ принадлежитъ къ греко-римскому періоду исторіи древняго міра.

ФИНИКІЯНЕ.

Финикіяне, подобно евреямъ, принадлежавшіе къ семитическому племени, въ отдаленнѣйшій періодъ своей исторіи жили на берегахъ Персидскаго залива. Еще въ глубокой древности они переселились отсюда въ страну, названную ихъ именемъ и лежащую къ сѣверу отъ Палестины и къ югозападу отъ Сиріи, между Ливанскимъ горнымъ хребтомъ и Средиземнымъ моремъ. Финикіяне стали заниматься торговлею и промышленостію, достигли на этомъ поприщѣ весьма рѣдкаго въ древнемъ мірѣ развитія и, въ слѣдствіе этого, пріобрѣли большое значеніе въ исторіи Азіи и Европы. Ихъ собственная исторія, о которой они намъ не оставили никакихъ письменныхъ памятниковъ, постоянно сосредоточивается на городахъ Сидонѣ и Тирѣ, бывшихъ попеременно центромъ ихъ торговой и промышленой дѣятельности, и поочередно являвшихся во главѣ всѣхъ финикійскихъ городовъ. Финикіяне никогда не были соединены въ одно государство; всѣ города сохраняли свою независимость, но часто соединялись между собою и, еще чаще, подчинялись вліянію тѣхъ, которымъ удавалось достигнуть особенной степени богатства и могущества. Внутреннее управленіе городовъ, большею частью, было ввѣрено правителю, ограниченному аристократіей. Власть правителей была иногда наслѣдственною, иногда пожизненною, или вручалась имъ только на извѣстное число лѣтъ.

Въ началѣ финикійской исторіи самымъ могущественнымъ городомъ и средоточіемъ торговли и промышлености народа является Сидонъ. Еще во времена Іосифа о немъ упоминаютъ, какъ о мѣстѣ, съ которымъ Египетъ велъ торговлю, а въ періодъ переселенія евреевъ изъ Египта, онъ уже является господствующимъ надъ большею частью страны. Пестрыя финикійскія ткани еще во времена Гомера считались у грековъ лучшими. Въ глубокой древности Сидонъ основалъ нѣсколько колоній въ другихъ частяхъ Финикіи и, между прочими, Тиръ, достигшій впослѣдствіи такого могущества. Такимъ образомъ, когда кругомъ Финикіи еще разстилались невоздѣланныя пространства, и кочевали полудикія племена, финикіяне уже достигли высокой цивилизаціи. Но когда израильтяне заняли Палестину и, перейдя къ земледѣлію, обратили безплодную, скалистую ея почву въ непрерывный рядъ садовъ, когда цивилизація начала распространяться между жителями Сиріи, и произведенія Финикіи сдѣлались потребностью этихъ странъ— промышленая и торговая дѣятельность финикіянъ стала развиваться еще быстрѣе.

Въ этотъ-то періодъ впервые возвысился Тиръ, и постепенно достигъ такого могущества, что во времена Давида и Соломона былъ уже цвѣтущимъ городомъ передней Азіи и главою всего финикійскаго союза, и даже господствовалъ надъ

Сидономъ. Жители Тира имѣли тогда монополію торговли стекломъ, пурпуромъ и кермесомъ, т. е. лучшей красной краской, извѣстной древнему міру. Литейное искусство, чеканка золота, тканье, вышиваніе, ваяніе и производство разныхъ украшеній составляли главныя отрасли народной промышлености въ Тирѣ. Жители его имѣли большіе корабли, на которыхъ ихъ купцы объѣзжали прибрежья восточной части Средиземнаго моря и ходили также изъ Краснаго моря въ неизвѣстную намъ страну Офиръ. Тирскій царь, Хирамъ, заключилъ съ Давидомъ и Соломономъ союзъ, по которому жители Тира могли извлечь выгоды изъ всѣхъ сдѣланныхъ израильтянами завоеваній, и тирскіе мастера руководили постройкой храма Соломона. Рядомъ съ морской торговлей процвѣтала и торговля сухопутная, главные пути которой въ среднюю Азію пролегали чрезъ вновь основанный Тадморъ, или Пальмиру, или чрезъ Тапсакъ—торговый пунктъ на Евфратѣ. Съ теченіемъ времени торговля Тира достигла еще высшей степени развитія. Тогда была основана первая финикійская колонія на сѣверозападномъ берегу Африки—мавританскій городъ Ауца (920), а еще прежде заселенъ островъ Кипръ. Въ тотъ же періодъ подчинились ихъ власти Критъ, Родосъ, Тазосъ и другіе острова Эгейскаго моря, гдѣ, такъ же какъ и на твердой землѣ, жители Тира вступили въ сношенія съ древнѣйшими греками, и гдѣ они, между прочимъ, занимались рудокопствомъ. Въ Сициліи, Сардиніи и Корсикѣ они также устроили свои поселенія.

Въ это самое время (около 880 года) была основана жителями Тира знаменитѣйшая изъ всѣхъ финикійскихъ колоній — Карѳагенъ, лежавшій въ нынѣшнемъ Тунисѣ. Основательницей этого важнаго торговаго города была Дидона, сестра тирскаго правителя, Пигмаліона. Эта женщина удалилась изъ Тира съ большимъ числомъ недовольныхъ, въ слѣдствіе того, что Пигмаліонъ убилъ ея мужа, Сихея, жалая завладѣть его богатствами. Преданіе говоритъ, что, приплывъ къ берегамъ сѣверной Африки, она купила у жителей для построенія города столько земли, сколько можно обнять бычачьей шкурой, и, изрѣзавъ такую шкуру на тонкіе ремни, обвела большое пространство. Въ ближайшее къ основанію Карѳагена время, финикіяне стали посылать свои корабли до крайнихъ предѣловъ Средиземнаго моря, высаживались въ Испаніи и основали тамъ различныя колоніи, изъ которыхъ самыми знаменитыми были нынѣшній Кадиксъ и также лежавшій въ Андалузіи, но теперь исчезнувшій, Тартессъ.

Въ періодъ распространенія Ассирійской и Вавилонской монархій,—періодъ, стоившій израильтянамъ независимости, — Финикія также была принуждена принять участіе въ этихъ войнахъ. Разрушитель израильскаго царства, Салманассаръ, подчинилъ себѣ и финикіянъ. Одни только жители Тира не уступили его требованіямъ и угрозамъ и мужественно выдержали его нападеніе. Хотя городъ и былъ взятъ Салманассаромъ, но большая часть жителей удалилась на небольшой островъ передъ городомъ, называвшійся съ тѣхъ поръ Новымъ Тиромъ и сдѣлавшійся средоточіемъ могущества тирянъ. Эта лучшая часть населенія Тира доказала тогда, что любовь къ родинѣ, соединенная съ терпѣніемъ и искусствомъ можетъ побѣдоносно отразить всякій натискъ грубой силы. Хотя флотъ, съ помощью котораго ассиріяне хотѣли сдѣлать высадку на островъ, состоялъ изъ шестидесяти большихъ судовъ и восьмисотъ лодокъ, однако тиряне отразили его, имѣя всего двѣнадцать кораблей. Не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ и недостатокъ воды, они сопротивлялись пять лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока ассиріяне были принуждены удалиться, бросивъ осаду. Тиръ не только снова разцвѣлъ, но въ періодъ могущества Ассиріи и Вавилона богатство его еще достигло высшей степени. Жители Сидона и арабы служили матросами на тирскихъ корабляхъ, между тѣмъ какъ съ сѣверныхъ береговъ Африки и прибрежій Краснаго моря и въ Персіи они вербовали наемниковъ для своей арміи. Они имѣли большой торговый флотъ, и многіе изъ ихъ кораблей были отдѣланы съ большою роскошью. Разсказываютъ даже, что нерѣдко можно было встрѣтить суда, обшитыя драгоцѣннымъ деревомъ, выложенныя самшитомъ (buxus) и слоновой костью, и покрывавшіяся въ праздничные дни парусами изъ тонкихъ бумажныхъ тканей.

Жителямъ Тира опять угрожала большая опасность, когда вавилонскимъ владыкой сталъ Навуходоносоръ, но и тогда мужествомъ и настойчивостью имъ

удалось спасти свою свободу. Какъ и во времена Салманассара, вся Финикія преклонилась передъ могущественнымъ царемъ. Одни только жители Тира снова удалились на свой островъ и сохранили независимость, хотя вавилонская армія тринадцать лѣтъ стояла въ Финикіи и вела войну съ Тиромъ. Навуходоносору достался только старый городъ, и, по его приказанію, всѣ захваченные тамъ жители были отведены плѣнниками въ Вавилонъ.

Когда впослѣдствіи при царѣ Кирѣ, персы распространили свою власть надъ всей передней Азіей, — вся Финикія подчинилась имъ добровольно, но, кажется, на извѣстныхъ условіяхъ. Финикійскіе города были обязаны морской службой и платежемъ дани, оставаясь независимыми во всемъ прочемъ. Они управлялись сами собою, сохраняли прежнія свои учрежденія и рѣшали общія дѣла на конгресахъ въ Тирѣ, составленныхъ изъ депутатовъ отдѣльныхъ городовъ. Только незаконныя притѣсненія персидскихъ намѣстниковъ и военачальниковъ давали финикіянамъ чувствовать потерю независимости. Особенно чувствительны были эти притѣсненія въ Сидонѣ, снова поднявшемся тогда выше Тира и сдѣлавшемся средоточіемъ финикійской морской торговли. Вмѣстѣ съ покоренными малоазійскими греками, финикіяне составляли ядро персидскаго флота. Около половины четвертаго вѣка до нашего лѣтосчисленія, финикіяне, возбужденные Сидономъ, приняли участіе въ возстаніи, вспыхнувшемъ въ Египтѣ и распространившемся въ Азіи. Возстаніе это не удалось, и Финикія была принуждена снова подчиниться персамъ. По мѣрѣ приближенія персидской арміи, всѣ города покорялись ей безъ боя. Одинъ Сидонъ послѣдовалъ примѣру, уже два раза поданному Тиромъ. Чтобы никто не могъ думать о бѣгствѣ, сидонцы сожгли корабли свои, и, когда измѣна одного изъ союзныхъ имъ князей передала ихъ городъ въ руки персидскаго царя, приказавшаго умертвить даже знатнѣйшихъ гражданъ, они сами подожгли городъ и сожгли себя и свои богатства. Впослѣдствіи Сидонъ былъ снова отстроенъ и двадцать лѣтъ спустя сталъ населеннымъ городомъ, хотя Тиръ тогда опять превзошелъ его въ торговомъ отношеніи.

Когда около 333 г. до р. Х. Александръ Великій завоевалъ Персидскую монархію, финикійскіе города подчинились ему добровольно, за исключеніемъ Тира, который тогда ограничивался однимъ островомъ. Жители Тира сопротивлялись съ самымъ настойчивымъ мужествомъ, и, чтобы покорить ихъ, Александру пришлось употребить все свое искусство въ дѣлѣ войны и всю храбрость своихъ войскъ; городъ былъ взятъ послѣ семи мѣсяцевъ осады и цѣною большихъ потерь. Тирянъ постигла жестокая участь: Александръ приказалъ продать въ рабство всѣхъ, кто попался въ его руки. Не смотря на это, городъ снова возникъ изъ своихъ развалинъ, но время Финикіи уже миновалось. Средоточіемъ всемірной торговли сдѣлалась, основанная Александромъ, столица Египта, а Финикія потеряла при этомъ послѣдній остатокъ своего торговаго значенія. Съ тѣхъ поръ она постоянно оставалась несамостоятельною частью другихъ государствъ.

Торговля и мореходство, доставившія Финикіи великое значеніе во всемірной исторіи, очень часто преувеличиваются. Финикіяне прежде всѣхъ западныхъ народовъ Стараго свѣта плавали по морю и развили мореходное искусство, но приписываемыя имъ далекія плаванія или вовсе не были совершены ими, или не относятся къ очень отдаленнымъ временамъ. Весьма вѣроятно, что они достигли берегевъ Испаніи не прежде девятаго вѣка до рождества Х., хотя плаваніе это относятъ за многія столѣтія до этого времени, основываясь на встрѣчающемся уже въ первой книгѣ Моисея, словѣ Таршишъ, которое принимаютъ за Тартесъ. Точно также финикіяне лишь въ позднѣйшее время достигли сѣверо-западныхъ береговъ Европы, гдѣ они добывали олово на такъ называемыхъ Касситеридахъ, т. е. Британскихъ островахъ. Разсказы о ихъ плаваніяхъ въ Балтійское море и вокругъ Африки вымышлены. Цѣнимый въ древности на вѣсъ золота янтарь они, конечно, не сами добывали въ Балтійскомъ морѣ, а покупали его на берегахъ Сѣвернаго моря, куда онъ доходилъ чрезъ мѣновую торговлю между жителями сѣверной Германіи. По разсказу одного древне-греческаго писателя, плаваніе ихъ вокругъ Африки было совершено около 600 года до р. Х., но есть самыя положительныя причины считать это предпріятіе за чистую выдумку. Какъ далеко простирались ихъ плаванія изъ Краснаго

моря, совершенно неизвѣстно. — Важнѣйшими предметами ихъ торговли, кромѣ произведеній собственной промышлености, были: ладонъ, слоновая кость, олово, благородные металлы, желѣзо, черное дерево, корица, янтарь, шерсть, лошади, зерновой хлѣбъ, вино и невольники.

Промышленость финикіянъ была очень разнообразна и удивительна для своего времени. Важнѣйшими ея продуктами, кромѣ уже названныхъ нами, были цвѣтныя ткани, сидонское полотно и различная утварь, выдѣлываемая изъ благородныхъ металловъ, слоновой кости, чернаго дерева и янтаря. Финикіяне, какъ говорятъ, стали приготовлять стекло прежде другихъ народовъ, и преданіе разсказываетъ, что на это изобрѣтеніе навелъ ихъ случай. Однажды, раскладывая огонь на песчаной почвѣ, они подложили подъ горшокъ нѣсколько кусковъ селитры и вдругъ увидѣли, что селитра соединилась съ пескомъ и золой, и образовала стекло. Изобрѣтеніе употреблявшагося въ древнемъ мірѣ пурпура, также приписывается финикіянамъ. Здѣсь опять они, какъ говорятъ, были обязаны своимъ открытіемъ случаю: побагровѣвшая морда собаки, ѣвшей моллюсковъ на морскомъ берегу, обратила вниманіе финикіянъ на породу раковинъ, изъ которыхъ добывалась эта краска.

Въ дѣлѣ образованія финикіяне также оказали услуги человѣчеству. Древніе приписываютъ имъ изобрѣтеніе ариѳметики и азбуки. Вѣрно во всякомъ случаѣ то, что греки отъ нихъ заимствовали оба эти изобрѣтенія, точно такъ же какъ позднѣе римляне и мы отъ грековъ. Были также у финикіянъ свои историческіе писатели. Знаменитѣйшаго изъ нихъ звали Санхоніатономъ. Онъ написалъ древнѣйшую исторію Финикіи, съ которой мы, однако, знакомы только по немногимъ отрывкамъ, переведеннымъ греческими писателями.

Религія финикіянъ была идолопоклонствомъ, соединеннымъ съ принесеніемъ въ жертву людей. Главную роль играли богъ солнца, Ваалъ, и другой богъ, котораго греки сравниваютъ съ своимъ Геркулесомъ (Мелькартъ).

МИДЯНЕ и ПЕРСЫ.

На обширномъ пространствѣ между Персидскимъ заливомъ, Каспійскимъ моремъ и рѣками Тигромъ и Индомъ жило, съ незапамятныхъ временъ, нѣсколько родственныхъ между собою народовъ, составляющихъ персидскую, или мидо-персидскую вѣтвь индо-германской группы народовъ. Изъ народовъ древняго міра къ этой вѣтви принадлежатъ мидяне, персы, бактріяне, или бактрійцы, согдіяне, жившие на Кавказѣ, аланы и, по всей вѣроятности, халдеи. Изъ новѣйшихъ народовъ къ ней относятся таджики, или ново-персы, съ принадлежащими къ нимъ бухарцами, живущіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Персіи и Индіи, парсы, или гвебры, курды (вѣроятно, потомки халдеевъ), афганы, белуджи и осетины на Кавказѣ.

Языки этихъ народовъ составляютъ особенную семью, или вѣтвь большой индо-германской группы языковъ. Самый древній изъ нихъ, и вообще одинъ изъ древнѣйшихъ языковъ всей группы — зендскій, уже за долго до рождества Христова переставшій быть живымъ языкомъ. Въ отдаленнѣйшіе періоды исторіи этихъ народовъ онъ былъ священнымъ языкомъ приверженцевъ ученія Зороастра, и на немъ написана древнѣйшая изъ ихъ духовныхъ книгъ, такъ называемая Зендъ-Авеста. Изъ зендскаго языка образовался древне-персидскій, т. е. языкъ тѣхъ персовъ, которые, подъ предводительствомъ Кира, Дарія, Ксеркса и другихъ царей, играли такую важную роль въ исторіи передней Азіи и Греціи. Изъ древне-персидскаго языка произошелъ, въ свою очередь, языкъ парси, или гвебри, употребляемый парсами, или гвебрами. Онъ также далъ начало языку ново-персидскому, которымъ говорятъ нынѣшніе персіяне, и который, какъ утверждаютъ, имѣетъ большое сходство съ нѣмецкимъ. Это, однако, справедливо въ томъ только смыслѣ, что всѣ языки большой индо-германской группы, въ которую входитъ и нѣмецкій языкъ, сходны между собою; болѣе близкаго сходства между персидскимъ и нѣмецкимъ языкомъ не существуетъ. Къ персидской же вѣтви принадлежитъ и языкъ дери, который впрочемъ есть не что иное, какъ болѣе утонченное нарѣчіе, употреблявшееся при дворѣ сассанидовъ, царствовавшихъ въ Персіи въ началѣ среднихъ вѣковъ. Наконецъ, сюда же относятся языки выше названныхъ новѣйшихъ народовъ.

Есть еще одинъ мертвый языкъ, пельви, иногда причисляемый къ персидскимъ языкамъ. Во время владычества въ Персіи пароянъ и сассанидовъ, онъ служилъ, вмѣсто зендскаго, священнымъ языкомъ религіи Зороастра, но затѣмъ нигдѣ болѣе не употреблялся. Этотъ языкъ не имѣетъ ничего общаго съ персидскими, и даже вовсе не принадлежитъ къ индо-германской группѣ. Подобнымъ

же образомъ не могутъ отнести его ни къ одной изъ остальныхъ извѣстныхъ группъ и не знаютъ народа, который когда-то говорилъ имъ. Можно предполагать, что пельви былъ языкомъ древнихъ пареянъ.

Тоже, что мы сказали объ этомъ языкѣ, должно сказать и о пареянахъ, появившихся въ исторіи лишь за нѣсколько лѣтъ до рождества Христова. Неизвѣстно, къ какому племени ихъ слѣдуетъ отнести, и, причисляя ихъ то къ персидской вѣтви, то къ тюркскимъ племенамъ, ученые высказываютъ только свои, ни на чемъ не основанныя, предположенія.

Въ персидской исторіи часто упоминается еще о другомъ народѣ, жившемъ къ сѣверу отъ Каспійскаго и Чернаго морей, между Аральскимъ озеромъ и нижнимъ Дунаемъ, и раздѣлявшемся на множество мелкихъ племенъ. Всѣ они вели жизнь кочевую и назывались массагетами, роксоланами, язигами и т. д. Греки и римляне давали имъ имя скиѳовъ, или сарматовъ, а у древнихъ персовъ они были извѣстны подъ общимъ именемъ саковъ. Многіе полагаютъ, что эти племена были въ родствѣ съ персами, другіе, напротивъ, причисляютъ ихъ къ славянской вѣтви народовъ. Но гораздо вѣроятнѣе, что они вовсе не были однимъ народомъ, а просто смѣсью многихъ племенъ разнаго происхожденія и языка, сходныхъ между собою по образу жизни, и потому только обозначаемыхъ у персовъ, грековъ и римлянъ подъ однимъ общимъ именемъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали, можетъ быть, къ персидскимъ народамъ, другіе — къ тюркскимъ, третьи — къ такъ называемымъ финскимъ.

Страны, бывшія колыбелью персидской вѣтви народовъ, обозначаются иногда именемъ Ирана, или Аріи (Aria). Обыкновенно же подъ этими именами понимаютъ только пространство, между Тигромъ, Персидскимъ заливомъ, Каспійскимъ моремъ и западной границей земли афгановъ и белуджей. Прилегающее къ этой странѣ, съ сѣверо-востока, пространство за Оксомъ или Аму-Дарьею извѣстно подъ именемъ Турана и было съ давнихъ поръ заселено народами другаго происхожденія, болѣе дикихъ нравовъ и воинственнаго настроенія.

Въ сѣверо-восточномъ углу Ирана находились въ древности Согдіана и Бактрія. Первая изъ нихъ занимаетъ сѣверную, а вторая южную часть нынѣшней Великой Бухаріи. Сѣверозападный уголъ Ирана былъ занятъ Мидіей, граничившей съ Каспійскимъ моремъ, Арменіей, Ассиріей, Пареіей и Персіей, и заключавшей въ себѣ нынѣшній округъ Ширванъ и персидскія области Азербиджанъ, Гилянъ, Мазандеранъ и Иракъ-Аджеми. Къ югу отъ Мидіи лежала страна Эламъ, часть нынѣшняго Хузистана, граничившая тогда съ Вавилоніей, Мидіей, Персіей и Персидскимъ заливомъ. Эта страна была въ теченіе довольно продолжительнаго времени подвластна Мидійской монархіи, и потому ея имя въ библіи нѣсколько разъ употребляется вмѣсто Мидіи. Настоящая Персія, соотвѣтствующая нынѣшней области Фарсу, или Фарсистану, лежала къ югу отъ Мидіи и къ юго-востоку отъ Элама. Пареія, играющая роль лишь въ позднѣйшей исторіи древняго міра, лежала къ востоку отъ Мидіи и къ юго-востоку отъ Элама.

Въ обширномъ пространствѣ, важнѣйшія части котораго сейчасъ были поименованы, уже очень рано возникли религія и цивилизація, получившія начало въ Бактріи или, какъ ее иначе называютъ, въ Восточной Персіи, и оттуда распространившіяся по всему этому краю. Но объ особенностяхъ этой религіи и цивилизаціи, и вообще обо всемъ, что относится до отдаленнѣйшихъ временъ жизни персидскихъ народовъ, мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій. Сохранившіеся до позднѣйшихъ временъ остатки старины и сказочные разсказы персидскихъ историковъ и поэтовъ доказываютъ только существованіе въ этихъ странахъ древней цивилизаціи, но даютъ намъ о ней весьма поверхностное понятіе.

Родственные между собою народы, жившіе на означенномъ пространствѣ, издавна имѣли общую религію. Она состояла, главнымъ образомъ, въ поклоненіи верховному божеству, стихіей котораго былъ свѣтъ, и огню, какъ его символу, и въ признаніи другаго высшаго существа — божества мрака или зла. Народы, имѣвшіе эту религію, уже рано достигли извѣстной степени цивилизаціи. Древнѣйшая ихъ исторія состоитъ изъ безпрерывныхъ войнъ съ дикими обитателями Турана. Вотъ все, что можно сказать положительнаго объ отдаленнѣйшихъ вре-

менахъ исторіи мидо-персидскихъ народовъ. Персидскіе историки и поэты называютъ множество царей этого періода и сообщаютъ разныя подробности о подвигахъ ихъ въ войнахъ съ туранцами; но всѣ эти извѣстія искажены вымыслами и нерѣдко противорѣчатъ другъ другу. Знаменитѣйшими изъ царей, составляющихъ главный предметъ ново-персидской эпической поэзіи, были: родоначальникъ династіи Пишдадовъ-Хаюмаратъ, которому приписывается основаніе бактрійскаго города Балка, Лагораспъ и сынъ его, Густаспъ, врагомъ которыхъ былъ Афразіабъ, владѣтель Турана, Феридунъ, Джемшидъ, основатель Персеполиса, внукъ его Рустунъ и Хай-Хозру,—родоначальникъ династіи Хаянидовъ.

Во времена могущества Ассирійской и Вавилонской монархій персидскіе народы подчинились ихъ владычеству. Въ періодъ упадка этихъ государствъ, они возвратили свою независимость, способствовали ихъ разрушенію и наслѣдовали имъ во владычествѣ надъ передней Азіей. Въ эпоху, которую нельзя опредѣлить съ точностью, у нихъ явился реформаторъ, по имени Зердучтъ, или Зороастръ, возстановившій забытое древнее вѣрованіе и снова организовавшій религіозный культъ. Въ слѣдствіе этого ему позднѣе приписали и самое ученіе и созданіе возстановленной имъ религіи. Поэтому время его жизни иногда относятъ къ самой отдаленной древности, а, иногда, ко времени мидійскаго царя Кіаксара или персидскаго царя Дарія Гистаспа. Оставшіеся еще послѣдователи древне-персидскаго ученія, живущіе въ Персіи и въ Индіи подъ именемъ парсовъ или гвебровъ, приписываютъ ему книгу, называемую Зендъ-Авестой, или живымъ словомъ, и считающуюся у нихъ самымъ священнымъ изъ религіозныхъ сочиненій. Она содержитъ сущность древне-персидскаго религіознаго ученія, но, безъ сомнѣнія, написана не Зороастромъ. Въ ней также замѣтно частое искаженіе его ученія вставками, заимствованными у индійцевъ, съ которыми послѣдователи Зороастра вступили въ соприкосновеніе въ началѣ среднихъ вѣковъ. У приверженцевъ этого ученія, есть, впрочемъ, нѣсколько другихъ священныхъ книгъ, которыя еще менѣе могутъ быть приписаны Зороастру. По ученію Зороастра, какимъ оно является въ Зендъ-Авестѣ, надъ всею вселенною господствуетъ высшее, несозданное, первоначальное существо, отъ котораго произошли Ормуздъ, богъ свѣта и добра и Ариманъ, богъ мрака и зла. Міръ, созданный Ормуздомъ и Ариманомъ, состоитъ изъ хорошихъ и дурныхъ, чистыхъ и нечистыхъ веществъ и управляется этими же богами, находящимися въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ. Богамъ этимъ подвластно множество служебныхъ духовъ, съ которыми они и воюютъ другъ противъ друга. Духи, подвластные Ариману, называются девами, а повинующіеся Ормузду раздѣляются на три разряда: амшаспандовъ, изедовъ и ферверовъ, или феруэровъ. Эта борьба, въ которой сторонникомъ Ормузда долженъ являться и человѣкъ, кончится со временемъ совершеннымъ пораженіемъ Аримана. Огонь, какъ источникъ свѣта, враждебнаго мраку, считается священнымъ у послѣдователей религіи Зороастра, которая, въ слѣдствіе этого, называется также религіей огнепоклонниковъ.

Достовѣрная исторія персидскихъ народовъ начинается не прежде седьмаго вѣка до нашего лѣтосчисленія. Въ это время освободился отъ ассирійскаго ига одинъ изъ этихъ народовъ,—мидяне, которые, подобно прочимъ, были прежде покорены ассиріянами. Разобщенныя до тѣхъ поръ индійскія племена соединились въ одно цѣлое, избрали своимъ общимъ главой и судьею Дейока и построили для него Экбатану, сдѣлавшуюся съ тѣхъ поръ столицей Мидіи. Сынъ и преемникъ новаго царя Мидіи, Фраортъ, подчинилъ себѣ родственный народъ персовъ, но, сдѣлавъ нападеніе на ассиріянъ, былъ разбитъ и въ одномъ сраженіи лишился жизни. Сынъ его, Кіаксаръ, соединился съ вавилонскимъ царемъ Набополассаромъ, напалъ вмѣстѣ съ нимъ на Ассирійскую монархію, разрушилъ ее и подѣлился съ своимъ союзникомъ ея обширными владѣніями. Затѣмъ, онъ освободилъ Мидію отъ разбойничьихъ ордъ скиѳовъ, прошедшихъ черезъ всю переднюю Азію до границъ Египта и на пути вторгнувшихся также въ Мидію. Наконецъ, Кіаксаръ началъ войну съ мало-азійскимъ народомъ, лидійцами. Война эта, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, кончилась миромъ и женитьбой его сына, Астіага, на дочери лидійскаго царя, Аліатта. Кіаксаръ былъ истиннымъ основателемъ мидо-персидскаго владычества въ Азіи, заступив-

шаго мѣсто владычества Ассиріи и Вавилоніи. Онъ пріобрѣлъ право на это названіе не однѣми только войнами и расширеніемъ предѣловъ Мидіи, но и тѣмъ, что возстановилъ въ народѣ древнія учрежденія и нравы Ирана.

Итакъ, со временъ Кіаксара эти народы начинаютъ достигать преобладанія въ западной половинѣ Азіи. Но, съ этого же времени, у нихъ начинаетъ развиваться чисто деспотическая форма правленія, которую мы видимъ у всѣхъ историческихъ народовъ этой части Азіи, начиная съ первой большой Вавилонской монархіи. До сихъ поръ еще эта форма составляетъ главное различіе между Азіей и Европой. Рядомъ съ этой характеристической чертой мы видимъ въ средней и западной Азіи еще ту особенность, что верховное владычество надъ землями отъ Инда до Средиземнаго моря постоянно переходило отъ одного народа къ другому, и что каждый сохранялъ его до тѣхъ поръ, пока его военная сила не уничтожалась дѣйствіемъ роскоши, въ которую они всѣ впадали тотчасъ послѣ достиженія могущества. То же самое повторяется и до нашего времени въ исторіи всѣхъ владѣтельныхъ домовъ этихъ странъ. Отдѣльныя династіи точно также впадали въ нѣгу и безсиліе и становились жертвой смѣлыхъ узурпаторовъ, пользовавшихся этимъ, чтобъ низвергнуть ихъ и основать новую династію, впослѣдствіи подвергавшуюся той же участи.

Сынъ и преемникъ Кіаксара, А с т і а г ъ, былъ послѣднимъ мидійскимъ царемъ. Противъ него возстали, покоренные прежде мидянами, персы, которымъ удалось не только возвратить себѣ независимость, но и подчинить все Мидійское государство (559 до р. Х.). Дѣйствіями персовъ при этомъ возмущеніи руководилъ К и р ъ, принадлежавшій съ отцовской стороны къ дому А х е м е д и н о в ъ,—самой знатной изъ всѣхъ персидскихъ фамилій. Мать его была дочерью Астіага, который, по одному греческому преданію, увидѣвъ во снѣ предсказаніе своего паденія, думалъ предупредить его, приказавъ погубить маленькаго Кира. Но ребенокъ былъ спасенъ и воспитанъ пастухами, и впослѣдствіи Астіагъ призналъ его своимъ внукомъ и снова принялъ ко двору. Затѣмъ, преданіе говоритъ, что Кира уговорилъ къ возстанію одинъ изъ мидійскихъ полководцевъ, Г а р п а г ъ, оскорбленный Астіагомъ. Увѣренный въ его содѣйствіи, Киръ склонилъ своихъ соплеменниковъ къ возмущенію и, благодаря измѣнѣ Гарпага, побѣдилъ своего дѣда и лишилъ его престола. Съ плѣннымъ Астіагомъ Киръ обращался почтительно и ласково и назначилъ для его содержанія цѣлую область въ восточной Персіи.

Такимъ образомъ, персы заняли мѣсто мидійцевъ и достигли верховнаго владычества въ Азіи. Впрочемъ, Персидкое государство не должно быть отдѣляемо отъ Мидійскаго, такъ какъ персы и мидяне не были отдѣльными народами, а составляли только два различныхъ племени одной и той же націи. Уже одно то обстоятельство, что мидійскій царь Астіагъ выдалъ свою дочь за перса, показываетъ, что эти два племени были близко родственны между собою и пользовались равными правами. Достигнувъ власти, Киръ также не дѣлалъ различія между мидянами и персами. П е р с ы обитали въ собственной Персіи, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ и раздѣлялись на десять колѣнъ, изъ которыхъ три считались благороднѣе прочихъ и пользовались извѣстными преимуществами. Самымъ знатнымъ изъ нихъ считалось колѣно П а с а р г а д о в ъ. Когда персы достигли власти, три старшихъ колѣна, составлявшихъ какъ бы высшее дворянство, были поставлены выше мидянъ; но это преимущество выкупалось тѣмъ, что всѣ члены персидской касты жрецовъ были мидяне и пользовались большимъ уваженіемъ и вліяніемъ въ управленіи. За исключеніемъ этихъ жрецовъ, называвшихся м а г а м и, ни у персовъ, ни у мидянъ не было другихъ кастъ.

Киръ своими завоеваніями распространилъ Мидо-персидскую монархію. Прежде всего покорилъ онъ Бактрію. Затѣмъ направилъ свое оружіе противъ Малой Азіи, которая тогда почти вся признавала верховную власть л и д і й с к а г о царя. Государство Лидійское существовавшее давно, при царѣ К р е з ѣ, сынѣ Аліатта, достигло высшей степени своего могущества. Въ составъ его входили слѣдующія земли Малой Азіи: на западномъ берегу Виѳинія, Мизія, Лидія, Карія и греческія колоніи, округи которыхъ по именамъ главныхъ племенъ Греціи назывались: Эоліей, Іоніей и Доридой; на южномъ берегу — Ликія, Памфилія, Писидія, Исаврія и Киликія; у Чернаго моря и на востокѣ — Понтъ, Пафлагонія

и Каппадокія; наконецъ, во внутренности края — Фригія. Всѣ эти страны были подвластны царю Крезу, за исключеніемъ Киликіи и Ликіи, сохранявшихъ еще свою независимость.

Крезъ владѣлъ огромными, вошедшими въ пословицу, сокровищами и арміею, превосходившею войска Кира военнымъ искусствомъ и дисциплиной; наконецъ, онъ могъ быть увѣренъ въ преданности покоренныхъ имъ народовъ, которымъ оставилъ ихъ прежнее управленіе. Такимъ образомъ, въ предстоящей борьбѣ съ персидскимъ царемъ на его сторонѣ были весьма важныя выгоды. Но армія его была составлена изъ войскъ всѣхъ этихъ малоазійскихъ народовъ, и каждая отдѣльная часть находилась подъ начальствомъ своего собственнаго предводителя, вассала Креза. Напротивъ того, ядро персидской арміи состояло только изъ персовъ и мидянъ, пріученныхъ къ безусловному повиновенію. Крезъ самъ погубилъ себя тѣмъ, что имѣлъ слишкомъ невысокое мнѣніе о персахъ и полагалъ, что персидская армія состоитъ изъ непривыкшей къ порядку толпы, неспособной къ быстрымъ и стройнымъ передвиженіямъ. Поэтому онъ надѣялся удержать ее, въ пограничныхъ горныхъ проходахъ въ теченіе зимы небольшимъ числомъ войскъ и распустилъ войска своихъ вассаловъ. Воспользовавшись этимъ, Киръ перевелъ свою армію черезъ слабо занятую границу Лидійскаго царства, проникъ во внутренность монархіи, овладѣлъ, послѣ непродолжительной осады, столицей ея, Сардами, и взялъ въ плѣнъ самого лидійскаго царя (552 до р. Х.). Еще прежде греческій мудрецъ Солонъ говорилъ Крезу, проникнутому гордымъ сознаніемъ своего царскаго величія, о непостоянствѣ всего земнаго, и теперь слова его оправдались. Греческіе писатели разсказываютъ даже, что Киръ сначала хотѣлъ убить Креза. Уже Крезъ стоялъ на кострѣ, на которомъ его готовились сжечь въ присутствіи персидскаго царя, какъ изъ устъ его вырвалось имя Солона. На вопросъ, что это значитъ — Крезъ отвѣчалъ, что однажды, во дни минувшаго счастія, мудрый Солонъ, не ослѣпленный его могуществомъ и богатствомъ, говорилъ ему объ измѣнчивости судьбы, и что теперь конецъ его жизни даетъ ему горестное убѣжденіе въ справедливости этихъ словъ. Отвѣтъ лидійскаго царя произвелъ на Кира глубокое впечатлѣніе, и мысль о томъ, что и онъ, подобно всѣмъ людямъ, подверженъ этому непостоянству судьбы, побудила его пощадить человѣка, несчастіе котораго было его счастіемъ. Онъ даровалъ Крезу жизнь. Впослѣдствіи, низложенный царь сталъ другомъ Кира, и персидскій царь въ позднѣйшихъ своихъ предпріятіяхъ часто руководствовался совѣтами богатаго опытностью Креза.

Вслѣдъ за тѣмъ Киръ послалъ часть своихъ войскъ на завоеваніе греческихъ колоній, которыя однѣ изъ всѣхъ частей Лидійской монархіи не хотѣли покориться Персіи. Вскорѣ однако всѣ эти города, за исключеніемъ только двухъ, подчинились превосходству персидскихъ силъ. Киръ оставилъ имъ прежнія ихъ учрежденія, такъ что они продолжали пользоваться самоуправленіемъ, и въ каждый городъ былъ назначенъ только одинъ мидянинъ или персъ для высшаго надзора за управленіемъ. Въ древности такой образъ дѣйствій былъ въ повсемѣстномъ употребленіи у всѣхъ народовъ востока и отчасти сохранился и до нашего времени. И послѣ Кира, долгое время никому не приходило въ голову вводить у побѣжденныхъ народовъ правительственныя учрежденія побѣдителей; напротивъ того, у каждаго народа оставлялись неприкосновенными прежнія учрежденія и управленіе, даже и тогда, когда сомнѣвались въ его вѣрности. Въ подобныхъ случаяхъ предпочитали ослаблять ихъ перемѣщеніемъ части жителей въ отдаленныя страны. Два греческіе города въ Малой Азіи, Т е о с ъ и Ф о к е я, хотѣли не только сохранить самоуправленіе, но и остаться независимыми отъ верховнаго владычества Персіи. Они предпочли лучше покинуть родину, чѣмъ подчиниться персамъ. Жители Теоса отплыли съ своими женами и дѣтьми къ берегамъ Ѳракіи, поселились тамъ и основали городъ А б д е р у, который впослѣдствіи, подобно нѣмецкимъ городамъ Шильдѣ, Гиршау и другимъ, имѣлъ несчастіе прославиться вошедшей въ пословицу предполагаемой глупостью своихъ жителей.

Будучи не въ силахъ противиться превосходству персидскихъ войскъ, граждане Фокеи перенесли на корабли своихъ женъ, дѣтей и идоловъ и поплыли къ заселенному греками острову Хіосу; но тамошніе жители не позволили имъ по-

селиться на этомъ островѣ, опасаясь промышленаго и предпріимчиваго духа фокейцевъ. Тогда они рѣшились поселиться на далекомъ островѣ, Корсикѣ, гдѣ лѣтъ за двадцать до того была основана ими колонія. Но прежде чѣмъ фокейцы отправились туда, они еще разъ поплыли къ берегамъ родины и отмстили за себя непріятелю, истребивъ застигнутый въ расплохъ персидскій гарнизонъ своего города. Послѣ этого всѣ они поклялись, что не вернутся болѣе въ Фокиду, пока кусокъ желѣза, брошенный ими въ море, не всплыветъ на поверхность воды. Но едва началось ихъ плаваніе къ Корсикѣ, какъ большая часть изъ нихъ уступила чувству тоски по роднѣ и, забывъ свою клятву, поплыла назадъ къ родному городу и подчинилась персамъ. Остальные достигли Корсики и провели тамъ нѣсколько лѣтъ въ принадлежавшей имъ колоніи, но безпокоемые карѳагенянами и этрусками, господствовавшими въ Тосканскомъ морѣ, снова сѣли на корабли и поселились на берегахъ нижней Италіи. Здѣсь они также не могли удержаться и поплыли въ Массилію, нынѣшнюю Марсель, основанную ими за сто лѣтъ передъ тѣмъ и съ тѣхъ поръ сдѣлавшуюся постепенно однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ западной части Средиземнаго моря.

Участи Лидійской монархіи подверглась и Вавилонія, царь которой былъ въ союзѣ съ Крезомъ противъ Кира. Войска Кира, подъ личнымъ его начальствомъ, разбили вавилонянъ, взяли ихъ столицу и обратили все государство въ персидскую провинцію (539 до р. Х.). Кажется, что Киръ думалъ также и о походѣ въ Египетъ, и этимъ отчасти объясняется данное евреямъ позволеніе вернуться изъ Вавилоніи въ Пелестину. Чувство состраданія къ несчастному народу, конечно, также играло здѣсь роль, но тѣмъ не менѣе очевидно, что главной причиною этого было намѣреніе Кира, посредствомъ поселенія евреевъ по сосѣдству съ Египтомъ, приготовить себѣ безопасный путь въ эту страну. Финикія, до тѣхъ поръ подвластная Вавилону, тогда добровольно признала власть персидскаго царя.

Подчинивъ персидскому владычеству различные народы передней Азіи, Киръ основалъ для своей обширной монархіи новую столицу, такъ какъ Экбатана была слишкомъ удалена отъ ея средоточія, а весьма выгодно расположенный для столицы передней Азіи — Вавилонъ былъ городомъ народа покореннаго и чуждаго персамъ. Новая столица — С у з а была построена въ югозападной части собственной Персіи.

Извѣстія, сообщаемыя намъ древними о послѣднемъ походѣ Кира и его смерти, случившейся въ 530 году р. Х., несогласны между собою. Наиболѣе достовѣрный источникъ говоритъ, что Киръ предпринялъ походъ противъ воинственнаго кочеваго племени, дербиковъ, бродившихъ къ востоку отъ Каспійскаго моря, въ нынѣшней Туркменіи. Сражаясь съ ними, онъ былъ разбитъ и раненъ. Затѣмъ, при помощи одного скиѳскаго племени, постоянно враждебнаго дербикамъ, онъ снова пошелъ на нихъ, побѣдилъ ихъ на этотъ разъ, но вторично былъ раненъ въ сраженіи и умеръ отъ раны. По другимъ свѣдѣніямъ, Киръ напалъ на скиѳское племя, массагетовъ, жившее также къ востоку отъ Каспійскаго моря и управлявшееся тогда царицей Т о м и р и с о ю. Прибывъ въ ихъ страну, онъ сдѣлалъ видъ, что отступаетъ и при этомъ бросилъ на пути большое количество вина. Перепившіеся массагеты были перебиты и взяты въ плѣнъ Киромъ. Предводитель ихъ, сынъ царицы Томирисы, лишилъ себя жизни. Но царица сама стала во главѣ вновь собраннаго войска и нанесла персамъ страшное пораженіе. Въ этомъ бою былъ убитъ Киръ. Преданіе говоритъ, что царица въ поруганіе надъ трупомъ Кира приказала обезглавить его и бросить голову въ мѣшокъ съ человѣческою кровью. Послѣдняя часть этого разсказа опровергается тѣмъ, что трупъ Кира былъ погребенъ въ Пасаргадѣ, царскомъ склепѣ персовъ, гдѣ, два вѣка спустя, Александръ Великій велѣлъ показать его себѣ и нашелъ на памятникѣ слѣдующую надпись: «О человѣкъ, я К и р ъ, доставившій персамъ верховное владычество и господствовавшій надъ Азіей; поэтому не удивляйся великолѣпію моего гроба.»

Преемникомъ Кира былъ сынъ его, Камбисъ, царствовавшій съ 530 по 522 годъ. Онъ уступалъ дарованіями своему младшему брату, котораго звали С м е р д и с о м ъ, а по другимъ источникамъ Т а н і о к с а р к с о м ъ, и уже прежде былъ нелюбимъ персами за свою жестокость. По распоряженію Кира, Смердисъ былъ

сдѣланъ намѣстникомъ своего брата въ сѣверовосточной части Персидской монархіи и управлялъ ею почти съ неограниченною властью. Одинъ изъ маговъ, оскорбленный имъ вскорѣ послѣ смерти Кира, рѣшился отмстить ему и съ этой цѣлью поѣхалъ къ Камбису, который въ это время былъ въ походѣ противъ Египта и уже прежде, изъ недовѣрчивости, приказалъ брату слѣдовать за собою. Клеветникъ обвинилъ Смердиса въ властолюбивыхъ замыслахъ, и царь тѣмъ легче повѣрилъ ему, что уже былъ раздраженъ противъ брата, не исполнившаго его приказанія. Камбисъ поручилъ магу собрать нѣсколько персидскихъ вельможъ и передать имъ царское приказаніе умертвить Смердиса. Убійство должно было остаться тайной и магу было приказано, до возвращенія Камбиса изъ Египта, управлять страною именемъ Смердиса. Все было исполнено, какъ приказалъ Камбисъ, и никто не подозрѣвалъ о случившемся, такъ какъ магъ, выдавшій себя за Смердиса, и потому обыкновенно называемый Псевдо-или-Лже-Смердисомъ, никогда не выходилъ изъ внутреннихъ комнатъ дворца, и самъ царь оффиціально называлъ его своимъ братомъ.

Камбисъ между тѣмъ безъ труда завоевалъ Египетъ и взялъ въ плѣнъ тамошняго царя, Псамменита. Побѣдитель, какъ это всегда дѣлали древніе персы, пощадилъ несчастнаго царя, позволилъ Псамметиту выбрать себѣ въ спутники шесть тысячъ египтянъ и далъ ему владѣнія въ окрестностяхъ Сузы, гдѣ онъ и провелъ остатокъ жизни въ кругу своихъ соотечественниковъ. Другіе писатели обвиняютъ Камбиса въ весьма жестокомъ обращеніи съ Псамменитомъ и его семействомъ, но разсказъ этотъ гораздо менѣе вѣроятенъ. То же самое можно сказать и объ извѣстіи, сообщаемомъ однимъ греческимъ историкомъ, который говоритъ, что во время пребыванія Камбиса въ Египтѣ частые припадки падучей болѣзни и пьянство ослабили его разсудокъ и онъ, вслѣдствіе этого, предавался все большимъ и большимъ жестокостямъ. Извѣстіе это не можетъ быть вѣрно потому, что въ поступкахъ Камбиса, до послѣдней его минуты, видно разумное пониманіе обстоятельствъ и положенія дѣлъ. Не нужно забывать, что этотъ историкъ получилъ большую часть своихъ свѣдѣній о персидскомъ царѣ отъ египетскихъ жрецовъ, и что египтяне питали къ нему, даже послѣ его смерти, глубокую ненависть, какъ къ виновнику порабощенія Египта. Нельзя однако не согласиться, что этотъ царь былъ одаренъ отъ природы недовѣрчивымъ умомъ и сердцемъ, склоннымъ къ жестокости, и потому многое изъ того, что разсказываютъ о его свирѣпыхъ поступкахъ, можетъ быть, дѣйствительно справедливо. Говорятъ, напримѣръ, что онъ ударомъ ноги убилъ одну изъ своихъ сестеръ, казнилъ, по простому капризу, знатныхъ персидскихъ воиновъ, приказалъ даже убить друга своего, отца Креза, и т. п. Подвластныя Египту африканскія племена подчинились Камбису добровольно; но походъ противъ Аммонскаго оаза, куда онъ отправилъ часть своихъ войскъ, кончился совершенной неудачей: отрядъ этотъ весь погибъ въ пустынѣ. Почти то же случилось съ главной арміей, которую самъ Камбисъ повелъ на завоеваніе Ѳеіопіи. Истративъ взятые съ собою жизненные припасы и испытавъ большую потерю въ людяхъ, онъ былъ принужденъ отказаться отъ своего предпріятія и вернуться въ Египетъ.

На обратномъ пути въ Персію Камбисъ случайно ранилъ себя, садясь на лошадь, обнаженнымъ мечемъ, или, какъ говорятъ другіе, стараясь однимъ ударомъ перерубить деревянную колоду. Рана оказалась смертельной, и царь вскорѣ умеръ. Передъ смертью, онъ разсказалъ приближеннымъ объ участи своего брата и открылъ тайну, кто управлялъ именемъ Смердиса. Умирая бездѣтнымъ, Камбисъ долженъ былъ ожидать, что если это останется тайною, то Лже-Смердисъ, какъ ближайшій, повидимому, наслѣдникъ престола, овладѣетъ царскою властію. Разсказываютъ даже, что еще при жизни Камбиса, его мнимый братъ возсталъ противъ него и провозгласилъ себя царемъ. При содѣйствіи своей касты, онъ успѣлъ, послѣ смерти Камбиса, продержаться на престолѣ девять мѣсяцевъ, такъ какъ народъ, зная о несогласіи двухъ братьевъ, не рѣшался вѣрить словамъ Камбиса, и, сверхъ того, утомленный продолжительными войнами, радовался миролюбію Лже-Смердиса, отмѣнившаго налоги, взимавшіеся въ военное время. Наконецъ, семь важнѣйшихъ полководцевъ изъ племени пасаргадовъ составили заговоръ противъ узурпатора. По преданію, они начали свои дѣйствія тѣмъ, что при помощи одной изъ женъ мага, убѣдились въ справедливости предсмертныхъ словъ

Камбиса. Настоящій Смердисъ, еще при жизни отца, за какой-то проступокъ поплатился обоими ушами, и потому приближеннымъ къ царю было легко удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ былъ сыномъ Кира, тогда какъ обычный головной уборъ скрывалъ это отъ всѣхъ остальныхъ. Разъяснивъ свои сомнѣнія, заговорщики ворвались однажды вооруженные во дворецъ и умертвили узурпатора и приближенныхъ къ нему маговъ (521 до р. Х.).

Такъ какъ мужское потомство Кира пресѣклось, то заговорщики выбрали царемъ сына Гистаспа, Дарія, одного изъ участниковъ въ заговорѣ. Выборъ ихъ палъ на него потому, что онъ принадлежалъ къ дому Ахемидовъ и, кромѣ того, былъ женатъ на дочери Кира, Атоссѣ. Разсказъ о томъ, будто эти семь человѣкъ совѣщались между собою на счетъ введенія той или другой правительственной формы — демократической республики, олигархіи или монархіи, — должно считать чистою выдумкою, точно такъ же какъ и то, что они рѣшились предоставить выборъ царя чему-то въ родѣ божьяго суда. Преданіе говоритъ, что они назначили быть тому царемъ, чья лошадь заржетъ первая въ виду восходящаго солнца, во время прогулки, которую они предприняли вмѣстѣ. Дарій прибѣгнулъ при этомъ къ хитрости, приказавъ накормить свою лошадь въ одномъ мѣстѣ у самаго начала пути. На другой день, лошадь, приблизившись къ знакомому мѣсту, заржала отъ радости.

Д а р і й I, или Д а р і й Г и с т а с п ъ, какъ обыкновенно называютъ этого основателя новой персидской династіи, царствовалъ съ 521 по 485 годъ до р. Х. Это одинъ изъ важнѣйшихъ властителей Персіи, замѣчательный какъ завоеваніями и военными подвигами, такъ и новой организацiей, которую онъ далъ Персидской монархіи. Безпорядки, происходившіе во время отсутствія Камбиса, вслѣдствіе крайней неопредѣленности отношеній намѣстниковъ, полководцевъ и вассальныхъ князей, вѣроятно, дали почувствовать недостатокъ въ положительныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Поэтому Дарій рѣшился дать государственному управленію больше силы и болѣе ясную форму. Онъ основалъ свои учрежденія на древне-персидскихъ обычаяхъ и законахъ и связалъ ихъ съ тѣмъ древнимъ религіознымъ ученіемъ, которымъ руководствовался и Кіаксаръ, и которое въ неизвѣстную намъ эпоху воззвалъ къ новой жизни Зороастръ. Но и въ Персіи повторилось то же, что часто случается въ исторіи. Обращенное въ государственный законъ, ученіе Зороастра было во многихъ отношеніяхъ превосходно, провозглашенные Даріемъ принципы высшаго управленія и администраціи были сами по себѣ также очень хороши, — но исполненіе ихъ не сходилось съ теоріей. Большая часть того, что происходило въ государствѣ, явно противорѣчило этому ученію и принципамъ. Форма правленія, выбранная Даріемъ, была деспотія, основанная на предписаніяхъ религіи. Государь являлся священнымъ существомъ, высоко-поставленнымъ надъ народомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и недоступнымъ ему. Монархія была раздѣлена на двадцать намѣстничествъ, или сатрапій, изъ которыхъ каждая управлялась своимъ сатрапомъ и платила опредѣленное количество податей. Администрація являлась, такимъ образомъ, весьма простою, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень однообразной и произвольной. Въ каждой сатрапіи все зависѣло отъ одного лица. Каждый намѣстникъ скоро обзаводился собственнымъ дворомъ, подавалъ примѣръ роскоши и распутства, своимъ произволомъ развращалъ нравственность цѣлаго народа и, наконецъ, весьма часто держался политики, рѣзко противорѣчившей политикѣ ближняго своего сосѣда — намѣстника. При преемникахъ Дарія дѣло дошло даже до того, что сатрапы почти всегда враждовали между собою, а персидскія намѣстничества сдѣлались какъ бы отдѣльными государствами.

Дарій продолжалъ рядъ завоеваній, посредствомъ которыхъ два его предшественника сдѣлали персовъ господствующимъ народомъ Азіи. Одна изъ его армій проникла въ сѣверную Африку до Великаго Сирта, залива, находящагося между Баркой и Триполи. Здѣсь, однако, африканскія орды и жители греческой колоніи Кирены нанесли этой арміи чувствительное пораженіе и принудили ее вернуться въ Египетъ съ большими потерями. Находившійся въ персидской службѣ карійскій морякъ, С к и л а к с ъ, посланный Даріемъ для изслѣдованія западнаго полуострова Индіи, спустился внизъ по Инду и возвратился черезъ Индійскій океанъ и Красное море. Собравъ свѣдѣнія о пути въ Индію, Дарій двинулся туда

съ войскомъ и обложилъ данью нѣкоторыя области въ западной части полуострова. Западные предѣлы монархіи были также расширены его завоеваніями. Онъ перешелъ изъ Азіи въ Европу по большому мосту, наведенному черезъ Босфоръ, и, такимъ образомъ, первый изъ азіятцевъ вторгнулся въ Европу. Этотъ походъ былъ направленъ противъ кочующихъ племенъ, называемыхъ скиѳами, постоянно дѣлавшихъ набѣги на при-каспійскія области Персіи. Дарій двинулся черезъ сѣверную Турцію и вступилъ въ землю скиѳовъ, начинавшуюся у нижняго Дуная. Предпріятіе не удалось и едва не кончилось гибелью персидской арміи. Скиѳы не вдавались въ бой съ персами, а постоянно отступали передъ ними въ глубь страны, бѣдной съѣстными припасами, и гдѣ лишь изрѣдка попадались клочки воздѣланной земли. Персы были приведены въ отчаяніе, и Дарій увидѣлъ себя принужденнымъ отступить, не осуществивъ своего плана. Во время этого отступленія онъ подвергся новой и еще гораздо большей опасности. Нѣкоторые изъ начальниковъ греческихъ дружинъ, взятыхъ Даріемъ изъ подвластныхъ ему малоазійскихъ торговыхъ городовъ и охранявшихъ мостъ черезъ Дунай, задумали было уничтожить этотъ мостъ и, такимъ образомъ, обречь на гибель персидскаго царя и его армію и освободиться отъ персидскаго ига. Но большинство греческихъ начальниковъ воспротивилось этому намѣренію, понимая, что съ возстановленіемъ независимости, они безъ сомнѣнія потеряли бы ту почти неограниченную власть, которой пользовались въ своихъ городахъ, управляя ими въ качествѣ вассаловъ Персіи. Этимъ Дарій былъ спасенъ и вернулся въ Персію, оставивъ въ Европѣ одного изъ своихъ полководцевъ, завоевавшаго впослѣдствіи весь южный берегъ Ѳракіи и принудившаго къ покорности македонскаго царя. Такимъ образомъ, предѣлы Персидской монархіи раздвинулись до Ѳессаліи.

Дарію пришлось бороться противъ двухъ опасныхъ возстаній, вспыхнувшихъ въ Вавилоніи и въ Малой Азіи. Послѣднее было поводомъ къ продолжительнымъ войнамъ, которыя черезъ нѣсколько поколѣній кончились гибелью Персидской монархіи. Вавилонское возстаніе было подготовлено во время смутъ при Камбисѣ и Лже-Смердисѣ и вспыхнуло вскорѣ послѣ вступленія Дарія на престолъ. Вавилоняне превосходно организовали свои оборонительныя средства, и потому Дарій, явившись подъ стѣнами Вавилона, въ теченіе почти двухъ лѣтъ ничего не могъ сдѣлать. Наконецъ, ему помогъ одинъ изъ его полководцевъ, З о п и р ъ, который, съ вѣдома Дарія, отправился къ вавилонянамъ, отрѣзавъ себѣ предварительно носъ и уши, чтобы походить на человѣка, оскорбленнаго царемъ и желавшаго отмстить ему. Ему удалось пріобрѣсть довѣріе вавилонянъ и получить даже начальство надъ ихъ арміей. Достигнувъ этого, онъ устроилъ все такъ, что армія была разбита, и городъ взятъ персами. Зопиръ получилъ въ награду званіе намѣстника Вавилоніи, съ правомъ пожизненнаго пользованія всѣми доходами этой богатой провинціи. Вавилонъ же подвергся жестокому наказанію: три тысячи гражданъ его были казнены, и часть городской стѣны разрушена.

Возстаніе мало-азійскихъ грековъ также было неудачно, но повлекло за собою чрезвычайно важныя послѣдствія не только для Персіи, но и для всего міра. Грекъ Г и с т і е й, уроженецъ Милета и персидскій намѣстникъ въ этомъ важнѣйшемъ изъ всѣхъ мало-азійскихъ городовъ, много содѣйствовалъ сохраненію моста на Дунаѣ и спасенію Дарія при отступленіи его изъ скиѳскаго похода. Въ награду за эту услугу, онъ получилъ землю на ѳракійскомъ берегу и основалъ тамъ греческую колонію. Это обстоятельство возбудило въ сатрапѣ Малой Азіи подозрѣніе, что Гистіей становится уже слишкомъ могущественнымъ и питаетъ опасные замыслы. По совѣту этого сатрапа, Дарій, какъ бы въ видѣ особенной почести, пригласилъ Гистіея ко двору въ Сузу и назначилъ правителемъ Милета близкаго его родственника, А р и с т а г о р а. Персы имѣли тогда намѣреніе завоевать острова Архипелага, и всѣ ихъ дѣйствія въ этомъ отношеніи были вполнѣ удачны, за исключеніемъ только одного нападенія, сдѣланнаго Аристагоромъ на островъ Наксосъ. Опасаясь отвѣтственности за неудачу въ этомъ несчастномъ предпріятіи, Аристагоръ уступилъ давнишнему стремленію мало-азійскихъ грековъ къ независимости и произвелъ возстаніе. Тайное письмо, присланное ему Гистіемъ, недовольнымъ своимъ положеніемъ въ Сузѣ, не мало содѣйствовало ускоренію взрыва. На успѣхъ нельзя было надѣяться, но тѣмъ не менѣе заговорщики привели свой планъ въ исполненіе. Возстановленіемъ демократическаго прав-

ленія они легко склонили на свою сторону гражданъ другихъ городовъ, выхлопотали себѣ также помощь аѳинянъ, страстно преданныхъ этой формѣ правленія, и жителей лежавшаго на островѣ Эвбеѣ города Эретріи. Оба города прислали имъ по нѣскольку кораблей. Возстаніе грековъ, которые почти всѣ были жителями іонійскихъ городовъ, продолжалось съ 502 по 496 годъ. На сушѣ имъ, конечно, было не подъ силу сражаться съ персами, но на морѣ они, безъ сомнѣнія, одержали бы надъ ними верхъ, если бы только умѣли сохранить согласіе и единство въ своихъ дѣйствіяхъ. Аѳиняне вернулись домой послѣ перваго пораженія іонійцевъ. Не надѣясь на счастливое окончаніе борьбы, Аристагоръ также вскорѣ бѣжалъ во Ѳракію, гдѣ былъ убитъ дикими туземцами. Гистіей, отпросившійся изъ Сузы подъ тѣмъ предлогомъ, что своимъ вліяніемъ укротитъ возстаніе, прибылъ однако въ Милетъ не въ счастливую минуту. Встрѣченный іонійцами съ недовѣрчивостью, онъ, не смотря на это, принялъ участіе въ борьбѣ, снова попался въ плѣнъ къ персамъ и былъ ими распятъ. Іонійцы успѣли распространить возстаніе и въ другихъ частяхъ Малой Азіи, но все-таки были принуждены покориться. Измѣна и недостатокъ единства подвергли ихъ пораженію даже на морѣ. Вся страна была страшно разорена, и многіе жители потерпѣли жестокое наказаніе. Въ этихъ насиліяхъ виноваты были персидскія войска, а не самъ царь. Когда полководецъ, распявшій Гистіея, прислалъ его голову въ Сузу, Дарій остался недоволенъ убійствомъ человѣка, который нѣкогда оказалъ ему важныя услуги и пріобрѣлъ право на его благодарность. Голова Гистіея была, по приказанію царя, похоронена съ почестями. Дарій былъ также тронутъ, когда большую часть жителей Милета привели плѣнниками въ Сузу, освободилъ ихъ отъ рабства и позволилъ имъ поселиться близъ устьевъ Тигра.

Естественнымъ послѣдствіемъ возстанія мало-азійскихъ грековъ и ихъ подавленія была рѣшимость Дарія не только завоевать всѣ острова Архипелага, но и обратить европейскую Грецію въ провинцію своей монархіи. Можетъ быть, этотъ планъ и удался бы, если бъ персы старались подчинять каждое греческое государство отдѣльно. Напротивъ того, они хотѣли покорить грековъ непремѣнно всѣхъ разомъ, думая громадными массами войскъ и силою добиться того, чего можно было достигнуть только терпѣніемъ и пользуясь постоянными несогласіями грековъ. Наконецъ, противъ страны, жители которой далеко превосходили ихъ въ морскомъ дѣлѣ, и мѣстность которой не позволяла употреблять большихъ массъ кавалеріи, — персы дѣйствовали именно съ моря, а на сушѣ — посредствомъ кавалеріи. Такимъ образомъ, государство было вовлечено въ изнурительныя и гибельныя войны, описаніе которыхъ будетъ сообщено впослѣдствіи въ греческой исторіи. При Даріѣ было предпринято два похода въ Грецію, и оба кончились неудачно. Третій походъ былъ пріостановленъ несогласіями при дворѣ и возстаніемъ въ Египтѣ. Дарій все-таки не отказывался отъ него, но умеръ внезапно въ 485 году.

Позднѣйшая исторія Персіи, до самаго паденія монархіи, тѣсно связана съ исторіей грековъ и будетъ разсказана въ связи съ нею. Теперь достаточно представить перечень преемниковъ Дарія-Гистаспа и присоединить къ нему нѣсколько короткихъ замѣчаній. Дарію наслѣдовалъ сынъ его, Ксерксъ I, царствовавшій съ 485 по 467 годъ и павшій жертвою придворнаго заговора. На престолъ вступилъ тогда его младшій сынъ, Артаксерксъ I (467 — 424), прозванный Лонгиманомъ (Долгорукимъ) и начавшій свое царствованіе убійствомъ старшаго брата и того придворнаго, которому былъ обязанъ престоломъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Ксерксъ II, умерщвленный однимъ изъ своихъ братьевъ на 45 день царствованія. Убійца, называвшійся Согдіаномъ, въ свою очередь погибъ жертвою братоубійства, послѣ шести съ половиною мѣсяцевъ владычества. Убійца Согдіана, Охъ, владѣлъ престоломъ съ 424 по 404 годъ и, сдѣлавшись царемъ, получилъ имя Дарія II Нота. Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его, Артаксерксъ II (404 — 364), прозванный за хорошую память Мнемономъ. При самомъ вступлени на престолъ, новому царю пришлось вести войну съ возставшимъ противъ него меньшимъ братомъ, Киромъ Младшимъ, который былъ убитъ въ сраженіи. По смерти Артаксеркса II, царемъ сталъ одинъ изъ его сыновей, Охъ, или Артаксерксъ III, достигшій престола умерщвленіемъ нѣкоторыхъ членовъ своего семейства. Онъ царствовалъ съ 364 по 339 г.

и былъ отравленъ однимъ изъ своихъ царедворцевъ, который также лишилъ жизни сына и преемника его, Арзеса, царствовавшаго съ 339 по 336 годъ. На престолъ вступилъ тогда Дарій III Кодоманъ, правнукъ царя Дарія II, бывшій послѣднимъ персидскимъ царемъ. Въ 330 г. до р. Х. онъ лишился и престола и жизни въ борьбѣ съ Александромъ Великимъ, завоевателемъ Персидской монархіи.

Въ эпоху величайшаго распространенія персидскаго владычества, при Даріѣ I, началось и постепенное развращеніе нравовъ и упадокъ могущества персовъ. Государство простиралось тогда отъ Инда до границъ Өессаліи и западныхъ предѣловъ Египта, и отъ Персидскаго и Аравійскаго заливовъ до восточныхъ прикаспійскихъ степей и Кавказа, обитатели котораго также причислялись въ то время къ народамъ Персидской монархіи. Не смотря на систематическій порядокъ, введенный Даріемъ I въ управленіе этой обширной массой земель, не смотря на простое и чистое ученіе Зороастра, котораго держалось господствовавшее племя, государство съ этого же времени стало представлять картину постепенно усиливавшагося разложенія и упадка нравовъ.

Уже съ самаго начала войнъ съ греками персидская исторія представляетъ однообразный разсказъ объ интригахъ двора, полководцевъ и намѣстниковъ, внутреннихъ безпокойствахъ, нравственныхъ и религіозныхъ заблужденіяхъ и безразсудныхъ походахъ противъ грековъ. Неудача этихъ экспедицій повлекла за собою потерю западныхъ провинцій монархіи и, затѣмъ, Персія подверглась частымъ набѣгамъ и завоевательнымъ предпріятіямъ, полнаго силъ, греческаго народа. Придворные и высшіе сановники были, по большей части, трусливыми и изнѣженными эгоистами, а намѣстники отличались властолюбіемъ, старались губить другъ друга и часто воевали между собою. Царь былъ только орудіемъ ихъ, — священнымъ именемъ, посредствомъ котораго въ тогдашней Персіи обманывали народъ, какъ впослѣдствіи въ имперіи Великаго Могола, или теперь въ Турціи. Имя царя служило только щитомъ, подъ прикрытіемъ котораго можно было дѣйствовать еще произвольнѣе. Поэтому персидскіе сатрапы, какъ нынѣшніе турецкіе паши, никогда не старались отдѣлиться отъ монархіи. Каждый изъ нихъ стремился только къ совершенной независимости въ управленіи, и, разъ достигнувъ этой цѣли, спокойно продолжалъ распоряжаться именемъ царя, хотя всего менѣе думалъ объ исполненіи его приказаній. Измѣны и интриги всякаго рода стали обычнымъ дѣломъ; царемъ управляли любимцы и женщины. Уже при Даріѣ Гистаспѣ одна изъ царскихъ женъ, дочь Кира, умѣла сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ, и, вопреки собственному желанію Дарія, успѣла настоять на томъ, чтобы престолъ перешелъ не къ одному изъ сыновей его отъ перваго брака, а къ собственному ея сыну, Ксерксу. Вліяніе женъ стало въ Персіи господствующимъ обычаемъ и дѣломъ совершенно законнымъ. Царскимъ женамъ и даже наложницамъ дарились цѣлые округи или области и отдавались въ распоряженіе войска. Такія же обширныя земли раздавались любимцамъ и иностранцамъ, приходившимъ искать счастія при дворѣ. О желаніи жителей при этомъ, конечно, не спрашивали. Также возмутительны были употреблявшіяся наказанія, какъ напримѣръ, отсѣченіе членовъ, сажаніе на колъ и варварское замучиваніе людей на смерть солнечными лучами и укушеніями насѣкомыхъ. Эти мерзости были введены совершенно наперекоръ ученію Зороастра, такъ же какъ и заимствованное у вавилонянъ гаданіе по звѣздамъ, толкованіе сновъ, употребленіе египетскихъ талисмановъ и другіе отвратительные или суевѣрные обычаи. Не довольствуясь этимъ, съ религіей огня, возстававшей противъ всѣхъ подобныхъ заблужденій, связали также поклоненіе идоламъ сосѣднихъ народовъ. Наконецъ, стали даже приносить въ жертву людей, такъ что нерѣдко можно было видѣть, что живыя дѣти были зарываемы въ землю, какъ искупительныя жертвы для взрослыхъ.

Какъ мало походилъ на эту картину характеръ и образъ жизни персидскаго народа прежняго времени! Древній бытъ этого народа мы еще видимъ въ тѣхъ персахъ, съ которыми Киръ создалъ свою азіятскую монархію, и которые, во многихъ отношеніяхъ, представляютъ разительное сходство съ древними германцами. До Кира, персы еще сохраняли свои простые, но не грубые, нравы и отличались любовью къ правдѣ. Колѣна, на которые раздѣлялась нація, считались не равными по достоинству, но у персовъ не существовало

той непреодолимой преграды между людьми, какую мы видимъ въ общественномъ устройствѣ Индіи и Египта. Они имѣли извѣстныя нравственныя правила, глубоко вкоренившіяся въ понятіи народа, жизнью котораго управлялъ обычай, а не полицейскія постановленія или божескія заповѣди. Поэтому персы легко перенимали чужіе нравы, чужіе добродѣтели и пороки, — черта свойственная германцамъ и сохранившаяся у нынѣшнихъ персіянъ. Наконецъ, древніе персы, подобно германцамъ, имѣли большую склонность къ вину. Они любили пить во время совѣщаній, но рѣшали дѣла не прежде слѣдующаго дня.

Сдѣлавъ обширныя завоеванія, персы развратились, и, вмѣстѣ съ древней простотой своихъ нравовъ, навсегда потеряли все, что было добраго и благороднаго въ ихъ племени. Не смотря на весь блескъ своего величія, они подверглись такой же печальной участи, какъ и покоренные ими народы. Персидское г о с у д а р с т в о заключало тогда самыя богатыя и прекрасныя земли древняго міра, но, вмѣстѣ съ потерею независимости, персы лишились настоящей жизни и благосостоянія. Въ огромномъ Персидскомъ царствѣ вскорѣ исчезло всякое національное чувство и вообще всякое стремленіе къ высшимъ человѣческимъ цѣлямъ. Человѣкъ сталъ видѣть свое счастіе въ томъ, чтобы пить, ѣсть, исполнять приказанное и предаваться праздности. Гражданинъ государства пахалъ землю, сидѣлъ за ткацкимъ станкомъ, хозяйничалъ и строилъ, и отъ времени до времени послушно отправлялся на войну, въ которой его сердце не принимало участія. Все населеніе обширной монархіи походило на стадо овецъ, которое паслось на привольномъ лугу, пока, наконецъ, не сдѣлалось добычею волковъ.

Въ государственномъ управленіи м а г и или члены жреческой касты пользовались большимъ вліяніемъ. Они посвящали царя при вступленіи его на престолъ, вели лѣтопись его правленія, получали свѣтскія должности, для которыхъ требовались особенныя познанія и, наконецъ, распоряжались царскими похоронами. Послѣ нихъ ближайшими къ царю лицами были семь князей, имѣвшіе во всякое время безпрепятственный входъ во внутреннія комнаты дворца. При вступленіи царя на престолъ, трое изъ нихъ исполняли особенныя почетныя должности, состоявшія въ возложеніи на царя одежды и тіары Кира и въ опоясаніи его мечемъ. Царь считался священной особой, передъ которой каждый долженъ былъ падать ницъ. Его окружалъ блестящій и чрезвычайно многочисленный дворъ, и всѣ слуги и придворные были подчинены самому строгому этикету. Кромѣ великолѣпныхъ дворцовъ въ различныхъ резиденціяхъ государства, царь имѣлъ еще множество загородныхъ замковъ и, такъ называемыхъ, парадизовъ, т. е. царскихъ садовъ и парковъ.

Государство было, какъ мы уже сказали, раздѣлено на двадцать с а т р а п і й или намѣстничествъ, изъ которыхъ каждое управлялось сановникомъ, назначавшимся по личному выбору царя. Хотя царь часто посылалъ своихъ уполномоченныхъ для надзора за сатрапами, но послѣдніе все-таки управляли совершенно произвольно. Войска, стоявшія въ намѣстничествахъ, были подчинены не сатрапамъ, а особеннымъ полководцамъ, но каждый сатрапъ старался составлять себѣ свое особенное войско. Д о х о д ы г о с у д а р с т в а состояли въ собственной Персіи изъ доходовъ съ государственныхъ имуществъ и изъ добровольныхъ подарковъ, которые въ военное время требовались насильно. Покоренные народы ежегодно платили извѣстную дань. Дарій сохранилъ въ собственной Персіи этотъ порядокъ добровольныхъ приношеній, но въ остальныхъ частяхъ государства ввелъ опредѣленную подать натурою и наличными деньгами, представляемую или прямо ко двору, или въ руки сатраповъ. Напримѣръ Мидія, послѣ собственной Персіи находившаяся въ самомъ выгодномъ положеніи, должна была ежегодно, кромѣ денежныхъ податей, представлять ко двору 3,000 лошадей, 4,000 муловъ и 800 овецъ. Къ этимъ налогамъ присоединялись еще въ отдѣльныхъ провинціяхъ таможенные сборы и различныя поставки въ государственные магазины и обязанность прокармливать во время путешествій свиту царя и сатраповъ.

А р м і я, во время Кира и Камбиса заключавшая въ себѣ всѣхъ персовъ способныхъ носить оружіе, имѣла свое оригинальное вооруженіе и тактику. Но уже при Даріѣ I единственная надежная часть арміи состояла только изъ 10,000 такъ называемыхъ безсмертныхъ, навербованныхъ изъ трехъ благороднѣйшихъ персидскихъ колѣнъ. Остальныхъ персовъ уже не требовали на службу и войско состав-

лялось изъ контингентовъ различныхъ провинцій, уроженцы которыхъ не понимали другъ друга и не соблюдали дисциплины. Въ кавалеріи употреблялись лошади, мулы, ослы и колесницы. Войны персовъ съ греками доказали, что чѣмъ многочисленнѣе бывала такая армія, тѣмъ легче было ее побѣдить.

Истинно человѣческое умственное образованіе было чуждо персидской жизни, и, не смотря на блескъ и богатство ихъ царства, у персовъ не было ни науки, ни настоящаго искусства. Ихъ умственная дѣятельность не развилась даже съ тѣхъ сторонъ, которыя необходимы для чисто внѣшней жизни. Такъ напримѣръ, до самаго паденія государства, мы постоянно видимъ въ должностяхъ придворныхъ врачей или египтянъ, или грековъ, и нигдѣ не упоминается о персидскихъ врачахъ. Точно также, во главѣ флота находились всегда иностранцы, а во время войны имъ постоянно поручались всѣ работы, требовавшія особенныхъ познаній, какъ напримѣръ, устройство мостовъ, которые Дарій I приказалъ навести чрезъ Босфоръ и Дунай. Употреблявшееся у персовъ раздѣленіе дня и года показываетъ недостаточность ихъ научныхъ свѣдѣній. Они не пользовались даже прежними открытіями вавилонянъ, хотя этотъ народъ входилъ въ составъ ихъ монархіи. Когда, во время скиѳскаго похода, Дарій I приказалъ полководцамъ, оставленнымъ на Дунаѣ, дожидаться его два мѣсяца, то для поясненія своей мысли, долженъ былъ прибѣгнуть къ такому календарю, какіе употребляются лишь у самоѣдовъ или другихъ дикарей. Онъ далъ имъ ремень съ шестидесятью узлами, приказавъ ежедневно развязывать по одному.

Остатки искусства персовъ сохранились только въ развалинахъ ихъ столицъ. Подобно всѣмъ сооруженіямъ востока, они отличаются колоссальностью. Впрочемъ, крайне сомнительно, чтобы которое-нибудь изъ сохранившихся до насъ развалинъ персидскихъ зданій относилось ко временамъ до Камбиса. Напротивъ того извѣстно, что персидская династія Сассанидовъ, являющаяся уже нѣсколько вѣковъ послѣ рождества Христова, присоединила къ старымъ сооруженіямъ много новыхъ пристроекъ и скульптурныхъ произведеній, такъ что въ персидскихъ развалинахъ многое принадлежитъ уже этой позднѣйшей эпохѣ.

Персидскихъ резиденцій считалось пять: древній Вавилонъ, гдѣ цари часто проводили зиму, Суза, гдѣ они любили жить весной, мидійская столица, Экбатана, которую они, вслѣдствіе ея болѣе прохладнаго климата, предпочитали лѣтомъ, и наконецъ древне персидскіе города, Персеполисъ и Пасаргада. Послѣдніе лежали недалеко одинъ отъ другаго, въ юговосточной части собственной Персіи, и были ея древнѣйшими городами. Въ новѣйшее время явилось мнѣніе, что оба эти названія принадлежатъ одному и тому же мѣсту, и что первое изъ этихъ двухъ именъ употреблялось только греками для обозначенія позднѣйшихъ пристроекъ, образовавшихъ какъ бы новый городъ подлѣ Пасаргады. Оба эти города лежали въ долинѣ Мардаштъ, орошаемой рѣкою Араксомъ, которую теперь называютъ Бендъ-Эмиръ. Персы считали ихъ священнымъ средоточіемъ своей монархіи; здѣсь персидскіе цари торжественно посвящались на царство, часто совершали богослуженіе и, наконецъ, были погребаемы. Тамъ же хранилась государственная казна. И теперь еще вся мѣстность, гдѣ находились эти города, покрыта развалинами; но нѣкоторыя изъ нихъ относятся ко времени Сассанидовъ, а другіе даже къ мухаммеданскому періоду Персіи. Важнѣйшимъ изъ остатковъ древности считаются развалины большаго дворца, называемаго персіянами Чиль-Минаръ, т. е. сорокъ колоннъ. (Персы для обозначенія большаго, но неопредѣленнаго, числа предметовъ говорятъ: сорокъ). У персіянъ эти развалины извѣстны также подъ именемъ Тукль-аль-Джемшидъ, т. е. трона Джемшида, миѳическаго персидскаго царя, который въ поэтическихъ легендахъ персовъ является основателемъ Персеполиса. Къ остаткамъ древности относятся также развалины нѣсколькихъ большихъ надгробныхъ памятниковъ, изъ которыхъ одинъ считается въ народѣ гробницею Дарія Гистаспа, и, наконецъ, обломки нѣкоторыхъ другихъ зданій. На нихъ найдены грубыя скульптурныя изображенія, представляющія, повидимому, религіозные обряды царей и церемоніалы посвященія ихъ на царство. Найдены также остатки клинообразнаго письма, которое въ новѣйшее время ученые старались разобрать, но не смотря на видимый успѣхъ, до сихъ поръ не пришли еще ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Отъ Сузы остались лишь такія развалины, какія сохранились и отъ Вавилона, т. е.

безобразныя мусорныя кучи изъ обожженнаго или высушеннаго камня, въ которыхъ найдено нѣсколько кусковъ мрамора и гранита, покрытыхъ гіероглифами и клинообразнымъ письмомъ. Развалины эти находятся при рѣкѣ Керрѣ, или Кара-Су. Древняя Суза заключала въ себѣ большіе дворцы, дворы и обширные парки и имѣла $2^{3}/_{4}$ нѣмецкія мили въ окружности. Въ ней также находилась царская сокровищница, или казна. Отъ Экбатаны сохранились лишь немногія мусорныя кучи и одна клинообразная надпись, высѣченная въ скалѣ. Эта столица лежала на мѣстѣ нынѣшняго города Гамадана, въ прекраснѣйшей мѣстности Мидіи, на склонѣ и у подножія одной богатой родниками горы, вблизи большаго лѣсистаго хребта, съ вершины котораго виднѣется Каспійское море. Экбатана была очень велика; въ срединѣ ея находилась цитадель, окружность которой греческій историкъ Геродотъ считаетъ равною окружности Аѳинъ. Послѣ паденія Персидской монархіи Экбатана стала одной изъ резиденцій парѳянскихъ царей, и потому нельзя опредѣлить, какому народу и какому времени принадлежалъ великолѣпный царскій дворецъ, въ которомъ, по описанію позднѣйшихъ греческихъ писателей, вся деревянная работа была сдѣлана изъ кедра и кипариса, оклонны и балки были обиты золотыми и серебряными листами, а крыши выложены серебряными кирпичами.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

II. НАРОДЫ ГРЕКО-РИМСКАГО ПЕРІОДА.

ИСТОРІЯ ГРЕКОВЪ.

I. ВСТУПЛЕНІЕ.

1. Страна грековъ.

Къ югу отъ нижняго Дуная лежитъ большой полуостровъ, составляющій юго-восточную оконечность Европы и получившій историческое значеніе прежде всѣхъ остальныхъ странъ этой части свѣта. Теперь весь этотъ полуостровъ занятъ Европейскою Турціею и Греческимъ королевствомъ, и потому часто называется Турецко-Греческимъ полуостровомъ. По своему внѣшнему очертанію онъ раздѣляется на двѣ главныя части: на очень большую—сѣверную и на незначительную—южную. Первая лежитъ между Адріатическимъ и Чернымъ моремъ и простирается къ югу до Архипелага; вторая заключается между Архипелагомъ и Іоническимъ моремъ. Сѣверная часть состоитъ изъ большой, сплошной массы земли, съ относительно мало развитой береговой линіей, и поэтому болѣе походитъ на материкъ, чѣмъ на полуостровъ. Напротивъ, южная часть, за исключеніемъ сѣверной своей трети, занимаемая нынѣшнимъ Греческимъ королевствомъ, представляетъ собою одинъ изъ совершеннѣйшихъ полуострововъ земнаго шара; въ немъ берега занимаютъ почти болѣе пространства, чѣмъ внутренность страны. Какъ та, такъ и другая часть содержатъ въ себѣ значительное число разнообразныхъ горныхъ хребтовъ и, раздѣляясь ими на множество горныхъ котловинъ, не имѣютъ большихъ рѣкъ. Особенно рѣзко проявляется эта характеристическая черта въ южной части, состоящей изъ множества горныхъ хребтовъ, долинъ и небольшихъ равнинъ. Кромѣ того, къ востоку отъ этой части находится столько острововъ, что названіе моря, омывающаго восточные берега Греціи (Архипелага), сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для обозначенія всякаго богатаго островами моря.

Южная часть Турецко-Греческаго полуострова заключаетъ въ себѣ страну древнихъ грековъ. Вмѣстѣ съ принадлежащими къ ней островами, она составляетъ не болѣе шестой доли Германіи, т. е. равняется королевствамъ Баварскому и Виртембергскому, взятымъ вмѣстѣ.

Вотъ нѣкоторыя данныя о географическихъ свойствахъ этой страны, наиболѣе необходимыя для пониманія греческой исторіи:

Греція, естественнымъ образомъ, раздѣляется на три части: Сѣверную Грецію или Ѳессалію и Эпиръ, Среднюю Грецію и Пелопоннесъ, или Морею. На сѣ-

верѣ полуостровъ соединяется съ горами западной и сѣверной Турціи посредствомъ горнаго хребта, Пинда, въ семь тысячъ футовъ высоты. Хребетъ этотъ тянется въ югозападномъ направленіи через сѣверную Грецію, отдѣляя отъ себя съ западной стороны нѣсколько цѣпей, образующихъ суровую горную страну, Эпиръ. Къ востоку Пиндъ дѣлится на двѣ главныя вѣтви: одна, менѣе замѣчательная, хребетъ Камбунскій, или, какъ его зовутъ теперь, Волуца, образуя границу между Ѳессаліей и Македоніей, оканчивается у Салоникскаго залива горою Олимпомъ, въ шесть тысячъ футовъ высоты; другая, Отрисъ, тянется по сѣверной границѣ нынѣшней Греціи къ заливу Воло. Между крайними восточными оконечностями этихъ двухъ горныхъ цѣпей тянется параллельный Пинду хребетъ, Пеліонъ, сѣверная оконечность котораго, Осса, примыкаетъ къ Олимпу, а южная соединяется съ Отрисомъ посредствомъ ряда незначительныхъ высотъ. Между Пиндомъ, Камбунскими горами, Пеліономъ и Отрисомъ лежитъ важнѣйшая часть сѣверной Греціи, древняя Ѳессалія, состоящая изъ продолженія склоновъ названныхъ горъ и весьма плодоносныхъ равнинъ. Она орошается рѣкою Пенеемъ и имѣетъ одинъ только выходъ — естественный живописный горный проходъ между Оссою и Олимпомъ, при впаденіи Пенея въ море. Эта, такъ называемая, Темпейская долина славится какъ одна изъ прекраснѣйшихъ въ Греціи. Южнѣе Отриса и параллельно ему тянется хребетъ Эта, также выходящій изъ оконечности Пинда и отдѣленный отъ Отриса узкой долиной. Приближаясь къ морю, хребетъ этотъ спускается въ него крутымъ обрывомъ, такъ что между подошвой горы и болотистымъ морскимъ берегомъ остается лишь узкая полоса земли, составляющая единственный естественный входъ изъ Ѳессаліи въ среднюю Грецію — это знаменитые Термопилы.

За этимъ проходомъ хребетъ Эта, теряющій здѣсь свое названіе, еще не кончается, а продолжается въ юговосточномъ направленіи черезъ всю восточную часть средней Греціи, вплоть до южной ея оконечности, знаменитаго мыса Сунія. Изъ высотъ этой части хребта особенно замѣчательны: Пентеликъ, доставляющій превосходный бѣлый мраморъ, Гиметтъ, прославленный своимъ медомъ, и Лавріи, знаменитый серебряными рудниками. Къ западу отъ Эты тянется по средней Греціи, также въ юговосточномъ направленіи, другая цѣпь горъ, выходящая изъ Эпира, съ вершинами: Парнассомъ (7,500 ф.), Геликономъ (5,300 ф.) и Китерономъ (4,000 ф.). Мѣстность по обѣимъ сторонамъ этого хребта состоитъ изъ болѣе или менѣе обширныхъ равнинъ, горъ и горныхъ хребтовъ. Знаменитѣйшія изъ рѣкъ этой части Греціи на западѣ — Ахелой, а на востокѣ — Кефиссъ, вливающійся въ Копаидское озеро.

Узкій и плоскій перешеекъ, Истмъ (Коринѳскій перешеекъ), соединяетъ среднюю Грецію съ третьей или южной частью страны, называемою нынѣ Мореей, а въ древности Пелопоннесомъ. Внутренность ея занята возвышенною страною, поверхность которой состоитъ изъ перемежающихся горныхъ цѣпей и небольшихъ равнинъ. Древніе называли ее Аркадіей. Эта внутренняя возвышенность Пелопоннеса окружена со всѣхъ сторонъ еще болѣе высокими горами. Между ними и моремъ разстилается болѣе или менѣе гористое пространство, горныя цѣпи котораго находятся въ связи съ горами, окружающими Аркадію, или отдѣлены отъ нихъ глубокими впадинами. Извѣстнѣйшій изъ этихъ послѣднихъ горныхъ хребтовъ суровый Тайгетъ (южная часть котораго, Майна, въ новѣйшее время прославилась подвигами разбойничьяго племени майнотовъ) оканчивается мысомъ Тенаромъ (Матапаномъ), одной изъ крайнихъ оконечностей европейскаго материка. Изъ горныхъ цѣпей Аркадіи вытекаютъ значительнѣйшія рѣки Пелопоннеса, Эвротъ, текущій на югъ, и Алфей, впадающій въ море на западѣ полуострова.

Берега древней Греціи большею частью скалисты и круты, изрѣзаны множествомъ бухтъ и изобилуютъ прекраснѣйшими гаванями. Западное море Греціи называлось у древнихъ Іоническимъ; восточное, или Архипелагъ — Эгейскимъ. Изъ заливовъ, образуемыхъ этими морями, наиболѣе замѣчательны Термейскій, или нынѣшній Салоникскій, Малійскій, или Зейтунскій, Эвбейское море, узкій проливъ между средней Греціей и островомъ Эвбеей, суживающійся по срединѣ и называемый въ этомъ мѣстѣ Эврипомъ, и расширяющійся къ сѣверу и югу, Саронскій заливъ, или Эгинское море, къ востоку

отъ Истма; заливы Арголидскій (нынѣ Навплійскій), Лаконскій (Колокитскій) и Мессенскій (Коронскій), находящіеся на югѣ Пелопоннеса, Коринѳскій, или Лепантскій заливъ, къ западу отъ Истма, наконецъ, Амбракійскій или Артскій.

По свойствамъ своего климата, Греція принадлежитъ къ теплымъ странамъ умѣреннаго пояса. Однако, вслѣдствіе ея гористой мѣстности и восточнаго положенія, воздухъ тамъ холоднѣе, чѣмъ въ Сициліи и южной Италіи, лежащихъ почти въ одной широтѣ съ нею. Внутри страны климатъ чрезвычайно разнообразенъ, смотря по высотѣ надъ морскимъ уровнемъ, и въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ зима также холодна и сурова, какъ и въ западной Германіи. Вѣчнаго снѣга нѣтъ однако ни на одной изъ горныхъ вершинъ Греціи.

Вслѣдствіе огромнаго историческаго значенія отдѣльныхъ племенъ и мѣстностей Греціи, необходимо, прежде чѣмъ приступить къ исторіи грековъ, сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о частяхъ, на которыя распадалась древняя Греція.

Острова по западному берегу Греціи, т. е. нынѣшній Іоническій архипелагъ, въ древности не имѣли одного общаго названія, а причислялись къ сосѣднимъ съ ними странамъ твердой земли. Самые важные изъ нихъ были: на крайнемъ сѣверѣ—Керкира (Корцира), или нынѣшній Корфу, называвшаяся въ отдаленной древности также Схеріей, или островомъ Феаковъ, Левкадія (нынѣ Санта-Мавра), съ знаменитымъ Левкадскимъ мысомъ, Итака — нынѣ Теаки, Кефалленія, нынѣ Кефалонія, Закинтъ или Занте. Къ югу отъ Пелопоннеса лежитъ островъ Китера, нынѣшній Чериго, также причисляемый къ Іоническому архипелагу и знаменитый въ древнемъ мірѣ по находившемуся на немъ храму Венеры.

Острова Архипелага, гористые какъ и всѣ острова южной Европы, не представляются отдѣльными, поднявшимися со дна морскаго возвышеніями, но составляютъ только высшія точки подводныхъ продолженій горныхъ хребтовъ собственной Греціи и западной части Малой Азіи. Поэтому и можно весьма точно провести граничную черту, отдѣляющую европейскіе острова Архипелага отъ азіятскихъ. Большая часть острововъ, лежащихъ въ южной части этого моря, была раздѣляема древними на двѣ группы: Кикладовъ и Спорадовъ. Первымъ именемъ означаютъ острова, принадлежащіе къ Европѣ, а другимъ острова, принадлежащіе къ Азіи, хотя и между древними греками господствовало различіе въ мнѣніяхъ относительно принадлежности нѣкоторыхъ острововъ къ той или другой группѣ. Изъ Кикладовъ особенно замѣчательны: Делосъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ острововъ этой группы, съ славнымъ въ древности храмомъ Аполлона, по греческимъ миѳамъ бывшій мѣсторожденіемъ Аполлона и Діаны, потому сдѣлавшійся однимъ изъ главныхъ мѣстъ поклоненія этому богу и однимъ изъ средоточій греческой торговли; Паросъ, гдѣ добывался одинъ изъ лучшихъ сортовъ бѣлаго мрамора, Антипаросъ, знаменитый своею пещерою, и Наксосъ — самый большой изъ Кикладскихъ острововъ. Изъ Спорадовъ заслуживаютъ вниманія: Патмосъ, — прославленный въ особенности пребываніемъ на немъ евангелиста Іоанна, и Косъ, — родина великаго греческаго врача, Гиппократа. Недалеко отъ этой группы острововъ находится островъ Самосъ, иногда причисляемый къ ней, но принадлежащій собственно къ Азіи. Къ югу отъ Спорадовъ лежитъ знаменитѣйшій изъ острововъ Азіи, Родосъ. Кандія, самый большой изъ острововъ Архипелага, въ древности называвшійся Критомъ, принадлежитъ къ Европѣ.

Въ Саронскомъ заливѣ находятся острова: Эгина и Саламинъ. — Островъ Эвбея (нынѣ Негропонтъ), самый большой въ Архипелагѣ послѣ Кандіи, лежитъ близь восточнаго берега средней Греціи. Въ послѣднія времена древняго міра онъ былъ соединенъ съ твердой землей мостомъ, построеннымъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива. Часть сѣвернаго берега Эвбеи сдѣлалась славною въ греческой исторіи подъ именемъ Артемизія.

Изъ остальныхъ острововъ Эгейскаго моря въ исторіи древней Греціи имѣютъ значеніе: Тасосъ, Самократія, Лемносъ, Тенедосъ и Лесбосъ на сѣверѣ, и Хіосъ въ средней части Архипелага, близъ береговъ Малой Азіи.

Въ древности Пелопоннесъ заключалъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ госу-

дарствъ. Во внутренности полуострова находилась привольная для скотоводства, лѣсистая и гористая страна, Аркадія, со всѣхъ сторонъ отрѣзанная отъ моря другими государствами Пелопоннеса. Къ югу отъ нея лежала Лаконія и Мессенія. Первая, имѣвшая столицей Спарту, или Лакедемонъ, разстилалась по обѣ стороны рѣки Эврота, переходя за Тайгетскій хребетъ. Это была суровая горная страна, съ нѣсколькими плодоносными мѣстностями въ долинахъ. Къ западу отъ Аркадіи и къ сѣверу отъ Мессеніи лежала Элида, одна изъ плодороднѣйшихъ и наиболѣе воздѣланныхъ странъ Пелопоннеса. Пространство между ею, Аркадіей и Коринѳскимъ заливомъ занимала Ахаія и маленькія государства, Сикіонъ и Коринѳъ. Территорія Коринѳа занимала собою и часть Истма, простираясь, такимъ образомъ, отъ Коринѳскаго до Саронскаго моря. На восточной сторонѣ полуострова, къ сѣверовостоку отъ Аркадіи и къ сѣверу отъ Лаконіи, лежала Арголида, съ главнымъ городомъ Аргосомъ.

Средняя Греція, или страна, называемая теперь Ливадіей, въ ранній періодъ древности носила имя Эллады, употреблявшееся впослѣдствіи для обозначенія всей Греціи. Она дѣлилась на нѣсколько мелкихъ государствъ, изъ которыхъ граничившая съ Коринѳомъ Мегарида составляла переходъ къ Пелопоннесу. Важнѣйшимъ изъ государствъ средней Греціи была Аттика. Эта страна, столицей которой были Аѳины, лежала на крайнемъ юго-востокѣ, была покрыта горами и холмами и имѣла скалистую, сухую и безплодную почву, гдѣ первоначально могли расти только одни оливковыя деревья. Лишь изрѣдка попадались плодородныя равнины, какъ, напримѣръ, Тріазійская, близъ города Элевзина. Но, не смотря на это, въ древности Аттика была тщательно воздѣлана и производила много вина, смоквъ и оливокъ. Къ западу отъ Аттики и Мегариды, между Коринѳскимъ и Эвбейскимъ морями лежала весьма плодородная Беотія, имѣвшая столицей Ѳивы. Далѣе, къ западу простиралась почти вся покрытая горами Фокида, съ Дельфами, прославленными своимъ оракуломъ. Къ юго-западу и къ сѣверу отъ нея лежали три небольшія государства, извѣстныя подъ общимъ именемъ Локриды и отличавшіяся одно отъ другаго дополнительными именами. Между двумя изъ нихъ, и къ сѣверозападу отъ Фокиды, лежала Дорида, небольшая, суровая горная страна, а къ западу отъ послѣдней разстилалась Этолія и, еще далѣе на западъ, — Акарнанія.

Сѣверная Греція состояла изъ Эпира и Ѳессаліи. Послѣдняя была со всѣхъ сторонъ замкнута горами, но заключала нѣсколько значительныхъ и весьма плодородныхъ равнинъ. Въ древности она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ, число, размѣры и значеніе которыхъ часто измѣнялись въ продолженіе греческой исторіи. Къ сѣверовостоку отъ Ѳессаліи, начиная отъ Олимпа, вдоль берега Салоникскаго залива, простиралась далѣе къ сѣверу Піэрія, причислявшаяся уже къ Македоніи, но въ отдаленной древности принадлежавшая къ Греціи.

Къ западу отъ Ѳессалія лежалъ Эпиръ, отдѣленный отъ нея Пиндскимъ хребтомъ, почти весь покрытый горами и простиравшійся до Іоническаго моря и Акарнаніи. Древніе греки иногда причисляли его къ своему отечеству, а иногда считали его не греческой страной. Онъ заключалъ въ себѣ большую часть нынѣшней Албаніи и обыкновенно раздѣлялся въ древности на три части: Хаонію, Теспротію и Молоссію, изъ которыхъ первая лежала на сѣверѣ, вторая— къ югу отъ нея, по морскому берегу, а третья занимала собою всю южную часть Эпира.

Еще менѣе греческою страною, чѣмъ Эпиръ, считали древніе греки Македонію, простиравшуюся къ сѣверу отъ Ѳессаліи, по берегамъ нынѣшняго Салоникскаго залива. Къ востоку отъ Македоніи, вдоль Эгейскаго моря, Геллеспонта, Босфора и Чернаго моря лежала, совершенно уже не греческая, Ѳракія, соотвѣтствующая нынѣшней турецкой области Румеліи. Земли же, лежавшія къ западу отъ Македоніи и къ сѣверу отъ Эпира до Адріатическаго моря, въ древности часто означались общимъ именемъ Иллиріи.

---

2. Происхожденіе грековъ.

Древніе греки принадлежали къ индо-европейской группѣ народовъ, и именно къ вѣтви, извѣстной подъ именемъ греко-латинской, или пеласгической. Изъ народовъ древняго міра къ ней принадлежатъ греки или, какъ они сами себя называли, эллины, римляне и большая часть остальныхъ народовъ средней и южной Италіи. Между новѣйшими племенами Италіи нѣтъ ни одного, которое бы можно было назвать чистою отраслью пеласгической вѣтви. Всѣ они принадлежатъ къ смѣшаннымъ народностямъ, означаемымъ общимъ именемъ романской вѣтви большой индо-европейской семьи народовъ. Племена эти образовались изъ смѣси грековъ, древнихъ жителей Италіи, германцевъ и галловъ. Чистые потомки древнихъ грековъ сохранились только въ немногихъ мѣстностяхъ Греціи и Турціи. Большая же часть нынѣшнихъ грековъ произошла отъ слiянія древнихъ эллиновъ съ другими, именно славянскими племенами.

Изслѣдованія языковъ и историческихъ памятниковъ заставляютъ предполагать, что въ первыя времена европейской исторіи прибыли въ Европу и поселились на Турецко-Греческомъ полуостровѣ, кромѣ грековъ, еще двѣ другія группы народовъ — иллирійская и ѳракійская. Основываясь на свойствахъ языковъ этихъ народовъ, ихъ считаютъ отдѣльными и не близко родственными племенами. Но дошедшія до насъ преданія о древнѣйшей исторіи Малой Азіи и Европы указываютъ намъ на общее происхожденіе и первоначальное существованіе общаго языка ѳракійскихъ, иллирійскихъ и греческихъ племенъ.

Иллирійская отрасль поселилась въ сѣверо-западной Турціи и распространилась отъ сѣверныхъ границъ Эпира и Іоническаго моря, вдоль береговъ Адріатики, до устьевъ рѣки По, а внутрь страны до рѣкъ Савы и Дуная. Важнѣйшими народами этого племени были: тавланты, либурны, истры и энеты, или венеды, жившіе вдоль Адріатическаго прибрежья; затѣмъ на границахъ Македоніи и нынѣшней Сербіи — дарданы, и, наконецъ, паннoны, обитавшіе сначала въ нынѣшней Босніи, но около рождества Христова переселившіеся въ Венгрію, которая поэтому иногда и называется Панноніей. Жители Эпира, или эпироты, составляли посредствующее звено между греками и иллирійцами, хотя большинство изъ нихъ принадлежали къ послѣднему племени. Съ теченіемъ времени, иллирійскіе народы или были истреблены, или смѣшались съ народами другаго происхожденія. Въ чистомъ видѣ сохранился только весьма небольшой остатокъ этого племени, извѣстный у христіанъ подъ именемъ албанцевъ, а у турокъ—подъ именемъ арнаутовъ. Въ новѣйшее время большинство филологовъ, по сравненію языка албанцевъ съ дошедшими до насъ словами древне-иллирійскаго языка, признаетъ за этимъ воинственнымъ народомъ происхожденіе отъ иллирійскаго племени.

Ѳракійское племя поселилось къ востоку отъ иллирійцевъ и къ сѣверо-востоку отъ грековъ. Занятая имъ территорія простиралась до Дуная и Чернаго моря. Древніе греки говорятъ даже, что въ отдаленнѣйшія времена ѳракійскіе народы жили и въ Малой Азіи. За нѣсколько вѣковъ до рождества Христова, племя это распространилось далѣе къ сѣверу, за Дунай, и заселило Валахію и нѣкоторыя части Венгріи. Въ древности къ нему принадлежали, между прочимъ, слѣдующіе народы: во Ѳракіи жили собственно ѳракійцы, давшіе ей имя, и одрисы; въ Валахіи геты; въ Сербіи — трибаллы; къ сѣверу отъ Ѳракіи жили мизійцы, по имени которыхъ римляне называли Мизіей нынѣшнія Болгарію и Сербію; затѣмъ, на лѣвомъ берегу Дуная, въ Венгріи и Трансильваніи, обитали даки, или дакійцы, по имени которыхъ у римлянъ назывался весь край, заключающій въ себѣ юговосточную Венгрію, Валахію, Молдавію и Трансильванію. Кромѣ того, древніе греки относили къ этому же племени жившихъ въ Малой-Азіи фригійцевъ, мизійцевъ и виѳинцевъ; что касается македонянъ, то нельзя съ достовѣрностью опредѣлить, принадлежали ли они къ ѳракійскому или къ какому-нибудь другому племени. По изслѣдованіямъ одного ученаго, они оказываются ѳракійцами; у другаго выходитъ,

что они были греки; третій доказываетъ, что они принадлежали къ иллирійскому племени. Четвертое и самое вѣроятное мнѣніе заключается въ томъ, что македоняне были народомъ иллирійскаго происхожденія, смѣшаннымъ съ греками. Народы ѳракійской отрасли также исчезли съ лица земли. Между современными народами, только одинъ можетъ считаться остаткомъ древнихъ ѳракійцевъ, смѣшанныхъ съ римлянами, славянами и другими народами. Это влахи или валахи, живущіе въ Молдавіи, Валахіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Венгріи, Трансильваніи, собственной Турціи и Греціи. Въ языкѣ ихъ можно отыскать слабые слѣды погибшихъ ѳракійскихъ языковъ.

II. ДРЕВНѢЙШІЯ ВРЕМЕНА ГРЕКОВЪ.

1. Общія замѣчанія.

Съ появленіемъ греческаго народа на историческомъ поприщѣ начинается новый періодъ въ жизни человѣчества. Греки перенесли изъ Азіи въ Европу сцену всемірныхъ событій. Сверхъ того, они вызвали новыя формы жизни и новый характеръ человѣческаго развитія, и это измѣненное ими направленіе человѣчества и его исторіи осталось господствующимъ и во всѣ послѣдующія времена. Возвышеніе греческой націи было знакомъ, что уже миновало время восточнаго порядка вещей, восточнаго быта. Между тѣмъ какъ западная часть человѣчества подвигалась впередъ, восточная оставалась неподвижною. Она какъ-бы окаменѣла, и потому потеряла, почти на все послѣдующее время, всякое вліяніе на событія, не касавшіяся ея непосредственно. Только два восточные народа, евреи и арабы, пріобрѣли въ позднѣйшія времена значеніе для всего человѣчества. Первые—потому, что въ своемъ бытѣ оградили чисто человѣческое отъ разрушительнаго вліянія востока и, такимъ образомъ, приготовили мѣсто для христіанства, возникшаго впослѣдствіи; а вторые — потому, что прониклись отчасти духомъ запада и началами этой всемірной религіи и, такимъ образомъ, могли придать новую жизнь древне-восточному элементу.

Греки являются передовымъ народомъ, настоящими творцами новаго періода. Когда началось ихъ историческое развитіе, между черными племенами юга господствовали рабство и грубая чувственность, навсегда оставшіяся ихъ удѣломъ. У народовъ сѣвера и запада господствовали нераздѣльно пламенная любовь къ свободѣ и воинственный духъ, но на ряду съ ними ощущался недостатокъ образованности, болѣе мягкихъ нравовъ и духа организаціи. Народы востока хотя уже давно вышли изъ состоянія дикости и достигли извѣстной степени развитія въ наукахъ, искусствахъ и общественной жизни, но и они также впали въ умственную односторонность и ограниченность, упали въ нравственномъ отношеніи и сдѣлались жертвой деспотизма. Вотъ общая картина тогдашняго человѣчества; и среди подобной то обстановки греки сумѣли вступить на путь совершенно другаго развитія и дали всему міру новое направленіе. Успѣхи ихъ на этомъ пути были такъ велики и такъ прочны, что до сихъ поръ вся наша чисто — умственная образованность ведетъ свое начало изъ Греціи, подобно тому, какъ наше религіозное развитіе изъ Палестины.

Греки первые создали свободное, независимое искусство, потому что первые стали заниматься искусствомъ для искусства и, такимъ образомъ, дали человѣ-

честву новое важное средство къ возвышенію и облагороженію себя. Греки первые основали самостоятельную философію, отличивъ стремленія мыслящей силы отъ чисто — религіозной потребности, и, слѣдовательно, открыли разуму человѣка предѣлы высшаго и безконечнаго, до тѣхъ поръ доступные только одному его чувству. Они же первые признали къ жизни истинную науку, сдѣлавъ изысканія разума независимыми отъ произвола отдѣльнаго сословія и отъ служенія матеріальнымъ потребностямъ; такъ напримѣръ, они создали математику и исторію, изъ которыхъ первая не составляла до тѣхъ поръ самостоятельной науки и служила только внѣшнимъ потребностямъ жизни, а вторая, вмѣсто того чтобы стремиться къ уразумѣнію человѣка и хода его развитія, искала только удовлетворенія патріотическому чувству и анекдотической занимательности. Греки дали новое и чрезвычайно высокое развитіе богатому элементу образованности, заключающемуся въ языкѣ. Они не только создали многія совершенно новыя формы поэзіи и выработали свой языкъ такъ, что онъ сталъ однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ и выразительныхъ языковъ, но изобрѣли еще искусство писать прозой. Народы, предшествовавшіе имъ, или давали произведеніямъ своей письменности поэтическую форму, или писали ихъ несвязнымъ и неправильнымъ языкомъ, подобнымъ дѣтскому лепету. Напротивъ того, благодаря періодическому построенію фразъ и соблюденію требованій гармоніи, во внѣшней формѣ литературныхъ произведеній грековъ отражается весь міръ идей во всемъ его разнообразіи. Наконецъ, греки, прежде всѣхъ другихъ народовъ, создали настоящую государственную жизнь. Дѣйствительно, они первые предоставили каждой отдѣльной личности полное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, первые возвысили голосъ массы до значенія общественнаго мнѣнія и поставили развитіе государства въ исключительную зависимость отъ однихъ только успѣховъ разума. Поэтому они и являются первымъ историческимъ народомъ, сумѣвшимъ развить и долго поддерживать у себя дѣйствительно республиканскія учрежденія.

Исторія греческой націи, столь важной для развитія человѣчества, начинается, какъ и исторія почти всѣхъ народовъ, миѳами и легендами, историческое значеніе которыхъ теперь уже невозможно разъяснить. Первыя историческія сочиненія появились у нихъ не прежде шестаго вѣка до р. X., а до тѣхъ поръ событія прошлаго передавались въ видѣ простыхъ легендъ или повѣствовательныхъ (эпическихъ) поэмъ. Но и послѣднія начали записываться незадолго до этого времени; а до того, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, передавались изустно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Часть этихъ поэмъ и многія легенды о первобытныхъ временахъ Греціи сохранились и до нашихъ дней. Въ новѣйшее время сдѣланы были весьма остроумныя попытки опредѣлить ихъ историческое значеніе и, такимъ образомъ, прояснить мракъ первоначальной исторіи Греціи. Но эти усилія дали однако весьма мало положительныхъ результатовъ.

Древнѣйшая исторія греческаго народа дѣлится на двѣ главныя части: на первобытныя времена до 1400 года передъ р. X. и на, такъ называемый, ахейскій или героическій періодъ, оканчивающійся приблизительно 900 годомъ до нашего лѣтосчисленія.

2. Первобытная эпоха.

Слабые лучи свѣта, проникающіе во мракъ отдаленѣйшихъ временъ Греціи, показываютъ намъ слѣды положенія дѣлъ, несоотвѣтствующаго характеру греческаго народа, какимъ онъ является въ позднѣйшей исторіи. Греція была заселена уже очень давно, но прежнее ея населеніе не носило имени грековъ, или эллиновъ. Эти древнѣйшіе обитатели страны были до нѣкоторой степени цивилизованы, но ихъ культура походила отчасти на цивилизацію древняго востока и, напротивъ, рѣзко отличалась отъ характера позднѣйшей греческой образованности. Сами греки не знали, какъ имъ понимать содержаніе своихъ легендъ, относящихся къ этому времени, и не имѣли точныхъ свѣдѣній о своихъ родственныхъ отношеніяхъ къ первобытнымъ жителямъ страны. Само собою разумѣется, что намъ еще труднѣе добиться полнаго разъясненія этого вопроса, и

мы можемъ позволить себѣ лишь слѣдующія догадки о древнѣйшемъ періодѣ Греціи.

Въ эпоху заселенія юго-востока Европы греко-латинскими, иллирійскими и ѳракійскими племенами, народы эти, вѣроятно, были еще весьма сходны между собою по языку и нравамъ, но распадались на множество отдѣльныхъ племенъ, часто враждебныхъ другъ другу. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ достигли цивилизаціи ранѣе прочихъ, подчинили себѣ значительную часть послѣднихъ и, вслѣдствіе этого, стали могущественнѣе и извѣстнѣе. Имена ихъ перешли на подвластные имъ народы и, такимъ образомъ, пріобрѣли особенное значеніе въ легендахъ, сохранившихся въ потомствѣ; извѣстнѣе всѣхъ сдѣлались имена пеласговъ и эллиновъ. Первое изъ этихъ именъ преобладало въ отдаленнѣйшія времена, и только послѣ того, какъ оно было забыто, стало постепенно пріобрѣтать значеніе второе имя, сдѣлавшееся наконецъ общимъ родовымъ именемъ всѣхъ грековъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слово «эллины» стало употребляться уже послѣ Гомера, а до того не было вовсе слова для обозначенія всей совокупности греческихъ племенъ. Къ западу отъ Греціи пріобрѣло особенную извѣстность имя одного эллинскаго племени, называвшагося грайками, или греками; потому древне-итальянскіе народы звали этимъ именемъ все населеніе Греціи. Позднѣе, при посредствѣ римлянъ, оно вошло въ употребленіе и у другихъ народовъ западной и сѣверной Европы и сохранилось до нашего времени, хотя сами греки называютъ себя эллинами.

У позднѣйшихъ грековъ слово пеласги не всегда употреблялось въ одномъ и томъ же смыслѣ. Иногда оно является именемъ одного изъ первобытныхъ племенъ, населявшихъ Грецію, а иногда служитъ для обозначенія всего древнѣйшаго населенія этой страны. Для избѣжанія путаницы, всего лучше принимать это слово въ послѣднемъ смыслѣ, т. е. какъ имя первобытныхъ обитателей Греціи, точно такъ же какъ германцами мы называемъ всѣхъ древнѣйшихъ обитателей Германіи, начиная употреблять слово нѣмцы лишь со времени возникновенія нѣмецкой имперіи. Отдѣльные народы пеласгическаго періода назывались лапитами, перребами, минійцами, флегійцами, лелегами и т. д.

Пеласги прибыли въ Грецію съ сѣвера, изъ Ѳракіи и, можетъ быть, заимствовали свою цивилизацію отъ ѳракійскихъ племенъ. Поэтому и называютъ ѳракійцами нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ греческихъ поэтовъ, имена которыхъ дошли до насъ. Пеласги поселились сначала въ Ѳессаліи и уже оттуда заселили остальныя части Греціи. Они пускались также и въ море; потому многіе изъ греческихъ острововъ сдѣлались обитаемыми еще въ очень отдаленныя времена. Преданіе говоритъ, что къ нѣкоторымъ изъ острововъ, заселенныхъ ими, приставали впослѣдствіи толпы чужеземныхъ выходцевъ, которые познакомили пеласговъ съ употребленіемъ металловъ и ихъ обработкою. Этихъ пришельцевъ называютъ куретами, тельхинами, корибантами, идейскими дактилями и циклопами; но невозможно опредѣлить, изъ какой страны они явились и къ какому племени принадлежали. Пеласги достигли извѣстной степени цивилизаціи, которая и развилась преимущественно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Эпирѣ, гдѣ еще издревле славился, какъ особенная святыня, посвященный Зевсу Додонскій храмъ. Въ пеласгическій періодъ отличалась цивилизаціей Ѳессалія, плодоносныя равнины которой воздѣлывались еще въ самыя отдаленныя времена, столь же плодородныя мѣстности при озерѣ Копаидѣ въ Беотіи, гдѣ чрезвычайно древній городъ Орхоменъ уже издавна славился своимъ богатствомъ, и, наконецъ, лежащая къ юговостоку отъ Беотіи, Аттика и пелопоннесскія страны Арголида и Сикіонъ. Въ какой степени родства находились между собою племена, заселявшія всѣ эти мѣстности, теперь уже невозможно опредѣлить. Преданіе сообщаетъ имена нѣкоторыхъ предводителей этихъ племенъ и изъ нихъ особенно знамениты: Огигъ, господствовавшій въ Беотіи и Аттикѣ еще за двадцать два вѣка до рождества Христова, и царь Аргоса, Инахъ, время жизни котораго относятъ къ девятнадцатому вѣку до Христа. Преданіе говоритъ, что при первомъ изъ нихъ произошло наводненіе, затопившее всѣ низменности Беотіи и Аттики и истребившее ихъ жителей. Имя же Инаха вошло у грековъ и римлянъ въ пословицу, для обозначенія весьма отдаленныхъ временъ. Важнѣйшимъ изъ государствъ древнѣйшаго періода Греціи былъ Орхоменъ, жители

котораго, вѣроятно, по имени одного изъ входившихъ въ его составъ племенъ, назывались минійцами. Онъ лежалъ въ сѣверо-восточной Беотіи и до такой степени славился своимъ благосостояніемъ, что столица его, Орхоменъ, считалась однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ отдаленной древности. Прибрежья озера Копаиды и окружающіе его склоны горъ были тщательно воздѣланы, а прорытые въ горахъ каналы соединяли озеро съ Эвбейскимъ моремъ и предохраняли страну отъ его разливовъ. Большія зданія, объ архитектурѣ которыхъ будетъ сказано ниже, уже весьма рано воздвигались въ Орхоменѣ.

Отъ темныхъ временъ древнѣйшей исторіи Греціи сохранились кое-гдѣ постройки особеннаго рода, которыя народными повѣрьями приписаны впослѣдствіи полубожественнымъ существамъ, называвшимся циклопами. Постройки эти получили названіе циклопическихъ стѣнъ. Развалины подобныхъ памятниковъ и теперь еще встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Греціи, какъ напримѣръ сводообразная постройка въ Микенахъ, въ Арголидѣ, называемая въ ученомъ мірѣ сокровищницей Атрея, и остатки стѣны этого города съ воротами, надъ которыми находятся два льва, высѣченные изъ камня, древнѣйшее произведеніе греческой скульптуры. Циклопическія постройки существовали и до сихъ поръ еще отчасти сохранились въ Аѳинахъ, Аргосѣ, въ арголидскомъ городѣ Тиринтѣ, въ Орхоменѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Ихъ остатки попадаются и въ Италіи. Циклопическія постройки отличаются тѣмъ, что состоятъ изъ каменныхъ глыбъ, иногда удивительной величины, грубо обтесанныхъ, сложенныхъ безъ всякаго цемента, и имѣютъ внутри сводчатую форму, хотя онѣ клались вовсе не такъ, какъ наши своды. Неизвѣстно, какому народу и какому вѣку греческой старины слѣдуетъ приписать эти постройки. Ихъ можно относить и къ пеласгическому періоду и къ позднѣйшему времени. Но такъ какъ онѣ попадаются преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, о которыхъ положительно извѣстно, что тамъ жили пеласги, то можно сказать, что онѣ во всякомъ случаѣ принадлежатъ пеласгическому періоду. Нѣкоторыя изъ этихъ зданій были такъ громадны, что, по мнѣнію многихъ, постройка ихъ, подобно постройкѣ египетскихъ памятниковъ, могла быть произведена не иначе, какъ цѣлой массой населенія, подвластнаго жреческому сословію, или покоренными народами, принужденными къ такого рода обязательному труду. Въ періодъ, непосредственно слѣдующій за пеласгическимъ, уже не было преобладающаго сословія жрецовъ и не существовало обыкновенія обрекать побѣжденные народы на такія работы.

Въ Греціи, какъ и вездѣ, начало нѣсколько высшей цивилизаціи было связано съ земледѣліемъ, которое всего легче могло развиться въ низменныхъ равнинахъ съ наносной почвой, которыя, какъ напримѣръ въ Ѳессаліи, орошались рѣками и, такимъ образомъ, легко могли получать необходимое въ теплыхъ странахъ количество влаги. По этой-то причинѣ, въ греческихъ сказаніяхъ такія равнины преимущественно и называются мѣстами поселенія пеласговъ. Характеръ цивилизаціи, развившейся въ Греціи во время пеласгическаго періода, намъ неизвѣстенъ. Дошедшія до насъ преданія даютъ поводъ предполагать, что религіозный и гражданскій бытъ этого періода имѣлъ нѣкоторое сходство съ древне-восточнымъ бытомъ. Съ этой стороны пеласгическій періодъ также рѣзко отличался отъ позднѣйшихъ временъ Греціи, какъ отличались циклопическія постройки отъ зданій болѣе близкаго къ намъ времени. Во всей достовѣрной исторіи грековъ мы не видимъ и слѣдовъ существованія какой-нибудь жреческой касты. Послѣ пеласгическаго періода, это восточное учрежденіе было до такой степени чуждо грекамъ, что уже въ пѣсняхъ Гомера, т. е. въ древнѣйшемъ изъ сохранившихся поэтическихъ произведеній Греціи, мы, вмѣсто господствующей касты жрецовъ, видимъ свѣтскаго властителя, соединяющаго въ своемъ лицѣ и первосвященническое достоинство. Изъ этихъ же пѣсенъ можно заключить, что въ періодъ, слѣдовавшій непосредственно за пеласгическимъ, господствовалъ уже въ Греціи тотъ взглядъ на земное и божественное, которымъ греки такъ рѣзко отличаются отъ народовъ востока. Поэтому не трудно понять, отчего, не смотря на изобиліе легендъ о древнѣйшемъ періодѣ Греціи, мы все-таки не можемъ составить себѣ яснаго понятія объ этой эпохѣ. Позднѣйшій бытъ грековъ такъ разнился отъ пеласгическаго, что преданія этой эпохи не могли быть сохранены ими для потомства съ любовію и уваженіемъ. Своею настоящею стариною, къ которой всего

охотнѣе и почти исключительно обращалась ихъ мысль, греки считали эпоху, слѣдовавшую непосредственно за пеласгической; изъ нея-то они почерпали матеріалы для всѣхъ поэтическихъ произведеній, касавшихся старины. Все, такъ называемое, пеласгическое казалось грекамъ до такой степени чуждымъ, не греческимъ, что ихъ поэты почти никогда не выбирали пеласгическихъ легендъ предметомъ своихъ пѣсенъ. Эта отдаленная эпоха такъ слабо жила въ памяти грековъ, что ихъ собственные историки имѣли не болѣе ясное понятіе о пеласгахъ, чѣмъ мы.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что древне-греческія преданія говорятъ о колоніяхъ, еще въ весьма отдаленныя времена основанныхъ въ Греціи выходцами изъ Египта и нѣкоторыхъ странъ Азіи. Прежде другихъ, около 1582 до р. Х., изъ египетскаго города, Саиса, прибылъ въ Аттику Кекропсъ, радушно принятый царемъ страны. Онъ женился на дочери послѣдняго и наслѣдовалъ его престолъ. Аѳины тогда еще не существовали, и Кекропсъ положилъ начало этому городу, построивъ крѣпость, названную имъ Кекропіей. Преданіе говоритъ, что тогдашніе дикіе обитатели страны обязаны этому египтянину начатками своей цивилизаціи и образованіемъ государства. Около 1519 до р. Х. прибылъ въ Беотію финикіянинъ Кадмъ и построилъ тамъ укрѣпленіе или замокъ Кадмею, у подножія которой возникли впослѣдствіи Ѳивы. По словамъ преданія, онъ также царствовалъ въ странѣ и далъ жителямъ начальные элементы нѣсколько высшей цивилизаціи. Преданіе приписываетъ ему между прочимъ введеніе въ Греціи азбуки. Восемью годами позже Кадма, явился въ Грецію египтянинъ Данай, съ пятидесятью дочерьми и толпой выходцевъ. Онъ высадился недалеко отъ города Аргоса, овладѣлъ правленіемъ и также распространилъ между туземцами сѣмена образованности. Слишкомъ черезъ полтора вѣка послѣ Даная, въ половинѣ четырнадцатаго вѣка до р. Х., по словамъ греческихъ легендъ, явился къ берегамъ Элиды, въ Пелопоннесѣ, фригіецъ Пелопсъ, сынъ правителя одного изъ малоазійскихъ государствъ, изгнанный изъ отечества царемъ сосѣдняго города Трои и, въ сопровожденіи небольшой толпы своихъ приверженцевъ, отплывшій къ берегамъ Греціи. Въ Элидѣ онъ женился на дочери пизанскаго царя и наслѣдовалъ ему во власти. Преданіе производитъ отъ его имени даже названіе «Пелопоннеса», означающее островъ Пелопса.

Исторія этихъ четырехъ поселенцевъ сохранилась въ греческихъ преданіяхъ въ сказочномъ видѣ и находится въ связи съ религіозными миѳами грековъ. Поэтому даже простой фактъ основанія въ Греціи египетскихъ, финикійскихъ и фригійскихъ колоній подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Достовѣрно, впрочемъ, что въ отдаленныя времена финикіяне часто посѣщали берега Греціи, и, вѣроятно, туда являлись иногда также египтяне и фригійцы. Изъ этихъ четырехъ колонизаціонныхъ предпріятій переселеніе Кекропса можетъ быть почти положительно признано выдумкою. Этотъ разсказъ объ египетскомъ поселеніи въ Аттикѣ вовсе не основывается на давнихъ сказаніяхъ, а явился гораздо позднѣе; то же самое должно сказать и о многихъ другихъ древнѣйшихъ греческихъ легендахъ. Въ позднѣйшее время торговля и колоніи, основанныя греками на берегахъ Азіи и Африки, привели ихъ въ дѣятельныя сношенія съ тамошними народами. Греки заимствовали у нихъ многія религіозныя представленія и въ то же время старались въ идеяхъ и обычаяхъ востока отыскивать объясненіе миѳамъ и обычаямъ Греціи. Вслѣдствіе такого стремленія, не одна греческая легенда была приплетена къ исторіи восточныхъ народовъ, и многое, что было заимствовано отъ нихъ лишь недавно, стало считаться преданіемъ первобытной старины.

3. Героическій періодъ грековъ до похода Аргонавтовъ.

За пеласгическимъ періодомъ Греціи слѣдуетъ періодъ, называемый героическимъ, потому что героическій духъ и геройскіе подвиги составляютъ средоточіе, вокругъ котораго вращалась вся жизнь тогдашнихъ грековъ. Онъ извѣстенъ также подъ именемъ ахейскаго, потому что племя ахеянъ играло въ то время главную роль. Періодъ этотъ начинается не задолго передъ 1400 годомъ

до р. Х. и оканчивается около 900 года. Самое цвѣтущее его время совпадаетъ съ вѣкомъ похода Аргонавтовъ и Троянской войны, т. е. временемъ между 1280 и 1180 годами до р. Х. Героическій періодъ Греціи не имѣетъ почти никакого отношенія къ предшествовавшему. Имя пеласговъ исчезаетъ, и вмѣсто ихъ въ различныхъ частяхъ Греціи являются другія, родственныя между собою племена, носившія другія имена и распространившіяся изъ Ѳессаліи по большей части твердой земли и острововъ Греціи. Пеласги или были покорены ими, или лишились своего могущества. Степень родства ихъ съ пеласгами намъ неизвѣстна. Нѣтъ однако сомнѣнія, что народы эти принадлежали не къ ѳракійскому и не къ иллирійскому, а къ греко-латинскому племени, и что греки были ихъ потомками. Они не носили общаго имени и въ поэмахъ, воспѣвающихъ ихъ подвиги, а обозначаются именемъ того или другаго изъ могущественнѣйшихъ отдѣльныхъ народовъ. Такимъ образомъ, Гомеръ иногда называетъ ихъ ахеянами, иногда эллинами, данаями, или также пан-ахеянами, пан-эллинами, т. е. все-ахеянами и все-эллинами.

Преданіе обыкновенно выводитъ происхожденіе различныхъ народовъ отъ какого-нибудь лица и потому часто обращаетъ имя націи въ имя личности, которое впослѣдствіи приписывается народу, какъ потомству этого лица, и входитъ въ кругъ народныхъ сказаній. То же самое мы видимъ и въ греческомъ преданіи о племенахъ и народахъ, на которые дѣлились древніе греки. По этому преданію, всѣ греки происходятъ отъ Девкаліона, сына полу-бога Прометея, время жизни котораго относятъ къ шестнадцатому вѣку до нашего лѣтосчисленія. При жизни этого человѣка произошло одно изъ тѣхъ губительныхъ наводненій, о которыхъ говорятъ легенды всѣхъ древнихъ народовъ. Девкаліонъ и жена его Пирра были единственными обитателями сѣверной и средней Греціи, которымъ удалось пережить этотъ потопъ и спастись на кораблѣ, построенномъ для этой цѣли. Послѣ девятидневнаго плаванія, корабль этотъ присталъ къ горѣ Парнассу, и Девкаліонъ, по повелѣнію верховнаго божества, снова возстановилъ родъ человѣческій, кидая сзади себя камни. Изъ камней, брошенныхъ Девкаліономъ, вышли мужчины; изъ камней Пирры — женщины. Этого греческаго Ноя легенда и провозглашаетъ родоначальникомъ грековъ. Греки носили общее имя эллиновъ, и потому преданіе говоритъ, что у Девкаліона былъ сынъ Эллинъ. Далѣе, такъ какъ греческая нація, по различнымъ нарѣчіямъ своего языка, распадалась на четыре главныя отрасли: ахеянъ, іонянъ, эолянъ или аіолянъ и дорянъ, то легенда приписываетъ Эллину трехъ сыновей: Эола или Аіола, Дора и Ксута, а послѣднему, въ свою очередь, двухъ сыновей: Іона и Ахея. Такъ говоритъ сказочное преданіе, настоящее же происхожденіе греческаго народа и различныхъ его племенъ покрыто непроницаемымъ мракомъ.

Главнѣйшія событія героическаго періода: основаніе на островѣ Критѣ царемъ Миносомъ оригинальнаго государственнаго устройства и значительной морской силы, такъ называемый походъ Аргонавтовъ и Троянская война. Время жизни царя Миноса относятъ къ началу героическаго періода; начало похода Аргонавтовъ — къ 1263 году; а Троянскую войну ко времени между 1193 и 1183 годомъ до р. Х.

На островѣ Критѣ мы впервые встрѣчаемся съ тѣмъ государственнымъ устройствомъ, которымъ греки отличались отъ всѣхъ другихъ народовъ. Поэтому въ древнѣйшей исторіи греческаго народа этотъ островъ играетъ важную роль, хотя въ позднѣйшее время, по странному стеченію обстоятельствъ, онъ сталъ совершенно на задній планъ и, не смотря на свое выгодное положеніе, имѣлъ лишь ничтожное значеніе, сравнительно съ другими греческими островами. Въ древности на островѣ Критѣ жилъ царь Миносъ, котораго называютъ первымъ греческимъ законодателемъ. Его законы и правительственная мудрость пріобрѣли такую извѣстность, что преданіе приписываетъ ему близкія сношенія съ верховнымъ божествомъ и ставитъ его, такъ же какъ и брата его, Радаманта, въ число судей подземнаго міра. Законодательство, посредствомъ котораго Миносъ далъ Криту новое государственное устройство, отличалось принципомъ равенства всѣхъ гражданъ и стремленіемъ къ поддержанію между ними рыцарскаго духа и энергіи, если только преданіе говоритъ правду и не относитъ къ этой ранней эпохѣ учрежденія позднѣйшаго времени. На Критѣ не было частной собственности: все

считалось общественнымъ достояніемъ всѣхъ; граждане должны были обѣдать публично, всѣ вмѣстѣ. Власть царя была неограниченна только на войнѣ, и правленіе находилось главнымъ образомъ въ рукахъ совѣта гражданъ. Воздѣлываніе земли лежало на обязанности однихъ рабовъ. Молодое поколѣніе получало на счетъ государства строгое воспитаніе, при чемъ вниманіе было обращено преимущественно на развитіе сильнаго, способнаго къ войнѣ тѣла и духа, скромности и умѣренности. Миносъ пріучилъ также своихъ подданныхъ къ морскому дѣлу, и въ его правленіе воинственные и привыкшіе къ порядку критяне далеко распространили свое владычество на морѣ. До тѣхъ поръ торговля въ Архипелагѣ находилась въ рукахъ карійцевъ, которые, какъ и всѣ морскія націи въ древнѣйшія времена, занимались и морскими разбоями. Миносъ очистилъ море отъ этихъ пиратовъ и заставилъ ихъ отказаться отъ своего ремесла. Онъ покорилъ всѣ острова Архипелага отъ Ѳракіи до Родоса и старался утвердить морское владычество Крита посредствомъ колоній, основанныхъ имъ на нѣкоторыхъ изъ этихъ острововъ и мало-азіатскомъ берегу. Такимъ образомъ, Критъ былъ древнѣйшей въ исторіи морскою державою Греціи. Миносъ построилъ на Критѣ три главные города: Кноссъ, Кидонію и Фестъ, изъ которыхъ послѣдній палъ еще въ весьма отдаленной древности, а два остальные держались во все время существованія древняго міра.

Нѣкоторыя греческія легенды упоминаютъ о другомъ царѣ Миносѣ, жившемъ будто бы нѣсколько поколѣній позднѣе знаменитаго критскаго законодателя. Другія легенды, напротивъ того, признаютъ только одного царя этого имени и приписываютъ ему все, что разсказывается про втораго Миноса. Въ правленіе этого Миноса II, жилъ на островѣ Критѣ нѣкто Д е д а л ъ, одинъ изъ древнѣйшихъ греческихъ художниковъ, имена которыхъ мы знаемъ. Исторія Дедала и сына его, И к а р а, имѣетъ до того сказочный характеръ, что самое существованіе ихъ становится сомнительнымъ. Миносъ II знаменитъ въ греческихъ легендахъ въ особенности постройкой критскаго л а б и р и н т а. Въ его время свирѣпствовалъ въ Критѣ дикій быкъ, М и н о т а в р ъ. По однимъ сказаніямъ островъ былъ освобожденъ отъ него Геркулесомъ, но, по другому разсказу, звѣрь этотъ былъ запертъ въ огромное зданіе, построенное Дедаломъ и называющееся лабиринтомъ, по имени знаменитаго громаднаго сооруженія египтянъ. Оно находилось вблизи города Кносса и состояло изъ множества ходовъ, такъ что въ немъ очень легко было заблудиться. Уже въ слѣдующія времена древняго періода не существовало и слѣдовъ этой постройки, и хотя новѣйшіе путешественники отыскали на Критѣ запутанную сѣть пещерообразныхъ ходовъ, обыкновенно называемыхъ лабиринтомъ, однако ходы эти вовсе не зданіе, а простая каменоломня въ скалистомъ холмѣ, и находятся не близъ Кносса, а недалеко отъ древняго города Гортины. Вѣроятно, что зданіе это никогда не существовало и было просто произведеніемъ поэтической легендарной фантазіи. Минотавръ, какъ будетъ разсказано ниже, былъ убитъ аѳиняниномъ Тезеемъ, при помощи дочери Миноса — А р і а д н ы. Преданіе говоритъ, что М и н о с ъ II, какъ и соименный ему прадѣдъ его, далеко распространилъ свое господство и на нѣкоторое время покорилъ себѣ даже аѳинянъ. Но послѣ его смерти могущество критскихъ властителей стало падать весьма быстро, и уже во время Троянской войны тогдашній царь Крита владѣлъ очень небольшимъ числомъ кораблей, а море было снова усѣяно пиратами. Во времена Миноса Втораго, рядомъ съ Кноссомъ, Кидоніей и Фестомъ, сталъ возвышаться городъ Гортина, сдѣлавшійся, мало-по-малу, однимъ изъ главныхъ городовъ острова. Развалины его и теперь еще занимаютъ весьма обширное пространство. —

Кромѣ острова Крита, главныя роли въ богатомъ мірѣ греческихъ легендъ играютъ Арголида, Лаконія, Коринѳъ, Аттика, Беотія, Этолія и Ѳессалія. Разсказы о событіяхъ, происходившихъ тамъ въ продолженіе героическаго періода, также часто являются предметомъ поэтическихъ созданій грековъ, какъ и легенды о великихъ общественныхъ предпріятіяхъ, какими были походъ Аргонавтовъ и Троянская война. Поэтому важнѣйшіе изъ этихъ разсказовъ должны быть изложены отдѣльно. Древнѣйшая исторія остальныхъ странъ и государствъ Греціи хотя и связана подобнымъ же образомъ съ греческими героическими легендами, но имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Вездѣ новые поселенцы вытѣснили

пеласгическій бытъ, и вездѣ населеніе видоизмѣнилось вслѣдствіе прилива новыхъ элементовъ. Только одна греческая страна, Аркадія, избѣгла такихъ перемѣнъ. Аркадяне не были вытѣснены изъ своего первоначальнаго мѣста жительства, и чужеземныя племена не проникали въ ихъ страну и не смѣшивались съ ними. Поэтому-то они впослѣдствіи и гордились постоянно тѣмъ, что изъ всѣхъ грековъ одни были автохтонами, т. е. коренными жителями страны. Впрочемъ, подобно остальнымъ жителямъ Пелопоннеса, они были чисто греческаго происхожденія, съ самыхъ отдаленныхъ временъ говорили по-гречески, вмѣстѣ съ остальными пелопоннесцами принимали участіе въ Троянской войнѣ и уже въ то время обнаруживали въ своемъ характерѣ главныя черты греческаго народа.

Въ Арголидѣ верховная власть осталась въ рукахъ потомковъ Даная. Два правнука его, Акрисій и Претъ, поссорились между собою, вслѣдствіе чего государство распалось на двѣ части. Акрисій сохранилъ Аргосъ съ прилежащей къ нему мѣстностью, а Претъ сдѣлался правителемъ другой части Арголиды и построилъ тамъ городъ Тиринтъ. У Акрисія не было сыновей, а одна только дочь, Даная. Сынъ этой женщины и бога Зевса, Персей, — одна изъ знаменитѣйшихъ личностей героическихъ преданій Греціи. Оракулъ предсказалъ его дѣду, что внукъ будетъ виновникомъ его смерти. Поэтому вскорѣ послѣ рожденія Персея, Акрисій приказалъ запереть Данаю и ея сына въ ящикъ и бросить ихъ въ море. Но они счастливо приплыли къ чужому берегу и были радушно приняты повелителемъ страны. Возмужавъ, Персей поплылъ къ берегамъ западной Африки, для умерщвленія Медузы, одной изъ Горгонъ, или трехъ сестеръ, однимъ видомъ своей головы, покрытой змѣями, превращавшихъ людей въ камни. Изъ нихъ одна только Медуза была существомъ смертнымъ. Благодаря покровительству Минервы, молодому герою удалось исполнить свое смѣлое предпріятіе. На обратномъ пути въ Грецію, Персей, посредствомъ окаменяющей головы Медузы, освободилъ Андромеду, дочь эѳіопскаго царя, отданную на съѣденіе морскому чудовищу, и женился на ней. Въ Греціи Персей примирился съ своимъ дѣдомъ, но вслѣдъ затѣмъ нечаянно убилъ его, во время праздничныхъ игръ, и сдѣлался царемъ Аргоса. Вскорѣ однако онъ промѣнялъ это государство на Тиринтъ и построилъ тамъ новую столицу, Микены.

У Персея былъ внукъ Эврисѳей, не только сдѣлавшійся правителемъ Микенъ, но и пріобрѣтшій господство надъ всѣми остальными потомками Персея. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ былъ сынъ Зевса и внуки Персея, Алкмены, Геркулесъ или Гераклъ, герой, прославленный въ греческихъ преданіяхъ. Геркулесъ или, какъ его иначе называютъ, Алкидъ, могъ освободиться изъ-подъ владычества Эврисѳея не иначе, какъ исполнивъ двѣнадцать геройскихъ подвиговъ, по назначенію самого Эврисѳея. Герой рѣшился исполнить это трудное дѣло и, вмѣстѣ съ многими другими подвигами, совершилъ и двѣнадцать, такъ называемыхъ, дѣяній, которыя назначилъ ему Эврисѳей. Прежде всего онъ убилъ льва, свирѣпствовавшаго въ Немейскомъ лѣсу, въ Арголидѣ. Левъ этотъ былъ неуязвимъ человѣческимъ оружіемъ, но Геркулесъ задушилъ его. Шкура льва сдѣлалась отличительнымъ аттрибутомъ героя. Затѣмъ, онъ убилъ многоголовную гидру, или змѣю, жившую въ Лернейскихъ болотахъ, въ Арголидѣ, и казавшуюся непобѣдимой потому, что вмѣсто каждой отрубленной головы у нея выростали двѣ новыя. Геркулесъ помѣшалъ этому, прижигая шею каждой отрубленной головы. Третья и четвертая задача состояли въ поимкѣ знаменитаго оленя и страшнаго кабана, въ Аркадіи, на горѣ Эримантѣ. Послѣдняго онъ притащилъ живымъ къ Эврисѳею. Послѣ этого онъ долженъ былъ очистить въ одинъ день конюшни элидскаго царя, Авгія, гдѣ содержалось до трехъ тысячъ штукъ скота, поймать большаго дикаго быка на островѣ Критѣ и изгнать страшныхъ хищныхъ птицъ, жившихъ у Стимфальскаго озера, въ Аркадіи. Подвергаясь большимъ опасностямъ, Геркулесъ привелъ Эврисѳею дикихъ, питавшихся человѣческимъ мясомъ морскихъ лошадей ѳракійскаго царя Діомеда и стада испанскаго царя Геріона; добылъ ему драгоцѣнную перевязь Ипполиты, царицы воинственнаго малоазійскаго племени Амазонокъ, и золотыя яблоки изъ сада Гесперидъ — трехъ нимфъ, жившихъ въ западной Африкѣ и ввѣрившихъ охраненіе этого сокровища дракону. Послѣдній и самый трудный подвигъ состоялъ въ томъ, что Геркулесъ спустился въ адъ и привелъ оттуда Эврисѳею страшную адскую собаку, Цербера, и опять отвелъ ее

въ преисподнюю. Послѣ всего этого Геркулесъ вышелъ изъ зависимости Эвристея, но продолжалъ трудное поприще героя и совершилъ еще много блистательныхъ подвиговъ, изукрашенныхъ и преувеличенныхъ поэтическою фантазіею грековъ. Легенды и поэтическія созданія грековъ сдѣлали его образцомъ истиннаго героя, который, благодаря своей физической и нравственной силѣ, достигаетъ свободы, и борьбою со всѣмъ грубымъ, низкимъ и вреднымъ благодѣтельствуетъ міру и себя самого доводитъ до высшей степени героической добродѣтели. Какъ и все великое и прекрасное, Геркулесъ имѣетъ божественное происхожденіе, но, съ другой стороны, онъ, какъ сынъ смертной матери, не чуждъ слабостей человѣческой природы. Преданіе повѣствуетъ и о томъ, что онъ однажды сбился съ истиннаго пути, унизился до зла и даже такъ низко палъ, что предался изнѣженности и, какъ рабъ лидійской царицы, носилъ женскую одежду и исполнялъ обязанности ея прислужницъ. Но павшій герой просыпается и снова выступаетъ на свое почетное поприще. Наконецъ, въ силу идеи, что истинное величие не боится смерти, онъ кончаетъ жизнь мучительнымъ образомъ, очищается при этомъ отъ всѣхъ смертныхъ слабостей и возносится на небо, гдѣ занимаетъ мѣсто въ ряду боговъ.

Сыновья и потомки Геркулеса, какъ ихъ обыкновенно называютъ, Геракліды, были изгнаны изъ родины, снова вернулись изъ средней Греціи въ Пелопоннесъ, уже послѣ Троянской войны, и мало-по-малу овладѣли большей частью полуострова. Вскорѣ послѣ смерти героя оба арголидскія царства перешли во власть другихъ владѣтельныхъ родовъ. Эвристей не оставилъ дѣтей, и послѣ его смерти Микены досталась Пелопидамъ или сыновьямъ Пелопса, Атрею и Тіесту. Въ Аргосѣ же послѣдовательно господствовали двѣ чужеземныя династіи. Изъ государей первой въ особенности замѣчателенъ Адрастъ, а изъ второй — храбрый Діомедъ.

Исторія Пелопидовъ замѣчательна въ особенности рядомъ преступленій, которыя впослѣдствіи сдѣлали этотъ родъ однимъ изъ главныхъ предметовъ трагической поэзіи. Уже отецъ Пелопса, Танталъ, заслужилъ гнѣвъ боговъ, отличавшихъ его больше всѣхъ смертныхъ. Чтобы испытать ихъ всевѣдѣніе, онъ убилъ сына своего Пелопса и угостилъ ихъ его мясомъ. Разгнѣванные боги возвратили Пелопсу жизнь, но самого Тантала бросили въ адъ, гдѣ онъ, стоя въ водѣ и раздражаемый видомъ роскошныхъ плодовъ, долженъ былъ вѣчно страдать отъ голода и жажды, въ наказаніе за свою ненасытность и за преступную заносчивость, выказанную имъ среди величайшаго счастія, доступнаго смертному. Сынъ его Пелопсъ хитростью убилъ элидскаго царя Еномая, у котораго хотѣлъ отнять дочь и царство. Впослѣдствіи онъ убилъ и помогавшаго ему исполнить это дѣло слугу Эномая, Миртила, чтобы не отдавать ему обѣщанной половины царства. Но Миртилъ былъ сыномъ Нептуна, и съ тѣхъ поръ непримиримый гнѣвъ этого бога сталъ тяготѣть надъ всѣмъ родомъ Пелопса. Междоусобія, убійства и другія преступленія стали какъ бы наслѣдственными въ домѣ Пелопидовъ. Изъ сыновей Пелопса прославились болѣе другихъ Атрей и Тіестъ, владѣвшіе Микенами и раздѣлившіе это царство между собой. Они жили въ постоянной враждѣ, умерщвляли другъ у друга дѣтей и, подъ вліяніемъ злобы и ненависти, запятнали себя еще многими другими преступленіями. Атрей былъ, наконецъ, убитъ сыномъ Тіеста, Эгистомъ, а самъ Тіестъ погибъ отъ руки сына Атрея, Агамемнона, изгнавшаго Эгиста изъ его царства и овладѣвшаго его престоломъ. Впослѣдствіи Агамемнонъ женился на дочери спартанскаго царя Тиндарея, Клитемнестрѣ, предводительствовалъ союзными греками въ Троянскомъ походѣ и былъ наконецъ убитъ Эгистомъ и своей невѣрной женой. Его дѣти, Ифигенія, Электра и Орестъ, также раздѣлили трагическую участь всѣхъ Пелопидовъ.

Современникомъ Агамемнона въ Лаконіи былъ царь Тиндарей. Онъ имѣлъ сыновей, Кастора и Поллукса, которыхъ вмѣстѣ называютъ Діоскурами, и двухъ дочерей, Клитемнестру и Елену. Впрочемъ, оба сына и дочь Елена были только его пріемными дѣтьми, отцемъ же ихъ преданіе называетъ Зевса. Елена была первою красавицею въ цѣлой Греціи. Поэтому искателей ея руки явилось такъ много, что отецъ ея сталъ бояться вражды отвергнутыхъ жениховъ, и прежде нежели Елена рѣшилась сдѣлать выборъ, онъ заставилъ ихъ всѣхъ дать клятву, что они защитятъ отъ всякаго оскорбленія его дочь и того, кому она отдастъ свою руку. Елена избрала брата Агамемнонова, Менелая,

который, послѣ того, какъ Діоскуры были приняты въ число боговъ, сдѣлался царемъ Лаконіи.

Самымъ древнимъ правителемъ Коринѳа называютъ Сизифа, который, въ наказаніе за свои преступленія, былъ приговоренъ въ аду поднимать на гору тяжелый камень, постоянно скатывавшійся внизъ, едва достигнувъ вершины горы. И каждый разъ Сизифъ снова долженъ былъ начинать свою работу. Потомки Сизифа вскорѣ лишились власти, и во времена Агамемнона Коринѳъ входилъ въ составъ его владѣній.

Въ Аттикѣ въ ближайшее послѣ Кекропса время властвовалъ рядъ царей, принадлежащихъ къ различнымъ домамъ. При одномъ изъ нихъ, Эрехтеѣ, прибылъ въ Аттику сынъ Эллина, Ксутъ, который женился здѣсь на Креузѣ, дочери царя, но вмѣстѣ съ сыновьями, Іономъ и Ахеемъ, былъ принужденъ оставить Аттику. Эти родоначальники грековъ приплетены къ исторіи Аѳинъ потому, что жители Аттики принадлежали къ іонійскому племени. Восьмымъ царемъ послѣ Кекропса былъ Эгей, воевавшій съ критскимъ царемъ Миносомъ II. Преданіе говоритъ, что сынъ этого критскаго правителя, Андрогей, былъ убитъ въ Аѳинахъ, и что Миносъ началъ войну въ отмщеніе за убійство. По словамъ легенды, аѳиняне были побѣждены и обязались каждыя девять лѣтъ посылать въ Критъ семь юношей и столько же дѣвушекъ, на съѣденіе Минотавру. Но еще при жизни Эгея, сынъ и преемникъ этого царя, Тезей, освободилъ ихъ отъ этой дани. Тезей жилъ въ тринадцатомъ вѣкѣ до р. Х. и, послѣ Геркулеса, является одной изъ блистательнѣйшихъ личностей героическихъ преданій грековъ, гдѣ его жизнь изображена весьма романически. Онъ родился не въ Аѳинахъ, а въ арголидскомъ городѣ, Трезенѣ, гдѣ Эгей оставилъ его маленькимъ ребенкомъ, вмѣстѣ съ матерью, дочерью тамошняго царя. По приказанію отца, Тезей могъ явиться въ Аѳины не иначе, какъ взрослымъ и достаточно сильнымъ, чтобы поднять тяжелый обломокъ скалы, подъ которымъ Эгей спряталъ мечъ и пару сандалій. Тезей исполнилъ это на шестнадцатомъ году и отправился къ отцу съ этими доказательствами своей силы. Дорогой онъ всячески искалъ случая показать свое мужество и прежде всего убилъ близъ Эпидавра знаменитаго разбойника Перифета, нападавшаго на всѣхъ путешественниковъ и убивавшаго ихъ желѣзной палицей. Онъ освободилъ міръ и отъ другаго изверга, жившаго на Истмѣ и называвшагося Синисомъ — Сосносгибателемъ. Синисъ также останавливалъ путешественниковъ, привязывалъ ихъ за ноги къ вершинамъ двухъ согнутыхъ сосенъ и, отпустивъ деревья, разрывалъ, такимъ образомъ, тѣло несчастнаго. Тезей побѣдилъ его и подвергнулъ такой же ужасной смерти. Третій злодѣй, убитый имъ, назывался Керкіономъ. Онъ заставлялъ всѣхъ встрѣчавшихся бороться съ нимъ и убивалъ тѣхъ, кого ему удавалось побѣдить. Затѣмъ дошла очередь до разбойника Скирона, жившаго на границѣ Мегариды и Аттики. Сидя на скалѣ, онъ принуждалъ путешественниковъ мыть ему ноги и потомъ сбрасывалъ ихъ въ море. Тезей заставилъ его умереть той же смертью. Послѣ того былъ наказанъ разбойникъ Прокрустъ, жившій въ Аттикѣ и встрѣчавшій путниковъ съ большимъ радушіемъ. У него были два ложа: одно очень большое, а другое очень маленькое. Къ первому приводилъ онъ людей малорослыхъ, и, подъ тѣмъ предлогомъ, что постель имъ не въ пору, до того растягивалъ ихъ, что они умирали въ страшныхъ мученіяхъ. Путешественниковъ большаго роста онъ напротивъ клалъ на маленькое ложе у отрубалъ имъ непомѣщавшуюся на немъ часть ногъ. На пути своемъ Тезей истреблялъ также и дикихъ животныхъ. Придя въ Аѳины, онъ тотчасъ нашелъ случай оказать большую услугу своему отцу. Въ то время Эгей былъ царемъ только по имени, а вся власть перешла въ руки одной знатной аѳинской фамиліи и знаменитой чародѣйки Медеи, бѣжавшей въ Аѳины изъ Коринѳа. Тезей изгналъ властолюбцевъ изъ Аттики и возстановилъ самостоятельную власть своего отца.

Вскорѣ за тѣмъ Тезей освободилъ аѳинянъ отъ человѣческой дани, которую они платили Криту. Онъ приказалъ помѣстить себя въ число молодыхъ людей, отправляемыхъ на этотъ островъ, и поплылъ туда съ намѣреніемъ убить Минотавра. По прибытіи въ Критъ, онъ тотчасъ сумѣлъ пріобрѣсть любовь Аріадны, дочери Миноса, которая помогла ему выбраться изъ запутанныхъ ходовъ лабиринта. Она дала ему клубокъ нитокъ и посовѣтовала, привязавъ одинъ конецъ его у входа, постепенно разматывать его, углубляясь въ лабиринтъ. Тезей убилъ

Минотавра, поспѣшно сѣлъ на корабль и бѣжалъ вмѣстѣ съ Аріадной, но тайкомъ оставилъ ее на островѣ Наксосѣ, повинуясь богу Вакху, объявившему, что онъ выбралъ ее себѣ въ жены. Корабль, на которомъ Тезей совершилъ плаваніе къ острову Криту и обратно, былъ съ черными парусами въ знакъ того, что онъ везъ на смерть аѳинскихъ юношей и дѣвушекъ. Тезей же обѣщалъ отцу своему, въ случаѣ успѣшнаго окончанія боя съ Минотавромъ, замѣнить черные паруса бѣлыми. Онъ забылъ исполнить это обѣщаніе, и Эгей, увидя приближеніе корабля съ черными парусами, съ отчаянія о мнимой смерти сына бросился въ море, которое съ тѣхъ поръ стало называться Эгейскимъ. Въ благодарность за освобожденіе Аѳинъ отъ этой позорной дани, аѳиняне еще нѣсколько столѣтій спустя ежегодно посылали корабль съ подарками на посвященный Аполлону островъ Делосъ.

Тезей наслѣдовалъ отцу въ управленіи Аѳинами и, будучи царемъ, оказалъ этому городу большія услуги, за которыя и въ позднѣйшіе вѣка его прославляли какъ благодѣтеля. Аттика издавна состояла изъ двѣнадцати округовъ или волостей; постепенно связь между ними ослабѣла, такъ что они обратились почти въ независимыя государства и нерѣдко вступали въ открытую вражду между собою. Тезей снова соединилъ жителей Аттики въ одинъ народъ, уговоривъ ихъ отказаться отъ раздѣльнаго управленія и признать Аѳины средоточіемъ общаго управленія и суда. Для утвержденія этого единства, онъ учредилъ въ честь Минервы большое празднество — панатенеи (т. е. праздникъ всѣхъ аѳинянъ). Существованіе государства было, такимъ образомъ, связано съ религіей жителей, именно съ поклоненіемъ Минервѣ, или Палладѣ-Аѳинѣ, какъ главному божеству. Она была признана покровительствующей богиней Аттики, и главный городъ этой страны по ея имени сталъ называться Аѳинами. На этомъ прочномъ соединеніи жителей Аттики основано до извѣстной степени позднѣйшее величіе ея народа. Иначе Аттика, подобно Беотіи и другимъ греческимъ странамъ, можетъ быть, навсегда распалась бы на нѣсколько мелькихъ республикъ, слишкомъ слабыхъ, чтобы когда-нибудь достигнуть хотя нѣкотораго значенія. Благодарное потомство приписываетъ Тезею и ту заслугу, что онъ, для блага народа, отказался отъ нѣкоторой доли своей власти и предоставилъ гражданамъ большое участіе въ законодательствѣ, управленіи и судопроизводствѣ. Не смотря на все это, Тезей, по словамъ преданія, потерялъ подъ конецъ своей жизни любовь народа, былъ свергнутъ съ престола и изгнанъ изъ Аттики властолюбивымъ вельможей, Менестеемъ. Онъ отправился къ своему другу, владѣтелю острова Скироса, лежащаго къ востоку отъ Эвбеи, но по неизвѣстнымъ причинамъ былъ убитъ имъ. Въ пятомъ вѣкѣ до рождества Христова аѳиняне съ торжествомъ перевезли тѣло Тезея въ Аѳины и стали строить ему храмы и алтари, какъ полу-богу.

Героическія преданія грековъ содержатъ еще множество разсказовъ о смѣлыхъ предпріятіяхъ, совершенныхъ Тезеемъ въ то время, какъ онъ уже былъ царемъ Аттики. Въ главныхъ чертахъ предпріятія эти таковы, что ихъ могъ совершить только человѣкъ съ дикимъ, неспокойнымъ духомъ, такой, какимъ былъ Тезей въ молодости. Но они совершенно противорѣчатъ характеру, который, по словамъ тѣхъ же легендъ, обнаруживалъ Тезей какъ правитель. Очевидно, что ихъ слѣдуетъ причислить къ прикрасамъ, которыми поэты позднѣйшаго времени старались придать болѣе блеску героическому періоду и великимъ людямъ той эпохи. По этимъ разсказамъ, Тезей, между прочимъ, сопутствовалъ Геркулесу въ походѣ его въ страну амазонокъ и даже женился на ихъ плѣнной царицѣ, Ипполитѣ. Потомъ, завязавъ дружбу, которая вошла въ пословицу по своей искренности и вѣрности, съ другимъ знаменитымъ героемъ, царемъ лапитовъ, Пиритоемъ, Тезей принялъ участіе въ его кровавой войнѣ съ центаврами и однажды даже спустился съ нимъ въ преисподнюю, чтобы похитить царицу подземнаго міра, Прозерпину. При помощи своего друга, Тезей успѣлъ увезти и знаменитую Елену, но братья ея принудили возвратить плѣнницу. По смерти Ипполиты, онъ женился на сестрѣ Аріадны, Федрѣ, до того оклеветавшей передъ нимъ сына его, Ипполита, что Тезей предалъ его проклятію и возбудилъ Нептуна умертвить его. —

Беотія, во все продолженіе достовѣрной исторіи Греціи успѣвшая только однажды пріобрѣсть важное значеніе, играетъ, напротивъ того, первостепенную

роль въ преданіяхъ народа. За исключеніемъ исторіи пелопидовъ, изъ всего предшествовавшаго Троянской войнѣ періода нѣтъ легендъ, которыми греческіе поэты занимались бы такъ часто, какъ высоко трагическимъ разсказомъ о судьбѣ ѳиванской династіи. Беотія, жители которой принадлежали къ эолійскому племени, состояла въ древности изъ двухъ государствъ: Орхоменскаго и Ѳиванскаго. Первое, жители котораго назывались минійцами, достигло такой степени благосостоянія, благодаря развитію земледѣлія и торговли, что въ первобытныя времена считалось богатѣйшимъ государствомъ во всей Греціи. Было даже время, когда Ѳивы платили дань минійцамъ; но послѣ Троянской войны могущество Орхомена начало быстро приходить въ упадокъ, и съ этихъ поръ, до самаго паденія Греціи Ѳивы оставались единственной столицей Беотіи. Въ четвертомъ вѣкѣ до р. Х. Орхоменъ былъ разрушенъ ѳиванцами, и хотя впослѣдствіи снова поднялся изъ своихъ развалинъ, но уже навсегда потерялъ свое значеніе.

Исторія Ѳивъ начинается прибытіемъ финикійца Кадма, совпадающимъ съ 1519 годомъ до р. Х. Легенда разсказываетъ, что Кадмъ былъ посланъ отцомъ своимъ, Агеноромъ, для отыскиванія похищенной сестры своей, Европы, безъ которой отецъ запретилъ ему возвращаться въ Финикію. Не найдя ея нигдѣ, онъ обратился за совѣтомъ къ дельфійскому оракулу, который отвѣтилъ, что онъ долженъ послѣдовать за первой встрѣтившейся ему коровой и заложить городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она ляжетъ. Разсказъ этотъ основанъ на значеніи имени Беотія, которое можетъ быть произведено отъ одного греческаго слова, означающаго корову. Кадмъ послѣдовалъ указанію оракула и основалъ Кадмею, цитадель города Ѳивъ. Въ то же время онъ убилъ жившаго по близости дракона и, по совѣту божества, посѣялъ его зубы, изъ которыхъ выросло множество вооруженныхъ людей. Эти воины тотчасъ же стали драться между собою и истребили другъ друга, за исключеніемъ пяти человѣкъ, которые были названы спартами (т. е. посѣянными) и стали родоначальниками ѳиванскаго дворянства. Кадмъ женился на Гармоніи, или Герміонѣ, дочери Марса и Венеры. Всѣ боги удостоили свадьбу своимъ присутствіемъ. Въ числѣ подарковъ, сдѣланныхъ ими новобрачнымъ, находились ожерелье и плащъ, данные имъ однимъ разгнѣваннымъ на нихъ богомъ. Эти вещи сдѣлались для дома Кадма источникомъ постоянныхъ несчастій. Кадмъ имѣлъ одного сына и четырехъ дочерей: Семелу, Ино, Агаву и Автоною. Исторія ихъ, наполненная несчастіями, находится въ связи съ миѳомъ о богѣ Вакхѣ, потому что онъ былъ главнымъ божествомъ Ѳивъ; Семела считалась его матерью.

Послѣ Кадма въ Ѳивахъ царствовали одинъ за другимъ сынъ его Пилодоръ, внукъ Лабдакъ, и правнукъ Лаій. Послѣдній былъ изгнанъ двумя ѳиванцами, Амфіономъ и Зетомъ, которыхъ считаютъ строителями Ѳивъ, потому что они распространили городъ, возникшій у подножья Кадмеи, соединили его съ этой цитаделью и обнесли крѣпкой стѣной съ семью воротами. Съ тѣхъ поръ городъ этотъ сталъ называться Ѳивами. Амфіонъ былъ мужемъ знаменитой Ніобы, которая осмѣлилась поставить себя выше матери Аполлона, гордясь красотою своихъ дѣтей, и въ наказаніе за это лишилась всѣхъ ихъ. Аполлонъ умертвилъ ихъ своими стрѣлами, а сама Ніоба была превращена въ камень. Преданіе говоритъ, что Амфіонъ и Зетъ также лишились жизни вслѣдствіе гнѣва Аполлона. Амфіонъ, котораго преданіе прославляетъ какъ знаменитаго пѣвца и пророка, и братъ его Зетъ умерли бездѣтными. Тогда Лаій снова вернулся на родину и вступилъ на ѳиванскій престолъ.

Лаій женился на ѳиванкѣ, Іокастѣ, и имѣлъ отъ нея сына, знаменитаго Эдипа. Оракулъ предсказалъ, что этотъ ребенокъ будетъ со временемъ убійцей своего отца и мужемъ своей матери. Поэтому Лаій приказалъ выбросить своего сына тотчасъ же послѣ рожденія и, чтобы никто не взялъ его на воспитаніе, прокололъ ему ноги; но пастухи сосѣдняго царя нашли ребенка и пріютили его, а жена ихъ господина взяла его на свое попеченіе. Она дала ребенку, ноги котораго были опухлыми, имя Эдипъ, означающее подобнаго рода болѣзненное состояніе. Достигнувъ юношескаго возраста, Эдипъ встрѣтилъ однажды въ путешествіи своего отца и, не зная его, поссорился съ нимъ и убилъ его.

Въ то время въ окрестностяхъ Ѳивъ свирѣпствовало странное чудовище, называвшееся сфинксомъ. Оно помѣстилось на скалѣ у большой дороги и всякому

прохожему предлагало загадку, сбрасывая въ пропасть неумѣвшихъ разрѣшить ее. Загадки никто не могъ разгадать и потому ежегодно погибало нѣсколько ѳиванцевъ. Чтобы избавиться отъ чудовища, братъ Іокасты, Креонъ, принявши правленіе послѣ смерти зятя, предложилъ царство и руку сестры въ награду тому, кто разрѣшитъ загадку. Въ это время прибылъ въ Ѳивы Эдипъ. Онъ разгадалъ загадку сфинкса, который тотчасъ же кинулся въ пропасть. Эдипъ сталъ ѳиванскимъ царемъ, женился на своей матери и имѣлъ отъ нея четырехъ дѣтей: двухъ сыновей близнецовъ, Этеокла и Полиника, и дочерей, Исмену и Антигону. Впослѣдствіи случай раскрылъ тайну его происхожденія. Іокаста въ отчаяніи сама лишила себя жизни, а Эдипъ, у котораго подданные отняли власть, выкололъ себѣ глаза, проклялъ своихъ сыновей, присоединившихся къ его врагамъ, и навсегда оставилъ Ѳивы. Водимый своею дочерью Антигоною, онъ долго странствовалъ и наконецъ умеръ недалеко отъ Аѳинъ.

Этеоклъ и Полиникъ поссорились за обладаніе Ѳивами. Послѣдній былъ принужденъ бѣжать, нашелъ убѣжище у аргосскаго царя Адраста, который далъ ему въ жены одну изъ своихъ дочерей и предпринялъ походъ для возстановленія своего зятя въ Ѳивахъ. Предводителями войска, кромѣ Адраста и самого Полиника, были еще пять человѣкъ, родственниковъ Адраста. Потому война эта и называется походомъ Семи противъ Ѳивъ. Время ея относятъ къ 1230 году до р. Х. Полиникъ владѣлъ пагубнымъ свадебнымъ подаркомъ, даннымъ когда-то его праотцу Кадму, и потому походъ кончился дурно для него и для его союзниковъ. Всѣ начальники, за исключеніемъ Адраста, были убиты во время осады. Самъ Полиникъ и братъ его Этеоклъ убили другъ друга на единоборствѣ.

По смерти обоихъ братьевъ, правителемъ Ѳивъ сталъ ихъ дядя, Креонъ, овладѣвшій властью въ качествѣ опекуна сына Этеокла. Креонъ торжественно похоронилъ своего питомца, а трупы Полиника и другихъ непріятельскихъ начальниковъ оставили на полѣ битвы на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, грозя казнью тому, кто осмѣлится похоронить ихъ. Запрещеніе это не удержало Антигону отъ исполненія долга любви, и она погребла трупъ своего несчастнаго брата. Въ наказаніе за это, Креонъ приказалъ зарыть ее въ землю живою, — не смотря на то, что она была невѣстой сына его, Гемеона, который съ отчаяніемъ лишилъ себя жизни на ея могилѣ. Когда сынъ Этеокла, Лаодамантъ, вступилъ въ управленіе государствомъ, сыновья Семи отмстили за смерть своихъ отцовъ новымъ походомъ противъ Ѳивъ. Эта война продолжалась десять лѣтъ и извѣстна подъ именемъ войны Эпигоновъ, т. е. войны сыновей (послѣрожденныхъ). Она кончилась въ 1210 году тѣмъ, что Лаодамантъ, вмѣстѣ съ частью своихъ подданныхъ, долженъ былъ бѣжать въ Ѳессалію, а царемъ Ѳивъ сдѣлался Терсандръ, сынъ Полиника. Надъ его потомками продолжала тяготѣть печальная судьба Эдипова дома.

Въ Этоліи, такъ же какъ и въ остальной части средней Греціи, коренные жители смѣшались съ позднѣйшими пришельцами греческаго происхожденія. Но по образованію это населеніе всегда считалось самымъ отсталымъ изъ грековъ; и жители Этоліи и сосѣдней съ ней Акарнаніи постоянно отличались своею грубостью. Исключеніе составляетъ только героическій періодъ, когда этолійцы ни въ чемъ не уступаютъ остальнымъ греческимъ племенамъ. Замѣчательнѣйшею легендою о нихъ въ этомъ періодѣ является разсказъ о царѣ Энеѣ и его сыновьяхъ, Мелеагрѣ и Тидеѣ. Эней господствовалъ въ городѣ Калидонѣ и жилъ передъ самою Троянской войной. Въ его правленіе страна была опустошаема необыкновенно свирѣпымъ кабаномъ, извѣстнымъ подъ именемъ калидонскаго вепря. Чтобы убить этого звѣря, Мелеагръ устроилъ большую охоту, на которую пригласилъ героевъ всей Греціи. За честь убіенія кабана и обладаніе его шкурой между этолійцами и однимъ грубымъ сосѣднимъ народомъ вспыхнула кровопролитная война, украшенная у поэтовъ позднѣйшаго времени множествомъ вымысловъ, въ которой Мелеагръ былъ убитъ. Впослѣдствіи, сыновья одного изъ братьевъ Энея пытались отнять у него престолъ; сынъ его Тидей умертвилъ ихъ, но за то подвергся преслѣдованіямъ остальныхъ своихъ родственниковъ и былъ принужденъ бѣжать. Тогда сыновья другаго брата Энея свергли этого царя съ престола, заключили его въ темницу и обращались съ нимъ такъ жестоко, что

несчастія каторыя ему пришлось испытать на старости лѣтъ, вошли въ пословицу у древнихъ грековъ. Спустя долгое время, сынъ Тидея, Діомедъ, явился наконецъ избавителемъ своего дѣда. Жестокіе племянники поплатились за свое преступленіе жизнью, а Эней снова занялъ престолъ, который сохранялъ до конца своей необыкновенно долгой жизни. Тидей встрѣтилъ радушный пріемъ у аргосскаго царя Адраста и женился на одной изъ его дочерей. Онъ принималъ участіе въ первомъ походѣ противъ Ѳивъ и лишился при этомъ жизни. Сынъ его, Діомедъ, сталъ аргосскимъ царемъ послѣ смерти Адраста.

Одно изъ древнѣйшихъ преданій Ѳессаліи есть легенда о борьбѣ лапитовъ съ центаврами. Послѣдніе изображаются существами грубыми, имѣющими получеловѣческій и полулошадный образъ, хотя впрочемъ легенда причисляетъ одного изъ нихъ, Хирона, къ величайшимъ мудрецамъ древности. Лапиты, которыхъ преданіе иногда перемѣщаетъ изъ Ѳессаліи въ Аркадію, также представляются народомъ грубымъ. Поводомъ къ кровавой борьбѣ между обоими племенами была свадьба лапитскаго царя, Пиритоя. Опьяненные виномъ центавры, знатнѣйшіе представители которыхъ были приглашены на свадьбу, оскорбили Пиритоя и его народъ. Слѣдствіемъ этого былъ бой, въ которомъ въ особенности отличились Пиритой и другъ его, Тезей. Центавры потерпѣли пораженіе и были принуждены обратиться въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ множество убитыхъ; послѣ этого вспыхнула продолжительная война, въ которой перевѣсъ былъ сначала на сторонѣ центавровъ, но впослѣдствіи они, по словамъ преданія, были изгнаны изъ Ѳессаліи Геркулесомъ и во время бѣгства погибли всѣ отъ голода. Вѣроятно, что въ основаніи позднѣйшихъ пѣсенъ, гдѣ разсказываются эти событія, лежитъ только тотъ фактъ, что разноплеменные народы Ѳессаліи вели между собою войну и старались вытѣснить другъ друга изъ этой страны. Древнѣйшіе греческіе источники ничего не говорятъ о полузвѣрином видѣ центавровъ, такъ что, очевидно, это выдумка позднѣйшаго времени, основанная, по всей вѣроятности, на томъ, что Ѳессалія всегда славилась своими лошадьми и уже въ глубокой древности имѣла превосходную конницу.

Въ южной Ѳессаліи находилась область Фтія, жители которой назывались фтіотами, ахеянами, эллинами и мирмидонами. Послѣдніе, по словамъ преданія, пришли туда съ острова Эвбеи, гдѣ правителемъ ихъ былъ Эакъ, назначенный послѣ смерти однимъ изъ трехъ адскихъ судей. Сынъ Эака, Пелей убилъ своего своднаго брата, потому былъ принужденъ бѣжать изъ Эвбеи и вмѣстѣ съ мирмидонами перешелъ въ Ѳессалію, гдѣ женился на дочери фтійскаго царя и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ въ управленіе часть этой страны. Послѣ смерти своего тестя онъ овладѣлъ всѣмъ царствомъ. У царя Пелея, отъ второй его жены, богини моря Ѳетиды, былъ сынъ Ахиллесъ, или Ахиллей, знаменитѣйшій изъ героевъ Троянской войны, въ которой онъ былъ убитъ еще при жизни своего отца.

Въ юговосточной Ѳессаліи лежали два государства, Феры и Іолкъ, имѣющія большое значеніе въ сказочной исторіи Греціи. Одинъ изъ ферскихъ царей, Адметъ, прославился преимущественно любовью, которую питала къ нему жена Алькеста. Когда онъ однажды заболѣлъ, Аполлонъ, изъ милости къ нему, согласился сохранить ему жизнь, но съ тѣмъ, чтобы вмѣсто него умеръ ктонибудь изъ его ближнихъ. Алькеста тотчасъ же рѣшилась пожертвовать собою для спасенія жизни мужа. Но такъ какъ Адметъ не могъ утѣшиться въ потерѣ жены, другъ его Геркулесъ спустился въ преисподнюю и возвратилъ оттуда Алькесту. Во времена Адмета въ Іолкѣ правилъ царь Пелій, незаконнымъ образомъ свергнувшій съ престола своего своднаго брата Эзона, или управлявшій царствомъ какъ опекунъ сына его Язона. Язонъ былъ воспитанъ за предѣлами родины и въ первый разъ показалъ себя героемъ на калидонской охотѣ. Между тѣмъ дядя его получилъ отъ оракула совѣтъ остерегаться человѣка, который явится къ нему въ одной сандаліи. Случилось, что Язонъ, на обратномъ пути въ Іолкъ, переправляясь въ бродъ черезъ какой-то ручей, неподалеку отъ роднаго города, потерялъ одну сандалію. Пелій сообщилъ племяннику о предсказаніи оракула и спросилъ его, чтобы онъ сдѣлалъ въ его положеніи. Язонъ отвѣтилъ, что отправилъ бы такого человѣка въ Колхиду за золотымъ руномъ. Властолюбивый дядя исполнилъ совѣтъ и приказалъ племяннику пуститься въ

это опасное предпріятіе. Такимъ образомъ Язонъ и Пелій находились повидимому въ такихъ же отношеніяхъ другъ къ другу, въ какія преданіе ставитъ Эвристея и Геркулеса.

4. Походъ Аргонавтовъ.

Плаваніе въ Колхиду, обыкновенно называемое походомъ аргонавтовъ, является однимъ изъ тѣхъ предпріятій, внушенныхъ жаждой къ добычѣ, приключеніямъ и славѣ, которыя часто встрѣчаются въ героическомъ періодѣ всѣхъ народовъ. Храбрые и войнолюбивые предводители, связанные между собою единствомъ происхожденія, языка и религіи, соединились для похода въ страну, гораздо болѣе отдаленную, чѣмъ всѣ мѣста предшествовавшихъ греческихъ предпріятій. Удачно выполненное, опасное предпріятіе это сдѣлалось знаменитымъ по всей Греціи и долгое время оставалось однимъ изъ главныхъ предметовъ ея героическихъ пѣсенъ. Таковъ фактъ, лежащій въ основаніи разсказа о походѣ аргонавтовъ. Но подробности этого событія, бывшаго въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ исключительнымъ достояніемъ преданія и поэзіи, до такой степени изукрашены и развиты вымыслами, что нѣтъ никакой возможности прослѣдить истинный ходъ предпріятія. Греки героическаго періода и даже, отчасти, позднѣйшихъ вѣковъ считали эти разсказы дѣйствительными фактами, и главное значеніе ихъ заключается въ томъ, что, подобно другимъ поэтически изукрашеннымъ событіямъ, облекшимся въ форму легендъ или поэмъ, разсказы эти долгое время были однимъ изъ элементовъ народнаго образованія грековъ.

Походъ аргонавтовъ начинается въ 1263 г. до р. Х., но преданіе связываетъ его съ событіемъ, случившимся, какъ говорятъ, лѣтъ за сто передъ тѣмъ. Нѣкто А т а м а н т ъ, владѣтель одной части Беотіи, развелся съ первой своей женой Н е ф е л о й, и женился на дочери Кадма И н о. Этой женщинѣ Юпитеръ далъ на воспитаніе молодаго Вакха, и зато Ино и Атамантъ подверглись всякимъ бѣдствіямъ, ниспосланныхъ на нихъ богиней Юноной, ненавидѣвшей и преслѣдовавшей ихъ воспитанника. Она внушила Ино глубокую ненависть къ дѣтямъ ея мужа отъ перваго брака, Ф р и к с у и Г е л л ѣ. Ино старалась погубить ихъ и для того подкупила пословъ, отправленныхъ ея мужемъ къ оракулу, чтобы Атамантъ принесъ обоихъ своихъ дѣтей въ жертву богамъ. Атамантъ дѣйствительно хотѣлъ это исполнить, но ихъ отняла у него отверженная имъ Нефела, бдительно слѣдившая за своими дѣтьми. Чтобы освободить ихъ отъ жестокой мачихи, она дала имъ подареннаго ей Меркуріемъ барана съ золотымъ руномъ. Баранъ этотъ могъ летать по воздуху и перенесъ дѣтей Нефелы къ проливу, который теперь называется Дарданельскимъ. Онъ пустился черезъ него вплавь, но при этомъ Гелла утонула, вслѣдствіе чего проливъ и былъ названъ Геллеспонтомъ, т. е. моремъ Геллы. Фрикса баранъ донесъ до лежавшей въ отдаленнѣйшей части Чернаго моря Колхиды, гдѣ Фриксъ былъ радушно принятъ царемъ Э е т о м ъ. Здѣсь онъ принесъ барана въ жертву Зевсу и подарилъ колхидскому царю его золотое руно. Царь посвятилъ его Марсу, и повѣсилъ на дубѣ въ рощѣ, посвященной этому богу. Для охраненія руна, Марсъ приставилъ къ нему чудовищнаго дракона и двухъ быковъ, извергавшихъ изо рта пламя.

Молва о золотомъ рунѣ, какъ о богатомъ сокровищѣ, распространилась повсюду и даже въ далекой Греціи волновала воображеніе воинственныхъ юношей. Но похищеніе его считалось однимъ изъ самыхъ опасныхъ предпріятій; потому Язонъ и получилъ приказаніе отправиться въ Колхиду и привезти оттуда чудесное руно. Для выполненія этого предпріятія, онъ приказалъ построить себѣ корабль, невиданной до тѣхъ поръ величины. По имени корабля «А р г о», участники экспедиціи и были названы а р г о н а в т а м и. Величайшіе герои Греціи собрались въ Іолкъ, чтобы принять участіе въ этомъ походѣ. Преданія не согласны между собою относительно числа аргонавтовъ, но всѣ говорятъ, что ихъ было болѣе пятидесяти. Большая часть изъ нихъ принадлежала къ племени минійцевъ, изъ котораго состояло и населеніе Іолка. Потому аргонавтовъ довольно часто называютъ минійцами.

Предпріятіемъ предводительствовалъ Язонъ, а изъ спутниковъ его самыми

знаменитыми были: Геркулесъ, который однако не до конца оставался въ экспедиціи, Тезей, Пиритой, Касторъ и Поллуксъ, Мелеагръ и Пелей. Кромѣ того нужно еще замѣтить барда, Орфея, знаменитѣйшаго пѣвца первобытныхъ временъ. Какъ священникъ, пророкъ и поэтъ, онъ низвелъ на аргонавтовъ милость боговъ, удалилъ съ ихъ корабля несогласіе и тѣхъ враговъ, которыхъ нельзя было смирить оружіемъ, побѣждалъ волшебной силой своего пѣнія. Встрѣчая на пути разныя приключенія, аргонавты посѣтили острова Лемносъ и Самотракію, прошли Геллеспонтъ и Босѳоръ и поплыли вдоль мало-азіатскаго берега до Колхиды. У береговъ Мизіи Геркулесъ отсталъ отъ нихъ и отправился искать своего любимца Гиласа, который также спровождалъ аргонавтовъ, но вдругъ пропалъ.

Когда аргонавты прибыли въ Колхиду и объявили царю Эету свое желаніе, онъ отвѣчалъ имъ, что золотое руно будетъ имъ выдано, если только Язонъ выполнитъ геройскій подвигъ, который онъ предпишетъ. Подвигъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы запречь обоихъ огнедышащихъ быковъ въ плугъ, вспахать ими извѣстное пространство земли, посѣять въ ней зубы дракона и истребить вооруженныхъ людей, которые появятся изъ этого сѣмени. Язонъ взялся за это, и при помощи дочери Эета, Медеи, благополучно совершилъ требуемый подвигъ. Медея полюбила предводителя аргонавтовъ; знакомая съ тайнами волшебства, она приготовила мазь, которая дѣлала безвреднымъ пламя быковъ, и посовѣтовала герою набросать вооруженнымъ людямъ камней, вслѣдствіе чего они должны были сами перебить другъ друга. Но, не смотря на то, что условія были выполнены, Эетъ отказался выдать золотое руно, даже рѣшился неожиданно напасть на аргонавтовъ и сжечь ихъ корабль. Но Медея сообщила своему возлюбленному объ этомъ замыслѣ и силой волшебства помогла ему овладѣть руномъ. Аргонавты тотчасъ же сѣли на корабль и вмѣстѣ съ Медеей, отплыли изъ Колхиды. Эетъ погнался за ними, и вѣроятно, успѣлъ бы ихъ настигнуть, если бы Медея не остановила его безчеловѣчнымъ средствомъ. Она убила взятаго съ собою младшаго брата своего, Апсирта, поставила его голову на скалу, и разбросала по дорогѣ его разрубленные члены. Увидавъ его окровавленную голову, Эетъ присталъ къ берегу, чтобы собрать смертные останки сына, и это задержало его такъ долго, что онъ уже долженъ былъ отказаться отъ погони за аргонавтами.

Различныя легенды несогласны между собою на счетъ пути, которымъ аргонавты вернулись домой. Съ теченіемъ вѣковъ направленіе этого пути мѣнялось въ мѣстахъ разсказчиковъ, сообразно съ распространеніемъ ихъ свѣдѣній о берегахъ Чернаго моря. Вѣроятно также, что мѣсто, куда отправилась экспедиція, лежало гораздо западнѣе, чѣмъ утверждаетъ легенда, и постепенно было отодвигаемо въ отдаленнѣйшія части этого моря. Разсказы о чародѣйствахъ Медеи и о вымышленномъ золотомъ рунѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ представленіямъ о чудесныхъ далекихъ странахъ, которыя мы встрѣчаемъ у всѣхъ неразвитыхъ еще народовъ, одаренныхъ поэтическимъ инстинктомъ. Преданіе ничего не говоритъ о томъ, что сдѣлалось съ привезеннымъ сокровищемъ, и позднѣе ни въ одномъ греческомъ городѣ не показывали ничего, что считалось бы у грековъ золотымъ руномъ. Въ послѣднее время древняго міра стали искать объясненія этому преданію въ существующемъ будто бы на Кавказѣ обычаѣ, пропускать воду ручьевъ, содержащихъ золотой песокъ, черезъ мохнатыя шкуры, задерживающія въ себѣ крупинки золота.

Преданіе приписываетъ предводителю аргонавтовъ разнобразныя приключенія и по возвращеніи его на родину, но разсказы о нихъ противорѣчатъ другъ другу. По словамъ большей части легендъ, онъ, кажется, или не достигъ власти, или вскорѣ опять потерялъ господство въ своемъ государствѣ, потому что остатокъ своихъ дней онъ прожилъ въ Коринѳѣ. Здѣсь онъ, какъ говорятъ, покинулъ Медею, отъ которой имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, и обручился съ дочерью коринѳскаго царя, Креона. Но Медея убила его невѣсту и дѣтей своихъ, и унеслась по воздуху, а Язонъ, съ отчаянія, лишилъ себя жизни.

---

5. Троянская война.

Троянская война, время которой опредѣляютъ десятилѣтіемъ между 1193 и 1183 годомъ до р. Х., составляетъ въ двоякомъ отношеніи важнѣйшее событіе древнѣйшей исторіи Греціи. Героическія легенды грековъ изображаютъ эту борьбу какъ самый блестящій моментъ героическаго періода. Изъ всего, что перешло въ потомство о первыхъ дняхъ Греціи, ничто не запечатлѣлось такъ глубоко въ памяти послѣдующихъ поколѣній, ничто такъ часто не вдохновляло поэтовъ и художниковъ, какъ легенды о герояхъ, которые первые отправились изъ Европы на побѣдоносную борьбу съ азіятскимъ народомъ. Такимъ образомъ, не самое событіе, а разсказъ о немъ, взглядъ на него, способъ его изображенія — вотъ что могущественно дѣйствовало на народъ во всѣ послѣдующія времена греческой исторіи. Самая война не имѣла вліянія на положеніе дѣлъ въ Греціи; гораздо богаче послѣдствіями было другое событіе, случившееся чрезъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ Троянской войны и называемое возвращеніемъ Гераклидовъ. Потому не столь важно изслѣдовать историческую сторону разсказовъ объ этой войнѣ, сколько познакомиться съ подробностями самихъ легендъ, и ясно и вѣрно понять отражающійся въ нихъ духъ времени.

Троянская война, сама по себѣ, историческій фактъ, не подлежащій сомнѣнію; но причина и ходъ ея облечены въ такую сказочную форму, что въ ней нельзя отличить достовѣрнаго отъ вымышленнаго. Разсказы объ этой войнѣ можно сравнить съ позднѣйшими сѣверными легендами о кругломъ столѣ Артура, подвигахъ Одина и Бальдера и приключеніяхъ Фингала. Разсказчики искали только поэтической истины. До насъ, впрочемъ, дошли только двѣ раннія греческія поэмы, воспѣвающія Троянскую войну и ея героевъ, Иліада и Одиссея, приписываемыя Гомеру, жившему около ста восьмидесяти лѣтъ послѣ этого событія.

Городъ Троя, или Иліонъ, лежалъ на мало-азійскомъ берегу, въ Мизіи, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Геллеспонтъ или Дарданельскій проливъ соединяется съ Эгейскимъ моремъ. Онъ былъ построенъ у подошвы горы Иды и имѣлъ замокъ (кремль) или цитадель, называвшуюся Пергамомъ. Часть мало-азійскаго прибрежья принадлежала также троянскимъ царямъ, которые, по словамъ преданія, были могущественнѣйшею династіею во всей передней части Малой Азіи, подобно тому, какъ домъ Агамемнона въ Греціи. Можно думать, что трояны были родственны грекамъ, потому что въ разсказахъ о войнѣ вовсе не упоминается ни о трудности взаимныхъ сношеній, ни о какомъ-нибудь замѣтномъ различіи въ языкѣ, религіи и нравахъ. Напротивъ того, въ легендѣ, вспомогательныя ополченія, присланныя троянцамъ народами внутренней Малой Азіи, разнятся своимъ языкомъ и нравами какъ отъ грековъ, такъ и троянцевъ. Сами троянцы отличались отъ троянцевъ. Сами троянцы отличались отъ грековъ въ одномъ только отношеніи: они были богаче, жили роскошнѣе, сдѣлали больше успѣховъ въ искусствахъ и относились къ грекамъ почти такъ же, какъ жители Франціи и Англіи VIII и IX вѣка по р. Х. къ поселявшимся на ихъ берегахъ норманнамъ.

Еще до Троянской войны греки пускались въ экспедиціи противъ Трои. Преданія говорятъ, что одинъ изъ главныхъ героевъ первобытныхъ временъ Греціи, Геркулесъ, предпринималъ блистательный походъ противъ троянскаго царя Лаомедонта. Троя была тогда взята и разграблена. Этотъ разсказъ, такъ же какъ и легенда объ аргонавтахъ и другія, свидѣтельствуетъ о частыхъ разбойничьихъ поискахъ, которые въ отдаленныя времена не рѣдко производились греками въ Малой Азіи и наоборотъ. Легко можетъ быть, что страсть къ такимъ предпріятіямъ съ особенною силою развилась незадолго до Троянской войны, когда, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, грекамъ уже не представлялось случая бороться съ дикими звѣрями и свирѣпыми разбойниками, и воинственныя стремленія молодежи должны были искать удовлетворенія за предѣлами родины. Такимъ образомъ, большая война, вспыхнувшая между всей массой населенія противоположныхъ береговъ Архипелага, легко можетъ быть объяснена безъ всякихъ дальнѣй-

шихъ поводовъ. Но преданіе рѣдко удовлетворяется простой причиной, вытекающею изъ самихъ обстоятельствъ, и любитъ пріискивать для событій особыя и интересныя причины. Такъ и Троянская война была связана съ исторіей греческаго владѣтельнаго дома Пелопидовъ, которые были родомъ изъ Малой Азіи, откуда переселились въ Грецію, когда предокъ ихъ Пелопсъ былъ лишенъ своихъ владѣній однимъ изъ троянскихъ царей. Къ этому дому принадлежали Агамемнонъ, владѣтель Микенъ, и Менелай, царь спартанскій. Къ послѣднему изъ нихъ царь троянскій Пріамъ, сынъ Лаомедонта, отправилъ однажды, неизвѣстно по какой причинѣ, посольство, во главѣ котораго находился сынъ его, Парисъ, или Александръ. Еще прежде этому Парису пришлось однажды быть судьей въ спорѣ трехъ богинь о томъ, которая изъ нихъ прекраснѣе. Онъ рѣшилъ споръ въ пользу Венеры, и эта богиня обѣщала дать ему въ награду красивѣйшую изъ всѣхъ женщинъ. А первою красавицею того времени была Елена, супруга Менелая, въ домѣ котораго Парисъ былъ принятъ съ радушіемъ. Благодаря содѣйствію Венеры, спартанская царица полюбила Париса, и онъ вмѣстѣ съ ней бѣжалъ въ Трою. Это и было поводомъ къ Троянской войнѣ, и такъ какъ въ ней приняли участіе почти всѣ греческія государства, то преданіе пріискало и этому обстоятельству внѣшнюю и непосредственную причину, заключавшуюся въ вымышленной клятвѣ, которую будто бы всѣ искатели руки Елены дали отцу ея, и вслѣдствіе которой участіе въ войнѣ съ Троей сдѣлалось для нихъ обязательнымъ.

Въ Троянской войнѣ приняла участіе вся Греція, отъ острова Крита и южной оконечности Пелопоннеса до сѣверныхъ границъ Ѳессаліи. Только акарнанцы и дорійцы не участвовали въ этомъ движеніи. Съ другой стороны на борьбу съ греками явились всѣ жители западной части Малой Азіи, какъ вассалы или какъ союзники Трои. Такимъ образомъ, Троянская война была борьбою не за отдѣльный городъ. Тутъ вооружились другъ противъ друга жители обоихъ береговъ Эгейскаго моря или, какъ выражались позднѣйшіе греки, Европа подняла оружіе противъ Азіи. Къ числу союзниковъ Трои принадлежали, впрочемъ, и нѣкоторыя племена, жившія во Ѳракіи и Македоніи. Число кораблей, на которыхъ греки переправились въ Малую Азію, показываютъ до 1186, а общую численность ихъ войска болѣе чѣмъ въ сто тысячъ; троянскія ополченія, напротивъ того, не доходили и до половины этой цифры. Впрочемъ всѣ эти данныя не имѣютъ, конечно, никакого значенія, потому что рѣчь идетъ о событіи, съ которымъ мы знакомы только по разсказу поэтовъ.

Главными героями троянцевъ были Гекторъ, сынъ Пріама, храбрѣйшій изъ своихъ соотечественниковъ, и Эней, сынъ Анхиса и богини Венеры, принадлежавшій къ боковой линіи троянскаго царскаго дома. Въ числѣ греческихъ героевъ болѣе другихъ знамениты: Агамемнонъ, Менелай, Ахиллесъ, Патроклъ, Діомедъ, два Аякса, Несторъ, Одиссей, Филоктетъ и Протесилай. Агамемнонъ, Атридъ, т. е. сынъ Атрея и царь Микенскій, былъ верховнымъ предводителемъ грековъ. Къ его владѣніямъ принадлежали Коринѳъ, Сикіонъ, Ахаія и большая часть Арголиды. Онъ считался могущественнѣйшимъ изъ государей, поднявшихся противъ Трои. Его братъ, Менелай, владѣлъ Лаконіей. Ахиллесъ, сынъ Пелея и поэтому часто называемый Пелидомъ, стоялъ во главѣ ѳессалійскихъ мирмидоновъ и элленовъ и былъ самымъ храбрымъ и красивымъ воиномъ въ цѣломъ войскѣ. Патроклъ приходился ему родственникомъ, и былъ съ нимъ связанъ самой тѣсной дружбой. Діомедъ, сынъ Тидея или Тидидъ, также прославляется поэтами какъ одинъ ихъ храбрѣйшихъ грековъ. Аяксъ Малый, сынъ Оилея, предводительствовалъ локрійцами. Аяксъ Теламонидъ или сынъ Теламона, владѣтель острова Саламина, считался красивѣйшимъ и храбрѣйшимъ грекомъ послѣ Ахиллеса. Его сопровождалъ братъ его, Тевкръ. Несторъ, царь Пилоса въ Элидѣ, былъ самымъ старымъ и опытнымъ полководцемъ между греками. Глубокая старость его вошла въ пословицу, такъ что имя его до сихъ поръ сохранило то же значеніе, какъ Маѳусаила. Одиссей, или Улиссъ, владѣтель острова Итаки и нѣкоторыхъ сосѣднихъ странъ, болѣе всѣхъ прочихъ грековъ отличался хитростью. Филоктетъ былъ царемъ небольшаго округа въ Ѳессаліи, славился своимъ неподражаемымъ искусствомъ въ стрѣльбѣ изъ лука и владѣлъ знаменитыми стрѣлами Геркулеса. Протесилай

царствовалъ въ другой ѳессалійской области. Кромѣ этихъ главныхъ героевъ греческаго войска, стоявшаго передъ Троей, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ человѣкѣ, который столько же прославился своими позорными и смѣшными качествами, какъ тѣ своимъ геройствомъ, именно объ этолійскомъ князѣ Терситѣ, самомъ безобразномъ, хвастливомъ и бранчивомъ изъ всѣхъ грековъ, собравшихся подъ Троей. Его несносная, заносчивая болтовня сдѣлала его имя типическимъ.

Гавань Авлида, въ Беотіи, была сборнымъ мѣстомъ греческаго флота, отплытіе котораго было надолго задержано здѣсь безвѣтріемъ. Преданіе и въ этомъ обстоятельствѣ нашло поводъ къ вымыслу, о которомъ ничего не говорится въ Иліадѣ и Одиссеѣ, такъ что вымыселъ этотъ принадлежитъ, вѣроятно, позднѣйшему времени. Легенда говоритъ, что Агамемнонъ убилъ близъ Авлиды оленя, посвященнаго Діанѣ. Въ наказаніе за это послѣдовало безвѣтріе, и находившійся при греческомъ войскѣ гадатель объявилъ, что онъ прекратится только тогда, когда Агамемнонъ принесетъ свою дочь Ифигенію, въ жертву разгнѣванной богинѣ. Агамемнонъ, дѣйствительно, приказалъ привезти изъ Микенъ дочь свою подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ отдать ее въ замужество Ахиллесу. Жертвоприношеніе было совершено, но въ ту минуту, когда Ифигенія уже должна была умереть, Діана невидимымъ образомъ перенесла ее въ Тавриду (нынѣшній Крымъ), гдѣ она и сдѣлалась жрицею въ храмѣ этой богини. Путь Грековъ пролегалъ мимо острова Лемноса, гдѣ былъ оставленъ Филоктетъ, страдавшій злокачественной раной. Высадку на троянскомъ берегу пришлось дѣлать съ боя, и Протесилай, первый достигшій берега, былъ также первымъ героемъ, лишившимся жизни въ Троянской войнѣ.

Война эта продолжалась десять лѣтъ. Греки съ самаго начала устроили на берегу большой лагерь, но не могли открытою силою взять городъ, окруженный рвомъ и крѣпкою стѣною. О настоящей осадѣ не могло быть и рѣчи; было нѣсколько попытокъ взять городъ приступомъ, и кромѣ того происходили частыя схватки въ открытомъ полѣ. О систематическомъ боѣ и тутъ никто не думалъ, а каждый военачальникъ распоряжался, какъ ему казалось лучше. Мало того, въ большей части случаевъ, армія вовсе не сражалась, и бой происходилъ только между предводителями. Вообще, они оставляли свои ополченія на мѣстѣ, и одни, пѣшкомъ или на колесницѣ, выступали противъ непріятельскихъ вождей. У грековъ, у которыхъ Агамемнонъ вовсе не имѣлъ значенія неограниченнаго повелителя, и каждое предпріятіе постоянно обсуживалось всѣми сообща, часто происходили несогласія. Отъ времени до времени, отдѣльные военачальники, вынуждаемые недостаткомъ въ продовольствіи, предпринимали разбойничьи набѣги на сосѣднія страны.

Однимъ изъ важнѣйшихъ несогласій между греками была ссора Агамемнона съ Ахиллесомъ, по поводу набѣга, предпринятаго послѣднимъ. Вслѣдствіе этой ссоры, Ахиллесъ рѣшился не принимать болѣе участіе въ войнѣ. Положеніе грековъ сдѣлалось тогда бѣдственнымъ. Они терпѣли неудачи во всѣхъ стычкахъ. Однажды троянцы проникли даже въ лагерь грековъ, но тогда Патроклъ тронулся положеніемъ своихъ соплеменниковъ и бросился къ нимъ на помощь. Онъ надѣлъ вооруженіе Ахиллеса и этимъ произвелъ на троянцевъ такое впечатлѣніе, что они тотчасъ же побѣжали въ городъ. Одинъ Гекторъ не потерялъ мужества. Онъ выступилъ противъ мнимаго Ахиллеса и успѣлъ убить его. Тогда, чтобы отмстить за смерть друга, Ахиллесъ снова принялъ участіе въ битвѣ и тотчасъ же вогналъ всѣхъ троянцевъ въ городъ. Гекторъ опять остался одинъ на полѣ битвы, но на этотъ разъ погибъ отъ руки греческаго героя. Вскорѣ послѣ того погибъ и самъ Ахиллесъ. Преданіе говоритъ, что Парисъ убилъ его коварнымъ образомъ, во время переговоровъ. За обладаніе оружіемъ Ахиллеса, которое, по просьбѣ его матери Ѳетиды было сдѣлано богомъ Вулканомъ и потому не имѣло себѣ подобнаго, — произошелъ между греками большой споръ. Нѣсколько героевъ изъявили на него притязаніе; Агамемнонъ приговорилъ отдать его Одиссею. Раздраженный этимъ, Аяксъ Теламонидъ сошелъ съ ума отъ бѣшенства и закололъ себя во время припадка. Въ другомъ разсказѣ говорится однако, что онъ былъ тайно убитъ Одиссемъ. Мѣсто Ахиллеса занялъ юный сынъ его. Пиръ или Неоптолемъ, который вскорѣ послѣ смерти отца былъ вызванъ изъ отечества и, подобно Ахиллесу, отличался храбростью. Одиссей привелъ также грекамъ оставленнаго на Лемносѣ Филоктета, такъ какъ, по предсказанію оракула, Троя не могла быть взята безъ помощи стрѣлъ Геркулеса. Тотъ же коварный герой, соединившись съ

Діомедомъ, похитилъ стоявшій среди Трои, такъ называемый, палладіумъ, т. е. упавшее когда-то съ неба изображеніе богини Паллады, или Миневры, одаренное тѣмъ свойствомъ, что городъ, гдѣ оно находилось, не могъ быть взятъ. Діомедъ и Одиссей пробрались въ городъ переодѣтые и благополучно перенесли палладіумъ въ лагерь грековъ. Вслѣдъ затѣмъ Филоктетъ убилъ Париса одною изъ стрѣлъ Геркулеса.

Тогда пробилъ для Трои часъ паденія. Непріятель овладѣлъ городомъ посредствомъ хитрости. Преданіе говоритъ, что греки построили большую деревянную лошадь, въ которую спряталось нѣсколько вооруженныхъ людей. Остальные сѣли на корабли и поплыли въ море, какъ бы возвращаясь въ Грецію. Между тѣмъ одинъ изъ нихъ явился къ троянцамъ, назвавъ себя бѣглецомъ, обиженнымъ соотечественниками и желающимъ отмстить имъ. Онъ разсказалъ имъ, что лошадь была построена по приказанію боговъ, въ замѣну палладіума, но что ее нарочно сдѣлали гораздо больше чѣмъ ворота Трои, чтобы нельзя было ввезти ее въ городъ, который она стала бы защищать отъ враговъ. Троянцы поддались обману коварнаго грека и срыли часть стѣны, чтобы, такимъ образомъ, ввезти лошадь въ городъ. На слѣдующую ночь вооруженные воины вылѣзли изъ лошади; греки въ то же время высадились на берегъ и проникли въ городъ черезъ открытую часть стѣны. Троя очутилась въ рукахъ непріятеля, предавшагося рѣзнѣ и грабежу. Эней спасъ лишь небольшую часть жителей; остальные погибли при разрушеніи города или были взяты въ плѣнъ. Въ числѣ убитыхъ былъ и царь Пріамъ съ своими сыновьями. Пирръ за волосы вытащилъ дряхлаго царя и умертвилъ его предъ алтаремъ Зевса. Городъ былъ срытъ до основанія. Впослѣдствіи, на мѣстѣ прежней Трои или Иліона былъ построенъ новый Иліонъ, и, такъ называемыя, развалины Трои составляютъ уже остатки этого новаго города.

Плѣнниковъ разобрали себѣ предводители грековъ. Женщины царскаго дома подверглись при этомъ трагической участи. Г е к у б а, жена Пріама, стала рабой Одиссея. Когда тотъ, возвращаясь въ Грецію, высадился на ѳракійскомъ берегу, она встрѣтилась съ однимъ тамошнимъ владѣтелемъ, къ которому незадолго передъ тѣмъ отправила своего младшаго, несовершеннолѣтняго сына, съ большими сокровищами, чтобы, такимъ образомъ, въ случаѣ паденія Трои, спасти его отъ рабства. Безчестный ѳракіецъ изъ корыстолюбія убилъ этого ребенка. Гекуба отмстила ему. Обманувъ его обѣщаніемъ показать ему спрятанныя сокровища, она завела его въ уединенное мѣсто и тамъ убила его, при помощи другихъ плѣнныхъ троянокъ. Послѣ того, Гекуба хотѣла броситься въ море, чтобы кончить свою печальную жизнь, но, по непонятной выдумкѣ легенды, была превращена въ собаку. Изъ дочерей Гекубы одна, К р е у з а, жена Энея, погибла неизвѣстно какимъ образомъ; она изчезла во время взятія города. Другой дочери Гекубы, К а с с а н д р ѣ, пришлось испытывать печальную участь какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи. Въ ранней молодости ей былъ данъ Аполлономъ даръ предведѣнія. Впослѣдствіи онъ разлюбилъ ее и хотя не могъ отнять у нея этотъ даръ, но сдѣлать его источникомъ несчастія для Кассандры. Онъ наложилъ на нее такое проклятіе, что никто не вѣрилъ ея предсказаніямъ. Кассандра часто предсказывала своимъ ужасный исходъ войны; но ей не вѣрили, считая ее безумною. При взятіи Трои, дикій Аяксъ, сынъ Оилея, взялъ ее въ плѣнъ въ храмѣ Минервы и вытащилъ оттуда за волосы. Потомъ она досталась въ рабыни Агамемнону, которому также напрасно предсказывала судьбу, ожидавшую его по возвращеніи въ Грецію. Она была убита въ Микенахъ въ одно время съ Агамемнономъ. Сестра ея, П о л и к с е н а, была одна изъ красивѣйшихъ дочерей Пріама. Ахиллесъ, увидѣвъ однажды эту дѣвушку, влюбился въ нее и просилъ ея руки, но во время переговоровъ объ этомъ былъ убитъ Парисомъ. Когда, послѣ взятія города, греки дѣлили между собою добычу, изъ могилы Ахиллеса раздался голосъ, требовавшій, чтобы и ему выдали его часть. Греки, обратившись къ гадателю, находившемуся при ихъ войскѣ, услышали въ отвѣтъ, что Поликсена должна быть принесена въ жертву герою. И несчастную дѣвушку, дѣйствительно, умертвили на его могилѣ. Жена Гектора, А н д р о м а х а, прославляемая въ пѣсняхъ грековъ за искреннюю свою любовь къ мужу, была отдана сыну Ахиллеса, который взялъ ее съ собой въ Эпиръ, гдѣ основалъ государство. Андромаха испытала въ Эпирѣ много перемѣнъ счастія, вернулась потомъ въ Азію и умерла въ мало-азійскомъ городѣ Пергамѣ.

На ряду съ разсказами и героическими пѣснями о Троянской войнѣ существуетъ другой циклъ преданій, касающійся судьбы героевъ на обратномъ пути ихъ въ Грецію. Приключенія ихъ на этомъ пути также были описываемы во многихъ героическихъ поэмахъ, составленныхъ какъ въ героическія времена, такъ и позднѣе. Изъ этихъ поэмъ до насъ дошла только одна, Одиссея, гдѣ воспѣвается обратное плаваніе Улисса. Легенды о судьбѣ героевъ Троянской войны, подобно сказаніямъ о самой войнѣ, имѣли такое вліяніе на поэзію позднѣйшихъ грековъ и новѣйшихъ народовъ, цивилизація которыхъ основана на греческой, — что необходимо дать краткое понятіе и объ нихъ.

Одиссей былъ прибитъ бурями сначала къ ѳракійскому, а потомъ къ африканскому берегу. Оттуда онъ попалъ въ Сицилію, гдѣ встрѣтилъ людоѣда, циклопа Полифема, и лишь съ величайшимъ трудомъ и съ потерею нѣсколькихъ человѣкъ успѣлъ избѣгнуть опасности быть съѣденнымъ со всѣми своими спутниками. Такъ какъ онъ, чтобы спасти себя, ослѣпилъ циклопа, то съ тѣхъ поръ его сталъ преслѣдовать гнѣвъ бога морей, Нептуна, отца Полифема. Послѣ того, Одиссей присталъ къ одному изъ Эолійскихъ или Липарскихъ острововъ, принадлежавшихъ богу вѣтровъ, Эолу, который принялъ его дружески и далъ ему кожаный мѣхъ, наполненный попутными вѣтрами. Съ помощью ихъ Одиссей почти достигъ Итаки, но тутъ буря, произведенная спутниками его, неумѣвшими обращаться съ мѣхомъ, снова отогнала его въ западную часть Средиземнаго моря. Онъ опять отправился къ Эолу; но тотъ, узнавъ объ его несчастіи, счелъ его за человѣка, ненавидимаго богами, и потому отослалъ его отъ себя. Тогда Одиссей попалъ къ Лестригонамъ, людоѣдамъ, жившимъ въ Сициліи или въ нижней Италіи. При этомъ онъ лишился нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей и всѣхъ кораблей, кромѣ одного. Послѣ того, онъ прибылъ на лежавшій близъ береговъ Италіи или Сициліи островъ волшебницы Цирцеи, которая ударомъ своего жезла тотчасъ же превратила часть его спутниковъ въ свиней. Но, при содѣйствіи бога Меркурія, Одиссей принудилъ волшебницу возвратить несчастнымъ человѣческій образъ. По ея настоянію, онъ отправился въ преисподнюю, чтобы посовѣтоваться съ знаменитымъ пророкомъ Тиресіемъ. Слѣдующее приключеніе Одиссея состояло въ томъ, что онъ долженъ былъ плыть мимо нѣкоторыхъ южно-итальянскихъ острововъ, населенныхъ сиренами. Это были чудовища съ женскими лицами и длинными скрытыми когтями, которыя пѣли такъ прекрасно, что нельзя было устоять противъ желанія послушать ихъ; но всякаго пловца, который, привлеченный ихъ пѣніемъ, высаживался на берегъ, онѣ разрывали на части. Одиссей лишь съ трудомъ избѣжалъ угрожавшей ему опасности. Затѣмъ онъ проѣхалъ между Сциллою и Харибдою, черезъ мѣсто въ Мессинскомъ проливѣ, считавшееся у древнихъ чрезвычайно опаснымъ. Сциллою называлась крутая скала итальянскаго берега, а Харибдою водоворотъ, находящійся противъ этой скалы. Въ Одиссеѣ онѣ изображены страшными чудовищами, старавшимися поглотить всѣхъ, кто близко подплывалъ къ нимъ. У Одиссея онѣ похитили, такимъ образомъ, шестерыхъ спутниковъ. На островѣ Сициліи, куда присталъ Одиссей, экипажъ его корабля посягнулъ на собственность бога солнца. Вслѣдствіе этого, при отплытіи Одиссея, произошла буря, потопившая корабль со всѣмъ экипажемъ. Одинъ Одиссей остался въ живыхъ. Схватившись за бревно, онъ девять дней носился по морю и былъ выброшенъ на островъ Огигію, обитаемый одной только нимфой Калипсо. Наскучивъ своимъ одиночествомъ, она очень обрадовалась его прибытію, приняла его чрезвычайно ласково и умѣла удержать его при себѣ цѣлыя семь лѣтъ. Прося его остаться съ нею навсегда, она даже обѣщала ему взамѣнъ это безсмертіе и вѣчную молодость; но Одиссей не могъ побѣдить своей тоски по родинѣ. Наконецъ, нимфа отпустила его съ крайней неохотой. Одиссей отправился отъ нея на утлой ладьѣ и, послѣ семнадцатидневнаго плаванія, уже приближался къ острову Коркирѣ, гдѣ жили добродушные феаки, когда разгнѣванный Нептунъ, замѣтивъ его лодку, разбилъ ее, и Одиссей едва могъ достигнуть берега вплавь. Онъ былъ радушно принятъ царемъ феаковъ, Алкиноемъ, и наконецъ благополучно достигъ Итаки на кораблѣ, принадлежавшемъ этому государю. Между тѣмъ въ его семействѣ уже нѣсколько лѣтъ царствовало смятеніе и горе. Девяносто восемь государей добивались руки его супруги Пенелопы, и, ожидая ея отвѣта, жили на ея счетъ въ царскомъ двор-

цѣ. Отъ заносчивости искателей много терпѣли вѣрная супруга Одиссея, его старый отецъ Лаэртъ и сынъ Телемакъ, наставникомъ котораго былъ другъ Одиссея, Менторъ, вошедшій въ пословицу, какъ хорошій руководитель молодаго человѣка. Неожиданный и неузнанный вернулся Одиссей въ свой родной домъ, жестоко отмстилъ женихамъ Пенелопы и спокойно и счастливо провелъ остатокъ дней въ кругу своихъ близкихъ.

Послѣ разсказа о странствованіяхъ Одиссея, наибольшею извѣстностью пользуется преданіе о судьбѣ Агамемнона и его дѣтей, описывающее продолженіе и конецъ тѣхъ несчастій, на которыя былъ обреченъ домъ Пелопидовъ. Агамемнону не пришлось долго странствовать, какъ Одиссею. Но бѣдствіе постигло его въ собственномъ домѣ. Его двоюродный братъ, Эгистъ, сумѣлъ пріобрѣсть любовь его жены, Клитемнестры. Узнавъ о возвращеніи Агамемнона, они сговорились убить его, встрѣтили героя съ притворными ласками, но за обѣдомъ или въ банѣ неожиданно напали на него и убили. Эгистъ продолжалъ управлять царствомъ. У Агамемнона остался молодой сынъ, Орестъ, и можно было опасаться, что онъ со временемъ отмститъ за смерть отца. Чтобы Клитемнестра и Эгистъ не убили его, сестра Ореста, Электра, отвезла его къ другу своего отца, фокидскому царю, Строфію. Тамъ онъ былъ воспитанъ вмѣстѣ съ сыномъ Строфія, Пиладомъ, и оба юноши всю жизнь оставались искреннѣйшими друзьями. Возмужавъ, они рѣшились отмстить Клитемнестрѣ и Эгисту, явились во дворецъ царицы подъ чужими именами и, выдавъ себя за пословъ Строфія, сообщили ей о мнимой смерти ея сына. Клитемнестра и Эгистъ были очень обрадованы этимъ извѣстіемъ и приняли ихъ чрезвычайно радушно. Но Орестъ и Пиладъ, избравъ удобную минуту, лишили ихъ обоихъ жизни.

Тотчасъ послѣ совершенія этого дѣла, въ Орестѣ проснулся голосъ совѣсти, и онъ почувствовалъ глубокое раскаяніе въ томъ, что убилъ свою мать. Легенда говоритъ, что его стали преслѣдовать Эвмениды и Фуріи, т. е. богини мщенія, не дававшія ему покоя ни днемъ, ни ночью. Безутѣшный бродилъ онъ по Греціи въ сопровожденіи своего вѣрнаго друга. Дельфійскій оракулъ, къ которому онъ обращался, отвѣчалъ ему, что онъ долженъ искать совѣта въ храмѣ Діаны таврической. Друзья отправились туда, но были взяты въ плѣнъ тотчасъ же по выходѣ на берегъ. Въ Тавридѣ былъ обычай приносить въ жертву Діанѣ всѣхъ пріѣзжавшихъ иностранцевъ. Оресту и Пиладу было объявлено, что одинъ изъ нихъ доженъ быть убитъ. Каждому хотѣлось умереть за друга; но наконецъ Пиладъ уступилъ въ этомъ благородномъ спорѣ, и Орестъ былъ отправленъ къ жрицѣ, которая должна была принести его въ жертву богинѣ. Жрица эта была Ифигенія, сестра Ореста, но они не узнали другъ друга. Уже она обнажила предъ алтаремъ кинжалъ противъ Ореста, когда тотъ воскликнулъ: «Такъ умерла нѣкогда въ Авлидѣ и сестра моя Ифигенія!» Тогда она узнала своего брата и тотчасъ же нашла предлогъ отложить жертвоприношеніе и потомъ сговорилась съ Орестомъ и Пиладомъ бѣжать вмѣстѣ. Всѣ трое благополучно прибыли въ Грецію, и только тутъ богини мщенія оставили въ покоѣ Ореста. Послѣ того онъ владѣлъ спартанскимъ престоломъ, оставшимся свободнымъ по смерти дяди его Менеля, на дочери котораго, Герміонѣ, онъ былъ женатъ. Еще прежде овладѣлъ онъ Аргосомъ, а сдѣлавшись спартанскимъ царемъ, завоевалъ и отцовское царство Микены, гдѣ до тѣхъ поръ властвовалъ сынъ Эгиста. Орестъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ отъ укушенія змѣи. Ифигенія, какъ говорятъ, преобразовавшая во многихъ мѣстахъ Греціи культъ Діаны, и Электра, выданная за Орестова друга Пилада, — умерли естественною смертью.

Изъ приключеній остальныхъ героевъ Троянской войны чаще другихъ упоминаются похожденія Менелая, Діомеда, Тевкра и одного изъ Аяксовъ, пережившаго разрушеніе Трои. По взятіи Трои Менелай снова взялъ въ жены прекрасную Елену. На обратномъ пути онъ также былъ занесенъ въ далекія страны и восемь лѣтъ блуждалъ у африканскихъ и финикійскихъ береговъ. Остатокъ своей жизни онъ провелъ въ спокойномъ обладаніи своимъ спартанскимъ царствомъ и умеръ неизвѣстнымъ образомъ, оставивъ одну дочь Герміону, вышедшую за мужъ за Ореста. О смерти Елены, пережившей своего мужа, сохранилось нѣсколько противорѣчащихъ преданій. — Аргосскому царю, Діомеду, пришлось испытать печальную участь, потому что однажды въ борьбѣ съ Энеемъ онъ ранилъ богиню

Венеру, спѣшившую на помощь своему сыну. Онъ благополучно возвратился домой, но, во время его отсутствія, Венера побудила жену его измѣнить супружеской вѣрности, и та, вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ, рѣшилась убить Діомеда по его возвращеніи. Діомедъ едва могъ избѣжать смерти и, поспѣшно сѣвъ на корабль, поплылъ къ Италіи, гдѣ окончательно поселился и основалъ нѣсколько городовъ. Легенды о судьбѣ его въ Италіи и объ основанныхъ имъ городахъ очень несогласны между собою. Аргосскій престолъ, по смерти узурпатора, не оставившаго потомства, перешелъ къ Оресту.—Аяксъ Малый при взятіи Трои встрѣтилъ въ храмѣ Минервы дочь Пріама, Кассандру, обнимавшую руками статую богини. Онъ оттащилъ ее за волосы и при этомъ опрокинулъ статую. Зато Минерва, во время обратнаго плаванія его въ Грецію, навела его корабль на подводный камень. Аяксъ избѣжалъ смерти, но его хвастливое увѣреніе, что онъ не погибнетъ, не смотря на гнѣвъ богини, раздражило всѣхъ боговъ, и онъ былъ убитъ Минервой или потопленъ Нептуномъ. Тевкръ, братъ другаго Аякса, благополучно вернулся на свою родину — островъ Саламинъ, но отецъ отвергъ его за то, что онъ не отмстилъ Одиссею за смерть брата. Поэтому онъ былъ принужденъ начать новое странствіе, для отысканія себѣ новаго Саламина. Наконецъ онъ высадился на островѣ Кипрѣ, поселился тамъ и основалъ городъ, который, въ память своей родины, назвалъ Саламиномъ.

Взглянувъ на состояніе Греціи непосредственно послѣ Троянской войны, мы увидимъ повсемѣстное потрясеніе порядка, державшагося во время войны. Приведенныя нами легенды о возвращеніи героевъ показываютъ, что въ большей части государствъ происходили раздоры, имѣвшіе слѣдствіемъ внутренніе перевороты и эмиграцію въ чужія страны. Могущественный домъ пелопидовъ, стоявшій во главѣ всей Греціи, утратилъ блескъ свой. Орестъ хотя и основалъ государство, которое было больше отцовскаго, но не умѣлъ упрочить ни его внутренняго устройства, ни его отношеній къ другимъ державамъ. Могущество пелопидовъ рушилось навсегда. Связь, во время Троянской войны соединявшая съ ними другія государства, была разорвана, и чрезъ восемьдесятъ лѣтъ по окончаніи этой войны, почти всѣ государства, принимавшія въ ней участіе, должны были уступить нашествію энергическихъ дорянъ и этолійцевъ, которые нахлынули изъ своихъ сѣверныхъ гористыхъ странъ и произвели въ Греціи коренной переворотъ. Это важное событіе хотя и принадлежитъ къ героическому періоду, который оканчивается еще цѣлымъ вѣкомъ позже, но такъ тѣсно связано съ слѣдующимъ затѣмъ временемъ, что лучше сказать о немъ впослѣдствіи, въ связи съ событіями этого времени.

6. Характеръ и духъ героическаго періода.

Разсказы легендарной исторіи Греціи показываютъ намъ большое различіе между начальными и позднѣйшими вѣками героическаго періода. Мы видимъ изъ нихъ, какъ, съ теченіемъ времени, развивалась въ Греціи цивилизація. Легенды о Персеѣ, Геркулесѣ и Тезеѣ или о борьбѣ лапитовъ съ центаврами представляютъ намъ грековъ народомъ полудикимъ и страдающимъ отъ хищныхъ звѣрей, разбойниковъ и тирановъ. Великаны, страшныя змѣи и другія чудовища, такъ же какъ фантастическія путешествія въ подземный міръ, нерѣдко встрѣчаются въ этихъ легендахъ, и греки являются намъ въ борьбѣ съ силами природы и своею собственною дикостью. Совершенно иною представляется намъ Греція въ разсказахъ и поэмахъ о Троянской войнѣ и другихъ событіяхъ позднѣйшихъ временъ героическаго періода. Въ этихъ преданіяхъ бытъ грековъ изображенъ уже болѣе мирнымъ и покойнымъ, о чудесахъ почти нѣтъ рѣчи, и все указываетъ на болѣе кроткій духъ времени и болѣе стройный порядокъ вещей.

Точное и полное описаніе этихъ послѣднихъ столѣтій или самаго цвѣтущаго времени героическаго періода мы находимъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ, двухъ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ греческой литературы. Обѣ эти поэмы, обыкновенно приписываемыя поэту Гомеру, заключаютъ въ себѣ часть героическихъ легендъ и въ то же время представляютъ вѣрную картину нравовъ,

господствовавшаго духа и домашней общественной жизни грековъ въ эпоху Троянской войны и непосредственно за ней слѣдовавшее время.

Греки этого времени вездѣ являются націей еще не многочисленной и раздѣленной на мелкія государства, находящіяся однако въ непрерывной связи между собою и не представляющія большаго различія въ нравахъ, образѣ жизни и языкѣ. Это сильный и воинственный народъ, съ простыми нравами, живущій легко и весело подъ благословеннымъ небомъ. Благодаря единству религіи, языка и нравовъ, греки, при всей своей раздробленности на множество племенъ и государствъ, являются намъ тѣсно соединенными между собою членами одного цѣлаго. Въ концѣ героическаго періода болѣе близкое родство, общіе храмы и празднества еще тѣснѣе связали между собой нѣкоторыя племена. Но узы, соединявшія всѣхъ, были невидимы, и потому еще не существовало общаго имени для всего греческаго народа.

Земледѣліе и скотоводство составляли главное занятіе народа, но кромѣ того была замѣтна незначительная ремесленная дѣятельность. Другими народными промыслами была охота, рыбная ловля и война. Сельское хозяйство состояло въ воздѣлываніи зерноваго хлѣба и винограда и въ садоводствѣ. Для упряжи служили быки, а вьючнымъ скотомъ были ослы и мулы. Лошади мало употреблялись для верховой ѣзды, а запрягались обыкновенно въ боевыя колесницы. Стада состояли изъ рогатаго скота, овецъ, козъ и свиней. Болѣе грубыя и грязныя работы исполнялись рабами, которыхъ покупали у морскихъ разбойниковъ или пріобрѣтали на войнѣ. Искусство мореплаванія было извѣстно грекамъ, но суда ихъ не имѣли палубы и приводились въ движеніе большею частью не парусами, а веслами. Торговлей занимались очень мало, а главными средствами къ пріобрѣтенію богатства считались война и морскіе разбои. Греки знали многіе металлы, между прочимъ добывали и желѣзо; но его выдѣлка была еще очень затруднительна. Монеты еще вовсе не было или было чрезвычайно мало. Занятіемъ женщинъ было тканье, но лучшія ткани привозились изъ Финикіи. Оружіе дѣлалось различное, иногда отличавшееся художественною отдѣлкою. Посуда и разныя украшенія были изъ металловъ, слоновой кости, глины и дерева. Дошедшія до насъ описанія этихъ вещей доказываютъ, что пониманіе пластическаго искусства (т. е. изящныхъ формъ и ихъ изображенія) уже пробудилось. Строительное искусство также успѣло сложиться: мы встрѣчаемъ разсказы о городахъ и селахъ, о стѣнахъ съ башнями и воротами и о царскихъ домахъ, построенныхъ изъ камня, со множествомъ большихъ комнатъ, галлереями и садами.

Кастовый бытъ всегда былъ чуждъ грекамъ. Хотя въ героическія времена народъ и дѣлился на благородныхъ и неблагородныхъ, но послѣдніе принимали участіе во всѣхъ важныхъ общественныхъ дѣлахъ, а преимущества первыхъ зависѣли не отъ одного только происхожденія, а должны были поддерживаться большою физическою силою, мужествомъ и ловкостью. Такимъ образомъ, различіе между двумя сословіями основывалось не на суевѣріи и на обманѣ, какъ въ кастахъ восточныхъ народовъ, а на томъ общемъ мнѣніи, что нѣкоторыя семейства были преимущественно одарены силой и военными способностями и потому предназначались сами богами быть защитниками страны. Но, по понятіямъ грековъ, только дѣйствительныя правительственныя и военныя способности давали право на какое бы то ни было преимущество передъ остальными членами общества. Правленіе имѣло аристократическо-монархическій характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ опиралось на самосознаніе и одобреніе народа. Государство было только воинственнымъ союзомъ сильныхъ и энергическихъ людей, распадавшихся на сословія благородныхъ и неблагородныхъ и имѣвшихъ главою одного предводителя, который въ своихъ распоряженіяхъ долженъ былъ руководствоваться согласіемъ благородныхъ, а въ важныхъ случаяхъ обращаться за совѣтомъ ко всему народу.

Такимъ образомъ, царь былъ не болѣе какъ первымъ между благородными, и только какъ первосвященникъ и предводитель на войнѣ пользовался особенными державными правами, которыхъ не имѣли прочіе благородные. Поэтому преобладаніе царя надъ благородными зависѣло единственно отъ его личныхъ качествъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ долженъ былъ превосходить всѣхъ окружающихъ богатствомъ, тѣлесной силой, храбростью, проницательностью и опытностью. Царь приносилъ богамъ жертвы за всю общину и распоряжался религіозными торжествами. Онъ

участвовалъ и въ судѣ, но большею частью вмѣстѣ съ опытными старцами изъ благородныхъ, да и тутъ являлся только третейскимъ судьею и защитникомъ слабаго противъ сильнаго; безъ жалобы обиженнаго ни одно дѣло не поступало на публичное разбирательство. На царѣ лежала обязанность принимать въ своемъ домѣ посланниковъ другихъ государствъ и вообще угощать чужеземцевъ. Его доходы состояли исключительно въ добровольныхъ подаркахъ подданныхъ, въ большей долѣ военной добычи и въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ предоставленныхъ ему земель. Единственными знаками его достоинства были скипетръ и ходившіе впереди герольды. Во всѣхъ собраніяхъ и торжествахъ онъ садился на первомъ мѣстѣ и на пирахъ, послѣ жертвоприношеній, получалъ двойное количество пищи и питья. Его всегда встрѣчали и привѣтствовали съ почтеніемъ, но вообще обращались съ нимъ, какъ и со всякимъ другимъ благороднымъ; слѣдовъ же восточнаго поклоненія и благоговѣнія передъ царемъ мы не видимъ и у самыхъ древнѣйшихъ грековъ.

Сословіе благородныхъ состояло изъ людей извѣстныхъ фамилій, которымъ приписывали особенныя преимущества врожденной силы и ловкости. Эти качества они старались постоянно поддерживать рыцарскими упражненіями и доказать ихъ на полѣ битвы. Какъ уже сказано, они принимали преобладающее участіе въ правленіи. Неблагородные, или масса свободныхъ гражданъ нисшаго сословія, были постоянно собираемы во всѣхъ важныхъ случаяхъ, чтобы дать свое согласіе на миръ, войну или какое-нибуть другое важное дѣло. Народныя собранія, описанныя въ Иліадѣ и Одиссеѣ, уже показываютъ намъ то всеобщее участіе въ общественныхъ дѣлахъ и ту живую впечатлительность, которыя впослѣдствіи до такой высокой степени развились въ греческихъ республикахъ. Мужество и сила доставляли тогда каждому человѣку то значеніе, на которое онъ имѣлъ право. Но еще болѣе, чѣмъ тѣлесная сила, вели къ вліянію и почестямъ опытность, краснорѣчіе, разумное пониманіе жизни и ея отношеній.

На войнѣ чаще всего сражались цари и благородные, а не народъ, становившійся на полѣ битвы въ сомкнутыхъ массахъ. Самое воспитаніе царей имѣло цѣлью образовать изъ нихъ не только полководцевъ и начальниковъ, но и мужественныхъ, ловкихъ бойцовъ. Главное вниманіе было обращено на быстроту бѣга, вѣрность и силу метанія, ловкость въ борьбѣ и въ употребленіи оружія. Каждый начальникъ имѣлъ свою боевую колесницу, на которой сражался копьемъ, предоставляя управленіе колесницей стоявшему подлѣ него возницѣ—обыкновенно молодому человѣку. Городскія укрѣпленія состояли изъ рва и стѣны съ башнями. Осаднаго искусства еще не существовало, и не было еще изобрѣтено ни одного орудія, которое могло бы облегчить взятіе города.

Музыка и поэзія играли важную роль въ жизни этихъ воинственныхъ племенъ и были неразлучны съ ихъ пирами, праздниками и военными предпріятіями. Музыкальными инструментами героическаго періода были лира, флейта и рожокъ. Трубы вошли въ употребленіе только въ концѣ его. Флейта и рожокъ употреблялись пастухами и земледѣльцами. Лира, напротивъ, была инструментомъ поэтовъ и пѣвцовъ; на ней часто играли цари и благородные, и звуками ея постоянно сопровождалось пѣніе, которое играло главную роль, и предметомъ котораго служили военные подвиги живыхъ или умершихъ героевъ. Пѣсни эти сочинялись особыми пѣвцами, или бардами, пѣвшими ихъ въ кругу мужчинъ. Эти пѣвцы пользовались большимъ уваженіемъ.

Религія была очень тѣсно связана съ государственной жизнью, но всетаки не было и слѣдовъ вліятельнаго жреческаго сословія. Царь являлся распорядителемъ и въ духовныхъ дѣлахъ и не нуждался въ жрецѣ для совершенія жертвоприношеній. Хотя, кромѣ чрезвычайно древняго додонскаго, существовалъ уже и столь важный въ послѣдующія времена дельфійскій оракулъ, въ Фокидѣ, однако оба они въ героическомъ періодѣ не пользовались всеобщимъ уваженіемъ и не имѣли большаго вліянія. Напротивъ того, въ это время были такъ называемые прорицатели, которымъ приписывали высшую мудрость и сношенія съ богами, и къ которымъ обращались за предсказаніями объ исходѣ какого-нибудь важнаго предпріятія. Во время общественныхъ несчастій ихъ же спрашивали о причинахъ бѣдствія и о средствахъ къ устраненію его. Знаменитѣйшими изъ числа ихъ были: Орфей, игравшій роль прорицателя въ походѣ аргонавтовъ;

Амфіарай, занимавшій подобное же мѣсто въ походѣ Семи противъ Ѳивъ; Тирезій, бывшій прорицателемъ ѳиванцевъ какъ во время этого похода, такъ и во время войны Эпиговъ; и наконецъ, Калхантъ, прорицатель грековъ въ Троянской войнѣ. Но и эти люди не имѣли вліянія, которое, хотя бы отчасти, можно было сравнить съ вліяніемъ восточныхъ жреческихъ кастъ. Въ сущности на нихъ смотрѣли какъ на примирителей народа съ оскорбленнымъ божествомъ, и какъ на совѣтниковъ; но предсказанія ихъ не всегда принимались во вниманіе, и случалось, что, въ случаѣ неблагопріятнаго предсказанія, они испытывали на себѣ гнѣвъ царя.

Вѣрованія героическихъ временъ служатъ основаніемъ позднѣйшей народной религіи грековъ. Она возникла, вѣроятно, изъ разныхъ источниковъ и потому не можетъ быть подведена подъ одну главную идею, какъ индійская или египетская. Религія грековъ вообще никогда не была замкнутой системой, и потому не чужда противорѣчій, тѣмъ болѣе, что послѣ Троянской войны въ нее были занесены и нѣкоторыя идеи востока. Греки героическаго періода представляли себѣ небо или скорѣе подымающуюся въ небо вершину горы Олимпа, точно такъ же какъ и землю, населенною существами, которыя по внѣшнему виду и по духовной природѣ своей походили на людей, съ тою только разницею, что имъ приписывали невидимость, большую силу и вліяніе на земное. По понятіямъ героическаго періода и самая жизнь боговъ была сходы съ человѣческою, отличаясь отъ нея только большимъ изяществомъ и высшими радостями. Такимъ образомъ, греки считали божества личностями, и ихъ религія была, такъ называемымъ, антропоморфизмомъ, характеристическая черта котораго состоитъ въ представленіи себѣ боговъ подобными людямъ. Но вмѣстѣ съ такимъ воззрѣніемъ на божество, греки непостижимымъ образомъ соединяли и ту мысль, что боги въ то же время представляютъ собою естественныя силы и явленія природы. Такъ, напримѣръ, Зевсъ, царь и повелитель въ царствѣ боговъ, былъ въ то же время богомъ эѳира (воздушнаго пространства); Аполлонъ считался солнцемъ, а Посейдонъ или Нептунъ былъ божествомъ моря. Въ лѣсахъ, ручьяхъ, долинахъ и горахъ обитали, по понятіямъ грековъ, божественныя существа, называемыя нимфами.

Собственно жрецовъ, кромѣ прорицателей, въ героическомъ періодѣ не было: царь совершалъ жертвоприношенія за свою общину, точно такъ же, какъ каждый отецъ семейства за себя и своихъ домашнихъ. Въ позднѣйшихъ легендахъ только изрѣдка упоминается о жрецахъ; въ Иліадѣ и Одиссеѣ о нихъ совсѣмъ не говорится. Богослуженіе состояло главнымъ образомъ изъ жертвоприношеній и молитвъ. Храмовъ было не много, но при каждомъ городѣ находилось извѣстное пространство земли, на которомъ стоялъ жертвенникъ. Такого рода священные участки не были однако единственными мѣстами богослуженія. Весьма часто для жертвоприношеній и молитвъ ставились жертвенники и въ открытомъ полѣ. Жертвоприношенія состояли въ сожиганіи въ честь боговъ нѣсколькихъ кусковъ мяса и вливаніи въ огонь небольшаго количества вина, а остатки, среди всеобщаго веселья, съѣдались присутствовавшими при жертвоприношеніи. Дни опредѣленныхъ религіозныхъ торжествъ также имѣли веселый характеръ и посвящались пированію, сопровождавшемуся веселыми шутками, военными играми и пѣснями бардовъ о подвигахъ знаменитыхъ героевъ. Дикаго и буйнаго характера, которымъ отличались празднества большей части восточныхъ народовъ, мы совершенно не видимъ въ религіозныхъ торжествахъ грековъ героическаго періода.

Такова была греческая жизнь въ позднѣйшее время этого періода. Мы видимъ націю полную силъ и энергіи, съ воинственнымъ духомъ и простыми нравами, живущую подъ благодатнымъ небомъ. Всѣ принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, всѣ были свободны и, не смотря на нѣкоторое неравенство, всѣ были тѣсно соединены между собою и не знали притѣсненія въ своей общественной жизни. Благодаря незначительной населенности страны и существованію рабства, жизнь свободныхъ людей была легка и чужда заботъ. Часть націи была совершенно незнакома съ работами тяжелыми и низкими. Военныя предпріятія, охота, упражненія въ употребленіи оружія и военныя игры развивали тѣло и закаляли его силы; между тѣмъ духъ націи былъ направляемъ къ высшимъ цѣлямъ религіозными обычаями и словами прорицателей и сталъ на путь прогрессивнаго развитія, благодаря веселой общественной жизни благородныхъ, частымъ совѣ-

щаніямъ объ общественныхъ дѣлахъ и военныхъ экспедиціяхъ и, всего болѣе, благодаря поэтическимъ разсказамъ бардовъ и облагораживающему вліянію музыки.

Всемірная исторія показываетъ намъ, нѣсколько вѣковъ спустя, почти такой же народный бытъ на сѣверѣ Европы. Сравненіе его съ героическимъ періодомъ Греціи можетъ служить намъ къ уясненію духа этого періода, который не переживаетъ появленія первыхъ начатковъ высшей цивилизаціи и потому большею частью выходитъ изъ области положительной исторіи. Древніе бритты Уэльса, шотландцы сѣверной части Британскихъ острововъ и скандинавскіе германцы оставили легенды и пѣсни, рисующія намъ бытъ народовъ до начала среднихъ вѣковъ и отражающія въ себѣ героическій періодъ сѣвера, продолжавшійся болѣе тысячи лѣтъ. Господствующій духъ, образъ жизни и степень цивилизаціи героическихъ временъ сѣвера въ высшей степени сходны съ характеромъ героическаго періода Греціи, а малочисленныя различія между ними отчасти объясняются вліяніемъ климата.

Прежде всего, при изслѣдованіи этой разницы, бросается въ глаза то обстоятельство, что греки героическаго періода съ теченіемъ времени становились обрязованнѣе и благороднѣе, между тѣмъ какъ сѣверные народы, въ первые вѣка своего героическаго времени, представляютъ намъ болѣе величія, стремленія къ прекрасному, чистоты и достоинства, чѣмъ впослѣдствіи. Кромѣ того, греки имѣли передъ сѣверными героями то преимущество, что умъ, опытность и краснорѣчіе пользовались у нихъ большимъ уваженіемъ, чѣмъ простая тѣлесная сила, что племена ихъ были тѣснѣе соединены между собою, и что совершались у нихъ общія предпріятія, въ которыхъ принимали участіе весьма многія изъ ихъ общинъ. Различныя же племена сѣверныхъ народовъ являются намъ сначала совершенно разобщенными, а въ послѣднее время связанными только ленными отношеніями. Первыя отличали грековъ отъ не грековъ; между тѣмъ какъ сѣверный герой считалъ равнымъ себѣ всякаго, кто обладалъ равной силой. Точно также грекъ предпочиталъ свою родину всѣмъ прочимъ странамъ и всюду носилъ съ собою воспоминаніе объ отечествѣ, а бродячій житель сѣвера вездѣ, куда не приходилъ, чувствовалъ себя какъ дома. Онъ искалъ и находилъ, на чужбинѣ мѣста для поселенія, которыя были лучше, чѣмъ его родной край, и потому не жаждалъ вернуться на родину. Наконецъ, главное различіе состоитъ въ стремленіи грековъ къ наслажденію жизнью и въ сумрачномъ, грустномъ характерѣ, отличавшемъ сѣверные народы. Житель сѣвера былъ мраченъ, какъ его небо, и потому земная жизнь представлялась ему преимущественно со стороны своего ничтожества и своихъ лишеній. Отсюда въ немъ являлось суровое презрѣніе къ жизни и мысль о томъ, что только въ иномъ мірѣ, уготованномъ героямъ, человѣкъ можетъ найти истинную жизнь и продолжительное наслажденіе. Напротивъ того, грекъ, подъ своимъ сіяющимъ небомъ, считалъ истинною жизнью именно ту, которую онъ проводилъ на землѣ подъ веселыми лучами солнца. Жизнь подземнаго міра, даже самая блаженная, казалась ему только тѣнью этой жизни. Потому онъ любилъ жизнь, всегда считалъ смерть бѣдствіемъ и, сообразно съ этимъ, придавалъ большую важность даже быстротѣ ногъ героя.

III. ИСТОРІЯ ГРЕКОВЪ,

ОТЪ НАЧАЛА ГЕРОИЧЕСКАГО ПЕРІОДА ДО КОНЦА ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ.

---

1. Возвращеніе гераклидовъ и его послѣдствія.

Вскорѣ послѣ Троянской войны, Грецiя подверглась перевороту, давшему иной видъ не только ей самой, но и большей части береговъ Средиземнаго моря. Въ Греціи этотъ переворотъ разрушилъ почти всѣ прежнія государства и вмѣсто нихъ основалъ новыя, которыя, за немногими исключеніями, продолжали свое существованіе до конца греческой исторіи. Эти насильственныя перемѣны повели за собой сильную эмиграцію въ другія страны, такъ что греческое населеніе распространилось, посредствомъ своихъ колоній, въ одну сторону по берегамъ Малой Азіи и всему черноморскому прибрежью, а въ другую до Африки и Испаніи.

Эти перевороты могутъ быть сравнены съ тѣми, которые, нѣсколькими вѣками ранѣе, уничтожили въ Греціи бытъ и самое имя пеласговъ. Незначительныя до тѣхъ поръ греческія племена бурнымъ потокомъ разлились по всей Греціи и подчинили себѣ ахеянъ, въ теченіе героическаго періода составлявшихъ преобладающую и господствующую часть націи.

Ранѣе другихъ, лѣтъ чрезъ шестьдесятъ послѣ взятія Трои, пришло въ движеніе племя ѳессалійцевъ, до тѣхъ поръ жившее въ Эпирѣ, и ворвалось въ страну, которую съ тѣхъ поръ и стали, по ихъ имени, называать Ѳессаліей. Оно поселилось во внутренности этой страны и частью вытѣснило, частью покорило туземные народы. Покоренные жители равнинъ были обращены въ крѣпостное состояніе и потому стали называться пенестами, а два изъ числа вытѣсненныхъ изъ Ѳессаліи племенъ переселились въ среднюю Грецію. Одно изъ нихъ, у котораго нѣкогда, послѣ войны Эпигоновъ, искали убѣжища многіе ѳиванцы, называлось беотійцами, другое — дорянами. Первые двинулись въ названную по ихъ имени страну, гдѣ, по словамъ преданія, они уже жили въ отдаленныя времена и тамъ покорили царства минійцевъ и ѳиванцевъ. Вторые перекочевали въ лежавшую къ югу отъ хребта Эты Дориду, гдѣ еще прежде поселились толпы ихъ соплеменниковъ.

Такимъ образомъ, измѣнился порядокъ вещей въ Ѳессаліи, и части средней Греціи. Подобныя же перемѣны произошли и на западѣ этой страны, въ Этоліи

и Акарнаніи, но объ нихъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Вслѣдствіе этого переворота сѣверная Греція и западная половина средней потеряли значеніе, которое онѣ имѣли въ продолженіе героическаго періода. Въ дѣлѣ цивилизаціи онѣ далеко отстали отъ остальной Греціи, и потому, въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ, находились на заднемъ планѣ, до такой степени, что совершенно утратили вліяніе на дальнѣйшій ходъ исторіи.

Остальныя части Греціи также подверглись перемѣнамъ, потому что начавшееся въ Эпирѣ и Ѳессаліи движеніе племенъ не остановилось въ средней части края, а продолжалось до самой южной оконечности Пелопоннеса. Значительная часть дорянъ, присоединивъ къ себѣ многихъ этолійцевъ, скоро опять двинулась въ путь и, перейдя на этотъ полуостровъ, покорила большую часть его. Настоящая причина этого переселенія, начало котораго относятъ къ 1104 году до р. Х. намъ неизвѣстна. Преданіе говоритъ, что гераклиды, или потомки Геркулеса, изгнанные изъ отечества Эвристеемъ, нашли убѣжище у дорянъ и склонили ихъ къ этому походу. Потому переселеніе дорянъ въ Пелопоннесъ и называется обыкновенно возвращеніемъ гераклидовъ. Уже сынъ Геркулеса, Гиллъ, нѣсколько разъ дѣлалъ попытки изъ Аѳинъ возвратить себѣ отцовское наслѣдіе, но не имѣлъ въ этомъ успѣха. Вскорѣ послѣ его смерти гераклиды отправились къ дорянамъ; вмѣстѣ съ ними перешли изъ Ѳессаліи въ Дориду и отсюда два раза безуспѣшно старались завоевать свою родину. Наконецъ этой цѣли успѣли достигнуть правнуки Гилла, Теменъ, Кресфонтъ и Аристодемъ, завоевавшіе Пелопоннесъ, предводительствуя дружиною дорянъ, состоявшею изъ двадцати тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Къ этимъ дорянамъ пристало много этолійцевъ подъ начальствомъ Оксила.

Гераклиды завоевали не только свою родину, Арголиду, но и весь Пелопоннесъ, за исключеніемъ Аркадіи и Ахаіи; они раздѣлили между собою покоренныя земли. Теменъ взялъ Арголиду, Кресфонтъ — Мессенію; Аристодемъ умеръ во время похода, но два его сына-близнеца Эвристенъ и Проклъ, получили въ общее управленіе Лаконію. Коринѳъ достался четвертому правнуку Геркулеса, Алету. Сикіонъ также былъ отданъ одному изъ членовъ дома гераклидовъ; въ Элидѣ сдѣлался царемъ этоліецъ Оксилъ. Аркадія сохранила свою независимость, но тотчасъ же вступила въ дружественныя сношенія съ новыми властителями Пелопоннеса, и царь ея выдалъ свою дочь за Кресфонта. Въ Ахаіѣ, жители которой принадлежали къ іонійскому племени и до тѣхъ поръ были подвластны аргосскимъ царямъ, утвердился послѣдній изъ нихъ, Тисаменъ, сынъ Ореста, выгнавъ іонянъ. Изгнанники переселились къ своимъ соплеменникамъ въ Аттику, между тѣмъ какъ въ отнятой у нихъ землѣ, которая съ тѣхъ поръ стала называться Ахаіей, успѣлъ удержаться послѣдній самостоятельный остатокъ прежде столь могущественнаго племени ахеянъ. Вскорѣ послѣ возвращенія гераклидовъ, доряне заняли и лежащую за предѣлами Пелопоннеса Мегариду.

Значительная часть побѣжденнаго ахейскаго населенія эмигрировала и искала новой родины по ту сторону Архипелага. Участь оставшихся въ дорійскихъ государствахъ ахеянъ была не одинакова. Всего хуже съ ними обращались въ Лаконіи, гдѣ еще долгое время спустя вспыхивали возмущенія, пока наконецъ часть населенія не была обращена въ рабство, а другая получила извѣстныя права и составила второй классъ гражданъ. Въ Мессеніи, съ самаго начала, обращеніе съ побѣжденными было лучше, хотя они и тамъ не были уравнены въ правахъ съ дорянами. Жители Элиды принадлежали къ эолійскому племени точно такъ же, какъ и завоевавшіе ихъ край этолійцы, потому побѣдители не смотрѣли на нихъ какъ на подвластное племя, а тотчасъ же слились съ ними въ однородную націю. Въ Коринѳѣ и Сикіонѣ доряне также скоро смѣшались съ немногочисленными остатками побѣжденныхъ. То же случилось и въ Арголидѣ, гдѣ число вновь поселившихся дорянъ было незначительно въ сравненіи съ числомъ оставшихся ахеянъ. Вѣроятно однако, что побѣдители и ихъ потомки составили аристократію того края.

Переселеніе дорянъ въ Пелопоннесъ имѣло чрезвычайно важное вліяніе на всю дальнѣйшую исторію Греціи. Пелопоннесъ сталъ съ тѣхъ поръ страной дорійской, подобно тому какъ прежде онъ былъ страной ахеянъ. Такъ какъ за его предѣлами дорянамъ принадлежали только двѣ небольшія земли, Дорида и Ме-

гарида, то этотъ полуостровъ сталъ съ тѣхъ поръ составлять нѣчто противоположное съ остальной Греціей. Какъ прежде во главѣ ахейскихъ государствъ стояли цари Микенъ, такъ теперь господствующимъ дорійскимъ государствомъ стала Лаконія. Государство это, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ греческихъ странъ, слѣдовало въ своемъ развитіи совершенно военному направленію, и потому противоположность между дорянами и не-дорянами стала со временемъ еще гораздо разительнѣе. Кромѣ того, воеваніе Пелопоннеса дорянами и вторженіе ѳессалійцевъ въ страну, названную ихъ именемъ, вызвало сильную эмиграцію. Вслѣдствіе того къ востоку и западу отъ Греціи возникло много греческихъ колоній. Колоніи эти принялись такъ хорошо и размножились до такой степени, что въ короткое время все прибрежье Средиземнаго и Чернаго морей было заселено греками. Благосостояніе, котораго эти колоніи достигли, и степень образованности, которую они успѣли развить, отразились поощряющимъ образомъ на самой Греціи и, такимъ образомъ, создалась та блистательная цивилизація, благодаря которой имя греческаго народа навсегда останется безсмертнымъ.

2. Греческія колоніи.

Уже непосредственно послѣ Троянской войны толпы грековъ покинули свою родину и основали колоніи въ Италіи и Сициліи. Нѣсколько поколѣній спустя, движеніе племенъ, преобразившее Ѳессалію, среднюю Грецію и Пелопоннесъ, вызвало новую и болѣе значительную эмиграцію, которая была главнымъ образомъ направлена въ Малую Азію и имѣла слѣдствіемъ основаніе тамъ большаго числа колоній. Войны между различными греческими племенами и внутренніе ихъ раздоры вели за собою новыя выселенія и основаніе новыхъ колоній. Колоніи возникали и потому, что интересы торговли побуждали самихъ переселенцевъ основывать новыя поселенія, преимущественно на отдаленныхъ берегахъ Чернаго и Средиземнаго морей. Наконецъ, какъ метрополіи, такъ и колоніи, были иногда побуждаемы къ основанію новыхъ поселеній чрезмѣрною густотою своего населенія и желаніемъ увеличить свое могущество.

Такимъ образомъ, въ продолженіе пяти вѣковъ, слѣдовавшихъ за возвращеніемъ гераклидовъ, постепенно возникло чрезвычайное множество греческихъ колоній, покрывавшихъ собою большую часть южно-европейскаго и малоазійскаго прибрежья, отъ Испаніи до сѣверныхъ и восточныхъ предѣловъ Чернаго моря, такъ же какъ и лежавшую къ западу отъ Египта страну Барку и большинство острововъ Средиземнаго моря. Около 600 г. до р. Х. число греческихъ колоній простиралось по крайней мѣрѣ до двухсотъ пятидесяти. Самымъ сѣвернымъ изъ этихъ поселеній былъ городъ Танаисъ при устьѣ рѣки Дона; самымъ восточнымъ — Фазисъ въ Баркѣ, самымъ западнымъ — Менака въ испанской области Андалузіи. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ греческихъ колоній и острововъ, вновь заселенныхъ греками по возвращеніи гераклидовъ:

I. Въ Малой Азіи важнѣе другихъ были колоніи, лежавшія на западномъ берегу этого полуострова. Прибрежья Мизіи, Лидіи и Каріи, между Геллеспонтомъ и островомъ Родосомъ, были покрыты такимъ множествомъ колоній, основанныхъ греческими племенами эолянъ, іонянъ и дорянъ, что занятыя ими страны стали называться Эолидою, Іоніей и Доридой. Первая заключала въ себѣ часть западнаго берега Мизіи, или пространство къ востоку и юго-востоку отъ острова Лесбоса. Іонія составляла западную часть прибрежья Лидіи, къ востоку и къ юго-востоку отъ острова Хіоса. Дорида занимала западную Карію, или часть берега между островами Родосомъ и Самосомъ. Впрочемъ этими же именами обозначали иногда и ближайшіе къ берегу острова.

Самыми древними изъ греческихъ поселеній въ Азіи были колоніи эолійскія. Преданіе приписываетъ основаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ одному изъ сыновей Ореста. Позднѣе, переселенія ѳессалійцевъ и дорянъ вызвали эмиграцію эолянъ изъ Беотіи и ахеянъ изъ Пелопоннеса, и, такимъ образомъ, возникли остальныя колоніи. Имя эолійскихъ колоній было дано имъ потому, что большая часть ихъ населенія принадлежала къ эолійскому племени. На твердой

землѣ было основано имъ двѣнадцать городовъ, самыми важными изъ которыхъ были Кима и Смирна. Послѣдній изъ этихъ городовъ еще въ весьма отдаленныя времена присоединился къ сосѣднимъ іонійскимъ колоніямъ и потому называется обыкновенно іонійскимъ городомъ. Эоляне поселились также и на островѣ Лесбосѣ, гдѣ процвѣталъ знаменитый городъ Митилене, по имени котораго этотъ островъ и называется теперь Метелиномъ. Впослѣдствіи были также основаны древними эолійскими городами новыя колоніи на островѣ Тенедосѣ, на лежащемъ къ сѣверу отъ Эоліи берегу Мизіи, и въ другихъ странахъ. Вѣроятно, что двѣнадцать древнѣйшихъ эолійскихъ городовъ составляли союзъ, въ которомъ важнѣйшія общія дѣла рѣшались по общему совѣщанію.

Поселенія въ Іоніи были основаны преимущественно іонянами, изгнанными изъ Ахаіи, по возвращеніи гераклидовъ, и на короткое время переселившимися въ Аттику. Но и многіе другіе греки также переселились въ Іонію и смѣшались тамъ съ іонянами. Іонійскихъ городовъ было также двѣнадцать. Изъ нихъ особенно замѣчательны: Милетъ, Колофонъ, Эфесъ, Теосъ, Фокея, Самосъ и Хіосъ. Эти двѣнадцать городовъ составляли союзъ. Для религіозныхъ торжествъ и разсужденій о мирѣ, войнѣ и другихъ важныхъ дѣлахъ, всѣ граждане союзныхъ городовъ въ опредѣленные дни собирались у храма, называвшагося Паніоніономъ и лежавшаго на мысѣ Микале. Іонійскіе города также имѣли много колоній; напримѣръ Милетъ, въ разное время основалъ болѣе семидесяти поселеній.

Въ Доридѣ колоніи возникли позднѣе, чѣмъ въ Эолидѣ и Іоніи. Онѣ были основаны выходцами изъ различныхъ государствъ Пелопоннеса и состояли изъ шести, также соединенныхъ между собою, городовъ. Трое изъ нихъ находились на островѣ Родосѣ и впослѣдствіи были соединены въ одинъ городъ— Родосъ. Остальные три были: Галикарнасъ, Книдъ и лежавшій на островѣ того же имени Косъ. Дорійскія колоніи служили также исходными точками для новыхъ поселеній.

Основаніе греческихъ колоній въ Малой Азіи не встрѣтило большихъ затрудненій, потому что первобытные жители Эолиды, Іоніи и Дориды состояли изъ множества малочисленныхъ племенъ, большею частью враждовавшихъ между собою. Побѣдить ихъ было легко, тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ, какъ напримѣръ, морскіе разбойники—карійцы, была лишена всѣхъ преимуществъ цивилизаціи. Сверхъ того, греческіе поселенцы вовсе не думали о распространеніи своего владычества внутри страны, и, какъ народъ промышленый и торговый, весьма скоро сдѣлались необходимы для туземцевъ, которымъ доставляли оружіе. Такое положеніе дѣлъ принесло дѣятельнымъ и способнымъ грекамъ ту выгоду, что они быстро достигли внѣшняго благосостоянія, между тѣмъ какъ сношенія съ народами самыхъ противоположныхъ нравовъ содѣйствовали ихъ умственному развитію.

Положеніе мало-азійскихъ грековъ измѣнилось, когда съ седьмаго вѣка до р. Х. стали постоянно возрастать владѣнія и могущество Лидійской монархіи, подъ властью царствовавшихъ одинъ за другимъ Гигеса, Ардія, Садіатта, Аліата и Креза. Борьба съ могущественнымъ и искусно управляемымъ государствомъ была не подъ силу мало-азійскимъ колоніямъ, не составлявшимъ сомкнутаго цѣлаго, и, разбросанныя на огромномъ протяженіи, всѣ онѣ легко могли быть одолѣваемы порознь. Колоніи эти боролись долго, но были почти всѣ покорены послѣднимъ лидійскимъ царемъ, Крезомъ. Когда персы подъ предводительствомъ Кира завоевали Лидійское царство, эоляне и доряне покорились новому повелителю передней Азіи и, какъ кажется, добровольно. Изъ іонянъ на это согласились одни только граждане Милета; а остальные города, напротивъ, посовѣтовавшись между собою, рѣшились сопротивляться персамъ и просить помощи у спартанцевъ. Но послѣдніе отказали имъ въ этой просьбѣ, и іонійскіе города, одинъ за другимъ, были покорены персами. Только граждане Фокеи и Теоса рѣшились не подчиняться персамъ ни въ какомъ случаѣ и, какъ это ужъ было разсказано въ персидской исторіи, (стр. 64) захотѣли лучше разстаться съ родиной, чѣмъ со свободой. Мы уже говорили и о возстаніи іонійскихъ грековъ въ правленіе Дарія Гистаспа, и вторичномъ покореніи ихъ персами (стр. 67). Страна сильно пострадала отъ грабежей персидскаго войска, а жители были жестоко наказаны. Особенно печальна

была участь Милета, бывшаго центромъ возстанія. Городъ былъ разграбленъ и частью разрушенъ; значительная часть жителей перерѣзана, а большинство остальныхъ отправлено во внутреннюю Азію и поселено на берегахъ Тигра. Городъ однако снова возникъ изъ своихъ развалинъ.

До временъ покоренія мало-азійскихъ грековъ персами, наибольшее значеніе между эолійскими, іонійскими и дорійскими колоніями имѣли Милетъ, Фокея и Самосъ. Милетъ былъ въ древности самою богатою и могущественною изъ всѣхъ этихъ колоній. Онъ достигъ такого могущества, что имѣлъ отъ восьмидесяти до ста военныхъ кораблей. Въ Милетѣ были сильно развиты промышленая дѣятельность и овцеводство. Его превосходные ковры и ткани славились во всемъ древнемъ мірѣ. Торгое вліяніе Милета простиралось въ одну сторону до внутренней Азіи, въ другую до Гибралтарскаго пролива, но главнымъ его рынкомъ были прибрежья Чернаго моря, гдѣ милетскіе купцы за вино, ткани и другіе продукты греческой промышлености вымѣнивали у полудикихъ жителей шкуры, мѣха, шерсть и невольниковъ. Поэтому большая часть колоній Милета и находилась на берегахъ Чернаго моря. Изъ нихъ Гераклея, Синопъ, Амисъ, Керасунтъ, Трапезунтъ, Фастисъ, Одессъ, Ольвія, Пантикапея, Фанагорія и Танаисъ сдѣлались важными торговыми городами. Впрочемъ Милетъ отличался не одной только торговлей и промышленостью. Тамъ уже весьма разцвѣло высокое умственное развитіе, и Милетъ славился какъ родина нѣкоторыхъ изъ самыхъ извѣстныхъ греческихъ писателей древности, какъ, напримѣръ, философовъ Талеса и Анаксимандра и историка Гекатея. Вблизи города находился усердно посѣщавшійся греками чрезвычайно древній храмъ, такъ называемаго, дидимейскаго Аполлона, съ знаменитымъ оракуломъ и наслѣдственными жрецами изъ рода Бранхидовъ.

Ф о к е я владѣла небольшимъ пространствомъ земли и, во время возстанія іонянъ противъ персидскаго владычества, могла присоединить къ союзному флоту только три военные корабля. Но блистательный примѣръ любви къ свободѣ, данный фокейцами послѣ неудачнаго окончанія возстанія, доставилъ имъ болѣе славы, чѣмъ милетцамъ и другимъ малоазійскимъ грекамъ ихъ роскошь и богатство. Энергическимъ и дѣятельнымъ фокейцамъ принадлежитъ еще та заслуга, что вмѣстѣ съ самосцами они прежде всѣхъ другихъ грековъ стали плавать къ далекимъ берегамъ Испаніи, строить большіе военные корабли, и перенесли въ южную Францію и Испанію начала греческой цивилизаціи и воздѣлываніе маслины и винограда. Торговля фокейцевъ была главнымъ образомъ направлена къ западнымъ берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ они въ числѣ другихъ колоній основали Массилію, нынѣшнюю Марсель.

Славный своимъ плодородіемъ островъ С а м о с ъ, съ главнымъ городомъ того же имени, пріобрѣлъ большое значеніе для мореходства и искусства грековъ. Самосцы, главнымъ рынкомъ которыхъ было, какъ кажется, африканское прибрежье, прежде другихъ грековъ прошли чрезъ Гибралтарскій проливъ. Искусства развились у нихъ очень рано, столица ихъ, до возвышенія Аѳинъ, считалась однимъ изъ прекраснѣйшихъ греческихъ городовъ, и находившійся тамъ храмъ Юноны былъ, какъ говорятъ, величайшимъ зданіемъ въ цѣлой Греціи. Всѣ извѣстія изъ греческой старины утверждаютъ, что Самосъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ средоточій греческаго искусства и сказочному современнику Дедала, столько же знаменитому, какъ и онъ, С м и л и с у, преданіе приписываетъ изваяніе Юноны въ самосскомъ храмѣ. Искусства процвѣтали на Самосѣ и въ позднѣйшее время, и этому острову принадлежитъ между прочимъ та честь, что во времена Поликрата два самосскіе художника открыли искусство отливки бронзы.

Въ государственной жизни самосцевъ господствовала вѣчная борьба партій, и часто случалось, что какой-нибудь предпріимчивый человѣкъ, пользуясь несогласіями гражданъ, объявлялъ себя единодержавнымъ правителемъ или, какъ греки называли такихъ незаконныхъ владѣтелей свободныхъ государствъ, — тираномъ. Знаменитѣйшимъ изъ государей Самоса былъ Поликратъ, властвовавшій, вѣроятно, съ 565 по 522 г. до р. Х. Поликратъ поддерживалъ свое могущество наемными войсками, громадными предпріятіями, доставлявшими народу занятіе и великолѣпіемъ, ослѣплявшимъ его. Подобно древнему критскому царю, Миносу, онъ стремился къ морскому владычеству и хотѣлъ подчинить себѣ весь Архипелагъ. Поликратъ, дѣйствительно, успѣлъ покорить многіе острова и нѣсколько городовъ

мало-азійскаго прибрежья, вступилъ въ союзъ съ египтянами и персами и всѣми силами старался увеличить свои сокровища, чтобы имѣть возможность покрывать расходы на содержаніе большой арміи, сильнаго флота и своего двора. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ онъ пользовался такимъ неизмѣннымъ счастіемъ и такъ быстро лишился его, что, какъ сказано выше (стр. 37), позднѣйшіе греки часто приводили его судьбу въ примѣръ непостоянства счастія. Онъ разбилъ могущественныхъ милетцевъ въ большомъ морскомъ сраженіи, подавилъ опасное возстаніе, не смотря на то, что оно было поддерживаемо спартанцами и коринѳянами, и былъ такъ богатъ, что могъ содержать флотъ изъ ста большихъ военныхъ кораблей, стражу изъ тысячи тѣлохранителей и многочисленное наемное войско, могъ предпринимать большія постройки и окружилъ себя великолѣпнымъ дворомъ. Поликратъ искалъ также славы покровителя наукъ и искусствъ. Онъ долгое время имѣлъ при своемъ дворѣ двухъ знаменитыхъ поэтовъ, Симонида и Анакреона, и былъ основателемъ одной изъ самыхъ древнихъ греческихъ библіотекъ. Не смотря однако на эту наружную любовь къ благороднѣйшимъ человѣческимъ стремленіямъ, правленіе его было ознаменовано притѣсненіями и жестокостями, возбуждавшими всеобщую ненависть и принудившими знаменитѣйшаго философа того времени, Пиѳагора, оставить свою родину Самосъ.

Корыстолюбіе Поликрата было причиной его погибели. Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ персидскимъ царемъ Камбисомъ. Сатрапъ Малой Азіи, Оретъ, воспользовался этимъ и, предложивъ свою помощь для новыхъ завоеваній, успѣлъ заманить къ себѣ самосскаго тирана и приказалъ умертвить его. Въ Самосѣ тотчасъ же вспыхнули новые раздоры за управленіе государствомъ, и это облегчило персамъ покореніе острова. При завоеваніи его большая часть жителей пала жертвой грабежей и убійствъ грубыхъ азіатцевъ. Правителемъ Самоса, какъ вассалъ персидскаго царя, сдѣлался братъ Поликрата, С и л о с о н ъ, бывшій прежде его соправителемъ, но потомъ изгнанный имъ изъ Самоса и сумѣвшій пріобрѣсть милость царя Дарія Гистаспа. Самосцы приняли участіе въ возстаніи іонянъ противъ персовъ, но въ рѣшительномъ сраженіи перешли на сторону непріятеля и, такимъ образомъ, много содѣйствовали пораженію своихъ соотечественниковъ. Въ послѣдующія времена Самосъ постоянно падалъ все ниже и ниже и уже не могъ воротить торговаго величія, блистательнѣйшимъ періодомъ котораго было правленіе Поликрата.

Изъ остальныхъ греческихъ колоній въ Малой Азіи слѣдуетъ назвать эолійскій городъ С м и р н у; не потому, чтобы она имѣла большое значеніе въ древности, а потому, что этотъ городъ одинъ изъ всѣхъ малоазійскихъ греческихъ городовъ сохранилъ свои прежнее имя и сдѣлался въ наше время важнѣйшимъ портомъ восточнаго берега Архипелага. Еще лѣтъ за 700 до р. Х. Смирна присоединилась къ іонійскому союзу, число городовъ котораго возрасло, такимъ образомъ, до тринадцати. Нѣсколько времени спустя она была разрушена однимъ изъ лидійскихъ царей и поднялась изъ своихъ развалинъ не ранѣе какъ черезъ четыреста лѣтъ. Эта новая Смирна быстро развилась и сдѣлалась значительнымъ торговымъ городомъ.

На островѣ Л е с б о с ѣ было основано шесть независимыхъ другъ отъ друга городовъ, изъ которыхъ М и т и л е н а вскорѣ сдѣлалась самымъ могущественнымъ и получила преобладаніе надъ прочими. Въ этой столицѣ Лесбоса, такъ же какъ и въ другихъ греческихъ колоніяхъ, отъ времени до времени вспыхивали кровавые внутренніе раздоры, которыми нѣкоторые граждане пользовались для пріобрѣтенія себѣ единодержавной власти. Утомленные ссорами и насиліемъ, митиленцы, въ 589 г. до р. Х рѣшились наконецъ назначить прославленнаго своею мудростью гражданина П и т т а к а неограниченнымъ властителемъ на неопредѣленное время, для прочнаго утвержденія спокойствія и порядка. Питтакъ правилъ десять лѣтъ, установилъ въ это время новые законы и обычаи и послѣ того добровольно отказался отъ власти. Но Митилена не долго наслаждалась республиканской свободой, возстановленною Питтакомъ; и вскорѣ, вмѣстѣ съ остальной Малой Азіей, должна была покориться персамъ. Блистательнѣйшимъ временемъ этого города и всего острова Лесбоса было правленіе Питтака, когда успѣхи винодѣлія и обширная торговля распространили на всемъ островѣ высокую степень благосостоянія и веселое довольство, и когда жила знаменитѣйшая греческая поэтесса, Сафо,

и столько же славный лирическій поэтъ, Алкей, бывшіе уроженцами Лесбоса. Сто лѣтъ спустя другой лесбосскій поэтъ, Терпандръ, ввелъ такія важныя усовершенствованія въ греческой музыкѣ, что долженъ считаться однимъ изъ творцевъ ея.

Колофонъ былъ однимъ изъ самыхъ древнихъ центровъ греческой философіи, отличался превосходствомъ своихъ лошадей и кавалеріи и владѣлъ значительными морскими силами. Городъ **Эфесъ** славился преимущественно храмомъ Діаны, куда ходили на поклоненіе изъ всей Малой Азіи. Въ 356 г. до р. X. храмъ этотъ былъ сожженъ, и затѣмъ снова отстроенъ съ такимъ величіемъ и роскошью, что сталъ считаться однимъ изъ чудесъ свѣта. Въ позднѣйшій періодъ древности, Эфесъ былъ первымъ торговымъ городомъ Малой Азіи, но сначала далеко уступалъ въ этомъ отношеніи Милету, Фокеѣ и другимъ мало-азійскимъ городамъ.

Теосъ хотя и былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Іоніи, но собственно прославился пламенной любовью своихъ жителей къ свободѣ и тѣмъ, что былъ родиною поэта Анакреона. Подобно части фокейцевъ, жители Теоса предпочли свободу родинѣ, оставили свой городъ, не имѣя средствъ сопротивляться персамъ, и поселились на свободномъ ѳракійскомъ берегу (стр. 63).

Островъ **Хіосъ**, съ столицей того же имени, славился преимущественно своимъ усовершенствованнымъ винодѣліемъ и большими морскими силами. Хіосское вино считалось въ древности лучшимъ во всей Греціи. Тамъ же добывалась лучшая мастика, и теперь еще составляющая главный продуктъ острова. Во время возстанія іонянъ противъ персовъ, Хіосъ выставилъ наибольшее число кораблей и, какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ во время борьбы ново-грековъ съ турками, былъ совершенно опустошенъ персами, при чемъ большая часть жителей была отведена въ рабство.

Островъ **Родосъ** отличался тѣмъ, что еще задолго до прихода дорійскихъ пришельцевъ, во время Троянской войны, на немъ процвѣтали ремесла и торговля. Впослѣдствіи жители его были также участниками въ развитіи мореходства и торговли грековъ, плавали къ берегамъ Испаніи и основали колоніи во многихъ далекихъ странахъ. Но свое наибольшое значеніе пріобрѣлъ Родосъ уже послѣ Александра Великаго, когда, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, игралъ въ Архипелагѣ ту же роль, какую въ продолженіе значительной части среднихъ вѣковъ занимала Венеція во всей восточной половинѣ Средиземнаго моря. Городъ Родосъ славился также своимъ превосходнымъ государственнымъ устройствомъ и тѣмъ, что первые встрѣчаемые въ исторіи морскіе законы были составлены и введены въ употребленіе родосцами.

Большой, красивый и хорошо укрѣпленный **Галикарнассъ** прославился уже послѣ завоеванія его персами, благодаря царственной фамиліи, которая, подъ верховнымъ владычествомъ Персіи, управляла всей Каріей и избрала Галикарнассъ своей резиденціей; исторія этихъ карійскихъ государей, между которыми особенно замѣчательны двѣ Артемизіи, принадлежитъ уже позднѣйшему времени. — О городѣ **Книдѣ** и островѣ **Косѣ** можно замѣтить только, что на послѣднемъ находился одинъ изъ славнѣйшихъ храмовъ Эскулапа, и родился самый знаменитый изъ греческихъ врачей, Гиппократъ, и въ немъ, такъ же какъ и въ Книдѣ, еще въ ранней древности существовали знаменитыя школы врачебной науки.

2. **Колоніи, лежавшія на сѣверномъ берегу Малой Азіи**, составляли часть многочисленныхъ поселеній, основанныхъ на прибрежьи Чернаго моря или, какъ называли его греки и римляне—понта Эвксинскаго. Большинство изъ нихъ принадлежало къ важнѣйшимъ изъ мелкихъ государствъ древняго міра. Онѣ всѣ находились на выдающихся въ море мысахъ или въ весьма близкомъ разстояніи отъ моря. Сосѣдями ихъ были грубыя и воинственныя племена. Но умъ и трудолюбіе грековъ вскорѣ обратили всю страну, прилегавшую къ ихъ поселеніямъ, въ одинъ непрерывный садъ, и сосѣдніе варвары должны были подчиниться переселенцамъ. Почти во всѣхъ этихъ городахъ науки и искусства достигли высокаго развитія, особенно въ позднѣйшее время, когда событія мѣшали ихъ успѣхамъ въ собственной Греціи. Важнѣйшими изъ этихъ колоній были: **Гераклея**, въ Виѳиніи, для отличія отъ другихъ городовъ этого имени назы-

ваемая понтійскою. Основанная жителями Мегары, она была весьма важнымъ торговымъ городомъ во время владычества персовъ въ Малой Азіи. Синопъ, въ Пафлагоніи, колонія милетцевъ, нѣкогда самый богатый и блестящій торговый пунктъ на Черномъ морѣ и теперь еще одна изъ важнѣйшихъ гаваней сѣвернаго прибрежья Малой Азіи. Амисъ, также милетская колонія въ Пафлагоніи, и теперь еще, подъ именемъ Самсуна, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ турецкихъ портовъ на Черномъ морѣ. Керасунтъ, въ Каппадокіи, нынѣшній Кересунъ, колонія Синопа. Отсюда, незадолго до рождества Христова были перенесены въ Италію вишни, которыя и были названы по имени этого города (cerasus). Трапезунтъ, лежащій въ той же области и также основанный Синопомъ, достигъ наибольшаго значенія уже въ концѣ среднихъ вѣковъ и, подъ именемъ Требизонда, до сихъ поръ еще принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ городовъ Малой Азіи.

3. Въ Колхидѣ, или на восточномъ берегу Чернаго моря находились Фазисъ или нынѣшній Поти, и Діоскурія, нынѣшняя Искурія, оба въ Мингреліи, были основаны милетцами. Послѣдній изъ нихъ былъ такимъ важнымъ пунктомъ для сношеній грековъ съ грубыми племенами Кавказа и сосѣднихъ земель, что, по разсказамъ древнихъ писателей, конечно, преувеличеннымъ, на бывавшей въ этомъ городѣ ярмаркѣ происходили объясненія на трехстахъ различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ.

4. На берегу южной Россіи греки, именно милетцы, основали многія колоніи, бывшія посредницами въ торговыхъ сношеніяхъ между цивилизованнымъ греческимъ міромъ и грубыми бродячими ордами тѣхъ странъ. Важнѣйшія изъ этихъ колоній находились на Крымскомъ полуостровѣ,—древней Тавридѣ,—или не далеко оттуда. Города Пантикапея и Фанагорія сдѣлались впослѣдствіи главными городами, такъ называемаго, Босфорскаго царства. Первый изъ нихъ былъ построенъ на самомъ полу-островѣ, а другой противъ него, по ту сторону Еникальскаго пролива, или древняго Босфора Киммерійскаго. Отъ обоихъ сохранились однѣ развалины. Танаисъ, при устьяхъ Дона, былъ главнымъ рынкомъ сосѣднихъ кочевыхъ племенъ, промѣнивавшихъ здѣсь рабовъ, кожи, мѣха и шерсть на ткани, вино и другія произведенія. Ольбія лежала въ нѣсколькихъ миляхъ отъ моря при впаденіи Буга въ Днѣпръ.

5. На западномъ берегу Чернаго моря особенно замѣчателенъ приморскій пунктъ Одессъ, колонія Милета, лежавшій недалеко отъ нынѣшней турецкой крѣпости Варны и, подобно Синопу, Ольбіи и Византіи, производившій большую торговлю соленымъ мясомъ и рыбой.

6. Черное море соединяется съ Архипелагомъ посредствомъ Константинопольскаго пролива, — Ѳракійскаго босфора древнихъ, — Мраморнаго моря, или Пропонтиды, и Дарданелловъ, или Геллеспонта. Европейское прибрежье этихъ водъ принадлежало Ѳракіи; азіатское — Мизіи и Виѳиніи. На обоихъ берегахъ было множество греческихъ колоній. У выхода изъ Ѳракійскаго босфора въ Пропонтиду лежалъ на азіатскомъ берегу Халкедонъ, а на европейскомъ Византія. Первый былъ основанъ жителями Мегары, и сдѣлался немаловажнымъ торговымъ пунктомъ; но въ сравненіи съ Византіей никогда не достигалъ большаго значенія. Напротивъ того, Византія — самая замѣчательная изъ всѣхъ дорійскихъ колоній, самое знаменитое и исторически важное изъ всѣхъ греческихъ поселеній вообще. Она была основана въ 659 г. до р. Х. выходцами изъ Мегары, но впослѣдствіи въ нее переселилось много аѳинянъ и милетцевъ. Окруженная плодородными полями, омываемая моремъ, изобилующимъ рыбою, имѣя превосходную гавань и находясь на границѣ двухъ частей свѣта и при сліяніи двухъ морей—Византія обладала такими естественными преимуществами, какія едва ли имѣлъ или имѣетъ какой-нибудь другой городъ въ свѣтѣ. Но возникшее вслѣдствіе этого огромное значеніе города стало развиваться уже во второй половинѣ древней исторіи, а до этого времени полное развитіе естественныхъ преимуществъ Византіи было стѣсняемо сосѣдствомъ грубыхъ ѳракійскихъ племенъ и соперничествомъ многихъ другихъ греческихъ колоній. Въ древности значеніе этого города основывалось на выгодномъ рыбномъ промыслѣ и торговлѣ его соленой рыбой и хлѣбомъ. Византія была разрушаема два раза: за пятьсотъ лѣтъ до р. Х. персами, въ правленіе Дарія I, и въ 196 г. по р. Х. римскимъ импе-

раторомъ Септиміемъ Северомъ. Со времени ея основанія до нашихъ дней, она была осаждаема двадцать девять разъ и восемъ разъ была взята непріятелемъ. Въ первой половинѣ IV вѣка по р. Х. Константинъ Великій сдѣлалъ ее столицей Римской имперіи. Съ тѣхъ поръ она стала называться Константинополемъ, и навсегда осталась однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ въ мірѣ; до того, вмѣстѣ съ Родосомъ, она долгое время считалась важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ восточной Европы.

На Пропонтидѣ или Мраморномъ морѣ важнѣйшимъ городомъ азіятскаго берега былъ Кизикъ, милетская колонія, не имѣвшая сначала большаго значенія. Но впослѣдствіи, благодаря своему хорошему государственному устройству и развитію торговли, онъ достигъ такого богатства и процвѣтанія, что, около рождества Христова, считался однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ вольныхъ городовъ древняго міра. Онъ былъ превосходно укрѣпленъ и потому игралъ важную роль въ азіятскихъ войнахъ римлянъ. Вблизи этого города находилась гора Диндимъ съ храмомъ фригійской богини Кибелы. Другая гора, того же имени, находилась близъ Пессина во Фригіи, и, по имени этихъ двухъ горъ, Кибела называлась иногда Диндименой. Богиня эта была олицетвореніемъ земли или природы и часто считалась также матерью боговъ. Таинственный, фантастическій и отчасти безнравственный культъ этой богини, совершенно противорѣчащій духу греческой религіи, вѣроятно, уже изъ Кизика былъ введенъ въ нѣкоторыя мѣстности Греціи. Важнѣйшими городами европейскаго берега Пропонтиды были города Селимбрія и Перинтъ. Первый былъ основанъ мегарянами, а второй — самосцами.

На Геллеспонтѣ лежали милетскія колоніи: города Лампсакъ и Абидосъ, а въ Европѣ противъ послѣдняго изъ нихъ Сестъ, основанный эолянами. Всѣ три города были въ особенности важны какъ мѣста переправы изъ Европы въ Азію. Лампсакъ, кромѣ того, имѣлъ для древнихъ грековъ весьма важное значеніе въ религіозномъ отношеніи. Главнымъ божествомъ его былъ Пріапъ, обыкновенно называемый богомъ полей и садовъ, но въ сущности бывшій олицетвореніемъ силъ природы, считавшихся у многихъ восточныхъ народовъ божественными существами. Его культъ имѣлъ тотъ развращенный характеръ, въ который такъ легко впадаетъ необузданная фантазія востока, и состоялъ изъ обрядовъ еще болѣе отвратительныхъ, чѣмъ культъ Кибелы. Возникъ онъ также во Фригіи, и черезъ Лампсакъ проникъ въ Грецію, чтобы тамъ, какъ впослѣдствіи въ Италіи, исказить простую вѣру болѣе разсудительныхъ народовъ фантастическими таинствами и безнравственными церемоніями.

7. На южномъ берегу Ѳракіи и Македоніи были особенно замѣчательны слѣдующія колоніи: Кардія, основанная милетцами; Абдера, построенная бѣжавшими отъ персовъ гражданами Теоса, послѣ неудачной попытки другаго іонійскаго города основать колонію на томъ же самомъ мѣстѣ; Амфиполисъ, колонія Аѳинъ, основаніе которой однако относится только къ пятому вѣку до р. Х.; Стагира, построенная выходцами съ кикладскаго острова Андроса, родина знаменитаго философа Аристотеля; Олинтъ, происхожденіе котораго неизвѣстно, но могущественнѣйшая греческая колонія на всемъ сѣверномъ берегу Эгейскаго моря; наконецъ Потидея, поселеніе коринѳянъ. — Изъ этихъ городовъ Абдера прославилась у грековъ мнимой глупостью своихъ жителей, точно такъ же какъ у насъ Пошехонье. Выраженіе: «абдеритская выходка» было у грековъ въ большомъ употребленіи и черезъ ихъ писателей перешло къ образованнымъ народамъ Европы. Послѣдніе три города лежали на полуостровѣ, подобно Пелопоннесу, отличавшемся глубоко вдающимися въ землю заливами. Въ древности онъ назывался Халкидикой, потому что на немъ были колоніи, основанныя переселенцами изъ эвбейскаго города Халкиды.

8. Вслѣдствіе переворота, вызваннаго возвращеніемъ гераклидовъ, на островахъ Эгейскаго моря населеніе большею частью увеличилось толпами новыхъ поселенцевъ. Киклады были вновь заселены іонянами и дорянами, лежащіе же въ сѣверной части этого моря острова, Лемносъ, Тазосъ, Самотракія и Имбросъ, изъ которыхъ второй былъ въ особенности важенъ въ древнемъ мірѣ своими золотыми рудниками, долго сохраняли свое прежнее пеласгическое населеніе. На нѣкоторыхъ изъ этихъ островов уже издавна находились

финикійскіе поселенцы, и тамошніе жители еще въ глубокой древности имѣли сношенія съ отдаленнымъ Египтомъ; но важнѣйшее значеніе эти острова получили потому, что тамъ существовала чрезвычайно древняя религія, чуждая греческимъ вѣрованіямъ, и по окончаніи героическаго періода обнаружившая вліяніе на религіозныя идеи остальныхъ грековъ. Средоточіемъ этой религіи, сущность которой неизвѣстна, была Самофракія, и жрецы излагали посвященнымъ свое ученіе въ видѣ мистерій или таинствъ. Многіе греческіе государственные люди, философы и поэты послѣдующаго времени были посвящаемы въ эти таинства, и, такимъ образомъ, перенесли въ Грецію многія религіозныя идеи и миѳы восточнаго происхожденія.

Населеніе Эвбеи было увеличено толпами іонійскихъ выходцевъ, переселившихся изъ Аттики, и вскорѣ эвбейскіе города Халкида и Эретрія достигли значенія важныхъ торговыхъ пунктовъ и стали соперничать съ Милетомъ и другими соплеменными городами, между прочимъ и въ основаніи колоній.

Къ островамъ, наиболѣе важнымъ въ ранней древности, принадлежитъ Эгина, лежавшая между Аттикой и Арголидой и долгое время имѣвшая такое же значеніе, какъ Милетъ, Фокея и Самосъ. Ея процвѣтаніе началось съ водворенія на ней дорійскихъ переселенцевъ, утвердившихся послѣ возвращенія гераклидовъ на этомъ неплодородномъ и до тѣхъ поръ незначительномъ островѣ. Съ этого времени Эгина мало-по-малу достигла высокой степени могущества и богатства, и эгинцы въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ играли главную роль на моряхъ Греціи. Они владѣли многими кораблями, пріобрѣли промышленостью и торговлею большія сокровища, оказали большія услуги искуствамъ и первые въ Греціи стали чеканить серебряную монету (въ половинѣ восьмаго вѣка до р. X). Островъ ихъ былъ населенъ очень густо, и могущество эгинцевъ развилось до такой степени, что самосцы, не уступавшіе имъ въ силѣ, и аѳиняне, въ то время едва начинавшіе пріобрѣтать торговое значеніе, съ непримиримою завистью смотрѣли на Эгину; поэтому эгинцы часто были вовлекаемы въ войны, которыя были ведены съ перемѣннымъ счастіемъ. Когда наконецъ Дарій I снарядилъ свою первую экспедицію противъ Греціи, и Эгина, по торговымъ разсчетамъ, тотчасъ покорилась персидскому царю,—аѳиняне воспользовались этимъ обстоятельствомъ во вредъ острову. По ихъ проискамъ эгинцы были строго наказаны спартанцами. Впослѣдствіи во время персидскихъ войнъ эгинцы мужественно доказали свою любовь къ родинѣ: но это не спасло ихъ отъ грозившей имъ гибели, тогда какъ Аѳины, въ слѣдствіе этихъ же войнъ, стали первой морской державой Греціи. Чрезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ начала персидскихъ войнъ, Эгина пала предъ своимъ могущественнымъ врагомъ. Островъ былъ завоеванъ аѳинянами, жители его изгнаны и замѣнены аѳинскими поселенцами.

На островѣ Критѣ, вскорѣ послѣ возвращенія гераклидовъ, поселились доряне, скоро составившіе преобладающую часть населенія, хотя по словамъ преданія еще въ глубокой древности островъ былъ заселенъ другими поколѣніями дорянъ. Этой дорійской части своего населенія островъ и былъ, вѣроятно, обязанъ описаннымъ выше (стр. 86) государственнымъ устройствомъ, которое приписываютъ знаменитому царю первобытнаго періода Миносу I. Это устройство было основано на угнетеніи остальныхъ жителей другаго происхожденія. Доряне одни принимали участіе въ управленіи и проводили свою жизнь въ военныхъ упражненіяхъ, охотѣ и войнѣ; въ то время какъ остальное населеніе, въ качествѣ рабовъ, крѣпостныхъ людей или свободныхъ земледѣльцевъ должно было добывать все необходимое для собственнаго пропитанія и для содержанія дорянъ. Десять ежегодно избираемыхъ должностныхъ лицъ составляли правительственную власть и замѣняли царей, званіе которыхъ было уже давно уничтожено. Изъ этихъ правителей пополнялся сенатъ, состоявшій изъ тридцати пожизненныхъ членовъ и рѣшавшій важныя дѣла. Воспитаніе, находившееся подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства и направленное къ развитію мужества и силы, постоянныя упражненія съ оружіемъ, и, наконецъ, общіе обѣды всѣхъ дворянъ развили между ними въ сильной степени рыцарскій и общественный духъ. Но по этому самому ремесла, торговля, науки и искусства не могли достигнуть на Критѣ того развитія, какъ на другихъ островахъ.

9. Принадлежащій къ Азіи островъ Кипръ имѣлъ уже въ глубокой древ-

ности разнородное населеніе, состоявшее изъ финикіянъ и греческихъ выходцевъ, и долгое время былъ подчиненъ первенствовавшимъ городамъ Финикіи. Возвративъ свою независимость, островъ распался на многія мелкія владѣнія, и вслѣдствіе того, никогда не могъ достигнуть могущества. Въ половинѣ шестаго вѣка до р. Х. онъ былъ даже принужденъ платить дань египтянамъ, а потомъ персамъ. Значеніе Кипра въ древнемъ мірѣ основывалось только на его плодородіи, значительной торговлѣ разнообразными произведеніями страны и на финикійскомъ суевѣріи, которое оттуда проникло и въ религію грековъ.

10. Африканская колонія Кирена была однимъ изъ богатѣйшихъ торговыхъ государствъ древняго міра и лежала среди небольшой плоской возвышенности, носившей у древнихъ римлянъ имя Киренаики, а нынѣ называемой Баркой, по имени одного изъ тамошнихъ древне-греческихъ городовъ. Эта холмистая, богатая источниками, чрезвычайно плодородная и отличающаяся роскошной растительностью страна лежитъ къ западу отъ Египта на границѣ Триполиса и окружена моремъ и степями. Здѣсь-то, въ половинѣ седьмаго вѣка до р. Х., была основана Кирена выходцами съ небольшаго кикладскаго острова Теры, гдѣ во времена переселеній гераклидовъ утвердились дорійскіе поселенцы. Избытокъ населенія и неурожай принудили часть жителей эмигрировать. Они обратились къ дельфійскому оракулу за совѣтомъ, въ какую страну имъ лучше переселиться, и умный царь терскій, подкупивъ оракула, склонилъ его указать имъ на африканское прибрежье. Такимъ образомъ, возникъ городъ Кирена, жители котораго впослѣдствіи основали въ той же странѣ еще четыре другія важныя поселенія. Эти пять колоній обыкновенно называли общимъ именемъ пентаполиса, т. е. пятиградія. Предводитель переселенцевъ былъ возведенъ ими въ царское достоинство, и эта правительственная форма держалась тамъ около 200 лѣтъ, при длинномъ рядѣ царей, называвшихся попеременно Баттами и Аркесилаями. Настоящее процвѣтаніе Кирены началось при третьемъ изъ этихъ царей, Баттѣ II Счастливомъ (560 до р. Х.), а до того времени жители были слишкомъ заняты борьбою съ кочевыми туземцами. Киренейцы сумѣли въ то время усилить себя множествомъ новыхъ поселенцевъ изъ Крита, Пелопоннеса и другихъ странъ Греціи. Притѣсняемые сосѣдніе номады просили помощи египетскаго царя Апрія; но онъ былъ разбитъ, а его преемникъ счелъ болѣе благоразумнымъ заключить съ киренейцами союзъ. Тогда колонія стала быстро развиваться и распространять свои предѣлы къ востоку и къ западу. Вслѣдствіе того она пришла въ непріязненное столкновеніе съ могущественнымъ африканскимъ торговымъ государствомъ — Карѳагеномъ, и, такимъ образомъ, завязался ожесточенный споръ о границахъ, кончившійся опредѣленіемъ пограничной черты, за которую ни та, ни другая сторона не имѣла права переходить. Въ Киренѣ не было хорошаго государственнаго устройства и, кромѣ того, жители ея имѣли неодинаковыя права, смотря по давности ихъ водворенія въ колоніи; потому, вмѣстѣ съ развитіемъ благосостоянія города, начались и внутреннія безпокойства. Они постепенно пріобрѣли большую важность, когда сынъ и преемникъ Батта Счастливаго сталъ стремиться къ неограниченному господству и тѣмъ возбудилъ неудовольствіе не только въ народѣ, но и въ собственномъ своемъ семействѣ. Часть недовольныхъ оставила Кирену и основала новый городъ, названный Баркой. Не смотря на то, раздоры и несогласія не утихали, и наконецъ народъ рѣшился обратиться къ дельфійскому оракулу, который и прислалъ киренейцамъ Демонакса, гражданина аркадскаго города Мантинеи, для утвержденія порядка и прочнаго государственнаго устройства. Демонаксъ раздѣлилъ гражданъ на три класса: на потомковъ первоначальнаго терскаго населенія, на переселенцевъ изъ Пелопоннеса и Крита, и на выходцевъ съ другихъ греческихъ острововъ. Каждая изъ этихъ трехъ частей населенія получила извѣстныя права. Самое государство было обращено Демонаксомъ въ аристократическую республику, а за государемъ остались только царскія почести, наслѣдственное званіе первосвященника и доходъ съ царскихъ имѣній. Вскорѣ послѣ введенія этой конституціи, одинъ изъ киренейскихъ царей, сдѣлавъ попытку ниспровергнуть ее, возбудилъ междоусобную войну, кончившуюся тѣмъ, что призванные царскою партіею персы совершенно опустошили страну. Городъ Барка былъ почти совершенно разрушенъ ими; Кирена же выдержала напоръ многочисленныхъ персидскихъ силъ и

затѣмъ окончательно уничтожила царское достоинство (около 432 г. до р. Х.). Послѣ уничтоженія царской власти и установленія чисто аристократической республики началась эпоха самаго полнаго процвѣтанія Кирены, продолжавшаяся окола ста лѣтъ. Наконецъ, въ 323 г. до р. Х. вслѣдствіе смутъ, повторявшихся все чаще и чаще, по причинѣ совершеннаго внутренняго разложенія государства, — Кирена была покорена греческими царями Египта и навсегда лишилась своей самостоятельности.

Кирена и остальные города Пентаполиса вели значительную сухопутную и морскую торговлю, направленную съ одной стороны къ верхнему Египту, Нубіи и восточной части внутренней Африки, а съ другой имѣвшую главнымъ рынкомъ Грецію и Малую Азію. Карѳагеняне, напротивъ того, занимались преимущественно посредничествомъ по обмѣну произведеній между западной половиной Африки и западомъ южной Европы. Африканскимъ народамъ киренейцы доставляли произведенія греческой промышлености и хлѣбъ своихъ собственныхъ плодородныхъ полей; а въ Грецію привозили лошадей, шерсть, шерстяныя ткани, знаменитое растеніе сильфіумъ, аметисты, ониксы, карнеолы и другіе драгоцѣнные камни, получаемые ими изъ внутренней Африки и съ береговъ Аравійскаго залива. Продававшійся киренейцами сильфіумъ или лазерпитіумъ было растеніе, которое въ древности росло въ одной только Киренаикѣ. Другія растенія, сходныя съ нимъ и называемыя тѣмъ же именемъ, воздѣлывались въ Мидіи и восточной Персіи. Привозимая въ новѣйшее время изъ Остъ-Индіи и Леванта аса-фетида, по дѣйствію своему, всего болѣе подходитъ къ соку киренейскаго сильфіума, хотя и добывается изъ совершенно другаго растенія. Киренейскій сильфіумъ имѣлъ различное употребленіе. Листья его считались необыкновенно полезною приправою къ овечьему корму; стебель, у грековъ и римлянъ, употреблялся какъ лакомство, а высушенный сокъ растенія былъ у нихъ любимой приправой, примѣшиваемою во многія кушанья для вкуса и облегченія пищеваренія, и долгое время покупался на вѣсъ золота. Вслѣдствіе такого разнообразнаго примѣненія, сильфіумъ, росшій въ Киренаикѣ только на менѣе плодородныхъ поляхъ, былъ однимъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія тамошнихъ греческихъ колоній. Но и изъ другихъ продуктовъ своей роскошной родины киренейцы извлекали огромныя богатства. Они производили много хлѣба, вина, масла, шафрана и южныхъ плодовъ. Ихъ сады, славившіеся во всемъ свѣтѣ великолѣпными розами, лиліями, фіалками и другими цвѣтами, доставляли имъ превосходнѣйшее розовое масло и другія эссенціи. Кромѣ того киренейцы имѣли значительныя стада овецъ и превосходныхъ лошадей, считавшихся самыми лучшими въ древнемъ мірѣ.

Промышленая дѣятельность также процвѣтала у жителей Киренаики, и города этой страны славились искусствомъ своихъ рѣзчиковъ на камнѣ, литейщиковъ и превосходной чеканкой монетъ. Высокая степень благосостоянія, которой достигли киренейцы, вызвала у нихъ, какъ и вездѣ у грековъ, цвѣтущее состояніе искусствъ и науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь въ Киренаикѣ сдѣлалась столь роскошною и изнѣженною, что пышность ея жителей и ихъ страсть къ наслажденіямъ стали знамениты во всемъ свѣтѣ.

11. На островахъ, лежащихъ у западныхъ береговъ Греціи, прежнее населеніе эолійскаго племени сохранилось, кажется, во всей своей чистотѣ. Только на Коркирѣ явились новые дорійскіе поселенцы изъ Коринѳа, который также основалъ въ Адріатическомъ морѣ на иллирійскомъ прибрежьи нѣсколько колоній, изъ которыхъ замѣчательнѣйшею была Эпидамнъ или Диррахій.

12. Колоніи въ южной Италіи и въ Сициліи имѣли для греческой цивилизаціи такое же, если не большее, значеніе чѣмъ мало-азійскія. Преданіе говоритъ, что сношеніе грековъ съ южной Италіей и Сициліей и основаніе тамъ греческихъ колоній началось тотчасъ же послѣ Троянской войны. Но положительныя извѣстія объ этихъ поселеніяхъ не восходятъ далѣе начала осьмаго вѣка до р. Х. Этимъ колоніямъ отчасти пришлось бороться съ большими затрудненіями, но, не смотря на это, онѣ достигли такого благосостоянія и могущества, что заслужили удивленіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. На южномъ берегу нижней Италіи было нѣсколько городовъ, съ многочисленнымъ населеніемъ, значительными морскими силами, обширною торговлею, пользовавшихся

почти невѣроятнымъ благосостояніемъ. А между тѣмъ на всемъ этомъ берегу нѣтъ ни одной безопасной или глубокой гавани, а морской берегъ весьма нездоровъ отъ вредныхъ испареній и множества болотъ, которыя сильно, и въ наше время, препятствуютъ численному приращенію тамошняго населенія и увеличенію его благосостоянія. Но трудолюбіе грековъ умѣло побѣждать всѣ эти препятствія, создать искуственныя гавани, осушить болота и обратить ихъ въ роскошные сады. Греки умѣли пріобрѣтать богатства тамъ, гдѣ нынѣшніе жители едва могутъ находить средства къ существованію. Такимъ путемъ греческія колоніи въ Италіи и Сициліи достигли благосостоянія и могущества, не смотря на то, что имъ сначала пришлось защищаться отъ полу-дикихъ воинственныхъ туземцевъ, отражать нападенія тирренскихъ или этрусскихъ пиратовъ и, наконецъ, выдерживать соперничество кареагенянъ, не менѣе дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ, чѣмъ греки. Греческіе поселенцы встрѣтили въ нихъ такихъ соперниковъ, какихъ никогда не имѣли соплеменники ихъ на Черномъ морѣ и въ Малой Азіи.

Въ нижней Италіи греки селились преимущественно по южному берегу. Впрочемъ поселенія ихъ возникли и за предѣлами его, какъ, напримѣръ, городъ Кумы на западномъ берегу Италіи, недалеко отъ Неаполя, бывшій самой сѣверной изъ греческихъ колоній въ Италіи. Этихъ колоній было такъ много, и онѣ достигли такого значенія, что жители сосѣднихъ странъ и, отчасти, населеніе Сициліи, усвоили себѣ языкъ и нравы грековъ. Во всей нынѣшней Калабріи греческій языкъ сталъ господствующимъ и удерживался тамъ болѣе полуторы тысячи лѣтъ. Онъ началъ исчезать въ этой странѣ не ранѣе XIV вѣка нашей эры, но и до сихъ поръ на самомъ югѣ Италіи, какъ кажется, сохранился еще остатокъ этого древняго населенія, говорящій чисто греческимъ языкомъ. Вслѣдствіе столь совершеннаго преобразованія южной Италіи, она получила въ древности имя Великой Греціи. Сначала подъ этимъ названіемъ разумѣли только юговосточный берегъ нижней Италіи, а потомъ и всю страну къ югу отъ Неаполя. Имя это было дано ей не по сравненію съ самою Греціей, не уступавшею ей по величинѣ. Великою страною грековъ назвали сначала юго-восточное прибрежье Италіи потому, что оно было покрыто непрерывнымъ рядомъ греческихъ колоній, тогда какъ на другихъ пунктахъ Италій колоніи эти были разбросаны.

Важнѣйшими колоніями нижней Италіи на юго-восточномъ берегу, начиная по порядку съ сѣвера, были слѣдующія: Тарентъ, нынѣшній Таранто, основанный спартанцами лѣтъ за 700 до р. Х. Долгое время онъ былъ одной изъ незначительнѣйшихъ колоній нижней Италіи, но около пятаго вѣка превзошелъ ихъ всѣхъ развитіемъ своихъ морскихъ силъ и торговли. Метапонтъ, поселеніе ахеянъ, сравнительно съ другими колоніями, никогда не имѣлъ большаго значенія, но теперь обращаетъ на себя вниманіе своими развалинами. Сирисъ, на рѣкѣ того же имени, называемый также Гераклеей на Сирисѣ, былъ замѣчателенъ только тѣмъ, что нѣкоторое время тамъ собирался конгрессъ греческихъ и южно-итальянскихъ колоній. Сибарисъ, основанный ахеянами около 700 лѣтъ до р. Х. и весьма быстро сдѣлавшіяся самымъ цвѣтущимъ и могущественнымъ торговымъ городомъ Великой Греціи. Торговля его была чрезвычайно обширна, а въ самой Италіи ему были подвластны четыре племени и двадцать пять городовъ. Городъ Сибарисъ имѣлъ въ окружности два съ половиною часа ходьбы, и имѣлъ, какъ говорятъ, до ста тысячъ полноправныхъ гражданъ, — что, безъ сомнѣнія, преувеличено. Его богатство было громадно, но всего болѣе Сибарисъ славился роскошью и изнѣженностью своихъ гражданъ; имя ихъ вошло даже въ пословицу у древнихъ грековъ, и до сихъ поръ у новѣйшихъ цивилизованныхъ народовъ слово «сибаритъ» имѣетъ значеніе человѣка изнѣженнаго, преданнаго чувственнымъ наслажденіямъ. Сибарисъ палъ въ 510 году до р. Х. въ войнѣ съ неизнѣженными еще жителями Кротона. Въ слѣдствіе совершенно противоположнаго характера сибаритовъ и зависти, возбуждаемой ихъ превосходствомъ, кротонцы питали къ нимъ такую ненависть, что при взятіи Сибариса перебили всѣхъ жителей, не успѣвшихъ бѣжать, и не только до основанія разрушили самый городъ, но и направили на него русло одной сосѣдней рѣки. Чрезъ шестьдесятъ шесть лѣтъ послѣ разрушенія Сибариса, потомки его бѣжавшихъ гражданъ, при помощи аѳинянъ, основали близъ прежняго города новое поселеніе Туріемъ. Этотъ городъ вскорѣ достигъ такого могущества, что рѣ-

шился начать войну съ самимъ Тарентомъ, но впослѣдствіи принужденъ былъ искать помощи у римлянъ и, такимъ образомъ, подалъ поводъ къ покоренію послѣдними всѣхъ колоній нижней Италіи.

Кротонъ, основанный ахеянами почти въ одно время съ Сибарисомъ, по разрушеніи послѣдняго, сдѣлался могущественнѣйшей греческой колоніей въ нижней Италіи и всего болѣе прославился тѣмъ, что нигдѣ на западѣ не обращали такого вниманія на простоту и чистому нравовъ и не заботились такъ о развитіи тѣлесныхъ силъ ежедневными гимнастическими упражненіями. Изъ этого города былъ Милонъ, знаменитѣйшій атлетъ или борецъ древности.

Жители Кротона, съ развитіемъ своего благосостоянія поддавшіеся сначала подобно сибаритамъ страсти къ роскоши и наслажденіямъ, обязаны, какъ говорятъ, сохраненіемъ простоты своихъ нравовъ и умѣренности знаменитому философу Пиѳагору, уроженцу острова Самоса, жившему въ шестомъ вѣкѣ до нашего лѣтосчисленія. Онъ долго пробылъ въ Египтѣ, возбуждавшемъ удивленіе грековъ своею оригинальною цивилизаціею, колоссальными памятниками, правильною, спокойною системою управленія и считавшемся у многихъ источникомъ всякой мудрости. Пиѳагоръ изучилъ египетскія религіозныя таинства и былъ восхищенъ тѣмъ, что жрецы, какъ единственные ученые, составляли священный орденъ и обладали властью, заставляя служить себѣ невѣжественный народъ. Полный сочувствія къ этому порядку вещей и проникнутый идеей о строгой нравственной чистотѣ, — Пиѳагоръ напалъ на мысль, что нравственное облагороживаніе гражданъ должно быть цѣлью каждаго государства, и что этой цѣли, такъ же какъ и прочнаго порядка и спокойствія, можно достигнуть только тамъ, гдѣ власть принадлежитъ однимъ добрымъ и мудрымъ, которымъ безсознательно повинуются всѣ остальные. Видя, что на востокѣ, подъ вліяніемъ кастоваго устройства, посвященные въ мудрость составляли замкнутое сословіе, обладавшее извѣстными преимуществами, содержавшее въ тайнѣ свои религіозныя и политическія идеи и цѣли и управлявшее народомъ какъ дѣтьми, Пиѳагоръ полагалъ, что подобное учрежденіе въ болѣе чистой и облагороженной формѣ можетъ быть введено и въ греческія государства. Въ Греціи, во многихъ республикахъ, власть находилась въ рукахъ олигархіи, т. е. небольшаго числа гражданъ. Основавъ союзъ или общество мудрости и нравственности, открывъ доступъ въ него только лучшимъ и стараясь постоянно развивать его членовъ въ умственномъ и моральномъ отношеніи, — можно было, по мнѣнію Пиѳагора, создать самую лучшую олигархію, потому что, такимъ образомъ, образовался бы кружокъ людей дѣйствительно способныхъ къ управленію.

Съ этою мыслью Пиѳагоръ возвратился изъ Египта и другихъ восточныхъ странъ въ Грецію. На родинѣ своей, Самосѣ, гдѣ тогда правилъ Поликратъ, онъ не могъ ожидать осуществленія своихъ идей. Оттуда онъ отправился въ нижнюю Италію, и въ Кротонѣ былъ не только дружелюбно принятъ, но и нашелъ порядокъ вещей, совершенно приспособленный къ приведенію въ исполненіе его плана. Пиѳагору было тѣмъ легче достичь своей цѣли, что онъ былъ образованнѣйшій, опытнѣйшій человѣкъ своего времени, пользовался извѣстностью, имѣлъ прекрасную наружность, отличался чистотою жизни и краснорѣчіемъ. Его поученія и рѣчи такъ расположили къ нему всѣхъ кротонцевъ и возбудили въ нихъ такой энтузіазмъ, что въ Кротонѣ произошелъ совершенный переворотъ въ нравахъ и учрежденіяхъ, — даже женщины сняли съ себя всѣ украшенія и принесли ихъ въ даръ богинѣ Юнонѣ. Тогда Пиѳагоръ основалъ въ Кротонѣ знаменитое общество пиѳагорейцевъ, которое должно было служить школой для образованія самыхъ мудрыхъ и благородныхъ людей и превосходнѣйшихъ правителей. Каждый, желавшій присоединиться къ нему, подвергался строгому и продолжительному послушничеству для испытанія чистоты его образа мыслей и для приготовленія къ участію въ обществѣ, посредствомъ привычки къ молчанію, повиновенію и точности въ исполненіи своихъ обязанностей. Общество, подобно египетской жреческой кастѣ, имѣло нѣсколько степеней, и переходъ изъ одной въ другую сопровождался символическими обрядами. У пиѳагорейцевъ было введено общинное владѣніе, и вся жизнь опредѣлялась извѣстными предписаніями. Ежедневно они вмѣстѣ обѣдали и занимались учеными разговорами, молитвой, тѣлесными упражненіями и обсуживаніемъ общественныхъ дѣлъ. Ученіе пиѳаго-

рейцевъ раздѣлялось на эсотерическое, или тайное и экзотерическое, или общедоступное. Первое было извѣстно только членамъ общества, а послѣднее могло быть сообщаемо каждому. Самъ Пиѳагоръ пользовался у своихъ учениковъ значеніемъ пророка, посланнаго богомъ. Его слова ставились ими выше всего, и выраженіе «онъ такъ сказалъ» — считалось у нихъ самымъ неопровержимымъ доказательствомъ.

Союзъ пиѳагорейцевъ былъ встрѣченъ въ Кротонѣ и въ другихъ греческихъ городахъ нижней Италіи съ величайшимъ сочувствіемъ. Главнымъ его средоточіемъ всегда оставался Кротонъ, но ученіе его распространилось и за предѣлами этого города. Пиѳагорейцы повсюду утверждали, что обладаютъ истинною правительственной мудростью, и проповѣдывали народу смиреніе, послушаніе и вѣру. Казалось, что духъ востока воскреснетъ въ Италіи, и что для греческаго міра наступитъ періодъ клерикальнаго владычества и аскетизма. Въ Кротонѣ правительство уже нѣсколько десятковъ лѣтъ находилось въ рукахъ ордена; та же участь грозила и другимъ городамъ, но прирожденный грекамъ политическій инстинктъ вдругъ ниспровергнулъ усилія пиѳагорейцевъ. Тотчасъ послѣ разрушенія Сибариса кротонская чернь возстала противъ ихъ власти и избрала своимъ предводителемъ человѣка, которому прежде было отказано въ принятіи въ орденъ. Нѣкоторые изъ членовъ союза были умерщвлены, остальные изгнаны, и основанное пиѳагорейцами государственное устройство рушилось. Той же участи подвергся орденъ и въ другихъ городахъ. Самъ Пиѳагоръ или былъ убитъ при этомъ переворотѣ, или, что вѣроятнѣе, спасся бѣгствомъ въ Метапонтъ, гдѣ и умеръ ненавидимый гражданами того города, который такъ долго поклонялся ему какъ пророку. Такимъ образомъ, кончилась совершенной неудачей попытка перенести въ Грецію кастовый и клерикальный бытъ и, наперекоръ духу народа, измѣнить его политическое устройство и нравы по требованіямъ отвлеченной теоріи. Союзъ пиѳагорейцевъ и послѣ смерти своего основателя нѣкоторое время существовалъ въ нижней Италіи въ видѣ тайнаго общества съ извѣстными знаками, по которымъ члены его узнавали другъ друга; но онъ уже не имѣлъ никакого значенія. Напротивъ того, многія чисто научныя идеи Пиѳагора укоренились у грековъ, и долгое время существовала секта приверженцевъ его научной философіи, называвшихъ себя пиѳагорейцами.

Во время владычества пиѳагорейцевъ, жители Кротона, какъ уже сказано, покорили и разрушили городъ Сибарисъ подъ предводительствомъ атлета Милона, также принадлежавшаго къ пиѳагорейскому союзу. Вслѣдствіе этого событія Кротонъ сдѣлался могущественнѣйшимъ городомъ нижней Италіи и сохранялъ такое значеніе до возвышенія Тарента. Въ Кротонѣ процвѣтали поэзія, пластическія искусства и науки. Этотъ городъ былъ однимъ изъ главныхъ средоточій врачебной науки, и кротонскіе врачи долгое время считались лучшими въ Греціи.

Городъ Локры Эпизефирскіе, т. е. западные Локры, основанный греками разныхъ племенъ и государствъ, не принадлежалъ къ числу колоній, прославившихся торговымъ величіемъ и могуществомъ, но зато былъ знаменитъ своимъ оригинальнымъ государственнымъ устройствомъ, замѣчательнымъ потому, что оно было основано на древнѣйшихъ письменныхъ законахъ упоминаемыхъ въ греческой исторіи. Законодателемъ Локровъ былъ Залевкъ, жившій около 660 г. до р. Х., немного спустя послѣ построенія самаго города. Потребность въ опредѣленномъ и прочномъ государственномъ устройствѣ рано выразилась въ этомъ городѣ потому, что населеніе его состояло изъ смѣси различныхъ греческихъ племенъ, и, вслѣдствіе того, городъ съ самаго начала сдѣлался жертвою раздоровъ, которыя могли быть окончательно устранены не иначе, какъ ясными законами, опредѣляющими права каждаго. Залевкъ, родившійся, какъ говорятъ, въ нисшемъ сословіи, далъ родному городу учрежденія, гдѣ главное вниманіе было обращено на нравственное развитіе и на поддержаніе чистоты нравовъ. По духу его законодательства, государство должно было служить какъ бы школою для гражданъ, и потому Залевкъ больше заботился о наблюденіи за нравственностью, о религіозности и правосудіи, чѣмъ о правительственныхъ и административныхъ формахъ. Государству онъ далъ форму аристократической республики. Члены правительства могли быть выбираемы только изъ первыхъ ста фамилій города, а законодательное собраніе состояло изъ тысячи гражданъ. Въ законодательствѣ

Залевка особенно замѣчательно то обстоятельство, что онъ, первый изъ грековъ, назначилъ за извѣстныя преступленія опредѣленныя наказанія, тогда какъ до него это было совершенно предоставлено произволу судей. Еще замѣчательнѣе чисто нравственное направленіе большей части его законовъ. За нарушеніе каждаго закона было опредѣлено строгое наказаніе, точно такъ же какъ и за каждое ругательное слово. Употребленіе вина было дозволено не иначе, какъ по предписанію врачей. Ни одна женщина не имѣла права носить золотыхъ украшеній, выходить ночью за городъ и являться въ публикѣ въ сопровожденіи болѣе чѣмъ одной рабыни. Но прежде всего Залевкъ старался внушить своимъ согражданамъ мысль, забывая которую всякій народъ нравственно развращается и падаетъ, къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ. «Не жертвы, говоритъ онъ, не приношенія злыхъ людей примиряютъ боговъ, а чистая жизнь добрыхъ и духъ святости праведныхъ». Для предупрежденія ненужныхъ измѣненій государственнаго устройства, Залевкъ постановилъ, чтобы община выбирала одного изъ своихъ старѣйшихъ членовъ для того, чтобы, въ случаѣ нужды, объяснять законы и, при всякомъ требованіи измѣненія или отмѣны закона являться его защитникомъ. Это должно было происходить въ присутствіи тѣхъ тысячи гражданъ, которые одни имѣли право на участіе въ правленіи. Они выслушивали предложенія людей, требовавшихъ измѣненій въ законѣ. Послѣдніе являлись въ собраніе съ петлей на шеѣ, и если не могли провести своего предложенія, то подвергались смертной казни. О самомъ Залевкѣ раскавываютъ, что онъ принесъ собственную жизнь въ жертву строгости своихъ законовъ. Онъ запретилъ, подъ страхомъ смерти, являться въ народное собраніе вооруженнымъ и однажды, въ разсѣянности, забылъ соблюсти это правило. Когда ему замѣтили это нарушеніе закона, онъ самъ закололъ себя, сказавъ: «Я не нарушу, а подтвержу законъ».

Лежавшій въ Мессинскомъ проливѣ городъ Р е г і й, нынѣшній Реджіо, былъ колоніей халкидцевъ, т. е. жителей эвбейскаго города Халкиды, основавшихъ многія поселенія на западномъ прибрежьи Средиземнаго моря. Къ этому первоначальному населенію впослѣдствіи присоединились эмигранты изъ Мессеніи. Этотъ городъ также достигъ высокой степени богатства и силы, благодаря развитію своей морской торговли.

Въ Салернскомъ заливѣ лежалъ городъ П о с и д о н і я, или П е с т ъ, колонія Сибариса. Онъ достоинъ вниманія не по своему значенію въ исторіи древняго міра, а по сохранившимся отъ него большимъ развалинамъ, изъ которыхъ чаще всего упоминается и описывается одинъ храмъ.

Н е а п о л ь былъ колоніей лежавшаго недалеко отъ него города Кумъ и не игралъ значительной роли. Поэты древнихъ и новыхъ временъ часто называютъ его городомъ П а р т е н о п ы, по имени одной сирены, которой поклонялись его жители.

Только что названный городъ К у м ы лежалъ къ западу отъ Неаполя и былъ основанъ выходцами изъ городовъ Халкиды и Эретріи. Это самая древняя изъ всѣхъ греческихъ колоній къ западу отъ Греціи. Она достигла значенія важнаго торговаго города, но въ четвертомъ вѣкѣ до р. Х. подпала власти жителей Кампаніи, отъ которыхъ перешла къ римлянамъ. Имя этого города знаменито всего болѣе потому, что тамъ находился оракулъ, провѣщательница котораго, С и в и л л а, пользовалась большимъ уваженіемъ у коренныхъ жителей средней Италіи. Предсказанія, записанныя въ древности жрецами этого оракула, долгое время хранились въ Римѣ какъ священныя книги.

Изъ колоній, основанныхъ греками на островѣ С и ц и л і и, самыми важными были Сиракузы и Агригентъ, а древнѣйшею Наксосъ, возникшій въ 736 г. до р. Х. Всѣ эти поселенія обязаны своихъ существованіемъ дорянамъ и іонянамъ. Іонійскія колоніи были всѣ основаны выходцами эвбейскаго города Халкиды, а дорійскія — жителями Мегары, Коринѳа, Родоса и Мессеніи. Благодаря этимъ колоніямъ, Сицилія также стала полу-греческой страной, и тамошнія греческія поселенія достигли такого процвѣтанія, что во владѣніяхъ двухъ наибольшихъ изъ нихъ, Сиракузахъ и Агригентѣ, было больше жителей, чѣмъ теперь во всей Сициліи.

Замѣчательнѣйшими колоніями восточнаго берега Сициліи, начиная съ сѣвера, были: Занкла, Тавроменій, Наксосъ, Катана, Мегара и Сиракузы. З а н к л а, колонія Кумъ и Халкиды, была въ половинѣ седьмаго вѣка до р. Х. не-

ожиданно аттакована и захвачена мессенцами. Прежніе жители большею частію эмигрировали, а завоеватели дали городу новое имя Мессены. Онъ достигъ большаго благосостоянія, впослѣдствіи игралъ роль въ римской исторіи и существуетъ до сихъ поръ подъ именемъ Мессины. Тавроменій, нынѣшняя Таормина, поселеніе халкидцевъ, былъ значительнымъ торговымъ городомъ, но обязанъ своею знаменитостью не значенію своему въ древности, а величественнымъ развалинамъ его театра, живописное положеніе которыхъ восхваляется путешественниками. Наксосъ замѣчателенъ только какъ древнѣйшая греческая колонія въ Сициліи.

Катана, нынѣшняя Катанія, была основана халкидцами еще въ первыя времена колонизаціи Сициліи и сдѣлалась знаменитою преимущественно своимъ законодательствомъ, которое впослѣдствіи было принято всѣми халкидскими поселеніями въ Сициліи и нижней Италіи, также Туріемъ и нѣкоторыми другими городами. Творцомъ этихъ учрежденій былъ нѣкто Харондъ, уроженецъ Катаны. Время жизни его не извѣстно съ точностью, но, по всему вѣроятію, онъ былъ современникомъ Залевка. Его законы совершенно сходны съ постановленіями локрскаго законодателя: подобно послѣднимъ, они имѣли въ виду преимущественно нравственную цѣль, и дошедшія до насъ отрывочныя узаконенія Харонда опредѣляютъ за любовь къ роскоши, трусость, ложные доносы и другіе безнравственные поступки такія же строгія наказанія, какъ и законы Залевка.

О Мегарѣ, прозванной Гиблой, колоніи мегарянъ, нельзя сказать ничего достойнаго замѣчанія. Но тѣмъ важнѣе Сиракузы, бывшіе въ древности настоящей столицей Сициліи. Они были колоніей коринѳянъ и, по времени своего основанія, занимаютъ второе мѣсто въ ряду греческихъ поселеній въ Сициліи, потому что были основаны въ 735 году, то есть черезъ годъ послѣ Наксоса. Сиракузы были построены на самомъ лучшемъ мѣстѣ всего восточнаго берега и имѣли двѣ превосходныя гавани, раздѣленныя другъ отъ друга маленькимъ островкомъ Ортиріей. Сначала городъ былъ заложенъ только на этомъ островѣ; но вскорѣ перешелъ и на твердую землю, и постепенно достигъ такихъ размѣровъ, что былъ наконецъ раздѣленъ на четыре главныя части или города. Первоначальное его населеніе составляли дорійскіе выходцы изъ Коринѳа и покоренные туземцы, обращенные въ крѣпостное состояніе и обработывавшіе поля побѣдителей. Вслѣдствіе очень важнаго въ торговомъ отношеніи положенія города, населеніе его вскорѣ увеличилось выходцами изъ различныхъ частей Греціи, составившими третій классъ жителей. Они пользовались личною свободою, но не принимали никакого участія въ управленіи, находившемся въ рукахъ однѣхъ только древнѣйшихъ дорійскихъ фамилій. Въ этой разнородности населенія заключался зародышъ частыхъ внутреннихъ смутъ, волновавшихъ Сиракузы, такъ же какъ и другія сицилійскія колоніи. Нужно еще прибавить, что исключительное господство немногихъ семействъ, введенное въ большей части дорійскихъ колоній, могло поддерживаться только тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Спартѣ и на островѣ Критѣ, эти господствующія фамиліи обращали главное вниманіе на военныя упражненія и, такимъ образомъ, имѣли возможность защищаться и отъ внѣшнихъ враговъ, и отъ недовольныхъ согражданъ. Въ Сиракузахъ этого не было. Напротивъ того, господствующія фамиліи занимались тамъ торговлей и, достигнувъ большаго богатства, привыкали къ наслажденіямъ и комфорту. Потому онѣ брали въ свою службу наемныя войска, содержать которыя могли легко, благодаря своему громадному огатству; но этой мѣрой правители Сиракузъ вызвали новую опасность. Грубые наемники часто приходили къ сознанію, что государство держится ими, и любимый начальникъ, при ихъ содѣйствіи, могъ легко овладѣвать властью. Другіе греческіе города Сициліи, также имѣвшіе разнородное населеніе, старались оградить себя отъ всѣхъ этихъ опасностей тѣмъ, что посредствомъ конституцій въ настоящемъ смыслѣ этого слова и подробнаго законодательства учреждали у себя управленіе, сообразное съ существовавшимъ порядкомъ вещей, и тщательно опредѣляли права гражданъ. Но въ Сиракузахъ къ этому средству прибѣгли только въ концѣ пятаго вѣка до р. Х., потому что тамошнимъ олигархамъ непріятно было разставаться съ дорійской системою управленія. До тѣхъ поръ они не хотѣли вводить преобразованій въ государственное устрой-

ство и, при внутреннихъ безпокойствахъ, употребляли мѣры, которыя могли ихъ ограждать лишь на короткое время.

Этотъ порядокъ вещей объясняетъ собою исторію Сиракузъ въ первые триста лѣтъ ихъ существованія. Только въ концѣ этого періода были уничтожены привилегіи дорійской аристократіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось все направленіе сиракузской исторіи. Главнымъ средствомъ, которымъ долгое время пользовалось господствующее сословіе для избѣжанія опасностей, было основаніе новыхъ колоній. Эта мѣра отъ времени до времени освобождала аристократію отъ недовольныхъ и въ то же время служила къ распространенію торговли и могущества города. Въ 484 г. до р. Х. аристократія была побѣждена всеобщимъ возстаніемъ остальныхъ гражданъ и крѣпостныхъ людей и изгнана изъ Сиракузъ. Она обратилась тогда съ просьбой о помощи къ Гелону, правителю города Гелы, и при его содѣйствіи снова овладѣла Сиракузами, но въ то же время должна была признать его своимъ повелителемъ.

Гелонъ перенесъ свою резиденцію въ Сиракузы и царствовалъ тамъ съ 484 по 477 годъ. Онъ уничтожилъ привилегіи аристократіи; подъ его твердымъ, но кроткимъ управленіемъ городъ достигъ высшей точки своего могущества и богатства. Гелонъ умѣлъ устранить всѣ внутреннія смуты, подчинилъ себѣ большую часть Сициліи, содержалъ большое и прекрасное войско, усилилъ сиракузскій флотъ и посредствомъ его обезпечилъ вновь развившуюся торговлю города. Онъ отличался также талантами полководца и въ сраженіи при Гимерѣ, продолжавшемся съ ранняго утра до поздняго вечера, разбилъ многочисленную армію карѳагенянъ, старавшихся утвердиться на островѣ. Сраженіе это происходило почти въ одно время съ блистательной побѣдой, которую соотечественники Гелона въ собственной Греціи одержали надъ персидскимъ флотомъ при Саламинѣ (480 до р. Х.).

Могущество и значеніе Гелона до того увеличились, что, казалось, всѣ греки въ Сициліи будутъ соединены въ одно государство. Но Гелонъ умеръ слишкомъ рано; а правленіе брата и преемника его, Гіерона, (477—467 до р. Х.), отличалось блескомъ и покровительствомъ наукамъ и искусствамъ, но не было проникнуто стремленіемъ къ великой цѣли и не могло быть названо искуснымъ. Его преемникъ и младшій братъ, Трасибулъ, ознаменовалъ свое правленіе только высокомѣріемъ и насиліемъ и черезъ годъ былъ изгнанъ изъ Сиракузъ. Аристократія не успѣла однако ни тогда, ни впослѣдствіи, возвратить себѣ прежнія привилегіи. Въ Сиракузахъ была введена чистая демократія, т. е. народное правленіе. Впослѣдствіи городъ не разъ подвергался сильнымъ потрясеніямъ и испытывалъ превратности судьбы. Но событія эти тѣсно связаны съ общей исторіей Греціи послѣдующихъ періодовъ и не могутъ быть изложены здѣсь отдѣльно.

На южномъ берегу Сициліи важнѣйшими греческими поселеніями были Гела, Агригентъ и Селинунтъ. Гела, колонія Родоса, была основана въ 690 г. до р. Х. и вскорѣ достигла большаго благосостоянія. Но около 500 года одинъ изъ ея гражданъ овладѣлъ правленіемъ, и второй его преемникъ, Гелонъ, нетолько перенесъ свою резиденцію въ Сиракузы, но и перевелъ туда половину населенія Гелы. Въ слѣдствіе этого городъ навсегда потерялъ свое значеніе.

Агригентъ, нынѣшній Джирдженти, основанный выходцами изъ Гелы, былъ важнѣйшимъ городомъ Сициліи послѣ Сиракузъ. Онъ находился въ одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей острова и пріобрѣлъ несмѣтныя богатства, производя хлѣбъ, вино и оливковое масло, которыми велъ торговлю съ Африкою. Городъ, благодаря этой торговой дѣятельности, такъ разросся, что имѣлъ двѣ нѣмецкихъ мили въ окружности, до двухсотъ тысячъ жителей, и въ томъ числѣ сто восемьдесятъ тысячъ состояли изъ неполноправныхъ поселенцевъ, иностранцевъ и рабовъ. Благосостояніе гражданъ было такъ велико, что нѣкоторые по своему необыкновенному богатству и роскоши пользовались извѣстностью, даже послѣ своей смерти. Агригентъ отличался также великолѣпными и громадными зданіями; многочисленныя и величественныя развалины этого города до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе путешественниковъ. Величайшимъ зданіемъ Агригента былъ храмъ Юпитера, въ триста сорокъ футовъ длины и съ такими колоссальными колоннами, что въ продольные желобки одной еще сохранившейся полу-

колонны можетъ помѣститься человѣкъ, а окружность этой колонны равняется кругу изъ двадцати двухъ человѣкъ, стоящихъ одинъ подлѣ другаго.

Правительственныя формы и государственная жизнь въ Агригентѣ сложилась такъ же, какъ въ Сиракузахъ, потому ходъ внутренней его исторіи имѣетъ много сходства съ внутренней исторіей Сиракузъ. Городъ, еще въ первое время своего существованія (560 до р. Х.), подпалъ подъ власть одного изъ своихъ гражданъ, провозгласившаго себя тираномъ. Этотъ человѣкъ, исторія котораго не вполнѣ извѣстна, назывался Фаларидомъ и прославился жестокостью. Изъ орудій мученія, употреблявшихся имъ для наказанія заговорщиковъ и подозрительныхъ людей, всего чаще упоминается бронзовый быкъ, въ пустую внутренность котораго запирали осужденныхъ на смерть и, разведя подъ быкомъ огонь, сожигали несчастнаго. Художникъ Периллъ устроилъ внутренность этого быка такъ, что смертный крикъ запертаго тамъ преступника походилъ на ревъ живаго быка. Фаларидъ былъ, говорятъ, очень обрадованъ этимъ изобрѣтеніемъ; но, для опыта, приказалъ сжечь въ быкѣ самого художника. Разсказываютъ, что тиранъ былъ наконецъ низвергнутъ всеобщимъ возстаніемъ агригентцевъ, которые закидали его каменьями.

Чрезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ Фаларида, въ Агригентѣ явился правитель совершенно другихъ свойствъ, Теронъ, избранный, вѣроятно, самими гражданами и отличавшійся такою кротостью и любовью къ справедливости, что еще долгое время послѣ его смерти, ему поклонялись въ особомъ храмѣ, какъ одному изъ величайшихъ благодѣтелей Агригента. Онъ былъ тестемъ Гелона сиракузскаго и принималъ участіе въ его блистательной побѣдѣ при Гимерѣ. Его сынъ наслѣдовалъ ему во власти; но деспотическое правленіе его заставило гражданъ изгнать его. Послѣ того въ Агригентѣ была установлена республика, новая конституція для которой была, какъ говорятъ, составлена агригентскимъ философомъ Эмпедокломъ, отказавшимся отъ предложеннаго ему гражданами царскаго достоинства. Въ послѣдующія времена въ Агригентѣ еще нѣсколько разъ утверждалось единовластіе. Однажды городъ былъ совершенно разрушенъ карѳагенянами (406 до р. Х.), и впослѣдствіи много потерпѣлъ во время войнъ ихъ съ римлянами, но всегда успѣвалъ поправляться послѣ этихъ бѣдствій.

Селинунтъ, основанный въ 627 году до р. Х. выходцами изъ Мегары-Гиблы, былъ замѣчателенъ по своему богатству и прекраснымъ зданіямъ, хотя его и нельзя сравнивать съ Агригентомъ и Сиракузами. О великолѣпіи этого города до сихъ поръ еще свидѣтельствуютъ громадныя развалины, покрывающія мѣсто, гдѣ стоялъ древній Селинунтъ.

На сѣверномъ берегу Сициліи замѣчательны только два города, Сегеста и Гимера. Оба они были основаны халкидскими выходцами изъ города Занклы, хотя преданіе относитъ основаніе Сегеста къ временамъ разрушенія Трои и приписываетъ его толпѣ троянскихъ бѣглецовъ. Оба города имѣли немаловажное значеніе. Гимера знаменита въ особенности блистательною побѣдою, одержанною сицилійскими греками подъ стѣнами ея надъ карѳагенянами въ 480 г. до р. Х. Въ отмщеніе за это, въ 409 году городъ былъ совершенно разрушенъ карѳагенянами, и жители его перерѣзаны или обращены въ рабство.

13. Греки имѣли также колоніи на островахъ Сардиніи и Корсикѣ, во Франціи и въ Испаніи. Сардинскія и корсиканскія поселенія были незначительны. Напротивъ того, основанная въ южной Франціи, при устьи Роны Массилія или Массалія, нынѣшняя Марсель, сдѣлалась важнѣйшей колоніей грековъ на западѣ. Она была поселеніемъ іонійскаго города Фокеи, и время ея основанія относятъ къ 600 году до р. Х. Чрезъ нѣсколько поколѣній, къ населенію ея присоединились свободолюбивые граждане Фокеи, не захотѣвшіе покориться персамъ, и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ колонизаціонныхъ попытокъ, прибывшіе къ своимъ землякамъ въ Массилію. Жители Массиліи превратили сухую и скалистую почву Прованса въ масличные сады и виноградники, произведенія которыхъ сдѣлались главными предметами ихъ торговли. Они распространились по всему прибрежью южной Франціи и торговали почти исключительно съ Испаніей, гдѣ, такъ же какъ и во Франціи, основали нѣсколько колоній. Продолжительная и кровопролитная война, вспыхнувшая въ третьемъ вѣкѣ между римлянами и карѳагенянами, принесла городу Массиліи большія выгоды, потому

что римляне всѣми средствами помогали массильцамъ, чтобы только повредить Карѳагену. Массильцы были тогда вытѣснены карѳагенянами изъ Испаніи; но за то ихъ торговля распространилась на всю сѣверную и среднюю Италію. Когда наконецъ Карѳагенъ палъ въ борьбѣ съ Римомъ, массильцы наслѣдовали всю его морскую торговлю, притомъ не имѣя нужды держать вооруженную силу, всегда столь опасную для торговыхъ государствъ. Послѣ того, Массилія продолжала возвышаться все больше и больше и, около р. Х., пріобрѣла еще особенное значеніе, сдѣлавшись однимъ изъ средоточій греческой науки, такъ сказать, мѣстомъ одного изъ наиболѣе посѣщаемыхъ римскою молодежью университетовъ; и по р. Х. стала она въ ученомъ отношеніи еще важнѣе, чѣмъ въ торговомъ. Римляне поступали съ нею, какъ съ независимымъ городомъ, и до Разрушенія римской имперіи она оставалась свободною и цвѣтущею.

Кромѣ того Массилія отличалась своимъ превосходнымъ государственнымъ устройствомъ и особеннымъ духомъ своихъ гражданъ. Ея правительственныя учрежденія считались одними изъ лучшихъ въ древнемъ мірѣ. Сначала въ Массиліи, какъ и въ большей части іонійскихъ колоній, была установлена демократія или народное правленіе. Но вскорѣ эта государственная форма была замѣнена другою, которая хотя имѣла аристократическій характеръ, но не отдавала все управленіе въ руки патрицієвъ, какъ это бывало обыкновенно въ вольныхъ городахъ. Въ Массиліи управленіе государствомъ находилось въ рукахъ небольшаго числа гражданъ, имѣвшихъ нѣкоторыя преимущества, но оно не передавалось изъ рода въ родъ по наслѣдству и не было исключительнымъ правомъ нѣсколькихъ фамилій. Шестьсотъ выборныхъ гражданъ, женатыхъ, имѣвшихъ дѣтей и, по крайней мѣрѣ, прадѣдъ которыхъ уже былъ массильскимъ гражданиномъ,—составляли большой совѣтъ, а пятнадцать человѣкъ, выбранные изъ среды ихъ, составляли малый совѣтъ, на попеченіи котораго лежали всѣ текущія дѣла. Изъ членовъ малаго совѣта выбиралось трое, которыхъ можно сравнить съ бургомистрами свободныхъ городовъ Германіи. Такимъ образомъ вся правительственная власть находилась въ рукахъ гражданъ, хорошо знакомыхъ съ духомъ и правами роднаго города и бывшихъ, по мнѣнію своихъ соотечественниковъ, самыми способными къ управленію. Избраніемъ ихъ на всю жизнь государство предохранялось отъ потрясеній и отъ неудобствъ частой перемѣны должностныхъ лицъ; а такъ какъ ихъ права не были наслѣдственными и не ограничивались какими-нибудь немногими фамиліями, — то ни одинъ способный гражданинъ не былъ исключенъ изъ участія въ управленіи. Вводя у себя эти учрежденія, массильцы сохранили, впрочемъ, свои древніе, перенесенные изъ Малой Азіи, законы; потому что опытъ доказалъ ихъ превосходство. Эти законы были записаны и выставлены публично, чтобы граждане знали свои права, и чтобы предотвращался всякій произволъ властей.

Древняя Массилія имѣла большое сходство съ Женевой XVI и XVII вѣковъ. Подобно ей, Массилія отличалась умѣренностью, домовитостью, бережливостью и общественнымъ порядкомъ. Въ обоихъ городахъ торговля сначала не давала большихъ выгодъ, и потому только бережливость могла довести гражданъ до благосостоянія. Притомъ же, Массилія была долгое время окружена грубыми воинственными племенами, у которыхъ приходилось оспаривать съ боя каждый шагъ земли. Неблагодарная ея почва только черезъ настойчивый трудъ могла сдѣлаться источникомъ богатства. Это повело къ тому, что въ Массиліи домовитость, прилежаніе и умѣренность не только стали господствующими качествами, но и вызвали со стороны правительства мѣры, имѣвшія цѣлью поддержать эти добродѣтели между гражданами. Въ Массиліи, какъ и въ Женевѣ, существовали законы противъ роскоши. Женщины были ограничены въ своей страсти къ нарядамъ; онѣ и несовершеннолѣтніе мужчины не могли пить вино; на театрахъ запрещены были всѣ представленія, вредныя для нравственности. Такъ же какъ и въ Женевѣ, въ Массиліи не терпѣли иностранцевъ, старавшихся личиною благочестія расположить къ себѣ простодушныхъ гражданъ, чтобы жить въ праздности на счетъ ихъ прилежанія. Вообще массильцы были очень осторожны относительно иностранцевъ. Такъ, вѣроятно вслѣдствіе сосѣдства грубыхъ галльскихъ племенъ, было предписано, чтобы каждый при входѣ въ городъ снималъ съ себя оружіе, возвращавшееся ему только при выходѣ. Наконецъ, Массилія походила на Женеву еще и въ томъ отношеніи,

что граждане ея любили науки и основали одно изъ превосходнѣйшихъ учебныхъ заведеній.

Большая часть испанскихъ колоній была основана массильцами. Однако самая знаменитая и единственная, достойная вниманія греческая колонія въ Испаніи обязана своимъ основаніемъ не имъ, а жителямъ острова Закинта или Занте. Это былъ Сагунтъ, нынѣшній Мурвіедро къ сѣверу отъ Валенсіи. Городъ этотъ также достигъ торговлею большаго благосостоянія и значенія, но прославился всего болѣе своею геройскою погибелью (219 до р. Х.), которая послужила поводомъ ко второй войнѣ между Римомъ и Карѳагеномъ и будетъ разсказана въ римской исторіи.

На предшествовавшихъ страницахъ перечислены важнѣйшія греческія колоніи и важнѣйшіе моменты ихъ первоначальной исторіи. Отношенія этихъ поселеній къ метрополіямъ имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ отношенія колоній новѣйшей Европы. Послѣднія составляютъ часть основавшаго ихъ государства и управляются его правителями. Колоніи древнихъ грековъ, напротивъ того, съ самаго начала дѣлались самостоятельными государствами. Мы видимъ только одно отступленіе отъ этого правила въ Потидеѣ, гдѣ главный правитель былъ всегда гражданиномъ метрополіи и избирался послѣднею. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ греческомъ мірѣ всегда существовали тѣ естественно возникающія отношенія, вслѣдствіе которыхъ колоніи смотрѣли на свои метрополіи иначе, чѣмъ на остальныя государства, и оказывали имъ особенное уваженіе. Греческій городъ или государство считались какъ бы однимъ семействомъ. Поэтому въ пританеѣ или думѣ каждаго города находился жертвенникъ богини Весты, покровительницы семействъ, на которомъ поддерживался вѣчный огонь, какъ символическое изображеніе общаго очага всѣхъ гражданъ. Колонія была какъ бы дочь этой семьи, вступившая въ бракъ съ другою страною или сдѣлавшаяся независимою. Въ своихъ желаніяхъ и поступкахъ она уже не зависѣла отъ матери, но оставалась ея дочерью и должна была всегда показывать ей уваженіе и благодарность. Это отношеніе выражалось символически тѣмъ, что при основаніи колоніи переселенцы брали съ собой огонь изъ пританея метрополіи и зажигали имъ огонь въ пританеѣ молодаго поселенія. Такимъ образомъ, обязанности переселенцевъ къ метрополіи имѣли чисто человѣческій характеръ и нисколько не стѣсняли самостоятельности колоніи. Въ общихъ дѣлахъ колонія уступала первое мѣсто родному городу и по днямъ важнѣйшихъ торжествъ метрополіи отправляла туда пословъ, обращалась съ ея послами почтительнѣе, чѣмъ съ послами другихъ государствъ, и считала незаконнымъ вести съ нею войну безъ самой крайней необходимости.

3. Греки этого періода вообще.

Вслѣдствіе переселеній ѳессалійцевъ, беотійцевъ и въ особенности дорянъ или такъ называемаго возвращенія гераклидовъ, почти всѣ царства героическаго періода были уничтожены и замѣнены новыми государствами, большая часть которыхъ продолжала существовать во все дальнѣйшее время греческой исторіи. Въ эту эпоху полнаго преобразованія общественныхъ отношеній въ Греціи возникло также впервые общее имя для всей греческой націи, и явилось обыкновеніе дѣлить всѣхъ грековъ на четыре племени, производя ихъ, какъ родственныя части одного народа, отъ сыновей и внуковъ Девкаліона.

Имя эллины, вошедшее тогда въ употребленіе для означенія всей массы греческихъ племенъ, во время героическаго періода принадлежало нѣкоторымъ немногочисленнымъ племенамъ Ѳессаліи. Въ противоположность этому общему имени всей греческой націи явилось другое имя — варвары, которымъ греки называли всѣ остальные народы земнаго шара. Происхожденіе и настоящій смыслъ этого слова до сихъ поръ еще не изслѣдованы съ достовѣрностью. Первоначально, это имя давалось греками народамъ не одного съ ними происхожденія и значило только не-эллены. Но впослѣдствіи, когда греки въ умственномъ и политическомъ развитіи далеко опередили другіе народы, они, сознавая свое превосходство, связали съ словомъ «варвары» дополнительное понятіе чего-то несвободнаго,

неблагороднаго и необразованнаго. Наконецъ, когда Грецiя утратила свою самостоятельность, а цивилизацiя и могущество перешли къ римлянамъ, слово варвары стало названiемъ всѣхъ народовъ, лишенныхъ греческаго и римскаго образованiя. Позднѣе, христiанскiе народы вмѣстѣ съ образованiемъ греко-римскаго мiра переняли и это слово, которое теперь на языкахъ всѣхъ народовъ, достигшихъ высшей цивилизацiи, выражаетъ идею умственной и нравственной грубости.

Греческая нацiя дѣлилась на четыре племени: дорянъ, iонянъ, ахеянъ и эолянъ. Д о р я н ъ было всего больше въ Пелопоннесѣ, гдѣ они владѣли всѣми землями, кромѣ Аркадiи, Ахаiи и Элиды. За предѣлами полуострова дорiйское населенiе утвердилось только въ Доридѣ и въ Мегарѣ. Этому же племени принадлежала значительная часть греческихъ колонiй какъ на востокѣ, такъ на западѣ и на югѣ отъ метрополiи. I о н я н а м и были, изъ всѣхъ племенъ греческой твердой земли, одни только жители Аттики. Но iонiйское населенiе было распространено на Эвбеѣ и другихъ островахъ Архипелага. Наконецъ, третью часть этого племени составляли iонiйскiя колонiи на востокѣ и западѣ. Iоняне, поселившiеся въ Малой Азiи, преимущественно передъ другими назывались этимъ именемъ. Вслѣдствiе того слово iоняне прiобрѣло двойной смыслъ и означало иногда цѣлое племя, а иногда только извѣстную его часть. Въ ежедневномъ языкѣ греки употребляли это слово только въ послѣднемъ смыслѣ, потому что изъ всѣхъ частей iонiйскаго племени только мало-азiйскiе iоняне составляли замкнутое цѣлое, и потому еще, что единственное iонiйское государство греческой твердой земли, Аѳины, стало такъ могущественно, что могло одно оспаривать преобладанiе у всѣхъ дорянъ, и потому противоположностью дорянамъ считались собственно одни аѳиняне.

Доряне и iоняне были важнѣйшими племенами греческой нацiи. Причина этого заключается въ великомъ значенiи двухъ главныхъ городовъ этихъ племенъ — Спарты и Аѳинъ. До временъ Александра Великаго, почти вся греческая исторiя вращается вокругъ этихъ городовъ, какъ около всеобщаго центра. Изъ остальныхъ двухъ племенъ, а х е й с к о е, игравшее главную роль въ героическомъ перiодѣ, въ позднѣйшее время стало самымъ незначительнымъ. Только въ концѣ греческой исторiи оно снова прiобрѣтаетъ важность, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ о немъ едва упоминается. Къ этому племени принадлежала большая часть подвластныхъ ѳессалiйцамъ жителей Ѳессалiи и народовъ, покоренныхъ дорiйцами въ Пелопоннесѣ. И тѣ и другiе никогда не возвращали своей независимости, и единственной самостоятельною частью ахейскаго племени было только населенiе Ахаiи. Кромѣ того, существовали еще ахейскiя колонiи въ Малой Азiи, въ нижней Италiи и Сицилiи; но первыя вскорѣ слились съ мало-азiйскими эолянами, а прочiя оставались разобщенными и потому не доставили своему племени никакого прочнаго значенiя.

Къ э о л i й с к о м у племени принадлежатъ элiйцы и, за исключенiемъ Аттики, Дориды и Мегары, большая часть жителей греческой метрополiи, кромѣ Пелопоннеса, также эолiйскiе поселенцы въ Малой Азiи. Важнѣйшимъ народомъ этого племени были беотiйцы, стоявшiе въ позднѣйшее время, въ продолженiе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, во главѣ всей греческой нацiи. Не смотря на далекое распространенiе эолiйцевъ, они не прiобрѣтали значенiя какъ особое племя, никогда не составляли одного цѣлаго и отчасти утратили даже свой племенной характеръ. Бытъ эолiйцевъ въ Элидѣ и Беотiи былъ сходенъ съ бытомъ дорiйскихъ племенъ, а въ Малой Азiи они, частью, усвоили себѣ характеръ тамошнихъ iонянъ. — Только одинъ народъ во всей Грецiи не причисляется ни къ одному изъ этихъ четырехъ племенъ. Это а р к а д я н е — остатокъ древнѣйшаго населенiя Грецiи, неизмѣнившаго своего первобытнаго мѣста жительства и избѣжавшаго смѣшенiя съ другими племенами. Бытъ аркадянъ съ теченiемъ времени сталъ весьма похожъ на бытъ дорiйскихъ племенъ, которыми они были окружены почти со всѣхъ сторонъ.

Въ перiодъ своего процвѣтанiя греки метрополiи и колонiй составляли далеко распространившуюся нацiю, общую численность которой доводятъ до двадцати миллiоновъ. Но нацiя эта никогда не была соединена въ одно государство, а постоянно раздѣлялась на множество независимыхъ племенъ. Ни одно изъ этихъ племенъ не составляло державы, значительной по своему пространству, напротивъ

того, многія изъ нихъ занимали территорію не больше республики Санъ-Марино, самаго небольшаго изъ государствъ Европы. Отличительными, прирожденными качествами всей націи были: мужество, сила, разсудительность и, наконецъ, поэтическій и художественный инстинктъ. У нѣкоторыхъ племенъ и народовъ Греціи мы видимъ преобладаніе одного или нѣсколькихъ изъ этихъ качествъ; у другихъ они были развиты всѣ. Поэтому однимъ изъ характеристическихъ свойствъ греческой націи является чрезвычайное разнообразіе быта и цивилизаціи. У дорянъ, напримѣръ, особенно у спартанцевъ и критянъ, господствовали энергія и сила. Беотійцы отличались грубостью и суровостью. У аѳинянъ и у остальныхъ іонійскихъ грековъ преобладалъ элементъ нѣжности и подвижности.

Отъ греческихъ племенъ произошли разнаго рода смѣшенія, а знакомство съ различными народами, доставленное имъ торговлей и колоніями, вызвало у нихъ могущественное умственное движеніе. Наконецъ, они жили подъ яснымъ и привѣтливымъ небомъ и занимали самыя богатыя и прекрасныя страны умѣреннаго пояса. Народы Греціи не знали недостатка и положительной бѣдности. Когда подобная опасность грозила имъ, часть гражданъ выселялась и основывала на берегу какой-нибудь другой земли новое государство, гдѣ было легче добывать средства къ жизни. Внѣшнія занятія, на которыя обращена была дѣятельность націи, были также весьма разнообразны и, въ свою очередь, вызывали различіе нравовъ и учрежденій. Главными занятіями грековъ были: земледѣліе, скотоводство, торговля, мореплаваніе, рыбная ловля и разнаго рода ремесла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населеніе занималось только одною изъ этихъ отраслей промышлености, а въ другихъ нѣсколькими. Но, не смотря на большое различіе въ родѣ дѣятельности и степени развитія отдѣльныхъ частей націи, каждая изъ нихъ сохраняла характеристическія свойства греческаго племени. Такъ, напримѣръ, мы видимъ у всѣхъ греческихъ народовъ поэтическій и художественный инстинктъ, стремленіе къ наслажденіямъ и торжествамъ и приспособленное къ этому богослуженіе.

Итакъ, хотя и раздѣленные на множество незначительныхъ, независимыхъ другъ отъ друга государствъ, греки все-таки составляли одну націю. Причина этого заключалась въ сходствѣ основнаго характера ихъ цивилизаціи, образа мыслей и нравовъ, въ общемъ языкѣ, религіи и, наконецъ, въ общихъ историческихъ воспоминаніяхъ. Такимъ образомъ, между отдѣльными греческими государствами была внутренняя связь, соединявшая ихъ. Слѣдовательно, чтобы объяснить себѣ развитіе и сохраненіе греческой независимости, нѣтъ надобности пріискивать какія-нибудь внѣшнія и видимыя причины и видѣть ихъ, какъ это обыкновенно дѣлается, въ извѣстныхъ періодическихъ національныхъ торжествахъ, изъ которыхъ важнѣйшими и знаменитѣйшими были олимпійскія игры, и въ такъ называемыхъ амфиктіоніяхъ, или храмовыхъ собраніяхъ разныхъ греческихъ государствъ. Послѣднія, въ теченіе своего долгаго существованія, имѣли для цѣлой Греціи лишь второстепенное значеніе. Что же касается первыхъ, то возбужденіе національнаго духа вовсе не было ихъ настоящей и первоначальной цѣлью. Напротивъ, этотъ національный духъ и придалъ имъ важность, и только тогда ихъ вліяніе отразилось на немъ.

У древнихъ грековъ были постоянные союзы отдѣльныхъ государствъ, имѣвшихъ цѣлью взаимную защиту и совѣщательныя собранія для рѣшенія общихъ дѣлъ. Почти то же самое мы видимъ и у новѣйшихъ народовъ. Такого рода союзомъ былъ, напримѣръ, союзъ іонійскихъ колоній. Собранія или сходки союзниковъ происходили обыкновенно вблизи какого-нибудь храма и были связаны съ общимъ религіознымъ торжествомъ. Совершенно иной характеръ имѣли другія соединенія греческихъ государствъ, называвшіяся **амфиктіоніями**. Въ новѣйшей Европѣ уже нельзя подобрать ничего похожаго на нихъ. Цѣль подобнаго рода союзовъ, которыхъ въ Греціи было нѣсколько, заключалась уже не во взаимной защитѣ отъ общаго врага и не въ рѣшеніи дѣлъ, касавшихся общаго управленія, но въ общемъ празднованіи нѣкоторыхъ религіозныхъ торжествъ, въ поддержаніи и защитѣ того или другаго храма и, наконецъ, въ предотвращеніи слишкомъ большой жестокости въ войнахъ между государствами союза. Слѣдовательно, это были просто храмовыя собранія, имѣвшія не политическую, а религіозную цѣль, хотя, конечно, сильные члены союза иногда пользовались ими

какъ орудіями своей политики. Особенную важность получили они еще и потому, что союзные храмы, вслѣдствіе своей особой святости и покровительства, которымъ они пользовались, служили въ то же время банками или хранилищами сокровищъ. Наконецъ, храмовые праздники привлекали и торговый міръ, потому что были обыкновенно соединены съ большими ярмарками.

Преданіе, которое любитъ все олицетворять, производитъ слово «амфиктіонія» (названіе этихъ храмовыхъ собраній), отъ Амфиктіона, мнимаго сына Девкаліона, являющагося въ легендахъ основателемъ важнѣйшей изъ всѣхъ существовавшихъ у грековъ амфиктіоній. Въ дѣйствительности, слово это означаетъ собраніе живущихъ въ окрестностяхъ, т. е. собраніе племенъ, поселившихся вокругъ общаго храма. Одна изъ знаменитѣйшихъ амфиктіоній сходилась на островѣ Делосѣ. Тамъ, въ извѣстные дни, собирались жители двѣнадцати другихъ острововъ для общаго поклоненія богу Аполлону. Делосъ сталъ вслѣдствіе этого средоточіемъ обширныхъ торговыхъ оборотовъ, важность которыхъ съ ходомъ времени постоянно возрастала. Но знаменитѣйшей изъ всѣхъ амфиктіоній была дельфійская, которую часто просто называютъ союзомъ амфиктіоновъ. Она была основана еще въ глубокой древности и состояла изъ двѣнадцати греческихъ племенъ. Собранія ея происходили два раза въ годъ—весною и осенью. Мѣстомъ этихъ собраній были, поочередно, Дельфы и лежащій недалеко отъ Термопилъ храмъ Діаны. Охраненіе храма Аполлона въ Дельфахъ было главною цѣлью союза амфиктіоновъ. Союзный совѣтъ, состоявшій изъ депутатовъ отдѣльныхъ государствъ, долженъ былъ наблюдать за неприкосновенностью его святынь и сокровищъ и распоряжаться ходомъ празднествъ. Клятва, которую должны были приносить депутаты, всего лучше показываетъ дѣйствительную и конечную цѣль дельфійской амфиктіоніи. Именемъ своихъ государствъ они клялись всѣми силами защищать храмъ Аполлона въ Дельфахъ и, въ случаѣ войны съ городомъ, принадлежащимъ къ союзу, никогда не разрушать его до основанія и не отводить отъ него воду.

Храмъ Аполлона и принадлежавшій къ нему дельфійскій оракулъ имѣютъ большое значеніе въ исторіи Греціи. Храмъ этотъ считался важнѣйшимъ въ цѣлой Греціи и былъ общей святыней всей націи. Его оракулъ пользовался у всѣхъ грековъ величайшимъ уваженіемъ. Такого значенія дельфійскій оракулъ достигъ вслѣдствіе того, что правители греческихъ государствъ въ важныхъ случаяхъ пользовались имъ, чтобы легче достигнуть той или другой цѣли. Блистательнѣйшимъ временемъ этого оракула была эпоха между переселеніемъ гераклидовъ и персидскими войнами. Особенную важность дельфійскому храму дало разселеніе дорійскаго племени по всему полуострову Греціи. Дорійскіе народы считали храмъ Аполлона въ Дельфахъ общей святыней цѣлаго племени и съ отдаленнѣйшихъ временъ обращались къ его оракулу чаще, чѣмъ остальные греки. При составленіи оракульскихъ изреченій, дельфійскіе жрецы руководствовались, большею частью, желаніями правителей тѣхъ самыхъ государствъ, которыя обращались къ оракулу. Они облекали свои отвѣты въ загадочную форму, позволявшую имъ прибѣгать къ уловкамъ и удовлетворять желаніямъ спрашивавшихъ. Такимъ образомъ, правители имѣли возможность толковать мнимый голосъ божества сообразно своимъ личнымъ политическимъ цѣлямъ, достиженіе которыхъ облегчалось тѣмъ, что народъ смотрѣлъ на оракула, какъ на божество. Національное значеніе оракула было такъ велико, что частныя лица не прибѣгали къ нему для рѣшенія своихъ домашнихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что жертвоприношенія и приношенія богу стоили большихъ суммъ.

Храмъ Аполлона находился внѣ городской черты Дельфовъ, вблизи Кастальскаго источника, водѣ котораго приписывали свойство возбуждать поэтическое вдохновеніе. Въ оракульскихъ церемоніяхъ этого храма важную роль играло узкое и глубокое отверстіе, изъ котораго постоянно выходилъ дымъ. Приговоръ бога произносился жрицею—Пиѳіей. Она садилась на треножникъ, поставленный надъ этимъ отверстіемъ, и дымъ приводилъ ее въ восторженное состояніе. Дары, приносившіеся богу, доставили храму такія богатства, что въ слѣдующемъ періодѣ греческой исторіи его сокровища цѣнили въ десять тысячъ талантовъ (14 милліоновъ).

Національныя игры грековъ были религіозными торжествами, съ

которыми соединялись разнаго рода состязанія. Такихъ праздничныхъ сходокъ было много; въ большей части изъ нихъ принимали участіе только жители ближайшихъ окрестностей; но четыре мало-по-малу достигли такого значенія, что стали настоящими національными торжествами всей Греціи. Собранія эти назывались олимпійскими, пиѳійскими, немейскими и истмійскими играми. Всего усерднѣе посѣщались олимпійскія игры, носившія по преимуществу характеръ всеобщности.

Олимпійскія игры происходили въ элидскомъ городѣ Олимпіи. Онѣ праздновались еще въ героическомъ періодѣ, и преданіе называетъ ихъ учредителемъ главнаго героя первобытныхъ временъ Греціи—Геркулеса. Но только гораздо позднѣе пріобрѣли онѣ вліяніе, распространившееся за предѣлы ближайшихъ окрестностей,—вліяніе, виновникомъ котораго былъ Ифитъ, потомокъ переселившагося въ Элиду этолійца Оксила. Этотъ элидскій царь жившій во времена спартанскаго законодателя Ликурга, возвысилъ, какъ говорятъ, значеніе олимпійскихъ игръ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно преобразовалъ. Съ этого времени онѣ стали національнымъ праздникомъ Пелопоннеса, а потомъ и всей Греціи. Черезъ сто лѣтъ послѣ Ифита, въ 776 году до р. Х., когда элидецъ Коребъ остался побѣдителемъ на играхъ и получилъ почетнѣйшую награду, — имена побѣдителей стали вносить въ особый списокъ, публично выставленный въ Олимпіи. Съ тѣхъ поръ это дѣлалось постоянно, и такъ какъ періодъ возобновленія игръ никогда не мѣнялся, то 776 годъ и принимается за начало достовѣрнаго лѣтосчисленія грековъ. Позднѣйшіе греческіе историки пользовались спискомъ побѣдителей для точнаго опредѣленія времени отдѣльныхъ событій. Олимпійскія игры происходили черезъ каждые четыре года; поэтому и время дѣлилось на четырехлѣтніе періоды, называвшіеся олимпіадами. Первую изъ этихъ олимпіадъ начинали 776 годомъ до р. Х., а слѣдующія означали числомъ ихъ по порядку или именемъ главнаго побѣдителя.

Олимпійскія игры были главной и почти единственной причиной того значенія, которое имѣла Элида въ греческомъ мірѣ и въ его исторіи. Она была сборнымъ мѣстомъ, гдѣ въ опредѣленное время сходились всѣ греки, и потому ее провозгласили священной страной, съ которой нельзя было вести войну, и черезъ которую запрещалось даже проходить вооруженнымъ. Вслѣдствіе того элидцы оставались нейтральными во всѣхъ войнахъ, какія велись греками. Въ замѣнъ этого, они обязаны были устроивать олимпійскія игры и связанныя съ ними богослужебныя церемоніи и наблюдать за сохранностью олимпійскихъ памятниковъ и священныхъ принадлежностей. Во время игръ всѣ греческія государства, находившіяся въ войнѣ между собою, должны были заключать перемиріе.

Мѣсто, гдѣ происходили игры, называлось Олимпіей и находилось вблизи рѣки Алфея. На немъ было построено много священныхъ и другихъ общественныхъ зданій, и тамъ же была священная масличная роща. Передъ этой рощей стоялъ знаменитый храмъ, посвященный Зевсу или Юпитеру, извѣстный подъ именемъ храма Юпитера олимпійскаго и принадлежавшій къ самымъ большимъ зданіямъ въ Греціи. Во второй половинѣ пятаго вѣка до р. Х. тамъ была поставлена знаменитая колоссальная статуя Юпитера, сдѣланная изъ слоновьей кости и золота и изваянная Фидіемъ, величайшимъ скульпторомъ Греціи. Въ срединѣ олимпійской священной рощи находилось нѣсколько жертвенниковъ храма Юноны, гипподромъ и, такъ называемая, стадія. Стадіею называлось мѣсто, назначенное для бѣга, имѣвшее шестьсотъ греческихъ или пятьсотъ шестьдесятъ девять парижскихъ футовъ длины и окруженное возвышеніями, гдѣ помѣщались зрители. Его имя употреблялось греками для обозначенія географическихъ разстояній: сорокъ стадій составляютъ приблизительно одну нѣмецкую милю. Гипподромомъ называлось мѣсто, служившее для скачекъ и ристанія. Оно находилось подлѣ стадіи.

Олимпійскія игры праздновались въ началѣ каждаго пятаго года, въ первое полнолуніе послѣ лѣтняго поворота солнца. Празднество это, на которомъ не имѣли права присутствовать женщины, продолжалось пять дней и посвящалось главнымъ образомъ жертвоприношеніямъ, хвалебнымъ пѣснямъ въ честь боговъ и разнымъ состязаніямъ. Послѣднія состояли изъ бѣганья въ запуски, игры въ

кольцо, кулачнаго боя, метанія диска (тяжелаго кружка, который бросали въ вышину и длину), прыганья, гонки колесницъ и скачекъ на лошадяхъ. Награда за побѣду въ каждомъ изъ этихъ состязаній была одинакова; но побѣдитель въ бѣганьѣ считался главнымъ, и по его имени называли олимпіаду. Боевыми судьями могли быть только элидцы. Тѣхъ, кто исполнялъ эту должность, называли эллинодиками, т. е. судьями эллиновъ. Къ состязанію допускались только природные греки, и потому всякій, желавшій принять въ немъ участіе, долженъ былъ передъ началомъ игръ доказать свое греческое происхожденіе. Иностранцы могли быть только зрителями. Въ часы, когда не было состязаній, собравшаяся толпа занималась произведеніями греческихъ художниковъ, поэтовъ и писателей. Многіе изъ нихъ пріѣзжали на праздникъ, чтобы представить свои картины, статуи или сочиненія на судъ публики, сошедшейся изъ всей Греціи. Наградъ имъ при этомъ не выдавали; но уже одно одобреніе соотечественниковъ, стекавшихся со всѣхъ концевъ Греціи, привлекало ихъ на олимпійскія игры.

Послѣдній день праздника былъ посвященъ прославленію побѣдителей. Въ присутствіи всѣхъ зрителей они торжественно входили въ олимпійскую священную рощу. Послѣ великолѣпнаго жертвоприношенія, имена побѣдителей провозглашались среди ликованій народа, и каждаго изъ нихъ украшали простымъ масличнымъ вѣнкомъ. Этотъ вѣнокъ считался у грековъ величайшею честью, какой только можетъ достигнуть человѣкъ. Побѣдители носили этотъ вѣнокъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей жизни. И этой наградой гордился не одинъ только побѣдитель, но весь городъ, къ которому принадлежалъ онъ. При возвращеніи его на родину, ему дѣлали торжественнѣйшій пріемъ и воздавали новыя почести. Обыкновенно дѣлали изъ мрамора его статую и ставили ее въ Олимпіи, гдѣ его имя и названіе его города на вѣчныя времена сохранялись для потомства въ публичномъ спискѣ побѣдителей. Кромѣ того, пѣсни доносили его славу до отдаленнѣйшихъ странъ, заселенныхъ греками и удерживали его имя въ народной памяти. Неудивительно, что, при такихъ полубожескихъ почестяхъ, одинъ старикъ умеръ отъ избытка счастія, обнимая сына, оставшагося побѣдителемъ. Другой старикъ, Діагоръ родосскій, самъ получившій въ молодости масличный вѣнокъ, явившись однажды на игры вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями, имѣлъ счастье видѣть, какъ оба они удостоились награды. Получивъ вѣнки, молодые люди тотчасъ же надѣли ихъ на отца и, чтобы оказать ему почетъ передъ лицомъ всей Греціи, понесли его на своихъ плечахъ. Присутствующіе восторженно рукоплескали благородству чувствъ сыновей и чрезмѣрному счастью отца. Вдругъ раздался голосъ изъ толпы: «Умри, Діагоръ, ты достигъ крайнихъ предѣловъ счастія». И въ самомъ дѣлѣ, старикъ, не выдержавъ избытка радости, упалъ мертвымъ съ плечъ своихъ дѣтей.

Олимпійскія игры были національнымъ праздникомъ въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова и во многихъ отношеніяхъ имѣли вліяніе на развитіе греческой жизни. Въ Олимпіи соединялись въ извѣстные, періодически повторявшіеся сроки, подъ божественной охраной, различныя части греческой націи, часто раздѣленныя ненавистью и ссорами. Здѣсь выказывались племенныя особенности и происходило знакомство съ нравами и изобрѣтеніями различныхъ частей націи; здѣсь эти части, иногда разрозненныя долгими и ожесточенными войнами, снова привѣтствовали другъ друга, какъ члены одной семьи.

Изъ трехъ остальныхъ болѣе или менѣе общихъ національныхъ торжествъ подобнаго же рода первое мѣсто занимаютъ пиѳійскія игры. Онѣ праздновались недалеко отъ Дельфовъ, въ честь бога Аполлона, который, въ память объ убитомъ имъ драконѣ Пиѳонѣ, носилъ прозваніе пиѳійскаго. Эти игры также происходили черезъ каждые четыре года и всегда въ маѣ втораго года каждой олимпіады. Распорядителями и судьями на этихъ играхъ были депутаты союза амфиктіоновъ. Наградой служилъ вѣнокъ, сплетенный изъ вѣтвей лавроваго дерева — растенія, посвященнаго Аполлону. Немейскія игры были посвящены Юпитеру и происходили близъ арголидскаго города Немеи. Онѣ праздновались черезъ каждые два года. Наградой побѣдителю служилъ плющевый вѣнокъ. Истмійскія игры происходили на Истмѣ или Коринѳскомъ перешейкѣ, сначала черезъ каждые три года, а потомъ черезъ каждыя пять лѣтъ. Онѣ были установлены въ честь бога Нептуна. Побѣдитель награждался сосновымъ вѣнкомъ.

Политическая исторія греческихъ племенъ, въ періодѣ между переселеніемъ гераклидовъ и персидскими войнами, группируется главнымъ образомъ вокругъ революцій и народныхъ движеній, благодаря которымъ всѣ греческія государства ввели у себя республиканскую форму правленія и разносторонне ее выработали. Царская власть была уничтожена почти повсемѣстно. Въ тѣхъ же немногихъ государствахъ, гдѣ ее удержали, она подверглась такимъ ограниченіямъ, что продолжала существовать только по имени. Въ восьмомъ вѣкѣ до р. X. оставалось уже весьма немного царей, а около конца седьмаго вѣка ихъ не было ни въ одномъ изъ государствъ собственной Греціи, за исключеніемъ Спарты и Эпира.

Монархическая форма правленія была замѣнена республиканскими учрежденіями, имѣвшими цѣлью развитіе свободы, дѣятельности и счастливой, довольной жизни. Въ большей части городовъ они подвергались частымъ измѣненіямъ. У грековъ было больше разнообразія въ учрежденіяхъ и вообще въ политической жизни, чѣмъ у какого бы то ни было другаго народа. Число греческихъ государствъ было почти вдвое больше всего числа государствъ нынѣшней Европы, и тѣмъ не менѣе каждое изъ нихъ имѣло свое особое устройство, несходное съ остальными. Кромѣ того, политическая жизнь грековъ отличалась еще основнымъ своимъ принципомъ и большимъ развитіемъ идеи государства. Въ основаніи всѣхъ греческихъ государствъ, даже и аристократическихъ, лежалъ демократическій элементъ. Вездѣ народное собраніе принимало участіе въ законодательствѣ и въ управленіи государствомъ, и, говоря вообще, ни одинъ свободный гражданинъ не былъ только безмолвнымъ исполнителемъ постановленій правительства, — напротивъ того, каждый такъ или иначе участвовалъ въ управленіи. Кромѣ того, почти до самаго конца греческой исторіи, права гражданъ нигдѣ не передавались представителямъ народа или депутатамъ, — но вездѣ народное собраніе состояло изъ всей массы свободныхъ гражданъ. Почти повсемѣстно существовало правило не выбирать должностныхъ лицъ долѣе, чѣмъ на годъ. Лица эти были отвѣтственны передъ народнымъ собраніемъ. Наконецъ, нигдѣ за исключеніемъ одной только Спарты, не было особеннаго судейскаго сословія. Народное собраніе или само служило судилищемъ, или назначало въ члены суда людей, выбранныхъ изъ всей массы гражданъ. По понятіямъ грековъ, идея государства обнимала всѣ обстоятельства жизни. У нихъ государство было не просто формой общественной жизни, а самой жизнью, или по крайней мѣрѣ средоточіемъ ея. Въ греческомъ государствѣ каждое частное дѣло могло быть обращено въ общественное, и ни одинъ грекъ не могъ уклоняться отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ своего государства или вести частную жизнь въ нашемъ смыслѣ этого слова. Государство такъ далеко входило во всѣ отношенія жизни, что, напримѣръ, религія, нравы и общественныя увеселенія не только находились подъ надзоромъ властей, но считались государственнымъ дѣломъ, частью государственной цѣли.

Въ государственныхъ учрежденіяхъ грековъ мы видимъ двѣ основныя черты различія, обозначившіяся въ началѣ болѣе яснаго періода ихъ исторіи. Первая изъ нихъ, по отношенію къ которой два главныя греческія племени составляли прямую противоположность, заключалась въ томъ, что въ іонійскихъ государствахъ преобладалъ демократическій, а въ дорійскихъ аристократическій элементъ. Іонійскія общины рано отказались отъ нравовъ и учрежденій героическаго періода, и постоянно сртемились къ уравненію правъ своихъ гражданъ, къ предоставленію имъ большаго участія въ управленіи. Дорійскія государства, напротивъ, остались вѣрны древнегреческой идеѣ о томъ, что власть должна быть ввѣрена небольшому числу знатныхъ фамилій. Они не хотѣли отступиться отъ правительственныхъ формъ, построенныхъ на этомъ принципѣ, и только отъ времени до времени видоизмѣняли ихъ, сообразно съ требованіями обстоятельствъ. Другое различіе между дорійскими и іонійскими общинами заключалось въ томъ, что доряне, основывая свои государства во время переселенія гераклидовъ, подавили греческое населеніе завоеванныхъ земель и потому были принуждены, для удержанія насильственной власти, обратить главное вниманіе на развитіе и поддержаніе въ своихъ гражданахъ силы, мужества и воинственнаго духа. Вслѣдствіе того, настоящіе граждане дорійскихъ государствъ стали какъ бы рыцарями, главными занятіями которыхъ были военныя упражненія и управленіе государственными дѣлами. Впрочемъ, такой порядокъ вещей сохранился вполнѣ только въ двухъ до-

рійскихъ государствахъ: въ Спартѣ и на островѣ Критѣ. Остальныя обратились къ торговлѣ и промышленой дѣятельности. Съ этими занятіями уже нельзя было согласить военнаго направленія жизни. Кромѣ того, они повели за собой большее разнообразіе въ отношеніяхъ между гражданами и болѣе частыя измѣненія этихъ отношеній. Поэтому, у большей части дорійскихъ народовъ, прежнія учрежденія не могли удержаться и стали постепенно принимать господствовавшую у іонянъ демократическую форму, или, по крайней мѣрѣ, утратили свое военное направленіе. При всемъ томъ, дорійскія государства всегда сохраняли нѣкоторыя существенныя черты прежняго порядка. Исключеніе составляютъ только тѣ изъ нихъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Тарентѣ, завѣщанная дѣдами аристократія была замѣнена чистѣйшей демократіей.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ явленіи, не разъ повторявшемся въ жизни свободныхъ государствъ Греціи. Явленіе это — тиранія. Случалось иногда, что какой-нибудь гражданинъ, ловко воспользовавшись обстоятельствами, безъ всякаго законнаго права, становился единодержавнымъ властителемъ государства. Такого правителя греки называли тираномъ. Подъ этимъ словомъ они понимали только узурпатора, т. е. такого правителя, который захватывалъ власть вопреки существующимъ законамъ и безъ выбора гражданъ. Понятіе о насиліи и о злоупотребленіи власти, являющееся у насъ на первомъ планѣ въ словѣ тиранъ, у грековъ не составляло необходимой принадлежности тиранніи. Всего чаще появлялись въ Греціи такіе правители въ седьмомъ и шестомъ вѣкахъ до р. Х. Знаменитѣйшими изъ тогдашнихъ тирановъ были Поликратъ Самосскій и Періандръ Коринѳскій.

О Коринѳѣ, такъ же какъ и о сосѣднемъ съ нимъ Сикіонѣ, должно сказать здѣсь нѣсколько словъ. Исторія Греціи, въ періодъ между переселеніемъ гераклидовъ и персидскими войнами, тѣсно связана съ судьбою Спарты и Аѳинъ, о которыхъ мы и будемъ говорить подробнѣе. Остальныя государства играли въ теченіе этого времени второстепенную роль и потому могутъ быть пропущены безъ вниманія. Исключеніе только составляютъ Коринѳъ и Сикіонъ — города, имѣвшіе тогда большое вліяніе на развитіе греческаго искусства и торговли.

Коринѳъ процвѣталъ торговлей и мореходствомъ еще задолго до того, какъ Аѳины сдѣлались первымъ городомъ въ Греціи. Развитіемъ своего благосостоянія онъ обязанъ былъ тому обстоятельству, что находился на узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ среднюю Грецію съ Пелопоннесомъ, по сосѣдству двухъ морей. Тотчасъ послѣ основанія греческихъ колоній, возникла все болѣе и болѣе оживлявшаяся торговля между Малой Азіей, нижней Италіей и Сициліей. Тогдашніе моряки вообще не смѣли терять изъ виду береговъ; потому, въ отдаленныя времена, очень рѣдко рѣшались пускаться въ опасное плаванія вокругъ южной оконечности Пелопоннеса, и, какъ съ восточной, такъ и съ западной стороны, предпочитали направляться къ Коринѳу, гдѣ товары сухимъ путемъ перевозились къ противоположному берегу и сдавались на новыя суда. Вслѣдствіе того, Коринѳъ сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Греціи. Этотъ городъ съ давнихъ поръ отличался присутствіемъ множества разныхъ иностранцевъ, значительной степенью богатства, быстрымъ развитіемъ искусствъ и промышлености,— но въ то же время и страшной испорченностію нравовъ.

Послѣ уничтоженія царской власти, въ Коринѳѣ установилась олигархія. Но, по прошествіи нѣкотораго времени, фамиліи, управлявшія городомъ, поссорились съ остальными гражданами, и одинъ предпріимчивый человѣкъ, Кипселъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, захватилъ въ свои руки власть (657 до р. Х.). Онъ управлялъ кротко, пріобрѣлъ любовь подданныхъ, и, вслѣдствіе того, успѣлъ сдѣлать власть наслѣдственною въ своемъ родѣ. Его потомки могли бы удержать ее, если бы, подобно ему, искали любви народа и управляли строго по закону. Но уже сынъ его, Періандръ, своими злоупотребленіями повредилъ прочности владычества, основаннаго Кипселомъ. Періандръ, царствовавшій съ 627 по 587 годъ, причисляется къ такъ называемымъ семи греческимъ мудрецамъ. Подобно Поликрату Самосскому, онъ любилъ, науки искусства и способствовалъ ихъ развитію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, держался наслѣдственной и произвольной системы правленія и совершилъ много жестокостей. Его преемникъ слѣдовалъ тѣмъ же принципамъ, и потому, черезъ три года послѣ вступленія на престолъ, былъ

свергнутъ съ престола коринѳянами и явившимися къ нимъ на помощь спартанцами. Тогда снова была введена олигархическая форма правленія, сохраненная коринѳянами и въ послѣдующія времена греческой исторіи.

Исторія Сикіона очень похожа на исторію Коринѳа. И здѣсь тоже, около 700 года до Христа, гражданинъ Ортагоръ провозгласилъ себя тираномъ и сдѣлалъ власть наслѣдственною въ своемъ домѣ. По духу его правленія и по правительственнымъ пріемамъ, его можно сравнить съ Кипселомъ. Знаменитѣйшимъ изъ его преемниковъ былъ послѣдній изъ нихъ, Клистенъ. Онъ управлялъ съ большимъ благоразуміемъ и прославился счастливыми войнами и блескомъ своего двора. Неизвѣстно, удержалъ ли онъ власть до конца своей жизни, или потерялъ ее вслѣдствіе насильственнаго переворота. Достовѣрно только, что, когда прекратилось его владычество (около 600 г. до р. X.), въ Сикіонѣ снова было введено республиканское устройство. Вѣроятно, что характеръ этихъ новыхъ учрежденій былъ скорѣе демократическій, чѣмъ аристократическій. Затѣмъ остается только сказать, что въ Сикіонѣ, особенно во время владычества тирановъ, искусства и промышленость достигли высокой степени развитія.

4. Исторія спартанцевъ до персидскихъ войнъ.

Часть переселившихся въ Пелопоннесъ дорянъ основала въ Лаконіи государство, прославившееся въ исторіи подъ именемъ Спартанскаго или Лакедемонскаго. Близнецы, Проклъ и Эвристенъ, сыновья Гераклида Аристодема, умершаго во время похода въ Пелопоннесъ, были первыми царями и управляли сообща. Отъ нихъ пошелъ двойной рядъ царей, называющихся по именамъ Прокла и сына Эвристена, Агиса I, — проклидами и агидами. Династіи эти удерживали за собою власть въ теченіе почти всей исторіи Спарты, и на престолѣ постоянно находилось два царя, изъ которыхъ одинъ былъ проклидъ, а другой агидъ.

Поселившіеся въ Лаконіи доряне составили высшій классъ населенія и назывались спартанцами, потому что жили исключительно въ городѣ Спартѣ. Покоренные ими ахеяне раздѣлялись на два класса. Часть ихъ, называвшаяся лакедемонянами или періэками, т. е. окружными жителями, пользовалась личной свободой и владѣла прежней своей землей. Она была обязана платежемъ извѣстной дани и принимала лишь незначительное участіе въ управленіи. Впрочемъ, не всѣ періэки были ахейцы по происхожденію: къ нимъ же причислялись потомки смѣшанныхъ браковъ между дорянами и ахеянами. Другая часть покореннаго населенія состояла изъ тѣхъ ахеянъ, которые не подчинились побѣдителямъ добровольно на извѣстныхъ условіяхъ, или изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи старались возвратить свою независимость. Вся эта часть населенія была обращена въ рабство и роздана въ собственность отдѣльнымъ спартанскимъ семействамъ. Они прислуживали имъ и обрабатывали ихъ поля. Владѣльцамъ ихъ запрещалось убивать ихъ или продавать за границу. Невольниковъ этихъ называли гелотами. Преданіе производитъ это имя отъ города Гелоса, возставшіе жители котораго были прежде другихъ обречены на рабство; но вѣроятнѣе, что оно произошло отъ греческаго слова, означающаго «брать въ плѣнъ». Слова спартанцы и лакедемоняне, собственно принадлежащія только двумъ первымъ классамъ населенія Лаконіи, употребляются также для означенія всего этого государства и всѣхъ его гражданъ вообще.

Первыя столѣтія спартанской исторіи наполнены съ одной стороны частыми ссорами народа съ дорійскою аристократіею и этой аристократіи съ царями, а съ другой еще чаще возобновлявшейся борьбой дорянъ съ ахеянами. Лишь понемногу удалось спартанцамъ покорить ихъ; да и послѣ того мѣстами вспыхивали возстанія. Положеніе ахеянъ было, какъ кажется, не вездѣ одинаково и зависѣло отъ условій, выговоренныхъ побѣжденными при заключеніи договора на покорность. Кажется даже, что относительно ихъ многое оставалось неопредѣленнымъ и потому было предоставлено произволу. Точно также и отношенія дорійской части населенія, т. е. собственно спартанцевъ, не были ясно опредѣлены и подчиня-

лись произволу и случайностямъ. Это и было источникомъ тѣхъ безпрестанныхъ ссоръ, о которыхъ мы говорили. Такое положеніе дѣлъ въ государствѣ вызвало потребность въ положительныхъ установленіяхъ и лѣтъ за 900 до р. Х. кончилось введеніемъ новыхъ учрежденій Сводъ этихъ учрежденій, по имени ихъ составителя, называютъ законодательствомъ Ликурга.

Исторія этого знаменитаго законодателя до такой степени искажена преданіемъ, что въ ней уже невозможно съ достовѣрностью отдѣлить истину отъ вымысла. Даже время его жизни нельзя опредѣлить съ достовѣрностью. По всей вѣроятности, онъ жилъ въ началѣ девятаго вѣка до рождества Христова. Время его законодательства обыкновенно относятъ къ 884 году. Ликургъ, родомъ проклидъ, былъ младшій братъ царя Полидекта, который умеръ во время беременности своей жены. Въ ожиданіи рожденія ребенка, власть перешла къ Ликургу. Ему было бы не трудно удержать за собой престолъ навсегда, но онъ не захотѣлъ поступить такимъ образомъ, и вскорѣ послѣ смерти брата объявилъ, что если его вдова родитъ сына, то онъ станетъ править уже не какъ царь, а какъ опекунъ своего племянника. Говорятъ, что свояченица просила его жениться на ней и предлагала убить ребенка. Но Ликургъ, въ отвѣтъ на это, приказалъ строго наблюдать за честолюбивой женщиной и велѣлъ тотчасъ послѣ родовъ отнять у ней ребенка. Ликургъ сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ знатнѣйшими спартанцами, когда ему принесли новорожденнаго мальчика. Онъ тотчасъ же, передъ всѣми присутствующими, провозгласилъ его царемъ и объявилъ, что съ этого времени будетъ править только какъ опекунъ племянника. Ребенку онъ далъ имя Харилая, которое значитъ «радость народа». Разсерженная свояченица и ея приверженцы употребляли, говорятъ, всевозможныя средства, чтобы только отмстить Ликургу. Разсказываютъ, напримѣръ, что они старались обвинить Ликурга въ желаніи убить ребенка, надѣясь этимъ путемъ пріобрѣсти и упрочить за собой царство. Говорятъ даже, что для отклоненія отъ себя этого подозрѣнія, Ликургъ сложилъ съ себя власть и уѣхалъ изъ родины. Нѣтъ сомнѣнія однако, что эта причина его удаленія просто выдумана въ позднѣйшее время. Продолжительное путешествіе Ликурга было, по всей вѣроятности, предпринято съ единственной цѣлью приготовиться къ составленію законодательства, въ необходимости котораго онъ былъ убѣжденъ давно, такъ же какъ и соправитель его изъ дома агидовъ и, безъ сомнѣнія, многіе другіе знатные спартанцы.

Преданіе говоритъ, что Ликургъ провелъ внѣ Спарты десять лѣтъ. Онъ посѣтилъ различныя страны, чтобы изучить ихъ нравы и учрежденія, и, въ особенности долго прожилъ на островѣ Критѣ. Мы уже говорили выше (стр. 86) о критскомъ устройствѣ, приписываемомъ знаменитому царю Миносу I. Нѣтъ сомнѣнія однако, что учрежденія Крита были только приспособленными къ обстоятельствамъ видоизмѣненіями прежнихъ обычаевъ и установленій, свойственныхъ дорійскому племени. Поэтому критское устройство, скорѣе чѣмъ всякое другое, могло служить Ликургу образцомъ для реформъ, въ которыхъ нуждалась Спарта. Въ ней, какъ на Критѣ, жила вѣтвь дорійскаго племени, основавшая свое господство на порабощеніи прежнихъ обитателей страны. Она также сохранила свои прежнія учрежденія, но уже не могла держаться, не сдѣлавъ въ нихъ измѣненій, согласныхъ съ требованіями времени. На Критѣ Ликургъ познакомился съ прославившимся своею мудростью поэтомъ Талесомъ, который, по его просьбѣ, отправился въ Спарту, чтобы во время путешествія Ликурга по Малой Азіи мирить ссорившихся между собою спартанцевъ и приготовить ихъ къ принятію законодательства Ликурга. Говорятъ также, что Ликургъ привезъ изъ Малой Азіи творенія Гомера, до тѣхъ поръ неизвѣстныя въ собственной Греціи.

Въ Спартѣ, во время отсутствія Ликурга, снова вспыхнули сильныя междоусобія, и всѣ жаждали возстановленія и учрежденія порядка. Достигнуть этого надѣялись при посредствѣ Ликурга и потому просили его вернуться въ родной городъ. Съ согласія извѣстной части аристократовъ, онъ рѣшился ввести правильное устройство или, вѣрнѣе, примѣнить древніе обычаи и учрежденія къ измѣненнымъ обстоятельствамъ и дать имъ новый и опредѣленный видъ. Готовясь приняться за выполненіе этого плана, онъ отправился сначала въ Дельфы, чтобы получить отъ Аполлона, главнаго бога спартанцевъ, посвященіе на роль законодателя. Принимаясь за дѣло во имя божества, какъ человѣкъ имъ вдохновенный, Ликургъ

облегчалъ себѣ задачу государственнаго переворота и упроченіе своихъ учрежденій. При входѣ его въ храмъ, дельфійская жрица обратилась къ нему съ слѣдующими словами: «Ликургъ, любимецъ Зевса и всѣхъ остальныхъ боговъ, я не знаю, богомъ или человѣкомъ называть тебя; мнѣ кажется скорѣе, что богъ.

Ликургъ не былъ составителемъ новаго законодательства, но явился только реформаторомъ древнихъ дорійскихъ учрежденій Спарты. Онъ обновилъ греческіе обычаи и установленія древнѣйшихъ временъ, сохранившіяся у народовъ дорійскаго происхожденія лучше, чѣмъ у остальныхъ племенъ, измѣнивъ ихъ, лишь на сколько это было необходимо; далъ имъ опредѣленность, привелъ ихъ въ согласіе между собою и, такимъ образомъ, навсегда упрочилъ ихъ, какъ въ государственной, такъ и въ частной жизни спартанцевъ. Въ этомъ и заключалась сущность его законодательства.

Основаніемъ учрежденій Ликурга было совершенное рабство двухсотъ тысячъ людей, такъ называемыхъ гелотовъ. Они не имѣли человѣческихъ правъ и рождались только для работы и прислуживанія. Зато сами спартанцы могли проводить время въ аристократической праздности. Свободные отъ всякаго труда, они на досугѣ воспитывали въ себѣ рыцарскій духъ, занимались только военными упражненіями и государственными дѣлами. Ликургъ оставилъ прежнее раздѣленіе населенія Лаконіи на три класса. Гелоты по прежнему остались прислуживающими и безправными, періэки получили нѣкоторое участіе въ правленіи, но однимъ только спартанцамъ было предоставлено настоящее управленіе государствомъ. Число послѣднихъ доходило (по крайней мѣрѣ нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ Ликурга) до девяти тысячъ; число періэковъ до тридцати. И тѣ и другіе имѣли право на участіе въ народномъ собраніи; но изъ однихъ спартанцевъ выбирались правители и должностныя лица, между тѣмъ какъ періэки и въ народное собраніе могли являться только тогда, когда дѣло шло о рѣшеніи мира или войны. Итакъ, Спартанское государство состояло изъ большаго числа крѣпостныхъ крестьянъ и рабовъ (гелоты), изъ свободныхъ гражданъ, занимавшихся ремеслами, торговлей и земледѣліемъ (періэки), изъ немногихъ рыцарскихъ дворянскихъ фамилій, захватившихъ въ свои руки государственное управленіе, жившихъ въ праздности и занимавшихся только военными упражненіями, охотой, да войной. Періэки уже весьма рано прониклись характеромъ дорянъ и считали себя счастливыми и свободными. Разсчетъ и гордость такъ тѣсно связали ихъ съ спартанцами противъ порабощенной массы гелотовъ, что, во все продолженіе спартанской исторіи, ни разу не говорится не только о возмущеніи періэковъ, но даже и о простомъ нарушеніи согласія между ними и спартанцами.

Во главѣ государства Ликургъ оставилъ двухъ царей изъ дома проклидовъ и агидовъ, ограничивъ только ихъ власть. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Ликурга, власть царей сдѣлалась еще незначительнѣе, вслѣдствіе увеличившагося значенія должностныхъ лицъ, называвшихся эфорами. Съ этихъ поръ вліяніе царей на государство стало зависѣть исключительно отъ ихъ личнаго значенія. Даже власть ихъ, какъ предводителей войска во время войны, постепенно все уменьшалась. Законодательство Ликурга поставило ихъ почти въ то же положеніе, въ какомъ находились цари героическаго періода. Они были первосвященниками, предсѣдательствовали въ сенатѣ, гдѣ имѣли однако только одинъ голосъ, сзывали народныя собранія и сначала руководили ихъ преніями. Въ военное время имъ принадлежало главное начальство надъ войсками, и, въ этомъ званіи, они за предѣлами государства пользовались неограниченною властью. Другимъ спартанцамъ главное начальство надъ войсками никогда не ввѣрялось. Только впослѣдствіи стали отступать отъ этого правила въ морскихъ войнахъ и экспедиціяхъ въ дальнія страны. Другихъ правъ цари не имѣли и не пользовались никакими преимуществами передъ остальными спартанцами, кромѣ развѣ нѣкотораго оказываемаго имъ почета. Такъ, напримѣръ, на общественныхъ пирахъ они получали двойныя порціи и занимали первыя мѣста на всѣхъ торжествахъ. Но въ частной жизни всѣ отличія исчезали, и знатные спартанцы обращались съ ними, какъ съ равными. Содержанія они не получали вовсе, точно также, какъ и всѣ чиновники въ Греціи вообще. Ихъ наслѣдственныя владѣнія были немногимъ больше, чѣмъ у другихъ спартанцевъ. Кромѣ того, они пользовались извѣстнымъ доходомъ отъ суммъ, которыя имъ давали на жертвоприношенія.

Дѣйствительная правительственная власть находилась въ рукахъ сената, называвшагося герузіей, или совѣтомъ старцевъ. Онъ состоялъ изъ двухъ царей и двадцати восьми пожизненныхъ членовъ. Сенаторы выбирались народнымъ собраніемъ изъ спартанцевъ не моложе шестидесяти лѣтъ. Въ рукахъ сената находилось все государственное управленіе. Онъ былъ высшимъ уголовнымъ судилищемъ, обсуживалъ и рѣшалъ всѣ общественныя дѣла, хотя важнѣйшія изъ нихъ и долженъ былъ представлять на утвержденіе народнаго собранія. Народное собраніе происходило постоянно разъ въ мѣсяцъ, именно въ каждое полнолуніе. Оно было двоякаго рода: большое и малое. Въ первомъ принимали участіе всѣ спартанцы и періэки; во второмъ — одни только спартанцы. Участниками собранія могли быть только лица, достигшія тридцатилѣтняго возраста. Роль предсѣдателя въ этихъ собраніяхъ занимали цари или члены герузіи, а впослѣдствіи иногда и эфоры. Рѣшеніе выражалось не подачей отдѣльныхъ голосовъ, а общимъ восклицаніемъ. Народное собраніе выбирало сенаторовъ и должностныхъ лицъ, утвеждало новые законы, постановляло приговоры въ вопросахъ о спорномъ престолонаслѣдіи, о смѣщеніи должностныхъ лицъ, о преступленіяхъ противъ государства и народа и, наконецъ, о войнѣ и мирѣ. Такимъ образомъ, ему было представлено рѣшеніе всѣхъ общественныхъ дѣлъ, но граждане не имѣли права разсуждать о предлагаемомъ вопросѣ, а должны были прямо выразить свое согласіе или несогласіе. Только впослѣдствіи, когда народное собраніе пріобрѣло большія права, сдѣлано было отступленіе и отъ этого правила. Точно также не могло народное собраніе само отъ себя дѣлать никакихъ предложеній или собираться безъ созванія.

Эфорами назывались пять человѣкъ, выбиравшихся народнымъ собраніемъ изъ среды спартанцевъ, уже не обращая вниманія на возрастъ, и срокомъ только на одинъ годъ. Сначала они составляли родъ полицейскаго управленія, но впослѣдствіи власть ихъ стала постоянно возрастать, такъ что, наконецъ, они пріобрѣли господство надъ сенатомъ. Вліяніе эфоровъ начало возрастать черезъ сто тридцать лѣтъ послѣ Ликурга, когда, по предложенію царя Теопомпа, ихъ сдѣлали царскими намѣстниками на время отсутствія царей. Съ этого времени эфоры, подобно народнымъ трибунамъ Рима, стали чисто демократическимъ учрежденіемъ и выступили, какъ представители правъ народа противъ царей и сената. Они слѣдили за поведеніемъ царей и должностныхъ лицъ, призывали ихъ къ отвѣту, обвиняли передъ судилищемъ, состоявшимъ изъ сенаторовъ и другихъ должностныхъ лицъ, и даже собственною властью подвергали ихъ наказаніямъ. Они позволяли себѣ сзывать народное собраніе и слѣдили за исполненіемъ его постановленій. Такъ какъ война и миръ, заключеніе договоровъ и союзовъ, требовали утвержденія народа, то эфоры постепенно успѣли поставить всѣ внѣшнія отношенія государства въ полную зависимость отъ себя. Впослѣдствіи они принимали участіе во всѣхъ дѣлахъ, и мало-по-малу совершенно уничтожили ихъ значеніе. Наконецъ, цари и въ походы стали ходить въ сопровожденіи двухъ эфоровъ, составлявшихъ военный совѣтъ и имѣвшихъ огромное вліяніе на ихъ распоряженія.

Судебная власть не была, какъ въ другихъ греческихъ государствахъ, ввѣрена коммиссіи гражданъ, выбранныхъ народнымъ собраніемъ. Въ Спартѣ уголовнымъ судомъ служилъ сенатъ, споры по имуществу рѣшались эфорами, семейныя дѣла представлялись на разсмотрѣніе царей. Кромѣ того, каждому должностному лицу въ кругу его дѣятельности была предоставлена судебная и исполнительная власть.

Ликургъ ввелъ также въ Спартѣ равенство состояній и для поддержанія его издалъ особенные законы. Земля была раздѣлена по числу спартанцевъ и періэковъ на девять тысячъ большихъ и тридцать тысячъ меньшихъ участковъ. Такимъ образомъ, государство состояло изъ тридцатидевяти тысячъ помѣщичьихъ семействъ, изъ которыхъ девять тысячъ составляли аристократію, а тридцать сословіе гражданъ. Поземельные участки нельзя было ни отчуждать, ни дѣлить. Они были наслѣдственны въ мужескомъ поколѣніи переходили изъ рукъ въ руки по праву первородства. Младшіе братья получали содержаніе отъ старшаго брата — землевладѣльца. Дочери были устранены отъ наслѣдованія земли. Приотсутствіи сыновей, участокъ могъ перейти въ руки дочери, которая въ такомъ случаѣ могли взять въ мужья только беземельнаго гражданина. Это учрежденіе

имѣло вредныя послѣдствія. Многіе отцы, изъ желанія пристроить выгоднѣе своихъ дочерей, впадали въ скупость и корыстолюбіе. Богатыя наслѣдницы стали уже весьма рано играть важную роль въ государствѣ. Наконецъ, отдѣльныя фамиліи постепенно достигли чрезмѣрнаго богатства, соединили въ своихъ рукахъ почти всю поземельную собственность и пріобрѣли господствующее вліяніе на управленіе государствомъ. Чтобы предупредить союзы отдѣльныхъ семействъ и облегчить обсужденіе общественныхъ дѣлъ, такъ же какъ и для того, чтобы дружескимъ сожительствомъ смягчить ссоры между партіями и устранить роскошь и нѣгу, — Ликургъ установилъ такъ называемыя сисситіи, т. е. ежедневные общественные и публичные обѣды. Это былъ старый дорійскій обычай, существовавшій также и у нѣкоторыхъ народовъ Италіи. Всѣ спартанцы, не исключая и царей, были обязаны принимать участіе въ этихъ общественныхъ обѣдахъ; тѣ же, которые по бѣдности не могли дѣлать опредѣленнаго взноса на нихъ, лишались части своихъ гражданскихъ правъ. Такія лица не могли, напримѣръ, занимать государственныхъ должностей. Въ общественныхъ обѣдахъ участвовали только мужчины, женщины же напротивъ того, обѣдали дома. Мужчины составляли для этого артели, большею частью по пятнадцати въ каждой. Кушанья подавались простыя. Всего чаще являлась, такъ называемая, черная похлебка, состоявшая, какъ полагаютъ, изъ отвара свинины, крови, уксуса и соли. Про похлебку эту одинъ спартанецъ сказалъ какому-то азіатскому государю, что она можетъ казаться вкусной только тѣмъ, кто купается въ рѣкѣ Эвротѣ.

Разсказываютъ также, что Ликургъ, для поддержанія въ спартанцахъ прежней простоты и неиспорченности нравовъ, запретилъ золотыя и серебряныя деньги, введя желѣзныя, запретилъ ѣздить за границу и затруднилъ пребываніе иностранцевъ въ странѣ. Все это, такъ же какъ и многое другое, что приписывается этому законодателю, не должно быть принимаемо въ буквальномъ смыслѣ; — многое установлено только въ позднѣйшее время, просто стариннымъ обычаемъ, естественно возникшимъ изъ условій народной жизни. Такъ, напримѣръ, весьма вѣроятно, что во времена Ликурга монетъ еще не было въ Греціи, и уже по одному этому онъ не могъ запретить употребленіе золотой и серебряной монеты. Сношенія съ иностранцами, путешествія за границу, торговля и промышленость конечно, не могли нравиться спартанцу, привыкшему къ обществу такихъ же рыцарей, какимъ былъ онъ самъ. Кромѣ того, такихъ частныхъ запрещеній было бы недостаточно, чтобы установить и поддержать въ спартанцахъ ту воинственность и простоту нравовъ, которыхъ искалъ Ликургъ. Эти національныя черты были результатомъ всей его законодательной системы и того общаго характера, который онъ такъ надолго умѣлъ дать спартанской жизни. Поэтому многія узаконенія приписываемыя греческими писателями Ликургу, какъ напримѣръ, постановленіе о томъ, чтобы при постройкѣ крышъ работали только топоромъ, при дѣланіи двери только пилой, — слѣдуетъ считать господствующимъ обычаемъ, а вовсе не дѣломъ законодательнаго вмѣшательства. Наконецъ, во всякомъ случаѣ, они не имѣютъ такой важности, чтобы о нихъ стоило упоминать особенно.

Главною цѣлью законодательства Ликурга было развитіе въ его соплеменникахъ рыцарскихъ и военныхъ свойствъ, которыя могли бы обезпечить за ними постояный перевѣсъ надъ остальными народами и покореннымъ населеніемъ страны. Поэтому война или военныя упражненія были ежедневнымъ занятіемъ спартанцевъ. Когда спартаннеецъ былъ въ походѣ, то день его почти исключительно былъ занятъ охотой, гимнастическими упражненіями, управленіемъ государства или засѣданіями въ сисситіяхъ и частныхъ совѣщаніяхъ объ общественныхъ дѣлахъ. Городъ Спарта не былъ обнесенъ стѣнами. Лучшей его стѣной считалось мужество и воинственный духъ его жителей. Говорятъ, что Ликургъ запретилъ укрѣплять городъ, чтобы беззащитность его возбуждала и поддерживала военную дѣятельность населенія. По законамъ Ликурга, только надъ могилами гражданъ убитыхъ на войнѣ можно было ставить памятники. Трусъ терялъ часть своихъ гражданскихъ правъ. Наконецъ, чтобы предупредить увеличеніе предѣловъ государства и развитіе въ немъ богатства, роскоши и изнеженности гражданъ, — спартанскій законодатель запретилъ часто вести войну съ однимъ и тѣмъ же народомъ и далеко преслѣдовать бѣгущаго непріятеля. Вслѣдствіе этихъ и нѣкоторыхъ другихъ постановленій Ликурга, война сдѣлалась настоящей стихіей и предметомъ наслажденія спартан-

цевъ. Только идя на бой наряжался спартанецъ. Передъ битвой онъ надѣвалъ вѣнокъ на свои длинные волосы, и шелъ на непріятеля подъ звуки флейтъ и военныхъ пѣсень. По настоящему войско состояло только изъ спартанцевъ, военной одеждой которыхъ былъ красный плащъ. Періэковъ не всегда посылали на войну, а къ вооруженію части гелотовъ прибѣгали уже въ случаѣ крайней нужды. Изъ нихъ составляли тогда легкую пѣхоту, имѣвшую значеніе нынѣшнихъ ополченій. Кавалеріи было немного; да и это небольшое количество служило только для прикрытія флаговъ. Независимо отъ этой кавалеріи была еще особенная гвардія, состоявшая изъ 300 частію пѣшихъ и частію конныхъ людей. Отрядъ этотъ формировался изъ самыхъ удалыхъ юношей, и, вмѣстѣ съ командовавшимъ войсками царемъ, всегда помѣщался въ срединѣ боевой линіи. Движенія войска въ сомкнутыхъ массахъ отличались порядкомъ и отчетливостью, а благодаря расчлененію на многія мелкія части, оно было также очень способно къ эволюціямъ и къ партизанской войнѣ. Вооруженіе пѣхоты состояло изъ очень большаго щита, мѣдныхъ латъ, длиннаго копья и короткаго меча.

Спартанцы и періэки были одинаково подвергнуты суровому воспитанію и постояннымъ военнымъ упражненіямъ. Воспитаніе считалось чисто государственнымъ дѣломъ и было направлено къ развитію воинственныхъ способностей, общественнаго духа и повиновенія закону, къ поддержанію чисто-спартанскихъ нравовъ и образа мыслей. Каждое новорожденное дитя подвергалось осмотру особенныхъ должностныхъ лицъ, и, если они находили его дурно сложеннымъ, ребенка бросали въ пропасть, въ извѣстномъ мѣстѣ Тайгетской горы. Остальныя дѣти до седьмаго года ввѣрялись попеченію родителей, обязанныхъ воспитывать ихъ самымъ суровымъ образомъ. Съ седьмаго года каждый мальчикъ поступалъ въ вѣдѣніе государства и получалъ общественное воспитаніе вдали отъ родительскаго дома. Всѣхъ такихъ мальчиковъ распредѣляли группами, и они росли подъ наблюденіемъ особенныхъ надзирателей и учителей. Въ нихъ старались развить тѣлесную силу, ловкость въ употребленіи оружія, послушаніе, мужество, славолюбіе, воздержность, настойчивость и хитрость.

Въ этомъ заключалась главная цѣль спартанскаго воспитанія. Развитіе умственныхъ силъ было также направлено толко къ тому, чтобы образовать воина и гражданина; о высшемъ образованіи и чисто-человѣческомъ облагороженіи личности нисколько не заботились. Умственный капиталъ увеличивался только для цѣлей практической жизни. Такъ, напримѣръ, молодыхъ людей пріучали къ быстротѣ и явности пониманія и выраженія. Это качество было доведено у спартанцевъ до такой степени, что слово «лаконическій» вошло въ поговорку для означенія краткаго и мѣткаго выраженія. Пѣніе, составлявшее вмѣстѣ съ элементарнымъ обученіемъ и гимнастикой одну изъ главныхъ отраслей воспитанія у всѣхъ греческихъ племенъ, было также предметомъ занятія и спартанскаго юношества; но тамъ были въ ходу преимущественно военныя пѣсни. Повиновеніе младшихъ мальчиковъ старшимъ и вообще молодыхъ людей взрослымъ было основнымъ закономъ. Узаконенія, относившіяся къ тѣлеснымъ упражненіямъ, имѣли цѣлью развитіе силы, ловкости и закаленности тѣла. Мальчикъ долженъ былъ спать на камышѣ, спокойно выдерживать голодъ и жажду, жаръ и холодъ, и пріучаться къ тому, чтобы равнодушно переносить тѣлесныя страданія. Разъ въ годъ, въ опредѣленный день, юношей сѣкли до крови, и малѣйшее движеніе со стороны того, кого били, считалось величайшимъ позоромъ. Говорятъ, что многіе падали мертвыми, не испустивъ ни одного стона. Для пріученія ихъ къ хитрости, имъ было позволено красть себѣ за столомъ лишнія порціи, лишь бы только этого никто не замѣтилъ Въ видѣ военнаго упражненія производилась также, отъ времени до времени, такъ называемая криптея, или травля гелотовъ. Молодые люди должны были, спрятавшись въ засаду, неожиданно нападать на возвращавщихся съ поля гелотовъ, преслѣдовать ихъ и убивать.

Воспитаніе дѣвушекъ было проникнуто тѣмъ же духомъ. Мы не знаемъ, брали ли ихъ отъ родителей или нѣтъ; но послѣднее вѣроятнѣе. Воспитаніе ихъ также состояло, главнымъ образомъ, въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, какъ например въ бѣганіи, плаваніи, киданіи диска или кружка и даже во владѣніи копьемъ. Ихъ тоже пріучали къ перенесенію страданій. Цѣль ихъ воспитанія состояла только въ томъ, чтобъ сдѣлать изъ нихъ сильныхъ матерей и муже-

ственно настроенныхъ женщинъ. Для развитія болѣе нѣжныхъ чувствъ сердца и истинной женственности Спарта была плохимъ мѣстомъ. Семейной жизни тамъ не было; — она была невозможна, какъ по свойствамъ женскаго воспитанія, такъ и вслѣдствіе общественнаго воспитанія мальчиковъ и артельной жизни мужчинъ.

Вотъ главные законы и учрежденія, существовавшіе въ Спартѣ со временъ Ликурга. Они не были записаны, и говорятъ, что Ликургъ запретилъ записывать вообще какой бы то ни было законъ, чтобы онъ не сдѣлался пустой формальностью, а оставался сознанною народомъ частью народныхъ нравовъ. Законодательство Ликурга держалось почти во все продолженіе существованія Спартанскаго государства. Въ послѣднее время однако оно, подобно рыцарскимъ учрежденіямъ средневѣковой Германіи, перешло въ порядокъ вещей, основанный на притѣсненіи и кулачномъ правѣ. Введенное Ликургомъ равенство спартанскихъ фамилій исчезло очень рано, не смотря на мѣры, *принятыя имъ для его поддержанія*. Вмѣсто этого равенства явилось чрезмѣрное вліяніе и господство небольшаго числа семействъ. Система Ликурга сдѣлала спартанцевъ рыцарями, руководившимися во всѣхъ отношеніяхъ жизни военною гордостью. Ихъ государство стало военно-рыцарской общиной, игравшей въ послѣдующія времена ту же роль въ Греціи, какъ Венеція въ средніе вѣка и до XVII столѣтія въ ряду итальянскихъ республикъ. Большая часть древнихъ писателей, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые жили въ неспокойныхъ демократическихъ республикахъ, какъ напримѣръ въ Афинахъ, очень хвалили и прославляли аристократически-военныя учрежденія Спарты, а Ликургомъ восхищались, какъ однимъ изъ самыхъ мудрыхъ законодателей. Причина этихъ похвалъ и восхищеній заключается въ томъ, что они видѣли, какъ остальныя греческія государства подвергались вѣчнымъ переворотамъ, и какъ отъ частыхъ сношеній съ другими племенами ихъ нравы и обычаи постепенно разлагались. Спарта же представляла имъ картину неизмѣннаго единства въ управленіи, рѣдко нарушаемаго согласія между гражданами и заботливаго сохраненія древне-греческихъ обычаевъ. Но зато Спартанское государство было основано на притѣсненіи древнихъ жителей страны, а все его знаменитое законодательство и все воспитаніе направлено только къ насильственному господству и къ войнѣ. Даже знаменитая простота и неиспорченность спартанцевъ была не столько добродѣтелью, сколько необходимымъ условіемъ ихъ существованія. Неизмѣнность и долговѣчіе спартанскаго устройства были, главнымъ образомъ, основаны на убѣжденіи въ собственныхъ достоинствахъ и на гордости, которую военныя занятія всегда и вездѣ внушали людямъ. Хотя власть и сосредоточивалась въ Спартѣ въ рукахъ немногихъ стариковъ, но сознаніе своей силы и превосходства надъ другими народами и мысль, что эти испытанные старики, долгое время бывшіе какъ бы властителями всей Греціи, выбраны изъ ихъ же среды, — наполняла всѣхъ спартанцевъ одинаковой рыцарской гордостью, одинаковымъ презрѣніемъ ко всѣмъ низкимъ идеямъ и занятіямъ, ко всякой низости и трусости, и тѣмъ благороднымъ духомъ, который держался въ нихъ, пока искушенія не сдѣлались чаще, и всѣмъ намъ прирожденная чувственность не взяла верхъ надъ обычаями и закономъ.

Но при всей односторонности и лишеніяхъ спартанской жизни, она имѣла свои заманчивыя черты и могла дать пищу душѣ человѣка. Какъ средневѣковый рыцарь проникался возвышенными чувствами и мыслями подъ вліяніемъ религіи, обрядовъ и поэзіи, такъ и спартанецъ вдохновлялся немногими переданными ему свѣдѣніями и запечатлѣнными въ памяти твореніями могучей народной поэзіи. Кругъ его мыслей былъ тѣсенъ; но въ этомъ тѣсномъ кругу душа, удаленная воспитаніемъ и привычкой отъ всякой пошлости и разврата, сохраняла все свое первобытное благородство, пока наконецъ и въ Спартѣ, какъ въ новѣйшее время въ Голландіи и въ Швейцаріи, долго державшіеся нравы не уступили дѣйствію всеуничтожающаго времени. Наконецъ, просвѣтляющимъ элементомъ спартанской жизни являлись искусства, поэзія, музыка и періодическія національныя торжества, гдѣ, подъ защитой родныхъ божествъ, собирался для поклоненія имъ весь народъ, властители и подвластные, — кромѣ бѣдняковъ гелотовъ. Такимъ образомъ, мракъ жизни безъ ремеслъ и торговли, безъ литературы и театра хотя отчасти прояснялся этими чертами греческаго быта.

Послѣдніе годы и смерть знаменитаго спартанскаго законодателя являются въ разсказахъ древнихъ въ той же сказочной формѣ, какъ и вообще вся его жизнь.

Его учрежденія были введены не безъ затрудненій и сначала вызвали многія безплодныя попытки частнаго сопротивленія. По окончаніи дѣла Ликургъ объявилъ, говорятъ, народному собранію, что для довершенія его необходима еще одна мѣра; но что на счетъ ея онъ долженъ сначала спросить совѣта у дельфійскаго оракула. Затѣмъ онъ взялъ со всѣхъ гражданъ клятвенное обѣщаніе не дѣлать до возвращенія его никакихъ измѣненій въ законахъ. Въ Дельфахъ оракулъ сообщилъ ему, что учрежденія его превосходны, и что Спарта будетъ государствомъ могущественнымъ и славнымъ, пока останется имъ вѣрна. Ликургъ передалъ спартанцамъ изреченіе оракула, но самъ къ нимъ уже не возвращался, чтобы не развязать ихъ отъ данной ими присяги. Куда онъ отправился, и гдѣ онъ кончилъ жизнь — трудно рѣшить, — показанія древнихъ объ этомъ противорѣчатъ другъ другу. По однимъ, онъ умеръ недалеко отъ Дельфовъ; по другимъ — въ Элидѣ; по третьимъ — на островѣ Критѣ. Преданіе говоритъ также, что, умирая, Ликургъ приказалъ сжечь свой трупъ и пепелъ его бросить въ море, чтобы перенесеніе его въ Спарту не подало какъ-нибудь спартанцамъ повода счесть себя освобожденными отъ исполненія своей клятвы.

Въ ближайшее послѣ Ликурга время, спартанцы подчинили себѣ остававшуюся свободной часть ахейскаго населенія Лаконіи и вели войну съ сосѣдями своими, аргосцами. Вскорѣ послѣ того вспыхнула продолжительная и упорная борьба между ними и мессенцами. Борьба эта, продолжавшаяся девятнадцать лѣтъ (съ 743 по 724 до р. Х.), извѣстна подъ именемъ первой Мессенской войны. Обстоятельства ея, такъ же какъ и ходъ второй войны того же имени, дошли до потомства только въ пѣсняхъ и легендахъ, гдѣ они являются въ весьма изукрашенномъ видѣ, такъ что относительно частныхъ эпизодовъ никакъ нельзя доискаться истины. Поводомъ къ первой войнѣ были частные споры пограничныхъ жителей. Преданіе говоритъ, что еще прежде одинъ спартанскій царь съ нѣсколькими юношами, переряженными въ дѣвушекъ, напалъ, во время общественнаго богослуженія, на собравшихся знатныхъ мессенцевъ и при этомъ лишился жизни. По другому источнику, толпа мессенцевъ похитила спартанскихъ дѣвушекъ и убила спѣшившаго на выручку ихъ царя. Начались переговоры, тянувшіеся до тѣхъ поръ, пока одинъ спартанецъ не продалъ стада, довѣреннаго его надзору мессенцемъ, и не убилъ присланнаго къ нему сына этого человѣка. Мессенецъ пошелъ жаловаться въ Спарту и, не получивъ удовлетворенія, перебилъ на обратномъ пути всѣхъ встрѣчавшихся ему спартанцевъ. Переговоры, начатые по этому случаю, также затянулись и были наконецъ прерваны спартанцами, внезапно и безъ объявленія войны вторгнувшимися въ Мессенію.

Перевѣсъ въ начавшейся войнѣ, большею частью, находился на сторонѣ спартанцевъ. Въ ежегодныхъ нападеніяхъ своихъ на Мессенію, спартанцы постоянно пріобрѣтали господство надъ всей плоской частью края. Мессенцы могли держаться противъ нихъ только въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны такого рода, мессенцы рѣшились бросить всѣ свои города и сосредоточить всю свою силу въ горной крѣпости Итомѣ. Здѣсь, во все остальное время войны, происходила ожесточенная борьба, похожая на борьбу троянъ и грековъ героическаго періода, и поэтическія легенды точно также изукрасили и прославили это событіе. Мессенцы, съ самаго начала, послали спросить совѣта у дельфійскаго оракула и получили въ отвѣтъ, что они въ томъ только случаѣ могутъ надѣяться на побѣду, если принесутъ въ жертву богамъ дѣвушку изъ царскаго рода. По этому случаю между мессенцами возникаютъ споры, прекращенные наконецъ Аристодемомъ, главнымъ героемъ Мессеніи и членомъ ея царскаго дома. Аристодемъ рѣшается принести въ жертву свою собственную дочь. Женихъ ея не соглашается на это, и раздраженный отецъ собственноручно зарѣзываетъ дочь. Приговоръ оракула приводитъ спартанцевъ въ уныніе, хотя собственно царская дочь была принесена въ жертву не богамъ, а гнѣву своего отца. Аристодемъ, Гекторъ Итомы, совершаетъ тогда блистательные подвиги. Въ это время къ мессенцамъ присоединяются аргосцы, сикіонцы и аркадцы, и когда бездѣтный царь ихъ погибаетъ въ нерѣшительномъ сраженіи, то на его мѣсто выбирается Аристодемъ. Спартанцы подвергаются совершенному пораженію. Но вскорѣ счастіе опять переходитъ на ихъ сторону. Мессенцамъ сообщается новое изрѣченіе оракула, о которомъ спартанцы узнаютъ однако прежде ихъ. Оракулъ обѣщалъ по-

бѣду тому народу, который первый поставитъ сто треножниковъ въ итомскомъ храмѣ Юпитера. Мессенцы не спѣшили этимъ дѣломъ, такъ какъ предсказаніе хранилось въ тайнѣ отъ спартанцевъ, и кромѣ того казалось, что имъ невозможно его исполнить. Но одинъ спартанецъ, переодѣвшись, успѣлъ пробраться въ Итому и поставилъ въ назначенномъ храмѣ сто маленькихъ глиняныхъ треножниковъ.

Отчаяніе овладѣваетъ тогда мессенцами, тѣмъ болѣе, что и разныя другія примѣты безпрестанно предсказывали имъ несчастіе. Аристодемъ, преслѣдуемый страшными сновидѣніями, впалъ въ безнадежность и лишилъ себя жизни на гробѣ напрасно принесенной въ жертву дочери. Тогда союзники отступились отъ мессенцевъ; въ ихъ горной крѣпости обнаружился недостатокъ припасовъ, и, наконецъ, послѣ пяти мѣсяцевъ страданій и геройской защиты, они были принуждены прекратить войну. Часть ихъ бѣжала въ Аркадію, Аргосъ и Сикіонъ, а прочіе сдались спартанцамъ, разрушившимъ тотчасъ Итому. Оставшіеся мессенцы подверглись тяжелой участи. Они лишились политической свободы, и хотя имущество было имъ оставлено, но часть ихъ прибрежья была отдана спартанскимъ періэкамъ. Кромѣ того, они были обложены тяжелою данью половины полеваго сбора и обязаны были, при похоронахъ всякаго спартанскаго царя, надѣвать трауръ.

Такое униженіе и жестокость естественно должны были довести мессенцевъ до отчаянія и, рано или поздно, вызвать возстаніе и новую войну. Это было тѣмъ необходимѣе, что и другіе народы Пелопоннеса не могли безъ опасенія видѣть значительное возрастаніе спартанскаго могущества. И дѣйствительно, чрезъ тридцать девять лѣтъ послѣ паденія Итомы вспыхнула вторая Мессенская война. Она продолжалась съ 685 до 670 года, и была ведена спартанцами съ гораздо большимъ ожесточеніемъ чѣмъ первая, такъ какъ тутъ дѣло шло уже объ усмиреніи возставшихъ подданныхъ. Главнымъ героемъ этой войны былъ мессенецъ Аристоменъ, молодой человѣкъ, принадлежавшій къ царскому дому. Онъ былъ непосредственнымъ виновникомъ возстанія и во время войны явился предводителемъ мессенцевъ, отказавшись отъ предложеннаго ему соотечественниками царскаго достоинства. Подробности этой войны тоже дошли до потомства только въ пѣсняхъ и легендахъ, потому разсказы о ней также баснословны, какъ и разсказы о первой войнѣ. Въ особенности были воспѣты подвиги и приключенія Аристомена, и преувеличенные разсказы о нихъ у мессенцевъ точно такъ же переходили отъ отца къ сыну, какъ въ Аѳинахъ исторія Тезея или въ Ѳивахъ преданія о Кадмѣ и Эдипѣ.

Аристоменъ, выросшій въ Аркадіи, собравъ вокругъ себя сыновей и внуковъ мессенскихъ эмигрантовъ и обезпечивъ себѣ поддержку аркадскаго и аргосскаго населенія, вторгнулся въ Мессенію, сопровождаемый толпами своихъ соотечественниковъ и многихъ другихъ пелопоннесцевъ, присоединившихся къ нему. Едва вступилъ онъ на родную почву, какъ все населеніе страны возстало, и вскорѣ вся Мессенія вооружилась поголовно. Вслѣдъ за тѣмъ произошло сраженіе съ спартанцами. Мессенцы не выиграли его, но и не испытали пораженія, потому почувствовали довѣріе къ успѣху своего дѣла и къ способностямъ своего предводителя. Аристоменъ, котораго преданіе рисуетъ храбрымъ, какъ Ахиллеса, и хитрымъ, какъ Одисея, умѣлъ смѣлыми подвигами возвысить мужество своихъ согражданъ и навести ужасъ на непріятеля. Разсказываютъ, напримѣръ, что однажды онъ пробрался въ Спарту переодѣтымъ и въ тамошнемъ храмѣ богини войны поставилъ щитъ съ надписью: «Этотъ щитъ, часть добычи отнятой у спартанцевъ, — Аристоменъ посвящаетъ Минервѣ.»

Тогда спартанцы обратились за совѣтомъ къ дельфійскому оракулу и получили, говорятъ, въ отвѣтъ, что они должны выпросить себѣ предводителя у аѳинянъ. Аѳиняне, изъ зависти и ненависти къ Спартѣ, послали имъ хромаго и незнакомаго съ войной школьнаго учителя Тиртея, но этимъ самымъ помогли спартанцамъ больше, чѣмъ если бы отправили къ нимъ отличнаго полководца. Тиртей былъ великій поэтъ и могуществомъ своихъ пѣсенъ снова возбудилъ мужество и патріотизмъ въ обезнадеженныхъ и перессорившихся между собою спартанцахъ. Такъ говоритъ самая баснословная и потому пользовавшаяся наибольшимъ довѣріемъ легенда о второй Мессенской войнѣ. Очевидно, что это

чистая выдумка позднѣйшаго времени, когда между спартанцами и аѳинянами загорѣлась долго непотухавшая непріязнь. Другое преданіе говоритъ, что Тиртей, отъ котораго и до насъ дошло нѣсколько превосходныхъ военныхъ пѣсенъ, былъ гражданиномъ Дориды. Можетъ быть, все дѣло заключается просто въ томъ, что спартанцы, по совѣту дельфійскаго бога, ввѣрили главное начальство иностранцу. Изреченіе оракула и, съ другой стороны, раздоръ и недовѣріе, поселившіеся между спартанцами, дали этому иностранцу большее значеніе, чѣмъ то, какимъ пользовались прежніе спартанскіе полководцы; и, благодаря этому, такъ же какъ и въ слѣдствіе пробужденія нравственной силы спартанцевъ, онъ могъ дать ходу войны новый оборотъ. Въ томъ, что Тиртей былъ великимъ поэтомъ и военнымъ героемъ, не можетъ быть сомнѣнія. До позднѣйшаго времени пѣсни его пѣлись въ Спартѣ для возбужденія мужества. Ихъ уважали, какъ преданіе о подвигахъ предковъ, и пользовались ими для воспитанія и развитія юношества. Но военная его слава меркнетъ передъ пѣснями, которыя доводятъ блестящіе подвиги Аристомена до предѣловъ чудеснаго. Можетъ быть, что виновниками этого были сами спартанцы, въ особенности, если Тиртей былъ не доріецъ, а аѳинянинъ, какъ говоритъ одна легенда.

Но, не смотря на то, что появленіе Тиртея снова возбудило упавшее мужество спартанцевъ, счастіе все-таки еще долго благопріятствовало мессенцамъ. Въ одномъ большомъ сраженіи Аристоменъ одержалъ даже такую блестящую побѣду, что спартанцы уже хотѣли отказаться отъ продолженія войны, и только Тиртей удержалъ ихъ отъ этого намѣренія. Аристоменъ вступаетъ въ предѣлы Лаконіи и даже рѣшается проникнуть до ближайшихъ окрестностей Спарты. Однажды, на храмовомъ праздникѣ, онъ нападаетъ на спартанскихъ женщинъ, попадается имъ въ плѣнъ, но вскорѣ ускользаетъ отъ нихъ и совершаетъ еще много другихъ похожденій подобнаго рода. Наконецъ, дѣло доходитъ до новаго сраженія. Оно проигрывается Аристоменомъ вслѣдствіе измѣны подкупленнаго спартанцами аркадскаго царя, Аристократа, и мессенцы испытываютъ кровавое пораженіе. Спартанцы пріобрѣтаютъ вслѣдствіе этого господство надъ низменной частью края, а противники ихъ удаляются, какъ нѣкогда въ Итому, въ горную крѣпость Иру, за обладаніе которой война тянется еще одиннадцать лѣтъ.

Эта продолжительная оборона находилась въ связи съ партизанской войной, въ которой мессенцы такъ сильно тревожили своихъ противниковъ набѣгами, что тѣ принуждены были отказаться на нѣкоторое время отъ обработки полей занятой ими Мессеніи. Поэтическое преданіе украшаетъ этотъ періодъ войны самыми удивительными подвигами и приключеніями мессенскаго героя. Однажды онъ, между прочимъ, попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ пятидесятью товарищами, сопровождавшими его въ партизанскомъ набѣгѣ. Вмѣстѣ съ ними и его столкнули въ Каядасъ, скалистую пропасть, находившуюся въ Спартѣ. Туда обыкновенно бросали государственныхъ преступниковъ или ихъ трупы. Всѣ плѣнники погибли при этомъ паденіи, одинъ только Аристоменъ невредимо достигъ дна пропасти. Онъ пролежалъ тамъ три дня и уже думалъ, что ему придется погибнуть голодной смертью, когда его спасла лисица, подкравшаяся къ трупамъ. Онъ уцѣпился за ея хвостъ и, такимъ образомъ, пробрался по запутаннымъ изгибамъ пропасти. Благополучно выйдя изъ непріятельскаго города, онъ къ величайшей радости своихъ соплеменниковъ снова явился въ крѣпости Ирѣ. Здѣсь Аристоменъ отпраздновалъ гекатомфонію, — рѣдкое торжество, которое у древнихъ могъ праздновать только тотъ, кто собственною рукою убилъ сто человѣкъ непріятелей. Праздникъ этотъ три раза повторялся въ жизни Аристомена. Вскорѣ затѣмъ онъ снова былъ пойманъ критскими стрѣлками, нанятыми Спартой. Они потащили его связаннымъ, съ намѣреніемъ привести въ Спарту. На слѣдующую ночь, не успѣвъ еще миновать границы Мессеніи, зашли они въ домъ одной вдовы. Дочь этой женщины, желая спасти героя своей родины, перепоила стрѣлковъ, освободила плѣнника и убѣжала вмѣстѣ съ нимъ и своею матерью. Аристоменъ выдалъ свою избавительницу за сына своего, Горга.

Но, не смотря на все мужество и счастіе Аристомена, для Иры и мессенцевъ, какъ нѣкогда для Трои и ея героевъ, наступилъ часъ паденія. Въ бурную ночь мессенская стража ушла съ одного изъ крѣпостныхъ постовъ. Спар-

танцы узнали объ этомъ черезъ перебѣжчиковъ и взобрались на крѣпостной валъ. Три дня и три ночи защищались еще мессенцы подъ начальствомъ Аристомена. Наконецъ, выбившись изъ силъ, они были принуждены уступить превосходству непріятеля и гоненію судьбы. Аристоменъ потребовалъ свободнаго отступленія съ оружіемъ въ рукахъ. Спартанцы согласились на это, и Аристоменъ вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ товарищами отступилъ въ Аркадію (670 до р. Х.) Здѣсь онъ тотчасъ составилъ планъ неожиданнаго нападенія на Спарту, войска которой все еще находились въ Мессеніи. Но отъ плана этого пришлось отказаться, потому что спартанцы узнали о немъ отъ аркадскаго царя, котораго подданные за эту измѣну побили камнями. Аристоменъ отправился тогда въ городъ Галисъ, на островѣ Родосѣ. Царь этого города, Дамагетъ, спрашивалъ дельфійскаго оракула, кого ему слѣдуетъ взять въ жены? Оракулъ отвѣчалъ: «дочь величайшаго изъ грековъ». Вслѣдствіе того Дамагетъ женился на дочери Аристомена, котораго онъ взялъ съ собою на Родосъ. Здѣсь вскорѣ и умеръ Аристоменъ.

Мессенскіе эмигранты, чтобы найти себѣ новое отечество, поплыли, подъ предводительствомъ Горга, къ городу Регію въ нижней Италіи. Отсюда они овладѣли сицилійскимъ городомъ Занклою, и, выгнавъ прежнихъ жителей, дали ему имя своего роднаго края — Мессены. Это имя, измѣнившееся въ Мессину, городъ сохраняетъ и до сихъ поръ. Мессенцевъ, оставшихся на родинѣ, постигла самая ужасная участь: они всѣ были обращены въ гелотовъ. Это злоупотребленіе побѣдой было такъ же гибельно для спартанцевъ, какъ и для побѣжденнаго народа. Жестоко притѣсненные мессенцы не пропускали ни одного удобнаго случая, чтобы возставать противъ своихъ владыкъ, и враги Спарты всегда пользовались этимъ обстоятельствомъ въ войнахъ съ нею. Черезъ двѣсти лѣтъ послѣ окончанія второй мессенской войны, возстаніе мессенцевъ, къ которому присоединились и другіе гелоты, привело къ продолжительной, но несчастной для нихъ борьбѣ, извѣстной подъ именемъ третьей мессенской войны. Спустя сто лѣтъ, ѳиванцы, Эпаминондъ и Пелопидъ, во время побѣдоносной борьбы съ Спартой возстановили независимость Мессеніи и тѣмъ навсегда поколебали могущество Спарты. Нельзя однако отрицать, что притѣсненіе мессенцевъ и вообще гелотство имѣли для спартанцевъ и свою полезную сторону. Мысль о внутреннемъ врагѣ, готовомъ каждую минуту присоединиться къ враждебнымъ сосѣдямъ, всего сильнѣе поощряла спартанцевъ и періэковъ крѣпко держаться учрежденій, которыя изъ каждаго спартанца дѣлали воина и всю ихъ страну обращали въ вооруженный станъ.

Народъ, безпрерывно преданный военнымъ упражненіямъ, естественно, долженъ былъ часто ссориться съ своими сосѣдями. Это лежало въ самой природѣ вещей, и въ поводахъ къ войнѣ не могло быть недостатка. Могущественнѣйшими противниками Спарты въ Пелопоннесѣ были аркадцы и аргосцы, съ которыми ей не разъ приходилось вести войну. Аркадія, какъ и большая часть пелопоннесскихъ государствъ, должна была, наконецъ, заключить со Спартой союзъ и, подобно имъ, лишилась вслѣдствіе этого своей независимости. Арголида, послѣ долгой борьбы, потеряла въ 550 году до р. Х. прилегавшій къ Лаконіи округъ, Кинурію, и съ тѣхъ поръ уже не въ силахъ была воевать съ Спартой. Она не заключала, по примѣру другихъ пелопоннесскихъ государствъ, союза съ Спартою; напротивъ того, постоянно уклонялась отъ участія во всѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ Спарта являлась предводительницей пелопоннесцевъ, но была уже не въ силахъ лишить Спарту ея преобладающаго значенія или хотя бы только ослабить его. Около половины шестаго вѣка до р. Х. къ союзу съ Спартой принадлежали всѣ государства Пелопоннеса, за исключеніемъ одной только Арголиды и незначительной Ахаіи, долгое время не принимавшей никакого участія въ дѣлахъ Греціи. Отношенія Спарты къ союзникамъ заключались въ томъ, что въ общихъ войнахъ она распоряжалась ихъ войсками, давала направленіе общимъ дѣламъ союза и въ союзномъ совѣтѣ, рѣшавшемъ вопросы о мирѣ или войнѣ, имѣла рѣшительный перевѣсъ, не смотря на равенство голосовъ всѣхъ членовъ союза. Такое отношеніе сильной державы къ другимъ самостоятельнымъ государствамъ обыкновенно называютъ гегемоніей — словомъ, заимствованнымъ изъ греческаго языка. Такимъ образомъ, Спарта еще до начала персидскихъ войнъ стояла въ главѣ Пелопоннеса, сосредоточивала въ рукахъ своихъ всю силу дорійскаго племени, считалась и у грековъ и у не грековъ первымъ государствомъ Греціи, и

дѣйствительно имѣла право на это мѣсто, пока Аѳины, ставъ во главѣ іонійскаго племени, не лишили ее большей части ея значенія.

Въ послѣднемъ десятилѣтіи шестаго вѣка Спарта, союзниками которой, кромѣ большей части государствъ Пелопоннеса, были еще Мегара и Эгина, заговорила рѣшительнымъ тономъ и за предѣлами своего полуострова, вмѣшавшись вмѣстѣ съ своими союзниками во внутреннія дѣла аѳинянъ. Впрочемъ, достопамятная борьба между ею и Аѳинами за гегемонію въ Греціи начинается уже въ слѣдующемъ столѣтіи.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что въ концѣ этого періода одинъ спартанскій царь былъ низложенъ съ престола и, убѣжавъ въ Персію, сталъ въ ряды враговъ своей родины. Этого царя, соправителя властолюбиваго Клеомена I, звали Дамаратомъ. Онъ поссорился съ своимъ товарищемъ, и оба они всячески старались вредить другъ другу, пока, наконецъ, Клеомену не удалось погубить менѣе ловкаго противника. Онъ объявилъ, что Дамаратъ не царскій сынъ, а подкидышъ, воспитанный въ домѣ его предшественника. Рѣшеніе этого вопроса было предоставлено дельфійскому оракулу. Клеоменъ умѣлъ склонить его на свою сторону, и Дамарату пришлось оставить престолъ (491 до р. Х.). Горя желаніемъ отмстить, Дамаратъ отправился въ Персію, царь которой снаряжалъ въ то время экспедицію противъ Греціи.

5. Исторія аѳинянъ отъ Тезея до начала Персидскихъ войнъ.

Аттика, столицею которой были Аѳины, имѣла почву, большею частью, каменистую и не плодородную и занимала простанство въ сорокъ или сорокъ пять нѣмецкихъ квадратныхъ миль. Такимъ образомъ, по величинѣ она была не больше какого-нибудь тюринго-саксонскаго герцогства. Населеніе ея въ самый цвѣтущій періодъ ея исторіи не превосходило пятисотъ тысячъ человѣкъ. Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ нужно еще прибавить, что чрезвычайное развитіе торговли и мореплаванія Эгины долгое время не позволяли жителямъ Аттики держаться въ морѣ. И не смотря на все это, Аѳины вступили въ побѣдоносную борьбу съ могущественными и воинственными дорянами Пелопоннеса и достигли безпримѣрной въ исторіи степени блеска, который черезъ нихъ озарилъ и все іонійское племя. Аѳиняне не только стали во главѣ всѣхъ государствъ Греціи, но умѣли соединить и усовершенствовать все, сдѣланное въ другихъ греческихъ странахъ, другими племенами Греціи. Они довели греческую цивилизацію до послѣдней степени совершенства, до лучшаго ея выраженія, и стали, вслѣдствіе того, красою человѣчества.

Только обстоятельства особеннаго рода, вызванныя персидскими войнами, могли доставить жителямъ такой маленькой и бѣдной земельки это громадное всемірно-историческое значеніе. Демократическая конституція Солона, благопріятствовавшая развитію ума, искусствъ и промышлености, способствовала этому въ значительной степени, но далеко не была единственной причиной величія и значенія аѳинянъ. Еще до нея они успѣли занять важное мѣсто въ ряду грековъ, и уже затѣмъ это измѣненіе государственнаго порядка и благопріятныя внѣшнія обстоятельства поставили ихъ на необыкновенную степень высоты.

Послѣ смерти царя Менестея, выгнавшаго героя Тезея изъ Аѳинъ, потомки Тезея снова овладѣли престоломъ. Значеніе Аѳинъ было въ то время такъ ничтожно, что подъ Троей царь ихъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду греческихъ государей. Въ эпоху возвращенія гераклидовъ, іоняне, выгнанные изъ Ахаіи Тисаменомъ, вмѣстѣ съ частью ахейскаго населенія другихъ мѣстностей Пелопоннеса, бѣжали въ Аттику. Въ числѣ этихъ ахеянъ находился Мелантъ, потомокъ прославившагося въ Троянской войнѣ царя Нестора. Онъ спасъ аѳинянъ въ одной изъ ихъ войнъ съ жителями Беотіи, выйдя побѣдителемъ изъ единоборства, отъ котораго отказался аѳинскій царь, правнукъ Тезея. Царь этотъ былъ за то низвергнутъ съ престола, отданнаго Меланту.

Преемникомъ Меланта является сынъ его, Кодръ, исторія котораго, какъ и вообще вся исторія отдаленныхъ временъ, искажена сказками и прикрасами.

Во время его царствованія аѳиняне вели войну съ дорянами Пелопоннеса, и дельфійскій оракулъ обѣщалъ побѣду тому народу, чей царь будетъ убитъ непріятелемъ. Кодръ рѣшился пожертвовать собою для блага отечества, и такъ какъ дорянамъ было приказано щадить жизнь аѳинскаго царя, то онъ отправился къ нимъ въ лагерь, переодѣтый поселяниномъ, завязалъ тамъ ссору съ нѣсколькими солдатами и былъ ими убитъ (около 1068 г. до р. Х.). Тогда доряне, отчаявшись въ побѣдѣ, вышли изъ Аттики, оставивъ однако за собой обладаніе Мегарой, которая до тѣхъ поръ была подвластна Аѳинамъ. По словамъ преданія, аѳиняне послѣ смерти Кодра отмѣнили у себя царское достоинство, говоря, что нѣтъ человѣка, достойнаго занять мѣсто такого благороднаго царя. Достовѣрно только то, что послѣ Кодра аѳинскіе правители назывались уже не царями, а архонтами (владыками). Многіе считаютъ себя въ правѣ выводить изъ этого обстоятельства то заключеніе, что послѣ смерти Кодра царская власть была весьма ограничена; но это сомнительно. Напротивъ того, безспорно достовѣрно другое событіе, происшедшее, какъ полагаютъ, тогда же и имѣвшее важное значеніе въ греческой исторіи. Сыновья Кодра поссорились за обладаніе престоломъ, и тѣ изъ нихъ, которые потерпѣли неудачу, были принуждены эмигрировать. Аттика была тогда переполнена пелопоннесскими бѣглецами, и потому большая часть іонянъ, пришедшихъ изъ Ахаіи, поплыла вмѣстѣ съ этими сыновьями Кодра къ берегамъ Малой Азіи. Результатомъ было основаніе Милета, Эфеса и другихъ іонійскихъ колоній, доставившихъ впервые важность въ Греціи Аѳинамъ, городу, не имѣвшему до тѣхъ поръ никакого значенія. Іонійскія колоніи развились быстро и блистательно; вслѣдствіе того поднялась и метрополія ихъ—Аѳины, значеніе которой относительно спартанцевъ и другихъ дорянъ стало расти въ той самой мѣрѣ, въ какой развивались сила и богатство іонійскихъ государствъ Малой Азіи и основанныхъ ими колоній.

Въ Аѳинахъ весьма рано обнаружилось вліяніе знатныхъ родовъ, называвшихся эвпатридами. Съ теченіемъ времени вліяніе это усилилось, и монархическая форма правленія стала все болѣе и болѣе переходить въ аристократическую. Нѣкоторыя изъ знатныхъ фамилій еще въ героическія времена наслѣдственно владѣли жреческими должностями и вслѣдствіе того пользовались большимъ значеніемъ. А цари не могли надѣяться на поддержку сосѣднихъ дорійскихъ государствъ и даже не имѣли права содержать стражу, которая могла бы оградить ихъ власть силою оружія. Съ другой стороны, іонійскія колоніи, скоро сдѣлавшіяся республиками, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своей метрополіей, которая и сама всегда славилась трудолюбіемъ и дѣятельностью своихъ гражданъ больше, чѣмъ военнымъ могуществомъ. Всѣ эти обстоятельства должны были приблизить монархическую форму правленія Аѳинъ къ республиканской. Царская власть постепенно теряла значеніе и наконецъ должна была уступить мѣсто аристократіи. Прежде всего (752 до р. Х.) были отмѣнены наслѣдственность и пожизненность достоинства архонтовъ. Положено было, что назначеніе въ архонты производится не иначе, какъ по выбору. Архонтомъ нельзя было оставаться долѣе десяти лѣтъ, по прошествіи которыхъ бывшій архонтъ былъ обязанъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Сначала архонтовъ выбирали изъ потомства Кодра, но потомъ званіе это стало доступно всѣмъ эвпатридамъ. Въ 682 г. до р. Х. сдѣланъ былъ еще шагъ впередъ, и постановлено вмѣсто одного архонта выбирать девять и срокомъ всего на одинъ годъ. Всѣ девять архонтовъ выбирались изъ среды эвпатридовъ. Трое изъ нихъ занимались собственно правительственными дѣлами, а остальные шесть — судебной частью. Послѣднихъ называли тесмотетами (т. е. ревизорами, охранителями законовъ). Званіе первыхъ трехъ архонтовъ считалось высшимъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ особенный титулъ. Перваго звали архонтомъ — эпонимомъ, т. е. архонтомъ, дающимъ имя, потому что въ Аѳинахъ означали годъ его именемъ, какъ въ Римѣ именами консуловъ. Онъ считался главнымъ между архонтами и завѣдывалъ различными дѣлами. Втораго звали архонтомъ — царемъ, потому что онъ занимался главнымъ образомъ религіозными дѣлами, подлежавшими прежде вѣдѣнію царя. Наконецъ, третьяго, по роду его занятій, называли архонтомъ — полемархомъ, т. е. военнымъ министромъ.

Такъ установилась въ Аѳинахъ чистѣйшая аристократія. Она правила сурово

и жестоко и естественнымъ образомъ не могла долго продолжаться. Управленіе государствомъ безусловно сосредоточивалось въ рукахъ дворянства. Только эвпатриды могли быть судьями, и приговоры ихъ составлялись на основаніи незаписанныхъ, имъ однимъ извѣстныхъ и потому совершенно произвольныхъ, узаконеній. Жрецами важнѣйшихъ божествъ были опять, по праву наслѣдства, члены тѣхъ же фамилій, въ рукахъ которыхъ находилась и судебная власть. Такимъ образомъ, пока держалось это чисто аристократическое устройство, гражданинъ, оскорбленный въ правахъ своихъ, не могъ съ довѣріемъ обратиться ни къ правительству, ни къ судамъ, ни къ жрецамъ. Обстоятельства неизбѣжно приводили его къ самоуправству, и отсюда возникали всякаго рода безпорядки. Къ счастію, аѳинскіе граждане сохранили еще отъ героическихъ временъ право собираться и издавать законы. Поэтому, если народъ находилъ руководителя, то онъ могъ вынуждать эвпатридовъ къ уступкамъ въ свою пользу. Такимъ образомъ, въ 624 году аристократія была принуждена уступить желанію народа, и изданіемъ письменныхъ законовъ былъ положенъ конецъ судебному произволу. Тогдашній архонтъ, Д р а к о н ъ, былъ уполномоченъ эвпатридами на составленіе такого законодательства. Много пособить дѣлу это, однако, не могло, потому что корень зла заключался не въ законахъ, а въ политическомъ устройствѣ и въ томъ, что народъ, устраненный отъ всѣхъ государственныхъ должностей, не имѣлъ достаточно силъ, чтобъ заставлять уважать законы.

Законодательство Дракона совершенно не касалось политическаго устройства, а измѣняло только законы, на основаніи которыхъ должны были составляться судебные приговоры. Наказанія, опредѣленныя ими, были такъ жестоки, что даже за легкіе проступки, какъ, напримѣръ, за кражу фруктовъ и т. п., была положена смертная казнь. Впослѣдствіи про законы эти говорилось, что они писаны не чернилами, а кровью. Очевидно, что, уступая народному требованію объ изданіи письменныхъ законовъ, эвпатриды имѣли намѣреніе подавить просыпавшееся сознаніе народа гнетомъ крайне жестокихъ наказаній. Поэтому законодательство Дракона вскорѣ стало предметомъ глубокой ненависти, страданія народа остались прежнія, и раздоръ между аристократіею и гражданами продолжалъ разгораться.

Вскорѣ послѣ изданія законовъ Дракона (около 598 или, что вѣроятнѣе, около 610 года) вспыхнули сильные раздоры между самими эвпатридами. Они раздѣлились на двѣ партіи, спорившія между собой о первенствѣ. Предводитель одной изъ нихъ, К и л о н ъ, рѣшился воспользоваться этими смутами, чтобы сдѣлаться единственнымъ правителемъ города. Килонъ былъ зятемъ тирана сосѣдняго города Мегары, получилъ оттуда подкрѣпленіе вооруженными людьми и, кромѣ того, досталъ отъ дельфійскаго оракула предсказаніе, которымъ надѣялся оправдать свой поступокъ въ глазахъ народа. Ему было тѣмъ легче составить этотъ планъ, что тогдашнее положеніе Греціи особенно благопріятствовало появленію тирановъ. Обнаружившаяся впослѣдствіи всеобщая ненависть къ владычеству одного въ то время не успѣла еще развиться; да и гнетъ аристократіи облегчалъ тиранамъ осуществленіе ихъ цѣли. Килонъ неожиданно напалъ на Акрополисъ, или аѳинскую цитадель, и овладѣлъ ею. Но онъ не разсчиталъ свои силы и силы своихъ противниковъ. Аристократія и архонты вооружили своихъ сельскихъ вассаловъ, нарушители спокойствія были заперты въ Акрополисѣ и обречены на голодную смерть. Килонъ и братъ его успѣли пробраться мимо непріятельскихъ сторожевыхъ постовъ и благополучно достигли Мегары; остальнымъ не удалось бѣжать. Когда нѣкоторые изъ нихъ уже погибли отъ голода, они бросились искать спасенія въ храмахъ, которые въ Греціи всегда считались неприкосновенными убѣжищами; но и тамъ были перерѣзаны. Это преступленіе противъ божества было сдѣлано подъ руководствомъ архонтовъ, т. е. было дѣломъ государственнымъ, и по понятіямъ грековъ, наказаніе за грѣхъ должно было упасть на весь аѳинскій народъ; но такъ какъ всего болѣе дѣйствовала при этомъ одна изъ знатнѣйшихъ аѳинскихъ фамилій, Алкмеониды, то на нее въ особенности должна была пасть вся тяжесть небеснаго проклятія. Въ позднѣйшее время партіи часто пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы возбуждать суевѣрный народъ противъ того или другаго изъ проклятыхъ небомъ Алкмеонидовъ и вытѣснять ихъ съ политическаго поприща.

Вскорѣ послѣ этого событія, Аѳины начали опасаться гнѣва боговъ и, по

предложенію въ первый разъ явившагося тутъ на политическомъ поприщѣ, знаменитаго впослѣдствіи Солона, участники убійства были обвинены судебнымъ порядкомъ. Тѣ изъ нихъ, которые остались въ живыхъ, были принуждены удалиться изъ Аттики, а кости умершихъ были вырыты изъ земли и вывезены за границу. Но народъ все-таки не успокоился, и когда принадлежавшій къ Аттикѣ островъ Саламинъ былъ завоеванъ жителями Мегары, а въ Аѳинахъ распространилась зараза, то въ этихъ событіяхъ аѳиняне увидѣли гнѣвъ боговъ и сочли за необходимое общественнымъ покаяніемъ очистить отъ грѣха весь городъ. Для приличнаго совершенія этого покаянія призвали въ Аѳины знаменитаго Эпименида Критскаго, друга Солона (597 до р. Х.). Эпименидъ, подобно Пиѳагору, соединялъ въ себѣ таинственную внѣшность восточнаго жреца съ прозорливостью, правдивостью и безкорыстіемъ греческаго политика и мудреца. Ему приписывали сношенія съ богами и, въ числѣ другихъ его чудесъ, разсказывали, что еще въ юности онъ впалъ однажды въ глубокій сонъ, продолжавшійся не менѣе сорока лѣтъ. Пригласивъ въ Аѳины этого мудреца, другъ Эпименида, Солонъ, показалъ себя однимъ изъ тѣхъ людей, которые, прославляя и даже поощряя развитіе свободы народа, въ то же время старались сдерживать ее посредствомъ религіи, прилаживая мистическіе обряды востока къ политическому быту Греціи. Эпименидъ, очистивъ Аѳины отъ грѣха посредствомъ различныхъ странныхъ церемоній, успѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовать весь аѳинскій культъ и старался помочь пріятелю своему, Солону, привести въ исполненіе задуманную имъ тогда государственную реформу.

Черезъ три года послѣ этого очищенія (594) Солонъ выполнилъ свое намѣреніе и составилъ знаменитое свое законодательство. Извѣстный, какъ поэтъ и одинъ изъ семи, такъ называемыхъ, греческихъ мудрецовъ, онъ принадлежалъ по рожденію къ знатнѣйшимъ аѳинскимъ фамиліямъ. Одаренный большими способностями, онъ умѣлъ пріобрѣсти знаніе людей и усвоить себѣ все образованіе того времени. Съ этою цѣлію онъ предпринималъ путешествія въ различныя страны и, по возвращеніи на родину, успѣлъ пріобрѣсти такое значеніе, что могъ уже принять, какъ мы видѣли, участіе въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за возстаніемъ Килона. Со времени очищенія, совершеннаго Эпименидомъ, онъ сталъ первымъ лицемъ въ государствѣ и вслѣдъ затѣмъ помогъ своимъ согражданамъ завоевать обратно Саламинъ, какъ говорятъ, посредствомъ двойной хитрости. Аѳиняне нѣсколько разъ возобновляли нападенія на этотъ островъ, но были постоянно отражаемы съ такими потерями, что, наконецъ, грозили смертною казнью тому, кто еще разъ заговоритъ объ этомъ предпріятіи. Не смотря на то, Солонъ, сговорившись съ нѣсколькими другими гражданами, вскорѣ вызвалъ безнаказанно новую попытку возвратить Саламинъ. Распространивъ слухъ о томъ, что онъ часто подвергается припадкамъ умопомѣшательства, онъ явился однажды въ народное собраніе, притворившись сумасшедшимъ, и прочелъ сочиненные имъ же стихи, воспламенившіе народъ къ новому нападенію на Саламинъ. Когда, при посредствѣ друзей его, предпріятіе это было рѣшено, ему поручили начальство надъ экспедиціей, и онъ, посредствомъ военной хитрости, отнялъ островъ у жителей Мегары.

Вслѣдъ затѣмъ Солонъ вызвалъ первую, изъ такъ называемыхъ, священныхъ войнъ, веденныхъ государствами союза амфиктіоновъ для защиты храма Аполлона въ Дельфахъ. Жители фокидскаго города Кирры обременяли разными поборами путниковъ, шедшихъ къ оракулу, и наконецъ сдѣлали разбойническое нападеніе на владѣнія самого бога. Мнѣнія въ союзѣ амфиктіоновъ, который долженъ былъ наказать за это преступленіе, раздѣлились, и рѣшеніе его замедливалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ Солонъ, въ званіи представителя Аѳинъ, не успѣлъ склонить союзъ къ начатію первой священной войны. Война эта продолжалась съ 600 по 590 годъ и кончилась тѣмъ, что городъ Кирра былъ разрушенъ, а округъ его посвященъ богу Аполлону, и произнесено страшное проклятіе каждому, кто когда-нибудь осмѣлится воздѣлывать эту землю. Усердіе, съ которымъ Солонъ хлопоталъ объ отмщеніи за бога, доставило ему большое уваженіе, какъ въ Аѳинахъ, такъ и во всей Греціи.

Между тѣмъ неправильность общественныхъ отношеній въ Аѳинахъ такъ усилилась, что явилась необходимость измѣнить ихъ и уничтожить зло съ корнемъ. Значительная часть народа впала въ страшные долги, поставившіе ихъ въ полную

зависимость отъ аристократіи, и которыхъ нельзя было уплатить правильнымъ образомъ. Должники и кредиторы почти открыто воевали другъ противъ друга. Въ вопросѣ о государственномъ управленіи населеніе Аттики точно также дѣлилось на три партіи, соотвѣтствовавшія отчасти различнымъ географическимъ особенностямъ страны и имѣвшія сообразныя съ этимъ имена. Педіэями, или жителями плоской части страны, разстилавшейся къ сторонѣ Мегары, называли знатныхъ землевладѣльцевъ, старавшихся удержать аристократическое правленіе; діакріями или гиперакріями, т. е. горными жителями, первоначально называли жителей гористыхъ округовъ въ сѣверной и восточной части Аттики, но, въ смыслѣ партіи, этимъ именемъ означали всю массу бѣдныхъ, желавшую полнаго государственнаго переворота и установленія демократіи. Наконецъ, подъ именемъ паралієвъ, т. е. собственно прибрежныхъ жителей южной Аттики, разумѣли зажиточную часть городскаго сословія, желавшую смѣшаннаго правленія. Чтобы ослабить раздоры этихъ партій и введеніемъ новаго законодательства радикально излечить общественныя язвы, аѳиняне выбрали архонтомъ Солона, вмѣстѣ съ тѣмъ поручивъ ему сдѣлать въ правленіи и въ законахъ всѣ измѣненія, какія онъ сочтетъ необходимыми.

Первое, за что взялся Солонъ, было улучшеніе крайне напряженныхъ отношеній между должниками и кредиторами, или, такъ называемая, сейсахтія, т. е. буквально: сбрасываніе бремени. Это не было уничтоженіемъ долговъ; чрезмѣрное неравенство состояній Солонъ смягчилъ, главнымъ образомъ, только измѣненіемъ монеты. Онъ понизилъ ее на 27 или 28 процентовъ и этимъ на столько же возвысилъ цѣнность наличныхъ денегъ относительно тѣхъ, какія полагалось чеканить впредь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя на должникахъ обязанность уплатить всю сумму ихъ долговъ, онъ приказалъ производить уплату новыми деньгами. Должники выигрывали такимъ образомъ 27 или 28 процентовъ. Кромѣ того, Солонъ отмѣнилъ старый законъ, по которому кредиторъ могъ удовлетворять себя продажей должника въ рабство.

Солонъ ввелъ въ Аѳины демократію, къ которой, однако, очень ловко и почти непримѣтно былъ примѣшанъ аристократическій элементъ. Замѣчательнѣйшей, всемірно-исторической чертой этого правленія было то, что Солонъ первый замѣнилъ аристократію рожденія — тимократіей, т. е. аристократіей богатства. Другими словами, онъ первый поставилъ большую или меньшую степень правительственнаго участія гражданъ въ зависимость отъ ихъ имущества, между тѣмъ какъ прежде различіе политическихъ правъ опредѣлялось рожденіемъ, т. е. было наслѣдственнымъ. Ниже будетъ показано, какъ Солонъ, посредствомъ особенныхъ учрежденій, все-таки оставилъ за знатными нѣкоторую долю вліянія на управленіе.

Населеніе Аттики дѣлилось на три класса: на гражданъ, рабовъ и, такъ называемыхъ, метековъ, т. е. жителей, пользовавшихся покровительствомъ. Послѣдніе были лично свободны, но не имѣли никакого участія въ администраціи и законодательствѣ, потому что къ этому классу причислялись только поселившіеся въ Аттикѣ иностранцы или отпущенники и ихъ потомки. Рабы не пользовались никакими правами, и законъ только ограждалъ ихъ отъ полнаго произвола владѣльцевъ. Высшія политическія права составляли исключительную принадлежность гражданъ. Къ нимъ причислялись всѣ, родившіеся отъ законнаго брака между гражданиномъ и гражданкою, и тѣ, кому народное собраніе давало право гражданства. Граждане съ давнихъ поръ дѣлились на четыре разряда, называвшіеся филями. Фили эти возникли по географическимъ причинамъ и распадались на второстепенныя подраздѣленія. Солонъ сохранилъ ихъ, но, кромѣ того, раздѣлилъ гражданъ еще на четыре класса, по степени ихъ зажиточности. Лица, собиравшія ежегодно пятьсотъ мѣръ хлѣба и столько же вина и масла, принадлежали къ первому классу. Триста такихъ мѣръ были наименьшею нормою дохода для лицъ втораго класса, а двѣсти — для третьяго. Четвертый классъ состоялъ изъ тѣхъ, которые собирали менѣе двухсотъ мѣръ или не собирали ничего. И такъ, для опредѣленія зажиточности гражданъ были приняты доходы съ поземельной собственности. Тѣмъ же самымъ опредѣлялись въ законахъ Солона права и обязанности гражданъ, различныя для каждаго класса. Лица четвертаго класса, называвшіяся ѳетами, не платили податей и принимали участіе въ войнѣ только

какъ легко-вооруженные воины или какъ морскіе солдаты. Зато они не допускались ни къ какимъ должностямъ, и высшія политическія права ихъ заключались только въ томъ, что въ народномъ собраніи они имѣли голосъ наравнѣ съ гражданами первыхъ классовъ и могли быть выбираемы въ судьи. Члены первыхъ трехъ классовъ имѣли одинаковыя права на занятіе всѣхъ должностей, съ тѣмъ только исключеніемъ, что званіе архонтовъ и членовъ, такъ называемаго, ареопага было доступно однимъ гражданамъ перваго класса. Подати соразмѣрялись съ поземельнымъ доходомъ. Военная повинность распредѣлялась между различными классами также неодинаково. Лица перваго класса, называвшіяся пентекосіомедимнами, т. е. гражданами пяти сотъ мѣръ (медимновъ), преимущественно занимали высшія военныя должности. Члены втораго класса были обязаны являться на войну на конѣ и содержать для этого лошадь, почему ихъ и называли гиппеями, т. е. всадниками. Наконецъ, изъ третьяго класса составлялась въ военное время тяжеловооруженная пѣхота, и его члены назывались зевгитами, потому что были въ состояніи содержать зевгъ, т. е. запряжку для полевыхъ работъ.

Народное собраніе, въ которомъ всѣ граждане участвовали съ равнымъ правомъ голоса, было высшею правительственною властью; въ немъ, за немногими исключеніями, всѣ дѣла рѣшались простымъ большинствомъ голосовъ. Для участія въ собраніи необходимо было имѣть 18 или 20 лѣтъ отъ роду. По правиламъ, оно созывалось сенатомъ или предводителемъ войскъ по четыре раза въ каждые тридцать пять дней. Обыкновеннымъ мѣстомъ его былъ, такъ называемый, Пниксъ, холмъ, обдѣланный съ одной стороны полукругомъ, въ видѣ театра, съ рядами ступеней для сидѣнья. Для того, чтобы ни одинъ гражданинъ не могъ уйти изъ собранія прежде окончанія его, улицу, ведущую къ Пниксу, на это время загораживали. Передъ началомъ собранія точно также запирались городскія ворота, и прекращалась торговля на рынкахъ. Всѣхъ гражданъ, встрѣчавшихся въ это время на улицахъ, принуждали отправляться въ собраніе. Предсѣдательство принадлежало сначала президенту сената, но впослѣдствіи было ввѣрено девяти сенаторамъ, выбираемымъ по жребію изъ тѣхъ, которые не принадлежали къ такъ называемымъ пританамъ, или сенатскому комитету. Въ собраніи, всегда открывавшемся религіозными церемоніями, могъ говорить о дѣлахъ всякій, кто не подвергался наказаніямъ, съ которыми была соединена потеря этого права. Впрочемъ, само собою разумѣется, что и въ народномъ собраніи и въ сенатѣ на это рѣшались только люди, имѣвшіе значительное вліяніе на управленіе государствомъ, и для которыхъ государственныя дѣла были постояннымъ занятіемъ. Занимаясь только этими дѣлами, они серьезно готовились къ тому и отказывались отъ всякой промышленой дѣятельности.

Народное собраніе имѣло законодательную власть, выбирало государственныхъ чиновниковъ, оправдывало или смѣщало тѣхъ изъ нихъ, которые подвергались обвиненіямъ, опредѣляло налоги, требовало отчетъ въ употребленіи государственныхъ суммъ, рѣшало миръ и войну, такъ же какъ и всѣ внѣшнія дѣла вообще, и выслушивало иностранныхъ пословъ. Оно же давало право гражданства иностранцамъ, для чего, однако, требовалось не менѣе шести тысячъ голосовъ, распоряжалось религіозными дѣлами, торжествами и выраженіями народной благодарности, наконецъ, судило государственныя преступленія. Предоставивъ народному собранію такую обширную власть, Солонъ принялъ въ то же время мѣры, чтобы не допустить демократію перейти въ анархію. Такимъ образомъ, въ народное собраніе не могъ быть внесенъ ни одинъ вопросъ, не обсужденный предварительно сенатомъ. Вопросъ, отвергнутый имъ, не могъ уже быть предложенъ народу раньше года. При каждомъ предложеніи объ измѣненіи или отмѣнѣ существующаго закона, для защиты его являлись особенныя должностныя лица; послѣ этого онъ разсматривался комитетомъ гражданъ и снова былъ защищаемъ въ народномъ собраніи назначенными для того пятью лицами; потомъ проэктъ новаго закона долженъ былъ получить одобреніе сената и уже послѣ всего этого окончательно обсуждался народомъ.

Сенатъ или совѣтъ былъ высшимъ административнымъ мѣстомъ и управлялъ государственными дѣлами. По законамъ Салона, онъ состоялъ изъ четырехъ сотъ человѣкъ, выбираемыхъ ежегодно, по сту изъ каждой филы. Сенатъ

имѣлъ, такимъ образомъ, значеніе правительственной коллегіи, мѣнявшейся ежегодно, и такъ какъ сенаторы выбирались изъ всѣхъ четырехъ филъ, и притомъ по жребію, то его можно считать комитетомъ народнаго собранія, въ который по очереди поступали почти всѣ граждане и такимъ образомъ какъ бы поочередно управляли другъ другомъ. Неизвѣстно, исключилъ ли Солонъ гражданъ четвертаго класса изъ сената, или нѣтъ. Достовѣрно только, что чрезъ сто лѣтъ послѣ него выборъ въ члены сената производился безразлично изъ всѣхъ четырехъ классовъ. Наименьшій возрастъ, опредѣленный для поступленія въ сенатъ, былъ тридцатилѣтній, и каждый избранный долженъ былъ доказать, что онъ пользуется правами гражданства и не былъ запятнанъ проступками, ведущими за собою потерю высшихъ политическихъ правъ. Совѣтъ собирался ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, и засѣданія его, по всей вѣроятности, обыкновенно происходили публично. Онъ наблюдалъ за всѣми отраслями администраціи и за финансами, и совѣщался о государственныхъ дѣлахъ прежде ихъ представленія народному собранію. Онъ могъ и самъ отъ себя издавать узаконенія, но они имѣли силу только на одинъ годъ его службы. Изъ десятой части сената составлялся особый комитетъ, члены котораго мѣнялись чрезъ каждые тридцать пять дней, такъ что въ немъ поочередно засѣдали всѣ сенаторы. Этотъ комитетъ назывался пританіей, а члены его пританами. Онъ занимался текущими дѣлами и большую часть дня проводилъ въ особенномъ зданіи, называвшемся пританеемъ, чтобы имѣть возможность распорядиться въ случаѣ какого бы то ни было происшествія. Поэтому пританы и обѣдали тамъ на государственный счетъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками и тѣми гражданами, которымъ, въ награду за ихъ государственныя заслуги, было предоставлено это право, въ видѣ особенной почести. Одинъ изъ пританов выбирался по жребію въ президенты пританіи и совѣта, но всегда только на одинъ день. Этотъ президентъ хранилъ государственную печать, также ключи отъ казны и государственнаго архива.

Должностныя лица назначались въ народномъ собраніи по выбору или по жребію. Предъ вступленіемъ въ должность они подвергались испытанію такого же рода, какъ и члены совѣта, и по окончаніи службы точно также должны были дать въ ней отчетъ. Занятіе государственныхъ должностей считалось почетомъ, и всѣ онѣ исправлялись безвозмездно. Почтнѣйшими должностными лицами были девять архонтовъ, которые могли быть выбираемы только изъ перваго класса гражданъ. Прежде они стояли во главѣ правленія, но, по законамъ Солона, значеніе ихъ перешло къ пританамъ, а за ними остался только прежній почетъ и небольшая часть прежнихъ занятій. Первый архонтъ, именемъ котораго по прежнему обозначали годъ, завѣдывалъ главнымъ образомъ судебною частью по дѣламъ брачнымъ, опекунскимъ и по завѣщаніямъ. Второй преимущественно занимался религіозными дѣлами. Третій, или полемархъ, хотя и принималъ еще нѣкоторое участіе въ военномъ управленіи, которое въ сущности перешло въ руки десяти стратеговъ или полководцевъ, но главнымъ предметомъ его занятій были личныя и семейныя дѣла метековъ и иностранцевъ. Изъ шести остальныхъ, называвшихся тесмотетами, составленъ былъ совѣтъ, предсѣдательствовавшій въ судахъ и производившій слѣдствія.

Высшее управленіе военною частью сосредоточивалось въ рукахъ десяти стратеговъ, или полководцевъ, ежегодно избиравшихся народнымъ собраніемъ. Черезъ восемьдесять лѣтъ послѣ Солона, когда изъ четырехъ филъ сдѣлали десять, стратеги стали выбираться по одному изъ каждой филы. Въ мирное время они завѣдывали военными дѣлами, а на войнѣ командовали войсками. При этомъ они иногда распоряжались всѣ вмѣстѣ, а иногда главное начальство ввѣрялось одному или нѣкоторымъ изъ нихъ. Народное же собраніе назначало и другихъ высшихъ военачальниковъ. Съ 18 до 60 лѣтъ, каждый гражданинъ былъ обязанъ нести военную службу, и притомъ безвозмездно. Только черезъ полтораста лѣтъ послѣ Солона было положено жалованье служащимъ.

Судебныя мѣста имѣли устройство судовъ присяжныхъ. Изъ всей массы гражданъ, достигшихъ тридцатилѣтняго возраста, архонты ежегодно назначали по жребію шесть тысячъ человѣкъ, которые и составляли судейское со-

словіе на текущій годъ. Они назывались геліастами, тотчасъ послѣ избранія давали судейскую присягу и распредѣлялись между десятью существовавшими въ Аттикѣ судебными мѣстами, вѣдомству которыхъ подлежали уголовныя и гражданскія дѣла. Геліасты очень рѣдко собирались всѣ вмѣстѣ и составляли одинъ судъ. Такимъ образомъ, суды, такъ же какъ и сенатъ, были комитетами народнаго собранія, которое само произносило судебные приговоры по государственнымъ преступленіямъ. Предсѣдателями судовъ были архонты. Жалобы подавались письменно, а судопроизводство было изустное и публичное.

Весьма важнымъ правительственнымъ мѣстомъ былъ ареопагъ — единственная въ Аѳинахъ коллегія, члены которой не мѣнялись ежегодно, а избирались на всю жизнь. Членами ареопага были всѣ архонты, кончившіе свою службу. Имя свое онъ получилъ отъ возвышенія, на которомъ происходили его засѣданія. Это было судилище, существовавшее съ отдаленнѣйшихъ временъ, вѣдѣнію котораго подлежали дѣла по умышленнымъ убійствамъ и нанесенію ранъ, поджогамъ и отравленіямъ. Народъ издавна былъ проникнутъ особеннымъ суевѣрнымъ уваженіемъ къ ареопагу и соединялъ съ нимъ понятіе о нѣкоторой святости. Солонъ рѣшился еще болѣе усилить значеніе и почетъ ареопага, потому что хотѣлъ, придавъ ему олигархическій характеръ, воспользоваться имъ для ограниченія народнаго владычества, легко переходящаго въ анархію. Поэтому онъ оставилъ ареопагу его прежнюю судебную власть и, кромѣ того, ввѣрилъ ему надзоръ за ненарушимостью законовъ и правами. Нельзя съ точностью опредѣлить, въ чемъ собственно состояла власть, данная Солономъ ареопагу. Можетъ быть, Солонъ нарочно не изложилъ этого подробно. Вѣроятно только, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ ареопагъ имѣлъ рѣшительный голосъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, и, кромѣ того, составлялъ родъ высшаго моральнаго и полицейскаго управленія, наблюдавшаго за неприкосновенностью религіи и чистотою нравовъ. Такъ, напримѣръ, онъ слѣдилъ за нравственнымъ воспитаніемъ юношества, старался ограничивать роскошь и изнѣженность, собиралъ свѣдѣнія о промыслахъ гражданъ и т. п. Его судебныя засѣданія происходили ночью и въ темнотѣ, чтобы судьи не были подкуплены жалобнымъ видомъ подсудимаго. Обвинитель долженъ былъ принести страшную клятву въ томъ, что обвиненіе его будетъ правдиво. И ему и обвиненному запрещалось присоединять къ изложенію дѣла все, что къ нему прямо не относилось и было разсчитано на возбужденіе чувства и страстей. Все производство дѣла имѣло глубоко торжественный и сильно поражающій характеръ.

Таковы главныя черты устройства, которое Солонъ далъ аѳинянамъ, и вокругъ котораго вращаются послѣдующія событія ихъ внутренней исторіи. Кромѣ того, Солонъ издалъ многія отдѣльныя узаконенія, относившіяся къ частной жизни гражданъ, и такъ какъ они обнаруживаютъ настоящую цѣль его усилій, то и слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Человѣкъ, уклонявшійся отъ военной службы, или по трусости бросившій ввѣренный ему постъ, терялъ свои политическія права. Напротивъ того, дѣти убитыхъ на войнѣ воспитывались на счетъ государства. Такъ какъ въ демократической республикѣ раздѣленіе на партіи неизбѣжно, и потому тамъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, вредно, чтобы лучшіе люди уклонялись отъ участія въ этихъ партіяхъ, — то Солонъ постановилъ, чтобы, въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ, каждый гражданинъ непремѣнно присоединялся къ той или другой партіи. Каждый аѳинянинъ былъ обязанъ, по требованію ареопага, отдавать ему отчетъ въ своихъ занятіяхъ, а праздношатающіеся были наказываемы ареопагомъ. На родителяхъ лежала обязанность научить дѣтей какому-нибудь ремеслу, а дѣти, подъ страхомъ лишенія высшихъ гражданскихъ правъ, должны были содержать своихъ недостаточныхъ родителей, если только они исполнили свои обязанности относительно ихъ воспитанія. Нѣкоторые законы противъ роскоши умѣряли пышность женскихъ нарядовъ, великолѣпіе похоронъ и тому подобнаго нелѣпаго тщеславія.

Эти постановленія Солона и все его законодательство вообще, служатъ доказательствомъ, что онъ не хотѣлъ, какъ Ликургъ, обратить своихъ согражданъ въ воиновъ—рыцарей, а старался сдѣлать ихъ народомъ промышленнымъ и дѣятельнымъ, основывающимъ благосостояніе свое на трудахъ своихъ рукъ и на торговлѣ; народомъ, который бы любилъ свое общественное устройство,

такъ же какъ и спартанцы, но который бы самъ управлялъ собою и, равнымъ участіемъ въ управленіи всей массы гражданъ, постоянно поддерживалъ и развивалъ свои духовныя силы. Благодаря своему государственному устройству, аѳинскіе граждане, которыхъ въ позднѣйшее время считалось до двадцати тысячъ, дѣйствительно могли управляться демократически; между тѣмъ какъ это едва ли осуществимо въ торговомъ городѣ новѣйшаго времени. Ходъ дѣлъ въ народномъ собраніи, большое число судей и должностныхъ лицъ и частая перемѣна ихъ, вслѣдствіе ежегодныхъ выборовъ, знакомили почти каждаго аѳинянина съ порядкомъ управленія и распространяли во всѣхъ классахъ политическую проницательность и пониманіе общественныхъ дѣлъ. Конечно, это имѣло и свою дурную сторону,—впослѣдствіи большая часть аѳинянъ обратилась въ софистовъ и адвокатовъ; но зато умственныя ихъ силы выработались такъ, что въ Аѳинахъ образованность, и по высотѣ своей и по степени распространенія, стояла выше, чѣмъ когда-нибудь въ какомъ бы то ни было другомъ большомъ или маломъ государствѣ.

Введенное Солономъ устройство было демократіей, оно уничтожило прежнее аристократическое правленіе древнихъ знатныхъ родовъ. Но Солонъ сохранилъ и прежніе элементы, насколько они были нужны для поддержанія его законовъ. Сословіе благородныхъ все еще сохраняло преобладающее вліяніе въ государствѣ; не только потому, что составляло самую богатую часть гражданъ и болѣе всего было способно занимать высшія должности, но и потому, что ему одному ввѣрялись нѣкоторыя жреческія и богослужебныя должности, и что только изъ перваго класса выбирались архонты. Такимъ образомъ, мѣста въ священномъ судилищѣ, ареопагѣ, попрежнему остались въ рукахъ богатыхъ. Ареопагъ и другія учрежденія, имѣвшія цѣлью наблюденіе за нравами, заботились о томъ, чтобы народъ, не смотря на свое значительное участіе въ управленіи, не могъ впасть въ анархію. Впослѣдствіи, когда высокое развитіе могущества повлекло за собой развращеніе нравовъ, учрежденія Солона также исказились; нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ самихъ уже скрывался зародышъ анархіи. Законы Солона постоянно возбуждали къ образованію партій, признавали ихъ даже положительно необходимыми, чтобы честолюбіе однихъ удерживало въ границахъ честолюбіе другихъ, и чтобы каждая личность, ничтожная сама по себѣ, имѣла значеніе, подавая голосъ въ пользу той или другой партіи.

По самому своему характеру, законодательство Солона должно было легко приняться и тотчасъ же пустить глубокіе корни. Учрежденіе правительственнаго совѣта изъ четырехсотъ членовъ, мѣнявшихся ежегодно, должно было расположить въ пользу законовъ Солона такую массу гражданъ, что нечего было и думать объ ихъ отмѣнѣ. Но обезпечивъ, такимъ образомъ, прочность своихъ учрежденій въ цѣломъ ихъ составѣ, Солонъ, кажется, боялся, чтобы граждане не приступили слишкомъ рано къ частнымъ преобразованіямъ, которыя могли бы повлечь за собою паденіе всего государственнаго устройства. Поэтому онъ заставилъ аѳинянъ поклясться, что въ теченіе десяти лѣтъ они ничего не будутъ измѣнять въ его законахъ. После десятилѣтней привычки къ учрежденіямъ,—особенно къ учрежденіямъ, которыя соотвѣтствовали государственнымъ и народнымъ потребностямъ,—желаніе ввести новыя естественно должно было исчезнуть.

Внутренніе безпорядки, бывшіе слѣдствіемъ отношенія аристократовъ къ народу и между собою, не прекратились и послѣ обнародованія законодательства Солона. Новыя учрежденія открывали доступъ къ должностямъ только первымъ классамъ и потому должны были вызвать борьбу отдѣльныхъ фамилій и частныхъ лицъ за почести и преобладаніе; а какъ народное собраніе и избиравшіеся изъ среды его сенатъ и суды стали теперь доступны всему народу, то борьба эта необходимо должна была усилиться и пріобрѣсти гораздо большій интересъ въ глазахъ всѣхъ гражданъ. Отдѣльныя личности, при нѣкоторомъ искусствѣ, могли возбуждать важные безпорядки, расположивъ въ свою пользу массу гражданъ четвертаго класса, участвовавшихъ въ народномъ собраніи и въ судахъ. Кромѣ того, Солонъ не былъ въ состояніи уничтожить раздоръ партій педіэевъ, паралійцевъ и діакрійцевъ. Поэтому вскорѣ снова начались сильные раздоры. М е г а к л ъ, глава Алкмеонидовъ, преступленіе которыхъ было

на время забыто, явился предводителемъ паралійцевъ, а Ликургъ руководителемъ педіэевъ. Оба они старались вредить другъ другу, и вліяніе Солона было, кажется, не довольно сильно, чтобы прекратить эти раздоры. Онъ оставилъ тогда (и можетъ быть именно поэтому) свой родной городъ, и отправился въ Малую Азію и въ Египетъ (571 до р. Х.). Во время этого путешествія и произошло упомянутое выше (стр. 63) свиданіе его съ лидійскимъ царемъ Крезомъ. Черезъ десять лѣтъ, Солонъ вернулся въ Аѳины, гдѣ все еще продолжалась борьба партій. И на этотъ разъ онъ не могъ прекратить ее и дожилъ даже до того, что предводитель одной изъ партій сдѣлался тираномъ въ Аѳинахъ.

Во время отсутствія Солона, близкій родственникъ его, Писистратъ, рядомъ съ прежними двумя партіями составилъ третью, имѣвшую чисто-демократическое направленіе и потому называвшуюся діакрійской. Цѣлью его было единовластіе, и для достиженія его, онъ сталъ во главѣ народной партіи, такъ какъ въ безпокойныхъ демократіяхъ путь этотъ всего легче приводитъ къ этой цѣли. Его партія была всѣхъ многочисленнѣе, а самъ онъ обладалъ всѣми личными качествами, которыми можно расположить къ себѣ народъ и увлечь его за собой, и далеко превосходилъ всѣхъ своихъ противниковъ хитростью и ловкостью. Пріобрѣтя безграничную любовь народа, Писистратъ однажды показалъ собравшимся на рынкѣ гражданамъ кровавую рану, которую самъ нанесъ себѣ, увѣрилъ ихъ, что его хотѣли измѣннически убить враги, и просилъ защиты народа, говоря, что рвеніе о народномъ благѣ подвергаетъ его жизнь опасности. Ему удалось тогда достигнуть цѣли своихъ давнихъ желаній, права составить себѣ стражу изъ пятидесяти человѣкъ. Всѣ усилія Солона удержать народъ отъ такого рѣшенія остались безплодными, а Писистратъ между тѣмъ тайкомъ увеличивалъ понемногу число своихъ тѣлохранителей и вдругъ совершенно неожиданно овладѣлъ аѳинской цитаделью (560). Солонъ старался, говорятъ, убѣдить противниковъ Писистрата отнять у него захваченную цитадель; но тѣ, испугавшись, обратились въ бѣгство. Писистратъ остался обладателемъ цитадели и, какъ глава преданной ему массы народа, сдѣлался единовластнымъ повелителемъ или тираномъ Аѳинъ. Какъ и всѣ благоразумные люди изъ числа такъ называемыхъ тирановъ, онъ понималъ, что властью своею обязанъ демократіи, и что при всякомъ устройствѣ легко расположить къ себѣ толпу. Поэтому онъ не нарушалъ формы учрежденій Солона. Съ самимъ Солономъ, котораго друзья напрасно уговаривали бѣжать, онъ обращался почтительно и въ важныхъ случаяхъ даже совѣтовался съ нимъ. Великій законодатель, видѣвшій паденіе народной свободы, пережилъ и конецъ владычества Писистрата, управленіе котораго продолжалось менѣе года. Солонъ умеръ вскорѣ послѣ его паденія (559 до р. Х.), на восьмидесятомъ году своей жизни.

Обѣ враждебныя Писистрату партіи соединились для низверженія тираніи, и онъ былъ принужденъ уступить ихъ превосходству и удалиться изъ города. Едва только враги освободились отъ него, какъ снова перессорились между собою и обратили оружіе другъ противъ друга. Партія Ликурга одержала верхъ, и это естественнымъ образомъ сблизило педіэевъ Мегакла съ демократической партіей. Мегаклъ, также мечтавшій о верховной власти, отчаявшись достигнуть ея, рѣшился по крайней мѣрѣ доставить ее своему потомству. Поэтому онъ вступилъ въ переговоры съ Писистратомъ и обѣщалъ помочь ему въ достиженіи единовластія съ тѣмъ, чтобы тотъ женился на его дочери и передалъ свое наслѣдіе сыну, котораго можно было ожидать отъ этого брака. Писистратъ согласился, женился на дочери Мегакла и черезъ шесть лѣтъ послѣ перваго своего изгнанія вернулся, при помощи тестя, въ Аѳины, гдѣ снова сталъ единовластнымъ правителемъ (553 до р. Х.). Разсказываютъ, что для достиженія своей цѣли Писистратъ и Мегаклъ должны были прибѣгнуть къ хитрости, слишкомъ грубой, чтобы ее можно было счесть вѣроятной. Во всякомъ случаѣ, на нее слѣдуетъ смотрѣть не какъ на средство, облегчившее возстановленіе власти Писистрата, а какъ на простую церемонію, придуманную для того, чтобы подѣйствовать на простой народъ. Говорятъ, что они одѣли въ костюмъ, въ которомъ обыкновенно изображается Минерва, одну цвѣточницу, отличавшуюся красотою и большимъ ростомъ, и

ввезли ее въ городъ на великолѣпной колесницѣ. Впереди шли герольды, кричавшіе; «Аѳиняне, встрѣчайте съ радостью Писистрата, котораго сама Минерва уважаетъ больше всѣхъ другихъ людей и теперь вводитъ въ вашъ городъ!» Народъ будто бы повѣрилъ этимъ словамъ, поклонился мнимой богинѣ и допустилъ Писистрата войти повелителемъ въ Аѳины и цитадель.

Писистратъ снова сдѣлался аѳинскимъ тираномъ на два года и на этотъ разъ опять не произвелъ никакихъ перемѣнъ въ учрежденіяхъ и законахъ государства, потому что и теперь онъ нисколько не нуждался въ этомъ: огромная популярность, блестящія дарованія и богатство доставляли ему средства распоряжаться дѣлами по своей волѣ. Но вскорѣ онъ обнаружилъ намѣреніе передать власть сыну отъ перваго брака, и потому Мегаклъ, лишавшійся всѣхъ выгодъ союза съ нимъ, рѣшился низложить его. Для этого онъ употребилъ то же средство, которымъ воспользовался прежде, т. е. снова примирилъ обѣ партіи враждебныя Писистрату, который добровольно уступилъ перевѣсу противниковъ и вторично оставилъ Аѳины съ намѣреніемъ вернуться, когда наступитъ благопріятное время для прочнаго утвержденія своей власти. Онъ отправился въ свои огромныя помѣстья на островѣ Эвбеѣ и провелъ тамъ одиннадцать лѣтъ, живя какъ государь и поддерживая сношенія съ разными державами. Наконецъ, при помощи нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ и своихъ аѳинскихъ друзей, онъ сдѣлалъ послѣднее покушеніе на свободу Аѳинъ. Предводительствуя довольно значительными силами, онъ вдругъ вторгнулся въ Аттику и занялъ мѣстечко Маратонъ. Здѣсь къ нему присоединились его приверженцы и многіе недовольные аѳиняне. Войска, высланныя противъ него, были имъ разбиты и разсѣяны, и онъ безъ сопротивленія вступилъ въ городъ, гдѣ въ третій разъ сталъ единовластнымъ правителемъ (около 540 года до р. Х.).

На этотъ разъ Писистратъ спокойно удерживалъ за собою власть до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 527 году. Это былъ человѣкъ рожденный для власти и одаренный превосходными качествами ума и сердца. Достигнувъ цѣли своего честолюбія, онъ управлялъ съ большою кротостью. Многіе изъ его противниковъ или погибли въ сраженіи съ его войсками, или тотчасъ послѣ того бѣжали. Важнѣйшихъ изъ оставшихся онъ принудилъ отдать ему своихъ дѣтей въ заложники и ввѣрилъ ихъ надзору своего друга, тирана наксосскаго, но не касался ничьей личности. Онъ постоянно держалъ наемныхъ солдатъ; но, подобно Кипселу Коринѳскому, поддерживалъ власть свою мѣрами кротости и содѣйствіемъ народной партіи, а не силою оружія. Благодаря этимъ мѣрамъ и богатству, ему удалось сохранить за собою единовластіе. И теперь онъ не нарушалъ правительственныхъ формъ и узаконеній Солона и до такой степени щадилъ даже чисто аристократическіе элементы, что не побоялся однажды лично явиться на судъ ареопага. Онъ былъ кротокъ съ тѣми, которые забывались передъ нимъ, помогалъ бѣднымъ и несчастнымъ, умѣлъ покорять сердца своихъ подданныхъ врожденнымъ любезнымъ обращеніемъ, въ которомъ властитель никогда не затмѣвалъ человѣка. Въ его сады и помѣстья былъ открытъ свободный входъ всякому аѳинянину, съ правомъ пользоваться фруктами.

Правленіе его было непрерывнымъ рядомъ благодѣяній для Аѳинъ, обязанныхъ ему началомъ своего процвѣтанія. Писистратъ оживилъ земледѣліе, поднялъ торговлю и съ искреннею любовью поощрялъ науки и искусства. Онъ и одинъ изъ его сыновей собрали, какъ разсказываютъ, отрывочныя стихотворенія Гомера, сохранявшіяся только въ устахъ рапсодовъ или пѣвцовъ, и дали имъ ту форму, въ которой они, подъ именемъ Иліады и Одиссеи, дошли до насъ. Они же установили обыкновеніе читать публично эти стихи на праздникѣ панатенеевъ. Позднѣйшіе писатели древности приписываютъ имъ же основаніе публичной библіотеки. Писистратъ украсилъ Аѳины различными зданіями; онъ, вѣроятно, строилъ ихъ по той же причинѣ, какъ и Поликратъ Самосскій, т. е., чтобы занять простой народъ и доставленіемъ ему выгодной работы расположить его въ пользу своего владычества.

Когда Писистратъ умеръ, въ 527 году, власть перешла къ старшему его сыну, Гиппію, который предоставилъ младшему своему брату, Гиппарху, такое вліяніе на дѣла, что ихъ обоихъ, подъ именемъ писистратидовъ, считаютъ обыкновенно нераздѣльными правителями Аѳинъ. Хотя Гиппій былъ

деспотъ по природѣ, а Гиппархъ любилъ шумныя удовольствія, роскошь и чувственныя наслажденія, но сначала оба брата управляли въ духѣ своего отца. Гиппархъ отличался, кромѣ того, образованностью и любовью къ наукамъ и искусствамъ, приглашалъ знаменитыхъ поэтовъ, какъ напримѣръ Анакреона и Симонида Кеосскаго, къ своему двору, старался развить любовь къ просвѣщенію въ своемъ народѣ. Аѳиняне находились подъ властью писистратидовъ въ томъ же самомъ положеніи, какъ подъ властію ихъ отца, и не имѣли повода къ неудовольствію. Не смотря на это, Гиппархъ палъ жертвой заговора, и его убійцы впослѣдствіи считались у аѳинянъ героями и мучениками свободы. Но не отвращеніе къ тираніи, а частная месть была причиной погибели младшаго писистратида. Гармодій, молодой аѳинянинъ, оскорбленный Гиппархомъ, рѣшился вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Аристогитономъ, отмстить ему. Для этой цѣли, молодые люди воспользовались любовью нѣкоторыхъ гражданъ къ свободѣ и составили заговоръ, ближайшею цѣлью котораго было умерщвленіе писистратидовъ. Городъ былъ доволенъ ихъ властью; но немногіе граждане, присоединившіеся къ Гармодію и Аристогитону, надѣялись, что, по врожденной ненависти ко всякой наслѣдственной власти, народъ возмется за оружіе по призыву къ свободѣ. Рѣшено было, что писистратиды падутъ подъ кинжалами заговорщиковъ во время праздника панатенеевъ, когда всѣ граждане учавствовали въ торжественной процессіи, вооруженные щитами и копьями. Но въ минуту выполненія дѣла, заговорщикамъ показалось, что имъ измѣнили; благодаря этому, Гиппій успѣлъ спастись, и одинъ только Гиппархъ былъ убитъ, Гиппій тотчасъ же приказалъ обыскать всѣхъ участниковъ церемоніи, задержать тѣхъ, у кого найдутся кинжалы, и, такимъ образомъ, съ большимъ присутствіемъ духа, подавилъ заговоръ въ самомъ его началѣ (514 до р. Х.).

Съ этой минуты правленіе Гиппія сдѣлалось жестокимъ и тираническимъ. Гармодій былъ убитъ придворной стражей тотчасъ послѣ умерщвленія Гиппарха; Аристогитонъ и остальные заговорщики подверглись смертной казни. Послѣ изгнанія Гиппія, обоимъ предводителямъ заговора поставили бронзовыя статуи; память ихъ въ позднѣйшія времена была прославляема пѣснями и торжествами, и потомство поклонялось имъ, какъ героямъ свободы. Между тѣмъ, ими руководила только частная месть. Писатели позднѣйшаго времени разсказываютъ объ ихъ геройствѣ и любви къ свободѣ многія подробности, очевидно, выдуманныя впослѣдствіи. Такъ, напримѣръ, увѣряютъ, что Аристогитонъ, подвергнутый пыткѣ, назвалъ своими соучастниками друзей Гиппія, которыхъ тутъ же и казнили. Говорятъ также, что участвовавшая въ заговорѣ любовница Аристогитона во время пытки откусила себѣ языкъ, чтобы лишить себя возможности выдать остальныхъ участниковъ.

Гиппій, сдѣлавшись подозрительнымъ и недовѣрчивымъ, далъ тогда полную волю своему деспотическому характеру и старался утвердить свою власть посредствомъ внѣшней поддержки. Получивъ по наслѣдству отъ отца весьма значительныя помѣстья въ Малой Азіи и Ѳракіи, которыя были тогда подвластны персидскому царю, онъ прежде всего позаботился о заключеніи съ нимъ союза. Съ этою цѣлью онъ выдалъ свою дочь за правителя лампсакскаго, вассала Персіи, бывшаго въ большей милости у царя. Изгнанные Писистратомъ Алкмеониды и другіе эмигранты, между тѣмъ, всѣми средствами старались найти себѣ опору въ греческихъ государствахъ, чтобы съ помощью ихъ свергнуть тирана. Еще во времена Писистрата и тотчасъ послѣ его смерти дѣлали они нѣсколько неудачныхъ попытокъ освободить Аѳины. По смерти Гиппарха можно было надѣяться на лучшій успѣхъ, но и Гиппій въ теченіе трехъ лѣтъ отражалъ всѣ нападенія Алкмеонидовъ. Не смотря на то, они не потеряли надежды возвратиться, и изъ крѣпости, построенной ими на границѣ Аттики, всячески старались привести свой планъ въ исполненіе. Чтобы пріобрѣсти расположеніе другихъ греческихъ государствъ и дельфійскихъ жрецовъ, они пожертвовали значительную часть своего огромнаго богатства на возстановленіе храма Аполлона въ Дельфахъ, сгорѣвшаго въ 548 году и въ то время вновь строившагося на счетъ членовъ амфиктіонова союза. Подкупленный Алкмеонидами оракулъ, всякій разъ, когда обращались къ нему спартанцы, требовалъ отъ нихъ содѣйствія къ возстановленію свободы въ Аѳинахъ.

Спартанцы, незадолго передъ тѣмъ помогшіе нѣсколькимъ государствамъ изгнать тирановъ, но находившіеся въ союзѣ и весьма дружескихъ сношеніяхъ съ Гиппіемъ, воспользовались требованіемъ оракула, чтобъ низвергнуть и этого властителя. Оффиціально они не дали Алкмеонидамъ никакой помощи, но позволили одному изъ знатнѣйшихъ своихъ гражданъ поддержать новое нападеніе Алкмеонидовъ небольшимъ спартанскимъ отрядомъ. Услышавъ объ этомъ, Гиппій соединился съ однимъ ѳессалійскимъ владѣтелемъ, и, съ помощью ѳессалійской кавалеріи, разбилъ спартанцевъ, высадившихся недалеко отъ Аѳинъ, причемъ погибъ и ихъ предводитель. Тогда оскорбленная честь Спарты требовала уже открытой войны. Царь Клеоменъ I явился съ войскомъ передъ Аѳинами, взялъ этотъ городъ, при содѣйствіи Алкмеонидовъ и принудилъ Гиппія запереться въ цитадели. Затѣмъ началась осада Акрополя, но спартанцы выступили въ обратный походъ черезъ нѣсколько дней послѣ ея начала, потому что цитадель была изобильно снабжена всѣмъ необходимымъ и могла долго держаться. Аѳиняне продолжали осаду, но, вѣроятно, не имѣли бы успѣха, если бы Гиппію не пришла въ голову несчастная мысль выслать дѣтей своихъ изъ Аттики въ болѣе безопасное мѣсто. Они попались въ плѣнъ, и для ихъ освобожденія Гиппій согласился очистить цитадель и удалиться изъ Аттики (510 до р. X.). Онъ отправился въ свои мало-азійскія помѣстья и оттуда ко двору персидскаго царя Дарія, который принялъ его какъ государя и впослѣдствіи, въ походѣ противъ Грецiи, пользовался его совѣтами.

Такимъ образомъ, Аѳины возвратили себѣ свободу; но борьба партій тотчасъ же возобновилась. Государственное устройство Солона осталось въ полной силѣ, такъ же какъ при Писистратѣ и его сынѣ. Эти послѣдніе достигли перваго мѣста посредствомъ внѣшней силы, а новымъ партіямъ приходилось, для пріобрѣтенія власти, искать или расположенія народа, или содѣйствія аристократіи. Клистенъ, глава Алкмеонидовъ, успѣлъ привязать къ себѣ народъ, и, вслѣдствіе этого, сталъ первымъ лицомъ въ государствѣ. Противникъ его, Исагоръ, имѣлъ на своей сторонѣ аристократію и спартанцевъ, вездѣ поддерживавшихъ олигархію и благоволившихъ къ Исагору тѣмъ болѣе, что онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ царемъ ихъ Клеоменомъ. Чтобы вполнѣ обезпечить себѣ содѣйствіе народа, Клистенъ принялъ мѣру, которая потрясла законодательство Солона въ самыхъ его основаніяхъ, дала демократическому элементу рѣшительный перевѣсъ и открыла путь нововведеніямъ всѣхъ позднѣйшихъ преобразователей. Въ 509 году онъ провелъ законъ о раздѣленіи народа на десять филъ, вмѣсто четырехъ, и о томъ, чтобы сенатъ, состоявшій до тѣхъ поръ изъ ста гражданъ каждой филы, на будущее время составлялся изъ пятидесяти членовъ каждой изъ десяти новыхъ филъ. Такимъ образомъ, составъ сената былъ усиленъ ста человѣками. Эта мѣра давала сенату болѣе смѣшанный и демократическій характеръ, искореняла послѣдніе остатки прежней аристократіи, уничтожала всякую прежнюю зависимость и освобождала избраніе сенаторовъ отъ вліянія знати. Прежде глава какой-нибудь знатной фамиліи могъ имѣть вліяніе на цѣлую филу, т. е. на четвертую часть гражданъ и, кромѣ того, часть должностныхъ лицъ разныхъ народныхъ общинъ и ихъ подраздѣленій избиралась постоянно изъ членовъ дворянскихъ фамилій. Теперь все это миновалось. Различныя подраздѣленія націи стали самостоятельными обществами, у каждаго изъ нихъ явились свои должностныя лица, собранія и религіозныя торжества. Увеличеніе числа филъ и ихъ подраздѣленій умножило, такимъ образомъ, число союзовъ гражданъ и усилило власть народа. Кромѣ того, Клистенъ увеличилъ число гражданъ принятіемъ метековъ и иностранцевъ.

Ему же приписываютъ введеніе въ Аѳины такъ называемаго остракизма, т. е. народнаго суда, по приговору котораго нѣкоторыхъ изъ гражданъ объявляли опасными для государства, вслѣдствіе пріобрѣтеннаго ими вліянія, и на десять лѣтъ изгоняли изъ Аѳинъ. Приговоръ этого суда не считался наказаніемъ, и потому нисколько не безчестилъ человѣка и не былъ соединенъ съ потерей имущества, обыкновенно сопровождавшей изгнаніе. Судъ этотъ собирался періодически, въ извѣстные сроки, и получилъ свое названіе отъ греческаго слова, означающаго черепокъ, потому что каждый гражданинъ полу-

чалъ для подачи своего голоса черепокъ, на которомъ писалъ имя изгоняемаго. Для приговора требовалось по крайней мѣрѣ шесть тысячъ голосовъ. Остракизмъ служилъ средствомъ лишать силы людей, слишкомъ могущественныхъ и потому опасныхъ для существованія республики. Это учрежденіе было, безъ сомнѣнія, несправедливымъ и отчасти жестокимъ, но республиканское устройство иногда требуетъ пожертвованія однимъ для безопасности цѣлаго. То же самое, только въ иной формѣ, мы видимъ и у другихъ народовъ. Древніе римляне дѣлали то же самое, когда удаляли на время слишкомъ опаснаго по своему вліянію человѣка, давъ ему противъ его воли назначеніе внѣ предѣловъ государства. Когда въ средніе вѣка сюзеренъ безъ суда изгонялъ опаснаго вассала — это опять таки былъ остракизмъ....

Исагоръ не рѣшался прямо напасть на новыя учрежденія, принятыя народомъ, но старался сначала изгнать изъ города ихъ виновника. Онъ воспользовался для этого своимъ другомъ, царемъ Клеоменомъ, съ которымъ сговорился и на счетъ дальнѣйшихъ мѣръ къ возстановленію аристократіи. Клеоменъ убѣдилъ своихъ соотечественниковъ обратиться къ аѳинянамъ съ требованіемъ удалить изъ города Алкмеонидовъ, какъ фамилію, несущую на себѣ бремя тяжкаго грѣха. Аѳиняне были не въ состояніи противиться насилію, и Клистену, вмѣстѣ съ своими приближенными, пришлось удалиться въ изгнаніе. Вслѣдъ затѣмъ Клеоменъ явился въ Аѳины съ небольшимъ отрядомъ, чтобы помочь своему другу въ исполненіи его плановъ. Онъ выгналъ изъ города семьсотъ семействъ, указанныхъ ему Исагоромъ, и хотѣлъ, кромѣ того, распустить сенатъ, чтобы замѣнить его совѣтомъ изъ трехсотъ аристократовъ. Но это переполнило мѣру терпѣнія аѳинянъ. Сенатъ не исполнилъ его требованія, и вмѣстѣ съ гражданами возсталъ противъ обоихъ правителей. Они принуждены были запереться въ цитадели и сдались на третій день. Имъ позволили безпрепятственно удалиться, но приверженцы Исагора поплатились при этомъ жизнью. Клистенъ и другіе изгнанники вернулись въ Аѳины.

Война со Спартой казалась неизбѣжною, и аѳиняне рѣшились обратиться къ помощи персовъ, потому что въ то же время были во враждѣ съ сосѣдями своими беотійцами, эвбейцами и эгинцами. Они отправили пословъ къ персидскому сатрапу Артаферну, жившему въ лидійскомъ городѣ Сардахъ. Имъ обѣщали желаемую помощь, но только подъ условіемъ, чтобы они, отъ имени своего государства, признали себя персидскими вассалами. Послы согласились на это требованіе, но аѳиняне объявили ихъ слова недѣйствительными и отказались отъ союза съ Персіей. Таковы были первыя дипломатическія сношенія между Персіей и однимъ изъ государствъ Греціи. Клеоменъ собралъ между тѣмъ армію изъ спартанцевъ и пелопоннесскихъ союзниковъ и уговорилъ жителей Беотіи, Халкиды и Эвбеи напасть на аѳинскія владѣнія. Самъ Клеоменъ двинулся въ Аттику и уже дошелъ до Элевзина, когда коринѳяне, которымъ, такъ же какъ и другимъ союзникамъ, при требованіи отъ нихъ вспомогательныхъ войскъ не объявили о цѣли похода, отказались служить Клеомину орудіемъ его личной мести и вернулись домой. Другой спартанскій царь, Демаратъ, также не захотѣлъ принять участія въ мстительныхъ замыслахъ Клеомена, а вслѣдъ затѣмъ его оставили и прочіе союзники, такъ что ему пришлось съ остатками арміи поспѣшно отступить изъ Аттики.

Такимъ образомъ, учрежденія и самостоятельность Аѳинъ были совершенно неожиданно избавлены отъ грозившей имъ опасности. Съ этихъ поръ демократія сохранялась уже ненарушимо, и маленькое государство стало развиваться съ новой энергіей. Тотчасъ послѣ удаленія спартанцевъ, аѳиняне обратили всѣ свои силы противъ беотійцевъ и халкидцевъ и въ одинъ день разбили обоихъ противниковъ. У халкидцевъ они отняли значительную часть ихъ земли, которая тотчасъ же была распредѣлена между четырьмя тысячами недостаточныхъ гражданъ. Это пріобрѣтеніе было очень важно для Аѳинъ, особенно въ военномъ отношеніи: новыя ихъ владѣнія заключали, между прочимъ, пастбища для лошадей, въ которыхъ аѳиняне до тѣхъ поръ терпѣли совершенный недостатокъ. Беотійцы обратились съ просьбою о помощи къ жителямъ Эгины, которые, съ давнихъ поръ враждуя съ Аѳинами, согласились на эту просьбу и опустошили прибрежье Аттики. Борьба съ Эгиной — одной изъ первыхъ мор-

Friedrich Christoph Schlosser.

скихъ державъ Грецiи, — была не подъ силу аѳинянамъ. Поэтому они рѣшились увеличить свой маленькiй флотъ; но едва начали свои вооруженiя, какъ новая и еще большая опасность стала угрожать имъ со стороны Спарты. Мстительный Клеоменъ уговорилъ спартанское правительство снова произвести нападенiе на Аѳины. Предлогомъ для этого объявили незаконность изгнанiя Гиппiя, говоря, что теперь только узнали о подкупѣ дельфiйскихъ жрецовъ Алкмеонидами, и вслѣдствiе того пригласили Гиппiя въ Пелопоннесъ, чтобы ввести его въ Аѳины. Для предупрежденiя вторичнаго отпаденiя союзниковъ, спартанцы предварительно собрали ихъ пословъ въ Спарту для совѣщанiя. Но планъ этотъ не удался вслѣдствiе благородной откровенности, съ которою коринѳскiй уполномоченный Сосиклъ, обличивъ низкiя интриги Клеомена, явился заступникомъ свободы Аѳинъ. Союзники не захотѣли помогать спартанцамъ, принужденнымъ такимъ образомъ отказаться отъ своего намѣренiя, а Гиппiй вернулся въ Малую Азiю. Здѣсь онъ расположилъ въ свою пользу сатрапа Артаферна, потребовавшаго, чтобъ аѳиняне снова подчинились Гиппiю. Но его угрозъ никто не испугался. Исходъ войны съ Беотiей и Эгиной намъ неизвѣстенъ. Тотчасъ послѣ разсказанныхъ событiй, аѳиняне вмѣшались въ возстанiе iонянъ противъ персидскаго царя, оскорбили этимъ властителя передней Азiи и возбудили продолжительныя войны между персами и греками.

6. Умственная жизнь грековъ въ древнѣйшую эпоху ихъ исторiи.

Какъ и вся исторiя грековъ вообще, исторiя ихъ литературы и искусствъ начинается легендами и миѳами. По части искусствъ до насъ дошли имена людей, которые, какъ Дедалъ на островѣ Критѣ и Смилисъ на островѣ Самосѣ, прославились своими художественными произведенiями еще въ отдаленной древности. Преданiе разсказываетъ о нихъ разныя басни и даже приписываетъ имъ основанiе школъ, передавшихъ потомству духъ ихъ художественныхъ творенiй. Сверхъ того, легенды называютъ намъ цѣлыя племена, какъ напримѣръ циклоповъ, тельхиновъ и другихъ (стр. 83), отличавшiяся особеннымъ художественнымъ развитiемъ и бывшiя строителями древнѣйшихъ памятниковъ греческаго зодчества. Извѣстiя о начаткахъ греческой литературы имѣютъ такой же характеръ, какъ и эти легенды о зарожденiи искусствъ. Преданiе сохранило намъ имена очень многихъ людей, въ глубокой древности сочинявшихъ поэтическiя произведенiя и поучавшихъ высокой мудрости. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ разсказываются такiя же чудеса, какъ и про Дедала и другихъ художниковъ. До насъ дошли даже различныя произведенiя съ именами этихъ первобытныхъ писателей, но всѣ они подложны, написаны въ позднѣйшее время и выданы были за древнiя точно такъ же, какъ это теперь дѣлается съ монетами и другими древностями. Только въ немногихъ изъ нихъ сохранились, можетъ быть, отдѣльныя идеи первобытныхъ временъ и остатки тѣхъ древнихъ формулъ, въ которыхъ у всѣхъ народовъ смутно выражаются грубые начатки богопознанiя и поклоненiя божеству. Поэзiя этихъ миѳическихъ поэтовъ имѣетъ преимущественно характеръ религiозный, и въ легендарныхъ преданiяхъ они играютъ роль священныхъ пѣвцовъ или разсказчиковъ и прорицателей.

Знаменитѣйшими изъ миѳическихъ поэтовъ и первобытныхъ писателей Грецiи считаются: Линъ халкидскiй, называемый сыномъ Аполлона и одной изъ девяти музъ. Мелампъ, понимавшiй языкъ звѣрей и потому владѣвшiй могучимъ даромъ прорицателя. Тамирисъ ѳракiецъ, вызвавшiй однажды музъ на поэтическое состязанiе. Сивиллы или пророчицы первобытныхъ временъ, которыя, однако, не всѣ принадлежали къ греческой нацiи, и извѣстнѣйшей изъ которыхъ была сивилла кумская, въ нижней Италiи. Но наибольшей знаменитости между этими поэтами достигли Орфей и Музей, — съ именами ихъ и до нашего времени дошли нѣкоторыя сочиненiя, которыя также должны считаться подложными. Орфей, время жизни котораго относятъ къ четырнадцатому вѣку до р. Х., былъ, по словамъ легенды, сыномъ одного ѳракiйскаго царя и музы Каллiопы. Онъ участвовалъ въ походѣ аргонавтовъ и обла-

далъ такимъ искусствомъ въ пѣніи и игрѣ на лирѣ, что привлекалъ дикихъ звѣрей, заставлялъ деревья и скалы слѣдовать за собою и даже могъ удерживать теченіе рѣкъ и движеніе вѣтра. Могучей силой своего пѣнія онъ склонилъ однажды неумолимыхъ боговъ подземнаго міра возвратить ему жену его, Эвридику. О смерти его преданіе повѣствуетъ различно, но въ большей части легендъ говорится, что во время празднованія неистовыхъ торжествъ Вакхова культа, его растерзали ѳракійскія женщины, потому что Орфей былъ противникомъ этихъ буйныхъ церемоній. Изъ приписываемыхъ ему сочиненій болѣе всего знамениты гимны и повѣствовательная поэма о походѣ аргонавтовъ. Поэту Музею, родившемуся въ Аттикѣ и бывшему ученикомъ, а по другимъ источникамъ учителемъ Орфея,— также приписываются нѣкоторыя стихотворенія, сочиненныя въ позднѣйшее время и сохранившіяся до нашихъ дней.

Въ героическомъ періодѣ исторія греческой цивилизаціи уже становится достовѣрнѣе. Мы имѣемъ двѣ большія поэмы, Иліаду и Одиссею, написанныя въ концѣ этого періода и уже сами по себѣ служащія положительнымъ свидѣтельствомъ тогдашней степени развитія грековъ. Кромѣ того, какъ уже было сказано выше (стр. 103), онѣ знакомятъ насъ съ жизнью и образованіемъ этого времени содержащимися въ нихъ картинами и описаніями. Героическій періодъ грековъ былъ временемъ эпоса или героической поэмы. Отважная и полная случайностей жизнь на войнѣ и охотѣ, соединенная съ простотою и веселостью духа, поддерживаетъ въ душѣ высокое настроеніе, развиваетъ любовь къ пѣснямъ, на пирахъ и обѣдахъ всего чаще наводитъ разговоръ на подвиги и приключенія героевъ. Поэтому эпическая поэзія развивается въ этомъ періодѣ народной жизни полнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, и на этой ступени народнаго развитія являются поэты, посвящающіе себя поэтическому описанію геройскихъ подвиговъ и изложенію своихъ произведеній въ кругу собравшихся героевъ. Греки называли ихъ пѣвцами или рапсодами, а германскіе народы бардами и скальдами.

Иліада и Одиссея приписываются поэту Гомеру, жившему, вѣроятно, за тысячу лѣтъ до р. Х. Исторія его покрыта таинственнымъ мракомъ, но существованіе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Онъ былъ уроженецъ Іоніи, но неизвѣстно, въ какомъ именно изъ ея городовъ онъ родился. Въ позднѣйшее время семь городовъ спорили между собою о чести быть его родиной. По мнѣнію древнихъ, всѣхъ основательнѣе были притязанія Смирны и Хіоса. Преданіе изображаетъ Гомера слѣпымъ, но произведенія его доказываютъ, что это неправда.

Въ новѣйшее время нѣмецкій ученый, Фридрихъ Августъ Вольфъ, съ большимъ остроуміемъ старался доказать, что героическія поэмы, приписанныя древними греками Гомеру, вовсе не были созданіемъ одного человѣка, а представляются только сборникомъ отдѣльныхъ стихотвореній, сочиненныхъ различными поэтами героическихъ временъ, уже гораздо позднѣе соединенныхъ въ одно цѣлое. Это положеніе основывается главнымъ образомъ на томъ, что греки временъ Гомера еще не были знакомы съ письменами, и что въ различныхъ частяхъ Иліады и Одиссеи встрѣчаются неровности въ языкѣ и въ построеніи мыслей. Чтобы понять воззрѣнія Вольфа, нужно дать себѣ ясный отчетъ о характерѣ поэзіи героическихъ временъ. Какъ всѣ герои этой простой эпохи являются проникнутыми однимъ и тѣмъ же духомъ, такъ и современная имъ поэзія имѣетъ опредѣленный, ровный характеръ. Всѣ поэты этого періода имѣютъ одинаковый взглядъ на предметы и одинаковую манеру изображенія. Произведенія ихъ являются въ одной и той же формѣ и съ однимъ и тѣмъ же тономъ. Рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ новѣйшей поэзіи, поэзія первобытныхъ временъ имѣетъ такой характеръ, что всѣ ея созданія можно легко принять за произведенія одного человѣка и, слѣдовательно, соединить въ одно большое цѣлое. Кромѣ того, пѣсни этихъ поэтовъ обыкновенно не записываются, а излагаются ими изустно, и изустнымъ же преданіемъ удерживаются въ памяти потомства.

Взглядъ Вольфа и теперь еще составляетъ спорный предметъ между учеными, которые частью согласились съ нимъ, а частью все еще держатся мнѣнія древнихъ грековъ, т. е. полагаютъ, что не однѣ отрывочныя части Иліады и Одиссеи написаны Гомеромъ, но что обѣ эти поэмы цѣликомъ принадлежатъ ему. Неоспоримо только то, что обѣ онѣ записаны гораздо позднѣе, чѣмъ были сочи-

нены, и въ теченіе этого времени подверглись многимъ внѣшнимъ измѣненіямъ. Но также несомнѣнно и то, что, не смотря на эти передѣлки, онѣ въ сущности остались неизмѣнными и отмѣчены неподражаемой печатью той самобытной цивилизаціи и тѣхъ нравовъ, которые мы встрѣчаемъ впослѣдствіи у древнихъ германцевъ, скандинавовъ, шотландцевъ и бриттовъ. Въ заключеніе скажемъ еще, что, по разсказамъ древнихъ, Ликургъ первый привезъ творенія Гомера изъ Малой-Азіи въ Грецію, и что триста лѣтъ спустя Писистратъ и Гиппархъ собрали и записали ихъ остатки. По мнѣнію однихъ, трудъ этотъ состоялъ въ томъ, что твореніе, уже готовое, было нѣсколько переработано и записано. Другіе, напротивъ того, полагаютъ, что собранные матеріалы только тогда были въ первый разъ слиты въ форму двухъ героическихъ поэмъ, Иліады и Одиссеи, съ именемъ Гомера, какъ знаменитѣйшаго изъ древне-греческихъ бардовъ.

Гомеру приписываютъ еще разныя мелкія стихотворенія. Всѣ они были сочинены впослѣдствіи и нѣкоторыя даже гораздо позже людьми, поддѣлывавшимися подъ духъ и языкъ его произведеній. Изъ этихъ мелкихъ произведеній, приписываемыхъ Гомеру, всего болѣе извѣстны гимны, которыхъ считается около тридцати. Героическія поэмы Гомера имѣютъ въ ряду произведеній отдаленныхъ временъ Греціи первостепенное значеніе, принадлежащее имъ не только потому, что онѣ самыя совершенныя изъ героическихъ поэмъ всѣхъ вѣковъ, но и потому, что у позднѣйшихъ грековъ онѣ предпочитались всѣмъ другимъ произведеніямъ ихъ литературы и, такимъ образомъ, были важнѣйшей ихъ народной книгой и однимъ изъ главныхъ источниковъ греческой цивилизаціи.

Героическія времена кончились съ десятымъ вѣкомъ до рождества Христова, и съ девятаго вѣка во всѣхъ странахъ, заселенныхъ греками, начался новый періодъ развитія искусствъ и образованности. Средоточіемъ этой новой цивилизаціи были колоніи, и тамъ она слѣдовала тѣмъ же путемъ, которымъ шло развитіе промышлености и политическихъ учрежденій. Такимъ образомъ, прежде всего она явилась у дорянъ, между которыми при Ликургѣ и непосредственно послѣ него, въ Пелопоннесѣ и Сициліи, прославилось нѣсколько художниковъ и поэтовъ. Въ восьмомъ вѣкѣ до нашего лѣтосчисленія науки и искусства стали развиваться въ мало-азійскихъ колоніяхъ, на островахъ и въ Великой Греціи. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій они всего болѣе процвѣтали въ Малой Азіи и на островахъ. Самосъ и Эгина, въ особенности, считались тогда разсадниками греческаго искусства, и только въ позднѣйшее время Аѳины являются средоточіемъ духовной жизни грековъ, достигшей въ этомъ городѣ высшаго своего развитія.

Искусства и поэзія въ то время столь повсемѣстно распространились по всѣмъ греческимъ странамъ, достигли такого развитія даже въ мелкихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ, что уже древніе римляне были поражены этимъ, а людямъ новѣйшаго времени это явленіе кажется еще болѣе удивительнымъ и необъяснимымъ. Всѣ племена и отрасли греческой націи приняли въ немъ участіе. Греческая жизнь всюду обусловливалась искусствами, поэзіей и философіей, точно такъ же какъ законодательствомъ; богатства другихъ народовъ, стекаясь къ грекамъ путемъ промышлености и торговли, служили къ развитію этихъ сторонъ жизни; благодаря имъ, греческая цивилизація могла достичь такой высокой степени развитія, такого повсемѣстнаго распространенія.

Промежутокъ между героическимъ періодомъ и персидскими войнами, отличаясь энергическимъ равитіемъ умственной жизни грековъ, которое шло одновременно съ распространеніемъ націи посредствомъ колоній, — имѣетъ еще и ту особенность, что въ это время впервые проникли въ Грецію идеи и понятія востока. Впрочемъ, греческій духъ всегда сохранялъ перевѣсъ надъ ними, слѣды вкравшихся къ грекамъ восточныхъ представленій и формъ составляютъ лишь второстепенную и несущественную часть греческой цивилизаціи, а никакъ не характеристическую ея черту. Сношенія восточныхъ острововъ и колоній съ Фригіей, Лидіей, Финикіей и Египтомъ были первою причиной проникновенія въ Грецію свойственнаго востоку міросозерцанія. Въ сочиненіяхъ, писанныхъ вскорѣ послѣ Гомера, уже виднѣется восточный колоритъ, совершенно еще чуждый Иліадѣ и Одиссеѣ и изображаемымъ въ этихъ двухъ поэмахъ грекамъ. Вслѣдствіе столкновеній съ востокомъ, Кизикъ, Лампсакъ, Са-

мотракія и другіе города и острова стали проводниками, посредствомъ которыхъ египетскія мистеріи, финикійскія, фригійскія и лидійскія идеи проникли въ религію и философію грековъ. Мало-по-малу вошло даже въ обычай, чтобы государственные люди, поэты и мудрецы, какъ Пиѳагоръ, Солонъ, или философъ Ѳалесъ, искали источника истинной мудрости въ таинственныхъ ученіяхъ востока.

Слѣдствіемъ этого было нѣкоторое измѣненіе духа и формы религіозной поэзіи и богослуженія грековъ. Къ народной религіи приспособлялись заимствованныя съ востока мистеріи, или таинства; самые разумные греки видѣли въ нихъ превосходное средство умѣрять демократическую разнузданность. Служа государственнымъ цѣлямъ, таинства были поставлены въ непосредственныя отношенія къ государству и находились подъ его надзоромъ и правленіемъ, какъ чисто государственное учрежденіе. Главными божествами, въ честь которыхъ совершалось это богослуженіе, доступное только посвященнымъ, были Церера и Вакхъ потому что ихъ, какъ боговъ земледѣлія и винодѣлія, считали виновниками и распространителями высшей человѣческой цивилизаціи. Идеи такого рода лежали въ основаніи всѣхъ греческихъ таинствъ, но, являясь всегда въ символической формѣ, были загадочны и мало понятны. Знаменитѣйшими изъ греческихъ таинствъ, кромѣ упомянутыхъ нами самотракійскихъ, были элевзинскія, въ Аттикѣ. Ихъ называли также элевсиніями. Распорядителемъ на этихъ таинствахъ являлся отъ имени государства второй архонтъ; а первосвященникъ ихъ принадлежалъ къ старинной аѳинской фамиліи Эвмолпидовъ, въ которой званіе это было наслѣдственнымъ.

Исторія произведеній греческой мысли, внѣшній ходъ которой былъ уже вкратцѣ указанъ, является по внутреннему своему развитію сначала въ связи съ поэзіей героическаго періода. Во времена Гомера героическая поэзія была распространена по прибрежью и островамъ Малой Азіи и процвѣтала особенно у іонянъ; на островѣ Хіосѣ долгое время послѣ Гомера существовало нѣчто въ родѣ школы пѣвцовъ или поэтовъ, члены которой назывались гомеридами и держались духа Гомеровой поэзіи. Но уже вскорѣ послѣ Гомера поэзія грековъ приняла новое направленіе, отличное отъ того, какое она имѣла въ героическомъ періодѣ, и характеръ этотъ остался въ ней господствующимъ приблизительно до начала седьмаго вѣка до р. Х. Она сохранила свое прежнее повѣствовательное или эпическое направленіе и прежнюю свою форму, но приняла болѣе азіатскій характеръ, выразившійся въ таинственномъ жреческомъ тонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились содержаніе и цѣль поэтическихъ произведеній. Прежде цѣлью поэта было простое изображеніе случившагося или завѣщаннаго преданіемъ, и, слушая его пѣніе, герои наслаждались непосредственнымъ созерцаніемъ подвиговъ и приключеній, являвшихся передъ ними въ поэтическомъ свѣтѣ; теперь, напротивъ того: въ твореніяхъ поэтовъ явилось стремленіе къ поученію и претензія на многозначительность. Поэзія перестала быть чисто героической и эпической, а приняла направленія священное и миѳически-историческое.

Стихотворенія этого періода распадаются на два разряда: на нравственно-религіозныя и на миѳически-историческія. Послѣдній разрядъ состоитъ изъ произведеній тѣхъ эпическихъ поэтовъ, которыхъ, для отличія отъ рапсодовъ или бардовъ героическихъ временъ, называютъ циклическими поэтами, потому что въ своихъ произведеніяхъ они передавали отдѣльныя легенды и такимъ образомъ поэтически обработали почти весь циклъ, или кругъ греческихъ преданій, отъ начала міра до смерти Одиссея. Циклическіе поэты составляли свои произведенія по образцу Иліады и Одиссеи; подражая разсказамъ о троянской войнѣ и странствованіяхъ Одиссея, они старались давать эпическую форму всѣмъ прочимъ легендамъ. Но они на столько же отстали отъ произведеній Гомера, насколько ихъ время отличалось отъ его времени. Они разсказывали исторію боговъ и героевъ потому только, что имъ хотѣлось изобразить въ стихахъ легенду, еще не имѣвшую стихотворной формы. Такимъ образомъ они писали безъ истиннаго поэтическаго вдохновенія, безъ любви къ самому событію и къ его изображенію и безъ единства въ передставленіи. Ихъ произведенія носятъ различныя названія, смотря по содержанію предаваемыхъ въ нихъ легендъ. Они называются космогоніями, когда заключаютъ въ себѣ

преданія о происхожденіи міра; теогоніями, или генеалогіями, когда занимаются происхожденіемъ или родственными отношеніями боговъ; титаномахіями, аргонавтиками, ѳиваидами, эпигоніями, тезеидами и т. п., когда предметомъ ихъ является исторія титановъ, аргонавтовъ, первыхъ ѳиванцевъ, Тезея и другихъ. Отъ всѣхъ этихъ произведеній до насъ дошли лишь незначительные отрывки.

Другой разрядъ поэтовъ можно бы было, по характеру большинства изъ нихъ, назвать священными. Къ нимъ относятся тѣ, которые прославляли боговъ въ своихъ гимнахъ, передавали въ стихотворной формѣ теологическія и нравственнорелигіозныя поученія и наставленія для жизни и практической дѣятельности, описывали разныя событія и легенды, съ цѣлью просвѣтить слушателя на счетъ религіи и человѣческихъ обязанностей. Въ такомъ же духѣ была составлена большая часть теогоній и космогоній, потому сюда слѣдуетъ отнести и тѣхъ циклическихъ поэтовъ, которымъ принадлежатъ эти произведенія. Въ этихъ повѣствовательныхъ, такъ же какъ и въ поучительныхъ стихотвореніяхъ поэтъ говоритъ уже не какъ пѣвецъ, а какъ боговдохновенный пророкъ. Къ священнымъ поэтамъ принадлежитъ Ѳ а л е с ъ критскій, стихи котораго облегчили Ликургу введеніе его законодательства. Но самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ Гесіодъ, изъ Кумъ въ Эоліи, жившій около 900 лѣтъ до р. X. До насъ дошли съ его именемъ два главныя произведенія. Первое — Теогонія, въ которой подъ разными картинами и божественными миѳами скрыто теологическое ученіе. Другое его твореніе, называющееся: «Труды и дни», состоитъ изъ ряда поученій, относящихся къ сельскому и домашнему хозяйству, мореплаванію, воспитанію и другимъ обстоятельствамъ ежедневной жизни. Но, обращая главное вниманіе на практическія занятія и нравственныя обязанности, книга эта содержитъ въ себѣ и нѣкоторые миѳическіе разсказы, или аллегоріи.

Съ начала седьмаго вѣка до р. X., изъ циклическихъ и религіозно-нравственныхъ стихотвореній прошедшаго времени стала развиваться новая литература, сѣмена которой уже лежали въ прежней, но только тогда разрослись въ новыя формы умственной дѣятельности. Подобно прежней, новая литература все еще носила характеръ поэтическій, потому что пѣсни, танцы, музыка и наслажденія искусствомъ обращали въ непрерывный праздникъ беззаботную жизнь свободныхъ гражданъ мелкихъ греческихъ общинъ. Дошедшіе до насъ остатки произведеній этого періода доказываютъ, что тогдашняя Греція кипѣла дѣятельною внутреннею жизнью и въ то время уже имѣла значительную литературу, передававшуюся потомству не черезъ книги, а самою жизнью, какъ принадлежность торжествъ, общественныхъ собраній и пировъ.

Произведенія этого періода литературы, продолжавшагося приблизительно отъ 700 г. до р. X. до персидскихъ войнъ, раздѣляются на четыре отдѣла: на политически и нравственно поучительныя или сатирическія, и на лирическія, философскія и историческія. Послѣдній изъ этихъ отдѣловъ тѣсно связанъ съ циклической поэзіей. Остальные же три развились изъ священной литературы, содержавшей въ себѣ теогоніи, космогоніи, гимны, нравственныя и религіозныя поученія.

Первый отдѣлъ состоитъ изъ произведеній п о л и т и ч е с к о й и н р а в с т в е н н о й д и д а к т и ч е с к о й п о э з і и. Къ нимъ относятся произведенія, заключавшія въ себѣ поученія опыта и житейской мудрости, или излагавшія, въ легко запоминаемыхъ стихахъ, главные законы и установленія общественной жизни. Такіе стихи декламировались извѣстнымъ размѣромъ или пѣлись съ аккомпаниментомъ лиры, на праздникахъ и пирахъ. Другія стихотворенія этого отдѣла выражали возвышенныя чувства благородныхъ и мужественныхъ душъ или боролись со зломъ посредствомъ поэтическаго выраженія насмѣшки или гнѣва. Къ этому же роду поэзіи относится и названное нами сочиненіе Гесіода, «Труды и дни», и изреченія оракуловъ, которыя съ отдаленнѣйшихъ временъ излагались короткими стихами. Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе на поэтическое изложеніе законовъ, бывшее въ употребленіи во многихъ изъ древнѣйшихъ государствъ. Такъ Л и к у р г ъ, или современники его, облекли въ форму короткихъ стихотвореній всѣ важнѣйшія положенія спартанскаго устройства, чтобы они легче удерживались въ памяти и безъ искаженій переходили къ потомству. Знаменитыя постановленія З а л е в к а локрскаго и Х а р о н д а

Катанскаго были, какъ говорятъ, также изложены въ стихахъ. Поэзiей пользовались и для того, чтобы особенными пѣснями дѣйствовать на чувства гражданъ и, такимъ образомъ, облегчать себѣ достиженiе политическихъ цѣлей. Такъ поступали, напримѣръ, Пиѳагоръ въ Кротонѣ, Солонъ въ Аѳинахъ и Тиртей въ Спартѣ. Послѣднiй изъ нихъ, жившiй во время второй Мессенской войны (стр. 300), былъ не простымъ сочинителемъ военныхъ пѣсенъ, а истиннымъ народнымъ поэтомъ Спарты. Кромѣ военныхъ гимновъ, которые еще долго послѣ него пѣлись спартанцами на войнѣ и въ пылу сраженiй, онъ сочинялъ также поучительныя, смягчающiя и возвышающiя душу стихотворенiя и посредствомъ ихъ возвратилъ спартанцамъ изчезнувшую довѣренность къ ихъ силамъ и снова оживилъ въ нихъ единство, любовь къ родинѣ и терпѣнiе въ трудахъ и лишенiяхъ. Изъ его стихотворенiй, за исключенiемъ нѣсколькихъ мелкихъ отрывковъ, сохранилось только три.

Ближайшее мѣсто подлѣ произведенiй этой политической поэзiи занимаютъ такъ называемыя гномическiя стихотворенiя, которыя, впрочемъ, могутъ быть отнесены и къ лирическому, и къ философскому отдѣлу поэзiи. Они названы такъ потому, что состоятъ изъ гномовъ, т. е. изъ пословицъ, имѣвшихъ цѣлью распространенiе мудрости, набожности и житейскаго благоразумiя. Знаменитѣйшiе изъ гномическихъ поэтовъ — Теогнидъ мегарскiй и Фокилидъ милетскiй, жившiе оба около 550 года до р. Х. Съ именемъ перваго до сихъ поръ еще сохранилось собранiе поговорокъ; но изъ гномовъ Фокилида до насъ дошли только весьма немногiе. Къ гномическимъ поэтамъ часто причисляютъ также и Пиѳагора, потому что имя его помѣщено на собранiи гномовъ, озаглавленномъ «Золотыя Слова»; но нѣтъ никакого сомнѣнiя, что изреченiя эти вовсе не принадлежатъ Пиѳагору, а написаны какимъ-нибудь послѣдователемъ его философiи. Наконецъ, къ знаменитѣйшимъ гномическимъ поэтамъ обыкновенно причисяютъ и законодателя Солона, потому что онъ сочинялъ стихотворенiя, посредствомъ которыхъ старался облагородить нравы своихъ соотечественниковъ. Отъ его произведенiй до насъ дошли лишь немногiе отрывки.

И по духу и по характеру своего влiянiя, къ гномическимъ и политическимъ поэтамъ весьма близко подходятъ, такъ называемые, семь мудрецовъ, которые всѣ, за исключенiемъ одного только Ѳалеса, имѣли большое влiянiе на управленiе своихъ государствъ, прославились своею житейскою и государственною мудростью, и посредствомъ изреченiй, изложенныхъ въ стихахъ, прiобрѣли влiянiе даже за предѣлами отечества. Исторiя ихъ большею частью облечена въ сказочную форму. Всѣ они жили въ одно и то же время, и преданiе утверждаетъ даже, что они были связаны тѣснѣйшей дружбой и часто видались между собою. Изреченiя, въ которыхъ они выражали важнѣйшiе выводы своихъ размышленiй и знанiя людей и свѣта, приведены были впослѣдствiи въ форму сборниковъ, дошедшихъ до насъ въ трехъ различныхъ редакцiяхъ. Каждый изъ мудрецовъ имѣлъ, говорятъ, одно любимое изреченiе, которое считалъ какъ бы главнымъ правиломъ или девизомъ своей жизни. Вотъ имена этихъ мудрецовъ, вмѣстѣ съ ихъ девизами. Знаменитѣйшими изъ нихъ были Солонъ и Ѳалесъ милетскiй. Первый, избравшiй своимъ девизомъ выраженiе: «никогда (не дѣлай) черезъ мѣру», прославился какъ законодатель Аѳинъ. Послѣднiй, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ гораздо болѣе древнимъ Ѳалесомъ критскимъ, отличался какъ великiй философъ. Его девизомъ были слова: «Поручись и пострадаешь». Остальные мудрецы были Питтакъ митиленскiй, о которомъ (стр. 113) уже было упомянуто (Тщательно соображай время), Клеобулъ, изъ Линда, на островѣ Родосѣ (Всему знай мѣру), упомянутый нами (стр. 135) коринѳскiй тираннъ Перiандръ (Обдумывай все заранѣе), Хилонъ спартанскiй (Познай самого себя), Бiантъ изъ Прiены въ Iонiи (Когда многiе возьмутся за дѣло, то сдѣлаютъ дурно).

Къ поучительной поэзiи этого перiода относятся также басня и сатира. Басня, появленiе которой требуетъ жизни среди природы и близкаго знакомства съ характеромъ различныхъ животныхъ, впервые развилась у грековъ въ этомъ перiодѣ. Между греческими баснописцами болѣе всѣхъ прославился Эзопъ, современникъ Солона, и по его имени этотъ родъ поэзiи называютъ

также эзоповой басней. Жизнь его очень искажена преданіемъ. Разсказываютъ, что онъ былъ рабомъ во Фригіи.

Сатира, какъ особенный родъ поэзіи, появилась въ началѣ седьмаго вѣка до р. Хр. и выработалась изъ нравственно-поучительныхъ (дидактическихъ) стихотвореній. Начатки ея заключались въ томъ, что насмѣшка и горечь присоединились къ нравственному поученію, на страхъ злымъ и одобреніе добрымъ. Образцовымъ писателемъ въ этомъ родѣ считался у древнихъ Архилохъ паросскій, жизнь котораго сообщена преданіемъ въ такой же сказочной формѣ, какъ и жизнь поэта Эзопа. Его считаютъ изобрѣтателемъ ямба, стихотворнаго размѣра, которымъ преимущественно пользовались греки для сатиры. Кромѣ его, можно также назвать Алкея, изъ Митилены, знаменитаго лирическаго поэта, жившаго около 600 года до р. Х. Одушлевленный безграничной любовью къ свободѣ, онъ весь предался тому, чтобы клеймить своими стихами тирановъ Малой-Азіи и греческихъ островóвъ и постоянно возбуждать къ народъ возстанію. Съ особенною горечью преслѣдовалъ онъ своими жгучими стихами Питтака, повелителя своего роднаго города.

Второй отдѣлъ стихотвореній этого періода относится къ лирической поэзіи. Самостоятельное появленіе этой отрасли поэзіи связано внѣшнимъ образомъ съ успѣхами греческой музыки, которая тогда значительно усовершенствовалась и вызвала большое разнообразіе въ поэтическихъ формахъ. Но, по существу своему, лирическія произведенія этого времени находятся въ тѣсной связи съ нравоучительною поэзіей предъидущаго отдѣла. Въ обоихъ господствуетъ то же ученіе: «Человѣкъ смертенъ и слабъ; жизнь коротка. Поэтому или наслаждайтесь ею вполнѣ, или ищите неизмѣняющагося въ самихъ себѣ и избѣгайте всякаго ложнаго и непрочнаго наслажденія». Такимъ образомъ, лирическая поэзія этого времени имѣетъ двѣ стороны. Она вызываетъ къ полному наслажденію жизнью и проповѣдуетъ ничтожество всѣхъ земныхъ радостей и блаженство созерцательнаго покоя — два полюса жизненной мудрости, обыкновенно появляющіеся вмѣстѣ въ исторіи цивилизаціи народовъ, когда, при извѣстной степени образованности, число наслажденій увеличивается. Въ этомъ періодѣ роскошь въ особенности развилась у іонійскихъ и эолійскихъ грековъ Малой Азіи; потому у нихъ мы видимъ особенное процвѣтаніе этого двойственнаго направленія философіи и лирики.

Въ ряду знаменитѣйшихъ лирическихъ поэтовъ этого періода, еще не названныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ, первое мѣсто по времени принадлежитъ Алкману изъ Сардъ, въ Лидіи. Онъ жилъ при дворѣ, въ своемъ родномъ городѣ, и сравненіе немногихъ дошедшихъ до насъ отрывковъ его стихотвореній съ произведеніями современника его, Тиртея, рѣзко показываетъ противоположность между древне-спартанскою дисциплиною и нравами, и чувственной философіей и страстью къ наслажденіямъ роскошныхъ фригійцевъ и лидійцевъ. Его стихи также рѣшительно вызываютъ ко всякаго рода наслажденіямъ, какъ стихи спартанскаго поэта проповѣдуютъ мужественныя добродѣтели, храбрость и настойчивость. Около того же времени жилъ лесбіецъ Терпандръ, сочинявшій народныя застольныя пѣсни и прославившійся своими усовершенствованіями въ музыкѣ. Соотечественникъ его, Аріонъ (около 600 г. до р. Х.), въ особенности прославился, благодаря древне-греческой легендѣ о спасеніи его дельфиномъ. Во время Аріона жила также поэтесса Сафо изъ Лесбоса, отъ которой до насъ дошли, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ отрывковъ, только двѣ оды, гдѣ, такъ же какъ и въ произведеніяхъ слѣдующихъ лириковъ, обнаруживается философія страсти наслажденія. Ея исторія сильно искажена преданіемъ, и весьма вѣроятно, что разсказы о ея безнравственности и о самоубійствѣ, внушенномъ безнадежною любовью, не болѣе, какъ чистая выдумка. Подругой ея была Эринна, также родившаяся на Лесбосѣ или, по крайней мѣрѣ, жившая тамъ. Она умерла на двадцатомъ году своей жизни и, не смотря на это, успѣла прославиться у древнихъ какъ одна изъ величайшихъ женщинъ-поэтовъ. Современникомъ Сафо и Эринны былъ поэтъ Мимнермъ колофонскій, которому приписываютъ примѣненіе элегическаго размѣра стиховъ для выраженія жалобнаго и горестнаго настроенія духа. Слово элегія, которымъ у насъ означается всякое стихотвореніе тоскливаго и грустнаго содержанія, у грековъ

означало только извѣстную внѣшнюю форму лирическихъ стихотвореній. Такъ называлось, совершенно независимо отъ содержанія, всякое стихотвореніе, состоящее изъ двустишій, т. е. изъ одного гекзаметра и одного пентаметра. Стихи Мимнерма оплакиваютъ непостоянство благъ земныхъ, кратковременность жизни и изобиліе человѣческихъ страданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ къ наслажденію. Немного позднѣе его жилъ Стесихоръ, изъ Гимеры, въ Сициліи, который далъ одѣ форму, впослѣдствіи разработанную Пиндаромъ. Современникомъ Стесихора былъ Ибикъ, изъ Регія, въ нижней Италіи, или изъ Мессины, въ Сициліи. Въ Германіи онъ извѣстенъ всѣмъ по Шиллеровой балладѣ, гдѣ разсказана легенда о его смерти.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ лирическихъ поэтовъ Греціи, Анакреонъ изъ Теоса въ Іоніи, былъ современникомъ и другомъ Поликрата, Писистрата, Гиппія и Гиппарха, жилъ при дворахъ этихъ правителей и умеръ въ 474 году до р. Х., достигнувъ восьмидесяти пяти лѣтъ. Изящнѣе всѣхъ греческихъ поэтовъ проповѣдовалъ онъ философію наслажденія, и имя его стало типическимъ для означенія великаго пѣвца любви и вина. Младшимъ современникомъ его былъ Симонидъ изъ Кеоса, одного изъ Кикладскихъ островова. Онъ былъ также близкимъ другомъ Писистратидовъ, Питтака митиленскаго и Гіерона сиракузскаго, и умеръ на девяностомъ году своей жизни въ 469 году до р. Х. Онъ знаменитъ особенно своими грустными стихами, и, послѣ Мимнерма, былъ первымъ хорошимъ элегическимъ поэтомъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. У него также безпрестанно повторяется мысль о кратковременности жизни и необходимости спѣшить наслаждаться ею. Лѣтъ за сто до него прославился, какъ поэтъ, дѣдъ его, Симонидъ изъ Аморга, одного изъ Спорадскихъ островова. Ему приписывается полу-сатирическая поэма о женщинахъ. Это превосходное изображеніе современныхъ ему женщинъ, гдѣ со одной стороны выставляются заблужденія тщеславія, кокетства, любопытства и болтливости, а съ другой значеніе женщины какъ хозяйки, жены, матери и собесѣдницы.

Третій родъ поэтическаго творчества въ этомъ періодѣ, философская поэзія, развился изъ прежнихъ теогоній и космогоній: поэтическія легенды о происхожденіи міра и боговъ вызвали первое появленіе физики, математики, астрономіи и философіи. Мѣстомъ возникновенія этой поэзіи были колоніи Іоніи и нижней Италіи. Она подготовила появленіе настоящей философіи, которая въ слѣдующемъ періодѣ сосредоточилась въ Аѳинахъ. Въ философской поэзіи отличаютъ три рода.

Первый изъ нихъ — философія природы, извѣстная подъ именемъ іонійской философіи, потому что возникла въ Іоніи (около 600 года). Іонійская философія болѣе прочихъ приближалась къ прежнимъ космогоніямъ и теогоніямъ, но старалась путемъ мышленія и умозаключенія отыскать причину вещей, скрывавшуюся въ миѳическихъ образахъ космогоній. Языкъ ея оставался попрежнему поэтическимъ. Ѳалесъ милетскій, одинъ изъ семи мудрецовъ, былъ древнѣйшимъ философомъ іонійской школы, и потому называется также творцомъ греческой философіи. Онъ принялъ воду за первоначальную матерію, т. е. за начало всего существующаго, или, точнѣе, полагалъ, что эту матерію слѣдуетъ воображать въ видѣ жидкости. Ѳалесу приписываютъ также перенесеніе изъ Египта въ Грецію математики и астрономіи, и говорятъ, что онъ первый въ Греціи предсказалъ солнечное затмѣніе. Другъ и ученикъ его Анаксимандръ, желая рѣзко отличить философское начало вещей отъ всякаго отдѣльнаго вещества, назвалъ его безконечнымъ. Изъ позднѣйшихъ философовъ іонійской школы особенно знамениты: Анаксименъ милетскій, ученикъ Анаксимандра, и Анаксагоръ изъ Клазоменъ, въ Іоніи, родившійся около 500 года до р. Х. Послѣдній перенесъ іонійскую философію въ Аѳины, привелъ ее въ положительную систему и первый изъ греческихъ философовъ принялъ высшій разумъ или высшее сознательное существо за причину, давшую жизнь, образъ, движеніе и порядокъ мертвой и, по его мнѣнію, вѣчной массѣ (матеріи).

Другой видъ философской поэзіи, имѣвшій всего болѣе послѣдователей въ Италіи и Сициліи, называется итальянской, или пиѳагорейской шко-

лой. Учителемъ этихъ поэтовъ-философовъ былъ знаменитый Пиѳагоръ, о которомъ уже было говорено выше (стр. 121). Разсказываютъ, что слово «философъ» обязано ему своимъ происхожденіемъ. Онъ изъ скромности не хотѣлъ допустить, чтобы его называли софосомъ, т. е. мудрецомъ, и вмѣсто того выдумалъ слово философось, т. е. другъ мудрости или стремящійся къ ней. Пиѳагоръ первый ввелъ въ философію нравственное начало или мораль. Онъ облекъ свое ученіе о высшихъ вопросахъ въ математическія формы, и, напримѣръ, начальную причину всего называлъ единицей, матерію — двойственностью, а добродѣтель считалъ гармоніей или единствомъ души. Міръ, по философіи Пиѳагора, есть гармонически устроенное цѣлое, состоящее изъ десяти большихъ тѣлъ, гармонически движущихся вокругъ солнца какъ своего центра. Божество въ ученіи Пиѳагора называется душою міра, души людей — его изліяніями; онѣ, послѣ странствованія по многимъ тѣламъ, снова соединяются съ нимъ. Пиѳагоръ первый далъ твердое основаніе математическимъ наукамъ въ Греціи и открылъ одно изъ основныхъ положеній математики — такъ называемую теорему Пиѳагора. Между пиѳагорейцами и впослѣдствіи были люди, которые значительно содѣйствовали развитію астрономіи, механики и другихъ отраслей математики.

Какъ философски-политическое стремленіе, основанное Пиѳагоромъ, сосредоточилось въ Кротонѣ, такъ третья отрасль философіи имѣла исходнымъ пунктомъ весьма богатый въ то время городъ Колофонъ въ Іоніи; философская поэзія довольно долго процвѣтала и въ этомъ городѣ. Тамъ родился и воспитывался Ксенофанъ, переселившійся во второй половинѣ шестаго вѣка въ греческую колонію Элею въ нижней Италіи, гдѣ основалъ элеатскую школу философіи. Онъ и ученики его проповѣдовали пантеизмъ. Другими словами, основной мыслью элеатиковъ была идея о томъ, что все существующее составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, и что, слѣдовательно, божество и вселенная одно и то же. Элеатская философія была первой научной системой, выработавшейся у грековъ. Кромѣ того, элеатики прежде другихъ провели рѣзкую черту между чувственными впечатлѣніями и умственнымъ познаваніемъ и провозгласили обманчивость и призрачность первыхъ. Они излагали свое ученіе въ поэтической формѣ, отчасти сходной съ тою формой дидактической поэзіи, которая появляется уже въ позднѣйшіе періоды цивилизаціи, и въ Греціи появилась также послѣ Александра Великаго. Между элеатиками всѣхъ болѣе знамениты Парменидъ и Зенонъ изъ Элеи, — два ученика самого Ксенофана; Левкиппъ, родина и время жизни котораго неизвѣстны, и Демокритъ, изъ Абдеры, жившій въ пятомъ вѣкѣ до р. Х. Въ Малой Азіи излагалъ пантеистическое ученіе Гераклитъ эфесскій, который не былъ ученикомъ элеатской школы и жилъ около 500 года до р. Х. Эмпедоклъ агригентскій, славившійся около половины пятаго вѣка, держался другой системы, но также излагалъ свое ученіе въ поэтической формѣ, между тѣмъ какъ Демокритъ писалъ уже прозой. Вообще, послѣдніе изъ названныхъ нами поэтовъ всѣ писали въ формѣ близкой къ дидактической и помогли философіи перейти изъ области поэзіи въ прозу. Этимъ переходомъ, такъ же какъ и направленіемъ своихъ мыслей, они вызвали настоящую философію, возникшую въ Аѳинахъ въ слѣдующемъ столѣтіи.

Четвертый и послѣдній отдѣлъ литературныхъ произведеній этого періода составляетъ переходъ къ исторіи. Онъ развился въ прежней циклической поэзіи, которая однако въ теченіе извѣстнаго времени все еще держалась рядомъ съ вновь возникшимъ направленіемъ. Этотъ новый, появившійся въ то время способъ излагать переданные разсказы называютъ логографіей, т. е. правдивымъ историческимъ разсказомъ въ прозѣ. Она занимаетъ промежуточное мѣсто между поэзіей и настоящей исторіей и получила свое названіе въ противоположность миѳографіи, т. е. простому записыванію легендъ, и эпосу, т. е. поэтическому ихъ изложенію. Всѣ разсказчики историческихъ событій до Геродота, съ котораго начинается настоящая исторія, принадлежатъ къ числу логографовъ. Отъ произведеній ихъ и циклическихъ поэтовъ до насъ дошли лишь немногіе отрывки. Поэтому невозможно опредѣлить, какимъ именно образомъ изъ поэтическаго изложенія легенды возникъ прозаическій разсказъ и какъ онъ,

въ свою очередь, постепенно превратился въ настоящую исторію. Первымъ прозаикомъ называютъ Ферекида, іонійскаго философа, бывшаго уроженцемъ цикладскаго острова Сироса и жившаго около половины шестаго вѣка до р. Х. Самымъ древнимъ логографомъ былъ Кадмъ милетскій, написавшій исторію своего города. Кромѣ того, извѣстны Маникъ лесбосскій и Гекатей милетскій, который былъ въ то же время однимъ изъ самыхъ древнихъ географовъ Греціи.

IV. ИСТОРІЯ ГРЕКОВЪ

ОТЪ НАЧАЛА ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ ДО КОНЦА ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ.

1. Начало персидскихъ войнъ.

Персидская монархія, раздвинувшаяся при Кирѣ до береговъ Архипелага, была распространена Камбисомъ до западныхъ предѣловъ Египта, а преемникомъ его, Даріемъ I, до сѣверныхъ границъ Греціи. При завоевательномъ направленіи, принятомъ этимъ государствомъ, оно необходимо должно было прійдти рано или поздно въ непріязненныя столкновенія съ государствами европейской Греціи. Поводомъ къ тому послужила помощь, данная Аѳинами и эвбейскимъ городомъ Эретріей возставшимъ противъ Дарія мало-азійскимъ грекамъ (стр. 68). Такимъ образомъ, страсть къ завоеваніямъ и оскорбленная этой поддержкой гордость персидскихъ царей возбудила, въ началѣ пятаго вѣка до рождества Христова, длинный рядъ войнъ, которыя съ одной стороны приготовили паденіе Персидской монархіи, а съ другой—чрезвычайно усилили могущество греческой націи и довели цивилизацію ея до высшаго развитія. Подавивъ возстаніе мало-азійскихъ городовъ, Дарій рѣшился распространить завоеванія свои на Грецію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмстить за оскорбленіе, нанесенное ему Аѳинами и Эретріею, осмѣлившимися помогать мятежникамъ. Греческая легенда говоритъ, что поддержка эта такъ разсердила Дарія, что при первомъ же извѣстіи о ней онъ поклялся отмстить аѳинянамъ и эретрійцамъ и приказалъ одному изъ слугъ своихъ каждый день во время обѣда три раза произносить слова: «Государь, помни объ аѳинянахъ.»

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ подавленія мало-азійскаго возстанія, были посланы въ Европу армія и флотъ съ десантными войсками подъ начальствомъ зятя Дарія, Мардонія, чтобы черезъ Ѳракію и Македонію проникнуть въ Грецію (492 до р. Х.). Армія эта, достигнувъ границъ Македоніи, подверглась здѣсь нападенію одного воинственнаго племени, надолго задержавшаго ее и истребившаго большую часть войска. Флотъ былъ застигнутъ страшной бурей у опаснаго Аѳонскаго мыса, составляющаго одну изъ южныхъ оконечностей ѳракійскаго полуострова Халкидики и почти весь погибъ, вмѣстѣ съ находивши-

мися на немъ войсками. Мардоній въ томъ же году былъ принужденъ отвести обратно въ Азію остатки своихъ ополченій.

Въ слѣдующемъ году персы покорили островъ Тазосъ и снарядили новую экспедицію. Кромѣ того, въ греческія государства были посланы царскіе герольды съ обычнымъ требованіемъ земли и воды для персидскаго царя, т. е. иными словами, покорности ему. Ѳивы, почти всѣ остальные города Беотіи и большая часть острововъ Архипелага покорились. Въ Спартѣ же и въ Аѳинахъ не только не послушались персидскихъ герольдовъ, но даже убили ихъ. Въ Аѳинахъ ихъ бросили въ пропасть, куда обыкновенно бросали преступниковъ, а въ Спартѣ — въ колодезь, чтобы они тамъ сами достали себѣ земли и воды. Впослѣдствіи частыя повторенія неблагопріятныхъ примѣтъ при жертвоприношеніяхъ заставили спартанцевъ раскаяться въ этомъ нарушеніи международнаго права и они пытались смыть его особеннаго рода покаяніемъ. Спартанскій сенатъ обратился къ народу съ вопросомъ, не найдется ли въ немъ гражданъ, готовыхъ умереть въ видѣ искупительной жертвы за этихъ герольдовъ, и два благородные спартанца вызвались на то. Ихъ тотчасъ же отправили къ Ксерксу, сыну и преемнику Дарія, чтобы онъ смертью ихъ удовлетворилъ себя за умерщвленіе своихъ пословъ. На пути въ Персію спартанцы эти были представлены Гидарну, сатрапу Малой Азіи. Гидарнъ вѣжливо принялъ ихъ и настоятельно убѣждалъ склонить своихъ соотечественниковъ къ покорности персамъ, которые доставили бы имъ за то преобладаніе надъ всей Греціей. Спартанцы отвергли предложеніе его, отвѣтивъ сатрапу, что онъ самъ хорошо не понимаетъ, о чемъ проситъ. Когда обоихъ спартанцевъ привезли въ Сузу, ихъ хотѣли принудить, согласно персидскому обычаю, поклониться въ ноги царю. Они положительно отказались отъ этого и объявили, что въ Спартѣ не существуетъ такого обычая, и что свободные греки ни въ какомъ случаѣ не согласятся на такое выраженіе подобострастія передъ человѣкомъ. Когда они объявили царю цѣль своего путешествія, онъ приказалъ немедленно отправить ихъ назадъ въ Спарту, сказавъ, что не желаетъ, подобно спартанцамъ, пятнать себя преступленіемъ, и не будетъ настолько безуменъ, чтобы снять съ враговъ своихъ позоръ беззаконно пролитой крови.

Аѳиняне воспользовались изъявленною жителями почти всѣхъ острововъ готовностью подчиниться персамъ, чтобы повредить эгинцамъ, своимъ могущественнымъ противникамъ и соперникамъ. Они обвинили ихъ передъ Спартою, какъ главою дорійско-пелопоннесскаго союза, и объявили, что эгинцы только для того покорились персамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними побѣдить аѳинянъ. Спартанцы признали жалобу аѳинянъ справедливою и послали для наказанія жителей Эгины царя своего Клеомена, потребовавшаго выдачи гражданъ, особенно расположенныхъ къ персамъ и посовѣтовавшихъ остальнымъ покориться; но эгинцы отказали ему въ исполненіи его требованій, тайно возбужденные къ сопротивленію другимъ спартанскимъ царемъ, Демаратомъ. Изъ ненависти къ Демарату, Клеоменъ низвергъ его тогда съ престола, назвавъ подкидышемъ прежняго царя и подкупивъ дельфійскаго оракула, которому было предоставлено рѣшеніе этого вопроса. Низложенный Демаратъ оставилъ родину и отправился въ Персію. Тамъ онъ былъ очень радушно принятъ Даріемъ, но не могъ принести пользы своими совѣтами ни ему, ни его преемнику, потому что въ Персіи слушали только тѣхъ, которые умѣли кланяться и говорить по-придворному. Мѣсто Демарата занялъ Леотихидъ, ближайшій наслѣдникъ престола въ домѣ проклидовъ. Клеоменъ вмѣстѣ съ нимъ снова отправился на Эгину, гдѣ на этотъ разъ ему безъ всякаго сопротивленія выдали заложниками десять самыхъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ. Чтобы отмстить эгинцамъ, Клеоменъ поручилъ надзоръ за этими заложниками аѳинянамъ, заклятымъ врагамъ Эгины. Вскорѣ потомъ этотъ мстительный, властолюбивый человѣкъ умеръ въ припадкѣ бѣшенаго сумашествія, и послѣ его смерти эгинцамъ удалось добиться того, чтобы спартанцы потребовали у аѳинянъ обратной выдачи заложниковъ. Требованіе это не было исполнено, и между Аѳинами и Эгиной началась новая война, продолжавшаяся до появленія персовъ въ Греціи.

2. Вторая Персидская война.

Между тѣмъ въ Персіи были окончены приготовленія къ новому походу противъ Греціи, и въ 490 г. до р. Х. персидское войско сѣло на корабли, подъ начальствомъ сатраповъ Датиса и Артаферна, замѣнившихъ Мардонія. Сила этой арміи опредѣляется писателями древности весьма различно. Писистратидъ Гиппій присоединился къ этому ополченію, чтобы совѣтами своими помогать персидскимъ полководцамъ. Экспедиція отправилась на этотъ разъ чрезъ Архипелагъ; главною цѣлью дѣйствій ея были Аѳины и эвбейскій городъ Эретрія. Высадившись на Эвбеѣ, персы, послѣ нѣкотораго сопротивленія, взяли Эретрію и отправили ея жителей въ рабство въ Азію. Изъ Эвбеи они переправились чрезъ Эврипскій проливъ и высадились на восточномъ берегу Аттики. Тотчасъ же послѣ паденія Эретріи, аѳиняне обратились къ Спартѣ съ просьбою о помощи. Спартанцы обѣщали поддержать ихъ, но не могли отправить войскъ своихъ ранѣе, чѣмъ черезъ пять дней, потому что старинный религіозный законъ запрещалъ имъ вступать въ походъ прежде полнолунія. Аѳиняне оказались, такимъ образомъ, предоставленными своимъ собственнымъ силамъ. Къ нимъ присоединилась только тысяча гражданъ небольшаго беотійскаго города, Платеи. Но къ счастію Аѳинъ, въ ихъ стѣнахъ жилъ въ то время одинъ прежній вассалъ персидскаго царя, не только спасшій ихъ отъ гибели, но и вознесшій на высшую степень славы.

Это былъ Мильтіадъ, аѳинскій гражданинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ владѣтель небольшаго государства въ Херсонесѣ, т. е. на полуостровѣ, образуемомъ европейскимъ берегомъ Геллеспонта. Въ то время, когда Писистратъ въ первый разъ достигъ единовластія, здѣсь была основана греческая колонія, и предводитель переселенцевъ, Мильтіадъ, членъ древней аѳинской фамиліи, успѣлъ пріобрѣсти верховную власть какъ въ самой колоніи, такъ и на всемъ полуостровѣ, заселенномъ тогда ѳракійцами. Послѣ его смерти власть перешла къ его племяннику Стесагору, а по смерти этого втораго правителя, къ брату его, также носившему имя Мильтіада. Когда всѣ города и владѣтели ѳракійскаго прибрежья были принуждены покориться персамъ, Мильтіадъ сталъ вассаломъ персидскаго царя и сопровождалъ его въ скиѳскомъ походѣ. При этомъ случаѣ онъ предложилъ греческимъ уроженцамъ, бывшимъ полководцами въ персидской арміи и вмѣстѣ съ нимъ охранявшимъ мостъ черезъ Дунай,—сломать этотъ мостъ, чтобы погубить царя вмѣстѣ со всей его арміей (стр. 67). Не смотря на это предложеніе, онъ сохранилъ свое владѣніе. Но когда возставшіе предводители іонійцевъ были снова порабощены и наказаны Даріемъ, Мильтіадъ уже перестал считать себя въ безопасности и бѣжалъ въ Аѳины съ своими сокровищами и пятью военными кораблями. Одинъ изъ этихъ кораблей, которымъ командовалъ сынъ его, попался въ руки погнавшемуся за ними персидскому флоту, и сынъ Мильтіада былъ отправленъ къ Дарію. Персидскій царь, по великодушному своему характеру, не хотѣлъ наказывать сына за вину отца, принялъ его, какъ вельможу, подарилъ ему помѣстья и женилъ на знатной персіянкѣ. Мильтіадъ съ остальными четырьмя кораблями благополучно достигъ Аѳинъ, гдѣ его тотчасъ потребовали къ суду за то, что онъ сдѣлался тираномъ аѳинской колоніи; впрочемъ, онъ тотчасъ же былъ оправданъ. Пребываніе Мильтіада въ Аѳинахъ со времени похода Мардонія противъ Греціи было большимъ счастіемъ для аѳинянъ. Онъ былъ превосходнымъ полководцемъ, вполнѣ зналъ характеръ и образъ дѣйствій персовъ, владѣлъ значительными богатствами и привелъ съ собой четыре большихъ корабля. Два послѣднихъ обстоятельства тотчасъ же доставили ему огромное значеніе въ городѣ. Морская сила аѳинянъ была такъ незначительна, что въ это время они, для борьбы съ Эгиной, были принуждены занять двадцать кораблей у коринѳянъ. Сокровища и корабли Мильтіада поставили ихъ вдругъ въ совершенно другое отношеніе къ Греціи.

Когда стали снаряжать армію противъ Датиса и Артаферна, Мильтіада избрали однимъ изъ десяти стратеговъ, или полководцевъ, ежегодно избиравшихся,

по числу филъ, для управленія военною частью и командованія войсками во время войны. При извѣстіи о высадкѣ персовъ въ Аттикѣ, армія двинулась имъ навстрѣчу; но половина стратеговъ не хотѣла рѣшиться на бой съ далеко превосходными силами непріятеля и предполагала ограничиться оборонительною войною. Силою своихъ доводовъ Мильтіадъ склонилъ общее мнѣніе къ рѣшимости на битву и такимъ образомъ спасъ Аѳины отъ мгновенной опасности, а одержанной побѣдой положилъ начало ихъ будущему величію.

Относительная сила арміи противныхъ сторонъ опредѣляется древними писателями весьма различно, такъ что положительно можно сказать только, что персы численностію своею далеко превосходили аѳинянъ. При всемъ томъ, зная характеръ воевавшихъ сторонъ, нельзя удивляться ни побѣдѣ аѳинянъ, ни вообще тому, что малочисленная греческая нація отразила всѣ нападенія персовъ, господствовавшихъ надъ большей половиной Азіи. Персидская монархія была простою машиной, гдѣ слѣпое послушаніе и неподвижность чисто механическихъ учрежденій уничтожали возможность развитія свободной дѣятельности и воодушевленія. Разумный ходъ управленія въ Персіи зависѣлъ отъ личностей и случайныхъ обстоятельствъ. Еще гораздо рѣже случалось, что бы какое-нибудь учрежденіе мѣнялось сообразно урокамъ опыта и обстоятельствъ, или чтобы предпріятія были соображаемы съ требованіями времени, свойствами края и населенія. Въ своихъ войнахъ персы выставляли очень многочисленныя войска. Но они состояли изъ нестройныхъ массъ вооруженныхъ людей, лишенныхъ всякаго общаго духа и сознанія своего достоинства. Напротивъ того греки, достигшіе въ это время полнаго развитія своихъ народныхъ силъ, составляли мелкія государства, сила которыхъ состояла не въ многолюдствѣ, а въ образованіи, любви къ родинѣ и въ мужественномъ соревнованіи гражданъ. Составъ, обученіе и вооруженіе ихъ войскъ имѣли чисто національный характеръ, основанный на народныхъ учрежденіяхъ и обычаяхъ. При свободномъ развитіи государственной жизни и всѣхъ ея силъ, опытъ времени и новыя открытія постоянно отражались на всѣхъ ихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ. Во всѣхъ греческихъ государствахъ главная часть арміи — такъ называемые, тяжеловооруженные воины,—состояла только изъ зажиточныхъ гражданъ, имѣвшихъ значительное вліяніе на управленіе государствомъ и достигшихъ извѣстной степени образованія, и потому арміи эти нельзя сравнивать ни съ одною арміею нашего времени, за исключеніемъ развѣ такъ называемыхъ рейтаровъ среднихъ вѣковъ. Кромѣ того, всѣ начальническія мѣста замѣщались ежегодно вновь, и составъ и организація греческой арміи демократическаго періода были таковы, что каждый солдатъ могъ замѣнить офицера, и большею частью они были на столько образованы, что могли бы быть и полководцами, обладая, кромѣ знаній, и чувствомъ собственнаго достоинства, необходимымъ для главнокомандующаго. Такая армія далеко превосходила бы равный по числу отрядъ войскъ даже нашего времени, сдѣлавшаго такіе громадные успѣхи въ военномъ искусствѣ. Ко всему этому нужно еще прибавить, что каждый грекъ былъ съ юныхъ лѣтъ воиномъ, и что въ греческихъ государствахъ народныя пѣсни, богослуженіе, все устройство общественной жизни и, наконецъ, безчисленные памятники искусства — постоянно возбуждали и поддерживали въ гражданахъ любовь къ свободѣ и родинѣ.

На небольшой равнинѣ близъ мѣстечка Мараѳона, лежавшаго въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Аѳинъ, произошло, 29 сентября 490 г. до р. X., первое сраженіе между персами и европейскими греками. Аѳинянами въ этотъ день командовалъ Мильтіадъ. Главное начальство мѣнялось въ аѳинской арміи между десятью стратегами такъ, что каждый изъ нихъ пользовался властью въ теченіе одного только дня. Пять стратеговъ, изъ которыхъ всѣхъ болѣе извѣстенъ Аристидъ, уступили свои дни Мильтіаду, какъ самому способному и опытному изъ ихъ среды. Но онъ, чтобы снять съ товарищей отвѣтственность, распорядился такимъ образомъ, что сраженіе произошло именно въ тотъ день, когда ему поочереди приходилось командовать арміей. Мастерски воспользовавшись мѣстностью, благопріятнымъ временемъ и энтузіазмомъ своихъ согражданъ, Мильтіадъ успѣлъ выиграть сраженіе, въ которомъ персами командовалъ Гиппій. Несмѣтная добыча, громкая слава и владычество надъ моремъ были ближайшими результатами побѣды. Въ числѣ захваченной добычи были и цѣпи, при-

везенныя персами изъ Азіи для греческихъ плѣнныхъ, и глыба паросскаго мрамора, изъ которой они хотѣли воздвигнуть памятникъ, будучи совершенно увѣрены въ побѣдѣ. Впослѣдствіи аѳиняне поручили великому своему ваятелю, Фидію, высѣчь изъ этого мрамора статую богини Немезиды, карательницы людскаго высокомѣрія. Статуя эта была поставлена на полѣ Мараѳонской битвы. Въ честь этой битвы были сооружены и другіе памятники, и аѳиняне еще долго спустя праздновали день ея. Потеря персовъ убитыми была, впрочемъ, незначительна: они лишились только шести тысячъ четырехсотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и тиранъ Гиппій. Греки потеряли всего 192 человѣкъ. Примѣромъ ихъ мужества и пламенной любви къ родинѣ можетъ служить геройская смерть Кинегира, брата знаменитаго поэта Эсхила. Во время преслѣдованія непріятеля, побѣжавшаго къ своимъ судамъ, Кинегиръ ухватился правою рукою за одну лодку. Когда ее отрубили, онъ точно также пожертвовалъ лѣвой рукой, потомъ ухватился за лодку зубами и удерживалъ ее такимъ образомъ, пока не упалъ мертвый подъ ударами персовъ. Разсказываютъ также, что одинъ аѳинскій гражданинъ, тотчасъ послѣ сраженія, побѣжалъ въ Аѳины, чтобы принести своимъ согражданамъ извѣстіе о побѣдѣ. Прибѣжавъ къ рынку, человѣкъ этотъ упалъ мертвый, успѣвъ только произнести слова: «Радуйтесь, мы побѣдили.» — На другой день послѣ сраженія, къ Мараѳону прибыли спартанцы, въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Они выступили тотчасъ послѣ полнолунія и такъ торопились, что разстояніе между Спартой и Аѳинами, составляющее около тридцати нѣмецкихъ миль (210 верстъ), прошли въ три дня.

Тотчасъ послѣ сраженія, персидскій флотъ, оставившій въ рукахъ аѳинянъ семь кораблей, поплылъ вдоль береговъ Аттики, чтобы неожиданно напасть на Аѳины, до возвращенія туда греческой арміи. Но Мильтіадъ, угадавшій намѣреніе враговъ, предупредилъ ихъ, и потому персы, тотчасъ послѣ появленія своего передъ гаванью города, снова отплыли въ открытое море. Они отправились прямо въ Азію, потому что наступало зимнее время, неудобное для военныхъ дѣйствій. Съ плѣнными эретрійцами, которыхъ они увезли съ собой, Дарій поступилъ такъ же человѣколюбиво, какъ нѣкогда съ милетцами: онъ далъ имъ свободу и отвелъ мѣсто для поселенія во внутреннихъ областяхъ своей монархіи.

3. Время между второй и третьей Персидской войной.

Аѳинянамъ, конечно, слѣдовало наказать тѣхъ грековъ, которые помогали предпріятію персовъ. Они тѣмъ охотнѣе должны были взяться за это, что такимъ образомъ являлся предлогъ увеличить могущество государства, а беднѣйшимъ гражданамъ представлялась возможность обогатиться на счетъ побѣжденныхъ. Мильтіадъ принялъ это за ближайшую цѣль аѳинской политики и уговорилъ аѳинянъ снарядить флотъ изъ семидесяти кораблей. Но при этомъ онъ сдѣлалъ ту ошибку, что не высказалъ своихъ настоящихъ намѣреній и даже не назвалъ тѣхъ, съ кѣмъ хотѣлъ сражаться, а объявилъ только, что экспедиція имѣетъ цѣлью обогащеніе аѳинянъ и распространеніе ихъ власти. Являясь съ такимъ предложеніемъ, онъ, само собою разумѣется, бралъ на себя и всю отвѣтственность за исходъ обременительнаго предпріятія. Народъ согласился на задуманную экспедицію и даже ввѣрилъ ему начальство надъ флотомъ и войсками. Мильтіадъ прежде всего обратился противъ острова Пароса, жители котораго не только покорились персамъ, но даже присоединили къ ихъ флоту свой военный корабль. Счастіе не благопріятствовало аѳинянамъ. Мильтіадъ двадцать шесть дней осаждалъ столицу острова и, заболѣвъ опасно отъ ушиба, былъ принужденъ отплыть съ своимъ флотомъ назадъ въ Аѳины. Тамъ его потребовали къ суду за неудачное предпріятіе. Собственно говоря, къ нему никогда не имѣли полнаго довѣрія, такъ какъ онъ былъ властителемъ Херсонеса, а демократическій духъ аѳинянъ заставлялъ ихъ ревниво слѣдить за всякимъ, кто стремился подняться выше другихъ. Алкмеониды, которыхъ Мильтіадъ оттѣснилъ на второй планъ, воспользовались такимъ настроеніемъ гражданъ, и глава этой фамиліи, Ксантиппъ, обвинилъ побѣдителя при Мараѳонѣ въ уголовномъ преступленіи. Ссылаясь на исходъ дѣла,

стоившій городу большихъ суммъ и жизни многихъ гражданъ, онъ объявилъ, что Мильтіадъ обманулъ народъ, обѣщая ему выгоды, для которыхъ была снаряжена экспедиція. Между тѣмъ болѣзнь Мильтіада усилилась, и онъ не могъ самъ защищаться; друзья же успѣли только спасти его отъ смертной казни. Онъ былъ приговоренъ къ уплатѣ издержекъ паросской экспедиціи, что составляло сумму въ пятьдесятъ талантовъ (65,000 р. с.) и въ слѣдствіе этого приговора, подвергся тому же, чему, по аѳинскимъ законамъ, долженъ былъ въ подобномъ случаѣ подвергнуться всякій аѳинскій гражданинъ, т. е. до внесенія должной имъ суммы, былъ лишенъ гражданскихъ правъ и въ случаѣ нужды могъ быть заключенъ въ темницу. Въ позднѣйшее время этотъ приговоръ надъ освободителемъ Аѳинъ былъ несправедливо поставленъ въ вину аѳинянамъ, какъ черта постыдной и преступной неблагодарности. Мильтіадъ вскорѣ умеръ отъ своей болѣзни; неизвѣстно, въ тюрьмѣ ли, какъ говорятъ нѣкоторые писатели древности, или на свободѣ. Прославившійся впослѣдствіи сынъ его, Кимонъ, выплатилъ должную имъ сумму, которую, по аѳинскимъ законамъ, правительство могло взыскать изъ всего имущества осужденнаго.

Со времени возвращенія Мильтіада изъ Херсонеса, онъ былъ настоящимъ руководителемъ аѳинянъ. Послѣ его смерти мѣсто его заняли К с а н т и п п ъ, А р и с т и д ъ и Ѳ е м и с т о к л ъ. Особенную знаменитость пріобрѣли двое послѣднихъ. Аристидъ, въ годъ смерти Мильтіада, занявшій должность перваго архонта, былъ однимъ изъ честнѣйшихъ людей, когда-либо жившихъ въ Аѳинахъ. Въ слѣдствіе этой идеальной честности, онъ во всю свою жизнь ни разу не руководствовался честолюбивыми цѣлями и эгоистическими интересами, но постоянно жертвовалъ всякими личными выгодами благу своей родины. За безкорыстіе и прямоту характера соотечественники дали ему почетное прозваніе справедливаго или праведнаго, и такъ вѣрили въ его безпристрастіе, что многіе, вмѣсто того чтобы обращаться къ судамъ, прибѣгали къ нему какъ къ третейскому судьѣ. Совершенно другимъ человѣкомъ былъ Ѳ е м и с т о к л ъ, родившійся отъ бѣдныхъ родителей, но, по великимъ дарованіямъ своего ума, скорѣе всякаго способный управлять государствомъ. Честолюбіе было его страстью, и онъ съ молодыхъ лѣтъ стремился къ цѣли, соотвѣтствовавшей природнымъ его талантамъ. Про него разсказываютъ, что еще мальчикомъ онъ отличался въ политическихъ и военныхъ наукахъ, но имѣлъ отвращеніе отъ всего, что, какъ напримѣръ музыка, облагороживаетъ сердце и украшаетъ жизнь. Подобнымъ же образомъ всѣ анекдоты, относящіеся къ первымъ годамъ его совершеннолѣтія, указываютъ на его честолюбіе и на его убѣжденіе въ природномъ своемъ призваніи къ роли государственнаго человѣка и полководца. Не получивъ музыкальнаго образованія, онъ не имѣлъ возможности принимать участія въ разговорахъ объ этомъ искусствѣ, какъ требовалось тогда въ Аѳинахъ отъ всякаго образованнаго человѣка. Когда съ нимъ однажды заговорили объ этомъ, онъ сказалъ въ извиненіе, что если не умѣетъ ударять по струнамъ, то зато можетъ сдѣлать маленькое и слабое государство могучимъ и грознымъ для другихъ. Разсказываютъ также, что когда послѣ Мараѳонскаго сраженія имя Мильтіада явилось во всѣхъ устахъ, онъ вдругъ перемѣнилъ образъ жизни, началъ избѣгать веселыхъ кружковъ своихъ друзей, сталъ грустенъ, задумчивъ, проводилъ цѣлыя ночи безъ сна, и на вопросъ о причинѣ такой перемѣны, отвѣчалъ, что торжество Мильтіада лишаетъ его сна.

По смерти Мильтіада, Ѳемистоклъ и Аристидъ три года сряду оставались во главѣ государства и трудились вмѣстѣ. Первый явился бережливымъ распорядителемъ финансовъ и честнымъ человѣкомъ; второй — политикомъ, готовымъ на всякое средство, лишь бы оно вело къ цѣли. Но въ 486 году Ѳемистоклъ вытѣснилъ Аристида изъ участія въ управленіи и возбудилъ аѳинянъ изгнать его изъ города остракисмомъ. Разсказываютъ, что при подачѣ голосовъ, одинъ аѳинянинъ, не умѣвшій писать, обратился съ своимъ черепкомъ къ Аристиду, котораго не зналъ въ лицо, и попросилъ его написать на черепкѣ его же собственное имя. Когда же тотъ спросилъ его, что Аристидъ сдѣлалъ ему дурнаго, аѳинянинъ отвѣчалъ: «Ничего, я даже не знаю его; но мнѣ досадно, что всѣ называютъ его справедливымъ.»

Освободившись отъ соперника, Ѳемистоклъ остался одинъ во главѣ государства и сталъ руководить народомъ, благодаря пріобрѣтенному имъ огромному

вліянію. Воспользовавшись средствами, которыя демократія даетъ даровитымъ людямъ, онъ изъ неважнаго городка сдѣлалъ Аѳины столицею міра. Ѳемистоклъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: сдѣлать себя необходимымъ и прославить свою родину, — и вполнѣ достигъ этихъ цѣлей. Аѳины въ то время не имѣли никакихъ политическихъ связей, тогда какъ Спарта была признана главою дорійско-пелопоннесскаго союза; въ ближайшемъ же сосѣдствѣ съ Аѳинами находилась враждебная имъ Эгина, превосходившая ихъ силами. Кромѣ того, аѳиняне должны были ожидать новаго нападенія персовъ, которые казались тѣмъ страшнѣе, что имъ повиновались всѣ страны отъ Геллеспонта до Ѳессаліи и почти всѣ острова Архипелага. Поэтому для аѳинянъ было всего важнѣе усилить свой флотъ. Ѳемистоклъ понялъ это, и всѣми силами старался увеличивать морскія силы города, чтобы этимъ вѣрнымъ и естественнымъ путемъ возвысить значеніе Аѳинъ и дать имъ средства на борьбу съ Эгиной и персидскимъ царемъ. До тѣхъ поръ ежегодный доходъ съ серебряныхъ рудниковъ горы Лавріона, въ Аттикѣ, постоянно распредѣлялся между гражданами. Ѳемистоклъ уговорилъ ихъ отказаться отъ этихъ денегъ, пока не соберется сумма, на которую можно будетъ снарядить флотъ сильнѣе эгинскаго. Аѳины довели такимъ образомъ число кораблей своихъ до двухсотъ. Это, конечно, не были отличныя военныя суда; они имѣли всего только полпалубы, но многочисленность ихъ все-таки поставила морскія силы Аѳинъ на первое мѣсто въ Греціи.

Аѳины все еще вели кровавую борьбу съ Эгиной, когда въ Греціи было получено извѣстіе о чудовищныхъ приготовленіяхъ персовъ къ новому походу. Въ такихъ обстоятельствахъ греки должны были направить всѣ свои силы къ огражденію своей свободы отъ новой опасности, угрожавшей со стороны Азіи. Дальнѣйшій ходъ разсказа покажетъ, какую громадную пользу принесло имъ усиленіе аѳинскаго флота. Геродотъ справедливо замѣчаетъ, что война съ Эгиной, принудившая Аѳины построить большой военный флотъ, была настоящей спасительницей Греціи.

4. Третья Персидская война.

Возстаніе, вспыхнувшее въ Египтѣ, и распри сыновей Дарія за престолонаслѣдіе помѣшали этому царю продолжать войну съ Греціей. Послѣ смерти его (485 г. до р. Х.), сынъ и преемникъ его, Ксерксъ, также не могъ начать войны съ греками до тѣхъ поръ, пока въ Египтѣ продолжалось волненіе. Во второй годъ его царствованія Египетъ былъ снова покоренъ, и послѣ того, въ теченіе четырехъ лѣтъ, Персія была занята громадными приготовленіями къ завоеванію Греціи. Ксерксъ организовалъ національный походъ цѣлой Азіи. Изъ всѣхъ народовъ громадной персидской монархіи, отъ Индіи и земли скиѳовъ до предѣловъ Ѳракіи и Египта, была составлена чудовищная армія. Не считая несмѣтнаго обоза, въ ней было, говорятъ, до милліона семисотъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и восемьдесятъ тысячъ всадниковъ. Но во всей этой массѣ не было и двухсотъ тысячъ годныхъ для войны, и только десять тысячъ могли быть названы регулярными войсками. Огромное большинство арміи состояло изъ недисциплинированной толпы, многочисленность которой легко могла сдѣлаться для нея же самой гибельнѣе всякаго боя съ непріятелемъ. Флотъ состоялъ изъ тысячи двухсотъ семи военныхъ кораблей и трехъ тысячъ транспортныхъ судовъ, съ экипажемъ въ пятьсотъ семнадцать тысячъ человѣкъ. Корабли были выставлены подвластными Персіи приморскими народами западныхъ частей монархіи. Лучшими изъ нихъ были финикійскіе, которыхъ считалось около трехсотъ. Покоренные персами мало-азійскіе греки и острова выставили до четырехсотъ пятидесяти военныхъ кораблей, изъ числа которыхъ до ста пятидесяти приходилось на однихъ іонянъ. Для продовольствія громаднаго ополченія, двинувшагося на Европу по сушѣ и по водѣ, были устроены вдоль береговъ магазины, линіи которыхъ тянулись до границъ Македоніи. Кромѣ того, флотъ долженъ былъ постоянно слѣдовать близъ береговъ параллельно съ арміей, чтобы снабжать ее всѣмъ нужнымъ во время похода: плохая опора для такой массы народовъ, жизнь которыхъ была, такимъ образомъ,

поставлена въ зависимость отъ существованія флота! Чтобы избѣжать опаснаго плаванія вокругъ ѳракійскаго мыса Аѳона, у котораго претерпѣла крушеніе первая экспедиція персовъ, — на перешейкѣ, соединяющемъ этотъ мысъ съ твердой землей, былъ прорытъ широкій и глубокій каналъ. Наконецъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Геллеспонта, гдѣ проливъ этотъ имѣетъ всего около двухъ тысячъ шаговъ въ ширину, были наведены два большихъ пловучихъ моста, назначенныхъ для перехода арміи въ Европу. За это пришлось приниматься два раза, потому что сильное теченіе пролива снесло первые мосты вскорѣ послѣ ихъ окончанія. По недостовѣрнымъ разсказамъ грековъ, Ксерксъ не только казнилъ людей, распоряжавшихся работами, но приказалъ даже высѣчь воду Геллеспонта и бросить въ нее пару ножныхъ цѣпей.

Извѣстіе о чудовищныхъ вооруженіяхъ Персіи убѣдило грековъ въ настоятельной необходимости отложить всѣ свои домашніе споры и приготовиться къ дружному сопротивленію варварамъ. И дѣйствительно, — всякая вражда была забыта. Аѳины и Эгина помирились, всѣ греки заключили союзъ и, подъ руководствомъ спартанцевъ, приняли необходимыя мѣры для защиты родины. Одинъ Аргосъ не могъ забыть своей старой ненависти къ спартанцамъ и, не желая сражаться подъ ихъ начальствомъ, отказался приступить къ союзу. Кромѣ того, отъ него уклонились острова Критъ и Коркира. Гелонъ, тиранъ сиракузскій, съ которымъ не могло равняться, по могуществу, ни одно греческое государство, изъявилъ согласіе участвовать въ союзѣ и даже предложилъ двѣсти военныхъ кораблей, двадцать восемь тысячъ войска и продовольствіе на всю греческую армію во все время войны, — но въ замѣнъ того требовалъ главнаго начальства надъ всѣми вооруженными силами грековъ или, по крайней мѣрѣ, надъ ихъ флотомъ. Спартанская гордость не могла согласиться на это; потому Гелонъ отказалъ грекамъ въ помощи и, хвастаясь своимъ могуществомъ, приказалъ, между прочимъ, сказать спартанцамъ, что съ ихъ стороны отказываться отъ этого предложенія такъ же безумно, какъ отнимать у года прелесть весны. Нѣкоторыя греческія государства, приставшія къ союзу, потеряли однако мужество и тайно покорились персамъ, которые, до прихода своего, послали въ Грецію герольдовъ съ требованіемъ земли и воды. Союзные греки, съ своей стороны, во время приготовленій къ войнѣ, послали въ Малую Азію лазутчиковъ, чтобы разузнать о планахъ непріятеля, о числѣ и составѣ его войскъ и т. п. Ѳемистоклъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы обратить Аѳины въ чисто морскую державу, и успѣлъ въ этомъ при помощи дельфійскаго оракула, который, сначала указавъ аѳинянамъ на бѣгство, какъ на единственное средство къ спасенію, на вторичный вопросъ отвѣтилъ, что только за деревянными стѣнами найдутъ аѳиняне неодолимую защиту. Ѳемистоклъ убѣдилъ своихъ соотечественниковъ, что слова эти указываютъ на морское сраженіе, и, такимъ образомъ, склонилъ ихъ построить новые корабли.

Сопровождаемый Демаратомъ и другими греческими эмигрантами, Ксерксъ, весною 480 г. до р. X., выступилъ въ походъ изъ города Сардеса. Воды Скамандра, омывающаго бывшія владѣнія Трои, и нѣсколькихъ другихъ рѣкъ оказалось не достаточно, чтобы напоить милліоны его арміи. У береговъ Скамандра, гдѣ въ первый разъ Азія и Европа столкнулись другъ съ другомъ, Ксерксъ принесъ жертву тѣнямъ троянскихъ героевъ. Дойдя до Геллеспонта, онъ сдѣлалъ смотръ своей огромной арміи и флоту. Увидавъ Геллеспонтъ, запруженный кораблями, и всѣ окрестности, покрытыя массами войскъ, онъ испыталъ минуту увлекательнаго сознанія своего несравненнаго могущества. Но вскорѣ настроеніе его духа измѣнилось, — видъ чудовищнаго столпленія людей пробудилъ въ немъ чувство грусти и извлекъ слезы изъ его глазъ. Когда его старый дядя, Артабанъ, стоявшій подлѣ царя, спросилъ Ксеркса о причинѣ этой внезапной скорби, онъ отвѣчалъ ему, что видъ милліоновъ людей пробудилъ въ немъ мысль о краткости земной жизни и о томъ, что немногіе изъ всей этой массы воиновъ доживутъ до старости. Артабанъ, старавшійся уже прежде отклонить племянника отъ похода въ Грецію, какъ отъ предпріятія, пагубнаго для монархіи, сказалъ ему теперь, принаравливаясь къ его настроенію: «О, жизнь человѣка имѣетъ еще гораздо болѣе печальную сторону. Какъ ни коротка она, но нѣтъ человѣка, ни между этими милліонами, ни гдѣ бы то ни было на свѣтѣ, который былъ бы такъ неизмѣнно счастливъ, чтобы для него не наступали минуты, когда смерть

казалась бы ему милѣе жизни. Разныя скорби омрачаютъ счастіе каждаго; оттого и короткое время человѣческой жизни часто кажется ему слишкомъ длиннымъ, и смерть является ему наконецъ желаннымъ избавителемъ отъ трудностей земной жизни. Къ сладостямъ жизни, которыя божество намъ дало, оно примѣшало и горькія капли страданія.» Ксерксъ, не привыкшій долго выносить серьезныхъ размышленій такого рода, вдругъ перемѣнилъ разговоръ и обратился къ предстоявшему предпріятію. На рубежѣ Европы и Азіи, Артабанъ еще разъ попытался убѣдить племянника, что именно въ громадной численности ополченія персовъ заключается для нихъ самая большая опасность. Онъ выставлялъ Ксерксу, что чѣмъ многочисленнѣе армія, тѣмъ болѣе она подвержена случайностямъ судьбы, тѣмъ легче можетъ погибнуть отъ голода и болѣзней и, въ случаѣ пораженія, тѣмъ скорѣе приходитъ въ замѣшательство и въ безвыходное положеніе. Но Ксерксъ оставался непоколебимъ, и Артабанъ возвратился въ Сузу, чтобы управлять государствомъ въ отсутствіе царя.

На слѣдующій день началась переправа персидской арміи черезъ Геллеспонтъ; передъ этимъ Ксерксъ обратился съ молитвой къ солнцу и въ жертву ему бросилъ въ море чашу, золотой кубокъ и персидскую саблю. Семь дней и семь ночей продолжалась переправа, хотя войска безостановочно шли по мостамъ. Переправившись, персы имѣли глупость не развести мостовъ, и они вскорѣ были разрушены теченіемъ и сильными бурями. На Дорискской равнинѣ, близъ устьевъ рѣки Гебра, во Ѳракіи, Ксерксъ еще разъ сдѣлалъ смотръ арміи и флоту и приказалъ пересчитать это громадное сборище. Счетъ войску производили слѣдующимъ образомъ; отсчитали миріаду или десять тысячъ человѣкъ, поставили ихъ въ кружокъ сколь возможно тѣснѣе и огородили занятое ими пространство. Послѣ того, всѣ части войска водились одна за другою въ этотъ загонъ и армія была сосчитана миріадами. Послѣ смотра Ксерксъ разговаривалъ съ бывшимъ спартанскимъ царемъ Демаратомъ о необыкновенной силѣ своей арміи, повинующейся одной его волѣ, и о незначительномъ числѣ войскъ разъединенныхъ на многія государства и несогласныхъ между собою грековъ. Демаратъ напрасно старался дать персидскому царю ясное понятіе о томъ, въ чемъ заключается настоящая сила народа. Тщетно старался онъ убѣдить его, что свободную, образованную и не изнѣженную греческую націю нельзя сравнивать съ другими народами по одной только многочисленности, а слѣдуетъ судить о ней по оживляющему ее духу, господствующему направленію и характеру общественной жизни; онъ прибавилъ, что спартанцы, въ особенности, нисколько не боятся превосходства силъ Персіи и твердо рѣшились, не обращая вниманія на размѣры непріятельской арміи, защищать свою свободу до послѣдняго человѣка. Ксерксъ нашелъ это увѣреніе смѣшнымъ. При дальнѣйшемъ движеніи арміи, онъ еще увеличилъ свое ополченіе ѳракійцами, македонянами и ѳессалійцами. На всемъ пути отъ Дориска до Термопильскаго прохода, персы нигдѣ не встрѣчали сопротивленія.

Между тѣмъ собравшіеся въ Коринѳѣ представители греческихъ государствъ, послѣ совѣщанія о мѣрахъ къ защитѣ родины, рѣшили преградить персамъ путь въ Грецію, поставивъ армію въ Темпейскомъ ущельѣ. Десять тысячъ тяжело-вооруженныхъ, съ присоединившейся къ нимъ ѳессалійской кавалеріей, расположились, подъ начальствомъ спартанца Эвенета и аѳинянина Ѳемистокла, въ этомъ узкомъ ущельѣ, составляющемъ единственный доступъ въ Грецію. Но эта армія оставалась здѣсь лишь нѣсколько дней. Во-первыхъ, потому, что нельзя было довѣрять ѳессалійцамъ, дѣйствительно перешедшимъ вскорѣ на сторону персовъ и вмѣстѣ съ ними сражавшимся противъ остальныхъ грековъ; во-вторыхъ, потому, что къ этой части прибрежья прилегаетъ открытое море, и греческій флотъ не могъ бы поддерживать сухопутныхъ войскъ при сраженіи въ Темпейской долинѣ. Наконецъ, греки узнали о намѣреніи Ксеркса пройти въ Ѳессалію черезъ проходъ, находящійся въ сѣверо-западной части страны, обойти греческую армію и отрѣзать ее отъ сообщенія съ соотечественниками. Поэтому греки сѣли на свои корабли, стоявшіе на якорѣ у выхода изъ Темпейской долины, и поплыли назадъ къ Коринѳу. Одобривъ это распоряженіе, представители Греціи вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили предоставить непріятелю всю Ѳессалію и встрѣтить его уже на границѣ средней Греціи, въ Термопильскомъ проходѣ. Этою мѣрою сокращалась оборонительная линія, что весьма важно въ борьбѣ съ гораздо сильнѣйшимъ непріяте-

лемъ, и кромѣ того, распорядившись такимъ образомъ, греки дѣйствительно выбрали лучшій планъ военныхъ дѣйствій, какой только можно было придумать. Термопильскій проходъ состоитъ изъ узкой полосы земли, пролегающей между крутымъ обрывомъ недоступнаго хребта Эты и Зейтунскимъ заливомъ. Въ древности полоса эта была такъ узка, что въ одномъ ея мѣстѣ нельзя было разъѣхаться двумъ повозкамъ. Небольшое число храбрыхъ воиновъ могло легко защищать этотъ проходъ, а наступающій непріятель, какъ бы ни было велико превосходство его силъ, не имѣлъ возможности напасть на нихъ иначе, какъ равными силами. Къ этому нужно еще прибавить, что прилегающій къ Термопиламъ заливъ, и съ сѣверной стороны и со стороны западнаго прибрежья Эвбеи, имѣетъ лишь узкіе фарватеры, плаваніе по которымъ затрудняется подводными камнями и частыми бурями. Пользуясь этимъ, маленькій греческій флотъ могъ заградить входъ въ заливъ несравненно многочисленнѣйшему непріятельскому флоту и не позволить ему подойти къ Термопиламъ. Если бы войско, поставленное въ проходѣ, мужественно продержалось нѣсколько недѣль, громадная армія персовъ во все это время не могла бы сдѣлать ни шагу впередъ. Съ другой стороны, если бы греческій флотъ исполнилъ свою обязанность, персидскіе корабли не могли бы подойти къ своей арміи и подвезти ей необходимое продовольствіе. Ѳессалія же не могла прокормить долгое время нѣсколько милліоновъ человѣкъ, сосредоточенныхъ на одномъ пунктѣ. Такимъ образомъ, персидская армія отдана была бы на жертву голода, который вскорѣ привелъ бы ее въ совершенное разстройство.

Для достиженія этой цѣли прежде всего было необходимо, чтобы поставленный въ Термопилахъ отрядъ обладалъ достаточною стойкостью и мужествомъ, и чтобы флотъ, расположенный къ сѣверу отъ Эвбеи, имѣлъ хорошаго начальника. Неизвѣстно, былъ ли этотъ планъ дѣйствительно составленъ греками; но мѣры, принятыя ими, придаютъ этому предположенію большую вѣроятность. Флотъ изъ двухсотъ семидесяти одного большаго корабля, въ составъ котораго входили и аѳинскіе корабли подъ начальствомъ Ѳемистокла, былъ посланъ подъ командою спартанскаго адмирала Эврибіада къ сѣвернымъ берегамъ Эвбеи и здѣсь у мыса Артемизія дожидался непріятеля. Къ Термопиламъ былъ отправленъ отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и въ то же время были приняты мѣры, чтобы успокоить населеніе ближайшихъ къ проходу областей средней Греціи и внушить имъ мужество и довѣріе къ божественной помощи. Разосланныя для этого лица объясняли народу, что занятіе Термопильскаго прохода и флотъ, поставленный у входа въ прилегающее къ нему море, совершенно предохраняютъ ихъ отъ опасности, и что хотя силы персовъ очень велики, но бояться ихъ не слѣдуетъ, потому что на завоеваніе родины идетъ не богъ, а человѣкъ, который, какъ бы ни былъ могущественъ, все же не можетъ отвратить отъ себя несчастія. Напротивъ, чѣмъ онъ могущественнѣе, тѣмъ тяжелѣе бываютъ обыкновенно удары, которымъ подвергаетъ его рокъ, и поэтому не слѣдуетъ сомнѣваться, что персидскій царь будетъ обманутъ въ своихъ высокомѣрныхъ ожиданіяхъ.

Еще прежде столкновенія своего съ греками, персидскій флотъ испыталъ большое несчастіе. У мыса Сепія, составляющаго юго-восточную оконечность Ѳессаліи, онъ былъ застигнутъ бурею, продолжавшеюся три дня и потопившею нѣсколько сотъ кораблей, съ находившимися на нихъ людьми. Отсюда онъ поплылъ далѣе и встрѣтился съ греками у Артемизія. Прежде чѣмъ началась между ними битва, Ксерксъ съ сухопутнымъ войскомъ уже достигъ Термопилъ и завязалъ бой съ поставленнымъ тамъ греческимъ отрядомъ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ спартанцевъ, аркадцевъ, коринѳянъ, флѵузійцевъ, гражданъ Микенъ, беотійцевъ, фокидцевъ и опунтскихъ локровъ. Начальство надъ ними было ввѣрено спартанскому царю Леониду I, вступившему на престолъ послѣ брата своего Клеомена. Леонидъ рѣшился съ точностью выполнить свое порученіе, потому заботливо выбралъ тѣхъ трехсотъ воиновъ, которыхъ Спарта отправила въ армію, и принялъ въ число ихъ только людей уже возмужалыхъ и имѣвшихъ дѣтей. Явившись передъ Термопилами, Ксерксъ очень удивился, что нѣсколько тысячъ человѣкъ надѣются выдержать напоръ его громадной арміи. Онъ тотчасъ же послалъ всадника, чтобы рекогносцировать расположеніе грековъ. Приблизившись къ передовымъ постамъ греческой арміи, занятымъ въ этотъ день спартанцами, посолъ былъ изумленъ, увидя, что нѣкоторые изъ нихъ занимались гимнастическими играми, а другіе

заплетали себѣ волосы. Ксерксу это показалось страннымъ и смѣшнымъ, и онъ обратился къ Демарату съ вопросомъ на этотъ счетъ. Спартанскій царь отвѣчалъ ему, что это показываетъ рѣшимость грековъ драться въ Термопилахъ на жизнь и смерть, потому что въ подобныхъ случаяхъ спартанцы всегда украшаютъ себѣ голову; что нѣтъ на свѣтѣ людей храбрѣе тѣхъ, которыхъ онъ теперь видитъ передъ собою, и если ему удастся ихъ побѣдить, то онъ можетъ быть увѣренъ, что ни одинъ народъ не будетъ въ силахъ противиться ему. Персидскій царь все-таки не повѣрилъ, что спартанцы и ихъ сподвижники рѣшились бороться съ нимъ, обрекая себя такимъ образомъ на вѣрную погибель, и прождалъ въ бездѣйствіи цѣлыхъ четыре дня, полагая, что спартанцы одумаются и отступятъ.

На пятый день Ксерксъ послалъ въ бой часть своихъ войскъ. Они дрались до вечера, но были отбиты съ большимъ урономъ. Увидавъ тогда мужество грековъ, царь поручилъ дальнѣйшее нападеніе на Термопилы отборной части своей арміи — такъ называемому отряду безсмертныхъ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ десяти тысячъ лучшихъ персидскихъ воиновъ и носилъ свое имя потому, что всякая убыль въ немъ немедленно пополнялась, такъ что онъ всегда сохранялъ полный комплектъ. Безсмертные сражались очень храбро противъ войскъ Леонида, но также ничего не могли сдѣлать и понесли большія потери. Неодолимое сопротивленіе грековъ поставило Ксеркса въ большое затрудненіе, потому что громадныя его ополченія не могли долго оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, не подвергаясь голоду и болѣзнямъ, и всему его предпріятію грозилъ, такимъ образомъ, самый неудачный конецъ. Изъ этого бѣдственнаго положенія выручилъ его измѣнникъ грекъ, по имени Эфіальтъ, принадлежавшій къ сосѣднему ѳессалійскому племени малійцевъ. Недалеко отъ Термопильскаго прохода была малоизвѣстная тропинка, по которой можно было перейти черезъ хребетъ, минуя Термопилы. Соблазнившись мыслью о наградѣ, Эфіальтъ рѣшился показать эту тропинку персидскому царю. Впослѣдствіи страхъ мести соотечественниковъ заставилъ измѣнника бѣжать изъ родины, но амфиктіоны оцѣнили его голову, и, черезъ нѣсколько времени, онъ былъ убитъ однимъ грекомъ, уроженцемъ города Трахиса.

Измѣна Эфіальта спасла персовъ отъ гибели и разстроила планъ, составленный греками. Эфіальтъ ночью провелъ отрядъ безсмертныхъ черезъ горы, съ тѣмъ, чтобы напасть на грековъ и спереди и сзади. На разсвѣтѣ персы, достигнувъ вершины хребта, нашли ее занятой тысячью фокидцевъ, которыхъ Леонидъ съ самаго начала изъ предосторожности послалъ охранять эту тропинку. Безсмертные отбросили ихъ въ сторону, а сами поспѣшно спустились съ горы, чтобъ успѣть выполнить задуманное нападеніе. Перебѣжчикъ изъ персидской арміи, грекъ, уроженецъ малоазійскаго города Кумъ, успѣлъ однако вовремя предупредить Леонида о случившемся. Получивъ это извѣстіе въ первомъ часу утра, Леонидъ тотчасъ же собралъ военный совѣтъ. Всѣ его союзники объявили дальнѣйшую борьбу безполезной, и рѣшились какъ можно скорѣе оставить Термопилы. Исключеніе составилъ только небольшой отрядъ изъ беотійскаго города Теспіи. Самъ Леонидъ рѣшилъ, что тамъ, гдѣ возможенъ выборъ только между смертью или поспѣшнымъ отступленіемъ, похожимъ на бѣгство, долгъ спартанца—избрать смерть. Въ этой геройской рѣшимости его укрѣпляли и предсказанія дельфійскаго оракула, при самомъ началѣ войны объявившаго спартанцамъ, что должна погибнуть Спарта или одинъ изъ ея царей, и мысль о безсмертіи его имени и о вліяніи, которое примѣръ его самоотверженной любви къ родинѣ долженъ былъ имѣть на современниковъ и потомство. Онъ распустилъ по домамъ всѣхъ союзниковъ, кромѣ теспійцевъ, рѣшившихся раздѣлить съ спартанцами и славу ихъ и смерть. Только ѳиванцевъ, уже съ самаго начала неохотно отправившихся за нимъ къ Термопиламъ, задержалъ онъ противъ ихъ воли, потому что имѣлъ основаніе подозрѣвать Ѳивы въ намѣреніи отпасть отъ Греціи. О защитѣ прохода уже нельзя было и думать. Оставалось только умереть со славой, и, при этомъ, еще разъ нанести непріятелю сколь возможно болѣе вреда. Поэтому Леонидъ объявилъ своимъ спартанцамъ, семи стамъ теспійцамъ и четыремъ стамъ подозрительныхъ ѳиванцевъ, чтобы они готовились къ смерти. Онъ пригласилъ ихъ

передъ боемъ подкрѣпить себя пищей и питьемъ, и завтракать съ мыслью, что обѣдать придется уже въ подземномъ мірѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца, персидскія войска, по условію, заключенному съ Эфіальтомъ, выступили изъ лагеря, и начался кровопролитный бой. Греки бросились на встрѣчу къ приближавшемуся непріятелю и дрались съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ, что перебили и перетопили въ морѣ множество персовъ, и персидскимъ начальникамъ приходилось гнать солдатъ своихъ въ бой нагайками. Когда пики переломались или иступились, греки взялись за мечи и изрубили еще множество непріятелей. Въ числѣ убитыхъ были и два брата Ксеркса. У грековъ также пало много воиновъ и, въ числѣ прочихъ, царь Леонидъ, подававшій другимъ примѣръ величайшаго геройства. За трупъ его завязалась отчаянная борьба. Персы хотѣли непремѣнно овладѣть имъ, и четыре раза возобновляли свои нападенія. Греки однако же успѣли удержать его за собой. Въ эту минуту они увидали позади себя десятитысячный отрядъ безсмертныхъ, приведенныхъ Эфіальтомъ по горной тропинкѣ, и удалились тогда на небольшую высоту, находившуюся за стѣной, въ самомъ узкомъ мѣстѣ прохода. Здѣсь рѣшились они вступить въ послѣдній бой и сложить свои головы. Ѳиванцы воспользовались этимъ движеніемъ, чтобы отдѣлиться отъ нихъ и, съ распростертыми объятіями, побѣжали на встрѣчу персамъ; но при этомъ многіе изъ нихъ были перебиты въ пылу битвы. Спартанцы и теспійцы были вскорѣ окружены со всѣхъ сторонъ, но сражались противъ напиравшихъ на нихъ массъ непріятеля до послѣдней капли крови и наконецъ всѣ до единаго пали въ геройской борьбѣ.

Ксерксъ убѣдился тогда въ справедливости словъ Демарата, и, озлобленный потерей многихъ тысячъ солдатъ, приказалъ, въ пылу гнѣва, обезглавить и распять трупъ спартанскаго царя: поступокъ совершенно противорѣчившій древне-прсидскимъ идеямъ; потому что, по словамъ современника Ксеркса, Геродота, персы до тѣхъ поръ не менѣе всякаго другаго народа умѣли уважать храбрыхъ.

Для грековъ память Леонида и тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали за родину, осталась священною во всѣ времена ихъ исторіи. Убитыхъ героевъ похоронили въ одной общей могилѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ ихъ послѣдній бой съ персами, а памятники и надписи сохранили славу ихъ въ грядущихъ поколѣніяхъ. Имена трехсотъ спартанцевъ помнили еще долгое время послѣ ихъ смерти, и тысячи пѣсенъ всѣхъ племенъ греческой націи прославляли подвигъ, совершенный ими и теспійцами. Съ теченіемъ времени народное тщеславіе все болѣе и болѣе изукрашивало разсказы о геройствѣ и патріотическомъ духѣ этихъ людей, и многіе изъ анекдотовъ, помѣщенныхъ въ книгахъ греческихъ писателей, были выдуманы впослѣдствіи. Разсказы эти, очевидно, сложились у грековъ точно такъ же, какъ слагаются у всѣхъ народовъ и во всѣ времена разные анекдоты о великихъ людяхъ и событіяхъ. Но въ нихъ выражается мнѣніе народа, который всегда любитъ воплощать свою мысль въ разсказѣ; въ нихъ выражается впечатлѣніе, которое великія дѣла всегда производятъ на умъ и чувство человѣка. По этой причинѣ, но особенно потому, что о нихъ такъ часто говорятъ, слѣдуетъ привести здѣсь нѣкоторые изъ этихъ анекдотовъ. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что Ксерксъ, въ первый день послѣ прихода къ Термопиламъ, послалъ Леониду требованіе о выдачѣ оружія. «Приди и возьми» — былъ лаконическій отвѣтъ спартанскаго царя. Когда кто-то сказалъ, что число персовъ такъ велико, что стрѣлы ихъ затмятъ солнце, — одинъ изъ храбрѣйшихъ спартанцевъ воскликнулъ: «Тѣмъ лучше, мы будемъ сражаться въ тѣни»! На предложеніе, въ случаѣ сдачи спартанцевъ, увеличить владѣнія Спарты, Леонидъ отвѣтилъ: «Спартанцы завоевываютъ земли мечемъ, а не покупаютъ ихъ измѣной». Леониду хотѣлось сохранить жизнь двухъ особенно любимыхъ имъ спартанцевъ, и потому передъ послѣднимъ боемъ онъ хотѣлъ отправить ихъ въ Спарту съ порученіемъ. Но тѣ отказались идти, сказавъ, что они явились въ Термопилы не затѣмъ, чтобы служить гонцами, а для того, чтобы сражаться. Одинъ изъ трехсотъ спартанцевъ, отправленный гонцомъ въ сосѣднее мѣстечко и такимъ образомъ оставшійся въ живыхъ, считался въ Спартѣ обезчещеннымъ и съ горя лишилъ себя

жизни. О двухъ другихъ спартанцахъ, находившихся въ отсутствіи въ утро послѣдняго дня, разсказываютъ слѣдующее, и должно быть, что это правда, потому что Геродотъ выражается объ этомъ положительно, и называетъ ихъ по именамъ. Обоихъ ихъ отправили въ сосѣдній городъ, потому что они заболѣли глазами. Узнавъ, что, вслѣдствіе измѣны Эфіальта, персы обошли ихъ соотечественниковъ, одинъ изъ нихъ, Эвритъ, потребовалъ, чтобы его отвезли въ Термопилы, бросился въ схватку и погибъ смертью героя. Другой, Аристодемъ, напротивъ того, бѣжалъ въ Спарту, но былъ принужденъ влачить тамъ позорную жизнь. Никто не хотѣлъ говорить съ нимъ, и его называли не иначе, какъ бѣглецъ Аристодемъ. Однако черезъ годъ онъ загладилъ вину и позоръ своимъ мужествомъ и смертью на полѣ сраженія.

Во время битвы въ Термопилахъ, греческій флотъ также имѣлъ столкновеніе съ персидскимъ. Онъ стоялъ на якорѣ близъ мыса Артемизія, у сѣверныхъ береговъ Эвбеи, когда въ первый разъ показался передъ нимъ персидскій флотъ, послѣ бури при мысѣ Сепіи. Видя приближеніе громадной массы непріятельскихъ кораблей, Эврибіадъ и нѣкоторые другіе начальники грековъ потеряли присутствіе духа. На военномъ совѣтѣ большинство склонилось въ пользу отступленія, и оно бы дѣйствительно совершилось, если бы Ѳемистоклъ, доводы котораго не имѣли успѣха, не употребилъ болѣе сильнаго средства. Жители сѣвернаго прибрежья Эвбеи, которые съ отступленіемъ грековъ были бы совершенно преданы ярости персидскихъ солдатъ, тайно обѣщали Ѳемистоклу тридцать талантовъ (40,000 р.), если онъ удержитъ греческій флотъ отъ отступленія и введетъ его въ бой. Ѳемистоклъ, знавшій съ кѣмъ имѣетъ дѣло, подкупилъ главнаго начальника флота, Эврибіада, пятью талантами, а начальника коринѳскихъ кораблей тремя, — и греческій флотъ остался у Артемизія.

Персидскіе адмиралы рѣшились не вступать въ бой, пока тайно отправленная ими эскадра изъ двухсотъ большихъ кораблей не обойдетъ Эвбеи и не станетъ въ тылу грековъ. Но одинъ грекъ, служившій въ персидскомъ флотѣ, бѣжалъ къ своимъ соотечественникамъ и увѣдомилъ ихъ объ этомъ намѣреніи. Тогда греки тотчасъ же двинулись противъ персидскаго флота, значительно ослабленнаго отдѣленіемъ двухсотъ кораблей. Побѣда осталась нерѣшенной, но греки все-таки отняли у персовъ тридцать кораблей. Въ слѣдующую ночь персы много потерпѣли отъ разразившейся грозы, между тѣмъ какъ греки, стоя въ гавани Артемизія, были защищены отъ непогоды. Но гораздо важнѣе было то, что та же буря истребила и двѣсти кораблей, посланныхъ въ обходъ вокругъ Эвбеи. Тридцать пять аѳинскихъ кораблей, прибывшихъ на другой день къ Артемизію, усилили греческій флотъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привезли ему эту радостную вѣсть. Къ вечеру грекамъ удалось отрѣзать небольшое число непріятельскихъ судовъ и пустить ихъ ко дну. На слѣдующій день произошло второе большое сраженіе между враждебными флотами. Обѣ стороны дрались очень храбро, и хотя персы были наконецъ принуждены отступить, но грекамъ не удалось отнять у нихъ ни одного корабля, между тѣмъ какъ ихъ собственныя суда очень пострадали. Потому они принуждены были оставить свою стоянку. Въ этомъ намѣреніи еще болѣе утвердило ихъ прибытіе корабля, поставленнаго у Термопилъ, чтобы немедленно увѣдомить о взятіи прохода. Оставаться у Эвбеи уже не было цѣли, и греческій флотъ, снявшись съ якоря, поплылъ между островомъ и твердой землей. Мѣстомъ новой стоянки былъ избранъ проливъ между островомъ Саламиномъ и южнымъ берегомъ Аттики. Храбрый Ѳемистоклъ и при этомъ отступленіи съумѣлъ повредить непріятелю и принести пользу своимъ. Въ мѣстахъ, гдѣ греческій флотъ на пути своемъ запасался водой, и гдѣ должны были останавливаться и персы, онъ приказывалъ дѣлать на скалахъ надписи, которыми приглашалъ малоазійскихъ грековъ, служившихъ въ персидскомъ флотѣ, перейти на сторону своихъ соотечественниковъ или, если это неудобоисполнимо, по крайней мѣрѣ принимать возможно меньшее участіе въ битвѣ и, такимъ образомъ, облегчить грекамъ побѣду. Слова эти, даже если малоазійскіе греки оставили бы ихъ безъ вниманія, были полезны уже потому, что должны были возбудить въ персидскихъ начальникахъ подозрѣніе на счетъ вѣрности самой

большой и лучшей части ихъ флота и помѣшать имъ назначить ей въ бою важное мѣсто.

Между тѣмъ сухопутныя силы персовъ вступили черезъ Термопилы въ среднюю Грецію и двинулись въ Аттику, черезъ Фокиду и Беотію, опустошая на пути весь край и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Часть населенія еще прежде тайно покорилась имъ, а остальная чувствовала себя слишкомъ слабой, чтобы противиться непріятелю; пелопоннесскія государства думали только о защитѣ своего полуострова и сосредоточили свои войска въ укрѣпленіи позади Истма. Персы свирѣпствовали на пути своемъ какъ дикіе звѣри, оскорбляли жителей самымъ возмутительнымъ образомъ, жгли и разоряли всѣ села и города. Дельфы и сокровища тамошняго оракула были однако спасены, благодаря хитрости жрецовъ и счастливой случайности. Жрецы уговорили жителей города бѣжать въ сосѣднія скалистыя горы, спрятали, по всей вѣроятности, сокровища храма, и, чтобы запугать персовъ, распространили слухъ, что Аполлонъ обѣщалъ самъ защищать свою святыню и истребить непріятеля. Узнавъ, что городъ пустъ, персы безпечно приближались къ Дельфамъ (куда со стороны Беотіи дорога шла по дикимъ горамъ и узкимъ ущельямъ), какъ вдругъ были аттакованы спрятавшимися въ горахъ дельфійцами, которые стали скатывать на нихъ камни и обломки скалъ. Не имѣя возможности защищаться и не видя непріятеля, персы пришли въ страшное смятеніе, тѣмъ болѣе, что въ это же время случайно разразилась жестокая гроза. Совершенно смѣшавшись, они обратились въ бѣгство. Дельфійцы, скрываясь за высотами, долго преслѣдовали персовъ и перебили многихъ изъ нихъ. Спасеніе этого, совершенно пустаго города и его святынь было такъ необыкновенно, что современники не нашли возможности объяснить его иначе, какъ чудомъ, и въ греческомъ народѣ положительно утвердилось мнѣніе, что Аполлонъ дѣйствительно самъ защищалъ свой храмъ отъ непріятеля. Многіе дельфійцы увѣряли даже, что они видѣли, кахъ существа сверхъестественнаго роста боролись съ персами. Въ одномъ изъ храмовъ ихъ города показывались впослѣдствіи два обломка скалы, по преданію, брошенные въ непріятеля самимъ дельфійскимъ богомъ.

Рѣшеніе пелопоннесскихъ грековъ послѣ паденія Термопилъ защищать только доступъ къ ихъ полуострову,—точно также предавало непріятелю всю среднюю Грецію, какъ, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, удаленіе греческихъ войскъ изъ Темпейской долины отдало въ его власть Ѳессалію. Аттику, безъ помощи пелопоннессцевъ, было также невозможно защищать, какъ и всѣ другія части средней Греціи; потому, когда Ксерксъ изъ Беотіи подошелъ къ Аттикѣ, жителямъ ея оставалось избрать или подчиненіе ему, или бѣгство. Они рѣшились на послѣднее и искали спасенія на морѣ, гдѣ проницательный Ѳемистоклъ видѣлъ возможность рѣшительной побѣды. Большая часть аѳинскихъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, сѣла на корабли. Остальные, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, удалились въ Трезену и на острова Эгину и Саламинъ; и только весьма немногіе остались въ укрѣпленномъ Акрополѣ роднаго города. Вскорѣ въ Аѳинахъ явились персы, опустошавшіе, между тѣмъ, на пути своемъ Аттику; Акрополь былъ взятъ приступомъ, всѣ оставшіеся въ немъ граждане перерѣзаны, а городъ отданъ приверженцамъ изгнанной партіи писистратидовъ, вернувшимся изъ Азіи вмѣстѣ съ персидской арміей.

Проницательность и ловкость Ѳемистокла, при помощи его флота, спасли независимость Греціи. Флотъ грековъ состоялъ въ то время изъ трехсотъ восьмидесяти большихъ кораблей; изъ нихъ до ста восьмидесяти принадлежали однимъ аѳинянамъ, тогда какъ наибольшее число судовъ, выставленныхъ каждымъ изъ другихъ государствъ Греціи, едва доходило до сорока. Начальники, во главѣ которыхъ, какъ командиръ всего флота, стоялъ Эврибіадъ, были не согласны во мнѣніяхъ. Одни, въ томъ числѣ Ѳемистоклъ, требовали сраженія въ Саламинскомъ проливѣ, и, конечно, лучшаго мѣста для битвы нельзя было выбрать. Другіе, и съ ними Эврибіадъ, хотѣли дать сраженіе при Коринѳскомъ перешейкѣ; потому что, въ случаѣ пораженія у Саламина, завоеванная персами средняя Грецiя не могла дать убѣжища, и Саламинъ легко могъ быть окруженъ, между тѣмъ какъ у береговъ Пелопоннесса спасеніе матросовъ разби-

таго флота было обезпечено. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ въ военномъ совѣтѣ греческихъ начальниковъ. Но осуществленіе этого плана должно было погубить грековъ. Сражаясь въ узкомъ проливѣ, персидскій флотъ скорѣе долженъ былъ прійти въ разстройство и, кромѣ того, не имѣлъ бы возможности воспользоваться всѣми своими силами, далеко превосходившими силы грековъ. Наконецъ, и это всего важнѣе, можно было ожидать, что при общемъ тревожномъ настроеніи умовъ, послѣ отплытія отъ Саламина, часть греческаго флота отдѣлится отъ кораблей и отправится домой. Поэтому Ѳемистоклъ убѣдилъ главнокомандующаго еще разъ посовѣтоваться съ адмиралами. Это второе засѣданіе было такъ шумно, что разсказываютъ даже, будто Эврибіадъ занесъ свою палку надъ головой Ѳемистокла, который хладнокровно сказалъ ему: «Бей, только выслушай меня!» Предводитель аѳинянъ доставилъ наконецъ перевѣсъ своему мнѣнію, угрожая, что если не будетъ дано сраженіе въ Саламинскомъ проливѣ, то онъ, Ѳемистоклъ, съ аѳинскими кораблями, составлявшими почти половину всего флота, отправится основывать новое поселеніе въ какой-нибудь далекой странѣ, и броситъ остальныхъ грековъ на жертву персамъ.

Между тѣмъ, въ персидскомъ флотѣ, шедшемъ отъ Артемизія по слѣдамъ греческаго и остановившемся на якорѣ недалеко отъ Аѳинъ, господствовало также различіе во мнѣніяхъ; но у персовъ лучшее мнѣніе не одержало побѣды. На военномъ совѣтѣ, собранномъ Ксерксомъ, вдова покореннаго персами правителя галикарнасскаго, Артемизія, наслѣдовавшая своему мужу въ управленіи, обратила вниманіе на безполезность битвы вообще и на страшную опасность, которой она можетъ подвергнуть персовъ. Однако, на ея доводы никто не обратилъ вниманія. Хотя такимъ образомъ обѣ стороны положили дать рѣшительное сраженіе, но легко могло быть, что дѣло не кончилось бы такъ скоро, если бы хитрость Ѳемистокла не ускорила развязки. Онъ зналъ, что многіе изъ греческихъ начальниковъ были недовольны принятымъ намѣреніемъ, и потому долженъ былъ опасаться, что въ случаѣ, если сраженіе будетъ отложено, значительная часть греческихъ кораблей отправится домой. Чтобы помѣшать этому, Ѳемистоклъ тайно отправилъ къ Ксерксу надежнаго раба, родомъ перса, поручивъ ему, подъ видомъ измѣны, сообщить царю, что греки отъ страха и несогласія рѣшились разойтись, и что онъ навсегда упуститъ благопріятный случай уничтожить весь ихъ флотъ, если не поспѣшитъ нападеніемъ. Ксерксъ дался въ обманъ и тотчасъ сдѣлалъ всѣ распоряженія, чтобы на слѣдующій же день аттаковать грековъ.

Такимъ-то образомъ и произошла, въ концѣ сентября 480 г. до р. X., знаменитая битва при Саламинѣ. Ночью персы приготовились къ нападенію. Греки узнали объ этомъ черезъ Аристида, который, хотя изгнанный несправедливо соотечественниками, рѣшился пренебречь всѣми личными интересами и неудовольствіемъ, чтобы въ минуту бѣдствія родины оказать ей услугу по мѣрѣ силъ своихъ. Съ опасностью жизни пробрался онъ изъ Эгины чрезъ массу персидскихъ кораблей и явился сообщить своему смертельному врагу, Ѳемистоклу, о намѣреніяхъ непріятеля. Битва началась на разсвѣтѣ. Ксерксъ и его армія смотрѣли на нее съ высотъ берега Аттики. Обѣ стороны сражались съ удивительнымъ мужествомъ; наконецъ греки побѣдили, и подавшіеся назадъ корабли первой линіи персовъ произвели страшное замѣшательство во всемъ ихъ флотѣ, и довершили тѣмъ пораженіе. Персы были разбиты на голову, и большая часть ихъ флота истреблена. Побѣдителямъ досталась несмѣтная добыча. Разсказываютъ, что царица Артемизія также отличилась въ этомъ сраженіи своимъ присутствіемъ духа, какъ прежде въ военномъ совѣтѣ своимъ благоразуміемъ. Когда все уже было потеряно и персы бросились бѣжать, за ней погнался одинъ аѳинскій корабль. Чтобы спастись, она пустила ко дну ближайшій къ ней персидскій корабль, которымъ командовалъ враждебный ей вассалъ Персіи. Аѳинскій морякъ, полагая, что ея корабль былъ изъ числа тѣхъ, которые передались на сторону грековъ, бросилъ ея преслѣдованіе. Говорятъ, что Ксерксъ, при видѣ хитрой уловки, къ которой прибѣгнула Артемизія, чтобы спасти себя, воскликнулъ: «Мужчины стали женщинами, а женщины мужчинами».

Черезъ пораженіе при Саламинѣ, персы, флотъ которыхъ былъ частью истребленъ, частью разсѣянъ, лишились возможности держаться долѣе въ Греціи. Уцѣлѣвшіе персидскіе корабли спѣшили укрыться въ въ Геллеспонтѣ, а сухопутное войско, подъ начальствомъ царя, отступило въ Ѳессалію. Здѣсь Ксерксъ оставилъ триста тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Мардонія, для возобновленія военныхъ дѣйствій на слѣдующую весну, а самъ, съ небольшимъ остаткомъ своихъ ополченій, поспѣшилъ къ Геллеспонту. На пути, вслѣдствіе быстроты отступленія и недостатка въ запасахъ, войска такъ сильно потерпѣли отъ голода и болѣзней, что часто должны были питаться травой и древесной корой и большею частью погибли. Геродотъ разсказываетъ, что послѣ сраженія при Саламинѣ, Ѳемистоклъ сначала настаивалъ, чтобы греки вполнѣ воспользовались побѣдой и, предупредивъ персовъ у Геллеспонта, отрѣзали имъ отступленіе. Когда на это не согласились, то, по словамъ того же историка, Ѳемистоклъ отправилъ къ Ксерксу раба съ притворно дружескимъ извѣстіемъ, что греки хотѣли преслѣдовать остатки его флота и сломать мосты на Геллеспонтѣ, но что онъ, Ѳемистоклъ, удержалъ ихъ отъ исполненія этого плана. Позднѣйшіе историки, вмѣсто того, сообщаютъ менѣе вѣроятное извѣстіе, что Ѳемистоклъ, желая ускорить отступленіе персовъ, послалъ сказать Ксерксу о мнимомъ намѣреніи сломать эти мосты.

Въ тотъ самый день, какъ при Саламинѣ греки сокрушили могущество надменныхъ варваровъ, соотечественники ихъ въ Сициліи также одержали блестящую побѣду, избавившую ихъ отъ величайшей опасности. Карѳагеняне съ сильнымъ флотомъ и многочисленнымъ войскомъ напали на сицилійскія колоніи, но при Гимерѣ были на голову разбиты соединенными силами грековъ, подъ начальствомъ Гелона сиракузскаго и Терона агригентскаго, и потеряли при этомъ всю свою армію и флотъ.

Въ собственной Греціи, послѣ побѣды при Саламинѣ, часть флота направилась противъ нѣкоторыхъ изъ острововъ, чтобы наказать ихъ контрибуціями за измѣну родинѣ. Разсказываютъ, что Ѳемистоклъ, получившій главное начальство надъ экспедиціей, пріобрѣлъ при этомъ значительныя богатства. Послѣ того совершены были благодарственныя жертвоприношенія богамъ за одержанную побѣду, а предводители стали совѣщаться между собою о раздачѣ почетныхъ наградъ. Первая награда не могла быть присуждена никому, потому что каждый объявлялъ на нее притязаніе; но вторая большинствомъ голосовъ была предоставлена Ѳемистоклу. Когда эскадры отдѣльныхъ государствъ отплыли домой, Ѳемистоклъ тотчасъ поѣхалъ въ Спарту, зная, что тамъ ему будутъ оказаны высокія почести, и разсчитывая, что такіе знаки уваженія со стороны первой державы въ Греціи возвысятъ его значеніе въ Аѳинахъ и вообще во всей Греціи. Спартанцы дѣйствительно приняли избавителя Греціи съ чрезвычайнымъ почетомъ. Хотя они и присудили своему адміралу высшую награду, состоявшую изъ масличнаго вѣнка, но такой же вѣнокъ былъ поднесенъ и Ѳемистоклу, въ награду за его военныя дарованія. Сверхъ того, они подарили ему колесницу, и, когда онъ уѣзжалъ, его провожалъ до границы отрядъ царскихъ тѣлохранителей, состоявшій изъ трехсотъ всадниковъ,—почесть, которая никому еще не была оказываема въ Лаконіи.

Весною слѣдующаго года (479 до р. Х.) возобновились военныя дѣйствія. Персидскій флотъ, вновь снаряженный во время зимы, сталъ на якорѣ у острова Самоса. Онъ не долженъ былъ принимать участія въ войнѣ, но имѣлъ назначеніе удерживать въ покорности острова и греческія мало-азійскія колоніи. Предводитель оставшейся въ Ѳессаліи сухопутной арміи персовъ, Мардоній, рѣшился до начала похода расположить аѳинянъ въ свою пользу и съ этою цѣлью отправилъ въ Аѳины, жители которыхъ вернулись въ городъ вскорѣ послѣ побѣды при Саламинѣ, македонскаго царя Александра I, вассала Персіи. Этому государю, родъ котораго съ давнихъ поръ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Аѳинами, было поручено предложить аѳинянамъ союзъ съ персидскимъ царемъ. Чтобы склонить ихъ къ этому, ему было позволено обѣщать аѳинянамъ полное вознагражденіе за всѣ убытки войны, какое угодно увеличеніе владѣній и, наконецъ, сохраненіе полной независимости. Аѳиняне очень благоразумно не допустили его къ оффиціальному изложенію этого по-

рученія передъ народнымъ собраніемъ, до прибытія въ Аѳины спартанскихъ пословъ, а тогда послѣ непродолжительнаго совѣщанія ему отвѣчали, что пока солнце не измѣнитъ своего теченія, до тѣхъ поръ Аѳины не подружатся съ персами, но рѣшились защищаться противъ персидскихъ силъ въ надеждѣ на помощь боговъ, храмы и статуи которыхъ разрушены Ксерксомъ. Царя же Александра они просили никогда болѣе не являться къ нимъ съ подобными предложеніями, если только онъ желаетъ сохранить дружбу Аѳинъ.

По возвращеніи своего посла, Мардоній выступилъ въ походъ и, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, успѣлъ дойти до границъ Аттики. Спартанцы поступили въ этомъ случаѣ недостойнымъ образомъ: не обращая вниманія на просьбы аѳинянъ, они упорствовали въ своемъ рѣшеніи защищать только доступъ въ Пелопоннесъ, и отдали Аѳины въ жертву непріятелю. Вслѣдствіе этого аѳиняне были принуждены еще разъ бѣжать изъ города со всѣмъ своимъ имуществомъ, и искать убѣжища на Саламинѣ. Впрочемъ, на этотъ разъ они могли по крайней мѣрѣ тамъ считать себя безопасными, такъ какъ въ европейской части Архипелага не было ни одного персидскаго корабля. Изъ опустѣвшихъ Аѳинъ, Мардоній отправилъ посла на островъ Саламинъ, въ надеждѣ, что, безчестно оставленные союзниками, аѳиняне, можетъ быть, согласятся на союзъ съ персами. Но его посла даже не допустили въ народное собраніе. Онъ былъ выслушанъ только совѣтомъ пятисотъ, и вслѣдъ затѣмъ отправленъ назадъ безъ всякаго успѣха. Одинъ изъ сенаторовъ, Ликидъ, подалъ во время совѣщанія мнѣніе принять предложеніе персовъ и представить его на разсмотрѣніе народнаго собранія. Но его сограждане пришли отъ этого въ такую ярость, что сейчасъ же бросились на него и до смерти избили камнями. Геродотъ говоритъ, что, при извѣстіи объ этомъ, аѳинскія женщины ворвались въ домъ Ликида и умертвили его жену и дѣтей.

Въ Спартѣ, куда аѳиняне, платейцы и жители Мегары отправили пословъ, эфоры, имѣвшіе въ то время огромную силу, не хотѣли и слышать о сраженіи внѣ предѣловъ полуострова. Наконецъ Павсанію I, управлявшему въ качествѣ опекуна малолѣтняго сына Леонида, удалось устранить ихъ вліяніе и вынудить согласіе на помощь, требуемую аѳинянами. Онъ двинулся въ среднюю Грецію съ пятью тысячами спартанцевъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ при себѣ по семи легко-вооруженныхъ гелотовъ. Впослѣдствіи къ этой арміи присоединилось еще пять тысячъ періэковъ, также имѣвшихъ при себѣ по одному вооруженному гелоту. Заклятые враги спартанцевъ, аргосцы, тотчасъ извѣстили объ этомъ Мардонія, который, опустошивъ Аттику и разрушивъ Аѳины, двинулся въ Беотію. Когда спартанская армія съ приставшими къ ней ополченіями другихъ пелопоннесскихъ государствъ прибыла въ серднюю Грецію, къ ней присоединились еще войска мегарянъ, платейцевъ, эгинцевъ, нѣкоторыхъ другихъ государствъ и, наконецъ, восемь тысячъ аѳинянъ. Послѣдніе находились подъ начальствомъ Аристида, снова возвращеннаго въ Аѳины, послѣ патріотическаго дѣла его подъ Саламиномъ. Прибывши въ Беотію, греческая армія, подъ главнымъ начальствомъ Павсанія, расположилась противъ арміи персовъ, и, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, вступила наконецъ въ рѣшительную битву при Платеѣ (въ сентябрѣ 479 года). Незадолго передъ тѣмъ между греками произошла ссора, которая могла бы повредить имъ, если бы ее не прекратилъ вскорѣ благородный поступокъ Аристида. Поводомъ къ ней было слѣдующее: у грековъ почетнѣйшимъ мѣстомъ въ бою считалось правое крыло, слѣдующимъ послѣ него—лѣвое. Первое всегда уступалось спартанцамъ; но за второе возникъ споръ между гражданами аркадскаго города Тегеи и аѳинянами. Одни ссылались на то, что всегда занимали этотъ постъ въ пелопоннесской арміи, а другіе на значеніе Аѳинъ какъ могущественнѣйшаго въ Греціи государства послѣ Спарты. Тегейцы основывали свои притязанія на разсказахъ о блестящихъ подвигахъ своихъ предковъ, но рѣчь Аристида, исполненная благороднѣйшихъ мыслей, доставила ему побѣду. «Мы пришли сюда, сказалъ онъ отъ имени аѳинянъ, не съ намѣреніемъ произносить рѣчи, но для того, чтобы одержать побѣду надъ войскомъ варваровъ. И мы, аѳиняне, могли бы, подобно аркадцамъ, похвалиться громкими подвигами минувшихъ временъ; но дѣло не въ томъ, чѣмъ мы были, а въ томъ, что мы теперь. Достаточно было бы указать на одно Мараѳонское сраженіе, гдѣ мы одни побѣдили

армію, состоявшую изъ сорока шести племенъ. Но въ настоящихъ обстоятельствахъ неприлично спорить о первенствѣ. Рѣшайте вы, лакедемоняне, и поставьте насъ куда хотите! Мы исполнимъ ваше приказаніе, и на всякомъ мѣстѣ, какое бы вы намъ ни дали, покажемъ себя храбрыми воинами!» Спартанская армія единогласно присудила аѳинянамъ почетное мѣсто на лѣвомъ крылѣ.

Послѣ десяти дней, проведенныхъ обѣими арміями въ бездѣйствіи другъ противъ друга, Мардоній рѣшился аттаковать грековъ и дать рѣшительное сраженіе. Въ ночь, предшествовавшую этому дню, македонскій царь Александръ, потерявшій уже довѣріе къ успѣху персовъ, тайно оставилъ ихъ лагерь и отправился верхомъ къ греческимъ аванпостамъ. Онъ сообщилъ имъ о намѣреніи непріятеля и прибавилъ, что персы терпятъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и, слѣдовательно, будутъ принуждены оставить свой лагерь, если бы даже битвы не произошло по какому-нибудь случаю. Когда на слѣдующее утро Мардоній хотѣлъ двинуться противъ грековъ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что они не только готовы были принять сраженіе, но даже сдѣлали въ своемъ боевомъ порядкѣ перемѣну, сообразную съ расположеніемъ персовъ. Дѣйствительно, спартанцы, по предложенію Павсанія, помѣнялись мѣстомъ съ аѳинянами, потому что противъ праваго крыла грековъ были поставлены собственно персидскія войска, съ боевыми пріемами которыхъ аѳиняне уже имѣли случай познакомиться. Вслѣдствіе того Мардоній также измѣнилъ свой боевой порядокъ, заставивъ грековъ, въ свою очередь, занять прежнія мѣста. Въ этотъ день Мардоній дѣйствовалъ противъ нихъ только кавалеріей, которая имѣла нѣкоторый успѣхъ, успѣла отрѣзать ихъ отъ единственнаго источника, гдѣ они брали воду, и захватила шедшій къ нимъ транспортъ съѣстныхъ припасовъ. Греки были принуждены бросить свою позицію и, выступая среди глубокой ночи, пришли въ нѣкоторое разстройство. Мардоній принялъ это отступленіе за бѣгство, и потому на разсвѣтѣ двинулъ впередъ свою пѣхоту для преслѣдованія непріятеля. Этимъ и началось сраженіе. Число грековъ, принимавшихъ въ немъ участіе, доходило до ста десяти тысячъ. Изъ нихъ тридцать восемь тысячъ были тяжело-вооруженные. Армія персовъ была втрое сильнѣе; но Мардоній имѣлъ въ своихъ рядахъ много греческихъ войскъ, изъ которыхъ большая часть не могла внушать ему довѣрія, и многіе послѣдовали за нимъ только по принужденію. Главной причиной неудачнаго исхода сраженія былъ, однако, онъ самъ, потому что, дѣйствуя противъ непріятеля, не имѣвшаго кавалеріи, не умѣлъ воспользоваться своей конницей. Персы были разбиты на-голову и самъ Мардоній погибъ въ битвѣ. Сорокъ тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Артабаза, успѣли вовремя уйти съ поля сраженія и спаслись быстрымъ отступленіемъ къ Геллеспонту. Остальные бѣжали въ укрѣпленный лагерь и почти всѣ погибли при взятіи его приступомъ. Въ живыхъ осталось лишь нѣсколько тысячъ. Греки, по словамъ одного историка, потеряли тысячу триста шестьдесятъ человѣкъ; по другимъ свѣдѣніямъ уронъ ихъ простирался до десяти тысячъ.

Побѣдителямъ досталась несмѣтная добыча деньгами, золотыми и серебряными вещами и другими драгоцѣнностями. По древнему греческому обычаю, десятая часть ея была отдѣлена на приношенія богамъ, особенно дельфійскому Аполлону и Юпитеру олимпійскому. Десятая часть остальнаго была отдана Павсанію, какъ главнокомандующему, и затѣмъ все прочее распредѣлено между участниками въ побѣдѣ. Послѣ этого греки приступили къ торжественному погребенію убитыхъ. Между павшими находился и Аристодемъ, избѣжавшій смерти въ Термопилахъ, и потому считавшійся обезчещеннымъ. Въ Спартѣ памяти храбрѣйшихъ бойцовъ оказывались особенныя почести, и, не смотря на то, что, по общему мнѣнію спартанцевъ, Аристодемъ сражался храбрѣе всѣхъ своихъ соотечественниковъ, его все-таки поставили только четвертымъ въ ряду героевъ этого дня, говоря, что онъ сражался такъ храбро только потому, что отъ стыда искалъ смерти. Воздавъ послѣдній долгъ убитымъ, предводители грековъ приступили къ совѣщанію о томъ, какой народъ выказалъ наибольшую храбрость и заслуживаетъ награду. И аѳиняне и спартанцы предъявляли права свои, и между ними возникла по этому случаю серьезная ссора. Наконецъ рѣшено было не давать награду ни той, ни другой сторонѣ, а присудить ее платейцамъ.

Изъ Платеи побѣдоносная армія грековъ двинулась прямо въ Ѳивы, для наказанія этого города, обнаружившаго особенную преданность персамъ. Послѣ

осады, продолжавшейся нѣсколько недѣль, ѳиванцы выдали предводителей персидской партіи, и Павсаній отвелъ ихъ съ собой въ Коринѳъ, гдѣ они были приговорены къ смерти.

Въ тотъ самый день, когда Павсаній, при Платеѣ, уничтожилъ персидскую армію, греческому флоту также удалось одержать блестящую побѣду. Командиромъ этого флота былъ спартанскій царь Леотихидъ, аѳинскій же контингентъ его находился подъ начальствомъ Ксантиппа, о которомъ уже было говорено, какъ о противникѣ Мильтіада. Леотихидъ провелъ все лѣто на островѣ Делосѣ, близъ котораго флотъ его стоялъ на якорѣ. Отсюда онъ велъ тайные переговоры съ іонійскими греками Малой Азіи, и наконецъ, съ наступленіемъ осени, поплылъ къ Самосу, чтобы вмѣстѣ съ тамошними жителями напасть на стоявшій близъ этого острова персидскій флотъ. Услышавъ о намѣреніи грековъ, персидскій командиръ тотчасъ оставилъ Самосъ и направился къ сосѣднему мысу Микале, на іонійскомъ берегу, гдѣ, для наблюденія за іонійцами, стояла шестидесятитысячная армія. Онъ приказалъ вытащить суда свои на берегъ, какъ это дѣлали древніе передъ наступленіемъ зимы, и обнести ихъ частоколомъ, за которымъ расположился съ своими войсками. Рѣшившись отказаться на этотъ годъ отъ дѣйствій на морѣ, онъ еще до отъѣзда изъ Самоса отпустилъ домой финикійскіе корабли, составлявшіе лучшую часть его флота. Это побудило грековъ, по прибытіи къ Самосу, напасть на непріятельскій флотъ при Микале. Явившись сюда и увидя, что персы совершенно очистили море, они рѣшились дать сраженіе на сушѣ, и, высадившись на берегъ, напали на укрѣпленія персовъ, іонійскія войска которыхъ были въ заговорѣ съ своими соотечественниками и вскорѣ перешли на ихъ сторону. Передъ началомъ сраженія, между греками распространился, какъ говорятъ, черезъ самого Леотихида, радостный слухъ о побѣдѣ, будто бы одержанной въ Греціи надъ Мардоніемъ. Персы сражались храбро, но потерпѣли совершеннѣйшее пораженіе, и были большею частью перебиты. Лагерь и флотъ ихъ достались побѣдителямъ и были сожжены ими.

Важнѣйшими результатами сраженія при Микале было изгнаніе персовъ изъ Архипелага и потрясеніе ихъ безусловнаго владычества надъ мало-азійскими греками. Самосцы, хіосцы и жители нѣкоторыхъ другихъ острововъ тотчасъ же приступили къ союзу грековъ, а колоніи твердой земли ждали только новаго появленія разошедшагося по домамъ флота своихъ соотечественниковъ, чтобы выгнать персовъ изъ своихъ владѣній. Для европейской Греціи исчезла уже всякая опасность со стороны Персидской монархіи, и потому древніе греческіе писатели считаютъ сраженіе при Микале окончаніемъ персидской или, какъ ее иначе называютъ, мидійской войны. Дальнѣйшая борьба съ персами имѣла цѣлью уже не освобожденіе Греціи, а распространеніе ея могущества, и угрожала собственнымъ владѣніямъ персовъ.

5. Исторія грековъ отъ битвы при Платеѣ до смерти Кимона.

Побѣдоносный исходъ войны, веденной греками за освобожденіе родины, обезопасилъ плаваніе ихъ кораблей отъ нападеній персидскаго флота и освободилъ отъ персидскаго владычества многіе торговые города восточнаго прибрежья Архипелага. Это было въ особенности выгодно для Аѳинъ, сдѣлавшихся, въ теченіе этой войны, первой морской державой Греціи. Теперь они уже легко могли достигнуть господства на морѣ и гегемоніи надъ всей Греціей. Но для достиженія этой цѣли имъ необходимо было укрѣпить свой городъ и пріобрѣсть достаточно обширную и безопасную гавань. До тѣхъ поръ, слабо укрѣпленнымъ Аѳинамъ каждая война грозила разрушеніемъ, а незначительная гавань Фалеръ, которой они пользовались, была и очень мелка, и недовольно прикрыта отъ вѣтровъ. Проницательность и благоразуміе Ѳемистокла, положившія начало тогдашнему могуществу Аѳинъ, помогли аѳинянамъ и укрѣпить свой городъ, и пріобрѣсть лучшую гавань въ цѣлой Греціи.

Въ послѣдній годъ персидской войны, Ѳемистоклъ не получилъ никакого назначенія. Арміей и флотомъ командовали противники его, Аристидъ и Ксан-

тиинъ. Причина этого заключалась или въ томъ, что его громадныя заслуги возбудили зависть народа, или въ томъ, что враги его ловко воспользовались неудовольствіемъ, возбужденнымъ въ Аѳинахъ почестями, оказанными ему въ Спартѣ. Но, вскорѣ послѣ сраженія при Платеѣ, онъ снова сталъ первымъ лицомъ въ Аѳинахъ и, благодаря своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ, руководилъ всѣми рѣшеніями народнаго собранія. Когда аѳиняне вернулись съ Саламина, городъ лежалъ въ развалинахъ. Ѳемистоклъ тотчасъ вызвалъ постановленіе народа, по которому рѣшено было обнести городъ крѣпкой и прочной стѣной, а всѣмъ жителямъ вмѣнялось въ обязанность не браться за возстановленіе полуразрушенныхъ жилищъ своихъ до тѣхъ поръ, пока укрѣпленія города не будутъ приведены къ концу. Ѳемистоклъ предвидѣлъ, что укрѣпленіе Аѳинъ возбудитъ неудовольствіе въ различныхъ греческихъ государствахъ и особенно въ спартанцахъ, ревниво охранявшихъ свое первенство. И точно, едва началась постройка стѣнъ, какъ жители Эгины отправили въ Спарту пословъ съ просьбою помѣшать исполненію этого дѣла. Спартанцы тотчасъ же снарядили посольство въ Аѳины, объявивъ имъ, что выгоды всей націи не позволяютъ согласиться на укрѣпленіе какого-нибудь города за предѣлами Пелопоннесса, потому что не слѣдуетъ давать вторгнувшемуся непріятелю мѣста, гдѣ бы онъ могъ утвердиться, и что одинъ Пелопоннесъ долженъ служить Греціи естественнымъ укрѣпленіемъ, гдѣ, въ случаѣ нужды, всѣ остальные греки могутъ найти себѣ убѣжище.

Если бы Спарта и ея союзники рѣшились поддержать это требованіе оружіемъ, аѳиняне рѣшительно не были бы въ силахъ противиться имъ съ успѣхомъ. Поэтому имъ пришлось для достиженія своей цѣли обратиться къ системѣ проволочекъ и обмановъ. Нельзя было найти человѣка болѣе ловкаго для подобной политики, чѣмъ Ѳемистоклъ, потому аѳиняне послѣдовали его совѣту и дали ему полную власть на веденіе дѣла. Они отвѣчали спартанскимъ посламъ, что не предпримутъ ничего вреднаго интересамъ Греціи и, для дальнѣйшихъ переговоровъ, пришлютъ въ Спарту посольство. Послами были избраны Ѳемистоклъ, Аристидъ и Аброних. Уговорившись съ остальными на счетъ хода дѣла, первый изъ нихъ тотчасъ отправился въ Спарту, между тѣмъ какъ въ Аѳинахъ укрѣпленіе города продолжалось съ усиленнымъ напряженіемъ. Всѣ жители, безъ различія сословій, даже женщины и дѣти, принимали участіе въ этихъ работахъ. Для ускоренія ихъ были употреблены, какъ матеріалъ, камни съ надгробныхъ памятниковъ и скульптурныя украшенія храмовъ. Пріѣхавъ въ Спарту, Ѳемистоклъ не сдѣлалъ положенныхъ оффиціальныхъ визитовъ и не извѣстилъ сената о своемъ прибытіи въ качествѣ посланника. На всѣ вопросы по этому предмету, онъ отвѣчалъ, что долженъ подождать товарищей, и рѣшительно не понимаетъ, почему они такъ мѣшкаютъ. Въ Спартѣ, однако, естественно должны были знать о томъ, что дѣлается въ Аѳинахъ; но, когда спрашивали объ этомъ Ѳемистокла, онъ отвѣчалъ, что все это ложь или преувеличеніе. Такимъ образомъ, онъ отдѣлывался, сколько могъ; но настоянія спартанскаго правительства не прекращались. Доведенный до невозможности выдерживать свою роль, Ѳемистоклъ объявилъ, что въ государственныхъ дѣлахъ не слѣдуетъ полагаться на частныя извѣстія, и посовѣтовалъ отправить въ Аѳины посольство, которое могло бы дать спартанцамъ точныя свѣдѣнія о тамошнемъ положеніи дѣлъ. Такъ и случилось. Въ Аѳинахъ, откуда товарищи Ѳемистокла наконецъ выѣхали, спартанскихъ пословъ задерживали подъ всевозможными предлогами, и даже рѣшились въ случаѣ нужды употребить для этого силу, чтобы дать Ѳемистоклу, Аристиду и Аброниху время вернуться домой. Рѣшившись на такую коварную политику, необходимо было обезпечить себя на тотъ случай, что спартанцы задержатъ аѳинскихъ пословъ, и выдадутъ ихъ не иначе, какъ подъ извѣстными условіями.

Товарищи Ѳемистокла привезли ему извѣстіе, что стѣны города уже достаточно высоки, чтобы выдержать осаду. Тогда онъ сбросилъ маску и объявилъ спартанскому сенату, что аѳиняне, городъ которыхъ теперь достаточно защищенъ отъ непріятельскаго нападенія, сами знаютъ, что полезно какъ для нихъ, такъ и для всей греческой націи, и что, по ихъ мнѣнію, укрѣпленіе города было необходимо и въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Онъ прибавилъ, сверхъ того, что государства, заключившія между собою союзъ, должны имѣть одинаковыя средства защищать свою самостоятельность, или уже всѣ отъ нея отказаться. Такимъ обра-

зомъ, спартанскій сенатъ, обманутый въ своихъ намѣреніяхъ, уже не имѣлъ возможности предпринять враждебныхъ дѣйствій противъ аѳинянъ. Аѳинскіе послы были отпущены, а вслѣдъ затѣмъ и спартанскіе вернулись домой.

Чтобы еще болѣе возвысить значеніе Аѳинъ, Ѳемистоклъ устроилъ для нихъ новую гавань и укрѣпилъ ее. Онъ выбралъ для этой цѣли бухту, лежавшую къ западу отъ Фалера, въ двухъ миляхъ отъ Аѳинъ, и называвшуюся Пиреемъ. Бухта эта имѣла три гавани и могла вмѣстить довольно значительнее число кораблей. По предложенію Ѳемистокла, она была приведена въ нѣсколько лучшій видъ еще передъ третьей персидской войной. Теперь же онъ настоялъ на томъ, чтобы ее оцѣпили крѣпкой стѣной по всему протяженію берега. Стѣна эта была выстроена чрезвычайно прочно и была готова уже на второй годъ послѣ Платейской битвы. При этомъ Ѳемистоклъ опять успѣлъ обмануть спартанцевъ и успокоить ихъ недовѣріе.

Между тѣмъ, союзный флотъ грековъ, подъ начальствомъ Павсанія, помогалъ освобожденію греческихъ городовъ на Геллеспонтѣ и нѣкоторыхъ острововъ, все еще занятыхъ персами. При этомъ случаѣ подвергся нападенію и городъ Византія, нынѣшній Константинополь, взятый греками штурмомъ послѣ долгаго сопротивленія. Въ руки побѣдителей попались многіе персидскіе вельможи—обстоятельство, имѣвшее случайнымъ образомъ большое вліяніе на развитіе преобладанія Аѳинъ. Гордый и властолюбивый царь Павсаній, ослѣпленный своимъ счастіемъ, пошелъ путемъ, который долженъ былъ погубить его. Онъ одержалъ при Платеѣ блистательнѣйшую побѣду, какая, по выраженію Геродота, была только извѣстна грекамъ, а добыча, доставшаяся на его долю, дала ему при этомъ случаѣ богатство, чрезмѣрное для спартанца. Успѣшныя предпріятія, совершенныя имъ во главѣ греческаго флота, еще болѣе увеличили и его гордость и его сокровища. Съ этого времени онъ сталъ стремиться не только къ удержанію власти, ввѣренной ему, какъ опекуну малолѣтняго двоюроднаго брата, но и къ тому, чтобы властвовать неограниченно и надъ болѣе обширными владѣніями. Произвольная власть персидскаго сатрапа, подчиненная только одному человѣку, да и то лишь по формѣ, соотвѣтствовала его настроенію гораздо болѣе, чѣмъ званіе спартанскаго царя, стремленія и поступки котораго находились подъ неослабнымъ надзоромъ сената и эфоровъ. Сравнивая простой и однообразный родъ жизни, на который законодательство Ликурга обрекало спартанцевъ, съ роскошью и нѣгой персидскихъ вельможъ, жившихъ на трудъ народа, онъ точно также прельщался ихъ положеніемъ и рѣшился измѣною удовлетворить своей гордости и своему властолюбію. Въ Византіи ему представился отличный случай осуществить это намѣреніе. Онъ нашелъ здѣсь, между плѣнными, многихъ знатныхъ персовъ и, въ числѣ прочихъ, познакомился съ грекомъ Гонгиломъ, уроженцемъ Эретріи, который во времена Дарія также измѣнилъ отечеству и былъ за это награжденъ владычествомъ надъ четырьмя богатыми эолійскими городами. Этого-то человѣка Павсаній взялъ въ сообщники своего плана. Онъ ввѣрилъ ему высшую власть въ Византіи и охраненіе тамошнихъ знатныхъ плѣнныхъ. Вскорѣ послѣ того, Гонгилъ, по заключенному съ Павсаніемъ условію, далъ убѣжать своимъ плѣнникамъ и переслалъ персидскому царю письмо Павсанія, въ которомъ онъ объявлялъ себя виновникомъ освобожденія знатнѣйшихъ персовъ, просилъ руки одной изъ дочерей Ксеркса и предлагалъ свою помощь для подчиненія Греціи. Персидскій царь охотно принялъ эти предложенія и тотчасъ назначилъ намѣстникомъ Фригіи Артабаза, человѣка особенно способнаго къ подобнаго рода дѣламъ, поручивъ ему веденіе дальнѣйшихъ переговоровъ.

Павсаній тогда вполнѣ предался побужденіямъ своей высокомѣрной души и сталъ вести себя совершенно такъ, какъ будто уже достигъ цѣли своихъ измѣническихъ плановъ. Онъ окружилъ себя персидскимъ великолѣпіемъ и азіатской роскошью, принялъ одежду сатраповъ и составилъ себѣ изъ плѣнныхъ родъ охранной стражи. Не довольствуясь этимъ, онъ сталъ даже обращаться съ подчиненными ему войсками съ тиранскимъ высокомѣріемъ и чрезмѣрною строгостью. Естественнымъ послѣдствіемъ такого поведенія было, что греческіе союзники скоро отказались повиноваться ему. Пелопоннессцы поплыли домой, а остальные греки передали начальство надъ соединеннымъ флотомъ аѳинскимъ командирамъ, Аристиду и Кимону, кротость и справедливость которыхъ были прямо противоположны

характеру и образу дѣйствій Павсанія. Этимъ важнымъ по своимъ послѣдствіямъ поступкомъ союзниковъ Аѳины были преимущественно обязаны личности Аристида, который пріобрѣлъ своею честностью величайшую довѣренность всѣхъ грековъ и особенно жителей Эгины, первой морской державы дорянъ. Спартанское правительство немедленно отозвало Павсанія и назначило на его мѣсто другаго командира, но почти всѣ союзники отказались признать его главнымъ начальникомъ. Тогда спартанцы отозвали назадъ корабли свои и отказались отъ командованія, котораго и безъ того не могли бы удержать, по незначительности своихъ морскихъ силъ. Можетъ быть также, что въ вопросѣ о поддержаніи ихъ значенія въ Греціи, главное начальство надъ флотомъ не имѣло въ ихъ глазахъ той важности, какая въ дѣйствительности была соединена съ нимъ. Такимъ образомъ, въ 477 году гегемонія на морѣ перешла отъ Спарты къ Аѳинамъ, которые пріобрѣли вскорѣ перевѣсъ надъ спартанцами и на сухомъ пути.

Прибывъ въ Спарту, Павсаній былъ призванъ къ суду, но вліяніемъ своимъ избавился отъ наказанія. Онъ не только не оставлялъ своихъ властолюбивыхъ плановъ, но рѣшился даже, при помощи персовъ, отмѣнить званіе эфоровъ и пріобрѣсти неограниченную власть. Съ этою цѣлью онъ отправился, какъ частный человѣкъ, въ Византію и отсюда продолжалъ свои интриги, но дѣйствовалъ такъ неосторожно, что намѣренія его вскорѣ обнаружились. Тогда спартанцы отправили къ нему гонца съ приказаніемъ вернуться въ Спарту. Павсаній повиновался, надѣясь на свое богатство и на склонность вліятельныхъ людей своего города къ взяткамъ. И дѣйствительно, можно было уже разсчитывать на подобныя средства, такъ далеки были въ то время спартанцы отъ духа законодательства Ликурга. Подкупъ государственныхъ людей былъ тогда дѣломъ далеко не рѣдкимъ, и незадолго передъ тѣмъ бѣжалъ изъ Лаконіи царь Леотихидъ, побѣдитель при Микале, замаранный такимъ же грязнымъ поступкомъ. По пріѣздѣ Павсанія въ Спарту, его немедленно арестовали, но вскорѣ освободили и такимъ образомъ вторично простили ему его преступленія. Онъ продолжалъ изъ Спарты переписку свою съ Артабазомъ и въ то же время возбуждалъ волненіе между гелотами, надѣясь съ ихъ помощью ниспровергнуть правительство. Это также не осталось тайною, но, по законамъ Ликурга, показаніе раба противъ спартанца не имѣло силы. Наконецъ, измѣнникъ попался въ собственныя сѣти. Павсаній просилъ Артабаза убивать всѣхъ людей, которыхъ онъ будетъ присылать ему съ письмами. Одинъ гелотъ, посланный съ подобнымъ порученіемъ, рѣшился вскрыть письмо и нашелъ въ концѣ просьбу убить подателя, такъ же какъ и его предшественниковъ. Онъ передалъ это письмо эфорамъ, которые посовѣтовали ему бѣжать въ храмъ и сдѣлать такъ, чтобъ Павсаній узналъ объ этомъ. Измѣнникъ тотчасъ же поспѣшилъ туда, потребовалъ отчета у слуги, но разговоръ этотъ былъ подслушанъ нѣсколькими эфорами, удостовѣрившимися такимъ образомъ въ измѣнѣ. Тотчасъ отдано было приказаніе арестовать Павсанія, но одинъ изъ эфоровъ предупредилъ его, и Павсаній бѣжалъ въ храмъ. Отсюда, какъ изъ священнаго убѣжища, его нельзя было вытащить насильно; тогда въ храмъ задѣлали входъ, чтобъ голодомъ заставить выйти измѣнника. Но онъ не оставилъ своего убѣжища. Передъ смертью его вынесли изъ храма, чтобы присутствіемъ трупа не осквернять святыни, и онъ умеръ черезъ нѣсколько минутъ (469 г. до р. Х.).

Въ катастрофу Павсанія былъ впутанъ и Ѳемистоклъ, родной городъ котораго подвергся незадолго передъ тѣмъ важной перемѣнѣ въ государственномъ устройствѣ. Аристидъ пріобрѣлъ въ Аѳинахъ первенствующее вліяніе, и, воспользовавшись этимъ, провелъ мѣру, имѣвшую самыя важныя послѣдствія. Чтобы вознаградить нисшіе классы за мужество, выказанное ими въ персидской войнѣ — собственно же для того, чтобы увеличить число платящихъ подати, — Аристидъ склонилъ народное собраніе издать законъ, по которому граждане всѣхъ четырехъ классовъ должны были пользоваться равными правами и нести одинаковыя обязанности. Свободные до тѣхъ поръ отъ податей, граждане четвертаго класса или теты, подвергались теперь уплатѣ наравнѣ съ прочими, но зато имъ было предоставлено право занятія всѣхъ должностей. Съ этого времени они постепенно начали овладѣвать всѣми мѣстами и давать тонъ во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ. Эта важная мѣра дала политическому развитію Аѳинъ совершенно демократическое направленіе и вызвала

рѣшительное раздѣленіе партій — борьбу, которой Аѳины обязаны своими блистательнѣйшими талантами, лучшими украшеніями, величайшими ораторами и государственными людьми. Аристидъ до конца жизни оставался любимцемъ народа; Ѳемистоклъ, которому Аѳины обязаны были спасеніемъ и величіемъ, сдѣлался жертвой зависти своихъ согражданъ. Его значеніе уменьшалось по мѣрѣ того, какъ расло вліяніе Аристида, и онъ палъ наконецъ подъ соединенными усиліями своихъ противниковъ. Онъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ остракизмомъ (471 г.) и удалился въ Аргосъ. Но и въ изгнаніи его преслѣдовали зависть враговъ и ненависть спартанцевъ. Послѣ смерти Павсанія, послѣдніе обвинили его передъ аѳинянами въ томъ, что онъ, какъ оказывается по слѣдствію, былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ спартанскимъ измѣнникомъ. Неизвѣстно, справедливо ли это обвиненіе; но, какъ бы то ни было, оно было предъявлено, и противники Ѳемистокла въ Аѳинахъ воспользовались тѣмъ, чтобы совершенно погубить его. Аѳиняне согласились на требованіе спартанцевъ, чтобы Ѳемистоклъ былъ задержанъ и представленъ на судъ амфиктіоновъ, какъ измѣнникъ греческой націи.

Узнавъ объ этомъ, Ѳемистоклъ бѣжалъ въ Коркиру и оттуда въ Эпиръ къ своему старинному врагу, молосскому царю Адмету, гдѣ нашелъ убѣжище и защиту. Ѳемистоклъ явился въ его столицу, когда Адметъ былъ въ отсутствіи. Получивъ отъ царицы обѣщаніе заступничества, онъ при возвращеніи царя взялъ на руки его маленькаго сына и сѣлъ у очага — священнѣйшаго мѣста въ греческомъ домѣ. Адметъ не устоялъ противъ этой просьбы, и когда спартанцы и аѳиняне потребовали выдачи Ѳемистокла, онъ не послушался ихъ, а отправилъ своего гостя подъ вооруженнымъ прикрытіемъ въ Пидну, въ Македоніи, чтобы дать ему возможность бѣжать въ Азію на кораблѣ. Скрываясь подъ чужимъ именемъ, Ѳемистоклъ благополучно достигъ мало-азійскаго берега. Отсюда онъ обратился съ письмомъ къ персидскому царю, который принялъ его съ великою радостію. Доходы съ трехъ мало-азійскихъ городовъ были назначены ему на содержаніе, и Ѳемистоклъ, скоро выучившійся по-персидски и примѣнившійся къ тамошнимъ нравамъ, черезъ годъ отправился въ Сузу и пріобрѣлъ при дворѣ такое значеніе, какого не имѣлъ еще ни одинъ грекъ. Относительно его смерти показанія древнихъ не согласны между собою. Онъ игралъ въ Персіи совсѣмъ иную роль, чѣмъ другіе греки эмигранты. Персидскій царь надѣялся, что при своихъ военныхъ дарованіяхъ, ловкости и знаніи положенія дѣлъ въ Греціи, Ѳемистоклъ скорѣй чѣмъ кто-либо можетъ помочь ему, и дѣйствительно сдѣлаетъ это. Самъ же Ѳемистоклъ, даже если допустить въ немъ готовность сдѣлаться врагомъ отечества, долженъ былъ отлично понимать невозможность завоеванія Греціи такой державой, какъ Персія; но онъ не могъ и разочаровывать персовъ въ ихъ ожиданіяхъ. Послѣ его смерти, между греками распространился слухъ, что онъ обѣщалъ персидскому царю свою помощь въ экспедиціи противъ Греціи, но долго задерживалъ дѣло и наконецъ, когда это уже стало невозможнымъ, отравилъ себя подъ вліяніемъ чувства любви къ родинѣ и яснаго пониманія невозможности хорошаго исхода. Извѣстіе это, однако, не имѣетъ положительныхъ основаній, и вѣроятнѣе, что онъ умеръ естественною смертью. Въ одномъ изъ трехъ городовъ, назначенныхъ для его содержанія, былъ поставленъ ему памятникъ, но, говорятъ, что тѣло Ѳемистокла было, по его желанію, тайно перевезено въ Аѳины и погребено тамъ. Годъ его смерти неизвѣстенъ. Мы знаемъ только, что онъ умеръ на шестидесятомъ году отъ рожденія.

Между тѣмъ Аѳины нашли въ Аристидѣ и Кимонѣ людей, которые постоянно возвышали могущество своего роднаго города и распространяли его власть. Аѳиняне стали, вмѣсто спартанцевъ, во главѣ мало-азійскихъ грековъ и острововъ. Мѣстомъ совѣщаній союза, по предложенію Аристида, назначили однако не Аѳины, а островъ Делосъ; — умный государственный человѣкъ не хотѣлъ возбуждать недовѣрія къ Аѳинамъ, прежде чѣмъ новыя отношенія упрочатся на твердыхъ основаніяхъ. Въ Делосѣ много разъ происходили совѣщанія союзниковъ, но, вслѣдствіе превосходныхъ правительственныхъ распоряженій Аристида и Кимона, совѣщанія эти были только формальностью, за которою скрывалось владычество Аѳинъ. Для покрытія издержекъ на продолженіе войны состав-

лена была изъ ежегодныхъ взносовъ особенная сумма, хранившаяся въ делосскомъ храмѣ Аполлона. Главнымъ казначеемъ союза былъ сдѣланъ Аристидъ, такъ какъ всѣ имѣли полное довѣріе къ его честности. Послѣ его удаленія, союзники разрѣшили аѳинянамъ назначать на эту должность своихъ гражданъ по ежегодному выбору, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ замѣщались въ Аѳинахъ всѣ высшія должности. Такимъ образомъ, союзная казна окончательно перешла въ руки аѳинянъ. Казна эта была весьма значительна, потому что ежегодные взносы союзниковъ составляли не менѣе четырехсотъ шестидесяти талантовъ (приблизительно 600,000 р. сер.). Взносы эти постоянно увеличивались и лѣтъ черезъ двадцать или тридцать стали почти вдвое больше.

Аристидъ, которому послѣ Ѳемистокла Аѳины были всего больше обязаны выгодами своего положенія, умеръ черезъ четыре года послѣ изгнанія своего противника. Смерть его еще разъ обнаружила черту характера, отличавшую его отъ всѣхъ прочихъ государственныхъ людей Греціи. Ѳемистоклъ, наслѣдственное имущество котораго составляло всего, какъ говорятъ, три таланта (4,000 р.), сдѣлался, въ теченіе своей политической дѣятельности, однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Аѳинахъ. Послѣ Аристида не осталось ровно ничего, такъ что семейству его не на что было похоронить его. Государство приняло издержки эти на себя, взяло также на себя заботу о воспитаніи его дѣтей и почтило его памятникомъ, поставленнымъ въ одной изъ гаваней аѳинскихъ.

Первое время послѣ его смерти во главѣ государства стоялъ одинъ Кимонъ, управлявшій до того дѣлами вмѣстѣ съ Аристидомъ. Съ 470 года, когда Кимонъ въ первый разъ получилъ главное начальство надъ арміей и флотомъ аѳинянъ, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ ежегодно назначался стратегомъ и почти каждый годъ успѣвалъ прославиться какимъ нибудь блестящимъ подвигомъ. Богатый по наслѣдству и еще болѣе разбогатѣвшій черезъ женитьбу на богатой ѳракіянкѣ, одаренный изворотливымъ умомъ и природной любезностью, популярный по принципу, — онъ долго удерживался въ милости народа, не смотря на то, что по убѣжденіямъ своимъ былъ аристократъ. Избранный стратегомъ, онъ прежде всего занялся завоеваніемъ тѣхъ мѣстностей ѳракійскаго прибрежья, которыя оставались еще подвластны персамъ. Здѣсь встрѣтилъ онъ со стороны персидскаго гарнизона города Эйона такое сопротивленіе, какое рѣдко попадается въ исторіи восточныхъ государствъ. Несмотря на всѣ свои усилія, Кимонъ не могъ принудить персидскаго полководца къ сдачѣ города, и, когда голодъ уничтожилъ возможность дальнѣйшей защиты, Персъ рѣшился скорѣе умереть, чѣмъ сдаться непріятелю. Онъ убилъ своихъ женъ, дѣтей и невольниковъ и, приказавъ бросить въ рѣку все золото и серебро какое было въ городѣ, лишилъ себя жизни. Тогда сдался гарнизонъ, проданный греками въ рабство.

Кимонъ выгналъ персовъ изъ всѣхъ остальныхъ городовъ Ѳракіи, за исключеніемъ Дориска. Этотъ городъ, одинъ во всей Европѣ, не удалось грекамъ отнять у персовъ, и онъ еще долго оставался въ ихъ власти. Затѣмъ, Кимонъ уничтожилъ разбойничье гнѣздо на островѣ Скиросѣ, гдѣ нѣкогда умеръ Тезей, продалъ жителей въ рабство и основалъ тамъ аѳинскую колонію. Въ то же время онъ воспользовался легендой о Тезеѣ, чтобы упрочить за собой расположеніе аѳинскаго народа и возвысить значеніе древней аристократіи. Онъ перенесъ, съ торжественными церемоніями, въ Аѳины мнимые останки этого миѳическаго благодѣтеля города, и устроилъ въ честь его блестящія празднества, на которыхъ, между прочимъ, поэты Эсхилъ и Софоклъ выступили на поэтическое состязаніе. Тезею, какъ полубогу, былъ поставленъ въ Аѳинахъ храмъ, называвшійся тезеономъ.

Аѳиняне, подъ предводительствомъ Кимона, направили свое оружіе и противъ свободныхъ грековъ. Основываясь на громадномъ превосходствѣ своихъ силъ, они уже тогда стали считать себя не руководителями союзныхъ государствъ, а повелителями ихъ. Съ большою суровостью взыскивали они уплату ежегодныхъ взносовъ въ союзную казну, строжайшимъ образомъ наказывали за всякое замедленіе въ присылкѣ кораблей для составленія союзнаго флота и за всякое ослабленіе энергіи въ веденіи войны, и даже лишили свободы одно изъ союзныхъ государствъ, хотя особенная статья союзнаго договора гаранти-

ровала независимость всѣхъ членовъ союза. Эта участь постигла отпавшихъ отъ союза жителей острова Наксоса. Кимонъ покорилъ ихъ и подчинилъ Аѳинамъ. Впрочемъ, въ это время большая часть союзниковъ сдѣлала грубую ошибку, которая, такъ же какъ и завоеванія союзнаго флота, увеличила власть Аѳинъ на счетъ остальныхъ грековъ. Перевѣсъ Аѳинянъ на Делосскомъ конгрессѣ былъ такъ значителенъ, что рѣшено было продолжать съ персами войну на морѣ, хотя для большей части союзниковъ она была очень обременительна. Чтобы освободиться отъ обязанности постоянно высылать корабли и войско, и избѣжать соединенныхъ съ этимъ торговыхъ и промышленныхъ неудобствъ, многіе изъ союзниковъ заключили съ аѳинянами условіе, по которому обѣщали выплачивать имъ ежегодно извѣстную сумму денегъ, взамѣнъ которой они должны были уже сами заботиться о снаряженіи кораблей и поставкѣ войскъ. Такимъ образомъ, они своими деньгами увеличивали морскую силу Аѳинъ и, ослабляя себя, совершенно подчинились произволу аѳинянъ. Эта ошибочная политика большей части союзниковъ, вызванная, какъ кажется, хитрымъ предложеніемъ Кимона, доставила аѳинянамъ полное господство на морѣ. Они содержали на чужой счетъ сильный и хорошо обученный флотъ, а колоніи, основанныя ими тогда на островахъ и прибрежьяхъ твердой земли, служили имъ превосходными наблюдательными постами, изъ которыхъ можно было слѣдить за всякимъ движеніемъ союзниковъ и варваровъ.

Подчинивъ Наксосъ, Кимонъ поплылъ къ южнымъ берегамъ Малой Азіи, покорилъ тамъ многіе приморскіе города и одержалъ при Эвримедонѣ въ 469 до р. Х. блистательную побѣду надъ сухопутными и морскими силами персовъ. Флотъ персовъ стоялъ на якорѣ недалеко отъ этой памфилійской рѣки, и близъ того же мѣста былъ расположенъ лагерь многочисленной персидской арміи. Кимонъ напалъ сначала на флотъ и нанесъ ему такое пораженіе, что взялъ въ плѣнъ двѣсти большихъ кораблей и потопилъ большую часть остальныхъ. Тотчасъ послѣ побѣды онъ высадилъ войска свои на берегъ, чтобы аттаковать и персидскій лагерь, куда вѣсть объ истребленіи флота еще не успѣла дойти. Часть греческой арміи переодѣлась въ платье взятыхъ въ плѣнъ персовъ, прошла сквозь непріятельскіе передовые посты, не подозрѣвавшіе опасности и, такимъ образомъ, не обнажая меча, проникла въ самый лагерь. Изумленные персы пришли въ разстройство и были частью перерѣзаны, частью взяты въ плѣнъ. Такимъ образомъ, Кимонъ въ одинъ день одержалъ двѣ знаменитыя побѣды, однимъ ударомъ истребивъ и армію и флотъ непріятеля. Послѣ этого славнаго подвига, онъ, вмѣстѣ съ флотомъ, вернулся въ Аѳины.

Плодомъ побѣдоносныхъ предпріятій Кимона была, между прочимъ, громадная добыча, привезенная имъ въ Аѳины. Значительная часть ея досталась, по греческому обычаю, главнокомандующему, а остальное было сложено въ государственную казну или употреблено на награду храбрѣйшихъ воиновъ арміи. Кимонъ употребилъ свою часть на упроченіе своего значенія и на возвышеніе слабой аристократической партіи въ Аѳинахъ. Но, кромѣ того, онъ позаботился чтобы суммы значительно обогащенной государственной казны были употреблены на усиленіе могущества Аѳинъ и на украшеніе города. По его предложенію была начата постройка двухъ такъ называемыхъ длинныхъ стѣнъ, посредствомъ которыхъ Аѳины были соединены съ Пиреемъ, отстоявшимъ отъ нихъ на два часа, и съ гаванью Мунихіей. Постройка эта была кончена уже впослѣдствіи Перикломъ. Эти крѣпкія стѣны, которыя, въ видѣ сторонъ треугольника, шли отъ Аѳинъ къ противоположнымъ оконечностямъ двухъ гаваней, служили защитой пространству между городомъ и моремъ и ограждали Аѳины отъ опасности потерять сообщеніе съ гаванью. Кимонъ же устроилъ мѣсто гулянья, извѣстно подъ именемъ академіи. Академія эта впослѣдствіи была любимымъ мѣстомъ Платона и, благодаря ему и его ученикамъ, пріобрѣла всемірную извѣстность. Кромѣ того, Кимонъ украсилъ большую рыночную площадь города аллеями платановъ и первый построилъ въ Аѳинахъ, такъ называемую, стою, т. е. одну изъ тѣхъ колоннадъ, которыя такъ любятъ въ жаркихъ странахъ юга. Наконецъ, онъ увеличилъ пышность общественныхъ празднествъ и учредилъ новыя. Богатствомъ, великолѣпіемъ и щедростью Кимонъ старался упрочить за собой милость народа и расположить его въ пользу своихъ политическихъ цѣлей. Подобно Писистрату, онъ от-

крылъ всѣмъ гражданамъ входъ въ свои великолѣпные сады и позволилъ посѣтителямъ пользоваться фруктами. Въ его домѣ ежедневно готовилась пища для бѣдныхъ гражданъ. На неимущихъ онъ издерживалъ большія суммы денегъ, принималъ особенное участіе въ людяхъ, старавшихся скрыть свою нищету, и при встрѣчѣ съ бѣдно одѣтымъ гражданиномъ тотчасъ предлагалъ ему одежду одного изъ своихъ рабовъ, которыхъ ходило за нимъ всегда очень много.

Хотя персы были уже совершенно вытѣснены изъ европейскихъ морей, но греки все-таки продолжали нападать на нихъ. Аѳиняне стремились только къ распространенію своего могущества и для достиженія этой цѣли жертвовали своими союзниками. Новое предпріятіе аѳинянъ было направлено противъ жителей греческаго острова Тазоса. Жители его владѣли на Ѳракійскомъ берегу, гдѣ аѳиняне въ то время начали основывать колоніи, золотыми и серебряными рудниками и вели выгодную торговлю внутри Ѳракіи. Эти обстоятельства возбудили завистъ Аѳинъ и были причиною ссоръ, побудившихъ жителей Тазоса отдѣлиться отъ союза. Аѳиняне отправили противъ нихъ флотъ подъ начальствомъ Кимона, но встрѣтили упорное сопротивленіе и въ теченіе трехъ лѣтъ тщетно осаждали городъ Тазосъ. Во время осады тазосцы обратились къ спартанцамъ, прося ихъ о помощи. Спартанцы обѣщали имъ двинуть армію свою въ Аттику и сдержали бы свое слово, еслибъ не вспыхнуло возстаніе гелотовъ, надолго задержавшее ихъ въ Лаконіи. Въ 463 до р. Х. тазосцы были принуждены сдаться. Аѳиняне предписали имъ самыя тяжелыя условія. Они принуждены были выдать всѣ свои военные корабли, выплатить извѣстную сумму денегъ, срыть укрѣпленія, отказаться отъ всякихъ притязаній на владѣнія на твердой землѣ и уплачивать ежегодную дань.

Въ то время, какъ Кимонъ сражался съ тазосцами, въ Аѳинахъ въ первый разъ выступилъ на политическое поприще Периклъ, величайшій изъ государственныхъ людей древне-греческаго міра. Онъ былъ сынъ Ксантиппа, побѣдителя при Микалѣ, и принадлежалъ къ знатному дому Алкмеонидовъ, но въ политикѣ явился приверженцемъ демократической партіи, посредствомъ которой надѣялся достигнуть единовластія. Партія эта, во главѣ которой, вмѣстѣ съ нимъ, стоялъ тогда Эфіальтъ, возвысилась во время отсутствія Кимона и, по возвращеніи его, сочла себя достаточно сильной, чтобъ начать съ нимъ борьбу. Она обвинила передъ народомъ ненавистнаго противника въ томъ, что онъ былъ подкупленъ македонскимъ царемъ и потому пропустилъ случай завоевать эту страну. Но значеніе Кимона было утверждено такъ прочно, что достаточно было нѣсколькихъ словъ его, чтобъ обвиненіе тотчасъ же было отвергнуто народомъ. Кимонъ успѣлъ даже склонить аѳинянъ поддержать спартанцевъ, сильно стѣсненныхъ въ борьбѣ съ гелотами.

Въ 464 г. страшное землетрясеніе подвергло Спарту величайшей опасности и вызвало возстаніе гелотовъ. Землетрясеніе произошло въ обѣденную пору; оно оторвало цѣлыя скалы отъ Тайгетской горы и разрушило почти всѣ дома въ Спартѣ. Многіе молодые люди, принадлежавшіе къ лучшимъ спартанскимъ фамиліямъ, были убиты развалинами зданія, въ которомъ они занимались тогда гимнастикой, а общее число людей, погибшихъ въ Спартѣ, простиралось, говорятъ, до двадцати тысячъ. Гелоты тотчасъ же воспользовались катастрофою и всеобщимъ смятеніемъ, перерѣзали господъ своихъ, овладѣли городомъ и всею страною. Каждый думалъ только о собственномъ спасеніи, потому имъ, можетъ быть, и удалось бы достигнуть цѣли, еслибы царь Архидамъ II наскоро не собралъ вокругъ себя нѣсколькихъ людей и звукомъ боевой трубы не призвалъ спартанцевъ къ оружію. Привыкшіе къ строгому военному послушанію, спартанцы по данному сигналу тотчасъ вооружились, собрались на рынкѣ и построились въ боевой порядокъ. Гелоты не могли рѣшиться на бой съ регулярнымъ войскомъ и въ безпорядкѣ бросились вонъ изъ города. Они удалились въ плоскую часть страны, призвали собратій по несчастію къ поголовному возстанію, овладѣли мессенской горной крѣпостью Итомой, снова укрѣпили ее и рѣшились тутъ защищаться противъ спартанцевъ. Такъ какъ большинство возставшихъ принадлежало къ потомству несчастныхъ мессенцевъ, то борьбу эту обыкновенно называютъ третьей Мессенской войной. Она продолжалась десять лѣтъ (съ 464 до 454 г. до р. Х.) и поставила спартанцевъ въ большое затрудненіе. Они успѣли очень скоро

вытѣснить гелотовъ изъ равнины и принудили ихъ сосредоточиться въ одной только Итомѣ, но никакъ не могли взять ее, потому что никогда не умѣли вести осадной войны. Кромѣ того, они каждую минуту должны были ожидать новаго возстанія со стороны вновь покоренныхъ гелотовъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, безплодно проведенныхъ подъ стѣнами Итомы, они обратились съ просьбою о помощи къ аѳинянамъ, считавшимся самыми искусными изъ всѣхъ грековъ въ осадной войнѣ.

Аѳины не были расположены помогать сильной соперницѣ, и въ особенности демократическая партія старалась всѣми средствами помѣшать этому. Но Кимонъ, вліяніе котораго все еще было очень сильно, успѣлъ склонить народъ согласиться на просьбу спартанцевъ. Кимонъ, подобно всѣмъ греческимъ аристократамъ, былъ поклонникъ спартанскаго устройства, и его симпатія къ этому государству была такъ велика, что онъ даже назвалъ старшаго сына своего Лакедемоніемъ. Сверхъ того, и для политическихъ его плановъ было весьма важно поддержать власть и значеніе греческаго государства, весь бытъ котораго былъ проникнутъ аристократическимъ элементомъ. Самъ Кимонъ былъ выбранъ народомъ предводителемъ вспомогательнаго войска, отправлявшагося въ Мессенію. Но и аѳиняне не подвинули дѣла впередъ, а столкновеніе съ спартанцами только снова возбудило старую родовую вражду между Аѳинами и Спартой. Обѣ арміи стали почти во враждебное отношеніе другъ къ другу, и недовѣрчивость спартанцевъ къ аѳинянамъ дошла наконецъ до того, что они приписывали умыслу послѣднихъ медленный ходъ ихъ осады. Они объявили, наконецъ, аѳинянамъ, что не нуждаются болѣе въ ихъ помощи, и вспомогательное войско возвратилось въ отечество. Въ то же время, однако, спартанцы удержали контингентъ эгинцевъ и фокидцевъ, тоже приславшихъ имъ свои войска. Это оскорбленіе возбудило въ аѳинянахъ сильнѣйшую ненависть къ Спартѣ и естественно должно было ослабить вліяніе Кимона. Тотчасъ же былъ заключенъ союзъ съ аргосцами, родовыми врагами Спарты, которые, воспользовавшись ея стѣсненнымъ положеніемъ, взяли и разрушили Микены, городъ издавна враждебный Аргосу. Демократическая партія, руководимая Перикломъ, безъ труда низвергла Кимона, изгнаннаго изъ Аѳинъ остракизмомъ, тотчасъ послѣ возвращенія изъ Мессеніи (461 до р. Х.). Мессенская война продолжалась еще семь лѣтъ, и спартанцы были наконецъ принуждены согласиться на заключеніе договора, по которому возставшимъ гелотамъ предоставлялось право безпрепятственно удалиться изъ Пелопоннеса. Аѳиняне очистили мессенскимъ эмигрантамъ городъ Навпактъ, незадолго передъ тѣмъ отнятый ими у озолійскихъ локрійцевъ. Мессенцы, основавшіе тамъ подъ покровительствомъ Аѳинъ маленькое государство, въ позднѣйшихъ войнахъ между аѳинянами и спартанцами оказали первымъ очень значительныя услуги.

По слѣдамъ Кимона думали идти въ Аѳинахъ Толмидъ и Ѳукидидъ старшій. Но они не имѣли ни его средствъ, ни его талантовъ, а противниками ихъ были очень пылкіе демагоги, какъ напримѣръ Эфіальтъ, Леократъ и Миронидъ. Среди борьбы обѣихъ этихъ партій проложилъ себѣ дорогу великій Периклъ. Онъ преклонялся передъ демократіей, но не потому, чтобы она служила ему цѣлію, а только потому, что хотѣлъ воспользоваться ею какъ простымъ орудіемъ. Демократы одолѣли и одною изъ важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ ими въ это время, было почти совершенное уничтоженіе послѣдняго аристократическаго элемента, державшагося еще въ аѳинскомъ устройствѣ. Въ самый годъ удаленія Кимона, Эфіальтъ, тайно поддерживаемый Перикломъ, предложилъ отнять у ареопага такую значительную долю его прежней власти и значенія, что за нимъ почти не оставалось никакихъ прежнихъ правъ. Ареопагъ былъ лишенъ всякой дѣятельности, кромѣ судебной, и даже она была отчасти стѣснена. Только послѣ пелопоннесской войны было возстановлено его прежнее значеніе.

Аѳины достигли въ это время высшей степени могущества, тѣмъ болѣе, что тогда же (около 460 г.) была перенесена изъ Делоса въ Аѳины союзная казна, и аѳиняне стали считать ее своею собственностью, а союзниковъ своими подданными. Чтобы поддерживать въ дѣятельности и увеличивать свои военныя силы, они продолжали, какъ и во времена Кимона, держаться завоевательной политики. Прежде всего они снарядили двѣсти военныхъ кораблей, чтобъ

отнять у персовъ богатый островъ Кипръ. Но едва корабли эти успѣли прибыть къ мѣсту назначенія, какъ аѳинянамъ открылось новое поприще для завоевательныхъ плановъ. Около этого времени сбросили съ себя персидское иго египтяне, предводительствуемые Инаромъ, стоявшимъ во главѣ нѣсколькихъ африканскихъ племенъ, и чтобы удержать свободу обратились къ помощи аѳинянъ. Въ Аѳинахъ просьбу Инара приняли охотно, и флоту было приказано направиться изъ Кипра прямо въ Египетъ. Союзныя войска аѳинянъ и египтянъ успѣли нанести полное пораженіе спѣшившей на усмиреніе Египта персидской арміи. Побѣжденные отступили къ Мемфису. Двѣ трети города было вскорѣ отнято у нихъ; но они продолжали упорно держаться въ остальной части.

Между тѣмъ и въ собственной Греціи Аѳины вмѣшались въ новую войну. Жители Мегары поссорились съ коринѳянами по какимъ-то пограничнымъ дѣламъ, отпали отъ пелопоннесскаго союза и просили помощи у аѳинянъ. Между обоими государствами былъ заключенъ союзъ, и Аѳины послали въ Мегару свой гарнизонъ. Вслѣдствіе этого между аѳинянами и коринѳянами вспыхнула война, въ которой приняла также участіе Эгина, какъ союзница послѣднихъ. Аѳиняне, подъ начальствомъ Миронида, разбили коринѳянъ; вслѣдъ за тѣмъ ихъ войско, предводительствуемое Леократомъ, заперло эгинцевъ въ ихъ столицѣ и наконецъ (456) принудило ихъ сдаться на капитуляцію, подъ условіями выдать свои военные корабли, срыть укрѣпленія и платить ежегодную дань. Спартанцы, ослабленные несчастіями, происшедшими отъ землетрясенія, и все еще занятые борьбой съ мессенскими гелотами, не принимали сначала никакого участія въ этомъ дѣлѣ; но вскорѣ случай вызвалъ открытую войну между ними и аѳинянами. Когда фокійцы вдругъ напали на жителей Дориды, спартанцы поспѣшили на помощь соплеменникамъ и выгнали фокійцевъ изъ Дориды. Возвращаясь въ Пелопоннесъ, они воспользовались пребываніемъ своимъ въ Беотіи и помогли ѳиванцамъ достигнуть господства надъ другими тамошними городами; а взамѣнъ этой помощи пріобрѣли въ нихъ сильныхъ союзниковъ противъ Аѳинъ. Слѣдствіемъ этого была война, начавшаяся въ 457 году, въ которой ѳиванцы явились союзниками Спарты, а ѳессалійцы и аргосцы союзниками Аѳинъ. При Танагрѣ, въ Беотіи, гдѣ встрѣтились войска противниковъ, аѳиняне потерпѣли пораженіе, ближайшимъ и важнѣйшимъ послѣдствіемъ котораго было возвращеніе Кимона. Передъ сраженіемъ Кимонъ, какъ нѣкогда Аристидъ при Саламинѣ, поспѣшилъ къ аѳинской арміи, чтобы сражаться въ ея рядахъ. Предложеніе его не было принято, но, уѣзжая, онъ умолялъ друзей своихъ въ арміи, бывшихъ, такъ же какъ и онъ, въ недовѣріи за аристократическій образъ мыслей, чтобы они мужествомъ въ бою спасли честь партіи. Друзья его поклялись другъ другу умереть скорѣе, чѣмъ бѣжать, и всѣ погибли въ битвѣ смертью героевъ. Эта любовь къ родинѣ, такъ блистательно доказанная на дѣлѣ, должна была возвысить значеніе Кимона и его партіи тѣмъ болѣе, что понесенное пораженіе уменьшило довѣріе народа къ демократическимъ правителямъ Аѳинъ. Самъ Периклъ теперь предложилъ для спасенія Аѳинъ призвать Кимона, и народъ тотчасъ же утвердилъ это предложеніе.

Война продолжалась семь лѣтъ (до 450 г.) и большей частью была ведена съ перевѣсомъ на сторонѣ Аѳинъ. Черезъ шестьдесятъ два дня послѣ битвы при Танагрѣ, Миронидъ смылъ стыдъ пораженія блистательной побѣдою, одержанной имъ надъ беотійцами при Энофитѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ принудилъ всѣ города Беотіи, за исключеніемъ Ѳивъ, фокидцевъ и опунтскихъ локрійцевъ, ввести у себя демократическое устройство и приступить къ аѳинскому союзу. Толмидъ и Периклъ производили высадки въ различныхъ мѣстахъ Пелопоннеса и разорили тамъ много приморскихъ городовъ и верфей спартанскимъ союзниковъ. Спартанцы всю эту войну вели какъ-то вяло, но при всемъ томъ было очень трудно склонить ихъ прекратить непріязненныя дѣйствія. Кимонъ тотчасъ послѣ возвращенія сталъ хлопотать о заключеніи мира и о направленіи аѳинскихъ силъ противъ Персіи; но ему удалось примирить Спарту съ Аѳинами только послѣ трехлѣтнихъ переговоровъ. Наконецъ было заключено перемиріе на пять лѣтъ.

Тогда немедленно былъ снаряженъ флотъ и отправленъ подъ начальствомъ Кимона въ Египетъ, гдѣ персы успѣли между тѣмъ побѣдить соединенныя войска

аѳинянъ и Инара. Персидскій полководецъ, Мегабазъ, явился въ Египетъ съ большой арміей, разбилъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ войска инсургентовъ и ихъ союзниковъ и, такимъ образомъ, совершенно подавилъ возстаніе. Предводитель его Инаръ попался въ плѣнъ и былъ распятъ. Изъ вспомогательнаго отряда аѳинянъ только незначительная часть спаслась въ греческой колоніи Киренѣ; а пятьдесятъ военныхъ кораблей, посланныхъ Аѳинами въ Египетъ, почти всѣ были пущены ко дну близъ египетскихъ береговъ или захвачены въ плѣнъ. Такъ кончилось, послѣ шестилѣтней борьбы, египетское возстаніе, и такова была развязка похода, предпринятаго аѳинянами для его поддержанія (455 г.). До перемирія съ Спартой, Аѳины не могли и думать о возстановленіи своей чести въ Египтѣ. Но когда вслѣдъ за тѣмъ Кимонъ съ двумя стами кораблей возобновилъ войну противъ персовъ нападеніемъ на Кипръ, онъ тотчасъ же отправилъ шестьдесятъ кораблей въ Египетъ. Тамъ одинъ изъ предводителей возстанія, Амиртей, все еще держался въ болотахъ дельты, и Кимонъ хотѣлъ, такимъ образомъ, отвлечь вниманіе непріятеля отъ Кипра и раздѣлить его силы. Смерть Кимона, послѣдовавшая черезъ годъ послѣ начала войны (449), не позволила аѳинянамъ достигнуть главной цѣли экспедиціи, т. е. завоеванія Кипра; но, до возвращенія въ Аѳины, флотъ ихъ одержалъ еще одну побѣду не далеко отъ кипрскаго города Саламина. Недостатокъ продовольствія заставилъ аѳинянъ снять осаду Китія, во время которой Кимонъ заболѣлъ и умеръ. На высотѣ Саламина персидскій флотъ напалъ на ихъ корабли, но потерпѣлъ полное пораженіе. Въ то же самое время аѳинскія войска, неуспѣвшія еще сѣсть на суда, одержали на сосѣднемъ берегу побѣду надъ сухопутными силами персовъ. Затѣмъ аѳиняне поплыли домой, вмѣстѣ съ эскадрой, посланной Кимономъ въ Египетъ. По одному (весьма неправдоподобному) преданію Кимонъ, говорятъ, умирая, приказалъ предводителямъ грековъ скрывать смерть его до слѣдующаго сраженія, чтобы не привести войска въ уныніе. Такимъ образомъ вышло, что онъ и мертвый одержалъ побѣду.

Нѣкоторые историки древности пишутъ, что Кимонъ еще при жизни принудилъ персовъ къ заключенію формальнаго мира, называемаго ими Кимоновымъ. Другіе писатели относятъ этотъ миръ къ 469 году и выставляютъ его результатомъ сраженія при Эвримедонѣ. По условіямъ его, персы обязались признать независимость всѣхъ мало-азійскихъ грековъ, не держать арміи въ разстояніи трехъ дней пути отъ западнаго берега и не приближать на такое же разстояніе къ этому берегу своихъ военныхъ кораблей. Но достовѣрнѣйшіе историки Греціи ничего не говорятъ объ этомъ мирѣ, а всѣ извѣстія о событіяхъ ближайшаго затѣмъ времени положительно доказываютъ, что война между Персіей и Греціей не прерывалась, что персидскій царь никогда не переставалъ считать всю Малую-Азію со всѣми ея греческими городами страной ему подвластной и обязанной давать дань, и что даже тотчасъ послѣ смерти Кимона часть этихъ городовъ платила персидскому правительству наложенную на нихъ подать. Въ новѣйшее время тщательныя изысканія положительно доказали, что ни послѣ Эвримедонскаго сраженія, ни во времена ближайшія къ смерти Кимона, греки не заключали съ персами никакого мира. Писатели, разсказывавшіе объ этомъ мирѣ, впали въ свою ошибку потому, что персы вслѣдствіе успѣховъ Кимона были надолго вытѣснены изъ греческихъ морей.

6. Periклъ и Аѳины.

По смерти Кимона во главѣ Аѳинскаго государства сталъ Периклъ, долгое время управлявшій народомъ почти какъ неограниченный государь, не смотря на то, что аѳинское устройство перешло тогда въ самую необузданную и безпорядочную демократію. Исторія этого величайшаго изъ аѳинскихъ государственныхъ людей требуетъ болѣе подробнаго изложенія.

Периклъ, сынъ Ксантиппа, принадлежалъ къ богатой и знатной фамиліи Алкмеонидовъ и такъ напоминалъ своею наружностью знаменитаго по красотѣ своей Писистрата, что уже однимъ этимъ расположилъ въ свою пользу всѣхъ аѳинскихъ

демократовъ. Его обширныя природныя дарованія, развитыя превосходнымъ воспитаніемъ, дополненнымъ въ зрѣлыхъ годахъ, сдѣлали его образованнѣйшимъ человѣкомъ того времени. Готовясь къ вступленію на политическое поприще, онъ старался путемъ философіи достигнуть глубокаго пониманія религіи и всего человѣческаго, и кромѣ того занимался искусствами, изученіемъ краснорѣчія и государственныхъ наукъ. Фидій, величайшій скульпторъ Греціи, Дамонъ, одинъ изъ лучшихъ учителей краснорѣчія, философъ Анаксагоръ и другія лица, прославившіяся блистательными дарованіями, были его друзьями и постоянно оставались съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Въ позднѣйшее время жизни Перикла, къ кругу его друзей присоединилась **Аспазія**, уроженка Милета, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ древняго міра. Она была одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя у грековъ назывались **гетерами**, т. е. подругами, и со временъ Перикла стали пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Греческія женщины не принимали никакого участія въ политическихъ стремленіяхъ и общественныхъ дѣлахъ мужчинъ; по господствовавшимъ тогда понятіямъ о приличіи и женской нравственности, онѣ жили вообще въ такомъ удаленіи отъ свѣта, что почти не выходили изъ дому, появляясь только на похоронахъ и на нѣкоторыхъ религіозныхъ торжествахъ. Поэтому онѣ значительно отстали отъ мужчинъ и въ образованіи; а это, при развитіи цивилизаціи, дало большое значеніе такъ называемымъ гетерамъ, которыя, вопреки обычаю, знакомились съ мужчинами и отличались тонкостью обращенія, умомъ и образованіемъ. Впослѣдствіи всѣ онѣ предались разврату, но во времена Перикла, по крайней мѣрѣ, большинству изъ нихъ никакъ нельзя было сдѣлать этого упрека. Всѣ аѳинскія гетеры были иностранки, потому что законъ и общественное мнѣніе не позволяли гражданкамъ вести такой образъ жизни. Своими блестящими личными свойствами гетеры въ особенности привлекали въ себѣ людей высоко-поставленныхъ и развитыхъ, которые, вслѣдствіе воспитанія и общественнаго положенія гражданокъ, не имѣли возможности пользоваться порядочнымъ женскимъ обществомъ. Аспазія была самой знаменитой изъ аѳинскихъ гетеръ. Въ числѣ друзей ея находились замѣчательнѣйшіе люди Аѳинъ того времени, и между прочими даже философъ Сократъ, признававшійся, что знакомство съ ней много помогло его развитію. Периклъ также проводилъ время, свободное отъ занятій, преимущественно въ ея обществѣ и впослѣдствіи, разведясь съ своей первой женой, женился на ней.

Краснорѣчіемъ, составлявшимъ одно изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ достоинствъ государственнаго человѣка въ республикахъ древняго міра, Периклъ такъ далеко превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ, что его прозвали олимпійскимъ за способность прекрасно говорить и вообще за политическія дарованія. Про него говорили, что слова его напоминаютъ собою молнію и громъ и такъ же поражаютъ, какъ они. Периклъ принадлежалъ къ ораторамъ, заботившимся только о содержаніи, а не о формѣ рѣчи. Краснорѣчіе его было основано на высокомъ философскомъ развитіи и на глубокомъ знаніи человѣческой натуры, и хотя онъ не пренебрегалъ искусственными средствами убѣжденія, но никогда не подлаживался подъ образъ мыслей своихъ слушателей простолюдиновъ, а, напротивъ, постоянно старался поднять ихъ до своего уровня.

Принадлежа по рожденію къ аристократіи, онъ, при вступленіи на политическое поприще, не иначе могъ обратить на себя общее вниманіе, какъ являясь сторонникомъ демократіи, потому что аристократическая партія уже имѣла вождей въ Кимонѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Но демократія служила ему не цѣлью, а только средствомъ. Способствуя необузданности демократіи или, по крайней мѣрѣ, допуская другихъ довести ее до крайнихъ предѣловъ развитія, онъ хотѣлъ дать народу безграничную власть только для того, чтобы черезъ него самому сдѣлаться неограниченнымъ правителемъ государства. Этой цѣли онъ достигъ вполнѣ. Хотя въ Аѳинахъ и установилось самое крайнее демократическое устройство, но Периклъ до послѣдняго дня своей жизни оставался властителемъ въ полномъ смыслѣ этого слова и производилъ на непослушнѣйшій въ мірѣ народъ такое же чарующее дѣйствіе, какъ Наполеонъ на свою, обезумѣвшую отъ славы, армію. Онъ умѣлъ сдѣлать власть свою до такой степени необходимой, что впослѣдствіи могъ часто сбрасывать маску популярности, порицать народъ, грозить ему и даже играть

отчасти роль монарха, не возбуждая демократической ревности аѳинянъ и не подвергаясь опасности со стороны своихъ многочисленныхъ враговъ.

Средства, которыми Периклъ пріобрѣлъ и упрочилъ за собою это положеніе, были такъ искусно выбраны и такъ разнообразны, какъ ихъ умѣютъ подбирать и разнообразить только люди съ величайшими дарованіями. Онъ былъ такъ благоразуменъ, что прежде чѣмъ успѣлъ упрочить за собой расположеніе народа, никогда не выступалъ на сцену какъ настоящій глава партіи, и для достиженія власти никогда не прибѣгалъ къ незаконнымъ средствамъ, какъ многіе другіе. Периклъ былъ строго неподкупенъ и чрезвычайно добросовѣстенъ въ управленіи государственною казною. Средства, которыя онъ отъ времени до времени употреблялъ для упроченія своего владычества, были всегда принаровлены къ обстоятельствамъ и характеру аѳинскаго народа. Онъ содѣйствовалъ основанію новыхъ колоній, чтобы обезпечить существованіе тысячамъ бѣдныхъ гражданъ, устроивалъ на государственный счетъ раздачу хлѣба и производилъ большія постройки, чѣмъ украшалъ городъ и возвышалъ свое значеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ доставлялъ занятіе и пропитаніе толпамъ рабочихъ и художниковъ. Точно также онъ установилъ много новыхъ празднествъ и увеличилъ блескъ прежнихъ, отчасти для того, чтобы этимъ блескомъ и публичными пиршествами привязать къ себѣ гражданъ, отчасти же съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать ихъ развитію поучительными и возвышенными удовольствіями. Послѣднее обстоятельство имѣло особенную важность въ Аѳинахъ. При высокой степени образованности тамошнихъ гражданъ и огромномъ значеніи искусствъ и литературы у всѣхъ племенъ греческой націи и при существовавшей во всемъ греческомъ мірѣ тѣсной связи между этою стороною человѣческой жизни, государствомъ и его цѣлями — устройство празднествъ и зрѣлищъ имѣло въ Аѳинахъ такое же значеніе, какъ въ большихъ столицахъ нашего времени забота о дешевизнѣ хлѣба. Потому-то Периклъ и устроилъ такъ называемый т е о р и к о н ъ, т. е. особенную кассу, изъ которой бѣднѣйшимъ гражданамъ выдавались деньги на входъ въ театръ. Жажда зрѣлищъ, любовь къ искусству и страсть къ наслажденіямъ были у аѳинянъ такъ сильны, что вскорѣ послѣ Перикла, для увеличенія блеска празднествъ, стали употреблять, сверхъ суммъ этой кассы, и другіе государственные доходы, имѣвшіе иное назначеніе; былъ даже изданъ законъ, грозившій смертною казнью тому, кто предложитъ воспользоваться суммами теорикона для военныхъ издержекъ.

Периклъ ввелъ также раздачу жалованья судьямъ. По его предложенію всѣ граждане, выбранные въ судьи, стали получать за каждое засѣданіе по одному оболу (три коп. сер.), а можетъ быть, и по три, потому что неизвѣстно, Периклъ ли ввелъ эту тройную плату, или она была установлена чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ него. Какъ сильно должна была подобная мѣра расположить въ пользу Перикла бѣднѣйшихъ гражданъ изъ числа шести тысячъ ежегодно выбиравшихся въ судьи, можно судить уже потому, что въ Аѳинахъ, по свидѣтельству всѣхъ историковъ, семейный человѣкъ могъ въ то время содержать себя и семью свою на 100 руб. въ годъ. Такимъ образомъ, три обола удовлетворяли насущнымъ потребностямъ бѣднаго гражданина. Установленіе платы за участіе въ народномъ собраніи также приписываютъ Периклу. Плата эта была однако незначительна (не болѣе одного обола), и выдавалась каждому члену народнаго собранія, являвшемуся за ея полученіемъ. Только въ 393 г. до р. Х. ее возвысили до трехъ оболовъ. Эта мѣра также привлекла къ Периклу нѣсколько тысячъ бѣдныхъ гражданъ; но она имѣла результатомъ своимъ то, что почти всѣ эти бѣдные граждане стали являться въ каждое народное собраніе и вслѣдствіе этого правосудіе, законодательство и управленіе государствомъ перешли къ людямъ необразованнымъ, бывшимъ слѣпыми орудіями каждаго, кто умѣлъ повелѣвать ими.

Периклъ расположилъ къ себѣ народъ еще нѣсколькими подобными мѣрами. Онъ провелъ законъ о томъ, чтобы государство давало жалованье и продовольствіе гражданамъ, служащимъ въ войскѣ, между тѣмъ какъ прежде служба эта отправлялась безплатно. Жалованье гоплита, т. е. тяжело-вооруженнаго, никогда не было ниже двухъ оболовъ, и столько же получалъ онъ на свое продовольствіе. Низшіе начальники получали вдвое, а всадники втрое болѣе. Если вспомнить, что цѣнность денегъ была тогда въ шесть или восемь разъ выше, чѣмъ теперь, то легко понять, что въ то время одна война давала тысячамъ гражданъ сред-

ства жить не хуже нашихъ чиновниковъ средней руки. Периклъ постоянно заботился о томъ, чтобы флотъ по крайней мѣрѣ изъ шестидесяти аѳинскихъ кораблей ежегодно выходилъ въ море, что опять-таки давало ему возможность въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ году содержать на счетъ казны множество гражданъ, которыхъ онъ не могъ занять и прокормить общественными работами. Наконецъ разныя военныя предпріятія также помогали ему обогащать гражданъ добычей и грабежомъ. Это средство обогащенія, введенное въ употребленіе Кимономъ, было еще болѣе развито Перикломъ.

Всѣ эти мѣры должны были привести аѳинянъ къ гибели, когда, со смертью Перикла, они лишились разумнаго руководителя. Но ему онѣ дали возможность осуществить то, что было не по силамъ даже могущественнѣйшимъ государямъ. Онъ не только поставилъ аѳинянъ въ безусловную зависимость отъ себя, но и далъ жизни ихъ такой характеръ, искусству — такой блескъ, наукѣ — такое благородство, что впослѣдствіи даже гордые римляне должны были признать превосходство аѳинянъ въ этомъ отношеніи. Смѣло можно сказать, что въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за смертію Перикла, самый простой аѳинянинъ по своему изяществу, художественному вкусу и внѣшней изысканности не уступалъ образованнѣйшимъ людямъ всѣхъ вѣковъ. Периклъ поставилъ искусство и науку въ ряду существенныхъ элементовъ жизни демократическихъ Аѳинъ, распространилъ высшую образованность во всей массѣ своихъ согражданъ и сдѣлалъ Аѳины блистательнѣйшимъ городомъ, мѣстомъ процвѣтанія всѣхъ искусствъ и промышлености и средоточіемъ умственной жизни Греціи. Каждый аѳинянинъ, безъ исключенія, занимался искусствами и долженъ былъ заниматься ими, потому что о нихъ шла рѣчь вездѣ, гдѣ собирались граждане: на рынкѣ, въ цирульняхъ, въ лавкахъ, въ портикахъ и публичныхъ садахъ. Онъ долженъ былъ заниматься ими еще и потому, что изъ двадцати гражданъ по крайней мѣрѣ трое имѣли внѣшнее, дѣловое отношеніе къ той или другой отрасли искусствъ. Грамматика и діалектика, т. е. наука писать и разсуждать, точно также имѣли огромное значеніе въ обыденной жизни аѳинянъ. Каждому могла ежеминутно встрѣтиться надобность отдать отчетъ въ запутаннѣйшемъ дѣлѣ, и каждый слышалъ въ судахъ и въ народномъ собраніи превосходныя рѣчи. Чтобы развить себя, аѳинскій гражданинъ не нуждался ни въ трудномъ изученіи, ни въ чужомъ языкѣ; его достаточно развивали площадь, ежедневныя занятія и суды, т. е. обстоятельства, непосредственно связанныя съ его бытомъ, — самая жизнь его. Удивительно ли, что каждый аѳинянинъ временъ Перикла могъ считать себя лучшимъ судьей въ искусствѣ, поэзіи и краснорѣчіи, чѣмъ ученѣйшіе знатоки всякой другой эпохи!

При Периклѣ, и преимущественно благодаря ему, Аѳины стали господствующимъ и дающимъ направленіе государствомъ въ Греціи, и притомъ не только по внѣшнему своему положенію и могуществу, но и въ отношеніи искусствъ, науки, промышлености и образа жизни. Все, что до тѣхъ поръ въ разрозненномъ и нестройномъ видѣ выработалось въ греческомъ народѣ, сгруппировалось тогда въ Аѳинахъ. Аѳины стали образцовымъ выраженіемъ истинно-греческаго быта; тамъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась вся духовная жизнь даровитѣйшей въ мірѣ націи, и уже оттуда свѣтлые лучи ея распространились по всей Греціи, за исключеніемъ Спарты и Беотіи. Внѣшними причинами, способствовавшими высокому развитію и громадному значенію аѳинянъ, были богатство, стекавшееся въ ихъ городъ, возможность скоро найти себѣ работу и дешевизна жизни. Аѳины были въ то время первымъ торговымъ городомъ и главою обширнаго государства. Они сдѣлались средоточіемъ сношеній и правительственнымъ центромъ населенія почти въ 15 милліоновъ. Между государствами подвластными Аѳинамъ было нѣсколько, далеко превосходившихъ ихъ числомъ своихъ жителей. Аѳиняне основали въ различныхъ странахъ множество колоній и завоевали обширныя пространства земли. Кромѣ того, они стояли во главѣ обширнаго союза греческихъ государствъ, которыми повелѣвали какъ своими подданными. Союзную казну они считали капиталомъ, принадлежащимъ не тѣмъ, кто платитъ подати, а тѣмъ, кто ихъ собираетъ и распоряжается ими; Периклъ однажды прямо высказалъ эту мысль въ народномъ собраніи. Наконецъ, во времена Перикла почти всѣ союзныя государства мало-по-малу потеряли даже право собственнаго суда и были принуждены подвергать всѣ свои тяжбы разсмотрѣнію аѳинскихъ судовъ. Только Хіосъ и ли-

дійскій городъ Метимна отстояли свою независимость, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи.

Цифра доходовъ Аѳинскаго государства неизвѣстна, но ее можно приблизительно опредѣлить по нѣкоторымъ отдѣльнымъ статьямъ, и по тому обстоятельству, что, не смотря на большія суммы, истраченныя на постройки, художественныя произведенія, празднества и сценическія представленія, аѳиняне могли, въ эпоху вообще бѣдную деньгами, составить значительный капиталъ изъ излишка своихъ доходовъ. Одни союзники платили около тысячи талантовъ (около 1.500,000 р. сер.) податей. Увеличивъ эту цифру въ шесть или восемь разъ, сообразно тогдашней цѣнности денегъ, окажется, что уже одна эта статья дохода давала сумму, превышавшую доходы многихъ государствъ Германскаго союза. Богатство Аѳинскаго государства было такъ велико, что, не смотря на всѣ издержки, Периклу удалось въ нѣсколько лѣтъ составить запасный капиталъ въ восемь тысячъ талантовъ (10.000,000 руб. сер.), т. е. отъ 60 до 80 милліоновъ, если взять въ разсчетъ нынѣшнюю стоимость денегъ. Богатство гражданъ также чрезвычайно увеличилось. Во времена Солона состояніе въ семь талантовъ (9,000 р. сер.) считалось очень большимъ, а при Периклѣ были граждане, владѣвшіе, какъ напримѣръ знаменитый Никій, сотней талантовъ и державшіе до тысячи рабовъ въ своихъ рудникахъ. Нѣкто Каллій, человѣкъ, прославившійся своимъ богатствомъ, имѣлъ такое состояніе, что могъ заплатить возложенную на него пеню въ пятьдесятъ талантовъ (72,000 руб. сер.). Родовое имущество Алкивіада считаютъ также болѣе чѣмъ въ сто талантовъ. Ко всему этому нужно еще прибавить, что во времена Перикла жизнь вообще была очень дешева, а способы пріобрѣтенія легки и разнообразны. Потому-то аѳинянинъ, безъ значительнаго ущерба для своихъ домашнихъ дѣлъ, могъ посвящать большую часть своего времени искусствамъ, философскимъ бесѣдамъ и другимъ умственнымъ наслажденіямъ.

Громадное могущество и богатство Аѳинъ имѣли, впрочемъ, и весьма вредныя послѣдствія. Уже одно военное жалованье могло обогатить гражданина, потому что во времена Перикла полное ежедневное содержаніе всадника составляло двѣнадцать оболовъ (36 коп. сер.), тогда какъ количество хлѣба, нужное для дневнаго пропитанія человѣка, стоило въ тридцать два раза менѣе. Это обстоятельство и легкость заработыванія денегъ вообще имѣли слѣдствіемъ наполненіе города и всего края знатными праздношатающимися. Возникшее неравенство состояній, въ связи съ самымъ полнымъ владычествомъ народа, имѣло слѣдствіемъ страшный деспотизмъ худшей части богатыхъ надъ бѣдными, между тѣмъ какъ, напротивъ, благороднѣйшіе и лучшіе изъ богатыхъ людей были постоянными предметами преслѣдованія толпы. Еще въ началѣ персидскихъ войнъ остатки старой аристократіи пользовались уваженіемъ и держали остальныхъ гражданъ въ почтительномъ отдаленіи отъ себя. Теперь же, когда демократизмъ проникъ во всѣ жилы націи, установилась, напротивъ того, настоящая тиранія простаго народа. Высокомѣріе богатыхъ вышло изъ всякихъ границъ и имѣло пагубное вліяніе на управленіе и нравы. Въ республикѣ, такъ же какъ и въ монархіи, все идетъ хорошо только тогда, когда выше всего стоитъ законъ. Но когда государственное устройство становится охлократіей, т. е. владычествомъ простаго народа, тогда, такъ же какъ и въ деспотіи, страсти, ненависть партій и суевѣріе берутъ верхъ надъ всякимъ правомъ. А если къ этому присоединяется еще гибельное вліяніе богатства и роскоши, то уже не остается ничего святаго и все приносится въ жертву властолюбію и жадности отдѣльныхъ лицъ и партій. Конечно, такой порядокъ вещей будитъ и оживляетъ также всѣ силы ума: вмѣстѣ со страстями являются и развиваются и таланты. Поэтому аѳинская община все еще составляла совершеннѣйшую противоположность съ монархіями Востока, гдѣ счастіе каждаго зависитъ отъ личности одного, управляющаго всѣмъ государственнымъ механизмомъ и произвольно разрѣшающаго всякій споръ. Въ Аѳинахъ, напротивъ того, состояніе государства было результатомъ самостоятельныхъ стремленій всѣхъ отдѣльныхъ личностей, ихъ взаимно поощряющихъ и умѣряющихъ другъ друга достоинствъ и пороковъ, и всѣми вмѣстѣ установленнаго закона. Впрочемъ лучшая часть аѳинянъ естественно не имѣла симпатіи къ демократіи, обратившейся въ настоящую тиранію, и стремилась, хотя и напрасно, къ установленію аристократіи въ прежнемъ, хорошемъ смыслѣ этого слова. Это видно

и въ твореніяхъ лучшихъ писателей того времени: Өукидида, Аристофана и Платона, которые, впрочемъ, не впадаютъ въ ошибку историка Ксенофонта, тоже аристократа по убѣжденіямъ, считавшаго спартанскую олигархію установленіемъ, достойнымъ желаній Аөинъ.

Богатство и необыкновенно увеличившіеся денежные обороты Аөинъ были особенно вредны, какъ имъ самимъ, такъ и всей Греціи вообще, потому что вызвали систему наемныхъ войскъ, начавшую быстро развиваться съ конца пятаго вѣка до рождества Христова. Расширеніе предѣловъ государства принудило Аөины принимать въ службу множество наемниковъ, и это обстоятельство сдѣлалось столь же пагубнымъ для государства и его финансовъ, какъ для голландцевъ ихъ владѣнія въ другихъ частяхъ свѣта и какъ, рано или поздно, станетъ пагубно для англичанъ ихъ владычество въ Индіи. Прежде въ наемники шли только критяне и аркадцы, теперь же аөинское золото сдѣлало военную службу выгоднѣйшимъ ремесломъ и превратило Грецію въ военную школу. Уже въ концѣ пелопоннесской войны аөинскіе граждане находили, что нанимать войска выгоднѣе, чѣмъ служить самимъ. Богатѣйшіе изъ нихъ продолжали еще записываться въ число всадниковъ, но вмѣсто себя ставили наемниковъ. Флотъ былъ также снабжаемъ наемными матросами, которые толпами переходили къ непріятелю, если онъ предлагалъ имъ высшую плату.

Изъ общаго духа всей аөинской демократіи, какою она стала въ пятомъ вѣкѣ до р. Х., развилось особенное финансовое учрежденіе, совершенно чуждое государствамъ новѣйшаго времени, такъ называемыя литургіи, существовавшія и въ прежнее время, но получившія полное развитіе только съ окончательнымъ установленіемъ владычества народа. Словомъ литургія, которое по-гречески значитъ служба для общественнаго дѣла, греки означали разныя поставки натурою, падавшія на богатѣйшихъ гражданъ. Въ Аөинахъ былъ законъ, по которому богатые люди должны были принимать на себя извѣстныя государственныя издержки. Этому особаго рода налогу поочередно подлежали всѣ граждане, имѣвшіе состояніе не ниже трехъ талантовъ (4,000 р. сер.); каждый изъ нихъ могъ попасть на очередь не иначе, какъ черезъ годъ. Налогъ этотъ считался не обремененіемъ, а напротивъ почетомъ, и очередной плательщикъ обыкновенно давалъ больше, чѣмъ требовалъ законъ. Посредствомъ литургій всѣ значительныя государственныя издержки были постепенно сложены на однихъ богатыхъ, которые сначала охотно несли обременительное преимущество, потому что оно служило средствомъ пріобрѣтать много друзей въ самой ревнивой демократіи, не возбуждая неудовольствія, и владѣть большимъ состояніемъ, не навлекая на себя ненависти и преслѣдованій. Но впослѣдствіи это усердіе ослабѣло, и литургіи сдѣлались невыгодны для государства въ томъ отношеніи, что предпріятія его стали замедляться неаккуратностью этихъ поставокъ. Литургіи были двоякаго рода: періодическія и чрезвычайныя. Къ первымъ принадлежали: хорегія, гимнасіархія, гестіасія и архитеорія. Изъ числа послѣднихъ особенно важна тріерархія. Хорегіей называлось снаряженіе хора, необходимаго для театральнаго представленія или какого-нибудь общественнаго торжества. Лицо, обазанное взять на себя эту поставку, должно было на свой счетъ нанять и содержать членовъ хора, и на свой же счетъ нарядить и обучить ихъ. Гимнасіархія состояла въ томъ, что богатый гражданинъ долженъ былъ подобнымъ же образомъ заботиться о снаряженіи бойцовъ для праздничныхъ игръ. Гестіасія и архитеорія взимались рѣже. Первая состояла въ томъ, что при извѣстныхъ торжествахъ гражданинъ, на котораго выпадала эта повинность, устроивалъ на свой счетъ пиръ для гражданъ какой-нибудь филы. Предметомъ второй было снаряженіе и отправленіе священныхъ посольствъ къ дельфійскому и другимъ священнымъ храмамъ, а также на торжества, совершавшіяся за предѣлами Аттики. Самой разорительной изъ всѣхъ литургій была тріерархія, или обязанность снабдить всѣми необходимыми принадлежностями и поддерживать въ надлежащемъ видѣ военный корабль, выставленный государствомъ. Повинность эта отбывалась только въ теченіе года, по прошествіи котораго плательщикъ былъ два года свободенъ отъ всякой тріерархіи. Въ концѣ пятаго вѣка до рождества Христова порядокъ исполненія тріерархіи былъ измѣненъ въ томъ отношеніи, что бѣднѣйшіе изъ зажиточныхъ гражданъ получили позволеніе отбывать ее въ складчину. Наконецъ,

когда въ 357 году число тріерарховъ оказалось недостаточнымъ, принята была слѣдующая мѣра: тысяча двѣсти самыхъ достаточныхъ гражданъ были раздѣлены на двадцать классовъ, называвшихся симморіями, и имѣвшихъ дальнѣйшія подраздѣленія. Каждое такое подраздѣленіе, заключавшее въ себѣ отъ 5 до 16 человѣкъ, должно было сообща заботиться о снабженіи одного корабля всѣмъ необходимымъ. Во время Пелопоннесской войны, когда погибло очень много кораблей, тріерархіи были причиной разоренія очень многихъ семействъ. Остальныя литургіи обходились гораздо дешевле, и, повторяясь періодически, стоили богатому аѳинянину среднимъ числомъ никакъ не больше пятой части таланта (270 р. сер.) Желаніе блеснуть и отличиться заставляло впрочемъ весьма часто платить больше, чѣмъ требовалъ законъ. Такъ въ 410 году одинъ гражданинъ, взявъ на себя двѣ хорегіи, издержалъ на нихъ почти цѣлый талантъ (около 1,350 р. сер.).

Во времена Перикла, и преимущественно благодаря ему, Аѳины украсились величественными и прекраснѣйшими произведеніями искусствъ, и въ этомъ отношеніи стали первымъ городомъ въ мірѣ. Всѣ искусства сосредоточились въ Аѳинахъ и достигли здѣсь высшаго своего развитія. Тамъ жили въ это время цѣлыя толпы художниковъ, изъ которыхъ самыми знаменитыми были: Фидій, величайшій скульпторъ Греціи, Мнесиклъ, Иктинъ и Калликратъ, первые зодчіе своего времени, Полигнотъ и Паррасій, причисляемые къ лучшимъ живописцамъ древности. Важнѣйшими изъ произведеній искусствъ, украсившихъ тогда Аѳины, были статуи и зданія, но зданія только общественныя. До временъ Александра Великаго, греческое зодчество служило исключительно религіознымъ и государственнымъ цѣлямъ. Господствующее стремленіе къ тому, чтобы дать частной жизни возможно удобную и изящную обстановку, развившееся въ зодчествѣ послѣ эпохи Александра, въ то время еще не проявлялось. Вслѣдствіе того жилища частныхъ лицъ въ художественномъ отношеніи такъ отстали отъ общественныхъ зданій, что, напримѣръ, во времена Перикла самые важные граждане имѣли очень тѣсныя жилища, между тѣмъ какъ строившееся въ то время въ Аѳинахъ государственное зданіе Пропилеи стоило около 3 милліоновъ р. Въ Аѳинахъ было тогда построено такъ много прекрасныхъ зданій, что въ этомъ отношеніи они превзошли всѣ остальные греческіе города. Особенно богатъ художественными произведеніями былъ Акрополь, или цитадель Аѳинъ.

Изъ зданій, воздвигнутыхъ тогда въ Аѳинахъ, особенно замѣчательны: Парѳенонъ, Пропилеи, Одеонъ и нѣкоторыя стои. Парѳенонъ, главный храмъ Аѳинъ, посвященъ былъ богинѣ Минервѣ, заступницѣ города, и названъ такъ потому, что Минерва, подобно Діанѣ и Вестѣ, оставалась дѣвою и носила имя Парѳены, т. е. дѣвственницы. Этотъ храмъ, весь сложенный изъ мрамора и до сихъ поръ еще довольно хорошо сохранившійся—одно изъ прекраснѣйшихъ зданій въ мірѣ. Онъ находился въ Акрополѣ и имѣлъ видъ продолговатаго четыреугольника, окруженнаго дорическими колоннами. Построенъ онъ былъ при Периклѣ зодчими Иктиномъ и Калликратомъ. Работы продолжались съ 448 по 438 годъ. Великій скульпторъ Фидій украсилъ его своими произведеніями. Изъ барельефовъ этого храма многіе сохранились и до нашего времени. Теперь они почти всѣ находятся въ Британскомъ музеѣ и называются Эльгинскими мраморами, по имени привезшаго ихъ въ Англію лорда Эльгина. Всѣ эти барельефы сдѣланы самимъ Фидіемъ или исполнены его учениками, подъ непосредственнымъ его руководствомъ. Внутри храма стояло одно изъ лучшихъ созданій Фидія — статуя Минервы, въ тридцать шесть футовъ высотою; статуя эта, уже давно погибшая, была сдѣлана изъ золота и слоновой кости. Золото составляло одежду богини, которая была такъ прилажена, что въ случаѣ нужды ее можно было снять и обратить на государственныя потребности. Стоимость золота, составлявшаго одежду богини, опредѣляютъ въ 750.000 р. сер. Фидій сдѣлалъ еще двѣ другія статуи Минервы или Паллады. Одна изъ нихъ, отлитая изъ бронзы, купленной на десятую часть Мараѳонской добычи, стояла на самомъ верху цитадели и была такъ велика, что увѣряютъ, будто ея сіяющій шлемъ и копье были видны съ Сунійскаго мыса, отстоящаго на пять миль отъ Аѳинъ.

Имя Пропилеевъ, т. е. передовыхъ дворовъ или залъ, носили теперь уже совершенно разрушенныя зданія, посредствомъ которыхъ Периклъ дополнилъ

укрѣпленіе Акрополя, начатое Кимономъ. Они строились съ 437 по 433 годъ зодчимъ Мнесикломъ, состояли изъ нѣсколькихъ соединенныхъ другъ съ другомъ зданій, расположенныхъ на единственной дорогѣ, которая вела въ Акрополь, и составлявшихъ входъ въ цитадель. Пропилеи не были отдѣльно стоящими воротами, въ родѣ напримѣръ Бранденбургскихъ воротъ въ Берлинѣ, построенныхъ по образцу одной части Пропилеевъ, но состояли изъ заключавшаго въ себѣ пять большихъ залъ мраморнаго портика, къ которому вела великолѣпная лѣстница, и изъ нѣсколькихъ другихъ зданій, стоявшихъ впереди по обѣ стороны. Однимъ изъ нихъ была стоя, или колоннада (портикъ), стѣна которой была украшена живописью, работы Полигнота. Одеономъ называлось здание, также построенное во времена Перикла и назначенное для поэтическихъ и музыкальныхъ состязаній. Видъ его напоминалъ отбитую нѣкогда у персовъ палатку Ксеркса. Крыша его была сложена изъ мачтъ и рей съ захваченныхъ персидскихъ кораблей, такъ что онъ служилъ въ то же время памятникомъ великой борьбы за свободу. Стоями назывались колоннады или портики, открытые къ сторонѣ улицы. Здѣсь, смотря по времени года, можно было найти убѣжище отъ дождя или солнца. Въ Аѳинахъ, какъ и во всѣхъ греческихъ городахъ, было много такихъ портиковъ. Знаменитѣйшій изъ нихъ извѣстенъ подъ именемъ Пекиле, т. е. пестрой залы, потому что внутренняя часть его была украшена живописью работы Полигнота и другихъ художниковъ. Картины эти изображали сцены изъ Троянской войны, изъ легендъ о Тезеѣ и изъ эпизодовъ Мараѳонской битвы.

7. Исторія грековъ отъ смерти Кимона до начала Пелопоннесской войны.

Вскорѣ послѣ смерти Кимона, война въ Греціи загорѣлась снова, потому что взаимныя отношенія греческихъ государствъ не допускали прочнаго мира. Аѳины были слишкомъ могущественны и заносчивы, чтобъ жить долго въ мирѣ съ своею соперницею, Спартою. Къ тому же демократическая партія въ Аѳинахъ, для частныхъ своихъ выгодъ, почти постоянно хлопотала о войнѣ. Аѳинскіе аристократы, во главѣ которыхъ стоялъ Ѳукидидъ старшій, употребляли тогда всѣ усилія, чтобы достигнуть преобладанія; но они уступали въ рѣшимости и дарованіяхъ своимъ противникамъ, руководимымъ Перикломъ. Демократы употребляли всѣ средства, которыя только могли привлечь на ихъ сторону народъ; а къ нимъ принадлежали и войны, обогащавшія народъ и льстившія его тщеславію, но тѣмъ самымъ глубоко оскорблявшія и раздражавшія большую часть остальныхъ греческихъ племенъ. Естественно, что, среди такихъ обстоятельствъ, миръ между греками былъ только временнымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій. Наконецъ, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, между двумя главными городами завязалась продолжительная борьба на жизнь и смерть, извѣстная подъ именемъ Пелопонесской войны и составляющая одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ исторіи древняго міра.

Черезъ годъ послѣ смерти Кимона (448), споръ между дельфійцами и остальными жителями Фокиды послужилъ поводомъ къ войнѣ между союзниками Аѳинъ и Спарты. Фокидцы требовали, чтобы охраненіе дельфійскаго храма было признано общимъ правомъ всѣхъ жителей страны; дельфійцы, напротивъ, хотѣли удержать это право исключительно за собою. Спартанцы помогли имъ, послали въ Фокиду войска и доставили обладаніе храмомъ дельфійцамъ. Но едва успѣлъ удалиться спартанскій отрядъ, какъ аѳиняне двинули къ Дельфамъ свою армію подъ начальствомъ Перикла и передали храмъ фокидцамъ. Спартанцы снесли это насильственное уничтоженіе сдѣланныхъ ими распоряженій, вѣроятно потому, что аѳиняне, владѣя Мегарой, господствовали надъ входомъ въ среднюю Грецію; къ тому же общее положеніе дѣлъ въ Спартѣ было слишкомъ неблагопріятно для рѣшительной борьбы съ Аѳинами. Эту распрю между Фокидой и Дельфами называютъ обыкновенно второй священной войной. Она отличалась отъ другихъ священныхъ войнъ тѣмъ, что союзъ амфиктіоновъ, которому принадлежало рѣшеніе спора, не принялъ въ немъ никакого участія.

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ послѣ священной войны, въ Беотіи, Эвбеѣ и Мегарѣ вспыхнули, одно за другимъ, возстанія противъ аѳинской гегемоніи. Борьба съ беотійцами была для аѳинянъ несчастна. При Коронеѣ они были разбиты на голову и потеряли своего предводителя Толмида; это принудило ихъ заключить миръ и признать независимость Беотіи. Другая часть аѳинскаго войска, подъ предводительствомъ Перикла, еще не успѣла кончить борьбы съ мегарянами и эвбейцами, когда Спарта рѣшилась воспользоваться затруднительнымъ положеніямъ аѳинянъ и объявила имъ войну. Спартанская армія подъ начальствомъ молодаго царя Плистонакса, сына Павзанія, къ которому для совѣта былъ приставленъ Клеандридъ, неожиданно появилась въ Аттикѣ и расположилась вблизи Элевзина (446 до р. X.). Периклъ поспѣшно стянулъ къ этому пункту всѣ силы Аѳинъ и расположился лагеремъ въ виду спартанской арміи. Дать рѣшительное сраженіе показалось ему, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, слишкомъ смѣлымъ, и онъ повелъ дѣло иначе. Зная, до какой степени большая часть знатныхъ спартанцевъ падка на взятки, онъ рѣшился дѣйствовать этимъ путемъ. Ему дѣйствительно удалось подкупить Клеандрида, и спартанская армія вернулась въ отечество безъ всякихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Клеандридъ вскорѣ бѣжалъ изъ роднаго города и заочно былъ приговоренъ къ смерти; царь Плистонаксъ, не имѣвшій средствъ выплатить наложенной на него пени, также долженъ былъ оставить Спарту. Но испорченнаго дѣла уже нельзя было поправить, — Аѳины успѣли въ это время снова подчинить себѣ Эвбею и сосредоточить свои силы. Сумма, употребленная Перикломъ на взятки, составляла десять талантовъ (14,500 рублей серебромъ). Въ отчетѣ объ издержкахъ, сдѣланныхъ имъ во время командованія арміей, онъ помѣстилъ эту сумму подъ рубрикой: «употреблено на нужныя издержки» и народъ, слушая чтеніе отчета, пропустилъ безъ малѣйшаго затрудненія столь неопредѣленно выраженную статью. Вотъ примѣръ громаднаго довѣрія, которымъ пользовался Периклъ у недовѣрчивыхъ аѳинянъ. Въ Спартѣ, напротивъ, нравственность государственныхъ людей упала такъ низко, что нѣкоторые историки говорятъ, будто Периклъ, какъ въ новѣйшее время Людовикъ XIV, формально держалъ враговъ своихъ на жалованьи и ежегодно посылалъ имъ въ Спарту десять талантовъ. Периклъ снова подчинилъ возставшихъ эвбейцевъ и раздѣлилъ часть ихъ владѣній между аѳинскими поселенцами. Исходъ возстанія мегарянъ неизвѣстенъ. Со Спартой, вскорѣ послѣ отступленія ея арміи (446 до р. X.), было заключено новое перемиріе на тридцать лѣтъ. По условіямъ его, аѳиняне обязались очистить двѣ мегарскія гавани и нѣсколько занятыхъ ими пунктовъ на Пелопоннесѣ.

Вслѣдъ за этимъ перемиріемъ Периклъ достигъ полнаго господства въ Аѳинахъ. Ему удалось изгнать Ѳукидида, единственнаго изъ противниковъ, который могъ до извѣстной степени бороться съ нимъ; аристократическая партія, лишившись способнѣйшаго изъ своихъ дѣятелей, совершенно разсѣялась. Только теперь, освободившись отъ соперниковъ, является Периклъ истинно великимъ. Къ первымъ пяти годамъ перемирія, прошедшимъ безъ открытыхъ столкновеній, относится большая часть тѣхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ великій правитель развилъ аѳинскую демократію, достигъ единовластія, возвелъ городъ на высшую степень процвѣтанія, оживилъ въ душахъ гражданъ гордое чувство собственнаго достоинства и обезпечилъ бѣдныхъ постройками, военными экспедиціями и колонизаціей.

По прошествіи пяти лѣтъ, оружіе Аѳинъ снова было направлено противъ одного изъ союзныхъ острововъ. Между Милетомъ и Самосомъ вспыхнула ссора. Аѳиняне вступились за милетцевъ и принудили жителей Самоса, гдѣ незадолго передъ тѣмъ одержала верхъ аристократическая партія, снова ввести у себя демократическое правленіе, а въ обезпеченіе своей покорности выдать заложниковъ. Вслѣдствіе того многіе изъ аристократовъ уѣхали съ острова и просили персидскаго намѣстника въ Сардахъ помочь имъ ниспровергнуть народное владычество въ ихъ отечествѣ. Просьба была исполнена, и, съ помощью персовъ, они овладѣли властью, освободили заложниковъ, отвезенныхъ аѳинянами на Лемносъ, и даже выслали противъ Милета нѣсколько военныхъ кораблей. Узнавъ объ этомъ, Периклъ немедля поплылъ съ аѳинскимъ флотомъ къ Самосу, разбилъ и разсѣялъ высланные противъ Милета корабли самосцевъ и окружилъ ихъ столицу съ

моря и суши. Затѣмъ онъ направился къ карійскому прибрежью, чтобы навести страхъ на стоявшій тамъ персидскій флотъ. Самосцы, воспользовавшись его отсутствіемъ, истребили оставшіеся аѳинскіе корабли, но, не получивъ просимой помощи отъ пелопоннесскаго союза и слабо поддерживаемые персами, не могли, по возвращеніи Перикла къ Самосу, бороться съ аѳинянами. Послѣ девяти-мѣсячной осады, они были принуждены сдаться и подверглись той же суровой участи, которую прежде ихъ испытали эгинцы, а позднѣе лесбосцы, мелосцы и другіе отпавшіе отъ Аѳинъ союзники. Часть ихъ острова была опустошена, военные корабли отняты, укрѣпленія срыты; кромѣ того, имъ пришлось уплатить военныя издержки и дать заложниковъ. По возвращеніи флота въ Аѳины, на обычномъ празднествѣ въ честь убитыхъ, Периклъ говорилъ надгробную рѣчь, и слова его возбудили въ слушателяхъ такой энтузіазмъ, что, когда онъ сошелъ съ ораторской трибуны, женщины украсили его вѣнками и лентами, какъ украшали побѣдителей на общественныхъ играхъ. Одна Эльпиника, сестра Кимона, не выказала Периклу никакого сочувствія и, проникнувшись духомъ брата, сказала оратору: «Развѣ это подвигъ, развѣ стоитъ вѣнчать тебя за то, что ты повелъ на смерть столькихъ доблестныхъ гражданъ и побѣдилъ не персовъ, а соплеменныхъ, союзныхъ грековъ»?

Аѳиняне были теперь неограниченными властелинами на морѣ. Ни одно изъ морскихъ государствъ Греціи не могло уже тягаться съ ними. Даже дорійскія колоніи, какъ, напримѣръ, Византія и Потидея, подчинились имъ и слушались ихъ приказаній; такимъ образомъ вліяніе аѳинянъ распространилось до крайнихъ предѣловъ Чернаго моря. На азіатскомъ берегу этого моря они изгнали синопскаго тирана изъ его владѣній и поселили на его земляхъ шестьсотъ аѳинскихъ гражданъ. Подобнымъ же образомъ основали они незадолго передъ тѣмъ колоніи въ Херсонесѣ ѳракійскомъ, недалеко отъ Амиса, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, а въ 444 году до р. Х. возстановили въ Италіи разрушенный Сибарисъ подъ именемъ Турія. Вслѣдствіе такого громаднаго могущества, рѣшительное вліяніе котораго простиралось отъ Кипра и мѣстъ близкихъ къ Кавказу до греческихъ поселеній на западѣ, заносчивость аѳинянъ вышла изъ всякихъ границъ. Масса аѳинскаго населенія совершенно поддалась побужденіямъ тщеславія, властолюбія и впечатлѣніямъ минуты. Аѳиняне стали мечтать о покореніи Сициліи и о подчиненіи этрусковъ и карѳагенянъ, — важнѣйшихъ морскихъ державъ запада. Съ другой стороны, ихъ живую фантазію привлекало завоеваніе Египта и береговыхъ областей Персіи. Высокомѣріе, безъ сомнѣнія, вовлекло бы аѳинянъ въ безумныя предпріятія, если бы ихъ не сдерживали благоразуміе и энергія Перикла, котораго аѳиняне любили и боялись. Великій государственный человѣкъ никогда не упускалъ изъ виду ближайшихъ интересовъ и съ непоколебимою твердостью сопротивлялся всякимъ далекимъ планамъ. Но и ему показалось, что вмѣшательство въ дѣла острова Коркиры дастъ аѳинянамъ возможность значительно ослабить дорійскій союзъ, и онъ не счелъ себя въ правѣ пропустить такой благопріятный случай. Отсюда возникли разныя несогласія и споры, которые вызвали наконецъ рѣшительную борьбу между Спартой и Аѳинами или такъ называемую Пелопоннесскую войну.

8. Пелопоннесская война до смерти Перикла.

Война государствъ пелопоннескаго союза съ Аѳинами, которую, по имени первыхъ, и называютъ Пелопоннесской войной, началась въ 431 году до р. Х. и длилась, съ однимъ только небольшимъ перерывомъ, до 404 года. Поводомъ къ ней послужили два обстоятельства: смуты на островѣ Коркирѣ, нынѣшнемъ Корфу, и дѣла македонскаго города Потидеи.

Съ паденіемъ могущества Эгины, республика Коркира, колонія Коринѳа, достигла такой степени процвѣтанія, что флотъ ея сталъ первымъ въ Греціи послѣ аѳинскаго. Онъ одинъ въ цѣлой Греціи могъ сопротивляться морскимъ силамъ аѳинянъ, а въ соединеніи съ флотомъ Коринѳа, вѣроятно, не уступилъ бы имъ. Отношенія Коркиры къ Коринѳу, какъ колоніи къ метрополіи, естественно при-

вели бы ихъ къ такому союзу, если бы торговое соперничество и превосходство коркирянъ не зажгли глубокой ненависти между обоими государствами. Ненависть эта привела наконецъ къ открытой борьбѣ, которая и была однимъ изъ поводовъ Пелопоннесской войны. Въ иллирійскомъ городѣ Эпидамнѣ, или Диррахіи, основанномъ вмѣстѣ коркирянами и коринѳянами, шла такая же борьба между демократами и аристократами, какую мы видѣли во всѣхъ греческихъ государствахъ; послѣдніе были, наконецъ, выгнаны изъ города. Проигравши дѣло, изгнанные аристократы не успокоились, а вступили въ сношенія съ сосѣдними разбойничьими иллирійскими племенами и съ ихъ помощью старались, сколько могли, вредить своимъ противникамъ въ Эпидамнѣ. Городъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе и просилъ заступничества коркирянъ. Но въ Коркирѣ въ то время, по всей вѣроятности, господствовали аристократы, и эпидамнцы получили отказъ. Тогда они, по совѣту дельфійскаго оракула, обратились къ Коринѳу, который считали своей второй метрополіей. Тамъ просьба ихъ была принята съ большею готовностью; коринѳяне отправили въ Эпидамнъ войска для охраненія города и новыхъ поселенцевъ для увеличенія числа гражданъ. Узнавъ объ этомъ, коркиряне тотчасъ же рѣшились вступиться за выгнанныхъ аристократовъ и заставить коринѳянъ уйти изъ Эпидамна. Они послали туда войска, и, вмѣстѣ съ приверженцами аристократической партіи, осадили городъ. Тогда коринѳяне, поддержанные жителями Мегары и нѣкоторыхъ другихъ государствъ, снарядили флотъ и объявили коркирянамъ войну (435 до р. X.); но коринѳскій флотъ былъ разбитъ, и Эпидамнъ принужденъ былъ сдаться коркирянамъ. Этимъ война не прекратилась; коркиряне напротивъ продолжали ее съ невѣроятныхъ озлобленіемъ. Они перерѣзали часть плѣнныхъ, производили нападенія на гавани коринѳянъ и ихъ союзниковъ, разорили и сожгли у нихъ нѣсколько приморскихъ городовъ и верфей, и вообще старались вредить имъ, какъ только могли.

Когда коринѳяне стали поспѣшно снаряжать многочисленный флотъ, коркирянами овладѣла боязнь тѣмъ болѣе сильная, что они не принадлежали ни къ пелопоннесскому, ни къ аѳинскому союзу, а коринѳяне, какъ члены перваго, могли, въ случаѣ нужды, опереться на него. Вслѣдствіе того коркирянамъ также пришлось искать чужой помощи; а при тогдашнихъ обстоятельствахъ они могли найти ее только у аѳинянъ. Они обратились къ нимъ съ просьбой о союзѣ, и аѳиняне согласились на эту просьбу, не смотря на протестъ коринѳскаго посольства, присланнаго по этому случаю въ Аѳины. Соглашаясь на просьбу Коркиры, аѳиняне прежде всего имѣли въ виду, что, въ случаѣ общей войны, они лишатъ такимъ образомъ соплеменниковъ коркирянъ поддержки чрезвычайно важной морской державы. Но такъ какъ коркиряне находились въ открытой войнѣ съ Коринѳомъ, то заключить съ ними формальный оборонительный союзъ значило бы объявить войну Коринѳу, т. е. нарушить перемиріе, заключенное Аѳинами за десять съ небольшимъ лѣтъ со Спартой и другими членами пелопоннесскаго союза. Потому аѳиняне старались устроить дѣло такъ, чтобъ избѣжать этой опасности, а между тѣмъ привлечь къ себѣ коркирянъ и вмѣстѣ ослабить коринѳянъ и ихъ союзниковъ. Они не заключили наступательнаго союза съ Коркирой, а только обязались взаимной защитой и дали приказъ командиру десяти кораблей, посланныхъ на помощь острову, не вступать въ бой съ коринѳянами, пока они не сдѣлаютъ попытки къ высадкѣ. Въ морскомъ сраженіи, происшедшемъ скоро послѣ этого, аѳинскіе корабли дѣйствительно не принимали участія въ бою, но присутствіе ихъ не мало озаботило коринѳянъ. Въ сраженіи этомъ коркиряне одержали побѣду на одномъ флангѣ, но на другомъ были отбиты съ большимъ урономъ. Втораго сраженія не произошло, потому что аѳиняне прислали подкрѣпленіе изъ двадцати кораблей. Коринѳяне, не рѣшаясь возобновить бой при этихъ условіяхъ, поплыли домой.

Давно озлобленные противъ Аѳинъ, коринѳяне признали ихъ дѣйствія нарушеніемъ мира. Но спартанцы взглянули на дѣло иначе и колебались объявить простую присылку кораблей нарушеніемъ перемирія, заключеннаго на тридцать лѣтъ. Такимъ образомъ, начало войны между двумя главными государствами Греціи и поддерживавшими ихъ союзниками, можетъ быть, отсрочилось бы еще, еслибъ не новое столкновеніе, заставившее пелопоннесцевъ объявить войну аѳинянамъ. Столкновеніе это произошло въ македонскомъ городѣ Потидеѣ, колоніи коринѳянъ. Потидейцы, какъ большая часть поселенцевъ македонскаго берега, съ

нѣкотораго времени платили аѳинянамъ дань, не смотря на то, что все еще оставались въ прежнихъ отношеніяхъ къ Коринѳу, и попрежнему ежегодно получали оттуда должностное лицо, совершавшее извѣстныя торжественныя жертвоприношенія и имѣвшее нѣкоторое вліяніе на управленіе. Послѣ войны съ Коркирой, коринѳяне рѣшились отмстить аѳинянамъ, освободивъ Потидею отъ ея обязательствъ относительно Аѳинъ. Для этого они соединились съ сосѣднимъ царемъ македонскимъ Пердиккою II, который незадолго передъ тѣмъ поссорился съ аѳинянами и возбуждалъ противъ нихъ другіе города македонскаго прибрежья. Узнавъ объ этомъ, аѳиняне стали готовиться къ войнѣ и въ то же время, чтобы предупредить отпаденіе потидейцевъ, послали имъ приказаніе дать заложниковъ, срыть половину городской стѣны, выслать присланнаго къ нимъ коринѳянина и не принимать уже новаго. Потидейцы оставили требованія эти безъ вниманія и вмѣстѣ съ коринѳянами тайно отправили въ Спарту пословъ съ просьбой о заступничествѣ. Получивъ отвѣтъ, что въ случаѣ нападенія аѳинянъ на Потидею, пелопоннесская армія вступитъ въ Аттику, они тотчасъ же открыто возстали противъ Аѳинъ. Примѣру ихъ послѣдовали нѣкоторые сосѣдніе города. Вскорѣ на македонскомъ берегу явились аѳинскія и коринѳскія войска. Аѳиняне окружили Потидею, разбили соединенную армію потидейцевъ и коринѳянъ, и повели осаду съ такою настойчивостью, что черезъ годъ послѣ начала пелопоннесской войны Потидея была принуждена сдаться.

Осада Потидеи вызвала, наконецъ, войну. Побуждаемые Коринѳомъ и другими государствами, спартанцы созвали въ Спарту представителей пелопоннесскаго союза, въ 432 г. до р. Х., и собраніе, выслушавъ жалобы коринѳянъ, мегарянъ, эгинцевъ и другихъ союзниковъ, объявило, что аѳиняне дѣйствіями своими нарушили заключенное за четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ перемиріе, и рѣшило начать съ ними войну. Чтобы выиграть время для приготовленій, пелопоннесскій союзъ отправилъ въ Аѳины, одно за другимъ, три посольства. Первое должно было напомнить аѳинянамъ о совершенномъ за полтораста слишкомъ лѣтъ убійствѣ Килона и его приверженцевъ (стр. 149), и потребовать, чтобы для умилостивленія боговъ была изгнана изъ Аѳинъ виновная въ немъ фамилія Алкмеонидовъ, къ которой принадлежалъ и Periклъ. Пелопоннесцы не разсчитывали на исполненіе этого требованія; но имъ казалось, что оно будетъ имѣть для нихъ ту выгоду, что сдѣлаетъ даровитѣйшаго изъ аѳинянъ какъ бы главнымъ виновникомъ предстоявшей войны и соединенныхъ съ ней бѣдствій, и, такимъ образомъ, ослабитъ до извѣстной степени его могущество и вліяніе. Спарта и ея союзники могли тѣмъ болѣе надѣяться на это, что именно въ то время враги Перикла дѣйствовали противъ него въ Аѳинахъ довольно успѣшно, и настроеніе народа становилось враждебнымъ ему. Чтобы ослабить значеніе великаго человѣка и подготовить противъ него обвиненіе, противники Перикла стали нападать на его друзей. Прежде всего было взведено двойное обвиненіе противъ Фидія. Говорили, что при отдѣлкѣ статуи Минервы Парѳенонской, онъ утаилъ часть золота, даннаго ему на эту работу, и сверхъ того оскорбилъ богиню, помѣстивъ на щитѣ ея, гдѣ была изображена борьба амазонокъ, портреты своего друга Перикла и свой собственный. Первое обвиненіе нетрудно было опровергнуть, потому что золото, украшавшее статую, могло быть снято и взвѣшено (стр. 205). Но всѣ усилія Перикла защитить Фидія отъ втораго обвиненія оказались тщетны. Великій художникъ былъ объявленъ виновнымъ и посаженъ въ тюрьму. Онъ умеръ или въ темницѣ или въ Элидѣ, куда, по словамъ одного историка, ему удалось бѣжать. Другой другъ Перикла, сдѣлавшійся жертвой его враговъ, былъ знаменитый философъ Анаксагоръ, о которомъ уже упомянуто выше (стр. 168). Его обвинили въ томъ, что онъ отвергаетъ боговъ и объясняетъ явленія природы противно ученію религіи. Периклъ спасъ друга, давъ ему средство бѣжать изъ Аѳинъ. Аспазія была также потребована къ суду врагами Перикла. Ее обвинили въ безнравственности, и Периклу только съ большимъ трудомъ удалось оправдать любимую женщину.

Послѣ такихъ событій пелопоннесцы могли надѣяться, что требованіе ихъ еще больше уронитъ значеніе Перикла. Но надежды эти не оправдались; Периклъ держался еще очень твердо во мнѣніи народа, и, кромѣ того, при началѣ войны былъ слишкомъ необходимымъ аѳинянамъ. На жалобу спартанцевъ объ оскверненіи аѳинскихъ храмовъ отвѣчали указаніемъ на голодную смерть Павсанія въ

спартанскомъ храмѣ и нѣкоторыя другія нарушенія спартанцами права храмоваго убѣжища. Второе посольство пелопоннесцевъ требовало снятія осады Потидеи и нѣкоторыхъ другихъ мѣръ, относившихся къ Мегарѣ и Эгинѣ. Ему былъ данъ прямо отказъ. Наконецъ, третье потребовало возстановленія независимости всѣхъ государствъ, подвластныхъ Аѳинамъ. Аѳиняне отвѣчали, что готовы исполнить это требованіе, если спартанцы точно также возвратятъ свободу своимъ такъ называемымъ союзникамъ. Дальнѣйшихъ переговоровъ уже не было, и въ началѣ 431 года открылась война.

Въ войнѣ этой, въ первое время на сторонѣ спартанцевъ были всѣ пелопоннесскія государства, кромѣ Аргоса и городовъ Ахайи, изъ которыхъ къ спартанцамъ присоединилась одна только Пеллена, а прочіе остались нейтральными. Сверхъ того, за предѣлами Пелопоннеса сторону спартанцевъ держали: мегаряне, ѳиванцы и большинство остальныхъ беотійцевъ, фокидцы, опунтскіе локрійцы, два акарнанскихъ города, лежащій близъ акарнанскихъ береговъ островъ Левкадія и эпирскій городъ Амбракія. Союзниками Аѳинъ, кромѣ многихъ подвластныхъ имъ островов и прибрежныхъ городовъ Эгейскаго моря, были платейцы, навпактскіе мессенцы, большинство акарнанцевъ, жители островов Коркиры, Закинта и Кефаллоніи, озолійскіе локрійцы, хіосцы, лесбосскій городъ Метимна и нѣкоторые города Ѳессаліи. Ядро аѳинской арміи состояло изъ тринадцати тысячъ тяжеловооруженныхъ, годныхъ для полевой службы, и изъ шестнадцати тысячъ, которыхъ можно было употреблять для гарнизонной службы и для обороны городовъ. Все это были люди болѣе или менѣе зажиточные, державшіе одного или нѣсколькихъ слугъ и имѣвшіе возможность приготовиться къ походу на собственный счетъ. Къ этимъ войскамъ слѣдуетъ еще присоединить тысячу двѣсти всадниковъ и конныхъ стрѣлковъ, тысячу шестьсотъ пѣшихъ стрѣлковъ и флотъ изъ трехсотъ большихъ военныхъ кораблей, экипажъ которыхъ состоялъ изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ, Аѳины выставили до девяносто двухъ тысячъ человѣкъ; но само собой разумѣется, что это были силы не маленькаго центра страны Аттики, а могущественной столицы обширнаго Аѳинскаго государства. Сухопутныя силы пелопоннесцевъ состояли изъ шестидесяти тысячъ отборнаго войска; но нужно замѣтить, что въ поле выступала только неполная треть спартано-лакедемонскаго ополченія. Союзники также выслали не болѣе двухъ третей своихъ вооруженныхъ силъ. По рѣшенію, принятому въ началѣ войны, флотъ пелопоннесцевъ долженъ былъ состоять изъ пятисотъ большихъ военныхъ кораблей, которые потребовали бы восемьдесятъ тысячъ человѣкъ экипажа. Такой силы онъ однако не достигъ, хотя во второй половинѣ войны, когда къ спартанцамъ присоединились сицилійцы и персы, до этой цифры недоставало лишь немногаго. Въ Аѳинахъ, богатѣйшемъ городѣ Греціи, были собраны громадныя сокровища; но и пелопоннесцы имѣли въ своемъ распоряженіи огромныя денежныя средства съ тѣхъ поръ, какъ въ войну вмѣшались персы. Субсидіи, полученныя ими отъ персовъ, превышали $5^1/_2$ мил. р. с., и хотя командиръ спартанскаго флота Лисандръ много взялъ себѣ и роздалъ большія суммы друзьямъ и роднымъ, но все-таки въ государственную кассу поступило болѣе 3 мил. р. с. Никогда еще такія массы правильно организованной физической силы и денежныхъ средствъ не вступали въ борьбу другъ съ другомъ подъ руководствомъ такихъ талантливыхъ людей, какъ члены спартанскаго сената и правители аѳинскаго народа.

Пелопоннесская война, ходъ которой зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ принциповъ, дарованій и судьбы руководящихъ людей обѣихъ сторонъ, началась въ 431 г. вслѣдствіе происшествія въ Беотіи, безъ котораго открытіе военныхъ дѣйствій, вѣроятно, замедлилось бы еще на нѣкоторое время. Въ городѣ Платеѣ, со времени Мараѳонскаго сраженія тѣсно связанномъ съ аѳинянами, было установлено демократическое правленіе, противъ котораго, естественно, интриговали аристократы. Партія ихъ составила планъ возвратить Платею къ союзу беотійцевъ, во главѣ котораго стояли аристократическія Ѳивы, и тѣмъ доставить себѣ перевѣсъ. Съ этою цѣлью платейскіе аристократы заключили союзъ съ ѳиванцами, и однажды, среди глубокой ночи, всѣ ѳиванскіе граждане двинулись къ Платеѣ, чтобы неожиданно напасть на нее (въ маѣ 431 г. до р. Х.). Триста ѳиванцевъ, выступившихъ прежде, проникли въ городъ съ помощью платейскихъ аристократовъ, и успѣли овладѣть имъ, потому что ихъ небольшой отрядъ показался въ темнотѣ

значительнымъ ополченіемъ. Они провозгласили аристократическое правленіе и и союзъ съ Ѳивами; но не подвергали насиліямъ предводителей противной партіи. При наступленіи дня, платейцы, увидѣвъ слабость непріятеля, напали на него и одолѣли его, — главная ѳиванская армія не поспѣла вовремя, вслѣдствіе темноты ночи и сильнаго дождя, помѣшавшаго ей переправиться чрезъ разлившуюся рѣку. Многіе изъ трехсотъ погибли въ борьбѣ; остальные, принадлежавшіе большею частью къ знатнѣйшимъ ѳиванскимъ фамиліямъ, попали въ плѣнъ. Городъ былъ хорошо охраняемъ, и потому армія ѳиванцевъ, не успѣвъ добиться никакихъ результатовъ, вернулась домой. Изъ Аѳинъ, куда тотчасъ же отправили гонца, было прислано приказаніе щадить плѣнныхъ, но платейцы въ порывѣ ярости успѣли умертвить ихъ. Эта жестокость сильно озлобила остальныхъ беотійцевъ и весь пелопоннесскій союзъ, и заставила ускорить военныя приготовленія. Въ іюлѣ пелопоннесская армія вступила въ Аттику подъ начальствомъ спартанскаго царя Архидама II.

Аѳиняне послали для защиты Платеи небольшой отрядъ, а жители ея, чтобы лучше выдержать осаду, отправили въ Аѳины большую часть женщинъ и всѣхъ дѣтей. Въ то же время аѳиняне продолжали осаждать Потидею, сдавшуюся наконецъ въ мартѣ втораго года войны. Чтобы отмстить за это, спартанцы рѣшились отнять у аѳинянъ Платею и, въ началѣ третьяго года, въ мартѣ 429 года, сдѣлали нападеніе на этотъ городъ. Эта осада, продолжавшаяся два года, одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ Пелопоннесской войны. Ни въ одномъ событіи не выказались такъ ярко настоящій духъ того времени и та врожденная любовь къ самобытности, свободѣ и славѣ, которая одушевляла въ то время жителей даже самыхъ ничтожныхъ мѣстечекъ. Поэтому, ходъ ея заслуживаетъ подробнаго изложенія.

Гарнизонъ города состоялъ всего изъ четырехъ сотъ платейцевъ и восьмидесяти аѳинянъ. Когда царь Архидамъ съ сильнымъ войскомъ подошелъ къ Платеѣ и потребовалъ сдачи, этотъ ничтожный гарнизонъ отвѣчалъ ему отказомъ и, рѣшился драться до послѣдней крайности. Осаждающіе окружили городъ рвомъ и валомъ, и такимъ образомъ тѣсно замкнули его. Когда мѣра эта оказалась недостаточной, и платейцы съ успѣхомъ отразили всѣ попытки разрушить ихъ стѣны, — пелопоннесцы начали формальную блокаду. Къ первому валу они прибавили второй, защищавшій ихъ отъ нападенія съ поля, между этими двумя насыпями построили укрѣпленныя жилища и поселили тамъ войско, которое должно было въ нихъ оставаться на зиму и лѣто, отрѣзывая осажденнымъ подвозъ продовольствія. Платея подверглась неописаннымъ бѣдствіямъ, потому что запасы скоро начали истощаться. Но никакія лишенія не могли сломить мужества защитниковъ города. На второй годъ осады (428), когда было истреблено уже почти все, что можно было ѣсть, и дальнѣйшее сопротивленіе казалось невозможнымъ, гарнизонъ принялъ смѣлое рѣшеніе выйти изъ города среди глубокой зимы и пробиться сквозь непріятеля. Сначала къ этой мысли пристали всѣ; но исполнителями опаснаго предпріятія явилось только 220 человѣкъ, — остальные отчаялись въ успѣхѣ его.

Въ бурную февральскую ночь эти двѣсти двадцать героевъ перелѣзли черезъ городскую стѣну и направились въ промежутокъ между двумя изъ башень, построенныхъ осаждающими вокругъ города: они надѣялись пробраться черезъ непріятельскія укрѣпленія. Но едва успѣла часть изъ нихъ благополучно перейти черезъ ровъ и подняться на валъ, какъ упавшая черепица привлекла вниманіе стражи на ближайшей башнѣ, и вскорѣ вся армія была призвана къ оружію. Платейцамъ, большинство которыхъ еще не успѣло подняться на первый валъ, безъ сомнѣнія, пришлось бы погибнуть, еслибъ ихъ сподвижники, оставшіеся въ городѣ, не сдѣлали вылазки съ противоположной стороны и, такимъ образомъ, не ввели непріятеля въ заблужденіе. Влѣдстіе этого платейцамъ, рѣшившимся пробиться, пришлось бороться только съ нѣсколькими стами человѣкъ. Они бросились бѣжать по крышамъ жилищъ осаждающихъ, такъ сказать по головамъ своихъ противниковъ, и спаслись всѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, принужденныхъ вернуться въ городъ, и одного, попавшагося въ плѣнъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ убитъ. Двѣсти тринадцать человѣкъ, успѣвшихъ спастись, благополучно достигли Аѳинъ.

Перенося величайшія страданія и не получая никакой поддержки отъ Аѳинъ, оставшіеся продолжали упорно держаться въ городѣ, пока, наконецъ, весною слѣдующаго года (427) голодъ не заставилъ ихъ принять предложенія о капитуляціи.

Они сдались на условіи, что спартанцы, выбранные ими судьями, накажутъ только виновныхъ, и притомъ не иначе, какъ по предварительному слѣдствію. Спартанцы объявили виновнымъ всякаго, кто не оказалъ во время войны какой-нибудь услуги пелопоннесцамъ. Но измѣнниковъ не было, и потому всѣ были казнены. Число жертвъ простиралось до 225, въ томъ числѣ 25 аѳинянъ. Женщинъ продали въ рабство. Городъ былъ подаренъ ѳиванцамъ, которые срыли его до основанія, а его владѣнія отдали на откупъ, какъ государственное имущество. Немногіе оставшіеся въ живыхъ платейцы получили право гражданства въ Аѳинахъ.

Подобно мученической смерти геройскихъ защитниковъ Платеи, страшная участь, которой аѳиняне подвергли Эгину, достаточно показываетъ жестокое направленіе, которое война приняла съ самаго начала, и свирѣпую натуру всѣхъ, даже благороднѣйшихъ племенъ южной Европы, — натуру, которая въ тѣхъ же красказъ обрисуется и въ борьбѣ средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ. Въ первый годъ войны эгинцы были всѣ выгнаны изъ роднаго острова за то, что они будто бы были главными виновниками разрыва. Оставленныя ими жилища и земли были розданы аѳинскимъ гражданамъ. Бездомные бѣглецы возбудили участіе спартанцевъ, уступившихъ имъ городъ Тирею, лежавшій на границѣ Лаконіи съ Арголидой. Здѣсь, въ 424 г. до р. Х., они подверглись нападенію аѳинскаго флота, подошедшаго къ этимъ берегамъ. Ихъ новая родина была выжжена, а сами они повлечены въ Аѳины, гдѣ, какъ нѣкогда платейцы, всѣ были казнены — только потому, что стояли въ рядахъ непріятеля.

Что касается общаго хода войны, то въ первое время обѣ стороны думали не о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, а только о томъ, чтобы нанести другъ другу возможно большій вредъ и, такимъ образомъ, принудить противника къ миру. Въ первые два года спартанцы вторгались въ Аттику, но каждый разъ оставались тамъ не болѣе полутора мѣсяца. Аѳиняне дѣйствовали по плану, предложенному Перикломъ, и наступательныя попытки спартанцевъ оказывались совершенно безплодными. Слѣдуя совѣту Перикла, они рѣшились дѣйствовать исключительно на морѣ, полагаясь на превосходство своихъ морскихъ силъ. Вторженіе пелопоннесцевъ въ Аттику они встрѣчали тѣмъ, что собирали въ свой хорошо укрѣпленный городъ все населеніе плоской части края, а поля и села бросали непріятелю безъ всякихъ попытокъ къ оборонѣ. Потомъ за разореніе ихъ они платили опустошеніемъ непріятельскихъ береговъ. Это было придумано чрезвычайно умно и необходимо должно было увѣнчаться успѣхомъ, потому что пелопоннесцы, естественно, устали бы раньше аѳинянъ. Но этотъ планъ не удалось выполнить до конца; онъ былъ слишкомъ невыгоденъ для аристократовъ землевладѣльцевъ. При появленіи спартанской арміи, они были принуждены бѣжать въ Аѳины вмѣстѣ съ своими арендаторами и вассалами, и тамъ, наполняя собою народное собраніе, — гдѣ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ никогда не являлись, — кричали о разореніи принадлежавшихъ имъ полей и селъ. Вслѣдствіе того Периклъ лишился на короткое время милости народа, и въ 430 году не былъ выбранъ въ число десяти годовыхъ стратеговъ. Къ несчастію, на второй годъ войны, именно въ то время, когда городъ былъ полонъ сельскими жителями, въ Аѳинахъ развилась зараза, которая произвела страшныя опустошенія.

Болѣзнь эта, которую преданіе выводитъ изъ Египта и Эѳіопіи, появилась сначала въ Пирейской гавани, и вскорѣ съ страшной силой стала свирѣпствовать во всемъ городѣ. Всѣ другія болѣзни переходили въ нее; кромѣ того, она вдругъ развивалась и у совершенно здоровыхъ людей. Зараза начиналась воспаленіемъ и страшной краснотой глазъ, языка и гортани. Больнаго мучила боль въ груди и въ желудкѣ. Потомъ у него начинались судороги; кожа покрывалась вередами, и въ тѣлѣ развивался такой страшный жаръ, что больные не могли выносить никакой одежды, и многіе, остававшіеся безъ присмотра, кидались въ колодцы, чтобы только умѣрить жажду и мучительный внутренній огонь. Во все время болѣзни больной не могъ спать. Имъ овладѣвало совершенное уныніе, дѣлавшее его равнодушнымъ ко всему, не исключая и смерти. Большая часть больныхъ умирала на седьмой или девятый день; но и тѣ, которые переживали этотъ срокъ, рѣдко избѣгали смерти. Выздоравливали весьма немногіе. Да и тѣ большею частью лишались зрѣнія и употребленія рукъ и ногъ, а нѣкоторые навсегда теряли память. Масса умиравшихъ была такъ велика, что хоронить всѣхъ не было возможности; тѣмъ болѣе, что городъ

былъ тогда наполненъ людьми всѣхъ сословій, и многія семейства не имѣли средствъ на погребеніе своихъ родныхъ. Полицейскій порядокъ совершенно исчезъ, и бѣдствіе имѣло страшныя нравственныя послѣдствія. Былъ забытъ всякій божескій и человѣческій законъ, потому что болѣзнь одинаково постигала и хорошихъ и дурныхъ людей. Среди всеобщаго смятенія народъ забылъ и страхъ и стыдъ, чтобы не пропустить безъ наслажденій послѣднихъ минутъ, которыя, быть можетъ, ему оставалось жить. Такимъ образомъ, рядомъ со смертью, въ Аѳинахъ господствовали всякія внѣшнія бѣдствія и величайшая безнравственность, а война разносила зло и въ отдаленныя отъ столицы мѣста. Въ аѳинской арміи, занятой тогда осадой Потидеи, въ теченіе четырнадцати дней отъ этой болѣзни умерло тысяча пятьдесятъ человѣкъ.

Для правителя Аѳинъ, Перикла, это бѣдствіе было жестокимъ ударомъ судьбы: оно стало причиной народнаго ожесточенія противъ него. Война была начата по его совѣту, и онъ же составилъ планъ, вслѣдствіе котораго въ Аѳины стеклось слишкомъ много населенія; потому его объявили виновникомъ страданій народа. Всѣ усилія Перикла ободрить аѳинянъ и возвратить имъ довѣріе къ собственнымъ силамъ и къ тому, кому они ввѣрились прежде, были напрасны: онъ сталъ жертвой всеобщаго отчаянія. Его лишили власти и подвергли пени, которую историки греческіе опредѣляютъ различно, но которая, по самому умѣренному показанію, простиралась до пятнадцати талантовъ (около 20,000 р. сер.). Въ это же время Периклу пришлось испытать большія семейныя несчастія. Болѣзнь похитила у него многихъ изъ членовъ его семейства и лишила нѣкоторыхъ изъ самыхъ дорогихъ и лучшихъ друзей. Наконецъ, ему пришлось увидѣть смерть единственнаго сына, оставшагося еще въ живыхъ. Всѣ эти удары онъ перенесъ съ величайшею твердостью и присутствіемъ духа. Но когда, по греческому обычаю, обязывавшему ближайшаго изъ родныхъ надѣть вѣнокъ на голову покойника, ему пришлось исполнить этотъ долгъ любви надъ трупомъ послѣдняго сына, горе сломило его, и онъ зарыдалъ, громко жалуясь на свою судьбу.

Аѳиняне скоро одумались; Периклъ былъ имъ необходимъ, и они возвратили ему прежнюю должность. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ оказать отечеству новыя услуги, смерть въ роковой для Аѳинъ часъ похитила его у нихъ (429 г.). Свирѣпствовавшая болѣзнь свела его въ гробъ. Разсказываютъ, что когда друзья, окружавшіе смертную постель Перикла, заговорили о великихъ дѣлахъ, совершенныхъ имъ, умирающій правитель еще разъ поднялся и сказалъ: «Вы славите счастливыя и блестящія дѣла мои и забываете, что лучшее и величайшее въ нихъ было то, что ни одинъ изъ моихъ согражданъ не носилъ траура по моей винѣ»!

9. Пелопоннесская война со смерти Перикла до Никіева мира.

Событія слѣдующихъ лѣтъ войны не имѣли важныхъ послѣдствій, не смотря на страшныя опустошенія, произведенныя обѣими сторонами на непріятельской землѣ. Послѣ смерти Перикла, въ Аѳинахъ не было ни одного оратора или государственнаго человѣка, который могъ бы въ одно и то же время руководить разумною частью населенія и дѣйствовать на простой народъ, въ рукахъ котораго находилась власть. Вліятельнѣйшими изъ дѣятелей этого времени въ Аѳинахъ были: Никій, Демосѳенъ, Ламахъ и Клеонъ. Никій, самый богатый изъ нихъ, далеко не соотвѣтствовалъ роли руководителя народа; но его спокойствіе и благоразуміе могли быть иногда полезны на войнѣ. То же слѣдуетъ сказать и о Демосѳенѣ. Ламахъ былъ только храбрымъ солдатомъ. Онъ любилъ блескъ военнаго наряда, и въ дополненіе къ фатовству былъ еще слишкомъ бѣденъ, чтобы внушить расположеніе кому бы то ни было, кромѣ молодыхъ офицеровъ, собиравшихся вокругъ него. Гораздо болѣе значенія умѣлъ пріобрѣсти Клеонъ. Этотъ демагогъ былъ обязанъ своимъ вліяніемъ не заслугамъ, образованію, происхожденію или богатству, а только своей энергіи, увѣренности въ себѣ, дерзости и злобной ненависти ко всѣмъ знатнымъ или образованнымъ людямъ, посредствомъ которой онъ возбуждалъ народъ противъ этихъ мнимыхъ аристократовъ и возвышалъ себя въ его глазахъ. За такой образъ дѣйствій народъ сталъ

считать его своимъ истиннымъ другомъ и принималъ его крикъ за краснорѣчіе, а брань и ругательство за доказательство ума. По своему ремеслу Клеонъ былъ владѣльцемъ большаго кожевеннаго завода, на которомъ работали его рабы. Комикъ Аристофанъ и философъ Платонъ называютъ его поэтому кожевникомъ. Они смѣются надъ этимъ кожевникомъ, управлявшимъ государствомъ, потому что, не смотря на всю демократичность Аѳинъ, тамъ, какъ и у насъ, на политическое поприще выступали, обыкновенно, только люди, исключительно посвящавшіе себя государственнымъ дѣламъ и отказавшіеся отъ всякихъ коммерческихъ занятій.

После смерти Перикла война продолжалась по прежней системѣ: ополченіе пелопоннесцевъ ежегодно производило опустошительныя вторженія въ Аттику, въ то время какъ флоты обѣихъ воюющихъ сторонъ грабили и разоряли приморскія мѣстности, поддерживали вспыхивавшія мѣстами возстанія и отъ времени до времени вступали въ незначительныя схватки, въ которыхъ перевѣсъ оставался большею частью на сторонѣ аѳинянъ. На четвертый годъ войны (428) отъ Аѳинъ отдѣлился островъ Лесбосъ; но въ слѣдующемъ году аѳиняне снова покорили его, не смотря на поспѣшившій къ нему на помощь пелопоннесскій флотъ. Столица острова, Митилена, выдержала продолжительную осаду, но наконецъ принуждена была къ безусловной сдачѣ. По предложенію Клеона, аѳинское народное собраніе рѣшило казнить всѣхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей продать въ рабство. Но на слѣдующій день лучшая часть гражданъ успѣла дать народной волѣ другое направленіе, и жестокое рѣшеніе было измѣнено: къ смерти приговорили только тѣхъ митиленцевъ, которыхъ аѳинскіе полководцы пришлютъ въ Аѳины какъ зачинщиковъ возстанія; остальнымъ была, по крайней мѣрѣ, сохранена жизнь. Корабль, посланный съ вѣстью объ этомъ новомъ рѣшеніи, къ счастію поспѣлъ еще вовремя. Но участь митиленцевъ все-таки была очень тяжела: они принуждены были выдать всѣ свои военные корабли, ихъ укрѣпленія были срыты, а земли розданы аѳинскимъ поселенцамъ. Плѣнные, число которыхъ доходило почти до тысячи человѣкъ, были всѣ казнены.

Эти демократическіе ужасы не были, впрочемъ, исключительною принадлежностью аѳинскаго народа. Въ этой войнѣ, разгорячившей всѣ народныя страсти, борьба партій вездѣ приняла жестокій и кровавый характеръ. Страшный примѣръ такого ожесточенія показываетъ намъ островъ Коркира, въ томъ самомъ году, когда несчастные платейцы были перерѣзаны по приказанію спартанцевъ. Въ столицѣ острова, городѣ Коркирѣ, съ нѣкотораго времени было введено демократическое правленіе, и потому аристократы, поддержанные коринѳскимъ золотомъ, рѣшились на отчаянное усиліе, чтобы измѣнить государственное устройство, оторвать островъ отъ союза съ Аѳинами и передать его пелопоннесцамъ. Когда мирныя попытки оказались безполезными, аристократы прибѣгли къ насилію. Однажды они, съ оружіемъ въ рукахъ, ворвались въ совѣтъ и убили шестьдесятъ человѣкъ своихъ противниковъ. Послѣ того, поддержанные экипажемъ присланнаго къ нимъ коринѳскаго корабля, они напали на беззащитный народъ, одержали надъ нимъ верхъ и захватили власть. Побѣжденная партія удалилась въ цитадель и въ верхнюю часть города и оттуда разослала гонцовъ по окрестностямъ сзывать къ ней на помощь рабовъ, которымъ за это была обѣщана свобода. Рабы явились цѣлыми толпами, и демократы, соединившись съ ними, черезъ два дня послѣ испытаннаго пораженія, съ яростью бросились на своихъ противниковъ. Завязался кровопролитный бой, продолжавшійся цѣлый день; въ немъ принимали участіе даже женщины. Къ вечеру аристократы были наконецъ принуждены уступить. Спасаясь бѣгствомъ, они подожгли многіе дома, чтобы затруднить преслѣдованіе, и, такимъ образомъ, значительная часть города стала добычею пламени. На слѣдующій день къ коркирской гавани явилась небольшая аѳинская эскадра, командиру которой, Никострату, удалось склонить обѣ партіи къ примиренію. Дѣло казалось конченнымъ. Но когда Никостратъ сталъ готовиться къ отплытію, демократы, снова достигшіе власти, просили его оставить имъ для защиты пять аѳинскихъ кораблей и вмѣсто нихъ увезти пять кораблей коркирскихъ. Никостратъ согласился на эту просьбу, и коркирскій совѣтъ назначилъ въ составъ экипажа отправлявшихся съ аѳинянами кораблей исключительно приверженцевъ аристократіи. Боясь, что ихъ хотятъ обманомъ увезти плѣнниками въ Аѳины, аристократы, въ числѣ четырехсотъ человѣкъ, скрылись въ храмъ Юноны. Это опять возбудило

страшное волненіе умовъ, и Никостратъ едва успѣлъ предотвратить новое кровопролитіе. Укрывшіеся въ храмѣ не смѣли уже выйти оттуда и потому могли опасаться голодной смерти; съ другой стороны и противники ихъ боялись нечаяннаго нападенія. Поэтому первые согласились наконецъ повѣрить клятвенному обѣщанію, что ихъ не тронутъ, и промѣняли свое убѣжище на небольшой скалистый островокъ, лежавшій недалеко отъ берега.

Черезъ нѣсколько дней, въ виду Коркиры, появился пелопоннесскій флотъ, и въ сраженіи съ нимъ коркиряне были разбиты. Послѣ этого можно было опасаться высадки, потому четыреста аристократовъ были перевезены съ острова въ храмъ Юноны. Но по неспособности непріятельскаго командира, неумѣвшаго воспользоваться своей побѣдой, опасность пронеслась надъ головами коркирянъ, и когда къ нимъ явился на помощь аѳинскій флотъ изъ шестидесяти кораблей, пелопоннесцы отплыли отъ острова. Появленіе этого флота возбудило въ коркирянахъ не одну радость о неожиданномъ спасеніи и минованіи грозной опасности, но снова разожгло въ нихъ страсти и ненависть партій. Демократы и народъ бросились на приверженцевъ аристократической партіи и, въ теченіе семи дней, городъ оставался театромъ всякихъ ужасовъ. Нѣкоторые аристократы были заморены голодомъ; изъ четырехсотъ человѣкъ, укрывшихся въ храмѣ Юноны, пятьдесятъ имѣли неосторожность повѣрить обѣщаніямъ противниковъ и вышли изъ своего убѣжища; ихъ всѣхъ перерѣзали. Остальные большею частью сами лишили себя жизни. Около пятисотъ человѣкъ успѣли бѣжать изъ города и поселиться на лежащемъ противъ Коркиры эпирскомъ берегу. Отсюда старались они частыми высадками наносить вредъ врагамъ своимъ и даже овладѣли однимъ укрѣпленнымъ пунктомъ на самой Коркирѣ. Изъ этого убѣжища они въ теченіе двухъ лѣтъ безпокоили родной городъ своими разбойничьими нападеніями, но въ 425 году аѳинскій вспомогательный отрядъ принудилъ ихъ къ сдачѣ. Они сопротивлялись очень долго, но наконецъ сдались съ условіемъ, что судьею ихъ будетъ аѳинскій народъ. Передъ отправленіемъ въ Аѳины, ихъ перевезли на небольшой прибрежный островокъ и объявили, что малѣйшая попытка къ бѣгству, хотя одного изъ нихъ, будетъ принята за нарушеніе условій капитуляціи. Этимъ воспользовались ихъ противники, опасавшіеся, что аѳиняне оставятъ ихъ въ живыхъ. Подославъ къ плѣнникамъ нѣсколькихъ человѣкъ, успѣвшихъ пріобрѣсть довѣренность нѣкоторыхъ изъ нихъ и убѣдить, что аѳиняне имѣютъ намѣреніе предать ихъ на жертву ярости коркирской черни, они тайно предлагали имъ средства къ побѣгу. Несчастные попались въ ловушку. Нѣсколько человѣкъ бѣжало; ихъ поймали, и тогда аѳинскіе полководцы дѣйствительно предоставили всѣхъ остальныхъ плѣнниковъ произволу народа. Ихъ перевели въ одно большое зданіе, изъ котораго выводили связанными человѣкъ по двадцати за-разъ и убивали, подвергая самымъ ужаснымъ истязаніямъ. Когда человѣкъ шестьдесятъ погибло такимъ образомъ, остальные рѣшились не выходить изъ зданія и сопротивляться. Тогда кровожадная чернь влѣзла на крышу, разобрала ее и стала бросать на нихъ сверху черепицы и стрѣлы. Беззащитные плѣнники большею частью сами лишили себя жизни: одни убивали себя пущенными въ нихъ стрѣлами, другіе рѣшились повѣситься на своихъ разорванныхъ одеждахъ. Эти ужасныя сцены продолжались цѣлую ночь. На слѣдующее утро плѣнники, число которыхъ простиралось до нѣсколькихъ сотъ, были уже всѣ перебиты. Тѣла ихъ вынесли за городъ и похоронили кучею. Женщинъ, оставшихся въ живыхъ, продали въ рабство. Такова была развязка ужасной двухлѣтней борьбы партій на островѣ Коркирѣ.

Между тѣмъ война приняла весьма благопріятный для аѳинянъ оборотъ, не смотря на то, что зараза вторично появилась въ ихъ городѣ. Эта ужасная болѣзнь, при первомъ своемъ появленіи продолжавшаяся два года и послѣ того не прекращавшаяся совершенно, въ концѣ 427 года возобновилась съ новой силой и свирѣпствовала цѣлый годъ, прежде чѣмъ совершенно исчезла. Число жертвъ, павшихъ отъ заразы, неизвѣстно. Ѳукидидъ говоритъ только, что изъ числа тяжело-вооруженныхъ гражданъ погибло четыре тысячи четыреста, а изъ всадниковъ— триста человѣкъ. Опредѣлить число остальныхъ жертвъ онъ считаетъ невозможнымъ.

Аѳиняне мало-по-малу оставляли придуманную Перикломъ систему оборонительной войны, поддерживаемой опустошительными набѣгами ихъ флота, и стре-

мились посредствомъ завоеваній увеличить свое могущество на счетъ врага. Въ 427 году они даже рѣшились отправить часть своего флота въ Сицилію. Еще во времена Перикла демагоги льстили народу надеждою на завоеваніе этого острова, но великій правитель отклонилъ тогда предложеніе мечтателей. Теперь имъ удалось увлечь народъ за собою. Халкидская колонія, Леонтины, лежавшая на восточномъ берегу Сициліи, между Катаной и Мегарой — Гиблой, начала войну съ сиракузянами и просила помощи аѳинянъ. Просьба эта была принята, и съ тѣхъ поръ аѳинскій флотъ постоянно крейсировалъ около итальянскихъ или сицилійскихъ береговъ, хотя это нисколько не способствовало успѣху войны въ отечествѣ. На одномъ изъ флотовъ, отправленныхъ въ 425 году въ Сицилію, находился отрядъ дессантныхъ войскъ, подъ начальствомъ Демосѳена. Во время плаванія вдоль пелопоннесскихъ береговъ, этотъ полководецъ высадился на берегъ и въ мессенской гавани Пилосѣ, тамъ, гдѣ теперь находятся прославленныя морской побѣдой надъ турками мѣстечки старый и новый Наваринъ, — основалъ укрѣпленіе. Въ этой небольшой крѣпости онъ остался съ пятью кораблями и частью войска, и вскорѣ вокругъ него собралось множество бѣжавшихъ гелотовъ и окрестныхъ мессенцевъ. Основаніе непріятельской крѣпости на берегу подвластной имъ Мессеніи страшно безпокоило спартанцевъ, и дѣйствительно это могло имѣть для нихъ очень невыгодныя послѣдствія. Потому они аттаковали Пилосъ и съ моря и суши, но были разбиты и обращены въ бѣгство аѳинскимъ флотомъ, возвращавшимся изъ Коркиры. Четыреста двадцать спартанцевъ, большею частію принадлежавшихъ къ первымъ фамиліямъ города, съ самаго начала заняли лежавшій у входа въ Пилосскую бухту островъ Сфактерію, надѣясь такимъ образомъ запереть входъ въ гавань вновь приходящимъ непріятельскимъ кораблямъ. Послѣ пораженія спартанцевъ, отрядъ этотъ остался отрѣзаннымъ и былъ окруженъ аѳинскимъ флотомъ. Чтобы спасти ихъ, спартанцы рѣшились предложить миръ на выгодныхъ для аѳинянъ условіяхъ и, въ ожиданіи его, заключили съ Демосѳеномъ перемиріе. Но, къ сожалѣнію, народное собраніе находилось тогда подъ вліяніемъ демагога Клеона, совершенно некстати вмѣшивавшагося во всѣ дѣла. Онъ увѣрилъ народъ, что спартанцы доведены до такой крайности, что принуждены будутъ принять какія угодно требованія, и что если гарнизонъ Сфактеріи не сдался еще, то это слѣдуетъ приписать умышленному нерадѣнію аѳинскихъ аристократовъ. Онъ склонилъ аѳинянъ къ самымъ неумѣреннымъ требованіямъ, на которыя Спарта никакъ не могла согласиться, — и война опять возобновилась.

Аѳинскіе полководцы, для подкрѣпленія которыхъ было прислано большее число кораблей, крейсировали день и ночь вокругъ лѣсистаго и необитаемаго острова, чтобы пресѣчь осажденнымъ всякій подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Спартанцы съ своей стороны не щадили ничего, чтобы доставить своему гарнизону средства къ сопротивленію. За доставку провіанта на островъ они обѣщали гелоту свободу, а свободному человѣку—значительную сумму денегъ. Поэтому осажденные, не смотря на всю бдительность аѳинянъ, получали такъ много разныхъ запасовъ и выказывали такую энергію въ оборонѣ, что необходимость сдачи была отсрочена на очень долгое время. Опытные аѳинскіе полководцы знали, что минута эта рано или поздно должна была наступить, и потому выжидали время, не вызывая осажденныхъ на отчаянный бой, хотя войска ихъ сами терпѣли недостатокъ въ водѣ и продовольствіи. Клеонъ воспользовался этимъ, чтобы оклеветать Демосѳена и его товарищей. Онъ обвинилъ ихъ въ трусости и неумѣньѣ взяться за дѣло, и увѣрялъ, что нѣтъ ничего легче, какъ справиться съ небольшимъ отрядомъ защитниковъ Сфактеріи. Никій, одинъ изъ тогдашнихъ стратеговъ, находившійся въ народномъ собраніи, сказалъ ему, что если онъ лучше знаетъ дѣло, то пусть приметъ начальство и попытается овладѣть островомъ. Крикунъ смутился и отклонилъ это предложеніе, говоря, что въ стратеги выбранъ не онъ, а Никій. Но чѣмъ болѣе отказывался Клеонъ, тѣмъ сильнѣе народъ настаивалъ, чтобы онъ принялъ начальство; и когда Никій вызвался уступить ему свою должность, онъ былъ наконецъ принужденъ согласиться на желаніе народа. Дерзость и тутъ не оставила его; среди громкаго хохота народа, онъ обѣщалъ черезъ двадцать дней или истребить всѣхъ защитниковъ Сфактеріи, или привести ихъ плѣнниками въ Аѳины. Случай благопріятствовалъ ему. Сильный пожаръ, неза-

долго передъ тѣмъ вспыхнувшій на островѣ, истребилъ большую часть лѣса, составлявшаго главную защиту спартанцевъ, и когда Клеонъ явился въ армію, Демосѳенъ уже успѣлъ довести ихъ до послѣдней крайности. Нападеніе, произведенное Клеономъ вмѣстѣ съ Демосѳеномъ, удалось вполнѣ, и спартанцы, послѣ упорнаго сопротивленія, были наконецъ принуждены сдаться (425 до р. Х.). Всѣхъ плѣнныхъ было двѣсти девяносто два; остальная часть отряда погибла во время осады. Сопровождаемый этими плѣнниками, изъ которыхъ двѣсти двадцать принадлежали къ первымъ фамиліямъ Спарты, Клеонъ съ торжествомъ вернулся въ Аѳины.

Спартанцы, подвергавшіеся безпрестаннымъ нападеніямъ аѳинскаго гарнизона, бывшаго въ Пилосѣ, и желавшіе возвратить свободу своимъ плѣннымъ соотечественникамъ, нѣсколько разъ предлагали заключить миръ. Но аѳиняне были опьянены своими успѣхами, и крикунъ Клеонъ, вообразившій, что знаетъ уже все, не исключая и военнаго дѣла, подстрекалъ народъ къ самымъ дерзкимъ требованіямъ. Счастіе благопріятствовало всѣмъ предпріятіямъ аѳинянъ. Между прочимъ они завоевали и укрѣпили коринѳскій городъ Метону, взяли укрѣпленную гавань Мегары, Нисею, и, заняли лежавшій близъ береговъ Лаконіи островъ Киѳеру. Послѣднее обстоятельство имѣло для спартанцевъ особенную важность, потому что торговыя суда, шедшія въ Лаконію изъ Африки, бросали якорь у этого острова, и оттуда всего удобнѣе было защищать лаконскій берегъ отъ нападеній пиратовъ. Счастіе, до сихъ поръ не оставлявшее аѳинянъ, увлекаемыхъ Клеономъ отъ одной опрометчивости въ другую, внезапно оставило ихъ, когда искусный спартанскій полководецъ Брасидъ перенесъ главный театръ войны въ Македонію и Ѳракію. Брасидъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ спартанцевъ, которые умѣли соединять кротость и обходительность съ суровой добродѣтелью своего племени. Въ борьбѣ и побѣдѣ онъ постоянно обнаруживалъ блестящее мужество и истинно спартанскій духъ; когда же нужно было пріобрѣсти или удержать за собою дружбу союзниковъ, являлся человѣкомъ внимательнымъ, любезнымъ и желающимъ свободы для всѣхъ. Въ этой войнѣ онъ первый изъ всѣхъ спартанцевъ удостоился публичной похвалы за то, что въ первую компанію отважнымъ подвигомъ спасъ окруженный аѳинянами городъ Метону. Въ слѣдующіе годы, Брасидъ постоянно отличался храбростью, искусствомъ и казался человѣкомъ, которому суждено было кончить войну въ пользу Спарты. Въ 424 году спартанцы ввѣрили ему начальство надъ экспедиціей, посланной въ Македонію и Ѳракію, и это дало войнѣ новое направленіе.

Передъ отправленіемъ Брасида изъ Спарты, тамошніе олигархи совершили неслыханное злодѣйство, заставляющее человѣчество съ омерзѣніемъ отвернуться отъ подобнаго правительства. Отправленіе арміи въ далекую Ѳракію возбуждало опасенія олигарховъ на счетъ спокойствія гелотовъ, между которыми въ то время было замѣтно довольно сильное волненіе, поддерживаемое эмиссарами изъ Пилоса, куда не задолго передъ тѣмъ переселилось изъ Навпакта значительное число мессенцевъ. Аристократы рѣшились обезопасить себя отъ самой энергической части гелотскаго населенія, и для этого прибѣгли къ самому коварному средству. Они объявили, что всякому гелоту, желающему получить свободу, предоставляется право заслужить ее своимъ мужествомъ на войнѣ; этимъ хотѣли распознать въ массѣ людей, всего болѣе жаждущихъ освобожденія и, слѣдовательно, всего болѣе склонныхъ къ возстанію. Когда двѣ тысячи гелотовъ отвѣтили на вызовъ, ихъ украсили цвѣтами и торжественно водили по храмамъ, какъ будто имъ въ самомъ дѣлѣ была дана свобода. Но вскорѣ всѣ они исчезли, потому что были тайно перерѣзаны одинъ за другимъ. Кромѣ того, съ Брасидомъ послано было еще семьсотъ гелотовъ.

Экспедиція, отправленная въ Македонію и Ѳракію, имѣла цѣлью отнять у аѳинянъ владычество надъ тамошними колоніями и присоединить ихъ къ пелопоннесскому союзу. Особенное вниманіе спартанцевъ обращали на себя города Халкидики, уже возставшіе противъ Аѳинъ. Брасидъ двинулся сухимъ путемъ, счастливо прошелъ черезъ греческія государства, лежавшія на пути его, и спасъ по дорогѣ Мегару, сильно тѣснимую тогда аѳинянами. Въ Македоніи къ нему присоединилась армія царя Пердикки II. Дѣйствуя въ союзѣ съ нею, онъ склонилъ большую часть македонскихъ и ѳракійскихъ городовъ перейти на сторону

пелопоннесскаго союза и, казалось, что владычество Аѳинъ въ этихъ мѣстахъ уже навсегда рушилось. Блистательнымъ успѣхомъ кампаніи Брасидъ былъ обязанъ своему благородному и обходительному характеру, своему искусству и тому спокойствію, которое онъ, какъ человѣкъ дѣйствительно энергическій и твердый, обнаруживалъ въ минуту опасности. Счастіе также благопріятствовало его предпріятію тѣмъ, что аѳиняне въ то же самое время были разбиты въ Беотіи. Подавленные демократы беотійскихъ городовъ заключили съ Аѳинами союзъ, посредствомъ котораго надѣялись низвергнуть аристократическія правительства своей родины. Чтобы поддержать эту революцію, аѳинская армія подъ начальствомъ Гиппократа должна была занять лежавшій въ Танагрскомъ округѣ Делійскій храмъ. Но она еще не успѣла кончить приготовленій къ оборонѣ этого пункта, какъ беотійскія правительства соединили свои силы, и планъ демократовъ рушился прежде, чѣмъ былъ приведенъ въ исполненіе. Недалеко отъ Делія произошло сраженіе, въ которомъ аѳинская армія была разбита на-голову и потеряла нѣсколько тысячъ человѣкъ (осенью 424 года).

Это пораженіе снова усилило вліяніе миролюбиваго Никія, который въ то время почти ежегодно выбирался въ стратеги и не только распоряжался военною частью, но и управлялъ государственными дѣлами. Весною слѣдующаго года (423), онъ и его друзья успѣли заключить перемиріе на одинъ годъ. Аѳинянъ склонили къ этому успѣхи Брасида въ Македоніи и Ѳракіи; а спартанцевъ — желаніе добиться путемъ переговоровъ освобожденія плѣнныхъ, взятыхъ на Сфактеріи. Клеонъ, хотя осмѣянный и опозоренный на сценѣ великимъ комикомъ Аристофаномъ и кромѣ того подвергшійся обвиненію въ растратѣ государственныхъ суммъ,— вслѣдствіе чего былъ приговоренъ къ уплатѣ пени въ пять талантовъ (6,500 р. с.),—выступилъ на сцену, какъ ярый противникъ перемирія. Народъ согласился на эту мѣру преимущественно вслѣдствіе затруднительнаго положенія дѣлъ во Ѳракіи и Македоніи, потому Клеонъ обратился къ той же тактикѣ, которую употребилъ въ вопросѣ о Сфактеріи. Онъ сталъ порицать неспособность аѳинскихъ полководцевъ и имѣлъ нахальство хвастаться своими военными талантами. Тогда обѣ партіи, и аристократы и демократы, единогласно избрали его въ число стратеговъ на 422 годъ и ввѣрили ему новую армію, высланную противъ Брасида. Одни разсчитывали на то, что онъ несомнѣнно погубитъ себя, и Аѳины освободятся отъ несноснаго демагога; другіе были увлечены его крикомъ и надѣялись, что онъ побѣдитъ.

По истеченіи срока перемирія, Клеонъ съ тридцатью кораблями и отборной арміей поплылъ къ полуострову Халкидикѣ. Высадившись на берегъ, онъ вступилъ съ Брасидомъ въ бой при Амфиполѣ, гдѣ былъ разбитъ на-голову, и самъ погибъ въ постыдномъ бѣгствѣ. Въ этомъ сраженіи кончилъ свое непродолжительное и блестящее поприще и спартанскій герой. Онъ погибъ славною смертью, и почести, оказанныя его памяти, всего лучше показываютъ, какъ глубоко спартанцы и союзники ихъ уважали его военныя дарованія, благородный, кроткій характеръ и благоразуміе. Тѣло его было похоронено съ величайшею торжественностью на Амфипольской площади, въ присутствіи всей арміи, а надъ его гробницею былъ поставленъ памятникъ, воздвигнутый на общественный счетъ. Всѣ знаки, напоминавшіе аѳинскаго основателя колоніи Амфиполя, были уничтожены, народъ назвалъ Брасида основателемъ города, и положилъ учредить въ честь его, какъ полубога, ежегодныя игры и жертвоприношенія.

Смерть благороднаго Брасида и жалкаго Клеона повела за собою окончаніе войны. Оба они были противниками мира. Одинъ — потому, что любилъ войну и зная себя, могъ разсчитывать на блистательное ея окончаніе; другой потому, что только среди волненій и напряженнаго состоянія, которое война поддерживала въ умахъ аѳинянъ, ему представлялась возможность разыгрывать свою площадную роль. Мѣсто ихъ заняли два человѣка, рѣшительно стремившіеся къ миру. Въ Аѳинахъ — Никій, всегда бывшій противникомъ войны и получившій тогда огромное вліяніе. Въ Спартѣ — царь Плистонаксъ, возвращенный на родину послѣ девятнадцатилѣтняго изгнанія по совѣту подкупленнаго имъ оракула (стр. 207), и только въ мирное время способный имѣть нѣкоторое значеніе между своими соотечественниками. Мирные переговоры начались весьма скоро послѣ Амфипольской битвы и были ведены Никіемъ и Плистонаксомъ съ одинаковымъ рвеніемъ. Они

тянулись всю зиму, а весною 421 г. былъ заключенъ миръ на пятьдесятъ лѣтъ. Миръ этотъ, распространившійся и на союзниковъ обѣихъ сторонъ, обыкновенно называютъ Никіевымъ. Главныя условія его состояли въ томъ, что обѣ стороны положили обмѣняться плѣнными и возвратить другъ другу, за весьма немногими исключеніями, всѣ сдѣланныя ими завоеванія. Коринояне, беотійцы и жители Элиды и Мегары не захотѣли приступить къ нему, не соглашаясь на нѣкоторыя изъ статей мирнаго договора.

10. Исторія грековъ отъ Никіева мира до возобновленія пелопоннесской войны.

Тотчасъ послѣ заключенія мира аѳинская демократія запятнала себя новою жестокостью, отмстивъ кровавымъ образомъ жителямъ халкидикскаго города Скіоны за то, что они въ началѣ 423 года перешли на сторону пелопоннесцевъ. Аѳиняне долго осаждали этотъ городъ безъ всякаго успѣха; но послѣ заключенія мира, онъ скоро былъ принужденъ къ безусловной сдачѣ. Тогда аѳиняне исполнили рѣшеніе, принятое ими по предложенію Клеона еще при первомъ извѣстіи объ отпаденіи города. Всѣ мужчины города были казнены, женщинъ и дѣтей продали въ рабство, а земли розданы платейцамъ. Съ этимъ совершеннымъ истребленіемъ скіонскаго населенія сходенъ другой поступокъ аѳинянъ, совершенный ими за два года передъ тѣмъ и состоявшій въ томъ, что они изгнали всѣхъ делосцевъ, съ женами и дѣтьми, изъ ихъ роднаго острова. Несчастные нашли убѣжище у одного изъ персидскихъ сатраповъ Малой Азіи. Послѣ заключенія мира, суевѣрные аѳиняне воротили ихъ на родину, потому что приписали неудачи послѣдняго времени войны гнѣву боговъ, раздраженныхъ этою жестокостью.

При разнообразіи греческихъ государственныхъ учрежденій, при существованіи наслѣдственныхъ симпатій и антипатій, при отсутствіи всякаго національнаго средоточія и при множествѣ горячихъ головъ, спокойствіе въ Греціи было, конечно, невозможно. Можно даже сказать, что волненіе было необходимо для того, чтобы отъ бездѣйствія силы народа не ослабѣли или не получили вреднаго направленія. Но кромѣ этихъ общихъ причинъ, въ возобновленіи войны много участвовало честолюбіе одного аѳинянина. Это былъ Алкивіадъ, еще молодой человѣкъ, тогда только что начинавшій принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и превосходно умѣвшій пользоваться наклонностью своихъ согражданъ къ обширнымъ предпріятіямъ. Онъ былъ очень богатъ и, подобно Периклу, принадлежа къ старинному благородному роду, гордился своей родословной и огромными помѣстьями; но при всемъ томъ взялся за роль Клеона, только разыгрывалъ ее съ нѣсколько большимъ достоинствомъ и въ другомъ родѣ. Воспитанный подъ опекой Перикла, приходившагося ему близкимъ родственникомъ, необыкновенно красивый собой, обладавшій уже огромными наслѣдственными богатствами, а со времени женитьбы своей на сестрѣ богатаго Каллія, за которой взялъ въ приданное десять тысячъ талантовъ ($13^1/_2$ милліоновъ р. сер.), разбогатѣвшій до того, что его состояніе считалось бы громаднымъ и въ современной Англіи, любимый всѣми философами, даровитый, остроумный, храбрый, рожденный полководцемъ — онъ, по словамъ Платона, сталъ бы вторымъ Перикломъ, еслибъ еще нѣсколько лѣтъ спокойно готовился къ политической дѣятельности. Но обычный ходъ вещей казался ему слишкомъ скучнымъ; онъ вдругъ сдѣлался государственнымъ человѣкомъ, и аѳиняне съ радостью предались геніальному юношѣ, который былъ такъ же великъ въ оргіяхъ своей буйной жизни, какъ въ политическихъ интригахъ и хитростяхъ.

Множество внѣшнихъ и внутреннихъ достоинствъ, соединявшихся въ Алкивіадѣ, и полная случайностей и приключеній жизнь дѣлаютъ его одною изъ личностей, наиболѣе привлекающихъ вниманіе тѣхъ, кто ищетъ въ исторіи одной только занимательности. Вотъ почему древніе писатели, державшіеся этой точки зрѣнія, и сообщаютъ намъ про него такое множество анекдотовъ. Многіе изъ нихъ очень далеки отъ истины, но о нихъ все-таки слѣдуетъ упомянуть,

потому что часто приходится встрѣчать намеки на эти разсказы. Кромѣ того, многіе изъ нихъ наглядно знакомятъ насъ съ нравами грековъ того времени. Нѣкоторые въ особенности служатъ разительнымъ примѣромъ того, до какой степени развратился аѳинскій народъ, и какъ много можетъ позволять себѣ вліятельный человѣкъ въ такой демократіи, какова была аѳинская.

Честолюбіе, одушевлявшее этого замѣчательнаго человѣка въ теченіе всей его жизни, и смѣлое, ничѣмъ не стѣсняющееся своеволіе составляютъ главныя черты его характера, даже и въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ числѣ многихъ другихъ анекдотовъ, гдѣ видно задорное упрямство, обнаруживавшееся въ немъ еще въ ребяческіе годы, про него разсказываютъ, что онъ ни за что не хотѣлъ учиться играть на флейтѣ, говоря, что игра на флейтѣ искажаетъ черты лица и играющему нельзя говорить или пѣть. Въ видѣ дополненія къ этому анекдоту, Алкивіаду приписывается тотъ же отвѣтъ, который далъ въ подобномъ случаѣ Ѳемистоклъ (стр. 636). Разсказываютъ, что однажды Алкивіадъ сказалъ, намекая на отличавшихся необразованностью жителей Беотіи: «предоставьте флейту сынамъ ѳиванцевъ, которые не умѣютъ говорить, какъ мы, аѳиняне»! Въ юношескомъ возрастѣ Алкивіадъ близко сошелся съ философомъ Сократомъ. Это былъ единственный человѣкъ, на котораго Алкивіадъ обращалъ какое нибудь вниманіе. Да и то къ обществу Сократа его привлекало только простое личное уваженіе къ благородному и сильному характеру и желаніе говорить съ геніальнымъ человѣкомъ; а не то, чтобы онъ плѣнялся ученіемъ Сократа или его нравственнымъ величіемъ. Сократъ не имѣлъ никакого вліянія ни на образъ мыслей, ни на поступки Алкивіада. Отношенія этихъ двухъ людей объясняются еще тѣмъ, что при осадѣ Потидеи, которою началась Пелопоннесская война, Сократъ спасъ жизнь Алкивіада, заплатившаго ему подобною услугой нѣсколько лѣтъ спустя, въ несчастномъ сраженіи при Деліи.

Громадное честолюбіе и геніальное легкомысліе Алкивіада во второмъ періодѣ его молодости видны изъ многихъ частью подлинныхъ, а частью и вымышленныхъ расказовъ. Чтобы привлечь къ себѣ вниманіе всей Греціи, онъ однажды послалъ на олимпійскія игры семь колесницъ, запряженныхъ великолѣпными конями (чего до тѣхъ поръ еще никогда не бывало) и съ этими колесницами ему удалось получить на состязаніи три приза. Въ Аѳинахъ онъ весьма рано сталъ искать популярности блестящими хорегіями, состязаніями и т. п. Разсказываютъ также, что однажды онъ купилъ за нѣсколько тысячъ рублей (считая на наши деньги) какую-то рѣдкую собаку и потомъ страшно изуродовалъ ее единственно съ тою цѣлью, чтобы заставить говорить о себѣ. Онъ былъ такимъ отчаяннымъ и наглымъ развратникомъ, что вводилъ любовницъ даже въ свой собственный домъ, и этимъ заставилъ свою чрезвычайно скромную жену разстаться съ нимъ и просить развода. По аѳинскимъ законамъ, женщина могла это сдѣлать не иначе, какъ явившись лично съ своей жалобой на городской площади. Алкивіадъ, узнавъ объ этомъ, тоже пришелъ на площадь, вмѣстѣ съ товарищами своихъ похожденій, и насильно увелъ свою жену домой, показавъ такимъ образомъ всему городу, какъ мало онъ обращаетъ вниманія на государственныя учрежденія и законы. Точно также поступилъ онъ, когда ему пришлось однажды отдѣлывать за-ново свой домъ, и приглашенный имъ живописецъ объявилъ, что, имѣя уже очень много заказовъ, не можетъ взяться за это дѣло. Алкивіадъ заманилъ его къ себѣ, и заставилъ работать, удерживая плѣнникомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Политическая дѣятельность Алкивіада началась тотчасъ послѣ заключенія мира. Мирный договоръ нисколько не уладилъ взаимныхъ отношеній греческихъ государствъ. Исполненіе нѣкоторыхъ статей трактата оказывалось затруднительнымъ: жители Элиды и Мегары, коринѳяне и беотійцы не хотѣли признать ихъ; и дѣйствія этихъ четырехъ державъ, до тѣхъ поръ союзныхъ Спартѣ, такъ встревожили ее, что въ томъ же году, когда состоялся миръ, она заключила оборонительный союзъ съ аѳинянами. Это побудило и коринѳянъ искать безопасности въ союзѣ съ другими государствами; они обратились къ Аргосу. Аргосцы, наслѣдственные враги спартанцевъ, имѣли съ своей стороны причину согласиться на этотъ союзъ, потому что въ 420 году истекалъ срокъ перемирію, заключенному ими со Спартой за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, и при тогдашнихъ обстоятель-

ствахъ можно было ожидать возобновленія войны. Кромѣ того, они льстили себя надеждою, что, явившись во главѣ союза греческихъ государствъ противъ Спарты, они снова успѣютъ достигнуть преобладанія въ Пелопоннесѣ. Къ аргосскому союзу, кромѣ коринѳянъ, приступили жители Элиды, аркадскаго города Мантинеи и халкидикскія колоніи, также непризнавшіе Никіева мира, снова отдававшаго ихъ во власть Аѳинъ. Но аристократическія правительства Беотіи и Мегары не могли имѣть довѣрія къ союзу, во главѣ котораго стоялъ демократическій Аргосъ. Попытка привлечь къ союзу нѣкоторыя другія государства также не удалась, и союзникамъ пришлось убѣдиться въ невозможности составить сильную коалицію противъ Спарты и Аѳинъ. Въ то же время стала пробуждаться прежняя недовѣрчивость и между этими двумя государствами, тѣмъ болѣе, что ни та, ни другая сторона не исполняла условій договора, по непрочности новыхъ отношеній или сопротивленію союзниковъ. Отъ этого возникали разнаго рода затрудненія и новые союзы, большей частью очень скоро распадавшіеся. Для молодаго и хитраго Алкивіада, выступавшаго тогда на политическое поприще, такія обстоятельства были какъ нельзя болѣе кстати. Пользуясь ими, онъ всего легче могъ удовлетворить своему честолюбію.

Алкивіадъ ненавидѣлъ спартанцевъ, потому что при веденіи переговоровъ они постоянно обращались къ Никію, а на него, какъ на юношу еще, не обращали никакого вниманія. Это сердило его тѣмъ болѣе, что онъ всячески заботился о спартанцахъ, взятыхъ въ плѣнъ при Сфактеріи, и потому надѣялся возобновить дружественныя отношенія, въ которыхъ его предки находились къ Спартѣ, и которыя были прерваны его дѣдомъ. Теперь, изъ досады, онъ всѣми силами старался вредить спартанцамъ и составилъ планъ союза Аѳинъ съ Аргосомъ, Элидой и Мантинеей, которые все еще держались вмѣстѣ. Алкивіадъ имѣлъ сношенія со всѣми частями Греціи, и ему не трудно было навести эти государства на мысль обратиться къ Аѳинамъ съ предложеніемъ о заключеніи союза. Узнавъ объ этомъ, спартанцы тотчасъ же отправили посольство въ Аѳины, чтобы помѣшать этому соглашенію устраненіемъ недоразумѣній, возникшихъ между спартанцами и аѳинянами. Алкивіадъ перехитрилъ этихъ пословъ; но поступилъ такъ грубо и безстыдно, что не знаешь чему больше удивляться: его наглости и безсовѣстности, наивности спартанскихъ пословъ или, наконецъ, терпѣнію аѳинянъ, сносившихъ подобныя выходки. Аѳинскій сенатъ, которому принадлежала иниціатива всѣхъ дѣлъ, и который поэтому первый выслушалъ представителей Спарты, принялъ ихъ хорошо, и Алкивіадъ долженъ былъ опасаться, что они будутъ имѣть успѣхъ на слѣдующій день въ народномъ собраніи. Чтобы помѣшать этому, онъ пошелъ къ нимъ и сказалъ, что если они объявятъ народу, какъ объявили сенату, что имъ дано неограниченное полномочіе, то народъ потребуетъ отъ нихъ невозможнаго, и они ничего не успѣютъ сдѣлать. Посовѣтовавъ имъ остерегаться этой ошибки, онъ обѣщалъ всѣми силами поддерживать ихъ дѣло. Послы дались въ обманъ, и въ народномъ собраніи объявили, что имѣютъ лишь ограниченныя полномочія. Тогда Алкивіадъ тотчасъ же обратился къ народу съ восклицаніемъ: «Слышите! Сегодня они говорятъ сенату одно, а завтра народному собранію другое; можно ли связываться съ такимъ ненадежнымъ правительствомъ?» Естественно, что послѣ этого народъ не захотѣлъ слышать о союзѣ съ Спартой, и, не смотря на всѣ представленія Никія и другихъ, заключилъ по совѣту Алкивіада союзъ съ Аргосомъ, Мантинеей и Элидой (420 до р. Ф.).

Слѣдствіемъ этого союза была война между спартанцами и аргосцами. Она продолжалась нѣсколько лѣтъ и въ ней приняли участіе аѳиняне, какъ союзники аргосцевъ. Кромѣ того, въ Аргосѣ вспыхнула ожесточенная борьба партій, вызвавшая двѣ революціи и кончившаяся наконецъ тѣмъ, что въ 416 году аѳиняне схватили триста гражданъ аристократической партіи и на двадцати корабляхъ развезли ихъ по разнымъ островамъ Эгейскаго моря. Въ томъ же году отъ произвола аѳинянъ пострадалъ островъ Мелосъ, обыкновенно причисляемый къ Кикладамъ. Жители его подверглись той же участи, какую испытали несчастные скіонцы. Мелійцы, принадлежавшіе къ дорійскому племени и до тѣхъ поръ соблюдавшіе нейтралитетъ, были принуждены подчиниться Аѳинамъ. Они защищались съ большимъ мужествомъ, но должны были наконецъ уступить превосходству непріятельскихъ силъ и сдаться. Жестокій аѳинскій народъ страшно наказалъ ихъ

за геройскую защиту свободы. Всѣ мужчины острова были казнены, женщины и дѣти проданы въ рабство, а земли розданы пятистамъ аѳинскимъ поселенцамъ.

11. Возобновленіе Пелопоннесской войны и предпріятія аѳинянъ въ Сициліи.

Военныя дѣйствія, о которыхъ мы говорили выше, не были считаемы ни спартанцами, ни аѳинянами за нарушеніе мира; но при всемъ томъ онъ не могъ быть проченъ. Поводомъ къ возобновленію войны были событія въ Сициліи, въ 416 году. Война аѳинянъ противъ Сиракузъ и другихъ сицилійскихъ городовъ, начатая ими съ 427 года, была, вообще, довольно удачна, но въ 424 году усилія одного сицилійскаго патріота положили конецъ ей. Слѣдуя примѣру двухъ городовъ, которые въ предшествовавшую зиму отдѣлились отъ своихъ союзниковъ и заключили между собою миръ, другія сицилійскія государства послали въ одинъ изъ этихъ городовъ депутатовъ для переговоровъ о прекращеніи войны. На этомъ собраніи уроженцу Сиракузъ Гермократу удалось убѣдить своихъ соотечественниковъ въ неблагоразуміи давать поводъ ко вмѣшательству аѳинянъ въ дѣла Сициліи, и въ необходимости, для выгодъ всѣхъ государствъ острова, удалить ихъ оттуда и прекратить для этого всѣ внутреннія распри. Вслѣдствіе этихъ соображеній сицилійцы заключили всеобщій миръ, и аѳинскій флотъ, оставленный своими союзниками, былъ принужденъ отправиться въ Грецію. По возвращеніи его въ Аѳины, народъ наказалъ трехъ главныхъ начальниковъ за то, что они не сумѣли помѣшать заключенію союза. Ихъ заподозрили въ подкупѣ, и двоихъ изъ нихъ сослали, а третій, пользовавшійся большою популярностью, былъ приговоренъ къ уплатѣ денежной пени.

Восемь лѣтъ спустя (въ 416 году), города Сегеста и Селинунтъ поссорились между собою; послѣдній былъ поддерживаемъ могущественными Сиракузами, а противники его рѣшились просить помощи Аѳинъ. Въ исполненіи этой просьбы Алкивіадъ увидѣлъ вѣрнѣйшій путь къ тому, чтобы играть блестящую роль, и потому употребилъ всѣ бывшія въ его рукахъ средства, чтобы расположить народъ въ пользу этого предпріятія. Онъ представилъ аѳинянамъ, что оно дастъ ихъ городу превосходнѣйшій случай не только покорить Сиракузы, могущественный дорійскій городъ, но и утвердить демократію во всей Сициліи, и такимъ образомъ сдѣлать первый шагъ къ всемірному владычеству. Благоразумные граждане, въ томъ числѣ Никій, старались своими основательными возраженіями удержать народъ отъ увлеченія; но усилія ихъ были напрасны. Побѣда осталась за Алкивіадомъ, планъ котораго льстилъ самолюбію народа, и въ 415 году, безъ всякаго знанія о положеніи дѣлъ, было рѣшено отправить экспедицію противъ острова, размѣры и населенность котораго не были даже приблизительно извѣстны большей части аѳинянъ, и завоеваніе котораго составляло почти столь же трудную задачу, какъ покореніе Пелопоннеса.

Приготовленія аѳинянъ къ войнѣ съ Сициліей были громадны. На это опасное предпріятіе они употребили всѣ сокровища государства, всѣ отборнѣйшія войска свои и самые лучшіе корабли. Флотъ, снаряженный ими, состоялъ изъ ста тридцати четырехъ большихъ кораблей, изъ которыхъ тридцать четыре были выставлены союзниками. Въ войскѣ, составленномъ изъ аѳинянъ, аргосцевъ, мантинейцевъ и другихъ союзниковъ, считалось 5,100 тяжело-вооруженныхъ и 1,300 человѣкъ легкихъ воиновъ. Никогда еще отдѣльное греческое государство не снаряжало такихъ значительныхъ силъ; и правительство, и граждане, участвовавшие въ этомъ вооруженіи лично или тріерархіями, не щадили ничего, чтобы дать экспедиціи возможно блистательный видъ. Все населеніе Аѳинъ соперничало въ усиліяхъ, чтобы и войско и флотъ не имѣли себѣ подобныхъ, прославили могущество роднаго города передъ лицомъ всей Греціи и соотвѣтствовали тѣмъ блестящимъ ожиданіямъ и надеждамъ, ради которыхъ снаряжалась экспедиція. Начальниками ея сдѣлали Никія, Ламаха и Алкивіада. Только такой человѣкъ, какъ Алкивіадъ, былъ въ состояніи съ успѣхомъ выполнить предпріятіе, гдѣ всего нужнѣе было умѣніе пріобрѣсти довѣріе арміи и флота и искусство вести переговоры съ враж-

дующими партіями различныхъ сицилійскихъ государствъ, и гдѣ тактическія свѣдѣнія являлись уже на второмъ планѣ. Къ несчастію для Аѳинъ, армія лишилась этого предводителя, вскорѣ послѣ высадки своей въ Сициліи.

Алкивіадъ имѣлъ въ Аѳинахъ очень много враговъ, потому что его роскошь и оргіи, такъ же какъ громадные дерзкіе планы, обнаруживавшіеся при каждомъ удобномъ случаѣ, заставляли многихъ аѳинянъ подозрѣвать его въ стремленіи къ единовластію. До отправленія флота, они чрезвычайно дѣятельно, но напрасно старались отнять командованіе у Алкивіада и отдать его въ другія руки. Флотъ отплылъ; но враги продолжали замышлять погибель Алкивіада и для этого воспользовались происшествіемъ, случившимся въ Аѳинахъ. Въ этомъ городѣ было множество такъ называемыхъ гермовъ, маленькихъ четыреугольныхъ столбовъ, верхній конецъ которыхъ былъ изваянъ въ видѣ человѣческой головы, и которые считаются остатками первобытнаго способа изображать людей и боговъ. Гермы ставились на площадяхъ, передъ храмами и жилищами и служили украшеніемъ и указательными столбиками, но такъ какъ большая часть изъ нихъ была посвящена богу Гермесу или Меркурію, то ихъ считали отчасти священными. Однажды ночью, незадолго до отплытія флота, почти всѣ эти гермы были изуродованы. Въ государствѣ, гдѣ право не зависитъ отъ буквы закона, все приносится въ жертву суевѣрію, страстямъ и ненависти партій. Въ этомъ отношеніи все равно, зависитъ ли правительство отъ произвола одного лица, платящаго дань страстямъ и предразсудкамъ, или отъ прихотей многочисленной, грубой толпы. Суевѣріе беретъ верхъ надъ религіей, всякій поступокъ можно назвать преступнымъ заговоромъ, и обвинить въ немъ кого угодно. Происшествіе съ гермами взволновало Аѳины, и враги Алкивіада воспользовались этимъ, чтобы возбудить въ народѣ подозрѣніе, что преступленіе это совершено Алкивіадомъ и товарищами его ночныхъ похожденій. Въ то же время былъ распущенъ слухъ, что Алкивіадъ осквернилъ элевсинскія таинства (стр. 64), осмѣлившись, вмѣстѣ съ своими пріятелями, пародировать во время оргіи священныя церемоніи Элевсина. Вмѣстѣ съ этими слухами, которыми старались взволновать народъ, въ немъ распространяли мнѣніе, что такіе поступки Алкивіада имѣютъ связь съ его тайными посягательствами на свободу и учрежденія государства. Понявъ намѣренія своихъ враговъ, Алкивіадъ потребовалъ передъ отъѣздомъ въ походъ, чтобы надъ нимъ было наряжено слѣдствіе, но враги его употребили всѣ средства, чтобъ воспрепятствовать этому. Онъ имѣлъ въ Аѳинахъ громадное вліяніе. Молодежь боготворила его, старики боялись, мантинейская и аргосская часть арміи, согласившаяся идти въ походъ только ради его, могла въ случаѣ его осужденія отказаться отъ участія въ экспедиціи. Потому, можно было считать несомнѣннымъ, что Алкивіадъ, правый или виноватый, будетъ оправданъ во всякомъ случаѣ. Во избѣжаніе такого результата, враги его уговорили народъ постановить, что экспедиція не должна быть замедляема этимъ происшествіемъ, и Алкивіаду слѣдуетъ отправиться вмѣстѣ съ ней, а судъ надъ нимъ откладывается до другаго времени.

По удаленіи Алкивіада, врагамъ его открылось свободное поле дѣйствій, и они повели противъ него уголовное слѣдствіе самымъ возмутительнымъ образомъ. Нельзя безъ отвращенія глядѣть на демократическое государство, гдѣ, по проискамъ личныхъ враговъ, судебное дѣло могло быть ведено такъ безпорядочно и такъ тиранически, подъ видомъ законности. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого процесса, весьма подробно разсказаннаго въ нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ, можно почти думать, что Алкивіадъ, не смотря на свой развратъ и безсовѣстность, все-таки былъ однимъ изъ лучшихъ гражданъ въ Аѳинахъ, по крайней мѣрѣ, если сравнить его съ другими обвиненными и съ обвинителями. Враги Алкивіада, во главѣ которыхъ стоялъ демагогъ Андроклъ, прежде всего привели въ народное собраніе одного изъ слугъ Алкивіада, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ метекомъ. Тотъ объявилъ, что однажды своими глазами видѣлъ, какъ Алкивіадъ съ нѣсколькими пріятелями пародировалъ священные обряды таинствъ. На основаніи этого показанія, которое, кажется, было вѣрно и нисколько не противорѣчитъ характеру Алкивіада и его товарищей, одного изъ обвиненныхъ метекомъ схватили и подвергли смертной казни. Остальные успѣли бѣжать. Послѣ того обвинители пріискали подобныхъ же свидѣтелей; на основаніи ихъ показаній было схвачено и казнено еще нѣсколько человѣкъ. Доносчикамъ давали большія денеж-

ныя награды, потому многочисленные аѳинскіе законники, сообразивъ, какъ выгодно это дѣло, присоединили къ слѣдствію происшествіе съ гермами, и новые свидѣтели еще болѣе взволновали народъ. Два демагога, назначенные слѣдственными судьями, воспользовались своею должностью, какъ средствомъ пріобрѣсти расположеніе народа. Было рѣшено, что дѣло это нужно изслѣдовать глубже, что подъ нимъ скрывается опасный заговоръ, въ которомъ замѣшано много лицъ, что цѣль его — уничтоженіе народнаго владычества и т. п. Одинъ гражданинъ, впослѣдствіи признавшійся, что его подговорили къ фальшивому показанію, явился обвинителемъ трехсотъ человѣкъ; народъ увѣнчалъ его за то, какъ спасителя отечества, и допустилъ къ чести обѣдать въ пританеѣ. Послѣдовали новые аресты и казни; нѣкоторые изъ арестованныхъ купили себѣ прощеніе ложными показаніями. Алкивіада велѣно было схватить, привезти въ Аѳины и казнить тамъ, вмѣстѣ съ другими. За нимъ послали въ Сицилію аѳинскій корабль. Но всѣмъ была извѣстна привязанность арміи къ Алкивіаду, и посланному герольду было приказано не задерживать его прямо, а любезно предложить ему вернуться вмѣстѣ съ нимъ въ Аѳины, чтобы оправдаться тамъ въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ.

Въ Сициліи до тѣхъ поръ все шло прекрасно, потому что Алкивіадъ искусно велъ предпріятіе. Когда явился корабль, присланный за нимъ (августъ 415 года), Алкивіадъ спокойно исполнилъ требованіе герольда, дѣлая видъ, что хочетъ явиться въ судъ. Но въ гавани Турія, въ нижней Италіи, онъ внезапно скрылся. Тогда аѳиняне заочно приговорили его къ смерти. Изъ Турія Алкивіадъ бѣжалъ въ Аргосъ, гдѣ имѣлъ большія связи. Но и здѣсь онъ не могъ оставаться долго, потому что аѳиняне требовали его выдачи. Поэтому онъ обратился къ спартанцамъ, получилъ отъ нихъ обѣщаніе радушнаго пріема и вслѣдъ затѣмъ отправился въ Спарту. Тамъ онъ поддержалъ посольство сиракузянъ, явившееся просить помощи у спартанскаго сената и своей метрополіи, Коринѳа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ научилъ спартанцевъ, какъ нужно вести войну въ Греціи, дѣйствительно пагубную для Аѳинъ. Вскорѣ потомъ въ Спартѣ былъ снаряженъ отрядъ въ три тысячи человѣкъ (большею частью коринѳянъ) и посланъ въ Сицилію подъ начальствомъ спартанца Г и л и п п а.

Между тѣмъ Никій и Ламахъ успѣшно продолжали войну и осадили Сиракузы. Ламахъ вскорѣ былъ убитъ въ незначительномъ сраженіи; но Никій, получившій изъ Аѳинъ достаточно кавалеріи и около 500,000 руб. (на наши деньги), успѣлъ довести сиракузянъ до послѣдней крайности. Городъ уже готовился къ сдачѣ, когда въ его стѣнахъ явился Гилиппъ, совершенно измѣнившій положеніе дѣлъ (414 до р. Х.). Этотъ искусный спартанскій полководецъ оживилъ упавшій духъ сиракузянъ, отлично усилилъ ихъ оборонительныя средства и соединилъ разрозненныя силы различныхъ дорійскихъ государствъ въ Сициліи. Никій, поставленный въ крайне затруднительное положеніе, былъ вскорѣ окруженъ съ моря и суши. Въ концѣ того же года (414) онъ уже писалъ аѳинянамъ, что принужденъ будетъ отказаться отъ осады, если не получитъ подкрѣпленія войскомъ и кораблями. Въ это время военныя дѣйствія возобновились и въ самой Греціи. Аѳиняне, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же отозвать изъ Сициліи всѣ остававшіяся тамъ силы, весною слѣдующаго года послали туда на помощь Никію своего лучшаго полководца, Демосѳена, съ семидесятью тремя кораблями и пятью тысячами тяжеловооруженныхъ. Но и сиракузяне, флотъ которыхъ состоялъ тогда уже изъ ста восьмидесяти кораблей, также были подкрѣплены пелопоннесскими кораблями. По прибытіи Демосѳена, аѳиняне произвели рѣшительный приступъ противъ Сиракузъ, но были отбиты съ огромнымъ урономъ. Послѣ того несчастія слѣдовали за несчастіями. Аѳинскій флотъ былъ уничтоженъ въ четырехъ неудачныхъ сраженіяхъ, и сухопутное войско увидѣло себя, наконецъ, принужденнымъ отступить во внутренность острова. Аѳиняне раздѣлились на два отряда и, совершенно изнеможенные, терпя недостатокъ въ продовольствіи и безостановочно преслѣдуемые сиракузянами, потянулись черезъ мѣстности, гдѣ все было имъ чуждо и враждебно, а знакомо и открыто непріятелю. Отряды эти были, наконецъ, отрѣзаны одинъ отъ другаго, и Демосѳену пришлось положить оружіе. Тогда и Никій, потерявъ всякую возможность сопротивляться, послѣ непродолжительнаго боя, также сдался непріятелю (сентябрь 413 года).

Судьба плѣнныхъ, число которыхъ простиралось до семи тысячъ, была ужасна:

оба начальника сдѣлались жертвами ярости сиракузянъ, которые тогда ввели у себя демократическія учрежденія. Гилиппъ тщетно старался спасти ихъ, желая отвести съ собою въ Спарту и такимъ образомъ увеличить блескъ своихъ подвиговъ. Сиракузяне и пелопоннесскіе ихъ союзники ненавидѣли Демосѳена, какъ своего всегдашняго противника. Никій былъ, напротивъ того, постояннымъ приверженцемъ мира и спартанскихъ учрежденій; но противъ него были озлоблены коринѳяне и, кромѣ того, многіе изъ жителей Сиракузъ, находившіеся въ тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ, боялись, что имена ихъ будутъ открыты, если онъ останется живъ. Потому и Демосѳенъ, и Никій были приговорены къ смерти и казнены. Всѣ прочіе плѣнные подверглись жестокому рабству. Ихъ отвели въ сиракузскія каменоломни, гдѣ работали одни преступники. Тутъ имъ пришлось исполнять изнурительныя работы, выносить всякаго рода бѣдствія: днемъ ихъ жгло солнце, ночью они не имѣли защиты отъ холода. Ихъ заставляли терпѣть голодъ и жажду и на ночь загоняли въ чрезвычайно тѣсное помѣщеніе. Многіе изъ нихъ заболѣли послѣ нѣсколькихъ дней такой жизни, но и больнымъ не было оказано никакой помощи. Тѣла умершихъ страдальцевъ оставляли въ каменоломняхъ безъ погребенія. Только чрезъ семьдесятъ дней, когда получили свободу плѣнные сицилійцы, часть изъ нихъ была избавлена отъ этихъ ужасныхъ мученій. Кромѣ аѳинянъ, работавшихъ въ каменоломняхъ, были взяты въ плѣнъ и всѣ тѣ, которые пытались спастись бѣгствомъ еще до сдачи арміи. Ихъ также обратили въ рабство. Во всѣхъ сицилійскихъ городахъ встрѣчались рабы, бывшіе граждане Аѳинъ. Немногіе успѣли вернуться на родину. Разсказываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ были обязаны своимъ освобожденіемъ трагедіямъ Эврипида. Они старались облегчить свою участь пѣніемъ отрывковъ изъ произведеній этого писателя; и пѣніе ихъ тронуло сердца ихъ господъ. Освободившись, они тотчасъ по возвращеніи на родину пошли благодарить поэта, которому были обязаны своею свободою.

Въ Аѳинахъ сначала не хотѣли вѣрить бѣдственному исходу сицилійской экспедиціи, но положительное извѣстіе о немъ произвело величайшее смятеніе. Народъ, лишившійся великолѣпнаго флота и лучшихъ своихъ войскъ, вылилъ свой гнѣвъ на тѣхъ, которые нѣкогда защищали мысль его экспедиціи или, какъ жрецы-гадатели, предсказывали ей счастливую развязку. Въ то же время всѣми овладѣлъ паническій страхъ за послѣдствія этого пораженія. Въ Сициліи погибъ цвѣтъ аѳинской молодежи, число оставшихся кораблей не удовлетворяло потребностямъ времени; казна была пуста. А между тѣмъ Аѳины снова находились въ открытой враждѣ съ пелопоннесцами, къ которымъ присоединились персы и недовольные аѳинскіе союзники. Алкивіадъ училъ неопытныхъ спартанцевъ, какъ обманывать при политическихъ переговорахъ, и помогъ имъ образовать громадный союзъ. Мысль о страшныхъ опасностяхъ, грозившихъ государству, побудила аѳинянъ прибѣгнуть къ величайшимъ усиліямъ, и народъ одобрилъ всѣ мѣры, какія только казались нужными для удержанія за Аѳинами ихъ мѣста въ ряду греческихъ государствъ. Вслѣдствіе того были ограничены государственные расходы, построены новые корабли, приняты необходимыя предосторожности для наблюденія за союзниками и, наконецъ, для распоряженій по всѣмъ этимъ предметамъ, была учреждена особенная коммисія изъ людей, уже достигшихъ преклоннаго возраста.

12. Событія Пелопоннесской войны въ собственной Греціи, отъ возобновленія военныхъ дѣйствій до возвращенія Алкивіада въ Аѳины.

Весною 413 года до р. Х. война возобновилась въ самой Греціи и, благодаря совѣту, данному спартанцамъ Алкивіадомъ, съ самаго же начала приняла оборотъ, очень опасный для Аѳинъ. Алкивіадъ обратилъ вниманіе враговъ своей родины на безплодность ихъ прежнихъ ежегодныхъ вторженій въ Аттику, посовѣтовалъ имъ занять какое-нибудь одно укрѣпленное мѣсто, неподалеку отъ Аѳинъ, и уже оттуда постоянно опустошать Аттику и поддерживать страхъ въ

тамошнемъ населеніи. Спартанцы приняли этотъ совѣтъ и избрали мѣстечко Декелію въ Аттикѣ, отстоявшее мили на три отъ Аѳинъ и отъ Ѳивъ и удобное для возведенія на немъ укрѣпленій. Тамъ былъ поставленъ значительный гарнизонъ, очень сильно тревожившій аѳинянъ и затруднявшій сообщенія ихъ съ собственными владѣніями въ Аттикѣ, такъ что до 407 года, когда Алкивіадъ снова вернулся въ Аѳины, аѳиняне не иначе, какъ моремъ, могли совершать свои торжественныя процессіи въ Элевзинъ.

Въ то самое время, когда Аѳины были такъ стѣснены въ самой Аттикѣ, имъ стала угрожать большая опасность и на морѣ. Нѣкоторые изъ ихъ важнѣйшихъ союзниковъ: Эвбея, Лесбосъ, Хіосъ и городъ Эритры въ Іоніи, завели тайные переговоры съ непріятелемъ и ждали только появленія спартанскаго флота, чтобы отложиться отъ Аѳинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ противъ нихъ вооружился и персидскій царь. Въ Персіи съ 423 года царствовалъ Дарій II, сынъ Артаксеркса I, прозванный греками Нотомъ, т. е. побочнымъ, потому что былъ рожденъ не отъ законнаго брака. Персы нашли, что положеніе аѳинянъ даетъ имъ благопріятный случай снова подчинить своему владычеству малоазійскіе города, покоренные греками. Поэтому два персидскихъ сатрапа, Фарнабазъ, намѣстникъ Геллеспонта, и Тиссафернъ, намѣстникъ Іоніи и Каріи, отправили въ Спарту пословъ своихъ въ то самое время, когда туда были посланы депутаты Эритры, Хіоса и Лесбоса. По заключенному тамъ условію, пелопоннесскій флотъ, подъ начальствомъ спартанца Халкидея, поплылъ въ 412 году къ берегамъ Іоніи. На флотѣ находился и знатокъ въ дѣлѣ переговоровъ и обмана — Алкивіадъ. Лишь только спартанскіе корабли появились въ этихъ водахъ, Хіосъ и Эритры отпали отъ Аѳинъ. Другой іонійскій городъ, Клазомены, послѣдовалъ ихъ примѣру, а чрезъ нѣсколько времени къ пелопоннесскому союзу пристали также Теосъ, Милетъ и, нѣсколько позднѣе, могущественный Родосъ.

Чтобы послать къ берегамъ Малой Азіи достаточно сильный флотъ, аѳиняне принуждены были обратиться къ своей запасной кассѣ, т. е. къ той тысячи талантовъ (1.350,000 р. сер.), которую они въ началѣ войны отложили на случай крайней опасности. Но спартанцы незадолго передъ тѣмъ заключили съ Тиссаферномъ два договора, по которымъ признали верховное владычество персовъ надъ греческими городами Малой Азіи, а Тиссафернъ обязался выплачивать слѣдующее матросамъ пелопоннесскаго флота жалованье. Вслѣдствіе этого спартанцы, къ которымъ присоединились и сицилійскіе корабли, стали сильнѣе аѳинянъ и на морѣ. Произошло нѣсколько сраженій, въ которыхъ счастіе переходило то на ту, то на другую сторону. Ни одно изъ нихъ не имѣло рѣшительнаго вліянія на ходъ войны. Но по поводу нѣкоторыхъ статей договора, заключеннаго спартанцами съ Тиссаферномъ, между ними возникли недоразумѣнія. Споры эти уладились, но послѣдствія ихъ были важны, потому что они облегчили осуществленіе дальнѣйшихъ плановъ Алкивіаду, въ отношеніяхъ котораго къ спартанцамъ тогда произошла перемѣна.

Въ Спартѣ, гдѣ знатныя женщины вели довольно свободную жизнь, Алкивіадъ вступилъ въ весьма близкія отношенія къ женѣ царя Агиса I, и тѣмъ навлекъ на себя его ожесточенную ненависть. Значительное вліяніе на государственныя дѣла, пріобрѣтенное Алкивіадомъ, еще болѣе усилило ихъ вражду; потому положеніе Алкивіада быстро измѣнилось, когда другъ его, командиръ спартанскаго флота, Халкидей, вмѣстѣ съ нимъ отправленный въ Малую Азію, былъ убитъ въ сраженіи. Въ это же время мѣста эфоровъ были заняты новыми лицами, такъ что Алкивіадъ вдругъ потерялъ все свое прежнее вліяніе, и его стали даже подозрѣвать въ недоброжелательствѣ и враждебныхъ замыслахъ. Новые правители послали командиру флота, Астіоху, приказаніе тайно отдѣлаться отъ него. Алкивіадъ, узнавшій объ этомъ, не могъ быть спокоенъ даже за свою жизнь. Онъ избѣжалъ преслѣдованій враговъ тѣмъ, что сначала уѣхалъ къ Тиссаферну, а потомъ старался искусными мѣрами облегчить себѣ возвращеніе въ Аѳины. Прежде всего онъ уговорилъ Тиссаферна уменьшить жалованье пелопоннесцамъ, обративъ вниманіе сатрапа на то, что аѳиняне всегда платили своимъ морякамъ вдвое меньше, чѣмъ онъ пелопоннесцамъ. Потомъ онъ доказалъ ему, что политика Персіи требуетъ не возвышенія Спарты на счетъ Аѳинъ, а поддержанія равновѣсія и постоянной вражды между этими двумя державами. Подобными доводами Акли-

віадъ успѣлъ склонить сатрапа отказать пелопоннесцамъ въ присылкѣ обѣщанныхъ имъ финикійскихъ кораблей и тѣмъ принудилъ флотъ ихъ къ бездѣйствію.

Въ то же время Алкивіадъ хлопоталъ чтобъ ему дозволили возвратиться въ Аѳины. Для этого онъ воспользовался слабымъ вліяніемъ, которое имѣлъ на Тиссаферна, и тайно предложилъ одному изъ важнѣйшихъ лицъ аѳинскаго флота уговорить персовъ разорвать союзъ со Спартой. Онъ утверждалъ, что сатрапъ, уступившій его настояніямъ объ уменьшеніи жалованья, точно также согласится совершенно прекратить спартанцамъ платежи субсидій; спартанцы же не могутъ продолжать войну на морѣ безъ персидскаго золота. Значительнѣйшіе изъ гражданъ, находившихся въ аѳинскомъ флотѣ, и всѣ его командиры, за исключеніемъ двухъ, Фриниха и Скиронида, отъ которыхъ дѣло это было скрыто, согласились начать переговоры. Съ ними Алкивіадъ и условился, какія мѣры нужно принять, чтобъ сдѣлать возможнымъ его возвращеніе. Онъ ясно видѣлъ, что оно невозможно, пока въ Аѳинахъ не перестанутъ господствовать изгнавшіе его демагоги; а ихъ нельзя было удалить, не измѣнивъ государственнаго устройства. Потому обѣ договаривавшіяся стороны условились ввести олигархію, и для этого положено было отправить въ Аѳины Писандра съ нѣсколькими другими депутатами. Между тѣмъ слухи о планахъ, составлявшихся въ пользу Алкивіада и олигархіи, дошли до Фриниха. Узнавъ объ нихъ, онъ старался помѣшать дѣлу, сообщивъ обо всемъ командиру спартанскаго флота. Но Астіохъ, бывшій клевретомъ Тиссаферна и, какъ говорятъ, получавшій отъ него жалованье, воспользовался сообщенными свѣдѣніями совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ Фринихъ, а передалъ все Тиссаферну и самому Алкивіаду. Такимъ образомъ Фринихъ не достигъ своей цѣли, а напротивъ того, поставилъ самого себя въ чрезвычайно опасное положеніе. Алкивіадъ извѣстилъ объ этомъ дѣлѣ своихъ сторонниковъ въ аѳинскомъ флотѣ, и Фринихъ только необыкновенно хитрымъ поведеніемъ успѣлъ выпутаться изъ сѣтей, которыя самъ себѣ разставилъ. Депутаты войска явились въ Аѳины въ началѣ 411 года и стали хлопотать о возвращеніи Алкивіада и объ измѣненіи управленія. Сначала народъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Но Писандръ, обративъ его вниманіе на затруднительность положенія Аѳинъ въ отношеніи пелопоннесцевъ и персовъ, принудилъ этимъ замолчать враговъ Алкивіада и вообще всѣхъ гражданъ, имѣвшихъ нѣкоторое вліяніе, и нѣсколько примирилъ народъ съ мыслью объ олигархіи. Народное собраніе рѣшило отправить Писандра съ десятью другими гражданами въ Персію, для переговоровъ съ Тиссаферномъ и Алкивіадомъ. Въ то же время Фринихъ и Скиронидъ были замѣчены двумя другими стратегами. Дѣло шло отлично; но, чтобы послѣ отъѣзда пословъ оно не повернуло въ другую сторону, Писандръ обратился къ синомосіямъ, или аристократическимъ клубамъ, которые составлялись въ Аѳинахъ богатѣйшими гражданами для дружнаго преслѣдованія различныхъ плановъ, потому что только такимъ путемъ и можно было сдѣлать что-нибудь противъ демагоговъ. Эти клубы старались въ отсутствіи Писандра кончить начатое имъ дѣло.

По возвращеніи Писандра къ флоту, положеніе дѣлъ оказалось не совсѣмъ такимъ, какъ думали. Алкивіадъ не имѣлъ безусловнаго вліянія надъ Тиссаферномъ, державшимъ сторону пелопоннесцевъ. Когда послы явились къ персидскому сатрапу, онъ обратился къ нимъ съ требованіями, на которыя они никакъ не могли согласиться, и потому аѳиняне оставили его, ничего не достигнувъ, а Тиссафернъ тотчасъ же заключилъ съ спартанцами новый договоръ, возстановлявшій ихъ прежнія отношенія. Эти обстоятельства побудили Писандра и другихъ заговорщиковъ въ арміи не заботиться больше объ Алкивіадѣ, а для собственной своей выгоды осуществить планъ перемѣны управленія въ Аѳинахъ и въ союзныхъ государствахъ. Писандръ и половина коммисаровъ, посланныхъ съ нимъ народнымъ собраніемъ, были тотчасъ же отправлены назадъ въ Аѳины. Имъ поручили отмѣнить демократію, какъ въ самыхъ Аѳинахъ, такъ и во всѣхъ союзныхъ государствахъ, гдѣ придется высаживаться на пути. Для введенія олигархіи въ прочихъ государствахъ аѳинскаго союза, отправились, порознь, остальные коммисары. Кажется, что попытка эта имѣла успѣхъ у всѣхъ союзниковъ. Но слѣдствіемъ ея было то, что многія изъ новыхъ олигархическихъ правительствъ отпали отъ аѳинянъ и пристали къ спартанцамъ, союзъ съ которыми представлялъ имъ гораздо болѣе ручательствъ въ поддержаніи выгоднаго для нихъ устройства.

Между тѣмъ въ Аѳинахъ сторонники Писандра уже успѣли все приготовить къ его возвращенію. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: ораторъ Антифонъ, душа всей партіи, Тераменъ, впослѣдствіи еще болѣе прославившійся, какъ одинъ изъ такъ называемыхъ тридцати тирановъ, бывшій стратегъ Фринихъ, примкнувшій къ олигархамъ, какъ только послѣдніе отступились отъ Алкивіада, Аристархъ, Аристократъ и Алексиклъ. Они со своими приверженцами уже сбыли съ рукъ самаго вліятельнаго изъ демагоговъ, Андрокла, и другихъ предводителей враждебной партіи, и перебили всѣхъ гражданъ, осмѣлившихся возвышать противъ нихъ голосъ въ народномъ собраніи. Олигархи держали городъ въ такомъ страхѣ, что ни народъ, ни совѣтъ не смѣли ничего рѣшить противъ ихъ желанія и боялись даже назначить слѣдствіе по поводу совершенныхъ убійствъ. Среди такихъ обстоятельствъ заговорщикамъ было тѣмъ легче измѣнить управленіе тотчасъ послѣ пріѣзда Писандра (мартъ 411 года), что незадолго передъ тѣмъ спартанская армія, подъ начальствомъ Деркиллида, явилась на Геллеспонтѣ и отняла у Аѳинъ Абидосъ, Сестъ и Лампсакъ, а эвбейскіе города открыто возстали. Совѣтъ и народное собраніе были распущены, и первый замѣненъ коммисіею изъ четырехсотъ человѣкъ. Сто изъ нихъ были избраны народомъ, и затѣмъ каждый изъ этихъ ста выбралъ еще трехъ. Новый совѣтъ, учредившій для охраненія себя вооруженную стражу, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всю правительственную власть; онъ имѣлъ право по собственному усмотрѣнію созывать народное собраніе изъ пяти тысячъ человѣкъ, для совѣщанія съ нимъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Олигархи начали свое управленіе ужасными жестокостями, умертвили нѣкоторыхъ подозрительныхъ имъ людей, а другихъ заключили въ темницу или изгнали. Пятитысячное народное собраніе не было созвано ими ни разу. Изъ прежнихъ изгнанниковъ они не возвратили на родину никого, опасаясь, чтобы вмѣстѣ съ ними не вернулся какъ-нибудь и талантливый Алкивіадъ. Зато они отправили посольства въ Декелію къ царю Агису, и въ Спарту, для переговоровъ о мирѣ.

Аѳинская армія, находившаяся вмѣстѣ съ флотомъ въ Самосѣ, и въ которой демократическая партія уже прежде имѣла перевѣсъ, очень неблагопріятно приняла извѣстіе о государственномъ переворотѣ, происшедшемъ въ Аѳинахъ. Руководимые двумя молодыми военачальниками, Трасибуломъ и Трасилломъ, войска объявили, что не намѣрены принимать приказаній отъ олигарховъ. По требованію своихъ предводителей, всѣ воины дали клятву въ ненависти къ олигархіи, въ неизмѣнной преданности родинѣ и въ готовности рѣшиться на все для противодѣйствія спартанцамъ. Послѣ того они смѣстили своихъ полководцевъ и всѣхъ подозрительныхъ начальниковъ и ввѣрили командованіе надъ арміей и флотомъ Трасибулу и Трасиллу. Въ томъ же мѣсяцѣ (апрѣлѣ) отъ Аѳинъ отпала Византія, и это обстоятельство при тогдашнемъ положеніи дѣлъ должно было заставить войско призвать къ себѣ Алкивіада. Убѣжденіе въ его необыкновенныхъ дарованіяхъ было такъ распространено и такъ сильно, что даже Трасибулъ, человѣкъ рожденный полководцемъ, видѣлъ въ его возвращеніи единственное средство отвратить грозившую опасность. Войска охотно приняли его предложеніе. Алкивіадъ, тотчасъ же явившійся въ Самосъ, былъ сдѣланъ главнокомандующимъ вмѣстѣ съ Трасибуломъ и Трасилломъ, и блистательный успѣхъ вполнѣ оправдалъ возложенныя на него ожиданія.

Прежде всего Алкивіадъ занялся успокоеніемъ ярости войскъ, горѣвшихъ желаніемъ мести, отклонилъ ихъ отъ намѣренія отправиться въ Аѳины и уничтожить олигарховъ. Этой мѣрой онъ спасъ Аѳины отъ страшныхъ междоусобій и отъ опасности, угрожавшей со стороны внѣшняго врага. По его предложенію армія объявила олигархамъ, что готова согласиться на существованіе народнаго собранія только изъ пяти тысячъ гражданъ, но требуетъ распущенія коммисіи четырехсотъ, возстановленія прежняго совѣта и не допускаетъ никакихъ уступокъ пелопоннесцамъ. Въ Аѳинахъ между тѣмъ олигархи перессорились между собой, и большинство ихъ, предводительствуемое Тераменомъ и Аристократомъ, соглашалось сдѣлать эти уступки демократіи. Прибытіе депутаціи отъ арміи въ Аѳины поддержало ихъ въ этомъ намѣреніи и, опираясь на демократовъ, они рѣшительно взяли сторону народа. Остальные, во главѣ которыхъ стояли Антифонъ, Фринихъ, Писандръ и Аристархъ, всячески хлопотали о мирѣ съ спартанцами,

и при входѣ въ Пирей построили фортъ, какъ для прикрытія Аѳинъ отъ возможнаго нападенія со стороны стоявшаго въ Самосѣ флота, такъ и для обезпеченія себя отъ своихъ враговъ въ самомъ городѣ. Этими мѣрами они еще болѣе раздражили своихъ противниковъ и навели на себя подозрѣніе въ предательскихъ сношеніяхъ со Спартой. Потому, когда Фринихъ, отправленный посломъ въ Спарту, вернулся въ Аѳины, его публично убили на площади. Волненіе все становилось сильнѣе и наконецъ перешло въ открытое возстаніе. Построенный въ Циреѣ фортъ былъ срытъ, и олигархамъ стоило большихъ трудовъ успокоить Аѳины. Но народъ окончательно возсталъ, когда спартанскій флотъ явился передъ Эвбеей, совершенно уничтожилъ высланный противъ него аѳинскій флотъ и овладѣлъ этимъ островомъ, откуда аѳиняне получали въ то время большую часть жизненныхъ припасовъ. Граждане собрались въ Пниксѣ, гдѣ обыкновенно происходили народныя собранія, объявили совѣтъ четырехсотъ распущеннымъ и передали управленіе пяти тысячамъ гражданъ, въ число которыхъ могъ быть принятъ всякій, внесенный въ списки тяжело-вооруженныхъ (въ концѣ іюня 411). Писандръ, Алексиклъ, Аристархъ и большинство ихъ приверженцевъ обратились въ бѣгство и удалились въ Декелію къ спартанцамъ. Спасаясь бѣгствомъ, Аристархъ успѣлъ завладѣть небольшою крѣпостцою Эноею, на границѣ Беотіи, и отдалъ ее непріятелю. Тотчасъ послѣ низложенія олигарховъ, народъ рѣшилъ призвать Алкивіада.

Новое устройство, принятое тогда аѳинскимъ народомъ, было умѣренною демократіею. Ѳукидидъ хвалилъ ее, какъ весьма разумное соединеніе олигархіи съ народнымъ владычествомъ, и говоритъ, что введеніе ея было первымъ шагомъ къ избавленію Аѳинъ отъ затруднительнаго положенія. Совѣтъ пятисотъ былъ возстановленъ и сталъ завѣдывать дѣлами, но вмѣсто прежняго народнаго собранія, заключавшаго всю массу гражданъ, составилось новое, только изъ пяти тысячъ человѣкъ. Впрочемъ, пора было кончить всякія внутреннія распри; потому что потеря Эвбеи, гдѣ за аѳинянами осталось только нѣсколько городовъ, до самыхъ основаній потрясла могущество Аѳинъ. Алкивіадъ, Трасибулъ и Трасиллъ явились тогда спасителями отечества. Послѣдніе двое, въ половинѣ іюля, одержали побѣду надъ новымъ командиромъ спартанскаго флота, Миндаромъ, на Геллеспонтѣ, между Сестомъ и Абидосомъ; въ сентябрѣ Алкивіадъ разбилъ его же при Абидосѣ. Вскорѣ послѣ того (въ началѣ 410 года) Алкивіадъ, отправившись къ Тиссаферну, былъ задержанъ имъ и отвезенъ плѣнникомъ въ Сарды; но черезъ мѣсяцъ онъ убѣжалъ оттуда и вернулся на флотъ. Между тѣмъ положеніе ясно обрисовалось, и аѳиняне поняли очень хорошо, что имъ нечего разсчитывать ни на денежную помощь персовъ, ни даже на расторженіе ихъ союза съ пелопоннесцами. Поэтому Алкивіадъ объявилъ войску, что нужно отважиться на рѣшительное сраженіе, потому что совершенно безпомощные Аѳины не въ силахъ долго выдерживать борьбу противъ персидскаго золота. Получивъ подкрѣпленіе изъ сорока новыхъ кораблей, приведенныхъ Трасибуломъ и Тераменомъ, онъ поплылъ навстрѣчу непріятелю, и при Кизикѣ далъ сраженіе, въ которомъ самъ Миндаръ былъ убитъ, а всѣ корабли пелопоннесцевъ потоплены или захвачены (въ іюлѣ 410 года). Какъ важенъ былъ этотъ успѣхъ, всего лучше видно изъ перехваченнаго аѳинянами письма, посланнаго помощникомъ Миндара спартанскому сенату, послѣ Кизикскаго сраженія. Письмо это по спартанскому обычаю состояло изъ немногихъ словъ: „Счастіе измѣнило. Миндаръ убитъ; люди наши терпятъ голодъ; мы не знаемъ что дѣлать!„ Вслѣдствіе этой побѣды, Алкивіадъ овладѣлъ Кизикомъ и нѣкоторыми другими пунктами на Геллеспонтѣ, и посредствомъ контрибуцій собралъ значительныя денежныя средства.

Слѣдующій годъ (409) прошелъ безъ важныхъ событій. Трасиллъ, отразивъ нападеніе царя Агиса на Аѳины, явился потомъ въ мало-азійскихъ водахъ съ подкрѣпленіемъ изъ тысячи тяжеловооруженныхъ и пятидесяти кораблей. Онъ и Алкивіадъ одержали, каждый отдѣльно, нѣсколько незначительныхъ побѣдъ надъ спартанцами и ихъ союзниками, которыхъ постоянно поддерживали персы. Но въ концѣ предшествовавшаго года спартанцы потеряли превосходнаго моряка, сиракузянина Гермократа, лишеннаго команды по проискамъ враждебной ему партіи въ Сициліи. Осенью оба предводителя аѳинянъ соединились и, втащивъ корабли свои на берегъ, на зимовку, съ сухопутными войсками разбили при Абидосѣ армію Фарнабаза.

Въ слѣдующемъ году (408) счастіе благопріятствовало всѣмъ предпріятіямъ аѳинянъ. Весною Алкивіадъ и Трасиллъ осадили лежавшій при входѣ въ Босфоръ городъ Халкедонъ, разбили спѣшившаго на помощь городу Фарнабаза и принудили его къ заключенію договора, по которому онъ обязался заплатить двадцать талантовъ (27,000 р.) и прекратить военныя дѣйствія. Послѣ того Алкивіадъ взялъ Халкедонъ, ѳракійскій городъ Селимбрію, на Пропонтидѣ, и наконецъ чрезвычайно важную Византію. Вскорѣ Трасибулъ покорилъ и другіе, перешедшіе на сторону спартанцевъ, города Ѳракіи, между тѣмъ какъ Алкивіадъ собиралъ контрибуціи на карійскомъ берегу, а пелопоннесскій флотъ оставался въ бездѣйствіи, не смѣя ничего предпринять.

Въ половинѣ слѣдующаго года (407) Алкивіадъ возвратился въ свой родной городъ, жители котораго все еще были такъ стѣснены спартанскимъ гарнизономъ Декеліи, что почти не смѣли показываться за городскими стѣнами. Народъ привѣтствовалъ возвращеніе его съ восторгомъ; ему одному приписывалось измѣненіе положенія дѣлъ и возстановленіе могущества Аѳинъ. Большая часть аѳинскаго населенія стремилась въ Пирей, на встрѣчу его эскадрѣ, украшенной оружіемъ и носами непріятельскихъ кораблей. Его приняли съ криками восторга, бросали ему вѣнки и указывали на него дѣтямъ, какъ на побѣдоноснаго спасителя отечества. Народное собраніе, гдѣ онъ явился тотчасъ послѣ своего выхода на берегъ, провозгласило его главнокомандующимъ арміи и флота, съ неограниченною властью, и снарядило для него огромныя вооруженныя силы, употребивъ на это всѣ средства государства. Приближалось время большаго празднества элевзинскихъ таинствъ. Алкивіадъ рѣшился воспользоваться имъ, чтобы еще болѣе возвысить свое значеніе и торжественно снять съ себя взведенное на него когда-то обвиненіе въ оскверненіи этого священнаго богослуженія. Со времени занятія Декеліи, торжественное шествіе народа въ Элевзинъ ниразу не могло совершиться сухимъ путемъ. Алкивіадъ разставилъ легкія войска по различнымъ пунктамъ дороги и на близъ лежащихъ высотахъ, послалъ кавалерійскіе разъѣзды по всѣмъ окрестностямъ, прикрылъ процессію тяжело-вооруженными, и такимъ образомъ благополучно провелъ въ Элевзинъ и обратно толпы восхищеннаго народа.

13. Послѣдніе годы Пелопоннесской войны.

Восторгъ аѳинянъ, увидавшихъ опять человѣка, который по ихъ мнѣнію могъ сдѣлать все, что захочетъ, продолжался очень недолго. Когда, черезъ два мѣсяца, Алкивіадъ снова явился на театрѣ военныхъ дѣйствій, онъ нашелъ положеніе дѣлъ значительно измѣнившимся. Командиромъ пелопоннесскаго флота былъ тогда спартанецъ Л и с а н д р ъ, соединявшій въ себѣ все, что было нужно для успѣшнаго продолженія войны; а персидское правительство, болѣе чѣмъ когда-нибудь, благоволило спартанцамъ. Лисандръ обладалъ большими военными дарованіями, и, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было еще важнѣе, отличался удивительною ловкостью и хитростью. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ коварныхъ людей, извѣстныхъ въ исторіи, и очень искусно умѣлъ соединять въ себѣ гордость и жестокость спартанца съ гибкостью и дипломатическою тонкостью персидскаго придворнаго. Его грубая гордость, коварство и безсовѣстность сдѣлались предметомъ анекдотовъ, достовѣрность которыхъ очень подозрительна; но какъ и другіе подобные разсказы про замѣчательныхъ людей, они мѣтко обрисовываютъ характеръ человѣка. Онъ, говорятъ, высказывалъ, какъ принципъ, что тамъ, гдѣ львиная кожа не годится, нужно надѣвать лисью, и что дѣтей обманываютъ игральными костями, а взрослыхъ клятвами. Когда однажды въ спорѣ за пограничныя владѣнія спартанцевъ съ аргосцами, послѣдніе представляли болѣе основательные доводы, Лисандръ показалъ имъ на свой мечъ и сказалъ, что это лучшій способъ доказательства. Мегарскому посланнику, выражавшемуся очень свободно въ разговорѣ съ нимъ, онъ сказалъ: чтобы говорить такъ, нужно быть представителемъ большаго города. Когда однажды беотійцы не хотѣли пропустить спартанцевъ чрезъ свои владѣнія, Лисандръ, объявилъ имъ, что въ сущ-

ности рѣчь идетъ только о томъ, какъ спартанцы пройдутъ чрезъ Беотію съ поднятыми или съ опущенными копьями.

Такой человѣкъ былъ какъ нельзя болѣе способенъ для веденія переговоровъ съ персидскимъ дворомъ и сатрапами. Въ это же время въ пользу спартанцевъ дѣятельно хлопоталъ одинъ изъ молодыхъ персидскихъ царевичей, Киръ Младшій, сынъ царя Дарія Нота и любимецъ матери своей Парисатиды, всячески старавшейся отличить его въ ущербъ старшему брату, будущему царю Артаксерксу Мнемону. Благодаря ея вліянію, онъ получилъ верховное намѣстничество надъ западными приморскими областями Малой Азіи; Тиссафернъ былъ только подчиненнымъ ему намѣстникомъ Іоніи и Каріи. Парисатида хотѣла, чтобы послѣ смерти Дарія на престолъ вступилъ Киръ. Но Артаксерксъ, какъ старшій, былъ уже провозглашенъ наслѣдникомъ, и потому она выхлопотала своему сыну мало-азійское намѣстничество, разсчитывая, что въ Малой Азіи онъ вступитъ въ союзъ съ греками и послѣ смерти царя съ помощью греческихъ наемниковъ свергнетъ брата съ престола. Явившись въ Малую Азію, Киръ всячески старался расположить грековъ и особенно спартанцевъ въ пользу своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Лисандръ, назначенный командиромъ флота, тотчасъ же поѣхалъ въ Эфесъ, а оттуда въ Сарды, къ молодому царевичу, и умѣлъ возбудить въ немъ полное довѣріе къ себѣ и сочувствіе къ спартанцамъ. Онъ мастерски игралъ роль царедворца и, слѣдуя той политикѣ, которая въ сношеніяхъ съ персидскими правителями одна только могла вести къ цѣли, добился отъ Кира возвышенія жалованья своимъ матросамъ до четырехъ оболовъ въ день (12 коп. сер.). Прямымъ слѣдствіемъ этого было, что аѳинскіе матросы, получавшіе всего три обола, стали цѣлыми толпами перебѣгать къ спартанцамъ.

Обстоятельства эти поставили Алкивіада въ большое затрудненіе. Флотъ его былъ сильнѣе спартанскаго по числу кораблей; но Лисандръ зналъ, что аѳиняне рано или поздно будутъ побѣждены дѣйствіемъ персидскаго золота, и потому старательно избѣгалъ всякаго столкновенія. Алкивіадъ понялъ его планъ и принялъ свои мѣры; но его погубили заносчивость и ослушаніе одного изъ подчиненныхъ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ отправился собирать ихъ на непріятельскій берегъ; онъ думалъ также посовѣтоваться съ Трасибуломъ, прибывшимъ съ своей эскадрой изъ Геллеспонта въ Фокею. Оставивъ флотъ, Алкивіадъ ввѣрилъ его младшему командиру Антіоху, приказавъ ему не вступать въ бой ни подъ какимъ предлогомъ. Человѣкъ тщеславный, Антіохъ не сумѣлъ выдержать искушенія. Онъ далъ битву спартанскому флоту, стоявшему на якорѣ недалеко отъ бухты, гдѣ былъ расположенъ флотъ аѳинянъ, проигралъ сраженіе, потерялъ пятнадцать кораблей и самъ былъ убитъ (октябрь 407 года). Побѣда Лисандра при Эфесѣ, была незначительна сама по себѣ; но тѣмъ важнѣе было впечатлѣніе, произведенное ею на аѳинянъ, слава, пріобрѣтенная Лисандромъ, и оживленіе готовности персовъ поддерживать спартанцевъ. Назначивъ Алкивіада главнокомандующимъ, аѳиняне ждали блистательныхъ успѣховъ и были удивлены извѣстіемъ объ Эфесскомъ пораженіи. Алкивіадъ, нисколько не виноватый въ неудачномъ исходѣ, все-таки подвергся упрекамъ. Враги Алкивіада обвинили его передъ народнымъ собраніемъ въ томъ, что онъ оставилъ флотъ только по своей страсти къ кутежу, ввѣривъ его съ непростительною безпечностью человѣку, совершенно неспособному, и утаилъ часть собранныхъ контрибуцій. Легкомысленные аѳиняне, довѣріе которыхъ къ Алкивіаду было уже потрясено укрѣпленіемъ союза между Спартой и персами, дались въ обманъ и повѣрили этимъ клеветамъ. Даже не выслушавши Алкивіада, они отняли у него предоставленную ему власть и такимъ образомъ сами лишили себя лучшаго изъ полководцевъ. Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ преслѣдованій, Алкивіадъ удалился въ свои ѳракійскія помѣстья, гдѣ, чтобы имѣть убѣжище на случай опасности, построилъ незадолго передъ тѣмъ небольшую крѣпостцу.

На мѣсто Алкивіада было назначено десять стратеговъ; способнѣйшими изъ нихъ были Трасиллъ и Кононъ. Къ счастію аѳинянъ, въ то же время вмѣсто Лисандра главнымъ начальникомъ надъ спартанской арміей былъ сдѣланъ Калликратидъ, далеко уступавшій своему предшественнику. Калликратидъ былъ суровый спартанецъ, неспособный толкаться въ переднихъ персидскихъ сатраповъ и покупать недостойной лестью то, чего нельзя было достигнуть прямымъ путемъ.

Принявъ начальство надъ флотомъ, онъ отправился въ Сарды, ко двору Кира, но прождавъ напрасно аудіенціи въ теченіе нѣсколькихъ дней, уѣхалъ, не видавши принца, и объявилъ, что стыдно грекамъ изъ-за денегъ унижаться передъ варварами. Обиженные этимъ персы поддерживали Калликратида очень вяло; но не смотря на то, онъ велъ войну счастливо. Начавъ свои дѣйствія взятіемъ лесбосскаго города Метимны, онъ отрѣзалъ Конона отъ остальной части аѳинскаго флота, отнялъ у него тридцать кораблей и заперъ его въ митиленской гавани (406 до р. Х.) Аѳинскій командиръ Діомедонъ, сдѣлавшій попытку съ двѣнадцатью кораблями выручить Конона, былъ также разбитъ Калликратидомъ и потерялъ десять изъ своихъ кораблей.

Узнавъ о затруднительномъ положеніи Конона, аѳиняне сдѣлали величайшія усилія и въ тридцать дней снарядили флотъ изъ ста десяти кораблей, въ матросы которыхъ взято было все населеніе города, способное носить оружіе, не исключая и рабовъ. Флотъ этотъ, соединясь съ кораблями самосцевъ и другихъ союзниковъ и состоя изъ ста пятидесяти кораблей, вступилъ въ бой съ непріятелемъ при Аргинусскихъ островахъ, между Лесбосомъ и малоазійскимъ берегомъ. Аѳинскіе командиры (изъ числа десяти стратеговъ при флотѣ было восемь), превосходно распоряжаясь въ этой битвѣ, одержали блистательную побѣду. Спартанцы лишились семидесяти кораблей, и самъ Калликратидъ былъ убитъ. Когда лоцманъ его корабля посовѣтовалъ ему бѣжать, онъ отвѣтилъ, что съ его смертью Спарта потеряетъ немного, а спасаться бѣгствомъ стыдно (іюль 405 года).

У Аргинусскихъ острововъ счастіе въ послѣдній разъ улыбнулось аѳинянамъ. Хитрый Лисандръ снова выступилъ на сцену въ то время, какъ аѳиняне сами лишили себя своихъ превосходныхъ полководцевъ, пользовавшихся довѣріемъ флота. Тотчасъ послѣ сраженія, аѳинскіе командиры собрались на совѣщаніе о томъ, слѣдуетъ ли немедленно воспользоваться побѣдой и тотчасъ же двинуться противъ непріятеля, осаждавшаго Конона въ Митиленѣ, или лучше отложить это, а заняться погребеніемъ убитыхъ и спасеніемъ товарищей, носившихся по морю на обломкахъ разбитыхъ кораблей. Сначала рѣшились на первое, съ тѣмъ, чтобы на мѣстѣ боя оставить сорокъ шесть кораблей, подъ начальствомъ Трасибула и Терамена и имъ поручить попеченіе объ утопающихъ и мертвыхъ. Но когда хотѣли приступить къ выполненію этого плана, разыгралась сильная буря, не позволившая имъ ни идти на помощь Конону, ни спасать погибающихъ, ни хоронить убитыхъ. Число первыхъ было очень велико, потому что въ сраженіи было потоплено до двадцати пяти аѳинскихъ кораблей, и изъ всего экипажа только немногимъ удалось доплыть до берега. Въ Аѳинахъ смерть столькихъ гражданъ и неисполненіе долга относительно мертвыхъ были вмѣнены начальникамъ флота въ преступленіе. Терамень и Трасибулъ, на которыхъ стратеги въ своемъ донесеніи взвалили всю вину, въ свою очередь выступили обвинителями, и всѣ восемь человѣкъ, командовавшихъ въ сраженіи, были тотчасъ же смѣнены. Двое изъ нихъ, предчувствуя опасность, бѣжали съ флота; остальныхъ отвезли въ Аѳины, немедленно арестовали и обвинили передъ народнымъ собраніемъ. Къ несчастью, это было во время большаго народнаго торжества, и видъ множества людей, явившихся въ траурѣ, глубоко растрогалъ народъ. Враги обвиненныхъ воспользовались этимъ и успѣли настоять на рѣшеніи, противорѣчившемъ основнымъ законамъ государства. Сенатъ, неправильно уполномоченный на это, составилъ приговоръ, по которому слѣдующее собраніе народа должно было рѣшить судьбу обвиняемыхъ, которыхъ предполагали лишить права дальнѣйшей защиты, казнить тотчасъ же по произнесеніи приговора, а имѣнія ихъ конфисковать. Народъ утвердилъ это постановленіе сената. Тогдашніе пританы пытались было возстать противъ образа дѣйствій, нарушавшаго государственные законы и священнѣйшія права каждаго гражданина; но демагоги отвѣчали имъ угрозами и заставили замолчать. Не замолчалъ только одинъ философъ Сократъ, продолжавшій настойчиво протестовать противъ незаконности приговора. Всѣ восемь стратеговъ были осуждены на смерть, и шестеро, бывшихъ на лицо, тотчасъ же казнены (октябрь 405 года). Такой поступокъ съ оказавшими услуги отечеству военачальниками является въ глазахъ потомства позорнымъ пятномъ на государственномъ устройствѣ Аѳинъ. Но кто вспомнитъ, что погибшіе въ битвѣ спасли родину отъ величайшей опасности,

что въ государствѣ, существованіе котораго основано на нравственныхъ достоинствахъ гражданъ, пренебреженіе къ храбрымъ заставляетъ падать духомъ остальныхъ, что наконецъ, по понятіямъ грековъ, души непогребенныхъ подвергались мученіямъ въ другой жизни, — кто вспомнитъ все это, тотъ, оставляя въ сторонѣ оскорбленіе законныхъ формъ, пожалѣетъ о несчастныхъ стратегахъ, — но не осудитъ народа. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени наряжено было слѣдствіе противъ демагоговъ, поддерживавшихъ обвиненіе и увлекшихъ народъ своими настояніями къ нарушенію государственнаго устройства; но они успѣли бѣгствомъ избавиться отъ наказанія.

Вскорѣ послѣ пораженія при Аргинусскихъ островахъ, представители союзниковъ Спарты собрались въ Эфесѣ и тамъ рѣшили потребовать, чтобы спартанцы снова ввѣрили главное начальство Лисандру. Необходимость этой мѣры чувствовали и въ Спартѣ, но законы государства не позволяли два раза сряду назначать одного и того же человѣка командиромъ флота. Положено было обойти это затрудненіе соблюденіемъ законной формальности. Флотъ былъ ввѣренъ Араку, человѣку дюжинному, но очень хорошо понимавшему цѣль своего назначенія, а Лисандръ былъ сдѣланъ эпистоліемъ, или младшимъ командиромъ. Онъ немедленно отправился въ Сарды, къ царевичу Киру, привезъ оттуда большія суммы денегъ и, возстановивъ пелопоннесскій флотъ, двинулся противъ богатыхъ приморскихъ городовъ на Геллеспонтѣ, откуда аѳиняне почерпали большую часть своихъ государственныхъ доходовъ. Туда же поплылъ и флотъ аѳинянъ, подъ начальствомъ Конона и пяти другихъ стратеговъ. Онъ сталъ на якорѣ противъ города Лампсака, не задолго передъ тѣмъ взятаго Лисандромъ, близъ устья рѣки Эгоспотама (козья рѣка). Стоянка эта была выбрана очень неудачна. Ближайшій пунктъ, откуда аѳиняне могли получать продовольствіе, былъ очень удаленъ и, кромѣ того, флотъ ихъ не только не стоялъ въ гавани, но даже не могъ, какъ флотъ спартанцевъ, расположенный на лампсакскомъ рейдѣ, опереться на укрѣпленный городъ. Алкивіадъ, жившій недалеко оттуда, въ одномъ изъ своихъ помѣстій, отправился на флотъ и показалъ стратегамъ ихъ ошибку; но совѣты его были отвергнуты съ гордостью. Лисандръ тотчасъ же рѣшился воспользоваться оплошностью аѳинянъ, но въ теченіе нѣсколькихъ дней обманывалъ ихъ своими дѣйствіями, чтобы еще болѣе увеличить ихъ безпечность. Наконецъ, на пятый день, когда большая часть аѳинскихъ матросовъ и солдатъ разбрелась по берегу, онъ вдругъ аттаковалъ ихъ флотъ и овладѣлъ имъ безъ боя. Изъ всѣхъ аѳинскихъ кораблей спаслось только девять. Они находились подъ командою Конона, и, одни во всемъ флотѣ, имѣли во время аттаки Лисандра полный составъ экипажа. Всѣ остальные корабли, число которыхъ доходило до ста семидесяти, сдѣлались добычей побѣдителей (декабрь 405 г.). Большая часть войска и нѣкоторые стратеги также попались въ плѣнъ. Плѣнники были судимы военнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ предводителей союзниковъ, подъ предсѣдательствомъ Лисандра, и всѣ были приговорены къ смерти за то, что аѳинскіе командиры положили рубить всѣмъ своимъ плѣннымъ правыя руки и недавно перерѣзали экипажъ двухъ захваченныхъ ими пелопоннесскихъ кораблей. Дѣйствительно, всѣ аѳинскіе плѣнные, число которыхъ доходило, какъ говорятъ, до трехъ тысячъ человѣкъ, были казнены, за исключеніемъ одного только — стратега Адиманта, не хотѣвшаго въ военномъ совѣтѣ аѳинянъ согласиться на его жестокія постановленія.

Сраженіе при Эгоспотамѣ нанесло послѣдній ударъ могуществу Аѳинъ. Спасеніе самаго города было невозможно, такъ что Кононъ спѣшилъ укрыться съ своей маленькой эскадрой уже не въ Аѳинахъ, а въ кипрскомъ городѣ Саламинѣ, владѣтель котораго, Эвагоръ, былъ его другомъ. Послѣ побѣды, Лисандръ направился противъ подвластныхъ аѳинянамъ приморскихъ городовъ и острововъ. Онъ завоевалъ почти всѣ аѳинскіе города на Геллеспонтѣ и во Ѳракіи и овладѣлъ всѣми подвластными аѳинянамъ островами, за исключеніемъ Самоса, который одинъ ему не сдался. Изъ Эгины, которую онъ возвратилъ слабымъ остаткамъ изгнаннаго когда-то оттуда населенія, Лисандръ двинулся противъ Саламина и потомъ на Аѳины. Соединившись съ царями Агисомъ и Павсаніемъ II, онъ обложилъ городъ съ моря и суши. Извѣстіе о гибели флота привело уже аѳинянъ въ величайшее смятеніе. Теперь имъ приходилось выдержать осаду, — а это было тѣмъ труднѣе, что Лисандръ нарочно отпустилъ въ Аѳины гарнизоны взятыхъ

имъ городовъ, чтобы такимъ образомъ еще болѣе увеличить въ нихъ многолюдство. Спартанцы со всѣхъ сторонъ отрѣзали отъ города подвозъ продовольствія, и такъ какъ аѳиняне уже не имѣли ни союзниковъ, ни кораблей, то имъ скоро пришлось сдаться. Доведенные до крайности, потерявъ уже множество людей отъ голода, они увидѣли необходимость капитуляціи. Послы ихъ выразили готовность отказаться отъ всѣхъ владѣній внѣ Аттики и приступить къ союзу съ Спартой. Но спартанцы не приняли этихъ предложеній и главнымъ условіемъ мира поставили срытіе длинныхъ стѣнъ (стр. 195). Согласиться на это предложеніе было для аѳинянъ тяжелѣе, чѣмъ терпѣть голодъ: они рѣшились выжидать время. Наконецъ, когда еще многіе умерли отъ голода, Тераменъ вызвался идти къ Лисандру, чтобы, какъ онъ говорилъ, разузнать о намѣреніяхъ спартанцевъ. Настоящая его цѣль заключалась въ томъ, чтобы затянуть дѣло до тѣхъ поръ, когда городъ будетъ поставленъ въ необходимость сдаться безусловно и тогда, съ помощью спартанцевъ, передать правленіе въ руки олигарховъ. Аѳиняне согласились на предложеніе Терамена; онъ отправился въ лагерь спартанцевъ и пробылъ тамъ слишкомъ три мѣсеца. Вернувшись въ Аѳины, онъ сложилъ вину проволочки на Лисандра и объявилъ, что для переговоровъ слѣдуетъ обратиться къ эфорамъ. Тогда было послано въ Спарту посольство, во главѣ котораго стоялъ измѣнникъ Тераменъ, съ неограниченнымъ полномочіемъ. Договоръ, заключенный тамъ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, былъ однако скоро утвержденъ аѳинскимъ народомъ.

Въ концѣ апрѣля 404 года Аѳины сдались непріятелю. Условіями мира было: срытіе длинныхъ стѣнъ и всѣхъ прочихъ укрѣпленій, выдача всѣхъ кораблей, кромѣ двѣнадцати, возвращеніе всѣхъ эмигрантовъ и изгнанниковъ, возстановленіе тѣснаго союза со Спартой или, другими словами, подчиненіе Спартѣ, и, что было всего тяжелѣе, уничтоженіе прежняго государственнаго устройства и замѣна его олигархическою коммисіею изъ тридцати человѣкъ. Эти условія были немедленно приведены въ исполненіе. Срывъ, подъ звуки флейтъ, укрѣпленія города, Лисандръ поплылъ къ Самосу, жители котораго теперь скоро покорились; они всѣ, за исключеніемъ немногихъ, принадлежавшихъ къ олигархической партіи, были изгнаны изъ родины и должны были оставить на островѣ все свое имущество. Такъ кончилась пелопоннесская война, продолжавшаяся двадцать съ половиною лѣтъ.

V. ИСТОРІЯ ГРЕКОВЪ

ПОСЛѢ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ.

1. До возстановленія прежняго государственнаго устройства Аѳинъ.

Послѣ Пелопоннесской войны гегемонія въ Греціи принадлежала снова спартанцамъ, но они не могли долго удержать ее за собой, и, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, уступили преобладаніе ѳиванцамъ, обязаннымъ своимъ могуществомъ Пелопиду и Эпаминонду. Со смертью этихъ граждан ѳиванцы утратили первенство, а господство надъ Греціей перешло къ македонянамъ. Вмѣстѣ съ этой перемѣной преобладанія, — составляющей главную черту событій ближайшихъ семидесяти лѣтъ, — въ государственной жизни грековъ постепенно происходили значительныя измѣненія; такъ, въ теченіе четвертаго столѣтія передъ р. Х., пало республиканское устройство греческаго міра и было подготовлено торжество монархическихъ учрежденій, пріобрѣвшихъ въ немъ господство въ слѣдующій періодъ.

Этотъ переходъ къ монархической формѣ правленія, составляющій самую важную сторону греческой исторіи первыхъ годовъ послѣ Пелопоннесской войны, былъ вызванъ потребностью времени. Дѣйствительно, всюду чувствовалась необходимость сильной власти, соединенной въ одномъ лицѣ: дотого измѣнились нравы, перемѣнилось направленіе, такъ великъ былъ недостатокъ въ безкорыстіи и патріотизмѣ. Греція совершенно забыла свою прежнюю свободу и основные ея принципы; развращеніе нравовъ и упадокъ кореннаго греческаго духа повлекли за собой паденіе республиканскихъ учрежденій. Въ то же время взаимная завистъ нѣкоторыхъ государствъ, порождая между ними, попрежнему, безпрерывныя войны, ожесточеніе которыхъ имѣло много общаго съ междоусобицами, ускорила паденіе республикъ. Возможность дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія свободныхъ греческихъ государствъ исчезла уже въ концѣ предшествовавшаго періода. Правда, являлись еще великіе люди, какъ Агезилай въ Спартѣ, Эпаминондъ и Пелопидъ въ Ѳивахъ, Ификратъ и другіе въ Аѳинахъ, спасавшіе отъ гибели свои государства, но они не могли помочь общему разстройству и водворить порядокъ во всей Греціи. Только диктаторская власть могла сдѣлать это, — но она была немыслима въ греческихъ республикахъ. Духъ времени и положеніе дѣлъ требовали, для сохраненія цвѣтущаго состоянія Греціи, монархическаго правленія, которое не имѣло бы противозаконнаго и насильственнаго происхожденія, но было бы законно, согласно съ прежними обычаями и народными потреб-

ностями, а потому прочно и сильно. Одна Македонія, гдѣ съ давнихъ поръ существовала монархія, подобная конституціонной, была государствомъ, изъ котораго такое правленіе могло перейти къ грекамъ, — и ходъ событій привелъ къ тому, что страна эта получила наконецъ преобладаніе въ Греціи.

Такова внутренняя связь событій, образующихъ греческую исторію ближайшихъ семидесяти лѣтъ послѣ Пелопоннесской войны и начинающихся съ того времени, какъ спартанцы стали злоупотреблять вновь пріобрѣтеннымъ преобладаніемъ. Спартанцы, подобно остальнымъ грекамъ, развратились и утратили свой историческій характеръ. Высшіе классы перестали уже посѣщать сисситіи, т. е. публичные общественные обѣды, а роскошничали вмѣсто того дома; прежняя простота и строгость нравовъ замѣнилась чувственными наслажденіями и алчностью къ деньгамъ. Съ перемѣною въ направленіи и образѣ жизни отдѣльныхъ гражданъ измѣнился и характеръ внутреннихъ и внѣшнихъ государственныхъ отношеній. Спартанское государство, не испытавшее въ теченіе столѣтій внутреннихъ несогласій и потому часто восхваляемое какъ противоположность безпокойныхъ демократій, подверглось теперь опаснымъ потрясеніямъ, такъ что съ началомъ четвертаго столѣтія передъ р. Х. замолкли прежніе хвалебные гимны Спартѣ. Въ сношеніяхъ съ другими государствами корыстолюбіе и властолюбіе сдѣлались характеристическими чертами спартанцевъ. Стоя во главѣ народовъ Греціи, они, вмѣсто того чтобъ справедливо и безкорыстно управлять общественными дѣлами, злоупотребляли своимъ превосходствомъ, опираясь на военную силу, и обходились жестоко даже съ своими прежними союзниками. Идя во всемъ по стопамъ аѳинянъ, они не только сдѣлались столь же ненавистными, но стали въ противорѣчіе сами съ собой и съ своими коренными государственными учрежденіями. Завоевательныя стремленія спартанцевъ поставили ихъ въ совершенно новое положеніе, несоотвѣтствовавшее ни ихъ характеру, ни основнымъ принципамъ ихъ государства.

Во всѣхъ городахъ, завоеванныхъ спартанцами на берегахъ Малой Азіи и на покоренныхъ греческихъ островахъ Лисандръ установилъ ненавистныя олигархіи изъ десяти человѣкъ, дѣйствовавшія исключительно въ духѣ партіи и злоупотреблявшія властью для преслѣдованія своихъ противниковъ. Самъ Лисандръ помогалъ свирѣпымъ олигархамъ и, пользуясь своимъ могуществомъ, жестоко наказывалъ ненавистныхъ ему демократовъ. На островѣ Тасосѣ онъ велѣлъ убить весемьсотъ гражданъ, женъ и дѣтей ихъ продалъ въ рабство, съ Самоса прогналъ всѣхъ жителей демократовъ, а въ Милетѣ олигархическая партія умертвила съ его помощью триста сорокъ гражданъ и принудила до тысячи человѣкъ бѣжать въ Малую Азію. Во главѣ учрежденныхъ Лисандромъ правленій, называвшихся декархіями, или правленіемъ десяти, стоялъ обыкновенно спартанецъ подъ именемъ гармоста, или военачальника, имѣвшій почти всегда въ своемъ распоряженіи спартанскій гарнизонъ. Насиліе и произволъ гармостовъ были тѣмъ невыносимѣе жителямъ подвластныхъ городовъ и острововъ, что спартанцы были гораздо склоннѣе аѳинянъ къ строгости и жестокости. По всѣмъ особенностямъ Спартанскаго государства, гнетъ, претерпѣваемый греческими городами, долженъ былъ быть гораздо тяжелѣе во время преобладанія спартанцевъ, чѣмъ прежде при господствѣ аѳинянъ. Спартѣ было труднѣе удерживать за собой владычество безъ угнетенія союзниковъ, чѣмъ Аѳинамъ съ ихъ цвѣтущей торговлею и промышленостью.

Аѳины тоже подпали подъ позорное иго олигарховъ. Учрежденіе олигархическаго правленія, по числу членовъ равнаго спартанскому, было условлено между Лисандромъ и Тераменомъ еще до сдачи города; народъ долженъ былъ согласиться на это, потому что, въ случаѣ непринятія олигархіи, Лисандръ угрожалъ самому существованію Аѳинъ. Тридцать человѣкъ, составлявшихъ это правительство, называются обыкновенно тридцатью тиранами, или просто тридцатью. Они были назначены собственно только для пересмотра законодательства и составленія новыхъ учрежденій, но, по обычаю, существовавшему въ подобныхъ случаяхъ у грековъ и римлянъ, сосредоточивали на это время въ своихъ рукахъ все управленіе. Народъ почти не участвовалъ въ выборѣ членовъ новаго правительства; двѣ трети ихъ были уже заранѣе назначены Лисандромъ и олигархической партіей въ Аѳинахъ. На десятерыхъ указалъ Тераменъ, десять

другихъ были назначены олигархическимъ клубомъ, образовавшимся въ Аѳинахъ тотчасъ послѣ несчастной битвы при Эгоспотамѣ, — и только десять остальныхъ избраны самимъ народомъ. Всѣ тридцать тирановъ принадлежали къ числу тѣхъ четырехъ сотъ, которые въ 411 году участвовали въ заговорѣ Писандра и его сообщниковъ и завладѣли правленіемъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Тридцать, тотчасъ по вступленіи въ управленіе, назначили изъ числа своихъ приверженцевъ должностныхъ лицъ и новый сенатъ, которому предоставлена была судебная власть. Первыя дѣйствія тирановъ были суровы, но ихъ нельзя назвать несправедливыми: они хотѣли уничтожить сикофантовъ, что сенатъ и сдѣлалъ законнымъ порядкомъ. Классъ людей, называвшійся сикофантами и увеличившійся въ послѣднее время, былъ истинною язвою для государства. Прозвище это, переведенное слово въ слово, означало «указателя смоквъ»; первоначально оно было даваемо только гражданамъ, доносившимъ на торговцевъ смоквами, вывозившихъ этотъ продуктъ за границу вопреки закону. Впослѣдствіи это названіе было перенесено на лицъ, которыя изъ злости или корыстолюбія клеветали въ судахъ на гражданъ, стараясь погубить ихъ ложными и коварными доносами. Со времени Перикла число такихъ людей постоянно увеличивалось; они вели жизнь опасную для честныхъ гражданъ и были страшнымъ зломъ, искорененіе котораго сдѣлалось необходимостью для благосостоянія государства. Поэтому тираны несовсѣмъ несправедливо начали свое правленіе съ того, что велѣли схватить и обвинить передъ сенатомъ тѣхъ, которые такими средствами волновали народъ и распускали въ немъ ложные слухи. Многіе изъ нихъ были осуждены и казнены по судебному приговору.

Лучшіе изъ гражданъ были сначала довольны правленіемъ тридцати, но нѣкоторые изъ новыхъ правителей не хотѣли ограничиться однимъ введеніемъ новаго устройства, а питали совершенно другіе замыслы. Они намѣревались захватить въ свои руки высшую власть, а это не могло быть сдѣлано безъ насильственныхъ мѣръ, въ особенности потому, что многіе изъ ихъ товарищей, преимущественно Тераменъ, хотѣли, чтобъ тридцать выполнили главную свою задачу въ интересахъ олигархической партіи, и для достиженія этой цѣли старались приготовить себѣ поддержку между гражданами. Вслѣдствіе этого крайніе олигархи убѣдили своихъ товарищей просить спартанцевъ о присылкѣ войскъ. Просьба ихъ была исполнена, и спартанскій отрядъ подъ начальствомъ пріятеля Лисандра, грубаго солдата Каллибія, получавшій содержаніе изъ аѳинской государственной казны, занялъ Акрополь.

Во главѣ крайней олигархической партіи между тридцатью тиранами стоялъ Критій, своего рода геній, человѣкъ знатный, богатый и образованный. Онъ былъ, такъ же какъ Алкивіадъ, ученикомъ Сократа, но никогда не имѣлъ склонности къ нравственнымъ принципамъ своего наставника, а заботился только о пріобрѣтеніи образованія, нужнаго для государственнаго человѣка. Властолюбивый по характеру, Критій искалъ сверхъ того случая отмстить народу за прежнее свое изгнаніе изъ Аѳинъ (причина его изгнанія намъ неизвѣстна). Этотъ человѣкъ, игравшій главную роль между тридцатью и бывшій душою тогдашняго правительства, составилъ себѣ послѣдовательную систему тираніи и съ энергіей, достойною лучшаго дѣла, стремился провести ее во что бы то ни стало. По поводу этого между нимъ и Тераменомъ тотчасъ возникли несогласія, неимѣвшія однако дальнѣйшихъ послѣдствій. Критій умѣлъ въ продолженіе нѣкотораго времени успокоивать своего противника, стараясь между тѣмъ склонить на свою сторону остальныхъ товарищей и увлечь ихъ за собой.

Подъ руководствомъ Критія тридцать систематически преслѣдовали всѣхъ гражданъ, опасныхъ ихъ владычеству и раздражавшихъ своимъ богатствомъ ихъ корыстолюбіе. Спартанскія войска Каллибія были въ этихъ случаяхъ ихъ надежными помощниками. Подъ предлогомъ освобожденія отечества отъ безпокойныхъ и опасныхъ людей, отъ тысячи трехъ сотъ до полуторы тысячъ гражданъ и метэковъ сдѣлались жертвою грабежа и были казнены. Знаменитѣйшими между ними были: Никератъ, сынъ Никія, замѣчательный благородствомъ и, къ своему несчастью, богатствомъ, богачъ Антифонъ, котораго не должно смѣшивать съ знаменитымъ ораторомъ того же имени (стр. 229) и Леонъ Саламинскій, прославленный своею безукоризненною жизнью. Многіе граждане, въ числѣ ихъ и

Трасибулъ, были изгнаны изъ города или же избѣжали ярости жестокихъ правителей добровольнымъ удаленіемъ изъ Аѳинъ. Число преслѣдованій и казней постоянно увеличивалось, потому что соединенная съ ними конфискація имуществъ не удовлетворяла текущимъ расходамъ казны, истощенной войною.

Жестокости эти возбудили между двумя главными членами правительства, — Критіемъ и Тераменомъ, — новый споръ, имѣвшій важныя послѣдствія. Критій хотѣлъ безусловнаго господства своей партіи, Тераменъ же убѣждалъ дѣйствовать умѣренно и съ большей снисходительностью, желая пріобрѣсти олигархіи расположеніе и поддержку гражданъ. Этимъ онъ сдѣлался еще болѣе подозрителенъ своему властолюбивому противнику. Критій опасался, что Тераменъ образуетъ противъ него партію, въ надеждѣ низвергнуть крайнихъ олигарховъ, опираясь на умѣренныхъ. Для предупрежденія этого, онъ склонилъ своихъ товарищей постановить, чтобъ всѣ граждане, за исключеніемъ трехъ тысячъ, на которыхъ полагались, были обезоружены и исключены отъ занятія должностей и участія въ управленіи. Когда оружіе, выданное гражданами, было сложено въ крѣпость, тираны еще настойчивѣе стали преслѣдовать свою цѣль. Они положили умертвить тридцать богатѣйшихъ метэковъ и отобрать ихъ имущества, согласившись, чтобы каждый изъ тридцати написалъ на спискѣ по одному имени. Тераменъ отказался исполнить это и сильно возставалъ противъ всякаго преслѣдованія, основаннаго на одномъ корыстолюбіи. Этимъ воспользовался Критій, чтобы погубить своего противника. Онъ созвалъ сенатъ, бывшій въ то время единственнымъ судебнымъ мѣстомъ въ Аѳинахъ, окружилъ его вооруженной толпой своихъ приверженцевъ и обвинилъ Терамена какъ человѣка враждебнаго существующему порядку. Но Тераменъ защищался такъ искусно, что сенатъ, бывшій съ давнихъ поръ покорнымъ орудіемъ всякаго насилія, склонился на его сторону.

Критій не могъ допустить оправданія Терамена, не рискуя своею жизнью, и потому долженъ былъ рѣшиться на крайнія мѣры. Онъ объявилъ сенату, указывая на вооруженную толпу, что именемъ своимъ и своихъ товарищей вычеркиваетъ Терамена изъ списка тридцати. Этимъ Тераменъ былъ отданъ на жертву своихъ товарищей, такъ какъ прежде было постановлено, что только тридцать правителей и три тысячи гражданъ, сохранившихъ право носить оружіе, судятся сенатомъ, всѣ же остальные аѳиняне были предоставлены произволу тридцати. Вслѣдъ затѣмъ Критій объявилъ, что онъ и его товарищи приговариваютъ обвиненнаго къ смерти. Тераменъ, неожидавшій никакой защиты отъ слабыхъ сенаторовъ, искалъ себѣ убѣжища у жертвенника, стоявшаго въ залѣ собранія. Тщетно напоминалъ онъ присутствовавшимъ, что если они допустятъ произвольно вычеркнуть его имя, то ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть покоенъ за свою жизнь; напрасно говорилъ, что знаетъ очень хорошо, какъ мало вниманія обращаетъ Критій на алтари и боговъ, и хочетъ только показать гражданамъ, что онъ попираетъ ногами не только человѣческое правосудіе, но и благоговѣніе передъ богами. Слабодушные сенаторы не смѣли возвысить голоса въ защиту Терамена; Критій велѣлъ оттащить его отъ жертвенника и бросить въ темницу, гдѣ онъ долженъ былъ выпить ядъ. Принявъ ядъ, Тераменъ вылилъ на полъ оставшіяся капли, воскликнувъ: «это для Критія!» Въ древности часто восхваляли Терамена за то, что онъ встрѣтилъ смерть съ такою мужественной рѣшимостью, погибая жертвою собственной умѣренности и неистовой ярости своихъ товарищей; но онъ заслуживалъ смерти. Въ теченіе своего политическаго поприща, Тераменъ нерѣдко употреблялъ незаконныя, иногда гнусныя средства и былъ справедливо умерщвленъ олигархіей, паденіе которой онъ приготовилъ, будучи самъ первымъ ся основателемъ. Точно также несправедливо былъ бы онъ осужденъ демократіей, потому что дважды помогалъ ся уничтоженію и разъ даже, для достиженія своей цѣли, предалъ родной городъ непріятелю.

Съ этихъ поръ жестокости, грабежи, казни и изгнанія не имѣли границъ. Дошло дотого, что никому не хотѣли позволять оставаться въ городѣ, кромѣ трехъ тысячъ, сохранившихъ право носить оружіе, многіе граждане были изгнаны изъ помѣстій, которыми завладѣли тираны и ихъ приверженцы. Ѳивы, Мегара и другіе города наполнились аѳинскими изгнанниками.

Свирѣпые тираны, терзавшіе Аѳины, не оставили въ покоѣ и Алкивіада, жившаго въ далекомъ изгнаніи. Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о кончинѣ этого

человѣка, очень разнорѣчивы; не рѣшено, кто виновенъ въ его смерти: спартанцы и друзья ихъ аѳинскіе олигархи, или персидскій намѣстникъ Фарнабазъ. Спартанцы, опасаясь его честолюбія и геніальныхъ способностей, запретили Алкивіаду жить въ принадлежавшихъ ему ѳракійскихъ помѣстьяхъ; онъ бѣжалъ въ Малую Азію, гдѣ былъ радушно принятъ Фарнабазомъ. Но и здѣсь его преслѣдовали ненависть и опасенія спартанцевъ, возбуждаемыхъ противъ него партіею Критія, боявшеюся великаго государственнаго человѣка болѣе, чѣмъ кого-либо изъ аѳинскихъ изгнанниковъ. Алкивіадъ погибъ въ одной фригійской деревнѣ, по однимъ извѣстіямъ, сдѣлавшись жертвою мести частныхъ лицъ, по другимъ, убитый Фарнабазомъ по требованію спартанцевъ, желавшихъ смерти человѣка, опаснаго для спокойствія Греціи и Персіи. Наконецъ, быть можетъ, его умертвилъ Фарнабазъ и для того, чтобы помѣшать Алкивіаду, знавшему тайные замыслы Кира противъ Артаксеркса III, отправиться въ Сузу и склонить царя на войну съ спартанцами, поддерживавшими царевича. Отрядъ, посланный убить Алкивіада, не смѣя вторгнуться въ домъ, окружилъ его и зажегъ. Алкивіадъ выбѣжалъ съ обнаженнымъ мечемъ, устрашенные солдаты разбѣжались, но убили его издали своими стрѣлами. Тѣло Алкивіада было похоронено гетерою Тимандрою, послѣдовавшею за нимъ въ Малую Азію.

Жестокостями, а въ особенности изгнаніемъ столькихъ гражданъ, тираны приготовили свое паденіе; дѣйствительно, черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ ихъ назначенія, они лишились власти. Трасибулъ съ семьюдесятью изгнанниками, внезапно двинувшись изъ Ѳивъ, захватилъ пограничную крѣпость Филе. Здѣсь собралось такое множество изгнанниковъ и недовольныхъ, что вскорѣ составился отрядъ до семисотъ человѣкъ, и тираны сами были принуждены сдѣлать нападеніе на Филе. Предпріятіе ихъ не удалось. Трасибулъ, напротивъ того, завладѣлъ гаванью Пиреемъ и Мунихійскимъ предмѣстьемъ. Съ этой минуты кровь не переставала литься въ ежедневно происходившихъ схваткахъ. Въ одной изъ стычекъ пали Критій и Гиппомахъ, самые властолюбивые изъ тридцати тирановъ и единственные люди, способные продолжать начатое съ энергіей и мужествомъ. Смерть ихъ давала возможность согласить партіи. Клеокритъ употребилъ всѣ усилія для примиренія съ остальными гражданами трехъ тысячъ, которые одни пользовались при тиранахъ высшими политическими правами. Старанія его увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ; на слѣдующій день тираны съ своими приверженцами бѣжали въ Элевзинъ, а на ихъ мѣсто назначена новая правительственная коммисія изъ десяти человѣкъ, по одному изъ каждой филы или отдѣла гражданъ (403).

Чтобъ вполнѣ оградить себя отъ вліянія изгнанныхъ олигарховъ, новыми правителями аѳиняне избрали враговъ Критія, предполагая, что поэтому самому они будутъ друзьями прежнихъ изгнанниковъ. Но ожиданія не сбылись. Какъ олигархи, они, подобно изгнаннымъ тиранамъ, стремились къ неограниченной власти, нисколько не старались о примиреніи съ изгнанниками и не оправдали надеждъ многихъ гражданъ, желавшихъ возстановленія древней демократіи. Раздраженные этимъ, друзья народнаго правленія стремились къ Трасибулу въ Пирей, чтобъ въ соединеніи съ его приверженцами завоевать оружіемъ то, чего нельзя было достигнуть мирными средствами.

Десять правителей, понявъ вскорѣ невозможность удержать за собой власть въ Аѳинахъ, просили помощи у спартанцевъ, къ которымъ отправили депутатовъ и тираны, бѣжавшіе въ Элевзинъ. Изъ Спарты немедленно посланы были небольшая эскадра подъ командою брата Лисандра, Либиса, и сухопутное войско подъ начальствомъ Лисандра. Либисъ блокировалъ Пирей, а Лисандръ окружилъ его съ сухаго пути. Аѳинамъ опять угрожала гибель, но счастливый случай спасъ городъ. Спартанскій царь, Павсаній II, и большинство тогдашнихъ эфоровъ недоброжелательствовали Лисандру; они видѣли, что властолюбивый полководецъ своими дѣйствіями внушалъ всѣмъ ненависть къ Спартѣ, опасную для ея преобладанія, и потому склонились на сторону миролюбивой и умѣренной политики. Дѣйствительно, ненависть къ спартанцамъ дотого усилилась, что даже маленькая Мегара осмѣлилась, не смотря на ходатайство Лисандра, отказать въ правѣ гражданства командиру одного корабля, наиболѣе способствовавшему Эгоспотамской побѣдѣ. А за годъ передъ тѣмъ сама Спарта признала полезнымъ уничтожить въ нѣкоторыхъ городахъ олигархіи, учрежденныя Лисандромъ. Противники Ли-

сандра всѣми силами способствовали отправленію въ Аттику новаго войска подъ предводительствомъ Павсанія, которому было поручено удалить аѳинскія дѣла. Тотчасъ по прибытіи въ Аттику, Павсаній помѣшалъ Лисандру продолжать военныя дѣйствія и старался какъ можно скорѣе заключить миръ. Онъ предложилъ партіи Трасибула прислать уполномоченныхъ для веденія въ Спартѣ переговоровъ о прекращеніи войны. По прибытіи этихъ депутатовъ въ Спарту, оттуда немедленно были посланы пятнадцать коммисаровъ для приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ вмѣстѣ съ Павсаніемъ.

Такимъ образомъ, между спартанцами и аѳинянами скоро заключенъ былъ миръ (лѣтомъ 403), по которому войско первыхъ возвращалось домой, а Трасибулъ съ своей партіей вступалъ въ городъ. При заключеніи этого выгоднаго для аѳинянъ договора, Павсаній не выговорилъ ничего для упроченія спартанскаго вліянія, не столько, впрочемъ, изъ желанія щадить аѳинянъ, сколько потому, что всѣми дѣйствіями его руководила одна зависть къ Лисандру. Вслѣдствіе этого по возвращеніи въ Спарту, онъ былъ обвиненъ въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей и оправданъ только очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ. По заключенному съ Павсаніемъ договору, изгнаннымъ демократамъ было позволено вернуться въ Аѳины и возвращены конфискованныя имущества, тридцать тирановъ и ихъ соучастники должны были оставить городъ и поселиться въ Элевзинѣ. Всѣмъ остальнымъ гражданамъ была объявлена полная амнистія; тѣмъ же изъ трехъ тысячъ, которые боялись оставаться въ Аѳинахъ, дано было позволеніе переселиться въ Элевзинъ. По договору, аѳинянамъ предоставлено было ввести у себя такія учрежденія, какія они пожелаютъ.

Такимъ образомъ, мирный договоръ раздѣлилъ Аттику на два враждебныя государства, возникшія изъ одного и того же города. Естественно, что эти государства не могли долго оставаться въ мирѣ. Элевзинскіе олигархи стали скоро готовиться къ новой войнѣ противъ аѳинскихъ демократовъ, а послѣдніе, узнавъ объ этомъ, выступили противъ нихъ со всѣми своими силами. Дѣло однако не дошло до войны; предводители элевзинцевъ, обманутые мирными предложеніями аѳинянъ, сошлись для переговоровъ съ предводителями противной партіи и были убиты измѣнническимъ образомъ. Остальнымъ гражданамъ, переселившимся въ Элевзинъ, было дозволено вернуться въ отечество и дарована полная амнистія (октябрь 403), въ которую включены были всѣ, кромѣ тридцати тирановъ и одиннадцати ихъ помощниковъ, совершавшихъ казни, и десяти другихъ гражданъ, бывшихъ представителями тирановъ въ Пиреѣ. Умерщвленіе знаменитѣйшихъ олигарховъ было послѣднимъ злодѣйствомъ аѳинянъ въ эту эпоху. Граждане поклялись предать все старое забвенію. Даже лицамъ, исключеннымъ изъ амнистіи, обѣщано было прощеніе, если они съумѣютъ оправдать свои дѣйствія. Амнистія, распространившаяся и на дѣтей тирановъ, была объявлена преимущественно по иниціативѣ Трасибула. Революція эта была единственнымъ переворотомъ, совершившимся въ Греціи безъ казней и изгнаній побѣжденной партіи. Впрочемъ, благотворное вліяніе амнистіи продолжалось недолго. Многіе изъ гражданъ были скоро потребованы въ суду за дѣйствія, совершенныя во время и даже ранѣе правленія тридцати, и даже самого Сократа враги его упрекали за то, что Критій былъ въ числѣ его учениковъ.

По обнародованіи амнистіи было рѣшено ввести прежнее государственное устройство и законодательство Солона. Для необходимыхъ дополненій и преобразованій избрана была изъ пяти сотъ гражданъ законодательная коммисія, которая должна была сначала опубликовывать всѣ проекты законовъ, а затѣмъ утверждать ихъ вмѣстѣ съ сенатомъ. Во время этихъ совѣщаній каждому гражданину были дозволены входъ въ сенатъ и участіе въ совѣщаніяхъ. Законодательство, пересмотрѣнное и измѣненное такимъ порядкомъ, было поставлено подъ охрану ареопага, который долженъ былъ наблюдать, чтобъ правительство дѣйствовало согласно предписаніямъ законовъ. Нѣкоторыя постановленія и законы были написаны на стѣнѣ одного портика, гдѣ они и прежде находились, но въ послѣднее время стерлись, и гдѣ каждый имѣлъ право ихъ списывать. При этомъ обстоятельствѣ ясно выказывается огромная польза, доставляемая новѣйшимъ народамъ книгопечатаніемъ, которое даетъ возможность каждому частному человѣку имѣть въ своихъ рукахъ законы и избавляетъ отъ того огромнаго труда, съ которымъ

сопряжено было въ тѣ времена изданіе подлиннаго и вѣрнаго свода законовъ. Аѳиняне, напримѣръ, были принуждены писать всѣ свои законы на стѣнахъ, а наблюденіе за этой работой поручить человѣку, дѣйствовавшему при этомъ столь произвольно, что полный сводъ законовъ вовсе не былъ приведенъ къ концу, потому что до изданія его обстоятельства совершенно измѣнились. Никомахъ употребилъ на исполненіе своего порученія шесть лѣтъ, вмѣсто назначенныхъ ему четырехъ мѣсяцевъ, и въ продолженіе всего этого времени только у него одного можно было узнавать законы. Полагаютъ, что онъ позволялъ себѣ всякаго рода подлоги, потому что нерѣдко при процессахъ обѣ стороны опирались на противорѣчащіе законы, и каждая утверждала, что получила текстъ ихъ отъ него. Наконецъ, принуждены были отнять у Никомаха возложенную на него работу, а его самого предать суду.

Съ возвращеніемъ Аѳинъ къ старому демократическому устройству и съ выступленіемъ спартанскаго войска, далеко еще не была возстановлена полная независимость государства. Съ того времени какъ по приказанію Лисандра были разрушены крѣпостныя стѣны, Аѳины оставались во власти спартанцевъ. Пока длился миръ, невозможно было возстановить стѣнъ, потому что спартанцы не согласились бы на это; и дѣйствительно, Аѳины укрѣплены были только вслѣдствіе благопріятнаго для нихъ исхода новой войны въ Греціи.

Впрочемъ, аѳиняне никогда уже болѣе не достигали прежняго могущества и величія, даже сдѣлавшись вполнѣ независимыми чрезъ возобновленіе своихъ стѣнъ, и не проникались болѣе духомъ и стремленіями своихъ отцовъ. Испорченность нравовъ аѳинскаго народа, явившаяся въ немъ въ эпоху его преобладанія, не исчезла ни съ потерею самостоятельности, ни съ возвращеніемъ прежняго счастья; напротивъ того, развращеніе постепенно возрастало. Богатство и роскошь убили духъ народа, граждане лишились прежней своей энергіи, изнѣженность сломила лучшія жизненныя силы аѳинянъ. Система наемныхъ войскъ, появившаяся въ предшествовавшій періодъ, наполнила городъ негодяями всей Греціи, пріучила къ лѣни гражданъ, которые не хотѣли болѣе нести военной службы. Праздный народъ, не имѣвшій отечества, люди, опозорившіе себя всѣми возможными пороками и преступленіями, стремились въ Аттику и составляли ядро аѳинскаго войска и солдатъ флота, хотя было очень хорошо извѣстно, что они готовы за высшую плату сражаться и противъ Аѳинъ. Прежніе аѳиняне, стремясь къ преобладанію, шли сами на войну, даже во времена процвѣтанія государства. Теперь же, — не смотря на многочисленное населеніе города и бѣдность государства, расходы котораго не могли покрываться собственными средствами и принуждали аѳинянъ обременять налогами зависѣвшихъ отъ нихъ союзниковъ, — войско состояло, какъ и у персидскихъ царей, почти исключительно изъ наемниковъ. Даже солдаты аѳинскаго флота набирались изъ иностранцевъ; только гребцы и матросы были изъ гражданъ. Но стремленіе къ преобладанію надъ Греціею было въ нихъ все-таки такъ сильно, что аѳиняне, не останавливаясь передъ трудностями войны, вступили въ новую борьбу, но старались достигнуть желанной цѣли чужимъ мужествомъ, купленнымъ за деньги. Ко всему этому нужно прибавить, что въ войнахъ, веденныхъ аѳинянами въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, погибла большая часть древнихъ аѳинскихъ фамилій. Мѣсто ихъ заняли иностранцы, привлеченные въ Аѳины тѣми же войнами, и, такимъ образомъ, большинство гражданъ состояло уже не изъ древне-аттическаго племени, но изъ смѣси людей различныхъ греческихъ племенъ и странъ.

2. Персидскія дѣла и отступленіе десяти тысячъ.

Съ Дарія I Персія пришла въ то состояніе, о которомъ мы прежде говорили (стр. 69); войны же ея съ Греціей, способствовавшія быстрому развитію послѣдней, ускорили паденіе Персидскаго государства. Монархія достигла своего высшаго блеска при Даріѣ I, но послѣ смерти этого царя могущество ея быстро пало. Исторія персовъ при наслѣдникахъ Дарія интересна и поучительна въ особенности потому, что указываетъ на огромное превосходство греко-европейскихъ

нравовъ и жизни надъ персидско-восточными, и даетъ намъ ясное понятіе о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находились основные принципы персидскаго управленія, введенные Даріемъ, и теорія огнеслуженія къ тому, что дѣлалось въ дѣйствительной жизни и государствѣ. Не смотря на порядокъ, заведенный Даріемъ I, въ Персидской монархіи не было и слѣдовъ правильной администраціи. Такъ же мало опиралось государство персовъ на національное чувство и способности гражданъ, и уже по одной этой причинѣ не могли удасться предпріятія ихъ противъ Греціи, жители которой, по своему національному духу, патріотизму, мужеству и свободнымъ учрежденіямъ, были гораздо сильнѣе персидскаго царя съ безчисленнымъ множествомъ его подданныхъ и огромнымъ количествомъ благородныхъ металловъ, стекавшихся въ государственную казну изъ провинцій обширной монархіи. Какія силы могъ онъ извлечь изъ всѣхъ подвластныхъ ему земель и безчисленныхъ подданныхъ, которые, въ противоположность страстно любившимъ свободу грекамъ, гордились даже своимъ раболѣпствомъ? Въ обширной монархіи персидскаго царя были цѣлыя области, населеніе которыхъ служило только въ обозахъ арміи во время войны, не неся никакихъ другихъ обязанностей, или же оставалось совершенно независимымъ. Едва исчезло, при Ксерксѣ I, вслѣдствіе неудачнаго похода въ Грецію, очарованіе, окружавшее престолъ и представлявшее царя какимъ-то полубогомъ, какъ возникло неповиновеніе. Вслѣдъ за пораженіемъ Ксеркса отпали Македонія, Ѳракія и цѣлыя области на берегахъ Малой Азіи, а приморскіе города этихъ странъ превратились въ крѣпости и военныя гавани, откуда греки съ успѣхомъ стали нападать на Персидскую монархію. Такимъ образомъ, въ свою очередь, могущественные и гордые персы сдѣлались добычею незначительныхъ греческихъ государствъ, потому что у нихъ не было ни кораблей для преслѣдованія враговъ на морѣ, ни національнаго чувства, которое бы могло побудить часть націи или хотя одного изъ сатраповъ къ отмщенію за позоръ персидскаго имени. Въ Египтѣ со времени Дарія одно возстаніе слѣдовало за другимъ. Предводители народныхъ движеній скоро пріобрѣтали себѣ прочную независимость, и намъ извѣстенъ цѣлый рядъ египетскихъ владѣтелей, боровшихся почти сто лѣтъ съ персидскимъ колоссомъ.

Сами цари сдѣлались игрушкою интригъ; при Сузскомъ дворѣ имѣлъ силу только тотъ, кто лестью и ловкостью умѣлъ пріобрѣсти вліяніе. Если способному человѣку удавалось возвыситься и оказать монархіи услуги, какъ М е г а б и з у при Артаксерксѣ I, его свергали по интригамъ женщинъ и подлыхъ царедворцевъ, лишали жизни или ссылали на границы монархіи. Иностранцу было еще труднѣе держаться при дворѣ, какъ доказываетъ примѣръ Конона, бывшаго лѣтъ десять спустя послѣ Пелопоннесской войны персидскимъ адмираломъ, сдѣлавшаго въ первый разъ страшными ихъ морскія силы и доставившаго имъ господство въ Эгейскомъ морѣ. Въ награду за все это онъ былъ измѣнническимъ образомъ закованъ въ цѣпи однимъ сатрапомъ. Такъ въ началѣ четвертаго столѣтія передъ р. Х. Персидская монархія, не смотря на свою громадность и богатство, лишилась большей части своего могущества и значенія и походила на слабыхъ и малодушныхъ людей, которые склоняются всегда на сторону того, кто внушаетъ имъ большій страхъ. Страшнѣе всего были тогда спартанцы, сдѣлавшіеся поэтому союзниками персовъ. Вскорѣ однако персидская монархія получаетъ большее внѣшнее значеніе и вліяніе, не пріобрѣтя ни силы, ни лучшаго внутренняго устройства. Положеніе ея измѣнилось вслѣдствіе отношеній, возникшихъ тогда между греками, что мы и увидимъ при послѣдующемъ изложеніи греческой исторіи.

Персидская исторія послѣ Дарія I, — единственнымъ источникомъ которой служатъ для насъ лѣтописи грековъ, — представляетъ въ своемъ теченіи все чаще и чаще зрѣлище жестокостей, измѣнъ, убійствъ и гнуснѣйшаго варварства. Мы не станемъ подробно излагать всего этого во всемірной исторіи, потому что разсказъ о презрѣнныхъ, развратныхъ и подлыхъ дѣйствіяхъ людей долженъ быть отвратителенъ для всякаго порядочнаго человѣка и можетъ имѣть интересъ только его подобныхъ имъ негодяевъ. Но для того, чтобъ не прерывать связи съ предъидущимъ изложеніемъ персидской исторіи (стр. 68), мы представимъ въ краткихъ словахъ главный ходъ событій со смерти Дарія I до Артаксеркса II.

Сынъ Дарія, Ксерксъ I, началъ царствованіе свое (485) подавленіемъ египетскаго возстанія, вспыхнувшаго еще при его отцѣ, а затѣмъ велъ несчастную

войну съ Греціей, разсказанную уже нами подробно подъ именемъ третьей Персидской войны (стр. 177). Греки тѣмъ безопаснѣе могли воспользоваться своими побѣдами, что Ксерксъ, занятый отвратительными семейными отношеніями, предоставилъ всѣ военныя дѣла сатрапамъ. Прежде всего онъ поссорился съ братомъ Масистомъ, жена котораго была жестоко изуродована по приказанію Ксеркса, а когда Масистъ произвелъ возстаніе, Дарій приказалъ убить его со всѣмъ семействомъ. Возъимѣвъ подозрѣніе противъ старшаго своего сына, Дарія, женатаго на одной изъ дочерей Масиста, Ксерксъ вызвалъ его изъ ввѣреннаго ему намѣстничества. Дочь его, Амитиса, жена могущественнаго Мегабиза или Мегабаза, вела такую развратную жизнь, что отецъ принужденъ былъ дѣлать ей публично выговоръ. Наконецъ, первые любимцы царя, Артабанъ, начальникъ тѣлохранителей, и царедворецъ Спамитръ, составили заговоръ противъ Ксеркса и умертвили его. Заговорщики обвинили въ убійствѣ старшаго сына царя, Дарія, и потомъ посягнули на жизнь Артаксеркса, когда онъ убилъ брата, но были преданы и казнены.

Новый царь, Артаксерксъ I, прозванный греками Долгорукимъ, достигъ такимъ образомъ престола, на который не имѣлъ никакого права, и царствовалъ съ 476 по 424. Царствованіе его началось опасной войной, возбужденной сыновьями и приверженцами Артабана, въ которой полководецъ Мегабизъ съ трудомъ спасъ дѣло царя. Затѣмъ Артаксерксу предстояло усмирить другое, столь же опасное возстаніе, возбужденное старшимъ его братомъ, намѣстникомъ Бактріи, предъявлявшимъ свои права на престолъ. Мятежъ этотъ былъ усмиренъ только формальною войною.

Ближайшей заботой новаго царя было подавленіе новаго возстанія. Египетъ тотчасъ послѣ смерти Ксеркса свергнулъ персидское иго, объявилъ себя независимымъ, подъ предводительствомъ Инара и Амиртея, и заключилъ союзъ съ аѳинянами, пославшими ему на помощь флотъ изъ двухъ сотъ кораблей. Властитель огромной Персидской монархіи отправилъ для усмиренія египтянъ дядю своего, Ахемена, сына царя Дарія I, съ несмѣтными сухопутными и морскими силами. Но самъ Артаксерксъ такъ мало надѣялся на это громадное войско, выступившее противъ одной возмутившейся провинціи, которой помогали аѳиняне, что прибѣгнулъ къ подкупу другихъ греческихъ государствъ. Когда ему неудалось вновь подчинить египтянъ, онъ послалъ одного знатнаго перса съ большими суммами въ Пелопоннесъ, чтобъ склонить спартанцевъ къ нападенію на Аттику и тѣмъ принудить аѳинянъ отозвать изъ Египта свой флотъ. Попытка эта однако не увѣнчалась успѣхомъ.

Въ Египтѣ, вскорѣ по прибытіи персидскаго войска, произошло сраженіе при мѣстечкѣ Папреми, въ Дельтѣ, кончившееся рѣшительнымъ пораженіемъ и смертью Ахемена. На морѣ персы тоже потерпѣли большія потери. Послѣ побѣды египтянъ, Артаксерксъ выслалъ новую двухъ-сотъ-тысячную армію подъ предводительствомъ Мегабиза, и флотъ, имѣвшій до трехъ сотъ кораблей. Но прежде чѣмъ Мегабизъ могъ двинуть это войско въ Египетъ, оно должно было цѣлый годъ готовиться къ войнѣ. Египтяне между тѣмъ тѣснили остатки прежняго персидскаго войска, занявшаго часть города Мемфиса и упорно защищавшагося до прибытія Мегабиза. Новый персидскій полководецъ скоро и счастливо окончилъ войну. Однимъ ударомъ онъ разсѣялъ союзныя войска египтянъ и аѳинянъ, выгналъ враговъ изъ Мемфиса и успокоилъ египтянъ, предложивъ Инару выгодныя условія; а потомъ искусными дѣйствіями дотого стѣснилъ аѳинянъ, что они лишились всѣхъ своихъ кораблей, и только небольшая часть аѳинскаго войска возвратилась на родину. Инаръ былъ взятъ въ плѣнъ и, не смотря на данное обѣщаніе сохранить ему жизнь, его пригвоздили къ кресту, по проискамъ персидской царевны, ожесточенной на него за смерть Ахемена.

Египетское возстаніе было подавлено только послѣ шестилѣтней борьбы (455); но одинъ изъ предводителей его, Амиртей, укрылся въ болотахъ Дельты, продолжая набѣгами тревожить намѣстника страны. Ему опять помогли аѳиняне (450) небольшимъ флотомъ, но помощь союзниковъ не имѣла никакихъ послѣдствій, потому что со стороны аѳинянъ это было не болѣе какъ демонстрація, сдѣланная съ намѣреніемъ отвлечь изъ Кипра часть персидскихъ силъ и на время прекратить войну съ персами послѣ смерти Кимона. Волненія въ Египтѣ длились

однако еще сто лѣтъ. Въ царствованіе Дарія Нота, одного изъ сыновей Артаксеркса I, Египетъ сдѣлался даже независимымъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе долгаго времени въ немъ правили цари, отношеніе которыхъ къ персамъ ограничивались только платежемъ ежегодной дани.

Вскорѣ послѣ покоренія Египта Мегабизомъ, Артаксерксу предстояло усмирить въ другой части монархіи мятежъ, виновницами котораго были женщины царской фамиліи, пользовавшіяся большимъ вліяніемъ при дворѣ. Мегабизъ, глубоко оскорбленный матерью царя, отправился въ свое сирійское намѣстничество и тамъ поднялъ возстаніе противъ Артаксеркса. Двѣ арміи, высланныя противъ него, одна за другой, были разбиты, и онъ примирился съ царемъ только при посредничествѣ своей жены. Скоро однако Мегабизъ вторично впалъ въ немилость за свое неуваженіе къ придворному этикету, былъ сосланъ въ одинъ изъ городовъ, лежащихъ на берегу Чермнаго моря, но черезъ пять лѣтъ опять былъ прощенъ, благодаря вліянію своей могущественной жены. Онъ вернулся ко двору, и черезъ нѣсколько времени умеръ. Сынъ его, Зопиръ, возбудилъ послѣ смерти отца возстаніе, но, не будучи въ силахъ держаться противъ царя, бѣжалъ въ Аѳины. Онъ хотѣлъ основать независимое царство въ Каріи, но при этой попыткѣ лишился жизни.

Артаксерксъ I, умершій (424) естественной смертью, имѣлъ только одного сына отъ своей законной жены. Кромѣ того, онъ оставилъ отъ своихъ наложницъ семнадцать сыновей, которые всѣ занимали въ монархіи своего отца высшія государственныя должности или намѣстничества. Едва законный наслѣдникъ, Ксерксъ II, вступилъ на престолъ, какъ былъ свергнутъ съ него Согдіаномъ, своимъ побочнымъ братомъ. Согдіанъ составилъ противъ царя заговоръ съ однимъ изъ царедворцевъ и, черезъ сорокъ пять дней послѣ смерти Артаксеркса, умертвилъ Ксеркса во время сна. Убійца вступилъ на престолъ, который надѣялся удержать за собой, пригласивъ въ Сузу могущественнѣйшаго изъ своихъ побочныхъ братьевъ, Оха, намѣстника одной провинціи, имѣвшаго сильную партію при дворѣ. Но Охъ вооружился и выступилъ противъ Согдіана съ войскомъ; къ нему присоединились другіе сатрапы и предводитель царской конницы. Обманутый предложеніемъ вступить въ переговоры, Согдіанъ попалъ въ руки брата, которымъ и былъ убитъ, процарствовавъ всего шесть съ половиною мѣсяцевъ.

Онъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Дарія II. Греки, въ отличіе отъ другихъ персидскихъ царей, прозвали его Нотомъ, т. е. незаконнорожденнымъ, побочнымъ. Въ его царствованіе, продолжавшееся съ 423 по 404, Персидская монархія пришла въ совершенный упадокъ, сатрапы сдѣлались почти независимыми владѣтелями въ своихъ областяхъ, царемъ управляли жена его, Парисатида, женщина властолюбивая, и трое любимцевъ. Исторія Персіи при Даріѣ Нотѣ была длиннымъ рядомъ звѣрствъ, измѣнъ и возстаній, въ которыхъ почти всегда принимала дѣятельное участіе Парисатида. Заговоръ, составленный Парисатидою въ пользу ея любимаго сына, Кира Младшаго, былъ важнѣйшимъ по своимъ послѣдствіямъ. Парисатида, управлявшая государствомъ при Даріѣ, имѣла тринадцать дѣтей, изъ которыхъ девять умерло въ ранней молодости. Изъ четырехъ, оставшихся въ живыхъ, старшій, Артаксерксъ, былъ назначенъ отцемъ наслѣдникомъ престола. Мать старалась всѣми средствами возвысить одного изъ младшихъ, названнаго ею Киромъ (солнце), — именемъ, которое носили только цари или наслѣдники престола. Она доставила ему мѣсто главнаго намѣстника на западѣ Малой Азіи, гдѣ онъ вошелъ въ сношенія съ греками и получилъ возможность сдѣлаться опаснымъ брату, держа у себя наемныя греческія войска. Киръ болѣе всего старался склонить на свою сторону спартанцевъ и потому имѣлъ вліяніе на исходъ Пелопоннесской войны.

Лишь только умеръ Дарій Нотъ, Тиссафернъ, подчиненный Киру намѣстникъ Іоніи и Каріи, донесъ новому царю, Артаксерксу II, что Киръ готовится къ возстанію. Получивъ это извѣстіе, Артаксерксъ хотѣлъ казнить брата, но Парисатида умѣла отговорить его отъ этого и даже убѣдила возвратить Киру его прежнее намѣстничество. Такимъ образомъ, молодой царевичъ могъ безпрепятственно продолжать свои вооруженія противъ брата. Напрасно Тиссафернъ сдѣлалъ вторичный доносъ. Киръ воспользовался несогласіемъ, возникшимъ

у него съ Тиссаферномъ за нѣкоторые іонійскіе города, чтобъ имѣть благовидный предлогъ для военныхъ приготовленій, а царь тѣмъ легче дался въ обманъ, что самъ желалъ войны между Киромъ и Тиссаферномъ, потому что оба, для охраненія своихъ правъ, вносили въ царскую казну, подати за спорные города. Собравъ большую армію, Киръ двинулся вовнутрь монархіи подъ предлогомъ усмиренія возстаній въ Писидіи и Киликіи. Лучшую часть его войска составляли 13,000 греческихъ наемниковъ, навербованныхъ съ помощью спартанцевъ въ разныхъ частяхъ Греціи и находившихся подъ начальствомъ спартанца Клеарха.

Киръ проникъ далеко вовнутрь Персидской монархіи и встрѣтился съ царскимъ войскомъ, которымъ командовалъ самъ Артаксерксъ, въ девяти миляхъ отъ Вавилона, при мѣстечкѣ Кунаксѣ. Здѣсь произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ Киръ, ранивъ собственноручно брата своего, былъ убитъ его свитой. Послѣ смерти Кира, азіятская часть его войска обратилась въ бѣгство, а тринадцать тысячъ грековъ не только разбили войско, стоявшее противъ нихъ, но и одержали блистательную побѣду надъ всей персидской арміей (401). Лагерь ихъ былъ разграбленъ во время сраженія, но они отвергли предложеніе персидскаго царя, требовавшаго безусловной сдачи. Не смотря на то, что ихъ оставалось всего десять тысячъ, они рѣшились оружіемъ проложить себѣ дорогу въ Малую Азію и совершить чрезъ непріятельскую землю переходъ въ четыреста нѣмецкихъ миль.

Этотъ походъ грековъ, обыкновенно называемый отступленіемъ десяти тысячъ, описанъ въ особомъ сочиненіи предводителемъ ихъ — Ксенофонтомъ. Отступленіе это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ военныхъ подвиговъ древности, представляющій въ полномъ блескѣ все превосходство греческаго міра. Смѣлое предпріятіе, счастливо совершенное десятью тысячами грековъ, приноситъ честь не имъ только однимъ, но составляетъ общее достояніе ихъ времени, ихъ націи и тогдашняго ихъ образованія; оно выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ различіе между достоинствами персидскихъ и греческихъ государственныхъ учрежденій и цивилизаціи. Горсть грековъ самымъ блистательнымъ образомъ сопротивлялась царю обширной монархіи, его несмѣтнымъ полчищамъ и всѣмъ кознямъ его сатраповъ. Греческое образованіе и искусство одержали побѣду надъ механическими, неподвижными персидскими учрежденіями, греческія науки — надъ восточной слабостью духа, греческая тактика — надъ персидскимъ безпорядкомъ, наконецъ, истинное чувство чести и народная гордость надъ интригами, трусостью и раболѣпствомъ.

Путь отступленія десяти тысячъ шелъ чрезъ Месопотамію, Мидію, Арменію и по южному берегу Чернаго моря до Ѳракіи. Храбрые греки, не зная въ этихъ странахъ ни мѣстностей, ни дорогъ, не имѣя ни картъ, ни надежныхъ проводниковъ, должны были пролагать себѣ путь чрезъ степи и пустыни, горы и ущелья, подвергаясь нападенію варварскихъ народовъ и населеній цѣлыхъ странъ, призванныхъ къ оружію Артаксерксомъ; не смотря на всѣ эти препятствія, они достигли, сравнительно съ небольшими потерями, границъ той части свѣта, гдѣ находилось ихъ отечество.

Вскорѣ послѣ того, какъ началось отступленіе грековъ, Артаксерксъ заключилъ съ ними, чрезъ сатрапа Тиссаферна, назначеннаго главнымъ намѣстникомъ Западной Малой Азіи, вмѣсто Кира, договоръ, по которому они могли спокойно возвратиться домой, въ сопровожденіи персидскаго войска подъ начальствомъ Тиссаферна; сверхъ того, обѣщано было снабжать ихъ на пути съѣстными припасами. Но сатрапъ заставилъ грековъ ждать болѣе двадцати дней своего возвращенія изъ царскаго лагеря; провожая грековъ на пути въ Мидію, онъ выказывалъ къ нимъ большое недовѣріе и возбуждалъ постоянныя столкновенія между обоими войсками, вслѣдствіе чего Клрархъ просилъ у него свиданія. Тиссафернъ согласился на это, и Клеархъ, полный довѣрія къ честности непріятельскаго полководца, отправился въ персидскій лагерь въ сопровожденіи своего военнаго совѣта, состоявшаго изъ двадцати четырехъ главныхъ военачальниковъ. По прибытіи къ непріятелю они были изменнически схвачены, свита ихъ изрублена, а сами они отведены въ столицу Артаксеркса и тамъ казнены.

Этимъ измѣнническимъ поступкомъ персы надѣялись привести грековъ въ замѣшательство и легко одолѣть ихъ; но велико было удивленіе азіятцевъ, когда

у грековъ мгновенно явились новые полководцы и начальники отрядовъ. Въ греческихъ войскахъ не было, какъ у насъ, производства, и ни одинъ офицеръ не имѣлъ постояннаго чина; нерѣдко даже случалось, что занимавшій въ одномъ году мѣсто начальника служилъ въ слѣдующемъ простымъ солдатомъ. Всѣ мѣста ежегодно замѣщались новыми лицами. Вслѣдствіе такого устройства, каждый солдатъ могъ легко замѣнять офицера, и назначеніе новыхъ командировъ для большихъ и малыхъ отрядовъ не представляло никакихъ затрудненій. Ксенофонтъ, сдѣлавъ походъ волонтерамъ, какъ другъ одного изъ полководцевъ, первый, послѣ измѣнническаго поступка Тиссаферна, сталъ уговаривать своихъ соотечественниковъ отвергнуть требованіе персовъ о сдачѣ и пробиться съ оружіемъ въ рукахъ чрезъ непріятельскую землю. Изъ всѣхъ начальниковъ, собравшихся около Ксенофонта, только одинъ не соглашался съ его предложеніемъ и этимъ возбудилъ къ себѣ презрѣніе; когда ближе вглядѣлись въ его лицо, въ немъ узнали уроженца Персіи по проткнутымъ ушамъ. Онъ немедленно былъ изгнанъ, а на мѣсто полководцевъ, взятыхъ персами въ плѣнъ, были избраны Ксенофонтъ и четверо другихъ грековъ.

Съ этой минуты Ксенофонтъ сталъ душою греческаго войска, обязаннаго ему спасеніемъ. Не желая возбуждать противъ себя спартанцевъ, господствовавшихъ въ Греціи послѣ Пелопоннесской войны, и думая сохранить лучшую дисциплину между соотечественниками страхомъ передъ спартанскимъ предводителемъ, Ксенофонтъ командовалъ именемъ спартанца Х с и р и с о ф а, хотя у послѣдняго не было ни способностей, ни знаній, необходимыхъ для того, чтобъ вывести грековъ изъ персидскихъ владѣній. Превосходными тактическими движеніями, приспособленными къ мѣстностямъ и обстоятельствамъ, встрѣчавшимся на пути, Ксенофонту удалось довести грековъ до крутыхъ и непроходимыхъ горъ, въ верховьяхъ Тигра. Здѣсь наткнулись они на дикихъ и воинственныхъ кардуховъ, отвергнувшихъ всѣ предложенія о свободномъ переходѣ черезъ ихъ страну; народъ этотъ, подобно нынѣшнимъ курдамъ, — быть можетъ, его потомкамъ, — никогда не зналъ чужеземнаго владычества. Персы, не смѣвшіе проникать въ этотъ край, перестали преслѣдовать грековъ, которые вступили въ дикую горную страну и, не смотря на постоянныя нападенія кардуховъ, въ семь дней достигли противоположнаго ската горъ и границъ Арменіи. Переходъ чрезъ страну кардуховъ былъ самою трудною частью всего ихъ похода и стоилъ имъ гораздо болѣе потерь, чѣмъ всѣ нападенія персидскаго войска.

Въ Арменіи грекамъ опять пришлось бороться съ интригами персовъ. Т и р и б а з ъ, персидскій намѣстникъ этой страны, заключилъ съ ними такой же договоръ, какъ Тиссафернъ, но такъ же скоро нарушилъ его. Въ отмщеніе за это, греки захватили и разграбили персидскій лагерь. Впрочемъ, проходя Арменію въ январѣ мѣсяцѣ, греки терпѣли гораздо болѣе отъ зимнихъ стужъ, снѣга и стычекъ съ незначительными племенами страны, чѣмъ отъ своихъ трусливыхъ враговъ. Наконецъ, черезъ четыре мѣсяца послѣ сраженія при Кунаксѣ, они достигли Трапезунта, перваго греческаго города, гдѣ были радушно встрѣчены жителями, праздновавшими ихъ счастливое возвращеніе жертвоприношеніями и военными играми. Отсюда одна часть войска продолжала отступленіе сухимъ путемъ, другая — моремъ. Но теперь, когда на нихъ опять повѣяло греческимъ воздухомъ и исчезла опасность отъ варваровъ, между ними возникли несогласія и пробудилась страсть къ грабежу, такъ что даже граждане греческихъ колоній южнаго берега Чернаго моря, тяготясь своими гостями, старались скорѣй сбыть ихъ съ рукъ. Съ значительными потерями достигли они чрезъ Виѳинію до Византіи, а оттуда прошли вовнутрь Ѳракіи. Тогдашній владѣтель страны, Севтъ, принялъ въ свою службу уцѣлѣвшую часть войска. Эти воинственные искатели приключеній помогли ему распространить въ нѣсколько мѣсяцевъ его владычество надъ различными племенами Ѳракіи. Наконецъ, они были завербованы спартанцами, воевавшими тогда съ персами, и, такимъ образомъ, опять вернулись въ Азію.

Изъ всего войска осталось въ живыхъ только около шести тысячъ человѣкъ; путь, пройденный ими съ Кунакскаго поля до середины южнаго берега Чернаго моря, составлялъ до четырехъ сотъ сорока шести нѣмецкихъ миль. Они совершили его въ восемь мѣсяцевъ. Весь походъ отъ Эѳеса до Кунаксы и оттуда до Чернаго моря продолжался пятнадцать мѣсяцевъ (съ февраля 401 до начала іюня

400), а отсюда до соединенія съ спартанскимъ войскомъ въ Малой Азіи (мартъ 399) — девять мѣсяцевъ.

Ксенофонтъ, отличавшійся болѣе всѣхъ въ этомъ достопамятномъ походѣ, приведя въ Малую Азію къ спартанцамъ остатки десяти тысячъ, самъ вернулся въ Грецію. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, онъ принялъ участіе въ походѣ, предпринятомъ противъ персовъ его другомъ, спартанскимъ царемъ Агесилаемъ и, по возвращеніи его, участвовалъ въ битвѣ при Коронеѣ. Въ то время какъ онъ вмѣстѣ съ Агесилаемъ сражался въ Азіи противъ персовъ, народъ изгналъ его изъ отечества за участіе въ войнѣ противъ персовъ, союзниковъ аѳинянъ, за его аристократическое направленіе и предпочтеніе къ спартанскому государственному устройству, — все это возбуждало ненависть демагоговъ и недовѣріе народа. Послѣ Коронейской битвы, Ксенофонтъ отправился съ Агесилаемъ въ Спарту, а затѣмъ поселился, недалеко отъ Олимпіи, въ имѣніи, подаренномъ ему спартанцами или купленномъ на огромныя богатства, пріобрѣтенныя въ Азіи. Здѣсь, и потомъ въ Коринѳѣ, была написана имъ часть его твореній. Наконецъ ему позволено было вернуться въ Аѳины, но, по всей вѣроятности, онъ никогда болѣе не возвращался въ отечество, хотя впослѣдствіи уговорилъ своего сына, Грилла, принять участіе въ одномъ походѣ аѳинянъ. Гриллъ былъ убитъ въ сраженіи при Мантинеѣ. Разсказываютъ, что извѣстіе о смерти сына было передано Ксенофонту въ ту минуту, когда онъ стоялъ у алтаря, готовясь приносить жертву, украшенный, по греческому обычаю, вѣнкомъ. Онъ немедленно снялъ съ головы вѣнокъ и, выслушавъ это извѣстіе съ большимъ спокойствіемъ, сказалъ, что знаетъ, что произвелъ на свѣтъ смертнаго человѣка. Когда ему разсказали, что Гриллъ сражался очень храбро, онъ снова надѣлъ вѣнокъ и совершилъ жертвоприношеніе, соединивъ его съ молитвою, въ которой благодарилъ боговъ за доблести сына. Ксенофонтъ умеръ въ Коринѳѣ на девятидесятомъ году своей жизни (355).

3. Исторія Греціи отъ возстановленія государственнаго устройства Аѳинъ до начала Беотійской войны.

Участіе тринадцати тысячъ грековъ въ возстаніи Кира было частнымъ предпріятіемъ грековъ, нанятыхъ Киромъ, и потому не имѣло никакого непосредственнаго вліянія на отношенія, существовавшія между Персіей и Греціей. Но самая война, для которой были наняты греки, имѣла связь съ ходомъ греческой исторіи, послуживъ отдаленной причиной къ возстановленію аѳинской независимости. Тиссафернъ, оказавшій въ этой войнѣ большія услуги царю, въ награду за нихъ былъ облеченъ почетнымъ и важнымъ званіемъ главнаго намѣстника, принадлежавшимъ прежде Киру. Прибывъ въ Малую Азію, онъ всѣми силами старался подчинить Персіи греческіе города Іоніи, сдѣлавшіеся въ послѣднее время независимыми. Они тотчасъ обратились за помощью къ Спартѣ, и здѣсь просьба ихъ была услышана. Тысяча гелотовъ, получившихъ въ награду за будущую службу право гражданства, и 4,000 человѣкъ изъ другихъ пелопоннесскихъ государствъ, были посланы подъ предводительствомъ Тимброна (осенью 400) въ Малую Азію. Тимбронъ, усилившій свою армію войсками греческихъ городовъ Малой Азіи и остатками десяти тысячъ, велъ войну довольно счастливо, но, по неопытности въ осадномъ искусствѣ, не соотвѣтствовалъ требованіямъ войны въ этой мѣстности. Кромѣ того, его войско, состоявшее изъ всякаго сброда, дотого грабило союзные Спартѣ малоазійскіе города, что по ихъ жалобамъ онъ былъ скоро отозванъ назадъ. На мѣсто Тимброна (осенью 399) былъ избранъ Деркиллидъ, превосходившій своего предшественника и военными и дипломатическими талантами. Онъ счастливо продолжалъ войну до 397 года, когда было заключено перемиріе.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Малой Азіи, когда умеръ спартанскій царь Агисъ I, и на престолъ Спарты вступилъ, съ помощью Лисандра, его братъ Агесилай (397). Въ то время Лисандръ уже не пользовался въ отечествѣ прежнимъ вліяніемъ, а на островахъ и въ малоазійскихъ городахъ даже

были постепенно отмѣнены введенныя имъ учрежденія. Но ему хотѣлось во что бы то ни стало снова играть роль, а исполненіе этого желанія могло осуществиться только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ опять сталъ во главѣ войска. Смерть спартанскаго царя послужила отличнымъ поводомъ къ тому. Агисъ, оставившій послѣ себя одного сына, Леотихида, утверждалъ при жизни, что онъ сынъ Алкивіада, и хотя, умирая, призналъ Леотихида, но Агесилай все-таки оспаривалъ у него законность рожденія. При этомъ Лисандръ помогалъ дядѣ противъ племянника, думая, что хромой и плохой съ виду Агесилай не будетъ имѣть значенія на войнѣ и вообще сдѣлается простымъ орудіемъ въ рукахъ того, кто поможетъ ему вступить на престолъ. Но скоро Лисандръ увидѣлъ, что ошибся въ своихъ разсчетахъ. Агесилай тотчасъ по вступленіи на престолъ получилъ главное начальство надъ войскомъ въ Азіи и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ спартанскихъ полководцевъ и однимъ изъ величайшихъ людей спартанской исторіи. Онъ получилъ предводительство, котораго такъ добивался, и хотя сначала Лисандръ сопровождалъ его въ походѣ, но между ними не замедлили возникнуть несогласія. Лисандръ, желая свергнуть съ престола Агесилая и его соправителя и сдѣлаться царемъ, старался произвести революцію въ Спартѣ. Но смерть, постигшая его въ первомъ сраженіи такъ называемой Беотійской войны (394), помѣшала осуществленію этого плана.

Начальствуя въ азіятской войнѣ, Агесилай имѣлъ тайное намѣреніе не только отнять у персовъ малоазійскіе города, но произвести нападеніе на ихъ собственныя земли и сдѣлать завоеванія внутри Азіи. Многіе изъ грековъ помышляли о томъ же, и вѣроятно тогда бы послѣдовало паденіе Персидской монархіи, еслибъ беотійская война не принудила Агесилая вернуться въ Грецію. Спартанскій царь при самомъ началѣ войны выказалъ большіе военные таланты, пользуясь совѣтами опытнаго Ксенофонта, присоединившагося къ войску. Весною 396 Агесилай высадился около Эфеса, къ удивленію Тиссаферна, который, въ надеждѣ на перемиріе, заключенное Деркиллидомъ, не ожидалъ такого внезапнаго нападенія. Тиссафернъ просилъ о продленіи перемирія, обѣщая взамѣнъ того испросить у персидскаго царя признаніе независимости малоазійскихъ грековъ. Агесилай согласился на предложеніе сатрапа и остался съ войскомъ въ Эфесѣ. Въ кратковременное пребываніе здѣсь спартанскаго царя обнаружились несогласія между нимъ и Лисандромъ. Лисандръ, занимавшій важное мѣсто въ военномъ совѣтѣ, снова пріобрѣлъ у малоазійскихъ грековъ прежнее значеніе, собралъ около себя толпу приверженцевъ и являлся постоянно, окруженный многочисленной свитой людей, заискивавшихъ его милости. Этимъ онъ страшно вооружилъ противъ себя Агесилая и своихъ товарищей въ военномъ совѣтѣ и, потерявъ наконецъ всякое вліяніе, сталъ играть въ глазахъ войска и малоазійскихъ грековъ такую ничтожную роль, что самъ пожелалъ удалиться изъ арміи. Агесилай отправилъ его съ порученіемъ въ Геллеспонтъ, откуда Лисандръ скоро вернулся въ Спарту.

Тиссафернъ, окончивъ военныя приготовленія и получивъ значительныя подкрѣпленія изъ внутреннихъ областей монархіи, объявилъ спартанцамъ о прекращеніи перемирія и потребовалъ немедленнаго ихъ удаленія изъ Малой Азіи. Агесилай, силы котораго были значительно слабѣе Тиссаферновыхъ, въ теченіе лѣта сумѣлъ отлично воспользоваться несогласіями, возникшими между Тиссаферномъ и Фарнабазомъ, двумя сатрапами Малой Азіи, ловко уклоняясь отъ рѣшительнаго сраженія. Зимой онъ занимался обученіемъ войска, значительно усилилъ его и получилъ изъ греческихъ городовъ Малой Азіи конницу, которой у него прежде не было. Слѣдующимъ лѣтомъ, обманувъ Тиссаферна, онъ двинулся противъ Сардъ; разбилъ персидское войско, спѣшившее на помощь городу, и овладѣлъ богатой добычей. Тиссафернъ имѣлъ при дворѣ опаснаго врага въ лицѣ царицы Парисатиды, которая не могла ему простить смерти любимаго сына Кира, и потому теперь, за успѣхи Агесилая, онъ долженъ былъ поплатиться жизнью. На мѣсто Тиссаферна былъ назначенъ Титраустъ, убившій его по повелѣнію царя. Новый намѣстникъ немедленно вступилъ въ переговоры съ Агесилаемъ, заключилъ съ нимъ шестимѣсячное перемиріе и уговорилъ его вторгнуться въ провинцію Фарнабаза. Опустошая все на пути, Агесилай вступилъ во Фригію, заключилъ перемиріе съ Фарнабазомъ и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы вторгнуться въ самое сердце Азіи. Весною 394 приготовленія къ походу были

кончены; такимъ образомъ Персидской монархіи угрожало распаденіе, какъ вдругъ дѣла въ Греціи заставили спартанскаго царя вернуться въ Европу.

4. Беотійская война.

Въ большей части греческихъ государствъ господствовало сильное негодованіе на образъ дѣйствій Спарты противъ слабѣйшихъ государствъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ Аѳины, стремились, кромѣ того, достигнуть полной независимости, исчезнувшей въ послѣдніе годы Пелопоннесской войны. Наглость спартанцевъ, посылаемыхъ съ порученіями въ различные города, только усиливала ненависть къ Спартѣ. Жестокое обращеніе ихъ съ нѣкоторыми, особенно ненавистными Спартѣ городами, хотя и заставляло трепетать передъ ея громаднымъ могуществомъ, но зато возбуждало еще сильнѣйшую злобу и страстное желаніе перемѣнъ, которыя оградили бы слабѣйшія государства отъ подобнаго произвола. Между прочимъ, тотчасъ послѣ Пелопоннесской войны спартанцы самымъ свирѣпымъ образомъ отмстили элидцамъ и мессенцамъ, поселившимся въ Навпактѣ и на островѣ Кефаллоніи. Первые въ наказаніе за то, что заключили въ 420 союзъ съ Аргосомъ и Аѳинами и потомъ запретили спартанскимъ гражданамъ участвовать въ олимпійскихъ играхъ, подверглись нападенію огромнаго спартанскаго войска; вся ихъ страна въ теченіе цѣлаго года была предана систематическому опустошенію, пока наконецъ они не купили спокойствія и мира цѣною очень тяжелыхъ условій. Наказавъ такъ жестоко элидцевъ, спартанское войско двинулось противъ послѣднихъ свободныхъ остатковъ несчастнаго мессенскаго народа; мессенцы были изгнаны съ обоихъ острововъ и должны были покинуть Грецію. Они удалились въ Сицилію и въ африканскую колонію Кирену, гдѣ и поступили на службу въ наемныя войска.

Такимъ образомъ, гнетомъ и злоупотребленіями спартанцы почти всюду возбудили противъ себя негодованіе, которое естественно должно было при первой возможности повлечь за собой войну. Поводомъ къ ней послужилъ походъ Агесилая въ Азію. Сатрапъ Титраустъ, еще не зная намѣренія Агесилая вторгнуться въ сердце Персидской монархіи, уже рѣшился воспользоваться ненавистью грековъ къ Спартѣ. Чтобы побудить ихъ къ открытому возстанію, онъ послалъ въ Грецію съ большими суммами искуснаго дипломата, Тимократа родосскаго, которому легко удалось склонить на свою сторону вліятельныхъ людей Ѳивъ, Коринѳа, Аргоса и другихъ государствъ.

Въ то же время спартанскому могуществу угрожала другая опасность изъ Азіи. Аѳинскій полководецъ и адмиралъ Кононъ, удалившійся въ Кипръ съ небольшими остатками флота, уничтоженнаго при Эгоспотамѣ, нашелъ тамъ радушный пріемъ у Эвагора, владѣтеля города Саламина. Вдали отъ родины Кононъ не переставалъ стремиться къ возстановленію ея независимости и пришелъ къ тому убѣжденію, что вѣрнѣе всего можно достигнуть цѣли только съ помощью хорошо вооруженнаго персидскаго флота, потому что Спарту можно было побѣдить только на морѣ. Эвагоръ, бывшій вассаломъ персидскаго царя, указалъ своему государю на опытнаго аѳинскаго моряка, какъ на человѣка, который можетъ возстановить морскія силы Персіи и оказать ей въ войнѣ съ Спартою большія услуги. Кононъ даже отправился къ персидскому двору, чтобъ представить царю свои планы. Артаксерксъ согласился на его предложеніе и велѣлъ выдать деньги для вооруженія достаточнаго числа кораблей. Въ короткое время значительный флотъ подъ командою Фарнабаза и Конона вышелъ въ море.

Въ Греціи, весною 394, вспыхнула война противъ Спарты. Поводомъ къ ней былъ споръ между фокидцами и опунтскими локрійцами, — одно изъ безконечныхъ несогласій, безпрестанно повторявшихся между различными народами Греціи. Ѳиванцы помогли локрійцамъ и этимъ принудили фокидцевъ просить помощи у спартанцевъ. Спарта давно уже искала случая отмстить Ѳивамъ, потому что ѳиванцы, болѣе гордые, чѣмъ остальные греки, часто не исполняли спартанскихъ повелѣній, показывая такимъ образомъ, что они не намѣрены безусловно подчиняться господствующему государству. Случай этотъ давалъ возможность

унизить ѳиванцевъ, и фокидцамъ была послана помощь. Лисандръ получилъ приказаніе отправиться въ Фокиду и организовать тамъ войско, а царь Павсаній II долженъ былъ въ то же время собрать войска пелопоннесскихъ союзниковъ. Оба войска должны были соединиться у беотійскаго города Галіарта. Ѳиванцы съ своей стороны обратились къ аѳинянамъ, которые послали имъ на помощь войско. Такъ вспыхнула война противъ Спарты, сосредоточившаяся почти исключительно въ Беотіи, и потому названная Беотійскою.

Въ назначенный день Лисандръ появился передъ Галіартомъ, но Павсаній, шедшій въ Беотію медленно, не успѣлъ вовремя. Довѣрившись своему счастью, Лисандръ вступилъ въ битву одинъ. При Галіартѣ (іюнь 394) побѣда осталась нерѣшенной, но самъ Лисандръ былъ убитъ, а его войско, набранное въ Фокидѣ и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ государствахъ, разбѣжалось на слѣдующую ночь. На другой день на полѣ сраженія появились въ одно время Павсаній и вспомогательный аѳинскій отрядъ подъ начальствомъ Трасибула. Павсаній и его военный совѣтъ не рѣшились аттаковать непріятеля, а вступили съ нимъ въ переговоры, прося позволенія похоронить тѣла соотечественниковъ, павшихъ въ битвѣ. Заключено было перемиріе, по которому, въ первый разъ съ незапамятнаго времени, спартанскій царь соглашался купить выдачу павшихъ воиновъ обѣщаніемъ выступить немедленно изъ непріятельской земли. Преслѣдуемое насмѣшками аѳинянъ и ѳиванцевъ, спартанское войско отступило съ поля сраженія и вернулось въ Спарту, гдѣ Павсаній былъ преданъ за это суду, и, подобно своему отцу, Плистонаксу, (стр. 207) только бѣгствомъ избавился наказанія. Онъ удалился въ аркадскій городъ Тегею, гдѣ и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ.

Послѣ того въ Греціи образовался сильный союзъ противъ Спарты. Ѳивы, стоявшія во главѣ беотійскихъ городовъ, Аѳины, Коринѳъ и Аргосъ соединились для низверженія спартанскаго преобладанія; къ нимъ скоро присоединились эвбейскіе города, акарнанцы и другіе народы. Это принудило спартанцевъ вызвать изъ Азіи Агесилая съ его войскомъ. Гонецъ привезъ ему приказаніе вернуться въ Европу въ то самое время, когда онъ готовъ былъ приступить къ осуществленію своего громаднаго завоевательнаго плана. Агесилай не медля исполнилъ приказаніе, поспѣшно выступилъ изъ Фригіи и переправился черезъ Геллеспонтъ, оставивъ четыре тысячи человѣкъ для защиты городовъ Малой Азіи. Между тѣмъ въ Греціи произошло новое сраженіе. Союзники послали въ Лаконію двадцатипяти-тысячное войско, спартанцы выслали противъ нихъ только пятнадцать тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Аристодема, управлявшаго государствомъ за малолѣтствомъ своего двоюроднаго брата, сына Павсанія. Оба войска встрѣтились при Сикіонѣ (іюль 394), гдѣ произошло сраженіе, въ которомъ спартанцы имѣли, правда, нѣкоторый перевѣсъ, но далеко не одержали полной побѣды.

На морѣ счастье совершенно измѣнило спартанцамъ. Агесилай сдѣлалъ большую ошибку, отнявъ у искуснаго моряка, Фарака, начальство надъ спартанскимъ флотомъ и передавъ его своему зятю, храброму и смѣлому Писандру, не имѣвшему достаточной опытности для веденія войны на морѣ. Близъ карійскаго города Книда произошло сраженіе между спартанскимъ флотомъ и персидскимъ, которымъ командовали Кононъ и Фарнабазъ, кончившееся совершеннымъ пораженіемъ спартанцевъ и уничтоженіемъ ихъ преобладанія на морѣ. Писандръ и множество спартанцевъ были убиты, пятьдесятъ большихъ кораблей съ пятью стами человѣкъ достались въ плѣнъ непріятелю (въ началѣ августа 394). Вслѣдствіе этой битвы спартанскіе гармосты должны были бѣжать почти изъ всѣхъ городовъ малоазійскаго побережья и сосѣднихъ острововъ. Флотъ спартанцевъ пересталъ господствовать на морѣ, и аѳиняне могли теперь безпрепятственно возстановить свой флотъ.

Агесилай, возвращавшійся изъ Азіи тѣмъ же путемъ, которымъ шелъ прежде Ксерксъ, получилъ на границахъ Беотіи извѣстіе объ этой несчастной битвѣ. Онъ принужденъ былъ оружіемъ пролагать себѣ путь чрезъ Ѳесалію, потому что союзники ѳиванцевъ, жители городовъ Ларисы, Скатуссы и Фарсала, препятствовали переходу его черезъ ихъ страну. Въ Беотіи ждали его соединенныя силы беотійцевъ, аѳинянъ, аргивцевъ, коринѳянъ, эніанцевъ и эвбейцевъ, озолійскихъ и опунтскихъ локрійцевъ. Опасаясь, что извѣстіе о пораженіи Писандра лишитъ войско бодрости, Агесилай обманулъ его, объявивъ, что Писандръ дѣйствительно погибъ, но что флотъ одержалъ побѣду. 20 августа 394 онъ далъ сраженіе, близъ

беотійскаго города Коронеи. По увѣреніямъ друга Агесилая, Ксенофонта, спартанцы одержали полную побѣду; по разсказамъ же другихъ историковъ, они только удержали за собой поле сраженія. Оба войска дрались отчаянно, и потери противниковъ были одинаково велики; самъ Агесилай получилъ нѣсколько ранъ, а свита его, состоявшая изъ пятидесяти молодыхъ людей, была почти истреблена. Спартанское войско удержало за собой поле сраженія и на другой день воздвигло на немъ памятникъ въ честь побѣды; непріятель просилъ перемирія, чтобъ имѣть возможность похоронить мертвыхъ, а это у грековъ считалось признаніемъ пораженія. Но и Агесилай не могъ продолжать войны и долженъ былъ скоро послѣ сраженія удалиться въ Спарту. Кому бы ни приписывать побѣду, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этой битвою преобладаніе спартанцевъ на сушѣ не было возстановлено.

5. Коринѳская война.

Продолженіе войны послѣ Коронейской битвы обыкновенно называется Коринѳской войной, потому что съ этихъ поръ борьба ведется преимущественно въ окрестностяхъ Коринѳа. Главная квартира спартанцевъ была въ Сикіонѣ, а ихъ противниковъ — въ Коринѳѣ. Въ этой войнѣ не было ни одного значительнаго сраженія, и перевѣсъ на сушѣ оставался по большей части за спартанцами, на морѣ — за аѳинянами. Аѳинянамъ принесла Коринѳская война ту выгоду, что дала имъ возможность возстановить ихъ флотъ въ теченіе семилѣтней борьбы съ спартанцами. Судьба войны была главнымъ образомъ рѣшена на морѣ. Война на сухомъ пути имѣла значеніе только потому, что тогда впервые была примѣнена совершенно новая тактика, созданная аѳинскимъ полководцемъ Ификратомъ.

Преобразованія, введенныя въ греческомъ военномъ искусствѣ, были тѣсно связаны съ общимъ развитіемъ греческаго народа; они повели къ тому, что война съ этихъ поръ перестала быть ремесломъ и сдѣлалась наукой. До Ификрата греческое военное устройство находилось въ тѣсной связи съ учрежденіями каждаго отдѣльнаго государства. Тактическія движенія, устройство лагеря, выборъ позицій и тому подобныя вещи, конечно, измѣнялись съ теченіемъ времени, но военныя упражненія, составъ и вооруженіе войска были чисто національнымъ дѣломъ и зависѣли отъ нравовъ и учрежденій каждаго государства. Всякій гражданинъ былъ обязанъ нести военную службу, на которую не смотрѣли, какъ на дѣло, требовавшее особаго призванія, но какъ на часть гражданскихъ обязанностей. Поэтому классъ гражданъ, стоявшій во главѣ государства и управлявшій дѣлами, составлялъ въ то же время главную часть войска, тяжело-вооруженную пѣхоту. Число легкихъ войскъ было весьма незначительно. По той же причинѣ у всѣхъ греческихъ народовъ, кромѣ ѳессалійцевъ, конница была очень немногочисленна. Такой составъ войска обусловливался частью свойствами мѣстности, не позволявшей ни употреблять въ дѣло большихъ массъ кавалеріи, ни продовольствовать ихъ, частью же тѣмъ, что всѣ граждане были обязаны нести военную службу, а большинство ихъ не было въ состояніи содержать лошадь. Спартанцы всегда ограничивались немногочисленной конницей и никогда не нуждались въ сильной кавалеріи, кромѣ какъ во время похода Агесилая въ Азіи, гдѣ они, впрочемъ, легко сформировали значительную кавалерію изъ мѣстныхъ жителей. Напротивъ того, аѳиняне, гораздо менѣе спартанцевъ придерживавшіеся своихъ древнихъ учрежденій, рано поняли всю пользу кавалеріи, и въ первой же войнѣ противъ спартанцевъ съ большимъ успѣхомъ пользовались своими ѳессалійскими союзниками. Вскорѣ они завоевали на островѣ Эвбеѣ равнины, болѣе годныя для пастбищъ, чѣмъ гористая Аттика, и съ этихъ поръ стали имѣть собственную конницу.

Старая греческая система войны сохранялась до Ификрата почти безъ всякихъ измѣненій, Она была совершенно измѣнена имъ, ѳессалійскимъ царемъ Язономъ, ѳиванцами Эпаминондомъ и Пелопидомъ и великими царями Македоніи Филиппомъ и Александромъ. Эти преобразованія были введены вслѣдствіе того, что свободные граждане стали избѣгать военной службы и старались замѣнять

себя наемниками. Съ тѣхъ поръ въ военную службу вступали люди только по особой склонности къ ней, а военное устройство, менѣе завися отъ государственныхъ учрежденій, развивается самостоятельнѣе и становится спеціальнымъ ремесломъ и наукою. Тоже самое видимъ мы въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія, когда кондотьери или предводители наемныхъ войскъ становятся изобрѣтателями новой тактики и стратегіи или, вѣрнѣе, кладутъ основаніе обѣимъ этимъ наукамъ.

Съ начала четвертаго столѣтія греческія войны ведутся большей частью наемными солдатами, и нерѣдко цѣлыя войска состоятъ исключительно изъ наемниковъ. Пользуясь постоянными распрями греческихъ государствъ, они продавали себя тому, кто предложитъ болѣе, или поступали на службу къ персамъ, на которую они смотрѣли, какъ на главное средство къ существованію, и изъ которой возвращались въ отечество съ чужими деньгами и чужими подарками. Естественно, что греческія государства должны были ввести въ этихъ наемныхъ войскахъ совершенно другую дисциплину и порядокъ, чѣмъ въ прежнихъ войскахъ, состоявшихъ изъ гражданъ, качества и искусство которыхъ соотвѣствовали законамъ и обычаямъ ихъ государствъ. Вслѣдствіе того всѣ военныя силы перешли, какъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ въ Италіи, въ руки предводителей наемныхъ отрядовъ. Между послѣдними особенно замѣчателенъ Ификратъ, изъ Аѳинъ. Его солдаты пользовались въ то время такою же славою, какъ въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія въ Италіи войска Браччо, Карманьолы и Франческо Сфорцы.

Ификратъ, сынъ сапожника, принадлежалъ къ самому низкому классу свободныхъ гражданъ въ Греціи; подобно Франческо Сфорцѣ, онъ возвысился своими военными подвигами и, женившись на дочери одного ѳракійскаго владѣтеля, замѣчательнаго богатствомъ и роскошью, велъ въ этой странѣ самую развратную жизнь. Его великое значеніе въ греческой исторіи состоитъ въ томъ, что онъ усовершенствовалъ тактику и вооруженіе своихъ соотечественниковъ и, подобно Фридриху Великому, создалъ хорошее войско изъ ненадежной толпы наемниковъ. У Ификрата главную роль играли такъ называемые пельтасты, введенные имъ въ первый разъ въ греческихъ войскахъ. Они составляли середину между тяжеловооруженными и легкими войсками и были вооружены короткими и легкими щитами и длинными копьями и мечами. Пельтасты соединяли въ себѣ всѣ преимущества тяжелыхъ и легкихъ войскъ. Введеніемъ ихъ Ификратъ облегчилъ своему войску движеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было поразить быстрымъ нападеніемъ, окружить или обмануть непріятеля; пельтасты были также особенно полезны тѣмъ, что своимъ новымъ вооруженіемъ сбивали съ толку непріятеля, болѣе искуснаго, чѣмъ они, и съ которымъ потому трудно было сражаться одинаковымъ оружіемъ. Этого вполнѣ достигъ Ификратъ, прославившійся пораженіемъ спартанскаго отряда, на который онъ внезапно напалъ (392) близъ Истма и принудилъ положить оружіе, — дѣло, само по себѣ, далеко не важное.

Коринѳская война, въ которой впервые были примѣнены преобразованія Ификрата, продолжалась до 387 и была рѣшена событіями на морѣ. Побѣда Конона и Фарнабаза въ самомъ началѣ войны (394) лишила спартанцевъ всѣхъ ихъ владѣній по ту сторону Эгейскаго моря; за ними остались только Абидосъ и Сестъ, города, лежащіе у Геллеспонта. Весною слѣдующаго года (393) непріятельскій флотъ опустошилъ берега Лаконіи, а персы заняли важный островъ Китеру. Въ то же время Кононъ убѣдилъ Фарнабаза, что возстановленіе аѳинскихъ укрѣпленій выгодно для персовъ, потому что могущество и величіе Аѳинъ послужатъ сильнѣйшимъ оплотомъ противъ преобладанія Спарты. Получивъ отъ сатрапа персидскій флотъ и значительныя суммы денегъ, Кононъ немедленно поплылъ къ Аѳинамъ, гдѣ граждане употребили всѣ свои усилія, чтобы какъ можно скорѣе возстановить стѣны. Имъ помогали матросы персидскаго флота, множество рабочихъ, нанятыхъ на персидскія деньги, беотійцы и граждане другихъ союзныхъ государствъ; такимъ образомъ, въ короткое время аѳинскія укрѣпленія были вновь воздвигнуты. Матросы аѳинскаго флота содержались съ этихъ поръ на персидскія деньги. — Спартанцы скоро поняли, что они не будутъ въ состояніи удержать въ Греціи своего прежняго положенія, если не привлекутъ на свою сторону персовъ. Они старались достигнуть этого дипломатическимъ путемъ, пожертвовавъ свободою своихъ малоазійскихъ соотечественниковъ, и послали къ сатрапу

Тирибазу, управлявшему частью Малой Азіи, граничившей съ провинціей Фарнабаза, Анталкида, человѣка очень ловкаго и знакомаго съ персидскими дворцовыми интригами. Цѣль посольства Анталкида состояла въ томъ, чтобъ склонить Тирибаза на сторону спартанцевъ и съ его помощью дѣйствовать противъ Фарнабаза, друга аѳинянъ. Аѳиняне, беотійцы, коринѳяне и аргивцы, узнавъ объ этомъ, отправили тоже пословъ къ Тирибазу. Анталкидъ объявилъ намѣстнику, что спартанцы уступаютъ персидскому царю всѣ города Малой Азіи, предоставляютъ всѣмъ государствамъ и островамъ Греціи полную независимость, и, слѣдовательно, со стороны персовъ будетъ безразсудно проливать кровь и расточать деньги на войну со Спартою. Тирибазъ понялъ всю выгоду этихъ предложеній, и кто знакомъ съ современнымъ состояніемъ Турецкой имперіи, тотъ не удивится, что сатрапъ этотъ рѣшился интриговать противъ Фарнабаза, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Сузѣ. Онъ не смѣлъ однако дѣйствовать противъ него открыто, но тайно помогалъ спартанцамъ деньгами, а аѳинянъ и ихъ союзниковъ обнадеживалъ, говоря, что будетъ ждать дальнѣйшихъ приказаній царя. Передъ отправленіемъ своимъ въ Сузу, Тирибазъ велѣлъ заключить въ тюрьму Конона, опаснѣйшаго врага спартанцевъ. Мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Конона: одни говорятъ, что его отвезли въ Сузу и умертвили тамъ; другіе утверждаютъ, что, освобожденный изъ продолжительнаго заключенія, онъ вскорѣ умеръ естественной смертью.

Около того же времени аѳиняне лишились другаго отличнаго полководца, прежняго своего избавителя—Трасибула. Въ 390 г. Трасибулъ сдѣлалъ съ небольшимъ флотомъ удачную диверсію на берегахъ Ѳракіи и Малой Азіи, но весной слѣдущаго года, собирая контрибуціи на берегахъ Памфиліи, былъ убитъ въ своей палаткѣ жителями страны.

По неизвѣстнымъ причинамъ Тирибазъ не достигъ своей цѣли при персидскомъ дворѣ, и война между персами и спартанцами длилась еще годъ. Но въ 388 Анталкидъ вторично съ той же цѣлью высадился на берегахъ Малой Азіи и отправился немедленно Сузу вмѣстѣ съ Тирибазомъ; на этотъ разъ онъ былъ счастливѣе. Тирибазъ получилъ отъ персидскаго царя полномочіе вести переговоры, а Анталкидъ достигъ того, что миръ былъ заключенъ на предложенныхъ имъ условіяхъ. Ему позволено было требовать отъ грековъ, чтобъ они приняли миръ, а въ случаѣ отказа со стороны аѳинянъ и ихъ союзниковъ угрожать имъ войной съ персами.

Аѳиняне, достигнувъ снова могущества и надѣясь сохранить свое господство на морѣ, не обратили сначала никакого вниманія на эту угрозу и не приняли мира, предложеннаго именемъ персидскаго царя. Но счастье скоро измѣнило имъ и они не могли долго сопротивляться. Другъ ихъ Фарнабазъ отправился въ Сузу и тамъ женился на дочери царя, а преемникъ его, или намѣстникъ въ Малой Азіи, Аріобарзанъ, держалъ сторону спартанцевъ. Аріобзаранъ и Тирибазъ усилили небольшой спартанскій флотъ, которымъ начальствовалъ тогда Анталкидъ, присоединивъ къ нему персидскіе корабли, и такимъ образомъ помогли спартанцамъ не только завладѣть моремъ, но и лишить Аѳины продовольстія, отрѣзавъ подвозъ къ городу съѣстныхъ припасовъ изъ Чернаго моря. Затруднительнымъ положеніемъ аѳинянъ воспользовался хитрый спартанскій сенатъ, чтобъ отдѣлить сильнѣйшаго изъ своихъ противниковъ отъ остальныхъ его союзниковъ. Онъ уговорилъ персидское правительство, или, вѣрнѣе, Тирибаза, уполномоченнаго привести въ порядокъ греческія дѣла, уступить аѳинянамъ въ одномъ изъ условій. Уступка состояла въ томъ, что острова Лемносъ, Имбросъ и Скиросъ, находившіеся во власти аѳинянъ во время Кимона, оставались за ними и на будущее время, тогда какъ по предварительнымъ условіямъ, заключеннымъ между Анталкидомъ и Тирибазомъ, всѣ греческіе города должны были получить независимость. Измѣненіемъ этой статьи аѳиняне остались вполнѣ довольны; — теперь персы могли просто предписать миръ грекамъ (въ іюлѣ 387).

Изъ всѣхъ греческихъ государствъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ, отправлены были послы къ Тирибазу. Сатрапъ призвалъ къ себѣ пословъ для того, чтобъ они выслушали его приказанія и узнали, на какихъ условіяхъ должны заключить миръ. Когда они собрались, Тирибазъ показалъ имъ царскую печать на актѣ договора, а затѣмъ прочелъ его содержаніе, или, другими словами, объявилъ

имъ царское повелѣніе, какъ будто имѣлъ дѣло съ подданными царя. Условія этого, такъ называемаго, Анталкидова мира, начинались буквально слѣдующимъ образомъ: «Царь Артаксеркръ признаетъ справедливымъ, чтобъ ему принадлежали всѣ города Малой Азіи, а изъ острововъ — Клазомены и Кипръ; всѣ же остальные греческіе города большіе и малые должны быть независимы, кромѣ Лемноса, Имброса и Скироса, которые попрежнему остаются во власти аѳинянъ. Государствамъ же, которыя не примутъ этого мира, я объявляю войну — на морѣ и на сушѣ, кораблями и деньгами, — въ союзѣ съ тѣми, которыя принимаютъ его». Изъ всѣхъ греческихъ государствъ только Ѳивы не приняли этого мира, но спартанцы, взявшіеся быть исполнителями воли персовъ, отправили Агесилая съ войскомъ, чтобъ принудить ѳиванцевъ подчиниться повелѣніямъ персидскаго царя. Оставленные всѣми союзниками, ѳиванцы должны были уступить, не смѣя отважиться на войну.

Этотъ постыдный для Греціи миръ повлекъ за собой важныя перемѣны въ сношеніяхъ между греками и персами. Спартанцы, дѣйствовавшіе все время подъ вліяніемъ эгоистическаго разсчета, не обращая вниманія на національную честь и общественное благо греческаго народа, получили отъ персовъ право наблюдать за исполненіемъ условій Анталкидова мира, и, слѣдовательно, достигли прежняго преобладанія въ Греціи. Греческія же государства стали, вслѣдствіе этого мира, въ совершенно другія отношенія къ Персидской монархіи, получившей вдругъ значительное внѣшнее вліяніе. Съ этихъ поръ персидскій царь становится, на нѣкоторое время, руководителемъ общественныхъ дѣлъ Греціи: — такимъ образомъ, вѣчные споры греческихъ государствъ между собой привели ихъ къ полной зависимости отъ сузскаго двора и сатраповъ Малой Азіи.

Новое важное значеніе Персидской монархіи продолжалось до тѣхъ поръ, пока великіе македонскіе цари — несоединили въ своихъ рукахъ силы греческаго народа, и наконецъ неразрушили призракъ монархіи, продолжавшей существовать только вслѣдствіе несогласій грековъ. Но внѣшнее вліяніе, пріобрѣтенное персами не имѣло никакого вліянія на внутренное состояніе страны, дѣла оставались въ томъ же положеніи или, вѣрнѣе, постоянно ухудшались. То, что мы знаемъ о внутренней исторіи Персіи этого времени, представляетъ омерзительную картину внутренняго разложенія. Между прочимъ, по проискамъ Парисатиды, всѣ, содѣйствовавшіе какимъ бы то ни было образомъ смерти Кира, даже лица, награжденныя прежде царемъ, были подвергнуты мучительной смерти. Тиссафернъ также сдѣлался жертвою мстительной царицы. Воспользовавшись успѣхами Агесилая (стр. 249), она старалась возбудить въ Артаксерксѣ подозрѣніе, что Тиссафернъ заключилъ тайный союзъ съ спартанцами, и уговорила царя казнить сатрапа. Напротивъ, Статира, жена царя, глубоко ненавидѣвшая свою свекровь, убѣдила Артаксеркса, не смотря на просьбы его матери, умертвить всѣхъ предводителей греческаго войска, помогавшихъ Киру и взятыхъ Тиссаферномъ въ плѣнъ. Въ отмщеніе за это, она была отравлена Парисатидой, хотя и принимала всѣ мѣры, чтобъ предохранить себя отъ ея злобы. Такъ, на обѣдахъ у Парисатиды она не брала ни одного кушанья, котораго не ѣла ея свекровь. Но, опытная во всякихъ злодѣйствахъ, Парисатида велѣла однажды намазать ядомъ одну сторону ножа, которымъ рѣзала мясо, и подать Статирѣ кусокъ, отрѣзанный этой стороной, а сама взяла другой. Такимъ способомъ удалось ей извести ненавистную царицу. Артаксерксъ, подозрѣвая мать въ скоропостижной смерти жены, велѣлъ подвергнуть жестокой пыткѣ ея слугъ и въ отмщеніе убилъ наперстницъ Парисатиды.

Въ провинціяхъ, такъ же, какъ при дворѣ, все дѣлалось по личнымъ разсчетамъ и интригамъ. Около конца царствованія Артаксеркса II возстали въ одно время тогдашній владѣтель Египта и поддерживаемые спартанцами сатрапы Фригіи, Мизіи и Лидіи, составившіе заговоръ съ мелкими вассалами персидскаго царя и греческими городами морскаго прибрежья. Но намѣстникъ Мидіи, выбранный ими главнымъ предводителемъ, воспользовался возстаніемъ, чтобъ погубить своихъ союзниковъ и самому возвыситься въ глазахъ царя. Онъ вступилъ съ Артаксерксомъ въ тайные переговоры и такимъ образомъ далъ ему возможность скоро подавить возстаніе. Точно также при возстаніи намѣстника Каппадокіи, Датама, зять его измѣнилъ ему, чтобъ достигнуть почестей. Съ вассальными владѣтелями Египта, помогавшими возстанію въ Малой Азіи и Сиріи, было тоже ведено нѣ-

сколько войнъ, которыя всѣ не имѣли никакихъ результатовъ. Персы не могли вновь подчинить Египта и напрасно теряли людей и деньги.

6. Отношенія спартанцевъ къ Ѳивамъ и Олинту послѣ Анталкидова мира.

Отношенія спартанцевъ къ другимъ государствамъ послѣ Анталкидова мира, доставившаго имъ снова перевѣсъ въ Греціи, отличались тѣмъ же высокомѣріемъ и произволомъ, какъ прежде, и, вслѣдствіе того, они скоро опять лишились своего преобладанія. Еще въ первый годъ по заключеніи этого мира, подъ тѣмъ предлогомъ, что Мантинея выказывала въ послѣднее время враждебное настроеніе противъ Спарты, они потребовали отъ гражданъ этого аркадскаго города, — возникшаго постепенно изъ четырехъ селеній и казавшагося теперь опаснымъ для спартанцевъ, — чтобъ они срыли свои стѣны, и такимъ образомъ вернулись къ своему прежнему беззащитному состоянію. Когда мантинейцы отказались исполнить это, противъ нихъ было выслано войско, подъ начальствомъ сына Павсанія II, царя Агесиполя I, опустошившаго ихъ владѣнія и осадившаго самый городъ. Запрудивъ рѣчку, протекающую чрезъ Мантинею, онъ произвелъ внезапное наводненіе, отъ котораго не только пострадали городскіе дома, но развалились и крѣпостныя стѣны, построенныя изъ нежженнаго кирпича. Такимъ образомъ, мантинейцы увидѣли себя во власти спартанцевъ. Они должны были оставить городъ, разрушенный спартанцами, и опять распасться на четыре сельскія общины (385). Столь же жестоко поступали спартанцы и съ небольшимъ государствомъ Фліунтомъ, на сѣверѣ Пелопоннеса. Угрожая войной, они принудили его обратно принять изгнанныхъ имъ гражданъ, не смотря на то, что Анталкидовъ миръ призналъ независимость и самостоятельность всѣхъ государствъ Греціи.

Властолюбивый спартанскій сенатъ насильственно вмѣшивался всюду, гдѣ только обнаруживались признаки стремленія къ соединенію нѣсколькихъ государствъ. Въ то время зачатки федеративнаго устройства появились между аркадцами, — и вотъ почему могущество Мантинеи казалось страшнымъ для спартанцевъ. На македоно-ѳракійскомъ полуостровѣ, Халкидикѣ, тоже образовался союзъ государствъ. Городъ Олинтъ, обогатившійся торговлею и содержавшій десяти-тысячное войско, господствовалъ тогда надъ сосѣдней частью Македоніи и предложилъ греческимъ городамъ Халкидики составить союзъ, такъ чтобы уполномоченные каждаго изъ нихъ сбирались въ Олинтѣ и вмѣстѣ управляли общественными дѣлами всѣхъ городовъ. Подобное соединеніе государствъ, къ которому приступило значительное число городовъ, было настоящей конфедераціей въ тѣсномъ и современномъ смыслѣ этого слова. До тѣхъ поръ подобное устройство оставалось совершенно чуждо грекамъ; всѣ союзы ихъ были или столь шатки, что едва заслуживали этого названія, или же служили только для сильныхъ государствъ средствомъ подчинять себѣ слабѣйшихъ союзниковъ. Акантъ и Аполлонія, два халкидскіе города, смотрѣли на предложенный олинтянами союзъ, какъ на соединеніе подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что олинтяне угрожали имъ въ случаѣ отказа войною. Города эти просили помощи у спартанцевъ, ссылаясь на Анталкидовъ миръ, обязательный для всѣхъ грековъ, за исполненіе котораго поручилась Спарта.

Еслибъ спартанцы, поставленные Анталкидовымъ миромъ во главѣ Греціи, дорожили греческой свободой, они должны бы были помогать олинтянамъ, вмѣсто того чтобъ объявлять имъ войну, потому что Олинтъ, образовавъ могущественный союзъ греческихъ государствъ и выгнавъ сосѣдняго македонскаго царя изъ резиденціи его, Пеллы, полагалъ прочное основаніе греческой свободѣ отъ границъ Ѳессаліи до Македоніи и Босфора. Но спартанцы, понимая, что распространеніе этого союза государствъ угрожаетъ ихъ собственному политическому значенію, охотно согласились помочь жителямъ Аканта и Аполлоніи. Они тотчасъ выслали вспомогательный отрядъ подъ начальсвомъ Эвдамида (382), а брату его, Фебиду, поручили набрать войско изъ союзныхъ Спартѣ государствъ и послѣдовать за Эвдамидомъ. Была въ Спартѣ партія, соединившая съ этимъ походомъ и другой планъ: внезапнымъ нападеніемъ во время мира на Ѳивы, стоявшія во главѣ 14-ти беотійскихъ городовъ и казавшіяся Спартѣ опасными могу-

ществомъ своимъ, унизить ихъ и подчинить спартанскому вліянію. Фебидъ дѣйствительно осуществилъ этотъ планъ, но неизвѣстно, дѣйствовалъ ли въ этомъ случаѣ спартанскій полководецъ произвольно или съ позволенія своего правительства; изъ послѣдующихъ отношеній правительства къ Фебиду этого также нельзя разъяснить. Хотя, по занятіи ѳиванской крѣпости, Фебидъ былъ приговоренъ въ Спартѣ къ денежной пенѣ за то, что самовольно рѣшился на такой важный поступокъ, но спартанцы все-таки не вывели изъ Ѳивъ своего гарнизона.

Въ Ѳивахъ граждане были раздѣлены на двѣ партіи, во главѣ которыхъ стояли два полемарха, или высшіе сановника города. Предводителемъ демократической былъ Исменій, олигархической,—Леонтіадъ. Первый обнародовалъ запрещеніе гражданамъ принимать участіе въ спартанскомъ походѣ; Леонтіадъ, напротивъ того, вступилъ въ тайные переговоры съ Фебидомъ, расположившимся лагеремъ недалеко отъ Ѳивъ, обѣщая ему значительное подкрѣпленіе, если онъ поможетъ олигархической партіи одолѣть противниковъ и достигнуть господства въ Ѳивахъ. Фебидъ согласился, и Леонтіадъ избралъ для выполненія этого плана одинъ изъ праздниковъ, въ который крѣпостныя ворота были отперты, потому что всѣ женщины Ѳивъ приходили въ этотъ день въ крѣпость для совершенія религіознаго обряда. Спартанцы внезапно явились передъ Ѳивами, и Леонтіадъ ввелъ ихъ въ крѣпость, не встрѣтя сопротивленія со стороны жителей.

Съ помощью спартанскаго гарнизона, занявшаго крѣпость, Леонтіадъ и его партія произвели желаемый переворотъ въ государственномъ управленіи. Олигархическая революція эта совершилась безпрепятственно и сопровождалась послѣдствіями, обыкновенными въ подобныхъ случаяхъ: заключеніемъ Исменія, жестокимъ преслѣдованіемъ его партіи и бѣгствомъ многихъ гражданъ. Послѣдніе, въ числѣ четырехъ сотъ, удалились почти всѣ въ Аѳины. Леонтіадъ немедленно отправился въ Спарту, чтобъ оправдать тамъ дѣйствія спартанскаго войска. Фебидъ хотя и былъ приговоренъ къ денежной пенѣ, но не за то, что сдѣлалъ несправедливость въ отношеніи къ Ѳивамъ, а за нарушеніе спартанской дисциплины и за самовольное дѣйствіе; самый поступокъ его не былъ не одобренъ Спартою, и спартанскій гарнизонъ не былъ выведенъ изъ ѳиванской крѣпости. Напротивъ того, въ Ѳивы были посланы три спартанскіе коммисара, которые, вмѣстѣ съ депутатами отъ союзниковъ Спарты, должны были составить судъ, для разбора жалобъ. Пригласивъ въ судъ депутатовъ изъ другихъ греческихъ городовъ, Спарта хотѣла придать дѣйствіямъ своимъ видъ безпристрастія, но депутаты эти, руководимые спартанскими коммисарами, находились совершенно подъ ихъ вліяніемъ. Исменія обвинили въ сношеніяхъ съ персидскимъ царемъ, въ полученіи отъ него денегъ и особенно въ возбужденіи беотійской и коринѳской войны. Такимъ образомъ, Исменію были вмѣнены въ преступленіе сношенія съ персами, въ которыхъ Анталкидъ и другіе греки были гораздо виновнѣе. Обвинители не могли ничего возразить на его защиту, но, не смотря на то, Исменій былъ осужденъ на казнь, — только за то, что казался вообще безпокойнымъ и опаснымъ человѣкомъ.

Подчинивъ себѣ такимъ образомъ Ѳивы, спартанцы обратились съ значительными силами противъ Олинта. Олинтяне, хотя и основали союзъ греческихъ городовъ на мекедонскихъ и ѳракійскихъ берегахъ и соединили въ своихъ стѣнахъ огромныя оборонительныя средства, но не могли долго бороться противъ спартанцевъ. Эвдамидъ началъ войну счастливо, но былъ убитъ послѣ непродолжительной битвы подъ стѣнами Олинта. Тогда появился въ Халкидикѣ съ десятитысячнымъ войскомъ братъ Агесилая, Телевтій, получившій, вмѣсто Фебида, главное начальство надъ спартанцами. Войско его было еще усилено наемными солдатами македонскаго царя и другихъ сосѣднихъ владѣтелей, которымъ угрожала опасность быть отрѣзанными олинтянами отъ берега. Телевтій въ самомъ началѣ получилъ нѣкоторый перевѣсъ, но въ слѣдующемъ году (381) проигралъ подъ стѣнами Олинта рѣшительное сраженіе, въ которомъ самъ лишился жизни. Тогда спартанцы, убѣдившись, что побѣдить олинтянъ не такъ легко, какъ подчинить какое-нибудь одно греческое государство, послали противъ Олинта царя Агесиполя I съ значительными подкрѣпленіями.

Это было въ этомъ году, когда другой царь Спарты, Агесилай, посланъ былъ противъ другаго свободнаго государства. Онъ долженъ былъ силой заставить фліунтцевъ

принужденныхъ незадолго передъ тѣмъ принять изгнанныхъ ими гражданъ и возвратить послѣднимъ отнятыя у нихъ имущества. Они отчаянно сопротивлялись, но, угрожаемые голодомъ, были принуждены сдаться послѣ двадцати-мѣсячной осады. Олинтяне подверглись той же участи. Самъ Агесиполь недолго начальствовалъ надъ войскомъ; вскорѣ, по прибытіи въ Халкидику, онъ умеръ отъ болѣзни. Преемникъ его, Полибіадъ, обложилъ городъ съ моря и съ сухаго пути. Олинтяне не могли бороться противъ такихъ превосходныхъ силъ, а голодъ, свирѣпствовавшій въ городѣ, заставилъ ихъ наконецъ покориться обстоятельствамъ. Имъ данъ былъ миръ подъ условіемъ сдѣлаться союзниками Спарты, возвратить македонскому царю завоеванную часть его владѣній и расторгнуть союзъ съ другими городами ѳракійско-македонскаго побережья. Такимъ образомъ, были снова разъединены силы этихъ городовъ, и, слѣдовательно, сами они подчинены спартанцамъ.

VI. ѲИВАНСКАЯ ЭПОХА.

1. Освобожденіе Ѳивъ изъ-подъ спартанскаго владычества.

Сокрушивъ силы олинтянъ и подчинивъ себѣ Ѳивы, спартанцы, казалось, упрочили свое владычество и сдѣлались могущественнѣе чѣмъ когда-либо. Тѣмъ неожиданнѣе было, что незначительный самъ по себѣ заговоръ нѣсколькихъ ѳиванскихъ эмигрантовъ внезапно показалъ, какъ шатко стало могущество спартанцевъ вслѣдствіе ихъ злоупотребленій. Ѳиванская революція особенно ярко выказала это, вспыхнувъ въ ту самую минуту, когда господство Спарты въ Греціи снова казалось упроченнымъ. Освобожденіе Ѳивъ совершилось внезапно, черезъ три года по занятіи ихъ спартанцами. Изъ трехъ великихъ людей, которые одни между всѣми ѳиванцами понимали истинныя потребности своего отечества и старались возвратить ему свободу, — Пелопидъ игралъ сначала второстепенную роль въ заговорѣ, Эпаминондъ и Горгидъ приняли участіе въ этомъ дѣлѣ только послѣ сверженія господствовавшей партіи.

Господствовавшая въ Ѳивахъ олигархическая партія, — предводителемъ которой былъ Леонтіадъ и оба полемарха, Архій и Филиппъ, — приготовила себѣ паденіе своею полной беззаботностью, полагаясь вполнѣ только на спартанскій гарнизонъ. Безпечностью ихъ рѣшился воспользоваться Филлидъ, пользовавшійся довѣріемъ полемарховъ и представлявшій изъ себя человѣка, преданнаго олигархіи. Для сверженія властителей Ѳивъ, онъ вступилъ въ переговоры съ нѣкоторыми изъ бѣжавшихъ въ Аѳины изгнанниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ Меллонъ. По условленному плану, предводители олигархіи должны были быть умерщвлены: одни — на пиршествѣ, другіе — въ ихъ собственныхъ жилищахъ. Меллонъ былъ убѣжденъ, что, по убіеніи главныхъ олигарховъ, народъ, призванный къ свободѣ, немедленно объявитъ себя въ пользу демократовъ.

Только семеро изъ сообщниковъ, въ числѣ ихъ Меллонъ и Пелопидъ, приняли участіе въ исполненіи этого плана. Переодѣтые поселянами, заговорщики отправились изъ Аѳинъ въ Беотію, приблизились къ Ѳивамъ, неузнанные никѣмъ вошли въ ворота при наступленіи ночи, собрались въ домъ своего сообщника Харона и скрывались въ немъ весь слѣдующій день. Вечеромъ того же дня оба полемарха присутствовали на роскошномъ ужинѣ. Едва успѣли они сѣсть за столъ, какъ имъ сказали, что въ городѣ ходитъ слухъ, будто многіе изгнанники вернулись тайно и собрались въ домѣ Харона. Его тотчасъ же призвали, но онъ умѣлъ ловко обмануть полемарховъ, увѣривъ ихъ, что это одинъ ложный

слухъ. Даже письмо, присланное изъ Аѳинъ и сообщавшее планы заговорщиковъ, было отложено въ сторону Архіемъ, сказавшимъ, что теперь не время заниматься дѣлами. Филлидъ обѣщалъ полемархамъ привести къ столу женщинъ, переодѣтыми въ которыхъ явились заговорщики, бросившіеся на полемарховъ и умертвившіе ихъ безъ всякаго сопротивленія. Затѣмъ заговорщики отправились къ Леонтіаду и другимъ олигархамъ, съ которыми также легко справились. Леонтіадъ, человѣкъ умѣренной жизни, сидѣлъ поужинавъ у своей жены, которая, по обычаю греческихъ женщинъ, пряла. Филлидъ велѣлъ ему сказать, что имѣетъ порученіе отъ полемарховъ; впущенный въ домъ, онъ поспѣшно прошелъ въ комнату Леонтіада, сопровождаемый тремя сообщниками. Леонтіадъ схватился за оружіе, убилъ одного изъ противниковъ, но самъ палъ подъ ударами другаго (декабрь 379). Умертвивъ такимъ образомъ главныхъ предводителей противной партіи, заговорщики освободили изъ темницъ всѣхъ государственныхъ преступниковъ и сдѣлали воззваніе къ народу. Оно было встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ. Вскорѣ вернулись съ границы Аттики остальные изгнанники, и демократія была возстановлена.

Съ этой минуты личности большей части заговорщиковъ отступаютъ на второй планъ, а во главѣ управленія становятся Пелопидъ, Эпаминондъ и Горгидъ. Къ счастью, крѣпость не была снабжена съѣстными припасами: такъ мало думали спартанцы о возможности внезапнаго нападенія. Она была немедленно окружена, и уже въ январѣ гарнизонъ былъ принужденъ сдаться на капитуляцію, по которой получилъ свободный выходъ. Въ отношеніи спартанцевъ условія капитуляціи были честно выполнены, но ѳиванцы, скрывавшіеся въ крѣпости, были умерщвлены, и даже дѣти ихъ перебиты съ полнымъ хладнокровіемъ. Спартанскій полководецъ былъ казненъ въ Спартѣ за то, что сдалъ крѣпость, не дождавшись вспомогательнаго отряда.

Послѣ выступленія спартанцевъ предводителямъ ѳиванскаго народа надобно было прежде всего позаботиться о томъ, чтобъ склонить аѳинянъ помогать имъ въ предстоявшей войнѣ со Спартою, приготовить соотечественниковъ къ неминуемому нападенію спартанцевъ и, для сохраненія достигнутой свободы, возстановить гегемонію Ѳивъ надъ свободными городами Беотіи. Счастливый случай доставилъ ѳиванцамъ помощь аѳинянъ, а остальнаго они достигли, благодаря талантамъ Эпаминонда и Пелопида. У ѳиванскихъ демократовъ было много друзей въ Аѳинахъ; двое изъ тогдашнихъ стратеговъ, или высшихъ военныхъ сановниковъ, тайно помогали имъ при сверженіи олигархіи. Аѳинскіе граждане, преданные ѳиванцамъ, ждали только удобнаго случая, чтобъ возбудить народъ къ войнѣ противъ Спарты. Неосторожность спартанца Сфодрія доставила имъ предлогъ къ этому. При первомъ извѣстіи объ осадѣ ѳиванской крѣпости, царь Клеомбротъ I, вступившій въ предшествовавшемъ году (380) на спартанскій престолъ послѣ смерти брата своего Агесиполя I, поспѣшилъ отправиться съ войскомъ въ Беотію, но аѳиняне не пропустили его черезъ Аттику; онъ долженъ былъ сдѣлать обходъ и, къ счастію Ѳивъ, явился слишкомъ поздно. Оставивъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ Сфодрія въ беотійскомъ городѣ Теспіи, онъ воротился домой. Въ Аѳинахъ большинство гражданъ не хотѣло помогать ѳиванцамъ, чтобъ не вступать во враждебныя столкновенія съ спартанцами. Обоихъ стратеговъ, помогавшихъ ѳиванской революціи, потребовали къ суду, и одного изъ нихъ казнили, — другой спасся бѣгствомъ отъ той же участи. Но Сфодрій, по собственному побужденію или подговоренный лицами, преданными ѳиванцамъ, рѣшился напасть на аѳинскую гавань Пирей, не имѣвшую тогда укрѣпленій, думая, что, завладѣвъ главной аѳинской гаванью, онъ удержитъ городъ отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ спартанцевъ. Едва вступивъ въ Аттику, онъ долженъ былъ оставить свое намѣреніе, но глубоко оскорбилъ имъ аѳинянъ. Попытка Сфодрія нарушить миръ, заключенный между Спартою и Аѳинами, оставшаяся ненаказанной по ходатайству Агесилая, дала друзьямъ ѳиванцевъ въ Аѳинахъ законный предлогъ къ войнѣ. Аѳиняне вооружили флотъ и заключили съ Ѳивами и нѣкоторыми другими государствами союзъ противъ Спарты. Благодаря въ особенности помощи аѳинянъ, которыми предводительствовалъ тогда на сухомъ пути и на морѣ счастливый и искусный Хабрій, спартанцы въ теченіе слѣдую-

щихъ годовъ не могли нанести ѳиванцамъ никакого вреда. Войска ихъ, высланныя противъ Ѳивъ, сначала подъ предводительствомъ Агесилая, потомъ Клеомброта, должны были всякій разъ возвращаться домой послѣ безуспѣшнаго похода.

2. Эпаминондъ и Пелопидъ.

Таланту двухъ своихъ единственныхъ великихъ людей обязаны Ѳивы учрежденіями и значеніемъ, благодаря которымъ онѣ не только могли сопротивляться спартанцамъ, но и сдѣлались на нѣкоторое время первенствующимъ городомъ Греціи. Пелопидъ и Эпаминондъ доставили своему родному городу первенство въ Греціи, принадлежавшее до сихъ поръ спартанцамъ и аѳинянамъ. Ихъ управленіе оставило неизгладимые слѣды въ ходѣ всѣхъ послѣдующихъ событій ѳиванской исторіи; безъ нихъ Ѳивы никогда не достигли бы положенія, занятаго ими въ средѣ греческихъ государствъ въ слѣдующее десятилѣтіе и потеряннаго послѣ смерти этихъ великихъ гражданъ.

Ѳиванцы, какъ и вообще жители Беотіи, отличались своимъ племеннымъ характеромъ отъ аѳинянъ и спартанцевъ и не были способны надолго удержать свое значеніе. Подобно жителямъ одной благословенной страны въ южной Германіи, они съ давнихъ поръ были преданы грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ; страсть къ роскоши составляла столь отличительную черту ихъ характера, что вошла даже въ поговорку у грековъ. Народъ же, у котораго ѣда и питье играютъ такую важную роль, не можетъ сохранить за собой умственнаго превосходства и въ теченіе долгаго времени стремиться къ достиженію высшихъ цѣлей. Преобладающее направленіе беотійцевъ получило съ теченіемъ времени оттѣнокъ грубости и жестокости; сластолюбіе развило въ нихъ эгоизмъ, уничтожило чувство чести и патріотизма, такъ что ихъ государственная жизнь не представляла поприща для стремленій, которыя могли бы побуждать цѣлыя поколѣнія посвящать свои силы государству. Въ Беотіи, напримѣръ, существовали, какъ и вездѣ въ Греціи, учрежденія, возникшія у греческаго народа изъ стремленія связать жизнь и наслажденія съ искусствомъ, служеніемъ государству и его высшимъ цѣлямъ; и въ беотійскихъ городахъ религіозные праздники сопровождались общественными пирами отдѣльныхъ общинъ. Но у беотійцевъ этотъ чисто греческій обычай рано потерялъ свое первоначальное значеніе и принялъ совершенно иной характеръ, чѣмъ у аѳинянъ и другихъ грековъ. Въ Аѳинахъ, даже въ позднѣйшее время, когда нравы этого города уже развратились, рядомъ съ подобными общественными торжествами возникало множество частныхъ клубовъ, члены которыхъ жертвовали суммы на устройство пировъ въ извѣстные дни года. Такія пожертвованія дѣлались не для одной только ѣды, но чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ наслаждаться обществомъ, серьезными и учеными бесѣдами. Философскія школы въ Аѳинахъ, какъ, напримѣръ, послѣдователи Платона и Аристотеля, собирались на такіе общественные обѣды и имѣли для устройства ихъ особые фонды; жертвователи составляли правила, въ которыхъ было опредѣлено, какъ устроивать эти обѣды. Совсѣмъ другое было въ Ѳивахъ. Тамъ также учреждались въ то время клубы и братства, но съ единственной цѣлью предаваться еще большей роскоши и чувственнымъ наслажденіямъ. Общества ѣды въ Беотіи сдѣлались, наконецъ, столь многочисленны, что многіе изъ гражданъ имѣли право въ теченіе дня присутствовать на нѣсколькихъ обѣдахъ.

Неудивительно, что при такомъ настроеніи ѳиванскаго народа преобладаніе, пріобрѣтенное имъ въ управленіе Эпаминонда и Пелопида, продолжалось недолго, или, какъ выразился одинъ греческій писатель, могущество ѳиванцевъ было погребено вмѣстѣ съ тѣломъ Эпаминонда. Неспособность ѳиванцевъ сохранить за собою гегемонію въ Греціи выставляетъ еще ярче величіе обоихъ гражданъ, характеристику которыхъ необходимо представить, прервавъ на время нить разсказа.

Эпаминондъ и Пелопидъ, рано связанные узами тѣсной дружбы, трудились вмѣстѣ для возвышенія Ѳивъ, но не были похожи другъ на друга ни по общественному положенію, ни по личнымъ свойствамъ. Оба они были знатнаго происхожденія, но Пелопидъ имѣлъ большое наслѣдственное состояніе, тогда какъ другъ его былъ бѣденъ и оставался такимъ всю жизнь. При всей громадности

ума Пелопида, вниманіе его было преимущественно обращено на внѣшніе предметы; онъ родился исключительно для практической жизни и рядомъ съ государственными занятіями и войной болѣе всего любилъ гимнастическія упражненія и охоту. Пелопидъ уступалъ другу своему въ умственномъ образованіи, но, по своему чисто практическому направленію и житейской опытности, былъ способнѣе Эпаминонда для дипломатическихъ переговоровъ. Въ дипломатіи онъ отличался особенно тѣмъ, что, вмѣстѣ съ искусствомъ вести переговоры, всегда сохранялъ достоинство человѣка, руководящагося благородными побужденіями. Высокое благородство составляло главную черту характера Эпаминонда и Пелопида; всѣ поступки и дѣйствія ихъ отличались истинно-гуманнымъ направленіемъ. По цѣлямъ своихъ стремленій и по той проницательности и искусству, съ которыми они старались ихъ достигнуть, оба они принадлежатъ къ величайшимъ государственнымъ людямъ древняго міра. Оба, но въ особенности Эпаминондъ, были отличными полководцами и превосходили своихъ современниковъ—Агесилая, Ификрата и Хабрія—не только военными подвигами, но и всеобъемлющимъ творческимъ духомъ, которымъ они возвели военное искусство на новую степень развитія. Они создали совершенно новую систему тактики и стратегіи, усовершенствованную впослѣдствіи македонскими царями, Филиппомъ и Александромъ. Войско ихъ состояло исключительно изъ однихъ гражданъ, хотя господствовавшее въ Греціи направленіе и совершенно измѣнившаяся система войны ввели почти всюду вербованіе наемниковъ. Пелопидъ и Эпаминондъ умѣли не только отлично обучить свое войско, пріучить его къ ловкому обращенію съ оружіемъ и къ тактическимъ движеніямъ, но и оживили его тѣмъ воинственнымъ духомъ, благодаря которому оно сравнялось въ храбрости съ спартанцами, а въ военномъ искусствѣ съ прославленными наемными отрядами.

Эпаминондъ отличался столько же своими нравственными достоинствами и высокимъ образованіемъ, сколько талантами полководца и практическими знаніями государственной жизни. Получивъ философское образованіе, онъ въ теченіе всей жизни посвящалъ ученымъ занятіямъ свои свободныя минуты. Его краснорѣчіе, знаніе человѣческой природы и знакомство съ современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Греціи были такъ велики, что, находясь при мирныхъ переговорахъ въ Спартѣ вмѣстѣ съ уполномоченными другихъ государствъ, онъ такъ живо представилъ имъ спартанское властолюбіе и тиранію, что, быть можетъ, этимъ столько же повредилъ спартанцамъ, сколько Пелопидъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ побѣдою при Тегирѣ. Нравственные принципы Эпаминонда были дотого противоположны правиламъ аѳинскихъ и спартанскихъ полководцевъ, что ихъ сравнивали съ ученіемъ пиѳагорейской школы и его самого иногда называли пиѳагорейцемъ, потому что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые могли похвалиться, что сохранили чистыми принципы этой школы. Его отъ природы мягкая и любящая душа была полна самыхъ благородныхъ стремленій, а простой образъ жизни, воздержность и безкорыстіе рѣзко отличались отъ господствовавшаго въ то время направленія.

Сужденіе современниковъ и потомковъ народа, къ которому принадлежалъ Эпаминондъ, о его вліяніи, основанномъ на этомъ нравственномъ превосходствѣ, указываетъ на большое различіе между древнимъ взглядомъ на жизнь и воззрѣніемъ новаго времени. Эпаминондъ, родившійся бѣднымъ, хотѣлъ остаться бѣднымъ всю жизнь, и, не смотря на это, не только пользовался уваженіемъ своихъ соотечественниковъ, но до конца жизни игралъ первую роль въ цѣлой Греціи. Тогда какъ и въ республиканскихъ государствахъ нашего времени внѣшняя представительность кажется необходимою принадлежностью высшихъ государственныхъ должностей, у грековъ, даже во времена упадка, богатство никогда не могло замѣнить собою заслугъ. Греки были очень далеки отъ того, чтобъ смѣяться надъ простымъ и самымъ естественнымъ образомъ жизни и называть чудакомъ, какъ это бываетъ у насъ, того, кто ведетъ скромную жизнь. Лучшимъ доказательствомъ того служитъ примѣръ Эпаминонда, выказывающій самымъ блистательнымъ образомъ похвальную сторону греческаго національнаго духа. Эпаминондъ, такъ же какъ философы Сократъ, Антисфенъ и Діогенъ, былъ предметомъ удивленія своихъ согражданъ, именно вслѣдствіе своего глубокаго пренебреженія къ матеріальнымъ удобствамъ жизни. Сознавая, что простота и воздержность, — эти

характеристическія черты, свойственныя грекамъ и чуждыя новому времени,—производятъ такое впечатлѣніе на его народъ, Эпаминондъ отчасти потому и велъ такой умѣренный образъ жизни. Въ его домѣ недоставало, какъ говорятъ, многихъ принадлежностей самыхъ небогатыхъ хозяйствъ; даже тогда, когда онъ стоялъ во главѣ отечества, у него былъ всего одинъ плащъ, такъ что въ то время, когда плащъ мыли, онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не могъ выходить изъ дома. Живя въ такой бѣдности, которую легко можно было отстранить, онъ имѣлъ благородную цѣль показать соотечественникамъ, какъ мало требуетъ жизнь, и какъ безразсудно постоянно жаловаться на недостатокъ средствъ.

Однажды персидскій посланникъ хотѣлъ его подкупить, предложивъ тридцать тысячъ золотыхъ монетъ. Эпаминондъ не только не принялъ ихъ, но велѣлъ ему выѣхать изъ Ѳивъ. «Если царь твой, сказалъ онъ, желаетъ добра моему отечеству, то ему ненужно дѣлать подарковъ; если же нѣтъ, то золота всего міра недостаточно, чтобы подкупить меня. Лично я прощаю тебѣ, что ты по себѣ судишь о моемъ сердцѣ, но не могу позволить тебѣ оставаться долѣе въ Ѳивахъ, потому что ты можешь своимъ золотомъ ввести другихъ въ искушеніе.» Въ другой разъ онъ отвергъ двѣ тысячи золотыхъ монетъ, предложенныхъ ему могущественнымъ ѳессалійскимъ владѣтелемъ, Язономъ, во время пребыванія послѣдняго въ Ѳивахъ, только потому, что деньги были имъ предложены, хотя самъ Эпаминондъ находился въ такомъ затруднительномъ положеніи, что при предстоящемъ походѣ принужденъ былъ занять у одного изъ друзей денегъ на свое вооруженіе. Узнавъ однажды на полѣ сраженія, что его оруженосецъ отпустилъ плѣннаго за большой выкупъ, онъ прогналъ его, сказавъ: «отдай мнѣ щитъ и заведи себѣ лавку; ты сдѣлался теперь богатъ и потому не будешь имѣть ни мужества, ни охоты подвергать свою жизнь опасности.» Кто поступалъ и дѣйствовалъ такимъ образомъ, тотъ могъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ всякій другой, бороться противъ разврата, грубости и обжорства беотійцевъ, корыстолюбія и невоздержности, господствовавшихъ во всей Греціи. Разъ на праздникѣ въ Ѳивахъ одинъ изъ знакомыхъ Эпаминонда спросилъ его, отчего онъ не принимаетъ участія въ общемъ весельѣ. «Чтобы дать вамъ возможность безопаснѣе предаваться безпечности,» отвѣчалъ Эпаминондъ. Государство, во главѣ котораго стоялъ такой человѣкъ, должно было быть счастливѣе въ своихъ предпріятіяхъ, чѣмъ, напримѣръ, Аѳины, передовые люди которыхъ, Ификратъ, Хабрій и Тимоѳей, стремились преимущественно къ роскоши, наслажденіямъ и блеску, не обращая вниманія ни на какіе нравственные законы.

3. Отъ освобожденія Ѳивъ до сраженія при Левктрѣ.

Вскорѣ послѣ того, какъ и аѳиняне взялись за оружіе противъ Спарты, Эпаминондъ и Пелопидъ доставили Ѳивамъ необходимыя средства для успѣшной борьбы съ непріятелемъ. Участіе аѳинянъ въ войнѣ удержало спартанцевъ отъ немедленнаго нападенія на Ѳивы; этимъ временемъ воспользовались великіе ѳиванцы: Эпаминондъ преобразовалъ военныя силы роднаго города, а Пелопидъ усовершенствовалъ такъ называемый священный отрядъ, учрежденный Горгидомъ. Отрядъ этотъ, впослѣдствіи пріобрѣтшій себѣ такую громкую славу, состоялъ изъ трехъ сотъ избранныхъ молодыхъ людей, связанныхъ между собой болѣе тѣсною дружбою, чѣмъ воины другихъ частей войска, одушевленныхъ патріотизмомъ и проникнутыхъ гордымъ сознаніемъ, что они первые и храбрѣйшіе воины ѳиванскаго войска. Молодежь эта сначала была распредѣлена между прочими войсками, но съ битвы при Тегирѣ она составляла особый, нераздѣльный отрядъ.

Спартанцы между тѣмъ дважды (378 и 377) высылали противъ аѳинянъ и ѳиванцевъ войско подъ начальствомъ Агесилая, но не достигли никакого успѣха. Въ первый разъ Агесилай встрѣтился съ непріятелемъ при Китеронской горѣ, но вновь придуманнымъ маневромъ аѳинскаго полководца Хабрія былъ принужденъ удалиться, не вступая въ сраженіе. Когда Агесилай готовился сдѣлать нападеніе, Хабрій, тѣсно сомкнувъ ряды своихъ воиновъ, приказалъ имъ упереться щитами

въ колѣни и, выставивъ копья впередъ, спокойно ждать приближенія непріятеля, не трогаясь съ мѣста. Агесилай, которому уже не удалась попытка оттѣснить ѳиванцевъ, угрожавшихъ его флангу, отступилъ, не надѣясь прорвать этой плотной массы, и, послѣ незначительныхъ схватокъ, вернулся въ Спарту. Успѣхомъ этого маневра аѳинскій полководецъ пріобрѣлъ себѣ такую славу, что аѳиняне воздвигнули ему впослѣдствіи статую, на которой онъ былъ изображенъ въ упомянутой выше позѣ. Появленіе Агесилая въ Беотіи въ слѣдующемъ году было столь же безуспѣшно: приблизившись къ Ѳивамъ, онъ принужденъ былъ къ отступленію жителями города и, опустошивъ окрестности, снова возвратился въ Спарту.

На третій годъ (376) болѣзнь помѣшала Агесилаю предводительствовать войскомъ, главное начальство надъ которымъ было передано соправителю его, Клеомброту I. Онъ былъ также принужденъ поспѣшно отступить, встрѣтивъ при Китеронѣ соединенныя силы ѳиванцевъ и аѳинянъ. Тогда Спарта выслала флотъ, чтобъ отрѣзать подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Аѳины и такимъ образомъ принудить городъ отстать отъ союза. Но и эта попытка не удалась: спартанскій флотъ былъ разбитъ при островѣ Наксѣ аѳинскимъ флотомъ, бывшимъ подъ командою Хабрія, и лишился половины своихъ кораблей. Когда затѣмъ (375) спартанцы выслали новое войско въ Беотію, аѳиняне старались помѣшать ихъ дѣйствіямъ, вооруживъ вторую эскадру (первая крейсировала въ то время на сѣверѣ Эгейскаго моря) и отправивъ ее подъ начальствомъ отличнаго полководца Тимоѳея, сына Конона, тревожить берега Пелопоннеса. Тимоѳей выполнилъ свое порученіе съ большимъ успѣхомъ; онъ обогнулъ Пелопоннесъ, покорилъ островъ Коркиру и, когда наконецъ спартанцы выслали противъ него флотъ, одержалъ надъ ними значительную побѣду.

Около того же времени спартанцы проиграли важное сраженіе на сухомъ пути. Два спартанскіе отряда внезапно напали на Пелопида, стоявшаго лагеремъ съ священнымъ отрядомъ и небольшимъ числомъ конницы около беотійскаго городка Тегиры, но потерпѣли полное пораженіе, хотя имѣли по крайней мѣрѣ вдвое болѣе войска, чѣмъ непріятель. Здѣсь въ первый разъ, послѣ долгаго времени, спартанцы были разбиты слабѣйшимъ непріятелемъ въ открытомъ полѣ. Побѣда эта прославила Пелопида между всѣми греческими народами, которые, по преувеличенному выраженію одного греческаго писателя, въ первый разъ убѣдились, что не на однихъ берегахъ Еврота родятся воинственные и храбрые люди. Сраженіе это также впервые внушило ѳиванцамъ полное довѣріе къ собственнымъ силамъ; въ особенности отличился здѣсь подвигами храбрости священный отрядъ, сохранившій репутацію своей непобѣдимости до самаго Херонейскаго сраженія, гдѣ онъ погибъ съ такою славой.

Событіями и обстоятельствами перваго года войны воспользовались очень искусно Эпаминондъ и Пелопидъ, бывшіе отчасти виновниками счастливаго исхода военныхъ дѣйствій, чтобъ снова возвратить Ѳивамъ утраченное первенство между беотійскими городами и, такимъ образомъ, соединить всѣ силы Беотіи въ одно большое государство. Беотія, по числу жителей равнявшаяся Аттикѣ, издавна составляла союзъ государствъ, уполномоченные которыхъ собирались въ городѣ Коронеѣ подъ предсѣдательствомъ особыхъ должностныхъ лицъ, избранныхъ союзомъ и называвшихся беотархами. Главою беотійскаго союза были прежде Ѳивы, утратившія свое значеніе вслѣдствіе Анталкидова мира. Эпаминондъ и Пелопидъ возстановили преобладаніе своего роднаго города, и съ тѣхъ поръ Ѳивы не только управляли союзными дѣлами, какъ первенствующій городъ, но и сдѣлались совершенными властелинами Беотіи. Еслибъ все вниманіе Аѳинъ не сосредоточивалось тогда на войнѣ съ Спартою, они едва ли бы допустили, чтобъ всѣ силы такой значительной сосѣдней страны перешли въ руки ѳиванцевъ. Аѳиняне обратили на это вниманіе, когда соединеніе совершилось, и уже было поздно помѣшать ему; они разорвали союзъ съ Ѳивами и присоединились къ спартанцамъ. Поводъ къ разрыву между обоими государствами дали сами ѳиванцы, злоупотребляя своимъ могуществомъ и стараясь распространить свое владычество за предѣлы Беотіи.

Ѳиванцы напали на враждебныя имъ Платею и Теспію и, завладѣвъ этими городами, срыли стѣны послѣдняго, а первый разрушили до основанія. Граждане Платеи бѣжали съ женами и дѣтьми въ Аѳины и просили помощи у жителей этого

города, смотрѣвшихъ съ завистью на возраставшее могущество Ѳивъ. Аѳиняне приняли къ себѣ изгнанниковъ, даровали имъ право гражданства и даже рѣшились вступить въ союзъ съ Спартою, потому что не хотѣли дозволить ѳиванцамъ владѣть Платеей и Теспіей. Другою причиною разрыва было то, что ѳиванцы угрожали независимости фокидцевъ и начали строить флотъ. Ѳивы обогатились войной, тогда какъ Аѳины, торговлю которыхъ безпокоили каперы близлежащаго города Эгины, обѣднѣли. Такимъ образомъ, Аѳины вступили въ переговоры съ Спартою, вмѣшавъ снова въ греческія дѣла персидскаго царя, котораго уже прежде осаждали посольствами. Переговоры эти, прерывавшіеся вслѣдствіе различныхъ событій, привели наконецъ къ конгресу греческихъ государствъ, собравшемуся въ Спартѣ (372).

Ѳиванцы, также принявшіе предложеніе участвовать на конгресѣ, отправили Эпаминонда посломъ въ Спарту. Тутъ, передъ представителями цѣлой Греціи, онъ выказалъ блистательнымъ образомъ свое краснорѣчіе. Самостоятельности всѣхъ греческихъ государствъ желали теперь и Аѳины, которымъ угрожало возраставшее могущество ѳиванцевъ, господствовавшихъ надъ цѣлой Беотіей, и Спарта, утратившая свое вліяніе всюду, кромѣ Пелопоннеса. Потерять при этомъ должны были только Ѳивы, лишавшіяся такимъ образомъ своего преобладанія. Спарта и Аѳины согласились заключить миръ, сходный по условіямъ съ Анталкидовымъ и вынуждаемый, какъ кажется, угрозами персидскаго посланника. Всѣ греческія государства приняли этотъ мирный договоръ, но Ѳивы соглашались на него только съ тѣмъ условіемъ, что подпишутъ его отъ имени цѣлой Беотіи, такъ же какъ Аѳины подписывали за Аттику, а Спарта — за Лаконію и Мессенію. Въ своихъ убѣдительныхъ рѣчахъ Эпаминондъ раскрылъ посланникамъ греческихъ государствъ политику Спарты, требовавшей самостоятельности беотійскихъ городовъ, и, указавъ при этомъ на прошедшія событія и на политическое положеніе Греціи, предостерегалъ соотечественниковъ отъ властолюбія спартанцевъ. Этимъ онъ поставилъ въ затруднительное положеніе царя Агесилая, который велъ переговоры отъ имени Спарты, открылъ глаза посламъ другихъ государствъ и надолго повредилъ вліянію спартанцевъ. Хотя изъ страха передъ спартанцами договоръ былъ принятъ всѣми остальными государствами, но впечатлѣніе, произведенное словами Эпаминонда, осталось и вскорѣ произвело свое дѣйствіе, когда значительная побѣда ѳиванцевъ нанесла ударъ могуществу Спарты.

Послѣ того какъ Ѳивы отказались заключить миръ, наступила минута, когда должно было обнаружиться, дѣйствительно ли удалось Пелопиду и Эпаминонду пересоздать Ѳивы и дать имъ могущество. Оба они становятся теперь главными личностями всемірной исторіи, тѣмъ болѣе, что болѣзнь Агесилая не позволяла ему принимать дѣятельнаго участія въ войнѣ. Рѣшительная борьба становилась теперь неизбѣжною, вслѣдствіе общаго положенія дѣлъ въ Греціи. Согласно условіямъ мира, спартанцы вызвали изъ всѣхъ странъ и городовъ свои войска и гармостовъ, но приказали Клеомброту, стоявшему съ войскомъ въ Фокидѣ, не возвращаться тотчасъ въ Спарту, а вторгнуться сначала въ Беотію и принудить ѳиванцевъ возстановить независимость тамошнихъ городовъ. Клеомбротъ дѣйствительно двинулся со всѣмъ войскомъ въ Беотію. Ѳиванцы немедленно выслали противъ него всѣ свои военныя силы подъ предводительствомъ Эпаминонда и Пелопида, и хотя войско ихъ уступало численностью спартанскому, но война должна была быть рѣшена битвою въ открытомъ полѣ съ отборными спартанскими войсками. Разсказываютъ, что ѳиванцы не безъ страха ожидали предстоящей борьбы; древніе писатели оставили намъ много анекдотовъ, справедливыхъ или вымышленныхъ, но во всякомъ случаѣ доказывающихъ это настроеніе и въ противоположность ему твердость и рѣшительность обоихъ вождей ѳиванскаго народа. Говорятъ, Пелопидъ при выступленіи войска, прощаясь съ женой, со слезами молившей его беречь свою жизнь, отвѣчалъ ей: «объ этомъ долженъ думать простой солдатъ, обязанность же предводителя заботиться о сохраненіи жизни другихъ.» Однажды во время похода дурная примѣта испугала войско. Эпаминондъ тотчасъ привелъ имъ стихъ Гомера: «примѣта имѣетъ значеніе только тогда, когда предсказываетъ спасеніе отечества.»

Оба войска встрѣтились на равнинѣ Левктры, и тамъ 8-го іюля 371 произошло сраженіе, — Эпаминондъ и Пелопидъ уговорили большинство беотар-

ховъ, часть которыхъ не довѣряла счастливому исходу борьбы, принять смѣлое рѣшеніе. Обѣ стороны дрались отчаянно, но отвага священнаго отряда, искусство и храбрость ѳиванской кавалеріи, и въ особенности великій военный талантъ Эпаминонда, въ первый разъ примѣнившаго въ сраженіи при Левктрѣ введенный имъ косой боевой строй, доставили побѣду ѳиванцамъ. Клеомбротъ расположилъ свое войско въ видѣ полулунія, образовавъ правое крыло изъ лучшей части его, которой самъ начальствовалъ. Вслѣдствіе того, Эпаминондъ построилъ ѳиванцевъ въ видѣ треугольника въ пятьдесятъ рядовъ и, поставивъ впереди отборнѣйшихъ воиновъ, аттаковалъ такимъ образомъ огромной массой правое крыло спартанцевъ. Спартанская боевая линія была скоро прорвана и разстроена неожиданнымъ родомъ нападенія, превосходствомъ ѳиванской кавалеріи и храбростью священнаго отряда, а когда царь и его свита пали, никакія усилія не могли возвратить спартанцамъ потерянной побѣды. Они бѣжали и сами признали противниковъ побѣдителями, приславъ къ нимъ герольда съ просьбою заключить перемиріе и выдать убитыхъ.

Побѣда ѳиванцевъ при Левктрѣ была самымъ тяжелымъ ударомъ, какой могъ только быть нанесенъ спартанцамъ, потому что съ самаго начала достовѣрной исторіи спартанцы тутъ въ первый разъ были разбиты въ открытомъ полѣ слабѣйшимъ непріятелемъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ пораженіемъ на другія греческія государства, не смотря на незначительность потери, понесенной въ битвѣ, было гибельно для значенія Спарты. Репутація непобѣдимости, которою съ давнихъ поръ пользовалось спартанское войско, исчезла навсегда. Въ самой Спартѣ, по полученіи печальнаго извѣстія, прежде всего озаботились высылкою новаго войска. Агесилай, еще не оправившійся послѣ болѣзни, не могъ принять команды надъ этимъ войскомъ, и главное начальство надъ нимъ было поручено сыну Агесилая, Архидаму. Ѳиванцы тотчасъ послѣ сраженія отправили герольда къ аѳинянамъ, чтобъ склонить ихъ къ возобновленію союза и съ помощью ихъ отрѣзать отступленіе побѣжденному спартанскому войску. Но аѳиняне, завидуя могуществу ѳиванцевъ, отвергли ихъ предложеніе, и, такимъ образомъ, спартанцы безопасно прошли изъ Беотіи въ Мегару, гдѣ соединились съ Архидамомъ, который привелъ ихъ въ Спарту. Къ нимъ слѣдовало примѣнить древній спартанскій законъ, наказывавшій лишеніемъ чести бѣгство съ поля сраженія; но виновниковъ на этотъ разъ было такъ много, что дѣло оставили безнаказаннымъ. «Положимте,» сказалъ Агесилай на совѣщаніи, «что законы спали въ этотъ несчастный день.»

4. Отъ сраженія при Левктрѣ до мира съ персами.

Сраженіе при Левктрѣ положило бы конецъ всякой борьбѣ въ Греціи, еслибъ ѳиванцы могли возвыситься до мысли объ освобожденіи Пелопоннеса, такъ давно подчиненнаго произволу спартанцевъ, не ища при этомъ выгодъ для себя. Стремленіе къ соединенію въ тѣсный союзъ, появившееся непосредственно за левктрскимъ сраженіемъ во всѣхъ государствахъ Аркадіи, представляло удобный поводъ вмѣшаться въ дѣла Пелопоннеса. Большинство аркадцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ Ликомедъ изъ Мантинеи, желало, чтобъ всѣ города ихъ страны составили союзъ подъ однимъ общимъ демократическимъ управленіемъ. Планъ этотъ имѣлъ противъ себя аристократовъ нѣкоторыхъ государствъ, а спартанцы тотчасъ же рѣшились употребить всѣ усилія, чтобъ помѣшать соединенію нѣскольких разъединенныхъ и слабыхъ сосѣднихъ городовъ въ одинъ большой и опасный союзъ. Воспользовавшись просьбою аристократическихъ правительствъ Аркадіи о помощи, чтобъ подавить это опасное направленіе, они отправили (359) туда войско подъ начальствомъ Агесилая, не достигшаго однако никакихъ результатовъ и вернувшагося въ Лаконію съ наступленіемъ зимы. Между тѣмъ аркадскіе демократы просили помощи у элидянъ, аргивцевъ и ѳиванцевъ. Послѣдніе, вскорѣ послѣ выступленія спартанцевъ, появились въ Аркадіи, гдѣ къ нимъ присоединились аргивскія и элидскія войска.

Войскомъ этимъ, состоявшимъ изъ четырехъ тысячъ тяжело-вооруженныхъ

воиновъ, предводительствовали Эпаминондъ и Пелопидъ, которымъ остальные беотархи предоставили главное начальство. Соединеніе въ одномъ войскѣ локрійцевъ, фокидцевъ, акарнанцевъ, ѳессалійцевъ и жителей всѣхъ эвбейскихъ городовъ показываетъ, какъ велики были тогда силы ѳиванцевъ. Съ этимъ войскомъ и большинствомъ аркадцевъ Эпаминондъ рѣшился напасть на Лаконію, не смотря на то, что аѳиняне опять соединились съ спартанцами и выслали подъ начальствомъ Ификрата войско, которое должно было тревожить ѳиванцевъ въ Аркадіи и преграждать имъ путь къ отступленію изъ Пелопоннеса. Эпаминондъ никакъ не могъ надѣяться покорить Лаконію, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя пелопоннесскія государства послали спартанцамъ вспомогательные отряды. Онъ проникъ однако почти до самой Спарты, на почву которой болѣе пятисотъ лѣтъ не вступалъ ни одинъ непріятель, и этимъ прославилъ имя ѳиванцевъ въ цѣлой Греціи (въ январѣ 368). Возвращеніемъ жизни народу, уничтоженному спартанцами за триста лѣтъ, онъ совершилъ самый блистательный подвигъ этой войны. Опустошивъ Лаконію въ различныхъ направленіяхъ, Эпаминондъ вторгнулся въ Мессенію и возвратилъ свободу порабощеннымъ жителямъ этой страны. Съ помощью аркадцевъ и другихъ союзниковъ, онъ основалъ новый городъ, названный Мессеною, оставилъ въ немъ небольшой постоянный ѳиванскій гарнизонъ, раздѣлилъ поля между освобожденными жителями и отправилъ пословъ звать въ отечество потомковъ древнихъ мессенцевъ, жившихъ на чужбинѣ.

Распорядившись въ Пелопоннесѣ какъ первенствующій народъ Греціи, ѳиванцы возвратились въ Беотію, не встрѣтивъ ни малѣйшихъ препятствій со стороны аѳинянъ. Въ томъ же году Эпаминондъ вторично вторгнулся въ Пелопоннесъ. Аѳиняне и спартанцы заключили тѣсный союзъ и обратились за помощью къ персидскому царю и могущественному владѣтелю Сиракузъ, Діонисію I. Персидскій царь прислалъ денегъ, а Діонисій — вспомогательный отрядъ; такимъ образомъ, противъ Ѳивъ составилось многочисленное войско. Вслѣдствіе того, Эпаминондъ былъ вторично посланъ въ Пелопоннесъ, гдѣ аркадцы подъ предводительствомъ Ликомеда уже начали войну опустошительнымъ походомъ въ Лаконію. Аѳиняне и спартанцы быстро заняли Коринѳскій перешеекъ, чтобы помѣшать вторженію ѳиванцевъ въ Пелопоннесъ и соединенію ихъ съ аркадскими, элидскими и аргивскими союзниками. Но Эпаминондъ быстрою сообразительностью и искусствомъ безъ труда открылъ себѣ проходъ чрез слабѣйшіе пункты непріятельской линіи, опустошилъ часть непріятельскихъ владѣній и овладѣлъ бы важнымъ Коринѳомъ, еслибъ не военные таланты аѳинскаго полководца Хабрія, спасшаго городъ. Вскорѣ ѳиванцы опять оставили Пелопоннесъ и возвратились въ Беотію; по всей вѣроятности, ненадежность аркадцевъ и угрожающее положеніе, принятое Александромъ, владѣтелемъ ѳессалійскаго города Феръ, были причиною такого поспѣшнаго отступленія.

Соединеніе въ одно союзное государство, смутное положеніе дѣлъ въ Пелопоннесѣ, ослабленіе спартанцевъ и процвѣтаніе города Мессены доставили аркадцамъ такое могущество, какого они еще никогда не достигали. Сознаніе своего значенія дало имъ увѣренность въ собственныхъ силахъ и возбудило у нихъ желаніе пріобрѣсти первенство въ Пелопоннесѣ. Ликомедъ изъ Мантинеи, человѣкъ предпріимчивый и талантливый, очень искусно пользовался обстоятельствами, руководя стремленіемъ своихъ соотечественниковъ. Онъ содѣйствовалъ постройкѣ новой столицы Аркадіи, названной Мегалополемъ, въ которой поселились выборные граждане аркадскаго народа въ числѣ десяти тысячъ, для управленія общественными дѣлами. По совѣту Ликомеда, эти десять тысячъ старались въ интересахъ аркадцевъ препятствовать усиленію могущества ѳиванцевъ и тѣмъ уничтожили замыслы Эпаминонда, желавшаго сдѣлать Ѳивы, вмѣсто Спарты, главою пелопоннесскихъ народовъ.

Перемѣна направленія аркадцевъ, вмѣшательство персовъ и событія въ Ѳессаліи, о которыхъ будетъ сказано ниже, совершенно измѣнили положеніе дѣлъ. Отношенія въ Греціи запутывались все болѣе и болѣе, и тремъ великимъ людямъ Ѳивъ — Эпаминонду, Пелопиду и Горгиду — приходилось каждому имѣть дѣло съ разными врагами. Эта путаница отношеній и усилившееся вслѣдствіе того значеніе персовъ дали теперь перевѣсъ дипломатическому оружію надъ военнымъ. Ѳиванцы принуждены были отправить посла къ персидскому царю, сатрапъ кото-

раго, Аріобарзанъ, былъ оскорбленъ ихъ отказомъ принять предписанныя имъ условія, когда, для возстановленія мира въ Греціи, онъ въ 368 посылалъ туда предводителя своихъ греческихъ наемниковъ Филиска. Это важное посольство поручено было Пелопиду; другія греческія государства отправили также уполномоченныхъ въ Сузу (367). Такимъ образомъ, ко двору персидскаго царя съѣхалась цѣлая толпа греческихъ пословъ, просившихъ у него мира и готовыхъ согласиться на условія, которыя онъ предпишетъ.

Переговоры при персидскомъ дворѣ прославили Пелопида едва ли не болѣе, чѣмъ всѣ его походы. Онъ умѣлъ привлечь персовъ на сторону своего роднаго города ловкимъ и вполнѣ честнымъ образомъ дѣйствій, причемъ ему очень много помогали характеръ персидскаго правительства и низость одного изъ двухъ аѳинскихъ пословъ. Трусливые царедворцы, управлявшие Персией, готовые всегда склоняться на сторону сильнѣйшаго, увидѣвъ, что преобладаніе надъ Греціей принадлежало ѳиванцамъ, перешли теперь на ихъ сторону. Изъ аѳинскихъ пословъ только одинъ, Леонъ, заботился объ интересахъ своего государства; другой, Тимагоръ, думалъ исключительно о почестяхъ и богатствахъ, которыя доставляло ему пребываніе при персидскомъ дворѣ. Пелопидъ отлично воспользовался раздорами аѳинскихъ пословъ и особенно низостью одного изъ нихъ: онъ предоставилъ Тимагору всѣ подарки, почести и удобства, предлагаемыя персами, и этимъ вполнѣ привязалъ его къ себѣ. Такимъ образомъ Пелопидъ достигъ преобладающаго вліянія при веденіи переговоровъ; персы предоставили ему постановить условія мира, которыя должны были быть предложены греческимъ государствамъ именемъ персидскаго царя. Обманутые аѳиняне осудили на смерть Тимагора, возвратившагося въ Аѳины съ множествомъ золота, серебра, ковровъ, невольниковъ и другихъ подарковъ, но, при господствовавшемъ нравственномъ развращеніи грековъ, подобные приговоры не мѣшали гражданамъ пользоваться посольствами для собственнаго обогащенія. За нѣсколько времени передъ этимъ, аѳинскій посолъ Эпикратъ, обвиненный передъ народнымъ собраніемъ въ подкупѣ персидскимъ царемъ, помогъ себѣ шутливой выходкой, сказавъ вмѣсто всякаго оправданія, что аѳиняне, вмѣсто того, чтобъ выбирать архонтовъ, лучше бы отправляли ежегодно по девяти бѣднѣйшихъ гражданъ послами въ Персію. Народъ смѣялся забавному предложенію и простилъ Эпикрату его продажность.

Составленный Пелопидомъ и скрѣпленный персидской государственной печатью мирный договоръ былъ прочитанъ посламъ отъ имени царя. Условія его заключались въ томъ, чтобъ Спарта признала независимость мессенцевъ, а Аѳины отозвали домой свои корабли; въ случаѣ же отказа, Персія объявляла имъ войну. Съ этимъ мирнымъ договоромъ Пелопидъ отправился въ Грецію въ сопровожденіи знатнаго перса, а ѳиванцы тотчасъ разослали пословъ во всѣ государства, съ приглашеніемъ собраться въ Ѳивахъ. Только Аѳины и Спарта отвергли эти предложенія; прочія государства отправили своихъ пословъ въ Ѳивы. Здѣсь персъ, провожавшій Пелопида, указавъ на царскую печать, прочелъ отъ имени своего повелителя мирный договоръ и потребовалъ немедленнаго его принятія и клятвы хранить его. Собраніе разошлось, объявивъ, что не уполномочено на это. Тогда ѳиванцы отправили пословъ въ отдѣльныя греческія государства, чтобы склонить ихъ принять мирныя условія, предложенныя персидскимъ царемъ. Коринѳяне, къ которымъ первымъ явились послы, отвѣчали, что не понимаютъ, почему они должны принять повелѣніе персидскаго царя, до котораго имъ нѣтъ никакого дѣла. Такимъ образомъ миръ, котораго такъ добивался Пелопидъ, не принесъ ѳиванцамъ никакой пользы; переговоры его имѣли только то важное послѣдствіе, что теперь персидскій царь долженъ былъ, для сохраненія собственной чести, давать ѳиванцамъ деньги, посылавшіяся прежде спартанцамъ.

5. Исторія ѳессалійцевъ до смерти тирана Александра.

Около того времени, какъ ѳиванцы становятся первенствующимъ государствомъ Греціи, ѳессалійцы также получаютъ въ первый разъ большое значеніе въ исторіи греческаго народа. Нѣкоторое время казалось даже, что они будутъ играть

главную роль въ Греціи, но этому воспрепятствовали особенныя условія ихъ быта. При другихъ политическихъ учрежденіяхъ, болѣе развитой промышлености и большемъ единствѣ, быть можетъ, преобладаніе надъ Греціей вмѣсто македонянъ досталось бы ѳессалійцамъ.

Ѳессалійцы, отличаясь отъ остальныхъ грековъ своими нравами и учрежденіями, походили болѣе на македонянъ. Они раздѣлены были на небольшія государства, соединенныя въ одинъ союзъ, управлявшійся одной верховной коммисіей или, вѣрнѣе, призракомъ правительства. Союзное собраніе, состоявшее изъ уполномоченныхъ всѣхъ государствъ и народовъ, собиралось отъ времени до времени, но подверглось участи всѣхъ собраній, составленныхъ изъ неравныхъ государствъ. Оно было пустой формою, получавшей временное значеніе только тогда, когда имъ овладѣвалъ способный и энергическій человѣкъ.

Отдѣльныя государства имѣли родъ феодальнаго устройства, основаннаго на существовавшей съ давнихъ поръ крѣпостной зависимости такъ называемыхъ п е н е с т о в ъ, или порабощенныхъ поселянъ. Земля и прикрѣпленные къ ней поселяне принадлежали господствовавшей части народа, — дворянству, которое, по своему положенію, вооруженію, нравамъ и привычкамъ представляло большое сходство съ средневѣковымъ рыцарствомъ. Ѳессалійское дворянство вмѣстѣ съ македонскимъ составляло единственную тяжелую кавалерію, которая встрѣчается въ древней Греціи, тогда какъ ихъ вассалы служили въ легковооруженныхъ войскахъ. Одѣтые съ головы до ногъ въ латы, верхомъ на лошадяхъ, покрытыхъ бронею, ѳессалійскіе дворяне и въ этомъ отношеніи походили на средневѣковыхъ рыцарей. Рыцарскія игры и походы, обѣщавшіе большую добычу, были для нихъ наслажденіемъ. Ѳессалійскіе рыцари, служившіе въ македонскихъ войскахъ Филиппа и Александра Великаго, подобно сѣвернымъ героямъ и варягамъ въ Константинополѣ, получали всегда богатѣйшую часть добычи и отъ времени до времени отпускались домой, чтобы наслаждаться пріобрѣтенными сокровищами въ кругу своихъ, и уступали свои мѣста болѣе юнымъ рыцарямъ.

При скоромъ и удобномъ способѣ обогащенія и при существованіи знатныхъ дворянскихъ фамилій, желающихъ перещеголять другъ друга, воинственная жизнь легко соединяется со страстью къ наслажденіямъ и стремленіемъ къ пышности и роскоши. Эти качества и составляли главную характеристическую черту ѳессалійскаго дворянства, расточительность котораго вошла въ поговорку у остальныхъ грековъ. Поэтому самому ѳессалійское дворянство имѣло ту же участь, какая постигла венеціанскую, римскую и испанскую аристократію въ среднихъ вѣкахъ. Оно рано подчинилось небольшому числу фамилій, обладавшихъ большими помѣстьями или, примѣняясь къ средневѣковымъ понятіямъ, первыми баронствами, и потому обыкновенно управлявшихъ страною. Къ этому должно прибавить, что испорченная олигархія, особенно въ военныхъ государствахъ, какъ указываетъ примѣръ позднѣйшихъ спартанцевъ, такъ же легко переходитъ въ тиранію, какъ и выродившаяся демократія. По этой причинѣ въ Ѳессаліи отъ времени до времени удавалось нѣкоторымъ изъ дворянъ дѣлаться властелинами отдѣльныхъ государствъ. Эти владѣтели порабощали тогда и другія государства, и такимъ образомъ создавали себѣ обширныя и могущественныя владѣнія. Всѣ подобныя государства существовали однако недолго, частью вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, приготовлявшихъ ихъ паденіе, частью же по трудности удержать въ повиновеніи ѳессалійское дворянство, привыкшее къ своеволію. Ненадежность и недостатокъ привязанности, составлявшія также одну изъ характеристическихъ чертъ ѳессалійскаго народа, не мало способствовали паденію такихъ государствъ.

Около того времени, какъ Ѳивы освободились изъ-подъ спартанскаго ига, въ городѣ Фарсалѣ завладѣлъ правленіемъ — П о л и д а м а н т ъ, а въ Ферахъ — Я з о н ъ. Полидамантъ основывалъ свое владычество на честности, патріотизмѣ и гостепріимствѣ, которыми отличалось рыцарское дворянство Ѳессаліи, но въ особенности на личномъ довѣріи и преданности, которыя онъ умѣлъ снискать между дворянскими фамиліями своего роднаго города. Они добровольно передали ему фарсальскую крѣпость, предоставивъ управлять государственными финансами. Только разъ въ годъ Полидамантъ давалъ имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и управлялъ казною такимъ образомъ, что недостатокъ доходовъ пополнялъ изъ собственныхъ средствъ, возвращая себѣ израсходованную сумму, когда оставался

излишекъ. Язонъ старался упрочить свою власть совсѣмъ другими средствами. Онъ тоже былъ человѣкъ нравственный и благородный, что рѣдко случалось между тогдашними владѣтелями, но нравственные принципы отходили на задній планъ, когда становились въ противорѣчіе съ его властолюбіемъ. Кромѣ того, онъ старался поддерживать свое владычество богатствомъ, сильнымъ наемнымъ войскомъ и сношеніями съ Ѳивами.

Язонъ, увеличившій свои владѣнія подчиненіемъ многихъ другихъ городовъ и превосходившій Полидаманта могуществомъ, богатствомъ и блескомъ, желалъ соединить подъ своею властью оба владѣнія и образовать изъ Ѳессаліи одно нераздѣльное государство. Не видя возможности низвергнуть владѣтеля Фарсала, онъ старался дружбою съ нимъ достигнуть своей цѣли. Вскорѣ послѣ сраженія при Левктрѣ онъ пригласилъ Полидаманта на свиданіе, чтобъ посовѣтоваться съ нимъ о томъ, какъ извлечь изъ войны между Спартой и Ѳивами наибольшую пользу для Ѳессаліи. Язонъ съумѣлъ убѣдить владѣтеля Фарсала, что соединенными силами Ѳессаліи можно подчинить всю Грецію, и этимъ склонилъ его въ пользу своего плана. Они заключили тѣсный союзъ, ближайшей цѣлью котораго было соединеніе Ѳессаліи въ одно цѣлое. При содѣйствіи Полидаманта, дворянство назначило Язона тагомъ, или главнымъ военачальникомъ всей Ѳессаліи.

Язонъ создалъ постоянное войско, которому не было равнаго въ Греціи, и такъ усовершенствовалъ его, что оно могло помѣриться силами со всякимъ другимъ. Его армія состояла изъ 20,000 гоплитовъ, или тяжеловооруженныхъ, огромнаго числа легковооруженныхъ воиновъ и хорошо организованной кавалеріи. Послѣдняя была вполнѣ національной и состояла изъ дворянъ; лошади и всадники были покрыты латами. Человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія, закаленный въ трудахъ, Язонъ, подобно великому македонскому царю Филиппу, постоянно самъ обучалъ свое войско. Занимая и въ мирное время свои войска постоянными передвиженіями, онъ старался наградами и наказаніями, заботливостью о состояніи войска и постояннымъ исключеніемъ изъ него неспособныхъ поддерживать въ немъ дисциплину и воинственный духъ. Имѣя большія военныя дарованія, онъ нерѣдко измѣнялъ организацію войска и такимъ образомъ постепенно совершенствовалъ его. Съ этимъ войскомъ Язонъ распространилъ свое владычество далеко за предѣлы Ѳессаліи. Дріопы, долопы и другіе воинственные народы пограничныхъ ѳессалійскихъ горъ были имъ покорены, и самъ владѣтель Македоніи, раздираемой тогда внутренними раздорами, былъ, подъ именемъ союзника, его вассаломъ. Грубые жители Эпира должны были также слѣдовать за его знаменами и, познакомившись такимъ образомъ въ первый разъ съ цивилизаціей, стали пріобрѣтать значеніе въ средѣ государствъ древняго міра.

Отъ сѣверныхъ и западныхъ сосѣдей Ѳессаліи Язонъ обратился къ государствамъ собственной Греціи и старался постепенно проложить себѣ путь къ владычеству надъ греками. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Аѳины и Ѳивы, вступилъ въ дружескія сношенія съ великими полководцами этихъ государствъ, Пелопидомъ и Тимоѳеемъ, и старался великодушіемъ и блескомъ склонить на свою сторону образованные народы Греціи и передовыхъ ея людей. Ѳиванцу Эпаминонду онъ предложилъ однажды, хотя и безуспѣшно, подарокъ въ двѣ тысячи золотыхъ монетъ, а когда Тимоѳей долженъ былъ защищаться противъ обвиненія, угрожавшаго его чести и жизни, Язонъ поѣхалъ въ Аѳины, и тамъ, какъ частный человѣкъ, ходатайствомъ своимъ склонялъ народъ въ его пользу. Впрочемъ, не однимъ только употребленіемъ подобныхъ средствъ Язонъ походилъ на македонскаго царя Филиппа, выступившаго на историческое поприще скоро послѣ него; и въ другихъ отношеніяхъ онъ шелъ по тому же пути, которымъ впослѣдствіи Филиппъ достигъ преобладанія въ Греціи. Подобно Филиппу, Язонъ старался прежде всего стать твердой ногой въ Фокидѣ, чтобъ оттуда при первой возможности вторгнуться въ Беотію, и когда созрѣли его планы противъ Греціи, онъ точно такъ же началъ съ того, что велѣлъ срыть крѣпости городовъ, лежавшихъ на его пути. Тотчасъ послѣ сраженія при Левктрѣ ѳиванцы пригласили его приступить къ союзу. Язонъ принялъ предложеніе и явился съ войскомъ къ Левктрѣ, но вмѣсто того, чтобъ помочь ѳиванцамъ уничтожить побѣжденное спартанское войско, старался играть роль посредника, чтобъ водвореніемъ мира пріобрѣсти себѣ большее значеніе въ глазахъ грековъ.

Язону не удалось достигнуть той цѣли, къ которой онъ стремился; смерть, похитившая его раньше времени, лишила Ѳессалію возможности занять во всемірной исторіи то мѣсто, которое впослѣдствіи доставилъ Македоніи Филиппъ. Впрочемъ, еслибъ внезапная смерть и не постигла Язона, его стремленія остались бы безуспѣшными, потому что онъ встрѣтилъ бы непреодолимыя препятствія, съ которыми не нужно было бороться счастливому македонскому царю. Язонъ былъ узурпаторъ, и потому дворянство ѳессалійское завидовало его власти, — а повелѣнія Филиппа, какъ законнаго государя, охотно исполняло преданное ему дворянство Македоніи. Онъ не опирался, какъ Филиппъ, на національныя силы; его войско состояло изъ наемниковъ, слѣдовательно, Язонъ подвергался всегда опасности, что при малѣйшемъ неудовольствіи оно оставитъ его. Наконецъ, онъ жилъ въ такое время, когда во главѣ ѳиванцевъ стояли два человѣка, превосходившіе его талантами и вліяніемъ, а Спарта и Аѳины имѣли лучшихъ полководцевъ, чѣмъ во времена Филиппа.

Язонъ погибъ отъ рукъ убійцъ. Чтобъ показать греческому народу все свое могущество и блескъ, онъ сдѣлалъ огромныя приготовленія къ пиѳійскимъ играмъ, приказавъ приготовить до тысячи быковъ и десяти тысячъ другихъ животныхъ для принесенія въ жертву во время игръ. Его войско уже готово было выступить съ нимъ въ Дельфы, когда онъ былъ умерщвленъ во время публичной аудіенціи семью молодыми ѳессалійцами (370), составившими противъ него заговоръ. Двое изъ убійцъ были тутъ же изрублены тѣлохранителями Язона; пяти остальнымъ удалось бѣгствомъ избавиться отъ подобной участи. Въ Аѳинахъ и другихъ греческихъ государствахъ, куда они бѣжали, ихъ встрѣчали съ торжествомъ и великими почестями, какъ убійцъ тирана.

Послѣ смерти Язона, владѣніе его перешло безъ всякихъ споровъ къ двумъ его братьямъ, Полидору и Полифрону, нисколько не походившимъ на своего предшественника. Полифронъ скоро лишилъ жизни брата и умертвилъ фарсальскаго владѣтеля Полидаманта, но, въ свою очередь, въ непродолжительномъ времени, былъ убитъ близкимъ родственникомъ Александромъ (369), однимъ изъ самыхъ ужасныхъ тирановъ Греціи. Александръ владычествовалъ надъ Ѳессаліей въ теченіе одиннадцати лѣтъ и, достигнувъ власти убійствомъ, сохранилъ ее самыми ужасными жестокостями; правленіе его представляло цѣлый рядъ беззаконій и безконечныхъ войнъ. Въ самомъ началѣ его правленія возстали нѣкоторые изъ ѳессалійскихъ городовъ, во главѣ которыхъ стояла Ларисса, а въ ней могущественная фамилія Алевадовъ. Возставшіе призвали на помощь себѣ македонскаго царя Александра II-го, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ расширить собственныя владѣнія, занялъ своими войсками Лариссу и другіе города. Чтобы избавиться отъ него, ѳессалійцы обратились къ Ѳивамъ, а ѳиванцы послали имъ войско, подъ начальствомъ Пелопида, незадолго до отправленія его посломъ въ Сузу.

Пелопидъ появился въ Ѳессаліи при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Македонскій царь самъ нуждался въ чужой помощи, потому что незаконный братъ его, Птолемей Алоритъ, оспаривалъ у него престолъ, и потому охотно оставилъ ѳессалійскіе города. Примиривъ ѳессалійцевъ съ ихъ владѣтелемъ, Пелопидъ отправился въ Македонію, чтобъ и тутъ явиться посредникомъ. Прекративъ споры македонскихъ владѣтелей, онъ возвратился въ Ѳивы (367). По всей вѣроятности, въ то время и былъ имъ взятъ въ Ѳивы заложникомъ братъ Александра II, впослѣдствіи столь знаменитый Филиппъ, остававшійся тамъ нѣкоторое время. Пребываніе въ Ѳивахъ и постоянныя сношенія съ Эпаминондомъ и Пелопидомъ много способствовали развитію и образованію Филиппа.

Согласіе, водворенное Пелопидомъ въ Македоніи, длилось недолго, и тотчасъ по возвращеніи изъ Персіи, онъ долженъ былъ опять заняться дѣлами этой страны. Царь Александръ былъ умерщвленъ своими ближайшими родственниками. Птолемей Алоритъ овладѣлъ престоломъ, и ѳиванцы послали въ Македонію двухъ коммисаровъ, Пелопида и Исменія, для огражденія правъ Пердикки и Филиппа, несовершеннолѣтнихъ братьевъ убитаго царя. Посольство достигло желаемаго успѣха. Птолемей тотчасъ согласился управлять только именемъ Пердикки, на правахъ опекуна, и передать ему власть по достиженіи имъ совершеннолѣтія.

Во время проѣзда своего чрез Ѳессалію въ Ѳивы, Пелопидъ и Исменій,

полные вѣры въ могущество и величіе своего города, сдѣлали неосторожность, принявъ приглашеніе Александра ферскаго, и явились на переговоры съ нимъ безъ войска. Александръ велѣлъ схватить ихъ и связанными бросить въ темницу. Такое нарушеніе международнаго права не могло быть оставлено ѳиванцами безнаказаннымъ; они немедленно выслали противъ ѳессалійцевъ войско подъ предводительствомъ беотарха Клеомена. Исходъ этого похода ясно показалъ, что не Ѳивы, но Эпаминондъ и Пелопидъ отняли у спартанцевъ и аѳинянъ первенство въ Греціи. Предпріятіе Клеомена не только не удалось, но само войско подверглось большой опасности, и спаслось отъ гибели только тѣмъ, что Эпаминондъ принялъ, вмѣсто беотарха, главное начальство. Аѳиняне, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ встрѣтившіе съ торжествомъ убійцъ благороднаго, справедливаго и торжественно расположеннаго къ нимъ Язона, заключили теперь союзъ съ тираномъ Александромъ и послали ему на помощь небольшой флотъ и тысячу человѣкъ войска противъ Пелопида, освободителя Греціи. Между тѣмъ ѳиванскій полководецъ, разсчитывая на ѳессалійцевъ, вторгся далеко внутрь страны, но не былъ ими поддержанъ. Вслѣдствіе того, ѳиванскому войску угрожала страшная опасность и оно непремѣнно погибло бы, еслибъ Эпаминондъ, не занимавшій тогда никакой должности, добровольно не присоединился къ войску. Беотархъ, не зная, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, предоставилъ ему командованіе, и Эпаминондъ счастливо привелъ войско домой. Ѳиванцы тотчасъ предприняли въ Ѳессалію вторичный походъ, имѣвшій желанный успѣхъ. Александръ нашелъ, что ему выгоднѣе отпустить обоихъ плѣнныхъ, чѣмъ продолжать борьбу съ Ѳивами; ѳиванцы, занятые другими греческими государствами, удовольствовались однимъ освобожденіемъ плѣнныхъ.

Исторія Ѳессаліи въ эпоху Александра ферскаго прикрашена романическими разсказами нѣкоторыхъ писателей древности. Они оставили намъ, очевидно, вымышленные анекдоты о тиранѣ и его плѣнникѣ Пелопидѣ, представляющіе холоднаго и хитраго Александра человѣкомъ безразсуднымъ, а умнаго и разсудительнаго государственнаго человѣка Пелопида — безумнымъ хвастуномъ. По ихъ словамъ, Пелопидъ, находясь въ темницѣ, послалъ сказать Александру, что неблагоразумно съ его стороны убивать столькихъ невинныхъ подданныхъ и оставлять живымъ врага, который воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ отмстить ему. Когда эти слова были переданы Александру, онъ сказалъ окружавшимъ его: „Отчего Пелопиду такъ хочется умереть"? — „Чтобы моя смерть сдѣлала тирана еще ненавистнѣе богамъ и людямъ, и такимъ образомъ ускорила его паденіе", отвѣчалъ Пелопидъ тюремщику, передавшему ему вопросъ тирана. Такъ же мало правдоподобенъ разсказъ объ отношеніяхъ жены Александра къ Пелопиду. Говорятъ, что Теба, дочь Язона, содѣйствовавшая впослѣдствіи смерти своего мужа, восхищенная величіемъ Пелопида, выпросила у Александра позволеніе навѣстить плѣнника въ темницѣ. Когда она сказала Пелопиду, что жалѣетъ его жену и дѣтей, онъ отвѣчалъ ей: „Ты сама жалка, потому что жена тирана." Разсказщикъ этого анекдота заходитъ такъ далеко, что утверждаетъ, будто именно только разговоръ Тебы съ Пелопидомъ внушилъ ей отвращеніе къ Александру и подалъ мысль умертвить мужа.

Воспользовавшись запутанностью дѣлъ въ Греціи, Александръ такъ душилъ ѳессалійцевъ, что его власть сдѣлалась наконецъ невыносимою для нихъ, и они просили помощи у ѳиванцевъ. Ѳиванцы послали Пелопида съ сильнымъ войскомъ, надѣясь, что ихъ походъ увѣнчается успѣхомъ, потому что общее неудовольствіе возбудило противъ Александра сильную партію въ Ѳессаліи. По прибытіи Пелопида, къ нему присоединились многіе ѳессалійцы. Скоро произошло сраженіе, въ которомъ ѳиванцы одержали побѣду, не смотря на то, что Александръ имѣлъ на своей сторонѣ выгоды мѣстности и численное превосходство войска. Въ этомъ сраженіи лишился жизни самъ Пелопидъ. Желая отмстить врагу и ища встрѣчи съ нимъ, онъ проникъ до самыхъ тѣлохранителей тирана, но былъ окруженъ ими и убитъ послѣ геройской защиты (364). Смерть полководца и желаніе отмстить за него воодушевили ѳиванцевъ, они сдѣлали страшныя усилія и одержали полную побѣду. Тѣло Пелопида было съ торжествомъ отвезено въ Ѳивы, а ѳессалійскіе союзники почли его похороны многочисленными проводами, пышными церемоніями, и воздвигли въ честь его статуи.

Пораженіе Александра доставило свободу многимъ θессалійскимъ городамъ. Но власть тирана еще далеко не была сокрушена; въ непродолжительномъ времени онъ опять пріобрѣтаетъ такое могущество, что высылаетъ небольшой флотъ грабить греческіе острова и отнимать у аθинянъ корабли. На морѣ и на сушѣ его разбои продолжались до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ не сдѣлался жертвою заговора. Теба сговорилась съ своими братьями, Тисифономъ и Ликофрономъ, и они умертвили Александра во время сна. Вся страна ликовала и воздавала почести Тебѣ и ея братьямъ, призвавшимъ θессалійцевъ къ свободѣ. Но, завладѣвъ богатствами тирана и склонивъ на свою сторону его наемныя войска, убійцы его не хотѣли возстановить свободы народа. Они захватили власть въ свои руки и вступили въ борьбу съ городами страны, — борьбу, которая дала поводъ Филиппу македонскому вмѣшаться въ дѣла Θессаліи и подчинить ее своему владычеству.

6. Исторія грековъ отъ мира съ персами до сраженія при Мантинеѣ.

Въ то время какъ θиванцы были заняты безпрерывными войнами въ Θессаліи, у аркадцевъ все сильнѣе развивалось направленіе, измѣнившее существовавшія до сихъ поръ отношенія между Θивами и Пелопоннесомъ. Конгресъ аркадцевъ, не смотря на продолжающуюся войну со Спартою, рѣшилъ, по совѣту Ликомеда, предложить аθинянамъ союзъ. Послѣднимъ казалось сначала страннымъ въ одно время быть союзниками спартанцевъ и ихъ враговъ, но они приняли предложеніе аркадцевъ, думая отвлечь ихъ отъ союза съ θиванцами и этимъ оказать услугу Спартѣ. Ликомедъ отправился въ Аθины для опредѣленія точнѣйшихъ условій союза. Заключивъ союзъ, онъ на возвратномъ пути присталъ къ одной пелопоннесской гавани, гдѣ находилось много изгнанныхъ демократами аркадцевъ аристократовъ. Они убили его (366), а со смертью Ликомеда рушился задуманный имъ планъ. Аркадцы удовольствовались опустошительными набѣгами на Лаконію и другія союзныя страны, дѣлали нападенія на элидянъ, съ которыми были въ сильной враждѣ, и ограбили богатый олимпійскій храмъ. Мантинейцы и жители другихъ городовъ Аркадіи не одобряли этого грабежа, и такимъ образомъ между самими аркадцами возникли несогласія. Аркадцы, участвовавшіе въ грабежѣ, обратились къ θиванцамъ и просили ихъ о присылкѣ вспомогательнаго войска. Хотя остальная, большая часть аркадцевъ и объявила себя въ пользу мира, избѣгая вмѣшательства θиванцевъ, но Эпаминондъ, опасаясь, чтобъ Θивы не потеряли своего вліянія въ Пелопоннесѣ, рѣшился предпринять походъ въ Аркадію. Тогда Мантинея и другіе аркадскіе города противной партіи отправили пословъ въ Аθины и Спарту и получили отъ обоихъ государствъ обѣщанія сильной поддержки.

Весной 362 Эпаминондъ вступилъ въ Пелопоннесъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ беотійцевъ, эвбейцевъ, локрійцевъ и θессалійцевъ, къ которымъ кромѣ аркадскихъ городовъ, просившихъ помощи у θиванцевъ, присоединились еще войска сикіонцевъ, аргивцевъ и мессенцевъ, и расположился лагеремъ у аркадскаго города Тегеи. Онъ надѣялся, что одинъ страхъ предъ θиванскимъ именемъ заставитъ города Аркадіи подчиниться добровольно, но скоро увидѣлъ, что ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Узнавъ потомъ, что Агесилай вступилъ съ войскомъ въ Аркадію, Эпаминондъ рѣшился воспользоваться удаленіемъ спартанскаго войска изъ Спарты, чтобъ неожиданно напасть на нее. Онъ быстро снялся съ позиціи и, пройдя безостановочно цѣлую ночь, съ разсвѣтомъ явился передъ городомъ. Но Агесилай вовремя узналъ о тайномъ выступленіи Эпаминонда и послалъ въ Спарту гонцовъ, которые прибыли туда только за нѣсколько минутъ до появленія непріятеля. Архидамъ, сынъ Агесилая, принялъ тотчасъ необходимыя мѣры для защиты города, и всѣ жители, даже дѣти и старики, взялись за оружіе. Θиванцы ворвались въ городъ, незащищенный стѣнами, и проникли до самой площади, но необыкновенное мужество спартанцевъ и внезапное появленіе Агесилая, подоспѣвшаго съ войскомъ на помощь, распространили паническій страхъ между непріятелемъ и принудили Эпаминонда выступить изъ Спарты. Онъ остановился невдалекѣ отъ

города, но, узнавъ что всѣ силы мантинейцевъ послѣдовали за Агесилаемъ, двинулся далѣе, чтобы нападеніемъ на Мантинею вознаградить себя за неудачную попытку противъ Спарты. Но и тутъ счастіе было противъ него; аѳинскій отрядъ, вступившій незадолго передъ тѣмъ въ Мантинею, отбилъ аттаку ѳиванцевъ и спасъ городъ.

До сихъ поръ появленіе Эпаминонда въ Пелопоннесѣ не принесло никакихъ выгодъ ѳиванцамъ; напротивъ того, неудачи этихъ двухъ походовъ помрачили его славу, какъ полководца. Возстановить ее можно было только сраженіемъ въ открытомъ полѣ, и онъ рѣшился дать битву. 4-го іюля 362 произошелъ рѣшительный бой при Мантинеѣ. Тутъ вторично судьба должна была рѣшить, кому достанется первенство въ Греціи. Лучшая часть союзныхъ спартанскихъ войскъ, состоявшая изъ 22 т. человѣкъ сражалась противъ 33 т. ѳиванцев и ихъ союзниковъ. Обѣ стороны дрались съ большимъ мужествомъ, но побѣда осталась за ѳиванцами. Они обязаны ей не превосходному числу своего войска, но искусству и таланту Эпаминонда, величайшаго полководца своего времени. Сначала онъ обманулъ спартанцевъ ложною аттакою, а потомъ быстро и неожиданно примѣнивъ маневръ, доставившій ему побѣду въ сраженіи при Левктрѣ, прорвалъ непріятельскія линіи. Но въ то время, когда побѣда была одержана на всѣхъ пунктахъ, и непріятель уже отступалъ, Эпаминондъ получилъ смертельную рану. Его смерть произвела замѣшательство въ ѳиванскомъ войскѣ и помѣшала ему воспользоваться выиграннымъ сраженіемъ. Разстроенный непріятель снова ободрился, и конецъ дня прошелъ въ стычкахъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Оба войска, но спартанцы первые, просили о выдачѣ убитыхъ, оба — воздвигли трофеи, и такимъ образомъ каждое приписывало себѣ побѣду. На самомъ дѣлѣ побѣдили ѳиванцы, но смерть Эпаминонда помѣшала имъ воспользоваться побѣдой.

Получивъ рану, Эпаминондъ былъ унесенъ съ поля сраженія и лежалъ въ палаткѣ, окруженный друзьями. Дротикъ вонзился въ его грудь, и врачи объявили, что смерть должна послѣдовать въ ту минуту, когда онъ будетъ вынутъ изъ раны. Эпаминондъ спросилъ, гдѣ его щитъ, и радовался, узнавъ, что онъ не достался непріятелю. Онъ все время безпокоился объ исходѣ сраженія, но узнавъ, что ѳиванцы побѣдили, велѣлъ вынуть дротикъ изъ раны, и въ ту же минуту умеръ съ тѣмъ спокойствіемъ, которое дается только сознаніемъ дѣятельной и полезной жизни. Историческія сочиненія позднѣйшихъ риторовъ, т. е. писателей обращающихъ преимущественно вниманіе на хорошее изложеніе и эффекты, —къ числу которыхъ принадлежитъ и Плутархъ, прославившійся своими интересными біографіями, — наполнены любопытными анектодами и выдуманными рѣчами героевъ древности. Эти историки украсили смерть Эпаминонда невѣроятными выдумками. Они разсказываютъ, между прочимъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ при послѣднихъ минутахъ Эпаминонда громко сожалѣлъ, что умирающій не оставляетъ дѣтей. Эпаминондъ отвѣчалъ ему: «нѣтъ, я не умираю бездѣтнымъ, потому что оставляю двухъ безсмертныхъ дочерей — битвы при Левктрѣ и Мантинеѣ».

Сраженіе при Мантинеѣ положило конецъ продолжительной борьбѣ Спарты съ Ѳивами. Силы обоихъ противниковъ были дотого истощены, что спокойствіе водворилось само собой. По миру, заключенному еще въ томъ же году, при посредничествѣ персидскаго посланника, была признана самостоятельность всѣхъ государствъ Греціи и независимость мессенскаго народа. Спартанская гордость не допускала такихъ условій, и потому изъ всѣхъ греческихъ городовъ одна Спарта отвергла этотъ миръ. Не смотря на то, спартанцы прекратили военныя дѣйствія противъ другихъ греческихъ государствъ и такимъ образомъ въ сущности согласились на миръ, не приступая къ нему открыто. Они старались возстановить свое значеніе другимъ путемъ и наполнить истощенную казну, отправивъ часть своего войска въ Египетъ, гдѣ царь Тахо сдѣлался независимымъ отъ Персіи и даже помогалъ возставшимъ сатрапамъ передней Азіи въ ихъ борьбѣ противъ персидскаго царя. Незадолго до Мантинейской битвы, сатрапы были снова подчинены, и потому Тахо, опасаясь нападенія всѣхъ персидскихъ силъ, обратился къ спартанцамъ, прося ихъ прислать на помощь войско подъ начальствомъ Агесилая. Просьба его была исполнена, и Агесилай отправился съ 1,000 тяжело-вооруженныхъ воиновъ въ Египетъ, куда прибылъ также нанятый

Тахо аѳинскій полководецъ Хабрій, которому поручено было начальство надъ египетскимъ флотомъ.

Скоро однако возникли несогласія между Агесилаемъ и Тахо, не исполнившимъ своего обѣщанія поставить спартанскаго царя во главѣ всего войска и оставившимъ ему начальство только надъ греческими наемными войсками. Поэтому, когда Тахо двинулся въ Сирію съ частью своего войска, и въ отсутствіе его возсталъ честолюбивый египтянинъ, Нектанебъ II, Агесилай перешелъ съ войскомъ на его сторону. Не будучи въ состояніи бороться съ греческими войсками и не надѣясь возстановить потерянное владычество, Тахо, стѣсненный съ двухъ сторонъ врагами, искалъ спасенія въ милосердіи персидскаго царя. Агесилай помогъ Нектанебу утвердиться на престолѣ и, получивъ отъ него огромныя сокровища, отправился въ Спарту. Буря заставила его пристать къ одной киренейской гавани, гдѣ онъ заболѣлъ и умеръ на 80-мъ году своей жизни (361).

7. Союзническая война аѳинянъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи борьбы съ Ѳивами, аѳиняне вступили въ опасную войну съ нѣкоторыми приморскими греческими государствами, которыя хотя и были союзниками аѳинянъ, но ихъ притѣсненіями принуждены были вооружиться противъ нихъ соединенными силами. Со времени возвращенія Конона изъ Азіи, аѳиняне мало-по-малу достигли прежняго преобладанія на морѣ; но они не понимали или не хотѣли понимать, что времена уже измѣнились, и вмѣсто того чтобъ обращаться съ величайшимъ уваженіемъ съ союзными приморскими городами, изъ которыхъ многіе пріобрѣли большое могущество, обложили ихъ тяжелою данью и позволили своимъ полководцамъ, при сборѣ ея, употреблять самыя жестокія мѣры. Тимоѳей и Ификратъ дозволяли себѣ прибѣгать къ различнымъ злоупотребленіямъ для обогащенія казны и увеличенія собственнаго состоянія. Сильное негодованіе, возбужденное этимъ грабительствомъ, дало мысль еще Эпаминонду составить подъ защитою Ѳивъ союзъ греческихъ приморскихъ городовъ, если только справедливо извѣстіе, что онъ приступилъ къ постройкѣ ѳиванскаго флота. Но попытки эти во всякомъ случаѣ не имѣли большаго успѣха. Напротивъ того, царю Мавзолу, управляашему въ Каріи на правахъ сатрапа, удалось въ 358 соединить нѣсколько могущественныхъ приморскихъ городовъ для войны съ Аѳинами.

Изъ владѣтелей Каріи, въ теченіе долгаго времени раздѣленной на небольшія владѣнія, заслуживаетъ наиболѣе вниманія Артемизія I, выказавшая столько ума и энергіи въ сраженіи при Саламинѣ (стр. 184). Однимъ изъ преемниковъ Артемизіи Галикарнасской былъ Мавзолъ. Онъ отличался столько же грабительствомъ, сколько своимъ блескомъ и покровительствомъ искусствамъ и наукамъ. Артемизія II, управлявшая страной послѣ смерти своего мужа, тоже замѣчательна какъ покровительница ученыхъ и художниковъ. Для прославленія памяти обожаемаго ею мужа, она назначила греческимъ ораторамъ награду за лучшую похвальную рѣчь, и лучшему зодчему своего времени велѣла выстроить такой великолѣпный надгробный памятникъ, что его причислили къ семи чудесамъ свѣта, и имя Мавзолей осталось до нашего времени для обозначенія особенно великолѣпнаго надгробнаго памятника.

Мавзолъ, въ теченіе всей своей жизни стремившійся увеличивать свои владѣнія, старался овладѣть важнымъ островомъ Родосомъ и, для достиженія этого, составилъ планъ союза противъ Аѳинъ. Онъ уговорилъ жителей острововъ Хіоса, Родоса и Коса и могущественной Византіи помогать другъ другу противъ Аѳинъ. Узнавъ объ этомъ, аѳиняне тотчасъ отправили къ острову Хіосу флотъ съ дессантомъ подъ начальствомъ Хабрія и Хареса. Такимъ образомъ началась, въ 358 такъ называемая союзническая война аѳинянъ, веденная съ большимъ ожесточеніемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Союзники поспѣшно послали помощь хіосцамъ и тѣмъ помѣшали враждебнымъ дѣйствіямъ аѳинянъ. Хабрій лишился жизни въ самомъ началѣ неудачной осады главнаго города острова Хіоса. При нападеніи на гавань этого города, одинъ только его корабль проникъ въ нее и былъ

отрѣзанъ отъ остальнаго флота. Большая часть его матросовъ спаслась вплавь, но самъ онъ предпочелъ славную смерть и, храбро сражаясь, былъ убитъ непріятельскими стрѣлами. Хабрій, не смотря на свою распутную жизнь, былъ лучшимъ аѳинскимъ полководцемъ; про него говорятъ, что онъ ни разу въ теченіе всей своей жизни не потерялъ ни одного сраженія, завоевалъ 15 городовъ, привелъ 70 непріятельскихъ кораблей въ Аѳины, взялъ въ плѣнъ до 3,000 человѣкъ и доставилъ государственной казнѣ болѣе 120 талантовъ (около 160,000 руб. сер.). Даже непріятели такъ уважали Хабрія, что хіосцы сохранили статуи, воздвигнутыя въ честь его до войны съ Аѳинами.

Испытавъ значительныя потери, Харесъ былъ принужденъ снять осаду, и тогда союзники перешли къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Они опустошили острова Имбросъ, Лемносъ, древнѣйшія владѣнія аѳинянъ въ Эгейскомъ морѣ, напали на Самосъ и ограбили другіе острова, державшіе сторону Аѳинъ. Въ началѣ втораго года войны Аѳины снарядили новый флотъ, начальство надъ которымъ было ввѣрено Ификрату и Тимоѳею. Онъ соединился съ эскадрою Хареса и, во главѣ 120 кораблей, осадилъ Византію. Непріятель былъ принужденъ снять осаду главнаго города Самоса и поспѣшить на помощь Византіи. Когда оба флота встрѣтились въ Геллеспонтѣ, поднялась буря, и потому Ификратъ и Тимоѳей положили не вступать въ битву. Харесъ, напротивъ того, не обращая вниманія на вѣтеръ, непремѣнно хотѣлъ дать сраженіе и, когда товарищи ето не соглашались съ нимъ, онъ жаловался на нихъ въ Аѳины. Ификратъ и Тимоѳей были отозваны и отданы подъ судъ, обвиненные въ подкупѣ родосцами и хіосцами. Съ помощью людей, служившихъ прежде подъ его начальствомъ, Ификратъ съумѣлъ достичь того, что обвиняемые, вмѣсто смертнаго приговора, были подвергнуты только денежной пени. Но сумма была такъ значительна, что они не имѣли возможности уплатить ее и были изгнаны изъ отечества, въ которое никогда уже болѣе не возвращались.

Изгнаніе двухъ лучшихъ полководцевъ неожиданно положило конецъ войнѣ. Харесъ, начальствовавшій теперь одинъ, впутался въ предпріятіе, заставившее аѳинянъ заключить миръ. Артабазъ, сатрапъ Іоніи, возставшій противъ своего царя, просилъ помощи у аѳинскаго полководца. Думая деньгами сатрапа заплатить войску и этимъ оказать услугу Аѳинамъ, а можетъ быть принужденный къ тому наемными войсками, не получавшими жалованья, Харесъ помогъ возставшему персу всѣми своими силами и получилъ за это обѣщанныя деньги, которыя и употребилъ на содержаніе войска. Аѳиняне сначала очень радовались этому, но скоро съ ужасомъ увидѣли, какая имъ предстояла опасность. Персидскій царь, Артаксерксъ III, или Охъ, отправилъ въ Аѳины посла, грозившаго, что персы помогутъ непріятелю деньгами и флотомъ, если аѳиняне не выведутъ войска и кораблей изъ Малой Азіи. Имъ не оставалось ничего другаго, какъ поспѣшнымъ заключеніемъ мира покончить войну съ своими прежними союзниками, тѣмъ болѣе, что Филиппъ II македонскій со дня на день становился опаснѣе для Аѳинъ, а въ самой Греціи вспыхнула новая война. По мирному договору они должны были признать своихъ враговъ совершенно свободными и независимыми государствами (355). Такъ исчезло возстановленное незадолго передъ тѣмъ преобладаніе Аѳинъ на морѣ.

VIII. ПОДПАДЕНІЕ ГРЕЦІИ

ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВО МАКЕДОНЯНЪ.

---

1. Исторія Македоніи до Филиппа II.

Начало македонской исторіи, подобно древнѣйшей исторіи всѣхъ народовъ, теряется въ преданіяхъ и миѳахъ. Происхожденіе македонянъ достовѣрно неизвѣстно, но, кажется, коренная часть этого народа ведетъ свое начало отъ грековъ; на это указываетъ, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что македонскіе цари считали Геркулеса своимъ родоначальникомъ. Такъ же думали и другіе греки, допускавшіе македонскихъ царей къ олимпійскимъ играмъ, въ которыхъ не имѣлъ права участвовать тотъ, кто не могъ доказать своего греческаго происхожденія. Преданіе называетъ намъ цѣлый рядъ царей, царствовавшихъ надъ Македоніей въ отдаленнѣйшую эпоху. Древнѣйшая династія называется Теменидами отъ Карана, перваго царя изъ этого рода, потомка гераклида Темена.

Въ древнѣйшія времена Македонія состояла изъ страны Эматіи, лежавшей въ углубленіи Салоникскаго залива, около рѣкъ Аксіи, или Вардара, и Эригона, или Бистрицы. Жители этой страны съ раннихъ поръ должны были вести кровопролитныя войны съ пеонійцами и другими сосѣдними народами иллирійскаго и ѳракійскаго племени, а греческія колоніи, основанныя на морскомъ побережьѣ, почти совсѣмъ отрѣзали ихъ отъ моря. Но македоняне, преданные своимъ царямъ, легко могли устоять противъ этихъ народовъ, раздѣленныхъ на небольшія, независимыя другъ отъ друга владѣнія; притомъ же цари македонскіе не стремились поработить своихъ сосѣдей, а старались распространить между ними образованіе и включить ихъ въ составъ македонскаго государства. Сами македоняне хотя и уступали въ образованіи жителямъ собственной Греціи и ея колоній, но рано приняли участіе въ культурѣ, процвѣтавшей между греками, и этимъ отличались отъ окружавшихъ ихъ грубыхъ племенъ. Цари ихъ издавна участвовали на олимпійскихъ играхъ, во время Персидскихъ войнъ получили право аѳинскаго гражданства, съ давнихъ поръ находились съ Аѳинами въ такъ называемыхъ гостепріимныхъ отношеніяхъ и, слѣдовательно, давно уже были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ остальными греками. Вліяніе греческихъ колоній основанныхъ на

морскомъ берегу, должно было также способствовать культурѣ македонскаго народа, потому что процвѣтаніе и торговля этихъ колоній находились въ тѣсной связи съ внутреннимъ состояніемъ страны.

Македонскій народъ былъ бѣденъ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ своими дикими сосѣдями, — войнъ, задержавшихъ на долгое время его развитіе. При Даріи I онъ долженъ былъ подчиниться персамъ и платить имъ дань, но зато границы страны были значительно расширены по направленію къ Ѳракіи. Платежъ дани начался при царѣ Аминтѣ I и прекратился при его сынѣ Александрѣ I. Послѣдній долженъ былъ идти съ персидскимъ войскомъ противъ грековъ и былъ отправленъ отъ Мардонія посломъ къ аѳинянамъ, о чемъ уже было говорено прежде (стр. 186). Послѣ страшнаго пораженія персовъ при Платеѣ, онъ оказалъ услугу своимъ греческимъ соотечественникамъ, истребивъ большую часть персидскаго войска, бѣжавшаго черезъ Македонію къ Геллеспонту. Его сынъ, Пердикка II, жившій въ первой половинѣ Пелопоннесской войны, вступилъ еще въ болѣе тѣсныя связи съ греками и слѣдовалъ той же политикѣ, которой позднѣе былъ обязанъ Филиппъ своими первыми успѣхами. Въ то время какъ свободныя греческія государства вели между собой кровопролитную войну, Пердикка старался прежде всего упрочить свою власть въ собственной странѣ, пріучить подданныхъ къ правильной военной службѣ и уже потомъ воспользоваться несогласіемъ грековъ, для усиленія и расширенія своего государства. Въ началѣ Пелопоннесской войны онъ принялъ живое участіе въ спорѣ между Потидеей и Аѳинами, впослѣдствіи окончательно присоединился къ спартанцамъ и помогалъ греческимъ колоніямъ на полуостровѣ Халкидикѣ освободиться изъ-подъ аѳинскаго ига. Конечно, поддерживая эти колоніи, онъ не предвидѣлъ, что усиливаетъ Олинтъ, дѣлаетъ его ихъ сосредоточіемъ и оставляетъ своимъ преемникамъ враговъ, болѣе опасныхъ, чѣмъ нѣкогда были аѳиняне.

По смерти его возникли горячіе споры за престолъ, кончившіеся, послѣ умерщвленія законнаго наслѣдника, вступленіемъ на престолъ Архелая, незаконнаго сына Пердикки. Изъ всѣхъ царей Македоніи до Филиппа II онъ, безспорно, былъ самымъ замѣчательнымъ. Ему удалось возвести македонскій народъ на высшую степень образованности, сравнять его съ прочими греками и, такимъ образомъ, дѣйствительно совершить то, что начинали, но, вслѣдствіе различныхъ препятствій, не могли осуществить его предшественники. Онъ положилъ основаніе первымъ городамъ, дорогамъ и крѣпостямъ, поощрялъ земледѣліе и торговлю, и сформировалъ свое войско по греческому образцу. Въ его царствованіе высшая греческая цивилизація пріобрѣла большое вліяніе въ Македоніи; греки уважали Архелая за его любовь къ поэзіи и искусству. Поэты и художники находили у него радушный пріемъ, а его дворъ сдѣлался средоточіемъ образованнаго греческаго міра. Онъ вступилъ въ личныя сношенія съ Эврипидомъ и другими трагиками своего времени, принималъ ихъ у себя съ великими почестями и приказывалъ ставить на сцену ихъ произведенія со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Комнаты его дворца были разрисованы знаменитымъ живописцемъ Зевксисомъ; работа эта стоила около семи талантовъ, приблизительно 9,000 р. с.,—сумма, которую, по тогдашней цѣнности денегъ, нужно увеличить въ шесть или восемь разъ, чтобы оцѣнить ее на наши деньги. Эти знаменитыя картины во дворцѣ македонскаго царя привлекали любопытныхъ изъ всѣхъ странъ Греціи.

По смерти Архелая снова возникли кровавыя распри за престолъ. Пять членовъ царскаго дома изъявляли свои притязанія на него и долго спорили, пока наконецъ одинъ изъ нихъ, Аминтъ II, не захватилъ власти съ помощью ѳессалійцевъ. Онъ также поддерживалъ постоянныя сношенія съ греками и, подобно своимъ предшественникамъ, старался ввести въ своей странѣ ихъ нравы и искусства. Въ его царствованіе, олинтяне, стремясь образовать союзъ изъ всѣхъ греческихъ городовъ, лежавшихъ по берегамъ Македоніи и Ѳракіи, угрожали навсегда отрѣзать Македонію отъ моря и поставить ее въ зависимое положеніе. Олинтяне уже очень расширили свое могущество и даже изгнали македонскаго царя изъ его столицы, Пеллы, когда двѣ колоніи — Аполлонія и Акантъ—призвали на помощь спартанцевъ. Въ войнѣ, возникшей между олинтянами и спартанцами, Аминтъ держалъ сторону послѣднихъ и послѣ побѣды

надъ первыми получилъ обратно Пеллу. Но олинтяне, сдѣлавшись союзниками спартанцевъ, все-таки оставались еще очень опасными сосѣдями Македоніи.

По смерти Аминта, на нѣкоторое время снова возникли замѣшательства. Его жена, Эвридика, еще прежде посягавшая на жизнь мужа, старалась теперь погубить своихъ собственныхъ дѣтей, — Александра II, Пердикку III, и Филиппа II, — чтобъ возвести на престолъ своего любовника, Птолемея, называвшагося Алоритомъ, по городу, въ которомъ онъ родился. Интриги эти и властолюбіе Птолемея, родственныя отношенія котораго къ Аминту и его сыновьямъ неизвѣстны положительно, послужили поводомъ къ страшнымъ смутамъ и частой перемѣнѣ царей. Безпорядки повлекли за собой вмѣшательство ѳессалійцевъ, аѳинянъ, ѳиванцевъ и фокидцевъ, имѣвшихъ попеременно болѣе или менѣе рѣшительное вліяніе на дѣла Македоніи и ставившихъ македонскихъ царей въ нѣкоторую зависимость отъ себя. По смерти Аминта, на престолъ вступилъ Александръ II, но въ то время какъ онъ расширялъ предѣлы своего государства побѣдами надъ ѳессалійцами, Птолемей грозилъ ему сверженіемъ съ престола. Это привлекло въ Македонію Пелопида, призваннаго ѳессалійцами на помощь противъ Александра. Пелопидъ, явившись въ Македонію, прекратилъ споръ между Александромъ и Птоломеемъ, принудилъ перваго, овладѣвшаго ѳессалійскимъ престоломъ, отказаться отъ всякихъ притязаній на Ѳессалію, а юнаго Филиппа II взялъ заложникомъ въ Ѳивы. Впрочемъ, неизвѣстно съ достовѣрностью, тогда или при другихъ обстоятельствахъ отданъ былъ Филиппъ въ заложники ѳиванцамъ.

Примиреніе, совершенное при посредничествѣ Пелопида, продолжалось не долго. Птолемей Алоритъ, вмѣстѣ съ Эвридикой, убилъ царя Александра и завладѣлъ правленіемъ, подъ именемъ опекуна малолѣтняго Пердикки. Но македоняне не захотѣли признать его правителемъ, и большинство ихъ объявило себя въ пользу Павсанія, права котораго на престолъ намъ неизвѣстны. Птолемей и Эвридика призвали на помощь противъ него аѳинскаго полководца Ификрата, осаждавшаго въ то время городъ Амфиполь, лежавшій на ѳракійскомъ берегу. Павсаній былъ изгнанъ Ификратомъ, но скоро возвратился назадъ. Тотчасъ по вступленіи его на престолъ, въ Македонію явилось ѳиванское посольство, для огражденія правъ Филиппа, жившаго въ Ѳивахъ, и его брата Пердикки. Ѳиванскіе посланники — Пелопидъ и Исменій — вторично изгнали Павсанія и устроили дѣла страны такимъ образомъ, что Птолемей долженъ былъ сохранить престолъ до совершеннолѣтія Пердикки, давъ обѣщаніе управлять государствомъ, только какъ его попечитель. Птолемей правилъ Македоніей очень недолго; уже въ слѣдующемъ году (366 или 365) онъ былъ умерщвленъ Пердиккою.

Послѣ непродолжительнаго царствованія, Пердикка III былъ убитъ въ войнѣ съ иллирійцами, оставивъ малолѣтнаго сына, Аминта. Враги Македоніи старались воспользоваться этими обстоятельствами, и странѣ угрожала величайшая опасность. Разбойничьи шайки иллирійцевъ, предводительствуемыя Бардилломъ, заняли часть Македоніи. Аѳины послали войско, чтобъ возвести на престолъ Аргея, внука Архелая, надѣясь потомъ съ его помощью вновь завоевать городъ Амфиполь; ѳракійцы приготовились къ нападенію на страну и хотѣли посадить на престолъ Павсанія, изгнаннаго Ификратомъ и ѳиванцами; наконецъ дикіе пеонійцы опустошали пограничные округи Македоніи. При такомъ гибельномъ положеніи страны выступилъ на сцену Филиппъ II (361) и не только спасъ отечество отъ угрожавшихъ опасностей, но мало-по-малу возвысилъ Македонію, сдѣлавъ ее первымъ государствомъ всего юго-востока Европы. Сначала онъ правилъ государствомъ, какъ попечитель своего молодаго племянника Аминта, но вскорѣ народъ призналъ его царемъ за спасеніе свободы Македоніи. Аминта, отстраненнаго отъ престола, Филиппъ женилъ впослѣдствіи на одной изъ своихъ дочерей.

---

2. Филиппъ II Македонскій.

Филиппъ II, — своимъ двадцати-пяти-лѣтнимъ царствованіемъ (съ 361 до 336) сдѣлавшійся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей древней исторіи, — еще въ дѣтствѣ былъ отданъ своимъ отцомъ въ заложники иллирійцамъ и потомъ вторично, въ началѣ юношескаго возраста, подвергся той же участи. Уже прежде было сказано, что Пелопидъ взялъ его заложникомъ въ Ѳивы. Достовѣрно неизвѣстно, въ которомъ году и при какихъ обстоятельствахъ это случилось; но по всей вѣроятности онъ былъ увезенъ въ Ѳивы въ 367 году. Точно также неизвѣстно положительно, сколько времени оставался Филиппъ въ Ѳивахъ. Пребываніе его тамъ продолжалось по меньшей мѣрѣ три года; одинъ изъ древнихъ греческихъ писателей увѣряетъ даже, что Филиппъ оставался въ Ѳивахъ девять лѣтъ. Долгое пребываніе Филиппа въ Ѳивахъ принадлежитъ къ самымъ важнѣйшимъ событіямъ его жизни; здѣсь получилъ онъ умственное развитіе и образованіе, сдѣлавшія его однимъ изъ величайшихъ царей древняго міра. Ежедневныя сношенія съ Эпаминондомъ и его друзьями, поѣздки въ другія свободныя греческія государства, знакомство съ аѳинскимъ ораторомъ, Исократомъ, философами Платономъ и Аристотелемъ и другими великими людьми Греціи, — дали ему возможность подробно изучить греческія искусства и науки, гражданскія учрежденія и военное устройство своего времени. Въ подробности, обстоятельства его жизни въ Ѳивахъ неизвѣстны.

Неизвѣстно также, когда онъ возвратился въ Македонію. Одни говорятъ, что Филиппъ убѣжалъ въ Македонію, получивъ извѣстіе о смерти своего брата, Пердикки III; другіе утверждаютъ, что онъ возвратился въ отечество ранѣе. Послѣднее гораздо правдоподобнѣе. Вступивъ на престолъ двадцати трехъ лѣтъ, — въ то время, когда смуты предъидущихъ годовъ уничтожили всѣ попытки его предшественниковъ устроить страну и образовать народъ по греческому образцу, а монархія была близка къ распаденію, — Филиппъ спасъ Македонію отъ страшныхъ опасностей и преобразовалъ все управленіе страны.

Съ большимъ искусствомъ Филиппъ скоро освободилъ свое отечество и престолъ отъ враговъ. Деньгами подкупилъ онъ корыстолюбиваго ѳракійскаго царя, и такимъ образомъ лишилъ сильной поддержки Павсанія, претендента на македонскій престолъ. Обезопасивъ себя со стороны Ѳракіи, онъ обратился противъ аѳинянъ, самыхъ страшныхъ своихъ враговъ, пославшихъ Аргею трехтысячный вспомогательный отрядъ. Аргей, не найдя себѣ нигдѣ приверженцевъ, удалился изъ Македоніи вмѣстѣ съ аѳинскимъ войскомъ. Филиппъ преслѣдовалъ его, разбилъ враговъ въ сраженіи, въ которомъ палъ самъ Аргей, и, взявъ множество плѣнныхъ, освободилъ ихъ безъ всякаго выкупа. Особенно ласково и щедро обошелся онъ съ плѣнными аѳинянами, желая своимъ великодушіемъ пріобрѣсти дружбу Аѳинъ. Онъ принялъ ихъ очень дружественно, возвратилъ имъ весь военный обозъ и отпустилъ ихъ съ письмомъ, въ которомъ выражалъ аѳинскому народу свое желаніе возстановить дружественныя сношенія, существовавшія нѣкогда между его отцомъ и Аѳинами. Онъ давалъ также обѣщаніе не поддерживать городъ Амфиполь, давно боровшійся съ Аѳинами за свою независимость. Аѳиняне въ благодарность за великодушный поступокъ Филиппа, приняли его предложеніе и возобновили мирный договоръ, заключенный съ Аминтомъ.

Избавившись такимъ образомъ отъ самыхъ опасныхъ враговъ, Филиппъ обратилъ оружіе противъ варваровъ. Воспользовавшись смертью пеонійскаго царя, онъ выступилъ сначала противъ этого народа, разбилъ пеонійцевъ въ открытомъ сраженіи и обложилъ ихъ данью, выгнавъ изъ Македоніи. Затѣмъ онъ двинулся со всѣми своими военными силами противъ иллирійцевъ, пріученныхъ Бардилломъ къ правильной войнѣ. Иллирійцы были совершенно разбиты въ кровопролитномъ и упорномъ сражніи, выказавшемъ въ первый разъ великіе военные таланты Филиппа. Иллирійцы потеряли въ этой битвѣ до семи тысячъ человѣкъ и должны были принять миръ, по которому обязывались очистить всѣ занятые ими города Македоніи.

Событія эти происходили въ первые три года его царствованія. Царемъ Филиппъ былъ провозглашенъ черезъ годъ послѣ смерти своего брата Аминта. Побѣдивъ иллирійцевъ, Филиппъ пересталъ исключительно заботиться объ увеличеніи своей монархіи, но началъ вводить внутри государства учрежденія, положившія основаніе міровому владычеству Македоніи. Преобразованія, сдѣланныя имъ въ государственномъ устройствѣ и организаціи войска, по своему громадному значенію заслуживаютъ подробнаго изложенія. Но, чтобъ не прерывать самаго хода событій, удобнѣе будетъ представить сначала въ нѣсколькихъ словахъ очеркъ характера и ума великаго македонскаго царя и исчислить вкратцѣ предпринятыя имъ реформы.

Филиппъ соединялъ въ себѣ всѣ добродѣтели и пороки своего времени. Одаренный талантами полководца, государственнаго человѣка и монарха, онъ обладалъ всѣми средствами, чтобъ заставить грековъ принять монархическую форму правленія. Конечнымъ стремленіемъ его было — господство надъ Греціей и соединеніе ослабленныхъ постоянными войнами силъ греческаго народа, для завоеванія Персидской монархіи. Но владычества своего Филиппъ не хотѣлъ основывать на угнетеніи свободы; онъ желалъ сохранить существовавшія учрежденія и формы правленія и стать во главѣ истинно свободной націи. Этой цѣли онъ достигъ не столько необыкновенной ловкостью, руководившею его въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, — сколько своей великой проницательностью, глубокимъ пониманіемъ человѣческой природы и проявленій ея, и тѣмъ положеніемъ, которое онъ занялъ относительно эпохи и націи, благодаря высокому умственному развитію. Образованіе и врожденная способность ко всѣмъ наукамъ и искусствамъ дѣлали его достойнымъ чести стать во главѣ образованнѣйшаго народа. Весь образъ дѣйствій Филиппа, каждое отдѣльное предпріятіе, выказываютъ его образованіе и способности. Онъ оказывалъ уваженіе всякому умственному стремленію, — окружалъ почестями талантливыхъ поэтовъ, художниковъ, актеровъ и ораторовъ, старался распространить въ Македоніи греческіе нравы и греческій духъ, переселяя вовнутрь страны гражданъ покоренныхъ греческихъ приморскихъ городовъ своей монархіи, а македонянъ — въ приморскіе города. Это направленіе Филиппа выказывается самымъ лучшимъ образомъ въ выборѣ философа Аристотеля, соединявшаго въ себѣ всѣ знанія и умственныя стремленія грековъ, наставникомъ и воспитателемъ наслѣдника престола, Александра. Но въ особенности замѣчательно приглашеніе, посланное имъ Аристотелю. Тотчасъ послѣ рожденія Александра, Филиппъ написалъ письмо философу, съ которымъ былъ знакомъ еще въ своей юности. Мы приведемъ здѣсь это письмо, хотя достовѣрность его и подлежитъ сомнѣнію: «Я извѣщаю тебя, что у меня родился сынъ. Благодарю боговъ не столько за то, что у меня родился сынъ, но гораздо болѣе за то, что онъ родился въ то время, когда живетъ Аристотель; потому что надѣюсь, что онъ будетъ воспитанъ и образованъ тобой и, такимъ образомъ, сдѣлается достойнымъ меня и своего высокаго назначенія. По моему, гораздо лучше совсѣмъ не имѣть дѣтей, чѣмъ оставлять такихъ, которыя приносятъ безчестіе своимъ предкамъ».

Въ нравственномъ отношеніи Филиппъ стоялъ выше развращенныхъ республиканцевъ своего времени. Его великодушіе, привѣтливость и частная жизнь составляли контрастъ съ корыстолюбивой, софистической низостью большинства государственныхъ людей, управлявшихъ въ то время республиками греческаго міра. Впрочемъ, Филиппъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ даже грубыхъ пороковъ и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ гораздо ниже своего сына. Вѣроятно однако его безнравственность не была такъ велика, какъ представляютъ сохранившіяся до насъ сочиненія, написанныя въ древности политическими противниками великаго монарха или республиканскими историками. Филиппъ, между прочимъ, любилъ вино, — но это было согласно съ обычаями и учрежденіями страны. У македонскаго народа, какъ и у средневѣковыхъ германцевъ, пиры и празднества играли важную роль, и по тогдашнимъ понятіямъ, — точно какъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія при нѣмецкихъ и сѣверныхъ дворахъ, — искусный государственный человѣкъ и дипломатъ долженъ былъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошимъ пьяницею. Слѣдовательно, македонскому царю было столь же необходимо имѣть это качество, какъ ловкость и хитрость, которыми въ высшей степени обладалъ Филиппъ. Даже сынъ Филиппа, Александръ, не любившій вина, дѣлалъ однако

видъ, что пьетъ, и старался своими разговорами дать возможность полководцамъ и придворнымъ продлить время попойки. Историкъ, который сильнѣе другихъ порицаетъ македонскаго царя за склонность къ вину, разсказываетъ также, что если Филиппъ не во-время предавался пьянству, то полагался на трезвость своего полководца и государственнаго человѣка Антипатра.

То же можно сказать и про другіе пороки Филиппа; они были нужны ему для достиженія политическихъ цѣлей, — ими онъ тѣснѣе привязывалъ къ себѣ македонское дворянство и привлекалъ грековъ, пріѣзжавшихъ къ его двору. Самъ же онъ постоянно слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ его слабости не мѣшали государственнымъ занятіямъ. Филиппъ любилъ шутки и нерѣдко выкидывалъ фарсы. Это происходило отъ его настроенія духа и любви къ общественной жизни; — впрочемъ, часто ничто такъ не освѣжаетъ серьезный умъ, какъ сдѣланное во-время ребячество. Пѣвцы, танцоры, фокусники и музыканты, которыхъ онъ иногда допускалъ къ своему двору, доставляли огромное наслажденіе его придворнымъ, греческимъ патриціямъ и ѳессалійскому дворянству, привыкшему къ подобнаго рода удовольствіямъ. Тотъ же писатель древности, котораго замѣчанія о пьянствѣ македонскаго царя были приведены выше, говоритъ къ чести Филиппа, что онъ стыдился взглядовъ Антипатра, если ему случалось предаваться не во время такимъ наслажденіямъ. Если вспомнить, наконецъ, силы и темпераментъ Филиппа, его напряженную и многостороннюю дѣятельность, то, конечно, готовъ будешь простить пороки скорѣе такому человѣку, чѣмъ большинству развратныхъ и лѣнивыхъ грековъ его времени.

Внѣшній образъ жизни Филиппа также выказываетъ въ немъ великаго государственнаго человѣка и полководца. Преслѣдуя достойную цѣль, онъ презиралъ пустыя формальности и напыщенныя удовольствія, — предметъ такой важности для обыкновенныхъ людей, — и допускалъ ихъ только тогда, когда онѣ имѣли дѣйствительное значеніе. Въ кругу своихъ полководцевъ и друзей Филиппъ жилъ просто, но въ торжественные дни или въ случаѣ пріема иностранцевъ и пословъ греческихъ государствъ, его дворъ принималъ самый блестящій видъ. Роскошью и великолѣпіемъ онъ хотѣлъ удивлять тщеславныхъ аѳинянъ и другихъ грековъ. Пріемъ пословъ, угощеніе, заботливость объ ихъ спокойствіи и удобствахъ, словомъ все, чѣмъ только можно выказать гостепріимство, было такъ приспособлено, что производило благопріятное впечатлѣніе даже на враждебно настроенныхъ противъ него пословъ.

Развращеніе тогдашнихъ грековъ помогало стремленію Филиппа пріобрѣсти преобладаніе надъ Греціей. Перемѣны, происшедшія въ направленіи и отношеніяхъ этого народа, подготовили македонскому завоевателю средства къ достиженію его цѣли. Господство чувственныхъ наслажденій и корыстолюбіе открыли доступъ его золоту, — система наемныхъ солдатъ доставила его войску лучшихъ рекрутъ. Наконецъ, поведеніе хищныхъ наемниковъ и предводителей ихъ должно было убѣдить грековъ, что свободнымъ государствамъ гораздо лучше подчиняться наслѣдственному и конституціонному монарху, чѣмъ зависѣть отъ какого нибудь грубаго солдата или искателя приключеній.

Подобно тому, какъ новый порядокъ, установленный въ Греціи Филиппомъ и его сыномъ, не былъ собственно созданъ этими царями, но вызванъ духомъ времени и только вполнѣ развитъ ими обоими; точно такъ же и реформы, совершенныя Филиппомъ въ его отечествѣ, были уже давно подготовлены. Филиппъ собралъ и привелъ въ систему все, что было дѣлаемо по частямъ его предшественниками, содѣйствовалъ скорѣйшему развитію македонскаго народа, задержанному различными препятствіями, и достигъ цѣли прежнихъ царей Македоніи.

Чтобы яснѣе понять и правильнѣе оцѣнить новыя учрежденія и коренныя преобразованія, введенныя Филиппомъ въ Македоніи, нужно ознакомиться съ національнымъ характеромъ и старинными обычаями македонянъ. Первоначально македонскія учрежденія имѣли много общаго съ ѳессалійскими, многое въ обычаяхъ и государственномъ устройствѣ сохранилось изъ древнѣйшихъ героическихъ временъ. Подобно грекамъ временъ Гомера, македоняне владѣли множествомъ рабовъ, любили охоту, военныя упражненія, пляски, и имѣли обычай, общій всѣмъ грекамъ древнѣйшей эпохи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сидѣть за столомъ, вмѣсто

того, чтобъ лежать, какъ это дѣлали позднѣйшіе греки. Македоняне были также склонны къ пьянству, что вообще, кажется, свойственно всѣмъ героическимъ временамъ. Они пили обыкновенно изъ большихъ чашъ, и пьянство не было рѣдкимъ явленіемъ на пирахъ этого народа.

Учрежденія монархіи имѣли также много сходнаго съ учрежденіями древнихъ грековъ и германцевъ. Отношенія царя къ дворянству были отношеніями равнаго къ равнымъ, соединенными съ нѣкоторымъ подчиненіемъ; народъ былъ въ томъ же положеніи, какъ въ Греціи во времена Гомера. Въ Македоніи, напримѣръ, какъ у героевъ Гомера, ни одно рѣшеніе не могло быть принято безъ согласія или, по крайней мѣрѣ, безъ видимаго одобренія народа. Жизнь отдѣльныхъ лицъ принадлежала цѣлой націи, поэтому побіеніе камнями, т. е. казнь, совершенная руками всѣхъ, была единственнымъ родомъ смертной казни. Македонское дворянство, какъ ѳессалійское, отличалось воинственностью и храбростью, но оно не имѣло, подобно послѣднему, крѣпостныхъ. Македонскіе поселяне были свободными землевладѣльцами, охотно соединявшимися съ дворянствомъ для достиженія взаимныхъ выгодъ. Слѣдовательно, отношенія народа къ дворянству были тѣ же, какъ и послѣдняго къ царю.

По всему этому македонскій царь былъ главою болѣе или менѣе военной аристократіи. Подобно царямъ времени Гомера, онъ пользовался самостоятельною властью только тогда, когда обладалъ военными дарованіями, т. е. умѣлъ присвоить себѣ диктаторскую власть полководца и воспользоваться для своихъ цѣлей преданными ему наемниками. Постоянныя смятенія, о которыхъ говоритъ исторія Македоніи, доказываютъ, что цари, стремившіеся къ неограниченной власти, встрѣчали противодѣйствіе въ націи и должны были бороться съ претендентами на престолъ. Эти безконечные внутренніе споры страшно унизили націю въ глазахъ другихъ народовъ. Ѳессалійцы, водворивъ наконецъ у себя согласіе, подчинили Македонію, возводили и свергали въ ней царей по своему произволу. Дикіе иллирійцы и другіе разбойничьи сосѣдніе народы дѣлали частыя нападанія на страну и опустошали ее. Вслѣдствіе того сильный и воинственный македонскій народъ, гордый своей національностью, не разъ подчинялся другимъ народамъ. Такимъ образомъ, частыя внутреннія несогласія, происходившія отъ политическаго устройства страны, ослабляли и разъединяли силы народа.

Филиппъ измѣнилъ существовавшее устройство Македоніи въ совершенно національномъ духѣ, такъ что его преобразованія представляются не вновь созданными политическими учрежденіями, но новымъ и сильнѣйшимъ развитіемъ націи. Онъ не отнималъ у македонянъ прежнихъ ихъ правъ, но преобразовалъ болѣе или менѣе воинственную аристократію, существовавшую съ давнихъ поръ въ монархіи, въ совершенно военную и старался подчинить ее царю. Дворянство привязалъ онъ къ себѣ — охотами, войнами и праздниками. При этомъ Филиппъ однако никогда не вводилъ у себя придворнаго этикета, т. е. разрядовъ и классовъ, существовавшихъ у персидскаго царя и его сатраповъ. Увѣренный въ своемъ превосходствѣ, онъ не нуждался въ формахъ и потому оставался всегда первымъ между равными. Кромѣ македонянъ, составлявшихъ главную его силу, власть его распространялась еще на Ѳракію, покоренные греческіе города и Ѳессалію, которыми онъ могъ неограниченно повелѣвать, хотя права этихъ народовъ были имъ сохраняемы только съ небольшими ограниченіями. Не смотря на то, что съ помощью такихъ силъ можно было захватить неограниченную власть въ Македоніи, ни Филиппу, ни его сыну Александру никогда не приходило на мысль превратить свою монархію въ деспотію. Оба царя, напротивъ того, постоянно выказывали уваженіе къ свободному духу грековъ и къ конституціи своего народа, и оба имѣли потому на своей сторонѣ то преимущество, что ихъ цѣль и стремленія были цѣлью и стремленіемъ всей націи, а не одного человѣка. Старинныя права и чувство собственнаго достоинства сохранялись у македонянъ; македонское дворянство составляло въ войскѣ Филиппа политическій и военный совѣтъ, который можно почти сравнить съ римскимъ сенатомъ первыхъ временъ Рима. Подвластные ему народы управлялись по своимъ обычаямъ; Филиппъ оставилъ покореннымъ ѳессалійцамъ, грекамъ и ѳракійцамъ ихъ прежнія права и національныя учрежденія, измѣнивъ ихъ лишь на столько, на сколько нужно было для того, чтобъ упрочить надъ ними свою власть и безпрепятственно ею пользоваться.

Каждый изъ этихъ народовъ, согласно особенностямъ своего характера, служилъ ему для достиженія какой нибудь особенной цѣли; одинъ употреблялся преимущественно для войны, другой — для увеличенія государственныхъ доходовъ или же, наконецъ, служилъ только посредствующимъ звеномъ для сношеній съ другими народами.

Не смотря на свободу и законность, сохранившіяся у народовъ, подвластныхъ Филиппу, его власть опиралась главнымъ образомъ на военную силу. Вотъ почему особенно важно устройство, введенное имъ въ войскѣ. Оно было тѣсно связано съ политическими учрежденіями монархіи и послужило вмѣстѣ съ ними къ утвержденію преобладанія надъ Греціей. Филиппъ самъ усовершенствовалъ военное искусство и, примѣнивъ свои усовершенствованія къ практикѣ, приготовилъ сыну путь къ владычеству надъ міромъ. Онъ воспользовался всѣми изобрѣтеніями лучшихъ предводителей наемныхъ войскъ, но ихъ самихъ принималъ къ себѣ на службу только тогда, когда они отказывались отъ всякихъ почетныхъ мѣстъ и удовлетворялись только денежными выгодами.

Народы, входившіе въ составъ македонскаго войска, сохраняли обыкновенно свое національное вооруженіе; потому въ войскѣ Филиппа мы находимъ различнаго рода отряды, отъ тяжеловооруженнаго рыцарства, подобно средневѣковому, до легковооруженныхъ войскъ, похожихъ на пандуровъ и казаковъ 18 вѣка. Александръ и полководцы, вышедшіе изъ его школы, шли по пути, проложенному Филиппомъ; они вводили въ войско свое все, что только находили годнымъ у народовъ, съ которыми приходили въ столкновеніе.

Коренную часть войска составляли македоняне, вооруженные Филиппомъ на подобіе греческихъ гоплитовъ. Къ нимъ онъ прибавилъ еще, въ отличіе отъ послѣднихъ, національную кавалерію, родъ конной гвардіи, превосходившую числомъ, обученіемъ и вооруженіемъ не только грековъ, но и римскихъ всадниковъ. Пѣхота состояла изъ низшихъ классовъ народа, образуя такъ называемую фалангу, кавалерія — изъ отборнаго македонскаго дворянства. Лучшая часть македонскаго народа шла въ военную службу, и такимъ образомъ воины Филиппа и Александра не были наемниками, служащими завоевателю, но составляли націю, сохранявшую національное чувство и собственную волю. Потому-то они никогда не могли быть мертвымъ орудіемъ, и Александръ принужденъ былъ воротиться изъ Индіи, когда его войска отказались идти далѣе. Фаланга была предводительницею массы народа и созывалась всякій разъ, когда обсуждалось дѣло особой важности или нужно было произнести смертный приговоръ. Точно также кавалерія, принадлежавшая къ фалангѣ, вмѣстѣ съ пѣшею гвардіей, составлявшей собственную дружину царя, представляла собою македонское дворянство и противополагала грекамъ, гордымъ своей свободой, свою національную гордость.

Фаланга, въ которой Филиппъ сохранилъ старинныя македонскія эволюціи, а Александръ ввелъ спартанскія, состояла первоначально изъ 16,000 человѣкъ, но впослѣдствіи была значительно увеличена. Когда мѣстность и обстоятельства позволяли, вся фаланга строилась въ шестнадцать шеренгъ и образовывала такимъ образомъ плотный корпусъ, дѣйствовавшій массою. Легко вооруженныя войска и кавалерія, постоянно размѣщавшіяся на ея флангахъ, давали фалангѣ подвижность. Солдаты были вооружены мечами, которыми, подобно римскимъ, можно было рубить и колоть; они отличались отъ послѣднихъ большою тяжестью и длиною. Главнымъ оружіемъ была сарисса, т. е. копье, длиною болѣе двадцати футовъ. Сариссы первыхъ пяти рядовъ доставали впередъ фронта; солдаты остальныхъ рядовъ клали свои копья на плечи стоявшихъ передъ ними, что чрезвычайно облегчало стройность движеній. Щиты были такъ велики, что закрывали все тѣло.

Принадлежавшая къ фалангѣ кавалерія, называвшаяся **Агемою гетеровъ**, т. е. отрядомъ друзей и товарищей царя, и составлявшая часть царской гвардіи, кажется, никогда не состояла болѣе, чѣмъ изъ 1,200 человѣкъ. Она раздѣлялась на илеи, или эскадроны, соотвѣтствовавшія отрядамъ фаланги. Отдѣльные эскадроны, по всей вѣроятности, состояли изъ дворянства различныхъ мѣстностей Македоніи. Вслѣдствіе этого обстоятельства и своей знатности, командиры эскадроновъ играли важную роль. Кавалерія была особенно тяжело вооружена; образцомъ, вѣроятно, послужило вооруженіе ѳессалійской кавалеріи.

Гвардейская пѣхота или тѣлохранители царя (Пезетеры, т. е. пѣхота друзей и товарищей), называвшаяся часто за свои длинные щиты отрядомъ Гипаспистовъ, т. е. носящихъ щиты, состояла изъ 3,000 дворянъ. Вооруженіе ея, кажется, мало отличалось отъ вооруженія фаланги, съ тою только разницею, что щиты и сариссы пезетеровъ были длиннѣе и тяжелѣе. Другой отрядъ гвардейской пѣхоты состоялъ изъ нисшаго македонскаго дворянства и назывался отрядомъ Аргираспидовъ, т. е. гвардіей съ серебряными щитами, потому что ея щиты были обложены серебряными или посеребренными листами. Образцомъ для аргираспидовъ послужили, кажется, такъ называемые пельтасты, или пѣхотинцы Ификрата, наполовину тяжело, наполовину легко вооруженные; щиты у нихъ были легче, а копья подвижнѣе, чѣмъ у солдатъ фаланги. Вслѣдствіе удобоподвижности этого отряда, онъ часто употреблялся въ сраженіяхъ и не мало способствовалъ военной славѣ Македоніи.

Изъ этихъ отдѣльныхъ отрядовъ состояла македонская часть войска. Войска подчиненныхъ и союзныхъ народовъ Филиппъ употреблялъ сообразно ихъ національному вооруженію и способности дѣйствовать. Изъ ѳессалійскаго дворянства, столь же сильнаго и искуснаго, какъ македонское, онъ образовалъ тяжело-вооруженную конную гвардію; полудикія ѳракійскія племена доставляли ему стрѣлковъ изъ лука и легкихъ кавалеристовъ, сходныхъ съ казаками и гусарами новѣйшихъ временъ.

3. Отношенія Филиппа въ Греціи до третьей священной войны.

Отразивъ нападенія внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, Филиппъ старался расширить границы монархіи до морскаго берега и вытѣснить оттуда аѳинянъ. Аѳиняне, уже съ давнихъ поръ воевавшіе съ Амфиполемъ, защищавшимъ противъ нихъ свою независимость, были не только во враждебныхъ отношеніяхъ съ эвбейцами и ѳиванцами, но въ то же время начали союзническую войну. Филиппъ воспользовался положеніемъ аѳинянъ и предложилъ завоевать для нихъ Амфиполь, если, взамѣнъ того, они уступятъ ему принадлежавшій имъ незначительный приморскій городъ въ Македоніи — Пидну. Аѳиняне согласились на это предложеніе, и Филиппъ отправился завоевывать Амфиполь. Вступивъ въ соглашеніе съ одной изъ партій города, онъ завладѣлъ Амфиполемъ (358), но вмѣсто того, чтобъ уступить его аѳинянамъ, присоединилъ его къ македонской монархіи.

Съ этихъ поръ Олинтъ, прежде постоянно враждовавшій съ македонскими царями, вступаетъ въ союзъ съ Филиппомъ. Филиппъ уступилъ олинтянамъ городъ Антемъ, и обѣщалъ помочь завоевать Пинду и Потидею, лежавшіе при Салоникскомъ заливѣ и подчиненные аѳинянамъ. Оба города были взяты и немедленно переданы олинтянамъ; для хитраго царя важнѣе всего было отнять у аѳинянъ крѣпости, которыми они владѣли въ его странѣ, и изгнать ихъ изъ своего сосѣдства. Завоеваніе Пидны произошло, вѣроятно, въ 358. Потидея, выдержавшая долгую и упорную осаду, была взята въ слѣдующемъ году. Нѣкоторые позднѣйшіе греческіе историки говорятъ, что въ день взятія Потидеи Филиппъ получилъ одновременно еще три радостныхъ извѣстія: извѣстіе о рожденіи сына Александра, о побѣдѣ его коня на олимпійскихъ играхъ и о другой побѣдѣ, одержанной его полководцемъ Парменіономъ надъ иллирійцами, вторгнувшимися снова въ Македонію. Но болѣе, тщательныя изслѣдованія доказываютъ, что эти писатели, по всей вѣроятности, пожертвовали истиной театральному эффекту, который должно было произвести стеченіе стольких счастливыхъ событій. Извѣстія о побѣдѣ надъ иллирійцами и въ Олимпіи еще могли быть получены до завоеванія Пидны, но взятіе Потидеи произошло, какъ кажется, въ 357 году, а Александръ, по всей вѣроятности, родился только въ 356 году.

Съ замѣчательною хитростью старался Филиппъ изгнать аѳинянъ изъ своего сосѣдства и расширить границы Македоніи. Онъ хорошо зналъ свойство своихъ враговъ и умѣлъ искусно скрывать отъ нихъ свои планы. Особенно удачно обманывалъ онъ аѳинянъ, предавшихся полному разврату. Усыпленіе аѳинянъ было такъ велико, что они предоставляли наемнымъ иностранцамъ предводитель-

ство надъ цѣлыми войсками. Только очень немногіе аѳинскіе граждане заботились объ общемъ благѣ, всякій думалъ исключительно о себѣ и своихъ выгодахъ. По мѣрѣ того какъ возрастало богатство и торговое значеніе Аѳинъ, увеличивались роскошь и пышность; многіе граждане жили какъ цари и хвастались блескомъ и нравами развращенныхъ дворовъ. Недостатокъ честныхъ средствъ для подобнаго существованія повлекъ за собой постыдную продажность вліятельнѣйшихъ людей государства. Такимъ образомъ дальнѣйшее существованіе демократическаго устройства сдѣлалось невозможностью, и Аѳинамъ, до самаго ихъ паденія, не удалось ни одно предпріятіе. Этими обстоятельствами умѣлъ, какъ нельзя лучше, воспользоваться Филиппъ. Деньгами онъ подкупилъ себѣ въ Аѳинахъ цѣлую партію, которая старалась расположить народъ въ его пользу или, по крайней мѣрѣ, парализировать всѣ энергическія дѣйствія противъ македонскаго царя. Во главѣ этой партіи стоялъ сначала Филократъ, а впослѣдствіи ораторъ Эсхинъ, во главѣ ихъ противниковъ — Демосѳенъ. Филиппъ всячески старался поддерживать своихъ приверженцевъ. Напримѣръ, при завоеваніи Потидеи онъ обошелся дружески съ плѣнными аѳинянами, отпустилъ ихъ съ почетомъ и этимъ далъ возможность македонской партіи въ Аѳинахъ восхвалять его и обманывать народъ. Воспользовавшись продажностью и тщеславіемъ вліятельныхъ людей другихъ греческихъ государствъ, Филиппъ всюду пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ и такимъ образомъ мало-по-малу нравственно подчинилъ себѣ Грецію еще прежде, чѣмъ завоевалъ ее оружіемъ.

4. Предпріятія Филиппа во Ѳракіи и древнѣйшая исторія этой страны.

По завоеваніи Потидеи, Филиппъ направилъ свое оружіе противъ Ѳракіи. Страна эта, не имѣвшая до тѣхъ поръ никакой важности для человѣчества, теперь, какъ провинція Македоніи, и непосредственно затѣмъ, какъ отдѣльное государство, получаетъ въ первый разъ значеніе во всемірной исторіи. Поэтому, прежде чѣмъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ событій, необходимо сначала ознакомиться хотя съ главными моментами древнѣйшей исторіи ѳракійскаго народа.

Ѳракійцы населяли страну, имѣвшую въ древности, по множеству лѣсовъ и болотъ, климатъ гораздо суровѣе, чѣмъ теперь. Раздѣленные на множество племенъ, они были отрѣзаны отъ моря греческими колоніями, основанными на ихъ берегу. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій ѳракійскій народъ долго оставался на низкой ступени цивилизаціи и былъ извѣстенъ остальному міру только своею дикою храбростью и постоянными войнами различныхъ племенъ между собой. При Даріѣ I Ѳракія, въ то время значительно населенная, была покорена персами. Персидское владычество надъ Ѳракіей, продолжавшееся болѣе тридцати лѣтъ, имѣло важныя послѣдствія для страны: оно пріучило многія тамошнія племена къ правильному управленію и положило предѣлы набѣгамъ дикихъ жителей горъ. Несчастный походъ Ксеркса и уничтоженіе его владычества надъ европейской стороной Эгейскаго моря имѣли то важное послѣдствіе для Ѳракіи, что послужили поводомъ къ образованію въ ней обширнаго государства.

Вновь созданное государство была монархія одрисовъ, — народа, обитавшаго въ восточной половинѣ южной Ѳракіи, около рѣки Гебра, или нынѣшней Марицы. Важнѣйшимъ народомъ подлѣ одрисовъ, въ западной части южной Ѳракіи, были пеонійцы, жившіе къ сѣверо-востоку отъ Македоніи, около верховьевъ рѣки Аксія, или Вардара, къ которымъ принадлежали агріане, пріобрѣвшіе знаменитость какъ стрѣлки изъ лука и легкія войска. Сѣверную часть Ѳракіи, простирающуюся вдоль береговъ Дуная, занимали во времена Дарія трибаллы и геты; первые жили въ нынѣшней Сербіи, вторые — на востокѣ ея до береговъ Чернаго моря. Во времена Александра Великаго геты оставили свое прежнее мѣстопребываніе и переселились на сѣверную сторону Дуная.

Одрисы возвысились при царѣ Терѣ, когда персы перестали владычествовать надъ Ѳракіей. Они подчинили себѣ нѣкоторыя немногочисленныя племена и вступили въ болѣе близкія сношенія съ сосѣдними греческими колоніями. Сынъ

Тера, Ситалкъ, союзникъ Аѳинъ, жившій во время Пелопоннесской войны, расширилъ еще болѣе предѣлы своего государства. При Севтѣ, преемникѣ Ситалка, одрисы достигаютъ высшаго своего могущества. Монархія ихъ простиралась тогда отъ южнаго берега Ѳракіи и отъ рѣки Неста или Карасу до Дуная; греческія колоніи также должны были платить дань повелителю одрисовъ, а доходы государства простирались по меньшей мѣрѣ до 800 талантовъ, приблизительно 1.150,000 р. с. Но едва успѣло государство достигнуть вершины своего могущества, какъ стало быстро клониться къ упадку. Уже Ситалку въ концѣ его царствованія было нанесено трибаллами тяжелое пораженіе, а при его преемникѣ отпали нѣкоторыя изъ покоренныхъ племенъ. Примѣру ихъ послѣдовали другія, и, такимъ образомъ, одрисы скоро потеряли все свое могущество и значеніе. Впрочемъ, въ періодъ своего владычества одрисы не имѣли даже и начатковъ цивилизаціи; государство ихъ состояло изъ смѣси многихъ племенъ, насильственно соединенныхъ и естественно распавшихся при первомъ толчкѣ, нанесенномъ сдерживавшей ихъ силѣ. Какъ ни велико было число воиновъ, которыхъ повелители одрисовъ могли вести на войну, но они все-таки не составляли настоящаго войска;— это была безпорядочная, не дисциплинированная масса, похожая на казаковъ, татаръ и подобныхъ народовъ. Ядро войска было очень не велико, и потому позднѣйшіе владѣтели одрисовъ находились въ полной зависимости отъ наемныхъ греческихъ войскъ и ихъ предводителей.

Племена, отпавшія отъ Севта, вернулись къ своему прежнему дикому состоянію. Только одно изъ нихъ образовало въ южной Ѳракіи небольшое государство, продолжавшее существовать рядомъ съ монархіею одрисовъ, но никогда не достигавшее того значенія, которое прежде имѣли послѣдніе. Вообще, послѣ Севта, Ѳракія находилась въ томъ же положеніи, какъ и прежде:—смуты и борьба разбойничьихъ племенъ, могущество которыхъ такъ же быстро возрастало, какъ и падало, не прекращались. Во времена Ификрата въ южной Ѳракіи царствовалъ Котисъ, предводитель одного изъ этихъ племенъ. Онъ пріобрѣлъ себѣ съ помощью наемныхъ греческихъ войскъ такое могущество, что удивлялъ даже грековъ пышностью своего двора и роскошью пировъ. Впрочемъ, Котисъ, старавшійся расширить свои владѣнія только для того, чтобъ имѣть возможность увеличить свои безнравственныя наслажденія, — былъ настоящимъ предводителемъ разбойниковъ. Онъ отличался грубой чувственной жизнью, бѣшенствомъ и жестокостью. Въ Онокарсѣ, одной изъ его лѣтнихъ резиденцій, были разведены великолѣнные сады и рощи; здѣсь-то по преимуществу и происходили его оргіи. Онъ заключилъ съ Аѳинами договоръ, но впослѣдствіи сдѣлалъ разбойничій набѣгъ на союзные съ Аѳинами города Ѳракіи, долженъ былъ вести съ аѳинянами войну, и до того притупилось уже въ то время національное чувство грековъ, что Ификратъ помогалъ этому варвару противъ своего роднаго города. Ификратъ женился на дочери Котиса, но, не смотря на это, у него было отнято начальство надъ войсками и передано Харидему, одному изъ самыхъ грубыхъ и развратныхъ предводителей наемниковъ. Звѣрство, сластолюбіе и жестокость Котиса дошли наконецъ до безумія, и онъ былъ умерщвленъ двумя гражданами ѳракійско-греческаго приморскаго города, Эноса.

Смерть Котиса вызвала въ южной Ѳракіи страшныя смуты, которыми воспользовались аѳиняне. Сыновья Котиса, Керсоблептъ, Берисадъ и Амадокъ, которые по волѣ отца должны были раздѣлить между собой владѣнія, тотчасъ перессорились. Керсоблептъ сманилъ къ себѣ Харидема и его наемниковъ, аѳиняне приняли сторону двухъ другихъ братьевъ. Вслѣдствіе того возникла война, въ которой Керсоблептъ долженъ былъ наконецъ уступить аѳинянамъ Херсонесъ, или полуостровъ, лежащій на западной сторонѣ Геллеспонта. Въ то же время несогласія владѣтелей южной Ѳракіи дали возможность и Филиппу II распространить свое владычество въ этой странѣ.

Для македонскаго царя, предпринимавшаго уже во времена Котиса походъ въ южную Ѳракію, страна эта была важна по многимъ причинамъ. На сѣверъ отъ города Амфиполя находились богатыя золотыя розсыпи, изъ которыхъ ежегодно добывалось до тысячи талантовъ (1.300,000 р. с.); слѣдовательно, завладѣніе ими представляло для Филиппа новый и обильный источникъ дохода. Кромѣ того, подчиненіе ѳракійскихъ племенъ, способныхъ для легкой пѣхотной и кава-

лерійской службы, значительно увеличивало составъ македонскаго войска. Наконецъ, Филиппъ понималъ очень хорошо, что если онъ сдѣлается господиномъ внутри этой страны, приморскимъ греческимъ колоніямъ трудно будетъ устоять противъ него, а покореніе этихъ городовъ должно будетъ неминуемо ослабить могущество аѳинянъ, которымъ они были частью подчинены, частью же находились съ ними въ союзѣ. Вскорѣ послѣ взятія Потидеи, Филиппъ завладѣлъ золотыми розсыпями, и для упроченія своей власти надъ ними заложилъ вблизи ихъ укрѣпленный городъ, названный Филиппы и заселенный греками и македонянами. Занятый затѣмъ въ теченіе нѣкотораго времени въ другой части своей монархіи, онъ воспользовался спорами владѣтелей южной Ѳракіи, одинъ изъ которыхъ призвалъ его на помощь, для дальнѣйшихъ завоеваній въ этой странѣ. Филиппъ отнялъ у Керсоблепта часть принадлежавшей ему области, и уже оттуда старался тревожить херсонесскія владѣнія аѳинянъ.

5. Дальнѣйшія предпріятія Филиппа и третья священная война до завоеванія Олинта.

Увеличивая и упрочивая свои завоеванія во Ѳракіи, Филиппъ въ то же время подготовлялъ на югѣ Македоніи осуществленіе своего великаго плана подчиненія Греціи. Призванный ѳессалійцами на помощь противъ могущественной фамиліи Алевадовъ, Филиппъ не замедлилъ исполнить ихъ просьбу. Онъ поспѣшно двинулся въ Ѳессалію и скоро освободилъ ее отъ владычества ненавистнаго рода. За это ѳессалійцы предоставили ему право собирать пошлины въ нѣкоторыхъ изъ своихъ гаваней и торговыхъ городовъ. Такимъ образомъ, Филиппъ получилъ большія выгоды, сталъ твердой ногой въ этой странѣ и теперь уже не только легко могъ распространить свое владычество въ самой Ѳессаліи, но и проникнуть въ собственную Грецію.

Усиливъ себя завоеваніями во владѣніяхъ Керсоблепта, Филиппъ пошелъ на Метону, единственный независимый еще городъ между Македоніей и Ѳессаліей, лежавшій въ Піеріи. Онъ неожиданно явился передъ Метоною, но овладѣлъ ею только послѣ долгой и упорной осады, во время которой былъ раненъ стрѣлою въ правый глазъ. Раздраженный сопротивленіемъ метонцевъ, онъ приказалъ срыть ихъ городъ, жителямъ же дозволилъ свободный выходъ и указалъ другое мѣсто для поселенія (353).

Едва успѣлъ Филиппъ открыть себѣ свободный путь въ Ѳессалію, какъ фокидская или третья священная война доставила ему благопріятный случай окончательно присоединить Ѳессалію къ своей монархіи и въ то же время вмѣшаться въ дѣла собственной Греціи. Война эта, длившаяся въ 356—346 до р. X., дала возможность македонскому царю достигнуть законнымъ въ извѣстной степени путемъ преобладанія надъ Греціей, и такимъ образомъ пріобрѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ двѣ прежнія священныя войны. Первыя священныя войны имѣли для всемірной исторіи только второстепенную важность; третья же не только поставила Македонію во главѣ греческихъ государствъ, но и содѣйствовала, вслѣдствіе сдѣланнаго во время этой войны ограбленія богатаго дельфійскаго оракула, перевороту въ религіозной и нравственной жизни грековъ и во всѣхъ имущественныхъ и финансовыхъ отношеніяхъ. Предлогъ къ этой важной войнѣ былъ данъ самими амфиктіонами.

Главною цѣлью союза амфиктіоновъ, существовавшаго съ древнѣйшихъ временъ (стр. 131), была защита дельфійскаго храма и сохраненіе древняго родственнаго союза двѣнадцати племенъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ раздѣленныхъ между собою. Страшная священная клятва обязывала членовъ союза поддерживать и защищать дельфійскій храмъ Аполлона, заботиться объ общественныхъ праздникахъ и щадить союзниковъ на войнѣ. Въ клятвѣ говорилось, что если кто-нибудь покусится на собственность дельфійскаго бога, то членъ амфиктіоніи долженъ всѣми силами и средствами стараться отмстить ему. Каждое изъ двѣнадцати племенъ, входившихъ въ составъ дельфійской амфиктіоніи, могло посылать въ союзное собраніе сколько угодно пословъ, но имѣло только два голоса,

подававшіеся ихъ уполномоченными сообща; такой способъ подачи голосовъ былъ тѣмъ необходимѣе, что нѣкоторыя древнія племена, какъ, напримѣръ, доряне и іоняне, распались на многія отдѣльныя государства, изъ которыхъ каждое требовало для себя участія въ двухъ голосахъ, принадлежавшихъ цѣлому племени. Древнѣйшіе законы союза амфиктіоновъ, одинаково обязательные для сильныхъ и слабыхъ государствъ, сохранялись неизмѣнными во всѣ времена, хотя въ большей части случаевъ нельзя было и думать о приведеніи ихъ въ исполненіе. Собраніе естественно находилось подъ вліяніемъ того государства, которое было въ ту минуту преобладающимъ, и уполномоченные только тогда приносили жалобу на союзное государство, когда заранѣе были увѣрены, что обвиненіе ихъ будетъ принято. Поэтому до ѳиванской эпохи дѣятельность союзнаго собранія ограничивалась только устройствомъ праздниковъ и жертвоприношеній дельфійскаго храма, и развѣ изрѣдка амфиктіоны произносили какой-нибудь приговоръ. По всей вѣроятности, это происходило оттого, что три первенствующіе народа Греціи, спартанцы, аѳиняне и ѳиванцы, имѣвшіе на своей сторонѣ въ собраніи почти по равному числу подчиненныхъ имъ государствъ, находились большей частью въ войнѣ между собой и потому ненуждались въ духовномъ оружіи амфиктіонова суда. Послѣ сраженія при Левктрѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Ѳиванцы, сдѣлавшіеся первенствующимъ народомъ Греціи располагали съ тѣхъ поръ большинствомъ голосовъ и желали сдѣлать изъ союза амфиктіоновъ политическое орудіе для униженія другихъ грековъ. Вслѣдствіе того, они старались доставить собранію амфиктіоновъ большее значеніе, дѣлая видъ, что хотятъ возстановить древній порядокъ богослуженія и святость данной присяги.

Тотчасъ послѣ сраженія при Левктрѣ, ѳиванцы обвинили Спарту передъ судомъ амфиктіоновъ въ несправедливомъ занятіи ѳиванской крѣпости. Вскорѣ они вторично жаловались на спартанцевъ за опустошеніе Беотіи и разрушеніе цѣлыхъ городовъ ея, что, конечно, было нарушеніемъ амфиктіоновой клятвы. По настоянію ѳиванцевъ, собраніе амфиктіоновъ приговорило спартанцевъ къ денежной пенѣ въ пять сотъ талантовъ (650,000 р. с.), и вмѣстѣ съ тѣмъ объявило, что сумма эта будетъ удвоена, если они не выплатятъ ея въ теченіе опредѣленнаго срока.

Около того же времени ѳиванцы воспользовались союзомъ амфиктіоновъ противъ другихъ своихъ враговъ — фокидцевъ, союзниковъ Спарты. Они были обвинены въ томъ, что завладѣли пустынными полями, принадлежавшими дельфійскому богу, но въ которыхъ они крайне нуждались. Амфиктіоны предписали фокидцамъ очистить эти земли и въ то же время присудили ихъ къ денежному взысканію, которое, такъ же какъ и пеня, назначенная спартанцамъ, превышало средства осужденныхъ. Фокидцы не хотѣли, да и не могли подчиниться наказанію; тогда амфиктіоны произнесли новый приговоръ, относившійся также и къ спартанцамъ, по которому всѣ государства, незаплатившія денежной суммы, наложенной судилищемъ амфиктіоновъ, изгонялись изъ союза (356). Такое рѣшеніе вынудило фокидцевъ и спартанцевъ начать войну. Оба народа вооружились; но спартанцы, находя неразсчетливымъ согласиться на просьбу фокидцевъ вступить съ ними въ союзъ, воспользовались ихъ войною съ ѳиванцами для возстановленія своего прежняго значенія въ Пелопоннесѣ. Они напали (356) на мессенцевъ и на жителей аркадскаго города Мегалополя, желая подчинить мессенцевъ прежнему игу, а аркадцевъ принудить разселиться по деревнямъ, изъ соединенія которыхъ возникъ Мегалополь. Ѳиванцы спѣшили отправить войско на помощь своимъ союзникамъ, и за непродолжительной войной, веденной съ перемѣннымъ счастіемъ, скоро послѣдовало перемиріе, оставившее дѣла въ прежнемъ положеніи (352).

Между тѣмъ фокидцы также начали войну, извѣстную подъ именемъ фокидской, или третьей священной, и своимъ окончаніемъ получившую великое и всеобщее значеніе. Одинъ изъ фокидскихъ гражданъ — Ф и л о м е л ъ, изъ личныхъ разсчетовъ желавшій войны, обнадеживалъ фокидцевъ помощью аѳинянъ и спартанцевъ, уговаривая ихъ начать войну скорѣй, чтобы внезапнымъ нападеніемъ завладѣть Дельфами и ихъ богатымъ храмомъ и такимъ образомъ въ самомъ началѣ получить перевѣсъ надъ врагами. Филомелъ былъ избранъ главнымъ военачальникомъ и тотчасъ отправленъ въ Спарту. Спартанцы не согласились послать войско на помощь фокидцамъ, но обѣщали впослѣдствіи прислать денегъ для вербованія наемниковъ.

Филомелъ собралъ въ Пелопоннесѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ наемниковъ, тотчасъ повелъ ихъ на Дельфы, почти безъ сопротивленія завладѣлъ городомъ и храмомъ и прогналъ жителей Амфиссы, поспѣшившихъ на помощь храму. Приказавъ затѣмъ уничтожить приговоръ объ изгнаніи, вырѣзанный на одной изъ колоннъ храма, онъ объявилъ дельфійцамъ, что фокидцы не имѣютъ противъ нихъ никакихъ враждебныхъ замысловъ, но съумѣютъ поддержать свои древнія права относительно храма. Дельфійцы уже съ давнихъ поръ объявили, что надзоръ за храмомъ принадлежитъ имъ однимъ, но остальные жители Фокиды требовали для себя того же права. Не разъ и прежде возникали изъ-за этого споры, однажды даже окончившіеся войной. Фокидцы одержали тогда верхъ съ помощью аѳинянъ (стр. 207); но во времена Лисандра, находясь во враждебныхъ отношеніяхъ съ беотійцами и другими народами, лишились опять права надзора за храмомъ. Они однако никогда не отказывались отъ своихъ притязаній, и потому Филомелъ, взявъ Дельфы, предъявилъ свои требованія.

Тогда ѳиванцы, вмѣстѣ съ остальными беотійцами, ѳессалійцами и другими племенами взялись также за оружіе, чтобъ соединенными силами изгнать фокидцевъ изъ Дельфъ и поддержать достоинство союза амфиктіоновъ. Такъ началась десятилѣтняя война, въ которой фокидцы сначала сражались одни противъ значительнаго числа союзныхъ государствъ, да и впослѣдствіи были только слабо поддерживаемы своими союзниками. Какимъ образомъ небольшая Фокида могла вести такую важную и тяжелую войну, объясняется географическими свойствами страны. Фокида, почти вся покрытая горами, имѣла двадцать городовъ, сосредоточивавшихъ въ себѣ все населеніе страны. Хорошо укрѣпленные города эти лежали почти всѣ на вершинахъ скалъ, а двѣ главныя крѣпости: Элатея — на ѳессалійской дорогѣ и Парапотаміи — на беотійской, были построены при двухъ единственныхъ проходахъ, которые вели вовнутрь страны. Такимъ образомъ, не смотря на свою малочисленность, фокидцы, благодаря физическимъ условіямъ страны, могли легко и удобно защищаться. Кромѣ того, народъ этотъ всегда отличался храбростью и страстной любовью къ свободѣ, а въ этой войнѣ ему благопріятствовали еще и другія обстоятельства. Аѳиняне и спартанцы были непримиримыми врагами ѳиванцевъ, и хотя сначала оказывали фокидцамъ только незначительную помощь, но уже одно всѣмъ извѣстное настроеніе прежнихъ первенствующихъ государствъ должно было поддерживать мужество въ фокидцахъ и, наоборотъ, ослаблять энергію ихъ противниковъ. Наконецъ, фокидцы, въ самомъ началѣ войны завладѣвъ дельфійскимъ храмомъ и несмѣтными его сокровищами, имѣли возможность, при массѣ голодныхъ наемниковъ, бродившихъ по Греціи, скоро навербовать себѣ многочисленное войско.

Чтобъ увеличить число своихъ наемниковъ, Филомелъ тотчасъ обратилъ въ деньги часть сокровищъ дельфійскаго храма. Это былъ первый случай похищенія греческимъ государствомъ сокровищъ главнаго храма Греціи. Въ теченіе войны фокидцы еще разъ обобрали храмъ, и вслѣдствіе того фокидская война имѣла по своимъ результатамъ продолжительное и огромное вліяніе на всю Грецію. Похищеніе сокровищъ, принадлежавшихъ дельфійскому богу, поколебало до основанія религіозныя вѣрованія грековъ. Священнѣйшій храмъ Греціи оставался десять лѣтъ въ рукахъ тѣхъ, которые завладѣли имъ святотатственнымъ образомъ и вели войну на похищенныя изъ него сокровища. Какое разрушительное вліяніе должно было имѣть это десятилѣтіе на нравы впечатлительныхъ грековъ! Они увидѣли, что благочестивыя приношенія ихъ предковъ обращены въ деньги и послужили средствомъ для достиженія преступныхъ цѣлей; что сокровища Аполлона расточались предводителями войска, ограбившаго храмъ, на непотребныхъ женщинъ и самыхъ отъявленныхъ развратниковъ. Нерѣдко случалось, что созданія подобнаго рода украшали себя сокровищами бога и священными приношеніями, и разъ въ городѣ Метапонтѣ, женщины, игравшія на цитрѣ, даже явились на праздникъ съ золотыми вещами, подаренными нѣкогда отъ граждан этого города дельфійскому богу. Могло ли, наконецъ, сохраниться религіозное чувство у грековъ, служившихъ наемниками въ фокидскомъ войскѣ и ограбившихъ такую великую святыню!

Уничтоженіе древнихъ вѣрованій, и безъ того уже поколебленныхъ развращеніемъ нравовъ, было важнѣйшимъ, но не единственнымъ послѣдствіемъ несчастной фокидской войны. Съ ограбленіемъ священнаго мѣстопребыванія божества,

естественно исчезло довѣріе въ неприкосновенность храма. Храмы были съ давнихъ поръ надежнѣйшимъ мѣстомъ храненія денегъ — священными банками — и потому имѣли большое значеніе для торговли. Теперь, когда исчезло довѣріе въ ихъ неприкосновенность, должны были произойти и въ торговлѣ значительныя перемѣны. Всѣ деньги перешли въ руки такъ называемыхъ трапезитовъ, или мѣнялъ, а вслѣдстіе того денежныя спекуляціи и ростовщичество возрасли въ страшныхъ размѣрахъ.

Сверхъ того, похищеніе дельфійскихъ сокровищъ быстро и значительно увеличило количество денегъ, находившихся въ обращеніи между греками. Въ Греціи это обстоятельство сопровождалось такими же важными послѣдствіями, какими въ новой Европѣ привозъ благородныхъ металловъ изъ вновь открытой Америки, т. е. чрезмѣрнымъ увеличеніемъ количества денегъ въ обращеніи и уменьшеніемъ въ такой же степени ихъ цѣнности. Но въ Европѣ приливъ денегъ произошелъ постепенно и не въ какой-нибудь одной странѣ, но въ цѣлой части свѣта; притомъ увеличившееся количество денегъ распредѣлилось между всѣми сословіями и отраслями промышлености. Въ Греціи, напротивъ того, увеличеніе количества денегъ произошло мгновенно, ограничившись сравнительно очень небольшимъ пространствомъ; къ тому же деньги, появившіяся въ обращеніи, перешли въ руки людей, расточавшихъ ихъ самымъ гнуснымъ образомъ и потому содѣйствовавшихъ развитію такого промысла, которому стараются препятствовать во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ. Единственный, сколько-нибудь подобный примѣръ такого мгновеннаго прилива денегъ, отставшагося безъ послѣдствій для промышлености, представляетъ Испанія, паденіе которой, послѣдовавшее непосредственно за открытіемъ Америки, отчасти объясняется быстрымъ увеличеніемъ количества денегъ, попавшихъ большей частью въ руки высшихъ сословій или искателей приключеній.

Мы не имѣемъ вѣрныхъ данныхъ, чтобъ опредѣлить, какъ велико было количество благородныхъ металловъ, хранившихся въ дельфійскомъ храмѣ и пущенныхъ въ обращеніе фокидской войной. Приношенія, посылавшіяся туда съ древнѣйшихъ временъ, были очень цѣнны, но не всѣ находились въ храмѣ въ то время, когда фокидцы завладѣли его сокровищами. Невозможно вычислить, на какую сумму простиралась добыча фокидцевъ, и древній міръ не оставилъ намъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ этомъ. Если положиться на далеко недостовѣрнаго греческаго историка Діодора, то вся сумма, похищенная изъ Дельфъ въ теченіе десятилѣтней войны и появившаяся въ обращеніи, простиралась болѣе чѣмъ на 10,000 талантовъ или 13 милл. р. с., а по тогдашней цѣнности денегъ до 80 милл. Уменьшивъ эту сумму на половину и принявъ въ соображеніе, какъ незначительно въ наше время количество обращающихся денегъ даже въ богатѣйшихъ странахъ, легко поймешь, какой внезапный и гибельный переворотъ совершился во всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ отношеніяхъ вслѣдствіе обращенія въ монету сокровищъ дельфійскаго бога.

Завладѣвъ дельфійскимъ храмомъ, Филомелъ прежде всего увеличилъ фокидское наемное войско съ трехъ тысячъ до десяти и укрѣпилъ Дельфы. Первый годъ возникшей затѣмъ войны замѣчателенъ только жестокостью дѣйствій обѣихъ сторонъ. Враги фокидцевъ казнили, какъ грабителей храма, всѣхъ плѣнныхъ; фокидцы отплачивали имъ тѣмъ же, и убійство плѣнныхъ прекратилось только тогда, когда враги фокидцевъ отказались отъ своихъ жестокостей. Въ первый годъ войны силы противниковъ были почти равны; но во второй — беотійцы и ихъ союзники выставили болѣе многочисленное войско. Филомелъ не могъ уже вступать въ открытый бой и всячески избѣгалъ непріятеля. Нѣкоторое время маневры эти удавались ему, но наконецъ онъ принужденъ былъ, при очень неблагопріятной обстановкѣ, вступить въ сраженіе, кончившееся пораженіемъ и бѣгствомъ фокидцевъ и смертью самого предводителя. Тщетно стараясь соединить бѣгущія войска, Филомелъ былъ загнанъ въ горы, на край пропасти; видя неминуемую гибель, онъ рѣшился лишить себя жизни, чтобъ не попасться въ руки враговъ, и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, бросился въ пропасть (354). Братъ его, Ономархъ, соединилъ остатки разбитаго войска и счастливо провелъ его назадъ въ Дельфы.

По смерти предводителя, часть фокидцевъ считала необходимымъ прекратить

несчастную войну и примириться съ врагами, но Ономархъ, изъ личныхъ видовъ желавшій продолженія войны, съумѣлъ въ собраніи своихъ соотечественниковъ доставить побѣду противному мнѣнію и былъ избранъ полководцемъ съ неограниченною властью. Онъ похитилъ изъ дельфійскаго храма еще болѣе сокровищъ, чѣмъ его братъ, навербовалъ новыя войска и просилъ помощи у ѳессалійцевъ. Между тѣмъ беотійцы, подкупленные персидскими деньгами, отправили часть своихъ войскъ въ Виѳинію на помошь тамошнему сатрапу противъ царя, и такимъ образомъ дали Ономарху время окончить всѣ нужныя приготовленія. Вслѣдствіе этого война приняла другой оборотъ.

Въ Ѳессаліи надъ большей частью страны владычествовалъ въ то время Ликофронъ, одинъ изъ убійцъ Александра ферскаго, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Питолаемъ. Ономархъ склонилъ его на свою сторону деньгами, вычеканенными изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, похищенныхъ въ Дельфахъ. Помощью подобныхъ же средствъ онъ успѣлъ сблизиться съ Аѳинами и Спартой. Такимъ образомъ, тайное соглашеніе съ этими двумя государствами, помощь оказанная Ликофрономъ и, сверхъ того, несогласія и бездѣйствіе враговъ способствовали въ теченіе извѣстнаго времени счастливымъ дѣйствіямъ Ономарха. Онъ опустошилъ цѣлые округи въ земляхъ локрійцевъ и дорійцевъ, обложилъ контрибуціей многіе изъ ихъ городовъ и завоевалъ важный Орхоменъ въ Беотіи. Успѣхи фокидцевъ устрашили не только беотійцевъ, но и ѳессалійскую аристократію. Послѣдняя, понявъ, что возвращеніе могущества фокидцевъ усилитъ власть тирана Ликофрона, союзника Ономарха, искала помощи у македонскаго царя, не заставившаго долго просить себя. Онъ появился съ войскомъ своимъ въ Ѳессаліи въ то самое время, когда туда прибылъ 7 тысячный отрядъ фокидцевъ, которыхъ послалъ Ономархъ подъ начальствомъ брата его Фаилла, на помощь ферскому тирану. Филиппъ скоро разбилъ обоихъ противниковъ въ рѣшительной битвѣ и обратилъ въ бѣгство вспомогательныя войска фокидцевъ.

Получивъ извѣстіе о пораженіи брата, Ономархъ прекратилъ начатыя имъ враждебныя дѣйствія противъ Беотіи и поспѣшилъ со всѣми своими силами въ Ѳессалію. Филиппъ былъ разбитъ имъ въ двухъ сраженіяхъ и только искуснымъ отступленіемъ въ Македонію спасъ остатокъ своего войска (353). Македоняне не могли уже болѣе помогать ѳессалійцамъ; впрочемъ, и Ономархъ вернулся назадъ въ Беотію. Когда фокидцы снова начали производить здѣсь опустошенія и наконецъ завладѣли даже городомъ Коронеею, Филиппъ опять появился въ Ѳессаліи. Это принудило Ономарха вторично двинуться туда со всѣми своими силами. Къ войску его, состоявшему изъ 20 тысячъ пѣхоты и 500 всадниковъ, присоединился Ликофронъ, — а аѳиняне, увидѣвшіе теперь, что ихъ интересы тѣсно связаны съ фокидцами, выслали флотъ съ десантомъ для поддержки ихъ противъ Филиппа и его союзниковъ ѳессалійцевъ. Но флотъ явился слишкомъ поздно къ берегамъ Ѳессаліи. Пѣхота Ономарха, мало поддерживаемая незначительною конницею, не могла устоять противъ тяжелой ѳессалійской кавалеріи: она была разбита въ двухъ сраженіяхъ и потерпѣла страшный уронъ. При окончаніи второй битвы, къ мѣсту сраженія подошелъ аѳинскій флотъ подъ начальствомъ Хареса; но дѣло было уже проиграно, и онъ могъ только спасти немногихъ бѣжавшихъ. Три тысячи фокидцевъ попались въ плѣнъ Филиппу, а число убитыхъ простиралось болѣе чѣмъ до шести тысячъ. Между послѣдними находился самъ Ономархъ. Говорятъ, тѣло его, по приказанію Филиппа, было пригвождено къ кресту; а тѣла остальныхъ убитыхъ были брошены въ море, какъ людей, преданныхъ проклятію и потому недостойныхъ быть похороненными (353).

Ближайшимъ слѣдствіемъ пораженія фокидцевъ было сверженіе Ликофрона и Питолая. Тираны Феры, видя невозможность удержать за собой власть, добровольно отдали городъ побѣдителю, и удалились съ своими наемными войсками въ Фокиду. Филиппъ не считалъ благоразумнымъ воспользоваться побѣдой для вторженія въ Фокиду, тѣмъ болѣе что аѳиняне уже заняли единственный проходъ, который велъ изъ Ѳессаліи въ эту страну. По смерти Ономарха начальство надъ войскомъ было передано Фаиллу; онъ еще разъ ограбилъ дельфійскій храмъ, навербовалъ новое войско, къ которому вскорѣ присоединились тысяча спартанцевъ, пять тысячъ аѳинянъ и двѣ тысячи ахейцевъ. Филиппъ между тѣмъ оставался въ Ѳессаліи и принималъ мѣры для упроченія тамъ своего вла-

дычества. Онъ занялъ македонскими войсками нѣсколько ѳессалійскихъ крѣпостей, ввелъ въ городахъ и областяхъ Ѳессаліи учрежденія, которыми связалъ съ македонской монархіей не только дворянство, но и самый народъ. Прежде всего Филиппъ уничтожилъ общее союзное собраніе ѳессалійцевъ, ввелъ вмѣсто него существовавшее въ древнія времена раздѣленіе страны на четыре области, и каждой изъ нихъ далъ особое управленіе и отдѣльнаго правителя; въ городахъ онъ учредилъ строгую олигархію, такъ что большею частью управленіе сосредоточивалось въ рукахъ десяти фамилій. Раздѣленіе страны на четыре отдѣльныя области дѣлало невозможнымъ единство Ѳессаліи, опасное для владычества Филиппа; олигархія же была формою правленія, съ помощью которой онъ думалъ всего легче обуздать народъ, не терпѣвшій подчиненія. Кромѣ того, олигархическія фамиліи въ городахъ уравновѣшивали политическое значеніе правителей областей. Наконецъ, всѣ эти учрежденія открывали поприще для честолюбія господствующаго сословія и вызывали безпрестанные споры между дворянствомъ, которое, обращаясь къ Филиппу, какъ единственному судьѣ, поставило себя такимъ образомъ въ полную зависимость отъ него. Вообще, Филиппъ обращался съ ѳессалійцами крайне осторожно, видя какъ полезна и даже необходима эта нація для его дальнѣйшихъ войнъ, и какъ неохотно подчинится она насильственному набору. Понимая это, онъ ограничивалъ свободу, къ которой привыкли ѳессалійцы, только тогда, когда того требовала крайняя необходимость, даже подарилъ имъ горные проходы и земли, не принадлежавшіе въ послѣднее время Ѳессаліи, но имѣвшіе для нихъ важность, и, взамѣнъ того, требовалъ только участія ѳессалійскихъ всадниковъ въ его походахъ.

Въ то время, какъ главныя государства собственной Греціи были заняты фокидской войной, Филиппъ преслѣдовалъ свою цѣль въ другихъ странахъ. Съ той минуты какъ онъ сдѣлался властелиномъ Ѳессаліи, энергія его удвоилась. Онъ сталъ уже твердой ногой въ южной Ѳракіи, воспользовался очень искусно раздѣленіемъ этой страны между незначительными владѣтелями, выгналъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и, покровительствуя другимъ, тѣмъ самымъ поставилъ ихъ въ зависимость отъ себя. Въ то же время имъ приняты были всѣ нужныя мѣры для созданія македонскаго флота. Вслѣдъ за тѣмъ, тяжело заболѣвъ отъ неутомимой дѣятельности и постояннаго напряженія, Филиппъ, тотчасъ по выздоровленіи, еще слабый тѣломъ, принялся за осуществленіе своего давно задуманнаго плана. Подчиненіе Олинта, — важнѣйшаго изъ городовъ на полуостровѣ Халкидикѣ, — было любимою мечтою македонскаго царя.

Филиппъ дѣйствовалъ противъ Олинта преимущественно подкупомъ—средствомъ, имѣвшимъ въ то время вѣрный успѣхъ во всѣхъ греческихъ государствахъ; оно употреблялось хитрымъ македонскимъ царемъ во всѣхъ его предпріятіяхъ. Въ числѣ многихъ любимыхъ поговорокъ, приписанныхъ Филиппу потомствомъ, извѣстнѣе всѣхъ его выраженіе, что нѣтъ крѣпостной стѣны, которой бы не могъ перепрыгнуть оселъ, навьюченный золотомъ. Справедливость этой поговорки, относительно тогдашнихъ грековъ, доказывается какъ тѣмъ, что деньгами Филиппъ пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ значительныхъ греческихъ городахъ, такъ и обстоятельствами, доставившими ему владычество надъ Олинтомъ. Два знатнѣйшіе гражданина этого города, Ластенъ и Эвтикратъ, подкупленные, въ числѣ другихъ, македонскимъ царемъ, сдѣлались предателями своей родины. Нравственное развращеніе того времени было такъ велико, что эти продажные люди имѣли наглость публично хвалиться подарками, полученными ими отъ Филиппа; впослѣдствіи же, когда война уже возгорѣлась, этимъ измѣнникамъ удалось даже получить начальство надъ олинтской конницей.

Долго скрывая свои замыслы подъ личиною дружбы, Филиппъ наконецъ рѣшился открыто выступить противъ Олинта. Поспѣшно собравъ войско, онъ быстро напалъ на городъ (349). Поздно послушались олинтяне убѣжденій друзей свободы, совѣтовавшихъ имъ просить помощи у аѳинянъ, и время было уже потеряно, когда Демосѳену и другимъ противникамъ Филиппа удалось убѣдить аѳинянъ вступить въ союзъ съ Олинтомъ. Давъ наконецъ свое согласіе, аѳиняне очень медлили высылкою вспомогательнаго отряда, тогда какъ заключеніе этого союза заставило Филиппа дѣйствовать еще энергичнѣе, и онъ употребилъ всѣ усилія для скорѣйшаго завоеванія ѳракійскихъ городовъ, союзныхъ Олинту. Кра-

снорѣчіе Демосѳена побудило аѳинянъ дважды посылать помощь олинтянамъ, но во главѣ ихъ войска стояли люди низкіе и развратные — Харесъ и Харидемъ; послѣдній продавалъ себя попеременно аѳинянамъ, ѳракійцамъ и персидскимъ намѣстникамъ. Ни эти предводители, ни ихъ войска не годились для борьбы съ такимъ человѣкомъ, какъ Филиппъ. Харидемъ и наемники его вели себя такъ безпорядочно, распутно и надменно, что, вмѣсто того, чтобъ принести помощь, стали только въ тягость олинтянамъ. Третье войско, которое аѳиняне по настоянію Демосѳена хотѣли отправить въ Олинтъ, было вооружено слишкомъ поздно: прежде чѣмъ помощь подошла къ городу, онъ уже испыталъ печальную участь.

Завоевавъ ѳракійскіе города, союзные съ Олинтомъ, Филиппъ быстро двинулся къ этому городу и потребовалъ покорности отъ олинтянъ, объявивъ имъ свое непреклонное и неизмѣнное намѣреніе поступить съ ними, какъ съ метонцами, т. е. выселить изъ города. Получивъ отказъ, онъ тотчасъ началъ осаду. Олинтяне, не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ и апатію своихъ друзей, упорно защищались, но, преданные находившимися между ними измѣнниками, должны были подчиниться Филиппу. Предводителемъ олинтской конницы былъ Аполлонидъ, человѣкъ чрезвычайно талантливый; его храбрости и искусству обязаны были олинтяне нѣсколькими удачными вылазками. Противъ него начали интриговать подкупленные Филиппомъ граждане, которымъ удалось очернить Аполлонида въ глазахъ народа, и способнѣйшій человѣкъ во всемъ войскѣ былъ изгнанъ изъ города по доносу измѣнниковъ. Клевреты Филиппа уговорили народъ передать командованіе конницей Ластену и Эвтикрату. Эти измѣнники, воспользовавшись первымъ представившимся случаемъ, навели свое войско на непріятельскую засаду и отдали его на жертву македонянамъ. Вскорѣ и самый городъ долженъ былъ отворить ворота Филиппу.

Олинтянъ постигла страшная участь. Городъ былъ разграбленъ, жители отданы въ рабство и частью проданы, частью подарены приверженцамъ македонскаго царя въ другихъ греческихъ городахъ. Филиппъ поступилъ такъ жестоко съ олинтянами, по всей вѣроятности, потому, что былъ сильно озлобленъ противъ нихъ за упорную защиту и за пріемъ, сдѣланный ими двумъ македонскимъ государственнымъ измѣнникамъ; кромѣ того, онъ хотѣлъ дать ужасающій примѣръ другимъ городамъ и нуждался въ деньгахъ для своихъ дальнѣйшихъ плановъ. Наконецъ, Филиппъ не могъ сохранить Олинта, который, по своему богатству, вліянію на другіе города Халкидики и гордому сознанію своего прежняго величія, былъ слишкомъ опаснымъ сосѣдомъ для Македоніи.

При мысли о страшной участи, постигшей олинтянъ, остается, по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что предатели роднаго города не избѣгли наказанія. Ластенъ, Эвтикратъ и другіе измѣнники были отданы Филиппомъ, который хотя и пользовался измѣной, какъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей, но презиралъ самихъ измѣнниковъ, на жертву войскамъ и убиты ими. Вскорѣ послѣ паденія Олинта, Филиппъ, воспользовавшись однимъ македонскимъ національнымъ праздникомъ, далъ пиръ въ память покоренія этого важнаго города. Подъ конецъ обѣда гостямъ раздавались подарки. Одному изъ знаменитѣйшихъ аѳинскихъ актеровъ — Сатиру, котораго Филиппъ очень уважалъ, было предложено попросить чего-нибудь у царя. Сатиръ просилъ Филиппа подарить ему дочь его друга Аполлофана изъ Пидны, взятую въ плѣнъ въ Олинтѣ и обращенную въ рабство, отказываясь отъ всякихъ другихъ подарковъ и обѣщаясь, если царь исполнитъ его просьбу, дать несчастной свободу и надѣлить ее хорошимъ приданымъ. Аполлофанъ былъ личнымъ врагомъ македонскаго царя и принималъ дѣятельное участіе въ умерщвленіи его старшаго брата, потому Филиппъ считалъ дѣломъ чести задержать дочь этого человѣка. Однако, не смотря на то, онъ пожертвовалъ чувствомъ мести, потому что не хотѣлъ уступить въ благородствѣ актеру и не хотѣлъ отпустить безъ подарковъ высокоуважаемаго артиста.

---

6. Филиппъ II и окончаніе третьей священной войны.

Въ то время какъ Филиппъ расширялъ свои завоеванія въ Ѳессаліи и Ѳракіи, фокидская война продолжалась безостановочно, а общее положеніе дѣлъ въ Греціи постепенно принимало такой видъ, что преобладаніе Македоніи становилось неизбѣжнымъ и неотвратимымъ. Фаиллъ, принявшій по смерти Ономарха начальство надъ фокидцами и собравшій значительное войско съ помощью богатствъ, вновь награбленныхъ въ дельфійскомъ храмѣ, опустошалъ цѣлыя области въ Беотіи и Локридѣ, но, встрѣчаясь съ противниками въ открытомъ полѣ, всякій разъ терпѣлъ пораженія. На второй годъ послѣ принятія начальства надъ войскомъ, у него открылась чахотка, отъ которой онъ вскорѣ и умеръ (352). Фокидцы назначили на его мѣсто сына Ономарха, молодаго Фалека, въ совѣтники которому дали Мнасея. Мнасей былъ убитъ въ слѣдующемъ же году во время ночнаго нападенія ѳиванцевъ, и съ того времени Фалекъ остался одинъ во главѣ войска. Онъ не имѣлъ достаточно способностей, чтобъ руководить взволнованнымъ народомъ, и, не смотря на свои побѣды надъ беотійцами, былъ смѣненъ (347) по обвиненію въ ограбленіи дельфійскаго храма. По всей вѣроятности, это было сдѣлано только въ угоду аѳинянамъ и спартанцамъ, очень слабо поддерживавшимъ въ то время фокидцевъ, которыми они были недовольны за оскверненіе святыни.

Скоро однако фокидцы принуждены были возвратить Фалеку его прежнее значеніе, потому что онъ имѣлъ сильную партію въ народѣ и былъ страшенъ своимъ врагамъ наемниками, которыхъ удержалъ при себѣ. Получивъ съ помощью народа и войска главное начальство, Фалекъ пріобрѣлъ слишкомъ сильное вліяніе, оказавшееся гибельнымъ для фокидцевъ. Государство было поставлено въ самое запутанное положеніе, и счастливый ходъ войны затрудненъ надменнымъ образомъ дѣйствій Фалека и предводителей его войска, заставившимъ аѳинянъ отказаться помогать фокидцамъ. Послѣднее обстоятельство въ особенности имѣло дурныя послѣдствія для фокидцевъ, тѣмъ болѣе что сокровища дельфійскаго храма были истощены и у нихъ недоставало денегъ для упорнаго продолженія войны. Къ несчастью фокидцевъ, въ то самое время, какъ Фалекъ принялъ снова главное начальство надъ войскомъ, беотійцы вторично просили помощи у македонскаго царя, который, устроивъ дѣла во Ѳракіи и Ѳессаліи, могъ теперь направить лучшія свои войска противъ Греціи. Всѣ усилія спартанцевъ и аѳинянъ отклонить приближавшуюся изъ Македоніи опасность остались тщетными; Фалекъ не допустилъ соотечественниковъ окончить переговоровъ съ этими государствами, а Филиппъ умѣлъ ловко обмануть аѳинянъ, фокидцевъ и беотійцевъ. Такимъ образомъ, фокидцы были предоставлены собственнымъ силамъ, и когда Филиппъ выступилъ противъ нихъ, имъ измѣнили ихъ собственные вожди.

По завоеваніи Олинта, Филиппъ сосредоточилъ все свое вниманіе на двухъ пунктахъ, завладѣніе которыми должно было неминуемо повести за собой подчиненіе Греціи,—на Термопильскомъ проходѣ, который велъ изъ Ѳессаліи во внутрь Греціи, и на Геллеспонтѣ, ключѣ Чернаго моря, по своему торговому значенію имѣвшемъ особую важность для Аѳинъ. Македонскій царь, находившійся со времени взятія Олинта въ открытой войнѣ съ Аѳинами, старался всѣми средствами успокоить и усыпить аѳинянъ, чтобъ удержать ихъ отъ занятія Термопилъ и отъ принятія мѣръ для защиты Херсонеса. Политика его вполнѣ удалась. Онъ выслалъ въ море корабли для того, чтобы препятствовать торговлѣ аѳинянъ и опустошить принадлежавшіе имъ острова Лемносъ и Имбросъ; флотъ его высадилъ даже на берега Аттики войска, опустошившія поля и обратившія въ бѣгство высланный противъ нихъ аѳинскій отрядъ. Наконецъ Филиппъ велѣлъ даже напасть на Саламинъ и Эвбею. Въ то же время онъ заключилъ союзъ съ нѣкоторыми пелопоннесскими городами, объявилъ войну ѳракійскому царю Керсоблепту и чрезъ своихъ приверженцевъ старался расположить въ свою пользу аѳинскій народъ. Все это заставляло аѳинянъ желать скорѣйшаго окончанія войны съ Филиппомъ.

и они дѣйствительно рѣшились отправить въ Македонію пословъ для переговоровъ о мирѣ.

Предварительныя условія этого мирнаго договора были составлены двумя аѳинскими актерами, Аристодемомъ и Неоптолемомъ, безпрестанно переѣзжавшими изъ Македоніи въ Аѳины и обратно. Этихъ артистовъ, пользовавшихся у древнихъ грековъ, подобно всѣмъ ихъ товарищамъ по искусству, несравненно большимъ почетомъ, чѣмъ актеры нашего времени, Филиппъ цѣнилъ такъ высоко, что считалъ особеннымъ одолженіемъ, если аѳиняне дозволяли имъ пріѣзжать въ Македонію играть на его театрѣ. Условія мира, составленныя Неоптолемомъ и Аристодемомъ, были переданы аѳинскому народу нѣкоторыми знатнѣйшими гражданами, которымъ Филиппъ возвратилъ принадлежавшія имъ имущества, захваченныя на корабляхъ, зная очень хорошо, какимъ значеніемъ пользовались въ Аѳинахъ богатые. Народъ, уже подготовленный къ миру, согласился на сдѣланныя ему предложенія тѣмъ охотнѣе, что даже такіе люди, какъ Демосѳенъ, совѣтовали ему принять ихъ. Рѣшено было отправить къ Филиппу оффиціальное посольство. Въ числѣ десяти лицъ, посланныхъ въ Македонію, находились оба великіе аѳинскіе оратора, Эсхинъ и Демосѳенъ, и первый актеръ своего времени, Аристодемъ.

Важнѣйшій вопросъ для аѳинянъ при переговорахъ о мирѣ (347) заключался не столько въ обезпеченіи Херсонеса отъ войскъ Филиппа, а острововъ и приморскихъ городовъ отъ его каперовъ, сколько въ томъ, чтобы удержать македонскаго царя отъ дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Эвбеи, спасти Керсоблепта и включить въ миръ фокидцевъ, противъ которыхъ ѳиванцы призвали Филиппа. На послѣднее условіе Филиппъ могъ согласиться всего менѣе. Напротивъ того, переговорами онъ хотѣлъ только обезпечить себя со стороны Аѳинъ на время войны съ фокидцами, до тѣхъ поръ, пока соединеніе обоихъ народовъ не будетъ уже представлять для него никакой опасности. Чтобъ достигнуть своей цѣли, Филиппъ употреблялъ различныя средства и пустилъ въ дѣло всю свою хитрость. Прежде всего онъ старался поссорить между собой пословъ и сталъ оказывать особое вниманіе и дружбу двумъ изъ нихъ, давнему своему приверженцу Филократу и великому оратору Эсхину, бывшему до сихъ поръ его рѣшительнымъ противникомъ. Эсхина Филиппъ совершенно обворожилъ своимъ обращеніемъ. Удерживая пословъ въ Македоніи подъ различными предлогами, онъ наконецъ отпустилъ ихъ къ аѳинянамъ съ письмомъ, наполненнымъ самыми миролюбивыми дружественными увѣреніями и заключавшимъ въ себѣ предложеніе мирнаго договора.

Въ то время, какъ въ Аѳинахъ обсуждали содержаніе этого письма и свѣдѣнія, сообщенныя послами, Филиппъ продолжалъ свои завоеванія во Ѳракіи. Онъ послалъ въ Аѳины трехъ своихъ искусныхъ государственныхъ людей, полководцевъ Антипатра, Парменіона и Эврилоха, подъ предлогомъ заключенія мира, собственно же для того, чтобъ сколь возможно замедлить его новыми затрудненіями. Когда наконецъ аѳиняне, послѣ долгихъ переговоровъ, согласились въ условіяхъ, къ Филиппу было отправлено второе торжественное посольство для того, чтобъ подписать договоръ и поклясться въ его исполненіи. Большинство пословъ, въ числѣ которыхъ находился и Эсхинъ, было подкуплено Филиппомъ. Они старались подъ разными предлогами откладывать свой отъѣздъ и, выѣхавъ наконецъ, вслѣдствіе формальнаго приказанія народнаго собранія, оставались въ дорогѣ болѣе трехъ недѣль, тогда какъ изъ Аѳинъ въ Пеллу, резиденцію Филиппа, можно было поспѣть въ шесть дней. Прибывъ въ Пеллу, они нѣсколько недѣль ждали возвращенія царя, вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ нему во Ѳракію. Этими проволочками Филиппъ достигъ своей цѣли; онъ выигралъ нужное время, покорилъ остальную часть царства Керсоблепта и другія области Ѳракіи, завоевалъ важный городъ Кардію въ Херсонесѣ и отнялъ у аѳинянъ нѣсколько крѣпостей на ѳракійскомъ берегу.

Послѣ такихъ успѣховъ Филиппа, о мирѣ на условіяхъ, какія были постановлены между его послами и аѳинянами, не могло быть и рѣчи. Аѳинскимъ посламъ, къ которымъ, по отъѣздѣ ихъ изъ города, присоединился Демосѳенъ, Филиппъ объявилъ, что готовъ оставить за аѳинянами обладаніе Херсонесомъ, но что фокидцы должны быть предоставлены ихъ собственной участи. Въ то же время

онъ обманывалъ пословъ всевозможными обѣщаніями, которыя однако передавалъ имъ большею частью тайно, чрезъ своихъ приближенныхъ, нисколько не связывая себя. Онъ объявилъ имъ, напримѣръ, что въ мирномъ договорѣ не хочетъ формально упоминать о фокидцахъ единственно изъ опасенія ѳиванцевъ, но что главная цѣль его заключается въ униженіи не фокидцевъ, а самихъ ѳиванцевъ. Наконецъ миръ былъ подписанъ въ Ѳессаліи, куда вслѣдъ за царемъ, двинувшимся въ походъ противъ Фокиды, отправились и аѳинскіе послы. Обманутые аѳиняне вскорѣ увидѣли свою ошибку и отправили къ царю третье посольство, чтобы протестовать противъ исключенія фокидцевъ изъ мирныхъ условій; но уже было поздно: прежде чѣмъ послы прибыли къ Филиппу, онъ нанесъ Фокидѣ рѣшительный ударъ.

До заключенія мира между Филиппомъ и аѳинянами, фокидцы старались отвратить угрожавшую опасность, прося помощи у послѣднихъ. Они предложили аѳинянамъ занять гарнизонами Никею, Троній и Алпенъ, — крѣпости, находившіяся недалеко отъ Термопилъ. Аѳиняне согласились на это, но Фалекъ, расположившій въ Никеѣ свою главную квартиру, не хотѣлъ уступать этихъ крѣпостей и оскорбилъ фокидскихъ пословъ, заключившихъ союзъ съ Аѳинами. Когда потомъ аѳиняне заключили союзъ съ Филиппомъ, Фалекъ дерзко отвергъ предложеніе спартанскаго царя, Архидама III, занять эти крѣпости. Во время мирныхъ переговоровъ, Филиппъ обманулъ своими дѣйствіями и фокидцевъ и аѳинянъ. Фокидцы успокоились, когда Филиппъ высказалъ имъ свои дружескія чувства, въ особенности же когда увидѣли, что аѳиняне, бывшіе заклятыми врагами ѳиванцевъ, заключили миръ съ Филиппомъ, и въ аѳинскомъ народномъ собраніи важнѣйшими государственными людьми были даны положительныя увѣренія въ доброжелательствѣ Филиппа къ фокидскому народу. Послѣ такого объявленія, аѳинскій народъ потребовалъ, чтобъ фокидцы передали дѣло свое на судъ амфиктіоновъ, которымъ Филиппъ предоставлялъ произнести рѣшеніе. Довѣрившись положительнымъ обѣщаніямъ Филиппа быть ихъ заступникомъ передъ амфиктіонами, фокидцы дозволили македонскому войску вступить въ ихъ страну. Впрочемъ, Филиппъ и не опасался сопротивленія, принявъ съ своей стороны всѣ нужныя мѣры и занявъ вслѣдствіе переговоровъ съ Фалекомъ укрѣпленія, господствовавшія надъ Термопилами. Устрашенный положеніемъ дѣлъ, Фалекъ тотчасъ же согласился на предложеніе Филиппа и, чтобъ спасти себя и своихъ наемниковъ, измѣнилъ своимъ соотечественникамъ. Онъ передалъ македонянамъ крѣпости и получилъ за то дозволеніе безпрепятственно отступить въ Пелопоннесъ, откуда впослѣдствіи эта буйная толпа искателей приключеній отправилась въ Критъ и потомъ въ Сицилію.

Несчастные фокидцы должны были безусловно подчиниться македонскому царю (346) и страшно поплатились за то, что собственно было сдѣлано наемниками, которыми они столько же тяготились, сколько и ихъ сосѣди. Для рѣшенія участи фокидцевъ, Филиппъ собралъ амфиктіоновъ, которые произнесли надъ ними жестокій приговоръ. Фокидцы были исключены изъ союза, а на мѣсто ихъ въ число членовъ былъ принятъ Филиппъ. Ихъ коней и оружіе рѣшено было продать, вырученныя деньги отдать въ дельфійскій храмъ и обложить ихъ ежегодною податью до тѣхъ поръ, пока не будетъ пополнена сумма, похищенная изъ храма. Кромѣ того, положено было разрушить всѣ ихъ города и дозволить фокидцамъ на будущее время жить только въ деревняхъ. Наконецъ всѣ, убѣжавшіе изъ Фокиды, и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые принимали участіе въ ограбленіи храма, были преданы проклятію. Филиппъ, которому поручено было исполненіе этого приговора, получилъ въ то же время отъ амфиктіоновъ право наблюдать за дельфійскимъ храмомъ и предсѣдательствовать на пиѳійскихъ играхъ. Почетное право предсѣдательства на этихъ играхъ, принадлежавшее съ давнихъ поръ коринѳянамъ, было теперь отнято у нихъ за союзъ съ фокидцами. По той же причинѣ и Спарта была исключена изъ союза амфиктіоновъ. Филиппъ со всей строгостью и жестокостью выполнилъ произнесенный надъ Фокидою приговоръ, который и произнесенъ былъ, разумѣется, только по его волѣ. Города Фокиды были разрушены, страна обращена почти въ пустыню, жители тысячами отданы въ рабство и отосланы въ Македонію, гдѣ актеръ Сатиръ, великодушіемъ и бла-

городствомъ пристыдившій своихъ соотечественниковъ при взятіи Олинта, выкупилъ на собственныя деньги многихъ изъ плѣнныхъ.

Жестокость, какую выказалъ Филиппъ надъ несчастными фокидцами, была скорѣе слѣдствіемъ политическихъ цѣлей, чѣмъ качествъ его характера. Сосѣдніе съ фокидцами народы, беотійцы и ѳессалійцы, въ которыхъ Филиппъ нуждался для дальнѣйшихъ своихъ предпріятій, были страшно озлоблены противъ фокидцевъ, превратившихъ Фокиду въ какой-то вертепъ разбойниковъ, грабившихъ въ теченіе десяти лѣтъ пограничныя земли. Какъ пріятно было обоимъ этимъ народамъ жестокое обращеніе Филиппа съ фокидцами, всего лучше видно изъ того, что депутаты одного ѳессалійскаго племени требовали въ собраніи амфиктіоновъ умерщвленія всѣхъ безъ исключенія взрослыхъ фокидцевъ, и только благодаря усиліямъ аѳинскихъ пословъ требованія ихъ не были исполнены. Исходъ фокидской войны заставилъ аѳинянъ понять свое прежнее заблужденіе; они поспѣшно собрали войско и сначала не хотѣли и слышать о принятіи Филиппа въ союзъ амфиктіоновъ. Но гнѣвъ ихъ, быстро вспыхнувшій, такъ же скоро и потухъ: они увидѣли всю свою слабость передъ Филиппомъ и примирились съ обстоятельствами. Филиппъ вскорѣ отправилъ на пиѳійскія игры, гдѣ присутствовали послы большей части греческихъ государствъ, македонскихъ уполномоченныхъ, отъ его имени управлявшихъ праздникомъ. Македонскій царь не упустилъ и тутъ случая, удовлетворивъ тщеславію грековъ, привлечь на свою сторону тѣхъ изъ нихъ, которые не были еще покорены силою оружія.

7. Филиппъ II и состояніе Греціи между третьей и четвертой священной войной.

Подчиненіемъ фокидцевъ и положеніемъ, которое, вслѣдствіе этого, Филиппъ занялъ между греческими государствами, преобладаніе его было уже рѣшено; — вотъ почему, когда гнѣвъ и жажда мщенія овладѣли аѳинянами, озлобленными на него за дѣйствія противъ фокидцевъ, даже его непримиримый врагъ Демосѳенъ совѣтовалъ соотечественникамъ заключить съ нимъ миръ. Между тѣмъ хитрому македонянину казалось, что еще не пришло время стремиться открыто къ осуществленію своихъ цѣлей. Онъ выжидалъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слѣдовалъ той же политикѣ, какъ до вмѣшательства въ фокидскую войну. Дѣйствіями во Ѳракіи и другихъ странахъ и постояннымъ ослабленіемъ аѳинянъ македонскій царь готовилъ себѣ вѣрное достиженіе своей главной цѣли.

Филиппъ вывелъ свои войска изъ Фокиды и привелъ ихъ обратно въ Македонію, оставивъ гарнизоны только въ Никеѣ и другихъ ѳессалійскихъ городахъ, чтобъ такимъ образомъ имѣть свободный проходъ чрезъ Термопилы въ Грецію. Затѣмъ, все вниманіе его сосредоточилось на Ѳракіи. Онъ провелъ въ этой странѣ весь слѣдующій годъ (345), принимая тамъ различныя мѣры для упроченія своего владычества, и основалъ много новыхъ городовъ, поселивъ въ нихъ македонянъ вмѣстѣ съ плѣнными фокидцами. Въ слѣдующемъ году этотъ неутомимый дѣятель предпринялъ походъ въ Иллирію, чтобы обезпечить себя отъ горныхъ племенъ, жившихъ на западѣ его монархіи, прежде чѣмъ устремиться съ соединенными силами всей Греціи на Персидскую монархію, — нападеніе на которую было его конечной цѣлью. Онъ подчинилъ себѣ значительную часть Иллиріи и въ томъ же году отправился въ Ѳессалію, чтобы еще болѣе упрочить введенныя въ ней учрежденія и наказать городъ Феры, не хотѣвшій ему повиноваться.

Въ слѣдующіе годы Ѳракія была опять главнымъ театромъ его дѣйствій. Расширяя предѣлы своей монархіи въ этой странѣ, Филиппъ въ то же время становился твердой ногой вокругъ Греціи и преимущественно старался постоянно ослаблять Аѳины, усиливая свое вліяніе въ лежавшихъ около нихъ государствахъ. Эвбея все болѣе и болѣе становилась въ зависимость отъ него. Филиппъ деньгами пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ даже въ отличавшихся трудолюбіемъ и дѣятельностью жителей Мегарѣ, которая была въ особенности важна для него, потому что лежала при входѣ въ Пелопоннесъ. На западѣ Греціи онъ отнялъ у

коринѳянъ города Левкасъ (въ Акарнаніи) и Амбракію (въ Эпирѣ), и наконецъ заключилъ новые союзы съ государствами Пелопоннеса. Покоряя одинъ городъ за другимъ, Филиппъ въ то же время старался блескомъ своимъ и привѣтливостью внушать къ себѣ уваженіе и привлекать на свою сторону греческій народъ. Талантливые греческіе художники, поэты и ученые приходили въ восторгъ отъ почета, оказываемаго имъ при его дворѣ; всѣ знаменитые люди Греціи, изгонявшіеся изъ отечества, находили въ Македоніи радушный пріемъ.

Предпринимая снова походы во Ѳракію (съ 343 по 339), Филиппъ опять-таки стремился не только покорить дикія племена этой страны, находившіяся уже до самаго Дуная въ большей или меньшей зависимости отъ него, но и подчинить себѣ аѳинскихъ союзниковъ и владѣнія аѳинянъ въ Херсонесѣ. Это снова доставило въ Аѳинахъ вліяніе враждебной ему партіи и мало-по-малу привело аѳинянъ къ новой войнѣ съ Филиппомъ. Сильнѣе другихъ убѣждалъ аѳинянъ начать войну Демосѳенъ, говорившій въ то время нѣкоторыя изъ тѣхъ знаменитыхъ рѣчей, которыя были названы, по своему главному содержанію, филиппиками. Энергія ихъ была такъ велика, что впослѣдствіи этимъ именемъ стали называть всѣ рѣчи, написанныя въ страстномъ тонѣ и наполненныя нападками. Аѳинскій полководецъ, Діопейтъ, посланный съ значительнымъ флотомъ для защиты Херсонеса, первый нарушилъ миръ. Онъ напалъ на владѣнія македонянъ во Ѳракіи въ то время, какъ Филиппъ находился на сѣверѣ этой страны. Филиппъ потребовалъ наказанія виновника нарушенія мира, но аѳиняне отвергли требованія царя, оставили Діопейту начальство надъ войскомъ въ Херсонесѣ, выслали противъ македонскихъ судовъ каперовъ и начали непріятельскія дѣйствія.

Въ отмщеніе за то, Филиппъ напалъ на Селимбрію и Перинтъ, города, лежавшіе на западномъ берегу Мраморнаго моря: онъ блокировалъ Селимбрію и аттаковалъ сильнымъ войскомъ Перинтъ (341). Персидскіе сатрапы, съ безпокойствомъ слѣдившіе за успѣхами Филиппа на границахъ ихъ, рѣшились помочь Перинту; они послали туда отрядъ наемниковъ, которому удалось проникнуть въ городъ и помѣшать Филиппу взять его. Съ своей стороны аѳиняне тоже послали въ Селибрію двадцать кораблей съ припасами. Но эскадрѣ этой не удалось достигнуть мѣста своего назначенія: на пути она была захвачена флотомъ Филиппа и отведена въ одну изъ македонскихъ гаваней. Аѳиняне отправили въ Македонію посольство съ жалобою на такія дѣйствія. Филиппъ возвратилъ имъ корабли, но въ то же время написалъ аѳинянамъ насмѣшливое письмо, въ которомъ совѣтовалъ имъ не поручать начальства такимъ лицамъ, которыя злоупотребляютъ силами государства, и обѣщалъ стараться о поддержаніи мира, если они съ своей стороны также будутъ соблюдать миръ и строго накажутъ тѣхъ, которые, помогая осажденному имъ городу, нарушили въ отношеніи къ македонянамъ обязательства аѳинскаго народа.

Противники македонскаго царя, не смотря на всѣ старанія его приверженцевъ, сохранили преобладаніе въ Аѳинахъ и организовали въ сѣверной части Эгейскаго моря систему каперства. Филиппъ, взбѣшенный въ то время отказомъ Византіи заключить союзъ противъ аѳинянъ, снова послалъ въ Аѳины длинное письмо, которое было почти оффиціальнымъ объявленіемъ войны. Наконецъ, онъ напалъ и на Византію. Аѳиняне, по предложенію Демосѳена, объявили, что миръ нарушенъ, и рѣшили послать помощь византійцамъ. Въ то время, какъ Филиппъ, напрягая всѣ свои усилія, тщетно осаждалъ Перинтъ и Византію (341 и 340), аѳиняне, выславшіе на помощь послѣдней флотъ съ дессантомъ, аттаковали македонянъ на островѣ Эвбеѣ. Предводительствуемые Фокіономъ, они выгнали македонскіе гарнизоны и доставили во всѣхъ городахъ перевѣсъ врагамъ Филиппа.

Не смотря на всѣ свои усилія и опытность въ осадномъ искусствѣ, Филиппъ не могъ взять Перинта и Византіи. Первый изъ этихъ городовъ былъ спасенъ мужествомъ его жителей, второй—помощью, посланною аѳинянами и ихъ старыми союзниками, жителями Родоса, Хіоса и Коса. Здѣсь ясно выказалось, какъ велика была ненависть союзниковъ къ аѳинянамъ. Когда аѳинскій флотъ, подъ командою Хареса, явился въ Византію, жители города, не смотря на угрожавшую имъ страшную опасность, не хотѣли пускать аѳинянъ въ городъ и принудили ихъ полководца удалиться. Только когда главное начальство надъ фло-

томъ было передано благородному Фокіону, личныя свойства котораго внушали довѣріе, византійцы впустили его въ свою гавань.

Филиппъ рѣшился, наконецъ, оставить осаду Византіи, Селимбріи и Перинта; онъ хотѣлъ прежде всего новымъ походомъ возстановить въ войскѣ довѣріе къ своимъ военнымъ талантамъ. Онъ обратился противъ номадовъ, обитавшихъ на сѣверномъ берегу нижняго Дуная, вмѣстѣ съ другими подобными племенами, извѣстныхъ у грековъ и римлянъ подъ общимъ именемъ скиѳовъ (стр. 122), преслѣдовалъ варваровъ въ ихъ степяхъ и завладѣлъ множествомъ оружія, повозокъ, лошадей и плѣнныхъ, но на возвратномъ пути изъ Скиѳіи подвергся нападенію трибалловъ, отнявшихъ у него всю добычу; самъ Филиппъ получилъ при этомъ опасную и неизлечимую рану.

8. Четвертая священная война и подчиненіе Греціи македонскому владычеству.

Въ Греціи въ то время не предвидѣли, что уже наступила минута подчиненія греческой націи Филиппу. Дѣйствительно, еще такъ недавно аѳиняне заставили его прекратить походъ, успѣхъ котораго, казалось, былъ несомнѣненъ, и изгнали его войска съ Эвбеи. Кромѣ того, Фокіонъ, послѣ снятія осады Византіи, освободилъ многіе македонскіе города на берегу Ѳракіи и опустошилъ другія ѳракійскія владѣнія Филиппа, а значительно увеличившееся число аѳинскихъ каперовъ держало Македонію въ тѣсной блокадѣ. Но всѣ эти неудачи Филиппа нисколько не поколебали его могущества, а общее положеніе дѣлъ было такое, что греки никакъ не могли избѣжать опасности, угрожавшей имъ изъ Македоніи.

Новая, такъ называемая, священная война опять привела македонскаго царя вовнутрь Греціи. Неизвѣстно, возбудили ли эту войну приверженцы Филиппа, какъ утверждаетъ Демосѳенъ, или же поводомъ къ ней послужилъ простой случай. Жители локрійскаго города Амфиссы завладѣли полями Кирры. Поля эти, еще за нѣсколько сотъ лѣтъ передъ тѣмъ, были посвящены дельфійскому богу, и амфиктіоны тогда же разъ навсегда предали проклятію того, кто когда-нибудь завладѣетъ ими (стр. 311). Теперь жители Амфиссы были обвинены въ собраніи амфиктіоновъ Эсхиномъ, присутствовавшимъ на немъ въ качествѣ аѳинскаго посла. Многіе предполагаютъ, что это было сдѣлано по соглашенію съ Филиппомъ. Самъ Эсхинъ утверждаетъ въ одной изъ сохранившихся до насъ рѣчей, что онъ былъ принужденъ къ тому уполномоченнымъ изъ Амфиссы, обвинившимъ аѳинянъ передъ амфиктіонами за содѣйствіе, оказанное ими фокидцамъ при ограбленіи дельфійскаго храма. Эсхинъ отвергъ это обвиненіе, объявивъ, что жители Амфиссы, завладѣвъ киррскими полями, должны быть преданы проклятію. Съ мѣста собранія онъ указалъ на эти поля и силою своей рѣчи убѣдилъ самихъ амфиктіоновъ отправиться туда въ сопровожденіи нѣкоторыхъ жителей Дельфъ и разрушить построенныя тамъ жилища. Рѣшеніе это было дѣйствительно исполнено на слѣдующее утро. Возвращаясь къ дельфійскому храму, амфиктіоны подверглись нападенію озлобленныхъ владѣтелей полей и едва не сдѣлались жертвою ихъ мщенія и ярости (339).

Въ слѣдующее собраніе амфиктіоновъ, на которомъ, по предложенію Демосѳена, не должны были присутствовать аѳинскіе послы, рѣшено было наказать жителей Амфиссы. Для исполненія приговора немедленно было собрано войско, двинувшееся подъ предводительствомъ К о т т и ф а на Амфиссу и смирившее ея жителей. Амфисцы, приговоренные къ денежной пенѣ, отказались уплатить ее и изгнали всѣхъ своихъ гражданъ, одобрявшихъ рѣшеніе амфиктіоновъ. Этимъ воспользовались амфиктіоны, — въ совѣтѣ которыхъ большинство составляли ѳессалійцы, зависѣвшіе отъ Филиппа, а самъ онъ имѣлъ два голоса, — чтобы привлечь въ это дѣло македонскаго царя. Амфиктіоны отправили Коттифа къ Филиппу просить его помощи Аполлону и амфиктіонамъ и не допускать оскорбленія бога безбожными жителями Амфиссы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они велѣли сказать ему, что греки, участвующіе въ собраніи амфиктіоновъ, избрали его ихъ предводителемъ съ неограниченною властью.

Филиппъ, тогда только-что возвратившійся изъ Скиѳіи, не заставилъ долго просить себя. Быстро появившись въ Термопилахъ, онъ тотчасъ выказалъ, что не Амфисса, но Аѳины и Ѳивы были цѣлью его похода, что онъ хотѣлъ владычествовать надъ Греціей, а не мстить за оскорбленіе боговъ. Аѳиняне выслали на помощь амфисцамъ 10 т. наемниковъ. Филиппъ двинулся противъ нихъ и нанесъ имъ полное пораженіе. Потомъ онъ завоевалъ Амфиссу, — городъ преданный проклятію. Понявъ теперь замыслы македонскаго царя, аѳиняне отправили къ нему посольство, которое должно было уговорить его не трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не будутъ предложены условія мира. На это странное требованіе, Филиппъ отвѣчалъ насмѣшливымъ письмомъ. Отправивъ посольство къ Филиппу, аѳиняне въ то же время послали уполномоченныхъ и къ большей части греческихъ государствъ, чтобы склонить ихъ дѣйствовать соединенными силами противъ македонянъ. Эвбейцы, мегаряне, коринѳяне, ахейцы и города Левкасъ и Коркира согласились на предложеніе аѳинянъ; но ѳиванцы, которые по самому положенію Беотіи, находившейся между Фокидой, гдѣ стоялъ Филиппъ, и Аѳинами, были бы для послѣднихъ важнѣйшими союзниками, колебались приступить къ союзу. Филиппъ съ своей стороны всячески старался привлечь ихъ на свою сторону; написалъ имъ очень дружелюбное письмо и отправилъ въ Ѳивы искуснѣйшаго изъ своихъ дипломатовъ, Питона, чтобъ помѣшать ихъ союзу съ Аѳинами. Ѳиванцы со времени фокидской войны были въ разрывѣ съ Филиппомъ, который не исполнилъ тогда ихъ надеждъ и не возстановилъ ихъ прежняго владычества надъ Орхоменомъ и другими беотійскими городами. Теперь они колебались между Филиппомъ и Аѳинами, не зная, на что рѣшиться. Пока ѳиванцы мѣшкали, Филиппъ внезапно двинулся со всѣмъ своимъ войскомъ на фокидскій городъ Элатею, лежавшій на пути отъ Термопилъ въ Беотію и потому чрезвычайно важный для Беотіи въ военномъ отношеніи. Элатея была занята македонскими войсками и наскоро укрѣплена.

Извѣстіе о взятіи Элатеи произвело въ Аѳинахъ необыкновенное впечатлѣніе. Гонецъ, привезшій это извѣстіе, прибылъ вечеромъ въ аѳинскій пританей. Пританы, сидѣвшіе въ то время за столомъ, тотчасъ вскочили и спѣшили одни звать стратеговъ и герольдовъ, другіе ломать и жечь лавки, находившіяся на площади, чтобы на другое утро могъ собраться туда народъ. Въ городѣ мгновенно началось безпокойство и движеніе. На другой день съ разсвѣтомъ собрались сенаторы въ своей залѣ, а народъ на площади. Прежде чѣмъ сенатъ успѣлъ переговорить съ послами и составить законнымъ порядкомъ рѣшеніе, которое должно быть прочитано народу, всѣ граждане уже стояли на площади. Сенатъ и пританы явились въ народное собраніе; гражданамъ было объявлено полученное извѣстіе и сдѣланъ обычный вопросъ, не имѣетъ ли кто изъ присутствующихъ сказать что-нибудь. Герольды нѣсколько разъ повторили вопросъ, но всѣ молчали; даже стратеги, присутствовавшіе всѣ въ собраніи, раздѣляли общее смущеніе и не знали, что посовѣтовать. Тогда началъ, наконецъ, говорить Демосѳенъ и, воспользовавшись господствовавшимъ настроеніемъ умовъ, убѣждалъ гражданъ немедленно рѣшиться на войну. По его предложенію, было положено выслать противъ Филиппа всю аѳинскую молодежь подъ начальствомъ Хареса и Лисикла, и въ то же время еще разъ постараться убѣдить всѣ греческія государства, въ особенности ѳиванцевъ, принять участіе къ войнѣ противъ македонскаго царя. Демосѳенъ былъ отправленъ посломъ въ Ѳивы, но его старанія пріобрѣсти родному городу этихъ важнѣйшихъ союзниковъ долго оставались безплодными. Только весной, послѣ того какъ небольшая часть аѳинскаго войска два раза уже вступала въ сраженіе съ македонянами, краснорѣчію Демосѳена удалось побѣдить старинную ненависть ѳиванцевъ къ Аѳинамъ и склонить ихъ къ союзу.

Тогда аѳинскія и ѳиванскія войска, усиленныя отрядами нѣсколькихъ другихъ государствъ, выступили противъ Филиппа. Соединенныя силы ихъ простирались до 50 т. Филиппъ могъ выставить противъ нихъ только 30 т. пѣхоты и 2 т. кавалеріи; но отлично организованное, испытанное цѣлымъ рядомъ походовъ македонское войско, во главѣ котораго стояли такіе полководцы, какъ Филиппъ, Парменіонъ и Антипатръ, уже заранѣе было почти увѣрено въ побѣдѣ, вступая въ борьбу съ юношами, наскоро вооруженными, непривычными къ войнѣ и предводительствуемыми Харесомъ и Лисикломъ. Демосѳенъ не понималъ громаднаго

различія между обѣими сторонами: онъ не видѣлъ неравенства силъ и талантовъ, вступавшихъ теперь по его настоянію въ борьбу, и напрасно ожидалъ, что свобода Греціи можетъ быть спасена этимъ минутнымъ порывомъ одушевленія. Рѣшительное сраженіе было дано въ августѣ 338 при беотійскомъ городѣ Херонеѣ. Аѳинянамъ, составлявшимъ лѣвое крыло союзнаго войска, удалось отбросить стоявшихъ противъ нихъ македонянъ, но на другомъ флангѣ 19-ти-лѣтній Александръ, командовавшій лѣвымъ крыломъ македонянъ и выказавшій тутъ въ первый разъ свои военные таланты, оттѣснилъ непріятельскіе ряды и, приведя ихъ въ разстройство, принудилъ къ бѣгству. Лѣвое крыло аѳинянъ, вмѣсто того, чтобъ аттаковать еще непобѣжденную часть фаланги, преслѣдовало отступавшее правое крыло македонянъ и этимъ приготовило свою гибель. Замѣтивъ ошибку аѳинскихъ полководцевъ, Филиппъ, говорятъ воскликнулъ: ,,наши враги не умѣютъ побѣждать!'' Поспѣшно направивъ плотно сомкнутую фалангу противъ непріятеля, увѣреннаго уже въ своей побѣдѣ, онъ скоро нанесъ ему постыдное пораженіе. Разсказываютъ, что Демосѳенъ одинъ изъ первыхъ бросилъ свой щитъ и въ бѣгствѣ искалъ спасенія; впрочемъ извѣстіе это остается совершенно недоказаннымъ. Болѣе тысячи аѳинянъ осталось на полѣ сраженія, двѣ тысячи попались въ плѣнъ; также не мало ѳиванцевъ было убито и взято непріятелемъ. Непобѣдимый до тѣхъ поръ священный отрядъ погибъ въ этотъ день до послѣдняго человѣка. Триста юношей, его составлявшихъ, остались вѣрны своей клятвѣ и пали всѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли во время сраженія. Ѳиванцы похоронили убитыхъ соотечественниковъ въ одной общей могилѣ, надъ которою воздвигли колосальнаго каменнаго льва. Въ новѣйшія времена въ окрестностяхъ древней Херонеи найдены обломки огромнаго мраморнаго льва, которые считаютъ остатками этого памятника.

Вечеромъ, послѣ битвы, Филиппъ праздновалъ побѣду съ своими полководцами. Послѣ пира, продолжавшагося до глубокой ночи, Филиппъ, упоенный побѣдой, обошелъ съ своими гостями поле сраженія. Прежде всего они пришли къ тому мѣсту, гдѣ, покрытые ранами, одинъ подлѣ другаго лежали ѳиванцы священнаго отряда; видъ героевъ, погибшихъ со славою, пробудилъ удивленіе и участіе въ душѣ побѣдителей. Напротивъ того, увидѣвъ трупы аѳинянъ, Филиппъ презрительно отозвался объ аѳинскомъ народѣ съ высокомѣріемъ счастливца, опьяненнаго виномъ, и съ насмѣшкою повторилъ торжественное и полное увѣренности въ побѣдѣ объявленіе войны, сдѣланное его врагами. Но, говорятъ, аѳинскій ораторъ Демадъ, находившійся тутъ въ числѣ плѣнныхъ, съ полной откровенностью сказалъ царю: ,,къ чему ты хочешь быть Терситомъ, когда судьба назначила тебѣ роль Агамемнона!'' (т. I стр. 102.) Разсказываютъ, что приведенный въ сознаніе этими смѣлыми словами, Филиппъ сорвалъ съ головы вѣнокъ, которымъ былъ украшенъ, и даровалъ свободу Демаду.

Чтобы ни дѣлалъ и ни говорилъ Филиппъ въ пьяномъ видѣ, но своими дѣйствіями послѣ битвы онъ выказалъ себя истинно великимъ и доказалъ міру, что не желаетъ разрушать свободы греческой націи, но хочетъ царствовать, сохраняя всѣ существующія учрежденія и формы правленія.

Филиппъ не вступалъ въ Аттику, не смотря на то, что послѣ Херонейской побѣды могъ безпрепятственно занять ее, потому что видѣлъ, что эта скалистая страна, лишенная свободы, потеряетъ всякое значеніе. Онъ добровольно отпустилъ плѣнныхъ аѳинянъ, не взявъ за нихъ выкупа, и даровалъ Аѳинамъ миръ на очень выгодныхъ условіяхъ. Они должны были отказаться отъ владычества надъ Самосомъ, но сохранили полную свободу, прежнія учрежденія и даже получили городъ Оропъ, составлявшій долгое время предметъ кровавыхъ войнъ между ними и ѳиванцами. Понимая очень хорошо, что Аттика всегда будетъ открыта тому, кто владѣетъ Ѳивами, Филиппъ совсѣмъ иначе поступилъ съ ѳиванцами, поплатившимися за аѳинянъ. Они должны были замѣстить всѣ высшія государственныя должности преданными Филиппу лицами и принять въ свою крѣпость македонскій гарнизонъ.

9. Послѣдніе годы царствованія Филиппа II.

Конечной цѣлью стремленій Филиппа II было завоеваніе Персидской монархіи. Притомъ, основавъ свою Македоно-греческую монархію полною побѣдою надъ греками, онъ былъ вынужденъ начать войну необходимостью дать занятіе своему войску и помочь разстроенному состоянію финансовъ. Вскорѣ послѣ сраженія при Херонеѣ, Филиппъ пригласилъ всѣ греческія государства собраться слѣдующей весной на народное собраніе въ Коринѳѣ, для совѣщаній о персидскомъ походѣ.

Кажется, что въ самый годъ Херонейскаго сраженія, Филиппъ проникъ съ частью своего войска въ Пелопоннесъ; впрочемъ, извѣстія объ этомъ походѣ не достовѣрны, такъ что нельзя положительно утверждать, чтобъ походъ этотъ дѣйствительно былъ совершенъ. Но, какъ говорятъ, Филиппъ, цѣлью котораго при этомъ предпріятіи было поддержать своихъ союзниковъ на полуостровѣ, расположившись лагеремъ при Мантинеѣ, опустошилъ всю Лаконію, не тронувъ однако столицы страны и такимъ образомъ принудивъ спартанцевъ согласиться на его требованіе относительно сосѣднихъ государствъ. Филиппъ разрѣшилъ при этомъ пограничные споры Спарты съ аргосцами, мессенцами и двумя аркадскими городами.

Весною 337 собрался въ Коринѳѣ конгресъ греческой націи, на которомъ имѣли своихъ представителей всѣ государства, за исключеніемъ Спарты и Аркадіи. Филиппу легко было заставить и ихъ подчиниться его волѣ и принять участіе въ предполагавшейся національной войнѣ; но онъ не сдѣлалъ этого потому, что не хотѣлъ дѣйствовать силою, точно такъ же какъ никогда не думалъ обращать Грецію въ провинцію Македоніи. Это ясно высказываетъ, какъ искусно онъ умѣлъ пользоваться своими силами и какое уваженіе питалъ онъ къ свободной энергіи грековъ. Филиппъ очень хорошо понималъ, что при его великихъ планахъ національнаго греческаго похода противъ Персіи, повиновеніе, вынужденное силою, принесетъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. По той же причинѣ, онъ подкупилъ на конгресѣ въ Коринѳѣ нѣкоторыхъ изъ пословъ, чтобы заставить ихъ просить себя о томъ, что въ сущности онъ тогда могъ сдѣлать силою. Своимъ дружественнымъ обращеніемъ онъ склонилъ на свою сторону и остальныхъ уполномоченныхъ и добился того, что никто не возражалъ на его предложеніе предпринять соединенными силами всей Греціи походъ въ Персію и отмстить за оскорбленія, нанесенныя ею греческому народу. Персидскій походъ былъ рѣшенъ единодушно, Филиппъ назначенъ главнокомандующимъ съ неограниченною властью, и (что всего важнѣе) македонскому царю предоставлено было назначить, сколько каждое отдѣльное государство должно было выставить солдатъ и какую сумму внести на общее предпріятіе. Соединенныя силы одной Греціи, безъ Македоніи, доходили, по словамъ одного историка позднѣйшей древности, до 200 тыс. пѣхоты и 15 тыс. кавалеріи. Быть можетъ, эти цифры и преувеличены.

Такимъ образомъ, уже близко было осуществленіе главной цѣли Филиппа; но ему не удалось исполнить того, къ чему онъ съ неутомимой энергіею стремился въ теченіе всей своей жизни. Насильственная смерть постигла его въ ту самую минуту, когда долженъ былъ начаться персидскій походъ. Уже контингенты греческихъ государствъ были собраны, а часть македонскаго войска, подъ начальствомъ Парменіона и Аттала, вступила въ Малую Азію, когда Филиппъ сошелъ въ могилу, оставивъ политическое поприще сыну, который болѣе чѣмъ кто-либо былъ способенъ подчинить себѣ Востокъ и сдѣлаться властелиномъ міра.

Семейныя отношенія Филиппа, въ послѣдніе его годы, были очень дурны. Онъ долго жилъ въ несогласіи съ своей женой Олимпіадой, дочерью эпирскаго царя Неоптолема, и наконецъ развелся съ ней, чтобъ жениться на Клеопатрѣ, племянницѣ своего полководца Аттала. На свадьбѣ, когда всѣ гости были разгорячены виномъ, произошла жаркая сцена между Атталомъ и Александромъ, сыномъ Олимпіады, и дѣло чуть не дошло до драки между отцомъ и сыномъ. Вслѣдствіе того Александръ удалился въ Иллирію, а Олимпіада оставила Македонію и отправилась въ Эпиръ, гдѣ царемъ былъ ея братъ Александръ I. Вскорѣ однако Филиппъ примирился съ Александромъ, который вернулся въ Пеллу.

Изъ Эпира Олимпіада всячески старалась снова возбудить между ними вражду и даже побуждала къ войнѣ противъ Филиппа своего брата, указывая ему на опасность лишиться престола. Всѣ ея старанія остались безуспѣшны, потому что Филиппъ, готовясь къ персидскому походу, старался упрочить свои мирныя сношенія съ сосѣдями и обручилъ эпирскаго царя съ своей дочерью отъ перваго брака, Клеопатрою. Свадьба праздновалась въ македонскомъ городѣ Эгахъ. Филиппъ, желавшій въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ въ Азію показаться во всемъ блескѣ своему народу и грекамъ, велѣлъ сдѣлать громадныя приготовленія, чтобы отпраздновать этотъ день самымъ блистательнымъ образомъ, и собралъ все, что только было лучшаго въ его монархіи и въ Греціи. На этомъ празднествѣ присутствовали греческіе художники, поэты, ораторы, государственные люди, македонское дворянство и предводители покоренныхъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ племенъ.

Первый день праздниковъ прошелъ въ церемоніальныхъ пріемахъ, торжественныхъ процессіяхъ и пирахъ. На второй должны были происходить состязанія въ театрѣ. Улицы, которыя вели къ нему, были наполнены толпами зрителей, когда царь, въ великолѣпномъ одѣяніи, окруженный тѣлохранителями и придворными, проходилъ въ театръ. При видѣ такой всеобщей радости онъ, приближаясь къ театру, хотѣлъ показать довѣріе къ своему народу и потому послалъ всю свою свиту впередъ. Но въ то самое мгновеніе изъ толпы выскочилъ человѣкъ, ударилъ его кинжаломъ и ускакалъ на лошади; Филиппъ упалъ на землю и тотчасъ же умеръ. Такъ передъ лицомъ цѣлой Македоніи и Греціи, окруженный блескомъ, пышностью и величіемъ, лишенъ былъ жизни (336) основатель Македонской монархіи наканунѣ похода, который долженъ былъ увѣнчать собою стремленія всей его жизни.

Убійцею Филиппа былъ Павсаній, знатный македонянинъ, служившій въ царскихъ тѣлохранителяхъ. Масса, всегда охотно вѣрящая необыкновенному, не хотѣла объяснить смерть Филиппа обыкновенными, дѣйствительными причинами, а старалась отыскать болѣе отдаленные поводы къ этому преступленію. Многіе писатели повѣрили этимъ толкамъ и приписали смерть Филиппа мщенію Олимпіады, но въ такомъ случаѣ Павсаній былъ бы только орудіемъ Олимпіады, и вѣроятно, Александръ зналъ бы объ этомъ. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ этого событія можно, кажется, довольно положительно сказать, что Филиппъ сдѣлался жертвою частной мести. Гордый и вспыльчивый, молодой Павсаній былъ глубоко оскорбленъ Атталомъ и тщетно умолялъ царя объ удовлетвореніи. Филиппъ, не желая наказывать одного изъ лучшихъ своихъ полководцевъ, старался подарками и почестями вознаградить молодаго человѣка, требованія котораго были вполнѣ справедливы. Но Павсаній не удовлетворился этимъ и сердился на царя. Послѣ женитьбы царя на дочери Аттала, потерявъ всякую надежду получить должное удовлетвореніе, Павсаній, желая отмстить самому царю, рѣшился умертвить его, думая, что Олимпіада и ея сынъ будутъ довольны этимъ. Такимъ образомъ, Филиппъ заплатилъ жизнью за то, что не удовлетворилъ требованій обиженнаго юноши. Олимпіада громко одобряла Павсанія; но Александръ велѣлъ схватить его и казнить вмѣстѣ со всѣми соучастниками убійства.

Извѣстіе о смерти Филиппа праздновалось великолѣпными торжествами во многихъ греческихъ государствахъ, преимущественно же у аѳинянъ, доказавшихъ при этомъ всю свою легкомысленность и непостоянство. Изъ свободныхъ государствъ, приславшихъ на свадьбу дочери Филиппа вѣнки и льстивыя поздравленія, раболѣпнѣе всѣхъ вели себя аѳиняне. Ихъ народное собраніе поставило даже Филиппа подъ охрану своихъ законовъ и рѣшило, что всякій, кто покусится на его жизнь, будетъ ими схваченъ и выданъ. Но лишь только Филиппъ былъ умерщвленъ, тѣ же аѳиняне, по предложенію Демосѳена, принесли благодарственныя жертвы богамъ, и народное собраніе признало Павсанія достойнымъ почетнаго вѣнка.

VIII. УМСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ГРЕКОВЪ.

ВЪ ПЕРІОДЪ ОТЪ НАЧАЛА ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ ДО АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

1. Нравы.

Полтораста лѣтъ, протекшія отъ начала Персидскихъ войнъ до вступленія на престолъ Александра, обнимаютъ собою періодъ высшаго процвѣтанія греческой цивилизаціи, но въ то же время и начало ея паденія. Въ теченіе всего этого времени Аѳины были средоточіемъ греческаго міра; преобладаніе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ было такъ велико, что по внутреннему состоянію и умственнымъ стремленіямъ этого города можно изучить характеръ всей греческой жизни. Нравственное вліяніе аѳинянъ сохранялось даже тогда, когда исчезло ихъ политическое значеніе; Аѳины давали направленіе умственной жизни и нравамъ націи еще долго послѣ того, какъ господство надъ Греціей перешло къ Ѳивамъ и Македоніи. Впрочемъ, нравы аѳинянъ, какъ и всего греческаго народа, находились въ тѣсной связи съ развитіемъ ихъ политической жизни. Аѳины обязаны были высокимъ образованіемъ своихъ гражданъ своимъ превосходнымъ государственнымъ учрежденіямъ и побѣдамъ, одержаннымъ надъ персами, — побѣдамъ, возвысившимъ духъ гражданъ и преисполнившимъ ихъ высокими стремленіями. Но мало-по-малу государственное устройство превратилось въ необузданную демократію, могущество аѳинянъ развило въ нихъ высокомѣріе и властолюбіе, пріобрѣтенныя богатства ввели роскошь и мотовство; такимъ образомъ, вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ Аѳинскаго государства должно было начаться и нравственное развращеніе его гражданъ.

Жизнь древнихъ грековъ въ демократическихъ государствахъ была полна движенія, и вмѣстѣ дотого сосредоточена, замкнута внутри себя, что всѣ ея проявленія, всѣ наслажденія, занятія и стремленія грековъ возникали одно изъ другаго, зависѣли другъ отъ друга. Явленій отдѣльныхъ, разобщенныхъ у нихъ не было, и, подобно тому, какъ ихъ государство, по своему управленію, дѣйствительно состояло изъ совокупности гражданъ, тѣсно связанныхъ между собою и трудившихся другъ для друга, точно такъ же и всѣ частныя и общественныя отно-

шенія имѣли постоянное вліяніе на государство и мѣнялись, въ свою очередь, вслѣдствіе происходившихъ въ немъ перемѣнъ. По этой-то причинѣ въ періодъ сильнѣйшаго политическаго развитія Аѳинъ, съ одной стороны, должны были быстрѣе развиться поэзія и искусства, а съ другой—ненависть партій и властолюбіе произвели въ нравственныхъ понятіяхъ значительныя измѣненія, естественно отразившіяся во всѣхъ классахъ общества и отношеніяхъ гражданъ. Объ этихъ измѣненіяхъ, совершавшихся одновременно съ перемѣнами въ политическихъ событіяхъ, было говорено выше при изложеніи политической исторіи Греціи. Поэтому, чтобы охарактеризовать нравственное состояніе грековъ передъ эпохою Александра, нужно только связать вмѣстѣ и подробнѣе развить сказанное нами прежде.

Въ теченіе всего этого періода нравственное состояніе народа постоянно клонилось къ упадку, а при концѣ его религіозныя вѣрованія, нравственность и понятіе объ истинной чести почти совсѣмъ исчезли изъ той части общества, которая пользовалась преобладающимъ вліяніемъ въ греческихъ государствахъ. Глубокое развращеніе большинства государственныхъ людей выказывается почти въ каждомъ событіи внутренней исторіи того времени, такъ же какъ и въ судебныхъ процессахъ, частью сохранившихся въ сочиненіяхъ греческихъ ораторовъ. Одинъ примѣръ Тимоѳея, одного изъ лучшихъ аѳинскихъ полководцевъ, достаточно показываетъ, что большинство людей, стоявшихъ во главѣ свободныхъ греческихъ государствъ, утратило всякое понятіе о нравственномъ достоинствѣ, всякій стыдъ передъ публичнымъ безчестіемъ. Тимоѳей поклялся въ народномъ собраніи обвинить Ификрата, для того чтобы онъ былъ исключенъ изъ числа гражданъ, и въ подтвержденіе своей клятвы произнесъ проклятіе надъ собой и своимъ родомъ, но вмѣсто того чтобъ исполнить обязательство, торжественно принятое на себя передъ цѣлымъ народомъ, онъ вскорѣ изъ личныхъ выгодъ выдалъ свою дочь за сына Ификрата. Демосѳенъ, ведя однажды за другаго процессъ въ нѣсколько тысячъ рублей противъ Тимоѳея, не задумался публично передъ судьями упрекнуть въ нарушеніи клятвы человѣка, столь высоко стоявшаго въ государствѣ. Онъ объявилъ, что по своему дѣлу не нуждается въ присягѣ Тимоѳея, зная, что для него нѣтъ ничего святаго, и что онъ не побоится дать ложную клятву. Конечно, въ то время люди были такими же, каковы они всегда въ большихъ городахъ, гдѣ соединены всѣ возможныя богатства и всякія дозволенныя и запрещенныя наслажденія; но во всякомъ случаѣ растлѣніе должно было быть очень велико, когда лица, стоявшія во главѣ государства, сохраняли свое положеніе, не смотря на публичное обвиненіе ихъ въ нарушеніи клятвы.

Религія утратила всякое значеніе и силу и сдѣлалась только орудіемъ обмана, съ помощію котораго вліятельные люди старались достигать своихъ цѣлей. Фокидцы и нанятая ими толпа хищниковъ не побоялись ограбить священнѣйшій храмъ Греціи и употребить приношенія своихъ предковъ на войну и грубыя чувственныя наслажденія. Такое оскверненіе святыни дѣлалось не одинъ разъ; еще до ограбленія фокидцами дельфійскаго храма, въ другихъ государствахъ происходило то же самое. Діонисій Старшій, тиранъ сиракузскій, жившій въ четвертомъ столѣтіи до р. Х., чтобъ достать денегъ, ограбилъ въ нижней Италіи и Сициліи важнѣйшіе храмы, презрительно насмѣхаясь при этомъ надъ богами. Приказавъ однажды снять со статуи Юпитера золотой плащъ, онъ сказалъ смѣясь окружающимъ, что хочетъ освободить Юпитера отъ излишней тягости, такъ какъ его плащъ слишкомъ тяжелъ для лѣта и слишкомъ холоденъ для зимы. Ификратъ и его наемники поступали точно такъ же, какъ Діонисій и предводители фокидцевъ. Когда, по взятіи Коркиры, Ификратъ спросилъ у своихъ матросовъ, что ему дѣлать съ приношеніями, найденными въ городскомъ храмѣ, они отвѣчали, чтобъ онъ не заботился о томъ, что принадлежитъ богамъ, но подумалъ бы лучше, чѣмъ заплатить своему войску.

Оскорбленія религіи, усиливавшія развращеніе нравовъ, не ограничивались нападками на одни внѣшніе обряды и собственность боговъ, но глубоко потрясли и самыя вѣрованія. Вмѣсто нравственныхъ чувствъ, высказанныхъ въ твореніяхъ Гомера, вмѣсто поэтической религіи трагиковъ, народу проповѣдывалось политическая ловкость и прозаическая практичность. С о ф и с т и к а, или искусство остроумно перетолковывать все въ свою пользу, сдѣлалась мудростью, къ достиженію которой всѣ стремились, была необходимостью для каждаго управляющаго государст-

венными дѣлами. При такомъ положеніи религія утратила весь свой внутренній смыслъ. Въ Греціи произошло то же самое, что уже давно мы видимъ въ Италіи, благодаря дѣйствіямъ іезуитовъ: въ боговъ вѣровалъ только простой народъ, правительственныя же лица пользовались народными вѣрованіями для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, исполняя религіозные обряды только тогда, когда они имъ были нужны и выгодны. Средніе классы, воспитанные софистами, составили свое собственное воззрѣніе на міръ и человѣка, осмѣивая религіозныя понятія, завѣщанныя отцами. Наконецъ, простой народъ, слишкомъ лѣнивый чтобъ думать, глубоко погрязъ въ суевѣріи, поражаемый блескомъ храмовыхъ праздниковъ и обрядовъ богослуженія, дѣйствовавшихъ на его чувственную сторону. Рядомъ съ безвѣріемъ развился мистицизмъ, которому такъ охотно предается разслабленное поколѣніе, сохранившее еще достаточно силъ для фантазированія, и вялый, пассивный умъ котораго ищетъ себѣ дѣятельности въ неясныхъ ощущеніяхъ и смутныхъ представленіяхъ. Потому мечтательность, развивавшаяся изъ ученія пиѳагорейской школы, была встрѣчена въ то время въ Греціи съ большимъ сочувствіемъ, и самъ Платонъ не мало способствовалъ тому, что мистическое направленіе стало брать верхъ надъ древней чувственной и поэтической религіей греческаго народа.

Вмѣстѣ съ упадкомъ религіозныхъ вѣрованій появилась страшная грубость и безчеловѣчіе, не смягчавшіяся господствовавшимъ тогда умственнымъ образованіемъ. Эти отвратительныя характеристическія черты были слѣдствіемъ рабства. Совершались самыя ужасныя мерзости, одинаково унижающія и несчастныхъ рабовъ и ихъ владѣльцевъ. За малѣйшія вещи рабовъ подвергали пыткамъ, чтобъ выпудить у нихъ признаніе въ собственныхъ проступкахъ, или даже заставить ихъ дать показанія о какомъ-нибудь происшествіи. Случалось, что и частныя лица пытали рабовъ безъ всякаго судебнаго слѣдствія, единственно на основаніи какого-нибудь подозрѣнія. Подобныя же мерзости и злоупотребленія совершались и надъ свободными гражданами, но виновники, конечно, подвергались строгимъ наказаніямъ, если дѣло доходило до суда.

Рѣзкую противуположность такому варварству составляло изящество манеръ и внѣшній лоскъ тогдашнихъ грековъ, въ особенности аѳинянъ. Сочиненія того времени указываютъ, что въ обращеніи господствовала самая утонченная вѣжливость; аттическая манера выражаться оставалась даже въ позднѣйшія времена образцомъ языка мягкаго, лишеннаго всякой жесткости и рѣзкости. И, не смотря на это, безчеловѣчныя дѣйствія были дѣломъ обыкновеннымъ для тонкихъ и чувствительныхъ аѳинянъ. Даже между людьми, пользовавшимися наибольшимъ уваженіемъ, происходили самыя грубыя сцены. Такъ, напримѣръ, Демосѳенъ и Эсхинъ, два величайшихъ оратора древности, сочиненія которыхъ въ особенности отличаются аттическою утонченностью выраженій, въ своихъ рѣчахъ говорили другъ другу такія вещи, какія въ наше время не скажетъ никому ни одинъ порядочный человѣкъ. Въ образцовыхъ по своему краснорѣчію твореніяхъ этихъ ораторовъ встрѣчаются самыя площадныя ругательства. Въ сочиненіяхъ Демосѳена находится обвинительная рѣчь противъ Мейдія, также одного изъ знатнѣйшихъ аѳинскихъ гражданъ, за побои, нанесенные имъ въ театрѣ великому оратору.

Внѣшняя жизнь того времени въ своихъ проявленіяхъ представляетъ также разительные контрасты. Съ одной стороны, сохранялась еще древняя простота и истинное величіе образа мыслей, и можно было, какъ доказываетъ примѣръ Эпаминонда, достигнуть высшихъ государственныхъ степеней, не имѣя богатствъ и внѣшняго блеска; но съ другой—страсть къ чрезмѣрной роскоши успѣла уже проникнуть изъ Азіи во всѣ греческія государства. Славныя стороны древней греческой жизни исчезали въ то время, такъ что Эпаминондъ, Сократъ, Діогенъ и другіе, отличавшіеся простотой и скромнымъ образомъ жизни, уже казались своимъ современникамъ явленіемъ, достойнымъ особаго удивленія. Но, не смотря на это, прежній духъ еще настолько сохранялся въ грекахъ того времени, что у нихъ, — какъ, между прочимъ, доказываетъ примѣръ Ификрата, вышедшаго изъ самыхъ низшихъ классовъ общества и достигшаго высшихъ степеней, — заслугамъ былъ открытъ болѣе легкій и удобный путь къ достиженію высшихъ государственныхъ должностей, чѣмъ въ древнемъ Римѣ или въ средніе вѣка и новѣйшее время, въ какомъ бы то ни было другомъ государствѣ. Какъ велика однако была

страсть къ роскоши у государственныхъ людей того времени, и какъ усилилось стремленіе къ тщеславному блеску, лучше всего видно изъ словъ Демосѳена, въ одной изъ своихъ рѣчей представившаго аѳинскому народу простоту прежнихъ государственныхъ людей и роскошь знатнѣйшихъ гражданъ своего времени. «Въ прежнія времена, говоритъ Демосѳенъ, было иначе. Тогда все, что принадлежало государству, отличалось богатствомъ и блескомъ, но зато между гражданами не было никакого различія во внѣшности. Каждый изъ васъ можетъ и въ сію минуту удостовѣриться собственнымъ взглядомъ, что жилища Ѳемистокла, Мильтіада и другихъ великихъ людей прежнихъ временъ не были ни красивѣе, ни богаче жилищъ прочихъ гражданъ. Напротивъ того, воздвигнутые при нихъ памятники и публичныя зданія такъ величественны, что навѣки останутся образцовыми; — я говорю о пропилеяхъ, арсеналахъ, колоннадахъ, постройкахъ въ Пирейской гавани и о другихъ общественныхъ зданіяхъ нашего города. Теперь же у насъ много государственныхъ людей, частныя жилища которыхъ гораздо роскошнѣе многихъ публичныхъ зданій, — людей, скупившихъ такія огромныя помѣстья, что поля всѣхъ васъ, граждане, собравшихся здѣсь въ качествѣ судей, не сравнятся съ ними по обширности. Все же, построенное теперь на счетъ государства, такъ ничтожно и бѣдно, что стыдно даже говорить объ этомъ.»

Вмѣстѣ съ чрезмѣрной роскошью, увеличившейся вслѣдствіе частыхъ посольствъ въ Персію, вкралось въ греческія государства мотовство и гнусные пороки, заразившіе нравы. Распутство господствовало въ то время въ большихъ греческихъ городахъ; вмѣстѣ съ тщеславіемъ оно было самымъ страшнымъ общественнымъ зломъ и рѣзко противорѣчило правиламъ закона. Рѣчи, сохранившіяся отъ судебныхъ процессовъ, свидѣтельствуя о страшномъ развратѣ, служатъ въ то же время доказательствомъ, что государства, гдѣ такъ часто совершаются гнуснѣйшіе поступки, о которыхъ почти ежедневно публично говорится въ судѣ, не могутъ долѣе жить самостоятельной республиканской жизнью.

Тщеславіе и мотовство, всегда влекущія за собою себялюбіе и корыстолюбіе, дѣйствительно были главнѣйшими характеристическими чертами того времени. Жадность къ деньгамъ господствовала всюду до такой степени, что человѣкъ, какъ Эпаминондъ, не имѣвшій этого порока, казался своимъ соотечественникамъ очень страннымъ. Слѣдствіемъ этой страсти къ пріобрѣтенію были продажность и злоупотребленіе ввѣренной властью. Сохранившіяся до насъ судебныя рѣчи наполнены примѣрами постыднѣйшей подкупности и самаго грубаго нарушенія государственныхъ обязанностей. Такъ напримѣръ, однажды въ Аѳинахъ было доказано въ судѣ, что ораторъ Демосѳенъ, чтобъ повредить своему противнику, обѣщалъ одному бѣдняку денегъ, если онъ публично обвинитъ свою жену въ прелюбодѣяніи, и обѣщалъ удвоить обѣщанную сумму, если онъ согласится подтвердить свою ложь присягою въ судѣ. Къ чести человѣчества мы можемъ прибавить, что этотъ простой гражданинъ превосходно отвѣчалъ знаменитому оратору, сказавъ, что хотя онъ и очень бѣденъ, но Демосѳенъ ошибается, думая, что онъ готовъ на все ради денегъ, и что онъ никогда не сдѣлаетъ того, чего отъ него требуютъ.

Какъ велика была продажность государственныхъ людей, уже извѣстно намъ изъ персидской и македонской исторіи, въ особенности же изъ обстоятельствъ, относящихся до посольства Пелопида въ Сузу. Для удовлетворенія своей алчности къ деньгамъ, военачальники дѣйствовали какъ разбойники, которыми дѣйствительно и была большая часть изъ нихъ. Во времена Филиппа они обложили настоящею данью жителей морскаго побережья и островов и принуждали многіе союзные съ Аѳинами торговые города откупаться отъ захвата ихъ купеческихъ кораблей. Впрочемъ, финансовое положеніе Аѳинскаго государства было таково, что его полководцы и адмиралы принуждены были вести разбойничью войну и грабить союзниковъ, потому что не рѣдко войско, долго не получая содержанія, предавалось грабежу.

При такомъ положеніи дѣлъ предводители войскъ и государственные люди, конечно, пріобрѣтали себѣ большія богатства, чѣмъ аѳинскіе патріоты во времена персидскихъ войнъ, или, такіе люди, какъ Кимонъ и Периклъ, жертвовавшіе собственнымъ состояніемъ для увеличенія славы своего роднаго города. Напримѣръ, прославившійся своей продажностью Эпикратъ (стр. 34) пріобрѣлъ

себѣ черезъ посольство въ Персію состояніе въ 600 талантовъ (приблизительно 800.000 р. с.), что, по цѣнности денегъ въ наше время, равняется почти 6½м. р. с. Между тѣмъ какъ частныя лица обогащались несмѣтными суммами, общее достояніе цѣлаго государства уменьшалось, и рядомъ съ огромными богатствами являлась страшная бѣдность, что бываетъ вездѣ, гдѣ трудолюбіе и промышленная дѣятельность не служатъ главными средствами пріобрѣтенія. Доходы государства и всей массы его гражданъ постоянно падали. Количество добываемаго металла также очень уменьшилось, потому что нѣкоторые изъ рудниковъ были уже истощены; тѣ же, которыми аѳиняне въ теченіе столькихъ лѣтъ владѣли во Ѳракіи, перешли въ другія руки. Владѣнія аѳинянъ въ другихъ странахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ острововъ и городовъ, были тоже потеряны; а торговля почти вся перешла въ другія мѣстности. Притомъ первыя жизненныя потребности нужно было привозить изъ отдаленныхъ краевъ, и Аттика, вывозя изъ приморскихъ городовъ Чернаго моря хлѣбъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ другія греческія государства, ежегодно тратила на него значительную сумму. По мѣрѣ того какъ падала торговля Аѳинъ, возвышались Родосъ, Византія и города сѣвернаго берега Малой Азіи, и, не смотря на свою незначительность въ политическомъ отношеніи, собрали мало-по-малу огромныя богатства.

Кромѣ торговли и нѣкоторыхъ особенныхъ занятій, главнымъ промысломъ богатыхъ аѳинянъ были: грабежъ, къ которому они пріучались въ походахъ, общественныя должности, получаемыя подкупомъ, отдача въ наемъ рабовъ и составленіе наемныхъ отрядовъ. Впрочемъ, послѣдній источникъ дохода не принадлежалъ къ значительнымъ, потому что число всѣхъ рабовъ въ Аттикѣ простиралось всего отъ 100 до 120 тысячъ, и рабъ стоилъ въ то время въ Аѳинахъ въ пять разъ дешевле хорошей лошади. Напротивъ того, промыслы, возникшіе вслѣдствіе нравственнаго развращенія, также какъ наука и искусства, сдѣлались въ Аѳинахъ и другихъ городахъ важнымъ источникомъ дохода. Аѳины были главнымъ мѣстопребываніемъ софистовъ, льстецовъ, адвокатовъ и страшнаго распутства, служившаго обильнымъ источникомъ дохода для нѣкоторой части жителей. Искусства и науки сдѣлались въ Коринѳѣ, Родосѣ, Сиракузахъ и другихъ свободныхъ греческихъ государствахъ, а въ особенности въ Аѳинахъ, ремесломъ цѣлаго класса. Музыка, живопись, ваяніе, зодчество, танцы и театръ обязаны своимъ развитіемъ монархическимъ учрежденіямъ, укоренявшимся въ то время въ Греціи, и разцвѣли преимущественно вслѣдствіе обстоятельствъ, пагубно дѣйствовавшихъ на поэзію, исторіографію и нравы. До какой степени поощренія, оказываемыя царями, подняли искусства, можно судить по тому, что Александръ Великій велѣлъ созвать до трехъ тысячъ художниковъ на гимнастическія и музыкальныя состязанія, устроенныя имъ по случаю похоронъ друга его Гефестіона. Многіе греческіе актеры, и шутами, и настоящими трагиками и комиками, ѣздили къ Филиппу II, къ сиракузскимъ тиранамъ Діонисію I и II, къ кипрскимъ владѣтелямъ, и даже къ персидскимъ царямъ, при дворахъ которыхъ талантами и лестью пріобрѣтали себѣ значительныя богатства. Аѳины оставались центромъ всѣхъ искусствъ, и сохраняли свое древнее значеніе даже послѣ утраты всего своего политическаго могущества. Большинство тогдашнихъ художниковъ, имена которыхъ сохранились до насъ, были аѳинскіе уроженцы или, по крайней мѣрѣ, получили въ Аѳинахъ образованіе. Аѳинскій театръ считался образцомъ для всѣхъ странъ, гдѣ говорили по-гречески. Мнѣніе аѳинской публики имѣло всюду большое значеніе, а лучшіе изъ аѳинскихъ актеровъ пользовались такимъ почетомъ у владѣтелей и царей, что пріобрѣтали даже вліяніе на государственныя дѣла, — примѣръ, единственный въ исторіи.

2. Образованіе и умственная жизнь.

Разсматривая умственную жизнь народа, всемірная исторія имѣетъ другую цѣль, чѣмъ исторія литературы и искусствъ. Чтобы понять ходъ человѣческаго развитія, недостаточно опредѣлить одно эстетическое достоинство отдѣльныхъ

произведеній человѣческаго ума, или ихъ вліяніе на успѣхи наукъ; — необходимо еще изслѣдовать, въ какомъ отношеніи находились произведенія націи къ понятіямъ, господствовавшимъ въ ту или другую эпоху. Слѣдовательно, литературныя произведенія каждаго народа должны разсматриваться какъ выраженіе того, въ чемъ существенно отразились различныя степени народнаго развитія. Такимъ образомъ, для опредѣленія большаго или меньшаго значенія какого нибудь произведенія съ исторической точки зрѣнія, мѣркою не можетъ служить его эстетическое или чисто литературное достоинство; — весь вопросъ будетъ о томъ, въ какомъ отношеніи находилось произведеніе писателя къ его времени, или же насколько въ немъ отразилась эпоха, въ которую оно написано, и насколько оно способствовало народному развитію или задерживало его. Въ произведеніяхъ націи отражается ея культура и духъ всѣхъ политическихъ, нравственныхъ и соціальныхъ отношеній извѣстной эпохи.

Полтораста лѣтъ, отъ начала персидскихъ войнъ до смерти Филиппа II, обнимаютъ собою тотъ періодъ, въ который всѣ формы греческой образованности, всѣ не вполнѣ развившіеся въ предшествовавшую эпоху роды греческой литературы и всѣ отрасли греческихъ наукъ, за исключеніемъ математики и реальныхъ наукъ, достигли высшей степени совершенства. Сначала процвѣтала драматическая поэзія, потомъ исторія, затѣмъ философія и ораторское искусство и, наконецъ, математическія и реальныя науки. Изъ этихъ отраслей человѣческаго знанія первыя четыре во всей полнотѣ и оконченности развились у аѳинянъ, а пятая въ монархіи Александра и возникшихъ изъ нея государствахъ.

Въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода Аѳины были средоточіемъ и душою умственной жизни грековъ. Весь ходъ образованія самаго талантливаго народа въ мірѣ и перемѣны въ характерѣ его литературы соотвѣтствовали ходу дѣлъ Аѳинскаго государства и его отношеніямъ въ данную минуту. Быстрое развитіе греческаго образованія было вызвано національной борьбой съ персами. Но нападеніе персовъ было преимущественно направлено на Аѳины; аѳиняне болѣе всѣхъ остальныхъ греческихъ государствъ способствовали счастливому исходу войны, и потому этотъ важный внѣшній толчекъ, возбудившій всѣ умственныя стремленія грековъ, сильнѣе всего отозвался на аѳинянахъ.

Этотъ періодъ греческаго образованія, центромъ и источникомъ котораго были Аѳины, по своему основному характеру распадается на двѣ главныя эпохи, постепенно перешедшія одна въ другую: на эпоху высшаго процвѣтанія, простирающуюся до пелопоннесской войны, и на эпоху упадка, начавшуюся съ злоупотребленій побѣдою надъ персами. Произведенія обоихъ періодовъ запечатлѣны характеромъ господствовавшаго политическаго и нравственнаго направленія. Въ произведеніяхъ первой эпохи еще видѣнъ народъ, полный юной энергіи и живаго сознанія своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ; въ нихъ вездѣ выставляется рѣзкая противоположность между страстно преданными свободѣ греками, съ ихъ врожденною любовью къ порядку и строгимъ повиновеніемъ богамъ и гражданскимъ законамъ, и персами съ ихъ дикою фантазіею, слѣпымъ рабскимъ послушаніемъ и вообще грубою силою Востока. Напротивъ того, въ произведеніяхъ второй эпохи такъ же ясно и опредѣленно выражается злоупотребленіе побѣдой, развращеніе нравовъ и упадокъ политической и нравственной жизни. Точно также въ твореніяхъ писателей обѣихъ эпохъ можно прослѣдить сначала свойственное великому времени чистое вдохновеніе и свѣжія силы, потомъ постепенный переходъ отъ истинно высокаго образованія къ произведеніямъ, отличающимся преимущественно внѣшней отдѣлкой, принадлежащимъ хотя и къ образованному, но болѣе слабому духомъ времени. Преставителями первой эпохи служатъ преимущественно тѣ великіе люди, произведенія которыхъ запечатлѣны характеромъ высшаго образованія и творческой способностью генія, который знакомъ съ правилами и законами разума, но сила и полнота фантазіи котораго далеко не ослаблена этимъ. Вторая эпоха состоитъ изъ образцовыхъ произведеній одного искусства, управляемаго, вмѣсто истиннаго вдохновенія, правилами и примѣрами, не имѣю-

щаго творческой силы, но отличающагося логическимъ и изящнымъ выраженіемъ мыслей; это произведенія одного таланта.

Въ какой степени уменьшалась сила, простота и безъискусственность, и рѣже становились произведенія чистаго вдохновенія, въ такой же мѣрѣ увеличивалось образованіе, и мѣсто природныхъ силъ занимало искусство. Люди стали богаче свѣдѣніями и образованнѣе, но взамѣнъ того утратили истинное пониманіе прекраснаго и высокаго; они сдѣлались утонченнѣе, воспріимчивѣе, но лишились сильнаго природнаго чувства прежняго времени. Прежде внутреннее сознаніе высокаго, идеальнаго, присущее всѣмъ людямъ, наполняло и оживляло душу; теперь стремились къ чисто интеллектуальному пониманію жизни и ея основныхъ причинъ. При этомъ люди сдѣлались опытнѣе, стали болѣе философами, но ослабѣли духомъ и силами, мѣсто которыхъ заступили знанія и искусства; они стали ловче и любезнѣе, но зато прозаичнѣе, апатичнѣе. Прежнее равенство образованія гражданъ исчезло, они раздѣлились по своимъ способностямъ и умственнымъ потребностямъ на классы. Вслѣдствіе того и литературныя произведенія не могли уже быть одинаково доступными всей націи, но писались только для одной ея избранной части.

Естественно, что при такомъ ходѣ умственной жизни грековъ, къ образованію перестали стремиться ради его самаго, или, другими словами, оно съ теченіемъ времени обратилось въ средство для другихъ цѣлей и, слѣдовательно, стало одной простой формой. Оно служило преимущественно двумъ цѣлямъ: приготовленію къ утонченной свѣтской жизни, которая, требуя нѣкотораго рода свѣдѣній, заставляла стремиться къ пріобрѣтенію извѣстной образованности, и чисто матеріальнымъ цѣлямъ, давая познанія и умственное развитіе, необходимыя для общественной дѣятельности. Пока существовала самостоятельная республиканская свобода, жизнь сосредоточивалась на государственныхъ интересахъ, и потому до Александра образованіе было почти исключительно политическихъ. Но лишь только монархическій элементъ получилъ перевѣсъ въ греческомъ народѣ, наука и образованіе обратились къ частной жизни и пріобрѣли значеніе преимущественно въ промышлености и свѣтской жизни. Другими словами, образованіе греческой націи становилось съ теченіемъ времени формальнѣе, внѣшнѣе, ученѣе и поверхностнѣе. По этой причинѣ у грековъ сначала процвѣтала поэзія, потомъ исторія, философія и краснорѣчіе, и наконецъ уже математическія и реальныя науки.

Вслѣдствіе такого хода греческаго образованія должно было обнаружиться явленіе, дѣлавшееся все болѣе очевиднымъ съ эпохи Филиппа. Чѣмъ научнѣе, обширнѣе и необходимѣе для жизни становилось образованіе, тѣмъ болѣе значенія пріобрѣтали отдѣльныя личности, извѣстныя своею ученостью, и государства, бывшія средоточіемъ науки и литературы. Вслѣдствіе того писатели и государства, служившія средоточіемъ литературы, получили во времена Филиппа и Александра такое вліяніе, которое прежде пріобрѣталось только могуществомъ и богатствомъ. Доказательствомъ тому служатъ Эврипидъ, Платонъ и другіе, которыхъ съ такимъ великимъ почетомъ встрѣчали македонскій царь Архелай и сиракузскіе тиранны Діонисіи, и уваженіе, которымъ пользовалось мнѣніе аѳинскаго народа. Но еще сильнѣе выказывается это отношеніями Аристотеля къ Филиппу и особенно Александру, щедростью, съ которою послѣдній поддерживалъ ученые труды философа, и наконецъ ролью, которую Аѳины не переставали играть въ эпоху Филиппа и Александра. Хотя Филиппъ лишилъ аѳинянъ всего ихъ политическаго вліянія въ Греціи, но, благодаря одной своей литературной славѣ и преимуществу, которое имѣлъ ихъ голосъ въ ученомъ и художественномъ мірѣ, они сохранили такую нравственную силу, что можно сказать, что оба великіе македонянина были столько же подчинены имъ въ этомъ отношеніи, сколько сами аѳиняне зависѣли отъ нихъ въ политическихъ дѣлахъ.

---

3. Поэзія.

Лирическая поэзія, преобладавшая въ Греціи въ предшествовавшее время, уступила теперь мѣсто драматической поэзіи, которая и господствовала въ теченіе всего этого періода. Великій лирическій поэтъ древности, Пиндаръ, хотя и жилъ во времена Персидскихъ войнъ, но стоялъ одиноко и не имѣлъ никакого положительнаго вліянія на прогрессивное развитіе греческаго народа. Произведенія его представляютъ собою какъ бы послѣднее слово лирической поэзіи и вмѣстѣ образецъ совершенства, котораго она достигла въ періодъ своего высшаго процвѣтанія.

Пиндаръ, жившій приблизительно съ 522 по 440, родился въ Өивахъ или въ одномъ изъ өиванскихъ мѣстечекъ, и, слѣдовательно, принадлежалъ къ той части греческаго народа, которая всегда отличалась грубостью нравовъ и невоздержностью. Имена Пиндара и поэтессы Коринны почти единственныя беотійскія имена, пріобрѣвшія себѣ значеніе въ исторіи греческой литературы. Пиндаръ жилъ нѣсколько лѣтъ при блестящемъ дворѣ сиракузскаго владѣтеля Гіерона I, прославленнаго имъ въ стихахъ за богатые подарки, вмѣстѣ съ Терономъ, тиранномъ Агригента и нѣкоторыми другими владѣтелями Сициліи и Өессаліи. Изъ произведеній Пиндара, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ другихъ его стихотвореній, сохранилось только сорокъ пять такъ называемыхъ эпиникій или хвалебныхъ пѣсней побѣдителямъ на четырехъ главныхъ національныхъ играхъ Греціи.

Драматическая поэзія создана греками, у которыхъ она и пользовалась большимъ значеніемъ, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ народовъ земнаго шара. Греческая драма имѣла религіозное происхожденіе, а по внѣшней своей формѣ возникла изъ лирической поэзіи и танцевъ. У грековъ было обыкновеніе прославлять боговъ хоровымъ гимномъ, въ посвященные имъ праздники. Гимнъ этотъ сопровождался пляскою, которая имѣла, подобно всѣмъ греческимъ танцамъ, символической характеръ и должна была возбуждать въ зрителѣ различнаго рода представленія и ощущенія. Содержаніе гимна было какое-нибудь преданіе, сопровождавшій его танецъ соотвѣтствовалъ содержанію его, и, такимъ образомъ, на религіозныхъ празднествахъ представлялись извѣстныя событія въ пѣніи и пляскахъ. Изъ этихъ представленій мало-по-малу развивалось драматическое искусство; но намъ неизвѣстно, какъ совершался этотъ постепенный переходъ. Мы знаемъ только, что драматическая поэзія возникла преимущественно изъ праздниковъ Вакха, имѣвшихъ особенно разнообразный характеръ, что она впервые появилась въ Аттикѣ, и что, по мнѣнію древняго міра, поэтъ Теспись, изъ Аттики, современникъ Солона, первый поставилъ на сцену актера рядомъ съ хоромъ, и такимъ образомъ ввелъ въ представленіе разговорную рѣчь. Поэтому Тесписа называютъ отцомъ драмы, хотя, по другимъ извѣстіямъ древнихъ писателей, можно думать, что этотъ родъ поэзіи возникъ ранѣе. Въ 500 г. Эсхилъ ввелъ на сцену втораго актера и собственно этимъ въ первый разъ придалъ драмѣ истинную ея форму. Впрочемъ, еще до Эсхила преданія не составляли исключительнаго сюжета представленій, но были переносимы на сцену и современныя событія. Такъ ученикъ Тесписа, Фринихъ, представилъ въ драматической формѣ совершившееся въ 494 г. покореніе Милета персами.

Драма—названіе данное греками этого рода поэзіи—означаетъ дѣйствіе. О происхожденіи словъ трагедія и комедія мнѣнія ученыхъ различны. Большинство переводитъ послѣднее слово веселой пѣснью. Нѣкоторые же даютъ ему другое производство и утверждаютъ, что оно означаетъ деревенскую пѣснь, основываясь на томъ, что трагедія гораздо раньше комедіи была введена въ городскихъ театрахъ, и потому комедія, оставаясь долгое время только въ деревняхъ, получила отъ нихъ свое названіе. Слово трагедія означаетъ пѣснь козла. Оно возникло вслѣдствіе того, что въ праздникъ Вакха приносили въ жертву козла, или, какъ думаютъ другіе, оттого, что въ этотъ день происходило состязаніе между поэтами, и тотъ изъ нихъ, пѣснь котораго признавалась лучшей, получалъ въ подарокъ козла. Наконецъ, названіе это могло произойти и отъ

того, что пляска и пѣніе хора представляли сатировъ, бывшихъ, по преданію, спутниками Вакха и изображавшихся съ козлиными ногами. Греческая драма, подробные разсказы которой не составляютъ предмета всемірной исторіи, во многихъ отношеніяхъ очень различна отъ нашей. Хоръ, составлявшій лирическій элементъ пьесы и чуждый новому драматическому искусству, былъ ея необходимой принадлежностью; кромѣ того, на театральныя представленія греки смотрѣли какъ на часть общественнаго богослуженія, и потому въ Аѳинахъ давали ихъ только два раза въ годъ, въ два большіе праздника, посвященные Вакху. Наконецъ,—что особенно важно для исторіи греческаго народа,—театръ, какъ политическое учрежденіе, находился въ тѣсной связи съ государственной жизнью. Онъ былъ національнымъ учрежденіемъ, соотвѣтствовавшимъ тогдашнимъ нравамъ, общественной жизни и государственному устройству, и въ эпоху своего процвѣтанія служилъ преимущественно для распространенія между гражданами идей и впечатлѣній, соотвѣтствовавшихъ духу времени, все равно, было ли содержаніе пьесы миѳическое или современное.

Изъ двухъ родовъ, на которые распадается драма, трагедія первая достигла высшаго развитія. Настоящій періодъ ея процвѣтанія начался съ Эсхила, одного изъ величайшихъ трагическихъ поэтовъ; она достигла совершенства при Софоклѣ и начала падать при Эврипидѣ, третьемъ знаменитѣйшимъ трагикѣ древняго міра. Время жизни этихъ трехъ великихъ людей опредѣляется Саламинскою битвою (480 г.): Эсхилъ сражался въ ней, имѣя сорокъ пять лѣтъ, Софоклъ, будучи пятнадцатилѣтнимъ юношею, принималъ участіе въ праздникѣ, устроенномъ послѣ битвы, а Эврипидъ родился въ самой день битвы на островѣ Саламинѣ, куда вмѣстѣ съ другими аѳинянами бѣжали его родители.

Эсхилъ, принадлежавшій къ одной изъ древнѣйшихъ благородныхъ фамилій Аттики, родился 525 г. въ Элевсинѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ битвахъ при Мараѳонѣ, Артемизіи, Саламинѣ и Платеѣ, и отличался въ нихъ, подобно своему брату Кинегиру (стр. 175), убитому при Мараѳонѣ. Въ 484 г. Эсхилъ одержалъ побѣду на драматическомъ состязаніи и въ первый разъ удостоился награды, которую потомъ получалъ еще двѣнадцать разъ. Старикомъ оставилъ онъ родной городъ, будучи недоволенъ тогдашнею демократіею, и удалился въ Сиракузы, гдѣ былъ встрѣченъ съ великимъ почетомъ при дворѣ Гіерона I. Оттуда онъ еще разъ пріѣзжалъ въ Аѳины, но скоро опять вернулся въ Сицилію и умеръ (456) въ городѣ Гелѣ.

Эсхилъ, говорятъ, написалъ до семидесяти, а по другимъ извѣстіямъ—восемьдесятъ трагедій, изъ которыхъ до насъ сохранилось только семь. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ передъ нами является картина великаго времени и свойственное ему величіе настроенія общественнаго духа. Каждая его трагедія, какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и въ подробностяхъ, не человѣчески возвышена и запечатлѣна характеромъ колоссальнаго. Эсхилъ, придавъ своимъ трагедіямъ мрачный и суровый характеръ мистерій, думалъ этимъ сдерживать крайнихъ демократовъ; таинственное богослуженіе, введенное въ Грецiи всего за нѣсколько поколѣній до Эсхила, представлено имъ въ тѣсной связи съ временемъ перваго развитія грековъ, и слѣдовательно, какъ бы существовавшимъ съ древнѣйшихъ временъ. Вообще, Эсхилъ вездѣ старается защитить отъ нападковъ крайнихъ демократовъ тѣ изъ аѳинскихъ учрежденій, которыя носили аристократическій характеръ. Наконецъ, почти всѣ его трагедіи имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ національной борьбѣ грековъ съ персами и выставляютъ всю противоположность между направленіемъ и образомъ жизни грековъ и персовъ. Такимъ образомъ, идеи Эсхила вращаются около религіи и государства, къ нимъ направлены всѣ стремленія и цѣли поэта; частныя же дѣла являются у него только какъ побочныя обстоятельства. Основная мысль каждой трагедіи Эсхила точно также почти всегда принадлежитъ не столько самому поэту, сколько его времени, или же это мысль, взятая изъ преданія и религіи, которую поэтъ стремится только олицетворить въ драмѣ.

Основныя идеи трагедій Эсхила всегда политическія или религіозныя, или же тѣ и другія вмѣстѣ. Напримѣръ, въ «Скованномъ Прометеѣ» олицетворена та мысль, что истинная свобода человѣка никогда не можетъ быть побѣждена, истинное величіе души сильнѣе всякаго насилія, и что каждаго тирана, какъ бы

онъ ни былъ могуществен, ожидаетъ мщеніе. Здѣсь изображена борьба деспотизма и грубой власти съ свободой, энергіей и здравымъ разсудкомъ; выставлена противоположность между величіемъ и благородствомъ героя, сражающагося для достиженія умственныхъ благъ, и рабскою натурою презрѣннаго человѣка, готоваго на все изъ-за денегъ, — или мягкою и нѣжною душою, сочувствующею хорошему и ненавидящею насиліе и деспотизмъ, но неимѣющею силъ, чтобъ сопротивляться и помочь другому, — или наконецъ съ дюжинными людьми, сгибающимися передъ каждымъ и не умѣющими сказать человѣку въ несчастіи ничего другаго, кромѣ нѣсколькихъ заученныхъ утѣшительныхъ фразъ и нравоучительныхъ изреченій. Въ другой трагедіи «Персы», — содержаніемъ которой послужило уничтоженіе могущества персовъ на морѣ, — представлено государственное устройство грековъ, основанное на законѣ и справедливости, ихъ общественное направленіе, чувство собственнаго достоинства, которымъ проникнутъ каждый гражданинъ, сила, которую можетъ создать свободный народъ, когда ему предстоитъ борьба за свою независимость и, въ противоположность греческому быту — характеръ персидскаго государства, безпорядочная, не связанная никакими нравственными узами, масса народовъ, произволъ, основанный на подавленіи личной свободы, боготвореніе царя, и безсиліе огромнаго войска, не понимающаго, куда его ведутъ, но идущаго умирать по одному безсмысленному повиновенію.

Третья трагедія Эсхила, «Агамемнонъ», кромѣ нѣкоторыхъ другихъ намековъ, содержитъ въ себѣ предостереженіе Аѳинамъ, упоеннымъ побѣдою, въ томъ, что высокомѣріе въ счастіи влечетъ за собой паденіе (какъ показываетъ примѣръ Агамемнона). Въ четвертой трагедіи, представляющей убійство Орестомъ своей матери и названной «Хоэфоры», высказывается съ одной стороны сочувствіе сверженію узурпатора, какъ торжеству справедливости надъ владычествомъ наглаго насилія, съ другой же — порицается убійство, совершенное Орестомъ, какъ страшное преступленіе противъ религіи и нарушеніе священнѣйшихъ законовъ природы. Въ «Эвменидахъ», — той трагедіи, въ которой Оресту прощается убійство, Эсхилъ представляетъ своимъ аѳинскимъ согражданамъ ихъ священное древнее судилище ареопагъ, члены котораго состояли изъ самыхъ доблестныхъ и опытныхъ старшинъ народа. Въ этомъ судилищѣ, которое должно произнести приговоръ надъ Орестомъ, являются у Эсхила даже два главнѣйшія божества Аѳинъ, Минерва и Аполлонъ, окруженныя всѣмъ, что только было дорого и свято аѳинянамъ. Намѣреніе поэта было выставить въ той трагедіи древнія аѳинскія учрежденія, сильно измѣненныя демократами, какъ самое священное устройство, нераздѣльно связанное съ благосостояніемъ государства. Ему хотѣлось, чтобъ въ Аѳинахъ сохранились древнія судилища, старинные обычаи культа, наслѣдственность жрецовъ и аристократіи, которой угрожало паденіе. Въ этой трагедіи онъ всюду вводитъ боговъ и заставляетъ покровительницу аѳинянъ сказать гражданамъ, что цѣль всѣхъ аѳинскихъ учрежденій, законовъ, правилъ заключается въ удержаніи законнаго порядка и въ удаленіи отъ разврата варварскихъ народовъ, но что достигнуть этого можно только тогда, когда боги возстановятъ прежній порядокъ, и что, слѣдовательно, каждый, старающійся его разрушить, совершаетъ преступленіе противъ боговъ. —

Софоклъ, родившійся 495 въ незначительномъ мѣстечкѣ Аттики и умершій 405, жилъ въ ту эпоху, замѣчательную политическими событіями, когда въ Аѳинахъ господствовали крайніе демократы, а государство достигло вершины своего могущества. Софоклъ, какъ почти всѣ граждане свободныхъ греческихъ государствъ, принималъ дѣятельное участіе въ политическихъ событіяхъ своего роднаго города; и, между прочимъ, въ войнѣ съ Самосомъ (т. I. стр. 207), занималъ важное мѣсто въ аѳинскомъ флотѣ. Въ 468 г. онъ одержалъ побѣду надъ Эсхиломъ на драматическомъ состязаніи. Подобно Эсхилу, его не разъ приглашали къ себѣ чужеземные властители, но онъ никогда не ѣздилъ къ нимъ и всю свою жизнь прожилъ въ Аѳинахъ. Нѣкоторые говорятъ, что Софокломъ написано до 130-ти трагедій, но, по всей вѣроятности, число ихъ не превосходило семидесяти. До насъ сохранилось только семь полныхъ его трагедій.

Хотя Софоклъ былъ только 30 годами моложе Эсхила, и оба поэта въ теченіе нѣкотораго времени даже блистательно соперничали другъ съ другомъ, но въ ихъ произведеніяхъ замѣтна огромная разница образованія, убѣжденій и взгляда

на общественную жизнь. Въ трагедіяхъ Софокла видѣнъ уже вѣкъ Перикла, полный жизни, художественныхъ стремленій и той подвижности, которая поддерживалась живымъ словомъ и поэзіей. Въ произведеніяхъ Софокла нѣтъ и слѣдовъ того аристократическаго направленія, котораго держался его предшественникъ. Возвышенное и ужасное въ трагедіяхъ Эсхила является у Софокла веселымъ и мягкимъ, даже тогда, когда говорится о страшныхъ богиняхъ мести. Женщины, не принимавшія у Эсхила никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ, получаютъ у Софокла то значеніе, которое дѣйствительно имѣли во времена Перикла Аспазія и подобныя ей развитыя и энергичныя женщины.

Краткій очеркъ нѣкоторыхъ трагедій Софокла яснѣе представитъ характеръ поэта и его времени. Въ двухъ трагедіяхъ, гдѣ представлена исторія Эдипа, даже грозное имѣетъ радостный видъ. Напримѣръ, Эвмениды, имѣющія вліяніе на судьбу Эдипа и являвшіяся въ трагедіяхъ Эсхила при страшной обстановкѣ, глубоко потрясавшей впечатлительныхъ аѳинянъ, у Софокла совсѣмъ не показываются на сценѣ. Уже по этому можно судить, какъ сильно измѣнилось въ короткое время направленіе образованной части общества: теперь не хотѣли болѣе смотрѣть на то, что производило непріятное впечатлѣніе, и Софоклъ, выпуская все чудовищно-ужасное, долженъ былъ стараться трогательно дѣйствовать на свою публику. — Въ «Электрѣ» Софокла встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ трагедіяхъ Эсхила, намеки на вырожденіе аѳинской свободы, развращеніе нравовъ и злоупотребленія. Въ этой трагедіи, какъ почти вездѣ у Софокла, женщины играютъ важную роль. Въ одной изъ героинь представленъ тотъ благородный и нѣжный женскій характеръ, который, не оставляя особенности исключительной натуры, развивается въ большинствѣ образованныхъ женщинъ только при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ.

Въ «Аяксѣ» заключается скрытый упрекъ аѳинянамъ за участь, которой они подвергли столькихъ великихъ и благородныхъ людей. Въ то же время въ характерѣ Улисса отражается бытъ тогдашнихъ аѳинянъ. Этотъ герой героической эпохи, подобно всѣмъ миѳическимъ личностямъ трагедій Софокла, вполнѣ соотвѣтствуетъ времени, въ короткое жилъ трагикъ. Софоклъ изобразилъ въ немъ государственнаго человѣка эпохи Перикла, служащаго вмѣстѣ интересамъ государства и нравственности. Въ «Филоктеѣ» тотъ же самый Улиссъ представляетъ собою и съ другой стороны характеръ тогдашняго правителя государства. Въ послѣдней трагедіи поэтъ допускаетъ Улисса жертвовать нравственностью государственному разсчету. Въ «Антигонѣ» изображена любовь, нѣсколько похожая на романическую, которую древніе вообще мало понимали. Въ этой трагедіи отношенія обоихъ половъ являются почти такими же, какими они существуютъ вездѣ, гдѣ облагорожена общественная жизнь. Наконецъ, въ «Антигонѣ» видно намѣреніе поэта предостеречь аѳинянъ, чтобъ они не становились своими учрежденіями въ противорѣчіе съ священнѣйшими народными обычаями и божественными законами. Софоклъ старается показать соотечественникамъ, что благосостояніе скоро доводитъ человѣка до высокомѣрія, непостоянство — до произвола, обезпеченность и удобства жизни — до нахальства. Въ «Неистовомъ Геркулесѣ» Софоклъ придалъ характеру Деяниры нѣжность, которая можетъ развиться только въ образованномъ вѣкѣ и при такихъ обстоятельствахъ, которыя особенно благопріятствуютъ развитію истинной женственности. Нѣжность и мягкость, изображенныя поэтомъ, сохраняются даже въ минуты сильнѣйшей ревности; Деянира жертвуетъ ревностью — любви и, чтобъ понравиться мужу, ласково принимаетъ свою соперницу. Такой характеръ, конечно, созданъ поэтомъ, который идеализировалъ существовавшія отношенія; но, чтобъ быть понятымъ, онъ все-таки долженъ былъ согласоваться съ нравами и понятіями своихъ слушателей. — Наконецъ, послѣдняя изъ семи трагедій Софокла, «Филоктетъ», предостерегаетъ аѳинянъ отъ жестокаго обращенія съ побѣжденными; вообще вся эта трагедія проникнута рыцарскими понятіями новаго времени.

Совсѣмъ иными изображены нравы, направленіе и духъ времени у Эврипида, въ произведеніяхъ котораго полнѣйшимъ образомъ отразился упадокъ аѳинскаго міра. По своему характеру и стремленіямъ, Эврипидъ принадлежитъ позднѣйшему времени чѣмъ Софоклъ, не смотря на то, что онъ умеръ нѣсколькими мѣсяцами раньше послѣдняго. Эврипидъ получилъ образованіе у филосо-

фовъ Анаксагора, Протагора, Продика и Сократа, тогда какъ оба его предшественника не были знакомы съ тогдашней философіей и, какъ вообще греки прежняго времени, заимствовали взглядъ на жизнь только изъ старинныхъ произведеній поэзіи и дѣйствительной жизни. Эврипидъ не принималъ, подобно Эсхилу и Софоклу, дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ Аѳинъ, хотя вмѣстѣ съ философіей занимался краснорѣчіемъ и вообще всѣмъ, что находилось съ нимъ въ связи. Незадолго до своей смерти онъ оставилъ Аѳины, гдѣ его драматическіе труды и направленіе были осмѣяны сатирами Аристофана. Онъ отправился ко двору македонскаго царя Археляя, который очень высоко цѣнилъ его и принялъ съ великимъ почетомъ. Эврипидъ умеръ въ Пеллѣ. Ему приписываютъ 120 драмъ, изъ которыхъ 19 сохранилось до насъ.

По своему образованію и жизни Эврипидъ долженъ былъ идти совсѣмъ другимъ путемъ, чѣмъ Эсхилъ и Софоклъ; тѣмъ болѣе, что онъ обладалъ только великимъ талантомъ и не имѣлъ той геніальности, которой отличались оба его предшественника. Все его философское и ораторское образованіе послужило ему только для примѣненія къ театру того, что было изучено въ школѣ, но на скользкій путь практической государственной дѣятельности онъ никогда не вступалъ. Такимъ образомъ, онъ писалъ по правиламъ, тогда какъ оба его великіе предшественника создавали свои произведенія изъ чистаго источника внутренней, врожденной силы, воодушевляясь истиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Эврипидъ старался поучать слушателей высказываемыми идеями и въ то же время доставлять имъ наслажденіе плавнымъ построеніемъ рѣчи, составленнымъ по правиламъ искусства, тогда какъ Эсхилъ и Софоклъ въ самомъ дѣйствіи драмы открывали источникъ для поученій и смотрѣли на рѣчь только какъ на средство и форму. Эврипидъ былъ сыномъ своего времени и благоговѣлъ передъ господствовавшимъ тогда направленіемъ. Обладая поэтическимъ талантомъ, высокимъ ораторскимъ и философскимъ образованіемъ, онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобъ пріобрѣсти себѣ сочувствіе большинства современниковъ, между тѣмъ люди талантливые и проницательные, напримѣръ комикъ Аристофанъ, справедливо нападали на него, какъ на представителя и покровителя слабостей своего времени. Самъ по себѣ его поэтическій талантъ былъ великъ, и потомство справедливо причислило Эврипида на ряду съ Эсхиломъ и Софокломъ къ первымъ трагикамъ древняго міра, хотя, по своимъ поэтическимъ дарованіямъ и эстетическому достоинству своихъ произведеній, онъ все-таки стоитъ ниже ихъ обоихъ. Но еще болѣе отличается Эврипидъ отъ Эсхила и Софокла по своему направленію, своей зависимости отъ господствующаго направленія и по тому вредному вліянію, какое онъ имѣлъ на духъ времени.

Въ произведеніяхъ Эврипида узнаешь время, когда ученіе и краснорѣчіе заняли мѣсто истиннаго вдохновенія, а вкусъ подчинился правиламъ, которыя давали возможность таланту пытаться на то, что достижимо только одному генію. Узнаешь время, въ которое большинство лучшей части народа имѣетъ только поверхностныя знанія, замѣняющія у него мѣсто истиннаго образованія; время слабости и непостоянства, въ которое сантиментальность считается чувствомъ, а желаніе поговорить любовью къ наукѣ; наконецъ, время, когда люди сдѣлались слишкомъ вялы для того, чтобъ напрягать свои умственныя силы, и потому хотятъ, чтобъ всѣ мысли были имъ разжеваны, всѣ идеи и воззрѣнія подробно развиты, всѣ картины расписаны. Эпоха Эврипида совершенно потеряла смыслъ для чистой, неподдѣльной истины, утратила силы духа, нужныя для пониманія серьезнаго поэта, и потому естественно, что такой человѣкъ, какъ Эврипидъ, не могъ слѣдовать направленію своихъ предшественниковъ. Чтобы нравиться и удовлетворять своему времени, онъ долженъ былъ проложить новый путь. Но лишь только онъ это сдѣлалъ и, заслуживъ полное сочувствіе публики, сдѣлался любимѣйшимъ и наиболѣе читаемымъ поэтомъ, какъ и всѣ остальные должны были пойти по его слѣдамъ: и его послѣдователи пошли, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, по новой и еще худшей дорогѣ.

Такимъ образомъ, въ трагедіяхъ Эврипида поэтъ уже не является выше публики, но, какъ обыкновенный человѣкъ, стоитъ на одной съ нею ступени. Онъ, такъ сказать, только одинъ изъ многихъ и вслѣдствіе того во всѣхъ своихъ трагедіяхъ, болѣе или менѣе, преклоняется передъ господствующимъ въ

то время направленіемъ аѳинянъ. Эврипидъ прежде всего заботится о томъ, чтобъ понравиться своимъ слушателямъ и удовлетворить ихъ желанію слушать рѣчи, полизировать, относиться ко всему съ скептицизмомъ, легкостью и критикою, острить и вертѣться на общихъ мѣстахъ. Онъ предается паѳосу, всюду приплетаетъ моральныя сентенціи, стремится придать рѣчи ровный тонъ, періодамъ округленность, ищетъ острыхъ и неожиданныхъ оборотовъ, предпочитаетъ вопль — трогательному, плаксивное — потрясающему, и старается подѣйствовать только внѣшностью, которую такіе люди, какъ Софоклъ и Эсхилъ, всегда презирали. Разборъ нѣкоторыхъ трагедій Эврипида нагляднѣе представитъ эти характеристическія черты поэта.

Въ трагедіи «Гекуба» Эврипидъ воспользовался страшною несправедливостью, сдѣланною противъ троянской царской фамиліи, чтобъ перенести на сцену судебное производство и рѣчи, которыя аѳиняне такъ охотно слушали. Здѣсь Улиссъ представленъ настоящимъ сикофантомъ (стр. 238), до глубины изучившимъ софистику и искусство превратно толковать слова. Рѣчи, приводимыя поэтомъ, наполнены нравственными изреченіями и нравоученіями, и потому онѣ должны были нравиться въ тѣ времена, когда публика, руководствуясь больше размышленіемъ, чѣмъ непосредственнымъ чувствомъ, могла легко запоминать ихъ и приводить при удобномъ случаѣ. — Въ другой трагедіи, «Орестѣ», точно также представленъ процессъ, со всѣми его подробностями; на сценѣ является даже допросъ свидѣтелей, и длинныя рѣчи обѣихъ сторонъ наполнены политическими взглядами. Въ «Орестѣ» видны также нѣкоторые слѣды вошедшей въ моду философіи и того вліянія, которое она имѣла на уничтоженіе народныхъ вѣрованій. Кромѣ того, въ этой трагедіи драматическое искусство унижено до цѣлей и стремленій обыденной жизни. Напримѣръ, одинъ изъ героевъ эпохи Гомера, царь Менелай, представленъ съ такимъ подлымъ направленіемъ, которое проявляется только въ промышленныя времена и у людей, исключительно заботящихся о наживѣ. Точно также поэтъ заставляетъ героя трагедіи высказать очень серьезно предположеніе, что Елена, какъ его будущая наслѣдница, уже теперь заботится о томъ, какъ бы завладѣть остающимся послѣ него имуществомъ.

Если подобныя черты достаточно ясно выказываютъ, что древнее и героическое направленіе уступило теперь мѣсто современному, то различіе нравовъ и господствовавшаго духа сдѣлается еще очевиднѣе, при сравненіи «Финикіянокъ» Эврипида съ трагедіей Эсхила «Семеро передъ Ѳивами», сюжетъ которыхъ одинаковъ. У Эсхила средоточіемъ всего служатъ государство и религія; трагедія Эврипида, напротивъ того, вращается около судьбы отдѣльныхъ личностей, мужчинъ и женщинъ. Кромѣ того, большая ея часть наполнена изреченіями, остроумными фразами и различнаго рода намеками, поражающими слушателя. Тутъ опять трагическое низведено до обыденнаго, какъ напримѣръ, когда одно изъ лицъ высказываетъ ту мысль, что для женщины удовольствіе, когда она можетъ сказать про другую что-нибудь дурное. Въ этой трагедіи также представленъ на сценѣ процессъ; имъ оканчивается та часть «Финикіянокъ», переводъ которой сдѣланъ Шиллеромъ. Въ рѣчахъ братьевъ Этеокла и Полиника, гдѣ они являются соперниками, выступаетъ на сцену все искусство эпохи, воспитанной на краснорѣчіи, исчерпано все остроуміе, сарказмъ доведенъ до высшей степени. Эти рѣчи составлены по строгимъ правиламъ искусства: онѣ состоятъ изъ вступленія, художественнаго изложенія предмета и трогательнаго окончанія. Оба противника стараются, подобно аѳинскимъ адвокатамъ, перетолковывать смыслъ словъ, отвѣчать колкостями, или же ловкой діалектикой обращать сказанное противникомъ въ смѣшное. Если «Финикіянки» Эврипида, при сравненіи съ трагедіей Эсхила, выказываютъ время упадка, то, наоборотъ, онѣ производятъ противное впечатлѣніе, если ихъ поставить рядомъ съ той трагедіей, въ которой Сенека, римскій писатель, жившій послѣ р. Х., драматически изображаетъ тотъ же предметъ. При этомъ сравненіи не только высказывается все превосходство эпохи Эврипида, но и его краснорѣчіе является въ полномъ своемъ блескѣ въ противоположность напыщенности, господствовавшей во времена Сенеки. Въ «Финикіянкахъ» Эврипида языкъ является дѣйствительно

художественно обработаннымъ; трагедія Сенеки, напротивъ того, составлена изъ однѣхъ только декламацій, фигуральныхъ выраженій и преувеличеній.

Въ трагедіи «Троянки» поэтическій талантъ Эврипида выказывается во всемъ своемъ блескѣ; стихи разнаго размѣра такъ искусно перемѣшаны и построены, что по этой трагедіи узнаешь поэта, знакомаго со всѣми науками своего времени. Ораторскіе переходы и расположеніе рѣчи сдѣланы съ искусствомъ, достойнымъ удивленія, а удачное примѣненіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Гомера производило глубоко потрясающее впечатлѣніе на сердце грековъ. Но, съ другой стороны, самое содержаніе этого прекраснаго стиха показываетъ, что поэтъ изображаетъ трагическое непоэтически, но риторически, и, вмѣсто высокаго, чистаго вдохновенія прежнихъ временъ, въ самомъ выраженіи трогательнаго просвѣчиваетъ преднамѣренность и поддѣльность поэта.

Съ Эврипидомъ насталъ конецъ процвѣтанія трагическаго искусства. Оно оставалось, правда, и впослѣдствіи въ большомъ почетѣ, найдя сильное и блистательное покровительство въ Македоніи у Филиппа и Александра, и у другихъ владѣтелей, но уже никогда не сходило съ того пути, на который его низвели Эврипидъ и его послѣдователи; и если имѣло еще всеобщій интересъ, то это происходило только вслѣдствіе любви грековъ къ драматическому искусству. Въ послѣдующія времена являлось, правда, множество трагическихъ писателей, но и самъ древній міръ не считалъ ни одного изъ нихъ достойнымъ стать на ряду съ тремя великими трагиками. То, что мы о нихъ знаемъ, доказываетъ очевиднымъ образомъ, что уже не существовало прежняго духа и вдохновенія, и огромное число этихъ писателей свидѣтельствуетъ только, какой потребностью былъ для греческой публики театръ. Только три писателя,—время жизни которыхъ совпадаетъ съ столѣтіемъ трехъ великихъ трагиковъ,—Іонъ, Ахей и Агатонъ, имѣли нѣкоторое значеніе. Двое первыхъ были включены въ канонъ или списокъ лучшихъ трагиковъ, составленный въ Александріи, приблизительно черезъ двѣсти лѣтъ послѣ смерти Эврипида, нѣсколькими греческими учеными, вмѣстѣ съ подобнымъ же спискомъ по другимъ родамъ поэзіи. Юношескій возрастъ Іона совпадаетъ съ послѣднимъ десятилѣтіемъ жизни Эсхила. Онъ родился на островѣ Хіосѣ, но поселился навсегда въ Аѳинахъ и умеръ четырнадцатью годами ранѣе Софокла. Немногіе, сохранившіеся до насъ отрывки, выказываютъ въ немъ талантливаго и оригинальнаго поэта, ближе всего подходящаго къ Эврипиду. Ахей изъ Эвбеи, родившійся четырьмя годами ранѣе Эврипида, извѣстенъ намъ еще менѣе Іона; впрочемъ, кажется, что онъ достигъ большей высоты въ комедіи, чѣмъ въ трагедіи. Агатонъ, аѳинянинъ по рожденію, славился въ то время, когда умерли Софоклъ и Эврипидъ; съ послѣднимъ онъ былъ очень друженъ и, по словамъ Аристотеля, принадлежалъ къ поэтамъ, которые, стараясь придать трагедіи искусственность, еще болѣе ее унизили.

Мы не можемъ ясно опредѣлить характеръ драматическаго искусства того времени, потому что о немъ можно судить, только будучи зрителемъ. Различныя отношенія и обстоятельства выказываютъ однако, что драматическое искусство процвѣтало особенно въ періодъ Пелопоннесской войны до смерти Александра Великаго. Въ древнемъ мірѣ нѣтъ ни одной эпохи, отъ которой бы сохранилось до насъ столько именъ знаменитыхъ актеровъ, и въ древней исторіи нѣтъ другаго періода, въ который бы актеры занимали столь почетное положеніе въ обществѣ, пользовались бы такимъ вліяніемъ въ государствѣ, имѣли бы возможность пріобрѣтать столь значительныя богатства. Изъ политической исторіи Греціи въ эпоху Филиппа II извѣстно, какую важную роль играли въ государственныхъ дѣлахъ аѳинскіе актеры — Аристодемъ, Неоптолемъ и Сатиръ. Любимыми актерами Александра Великаго, тоже пользовавшимися большимъ вліяніемъ, были Атенодоръ и Тассалъ. Актеръ получалъ въ то время такъ много, что, напримѣръ, Полусъ, современникъ Демосѳена, могъ хвалиться передъ нимъ тѣмъ, что въ два вечера получаетъ талантъ (около 1,300 р.). Какъ велика была эта плата, можно заключить изъ того, что въ Аѳинахъ въ то время состояніе въ 15 талантовъ считалось очень значительнымъ.

Время паденія трагическаго искусства было періодомъ высшаго процвѣтанія комедіи. Постепенное развитіе этого рода драматической поэзіи также

мало извѣстно, какъ и возникновеніе трагедіи. Но, кажется, можно съ достовѣрностью сказать, что комедія появилась впервые не въ Аттикѣ. Она также вышла изъ праздниковъ Вакха, во время которыхъ, именно въ пору сбора винограда, пѣли веселыя пѣсни въ честь боговъ и для удовольствія соучастниковъ. Эти пѣсни и составляютъ первые начатки комедіи; ихъ пѣли въ торжественномъ шествіи и часто соединяли съ ними насмѣшливыя выходки противъ различныхъ лицъ и современныхъ событій. Какимъ образомъ эти пѣсни и хоровыя процессіи приняли мало-по-малу драматическую форму—такъ же мало извѣстно, какъ и то, у котораго изъ греческихъ племенъ это впервые произошло. Древнѣйшіе слѣды находятся въ сосѣдней съ Аттикою Мегарѣ, гдѣ Сузаріонъ, около 570 г. до р. Х., сочинялъ насмѣшливые стихи для хоровъ праздника Вакха, и на островѣ Сициліи, гдѣ во времена Эсхила жилъ Эпихармъ, одинъ изъ древнѣйшихъ комическихъ писателей.

Въ Сициліи часто встрѣчался также и другой родъ поэзіи, родственный съ драматическою. Это такъ называемые мимы, т. е. небольшіе діалоги, въ которыхъ представлялись различныя черты нравовъ, страсти, сцены или даже типы разныхъ классовъ. Такимъ образомъ, мимы были картинами нравовъ, характеровъ, сословій или сценъ изъ народной жизни, въ разговорной формѣ; большая часть изъ нихъ была написана не стихами, а особою мѣрною поэтическою прозою. Можно лучше всего понять истинный характеръ мимовъ и ихъ разнообразіе, если вспомнить, какъ сильна впечатлительность народовъ южной Европы, жизнь которыхъ гораздо ближе къ природѣ, чѣмъ наша, сравнить съ мимами пьесы на тосканскомъ народномъ нарѣчіи, нынѣшнія неаполитанскія увеселенія и т. п. Мимы, бывшіе чаще всего импровизаціями въ веселомъ и насмѣшливомъ тонѣ, введены въ литературу сиракузцемъ Софрономъ, жившимъ около 450 г. до р. Х. и писавшимъ подобные діалоги. При немъ мимы обратились въ особаго рода комедіи, которыя отчасти можно сравнить съ нашими пьесами въ одномъ дѣйствіи; но онѣ не имѣли ни такъ называемой завязки или интриги, ни хора древней греческой комедіи.

Въ Аѳинахъ комедія, подобно трагедіи достигшая тамъ своего совершенства, появилась въ половинѣ пятаго вѣка до нашего лѣтосчисленія. Древнѣйшими аѳинскими комическими писателями были Кратинъ, Кратесъ и Эвполъ, жившіе въ упомянутую эпоху. Изъ нихъ наиболѣе замѣчателенъ послѣдній, отличавшійся, не смотря на свою грубость, стремленіемъ къ возвышенному и серьезному и прославившійся смѣлостью, съ которою онъ осмѣивалъ первыхъ государственныхъ людей своего времени. Но величайшимъ комикомъ не только Аѳинъ, но и всего древняго міра, былъ Аристофанъ, лучшіе годы дѣятельности котораго совпадаютъ съ Пелопоннесскою войною. Такимъ образомъ, комедія возвысилась въ то самое время, когда пала трагедія. Это явленіе совершенно понятно, если принять въ соображеніе характеръ грековъ, въ особенности аѳинянъ, и существенныя свойства этого рода поэзіи. Комедія была вѣрнымъ изображеніемъ жизни и, не расходясь, подобно трагедіи, съ духомъ времени, могла, по мѣрѣ развитія народа, измѣняться вмѣстѣ съ жизнью, не теряя своего внутренняго достоинства, тѣмъ болѣе, что аѳиняне были народомъ живымъ, богатымъ особенностями и одареннымъ способностью дѣлать смѣшными даже самые серьезные предметы. Такимъ образомъ, и въ эпоху упадка греческаго духа комедія сохранилась, не въ видѣ истощенной и вступившей на ложный путь отрасли поэзіи, какъ трагедія, но приняла только новый видъ, соотвѣтствовавшій измѣнившимся обстоятельствамъ. По различію формъ, въ которыхъ постепенно являлась греческая комедія, ее раздѣляютъ на три класса: древнюю, среднюю и новую.

Древняя комедія представляла на сценѣ современную жизнь въ самыхъ важныхъ ея проявленіяхъ, называя по именамъ лицъ, являвшихся въ ней дѣйствующими и копируя даже ихъ внѣшность. Государственное управленіе, поэзія, философія, однимъ словомъ, вся дѣйствительная аѳинская жизнь, насколько она противорѣчила идеалу благороднаго, дѣлалась жертвою ея сатиры. Эти черты начинаютъ смягчаться въ средней комедіи, возникшей въ началѣ четвертаго столѣтія до р. Х. и продолжавшейся до воцаренія Александра Великаго. Писатели этого втораго періода греческой комедіи нападали еще на извѣстныя современныя личности и событія, но при этомъ употребляли вымышленныя имена. Они

продолжали изображать дурные и пошлые нравы своего времени, но иногда къ голой истинѣ и дѣйствительности прибавляли нѣкоторую долю вымысла, и влагали въ уста дѣйствующихъ лицъ разнаго рода нравоученія, не заключавшіяся въ самомъ ходѣ комедіи. Новая комедія, во время Александра смѣнившая среднюю, не касалась уже общественныхъ дѣлъ и, для изображенія отношеній частной жизни къ нравственному состоянію и счастью человѣка, избирала своими сюжетами не явленія дѣйствительной жизни, а вымышленныя событія. Подобно нашей комедіи, она выводила на сцену мелкія общественныя отношенія и столкновенія, ограничивалась изображеніемъ общихъ человѣческихъ страстей, и старалась поразить зрителя запутанностью и неожиданною развязкою интриги. Сюжеты ея были большею частью безнравственны, но вредное вліяніе ихъ старались умѣрять нравоучительными сентенціями, которыя влагали въ уста дѣйствующихъ лицъ.

Въ «канонѣ» комедіи или перечнѣ лучшихъ комическихъ писателей, составленномъ, приблизительно за 200 л. до р. Х., нѣсколькими греческими учеными въ Александріи, упоминаются слѣдующія лица: въ канонѣ древней комедіи, кромѣ названныхъ нами Эпихарма, Кратина, Эвпола и Аристофана, помѣщены современники Аристофана, аѳиняне Ферекратъ и Платонъ, — послѣдняго не должно смѣшивать съ философомъ того же имени. Изъ произведеній всѣхъ комическихъ писателей, кромѣ Аристофана, до насъ дошли только незначительные отрывки. Въ канонѣ средней комедіи упоминаются имена только двухъ писателей: Антифана, родина котораго неизвѣстна, и Алексиса, изъ Турія въ нижней Италіи. Первый изъ нихъ жилъ въ первой, а послѣдній — во второй половинѣ четвертаго столѣтія до р. Х. Отъ сочиненій обоихъ писателей остались только небольшіе отрывки, хотя Алексисъ написалъ не менѣе двухсотъ сорока пяти, а Антифанъ двѣсти восемьдесятъ и по другимъ свѣдѣніямъ даже триста шестьдесятъ пять комедій. Писатели новой комедіи принадлежатъ къ позднѣйшему періоду греческой исторіи и будутъ упомянуты при ея изложеніи.

Аристофанъ — единственный писатель эпохи процвѣтанія греческой комедіи, отъ котораго до насъ дошли полныя пьесы. Событія его жизни такъ мало извѣстны намъ, что мы не можемъ назвать съ достовѣрностью ни мѣста, ни года его рожденія и смерти. Онъ былъ аѳинскій гражданинъ и жилъ во время Пелопоннесской войны, и по крайней мѣрѣ еще двадцать лѣтъ послѣ ея окончанія. Число написанныхъ имъ комедій простиралось, говорятъ, до пятидесяти четырехъ; изъ нихъ до насъ дошли только одиннадцать.

Аристофанъ былъ порицателемъ своего времени, какъ Эврипидъ его панегиристомъ. Комедіи Аристофана изображаютъ различіе между характерами и упадкомъ нравовъ той эпохи, въ которой онъ жилъ, и неиспорченными нравами прежняго, лучшаго времени. Онѣ представляютъ контрастъ между здравымъ человѣческимъ смысломъ и господствовавшимъ тогда — остроумничаніемъ, между истинною поэзіею и звучнымъ наборомъ словъ большей части современныхъ поэтовъ. Сюжетомъ комедій Аристофана была вся тогдашняя политическая, нравственная и умственная жизнь аѳинскаго народа. Въ нихъ нельзя искать ни многосложной завязки, ни неожиданной развязки, потому что онъ хотѣлъ занять и приковать вниманіе слушателя не развитіемъ искусно придуманной интриги, а силою поэзіи, сатирическимъ изображеніемъ извѣстной стороны тогдашней жизни и неподдѣльною вѣрностью картины.

Руководствуясь этимъ воззрѣніемъ, изъ комедій Аристофана можно составить себѣ ясное понятіе о различныхъ сторонахъ характера его времени, и этой цѣли должны служить слѣдующія замѣтки о нѣкоторыхъ изъ его произведеній. Комедія, извѣстная подъ именемъ «Плутосъ» или «Богатство», и послужившая римскому и французскому комикамъ Плавту и Мольеру источникомъ для комическаго изображенія скупца, начинается пародіею на одну изъ трагедій Эврипида и ироническимъ повтореніемъ нѣкоторыхъ изъ его стиховъ. Эврипидъ осмѣивается какъ поэтъ, старающійся привлечь вниманіе своихъ слушателей не внутреннею силою своей поэзіи, а романтичностью и занимательностью сюжета своей трагедіи и заслужить одобреніе публики искусственностью и гладкостью своей рѣчи. Но главный сюжетъ комедіи составляетъ не поэзія Эврипида, а корыстолюбіе аѳинянъ во времена Аристофана. Поэтъ обращаетъ вниманіе своихъ согражданъ на неправильность отношеній тогдашней жизни, которыя въ Аѳинахъ,

благодаря политическому равенству всѣхъ гражданъ, казались еще рѣзче и замѣтнѣе. Въ противоположность общему воззрѣнію, что богатства и чувственныя наслажденія составляютъ награду добродѣтели, Аристофанъ желаетъ разъяснить своимъ слушателямъ истинное отношеніе человѣка къ матеріальнымъ благамъ и указать, что на правильное распредѣленіе богатствъ нужно смотрѣть какъ на первое условіе общественной жизни. Приэтомъ онъ проводитъ контрастъ между простотою жизни древнихъ грековъ и господствовавшею въ его время страстью къ роскоши, говоря, что самого Зевса не должно считать богомъ, плавающимъ въ изобиліи, потому что онъ награждаетъ побѣдителей на посвященныхъ ему олимпійскихъ играхъ простою масличною вѣтвью, тогда какъ люди стали вездѣ очень щедры на золотые вѣнки. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аристофанъ вооружается противъ страсти присутствовать при судебныхъ процессахъ и противъ тогдашнихъ крючкотворцевъ, прикрывавшихъ свои гнусныя дѣйствія личиною заботливости объ общемъ благѣ. Онъ раскрываетъ также мошенничества жрецовъ, которыя, по мѣрѣ упадка религіознаго духа, дѣлались все чаще и безстыднѣе.

Въ «Облакахъ», самомъ знаменитомъ изъ твореній Аристофана, предметомъ сатиры дѣлаются развращеніе нравовъ и упадокъ тогдашняго воспитанія, начавшіеся вмѣстѣ съ успѣхами образованности и промышлености и увеличеніемъ богатства. Онъ старается показать публикѣ, что всѣ стремятся къ образованію и пріобрѣтенію познаній только для того, чтобы умѣть болтать о всевозможныхъ вещахъ, своимъ искусствомъ, ловкостью и остроуміемъ приводить въ смущеніе менѣе образованныхъ и, смотря по надобности, доказывать и опровергать все, что угодно. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой комедіи является знаменитый философъ Сократъ, въ лицѣ котораго осмѣивается все воспитаніе тогдашняго юношества и философскія стремленія аѳинянъ. Уже въ позднѣйшій періодъ древности, но еще болѣе въ наше время, многіе находили несправедливымъ и непонятнымъ, что Аристофанъ предалъ публичному посмѣянію человѣка, столь высоко стоявшаго въ нравственномъ отношеніи и доказавшаго своею смертью искренность своихъ стремленій и убѣжденій; но болѣе тщательное изученіе цѣли комика показываетъ, что онъ былъ такъ же счастливъ въ выборѣ героя комедіи, какъ и во всѣхъ остальныхъ частностяхъ этого образцоваго произведенія. При всемъ уваженіи къ личному характеру и ученію Сократа, должно сознаться, что онъ съ большимъ рвеніемъ и успѣхомъ, чѣмъ всѣ прочіе философы той эпохи, стремился придать древней религіи новый смыслъ и замѣнить старинные нравы народа новыми правилами нравственности. Подкапывая главнѣйшія опоры и самое существо аѳинской жизни, онъ своею дѣятельностью могъ быть столь же вреденъ въ дѣлѣ воспитанія, какъ въ отношеніи государственной политики демагогъ Клеонъ, также осмѣянный Аристофаномъ. Такимъ образомъ, въ лицѣ Сократа великій писатель хотѣлъ осмѣять начинавшія входить въ моду насмѣшки надъ религіею и сомнѣнія въ достовѣрности миѳовъ; изображеніе дѣятельности такого человѣка, какъ Сократъ, служило ему средствомъ доказать, что народныя вѣрованія необходимы для сохраненія государства и нравственности, и что религія никогда не можетъ быть замѣнена философскими идеями и простыми нравственными правилами. Для противодѣйствія господствовавшему стремленію, Аристофанъ противоставляетъ Сократу грубаго, но безъискусственнаго землевладѣльца Стрепсіада, какъ олицетвореніе добраго стараго времени, и въ противоположность тогдашнему образу жизни и образованію выставляетъ прадѣдовскіе нравы и воспитаніе.

Осмѣявъ въ «Облакахъ» новомодную философію, Аристофанъ въ другой своей комедіи, «Лягушки», нападаетъ на модное стихотворство, стараясь и въ этомъ отношеніи противодѣйствовать начинающемуся упадку. Эврипидъ и испорченный вкусъ слушателей, которому онъ льстилъ, составляютъ сюжетъ комедіи. На сцену выводятся Эврипидъ и Эсхилъ, какъ представители ложной и истинной поэзіи, пародируются звучныя слова и фразы Эврипида, въ которыхъ можно подразумѣвать все и ничего, и осмѣиваются, какъ нелѣпости, нѣкоторыя части его трагедій. Приэтомъ Аристофанъ указываетъ и на вредъ, причиненный образованію и изящному вкусу аѳинянъ владычествомъ простаго народа. Онъ заставляетъ Эврипида хвалиться тѣмъ, что въ его трагедіяхъ и рабъ и старуха, и господинъ и женщина говорятъ одинаково, и когда Эсхилъ прерываетъ его восклицаніемъ: «И это допустили? И тебя не убили за то, что ты осмѣлился такъ

унизить достоинство драмы?» Эврипидъ отвѣчаетъ: «Клянусь Аполлономъ! Я дѣлалъ это, *сообразно демократической модѣ*»! Авторъ старается также показать, что только немногіе обладаютъ изящнымъ вкусомъ и вѣрностью сужденія. На объясненіе, что весь свѣтъ восхищается поэзіею Эврипида, Аристофанъ заставляетъ отвѣчать, что въ Аѳинахъ теперь очень мало людей способныхъ и знающихъ что-нибудь; что большинство, думая только о стяжаніи и наслажденіяхъ, и въ поэзіи понимаетъ только то, что хорошо выглажено и выточено.

Комедія «Всадники» осмѣиваетъ господство простаго народа и демагогіи кожевника Клеона. Главная цѣль ея растолковать гражданамъ, что все, дѣлаемое повидимому для нихъ, въ сущности дѣлается демагогами для своихъ собственныхъ выгодъ; показать, какъ смѣшна и вредна политическая дѣятельность Клеона и ему подобныхъ, и представить среднее сословіе настоящимъ ядромъ народа и единственною опорою отечества. Такимъ образомъ, во «Всадникахъ» осмѣивается Клеонъ и простой народъ, и восхваляется среднее сословіе аѳинскаго народа. — Въ другой комедіи «Ахарнанцы», поставленной на сцену въ 425 г. до р. Х., Аристофанъ намекаетъ на типъ знатныхъ молодыхъ аѳинянъ, которые, какъ, напримѣръ, Ламахъ (стр. 214), желали продолженія бѣдственной войны, чтобы самимъ забавляться игрою въ оружіе и щегольствомъ военнаго наряда. Аристофанъ чрезвычайно остроумно и наглядно объясняетъ весь вредъ войны для трудящагося класса населенія и всѣ выгоды, которыя можетъ доставить миръ, въ особенности относительно матеріальныхъ наслажденій. Въ этой комедіи авторъ, очевидно, имѣлъ политическую цѣль—побудить народъ согласиться на предложенія Никія и его партіи, желавшихъ заключить миръ со Спартою.

Въ «Осахъ» Аристофанъ выводитъ на сцену безпорядки аѳинскаго судопроизводства. Въ этой комедіи осмѣивается страсть стариковъ гражданъ засѣдать въ судахъ и слушать льстивыя рѣчи истцовъ, обвиняемыхъ и адвокатовъ, и смѣшное сознаніе чиновничьяго достоинства, которымъ были проникнуты эти добродушные сапожники и портные. Онъ доказываетъ аѳинянамъ, что хотя эти почтенные старцы и воображаютъ, будто они дѣйствительно управляютъ государствомъ и, получая по три обола за каждое засѣданіе (стр. 201), оказываютъ услугу отечеству, но что въ сущности они только рабы демагоговъ и изъ-за нѣсколькихъ копѣекъ терпятъ гораздо большій ущербъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, тогда какъ всѣ выгоды отъ судопроизводства достаются корыстолюбивымъ крючкотворцамъ. Чтобы показать, какъ льстецы обманываютъ народъ, Аристофанъ приводитъ нѣсколько доносовъ, мнимыхъ заговоровъ, выдуманныхъ сикофантами. Въ заключеніе онъ хлещетъ всею силою своей ироніи пошлый, невѣжественный и праздный большой свѣтъ, со всѣми его дураками и подлецами, пользующимися силою и вліяніемъ только вслѣдствіе неразвитости массъ.

4. Исторіографія.

Начало греческой исторіографіи тѣсно связано съ такъ называемой циклической поэзіей (т. I, стр. 165 и 169). Подобно тому, какъ изъ поэзіи древнѣйшихъ эпохъ, вслѣдствіе прогресса образованности, мало-по-малу развилась философія, какъ самостоятельное стремленіе мыслящей силы, точно такъ же изъ поэтическаго изложенія легендъ возникла логографія, или прозаическій разсказъ преданій (стр. 169), и уже изъ нея достовѣрная исторіографія. Геродотъ, жившій въ пятомъ столѣтіи до нашего лѣтосчисленія, былъ первымъ настоящимъ исторіографомъ грековъ. Все, что до него было написано у грековъ о событіяхъ прошлаго, состояло только изъ миѳическихъ разсказовъ или изъ сухихъ хронологическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ, при составленіи которыхъ совершенно упускали изъ виду главную задачу исторіи — изображеніе характеровъ и хода развитія извѣстной эпохи. Геродотъ первый старался осмысливать факты, выводить событія изъ идей, и, сдѣлавшись вслѣдствіе того творцомъ достовѣрной исторіографіи, былъ прозванъ отцомъ исторіи. Между нимъ и логографами существуетъ гораздо большее разстояніе, чѣмъ между Эсхиломъ и его предшественниками. До появленія перваго, изъ трехъ великихъ трагиковъ уже Тесписъ — формою, а Фри-

нихъ — содержаніемъ положили основаніе истинной трагедіи, тогда какъ между Геродотомъ и логографами нѣтъ никакого связующаго перехода, и достовѣрная исторія, какъ по способу изложенія, такъ и по руководящимъ идеямъ, была впервые создана Геродотомъ.

Развитіе исторіи шло тѣмъ же путемъ, какъ трагическая поэзія. У Геродота она была, подобно трагедіи Эсхила, чистымъ созданіемъ природы и вдохновенія; философіей и искусствомъ Ѳукидидъ довелъ ее, точно такъ же какъ Софоклъ трагическое искусство, до совершенства; наконецъ, при Ксенофонтѣ она пала съ высоты, которой уже никогда болѣе не достигала. Исторіографія Ксенофонта, подобно драматической поэзіи Эврипида, пошла по новому направленію: по своему содержанію она была моралистической и прагматической, а въ формѣ изложенія старалась подражать изящному и вѣжливому тону образованнаго разговорнаго языка. Такимъ образомъ, исторіографія грековъ, подобно драматической поэзіи; была, послѣ непродолжительнаго процвѣтанія, приведена къ упадку измѣнившимся духомъ времени. Уже Ксенофонтъ, а еще болѣе послѣдующіе историки, почерпали изъ жизни народовъ, вмѣсто всесторонняго пониманія человѣческой природы, только нравоучительныя изреченія и правила нравственности или разума; въ ходѣ событій они видѣли не слѣды человѣческаго развитія, но спутанное движеніе страстей; наконецъ, на самое изученіе историческихъ событій смотрѣли только какъ на средство образовать и подготовить людей къ общественной дѣятельности.

Геродотъ родился около 484 г. до р. Х. въ Галикарнасѣ, дорійской колоніи въ Каріи, занимавшей югозападную часть Малой Азіи. Еще въ ранней молодости, оставивъ свой родной городъ, онъ объѣхалъ всю Грецію, Македонію, Ѳракію, доходилъ до устьевъ Днѣпра и посѣтилъ страны, лежащія къ востоку отъ Вавилона, Египетъ и сосѣднія земли. По возвращеніи изъ путешествія, Геродотъ поселился сначала на островѣ Самосѣ и здѣсь началъ писать свое историческое твореніе, въ которомъ разсказаны войны грековъ съ азіятцами, великая борьба съ персами за свободу, и во многихъ мѣстахъ сдѣланы описанія странъ и народовъ востока. Въ 444 году Геродотъ присоединился къ аѳинскимъ гражданамъ, отправившимся въ Нижнюю Италію и возстановившимъ, подъ именемъ Турія, разрушенный Сибарисъ. Въ этомъ городѣ, кажется, онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни. Онъ умеръ никакъ не ранѣе 408 г. до р. Х. и, слѣдовательно, прожилъ по крайней мѣрѣ 77 лѣтъ. По извѣстію, дошедшему до насъ изъ періода позднѣйшей древности, Геродотъ читалъ публично часть своей исторіи въ первый разъ въ 456 г. на олимпійскихъ играхъ, потомъ еще разъ въ Коринѳѣ и, наконецъ, въ послѣдній разъ въ 446 году въ Аѳинахъ. Извѣстіе это однако не настолько достовѣрно, чтобы на него можно было вполнѣ положиться, хотя и нѣтъ основанія считать его невѣроятнымъ.

Геродотъ, родившійся въ лучшіе годы драматической дѣятельности Эсхила, имѣетъ большое сходство съ этимъ поэтомъ, какъ по основнымъ идеямъ своего сочиненія, такъ и по своему отношенію къ духу тогдашняго времени. У Геродота въ его исторіи та же самая главная цѣль, какая лежитъ въ основаніи трагедіи Эсхила «Персы»: Геродотъ хочетъ представить контрастъ между греческимъ и восточнымъ бытомъ. Уже самый планъ и расположеніе его сочиненія выказываютъ этотъ контрастъ: исторія Геродота заключаетъ въ себѣ достовѣрныя и опредѣленныя хронологическія данныя, историкъ систематически группируетъ въ ней только тѣ событія, которыя казались ему достовѣрными, тогда какъ восточные историки блуждаютъ въ безконечныхъ и баснословныхъ пространствахъ времени и представляютъ намъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ пеструю смѣсь всевозможныхъ преданій, безъ всякой критики и повѣрки. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы Геродотъ сознательно и намѣренно придалъ своей исторіи такой характеръ и достигъ своей цѣли искусственнымъ путемъ; скорѣе нужно предположить, что онъ усвоилъ себѣ эту историческую манеру совершенно безсознательно, подъ вліяніемъ духа, господствовавшаго въ греческой націи, и всего видѣннаго и испытаннаго имъ въ путешествіяхъ. Также безсознательно и Эсхилъ противопоставилъ въ своихъ «Персахъ» несмѣтную и безпорядочную массу народовъ и людей немногочисленнымъ, но вполнѣ дисциплинированнымъ грекамъ, и выказалъ наглядно различие въ характерѣ обѣихъ націй, показавъ причины, по которымъ побѣдили греки. Пре-

имущества древности, болѣе пылкаго воображенія и болѣе поэтическаго взгляда на событія Геродотъ уступаетъ востоку. Его умъ былъ такъ пораженъ всѣми явленіями, причина которыхъ кроется въ этихъ чертахъ восточнаго характера, особенно восточною теократіею, таинственностью и фантастичностью религій востока, что все это приводило его въ изумленіе, даже имѣло чрезвычайно вредное вліяніе на его произведеніе. Геродотъ описываетъ всѣ эти предметы съ заранѣе составленнымъ въ ихъ пользу мнѣніемъ, и на его свидѣтельство о нихъ нельзя вполнѣ полагаться, — не потому, чтобы онъ хотѣлъ обмануть читателя, но потому, что самъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что ему говорили и показывали на востокѣ. Питая такое высокое уваженіе къ религіознымъ идеямъ востока, онъ, подобно Эсхилу, старается всячески восхвалять и превозносить культъ мистерій, незадолго до него перенесенный съ востока въ Грецію (стр. 163).

Основная идея всей исторіи Геродота заключается въ томъ, что побѣдою надъ восточнымъ рабствомъ, азіатской и африканской пышностью, хаотическимъ безпорядкомъ массы восточныхъ народовъ и фантастическими планами ихъ разгоряченнаго воображенія греки обязаны своей любви къ свободѣ, разумности, врожденному инстинкту порядка и господствующей между ними умѣренности. Геродотъ начинаетъ разсказъ о великой борьбѣ своихъ соотечественниковъ съ персами за независимость съ описанія самыхъ первыхъ враждебныхъ столкновеній востока съ Греціею, о которыхъ только запоминаетъ исторія. Онъ упоминаетъ сначала преданія о похищеніи финикіянки Европы, колхидянки Медеи и гречанки Елены, потомъ говоритъ о первой исторически достовѣрной войнѣ грековъ съ азіатскимъ народомъ, т. е. о покореніи малоазіатскихъ грековъ лидійскимъ царемъ Крезомъ. Это служитъ ему поводомъ къ изложенію исторіи лидійцевъ. Подчиненіе этого народа Киромъ приводитъ его къ персамъ и мидянамъ, а покореніе вавилонянъ и египтянъ персами, даетъ ему поводъ перейти къ этимъ двумъ народамъ и ассирійцамъ. Разсказывая исторію этихъ послѣднихъ націй, Геродотъ ясно высказываетъ свой здравый смыслъ, касаясь баснословныхъ историческихъ преданій ассирійцевъ, вавилонянъ и египтянъ единственно настолько, насколько это нужно для объясненія того, что онъ желаетъ разсказать. Говоря о царѣ Даріѣ Гистаспѣ и о походѣ его противъ скиѳовъ, онъ дѣлаетъ описаніе скиѳскихъ племенъ и ихъ страны. Потомъ, въ пятой изъ девяти книгъ его исторіи, онъ доходитъ до возстанія малоазійскихъ грековъ противъ Дарія и до войны, вспыхнувшей вслѣдствіе того между персами и европейскими греками. Война эта подробно излагается въ слѣдующихъ четырехъ книгахъ до сраженій при Платеѣ и Микале, которыми и оканчивается его сочиненіе.

Геродотъ очень часто прерываетъ нить своего изложенія и вставляетъ какой нибудь посторонній разсказъ. Помѣщая эти эпизоды, онъ имѣлъ въ виду или занять читателя, или нагляднымъ образомъ представить различіе между греческимъ и азіатскимъ бытомъ. Его сочиненіе было народною книгою и въ то же время прозаическимъ эпосомъ, назначеннымъ для чтенія юношества. По этому-то, чтобы привлечь вниманіе молодыхъ читателей или слушателей и придать своей книгѣ болѣе разнообразія, Геродотъ и помѣстилъ въ ней множество анекдотовъ и чудесныхъ разсказовъ, дѣлавшихъ его чисто-историческій разсказъ привлекательнѣе для подвижнаго и живаго ума грековъ. Что касается другой цѣли этихъ эпизодовъ, многіе изъ нихъ, очевидно, помѣщены для того, чтобы яснѣе выставить преимущества греческихъ учрежденій и идей, въ сравненіи съ диковинными вещами, разсказываемыми Геродотомъ объ азіатцахъ.

Самымъ нагляднымъ примѣромъ этого можетъ служить разсказъ о свиданіи грека Солона съ богатымъ и могущественнымъ лидійскимъ царемъ, Крезомъ. Крезъ показалъ греческому мудрецу свои громадныя сокровища и былъ сильно удивленъ, когда на его вопросъ, кого Солонъ считаетъ счастливѣйшимъ человѣкомъ, послѣдній отвѣчалъ, что не его, а небогатыхъ частныхъ людей, которые честно провели свою жизнь, безмятежно наслаждаясь болѣе скромными радостями. Затронутый тѣмъ, что Солонъ предпочитаетъ простыхъ гражданъ ему, пышному повелителю Малой Азіи, Крезъ спросилъ грека, почему онъ его не считаетъ болѣе счастливымъ. Тогда Солонъ отвѣчалъ ему, что, при непостоянствѣ судьбы, самый

богатый и могущественный человѣкъ не безопасенъ отъ несчастія, и что никто, при своей жизни, не можетъ считать себя безусловно счастливымъ, потому что каждый грядущій день можетъ принести ему погибель. Ослѣпленный высокомѣріемъ, Крезъ никакъ не могъ усвоить себѣ подобнаго воззрѣнія на жизнь и неласково разстался съ греческимъ философомъ, основательности предостереженій котораго онъ не понялъ. Но вскорѣ, когда Киръ низвергнулъ Креза съ высоты могущества и даже приговорилъ его къ казни, лидійскій царь призналъ истину словъ Солона. Стоя на кострѣ и вспомнивъ сказанное греческимъ мудрецомъ, онъ три раза произнесъ его имя и былъ обязанъ сохраненіемъ своей жизни только тому, что болѣе дальновидный персидскій царь, понявъ истину этихъ словъ, почувствовалъ состраданіе къ Крезу (стр. 63). Кто не видитъ въ этомъ разсказѣ намѣренія представить контрастъ между греческой опытностью и житейской мудростью и восточнымъ высокомѣріемъ, гордящимся только матеріальными благами? Той же цѣли Геродотъ старается достигнуть и своимъ описаніемъ начала персидской исторіи. Онъ представляетъ древнихъ персовъ такъ, что читатель видитъ самъ, какъ ничтожное вначалѣ, простое, умѣренное, но одаренное природною энергіею племя достигаетъ величія, при покровительствѣ боговъ, а для народа, съ противоположными качествами, причина слабости заключается въ его собственномъ могуществѣ. Повѣствуя о дальнѣйшемъ ходѣ персидской исторіи, Геродотъ старается какъ можно нагляднѣе представить могущество и обширность Персидскаго царства, для того, чтобы впослѣдствіи при описаніи его войны съ греками выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ побѣду своихъ соотечественниковъ. Поэтому онъ посвятилъ описанію египтянъ цѣлую книгу, такъ какъ ничто не могло дать лучшаго понятія о могуществѣ персовъ, какъ покореніе ими Египта, который самъ Геродотъ представляетъ такимъ древнимъ, могущественнымъ и многолюднымъ. Вслѣдъ за этимъ Геродотъ разсказываетъ, какъ была присоединена къ огромному Персидскому царству и часть остальной Африки; но, чтобы читатель никогда не терялъ изъ виду греческаго народа, составляющаго главный предметъ его сочиненія, онъ пользуется удобнымъ случаемъ и говоритъ о Поликратѣ Самосскомъ, о спартанцахъ и ихъ учрежденіяхъ.

Послѣ того, Геродотъ снова возвращается къ персидской исторіи, но и здѣсь, пользуясь всякимъ поводомъ, говоритъ какъ грекъ или обращается съ рѣчью къ грекамъ. Яснѣе всего это высказывается въ разсказѣ о вступленіи на престолъ Дарія Гистаспа, гдѣ онъ приводитъ греческія воззрѣнія на государство и правительственныя формы. Геродотъ жилъ въ то время, когда во всѣхъ греческихъ государствахъ происходила кровопролитная и упорная борьба между олигархіею, аристократіею и демократіею, когда монархическія формы правленія не были еще совершенно забыты, и старое продолжало бороться съ новымъ. Революція, предшествовавшая въ Персіи вступленію на престолъ Дарія, возбудила въ историкѣ политическое настроеніе, свойственное его націи и времени, и потому, разсказывая объ этихъ непродолжительныхъ внутреннихъ смутахъ въ Персидскомъ царствѣ, вообще неподвижномъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не описать ихъ въ греческомъ духѣ. Геродотъ заставляетъ персидскихъ вельможъ, собравшихся по низверженіи Лже-Смердиса для избранія царя, разсуждать о формахъ правленія и говорить рѣчи о сущности монархіи, аристократіи и демократіи, въ которыхъ историкъ высказываетъ свое собственное мнѣніе и взгляды самыхъ развитыхъ изъ своихъ соотечественниковъ.

Вскорѣ послѣ того, упомянувъ о грекѣ Демокедѣ, врачѣ царя Дарія I, Геродотъ пользуется случаемъ, чтобы въ подробномъ разсказѣ объ этомъ человѣкѣ привести сравненіе между наукою грековъ и умственнымъ состояніемъ персовъ. Этой же цѣли служатъ и его разсказы о полугрекѣ Скилаксѣ, изслѣдовавшемъ, по порученію Дарія, западную часть Остъ-Индіи, и о Мандроклѣ Самосскомъ, построившемъ мостъ черезъ Босфоръ, во время похода Дарія противъ скиѳовъ.

Геродотъ въ своей исторіи разсказываетъ много баснословнаго, и потому часто возникало сомнѣніе въ достовѣрности сообщаемыхъ имъ фактовъ; однако, не говоря уже о томъ, что многое, считавшееся прежде баснями, подтвердилось въ наше время болѣе точнымъ изученіемъ странъ и народовъ, легенды и баснословные разсказы Геродота имѣютъ свое основаніе. Сочиненіе его отъ начала до конца предназначалось для всеобщаго чтенія, оно должно было быть народною

книгою и потому не могло не заключать въ себѣ чудесныхъ и баснословныхъ разсказовъ. Южные народы, по своему характеру, требуютъ непремѣнно удовлетворенія фантастическому чувству; это черта общая и въ наше время современнымъ грекамъ, итальянцамъ и жителямъ южныхъ провинцій Испаніи и Франціи. Геродотъ, желавшій написать для грековъ исторію, а не учить ихъ религіи, долженъ былъ въ своемъ сочиненіи дать мѣсто и подобнымъ предметамъ. Онъ самъ вѣрилъ нѣкоторымъ изъ передаваемыхъ имъ разсказовъ, но при многихъ слегка высказываетъ свое сомнѣніе, прибавкою словъ «такъ говорятъ они» или «такъ я слышалъ», и такимъ образомъ отдѣляетъ то, чего онъ самъ не считалъ положительно достовѣрнымъ. Геродотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ обманщикомъ, потому что никогда не выдаетъ за истину того, что считаетъ самъ ложнымъ. Господствующая во всемъ сочиненіи простота и задушевность тона придаетъ каждому разсказу особую прелесть и трогаетъ сердце или чисто человѣческое чувство читателя. Прозаическій языкъ этого произведенія постоянно напоминаетъ читателю, что онъ стоитъ на исторической почвѣ и имѣетъ передъ собою поучительную историческую цѣль.

Второй изъ трехъ великихъ историковъ греческой древности, Ѳукидидъ, родился въ Аѳинахъ въ 471 г. до р. Х., тринадцатью годами позже Геродота. Сначала онъ принималъ дѣятельное участіе въ Пелопоннесской войнѣ, которая и описана имъ въ особомъ сочиненіи; въ восьмой годъ этой войны онъ, между прочимъ, командовалъ эскадрою аѳинскаго флота, но былъ отрѣшенъ отъ должности и изгнанъ изъ Аѳинъ за то, что не могъ защитить городъ Амфиполь отъ нападенія спартанцевъ подъ начальствомъ Бразида. Тогда онъ поселился въ одномъ небольшомъ ѳракійскомъ городѣ, родинѣ его жены, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ поѣздокъ въ разные греческіе города, прожилъ тамъ около двадцати лѣтъ. Все это время Ѳукидидъ посвятилъ преимущественно приготовительнымъ трудамъ для своего знаменитаго историческаго сочиненія о Пелопоннесской войнѣ. По взятіи Аѳинъ Лисандромъ, онъ воспользовался объявленной всеобщей амнистіей и возвратился на родину. Время его смерти неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ былъ еще живъ при концѣ Пелопоннесской войны, и слѣдовательно, имѣлъ тогда по крайней мѣрѣ семьдесятъ лѣтъ отъ роду.

Сочиненіе Ѳукидида обнимаетъ собою только первые двадцать одинъ годъ Пелопоннесской войны; смерть помѣшала ему окончить полную исторію этой войны. Сочиненіе его и по цѣли и по духу совершенно различно отъ историческаго произведенія Геродота. Послѣднее предназначалось для народа; а Ѳукидидъ жилъ въ то время, когда образованіе всей массы гражданъ уже не было, какъ прежде, почти одинаково, и воспитаніе богатыхъ приняло болѣе научное и философское направленіе. Въ такое время невозможно писать одинаково для людей знающихъ, образованныхъ, и для неразвитой массы, неспособной углубляться въ предметъ и слѣдующей почти исключительно своему чувству. Такимъ образомъ, Ѳукидидъ принужденъ былъ избрать себѣ кругъ читателей и написалъ свою исторію для образованной части греческаго народа.

Точно также отличается Ѳукидидъ отъ Геродота цѣлью, воззрѣніемъ на предметъ и его обработкою. Послѣдній, самъ того не сознавая, давалъ чувствовать, что великія стремленія эпохи Персидскихъ войнъ были результатомъ свободы, сдерживаемой въ предѣлахъ благоразумія религіею, нравами и законами; Ѳукидидъ, напротивъ того, принадлежалъ такой эпохѣ, когда образованность достигла высшей своей точки, но зато исчезло прежнее настроеніе, изъ котораго она развилась, и ослабла та энергія, съ помощью которой она достигла такой высоты. Поэтому онъ обращается только къ разуму своихъ современниковъ, старается изслѣдовать причины исчезновенія прежняго настроенія духа и въ то же время хочетъ представить мыслящимъ читателямъ тогдашнее состояніе государства и общества со всѣми его разнообразными стремленіями. Иначе сказать, устами Геродота говоритъ сама эпоха, въ которую онъ жилъ; Ѳукидидъ же не органъ своего времени, какъ Геродотъ, а его произведеніе. Онъ стоитъ въ одно время и въ уровень съ своей эпохой и выше ея, вооруженъ всею философіею, знаніемъ людей и опытностью, которыми не обладала предшествовавшая эпоха, и поучаетъ тѣсный кругъ знающихъ, къ которымъ однимъ обращена его серьезная рѣчь о томъ, какъ и въ ихъ время можно еще

служить дѣлу справедливости. Дѣйствуя такимъ образомъ, Ѳукидидъ и въ тонѣ и во всемъ изложеніи своей исторіи выражаетъ мнѣнія и воззрѣнія небольшой лучшей части аѳинянъ, точно такъ же какъ Аристофанъ въ своихъ сарказмахъ, а Платонъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о государствѣ. Онъ является рѣшительнымъ противникомъ демократіи, превратившейся въ настоящую тиранію и передавшей всю власть въ руки нѣсколькихъ демагоговъ, и видитъ возможность достигнуть истинной свободы только возстановленіемъ аристократіи, въ старинномъ, хорошемъ значеніи этого слова.

Геродотъ, никогда не теряя изъ виду воображенія и чувства читателя, старается придать жизнь и движеніе своему сочиненію быстрымъ переходомъ отъ одного предмета къ другому и колоритомъ чудеснаго. Ѳукидидъ достигаетъ той же цѣли благодаря внутренней жизни, которою проникнуты его описанія, богатству опытности, которая видна во всѣхъ его разсказахъ, и мастерскому изображенію характеровъ, въ которомъ все вниманіе обращено на историческую истину, а не на драматическій эффектъ, какъ въ историческихъ сочиненіяхъ Шиллера. То же самое можно сказать и о рѣчахъ, которыя Ѳукидидъ влагаетъ иногда въ уста историческихъ личностей.

Чуждое современной исторической методѣ обыкновеніе вставлять въ разсказъ рѣчи, у грековъ и римлянъ, въ особенности же у первыхъ, имѣло свое основаніе и было даже отчасти необходимо. Только эти двѣ націи и жили настоящею государственною жизнью, гдѣ народъ не является мертвою массою, приводимою въ движеніе нѣсколькими руководителями, и не предоставляетъ всей политической дѣятельности однимъ властителямъ или могущественной аристократіи. Если это и не совершенно вѣрно относительно Рима, потому что тамъ народъ въ большей части случаевъ дѣйствовалъ какъ мертвая масса, то послѣдняго никакъ нельзя сказать о маленькихъ греческихъ республикахъ, въ которыхъ всякая отдѣльная часть цѣлаго жила своею жизнію и имѣла свое самостоятельное развитіе. У грековъ изустная рѣчь очень рано проникла во всѣ отрасли дѣятельности, вся жизнь греческихъ государствъ была постоянно активною и всегда имѣла въ себѣ что-то драматическое.

Уже въ твореніяхъ Гомера эта характеристическая черта греческаго народа проявляется весьма замѣтнымъ образомъ, и помѣщенныя въ нихъ рѣчи могли служить образцами для краснорѣчія послѣдующихъ эпохъ. Итакъ весьма естественно, что въ греческой исторіографіи рѣчи составляли весьма важный элементъ, тогда какъ попытки ввести ихъ въ исторіографію новѣйшаго времени всегда оказывались неудачными. Но во всемъ древнемъ мірѣ не было эпохи, которая способствовала бы развитію этого обычая болѣе той, въ которую жилъ Ѳукидидъ, и ни одинъ греческій или римскій писатель не обнаружилъ въ этомъ отношеніи такого таланта, какъ Ѳукидидъ. Поэтому изъ однѣхъ рѣчей Ѳукидида, сравнивая ихъ съ рѣчами другихъ историковъ, можно видѣть разницу между образованностью его времени и другихъ періодовъ жизни греческаго народа. У Геродота рѣчи такъ же наивны, какъ и его время, и составляютъ выраженіе естественнаго сердечнаго настроенія; у Ѳукидида онѣ служатъ выраженіемъ бодрой философіи, еще не обратившейся въ школьную; у Ксенофонта, жившаго и писавшаго въ эпоху, слѣдовавшую непосредственно за Ѳукидидомъ, онѣ содержатъ только обыкновенную житейскую мудрость и моральные принципы, замѣнявшіе для Ксенофонта и его современниковъ религію, а еще позднѣе рѣчи въ историческихъ сочиненіяхъ обращаются въ пустыя декламаціи и ораторскіе фокусы. Такой же характеръ имѣютъ онѣ и у римскихъ историковъ.

Встрѣчавшіяся въ исторіи Ѳукидида рѣчи лучше всего доказываютъ, что, по своему образованію, этотъ историкъ принадлежалъ тому времени, когда умъ грековъ стремился преимущественно къ разсудочнымъ понятіямъ, но наибольшимъ уваженіемъ еще пользовались Эсхилъ и Софоклъ, а не Эврипидъ. У Геродота, какъ и Гомера, рѣчи должны были содѣйствовать возвышенію интереса и оживленію разсказа, составляя примѣсь драматическаго элемента въ эпическомъ; рѣчи же Ѳукидида имѣютъ совершенно другое назначеніе: вмѣстѣ съ внѣшними дѣйствіями главныхъ лицъ его исторіи, онъ желаетъ уяснить читателю образъ мыслей и внутреннюю силу, на которой основывались эти дѣйствія. При этомъ онъ не стремится безплодно, подобно многимъ писателямъ новѣйшаго времени, сдѣлать доступнымъ чувству и фантазіи то, что можетъ быть воспринимаемо только разу-

момъ мыслящаго читателя. Өукидидъ желаетъ изобразить внутреннюю жизнь дѣятелей своей исторіи не столько посредствомъ излагаемыхъ въ рѣчи мыслей и принциповъ, сколько манерою ихъ выражать свои мысли. Такъ, напримѣръ, изъ рѣчей, которыя Өукидидъ заставляетъ говорить Перикла, мы узнаемъ всѣ качества, доставившія ему его необыкновенное вліяніе, хотя Периклъ и не перечисляетъ въ нихъ своихъ достоинствъ. Проницательный и глубоко-философскій взглядъ на предметы и обращеніе съ ними показываютъ намъ въ Периклѣ ученика Анаксагора. Изъ его частныхъ упоминаній объ общественныхъ заведеніяхъ, зданіяхъ и художественныхъ произведеніяхъ Аөинъ, мы узнаемъ государственнаго человѣка, всегда считавшаго искусство и науку существенными элементами аөинской демократіи. Наконецъ, переданная въ этихъ рѣчахъ манера Перикла льстить демократической гордости аөинянъ и противопоставлять ихъ учрежденія спартанскимъ ясно рисуетъ знаніе людей и политическую ловкость великаго государственнаго человѣка, умѣвшаго руководить, по своей волѣ, самымъ необузданнымъ народомъ въ свѣтѣ.

Точно также и рѣчи, вложенныя Өукидидомъ въ уста спартанскаго полководца Брасида, показываютъ намъ двѣ главныя стороны характера этого человѣка — мужество и строго спартанскій образъ мыслей на войнѣ, кротость и добродушіе, когда нужно было пріобрѣсти или удержать за собою союзниковъ. Желая и здѣсь въ манерѣ говорить и мыслить представить намъ внутреннее настроеніе и образъ дѣйствій человѣка, имѣвшаго такое громадное вліяніе на весь ходъ Пелопоннесской войны, Өукидидъ заставляетъ Брасида произнести двѣ длинныя рѣчи. Но и въ этомъ случаѣ онъ искусно избѣжалъ ошибки, въ которую впадали столько римскихъ, французскихъ и англійскихъ историковъ, сдѣлавшихъ изъ описываемыхъ ими личностей только театральныхъ героевъ. Въ словахъ Брасида мыслящій читатель видитъ его благородную самоувѣренность, его убѣжденіе въ превосходствѣ государственнаго устройства Спарты, его спартанскую гордость, природную храбрость, не переходящую однако въ высокомѣріе, и наконецъ спокойствіе этого истинно энергическаго человѣка въ минуты опасности. Въ обѣихъ рѣчахъ нѣтъ нигдѣ ни риторики, ни поддѣльныхъ торжественныхъ или трогательныхъ выраженій. Өукидидъ не дѣлаетъ также и несчастной попытки подражать языку и воззрѣніямъ другихъ временъ и народовъ, попытки, неудавшейся нѣкоторымъ великимъ германскимъ писателямъ новѣйшаго времени. Онъ заставляетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ говорить тѣмъ же языкомъ, которымъ написана вся книга, и такимъ образомъ ясно даетъ понять читателю, что передъ нимъ не является настоящій или выведенный вмѣсто него трагическій Брасидъ, но что въ духѣ послѣдняго говоритъ авторъ, и притомъ такъ, какъ, по его мнѣнію, долженъ бы былъ въ томъ случаѣ говорить самъ Брасидъ.

Аөинскій уроженецъ Ксенофонтъ, главныя событія изъ жизни котораго сразсказаны выше (стр. 248) находится въ такомъ же отношеніи къ Өукидиду, какъ Эврипидъ къ Софоклу. Его сочиненія, выражающія еще нагляднѣе и разностороннѣе, чѣмъ творенія Эврипида, характеръ послѣдующихъ годовъ Пелопоннесской войны, заслуживаютъ тщательнаго разбора. Кромѣ того, необходимо здѣсь обратить вниманіе и на философскіе труды Ксенофонта, потому что ими объясняется главная цѣль его историческихъ произведеній.

Одно изъ важнѣйшихъ философскихъ сочиненій Ксенофонта носитъ названіе «Достопамятностей Сократа». Оно лучше всѣхъ остальныхъ знакомитъ съ воззрѣніями Ксенофонта и тогдашней эпохи, потому что въ немъ авторъ заставляетъ своего учителя Сократа проповѣдывать то же философское ученіе, котораго держались онъ самъ и большинство его современниковъ. Главною цѣлью своихъ стремленій Ксенофонтъ избралъ реальность и практичность и потому понялъ ученіе Сократа только такъ, что, по его мнѣнію, предметомъ и цѣлью всякой философіи должно быть одно доступное нашимъ чувствамъ и полезное. Но онъ упустилъ изъ виду различіе, существующее между знаніемъ, добытымъ чисто философскимъ путемъ, и вдохновеннымъ внутреннимъ созерцаніемъ того, что лежитъ въ самой природѣ мыслящаго существа. Занимаясь только полезнымъ и видя конечную цѣль образованія единственно въ опредѣленныхъ понятіяхъ о немъ, Ксенофонтъ ограничилъ свою философію, а слѣдовательно и конечную цѣль своей исторіи одною житейскою и политическою мудростью и моралью; въ «Достопамятностяхъ Сократа» онъ подво-

дитъ даже отечество, родственныя отношенія и дружбу подъ простыя понятія объ имуществѣ. Предшествовавшая эпоха всегда относила къ религіи эти понятія, имѣющія связь съ самымъ внутреннимъ бытіемъ человѣка, и потому выражала ихъ общимъ именемъ благочестія; Ксенофонтъ же ставитъ ихъ рядомъ съ понятіями о домѣ, пашнѣ, рабахъ и т. п. и обращаетъ на нихъ вниманіе своихъ читателей только потому, что они имѣютъ нѣкоторое значеніе въ жизни и общественныхъ отношеніяхъ. Этимъ самымъ онъ показываетъ, какъ чуждо было его времени все идеальное и благородное, и какъ глубоко упало оно съ той высоты, на которой человѣкъ ищетъ не однѣхъ только матеріальныхъ выгодъ, но даетъ въ своемъ сердцѣ мѣсто и другимъ, болѣе возвышеннымъ и святымъ чувствамъ. Въ такую эпоху люди находятъ все свое счастіе въ простомъ умничаньѣ, обыденной морали и умѣньѣ болтать о всевозможныхъ предметахъ. Сочиненія Ксенофонта также страдаютъ недостатками своего времени.

Впрочемъ, хотя эта сторона «Достопамятностей Сократа» изображаетъ намъ прозаическій и по преимуществу практическій духъ того времени, но въ нѣкоторыхъ чертахъ этого произведенія открывается и великая сторона Ксенофонта и его времени. Черты эти выдѣляются еще рѣзче при сравненіи «Достопамятностей Сократа» съ другимъ сочиненіемъ Ксенофонта, «Киропедіею», потому что въ послѣднемъ господствуетъ персидское однообразіе и вялость, а въ первомъ вѣетъ духъ аѳинской жизни со всѣми ея прелестями, обусловливаемыми движеніемъ и разнообразіемъ человѣческой дѣятельности. Достопамятности Сократа отличаются чрезвычайною живостью діалога, заключающимися въ нихъ характеристическими очерками, списанными съ натуры, и искусствомъ, съ какимъ Ксенофонтъ заставляетъ Сократа примѣнять свою мораль къ тогдашнимъ отношеніямъ. Все это переноситъ насъ въ самую средину Аѳинъ, передъ нашими глазами раскрывается полная картина состоянія тогдашняго общества, и мы научаемся даже отличать различныя господствовавшія въ томъ обществѣ направленія. Люди, обстоятельства, весь строй тогдашней жизни не только описываются намъ, но представляются нашимъ взорамъ съ самой выгодной точки зрѣнія, потому что самъ писатель имѣетъ величайшее пристрастіе ко всему, о чемъ говоритъ.

Если теперь, ознакомившись изъ «Достопамятностей Сократа» съ воззрѣніями Ксенофонта на жизнь, мы перейдемъ къ сочиненію, называющемуся «Киропедіей» или воспитаніемъ Кира, то вполнѣ уяснимъ себѣ въ чемъ по мнѣнію Ксенофонта состоитъ задача исторіи и какого рода поученія извлекаетъ историкъ изъ изслѣдованія человѣческихъ дѣяній и хода событій. Въ «Киропедіи» Ксенофонтъ описалъ въ видѣ романа исторію основателя Персидской монархіи. Уже одно вызвавшее эту попытку мнѣніе, что исторія, обработанная такимъ образомъ, гораздо лучше и занимательнѣе, чѣмъ въ ея настоящемъ видѣ, обличаетъ эпоху, которая по избалованности вкуса и искусственной образованности весьма похожа на современную. Въ «Киропедіи» Ксенофонтъ рисуетъ намъ идеалъ государя, составленный на основаніи ученія Сократа, и проводитъ при этомъ мысль, что подобный властитель можетъ управлять государствомъ, какъ машиною, и своею любовью, кротостью и мудростью доставить полное счастіе своимъ подданнымъ.

Во времена Геродота, когда энергія и самостоятельность гражданъ были душою государства, когда личность каждаго, пользуясь полною свободою, тѣмъ самымъ удерживала въ надлежащихъ границахъ другія личности, а религія и законъ были стражами нравственности и порядка, подобная мысль не могла никому придти въ голову. Геродотъ, желая примирить своихъ читателей съ непостоянствомъ судьбы, доставить имъ успокоеніе среди вѣчной борьбы страстей, и утѣшить въ безпрестанныхъ преступленіяхъ и смутахъ, волнующихъ нашъ міръ, не рисуетъ имъ, какъ Ксенофонтъ, идеалъ повелителя, держащаго въ своихъ рукахъ законъ, право и миръ, обуздывающаго всѣ страсти и водворяющаго во всемъ своемъ царствѣ спокойствіе сна. Напротивъ того, въ сочиненіи Геродота почти на каждой страницѣ встрѣчаются похвалы такому устройству, въ которомъ каждый гражданинъ принимаетъ участіе, а государствомъ управляетъ божество и законъ. Но Геродотъ, желая уяснить намъ это или успокоить насъ, не ведетъ насъ, какъ Ксенофонтъ, въ утопію, въ царство мечтаній, а указываетъ на дѣйствующую въ тиши богиню мщенія, Немезиду, или на судьбу и ея необъяснимыя отношенія къ человѣческой свободѣ, или, наконецъ, на такъ назы-

ваемую зависть боговъ, которая губитъ всякаго человѣка, достигшаго вершины величія и счастья, потому что высшее счастіе и величіе составляютъ удѣлъ только божества. Совершенно иное видимъ мы у Ксенофонта. Въ его время жило поколѣніе, нравственно утомленное, стремившееся къ наслажденіямъ и спокойствію и, среди постоянныхъ волненій демократіи, вѣчныхъ войнъ и безпрестанныхъ преступленій и беззаконій, охотно переносившееся воображеніемъ въ міръ идиллій, гдѣ все, двигаясь мирно и покойно, по заведенному порядку, впадаетъ вслѣдствіе своего однообразія и безжизненности въ состояніе утомленія и мало-по-малу вымираетъ. Нужно вспомнить политическія волненія демократической республики, постоянныя смуты народныхъ массъ, дѣйствія демагоговъ, софистовъ и сикофантовъ, и, принявъ въ соображеніе, что во время Ксенофонта духъ лишился своей бодрости и энергіи, разумъ уступилъ уму, религія морали, все возвышенное и благородное полезному матеріальному, — легко будетъ понять, что люди той эпохи могли полюбить неизмѣнный порядокъ вещей, основанный на извѣстнаго рода іерархическихъ учрежденіяхъ, въ которомъ все имѣло бы свое опредѣленное мѣсто, не смѣя и не имѣя возможности сойти съ него. Тогда объяснится, почему люди подобной эпохи охотно обращались къ идиллическому созерцанію и предпочитали эти идеальные образы, серьезнымъ, сухимъ и простымъ урокамъ исторіи.

Поэтому съ Киропедією Ксенофонта было то же, что съ Телемакомъ Фенелона. Какъ Ксенофонтъ рисовалъ романическія картины своей Киропедіи, какъ противоположность неистовой и бурной дѣятельности аѳинскаго народа и его предводителей, такъ и французскій епископъ противопоставилъ мертвой придворной жизни Людовика XIV и господствовавшему тогда тщеславному стремленію къ военной славѣ нѣжные и исполненные чувства образы своего Телемака. Потому-то эти книги имѣютъ нѣкоторыя, общія имъ обѣимъ, преимущества; но Фенелонъ имѣетъ на своей сторонѣ ту невыгоду въ сравненіи съ Ксенофонтомъ, что онъ отнесъ свой романъ къ гомерическому періоду, съ которымъ публика новѣйшаго времени болѣе знакома, чѣмъ древніе греки съ положеніемъ Персіи, описаннымъ Ксенофонтомъ. Вслѣдствіе того у Фенелона романическій элементъ производитъ гораздо болѣе непріятное впечатлѣніе на мыслящаго читателя, чѣмъ у Ксенофонта. Послѣдній имѣлъ на своей сторонѣ еще то огромное преимущество, что видѣлъ собственными глазами Персію и персовъ, мало знакомыхъ его соотечественникамъ, и потому въ своемъ романѣ могъ превосходно воспользоваться знаніемъ ихъ нравовъ, учрежденій и дѣйствительною ихъ исторіею, насколько она касалась его главнаго предмета. При оцѣнкѣ философіи Ксенофонта и ея достоинствъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что хотя онъ самъ видѣлъ Персидскую монархію во время ея упадка, но тѣмъ не менѣе хвалитъ всѣ ея учрежденія и приписываетъ введеніе ихъ Киру, какъ будто не замѣчая, что политическая организація Персіи, дѣлая государство простою машиною, должна была неизбѣжно отнимать у него въ минуту опасности всю энергію и силу и поставить персовъ въ такое положеніе, что всѣ ихъ безчисленныя арміи не могли побѣдить тринадцати тысячъ грековъ. Впрочемъ, и Киропедія Ксенофонта и Телемакъ Фенелона одинаково были обязаны своимъ вліяніемъ языку и манерѣ, которыми они были написаны. Спокойствіе и достоинство тона, прекрасные характеры и добродѣтельные люди въ такомъ числѣ, въ какомъ ихъ нельзя встрѣтить нигдѣ на свѣтѣ, придаютъ особенную прелесть этимъ сочиненіямъ; легкое теченіе рѣчи и искусное соединеніе фразъ въ ясные и полнозвучные періоды производятъ у Ксенофонта такое же впечатлѣніе, какъ у Фенелона чистота языка, плавная поэтическая проза и присутствіе гомерическаго элемента въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ это было возможно французамъ, по духу ихъ образованія.

Совершенно другое дѣйствіе производитъ на насъ истина описаній и простой, твердый, и въ то же время основательный разсказъ въ «Анабасисѣ», другомъ произведеніи Ксенофонта. Въ этомъ сочиненіи описывается славное отступленіе тринадцати тысячъ греческихъ наемниковъ, бывшихъ въ службѣ Кира Младшаго и совершившихъ походъ къ Кунаксѣ и оттуда, среди безчисленныхъ препятствій, обратно въ Грецію (стр. 947). Ксенофонтъ, бывшій настоящимъ предводителемъ ихъ въ самое трудное время отступленія, составилъ описаніе похода по

дневникамъ, которые онъ велъ въ продолженіе его. Это сочиненіе составляетъ совершенную противоположность Киропедіи, рисуя намъ картину дѣятельности и предпріятій эпохи Ксенофонта и въ то же время выставляя въ самомъ яркомъ свѣтѣ всѣ нравственныя преимущества тогдашнихъ грековъ, тогда какъ Киропедія показываетъ намъ ихъ со стороны ихъ умственныхъ заблужденій и застоя. Въ «Анабасисѣ» не замѣтно полугреческаго, полуперсидскаго вычурнаго слога Киропедіи; въ немъ все серьезно и правдиво. Авторъ не думаетъ о риторическихъ прикрасахъ, потому что самъ поддается вліянію описываемыхъ имъ событій. Въ этой книгѣ почти незамѣтно тѣхъ воззрѣній на жизнь и возвышенные предметы, которыя господствуютъ въ «Достопамятностяхъ Сократа»; здѣсь Ксенофонтъ является чистымъ грекомъ, въ настоящемъ, древнемъ значеніи этого слова: онъ считаетъ боговъ тѣмъ, чѣмъ они были для его народа съ древнѣйшихъ временъ, т. е. средствомъ, которымъ пользовалась болѣе просвѣщенная часть націи для обузданія эгоистическихъ стремленій необразованной массы. Ксенофонтъ приписываетъ богамъ успѣхъ этого предпріятія отважныхъ грековъ и оставляетъ за ихъ предводителями только ту заслугу, что они всегда находили средства для приведенія въ исполненіе дѣла, уже рѣшеннаго волею боговъ. Онъ разсказываетъ, какъ при всякомъ случаѣ приносились богамъ жертвы и для узнанія ихъ воли вопрошались внутренности закланныхъ животныхъ, не дѣлая при этомъ и вида, что самъ сомнѣвается въ дѣйствительности подобныхъ средствъ.

Какъ въ самомъ походѣ, такъ и въ описаніи похода выставляется вездѣ въ самомъ яркомъ свѣтѣ превосходство греческаго искусства и науки надъ безпорядочностью и дикостью Востока. Изъ простыхъ словъ этого разсказа ясно видно, какой громадный перевѣсъ надъ безчисленными толпами персовъ имѣли греки, благодаря своей образованности и опытности. Производимыя въ продолженіе всего похода измѣренія пути, тактика, употреблявшаяся противъ численнаго превосходства персовъ, и географическія открытія, сдѣланныя во время этой экспедиціи, описываются Ксенофонтомъ чрезвычайно просто и безъ всякаго хвастовства; они взяты цѣликомъ изъ дневника полководца и поэтому, такъ же какъ и по своему безъискусственному изложенію, пріобрѣтаютъ еще большую цѣнность. И въ томъ, какъ Ксенофонтъ говоритъ о самомъ себѣ, выказываются достоинства этого сочиненія и огромное различіе его отъ комментаріевъ Цезаря и многихъ подобныхъ произведеній новѣйшаго времени, въ которыхъ недостаетъ или истины, или здравой критики, или, наконецъ, скромности. Ксенофонтъ является передъ читателемъ безъ всякихъ притязаній; во всемъ своемъ сочиненіи онъ старается дать понять, что не онъ былъ душею описываемыхъ имъ подвиговъ, что они не были дѣломъ полководца, какъ силится доказать Цезарь, а составляютъ достояніе самой націи и духа ея цивилизаціи. Словомъ, какъ въ самой книгѣ, такъ и въ описываемомъ ею предпріятіи, Ксенофонтъ и греки представляются намъ съ самой лучшей стороны. Такимъ образомъ, въ практической жизни и тамъ, гдѣ онъ желаетъ представить вѣрный ея снимокъ, Ксенофонтъ оказывается совершенно инымъ, чѣмъ въ тѣхъ изъ своихъ сочиненій, гдѣ онъ является философомъ и старается своими воззрѣніями на жизнь имѣть вліяніе на духъ своего времени.

Такая же противоположность въ сочиненіяхъ Ксенофонта обнаруживается и при сравненіи «Анабасиса», какъ исторической монографіи, съ его попыткою написать всеобщую исторію. Ксенофонтъ написалъ греческую исторію, въ которой онъ продолжалъ образцовое произведеніе Ѳукидида. Уже тонъ и слогъ этого сочиненія, доведеннаго до сраженія при Мантинеѣ, даютъ понять, что отъ него нельзя ожидать проницательной всесторонней критики и энергическаго описанія человѣческой дѣятельности; всѣ событія разсматриваются у него съ весьма ограниченной точки зрѣнія и согласно опредѣленнымъ отвлеченнымъ понятіямъ. Самый тонъ его исторіи хотя и не такъ нѣженъ и сентименталенъ, какъ въ «Киропедіи», но далекъ отъ энергіи, которою проникнуты «Анабасисъ» и твореніе Ѳукидида; онъ составляетъ, такъ сказать, середину между слогомъ «Киропедіи» и «Анабасиса».

И по самому воззрѣнію на предметъ, греческая исторія Ксенофонта также уступаетъ «Анабасису» и исторіи Ѳукидида. Вся книга исполнена какою-то умѣренною философіею, и самый разсказъ о событіяхъ служитъ автору только для подтвержденія и объясненія ея. Слѣдовательно, въ своей греческой исторіи Ксено-

фонтъ имѣетъ совершенно иную цѣль, чѣмъ въ описаніи своего замѣчательнаго персидскаго похода. Эта цѣль и отношеніе его сочиненія къ духу времени нагляднѣе всего объясняются сравненіемъ воззрѣній Ксенофонта на задачу исторіи съ взглядами на нее обоихъ его предшественниковъ. Геродотъ смотритъ на исторію, какъ на выражающееся въ ходѣ событій откровеніе вѣчно таинственной и загадочной судьбы, или, другими словами, у Геродота исторія является описаніемъ развивающейся само собою непрерывной нити событій. Для Өукидида изученіе историческихъ фактовъ составляетъ средство къ изслѣдованію трудно понимаемой и всегда скрывающейся внутренней природы человѣка, и онъ старается достичь этой цѣли глубокой критикой и многостороннимъ изученіемъ видимыхъ внѣшнихъ проявленій человѣческой дѣятельности. Наконецъ, Ксенофонтъ, какъ историки Рима и почти всѣхъ новѣйшихъ народовъ, имѣетъ передъ собою не общую, а особую нравственную или политическую цѣль. По такому воззрѣнію на задачу исторіи, послѣдняя служитъ только средствомъ произвести въ читателѣ извѣстное настроеніе ума или убѣдить его въ истинѣ какого-нибудь нравственнаго ученія, указать людямъ настоящей эпохи образцы или назидательные примѣры въ состояніи и формахъ общества прежняго времени, или, наконецъ, для того, чтобы превознести извѣстный народъ или извѣстныя формы государственнаго устройства и управленія передъ другими и доказать это предпочтеніе исторіею. Главное стремленіе Ксенофонта — показать превосходство Спарты и ея военно-олигархической формы правленія передъ всѣми прочими греческими государствами и ихъ учрежденіями.

Имѣя въ виду особую побочную цѣль, историкъ можетъ достичь ея, только жертвуя истиною; поэтому-то и Ксенофонтъ, стараясь доказать исторіей своего времени превосходство спартанцевъ и ихъ учрежденій, не внушаетъ къ себѣ довѣрія, какъ правдивый повѣствователь. Для достиженія своей цѣли, онъ долженъ былъ многое искусно скрывать, другое чрезъ мѣру выхвалять. Лучшій примѣръ этому мы найдемъ въ самомъ началѣ книги, въ описаніи характеровъ Лисандра и Алкивіада. Историкъ въ родѣ Өукидида выставилъ бы въ яркомъ свѣтѣ многосторонніе врожденные таланты послѣдняго, въ противоположность рутинной ловкости и мелочной, скрытной хитрости перваго; при описаніи важнѣйшаго событія въ жизни Алкивіада, его торжественнаго возвращенія въ Аөины, онъ познакомилъ бы читателя съ новыми отношеніями, въ которыя былъ поставленъ Алкивіадъ, съ того времени, когда Өукидидъ въ послѣдній разъ упомянулъ о немъ. Ксенофонтъ, напротивъ того, хладнокровно оставляетъ въ сторонѣ знаменитаго аөинянина и весьма ловко старается возвысить въ глазахъ читателя Лисандра; онъ умалчиваетъ о низкихъ средствахъ, которыя употреблялъ послѣдній, или упоминаетъ о нихъ только мимоходомъ. Такъ, описывая взятіе Аөинъ Лисандромъ, онъ ни слова не говоритъ о постыдномъ соглашеніи между имъ и Тераменомъ, которое однако было фактомъ чрезвычайно важнымъ и въ то же время несомнѣннымъ. Вслѣдствіе дипломатической уловки автора, вся вина падаетъ на одну олигархическую партію въ Аөинахъ. Разсказывая о дальнѣйшемъ ходѣ событій, Ксенофонтъ, конечно, не можетъ умолчать о томъ, что спартанцы безпрепятственно позволяли Лисандру помогать аөинскимъ тиранамъ угнетать своихъ согражданъ, и что, по ихъ изгнаніи, только личная зависть одного спартанскаго царя и нѣкоторыхъ эфоровъ помѣшала возвращенію тирановъ. Но все это разсказывается безстрастно, безъ малѣйшихъ слѣдовъ негодованія, такъ что ужасаешься холоднаго, почти современнаго безпристрастія человѣка, который былъ въ состояніи описать такимъ образомъ печальную судьбу своего роднаго города.

Характеръ исторіи Ксенофонта обрисовывается еще рѣзче въ описаніи одного заговора, составленнаго нѣсколькими молодыми спартанцами въ первый годъ царствованія Агесилая, но подавленнаго въ самомъ зародышѣ. При этомъ случаѣ не описаны ни отношенія спартанскихъ олигарховъ къ своимъ согражданамъ, ни ужасныя жестокія средства, употреблявшіяся этими правителями для поддержанія своей незаконной власти, и наконецъ, не сказано ни слова о всеобщемъ вѣроломствѣ, бывшемъ необходимымъ послѣдствіемъ подобнаго порядка вещей. Между тѣмъ отъ такого глубокаго знатока государственнаго устройства и внутреняго состоянія Спарты слѣдовало ожидать описанія этихъ вещей и оцѣнки ихъ разумности и нравственности. Совершенно иначе описываетъ подобные заговоры Өуки-

дидъ, искусно выставляя при всякомъ удобномъ случаѣ обстоятельства, въ которыхъ выражается истинный характеръ того или другаго правительства.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ о греческой исторіи, какъ только допускаетъ это связь событій, Ксенофонтъ, въ изящномъ вкусѣ современныхъ историковъ, придаетъ всему своему повѣствованію характеръ біографіи Агесилая. Но, имѣя цѣлью превозносить повсюду этого человѣка, авторъ не упоминаетъ ни о перемѣнахъ, происшедшихъ въ Аѳинахъ, ни о притѣсненіяхъ, дѣланныхъ почти во всѣхъ греческихъ городахъ Лисандромъ и поставленными имъ олигархами, хотя и пишетъ исторію Греціи. Въ этомъ отношеніи Ксенофонту дѣлаютъ еще тотъ упрекъ, что онъ съ намѣреніемъ старался оставить въ тѣни обоихъ великихъ ѳиванцевъ, которые во всякомъ случаѣ совершенно затмили его любимца, и по этой причинѣ приписываетъ главную роль въ освобожденіи Ѳивъ не Пелопиду, а Меллону. Если этого упрека и нельзя считать основательнымъ, то съ другой стороны нельзя отрицать, что Ксенофонтъ старательно скрываетъ участіе Агесилая въ завладѣніи цитаделью Ѳивъ, — этомъ вопіющемъ нарушеніи международнаго права. Въ своемъ пристрастіи къ спартанскому царю, онъ заходитъ даже такъ далеко, что совершенно теряетъ пониманіе хода главныхъ событій въ слѣдующія затѣмъ двадцать лѣтъ.

Въ это время ѳиванцы достигаютъ своего высшаго могущества, и ихъ исторія дѣлается средоточіемъ исторіи всей Греціи, но Ксенофонтъ совсѣмъ не даетъ замѣтить этого въ своемъ описаніи. Точно также читатель нигдѣ не находитъ указанія, что только усиліями двухъ великихъ мужей, Эпаминонда и Пелопида, миновалось безвозвратно преобладаніе Спарты въ Греціи. Во всѣхъ этихъ недостаткахъ видѣнъ современный характеръ исторіографіи, заключающійся въ томъ, что историкъ или слишкомъ увлекается одною какою нибудь личностью, или, стремясь придать спокойствіе, гладкость и прелесть своему разсказу, не углубляется въ предметъ, ограничиваясь только поверхностнымъ его обзоромъ. Характеръ этотъ выражается еще въ томъ, что Ксенофонтъ, подобно Юму, Робертсону, Гиббону и почти всѣмъ новѣйшимъ историкамъ, старается пріобрѣсти какъ можно большій кругъ читателей, не обращая вниманія на степень ихъ развитости.

Поэтому-то Ксенофонтъ, подобно имъ, гонится за легкостію и видимою простотою изложенія, жертвуя при этомъ глубиною мысли для ясности рѣчи. Вслѣдствіе того онъ, конечно, стоитъ гораздо ниже Ѳукидида, описанія котораго можно сравнить не съ чистотою ручья, въ которомъ видны всѣ камни, какъ разсказъ Ксенофонта, а скорѣе съ глубиною величественной рѣки. Ксенофонтъ приближается къ современной исторической манерѣ еще и тѣмъ, что въ своей исторіи рѣдко дозволяетъ себѣ чисто греческій обычай вводить въ разсказъ рѣчи, и потому его описанія почти никогда не достигаютъ драматизма. Однако нѣкоторыя мѣста его сочиненія заключаютъ въ себѣ изящные образцы этой характеристической черты древнихъ историческихъ сочиненій, и въ одномъ случаѣ Ксенофонтъ дѣйствительно превосходно воспользовался драматическимъ элементомъ. Представляя намъ историческую манеру Ксенофонта съ ея лучшей стороны, мѣсто это заслуживаетъ болѣе подробнаго обзора. Кромѣ того, оно имѣетъ другое преимущество: мы узнаемъ изъ него, какъ много жизни и движенія еще было во времена Ксенофонта въ свободныхъ государствахъ Греціи, въ противоположность позднѣйшей эпохѣ, когда очерки характеровъ въ историческихъ сочиненіяхъ обратились въ простые риторическіе фокусы авторовъ.

Разсказывая о мирныхъ переговорахъ между Аѳинами и Спартою, Ксенофонтъ выводитъ передъ спартанскимъ народомъ и его союзниками трехъ аѳинскихъ пословъ и пользуется ихъ рѣчами, чтобы представить превосходное изображеніе характера различныхъ государственныхъ людей Аѳинъ своего времени. Въ рѣчи посла Каллія историкъ даетъ замѣтить гордость аѳинскаго народа, въ рѣчи втораго посла, Автокла, — горячность и страстность демагоговъ, а въ рѣчи третьяго посла, Каллистрата, таланты, краснорѣчіе и искусство людей, научнымъ образомъ изучившихъ государственное устройство и управленіе. Каллій, богатый человѣкъ, принадлежавшій къ старинной аристократіи и въ тоже время одинъ изъ уважаемыхъ жрецовъ въ Аѳинахъ, по словамъ Ксенофонта, такъ же охотно восхвалялъ себя, какъ и слушалъ похвалы отъ другихъ. Рѣчь, которую Ксенофонтъ заставляетъ его говорить, даетъ о немъ понятіе какъ о человѣкѣ пустомъ и много

о себѣ думающемъ, обладающимъ только сословною гордостью и хвастовствомъ, и потому совершенно лишенномъ качествъ, необходимыхъ для дипломата. Все, что онъ говоритъ, относится собственно до него самого, а не до дѣла, которое онъ долженъ защищать. Онъ толкуетъ болѣе всего о себѣ и своихъ предкахъ, о довѣріи, которое аѳиняне всегда питали къ его фамиліи, и о своихъ прежнихъ посольствахъ въ Спарту. При этомъ онъ такъ распространяется, что слушатели должны были потерять всякое терпѣніе. Подконецъ, для того, чтобы возвысить самого себя и дать какое-нибудь религіозное основаніе своимъ доводамъ, Каллій говоритъ объ аѳинскихъ божествахъ, наслѣдственными жрецами которыхъ были его предки, и о таинственномъ богослуженіи, перенесенномъ въ Пелопоннесъ изъ Аѳинъ еще въ глубокой древности. Свою рѣчь онъ заканчиваетъ мыслью, что не слѣдуетъ государствамъ, тѣсно связаннымъ религіею, воевать между собою и ненавидѣть другъ друга, и что если между людьми уже непремѣнно должны быть войны, то ихъ слѣдуетъ начинать какъ можно позже и кончать какъ можно раньше. Недостатокъ политическаго смысла, замѣтный во всей рѣчи, выставляетъ оратора глупцомъ, надутымъ собою, своимъ сословіемъ и родомъ.

Подобно тому какъ Каллій вредитъ успѣху даннаго ему порученія своею глупостью и гордостью, такъ и Автоклъ не достигаетъ своей цѣли, вслѣдствіе горячности и личнаго своего нежеланія. Этого втораго посла Ксенофонтъ охарактеризировалъ однимъ выраженіемъ, сказавъ, что онъ считался въ Аѳинахъ очень хитрымъ ораторомъ. Онъ былъ однимъ изъ демагоговъ, умѣвшихъ возбуждать страсти аѳинскаго народа и пользоваться ими для своихъ цѣлей. Такимъ высказывается Автоклъ и въ рѣчи, которую приписываетъ ему Ксенофонтъ. При этомъ историкъ также хочетъ показать читателю, какую важную ошибку дѣлаетъ народъ, ввѣряя управленіе своими дѣлами людямъ, которые не умѣютъ владѣть своими страстями и потому не могутъ преодолѣть своего личнаго отвращенія и желанія досадить противнику даже тогда, когда дѣло касается общихъ интересовъ. Автоклъ, посланный склонить спартанцевъ къ миру, въ самомъ началѣ своей рѣчи въ энергическихъ выраженіяхъ укоряетъ спартанцевъ за ихъ образъ дѣйствій въ отношеніи къ союзникамъ и кончаетъ свою рѣчь также горькими упреками имъ въ вѣроломствѣ и властолюбіи. Этимъ, прибавляетъ Ксенофонтъ, онъ возбудилъ одобреніе тѣхъ изъ присутствовавшихъ, которые питали къ спартанцамъ такія же враждебныя чувства какъ и онъ, но зато, само собою разумѣется, не достигъ цѣли своего посольства.

Показавъ въ рѣчахъ Каллія и Автокла, чего должно избѣгать въ государственныхъ дѣлахъ, Ксенофонтъ воспользовался рѣчью третьяго посланника, для объясненія того, въ чемъ по его мнѣнію, заключаются таланты истиннаго государственнаго человѣка и дипломата. Каллистратъ, о которомъ авторъ сказалъ только, что онъ былъ государственнымъ человѣкомъ, идетъ, безъ всякаго тщеславія и горячности прямо къ цѣли, не утомляя терпѣнія слушателей, какъ Каллій, и не желая ожесточать или возстановлять ихъ, какъ Автоклъ. Напротивъ того, онъ старается ослабить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ, и говоритъ такъ, что читателю становится ясно, что Ксенофонтъ хотѣлъ передать въ его рѣчи свою собственную житейскую опытность и собственное знаніе дѣла и представить намъ въ Каллистратѣ свой идеалъ государственнаго человѣка.

Чисто практическое направленіе, житейская мудрость, опытность и поверхностная философія, являющіяся въ главныхъ сочиненіяхъ Ксенофонта характеристическою чертою его, какъ писателя, видны и въ его мелкихъ произведеніяхъ. Біографія Агесилая, написанная Ксенофонтомъ, подъ заглавіемъ: «Рѣчь объ Агесилаѣ», составляетъ похвальную рѣчь, или что французы называютъ éloge только въ греческомъ вкусѣ. Въ «Экономикосѣ» или книгѣ о домашнемъ хозяйствѣ, Ксенофонтъ заставляетъ своего учителя Сократа популярно излагать, касаясь даже самыхъ мельчайшихъ подробностей, цѣлую систему домоводства, въ теперешнемъ значеніи этого слова. Кто не узнаетъ въ этомъ чисто практическаго, промышленнаго и матеріальнаго направленія эпохи Ксенофонта? Въ книгѣ подъ заглавіемъ «Гіеронъ» онъ написалъ разговоръ сиракузскаго царя Гіерона I съ поэтомъ Симонидомъ о томъ, что не стоитъ завидовать судьбѣ монарха. Въ этомъ разговорѣ Ксенофонтъ опять возвращается

къ мысли, уже развитой имъ въ «Киропедіи», что счастье государства можетъ быть дѣломъ одного человѣка, имѣющаго въ рукахъ неограниченную власть. Нарисовавъ сначала картину лишеній, которымъ подвергается монархъ относительно чисто человѣческихъ отношеній и радостей, Ксенофонтъ старается показать, какимъ образомъ, обладая властію, онъ можетъ сдѣлаться благодѣтелемъ своихъ подданныхъ и творцомъ ихъ счастія. Впрочемъ, эта послѣдняя часть «Гіерона» очень полезна и для нашего времени, содержа въ себѣ много дѣльныхъ наставленій правителямъ. Ксенофонтъ написалъ еще два сочиненія, которыя подобно «Достопамятностямъ Сократа» непосредственно касаются его учителя, — «Апологію» или защиту Сократа и, такъ называемый, «Пиръ.» Первая содержитъ въ себѣ не формальную защиту этого философа противъ обвиненій, по поводу которыхъ онъ былъ осужденъ на смерть, а состоитъ изъ нѣсколькихъ словъ любви и уваженія къ Сократу въ отвѣтъ на злобныя клеветы его враговъ. Въ «Пирѣ» Ксенофонтъ имѣлъ намѣреніе изложить ученіе своего наставника о дружбѣ и любви. Такъ какъ и Платонъ написалъ подобное сочиненіе подъ тѣмъ же заглавіемъ, то возникъ большой споръ о томъ, слѣдуетъ ли считать одну изъ этихъ книгъ возраженіемъ на другую, написаннымъ именно вслѣдствіе появленія послѣдней. Дѣйствительно, сочиненія эти далеко не сходны между собою, но незачѣмъ приписывать этого какимъ-нибудь особымъ обстоятельствамъ; различіе ихъ объясняется гораздо проще противоположностью направленія ихъ авторовъ. Ксенофонтъ приписываетъ происхожденіе любви и дружбы одному разуму и старается открыть въ сферѣ обыкновенной жизни то ощущеніе удовольствія, въ которомъ, по его мнѣнію, заключается счастіе; напротивъ того, Платонъ, какъ философъ, одаренный живою фантазіею и глубокомысленнымъ умомъ, не находитъ этого удовлетворенія во всемъ обширномъ мірѣ чувственныхъ ощущеній и потому стремится мыслью въ высшія сферы.

Соединивъ вмѣстѣ все сказанное нами о Ксенофонтѣ, мы узнаемъ въ немъ истиннаго сына своей эпохи, вполнѣ отразившаго въ своихъ сочиненіяхъ главныя стороны греческой жизни, какою она представляется послѣ Пелопоннесской войны. Настоящее религіозное чувство, одушевленіе и, такъ сказать, безсознательная жизнь для боговъ и отечества исчезли и уступили мѣсто умственному образованію и практической морали; люди должны были сознавать передъ собою опредѣленную цѣль, которая не могла заключаться ни въ чемъ другомъ, какъ въ полезномъ и въ наслажденіяхъ матеріальной жизни. Въ «Достопамятностяхъ Сократа» Ксенофонтъ излагаетъ теоретически, какъ устроить жизнь сообразно этой цѣли и отнести къ послѣдней благочестіе, дружбу, любовь къ отечеству, словомъ всѣ высшія блага. Въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, и въ особенности въ «Киропедіи», онъ объявляетъ тоже самое практически. Поэтому-то персидскія учрежденія, уничтожающія всякую личность, и представляются Ксенофонтомъ въ идеальномъ видѣ, какъ образецъ средствъ, которыми можно достигнуть желаемой цѣли, т. е. матеріальнаго покоя и наслажденія. Та же мысль проводится и во всей греческой исторіи Ксенофонта; заведенный порядокъ, хотя бы и военный, какъ у спартанцевъ, разсчетливая ловкость, хотя бы какъ у того же народа, гибельная для свободы другихъ государствъ, — одни заслуживаютъ безусловной похвалы, по мнѣнію автора, который нигдѣ въ своемъ разсказѣ не скрываетъ своего предпочтенія.

Сочиненія Ксенофонта служатъ выраженіемъ вѣка, въ которомъ уже исчезли республиканскія добродѣтели, разумъ привыкъ къ размышленію о жизни, а управленіе государственными дѣлами и начальство надъ войскомъ перестали считаться честью и пожертвованіемъ, а обратились въ должности и ремесло. Въ подобную эпоху исторія не можетъ оставаться простымъ описаніемъ, она должна разбирать и анализировать то, что описываетъ. Разсказъ дѣлается спокойнымъ и популярнымъ, постоянно обращаетъ вниманіе на житейскія отношенія, становится занимательнымъ и поучительнымъ, но не помогаетъ читателю вникнуть глубже въ природу человѣка.

Такимъ образомъ, и исторія, вмѣстѣ съ измѣненіемъ духа времени, пала съ той высоты, на которую была поставлена Өукидидомъ. Ксенофонтъ ограничилъ ея задачу опредѣленнымъ политическимъ или моральнымъ нравоученіемъ. Вслѣдствіе того она перестала быть самостоятельнымъ умственнымъ занятіемъ

и сдѣлалась одною изъ наукъ, изученіе которыхъ считалось необходимымъ для приготовлявшихся къ государственной дѣятельности. Вслѣдъ за Ксенофонтомъ два обстоятельства придали исторической литературѣ новое направленіе и въ то же время ускорили ее паденіе. Съ одной стороны, извѣстный учитель ораторскаго искусства, Исократъ, превративъ краснорѣчіе въ настоящее искусство и предметъ школьнаго преподаванія, имѣлъ этимъ вредное вліяніе на исторіографію. Доставивъ перевѣсъ собственно искусству изложенія надъ естественнымъ краснорѣчіемъ, Исократъ пріучилъ всѣхъ измѣрять достоинство произведенія не по его содержанію, а по одной внѣшней формѣ, а потому и въ исторіи считать самымъ важнымъ стиль и тонъ описанія. Поэтому въ послѣдующее время обработка историческихъ предметовъ сдѣлалась для каждаго, избравшаго себѣ это поприще, только средствомъ прослыть дѣльнымъ человѣкомъ и искуснымъ повѣствователемъ. Достигалась ли эта цѣль правдивостью разсказа или только призракомъ ея, никто не обращалъ на то большаго вниманія. Такимъ образомъ историческіе писатели сдѣлали главною своею цѣлью изящество внѣшней формы, подчиненной требованіямъ искусства. Черезъ это исторія сдѣлалась одною изъ отраслей риторики, или искусства краснорѣчія, и совершенно потеряла изъ виду свое истинное назначеніе служить самой жизни и ея высшимъ цѣлямъ; въ то же время она скрылась изъ яркаго свѣта дѣйствительной жизни въ мракъ и тишь кабинета.

Самыя событія не мало способствовали такому упадку исторіографіи. Со смерти Эпаминонда до Александра Великаго вся исторія свободныхъ греческихъ государствъ состояла только изъ событій, не имѣвшихъ рѣшительнаго вліянія на судьбу всей націи, или изъ печальныхъ по своимъ послѣдствіямъ предпріятій людей, которые не способны внушить къ себѣ участія. Такимъ образомъ, не воодушевленный интересъ къ этимъ событіямъ и ихъ изученію заставлялъ историка приступить къ ихъ описанію. Кромѣ того и сама публика, въ особенности два важнѣйшихъ ея круга, аѳинскій народъ и македонскій дворъ, не были въ состояніи понять, въ чемъ должны были заключаться истинныя достоинства исторіографіи. Аѳиняне, считавшіеся лучшими и непогрѣшимыми судьями въ дѣлахъ литературы, утратили уже свой изящный вкусъ въ умственныхъ наслажденіяхъ и были избалованы развивавшимся въ то время школьнымъ краснорѣчіемъ; македонскій же дворъ, который, какъ центръ высшей политической власти, также имѣлъ огромное вліяніе на литературу, могъ, ради своихъ политическихъ цѣлей, поощрять и награждать только льстецовъ и лишенныхъ патріотизма историческихъ писателей.

Всѣ эти обстоятельства нанесли смертельный ударъ греческой исторіографіи. Историки, выступавшіе на литературное поприще, начиная съ самыхъ лучшихъ годовъ дѣятельности Ксенофонта до Александра Великаго, стоятъ потому въ отношеніи къ Ксенофонту еще гораздо ниже, чѣмъ позднѣйшіе трагики въ отношеніи къ Эврипиду. Эти историки, изъ сочиненій которыхъ до насъ дошли только небольшіе отрывки, не имѣютъ почти никакой цѣны, ни для изученія господствующаго духа эпохи, ни для самой исторической науки. Ихъ единственное значеніе заключается только въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ Филистъ, Теопомпъ и Эфоръ, служили впослѣдствіи образцами и примѣромъ для римскихъ историковъ и потому имѣли вліяніе на литературу римлянъ.

5. Философія.

Первые зачатки греческой философіи находятся въ религіозныхъ и миѳическихъ стихотвореніяхъ глубокой древности (стр. 351 — 353). Въ шестомъ столѣтіи до р. Х. возникли три философскія школы или, вѣрнѣе, были сдѣланы три первыя попытки уяснить мыслящею силою взаимную связь предметовъ отвлеченныхъ и объяснить ихъ отношеніе къ видимому міру. Изъ этихъ школъ двѣ— іонійская и элеатская — пріобрѣли значеніе только тогда, когда были перенесены въ Аѳины; съ тѣхъ поръ философская наука стала развиваться въ столицѣ Греціи рядомъ и въ связи съ другими науками и изящными искусствами.

Третья школа — пиѳагорейская — долго не оказывала никакого непосредственнаго вліянія на процвѣтаніе въ Аѳинахъ наукъ и искусствъ, но и она имѣла значеніе для развитія греческой культуры. Пиѳагорейское ученіе дало научный характеръ математикѣ, изъ него произошли также тѣ мистическія мечтанія, которыя были такъ сильно распространены между греками и другими народами. Мистицизмъ является всегда, когда люди ослабѣваютъ отъ чрезмѣрной роскоши и вслѣдствіе ложнаго образованія идутъ не тѣмъ путемъ, который указываетъ сама природа. Такимъ образомъ, всѣ три школы имѣли сильное вліяніе на понятія и взгляды позднѣйшихъ грековъ. Впрочемъ, пиѳагорейская школа не способствовала возникновенію развивавшейся въ Аѳинахъ философіи, которая, собственно, была вызвана только іонійскою и элеатскою школами.

Анаксагоръ, принадлежавшій къ іонійской школѣ (стр. 352), былъ однимъ изъ первыхъ философовъ, начавшихъ учить въ Аѳинахъ и получившихъ тамъ значеніе. Въ 456 г. до р. Х. онъ переселился въ Аѳины и сдѣлался учителемъ и другомъ Перикла и Эврипида. Одновременно съ нимъ прибыло въ Аѳины нѣсколько элеатиковъ, и такимъ образомъ воззрѣнія обѣихъ школъ стали распространяться по Греціи изъ того города, который былъ средоточіемъ духовной жизни грековъ. Въ Аѳинахъ тотчасъ же начались преслѣдованія противъ революціонеровъ-философовъ, ученіе которыхъ о божествѣ и мірѣ, противорѣча народнымъ вѣрованіямъ, подорвало самое основаніе этой религіи и преобразовало господствовавшія религіозныя понятія, образовавшіяся подъ вліяніемъ поэтовъ и мистерій. Самъ Анаксагоръ только бѣгствомъ спасся отъ смерти (стр. 440). Вскорѣ подверглись преслѣдованію и были осуждены, какъ безбожники, философы Діагоръ Мелосскій, Протагоръ Абдерскій и Продикъ Кеосскій. Первый долженъ былъ бѣжать изъ города, возбудивъ противъ себя негодованіе полнымъ отрицаніемъ существованія боговъ; аѳиняне оцѣнили его голову и поставили ему позорный столбъ. Протагоръ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ за то, что въ одной книгѣ выразилъ сомнѣніе въ существованіи боговъ. Аѳиняне публично сожгли его сочиненія и подъ страхомъ наказанія запретили не только продавать ихъ, но даже и имѣть у себя, — первый встрѣчающійся въ исторіи примѣръ сожженія книгъ. Наконецъ, Продикъ высказалъ, между прочимъ, мнѣніе, что вѣра въ боговъ не имѣетъ никакого разумнаго основанія и возникла только потому, что люди обоготворили полезныя для нихъ явленія природы. Онъ былъ осужденъ, какъ атеистъ, и казненъ.

Перенесеніе философіи въ Аѳины сопровождалось важными послѣдствіями: новое ученіе и новыя воззрѣнія стали быстро распространяться отсюда по всей Греціи. Но еще больше вліянія имѣло то обстоятельство, что философія, не задолго передъ тѣмъ получившая новое направленіе, была теперь приспособлена къ воспитанію и образованію государственныхъ дѣятелей. Философы прежнихъ временъ, поэтизируя и мечтая, старались изслѣдовать только сущность вещей; напротивъ того, еще до появленія Анаксагора въ Аѳинахъ, мыслящіе люди уже стали заниматься діалектикой (родъ нашей прикладной логики). Діалектика давала возможность, съ помощью опредѣленныхъ законовъ мышленія, отличать ложь отъ истины, указывала, какъ философски понимать и анализировать вещи, представлять и разсматривать ихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такимъ образомъ, діалектика превратила философію въ родъ искусства, которое могло служить всякаго рода стремленіямъ и направленіямъ. Съ помощью этого искусства философское образованіе пріобрѣло громадное значеніе для политической жизни, особенно въ государствахъ республиканскихъ. Но преимущественно тамъ, гдѣ народъ вмѣстѣ съ образованіемъ развилъ у себя демократическія учрежденія, діалектика сдѣлалась необходимостью для людей, желавшихъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Оттого-то она и пользовалась такимъ уваженіемъ въ Аѳинахъ. При такомъ практическомъ направленіи діалектики, философія стала здѣсь государственною наукою.

Изъ діалектики, — скоро превратившейся у элеатиковъ въ одно только умничанье — образовалось въ Нижней Италіи другое философское искусство, получившее названіе софистики и также вскорѣ перенесенное въ Аѳины. Софистика состояла въ искусствѣ доказывать и опровергать все, что угодно, или, другими словами, была умѣньемъ, посредствомъ различныхъ философскихъ тонкостей и умозаключеній представлять ложь за истину и истину за ложь. Такимъ образомъ,

она давала возможность пользоваться діалектикой для удовлетворенія тщеславныхъ и корыстныхъ цѣлей. Знаменитѣйшими софистами были: Горгій изъ Леонтинъ въ Сициліи, Протагоръ Абдерскій, Продикъ Кеосскій, Гиппій изъ Элиды и Трасимахъ Халкедонскій, жившіе во второй половинѣ V столѣтія до р. Х. Нѣкоторые изъ софистовъ, напримѣръ, Протагоръ, обладали дѣйствительно самостоятельнымъ талантомъ, но большинство состояло изъ людей съ поверхностнымъ образованіемъ, хорошо усвоившихъ себѣ только искусство спорить. Они всячески пользовались невѣжествомъ и неразвитіемъ массъ и прибѣгали къ шарлатанству вездѣ, гдѣ надѣялись удовлетворить своему тщеславію и корыстолюбію. Такимъ образомъ софисты превратили философію въ самое гнусное ремесло. Въ качествѣ учителей краснорѣчія и искусства вести споры, софисты предлагали свои услуги всякому, кто хотѣлъ пріобрѣсти вліяніе въ государствѣ; они проповѣдовали свою науку въ Аѳинахъ, у столовъ мѣнялъ, на олимпійскихъ играхъ, и вообще вездѣ, гдѣ собиралось много народа, предлагали говорить о чемъ угодно и въ какомъ угодно смыслѣ и старались остроуміемъ и философскими тонкостями пріобрѣтать себѣ деньги и одобреніе народа.

Изъ всѣхъ греческихъ городовъ Аѳины были самымъ удобнымъ мѣстомъ для софистовъ. Для народа, любившаго занятія государственными дѣлами и судебные процессы, софисты были явленіемъ чрезвычайно пріятнымъ; оттого они и пріобрѣли здѣсь за обученіе новому искусству огромныя богатства. Возможность легко нажиться привлекла въ Аѳины цѣлую толпу софистовъ, имѣвшихъ самое вредное вліяніе на государственную жизнь и литературу. Публичныя совѣщанія получили софистическій характеръ, краснорѣчіе, наставниками котораго сдѣлались софисты, было совершенно измѣнено ими; взгляды и понятія софистовъ проникли даже въ общественную и частную жизнь. Діалектика и софистика стали теперь модною философіею развратившихся аѳинянъ и служили лучшимъ средствомъ для пріобрѣтенія поверхностнаго образованія, богатства и вліянія въ государствѣ.

Незначительная, но болѣе развитая часть аѳинянъ сильно возстала противъ образа дѣйствій софистовъ, имѣвшихъ такое пагубное вліяніе на нравы и государственную жизнь. Энергичнѣе всѣхъ вооружился противъ нихъ философъ Сократъ, величайшая заслуга котораго состояла въ неутомимой борьбѣ съ ложью, тщеславіемъ и корыстолюбіемъ своихъ современниковъ. Сократъ былъ сынъ скульптора Софрониска и повивальной бабки Фенареты. Онъ родился въ Аѳинахъ 469 г. до р. Х., и умеръ въ 400 г., пожертвовавъ жизнью за убѣжденія. Сначала Сократъ занимался ремесломъ своего отца, но на 30 году оставилъ его и съ тѣхъ поръ жилъ въ бѣдности. Подобно всѣмъ аѳинскимъ гражданамъ, онъ принималъ участіе въ войнахъ своего отечества, находился, между прочимъ, въ томъ войскѣ, которое, въ началѣ Пелопоннесской войны, осаждало Потидею, и участвовалъ въ битвахъ при Делосѣ и Амфиполѣ. На военномъ поприщѣ онъ не только отличался храбростью, но своею стойкостью и терпѣніемъ заслужилъ удивленіе изнѣженныхъ соотечественниковъ. Въ битвѣ при Делосѣ, гдѣ аѳиняне были разбиты на-голову, Сократъ сражался съ такою храбростью, что впослѣдствіи одинъ изъ полководцевъ говорилъ, что аѳиняне непремѣнно одержали бы побѣду, еслибъ всѣ такъ блистательно выполнили свои обязанности, какъ Сократъ. Когда аѳинское войско обратилось въ бѣгство, онъ спасъ свою честь упорною обороною во время отступленія. Окруженный врагами, Сократъ неминуемо бы погибъ, еслибъ его не освободилъ подоспѣвшій на помощь Алкивіадъ.

Въ государственномъ управленіи Сократъ принималъ участіе лишь настолько, насколько этого требовалъ долгъ гражданина. Онъ хотѣлъ служить своему отечеству не какъ государственный человѣкъ, но какъ учитель народа и судья нравовъ. Не обращая вниманія ни на выгоды, ни на опасности, Сократъ всегда дѣйствовалъ согласно своимъ убѣжденіямъ, приводилось ли ему высказывать свое мнѣніе въ судѣ, или произносить приговоръ въ народномъ собраніи. Такъ, напримѣръ, когда послѣ битвы при Аргинусскихъ островахъ (стр. 233) судили оставшихся въ живыхъ военачальниковъ за неисполненіе ихъ обязанностей, Сократъ, не смотря на волненіе народа и угрозы демагоговъ, одинъ изъ всѣхъ тогдашнихъ пританов противился осужденію обвиненныхъ. Во время владычества тридцати тирановъ, когда столько гражданъ было умерщвлено или осуждено на изгнаніе, Сократа не преслѣдовали, хотя онъ однажды прямо воспротивился приказанію ти-

рановъ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ пощаженъ только потому, что не принадлежалъ ни къ какой политической партіи и не хотѣлъ играть никакой роли въ государствѣ, или, какъ онъ самъ выражался, потому, что никогда не имѣлъ честолюбія.

О частной жизни Сократа, особенно объ его семейныхъ отношеніяхъ разсказываютъ множество вымышленныхъ анекдотовъ, сдѣлавшихъ изъ его исторіи какой-то романъ. Позднѣйшіе писатели древняго міра передали намъ о его женѣ, Ксантиппѣ, различнаго рода анекдоты, появившіеся только послѣ смерти философа. По ихъ разсказамъ, Ксантиппа была самая несносная и безпокойная женщина. Но въ сочиненіяхъ аѳинскихъ писателей временъ Сократа, какъ враждебныхъ, такъ и расположенныхъ къ нему, содержащихъ въ себѣ много подробностей объ его частной жизни, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Ксенофонтъ, любимый ученикъ и другъ философа, говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что Сократъ, напротивъ того, очень уважалъ свою жену. Онъ дѣйствительно разсказываетъ, что Ксантиппа была капризна и однажды поссорилась съ своимъ мужемъ; по всей вѣроятности, это обстоятельство и дало поводъ къ тѣмъ преувеличеннымъ разсказамъ, вслѣдствіе которыхъ имя Ксантиппы, какъ злой женщины, обратилось въ поговорку.

Сократъ употребилъ для своего образованія все, что только могло ему представить его время. Онъ глубоко изучилъ математику, физику, грамматику, музыку, поэзію и различныя отрасли философской науки; ознакомился, подъ руководствомъ Продика Кеосскаго, съ искусствомъ софистовъ и, находясь въ знакомствѣ съ Аспазіей и другими знаменитыми женщинами, старался усвоить себѣ свѣтское образованіе.

Первоначальная цѣль всѣхъ стремленій Сократа сосредоточивалась на одной мысли — узнать истину; онъ не думалъ, какъ большая часть философовъ того времени, ни основывать школы, ни ораторствовать публично, и не заботился, подобно софистамъ, о пріобрѣтеніи богатствъ съ помощью тѣхъ средствъ, которыя ему давали наука и образованіе. Эта высокая цѣль отличала Сократа отъ всѣхъ современныхъ философовъ и вывела его на новую дорогу.

Одаренный отъ природы здравымъ, практическимъ умомъ, Сократъ не могъ удовлетвориться тогдашнимъ направленіемъ философіи и тѣмъ ходомъ, которымъ шло ея развитіе отъ перваго появленія этой науки до перерожденія въ діалектику и софистику. Первоначально стремленія греческихъ философовъ были почти исключительно направлены къ познанію природы и предметовъ отвлеченныхъ; но такому человѣку, какъ Сократъ, всѣ мудрствованія о природѣ, основанныя не на фактахъ и наблюденіяхъ, а на выводахъ и умозаключеніяхъ, должны были казаться несостоятелеными и безполезными. Онъ ясно сознаЛъ всю нелѣпость того, что при изслѣдованіи первоначальной причины всего и вопросахъ о божествѣ не обращаютъ вниманія на нравственныя склонности человѣка и свойства человѣческой природы; понялъ очень хорошо, что ложнымъ путемъ мнимаго знанія и пониманія, современники его были доведены до тщеславнаго самообольщенія и пріучились діалектическими и софистическими злоупотребленіями философіи пренебрегать основные законы нравственности и насмѣхаться надъ всякимъ истиннымъ чувствомъ.

Поставивъ главною цѣлью своихъ философскихъ изслѣдованій изученіе законовъ нравственности и природы человѣка, Сократъ занимался философіей не для философіи, какъ искусствомъ для искусства, но старался о ея приложеніи къ дѣйствительной жизни. Направленіе дѣятельности Сократа внушило Цицерону слѣдующія слова: «онъ первый, говоритъ римскій писатель, свелъ философію съ неба въ города и жилища, внесъ ее въ дѣйствительную жизнь людей, которыхъ пріучилъ размышлять о себѣ, отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, въ добрѣ и злѣ, и сознавать настоящую цѣль жизни». Такъ понималъ и самъ Сократъ изреченіе «познай самого себя», служившее надписью надъ входомъ въ Дельфійскій храмъ, сказавъ, что въ этихъ словахъ заключается истинная мудрость. Онъ говорилъ, что сверхчувственные предметы, сокровенныя силы и конечныя причины природы непостижимы для человѣческаго разума, да еслибъ и можно было ихъ понять, то это не принесло бы никакой существенной пользы жизни и ея цѣлямъ. Чтобы показать все превосходство здраваго смысла надъ ученостью и знаніемъ, Сократъ, въ противоположность софистическимъ крикунамъ

своего времени, утверждалъ, что самъ онъ ничего не знаетъ, и уже одно это сознаніе доказываетъ, что онъ былъ умнѣе другихъ людей.

Сократъ не думалъ создавать и строить новой философской системы; его простое, популярное ученіе предназначалось для каждаго непредубѣжденнаго человѣка. Выступая съ однимъ здравымъ смысломъ на борьбу противъ заблужденій своего времени, онъ этимъ самымъ думалъ удачнѣе противодѣйствовать вліянію софистовъ. Онъ не желалъ учить своихъ современниковъ различнымъ философскимъ воззрѣніямъ и дѣлать изъ нихъ ученыхъ, но хотѣлъ пріучить людей мыслить и сдѣлать ихъ разумнѣе и лучше. Оттого Сократъ не имѣлъ школы, а былъ только народнымъ учителемъ, философомъ, который хотѣлъ дѣйствовать на умъ и сердце современниковъ, развивать и облагораживать людей. Самый способъ ученія Сократа вполнѣ соотвѣтствовалъ его главной цѣли, и очень понятно, что онъ не основалъ особой школы, не построилъ никакой философской системы. Сократъ никогда не читалъ лекцій, но училъ спрашивая, такъ что казалось, что въ разговорахъ съ другими онъ самъ только искалъ истины. Философъ шутя говорилъ, что, помогая развитію другихъ людей, онъ въ умственномъ отношеніи продолжаетъ занятіе своей матери. Его талантъ учить методою катехизическою, т. е. въ вопросахъ, былъ такъ великъ, что этотъ способъ преподаванія и теперь часто называется сократовскимъ. Постоянно и добросовѣстно стремясь узнать истину, Сократъ дошелъ до такой увѣренности въ справедливости своихъ убѣжденій, что могъ во всемъ полагаться на себя. Этотъ инстинктивно дѣйствующій разсудокъ, развитый имъ въ борьбѣ съ господствовавшими тогда діалектикою и софистикою, онъ называлъ своимъ геніемъ-хранителемъ, который никогда его не оставляетъ, предостерегаетъ въ опасностяхъ и удерживаетъ отъ заблужденій. Не основавъ особенной школы, Сократъ сгруппировалъ около себя молодыхъ людей, которые, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нимъ, образовались подъ вліяніемъ его ученія или усвоили себѣ его направленіе. На нихъ-то и смотрѣли какъ на учениковъ Сократа. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: историкъ Ксенофонтъ, Алкивіадъ, тиранъ Критій, сдѣлавшійся во время своего владычества врагомъ прежняго учителя, великій философъ Платонъ, такъ называемый, сократикъ Эсхинъ, получившій это прозваніе для отличія отъ оратора Эсхина, Эвклидъ Мегарскій, Аристиппъ Киренейскій и Антисѳенъ Аѳинскій. Намъ передано объ отношеніяхъ Сократа къ его ученикамъ и о сближеніи съ ними много разныхъ анекдотовъ, и хотя большая часть изъ нихъ вымышлена, но всѣ они, вмѣстѣ взятые, опредѣляютъ характеристическія черты практическаго философа и его ученія и въ то же время указываютъ на господствовавшіе о немъ взгляды въ позднѣйшемъ греческомъ мірѣ. Знакомство Сократа съ Ксенофонтомъ произошло слѣдующимъ образомъ. Встрѣтивъ однажды на улицѣ молодаго человѣка, красота и наружность котораго понравились философу, Сократъ остановилъ его и спросилъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ продается мука и другіе припасы. Когда Ксенофонтъ указалъ ему мѣсто, Сократъ спросилъ его: «а знаешь ли, гдѣ можно пріобрѣсти мудрость и добродѣтель?» — и, увидѣвъ изумленіе молодаго человѣка, сказалъ: «иди за мной, я покажу тебѣ.» Съ того времени Ксенофонтъ сдѣлался самымъ горячимъ приверженцемъ и ученикомъ философа. Два другіе ученика Сократа, Эвклидъ Мегарскій и Антисѳенъ Аѳинскій были такъ преданы своему учителю, что, не смотря на отдаленность своихъ жилищъ (послѣдній жилъ въ Пирейской гавани, отстоявшей отъ города почти на двѣ мили) пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы быть съ нимъ вмѣстѣ. Даже запрещеніе ходить въ Аѳины, объявленное жителямъ Мегары по случаю войны, возникшей между обоими городами, не могло остановить Эвклида, приходившаго къ Сократу переодѣтымъ въ женское платье. Молодой Эсхинъ, желая сдѣлаться ученикомъ философа, боялся придти къ нему, видя его окруженнымъ богатыми юношами. Узнавъ объ этомъ, Сократъ сказалъ ему: «неужели ты такъ мало цѣнишь себя и ни за что не считаешь подарка, который ты мнѣ дѣлаешь въ себѣ самомъ?»

Послѣ всего сказаннаго не можетъ быть и рѣчи о философской системѣ Сократа, нравственныя правила котораго никогда не имѣли характера догматическаго ученія, твердой и законченной систематичности. Самъ Сократъ не написалъ ни одного сочиненія, не считая нужнымъ записывать свое ученіе, приспособленное только къ духу времени и къ потребностямъ тогдашней жизни. Трое

изъ его учениковъ — Эсхинъ, Ксенофонтъ и Платонъ — записали изреченія своего учителя въ той діалогической или катехизической формѣ, въ которой самъ онъ излагалъ свое ученіе. Но всѣ трое представляютъ своего учителя такъ, какъ сами его понимаютъ, и часто приписываютъ ему свои собственныя мысли.

Нельзя однако сказать, чтобы взгляды Сократа были совершенно независимы отъ той философіи, которая преподавалась до него въ Аѳинахъ, потому что духовная жизнь людей, подобно внѣшнимъ событіямъ исторіи, тѣсно связана съ общимъ ходомъ дѣлъ и является только результатомъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ на нее вліяніе. По всей вѣроятности, воззрѣнія Сократа ближе всего подходили къ ученію іонійской школы. Ученикъ Анаксагора, Архелай, котораго нѣкоторые писатели древности прямо называютъ учителемъ Сократа, преподавалъ въ Аѳинахъ вмѣстѣ съ философіей природы и нравственное ученіе, которое, кажется, имѣло болѣе всего вліянія на взгляды и направленіе великаго философа. Впрочемъ ученіе этихъ двухъ философовъ далеко не было сходно; философія Архелая только вызвала философію Сократа, но не послужила для нея содержаніемъ. Ученіе Сократа, развившись изъ ученія Архелая, было совершенно новымъ, самостоятельнымъ ученіемъ, имѣвшимъ мало общаго съ своимъ источникомъ.

Не считая вообще философскихъ системъ надежными руководительницами человѣка въ жизни, Сократъ не слѣдовалъ въ своей практической дѣятельности ни одной изъ школъ, развившихся до него, и не признавалъ поэтической народной религіи (бывшей въ то же время государственной религіей), исполняя однако внѣшніе ея обряды. Онъ видѣлъ, что его современники, стремясь только за ученостью и внѣшними благами, предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ наукамъ софистику и діалектику, сдѣлавшіяся модною философіей, какъ средство достичь своихъ корыстныхъ цѣлей; видѣлъ, что тщеславные аѳиняне гордятся только блескомъ знанія и отвергаютъ истины, очевидныя для каждаго здравомыслящаго человѣка, но нетерпимыя и ненавидимыя эгоистами и корыстолюбцами. Сократъ презиралъ подобныя цѣли, такъ же какъ и средства, служившія къ ихъ достиженію. Всѣ его стремленія были направлены къ тому, чтобъ сдѣлаться самому умнѣе, узнать начала добра, умѣть всегда отличать истину отъ лжи и опредѣлить себѣ настоящую цѣль жизни. Развить природный умъ людей пріобрѣтенными свѣдѣніями и житейской опытностью, внушить довѣріе къ собственнымъ силамъ тѣмъ, которые не имѣли софистическаго образованія, обратить вниманіе своихъ современниковъ на нравственныя побужденія и цѣли, показать имъ пустоту софистическихъ мудрствованій и безполезность изслѣдованій о человѣкѣ, мірѣ и божествѣ, не основанныхъ на наблюденіи и опытѣ: — вотъ что было главной цѣлью его дѣятельности, существенной задачей его жизни. Выступивъ съ правдою и чистыми побужденіями на борьбу противъ современниковъ, Сократъ подвергся преслѣдованію своихъ тщеславныхъ и корыстолюбивыхъ враговъ, боявшихся его стремленій. Но среди всѣхъ гоненій онъ сохранялъ спокойствіе, умѣренность и твердость, и наконецъ пожертвовалъ жизнью за истину, которую проповѣдовалъ.

Знакомый со всѣми софистическими тонкостями и уловками, Сократъ, съ помощью своей ироніи и сатирическаго таланта, успѣшно боролся противъ пагубнаго вліянія софистовъ, — и въ этомъ отношеніи его дѣятельность имѣла особенно благодѣтельныя послѣдствія. Всѣ стремленія Сократа были въ высшей степени полезны уже по одному тому, что имѣли характеръ отрицательный и, слѣдовательно, были главнымъ образомъ направлены къ уничтоженію лжи и низости; сверхъ того, его ученіе, назначенное для народа и приспособленное къ его понятіямъ, было хорошо и потому, что замѣнило собой древнюю религію, уже утратившую все свое значеніе. Но, съ другой стороны, дѣятельность Сократа имѣла и свои вредныя послѣдствія. Его философія, предназначенная исключительно для жизни, была перенесена учениками въ школу, облечена въ форму и превращена въ систему. Къ этому нужно присоединить еще то замѣчаніе, что никакая философія, никакія правила разума и нравственности не могутъ замѣнить религіи у неразвитыхъ людей, составляющихъ огромное большинство. Для нихъ недостаточно одного простаго сознанія добра: имъ нужна еще игра фантазіи, страхъ и надежда, нужно, чтобъ страсти противоставлялась страсть.

Не принадлежа ни къ какой политической партіи и не желая никогда принимать участія въ государственныхъ дѣлахъ, Сократъ не могъ быть опасенъ тогдашнему правительству, и потому безпрепятственно продолжалъ свою дѣятельность подъ владычествомъ тирановъ, которые съ ожесточеніемъ преслѣдовали всѣхъ лучшихъ гражданъ. Но положеніе его измѣнилось, когда, съ возстановленіемъ демократіи, выступили на сцену толпы софистовъ, лицемѣрныхъ жрецовъ и корыстолюбивыхъ государственныхъ людей. Для нихъ Сократъ былъ слишкомъ опаснымъ врагомъ. Пока длилась Пелопоннесская война, поглощавшая все вниманіе народа, враги Сократа не имѣли возможности возбудить противъ него народа: но съ возстановленіемъ мира можно было дѣйствовать успѣшнѣе, и Сократъ, даже въ старости, былъ имъ такъ страшенъ, что они не хотѣли выждать его и безъ того уже близкой смерти. Враги Сократа соединились, чтобы общими силами преслѣдовать его. Прежде всего они старались клеветою возстановить противъ него общественное мнѣніе. Для возбужденія ненависти къ Сократу они воспользовались еще свѣжею въ памяти народа тираніею свирѣпаго Критія, ученика Сократа, и презрѣніемъ къ религіи другаго его ученика, Алкивіада. И Критій, и Алкивіадъ были, правда, въ сношеніяхъ съ Сократомъ, но они никогда не имѣли склонности слѣдовать его нравственнымъ принципамъ, а старались только пріобрѣсти себѣ философское и образованіе, для преслѣдованія своихъ честолюбивыхъ плановъ и, достигнувъ цѣли, оставили своего учителя; Критій былъ даже рѣшительнымъ его врагомъ. Но при непостоянствѣ и легкомысліи народа, все было возможно въ Аѳинахъ. Такъ старались распространить мнѣніе, что ученіе Сократа воспитало въ Алкивіадѣ и Критіѣ атеистическія и тираническія идеи, принесшія столько вреда аѳинянамъ. Враги Сократа могли тѣмъ легче разсчитывать на успѣхъ, что философъ не очень благосклонно отзывался о дѣйствіяхъ народнаго собранія, часто дѣйствительно безразсудныхъ, и, слѣдовательно, не трудно было представить его человѣкомъ, враждебнымъ народной религіи и существовавшему правленію.

Когда такимъ образомъ общественное мнѣніе было достаточно подготовлено, враги Сократа открыто выступили противъ него. Они формально обвинили его въ томъ, что онъ отвергаетъ существованіе боговъ и своимъ ученіемъ развращаетъ юношество. Защищаясь передъ судомъ, Сократъ не употреблялъ тѣхъ средствъ, которыми обыкновенно, пользовались обвиненные чтобъ подѣйствовать на судей и склонить ихъ на свою сторону; онъ остался вѣренъ себѣ, и въ минуту опасности говорилъ энергически, съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Съ свойственною ему ловкостью и ироніею, онъ опровергъ своихъ обвинителей и, доказавъ самымъ очевиднымъ образомъ нелѣпость взведенныхъ на него обвиненій, пристыдилъ и осмѣялъ своихъ враговъ. Обращаясь къ судьямъ, онъ говорилъ такъ смѣло и рѣшительно, что привыкшій къ лести народъ нѣсколько разъ прерывалъ его рѣчь ропотомъ, и за это главнымъ образомъ призналъ его виновнымъ. По аѳинскому судопроизводству осужденному дозволялось, до произнесенія приговора, объявить какого рода наказаніе, по его мнѣнію, онъ заслужилъ. Подсудимые пользовались обыкновенно этимъ правомъ, чтобы склонить судей къ болѣе легкому приговору; но Сократъ, считавшій себя невиннымъ, объявилъ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, не обращая никакого вниманія на чувствительность судей, что, въ награду за свои попеченія о благѣ аѳинянъ, онъ заслужилъ права обѣдать въ пританеѣ на счетъ государства (стр. 318). Судьи приговорили его выпить чашу съ ядомъ (обыкновенный родъ смертной казни въ Аѳинахъ). Съ спокойствіемъ и твердостью выслушавъ приговоръ, Сократъ отвѣчалъ на него краткой рѣчью, въ которой съ полнымъ благородствомъ доказалъ своимъ судьямъ какъ легко бы ему было спасти себя, но что въ теченіе всей жизни неуклонно слѣдовавъ своимъ правиламъ, онъ скорѣе перенесетъ всѣ возможныя несправедливости, чѣмъ отступитъ отъ своихъ убѣжденій.

Въ сочиненіяхъ Платона, знаменитѣйшаго изъ учениковъ Сократа, находится сказанная Сократомъ въ свою защиту рѣчь, написанная такъ, какъ будто Сократъ дѣйствительно произносилъ ее передъ судьями. Но эта рѣчь не принадлежитъ Сократу, она написана уже послѣ его смерти и съ другою цѣлью самимъ Платономъ. Передавъ въ ней въ общихъ чертахъ то, что говорилъ Сократъ и какъ онъ держалъ себя передъ судьями, Платонъ влагалъ въ уста

своего учителя свои слова, имѣвшія, очевидно, цѣлью оправдать и почтить его передъ всѣмъ греческимъ народомъ; оттого въ частностяхъ сочиненіе Платона можетъ и не согласоваться съ тѣмъ, что дѣйствительно говорилъ Сократъ.

Смертный приговоръ, произнесенный надъ Сократомъ, могъ быть приведенъ въ исполненіе только черезъ тридцать дней, потому что корабль, ежегодно отправляемый въ Делосъ съ жертвенными дарами (стр. 183), не задолго передъ тѣмъ отплылъ и не скоро долженъ былъ вернуться; между тѣмъ, по древнему закону, никакая казнь не могла совершиться въ то время, какъ корабль находился въ пути. Эти дни Сократъ провелъ, какъ всегда, съ своими учениками, ежедневно приходившими къ нему въ темницу. Спокойствіе и твердость не покидали его и тутъ; онъ остался до послѣдней минуты вѣренъ своимъ правиламъ и убѣжденіямъ. За нѣсколько дней до казни, одинъ изъ учениковъ философа предложилъ ему бѣжать, но Сократъ не хотѣлъ воспользоваться представлявшимся случаемъ, потому что думалъ и училъ, что ничто не даетъ людямъ права не повиноваться законамъ государства.

По поводу послѣдней бесѣды Сократа съ его учениками, Платонъ развиваетъ въ особомъ сочиненіи ученіе Сократа о безсмертіи души и при этомъ превращаетъ смерть своего учителя въ трогательную драму. Но это прекрасное изображеніе послѣднихъ минутъ Сократа, какъ не относящееся до исторіи, не принадлежитъ сюда.

Сократъ, какъ уже было замѣчено, не построилъ никакой системы и не образовалъ никакой школы; но его ученики, чтобы изложить научнымъ образомъ его ученіе, по необходимости должны были сдѣлать изъ него систематическую и догматическую доктрину. Такимъ образомъ, они перенесли въ школу то, что Сократъ назначалъ для жизни и ея проявленій. Впрочемъ это вполнѣ соотвѣтствовало духу времени; тогдашній міръ лишился своей прежней простоты и природнаго чувства, вмѣсто нихъ явилось умственное образованіе и жизнь, полная потребностей и разнообразія, а въ такое время люди чувствуютъ потребность въ положительныхъ взглядахъ или, другими словами, не въ такой вѣрѣ, которая наполняла и оживляла бы душу, а въ такой, которая удовлетворяла бы мыслящей силѣ и утверждалась на умозрѣніи и началахъ разума. Вслѣдствіе того, ученіе Сократа лишилось своего практическаго назначенія и того, почти исключительно отрицательнаго направленія, которое оно имѣло при жизни своего основателя: естественно, что его послѣдователи должны были раздѣлиться. Нѣкоторые изъ учениковъ Сократа возстановили такія начала, противъ которыхъ всю жизнь боролся ихъ наставникъ; такъ софистика и нравственная испорченность были опять внесены въ аѳинскую жизнь нѣкоторыми изъ школъ, основанныхъ учениками Сократа.

Философскія системы, построенныя послѣдователями Сократа, должны были пріобрѣсти тѣмъ больше значенія, что по ходу греческаго образованія философія была тою отраслью человѣческаго знанія, въ которой чувствовалась тогда наибольшая потребность. Въ ближайшее столѣтіе послѣ Сократа, философія была самымъ любимымъ занятіямъ грековъ. Едва греческій народъ вышелъ изъ своего младенческаго состоянія, какъ философія, или научное изслѣдованіе о законахъ мірового порядка и человѣкѣ, сдѣлалась потребностью, и съ этихъ поръ оставалась такъ же необходима, какъ поэзія и краснорѣчіе. Чѣмъ болѣе развивалось образованіе и чѣмъ болѣе удалялся греческій народъ отъ своего природнаго состоянія, тѣмъ сильнѣе становилась и потребность въ философскихъ занятіяхъ. Послѣ Сократа, греческій духъ требовалъ полнаго господства разума, и слѣдовательно естественно, что философія, какъ наука по преимуществу занимавшаяся его развитіемъ, должна была пріобрѣсти въ то время важное значеніе. Наконецъ философія сдѣлалась однимъ изъ необходимыхъ средствъ къ образованію людей для государственной жизни, и кромѣ того въ высшихъ сословіяхъ замѣнила собою религію. Чисто поэтическая чувственная народная религія не касалась нравственныхъ отношеній, въ ней не было также и отвлеченнаго ученія вѣры, она состояла изъ однихъ только миѳовъ и цермоній, и потому не могла ни руководить человѣка, ни доставлять развитымъ людямъ утѣшенія и успокоенія въ тяжелыя минуты жизни. Поэтому философія должна была замѣнить религію всякому, кто стремился уяснить себѣ нравственное назначеніе человѣка, его отношенія къ міровому порядку, и хотѣлъ найти себѣ

твердую опору въ жизни. Вслѣдствіе того, философія имѣла гораздо больше значенія у грековъ и римлянъ, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ историческихъ народовъ. Ея значеніемъ объясняется, почему, послѣ Сократа, вопросъ о томъ, послѣдователемъ какой изъ философскихъ школъ былъ тотъ или другой человѣкъ, игравшій роль въ государствѣ, имѣлъ почти такую же важность, какъ въ нѣкоторыя эпохи у новѣйшихъ народовъ вопросъ о томъ, къ католической или протестантской вѣрѣ принадлежала извѣстная историческая личность. Наконецъ, въ отличіе отъ новѣйшихъ нарядовъ, философія имѣла у грековъ и римлянъ еще и ту особую важность, что была сама по себѣ любимымъ занятіемъ тогдашнихъ государственныхъ людей. Они не прибѣгали къ ней, только какъ къ убѣжищу въ минуты несчастія, но посвящали ей часы отдыха отъ занятій общественными дѣлами.

Между учениками Сократа самыми знаменитыми по своему вліянію на жизнь и ходъ образованія были: Ксенофонтъ, Аристиппъ и Платонъ. Первый, своею популярною философіею, содержаніемъ и характеромъ своихъ историческихъ сочиненій, внесъ въ греческую жизнь практическую, разумную нравственность, и далъ государственнымъ дѣламъ направленіе, подобное новѣйшимъ государственнымъ и экономическимъ системамъ управленія. Вліяніе Аристиппа и Антистена на образъ мыслей и нравы людей проходитъ чрезъ всю послѣдующую исторію греческаго народа до римлянъ и даже до временъ христіанства. Но изъ всѣхъ системъ, за исключеніемъ развѣ философіи Аристотеля, самое большее значеніе для всего цивилизованнаго міра имѣли идеальныя созданія Платона.

Платонъ, принадлежавшій къ древней аттической фамиліи, родился 420 г. до р. Х. въ Аѳинахъ, а умеръ въ 348 году Всѣ разсказы позднѣйшихъ греческихъ историковъ, относящіеся къ юношескому возрасту Платона, только символически изображаютъ его неподражаемое искусство излагать свои мысли; такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что однажды, когда онъ былъ еще ребенкомъ, пчелы Гиметской горы накормили его медомъ. Сначала Платонъ занимался поэзіей и писалъ эпическія, лирическія и драматическія стихотворенія. На двадцатомъ году онъ познакомился съ Сократомъ, и оставался до самой смерти философа однимъ изъ самыхъ близкихъ его учениковъ. Скоро послѣ того онъ отправился путешествовать и посѣтилъ Кирену, Египетъ, Нижнюю Италію и Сицилію. Въ Аѳинахъ онъ основалъ школу, получившую названіе академіи отъ любимаго мѣстопребыванія Платона. Это было мѣсто гулянья передъ городомъ, близъ котораго Платонъ имѣлъ садъ, и гдѣ онъ больше всего любилъ сходиться съ своими учениками.

Изъ частныхъ обстоятельствъ его жизни особенно замѣчательны три путешествія въ Нижнюю Италію и Сицилію, имѣвшія большое вліяніе на развитіе Платона и на направленіе его философіи. Первое путешествіе было имъ предпринято съ цѣлью изучить естественныя науки, которыя разрабатывались съ такимъ успѣхомъ пиѳагорейцами, и въ то же время посвятить себя въ тайны этихъ философовъ, образовавшихъ между собою союзъ. Тайныя общества возникали въ то время въ большомъ числѣ въ богатыхъ греческихъ городахъ южной Италіи, потому что неправильность общественныхъ отношеній по необходимости вызвала подобнаго рода явленія. Въ Великой Греціи и Нижней Италіи образовалось такое общество, которое смотрѣло на свое философское ученіе, какъ на привилегированную и доступную только однимъ посвященнымъ мудрость, и въ то же время занималось математическими и естественными науками. Оно называлось пиѳагорейскимъ обществомъ, потому что его ученіе возникло изъ остатковъ философіи Пиѳагора, и члены союза по своему направленію стояли всего ближе къ Пиѳагору и его ученикамъ. Замѣчательнѣйшимъ изъ тогдашнихъ пиѳагорейцевъ былъ Архитъ Тарентскій, получившій знаменитость своими изслѣдованіями по математическимъ и физическимъ наукамъ.

Въ это возстановленное общество пиѳагорейцевъ Платонъ вступилъ во время перваго своего пребыванія въ Нижней Италіи и съ тѣхъ поръ постоянно сохранялъ живую связь съ его членами. Черезъ Діона, одного изъ членовъ общества, онъ вошелъ въ сношеніе съ владѣтелемъ Сиракузъ, Діонисіемъ I, старавшимся заслужить себѣ славу между греками своею пышностью, покровительствомъ наукамъ и поэтическими сочиненіями, и отправился къ его двору.

Діонъ и другіе благородные мечтатели, принадлежавшіе къ пиѳагорейскому союзу, надѣясь при помощи Діонисія ввести новый лучшій порядокъ вещей въ Сициліи, пригласили къ сиракузскому двору аѳинскаго философа, отъ талантовъ котораго ожидали многаго для осуществленія своего плана. Платонъ давалъ владѣтелю Сиракузъ почти такіе же совѣты, какіе предлагалъ Маккіавелли въ своемъ знаменитомъ сочиненіи тому, кто бы хотѣлъ сдѣлаться властелиномъ Италіи. Какъ Маккіавелли совѣтовалъ такому властителю основать на развалинахъ свободы одно чисто итальянское государство и изгнать иностранцевъ, такъ и Платонъ требовалъ отъ Діонисія Старшаго, чтобы онъ измѣнилъ всю свою прежнюю систему управленія, сдѣлался царемъ грековъ, жившихъ въ Нижней Италіи и Сициліи, и, ставъ во главѣ ихъ, прогналъ карѳагенянъ въ Африку. Такимъ образомъ Платонъ и его друзья смотрѣли на карѳагенянъ точно такъ же, какъ Маккіавелли на нѣмцевъ и французовъ, съ тою только разницею, что первые главнымъ образомъ имѣли въ виду греческій народъ, тогда какъ послѣдній больше всего заботился объ интересахъ самого властителя. По мнѣнію Платона и другихъ пиѳагорейцевъ греческимъ городамъ надо было, подъ управленіемъ Діонисія, соединиться въ одно цѣлое противъ варваровъ, но во внутреннемъ управленіи они должны были оставаться самостоятельными республиками и управляться олигархическою партіею, которая состояла изъ пиѳагорейцевъ, или по крайней мѣрѣ зависѣла отъ нихъ. Но планъ этотъ никакъ не могъ осуществиться, потому что человѣкъ, отъ котораго это главнымъ образомъ зависѣло, не руководился патріотизмомъ и стремленіями къ лучшему. Діонисій скоро разсорился съ пиѳагорейцами, и Платонъ долженъ былъ поспѣшно оставить Сиракузы, возстановивъ противъ себя Діонисія своей откровенностью. Но оскорбленный тиранъ сумѣлъ очень хитро отмстить философу, не повредивъ нисколько своей репутаціи между греками. Онъ уговорилъ командира спартанскаго корабля, на которомъ Платонъ возвращался въ Грецію, бросить его въ море, или продать въ рабство. Корыстолюбіе спартанца побудило его избрать послѣднее, и Платонъ былъ проданъ жителямъ Эгины, воевавшимъ въ то время съ аѳинянами. Выкупленный своими друзьями, философъ возвратился въ Аѳины и основалъ тамъ философскую школу.

Послѣ смерти Діонисія Старшаго Платонъ вторично отправился въ Сицилію. Діонъ, стараясь привлечь въ пользу пиѳагорейскихъ плановъ молодаго Діонисія II, сына и преемника Діонисія I, пригласилъ своего друга въ Сиракузы. Въ одно время съ Платономъ отправились туда и многіе другіе члены союза, такъ что дворъ сиракузскаго владѣтеля наполнился пиѳагорейскими мечтателями; но ни Діонисій, ни большинство прежнихъ придворныхъ не питали сочувствія къ пиѳагорейцамъ, которые вскорѣ должны были опять оставить Сиракузы. Самъ Діонисій, хотя и не имѣлъ отвращенія къ философскимъ занятіямъ, но находилъ гораздо большее удовольствіе въ буйныхъ оргіяхъ и пьянствѣ. Платону онъ оказывалъ уваженіе только потому, что желалъ считаться его другомъ и не хотѣлъ, чтобы аѳиняне, дававшіе направленіе цѣлой Греціи, отзывались о немъ дурно. Скоро однако пиѳагорейцы надоѣли ему, и людямъ прежняго порядка, во главѣ которыхъ стоялъ Филистъ, удалось вытѣснить ихъ отъ двора. Филистъ и его партія призвали Аристиппа, проповѣдовавшаго въ противоположность пиѳагорейцамъ, что умѣніе пользоваться жизнью и наслаждаться составляетъ высшую мудрость. Діонъ былъ изгнанъ изъ Сиракузъ; Платонъ, оставшійся тамъ еще нѣкоторое время, скоро также принужденъ былъ вернуться въ въ Аѳины. Уѣзжая, онъ далъ Діонисію обѣщаніе снова пріѣхать къ нему, если Діонъ будетъ возвращенъ изъ изгнанія.

Не смотря на вліяніе Аристиппа, Филиста и преданную наслажденіямъ толпу царедворцевъ, приверженцы Платона достигли того, что онъ былъ снова приглашенъ въ Сиракузы. Діонисій, поддерживавшій перепиской дружественныя отношенія съ философомъ, постоянно уговаривалъ его пріѣхать къ нему. Платонъ, долго отказывавшійся вернуться безъ Діона, наконецъ согласился, хотя его другъ и не былъ возвращенъ. Архитъ и другіе члены союза убѣдили его послѣдовать приглашенію, какъ для пользы самого Діона, такъ и для того, чтобы не лишиться вліянія на тирана, съ помощью котораго пиѳагорейцы все еще думали достигнуть своихъ политическихъ цѣлей. Діонисій отправилъ за фи-

лософомъ въ Аѳины корабль, принялъ его съ большимъ почетомъ и отвелъ ему своемъ паркѣ помѣщеніе, нарочно для него построенное. Но здѣсь Платонъ жилъ какъ плѣнникъ; у воротъ парка постоянно стояла стража, и безъ особаго дозволенія никто не имѣлъ права ни выходить оттуда, ни входить туда. Всѣ старанія Платона примирить тирана съ Діономъ остались тщетными, и онъ скоро навсегда поссорился съ Діонисіемъ, который, подобно своему отцу, жестоко ему отмстилъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что жены его нуждались для праздника въ помѣщеніи Платона, тиранъ удалилъ его изъ укрѣпленной части города и такимъ образомъ отдалъ на произволъ грубой толпы наемныхъ войскъ, смотрѣвшихъ на философовъ какъ на враговъ. Они непремѣнно убили бы Платона, еслибъ его не спасли соотечественники, жившіе въ Сиракузахъ. Видя невозможность бѣжать, онъ написалъ письмо въ Тарентъ, которымъ управляли тогда члены пиѳагорейскаго союза. Тарентинцы немедленно отправили посольство къ Діонисію, чтобы выхлопотать у него освобожденіе Платона. Просьба ихъ была уважена, и философъ получилъ позволеніе выѣхать изъ Сиракузъ. Платонъ вернулся въ родной городъ, и съ тѣхъ поръ болѣе не оставлялъ его.

Значеніе Платона для философіи, какъ науки, не составляетъ предмета исторіи, но разсмотрѣть то необыкновенное вліяніе, которое онъ имѣлъ на духъ своего времени и на развитіе греческой культуры, — это ея долгъ. Могущественное дѣйствіе Платона на современниковъ зависѣло столько же отъ содержанія его сочиненій, сколько и отъ ихъ формы, и не было философа, который бы могъ сравниться съ нимъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи. На эту-то сторону и должно обратить особенное вниманіе, чтобы изслѣдовать, въ какомъ отношеніи находятся сочиненія Платона къ его времени и къ образованію человѣчества вообще; потому что ей главнымъ образомъ онъ обязанъ своимъ необыкновеннымъ вліяніемъ. Утонченный свѣтъ, охотно жертвующій содержаніемъ формѣ, никогда не высказалъ бы Платону такого сочувствія, еслибъ онъ обладалъ громаднымъ талантомъ воплощать свои идеи въ прекрасные образы. Какъ различны тѣ впечатлѣнія, которыя производитъ аристократъ Сократъ, представленный Платономъ въ его сочиненіяхъ, и полу-демократъ, полу-монархистъ Сократъ, какимъ является онъ является у Ксенофонта! Какія старанія употребляетъ Платонъ, чтобъ принаровиться къ утонченному свѣту своими выраженіями, чувствами, тономъ изящнаго общества и всею манерою своего изложенія! Даже и тогда, когда Платонъ жестоко насмѣхается надъ софистами, онъ не выходитъ изъ предѣловъ внѣшняго приличія.

Всѣ сохранившіяся до насъ тридцать пять сочиненій Платона, изъ которыхъ однако нѣкоторыя не признаются за подлинныя, написаны въ діалогической формѣ· Это творенія человѣка, надѣленнаго отъ природы великимъ поэтическимъ талантомъ и имѣвшаго врожденное философское призваніе. Какъ велико было значеніе этихъ произведеній въ поэтическомъ отношеніи, всего лучше можно узнать, сравнивъ ихъ съ діалогами Цицерона, носящими также поэтическій характеръ, напримѣръ, съ сочиненіемъ о существѣ боговъ. При этомъ сравненіи мы видимъ, что Цицеронъ только ораторъ, а Платонъ въ одно время и великій поэтъ, и ораторъ. Каждый діалогъ Платона вмѣстѣ съ философскою цѣлью имѣетъ еще и поэтическую; каждый, независимо отъ своего философскаго содержанія, есть цѣльное поэтическое произведеніе, родъ драмы, въ которой всѣ личности, сословія, занятія также вѣрны дѣйствительности, какъ въ комедіи или трагедіи. Поэтому философію Платона изучали не одни только философы: къ его діалогамъ обращались также поэты, ораторы и всѣ стремившіеся познать міръ и человѣка. Такимъ образомъ своими сочиненіями Платонъ оказалъ высшимъ классамъ всего древняго міра такую же услугу, какую старался оказать всему аѳинскому народу Сократъ, какъ учитель народа. Въ твореніяхъ Платона, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются самые разнообразные элементы греческаго образованія, и можно смѣло сказать, что греческая жизнь, внутренняя и внѣшняя, передана намъ въ самыхъ благородныхъ ея проявленіяхъ Платономъ.

Для усовершенствованія формы своихъ сочиненій, Платонъ пользовался различнаго рода пособіями. Пониманіемъ и искусствомъ въ изображеніи жизни и дѣйствій людей, Платонъ болѣе всего обязанъ Аристофану, творенія котораго онъ изучалъ въ теченіе всей своей жизни и читалъ даже на смертномъ одрѣ. Какъ много пользы могло принести ему знакомство съ произведеніями великаго комика,

отличавшагося глубокимъ взглядомъ на вещи и умѣньемъ живо представлять ихъ, можно судить по прежнимъ нашимъ замѣчаніямъ о немъ. Рядомъ съ комедіями Аристофана, Платонъ преимущественно занимался изученіемъ произведеній сиракузскаго поэта Софрона, который незадолго передъ тѣмъ перенесъ мимы изъ народной жизни въ литературу и превратилъ ихъ въ особый родъ комедіи (стр. 176). Съ мимами, тогда еще не вполнѣ извѣстными въ Аѳинахъ, онъ познакомился въ Сициліи. По своему живому и вѣрному изображенію нравовъ, характеровъ и различныхъ моментовъ жизни, они были лучшими образцами для такихъ діалоговъ, какіе писалъ Платонъ, и дали ему возможность представлять своимъ читателямъ вмѣстѣ съ философскимъ ученіемъ и дѣйствительную жизнь. Написанныя поэтической прозой, мимы и языкомъ своимъ вполнѣ соотвѣтствовали цѣли поэта: въ ихъ формѣ всего лучше могла выразиться та иронія и острая шутка, которыя были такъ свойственны Платону. Такимъ образомъ, мимы Софрона и комедіи Аристофана были образцами діалоговъ, въ которыхъ Платонъ передавалъ свое ученіе. Эти діалоги — не только философскія разсужденія, но цѣлыя поэтическія произведенія, гдѣ рѣчи, лица, обстоятельства и отношенія большею частью созданы самимъ поэтомъ, но въ которыхъ, какъ и въ другихъ родахъ поэзіи, очень мало обращено вниманія на хронологію и исторію дѣйствующихъ лицъ.

Итакъ, живо изображать явленія внѣшней жизни научили Платона великій писатель древней комедіи и первый мимическій поэтъ, а изученіемъ произведеній древнихъ поэтовъ и іонійскихъ философовъ онъ довелъ до совершенства свой неподражаемый талантъ представлять идеи въ блестящихъ картинахъ. Чего не могли ему дать эти источники и образцы, того онъ старался достигнуть посвященіемъ себя въ тайны пиѳагорейскаго ученія. Наконецъ, Платонъ искалъ себѣ образцовъ и на Востокѣ, проникъ въ духъ ученій, на которыхъ основывались тамошнія клерикальныя государства и ихъ учрежденія, и пользовался мистеріями своего народа. Въ мистеріяхъ онъ нашелъ средство съ помощью предчувствій, миѳовъ, примѣтъ и сновидѣній переносить духъ своихъ читателей въ тѣ заоблачныя пространства, куда не проникаетъ никакой разсудокъ. Такимъ образомъ, воспользовавшись народною религіею для построенія своихъ поэтическихъ теорій, Платонъ открылъ себѣ доступъ въ область фантазіи и могъ свободно переступать предѣлы опыта и знанія; ему легко было намекать на то, чего онъ не могъ или не смѣлъ высказать ясно. При жизни философа его мечтанія были безвредны, потому что всѣ стремленія тогдашнихъ грековъ сосредоточивались на богатой событіями политической жизни, но въ послѣдующія столѣтія эти фантастическія теоріи отняли у жизни не мало силъ, и многихъ людей ввели въ заблужденіе. Софистика и діалектика были такъ усвоены Платономъ, что онъ, будучи врагомъ софистовъ, самъ въ то же время училъ этому искусству. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ діалоговъ, напримѣръ, въ Теэтетѣ, Протагорѣ и Горгіѣ, онъ изложилъ съ такою полнотою все, чему только учили аѳинскіе софисты и діалектики, что сочиненія эти могутъ служить указаніемъ на образъ дѣйствій этихъ людей въ судахъ и государственномъ управленіи.

Чтобы нагляднѣе представить свое ученіе, Платонъ во всѣхъ своихъ діалогахъ выводитъ Сократа. При всемъ разнообразіи частностей, въ цѣломъ онъ постоянно старался выказать умственное превосходство, спокойствіе, умѣренность и скромность своего учителя, въ противоположность ослѣпленію, ученому шарлатанству, непостоянству, недовольству и высокомѣрію его современниковъ. Изъ всего ученія, которое Платонъ заставляетъ высказывать Сократа, — ученіе о сущности человѣческой природы и государственномъ управленіи имѣетъ наибольшее значеніе для пониманія греческой культуры и отношеній Платона къ ней. Въ трехъ своихъ сочиненіяхъ «Политикосѣ», или государственномъ человѣкѣ, «Политіи» или государствѣ, и въ сочиненіи «О законахъ» — Платонъ полнѣйшимъ образомъ развилъ свой взглядъ на эти предметы.

Считая глупость своихъ современниковъ и предразсудки массы болѣзнями неизлечимыми, Платонъ и не пріискивалъ для нихъ лекарствъ. Поэтому въ противоположность Ксенофонту, мечтавшему о монархическомъ государствѣ, въ которомъ свобода въ наукѣ и искусствѣ замѣняла бы политическую свободу, онъ создаетъ чисто идеальное государство съ аристократическими формами. Въ

«Политіи» Платонъ представляетъ идеалъ гармоническаго сочетанія всѣхъ способностей человѣка и начертываетъ образецъ государства, устроеннаго по этому идеалу. Не принимая въ соображеніе ни національности, ни другихъ условій и данныхъ, Платонъ говоритъ о своемъ государствѣ, какъ Руссо о воспитаніи, — идеалъ котораго онъ представилъ въ своемъ Эмилѣ, — что нелѣпо было бы примѣнять нѣкоторыя изъ его идей, если нельзя разомъ перевернуть всего существующаго порядка. Оба они объявляютъ: одинъ, что его государственное устройство, другой, что его система воспитанія неосуществимы до тѣхъ поръ, пока гдѣ нибудь не явятся люди, совершенно свободные отъ недостатковъ предъидущихъ поколѣній. Если противъ этого возражаютъ, что такимъ образомъ человѣкъ и государство обоихъ философовъ только бредъ воображенія, то это справедливо развѣ настолько, насколько и всякую нравственно-философскую систему можно назвать одной пустой мечтою, потому что большая часть нравственныхъ требованій никогда не исполняется. Въ сочиненіи о государствѣ, такъ же какъ и въ Эмилѣ Руссо, многое кажется страннымъ только потому, что и Платонъ и Руссо, для болѣе нагляднаго представленія своего идеала, обращались къ дѣйствительной жизни. Въ сочиненіи «О законахъ» Платонъ старается изобразить идеалъ уже чисто греческаго государства, основаннаго на существующихъ элементахъ, именно на племенномъ различіи и національныхъ свойствахъ; здѣсь онъ входитъ въ самыя мелочныя подробности.

Изъ трехъ сочиненій, въ которыхъ Платонъ развилъ свои идеальные взгляды на государственное устройство, «Политикосъ» служитъ нѣкоторымъ образомъ введеніемъ къ «Политіи». Основная мысль этого сочиненія, которую вездѣ проводитъ Платонъ, — какъ Руссо свои мечты о природномъ состояніи, — нигдѣ и никогда не осуществлялась въ дѣйствительности. Платонъ думаетъ, что родъ человѣческій былъ прежде счастливѣе, и что возвращеніе этого потеряннаго счастія, — того, что Руссо называетъ природнымъ состояніемъ, — должно быть конечною цѣлью всякаго государственнаго устройства. Такое представленіе, вполнѣ соотвѣтствовавшее ученію Востока, мистерій и пиѳагорейскаго союза, было частью почерпнуто изъ этихъ источниковъ. Но, какъ аѳинянинъ, Платонъ глубоко уважалъ человѣческую свободу и потому не ставилъ своего идеала въ томъ вѣчно неподвижномъ порядкѣ вещей, который господствовалъ на Востокѣ; напротивъ того, онъ самъ говорилъ, что неизмѣнность невозможна для существа тѣлеснаго, потому что противорѣчитъ самой природѣ его. Платонъ составилъ себѣ слѣдующее представленіе о первобытномъ состояніи человѣчества, высказанное имъ въ «Политикосѣ». Въ первобытную эпоху родъ человѣческій управлялся священною, неизмѣнною волею божества, и поэтому не было никакой необходимости въ перемѣнахъ. Люди не нуждались тогда ни въ учрежденіяхъ, ни въ законахъ. Когда природное состояніе миновалось, мировой порядокъ сталъ развиваться самостоятельно. Нѣкоторое время божественный законъ, прежде управлявшій всѣмъ, оставался еще въ памяти существъ, но скоро былъ забытъ ими. Возникли безпорядки и смятенія, и всѣ существа ощутили потребность въ опредѣленномъ законѣ и руководящей власти, животнымъ и людямъ понадобились защитники и пастухи. Люди въ особенности почувствовали, что имъ необходимъ человѣкъ, который могъ бы управлять всѣми ихъ занятіями и ремеслами, возникшими вслѣдствіе новаго порядка вещей, и принять на себя обязанности, исполнявшіяся прежде божествомъ. Это — идеальный и совершенный государственный человѣкъ, или, какъ называетъ его Платонъ, царь-правитель.

Сначала Платонъ доказываетъ, что наука государственнаго управленія можетъ быть понята только очень немногими, и слѣдовательно, чтобы могло существовать хорошее правленіе, нужно выразить ее въ законахъ и уже въ этой формѣ передать тѣмъ, которые наиболѣе способны управлять государствомъ. Затѣмъ онъ старается нагляднѣе изобразить характеръ и образъ дѣйствій истиннаго государственнаго человѣка и при этомъ объясняетъ отношеніе различныхъ силъ и способностей человѣка къ его идеалу жизни, и потомъ отношеніе монархической, аристократической и демократической формъ правленія къ идеальному государственному устройству, во главѣ котораго онъ ставитъ царя-правителя. Далѣе онъ изображаетъ сущность всѣхъ трехъ формъ правле-

нія и показываетъ, какъ онѣ искажаются. Истинная аристократія, говоритъ онъ, та, въ которой законы и нравы, — т. е. то, что въ теченіе долгаго времени составляло самую сущность извѣстной формы правленія, — ненарушимо охраняются правительствомъ; если же это не исполняется, такая искаженная аристократія превращается уже въ олигархію. Точно также и въ монархіи: если правитель строго соблюдаетъ правосудіе и законъ, не дѣлая ничего произвольно, то онъ монархъ; если же, напротивъ того, онъ попираетъ законъ и справедливость, ставя свой произволъ выше ихъ, то онъ деспотъ. На третью форму правленія — демократію — Платонъ обращаетъ мало вниманія, потому что, подобно пиѳагорейцамъ, не любитъ ея, считая невозможнымъ, чтобы массы могли ненарушимо соблюдать законъ и право.

Касаясь личности идеальнаго правителя, Платонъ говоритъ, что при всякой формѣ правленія, для поддержанія самой сущности ея, или, другими словами для охраненія закона и справедливости, необходимы двѣ главныя добродѣтели: твердость и разумная умѣренность. Обѣ онѣ очень рѣдко соединяются вмѣстѣ, и только очень немногіе люди, совмѣщая ихъ въ своей личности, обладаютъ качествами истинныхъ правителей. Разумная умѣренность научаетъ блюсти и охранять справедливое и доброе, а твердость даетъ силу предотвращать и уничтожать все, что нарушаетъ порядокъ. Идеальный разумъ правителя-царя, основываясь на этихъ двухъ, часто повидимому противорѣчащихъ добродѣтеляхъ, нуждается для достиженія своей цѣли въ двухъ различныхъ средствахъ — божественномъ и человѣческомъ. Первое заключается въ религіи, богослуженіи и суевѣріи, второе — въ наказаніяхъ и наградахъ.

Такимъ образомъ, по ученію Платона, излагаемому въ «Политикосѣ», идеалъ государственнаго управленія состоитъ въ искусствѣ благоразумно соединять строгость съ кротостью, твердость съ мягкостью, силу съ уступчивостью. Самое существенное качество истиннаго правителя-царя — правосудіе или умѣнье соединять въ своихъ дѣйствіяхъ эти разнородныя до противоположности свойства. Высказавъ свое понятіе о существенной задачѣ всякаго правительства, Платонъ рисуетъ въ своемъ великомъ сочиненіи, называющемся «Политія» или государство, картину совершенно правильнаго идеальнаго государства и идеалъ настоящаго человѣка. Созданіе такого государства такъ же невозможно, какъ и осуществленіе всѣхъ другихъ идеаловъ, потому что устройство дѣйствительнаго государства зависитъ отъ національныхъ свойствъ, географическихъ условій и другихъ обстоятельствъ, не принятыхъ въ соображеніе въ идеальномъ созданіи философа, который самъ признаетъ свою мысль неосуществимою до тѣхъ поръ, пока люди совершенно не переродятся. Государство Платона, подобно идеальнымъ представленіямъ всѣхъ остальныхъ человѣческихъ отношеній, такъ далеко отъ дѣйствительности, что выраженіе «республика Платона» до сихъ поръ употребляется для обозначенія фантастической мечты. Платонъ имѣлъ только въ виду представить истинныя понятія о справедливости и указать характеристическія свойства истиннаго правителя: и дѣйствительно, изученіе образца такого государства и такихъ общественныхъ условій естественно должно вести къ уясненію понятій объ этихъ предметахъ.

Начиная описаніе своего идеальнаго государства, Платонъ говоритъ, что оно есть подобіе совершеннаго человѣка. По представленію Платона, государство, подобно человѣку, есть гармоническое сочетаніе всѣхъ способностей и наклонностей, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Части общества, отдѣльно взятыя, соотвѣтствуютъ страстямъ, склонностямъ, чувствамъ, умственнымъ способностямъ нашей собственной природы. Какъ каждому изъ насъ, для выполненія его человѣческаго назначенія, необходимы всѣ физическія и умственныя способности, и какъ страсти и наклонности, если только онѣ не переступаютъ должныхъ границъ, столь же полезны, какъ разсудокъ и воображеніе, такъ и различныя человѣческія натуры полезны и годны для цѣли государства. Различить дарованія людей и дать имъ положеніе, соотвѣтственное ихъ способностямъ — вотъ первая задача совершеннаго государства.

Каждое общество, говоритъ затѣмъ Платонъ, должно быть увѣрено въ своей безопасности и прочности; но какъ это главное условіе его существованія можетъ постоянно подвергаться опасности отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, то

члены государства, назначенные для его защиты, должны быть самые разумные и сильные. Эти защитники и правители составляютъ первый органъ благоустроеннаго общества, или, другими словами, они въ государствѣ то же, что голова и сердце въ человѣкѣ. При этомъ Платонъ нисколько не имѣетъ въ виду установленія наслѣдственной аристократіи или кастоваго устройства; напротивъ того, онъ ясно говоритъ: хотя благородный корень и производитъ большей частью благородные плоды, но очень случается, что онъ подвергается гніенію, и потому, при выборѣ правительственныхъ лицъ и защитниковъ, всегда должно смотрѣть только на плодъ, но не на корень. При такой аристократіи талантовъ и благородныхъ натуръ сословное различіе само собой пропадаетъ въ государствѣ Платона. Неравенство состояній, происходящее только отъ неравенства наслажденій, отстраняется уничтоженіемъ послѣдняго, потому что, не имѣя приманки наслажденій, никто не будетъ стремиться къ пріобрѣтенію богатствъ. Но воздержность можетъ быть вызвана только искорененіемъ наклонностей въ самомъ ихъ зародышѣ и направленіемъ чувствъ къ другой цѣли, а никакъ не запрещеніемъ самаго наслажденія. Единственныя вѣрныя средства къ тому — религія и воспитаніе. Религія поддерживаетъ во всѣхъ гражданахъ сознаніе, что человѣкъ принадлежитъ міру высшему, а не чувственному. Истинно хорошее воспитаніе сдѣлаетъ излишними всѣ мелкія нравственныя и полицейскія предписанія, которыхъ такъ много въ древнихъ греческихъ государствахъ; хорошо воспитанное поколѣніе вездѣ само отличитъ хорошее, а дурно воспитанное не исполняетъ и самыхъ лучшихъ законовъ Солона и самыхъ строгихъ предписаній Дракона.

Но никакое воспитаніе и никакая религія еще не водворятъ сами по себѣ полнаго равенства, которое всегда будетъ нарушаться до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать семейство и собственность. Для водворенія полнаго равенства Платонъ требуетъ полнаго уничтоженія семейства, установленія общественнаго владѣнія равенства воспитанія и занятій безъ различія пола.

Но учрежденія, порядокъ и законъ, продолжаетъ Платонъ, не могутъ существовать въ государствѣ, если руководители его не будутъ живымъ отраженіемъ закона или, какъ онъ самъ говоритъ, государство только тогда можетъ быть счастливо, когда имъ управляютъ философы. Но самое слово философъ употреблялось греками въ различныхъ смыслахъ, и потому Платонъ очень опредѣлительно выражаетъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ философъ. Онъ называетъ философомъ человѣка, который по своимъ принципамъ умѣренъ, щедръ, храбръ, великодушенъ, кротокъ и твердо стоитъ за ненарушимость закона. Платонъ сравниваетъ съ такимъ идеальнымъ правителемъ государственныхъ людей своего времени и при этомъ случаѣ вооружается противъ софистическаго направленія, которое имѣло цѣлью только словопреніе и корыстолюбіе и, не смотря на то, господствовало въ судахъ и общественной жизни. Онъ осмѣиваетъ публичныя рѣчи, наполненныя блестящими словами и фразами, въ которыхъ одно положеніе искусно выводится изъ другаго, но не вытекаетъ ни само изъ себя, ни изъ сущности разсматриваемыхъ предметовъ. Яркими красками изображаетъ Платонъ контрастъ между жизнью благороднаго человѣка, который, сознавая собственное свое достоинство и силу, возвышается надъ землею и ея наслажденіями, и жизнью людей дюжинныхъ, не понимающихъ высшихъ наслажденій истинной науки. Онъ представляетъ этотъ контрастъ въ символической формѣ. Чистая душа, становящаяся выше животныхъ побужденій, сравнивается у него съ существомъ свободнымъ, никогда не носившимъ оковъ и потому прямо смотрящимъ на солнце; напротивъ того, человѣка чувственнаго, стремящагося только къ удовлетворенію своихъ страстей и зависящаго отъ нихъ, онъ уподобляетъ плѣннику, который годами продолжительнаго заключенія пріученъ къ оковамъ и мраку. Между такими людьми существуетъ такое отношеніе, какъ между свѣтомъ и его отраженіемъ, или тѣломъ и его тѣнью. Платонъ требуетъ отъ правителей государства, чтобы они вели не только созерцательную или научную, но и практическую жизнь, потому что только въ такомъ случаѣ они будутъ способны понимать науку и передавать ее другимъ, и какъ чистое знаніе, и въ ея практическомъ примѣненіи къ жизни.

Такимъ образомъ, большая часть этого сочиненія заключаетъ въ себѣ

развитіе идеала государства и соотвѣтственнаго ему идеала человѣка. Въ остальной части Платонъ объясняетъ, отчего ни одно дѣйствительное государство не можетъ соотвѣтствовать этому идеалу. Это происходитъ не оттого, чтобы учрежденія идеальнаго государства были непримѣнимы, но оттого, что, по свойству нашей природы, всякая истинная аристократія искажается и переходитъ сначала въ демократію, а потомъ въ деспотію. Платонъ подробно описываетъ самый ходъ постепеннаго перерожденія истинной аристократіи. Первымъ шагомъ къ этому служитъ непониманіе того учрежденія, по которому лучшіе граждане должны руководить государствомъ. Лучшими людьми считаютъ обыкновенно гражданъ болѣе древняго происхожденія. Отсюда возникаютъ въ государствѣ касты и подобныя нелѣпыя учрежденія. Легко замѣтить, что при этомъ Платонъ описываетъ спартанское государство и ясно доказываетъ, какъ далеко отъ идеала прославленное государственное устройство Спарты. Затѣмъ, показавъ какимъ образомъ совершается переходъ отъ аристократическаго правленія къ олихархіи, пользующейся феодальными правами, онъ говоритъ, что послѣдняя всегда насильственно превращается въ демократію, когда народу становятся наконецъ нестерпимы всѣ притѣсненія. Но возникшее такимъ образомъ народное владычество не можетъ быть истинною разумною демократіею, потому что рабство не можетъ создать истинной свободы.

Разсуждая о демократіи, Платонъ изображаетъ при этомъ сущность аѳинскаго государственнаго устройства, какъ прежде представилъ характеръ спартанскаго государства. Онъ, въ насмѣшку, называетъ демократію лучшею изъ всѣхъ правительственныхъ формъ, потому что ее можно сравнить съ пестрою одеждою, въ которую вотканы всевозможные цвѣта; это такое государственное устройство, говоритъ онъ, въ которомъ могутъ существовать всевозможные нравы и характеры одни подлѣ другихъ. Массы, обращающія вниманіе только на внѣшнюю сторону предметовъ, прибавляетъ Платонъ, обыкновенно судятъ о демократическомъ государственномъ устройствѣ точно такъ же, какъ женщины и дѣти о пестрой одеждѣ, которую они именно по ея пестротѣ и считаютъ лучшимъ платьемъ.

Хотя Платонъ и не представляетъ демократію съ выгодной ея стороны, но изъ самаго описанія его видны все разнообразіе, движеніе, независимость и просторъ жизни въ аѳинскомъ государствѣ. Затѣмъ онъ объясняетъ, какимъ образомъ демократія постепенно переходитъ въ деспотизмъ. Не смотря, говоритъ онъ, на всю привлекательность подобнаго государственнаго устройства для всякаго, кто судитъ о человѣческой жизни только по ея внѣшнимъ проявленіямъ, демократія вредна въ высшей степени; потому что чувственность, необуздываемая въ свободномъ демократическомъ государствѣ ни закономъ, ни общественною нравственностью, пріобрѣтаетъ вскорѣ исключительное господство, не смотря на всѣ усилія властей. Толпа будетъ презирать и осыпать насмѣшками всѣ высшія наслажденія, всѣ благородныя чувства, всякую мысль, выходящую изъ круга понятій обыденной жизни. Это произойдетъ тѣмъ легче и скорѣе, чѣмъ быстрѣе возникнетъ, въ сильномъ движеніи образованнаго народа съ демократическимъ устройствомъ, софистика, осмѣивающая все серьезное и солидное. Насмѣшки надъ благороднымъ и возвышеннымъ будутъ считаться тогда признакомъ образованности, необузданность—свободою, паясничество—геніальностью, безстыдство — свободою отъ предразсудковъ; словомъ, всякая глупость и пошлость будутъ оправдываемы съ большимъ искусствомъ. Когда демократія доходитъ до такого искаженія, въ государствѣ исчезаетъ всякій порядокъ, продажность дѣлается повсемѣстно господствующею, насилія совершаются чаще, и народъ изъ состоянія полнѣйшей свободы впадаетъ въ самое ужасное рабство и низкопоклонничество. Массы бѣдныхъ становятся доступны подкупамъ и дѣлаются рабами честолюбца, который, разъ достигнувъ единовластія, долженъ, для сохраненія своего могущества, прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ, которыя доставили ему власть.

На изображеніи тирана Платонъ останавливается нѣсколько долѣе, и при этомъ истощаетъ все свое краснорѣчіе, для того чтобы выразить отвращеніе къ самовластію.

Изобразивъ характеръ тирана, Платонъ разбираетъ качества другихъ пра-

вителей государства, для сравненія ихъ съ настоящею царственною натурою, выражающеюся въ истинной идеальной аристократіи. Послѣдняя одна, говоритъ онъ, ищетъ своего счастья и славы въ изученіи идеала жизни и стараніи устроить ее какъ можно ближе къ этому идеалу; всѣ остальные повинуются только своему честолюбію и корысти и одинаково заблуждаются, идя по различному пути. Платонъ хорошо понимаетъ и прямо высказываетъ, что изображенная имъ царственная натура чисто идеальная и что въ дѣйствительной жизни нигдѣ не встрѣчается полнаго отреченія отъ всѣхъ эгоистическихъ чувствъ, составляющаго необходимое условіе истиннаго счастья.

Въ послѣдней изъ десяти книгъ, составляющихъ его сочиненіе о государствѣ, Платонъ объясняетъ свойства человѣческой души, какъ самосознательной и самопонимающей части нашего существа. Онъ доказываетъ при этомъ разницу между кажущимся и дѣйствительнымъ бытіемъ, и указываетъ на трудность перейти отъ перваго къ познанію дѣйствительности, отъ воображаемаго къ истинному и отъ конечнаго къ безконечному и вѣчному. Здѣсь онъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ человѣческаго знанія и переходитъ, по своему обыкновенію въ подобныхъ случаяхъ, къ поэзіи и миѳамъ. Хотя при этомъ Платонъ тщательно отдѣляетъ поэтическія красоту, величіе и совершенство отъ философскихъ, однако, благодаря этому и другимъ подобнымъ мѣстамъ въ своихъ сочиненіяхъ, онъ открываетъ полный просторъ мечтательности всѣхъ позднѣйшихъ послѣдователей его идей.

Въ сочиненіи «О законахъ» Платонъ представилъ идеалъ греческихъ государственныхъ учрежденій, свободныхъ отъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, которые, по его мнѣнію, существовали въ Аѳинахъ и Спартѣ.

Ученики Платона образовали секту или школу, называвшуюся академіей, по имени заведенія, основаннаго ихъ учителемъ. Впослѣдствіи философы эти разошлись во взглядахъ и направленіи, и тѣмъ дали поводъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ раздѣлять школу Платона на древнюю, среднюю и новѣйшую академію. Преемникомъ основателя заведенія и главою древней академіи былъ Спевсиппъ, племянникъ Платона, умершій въ 339 до р. Х. Онъ училъ за деньги и такимъ образомъ слѣдовалъ примѣру софистовъ, противъ корыстолюбія которыхъ такъ сильно вооружались Сократъ и Платонъ. Спевсиппъ превратилъ академію въ школу для ораторовъ и государственныхъ людей, и соединилъ пиѳагореизмъ съ философіею Платона болѣе тѣсною внутреннею связью. Главной цѣлью его школы было приготовленіе дѣятелей къ государственной жизни, и для достиженія ея онъ, говорятъ, купилъ тайны Исократа, знаменитѣйшаго изъ греческихъ учителей краснорѣчія. Если это справедливо, то нельзя придавать большаго значенія риторическому ученію и практической дѣятельности Спевсиппа, потому что тайны эти состояли конечно только изъ правилъ и указаній, съ помощью которыхъ, не имѣя ораторскихъ дарованій, можно было чисто механическимъ образомъ научиться изящно выражаться, говорить плавно и краснорѣчиво. Эти тайны можно сравнить съ руководствами писать стихи безъ малѣйшаго поэтическаго таланта. Своимъ пиѳагорейскимъ направленіемъ, Спевсиппъ имѣлъ такое же вліяніе на образованіе политиковъ, а слѣдовательно, и на самую государственную жизнь, какъ и своимъ риторическимъ ученіемъ. Онъ находился въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ великимъ пиѳагорейско-аристократическимъ союзомъ въ Сициліи и, вполнѣ усвоивъ духъ его ученія, нашелъ въ высшемъ аѳинскомъ обществѣ, утратившемъ всю прежнюю энергію и искавшемъ теперь пищи только воображенію, еще болѣе сочувствія, чѣмъ его учитель, Платонъ. Различіе, сдѣланное имъ между истинами, назначенными для непосвященныхъ въ тайны пиѳагорейцевъ, и другими, доступными однимъ только посвященнымъ, или, какъ выражались древніе, между ученіемъ эксотерическимъ и эсотерическимъ, было также встрѣчено съ большимъ одобреніемъ высшими классами. Спевсиппъ сдѣлался учителемъ философіи аристократовъ и образованныхъ аѳинянъ и имѣлъ такой успѣхъ, что даже женщины слѣдовали его направленію и предавались сладкимъ мечтамъ платонико-пиѳагорейской философіи.

Такимъ образомъ, Спевсиппъ, слѣдуя въ главныхъ основаніяхъ ученію Платона, далъ его философіи другое направленіе. Онъ обратилъ особенное

вниманіе на ту часть философіи Платона, которая имѣла связь съ пиѳагореизмомъ, занимался преимущественно вопросами государственнаго устройства и объяснилъ, въ какомъ отношеніи находится его ученіе ко всему существующему порядку и къ отдѣльнымъ лицамъ.

Преемникъ его по академіи, Ксенократъ, жившій до 314 г. и тоже державшійся въ главныхъ основаніяхъ философіи Платона, слѣдовалъ направленію, данному Спевсиппомъ. Подобно своему предшественнику, онъ былъ того мнѣнія, что государственная жизнь со всѣми ея потребностями должна быть главнымъ предметомъ преподаванія въ академіи. При немъ академія сдѣлалась школою, гдѣ получали образованіе высшіе классы греческаго народа, управлявшіе государствомъ. Какъ велико было вліяніе академіи, лучше всего можно судить по тому, что всѣ знаменитости греческаго міра пріѣзжали въ Аѳины, гдѣ преимущественно старались показываться въ академіи. При Ксенократѣ значеніе академіи, какъ школы, въ которой получали образованіе государственные люди, такъ увеличилось, что даже самъ Александръ Великій просилъ у Ксенократа совѣтовъ по части государственнаго управленія. Тотъ же македонскій царь послалъ однажды Ксенократу 50 талантовъ (около 65,000 р. с.), которыхъ впрочемъ философъ не принялъ изъ уваженія къ аѳинскому народу, не любившему царскихъ подарковъ.

Послѣ Ксенократа во главѣ академіи стояли Полемонъ, Кратесъ и Ксанторъ. Изъ всѣхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о первомъ и послѣднемъ, видно, что философы эти были тоже послѣдователями Платона и шли по направленію, проложенному ихъ предшественниками. Полемонъ написалъ сочиненіе, въ которомъ проводитъ мысль, что высшее блаженство заключается въ томъ, чтобъ жить сообразно природѣ; другими словами, онъ проповѣдывалъ то, что у позднѣйшихъ грековъ и римлянъ составляло высшую житейскую мудрость государственнаго человѣка, который поступалъ согласно своимъ нравственнымъ принципамъ до тѣхъ поръ, пока позволяли обстоятельства, въ противномъ же случаѣ слѣдовалъ личнымъ интересамъ или побужденіямъ своей собственной природы. Кранторъ написалъ книгу о скорбяхъ, которая также находится въ тѣсной связи съ главной цѣлью академіи. Всѣ философскія школы позднѣйшей древности считали нужнымъ подготовлять будущихъ государственныхъ людей къ непостоянству счастья, и трактатъ о скорбяхъ былъ вызванъ именно этимъ соображеніемъ. Кранторъ былъ послѣднимъ представителемъ древней академіи. Преемникъ его, Аркесилай, родившійся около 318 г. и жившій до 241, далъ совершенно новое направленіе философіи и вслѣдствіе того сдѣлался основателемъ средней академіи. Но его дѣятельность принадлежитъ слѣдующей эпохѣ.

Рядомъ съ философіей Платона возникли два другіе, совершенно различные, взгляда на жизнь, послужившіе основаніемъ двумъ особымъ философскимъ школамъ. Основателями ихъ были два ученика Сократа, Антистенъ аѳинскій и Аристиппъ киренейскій. Оба они, вмѣстѣ съ Ксенофонтомъ, старались проводить въ самую жизнь ученіе своего учителя, тогда какъ Платонъ и другіе послѣдователи Сократа имѣли преимущественно въ виду научное понятіе его философіи и ея отношеніе къ государству. Уже по одной этой причинѣ Антистенъ и Аристиппъ занимаютъ въ исторіи греческой древности такое же важное мѣсто, какъ и Ксенофонтъ; но вліяніе ихъ на духъ и нравы людей было гораздо продолжительнѣе, чѣмъ вліяніе Ксенофонта. Въ нихъ нельзя не видѣть явленія, постоянно повторяющагося въ исторіи человѣчества при извѣстныхъ условіяхъ. Стремясь всѣ трое къ осуществленію одной и той же цѣли,— примѣненію философіи къ дѣйствительной жизни,— они однако пошли различными путями и достигли совершенно противоположныхъ результатовъ. Ксенофонтъ, стремясь преобразовать древній греческій бытъ, хотѣлъ внести въ жизнь философскую мораль, въ нравы — вѣжливость и сантиментальность, похожія на наши, и ввести подобный нынѣшнему способъ управленія государственными дѣлами. Аристиппъ, напротивъ того, проповѣдывалъ философію наслажденія, превращавшую въ формальную систему роскошный образъ жизни богачей и аристократовъ. Онъ познакомилъ этихъ тунеядцевъ съ искусствомъ и наукою наслажденія, представилъ имъ удовольствіе въ болѣе утонченномъ видѣ и училъ

смерти, что вліяніе ихъ отразилось въ исторіи римскаго народа и великихъ людей изъ его среды еще очевиднѣе, чѣмъ въ Греціи и между самими греками.

Для чисто историческаго изслѣдованія не такъ важно ознакомиться съ самымъ содержаніемъ цинической и киренейской философіи, съ ихъ научными достоинствами и недостатками, сколько прослѣдить то вліяніе, которое онѣ имѣли на руководящіе людьми принципы и на развитіе самыхъ формъ жизни. Въ этомъ отношеніи оба эти ученія принадлежатъ къ важнѣйшимъ философскимъ системамъ человѣчества, состоя изъ такихъ взглядовъ, которые глубоко коренятся въ человѣческой природѣ и потому во всѣ времена и во всѣхъ странахъ постоянно вновь возникаютъ и оживаютъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Полное наслажденіе жизнью и героизмъ лишенія, или, другими словами, увлеченіе духомъ времени и возникающія изъ него роскошь и образованіе съ одной стороны и возвращеніе къ природному состоянію съ другой, — вотъ два противоположныя направленія, которыя во всѣ времена упадка нравственной жизни представляются величайшимъ благомъ, высшею задачею жизни, конечною цѣлью всѣхъ стремленій. Въ такія времена господствующая безнравственность и утонченность жизни превращаются въ систему и преподаются какъ высшая мудрость, а въ противоположность развращенію и неестественности всѣхъ общественныхъ отношеній возникаетъ теорія природнаго состоянія и пренебреженія ко всѣмъ чувственнымъ наслажденіямъ.

Эти два, рядомъ возникающія направленія можно прослѣдить въ цѣлой исторіи человѣчества. Въ Индіи, напримѣръ, мы видимъ, что рядомъ съ господствующею роскошью проповѣдуется суровыми браминами ученіе о самоотверженіи. Такіе же противорѣчащіе взгляды мы находимъ и въ лирической поэзіи малоазійскихъ грековъ (стр. 349), когда народъ этотъ, быстро достигнувъ благосостоянія, впалъ въ роскошь. Изъ пѣсней, въ то время появлявшихся у малоазійскихъ грековъ, однѣ призывали къ полному наслажденію жизнью, другія, напротивъ того, проповѣдывали ничтожество всѣхъ чувственныхъ наслажденій и блаженство созерцательнаго покоя. То же зрѣлище представляетъ намъ исторія римлянъ во времена республики и въ правленіе императоровъ: большинство тогдашнихъ римлянъ, утопая въ роскоши и совершая неслыханныя безчинства, оправдывало развратъ и жестокости своего рода философіей, а въ то же время немногіе благородные люди во внутренней независимости и въ строгихъ правилахъ лишенія искали себѣ защиты отъ всеобщей испорченности нравовъ. Точно также позднѣе возникло въ Римской имперіи, — среди жестокихъ гоненій на христіанъ, безнравственности господствовавшаго язычества и грубости вторгавшихся варварскихъ народовъ, — первое христіанское монашество. Отшельничество или пустынножительство было сильнѣе всего распространено въ то время, когда люди до такой степени развратились, что, казалось, всякое человѣческое образованіе готово было исчезнуть среди быстро распространявшейся одичалости. Этимъ отчасти объясняется первоначальная строгость монашества, быстрый успѣхъ котораго зависѣлъ оттого, что монашеская жизнь въ самомъ началѣ представляла рѣшительную оппозицію духа тогдашняго времени. То же видимъ мы опять въ мухаммеданскомъ мірѣ, гдѣ появленіе дервишей и факировъ было вызвано роскошью дворовъ халифовъ, заразившею народные нравы. Во времена Меровинговъ, когда французскій народъ впалъ въ страшную грубость, строгость британскихъ монаховъ всюду встрѣчала себѣ сочувствіе, какъ спасительное средство противъ господствовавшаго направленія. Тѣ же самыя явленія повторялись и во всѣ позднѣйшія столѣтія. Въ средніе вѣка, когда невѣжество и разбой составляли характеристическую черту всей жизни, монашество уже давно утратило прежнюю чистоту, рыцарство предавалось роскоши и разврату, духовенство и темпліеры утопали въ самомъ страшномъ распутствѣ, и вся эта гнусная жизнь священниковъ и рыцарей прославлялась въ пѣсняхъ, — возникали ордена нищенствующихъ и картезіанскихъ монаховъ, которые жизнью и ученіемъ представляли совершенную противоположность общему духу времени и потому пользовались всеобщимъ сочувствіемъ. Въ XIV и XVI столѣтіяхъ въ Нидерландахъ, гдѣ быстрое развитіе матеріальнаго благосостоянія повело за собой упадокъ нравственности, — появились благочестивыя секты, какъ бегины и бегарды, поставлявшія цѣлью своей жизни покаяніе, и въ цѣлой странѣ не было мѣстечка, гдѣ бы не было этихъ сектантовъ. Позднѣе, въ

Нидерландахъ же, среди повсемѣстно господствовавшей роскоши, Ѳома Кемпійскій и другіе проповѣдывали строгую благочестивую и созерцательную жизнь. Въ Англіи, при роскошныхъ Стюартахъ, возникло ученіе квакеровъ и индепендентовъ о воздержаніи, а во Франціи, при Людовикѣ XIV и во времена регентства, появилась строгая секта янсенистовъ. Въ царствованіе изнѣженнаго и развратнаго Людовика XV распространились во Франціи одновременно воззрѣнія киренаиковъ и циниковъ, — одни въ теоріяхъ Вольтера, Дидеро и Гельвеція, другія въ ученіи Руссо о природномъ состояніи и чисто нравственной жизни.

Такимъ образомъ, основныя положенія ученія Аристиппа и Антистена представляютъ собой явленіе громадной важности въ исторіи всего человѣчества. Аристиппъ примѣнилъ взгляды Сократа къ утонченной свѣтской жизни и ея удовольствіямъ: по его ученію, истинная философія состоитъ въ искусствѣ разумно соединять чувственныя и умственныя наслажденія; но подобнаго рода философію можно скорѣе назвать тономъ, тактомъ, образомъ жизни, чѣмъ системою или ученіемъ. Самъ Аристиппъ довелъ свою философію наслажденія до замѣчательнаго совершенства и обладалъ въ высшей степени способностью въ мѣру и сохраняя приличіе пользоваться попеременно всѣми утонченными и грубыми наслажденіями, не вредя своему здоровью и не унижая достоинства человѣка съ изящнымъ образованіемъ. Его ученіе о томъ, какъ слѣдуетъ пользоваться наслажденіями жизни, или искусство соединять съ пользою нравственныя и матеріальныя удовольствія, было принято съ большимъ сочувствіемъ въ греческомъ мірѣ, но особенно при дворахъ греческихъ государствъ, возникшихъ изъ завоеваній Александра Великаго. Дѣйствительно, не было ученія, болѣе приспособленнаго для утонченнаго свѣта и дворовъ этихъ государствъ, какъ философія, при которой можно было покровительствовать наукамъ и искусствамъ, пользоваться всякаго рода удовольствіями и содѣйствовать развитію промышлености предметами роскоши. Философія эта сдѣлалась высшимъ правиломъ жизни первыхъ египетскихъ Птоломеевъ, владѣтелей Сирійскаго государства, возникшаго послѣ смерти Александра, правителей Пергама, Суллы, аристократіи, господствовавшей послѣ него въ Римѣ, и нѣкоторыхъ лучшихъ римскихъ императоровъ.

Киренейская философія начала быстро распространяться еще при жизни своего основателя, чему, конечно, не мало содѣйствовала и личность самого Аристиппа, обладавшаго тактомъ и изяществомъ манеръ въ обращеніи, отлично владѣвшаго діалектикою и даромъ слова. Говоря о Платонѣ, мы указали на то вліяніе, которымъ пользовался Аристиппъ при сиракузскомъ дворѣ Діонисія Младшаго, примѣръ котораго лучше всего показываетъ, какъ опасно можетъ быть это ученіе для людей съ пылкими страстями. Сильнѣе всего развилась киренейская философія въ родномъ городѣ своего основателя и у богатыхъ купцовъ острова Эгины, гдѣ Аристиппъ прежде всего началъ учить. Философія Аристиппа должна была тѣмъ скорѣе привиться ко всѣмъ богачамъ и аристократамъ, что проповѣдывавшій ее образованный философъ былъ тонкій свѣтскій человѣкъ, умѣвшій краснорѣчиво и логично развивать и защищать свои положенія. Въ Киренѣ распространенію этого ученія много способствовало то обстоятельство, что дочь Аристиппа, красавица Арета, воспитанная своимъ отцомъ, основала тамъ школу и публично преподавала киренейскую философію.

По смерти Аристиппа и его дочери, киренейская философія скоро дошла до отрицанія всякой нравственности. Позднѣйшіе преемники Аристиппа, въ особенно Теодоръ киренейскій, стали нападать на религію, и потому къ ученію этому боялись уже приступать открыто. Около 330 года до р. Х. началъ учить Эпикуръ, возстановившій въ новой, лучшей формѣ киренейскую философію, которая была извращена прежними учителями. Впрочемъ эпикуреизмъ принадлежитъ уже позднѣйшему періоду греческой исторіи.

Какъ характеръ философіи Аристиппа находился въ тѣсной связи съ знатнымъ происхожденіемъ, воспитаніемъ и богатствомъ ея основателя и роскошью его роднаго города, такъ и на ученіе Антистена имѣло огромное вліяніе его соціальное положеніе. Сынъ бѣдныхъ родителей, Антистенъ даже не пользовался полными правами аѳинскаго гражданина и жилъ въ Пиреѣ, вмѣстѣ

съ матросами и бѣднѣйшими гражданами. Соотвѣтственно всѣмъ этимъ условіямъ, онъ обратился съ своею философіею къ нисшимъ классамъ аѳинскаго народа. Отчаяваясь въ возможности исправить нравственность высшихъ классовъ общества, Антистенъ отказался отъ направленія своего учителя Сократа, преподававшаго нравственное ученіе для всѣхъ сословій, обратилъ все свое вниманіе на самую грубую, но еще не развившуюся, или по крайней мѣрѣ не столь изнѣженную, часть націи, и за свое ученіе не бралъ никакой платы, какъ это дѣлали всѣ тогдашніе философы. Заклятый врагъ высшихъ сословій и рѣшительный ненавистникъ женщинъ, Антистенъ всегда отзывался о тѣхъ и другихъ съ язвительною насмѣшкою. Онъ училъ въ киносаргѣ, гдѣ находилась палестра, въ которую сбиралась обыкновенно молодежь, не имѣвшая права принимать участія въ гимнастическихъ упражненіяхъ свободныхъ гражданъ. Всѣ эти обстоятельства, конечно, были таковы, что не могли придать большаго значенія его ученію, — и Антистенъ понималъ это очень хорошо. Подобно основателямъ многихъ монашескихъ орденовъ, или подобно Руссо, онъ хотѣлъ показать примѣромъ и жизнью, какъ немного нужно человѣку, чтобъ быть счастливымъ, и какъ неестественно, вслѣдствіе неправильности общественныхъ отношеній, то состояніе, до котораго доводятъ народы успѣхи промышлености. Антистенъ не хотѣлъ основывать школы, но желалъ только воспитать небольшой кружокъ людей, которые бы, подобно ему, презирали изнѣженность и жили по строгимъ правиламъ. Безъ сомнѣнія, онъ не думалъ, чтобы его философія могла когда-нибудь повсемѣстно распространиться, потому что иначе онъ облекъ бы ее въ совершенно другую форму. Такимъ образомъ ученіе Антистена возникло изъ нисшихъ слоевъ аѳинскаго народа и предназначалось исключительно для нихъ однихъ.

Въ основаніи философіи Антистена лежитъ великая мысль, что въ мірѣ, полномъ глупцовъ и рабовъ, разумна и свободна душа только такого человѣка, который умѣетъ побѣждать самого себя, и чтобы сдѣлаться истинно мудрымъ, не нужно ни книгъ, ни системъ, а достаточно слѣдовать внушеніямъ природы и заниматься самопознаніемъ. Благороднѣйшіе мудрецы и правители древности восхищались этой мыслью, какъ самой возвышенной, до какой только въ состояніи дойти человѣческій разумъ. Христіанская церковь даже освятила ее, построивъ на ней учрежденія доминиканцевъ, капуциновъ и францисканцевъ. Но факты всегда показывали, что выполненіе и правильное примѣненіе къ жизни этого основнаго начала, такъ какъ и осуществленіе началъ киренейской философіи, предполагаетъ особенный талантъ и тактъ, — качества очень рѣдкія. Самъ Антистенъ и два его знаменитѣйшіе послѣдователя, Діогенъ и Кратесъ, въ высшей степени обладали и тѣмъ, и другимъ: они жили такъ, какъ учили, и, благодаря двумъ послѣднимъ, новое ученіе пользовалось нѣкоторое время громаднымъ значеніемъ. Но такіе люди были рѣдкими исключеніями изъ общаго правила, и съ цинической философіею произошло то же, что бываетъ со всякимъ ученіемъ и сектою, которыя отличаются чрезвычайною строгостью и находятся въ противорѣчіи съ основными условіями человѣческаго общества: она скоро измѣнила своему основному характеру и наконецъ сдѣлалась только маскою, которою прикрывались низость и развратъ. Точно такимъ же образомъ подвижники и мудрецы Востока сдѣлались какими-то фиглярами, а на развратившихся факировъ и дервишей ихъ единовѣрцы уже давно смотрятъ какъ на безстыдныхъ нищихъ. Цинизмъ вскорѣ послѣ смерти основателя упалъ такъ глубоко, что съ тѣхъ поръ названіе это вошло въ общее употребленіе для выраженія неприличія и безстыдства.

Лучшими и знаменитѣйшими послѣдователями Антистена были: Діогенъ изъ Синопа и Кратесъ изъ Ѳивъ; первый ученикъ самого Антистена, послѣдній — Діогена. Діогенъ родившійся 414 г. до р. Х. въ Синопѣ, въ Пафлагоніи, и умершій 324 г., прославился своимъ оригинальнымъ образомъ жизни; въ древнемъ мірѣ нѣтъ, быть можетъ, ни одного великаго человѣка, исторія котораго была бы такъ искажена анекдотами, какъ исторія этого философа. Еще въ ранней юности онъ прибылъ въ Аѳины и сдѣлался тамъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ Антистена. Впослѣдствіи онъ жилъ и училъ въ Коринѳѣ. Слѣдуя основнымъ началамъ циническаго ученія, онъ старался имѣть какъ можно

меньше потребностей; къ этой сторонѣ его жизни относятся всѣ тѣ разсказы, въ которыхъ нельзя отличить истины отъ вымысла. Когда онъ жилъ въ Коринѳѣ, жилищемъ его была, какъ говорятъ, одна изъ тѣхъ большихъ глиняныхъ бочекъ, въ которыхъ у древнихъ сохранялось вино. Его домашняя посуда состояла изъ одной чашки, которою онъ черпалъ изъ источника воду для питья. Во время путешествія въ Сицилію, Діогенъ попалъ въ руки пиратовъ, былъ ими проданъ въ рабство и купленъ однимъ коринѳяниномъ, который сдѣлалъ его управляющимъ своего дома и воспитатемъ своихъ дѣтей. Здѣсь Діогенъ оставался до самой своей смерти.

Позднѣйшіе греки приписываютъ Діогену много остроумныхъ выраженій. Такъ, подъ его именемъ выдается изреченіе, которое, очевидно, только повтореніе того, что Сократъ сказалъ Антистену. Увидавъ однажды на олимпійскихъ играхъ нѣсколькихъ роскошно одѣтыхъ молодыхъ людей, Діогенъ сказалъ: «только спѣсь». Тутъ же онъ замѣтилъ нѣсколькихъ небрежно одѣтыхъ спартанцевъ и сказалъ: «тоже спѣсь только другаго рода.» По возвращеніи изъ Олимпіи, кто-то спросилъ его, много ли тамъ было людей, и получилъ въ отвѣтъ: «много зрителей, но мало людей»! Однажды въ полдень, Діогенъ ходилъ съ зажженнымъ фонаремъ по аѳинскому рынку. «Что ты дѣлаешь»! спросилъ его кто-то. «Ищу человѣка»! отвѣчалъ Діогенъ.

Всѣ эти и другія подобнаго рода изреченія и анекдоты увѣковѣчили память человѣка, показавшагося своимъ современникамъ и потомкамъ явленіемъ столь непонятнымъ. Греки того времени, конечно, должны были удивляться, видя человѣка, который не дѣлаетъ изъ своего ученія — ремесла, подобно другимъ философамъ, и не стремится, какъ его современники, къ богатству, а желаетъ остаться въ бѣдности. Діогенъ имѣлъ достаточно смѣлости осмѣивать всѣ науки, искусства и изобрѣтенія эпохи, привыкшей къ блестящему разговору и комфорту, и школьныхъ мудрецовъ того времени; потому не удивительно, что умнѣйшая въ мірѣ нація излила на него всю ѣдкость своего остроумія и представила его оригинальность въ чудовищныхъ размѣрахъ. Невозможно опредѣлить, вымышленно или нѣтъ все то, что разсказываютъ о встрѣчѣ Александра Великаго съ Діогеномъ. Несомнѣнно только, что Александръ удивлялся ему, и удивленіе, выказанное македонскимъ героемъ въ противоположность насмѣшкамъ низкихъ грековъ, окружавшихъ царя, дѣлаетъ ему и его взгляду на человѣка больше чести, чѣмъ самая блестящая изъ его побѣдъ. Свиданіе Александра съ Діогеномъ служитъ также несомнѣннымъ доказательствомъ, что философъ этотъ не былъ смѣшнымъ чудакомъ и полоумнымъ человѣкомъ, какимъ его представляютъ нѣкоторые анекдоты; потому что тогда ученикъ Аристотеля не посѣтилъ бы его и не далъ бы ему такого почтительнаго отвѣта. Во время народнаго конгресса, собраннаго Александромъ въ Коринѳѣ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, Александръ просилъ, чтобы его проводили къ Діогену, жившему передъ городскими стѣнами. Онъ нашелъ философа лежащимъ передъ бочкой и грѣющимся на солнцѣ. Александръ долго разговаривалъ съ Діогеномъ и наконецъ спросилъ его, не можетъ ли онъ оказать ему какую-нибудь услугу. «Будь такъ добръ», отвѣчалъ философъ, «отойди немного отъ солнца»! Свита Александра, привыкшая только слушать и говорить лесть, страшно вознегодовала на Діогена за его презрительный отвѣтъ. Но Александръ понялъ все величіе человѣка, который также легко могъ обходиться безъ міра, какъ онъ съ своей стороны чувствовалъ достаточно силъ, чтобъ покорить міръ и управлять имъ. «Онъ правъ», сказалъ Александръ обратившись къ своей свитѣ, «и еслибъ я не былъ Александромъ, то хотѣлъ бы быть Діогеномъ.»

Ученикъ Діогена, Кратесъ изъ Ѳивъ, жена котораго, Гиппархія, тоже проповѣдывала циническую философію, былъ благороднѣйшимъ изъ всѣхъ послѣдователей этого ученія. Въ Аѳинахъ онъ заслужилъ себѣ всеобщее уваженіе, но не хотѣлъ, да и не могъ бы основать школы, потому что такіе люди, какъ Кратесъ и его жена, очень рѣдки, а такое ученіе, какъ циническое, не могло быть отдѣлено отъ жизни. По смерти Кратеса циническая философія быстро спустилась съ своей высоты и пришла въ упадокъ. Уже философы, выступившіе вслѣдъ за благороднымъ Кратесомъ, какъ представители цинической мудрости, переступили границы приличія и благопристойности и сдѣлали свое безстыдство

главнымъ основаніемъ циническаго ученія. Описанія этихъ недостойныхъ циниковъ, находящіяся въ сочиненіяхъ древности, могутъ быть вполнѣ примѣнены къ развратившимся нищенствующимъ монахамъ четырнадцатаго столѣтія, которые въ своемъ родѣ христіанскіе циники. Въ слѣдующую эпоху цинизмъ снова ожилъ въ облагороженномъ видѣ, въ стоической философіи, основанной Зенономъ.

5. Краснорѣчіе или государственныя науки.

Время отъ Пелопоннесской войны до Александра Великаго было періодомъ процвѣтанія греческаго краснорѣчія, обнимавшаго всѣ государственныя науки. Краснорѣчіе было у грековъ такимъ же природнымъ даромъ, какъ поэзія. Уже въ стихотвореніяхъ Гомера, древнѣйшемъ памятникѣ греческой письменности, оно является врожденною характеристическою чертою націи. Безъ сомнѣнія, оно видоизмѣнялось по различіямъ времени, племенъ и учрежденій, и чтобы подѣйствовать на серьезныхъ, опытныхъ старцевъ спартанскаго сената, нужны были другія рѣчи, чѣмъ для подвижнаго и легкомысленнаго аѳинскаго народа. Но краснорѣчіе грековъ все-таки не было искусствомъ, подчиненнымъ извѣстнымъ правиламъ, а результатомъ вдохновенія и природнымъ талантомъ, пока наконецъ въ пятомъ столѣтіи до р. Х. не начало разработываться научно. Совпаденіе времени высшаго процвѣтанія краснорѣчія, сдѣлавшагося тогда искусствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, съ періодомъ упадка греческаго духа представляется совершенно естественнымъ явленіемъ, которое выяснится изъ слѣдующаго изложенія исторіи краснорѣчія.

Краснорѣчіе, будучи природнымъ дарованіемъ греческаго народа, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, получило у грековъ значеніе, котораго оно не достигло ни у одного изъ позднѣйшихъ народовъ. Развиваясь нераздѣльно съ свободою и общественностью, оно всегда находится въ тѣсной связи съ этими условіями жизни. Въ простомъ, безъискусственномъ видѣ оно является у народовъ, которые или не имѣютъ никакой культуры, или находятся на низшей ея степени. Въ такомъ видѣ мы находимъ его у сѣверо-американскихъ дикарей, древнихъ германцевъ и у грековъ временъ Гомера. На такой ступени развитія человѣческаго общества краснорѣчіе составляетъ только изліяніе естественныхъ порывовъ ума и сердца. Но и въ самую раннюю эпоху своего существованія греческій народъ уже отличался отъ другихъ своимъ природнымъ краснорѣчіемъ, и позднѣйшіе учители риторики, хотя и приписывали много значенія искусственнымъ правиламъ, но все-таки смотрѣли на рѣчи, находящіяся у Гомера, какъ на образцы краснорѣчія. Не смотря на успѣхи цивилизаціи, греческое краснорѣчіе еще долго не подчинялось никакимъ правиламъ, такъ какъ при тогдашнемъ состояніи греческихъ государствъ все рѣшалось болѣе дѣломъ, чѣмъ словами.

Въ такомъ состояніи находилось краснорѣчіе почти до половины пятаго столѣтія передъ р. Х. Въ это время внутреннія и внѣшнія отношенія государствъ стали запутаннѣе, знанія многостороннѣе, кругъ образованныхъ людей расширился, а діалектика и софистика проникли повсюду. Дѣятельность публичнаго оратора требовала тогда нѣкотораго философскаго образованія, знакомства съ политическими науками и извѣстнаго такта, не пріобрѣтаемаго одною только практическою опытностью. Все рѣже и рѣже являлись въ народныхъ собраніяхъ и судахъ ораторы, не занимавшіеся спеціально политикою и не подготовленные къ публичной дѣятельности научнымъ образованіемъ. Тогда и краснорѣчіе сдѣлалось искусствомъ и государственною наукою. Первымъ правителемъ, получившимъ такое образованіе, былъ Ѳемистоклъ; но и въ его время о достоинствѣ рѣчей судили не по формѣ, а по ихъ содержанію, и краснорѣчіе еще не подчинялось научнымъ правиламъ, какъ при Периклѣ.

Первымъ основателемъ школы краснорѣчія и учителемъ его, какъ искусства, былъ въ Аѳинахъ современникъ Перикла, Антифонъ, родившійся въ 470 г. до р. Х. и принадлежавшій къ числу заговорщиковъ, которые во время Пелопоннесской войны насильственно ввели олигархическое правленіе (стр. 228). По низверженіи олигарховъ онъ былъ осужденъ и умеръ въ изгнаніи. Антифонъ

первый изъ аѳинянъ началъ писать за деньги рѣчи для подсудимыхъ и народныхъ правителей, которые заучивали ихъ и произносили передъ публикою, или, другими словами, основалъ въ Аѳинахъ фабрику краснорѣчія. Еще прежде, въ Коринѳѣ, Антифонъ открылъ лавку, съ вывѣскою: «здѣсь предлагается утѣшеніе для несчастныхъ», и, слѣдовательно, былъ сначала простымъ шарлатаномъ, за дешевую цѣну продававшимъ философское утѣшеніе. О немъ не слѣдовало бы и упоминать, если бы онъ не имѣлъ значенія какъ первый, открывшій въ Аѳинахъ школу краснорѣчія и обратившій въ ремесло то, что прежде было проявленіемъ природнаго таланта. Онъ завелъ въ своей школѣ риторическія упражненія, написалъ руководство къ ораторскому искусству и перенесъ изъ жизни въ школу краснорѣчіе, до тѣхъ поръ нераздѣльно соединенное съ государствомъ и его учрежденіями. Наконецъ, Антифонъ заслуживаетъ вниманія и потому еще, что ученики его были Ѳукидитъ, Алкивіадъ и ораторъ Лисій. Подъ его именемъ извѣстно нѣсколько рѣчей, но всѣ онѣ, вѣроятно, подложныя.

Въ то время, какъ въ Аѳинахъ Антифонъ преобразовывалъ краснорѣчіе въ школьную науку, въ Сициліи было сдѣлано такое же примѣненіе философіи. Сицилійцы, Кораксъ и Тисій, написали руководство къ ораторскому искусству, а софисты, начавшіе тогда свою дѣятельность (стр. 338), съ жаромъ взялись за краснорѣчіе и оказали ему большую услугу, поставивъ его въ тѣсную связь съ своими философскими пріемами. Они устремились въ Аѳины, гдѣ бурная демократія открывала для нихъ обширное поприще, и гдѣ Антифонъ, своимъ совершенно школьнымъ краснорѣчіемъ, проложилъ дорогу искусству играть словами. Вскорѣ народныя совѣщанія и судопроизводство подчинились вліянію софистики, проникшей во всѣ общественныя отношенія, такъ что каждый образованный человѣкъ долженъ былъ знакомиться съ нею и основаннымъ на ней особымъ родомъ краснорѣчія. Для изученія новой мудрости всѣ бросились къ Горгію, Протагору и другимъ софистамъ, пріобрѣтавшимъ своими уроками огромныя богатства. Но переворотъ, подготовленный софистами въ краснорѣчіи, обнаружился не вдругъ. Людей съ здравымъ смысломъ и неиспорченнымъ вкусомъ было еще много, и они не безъ успѣха вооружались противъ софистики, какъ, напримѣръ, Сократъ. Ея вліяніе на краснорѣчіе задержано было довольно надолго, и даже въ то время, какъ искусство софистовъ вошло въ моду въ Аѳинахъ, появлялись нѣкоторые ораторы, совершенно свободные отъ этого вліянія.

Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ славный ораторъ Андокидъ, который родился въ 468 г. до р. Х., былъ замѣшанъ въ процессъ Алкивіада по поводу поруганія, совершеннаго послѣднимъ надъ мистеріями и статуями Гермеса (стр. 224), и едва избѣжалъ смертной казни. Принужденный три раза оставлять Аѳины, онъ умеръ изгнанникомъ (400 г. до р. Х.). Андокидъ былъ еще представителемъ безъискусственнаго краснорѣчія прежняго времени. Въ сохранившихся отъ него рѣчахъ, онъ нигдѣ не является ораторомъ-художникомъ, но повсюду представляется государственнымъ человѣкомъ, который всегда приступаетъ прямо къ дѣлу, свободенъ отъ всякой изысканности въ рѣчи и паѳоса и не прибѣгаетъ къ софистическимъ оборотамъ и общимъ мѣстамъ.

Одновременно съ Андокидомъ и немногими подобными ему людьми, почти всѣ остальные государственные дѣятели шли по слѣдамъ Антифона и софистовъ. Ученики Сократа также способствовали развитію этого направленія своею популярною философіею и новаго рода софистикою, вызванною ими и ихъ учителемъ. Болѣе всѣхъ оказали вліяніе на успѣхи искусственнаго краснорѣчія Эврипидъ, Теодоръ и Лисій. Эврипидъ, никогда не являвшійся ни въ народныхъ собраніяхъ, ни на судебномъ поприщѣ, въ совершенствѣ усвоилъ себѣ ораторское образованіе своего времени и сдѣлалъ изъ него удачное примѣненіе въ своихъ трагедіяхъ. Сочиненія его были приняты съ глубокимъ сочувствіемъ во всей Греціи, и ихъ діалогъ сталъ для всѣхъ образованныхъ людей образцомъ изящнаго разговорнаго языка. Такимъ образомъ, съ трагедіями Эврипида софистика проникла во всѣ отношенія греческой жизни, и, благодаря искусственнымъ красотамъ этихъ трагедій, дала новое направленіе краснорѣчію. Теодоръ византійскій, подобно Эврипиду, не вступавшій на судъ публики, имѣлъ большое вліяніе на ораторское искусство своимъ систематическимъ изложеніемъ новыхъ правилъ краснорѣчія.

Замѣчательнѣйшій изъ этихъ трехъ риторовъ, Лисій, былъ сынъ сиракузянина, но родился въ Аѳинахъ (459 г. до р. Х.). На 15-мъ году своей жизни онъ отправился въ Турій, въ Нижней Италіи, и, проживъ тамъ 32 года, возвратился въ Аѳины. Во время своего продолжительнаго пребыванія въ Италіи, онъ, подъ руководствомъ Тисія и другихъ наставниковъ, получилъ теоретическое и практическое образованіе въ краснорѣчіи, къ чему жизнь въ Туріи представляла много удобствъ, потому что въ Нижней Италіи и Сициліи ораторское искусство находилось тогда на высшей точкѣ своего процвѣтанія. Въ Аѳинахъ онъ слушалъ Антифона и Сократа и понялъ философію послѣдняго такъ же, какъ Эврипидъ и Ксенофонтъ, сдѣлавъ цѣлью своихъ стремленій только реальность и практичность. Лисій получилъ право аѳинскаго гражданства, но, по несоблюденію извѣстныхъ формальностей, не могъ воспользоваться полными правами гражданина и сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ. Лишенный возможности принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ государства, онъ занимался приготовленіемъ рѣчей для другихъ и написалъ больше ста рѣчей, изъ которыхъ до насъ дошло только 34. Принужденный тридцатью тиранами оставить Аѳины, онъ присталъ къ Трасибулу и немало способствовалъ низверженію олигархіи. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ.

Дѣйствуя на политическомъ поприщѣ только какъ писатель, Лисій придалъ чисто научный характеръ своему краснорѣчію, не имѣвшему непосредственнаго отношенія къ жизни. Слѣдуя въ общихъ чертахъ главному направленію ораторскаго искусства, онъ, подобно Андокиду, остался свободнымъ отъ вліянія софистики и ея искусственныхъ пріемовъ, и своимъ примѣромъ указалъ путь, слѣдуя которому Демосѳенъ и Эсхинъ возвели краснорѣчіе на высшую степень совершенства. Его языкъ простъ, естественъ, сжатъ, свободенъ отъ всякаго изысканнаго паѳоса и театральныхъ эффектовъ; онъ старается дѣйствовать на слушателей изложеніемъ самаго дѣла, и, желая тронуть или побудить ихъ къ чему-нибудь, никогда не прибѣгаетъ къ искусственнымъ уловкамъ и изысканнымъ выраженіямъ софистовъ.

Послѣ Лисія краснорѣчіе достигло еще большаго значенія, и наступило время, когда ораторское искусство, вмѣстѣ съ философіею, сдѣлалось важнѣйшею и необходимою частью образованія. Всѣ условія этой эпохи благопріятствовали развитію краснорѣчія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что оно достигло тогда самой высокой степени своего процвѣтанія. Пока процвѣтали поэзія и исторія, краснорѣчіе не могло достигнуть совершенства и, отличаясь простотою, не подчинялось еще правиламъ искусства. Но по мѣрѣ того какъ сама жизнь удалялась отъ естественности, и всѣ отношенія становились разнообразнѣе, оно пріобрѣтало большее значеніе и дѣлалось искусственнѣе. Поэзія уступила мѣсто прозаическому духу времени и утонченному образованію; съ исчезновеніемъ всякой правды въ жизни пришла въ упадокъ истинная исторіографія, а, напротивъ того, возвысились науки, которыя, подобно философіи и краснорѣчію, основывались на опытѣ и наблюденіи и развивались зрѣлымъ мышленіемъ. Внутренняя теплота и сила сохранились еще отъ прежнихъ лѣтъ, съ распространеніемъ свѣдѣній и развитіемъ всѣхъ общественныхъ отношеній увеличилась опытность, а умственная дѣятельность, получивъ перевѣсъ надъ другими элементами жизни, дала такое же значеніе понятіямъ, какое имѣли прежде самые предметы. Наконецъ, искусственность и затрудненія, встрѣчавшіяся въ жизни на каждомъ шагу, сдѣлали ловкость и практическую изворотливость качествами, необходимыми для общественнаго дѣятеля. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ философія и краснорѣчіе въ четвертомъ столѣтіи до р. Х. развились полнѣе другихъ наукъ и искусствъ и достигли высшаго своего совершенства, — первая у Аристотеля, а второе — у Демосѳена.

Кромѣ духа времени вообще, развитію краснорѣчія еще содѣйствовали тогда нѣкоторыя особенныя обстоятельства. Полвѣка, протекшіе отъ конца пелопоннесскихъ войнъ до херонейской битвы, были временемъ дипломатіи. Дѣла большею частью рѣшались не на полѣ битвы, а на конгрессахъ уполномоченныхъ и при дворахъ персидскомъ и македонскомъ. Перевѣсъ надъ другими государствами уже нельзя было пріобрѣсти одною только силою оружія; для полнаго успѣха необходимо было знаніе всѣхъ дипломатическихъ хитростей и уловокъ при веденіи переговоровъ; люди, стоявшіе во главѣ государствъ, не являлись уже въ народныхъ

собраніяхъ и сенатахъ, какъ въ славныя времена республиканской жизни Греціи, а управляли государствами изъ своихъ кабинетовъ и дворцовъ иностранныхъ государей, какъ въ наше время. При такомъ положеніи дѣлъ, софистическое, искусственное краснорѣчіе было не пособіемъ только, но прямою необходимостью для тогдашнихъ дипломатовъ. Кромѣ того, въ область краснорѣчія мало по малу вошли всѣ знанія, нужныя для правителя государства, такъ что въ четвертомъ столѣтіи до р. Х. съ именемъ оратора соединяли понятіе не только о человѣкѣ, умѣющемъ хорошо говорить, но и о политическомъ дѣятелѣ, теоретически и практически изучившемъ всѣ отрасли государственныхъ наукъ. Ораторъ того времени былъ не только предводителемъ всего народа или его депутатовъ, но и государственнымъ человѣкомъ въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Онъ долженъ былъ обладать свѣдѣніями по части финансовой и административной, знать въ точности относительное положеніе партій, умѣть поддерживать политическое равновѣсіе и быть столь же искуснымъ у себя въ кабинетѣ, какъ въ обществѣ и на трибунѣ передъ народнымъ собраніемъ. При направленіи, данномъ философіи Сократомъ и его учениками, эта наука имѣла могущественное вліяніе на развитіе краснорѣчія. Философы, стремясь со времени Сократа къ изученію и изслѣдованію различныхъ сторонъ природы человѣка и его отношеній къ жизни, должны были придать огромное значеніе искусству, которое имѣло цѣлью дѣйствовать на разумъ и страсти человѣка.

Сценическое искусство, не менѣе философіи, способствовало тому, что краснорѣчіе въ четвертомъ вѣкѣ до р. Х. достигло высшей степени своего совершенства. Сценическое искусство никогда не пользовалось такимъ сильнымъ вліяніемъ и не привлекало къ себѣ столькихъ даровитыхъ людей, какъ въ это время своего полнаго процвѣтанія (стр. 318). На Востокѣ и въ южной Европѣ всегда была распространена мимика, или выраженіе мыслей посредствомъ тѣлодвиженій. Наклонность къ декламаціи и музыкальности языка здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и эти обстоятельства должны были еще болѣе увеличить значеніе сценическаго искусства для краснорѣчія.

Переходное состояніе ораторскаго искусства отъ предшествующей эпохи къ тому совершенству, котораго достигло краснорѣчіе при Филиппѣ II Македонскомъ, выразилось въ лицѣ И с о к р а т а, одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей въ исторіи греческаго образованія. Исократъ родился въ Аѳинахъ въ 436 году до р. Х. Въ 338 году онъ кончилъ жизнь свою самоубійствомъ, глубоко потрясенный гибелью греческой свободы послѣ Херонейской битвы. Онъ былъ ученикомъ софистовъ Продика и Горгія. Онъ сочинялъ письменныя рѣчи и открылъ школу для образованія ораторовъ, потому что слабый голосъ и врожденная робость не позволяли ему самому являться передъ народомъ въ качествѣ оратора. Изъ двадцати одной рѣчи, дошедшей отъ него до насъ, лучшею признается, такъ называемый, панегирикъ или похвальная рѣчь аѳинянамъ, написанная съ цѣлью воодушевить грековъ къ борьбѣ съ персами. Исократъ трудился не менѣе десяти или пятнадцати лѣтъ надъ составленіемъ этой рѣчи, считавшейся у древнихъ образцовымъ произведеніемъ греческой литературы.

Окончательно придавъ краснорѣчію школьный характеръ преподаваніемъ и и составленіемъ новыхъ правилъ и образцовъ, Исократъ пріобрѣлъ значительное вліяніе не только на краснорѣчіе, но и на образованіе вообще. Позднѣйшіе ораторы, историки и большинство прозаическихъ писателей греческаго народа, также Цицеронъ и другіе римскіе ораторы, писали свои рѣчи по правиламъ и примѣрамъ, оставленнымъ Исократомъ. Могущественное вліяніе Исократа на современниковъ основывалось, какъ и у итальянскихъ писателей позднѣйшаго времени, возбуждавшихъ восторгъ цѣлыхъ поколѣній, на ритмѣ и музыкальности языка. Въ этомъ отношеніи ни одинъ писатель не могъ равняться съ Исократомъ. Искусное построеніе періодовъ, разстановка словъ и предложеній, основанная на законахъ благозвучія, гармоническое сочетаніе словъ, послѣдовательность остановокъ и удареній, не переходящихъ, однако, въ ритмъ стихотворной рѣчи,— были главными достоинствами Исократа, возбуждавшими удивленіе и подражаніе древности. Но, не смотря на всѣ совершенства, произведенія Исократа можно уподобить статуѣ, которую создало не воодушевленіе, а продолжительное размышленіе и усидчивый трудъ. Его сочиненія, не производя глубокаго впечатлѣнія на читателя, подобно новѣй-

шимъ французскимъ похвальнымъ рѣчамъ, непріятно поражаютъ слишкомъ большою искусственностью и отсутствіемъ жизни. Въ своихъ рѣчахъ онъ не имѣлъ никакой опредѣленной практической цѣли и не принималъ никакого искренняго участія въ тѣхъ страстныхъ порывахъ души, которые онъ выражалъ словами, желая только возбуждать удивленіе къ себѣ и своей школѣ. Государственные дѣятели, какъ, напримѣръ, Демосѳенъ и Цицеронъ, считавшіе Исократа образцомъ для подражанія и слѣдовавшіе его примѣру, не впадали въ подобную ошибку, являясь передъ обществомъ и составляя свои рѣчи подъ вліяніемъ самыхъ событій, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ нимъ.

Впрочемъ, главная заслуга Исократа состоитъ въ томъ, что онъ готовилъ своихъ учениковъ къ дѣйствительной жизни. Онъ не слѣдовалъ примѣру тогдашнихъ риторовъ, которые пріучали учащихся къ софистическимъ тонкостямъ и уловкамъ, заставляли ихъ доказывать самыя безполезныя отвлеченныя философскія положенія и пріучали краснорѣчиво разсуждать о безразличныхъ вещахъ, не имѣвшихъ никакого значенія. Этотъ выборъ для рѣчей такихъ предметовъ, о которыхъ трудно было что-нибудь сказать, долженъ былъ удивлять публику и доставлять ораторамъ возможность хвастаться передъ слушателями тонкостями своего искусства. Исократъ и своимъ ученіемъ и примѣромъ возставалъ противъ подобныхъ злоупотребленій, указывая своимъ ученикамъ на дѣйствительный міръ и практическую жизнь, какъ на единственную цѣль образованія. Знаменитѣйшими учениками Исократа были ораторы Исей, Ликургъ, Гиперидъ и Демосѳенъ, историки Эфоръ, Теопомпъ, Филистъ и полководецъ Тимоѳей, сынъ Конона.

Эпоха дѣятельности Исократа особенно благопріятствовала распространенію правильнаго научнаго краснорѣчія. Послѣ пелопоннесской войны, когда собственно начинается дѣятельность Исократа, въ жизни аѳинскаго народа наступило время застоя, продолжавшееся до Филиппа; бури и потрясенія обременительной войны, истощивъ силы аѳинскаго народа, лишили его почти всего прежняго политическаго значенія. Въ этотъ періодъ тишины и спокойствія, краснорѣчіе, находившееся прежде въ самой тѣсной связи съ государственной жизнью, должно было ограничиться одною школою и принять школьный характеръ. Но это долгое время застоя, наконецъ, миновалось, и едва Исократъ успѣлъ выполнить свою задачу, явились обстоятельства, вызвавшія краснорѣчіе къ общественной жизни и открывшія ораторамъ обширное поле дѣятельности. Свободѣ Греціи угрожала опасность со стороны постоянно возраставшаго могущества Филиппа; ѳиванцы по смерти Эпаминонда не могли удержать своего преобладанія, Спарта оставалась безчувственною зрительницею успѣховъ Филиппа; однѣ Аѳины, противъ которыхъ были преимущественно направлены усилія македонскаго царя, снова воспрянули и, какъ въ періодъ персидскихъ войнъ, сдѣлались передовымъ государствомъ Греціи, поставленныя самими обстоятельствами во главѣ греческой націи для борьбы съ новымъ врагомъ свободы. Такъ въ послѣдніе годы жизни Исократа снова пробудилось политическое значеніе и дѣятельность аѳинскаго народа, и научнымъ образомъ развитое краснорѣчіе вошло въ дѣйствительную жизнь. Изъ уединенія и мрака школы оно перешло въ кипучую жизнь народнаго собранія и площади, и мертвая статуя Исократа скоро стала живымъ образомъ. Вслѣдствіе дипломатическаго характера той эпохи, краснорѣчіе получило еще большее значеніе, и подъ вліяніемъ общаго положенія дѣлъ быстро шло къ своему совершенству. Филиппъ македонскій достигалъ своихъ политическихъ цѣлей преимущественно посредствомъ дипломатіи, война служила ему не для увеличенія, но только для поддержанія своего могущества. Противники его должны были бороться тѣмъ же оружіемъ, и греческому государственному человѣку необходимы были искусство въ переговорахъ и полное знакомство съ взаимными отношеніями и политическимъ состояніемъ государствъ и народовъ. Все это возбуждало духъ политическаго оратора и открывало его таланту болѣе обширное поприще дѣятельности. Греки живо чувствовали потребность въ государственной наукѣ и стремились къ изученію краснорѣчія, сдѣланнаго Исократомъ энциклопедіею политическихъ знаній. Аѳины, бывшія центромъ всей умственной жизни и образованія націи, окончательно сдѣлались средоточіемъ политической мудрости всего греческаго народа. Вся Греція почерпала въ Аѳинахъ свои знанія, и самъ Филиппъ не жалѣлъ золота, чтобы привлекать въ свою службу людей, получившихъ аѳинское образованіе.

Между людьми, сосредоточивавшими въ себѣ всю государственную науку того времени и дѣйствовавшими на политическомъ поприщѣ подъ именемъ ораторовъ, замѣчательнѣйшими были: Исей, Демосѳенъ, Эсхинъ, Ликургъ, Гиперидъ и Динархъ. Вмѣстѣ съ Антифономъ, Андокидомъ, Лисіемъ и Исократомъ, они вошли въ канонъ краснорѣчія, или списокъ славнѣйшихъ греческихъ ораторовъ, составленный въ третьемъ столѣтіи до р. Х. греческими учеными въ Александріи. Всѣ эти десять ораторовъ были аѳиняне, за исключеніемъ Динарха, родившагося въ Коринѳѣ, и Исея, родиной котораго нѣкоторые считаютъ Аѳины, а другіе Халкиду на Эвбеѣ. Впрочемъ, и они также жили и дѣйствовали въ Аѳинахъ.

Исей, годъ рожденія и смерти котораго не извѣстенъ, былъ ученикомъ Лисія и Исократа и однимъ изъ наставниковъ Демосѳена. Не будучи государственнымъ человѣкомъ, онъ, подобно Исократу, основалъ школу краснорѣчія и, какъ Лисій, сочинялъ рѣчи для другихъ. Для риторическихъ упражненій учениковъ онъ избиралъ темы исключительно изъ дѣйствительныхъ отношеній жизни и тѣмъ отличался отъ большинства ораторовъ и даже Исократа, любившаго иногда выбирать миѳическіе предметы, какъ, напримѣръ, похвалы Еленѣ и т. п.; софисты же въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ говорили о пустякахъ. Главная заслуга Исея, напротивъ того, состоитъ въ томъ, что онъ обратилъ всю свою дѣятельность исключительно на отношенія общественной жизни. Одиннадцать оставшихся послѣ него судебныхъ рѣчей имѣютъ много общаго съ рѣчами Лисія по своему спокойному и торжественному тону, но стремленіе оратора къ гладкости и искусственному изяществу слога ставитъ ихъ ниже послѣднихъ.

Послѣ Исея искусство краснорѣчія было доведено до высшей степени совершенства Демосѳеномъ, Эсхиномъ и Гиперидомъ. Изъ нихъ Демосѳенъ, безспорно, былъ первымъ ораторомъ не только греческаго народа, но и всей древности. Конечно, труды его предшественниковъ по усовершенствованію ораторскаго искусства имѣли значительное вліяніе на его успѣхи, но своею славою онъ обязанъ главнымъ образомъ своему генію и настойчивости, которую показываетъ и самая исторія его образованія.

Демосѳенъ родился въ 385 году до р. Х. въ незначительномъ мѣстечкѣ Аттики и, по разсказамъ позднѣйшихъ историковъ, умертвилъ себя на шестьдесятъ третьемъ году своей жизни. Слабый и болѣзненный отъ природы, онъ, говорятъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы исправить свои тѣлесные недостатки, мѣшавшіе ему выступить на политическое поприще; но многое въ этихъ анекдотахъ сомнительно. Свой слабый голосъ онъ, по разсказамъ грековъ, усилилъ, часто гуляя по берегу моря и стараясь перекричать шумъ волнъ; для укрѣпленія слабой груди всходилъ на крутизны, громко произнося рѣчи; наконецъ, чтобы вылечиться отъ заиканія, онъ, набравъ въ ротъ камешки, учился выговаривать чисто звуки. Философское образованіе Демосѳенъ получилъ въ школахъ Платона и Исократа, гдѣ изучилъ до совершенства тонкости греческаго языка, и потомъ четыре года занимался у себя на дому подъ руководствомъ Исея. Сблизившись съ этимъ ораторомъ, Демосѳенъ не только вполнѣ ознакомился со всѣми научными пріемами ораторскаго искусства, но и усвоилъ себѣ практическій взглядъ и направленіе Исея.

Такимъ образомъ, судьба свела Демосѳена съ наставниками, какихъ не имѣлъ ни одинъ ораторъ. Притомъ юность и первые годы молодости Демосѳена совпадали съ тѣмъ временемъ, когда ораторское искусство снова сдѣлалось практическою наукою, а народное собраніе и суды стали истинными школами краснорѣчія. Наконецъ, Демосѳенъ старался развить себя чтеніемъ—способъ образованія вообще бывшій чуждымъ древнему міру. Онъ прилежно читалъ произведенія знаменитыхъ ораторовъ и, если вѣрить разсказамъ, восемь разъ собственноручно переписалъ исторію Ѳукидида, желая усвоить себѣ его слогъ. Кромѣ того, Демосѳенъ еще въ юности началъ изучать процвѣтавшее въ то время сценическое искусство, подъ руководствомъ Сатира и Неоптолема, первыхъ, послѣ Аристодема, актеровъ той эпохи. Но, не смотря на всѣ старанія пріобрѣсти внѣшнія манеры искуснаго оратора, Демосѳенъ долго не имѣлъ успѣха въ этомъ и, только благодаря совѣтамъ знаменитаго актера, Андроника, присутствовавшаго на его первыхъ рѣчахъ и замѣтившаго этотъ недостатокъ, онъ могъ усовершенствовать свою мимику. Тогда онъ вполнѣ понялъ огромное значеніе этой стороны ораторскаго искусства, и, говорятъ,

однажды на вопросъ, что всего нужнѣе оратору, отвѣчалъ: мимика, мимика, мимика.

Изъ политическихъ и судебныхъ рѣчей Демосѳена до насъ сохранилась шестьдесятъ одна. Изъ нихъ двѣнадцать относятся до политическихъ сношеній аѳинянъ съ македонскимъ царемъ Филиппомъ II. Самымъ лучшимъ произведеніемъ его считается рѣчь, произнесенная имъ противъ Эсхина, оспаривавшаго рѣшеніе сената, который присудилъ ему золотой вѣнокъ за заслуги отечеству. Рѣчь эта доставила Демосѳену полную побѣду надъ противникомъ.

Древніе и новые критики единогласно признавали за Демосѳеномъ необыкновенный талантъ. Не одно блестящее краснорѣчіе, но и его отношенія къ своему времени и его политическая дѣятельность придали ему великое значеніе въ исторіи политической жизни и цивилизаціи греческаго народа. Демосѳенъ, подобно Гипериду и другимъ ораторамъ, былъ такъ же силенъ своимъ талантомъ, какъ Филиппъ македонскій своимъ войскомъ; но его могущество основывалось не на одномъ только природномъ краснорѣчіи, развитомъ наукою, но и на томъ, что онъ соединялъ въ себѣ всю образованность греческаго народа, хорошо понималъ духъ времени, потребности своей родины и роль оратора, которая была тогда обширнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Краснорѣчіе было въ то время фокусомъ всей греческой жизни. Ораторъ сдѣлался не только государственнымъ человѣкомъ, во всѣхъ значеніяхъ этого слова, но поэтомъ и наставникомъ народа; на его долю выпала теперь задача, которую за нѣсколько поколѣній передъ тѣмъ исполняла трагедія, а еще раньше лирическая поэзія. Онъ явился органомъ всѣхъ вопросовъ, волновавшихъ тогдашнихъ грековъ, живымъ центромъ всѣхъ національныхъ стремленій, источникомъ, изъ котораго народъ черпалъ знанія, сдѣлавшіяся для него необходимостью. Въ рѣчахъ искали даже наставленій въ практической морали, которая могла бы замѣнить собою религіозныя вѣрованія; словомъ, краснорѣчіе сдѣлалось душою греческой жизни.

Изображеніе отдѣльныхъ сторонъ и характера дѣятельности Демосѳена не можетъ вполнѣ объяснить многостороннее вліяніе Демосѳена на его современниковъ. Съ политическою дѣятельностью и значеніемъ Демосѳена можно познакомиться только изученіемъ оставшихся послѣ него сочиненій, въ связи съ исторіей той эпохи. Критическій анализъ даже одной его рѣчи потребовалъ бы слишкомъ много времени, поэтому мы ограничимся здѣсь только нѣкоторыми общими указаніями.

Обладая массою свѣдѣній, опытностью и дарованіями, Демосѳенъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для политическаго дѣятеля той эпохи. Глубоко понимая духъ и отношенія своей эпохи, онъ пріобрѣлъ такое значеніе, что нерѣдко соединялъ въ себѣ всѣ силы аѳинскаго народа, какъ, напримѣръ, во время послѣдняго похода Филиппа въ Грецію. Сочиненія Демосѳена служатъ зеркаломъ всей тогдашней общественной жизни и ясно указываютъ различіе между практическою дѣятельностью и образованіемъ Демосѳена и школьною ученостью Исократа, адвокатскимъ краснорѣчіемъ Исея, и дѣятельностью Лисія, имѣвшаго на жизнь лишь косвенное вліяніе черезъ другихъ.

Ни у одного изъ ораторовъ нѣтъ въ рѣчахъ такой жизни и силы, какъ у Демосѳена, умѣющаго переносить своихъ слушателей въ средину тѣхъ событій, о которыхъ онъ говоритъ. Въ своихъ рѣчахъ онъ знакомитъ аѳинянъ съ политическими дѣлами и исторіею своего времени и указываетъ причины всѣхъ современныхъ событій съ такою ясностью и послѣдовательностью, какъ будто желаетъ сдѣлать своихъ слушателей государственными людьми. Онъ подтверждаетъ всѣ свои доводы свѣдѣніями изъ аѳинскаго архива, съ замѣчательнымъ искусствомъ приводя эти свидѣтельства и пользуясь ими, чтобы придать своей рѣчи разнообразіе. Говоря о чемъ-нибудь, Демосѳенъ иногда останавливался и приказывалъ читать подлинные документы, давая этимъ отдыхъ себѣ и своимъ слушателямъ. Такимъ образомъ, мѣняя по нѣскольку разъ тонъ и характеръ своей рѣчи, Демосѳенъ постоянно приковывалъ и никогда не утомлялъ вниманія присутствовавшихъ. Онъ часто придаетъ своей рѣчи комическій и ироническій оборотъ, развлекающій его слушателей, и потомъ снова дѣлается серьезенъ, излагая народу забытые имъ принципы политики и гражданскія обязанности и посвящая его во всѣ тайны запутанной дипломатіи того времени. Нерѣдко доходитъ онъ до трагизма, силою своего краснорѣчія заставляетъ аѳинянъ забывать, что они находятся на площади или въ судѣ, и переноситъ

ихъ мыслью на сцену, гдѣ въ образцовыхъ произведеніяхъ ихъ драматической поэзіи являлся передъ ними иной міръ, столь различный отъ обыденной жизни. Еще чаще онъ облекаетъ свою рѣчь въ форму вопросовъ своему противнику или аѳинянамъ, отвѣчая на нихъ самъ; съ неподражаемымъ искусствомъ обращаетъ присутствующихъ изъ нѣмыхъ слушателей въ дѣйствующихъ лицъ, создавая такимъ образомъ настоящую драматическую сцену, въ которой принимаютъ участіе то народъ, то его антагонисты, то народъ и они вмѣстѣ. Во всѣхъ оборотахъ рѣчей Демосѳена видна та живость и естественность, то безъискусственное, истинное одушевленіе, которое одно можетъ потрясать сердца слушателей. Энергіей своей рѣчи онъ умѣетъ снова воспламенить патріотизмъ и древній духъ въ изнѣженныхъ аѳинянахъ, напоминая имъ славные подвиги ихъ предковъ и называя ихъ послѣднею опорою, послѣдними представителями свободы Греціи.

Насъ, съ нашими нравами и понятіями, удивляетъ, что Демосѳенъ иногда впадаетъ въ грубость, которую можно встрѣтить только въ древнѣйшихъ аѳинскихъ комедіяхъ. Онъ бываетъ часто слишкомъ раздраженъ и изливается потокомъ ругательствъ, которыхъ не позволили бы себѣ употребить и самые смѣлые изъ аѳинскихъ комиковъ. Эта поражающая насъ грубость объясняется господствовавшими между греками понятіями о внѣшнемъ приличіи и служитъ доказательствомъ, что въ аѳинской республикѣ было много простора природнымъ движеніямъ страсти, и государственныя цѣли достигались иногда прямымъ путемъ гораздо легче, чѣмъ въ въ наше время, гдѣ все стѣснено и связано цѣпью внѣшнихъ приличій и постороннихъ соображеній.

Первымъ ораторомъ послѣ Демосѳена считается страшный его соперникъ, Эсхинъ. Рожденный отъ бѣдныхъ родителей, онъ, какъ говорятъ, посвятилъ себя сначала сценическому искусству, а потомъ служилъ по найму писцомъ у нѣкоторыхъ государственныхъ людей. Этимъ занятіямъ онъ столько же, сколько и врожденнымъ талантамъ, обязанъ былъ нѣкоторою долею своей ораторской славы. Разсказы древнихъ писателей о его воспитаніи разнорѣчивы: одни говорятъ, что онъ не получилъ никакого школьнаго образованія въ краснорѣчіи и самъ проложилъ себѣ дорогу; другіе, напротивъ того, утверждаютъ, что наставниками его были Исократъ и Платонъ. Эсхинъ только уже въ зрѣломъ возрастѣ выступилъ на политическое поприще и явился соперникомъ и врагомъ Демосѳена, какъ глава македонской партіи въ Аѳинахъ. За свою неудачную попытку оспорить рѣшеніе сената, положившаго поднести Демосѳену золотой вѣнокъ, онъ былъ приговоренъ къ значительной денежной пенѣ, — которой подвергался въ Аѳинахъ всякій, взводившій обвиненіе на другаго и не получавшій въ народномъ собраніи пятой части голосовъ. Будучи не въ состояніи заплатить пени, Эсхинъ оставилъ свою родину (330 до р. Х.) и удалился сначала на островъ Родосъ, гдѣ основалъ школу краснорѣчія, а потомъ въ Самосъ, гдѣ и умеръ вскорѣ по прибытіи, на семьдесятъ пятомъ году своей жизни (317 до р. Х.).

До насъ дошли только три рѣчи Эсхина, изъ которыхъ рѣчь о вѣнкѣ противъ Демосѳена, подобно рѣчи его противника о томъ же предметѣ, признавалась всею древностью образцомъ краснорѣчія. Человѣкъ, боровшійся съ Демосѳеномъ и оспаривавшій у него первенство, не могъ быть посредственнымъ ораторомъ. Единогласное мнѣніе древнихъ ставитъ его почти на ряду съ Демосѳеномъ, и его сочиненія вполнѣ заслуживаютъ такого почетнаго отзыва. Демосѳенъ и Эсхинъ имѣли свои особенности, которыми они, какъ ораторы и государственные люди, отличались другъ отъ друга. У Эсхина не было ни смѣлости, пылкости и драматической живости Демосѳена, ни того богатства оборотовъ и глубокихъ мыслей, которымъ мы удивляемся въ рѣчахъ величайшаго изъ ораторовъ. Но изъ ихъ сочиненій видно, что оба они пользовались комедіей своего времени и, принимая ее за вѣрную картину частной жизни аѳинянъ, заимствовали изъ нея живую характеристику лицъ, нравовъ и страстей и въ особенности ѣдкія выходки противъ своихъ противниковъ. Оба оратора, сознавая свои достоинства и таланты, дѣйствовали сообразно ихъ особенностямъ. Демосѳенъ, уступая Эсхину въ изображеніи характеровъ, избѣгаетъ этихъ очерковъ, зная, что они подъ его рукой превращаются въ каррикатуры. Эсхинъ не гоняется за остроуміемъ, вѣроятно, самъ чувствуя неудачность своихъ остротъ, тогда какъ Демосѳенъ всегда остеръ, колокъ и потому любитъ иронію и ѣдкія насмѣшки.

Эсхинъ совершенно иначе понималъ свое время, чѣмъ Демосѳенъ; потому его не *слѣдуетъ такъ порицать, какъ это дѣлалъ Демосѳенъ, и безусловно обвинять* въ продажности Филиппу, тѣмъ болѣе, что это не вполнѣ подтверждается историческими свидѣтельствами. Уже по различію взгляда на положеніе дѣлъ и направленіе той эпохи, Эсхинъ могъ считать себя въ правѣ избрать болѣе безопасный путь и совѣтовать своимъ согражданамъ поддерживать дружественныя сношенія съ Македоніей. Какъ бы то ни было, политика его основывалась на однихъ разсчетахъ благоразумія, и потому онъ, какъ ораторъ, долженъ былъ уступать Демосѳену. Естественно, что человѣкъ, имѣвшій такія политическія воззрѣнія, не могъ быть воодушевленъ возвышенною любовью къ истинѣ и героизмомъ. Такимъ образомъ, Эсхинъ являлся представителемъ холоднаго разсчета, а Демосѳенъ защитникомъ духа славной старины.

Подобно Демосѳену, Эсхинъ вполнѣ сознавалъ то великое значеніе, которое имѣлъ ораторъ въ его время. Онъ ясно понималъ свою важную роль въ образованномъ мірѣ и свое громадное вліяніе на общество, какъ наставникъ политической правительственной мудрости и общественной нравственности. Характеристическіе очерки Эсхина знакомятъ читателя съ духомъ того времени и представляютъ страшную картину нравственной испорченности тогдашнихъ грековъ. Невольно убѣждаешься въ справедливости требованій Эсхина о строгомъ соблюденіи нравственныхъ законовъ, и удивляешься Демосѳену, умѣвшему, хотя на короткое время, пробуждать въ такомъ народѣ возвышенныя чувства и благородный патріотизмъ. Не будучи человѣкомъ безукоризненно нравственнымъ, Эсхинъ, какъ политикъ, проповѣдуетъ строгость нравовъ и всѣми средствами старается убѣдить своихъ согражданъ, что безъ нея невозможны республиканскія учрежденія. На этой несомнѣнной истинѣ, почти совсѣмъ забытой въ Аѳинахъ, Эсхинъ основываетъ весь свой взглядъ на сущность демократіи. Подобно другимъ политическимъ ораторамъ своего времени, Эсхинъ занимался изслѣдованіями о государствѣ и составилъ себѣ особую систему. Онъ признаетъ только три формы правленія: монархію, или, по его теоріи, такой образъ правленія, гдѣ господствуетъ произволъ одного; аристократію, понимаемую имъ въ смыслѣ олигархіи, т. е. такой формы правленія, гдѣ вся власть находится въ рукахъ небольшаго числа гражданъ, и демократію, въ которой государствомъ управляетъ весь народъ. Развивая свой взглядъ на государственное устройство, Эсхинъ говоритъ, что въ каждомъ изъ этихъ трехъ формъ существуетъ особенный источникъ законовъ. Въ монархіи и олигархіи управляетъ постоянно измѣняющаяся воля нѣсколькихъ лицъ, а въ демократіи господствуетъ твердый, опредѣленный законъ, который долженъ строго соблюдаться. Въ демократіи все основывается на одномъ законѣ, и потому въ ней нужно зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы всякій нарушитель законовъ немедленно получалъ соотвѣтственное наказаніе. «Только до тѣхъ поръ будете вы сильны», говоритъ онъ аѳинянамъ, «пока будутъ цѣлы ваши превосходные законы, и безнравственные люди не разорвутъ той связи, которая скрѣпляетъ и связываетъ васъ».

Отъ рѣчей прочихъ ораторовъ послѣдняго времени греческой независимости дошло до насъ такъ мало, что мы не можемъ обрисовать ихъ личнаго характера и стремленій съ такою точностью, какъ дѣятельность Эсхина и Демосѳена. Изъ нихъ самую дурною славою пользовался Демадъ, а, какъ государственный человѣкъ, болѣе всѣхъ выдается Ликургъ. Демадъ родомъ изъ Аѳинъ былъ низкаго происхожденія и въ теченіе всей своей жизни отличался отсутствіемъ всякихъ политическихъ и нравственныхъ убѣжденій. Въ битвѣ при Херонеѣ онъ попался въ плѣнъ македонянамъ, но былъ освобожденъ Филиппомъ, въ пользу котораго онъ интриговалъ въ Аѳинахъ. По смерти Филиппа онъ сдѣлался льстецомъ Александра Великаго и его намѣстника Антипатра, и, вмѣстѣ съ другимъ подобнымъ ему низкимъ человѣкомъ, былъ виновникомъ смерти Демосѳена и Гиперида. Впослѣдствіи онъ самъ былъ лишенъ жизни сыномъ Антипатра, Кассандромъ. Изъ рѣчей его ни одна не сохранилась до нашего времени.

Ораторъ Ликургъ, изъ рѣчей котораго дошла до насъ только одна, родился въ 408 году въ Аѳинахъ и умеръ на восьмидесятомъ году своей жизни. Онъ былъ ученикомъ Платона и Исократа, и, вмѣстѣ съ Демосѳеномъ и Гиперидомъ, однимъ изъ главныхъ противниковъ Филиппа Македонскаго. Дошедшая до насъ рѣчь Ликурга безспорно принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ древняго

краснорѣчія; она проникнута духомъ Демосѳена, хотя и замѣтно, что Ликургу стоило большихъ трудовъ то, что легко доставалось геніальному Демосѳену. Въ рѣчи Ликурга видна та же горячность, какъ и у Демосѳена, но онъ еще болѣе любитъ эффектность и переступаетъ такимъ образомъ предѣлы истиннаго ораторскаго искусства. Часто (и иногда совершенно не кстати) онъ примѣшиваетъ въ рѣчь длинные отрывки изъ поэтовъ, которые долженъ былъ произносить съ свойственной аѳинянамъ жестикуляціей. Какъ ораторъ, государственный дѣятель и человѣкъ, Ликургъ извѣстенъ строгостью своихъ нравовъ. Во всемъ его сочиненіи проглядываетъ достоинство человѣка, заслуживающаго стать наряду съ благороднымъ Аристидомъ. Въ рѣчи его нигдѣ нѣтъ ругательствъ, язвительныхъ насмѣшекъ, каждое слово дышетъ страшною строгостью, сдѣлавшею имя Ликурга ужасомъ всѣхъ государственныхъ преступниковъ и казнокрадовъ. Безпощадность, съ которою Ликургъ преслѣдовалъ людей, вредившихъ аѳинскому народу своею безнравственностью и бездарностью, высказывается и въ прекрасномъ отрывкѣ рѣчи, которою Ликургъ убѣдилъ аѳинянъ предать смерти низкаго Лисикла, командовавшаго войсками при Херонеѣ и своею неспособностью доставившаго непріятелю побѣду. «Тысяча аѳинскихъ гражданъ,» восклицаетъ Ликургъ, «пала въ битвѣ, двѣ тысячи взяты въ плѣнъ, непріятель, къ позору нашего города, воздвигнулъ памятникъ въ честь своей побѣды и подчинилъ своему игу всю Грецію. Виновникъ всего этого ты, убѣдившій избрать себя полководцемъ и начальствовавшій надъ войскомъ; и ты осмѣливаешься послѣ этого жить, наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ и являться между нами въ народномъ собраніи? Ты, сдѣлавшійся живымъ памятникомъ стыда и позора своего отечества»?

Человѣкъ такой строгой нравственности, казалось бы, не могъ, какъ государственный дѣятель, играть въ тогдашнихъ Аѳинахъ значительной роли. Но было наоборотъ: аѳиняне понимали, что Ликургъ былъ единственнымъ человѣкомъ, жизнь котораго не расходилась съ убѣжденіями. Они вручили ему управленіе полицейскою и финансовою частью, и въ благодарность за превосходныя распоряженія нѣсколько разъ присуждали ему общественныя почести. Пятнадцать лѣтъ онъ былъ казначеемъ или министромъ финансовъ республики и въ продолженіе своего управленія собралъ на государственные расходы 14,000, а по другимъ извѣстіямъ—18,000 талантовъ (около 25 милліоновъ руб. сер.), построилъ много кораблей, произвелъ множество другихъ общественныхъ сооруженій, улучшилъ таможенную систему и ввелъ строгій порядокъ въ полиціи. Аѳиняне почтили его память, воздвигнувъ въ честь его бронзовую статую и даровавъ его старшему сыну право обѣдать въ Пританеѣ на государственный счетъ.

Гиперидъ, также ученикъ Платона и Исократа, долгое время находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Демосѳеномъ, котораго однако впослѣдствіи обвинилъ въ продажности, такъ что былъ виновникомъ его изгнанія. Самъ онъ былъ умерщвленъ въ 322 году до р. Х. македонскимъ намѣстникомъ Антипатромъ, по наущенію низкаго Демада. Изъ его сочиненій ничего не сохранилось; долгое время думали, что одна изъ рѣчей, носящихъ имя Демосѳена, принадлежитъ Гипериду, но это ошибка; точно также неосновательно и въ новѣйшее время считали произведеніемъ Гиперида другую рѣчь Демосѳена. Уже одно то, что рѣчь Гиперида смѣшивали съ рѣчами Демосѳена, показываетъ, что Гиперидъ по своему таланту, образованію и проницательности не многимъ уступалъ великому оратору древности.

Послѣ Демосѳена, Эсхина, Ликурга и Гиперида краснорѣчіе пало съ своей высоты, и потеряло то громадное значеніе, какое оно имѣло при жизни этихъ ораторовъ. Съ паденіемъ свободы и древнихъ нравовъ Греціи, оно сдѣлалось только тѣнью прежняго величія. Этотъ упадокъ начался при Динархѣ, который родился въ Коринѳѣ, но воспитывался и жилъ въ Аѳинахъ, и, послѣ смерти Демосѳена и Гиперида, пріобрѣлъ тамъ вліяніе. Хотя Динарха и причисляютъ къ десяти великимъ аттическимъ ораторамъ, но въ его произведеніяхъ мы уже видимъ начало искаженія ораторскаго искусства. Онъ промышлялъ составленіемъ рѣчей, и въ немногихъ сохранившихся отъ него рѣчахъ хотя и нѣтъ вычурныхъ прикрасъ позднѣйшей эпохи, но уже замѣтна нѣкоторая безжизненность. Со времень Динарха ораторское искусство, или государственная наука, тѣсно соедини-

лась съ философіею и сдѣлалась предметомъ преподаванія почти во всѣхъ философскихъ школахъ.

7. Краткія замѣтки объ искусствѣ.

Время отъ начала Персидскихъ войнъ до Александра Македонскаго было также эпохою процвѣтанія пластическаго искусства и живописи греческаго народа, которыя всегда составляли одну изъ главныхъ сторонъ греческаго быта и, подобно поэзіи и краснорѣчію, основывались на прирожденной склонности грековъ. Равно свойственныя всѣмъ племенамъ націи, они являлись вездѣ, гдѣ поселялись греки, и восходятъ до отдаленнѣйшихъ вѣковъ древности. Исторія ихъ развитія составляетъ часть исторіи греческой культуры, насколько искусство было однимъ изъ главныхъ проявленій жизни этого народа. Впрочемъ эстетическій характеръ греческаго искусства и превосходство памятниковъ его надъ художественными произведеніями другихъ народовъ также мало могутъ быть предметомъ всемірной исторіи, какъ и анализъ отношеній поэтическихъ и литературныхъ произведеній греческаго духа къ идеѣ прекраснаго и требованіямъ науки.

Въ эпоху, предшествовавшую Персидскимъ войнамъ, развитіе греческаго искусства шло тѣмъ же путемъ, какъ поэзія, философія и государственныя учрежденія грековъ. Искусство сначала развилось у пелепонесскихъ дорянъ и на островѣ Сициліи, а потомъ въ Великой Греціи, Малой Азіи и на островахъ Эгейскаго моря. Въ концѣ этой эпохи, съ увеличеніемъ благосостоянія большинства греческихъ торговыхъ городовъ, искусства распространились еще далѣе. Процвѣтанію искусства содѣйствовало то, что нѣкоторые изъ тогдашнихъ тирановъ, какъ напримѣръ, Поликратъ, старались утвердить свою власть покровительствомъ искусству и сооруженіемъ огромныхъ построекъ. Наконецъ, Самосъ и Эгина сдѣлались средоточіями греческаго искусства. На послѣднемъ изъ этихъ острововъ въ 1811 году найдено множество изваяній, которыя, какъ кажется, относятся ко времени первой персидской войны. Эти Эгинскіе памятники, находящіеся теперь въ Мюнхенѣ, вмѣстѣ съ обломками, найденными въ Селинунтѣ въ Сициліи, служатъ доказательствомъ, что греческое искусство процвѣтало уже у дорянъ прежде, чѣмъ достигло своего совершенства въ Аѳинахъ.

Великая народная борьба съ персами, оживившая національное чувство грековъ и возбудившая ихъ энергію, имѣла могущественное вліяніе на быстрое развитіе искусства. Впрочемъ не самая борьба, а пріобрѣтенное въ ней Аѳинами могущество и вліяніе возвысило искусство. Аѳины сдѣлались средоточіемъ всѣхъ умственныхъ стремленій, поэзіи, философіи и искусства греческаго народа. Высшей степени своего процвѣтанія искусство достигло при Периклѣ, потому что оно вообще для своего развитія нуждается въ покровительствѣ образованныхъ вліятельныхъ людей. Всѣ улучшенія внѣшнихъ удобствъ жизни, начиная съ простой мельницы и до самыхъ сложныхъ прядильныхъ машинъ и пароходовъ новѣйшаго времени, прививаются даже въ простомъ народѣ, если только этотъ народъ предпріимчивъ и дѣятеленъ; изящныя же искусства могутъ существовать только при поддержкѣ со стороны богатыхъ и знатныхъ. Поэтому искусство процвѣтало у грековъ при Периклѣ, Александрѣ Великомъ и его преемникахъ, у римлянъ при Августѣ и Титѣ, а въ новѣйшую эпоху преимущественно во время господства Медичи во Флоренціи. Въ отношеніи греческаго искусства между вѣкомъ Перикла и эпохою великаго македонскаго царя и его преемниковъ существуетъ то различіе, что въ первую эпоху искусство достигло высшей степени совершенства, а въ послѣднюю оно сдѣлалось доступнѣе для массъ.

Мы уже прежде (стр. 205) назвали знаменитыхъ художниковъ, жившихъ при Периклѣ въ Аѳинахъ, и главные архитектурные памятники того времени. Изъ сооруженій той эпохи въ другихъ греческихъ городахъ особенно замѣчательны: великій храмъ Зевса въ Олимпіи, построенный около 436 года до р. Х. однимъ элидскимъ художникомъ; храмъ Аполлона въ аркадскомъ городѣ Фигаліи, построенный около того же времени Иктиномъ изъ Аѳинъ; храмъ Юноны въ Аргосѣ, воздвигнутый около 423 г. до р. Х. неизвѣстнымъ зодчимъ, и, наконецъ, въ Сициліи,

замѣчательный своими громадными размѣрами храмъ Юпитера Олимпійскаго въ Агригентѣ (стр. 125), относящійся ко второй половинѣ пятаго столѣтія до нашей эры. Первыми ваятелями этого времени были, кромѣ Фидія, два ученика его, Агоракритъ изъ Пароса, и Алкаменъ изъ Аѳинъ, а также Поликлетъ изъ Аргоса или Сикіона, и Миронъ изъ небольшаго мѣстечка Аттики.

Въ періодъ отъ Пелопоннесской войны до Александра Великаго замѣчательнѣйшими ваятелями были: Скопасъ изъ Пароса, Праксител ь изъ Аѳинъ, Эвфраноръ изъ Коринѳа, но жившій въ Аѳинахъ, и Лисиппъ изъ Сикіона. Изъ произведеній всѣхъ упомянутыхъ нами скульпторовъ мы уже говорили прежде (стр. 205) о статуѣ Минервы Фидія и объ Эльгинскихъ мраморахъ, надъ которыми трудился онъ самъ или другіе подъ его руководствомъ. Теперь упомянемъ только колосальную статую Юпитера въ Олимпійскомъ храмѣ, какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ изваяній Фидія. Изъ статуй Поликлета особенное удивленіе древности возбуждала его Юнона, а изъ произведеній Мирона особенно славилась его корова, въ честь которой даже писали стихи. Скопасу нѣкоторые изъ знатоковъ древняго искусства приписываютъ находящуюся теперь во Флоренціи группу Ніобы, признаваемую другими произведеніемъ Праксителя; нѣкоторые же считаютъ ее простою копіею со статуи Скопаса. Ваятель Эвфраноръ, который дожилъ до Александра Великаго и составляетъ въ искусствѣ переходъ къ слѣдующей эпохѣ, былъ въ то же время и отличнымъ живописцемъ. Лисиппъ принадлежитъ уже совершенно ко времени Александра, и онъ одинъ изъ тогдашнихъ художниковъ пользовался предпочтеніемъ македонскаго царя, который только ему позволялъ дѣлать свои изображенія. Дѣйствительно, онъ одинъ умѣлъ вѣрно передавать на камнѣ и бронзѣ глаза Александра, наклоненіе его головы на одно плечо и его устремленный кверху взоръ, не портя бюста искривленіемъ спины, и соединить мягкость и женственность выраженія Александра съ мужественными и львиными чертами его лица.

Время процвѣтанія живописи почти совпадаетъ съ эпохою высшаго развитія ваянія. Средоточіями этого искусства были Аѳины, Сикіонъ и іонійскіе города. Первымъ знаменитымъ живописцемъ былъ Полигнотъ, современникъ и другъ Кимона, родившійся на островѣ Тазосѣ, но получившій право гражданства въ Аѳинахъ. Главнымъ его произведеніемъ была часть фресковъ въ Пекиле (стр. 206) и сцены изъ Троянской войны въ одной изъ залъ Дельфійскаго храма. Знаменитѣйшимъ живописцемъ слѣдующей эпохи былъ Зевксисъ изъ Гераклеи, около 400 г. до р. Х., о произведеніяхъ котораго мы уже упоминали. Современникъ его, Паррасій, изъ Эфеса пріобрѣлъ такую же славу картинами, писанными имъ для аѳинскаго народа. Памфилъ изъ Амфиполя, жившій въ первой половинѣ четвертаго вѣка до р. Х., былъ однимъ изъ послѣднихъ художниковъ древней сикіонской школы. Какимъ почетомъ пользовалась въ его время живопись, видно изъ того, что Памфилъ за свои уроки получалъ по таланту, или 1,340 р. с. Ученикъ Памфила, Апеллесъ, изъ Колофона, былъ величайшимъ живописцемъ древности; онъ соединилъ теорію съ практикой и изумительную технику съ философіей искусства. Александръ Великій, не позволявшій никому, кромѣ Апеллеса, рисовать свои портреты, уважалъ этого художника болѣе, чѣмъ самыхъ знатныхъ лицъ своей свиты. Лучшимъ произведеніемъ Апеллеса и былъ портретъ Александра, представляющій великаго царя съ молніями въ рукѣ, какъ сына боговъ. Этотъ портретъ былъ такъ хорошъ, что въ древности говорили: «Александръ, сынъ Филиппа, непобѣдимъ, а Александръ, произведеніе Апеллеса, неподражаемъ.»

Кромѣ упомянутыхъ нами художниковъ, сохранились имена еще многихъ скульпторовъ и живописцевъ, преимущественно принадлежащихъ ко времени Александра и его преемниковъ. Между ними встрѣчаются и женщины, потому что, чѣмъ образованнѣе становился греческій міръ, тѣмъ большее участіе принимали онѣ въ умственной дѣятельности націи. Въ то время нерѣдко встрѣчались женщины, которыя углублялись въ философію Платона и даже въ ученіе киренаиковъ, и могли вступать съ мужчинами въ блестящіе споры о философскихъ предметахъ. Неудивительно, что было много женщинъ художницъ, картины которыхъ пользовались большою извѣстностью у современницъ, цѣнившихъ и понимавшихъ искусство. — Вообще и направленіе и всѣ политическія событія той эпохи болѣе чѣмъ когда-либо способствовали разви-

тію ваянія, живописи, драматическаго и хореграфическаго искусства. Но въ то же время, съ распространеніемъ изнѣженности и страсти къ наслажденіямъ, начинаетъ притупляться изящный вкусъ въ искусствѣ и поэзіи, и все рѣже и рѣже появляются истинно-великія художественныя произведенія. Установившаяся въ Греціи монархичеакая форма правленія усилила потребность въ искусствѣ, и богатыми вознагражденіями привлекла къ нему всѣхъ людей съ артистическими дарованіями. Царскіе дворы, число которыхъ впослѣдствіи еще увеличилось, нуждались для своихъ пышныхъ праздниковъ въ искусствахъ и художникахъ; искусство сдѣлалось во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ, какъ Аѳины, Коринѳъ, Сиракузы и Родосъ, отраслью промышленности и ремесломъ. Аѳины, и въ македонскую эпоху оставшіяся средоточіемъ всей литературной дѣятельности, сохраняли свое первенство и во всемъ, что относится до искусства. Художники, родившіеся или по крайней мѣрѣ получившіе образованіе въ Аѳинахъ, считались лучшими во всѣхъ странахъ, гдѣ говорили по-гречески.

Въ то время измѣнился и главный характеръ архитектуры. Прежде она, какъ истинно высокое искусство, служила преимущественно государству и религіи, а въ разсматриваемую нами эпоху стала удовлетворять только требованіямъ комфорта и изящества частной жизни и личнымъ цѣлямъ властителей. Изъ приведенныхъ выше словъ Демосѳена видно, какая разница существовала между архитектурой частныхъ и общественныхъ зданій, и какая страшная перемѣна произошла въ ней въ половинѣ четвертаго столѣтія, а въ особенности послѣ введенія монархическихъ формъ. Знаменитѣйшимъ произведеніемъ греческой архитектуры всей эпохи отъ Перикла до Александра Великаго былъ Мавзолей — четыреугольное, окруженное портикомъ зданіе, 411 футовъ въ окружности, украшенное на верху пирамидой, съ мраморнымъ изображеніемъ колесницы, запряженной четырьмя конями. Въ отношеніи къ исторіи искусства и его зависимости отъ главныхъ явленій жизни, это произведеніе замѣчательно только тѣмъ, что было дѣломъ художниковъ аѳинской школы, и потому служитъ также доказательствомъ вліянія Аѳинъ на характеръ искусства. Уже и въ этомъ памятникѣ искусства художественная красота и величіе не были главною цѣлью строителей, въ другихъ же произведеніяхъ того времени, а въ особенности слѣдующей эпохи, еще ярче выступаетъ стремленіе поражать колоссальностью размѣровъ и роскошью орнаментовъ. Даже великій духъ Александра не могъ въ этомъ отношеніи возвыситься надъ своими современниками.

IX. ЭПОХА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

1. Характеръ и образованіе Александра.

Александръ Великій родился, по всей вѣроятности, въ 356 г. до р. Х. Все соединилось, чтобъ сдѣлать его величайшимъ изъ государей, о которыхъ упоминаетъ исторія. Природа одарила его всѣми свойствами великаго правителя; обстановка юности способствовала развитію этихъ способностей; развращеніе нравовъ и упадокъ греческаго духа повлекли за собой паденіе республиканскихъ учрежденій, и міру нуженъ былъ теперь человѣкъ, который бы преобразовалъ республиканскія формы жизни въ монархическія. Вступая на престолъ, Александръ нашелъ все подготовленнымъ дѣятельностью Филиппа, и ему легко было осуществить то, что было цѣлью всей жизни его отца, но что могло быть выполнено только такимъ человѣкомъ, какъ Александръ. Изумленные современники и потомки прикрасили исторію Александра множествомъ преувеличеній, какъ это бываетъ со всѣми великими людьми; истинно великое непонятно обыкновенному уму, который, обращая все вниманіе только на внѣшнія стороны дѣла, смѣшиваетъ его съ сверхъестественнымъ или, по крайней мѣрѣ, проводитъ между ними связь. Такъ, впослѣдствіи выдумали, что Филиппъ II получилъ вѣсть о рожденіи Александра одновременно съ двумя другими радостными извѣстіями (стр. 285). Съ часомъ рожденія Александра связали разнаго рода знаменія и чудеса и находили особенно знаменательнымъ, что въ ночь его рожденія сгорѣло священнѣйшее и знаменитѣйшее зданіе грековъ въ Азіи — храмъ Діаны Эфесской. О юношескомъ возрастѣ Александра также разсказываютъ разнаго рода анекдоты, свидѣтельствующіе объ удивленіи ему греческихъ современниковъ и потомковъ, хотя невѣроятность большей части этихъ разсказовъ сама собой бросается въ глаза.

Личность и характеръ Александра, какъ всякаго великаго человѣка, не могутъ быть точно обрисованы отдѣльными чертами, а тѣмъ менѣе одиночными разсказами и анекдотами; они опредѣляются только всею совокупностью его дѣлъ и ихъ отношеній къ предъидущей и послѣдующей эпохѣ. Изъ всего, предшествовавшаго его вступленію на престолъ, наиболѣе важна исторія его образованія. Александръ обладалъ всѣми великими качествами своего отца, не имѣя притомъ многихъ изъ его недостатковъ. Съ предпріимчивымъ духомъ отца онъ соединялъ болѣе обширный умъ, но въ особенности отличался отъ Филиппа врожденнымъ благородствомъ и глубоко поэтической натурой. Сверхъ того, онъ превосходилъ отца простотою и воздержностью.

Александръ получилъ превосходное образованіе: учителемъ его былъ Ари-

стотель, величайшій изъ философовъ, а воспитателемъ одинъ изъ родственниковъ его матери, Леонидъ, человѣкъ большаго ума. Но, къ несчастью, на молодаго Александра имѣли также не мало вліянія низкій льстецъ, акарнанецъ Лисимахъ, и столь же низкій софистъ Каллистенъ, рекомендованный молодому царю своимъ двоюроднымъ братомъ Аристотелемъ, при окончаніи занятій его съ Александромъ. Оба они поколебали въ Александрѣ все благородное и хорошее. Воспользовавшись поэтическою натурою Александра, Лисимахъ внушилъ молодому человѣку опасную мысль взять себѣ за образецъ главнаго героя Гомера и смотрѣть на себя, какъ на втораго Ахиллеса, а на своего друга Гефестіона, какъ на Патрокла. Но желаніе смѣшивать поэзію съ жизнью и обращать ее дѣйствительность ведетъ обыкновенно къ предпочтенію фантастическаго разумному, и человѣкъ, вмѣсто возможнаго, стремится къ достиженію сверхъестественнаго и чудовищнаго. Не имѣя никакихъ благородныхъ и возвышенныхъ стремленій, Каллистенъ былъ однимъ изъ тѣхъ историковъ-риторовъ, которые считаютъ исторію средствомъ для своихъ тщеславныхъ стремленій и орудіемъ для своихъ софистическихъ и риторическихъ мудрствованій. Сдѣлавшись приближеннымъ Александра, онъ обратился въ придворнаго, но не съумѣлъ удержаться на этомъ скользкомъ пути: замѣшанный въ заговоръ во время азіатскаго похода Александра, Каллистенъ погибъ жестокою смертью. Такими-то людьми была развращена прекрасная натура единственнаго человѣка, который въ то время могъ спасти и осчастливить міръ, еслибъ только прочное счастье могло исходить отъ однихъ богатыхъ и сильныхъ.

2. Начало царствованія Александра.

На двадцатомъ году (14 ноября 336), Александръ наслѣдовалъ престолъ сильнаго, но непрочно устроеннаго государства, а между тѣмъ въ самомъ началѣ его царствованія должно было рѣшиться, способенъ ли онъ сохранить отцовское наслѣдіе, или же оно снова распадется на свои составныя части. Македонское войско, часть котораго уже переправилась въ Азію, было готово выступить въ походъ; во главѣ его стояли отличные полководцы — Антипатръ, Парменіонъ, Птоломей, Неархъ и Филотъ, товарищъ дѣтства Александра; молодому царю предстояло немедленно рѣшить задачу, отстраненіе которой было невозможно, а выполненіе превосходило все, къ чему до сихъ поръ только стремились греки. Сверхъ того, убійство Филиппа повидимому пошатнуло самый престолъ: одна изъ партій, образовавшихся между знатью, надѣялась отнять престолъ у законнаго наслѣдника; на сѣверѣ, подвластныя дикія племена угрожали царству набѣгами, а въ Греціи смерть Филиппа вновь возбудила надежды освободиться изъ-подъ владычества Македоніи. Аѳиняне даже устроили празднество въ честь убійства Филиппа и присудили убійцѣ почетный вѣнокъ; они готовились къ войнѣ, а другія греческія государства питали враждебные замыслы противъ Македоніи.

Волненіе, происшедшее между греками, и разбойничьи набѣги ѳракійскихъ и иллирійскихъ племенъ дали возможность молодому царю выказать въ самомъ началѣ царствованія свои блестящія дарованія и уничтожить въ самомъ зародышѣ надежды его соперника, мечтавшаго овладѣть престоломъ съ помощью образовавшейся около него партіи знатныхъ македонянъ. Войско боготворило молодаго Александра, видя въ немъ олицетвореніе Гомерова Ахиллеса, знать и македонскій народъ онъ привлекъ на свою сворону отмѣною существовавшихъ налоговъ и назначеніемъ македонянамъ почетнаго мѣста въ войскѣ; ѳессалійцы тоже признали его главою своей аристократіи, со всѣми правами, которыми пользовался его отецъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Александръ казнилъ всѣхъ, сколько-нибудь причастныхъ убійству Филиппа, и въ то же время велѣлъ умертвить Аминта, сына Пердикки III (стр. 279), и всѣхъ остальныхъ родныхъ, которые могли быть ему опасны. Всѣ эти жестокости разсказываются историками Александра такъ хладнокровно, какъ будто говорится о самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ. Чтобы удовлетворить свою мстительную злобу,

Олимпіада также обагрила кровью престолъ сына, приказавъ убить Клеопатру, вторую жену Филиппа, вмѣстѣ съ ея ребенкомъ. Въ Малой Азіи, дядя мачихи Александра, Атталъ, — котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ полководцемъ того же имени, — хотѣлъ захватить въ свои руки власть съ помощью ввѣреннаго ему войска; но Парменіонъ, начальствовавшій вмѣстѣ съ нимъ высланнымъ впередъ войскомъ, остался вѣренъ молодому царю, и Атталъ поплатился за измѣну жизнью. Чтобы подавить движеніе въ Греціи, Александръ, вскорѣ по вступленіи на престолъ, двинулся съ отборною частью арміи въ Беотію, прежде чѣмъ греки успѣли достаточно приготовиться къ борьбѣ. Быстрота и непоколебимая энергія, съ которыми молодой царь шелъ навстрѣчу опасностямъ, навели ужасъ на его противниковъ. Ѳивы тотчасъ же покорились ему; аѳиняне, устрашенные близостью македонской арміи и опасаясь за свою самостоятельность, отправили къ царю пословъ, чтобъ смягчить его гнѣвъ, и при этомъ выказали ему еще большій почетъ, чѣмъ Филиппу. Александръ простилъ имъ и ѳиванцамъ и созвалъ пословъ аѳинянъ и пелопоннесскихъ государствъ въ Коринѳъ, гдѣ рѣшилъ устроить греческій конгрессъ. Здѣсь ему было передано, предоставленное его отцу, званіе главнокомандующаго всѣми греческими силами съ неограниченною властью. Только спартанцы отвергли его приглашеніе участвовать въ конгрессѣ, отвѣчавъ со свойственной имъ гордостью, что они привыкли сами предводительствовать, а не слѣдовать за другими. Александръ оставилъ безъ вниманія ихъ отказъ, такъ какъ они не предпринимали никакихъ враждебныхъ дѣйствій. Такъ же мало вниманія обратилъ онъ на аѳинянъ и ѳиванцевъ, осыпавшихъ его почестями и лестью, а вслѣдъ за удаленіемъ его изъ Греціи начавшихъ серьезно готовиться къ войнѣ противъ него. На возвратномъ пути въ Македонію Александръ, какъ повѣствуетъ сказаніе, вѣроятно, вымышленное, посѣтилъ дельфійскаго оракула и получилъ отъ пиѳіи, или верховной жрицы, часто приводимое изреченіе. Онъ потребовалъ, какъ разсказываютъ, предсказанія объ исходѣ персидскаго похода, и, когда пиѳія уклонялась дать отвѣтъ, повлекъ ее насильно во внутренность храма. «Сынъ мой, ты непобѣдимъ, тебѣ нельзя противостоять!» воскликнула пиѳія. «Хорошо», сказалъ Александръ, «я принимаю эти слова за пророчество; мнѣ не нужно другаго предсказанія».

Едва успѣлъ Александръ вернуться въ Македонію, какъ получилъ извѣстіе, что большая часть покоренныхъ Филиппомъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ племенъ возстала и возобновила прежніе разбойничьи набѣги. Онъ немедленно двинулся противъ нихъ (весною 335 до р. Х.). Съ войсками и полководцами, образованными Филиппомъ, невозможно было бороться дикимъ племенамъ, и Александръ скоро покорилъ всѣ страны до Дуная. Не довольствуясь этимъ, онъ перешелъ и Дунай, на лѣвомъ берегу котораго жилъ въ то время многочисленный и храбрый народъ геты. Но Александръ, — какъ и Цезарь, когда онъ перешелъ Рейнъ, — не хотѣлъ тутъ дѣлать завоеваній, а только желалъ показать себя, и своимъ появленіемъ навести страхъ на воинственный народъ. Тогда же прибыли къ македонскому царю послы отъ народа, до тѣхъ поръ совершенно незнакомаго грекамъ. Это была небольшая часть кельтскаго или галльскаго племени, жившаго, при началѣ достовѣрной исторіи, во Франціи, Бельгіи, Британіи, Швейцаріи и Верхней Италіи, дѣлавшаго оттуда частые набѣги на остальную Италію и доходившаго до средины Дуная. Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ кельтское племя водворилось въ Венгріи или Сербіи, и оно-то, когда слухъ о побѣдоносномъ походѣ Александра распространился за Дунаемъ, отправило къ царю посольство, какъ говорятъ, просить его дружбы. Греческіе и римскіе писатели, охотно примѣшивающіе анекдоты ко всякому событію, разсказываютъ, что кельтскіе послы, на вопросъ Александра, чего боится ихъ народъ, съ хвастовствомъ отвѣчали: «ничего, развѣ только, чтобы небо не обрушилось». На возвратномъ пути Александръ подчинилъ себѣ остальныя возставшія племена, принудилъ ихъ покориться македонянамъ и отказаться отъ дальнѣйшихъ набѣговъ. Въ то время какъ Александръ дѣйствовалъ на сѣверѣ своего царства, въ Греціи распространился слухъ, что онъ погибъ въ бою съ гетами; аѳиняне и ѳиванцы склонились на убѣжденія своихъ ораторовъ сбросить македонское иго. Послѣ сраженія при Херонеѣ Ѳивы принуждены были

принять въ свою крѣпость македонскій гарнизонъ, такъ что, въ дѣйствительности, онѣ сохранили только тѣнь самостоятельности. Занятіе ѳиванской крѣпости македонскимъ отрядомъ угрожало Аѳинамъ, и потому неудивительно, что оба государства послушались Демосѳена, Ликурга, Динарха и другихъ ораторовъ, убѣждавшихъ своихъ согражданъ воспользоваться удобной минутой, чтобъ возвратить потерянную свободу. Обстоятельства вполнѣ благопріятствовали попыткѣ возстановить независимость греческихъ республикъ; но у грековъ того времени недоставало единодушія, которое могло бы соединить всѣ государства (что дѣйствительно должно было устрашить Александра). Даже Аѳины, когда возстали Ѳивы, удовольствовались заявленіемъ въ народномъ собраніи о своемъ участіи и обѣщаніемъ ѳиванцамъ содѣйствія, вмѣсто того чтобъ послать имъ дѣйствительную помощь.

Ѳиванцы возстали внезапно, напали на македонскій гарнизонъ, вышедшій въ то время изъ Кадмейской крѣпости, и убили двухъ военачальниковъ, а третьяго, вмѣстѣ съ уцѣлѣвшею частью гарнизона, заперли въ крѣпости, окруживъ скалу, на которой она лежала, двойнымъ частоколомъ. Они потребовали помощи у нѣкоторыхъ пелопоннесскихъ государствъ, которыя тотчасъ же стали вооружаться, и вскорѣ аркадскій наемный отрядъ стоялъ на Истмѣ. Но вдругъ, совершенно неожиданно, появился у Ѳивъ Александръ съ тридцатью тысячами пѣхоты и тремя или четырьмя тысячами всадниковъ. Онъ получилъ извѣстіе о движеніи въ греческихъ государствахъ, находясь въ иллирійскихъ городахъ, и немедля поспѣшилъ съ войскомъ въ Ѳессалію, а оттуда столь же быстро двинулся къ Ѳивамъ. Онъ шелъ такими усиленными переходами, что ѳиванцы узнали о его приближеніи только тогда, когда онъ былъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ ихъ города, и сначала думали, что противъ нихъ идетъ съ войскомъ Антипатръ, котораго оставилъ Александръ правителемъ въ Македоніи. Заблуждаясь на счетъ дѣйствительныхъ силъ македонянъ, они не хотѣли и слышать о примиреніи, когда Александръ, желавшій избѣжать боя и уладить дѣло миролюбиво, сталъ лагеремъ у стѣнъ ихъ города, думая устрашить ихъ видомъ своего войска и добровольно склонить подчиниться.

Слѣдствіемъ внезапнаго появленія Александра было удаленіе вспомогательнаго пелопоннесскаго отряда и рѣшеніе аѳинянъ не высылать своего войска изъ Аѳинъ Не смотря на это, ѳиванцы отвергли условія Александра, предлагавшаго мирный договоръ и не требовавшаго ничего, кромѣ выдачи двухъ главныхъ предводителей возстанія. Произошелъ кровопролитный бой, въ которомъ ѳиванцы бились съ отчаяннымъ мужествомъ, нанесли македонянамъ сильный уронъ, но должны были уступить превосходству силъ. Александръ ворвался въ городъ, большая часть жителей котораго была умерщвлена македонянами. Страшная участь постигла несчастныя Ѳивы; но по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ оказывается, что жестокое наказаніе ѳиванцевъ должно быть приписано не столько самому Александру, сколько враждебнымъ сосѣдямъ Ѳивъ. Рѣшеніе объ участи города Александръ предоставилъ греческимъ государствамъ, принимавшимъ участіе въ бою противъ Ѳивъ. Такимъ образомъ Ѳивы были отданы на судъ платейцевъ, фокидцевъ, жителей Теспіи и Платеи — племенъ, бывшихъ всегда смертельными врагами ѳиванцевъ и исполненныхъ противъ нихъ жажды мщенія за все, что они прежде вытерпѣли отъ нихъ. Они положили срыть городъ до основанія, а всѣхъ жителей съ женами и дѣтьми продать въ рабство, за исключеніемъ жрецовъ, жрицъ и тѣхъ, у кого македонскій царь пользовался гостепріимствомъ. Раздраженный Александръ приказалъ выполнить страшный приговоръ во всей его строгости, избавивъ отъ наказанія только потомство и домъ великаго ѳиванскаго поэта, Пиндара. Городъ былъ совершенно разрушенъ, а всѣ жители, числомъ до тридцати тысячъ, обращены въ рабство.

Поступкомъ своимъ съ Ѳивами Александръ хотѣлъ показать другимъ греческимъ государствамъ, что они только до тѣхъ поръ могутъ продолжать свое существованіе, пока безусловно будутъ слѣдовать македонской политикѣ, и что малѣйшее сопротивленіе погубитъ ихъ. Скоро однако онъ раскаялся въ своей жестокости и пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ выказывать ѳиванцамъ свое раскаяніе. Вслѣдъ за исполненіемъ приговора Александръ даровалъ свободу нѣкоторымъ ѳиванцамъ, а впослѣдствіи, въ азіатскомъ по-

ходѣ, всякій разъ какъ въ его руки попадались ѳиванцы, поступившіе на службу къ персидскому царю или отправленные къ нему послами, онъ отпускалъ ихъ изъ состраданія къ судьбѣ несчастнаго народа, тогда какъ другихъ грековъ наказывалъ какъ государственныхъ измѣнниковъ. Раскаяніе Александра принесло болѣе всего выгодъ аѳинянамъ. Когда до Аѳинъ дошелъ слухъ о паденіи Ѳивъ, они отправили къ Александру посольство, чтобъ смягчить его гнѣвъ за нарушеніе ими вѣрности. Царь воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ искупить жестокость противъ Ѳивъ и доказать грекамъ свою кротость. Онъ ласково принялъ аѳинскихъ пословъ, въ числѣ которыхъ находился искусный и любимый въ Македоніи ораторъ Демадъ, простилъ аѳинянамъ, что они дали убѣжище бѣжавшимъ ѳиванцамъ, и потребовалъ только выдачи Демосѳена, Ликурга, демагоговъ Харидема и Эфіальта, убѣдившихъ народъ отложиться отъ Македоніи. По просьбѣ аѳинянъ, онъ потомъ отказался и отъ этого требованія, настоявъ только на изгнаніи Эфіальта и Харидема, изъ которыхъ послѣдній даже не былъ аѳиняниномъ. Оба они должны были удалиться изъ города, и Харидемъ, уже прежде игравшій роль въ Малой Азіи и Ѳракіи, отравился къ персидскому царю.

3. Македонія и Персія при началѣ войны между этими царствами.

Упрочивъ свое владычество на сѣверѣ и на югѣ, Александръ возвратился осенью 335 г. до р. Х. изъ лагеря подъ Ѳивами въ Македонію, чтобы въ теченіе зимы покончить всѣ приготовленія къ персидкому походу и открыть его въ началѣ весны. Управленіе государствомъ онъ передалъ не своей жестокой и мстительной матери, имѣвшей все еще очень сильное вліяніе, но старому, опытному другу своего отца, Антипатру. Этому отличному полководцу и государственному человѣку онъ поручилъ управлять дѣлами Македоніи съ неограниченнымъ позномочіемъ, наблюдать за ненадежными греческими государствами, и заботиться о постоянномъ укомплектованіи дѣйствующей арміи. При выступленіи въ Азію, Александръ оставилъ ему четвертую часть своихъ войскъ. Относительно грековъ, Антипатръ имѣлъ порученіе не только наблюдать за всѣми ихъ движеніями, но и поддерживать сколько возможно демократическое правленіе и соединенный съ нимъ духъ безпокойства; въ особенности же отвлекать изъ Пелопоннеса его лучшія силы, посредствомъ добровольнаго и насильственнаго вербованія. Право или поводъ вербовать воиновъ Александръ, повидимому, извлекъ изъ титула греческаго главнокомандующаго, полученнаго имъ въ Коринѳѣ. Отъ Спарты и Аѳинъ онъ, разумѣется, никогда не бралъ войскъ; но первая, отважившаяся поднять оружіе черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выступленія Александра въ Азію, была въ конецъ подавлена Антипатромъ, а Аѳины Александръ и его намѣстникъ умѣли дружелюбіемъ и ласкательствомъ удерживать подобныхъ отъ попытокъ.

Общее число войскъ, постепенно взятыхъ Александромъ изъ Македоніи и Греціи для его азіатской войны, насчитывается въ полтораста тысячъ человѣкъ. Армія же, съ которою онъ выступилъ въ Малую Азію и началъ походъ, состояла изъ тридцати тысячъ пѣхоты и четырехъ тысячъ пяти сотъ всадниковъ. Этихъ силъ было вполнѣ достаточно для борьбы съ войскомъ, которое могла выставить противъ нихъ Персія. Армія Александра своею храбростью, опытностью, дисциплиной воиновъ и способностями вождей, совершенно пополняла свой численный недостатокъ. Она составляла замкнутое цѣлое и однако соединяла въ себѣ всѣ роды вооруженія. Македоняне сражались въ ней, какъ нація, съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣло идетъ о пріобрѣтеніи славы не только ихъ главнокомандующему, но имъ самимъ и ихъ потомкамъ. Греческія войска арміи были также воодушевлены національнымъ духомъ; они шли съ воспоминаніемъ о славныхъ подвигахъ предковъ и съ придающимъ силу сознаніемъ превосходства греческаго оружія надъ рабскими ордами варварскихъ народовъ. Другія составныя части арміи, удержавъ, подобно македонянамъ и грекамъ, свое національное вооруженіе, увлекались не однимъ чужимъ воодушленіемъ, но сознавали себя полезными частями цѣлаго, доставляя арміи преимущества свойственною имъ манерою сражаться. Пеонійцы и другіе ѳракійскіе народы составляли легкую кавалерію и служили почти для той же цѣли, какъ въ новѣйшее время казаки,

гусары, пандуры и подобныя войска; они находились при отдѣльныхъ колоннахъ, безпрерывно тревожили непріятеля, и собирали свѣдѣнія для предводителей. Трибаллы, одрисы и нѣкоторыя другія иллирійскія племена составляли легкую пѣхоту, которая была такъ организована, что всегда могла сражаться въ строю. Собственно легкія пѣхотныя войска, которыя можно сравнить съ кроатами и другими подобными народами новѣйшаго времени, Александръ получилъ изъ горъ Иллиріи и Ѳракіи, доставляющихъ до сихъ поръ превосходныя легкія войска. Они были частью стрѣлки изъ лука, частью агріанскіе егеря, подъ начальствомъ полководца Аттала. Послѣдніе, сначала въ числѣ только тысячи человѣкъ, но впослѣдствіи значительно усиленные, отличались въ походахъ Александра болѣе всѣхъ другихъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ племенъ; почти не было сраженія, въ которомъ бы участіе ихъ не имѣло важнаго значенія.

Находившіеся въ войскѣ греки, число которыхъ вначалѣ простиралось только до семи тысячъ человѣкъ, составляли, подобно македонской фалангѣ, тяжеловооруженную пѣхоту и предъявляли притязанія на равенство съ македонянами. Кромѣ того, еще при Филиппѣ былъ сформированъ конный отрядъ изъ шестисотъ молодыхъ грековъ хорошихъ фамилій, по своему вооруженію и степени обученія почти ни въ чемъ ни уступавшій македонской и ѳессалійской гвардіи. Александръ значительно усилилъ его составъ. Тяжелая ѳессалійская кавалерія оказала важныя услуги македонскому царю въ его походахъ, и онъ отлично умѣлъ пользоваться ея корыстолюбіемъ, происходившимъ отъ страсти къ наслажденіямъ и блеску. Ѳессалійское дворянство составляло конную гвардію, нисколько не уступавшую по своимъ достоинствамъ македонской. Она всегда отличалась на войнѣ, и Александръ постоянно заботился о томъ, чтобы доставить случай обогатиться всѣмъ принадлежавшимъ къ составу этого отряда, въ особенности, когда они, какъ и прочіе волонтеры, желали возвратиться домой. Онъ тогда не удерживалъ ихъ, а давалъ каждому, кромѣ его доли въ добычѣ, значительные денежные подарки, и приказывалъ отправлять ихъ въ Европу на свой счетъ. Такъ напримѣръ, на походѣ изъ Персеполя къ Экбатанѣ, отпуская ихъ домой, онъ подарилъ имъ двѣ тысячи талантовъ (около 2,700,000 р. сер.). Эта щедрость побудила многихъ изъ нихъ тотчасъ же поступить снова въ службу, а богатства, привезенныя домой остальными, привлекли множество новыхъ охотниковъ злужить въ македонской арміи. Повидимому, впослѣдствіи Александръ сталъ вводить въ дѣло македонскихъ всадниковъ гораздо чаще, чѣмъ ѳессалійцевъ, и наконецъ принялъ послѣднихъ въ свою македонскую дворянскую гвардію.

Македонская часть войска удержала ту организацію и положеніе, которыя ей далъ Филиппъ; Александръ присоединилъ къ ея составу новый родъ войскъ, собственнаго своего изобрѣтенія, названный димахами, т. е. сражающимися и на лошадяхъ и въ пѣшемъ строю. Онъ увидалъ, что его тяжелая македонская и ѳессалійская кавалерія часто была слишкомъ тяжела, а конница одрисовъ, трибалловъ и другихъ полудикихъ племенъ слишкомъ легко вооружена, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ противъ восточныхъ народовъ, привыкшихъ сражаться верхомъ; поэтому онъ образовалъ изъ македонянъ отрядъ димаховъ, обученныхъ, подобно нашимъ драгунамъ, дѣйствовать и въ конномъ, и въ пѣшемъ строю. Они были вооружены легче македонской пѣхоты и тяжелѣе легкой кавалеріи; и лошади не имѣли, какъ у послѣдней, нагрудниковъ и латъ.

Хотя армія Александра, по своимъ достоинствамъ, ни въ чемъ не уступала военнымъ силамъ Персіи, однако финансы его находились въ самомъ разстроенномъ положеніи. Отецъ его оставилъ въ государственной казнѣ не болѣе шестидесяти талантовъ (съ небольшимъ 80 тысячъ р. сер.), и потому Александръ, для окончательнаго вооруженія арміи и флота долженъ былъ прибѣгнуть къ займамъ; слѣдовательно походъ въ Азію былъ для него почти такою же необходимостью, какъ и для его, отца, будучи для него единственнымъ средствомъ содержать свою армію и поправить финансы государства. Но, несмотря на затруднительное положеніе своихъ денежныхъ средствъ, Александръ былъ такъ рѣшителенъ, что переправившись чрезъ Геллеспонтъ, сломалъ за собою всѣ мосты. Онъ освободилъ македонянъ на будущее время отъ платежа всѣхъ налоговъ подъ такимъ же условіемъ, подъ какимъ въ средніе вѣка христіанское рыцарство всегда было свободно отъ податей, т. е. обязалъ своихъ подданныхъ слѣдовать за нимъ на войну. Передъ отправленіемъ въ походъ Александръ даже раздѣлилъ между на-

чальниками своихъ войскъ всѣ принадлежавшіе ему лѣса и помѣстья. «Что же останется тебѣ, царь?» спросилъ одинъ изъ его полководцевъ Пердикка. «Надежда!» отвѣчалъ Александръ. Изъ всѣхъ друзей и полководцевъ царя только Пердикка и весьма немногіе другіе были достаточно благородны, чтобы отказаться отъ предложеннаго подарка и отъ всякой награды раньше побѣды. «Позволь намъ, товарищамъ твоихъ подвиговъ,» сказалъ онъ царю, «раздѣлить съ тобою и надежду.» При такомъ положеніи финансовъ, не доставало даже средствъ для управленія Македоніею, и потому Александръ въ продолженіе азіатскаго похода долженъ былъ отъ времени до времени посылать огромныя суммы своему правителю Антипатру, которому также приходилось содержать въ Македоніи значительное войско. Передъ отправленіемъ въ походъ Александръ все-таки отпраздновалъ, не щадя издержекъ, девятидневный македонскій національный праздникъ музъ, въ которомъ принимало участіе все войско. Итакъ Александръ началъ войну только съ тѣми средствами, которыя заключались въ его талантахъ и боевыхъ качествахъ его арміи; но онъ былъ, подобно отцу, убѣжденъ въ легкости завоеванія Малой Азіи и въ томъ, что эта страна доставитъ ему все нужное для покоренія остальныхъ частей Персидской монархіи.

Таково было положеніе Александра предъ начатіемъ похода. Напротивъ того, персидскій царь обладалъ всею внѣшностью богатства и могущества, хотя въ дѣйствительности его огромное царство было ветхимъ зданіемъ, ежеминутно грозившимъ паденіемъ. Персидское царство распалось бы еще во время вторженія въ Азію Агесилая, если бы положеніе дѣлъ въ Греціи не заставило спартанскаго царя возвратиться въ Европу (стр. 29). Огромное вліяніе, которое вскорѣ послѣ того доставили персидскому царю несогласія между греками, не могло спасти Персію отъ гибели. Она была потрясена въ самомъ основаніи.

Выше (стр. 249) была изложена персидская исторія до послѣднихъ годовъ царствованія Артаксеркса II Мнемона. Этотъ царь оставилъ послѣ себя сто осемнадцать сыновей, которые всѣ имѣли нѣкоторое вліяніе на государственныя дѣла, хотя изъ нихъ только трое, Дарій, Аріаспъ и Охъ были рождены имъ отъ женъ, имѣвшихъ титулъ царицъ. Старшій изъ этихъ трехъ принцевъ былъ наконецъ назначенъ Артаксерксомъ въ соправители, но вскорѣ поссорился съ отцомъ изъ-за одной женщины и сдѣлалъ вмѣстѣ съ Тирибазомъ покушеніе на его жизнь. Заговоръ былъ открытъ, и Дарій, вмѣстѣ съ Тирибазомъ и нѣкоторыми другими поплатился за это жизнью. Послѣ того, второй изъ остальныхъ двухъ полноправныхъ принцевъ сталъ домогаться престола, стараясь оттѣснить своего брата Аріаспа. Охъ имѣлъ страстный и деспотическій характеръ и не былъ любимъ ни своимъ отцомъ, ни прочими членами царскаго семейства. Артаксерксъ предпочиталъ ему не только Аріаспа, но и одного изъ своихъ неполноправныхъ сыновей, Арсама, и намѣревался назначить кого-нибудь изъ нихъ своимъ наслѣдникомъ. Охъ помѣшалъ этому двойнымъ убійствомъ. Арсамъ былъ умерщвленъ однимъ изъ его друзей, а Аріаспа онъ, различными происками, умѣлъ такъ обмануть насчетъ намѣреній отца, что этотъ принцъ, воображая, что ему готовится участь Дарія, самъ лишилъ себя жизни, чтобы избѣжать позорнаго конца. Смерть обоихъ любимыхъ сыновей свела въ могилу девяносто четырехлѣтняго царя, и Охъ овладѣлъ тогда престоломъ (362 до р. X.).

Охъ, по своемъ воцареніи принявшій имя Артаксеркса III, скрывалъ смерть отца до тѣхъ поръ, пока не успѣлъ умертвить своихъ братьевъ и почти всѣхъ членовъ царскаго дома. Въ теченіе своего царствованія онъ находился подъ вліяніемъ своего любимца Багоя, человѣка злаго, но чрезвычайно предпріимчиваго. Такъ какъ возстаніе сатраповъ Передней Азіи, подавленное незадолго до вступленія его на престолъ, совершенно разстроило финансы монархіи, то Охъ, вѣроятно, по совѣту Багоя, рѣшился, для поправленія ихъ, предпринять національную войну. Египетъ не былъ еще усмиренъ, а владѣтели финикійскихъ городовъ, бывшіе прежде вассалами персовъ, держались стороны египетскаго царя. Охъ самъ принялъ начальство надъ всѣми военными силами монархіи, состоявшими изъ трехсотъ тридцати тысячъ сухопутныхъ войскъ и флота въ триста военныхъ и пятьсотъ транспортныхъ судовъ. Не смотря на эти громадныя силы, онъ былъ обязанъ побѣдою только греческимъ вспомогательнымъ войскамъ, измѣнѣ и неспособности непріятеля. Когда

онъ пошелъ противъ Сидона, трусливый владѣтель этого города Теннесъ и, что было еще важнѣе, предводитель греческихъ наемниковъ Менторъ родосскій, измѣнили тѣмъ, которыхъ должный были защищать. Храбрые сидонцы сожгли всѣ свои корабли, чтобы лишить себя возможности бѣгства и принудить всѣхъ гражданъ защищаться до послѣдней крайности; но всякая надежда на спасеніе исчезла, когда Теннесъ предалъ во власть персидскаго царя часть ихъ войска вмѣстѣ съ сотнею знатнѣйшихъ жителей города, а Менторъ, вслѣдъ за тѣмъ, отворилъ непріятелю городскія ворота. Однако они предпочли славную смерть персидскому рабству, зажгли городъ и бросились въ пламя вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми. При этомъ, говорятъ, погибло не менѣе сорока тысячъ человѣкъ. Впрочемъ, городъ вскорѣ снова застроился, и черезъ двадцать лѣтъ опять сталъ такимъ же многолюднымъ и цвѣтущимъ какъ прежде. Теннесъ получилъ возмездіе, котораго заслуживаютъ всѣ подобные измѣнники: Охъ, воспользовавшись его безсовѣстностью, тотчасъ же приказалъ умертвить его. Менторъ же, военные таланты котораго могли еще пригодиться царю, получилъ начальство въ войскѣ, и впослѣдствіи оказалъ персамъ важныя услуги.

Послѣ того Охъ двинулся въ Египетъ. Тогдашній владѣтель страны стран. 275) Нектанебъ, собравшій войско изъ восьмидесяти тысячъ египтянъ и другихъ африканцевъ и двадцати тысячъ грековъ, почти навѣрное одержалъ бы верхъ надъ персами; но въ войнѣ съ ними онъ распоряжался еще неблагоразумнѣе персидскаго царя и былъ самъ причиною своей гибели. Въ своихъ прежнихъ походахъ онъ дѣйствовалъ подъ руководствомъ двухъ талантливыхъ греческихъ полководцевъ, аѳинянина Діофанта и спартанца Ламія, но въ настоящемъ случаѣ вообразилъ, что въ состояніи самъ командовать арміей. Онъ былъ побѣжденъ, и едва могъ спасти свою жизнь бѣгствомъ во внутренность Африки. Египетъ былъ снова покоренъ персами, и жители его испытали на себѣ всю жестокость Оха: онъ приказалъ разрушить стѣны главныхъ городовъ страны и ограбилъ дочиста боговъ и людей, такъ что могъ съ громадною добычею золота и серебра возвратиться къ роскоши и удовольствіямъ своей столицы. Менторъ былъ назначенъ намѣстникомъ приморскихъ провинцій, и въ этой должности былъ особенно полезенъ своимъ умѣніемъ вербовать греческихъ наемниковъ, время отъ времени отправляя ихъ отряды во внутреннюю Азію; Багою былъ ввѣренъ надзоръ надъ всѣми внутренними сатрапіями монархіи, и такимъ образомъ оба они раздѣлили между собою управленіе государствомъ.

Благодаря своимъ связямъ съ Менторомъ и войскамъ, которыя тотъ присылалъ ему, Багой достигъ такого могущества, что наконецъ сдѣлался страшенъ и самому царю. Сознавая опасность роли всемогущаго министра при жестокомъ и коварномъ царѣ, онъ рѣшился предотвратить свою гибель, умертвивъ послѣдняго и избавившись отъ него посредствомъ яда (339 г. до р. X.), возвелъ на престолъ его младшаго сына Арсеса. Въ тоже время онъ приказалъ умертвить почти всѣхъ принцевъ царскаго дома и три года управлялъ за молодаго царя; но когда послѣдній сталъ помышлять объ освобожденіи себя отъ этого ига и отмщеніи за смерть своего отца, Багой предупредилъ его намѣренія, велѣвъ умертвить его и почти всѣхъ остальныхъ членовъ царской фамиліи.

Между немногими изъ пощаженныхъ имъ родственниковъ царя, самымъ лучшимъ орудіемъ для достиженія его цѣлей казался Багою почти совершенно забытый всѣми правнукъ Дарія II и внучатный племянникъ Артаксеркса III. Онъ вывелъ его изъ неизвѣстности и провозгласилъ царемъ. Это былъ достойный лучшей участи, несчастный Дарій III Кодоманнъ, побѣжденный Александромъ Великимъ и своимъ паденіемъ положившій конецъ существованію Персидскаго царства. Багой хотѣлъ умертвить и его, вскорѣ по его воцареніи, потому что Дарій не хотѣлъ исполнять его желаній; но царь предупредилъ преступнаго правителя и приказалъ казнить его самого. Дарій, царствовавшій съ 336 г. до р. X., былъ извѣстенъ своею личною храбростью, но рѣшительно не имѣлъ истинныхъ дарованій государя и полководца. Кромѣ того, Александръ началъ съ нимъ войну, когда онъ только что вступилъ на престолъ и не имѣлъ еще случая изучить свое царство и средства къ защитѣ, которыя оно могло ему дать. Къ тому же было чрезвычайно трудно, если не совершенно невозможно, возстановить порядокъ и прочность въ управленіи государствомъ,

поддерживать провинціи въ связи съ цѣлымъ и выставить войско, способное сражаться съ македонянами. Провинціи Передней Азіи были такъ легко покорены Александромъ, что кажется, будто сами жители ихъ желали, вмѣсто притѣснявшихъ и мучившихъ ихъ персидскихъ сатраповъ, получить правителей отъ царя, обѣщавшаго возвратить имъ ихъ прежнія права и свободу; только въ самой внутренности Азіи Александръ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны туземцевъ. Само высшее управленіе монархіи было устроено такимъ образомъ, что человѣкъ дальновидный и съ характеромъ не могъ имѣть продолжительнаго вліянія въ персидскомъ государственномъ совѣтѣ. Войско же, выставленное противъ македонянъ, за исключеніемъ греческихъ наемниковъ, едва заслуживало этого имени.

Одинъ только человѣкъ — Мемнонъ родосскій, братъ названнаго нами Ментора, могъ бы еще спасти Персидскую монархію. Подобно своему брату, онъ еще въ ранней молодости отправился въ Азію искать счастья въ военной службѣ. Персидскій сатрапъ Артабазъ, женившись на его сестрѣ, доставилъ обоимъ братьямъ хорошія мѣста; но, когда попытка его произвести возмущеніе не удалась (стр. 276), оба они должны были бѣжать. Мемнонъ вмѣстѣ съ Артабазомъ спасся къ Филиппу, царю македонскому, а Менторъ искалъ убѣжища въ Египтѣ, и впослѣдствіи, посланный съ греческими наемниками на помощь сидонцамъ, предалъ ихъ персидскому царю. Благодаря этому, онъ пріобрѣлъ при царскомъ дворѣ огромное вліяніе и, воспользовавшись имъ, выхлопоталъ своему брату и зятю помилованіе и дозволеніе вернуться въ Персію. Послѣ того оба брата вербовали для персидскихъ царей греческія наемныя войска и ревностно занимались приготовленіями къ отраженію опасности, грозившей со стороны Македоніи. Особенно важныя услуги оказалъ персамъ Мемнонъ, сдѣлавшійся, по смерти своего брата, намѣстникомъ Малой Азіи. Онъ обладалъ военными дарованіями и опытностью, съ самой ранней молодости командуя греческими наемниками, умѣлъ привлекать ихъ къ себѣ и, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Македоніи, превосходно зналъ тамошнее положеніе дѣлъ. Онъ получилъ завѣдываніе персидскими вооруженіями противъ Александра, и составилъ для предстоящаго похода планъ, который, быть можетъ, погубилъ бы македонянъ, если бы только способному человѣку было возможно имѣть прочное вліяніе при персидскому дворѣ. Мемнонъ совѣтовалъ не вступать въ битву съ Александромъ, но постоянно отступать передъ его арміею, опустошать при этомъ окрестности, затруднять македонянамъ дальнѣйшее движеніе впередъ и заманивать ихъ во внутреннія провинціи государства. Но этотъ превосходный планъ былъ съ презрѣніемъ отвергнутъ надменными персидскими сатрапами, командовавшими мало-азійскимъ войскомъ, въ совѣтѣ которыхъ Мемнонъ имѣлъ всего одинъ голосъ. Только послѣ позорнаго пораженія ихъ при Граникѣ Дарій передалъ главное начальство надъ войскомъ благоразумному и опытному греку. Тогда Мемнонъ составилъ новый планъ войны, который могъ бы быть очень опасенъ для македонянъ; но, къ счастію для нихъ, онъ вскорѣ послѣ того умеръ.

4. Персидскій походъ Александра до сраженія при Граникѣ.

Въ началѣ весны 334 г. до р. Х. Александръ двинулся въ Азію и безъ всякаго затрудненія переправился черезъ Геллеспонтъ. При переправѣ черезъ проливъ и вслѣдъ за тѣмъ, по приходѣ къ развалинамъ Трои, Александръ, благодаря своей поэтической натурѣ, превосходно съумѣлъ воспользоваться, для успѣха своего предпріятія, искуснымъ возбужденіемъ чувствъ и воспоминаній, дорогихъ для всякой греческой арміи. Онъ постарался въ глазахъ народа и войскъ, связать свой походъ со всѣми событіями, которыя черезъ Гомера и Геродота вошли въ живое сознаніе грековъ, съ преданіями о богахъ и герояхъ Греціи, о божественномъ Ахиллесѣ, бывшемъ его идеаломъ, и о Троѣ, символѣ персидсокаго могущества. Немногіе изъ историческихъ дѣятелей умѣли совершать, какъ Александръ, великіе подвиги съ незначительными матеріальными силами, пользуясь

средствами, заключавшимися въ самомъ положенiи вещей или въ духѣ народа. Въ эпоху, когда нельзя было разсчитывать на продолжительное воодушевленiе самымъ дѣломъ, онъ умѣлъ возбудить это чувство къ своей собственной личности, заинтересовать въ своемъ предпрiятiи лучшiе таланты Грецiи, привлечь къ походу участiе художниковъ и философовъ своей нацiи, связать съ нимъ нацiональныя идеи грековъ и своими подвигами проложить путь новымъ воззрѣнiямъ и знанiямъ.

Съ этой точки зрѣнiя мы и должны судить о всѣхъ дѣйствiяхъ Александра, по прибытiи его къ Геллеспонту. На гробницѣ Протесилая, находившейся на европейскомъ берегу пролива, онъ принесъ жертву этому герою, первому изъ грековъ павшему въ троянской войнѣ, потому что греки подъ начальствомъ Александра собирались тогда воевать съ Азiей и еще разъ отмстить за своихъ соотечественниковъ, погибшихъ нѣкогда отъ троянскаго оружiя. Посреди Геллеспонта, не захотѣвшаго держать на себѣ мосты Ксеркса, Александръ совершилъ въ честь Нептуна возлiянiе изъ золотой чаши, за то, что этотъ богъ, еще до троянской войны, наслалъ свои волны на владѣнiя Трои. Достигнувъ азiатскаго берега, Александръ бросилъ копье въ землю этой части свѣта, которая теперь должна была быть покорена греческимъ оружiемъ, и, выйдя на берегъ первымъ изъ всей армiи, приказалъ поставить жертвенники на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ ступилъ на землю. Отъ берега Геллеспонта онъ прежде всего двинулся къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда стояла Троя, принесъ здѣсь пышныя жертвы на могильныхъ холмахъ греческихъ героевъ, павшихъ во время осады, въ особенности на могилахъ Ахиллеса и его друга Патрокла, и устроилъ игры и состязанiя въ честь этихъ двухъ витязей. При этомъ онъ почтилъ Ахиллеса жертвою и возложенiемъ на его могилу вѣнковъ самъ лично, а своему другу Гефестiону приказалъ сдѣлать тоже на могилѣ Патрокла. Какъ все это должно было возбуждать энтузiазмъ греческаго войска, жаждавшаго военной славы, находившагося подъ начальствомъ молодаго героя и имѣвшаго во главѣ македонское дворянство, горѣвшее рыцарскимъ духомъ! Мемнонъ былъ совершенно правъ, не совѣтуя персидскимъ сатрамъ, сосредоточившимъ свои силы далѣе во внутренности страны, вступать въ бой съ такимъ войскомъ, тѣмъ болѣе что и своею численностью они немногимъ превосходили македонянъ.

Персидское войско, выступившее противъ Александра, состояло изъ ста тысячъ человѣкъ; но изъ нихъ шестьдесятъ тысячъ были простою милицiею, которая скорѣе вредила, чѣмъ приносила пользу, затрудняя движенiе армiи и отнимая всякую возможность сохранять порядокъ въ войскѣ. Впрочемъ и остальныя сорокъ тысячъ человѣкъ представляли весьма странный составъ. Конница была столь же многочисленна, какъ пѣхота, а о какой-нибудь системѣ въ вооруженiи и объ единствѣ въ движенiяхъ не могло быть и рѣчи. Главнокомандующаго собственно не было, и каждый сатрапъ самъ командовалъ войсками управляемой имъ провинцiи. По высадкѣ Александра на берегъ Малой Азiи, войско это расположилось на небольшой рѣкѣ Граникѣ, впадающей въ Мраморное море съ юга. Здѣсь, не смотря на всѣ увѣщанiя Мемнона, сатрапы рѣшились ждать македонянъ и, одержавъ надъ ними побѣду въ открытомъ полѣ, воспрепятствовать имъ продолжать свое движенiе. Александръ пошелъ навстрѣчу непрiятелю и рѣшился немедленно аттаковать его. Нѣкоторые изъ полководцевъ, особенно Парменiонъ, совѣтовали ему расположиться на лѣвомъ берегу Граника и не переправляться черезъ рѣку въ виду непрiятеля; но Александръ, зная свойства персидской армiи и замѣтивъ неправильное расположенiе ея, рѣшился воспользоваться ошибкою непрiятелей и, сказавъ, что великому Геллеспонту было бы стыдно, если бы онъ испугался маленькой рѣчки, отвергъ совѣтъ Парменiона.

Такимъ образомъ, въ концѣ мая или въ началѣ iюня 334 года до р. Х. было дано сраженiе при Граникѣ. Въ глазахъ персидскаго войска македоняне перешли черезъ рѣку и напали на непрiятеля, стоявшаго на другомъ берегу. Самъ Александръ, отличавшiйся храбростью, силою, ловкостью, короче сказать, всѣми военными доблестями героевъ временъ Гомера или средневѣковыхъ рыцарей крестовыхъ походовъ, и теперь какъ всегда, принялъ личное участiе въ битвѣ. Мы не станемъ упрекать его за то, что онъ, безъ всякой нужды, ставилъ этимъ на карту судьбу своего царства, и даже цѣлаго свѣта; — Алексан-

дру былъ очень хорошо знакомъ духъ македонянъ и греческаго народа, и онъ зналъ, какое впечатлѣніе производила на нихъ ахиллесовская храбрость. Впрочемъ его личное участіе въ этомъ сраженіи едва не стоило ему жизни. Въ то время, какъ онъ поразилъ копьемъ одного персидскаго военачальника, ранившаго его въ плечо, братъ убитаго Ресакъ и сатрапъ Спитридатъ бросились на царя. Ресакъ, ударомъ меча раздробившій шлемъ Александра, былъ убитъ самимъ царемъ, но Спитридатъ, занеся свою саблю надъ обнаженною головою Александра, непремѣнно убилъ бы его, еслибъ въ эту самую минуту одинъ изъ македонскихъ полководцевъ, Клитъ, не отрубилъ ему руки. Персы потерпѣли полное пораженіе, обратились въ бѣгство и совершенно разсѣялись. Число убитыхъ простиралось по однимъ свидѣтельствамъ до тысячи, а по другимъ до двухъ тысячъ пятисотъ человѣкъ. Уничтоживъ персидское войско, Александръ обратился противъ греческихъ наемниковъ, остававшихся, по глупости непріятельскихъ полководцевъ, праздными зрителями сраженія. Послѣ короткой, но весьма упорной битвы, во время которой подъ царемъ была убита лошадь, они были также разбиты, и всѣ уцѣлѣвшіе изъ нихъ взяты въ плѣнъ. Потеря македонянъ была незначительна и не превышала ста пятидесяти человѣкъ.

Александръ приказалъ похоронить со всѣми почестями своихъ воиновъ, павшихъ на полѣ битвы, и позаботился объ участи ихъ родныхъ. Греческихъ же наемниковъ, попавшихся въ плѣнъ, онъ наказалъ какъ предателей своей родины, сражавшихся въ непріятельскихъ рядахъ противъ своего отечества во время войны, объявленной Персіи всѣми греческими государствами; ихъ заковали въ цѣпи, отослали въ Македонію и тамъ осудили на каторжную работу. Александръ простилъ только ѳиванцевъ, сжалившись надъ ихъ участью. Изъ богатой добычи, найденной имъ въ персидскомъ лагерѣ, онъ приказалъ Лисиппу отлить статуи въ честь каждаго изъ двадцати пяти македонскихъ рыцарей, павшихъ на полѣ битвы, и поставить ихъ въ одномъ изъ македонскихъ городовъ. Кромѣ того, онъ послалъ въ Аѳины триста персидскихъ боевыхъ доспѣховъ, чтобы выставить ихъ въ храмѣ Минервы, съ слѣдующею надписью: «Александръ, сынъ Филиппа, и греки, — за исключеніемъ спартанцевъ, — посвящаютъ богинѣ добычу, отнятую ими у персидскихъ варваровъ.»

5. Персидскій походъ Александра отъ битвы при Граникѣ до покоренія Киликіи.

Плодомъ побѣды при Граникѣ было обладаніе всею западною частью Малой Азіи до самыхъ горъ Тавра. Уже одно это завоеваніе само по себѣ составляло цѣлое царство, которое, при хорошемъ управленіи, могло бы сравниться съ самыми могущественными государствами новѣйшаго времени. Провинціи, лежащія при Геллеспонтѣ, были покорены безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны жителей, и намѣстникомъ былъ назначенъ Каласъ, главный начальникъ ѳессалійской конницы. Самъ Александръ, съ главными силами, пошелъ къ югу; такъ какъ для него могли быть опасны только одни греки въ непріятельскомъ войскѣ и союзъ Греціи съ персами, то главною задачею Александра было овладѣть западными и южными берегами Малой Азіи и такимъ образомъ отдѣлить персовъ отъ грековъ. Онъ отправился къ Сардамъ, главному городу Лидіи, цитадель котораго считалась неприступною, но не успѣлъ еще появиться передъ нимъ, какъ Митринъ, начальникъ тамошняго персидскаго гарнизона, вышелъ ему навстрѣчу и безъ боя сдалъ городъ. Александръ возстановилъ въ немъ древнія свободныя учрежденія и права лидійскаго народа и назначилъ правителемъ страны Лисандра, брата Парменіона. Но передъ возвращеніемъ своимъ изъ Египта, онъ снова вызвалъ его оттуда, пославъ на его мѣсто Менандра.

Въ Эфесѣ, одномъ изъ главныхъ городовъ Іоніи, народъ, узнавъ о приближеніи Александра, выгналъ изъ города расположенную къ персамъ партію и съ восторгомъ встрѣтилъ македонскаго царя и его войско, какъ соотечественниковъ и освободителей. И здѣсь, какъ во всѣхъ другихъ греческихъ или полугреческихъ городахъ Малой Азіи, Александръ уничтожилъ олигархію и возста-

новилъ прежнюю демократію. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ повсюду привлекалъ къ себѣ массу народа, а народное сочувствіе было самымъ лучшимъ средствомъ ослабить силу Мемнона, который, послѣ битвы при Граникѣ, былъ назначенъ главнымъ начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Персіи и вошелъ въ сношенія со всѣми владѣтелями и олигархами греческихъ городовъ. Впрочемъ, возобновленіе демократіи было только возобновленіемъ прежнихъ формъ правленія, а въ дѣйствительности всѣ города попали тогда въ еще большую зависимость, чѣмъ во время персидскаго господства. Александръ, — хотя и весьма осторожно, особенно въ первое время, — забиралъ вездѣ въ свои руки верховную военную и гражданскую власть, которая не была уже пустымъ призракомъ, какъ власть сатраповъ. Но все же установленная имъ система управленія вдохнула новую жизнь въ замиравшій національный бытъ малоазійскихъ грековъ и придала ему новое движеніе.

Милетъ, — комендантъ котораго разсчитывалъ на помощь персидскаго флота, — можно было покорить только силою. Александръ осадилъ его и взялъ приступомъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, всѣ страны Малой Азіи, населенныя греками, за исключеніемъ только Каріи и Ликіи, подпали его власти. Въ Каріи македонскій царь прекрасно воспользовался происходившими тамъ, въ это время, внутренними волненіями. Ада, вдова Идріея, наслѣдовавшая въ 350 году до р. Х. послѣ своей невѣстки Артемизіи II, управленіе страною, за нѣсколько лѣтъ предъ прибытіемъ Александра должна была снова отказаться отъ власти, вслѣдствіе возстанія ея брата Пиксодара, но продолжала держаться въ крѣпости Алиндѣ. По смерти Пиксодара (въ 335 г. до р. Х.), Каріею завладѣлъ одинъ знатный персъ, женатый на его дочери. Лишенная власти, законная наслѣдница, Ада съ радостію ждала въ Алиндѣ приближенія Александра, видя въ немъ своего избавителя. Александръ принялъ ея сторону и такимъ образомъ привлекъ къ себѣ карійцевъ, весьма неохотно повиновавшихся персу и помнившихъ еще со временъ Мавзола персидскую систему угнетенія и грабительства. Вся страна была покорена очень легко, одинъ Галикарнассъ, куда удалился Мемнонъ, оказалъ сопротивленіе и только послѣ упорной обороны былъ взятъ македонянами. Александръ передалъ власть надъ Каріей законной владѣтельницѣ, которая въ благодарность за то усыновила своего новаго повелителя и провозгласила его своимъ наслѣдникомъ.

Овладѣвъ (осенью 334 г. до р. Х.) всѣми берегами Эгейскаго моря, Александръ не хотѣлъ рисковать пріобрѣтенною имъ на сушѣ славою, вступая съ персами въ морское сраженіе, исходъ котораго былъ неизвѣстенъ, и поэтому отпустилъ свой флотъ, не рѣшавшійся начинать битвы съ непріятелемъ, почти втрое сильнѣйшимъ, и требовавшій кромѣ того огромныхъ суммъ для своего содержанія. Правда, распустивъ свой флотъ, царь оставлялъ господство на морѣ за своими врагами, но зато рѣшился овладѣть на сушѣ всѣми еще непокоренными гаванями Персидскаго царства и такимъ образомъ отнять у персовъ всякую возможность сообщенія съ своимъ флотомъ и съ Греціею. Но сама судьба покровительствовала Александру: ловкій и опытный въ военномъ искусствѣ Мемнонъ, послѣ сраженія при Граникѣ назначенный главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами Дарія, легко могъ бы дать войнѣ оборотъ весьма опасный для македонскаго царя. Онъ имѣлъ еще въ своей власти нѣкоторые пункты малоазійскихъ береговъ, завладѣлъ кромѣ того островами: Хіосомъ и Лесбосомъ, и очень многія греческія государства выжидали только удобнаго случая выказать свою зависть къ новому македонскому могуществу. Такимъ образомъ Александру грозила страшная опасность, и положеніе его становилось сомнительнымъ. Въ это время совершенно нежданно умеръ Мемнонъ, а съ нимъ персидское войско лишилось человѣка, руководившаго всѣми предпріятіями.

Изъ Каріи Александръ двинулся впередъ. На югѣ Малой Азіи, въ Ликіи онъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія, подтвердивъ за ея жителями всѣ ихъ древнія права и свободныя учрежденія и оказавъ имъ энергическую помощь противъ сосѣднихъ разбойничьихъ племенъ. Александръ оставилъ за ликійцами ихъ прежнія учрежденія и систему управленія, удовольствовавшись только тѣмъ, что они признали его своимъ верховнымъ повелителемъ. Дальнѣйшій походъ Александра, отъ восточныхъ границъ Ликіи во внутрь Памфиліи, считался въ древ-

ности однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ его предпріятій; но въ этомъ походѣ отважный царь изъ одного нетерпѣнія подвергнулъ свое войско совершенно ненужной опасности. Одна часть его войска должна была сдѣлать длинный и трудный переходъ черезъ горы, съ другою онъ самъ тянулся вдоль берега, который въ одномъ мѣстѣ, на протяженіи дневнаго пути, бываетъ сухимъ только во время безвѣтрія, а во время прохода македонянъ былъ весь покрытъ волнами, такъ что войска въ продолженіе цѣлаго дня должны были идти по водѣ.

Изъ Памфиліи Александръ пошелъ къ сѣверу во внутрь Малой Азіи, пробился чрезъ скалистыя, обитаемыя дикими племенами Писидійскія горы и такимъ образомъ открылъ новый путь сообщенія между морскими берегами и Фригіею,— рѣшимость, въ которой нельзя не узнать великаго духа Александра и характера греческой науки его времени. Потомъ войска двинулись поперекъ Малой Азіи до подошвы горъ, тянувшихся на югѣ Виѳиніи и Пафлагоніи. Въ Гордіи, резиденціи прежнихъ фригійскихъ царей, Александръ соединился съ войсками, приведенными Парменіономъ изъ Сардъ, а также съ подкрѣпленіями, прибывшими изъ Македоніи и Греціи. Въ этомъ городѣ находилась пользовавшаяся повсемѣстною славою древняя колесница, ярмо которой было прикрѣплено узломъ, сдѣланнымъ такъ искусно, что въ немъ нельзя было найти ни начала, ни конца. Существовало преданіе, что тотъ, кто съумѣетъ развязать этотъ узелъ, сдѣлается повелителемъ Азіи. Александръ рѣшился извлечь для себя пользу изъ этого сказанія и развязалъ узелъ тѣмъ, что разсѣкъ его своимъ мечемъ.

Изъ Гордіи, весною 333 г. до р. Х., Александръ снова направилъ свой путь къ югу и черезъ горы Тавра пошелъ въ прибрежную страну Киликію, гдѣ надѣялся встрѣтить персидское войско подъ предводительствомъ самого Дарія. Получивъ извѣстіе о смерти Мемнона, персидскій царь собралъ совѣтъ своихъ вельможъ, на которомъ присутствовалъ и бѣжавшій изъ Аѳинъ начальникъ наемниковъ Харидемъ. Все собраніе держалось того мнѣнія, что необходимо вывести персидское войско противъ Александра подъ предводительствомъ самого царя и дать сраженіе непріятелю; одинъ Харидемъ убѣждалъ Дарія не рисковать всѣмъ такъ рѣшительно, но при этомъ онъ оскорбилъ персовъ, выказавъ свое презрѣніе къ ихъ воинскимъ качествамъ и организаціи, и Дарій былъ вынужденъ пожертвовать имъ справедливому раздраженію своихъ вельможъ. По приказанію царя, Харидемъ былъ удаленъ изъ собранія и задушенъ, а совѣтъ положилъ созвать всѣ войска монархіи и вести ихъ противъ непріятеля подъ личнымъ начальствомъ царя.

Собранное войско приближалось уже къ восточнымъ границамъ Малой Азіи, когда Александръ подошелъ къ горному проходу, соединяющему Пафлагонію и Каппадокію съ прибрежною страною Киликіей и носившему въ древности названіе Киликійскихъ воротъ. Благодаря трусости войскъ, которымъ поручена была защита прохода, македоняне безъ боя проникли въ Киликію. Всѣ персидскіе посты, не дожидаясь непріятельскаго нападенія, оставляли безъ всякаго сопротивленія позиціи, укрѣпленныя природою и искусствомъ. Въ Тарсѣ, главномъ городѣ Киликіи, Александръ по своей неосторожности опасно заболѣлъ. Въ знойный лѣтній день онъ выкупался въ рѣкѣ Киднѣ, называющейся теперь Карасу, и, бросившись очень скоро въ холодную воду, упалъ безъ чувствъ на дно рѣки, его скоро вытащили изъ воды, но слѣдствіемъ сильной простуды была опасная болѣзнь. Всѣ врачи сомнѣвались въ возможности выздоровленія царя, а войско пришло въ ужасъ, потому что недалеко отъ него стояли главныя силы непріятеля, и съ минуты на минуту нужно было ожидать рѣшительнаго боя. Только одинъ врачъ, акарнанецъ Филиппъ, не терялъ надежды спасти больнаго, и какъ ни рискованно было предложенное имъ средство, но Александръ рѣшился его принять. Царь еще не успѣлъ выпить приготовленное Филиппомъ питье, какъ получилъ отъ своего стараго полководца Парменіона письмо, въ которомъ тотъ предостерегалъ его отъ врача и сообщалъ, что подкупленный персидскимъ золотомъ Филиппъ его имѣетъ намѣреніе отравить. Не сомнѣваясь въ вѣрности Филиппа, Александръ не обратилъ никакого вниманія на предостереженіе Парменіона и рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы видимымъ доказательствомъ довѣрія къ своему врачу привязать его къ себѣ еще сильнѣе. Онъ подалъ Филиппу письмо Парменіона, и въ то время, какъ тотъ читалъ его — выпилъ при-

готовленное лекарство. Къ счастію Филиппа, лекарство, принятое царемъ, имѣло желанное дѣйствіе.

6. Персидскій походъ Александра отъ покоренія Киликіи до движенія въ Финикію.

По выздоровленіи, Александръ покорилъ нѣкоторыя части Киликіи и отразилъ набѣги хищническихъ племенъ, жившихъ въ горахъ. По случаю одного праздника, онъ пробылъ нѣсколько дней въ городѣ Солахъ, но и тутъ нашелъ возможность обратить въ свою пользу нерѣшительность персовъ, главныя силы которыхъ стояли въ сосѣднихъ мѣстностяхъ Сиріи. Дарій съ собраннымъ имъ войскомъ, состоявшимъ изъ шести сотъ тысячъ человѣкъ, приблизился къ южнымъ границамъ Сиріи и, въ то время, какъ Александръ выступилъ изъ Солъ, расположился лагеремъ въ разстояніи дневнаго пути отъ границъ Киликіи. Онъ долго колебался, не зная на что рѣшиться: ждать ли своего непріятеля въ обширныхъ равнинахъ Сиріи или идти ему на встрѣчу въ Киликію. Наконецъ, когда Александръ берегомъ моря уже достигъ границъ, Киликіи и Сиріи, Дарій весьма неблагоразумно рѣшился дать сраженіе македонянамъ въ тѣсной береговой долинѣ. Въ этомъ сраженіи, происходившемъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 333 г. до р. Х., при городкѣ Иссѣ, вблизи горнаго прохода, ведущаго изъ Сиріи въ Киликію, персы были совершенно разбиты.

Изъ всего громаднаго войска, выведеннаго Даріемъ въ этомъ сраженіи противъ македонянъ, только греческіе наемники, число которыхъ простиралось до тридцати тысячъ, и кавалерія были пріучены къ военнымъ эволюціямъ и вооружены, какъ слѣдуетъ. Борьба съ ними была трудна для македонянъ; другія же безчисленныя толпы персидскаго войска тотчасъ обратились въ бѣгство, когда македоняне отважно бросились на нихъ. Греческіе наемники одни отступили въ порядкѣ съ поля битвы: двѣнадцать тысячъ изъ нихъ пробились черезъ войско Александра и скрылись въ сосѣднія горы. Они потянулись къ финикійскому морскому городу, Триполису, и сѣли тамъ на корабли, которые прежде привезли ихъ изъ Лесбоса въ Сирію. На морѣ они раздѣлились: восемь тысячъ изъ нихъ отправились въ Пелопоннесъ и вступили въ службу къ спартанцамъ, которые послали тогда небольшой флотъ къ острову Криту, остальные отправились въ Египетъ, съ намѣреніемъ овладѣть этою страною, очищенную отъ персидскихъ гарнизоновъ, выведенныхъ въ Азію и уничтоженныхъ при Иссѣ. Они въ скоромъ времени заняли Мемфисъ и часть Нижняго Египта, но, слишкомъ понадѣявшись на свою безопасность и увлеченные страстью къ грабежамъ, раздѣлились на небольшіе отряды, которые и были всѣ истреблены намѣстникомъ Египта.

Какъ отступленіе греческихъ наемныхъ войскъ показало, что болѣе мужественное сопротивленіе персовъ могло бы имѣть успѣхъ, такъ, напротивъ того, совершенное уничтоженіе остальнаго войска доказало невозможность спасти персидское царство отъ Александра одними собственно персидскими войсками. Болѣе ста тысячъ человѣкъ было убито въ самомъ сраженіи и во время бѣгства, а прочіе въ безпорядкѣ бѣжали на родину. Побѣда Александра была полная, и Парменіонъ тотчасъ послѣ сраженія былъ посланъ въ Дамаскъ, чтобы захватить тамъ персидскую военную казну, весь придворный обозъ и сокровища царя и его вельможъ. Македонскій полководецъ ни на пути туда, ни при нападеніи на одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ персидскаго царства не встрѣтилъ никакого сопротивленія.

Въ числѣ плѣнныхъ были мать, одна изъ женъ и двѣ дочери персидскаго царя. Самъ онъ, когда битва приняла неблагопріятный для него исходъ, ускакалъ верхомъ, бросивъ свою дорогую колесницу, мантію, щитъ и лукъ. Услышавъ о взятіи въ плѣнъ женщинъ царской фамиліи, Александръ тотчасъ же отправилъ къ нимъ вѣстника, чтобы успокоить ихъ на счетъ участи Дарія, котораго онѣ уже оплакивали, какъ убитаго или плѣннаго, и убѣдить ихъ, что съ ними будутъ обращаться сообразно ихъ царскому достоинству. Совершенно вопреки обыкновенному обращенію всѣхъ восточныхъ побѣдителей и самихъ грековъ съ плѣнными

царственными лицами,—Александръ обошелся съ персидскими принцессами не только съ деликатною кротостью, но даже съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Достовѣрность этого благороднаго поступка македонскаго царя, по единогласному свидѣтельству греческихъ историковъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но преданіе, сохранившее о немъ нѣкоторые, конечно вымышленные разсказы, сдѣлало его еще интереснѣе для любителей трогательныхъ и романическихъ происшествій. По этимъ разсказамъ, въ самый день битвы, Александръ, въ сопровожденіи своего любимца Гефестіона, входилъ будто бы въ палатку принцессъ и воспользовался случайною ошибкою плѣнницъ, принявшихъ Гефестіона за него самого, чтобы благороднымъ образомъ показать имъ и свои дружественныя отношенія къ Гефестіону, и свою деликатность къ несчастнымъ женщинамъ. Царица-мать, при входѣ въ палатку двухъ человѣкъ, не узнала, кто изъ нихъ царь, и, обманутая величественнымъ видомъ Гефестіона, приняла его за Александра и по персидскому обычаю упала передъ нимъ на землю. Но когда Гефестіонъ, отступивъ назадъ, далъ ей понять ея ошибку, и она выразила опасеніе, что разгнѣвала царя, Александръ успокоилъ ее, ласково сказавъ: «ты не ошиблась, и онъ—Александръ.»

Такъ же великодушно поступилъ Александръ и съ послами аѳинскими, спартанскими и ѳиванскими, которые, отправившись къ Дарію, попались въ плѣнъ къ македонянамъ въ Дамаскѣ. Онъ тотчасъ же отпустилъ домой обоихъ ѳиванскихъ пословъ, а аѳинскаго, сына знаменитаго полководца Ификрата, хотя и удержалъ при себѣ, но изъ чувства уваженія къ отцу его, и изъ желанія благосклонностью къ нему привлечь на свою сторону аѳинянъ, обходился съ нимъ не какъ съ плѣнникомъ, а какъ съ принадлежавшимъ къ собственной его свитѣ; наконецъ спартанскій посолъ, нѣсколько времени содержавшійся какъ плѣнникъ, былъ также отпущенъ на родину. Нужно сказать, что побѣда при Иссѣ была одержана въ самое благопріятное для Александра время, такъ какъ въ Греціи началось враждебное ему движеніе. Два сатрапа, назначенные послѣ смерти Мемнона начальниками персидскаго флота, незадолго до этой битвы заключили союзъ съ Спартой, и успѣли привлечь на свою сторону аѳинянъ и жившихъ въ Аѳинахъ ѳиванскихъ бѣглецовъ. По этому дѣлу было отправлено къ Дарію упомянутое нами посольство, и спартанскій царь Агисъ II уже началъ приготовляться къ походу противъ Антипатра, когда вѣсть о побѣдѣ при Иссѣ, долетѣвшая въ Грецію, разстроила всѣ планы тамошнихъ противниковъ Александра. Война на Эгейскомъ морѣ окончилась также сама собою. Финикійскіе города и правители ихъ, подчинившіеся македонскому царю, отозвали свои корабли и отдали ихъ въ распоряженіе своего новаго повелителя; самый Тиръ, одинъ изъ всѣхъ городовъ нехотѣвшій подчиниться Александру, долженъ былъ тоже отозвать свои корабли, потому что они были необходимы е м для собственной защиты, наконецъ и персидскіе вассалы на островѣ Кипрѣ покорились македонскому царю и передали ему свои корабли. При такомъ положеніи дѣлъ, остатокъ персидскаго флота не могъ болѣе возбуждать никакого опасенія, и всѣ дѣйствія на морѣ окончательно прекратились вслѣдствіе побѣды при Иссѣ.

7. Покореніе Финикіи и Палестины Александромъ.

Съ границъ Сиріи, куда онъ бѣжалъ нигдѣ не останавливаясь, Дарій послалъ Александру письмо, съ просьбою отпустить его семейство, и предлагалъ при этомъ условія мира. Александръ отвергъ мирныя предложенія, и въ своемъ отвѣтѣ персидскому царю прямо сказалъ, что смотритъ на себя какъ на владѣтеля Азіи, и требуетъ со стороны его безусловной покорности. Оставивъ пока персидскаго царя въ покоѣ, Александръ отправился съ своимъ войскомъ въ Финикію, въ намѣреніи покорить эту страну, также Палестину и Египетъ, чтобы, прежде чѣмъ углубиться вовнутрь персидскаго царства, имѣть уже въ своей власти всѣ прибрежныя страны Средиземнаго моря. Финикіяне подчинились ему добровольно, за исключеніемъ жителей Тира, которые хотѣли остаться нейтральными и заперлись въ своемъ городѣ. Такая рѣшимость тирянъ и ихъ упорство

въ отказѣ пустить въ свой городъ торжествующаго побѣдителя кажутся весьма странными, потому что Александръ постоянно обращался кротко съ жителями всѣхъ побѣжденныхъ имъ странъ, возстановилъ демократію не только между малоазійскими греками, но и въ киликійскомъ городѣ Солахъ, который и послѣ своего покоренія обнаруживалъ расположеніе къ персамъ. Изъ этого необходимо должно заключить, что были важныя причины, заставлявшія тирскую республику какъ можно долѣе оставаться вѣрною персидскому владычеству. По всей вѣроятности, причины эти заключались въ выгодныхъ торговыхъ связяхъ ея съ внутреннею Персіею, Персидскимъ заливомъ и Арменіею, которыя и привязывали тирянъ къ персамъ гораздо сильнѣе остальныхъ финикійскихъ городовъ.

Александру не хотѣлось оставлять позади себя непокореннымъ столь важнаго города. Онъ рѣшился совершить то, что прежде его неудавалось царямъ ассирійскимъ и вавилонскимъ, несчастныя осады которыхъ были, вѣроятно, еще живы въ памяти тирянъ (стр. 56), и дѣйствительно взялъ Тиръ съ помощью греческой науки. Со времени осады Салманассара, Тиръ былъ перенесенъ на небольшой островъ, отдѣлявшійся отъ твердой земли проливомъ, около тысячи шаговъ въ ширину. Этотъ проливъ, совершенно уничтожившійся теперь, былъ уже отчасти засыпанъ пескомъ еще во времена Александра, потому въ македонскомъ военномъ совѣтѣ было положено докончить искусствомъ то, что было начато самою природою, т. е. построить черезъ проливъ плотину и такимъ образомъ сдѣлать возможнымъ нападеніе на Тиръ съ сухаго пути. Все войско и согнанные изъ сосѣднихъ странъ жители должны были работать надъ возведеніемъ этой плотины, самъ Александръ принялъ участіе въ работѣ и своимъ примѣромъ и одобреніемъ одушевлялъ солдатъ. Машины, построенныя на концѣ плотины, постоянно бросая въ осажденныхъ камни, бревна и стрѣлы, защищали работниковъ отъ тирянъ, которые съ своихъ стѣнъ и кораблей старались помѣшать македонянамъ довести плотину до самаго города и парализировать дѣйствія ихъ машинъ своими остроумными изобрѣтеніями. Убѣдившись въ невозможности взять Тиръ съ сухаго пути, Александръ рѣшился напасть на непріятеля въ родной его стихіи, вооружилъ свои корабли и окружилъ ими городъ. Жители Тира, стѣны котораго со стороны моря были не такъ крѣпки, какъ со стороны плотины, съумѣли и тутъ встрѣтить съ мужествомъ новую угрожавшую имъ опасность. Въ десяти футахъ отъ старой стѣны они построили новую, а оставшееся между обѣими пространство засыпали мусоромъ и камнями. Александръ перевезъ на свои корабли новыя машины и разрушилъ ими часть городской стѣны. Тиряне, въ свою очередь, привели въ дѣйствіе всѣ свои машины и, осыпая македонянъ градомъ своихъ снарядовъ, заставили ихъ отступить и опять возобновили стѣну.

Когда наконецъ плотина была доведена до самаго города, Александръ приказалъ построить на ней высокія башни, съ которыхъ войска его пытались, посредствомъ подъемныхъ мостовъ, взобраться на городскія стѣны. Осаждаемые также изобрѣли новые замысловатые снаряды для отраженія непріятелей, стараясь превзойти ихъ въ осадномъ искусствѣ. Они выковали длинные шесты, снабженные множествомъ крюковъ, которыми срывали стоявшихъ на башняхъ солдатъ, бросали въ осаждающихъ большія копья и серпы, опять притягивая ихъ къ себѣ веревками и машинами, огромными сѣтями стаскивали съ башенъ или запутывали македонянъ, осыпая ихъ изъ машинъ раскаленнымъ пескомъ, который, падая въ отверстія ихъ панцырей и шлемовъ, причинялъ имъ адскія мученія, и градомъ раскаленныхъ желѣзныхъ ядеръ. Однимъ словомъ, тиряне напрягли всѣ свои силы, истощали всю свою военную опытность, и, по свидѣтельству всѣхъ историковъ, оказались гораздо искуснѣе македонянъ въ изобрѣтеніи осадныхъ машинъ. Геройство ихъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего удивленія, что они почти не могли надѣяться выдержать осаду или дождаться подкрѣпленій. Семь мѣсяцевъ жители одного города отбивали нападенія всего македонскаго войска, съ такимъ искусствомъ и геройствомъ, которыя не уступятъ искусству и геройству осаждавшихъ; они показали міру, что борьба съ этимъ войскомъ и его предводителемъ была возможна, и пристыдили такимъ образомъ своего собственнаго повелителя, царя громадной монархіи, который во время долгой борьбы ихъ не могъ собрать войска, чтобы сдѣлать попытку освободить ихъ отъ осады.

Наконецъ, Александръ усомнился въ возможности взять Тиръ, и всѣ его пол-

ководцы совѣтовали ему оставить это предпріятіе. Но онъ рѣшился сдѣлать послѣдній приступъ. Приступъ этотъ удался, и послѣ кровавой битвы македоняне овладѣли городомъ (іюнь 332 г. до р. Х.). Часть жителей, еще съ самаго начала осады, покинула Тиръ, и въ немъ оставались въ числѣ двадцати двухъ тысячъ только тѣ, которые могли защищать его. Почти всѣ оставшіеся въ живыхъ были проданы въ рабство. Но такъ какъ множество жителей спаслось на корабляхъ, то понятно, что Тиръ могъ опять быстро подняться изъ своихъ развалинъ и сдѣлаться столь же цвѣтущимъ, какъ и до осады.

Во время осады Александръ занялъ окрестныя горы и дефиле. Всѣ крѣпости Финикіи и Палестины добровольно отворили ему ворота, за исключеніемъ Газы, взятой только послѣ двухъ-мѣсячной осады. Израильтяне также покорились ему безъ сопротивленія. Но разсказъ о томъ, что Александръ пошелъ тогда въ Іерусалимъ и принесъ въ жертву въ тамошнемъ храмѣ Еговы, не что иное какъ вымыселъ позднѣйшихъ іудейскихъ писателей; самые достовѣрнѣйшіе историки похода Александра не дѣлаютъ даже намека на это, и потому несомнѣнно, что онъ не былъ въ Іерусалимѣ. Въ то время, какъ Александръ покорялъ себѣ страны, лежащія между Тиромъ и Египтомъ, Дарій прислалъ въ другой разъ просить у него мира. Это не совсѣмъ вѣроятное предложеніе легенда связала съ однимъ изъ тѣхъ многихъ интересныхъ изрѣченій, приписываемыхъ Александру, въ которыхъ нельзя положительно отдѣлить истины отъ вымысла. Дарій, какъ разсказываютъ, предлагалъ македонскому царю власть надъ всѣми странами на западъ отъ Эвфрата, руку своей дочери и огромную сумму денегъ за освобожденіе плѣнныхъ женщинъ своего семейства. Парменіонъ былъ въ пользу принятія этихъ предложеній и сказалъ, что еслибъ онъ былъ Александромъ, то непремѣнно согласился бы на условія, предлагаемыя персидскимъ царемъ; но Александръ на всѣ представляемые имъ доводы отвѣчалъ: «и я сдѣлалъ бы это, еслибъ былъ Парменіономъ.»

8. Походъ Александра въ Египетъ.

Въ Египтѣ персидскій намѣстникъ Мазакъ не умѣлъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, тѣмъ временемъ, когда Александръ былъ занятъ осадою Тира и Газы; но отчасти ему помѣшали въ этомъ и сами обстоятельства. У Мазака, бывшаго собственно вторымъ правителемъ страны, было мало персидскихъ войскъ, потому что верховный намѣстникъ Египта, съ большею частію находившихся тамъ войскъ, присоединился къ персидской арміи предъ сраженіемъ при Иссѣ. Кромѣ того, жители Египта были весьма недовольны персидскимъ господствомъ, а вербовать греческихъ наемниковъ, послѣ недавняго ихъ нападенія (стр. 385), казалось опаснымъ. Поэтому Мазакъ вовсе не готовился къ сопротивленію, и когда въ концѣ 332 г. до р. Х. македоняне явились въ Египетъ, онъ принялъ ихъ дружественно. Всѣ города отворили ворота македонскому царю. Александръ не хотѣлъ терять времени и дошелъ только до Мемфиса; Верхній Египетъ необходимо долженъ былъ послѣдовать примѣру Нижняго, и Александру оставалось только покорить оазисъ Аммоній или Сиуахъ, чтобы поставить въ зависимость отъ себя страны по теченію Нила выше Египта и всю ихъ торговлю. Предъ походомъ въ Сиуахъ, онъ выбралъ на берегу моря мѣсто для построенія новой столицы этой богатой и плодоносной страны, которая теперь должна придти въ ближайшую связь съ остальнымъ міромъ. Заложенный имъ городъ получилъ, по имени своего основателя, названіе Александріи, которая и до нашихъ поръ осталась прекраснѣйшимъ памятникомъ величія македонскаго царя, вскорѣ по смерти его пріобрѣла огромное значеніе для образованности человѣческаго рода и способствовала взаимному сближенію греческой и египетской цивилизаціи, замѣтному въ литературѣ позднѣйшаго періода.

Затѣмъ, съ отборною частью своего войска, Александръ, слѣдуя по берегу, достигъ западныхъ границъ Египта, а оттуда, углубясь внутрь страны, чрезъ пустыню, направился къ оазису Сиуаху. Не одно только торговое и политическое значеніе этого озиса для нильскихъ странъ побудило македонскаго царя пред-

принять туда походъ, но и разсчетъ на впечатлѣніе, какое эта экспедиція должна была произвести на грековъ и македонянъ. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ Александръ придавалъ большое значеніе предзнаменованіямъ, оракуламъ и чудесамъ, видя въ нихъ очень дѣйствительное средство привязать къ себѣ сердца суевѣрнаго народа. Въ оазисѣ Аммонія находился древній, пользовавшійся обширною славою, оракулъ и храмъ египетскаго бога, котораго греки называли Юпитеромъ Аммонскимъ (стр. 29). Желая впослѣдствіи устроить церемоніалъ своего двора, какъ слѣдовало обладателю Азіи, по восточнымъ понятіямъ и обычаямъ, Александръ воспользовался аммонскимъ оракуломъ, чтобы мало-по-малу приготовить свой народъ къ этой перемѣнѣ. Онъ позволилъ верховному жрецу назвать себя сыномъ Юпитера. Старые полководцы его отца, сначала только смѣявшіеся надъ этимъ титуломъ, впослѣдствіи стали громко выражать свое негодованіе, когда намѣренія Александра обнаружились. Странно, что грекамъ и македонянамъ не понравился этотъ поступокъ ихъ великаго царя, хотя въ Геродотѣ имъ нисколько не казалось предосудительнымъ, что дельфійская жрица выразила сомнѣніе, богъ или человѣкъ былъ законодатель Ликургъ, и сами они, вскорѣ по смерти Александра, съ удовольствіемъ признавали божественныя свойства самыхъ жалкихъ египетскихъ царей, называвшихъ себя богами въ своихъ предписаніяхъ и надписяхъ на общественныхъ памятникахъ. Александръ пользовался своимъ мнимымъ божественнымъ происхожденіемъ, на которое съ тѣхъ поръ онъ всегда изъявлялъ притязаніе, просто какъ мудрый политикъ, понимавшій, что этимъ онъ могъ всего легче держать въ повиновеніи жителей востока. Только позднѣе этотъ великій человѣкъ, также подавленный избыткомъ счастья, сталъ злоупотреблять своимъ титуломъ полубога и находилъ удовольствіе въ пустомъ блескѣ мнимаго сверхъестественнаго величія. Онъ самъ вѣрилъ въ невидимый, высшій порядокъ вещей и придавалъ значеніе предзнаменованіямъ и изрѣченіямъ оракуловъ. Но еще чаще Александръ прибѣгалъ къ народному суевѣрію, какъ къ средству для достиженія такихъ цѣлей, какихъ подобнымъ же образомъ Ксенофонтъ, совершенно не вѣрившій во все сверхъестественное, достигъ въ то время, когда былъ главнымъ вождемъ десяти тысячъ. Потому-то Александръ позволилъ прорицателю Аристандру играть большую роль во всѣхъ своихъ походахъ, взялъ изъ храма Минервы въ Троѣ священный щитъ, который и носилъ съ собою во всѣхъ сраженіяхъ и битвахъ, для того, чтобы въ случаѣ нужды одушевить имъ свое войско и устремить всѣ его усилія на одинъ пунктъ. По этому же самому побужденію, онъ позволилъ назвать себя сыномъ Юпитера Аммонскаго, стараясь въ то же время связать греческія идеи о полубогахъ съ восточнымъ обыкновеніемъ смѣшивать все великое и могущественное съ представленіями о сверхъестественномъ и божественномъ.

Отъ оазиса Аммонія, Александръ возвратился въ Мемфисъ по другой дорогѣ. Тутъ онъ привелъ въ порядокъ египетскія дѣла и занялся устройствомъ администраціи страны, что и сдѣлалъ съ достойною удивленія мудростью, совершенно такъ, какъ того требовали интересы его собственной власти, польза Египта и поселенныхъ тамъ грековъ. Онъ строго разграничилъ гражданское управленіе, военную администрацію и финансы, оставилъ старое раздѣленіе страны на области или номы, удержалъ туземныхъ правителей или номарховъ, и поставилъ двухъ египтянъ главными начальниками всей гражданской администраціи, а оставшіяся въ странѣ македонскія войска поручилъ двумъ изъ своихъ полководцевъ. Подати было приказано собирать по старому египетскому обыкновенію номархамъ, по областямъ, во главѣ же всего финансоваго управленія онъ поставилъ поселившагося въ Египтѣ грека, Клеомена, въ качествѣ сборщика податей, которому номархи должны были вносить собранные ими налоги. Всѣ эти распоряженія были превосходны и вполнѣ соотвѣтствовали характеру страны и ея жителей; римляне, покоривъ Египетъ, послѣдовали примѣру Александра, и точно такимъ же образомъ устроили администрацію этой провинціи. Только въ выборѣ Клеомена Александръ ошибся.

Для увеличенія казны Александра и для своего собственнаго обогащенія, Клеоменъ употреблялъ самыя жестокія, насильственныя мѣры, и это было для него тѣмъ легче, что номархами были туземцы, а не греки или македоняне, которыхъ, конечно, трудно было бы заставить переносить безропотно всѣ притѣсненія. Такимъ образомъ то, что было для Египта благодѣяніемъ, и что, по мнѣнію Але-

ксандра могло лучше всего гарантировать хорошее управленіе страною, стало, вслѣдствіе выбора Клеомена, источникомъ бѣдствій для ея жителей. Для вымогательства у нихъ денегъ, Клеоменъ пользовался всѣми возможными случаями. Такъ напримѣръ, онъ объявилъ однажды жрецамъ одного нома, въ которомъ крокодилы почитались священными животными, что хочетъ сдѣлать на нихъ охоту, потому что жертвою ихъ сдѣлались нѣсколько человѣкъ изъ его свиты. Чтобы спасти своихъ священныхъ животныхъ, жрецы собрали большую сумму денегъ, и Клеоменъ за этотъ подарокъ охотно отказался отъ своего намѣренія, котораго, конечно, онъ и не думалъ приводить въ исполненіе. Въ другой разъ онъ скупилъ весь хлѣбъ и продавалъ его жителямъ вчетверо дороже обыкновенной цѣны; цѣну же онъ могъ назначить какую угодно, потому что ни откуда нельзя было ожидать подвоза хлѣба. Даже самое основаніе Александріи послужило Клеомену отличнымъ средствомъ для вымогательствъ. Чтобы скорѣе поднять значеніе этого города, Александръ приказалъ перевести въ него всѣхъ купцовъ и корабли изъ гавани Канопа, находившейся въ трехъ миляхъ отъ Александріи; жители Канопа, желая избавиться отъ этой насильственной мѣры, еще до постройки города, предложили Клеомену деньги. Клеоменъ принялъ ихъ, но, когда Александрія была заложена, подъ разными предлогами снова потребовалъ отъ нихъ такую огромную сумму, которой они никакъ не могли заплатить, и такимъ образомъ должны были переселиться въ этотъ городъ. Александръ, благосклонность котораго къ себѣ Клеоменъ умѣлъ поддерживать, былъ слишкомъ слабъ въ отношеніи къ нему и прощалъ своему корыстолюбивому намѣстнику злоупотребленія по управленію страною. Послѣ смерти Александра онъ получилъ заслуженное наказаніе: македонскій полководецъ Птолемей, сдѣлавшись властителемъ Египта, приказалъ умертвить его и такимъ образомъ получилъ двойную пользу: ему досталась, вопервыхъ, значительная сумма денегъ, собранная притѣсненіями Клеомена, а, вовторыхъ, умерщвленіемъ мучителя египтянъ онъ пріобрѣлъ себѣ ихъ сочувствіе.

Завоеваніемъ Египта Александръ докончилъ покореніе западныхъ береговыхъ земель Персидскаго царства. Онъ владѣлъ теперь богатѣйшими странами того времени, снабжавшими тогда Европу произведеніями Востока, и могъ уже съ большою увѣренностью начать походъ вовнутрь Азіи, для преслѣдованія несчастнаго персидскаго царя, который между тѣмъ еще разъ собралъ вокругъ себя всѣ военныя силы своего царства. Прежде чѣмъ Александръ оставилъ Египетъ, къ нему подошли изъ Европы новыя подкрѣпленія, въ которыхъ съ этихъ поръ онъ уже не имѣлъ недостатка, такъ какъ у него было довольно денегъ для совершеннаго удовлетворенія алчности греческихъ наемниковъ. Весною 331 года до р. Х. Александръ выступилъ съ войскомъ изъ Мемфиса и чрезъ Финикію и Сирію двинулся къ рѣкѣ Эвфрату.

9. Персидскій походъ Александра отъ завоеванія Египта до покоренія собственной Персіи.

Чтобы понять разсказы о походѣ Александра во внутренность Персидскаго царства, нужно вспомнить походы Кортеса и Писарро противъ Мехики и Перу, или войны англичанъ въ Индіи. Тутъ, какъ и тамъ, цѣлыя массы народовъ вооруженныхъ, но слабыхъ силою духа и неопытныхъ въ военномъ искусствѣ, бѣгутъ передъ небольшимъ числомъ дисциплинированныхъ и мужественныхъ воиновъ, хотя этимъ и рѣшается судьба ихъ собственной родины. Мы не знаемъ настоящихъ намѣреній персидскаго двора, потому что до насъ не дошло сочиненія современныхъ историковъ, но какой бы планъ ни былъ у Дарія, во всякомъ случаѣ выполненіе его было весьма неудачно. Одинъ персидскій отрядъ подъ начальствомъ Мазея и Тапсака былъ посланъ на Эвфратъ къ тому пункту, гдѣ пролегала обыкновенная переправа черезъ эту рѣку, чтобы воспрепятствовать переходу македонянъ. Мостъ, находившійся въ этомъ мѣстѣ, былъ на половину разрушенъ персами; однако по приближеніи македонскаго войска Мазей обратился въ бѣгство, не сдѣлавъ никакой попытки удержать его. Другому персидскому полководцу поручено было не допускать македонянъ до перехода черезъ Тигръ, но когда Але-

ксандръ въ одномъ очень опасномъ мѣстѣ, въ которомъ легко можно было бы задержать его, перешелъ черезъ рѣку, персъ занялся опустошеніемъ, страны, лежащей на Тигрѣ, съ цѣлію лишить непріятеля средствъ къ продовольствованію войска.

Дарій, собравшій во время дѣйствій македонянъ въ Финикіи и Египтѣ громадное войско, надѣялся заманить своего непріятеля въ пустыни, лежащія на сѣверо-востокѣ Сиріи, гдѣ, спустя три столѣтія, погибъ съ своими войсками римлянинъ Крассъ. Но Александръ не допустилъ обмануть себя, подобно Крассу. Онъ пошелъ чрезъ нынѣшнія страны Діарбекръ и Моссулъ, внизъ по Тигру, къ рѣкѣ Большому Забу, гдѣ при подошвѣ Курдскихъ горъ простирается обширная равнина. Тутъ встрѣтилъ онъ войско Дарія, тотчасъ же давшаго сраженіе, котораго съ нетерпѣніемъ желалъ самъ Александръ. Число, войскъ противопоставленныхъ Даріемъ арміи Александра, состоявшей приблизительно изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, насчитываютъ (неизвѣстно на какихъ основаніяхъ) до милліона. Не смотря на такой громадный численный перевѣсъ непріятеля, Александръ уже напередъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что не послушался совѣта Парменіона, убѣждавшаго его напасть на непріятеля внезапно ночью, думая, что черезъ это лишится той славы, которую должна была доставить ему битва, или, какъ самъ онъ сказалъ, потому, что «не хотѣлъ украсть побѣды.» Въ твердой надеждѣ на успѣхъ битвы, Александръ, передъ самымъ сраженіемъ, проспалъ всю ночь до самаго утра; и онъ совершенно основательно могъ быть увѣренъ въ побѣдѣ, если только справедливы разсказы древнихъ историковъ о персидскомъ войскѣ, которое состояло, по ихъ словамъ, изъ всякаго сброда, непріученнаго ни къ порядку, ни къ правильнымъ движеніямъ.

Въ началѣ октября 331 г. до р. Х., близъ ассирійскихъ мѣстечекъ Арбелы и Гавгамелы, произошло рѣшительное сраженіе. Македоняне, потерявъ не болѣе пятисотъ человѣкъ, одержали побѣду; персидское войско было совершенно уничтожено и потеряло въ битвѣ и во время бѣгства почти сто тысячъ человѣкъ убитыми. Александру досталась огромная добыча, и, между прочимъ, колесница, щитъ и лукъ Дарія. Персидскій царь, съ небольшимъ числомъ войска, собраннаго имъ на скорую руку, ушелъ въ Экбатану, столицу Мидіи, а персидскіе полководцы Аріобарзанъ и Мазей, съ остатками арміи, искали спасенія въ Вавилонѣ и собственной Персіи. Предоставивъ Дарія его собственной участи, Александръ поспѣшилъ овладѣть южными частями Персидской монархіи и пошелъ противъ Вавилона, гдѣ Мазей, не смѣя сопротивляться, тотчасъ отворилъ ему ворота города. Вступивъ въ Вавилонъ, Александръ тотчасъ обѣщалъ жителямъ возвратить городу его прежнее величіе и туземную религію, велѣлъ вновь построить храмы, разрушенные нѣкогда персами, пригласилъ халдеевъ возстановить древнее свое богослуженіе и искусно польстилъ имъ и народу, принеся самъ жертву ихъ главному богу. Во время пребыванія Александра въ Вавилонѣ, македонскій полководецъ Филоксенъ, посланный съ поля битвы при Арбелѣ въ собственную Персію, счастливо достигъ Сузы. Этотъ городъ добровольно сдался ему, а вмѣстѣ съ нимъ македоняне овладѣли казною, состоявшею по меньшей мѣрѣ изъ сорока тысячъ талантовъ чистыми деньгами (около пятидесяти пяти милліоновъ руб.) и множества драгоцѣнностей. Между доставшеюся тамъ добычею находились и статуи славныхъ аѳинянъ Гармодія и Аристогитона, которыя Ксерксъ увезъ съ собою изъ своего похода въ Грецію (стр. 158). Александръ тотчасъ же возвратилъ ихъ аѳинянамъ, пользуясь всякимъ случаемъ привязать къ себѣ сердца аѳинскаго народа, постоянно гордившагося славою своихъ предковъ.

Послѣ кратковременнаго отдыха въ Вавилонѣ, Александръ выступилъ къ Сузѣ. На дорогѣ догнали его шедшія изъ Европы подкрѣпленія, состоявшія изъ шести тысячъ шести сотъ македонянъ, пяти тысячъ пелопоннесцевъ и четырехъ тысячъ ста человѣкъ ѳракійцевъ. Изъ Сузы онъ поспѣшилъ покорить собственную Персію и въ этомъ походѣ встрѣтилъ сопротивленіе только въ горахъ, лежащихъ между Сузою и Персеполемъ, но и оно было незначительно. Дикіе горные народы, старавшіеся затруднить ему переходъ черезъ ихъ страну, были легко отражены, а войско Аріобарзана было точно также перебито или обращено въ бѣгство. Македоняне овладѣли потомъ безъ всякаго труда древними персидскими городами, Пасаргадою и Персеполемъ.

10. Возстаніе въ Греціи подъ предводительствомъ царя спартанскаго Агиса.

Около того времени, когда Александръ покорялъ себѣ собственную Персію и преслѣдовалъ бѣгущаго оттуда Дарія, спартанцы старались возбудить противъ него движеніе въ самой Греціи. Имъ навѣрно удалось бы начать очень опасную войну противъ македонскаго царя, если бы онъ съ великою, — впрочемъ болѣе свойственною его отцу, чѣмъ ему самому — политическою мудростью постоянно не разъединялъ аѳинянъ со спартанцами и чрезъ это не помѣшалъ бы распространенію начинавшагося возстанія. Александръ, какъ мы уже видѣли, воспользовался первою же своею побѣдою, чтобы польстить честолюбію аѳинскаго народа (стр. 382); для той же цѣли послужило ему впослѣдствіи и то обстоятельство, что одинъ изъ аѳинянъ, отправленный посломъ къ персидскому царю, попалъ въ его руки въ Сиріи (стр. 386). Когда, во время похода Александра изъ Египта къ Эвфрату, явилось къ нему въ Тиръ посольство изъ Аѳинъ, чтобы пожелать побѣды во всѣхъ битвахъ, онъ принялъ его очень милостиво и даровалъ свободу аѳинянамъ, попавшимся въ плѣнъ въ сраженіи при Граникѣ. Наконецъ, изъ Сузы онъ послалъ аѳинянамъ статуи Гармодія и Аристогитона. Цѣль Александра была совершенно достигнута, такъ что и самъ Демосѳенъ, кажется, не могъ бы заставить ихъ принять участіе въ войнѣ съ Македоніею, которую готовились начать спартанцы.

Въ лицѣ Агиса II, Спартанское государство имѣло тогда во главѣ своего правленія человѣка весьма предпріимчиваго, старавшагося съ нѣкотораго времени возбудить всеобщее возстаніе греческой націи противъ македонскаго владычества. Чтобы облегчить исполненіе задуманнаго плана, онъ привлекъ къ себѣ восемь тысячъ греческихъ наемниковъ, участвовавшихъ въ битвѣ при Иссѣ (стр. 385), и возбудилъ бунтъ въ Ѳракіи. Вѣсть о побѣдѣ Александра при Арбелѣ заставила его и другихъ грековъ сдѣлать послѣднее и крайнее напряженіе силъ, прежде чѣмъ персидское войско будетъ совершенно уничтожено. Для этого Агисъ собралъ значительное войско и склонилъ взяться за оружіе почти весь Пелопоннесъ. Возбужденное спартанскимъ царемъ волненіе быстро распространилось и въ другихъ частяхъ Греціи; вѣроятно, вся Греція возстала бы противъ македонянъ, если бъ Агису удалось нанести пораженіе войску македонскаго намѣстника Антипатра. А если бы искусною политикою Александра Аѳины не были склонены оставаться въ покоѣ, то Антипатру, съ самаго начала, пришлось бы, можетъ быть, бороться не съ одними только государствами Пелопоннесса.

Агисъ собралъ войско, состоявшее изъ двадцати тысячъ человѣкъ пѣхоты и двухъ тысячъ конницы, и началъ войну осадою Мегалополя, который одинъ изъ всѣхъ пелопоннесскихъ городовъ, вмѣстѣ съ Пелленою въ Ахаіи, не принималъ участія въ возстаніи. Съ первою вѣстью о началѣ войны, Антипатръ, окончивъ какъ можно скорѣе ѳракійскую войну миромъ, поспѣшилъ въ Пелопоннессъ съ сорока тысячами человѣкъ и еще во время подоспѣлъ къ Мегалополю, который былъ уже готовъ сдаться. Оба предводителя желали скорѣй покончить дѣло, и потому, по прибытіи Антипатра, тотчасъ произошла кровопролитная битва (августъ 330 г. до р. Х.). Войска сражались съ такимъ ожесточеніемъ, что со стороны македонянъ пало три тысячи пятьсотъ, а со стороны пелопоннесцевъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Антипатръ одержалъ побѣду, но она обошлась ему гораздо дороже побѣдъ Александра въ Азіи, что можно видѣть изъ сравненія потерь, понесенныхъ послѣднимъ при Граникѣ и въ другихъ битвахъ, съ числомъ павшихъ при Мегалополѣ. Агисъ умеръ геройскою смертью, достойною его родины. Когда его раненнаго унесли съ поля битвы, онъ отпустилъ отъ себя своихъ спутниковъ и велѣлъ имъ идти сражаться за отечество. Приказавъ снова надѣть на себя доспѣхи, онъ и самъ возвратился на поле сраженія, но, не будучи въ состояніи стоять прямо, бился съ наступавшимъ непріятелемъ, упершись колѣномъ на землю, и умеръ, положивъ на мѣстѣ многихъ враговъ.

Геройская смерть Агиса и множества павшихъ съ нимъ соотечественниковъ показываетъ, что между тѣмъ какъ Аѳины давно уже передали военную службу наемнымъ иностранцамъ, у спартанцевъ еще сохранялись воинскія доблести прежняго времени, хотя суровость нравовъ давно уже изчезла между ними, и политическія и полицейскія учрежденія ихъ уступили духу новаго времени.

Вслѣдствіе побѣды при Мегалополѣ, могущество Спарты было совершенно уничтожено. Антипатръ удовлетворился тѣмъ, что лишилъ ее возможности вредить Македоніи, и не хотѣлъ воспользоваться всѣми плодами своей побѣды, опасаясь возбудить зависть въ Александрѣ и ожидая возобновленія волненій во Ѳракіи. Кромѣ того, войско его было собрано съ большимъ трудомъ, и онъ не могъ содержать его долгое время. Поэтому, когда братъ и преемникъ Агиса, Эвдамидъ I, сталъ просить Антипатра о мирѣ, онъ только заставилъ спартанцевъ отправить посольство къ Александру съ изъявленіемъ покорности. Александръ простилъ ихъ, приказавъ имъ заплатить сто двадцать талантовъ (сто шестьдесятъ тысячъ р. сер.) жителямъ Мегалополя въ вознагражденіе за понесенныя ими потери.

II. Персидскій походъ Александра, отъ покоренія собственной Персіи до завоеванія Бактріи и Согдіаны.

Въ началѣ 330 года до р. Х., Александръ рѣшился выступить изъ Персеполя къ Экбатанѣ, — лѣтней резиденціи персидскихъ царей, и покореніемъ всѣхъ столицъ и главныхъ городовъ Персидскаго царства докончить низверженіе царствовавшей династіи. Теперь онъ уже торжественно объявилъ всему Востоку о намѣреніи покорить Персидское царство, называя это завоеваніе только перемѣною династіи. Въ Персеполѣ и Пасаргадѣ, гдѣ онъ прожилъ четыре мѣсяца, ему достались такія сокровища, что позднѣйшіе историки Александра, конечно, преувеличивая, утверждаютъ, что для перевозки ихъ потребовалось будто бы три тысячи верблюдовъ и еще болѣе муловъ. Въ Персеполѣ Александръ, говорятъ, въ отмщеніе за жестокости Ксеркса, разрушившаго нѣкогда храмы Греціи и городъ Аѳины, приказалъ сжечь царскій дворецъ; разсказываютъ, что эту мысль подала на торжественномъ пиршествѣ разгоряченному виномъ побѣдителю знаменитая греческая танцовщица, Таиса, и сама бросила во дворецъ первую горящую головню. Хотя мы и не знаемъ, что именно заставило Александра приказать сжечь дворецъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ имѣлъ при этомъ какую-нибудь другую цѣль. Многіе историки говорятъ, что Александръ тотчасъ раскаялся въ своемъ поступкѣ и приказалъ тушить пожаръ. Во всякомъ случаѣ, дворецъ не могъ сгорѣть совершенно, потому что почти весь былъ построенъ изъ гранита.

Организовавъ новую систему управленія для Персидскаго царства, Александръ пошелъ къ Экбатанѣ, нынѣшнему Гамадану, куда бѣжалъ Дарій послѣ битвы при Арбелѣ. Услышавъ, что воинственные народы, обитающіе на сѣверѣ царства, послали персидскому царю помощь, и что послѣдній рѣшился еще разъ дать сраженіе, Александръ спѣшилъ къ Экбатанѣ, но уже не нашелъ тамъ Дарія. Персидскій царь, напрасно прождавъ обѣщанной помощи, ушелъ въ Парѳію чрезъ такъ называемыя Каспійскія ворота, горный проходъ въ южной части Мазандерана. Сдѣлавъ въ Экбатанѣ нѣсколько необходимыхъ распоряженій относительно управленія Мидіей, Александръ отправился въ погоню за непріятелемъ. Онъ нашелъ Каспійскія ворота не занятыми персидскимъ войскомъ, хотя они и представляли всѣ удобства для обороны. Точно также непріятель не пытался задержать его и далѣе на востокѣ, въ горахъ, чрезъ которыя онъ долженъ былъ идти.

Находясь отъ бѣгущаго Дарія въ разстояніи только нѣсколькихъ дней пути, Александръ узналъ черезъ перебѣжчиковъ о томъ печальномъ положеніи, въ какое поставленъ былъ персидскій царь сопровождавшими его вельможами. Нѣкоторые персы изъ свиты Дарія и во главѣ ихъ Бессъ, — намѣстникъ Бактріи или теперешней страны Балхъ, — составили заговоръ и завладѣли царемъ, рѣ-

шившись увезти его съ собою въ недоступную Бактрію, чтобы предать Александру и тѣмъ купить себѣ у него выгодный миръ. Они спѣшили съ плѣннымъ царемъ и большею частью его войска въ Бактрію, стараясь достигнуть его прежде Александра, шедшаго по ихъ слѣдамъ; онъ въ свою очередь, узнавъ объ этомъ намѣреніи, употребилъ всѣ средства, чтобы догнать ихъ. Онъ оставилъ позади большую часть своихъ войскъ, а съ остальными, съ невѣроятною быстротою, погнался за бѣгущими предателями царя. Когда, наконецъ, онъ сталъ настигать ихъ, заговорщики, отчаявшись въ возможности везти съ собою плѣнника далѣе, нанесли ему смертельную рану и бросили на дорогѣ, надѣясь, что гнавшійся за ними непріятель будетъ задержанъ такимъ образомъ и доставитъ имъ возможность уйти отъ него. И, дѣйствительно, имъ удалось избѣжать плѣна. Александръ достигъ тѣла несчастнаго царя черезъ нѣсколько минутъ по его смерти. Позднѣйшіе греческіе историки, разсчитывавшіе на эффектъ, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы сдѣлать изъ кончины послѣдняго персидскаго царя трогательную сцену. По разсказамъ ихъ, нѣкоторые македоняне подоспѣли прежде Александра къ умирающему Дарію, который попросилъ у нихъ воды, чтобы освѣжить свой засохшій языкъ, и когда одинъ изъ нихъ исполнилъ просьбу несчастнаго царя, тотъ будто бы поблагодарилъ его, сказавъ: «глубоко сожалѣю, что не могу отплатить тебѣ за твое благодѣяніе, но великодушный Александръ сдѣлаетъ это вмѣсто меня; черезъ тебя протягиваю ему свою руку», и тотчасъ послѣ того умеръ (іюль 330 года до р. Х.). Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ къ нему Александръ, покрылъ трупъ своего мантіею и приказалъ отвезти его въ Персеполь, чтобы похоронить тамъ въ царскихъ гробницахъ.

По праву войны и по международному праву, съ древнѣйшихъ временъ господствующему на востокѣ, завоеватель страны признается всѣми законнымъ ея владѣтелемъ съ минуты кончины своего противника. Поэтому Александръ не только фактически, но и по юридическимъ понятіямъ покореннаго имъ народа, сталъ теперь царемъ Персидскаго царства. Онъ возложилъ на себя тогда же часть украшеній персидскихъ царей и, какъ законный преемникъ Дарія, сдѣлался мстителемъ за смерть его, рѣшившись довершить свою побѣду наказаніемъ убійцъ царя. Составившіе заговоръ сатрапы, послѣ убійства Дарія, бѣжали въ различныя провинціи, лежавшія на сѣверо-востокѣ Персидскаго царства. Александръ началъ преслѣдованіе ихъ тѣмъ, что овладѣлъ Гирканіей и Парѳіей, или теперешнимъ Мазандераномъ, Дагестаномъ и Хорасаномъ — странами, находящимися на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, куда удалились нѣкоторые изъ убійцъ съ своими наемными войсками. Они добровольно сдались побѣдителю и получили прощеніе. Послѣ того Александръ отправился въ провинцію Арію, — восточную часть нынѣшняго Хорасана, — сатрапъ которой Сатибарзанъ тотчасъ же ему подчинился. Здѣсь македонскій царь узналъ, что Бессъ, принявъ въ Бактріи титулъ царя и имя Артаксеркса, ждетъ только помощи отъ сосѣднихъ скиѳскихъ ордъ, чтобы идти противъ македонянъ. Завоеватель Персидскаго царства поспѣшилъ въ Бактрію, но принужденъ былъ вернуться съ дороги, получивъ извѣстіе, что Сатибарзанъ произвелъ возмущеніе.

Возстаніе Сатибарзана заставило македонскаго царя совершенно измѣнить составленный имъ планъ. Онъ рѣшился проникнуть въ Бактрію съ другой стороны, а сначала отправился противъ Сатибарзана, бѣжавшаго при его приближеніи въ Бактрію, и въ скоромъ времени покорилъ его провинцію. Отсюда онъ пошелъ далѣе къ югу, въ страну Седжестанъ или Дрангіану древнихъ, бывшую сатрапіей одного изъ убійцъ Дарія, Барзаента. Послѣдній при приближеніи Александра также обратился въ бѣгство, и страна его была покорена безъ всякаго труда. На крайнихъ южныхъ предѣлахъ Дрангіаны, Александръ встрѣтилъ аріасповъ, государственное устройство которыхъ, въ противоположность другимъ жителямъ востока, было организовано по греческому образцу, и которые своею цивилизаціею и всѣми обычаями были очень похожи на грековъ. Александръ оказалъ этому народу такое же уваженіе, какъ и греческимъ племенамъ въ Европѣ, обращался съ нимъ, какъ съ народомъ свободнымъ, оставилъ ему прежнія его государственныя учрежденія и потребовалъ только номинальной зависимости.

Въ Дрангіанѣ обнаружилось въ македонскомъ войскѣ неудовольствіе, воз-

бужденное особенно тѣмъ, что Александръ сталъ смотрѣть на себя какъ на персидскаго царя, сообразно этому во многихъ случаяхъ принималъ замашки восточныхъ царей и поступалъ съ новыми своими подданными уже не такъ, какъ съ народомъ побѣжденнымъ. Хотя управленіе финансами и военную власть въ нѣкоторыхъ частяхъ царства онъ постоянно отдавалъ македонянамъ, но гражданскихъ намѣстниковъ провинцій и другихъ чиновниковъ выбиралъ часто изъ среды персидскихъ вельможъ. Кромѣ того, въ торжественныхъ случаяхъ, онъ иногда являлся въ костюмѣ персидскихъ царей, заботился о прежней царской фамиліи и обращался съ находившимися въ его свитѣ персами точно такъ же, какъ и съ македонянами. Все это возбуждало ропотъ въ македонскомъ войскѣ, которое хотѣло одно пользоваться плодами своей побѣды и властвовать надъ побѣжденными. Недовольство македонянъ усиливалось и отъ того еще, что Александръ не давалъ имъ отдыха, а заставлялъ постоянно слѣдовать за полетомъ своей честолюбивой души. Царю стоило тогда большаго труда заставить войска идти далѣе. Настроеніе ихъ духа было такъ сомнительно, что Антипатръ, узнавъ объ этомъ, заключилъ тайный союзъ съ этолійцами, чтобы обезопасить себя на всякій случай, и въ случаѣ нужды имѣть возможность противопоставить силѣ силу.

Слѣдствіемъ неудовольствія въ войскѣ былъ заговоръ, составленный противъ Александра многими военачальниками и открытый царю во время его пребыванія въ главномъ городѣ Дрангіаны. Нѣкоторые македоняне, занимавшіе незначительныя должности въ свитѣ Александра, захотѣли лишить его жизни, инипіатива же этого заговора принадлежала, какъ говорятъ, высшимъ сановникамъ, въ рукахъ которыхъ первые были только орудіями. Александръ тотчасъ же приказалъ задержать нѣсколькихъ изъ начальниковъ, въ числѣ которыхъ находился и товарищъ его дѣтства, Ф и л о т ъ, сынъ Парменіона. Отецъ этого молодаго человѣка, одинъ изъ старшихъ полководцевъ Филиппа и, вмѣстѣ съ Антипатромъ, самый знатнѣйшій изъ всѣхъ македонянъ, уже давно былъ въ ссорѣ съ Александромъ. Въ битвѣ при Арбелѣ онъ не въ точности выполнилъ свои обязанности, и за это былъ оставленъ въ Мидіи. Филотъ, гордость котораго была оскорблена этимъ поступкомъ царя съ его отцомъ, игралъ съ тѣхъ поръ роль обиженнаго, постоянно хвасталъ подвигами своего отца и презрительно выражался объ Александрѣ. Въ заговорѣ противъ царя подозрѣніе падало на него потому, что извѣстіе объ этомъ заговорѣ прежде всего было сообщено Филоту, который долженъ былъ донести о немъ царю, но не исполнилъ этого, не смотря на вторичное о томъ напоминаніе. Участвовалъ ли онъ самъ въ заговорѣ, или нѣтъ, нельзя рѣшить съ достовѣрностью. Александръ созвалъ войско, чтобы по древнему македонскому обычаю произвести предъ лицемъ его судъ надъ Филотомъ и другими заговорщиками. Обвиненный въ составленіи, вмѣстѣ съ Парменіономъ, заговора противъ царя, Филотъ защищался безъ всякаго успѣха, и войско осудило его, вмѣстѣ съ другими обвиненными, на смерть. Чтобы вынудить отъ Филота признаніе, которое дало бы поводъ запутать въ преступленіе сына и самого Парменіона, Александръ приказалъ пытать его и такимъ образомъ достигъ, чего желалъ. Потомъ, вмѣстѣ съ другими осужденными, по обычаю македонянъ, Филотъ былъ побитъ камнями.

Еще хуже поступилъ Александръ съ отцомъ Филота, — Парменіономъ. Онъ открыто старался запутать его въ заговорѣ и естественно долженъ былъ опасаться, что Парменіонъ, взбѣшенный этимъ и потерею своего сына, будетъ стараться отмстить ему. Александру предстояла серьезная опасность, потому что Парменіонъ пользовался большимъ уваженіемъ войска и, какъ главнокомандующій въ Мидіи, могъ воспользоваться для возстанія пріобрѣтенными сокровищами персидскихъ царей, свезенными въ главный городъ его намѣстничества. Александръ рѣшился умертвить его коварнымъ образомъ. Одинъ ѳракійскій князь, находившійся въ войскѣ, и двое греческихъ начальниковъ приняли на себя исполненіе этого дѣла. Они отправились въ Экбатану, прибыли въ этотъ городъ прежде, чѣмъ успѣла дойти туда вѣсть о казни Филота, и убили стараго воина, встрѣтившаго ихъ безъ всякихъ опасеній. Александръ освободилъ себя отъ заслуженнаго полководца точно такимъ же образомъ, какъ обыкновенно поступали турецкіе султаны съ опасными для себя пашами, т. е. убивали ихъ безъ всякаго суда,

посредствомъ подосланныхъ убійцъ. Впрочемъ, какъ велико было тогда недовольство между македонскими полководцами можно видѣть изъ того, что по случаю процесса Филота многіе изъ нихъ, какъ Полемонъ, Аминтъ, Атталъ и Симмій, находились въ подозрѣніи. Эти военачальники, изъ которыхъ первый командовалъ конницею, а трое другихъ фалангою, также обвиненные передъ войскомъ, были однако оправданы имъ. Александръ принялъ приговоръ войска и болѣе не преслѣдовалъ ихъ. Если въ этомъ случаѣ онъ, подобно своему отцу, уважилъ и свято сохранилъ древній македонскій законъ, то тѣмъ болѣе поступокъ его съ Парменіономъ бросаетъ темное пятно на его характеръ и показываетъ перемѣну въ его настроеніи и образѣ дѣйствій, начавшую съ этихъ поръ выказываться все замѣтнѣе и замѣтнѣе.

Изъ Дрангіаны Александръ отправился къ сѣверовостоку. Сначала онъ шелъ вверхъ по рѣкѣ Хильменду, а потомъ, черезъ нынѣшній Кандагаръ и Кабулъ, направился къ подошвѣ высокихъ и дикихъ горъ, которыя называются Индійскимъ Кавказомъ или Гинду-Ку, а въ западномъ своемъ протяженіи Паропамисомъ, и служатъ южной границей Бактріи или Балха. Слѣдуя этому пути, онъ сначала достигъ страны арахосійцевъ или сѣвернаго Афганистана, потомъ страны паропамисадовъ, перваго индійскаго народа, съ которымъ онъ пришелъ въ соприкосновеніе. Оба народа тотчасъ покорились ему. Въ послѣдней странѣ Александръ провелъ нѣсколько времени, желая дождаться конца сильныхъ зимнихъ холодовъ, чтобы потомъ чрезъ Гинду-Ку идти въ Бактрію. Еще до конца зимы, онъ началъ свой походъ и перешелъ черезъ эту широкую и трудно проходимую цѣпь горъ по пути, ведущему чрезъ Баміанъ и проходъ Дунданъ-Шиканъ. Александръ только съ величайшими трудностями могъ пройти черезъ эти снѣжныя, необитаемыя горныя страны, гдѣ воины его питались убитымъ вьючнымъ скотомъ и кореньями и терпѣли страшный холодъ. Переходъ чрезъ Гинду-Ку былъ предпріятіемъ гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ походъ Аннибала черезъ Альпы, или столь же прославленный переходъ Наполеона черезъ большой Сенъ-Бернаръ, и македонское войско вполнѣ заслуживаетъ нашего удивленія. Оно совершило безъ картъ и безъ всякихъ пособій, данныхъ намъ безчисленными изобрѣтеніями новѣйшаго времени, въ несравненно болѣе высокихъ мѣстностяхъ, чѣмъ европейскіе Альпійскіе проходы, все то, что сдѣлали въ Альпахъ величайшіе полководцы позднѣйшихъ вѣковъ, имѣвшіе въ своихъ рукахъ несравненно больше средствъ, и на что они смотрѣли, какъ на самый вѣрный залогъ безсмертія своей славы.

Бессъ употребилъ все свое стараніе, чтобы, увеличивъ трудность этого пути опустошеніемъ страны и истребленіемъ всѣхъ жизненныхъ потребностей, удержать македонское войско отъ вторженія въ Бактрію. Но, увидѣвъ безплодность всѣхъ своихъ усилій, онъ ушелъ черезъ Оксъ или рѣку Аму въ Согдіану, т. е. въ ту страну, западная половина которой состояла изъ нынѣшней Бухары, а восточная изъ находящагося внутри непроходимыхъ горъ Кокана. Такимъ образомъ Бактрія была покорена македонянами безъ малѣйшаго труда (весною 329 г. до р. Х.). Александръ быстро погнался за бѣгущимъ Бессомъ, навелъ на скорую руку мостъ черезъ рѣку Аму и пошелъ на Мараканду или Самаркандъ, главный городъ Согдіаны. Получивъ на дорогѣ извѣстіе, что Спитаменъ, сатрапъ Согдіаны, захватилъ Бесса и готовъ выдать его македонянамъ, Александръ послалъ впередъ Птолемея, чтобы взять убійцу царя. По приказанію Александра Бессъ былъ закованъ въ цѣпи, показанъ всему войску и потомъ переданъ персидскому принцу Оксіатру, покорившемуся, послѣ смерти брата своего Дарія македонскому царю, чтобы тотъ, по персидскому обычаю, отрѣзавъ ему сначала уши и носъ, распялъ его на крестѣ.

Выдачею своего друга, Спитаменъ надѣялся удержать побѣдителя отъ дальнѣйшаго похода, но Александръ не удовлетворился наказаніемъ убійцы царя и похитителя трона, и неудержимо шелъ впередъ. Вся Согдіана была мало-помалу покорена и Спитаменъ, напрасно старавшійся оспоривать у македонянъ владѣніе ею, послѣ многочисленныхъ попытокъ къ сопротивленію, былъ прогнанъ въ сосѣднія пустыни и убитъ или своей женою, или тамошними хищническими племенами. Александръ прошелъ до рѣки Сыръ-Дарьи, Яксарта древнихъ, составлявшей сѣверную границу Согдіаны со стороны скиѳскихъ хищническихъ племенъ. Въ Согдіанѣ и Бактріи онъ провелъ два года, отчасти потому, что поло-

женіе этихъ странъ было весьма выгодно для управленія изъ нихъ покореннымъ царствомъ и рекогносцировки сосѣдней Индіи, куда рѣшился идти Александръ, отчасти же потому, что эти важныя земли, по неприступности своихъ горъ, безпокойному духу своихъ обитателей и вслѣдствіе близости дикихъ хищническихъ ордъ, обитавшихъ въ степяхъ къ сѣверу и западу, не могли быть совершенно покорены въ короткое время.

Все, совершенное Александромъ во время его похода отъ странъ Каспійскаго моря до сѣверныхъ границъ Согдіаны, для соединенія отдѣльныхъ частей царства, утвержденія своего владычества и основанія новой цивилизаціи въ Азіи, служитъ лучшимъ доказательствомъ величія его духа. Еще прежде онъ устроилъ безопасный путь изъ Сузы въ Персеполь, тогда какъ персидскіе цари должны были покупать безопасность путешественниковъ, своихъ собственныхъ чиновниковъ и войскъ податью разбойникамъ. Онъ покорилъ дикіе воинственные народы, обитавшіе въ горахъ къ югу отъ Каспійскаго моря и постоянно противившіеся персидскому господству, и провелъ черезъ ихъ страну дорогу; во время своего побѣдоноснаго шествія отъ Каспійскаго моря до самой Согдіаны онъ устроилъ также новые и безопасные пути сообщенія между востокомъ и западомъ, сѣверомъ и югомъ внутренней Азіи. Въ лежащихъ къ сѣверовостоку отъ Ирана странахъ, всегда имѣвшихъ очень мало единства и связи между собою и постоянно обитаемыхъ кочевыми ордами, великому македонскому царю удалось сдѣлать то, чего не достигали всѣ прежніе владѣтели Персидскаго царства. Основанные города и всѣ сдѣланныя имъ распоряженія во время этого похода представляютъ лучшее доказательство вѣрности его взгляда, всеобъемлющей энергіи его духа и разсчитанности его дѣйствій даже въ такое время, когда, казалось, славолюбіе завлекло его слишкомъ далеко.

Походъ Александра отъ Гирканіи или Мазандерана до страны агріасповъ при озерѣ Зарегъ и въ Седжестанъ упрочивалъ за нимъ обладаніе Хорасаномъ и всей страной отъ Герата до Седжестана и открывалъ удобное сообщеніе между Гератомъ и Каспійскимъ моремъ. Для этой цѣли, Александръ поселилъ тутъ въ различныхъ мѣстностяхъ грековъ, служившихъ въ войскахъ Дарія, и такимъ образомъ положилъ основаніе новой цивилизаціи въ этихъ краяхъ. Въ странѣ, гдѣ лежитъ теперь Гератъ, и сходятся дороги отъ озера Зарегъ, изъ Балха, Индіи и Седжестана, онъ основалъ важный въ военномъ отношеніи городъ Александрію, называвшуюся Арійскою. Вторымъ военнымъ пунктомъ была Александрія въ Арахосіи, на дорогѣ изъ Келата въ сѣверовосточномъ Белуджистанѣ и отъ нижнихъ частей рѣки Инда, соотвѣтствующая, вѣроятно, нынѣшнему Кандагару. Третьимъ военнымъ поселеніемъ была Александрія при Кавказѣ, положеніе которой нельзя опредѣлить въ точности, но которая съ одной стороны охраняла дорогу въ Индію, а съ другой проходъ чрезъ Гинду-Ку. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что это былъ нынѣшній Кандагаръ, а другіе съ большею вѣроятностью относятъ ее далѣе къ сѣверу, въ страну между Кабуломъ и Бамiаномъ. Въ Согдіанѣ и Бактріи, гдѣ Александръ основалъ множество новыхъ городовъ, Александрія на Яксартѣ или Сигунѣ была самымъ крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ, куда доходили македоняне во время своего похода. Потому впослѣдствіи городъ этотъ называли Александріею Эсхатою, т. е. Александріею, находящеюся на концѣ свѣта. Это поселеніе было основано въ плодоносной мѣстности, почти на границѣ степей и пустынь, издавна обитаемыхъ дикими ордами. Такимъ образомъ она составляла пограничный пунктъ противъ страны варваровъ и затрудняла доступъ изъ нея къ долинамъ верхняго Яксарта, гдѣ лежатъ Коканъ, Ходжендъ, Ташкентъ и Тонкатъ, всегда имѣвшіе большое значеніе для исторіи средней Азіи. Александръ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, хотѣлъ оградить цивилизацію своего государства и провести укрѣпленную границу противъ варварства кочевыхъ народовъ. Вообще въ Согдіанѣ и Бактріи — этихъ первобытныхъ центрахъ образованности средней Азіи (стр. 60) Александръ снова оживилъ цивилизацію и основаніемъ городовъ и поселеніемъ многихъ тысячъ грековъ положилъ начало совершенно новой образованности. Эти страны, до нашихъ дней оставшіяся средоточіемъ торговли, науки и искусствъ, и посредствомъ своихъ каравановъ снабжающія сѣверъ и западъ Азіи продуктами Индіи, снова получили при Александрѣ великое значеніе для циви-

лизаціи Азіи. Слѣды созданной имъ тамъ образованности еще и теперь замѣтны въ литературѣ Индіи и Персіи, хотя восточная фантазія почти совершенно исказила ихъ. У жителей этихъ странъ до сихъ поръ еще жива память о великомъ завоевателѣ Александрѣ, или какъ они называютъ его, Искендерѣ.

12. Александръ какъ повелитель Персидскаго царства.

Александръ пробылъ въ Согдіанѣ и Бактріи до весны 327 г., т. е. до похода въ Индію, занимаясь утвержденіемъ своей власти надъ этими странами, подавленіемъ вспыхивавшихъ тамъ возмущеній и отраженіемъ многократныхъ нападеній степныхъ народовъ. Во время пребыванія въ Бактріи характеръ Александра совершенно измѣнился, и этотъ великій человѣкъ сдѣлался живымъ доказательстомъ того, что для человѣческой натуры невозможно сохранить на вершинѣ счастія все безстрастіе истиннаго величія. Въ то же время между македонскими полководцами постоянно усиливалось неудовольствіе на своего великаго вождя, политики котораго они не понимали и въ которомъ осуждали поступки, служившіе, напротивъ того, прямымъ доказательствомъ его способности къ основанію всемірной монархіи и управленію ею. Большинство историковъ, основываясь на нѣкоторыхъ происшествіяхъ, случившихся при его дворѣ, несправедливо представляли это недовольство слѣдствіемъ перемѣны, обнаружившейся въ нравственномъ характерѣ Александра. Событія эти необходимо должны быть изложены, потому что они главнымъ образомъ послужили къ обвиненію великаго монарха.

Еще со времени побѣды при Арбелѣ, Александръ перестал смотрѣть на персовъ какъ на покоренный народъ, а на грековъ и македонянъ какъ на народъ высшаго происхожденія, и сталъ стремиться уравнять побѣдителей съ побѣжденными и соединить ихъ внутреннею связью, какъ членовъ одной монархіи. Онъ высказалъ это стремленіе свое замѣтнымъ образомъ только по смерти Дарія и тѣмъ отдалилъ отъ себя своихъ собственныхъ соотечественниковъ, мечтавшихъ только объ угнетеніи побѣжденныхъ и о спокойной, роскошной жизни на ихъ счетъ. Они осуждали въ Александрѣ все, что онъ дѣлалъ для достиженія своей цѣли, и чѣмъ дальше шелъ онъ по этому пути, тѣмъ сильнѣе становились неудовольстіе и ропотъ его войска. Принятыя имъ мѣры касались сначала только внѣшности и формъ, но за это-то и порицали Александра, потому что большинство придаетъ пустякамъ и мелочамъ огромное значеніе. Александръ началъ одѣваться, какъ персидскіе цари, и вести такой же образъ жизни, какъ и всѣ цари востока. Онъ возстановилъ часть персидскихъ придворныхъ церемоній, надѣвалъ на себя персидскія діадему и царскія одежды, и одѣлъ своихъ слугъ по-персидски, хотя самъ держался персидскихъ обыкновеній только въ исключительныхъ случаяхъ, а въ обыкновенное время жилъ постарому. Персидскіе нравы и жизнь были противны всей его природѣ, а притомъ онъ старался щадить по возможности и предразсудки македонянъ. Онъ имѣлъ притязанія и на божественныя почести, что также служило предметомъ порицанія; но дѣлалъ это только оттого, что ему хорошо была извѣстна привычка восточныхъ народовъ смотрѣть на своихъ царей, какъ на существа высшаго происхожденія, и, вслѣдствіе того, считать несоотвѣтствующею царскому достоинству каждую попытку ихъ сблизиться съ своими подданными. Въ этомъ Александръ высказалъ свое умѣнье вѣрно судить о подвластныхъ ему народахъ и въ первое время, придавая себѣ титулъ божества, онъ просто хотѣлъ жить съ персами такъ, какъ ихъ прежніе цари. Всего скорѣе думалъ онъ достигнуть своей цѣли, воспользовавшись греческими идеями о полубогахъ, и, сообразно господствовавшему на востокѣ предразсудку, выдалъ себя за сына Юпитера. Такимъ образомъ онъ надѣялся примирить духъ грековъ съ восточными нравами и понятіями; но упорные соотечественники Александра не хотѣли признать за нимъ того, что спустя двадцать лѣтъ безъ всякаго сопротивленія признавали не только за своими полководцами, присвоившими себѣ царскую власть, но даже и за ихъ женами.

Сдѣлавшись повелителемъ Персидскаго царства, Александръ не остановился

однако на одной перемѣнѣ своей внѣшней жизни или царскаго этикета, но еще болѣе расширилъ свой планъ уравненія и сліянія различныхъ подвластныхъ ему націй. По смерти Дарія, онъ принялъ въ свое войско и даже въ число своихъ тѣлохранителей персовъ, ввѣрялъ послѣднимъ начальство надъ войсками, набранными въ покоренныхъ имъ странахъ, смотрѣлъ съ удовольствіемъ на то, что его греко-македонскіе полководцы или правители изучали персидскій языкъ, — какъ, напримѣръ, Леоннатъ, Гефестіонъ, Эвменъ и Певкестъ, — и раздавалъ намѣстничества и другія должности въ провинціяхъ не только грекамъ и македонянамъ, но также и персамъ, мидянамъ и даже людямъ такихъ національностей, съ которыми сами персы обращались какъ съ покоренными. Соотечественники Александра были весьма недовольны всѣмъ этимъ, потому что имъ казалось, что, обращаясь къ персамъ, онъ отдѣляется отъ нихъ. По своимъ національнымъ понятіямъ они смотрѣли на всѣ не греческіе народы какъ на варваровъ, стоящихъ безконечно ниже ихъ, и не могли возвыситься до воззрѣнія своего великаго царя, который первый изъ всѣхъ завоевателей, о какихъ сохранила память всемірная исторія, — имѣлъ мысль уравнять покоренный народъ съ своимъ собственнымъ и своими завоеваніями расширить не только идею государства, но и идею отечества.

Такимъ образомъ то, чѣмъ были недовольны греки и македоняне въ образѣ дѣйствій своего царя, какъ владѣтеля Азіи, должно быть поставлено этому великому человѣку не въ укоръ, а въ заслугу. Конечно, нельзя отрицать, что для самого Александра его планъ тѣснаго сліянія самыхъ противоположныхъ народовъ на землѣ впослѣдствіи обошелся весьма дорого для его собственной личности, потому что чужихъ нравовъ и обычаевъ нельзя снимать и надѣвать по произволу какъ одежду. Ослѣпленный своимъ счастіемъ, онъ скоро перешелъ должную мѣру; но до индійскаго похода Александра нельзя обвинять въ полной перемѣнѣ его нравовъ и настроенія ума. Неудовольствіе его войска съ самаго начала было очень оскорбительно для него, и оно-то имѣло вредное вліяніе на его характеръ, хотя и въ это время и потомъ онъ не переставалъ быть великимъ и благороднымъ человѣкомъ.

Другой упрекъ, дѣлаемый Александру, также приноситъ честь его сердцу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ убѣдился въ непреодолимости предразсудковъ своихъ македонянъ, его любимцами сдѣлались полководцы Гефестіонъ и Кратеръ, пріобрѣвшіе съ тѣхъ поръ сильное вліяніе на него. Первый, еще съ ранней юности бывшій близкимъ другомъ Александра, сдѣлался тогда особеннымъ любимцемъ его потому, что лучше всѣхъ македонянъ умѣлъ понять намѣренія Александра въ обращеніи его съ персами, а послѣдній, какъ отличнѣйшій полководецъ, оказавшій царю важныя услуги, былъ для него очень дорогъ и полезенъ своимъ глубокимъ знаніемъ македонскихъ и греческихъ дѣлъ. И тотъ и другой злоупотребляли своимъ положеніемъ при Александрѣ, но самого Александра нельзя осуждать за то, что сдѣлалъ ихъ своими любимцами и вполнѣ довѣрялъ людямъ, которые были и оставались его друзьями, когда всѣ другіе болѣе или менѣе отдалились отъ него. Только съ похода въ Индію въ Александрѣ обнаруживается уже любовь къ почестямъ и лести, и его любимцами становятся жалкіе царедворцы, у которыхъ доставало умѣнья подличать и льстить.

Наконецъ, въ доказательство того, что характеръ Александра измѣнился еще ранѣе похода въ Индію, представляютъ три факта, случившіеся во время пребыванія его въ Согдіанѣ и Бактріи: жестокое наказаніе Бесса, умерщвленіе полководца Клита и поступокъ Александра съ философомъ Каллисѳеномъ; но всѣ эти три событія не доказываютъ въ немъ подобной перемѣны. Бессъ, конечно, былъ казненъ жестокимъ, варварскимъ образомъ; но подобнаго рода смерть была у персовъ обыкновеннымъ наказаніемъ за такое преступленіе, какое совершилъ Бессъ. Въ этомъ случаѣ Александръ приказалъ убійцу царя и похитителя престола казнить по персидскимъ законамъ какъ перса и имѣлъ самыя основательныя причины не дѣлать исключенія въ пользу Бесса.

Клитъ былъ умерщвленъ въ согдіанскомъ городѣ Маракандѣ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, Александръ совершилъ трудный походъ въ крутыя горы этой страны и ждалъ къ Маракандѣ возвращенія Гефестіона изъ другой экспедиціи, чтобы съ прибытіемъ его сдѣлать еще одинъ походъ и докончить поко-

реніе Согдіаны. Этимъ временемъ Александръ воспользовался для отдыха и устроивалъ попеременно съ своими друзьями охоты и пиры. На одномъ изъ этихъ пировъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, онъ убилъ брата своей кормилицы, человѣка, спасшаго ему жизнь въ битвѣ при Граникѣ. Фактъ этотъ приводятъ какъ доказательство, что благородное сердце Александра окончательно испортилось и сдѣлалось доступнымъ самой низкой неблагодарности и жестокости восточныхъ деспотовъ. Но, изслѣдовавъ точнѣе обстоятельства этого событія, мы будемъ судить о царѣ иначе, и, при всей ужасности самаго несчастія, быть можетъ, найдемъ, что въ этомъ происшествіи Александръ оказалъ болѣе величія души, чѣмъ во всѣхъ своихъ походахъ.

Въ одинъ изъ праздниковъ, посвященныхъ Вакху, Александръ пировалъ со своею свитою. На пирѣ были его полководцы, въ дверяхъ залы стояли тѣлохранители и придворные, но во всемъ этомъ не было ничего восточнаго. Мы видимъ не деспота, собравшаго вокругъ себя своихъ низкопоклонныхъ рабовъ, а счастливаго полководца въ обществѣ своихъ военныхъ товарищей, которые съ своимъ царемъ и другъ съ другомъ обращаются совершенно свободно, какъ равные съ равными. Разгоряченные виномъ, полководцы стали выхвалять подвиги своего царя и ставить его походы и предпріятія выше подвиговъ Вакха и Геркулеса. Такая похвала оскорбила вспыльчиваго и уже полупьянаго Клита; онъ началъ доказывать, что несправедливо ставить подвиги Александра на ряду съ дѣлами боговъ, потому что слава его походовъ принадлежитъ собственно не ему, а войску. Александръ молча слушалъ этотъ разговоръ. Нѣкоторые изъ полководцевъ возражали Клиту, и между ними завязался жаркій споръ, еще болѣе разгорячившій умы. Когда, наконецъ, кто-то изъ нихъ воскликнулъ, что единственная слава Филиппа состоитъ въ томъ, что онъ считается отцемъ Александра, Клитъ, вскочивъ съ своего мѣста, началъ защищать память царя, дѣлая скрытыя нападки на Александра, и прославлять Парменіона, Филота и другихъ умершихъ полководцевъ, которые счастливы потому, что не принуждены дѣлить съ персами своей славы. Наконецъ, съ своими оскорбительными рѣчами онъ сталъ уже относиться прямо къ самому царю. Тогда Александръ, потерявъ терпѣніе, вскочилъ съ мѣста и хотѣлъ взяться за оружіе, но присутствовавшіе выхватили изъ его рукъ оружіе и поспѣшили удалить пьянаго Клита. Сильно взволнованный, Александръ сталъ ходить по залѣ, громко жалуясь на неблагодарность и дерзость. Тогда Клитъ, котораго успѣли было вывести за дверь, снова ворвался въ залу и осыпалъ Александра насмѣшками. Александръ, также не трезвый, въ бѣшенствѣ выхватилъ изъ рукъ одного тѣлохранителя копье и бросилъ его въ Клита, который упалъ мертвымъ.

Убивъ своего полководца, Александръ мгновенно отрезвился и предался отчаянной скорби. Говорятъ, что онъ вынулъ копье изъ груди Клита, въ намѣреніи умертвить самого себя, и только подбѣжавшіе къ нему собесѣдники удержали его отъ этого. Цѣлые три дня проплакалъ онъ надъ трупомъ Клита, не допуская къ себѣ никого и не принимая никакой пищи. Только по усиленной просьбѣ своихъ полководцевъ и войска, напоминавшихъ ему объ его обязанностяхъ, Александръ успокоился.

Третья жестокость, въ которой совершенно напрасно упрекаютъ Александра, это поступокъ его съ философомъ Каллисѳеномъ. Но и этотъ фактъ можно объяснить, нисколько не выставляя Александра свирѣпымъ. Происшествіе съ Каллисѳеномъ, случившееся незадолго передъ походомъ въ Индію, конечно, указываетъ на начало и главныя причины перемѣны, безспорно обнаружившейся съ этого времени въ характерѣ Александра. Каллисѳенъ былъ такой человѣкъ, о которомъ его же родственникъ Аристотель сказалъ, что онъ «хотя и умѣетъ красно выражаться, но не имѣетъ разсудка». Сочиненіе его, въ которомъ описаны походы Александра, сдѣлалось главнымъ источникомъ всѣхъ преувеличеній и лжи, которыми была обезображена, съ самаго начала, исторія великаго царя. Въ свитѣ Александра онъ игралъ роль истиннаго царедворца и принадлежалъ къ числу льстецовъ, всѣми силами заискивавшихъ милости царя. Но когда Анаксархъ изъ Абдеры, ученикъ Демокрита, пріобрѣлъ вліяніе на Александра, съ Каллисѳеномъ вдругъ произошла перемѣна. Анаксархъ, одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ софистовъ, былъ философомъ большаго свѣта и проповѣдывалъ ученіе, искусно построенное на софизмахъ и легко приспособлявшееся ко всякимъ обсто-

ятельствахъ. Основныя начала ученія Анаксарха всего лучше видны изъ образа его дѣйствій послѣ убіенія Клита. Чтобы утѣшить царя и войти къ нему въ милость, онъ упрекалъ его за благородную печаль и прекрасное раскаяніе и высказалъ страшную мысль, что границы позволеннаго человѣку опредѣляются объемомъ его власти. «Тотъ-ли это,»—говорилъ онъ предавшемуся отчаянію царю,— «Александръ, на котораго устремлены глаза цѣлаго міра? Онъ, какъ рабъ, плачетъ, оскорбитъ и боится закона и суда человѣческаго! Онъ, который самъ долженъ быть для людей закономъ и источникомъ всякаго права! Вѣдь для того, чтобы владычествовать надъ міромъ, взялся онъ за оружіе и одерживалъ побѣды, а не для того, чтобы позволять господствовать надъ собою пустому мнѣнію свѣта. Развѣ ты не знаешь, царь, что богиня справедливости за тѣмъ только и предстоитъ передъ трономъ Юпитера, чтобы разъяснять ему, что все то хорошо и справедливо, что дѣлаетъ имѣющій въ своихъ рукахъ власть?» Анаксархъ дѣйствовалъ смотря по обстоятельствамъ, и чѣмъ раболѣпнѣе держалъ онъ себя передъ тѣми, кого боялся, тѣмъ нахальнѣе и надменнѣе былъ передъ людьми, нуждавшимися въ немъ. Для него не существовало ни одной твердой, неизмѣнной истины, и онъ способствовалъ распространенію между греками скептицизма, или того ученія о непонятности и сомнительности всего существующаго, основателемъ котораго былъ ученикъ его Пирронъ. Впослѣдствіи онъ получилъ себѣ должное возмездіе, когда владѣтель Кипра подвергъ его такой казни, какую постановляетъ турецкій законъ для улемовъ или муфтіевъ, навлекающихъ на себя гнѣвъ великаго султана. На одномъ пирѣ, Анаксархъ сказалъ царю, что лучше бы, вмѣсто рыбъ, которыхъ подаютъ, онъ заставилъ поднести себѣ головы своихъ сатраповъ и правителей. Произнеся эти слова въ присутствіи людей, жизнь которыхъ была въ опасности, онъ взглянулъ на Никокреона, владѣтеля Кипра. Черезъ нѣсколько времени, захвативъ въ плѣнъ этого подлаго льстеца, Никокреонъ приказалъ истолочь его въ ступѣ. Въ послѣднія свои минуты Анаксархъ обнаружилъ однако твердость духа, достойную лучшихъ стремленій. Такой человѣкъ, для котораго милость царя и собственная польза были единственною цѣлью всѣхъ желаній, умѣлъ обходиться съ грубыми солдатами и избалованными царскими любимцами, и льстить имъ гораздо лучше, чѣмъ надменный и державшійся опредѣленныхъ фисософскихъ началъ Каллистенъ, говорившій иногда полководцамъ и придворнымъ льстецамъ жестокую правду, и надоѣвшій имъ своею страстью къ нравоученіямъ. Въ искусствѣ болтать Анаксархъ нисколько не уступалъ послѣдователямъ Аристотеля, а своимъ умѣньемъ льстить всякому скоро сталъ при царѣ и его свитѣ выше Каллистена. Анаксархъ пріобрѣлъ на Александра большое вліяніе и, хвастаясь этимъ, оскорбительнымъ образомъ давалъ чувствовать Каллистену свое значеніе при дворѣ. Замѣтивъ, что другой занялъ его мѣсто, Каллистенъ тотчасъ же перемѣнилъ свое поведеніе, сдѣлался суровымъ, принялъ на себя при дворѣ роль колкаго сатирика, которая къ нему не шла нисколько, а между тѣмъ раздражала царя и его свиту. Такимъ образомъ онъ совершенно лишился милости Александра; а слава и вліяніе Анаксарха продолжали увеличиваться. Самолюбивый философъ сдѣлалъ еще большую неосторожность. Онъ сталъ появляться въ обществѣ недовольныхъ Александромъ, которыхъ было не мало между полководцами и второстепенными начальниками, подлаживался подъ ихъ тонъ и разъигрывалъ роль республиканца. Наконецъ однажды онъ выказалъ открытое сопротивленіе царю, захотѣвшему распространить церемонію колѣнопреклоненія передъ нимъ на македонянъ и грековъ, церемонію, которой Александръ придавалъ большое значеніе ради персовъ.

Царедворцы не упустили этого случая, чтобы удалить человѣка, котораго уже давно ненавидѣли. Они стали интриговать и воспользовались заговоромъ, составленнымъ вскорѣ послѣ этого происшествія однимъ македонскимъ пажемъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, чтобы избавиться отъ ненавистнаго философа. Каллистенъ былъ друженъ съ этимъ пажемъ и успѣлъ сдѣлать его послѣдователемъ своихъ философскихъ воззрѣній; враги Каллистена стали кричать, что преступленіе, задуманное молодыми людьми, было слѣдствіемъ его ученія, что оно возбуждало въ нихъ духъ неповиновенія, проповѣдывало цареубійство и пр. Каллистена арестовали вмѣстѣ съ прочими заговорщиками. Послѣдніе, судившіеся по македонскимъ законамъ войскомъ, были признаны виновными и побиты кам-

нями. Каллистенъ же, который по своему происхожденію не былъ македонянинъ, по приказанію царя былъ закованъ въ цѣпи и отосланъ въ Индію. Тамъ онъ заболѣлъ и умеръ самымъ ужаснымъ образомъ, потому что Александръ забылъ о немъ, и слѣдовательно онъ очутился совершенно во власти людей, которые ненавидѣли его, и наконецъ потому еще, что въ Индіи тюремное заключеніе само по себѣ составляетъ невыносимое мученіе.

Исторія съ Каллистеномъ показываетъ, до какой степени дѣйствительно измѣнились настроеніе духа и характеръ Александра со времени похода въ Бактрію и Согдіану. Ослѣпленный счастіемъ, онъ сталъ искать удовольствій въ лести, льстилъ самъ себѣ и нерѣдко поступалъ совершенно произвольно. Вслѣдствіе того истинные его друзья мало-по-малу отдалились отъ него. Александръ долженъ былъ окружать себя теперь низкими людьми, которыхъ прежде онъ самъ презиралъ, и терпѣть ихъ при себѣ, потому что собственное сознаніе говорило ему, что лучшая часть окружавшихъ его лицъ стала его ненавидѣть, и что теперь онъ уже не можетъ болѣе довѣрять имъ. Въ числѣ негодяевъ, пріобрѣтшихъ на него вліяніе, кромѣ цѣлой толпы персидскихъ льстецовъ, были жалкій софистъ Анаксархъ, стихоплетъ Агисъ изъ Аргоса, и лживый историкъ подвиговъ Александра, Онесикритъ, разъигрывавшій роль циническаго философа, но на самомъ дѣлѣ исполненный наглости, тщеславія и корыстолюбія. Подобныя личности получали теперь доступъ къ Александру, потворствуя всѣмъ его слабостямъ, предупреждая его желанія и во всемъ соглашаясь съ нимъ. Въ это время Александръ разошелся и съ своимъ учителемъ Аристотелемъ, который оскорбился его поступкомъ съ Каллистеномъ и къ которому самъ Александръ не благоволилъ за тѣсныя связи его съ Антипатромъ. Да и какъ могъ человѣкъ, все время котораго было раздѣлено между страшнымъ напряженіемъ силъ и неразумными развлеченіями, двадцати девяти лѣтъ отъ роду, выдержать такое искушеніе, котораго не могъ вынести, въ наши дни, человѣкъ сорока лѣтъ, вышедшій при томъ изъ низшихъ слоевъ общества и прошедшій школу революціи? Исполинскихъ предпріятій Александра и никогда не измѣнявшаго ему счастія уже достаточно было для того, чтобы привести его къ гордой мысли, что онъ любимецъ божества. Кромѣ того, разные стихоплеты, философы, ученые и придворные со всѣхъ сторонъ поддерживали его въ этомъ заблужденіи. Эти люди ставили его подвиги выше прославленныхъ миѳами предпріятій Геркулеса и Вакха и выдавали за истину политическую фикцію о происхожденіи Александра отъ Юпитера. Этимъ они довели царя до того, что и самъ онъ сталъ наконецъ злоупотреблять ею и началъ помѣщать въ своихъ посланіяхъ къ греческимъ городамъ титулъ сына боговъ, какъ существенный аттрибутъ своего канцелярскаго стиля и придворнаго церемоніала; въ концѣ своей жизни, онъ прощалъ даже тирану Египта, Клеомену, всѣ его мошенничества, и позволялъ ему дѣлать ихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ воздвигнулъ храмъ умершему любимцу его Гефестіону, какъ полубогу, и учредилъ въ честь его жертвоприношенія. Не смотря на всѣ эти ошибки и заблужденія, въ Александрѣ сохранилось еще много хорошаго; окруженный всей роскошью восточнаго всемірнаго владыки, онъ до самой смерти своей не переставалъ приглашать на свои пиры полководцевъ и во время ихъ, какъ и прежде, принималъ участіе въ свободныхъ разговорахъ, и на послѣднемъ своемъ пирѣ состязался въ декламаціи съ бывшими тамъ актерами, пилъ за здоровье своихъ гостей и, по старому македонскому обычаю, убѣждалъ ихъ больше пить.— Несомнѣнно, что со времени своего похода въ Бактрію, Александръ все болѣе болѣе старался освободиться отъ ограничивавшихъ его власть формъ конституціонной монархіи, какою было Македонское царство. Если онъ положительно и не отнималъ у македонянъ ихъ правъ, то предпринималъ разныя мѣры, вытекавшія изъ его стремленія властвовать неограниченно. Такъ, для того, чтобы въ случаѣ нужды, привести свою волю въ исполненіе силою, онъ старался составить войско, которое зависѣло бы только отъ него одного, а не принадлежало бы дворянству и не было предано послѣднему, какъ македонское. Для этой цѣли, передъ своимъ походомъ въ Индію, Александръ приказалъ намѣстникамъ покоренныхъ провинцій навербовать здоровыхъ и сильныхъ людей изъ туземцевъ и выучить ихъ македонскимъ военнымъ экзерциціямъ. Такая крѣпкая по природѣ раса, какъ персы, особенно обитатели сѣверныхъ провинцій царства, должна была дать превосходныхъ солдатъ, и дѣй-

ствительно по своемъ возвращеніи изъ Индіи Александръ нашелъ совершенно поевропейски вооруженное и дисциплинированное войско изъ тридцати тысячъ человѣкъ, которыхъ онъ, въ случаѣ нужды, могъ смѣло выставить противъ своихъ македонянъ, и, къ большему неудовольствію македонскихъ солдатъ, далъ ему мѣсто непосредственно за фалангою. Кромѣ того, Александръ основалъ еще смѣшанное изъ македонянъ и персовъ войско, организованное такимъ образомъ, что подраздѣленія каждый роты состояли изъ двѣнадцати персовъ и четырехъ македонянъ, занимавшихъ нисшія начальническія должности. Наконецъ онъ включилъ въ составъ македонскаго войска персовъ, бактрійцевъ, согдіанцевъ и другихъ азіатцевъ, которыхъ ввелъ даже въ составленную изъ высшаго македонскаго дворянства агему гетеровъ (стр. 284).

Такимъ образомъ, къ концу своей жизни, Александръ былъ близокъ къ тому, чтобы сдѣлаться персидскимъ деспотомъ. Въ послѣднее время онъ сталъ вводить жестокія, варварскія наказанія, существовавшія у персовъ, преслѣдовать незначительные проступки несарозмѣрно строгими взысканіями и поступать на основаніи страшнаго правила, что тотъ, кто сдѣлалъ малое преступленіе, способенъ совершить и большое и, какъ опасный человѣкъ, заслуживаетъ жестокаго наказанія. Восточная роскошь, которую онъ сначала допускалъ только изъ политическихъ соображеній, стала также доставлять ему удовольствіе. Но, не смотря на все это, въ нравственномъ отношеніи Александръ всегда стоялъ выше испорченныхъ грековъ своего времени и своихъ развратныхъ полководцевъ. Придворный штабъ его, по своему блеску, вполнѣ соотвѣтствовалъ дворамъ восточныхъ деспотовъ. Хотя при этомъ и можно сказать, что роскошь Александра находилась въ связи съ его стремленіемъ къ поощренію искусствъ и промышленности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ была просто уступкою персидскихъ нравамъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что Александръ измѣнилъ наконецъ самъ себѣ и полюбилъ всей душой персидскую роскошь и окружавшую его лесть.

Въ разсказахъ разныхъ историковъ о пышности двора Александра, его восточномъ одѣяніи и торжественныхъ аудіенціяхъ, конечно, многое преувеличено; но все-таки изъ нихъ видно, что съ увеличеніемъ могущества въ немъ постоянно усиливалась страсть къ блеску и пышности. Золотой тронъ, разнообразныя одежды даже такія, какія въ Греціи присвоивались однимъ только богамъ, и одѣтая въ пурпуръ прислуга, для которой Александръ приказалъ однажды закупить въ іонійскихъ городахъ весь пурпуръ,—все это получило наконецъ большое значеніе въ глазахъ того человѣка, который презиралъ сначала всякій видъ внѣшняго блеска и даже въ то время, когда уже покорилъ себѣ половину Персидскаго царства, отличался отъ всѣхъ полководцевъ простотою своей жизни. Аудіенціи его въ послѣднее время превосходили своимъ великолѣпіемъ все, что до тѣхъ поръ было видано въ Персидскомъ царствѣ. Роскошно украшенный шатеръ, въ которомъ Алекандръ давалъ ихъ, былъ такъ великъ, что вмѣщалъ въ себѣ сто дивановъ. Средину его занималъ золотой тронъ. Передъ шатромъ и въ самомъ шатрѣ, при каждой аудіенціи, ставилось пятьсотъ персидскихъ тѣлохранителей въ шелковыхъ и пурпуровыхъ одеждахъ, тысяча стрѣлковъ въ одеждахъ яркаго цвѣта, пятьсотъ македонянъ съ серебряными щитами, тысяча человѣкъ изъ македонскаго войска, десять тысячъ персовъ, большое число ручныхъ слоновъ, и собиралось множество полководцевъ, придворныхъ чиновниковъ и слугъ. Все это, какъ говоритъ описывающій эти аудіенціи греческій историкъ, своимъ великолѣпіемъ и разнообразіемъ производило такое впечатлѣніе, что каждый чувствовалъ величіе повелителя, и никто не смѣлъ приблизиться къ нему. Такъ, подъ конецъ своей жизни, и питомецъ Аристотеля дошелъ дотого, что принесъ въ жертву существенное несущественному.

Въ отношеніи къ чувственнымъ удовольствіямъ, Александръ почти до самой смерти держался своихъ старыхъ обычаевъ. До времени своего возвращенія изъ Индіи, онъ ни въ одной странѣ, ни въ одномъ городѣ не останавливался для однихъ только удовольствій и никогда не рѣшался измѣнить своимъ нравственнымъ началамъ въ угоду страстямъ, хотя и позволялъ своимъ полководцамъ соединять греческую испорченность нравовъ съ азіатскою роскошью. Собственно въ распутствѣ нельзя обвинить Александра, и ни одинъ изъ греческихъ писателей, собиравшихъ анекдоты о его жизни, не разсказываетъ о немъ такихъ скандаль-

ныхъ исторій, какъ объ его полководцахъ. Чтожъ касается послѣднихъ, то стоитъ только указать на нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ ихъ мотовство, любовь къ пышности и сластолюбіе. Гарпалъ, подъ надзоромъ котораго находились захваченныя въ Персіи сокровища, въ то время когда Александръ былъ въ далекой Индіи, промоталъ часть ихъ такъ дерзко и безумно, что приказывалъ даже строить храмы и алтари своимъ любовницамъ. Такъ же нелѣпы были расточительность Пердикки и Кратера и мотовство Леонната и Мелеагра, истратившихъ во время похода бездну денегъ самымъ дикимъ образомъ. Первые двое, для удовлетворенія своей страсти къ единоборству, возили за собою такое множество кожъ и такую массу египетскаго песку, что можно было покрыть ими пространство въ цѣлую милю, назначенное для ихъ гимнастическихъ упражненій. Двое же послѣднихъ имѣли всегда такое количество охотничьихъ сѣтей, которыми можно было охватить пространство въ двѣ съ половиною мили.

13. Походъ Александра въ Индію.

Еще въ Бактріи Александръ вошелъ въ сношенія съ Таксиломъ, индійскимъ раджею или княземъ, находившимся въ то время во враждѣ съ Поромъ, владѣтелемъ другой части западной Индіи. Этотъ союзъ съ Таксиломъ и то обстоятельство, что персы имѣли уже владѣнія въ этихъ странахъ, облегчили македонянамъ трудный походъ въ Индію. Въ концѣ весны 327 года р. Х., Александръ выступилъ изъ Бактріи, и пошелъ чрезъ Паропамисъ въ Александрію въ Индійскомъ Кавказѣ. Тутъ онъ раздѣлилъ свое войско на двѣ части: одна изъ нихъ, подъ предводительствомъ Пердикки и Гефестіона, отправилась по правому берегу рѣки Кофа (нынѣшней рѣки Пунджиръ или Кабулъ) чрезъ Джеллалабадъ и Пешауеръ, въ страну Аттокъ, гдѣ былъ наведенъ мостъ черезъ Индъ; другую самъ Александръ повелъ черезъ горную страну, лежащую на сѣверъ отъ этой рѣки.

Во время этого похода Александръ встрѣтился съ индійскими народами, которые хотя и усвоили себѣ индійскіе обычаи, но, подобно нынѣшнимъ сейкамъ, совершенно отличались отъ племенъ, обитающихъ на Гангѣ. Они находились подъ властью нѣсколькихъ отдѣльныхъ владѣтелей, но имѣли феодальныя учрежденія, какихъ никогда не бывало въ собственной Индіи; были даже совешенно республиканскія государства, управлявшіяся военною аристократіею. Греки и македенянс, долго имѣвшіе дѣло съ разслабленными персами, гражданами большаго падающаго царства, пришли въ изумленіе, когда нежданно натолкнулись на племена, оказавшія имъ сильное сопротивленіе. Объ измѣнахъ, полководцахъ, оставляющихъ своихъ царей, намѣстникахъ, подобно персидскому комменданту Сардъ, добровольно передающихъ свои крѣпости, нѣтъ и слѣдовъ въ разсказахъ объ индійскомъ походѣ Александра. Впрочемъ Александръ оставался въ Индіи не такъ еще долго, чтобы узнать къ собственному своему вреду, что если у индійцевъ нѣтъ всѣхъ военныхъ доблестей, то они владѣютъ необыкновеннымъ пассивнымъ мужествомъ и менѣе европейцевъ боятся смерти. Зная, что мужество индійцевъ основывается на ихъ религіи, Александръ, характеръ котораго началъ измѣняться въ невыгодную сторону, поступалъ жестоко съ индійскими браминами и факирами, которые, какъ извѣстно, въ то же время бываютъ учителями и философами индусовъ. Раздраженный противодѣйствіемъ народа и патріотическою ревностью браминовъ, владѣвшихъ умомъ послѣдняго, онъ сдѣлался въ Индіи несправедливымъ, жестокимъ, и раздражилъ этимъ жителей страны и своихъ собственныхъ солдатъ.

Впрочемъ, какъ сказано, народы, обитавшіе по эту сторону Инда на южныхъ отрасляхъ горъ Гинду-Ку, были племенами существенно отличавшимися отъ индійскихъ народовъ, обитавшихъ далѣе къ югу, и только отчасти усвоили характеръ индійской образованности, какъ это было, повидимому, и въ такъ называемомъ Пенджабѣ, или странѣ, простирающейся на востокъ отъ верхняго Инда до Сетледжа. Не смотря на скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній о походѣ Александра, все же, если бы тамъ господствовалъ тогда совершенно индійскій бытъ, въ раз-

сказахъ о немъ говорилось бы о странныхъ истуканахъ, громадныхъ пагодахъ и, высшихъ школахъ индусовъ, такъ же точно какъ говорится о существованіи кастъ, браминахъ, факирахъ, и другихъ чисто индійскихъ особенностяхъ народной жизни. Очевидно, что собственно индійская цивилизація только послѣ Александра распространилась далѣе къ сѣверозападу.

Александръ былъ въ союзѣ съ Таксиломъ, царство котораго лежало между Индомъ и Бегатомъ или Гидаспомъ и было окружено множествомъ небольшихъ независимыхъ государствъ. Македонскій царь не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ, для того, чтобы во время своего похода къ Инду сначала подчинить себѣ всѣ эти мелкія государства и города и положить въ нихъ начала греческой цивилизаціи. Для приведенія этой цѣли въ исполненіе, онъ проникъ въ южную альпійскую страну Гинду-Ку и покорилъ тамъ нѣсколько городовъ и крѣпостей. Никогда жизнь Александра не подвергалась такъ часто опасностямъ, какъ здѣсь и въ Пенджабѣ, и нигдѣ не былъ онъ принужденъ такъ часто принимать личное участіе въ битвахъ, какъ въ Индіи; это давало поводъ жалкимъ стихоплетамъ и ученымъ, находившимся въ свитѣ царя, сочинять ему хвалебные гимны, исполненные самой гнусной лести. Такъ, воспользовавшись тѣмъ, что у одного изъ этихъ горныхъ народовъ была крѣпость Ниса, носившая имя города, бывшаго миѳологическимъ мѣстомъ рожденія Вакха, они прославляли предпріятія Александра воспоминаніемъ о Вакхѣ и его походахъ. И это было для нихъ тѣмъ удобнѣе, что народъ, владѣвшій этою крѣпостью, сохранилъ преданіе о своемъ переселеніи съ запада и имѣлъ нѣкоторыя учрежденія западныхъ народовъ; кромѣ того, въ его странѣ македоняне нашли посвященную Вакху виноградную лозу, не видавъ ее передъ тѣмъ весьма долгое время. Придворнымъ льстецамъ греческіе миѳы дали и другой случай польстить Александру, когда вскорѣ послѣ этого была покорена недоступная горная крѣпость, которой сами они дали имя Аорна, т. е. высоты, недостижимой и для полета птицъ, сочинили сказку, что будто бы самъ Геркулесъ три раза неудачно осаждалъ ее.

Наконецъ Александръ счастливо достигъ Инда, къ сѣверу отъ нынѣшняго Аттока и устья рѣки Кобулъ, гдѣ Гефестіонъ и Пердикка построили мостъ на судахъ. Онъ тотчасъ отправился далѣе въ резиденцію Таксила, лежавшую на востокъ отъ Инда. Здѣсь Таксилъ принялъ македонянъ со всею роскошью индійскаго властителя, и въ тоже время явились владѣтели сосѣднихъ странъ, чтобы привѣтствовать побѣдоноснаго царя. Владѣнія Таксила простирались на востокъ до рѣки Бегата, или Джелама, названнаго греками Гидаспомъ и составляющаго первый изъ пяти восточныхъ притоковъ Инда, орошающихъ такъ называемый Пенджабъ или Пятирѣчье и носящихъ теперь имена Бегатъ или Джеламъ (Гидаспъ), Дженабъ (Акесимъ древнихъ), Рауи (Хіаротъ), Беджахъ (Гифасъ) и Сетледжъ (Зададръ). На востокъ отъ Бегата начиналось царство Пора, врага Таксила. Александръ потребовалъ отъ него, чтобы онъ явился на границѣ своей страны, для выслушанія рѣшенія по его спорамъ съ Таксиломъ; но Поръ отвѣчалъ ему, что будетъ ждать тамъ македонянъ во главѣ своего войска. Тогда Александръ, въ сопровожденіи войска Таксила и другихъ индійскихъ владѣтелей, отправился къ Бегату. Переходъ черезъ эту рѣку былъ очень труденъ, потому что Поръ съ своимъ войскомъ стоялъ на другомъ берегу, и Александръ пришелъ сюда въ самое дождливое время года. Македоняне раскинули свой лагерь въ виду непріятеля. Простоявъ тутъ нѣсколько времени, Александръ выбралъ удобную минуту и чрезвычайно искусно переправился черезъ рѣку въ виду своихъ враговъ. Этотъ переходъ и послѣдовавшее за нимъ сраженіе считались всѣми историками однимъ изъ величайшихъ военныхъ подвиговъ древности (326 г. до р. X.)

И въ этомъ сраженіи, какъ вездѣ, превосходство европейскаго духа и тактика восторжествовали надъ восточною неспособностью, хотя македонянамъ и пришлось сначала много потерпѣть отъ слоновъ, въ первый разъ выведенныхъ противъ нихъ въ большомъ количествѣ. Около двадцати тысячъ индійцевъ, между которыми находились и два сына Пора, погибло въ этой битвѣ. Самъ Поръ послѣ храброй защиты попался въ плѣнъ македонянамъ. Александръ обошелся съ побѣжденнымъ царемъ очень благородно и встрѣтилъ его съ полнымъ уваженіемъ. На вопросъ Александра, чего хочетъ отъ него Поръ, послѣдній, по словамъ писателей древности, отвѣчалъ: «чтобы ты поступалъ со мною, какъ съ царемъ.»

Желая, чтобъ побѣжденный царь послужилъ ему орудіемъ для утвержденія господства македонянъ въ Индіи, Александръ дѣйствительно поступилъ съ нимъ великодушно. Онъ не только возвратилъ ему его владѣнія, но еще и увеличилъ ихъ такъ, что Поръ сдѣлался равнымъ Таксилу по могуществу, вслѣдствіе чего уравновѣсились силы соперниковъ. Александръ передалъ также Пору города и мелкія государства, покоренныя имъ во время дальнѣйшаго его похода къ востоку, потому что не имѣлъ въ виду основывать въ Индіи, какъ въ Персіи, чисто македонскаго владычества, но дѣлалъ то, что дѣлали англичане во всѣхъ завоеванныхъ ими въ Индіи странахъ: онъ ставилъ отдѣльныхъ владѣтелей въ вассальное отношеніе къ себѣ подъ именемъ союзниковъ, и, возбуждая между ними взаимную ревность, держалъ всѣхъ въ зависимости отъ себя. Иначе ему и нельзя было бы утвердить надолго свое господство на западѣ Индіи. Впрочемъ, индійскіе вассалы и союзники Александра должны были дать свое согласіе на основаніе въ ихъ странахъ новыхъ городовъ, или, говоря другими словами, согласиться на то, чтобы греческія крѣпости и оставленные въ нихъ гарнизоны постоянно поддерживали въ побѣжденныхъ сознаніе зависимости отъ европейцевъ, и въ случаѣ возстанія поддерживали бы македонскую власть до тѣхъ поръ, пока подоспѣетъ помощь съ запада. При рѣкѣ Бегатъ Александръ построилъ два города: первый по имени любимаго его коня, павшаго въ битвѣ съ Поромъ, былъ названъ Букефалою, и находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь идетъ черезъ эту рѣку дорога изъ Кашмира; другой, названный Никеею, или городомъ побѣды, въ трехъ миляхъ ниже по теченію рѣки, тамъ, гдѣ македоняне переправились черезъ Бегатъ.

После побѣды надъ Поромъ, Александръ отправился къ сѣверовостоку, въ предгорія Гималая, для покоренія или устрашенія воинственныхъ племенъ, земли которыхъ ограничивали съ сѣвера плодоносныя равнины Пенджаба, и дошелъ на востокъ до Гифаса или Беджаха. Жители этихъ горныхъ странъ, какъ и всѣ индійскія племена, съ которыми встрѣчался Александръ, были бѣдны золотомъ, и слѣдовательно не могли удовлетворить страсти македонянъ къ хищничеству. Движенія въ этой странѣ, совершавшіяся въ дождливое время года, были очень трудны, жители оказывали имъ упорное противодѣйствіе, и битвы и осады стоили македонянамъ много крови, такъ что, напримѣръ, при осадѣ одной крѣпости, было тяжело ранено слишкомъ тысяча двѣсти македонянъ. Между воинами Александра распространилось страшное недовольство и, достигнувъ береговъ Гифаса, они отказались слѣдовать далѣе за своимъ царемъ, который хотѣлъ ихъ вести въ страны Ганга. До нихъ доносились слухи о большой пустынѣ между этою страною и Гифасомъ, чрезвычайно многочисленномъ населеніи восточной Индіи, и о тамошнихъ безчисленныхъ войскахъ съ множествомъ слоновъ, — и, когда Александръ сталъ готовиться къ переходу черезъ Гифасъ, въ арміи начался сильный ропотъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, царь тщетно употреблялъ всѣ усилія, чтобы успокоить недовольство своего войска. Онъ приказалъ собраться всѣмъ своимъ полководцамъ и главнымъ начальникамъ, надѣясь воодушевить ихъ къ новому походу, а съ помощью ихъ и все войско. Но всѣ его доводы не произвели никакого впечатлѣнія; македоняне хорошо понимали, что дальнѣйшія завоеванія, удовлетворяя только честолюбію и жаждѣ къ славѣ Александра, не могутъ принести никакой пользы для основаннаго имъ, уже огромнаго царства. Всѣ полководцы оставались безмолвными, и когда онъ настоятельно потребовалъ ихъ мнѣній, заговорилъ старый Кенъ, бывшій полководцемъ еще при Филиппѣ; рѣчь его, переданная намъ однимъ греческимъ историкомъ, дѣйствительно можетъ назваться образцовою, выказываетъ его правильный взглядъ на положеніе дѣлъ и чувства удивленія и преданности, которыми онъ былъ исполненъ къ любимому царю. Кенъ доказывалъ ему, что полководцы со всѣмъ своимъ вліяніемъ на войско не могутъ заставить его идти далѣе, и радостные крики, раздававшіеся черезъ нѣсколько дней въ войскѣ, когда Александръ рѣшился возвратиться назадъ, показали, что старый полководецъ говорилъ правду. Однако Александръ не съ-разу убѣдился этими доводами, а старался разными средствами подѣйствовать на умы своихъ воиновъ. На слѣдующій день онъ вторично собралъ полководцевъ и объявилъ имъ, что онъ никого не удерживаетъ, но самъ пойдетъ далѣе, и что тѣ, которые не желаютъ слѣдовать за нимъ, могутъ вернуться домой и сказать своимъ соотече-

ственникамъ, что оставили своего царя среди непріятельской земли. Сказавъ это, онъ тотчасъ же ушелъ въ свою палатку и въ теченіе трехъ дней не пускалъ къ себѣ никого, притворяясь сильно разгнѣваннымъ, въ твердомъ убѣжденіи, что настроеніе войска перемѣнится. Но все было напрасно. Наконецъ, онъ ясно увидалъ, что если станетъ упорно настаивать на своемъ намѣреніи, то воины откажутся повиноваться ему, и рѣшился воротиться. Чтобы не подать вида, что только необходимость заставляетъ его принять такое рѣшеніе, Александръ приказалъ, посредствомъ жертвъ, вопросить волю боговъ, которая конечно неблагопріятствовала дальнѣйшему походу. Тогда царь, къ величайшей радости войска, объявилъ, что намѣренъ покориться божественной волѣ и вернуться назадъ. Въ память своего похода, на берегахъ Гифаса, въ самомъ восточномъ пунктѣ, котораго они достигли, македоняне воздвигли двѣнадцать башнеобразныхъ построекъ, называемыхъ у греческихъ историковъ жертвенниками, потому что Александръ, передъ своимъ обратнымъ походомъ, принесъ на нихъ богамъ торжественныя жертвы.

Въ концѣ лѣта 326 года до р. Х., Александръ выступилъ въ обратный путь. Дорога шла равнинами Пенджаба, черезъ городъ Александрію, построенный Гефестіономъ на берегу Джинаба, въ Букефалу и Никею при Бегатѣ. Отсюда Александръ спустился къ рѣкѣ Инду и потомъ по ней продолжалъ свой путь къ югу до самаго моря. Распоряженія, сдѣланныя имъ въ завоеванной странѣ, были превосходны. Поръ, сдѣлавшійся благодарнымъ другомъ Александра, получилъ, подъ именемъ союзника, господство надъ всею страною отъ Бегата до Сетледжа, а земли, лежащія между первою рѣкою и Индомъ, принадлежали Таксилу, находившемуся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Александру. По сю сторону Инда, гдѣ всѣ крѣпости, считавшіяся неприступными, были заняты греками, управлялъ македонскій намѣстникъ, имѣвшій при себѣ войска; ему былъ подчиненъ Таксилъ. Такимъ образомъ путь сюда изъ Персіи былъ всегда открытъ македонянамъ.

Походъ Александра отъ рѣки Бегатъ до Индійскаго моря и оттуда черазъ Белуджистанъ и Керманъ въ Персію составлялъ одно изъ важнѣйшихъ предпріятій, совершенныхъ македонскимъ царемъ. Если и въ прежнихъ его походахъ хотятъ видѣть только стремленіе, общее всѣмъ завоевателямъ, о которыхъ говоритъ намъ исторія, или, другими словами, ненасытную жажду богатства, власти и славы, такъ легко овладѣвающую человѣкомъ, когда онъ выходитъ изъ колеи обыкновенной жизни, то въ походѣ его къ устью Инда и оттуда въ Персію, одномъ изъ опаснѣйшихъ предпріятій, когда-либо совершенныхъ какимъ-нибудь войскомъ, явилось во всемъ блескѣ удивительное величіе духа Александра, старавшагося расширить тѣсныя границы науки своего времени и пролить свѣтъ на еще неизслѣдованное. Всѣ завоеватели, послѣ Александра совершавшіе походы въ восточную Азію, отъ Селевка до Надиръ-Шаха, возвращались назадъ въ Персію тѣмъ же путемъ, какимъ приходили туда. Одинъ Александръ выбралъ себѣ другой путь; черезъ это онъ прежде всѣхъ доставилъ Западу свѣдѣнія о нижнемъ Индѣ и берегахъ Индійскаго моря, отъ Инда до города Бассоры, и открылъ совершенно новый путь сообщенія между крайними границами восточнаго и западнаго міра. Духъ Александра является во всемъ величіи особенно тогда, когда мы сравнимъ предпріятія, совершенныя имъ въ Индіи, съ походами другихъ завоевателей, напримѣръ, газневидскаго султана Махмуда I. Этотъ государь, жившій около 1000 года нашей эры, нѣсколько разъ проникалъ въ Индію, но всѣ его дѣйствія тамъ ограничивались однимъ только грабежемъ, разрушеніемъ и жестокостями противъ религіи туземцевъ. Александръ, напротивъ того, покоривъ страну, защищалъ и укрѣплялъ ее и смягчалъ нравы ея жителей. Даже и по смерти Александра, завоеванныя имъ земли Индіи оставались въ связи съ находившеюся подъ владычествомъ грековъ Среднею Азіею, тогда какъ съ паденіемъ могущества Махмуда пало и его господство надъ Индіею.

Еще съ самаго прихода къ Бегату, послѣ побѣды надъ Поромъ, Александръ приказалъ рубить для постройки кораблей деревья въ большихъ лѣсахъ, окружающихъ верхнее теченіе этой рѣки, и сплавлять ихъ въ Букефалу и Никею. Тутъ, въ продолженіе его похода далѣе на востокъ, были построены большія и малыя суда для плаванія по Инду, и собрано для той же цѣли большое число кораблей, принадлежавшихъ туземцамъ. Почти черезъ мѣсяцъ по возвращеніи Александра къ Бегату, корабли были готовы къ отплытію. Хотя число судовъ, изъ которыхъ

состоялъ флотъ, простирался до ста восемнадцати, но многія изъ нихъ были просто плоты, назначенные для перевозки лошадей; большихъ же кораблей съ тридцатью и болѣе гребцами было только восемдесятъ. Выбравъ въ войскѣ уроженцевъ греческихъ острововъ, Финикіи, малоазійскаго берега и другихъ славныхъ своимъ судоходствомъ странъ, Александръ составилъ изъ нихъ собственно морскіе экипажи своего флота, т. е. матросовъ и гребцовъ. Начальство надъ всѣмъ флотомъ было поручено Неахру,—одному изъ лучшихъ полководцевъ Александра, который былъ бы хорошимъ адмираломъ и въ наше время. Главнымъ кормчимъ адмиральскаго корабля былъ льстецъ Онесикритъ, составившій впослѣдствіи исполненную лжи и преувеличеній исторію Александра. Изъ войска, около восьми тысячъ человѣкъ отправились на корабляхъ подъ личнымъ предводительствомъ царя, а прочіе, раздѣленные на два отряда, подъ предводительствомъ Кратера и Гефестіона пошли внизъ по рѣкѣ берегомъ.

Въ началѣ ноября (326 г. до р. Х.) послѣ торжественнаго жертвоприношенія, Александръ началъ свое плаваніе. Черезъ пять дней онъ достигъ мѣста сліянія Джинаба съ Бегатомъ. Здѣсь Александръ высадилъ свои войска, соединился съ Кратеромъ и Гефестіономъ и отправился сухимъ путемъ въ лежащую далѣе къ востоку страну малловъ. Во время этой экспедиціи онъ перешелъ рѣку Рауи, нѣсколько разъ разбилъ малловъ и завладѣлъ ихъ укрѣпленными городами. Малловъ, какъ вообще всѣхъ жителей этихъ странъ, населявшихъ пространства по всему нижнему Инду, не смотря на ихъ храбрость, было очень легко побѣдить; раздѣленные на нѣсколько враждовавшихъ между собою государствъ, они не могли оказать значительнаго сопротивленія.

При завоеваніи одного города малловъ, самъ Александръ едва не лишился жизни. Овладѣвъ городомъ, македоняне пошли брать приступомъ его цитадель, куда укрылись жители, съ геройствомъ отбивавшіе нападеніе враговъ. Храбрость македонянъ начала уже ослабѣвать, когда Александръ съ полководцами Певкестомъ и Леоннатомъ взобрался на стѣну по штурмовой лѣстницѣ. Едва столкнулъ онъ стоявшихъ на ней непріятелей, какъ лѣстница, съ слѣдовавшими за Александромъ полководцами, сломалась, и онъ остался одинъ на стѣнѣ. Напрасно просили его соскочить внизъ и тѣмъ спасти свою жизнь: Александръ вмѣсто того спрыгнулъ во внутрь цитадели. Тамъ, обратившись спиною къ стѣнѣ, онъ защищался мечемъ и щитомъ противъ нападавшихъ, пока наконецъ Певкестъ, Леоннатъ и другіе снова взобрались на стѣну, и подоспѣли къ нему на помощь. Въ эту самую минуту, Александръ упалъ безъ чувствъ, тяжело раненый стрѣлою. Полководцы закрыли его своими щитами, но скоро стали ослабѣвать сами, и Александръ навѣрно лишился бы жизни, если бы вѣсть о его положеніи не распространилась быстро между войскомъ. Съ отчаяннымъ мужествомъ перелѣзли нѣкоторые изъ воиновъ черезъ стѣну другіе ворвались въ городъ черезъ взятыя штурмомъ ворота, и послѣ страшнаго кровопролитія македонянамъ удалось спасти своего царя. Вслѣдствіе своей раны, Александръ долго былъ отчаянно болѣнъ, но сильная его натура, къ величайшей радости войска, вынесла опасную болѣзнь, произведшую страшное впечатлѣніе на все его войско. Воины Александра, боявшіеся потерять единственнаго человѣка, который по ихъ мнѣнію могъ привести ихъ обратно въ Персію, пришли въ совершенное отчаяніе. Войска, стоявшія дальше другихъ отъ мѣстопребыванія Александра, не хотѣли вѣрить его выздоровленію и, получая собственноручныя письма царя о счастливомъ ходѣ болѣзни, говорили, что эти письма составляются полководцами для успокоенія умовъ. Даже и въ то время, какъ еще не совсѣмъ выздоровѣвшаго Александра везли по рѣкѣ назадъ въ лагерь главнаго отряда, воины думали, что на кораблѣ находится его трупъ и успокоились только тогда, когда передъ ними явился самъ Александръ.

Остававшаяся непокоренною часть малловъ и сосѣднія имъ племена подчинились македонянамъ добровольно. Александръ поплылъ внизъ по рѣкѣ Рауи, мимо устьевъ Джинаба и Бегата до того мѣста, гдѣ вливаются въ Индъ соединенныя рѣки Пенджаба. Здѣсь онъ построилъ городъ Александрію и отпустилъ назадъ часть своего войска, подъ начальствомъ Филиппа, назначеннаго намѣстникомъ простиравшихся до этого пункта индійскихъ провинцій его царства. Походъ противъ малловъ и ихъ сосѣдей не былъ, подобно плану похода къ Гангу, предпріятіемъ, возбужденнымъ только стремленіемъ къ славѣ: имъ и учрежденіемъ

новаго намѣстничества, Александръ хотѣлъ возстановить и обезопасить сообщенія Персіи съ Индіею, какъ онъ сдѣлалъ въ странахъ, черезъ которыя прошелъ въ Индію. Личное участіе Александра въ битвахъ съ маллами не можетъ быть поставлено ему въ вину, какъ ставили Гефестіонъ, Кратеръ и Птоломей, упрекавшіе его за то, что онъ смѣшивалъ обязанности воина съ обязанностями полководца и рисковалъ достиженіемъ самой цѣли битвы. Впечатлѣніе, произведенное на воиновъ его геройствомъ, и участіе, какое возбуждалъ въ нихъ каждый отважный подвигъ его, вполнѣ оправдываютъ Александра и показываютъ, что онъ зналъ и понималъ грековъ лучше, чѣмъ его полководцы.

Раздѣливъ свое войско на двѣ части, Александръ пошелъ съ одною внизъ по Инду, другая подъ начальствомъ Кратера слѣдовала вдоль береговъ. Въ странѣ согдовъ онъ приказалъ построить вторую Александрію, названную, по имени обитавшаго около нея народа, Согдійскою, и сдѣлавшуюся главнымъ городомъ южной сатрапіи страны Инда, намѣстниками которой Александръ назначилъ македонянина Питона и бактрійскаго царевича Оксіатра. Пройдя страну согдовъ, добровольно покорившуюся ему, онъ проникъ во владѣнія раджи Мусикана, который думалъ было сопротивляться Александру, но, изумленный быстрымъ появленіемъ послѣдняго, тотчасъ же покорился ему. Онъ былъ оставленъ владѣтелемъ своего царства въ качествѣ македонскаго вассала, но въ странѣ его былъ построенъ еще городъ Александрія. Другой раджа Оксиканъ, защищавшійся противъ македонянъ, былъ скоро побѣжденъ и потерялъ въ битвѣ свою жизнь. Въ то время какъ Александръ овладѣвалъ страною третьяго раджи Самба, скрывшагося передъ этимъ въ пустыни за Индомъ, брамины возбудили Мусикана и его подданныхъ возстать противъ Александра и истребить македонскій гарнизонъ. Александръ поспѣшилъ назадъ, подавилъ возстаніе и жестоко наказалъ его виновниковъ: множество браминовъ, возбудившихъ своихъ соотечественниковъ къ возвращенію независимости, было повѣшено на большихъ дорогахъ. Той же участи подвергся и Мусиканъ, попавшійся въ плѣнъ македонянамъ.

Подавивъ жестокими мѣрами возстаніе, Александръ пошелъ въ дельту Инда, жители которой не оказали никакого сопротивленія, и приказалъ укрѣпить Паталу, лежавшую при развѣтвленіи рѣки на два главныхъ рукава,—городъ, очень важный въ торговомъ и стратегическомъ отношеніи. Желая изучить устья Инда, онъ плавалъ по обоимъ его рукавамъ до самаго моря. Оба плаванія были очень опасны, потому что доходящіе на нѣсколько миль вверхъ по рѣкѣ приливъ и отливъ производятъ въ Индѣ сильное и быстрое теченіе, и Александръ съ своими греками въ первый разъ испыталъ тутъ это явленіе, почти совершенно чуждое Средиземному морю. При второмъ плаваніи къ морю, по восточному рукаву Инда, Александръ выбралъ превосходное мѣсто вблизи устья для заложенія укрѣпленной гавани.

Еще прежде своего прибытія въ дельту Инда, Александръ отпустилъ третью часть своего войска назадъ въ Персію подъ предводительствомъ Кратера, который долженъ былъ идти черезъ нынѣшнія страны Кечъ-Гендовъ и Сарауанъ къ озеру Зарехъ, а оттуда черезъ Седжестанскую пустыню въ Керманъ. Самъ Александръ рѣшился отправиться съ остальнымъ войскомъ по берегамъ Мекрана, черезъ западный Белуджистанъ въ Керманъ, гдѣ съ нимъ долженъ былъ соединиться Кратеръ. Флоту, подъ начальствомъ Неарха, приказано было плыть изъ Инда въ Персидскій заливъ и изслѣдовать неизвѣстные еще южные берега азіатскаго царства Александра, ихъ гавани, рѣки и мѣста, удобныя для высадки. Эти три экспедиціи принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ предпріятіямъ македонянъ; ими было докончено изслѣдованіе и покореніе всѣхъ странъ до самаго Инда, и упрочены сообщенія ихъ между собою и Европою. Построеніе городовъ и учрежденіе двухъ сатрапій на Индѣ имѣло цѣлью обезопасить эту рѣку, начиная отъ владѣній Таксила до самаго моря. Теперь великому завоевателю оставалось сдѣлать путь, которымъ онъ шелъ, постоянною дорогою въ Индію, и установить соединеніе Персіи съ южною частью Индіи. Для этого онъ приказалъ войску начать отступленіе по двумъ различнымъ направленіямъ. Проникая въ эту страну, Александръ покорилъ сѣверныя части горъ, отдѣляющихъ Персію отъ Индіи, и сдѣлалъ ихъ доступными со стороны Персіи; теперь ему хотѣлось сдѣлать ихъ доступными изъ Индіи и въ южныхъ ихъ частяхъ. Планъ этотъ, стоившій, правда,

не мало жертвъ, былъ осуществленъ, и обѣ страны были соединены такою связью, какая ни прежде, ни послѣ, никогда не существовала между ними, потому что ни одинъ властитель Персіи, кромѣ Александра, не имѣлъ въ своей власти всѣхъ проходовъ и горныхъ крѣпостей на западѣ Индіи и не покорялъ себѣ всѣхъ тамошнихъ народовъ. Только одинъ Александръ уничтожилъ между обѣими странами преграду, образуемую раздѣляющею ихъ цѣпью горъ.

14. Возвращеніе Александра изъ Индіи.

Походъ Александра изъ Индіи въ Персію былъ самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ его предпріятій, и достигнутая имъ великая цѣль—открытіе съ юга путей сообщенія между обѣими этими странами—обошлась войску очень дорого; потому что полководецъ не имѣлъ понятія о трудностяхъ избраннаго имъ пути и напалъ на несчастную мысль идти вдоль берега Мекрана. Этотъ берегъ представляетъ собою ровную песчаную пустыню, отдѣленную отъ другихъ пустынь широкою и голою цѣпью горъ. Въ этихъ обнаженныхъ горахъ обитаютъ разбойничьи орды, а по берегу находятся небольшія поселенія рыбаковъ, на разстояніи нѣсколькихъ миль другъ отъ друга. Ручьи, текущіе съ горъ въ море и сильно разливающіеся въ дождливое время, большую часть года остаются безъ воды. Растенія и источники составляютъ въ этихъ пустыняхъ большую рѣдкость, и къ тѣмъ лишеніямъ, какія претерпѣваютъ путники, присоединяются еще невыносимыя мученія отъ сильнаго зноя, съ началомъ ночи смѣняющагося вдругъ холодомъ. Преданіе говоритъ, что Семирамида и Киръ, во время похода черезъ эти страшныя пустыни, потеряли все свое войско. Древніе связали походъ Александра съ этими баснословными сказаніями и приписали великому завоевателю недостойную его мысль избрать этотъ путь, чтобы показать міру, что онъ превзошелъ своими дѣлами величайшаго изъ персидскихъ царей и самую знаменитую повелительницу Азіи.

Въ концѣ лѣта 325 г. до р. Х. Александръ выступилъ изъ Патталы, и, перешедши западную пограничную цѣпь Индіи, прежде всего достигъ страны оритовъ, упирающейся противоположнымъ концомъ своимъ въ пустыни Мекрана. Ориты были покорены, на берегу построена гавань Александрія, и въ ней оставлены Аполлофанъ и Леоннатъ, первый намѣстникомъ, а второй начальникомъ войскъ. Они должны были не только управлять страною, но и заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы въ гаваняхъ ея могла получаться вода и жизненные припасы, такъ какъ Александръ выбралъ для себя путь вдоль береговъ частью съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать ихъ доступными для своего флота и тѣмъ облегчить предписанное имъ плаваніе. Какъ только македоняне оставили страну оритовъ, начался страшный переходъ ихъ черезъ пустыни, уничтожившій большую часть ихъ войска. Шестьдесятъ дней продолжался этотъ ужасный путь, и только четвертая часть ихъ достигла конца пустыни, т. е. города Пуры, столицы Гедросіи, въ нынѣшнемъ Когистанѣ.

Описанія этого похода, оставленныя намъ древними историками, многіе считаютъ преувеличенными; но, вспомнивъ о свойствахъ пустынь знойнаго юга, или только о походѣ въ Россію Наполеона, мы не станемъ сомнѣваться въ вѣрности этихъ описаній, заимствованныхъ изъ дневника Неарха, изучившаго эти берега во время своихъ частыхъ высадокъ. Палящій зной и недостатокъ въ продовольствіи причиняли смертельныя болѣзни, и очень многіе изъ воиновъ умирали съ голода, по недостатку припасовъ; македоняне убивали для употребленія въ пищу лошадей, вьючныхъ животныхъ, и даже иногда муловъ, везшихъ телѣги съ больными, которыхъ бросали на дорогѣ. Приходя послѣ долгаго пути къ водѣ, многіе, не смотря на разгоряченіе своего тѣла, кидались на нее и платились за свою неумѣренность мгновенною смертью. Однажды войско расположилось лагеремъ на руслѣ ручья почти совершенно высохшемъ, и осталось тутъ для отдыха цѣлый день; ночью вслѣдствіе проливнаго дождя ручей такъ быстро наполнился водою, и въ такомъ количествѣ, что множество людей и животныхъ, вмѣстѣ съ частью обоза, погибло во время наводненія. Туземные проводники, которыхъ бралъ съ

съ собою Александръ, сбились съ дороги, и всему войску угрожала неминуемая гибель. Всякій порядокъ и повиновеніе исчезли, а это еще болѣе увеличило бѣдствіе. Воины завладѣвали насильно съѣстными припасами, и разомъ съѣдали то, чего должно было хватить на долгое время. Само собою разумѣется, что о наказаніяхъ нельзя было тогда и думать. Самъ Александръ дѣлилъ съ войскомъ всѣ трудности и бѣдствія похода, всячески стараясь облегчать ихъ печальную участь. Разсказываютъ, что однажды, когда воинъ принесъ ему немного воды оставшейся въ ручьѣ, онъ вылилъ ее на землю, сказавъ, что для одного ея будетъ много, а для всѣхъ мало.

Остатокъ несчастнаго войска отдохнулъ немного въ Пурѣ и отправился черезъ воздѣланныя земли въ Караманію или Керманъ, куда прибылъ съ своимъ войскомъ и Кратеръ, прошедшій по гораздо лучшей дорогѣ, чрезъ Кандагаръ по рѣкѣ Гильменду. Тутъ же Александръ былъ неожиданно обрадованъ прибытіемъ Неарха, который высадился на берегъ въ разстояніи пятидневнаго пути къ югу отъ Александра, но, услыхавъ, что царь такъ близко отъ него, поспѣшилъ къ нему навстрѣчу. Неархъ снова отправился къ своему флоту и продолжалъ свое плаваніе до устья Эвфрата. Самъ же Александръ раздѣлилъ свое войско на двѣ части: съ одною Гефестіонъ долженъ былъ отправиться сначала къ морю, потомъ вдоль берега до устья Эвфрата, и оттуда въ Сузу; другую повелъ туда онъ самъ по ближайшей дорогѣ черезъ Пасаргаду. Неархъ, оставившій намъ свѣдѣнія о своемъ путешествіи въ отдѣльномъ сочиненіи, совершилъ свой путь отъ нижняго Инда до Караманіи не безъ многихъ трудностей и опасностей; но за то привезъ много новыхъ свѣдѣній объ Индійскомъ морѣ и его берегахъ.

Счастливо окончивъ плаваніе, онъ былъ щедро награжденъ Александромъ, и въ то же время получилъ начальство надъ другою экспедиціею, для изслѣдованія береговъ Аравіи и сосѣдней Африки; но она осталась неосуществленною за смертью Александра.

Передъ выступленіемъ изъ Караманіи, Александръ устроилъ по случаю своего возвращенія торжественныя процессіи и игры, принесъ благодарственныя жертвы и наградилъ воиновъ и начальниковъ. Здѣсь онъ думалъ отдохнуть отъ трудностей индійскаго похода, и, какъ обыкновенно дѣлаютъ воины и моряки, послѣ долгихъ лишеній вдвойнѣ насладиться удовольствіями. Во время перехода черезъ Караманію, праздники слѣдовали за праздниками, и пьянство вошло тогда въ обыкновеніе при дворѣ. Склонные къ баснямъ и риторикѣ, историки Александра воспользовались этимъ случаемъ для составленія разныхъ эффектныхъ картинъ и представили въ своихъ сочиненіяхъ походъ отъ Пуры къ Сузѣ какимъ-то театральнымъ шествіемъ, а самого Александра вторымъ Вакхомъ. Такъ, между прочимъ, они расказываютъ, что онъ ѣздилъ въ теченіе семи дней на великолѣпной, обшитой золотомъ колесницѣ, по улицамъ были разставлены бочки съ виномъ, и пьяные воины его ходили отъ одной бочки къ другой. Болѣе раціональный греческій историкъ, совершенно справедливо опровергаетъ всѣ эти сумасбродства, какъ недостойныя Александра, и ссылается при этомъ на современниковъ и спутниковъ царя, въ сочиненіяхъ которыхъ нѣтъ ничего подобнаго.

51. Александръ по возвращеніи изъ Индіи.

Въ то время, когда Александръ находился въ Индіи, большая часть остававшихся въ Персіи полководцевъ и намѣстниковъ употребили во зло его довѣріе, и, пользуясь данною имъ властью, дѣлали величайшія беззаконія. До царя доходили положительныя вѣсти объ ужасныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ ими изъ корыстолюбія и распутства: храмы были преданы грабежу, жители сдѣлались жертвою вопіющихъ притѣсненій, и самыя подлыя насилія совершались надъ женщинами и дѣвушками. Александръ наказалъ преступниковъ съ безпощадною строгостью. Еще въ Караманіи, куда призвана была большая часть намѣстниковъ и полководцевъ, онъ наказалъ многихъ изъ этихъ злодѣевъ смѣщеніемъ съ должностей, тюремнымъ заключеніемъ или смертною казнью. Всѣмъ прочимъ по при-

казанію царя было велѣно лично явиться въ Сузу, чтобы дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ Пасаргадѣ Александръ нашелъ разрушеннымъ священное зданіе, въ которомъ покоился прахъ Кира. Во время перваго своего пребыванія въ этомъ городѣ онъ снова украсилъ его и приказалъ жреческой фамиліи, хранившей его и въ опредѣленные дни совершавшей жертвоприношенія, продолжать свое служеніе. Александръ зналъ, что персы смотрятъ на гробницу Кира какъ на національную святыню, а правильное отправленіе въ ней богослуженія считаютъ такимъ установленіемъ, отъ котораго зависитъ продолженіе ихъ царства, и, желая чтобы на него смотрѣли какъ на возстановителя персидской монархіи, имѣлъ важныя основанія поддерживать это установленіе и охранять его. Уже по одной этой причинѣ онъ долженъ былъ страшно разсердиться, когда, по возвращеніи изъ Индіи, увидалъ, что самое зданіе было отчасти разрушено, находившіяся въ немъ драгоцѣнности похищены, а трупъ Кира изуродованъ. Приказавъ какъ можно скорѣе возстановить все въ прежнемъ видѣ, онъ всячески старался отыскать виновника. Но преступникъ однако не былъ открытъ, потому что отъ маговъ, хранившихъ гробъ, не смотря на жестокія пытки, не могли добиться никакого показанія. Тогдашній сатрапъ провинціи, персъ Орксинъ, и македонянинъ Полимахъ, обвиняемые своими и личными врагами въ этомъ дѣлѣ и возбудившіе множество жалобъ отъ жителей провинцій на другія злодѣйства, были казнены по приказанію Александра, хотя они, кажется, дѣйствительно не участвовали въ разграбленіи гробницы Кира. На пути отъ Пасаргады къ Сузѣ и въ послѣднемъ городѣ Александръ казнилъ еще многихъ намѣстниковъ и военачальниковъ за разныя злодѣйства.

По прибытіи въ Сузу, Александръ старался болѣе всего слить персовъ и македонянъ въ одинъ народъ и въ особенности тѣснѣе соединить другъ съ другомъ дворянство обѣихъ націй. Для этой цѣли онъ отдавалъ дѣвицъ изъ древнихъ персидскихъ фамилій въ замужество своимъ тѣлохранителямъ, принадлежавшимъ, какъ и его лучшіе полководцы, къ македонскому дворянству, женилъ на персіянкахъ десять тысячъ македонянъ нисшаго класса и самъ женился на дочери Дарія, которая у греческихъ историковъ носитъ три различныхъ имени: Барсины, Арсинои, и Статиры, — уже вступивъ, во время согдіанскаго похода, въ бракъ съ Роксаною, дочерью бактрійскаго князя Оксіатра. По случаю своей свадьбы съ дочерью Дарія Александръ устроилъ большое торжество и съ намѣреніемъ праздновалъ свой бракъ съ величайшею роскошью, чтобы самымъ торжественнымъ образомъ показать македонянамъ и персамъ сліяніе ихъ въ одинъ народъ. Принцессы и знатныя женщины, вышедшія за мужъ за македонянъ, принадлежавшихъ къ древнимъ фамиліямъ, также невѣсты воиновъ Александра, получили значительное приданое изъ государственной казни. Кромѣ того онъ заплатилъ долги всѣхъ своихъ воиновъ и военачальниковъ, на сумму по меньшей мѣрѣ въ двадцать тысячъ талантовъ (около двадцати семи милліоновъ р. сер.). Наконецъ были награждены всѣ отличившіеся во время похода: Певкесту и Леоннату, спасшимъ жизнь царя въ городѣ Малловъ, и начальнику флота Неарху Александръ велѣлъ поднести золотые вѣнки, считавшіеся самымъ почетнымъ знакомъ отличія у грековъ. Время, проведенное въ брачныхъ торжествахъ и раздачѣ наградъ войску, закончилось трагическимъ событіемъ. Одинъ старый индійскій браминъ и факиръ Каланъ послѣдовалъ за македонскимъ войскомъ до самой Сузы. Македоняне любили этого страннаго человѣка, и самъ Александръ, занимавшійся изученіемъ индійской философіи, охотно бесѣдовалъ съ нимъ. Въ Сузѣ Каланъ заболѣлъ въ первый разъ въ своей жизни, и, сообразно индійскому воззрѣнію на жизнь, рѣшился тотчасъ же предупредить страданія своего тѣла добровольною смертью. Александръ, не успѣвъ убѣдить Калана оставить это намѣреніе, приказалъ устроить ему, по индійскому обычаю, костеръ, и почтить его смерть самымъ торжественнымъ образомъ. Каланъ сжегъ себя съ совершеннымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, которое часто встрѣчается у благочестивыхъ индусовъ, и основывается на особенностяхъ ихъ религіи и міросозерцанія.

И персидская нація и македонскіе полководцы приняли подарки Александра, по случаю брачнаго торжества, какъ новое доказательство его заботливости о нихъ. Совершенно иначе смотрѣло на эти вещи большинство македонскихъ воиновъ, не хотѣвшихъ дѣлиться съ персами плодами своихъ завоеваній. Недовольство

ихъ сдѣлалось еще замѣтнѣе, когда Александръ принялъ въ свою армію тридцать тысячъ туземцевъ, набранныхъ въ различныхъ провинціяхъ во время похода въ Индію, обучилъ по македонски и во всемъ сравнялъ ихъ съ македонянами. Послѣ этого настроеніе духа македонскаго войска сдѣлалось весьма опаснымъ для Александра, и, повидимому, воины ждали только благопріятнаго случая выразить свое недовольство. Случай, скоро представился, когда Александръ, во время своего похода въ Вавилонъ, прибывъ въ лежащій при Тигрѣ городъ Описъ, хотѣлъ тамъ отпустить изъ войска ветерановъ. Воины видѣли въ этомъ только хитрость, посредствомъ которой царь думалъ удалить изъ войска безпокойныхъ людей и еще усилить значеніе азіатцевъ. Когда Александръ объявилъ войску свое рѣшеніе, поднялся громкій крикъ и ропотъ. Всѣ македоняне и греки, находившіеся въ войскѣ, объявили, что они не станутъ болѣе служить, что царь долженъ дать отставку всѣмъ имъ и набрать свое войско изъ однихъ азіатцевъ. Въ этомъ явномъ бунтѣ Александръ обнаружилъ спокойствіе и ловкость истинно опытнаго полководца. Представившись строгимъ, онъ вошелъ въ средину бунтующаго войска, велѣлъ арестовать тридцать солдатъ, которыхъ считалъ зачинщиками, и отвести ихъ на казнь. Доказавъ этимъ свою рѣшимость и твердость, Александръ обратился къ войскамъ съ рѣчью, въ которой выставилъ свои и своего отца заслуги, и старался показать, что македоняне ничего бы не достигли безъ него, а онъ и безъ нихъ будетъ очень могуществен. Потомъ, приказавъ имъ разойтись, отправился въ свое жилище, и не допускалъ туда ни одного македонянина. Персидскимъ же войскамъ велѣлъ окружить царскій дворецъ, передалъ имъ всѣ караулы и должности при себѣ, торжественно назвалъ нѣкоторыхъ персовъ своими друзьями и позволилъ имъ являться къ нему во всякое время.

Такой образъ дѣйствій Александра произвелъ сильное впечатлѣніе на македонянъ. Македонскіе воины изъявили раскаяніе, пришли ко дворцу, просили царя о прощеніи, обѣщаясь выдать зачинщиковъ заговора и впредь безусловно повиноваться. Достигнувъ своей цѣли, царю не зачѣмъ было болѣе разыгрывать комедіи, которая, при большей энергіи со стороны воиновъ, могла очень плохо кончиться для него. Черезъ два дня онъ снова показался македонянамъ, сказалъ имъ, что считаетъ ихъ своими друзьями, устроилъ большой пиръ, на который пригласилъ девять тысячъ македонянъ, и своею заботливостью объ отправляемыхъ на родину воинахъ далъ имъ новое доказательство неизмѣнности своего расположенія къ нимъ. Каждый изъ ветерановъ получилъ не только сумму, нужную на путевыя издержки до прибытія въ Македонію, но еще подарокъ приблизительно въ тысячу триста пятьдесятъ руб. Царь также взялъ на свое попеченіе ихъ дѣтей, рожденныхъ отъ азіатокъ, и торжественно обѣщалъ воспитать ихъ какъ македонянъ; а имъ самимъ даровалъ почетное право, въ теченіе всей ихъ жизни, на всѣхъ праздникахъ и публичныхъ играхъ носить вѣнцы и занимать первыя мѣста. Кратеръ, которому поручено было привести ветерановъ на родину, благополучно достигъ Македоніи.

16. Событія въ Греціи въ послѣдніе годы жизни Александра.

Александръ не безъ особенныхъ соображеній поручилъ отвести ветерановъ на родину Кратеру, близко знакомому съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Македоніи и Греціи. Антипатръ уже давно былъ не въ ладу съ Олимпіадой, которая не хотѣла отказаться отъ своего вліянія на управленіе Македоніею и постоянно жаловалась своему сыну на правителя царства. Самъ Александръ не совсѣмъ довѣрялъ Антипатру, узнавъ о заключеніи имъ тайнаго союза съ этолійцами. Вслѣдствіе такихъ отношеній къ Антипатру царь и рѣшился вызвать его изъ Македоніи, а на его мѣсто назначить Кратера.

Чтобы предупредить волненія, которыя могли возникнуть въ Греціи, Александръ приказалъ объявить на олимпійскихъ играхъ всѣмъ греческимъ государствамъ, чтобы они возвратили на родину своихъ изгнанниковъ (324 г. до р. Х.,). Эта мѣра, сопровождавшаяся угрозою употребить въ случаѣ неповиновенія силу, доставила царю во всѣхъ греческихъ государствахъ множество приверженцевъ.

Число изгнанниковъ, возвратившихся вслѣдствіе этого приказанія на родину, простиралось до тридцати тысячъ, хотя цифру эту и нельзя считать достовѣрною. Самый же фактъ имѣлъ большое значеніе для Греціи и для политики Александра. Аѳиняне и этолійцы хотѣли не послушаться повелѣнія Александра: первые лѣтъ за тридцать передъ тѣмъ изгнали всѣхъ жителей острова Самоса, а послѣдніе выгнали жителей города Эніады и раздѣлили между собой ихъ земли. Поставленные теперь въ затруднительное положеніе, оба народа стали тайно готовиться къ войнѣ. Аѳиняне, кромѣ того, послали къ царю пословъ, которые хотя оказывали ему божескія почести и льстили, подобно посланникамъ другихъ государствъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны были представить ему, что возвращеніе изгнанниковъ на родину должно произвести большія замѣшательства. Какъ неблагосклонно принялъ Александръ просьбу аѳинянъ, и какъ мало думалъ онъ объ ея исполненіи, видно уже изъ того, что посольство аѳинскаго народа было принято послѣ всѣхъ другихъ посольствъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ.

Въ то время какъ повелѣніе Александра ставило аѳинянъ въ затруднительное положеніе, приверженцы Александра воспользовались для изгнанія изъ Аѳинъ оратора Демосѳена процессомъ Гарпала, прежняго главнаго хранителя персидскихъ сокровищъ. Исторія Гарпала представляетъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, изъ которыхъ можно видѣть, какъ вредно дѣйствовали на нравственность богатства востока, легко добываемыя при Александрѣ и входившія во всеобщее обращеніе. Она показываетъ также, что демократическія государства Греціи находились совершенно во власти корыстолюбивыхъ демагоговъ, старавшихся только удовлетворить своей жадности и другимъ страстямъ, не заботясь объ общемъ благѣ. Въ царствованіе Филиппа Гарпалъ, въ то время какъ Олимпіада и ея сынъ находились въ немилости, принялъ вмѣстѣ съ Птолемеемъ, Неархомъ и другими знатными македонянами такое живое участіе въ Александрѣ, что подвергся съ своими друзьями изгнанію изъ отечества. Считая долгомъ наградить всѣхъ пострадавшихъ за него, Александръ, по восшествіи на престолъ, далъ имъ первыя мѣста въ войскѣ. Гарпалъ по своимъ тѣлеснымъ недостаткамъ не годился для военной службы, и Александръ сдѣлалъ его своимъ казначеемъ, къ чему, повидимому, онъ былъ тѣмъ болѣе способенъ, что еще при Филиппѣ управлялъ финансами.

Александръ былъ такого высокаго мнѣнія о Гарпалѣ и его способностяхъ къ финансовымъ дѣламъ, что считалъ его совершенно незамѣнимымъ по этой части; но Гарпалъ не оправдалъ довѣрія и безсовѣстно поступалъ со всѣми, отъ кого долженъ былъ получать деньги. Передъ битвою при Иссѣ, онъ бѣжалъ изъ Азіи съ ввѣренною ему казною и поселился въ Мегарѣ, гдѣ со всею страстью предавался чувственнымъ наслажденіямъ. Черезъ нѣсколько времени прощенный Александромъ изъ благодарности къ прежнимъ его услугамъ, Гарпалъ возвратился весною 331 г. въ Азію, снова получилъ свою прежнюю должность, и ему же порученъ былъ надзоръ за всѣми сокровищами, привезенными изъ Сузы, Пасаргады и Персеполя въ Экбатану. Пока былъ живъ Парменіонъ, управлявшій Мидіею и могшій наблюдать за главнымъ казначеемъ, Гарпалъ, кажется, не рѣшался на воровство въ значительныхъ размѣрахъ. Но когда его не стало, и Александръ отправился въ Бактрію, Гарпалъ не могъ уже болѣе противиться окружающимъ его соблазнамъ и, обкрадывая ввѣренную ему государственную казну, простиравшуюся до ста восьмидесяти тысячъ талантовъ (около двухъ сотъ пятидесяти милліоновъ р.), тратилъ громадныя суммы на любовницъ и пиры. Когда по возвращеніи Александра изъ Индіи назначено было произвести строгое слѣдствіе надъ всѣми недобросовѣстными чиновниками, Гарпалъ, опасаясь за свою жизнь, бѣжалъ, захвативъ съ собою до пяти тысячъ талантовъ (около 6½ милліоновъ руб.) и взявъ шеститысячный отрядъ наемниковъ. Послѣднее обстоятельство даетъ его бѣгству какой-то загадочный видъ, но вѣроятно онъ увѣрялъ, что получилъ приказаніе отвезти въ Европу часть царской казны подъ сильнымъ прикрытіемъ.

Вмѣстѣ съ своими наемниками Гарпалъ отплылъ въ Грецію и, высадившись на берегъ, тотчасъ же отпустилъ ихъ. Спрятавъ большую часть своихъ сокровищъ въ одномъ изъ городовъ Пелопоннеса, онъ съ остальною отправился искать пріюта въ Аѳинахъ. Аѳины доставили ему желанное убѣжище, потому что онъ привлекъ на свою сторону посредствомъ подкупа нѣкоторыхъ изъ самыхъ влія-

тельныхъ лицъ и сдѣлалъ народу предложеніе положить принесенныя имъ сокровища въ аѳинскую государственную казну. Гарпалъ раздавалъ всѣмъ богатые подарки, и Гиперидъ, Демадъ вмѣстѣ со многими другими не упустили удобнаго случая обогатиться. Антипатръ потребовалъ отъ аѳинянъ, чтобѣ они выдали преступника вмѣстѣ съ его сокровищами. Вмѣсто того, чтобы выполнить это приказаніе, аѳиняне удержали деньги, говоря, что желаютъ сохранить ихъ и передать самому царю; и, поднявъ по смерти Александра оружіе противъ македонянъ, воспользовались ими для сформированія военныхъ силъ. Гарпала они рѣшились арестовать и держать въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока самъ Александръ не скажетъ имъ, что съ нимъ дѣлать. Во время переговоровъ объ этомъ, Демосѳенъ, по разсказамъ, незаслуживающимъ, впрочемъ, вѣроятія, былъ поставленъ однажды въ самое затруднительное положеніе и сдѣлался смѣшнымъ въ глазахъ своихъ согражданъ. Когда шли совѣщанія передъ народомъ о Гарпалѣ, Демосѳенъ, котораго послѣдній подкупилъ будто бы золотымъ кубкомъ, наполненнымъ суммою до 27.000 рублей, явился въ собраніе съ обвязанною шеею, и сказалъ, что не можетъ говорить вслѣдствіе горловой опухоли. Но враги его острили надъ нимъ, говоря, что онъ боленъ не горловой, а золотою опухолью.

Черезъ нѣсколько времени, по предложенію самого Демосѳена, былъ начатъ ареопагомъ процессъ противъ всѣхъ лицъ, подкупленныхъ Гарпаломъ. Многіе оказались виновными и были казнены или заключены въ темницу. Въ это дѣло по проискамъ Гиперида и другихъ враговъ былъ замѣшанъ и Демосѳенъ. Всѣ его усилія спасти себя остались тщетными; онъ былъ признанъ виновнымъ и присужденъ къ уплатѣ значительной суммы. По всей вѣроятности великій ораторъ, ненавистный македонскому двору, былъ просто принесенъ въ жертву интересамъ государства. Не будучи въ состояніи выплатить наложенной на него пени, онъ былъ заключенъ въ темницу, откуда впрочемъ черезъ нѣсколько дней ему удалось бѣжать. Гарпалъ также бѣгствомъ скрылся отъ наказанія, но вскорѣ палъ отъ руки убійцы. Онъ былъ убитъ однимъ спартанцемъ на островѣ Критѣ, куда бѣжалъ съ своими сокровищами, хранившимися въ Пелопоннесѣ.

17. Послѣдній годъ жизни Александра.

Распространивъ свое господство до самой Индіи, Александръ началъ строить громаднѣйшіе планы. Онъ приготовлялся къ походу въ Аравію, намѣреваясь присоединить эту страну къ своему царству; хотѣлъ сдѣлать Тигръ судоходнымъ и заложить при устьѣ его большую гавань; построилъ большой флотъ, съ которымъ Неархъ долженъ былъ объѣхать Аравію и установить сообщеніе между Индомъ, Персіею и восточною Африкою; наконецъ приказалъ снова воздвигнуть въ Вавилонѣ разрушенный древній храмъ Бела и имѣлъ намѣреніе сдѣлать этотъ городъ своею резиденціею, центромъ цивилизованнаго міра, величайшимъ и роскошнѣйшимъ городомъ всего свѣта. Но преждевременная смерть великаго царя разрушила всѣ эти планы.

По увольненіи ветерановъ, Александръ удалился въ Экбатану, гдѣ въ теченіе восьми дней устраивалъ великолѣпнѣйшіе праздники. Во время этихъ празднествъ заболѣлъ и умеръ Гефестіонъ. Александръ былъ сильно опечаленъ смертью человѣка, бывшаго всегда самымъ вѣрнымъ и любимымъ его другомъ. Историки, собиравшіе интересные и трогательные анекдоты изъ жизни и подвиговъ Александра, воспользовались и этимъ обстоятельствомъ, чтобы въ ущербъ исторической истинѣ занять своихъ читателей и доставить имъ удовольствіе романическимъ разсказомъ. Они говорятъ, что Александръ съ горя почти совсѣмъ лишился разсудка, приказалъ казнить врача, лечившаго его друга, разрушилъ храмъ Эскулапа въ наказаніе за то, что этотъ богъ не помогъ Гефестіону, затѣмъ предпринялъ для облегченія своей печали походъ противъ персидскихъ горныхъ народовъ и въ память смерти Гефестіона совершенно истребилъ ихъ. Арріанъ, самый достовѣрный изъ всѣхъ историковъ Александра, сочиненія которыхъ сохранились до насъ, основательно опровергаетъ всѣ эти разсказы, какъ недостойные великаго царя и совершенно несоотвѣтствующіе его характеру. Но нѣтъ сомнѣ-

нія, что Александръ совершилъ похороны своего друга съ такою пышностью и расточительностью, которыя показываютъ, что македонскій завоеватель Азіи во время покоренія этой части свѣта самъ поддался любви восточныхъ жителей ко всему исполинскому и чрезмѣрному. Тѣло Гефестіона съ торжествомъ было отвезено въ Вавилонъ и тамъ похоронено.

Вскорѣ послѣ смерти Гефестіона, возвращаясь въ Вавилонъ, Александръ воспользовался этимъ походомъ для покоренія остававшихся еще независимыми дикихъ народовъ, которые тревожили западныя пограничныя горы собственной Персіи. Это были коссеи. Они были совершенно покорены, и хищническія гнѣзда ихъ разрушены въ продолженіе сорокадневнаго похода. Во время дальнѣйшаго шествія Александра, и въ самомъ Вавилонѣ, къ нему явились послы отъ всѣхъ народовъ запада, до которыхъ дошла молва о его подвигахъ, для принесенія поздравленій и подарковъ, или, какъ аѳиняне, для представленія своихъ просьбъ и желаній. Тутъ были послы греческихъ государствъ, различныхъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ племенъ, обитающихъ къ сѣверу отъ нихъ кельтовъ, нѣкоторыхъ итальянскихъ народовъ, карѳагенянъ и многихъ полуобразованныхъ африканскихъ племенъ. Въ то время, какъ Александръ наслаждался пріемомъ различныхъ посольствъ, появленіе которыхъ убѣждало его въ томъ, что слава его подвиговъ проникла ко всѣмъ народамъ извѣстныхъ тогда странъ, разныя предзнаменованія и предсказанія и непреодолимая скорбь о своемъ любимцѣ, напоминали ему о непостоянствѣ всякаго человѣческаго величія и непрочности всѣхъ его гигантскихъ плановъ. Однако до послѣдней минуты своей жизни онъ оставался вѣренъ самому себѣ, занимался управленіемъ громаднаго своего царства, и особенно надзоромъ за работами, начатыми имъ для возвращенія всего прежняго величія и блеска странамъ, бывшимъ когда-то центрами Вавилонскаго и Ассирійскаго царствъ, и для установленія лучшихъ путей сообщенія черезъ посредство Эвфрата и Тигра, каналовъ и другихъ гидравлическихъ сооруженій.

Когда большая часть войскъ, предназначавшихся для похода въ Аравію, собралась въ Вавилонъ, и окончены были приготовленія къ похоронамъ Гефестіона, Александръ оказалъ послѣднія почести своему другу. Онъ приказалъ построить для его тѣла костеръ, вышиною около двухъ сотъ футовъ, великолѣпно украшенный золотомъ, пурпуромъ, картинами и изваяніями и стоившій не менѣе двѣнадцати тысячь талантовъ (около 16 милліоновъ руб. сер.). Этотъ колоссальный костеръ былъ сожженъ среди торжественныхъ церемоній и пѣсней. Александръ принесъ своему другу, котораго онъ приказалъ провозгласить полубогомъ, роскошныя жертвы и въ продолженіе многихъ дней совершалъ разнаго рода торжества.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этой церемоніи умеръ и самъ Александръ. Онъ въ теченіе всей своей жизни оставался другомъ своихъ полководцевъ и постоянно принималъ участіе въ ихъ общественныхъ удовольствіяхъ. Эти люди, большинство которыхъ выучилось пить еще при Филиппѣ, были преданы неумѣренному, а въ жаркихъ странахъ вдвойнѣ вредному употребленію вина. Неподлежитъ сомнѣнію, что неумѣренный образъ жизни, соединенный съ усиленными занятіями, гибельно дѣйствовалъ на здоровье Гефестіона и былъ причиною ранней его смерти; но, не смотря на увѣренія нѣкоторыхъ историковъ, сомнительно, чтобы и Александръ, подобно своимъ полководцамъ, предавался этой страсти и тѣмъ ускорилъ свою смерть. Александръ охотно присутствовалъ на пирахъ своихъ полководцевъ, потому что любилъ откровенную бесѣду, но сравнительно съ ними пилъ очень мало. Вообще питье не было у него страстью, и въ этомъ отношеніи, какъ и во свѣхъ другихъ, онъ всегда оставался властелиномъ своихъ страстей и былъ трезвъ, когда нужно было дѣйствовать. Александръ не принадлежалъ, по словамъ одного древняго историка, къ разряду обыкновенныхъ людей, которые, достигнувъ славы, теряютъ власть надъ собой, опьяненные ея сладостью.

Послѣ нѣсколькихъ пирушекъ, на которыхъ Александръ присутствовалъ, онъ почувствовалъ разстройство; но, не смотря на то, принялъ приглашеніе одного изъ своихъ товарищей, потому что, находясь съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, не хотѣлъ оскорблять отказомъ любимаго полководца. Онъ оставался на пирѣ до глубокой ночи, на слѣдующій день заболѣлъ лихорадкою и черезъ недѣлю умеръ, не сдѣлавъ распоряженія относительно престолонаслѣдія. Разсказъ о томъ, что передъ своею смертью на вопросъ, кому онъ оставляетъ царство, Александръ от-

вѣчалъ: «достойнѣйшему», чистая выдумка, принадлежащая къ числу тѣхъ анекдотовъ, которыми искажена жизнь великаго человѣка.

Тѣло Александра должно было отвезти въ оазисъ Аммонія и тамъ похоронить. Прошло два года, прежде чѣмъ была готова для него золотая гробница и великолѣпная колесница. Наконецъ, оно было привезено въ торжественной процессіи изъ Вавилона въ Египетъ, гдѣ его принялъ тогдашній владѣтель этой страны, полководецъ Александра, Птолемей. Вмѣсто того, чтобы положить его въ храмъ Юпитера Аммонскаго, хитрый Птолемей, умѣвшій извлекать изъ всего пользу для своей власти, приказалъ воздвигнуть въ собственной своей резиденціи Александріи священное зданіе, названное семою, въ которомъ онъ похоронилъ тѣло великаго царя.

18. Александръ какъ основатель всемірной монархіи и вліяніе его завоеваній на духъ грековъ и Востока.

Александръ начерталъ планъ соединенія восточнаго міра съ западнымъ, грековъ съ варварами и посредствомъ цѣлаго ряда вновь основанныхъ въ Азіи греческихъ городовъ хотѣлъ сблизить конечный пунктъ восточной цивилизаціи, вѣчно въ тѣсныхъ границахъ вращающееся міровоззрѣніе и чисто созерцательный образъ жизни индусовъ съ постоянно стремящимся впередъ, ничѣмъ не удовлетворяющимся и всегда дающимъ новыя формы самой жизни, духомъ Запада. Преждевременная смерть Александра не позволила ему осуществить главной цѣли своихъ стремленій, но его вліяніе не погибло, и изъ того, что онъ сдѣлалъ, развился новый родъ образованности, составляющій характеристическую черту слѣдующаго періода. Востокъ въ теченіе цѣлаго столѣтія боролся съ занесенными въ него и чуждыми ему греческими элементами, наконецъ оттолкнулъ ихъ отъ себя и снова впалъ въ свое прежнее состояніе; напротивъ того, греческій бытъ, сообразно своей европейской природѣ, принялъ въ себя принесенные въ него чуждые элементы. Въ Египтѣ, Сиріи и Малой Азіи, — гдѣ изъ завоеваній Александра возникли новыя царства съ греческими властителями,—образовалось изъ смѣшенія греческаго и восточнаго элементовъ и вслѣдствіе расширенія познаній о мірѣ нѣчто совершенно новое, различное въ различныхъ странахъ и сдѣлавшееся средоточіемъ, около котораго вращалась въ слѣдующее время исторія культуры человѣчества.

Александръ какъ будто перевелъ Грецію и Македонію въ Азію; вскорѣ по его смерти, греческіе властители, раздѣлившіе его царство, въ такой степени поощряли искусства и науки въ своихъ владѣніяхъ, что съ тѣхъ поръ духъ и центръ могущества грековъ переселились въ Переднюю Азію и Египетъ. Такимъ образомъ эта часть міра выиграла, а Греція и Македонія потеряли отъ завоеваній Александра. Погруженный въ изнѣженность Востокъ принялъ въ себя греческую цивилизацію и энергію; греки же и особенно македоняне, въ то время еще не совершенно испорченные, пріобрѣли только богатство и склонность къ распутству. Если бы планъ Александра осуществился, Европа пострадала бы еще болѣе. Востокъ усвоилъ бы всѣ драгоцѣнныя качества души и тѣла европейскихъ народовъ, а Греція и Македонія, напротивъ того, получили бы одно золото и страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ. Побѣжденные сдѣлались бы побѣдителями, а эти послѣдніе утратили бы благороднѣйшія блага человѣчества, — свободу, равенство передъ закономъ и природное человѣческое право. Впрочемъ Востокъ выигралъ гораздо болѣе, чѣмъ потеряла Греція, потому что Александръ принесъ гораздо болѣе греческаго къ персамъ, чѣмъ персидскаго къ грекамъ.

Быстраго развращенія нравовъ между македонянами никакъ не слѣдуетъ приписывать только вліянію завоеваній Александра; причиною того были еще два особенныя обстоятельства, имѣющія одинаковое дѣйствіе на всѣ народы и во всѣ времена. Вездѣ, гдѣ переходъ отъ полуцивилизованнаго состоянія къ высшей образованности и отъ бѣдности къ богатству совершается внезапно, народы теряютъ простоту и чистоту нравовъ и дѣлаются нравственно испорченными. Въ новѣйшее время примѣромъ служитъ одинъ изъ европейскихъ народовъ. Второе

обстоятельство, содѣйствовавшее быстрому поврежденію мекедонскихъ нравовъ, заключалось въ томъ, что, когда грубость и чистое варварство находятся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ чрезмѣрною утонченностью, какъ это было тогда съ македонянами, нравственность народа скоро должна глубоко пасть. Какъ велико еще было во время Александра варварство во Ѳракіи и Иллиріи — странахъ, граничащихъ съ Македоніею, — можно судить уже по тому, что у нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ племенъ были тогда въ употребленіи человѣческія жертвы.

Очеркъ введенныхъ Александромъ учрежденій и управленія царствомъ весьма важенъ для познанія господствовавшаго тогда духа времени и можетъ при томъ служить объясненіемъ его собственныхъ стремленій. Въ этомъ отношеніи прежде всего заслуживаютъ вниманія его отношенія къ войску и къ тѣмъ различнымъ народамъ, изъ которыхъ оно было составлено. Войско, еще прежде чѣмъ Александръ принялъ въ него азіатцевъ, состояло изъ весьма разнородныхъ частей. Въ составъ его входили жители всѣхъ македонскихъ провинцій, иллирійцы, ѳракійцы и греки изъ большей части государствъ этой націи. Послѣдніе были наемники, навербованные государствами, контингенты которыхъ они составляли, или набранные намѣстникомъ Александра въ Македоніи и его полководцами между малоазійскими греками. Богатства, добытыя Александромъ во время походовъ, дѣлали эти вербовки очень легкими, а роскошные подарки, раздававшіеся при всякомъ случаѣ солдатамъ, дѣлали македонскую военную службу во время похода еще заманчивѣе. Алексанръ дѣйствовалъ чрезвычайно умно, отсылая отъ времени до времени на родину небольшіе отряды, щедро награжденные; онъ очень хорошо понималъ, что возвращеніе ихъ на родину естественно приманитъ къ нему другихъ, и что греки и македоняне, удивляясь разсказамъ о богатствѣ немногихъ, возвратившихся домой, забудутъ объ участи гораздо большаго числа тѣхъ, которые погибли въ битвахъ, или, неся гарнизонную службу, загнаны въ отдаленнѣйшія страны свѣта.

Изъ всего войска Александра одни только македоняне, связанные рожденіемъ и обычаями съ своимъ царемъ, имѣли общіе съ нимъ интересы. Всѣхъ другихъ онъ долженъ былъ привлекать къ себѣ особенными средствами. Эти средства, касавшіяся также и македонянъ, были различнаго рода; кромѣ привѣтливости, составлявшей существенную черту въ характерѣ Александра, для той же цѣли ему служили еще денежные подарки и почетные знаки. Нѣкоторые примѣры всего лучше покажутъ, какъ ловко умѣлъ онъ пользоваться этими средствами и какъ щедръ былъ, когда дѣло шло о наградахъ войску. Послѣ битвы при Арбелѣ, каждый македонскій всадникъ получилъ въ подарокъ по сто сорока рублей, а каждый не македонскій — по сто сорока два рубля, а греческимъ наемникамъ было выдано не взачетъ жалованье за два мѣсяца. Когда во время похода изъ Вавилона къ Сузѣ прибыло къ войску изъ Европы шестнадцати-тысячное подкрѣпленіе, Александръ тотчасъ же принялъ мѣры, чтобы привязать къ себѣ эти новыя войска и одушевить еще болѣе старыя. На одномъ смотру онъ роздалъ воинамъ особыя награды, которыя можно сравнить съ нашими медалями, назначилъ многихъ на высшія мѣста, распорядился о доставленіи войскамъ новыхъ удобствъ и придалъ новую бодрость войску тѣми мелочами, которыя такъ привязываютъ простаго солдата къ своему полководцу. По смерти Дарія, каждый всадникъ получилъ въ подарокъ по тысячѣ триста, а каждый пѣхотинецъ по двѣсти рублей. Александръ продолжалъ выказывать такую щедрость и во все время своихъ походовъ. Увольняя воиновъ, сдѣлавшихся неспособными къ службѣ, онъ всегда надѣлялъ ихъ почетными знаками отличія и денежными подарками. По возвращеніи изъ Индіи, первою заботою Александра было наградить своихъ товарищей по оружію; и тутъ въ признаніи за македонянами той доли участія въ побѣдахъ, какая имъ принадлежала, точно также высказался великій духъ Александра, какъ и во всѣхъ учрежденіяхъ, касавшихся цѣлыхъ государствъ и народовъ. Уже прежде было сказано, что Александръ далъ богатое приданое персіянкамъ, выданнымъ имъ за мужъ за своихъ полководцевъ и за десять тысячъ воиновъ, великолѣпно отпраздновалъ ихъ свадьбу, вмѣстѣ съ своею собственною, роздалъ двадцать семь милліоновъ рублей на уплату долговъ своего войска и наградилъ заслуги нѣкоторыхъ начальниковъ такими знаками отличія, какими награждались обыкновенно побѣдители на олимпійскихъ играхъ.

Во всемъ, что касалось отношеній чужеземныхъ войскъ къ македонянамъ, всегда составлявшимъ ядро арміи, Александръ поступалъ весьма осторожно. Для поддержанія между ними различія, онъ пользовался тѣми же самыми средствами, какія въ наши дни такъ удачно были употребляемы Наполеономъ; какъ послѣдній держалъ постоянно войско другихъ народовъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ господствующей націи, преданность которой была для него всего важнѣе, такъ дѣлалъ и Александръ съ греками. Ихъ также онъ осыпалъ знаками отличія,' но при раздачѣ высшихъ мѣстъ остерегался предпочитать македонянамъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлалъ онъ исключенія, какъ, напримѣръ, для Эвмена, родомъ изъ Кардіи, греческой колоніи во Ѳракіи, блестящія заслуги котораго заставили царя отступить отъ общаго правила; но македоняне все-таки завидывали и ненавидѣли чужестранца, отличеннаго Александромъ.

Чтобы держать покоренные народы въ зависимости, Александръ употреблялъ средства, соотвѣтствовавшія ихъ національнымъ особенностямъ и извѣстнымъ обстоятельствамъ. Грецію держали въ зависимости дружественныя отношенія къ ней Александра, а отчасти собственная ея демократія и неразлучный съ нею духъ безпокойства. Не довѣряя вполнѣ этому свободолюбивому народу, Александръ для надзора за нимъ оставилъ съ войскомъ въ Македоніи опытнѣйшаго полководца и государственнаго человѣка своего отца. Относительно ѳракійскихъ племенъ онъ слѣдовалъ политикѣ Филиппа,—взявъ съ собой въ Азію всѣхъ ихъ вождей и правителей, возбуждавшихъ его опасеніе. Азіатскіе народы онъ держалъ въ зависимости своими гарнизонами или другими средствами. Мало-азійскимъ грекамъ онъ оставилъ управленіе ихъ внутренними дѣлами, въ твердомъ убѣжденіи, что врожденный этому народу духъ партій продолжитъ свое существованіе и ослабитъ ихъ силы; кромѣ того, въ важнѣйшіе города Малой Азіи были поставлены македонскіе гарнизоны. Въ то же время онъ назначалъ намѣстниковъ, смотрѣвшихъ за жителями своихъ провинцій совершенно иначе, чѣмъ персидскіе сатрапы. Прочія части персидскаго царства онъ поручалъ управленію македонянъ, но послѣ битвы при Арбелѣ, ставъ обращаться съ покоренными уже не какъ съ народомъ побѣжденнымъ и сравнявъ ихъ съ македонянами, онъ выбиралъ и туземцевъ въ намѣстники и другія должностныя лица провинцій. Александръ былъ тѣмъ болѣе расположенъ къ этому, что греки и македоняне нерѣдко злоупотребляли ввѣренною имъ властью для удовлетворенія своего корыстолюбія. Такъ поступали, напримѣръ, сборщики податей, Клеоменъ въ Египтѣ и Филоксенъ въ западной части Малой Азіи. Поэтому онъ началъ призывать къ управленію страною туземцевъ и далъ, напримѣръ, послѣ битвы при Арбелѣ, персу Митрину, сдавшему ему городъ Сарды, намѣстничество Арменіи. Впрочемъ само собою разумѣется, что неслыханная до тѣхъ поръ въ Азіи мысль обходиться съ побѣжденными какъ съ побѣдителями, болѣе чѣмъ все другое, должна была привязывать жителей къ новому своему владыкѣ.

Александръ удержалъ раздѣленіе на сатрапіи, но уничтожилъ стѣснительныя подати натурой, существовавшія при персидскомъ владычествѣ, и строго разграничилъ управленіе военною, гражданскою частью и финансами. Какъ тягостны были подати натурою, и какъ много облегчилъ Александръ уничтоженіемъ ихъ положеніе страны, можно видѣть изъ одного основнаго закона, относившагося до стола персидскаго царя. Каждая область, въ которой находился царь, должна была доставлять часть припасовъ для ежедневнаго обѣда при дворѣ, какъ это дѣлалось у германскихъ императоровъ, французскихъ и англійскихъ королей съ девятаго по четырнадцатое столѣтіе. Подобно феодальнымъ баронамъ, и персидскіе вельможи злоупотребляли этимъ обычаемъ, грабя жителей, для содержанія себя и своей свиты. Всѣмъ получавшимъ содержаніе отъ двора было раздаваемо страшное множество съѣстныхъ припасовъ, и чего не могли съѣсть они сами, то приказывали относить домой для своей прислуги. На счетъ провинцій кормились не только придворные и первые сановники, но и всѣ войска, слѣдовавшія за дворомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ греческихъ сочиненіяхъ говорится, что число лицъ, ежедневно получавшихъ пищу при дворѣ на счетъ провинцій, въ которыхъ останавливался дворъ, простиралось до пятнадцати тысячъ человѣкъ, а ежедневная подать для нихъ до четырехъ сотъ талантовъ (полмилліона руб сер.). Если эта цифра и преувеличена, то самое преувеличеніе уже показываетъ неразумность

учрежденія и стѣснительность его для подданныхъ. Въ то же время изъ нея видно, какое благодѣяніе оказалъ Александръ жителямъ персидскаго царства, уничтоживъ этотъ варварскій поборъ.

Александръ отмѣнилъ также часть нелѣпыхъ и унизительныхъ церемоній, бывшихъ въ обыкновеніи на пиршествахъ персидскаго двора. На нихъ никогда не приглашалось болѣе двѣнадцати человѣкъ. Царь, если онъ звалъ кого-нибудь къ столу, сидѣлъ за занавѣсомъ, устроеннымъ такъ, что изъ-за него царю можно было видѣть своихъ гостей, оставаясь невидимымъ для послѣднихъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ онъ обѣдалъ въ одной комнатѣ съ ними и тогда не сидѣлъ вмѣстѣ съ гостями, но лежалъ на подушкѣ, и бросалъ имъ кушанья въ знакъ своего благоволенія. Приглашаемые на царскія пирушки пили другое вино, чѣмъ самъ царь, и отпускались по домамъ совершенно пьяные. Совсѣмъ иначе было при дворѣ Александра. Онъ обыкновенно издерживалъ на свой столъ отъ двухъ сотъ пятидесяти до трехъ сотъ рублей, хотя съ нимъ обѣдало постоянно отъ шестидесяти до семидесяти человѣкъ его свиты, съ которыми онъ обходился потоварищески, и за столомъ господствовали свобода и равенство.

Когда впослѣдствіи Александръ началъ въ своемъ придворномъ этикетѣ все болѣе и болѣе слѣдовать восточнымъ обыкновеніямъ, перемѣна, обнаружившаяся въ его собственномъ характерѣ, была виною тому только отчасти. Онъ имѣлъ также въ виду поощреніе промышлености и торговли. Александръ постоянно думалъ о томъ, какъ бы возвысить искусства и оживить торговлю, но это было невозможно безъ блестящаго и большаго придворнаго штата; введеніемъ его онъ и хотѣлъ установить взаимныя отношенія между роскошью и промышленостью. Открываемыя или пролагаемыя имъ дороги, изслѣдованіе еще мало извѣстныхъ рѣкъ, расчищеніе болѣе извѣстныхъ руслъ и экспедиціи для открытія сообщенія моремъ, все это клонилось къ той же самой цѣли. Заботами и разумностью, съ которою онъ старался извлечь пользу изъ своихъ завоеваній и соединить въ одно результаты жизни и науки всѣхъ народовъ и временъ, Александръ сдѣлалъ болѣе чѣмъ кто-нибудь для развитія и распространенія всѣхъ искусствъ, имѣющихъ примѣненіе въ жизни. Благодаря ему, слѣдующій періодъ сдѣлался временемъ высшаго процвѣтанія и географическаго распространенія ремеслъ и торговой дѣятельности Стараго свѣта.

Александръ далъ новый толчекъ военному искусству. Онъ былъ первымъ полководцемъ въ исторіи, устроившимъ инженерную часть въ томъ родѣ, какъ нынѣ. Его генеральный штабъ раздѣлялся на географическое и топографическое отдѣленія. Начальникомъ инженеровъ былъ Аминтъ, сообщившій, подобно многимъ другимъ полководцамъ Александра, въ своемъ дневникѣ добытые имъ во время похода въ Азію результаты относительно познанія народовъ и странъ. Александръ приказывалъ повсюду измѣрять разстоянія и величину переходовъ, опредѣлять географическое положеніе странъ и составить генеральную карту своихъ походовъ. Все это дѣлалось людьми свѣдущими, результаты ихъ трудовъ были вполнѣ достовѣрны и составляли еще во время Страбона, жившаго непосредственно передъ р. Х., самый лучшій источникъ для познанія Индіи и восточной Персіи. Описанія же, составленныя для большинства публики Онесикритомъ и самимъ Неархомъ, въ высшей степени невѣрны и наполнены преднамѣренной ложью и преувеличеніями. Объ усовершенствованіяхъ, сдѣланныхъ Александромъ въ военныхъ учрежденіяхъ своего отца, и о примѣненіи къ своему войску всего, что онъ находилъ у различныхъ покоренныхъ имъ народахъ, было уже сказано прежде. Что касается фортификаціи и вообще приложенія математики и механики къ военному дѣлу, то, по увѣренію древнихъ, карѳагеняне и славные своими заслугами въ мореходномъ искусствѣ родосцы, то есть, два торговыя государства, первые приложили къ этому дѣлу математическія науки. Филиппъ и Александръ не только воспользовались ихъ открытіями и приложеніями, но пошли еще далѣе. Послѣдній отправился въ походъ съ людьми, образованными въ школѣ Полиида, искуснаго инженера его отца. Какъ способны были они и какъ усовершенствовалась при Александрѣ та часть военнаго искусства, которую мы называемъ артиллеріей, видно изъ тѣхъ указанныхъ нами выше средствъ, которыми были побѣждены опытные въ этомъ дѣлѣ тиряне (стр. 387).

Цивилизующее вліяніе предпріятій Александра распространилось также на

изящныя искусства и науки. Они были и косвенно возбуждены этими предпріятіями, но и самъ Александръ прямо старался поднять ихъ и оказывать имъ покровительство. Великій царь любилъ науки и искусства, развивалъ себя ими и понималъ ихъ важность для облагороженія людей и даже для матеріальной жизни. Любовь къ поэзіи, которая не можетъ быть чужда благородной и великой душѣ, была въ немъ врожденная. Онъ высказалъ ее не только тѣмъ, что всегда имѣлъ при себѣ, какъ настольную свою книгу, тщательно пересмотрѣнный Аристотелемъ списокъ Иліады Гомера и назначилъ для храненія его знаменитую драгоцѣнную шкатулку Дарія, доставшуюся македонянамъ послѣ битвы при Иссѣ, но и многими собственными поэтическими опытами, которыми онъ занимался въ часы досуга. Александръ любилъ и другія изящныя искусства, былъ знатокомъ всѣхъ ихъ и всегда поощрялъ и награждалъ таланты и заслуги. Какъ развитъ былъ у него вкусъ къ музыкѣ, видно изъ разсказа о впечатлѣніи, произведенномъ на него игрой Антигенида на флейтѣ: Александръ былъ такъ пораженъ и воспламененъ мелодіею боевой битвы, которую разыгрывалъ передъ нимъ Антегинидъ, что вскочилъ съ своего мѣста, взялся за оружіе и пропѣлъ присутствовавшимъ нѣсколько словъ изъ спартанской военной пѣсни. Любовь его къ ваянію и живописи и то уваженіе, съ какимъ онъ обращался къ Лисиппу и Апеллесу, извѣстны всѣмъ (стр. 370).

Все это, конечно, показываетъ вкусъ Александра къ истинной поэзіи и искусству, однако нельзя отрицать и того, что на развитіе ихъ онъ имѣлъ не совсѣмъ благотворное вліяніе, хотя и тратилъ большія суммы на поддержаніе искусствъ и поощреніе художниковъ и назначилъ между прочимъ тринадцать милліоновъ рублей для улучшенія и возстановленія храмовъ въ Греціи. Въ дѣйствительности онъ пробуждалъ въ поэтахъ только умѣнье льстить и портилъ пластическія искусства соединеніемъ ихъ съ восточнымъ элементомъ, въ которомъ, какъ справедливо говоритъ одинъ древній историкъ, цѣнность матеріала предпочитается изяществу формы, и оттого притупляется истинный вкусъ къ искусству; потому что человѣкъ отъ сильнаго изумленія передъ громадою золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, не можетъ дойти до созерцанія самаго искусства и восторга передъ нимъ. Для украшенія основанныхъ или вызванныхъ имъ къ новой жизни городовъ, Александръ призвалъ въ Азію множество отличныхъ греческихъ художниковъ и такимъ образомъ перемѣстилъ въ Вавилонъ и Сузу то, что принадлежало Греціи и могло процвѣтать только подъ греческимъ небомъ. Смерть его, а также и то обстоятельство, что резиденціи царствъ, образовавшихся изъ его завоеваній, находились на берегу Средиземнаго моря, были счастливыми событіями для европейскаго образованія, потому что черезъ это уцѣлѣли основныя его черты—разнообразіе, развитіе и жизнь. Изъ всѣхъ искусствъ Александръ всего менѣе понималъ въ архитектурѣ. Это видно уже изъ постройки громаднаго костра, назначеннаго для сожженія тѣла Гефестіона, который могъ произвести впечатлѣніе только своею высотою, удивительнымъ разнообразіемъ украшеній и громадностью потраченныхъ на него денегъ. Непониманіе Александра въ архитектурѣ выказывалось и тѣмъ, что для совѣщаній о постройкахъ онъ призывалъ преимущественно архитектора Динократа, отличавшагося своею любовью къ фантастическому и къ низкой лести. Значеніе его, какъ художника, можно всего лучше видѣть изъ его предложенія обратить мысъ Аѳонскій въ статую Александра, которая въ одной рукѣ держала бы цѣлый городъ съ десятью тысячами жителей, а въ другой — большую раковину, изъ которой текла бы въ море неизсякающая рѣка. Идея эта была совершенно достойна древнихъ египтянъ, колоссальныя пирамиды и исполинскіе сфинксы которыхъ возбуждаютъ чувство удивленія, но не могутъ возбудить любви къ себѣ. Такъ посмотрѣлъ на это предложеніе и Александръ. Онъ далъ художнику очень умный отвѣтъ: «оставь Афонъ такимъ, какимъ онъ есть, довольно и того, что уже одинъ царь увѣковѣчилъ на немъ свою глупую гордость» (стр. 178). Александръ понималъ, подобно Бонапарте (du sublime au ridicul il n'y a qu'un pas), что въ этомъ планѣ великое и смѣшное близко граничатъ другъ съ другомъ, и что выполненіемъ его можно подвергнуться насмѣшкамъ всѣхъ разумныхъ людей; не смотря на то, жалкая лесть все-таки произвела на него впечатлѣніе и впослѣдствіи онъ поручилъ художнику Динократу управленіе работами въ египетской Александріи и другихъ городахъ.

Отношенія Александра къ наукѣ были такія же, какъ и отношенія его къ искусству: онъ любилъ истинную науку, признавалъ ея значеніе и тратилъ большія суммы на ея поддержку, но вообще вредилъ ея развитію. Александръ понималъ и уважалъ Аристотеля, былъ очень щедръ къ нему и поддерживалъ его труды по части естественной исторіи, какъ немногіе поддерживаютъ ученыя занятія; онъ не только бралъ съ собою во время своихъ походовъ ученыхъ, которые дѣлали наблюденія для Аристотеля, приказывалъ ловить неизвѣстныхъ животныхъ и посылалъ ихъ къ Аристотелю, но и лично принималъ участіе въ великомъ планѣ послѣдняго—создать систематическую и основанную на опытѣ естественную исторію. Глубокая любовь Александра къ познаніямъ высказывается въ стараніи, съ какимъ онъ, во время своего похода, стремился узнать индійскую мудрость, и въ его уваженіи и внимательности къ аѳинянамъ. Изъ этого можно видѣть, что для него казались достойными одинаковаго вниманія два противоположные рода жизни, которые самымъ характеристическимъ образомъ выражаются съ одной стороны въ аѳинской живости и въ свойственномъ индійцамъ застоѣ жизни—съ другой. Онъ самъ при своемъ свиданіи съ Діогеномъ (стр. 358) очень ясно высказалъ это, когда выразилъ ту мысль, что для высокой души есть только два рода величія—овладѣть міромъ, или быть способнымъ обойтись безъ него. Наконецъ и науку, какъ и истинное искусство, Александръ поддерживалъ съ удивительною щедростью и предложилъ, напримѣръ, однажды платонику Ксенократу громадную сумму въ пятьдесятъ талантовъ (шестьдесятъ восемъ тысячъ р. сер.), которыхъ послѣдній впрочемъ не принялъ (стр. 353).

Такимъ образомъ во всемъ, что сдѣлалъ Александръ для науки, высказывается великій духъ его съ самой блестящей стороны; но литературу онъ всетаки лишилъ ея прежней самостоятельности и поставилъ въ зависимости отъ характера правительственныхъ лицъ. Кромѣ Аристотеля и Ксенократа, онъ награждалъ еще Анаксарха и Пиррона (стр. 401), жалкаго лжеца и льстеца Онесикрита наравнѣ съ истинно талантливыми людьми, и вообще поощрялъ богатыми подарками ту науку, которая умѣетъ ставить призракъ истины на мѣсто самой истины и природы.

19. Аристотель и его отношенія къ греческой образованности.

Ни одинъ человѣкъ,—исключая развѣ основателей міровыхъ религій,—не имѣлъ такого громаднаго вліянія на духовную жизнь цѣлаго человѣчества, какъ Аристотель, наставникъ Александра. Его великое значеніе отразилось на всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, и посредствомъ своей философіи онъ сдѣлался законодателемъ не только для всего Запада и христіанской религіи, но и для Востока и исламизма. Родившись въ македонскомъ городѣ Стагирѣ, Аристотель на семнадцатомъ году своей жизни отправился въ Аѳины и сдѣлался ученикомъ Платона. По смерти своего учителя, онъ жилъ въ Малой Азіи, до тѣхъ поръ, пока Филиппъ II не вызвалъ его въ Македонію для воспитанія молодаго Александра. Основатель новаго македонскаго государства понималъ достоинство и величіе человѣка, духъ котораго былъ свободенъ отъ всего фантастическаго и мечтательнаго, стремился только къ реальному, возможному и выполнимому. Поручивъ воспитаніе своего сына Аристотелю, Филиппъ показалъ въ этомъ точно также свое величіе, какъ и въ основаніи греко-македонской монархіи. Аристотель прибылъ къ македонскому двору, когда Александру было двѣнадцать или четырнадцать лѣтъ, и разстался съ своимъ воспитанникомъ только при началѣ его похода въ Азію. Онъ удалился въ Аѳины, гдѣ основалъ философскую школу въ лицеѣ, заведеніи, похожемъ на академію и соединенномъ съ гимнастическою школою. Отъ тѣнистыхъ аллей этого заведенія, называющихся на греческомъ языкѣ перипатоями, т. е. мѣстами для прогулки, а можетъ быть отъ обыкновенія Аристотеля преподавать ученіе свое во время этихъ прогулокъ, философія его получила названіе перипатетической. По смерти Александра враги старались обвинить философа передъ народомъ и правительствомъ въ безбожіи и неуваженіи къ государствен-

ной религіи. Аристотель былъ принужденъ оставить Аѳины, и вскорѣ послѣ того умеръ (322 г. до р. Х.) въ эвбейскомъ городѣ Халкидѣ.

Въ высшей степени интересно и важно то обстоятельство, что одно и то же время произвело и Аристотеля — генія, обнимавшаго своею мыслію всѣ знанія и давшаго новый видъ всѣмъ наукамъ, — и Александра — героя, способнаго понять и обладавшаго возможностью осуществить все — и поставило ихъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Аристотель и Александръ обнимали своимъ духомъ, первый — міръ внутренній, а послѣдній — внѣшній; оба хотѣли покорить ихъ себѣ и дать имъ новый видъ. Они хорошо знали и понимали другъ друга, и между самыми стремленіями ихъ существовала прямая связь. Аристотель выбиралъ для Александра людей, способныхъ выполнять его намѣренія, давалъ ему совѣты въ государственныхъ дѣлахъ и посылалъ книги для чтенія; Александръ въ свою очередь, не жалѣя ни издержекъ, ни личныхъ трудовъ, отряжалъ различныхъ лицъ изъ своей свиты для содѣйствія изслѣдованіямъ Аристотеля.

Александру хотѣлось соединить въ своемъ царствѣ все, что было великаго во всемірной исторіи съ самаго ея начала, — чудеса временъ первобытныхъ, силу вѣковъ героическихъ и греческую мудрость слѣдующихъ столѣтій. Онъ стремился слить въ одно цѣлое формы жизни и идеи Востока съ духомъ Запада, связать другъ съ другомъ, посредствомъ частыхъ сношеній, всѣ народы, страны, климаты, земли и, при помощи греческой цивилизаціи, соединить весь міръ въ одно монархическое государство, въ которомъ господствовалъ бы разумъ, а не грубая сила. Тѣ же самыя идеи преслѣдовалъ и Аристотель въ великой области науки и знанія. Онъ хотѣлъ систематическою философіею соединить въ одно цѣлое духовныя стремленія всѣхъ народовъ, временъ и странъ. Съ исчезновеніемъ непосредственной жизни чувства, миновалось время поэзіи, и та поэзія, въ которой сознавалась теперь нужда и которая одна могла имѣть мѣсто въ эпоху преобладанія жизни разсудочной, должна была получить для себя правила и образцы отъ поэзіи прежней, возникшей изъ вдохновенія; Аристотель далъ для этого средства, написавъ первую теорію стихотворнаго искусства. Естествоиспытаніе шло до тѣхъ поръ или путемъ чисто теоретическимъ, или только практическимъ, и оба эти методы еще не были соединены другъ съ другомъ; Аристотель соединилъ ихъ, собралъ всѣ прежнія наблюденія, дополнилъ ихъ своими собственными, создалъ научный языкъ и систему и сдѣлался творцомъ естественныхъ наукъ. Государственныя науки до времени Александра обработывались также или практически, или чисто теоретически; Аристотель и тутъ соединилъ теорію съ практикою и выполнилъ еще одну задачу, ходомъ самыхъ событій предложенную этимъ наукамъ. Исторія предшествующихъ вѣковъ показала, что, съ развращеніемъ нравовъ, увеличеніемъ государствъ и развитіемъ внѣшней жизни, большинство народа становится мертвымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ, слѣдовательно, и демократическое начало дѣлается одною мечтою, а аристократія унизительна для человѣчества. Греки стремились уже къ началамъ монархическимъ, и лучшіе между ними, еще до Аристотеля, высказывали это стремленіе. Но монархія съ справедливыми и твердыми законами, исполнителемъ которыхъ былъ бы царь, представлялась имъ невозможною, и потому самъ Платонъ понималъ монархическое начало только какъ начало идеальное. Царствованіе Филиппа II показало возможность монархіи, а Аристотель объяснилъ средства, съ помощью которыхъ она стала дѣйствительностью. Онъ изслѣдовалъ формы правленія и законы всѣхъ государствъ, сравнивалъ ихъ между собою и предложилъ начала, на которыхъ можно было построить цѣлое, приложимое къ большому государству. То же самое, что сдѣлалъ Аристотель для формъ и идей жизни государственной, для наукъ естественныхъ и стихотворнаго искусства, сдѣлалъ онъ и для риторики, нравственныхъ ученій о человѣкѣ и философскихъ познаній вообще; однимъ словомъ, онъ нашелъ новыя формы мысли, расширилъ область духовной жизни, далъ ей болѣе твердыя основы и болѣе общее направленіе и создалъ философію, которая по его смерти, въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій, была наставницею человѣчества.

Эту разъясненную и приведенную Аристотелемъ въ строгую систему греческую мудрость, образованность и опытность жизни, Александръ хотѣлъ соединить съ пышностью, богатствомъ, громадностью и фантастичностью Востока и

первобытной древности, и сдѣлать свое царствованіе осуществленіемъ высшаго человѣческаго образованія и высшихъ человѣческихъ стремленій. Но судьба распорядилась иначе. Какъ ни велико было вліяніе такой личности, какъ Александръ, на ходъ міровыхъ событій, но его стремленія не осуществились, потому что для выполненія ихъ было недостаточно силъ и кратковременной жизни одного человѣка; нужно было пройти вѣкамъ и свершиться многимъ событіямъ, прежде чѣмъ Востокъ и Западъ могли быть совершенно измѣнены и преобразованы, сдѣлаться способными воспринять чуждые имъ элементы и слиться другъ съ другомъ. Къ Аристотелю судьба была благосклоннѣе; его стремленія осуществились, потому что онъ только мыслилъ, а не дѣйствовалъ: въ области духовной жизни значеніе силъ человѣка простирается гораздо далѣе, чѣмъ въ области міра внѣшняго. Философія его сдѣлалась основаніемъ изслѣдованій позднѣйшихъ столѣтій, которыя получили чрезъ него всѣ результаты, выработанные греческой жизнію и наукою, такъ что новое, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и новѣйшее время, только дополняетъ и умножаетъ то, что было выработано его мыслью и собрано его изслѣдованіями; наконецъ многія изъ его положеній и теперь даже прямо могутъ быть принимаемы за непреложную истину.

Оцѣнивать дѣятельность Аристотеля, разбирать отношеніе его къ образованію человѣческаго духа, и перечислять все то, что сдѣлано имъ, значитъ излагать исторію всѣхъ наукъ и искусствъ, и описывать всю государственную жизнь древнихъ. Но для этого нуженъ столь же великій духъ, какимъ былъ духъ Аристотеля. Для насъ довольно будетъ показать какъ велико было его вліяніе. и указать, какъ понимали Аристотеля и пользовались его дѣятельностью послѣдующіе вѣка.

Аристотель положилъ основаніе всѣмъ частямъ философіи, создалъ для нея новый языкъ, ввелъ философію, — которая до него была только популярнымъ средствомъ къ образованію, — въ собственно ей принадлежащую сферу, и свелъ въ одно строго систематическое цѣлое всѣ тогдашнія познанія грековъ, къ какой бы области наукъ они ни относилась. Если бы важнѣшія изъ сочиненій Аристотеля не затерялись, уцѣлѣвшія дошли до насъ въ ихъ настоящемъ видѣ, а не въ формѣ отрывочныхъ сборниковъ его изреченій, безъ всякой внутренней связи, то, безъ всякаго сомнѣнія, мы увидали бы тогда, что имъ написано было по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній вдвое больше книгъ, чѣмъ сколько дошло до насъ, и что въ однѣхъ изъ нихъ онъ оставилъ для потомства результаты разныхъ наблюденій тогдашняго времени, умноженные и приведенные въ систему имъ самимъ, а въ другихъ занимался обработкою философской или чисто разумной стороны ихъ. Многихъ своихъ сочиненій Аристотель по всей вѣроятности не обнародовалъ, или потому, что считалъ ихъ далеко не совершенными, такъ какъ въ нихъ содержалось ученіе, предназначавшееся имъ только для немногихъ, избранныхъ учениковъ. Сочиненія эти, завѣщанныя Аристотелемъ одному изъ его учениковъ, Теофрасту, были переданы послѣднимъ при его смерти, Секпсису, наслѣдники котораго хранили ихъ какъ семейную драгоцѣнность. Опасаясь, что цари пергамскіе, подданными которыхъ они были, всякими средствами увеличивая свои придворныя библіотеки, отнимутъ у нихъ это сокровище, они спрятали книги, написанныя Аристотелемъ, въ сырую подземную кладовую. Тутъ пролежали онѣ болѣе ста лѣтъ, пока ихъ не купилъ одинъ аѳинянинъ, Апелликонъ, когда большая часть ихъ была уже истреблена сыростью и насѣкомыми. Вскорѣ послѣ того библіотека Апеликона попала въ руки Суллы, который перевезъ ее въ Римъ, приказалъ переписать сочиненія Аристотеля, и нѣкоторыя изъ нихъ подарилъ Андронику Родосскому, издавшему ихъ въ свѣтъ. Но и изъ этихъ уцѣлѣвшихъ сочиненій очень многія пропали впослѣдствіи.

Аристотель оставилъ методъ, употреблявшійся греками при философскихъ изслѣдованіяхъ, и проложилъ совершенно новую дорогу для всѣхъ отраслей знанія. Вмѣсто того, чтобы составлять сначала теорію, и подводить потомъ подъ нее сдѣланные опыты, Аристотель въ основаніе своихъ изслѣдованій полагалъ всегда опытъ, и на немъ построилъ свою систему. Арабы и христіане среднихъ вѣковъ, смотрѣвшіе на сочиненія Аристотеля, какъ на единственный истинный критеріумъ всякой науки, снова оставили этотъ методъ, и, не понимая великаго философа, сдѣлали самыя его сочиненія источникомъ одностороннихъ умствованій

и ничтожныхъ силлогизмовъ; но съ теченіемъ времени, когда духъ Аристотеля началъ правильнѣе постигать человѣчествомъ, эти философскія гаерста въ свою очередь подверглись должному осмѣянію, какъ ничтожныя и лишенныя всякаго содержанія.

Для ближайшаго послѣ Аристотеля времени особенное значеніе имѣли его труды по математическимъ наукамъ, достигшимъ въ ту эпоху высокой степени совершенства; Аристотель первый далъ имъ научныя основанія. Математика и всѣ тѣ науки, которыя, какъ напримѣръ физика и астрономія, не могутъ развиваться безъ нея, были отдѣлены имъ одна отъ другой и разграничены съ большою точностью по своимъ спеціальнымъ предметамъ. На его логическихъ изслѣдованіяхъ основано зданіе математики, воздвигнутое въ слѣдующемъ періодѣ. До него наука эта была тѣсно связана съ философіею природы, что мѣшало ея дальнѣйшему развитію; Аристотель провелъ между ними раздѣльную черту, и первый подраздѣлилъ математику на чистую и прикладную, отдѣлилъ отъ нея ариѳметику, постоянно смѣшивавшуюся у пиѳагорейцевъ и платониковъ съ геометріею, и этимъ не мало способствовалъ тому, что слѣдующая эпоха сдѣлалась временемъ процвѣтанія математическихъ наукъ. Прикладныя математическія знанія, т. е. механика, статика и оптика, считавшіяся прежде простыми ремеслами, были выведены Аристотелемъ изъ этого униженія и возведены на степень наукъ. Его глубокій взглядъ на эти науки, замѣтный и въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ, заслуживаетъ тѣмъ большаго удивленія, что Аристотель не имѣлъ передъ собою никакихъ вѣрныхъ наблюденій по этой области знанія, находившагося еще состояніи младенчества. Химію, физику и теоретическую астрономію, также не имѣвшія никакихъ научныхъ основаній, Аристотель и ученые, непосредственно послѣ него занимавшіеся ими въ Египтѣ, Сиріи, Родосѣ и Пергамѣ, создали вновь, и довели ихъ, можно сказать, до той точки, отъ которой эти науки пошли далѣе только уже въ наше время. Наконецъ сочиненія, въ которыхъ Аристотель старался объяснить законы природы, возбуждали у арабовъ и средневѣковыхъ христіанскихъ народовъ удивленіе, какъ самое послѣднее слово естествознанія. Они одни и въ послѣдующіе вѣка заставляли человѣческую мысль стремиться къ познанію міровыхъ законовъ и возбуждали въ ней старанія проникнуть въ тайны природы.

Въ естественной исторіи труды предшественниковъ Аристотеля доставили ему гораздо болѣе пособій, чѣмъ въ области наукъ математическихъ и физикѣ; здѣсь въ особенности помогали ему дружба Александра и любовь послѣдняго къ наукѣ. Въ естественной исторіи, передъ глазами Аристотеля находились наблюденія многихъ вѣковъ, и въ сочиненіяхъ поэтовъ, историковъ своего народа, и въ разныхъ книгахъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ земледѣліе и охоту, онъ могъ найти очень хорошія замѣчанія объ образѣ жизни животныхъ и уходѣ за ними. Еще въ періодъ необразованности, всѣ народы имѣютъ уже нѣкоторый запасъ точныхъ свѣдѣній объ окружающихъ ихъ животныхъ, а проницательные и остроумные греки дополнили наблюденія, сдѣланныя прежде различными народами, и привели ихъ въ соотношеніе съ другими своими познаніями. Это видно изъ превосходныхъ сравненій, встрѣчающихся у нихъ поэтовъ, и изъ замѣчаній, попадающихся въ исторіи Геродота. Народъ, подобно грекамъ, разсѣянный въ различныхъ климатахъ, на всемъ пространствѣ отъ Дона до Кирены въ Африкѣ, привыкшій постоянно жить подъ открытыми, небомъ, — народъ, въ которомъ самые знатные и богатые были всегда ближе къ природѣ, чѣмъ высшія сословія новыхъ народовъ, конечно долженъ былъ имѣть гораздо болѣе побужденій и случаевъ дѣлать наблюденія надъ міромъ животныхъ, нежели мы. Но до тѣхъ поръ, пока естественная исторія не сдѣлалась у грековъ наукою, они конечно принимали за истину разнаго рода басни изъ области естествознанія, и оставляли безъ всякой повѣрки разныя народныя повѣрья.

Такимъ образомъ для описанія органическаго міра Аристотель нашелъ для себя пособія во множествѣ сдѣланныхъ до него наблюденій, и слѣдовательно въ этомъ отношеніи ему не нужно было все вновь созидать и въ первый разъ приниматься за опыты. До него было кое-что сдѣлано даже по знанію внутренняго строенія организмовъ. Хотя анатомія человѣческаго тѣла явилась только въ послѣдующую эпоху, а о сравнительной анатоміи въ то время не имѣли никакого

понятія, однако предсказанія, произносившіяся по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, составляли что-то въ родѣ науки о внутреннемъ строеніи животнаго организма, а въ медицинѣ давно уже было стремленіе дополнить недостатокъ свѣдѣній въ анатоміи человѣка изслѣдованіями надъ внутреннимъ организмомъ животныхъ. Но, не смотря на нѣкоторое знакомство съ міромъ животныхъ, все же недоставало особой самостоятельной науки естественной исторіи, чувствовалась необходимость въ системѣ, научномъ языкѣ и точномъ, философскомъ опредѣленіи понятій о классѣ, родѣ, видѣ и недѣлимомъ. Недостатокъ этотъ былъ пополненъ Аристотелемъ, который сдѣлался творцомъ и основателемъ и въ естественной исторіи. Онъ научилъ тому, какъ раздѣлять животныхъ, что при этомъ дѣленіи существенно, и что несущественно, какъ посредствомъ опредѣленныхъ, небольшихъ характеристикъ разграничивать различные виды животныхъ, отличать ихъ отъ рода и собралъ въ одно всѣ прежнія наблюденія, дополнивъ ихъ новыми. Въ этой области Аристотель, подобно Геродоту, сдѣлалъ открытія, въ послѣдующія времена долго считавшіяся за басни, но въ наше время, и отчасти только вслѣдствіе наблюденій новѣйшихъ путешественниковъ-естествоиспытателей, признанныя за истину.

Важнѣйшія заслуги Аристотеля состоятъ въ его трудахъ по философіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; впрочемъ, перечисленіе всѣхъ его заслугъ повело бы насъ слишкомъ далеко и потребовало бы отъ читателей множества спеціальныхъ философскихъ свѣдѣній. Замѣтимъ только, что въ средніе вѣка философія Аристотеля сдѣлалась на всемъ Западѣ источникомъ разныхъ хитросплетеній и софизмовъ и такимъ образомъ произвела много зла между христіанскими народами, отнявъ у тогдашняго времени много благороднѣйшихъ силъ и плодотворнѣйшей дѣятельности. Этого злоупотребленія и его вредныхъ послѣдствій нельзя ни отрицать, ни извинять; но было бы несправедливо вмѣнять ихъ въ вину Аристотелю.

Изъ чисто философскихъ сочиненій Аристотеля особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыя касаются логики или ученія о законахъ разсудочной дѣятельности, потому что, при составленіи ихъ, Аристотель, кромѣ чисто философской цѣли, имѣлъ въ виду еще и приготовительное образованіе для государственной жизни. Эти сочиненія, въ которыхъ логика была развита Аристотелемъ такъ высоко, что и до настоящаго времени она не много подвинулась впередъ, принадлежатъ къ категоріи греческихъ твореній, особенно важныхъ для исторіи вліянія литературы на государственную жизнь. Какъ всѣ философскія секты, существовавшія въ древности, начинали мало-по-малу открывать свои школы для образованія ораторовъ и государственныхъ дѣятелей, такъ и Аристотель въ своихъ сочиненіяхъ о риторикѣ и логикѣ старался изложить наставленія объ управленіи государствомъ, потому что безъ логики и вообще философскаго образованія рѣчь дѣлается однимъ словопреніемъ или пустой болтовнею. Но въ то время, какъ другія философскія школы преимущественно думали только о томъ, какъ бы сдѣлать оратора искуснымъ діалектикомъ, Аристотель смотрѣлъ на логику единственно какъ на приготовительную науку, которая должна быть основою дальнѣйшаго его образованія, и написалъ поэтому особенныя сочиненія о риторикѣ. Аристотель, для котораго идеаломъ государственнаго дѣятеля былъ такой человѣкъ, какъ Демосѳенъ, въ двухъ, тѣсно связанныхъ одинъ съ другимъ, отдѣлахъ своего сочиненія, училъ оратора, чего и какимъ образомъ онъ долженъ былъ касаться въ своихъ рѣчахъ. Къ сожалѣнію, часть его риторическихъ сочиненій не дошла до насъ, но и уцѣлѣвшія даютъ лучше всѣхъ другихъ древнихъ книгъ понятіе о риторикѣ о сущности древняго ораторства, потому что Аристотель не хотѣлъ, подобно другимъ учителямъ риторики, выставлять свое сочиненіе образцомъ краснорѣчія, и украшеніями своей рѣчи не сбиваетъ, подобно Цицерону и Квинтиліану, читателей и не удаляется отъ цѣли.

Изъ прочихъ сочиненій Аристотеля, его поэтика, или теорія стихотворнаго искусства, имѣетъ большое значеніе для образованія человѣческаго рода, но пріобрѣла сильное вліяніе только въ концѣ среднихъ вѣковъ и, слѣдовательно, принадлежитъ къ исторіи новѣйшихъ временъ, поэты которыхъ, особенно французскіе, почти до самыхъ нашихъ дней мучились надъ расположеніемъ своихъ стихотворныхъ произведеній по правиламъ, даннымъ Аристотелемъ.

Сочиненіе Аристотеля о нравственности, или такъ называемая этика, заключаетъ не одно только философское разсужденіе о добрѣ и злѣ, какъ о понятіяхъ отвлеченныхъ, но относится также къ частной жизни и вмѣстѣ составляетъ введеніе въ ученіе Аристотеля о государствѣ. Авторъ исходитъ отъ той мысли, что жизнь государства и жизнь частнаго гражданина имѣютъ одну и ту же цѣль, и что цѣль эта въ обоихъ случаяхъ достигается одними и тѣми же средствами. Наука о государствѣ, говоритъ Аристотель, должна основываться на этикѣ, или на ученіи о добродѣтели, объ истинномъ счастіи и о тѣхъ свойствахъ, которыя должны принадлежать каждому человѣку, желающему достигнуть добродѣтели и счастія. Чтобы показать, какъ Аристотель прилагаетъ это ученіе къ политикѣ и смотритъ на свою этику, какъ на введеніе въ науку о государствѣ, мы обратимъ вниманіе только на заключеніе этого сочиненія. Изложивъ свой взглядъ на счастіе и представивъ способы достиженія его, онъ говоритъ, что вся его теорія останется безплодною, если не перейдетъ въ жизнь, а это возможно только тогда, когда государство, въ которомъ живутъ люди, будетъ устроено такъ, что ни одинъ человѣкъ не станетъ мѣшать другому достигать общей для нихъ цѣли, счастія. Чтобы показать, наконецъ, какъ Аристотель рѣшаетъ вопросъ о счастіи, добродѣтели и свойствахъ человѣка, необходимыхъ для достиженія того и другаго, можно привести въ примѣръ отрывокъ изъ того мѣста его этики, гдѣ онъ показываетъ безуміе людей, стремящихся только къ призраку счастія, и потому не достигающихъ истиннаго счастія. «Счастіе,» говоритъ Аристотель, «не есть только свойство человѣческаго естества, оно не какая нибудь дѣятельность, имѣющая для себя матеріальную цѣль, но, подобно добродѣтели, принадлежитъ къ тѣмъ свойствамъ, которыхъ должно искать ради ихъ самихъ, а не ради матеріальныхъ цѣлей; сущность истиннаго счастія состоитъ въ томъ, что оно удовлетворяется самимъ собою и не нуждается ни въ чемъ другомъ. Какъ добро и справедливость осуществляются только ради себя самихъ, такъ надобно сказать и о томъ, что называютъ счастіемъ. Даже и удовольствія ищутся людьми ради ихъ самихъ: но человѣкъ, предаваясь нѣкоторымъ изъ нихъ, вредитъ себѣ еще прежде, чѣмъ получаетъ отъ нихъ какую-нибудь выгоду, и тратитъ часто свое здоровье и имущество. Обыкновенное представленіе о счастіи вводитъ многихъ въ заблужденіе, потому что большая часть людей, которые по общему мнѣнію считаются счастливыми, находятъ свое счастіе въ томъ, что убиваютъ свое время на разныя увеселенія; эти люди, отличающіеся богатствомъ или властью, представляются глазамъ большинства идеаломъ счастія. Но не слѣдуетъ такъ смотрѣть на нихъ, потому что ни высокое званіе, ни богатство, не имѣютъ сами по себѣ ни разумности, ни добродѣтели, которыми только и обусловливается истинная и полная достоинства дѣятельность человѣка. Скорѣе должно утверждать, что знатные и богатые потому и прибѣгаютъ къ чувственнымъ удовольствіямъ, что не понимаютъ истинно чистыхъ удовольствій, достойныхъ благороднаго и свободно образованнаго человѣка. Не должно думать, что эти удовольствія заслуживаютъ какого-нибудь предпочтенія; вѣдь и дѣтямъ кажется, что нравящееся имъ больше всего въ тоже время есть и лучшее. Но какъ дитя и человѣкъ совершеннолѣтній придаютъ вещамъ различное достоинство, такъ точно разнятся въ понятіяхъ о счастіи обыкновенный человѣкъ и тотъ, кто обладаетъ благородствомъ натуры и образованіемъ.»

Объ устройствѣ и учрежденіяхъ государствъ Аристотель написалъ сочиненіе, не дошедшее до насъ; это очень жаль, потому что познанія наши о государственныхъ формахъ древности были бы несравненно обширнѣе и полнѣе, если бъ оно сохранилось до нашего времени. Сочиненіе это заключало въ себѣ описаніе всѣхъ существовавшихъ тогда формъ государственнаго устройства, какія только могъ изслѣдовать Аристотель. Весьма вѣроятно, что въ немъ были изложены учрежденія не менѣе ста пятидесяти восьми различныхъ государствъ. До насъ дошло другое сочиненіе Аристотеля подъ заглавіемъ «Политика», въ которомъ онъ, вмѣсто описанія дѣйствительно существующихъ формъ правленія, излагаетъ теоретически, какое государственное устройство, по его наблюденіямъ, представляется самымъ лучшимъ. Это сочиненіе по своему предмету имѣетъ сходство съ «Политіею» Платона, но по своей цѣли совершенно различно отъ него. Аристотель не ищетъ, какъ Платонъ, идеала государства и не хочетъ устроивать чело-

вѣческій быть на началахъ чистаго разума, но строго держится въ границахъ даннаго, дѣйствительнаго и выполнимаго, изслѣдуетъ, какая изъ извѣстныхъ на опытѣ формъ государственнаго устройства заслуживаетъ наибольшаго предпочтенія. Аристотель написалъ часть своего сочиненія даже прямо въ опроверженіе идей Платона и старается уничтожить его идеалъ, какъ неосуществимый въ жизни. Теорія государственнаго устройства Аристотеля, основанная на извѣстныхъ по опыту учрежденіяхъ нѣкоторыхъ народовъ, близко подходя къ дѣйствительно существовавшимъ формамъ правленія, очень важна для изученія исторіи; она отчасти дополняетъ собою недостатокъ вышеупомянутаго сочиненія, потому что Аристотель постоянно подтверждаетъ свои взгляды и положенія примѣрами изъ государственнаго устройства различныхъ греческихъ государствъ и нерѣдко указываетъ историческое основаніе учрежденій. Въ главныхъ чертахъ сочиненіе это расположено слѣдующимъ образомъ. Аристотель говоритъ сначала о простѣйшихъ естественныхъ отношеніяхъ человѣка, предшествующихъ каждому соединенію людей въ государства и служащихъ основаніемъ существованія и прочности послѣднихъ, напримѣръ объ отношеніяхъ между мужемъ и женою, отцомъ и дѣтьми, господиномъ и слугою и пр.; далѣе изображаетъ различныя формы государственнаго устройства и его аномаліи, указываетъ причины ихъ паденія, предлагаетъ средства для ихъ поддержанія, и наконецъ, на основаніи данныхъ, выведенныхъ изъ опыта и разума, представляетъ государство, которое кажется ему возможно-лучшимъ и ближе всего подходящимъ къ идеалу.

По словамъ Аристотеля, существуютъ только три формы государственнаго устройства, но каждая изъ нихъ представляетъ уклоненія отъ своей нормы, такъ что всѣ существующія формы правленія можно раздѣлить на шесть классовъ. Въ государствѣ управляетъ или одинъ человѣкъ, или только немногіе, или многіе. Если во всѣхъ трехъ случаяхъ правительство поставляетъ себѣ главною задачею общее благо, то соотвѣтственная государственная форма бываетъ монархіей, аристократіей, или тѣмъ, что Аристотель называетъ политіею или правленіемъ гражданъ, т. е. разумною демократіею. Если же одинъ, или немногіе, или многіе управляютъ государствомъ только въ видахъ собственной пользы, то форма правленія уклоняется уже отъ своей нормы и бываетъ деспотизмомъ, олигархіей, или тѣмъ, что Аристотель неправильно называетъ просто демократіею. Изъ всѣхъ шести видовъ государственнаго устройства, описанныхъ Аристотелемъ очень обстоятельно, съ ссылками на греческія государства, самымъ лучшимъ онъ считаетъ политію или такое государственное устройство, гдѣ преимущества даются личными заслугами, а не рожденіемъ, и гдѣ правятъ многіе, но не всѣ, какъ въ государствахъ демократическихъ.

Далѣе Аристотель представляетъ изслѣдованіе, какимъ образомъ каждая изъ этихъ шести формъ правленія можетъ сохраняться въ своемъ первоначальномъ видѣ и обезпечить себя отъ паденія, и показываетъ потомъ главныя причины ихъ упадка и гибели. Упадокъ демократіи зависитъ, по его воззрѣнію, отъ легко распространяющейся испорченности нравовъ между руководителями народа или демагогами. Олигархіи угрожаютъ паденіемъ двѣ главныя причины: или сами правители такъ притѣсняютъ народъ, что одному человѣку бываетъ легко сдѣлаться вождемъ народа, или же, по недостатку единодушія или неравенству могущества между ними, одинъ изъ нихъ становится во главѣ народа и захватываетъ власть въ свои руки. Въ аристократіи являются волненія тогда, когда власть мало-по-малу переходитъ въ руки немногихъ лицъ, или правители оскорбляютъ людей почтенныхъ и значительныхъ по своему вліянію, или не допускается къ почетнымъ мѣстамъ какой-нибудь сильный и предпріимчивый человѣкъ, или же, наконецъ, когда обнаруживается значительное неравенство богатства между членами правительственнаго класса. Политіи или самой лучшей и свободной правительственной формѣ, какъ и аристократіи, угрожаетъ паденіемъ всякое уклоненіе отъ требованій закона и справедливости.

Взгляды Аристотеля на монархію,—къ которой онъ чувствуетъ симпатію, какъ къ формѣ, установленной въ его время ходомъ самыхъ событій,—и на ея уклоненіе отъ своей нормы или на деспотизмъ, заслуживаютъ обстоятельнаго изложенія. Незнакомый съ современной идеей монархіи, совершенно неизвѣстной грекамъ, Аристотель и не могъ имѣть ее въ виду, приводя разные примѣры мо-

нархическихъ учрежденій и отношеній. Первоначальное происхожденіе монархіи онъ старается отыскать въ желаніи лучшихъ найти себѣ защиту противъ худшихъ. Поэтому изъ среды лучшихъ выбирается царь, при чемъ обращается вниманіе на духовныя преимущества, отличающія его отъ прочихъ, на совершенные имъ подвиги, свидѣтельствующіе о благородствѣ его души, или наконецъ на происхожденіе его изъ такой фамиліи, въ которой часто встрѣчались эти преимущества. Совершенно наоборотъ бываетъ, по мнѣнію Аристотеля, въ деспотіи, гдѣ правитель выбирается народомъ противъ благородныхъ и знатныхъ, для защиты массы отъ притѣсненій со стороны послѣднихъ. Что это бываетъ дѣйствительно такъ, Аристотель старается доказать исторіей, которая говоритъ, что всѣ деспоты греческихъ государствъ были сначала демагогами и получили власть въ свои руки, заподозривъ аристократическую часть гражданъ въ глазахъ народа.

Аристотель указываетъ на двѣ главныя причины паденія монархіи. «Это государственное устройство,» говоритъ онъ, «падаетъ или оттого, что люди, участвующіе въ правленіи, не имѣютъ между собою единодушія, или же приближаютъ свое правленіе къ деспотизму, т. е. стараются, вопреки законамъ, захватить болѣе и болѣе власти въ свои руки.»

При изображеніи тираніи и деспотическаго правленія въ Греціи, Аристотель, сообразно философской цѣли своихъ изслѣдованій, предлагаетъ подобно Маккіавелли, въ его извѣстномъ сочиненіи «Правитель», хотя и совершенно съ другимъ намѣреніемъ, средства, помощью которыхъ греческій тиранъ можетъ удержаться на престолѣ и предохранить свою власть отъ потрясеній. Маккіавелли былъ республиканецъ, смотрѣлъ на итальянскихъ государей какъ на узурпаторовъ, презиралъ людей и христіанство, или, вѣрнѣе, папство, и жилъ въ вѣкъ обмана, хитрости, насилій и грабежей; нѣтъ ничего удивительнаго, что въ своемъ сочиненіи онъ серьезно говорилъ о томъ, какимъ образомъ можно послѣдовательно осуществить господствовавшую тогда систему деспотизма и изгонялъ изъ области политики всякую нравственность и право. Напротивъ того, Аристотель, сочувствуя монархическимъ формамъ правленія, описываетъ происхожденіе деспотизма въ Греціи и средства, употребляемыя имъ для своей поддержки такими красками, что возбуждаетъ ужасъ къ нему во всякомъ грекѣ, еще не испытавшемъ, что такое деспотизмъ. Всѣ мысли и усилія греческаго деспота, говоритъ Аристотель, должны быть направлены къ тому, чтобы раздражать одно сословіе противъ другаго и возбуждать въ подданныхъ недовѣріе другъ къ другу, такъ чтобы они не могли возстать противъ него, или воспитывать ихъ въ рабскихъ и низкихъ чувствахъ, а болѣе всего прибѣгать ко лжи и обманамъ. Въ этихъ ироническихъ совѣтахъ душа греческаго деспота является столь же страшною и ненавистною, какъ и въ знаменитомъ мѣстѣ Платона, гдѣ онъ съ анатомическою вѣрностью открываетъ передъ нами сердце греческаго тирана и высказываетъ его внутреннія, затаенныя мысли.

Посвятивъ большую часть своего сочиненія изображенію существующихъ между людьми дѣйствительныхъ отношеній и формъ государственной жизни и подвергнувъ ихъ анализу, Аристотель переходитъ къ предмету, составляющему главное содержаніе изслѣдованій Платона, и, на основаніи опыта, строитъ такое государство, которое, по его воззрѣніямъ, лучше и осуществимѣе другихъ на практикѣ. Но прежде этого онъ отвѣчаетъ на вопросъ, разобранный довольно обстоятельно въ этикѣ: въ чемъ состоитъ цѣль человѣческой жизни, и какія существуютъ средства для ея достиженія? Цѣль эту и основаніе нашего счастія онъ находитъ во внутреннемъ достоинствѣ и добродѣтели человѣка и указываетъ на высокое его назначеніе коротко и логично, безъ пиѳагорейской или платонической мечтательности. «Каждый», говоритъ Аристотель, «легко доходитъ до убѣжденія, что онъ достаточно добродѣтеленъ, какъ бы мало ни былъ такимъ въ дѣйствительности; но къ богатству, силѣ, славѣ и подобнымъ предметамъ стремятся до безконечности и жаждутъ ихъ безъ мѣры. Я хочу сказать людямъ, находящимся въ такомъ заблужденіи, — и это докажетъ имъ и самый опытъ,—что мы не можемъ сохранить добродѣтели посредствомъ матеріальныхъ благъ, а, напротивъ того, сами эти блага сохраняются нами посредствомъ добродѣтели. Опытъ покажетъ имъ, на чемъ основывается счастливая жизнь чело-

вѣка—на добродѣтели или на счастливой обстановкѣ. Они убѣдятся, что счастіе всегда достается людямъ, отличающимся добрыми свойствами души и сердца, и не обладающимъ значительными матеріальными благами, а не тѣмъ, которые хотя и богаты послѣдними, но за то скудны первыми».

Доказавъ, что въ жизни государства и частнаго человѣка все совершается по однимъ законамъ, Аристотель говоритъ, что государственныя учрежденія должны имѣть въ виду одну цѣль — доставленіе всѣмъ гражданамъ жизни, основанной на началахъ справедливости и возможно большаго счастія. Государства, прибавляетъ онъ, какъ и частные люди, легко поддаются тому ложному убѣжденію, что счастіе состоитъ въ однихъ только пріобрѣтеніяхъ и въ одномъ владѣніи, и потому даже въ самыхъ знаменитыхъ и прославленныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, каковы, напримѣръ, учрежденія спартанскія и критскія, все направлено къ возможно большему распространенію своей власти надъ другими государствами. Ложность этого убѣжденія, продолжаетъ Аристотель, очевидна для всякаго, но очень трудно показать, какъ устроить государство такимъ образомъ, чтобы главною цѣлью стремленій его самого и каждаго гражданина была добродѣтель и истинное счастье. Затѣмъ онъ переходитъ къ разсужденію о средствахъ, какими можно достигнуть такого устройства, и опредѣляетъ ихъ очень подробно относительно пространства и положенія территоріи, народонаселенія, имущества государства, занятій его гражданъ и зависящаго отъ занятій участія частныхъ лицъ въ правленіи, также относительно воспитанія и образованія гражданъ, и даже положенія столицы и ея укрѣпленій. Къ сожалѣнію, окончаніе этого сочиненія не дошло до насъ, да и въ уцѣлѣвшихъ частяхъ его есть много пропусковъ. —

Ученіе Аристотеля, или перипатетическая философія скоро распространилась между греками и получила перевѣсъ надъ платонизмомъ, потому что была гораздо глубже, практичнѣе и шла къ монархическому вѣку несравненно лучше, чѣмъ идеализмъ Платона, разсчитанный больше на аристократовъ и на образованныя фамиліи, прежде имѣвшія власть въ своихъ рукахъ. По смерти Аристотеля, главою перипатетической философіи и представителемъ ея школы, устроенной въ Аѳинахъ, сталъ ученикъ и другъ Аристотеля, Теофрастъ, уроженецъ города Эфеса на островѣ Лесбосѣ, умершій въ 286 г. до р. Х. на восемьдесятъ пятомъ, а по другимъ извѣстіямъ — на сто шестомъ году, жизни. Онъ стоитъ въ точно такихъ же отношеніяхъ къ Аристотелю, какъ старые академики къ Платону. Теофрастъ продолжалъ то, что началъ его учитель, и старался дополнить пробѣлы, находившіеся въ его сочиненіяхъ. Аристотель не писалъ объ ариѳметикѣ, потому его ученикъ составилъ особенное сочиненіе о ней. Также точно написалъ онъ исторію математики, которой только мѣстами касался Аристотель. Въ ботаникѣ Теофрастъ также доканчивалъ начатое его наставникомъ. Аристотель разсматривалъ растенія только въ физіологическомъ отношеніи, разбиралъ ихъ внутреннее устройство и жизнь, но не описывалъ и не дѣлилъ ихъ по классамъ; Теофрастъ избралъ себѣ задачею послѣднее и старался сдѣлать для ботаники тоже самое, что Аристотель уже сдѣлалъ для классификаціи и описанія царства животныхъ. Впрочемъ, сочиненіе Теофраста о растеніяхъ въ наше время не можетъ имѣть такого значенія, какъ исторія животныхъ, составленная Аристотелемъ, потому что въ ботаникѣ греками было сдѣлано гораздо меньше, чѣмъ въ зоологіи, а въ наше время, по самому устройству и быту новыхъ государствъ, должно и можетъ быть сдѣлано для ботаники несравненно болѣе, чѣмъ для изученія дикихъ животныхъ.

Подъ заглавіемъ «Нравственныя характеристики», Теофрастъ написалъ сочиненіе, повидимому противорѣчащее нашему замѣчанію, что всѣ его сочиненія служатъ только дополненіемъ къ трудамъ Аристотеля; но, разсмотрѣвъ обстоятельнѣе эти характеристики, мы увидимъ, что и онѣ вышли изъ того же направленія, какъ и прочія сочиненія Теофраста. Аристотель построилъ систему нравственности и соединилъ ее съ наукою о государствѣ; Теофрасъ старался пояснить наглядными примѣрами положенія своего учителя. Его «Характеристки» замѣчательны еще въ другомъ отношеніи: при составленіи ихъ Теофрастъ былъ проникнутъ тѣмъ духомъ, который былъ господствующимъ въ его время и сильно разнился отъ духа прежнихъ эпохъ. Тогда между греками появилось такъ называемое образованное общество, дававшее тонъ другимъ кружкамъ; это общество

чувствовало не столько отвращеніе къ самымъ порокамъ и недостаткамъ, сколько остерегалось обнаруживать ихъ въ себѣ и стыдилось смѣшной ихъ стороны. Такъ какъ оно считалось образцовымъ, то Теофрастъ и написалъ свое сочиненіе собственно для него, а не для народа, и, имѣя его въ виду, старался предостерегать своихъ читателей не столько отъ самыхъ пороковъ, сколько отъ тѣхъ смѣшныхъ положеній, въ которыхъ они ставятъ человѣка. Поэтому его «Характеристики» состоятъ изъ такихъ отличительныхъ чертъ и сценъ греческой жизни, въ которыхъ порокъ или недостатокъ представляется явно антипатичнымъ, несноснымъ для общества, низкимъ и смѣшнымъ; своими сарказмами, направленными противъ человѣческихъ недостатковъ, Теофрастъ хотѣлъ преимущественно преподать своимъ читателямъ наставленія въ хорошемъ образѣ жизни, а не собственно въ нравственности и добродѣтели. До какой степени подобное пониманіе и представленіе нравственной жизни подходитъ къ состоянію, въ какомъ находилось современное Теофрасту общество, можно видѣть изъ того, что въ вѣкъ Людовика XIV, во многихъ отношеніяхъ похожій на вѣкъ Теофрасту, Лабрюеръ написалъ совершенно сходное и проникнутое тѣми же стремленіями сочиненіе, которое не только было принято тогда съ одобреніемъ, но и причислено къ лучшимъ произведеніямъ французской національной литературы. Сочиненіе Теофраста отличается отъ сочиненій Лабрюера тѣмъ же, чѣмъ отличается грекъ отъ француза: первый писалъ просто, неметодично и безъ всякихъ прикрасъ, такъ что казался небрежнымъ, — второй отличался блескомъ своихъ фразъ, методичностью и искусственностью.

X. ГРЕЦІЯ И МАКЕДОНСКОЕ ЦАРСТВО

ПО СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

---

1. Событія въ Азіи до смерти Эвмена.

Александръ умеръ, не сдѣлавъ никакого опредѣленнаго распоряженія относительно своего царства. У него не оставалось ни одного родственника, котораго македоняне безусловно признали бы законнымъ наслѣдникомъ, и который могъ бы предъявить безспорныя права на престолъ. Кромѣ его матери Олимпіады и сестры Клеопатры, вдовы царя эпирскаго, семейство Александра состояло изъ двухъ его женъ Роксаны, дочери одного бактрійскаго князя, и Барсины, дочери персидскаго вельможи Артабаза, изъ несовершеннолѣтняго сына послѣдней, Геркулеса, слабоумнаго своднаго брата Александра, Филиппа Арридея, двухъ сестеръ его отъ другой матери, Ѳессалоники и Кинаны, изъ которыхъ первая была еще дѣвушкой, а вторая уже вдовою Аминта, убитаго при восшествіи на престолъ Александра, наконецъ изъ дочери послѣдней—Эвридики, вскорѣ по смерти Александра вступившей въ бракъ съ Филиппомъ Аррідеемъ. Черезъ три мѣсяца послѣ кончины Александра, Роксана родила сына, названнаго Александромъ Эгомъ. Только одна Роксана въ глазахъ македонянъ и грековъ считалась законною супругою Александра; Барсина была военно-плѣнницею или по греческимъ понятіямъ рабынею; греки никогда не давали сыну рабыни участія въ политическихъ правахъ націи, а сословные предразсудки македонянъ еще менѣе допускали это. О правахъ Филиппа Арридея, мать котораго была ѳессалійской танцовщицей и слѣдовательно, принадлежала по понятіямъ грековъ къ презрѣнному сословію, — не могло быть и рѣчи; онъ былъ слишкомъ глупъ для того, чтобы при тогдашнемъ положеніи дѣлъ сдѣлаться царемъ.

Весьма естественно, что, при такихъ обстоятельствахъ, войско или вѣрнѣе полководцы распорядились царствомъ и престоломъ, и наслѣдіе Александра сдѣлалось мало-по-малу ихъ добычею. Опасаясь македонскаго войска, преданнаго роду своего царя, полководцы не тотчасъ раздѣлили между собой царство, но, установивъ регентство, стали мало-по-малу подготовлять все, что могло служить къ ихъ собственному возвышенію. Самыми вліятельными изъ нихъ были такъ называемые тѣлохранители, или по нашему, маршалы, Александра: Леоннатъ,

Лисимахъ, Аристонъ, Пердикка, Птолемей и Питонъ. Антипатръ, со времени смерти Филиппа II пользовавшійся почти царскими почестями, и Кратеръ были въ то время такъ далеко отъ Вавилона, гдѣ рѣшался вопросъ о судьбѣ царства, что не могли имѣть вліянія на его рѣшеніе. Изъ числа прочихъ полководцевъ игралъ нѣкоторую роль только Мелеагръ, одинъ изъ главныхъ вождей фаланги. Маршалы рѣшились дожидаться до тѣхъ поръ, пока родитъ Роксана, и учредили временное правленіе, во главѣ котораго сталъ Пердикка, которому Александръ на смертномъ одрѣ своемъ далъ свой перстень съ печатью и тѣмъ самымъ какъ бы указалъ, что назначаетъ его будущимъ правителемъ царства. Такое истолкованіе показалось македонянамъ, составлявшимъ пѣхоту фаланги, только средствомъ, съ помощью котораго Пердикка хотѣлъ проложить себѣ дорогу къ престолу. Они объявили себя противъ него и, по внушенію своего начальника Мелеагра, провозгласили царемъ жившаго тогда въ Вавилонѣ Филиппа Арридея, который могъ быть превосходнымъ орудіемъ для осуществленія властолюбивыхъ плановъ Мелеагра. Съ большимъ трудомъ и не безъ кровопролитія ихъ заставили примириться съ полководцами. Филиппъ Арридей хотя и признанъ былъ царемъ, но въ то же время удержаны были права на престолъ и за будущимъ ребенкомъ Роксаны. Антипатру и Кратеру было поручено управленіе европейскими дѣлами, Пердикка получилъ достоинство, соотвѣтствовавшее званію оберъ-гофмейстера при новѣйшихъ дворахъ, съ которымъ соединялось главное начальство надъ всею гвардіею, и онъ же былъ поставленъ во главѣ правленія въ Азіи; наконецъ, Мелеагръ, какъ старшій полководецъ послѣ Пердикки, былъ назначенъ его помощникомъ. Такимъ образомъ Пердикка и Мелагръ были удовлетворены, но отношенія между Филиппомъ и сыномъ Роксаны остались неопредѣленными.

Вскорѣ послѣ того Пердикка приказалъ умертвить около трехсотъ македонянъ, особенно замѣченныхъ во время бунта, и его главнаго виновника Мелеагра, а чтобы обезопасить себя отъ зависти и властолюбія прочихъ полководцевъ, побудилъ ихъ къ новому дѣлежу ввѣренныхъ имъ провинцій. Такимъ образомъ значительнѣйшіе и опаснѣйшіе противники его были разлучены другъ отъ друга и тѣмъ легче могли быть истреблены имъ порознь. Птолемей былъ сдѣланъ правителемъ Египта; Антигону, отличающемуся отъ другихъ Антигоновъ прозваніемъ криваго, дана была сатрапія Фригія, а Леонатту поручено намѣстничество въ Малой Фригіи, лежащей къ западу отъ Великой Фригіи; Эвменъ, грекъ по рожденію, но возведенный Филиппомъ и Александромъ на почетное мѣсто македонской аристократіи, былъ назначенъ намѣстникомъ Каппадокіи и Пафлагоніи; Питонъ, котораго не должно смѣшивать съ носившимъ то же самое имя правителемъ страны нижняго Инда, получилъ Мидію; Неоптолемъ — Арменію; управленіе Македоніею было раздѣлено между Антипатромъ и Кратеромъ, а смежная съ нею Ѳракія отдана Лисимаху. Прочіе назначенные тогда правители не имѣли никакого значенія.

Намѣстничество Эвмена сначала должно было еще покорить силою. Оно состояло изъ Пафлагоніи и Каппадокіи, лежащихъ на сѣверѣ и въ срединѣ Малой Азіи; грубые и энергическіе жители этихъ земель, защищенные множествомъ горъ, окружающихъ ихъ родину, только съ большимъ трудомъ могли быть покорены. Персы, охотно оставлявшіе въ побѣжденныхъ странахъ туземныя формы правленія, довольствовались тѣмъ, что назначали имъ правителя, обязаннаго нести по отношенію къ персидскому царю нѣкоторыя обязанности и взносить подати, но во всемъ остальномъ совершенно независимаго. Изъ всей этой страны Александру подчинилась только небольшая часть; да и она теперь была снова завоевана владѣтелемъ остальной страны Аріаратомъ II, воспользовавшимся смутами, начавшимися по смерти Александра. Такимъ образомъ Эвмену приходилось завоевывать свою провинцію. Леоннатъ и Антигонъ, правители смежныхъ провинцій, получили отъ правителя царства, Пердикки, порученіе—поддерживать его въ этомъ дѣлѣ, но отказались. Эвменъ съ однимъ своимъ войскомъ не могъ одолѣть Аріарата, и на помощь къ нему пошелъ самъ Пердикка, поддерживавшій его потому, что изъ всѣхъ полководцевъ одинъ только Эвменъ былъ дѣйствительно преданъ ему. Другіе полководцы ненавидѣли Эвмена, какъ не-македонянина, который очень хорошо понималъ, что ему невозможно будетъ остаться на

своемъ мѣстѣ, если государство не удержится за царствующей династіей. Только ею могъ онъ держаться и потому долѣе и преданнѣе всѣхъ полководцевъ сражался за ея интересы, и видѣлъ въ Пердиккѣ не властолюбиваго полководца, стремившагося похитить себѣ тронъ, а министра слабоумнаго Филиппа Арридея и опекуна сына Роксаны. Пердикка съ своей стороны долженъ былъ выказывать ему благосклонность и заботиться о его возвышеніи, потому что Эвменъ могъ быть для него очень полезенъ своею храбростью, опытностью, знаніемъ военнаго дѣла, дипломатическою изворотливостью и ловкостью; самъ Александръ постоянно употреблялъ его для дипломатическихъ порученій, кромѣ военныхъ дѣлъ. Аріаратъ не могъ бороться противъ Эвмена и Пердикки; онъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ.

Утвердивъ за своимъ другомъ его провинцію, Пердикка открыто обнаружилъ свои планы и потребовалъ отчета у правителя Великой Фригіи, Антигона, въ томъ, что онъ, не смотря на полученное имъ приказаніе, не далъ Эвмену никакой помощи. Антигонъ не могъ бороться противъ соединенныхъ силъ правителя царства и намѣстника Каппадокіи, бѣжалъ изъ своей провинціи и искалъ спасенія у Антипатра и Кратера въ Европѣ. Соединивъ его провинцію съ провинціей Леонната, убитаго на войнѣ, происходившей въ Европѣ, Пердикка отдалъ ихъ другу своему Эвмену и развелся съ Никеею, дочерью Антипатра, чтобы посредствомъ предполагаемаго супружества съ сестрою Александра, Клеопатрою, проложить себѣ дорогу къ престолу. Потомъ онъ сталъ готовиться къ походу противъ Птолемея, правителя Египта, подъ тѣмъ предлогомъ, что тотъ удержалъ тамъ трупъ Александра, но въ дѣйствительности потому, что хотѣлъ изгнать его оттуда. Птолемей тотчасъ обратился къ Антипатру и Кратеру и заключилъ съ ними и находившимся въ бѣгствѣ Антигономъ союзъ противъ опаснаго для нихъ правителя царства.

Весною 331 года до р. X. Пердикка выступилъ противъ Египта. Эвменъ, съ навербованымъ въ Малой Азіи войскомъ, былъ оставленъ въ своей провинціи для удержаннія союзниковъ Птолемея и въ подкрѣпленіе получилъ еще часть македонскаго войска. Всѣмъ другимъ намѣстникамъ провинцій, находившихся по сю сторону горы Тавра, было дано приказаніе считать его своимъ начальникомъ и поддерживать войсками. Въ то время, какъ Пердикка былъ занятъ завоеваніемъ Египта, Антипатръ и Кратеръ переправились черезъ Геллеспонтъ въ Азію. Положеніе Эвмена было очень затруднительно, потому что онъ весьма основательно не довѣрялъ своимъ македонскимъ войскамъ и кромѣ того, въ самомъ началѣ войны, долженъ былъ вступить въ борьбу съ подчиненнымъ ему Неоптолемомъ, намѣстникомъ Арменіи, старавшимся произвести возмущеніе. Неоптолемъ былъ разбитъ и бѣжалъ къ Антипатру. Вскорѣ послѣ того Эвменъ вступилъ въ битву съ частью македонскаго войска подъ начальствомъ Кратера, при которомъ находился и Неоптолемъ (лѣтомъ 321 года до р. X.). Эвменъ, войско котораго состояло большею частью изъ азіатцевъ, побѣдилъ македонскія войска своихъ противниковъ, и оба непріятельскіе полководца, Кратеръ и Неоптолемъ были убиты въ битвѣ. Послѣ этой побѣды Эвменъ сдѣлался полнымъ властителемъ Малой Азіи, и Антипатръ не смѣлъ уже бороться съ нимъ одинъ.

Пердикка не былъ такъ счастливъ, какъ Эвменъ. Онъ безпрепятственно вступилъ въ Египетъ, но нашелъ тамъ Птолемея, расположившагося лагеремъ со всею своею силою въ окрестностяхъ Пелузіума, подъ прикрытіемъ одного изъ рукавовъ Нила. Болотистая почва этой мѣстности сдѣлана была еще болѣе непроходимою посредствомъ искусственныхъ каналовъ. Войско Пердикки не охотно шло противъ Птолемея, а самъ Пердикка былъ очень неосторожен въ обращеніи съ солдатами, и такъ какъ войскамъ его приходилось много терпѣть во время похода въ Египтѣ, то неудивительно, что Пердикка вскорѣ былъ окруженъ измѣнниками. Онъ напрасно пытался перейти въ трехъ мѣстахъ Нилъ, сдѣлалъ неудачное нападеніе на укрѣпленіе, храбро защищаемое Птолемеемъ, и наконецъ часть его войска, счастливо переведенная на одинъ изъ острововъ Нила, была отрѣзана отъ него внезапнымъ разливомъ рѣки. Когда, не смотря на всѣ эти неудачи, Пердикка продолжалъ дѣлать свои безполезныя нападенія, сопряженныя съ большими потерями, въ войскѣ вспыхнуло давно подготовленное возстаніе, нѣкоторые изъ полководцевъ Пердикки, тайно вступившіе въ заговоръ съ Птолемеемъ, умертвили его (лѣтомъ 321).

Послѣ убійства Пердикки, Птолемей прекратилъ всѣ враждебныя дѣйствія, и самъ явился въ лагерѣ бывшихъ своихъ противниковъ, для совѣщанія съ ними, какъ съ своими старыми боевыми товарищами, о судьбѣ царства. Онъ былъ довольно хитеръ для того, чтобы не искать власти и достоинства правителя царства, которыя легко могъ бы получить тогда: онъ хорошо понималъ, что въ Египтѣ былъ непобѣдимъ, а принявъ титулъ правителя, запутается въ бездну спорныхъ вопросовъ и можетъ лишиться даже владычества надъ Египтомъ. Вмѣсто того, онъ условился съ другими полководцами относительно учрежденія новаго регентства, главою котораго былъ назначенъ Питонъ, и рѣшено было умертвить друзей Пердикки. Они дѣйствительно были обвинены передъ македонскимъ войскомъ, какъ враги народа, и осуждены имъ на смерть. Въ числѣ осужденныхъ находился и Эвменъ, вѣсть о побѣдѣ котораго надъ Кратеромъ дошла въ лагерь черезъ два дня послѣ убійства Пердикки.

Послѣ того войско оставило Египетъ и подъ предводительствомъ Питона пошло въ персидскій городъ Трипарадисъ, куда были приглашены также Антипатръ и Антигонъ. Питонъ былъ не въ силахъ исполнять трудныя обязанности регента, и властолюбивой Эвридикѣ, находившейся съ своимъ супругомъ при войскѣ, безъ большихъ усилій удалось возбудить противъ него солдатъ и принудить его отказаться отъ власти. Правителемъ государства войско сдѣлало Антипатра, и подъ руководствомъ его было произведено новое распредѣленіе намѣстничествъ (осенью 321 г. до р. X). Птолемей удержалъ Египетъ по той же самой причинѣ, по какой страна по ту сторону Инда осталась за индійскими раджами Поромъ и Таксиломъ, т. е. просто потому, что не было возможности отнять у него то, что онъ уже имѣлъ. Важное намѣстничество Вавилонія была отдана игравшему до сихъ поръ только второстепенную роль, но впослѣдствіи получившему огромное значеніе полководцу Селевку. Питонъ снова сдѣлался намѣстникомъ Мидіи, а Антигонъ получилъ свои прежнія провинціи. Остальные вновь назначенные намѣстники не имѣли никакого вліянія на ходъ дальнѣйшихъ событій.

Послѣ новаго дѣлежа провинцій, Антипатръ возвратился въ Европу. Онъ взялъ съ собою всю царскую фамилію, кромѣ Клеопатры, оставшейся въ Азіи и перенесшей свое мѣстопребываніе въ Сарды. Удаляясь, онъ поручилъ Антигону продолженіе войны съ Эвменомъ и его сторонниками, а отдалъ ему подъ начальство все македонское войско, находившееся въ Азіи. Антипатръ, очевидно, не имѣлъ никакихъ властолюбивыхъ плановъ, потому что въ противномъ случаѣ не сталъ бы такъ покровительствовать Антигону. Эвменъ, послѣ смерти Пердикки, овладѣлъ всею Малою Азіею; Алкетъ, братъ, и Атталъ, шуринъ убитаго Пердикки, укрѣпились въ недоступныхъ горахъ Писидіи; всѣ остальные приверженцы Пердикки также удалились въ Малую Азію. Но у нихъ недостало политическаго такта, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ Эвменомъ, котораго по своей гордости они не хотѣли признать своимъ начальникомъ и руководителемъ; Антигонъ легко побѣдилъ ихъ, и за свою неразумную гордость они поплатились смертью, или долговременнымъ плѣномъ (319 г. до р. X). Пять лѣтъ держался Эвменъ противъ своихъ враговъ и пріобрѣлъ такую славу въ войнѣ съ ними, что греки и римляне ставили его на ряду съ величайшими полководцами древности. Ему приходилось бороться не только съ превосходными силами своихъ враговъ, но и съ измѣнниками въ его собственномъ войскѣ. Еще въ началѣ войны съ Антигономъ, онъ проигралъ одну битву оттого, что одинъ изъ подчиненныхъ ему начальниковъ въ самомъ пылу сраженія перешелъ къ непріятелю. Въ этой битвѣ Эвменъ потерялъ до восьми сотъ человѣкъ убитыми и весь обозъ, но искуснымъ отступленіемъ ушелъ отъ гнавшагося за нимъ Антигона и счастливо достигъ границъ Каппадокіи. На пути часть его войска перешла къ непріятелю, а остальная, за исключеніемъ не болѣе тысячи человѣкъ, была распущена имъ самимъ. Съ этимъ-то незначительнымъ отрядомъ онъ бросился въ построенную на крутыхъ скалахъ крѣпость Нору.

Въ своей горной крѣпости Эвменъ слишкомъ полгода держался противъ Антигона, который тотчасъ началъ правильную осаду. Въ это время умеръ Антипатръ (319 г. до р. X.), и Антигонъ предложилъ своему противнику миръ на выгодныхъ условіяхъ. Смерть Антипатра совершенно измѣнила положеніе дѣлъ. Антипатръ назначилъ своимъ преемникомъ въ управленіи Македоніею и регент-

ствѣ Полисперхона, и властолюбивый сынъ Антипатра Кассандръ присоединился къ Антигону, который могъ теперь сбросить маску повиновенія царствующей фамиліи и сдѣлаться самостоятельнымъ правителемъ. Для этой цѣли Антигону необходимо было привлечь къ себѣ Эвмена, чтобы употребить въ свою пользу блестящіе таланты этого полководца. Онъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, предложилъ ему снова намѣстничество Каппадокіи и уже готовъ былъ заключить договоръ съ Эвменомъ; но послѣдній, разгадавъ истинные виды Антигона, медлилъ принять его сторону, потому что въ договорѣ было только вскользь упомянуто о царствующей фамиліи. Во время переговоровъ Эвменъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, бѣжалъ изъ Норы (319 г. до р. Х.). Онъ собралъ въ Каппадокіи новыя войска и получилъ посольство отъ Полисперхона, предлагавшаго ему мѣсто главнокомандующаго надъ войскомъ противъ Антигона, полномочіе созвать къ себѣ всѣ македонскія войска, стоявшія въ Малой Азіи, и взять нужныя деньги изъ царской казны, находившейся тогда въ Киликіи, въ крѣпости Киндѣ, защищаемой отрядомъ вѣрныхъ приверженцевъ царствующей фамиліи. По представленіи имъ подписаннаго царскимъ именемъ повелѣнія, сумма эта была ему выдана, тогда какъ Антигонъ ничего не могъ получить оттуда.

Эвменъ скоро собралъ значительное войско и тѣснилъ изъ Малой Азіи Антигона, который успѣлъ поставить правителя государства Полисперхона въ весьма затруднительное положеніе. Для поддержанія вѣрности въ солдатахъ Эвменъ сдѣлалъ странное распоряженіе: онъ приказалъ устроить палатку и помѣстить въ ней тронъ и всѣ знаки царскаго достоинства; эта палатка должна была быть воображаемымъ мѣстомъ царской власти. Всякое утро, начальники войска входили въ нее для принесенія жертвы на находившемся тамъ жертвенникѣ, и потомъ, какъ бы въ невидимомъ присутствіи самого царя, совѣщались о дѣлахъ. Но, несмотря на всѣ старанія привязать къ себѣ солдатъ, Эвменъ не могъ долго держаться противъ Антигона и его союзниковъ. Онъ удалился во внутреннюю Азію, чтобы заставить намѣстниковъ отдаленнѣйшихъ провинцій повиноваться своему фантастическому царю и принять участіе въ войнѣ съ властолюбивымъ Антигономъ; онъ хотѣлъ также взять находившіяся въ Сузѣ сокровища. Обѣ цѣли были достигнуты съ успѣхомъ. Благодаря раздачѣ сокровищъ начальникамъ и славѣ, пріобрѣтенной Эвменомъ въ послѣдніе годы, онъ получилъ рѣшительное вліяніе въ военномъ совѣтѣ, управлявшемъ дѣлами; но восточно-азіатскіе намѣстники со времени смерти Александра привыкли къ совершенному произволу, и соединеніе съ ними имѣло то вредное вліяніе, что скоро въ войскѣ Эвмена начались раздоры.

Лѣтомъ 317 г. до р. Х. Антигонъ вступилъ въ восточную Азію и, поддерживаемый войсками Селевка и Питона, проникъ въ собственную Персію. Появленіе его возстановило на нѣкоторое время въ лагерѣ Эвмена исчезнувшее единство; Антигонъ былъ отраженъ съ большою потерею и долженъ былъ совершить трудное отступленіе въ Мидію, чтобы перезимовать тамъ. По удаленіи его, въ войскѣ Эвмена и его союзниковъ снова начались прежнія несогласія, и ему стоило большихъ трудовъ держаться во главѣ соединенныхъ военныхъ силъ. Когда Антигонъ снова вторгнулся въ собственную Персію, Эвменъ поспѣшилъ ему навстрѣчу и далъ сраженіе, въ которомъ оба войска, почти равныя численностью, сражались съ одинаковою храбростью. Битва осталась нерѣшенною, но Антигонъ потерялъ гораздо больше Эвмена убитыми и ранеными. Послѣ этого сраженія война нѣкоторое время продолжалась безъ замѣтнаго перевѣса на той или другой сторонѣ. Антигонъ и Эвменъ, старавшіеся превзойти другъ друга искусными движеніями, находились оба въ затруднительномъ положеніи, потому что сражались уже не съ дикими или полуобразованными варварами, какъ это было во времена Александра, а предводительствовали греками и македонянами противъ грековъ же и македонянъ. Но Эвменъ оказался однако выше Антигона: кромѣ непріятеля, онъ долженъ былъ бороться и съ измѣнниками, находившимися въ его войскѣ, и палъ только вслѣдствіе заговора.

Между нѣкоторыми союзными съ Эвменомъ намѣстниками и его полководцами составился тайный заговоръ въ то самое время, когда Антигонъ приближался къ нему со всѣмъ своимъ войскомъ. Эвменъ былъ такъ отваженъ, что, не смотря на угрожавшую ему измѣну, вступилъ въ бой съ непріятелемъ. И это сраженіе осталось нерѣшеннымъ, но Антигонъ завладѣлъ обозомъ, сокрови-

щами, женами и дѣтьми той части македонянъ, которая составляла центръ непріятельской арміи, и это-то погубило Эвмена. Солдаты его, подстрекаемые находившимися въ заговорѣ начальниками, вступили въ переговоры съ Антигономъ, который сказалъ имъ, что въ цѣлости возвратитъ все ихъ имущество, если только они выдадутъ ему Эвмена. Они тотчасъ завладѣли своимъ полководцемъ и передали его непріятелю. Антигонъ не зналъ, убить ли ему своего несчастнаго противника, или оставить живымъ и воспользоваться имъ какъ хорошимъ совѣтникомъ. Неархъ, давно уже приставшій къ Антигону и сопровождавшій его въ походахъ, совѣтовалъ ему послѣднее, но измѣнившіе Эвмену военачальники и македонскія войска, выдавшія его, не соглашались на это. Они потребовали, чтобы Антигонъ убилъ своего плѣнника (январь 316 г. до р. X.). Полководцы, руководившіе заговоромъ противъ Эвмена, какъ люди опасные, были также вскорѣ или убиты или удалены Антигономъ. Отъ невѣрнаго же войска, измѣнившаго своему полководцу, какъ отъ ненадежныхъ и привыкшихъ къ неповиновенію солдатъ, Антигонъ избавился чисто по восточному: онъ одарилъ его деньгами и подъ почетнымъ предлогомъ послалъ въ Арахосію, давъ намѣстнику провинціи тайное приказаніе раздѣлить его на небольшіе отряды и потомъ истребить мало-по-малу тяжелою службою.

2. Событія въ Греціи до смерти Олимпіады.

Какъ исторія Азіи въ первыя шесть лѣтъ по смерти Александра вся вращается около Пердикки, Эвмена и Антигона, такъ Антипатръ и его сынъ Кассандръ были главными лицами событій, совершавшихся тогда въ Македоніи и Греціи. Тотчасъ по смерти царя началась война, грозившая македонянамъ уничтоженіемъ ихъ господства надъ Европой. Аѳиняне и этолійцы, раздраженные насильственнымъ возвращеніемъ своихъ изгнанниковъ и потерею Самоса и Эніады (стр. 114), еще при жизни Александра начали готовиться къ войнѣ. Но до тѣхъ поръ, пока македонскій царь былъ живъ, приготовленія аѳинянъ велись аѳинскимъ гражданиномъ Л е о с т е н о м ъ, какъ его частное предпріятіе. Этотъ человѣкъ, который могъ бы занять мѣсто на ряду съ лучшими полководцами всѣхъ временъ, пріобрѣлъ себѣ извѣстность, бывши начальникомъ наемниковъ, и потому имѣлъ полную возможность дѣлать всѣ приготовленія къ предстоящей войнѣ, не возбуждая подозрѣнія. Онъ тайно велъ переговоры съ этолійцами, потихоньку вербовалъ наемниковъ въ спартанскомъ городѣ Тенарѣ, бывшемъ тогда главнымъ сборнымъ мѣстомъ греческихъ авантюристовъ, и раздавалъ имъ деньги, пользуясь сокровищами, помѣщенными Гарпаломъ въ аѳинское казначейство. Какъ только до Аѳинъ долетѣла вѣсть о смерти Александра, народное собраніе, не смотря на все противодѣйствіе богатыхъ людей, благосостояніе которыхъ сильно возвысилось въ послѣднія десять лѣтъ мира, рѣшилось начать войну. Тогда въ послѣдній разъ аѳиняне почувствовали энтузіазмъ, такъ часто одушевлявшій ихъ предковъ, и показали себя достойными славы, завѣщанной имъ отцами. Они издали манифестъ, съ объявленіемъ войны, въ которомъ торжественно возвѣщалось, что аѳиняне станутъ сражаться за свободу Греціи и теперь, какъ встарину противъ варваровъ при Мараѳонѣ и Саламинѣ, не щадя ни имущества, ни жизни, и рѣшились принести все въ жертву для освобожденія Греціи; что македонскіе гарнизоны должны быть изгнаны изъ всѣхъ городовъ, что всѣ аѳиняне, моложе сорока лѣтъ отъ роду, выступятъ въ походъ, оставивъ дома только три филы (стр. 151 и 159) для защиты аѳинской территоріи, и въ возможно кратчайшее время будетъ снаряженъ сильный флотъ. Это рѣшеніе аѳинскаго народа было сообщено особыми посольствами всѣмъ греческимъ государствамъ, и Леостену дано приказаніе выступить въ походъ съ своими наемниками.

Леостенъ съ восемью тысячами наемниковъ отправился изъ Тенары въ страну этолійцевъ, примкнувшихъ къ его войску въ числѣ семи тысячъ человѣкъ. Къ союзу противъ македонянъ тотчасъ или вскорѣ послѣ того присоединились и другія государства Греціи, кромѣ коринѳянъ, спартанцевъ и беотійцевъ. Коринѳянамъ препятствовалъ принять участіе въ возстаніи македонскій гарнизонъ, еще

со временъ Филиппа занимавшій ихъ городъ; спартанцамъ не хотѣлось вести войну подъ предводительствомъ аѳинянъ, къ тому же, послѣ несчастной битвы при Мегалополѣ, они должны были выдать заложниками пятьдесятъ изъ своихъ почетнѣйшихъ гражданъ, находившихся во власти Антипатра; а беотійцевъ удерживали отъ союза съ греками разныя эгоистическія соображенія: обогатившись на счетъ ѳиванцевъ вскорѣ по восшествіи на престолъ Александра, они, въ случаѣ пораженія македонянъ, должны были опасаться возстановленія могущества Ѳивъ. Кромѣ греческихъ государствъ противъ Македоніи поднялись нѣкоторыя ѳракійскія и иллирійскія племена.

Съ своими наемниками и этолійцами Леостенъ отправился къ Термопиламъ, гдѣ къ нему примкнулъ аѳинскій отрядъ, состоявшій изъ пяти тысячъ пяти-сотъ гражданъ и двухъ тысячъ наемниковъ, и войска другихъ союзныхъ государствъ. Подъ начальствомъ Леостена вскорѣ собралось до тридцати тысячъ человѣкъ. Антипатръ также поспѣшилъ своими вооруженіями и послалъ сказать Кратеру, находившемуся тогда въ Киликіи,—чтобы онъ поспѣшилъ съ своими ветеранами въ Македонію. Оставивъ въ Македоніи небольшой отрядъ для защиты страны отъ ѳракійцевъ и иллирійцевъ, Антипатръ съ остальными своими силами, простиравшимися всего до четырнадцати тысячъ человѣкъ, двинулся къ Термопиламъ, чтобы съ помощью македонскихъ гарнизоновъ сосѣднихъ ѳессалійскихъ городовъ удержать грековъ отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Вскорѣ по прибытіи, онъ былъ вынужденъ Леостеномъ дать сраженіе, проигралъ его и искалъ спасенія въ сосѣднемъ, хорошо укрѣпленномъ городѣ Ламіи, отъ котораго и вся эта война получила названіе ламійской. Здѣсь онъ рѣшился держаться до полученія помощи изъ Азіи; но Леостенъ, осадившій Ламію, принудилъ Антипатра, у котораго недоставало съѣстныхъ припасовъ, начать съ нимъ переговоры о сдачѣ. Они не повели впрочемъ ни къ чему, потому что Леостенъ, къ которому примкнули уже очень многія ѳессалійскія государства подъ предводительствомъ храбраго полководца Менона, настоятельно требовалъ безусловной сдачи. Антипатръ былъ уже доведенъ до послѣдней крайности, когда два случайныя обстоятельства, помѣшавшія грекамъ взять городъ, пробудили въ немъ новыя надежды. Сначала разошлись по домамъ всѣ этолійцы, потому что неизвѣстное намъ событіе потребовало ихъ присутствія на родинѣ, а вскорѣ умеръ и самъ Леостенъ (въ концѣ 323 г. до р. X.).

Смерть Леостена была страшною потерею для союзниковъ; онъ принадлежалъ къ отличнѣйшимъ греческимъ полководцамъ того времени и, пользуясь полнымъ довѣріемъ наемниковъ и вооруженныхъ гражданъ, былъ незамѣнимъ и въ этомъ отношеніи. Какъ живо чувствовали это сами греки, видно изъ тѣхъ почестей, какія оказали аѳиняне павшему герою: они воздавали ему почести какъ полубогу, и великій аѳинскій ораторъ того времени, Гиперидъ, долженъ былъ по приказанію народа произнести надъ его гробомъ похвальную рѣчь. Главнокомандующимъ на мѣсто Леостена былъ назначенъ аѳинянинъ Антифилъ, который талантами мало уступалъ своему предшественнику, но не могъ замѣнить его, потому что событія стали принимать болѣе благопріятный для македонянъ оборотъ. Леоннатъ, намѣстникъ Малой Фригіи, къ которому Антипатръ не задолго передъ тѣмъ обратился съ просьбою о помощи, тотчасъ же выступилъ съ своими войсками и около времени смерти Леостена уже достигъ Геллеспонта. Кратеръ съ своими ветеранами былъ еще далеко, но флотъ, на которомъ они должны были переѣхать въ Европу, подъ начальствомъ ветерана Клита, соединился съ кораблями Антипатра и оспаривалъ у аѳинскаго флота господство надъ моремъ. Услышавъ, что Леоннатъ спѣшитъ на выручку Ламіи, Антифилъ снялъ осаду города и пошелъ навстрѣчу намѣстнику Фригіи, который, проходя по Македоніи, увеличилъ численность своего войска до двадцати двухъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ. Противники сошлись на небольшой равнинѣ южной Ѳессаліи, и, благодаря превосходству силъ и храбрости ѳессалійской конницы, побѣда осталась за греками. Самъ Леоннатъ лишился жизни въ битвѣ. Но къ несчастью побѣдителей, у Антифила не было достаточно войскъ, чтобы воспользоваться побѣдою: большая часть союзниковъ съ началомъ зимы разошлась по домамъ, а остальная состояла почти вся изъ воиновъ, набранныхъ только при самомъ началѣ войны; у Антипатра же было постоянное, правильно-организованное войско.

На другой день послѣ битвы явился Антипатръ, собралъ остатки разби-

таго войска и соединилъ ихъ съ своею арміею. Какъ опытный и предусмотрительный полководецъ, онъ избѣгалъ сраженія, придвинулся къ границамъ Македоніи и умѣлъ удерживать грековъ до прибытія къ нему Кратера съ десятью тысячами ветерановъ и нѣсколькими тысячами новобранцевъ. Соединившись съ Кратеромъ, Антипатръ былъ спасенъ, имѣя болѣе войскъ, чѣмъ союзники. Аѳиняне и ѳессалійцы оказались достойными своей древней славы, упорно держались противъ превосходныхъ силъ непріятеля, состоявшихъ изъ отборныхъ македонскихъ войскъ, и ежедневно вступали въ стычки, избѣгая битвы. Наконецъ Антипатръ заставилъ ихъ принять сраженіе при городѣ Краннонѣ (322 г. до р. X). Исходъ его былъ такъ нерѣшителенъ, что обѣ стороны могли хвалиться побѣдою, но, не смотря на то, день этотъ навсегда рѣшилъ вопросъ и свободѣ Греціи. Вожди союзнаго войска, считая невозможностью выдержать борьбу со всѣми македонскими силами, предложили заключить миръ, но Антипатръ согласился на него только подъ условіемъ, чтобы каждое государство вело съ нимъ переговоры отдѣльно. Это требованіе и сознаніе превосходства македонянъ лишили грековъ всей энергіи, и союзъ ихъ мало-по-малу сталъ распадатся. Кратеръ и Антипатръ покорили одинъ за другимъ ѳессалійскіе города, давая ѳессалійцамъ и другимъ незначительнымъ государствамъ миръ только на самыхъ унизительныхъ условіяхъ, и въ короткое время достигли того, что аѳиняне и этолійцы, покинутые всѣми союзниками, разошлись по домамъ.

Аѳиняне быстро пали съ той высоты, на которую ихъ минутно подняло исполненное энтузіазма воспоминаніе о прежнемъ величіи, и должны были теперь хлопотать о смягченіи своей несчастной участи переговорами. Пора дѣятельности людей, сердце которыхъ билось двойнымъ біеніемъ при мыслѣ о свободѣ, людей, лозунгомъ которыхъ, какъ Леостена, было свобода или смерть! — миновалась безвозвратно; наступило время умныхъ и осторожныхъ дипломатовъ, надѣявшихся еще и подъ чужимъ господствомъ сохранить хотя тѣнь свободы. Въ ихъ руки передали Аѳины свою судьбу. Низкаго Демада, незадолго передъ тѣмъ объявленнаго въ народномъ собраніи лишеннымъ чести, упрашивали теперь, какъ человѣка имѣвшаго большія связи между македонянами, вступиться за свое отечество и именемъ его вести переговоры съ непріятелемъ. Въ помощь ему данъ былъ Фокіонъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ политическихъ дѣятелей своего времени, понимавшій, что развращеніе гражданъ дѣлало невозможнымъ сохраненіе республиканской формы правленія. Онъ былъ очень друженъ съ Антипатромъ, и всѣ ожидали отъ его посольства тѣмъ болѣе важныхъ результатовъ, что вопросъ шелъ теперь не только о заключеніи мира, но, собственно говоря, о томъ, чтобы вымолить пощаду у стараго деспотическаго полководца.

Антипатръ заключилъ миръ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Аѳинянамъ было приказано измѣнить свои формы правленія по указаніямъ Антипатра, впустить македонскій гарнизонъ въ гавань Мунихію, выдать своихъ величайшихъ ораторовъ, Демосѳена и Гиперида, заплатить всѣ военныя издержки и еще нѣкоторую сумму денегъ въ видѣ пени, и наконецъ отказатся отъ послѣднихъ своихъ владѣній въ другихъ странахъ. Совершеннаго уничтоженія аѳинскаго государства не было въ планахъ Антипатра, потому что замыслы Пердикки настоятельно требовали присутствія его въ Азіи. 19 сентября 322 г. вступилъ въ Мунихію македонскій гарнизонъ, и началось исполненіе жестокихъ мѣръ, предписанныхъ Антипатромъ. Демократія было обращена въ такую форму правленія, которую и Платонъ и Аристотель считали самою дурною. Господство передано было въ руки денежной аристократіи, и только граждане, владѣвшіе не менѣе какъ пятью стами р. на наши деньги, могли принимать участіе въ управленіи, всѣ остальные были лишены политическихъ правъ. Какой важный переворотъ произвела эта мѣра, и какъ бѣдны были тогда Аѳины, можно видѣть уже изъ того, что изъ двадцати одной тысячи свободныхъ гражданъ, находившихся тогда въ Аѳинахъ, только девять тысячъ могли, на основаніи этихъ условій, принять участіе въ правленіи. Большинство аѳинянъ, потерявшихъ политическія права, покинули свое отечество и были поселены Антипатромъ во Ѳракіи.

При паденіи самостоятельности Аѳинъ лишились жизни и великіе ораторы, Демосѳенъ и Гиперидъ. Послѣдній силою своей рѣчи умѣлъ пробудить въ аѳиня-

нахъ прежнюю страстную любовь къ свободѣ и воодушевлялъ ихъ энергію во время Ламійской войны, а Демосѳенъ, изгнанный передъ тѣмъ изъ Аѳинъ (стр. 415), отправился изъ Мегары въ Пелопоннесъ, для содѣйствія аѳинскимъ посламъ въ возбужденіи греческихъ государствъ, къ участію въ войнѣ. Черезъ нѣсколько времени народное собраніе уничтожило приговоръ объ изгнаніи великаго оратора, и онъ былъ торжественно перевезенъ въ Аѳины на кораблѣ, принадлежавшемъ государству. Еще до окончанія переговоровъ Фокіона съ Антипатромъ, Демосѳенъ, Гиперидъ и другіе предводители анти-македонской партіи спаслись бѣгствомъ изъ Аѳинъ, потому выдать ихъ Антипатру было невозможно; но, по предложенію подлаго Демада, они были приговорены къ смерти. Актеръ Архій, такой же негодяй какъ и Демадъ, принялъ порученіе Антипатра исполнить приговоръ, произнесенный надъ истинными патріотами-эмигрантами. Взявъ со собою македонскихъ солдатъ, онъ отыскалъ Демосѳена въ Калавріи, а прочихъ въ Эгинѣ. Послѣдніе были приведены имъ къ Антипатру въ цѣпяхъ, и приговорены къ мучительной казни; Демосѳенъ, желая избѣжать позора, умертвилъ себя. Онъ скрылся въ храмъ, но не находя и тамъ убѣжища, принялъ заранѣе приготовленный ядъ и умеръ передъ алтаремъ (322 г. до р. Х.). Убійцы Гиперида и Демосѳена получили впослѣдствіи заслуженное наказаніе. Архій впалъ въ крайнюю бѣдность и долгое время влачилъ жалкую и позорную жизнь; Демадъ же вскорѣ послѣ этого вступилъ въ тайный союзъ съ Пердиккою, и когда это открылось, Кассандръ, сынъ Антипатра, приказалъ убить измѣнника, умертвивъ на его рукахъ его сына.

Антипатръ отправился въ Пелопоннесъ, чтобы обезсилить и тамошнія государства введеніемъ у нихъ олигархіи, а потомъ, въ сопровожденіи Кратера, двинулся въ Этолію. Опытные полководцы вступили въ эту гористую страну съ тридцатитысячнымъ войскомъ, но встрѣтили здѣсь такое упорное сопротивленіе, какого не оказывало имъ ни одно греческое государство. При приближеніи македонянъ, этолійцы покинули свои жилища въ равнинахъ и долинахъ и ушли съ семействами въ свои скалистыя горы. Македоняне нѣсколько разъ пытались овладѣть этими замками, но постоянно были отражаемы съ потерею; тогда они укрѣпились въ долинахъ и, отрѣзавъ подвозъ припасовъ къ этолійцамъ, привели ихъ въ отчаянное положеніе. Этолійцы были бы навѣрное принуждены скоро покориться, еслибы къ Антипатру и Кратеру не явился нечаянно Антигонъ, какъ бѣглецъ, и не убѣдилъ ихъ, что имъ угрожаетъ со стороны Пердикки страшная опасность, если они не двинутся тотчасъ же въ Азію. Заключивъ выгодный для этолійцевъ миръ, македонскіе полководцы немедленно двинулись черезъ Македонію въ Азію.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи этого мира, этолійцы снова нарушили его, воспользовавшись тѣмъ, что Антипатръ съ лучшею частью македонскаго войска былъ занятъ тогда войною въ Азіи, и въ числѣ двѣнадцати тысячъ человѣкъ они вторглись въ Ѳессалію. Здѣсь къ нимъ присоединилась большая большая часть жителей, подъ предводительствомъ извѣстнаго со времени ламійской войны Менона изъ Фарсала, такъ что войско ихъ увеличилось до двадцати-шести тысячъ пятисотъ человѣкъ. Старый полководецъ Полиспернхонъ, котораго оставилъ Антипатръ намѣстникомъ въ Македоніи, съ трудомъ могъ бы противиться соединеннымъ силамъ ѳессалійцевъ и этолійцевъ и защитить Македонію отъ ихъ вторженія, если бы неожиданный случай не вывелъ его изъ затруднительнаго положенія: этолійцы, получивъ извѣстіе, что сосѣди ихъ акарнанцы вторглись въ Этолію и производятъ тамъ грабежи, поспѣшили на помощь родинѣ. По удаленіи ихъ, Полисперхону не трудно уже было побѣдить ѳессалійцевъ. Самъ Менонъ вскорѣ лишился жизни, а войска его были разбиты. Такимъ образомъ еще до возвращенія Антипатра изъ Азіи, миръ былъ водворенъ, и македонское владычество въ Греціи возстановлено.

Въ 320 г. до р. Хр. Антипатръ возвратился въ Македонію и умеръ въ началѣ слѣдующаго года, почти восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Своими преемниками въ регентствѣ и управленіи Македоніею онъ назначилъ стараго боеваго товарища и друга Полисперхона и сына своего Кассандра, поставивъ двадцати-трехлѣтняго, пылкаго Кассандра въ зависимость отъ осторожнаго Полисперхона. По смерти Антипатра между ними тотчасъ же возникли раздоры: Кассандръ объявилъ притязаніе на полный объемъ власти отца, какъ на свое наслѣдство, пріобрѣлъ въ

самой Македоніи значительную партію и старался найти приверженцевъ въ другихъ странахъ. Онъ расположилъ къ себѣ Птолемея, привлекъ на свою сторону Антигона и другихъ намѣстниковъ въ Азіи, еще до разрыва съ Полисперхономъ замѣстилъ начальника македонскаго гарнизона въ Аѳинахъ Менилла своимъ другомъ Никаноромъ и заключилъ тѣсный союзъ съ аристократическою партіею въ Аѳинахъ и другихъ греческихъ городахъ. Даже Эвридика, супруга слабоумнаго Филиппа, благопріятствовала ему, потому что Антипатръ и его другъ Полисперхонъ отстранили ее отъ всякаго участія въ управленіи, а послѣдній, вскорѣ послѣ начала открытой вражды съ Кассандромъ, даже пригласилъ соперницу ея Олимпіаду, удаленную Антипатромъ въ Эпиръ, возвратиться въ Македонію и принять участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Кассандръ тайно оставилъ Македонію и удалился къ Антигону, отъ котораго тѣмъ скорѣе могъ ожидать помощи, что Птолемей уже обѣщалъ ему свою поддержку, а Антигонъ не хотѣлъ признавать власти царской фамиліи, въ интересахъ которой дѣйствовалъ Полисперхонъ.

Полисперхонъ былъ превосходный полководецъ на второстепенномъ мѣстѣ, но плохой правитель; умный, предпріимчивый Кассандръ былъ по своимъ связямъ очень опаснымъ противникомъ. Для борьбы съ нимъ Полисперхонъ вступилъ въ союзъ съ матерью Александра и Эвменомъ, величайшимъ врагомъ Антигона, и въ то же время употребилъ всѣ усилія, чтобы утвердиться въ Греціи. Для достиженія послѣдней цѣли, онъ издалъ именемъ слабоумнаго царя декретъ о возстановленіи демократіи во всѣхъ греческихъ государствахъ, съ цѣлью раздражить повсюду народъ противъ находившихся въ союзѣ съ Кассандромъ олигарховъ. Декретъ этотъ возбудилъ сильное волненіе во всей Греціи; народъ, получивъ власть, хотѣлъ кровью отмстить своимъ притѣснителямъ. Отъ распоряженія, сдѣланнаго Полисперхономъ, потерпѣли въ особенности Аѳины, гдѣ, со времени окончанія ламійской войны, во главѣ правленія стоялъ благородный Фокіонъ, питавшій сочувствіе къ олигархіи,—человѣкъ, прославившійся больше своимъ образомъ мыслей, чѣмъ дѣлами. Онъ пользовался довѣріемъ Антипатра и употреблялъ власть свою, основанную на этомъ довѣріи, на благо своихъ согражданъ, такъ что время его управленія государствомъ, не смотря на македонское иго, считается самою счастливою эпохою для внѣшняго благосостоянія Аѳинъ. Когда другъ Кассандра Никаноръ принялъ начальство надъ македонскимъ гарнизономъ, Фокіонъ вступилъ съ нимъ въ дружескія отношенія, но декретъ о свободѣ, изданный Полисперхономъ, погубилъ его. Одновременно съ возстановленіемъ демократіи, Никаноръ получилъ приказаніе вернуться съ своими войсками въ Македонію и возвратить городу полную самостоятельность. Никаноръ не послушался приказанія, и, когда аѳиняне захотѣли ввести снова демократію, грозилъ имъ мщеніемъ Кассандра, приближавшагося къ нимъ съ значительнымъ войскомъ. Не успѣвъ испугать этимъ аѳинянъ и поддерживаемый олигархами, онъ внезапно захватилъ гавань Пирей, и теперь, имѣя въ своей власти два укрѣпленные пункта, еще упорнѣе отказывался выступить изъ Аѳинъ, не смотря на настоятельныя требованія аѳинянъ и грозное приказаніе очистить городъ, присланное ему Олимпіадою отъ имени ея внука. Наконецъ сынъ Полисперхона, Александръ, явился съ небольшимъ отрядомъ передъ Аѳинами, но, опасаясь народа, захватившаго въ свои руки власть, счелъ за лучшее вступить въ союзъ съ олигархами и не предпринимать никакихъ серьезныхъ мѣръ для изгнанія Никанора. Между тѣмъ демократы предали суду своего революціоннаго трибунала Фокіона и другихъ олигарховъ, большая часть которыхъ искали спасенія въ бѣгствѣ и нашли убѣжище въ лагерѣ Александра. Отсюда въ скоромъ времени они удалились къ Полисперхону, прибывшему тогда въ Фокиду. Вмѣстѣ съ ними явилось туда посольство и отъ демократической партіи, и онъ долженъ былъ теперь открыто взять чью-нибудь сторону. Вѣсть о скоромъ прибытіи Кассандра и надежда лишить его всякаго вліянія въ Аѳинахъ принесеніемъ олигарховъ въ жертву побудили правителя государства предать ихъ въ руки бурныхъ демократовъ. Онъ приказалъ заковать въ цѣпи Фокіона и его друзей и отвезти въ Аѳины. Народное собраніе приговорило ихъ къ смертной казни, и одинъ изъ лучшихъ людей тогдашней Греціи долженъ былъ за свою ошибку поплатиться жизнью. Фокіона заставили выпить ядъ за то, что, обманувшись положеніемъ вещей и запутанностью тогдашнихъ обстоятельствъ,

онъ искалъ для себя и своего роднаго города спасенія въ томъ, что погубило его самого. Подобно Сократу, онъ покорился своей участи съ твердостью и спокойствіемъ (318).

Черезъ четыре дня послѣ смерти Фокіона прибылъ въ Пирей Кассандръ. Онъ грозилъ городу со стороны Мунихіи и Пирея, между тѣмъ какъ Полисперхонъ окружилъ его своимъ двадцати пяти тысячнымъ войскомъ, желая помѣшать дальнѣйшимъ движеніямъ Кассандра. Простоявъ нѣсколько времени въ такомъ положеніи, онъ поручилъ наблюденіе за Кассандромъ своему сыну, а самъ съ большею частію войска отправился въ Пелопоннесъ. Здѣсь онъ изгналъ изъ многихъ городовъ олигарховъ, но долго безъ всякаго успѣха осаждалъ городъ Мегалополь въ Аркадіи и потерялъ при этомъ большую часть своихъ войскъ, замѣнить которую было для него чрезвычайно трудно. Вслѣдъ за тѣмъ и весь его флотъ былъ уничтоженъ Антигономъ. Эти неудачи лишили Полисперхона всего его политическаго значенія и дали надъ нимъ перевѣсъ Кассандру. Аѳиняне подчинились Кассандру, когда онъ отрѣзалъ ихъ отъ моря и такимъ образомъ лишилъ возможности добывать себѣ пропитаніе и средства къ наслажденіямъ, о которыхъ господствовавшая тогда демократія заботилась еще болѣе, чѣмъ о своемъ господствѣ. Кассандръ предложилъ очень выгодныя условія мира. Онъ ограничился занятіемъ Мунихіи и не настаивалъ на неприкосновенности введеннаго его отцомъ правленія, предоставивъ полныя политическія права всякому, владѣвшему имуществомъ въ двѣсти двадцать р. сер. на наши деньги и поставивъ выборъ главы республиканскаго правительства въ зависимость отъ своего утвержденія (318 г. дор. Х.).

Аѳиняне избрали своимъ правителемъ **Димитрія Фалерейскаго**, который за пять лѣтъ передъ тѣмъ вмѣстѣ съ Фокіономъ пользовался огромнымъ вліяніемъ на политическія дѣла, а съ этихъ поръ въ продолженіе десяти лѣтъ господствовалъ надъ Аѳинами и занималъ въ государствѣ почти такое же положеніе, какое нѣкогда имѣлъ ораторъ Ликургъ; но теперь положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Хотя всѣ граждане, владѣвшіе имуществомъ въ двѣсти двадцать руб. сер., слѣдовательно, почти всѣ, кромѣ самой бѣдной части населенія, принимали участіе въ управленіи, однако власть Димитрія, пользовавшагося поддержкою Кассандра и македонскаго гарнизона въ Мунихіи, была навсегда обезпечена отъ постоянныхъ перемѣнъ, составляющихъ существенную принадлежность демократической формы правленія. Правительство оставалось республиканскимъ только по имени, въ дѣйствительности же было совершенно монархическимъ, такъ что господство Димитрія въ Аѳинахъ можетъ служить доказательствомъ справедливости словъ Аристотеля, утверждавшаго, что возможно соединеніе монархическаго принципа съ сохраненіемъ свободы государства. Правленіе Димитрія по своей важности для исторіи нравовъ того времени заслуживаетъ подробной характеристики.

Ученый и риторъ, Димитрій отличался гладкостью и простотою слога своихъ произведеній и искусствомъ говорить съ изяществомъ о всевозможныхъ предметахъ. Эта способность и любовь его къ искусствамъ и наукамъ вообще превосходно шли къ той безнравственной роли, которую онъ взялъ на себя, какъ властитель Аѳинъ. Къ особенностямъ общественной жизни того времени принадлежитъ черта, что, вмѣстѣ съ страшною испорченностью нравовъ, поэзія, философія и искусства составляли тогда настоятельную потребность для всѣхъ состояній и возрастовъ. Нельзя оставить безъ вниманія и того, что тогдашніе аѳинскіе риторы совершенно такъ же, какъ въ началѣ прошлаго столѣтія Вольтеръ и его друзья, расточали сильнымъ міра сего похвалы, имѣвшія для послѣднихъ ту же цѣну, какую во времена древней свободы Греціи имѣлъ почетный вѣнецъ для побѣдителей на олимпійскихъ играхъ. Аѳинскіе поэты и философы, театральныя представленія, празднества и мистеріи главнаго города Греціи поддерживали свою прежнюю славу, и похвала изъ устъ аѳинянъ казалась высшею почестью привыкшимъ къ лести правителямъ. Поэтому аѳиняне и увлеченные ихъ примѣромъ остальные греки взялись тогда за ту же роль, какую играли они въ теченіе многихъ столѣтій подъ римскимъ владычествомъ, въ качествѣ слугъ во времена распублики, и въ качествѣ повелителей, какъ любимцы императоровъ, во времена имперіи. Они наполняли дома богачей въ качествѣ ловкихъ и остроумныхъ свѣтскихъ людей, превосходныхъ профессоровъ, управляющихъ и наставниковъ, тунеядцевъ и домашнихъ поэтовъ. Имѣя въ виду

эту характеристическую черту того времени, мы поймемъ, что Димитрій Фалерейскій могъ дѣлать, что ему угодно, и въ то же время быть любимымъ, почитаемымъ и превозносимымъ до небесъ аѳинянами, и что черезъ нѣсколько времени, когда онъ былъ изгнанъ другимъ, подобнымъ ему властителемъ, аѳиняне были способны ругать, ненавидѣть и даже осудить его на смерть. Аѳиняне расточали свои похвалы, ожидая за это подарковъ и развлеченій, и всякій, кто бы онъ ни былъ, щедро раздававшій имъ все это, дѣлался ихъ кумиромъ.

Димитрій Фалерейскій игралъ только второстепенную роль при Фокіонѣ. Когда съ приближеніемъ Полисперхона олигархи были вытѣснены демократами, онъ поступилъ гораздо умнѣе Фокіона, бѣжавъ тогда къ полководцу Кассандра, Никанору, принявшему его подъ свою защиту, тогда какъ Фокіонъ, ища убѣжища у Полисперхона и его сына, былъ выданъ ими. Кассандръ поставилъ его во главѣ правленія, съумѣлъ вполнѣ утвердить свое господство, благодаря поддержкѣ македонскаго гарнизона и тогдашнему духу аѳинскаго народа. Аѳины обѣднѣли, но издавна привыкли къ роскоши и безнравственности; Димитрій сыпалъ имъ огромныя деньги и всячески поощрялъ развитіе ихъ чувственности. Аѳинянамъ нравился болѣе, хотя бы и деспотическій, но зато роскошный и расточительный властитель, чѣмъ прежнее владычество ихъ собственной аристократіи; ради денегъ и наслажденій они должны были болѣе сочувствовать господству Димитрія, чѣмъ приближавшемуся къ идеямъ Платона нравственному правленію Фокіона.

Кассандръ и Птолемей смотрѣли на Димитрія, какъ на полезнаго союзника, и давали ему такія огромныя денежныя суммы, что, вмѣстѣ съ доходами Аѳинъ, онъ имѣлъ ежегодно въ своемъ распоряженіи до тысячи двухъ сотъ талантовъ (около милліона шестисотъ тысячъ руб. сер.) Съ помощью этихъ денегъ, Димитрій имѣлъ возможность вести самую развратную и расточительную жизнь. Прежде онъ жилъ очень умѣренно и даже питался весьма скудною пищею, но, сдѣлавшись правителемъ Аѳинъ, сталъ тратить македонскія и египетскія субсидіи на свои удовольствія, вмѣсто того, чтобы употреблять ихъ на пользу города или на содержаніе солдатъ, для чего собственно онѣ и предназначались. Онъ устроивалъ великолѣпные пиры, роскошь которыхъ доходила дотого, что поваръ его, собирая въ теченіе двухъ лѣтъ остатки отъ обѣдовъ, нажилъ себѣ два большихъ помѣстья. Его столовыя были устланы прекраснѣйшими коврами; самъ онъ мазался драгоцѣннымъ масломъ, красилъ волосы свои подъ цвѣтъ бѣлокурыхъ и бѣлился. Димитрій угощалъ и веселилъ своихъ сластолюбивыхъ аѳинянъ, ежедневно приглашалъ къ себѣ множество гостей и своею расточительностью, блескомъ и нарядами превосходилъ все, видѣнное до тѣхъ поръ въ Аѳинахъ. Онъ соблазнялъ женщинъ, посѣщалъ знаменитыхъ аѳинскихъ гетеръ, сдѣлавшихся въ то время просто публичными женщинами, и выдумывалъ новые костюмы; словомъ,—подобно людямъ такъ называемыхъ высшихъ классовъ многихъ новѣйшихъ народовъ,—дѣлалъ все, что только могло удовлетворять чувственнымъ наслажденіямъ, сохраняя однако то, что по понятіямъ этихъ прилизаныхъ и примазаныхъ существъ называется приличіемъ. Онъ покровительствовалъ всѣмъ искусствамъ и наукамъ, которыя только могутъ процвѣтать въ такія времена, какимъ была его эпоха, очень похожая на современную намъ, не чувствовалъ никакого желанія дѣлать такія издержки, какія дѣлалъ Периклъ, будучи главою аѳинскаго народа, не хотѣлъ и слышать о новыхъ храмахъ, театрахъ и бывшихъ въ употребленіи встарину блестящихъ постановкахъ на сцену комедій и трагедій. Минутная польза и наслажденіе были для него единственными предметами, на которыя онъ не щадилъ никакихъ денегъ. Во всѣхъ празднествахъ и художественныхъ произведеніяхъ онъ цѣнилъ только доставляемыя ими забавы и чувственныя наслажденія, а не истинно-высокое и достойное человѣка чувство, возбуждаемое и поддерживаемое искусствами. Какую же пользу могъ послѣ этого извлечь городъ изъ его расточительности? Напротивъ, своимъ примѣромъ онъ растлилъ духъ и нравственность аѳинскаго народа, хотя самъ издавалъ законы противъ роскоши, представляя изъ себя блюстителя нравственности. Не смотря на все это, онъ пріобрѣлъ себѣ такую благосклонность нравственно упавшихъ аѳинянъ, что въ короткое время они воздвигли въ честь его до трехсотъ шестидесяти статуй.

Таково было состояніе Аѳинъ, въ продолженіе десятилѣтняго управленія городомъ Димитрія Фалерейскаго, покровительствуемаго Кассандромъ. Самъ Кассандръ, по утвержденіи Димитрія, оставилъ Аѳины и направилъ всѣ свои уси-

лія, чтобы укрѣпить свою власть низверженіемъ Полисперхона. Когда противникъ его, потерявъ большую часть своего войска, ушелъ съ остатками его изъ Пелопоннеса, нѣкоторые греческіе города тотчасъ же перешли на сторону Кассандра сами или были взяты имъ силою. Послѣ того, Кассандръ удалился въ Македонію, покореніе которой облегчили ему жестокости Олимпіады. Эвридика, вступившая въ переговоры съ Кассандромъ, по удаленіи Полисперхона совершенно завладѣла правленіемъ; но Полисперхонъ изъ Пелопоннеса отправился въ Эпиръ въ намѣреніи привести въ Македонію Олимпіаду и внука ея Александра, котораго отвезла туда его мать Роксана, боясь козней Эвридики. Царь Эакидъ, дядя Олимпіады, поддержалъ Полисперхона своимъ войскомъ, но Эвридика тотчасъ же отправила къ Кассандру въ Пелопоннесъ гонца и вывела навстрѣчу приближавшихся къ ней враговъ находившіяся въ Македоніи войска. Арміи встрѣтились на границахъ страны. Ими командовали Олимпіада и Эвридика, — одинаково мстительныя и властолюбивыя, — старавшіяся, подобно разъяреннымъ фуріямъ, погубить другъ друга. Передъ самымъ началомъ сраженія, Олимпіада явилась къ войску Эвридики, указала на Роксану, юнаго Александра и самую себя, и этимъ обезоружила свою противницу. Войска не захотѣли напасть на мать, супругу и сына своего великаго царя, вступили съ своими соотечественниками въ переговоры и вскорѣ соединились съ ними. Покинутая Эвридика и супругъ ея были взяты въ плѣнъ и попались во власть страшной Олимпіады. Чтобы удовлетворить свою ярость, она приказала мучить ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Филиппъ Аррндей и Эвридика были заключены въ тѣсную темницу, гдѣ имъ выдавалось ежедневно лишь такое количество пищи, какое нужно было, чтобы умертвить ихъ самою медленною смертью. Узнавъ, что мучительныя страданія несчастныхъ возбуждаютъ въ войскѣ сожалѣніе и неудовольствіе, Олимпіада приказала умертвить Филиппа стрѣлами, а Эвридикѣ послала кинжалъ, веревку и ядъ, чтобы она избрала себѣ родъ смерти. Эвридика повѣсилась на собственномъ своемъ поясѣ (317 г. до р. Х.). Такимъ образомъ сама мать Александра подала первый примѣръ убійству лицъ царской фамиліи и дала этимъ поводъ къ истребленію всѣхъ ея членовъ. Кровожадная женщина, нравъ которой не смягчали и самыя лѣта, продолжала свои жестокости въ Македоніи надъ приверженцами своей противницы. Сто знатнѣйшихъ македонянъ, въ числѣ которыхъ находился и братъ Кассандра, были казнены ею. Ярость Олимпіады доходила до того, что она приказала разрыть могилу другаго сына Антипатра и предала его прахъ поруганію.

Кассандръ получилъ вѣсть о смерти Эвридики и возвращеніи Олимпіады во время осады одного города въ Аркадіи и тотчасъ же поспѣшилъ съ войскомъ Македонію. Прибывъ туда, онъ отправилъ одного изъ своихъ полководцевъ противъ Полисперхона, а самъ съ остальными войсками двинулся къ крѣпости Пиднѣ, гдѣ заперлась Олимпіада съ своею падчерицею Ѳессалоникою, внукомъ Александромъ и матерью этого ребенка Роксаною. Олимпіада потеряла всякую надежду на спасеніе, потому что Полисперхонъ былъ оттѣсненъ полководцемъ Кассандра и потерялъ часть своихъ войскъ, а царю эпирскому, Эакиду, помѣшало подать ей помощь возстаніе его подданныхъ. Послѣ долгой осады Олимпіада должна была отдаться въ руки непріятеля и получила вполнѣ заслуженное наказаніе. Рѣшившись избавиться отъ злодѣйки, но не смѣя отдать приказанія умертвить мать Александра Великаго, Кассандръ старался придать убійству ея видъ законности, предалъ ея суду. Онъ научилъ родственниковъ лицъ казненныхъ по ея приказанію обвинить ее передъ войскомъ, которое по македонскимъ обычаямъ имѣло право произносить смертные приговоры. Войско приговорило Олимпіаду къ смерти, но солдаты, которымъ поручено было выполнить надъ нею приговоръ, отказались отъ этого. Кассандръ воспользовался мстительностью обвинителей царицы, которую они и побили камнями (316 г. до р. Х.). Роксана и Александръ Эгъ, по приказанію Кассандра, были заключены въ крѣпость Амфиполь, гдѣ они содержались подъ строгимъ надзоромъ и жили какъ частныя лица; Ѳессалоника, также попавшаяся въ его руки, сдѣлалась его женою. Полисперхонъ, войска котораго большею частью перешли къ Кассандру, спасся бѣгствомъ въ Этолію, а оттуда въ Пелопоннесъ, гдѣ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Александромъ, продолжалъ еще держать въ своей власти Коринѳъ и нѣкоторые другіе города.

3. Борьба за обладаніе царствомъ Александра отъ смерти Олимпіады до умерщвленія Роксаны и ея сына.

Судьба міра—какъ видно изъ разсказанныхъ нами событій — зависѣла въ то время отъ солдатъ и ихъ предводителей. Поэтому мы должны прервать нить разсказа, чтобы бросить взглядъ на тогдашній характеръ военнаго искусства и качества самаго войска. Знакомство съ тѣмъ и другимъ имѣетъ огромную важность и для познанія господствовавшаго тогда духа времени, потому что вслѣдствіе развитія военнаго дѣла возникали новыя искусства и промышленныя занятія, а существовавшія прежде получали новое направленіе и болѣе сильный толчокъ къ движенію. Война имѣла тогда огромное вліяніе на государственную жизнь: судьба государствъ зависѣла отъ солдатъ и ихъ начальниковъ, какъ и въ наше время, а финансовая часть пріобрѣла огромную важность, потому что войско состояло большей частью изъ наемниковъ и было только мертвымъ механизмомъ. Главнѣйшими условіями существованія государствъ сдѣлались деньги и войско, а не живая сила и духъ гражданъ, какъ въ славныя времена республиканской жизни.

Уже со временъ Ификрата навербованныя войска все болѣе и болѣе замѣняли собою войска,состоявшія изъ гражданъ, а по смерти Александра Великаго храбрость почти совершенно исчезла въ массѣ населенія греческихъ государствъ. Даже войско, выведенное Леостеномъ въ ламійской войнѣ, состояло преимущественно изъ наемниковъ, хотя и нельзя отрицать, что аѳиняне въ послѣдній разъ были проникнуты тогда національнымъ энтузіазмомъ. Напротивъ того, ядро войскъ Филиппа и Александра, хотя и на нихъ надо смотрѣть какъ на постоянныя войска въ современномъ смыслѣ этого слова, составляла національная милиція, которая несла военную службу только въ продолженіе опредѣленнаго времени и для извѣстныхъ цѣлей, имѣла вліяніе на государственное управленіе и сохраняла за собою право суда. Все это измѣнилось со смертью Александра; арміи разныхъ властителей, боровшихся за обладаніе его царствомъ, составлялись или изъ наемныхъ войскъ, или изъ неимѣвшихъ своей воли подданныхъ, и были собственностью тѣхъ владѣтелей, которымъ служили. Изъ всѣхъ народовъ, входившихъ въ составъ царства Александра, одни только этолійцы имѣли національное войско; потому они и получали все большее и большее вліяніе въ войнахъ послѣдующаго времени, а въ позднѣйшемъ періодѣ греческой исторіи сдѣлались однимъ изъ главнѣйшихъ государствъ Греціи, прежде не имѣвъ почти никакого значенія.

Обращаясь снова къ изложенію хода событій, необходимо для яснаго пониманія исторіи четырнадцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью Эвмена, помнить, что важнѣйшими дѣятелями того времени были Антигонъ, сынъ его Димитрій Поліоркетъ, Птолемей, Селевкъ, Кассандръ и Лисимахъ. Всѣ прочіе намѣстники играли только второстепенныя роли. Вслѣдствіе побѣды надъ Эвменомъ, Антигонъ сдѣлался владѣтелемъ Азіи, вытѣснивъ вскорѣ Селевка, единственнаго человѣка, который могъ быть для него опасенъ; остальные намѣстники признали его верховнымъ правителемъ царства. Въ Европѣ Кассандръ пріобрѣлъ перевѣсъ надъ Полисперхономъ и владѣлъ частью Греціи. Лисимахъ, намѣстникъ Ѳракіи, занятый борьбою съ дикими племенами страны, полными тогда духа независимости, не могъ еще имѣть значительнаго вліянія на ходъ событій. Напротивъ того, Селевкъ, намѣстникъ Вавилона, и Птолемей, владѣтель Египта, пріобрѣли огромное значеніе какъ для Азіи, такъ и для Европы; оба они съумѣли тогда утвердить за собою владычество надъ своими провинціями и, не стремясь, какъ Антигонъ, къ господству надъ всѣмъ царствомъ Александра, не были принуждены, подобно послѣднему, раздроблять свои силы и такимъ образомъ, среди шума и запутанности тогдашнихъ событій, одни изъ всѣхъ полководцевъ Александра удержали за собою и своимъ потомствомъ добытую ими власть.

Послѣ побѣды надъ Эвменомъ, Антигонъ обратилъ все свое вниманіе на сокровища, находившіяся въ Сузѣ. Онъ поручилъ Селевку покорить провинцію, резиденціею которой была Суза, и обѣщалъ ему присоединить ее къ вавилонскому намѣстничеству. По прибытіи туда Антигона, Селевкъ передалъ ему городъ со всѣми со-

кровищами и такимъ образомъ доставилъ ему средства къ продолженію войны. Въ Сузѣ Антигонъ нашелъ столько наличныхъ денегъ и драгоцѣнностей, что вся сумма, собранная тамъ и въ Мидіи, простиралась до двадцати пяти тысячъ талантовъ. Кромѣ того онъ завладѣлъ десятью тысячами талантовъ, находившихся въ царскомъ казначействѣ въ Квиндѣ, въ Киликіи, и выжимая ежегодно отъ подчиненныхъ ему намѣстниковъ еще до одиннадцати тысячъ талантовъ, въ одинъ годъ собралъ слишкомъ сорокъ шесть тысячъ талантовъ, т. е. до шестидесяти милліоновъ рублей на наши деньги. Завладѣвъ при помощи Селевка сокровищами Сузы, онъ старался теперь разными хитростями и обманами погубить этого человѣка, который послѣ Эвмена и Птолемея былъ самымъ хитрымъ изъ всѣхъ полководцевъ Александра. Антигонъ не только нарушилъ свое обѣщаніе относительно намѣстничества, но, бывши вмѣстѣ съ Селевкомъ въ Вавилонѣ, всячески искалъ случая поссориться, обращаясь съ нимъ какъ съ подчиненнымъ. Раздраживъ Селевка своимъ обращеніемъ, Антигонъ хотѣлъ арестовать его, желая совершенно избавиться отъ него, но послѣдній успѣлъ спастись бѣгствомъ (316 г. до р. Х.).

Бѣжавшій намѣстникъ нашелъ убѣжище въ Египтѣ у Птолемея. Съ тѣхъ поръ, какъ властолюбивый Антигонъ сдѣлался властелиномъ всей Азіи, Птолемею стала угрожать опасность, къ отраженію которой онъ долженъ былъ готовиться. По этой причинѣ онъ принялъ къ себя Селевка и склонилъ Кассандра а Лисимаха, которымъ грозила такая же опасность со стороны Антигона, вступить съ нимъ въ союзъ противъ общаго врага. Союзъ этотъ повелъ за собой долголѣтнюю войну противъ Антигона, всячески старавшагося одолѣть своихъ враговъ. Онъ поднялъ дикія ѳракійскія племена и лежащіе на берегахъ Ѳракіи греческіе приморскіе города противъ Лисимаха, который принужденъ былъ заняться усмиреніемъ своей собственной страны и не могъ уже и думать о поддержаніи своихъ союзниковъ. Чтобы не допускать Кассандра въ Азію, Антигонъ вовлекъ его въ войну съ Греціею, заключилъ союзъ съ старымъ Полисперхономъ, котораго возбудилъ отъ бездѣйствія, послалъ посольство объявить свободу всѣмъ греческимъ государствамъ и отправилъ въ Пелопоннесъ искуснаго дипломата съ огромною суммою денегъ, чтобы произвести повсюду волненія и призвать грековъ къ оружію противъ Кассандра. Кассандръ былъ такъ занятъ всѣми этими дѣлами, что во время всей войны не могъ явиться въ Азіи, а отправилъ туда только малочисленный отрядъ, и даже самъ былъ бы поставленъ въ большое затрудненіе, если бы не съумѣлъ подкупить Александра, сына Полисперхона, и склонить его на союзъ съ врагами его отца.

Главныя свои силы Антигонъ направилъ противъ Птолемея, который владѣлъ уже нѣсколько лѣтъ Египтомъ, Сиріею и Финикіею и, имѣя огромный флотъ, сдѣлался для властелина Азіи самымъ опаснымъ изъ противниковъ. Антигонъ съ лучшею частью своихъ войскъ бросился въ Сирію и Финикію, покорилъ эти страны и, не щадя издержекъ, занялся въ ихъ гаваняхъ постройкою флота, при содѣйствіи своего стараго друга, опытнаго моряка Неарха. Птолемей поддерживалъ противниковъ Антигона въ Пелопоннесѣ и возставшаго противъ него намѣстника Каріи, Асандра. Задержанный въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ осадою города Тира, жители котораго и теперь, какъ прежде, показали примѣръ геройскаго мужества, Антигонъ только голодомъ принудилъ ихъ наконецъ подчиниться (314 до р. Х.). По занятіи Тира, Антигонъ поручилъ вести войну въ Сиріи своему, прославившемуся впослѣдствіи, двадцатитрехлѣтнему сыну Димитрію, получившему прозваніе Поліоркета (завоевателя городовъ), а самъ отправился противъ Асандра, котораго и усмирилъ въ продолженіе одного года. Еще до возвращенія Антигона въ Сирію, Птолемей, по совѣту Селевка, соединилъ всѣ свои силы, чтобы снова овладѣть этою страною. Оба противника Антигона сошлись съ сыномъ его при городѣ Газѣ. Молодой, честолюбивый и пылкій Димитрій былъ такъ раздраженъ потерею Кипра, которымъ не задолго передъ тѣмъ завладѣлъ Птолемей, что, вопреки совѣту своихъ полководцевъ, рѣшился напасть въ открытомъ полѣ на двухъ отличнѣйшихъ полководцевъ, воспитанныхъ въ школѣ Александра. Птолемей и Селевкъ одержали надъ нимъ полную побѣду. Вся Сирія, Финикія и Палестина сдѣлались добычею побѣдителей (312 г. до р. Х.). Воспользовавшись пораженіемъ Димитрія Поліоркета, удалившагося съ остатками своего войска въ Киликію, Селевкъ безъ всякаго труда снова

покорилъ свое намѣстничество Вавилонію, разсѣялъ войска намѣстника Мидіи, спѣшившаго въ Вавилонъ поддержать тамъ власть Антигона, и съ тѣхъ поръ удерживалъ за собою господство надъ отдаленнымъ востокомъ. Покореніемъ Вавилона онъ положилъ основаніе царству, перешедшему послѣ къ его потомкамъ или Селевкидамъ; годъ этого покоренія сдѣлался началомъ особаго лѣтосчисленія, введеннаго вскорѣ послѣ того въ царствѣ Селевка и носившаго названіе эры селевкидовъ.

Птолемей еще въ томъ же году потерялъ всѣ свои завоеванія. Димитрій, пополнившій въ Киликіи свое войско, вступилъ въ Сирію, разбилъ на голову посланное ему навстрѣчу войско Птолемея, и, въ соединеніи со своимъ отцомъ, поспѣшившимъ къ нему изъ Малой Азіи, двинулся далѣе. Птолемей былъ слишкомъ остороженъ, чтобы дать сраженіе соединеннымъ войскамъ противниковъ, и, покинувъ всѣ свои завоеванія, вернулся въ Египетъ, гдѣ онъ былъ непобѣдимъ. Антигонъ рѣшился однако слѣдовать за нимъ и туда, но, пославъ сначала часть своего войска противъ кочевыхъ бедуиновъ Каменистой Аравіи, гдѣ потерялъ множество солдатъ, принужденъ былъ по возвращеніи къ нему остатковъ этого отряда отложить свой походъ въ Египетъ вслѣдствіе полученныхъ имъ извѣстій изъ Вавилона. Сынъ его Димитрій, посланный съ девятнадцатью тысячами противъ Селевка, хотя и овладѣлъ Вавилономъ, гдѣ Селевкъ оставилъ незначительный гарнизонъ, но, своими жестокостями и опустошеніями возбудивъ противъ себя всеобщую ненависть, еще усилилъ привязанность жителей Вавилона къ Селевку, обращавшемуся съ ними чрезвычайно кротко. Не видя никакой возможности покорить Вавилонію, Антигонъ вызвалъ своего сына въ Сирію.

Вслѣдъ за этими событіями военныя дѣйствія прекратились; единственный историкъ древности, оставившій намъ свѣдѣнія объ окончаніи тогдашней войны между Антигономъ и его противниками, утверждаетъ даже, что въ 311 г. до р. Х. былъ заключенъ формальный миръ. Извѣстія этого нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ; но если и дѣйствительно тогда былъ заключенъ миръ, то исторія послѣдующихъ лѣтъ показываетъ, что полководцы не придавали ему никакого значенія. Во всякомъ случаѣ, взаимныя отношенія лицъ, подъ именемъ правителей государства и намѣстниковъ его, раздѣлившихъ между собою царство Александра, остались вообще такими же, какими были и прежде, съ тѣмъ только исключеніемъ, что Селевкъ снова возстановилъ свою власть надъ Вавилоніею.

Подобно тому, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ споръ о верховномъ владычествѣ надъ Македоніею между Кассандромъ и Полисперхономъ окончился убійствомъ Филиппа Арридея, Эвридики и Олимпіады, такъ и настоящая война азіатскихъ намѣстниковъ за обладаніе своими провинціями повлекла за собою насильственную смерть двухъ другихъ членовъ царскаго дома. Въ войскахъ всѣхъ намѣстниковъ находилось много македонянъ, и, пользуясь ихъ преданностью царскому роду, Антигонъ, чтобы повредить своимъ противникамъ, въ продолженіе войны показывалъ видъ, что сражается за своего царя, которымъ вездѣ провозглашалъ малолѣтняго сына Роксаны, Александра Эга. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ войны исчезла всякая побудительная причина къ притворству, а подроставшій царь сдѣлался помѣхою для плановъ Антигона и другихъ намѣстниковъ, стремившихся къ самостоятельному господству, и угрожалъ сдѣлаться впослѣдствіи опаснымъ ихъ соперникомъ. Это подало поводъ къ умерщвленію Роксаны и ея сына. Въ обнародованныхъ мирныхъ условіяхъ онъ назывался царемъ царства; но вскорѣ послѣ того и мать и сынъ были лишены жизни по тайному взаимному согласію всѣхъ намѣстниковъ, или же потому, что Кассандръ, во власти котораго находились обѣ жертвы, считалъ опаснымъ для своей власти оставлять въ живыхъ ребенка, публично признаннаго царемъ. Вскорѣ по заключеніи мира Кассандръ приказалъ тайно умертвить и похоронить маленькаго Александра и Роксану и только впослѣдствіи времени узналъ объ этомъ народъ.

4. Борьба за обладаніе царствомъ Александра отъ смерти Роксаны до битвы при Саламинѣ на островѣ Кипрѣ.

Миръ, заключенный между намѣстниками, продолжался недолго; никто изъ нихъ не придавалъ ему никакого значенія, и спокойныя времена наступили только тогда, когда властолюбивые полководцы достигли цѣли своихъ желаній, или погибли въ своихъ стремленіяхъ къ ней. Война продолжалась съ краткими перерывами въ различныхъ частяхъ царства. Впрочемъ для рѣшенія ея имѣли съ тѣхъ поръ значеніе только Греція и западъ Азіи. Крайняя часть востока, напротивъ того, была отодвинута на задній планъ съ тѣхъ поръ, какъ въ 311 и 310 году до нашего лѣтоисчисленія Селевкъ утвердился въ своей провинціи Вавилоніи и сталъ подчинять себѣ всѣ лежавшія на востокъ отъ нея намѣстничества до самой Индіи. Это обстоятельство на долгое время не дозволяло Селевку принимать участія въ дѣлахъ Запада, и Антигонъ, безопасный со стороны этого противника, могъ сосредоточить всѣ свои силы въ Передней Азіи.

Интересы различныхъ намѣстниковъ царства Александра сосредоточивались преимущественно въ Греціи; отношенія къ этой странѣ были чрезвычайно запутанны, так что прослѣдить связь событій въ греческихъ государствахъ и городахъ для насъ всего труднѣе. Стараясь съ самаго начала войны замѣшать въ нее Грецію, Антигонъ приказалъ объявить свободу всѣмъ греческимъ городамъ. Птолемей съумѣлъ однако разстроить планы своего противника, объявивъ вскорѣ послѣ того грекамъ тоже самое отъ своего имени. Онъ, подобно Антигону, послалъ свои войска въ Грецію, сдѣлавшуюся театромъ войны между Антигономъ, Кассандромъ, Полисперхономъ, Птолемеемъ и различными греческими государствами. Въ мирномъ договорѣ, заключенномъ въ 311 г. до р. Х., намѣстниками была признана самостоятельность всѣхъ греческихъ городовъ, но ни одинъ изъ полководцевъ не вывелъ изъ нихъ своихъ гарнизоновъ, и положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось. Изъ событій того времени въ Греціи, особеннаго вниманія заслуживаютъ два обстоятельства: способъ, которымъ Кассандръ побудилъ стараго, отжившаго свой вѣкъ Полисперхона умертвить одного изъ немногихъ оставшихся еще въ живыхъ членовъ семейства Александра, и появленіе на политическомъ поприщѣ человѣка съ чистыми и благородными стремленіями, среди всеобщаго господства самолюбія и геніальной безнравственности.

Полисперхонъ привлекъ на свою сторону вдову Александра, Барсину, съ ея сыномъ Геркулесомъ, и назвалъ послѣдняго, какъ единственнаго оставшагося въ живыхъ потомка царя, властителемъ всего царства. Онъ пріобрѣлъ этимъ расположеніе приверженцевъ царственнаго дома и собралъ довольно значительное войско, чтобы отправить съ нимъ въ Македонію молодаго Геркулеса, которому въ эпоху заключенія мира было всего семнадцать лѣтъ. Кассандръ выступилъ къ нему навстрѣчу, но считая битву дѣломъ рискованнымъ, потому что многіе изъ его солдатъ были расположены къ сыну Александра, прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ вступилъ въ переговоры съ Полисперхономъ, внушая ему, что возвышеніе Геркулеса будетъ опасно для нихъ обоихъ, и что они легко могутъ потерять вслѣдствіе того все свое значеніе. Этими соображеніями и подаркомъ въ сто тридцать пять тысячъ руб. сер. на наши деньги онъ убѣдилъ слабодушнаго старика и довелъ его дотого, что онъ заключилъ съ нимъ тайный союзъ и обѣщалъ умертвить Геркулеса. Геркулесъ былъ удавленъ вмѣстѣ съ своею матерью, а Полисперхонъ остался обманутымъ. Кассандръ повидимому предоставилъ ему обѣщанное по договору господство надъ Пелопоннесомъ, но онъ встрѣтилъ тамъ сильное противодѣйствіе, вскорѣ потерялъ все свое значеніе и не имѣлъ уже никакого вліянія на ходъ міровыхъ событій.

Въ эти печальныя времена, когда полководцы Александра старались отнять другъ отъ друга власть посредствомъ насилій, обмановъ, убійствъ и другихъ преступленій, на политическое поприще выступилъ человѣкъ, который одинъ питалъ искреннее и горячее сочувствіе къ свободѣ Греціи. Это былъ племянникъ Антигона, П т о л е м е й. Его нравственныхъ принциповъ мы тоже не можемъ положительно считать безусловно чистыми, но, безспорно, онъ былъ руководимъ болѣе благородными побужденіями, чѣмъ вооруженные разбойники, сражавшіеся

тогда за обладаніе престоломъ. Въ 313 году Птолемей былъ посланъ своимъ дядею въ Грецію и, въ противоположность всѣмъ тогдашнимъ полководцамъ, желалъ пріобрѣсти себѣ безсмертную славу возстановленіемъ свободы греческихъ государствъ и ихъ старинныхъ формъ правленія, завоевывая государства и города не для Антигона или для себя самого, а для возвращенія имъ свободы. Вскорѣ по высадкѣ на берегъ онъ освободилъ отъ македонскаго ига Беотію и всѣ страны до самой Этоліи, но, приблизившись съ тѣмъ же намѣреніемъ къ границамъ Аттики, получилъ отъ своего дяди приказаніе возвратиться въ Пелопоннесъ. Онъ послушался его, но, продолжая и здѣсь поступать такъ же точно, какъ въ Средней Греціи, заставилъ полководца, начальствовавшаго тогда въ Пелопоннесѣ войсками Антигона, передать ему Элиду съ находившимися въ ней похищенными священными сокровищами и даровалъ свободу этому и всѣмъ государствамъ, которыя завоевалъ. Послѣ заключенія мира между намѣстниками, онъ не переставалъ дѣйствовать сообразно своимъ убѣжденіямъ, хотя Антигонъ и не придавалъ никакого значенія статьѣ мирнаго договора, объявлявшей свободными всѣхъ грековъ въ Европѣ и Азіи. Разсердившись на своего племянника за то, что онъ, не вводя въ завоеванные имъ города гарнизоны, вмѣсто того употреблялъ ввѣренныя ему войска на дѣло дѣйствительнаго освобожденія Греціи, Антигонъ поссорился съ нимъ и приказалъ ему возвратиться въ Азію. Тогда Птолемей отложился отъ своего дяди и сдѣлалъ весьма неосторожный шагъ, рѣшившись присоединиться къ владѣтелю Египта, который уже прежде провозглашалъ свободу грековъ и въ мирномъ договорѣ еще разъ призналъ ее. Птолемей египетскій принялъ благороднаго освободителя Греціи чрезвычайно ласково, но, переманивъ войска его на свою сторону, приказалъ умертвить ихъ предводителя (309 г. до р. X.).

Роль освободителя Греціи, которую разъигрывалъ такъ неудачно племянникъ Антигона, вскорѣ послѣ того принялъ на себя сынъ послѣдняго, Димитрій Поліоркетъ, человѣкъ совершенно другаго характера, убѣжденій и нравовъ. Птолемей египетскій стремился распространить свою власть въ Греціи и, овладѣвъ важными городами, Коринѳомъ и Сикіономъ, поставилъ въ нихъ гарнизоны и въ особенномъ мирномъ договорѣ заключилъ съ Кассандромъ условія касательно владѣній своихъ въ Пелопоннесѣ. Вскорѣ за тѣмъ (308 г. до р. X.) онъ вступилъ въ переговоры о бракѣ съ Клеопатрой, сестрою Александра Великаго, которая съ двоюродною сестрою своею, Ѳессалоникой, супругою Кассандра, только одна изъ всей царской фамиліи оставалась въ живыхъ; но при самомъ началѣ этихъ переговоровъ, Клеопатра, жившая въ Сардахъ, одномъ изъ городовъ, осажденныхъ войсками Антигона, была найдена убитою. Антигонъ приказалъ казнить ея служанокъ, какъ убійцъ, и похоронить съ царскими почестями тѣло принцессы; никто однако не сомнѣвался въ томъ, что виновникомъ убійства былъ самъ Антигонъ. Черезъ годъ онъ снарядилъ флотъ для нападенія на Птолемея и Кассандра въ Греціи съ гораздо большими силами, чѣмъ прежде, но сначала рѣшился овладѣть Аѳинами и оттуда уже подчинить себѣ всю остальную Грецію. Исполненіе этого предпріятія, начинавшагося подъ предлогомъ освобожденія Греціи, онъ поручилъ сыну своему Димитрію Поліоркету. Съ двумя стами пятидесятью кораблями, многочисленнымъ войскомъ и огромною суммою, простиравшеюся до семи милліоновъ руб. сер. на наши деньги, Димитрій въ концѣ весны 397 г. вышелъ въ море и неожиданно явился передъ Аѳинами. Малочисленный македонскій гарнизонъ не былъ въ состояніи защищать въ одно и то же время Пирей и Мунихію, и Димитрій безъ большаго труда овладѣлъ первымъ, а черезъ нѣсколько времени и Мунихіей, взявъ въ плѣнъ находившіяся тамъ македонскія войска.

Объявивъ аѳинянамъ, что онъ пришелъ освободить ихъ, Димитрій Поліоркетъ былъ принятъ въ Аѳинахъ съ восторгомъ. Прежній правитель города, Димитрій Фалерейскій, былъ очень радъ, что нашелъ у него защиту отъ ненависти народа, который тотчасъ же перешелъ на сторону Поліоркета и сталъ преслѣдовать своего прежняго идола. Димитрій Фалерейскій подъ сильнымъ прикрытіемъ былъ отведенъ въ Беотію, отправился оттуда къ Кассандру, а послѣ смерти его удалился въ Египетъ, гдѣ своими трудами и устройствомъ разныхъ ученыхъ учрежденій сдѣлалъ для исторіи человѣчества гораздо болѣе пользы, чѣмъ во все свое десятилѣтнее владычество. Послѣ его бѣгства изъ Аѳинъ воздвигнутыя ему триста шестьдесятъ статуй были разбиты, а самъ онъ заочно приговоренъ къ смерти. Съ такой же страстью

преслѣдовалъ народъ его друзей и приверженцевъ. Димитрій Поліоркетъ медлилъ своимъ вступленіемъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока не освободилъ отъ македонскаго гарнизона сосѣдняго города Мегары. Вступленіе его въ Аѳины было въ высшей степени торжественно, и раздававшіеся громкіе радостные крики были началомъ цѣлаго ряда подлостей аѳинянъ, унизившихся до роли самыхъ жалкихъ и низкихъ льстецовъ.

Личность Димитрія и первое время пребыванія его въ Аѳинахъ такъ знаменательны для исторіи нравовъ того времени, что необходимо представить полную характеристику этого страннаго человѣка и поведеніе аѳинянъ въ отношеніи къ нему. Отличаясь, подобно Алкивіаду, тѣлесною силою и красотою, одаренный большими талантами, Димитрій соединялъ въ себѣ ловкость, дѣятельность и военныя дарованія съ любовью къ приключеніямъ и самою необузданною безнравственностью. Проницательный и энергичный во всѣхъ своихъ военныхъ предпріятіяхъ, за свою изобрѣтательность заслужившій названіе Поліоркета — завоевателя городовъ,—онъ въ то же время былъ дотого преданъ всякаго рода чувственнымъ наслажденіямъ, что даже и въ тотъ безнравственный вѣкъ никто другой не могъ сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Въ продолженіе всей своей жизни, онъ не имѣлъ ни одной руководящей, основной идеи, ни одной опредѣленной политической цѣли, ища только приключеній и случая блеснуть своею геніальностью и желая въ одно и то же время соединить въ себѣ свойства Алкивіада, Ахиллеса и Александра. Грекамъ онъ явился вѣстникомъ и возстановителемъ свободы, но это было одною аффектацію, потому что любовь къ свободѣ не могла существовать въ сердцѣ, наполненномъ стремленіями и страстями деспота, сладострастіемъ распутника и надменнымъ хвастовствомъ восточнаго повелителя. Аѳиняне вѣрили, конечно, всему, что говорилъ или приказывалъ говорить имъ Димитрій, и почитали полубогомъ человѣка, презрительно смѣявшагося надъ всякою законностью и добродѣтелью.

Торжественно вступивъ въ Аѳины, Димитрій явился передъ народнымъ собраніемъ и объявилъ ему, что городъ и народъ свободны и могутъ возстановить свою прежнюю демократическую форму правленія, самъ же онъ будетъ помогать имъ въ дѣлѣ возвращенія ихъ прежняго владычества на морѣ и немедленно прикажетъ раздать гражданамъ сто пятьдесятъ тысячъ мѣръ хлѣба. Нѣтъ ничего страннаго и удивительнаго, что развращенные аѳиняне обожали тридцатилѣтняго царевича, очаровывавшаго ихъ словами свободы, раздававшаго хлѣбъ и горстями сыпавшаго передъ ними деньги, и старались превзойти другъ друга въ предложеніи народному собранію самыхъ безумныхъ постановленій о томъ, какія почести ему слѣдуетъ воздавать. Но всякій, хорошо знающій людей и судящій о принципахъ Димитрія не по словамъ его, а по дѣламъ, изумится тому, какъ греческіе историки могли думать, что этотъ безнравственный молодой искатель приключеній дѣйствительно хотѣлъ тогда освободить Грецію. Въ своей безумной лести аѳиняне зашли такъ далеко, что привѣтствовали Димитрія и его отца не только какъ царей, но и какъ боговъ. Такимъ образомъ, аѳиняне первые изъ грековъ дали полководцамъ Александра царскій титулъ и первые провозгласили богами людей за ихъ силу и блескъ. Для Антигона и Димитрія былъ назначенъ особый жрецъ, ихъ подвиги приписаны Минервѣ, богинѣ-хранительницѣ города, и на томъ мѣстѣ, гдѣ Димитрій сошелъ съ корабля, былъ воздвигнутъ жертвенникъ, передъ которымъ ему воздавались почести, подъ именемъ нисходящаго бога, даннымъ нѣкогда Юпитеру. Число филъ или округовъ, на которые дѣлились граждане, было увеличено еще двумя, названными по именамъ Антигона и Димитрія; одинъ изъ мѣсяцевъ названъ былъ Димитріонъ, а послѣдній день его Димитріада. Такія-то безсмысленныя почести воздавали аѳиняне своему мнимому освободителю. Онъ распутничалъ въ Аѳинахъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, не заботясь о судьбѣ остальной Греціи, пока наконецъ отецъ не приказалъ ему возвратиться въ Азію. Лишь только онъ оставилъ Аѳины, какъ обнаружилось вліяніе несчастнаго подарка, сдѣланнаго имъ городу возстановленіемъ въ немъ демократіи. Вся власть очутилась въ рукахъ низшихъ классовъ, или тѣхъ изъ демагоговъ, которые лучше всего умѣли льстить толпѣ. Но никто въ этомъ отношеніи не могъ сравниться съ Стратокломъ, человѣкомъ развратнымъ, котораго Димитрій предпочиталъ всѣмъ аѳинянамъ. Предоставленіе такому человѣку преобладающаго вліянія на на-

родъ и учрежденіе въ Аѳинахъ такого правленія, которое доставляло возможность подобнымъ людямъ забирать въ свои руки управленіе государствомъ, было, безъ сомнѣнія, самымъ дурнымъ дѣломъ Димитрія во время его перваго пребыванія въ Аѳинахъ.

Димитрій былъ отозванъ отцомъ для того, чтобы произвести съ большимъ флотомъ нападеніе на островъ Кипръ, гдѣ Птолемей собралъ значительныя военныя силы. Онъ высадился на берегъ Кипра, разбилъ брата Птолемея, Менелая, въ рѣшительной битвѣ и осадилъ потомъ главный городъ острова, Саламинъ, съ сухаго пути и съ моря (306 г. до р. X.). Здѣсь Димитрій въ первый разъ примѣнилъ на практикѣ свои свѣдѣнія по части механики, построивъ удивительныя машины, давшія ему прозвище завоевателя городовъ. Этими изобрѣтеніями Димитрій пріобрѣлъ себѣ гораздо большее значеніе во всемірной исторіи, чѣмъ своими военными подвигами, и потому они заслуживаютъ подробнаго описанія. Во времена Димитрія собственно стратегія, или искусство сражаться въ открытомъ полѣ, была до извѣстной степени усовершенствована, тогда какъ искусство осады крѣпостей и морская война были еще далеко не развиты. Димитрій обратилъ особенное вниманіе на то и другое, и значеніе его изобрѣтеній сдѣлалось тѣмъ важнѣе, что имѣло вліяніе и на гражданскую жизнь, въ которой механика впервые получила тогда общее приложеніе въ промышлености. Въ искусствѣ мореплаванія Димитрій прошелъ самую лучшую школу подъ руководствомъ своего близкаго родственника и великаго адмирала Александра, Неарха, командовавшаго флотомъ его отца и пріобрѣтшаго всѣ свои знанія въ Родосѣ, тогдашнемъ средоточіи морскаго искусства грековъ.

Еще болѣе отличался Димитрій въ фортификаціи, и изобрѣтенія его въ области этой науки имѣли такое значеніе, что весь позднѣйшій періодъ древности бралъ себѣ за образецъ его и людей, трудами которыхъ онъ пользовался при постройкѣ своихъ машинъ. Искусство свое въ изобрѣтеніи и приложеніи къ дѣлу машинъ Димитрій особенно выказалъ два раза, при осадѣ Саламина и нападеніи на Родосъ, сдѣланномъ годомъ позже. При осадѣ Саламина, Димитрій, находившійся въ дружбѣ со всѣми великими математиками своего времени, вызвалъ къ себѣ изъ Азіи множество художниковъ и ремесленниковъ и приказалъ имъ строить машины и укрѣпленія разныхъ родовъ и величины; главная машина, изобрѣтенная и впервые примѣненная имъ тогда къ осадному искусству, называлась гелеполь, т. е. покорительница городовъ. Она состояла изъ постройки во сто пятьдесятъ футовъ вышины, семидесяти пяти длины и ширины, была раздѣлена на девять этажей и приводилась въ движеніе колесами и блоками четырнадцати футовъ въ поперечникѣ. Въ нижнемъ этажѣ были поставлены метательныя машины, кидавшія стрѣлы и камни въ полтора центнера вѣсомъ такимъ образомъ, что они падали отвѣсно; въ среднихъ этажахъ были машины, бросавшія камни въ горизонтальномъ направленіи; а въ самомъ верхнемъ находились небольшія метательныя машины, вокругъ которыхъ оставлено было для дѣйствованія ими мѣсто для двухъ сотъ человѣкъ. Все зданіе представляло страшную батарею-башню, которая могла быть приближена къ стѣнамъ непріятеля и градомъ своихъ выстрѣловъ производила страшныя опустошенія въ его рядахъ, въ то время какъ устроенные по обѣимъ сторонамъ ея и защищенные навѣсами тараны разбивали самыя стѣны. При устройствѣ этой машины, Димитрій не предусмотрѣлъ только одного обстоятельства, которое повлекло за собою совершенное разрушеніе ея. Онъ не позаботился предохранить это зданіе отъ огня, и въ то время, какъ непріятельскія стѣны были уже пробиты, осажденные спасли свой городъ, зажегши гелеполь. Машина сгорѣла до тла, а вмѣстѣ съ тѣмъ погибло и множество людей. Не смотря на эту неудачу, осада Саламина продолжалась энергически, и завоеваніемъ города Димитрій былъ обязанъ не своимъ машинамъ, но рѣшительной морской битвѣ, на которую вынудилъ его Птолемей. Послѣдній поспѣшилъ со всѣмъ своимъ флотомъ для освобожденія Саламина и далъ Димитрію передъ входомъ въ Саламинскую гавань величайшую изъ всѣхъ морскихъ битвъ, упоминаемыхъ въ исторіи древности (306 г. до р. X.). Димитрій одержалъ блистательную побѣду; самъ онъ потерялъ только двадцать кораблей, но захватилъ у непріятеля сорокъ большихъ военныхъ судовъ и болѣе ста транспортныхъ, пустилъ ко дну около восьмидесяти военныхъ судовъ и кромѣ того взялъ въ плѣнъ до десяти тысячъ человѣкъ изъ высадившагося на берегъ войска. Сдача Саламина и завоеваніе

всего Кипра были прямыми послѣдствіями побѣды. Вѣстникъ, посланный Димитріемъ къ своему отцу съ извѣстіемъ о побѣдѣ, Аристодемъ Милетскій, привѣтствовалъ Антигона словами: «Да здравствуетъ царь Антигонъ!» и Антигонъ съ тѣхъ поръ не только самъ усвоилъ себѣ титулъ царя, но и отвѣтъ своему сыну послалъ съ надписью: «къ царю Димитрію.» Примѣру его тогда же послѣдовали Птолемей, Селевкъ и Лисимахъ; только Кассандръ не дѣлалъ этого, и хотя позволялъ другимъ называть себя царемъ, но самъ не употреблялъ царскаго титула въ своихъ подписяхъ.

5. Борьба за обладаніе царствомъ Александра отъ битвы при Саламинѣ до сраженія при Ипсѣ.

Первымъ предпріятіемъ Антигона и его сына, по завоеваніи Кипра, былъ походъ противъ Египта, для покоренія котораго оба они собрали всѣ свои силы. Антигонъ, съ 80 т. пѣхоты, 18 т. конницы и восьмидесятью тремя слонами, хотѣлъ напасть на царство Птолемея съ сухаго пути, а Димитрій, съ полутораста военныхъ, сотней транспортныхъ судовъ и со всѣми возможными машинами и орудіями,—со стороны моря. Эти громадныя приготовленія замедлили начало похода до самой осени. Въ это время Птолемей успѣлъ оправиться отъ пораженія при Саламинѣ и устроить укрѣпленія на границахъ своей страны, а флотъ Димитрія подвергался большой опасности, потому что нападеніе на Египетъ должно было совершиться въ бурное осеннее время, и флотъ, отъ котораго зависѣлъ исходъ всего предпріятія, могъ не иначе какъ съ большою опасностью приблизиться къ египетскимъ берегамъ. Когда Антигонъ прибылъ съ своимъ войскомъ къ Дельтѣ, Димитрій уже потерялъ множество кораблей отъ трехъ бурь; не смотря на то, онъ всячески старался поддерживать своего отца и переправить войско его черезъ рукавъ Нила; но всѣ его попытки произвести высадку на берегъ остались безплодными, вслѣдствіе свирѣпствовавшихъ тогда вѣтровъ, и положеніе Антигона сдѣлалось весьма опаснымъ. Птолемей съ неутомимой энергіей сторожилъ всѣ пункты, гдѣ непріятель могъ переправиться черезъ рѣку; всѣ попытки Антигона подвинуться впередъ были напрасны, въ лагерѣ его господствовалъ страшный голодъ, число перебѣжчиковъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, и, чтобъ не испытать участи Пердикки, онъ принужденъ былъ наконецъ оставить страну. Не достигнувъ никакихъ результатовъ, потерявъ множество людей и лошадей, Антигонъ и Димитрій возвратились въ Сирію; хотя отступленіе ихъ и было добровольное, однако Птолемей праздновалъ его различными торжествами, какъ будто одержалъ самую блистательную побѣду.

Чего не удалось сдѣлать Антигону и Димитрію теперь, того хотѣли они достигнуть въ слѣдующемъ году (305), рѣшившись вытѣснить Птолемея съ моря, уничтожить египетскую торговлю и такимъ образомъ ослабить силы своего противника. Для выполненія этого плана, имъ нужна была помощь города Родоса, пріобрѣтшаго громадное вліяніе во время войнъ за царство Александра. Между тѣмъ какъ Александрія и другіе приморскіе города, принадлежавшіе различнымъ владѣтелямъ, терпѣли отъ каждой войны убытки въ своей торговлѣ, Родосъ постоянно оставался нейтральнымъ, сохраняя искусною политикою дружественныя отношенія со всѣми намѣстниками. Антигонъ и Димитрій приказали родосцамъ, которые вели очень дѣятельную торговлю съ египтянами, прервать всякое сношеніе съ ними; какъ ни льстили имъ ловкіе купцы, какъ ни старались расположить къ себѣ обоихъ царей, воздвигая въ честь ихъ статуи, но Антигонъ и Димитрій настаивали на своемъ требованіи и, чтобы придать ему болѣе вѣса, отправили каперовъ противъ родосскихъ кораблей. Когда родосцы стали защищаться и захватили въ плѣнъ нѣсколько каперовъ, оба царя грозили имъ своею местью. Разными предложеніями старались они смягчить разгнѣванныхъ царей; но Антигонъ и Димитрій ничего не хотѣли слушать и требовали, чтобы родосцы дали имъ сто заложниковъ и впустили въ свои гавани флотъ Димитрія. Понимая очень хорошо, что исполненіе этого требованія лишило бы ихъ и самостоятельности и всего значенія, родосцы рѣшились защищаться до послѣдней крайности.

Такъ возникла война, въ которой Димитрій, предводительствуя всѣми си-

лами своего отца, выказалъ свои блестящіе военные таланты. Съ флотомъ изъ трехъ сотъ семидесяти большихъ и тысячи мелкихъ судовъ и войскомъ болѣе чѣмъ въ сорокъ тысячъ явился онъ передъ Родосомъ и началъ ту замѣчательную осаду, въ которой родосцы противопоставили генію, силѣ и громаднымъ приготовленіямъ самаго знаменитаго изъ полководцевъ того времени, особенно по части фортификаціи, ловкость и искусство гражданъ, опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ, геройство свободнаго народа и дружную дѣятельность сознающей свою силу націи. Трудно сказать, кто въ этой борьбѣ заслуживаетъ большаго удивленія, — покоритель городовъ Димитрій, или родосцы. Въ самомъ началѣ войны, послѣдніе выгнали изъ своего города всѣхъ неспособныхъ къ войнѣ, а находившимся у нихъ иностранцамъ предоставили на выборъ выѣхать изъ города или принять участіе въ борьбѣ съ непріятелямъ. Послѣ всѣхъ этихъ мѣръ, въ городѣ осталось всего до шести тысячъ гражданъ и тысяча метэковъ и иностранцевъ, способныхъ защищать его; число это было увеличено обѣщаніемъ дать свободу и права гражданства каждому рабу, который станетъ храбро сражаться во время осады. Наконецъ было обѣщано, что тѣ, которые падутъ въ битвѣ, будутъ похоронены съ почестями, и городъ принялъ на себя попеченіе объ участи ихъ семействъ.

Оборона Родоса имѣетъ такое же отношеніе къ нападенію на него Димитрія, какое знаменитая защита Гибральтара генераломъ Элліотомъ противъ французовъ въ 1782 году къ изобрѣтенію и практическому примѣненію пловучихъ батарей. Первыя нападенія на Родосъ были сдѣланы со стороны моря. На носу своихъ кораблей Димитрій поставилъ метательныя машины, которыя бросали стрѣлы почти на версту. Затѣмъ онъ построилъ родъ пловучихъ батарей, которыя защищены были громадными навѣсами и пловучими башнями, высотою своею превышавшими самыя стѣны гавани. Родосцы быстро возвысили свои стѣны, поставили на плотинахъ и корабляхъ своихъ такія же метательныя машины, и посредствомъ камней, бросаемыхъ изъ этихъ машинъ, а также съ помощью огня и меча, отражали нападенія непріятелей. Послѣ долгой, часто возстановлявшейся борьбы, Димитрій оставилъ попытку овладѣть городомъ со стороны моря и началъ дѣлать страшныя приготовленія на сухомъ пути, употребивъ для нихъ до тридцати тысячъ работниковъ. Онъ приказалъ построить гелеполь, высотою почти въ двѣсти футовъ и въ сто футовъ длиною и широтою, и чтобы предохранить его отъ дѣйствія огня велѣлъ обшить его желѣзомъ и мокрыми кожами. Зданіе это стояло на восьми колесахъ, спицы которыхъ имѣли въ толщину четырс фута, и приводилось въ движеніе соединенными силами тысячи четырехъ сотъ или, по другимъ извѣстіямъ, трехъ тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, Димитрій подвелъ подъ Родосъ подкопы, съ помощью которыхъ едва не разрушилъ часть стѣнъ. Но ничто не могло устрашить храбрыхъ родосцевъ, которые своей упорною защитою и мѣрами, принятыми противъ осаждающихъ, привели непріятеля въ совершенное смущеніе. Своими подкопами они парализировали всѣ дѣйствія Димитрія, постоянно бросали на осаждающихъ камни, метательные дротики и раскаленныя стрѣлы, и, не смотря на желѣзную обшивку гелеполя, непремѣнно бы сожгли его, если бы Димитрій не поспѣшилъ откатить его назадъ.

Этихъ немногихъ данныхъ достаточно, чтобы показать, что при осадѣ и оборонѣ Родоса были примѣнены всѣ орудія, какія только могли дать той и другой сторонѣ математическія и механическія науки, при тогдашнемъ своемъ развитіи. Въ продолженіе цѣлаго года Димитрій пытался различными способами овладѣть Родосомъ и, убѣдившись въ невозможности достигнуть этого въ короткое время и безъ большихъ потерь, искалъ только удобнаго предлога, чтобы снять осаду и вступить съ родосцами въ переговоры. Предлогъ этотъ дало ему посольство этолійцевъ, которые просили у него немедленной помощи противъ Кассандра. Родосцы съ своей стороны охотно сдѣлали все, что только позволяла имъ честь, чтобы избавить своего врага отъ стыда за напрасно устроенныя имъ громадныя сооруженія, трату огромныхъ суммъ и гибель безчисленнаго множества народа, принесеннаго въ жертву безъ всякой пользы. При посредничествѣ этолійскаго посольства былъ заключенъ миръ, по условіямъ котораго Родосъ признавался свободнымъ городомъ, но обязывался поддерживать Антигона и Димитрія во всѣхъ ихъ войнахъ, за исключеніемъ только войны съ Птолемеемъ, и дать имъ заложниками сто гражданъ. По удаленіи Димитрія, родосцы немедленно исполнили

данныя ими обѣщанія относительно рабовъ и убитыхъ гражданъ, и въ благодарность Лисимаху и Кассандру, помогавшимъ имъ во время осады присылкою съѣстныхъ припасовъ, воздвигли въ честь ихъ статуи. Птолемея же они назвали богомъ, посвятили ему священную рощу, находившуюся вблизи города, и дали прозваніе сотера или спасителя, — прозваніе, которымъ онъ и отличается въ исторіи отъ другихъ царей, носившихъ одно съ нимъ имя. Итакъ граждане свободнаго греческаго города назвали богомъ новаго повелителя Египта и оказали ему божественныя почести гораздо раньше египтянъ, сдѣлавшихся давно уже рабами. Но этотъ свободный народъ былъ въ то же время и торговый народъ, для котораго барышъ былъ выше всего, и который такъ подло льстилъ Птолемею вслѣдствіе того же разсчета, по которому обращалъ всякое выраженіе благодарности ему и другимъ царямъ въ средство украшать свой городъ и поощрять искусства.

Отъ Родоса Димитрій поплылъ въ Грецію, гдѣ Кассандръ и Полистерхонъ продолжали распространять свои завоеванія, а первый даже осадилъ Аѳины. Димитрій (въ концѣ 304 г. до р. Х.) присталъ къ берегу Беотіи и однимъ своимъ появленіемъ заставилъ Кассандра снять осаду съ Аѳинъ и удалиться въ Ѳессалію. Заключивъ союзъ съ этолійцами противъ Кассандра и Полисперхона, Димитрій отправился въ Аѳины, гдѣ его приняли еще съ большими почестями, чѣмъ въ первый разъ. Онъ провелъ въ Аѳинахъ цѣлую зиму, предаваясь такимъ распутствамъ, которыя превосходили все дѣланное имъ за три года передъ тѣмъ. Въ эти три года характеръ его сильно измѣнился, онъ возвратился въ Аѳины, окруженный всѣмъ, что есть изнѣженнаго и дурнаго въ азіатской роскоши, и основалъ въ нихъ резиденцію новаго царства, образованнаго имъ въ Греціи подъ предлогомъ ея освобожденія. И сами аѳиняне, вслѣдствіе возстановленія буйной демократіи и вліянія жалкихъ личностей, игравшихъ роль государственныхъ людей, глубоко упали въ своихъ нравахъ. Впрочемъ, въ этотъ разъ Димитрій дѣйствительно былъ для нихъ освободителемъ, потому что раздраженный Кассандръ грозилъ имъ своею местью.

Аѳиняне превзошли себя въ подлости и лести. При въѣздѣ Димитрія въ городъ, они объявили ему, что одна богиня покровительница Аѳинъ можетъ достойно принять его, какъ гостя, и развратнѣйшему человѣку, какого только помнитъ исторія со временъ Алкивіада до герцога регента французскаго, былъ отданъ для жительства священнѣйшій храмъ аѳинянъ. Святилище Минервы, почитаемой цѣломудренною и дѣвственною богинею, сдѣлалось теперь мѣстомъ самаго страшнаго разврата. Одинъ древній писатель говоритъ, что, сохраняя еще уваженіе къ прежнему мѣстопребыванію наукъ и искусствъ, онъ не рѣшается изобразить жалкое состояніе тогдашняго общества, потому что ему стыдно разсказывать о тѣхъ мерзостяхъ, которыя совершались аѳинянами и Димитріемъ; но и онъ не могъ умолчать о томъ, что въ священнѣйшемъ храмѣ, посвященномъ дѣвственности, дѣлались тогда совершенно открыто самыя гнусныя мерзости. Ни одна женщина, ни одна дѣвушка не была безопасна отъ необузданной страстности Димитрія. Безстыдство этого человѣка зашло такъ далеко, что однажды въ посланіи къ аѳинянамъ онъ предлагалъ по семидесяти тысячъ р. сер. (на наши деньги) за удовлетвореніе своего сладострастія. Подобнаго рода предложенія повторялись потомъ еще не разъ, и потому народное собраніе запретило гражданамъ, подъ страхомъ наказанія, передавать народу посланія. Но лишь только стало извѣстно, что это опредѣленіе разсердило Димитрія, какъ аѳиняне уничтожили его и рѣшили казнить или изгнать изъ отечества гражданъ, сдѣлавшихъ такое предложеніе и поддерживавшихъ его.

Въ началѣ весны (303 года) Димитрій началъ свои дѣйствія въ Пелопоннесѣ. Называя себя освободителемъ Греціи, онъ изгналъ египетскіе и македонскіе гарнизоны изъ Сикіона, Коринѳа, Аргоса и другихъ городовъ, гдѣ ему оказывали почти такія же божескія почести, какъ въ Аѳинахъ, и, — подобно Филиппу и Александру, — созвалъ греческое народное собраніе въ Истмѣ. Сюда явились, кромѣ безчисленнаго множества частныхъ лицъ, депутаты шестнадцати мнимо свободныхъ городовъ, выбравшіе Димитрія неограниченнымъ полководцемъ греческой земли въ войнѣ противъ Кассандра; онъ собралъ войско въ шестьдесятъ пять тысячъ, къ которому присоединились еще двадцать пять тысячъ грековъ.

По возвращеніи его весной въ Аѳины, униженіе аѳинянъ превзошло всякія границы. Себя самихъ и все, что было дорогаго и святаго, отдали они въ руки сладострастнаго распутника, встрѣчали его жертвоприношеніями и процессіями, славили въ хвалебныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ Димитрій назывался высшимъ изъ боговъ, и пѣли эти гимны даже въ своихъ частныхъ домахъ. Развратникъ снова поселился въ священнѣйшемъ храмѣ города и осквернилъ его неслыханною безнравственностью. Онъ не стыдился публично оказывать уваженіе знаменитой аѳинской публичной женщинѣ того времени, Ламіѣ, и однажды, въ присутствіи гражданъ, принесшихъ ему деньги, истребованныя имъ отъ города, отдалъ этой развратницѣ триста пятьдесятъ тысячъ р. с., сказавъ: «купи себѣ на нихъ бѣлилъ.» Впрочемъ, не одни аѳиняне унижались передъ наглымъ развратникомъ: жители Аргоса воздавали ему такія же почести, сикіонцы устроивали въ честь его богослуженія и годовые праздники, а ѳиванцы, желая угодить ему, воздвигли въ своемъ городѣ храмъ въ честь Ламіи. Безнравственность и пустота жизни, какъ видно изъ всего этого, господствовали тогда во всей Греціи. Древніе писатели оставили намъ подробный списокъ знаменитыхъ публичныхъ женщинъ того времени, пользовавшихся такою же громкою славою, какъ цари или полководцы той эпохи. Поэты и правители наперерывъ старались обезсмертить имена этихъ женщинъ, и дошедшіе до насъ разсказы о поступкахъ ихъ превосходятъ все, что мы знаемъ изъ исторіи другихъ подобныхъ же временъ.

Лѣтомъ 302 г. Димитрій, какъ главный полководецъ Греціи, началъ свой походъ противъ владѣтеля Македоніи, Кассандра, у котораго уже были отняты всѣ греческія владѣнія, за исключеніемъ Ѳессаліи. Не имѣя союзниковъ, Кассандръ не надѣялся устоять противъ него и обратился съ просьбою о мирѣ къ Антигону; но получилъ въ отвѣтъ, что долженъ сдаться безусловно. Отвѣтъ этотъ, которымъ Антигонъ объявилъ себя единственнымъ наслѣдникомъ Александра, а прочихъ намѣстниковъ своими вассалами, относясь также точно къ Селевку, Птолемею и Лисимаху, какъ и къ Кассандру, спасъ послѣдняго отъ угрожавшей ему опасности. Четыре властителя заключили между собой союзъ, и снова загорѣлась всеобщая война, участь которой должна была рѣшиться въ Азіи, потому что союзники съ самаго начала перенесли театръ военныхъ дѣйствій въ эту часть свѣта. Лисимахъ вторгнулся въ Малую Азію черезъ Геллеспонтъ, Селевкъ выступилъ противъ Антигона съ востока, а Птолемей съ запада. Между тѣмъ Димитрій вступилъ въ Ѳессалію и встрѣтился тутъ съ Кассандромъ, который всячески старался уклоняться отъ битвы.

Видя неизбѣжность рѣшительной борьбы, Антигонъ призвалъ обратно въ Азію своего сына, отплывшаго въ концѣ 302 г. со всѣмъ своимъ войскомъ въ Малую Азію. По удаленіи его Кассандръ тоже отправилъ туда, подъ предводительствомъ Плейстарха, столько войска, сколько могъ послать, не ослабляя себя, а самъ остался въ Европѣ. Въ Малой Азіи соединились войска Лисимаха и Селевка, и Антигона и Димитрія; Птолемей же медленно подвигался черезъ Сирію, выжидая, по своей обыкновенной хитрости, чѣмъ все это кончится. Судьба Азіи была рѣшена битвою при Ипсѣ (лѣтомъ 301 г.), въ которой участвовали войска Антигона, Димитрія, Лисимаха и Селевка (въ Европѣ война продолжалась почти тридцать лѣтъ, пока наконецъ водворился нѣсколько прочный порядокъ вещей). У Антигона было семьдесятъ тысячъ пѣхоты и десять тысячъ конницы, пѣхота его противниковъ состояла только изъ шестидесяти четырехъ тысячъ, а конница изъ десяти тысячъ пятисотъ человѣкъ, но у Антигона было не болѣе семидесяти пяти слоновъ, тогда какъ у Селевка число ихъ простиралось до четырехъ сотъ или четырехъ сотъ восьмидесяти. Антигонъ потерпѣлъ совершенное пораженіе, но трудно опредѣлить, отчего оно произошло. Одни думаютъ, что онъ побѣжденъ былъ оттого, что не сохранилъ обычнаго хладнокровія и спокойствія и не распоряжался сраженіемъ одинъ, но слушался совѣтовъ своего сына. Другіе сваливаютъ всю вину на Димитрія, который, разбивъ часть непріятельскаго войска, увлекся преслѣдованіемъ ея, вмѣсто того, чтобы вернуться на помощь къ отцу, стѣсненному противниками. Третьи наконецъ полагаютъ, что битву рѣшило превосходство непріятельскихъ слоновъ. Какъ бы то ни было, но едва ли могъ Антигонъ лучше кончить жизнь свою, какъ павъ на полѣ битвы. Побѣдители приказали похоронить съ царскими почестями трупъ восьмидесятилѣтняго старца.

Пораженіемъ при Ипсѣ могущество Антигона было совершенно уничтожено; Димитрій спасъ изъ всего войска только пять тысячъ пѣхоты и четыре тысячи конницы, бѣжавъ съ ними въ Эфесъ, гдѣ находился его флотъ. Отсюда онъ отплылъ въ Аѳины. Побѣдители раздѣлили между собою царство своего противника. Птолемей, не принимавшій никакого участія въ битвѣ и потому не получившій ничего при раздѣлѣ, присвоилъ себѣ Финикію и часть Сиріи, но не могъ вытѣснить гарнизоновъ Димитрія изъ Тира и Сидона. Селевкъ и Лисимахъ не оспаривали у него этихъ странъ, раздѣливъ между собой остальное царство Антигона: первому досталась вся Малая Азія до Тавра, на долю Лисимаха пришлись земли, лежащія по ту сторону горъ, а братъ Кассандра, Плейстархъ, получилъ Сицилію.

6. Послѣдующая судьба Кассандра и его сыновей, Димитрія Поліоркета и Лисимаха.

Изъ Эфеса Димитрій отправился въ Грецію, но не успѣлъ еще высадиться на берегъ, какъ къ нему явились послы изъ Аѳинъ и объявили, что аѳиняне не пустятъ его къ себѣ, рѣшившись не пускать болѣе въ городъ царей. Аѳиняне очень хорошо знали его и понимали, что возстановленіе греческой свободы служитъ ему только предлогомъ для прикрытія честолюбивыхъ плановъ. Димитрій овладѣлъ однако нѣкоторыми пелопоннесскими городами, покорилъ Коринѳъ, имѣвшій въ то время большое значеніе, и, обладая значительнымъ флотомъ и нѣкоторыми важными приморскими пунктами въ Малой Азіи, Кипрѣ, Киликіи и Финикіи, сдѣлался властелиномъ на морѣ. Онъ напалъ на берега Ѳракіи и, ограбивъ ихъ, пріобрѣлъ богатую добычу, которая дала ему возможность навербовать новыя наемныя войска. Такимъ образомъ, даже послѣ пораженія при Ипсѣ, Димитрій все еще оставался страшнымъ противникомъ, особенно для Лисимаха, не имѣвшаго флота. Чтобы обезпечить себя съ моря и защитить свои берега отъ нападенія, послѣдній заключилъ союзъ съ Птолемеемъ египетскимъ и, для упроченія этого союза, женился на его дочери, А р с и н о ѣ. Это заставило также и Селевка, незадолго передъ тѣмъ завоевавшаго Сирію и тѣснимаго теперь съ юга и съ сѣвера, искать себѣ союзниковъ. Кассандръ, находившійся въ далекой Македоніи и притомъ имѣвшій незначительное число кораблей, не могъ быть ему полезенъ; напротивъ того, Димитрій, владѣя значительнымъ флотомъ и приморскими городами, былъ для него важнымъ союзникомъ. Селевкъ обратился къ нему и старался привлечь его къ себѣ, женившись на дочери его, С т р а т о н и к ѣ, славившейся своею красотою во всей древности.

Димитрій съ радостью принялъ предложеніе Селевка и немедленно отправился съ своею дочерью въ Сирію. На дорогѣ онъ присталъ къ берегамъ Киликіи, выгналъ оттуда Плейстарха и завладѣлъ царскими сокровищами, оставшимися въ Квиндѣ. Союзъ Селевка съ Димитріемъ, угрожая владѣтелю Египта, заставилъ его примириться съ обоими союзниками. Переговоры длились не долго, потому что перемиріе было одинаково выгодно для обѣихъ сторонъ, лишая и Лисимаха поддержки египетскаго флота, котораго одного боялся Поліоркетъ. Димитрій женился на П т о л е м а и д ѣ, дочери Птолемея, и далъ заложниковъ въ обезпеченіе того, что не будетъ тревожить египетскихъ кораблей. Но, не смотря ни на родственныя связи, ни на договоръ, скрѣпленный клятвою, каждый изъ нихъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы обогащаться на счетъ другихъ. Димитрій тотчасъ же поплылъ въ Пелопоннесъ и началъ воевать съ тамошними союзниками Птолемея. Птолемей вскорѣ привлекъ на свою сторону одного изъ заложниковъ Димитрія, эпирскаго князя П и р р а, выгнаннаго изъ отечества, помогалъ ему деньгами и войсками покорить Эпиръ и въ лицѣ его выставилъ опаснаго соперника Димитрію. Селевкъ грозилъ при первомъ удобномъ случаѣ завладѣть финикійскими и киликійскими городами, принадлежащими Димитрію.

Димитрій снова, какъ и прежде, старался сдѣлать Грецію центромъ сво-

его государства. Теперь, повидимому, обстоятельства благопріятствовали попыткѣ его сдѣлать нападеніе на Аѳины, на что онъ не рѣшился тотчасъ послѣ битвы при Ипсѣ. Кассандръ сдѣлалъ нападеніе на Аттику, но былъ отбитъ храбрымъ и благороднымъ Олимпіодоромъ, которому помогали этолійцы. Тогда владѣтель Македоніи вздумалъ другими путями достигнуть своей цѣли. Онъ вошелъ въ сношенія съ вліятельнѣйшимъ аѳинскимъ демагогомъ, Лахаресомъ, и убѣдилъ его захватить въ свои руки власть, надѣясь черезъ человѣка, который долженъ былъ искать опоры не въ народѣ, а въ наемникахъ и иностранныхъ войскахъ, поставить въ зависимость отъ себя Аѳины. Лахаресъ управлялъ сурово и жестоко, но его правленіе не долго держалось и пало со смертью Кассандра (въ концѣ 297 г. до р. Х.). Около того же времени Димитрій началъ свои дѣйствія противъ Пелопоннеса. Узнавъ о смерти Кассандра, онъ поспѣшилъ въ Аттику и осадилъ Аѳины. Аѳиняне такъ боялись Лахареса, что не смѣли возстать противъ его жестокихъ солдатъ даже и тогда, когда Димитрій отрѣзалъ отъ города подвозъ съѣстныхъ припасовъ и осажденнымъ угрожала самая бѣдственная участь. Видя невозможность держаться долѣе, Лахаресъ, переодѣвшись крестьяниномъ, бѣжалъ изъ Аѳинъ, захвативъ съ собой сокровища, и былъ умерщвленъ въ Беотіи (295 г.).

Аѳины страшились мести Димитрія; но онъ, тотчасъ по вступленіи, объявилъ собравшемуся народу, что прощаетъ его, и приказалъ раздать сто тысячъ мѣръ хлѣба голоднымъ жителямъ города. Въ благодарность за то аѳиняне, кумиромъ которыхъ онъ снова сталъ, постановили въ народномъ собраніи подарить ему гавани Пирей и Мунихію. Димитрій послалъ въ эти города сильные гарнизоны и такимъ образомъ господствовалъ теперь надъ главнымъ городомъ Греціи. Владѣя моремъ, малоазійскими приморскими городами, Киликіею, островомъ Кипромъ и главными городами Финикіи, онъ сдѣлался бы господиномъ всей Греціи, еслибъ удалась попытка его завоевать Спарту. Но Птолемей, Лисимахъ и Селевкъ не могли допустить образованія такого сильнаго государства. Каждый изъ нихъ напалъ на какую-нибудь изъ отдѣльныхъ частей владѣній Димитрія: Лисимахъ завладѣлъ принадлежащими ему малоазійскими приморскими городами, Птолемей покорилъ большую часть Кипра, Селевкъ занялъ Киликію и Финикію. Димитрій, между тѣмъ, разбилъ спартанское войско, выступившее противъ него въ Аркадіи, вторично побѣдилъ его вблизи Спарты, которой угрожало неминуемое паденіе, когда извѣстіе о предпріятіяхъ враговъ заставило его снять осаду Спарты.

Вмѣсто того, чтобы спѣшить въ Азію, Димитрій предпочелъ упрочить сначала свое владычество надъ Средней и Сѣверной Греціей и, воспользовавшись представлявшимися событіями, сдѣлаться царемъ Македоніи, гдѣ шла борьба между сыновьями Кассандра, Антипатромъ и Александромъ. Старшій сынъ, боясь, чтобъ Ѳессалоника, любившая болѣе младшаго сына, не оставила престолъ своему любимцу, рѣшился умертвить родную мать, и послѣдняя женщина царствующаго рода была убита руками собственнаго сына (295 г. до р. Х.). Преступленіе это, возбудивъ противъ Антипатра всеобщее негодованіе, заставило его бѣжать къ Лисимаху, на дочери котораго, Эвридикѣ, онъ былъ женатъ, въ надеждѣ съ его помощью овладѣть Македоніей. Александръ, опасаясь возвращенія брата, обратился къ Димитрію и царю эпирскому, Пирру. Оба обѣщали оказать ему содѣйствіе и выступили въ походъ съ своими войсками. Эпирскій царь покорилъ уже часть Македоніи, а Димитрій появился на границахъ этой страны, когда безчеловѣчный Антипатръ задумалъ убить своего зятя, но самъ былъ наказанъ за то смертью. Теперь Александръ не нуждался болѣе въ чужой помощи и всячески старался избавиться отъ союзниковъ; эпирскому царю онъ уступилъ часть Македоніи, а Димитрія хотѣлъ умертвить коварнымъ образомъ. Димитрій, желая завладѣть престоломъ Македоніи, замышлялъ то же самое противъ Александра. Оба, во время своего пребыванія въ Лариссѣ, строили тайныя козни, но опытный Димитрій перехитрилъ молодаго царя. На слѣдующій день послѣ совершенія убійства, Димитрій велѣлъ собраться войскамъ Александра и объявилъ имъ о своемъ злодѣйствѣ. Онъ съумѣлъ привлечь ихъ на свою сторону, и почти всѣ они перешли къ нему (294 г. до р. Хр.).

Такимъ образомъ обагренный кровью престолъ Македоніи достался Димитрію Поліоркету. Изъ всего развратнаго семейства Антипатра и Кассандра выказала благородство только жена Димитрія, Фила, сестра Кассандра. Не смотря на пренебреженіе со стороны Димитрія, на постоянныя оскорбленія, предпочтеніе, оказываемое имъ не только другимъ женамъ, но даже и любовницамъ, Фила все-таки любила его и была привязана къ нему. Когда Димитрій завоевывалъ Пелопоннесъ и осаждалъ Спарту, она защищала островъ Кипръ противъ Птолемея и, уступая шагъ за шагомъ превосходству непріятельскихъ силъ, упорно обороняла городъ Саламинъ, но была взята въ плѣнъ. Освобожденная Птолемеемъ, она поспѣшила къ своему невѣрному мужу, — забывая ради своего сына, Антигона Гоната, всѣ оскорбленія Димитрія и предпочтеніе, оказываемое имъ не только тремъ другимъ женамъ (сестрѣ Пирра, Деидаміи, аѳинянкѣ Эвридикѣ и дочери Птолемея, Птолемаидѣ), но и безчисленному множеству любовницъ, — и сдѣлалась посредницею между имъ и македонянами, которые покорились Димитрію главнымъ образомъ, какъ зятю любимаго ихъ полководца Антипатра. Впрочемъ Македонія, народонаселеніе которой страшно уменьшилось вслѣдствіе азіатскихъ походовъ Александра и другихъ войнъ, дѣлалась теперь добычею всякаго, кто только имѣлъ возможность навербовать войско.

Если бы гордость Димитрія могла удовлетвориться господствомъ надъ Греціей и Македоніей, по всей вѣроятности, онъ остался бы властителемъ этихъ странъ, не смотря на то, что противниками его сдѣлались теперь Пирръ, этолійцы, а вскорѣ Лисимахъ, Селевкъ и Птолемей. Но властолюбивый, жаждущій приключеній Димитрій стремился къ болѣе обширнымъ предпріятіямъ. Съ своими новыми подданными онъ обращался жестоко и презрительно и, напримѣръ, однажды не хотѣлъ читать поданнаго ему прошенія и въ глазахъ просителя бросилъ его въ воду. Обольщенный своимъ счастіемъ, онъ тратилъ громадныя суммы на свой дворъ и, вооруживъ огромное войско и флотъ, хотѣлъ снова покорить азіатское царство своего отца. Нападеніе, сдѣланное на Македонію Пирромъ во время его болѣзни, выказало, какъ мало могъ онъ разсчитывать на македонянъ, съ которыми обращался такъ дурно. Эпирскій царь завладѣлъ тогда почти всей страной, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны жителей. Но Димитрій былъ неисправимъ; тотчасъ по выздоровленіи, выгнавъ Пирра изъ Македоніи, онъ попрежнему злоупотреблялъ своею властью и продолжалъ свои безумныя приготовленія къ азіатской войнѣ. Скоро снаряженъ былъ флотъ изъ 500 кораблей и сто-двѣнадцати-тысячное войско готово было выступить въ походъ. Но едва окончены были эти страшныя приготовленія, призракъ его деспотической власти разсѣялся, какъ туманъ. Въ виду угрожавшей имъ опасности, Селевкъ, Птолемей и Лисимахъ возобновили прежній союзъ, къ которому приступилъ также Пирръ, и внезапно съ различныхъ сторонъ напали на общаго врага. Лисимахъ вторгся въ Македонію съ сѣвера, Пирръ — съ запада, а флотъ Птолемея появился у береговъ Греціи. По всей вѣроятности, они вступили также въ переговоры и съ войскомъ Димитрія, которое, тотчасъ по приближеніи непріятеля, оставило своего царя. Димитрій искалъ спасенія въ бѣгствѣ, утративъ господство надъ Македоніей, которою онъ владѣлъ въ теченіе семи лѣтъ; оставленный всѣми и окруженный измѣнниками, онъ поспѣшно бѣжалъ въ Грецію (287). Его благородная жена Фила приняла ядъ, чтобы не видѣть униженія и бѣгства любимаго человѣка. Македонію раздѣлили между собою Пирръ и Лисимахъ.

Событіями этими воспользовался благородный аѳинянинъ, Олимпіодоръ, для освобожденія роднаго города. Поднявъ знамя возстанія, онъ возбудилъ энергію своихъ согражданъ и, ставъ во главѣ ихъ, напалъ на македонскій гарнизонъ, выгналъ его изъ города, но сам былъ убитъ въ сраженіи. Димитрій, появившись вскорѣ передъ Аѳинами съ своими греческими войсками, осадилъ городъ, но принужденъ былъ отступить безъ успѣха. Предоставивъ свои греческія владѣнія сыну своему Антигону Гонату, онъ отправился искать приключеній въ Азію, взявъ съ собой одиннадцать тысячъ человѣкъ. Онъ рѣшился начать съ такимъ незначительнымъ отрядомъ предпріятіе, для котораго не задолго передъ тѣмъ считалъ необходимымъ снарядить огромный флотъ и собрать 112-тысячное войско, потому что теперь имѣлъ дѣло только съ Лисимахомъ. Самъ Лисимахъ

былъ занятъ въ это время въ Македоніи, но его сынъ, храбрый и благородный Агаѳоклъ, находившійся тогда въ Азіи съ сильнымъ войскомъ, выступилъ навстрѣчу Димитрію, тотчасъ послѣ его высадки. Агаѳоклъ не вступалъ въ сраженіе съ противникомъ, но отрѣзалъ его отъ моря, препятствовалъ подвозу съѣстныхъ припасовъ и преслѣдовалъ шагъ за шагомъ Димитрія, который въ короткое время потерялъ восемь тысячъ человѣкъ. Съ остаткомъ своего отряда этотъ авантюристъ искалъ спасенія во внутренности Малой Азіи, но, не видя и здѣсь спасенія, предалъ себя въ руки Селевка, прося его защиты. Селевкъ приказалъ намѣстнику пограничной провинціи своего царства радушно принять его и снабдить всѣмъ необходимымъ. Но Димитрій отплатилъ за эту доброту неблагодарностью, внезапно напалъ на войска Селевка и сталъ грабить провинціи его до самой Сиріи. Это заставило Селевка выступить противъ него съ своими войсками. Димитрій скоро былъ побѣжденъ и, стѣсненный противникомъ, долженъ былъ сдаться въ плѣнъ (286 г. до р. X.). Его постигла лучшая участь, чѣмъ можно было ожидать въ тѣ времена и при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Селевкъ приказалъ съ нимъ обращаться по-царски, отдалъ ему укрѣпленный городъ, давалъ деньги на содержаніе его двора, и хотя приказывалъ сторожить его, но не стѣснялъ его свободы. Димитрій прожилъ тутъ три года, проводя все свое время въ охотѣ, ѣздѣ, питьѣ и игрѣ, и, заболѣвъ наконецъ, умеръ 283 г. до р. X., на 54 году жизни.

Вскорѣ послѣ смерти Димитрія была отдана въ руки Селевка и судьба Лисимаха. Упрочивъ разумнымъ управленіемъ и счастливыми войнами власть свою во Ѳракіи, Лисимахъ пріобрѣлъ при низверженіи Димитрія половину Македоніи, а вскорѣ отнялъ у Пирра и остальную часть этой страны. Послѣдніе дни слабаго старика были опечалены несчастными семейными отношеніями. У Лисимаха было четыре жены. Первая, одрисская царевна, родила ему двухъ сыновей, Агаѳокла и Александра. Отъ второй жены, Никеи, сестры Кассандра, прежде обрученной съ Пердиккой, онъ имѣлъ двухъ дочерей: Эвридику, вышедшую замужъ за Антипатра, сына Кассандра, и Арсиною, вышедшую замужъ за сына и преемника Птолемея египетскаго. Третьей его женой была персіянка Амастра, племянница Дарія Кодомана, бывшая прежде замужемъ за Кратеромъ, а по смерти его за Діонисіемъ, владѣтелемъ города Гераклеи на Понтѣ. Лисимахъ, не имѣвшій отъ нея дѣтей, очень любилъ ее, но изъ государственныхъ разсчетовъ женился на дочери Птолемея Арсиноѣ, родившей ему трехъ сыновей. Этотъ бракъ причинилъ Лисимаху горькія страданія. Амастра не хотѣла болѣе жить съ Лисимахомъ, удалилась въ свой владѣтельный городъ Гераклею и тамъ была убита своими властолюбивыми сыновьями, дѣтьми Діонисія. Лисимахъ, сохранившій привязанность къ Амастрѣ, отмстилъ ея смерть казнью матереубійцъ.

До сихъ поръ счастье благопріятствовало Лисимаху, который не запятналъ себя ни однимъ преступленіемъ, хотя въ то же время и не отличался никакими особенными качествами; но женитьба на Арсиноѣ довела его до совершенія преступленія и была причиной его несчастій. Арсиноя находилась въ какомъ-то странномъ положеніи при дворѣ своего стараго, больнаго мужа. Пасынокъ ея, наслѣдникъ престола Агаѳоклъ, уже давно былъ женатъ на ея сводной сестрѣ Лисандрѣ, а родной братъ Птолемей Керавнъ, выгнанный отцомъ изъ Египта, нашелъ радушный пріемъ при дворѣ Лисимаха. Оба они, какъ дѣти ненавистной имъ мачихи, были для нея бѣльмомъ на глазу, а они въ свою очередь смотрѣли на нее какъ на своего врага. Кромѣ того, Арсиноя никакъ не могла примириться съ мыслію, что престолъ долженъ былъ перейти не къ ея дѣтямъ, а къ Агаѳоклу и его сыну, дѣтямъ ея сводной сестры. Разсказываютъ также, что она была влюблена въ Агаѳокла, который съ презрѣніемъ отвергнулъ ея любовь. Честолюбіе, семейная ненависть, отвергнутая любовь или, вѣрнѣе, жажда мести за неудовлетворенное сладострастіе сдѣлали изъ Арсинои совершенную фурію. Вмѣстѣ съ своимъ сводным братомъ Птолемеемъ Керавномъ, способнымъ на всякое преступленіе, она стала всячески интриговать противъ ненавистнаго ей Агаѳокла, возбуждала въ своемъ слабомъ старомъ мужѣ недовѣріе къ его благородному сыну и вселила въ немъ наконецъ мысль, что Агаѳоклъ хочетъ его убить. Ли-

симахъ поспѣшилъ предупредить мнимое намѣреніе своего сына и велѣлъ удавить его.

Смерть благороднаго и всѣми любимаго царевича возбудила всеобщее негодованіе противъ стараго царя. Лисимахъ, одураченный Арсиноей и совершившій по ея наущенію страшное преступленіе, сдѣлался теперь жестокимъ тираномъ. Съ ужасомъ замѣчалъ онъ всеобщее раздраженіе противъ себя,—особенно сильно выказавшееся въ Малой Азіи, которою долго управлялъ Агаѳоклъ—и, желая подавить враждебное настроеніе умовъ насильственными мѣрами, велѣлъ казнить многихъ друзей и приверженцевъ своего сына. Жена Агаѳокла, Лисандра, и любимый ея братъ Алек садръ бѣжали съ дѣтьми своими отъ жестокостей слабаго царя и искали спасенія у Селевка. Къ нему перешли также очень многіе изъ войска, стоявшаго въ Малой Азіи; Филитеръ, которому Лисимахъ поручилъ охраненіе своихъ сокровищъ, находившихся въ мизійскомъ городѣ Пергамѣ, захвативъ отъ 11 до 12 милліоновъ р. с. на наши деньги, также отправился къ царю Вавилоніи и Сиріи. Селевкъ, уже давно желавшій завладѣть Малой Азіей, не могъ найти болѣе благопріятнаго случая для выполненія своихъ плановъ.

Еще прежде чѣмъ битва рѣшила участь царства Лисимаха, онъ ясно понялъ невозможность борьбы съ Селевкомъ и къ великому горю узналъ тогда, что велѣлъ казнить невиннаго сына. Когда Селевкъ началъ противъ него войну, малоазійскіе города сдавались ему одинъ за другимъ, и Лисимахъ долженъ былъ спѣшить походомъ, чтобы спасти хотя остатки своихъ владѣній въ Азіи. Онъ сошелся съ противникомъ на границахъ Фригіи и далъ ему битву на равнинѣ Курупедія, при самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ. Самъ Лисимахъ въ началѣ сраженія получилъ смертельную рану, и все его войско, послѣ непродолжительной битвы, положило оружіе (281 г. до р. Х.). Тѣло его оставалось въ продолженіе нѣсколькихъ дней на полѣ сраженія, пока сынъ его Александръ не выпросилъ позволенія похоронить его. Трупа Лисимаха, вѣроятно не нашли бы, еслибъ около него не отыскали собаку убитаго царя, защищавшую его отъ дикихъ звѣрей. Александръ приказалъ перевезти тѣло въ Лисимахію во Ѳракіи, и тамъ воздвигнулъ гробницу своему отцу, убитому на восьмидесятомъ году жизни. Селевкъ вскорѣ послѣ этой битвы перешелъ черезъ Геллеспонтъ, и покорилъ европейскія владѣнія своего противника.

Счастіе Селевка было также непродолжительно: онъ питалъ змѣю въ своей собственной груди. Названный нами египетскій царевичъ,—которому греки за его запальчивость дали названіе Keравна (молнія),—по неизвѣстнымъ намъ причинамъ оставилъ дворъ Лисимаха, бѣжалъ къ Селевку и былъ принятъ имъ очень ласково. Этотъ безнравственный человѣкъ, повсюду заносившій съ собой развратъ, и былъ убійцею Селевка. Вѣроятно, Селевкъ, овладѣвъ Ѳракіей и Македоніей, пріобрѣлъ себѣ тѣмъ враговъ въ солдатахъ Лисимаха и приверженцахъ Агаѳокла, которые хотѣли удержать эти страны за ихъ законными наслѣдниками, и Птолемей Кeравнъ, сопровождавшій его въ этомъ походѣ, воспользовался господствовавшимъ неудовольствіемъ для составленія заговора и умерщвленія царя. Когда Селевкъ, на походѣ въ Лисимахію, подошелъ къ древнему, одиноко стоявшему жертвеннику и сталъ передъ нимъ молиться, Птолемей пронзилъ его сзади копьемъ. Такъ умеръ основатель династіи селевкидовъ или сирійскаго царства на семьдесятъ третьемъ году жизни (208 г. до р. Х.). Войска его частью разсѣялись, частью вернулись назадъ въ Азію; войска же Лисимаха, соединенныя послѣ сраженія при Курупедіи съ войсками Селевка, перешли на сторону убійцы, который вслѣдъ за совершеннымъ преступленіемъ поспѣшилъ въ главный городъ Ѳракіи и тамъ, во главѣ преданнаго ему отряда, провозгласилъ себя царемъ. Македоняне признали его своимъ властителемъ, лишь только онъ показался въ ихъ странѣ съ своими войсками. Сынъ Селевка, Антіохъ I, хотѣлъ мстить за смерть своего отца, но распаденіе сирійскаго войска, мѣры, принятыя противъ него Птолемеемъ Керавномъ, и отпаденіе всѣхъ небольшихъ городовъ Малой Азіи, помѣшали ему въ этомъ и даже вынудили его заключить съ убійцей миръ, по которому онъ призналъ Птолемея Керавна владѣтелемъ Ѳракіи и Македоніи.

Какъ при убійствѣ Селевка Птолемей Керавнъ открыто оскорбилъ святость религіи, такъ поступками своими съ семействомъ Лисимаха онъ попралъ всѣ обязанности кровнаго родства. Судьба вдовы Агаѳокла и ея сына неизвѣстна; жена Лисимаха, Арсиноя, сводная сестра Птолемея Керавна, заперлась съ своими дѣтьми

въ укрѣпленномъ македонскомъ городѣ Кассандреѣ. Желая овладѣть этимъ городомъ и обезопасить себя со стороны дѣтей Лисимаха, Птолемей предложилъ руку своей сводной сестрѣ, обѣщая ей смотрѣть на царство какъ на собственность ея сыновей и раздѣлить съ нею власть. Все это подтвердилъ онъ торжественною клятвою, и Арсиноя согласилась выдти за него. Но едва былъ совершенъ бракъ, и Кассандрея перешла въ его руки, какъ Птолемей велѣлъ убить дѣтей Арсинои на рукахъ матери. Сама она послана была въ заточеніе на островъ Самократію, откуда скоро бѣжала въ Египетъ, и вышла тамъ замужъ за своего брата Птолемея II, втораго царя Египетскаго царства.

XI. ИСТОРІЯ

ПОСЛѢДНИХЪ ВРЕМЕНЪ ГРЕЧЕСКАГО МІРА.

---

1. Сирія или царство Селевкидовъ.

Изъ полководцевъ Александра Великаго, боровшихся за обладаніе оставшеюся послѣ него монархіею, двое не только удержали за собою власть, но и передали ее своимъ наслѣдникамъ: Птолемей—въ Египтѣ и Селевкъ—въ Сиріи и странахъ, лежащихъ къ востоку отъ нея. Основаніемъ грековосточныхъ царствъ они пріобрѣли такое же значеніе для Востока, какъ и для Греціи; столицы ихъ владѣній сдѣлались центрами, вокругъ которыхъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ вращалась внутренняя и внѣшняя жизнь греческаго міра. Къ тому же около времени битвы при Ипсѣ существованіе обоихъ царствъ было уже упрочено, тогда какъ судьба Греціи и Македоніи еще долго оставалась нерѣшенною.

Селевкъ I, прозванный Никаторомъ, т. е. Побѣдоноснымъ, подобно Птолемею, одинъ изъ всѣхъ греческихъ полководцевъ обладалъ качествами, необходимыми для царя. Получивъ, при раздѣлѣ Трипарадиса (стр. 435), намѣстничество Вавилонію, онъ былъ изгнанъ оттуда Антигономъ въ 316 г. до р. Х., но снова возвратился туда въ 313 г. и, сохранивъ съ того времени обладаніе Вавилоніей, положилъ основаніе Сирійскому царству Селевкидовъ. 312 годъ до р. Х. сдѣлался началомъ лѣтосчисленія, бывшаго долгое время въ употребленіи въ странахъ Тигра и Эвфрата и названнаго эрою Селевкидовъ. Въ продолженіе десяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за миромъ, заключеннымъ въ 311 г. до р. Х. между Антигономъ и его противниками, Селевкъ не принималъ никакого участія въ борьбѣ прочихъ полководцевъ за обладаніе переднею Азіею и Европою и воспользовался этимъ временемъ для расширенія и упроченія своего владычества. Сѣверные предѣлы его владѣній простирались до рѣки Яксарта, а съ востока онъ проникъ въ Индію далѣе самого Александра. По смерти царя Пора властителемъ Индіи сдѣлался Сандракоттъ (какъ называютъ его греки), распространившій свое царство отъ рѣки Инда до Бенгаліи. Селевкъ напалъ на него и проникъ до его столицы Палиботры, находившейся, по изслѣдованіямъ однихъ ученыхъ недалеко отъ Кануджа, а по мнѣнію другихъ, гораздо восточнѣе, на мѣстѣ нынѣшней Патны, и имѣвшей около двухъ нѣмецкихъ миль въ длину. Умный Селевкъ слѣдовалъ въ Индіи политикѣ Александра: онъ оставилъ

за Сандракоттомъ его владѣнія, приказалъ грекамъ, поселеннымъ въ Индіи Александромъ и имъ самимъ, сопровождать новаго царя въ его походахъ и удовольствовался одними изъявленіями дружбы со стороны послѣдняго. Сандракоттъ сдѣлалъ Селевку богатые подарки и между прочимъ подарилъ отъ четырехъ до пятисотъ слоновъ, оказавшихъ ему впослѣдствіи важныя услуги въ сраженіи при Ипсѣ. Сандракоттъ и его преемники оставались въ продолженіе шестидесяти лѣтъ вассалами Селевкидовъ; возникшія вслѣдствіе того болѣе частыя сношенія грековъ съ Индіею были причиною появленія нѣсколькихъ греческихъ сочиненій, распространившихъ много сказочныхъ разсказовъ объ Индіи. Мегастенъ и Даимахъ, — сопутствовавшіе въ его походахъ и впослѣдствіе посѣтившіе Палиботру въ качествѣ посланниковъ Селевка,—вмѣстѣ съ Онесикритомъ и Неархомъ были главными виновниками распространенія этихъ басень: они старались польстить праздному любопытству и возбужденному воображенію своихъ соотечественниковъ самыми невѣроятными небылицами и не стыдились разсказывать о томъ, что въ Индіи живутъ одноглазые люди, не имѣющіе ни рта, ни носа, карлики вышиною только въ три пяди, и великаны въ девять футовъ ростомъ.

Подобнымъ образомъ Селевкъ упрочилъ за собою и всѣ остальныя владѣнія Александра на востокѣ и былъ уже властелиномъ всѣхъ восточно-азіатскихъ провинцій монархіи Александра, когда снова принялъ дѣятельное участіе въ событіяхъ запада въ послѣднюю войну противъ Антигона. Когда въ 306 г. онъ потребовалъ отъ грековъ и македонянъ, чтобы они признали за нимъ царскій титулъ, жители востока давно уже считали его своимъ царемъ. Онъ сблизился съ ними, женившись, еще при жизни Александра, на одной персидской принцессѣ, Апамѣ, отъ которой родился его любимый сынъ и преемникъ, Антіохъ I. Задушевною мыслью Селевка было перенести въ Азію греческую жизнь и греческій бытъ. Но сознавая, какъ трудно доставить греческому элементу перевѣсъ на дальнемъ востокѣ, онъ раздѣлилъ свое обширное царство на двѣ части—восточную и западную и отдалъ первую нѣжно любимому имъ Антіоху. Отношенія Селевка къ сыну представляютъ самый рѣзкій контрастъ съ запятнанною раздорами и убійствами семейною жизнью другихъ полководцевъ Александра. Онъ даже уступилъ ему вторую жену Стратонику, дочь Димитрія, когда Антіохъ, опасно заболѣвъ отъ любви къ ней, по увѣренію врача, могъ быть спасенъ только женитьбою на своей мачихѣ. Сынъ всегда выказывалъ безусловную преданность отцу и присоединилъ къ нему свои войска, когда Селевкъ двинулся противъ Лисимаха.

Селевкъ всегда предпочиталъ греческіе обычаи всей роскоши востока и старался вводить ихъ на всемъ пространствѣ своего обширнаго царства. Это стремленіе Селевка имѣло самое благодѣтельное вліяніе на среднюю и западную Азію, гдѣ его начинанія пустили глубокіе корни. Благодаря ему, народы, съ незапамятныхъ временъ подавленные игомъ деспотизма, пришли въ самое тѣсное прикосновеніе съ націею, которая всегда признавала и уважала права человѣка и требовала участія въ управленіи и законодательствѣ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ издревле господствовали произволъ и безусловное повиновеніе. Энергія эллиновъ оживила древнее азіатское безсиліе; греческое искусство, греческая наука и греческое трудолюбіе распространились до самой Индіи. Однообразіе восточной жизни исчезло, уступивъ мѣсто оживленной общественной дѣятельности и болѣе возвышеннымъ стремленіямъ. Въ деспотическомъ государствѣ возникло множество цвѣтущихъ городовъ, сдѣлавшихся средоточіемъ торговли, искусства и гражданской свободы. Основаніе такихъ городовъ, число которыхъ невозможно опредѣлить въ точности, было одною изъ самыхъ плодородныхъ отраслей политической дѣятельности Селевка: нѣкоторыя изъ этихъ поселеній играли въ позднѣйшіе вѣка роль всемірныхъ столицъ.

Большая часть этихъ городовъ не были вновь основаны имъ, а только распространены, украшены и заселены по его приказанію, но впервые получили они значеніе по перенесеніи въ нихъ греческой жизни. Шестнадцать городовъ онъ назвалъ по имени своего отца Антіоха—Антіохіями, пять, по имени своей матери, Лаодикеями; девять—Селевкіями, и наконецъ четыре по именамъ своихъ женъ: три Апамеями и одинъ—Стратоникеею; другіе были названы именами греческихъ или македонскихъ городовъ или получили свои наименованія отъ подвиговъ Александра Великаго и Селевка. Важнѣйшіе изъ этихъ

городовъ: Селевкія и Антіохія на Оронтѣ въ Сиріи, Селевкія на Тигрѣ, Апамея и Лаодикія въ Малой Азіи и Сиріи.

Антіохія на Оронтѣ, нынѣшняя Антакія, была основана Селевкомъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ овладѣлъ Сиріей. Когда Селевкъ раздѣлилъ свое царство съ сыномъ, городъ этотъ сдѣлался столицею западной половины государства, а царство Селевкидовъ стало называться Сирійскимъ. Антіохія, скоро достигшая громадныхъ размѣровъ и имѣвшая наконецъ $2^1/_2$ нѣмецкихъ миль въ окружности, пріобрѣла огромное значеніе еще при Селевкидахъ, а впослѣдствіи, при распространеніи христіанства, сдѣлалась одною изъ столицъ древняго міра. Первоначальное населеніе Антіохіи было чисто греческое и состояло большею частью изъ аѳинянъ, переселенныхъ Антипатромъ (стр. 439) во Ѳракію, а оттуда переведенныхъ Антигономъ въ Сирію. Къ нимъ присоединились позднѣе нѣкоторые туземцы и другіе греки. Жители Антіохіи всегда отличались легкомысліемъ, расточительностью, остроуміемъ, изящнымъ аттическимъ греческимъ нарѣчіемъ и любовью къ литературѣ и искусству. Недалеко отъ Антіохіи лежало загородное увеселительное мѣсто, Дафне, знаменитое мѣстоположеніемъ, роскошными празднествами и храмомъ, въ которомъ совершалось мистическое богослуженіе; съ распространеніемъ христіанства оно сдѣлалось однимъ изъ наиболѣе посѣщавшихся христіанами мѣстъ богомолья.—Селевкія при устьѣ Оронта, называемая, въ отличіе отъ другихъ городовъ того же имени, Селевкіею въ Піэріи, была морскою гаванью Антіохіи и соперничала съ послѣднею величиною и пышностью. Къ югу отъ этихъ городовъ и находились сирійская Лаодикея и сирійская Апамея: первая прославилась винодѣліемъ и цвѣтущею торговлею, перешедшею туда изъ Финикіи; вторая имѣла значеніе въ стратегическомъ отношеніи. Внутри линіи своихъ укрѣпленій Апамея заключала столько воздѣланной земли, что многочисленный гарнизонъ ея могъ выдержать продолжительную осаду; окруженный плодоносною мѣстностью городъ этотъ былъ главнымъ мѣстомъ расположенія сирійскаго войска и царскихъ конскихъ заводовъ.

Селевкія на Тигрѣ, сдѣлавшаяся по раздѣлѣ государства столицею Антіоха I, безспорно, была важнѣйшимъ изъ городовъ, основанныхъ Селевкомъ. Она лежала на разстояніи четырехъ миль отъ древняго Вавилона, исчезнувшаго изъ исторіи по переселеніи его жителей въ Антіохію. Эти вавилоняне, составлявшіе вмѣстѣ съ другими туземцами первоначальное населеніе Селевкіи, слились съ греками, переселенными туда Селевкомъ. Основатель города тотчасъ же даровалъ его жителямъ право полнаго самоуправленія, и собственно этимъ свободнымъ учрежденіямъ Селевкія, подобно другимъ полугреческимъ городамъ въ Азіи, обязана была своимъ процвѣтаніемъ. Вся масса поселенныхъ тамъ варваровъ усвоила себѣ греческій образъ жизни и греческія понятія о свободѣ, насколько это было возможно при тогдашнихъ нравахъ и порядкѣ вещей. Постоянно возраставшее благосостояніе и многочисленность жителей сдѣлали Селевкію столицею всей страны отъ Эвфрата до Индіи; въ продолженіе нѣкотораго времени она была даже однимъ изъ первыхъ городовъ въ свѣтѣ, послѣ Рима и Александріи. Во время упадка могущества Селевкидовъ въ нее стали собираться всѣ жители греческихъ поселеній на Эвфратѣ и Тигрѣ, и такимъ образомъ Селевкія продолжала увеличиваться по мѣрѣ того, какъ Сирійское царство клонилось къ упадку. Впрочемъ въ позднѣйшія времена Селевкія, вслѣдствіе соперничества сосѣдняго города Ктесифона, начала быстро терять прежній блескъ и вскорѣ совсѣмъ исчезла съ лица земли: однѣ только развалины указываютъ теперь мѣсто, гдѣ нѣкогда лежалъ многолюдный городъ. — Города Апамея и Лаодикея въ Малой Азіи, основанные въ плодороднѣйшихъ мѣстностяхъ Фригіи, вслѣдствіе сильнаго развитія своей торговли, сдѣлались важнѣйшими городами западной Азіи; Апамея считалась, послѣ Эфеса, главнѣйшимъ торговымъ пунктомъ Малой Азіи. Оба эти города часто страдали отъ землетрясеній, но всегда вновь возникали изъ развалинъ. Наконецъ богатые жители Апамеи оградили себя отъ этой опасности, устроивъ, цѣною гигантскихъ усилій и громадныхъ издержекъ, своды подъ цѣлымъ городомъ.

Какъ блистательны были подвиги основателя сирійской династіи, такъ жалка и позорна была исторія его преемниковъ. Почти всѣ они отличались направленіемъ, противоположнымъ стремленіямъ Селевка Никатора. Уже правленіе его сына, Антіоха I,—названнаго за одну изъ своихъ побѣдъ Сотеромъ, или Спаси-

телемъ, и снова соединившаго обѣ части царства Селевкидовъ, — было рядомъ униженій и имѣло восточный характеръ. Онъ лишился Каппадокіи, Понта, Виѳиніи и Пергама въ Малой Азіи, велъ весьма неудачную войну съ Египтомъ, а въ своемъ семействѣ былъ свидѣтелемъ событій, постоянно повторяющихся въ исторіи восточныхъ династій и составлявшихъ такой разительный контрастъ съ его собственными отношеніями къ Селевку: старшій сынъ Антіоха былъ казненъ за покушеніе на жизнь своего отца. Со смертью Антіоха I (261 г. до р. Х.) при дворѣ Селевкидовъ получаетъ господство образъ жизни и система управленія, въ которыхъ не узнаешь болѣе слѣдовъ греческаго происхожденія династіи и того историческаго направленія, которое хотѣлъ придать своему царству его основатель. Оставивъ греческую образованность и энергію, владѣтели Сиріи впали въ изнѣженность, расточительность и деспотизмъ Востока; главными характеристическими чертами Селевкидовъ были распутство и самая гнусная система управленія.

Сынъ и преемникъ Антіоха I, Антіохъ II, которому граждане Милета дали прозвище бога, въ благодарность за избавленіе ихъ отъ одного тирана, царствовалъ пятнадцать лѣтъ, предоставивъ все управленіе государствомъ двумъ своимъ недостойнымъ и наглымъ любимцамъ, братьямъ Темисону и Аристу, уроженцамъ Кипра. Наглость этихъ правителей была такъ велика, что они даже хвастались распутствомъ; греки же, жившіе въ Сиріи, вели себя въ отношеніи царя и его любимцевъ еще отвратительнѣе, чѣмъ аѳиняне въ отношеніи Димитрія Поліоркета. Темисонъ велѣлъ всенародно провозгласить себя богомъ, и первые вельможи царства оффиціально приносили ему, какъ Геркулесу Темисону, жертвы, которыя онъ принималъ, лежа на подушкѣ, завернутый въ львиную шкуру, съ палицею въ рукѣ. Самъ царь былъ безстыдный развратникъ, преданный пьянству и гнуснѣйшимъ порокамъ; вся жизнь его проходила во снѣ, пьянствѣ и другихъ чувственныхъ наслажденіяхъ, а его пиры роскошью превосходили даже расточительность прежняго персидскаго двора. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ его царствованіе главную роль играли негодяи, что убійства и отравленія стали дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, и Антіохъ лишился почти половины своихъ владѣній, потому что большинство намѣстниковъ походило на своего царя. Въ его царствованіе отложилась Бактрія и образовала самостоятельное государство; почти въ то же время возстановили свою независимость воинственные парѳяне и расширили свое государство владѣніями Селевкидовъ. Къ концу жизни Антіоха II убійства слѣдуютъ одно за другимъ, и повсемѣстно вспыхиваютъ возстанія. Сначала умираетъ онъ самъ, отравленный отверженною имъ первою женою, Лаодикою, потомъ жертвою ея мстительности дѣлается его вторая жена, Береника, со всѣми своими дѣтьми и приверженцами; вслѣдъ за тѣмъ отпадаютъ всѣ города Малой Азіи, въ то время какъ египтяне занимаютъ южныя провинціи его царства, а сѣверныя области опустошаются набѣгами разбойничьихъ ордъ галловъ, перешедшихъ въ Малую Азію изъ Ѳракіи; наконецъ погибаетъ сама Лаодика, и новый царь, ея сынъ, долженъ скитаться нѣкоторое время, какъ изгнанникъ. Преемникъ Антіоха II, Селевкъ II, прозванный въ насмѣшку Калиникомъ, вѣнчаннымъ побѣдою, царствовалъ съ 246 до 227 г. до р. Х., среди безпрерывныхъ войнъ и внутреннихъ смутъ, долженъ былъ вести продолжительную войну со своимъ братомъ, желавшимъ свергнуть его съ престола, и наконецъ попалъ въ плѣнъ къ парѳянамъ, гдѣ и оставался нѣкоторое время. Его сынъ и преемникъ, Селевкъ III, прозванный, неизвѣстно почему, Керавномъ (молніею), умеръ въ 223 г. до р. Х.

Мы не станемъ подробно разсказывать исторіи Селевкидовъ, потому что общій характеръ ихъ управленія и образа жизни оставался неизмѣннымъ со смерти перваго изъ Селевкидовъ. Онъ измѣнился отчасти только при братѣ и преемникѣ Селевка III, Антіохѣ III или Великомъ, въ правленіе котораго Сирійское царство снова пріобрѣло нѣкоторую силу и значеніе; но судьба Сиріи при Антіохѣ и его преемникахъ можетъ быть разсказана только въ связи съ событіями римской исторіи.

2. Царства: Каппадокія, Пафлагонія, Понтъ, Виѳинія и Пергамъ.

Династія Селевкидовъ, рано утративъ свой греческій характеръ и впавъ въ сластолюбіе и деспотизмъ восточныхъ владыкъ, скоро лишилась большей части своихъ владѣній; царство ея подконецъ ограничивалось одною Сиріею и странами къ востоку отъ нея. Разложеніе монархіи Селевкидовъ повело за собой возвышеніе прежде существовавшихъ въ Малой Азіи государствъ, Каппадокіи, Пафлагоніи, Понта и Виѳиніи, и возникновеніе новыхъ царствъ, Пергама и Галатіи; греческіе города отъ Селевкіи-на-Тигрѣ до Византіи съ одной стороны и Египта съ другой только выиграли отъ упадка Сирійскаго царства. Всѣ элементы греческой цивилизаціи къ сѣверу и востоку отъ Селевкіи на-Тигрѣ, за исключеніемъ Бактрійскаго царства, были уничтожены дикими парѳянами, но зато они достигли тѣмъ высшей степени процвѣтанія въ Селевкіи и городахъ къ западу отъ нея. Составляя, подобно прежнимъ нѣмецкимъ имперскимъ городамъ, особыя государства въ государствѣ, города эти не могли много терпѣть отъ неспособности сирійскихъ царей и ихъ правителей. Слабость центральнаго правительства мало вредила имъ; они чувствовали притѣсненія только тогда, когда правленіе переходило въ руки энергическаго деспота, и находили въ своей цвѣтущей торговлѣ богатое вознагражденіе за грабежи, которымъ нерѣдко подвергались во время войнъ. Многіе изъ греческихъ городовъ сдѣлались вскорѣ совершенно независимыми или подчинились сирійскимъ намѣстникамъ, но и подъ властію послѣднихъ большинство изъ нихъ удержало за собою свои муниципальныя права и, среди частыхъ общественныхъ переворотовъ, сохранили и свой прежній блескъ, и основанія своего политическаго устройства.

Изъ числа коренныхъ туземныхъ племенъ Малой Азіи, исавры постоянно оставались разбойничьимъ народомъ, подобно арнаутамъ, черкесамъ и другимъ полуобразованнымъ народамъ нашего времени. Жители Киликіи, Памфиліи, Ликіи и Каріи, большею частью состоявшіе подъ верховнымъ владычествомъ Египта, управлялись собственными законами, находясь подъ властію туземныхъ владѣтелей или сохраняя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ республиканское устройство. Почти всѣ внутреннія страны Малой Азіи принадлежали туземнымъ властителямъ. Каппадокія, Пафлагонія, Понтъ и Виѳинія, составлявшія прежде наслѣдственныя персидскія сатрапіи, сдѣлались при Селевкидахъ совершенно независимыми. Но и эти царства варваровъ, испытавъ вслѣдствіе походовъ Александра важные внутренніе перевороты, подчинились преобладанію греческихъ учрежденій. Властители ихъ, покоривъ греческія приморскія колоніи, ввели при посредствѣ ихъ жителей греческіе обычаи между своими подданными и помощью греческой науки и искусства подняли свои государства на высокую степень благосостоянія. Благосостояніе это было тѣмъ прочнѣе, что власть правителей, опиравшаяся на религію, была непоколебима и не подвергалась никакимъ опасностямъ со стороны могущественныхъ сосѣдей.

При Александрѣ и въ ближайшее время по его смерти Каппадокія и Пафлагонія находились подъ властью одной и той же династіи. Только въ эпоху Селевкида, Антіоха III, въ Пафлагоніи появляются снова отдѣльные властители, то независимые, то подчиненные повелителямъ Понта или Виѳиніи. Цари Каппадокіи, производившіе свой родъ отъ Кира Старшаго, по большей части назывались Аріаратами. По завоеваніи Персидской монархіи Александромъ, они удержали за собою власть, и хотя потомъ Аріаратъ II былъ побѣжденъ и убитъ Эвменомъ (стр. 433), но сынъ его Аріаратъ III, бѣжавшій тогда въ Арменію, впослѣдствіи возвратилъ себѣ большую часть своихъ владѣній. Когда Селевкъ I подчинилъ себѣ всю азіятскую часть монархіи Александра, Аріаратъ, подобно царямъ Виѳиніи и Понта, призналъ его своимъ верховнымъ главою. По смерти Селевка эта связь рушилась, владѣтели Каппадокіи сдѣлались независимыми, и только иногда вступали въ брачные союзы съ Селевкидами. Хотя по смерти Александра греческіе обычаи и учрежденія укоренились въ Каппадокіи и другихъ царствахъ, но тамъ продолжали существоать наслѣдственныя жреческія

владѣнія, возникшія съ незапамятныхъ временъ. Они составляли небольшія храмовыя государства, имѣвшія центромъ какой-нибудь священный храмъ; жители ихъ считались крѣпостными жрецовъ. Государства эти получили въ исторіи особое значеніе потому, что между ними существовала особенная связь, дававшая съ давнихъ временъ опредѣленное направленіе азіатской торговлѣ. Такъ какъ главные храмовые праздники были соединены съ ярмарками, то храмы эти служили проводниками весьма важнаго для исторіи культуры движенія, посредствомъ котораго идеи Востока перешли въ греческія колоніи Малой Азіи, а оттуда и въ собственную Грецію. Эти жреческія владѣнія продолжали существовать и въ позднѣйшія времена до самаго рождества Христова. По своему внутреннему устройству и существованію этихъ жреческихъ владѣній, Каппадокія походила на средневѣковыя государства Европы; эти храмовыя государства можно сравнить съ богатыми и могущественными аббатствами христіанскихъ государствъ, и кромѣ того въ Каппадокіи было множество воинственныхъ бароновъ или вассаловъ, которымъ была подчинена остальная масса народа. Царь или верховный феодальный глава (сюзеренъ) страны жилъ въ своей древней резиденціи Мазакѣ, какъ въ военномъ лагерѣ; городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ замками, расположенными на вершинахъ горъ и принадлежавшими самому царю или знатнѣйшимъ его вассаламъ. Впрочемъ греческій элементъ такъ глубоко проникъ въ Каппадокію, что около р. Х. въ столицѣ ея Мазакѣ были введены законы Харонда (стр. 126), и жители ея, не смотря на верховную власть царя, пользовались самоуправленіемъ. Чтобы удержать въ памяти гражданъ эти законы, жители Мазаки прибѣгли къ тому же способу, какъ и жители греческихъ городовъ Нижней Италіи и Сициліи: они переложили ихъ въ стихи, которые пѣли на общественныхъ празднествахъ, объясняя молодымъ людямъ всѣ непонятныя и устарѣлыя мѣста.

Понтъ до самой смерти Александра оставался совершенно варварскою страною. Цари его, также производившіе себя отъ Кира, были, подобно каппадокійскимъ владѣтелямъ, вассалами персидскаго царя; но въ Понтѣ обитали еще дикія племена, почти столь же независимыя отъ царей Понта, какъ и отъ своего верховнаго феодальнаго главы въ Персіи. Лежавшія на берегу греческія колоніи были также независимы и владѣли каждая значительнымъ пространствомъ земли вокругъ самаго города. Цари Понта, носившіе чаще всего имена Митридатовъ, находились въ такихъ же отношеніяхъ къ Селевкидамъ, какъ и владѣтели Каппадокіи. Подчинивъ себѣ мало-по-малу греческіе приморскіе города, они перенесли въ свое царство греческіе нравы и образованность. Съ этого времени властители Понта принадлежатъ греческой исторіи болѣе, чѣмъ Селевкиды; первые все болѣе и болѣе переходили отъ варварства къ греческой образованности, послѣдніе, напротивъ того, все глубже и глубже погружались въ восточную роскошь и деспотизмъ. Мало-по-малу и полудикія горныя племена вошли въ составъ Понта, цари котораго съ свойственною грекамъ хитростью пользовались ихъ грубою энергіею для распространенія и утвержденія своего господства. Эти народы и жители всѣхъ внутреннихъ областей царства сохранили свои прежніе нравы и образъ жизни, при дворѣ же все сдѣлалось греческимъ. Впрочемъ подчиненіе греческихъ приморскихъ городовъ началось уже при Митридатѣ III, присоединившемъ къ своему царству Амастръ, который впослѣдствіи часто бывалъ резиденціею понтійскихъ царей. Почти сто лѣтъ спустя (около 180—190 до р. Х.). Фарнакъ I, сынъ Митридата IV, завоевалъ Синопъ, самый цвѣтущій изъ греческихъ городовъ на южномъ берегу Чернаго моря, и съ того времени Понтійское царство начинаетъ приближаться къ высшей точки своего могущества. Богатый и многолюдный Синопъ сдѣлался столицею Понта, а флотъ этого города, съ того времени господствовавшій на Черномъ морѣ, сдѣлался флотомъ понтійскихъ властителей, поднявшихъ Синопъ на еще высшую степень процвѣтанія и и украсившихъ его, подобно другимъ греческимъ городамъ, памятниками искусства. Понтійское царство достигло наибольшаго своего могущества въ началѣ перваго столѣтія до р. Х., при внукѣ Фарнака, Митридатѣ VI или Великомъ, казавшемся опаснымъ противникомъ даже для римлянъ, владѣвшихъ тогда почти всѣмъ древнимъ историческимъ міромъ.

Виѳинія, составлявшая во времена персовъ также наслѣдственную са-

трапію, при самомъ началѣ похода Александра получила македонскаго намѣстника; но тогдашній владѣтель ея, Біантъ, удержался въ горахъ. Сынъ его Зипетъ, по смерти Александра, снова овладѣлъ всею страною и поддерживалъ свою независимость противъ Лисимаха и другихъ македонскихъ властителей. Разрушеніе Лисимахомъ столицы Виѳиніи, Астака, имѣло своимъ послѣдствіемъ только принятіе царями Виѳиніи греческихъ нравовъ и греческаго политическаго устройства. Зипетъ основалъ на развалинахъ Астака новую столицу, имѣвшую съ самаго начала почти чисто греческое населеніе, а сынъ его, Никомедъ I, по имени котораго городъ былъ названъ Никомедіею, старался выгодными условіями привлечь туда какъ можно больше греческихъ поселенцевъ. Виѳинскій дворъ сдѣлался совершенно греческимъ, и съ того времени греческій духъ руководитъ всею политикою царей, распространившихъ свои владѣнія до Пафлагоніи. Никомедія сдѣлалась однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Востока и сохранила свой блескъ не только въ продолженіе всего періода древности, но и до самаго появленія въ Азію турокъ. Впрочемъ еще при внукѣ Никомеда I, Прусіи I, современникѣ Антіоха Великаго, виѳинскіе цари вошли въ прямыя сношенія съ римлянами, лишились своей самостоятельности и мало-по-малу сдѣлались совершенными рабами ихъ.

Черезъ сорокъ лѣтъ по смерти Александра, на ряду съ древними царствами Каппадокіи, Пафлагоніи, Понта и Виѳиніи возникло въ Малой Азіи новое царство, чисто греческаго происхожденія, имѣвшее для науки и искусства позднѣйшаго времени гораздо болѣе значенія, чѣмъ самое царство Селевкидовъ. Это новое государство называлось Пергамскимъ, по имени своей столицы, мизійскаго города Пергама. Основателемъ его былъ Филитеръ, казнохранитель и намѣстникъ Лисимаха въ Пергамѣ. По умерщвленіи Агаѳокла (стр. 460) онъ перешелъ на сторону Селевка I, и когда вскорѣ послѣ того, по смерти послѣдняго, владычество Селевкидовъ пало во всей Малой Азіи, Филитеръ сдѣлался независимымъ владѣтелемъ. Войны, которыя тотчасъ по вступленіи на престолъ долженъ былъ вести сынъ и преемникъ Селевка I, дали возможность Филитеру завладѣть приморскими городами. Его племянникъ, Эвменъ I, которому онъ оставилъ небольшія владѣнія, значительно расширилъ предѣлы своего государства. Третій владѣтель Пергама, Атталъ I, принялъ царскій титулъ и сдѣлалъ свое царство одною изъ самыхъ могущественныхъ державъ Малой Азіи. Онъ и преемники его, Эвменъ II, Атталъ II и Атталъ III, пользовались, въ ущербъ своихъ сосѣдей, благосклонностью римлянъ, утвердившихся тогда въ Малой Азіи, но этимъ самымъ были поставлены въ такое положеніе, что сохраняли свои владѣнія только по милости римскаго сената, передъ которымъ они раболѣпствовали гораздо болѣе царей Виѳиніи.

Главное свое назначеніе во всемірной исторіи Пергамское царство пріобрѣло только въ началѣ втораго столѣтія до р. Х., сдѣлавшись однимъ изъ центровъ образованности, развившейся изъ соединенія греческаго быта съ восточнымъ. Въ Пергамскомъ царствѣ, въ составъ котораго вслѣдствіе завоеваній Аттала I и Эвмена II вошла почти вся Малая Азія, расцвѣла новая Греція. Оба эти царя,—время правленія которыхъ занимаетъ вторую половину втораго столѣтія до р. Х.,—и ихъ ближайшій преемникъ, Атталъ II, соперничали съ властителями Египта въ покровительствѣ греческой образованности. Они увеличили привилегіи городовъ, поощряли искусства и науки, собирали книги и художественныя произведенія, и поддерживали художниковъ и ученыхъ. Туземныя племена мизійцевъ, фригійцевъ и др., составлявшія сельское населеніе, оставались внѣ этого культурнаго движенія, удержавъ свои прежніе нравы, языкъ, первобытную грубость и лѣность; жители же городовъ и лица, принимавшія участіе въ управленіи, сдѣлались совершенно греками и отличались живостью и дѣятельностью. Отпавъ отъ Лисимаха, Филитеръ присвоилъ себѣ ввѣренныя ему сокровища; преемники его не только сохранили ихъ въ цѣлости, но своимъ разумнымъ управленіемъ, заботливостью о торговлѣ и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами для пріобрѣтенія хорошихъ гаваней и торговыхъ городовъ, дотого увеличили ихъ, что выраженіе сокровища Аттала вошло у римлянъ въ пословицу.

Сдѣлавшись владѣтелями обширнаго государства, пергамскіе цари стали стремиться къ блеску и славѣ такъ же страстно и безумно, какъ и всѣ азіатскіе властители;

но они умѣли соединить это стремленіе съ заботами о процвѣтаніи своей страны. Они поощряли развитіе промышлености и матеріальнаго благосостоянія, приглашали къ своему двору художниковъ и ученыхъ, щедро награждая и поддерживая ихъ, и сдѣлали Пергамъ однимъ изъ средоточій греческаго искусства и науки. Благодаря ихъ заботамъ, Пергамское царство соперничало въ промышленномъ отношеніи съ Египтомъ, центромъ тогдашней греческой промышлености, а столица его Пергамъ, во второмъ столѣтіи до р. Х., сдѣлалась почти столь же важною для всемірной образованности, какъ въ предшествовавшемъ вѣкѣ столица Египта. Эвменъ II основалъ знаменитую пергамскую библіотеку, содержавшую, какъ говорятъ, двѣсти тысячъ рукописей. Когда египетскіе Птолемеи, изъ зависти, запретили вывозъ папируса, изъ котораго выдѣлывалась общеупотребительная тогда писчая бумага, въ Пергамѣ начали употреблять вмѣсто него особеннымъ образомъ выдѣланныя кожи, получившія тогда названіе пергамской бумаги или пергамента, и сдѣлавшіяся новою значительною вѣтвію пергамской промышлености. Ученые, приглашенные Атталомъ I и его преемниками, занимались тѣми же родами литературы, какъ и александрійскіе, и сдѣлали Пергамъ столь же важнымъ, какъ и Александрія, мѣстомъ изученія математики, механики, астрономіи, мореходства и философіи. Оба города отличались множествомъ художественныхъ произведеній, сдѣланныхъ туземными художниками или привезенными изъ другихъ странъ. Говоря о нѣкоторыхъ знаменитыхъ и дорогихъ картинахъ, писатели позднѣйшаго періода древности всегда называютъ пергамскихъ царей самыми щедрыми покровителями искусства. На ряду съ искусствомъ и наукою и отчасти въ связи съ ними процвѣтали въ Пергамѣ торговля и ремесла. Нѣкоторыя произведенія пергамской промышлености пользовались такою славою, что лучшія ткани, ковры и шитье римляне долгое время называли аттальскими.

3. Вторженіе галловъ во Ѳракію, Македонію и Грецію и Галльское царство въ Малой Азіи.

Въ третьемъ столѣтіи до р. Х. въ Малой Азіи возникаетъ, среди государствъ чисто греческаго происхожденія, новое варварское царство—Галатія, основанное кельтическими или галльскими ордами, проникшими въ Азію черезъ Ѳракію. Кельты или галлы около этого времени въ первый разъ получаютъ значеніе въ исторіи Востока и опустошительнымъ потокомъ вторгаются во ѳракію, Македонію, Грецію и Малую Азію, какъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ въ Среднюю Италію, гдѣ они проникаютъ до самаго Рима; поэтому необходимо сообщить здѣсь нѣкоторыя подробности объ этой группѣ народовъ, извѣстной подъ именемъ кельтической.

Народы эти составляютъ кельтическую или галльскую вѣтвь индоевропейской семьи и уже въ самой глубокой древности обитали въ странѣ, названной по ихъ имени Галліею или въ нынѣшней Франціи и на Британскихъ островахъ. Они раздѣлялись на двѣ главныя группы: кимровъ и гадгеловъ. Первые жили во Франціи, Бельгіи, а частью въ Англіи и южной Шотландіи, гдѣ они назывались бриттами. Къ гадгеламъ же принадлежали только пикты или каледонцы, предки нынѣшнихъ шотландскихъ горцевъ, и скоты, родоначальники нынѣшнихъ ирландцевъ, покорявшіе пиктовъ и давшіе свое имя сѣверной части острова Британіи. Галльская вѣтвь народовъ извѣстна во всемірной исторіи только своими странствованіями во всѣхъ странахъ свѣта. Въ древнѣйшей исторіи средней Европы кельты играютъ ту же роль, какъ и германцы въ послѣднія времена древняго міра. Причина внезапнаго вторженія кельтическихъ племенъ въ другія страны такъ же мало извѣстна, какъ и причина позднѣйшаго переселенія германцевъ. Оба эти племени отличались воинственностью, оба чувствовали такъ часто испытываемое сѣверными натурами стремленіе на югъ, которому содѣйствовали повидимому ихъ отношенія къ сосѣднимъ племенамъ и другія случайныя обстоятельства,—вотъ все, что мы можемъ сказать положительнаго о причинахъ этихъ странствованій. Еще за пятьсотъ лѣтъ до р. Х., мы видимъ поселенія галловъ въ Испаніи. Около того же времени многочис-

ленныя орды галловъ вторгнулись въ Верхнюю Италію и заняли эту страну, вытѣснивъ прежнихъ ея жителей. Галльскія племена Верхней Италіи, извѣстныя въ римской исторіи подъ именами сеноновъ, боіевъ, инсубровъ и проч., часто производили набѣги на Среднюю Италію, пока наконецъ не были покорены римлянами. Когда эти толпы поселились въ Италіи, другія орды галловъ двинулись на востокъ. Мало-по-малу они заняли Швейцарію и всю южную Германію до Дуная, откуда впослѣдствіи были вытѣснены германцами, поселились въ Венгріи и двинулись оттуда во Ѳракію, Македонію, Грецію и Малую Азію. Между народами, образовавшимися вслѣдствіе этого движенія галловъ на востокъ, для всемірной исторіи наиболѣе важны: гельветы, ретійцы, винделики, норики, боіи и галаты.

Не смотря на такое распространеніе кельтическаго племени, оно совершенно исчезло: почти всѣ кельтическіе народы были истреблены или смѣшались съ другими народами. Только въ западной Англіи, сѣверной Шотландіи, Ирландіи, Бретани и части Альповъ сохранились еще чистые кельты. Обитающіе въ альпійскихъ долинахъ Граубиндена румоны или ладины, потомки древнихъ ретійцевъ, утратили кельтическій языкъ и говорятъ на особенномъ нарѣчіи, происходящемъ отъ латинскаго языка. Въ Англіи чистыхъ потомковъ древнихъ бриттовъ мы видимъ въ жителяхъ Уэльса, гдѣ даже сохранился ихъ языкъ, и корнвалійцахъ. Въ близкомъ племенномъ родствѣ съ ними состоятъ жители Нижней-Бретани, также говорящіе кельтическимъ—нижне-бретонскимъ языкомъ. Другіе потомки древнихъ кельтовъ—ирландцы и горные шотландцы; большая часть первыхъ приняла англійскій языкъ, послѣдніе же сохранили кельтическій—такъ называемый эрскій или гельскій языкъ.

Отъ обозрѣнія всей кельтической группы народовъ вообще, возвратимся къ той вѣтви ихъ, которая образовала особое государство въ Малой Азіи. Еще во времена Александра Великаго одно племя кельтовъ проникло до южной Венгріи и Сербіи (стр. 374), а скоро послѣ того въ страны нижняго Дуная явились съ запада новыя, многочисленнѣйшія орды галловъ. Едва Лисимахъ успѣлъ, послѣ продолжительной борьбы съ другими полководцами Александра и туземными народами, упрочить за собою обладаніе своимъ царствомъ, какъ ему пришлось снова защищать свои владѣнія отъ вторженія галльскихъ ордъ. Онъ отразилъ ихъ, но вскорѣ по его смерти новыя, многочисленнѣйшія толпы бродячихъ галловъ наводнили Ѳракію и Македонію (280 до р. X.). Они были раздѣлены на три главныя орды, подъ предводительствомъ Керетріи, Бренна и Бельгія. Птолемей Керавнъ, незадолго передъ тѣмъ овладѣвшій Ѳракіею и Македоніею (стр. 460), двинулся противъ толпы, вторгнувшейся въ Македонію, но претерпѣлъ рѣшительное пораженіе (280 до р. X.). Онъ былъ убитъ, а войско его перебито или взято въ плѣнъ. Равнины Ѳракіи и Македоніи сдѣлались полною добычею галловъ, которые опустошили всю страну и перерѣзали жителей. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ нельзя было и думать о водвореніи порядка въ государствѣ. По смерти Птолемея братъ его Мелеагръ овладѣлъ престоломъ, но, подавленный обстоятельствами, долженъ былъ отказаться отъ власти. Преемникъ его, Антипатръ, племянникъ Кассандра, царствовалъ только сорокъ пять дней. Энергическій македонскій полководецъ Состенъ свергнулъ его съ престола и, не принимая царскаго титула, владѣлъ государствомъ два года. Онъ разбилъ галльскую орду, побѣдившую Птолемея Керавна, и выгналъ варваровъ изъ Македоніи.

Но радость македонянъ была непродолжительна. Какъ въ эпоху упадка римской имперіи каждое пораженіе римскаго войска, каждый удачный грабежъ римской провинціи, привлекалъ новыя многочисленнѣйшія толпы германцевъ и другихъ варваровъ, такъ и теперь, услыхавъ о счастливомъ набѣгѣ своихъ соотечественниковъ и о томъ, что путь въ Македонію и Грецію открытъ, массы галловъ переправились черезъ Дунай. Большая часть изъ нихъ, подъ начальствомъ Бренна и Акихорія, ринулась въ Грецію, и только немногочисленная орда двинулась къ востоку. Первыхъ было, какъ полагаютъ, болѣе ста семидесяти тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ около двадцати тысячъ всадниковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ при себѣ двухъ рабовъ, также участвовавшихъ въ сраженіяхъ. Состенъ выступилъ противъ орды грабителей, но войско его было уни-

чтожено и самъ онъ убитъ (278 до р. Х.). Галлы опустошили всю Македонію, за исключеніемъ укрѣпленныхъ городовъ, двинулись отсюда въ Ѳессалію и обратили ее въ пустыню.

Главною цѣлью похода варваровъ была Греція, гдѣ они надѣялись найти богатую добычу, въ особенности въ храмахъ. Сознаніе общей опасности еще разъ соединило тогда государства Средней Греціи на защиту отечества. Пелопоннесцы, за исключеніемъ незначительнаго ахейскаго города Патръ, не принимали участія въ этой войнѣ, потому что большая часть городовъ и государствъ полуострова были подчинена Антигону Гонату, а прочіе боялись его болѣе, чѣмъ самихъ галловъ. Изъ государствъ Средней Греціи этолійцы выставили всего болѣе войскъ; всѣ ихъ военныя силы, въ числѣ которыхъ было семь тысячъ однихъ гоплитовъ или тяжело вооруженной пѣхоты, выступили въ походъ. Беотійцы выставили десять тысячъ гоплитовъ и пятьсотъ всадниковъ, фокидцы три тысячи человѣкъ пѣхоты и пятьсотъ всадниковъ, локрійцы только семьсотъ человѣкъ пѣхоты, а мегарійцы четыреста всадниковъ и столько же пѣхотинцевъ. Аѳиняне, могущество и торговля которыхъ со времени ламійской войны постоянно падали, послали тысячу гоплитовъ и пятьсотъ всадниковъ, подъ начальствомъ Каллиппа, и вывели въ море всѣ свои военные корабли. Цари Птолемей II египетскій, Антіохъ I сирійскій и Антигонъ Гонатъ также подали помощь: первый послалъ грекамъ флотъ, второй пятьсотъ человѣкъ подъ предводительствомъ Телесарха, Гонатъ тоже пятьсотъ всадниковъ подъ начальствомъ македонскаго полководца Аристодема. Изъ уваженія къ прежней славѣ аѳинянъ имъ предоставлено было главное начальство на войнѣ, не смотря на малочисленность присланныхъ ими войскъ въ сравненіи съ контингентами этолійцевъ, беотійцевъ и фокидцевъ.

Союзная греческая армія ожидала орды галловъ въ Термопильскомъ проходѣ. Послѣдніе, не имѣя ни тактическихъ свѣдѣній, ни порядочнаго вооруженія, тщетно старались пробиться силою. При каждомъ нападеніи галлы,—единственнымъ оборонительнымъ оружіемъ которыхъ служили щиты,—съ огромною потерею были отражаемы греками, занимавшими сильную позицію и поддерживаемыми флотомъ. Бреннъ рѣшился на отчаянную попытку переправить часть своей орды черезъ сосѣднія горы; но галлы были встрѣчены въ горахъ Телесархомъ, который помѣшалъ имъ исполнить ихъ намѣреніе и погибъ при этомъ смертью героя. Чего не удалось галламъ добыть своимъ мужествомъ, того достигли они впослѣдствіи, благодаря эгоизму грековъ. Обитавшіе на ѳессалійской сторонѣ Термопилъ эніянейцы и гераклейцы, много терпѣвшіе отъ пребыванія въ ихъ странѣ галловъ, рѣшились избавиться отъ докучныхъ гостей, пожертвовавъ остальными греками; они указали Бренну путь, по которому нѣкогда персы, руководимые Эфіальтомъ, зашли въ тылъ отряду Леонида. Союзная армія грековъ, увидя себя обойденною галлами, распалась на составныя части и разошлась по домамъ. Бреннъ, подъ предводительствомъ котораго галлы проникли въ Среднюю Грецію, тотчасъ же двинулся къ Парнассу, не дожидаясь прибытія другой части своихъ войскъ, которая должна была пройти черезъ Термопилы, подъ начальствомъ Акихорія. Онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе напасть на Дельфы, чтобы овладѣть сокровищами тамошняго храма. На помощь угрожаемой святынѣ поспѣшили фокидцы и небольшой отрядъ локрійцевъ и этолійцевъ; они заняли окрестности Дельфъ и нѣкоторыя изъ болѣе отдаленныхъ гористыхъ мѣстностей. Когда Бреннъ приблизился къ Дельфамъ, наступили внезапно страшные холода, истребившіе многихъ галловъ. Кромѣ того большая часть толпы Акихорія была задержана у Термопилъ этолійскимъ войскомъ, которое незадолго передъ тѣмъ поспѣшило на помощь своей родинѣ, угрожаемой другими галлами, и, преслѣдуя ихъ, успѣло еще вовремя придти къ дефиле. Акихорій съ огромными потерями былъ отбитъ этолійцами, и такимъ образомъ Бреннъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, опредѣляемымъ греками въ сорокъ тысячъ человѣкъ. Онъ уже потерялъ множество людей отъ морозовъ и самъ былъ разбитъ въ небольшой стычкѣ съ греками, какъ вдругъ поднялась сильная буря, сопровождаемая страшнымъ снѣгомъ и землетрясеніемъ. Множество галловъ было погребено подъ обломками скалъ, падавшихъ въ долины; остальные, пораженные паническимъ ужасомъ, при видѣ этихъ грозныхъ явленій природы, бросились искать спасенія въ бѣгствѣ и соединеніи со своими соплеменниками, предводительствуемыми Аки-

хоріемъ. Бреннъ и большая часть его войска погибли во время этого отступленія; преслѣдуемые греками остатки галльской орды, соединившись за Термопилами съ толпами Акихорія, увлекли ихъ за собой.

Такимъ образомъ Греція неожиданно избавилась отъ разбойничьихъ ордъ галловъ. Такъ какъ при этомъ играли важную роль необыкновенныя явленія природы, то понятно, что греки, сдѣлавшіеся въ эпоху своего упадка чрезвычайно суевѣрными, приписали чудесамъ отраженіе галловъ. Они говорили, что самъ дельфійскій богъ невидимымъ образомъ спасъ свою святыню, поразивъ ужасомъ и лишивъ разсудка варваровъ, обратившихъ свое оружіе другъ противъ друга, разсказывали, что древніе герои встали изъ гробницъ и помогали своимъ потомкамъ въ битвѣ.

Бѣгущіе галлы прошли всю Ѳессалію и Македонію, сильно тѣснимые жителями этихъ странъ, и подъ начальствомъ Коммоторія нашли себѣ убѣжище во Ѳракіи, гдѣ, во время ихъ несчастнаго похода въ Грецію, свирѣпствовали другія толпы ихъ соотечественниковъ. Здѣсь они основали государство Тилу, скоро расширили его новыми завоеваніями и сдѣлали своею данницею даже могущественную Византію. Государство это пало черезъ шестьдесятъ лѣтъ подъ ударами дикихъ ѳракійцевъ. Послѣдній царь Тилы, Кавар ъ, подчинился вліянію одного хитраго грека и со своими придворными предался распутству; когда покоренные галлами ѳракійцы возстали, онъ лишился власти, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло и его царство. Послѣ паденія Тилы, въ странѣ снова получили преобладаніе дикія туземныя племена, погрузившія Ѳракію въ мракъ невѣжества.

Въ то самое время, какъ галлы основывали свое царство во Ѳракіи, взаимныя распри владѣтелей Македоніи, Виѳиніи и Сиріи доставили одной ордѣ этихъ варваровъ случай перейти въ Малую Азію и основать тамъ другое государство. Удержавъ за собою владѣнія своего отца въ Пелопоннесѣ, Антигонъ Гонатъ, по вступленіи на престолъ Птолемея Керавна, сдѣлалъ неудачную попытку отнять у него Македонію. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, храбрый Состенъ погибъ въ битвѣ съ галлами, и Македонія снова сдѣлалась жертвою анархіи, Антигонъ повторилъ свою попытку и наконецъ успѣлъ овладѣть страною. Царь сирійскій Антіохъ I хотѣлъ предъявить свои права на страну, завоеванную его отцомъ, но ему помѣшалъ Никомедъ I виѳинскій, тогдашній союзникъ Антигона Гоната. Онъ рѣшился уступить свои права новому властителю Македоніи, чтобы отвлечь его отъ союза съ Никомедомъ. Между Антіохомъ и Антигономъ былъ заключенъ договоръ, по которому послѣдній женился на его сестрѣ. Царь виѳинскій, предвидя, что онъ легко можетъ сдѣлаться жертвою родственнаго союза своихъ сосѣдей, старался сблизиться съ галлами и съ помощью ихъ остановить Антіоха. Около Геллеспонта бродила въ это время одна галльская орда, давно уже желавшая переправиться на азіатскій берегъ, но за неимѣніемъ кораблей, неуспѣвшая еще исполнить своего намѣренія. Никомедъ заключилъ съ нею договоръ, по которому перевезъ въ Малую-Азію на виѳинскихъ корабляхъ двадцать тысячъ галловъ подъ начальствомъ семнадцати вождей, а галлы обязались поддерживать виѳинскаго царя противъ его враговъ. Эта орда дикарей опустошила земли Малой Азіи и привела въ трепетъ сирійскаго царя. За нею перешли изъ Европы новыя толпы, и съ того времени галльскія орды разбойничаютъ въ Малой Азіи или служатъ вспомогательными войсками у Никомеда, пергамскаго владѣтеля Филетера и у другихъ властителей и городовъ. Въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ галлы бродили по Малой Азіи, не имѣя осѣдлости, пока наконецъ не поселились на границахъ Каппадокіи, Пафлагоніи, Виѳиніи и Фригіи, въ странѣ, названной по ихъ имени Галатіею. Отсюда они нѣкоторое время продолжали свои набѣги и даже сдѣлали своими данниками владѣтелей Виѳиніи и Пергама. Наконецъ Атталъ I, нанеся имъ рѣшительное пораженіе, уничтожилъ ихъ могущество и заставилъ прекратить набѣги.

Сдѣлавшись осѣдлыми, эти варвары стали мало-по-малу усвоивать себѣ греческую образованность, хотя масса народа и сохранила свои обычаи и языкъ, удержавшійся между ними до пятаго вѣка по р. Х. Ихъ политическое устройство, принесенное ими съ родины и введенное въ Галатіи, имѣетъ много сходства съ организаціею древне-германскихъ волостей. Они сохранили свое первоначальное дѣленіе на три племени: толистобоіевъ, тектосаговъ и трокмовъ.

Первые поселились въ окрестностяхъ города Пессинунта, вторые около Анкиры (Ангоры), третьи вокругъ вновь основаннаго ими города Табіи. Каждое изъ этихъ племенъ въ свою очередь раздѣлялось на четыре округа или волости. Во главѣ управленія каждою волостью находились, такъ называемый греками, тетрархъ, т. е. четверовластникъ, судья и три воеводы. Приговоры по уголовнымъ дѣламъ произносилъ окружной или волостной судъ изъ трехсотъ человѣкъ, собиравшійся въ дубовой рощѣ подъ предсѣдательствомъ тетрарха; рѣшеніе всѣхъ прочихъ дѣлъ было предоставлено тетрарху и судьѣ. Изъ городовъ занятой ими страны только одна Анкира потеряла при галлахъ свое прежнее значеніе, Пессинунтъ же продолжалъ процвѣтать попрежнему. Въ этомъ послѣднемъ городѣ находился знаменитый и много посѣщавшійся въ древности храмъ богини Кибелы (стр. 132) Храмъ этотъ доставлялъ галламъ такіе огромные доходы, что они для своихъ же выгодъ должны были покровительствовать поселившимся тамъ грекамъ и ихъ промышлености; къ тому же въ началѣ втораго вѣка до р. Х. сами князья и высшія сословія начали усвоивать себѣ греческій языкъ, религію и образованность.

4. Царства Парѳянское и Бактрійское.

Кромѣ названныхъ нами малоазійскихъ государствъ, отпавшихъ отъ Сиріи вслѣдствіе неспособности преемниковъ Селевка Никатора или возникшихъ вновь, образовались на востокѣ Азіи еще два новыя царства: Бактрійское и Парѳянское. Оба они имѣютъ важное значеніе для исторіи послѣдующаго времени: первое поддержало и усилило греческое вліяніе въ Индіи и Бухаріи, второе пріобрѣло такое внѣшнее могущество, что вступило даже въ борьбу съ римлянами за обладаніе царствомъ Селевкидовъ. Оба государства возникли въ царствованіе развратника Антіоха II. Въ то время какъ онъ былъ занятъ войною съ Египтомъ, грекъ, неизвѣстнаго происхожденія, Теодотъ или Діодотъ, завладѣлъ Бухаріею, основалъ тамъ независимое Бактрійское царство и вскорѣ распространилъ его предѣлы до самой Индіи. Ему тѣмъ легче было сдѣлать это, что еще основатель царства Селевкидовъ, для защиты тѣхъ странъ, образовалъ изъ поселившихся тамъ грековъ родъ милиціи. Почти черезъ пять лѣтъ послѣ отпаденія Теодота (около 250 до р. Х.) поднялись подъ предводительствомъ Арсака парѳянскія племена, жившія къ юговостоку отъ Каспійскаго моря (стр. 59), изгнали изъ своей страны намѣстника Селевкидовъ и сдѣлались независимыми. Насильственная смерть царя Антіоха II и послѣдовавшіе за нею смуты и безпорядки въ Сиріи, окончательно уничтожившіе могущество Селевкидовъ, еще болѣе способствовали упроченію и расширенію обоихъ царствъ, Парѳянскаго и Бактрійскаго.

Парѳяне, владѣтельный родъ которыхъ называется Арсакидами, по имени своего основателя Арсака, были и оставались всегда грубымъ кочевымъ народомъ; основанное же ими въ Средней Азіи царство, существовавшее въ продолженіе четырехъ сотъ пятидесяти лѣтъ, можно по справедливости назвать варварскимъ. Впрочемъ до насъ дошли только немногіе памятники жизни этого народа и, кромѣ нѣсколькихъ монетъ, мы почти не имѣемъ источниковъ для исторіи Парѳянскаго царства. Парѳянскія орды не имѣли между собою почти никакой прочной связи и соединялись только въ минуту опасности. Цари ихъ были, какъ кажется, только главами большаго союза феодальныхъ владѣтелей или предводителей отдѣльныхъ ордъ, изъ которыхъ каждый стремился къ царской власти. Почти вся внутренняя исторія Парѳянскаго царства состоитъ изъ однихъ междоусобій. Только сознаніе всеобщей опасности давало нѣкоторымъ парѳянскимъ царямъ возможность выступать противъ внѣшнихъ враговъ съ многочисленными войсками. Но страсть къ грабежу и дикая храбрость ихъ ордъ дозволяла имъ простирать свои набѣги до самой Сиріи. Многіе парѳянскіе цари, искусно пользуясь знаніемъ національнаго характера своихъ подданныхъ, или благодаря своимъ личнымъ качествамъ, увеличивали свои владѣнія, захватывали въ свои руки неограниченную власть, окружали себя царскимъ блескомъ и присвоивали себѣ самые пышные титулы. Но, на основа-

нія этихъ отдѣльныхъ фактовъ, Арсакидовъ нельзя сравнивать ни съ древнѣйшими, ни съ позднѣйшими персидскими царями, хотя они властвовали въ тѣхъ же странахъ, а основанное ими государство считается посредствующимъ звеномъ между древне-персидскимъ государствомъ и новою Персіею. Они никогда не пользовались такимъ могуществомъ, какъ цари древней Персіи или позднѣйшей персидской династіи, вступившей на престолъ послѣ паденія Пареянскаго царства. Вообще владычество пареянъ въ Средней Азіи имѣло только разрушительное вліяніе. Съ постепеннымъ ослабленіемъ царства Селевкидовъ имъ удалось далеко распространить свое владычество, и съ конца первой половины втораго столѣтія до р. Х. они заняли всѣ страны между Эвфратомъ и Индомъ. На этомъ обширномъ пространствѣ пареяне уничтожили всѣ слѣды греческой цивилизаціи; только Селевкія на Тигрѣ была пощажена ими, вѣроятно потому, что они не могли обходиться безъ греческой промышлености. Городъ этотъ потерялъ свою свободу, но сохранилъ прежнія права и учрежденія и никогда не былъ занимаемъ пареянами. Но пареянское владычество создало по сосѣдству Селевкіи новый городъ, процвѣтаніе котораго привело ее въ такой упадокъ, что къ концу древняго міра она совершенно исчезаетъ. Ктесифонъ, лишившій Селевкію ея прежняго блеска, былъ незначительнымъ мѣстечкомъ, когда пареянскій царь Митридатъ I (около 150 г. до р. Х.) избралъ его главнымъ мѣстопребываніемъ; съ того времени онъ сдѣлался постоянною зимнею резиденціею пареянскихъ царей, проводившихъ лѣто въ мидійскомъ городѣ Экбатанѣ или какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ своей первобытной родины. Благодаря этому обстоятельству Ктесифонъ сдѣлался такимъ же многолюднымъ и цвѣтущимъ городомъ, какими были нѣкогда въ той же странѣ Вавилонъ и Селевкія.

Значеніе Бактрійскаго царства во всемірной исторіи было совершенно другое. Намъ неизвѣстны событія его внутренней исторіи, хотя они были бы чрезвычайно любопытны для насъ по своему вліянію на образованность Индіи и Средней Азіи. Несомнѣнно только, что основаніе этого царства сохранило греческую цивилизацію въ Бактріи и въ странахъ къ юго-востоку отъ нея до самой Индіи, въ то самое время, когда она была уничтожена пареянами на всемъ пространствѣ отъ Бактріи до Эвфрата. Бактрійскіе цари съ самаго начала стали распространять свое владычество по направленію къ юговостоку, какъ пареянскіе — къ юго-западу. Уже при своемъ основателѣ, Теодотѣ I, Бактрійское царство было такъ обширно и населено, что, по свидѣтельству одного историка втораго столѣтія до р. Х., въ немъ находилось до тысячи городовъ. Впрочемъ многіе изъ греческихъ поселенцевъ на востокѣ оставались втайнѣ вѣрными династіи Селевкидовъ; этимъ воспользовался Эвтидемъ изъ Магнесіи, чтобы свергнуть съ престола сына и преемника Теодота, Теодота II (около 219 до р. Х.). Когда сирійскій царь, Антіохъ Великій, возъимѣлъ намѣреніе завоевать восточныя области прежняго царства Селевкидовъ, Эвтидемъ, подъ предлогомъ подчиненія ему и Бактріи, набралъ изъ грековъ войско, одержалъ верхъ надъ Теодотомъ, но, завладѣвъ страною, не захотѣлъ признавать надъ собою власти Антіоха. Послѣдній, побѣдивъ пареянъ и принудивъ ихъ слѣдовать за нимъ противъ Эвтидема, вторгнулся въ Бактрію и цѣлые три года воевалъ съ узурпаторомъ. Наконецъ они заключили миръ. Эвтидему удалось убѣдить сирійскаго царя, что Бактрія будетъ лучшимъ оплотомъ Средней Азіи противъ набѣговъ скиѳскихъ племенъ, и Антіохъ согласился признать его царемъ, заключилъ съ нимъ союзъ и обручилъ его сына съ одною изъ сирійскихъ принцессъ. Поддерживаемый Эвтидемомъ, Антіохъ двинулся въ Индію и покорилъ значительную часть этой страны. Впослѣдствіи, пользуясь тѣмъ, что Антіохъ въ войнѣ съ римлянами потерялъ всю Малую Азію и половину своего войска, Эвтидемъ завладѣлъ и западною Индіею. По смерти его (195 до р. Х.) Бактрійское царство распалось на двѣ части. Сынъ Эвтидема Димитрій удержалъ за собою только индійскія владѣнія своего отца; Бактріею же овладѣлъ Менандръ. Преемникъ послѣдняго, Эвкратидъ I, съ помощью пареянъ, изгналъ Димитрія изъ послѣдняго его убѣжища. Это вторичное соединеніе Бактрійскаго царства имѣло своимъ прямымъ послѣдствіемъ гибель всей Бактріи. Сынъ царя, Эвкратидъ II, считая совершенно основа-

тельно союзъ съ пароянами важной политической ошибкой, свергнулъ отца съ престола и перешелъ на сторону сирійцевъ, которые, пользуясь недовольствомъ жителей странъ, покоренныхъ Митридатомъ I, начали войну съ пароянами. Митридатъ разбилъ сирійскую армію, и Эвкратидъ, поддерживавшій сирійцевъ своими войсками, долженъ былъ испытать на себѣ всѣ послѣдствія этой неудачи. Пароянскій царь отнялъ у него всѣ провинціи царства, кромѣ Бухаріи и владѣній Индіи. Обезсиленное потерею этихъ областей, Бактрійское царство не могло противиться воинственнымъ ордамъ сосѣднихъ скиоовъ, которые вскорѣ (134 до р. Хр.) покорили его; такимъ образомъ имя Бактріи исчезло навсегда изъ исторіи. По недостаточности нашихъ свѣдѣній объ исторіи Бактріи, невозможно опредѣлить въ подробностяхъ вліяніе этого греческаго царства на образованность дальняго востока, но вліяніе это несомнѣнно. Пока существовало Бактрійское царство, не только въ Бактріи, но и въ соединенныхъ съ нею странахъ востока процвѣтали греческія учрежденія и промышленость. Посѣянныя Александромъ Великимъ и Селевкомъ I (стр. 444) сѣмена цивилизаціи, не только сохранились, но и развились, благодаря слишкомъ столѣтнему существованію Бактрійскаго царства; и только вліяніемъ этого греческаго государства, основаннаго на границахъ Индіи, можетъ быть объяснено сходство новѣйшей индійской и персидской литературы съ греческою.

5. Царство Птолемеевъ въ Египтѣ.

По смерти Александра Великаго, Египетъ сдѣлался самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ государствъ тогдашняго историческаго міра и оставилъ намъ по себѣ памятники искусства того времени, которые по величинѣ и великолѣпію соперничаютъ съ національными памятниками древней эпохи. Среди всѣхъ политическихъ бурь и переворотовъ, волновавшихъ Востокъ и Грецію, одинъ Египетъ оставался спокоенъ и, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, постоянно увеличивалъ свое благосостояніе. Мудрый Птолемей и два ближайшихъ его преемника, одни изъ всѣхъ наслѣдниковъ Александра, избрали единственный вѣрный путь слiянія туземнаго элемента съ греческимъ. Искусно пользуясь обстоятельствами, они сдѣлали Египетъ средоточіемъ всемірной торговли, центромъ искусствъ, наукъ и промышлености и способствовали полному развитію соотвѣтствовавшей духу времени образованности, называемой, по ихъ резиденціи, александрійскою. Всѣ владѣтели новаго Египетскаго царства носили имя его основателя Птолемея, а потому и династія ихъ называется обыкновенно династіею Птолемеевъ, или Лагидовъ (по имени отца основателя).

Птолемей I отличается отъ своихъ преемниковъ прозвищами Сотера или Лаги. Первое дали ему родосцы (стр. 453), послѣднее онъ получилъ какъ сынъ македонскаго вельможи Лага, хотя почти всѣ считали его побочнымъ сыномъ царя Филиппа II. Птолемей I соединялъ въ себѣ таланты государственнаго человѣка съ дарованіями великаго полководца. Онъ не былъ простымъ полководцемъ Александра Великаго, какъ Пердикка, но стоялъ на ряду съ Антипатромъ, какъ братъ, другъ и первый царедворецъ Александра, и даже прославился между современниками какъ авторъ не дошедшей до насъ исторіи подвиговъ Александра. Превосходя хитростью всѣхъ прочихъ полководцевъ Александра, онъ не только умѣлъ обманывать ихъ, но и заставлялъ ихъ служить своимъ цѣлямъ. Онъ одинъ никогда не терялъ благоразумія и всегда дѣйствовалъ по рѣдко соблюдаемому міровыми дѣятелями принципу, что въ большинствѣ случаевъ часть лучше цѣлаго. Птолемей ограничивалъ всѣ свои стремленія господствомъ надъ однимъ Египтомъ и создалъ себѣ прочное и могущественное государство. Сорокалѣтняя борьба полководцевъ Александра служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ благоразумно поступилъ Птолемей, отказавшись отъ соблазнительной мысли быть верховнымъ правителемъ всей монархіи, какъ искусно избѣгалъ онъ всякой рѣшительной борьбы, какъ хитро умѣлъ употреблять другихъ противъ слишкомъ могущественнаго врага, и какъ ловко отклонялъ всѣ направленные противъ него удары. Конечно, въ нравственномъ отношеніи онъ былъ

ничѣмъ не лучше какого-нибудь Димитрія Поліоркета. Убійство, предательство и угнетеніе свободы, защитникомъ которой онъ выставлялъ себя, служили ему такими же средствами къ достиженію цѣли, какъ и правосудіе, кротость и любовь къ наукѣ и искусству. Доказательство всему этому можно видѣть въ его безсовѣстныхъ поступкахъ съ племянникомъ Антигона (стр. 449).

При первомъ же раздѣлѣ монархіи Александра Птолемей избралъ своимъ намѣстничествомъ Египетъ и удержалъ за собой эту страну, не смотря на нападенія Пердикки, Антигона и Димитрія Поліоркета. Вскорѣ по прибытіи въ Египетъ онъ расположилъ въ свою пользу жителей, приказавъ убить ненавистнаго египтянамъ Клеомена, который, по опредѣленію полководцевъ Александра, долженъ былъ оставаться вторымъ намѣстникомъ страны, подъ начальствомъ Птолемея. Египтяне, во все время персидскаго владычества терпѣвшіе отъ притѣсненій сатраповъ и безпрестанныхъ возстаній, встрѣтили его какъ освободителя и съ самаго начала считали себя счастливыми подъ властію своего новаго правителя. Убійство Клеомена доставило Птолемею еще ту выгоду, что онъ завладѣлъ всѣми награбленными имъ богатствами. Найдя въ его сокровищницѣ только восемь тысячъ талантовъ (11 милліоновъ р. сер.), онъ въ то же время завладѣлъ и частнымъ имуществомъ Клеомена, которое по всей вѣроятности было еще гораздо значительнѣе.

Слѣдуя политикѣ, указываемой его опытностью и благоразуміемъ, Птолемей съ этихъ поръ во всѣхъ своихъ дѣлахъ являлся правителемъ, дѣйствовавшимъ въ духѣ свой націи, заботился о благѣ египтянъ, какъ о своемъ собственномъ, и такимъ образомъ положилъ основаніе новому процвѣтанію страны. Ни одинъ изъ преемниковъ Александра, даже самъ Селевкъ, не умѣлъ такъ сильно привязать къ себѣ туземцевъ. Онъ не старался, подобно Селевкидамъ, ввести въ Египетъ греческіе обычаи, но, совершенно въ духѣ Александра Великаго, стремился, посредствомъ взаимнаго сближенія, произвести сліяніе религій и нравовъ различныхъ народовъ царства. Слѣдуя примѣру Александра, назначившаго Вавилонъ своею резиденціею и центромъ, въ которомъ должно было совершиться сближеніе народовъ, Птолемей избралъ только что основанную Александрію средоточіемъ своей власти и столицею греко-египетской націи. Націю эту, главное ядро которой составляли египтяне, евреи, финикіяне и ливійцы, съ незначительною примѣсью грековъ всѣхъ племенъ и государствъ, ему предстояло еще образовать. Слѣдуя той же основной мысли, Птолемей, въ своей правительственной системѣ, далъ мѣсто и древнимъ учрежденіямъ и религіи египтянъ, содѣйствовалъ развитію торговли, создалъ флотъ и собралъ многочисленное войско, которое легко было навербовать, владѣя богатою казною. Флотъ и войско были необходимы ему, какъ для оживленія и защиты торговли, такъ и для охраненія его владѣній отъ властолюбивыхъ замысловъ прочихъ полководцевъ Александра и поддержанія политическихъ связей съ другими государствами.

Въ самомъ началѣ царствованія Птолемею представился случай подчинить себѣ территорію Кирены и весь берегъ Африки до карѳагенской границы. Между жителями этого цвѣтущаго греческаго города (стр. 118) вспыхнула междоусобная война, и одна изъ враждующихъ партій призвала на помощь владѣтеля сосѣдняго Египта. Онъ не заставилъ долго просить себя и послалъ туда съ войскомъ и флотомъ своего полководца Офелла. Завоеванная Кирена со всею окрестною страною была обращена въ египетскую провинцію, и хотя въ царствованіе Птолемея I она два раза отпадала отъ Египта, но всякій разъ была вновь покоряема. Сравненіе его судьбы съ участію Антигона, нисколько не уступавшаго ему въ военныхъ дарованіяхъ, доказываетъ лучше всего, какъ ловко умѣлъ Птолемей сохранять свои владѣнія. Когда Пердикка поднялъ оружіе противъ Антигона, послѣдній долженъ былъ бѣжать изъ Азіи въ Европу, Птолемей же не только выдержалъ его натискъ, но и погубилъ самого Пердикку. Противоположный исходъ этихъ двухъ предпріятій Пердикки служитъ въ то то же время доказательствомъ, какъ умѣлъ Птолемей въ теченіе двухъ лѣтъ утвердить свою власть въ Египтѣ.

Послѣдующія войны Антигона и другихъ намѣстниковъ часто представляли Птолемею случаи увеличивать свои владѣнія; слишкомъ благоразумный, чтобы рисковать всѣмъ для удержанія за собою вновь завоеванныхъ областей и горо-

довъ, онъ все-таки пользовался этими временными пріобрѣтеніями для своихъ цѣлей. Примѣромъ тому можетъ служить занятіе Сиріи и Палестины, вскорѣ по смерти Пердикки, Птолемей, выведя свои войска изъ этихъ странъ, перевелъ въ Египетъ множество іудеевъ, поселилъ ихъ вмѣстѣ съ послѣдовавшими за ними переселенцами этой націи въ Александріи и даровалъ имъ важныя привилегіи. Единственное значительное пораженіе, испытанное Птолемеемъ, было кипрское, гдѣ онъ лишился большей части своего флота и арміи (стр. 447); но и оно не имѣло важныхъ послѣдствій, не смотря на то, что побѣдители вслѣдъ за тѣмъ произвели нападеніе и на самый Египетъ.

Въ послѣдніе годы жизни Птолемею уже не приходилось вести важныхъ войнъ; онъ посвятилъ конецъ своего царствованія исключительно заботамъ объ устройствѣ внутренняго управленія страны и оставилъ своему преемнику могущественное и цвѣтущее царство, жители котораго были привязаны къ новой династіи. У Птолемея было четыре жены, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны Эвридика, дочь правителя Антигона, и ея родственница Береника. Изъ одиннадцати его дѣтей, дѣти Береники получили предпочтеніе предъ дѣтьми Эвридики, хотя и были моложе послѣднихъ. Сынъ Береники Птолемей II былъ назначенъ отцомъ наслѣдникомъ престола въ ущербъ правъ Птолемея Керавна, старшаго изъ его сыновей, рожденнаго отъ Эвридики. Птолемей Керавнъ оставилъ Египетъ и отправился къ царю Лисимаху, сынъ котораго Агаѳоклъ былъ женатъ на его родной сестрѣ (стр 452). Для обезпеченія за своимъ наслѣдникомъ обладанія престоломъ, престарѣлый царь еще при жизни возвелъ его въ царское достоинство и устроилъ по этому поводу праздникъ, превзошедшій своею пышностью и великолѣпіемъ даже роскошные пиры сирійскихъ царей, повелѣвавшихъ тогда всѣмъ востокомъ. Восьмидесятилѣтній Птолемей царствовалъ два года вмѣстѣ со своимъ сыномъ, и умеръ въ 283 г. до р. X.

Птолемей II, царствовавшій до 246 г. до р. X., получилъ прозваніе Филадельфа (братолюбиваго), вѣроятно въ насмѣшку за постоянную вражду со своими братьями. Старшій братъ его Птолемей Керавнъ, оскорбленный предпочтеніемъ, оказаннымъ отцомъ младшему брату, оставилъ Египетъ и долгое время скитался въ разныхъ странахъ, пока наконецъ не сдѣлался царемъ Македоніи, гдѣ вскорѣ послѣ того былъ убитъ (стр. 460 и 470). Второй братъ Птолемея Филадельфа, отъ другой матери, за попытку произвести возстаніе на островѣ Кипрѣ, поплатился жизнію. Третій братъ Аргей, обвиненный въ покушеніи на жизнь царя, былъ казненъ. Наконецъ сынъ Береники отъ ея перваго брака Магасъ, намѣстникъ Кирены, также поднялъ оружіе противъ своего своднаго брата и началъ съ нимъ войну, продолжавшуюся нѣсколько лѣтъ. Война эта представляла для египетскаго царя тѣмъ болѣе опасностей, что Магасъ былъ женатъ на дочери Селевкида, Антіоха I, и вовлекъ его въ союзъ противъ Птолемея. Антіохъ завоевалъ въ Сиріи незадолго передъ тѣмъ занятый египтянами Дамаскъ, оставшійся съ тѣхъ поръ подъ властью Селевкидовъ. Птолемей же поднялъ противъ него галловъ, утвердился въ значительнѣйшихъ малоазійскихъ приморскихъ городахъ и на ѳракійскомъ берегу и своими флотами господствовалъ на Черномъ морѣ и въ Архипелагѣ. Антіохъ II, наслѣдовавшій эту войну послѣ отца, окончилъ ее, вступивъ въ бракъ съ дочерью Птолемея II Береникою, печальная участь которой разсказана выше въ исторіи Сиріи (стр. 465). Магасъ также заключилъ миръ, обручивъ единственную свою дочь, Беренику, съ старшимъ сыномъ египетскаго царя. Магасъ не имѣлъ сыновей, и Кирена снова досталась бы Египту, если бы онъ не умеръ еще до свадьбы своей дочери (250 до р. X.). По его смерти его вдова, противившаяся этому браку, предложила руку своей дочери и обладаніе Киреною младшему брату Антигона Гоната, Димитрію Красивому. Пылкій и властолюбивый сынъ Поліоркета согласился на это предложеніе и немедленно отправился въ Кирену. По прибытіи его въ Кирену въ него влюбилась сама теща и сдѣлалась его любовницею, заставляя свою дочь довольствоваться однимъ титуломъ супруги. Послѣдняя, соединившись съ знатнѣйшими жителями Кирены, отмстила за оскорбленіе, убивъ мужа, котораго она застала въ спальнѣ своей матери. Послѣ того она вступила въ бракъ съ наслѣдникомъ египетскаго царства и снова соединила Кирену съ Египтомъ.

Война съ Киреною и Сиріею была единственнымъ значительнымъ внѣшнимъ

предпріятіемъ Птолемея Филадельфа, если не считать поддержки, оказанной имъ греческимъ государствамъ противъ Антигона Гоната и не имѣвшей никакихъ послѣдствій для Египта. Гораздо важнѣе тотъ фактъ, что онъ первый изъ Птолемеевъ вошелъ въ сношенія съ римлянами и заключилъ съ ними союзъ; впрочемъ значеніе этихъ сношеній обнаружилось только впослѣдствіи. Но зато неусыпными заботами о внутреннемъ устройствѣ своего царства, Плолемей Филадельфъ пріобрѣлъ славу одного изъ знаменитѣйшихъ правителей позднѣйшаго періода греческой древности. Онъ шелъ по слѣдамъ своего отца, почти все время своего царствованія проводилъ въ заботахъ объ усовершенствованіи внутреннихъ учрежденій страны, увеличилъ флотъ, построилъ множество новыхъ зданій, но въ особенности отличался покровительствомъ искусству и наукѣ и заботами о распространеніи и украшеніи своей столицы. Птолемей достроилъ начатый его отцомъ музей, — обширное зданіе, посвященное научнымъ цѣлямъ, — основалъ знаменитую александрійскую библіотеку и сдѣлалъ свою столицу средоточіемъ греческой науки и ученой дѣятельности всего тогдашняго міра. Онъ самъ занимался науками и много способствовалъ развитію преобладавшаго въ ту эпоху направленія: другими словами, онъ содѣйствовалъ тому, что въ Египтѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, занятіе наукою сдѣлалось господствующею модою и однимъ изъ главныхъ источниковъ наслажденія.

Царствованіе Птолемея Филадельфа и въ другомъ отношеніи чрезвычайно важно для изученія духа времени и нравовъ той эпохи. Въ его царствованіе женщины имѣли большое вліяніе на судьбы государства, какъ это доказываетъ разсказанный выше исходъ сирійской и киринейской войны. Съ этого времени онѣ начинаютъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе, и, наконецъ, какъ въ Сиріи, совершенно овладѣваютъ правленіемъ; явленіе это было въ тѣсной связи съ господствовавшею безнравственностью и точно также имѣло весьма вредное вліяніе на государство. Многоженство вошло въ обычай при египетскомъ дворѣ при Птолемеѣ I, и съ тѣхъ поръ цари окружаютъ себя распутными женщинами. Еще по смерти Александра Птолемей I взялъ съ собой въ Египетъ извѣстную Таису, бывшую виновницею сожженія Персепольскаго дворца (стр. 393), и прижилъ отъ нея троихъ дѣтей. Птолемей II имѣлъ уже настоящій гаремъ, и тратилъ огромныя деньги на своихъ многочисленныхъ любовницъ, въ числѣ которыхъ были и публичныя женщины: однако правила приличія нарушались въ Египтѣ не такъ нагло, какъ въ Сиріи. Замѣчательно также, что египетскіе цари часто женились на своихъ сестрахъ, хотя эти браки не могутъ быть объяснены политическими соображеніями. Первый, вступившій въ такой бракъ, былъ Птолемей II, женившійся на своей сестрѣ Арсиноѣ, вдовѣ Лисимаха, разведясь со своей первой женою, дочерью Лисимаха, отъ которой онъ имѣлъ сына и наслѣдника престола (стр. 461). Арсиноя, утратившая свою свѣжесть и красоту, внушила своему брату такую страсть, что онъ женился на ней и, получивъ съ того времени отвращеніе къ своей первой женѣ, выгналъ ее изъ Александріи; на послѣднее онъ, говорятъ, рѣшился вслѣдствіе покушенія ея на его жизнь.

Птолемей, не имѣвшій дѣтей отъ своей второй жены, умеръ въ 246 г. до р. X., и на престолъ вступилъ его старшій сынъ отъ первой жены, Птолемей III. Этотъ царь, правившій до 221 г. до р. X., вскорѣ по восшествіи на престолъ поспѣшилъ въ Сирію, чтобы отмстить за свою сестру Беренику, вторую жену Антіоха II, умерщвленную Лаодикою (стр.465). Онъ казнилъ убійцу, попавшуюся въ его руки и наводнилъ своими войсками почти все Сирійское царство; но вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ внутреннихъ безпокойствъ долженъ былъ возвратиться въ Египетъ и впослѣдствіи заключить съ Селевкомъ II миръ, по которому возвратилъ ему всѣ свои завоеванія. Птолемей III привезъ изъ похода несмѣтныя сокровища и въ особенности обрадовалъ египтянъ, отбивъ большую часть сокровищъ и художественныхъ произведеній, похищенныхъ прежде персами и увезенныхъ въ Азію. За это египтяне дали ему прозваніе Эвергета или благодѣтеля, подъ которымъ онъ обыкновенно и упоминается въ историческихъ сочиненіяхъ. Говорятъ, что число драгоцѣнныхъ сосудовъ и идоловъ, привезенныхъ имъ въ Египетъ, простиралось до двухъ тысячъ, а вся захваченная имъ въ этомъ походѣ въ Азію добыча звонкою монетою составляла до 60 милліоновъ р. сер. Повидимому, Птолемей III сдѣлалъ обширныя завоеванія во внутренней

Африкѣ и проникъ до Абиссиніи; но свѣдѣнія объ этомъ африканскомъ походѣ основываются на такихъ сомнительныхъ извѣстіяхъ, что ихъ никакъ нельзя считать вполнѣ достовѣрными. Участіе Птолемея Эвергета въ важныхъ событіяхъ, происходившихъ въ его время въ Греціи, будетъ изложено ниже.

Птолемей III, какъ кажется, былъ нравственнѣе своего отца, но зато находился совершенно во власти своей жены Береники, дочери Магаса киренейскаго. Благодаря лести александрійскихъ ученыхъ, имя этой женщины сохранило свою извѣстность и до нашихъ дней. Она повѣсила свои прекрасные волосы въ одномъ храмѣ; однажды волосы эти исчезли, и астрономъ Кононъ, желая утѣшить испуганныхъ царедворцевъ, объявилъ имъ, что нашелъ волосы Береники на небѣ, перенесенными туда богами. Египетскій придворный поэтъ Каллимахъ переложилъ въ стихи выдумку Конона, а одинъ изъ римскихъ стихотворцевъ перевелъ ихъ на латинскій языкъ; до сихъ поръ еще одно изъ созвѣздій носитъ имя волосъ Береники.

Птолемей III былъ послѣднимъ изъ египетскихъ царей, которые шли по пути, проложенному основателемъ ихъ династіи и способствовали возвышенію могущества своего царства. Съ его сына Птолемея IV начинается въ Египтѣ длинный рядъ неспособныхъ царей. Онъ принялъ названіе Филопатора (отцелюбиваго,) чтобы отстранить отъ себя подозрѣніе въ отравленіи своего отца, въ чемъ обвиняло его общественное мнѣніе. Царствованіе Птолемея IV принадлежитъ къ исторіи Рима, потому что война его съ Сиріей дала римлянамъ первый поводъ вмѣшаться въ дѣла Египта.

Птолемеи, въ особенности же первые трое, имѣютъ для искусства, науки, торговли и промышлености древности почти столь же важное значеніе, какъ и аѳиняне. Послѣдніе довели до совершенства всѣ свободныя искусства и принимали участіе во всѣхъ родахъ умственной дѣятельности, которые только могутъ развиваться безъ кабинетной учености, огромныхъ богатствъ и всякаго внѣшняго поощренія. За то развитіе всего полезнаго, изящнаго и блестящаго, которое только можетъ быть достигнуто одними стараніями правительства, внѣшнею поддержкою и поощреніемъ, было дѣломъ Птолемеевъ и ихъ эпохи. Состояніе искусствъ въ эпоху Птолемеевъ можетъ служить мѣриломъ того, чего достигла позднѣйшая эпоха древности, потому что римляне пошли далѣе только въ нѣкоторыхъ отрасляхъ искусствъ, оставаясь во всѣхъ прочихъ далеко позади египетскихъ грековъ. Для правильной оцѣнки заслугъ Птолемеевъ нужно замѣтить, что съ того времени какъ Александръ Великій показалъ первый примѣръ, а Димитрій Поліоркетъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу своими изобрѣтеніями, во всѣхъ греческихъ царствахъ считалось обязанностью царей строить роскошныя зданія, дѣлать изобрѣтенія, собирать или заказывать художественныя произведенія и книги.

Птолемей Сотеръ оказалъ наукѣ, искусству и промышлености менѣе услугъ, чѣмъ оба ближайшихъ его преемника. Онъ долженъ былъ заботиться преимущественно объ упроченіи своего новаго государства, окончаніи постройки своей столицы, вооруженіи флота, содержаніи арміи и о тѣсномъ соединеніи греческаго и египетскаго богослуженія, отъ чего зависѣло и сліяніе обѣихъ націй. Только отъ времени до времени могъ онъ обращать вниманіе на развитіе торговли и благосостояніе страны. Важнѣйшая его заслуга состоитъ въ томъ, что имъ положено было основаніе всему тому, что было осуществлено и докончено его сыномъ и внукомъ. Главною характеристическою чертою его времени было смѣшеніе греческаго и туземнаго элементовъ. Отлично понимая это, Птолемей Сотеръ старался установить тѣсную связь между своими подданными, принадлежавшими къ разнымъ національностямъ, и соединить ихъ науки, искусства, промышленость и религіи. Вслѣдствіе того греческая религія была обезображена отвратительными обрядами восточнаго богослуженія, и совершенно исчезли основанія и сущность греческаго быта, но зато было упрочено обладаніе царствомъ, возникли новыя условія и образъ жизни, и данъ былъ сильный толчекъ единственному возможному въ ту эпоху развитію. До какой степени простирали Птолемеи свое уваженіе къ національнымъ вѣрованіямъ египтянъ и къ какимъ уловкамъ прибѣгали они, чтобы обмануть народъ и слить въ одно цѣлое всѣ религіи и религіозные обряды государства, лучше всего доказываетъ слѣдующій анекдотъ, разсказываемый про Птоломея Сотера.

Въ одномъ изъ кварталовъ Александріи, Брухіонѣ, находились царскій дворецъ, жилища вельможъ и общественныя зданія. Прилегающая къ нему часть города, Ракотисъ, украшенная великолѣпными зданіями, была центромъ торговли Александріи и содержала въ себѣ большую часть храмовъ; въ такомъ торговомъ мѣстѣ необходимо долженъ былъ находиться и храмъ бога торговли. Богомъ торговли былъ избранъ Сераписъ, поклоненіе которому уже приняло у жителей малоазійскаго греческаго города Синопа формы, вполнѣ соотвѣтствовавшія цѣли Птолемея. Но для осуществленія его плана нуженъ былъ пророкъ, мнимое божественное откровеніе и лицо, имѣвшее священный характеръ, которое согласилось бы принять участіе въ плутовствѣ и дать чуду истолкованіе, согласное съ видами царя. Роль пророка взялъ на себя самъ Птолемей, вмѣсто откровенія выдумали сновидѣніе, а о чудѣ позаботился жрецъ Тимоѳей изъ древней аѳинской фамиліи Эвмолпидовъ, издавна бывшихъ наслѣдственными жрецами элевсинскихъ таинствъ (стр. 164). Птолемей началъ строить великолѣпный храмъ, названный впослѣдствіи Серапеономъ, объявивъ въ то же время, что онъ не знаетъ, какому божеству посвятить его. Вскорѣ послѣ того онъ сталъ утверждать, что видѣлъ во снѣ какого-то бога, приказавшаго ему перенести свое изображеніе изъ Азіи. Тогда дошла очередь до Эвмолпида. Тимоѳей объяснилъ, что этого бога должно искать въ Синопѣ, и былъ посланъ за нимъ на египетскомъ кораблѣ. Но жители Синопа не хотѣли разставаться съ своимъ богомъ, переговоры продолжались три года, пока наконецъ само божество, потерявъ терпѣніе, не явилось на кораблѣ и не поспѣшило въ Александрію, какъ бы спасаясь бѣгствомъ. Весь народъ ликовалъ и въ торжественной процессіи, вмѣстѣ съ царемъ, пошелъ навстрѣчу новому богу, который однако не повторилъ при этомъ случаѣ чуда, совершеннаго имъ въ Синопѣ.

На ряду съ сліяніемъ греческаго и восточнаго элементовъ, главною характеристическою чертою царствованія первыхъ трехъ Птолемеевъ, — какъ и вообще всей александрійской школы, возникшей при нихъ и пріобрѣвшей господство не только въ Египтѣ, но и во всемъ греческомъ мірѣ, — является стремленіе къ внѣшнимъ матеріальнымъ цѣлямъ и обращеніе всей умственной дѣятельности на служеніе полезному и пріятному. Первые Птолемеи владѣли всѣми необходимыми матеріальными средствами для развитія направленія, соотвѣтствовавшаго духу тогдашняго времени, и сдѣлали Александрію центромъ этого умственнаго движенія. Приводимое древними писателями число подвластныхъ Птолемею городовъ, очевидно, преувеличено; но достовѣрно, что почти всѣ берега, острова и приморскіе города восточной части Средиземнаго моря и Аравійскаго залива были подчинены Египту во время продолжительнаго и мирнаго царствованія втораго Птолемея, или, по крайней мѣрѣ, находились подъ его вліяніемъ, и что Птолемей Эвергетъ своими войнами и завоеваніями довершилъ дѣло, начатое его предшественниками. Первые Птолемеи владѣли государствомъ, которое заключало въ себѣ населеннѣйшія и плодороднѣйшія страны древняго міра, производило торговлю самыми драгоцѣнными и важными товарами и имѣло, въ сравненіи съ другими тогдашними государствами, самое лучшее управленіе. Такое государство должно было обладать несмѣтными богатствами и доставлять своимъ властителямъ огромныя матеріальныя средства. Хотя показанія одного позднѣшаго греческаго историка, утверждающаго, что Птолемей II имѣлъ въ своей сокровищницѣ слишкомъ 1000 милліоновъ р. сер., и преувеличено, но другія достовѣрныя данныя не оставляютъ въ насъ никакого сомнѣнія, что первые Птолемеи обладали дѣйствительно громадными сокровищами. Изъ однихъ своихъ азіатскихъ походовъ Птолемей III вывезъ изъ Египетъ массу благородныхъ металловъ и звонкой монеты. До насъ дошли описанія различныхъ александрійскихъ церемоній, свидѣтельствующія объ изобиліи драгоцѣнныхъ сосудовъ и статуй и доказывающія, что въ Египтѣ находился въ то время такой запасъ благороднаго метталла, какого нѣтъ ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ. Сосредоточеніе такого богатства объясняется тѣмъ, что въ тѣ времена страны Востока обладали почти исключительно всею массою благородныхъ металловъ, стекавшихся туда даже изъ Европы. Богатство, распредѣленное теперь между милліонами, было тогда сосредоточено въ рукахъ немногихъ тысячъ, которымъ повиновались милліоны рабовъ. Послѣдніе занимались всѣми ремеслами, которымъ среднее сословіе западной Европы

обязано своимъ благосостоянiемъ, и такимъ образомъ доставляли незначительному числу счастливцевъ громадныя сокровища, приводящiя насъ въ изумленiе. Главными источниками несмѣтнаго богатства Птолемеевъ были плодородiе, превосходная обработка почвы ихъ страны и цвѣтущая торговля. Какое значенiе придаетъ торговля государству—лучше всего доказываетъ примѣръ Нидерландовъ семнадцатаго столѣтiя и современной Англiи; на востокѣ же, гдѣ торговля всегда страдаетъ отъ корыстолюбiя и жадности правительствъ, она, вслѣдствiе естественныхъ богатствъ странъ, начинаетъ процвѣтать и тогда, когда система произвольныхъ поборовъ замѣняется опредѣленными умѣренными пошлинами, какъ это было въ царствѣ Птолемеевъ. Одинъ взглядъ на карту убѣждаетъ въ томъ, что тогдашняя всемiрная торговля должна была идти черезъ Египетъ. Внутренняя Азiя и Африка доставляли въ Египетъ свои произведенiя сухимъ путемъ, а сообщенiя съ Аравiею и Индiею производились чрезъ Красное море. Въ Азiи Птолемеи не только заняли часть Сирiи, но распространили свое владычество и до Пальмиры, а при Птолемеѣ Эвергетѣ еще далѣе. Они окончили начатый Нехао каналъ, соединившiй Нилъ съ Краснымъ моремъ, основали въ южной части этого залива двѣ гавани и соединили ихъ удобными путями сообщенiя съ Ниломъ. Кромѣ того они не только возстановили прежнiя торговыя сношенiя съ внутренней Африкой, но и распространили и оживили ихъ своими походами и религiозными торжествами. Наконецъ, они получали золото изъ нѣкоторыхъ подвластныхъ имъ странъ.

Согласно направленiю и господствующему характеру жизни той эпохи, большая часть сокровищъ, сосредоточивавшихся въ рукахъ Птолемеевъ, тратилась на затѣи восточной роскоши, соединенной съ греческимъ искусствомъ. Царскiя сокровища много содѣйствовали развитiю искусствъ и промышлености александрiйской эпохи, подобно тому какъ при фараонахъ все богатство Египта употреблялось на сооруженiе громадныхъ памятниковъ древнѣйшей эпохи. Описанiе праздника, устроеннаго Птолемеемъ Сотеромъ по случаю принятiя его сыномъ участiя въ правленiи, даетъ самое полное понятiе о блескѣ владычества Птолемеевъ и о господствовавшей въ Александрiи роскоши, соединенной съ покровительствомъ промышлености и облагороженной искусствомъ и наукою. Подобные праздники служили Птолемеямъ средствомъ показать всему мiру свой блескъ и богатство, и въ то же время, подобно юбилеямъ нынѣшняго Рима, были очень выгодны для царской казны и александрiйской торговли, привлекая толпы иностранцевъ. Для упомянутаго праздника, — какъ бывало въ древности всегда, когда нужно было показать богатство государства, — не только храмы, но и частныя лица отдавали напрокатъ всѣ свои золотыя и серебряныя вещи. Птолемей Филадельфъ, его отецъ и мать получили въ подарокъ отъ разныхъ городовъ такое множество золотыхъ вѣнцовъ, что цѣнность заключавшагося въ немъ золота простиралась до 4½ миллiоновъ р. сер. Царское семейство устроило для своихъ подданныхъ общественныя игры, которыя, подобно олимпiйскимъ, продолжались пять дней и на которыхъ побѣдителямъ были розданы драгоцѣнные подарки. Все это доказываетъ, что промышленная дѣятельность и достоянiе народа служили тогда для удовлетворенiя забавамъ царей, какъ прежде прихотямъ жрецовъ. Множество и разнообразiе изваянiй и изящной утвари, выставленныхъ напоказъ по случаю этого праздника, свидѣтельствуютъ, что въ Египтѣ при Птолемеяхъ процвѣтали искусства и ремесла, благодаря полной свободѣ труда, замѣнившей стѣснительное для промышлености установленiе кастъ. Въ особенности же замѣчательны автоматы, какъ признакъ новаго развитiя механическихъ искусствъ. Въ одной изъ торжественныхъ процессiй явилась колесница съ сидящею на ней женскою статуею въ двѣнадцать парижскихъ футъ вышины; статуя эта отъ времени до времени вставала, выливала изъ золотой чаши молоко и потомъ снова садилась. На другой колесницѣ былъ устроенъ обвитый плющемъ гротъ, со скрытымъ внутри механизмомъ; изъ него вылетали живые голуби, и били фонтаны молока и вина. Въ этой процессiи были и одѣтыя въ драгоцѣнныя ткани и украшенныя золотыми вѣнками статуи нимфъ, которыя приводились въ движенiе также посредствомъ особаго механизма. Кромѣ автоматовъ и разнообразныхъ драгоцѣнныхъ утварей и статуй, замѣчательны еще различныя животныя, которыя показывались народу; они служатъ новымъ доказательствомъ того, какъ велика была тогда страсть къ рѣдкостямъ и потребность разнообразiя въ удовольствiяхъ, и какое сильное влiя-

ніе должно было имѣть это на естественныя науки. Въ процессіи вели цѣлую коллекцію рѣдкихъ чужеземныхъ животныхъ, собранныхъ Птолемеемъ Сотеромъ: двѣ тысячи собакъ различныхъ породъ отъ индійской до молосской, всевозможныхъ овецъ и быковъ, четырнадцать леопардовъ, двадцать барсовъ, четыре рыси, жирафа, носорога и бѣлаго медвѣдя; за ними полтораста человѣкъ несли деревья, къ которымъ были привязаны рѣдкія птицы и клѣтки съ попугаями, павлинами, цесарками, фазанами и разными эѳіопскими птицами.

Время Птолемеевъ было чисто промышленною эпохою. Соединеніе греческаго элемента съ египетскимъ должно было сильно содѣйствовать развитію промышлености у народа, не одареннаго впечатлительнымъ и прогрессивнымъ духомъ европейца, но сохранившаго свои племенныя качества: послушаніе, трудолюбіе и терпѣніе. Глубоко укоренившійся въ понятіяхъ народа кастовый бытъ сохранялъ еще всю прежнюю свою силу, и каждый египтянинъ строго держался ремесла своихъ отцовъ, хотя къ этому и не принуждала его буква закона. Впрочемъ греческій духъ, проникнувъ въ мертвый механизмъ древне-египетскаго быта, придалъ ему новую жизнь. Но при этомъ египтяне, съ безпримѣрнымъ въ исторіи упорствомъ, держались своихъ древнихъ занятій и обычаевъ, украшали свои зданія гіероглифами, бальзамировали мертвыхъ и т. п. Даже сами Птолемеи строили храмы въ древнемъ стилѣ, украшая ихъ въ египетскомъ вкусѣ. Но въ то время какъ греческій бытъ все болѣе и болѣе проникался древне-египетскими элементами, математическія и механическія науки грековъ, благодаря Птолемеямъ, впервые развились въ полномъ блескѣ и получили полное примѣненіе въ жизни. Это лучше всего видно на архитектурныхъ памятникахъ, воздвигнутыхъ Птолемеями въ Александріи, и на состояніи мореходства въ ихъ эпоху.

Заботливость Птолемеевъ объ украшеніи ихъ столицы, Александріи, доказывается лучше всего гаванями, улицами, каналами, водопроводами и зданіями этого города. Въ одномъ изъ его кварталовъ, Брухіонѣ, кромѣ храмовъ, находились еще слѣдующія громадныя общественныя зданія: царскій дворецъ, музей, великолѣпная сема, гдѣ покоился прахъ Александра Великаго, театръ, гимназія, школа верховой ѣзды, форумъ, на которомъ во времена владычества римлянъ происходили засѣданія суда, и амфитеатръ. Къ числу величественнѣйшихъ сооруженій Александріи принадлежалъ такъ называемый гептастадій,—каменный молъ, длиною около версты, соединявшій съ твердою землею лежавшій передъ гаванью островъ Фаросъ, а теперь обратившійся въ широкій перешеекъ. Подробнаго описанія заслуживаютъ маякъ и музей. Первый изъ нихъ былъ важнѣйшимъ сооруженіемъ, воздвигнутымъ для удобствъ торговли, а второй служилъ потребностямъ той отрасли наукъ, которая пользовалась особеннымъ покровительствомъ Птолемея. Маякъ былъ построенъ Птолемеемъ Сотеромъ на островѣ Ф а р о с ѣ и потому не только самъ получилъ имя фароса, но какъ первый, извѣстный въ исторіи, маякъ передалъ свое имя и другимъ подобнымъ сооруженіямъ. Построенный архитекторомъ С о с т р а т о м ъ изъ Книда, онъ прославился въ древности своей величиной и красотой и былъ причисленъ впослѣдствіи къ семи чудесамъ свѣта. Онъ стоялъ на скалѣ, обшитой толстой каменной одеждой, и имѣлъ до трехъ сотъ локтей вышины; зажигаемый въ верхнемъ этажѣ огонь былъ, какъ говорятъ, видѣнъ на разстояніи 7½ нѣмецкихъ миль (52½ верстъ), что положительно невозможно по законамъ оптики. По всей вѣроятности, преувеличена также и высота этого зданія, которое такимъ образомъ было бы выше самой большой изъ пирамидъ. Также преувеличены и издержки на постройку маяка, простиравшіяся, какъ говорятъ, до 2 мил. рублей серебромъ. Еще замѣчательнѣе, что постройка этого сооруженія продолжалась всего двѣнадцать лѣтъ.

Построенный Птолемеемъ Филадельфомъ м у з е й имѣлъ чисто ученое назначеніе и примыкалъ къ огромному зданію царскаго дворца. Въ музеѣ помѣщалась библіотека, основанная Птолемеемъ Сотеромъ и значительно увеличенная его сыномъ. Кромѣ помѣщенія для библіотеки, въ немъ находились всевозможныя пособія для занятія науками, такъ что музей можно назвать и университетомъ и академіею наукъ. Одна часть строенія была занята помѣщеніями и столовыми для ученыхъ, другая залами для ученыхъ занятій и лекцій, наконецъ третья была отведена для переписчиковъ книгъ и ремесленниковъ, которыхъ можно сравнить съ нынѣшними переплетчиками; въ древнихъ библіотекахъ держали особыхъ

мастеровыхъ для склеиванія бумажныхъ листовъ и составленія изъ нихъ свитковъ, форму которыхъ имѣли тогдашнія книги. Кромѣ множества этихъ помѣщеній, при музеѣ находились еще портики и сады, такъ какъ у грековъ лекціи ученыхъ, въ которыхъ принимали участіе слушатели всѣхъ возрастовъ, состояли болѣе изъ разговоровъ, чѣмъ изъ настоящихъ лекцій, и учителя большею частью читали свои лекціи, прогуливаясь взадъ и впередъ со своими учениками. Судя по всему сказанному, музей долженъ былъ занимать огромное пространство и содержать въ себѣ множество народа, постоянно жившаго въ немъ или работавшаго тамъ въ продолженіе дня.

При Птолемеяхъ Египетъ, Родосъ, Финикія и сѣверные берега Малой Азіи имѣли лучшія верфи на всемъ восточномъ прибрежьѣ Средиземнаго моря. Какъ распространена была тогда морская торговля Египта, можно заключить изъ того, что Птолемею II — занимавшемуся подобно первымъ флорентинскимъ герцогамъ, изъ фамиліи Медичи, торговлею — принадлежало болѣе четырехъ тысячъ купеческихъ кораблей. Въ его правленіе въ первый разъ появились громадные корабли, негодные ни для какого употребленія, но построенные изъ одного глупаго тщеславія возбудить удивленіе всего свѣта и выказать блескъ и богатство двора Птолемеевъ. Птолемей II началъ уже строить корабли съ тридцатью рядами скамей для гребцовъ, тогда какъ дѣйствительно употреблявшіеся въ то время корабли рѣдко имѣли болѣе пяти или семи рядовъ гребцовъ. Царь сиракузскій Гіеронъ II, находившійся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ вторымъ Птолемеемъ, чтобы показать свое уваженіе царю Египта, отправилъ къ нему громадный и роскошно убранный корабль. Корабль этотъ, счастливо совершившій плаваніе изъ Сиракузъ въ Египетъ, долженъ былъ строиться по частямъ, такъ какъ тогда не было еще извѣстно устройство нашихъ доковъ. Сначала была выстроена и спущена въ море одна часть, а уже потомъ пристроена къ ней и остальная. Затруднительность сдвинуть съ мѣста такую громаду послужила, говорятъ, поводомъ къ изобрѣтенію величайшимъ математикомъ древности, Архимедомъ, такъ называемаго безконечнаго винта и теперь еще очень часто употребляемаго въ разныхъ случаяхъ. Корабль имѣлъ двадцать рядовъ скамей для гребцовъ, сорокъ семь главныхъ каютъ, нѣсколько конюшенъ, кладовыхъ, кухонь, мельницъ и тому подобныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, рыбный садокъ, водоемъ для прѣсной воды, восемь башенъ съ метательными машинами, абордажные крючья на мачтахъ и другія военныя принадлежности. Одна изъ метательныхъ машинъ, устроенная, какъ говорятъ, Архимедомъ, могла бросать на разстояніе 125 шаговъ бревна въ двадцать футовъ длиною и камни вѣсомъ въ 125 фунтовъ. Наконецъ корабль отличался еще своею изумительною роскошью: нѣкоторыя комнаты были выложены и вымощены самыми драгоцѣнными камнями и породами дерева, а палуба и каюты украшены картинами и статуями; кромѣ того на кораблѣ находились не только библіотека, ванна и т. п., но еще устроено на палубѣ мѣсто для прогулки, бесѣдки изъ плюща и винограда и множество растеній. Желая превзойти сиракузянъ и въ этомъ отношеніи, Птолемей IV приказалъ построить величайшій изъ когда-либо существовавшихъ въ свѣтѣ кораблей, съ сорока рядами скамей для гребцовъ. Впрочемъ это было собственно огромное зданіе, имѣвшее только видъ корабля; въ немъ могли помѣститься кромѣ экипажа, состоявшаго изъ трехсотъ матросовъ и четырехъ тысячъ гребцовъ, еще три тысячи вооруженныхъ воиновъ.

Эти громадные корабли также служатъ доказательствомъ, что въ эпоху Птолемеевъ промышленость и ея вспомогательныя науки пользовались невиданнымъ до тѣхъ поръ покровительствомъ, и что даже болѣе серьезныя отрасли искусствъ служили для удовлетворенія страсти къ блеску и тщеславію царей. Въ то время царскіе дворы были настоящимъ средоточіемъ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Вліяніе придворныхъ кружковъ и женщинъ сдѣлало эпоху эту временемъ первыхъ успѣховъ роскоши въ древнемъ мірѣ. Въ Египтѣ были изобрѣтены и приготовлялись большая часть предметовъ роскоши, и только Пергамъ и женщины пергамскаго двора могли впослѣдствіи соперничать въ этомъ отношеніи съ Александріею и египетскими принцессами. Въ особенности знамениты александрійскія мази или косметическія средства, изобрѣтенныя и введенныя въ моду женою Птолемея Сотера, Береникою, и ея дочерью Арсиноею, женою Птолемея Фила-

дельфа. Мази эти цѣнились такъ же дорого, какъ и розовое масло изъ Кирены, пріобрѣвшее извѣстность чрезъ одну принцессу, дочь Магаса, или какъ подобные же предметы роскоши, введенные въ моду женою пергамскаго царя Эвмана II въ слѣдующемъ вѣкѣ.

Духъ этой эпохи и восточный характеръ, начинавшій пріобрѣтать въ греческомъ бытѣ преобладающее вліяніе, отражаются и въ музыкѣ, вошедшей тогда въ моду въ Александріи. Птолемеи старались соединить греческую музыку съ восточною, но при этомъ получилъ перевѣсъ оглушительный характеръ послѣдней, чему много способствовали лесть, а еще болѣе простой случай. Бурные пеаны или торжественныя пѣсни, сочиненныя въ Аѳинахъ и Родосѣ въ честь Димитрія Поліоркета и Птолемея Сотера и переложенныя на музыку, вошли у грековъ въ такую же моду, какъ у насъ шумныя оперы. Когда сама пѣснь приняла такой характеръ, то не только аккомпаниментъ ея на инструментахъ сдѣлался гораздо сложнѣе, но и произошло въ первый разъ у грековъ раздѣленіе инструментальной музыки отъ вокальной. Кромѣ вновь изобрѣтенныхъ инструментовъ (напримѣръ, водяные органы въ царствованіе Птолемея III), съ востока были привезены многіе другіе, до того времени совершенно неизвѣстные грекамъ и содѣйствовавшіе впослѣдствіи развитію направленія, принятаго греческою музыкою въ Сиріи и Египтѣ. Послѣдняя, подобно всему тогдашнему быту, представляетъ странную смѣсь сирійскаго, египетскаго и греческаго элементовъ.

Переходя къ самой замѣчательной сторонѣ александрійской жизни, именно къ ученой дѣятельности, мы и здѣсь находимъ въ греческомъ элементѣ примѣсь восточнаго и господство наружнаго блеска, тщеславія, страсти къ развлеченію и стремленій ко всему внѣшнему, полезному и изящному. Занятія науками сдѣлались тогда простою прихотью и забавою, дѣломъ моды и тщеславія, а сама наука, по мѣрѣ того какъ она теряла изъ виду высшія цѣли, обращалась въ безполезную начитанность или въ средство къ достиженію постороннихъ, матеріальныхъ цѣлей. Это лучше всего видно изъ самаго устройства музея. Сообразно всему строю александрійской жизни, музей былъ такъ же необходимъ для столицы Египта, какъ и роскошный царскій дворецъ, театръ, школы гимнастики и верховой ѣзды, или какъ фаросъ и другія постройки для мореплаванія; подобно всѣмъ этимъ заведеніямъ, онъ служилъ для удовлетворенія главной потребности эпохи и возвышалъ блескъ царской резиденціи. Еще Птолемей Сотеръ заботился о томъ, чтобы сдѣлать Александрію средоточіемъ науки и учености, и столь важный для исторіи Аѳинъ Димитрій Фалерейскій, (стр. 442), помогая ему въ этомъ, вторично пріобрѣлъ огромное значеніе. По изгнаніи изъ Аѳинъ, этотъ ученый искалъ себѣ убѣжища у Кассандра, а по смерти его, переселившись въ Египетъ, нашелъ радушный пріемъ у Птолемея Сотера, пріобрѣлъ сильное вліяніе, принималъ дѣятельное участіе въ заботахъ царя о наукѣ и искусствѣ и долженъ по справедливости считаться первымъ основателемъ ученой дѣятельности Александріи. Птолемей Сотеръ приказывалъ также собирать книги и завѣдываніе покупкою ихъ поручилъ Димитрію, который однако не принималъ участія въ учрежденіи музея и его библіотеки. Музей и библіотека были дѣломъ Птолемея II, тотчасъ же по смерти отца, изгнавшаго Димитрія, который еще прежде отстаивалъ права старшаго сына Сотера на отцовскій престолъ. Филадельфъ передалъ въ музей начатую его отцомъ коллекцію книгъ и значительно увеличилъ ее. Онъ велѣлъ отыскивать книги во всѣхъ мѣстахъ Греціи, и въ музеѣ постоянно находилось множество переписчиковъ, занятыхъ списываніемъ для библіотеки важнѣйшихъ сочиненій всѣхъ эпохъ. Этимъ было положено начало знаменитой **александрійской библіотеки**. Она была постоянно увеличиваема при слѣдующихъ Птолемеяхъ, но сгорѣла во времена Юлія Цезаря, за исключеніемъ нѣкоторой ея части, которая не могла помѣститься въ музеѣ и хранилась въ другихъ зданіяхъ. Птолемеи приказывали собирать не однѣ греческія книги, но и сочиненія другихъ народовъ, потому что по ихъ мысли библіотека должна была заключать въ себѣ произведенія литературъ всѣхъ народовъ. Въ царствованіе Филадельфа были переведены для этой библіотеки и священныя книги евреевъ, но при этомъ имѣлась въ виду еще другая цѣль: сдѣлать священныя книги доступными іудеямъ, разсѣяннымъ въ Египтѣ между греками и большею частью забывшимъ еврейскій языкъ.

Устройство музея описано выше, и остается только сказать нѣсколько словъ объ ученой дѣятельности этого учрежденія. Сколько ученыхъ жило въ немъ, намъ такъ же мало извѣстно, какъ и подробности объ управленіи и устройствѣ музея. Мы знаемъ только, что музей имѣлъ опредѣленные доходы съ опредѣленныхъ ему земель и находился въ завѣдываніи особаго президента. Характеръ тогдашней научной дѣятельности превосходно обрисовывается тѣмъ обстоятельствомъ, что принятые въ музей ученые прибавляли къ своимъ именамъ «изъ музея,» въ такомъ же смыслѣ, какой теперь имѣютъ членъ «академіи наукъ,» «института» и пр. Музей продолжалъ существовать и послѣ владычества Птолемеевъ; нѣкоторые изъ римскихъ императоровъ, напримѣръ, Клавдій и Адріанъ, заботились о его распространеніи и дѣлали на него пожертвованія. Но еще при послѣднихъ Птолемеяхъ музей получилъ совершенно египетскій характеръ. Въ то же самое время греко-египетская религія постепенно перерождалась въ древне-египетскую, и сами Птолемеи все болѣе и болѣе входили въ роль древне-египетскихъ царей. Прежде директорами музея были первые ученые своего времени, а не задолго до р. Х., когда всѣ науки въ Египтѣ снова перешли къ жрецамъ, во главѣ этого учрежденія стояли жрецы. Переходъ этотъ совершенно понятенъ: роскошь двора, чисто египетское богослуженіе и древнее жреческое устройство какъ нельзя лучше соотвѣтствовали одно другому. Жрецы пользовались покровительствомъ двора, и всячески возвышаемые имъ въ глазахъ народа, выказывали съ своей стороны царямъ такое же благоговѣніе, какъ и своимъ божествамъ. Музей пріобрѣталъ болѣе и болѣе сходства съ египетскими храмами, въ которыхъ жрецы также составляли родъ ученой общины; очень можетъ быть, что дѣйствительно эти храмы и были взяты за образецъ при самомъ основаніи музея. Впрочемъ учрежденіе это, уже съ самаго начала своего существованія сдѣлавшись литературною теплицею, никогда не могло имѣть благодѣтельнаго вліянія на образованіе и культуру; одинъ остроумный и насмѣшливый писатель эпохи Птолемея Филадельфа совершенно справедливо сравниваетъ принятыхъ въ музей ученыхъ съ обитателями какого-нибудь птичника или царскаго звѣринца.

6. Исторія Македоніи и Греціи отъ Антигона Гоната до временъ Арата.

Греческій бытъ, перенесенный съ основаніемъ греческихъ государствъ въ Азіи и Африки въ другія части свѣта, не исчезалъ и въ собственной Греціи; подчинившись общему характеру эпохи, онъ развился тамъ совершенно иначе, чѣмъ въ Сиріи, Египтѣ и Пергамѣ. Совершенно освободившись отъ вліянія азіатскаго элемента, которому они подпали по смерти Александра, европейскіе греки стали другъ къ другу и къ окружающимъ ихъ царствамъ въ такія отношенія, которыя должны были возбудить между ними соревнованіе, поддерживать постоянную борьбу и представить въ нихъ примѣръ рѣзкаго различія между свободою и деспотизмомъ.

Послѣ паденія Димитрія Поліоркета преобладаніе въ европейской Греціи мало-по-малу перешло къ хищническимъ этолійцамъ и жителямъ Ахаіи. Въ то время какъ почти всѣ города Греціи находились подъ властью Антигона Гоната, сына и наслѣдника Димитрія Поліоркета или отдѣльныхъ тирановъ, этолійцы постоянно сохраняли свою независимость и оставались единственнымъ греческимъ государствомъ, ввѣрявшимъ тогда защиту своей самостоятельности не наемнымъ войскамъ, а оружію своихъ гражданъ. Большая часть ахейскихъ городовъ освободилась отъ чужеземнаго ига во время борьбы Антигона за обладаніе македонскимъ трономъ или нѣсколько позже. Вскорѣ послѣ войны съ галлами, Антигонъ сдѣлался царемъ Македоніи (276 г. до р. Х.); но едва онъ вступилъ на престолъ и, заключивъ союзъ съ Никомедомъ I виѳинскимъ, заставилъ сына Селевка, Никатора, отказаться отъ своихъ притязаній на Македонію (стр. 472), какъ ему пришлось бороться съ новымъ врагомъ. Соперникомъ его былъ царь эпирскій Пирръ, доставившій своему, незначительному до тѣхъ поръ, народу такое могущество, которое дало ему возможность оспаривать нѣкоторое время у Македоніи

обладаніе Греціею. Поэтому здѣсь и слѣдуетъ бросить взглядъ на эпиротовъ и предшествовавшія событія ихъ исторіи.

По своему происхожденію эпироты были народомъ полугреческимъ (стр. 79). Они состояли изъ нѣсколькихъ племенъ, подобно тому, какъ и теперь эта гористая страна населена различными, враждебными другъ другу племенами, совершенно сходными однако между собою по образу жизни, точно такъ же какъ и древніе жители Эпира. Важнѣйшими изъ племенъ древняго Эпира были хаонійцы, теспроты и молоссы. Послѣдніе сдѣлались господствующимъ племенемъ, и съ достиженія ими преобладанія начинается собственно исторія Эпира. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ грековъ перечисляется длинный рядъ молосскихъ или, какъ ихъ чаще называютъ, эпирскихъ царей, восходящій до миѳологическихъ временъ; но нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что эта генеалогія возникла только во времена царя Пирра. По всей вѣроятности, нѣкоторые льстецы-писатели, пользуясь случайнымъ сходствомъ именъ Пирра и его ближайшихъ предшественниковъ съ именами миѳическихъ личностей, связали ихъ съ однимъ древнимъ преданіемъ, чтобы вывести родъ царей эпирскихъ отъ греческихъ героевъ и боговъ. Такимъ образомъ родоначальникомъ ихъ былъ признанъ Пирръ или Неоптолемъ, сынъ Ахиллеса, поселившійся будто бы въ Эпирѣ, а по женской линіи родъ ихъ черезъ жену Неоптолема, Ланассу, дочь гераклида Клеодея, былъ выведенъ отъ Геркулеса. Вслѣдствіе этой выдуманной генеалогіи царей эпирскихъ называли также Эакидами, по имени дѣда Ахиллеса Эака.

Не смотря на свое божественное происхожденіе, владѣтели Эпира, по свидѣтельству тѣхъ же писателей, оставались варварами до начала четвертаго столѣтія до р. Х. Только при Таррите, или Таримбѣ, сынѣ Адмета, давшаго убѣжище изгнаннику Ѳемистоклу (стр. 193), начинаютъ проникать въ Эпиръ греческіе нравы и настоящая образованность. Преемникъ Таррита, Алкетъ I, умирая, раздѣлилъ свое царство (около 308 г. до р. Х.) между своими сыновьями, Неоптолемомъ и Арибантомъ. Первый не долго пережилъ своего отца, и Арибантъ, воспользовавшись несовершеннолѣтіемъ его дѣтей, овладѣлъ всѣмъ Эпиромъ. Черезъ это онъ впутался въ войну съ Филиппомъ II македонскимъ, женатымъ на дочери Неоптолема, Олимпіадѣ, и, по смерти его, сынъ его Эакидъ былъ свергнутъ съ престола братомъ Олимпіады, Александромъ I, которому помогалъ Филиппъ (342 г. до р. Х.). Призванный на помощь жителями Тарента, Александръ I, женатый на своей племянницѣ Клеопатрѣ, сестрѣ Александра Великаго, вздумалъ завоевать нижнюю Италію, но лишился жизни въ этой войнѣ. Престолъ перешелъ тогда къ его двоюродному брату, Эакиду. Эакидъ женился на дочери ѳессалійскаго полководца Менона (стр. 438), и имѣлъ отъ нея сына Пирра, пріобрѣвшаго впослѣдствіи такую извѣстность, и дочь Деидамію, одну изъ женъ Димитрія Поліоркета. По смерти правителя Македоніи Антипатра онъ принялъ сторону Олимпіады и ея внука противъ Кассандра и Эвридики (стр. 444), потому что Олимпіада обручила своего внука съ его дочерью, бывшею когда еще ребенкомъ. Возстановленіе власти Олимпіады въ Македоніи стоило ему престола: овладѣвъ Македоніею, Кассандръ тотчасъ же сталъ поддерживать приверженцевъ дѣтей Неоптолема, изгнавшихъ Эакида изъ Эпира.

Друзья изгнаннаго царя съ трудомъ спасли жизнь сына Эакида, двухлѣтняго Пирра, отдавъ его иллирійскому владѣтелю Главкію. Послѣдній, изъ боязни Кассандра, сначала не хотѣлъ принимать къ себѣ ребенка, но наконецъ согласился и впослѣдствіи даже отказался отъ 300 тысячъ р. с., предложенныхъ ему Кассандромъ за маленькаго Пирра. Черезъ нѣсколько времени изгнанникъ Эакидъ снова овладѣлъ эпирскимъ престоломъ, на который, по смерти его, вступилъ его братъ, Алкетъ II, заслужившій жестокостью ненависть своихъ подданныхъ. По умерщвленіи его (307 г. до р. Х.), Главкій явился въ Эпиръ и возвелъ на престолъ двѣнадцатилѣтняго Пирра. Опасаясь могущественнаго иллирійскаго царя, эпироты повиновались молодому Пирру, но, когда другія дѣла отвлекли вниманіе Главкія отъ Эпира, они возстали и провозгласили своимъ царемъ сына Александра I, Неоптолема (305 г. до р. Х.). Пирръ бѣжалъ къ своему зятю Димитрію Поліоркету. У него онъ учился военному искусству, участвовалъ, подъ его начальствомъ, въ сраженіи при Ипсѣ, и потомъ послѣдовалъ за нимъ въ Грецію, гдѣ и управлялъ дѣлами своего друга въ то время, какъ Димитрій производилъ

свои разбойническіе набѣги. Въ 300 г. до р. Х. Пирръ, которому тогда еще не было двадцати лѣтъ, былъ посланъ своимъ другомъ заложникомъ въ Египетъ, гдѣ выказалъ себя ловкимъ придворнымъ. Онъ умѣлъ внушить Птолемею Сотеру такое расположеніе къ себѣ, что послѣдній называлъ его потомъ во всѣхъ письмахъ своимъ сыномъ, снискалъ также милость всемогущей жены царя, Береники, и получилъ въ супружество ея дочь отъ перваго брака, родную сестру владѣтеля Кирены Магаса. Обвороженный Пирромъ, Птолемей далъ ему войско и деньги для завоеванія его царства. Въ Эпирѣ ему было легко достичь своей цѣли, но, зная очень хорошо Димитрія Поліоркета, съ этой минуты сдѣлавшагося его злѣйшимъ врагомъ, и ожидая что онъ будетъ поддерживать противъ него Неоптолема, онъ не изгналъ послѣдняго тотчасъ же, а заключилъ съ нимъ договоръ, по которому оба они согласились управлять Эпиромъ сообща (296 г. р. Х.). Вскорѣ послѣ этого онъ избавился отъ своего соправителя.

Постоянно поддерживаемый Птолемеемъ Сотеромъ, Пирръ распространилъ предѣлы своего царства въ Акарнаніи и другихъ сосѣднихъ государствахъ и, предводительствуя своими воинственными, хищническими горцами, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ жизнь искателя приключеній и предводителя разбойниковъ. Нѣсколько разъ онъ вторгался въ Ѳессалію, однажды, въ виду обоихъ войскъ, вступилъ въ единоборство съ македонскимъ полководцемъ, вызвавшимъ его на поединокъ, и, воспользовавшись внезапною болѣзнію Димитрія Поліоркета, едва не овладѣлъ Македоніею. Ему уже удалось наводнить всю страну своими разбойничьими шайками, но Димитрій Поліоркетъ, оправившись отъ болѣзни, выступилъ противъ него, разбилъ его войско и выгналъ изъ Македоніи. Гордость, надменность и дурное управленіе Димитрія и золото Птолемея доставили ему вскорѣ послѣ того обладаніе половиною Македоніи. Но и это завоеваніе было сдѣлано имъ по-разбойничьи. Одна изъ его женъ, Ланасса, дочь сиракузскаго царя Агаѳокла, вступила въ тайныя сношенія съ Димитріемъ и перемѣнила на его гаремъ гаремъ Пирра. При этомъ случаѣ она измѣннически передала Димитрію островъ Керкиру, и Пирръ, опасаясь Димитрія, снаряжавшаго въ то время свое громадное войско къ походу въ Азію, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому онъ уступилъ Димитрію Керкиру и обѣщался сохранять миръ. Но когда соединившіеся противъ Димитрія Птолемей, Лисимахъ и Селевкъ пригласили его примкнуть къ союзу и воспользоваться удобнымъ случаемъ къ завоеванію Македоніи, онъ, не колеблясь, нарушилъ условіе и легко овладѣлъ страною, жители которой были недовольны деспотическимъ правленіемъ Димитрія. Сдѣлавшись владѣтелемъ Македоніи, Пирръ принужденъ былъ подѣлиться половиною своей добычи съ Лисимахомъ, который черезъ полгода съ помощью недовольныхъ жителей совершенно изгналъ его изъ Македоніи. Умерщвленіе Селевка снова возбудило въ Пиррѣ надежду овладѣть Македоніею. Онъ началъ войну съ только что завладѣвшимъ властью Птолемеемъ Керавномъ, пользуясь тѣмъ, что Антигонъ Гонатъ въ то же самое время напалъ на новаго македонскаго царя. Но когда тарентинцы призвали его на помощь противъ Рима, и Птолемей Керавнъ, чтобы избавиться отъ него, предложилъ поддерживать его въ этомъ предпріятіи девятью тысячнымъ войскомъ и пятидесятью слонами, онъ тотчасъ же прекратилъ войну съ Македоніею. Вѣроятно, Пирръ отказался отъ этой войны, вспомнивъ какое отвращеніе питали къ нему македоняне. Въ Италіи онъ пробылъ пять лѣтъ.

По отъѣздѣ его въ Италію, въ Македонію и Грецію вторглись (стр. 471) галлы, Птолемей Керавнъ лишился жизни въ битвѣ съ ними, и, нѣсколько лѣтъ спустя, Македоніею овладѣлъ Антигонъ Гонатъ. Но едва послѣдній успѣлъ упрочить за собою новое завоеваніе, какъ Пирръ, возвратившись въ Эпиръ изъ италъянскаго похода, о которомъ будетъ разсказано въ римской исторіи, снова сдѣлалъ попытку овладѣть Македоніей. Война была тогда для него необходимостью, потому что онъ вернулся изъ Италіи съ восемью тысячами человѣкъ пѣхоты и пятьюстами всадниковъ, которыхъ не могъ содержать на доходы своего маленькаго Эпирскаго царства. Усиливъ свое войско толпою галльскихъ наемниковъ, онъ вторгнулся въ Македонію (274 г. до р. Х.), одержалъ верхъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, подкупилъ нѣкоторыхъ непріятельскихъ военачальниковъ, побудилъ къ измѣнѣ всю пѣхоту своего противника и принудилъ его отступить къ городамъ восточнаго берега Македоніи. Овладѣвъ всею вну-

тренностью Македоніи, Пирръ, вмѣсто того чтобы напасть на приморскіе города, въ которыхъ заперся Антигонъ Гонатъ, и совершенно изгнать его изъ страны, увлекся мечтою о новомъ дальнемъ предпріятіи. Впрочемъ этотъ образъ дѣйствій Пирра можно объяснить неимѣніемъ флота. Но зато дальнѣйшія его распоряженія въ Македоніи были слѣдствіемъ только свойственнаго ему военнаго высокомѣрія. Въ Эгахъ, древнѣйшемъ городѣ Македоніи и мѣстѣ погребенія царей прежней династіи, онъ оставилъ гарнизонъ изъ двухъ тысячъ галловъ, притѣснявшихъ жителей, грабившихъ гробницы царей и ругавшихся надъ ихъ прахомъ, и, не смотря на громкое негодованіе македонцевъ, не хотѣлъ остановить этихъ безчинствъ.

Цѣлью новаго предпріятія Пирра было завоеваніе Пелопоннеса и покореніе Спарты. Пелопоннесскій походъ Пирра былъ вызванъ обстоятельствами, находившимися въ связи съ нравственнымъ и политическимъ состояніемъ спартанцевъ того времени, и потому необходимо сказать нѣсколько словъ о положеніи дѣлъ въ Спартѣ. Спартанское государственное устройство было тогда совершенно искажено примѣсью олигархіи и демократіи. Оно сдѣлалось олигархическимъ, потому что все богатство перешло въ руки немногихъ родовъ, и демократическимъ, потому что ежегодно избираемые вновь пять эфоровъ поставили обоихъ царей и сенатъ въ совершенную зависимость отъ себя, увѣренные въ поддержкѣ толпы, которую они всегда могли собрать и представителями которой старались казаться. Народъ находился въ угнетеніи и нищетѣ, а богатые предавались роскоши, не смотря на запрещенія Ликурга. Нравы и обычаи, положенные этимъ законодателемъ въ основаніе государственнаго устройства Спарты, давно уже уступили духу времени, и спартанская республика, болѣе чѣмъ всякое другое греческое государство, опиравшаяся на старину, съ упадкомъ древняго быта лишилась въ тоже время своей силы и внѣшняго значенія. «Спартанцы», говоритъ Аристотель въ своемъ сочиненіи «о государствѣ», превосходили всѣхъ прочихъ грековъ до тѣхъ поръ, пока непрестанно занимались упражненіями, развивающими силу; теперь же, напротивъ, начавъ пренебрегать ими, они стали ниже всѣхъ, потому что причина ихъ прежняго превосходства заключалась не въ особенныхъ, свойственныхъ имъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, а въ томъ, что они постоянно въ нихъ упражнялись и имѣли дѣло съ людьми, которые не занимались этимъ.»

Возрастаніе могущества эфоровъ, вмѣстѣ съ немногими богачами захватившихъ власть въ свои руки, и постоянное разслабленіе духа народа, шли рядомъ съ уменьшеніемъ народонаселенія и увеличеніемъ неравномѣрности въ распредѣленіи богатствъ. Пелопоннесская война и войны за поддержаніе преобладанія Спарты, происходившія въ послѣдующія сорокъ лѣтъ, дотого уменьшили ея народонаселеніе, что часто приходилось посылать на войну пятидесяти и шестидесятилѣтнихъ стариковъ, для пополненія быстро рѣдѣвшихъ рядовъ молодежи. Уже одно это, не смотря на всѣ постановленія законодательства Ликурга, должно было произвести огромное неравенство состояній. Съ уменьшеніемъ числа родовъ, пользовавшихся полнымъ правомъ гражданства, нѣкоторые изъ нихъ должны были получить въ наслѣдство многія помѣстья, а гибель такого множества юношей увеличила число дочерей и богатыхъ наслѣдницъ. Принявъ въ разсчетъ уже издавна развившуюся страсть къ роскоши и корыстолюбіе, легко понять, что Спарта, съ той самой минуты какъ стала стремиться къ завоеваніямъ и преобладанію надъ Греціею, пришла въ противорѣчіе сама съ собою, съ своимъ государственнымъ устройствомъ и главными его основаніями, и потому должна была падать все ниже и ниже. То, что было приготовлено такимъ образомъ обстоятельствами, при Филиппѣ II македонскомъ сдѣлалось всѣми признаннымъ совершившимся фактомъ. Тогда по предложенію эфора Эпитадея былъ изданъ законъ, дозволявшій каждому гражданину отчуждать и завѣщать по произволу свое недвижимое имѣніе. Этому закону несправедливо приписываютъ обыкновенно весь упадокъ древнихъ спартанскихъ учрежденій; законъ Эпитадея былъ только одною изъ произведенныхъ около того времени перемѣнъ въ спартанскомъ государственномъ устройствѣ, — перемѣною, которая, подобно всѣмъ прочимъ бѣдствіямъ, была только плодомъ той эпохи и причиною новаго зла.

Неравенство въ распредѣленіи богатствъ, съ теченіемъ времени, сдѣлалось

такъ велико, что въ половинѣ третьяго столѣтія до р. X., всѣ помѣстья Лаконіи сосредоточились въ рукахъ ста фамилій. Около шести сотъ другихъ родовъ имѣли одинаковыя съ ними права на эти владѣнія, но, не имѣя средствъ предъявить свои притязанія, жили въ самой тяжелой зависимости отъ первыхъ. Всѣ прочіе граждане, не владѣя недвижимою собственностью, были жертвами фамилій, составлявшихъ господствовавшую олигархію; положеніе ихъ было тѣмъ бѣдственнѣе, что въ странѣ не было почти никакой промышленной дѣятельности и торговли. Богатыя фамиліи имѣли въ рукахъ всю власть и пользовались большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, чѣмъ сами цари. Неравенство богатства и здѣсь имѣло такое же гибельное вліяніе на нравственное состояніе общества, какъ вездѣ: низкопоклонство и отсутствіе самоуваженія одной части гражданъ, высокомѣріе, роскошь и безумное мотовство другой. Чужеземные нравы и пороки укоренились въ Спартѣ и подкапывали всѣ основанія государства. Уже сынъ Агесилая, Архидамъ III, охотнѣе жилъ заграницею съ такою же роскошью, какъ другіе греки. Леонидъ II, царствовавшій около 250 г. до р. X., прожилъ большую часть своей молодости при развратномъ сирійскомъ дворѣ и привезъ оттуда въ Спарту сирійскіе пороки и страсть къ роскоши. Не удивительно, что, какъ говоритъ одинъ писатель, жившій не задолго послѣ Леонида, о сисситіяхъ (стр. 139) уже давно не было и рѣчи, и мѣсто простой пищи и утвари заняли роскошныя яства, изысканныя вина, дорогіе сосуды, ароматы и пр. Цари, правившіе Спартою во время нападенія Пирра, ввели въ свой родной городъ роскошь и изящество чужеземныхъ дворовъ, но и въ этомъ отношеніи они уступали нѣкоторымъ изъ своихъ подданныхъ; по словамъ того же писателя, нѣсколько преувеличившаго этотъ фактъ, ихъ издержки, въ сравненіи съ расходами послѣднихъ, скорѣе напоминали прежнее старое время. Но ни что не свидѣтельствуетъ такъ сильно объ ужасномъ паденіи тогдашнихъ спартанцевъ, какъ нравственный характеръ и положеніе знатныхъ женщинъ той эпохи. Дѣвицы благородныхъ фамилій имѣли по нѣскольку любовниковъ, а царскія жены вступали въ незаконныя связи съ самыми близкими родственниками. Немногія изъ этихъ женщинъ и дѣвицъ, будучи богатыми наслѣдницами, имѣли болѣе силы, чѣмъ сами цари; такъ, напримѣръ, мать царя Агиса III, вступившаго на престолъ въ 243 г. до р. X., пользовалась огромнымъ вліяніемъ въ государствѣ только благодаря множеству своихъ должниковъ и кліентовъ.

Но при всемъ этомъ нельзя отрицать, чтобы въ спартанцахъ не сохранилась нѣкоторая доля ихъ древняго мужества, превратившагося только, подъ вліяніемъ господствующей страсти къ наслажденіямъ и корыстолюбія, въ хищничество, и сдѣлавшаго ихъ похожими на нынѣшнихъ майнотовъ, населяющихъ теперь древнюю Лаконію. Можно даже сказать, что тогдашнее дворянство, состоявшее изъ семисотъ родовъ, или настоящіе спартанцы (стр. 136 и 138) образовали собою толпу рыцарей, которые, подобно предводителямъ нынѣшнихъ клефтовъ, производили хищническіе набѣги на морѣ и на сухомъ пути. Такимъ же атаманомъ разбойникомъ былъ и человѣкъ, побудившій Пирра предпринять походъ противъ Спарты. По смерти царя Клеомена II, сынъ его Клеонимъ, былъ отдаленъ отъ престолонаслѣдія, въ пользу своего двоюроднаго брата, Арея I. Онъ покинулъ родной городъ и отправился въ Италію, гдѣ съ толпою наемниковъ былъ призванъ тарентинцами на помощь противъ луканцевъ. На мысѣ Тенарѣ, главномъ сборномъ мѣстѣ греческихъ наемниковъ, онъ навербовалъ пятитысячный отрядъ, увеличенный въ Италіи до двадцати тысячъ. Этимъ онъ такъ устрашилъ луканцевъ, что они тотчасъ же заключили миръ съ Тарентомъ. Клеонимъ, мечтавшій только о приключеніяхъ и добычѣ, соединился тогда съ луканцами для нападенія на городъ Метапонтъ. Проникнувъ туда подъ личиною доброжелательства, онъ овладѣлъ городомъ, и, вытребовавъ у гражданъ большія суммы денегъ, жилъ на ихъ счетъ еще роскошнѣе, чѣмъ нѣкогда Димитрій Поліоркетъ въ Аѳинахъ. Потомъ онъ поплылъ съ своею грубою шайкою къ Керкирѣ, овладѣлъ ея столицею и сталъ распоряжаться на островѣ, какъ настоящій атаманъ разбойниковъ. Послѣ того онъ жилъ нѣкоторое время въ Спартѣ, но здѣсь былъ глубоко оскорбленъ Акратaтомъ, сыномъ царя Арея I. Этотъ расточительный молодой человѣкъ, нравившійся женщинамъ и соблазнявшій ихъ, жилъ въ открытой связи съ женою Клеонима. Клеонимъ оставилъ родину, отпра-

вился къ Пирру и побудилъ его предпринять походъ противъ Спарты. Подъ предлогомъ освобожденія городовъ, занятыхъ Антигономъ, Пирръ совершенно неожиданно появился на полуостровѣ съ двадцатью пятью тысячами пѣхоты, двумя тысячами всадниковъ и двадцатью четырьмя слонами (272 г. до р. X.).

Пирръ двинулся прямо на Спарту, гдѣ его внезапное появленіе привело всѣхъ въ ужасъ, тѣмъ болѣе, что одного изъ царей, Арея I, предпринявшаго разбойничій походъ противъ острова Крита, не было въ то время въ городѣ. Если бы царь эпирскій штурмовалъ городъ въ тотъ самый вечеръ, какъ явился передъ нимъ, Спарта навѣрное была бы въ его рукахъ; но онъ не счелъ за нужное спѣшить, и одна ночь совершенно измѣнила все положеніе дѣлъ. Спартанцы съ чрезвычайною поспѣшностью укрѣпили городъ, окруженный стѣною и рвомъ еще передъ нападеніемъ Димитрія Поліоркета. Большинство гражданъ покинуло было всякую мысль объ оборонѣ, но увѣщанія ихъ женъ, развратъ которыхъ послужилъ въ этомъ случаѣ къ спасенію города, и стыдъ, что женщины напоминаютъ имъ о мужествѣ предковъ, сдѣлали чудеса. Жена Клеонима ходила по улицамъ съ веревкою на шеѣ, громогласно объявляя, что если Пирръ побѣдитъ, то она удавится, чтобы не попасть въ руки Клеонима. Другая женщина изъ царскаго рода, Архидамія, явилась въ засѣданіе совѣта опоясанная мечемъ, и объявила свою рѣшимость умереть за родной городъ. Послѣ того всѣ соединились для общаго отчаяннаго сопротивленія. Въ продолженіе ночи самый слабый пунктъ города былъ прикрытъ новымъ рвомъ; всѣ жители, даже женщины и дѣвушки, помогали рыть его, и на другое утро укрѣпленіе было готово. Нападеніе Пирра было отбито послѣ упорнаго боя, продолжавшагося до глубокой ночи. На другой день ему удалось было во главѣ своего войска проникнуть въ городъ, но когда подъ нимъ была убита лошадь, въ рядахъ его воиновъ произошло смятеніе, и нападающіе должны были отступить изъ города. Не смотря на это, Спарта, можетъ быть и была бы взята, если бы Пирръ не далъ своему войску отдыха въ надеждѣ, что спартанцы, изнуренные двухдневнымъ боемъ, добровольно сдадутся. Но еще до возобновленія битвы возвратился изъ Крита царь Арей съ двумя тысячами наемниковъ, и въ тоже время появился передъ Спартою съ вспомогательными войсками намѣстникъ Антигона въ Коринѳѣ, Амейній. Сдѣлавъ нѣсколько безуспѣшныхъ аттакъ, Пирръ отступилъ наконецъ, убѣдившись въ невозможности взять городъ, и продолжалъ нѣкоторое время опустошать Лаконію, потому что его толпы могли жить только грабежемъ.

Описанное выше положеніе дѣлъ, побудившее Пирра предпринять походъ противъ Спарты, лучше всего доказываетъ, если только это нуждается въ доказательствѣ, что въ Греціи исчезла всякая возможность сохранить свободныя учрежденія. Тоже самое можно видѣть и изъ обстоятельства, принудившаго Пирра къ отступленію изъ Лаконіи. Въ то время въ Аргосѣ спорили за обладаніе властью два гражданина, Аристиппъ и Аристей; перваго поддерживалъ Антигонъ, послѣдній просилъ помощи у Пирра, который тотчасъ же послѣдовалъ приглашенію и двинулся съ своими войсками къ Аргосу. Но когда онъ приближался къ городу, туда подоспѣлъ съ войскомъ Антигонъ Гонатъ, снова овладѣвшій Македоніею, по удаленію изъ нея Пирра. Оба царя расположились въ окрестностяхъ города, и Пирръ, какъ истый искатель приключеній, предложилъ Антигону рѣшить споръ поединкомъ. Антигонъ очень остроумно и съ достоинствомъ отвѣчалъ, что онъ ведетъ войну, какъ полководецъ, а не какъ кулачный боецъ, и что если Пирру надоѣла жизнь, то онъ можетъ найти тысячу другихъ способовъ избавиться отъ нея. Аргосцы, угрожаемые съ двухъ сторонъ, умоляли обоихъ царей очистить территорію Аргоса и кончить свой споръ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Антигонъ тотчасъ же отступилъ; Пирръ, сдѣлавъ видъ, что готовится также къ отступленію, на слѣдующую ночь внезапно явился передъ одними изъ городскихъ воротъ, которыя ему обѣщалъ отворить Аристей. Къ несчастію для него, ворота были такъ низки, что для вступленія въ городъ нужно было снять со слоновъ башни; онъ потерялъ изъ-за этого много времени и встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ самомъ городѣ, а между тѣмъ Антигонъ, къ которому Аристиппъ отправилъ гонца, успѣлъ прислать въ Аргосъ требуемую помощь. Въ одно время съ войсками Антигона появился Арей, преслѣдовавшій Пирра при отступленіи его изъ Лаконіи. Антигонъ былъ такъ благоразуменъ,

что не вступилъ въ городъ со своими главными силами, а расположился въ засадѣ передъ городомъ и оттуда руководилъ битвою. Не видя угрожавшей ему опасности, Пирръ продолжалъ двигаться впередъ и только съ наступленіемъ дня понялъ свою ошибку. Когда онъ хотѣлъ поспѣшно очистить городъ, одинъ изъ его слоновъ палъ въ тѣхъ самыхъ воротахъ, черезъ которыя должно было отступать его войско, и такимъ образомъ загородилъ путь отступленія воинамъ Пирра, сильно тѣснимымъ непріятелемъ съ тыла. Бросившись на преслѣдовавшихъ его непріятелей, Пирръ былъ раненъ ударомъ копья. Онъ устремился на своего противника, аргосца незнатнаго происхожденія, но мать послѣдняго, видѣвшая съ сосѣдней кровли опасность, которой подвергался ея сынъ, схватила кирпичъ и бросила его въ Пирра. Тяжелый камень упалъ прямо на голову царя и такъ сильно оглушилъ его, что онъ безъ чувствъ упалъ съ лошади. Одинъ изъ военачальниковъ Антигона узналъ раненаго и отрубилъ ему голову. Алкіоней, второй сынъ Антигона, схватилъ ее, поскакалъ къ своему отцу и бросилъ ее передъ нимъ на землю. Раздраженный этою жестокостью, Антигонъ ударилъ своего сына, назвалъ его варваромъ и прогналъ прочь, а самъ, закрывъ лицо плащемъ, заплакалъ, вспомнивъ при этомъ о печальной участи, постигшей его отца Димитрія Поліоркета и дѣда Антигона. Смерть Пирра доставила аргосцамъ только ту выгоду, что городъ ихъ не былъ разграбленъ, потому что для нихъ было рѣшительно все равно, кто сдѣлается ихъ владѣтелемъ—Аристиппъ, поставленный надъ ними Антигономъ, или Аристей, которому покровительствовалъ Пирръ.

Съ этого времени Антигонъ сталъ стремиться къ присоединенію Пелопоннеса и всей остальной Греціи къ своимъ владѣніямъ, и, безъ сомнѣнія, планъ его осуществился бы, если бы ему не помѣшала въ этомъ политика египетскихъ царей. Птолемей Филадельфъ, владѣвшій нѣсколькими островами въ Эгейскомъ морѣ, поддерживалъ своимъ флотомъ и войсками воевавшихъ съ Антигономъ или недовольныхъ его владычествомъ грековъ и впослѣдствіи своими деньгами далъ возможность сыну Пирра, Александру II, произвести удачное нападеніе на Македонію. Въ эту эпоху власть всѣхъ царей, основываясь почти исключительно на наемныхъ войскахъ, зависѣла отъ вѣрности этихъ людей, торговавшихъ своею жизнью. Это обнаружилось и при нападеніи Александра II на Македонію. Войска Антигона перешли къ непріятелю, овладѣвшему послѣ того всею Македоніею. Впрочемъ вслѣдъ за тѣмъ страна эта была отнята у него такъ же быстро, какъ и завоевана имъ. Мы опускаемъ подробности исторіи Греціи въ послѣдніе годы жизни Антигона и замѣтимъ только, что царь этотъ, по окончаніи войны съ Александромъ II спокойно владѣвшій Македоніею и царствовавшій до 243 г. или вѣроятнѣе до 240 г. до р. Х., не достигъ владычества надъ всею Греціею. Во многихъ мѣстностяхъ Пелопоннеса нѣкоторые изъ гражданъ, пользуясь обстоятельствами, сдѣлались тиранами, а этолійцы, общины которыхъ заключили тогда между собою тѣсный союзъ, и города Ахаіи, соединившіеся въ подобный же союзъ, еще при жизни Антигона пріобрѣли политическое значеніе, совершенно измѣнившее тогдашнее положеніе дѣлъ.

7. Ахейскій и Этолійскій союзы.

Въ то время какъ во всѣхъ греческихъ государствахъ окончательно погибла свобода, только изрѣдка показывая признаки жизни, первенствующими греческими державами дѣлаются два союза государствъ—Ахейскій въ Пелопоннесѣ и Этолійскій на западѣ Средней Греціи. Оба союза имѣли цѣлью соединить небольшіе и сами по себѣ слабые города или общины такимъ образомъ, чтобы, представляя извнѣ одно замкнутое политическое тѣло, управляемое ежегодно избиравшимся вновь верховнымъ главою, они сохраняли полную независимость и самостоятельность въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и устройствѣ. Послѣднее было ограничено только тѣмъ, что всѣ союзники обязывались повиноваться общимъ опредѣленіямъ союзнаго собранія, и законы отдѣльныхъ государствъ не должны были противорѣчить общимъ законамъ союза. Оба союза избрали себѣ трудную задачу доставить значеніе могущественной державѣ, возникшей изъ соединенія нѣсколькихъ мелкихъ, независимыхъ другъ отъ друга государствъ, и избѣжать общаго всѣмъ

значительнымъ государствамъ неудобства, заключающагося въ централизаціи и ослабленіи характеристическихъ особенностей въ жизни отдѣльныхъ частей. Свѣдѣнія наши о союзѣ ахейцевъ и этолійцевъ крайне недостаточны; это тѣмъ достойнѣе сожалѣнія, что попытки подобнаго соединенія никогда и нигдѣ не удавались вполнѣ, не исключая Швейцаріи и Америки. Не лишнимъ будетъ однако сообщить хотя нѣкоторыя данныя объ этихъ конфедераціяхъ, начиная съ этолійской, какъ древнѣйшей.

Этолійцы были всегда полуобразованнымъ племенемъ горцевъ, которыхъ до Пелопонесской войны сами греки считали полуварварами. Въ послѣднюю эпоху греческой исторіи въ нравственномъ отношеніи они стояли такъ же низко, какъ аѳиняне и другіе образованные народы Греціи. Этолійцы были грубы и въ то же время испорчены; граждане прочихъ греческихъ государствъ, напротивъ того, были испорчены цивилизаціей и развращены въ нравственномъ отношеніи. Первые походили на шайку разбойниковъ, послѣдніе—на толпу развратныхъ придворныхъ. Изъ своего природнаго состоянія первые почти разомъ перешли къ растлѣнію и обнаруживали въ своихъ наслажденіяхъ грубость и звѣрство; вторые, лишившись чувства законности и свободы, спасли по крайней мѣрѣ поэзію и философію, какъ утѣшеніе среди всеобщей испорченности. Вся жизнь этолійцевъ, какъ часто это бываетъ съ военными, проходила въ развратѣ и мотовствѣ или въ трудахъ войны. Почти всѣ они были обременены долгами, славились корыстолюбіемъ и хищничествомъ и заслужили всеобщую ненависть своими грабежами. Отличительными качествами этолійцевъ были въ то же время храбрость и дисциплина; одинъ писатель древности говоритъ, что они такъ же расточали свою жизнь на войнѣ, какъ свои богатства въ наслажденіяхъ. Предводители этолійскихъ отрядовъ, подобно нынѣшнимъ албанцамъ, предпочитались при сирійскомъ и египетскомъ дворахъ всѣмъ прочимъ и получали огромное жалованье; напримѣръ, въ Египтѣ каждый изъ нихъ, кромѣ раціоновъ, получалъ въ день до двадцати двухъ рублей серебромъ. Не смотря на совершенное отсутствіе художественнаго вкуса, они все-таки относили въ свой главный храмъ, находившійся въ Термѣ; всѣ захваченныя ими статуи, картины и драгоцѣнности. Не имѣя ни военныхъ машинъ, ни правильно построенныхъ крѣпостей, они не усвоили себѣ никакихъ улучшеній въ военномъ искусствѣ, сдѣлавшемъ такіе успѣхи со времени Ификрата. Все это не мѣшало имъ сражаться лучше другихъ греческихъ племенъ, и этолійцы были единственнымъ народомъ, который съ успѣхомъ боролся съ преемниками Александра и защищалъ свою свободу противъ ихъ нападеній. Причина этого заключалась не въ ихъ храбрости, а главнымъ образомъ въ томъ, что они одни изъ всѣхъ греческихъ государствъ имѣли настоящія національныя войска и не употребляли наемниковъ. Это преимущество и соединеніе въ союзъ придавали имъ огромное значеніе въ тогдашнихъ войнахъ и сдѣлали ихъ, вмѣстѣ съ ахейцами, преобладающею державою въ Греціи.

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о возникновеніи конфедераціи ихъ общинъ, впослѣдствіи названной Этолійскимъ союзомъ. Во всякомъ случаѣ оа не могла образоваться незадолго до того времени, когда этолійцы достигли своего наибольшаго значенія; но прежде того, подобно беотійскому, ѳессалійскому и другимъ греческимъ племеннымъ союзамъ, была только соединеніемъ общинъ и мѣстечекъ, связанныхъ между собою единствомъ происхожденія, обычаевъ и нарѣчія. Исторія ѳессалійцевъ, беотійцевъ, фокидцевъ и другихъ подобнымъ же образомъ соединенныхъ между собою народовъ доказываетъ какъ слабы были всѣ эти связи, не смотря на собиравшіяся въ извѣстномъ мѣстѣ союзныя собранія, общія жертвоприношенія и назначеніе союзныхъ должностныхъ лицъ. Этолійскій союзъ былъ организованъ не лучше прочихъ до 322 до р. Х., когда Антипатръ, въ соединеніи съ Кратеромъ, напалъ на союзныя общины въ ихъ собственной странѣ (стр. 440). Антипатръ, безъ сомнѣнія, покорилъ бы тогда этолійцевъ, если бы властолюбіе Пердикки не принудило его отправиться въ Азію; отступая изъ Этоліи, онъ сказалъ, что скоро воротится, выгонитъ весь народъ, какъ опасныхъ и безпокойныхъ сосѣдей изъ разбойничьяго гнѣзда, и переселитъ въ Азію. Общая опасность еще крѣпче соединила тогда отдѣльныя общины и придала новую жизнь ихъ древнему союзу. Съ этого времени начинается постепенное развитіе союза. Впослѣдствіи онъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя изъ учрежде-

ній Ахейскаго союза; но мы не въ состояніи отличить эти нововведенія и подражанія отъ первоначальныхъ, древнихъ основаній Этолійскаго союза.

Главною цѣлью конфедераціи была война, наступательная—для грабежа, и оборонительная—для защиты отъ мести ограбленныхъ. Ежегодно избиравшійся глава союза носилъ титулъ стратега, т. е. предводителя или полководца, гораздо болѣе приличный начальнику и руководителю этолійцевъ, чѣмъ главѣ Ахейскаго союза, образовавшагося только для защиты. Второе мѣсто послѣ стратега, начальствовавшаго на войнѣ и наблюдавшаго за исполненіемъ постановленій союза, занималъ гиппархъ или начальникъ конницы, третье—такъ называемый писецъ союза или государственный секретарь внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Эти высшіе сановники, вмѣстѣ съ нѣкоторыми низшими должностными лицами, избирались союзнымъ собраніемъ, всегда только на одинъ годъ. Существовалъ еще, назначаемый союзнымъ же собраніемъ комитетъ или союзный совѣтъ, называвшійся совѣтомъ апоклетовъ и приготовлявшій къ докладу всѣ дѣла, поступавшія на обсужденіе союзнаго собранія, потому что въ Этоліи, какъ и въ мартовскихъ собраніяхъ германцевъ, всѣ рѣшенія представлялись народу уже совершенно готовыми, и онъ только утверждалъ или отвергалъ ихъ. Каждый этолійскій гражданинъ имѣлъ мѣсто и голосъ въ союзномъ собраніи, которое было высшимъ правительственнымъ органомъ союза и собиралось регулярно одинъ разъ въ годъ при храмѣ Аполлона въ Термѣ. Кругъ его дѣйствій заключался въ назначеніи должностныхъ лицъ союза, принятіи или неутвержденіи предложеній стратеговъ и апоклетовъ, объявленіи войны, заключеніи мира и союзовъ съ другими государствами, пріемѣ иностранныхъ пословъ и раздачѣ привилегій. Въ собраніи предсѣдательствовалъ стратегъ, который, однако, подобно президентамъ европейскихъ парламентовъ, не могъ участвовать въ обсужденіи дѣла, разсматриваемаго союзомъ. Какъ велика была власть союзнаго собранія во внутреннихъ дѣлахъ и надъ отдѣльными государствами союза, намъ не извѣстно. Въ союзъ иногда принимались на нѣкоторое время фокидцы, локрійцы и часть аркадійцевъ, а со времени вторженія галловъ, очень часто входили въ составъ союза и города южной Ѳессаліи, что представляло имъ двойную выгоду, предохраняя ихъ съ одной стороны отъ грабежей этолійцевъ, а съ другой отъ притязаній македонскихъ царей.

Нѣсколько болѣе положительныя свѣдѣнія мы имѣемъ объ Ахейскомъ союзѣ, хотя и о немъ до насъ дошли только отрывочныя извѣстія. До Александра Великаго почти неупоминаемые въ греческой исторіи, ахейцы поселились въ названной по ихъ имени части сѣвернаго берега Пелопоннеса около одиннадцатаго вѣка до р. Х. (стр. 109 и 129). Сначала въ ахейскихъ городахъ господствовали цари, но впослѣдствіи ахейцы, подобно прочимъ грекамъ, перемѣнили монархическія формы правленія на республиканскія, и между ними возникли двѣнадцать маленькихъ демократическихъ республикъ, соединенныхъ въ одинъ союзъ. Эти двѣнадцать городовъ до самой смерти Александра Великаго не принимали никакого участія въ общихъ дѣлахъ Греціи, живя между собою, какъ кажется, въ постоянномъ мирѣ и согласіи. Все это измѣнилось по смерти Александра. Между городами Ахейскаго союза начались распри, хитрою политикою полководцевъ, спорившихъ за обладаніе Греціею и Македоніею, союзъ былъ расторгнутъ, а составлявшіе его города начали стремиться къ усиленію себя на счетъ другихъ. Вслѣдствіе того нѣкоторые изъ нихъ были покорены Димитріемъ Поліоркетомъ, Кассандромъ и Антигономъ Гонатомъ, а другими завладѣли тираны. Такое положеніе дѣлъ длилось до 280 г. до р. Х., когда между ахейцами снова стало водворяться согласіе. Четыре ахейскіе города возобновили древній союзъ, а къ нимъ скоро присоединились и прочіе города, изгнавъ своихъ тирановъ или македонскіе гарнизоны. Въ непродолжительное время во всей Ахаіи была возстановлена демократическая конфедерація, хотя два главные города сѣвернаго берега Пелопоннеса (не причислявшіеся впрочемъ къ Ахаіи), Коринѳъ и Сикіонъ, оставались еще во власти Антигона Гоната. Но всѣ остальные города были только незначительными мѣстечками; союзъ нисколько не обезпечилъ бы ихъ свободы и никогда не достигъ бы большаго значенія въ греческой исторіи, если бы и эти города не освободились и не примкнули къ ахейцамъ, черезъ тридцать или сорокъ лѣтъ по возстановленіи союза.

Новый Ахейскій союзъ былъ организованъ гораздо прочнѣе прежняго, составлявшаго только одну изъ греческихъ амфиктіоній, т. е. слабо развитыхъ соединеній городовъ, которые въ отношеніи къ другимъ народамъ никогда не представляли одного цѣлаго, такъ что, напримѣръ, каждый городъ имѣлъ право вести войну отдѣльно отъ своего имени и заключать союзы съ не-ахейскими государствами. Возобновленная Ахейская конфедерація была прочнымъ наступательнымъ и оборонительнымъ союзомъ, въ которомъ всѣ внѣшнія дѣла были изъяты изъ вѣдѣнія отдѣльныхъ государствъ и подчинены общимъ опредѣленіямъ всего союза, даже нѣкоторыя изъ дѣлъ внутренняго управленія считались подлежащими рѣшенію союзныхъ властей. Каждое государство, сохраняя свое особое, независимое управленіе, съ самостоятельными административными органами, народными собраніями и судами, было только обязано соблюдать нѣкоторыя общія постановленія; такъ, напримѣръ, каждое государство должно было имѣть общую систему мѣръ, вѣсовъ и монетъ, а для внутренняго управленія существовали нѣкоторыя узаконенія, постановленныя союзомъ и обязательныя для всѣхъ его членовъ. Ахейскій союзъ, подобно Этолійскому, распространился мало-по-малу и на другія греческія племена и города, какъ это видно изъ присоединенія Коринѳа и Сикіона.

Высшею верховною властью союза было общее собраніе, собиравшееся два раза въ годъ въ опредѣленные дни въ Эгіи, а въ необыкновенныхъ случаяхъ въ другое время и въ другихъ городахъ. Полагаютъ, что каждый гражданинъ союзнаго государства имѣлъ право присутствовать и подавать голосъ въ собраніи. Впрочемъ этого нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ и, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ одного греческаго историка, легко можетъ быть, что въ собраніи участвовали только нѣкоторые изъ избранныхъ гражданъ отдѣльныхъ государствъ союза. Если такова дѣйствительно была политическая организація,—чего впрочемъ нельзя утверждать,—то ахейцы представляютъ намъ единственный въ древности примѣръ народа, вручавшаго законодательную власть избраннымъ представителямъ. Если даже и каждый гражданинъ имѣлъ право присутствовать въ союзномъ собраніи, предлагать законы, говорить и подавать голосъ, то все-таки въ большей части случаевъ, по естественному порядку вещей, въ собраніи появлялись только богатые и знатные, и правленіе было такимъ образомъ демократическимъ, а не охлократическимъ, т. е., другими словами, не находилось въ рукахъ массы. Впрочемъ это относится только къ обыкновеннымъ собраніямъ, на которыхъ народъ скучалъ бы и куда онъ не являлся, опасаясь путевыхъ издержекъ; въ бурныя же времена собранія посѣщались очень многими, и на нихъ происходило тоже самое, что и въ народныхъ собраніяхъ чисто демократическихъ республикъ. Союзное собраніе не могло засѣдать долѣе трехъ дней. Поэтому всѣ дѣла были подготовляемы ему предварительно, и при разсмотрѣніи ихъ каждый гражданинъ долженъ былъ высказывать свое мнѣніе въ нѣсколькихъ словахъ; по краткости времени все дѣло собранія ограничивалось только тѣмъ, что, послѣ непродолжительныхъ преній, отвергали или принимали предложеніе. Собраніе объявляло войну и заключало миръ, принимало въ союзъ новыхъ членовъ; словомъ, завѣдывало иностранными дѣлами, назначало пословъ отъ союза и принимало посланниковъ другихъ государствъ, избирало должностныхъ лицъ союза и рѣшало безъ аппеляціи всѣ союзныя дѣла.

Высшимъ лицемъ союза былъ такъ называемый стратегъ, имѣвшій въ рукахъ исполнительную власть, верховное начальство на войнѣ и руководившій союзнымъ собраніемъ, гдѣ онъ одинъ имѣлъ право говорить длинную рѣчь за или противъ предложеній. Въ первое время по возстановленіи союза каждый годъ постоянно назначали двухъ новыхъ стратеговъ; двадцать пять лѣтъ спустя, вмѣсто двухъ, стали избирать только одного стратега. Этимъ измѣненіемъ ахейцы старались удовлетворить потребности въ монархическихъ формахъ правленія, которая при тогдашнемъ развращеніи нравовъ чувствовалась во всей Греціи, и еще болѣе приблизились къ духу монархіи, большею частью вновь избирая талантливыхъ стратеговъ на слѣдующій годъ или на ближайшихъ выборахъ.

Первый же стратегъ, находившійся во главѣ союза послѣ упомянутой перемѣны въ конституціи, былъ назначаемъ въ стратеги четыре года сряду, а двое знаменитѣйшихъ ахейскихъ стратеговъ Аратъ и Филопеменъ, были избираемы въ

эту должность: первый въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ семнадцать, а послѣдній въ теченіи двадцати четырехъ лѣтъ восемь разъ. Важнѣйшими лицами послѣ стратега были союзный писецъ, или государственный секретарь, и гиппархъ. Кромѣ того существовалъ еще союзный или государственный совѣтъ изъ нѣсколькихъ членовъ, какъ совѣщательное учрежденіе при стратегѣ, имѣвшее въ политическихъ дѣлахъ инициативу и подготовлявшее ихъ для рѣшенія союзнаго собранія; о назначеніи членовъ, внутреннемъ устройствѣ и дѣятельности этого совѣта мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Съ присоединеніемъ къ Ахейскому союзу такихъ важныхъ городовъ, какъ Коринѳъ и Сикіонъ, а впослѣдствіи еще многихъ другихъ, и благодаря значенію, которое доставилъ ему Аратъ Сикіонскій связями съ Египтомъ, этотъ оборонительный союзъ нѣсколькихъ незначительныхъ мѣстечекъ, составившійся для охраненія своихъ правъ, сдѣлался первенствующимъ государствомъ Греціи.

8. Время Арата и Клеомена III.

Пелопоннескій городъ Сикіонъ, знаменитый одною изъ лучшихъ школъ живописи, (стр. 470), во время Александра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ продолжалъ еще сохранять свое прежнее значеніе для искусства. Значеніе его было такъ велико, что самъ Апеллесъ считалъ за нужное провести нѣсколько времени въ этомъ городѣ (какъ наши художники въ Римѣ), для того только, чтобы сказать, что онъ былъ и учился тамъ. Находившіяся въ немъ коллекціи статуй и картинъ считались и послѣ Апеллеса лучшими и полнѣйшими въ цѣлой Греціи. Благодаря этому преимуществу роднаго города, Аратъ былъ въ состояніи пріобрѣсти себѣ расположеніе Птолемея II; онъ скупилъ въ Сикіонѣ рѣдкія древнія картины, которыхъ нельзя было достать нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и послалъ ихъ въ подарокъ египетскому царю. Значеніе Сикіона въ художественномъ отношеніи продолжалось даже и послѣ того, какъ онъ испыталъ самую ужасную участь, которая только можетъ постигнуть городъ. Во время войнъ полководцевъ Александра и его сыновей, сикіонцы должны были выдержать нѣсколько осадъ, потомъ у нихъ являлись одинъ за другимъ тираны, совершавшіе всевозможныя жестокости и притѣсненія. Но науки и искусства находились въ такой тѣсной связи со всѣмъ бытомъ и жизнью древнихъ грековъ, что всѣ эти узурпаторы, подобно Діонисію I сиракузскому (стр. 345) и итальянскимъ тиранамъ среднихъ вѣковъ, покровительствовали и тѣмъ и другимъ. Не смотря на гнетъ своихъ деспотическихъ властителей. Сикіонъ постоянно сохранялъ свою древнюю славу и изъ всѣхъ городовъ Пелопоннеса пользовался наибольшимъ уваженіемъ. Въ эти печальныя времена онъ пріобрѣлъ еще большую важность тѣмъ, что Димитрій Поліоркетъ сдѣлалъ его укрѣпленнымъ городомъ.

Одинъ изъ сикіонскихъ тирановъ, Абантидъ, велѣлъ умертвить или изгнать изъ города многихъ свободномыслящихъ и вліятельныхъ гражданъ. Въ числѣ умерщвленныхъ находился Клейній, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ въ городѣ людей. Сынъ его Аратъ, оставшійся по смерти отца семилѣтнихъ мальчикомъ, былъ отвезенъ въ Аргосъ къ одному изъ друзей его семейства и провелъ тамъ свою юность. Достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, онъ сталъ думать объ освобожденіи своей родины, гдѣ, по умерщвленіи Абантида и его преемника, овладѣлъ правленіемъ третій тиранъ, Никоклъ. Аратъ имѣлъ много условій для успѣшнаго выполненія подобнаго предпріятія: онъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Сикіона, имѣлъ огромное состояніе и по отцу находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Антигономъ Гонатомъ и Птолемеемъ Филадельфомъ. Ему не трудно было вовлечь часть своихъ изгнанныхъ согражданъ въ заговоръ, имѣвшій цѣлью освобожденіе Сикіона, и стать во главѣ ихъ. Заговорщики, въ сопровожденіи толпы наемниковъ и вооруженныхъ рабовъ, приблизились ночью къ городскимъ стѣнамъ, перелѣзли черезъ нихъ въ самомъ удобномъ мѣстѣ, неожиданно напали на стражу, и, сдѣлавъ воззваніе къ народу, зажгли жилище тирана. Неожиданность нападенія и всеобщее смятеніе лишили послѣдняго всякой возможности принять мѣры къ защитѣ и заставили его искать

спасенія въ бѣгствѣ. Сикіонъ былъ избавленъ отъ ига безъ всякаго кровопролитія (252 г. до р. Х.). Но возвращеніе изгнанниковъ едва не сдѣлало городъ жертвою внутреннихъ междусобій. Изгнанники принадлежали большею частію къ богатѣйшимъ фамиліямъ, имущества которыхъ были конфискованы или проданы тиранами; они стали требовать ихъ и этимъ возбудили сильное волненіе въ городѣ. Для отвращенія опасности, Аратъ воспользовался своими отношеніями къ египетскому царю, имѣвшему всѣ причины привязать къ себѣ самаго вліятельнаго человѣка въ такомъ важномъ греческомъ городѣ. Птолемей Филадельфъ подарилъ Арату отъ 220 до 230 тысячъ рублей на наши деньги, и съ помощью этой суммы освободитель Сикіона могъ не только уладить всѣ споры по имуществу, но и оказать временное пособіе бѣднѣйшимъ гражданамъ.

Но Аратъ не удовольствовался освобожденіемъ своего роднаго города отъ владычества тирана; онъ хотѣлъ обезпечить вновь возвращенную свободу и на будущее время. Достигнуть этого можно было только присоединеніемъ Сикіона къ Ахейскому союзу, главною цѣлью котораго было охранять общими силами отъ угнетенія каждое союзное государство. Кромѣ того, пятидесятилѣтнее владычество тирановъ, свергавшихъ одинъ другаго и постоянно изгонявшихъ своихъ противниковъ, сильно разстроило благосостояніе Сикіона, бѣдность котораго казалась еще поразительнѣе по сравненію съ прежнимъ богатствомъ. Аратъ возвратилъ городу прежній блескъ и обезпечилъ въ то же время его свободу, побудивъ его приступить къ Ахейскому союзу. Мѣра эта была необходима еще потому, что городъ нуждался въ защитѣ противъ этолійцевъ и македонскаго царя. Послѣдній стремился къ владычеству надъ всѣми греческими городами, а первые, незадолго до низверженія Никокла, сдѣлали попытку овладѣть Сикіономъ. Вскорѣ послѣ присоединенія города къ ахейцамъ, Аратъ, по своему богатству, щедрости и отношеніямъ къ царю Египта, пріобрѣлъ въ союзѣ огромное значеніе. Записавшись въ ахейскую конницу, онъ польстилъ этимъ бѣднымъ стратегамъ, уроженцамъ маленькихъ мѣстечекъ, гордившихся тѣмъ, что они имѣютъ подъ своимъ начальствомъ такого знатнаго и уважаемаго царями человѣка. Аратъ скоро сдѣлался главнымъ лицомъ Ахейскаго союза и занялъ мѣсто наряду съ царями того времени. Поэтому прежде чѣмъ коснуться дальнѣйшаго хода дѣлъ, необходимо сказать нѣсколько словъ объ его образованіи и характерѣ.

Въ юности Аратъ почти исключительно занимался упражненіями гимнастики и пренебрегалъ школьными уроками риторовъ, софистовъ и философовъ; написанныя имъ и недошедшія до насъ записки о его жизни доказываютъ, что ученость, какъ говоритъ одинъ греческій историкъ, пріобрѣтается и безъ учителей. Въ Египтѣ, куда онъ отправился вскорѣ по освобожденіи Сикіона, придворные находили его разговоры очень занимательными. Тамошніе ученые и образованный классъ александрійскаго общества любили толковать о древностяхъ и старинѣ, а Сикіонъ имѣлъ образцы весьма древняго искусства, царей и жрецовъ пеласгическаго періода. Слѣдуя модѣ и говоря объ искусствѣ и художникахъ точно такъ же, какъ мы говоримъ какъ объ оперѣ и пѣвцахъ, Аратъ очень понравился двору и ученымъ. Искренно любя свободу и не стремясь къ противозаконной власти, Аратъ любилъ самого себя еще болѣе, чѣмъ свободу. Не имѣя ни талантовъ полководца, ни качествъ, необходимыхъ для великаго государственнаго человѣка, ни даже истиннаго мужества, по своей трусливой натурѣ совершенно неспособный къ военной службѣ, онъ всегда хотѣлъ играть первенствующую роль и распоряжаться дѣлами государства. Отъ природы хитрый, Аратъ дѣйствовалъ отлично въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось коварство, но ему была неизвѣстна истинная политическая мудрость высокой и благородной души. Только счастливый случай доставилъ величіе ему и союзу, во главѣ котораго онъ стоялъ; но счастье также быстро покинуло его.

Достигнувъ возраста, когда онъ могъ быть назначенъ стратегомъ, Аратъ сдѣлался главою Ахейскаго союза (246 г. до р. Х.), и съ того времени почти каждый годъ былъ снова избираемъ въ эту должность, такъ что исторія его жизни составляетъ въ то же время исторію Ахейскаго союза. Не задолго до перваго избранія Арата въ стратеги, Антигонъ Гонатъ посредствомъ хитрости и обмана овладѣлъ ключомъ Пелопоннеса, — Коринѳомъ. Для освобожденія этого города, Аратъ прибѣгнулъ къ неменѣе постыдной хитрости. Шайка воровъ, обо-

кравъ въ Коринѳѣ царскую казну, нашла убѣжище въ Сикіонѣ. Аратъ вошелъ съ ними въ сношенія, и за деньги, съ помощью своихъ сообщниковъ въ Коринѳѣ, они приготовили все для неожиданнаго ночнаго нападенія. Предпріятіе удалось, и Аратъ, хотя и не безъ труда и кровопролитія, овладѣлъ городомъ и почти неприступною цитаделью (244 г. до р. Х.). Онъ тотчасъ же объявилъ коринѳянъ свободными, возвратилъ имъ цитадель, которая со временъ Филиппа II находилась постоянно въ чужихъ рукахъ, и пригласилъ ихъ приступить къ Ахейскому союзу. Мегара и другіе города послѣдовали примѣру Коринѳа и присоединились къ ахейцамъ. Напрасно Антигонъ Гонатъ заключилъ союзъ съ этолійцами, чтобы помѣшать распространенію союза, принимавшаго въ себя на одинаковыхъ условіяхъ всѣ греческіе города и недопускавшаго никакихъ завоеваній и грабежей. Аратъ соединился противъ обоихъ враговъ со Спартою и парализировалъ всѣ дѣйствія этолійцевъ, не вступая съ ними въ правильную борьбу.

Въ продолженіе десятилѣтняго царствованія Димитрія II, наслѣдовавшаго на македонскомъ престолѣ (вѣроятно, въ 240 г. до р. Х.) своему отцу Антигону Гонату, судьба Ахейскаго союза или скорѣе Арата, находившагося постоянно во главѣ его, была еще блистательнѣе. Между Димитріемъ и этолійцами тотчасъ же вспыхнула война, принудившая послѣднихъ заключить союзъ съ ахейцами; съ соединенными же силами обоихъ союзовъ Македонія была не въ силахъ бороться. Аратъ могъ бы тогда же включить въ Ахейскій союзъ важные города Аргосъ и Мегалополь, если бы былъ болѣе способнымъ полководцемъ; но онъ постоянно терпѣлъ неудачи въ открытомъ полѣ, и неоднократныя попытки его освободить аргосцевъ изъ подъ власти тирановъ и присоединить ихъ, какъ коринѳянъ, къ союзу, кончались всегда безуспѣшно. Только по смерти Димитрія II обстоятельства сдѣлали то, чего не могъ добиться Аратъ. Димитрій поддерживалъ всѣхъ пелопоннесскихъ тирановъ, давая имъ возможность сохранять свою власть; его преемникъ Антигонъ Досонъ, сынъ Димитрія Красиваго, правившій государствомъ за малолѣтняго царя Филиппа III, слѣдовалъ другимъ принципамъ и стремился къ другой цѣли. Тираны, видя, что духъ свободы, возбужденный всюду войною съ Македоніею, угрожаетъ ихъ владычеству, добровольно отказались отъ власти и, выставляя необходимость какъ заслугу, думали спасти по крайней мѣрѣ свое имущество и вліяніе. Лидіадъ, тиранъ Мегалополя, многолюднѣйшаго города Пелопоннеса, первый подалъ примѣръ; за нимъ послѣдовали и остальные. Освободившіеся города присоединились къ Ахейскому союзу, къ которому рѣшились тогда примкнуть и аѳиняне (229 г. до р. Х.). Выродившіеся потомки героевъ Мараѳона и Платеи были принуждены Димитріемъ II, занимавшимъ своими гарнизонами Мунихій, Пирей, Саламинъ и аттическій мысъ Суній, сражаться съ македонянами противъ ахейцевъ; желая польстить царю, аѳинскіе граждане однажды, когда распространился ложный слухъ о смерти Арата, въ знакъ радости надѣли на голову праздничные вѣнки. Но едва умеръ Димитрій II, какъ аѳиняне выказали противоположныя стремленія. Они обратились къ Арату, хотя въ то время онъ и не былъ стратегомъ, прося его помощи для освобожденія города, и приняли отъ него подарокъ въ двадцать шесть тысячъ рублей изъ его собственныхъ денегъ, чтобы уплатить сумму, требуемую начальникомъ македонскаго гарнизона за сдачу крѣпости. Освободившись такимъ образомъ, аѳиняне, не смотря на свое презрѣніе къ ахейцамъ, присоединились къ ихъ союзу.

Тогда Ахейскій союзъ достигъ высшей точки своего могущества, заключая въ себѣ Аѳины, Мегару, Эгину, Саламинъ и весь Пелопоннесъ, кромѣ Спарты и не многихъ другихъ городовъ. Къ несчастію, глава союза Аратъ не имѣлъ качествъ необходимыхъ въ опасностяхъ, а тщеславіе не дозволяло ему уступить мѣсто другимъ, болѣе достойнымъ. Когда наступило время, въ которое былъ нуженъ не хитрый дипломатъ, а энергическій полководецъ, Аратъ лишилъ себя и союзъ славы снова возвысить Грецію и спасти ее отъ чужеземнаго ига.

Перемѣна въ положеніи дѣлъ, лишившая освободителя Сикіона его славы, была вызвана событіями въ Спартѣ. Этотъ городъ снова сдѣлался тогда одною изъ сильнѣйшихъ державъ Греціи, благодаря двумъ личностямъ, заслужившимъ удивленіе потомства, но которыя, не смотря на все величие своей души, не имѣли достаточно благоразумія и не понимали характера своихъ современниковъ. Мо-

товство довело Спарту до глубокаго паденія и гнета олигархіи, возможность возстановленія древнихъ обычаевъ и учрежденій, казалось, давно уже миновала, когда царь Агисъ III сдѣлалъ попытку возстановить въ своихъ выродившихся согражданахъ древнюю энергію и простоту жизни и снова доставить своей родинѣ прежнее значеніе въ Греціи. Вступивши на престолъ двадцатилѣтнимъ юношей, вскорѣ по присоединеніи Коринѳа къ ахейскому союзу, онъ выказалъ свое направленіе съ перваго своего царствованія. Воспитанный въ изнѣженности и наслѣдовавъ огромное богатство отъ своей бабки Архитаміи и матери Агесистраты, принадлежавшихъ къ богатѣйшимъ фамиліямъ Спарты, Агисъ отказался однако отъ всѣхъ своихъ прежнихъ привычекъ и сталъ подражать въ одеждѣ, пищѣ и удовольствіяхъ образу жизни древнихъ спартанцевъ, объявляя громогласно свое желаніе возстановить древніе обычаи и вмѣстѣ съ ними прежнюю славу Спарты. Юношество, всегда болѣе отличающееся живымъ сочувствіемъ къ великимъ идеямъ, чѣмъ благоразуміемъ въ осуществленіи ихъ, стало подражать ему; примѣру молодыхъ людей послѣдовали дамы знатнѣйшихъ спартанскихъ фамилій. Напротивъ того, болѣе зрѣлые граждане рѣшительно противились всѣмъ нововведеніямъ.

Планъ Агиса былъ неосуществимъ безъ формальной революціи, а послѣдняя была невозможна безъ заговора противъ существовавшаго государственнаго устройства. Соединившись съ своимъ дядей по матери Агесилаемъ и нѣкоторыми другими старикамии, Агисъ съ помощью ихъ заставилъ выбрать одного изъ заговорщиковъ, Лисандра, въ число эфоровъ, которые, играя роль народныхъ трибуновъ, имѣли тогда въ своихъ рукахъ дѣйствительную власть. Лисандръ предложилъ въ сенатѣ возстановить древнія учрежденія въ ихъ главныхъ чертахъ. Для возстановленія завѣщаннаго Ликургомъ равенства состояній, всѣ долги должны были быть объявлены уплаченными, поземельная собственность раздѣлена между гражданами, и введенъ вновь прежній образъ жизни. Впрочемъ Агисъ и его друзья не думали возстановлять прежній порядокъ во всѣхъ его частностяхъ; сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ, они хотѣли раздѣлить поземельную собственность на вдвое меньшее число участковъ, чѣмъ было при Ликургѣ (стр. 138). Большая часть сената, состоявшая изъ олигарховъ, и другой царь Леонидъ II, возстали противъ этого предложенія, и между правителями спартанской республики въ первый разъ съ незапамятныхъ временъ возникло разногласіе. Еще прежде чѣмъ сенатъ успѣлъ постановить окончательное рѣшеніе, Агисъ созвалъ народъ, чтобы сообщить ему о своихъ планахъ. Заговорщики растолковали народу всѣ выгоды, предоставляемыя ему предложеніемъ Лисандра, а Агисъ прибавилъ, что не только жертвуетъ государству все свое имущество, состоявшее изъ большихъ помѣстій и капитала въ 600 талантовъ (около 800.000 руб. сер.), но, по порученію своей матери, бабки и другихъ своихъ родственниковъ и друзей, предлагаетъ и ихъ имущества въ жертву для общаго блага.

Этими предложеніями Агисъ расположилъ народъ въ свою пользу, но сенатъ, отвергнувъ предложеніе Лисандра, помѣшалъ дальнѣйшему законному ходу дѣла, потому что въ Спартѣ ни одинъ законъ не могъ быть предложенъ народному собранію безъ предварительнаго одобренія сената. Испытавъ неудачу, Агисъ и его друзья старались увеличить свою партію въ сенатѣ, вытѣснивъ нерасположеннаго къ нимъ царя Леонида. Послѣднее было тѣмъ легче, что Леонидъ, во время своего пребыванія въ Сиріи, женился на иностранкѣ, вопреки строгому запрещенію законовъ. Леонидъ былъ низложенъ народомъ, искалъ въ храмѣ спасенія отъ мести своихъ враговъ, а потомъ бѣжалъ за границу. Вмѣсто его былъ избранъ царемъ его зять Клеомбротъ II, расположенный въ пользу задуманныхъ преобразованій. Вскорѣ планъ Агиса встрѣтилъ новое препятствіе: годъ прежнихъ эфоровъ приходилъ къ концу, а вновь назначенные были противъ предлагаемыхъ реформъ. Но Агисъ, увѣренный въ поддержкѣ другаго царя, сталъ дѣйствовать смѣлѣе, объявилъ, что будетъ охранять свои царственныя права и, пользуясь предоставленною ему законами властью, не позволитъ эфорамъ присвоить себѣ управленіе государственными дѣлами. Когда новые эфоры хотѣли воспользоваться низложеніемъ Леонида для обвиненія приверженцевъ Агиса, оба царя явились на площади съ вооруженными

людьми, прогнали эфоровъ съ ихъ сѣдалищъ и вмѣсто нихъ назначили новыхъ. Въ числѣ послѣднихъ находился дядя Агиса Агесилай.

Всѣ препятствія были такимъ образомъ устранены, и Агису удалось бы произвести задуманныя имъ реформы, если бы молодой благородный человѣкъ не былъ постыдно обманутъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, съ помощью котораго онъ надѣялся скорѣе всего осуществить свою мысль. Старый хитрый Агесилай, владѣя огромными помѣстьями, былъ въ страшныхъ долгахъ и хотѣлъ воспользоваться стремленіями своего племянника только для того, чтобы освободить отъ долговъ свою поземельную собственность. Онъ увѣрилъ Агиса и его друзей, что благоразумнѣе будетъ не предпринимать одновременно общаго погашенія долговъ и передѣла поземельной собственности, потому что двѣ такія реформы слишкомъ сильно потрясутъ существующій порядокъ вещей. Ему удалось обмануть соучастниковъ: дѣло о погашеніи долговъ было отдѣлено отъ вопроса о передѣлѣ земли и предпринято съ начала. Приказавъ сжечь публично всѣ долговыя обязательства спартанцевъ, Агисъ только увеличилъ зло, которое онъ желалъ устранить. Агесилай затягивалъ рѣшеніе о новомъ передѣлѣ земли, до того времени, когда Агисъ долженъ былъ вслѣдствіе нападенія этолійцевъ отправиться съ войскомъ на помощь ахейцамъ, союзникамъ Спарты. Выступленіе въ походъ молодаго царя и нѣкоторыхъ изъ самыхъ горячихъ его приверженцевъ позволило Агесилаю воспользоваться доставленною ему Агисомъ властью, для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей. Онъ составилъ себѣ отрядъ тѣлохранителей, дѣлалъ разные противозаконные поступки и ясно давалъ замѣтить, что намѣренъ удержать за собою достоинство эфора и на слѣдующій годъ. Народъ, и безъ того уже обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, вслѣдствіе отсрочки передѣла земли, охладѣлъ въ своей любви къ Агису, и олигархи искусно воспользовались этимъ настроеніемъ умовъ для осуществленія своихъ намѣреній. По возвращеніи Агиса изъ похода въ Спартѣ вспыхнула контрреволюція; его враги взялись за оружіе, обманутый народъ отступился отъ обоихъ царей, низложенный Леонидъ поспѣшилъ вернуться изъ изгнанія, и олигархи снова захватили потерянную ими власть.

Насильственное подавленіе стремленія нѣсколькихъ благородныхъ людей улучшить судьбу своего народа сопровождалось, какъ обыкновенно, несправедливостями и жестокостями надъ побѣжденною партіею. Писатель древности, въ сочиненіяхъ котораго сохранились единственныя подробныя извѣстія объ этихъ событіяхъ, сообразно назидательной цѣли своего произведенія, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы представить въ поучительномъ и драматическомъ тонѣ печальную судьбу низвергнутаго царя. Но естественный здравый смыслъ человѣка, ищущаго дѣйствительныхъ знаній, не нуждается въ подобныхъ прикрасахъ и искусственныхъ эффектахъ; читая простой разсказъ о печальной участи тѣхъ, которые вслѣдствіе увлеченія сдѣлались жертвою своихъ благородныхъ стремленій, онъ приметъ въ нихъ чисто человѣческое участіе, не позволяя себѣ трогательнымъ и поэтическимъ изложеніемъ событій затемнить изученіе человѣческой жизни, составляющее истинную, конечную цѣль всякой исторіи. Низверженные Агисъ и Клеомбродъ бѣжали въ два различные храма. Послѣдній спасся отъ мщенія своего тестя только мольбами своей жены Х е л о н и д ы, и отправился въ изгнаніе вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Агисъ поддался обману своихъ коварныхъ друзей, выманившихъ его изъ священнаго убѣжища и заключившихъ его въ темницу. Леонидъ, обвинилъ его предъ судомъ, составленнымъ изъ самыхъ явныхъ его враговъ, и казнилъ, согласно приговору этого суда. Мать и бабка Агиса также сдѣлались жертвами своихъ торжествующихъ противниковъ и, какъ Агисъ, встрѣтили смерть съ мужествомъ и достоинствомъ. Только безсовѣстный Агесилай, думавшій воспользоваться благороднѣйшими стремленіями своего племянника для своихъ корыстныхъ цѣлей, избѣжалъ преслѣдованія: ему удалось спастись бѣгствомъ (240 г. до р. Х.).

Нѣсколько лѣтъ спустя К л е о м е н ъ III, сынъ Леонида, умертвившаго Агиса и его семейство, обнаружилъ совершенно неожиданно то же самое направленіе, какъ и Агисъ, и повторилъ сдѣланную имъ попытку произвести революцію. Клеоменъ повелъ дѣло гораздо искуснѣе. Онъ приступилъ къ возстановленію старинныхъ нравовъ и учрежденій своего народа въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ и обладалъ большею опытностью и знаніемъ людей, чѣмъ Агисъ. Послѣдній хотѣлъ достигнуть

своей цѣли путемъ законности, безъ всякаго насилія, но исходъ его предпріятія показалъ всю неосновательность его разсчетовъ, и Агисъ сдѣлался жертвою своего патріотическаго рвенія. Клеоменъ избралъ другой путь. Онъ понялъ, что эти реформы могутъ быть осуществлены только энергическою рукою, и что единственное средство свергнуть олигарховъ — насиліе, что военное государство можетъ быть исправлено только военными средствами и строгость нравовъ должна быть возстановлена точно такимъ же путемъ, какъ и ослабленная дисциплина въ лагерѣ. При этомъ ему благопріятствовали и самыя обстоятельства, давшія ему возможность пріобрѣсти себѣ преданное войско, съ которымъ онъ впослѣдствіи могъ осуществить свое намѣреніе.

Леонидъ, по возвращеніи въ Спарту, управлявшій государствомъ безъ соправителя, умеръ въ 236 г. до р. Х., завѣщавъ престолъ сыну своему Клеомену III, котораго онъ, тотчасъ по смерти Агиса, женилъ на его богатой вдовѣ Агіатидѣ, не смотря на ея сопротивленіе. Новый царь, уважавшій принципы стоической философіи, скоро пришелъ къ тѣмъ же убѣжденіямъ, какъ и Агисъ, но приступилъ къ дѣлу гораздо осторожнѣе. Онъ умѣлъ возбудить многолѣтнюю войну съ ахейцами, давшую ему средства къ осуществленію реформы. Ахейцы, распространивъ свой союзъ почти на весь Пелопоннесъ, старались привлечь къ нему и аркадскіе города, еще не вошедшіе въ его составъ. Это возбудило зависть спартанцевъ и этолійцевъ, они сблизились между собою, и началась долголѣтняя война, продолжавшаяся съ 229 по 222 годъ до р. Х., называемая обыкновенно войною Клеомена. Этолійцы, хотя и союзники Спарты, приняли дѣятельное участіе въ этой войнѣ только тогда, когда въ нее вмѣшался македонскій царь, призванный на помощь Аратомъ. Наступило время, когда Арату слѣдовало доказать, что онъ можетъ стать во главѣ движенія и способенъ управлять дѣлами ахейскаго союза; но на дѣлѣ обнаружилось совершенно противное. Въ военномъ искусствѣ Аратъ никакъ не могъ равняться съ Клеоменомъ, дѣлалъ ошибку за ошибкою и своею неспособностью помогъ спартанскому царю достичь конечной цѣли его военныхъ предпріятій. Аратъ лишился своей славы, а Клеоменъ пріобрѣлъ репутацію талантливаго полководца и въ тоже время умѣлъ привязать къ себѣ войско. Когда противники въ первый разъ сошлись въ открытомъ полѣ, стратегомъ ахейцевъ былъ Аристомахъ изъ Аргоса. Не смотря на то, вліяніе Арата было такъ велико, что ему удалось устроить, что предложенная Клеоменомъ битва не была принята, хотя спартанцевъ было всего пять тысячъ, а силы ахейцевъ простирались до двадцати тысячъ человѣкъ. Лидіадъ, бывшій тиранномъ Мегалополя до присоединенія его къ союзу, а потомъ три раза избиравшійся въ стратеги ахейцевъ, публично обвинялъ въ этомъ Арата, но ни разу не могъ помѣшать избранію его въ стратеги на слѣдующій годъ. Это легко объясняется тѣмъ, что Аратъ былъ извѣстенъ какъ другъ свободы и пользовался расположеніемъ народа, который имѣлъ причины опасаться болѣе храбрости и искусства прежняго тирана, чѣмъ неспособности и недостатка военнаго мужества Арата.

Послѣдствіемъ вторичнаго избранія Арата была потеря сраженія, въ которое его заставилъ вступить Клеоменъ. Во время отступленія ему удалось возстановить свою репутацію удачнымъ неожиданнымъ нападеніемъ на занятый спартанцами городъ Мантинею, но въ томъ же самомъ году слава его совершенно померкла. Изъ трусости онъ уклонился отъ новой битвы, предложенной ему Клеоменомъ, и вскорѣ послѣ того, не смотря на благопріятныя обстоятельства и мужественное рвеніе войскъ, вторично выказалъ такую же боязливость; наконецъ, когда Лидіадъ, командовавшій конницею, рѣшился, подъ собственною отвѣтственностью, вступить въ бой со спартанцами, Аратъ спокойно оставался въ своей позиціи. Лидіадъ погибъ смертью героя, а Аратъ былъ осыпанъ насмѣшками своихъ собственныхъ войскъ и по возвращеніи домой публично освистанъ въ союзномъ собраніи. Не смотря на то, онъ не сложилъ съ себя достоинство стратега, но само собой разумѣется не могъ ничего предпринять противъ Клеомена. Послѣдній поспѣшилъ воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы осуществить задуманный имъ переворотъ (225 г. до р. Х.). Войско его состояло отчасти изъ наемниковъ, нанятыхъ имъ на деньги Птолемея Эвергета, союзника Спарты. Изъ этихъ наемниковъ онъ выбралъ отборный отрядъ и съ нимъ двинулся форсированнымъ маршемъ къ Спартѣ. Здѣсь онъ тотчасъ же приказалъ умертвить эфо-

ровъ и ихъ друзей, изгналъ изъ Спарты восемьдесятъ знатнѣйшихъ олигархическихъ фамилій и, созвавъ народъ, объявилъ ему, что должность эфоровъ навсегда уничтожается, возстановляются древнія учрежденія, всѣ долги признаются уплаченными, а земли должны быть вновь раздѣлены. Возвѣщенная реформа была немедленно приведена въ исполненіе. Прежде всего Клеоменъ объявилъ погашенными всѣ долги, потомъ вмѣстѣ со своими друзьями пожертвовалъ въ пользу государства все свое состояніе и за тѣмъ тотчасъ же раздѣлилъ всю поземельную собственность поровну между гражданами, число которыхъ принятіемъ періэковъ (стр. 136.) такъ увеличилось, что Спарта опять могла выставлять на войну четыре тысячи тяжело вооруженныхъ. Онъ перемѣнилъ также и вооруженіе войска по новой македонской системѣ, введя вмѣсто короткаго копья длинную сариссу (стр. 852.). Наконецъ онъ возстановилъ и давно уже исчезнувшій обычай общихъ обѣдовъ и другія особенности древне-спартанскаго быта. При этомъ онъ самъ подавалъ всѣмъ примѣръ, изгнавъ изъ своего дома всякую роскошь, отказавшись отъ всѣхъ удобствъ жизни и строго слѣдуя предписаніямъ Ликурга во всемъ, что касалось одежды и пищи. Въ то же время, чтобы не нарушать государственнаго устройства Спарты, Клеоменъ назначилъ соправителемъ брата своего, Э в к л и д а.

Такимъ образомъ Клеоменъ произвелъ свои реформы вооруженною рукою, не обращая никакого вниманія на формы законности. Насильственность его образа дѣйствій, по строго нравственнымъ соображеніямъ, никакъ нельзя оправдать; но Клеоменъ не хотѣлъ и не могъ быть нравственнымъ героемъ, онъ былъ человѣкомъ, усвоившимъ себѣ принципы Ликурга, совершенно различные отъ правилъ христіанской нравственности. Онъ вполнѣ достигъ цѣли своихъ стремленій, но намѣреніе его противорѣчило духу времени, и потому спартанцы не могли долгое время держаться на той высотѣ, на которую поставилъ ихъ Клеоменъ. Впрочемъ своею революціею и превосходною системою веденія войны онъ возвратилъ спартанцамъ потерянное ими довѣріе къ собственнымъ силамъ, приковалъ къ себѣ соотечественниковъ своею привѣтливостью и простотою, и въ теченіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ игралъ первую роль не только въ Спартѣ, но и во всей Греціи.

Совершивъ переворотъ, Клеоменъ оставилъ Спарту, чтобы продолжать войну съ ахейцами. Онъ побѣдоносно проникъ въ самую Ахаію и нанесъ тамъ чувствительное пораженіе союзнымъ войскамъ, которыми командовалъ стратегъ Гипербатъ (225 г. до р. Х.). Пораженіе это побудило ахейскій союзъ начать переговоры о заключеніи мира. Клеоменъ требовалъ назначенія его верховнымъ главою союза и соединенія всего Пелопоннеса въ могущественную конфедерацію независимыхъ государствъ подъ верховнымъ начальствомъ спартанскаго царя. Принятіе его предложенія, вѣроятно, спаслобы самостоятельность Греціи, но оно лишило бы Арата его положенія въ союзѣ и отняло бы у него всякое вліяніе. Тщеславный человѣкъ не могъ перенести подобнаго униженія, и потому переговоры не имѣли успѣха. Онъ уже прежде, чрезъ разныхъ посредниковъ, вошелъ въ сношенія съ царемъ македонскимъ Антигономъ Досономъ, а послѣ упомянутаго пораженія сдѣлалъ союзу формальное предложеніе противоставить Клеомену македонскаго царя. Антигонъ между тѣмъ соглашался на предложенный Аратомъ союзъ, только подъ условіемъ уступки ему Коринѳской цитадели—ключа Пелопоннеса. Убѣждая союзъ вступить въ переговоры съ македонскимъ царемъ, Аратъ въ то же самое время не хотѣлъ принимать званія стратега, котораго онъ ежегодно такъ домогался, подъ тѣмъ предлогомъ, что подвергся въ предшествовавшемъ году оскорбленію въ союзномъ собраніи, а въ дѣйствительности потому, что понималъ затруднительность тогдашняго положенія дѣлъ. Этимъ онъ навлекъ на себя заслуженный укоръ ахейцевъ, упрекавшихъ его, что онъ изъ трусости отказался отъ должности въ минуту опасности и, подчиняясь предубѣжденію, зависти и ревности, совѣтовалъ предпочесть неограниченнаго монарха Македоніи войнѣ со Спартою. Не смотря на все это, Аратъ и его друзья возбудили такое недовѣріе къ Клеомену, что условленное личное прибытіе послѣдняго въ союзное собраніе никакъ не могло состояться. Спартанскій царь, видя, что хотя предложенія его и отвергнуты, но несогласія между ахейцами и Аратомъ продолжаются, рѣшился прибѣгнуть къ оружію. Объявивъ войну ахейскому союзу, онъ занялъ земли аргосцевъ и двинулся къ Коринфу, переданный ему самими жителями, цитадель же,

имѣвшую ахейскій гарнизонъ, велѣлъ окружить стѣною и рвомъ и держать въ осадѣ. Потомъ онъ пошелъ къ Сикіону, гдѣ находился самъ Аратъ, и осадилъ этотъ городъ. Аратъ между тѣмъ продолжалъ вести переговоры съ Антигономъ и наконецъ побудилъ ахейцевъ обратиться съ униженною просьбою о помощи къ Антигону. Хитрый македонскій царь затягивалъ переговоры, настаивая на уступкѣ Коринѳской цитадели. И Арату и ахейцамъ трудно было рѣшиться на уступку македонскому царю того самаго города, освобожденіе котораго составляло важнѣйшую заслугу Арата, и вступленіе котораго въ ахейскій союзъ придало послѣднему настоящее значеніе въ Греціи. Переговоры и разсужденія объ этомъ дѣлѣ продолжались нѣсколько мѣсяцевъ. Упорство Антигона въ своемъ требованіи поставило Арата въ самое затруднительное положеніе, не смотря на это, онъ рѣшительно отвергъ вторичное, сдѣланное ему лично, предложеніе Клеомена признать его стратегомъ союза и ввести въ Коринѳскую цитадель смѣшанный спартанскій и ахейскій гарнизонъ. Такимъ образомъ ахейцы силою обстоятельствъ были принуждены, противъ воли, вступить въ союзъ съ Македоніею. Дѣйствія коринѳянъ, которые сами отказались отъ союза и, по приближеніи Клеомена, выгнали ахейскія войска изъ города, устранили всѣ затрудненія относительно передачи Коринѳа македонянамъ, и наконецъ, на союзномъ собраніи въ Эгіи, Аратъ склонилъ послѣднее согласиться на требованія Антигона. Немедленно были посланы къ македонскому царю гонцы, для окончательнаго рѣшенія дѣла, и въ числѣ другихъ ахейцевъ, отправленныхъ заложниками въ Македонію, находился родной сынъ Арата.

Судьба Греціи зависѣла отъ исхода войны между македонскимъ и спартанскимъ царями. Послѣдній, получивъ извѣстіе о рѣшеніи, принятомъ въ Сикіонѣ, тотчасъ снялъ осаду Сикіона, и заперъ Коринѳскій перешеекъ цѣлымъ рядомъ укрѣпленій. Антигонъ, явившись со своимъ войскомъ, увидѣлъ невозможность пробиться чрезъ Истмъ, и ему едва ли бы проникнуть въ Пелопоннесъ, если бы случайное происшествіе въ тылу Клеомена не заставило спартанцевъ отступить. Жители Аргоса отказались отъ только что заключеннаго ими союза со Спартою, призвали на помощь Арата и напали на спартанскій гарнизонъ, находившійся въ ихъ цитадели. Послѣдній очутился въ весьма затруднительномъ положеніи, отрядъ, посланный на помощь Клеоменомъ, не могъ выручить ихъ, и спартанскій царь долженъ былъ рѣшиться на отступленіе отъ Истма, потому что было бы неблагоразумно продолжать защиту перешейка, когда во власти ахейцевъ находился городъ, занявъ который они могли преградить ему путь отступленія къ Спартѣ. Такимъ образомъ македоняне получили свободный проходъ черезъ Истмъ. Клеоменъ двинулся со всѣмъ своимъ войскомъ къ Аргосу, силою ворвался въ городъ и соединился съ гарнизономъ цитадели; но держаться въ немъ было невозможно, потому что вслѣдъ за нимъ явились туда македонское войско и ахейскій отрядъ подъ начальствомъ Арата. Клеоменъ отступилъ чрезъ Мантинею въ Лаконію, и съ той минуты вмѣсто того чтобы, согласно своему плану, вести наступательную войну, долженъ былъ ограничиться защитою владѣній Спарты. Съ этого времени война приняла дикій свирѣпый характеръ, вполнѣ обнаружившій взаимное раздраженіе воюющихъ сторонъ и общій нравственный упадокъ тогдашнихъ грековъ. Такъ, напримѣръ, бывшій ахейскій стратегъ, Аристомахъ, перешедшій впослѣдствіи на сторону Клеомена, попавшись въ плѣнъ ахейцамъ, по приказанію Арата и Антигона, въ продолженіе цѣлой ночи былъ подвергаемъ жестокимъ пыткамъ и потомъ брошенъ въ море. Неслыханныя жестокости совершались не только отдѣльными личностями противъ отдѣльныхъ же лицъ, но цѣлые цвѣтущіе города были совершенно опустошаемы, какъ напримѣръ Мегалополь спартанцами и Мантинея ахейцами. Въ этой войнѣ только одинъ Клеоменъ выказалъ себя дѣйствительно великимъ человѣкомъ. Правда, и его можно упрекнуть въ жестокости и склонности къ военному деспотизму, но въ то время, какъ Аратъ продолжалъ также жалко играть свою роль, а македонскій царь старался достигнуть своей цѣли мелочными хитростями, весь образъ дѣйствій Клеомена, среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, доказываетъ, что онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ современниковъ истинною силою характера и обширностью своихъ дарованій. Лишившись послѣ потери Аргоса своей любимой жены Агіатиды, онъ не задумался отправить свою мать и дѣтей заложниками въ Египетъ,

такъ какъ царь египетскій соглашался только на этомъ условіи оказывать спартанцамъ прежнюю ничтожную поддержку. Клеоменъ не упалъ духомъ даже и тогда, когда Птолемей Эвергетъ все-таки не исполнилъ своего обѣщанія, а вступилъ въ переговоры съ Антигономъ. Чтобы увеличить численность войска и имѣть средства вести войну безъ египетскаго золота, онъ предложилъ свободу всякому гелоту за сто десять рублей на наши деньги, и собралъ такимъ образомъ около шестисотъ пятидесяти тысячъ рублей. Навербовавъ на эту сумму довольно значительное число наемниковъ, онъ напалъ на Мегалополь и, ограбивъ его, получилъ около четырехъ сотъ тысячъ рублей.

Между тѣмъ Антигонъ и ахейцы старались вредить спартанцамъ своими военными дѣйствіями въ Аркадіи. Овладѣвъ Коринѳскою цитаделью и изгнавъ спартанцевъ изъ Аргоса, македонскій царь былъ провозглашенъ главнокомандующимъ союза, завоевалъ Тегею, имѣлъ нѣсколько незначительныхъ битвъ съ Клеоменомъ на границахъ Лаконіи и потомъ занялъ аркадскіе города Орхоменъ и Мантинею. Послѣдній городъ былъ жестоко наказанъ имъ и ахейцами за переходъ на сторону Клеомена: всѣ жители были обращены въ рабство, знатнѣйшіе изъ нихъ казнены, а самъ городъ преданъ грабежу и потомъ подаренъ аргосцамъ, давшимъ ему новое имя Антигоніи. Все это происходило отъ начала весны до осени 223 г. до р. Х. Послѣ того Антигонъ расположилъ свои войска по зимнимъ квартирамъ, какъ вдругъ Клеоменъ, къ ужасу ахейцевъ и ихъ союзниковъ, неожиданно быстро вторгся во владѣнія аргосцевъ. Онъ проникъ до самаго Аргоса, опустошая все на своемъ пути, и потомъ возвратился въ Лаконію. До самой зимы перевѣсъ оставался на сторонѣ Клеомена; весною слѣдующаго года (222 до р. Х.) война приняла другой оборотъ. Антигонъ сосредоточилъ вокругъ себя всѣ силы Ахейскаго союза, подкрѣпилъ свою армію ополченіями ѳракійскихъ, иллирійскихъ, эпирскихъ и акарнанскихъ подвластныхъ народовъ, и доведя число своихъ войскъ до двадцати девяти тысячъ человѣкъ, снова перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, рѣшившись вести войну съ спартанскимъ царемъ въ его собственныхъ владѣніяхъ. Клеоменъ имѣлъ у себя четырнадцать тысячъ спартанцевъ и шесть тысячъ наемныхъ войскъ и, вслѣдствіе затруднительности содержать ихъ долгое время, не могъ уклоняться отъ рѣшительной битвы. Оба войска вступили въ бой при спартанскомъ городкѣ Селласіи, и Клеоменъ былъ разбитъ на голову (222 г. до р. Х.). Противники его были обязаны своею побѣдою преимущественно храбрости македонской фаланги и рѣшимости, пріобрѣвшаго впослѣдствіи громкую славу, Филопемена изъ Мегалополя, выказавшаго тогда впервые свои военныя дарованія. Шесть тысячъ спартанцевъ, настоящій цвѣтъ народа, не задолго передъ тѣмъ вновь созданнаго Клеоменомъ, лишились жизни въ сраженіи. Такимъ образомъ битва при Селласіи рѣшила не только исходъ тогдашней войны, но и участь всего спартанскаго государства. Лучшая часть народа погибла въ бою, а остальные сдѣлались съ тѣхъ поръ только игрушкою смѣлыхъ разбойниковъ, владѣвшихъ Спартою подъ именемъ тирановъ.

Тотчасъ послѣ сраженія Антигонъ двинулся противъ Спарты и, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, овладѣлъ беззащитнымъ городомъ. Онъ поступилъ съ побѣжденными чрезвычайно умѣренно и благоразумно, запретилъ грабежъ и насиліе, возстановилъ олигархію, уничтоженную Клеоменомъ, и заставилъ спартанцевъ приступить къ Ахейскому союзу. Пробывъ въ Спартѣ три дня, онъ двинулся къ Аргосу, гдѣ недальновидные греки, собравшіеся на немейскія игры, торжественно привѣтствовали его какъ побѣдителя и освободителя, единственно потому, что онъ не ознаменовалъ жестокостями пріобрѣтеннаго имъ въ Греціи преобладанія и не воспользовался своею побѣдою для угнетенія и грабежа тѣхъ, которые добровольно признали его своимъ покровителемъ и повелителемъ. Изъ Аргоса онъ поспѣшилъ форсированными маршами въ Македонію, получивъ во время своего пребыванія въ Спартѣ извѣстіе, что одно разбойничье иллирійское племя вторгнулось въ страну.

Клеоменъ, посовѣтовавшій своимъ согражданамъ послѣ несчастной битвы при Селласіи добровольно подчиниться македонянамъ, еще до прибытія въ Спарту Антигона бѣжалъ въ Египетъ съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей. Онъ былъ радушно принятъ въ Александріи, и Птолемей Эвергетъ назначилъ ему значитель-

ное годовое содержаніе, давъ вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаніе возстановить его прежнюю власть въ Спартѣ. Но, къ несчастью для Клеомена, Эвергетъ вскорѣ послѣ того умеръ, а со смертью его измѣнились и отношенія спартанскаго царя къ египетскому двору. Новый царь, Птолемей Филопаторъ, человѣкъ безхарактерный, недальновидный и лишенный всякихъ достоинствъ, былъ простою игрушкою въ рукахъ своего могущественнаго царедворца (министра) Собія, который и не думалъ объ исполненіи обѣщаній покойнаго царя, а, напротивъ того, по капризу и изъ чувства ненависти и недовѣрія, даже помѣшалъ Клеомену отправиться безъ египетской поддержки въ Грецію и воспользоваться благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ въ этой странѣ для вторичнаго завоеванія Спарты. Клеоменъ, и безъ того презиравшій низкихъ египетскихъ придворныхъ, былъ сильно раздраженъ этимъ и излилъ свое неудовольствіе въ насмѣшкахъ надъ царемъ и его низкопоклонными приближенными. Неосторожность эта окончательно возстановила противъ него дворъ. При всеобщемъ упадкѣ чувства чести въ ту эпоху очень легко было возстановить царя противъ Клеомена, онъ былъ отданъ подъ строгій надзоръ и содержался почти какъ плѣнникъ. Клеомену пришла въ голову несчастная мысль выпутаться изъ этихъ обстоятельствъ, возбудивъ революцію противъ Птолемея. Однажды во время поѣздки послѣдняго въ Канопъ, Клеоменъ обманулъ своихъ стражей, и явившись съ своею спартанскою свитою, состоявшею всего изъ тринадцати человѣкъ, на улицахъ Александріи сдѣлалъ воззваніе къ жителямъ. Александрійцы, ни о чемъ такъ мало не помышлявшіе, какъ о политической свободѣ, смотрѣли съ изумленіемъ на спартанцевъ, никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на воззваніе освободителей и не послѣдовалъ за ними, когда они двинулись къ цитадели. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ и предчувствуя грозившую имъ участь, спартанцы, чтобы избѣгнуть позорной смерти, сами лишили себя жизни (221 г. до р. Х.). Раздраженный египетскій царь удовлетворилъ своему мщенію, приказавъ казнить престарѣлую мать Клеомена, его дѣтей женъ и прочихъ участниковъ возстанія. Всѣ онѣ, какъ и мужчины, встрѣтили смерть съ спартанскимъ мужествомъ. Неудачная попытка Клеомена никакъ не могла увѣнчаться успѣхомъ; онъ долженъ былъ предвидѣть это заранѣе, имѣвъ довольно времени, чтобы познакомиться съ изнѣженными александрійцами, привыкшими къ чувственнымъ наслажденіямъ и придворнымъ низостямъ. Поэтому его можно было бы обвинить въ неблагоразумiи и непонятной дерзости, если не брать въ соображеніе того, что онъ, по словамъ историка Полибія, рѣшился на эту крайность только вслѣдствіе совершенной безнадежности своего положенія. Онъ самъ почти не вѣрилъ возможности успѣха своей смѣлой попытки, но не хотѣлъ выносить недостойнаго обращенія съ собою и умереть обыкновенною смертью, потому что, прибавляетъ Полибій, люди истинно великой души не хотятъ кончать своихъ дней въ праздности и безславіи, а стремятся украсить жизнь свою подвигами, достойными памяти потомковъ.

Побѣда при Селласіи возвела новую македонскую династію на высшую степень ея могущества въ Греціи. Тѣснимый ею и этолійцами, Аратъ, въ послѣдующія девять лѣтъ, съигралъ послѣднюю и самую жалкую часть своей роли. Въ послѣдніе годы его жизни римляне вмѣшались въ греко-македонскія дѣла, и съ того времени народъ этотъ начинаетъ пріобрѣтать все большее и большее вліяніе надъ восточною Европою. Поэтому позднѣйшая исторія Греціи можетъ быть излагаема только въ связи съ римскою. Въ заключеніе же этого отдѣла политической исторіи Греціи бросимъ поверхностный взглядъ на тогдашнее состояніе Греціи и Македоніи вообще.

Значеніе Спарты исчезло навсегда; вновь возстановленная самостоятельность аѳинянъ была также однимъ пустымъ призракомъ, потому что въ дѣйствительности, до самаго владычества римлянъ, и они безусловно подчинялись волѣ македонскихъ царей. Этолійцы, пріобрѣвшіе значеніе только при самомъ началѣ войны съ римлянами, по своей необразованности не могли стать во главѣ всѣхъ грековъ. Ахейскій союзъ также не могъ спасти Грецію отъ чужеземнаго ига, и палъ передъ римскимъ владычествомъ подъ управленіемъ Филопемена и другихъ, какъ прежде передъ македонскимъ владычествомъ при Аратѣ. Несогласія между Этолійскимъ и Ахейскимъ союзами, ихъ безпрерывныя войны другъ съ другомъ, съ Македоніею и господствовавшими въ Спартѣ хищниками, привели въ страшное

разстройство всю Грецію и много способствовали ея обѣднѣнію. Напротивъ того, состояніе Македоніи и Ѳессаліи значительно улучшилось еще при Антигонѣ Гонатѣ, въ сравненіи съ ея положеніемъ по смерти Антипатра. Собственная Македонія, властителемъ которой по смерти Антигона Досона, вскорѣ послѣ битвы при Селласіи, сдѣлался Филиппъ III, сынъ Димитрія II, снова достигла высокой степени благосостоянія, подъ управленіемъ этихъ трехъ царей. Македонскій народъ сохранялъ свою прежнюю воинственность и энергію, повиновался царямъ, обладавшими по крайней мѣрѣ талантами полководцевъ, никогда не утрачивалъ своего государственнаго устройства и, подобно грекамъ переселившимся въ Азію, никогда не терялъ сознанія, что его права не могутъ быть отмѣняемы по произволу. Хотя при Димитріи Поліоркетѣ, Пиррѣ и Птолемеѣ Керавнѣ македонская монархія сдѣлалась неограниченною и основывалась не на согласіи народа, а на силѣ войска, однако при Антигонѣ Гонатѣ была возстановлена болѣе разумная система управленія и въ народѣ снова оживилось нѣкоторое сознаніе правъ. Наконецъ во многихъ городахъ Ѳессаліи существовали самостоятельныя правительства, избираемыя самими гражданами и даже повидимому, особые стратеги или военные начальники всей страны; по имени и по формѣ подчиненные македонскимъ царямъ, города эти пользовались совершенною самостоятельностью въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Номинальная же подчиненность македонскому царю доставляла ѳессалійцамъ ту выгоду, что предохраняла ихъ отъ внутреннихъ распрей и ставила всю страну въ гораздо лучшее положеніе, чѣмъ прежде.

9. Образованность и умственная жизнь грековъ отъ смерти Александра до эпохи римскаго владычества.

Время по смерти Александра Великаго было эпохою промышленаго развитія и ученыхъ занятій, однимъ изъ тѣхъ періодовъ жизни народовъ, когда стремленія общества направляются преимущественно на предметы полезные и употребительные въ матеріальной жизни, а умъ, утративъ пониманіе истинно высокаго и добраго, находитъ для себя удовольствіе въ чтеніи и чувствуетъ потребность разнообразить утонченныя чувственныя наслажденія умственными занятіями и научнымъ диллентантизмомъ. Въ такую эпоху могутъ процвѣтать только тѣ изъ наукъ и научныхъ занятій, которыя имѣютъ примѣненіе въ практической жизни, какъ математика, механика, физика и медицина. Собираніе и объясненіе матеріаловъ и безплодное мудрствованіе занимаютъ мѣсто основывающейся на одушевленіи истинной научной дѣятельности, все чисто умственное лишается своего внутренняго содержанія и падаетъ въ той же мѣрѣ, въ какой возвышается названныя выше науки. Изнѣженный умъ человѣка наполняется тогда знаніями и образованностью, среди чувственныхъ наслажденій онъ ощущаетъ необходимость въ умственномъ занятіи, но въ тоже время бываетъ слишкомъ безсиленъ, слишкомъ преданъ чувственности и далекъ отъ естественности, чтобы любить истинное и прекрасное только для нихъ самихъ. Въ подобныя эпохи искусства и наука дѣлаются только средствами для внѣшнихъ матеріальныхъ цѣлей и, какъ рабыни, служатъ роскоши, промышлености и развлеченіямъ. Таковъ былъ весь бытъ и умственное направленіе грековъ въ эпоху по смерти Александра Великаго, придавшіе особенный характеръ тогдашней греческой образованности, называющейся обыкновенно александрійскою, по своему средоточію въ Александріи, въ Египтѣ.

Александрійская эпоха, подобно современной намъ, была временемъ полезныхъ изобрѣтеній и прикрашенной прозы жизни, или, другими словами, періодомъ быстраго и высокаго развитія всѣхъ наукъ и искусствъ, имѣющихъ примѣненіе къ промышлености, торговлѣ, мореплаванію, зодчеству, врачебной наукѣ и военному искусству. Успѣхи реальныхъ наукъ составляютъ самую свѣтлую и важную для позднѣйшихъ поколѣній сторону александрійской образованности, вліяніе которой на слѣдующія столѣтія было тѣмъ значительнѣе, что именно около того же времени римляне, стремившіеся по самому складу своего ума только къ ре-

альному и практическому, стали приближаться къ осуществленію идеи всемірнаго владычества. Во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ александрійская эпоха представляетъ собою печальную картину застоя, упадка и испорченности. Мѣсто свободнаго, энергическаго умственнаго движенія заступила безцвѣтная, тщеславная и пустая дѣятельность ума, литература, за исключеніемъ реальныхъ наукъ, обратилась или въ пустую болтовню, или въ безплодную ученость, праздное мудрствованіе, поверхностное многознаніе и самодовольную академическую мудрость. Лучшая, менѣе испорченная часть націи перестала заниматься тогда литературою, сдѣлавшись совершенно чуждою народу она обратилась въ средство препровожденія времени для придворныхъ и знатныхъ или удалилась въ библіотеки кабинетныхъ ученыхъ. Такимъ образомъ эпоха эта представляетъ собою часто повторяющееся въ исторіи человѣчества явленіе—образованное общество, въ которомъ потребность препровожденія времени и разнообразія, сремленіе къ удовлетворенію любопытства и желаніе занять праздное воображеніе замѣнили простоту и естественность воззрѣній, пониманіе высокаго и живое участіе ко всему истинно человѣческому. Источникомъ мудрости, вмѣсто самой жизни, сдѣлались книги, а библіотека и дворъ стали центрами, вокругъ которыхъ вращалась александрійская литература и сложившіяся по ея образцу сирійская, пергамская и позднѣйшая римская, послѣ императора Тиберія. Это даетъ намъ ключь къ изученію характера всей греческой образованности позднѣйшаго періода. Общество и жизнь, свѣжесть ума и вѣчно юная природа, единственные истинные источники мудрости и поэзіи, въ чопорномъ кругу знатнаго общества являются человѣку прикрашенными и въ маскарадномъ костюмѣ, а въ книгѣ только смутнымъ и безжизненнымъ отраженіемъ дѣйствительности. Поэтому въ тѣ времена, когда, какъ въ александрійскую эпоху, книги и общество доставляютъ уму единственную пищу, во всѣхъ его произведеніяхъ чувствуется недостатокъ истины, энергіи, основательности и естественности; это плоды безжизненной учености, мудрствованія, раздраженнаго воображенія и тщеславія. Желаніе сдѣлаться извѣстнымъ двору, потребность найти покровительство и средства къ существованію, стремленіе пользоваться своею славою для увеличенія своихъ доходовъ, праздное отыскиваніе предметовъ разработки возбуждаютъ борьбу за пустую извѣстность и, развращая природу, приносятъ нравственность въ жертву безполезной, но обращающей на себя вниманіе, учености. Остроумная критика и безалаберное собираніе сухихъ фактовъ и чиселъ съ одной стороны, безумная мечтательность и пустая игра воображенія съ другой — тѣсно связаны между собою во всѣ эпохи застоя человѣческой мысли; въ такія времена одни писатели, занимаясь современною или придворною исторіею, охотно вдаются въ разсказы о скандалезныхъ происшествіяхъ, преувеличенія или низкую лесть, другіе передаютъ въ духѣ волшебныхъ сказокъ баснословныя сказанія первобытныхъ временъ. Безсиліе разсудка, необузданность фантазіи, злоупотребленіе учеными цитатами, прибирая которыя ученые заботились только о числѣ ихъ, а не о годности, не стыдясь даже ссылаться на сочиненія, недостовѣрность которыхъ была всѣмъ извѣстна, и на ряду съ этимъ превосходное философское изслѣдованіе языка и глубокое пониманіе его духа, обширная начитанность и основательное знаніе всѣхъ вспомогательныхъ наукъ, необходимыхъ для объясненія произведеній древнихъ писателей — составляютъ отличительную черту александрійской литературы. Но и при всемъ этомъ литература сохранила всѣ характеристическія особенности, отличающія ее отъ литературъ позднѣйшаго времени. Воспріимчивость и энергія греческаго духа не исчезаютъ и въ періодъ его упадка; искусство и наука остаются по прежнему въ такой тѣсной связи съ жизнью, что даже низкимъ, распутнымъ александрійскимъ и антіохійскимъ царедворцамъ и тиранамъ мелкихъ греческихъ государствъ они были столь же необходимы, какъ и нечеловѣчески-дикія чувственныя наслажденія. — О характерѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ александрійской литературы, какъ напримѣръ о такъ называемой грамматикѣ, поэзіи, философіи и исторіи, достоточно будетъ сказать нѣсколько словъ, но зато тѣмъ подробнѣе должно изложить ходъ развитія реальныхъ наукъ, какъ составляющихъ самую важную для позднѣйшаго времени сторону умственной дѣятельности той эпохи.

Подъ именемъ грамматики греки александрійскаго періода понимали совершенно другое, чѣмъ мы, — наука о языкѣ составляла только часть, а не

все содержаніе грамматики въ древнемъ смыслѣ этого слова. Тогдашніе ученые называли этимъ именемъ новую, возникшую только въ ихъ время, науку, обнимавшую собою весь кругъ познаній, необходимыхъ для пониманія древнѣйшихъ греческихъ писателей. Но умѣніе объяснять этихъ авторовъ было необходимо во всѣхъ отрасляхъ знанія, и грамматика александрійцевъ, оставаясь въ существѣ своемъ наукою о греческомъ языкѣ, въ то же время соединяла въ себѣ всю прочую ученость тогдашняго времени. Она сдѣлалась главнымъ основаніемъ всей александрійской образованности, душею возникавшей тогда ученой дѣятельности, совершенно неизвѣстной предшествовавшимъ періодамъ, и вообще средоточіемъ всей умственной жизни той эпохи. Въ область грамматики, въ александрійскомъ смыслѣ этого слова, входили даже и точныя или математическія науки. Для большей ясности, мы оставимъ послѣднія въ сторонѣ и подъ именемъ грамматики будемъ разумѣть только знанія, имѣвшія своимъ предметомъ изученіе языка древнѣйшихъ греческихъ писателей и такъ называемыхъ древностей, т. е. обычаевъ, нравовъ, религіозныхъ обрядовъ, странъ и народовъ, упоминаемыхъ въ ихъ сочиненіяхъ, также критику древнѣйшей литературы или науку исправленія и повѣрки древнихъ текстовъ, часто искажаемыхъ по небрежности и невѣжеству переписчиковъ. Слѣдовательно, грамматика составляла науку, въ академическомъ значеніи этого слова, и обнимала собою всю тогдашнюю школьную ученость. Преобладаніе этого рода знаній по самой сущности своей противорѣчащихъ естественному, свободному, живому развитію и дѣятельности человѣческаго духа, въ особенности же всему складу греческаго быта, служитъ признакомъ вырожденія и упадка и само по себѣ составляетъ занятіе, способствующее только развитію мелочности и мертвящей учености. Но александрійская грамматика, подобно всѣмъ отраслямъ ученой дѣятельности, имѣла и свои достоинства, на которыя слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, какъ на одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ александрійской эпохи.

Въ ходѣ развитія человѣческаго рода наступаютъ иногда періоды, когда человѣчество бываетъ принуждено пріостановить на нѣкоторое время свое прогрессивное движеніе, какъ бы для того, чтобы прослѣдить весь прежній ходъ своей цивилизаціи и собрать въ одно цѣлое всѣ добытые факты. Однимъ изъ подобныхъ періодовъ и было время александрійской и пергамской учености. Тогда стали собирать и приводить въ порядокъ литературныя произведенія и знанія предшествовавшихъ періодовъ, стараясь отыскать законы тѣхъ формъ, въ которыхъ выражалась прежде живая, болѣе или менѣе безсознательная дѣятельность духа, постановить эти законы правилами на будущее время, и обращая на изученіе произведеній прежней лучшей эпохи силы, уже не находившія себѣ исхода въ естественномъ и непрерывномъ вліяніи другъ на друга внѣшней и внутренней жизни. Въ это время не только было положено основаніе такому роду образованности, который соотвѣтствовалъ тогдашнимъ монархическимъ государствамъ и наслѣдовавшей имъ римской имперіи, но и вся ученая дѣятельность той эпохи имѣла чрезвычайно полезное вліяніе на длинный рядъ столѣтій. Для среднихъ вѣковъ и нашего времени, когда умственныя занятія являются совершенно отдѣльными отъ жизни и скрываются въ монастыряхъ, кабинетахъ и аудиторіяхъ, александрійская эпоха создала науку, которая, — возникнувъ въ древности и продолжая разработываться въ тѣ времена, когда еще не угасли совершенно древняя мудрость и одушевленіе,—освѣщала мракъ школъ болѣе темныхъ вѣковъ философіею и образованностью лучшей эпохи дѣятельности человѣческаго духа.

Не къ чему называть имена и указывать на заслуги всѣхъ грамматиковъ того времени, вліяніе которыхъ распространялось и на многія изъ послѣдующихъ столѣтій. Ученые грамматики встрѣчаются не только въ Александріи, гдѣ, конечно, жило большинство изъ нихъ, но и во всѣхъ значительныхъ городахъ съ греческимъ населеніемъ. Знаменитѣйшими были З е н о д о т ъ Эфесскій, директоръ александрійскаго музея, ученикъ его А р и с т о ф а н ъ Византійскій, жившій около 240 г. до р. Х., и ученикъ послѣдняго А р и с т а х ъ, уроженецъ острова Самотраки. Послѣдніе двое были составителями часто упоминаемаго нами к а н о н а древнихъ греческихъ писателей (стр. 318). Приведя въ порядокъ громадную массу знаній, распредѣливъ авторовъ по родамъ ихъ произведеній и возстановивъ на основаніи критическаго метода чистоту текстовъ ихъ сочиненій, эти ученые имѣютъ

совершенно другія права на наше уваженіе, чѣмъ толпа остальныхъ грамматиковъ, лишенныхъ всякаго критическаго смысла и остроумія и обладавшихъ только запасомъ мертвыхъ знаній. Впрочемъ и дѣятельность названныхъ нами лучшихъ грамматиковъ имѣетъ свою дурную сторону: занимаясь литературными произведеніями своего народа, обладая громадною начитанностью и стараясь исправлять тексты на основаніи тщательнаго изученія формъ языка, они совершенно потеряли изъ виду ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на литературную жизнь; ихъ сухая ученость исключала всякую возможность истиннаго знанія и его приложенія, а критика, обращенная только на внѣшнія формы, заняла мѣсто свободной дѣятельности ума. Вслѣдствіе такого направленія ученой дѣятельности, образованность должна была все болѣе и болѣе удаляться отъ истиннаго характера греческаго быта. Но упрекъ этотъ долженъ пасть главнымъ образомъ на духъ времени, отъ котораго зависѣли характеръ и направленіе дѣятельности тогдашнихъ ученыхъ. Придавать значеніе спорамъ грамматиковъ, иногда дѣйствительно очень смѣшнымъ, и осмѣивать ученыхъ—значило бы обнаруживать свое незнаніе людей, потому что по самому существу дѣла, гдѣ бываютъ школы, тамъ является и школьная полемика.

За исключеніемъ твореній одного только поэта, всѣ произведенія александрійской поэзіи представляютъ собою простую игру въ громкія стихотворныя фразы, результаты тяжелаго ученаго труда, или соблазнительныя и остроумныя стихотворенія, служившія для развлеченія распутныхъ и праздныхъ грековъ того времени. Какъ могла существовать истинная поэзія въ эпоху, когда исчезло всякое пониманіе природы, ослабѣла энергія души и, вмѣсто одушевленія и наслажденія въ созерцаніи истиннаго и прекраснаго, цѣлью всякой дѣятельности сдѣлались чувственныя наслажденія и матеріальная польза! Эпоха эта была такъ чужда истиннаго поэтическаго смысла, что тогдашней публикѣ нравились преимущественно стихотворенія, отличавшіяся только вычурною внѣшнею формою самаго дурнаго вкуса. Такъ, напримѣръ, сочинялись и возбуждали удивленіе стихотворенія, составленныя только изъ отдѣльныхъ стиховъ Гомера, или имѣвшія внѣшній видъ крыльевъ, топоровъ, яицъ и проч.

Изъ всѣхъ отраслей драматической поэзіи одна только комедія, развившаяся въ такъ называемую новѣйшую комедію (стр. 291), соотвѣтствовала еще быту и направленію тогдашней эпохи. Впрочемъ въ это время встрѣчаются и трагическіе поэты, семерыхъ изъ нихъ, жившихъ при первыхъ двухъ Птолемеяхъ, александрійскіе ученые называли трагическимъ созвѣздіемъ плеядъ, но созвѣздіе это состояло только изъ туманныхъ звѣздъ, а произведенія поэтовъ, носившихъ его имя, были также водянисты, какъ и время появленія этого созвѣздія, считавшагося у древнихъ провозвѣстникомъ дождей. Совсѣмъ другое должно сказать о писателяхъ такъ называемой новѣйшей комедіи. Этотъ родъ поэзіи какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ тому роду остроумія и развлеченій, къ которымъ стремились тогдашніе греки, да и сами поэты легче могли находить сюжеты для своихъ комедій между придворными или въ образованныхъ кружкахъ тогдашнихъ столицъ, чѣмъ въ народѣ, который гораздо ближе къ природѣ и упорно держится старинныхъ нравовъ и привычекъ. Вслѣдствіе этого комедія перестала быть общенароднымъ удовольствіемъ и сдѣлалась средствомъ развлеченія, доступнымъ только образованнымъ и знатнымъ. Лучшими авторами новѣйшей комедіи считались Менандръ, Дифилъ, Филиппидъ, Филемонъ и Аполлодоръ, но отъ ихъ произведеній остались только самые незначительные отрывки, по которымъ никакъ нельзя опредѣлить, какъ велико было ихъ вліяніе на современниковъ. Для позднѣйшихъ поколѣній особенно важны Менандръ и Филемонъ, произведенія которыхъ служили образцами комическимъ писателямъ Рима и предметомъ изученія римскимъ ораторамъ. Новѣйшая комедія, отличаясь отъ древней и средней преимущественно изображеніемъ характеровъ, была для начинающаго оратора превосходнымъ руководствомъ для правильнаго пониманія живыхъ характеровъ, опредѣленія ихъ истиннаго значенія и пріискиванія для нихъ соотвѣтствующаго выраженія. Кромѣ того, аллегоріи, нравственныя сентенціи, длинныя рѣчи, встрѣчающіяся у Менандра и Филемона и вполнѣ соотвѣтствовавшія требованіямъ римской манерѣ декламировать, дѣлали произведенія ихъ очень удобными для преподаванія въ школахъ риторовъ.

Прочіе поэты александрійской эпохи почти всѣ писали въ томъ смѣшанномъ родѣ, который нельзя отнести ни къ одному изъ чистыхъ родовъ поэзіи, и вообще не имѣли никакой исключительно поэтической цѣли. Остроуміе ученыхъ александрійской эпохи составило и изъ нихъ такъ называемое созвѣздіе плеядъ. Изъ числа этихъ поэтовъ извѣстнѣе прочихъ Теокритъ, Аполлоній Родосскій, Аратъ, Ликофронъ и не принятый въ созвѣздіе Каллимахъ. Всѣ они, за исключеніемъ Теокрита, имѣютъ значеніе для развитія человѣческой образованности только потому, что своею ученостью, манерою писать и языкомъ облегчили научное изученіе прежнихъ поэтовъ и содѣйствовали введенію математики, физики и астрономіи въ число предметовъ, составлявшихъ программу тогдашняго воспитанія образованныхъ сословій.

Теокритъ Сиракузскій, жившій то при дворѣ Птолемея Филадельфа, то въ своемъ родномъ городѣ у царя Гіерона II, считается знаменитѣйшимъ изъ такъ называемыхъ буколическихъ поэтовъ древности, писавшихъ идилліи или поэтическія картины изъ жизни того класса людей, который ближе другихъ къ природѣ.

Теокритъ удачнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ приблизилъ къ природѣ этотъ родъ поэзіи, уже рано возникшій у грековъ. Впрочемъ произведенія его, написанныя на сицилійскомъ нарѣчіи греческаго языка и безспорно обязанныя своими происхожденіемъ народной сицилійской поэзіи мимовъ (стр. 319), только на половину принадлежатъ александрійской литературѣ. Съ перваго взгляда покажется страннымъ, что въ столь чуждую естественности, привыкшую къ распутству, пышности и общественному этикету эпоху, при дворѣ, подобномъ александрійскому, могли возбуждать сочувствіе произведенія поэта природы, изображающія самыхъ простыхъ людей и самый простой бытъ; разсмотрѣвъ внимательнѣе это явленіе, мы не только найдемъ это понятнымъ, но и убѣдимся, что расположеніе тогдашняго образованнаго класса къ произведеніямъ Теокрита составляетъ совершенно естественную характеристическую черту человѣческой природы, всегда снова повторяющуюся въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Чрезмѣрная изнѣженность и роскошь кажутся наиболѣе тягостными тѣмъ, которые болѣе всего утопаютъ въ нихъ и менѣе всего могутъ обойтись безъ нихъ; но, благодаря контрасту, онѣ всегда сохраняютъ свою прелесть. Поэтому во всѣ времена, когда общество страдаетъ отъ изнѣженности, извращенной образованности и отчужденія отъ природы, начинаетъ обнаруживаться вкусъ къ идилліи, рисующей пастушескій бытъ, который всѣ народы считаютъ древнѣйшимъ, первобытнымъ состояніемъ человѣчества и самымъ простымъ, чистымъ, свободнымъ отъ всяихъ волненій образомъ жизни. Только изображеніе совершенно чуждыхъ высшему быту воззрѣній придаетъ идилліи особенную прелесть въ глазахъ выродившихся и развратныхъ поколѣній, чувства которыхъ можно расшевелить только рѣзкимъ контрастомъ.

Изъ сказаннаго выше видно, что для грековъ александрійская эпоха была единственнымъ періодомъ, въ которомъ, съ исчезновеніемъ всѣхъ прочихъ родовъ поэзіи, они могли довести идиллію до высшей степени ея развитія. Дѣйствительно, въ произведеніяхъ Теокрита она достигла полнаго совершенства, такъ что и въ этомъ отношеніи греки превзошли всѣ другіе народы запада. Они одни остались оригинальны и естественны, тогда какъ римляне, итальянцы, французы и нѣмцы стремились передѣлать природу на свой ладъ и замѣнить истинное чувство сантиментальностью. У римлянъ въ особенности двое писателей дѣлали попытку восхищать жителей городовъ идиллическимъ описаніемъ сельской природы и быта— Виргилій, жившій въ распутный и утонченный вѣкъ императора Августа, и Кальпурній, а за нимъ и другіе, въ послѣдующія столѣтія упадка римской имперіи; но пастухи Виргилія являются риторами, позднѣйшіе же римскіе идиллики стремились подражать не природѣ, а Виргилію. Когда разсѣялся мракъ среднихъ вѣковъ и въ Италіи блеснулъ лучъ новой образованности, когда всѣ другіе отрасли литературы были уже обработаны италіянцами, а роскошь и испорченность ихъ нравовъ достигли высшей степени, — у нихъ также возникла буколическая поэзія. Но какъ неестественны идилліи Санназаро и Гварини! Въ идиллической поэзіи, какъ и въ эпосѣ, Тассо былъ вторымъ Виргиліемъ; но произведенія его имѣютъ значеніе только по отношенію къ формѣ разсказа, а никакъ не по своей оригинальности! Наконецъ явился Марини! Французскіе поэты, обратившіеся послѣ

итальянцевъ къ этому роду поэзіи и въ своихъ вычурныхъ, нѣжныхъ стихахъ рядившіе въ пастуховъ знакомыхъ имъ придворныхъ, кажутся еще ниже итальянскихъ идилликовъ. Въ Германіи Гесснеръ—котораго съ удовольствіемъ читали при развратномъ дворѣ Людовика XV, — создалъ также чисто сентиментальную природу. Впослѣдствія Фоссъ и Гебель приблизили нѣмецкую идиллію къ греческой; имъ удалось не только набросать для избалованныхъ высшихъ сословій вѣрную картину простой естественной жизни, но и возбудить ею внутреннее чувство людей средняго сословія, болѣе близкихъ къ природѣ, и заставить ихъ находить прелесть въ своемъ простомъ бытѣ. Итакъ грекамъ принадлежитъ еще та заслуга, что и въ александрійскую эпоху своей образованности они развили до высшей степени совершенства новый родъ поэзіи, сдѣлавшійся образцомъ для всѣхъ вѣковъ и народовъ запада. Ѳеокритъ въ идилической поэзіи, точно такъ же какъ Гомеръ въ эпической, служилъ маякомъ, указывавшимъ истинный путь позднѣйшимъ идилликамъ, когда ихъ предшественники сбивались въ ту или другую сторону.

Поэтъ природы, обладавшій такимъ же искусствомъ льстить, какъ и прочіе тогдашніе стихотворцы, не занималъ перваго мѣста между поэтами своего времени. Царемъ александрійскихъ поэтовъ былъ Каллимахъ, принадлежавшій къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Кирены и жившій въ царствованіе втораго Птолемея. Произведенія его представляютъ вѣрный снимокъ всей поэзіи и вкуса эпохи Птолемеевъ. Они отличаются обиліемъ учености, но не имѣютъ и слѣдовъ поэтическаго чувства, вмѣсто котораго читатель встрѣчаетъ изящныя изліянія памяти, исполненной ученостью, и самодовольствіе человѣка, гордящагося своею начитанностью и талантомъ. Ученикъ Каллимаха, Аполлоній Родосскій, выказалъ также мало истиннаго вдохновенія, природнаго поэтическаго чувства и оригинальности; произведенія его, составляющія переходъ отъ древняго характера поэзіи къ современному, имѣютъ значеніе по отношенію къ поэтической формѣ и языку. Аполлоній написалъ эпическую поэму о походѣ аргонавтовъ, оказавшую благодѣтельное вліяніе на господствовавшее въ его время направленіе поэзіи и даже на позднѣйшую поэзію римлянъ. Онъ довольно удачно подражалъ Гомеру и чистотою своего языка, искусною разстановкою словъ, звучностью своего стиха, весьма похожаго на гомерическій и въ то же время болѣе приближающагося къ новѣйшему, чрезвычайно облегчилъ своимъ современникамъ и римскимъ поэтамъ изученіе Гомера. Его эпическая поэма относится къ римской поэзіи точно такъ же, какъ самые вѣрные изъ нѣмецкихъ переводовъ Гомера къ современной нѣмецкой поэзіи; эти переводы также облегчили нѣмцамъ пониманіе духа греческой поэзіи. Аполлоній подражаетъ каждому звуку древняго поэта, всѣ обороты, сравненія и другія особенности Гомера являются и въ его поэмѣ, риторическія украшенія которой дѣлали ихъ болѣе доступными его современникамъ и римлянамъ. Аполлоній имѣетъ не только историческое, но и научное значеніе; его поэма составляетъ лучшій комментарій къ Иліадѣ и Одиссеѣ, лучшее средство научиться понимать и цѣнить простой языкъ и естественный стихъ Гомера, сравнивая его съ составленнымъ по всѣмъ правиламъ искусства и выработаннымъ стихомъ Аполлонія. Кромѣ того встрѣчающіяся въ его поэмѣ описанія странъ, народовъ и ихъ нравовъ чрезвычайно важны для изученія древности, а по своимъ поэтическимъ достоинствамъ Аполлоній принадлежитъ къ лучшимъ поэтамъ александрійской эпохи, какъ единственный изъ всѣхъ эпическихъ поэтовъ Греціи, удачно подражавшій Гомеру. Впрочемъ великимъ поэтомъ является онъ только по своему языку, нѣкоторымъ эпизодамъ и сравненіямъ, но основывавшееся на этихъ достоинствахъ вліяніе его на римскую поэзію было такъ велико, что даже самъ Виргилій заимствовалъ у него буквально цѣлыя картины и выраженія.

Произведенія жившаго при дворѣ втораго Птолемея, поэта Ликофрона, уроженца Эвбеи, достойны быть упомянутыми только какъ отвратительные образцы ученаго стихотворства. Они могутъ служить лучшимъ доказательствомъ, какъ велико было стремленіе къ сухому знанію и запутаннымъ понятіямъ въ самомъ началѣ александрійской эпохи. Главный характеръ литературной дѣятельности Ликофрона состоитъ въ загадочности и любви къ темнымъ мѣстамъ; этотъ писатель считается изобрѣтателемъ анаграммы или поэтической игры, заключающейся въ томъ, что изъ какого-нибудь слова, посредствомъ перестановки буквъ,

составляется другое, находящееся въ извѣстномъ отношеніи къ первому. Живя въ эпоху, когда разгадываніе загадокъ, игра понятіями и объясненіе темныхъ выраженій сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ ученаго ремесла, а древняя греческая религія обратилась въ науку мистерій, Ликофронъ написалъ наполненное загадками и темными мѣстами стихотвореніе, которое должно было служить загадкою для ученыхъ, и этимъ подалъ чрезвычайно дурной примѣръ своимъ послѣдователямъ. Это странное произведеніе, составленное сначала до конца изъ однихъ предсказаній Кассандры, образуетъ въ то же время цѣлый рядъ загадокъ; даже боговъ и героевъ Ликофронъ не называетъ собственными ихъ именами, а обозначаетъ наименѣе извѣстными изъ ихъ аттрибутовъ. Упоминаемыя въ этомъ стихотвореніи страны обозначаются также какими-нибудь малоизвѣстными событіями, самыя смѣлыя метафоры, въ родѣ видимаго мрака Мильтона, встрѣчаются на каждой страницѣ, разнороднѣйшія понятія сопоставляются одни съ другими, такъ что молніи дѣлаются у него слышимыми, а звуки видимыми; словомъ, высшая необузданность фантазіи, загадочность и хвастовство многостороннею начитанностью составляютъ отличительный характеръ этого произведенія. Фантазія поэта не согрѣваетъ насъ внутреннимъ огнемъ, а напротивъ того леденитъ; мы постоянно видимъ предъ собою ученаго, который мучитъ себя и другихъ, желая выказать свою безполезную начитанность. Лишенные всякой способности понимать естественное и истинно великое, позднѣйшіе ученые, конечно, могли наслаждаться и восхищаться подобнымъ произведеніемъ. Нельзя однако отрицать и того, что разрѣшеніе загадокъ Ликофрона лучше всего знакомитъ съ богатствомъ греческаго языка и обиліемъ вымысловъ и аллегорій, допускаемыхъ тогдашнею религіозною системою. Ликофронъ считается также однимъ изъ знаменитѣйшихъ трагическихъ поэтовъ своего времени, но до насъ не дошло ни одной изъ его трагедій, въ которыхъ, какъ въ Кассандрѣ, онъ старался неясными выраженіями затемнять смыслъ своихъ словъ.

О философіи александрійской эпохи будетъ сказано впослѣдствіи, когда мы будемъ говорить объ образованности римскаго народа, съ которой она находится въ непосредственной связи. Вліяніе ея на умственную жизнь римлянъ составляетъ самую важную для исторіи цивилизаціи сторону позднѣйшей греческой философіи.

Исторіографія александрійскаго періода имѣетъ совершенно такой же характеръ, какъ и современная ей поэзія; нѣкоторые изъ писателей, жившіе въ царствованіе первыхъ двухъ Птолемеевъ, привели ее въ то же состояніе упадка, до котораго доведена была поэзія Каллимахомъ и Ликофрономъ. Тщеславіе, страсть къ развлеченіямъ и ложь составляютъ особенности духа александрійскаго періода; естественно, что эпоха эта была совершенно чужда истинной исторической поучительности и критически историческаго пониманія дѣйствительной жизни и ея характеровъ. Разсказы о современныхъ событіяхъ, особенно часто встрѣчавшіеся у грековъ прежде, почти совершенно прекращаются; риторическіе писатели этой эпохи не осмѣливались браться за современную исторію, опасаясь потерять расположеніе публики искаженнымъ и невѣрнымъ описаніемъ болѣе знакомыхъ ей событій, а правдивымъ изложеніемъ боялись оскорбить царей и лишиться ихъ благосклонности. Вмѣсто исторіи своего времени, они занимались событіями миѳологическаго и героическаго періодовъ и безъ всякаго стыда разсказывали вымышленныя или перепутанныя греческими миѳами и преданіями легенды и сказки индійцевъ, ассиріянъ, финикіянъ, египтянъ и даже еврейскаго народа, находившагося до тѣхъ поръ въ такомъ пренебреженіи и едва упоминаемаго греками. Въ исторіи Александра Великаго было сказано, какъ ревностно старались Неархъ, Онесикритъ и другіе самыми пошлыми сказками и вымыслами польстить праздной и склонной ко всему чудесному фантазіи своихъ соотечественниковъ. Историки собственно александрійской эпохи шли по слѣдамъ этихъ, любимыхъ тогдашнею публикою, романтиковъ, соединяя ихъ направленіе со склонностію ко всему древнему, чудовищному и стремленіемъ отыскать связь между жреческими учрежденіями отдаленной древности Востока и греческою стариною.

Для знакомства съ характеромъ александрійской исторической литературы вообще и ея отношеніями къ духу времени, достаточно бросить взглядъ на знаменитѣйшихъ тогдашнихъ историковъ—Тимея, Эвгемера, Бероса и Манетона.

Тимей изъ Тавроменіи, жившій въ началѣ третьяго столѣтія до р. Х., хотя и славится хронологической точностью своей исторіи Греціи и Сициліи, но разсказываетъ самыя нелѣпыя сказки, говоря о древнѣйшихъ періодахъ жизни своего народа. Его современникъ Эвгемеръ изъ Мессины представляетъ еще болѣе важности для знакомства съ характеромъ тогдашней исторіографіи, написавъ такъ называемую священную исторію, въ которой обманомъ и ложью старается опровергнуть вымыслы, которыми пытались тогда придать греческой религіи характеръ восточныхъ жреческихъ учрежденій и обратить ее въ средство обманывать народъ. Воспользовавшись ученою экспедиціею, отправленною Кассандромъ въ Индійскій океанъ, онъ выдумалъ множество надписей, которыя выдавалъ за древнѣйшіе историческіе памятники. Съ помощью этихъ надписей, найденныхъ имъ на никогда несуществовавшемъ островѣ Панхаіи, онъ доказывалъ, что Юпитеръ, Сатурнъ и все ихъ потомство были простыми смертными, присвоившими себѣ божескія почести только посредствомъ обмана. Восхваляемый за это церковными христіанскими писателями среднихъ вѣковъ, Эвгемеръ былъ осыпаемъ ругательствами своихъ соотечественниковъ язычниковъ, въ насмѣшку прозвавшихъ его атеистомъ. Его вымышленные разсказы и надписи, такъ же какъ и сочиненія его противниковъ, служатъ только доказательствомъ, что тогдашняя эпоха была временемъ господства лжи и обмана.

Изъ всѣхъ историческихъ писателей того времени, наибольшее значеніе имѣютъ Беросъ и Манетонъ; въ ихъ произведеніяхъ всего яснѣе отразилось господствовавшее направленіе александрійской эпохи. Беросъ, какъ говорятъ, современникъ Птолемея Филадельфа и халдейскій жрецъ храма Бела (Ваала) въ Вавилонѣ, принадлежитъ къ числу восточныхъ астрологовъ, со времени основанія Селевкіи на Тигрѣ пріобрѣвшихъ огромное вліяніе на умы грековъ. Подобные ему люди учились по-гречески, чтобы легче эксплуатировать въ свою пользу легковѣріе массъ. Беросъ не принадлежитъ ни къ европейской Греціи, ни къ Египту Птолемеевъ, но о немъ все-таки слѣдуетъ упомянуть здѣсь, при описаніи всего, что только носитъ на себѣ характеръ александрійской образованности и пользовалось нѣкоторою извѣстностью въ какомъ-нибудь изъ греческихъ государствъ. Халдей Беросъ написалъ исторію вавилонянъ, начинаемую имъ за четыреста семьдесятъ три тысячи лѣтъ до Александра Великаго и наполненную самыми чудовищными миѳами и сказками, сдѣлавшимися предметомъ безплодныхъ изысканій ученыхъ позднѣйшей древности. Сочиненіе его не сохранилось до насъ; приписываемые ему небольшіе отрывки изъ древнѣйшей исторіи Вавилона принадлежатъ кому-нибудь изъ позднѣйшихъ христіанскихъ или еврейскихъ писателей. Ту же роль, какую игралъ при дворѣ и въ ученыхъ кружкахъ Сиріи Беросъ, взялъ на себя при египетскомъ дворѣ и между александрійскими учеными современникъ его, египетскій жрецъ—Манетонъ. Въ исторіи Бероса Селевкиды являются властителями первобытнаго отечества людей и боговъ и въ тоже время обладателями всѣхъ источниковъ мудрости; сочиненіе Манетона доказало Птолемеямъ, что цари Египта могутъ предъявить еще большія притязанія, чѣмъ владѣтели Вавилона. Манетонъ былъ жрецомъ одного древнѣйшаго египетскаго храма, принадлежалъ къ туземной жреческой кастѣ и зналъ по-гречески такъ же хорошо, какъ Беросъ. Онъ написалъ на греческомъ языкѣ исторію Египта, начиная съ древнѣйшаго періода жизни своего народа до Александра Великаго и, какъ говорятъ, составилъ еще объясненіе религіозныхъ обычаевъ древнихъ египтянъ. Изъ сочиненій его до насъ дошли только нѣкоторые отрывки. Его исторія Египта, почерпнутая, какъ онъ утверждалъ, изъ египетскихъ храмовыхъ архивовъ, хотя и не можетъ считаться чистымъ вымысломъ, но уже одно то обстоятельство, что для подтвержденія своихъ извѣстій онъ ссылается на Меркурія египетскихъ миѳовъ и составленныя будто бы послѣднимъ надписи, служитъ достаточнымъ мѣриломъ достоинствъ и достовѣрности его исторіи въ глазахъ того, кто требуетъ отъ историка знанія людей и критической повѣрки.

Задача историка становится гораздо отраднѣе, когда онъ приступаетъ къ описанію успѣховъ реальныхъ наукъ и заслугъ, оказанныхъ греками, по смерти Александра Великаго, развитію наукъ и искусствъ, имѣющихъ приложеніе въ промышлености. Время Птолемеевъ было чисто прозаической эпохою, отличаясь яснымъ пониманіемъ только тѣхъ вещей, которыя могли приносить непо-

средственную практическую пользу. Энергія духа совершенно ослабѣла у тогдашнихъ грековъ, пониманіе той части человѣческой природы, которая имѣетъ мало общаго съ видимымъ міромъ, казалось, окончательно исчезло, и наступило время, когда человѣку слѣдовало научиться смотрѣть на себя, какъ на существо, принадлежащее исключительно внѣшней природѣ и подчиненное только ея законамъ. Оригинальный характеръ образованности этой эпохи составляетъ совершенно новое явленіе древней исторіи, образуя переходъ къ практической, юридической и аристократической римской эпохѣ. Знакомство съ александрійской образованностью важно не только для познанія человѣческой природы и хода ея развитія, но имѣетъ особое значеніе еще и потому, что римляне, сдѣлавшіеся въ позднѣйшій періодъ средоточіемъ всего древняго міра, не смотря на всю свою практичность, не развили ни одной вѣтви физико-математическихъ наукъ далѣе той степени совершенства, какой достигли они въ возникшихъ тотчасъ по смерти Александра школахъ греческаго востока. Писатели этихъ школъ до эпохи аравитянъ оставались наставниками всего міра въ математическихъ и естественныхъ наукахъ. Даже сами аравитяне, за исключеніемъ химіи, алгебры и нѣкоторыхъ частей астрономіи, не подвинули такъ называемыхъ точныхъ или физико-математическихъ наукъ далѣе той точки, до которой онѣ были доведены въ Александріи еще во времена Птолемеевъ. Аравитяне почерпали свои свѣдѣнія изъ греческихъ школъ, возникшихъ въ Сиріи и Египтѣ, и сами европейцы, начиная съ двѣнадцатаго столѣтія учившіеся у аравитянъ, въ четырнадцатомъ столѣтіи снова обратились къ греческимъ источникамъ. Въ названныхъ нами отрасляхъ знанія греки александрійской эпохи были наставниками римлянъ, аравитянъ и всего средневѣковаго христіанства; эта сторона ихъ дѣятельности и образованности имѣетъ всемірно-историческое значеніе.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ александрійскую эпоху естествознаніемъ. Аристотель, можно сказать, создалъ науку о природѣ, а шедшій по его слѣдамъ ученикъ его, Теофрастъ, дополнилъ пробѣлы, оставшіеся въ твореніяхъ своего учителя. Толчекъ, данный этими естествоиспытателями, имѣлъ дѣйствіе на Птолемеевъ и ихъ ученыхъ, вызвавъ дальнѣйшее развитіе естественныхъ наукъ въ Александріи. Первые Птолемеи, какъ уже было сказано выше, содѣйствовали успѣхамъ реальныхъ наукъ устройствомъ коллекцій естественныхъ предметовъ и звѣринца, гдѣ они, не жалѣя издержекъ, содержали много рѣдкихъ животныхъ. Впрочемъ побудительною причиною всѣхъ этихъ заботъ было не стремленіе къ чисто научному познанію природы, а желаніе воспользоваться и естественными науками для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей жизни. Изучая природу, ученые александрійской эпохи преимущественно обращали вниманіе на врачебное искусство и на тѣ отрасли наукъ, которыя тѣсно связаны съ нимъ, какъ физіологія или наука о природѣ и жизни органическихъ существъ, анатомія, химія и ботаника. Естественная исторія точно также не можетъ сдѣлаться наукою, безъ физіологіи, какъ не могла бы быть ею химія безъ физики. Безъ анатоміи или изученія отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла и безъ сравнительной анатоміи человѣка и животныхъ, ни физіологія, ни медицина не имѣли бы твердыхъ основаній и составляли бы только сборъ ничѣмъ не подтверждаемыхъ предположеній. У древнихъ изученіе физіологіи и анатоміи находилось въ совершенномъ пренебреженіи до времени Аристотеля, хотя уже въ концѣ Пелопоннесской войны Гиппократъ съ острова Коса и его ученики возвели медицину вообще на степень настоящей науки. Причина этого пренебреженія заключалась въ самомъ характерѣ грековъ, у которыхъ изученію этой науки препятствовали тѣ же самые предразсудки, которые и теперь еще мѣшаютъ успѣхамъ анатоміи въ Англіи. Но, когда могущественные греческіе властители такой страны, какъ Египетъ,—гдѣ старинный обычай погребенія мертвыхъ способствовалъ распространенію познаній въ анатоміи и химіи,—стали покровительствовать врачебному искусству, изученіе анатоміи и физіологіи должно было пойти гораздо успѣшнѣе. Герофилъ Халкедонскій, придворный врачъ Птолемея Сотера, и Эрасистратъ съ острова Кеоса, занимавшій ту же должность сначала при Селевкѣ Никаторѣ, а потомъ при Птолемеѣ Филадельфѣ, по приказанію двухъ первыхъ Птолемеевъ получали, не смотря на всѣ предразсудки грековъ и египтянъ, трупы для своихъ анатомическихъ изслѣдованій. Впослѣд-

ствіи разсказывали, что имъ отдавались даже живые преступники, для произведенія опытовъ надъ живымъ человѣческимъ тѣломъ; но разсказы эти ничѣмъ не подтверждаются и своимъ происхожденіемъ обязаны, по всей вѣроятности, господствовавшему тогда всеобщему отвращенію къ разсѣченію человѣческихъ труповъ, подобно тому, какъ въ такой же жестокости обвиняются и возстановители анатоміи въ новѣйшее время, Модини и Везалій. Герофилъ и Эрасистратъ не сходились во многихъ изъ научныхъ положеній, и потому въ Египтѣ и другихъ странахъ возникли различныя медицинскія школы, называвшіяся по ихъ именамъ. Кромѣ анатоміи Герофилъ соединилъ съ врачебною практикою и ботанику, ученики его продолжали заниматься ею весьма ревностно, а въ царствованіе послѣднихъ Птолемеевъ или вскорѣ послѣ нихъ явился знаменитый ботаникъ Діоскоридъ, сочиненіе котораго сдѣлалось источникомъ всѣхъ ботаническихъ свѣдѣній для аравитянъ и христіанскихъ народовъ среднихъ вѣковъ.

Математическія науки достигли въ Александріи гораздо высшаго развитія чѣмъ естественныя; оставивъ въ сторонѣ практическое примѣненіе ея, математика, какъ наука, всегда будетъ покоиться на тѣхъ основаніяхъ, которыя были положены ей въ Александріи. Математическія науки продолжали процвѣтать въ этомъ городѣ почти цѣлую тысячу лѣтъ, т. е. до восьмаго столѣтія по р. Х. Между математиками эпохи Птолемеевъ первое мѣсто по хронологическому порядку и по ученымъ заслугамъ принадлежитъ Эвклиду. Онъ жилъ и трудился для науки въ Александріи въ царствованіе Птолемея Сотера и создалъ науку математики, первыя основанія которой были положены Аристотелемъ. Программа Эвклида ограничивалась только ариѳметикою, геометріею и стереометріею, или наукою объ измѣреніи твердыхъ тѣлъ, но зато онъ сдѣлалъ для этихъ отдѣловъ то же, что Аристотель для логики. Эвклидъ создалъ строго научную систему, расположилъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ теоремы, изобрѣлъ методъ преподаванія математики, который до нашего времени считается правильнымъ способомъ преподаванія. Позднѣйшіе ученые часто находили доказательства Эвклида слишкомъ длинными, сложными, мало понятными, и придумывали вмѣсто нихъ другія болѣе простыя и легкія, считая практическій результатъ важнѣе строгой логической послѣдовательности и потому признавая каждое практическое доказательство самымъ лучшимъ; но всякій, понимающій духъ древнихъ и изучающій математику какъ науку, будетъ другаго мнѣнія, помня отвѣтъ, данный Эвклидомъ Птолемею Сотеру. На вопросъ Птолемея: нельзя ли придумать для него болѣе легкаго метода изученія геометріи, знаменитый математикъ отвѣчалъ: «для царей нѣтъ никакого особеннаго пути къ геометріи». Объ отдѣльныхъ положеніяхъ его научной системы должно сказать то же самое, что и объ его методѣ доказательства; почти каждый изъ математиковъ новѣйшаго времени находилъ нѣкоторые недостатки въ его системѣ и старался исправить ихъ, но не смотря на всѣ усилія, ни одинъ изъ нихъ не могъ превзойти Эвклида.

Вскорѣ послѣ того какъ Эвклидъ создалъ научную систему математики и тѣмъ положилъ прочныя основанія этой науки, всѣ тогдашніе торговые города стали сознавать огромную важность точныхъ наукъ для своей торговли, мореходства и промышлености. Между городами, игравшими въ древности такую же роль, какъ Нидерланды и Англія въ новѣйшей исторіи Европы, первыя мѣста занимали Александрія, Родосъ, Византія, нѣкоторые приморскіе города Малой Азіи и большая часть греческихъ колоній въ западной половинѣ Средиземнаго моря. Съ этого времени во всѣхъ этихъ городахъ стали процвѣтать школы математическихъ наукъ, способствовавшія развитію наукъ и искусствъ, имѣющихъ практическое примѣненіе. Чтобы сдѣлать эти науки доступнѣе для массы, прибѣгали даже къ помощи поэзіи, служившей тогда преимущественно средствомъ придать пріятную форму предметамъ, которые сами по себѣ не были привлекательны. Первый прибѣгнулъ къ этому средству Аратъ изъ города Соли въ Киликіи, не принадлежавшій къ кружку александрійскихъ ученыхъ и жившій при дворѣ царя Антигона Гоната. Заслуги его заключаются въ томъ, что своею астрономическою поэмою онъ возбудилъ въ Греціи такой же интересъ къ математическимъ наукамъ, какой уже давно былъ возбужденъ въ Византіи, Александріи, Родосѣ и другихъ городахъ мореходствомъ и торговлею. Самъ онъ не былъ математикомъ, а только изложилъ въ стихотворной формѣ два сочиненія

знаменитаго Эвдокса Книдскаго, жившаго въ царствованіе Филиппа II, и сдѣлалъ ихъ учебникомъ для употребленія въ школахъ и книгою для чтенія образованныхъ людей древности. Такимъ образомъ Аратъ имѣетъ значеніе въ исторіи культуры не по своимъ ученымъ изслѣдованіямъ и не по внутреннему содержанію своего стихотворенія, а только тѣмъ, что, придавъ сочиненіямъ великаго математика другую форму, сдѣлалъ ихъ болѣе доступными юношеству и массѣ публики. Стихотвореніе его, сдѣлавшись руководствомъ астрономіи для образованнаго класса общества, заставило ученыхъ, преподававшихъ въ школахъ, изучать астрономію и математику. Впослѣдствіи сильное распространеніе стихотворенія Арата принудило первыхъ астрономовъ и математиковъ послѣдующихъ поколѣній заняться составленіемъ для него комментаріевъ, и все преподаваніе астрономіи было основано на этомъ произведеніи или по крайней мѣрѣ находилось въ связи съ нимъ.

Знаменитѣйшимъ математикомъ въ эпоху, слѣдовавшую за Аратомъ, считается Эратостенъ, родившійся въ Киренѣ и въ царствованіе Птолемея Эвергета управлявшій александрійскимъ музеемъ. Поэтъ, грамматикъ, истолкователь древностей, философъ, географъ, математикъ и астрономъ, онъ представляетъ живой образецъ всей тогдашней образованности и того, что въ позднѣйшій періодъ древности и потомъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, съ возобновленіемъ изученія греческой литературы, называлось либеральнымъ образованіемъ. Эратостенъ оказалъ значительныя услуги географіи и наблюдательной астрономіи; но здѣсь мы не будемъ касаться ихъ, потому что для правильной оцѣнки нужны болѣе спеціальныя познанія въ математическихъ наукахъ. Достаточно замѣтить, что Эратостенъ между прочимъ первый измѣрилъ градусъ широты, вычислилъ наклоненіе эклиптики и опредѣлилъ объемъ земнаго шара, хотя всѣ полученныя имъ данныя не могли быть совершенно точны. Дошедшее до насъ небольшое стихотвореніе Эратостена, соединяющее въ себѣ основательныя математическія познанія съ загадочностью и странностью метода и наклонностью тогдашней поэзіи ко всему чудесному, представляетъ также весьма важный матеріалъ для характеристики александрійской литературы. Въ этомъ стихотвореніи Эратостенъ, подобно многимъ другимъ поэтамъ, разрѣшаетъ одну математическую задачу вошедшимъ тогда въ моду поэтическимъ способомъ, придавая своимъ произведеніямъ внѣшнюю форму топоровъ, жертвенникокъ и пр. или занимаясь другими стихотворными фокусами въ томъ же родѣ.

Гораздо большее значеніе въ исторіи развитія математическихъ наукъ имѣетъ современникъ Эратостена, Архимедъ, величайшій механикъ древности. Заслуги его, какъ творца и изобрѣтателя всѣхъ приложеній математики къ искусствамъ и промышлености, такъ же важны, какъ и заслуги Аристотеля, Эвклида и двухъ александрійскихъ ученыхъ въ теоріи этой науки. Архимедъ родился въ Сиракузахъ около 287 года до р. Х., учился въ Александріи, вскорѣ опять вернулся въ свой родной городъ, но въ теченіе всей своей жизни сохранялъ связи съ центромъ тогдашней образованности. Менѣе образованнымъ изъ своихъ потомковъ онъ извѣстенъ не столько по своему значенію въ наукѣ, сколько по тому случайному обстоятельству, что находился въ Сиракузахъ во время осады послѣднихъ римляниномъ Марцеломъ (213 и 212 г. до р. Х.), при чемъ своими талантами и научными свѣдѣніями оказалъ важныя услуги родному городу. По взятіи города, онъ былъ убитъ однимъ римскимъ воиномъ. Говоря объ изобрѣтеніяхъ Архимеда для защиты Сиракузъ, позднѣйшіе писатели древности сообщаютъ такія извѣстія, которымъ съ трудомъ можно вѣрить. Въ особенности сомнительны разсказы о зажигательныхъ зеркалахъ, которыя Архимедъ употребилъ будто бы для того, чтобы сжечь римскій флотъ, стоявшій въ гавани. Вообще, изъ всѣхъ этихъ разсказовъ можно вывести заключеніе, что знаменитый механикъ удивилъ и превзошелъ своими изобрѣтеніями какъ сиракузянъ, такъ каргагенянъ и римлянъ, не смотря на то, что первыя двѣ націи издавна славились своею ловкостью въ механическихъ искусствахъ, а римляне въ то время изъ всѣхъ искусствъ уважали только тѣ, которыя имѣли какое-нибудь примѣненіе къ военному дѣлу, хотя для приложенія ихъ на практикѣ пользовались услугами жителей греческихъ колоній Нижней Италіи.

Дѣятельность Архимеда на поприщѣ математики, какъ науки, и ея примѣненій къ промышлености была гораздо важнѣе и богаче результатами, чѣмъ всѣ

его изобрѣтенія въ военномъ искусствѣ. Теорія и практика были у него такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что даже въ чисто теоретическихъ трудахъ, какъ, напримѣръ, при опредѣленіи отношенія между діаметромъ и окружностью круга, онъ никогда не упускалъ изъ виду практической стороны предмета. Мы упоминаемъ только о нѣкоторыхъ изъ его многочисленныхъ научныхъ открытій и изобрѣтеній. Онъ первый указалъ способъ такъ называемаго измѣренія безконечныхъ величинъ, показавъ возможность сосчитать число песчинокъ, или по крайней мѣрѣ выразить ихъ массу въ извѣстныхъ величинахъ или числахъ. Съ перваго взгляда этотъ трудъ можетъ показаться ребячествомъ, но въ дѣйствительности заключая въ себѣ чрезвычайно важное усовершенствованіе въ искусствѣ измѣреній, онъ имѣлъ огромное вліяніе на успѣхи ариѳметики въ древности. Всѣ предшествовавшіе Архимеду греческіе астрономы считали поперечникъ солнца въ восемнадцать разъ болѣе поперечника луны; Архимедъ, на основаніи нѣкоторыхъ предложеній, полагалъ его въ триста разъ болѣе и такимъ образомъ гораздо болѣе приблизился къ истинѣ. Въ особенности же важны услуги, оказанныя имъ астрономіи и механикѣ изобрѣтеніемъ такъ называемаго планетарія или искусственнаго механизма, представлявшаго нагляднымъ образомъ движеніе небесныхъ тѣлъ. Наконецъ Архимедъ открылъ отношеніе между цилиндромъ и шаромъ разныхъ поперечниковъ, открытіе показавшееся ему самому столь важнымъ, что онъ приказалъ украсить свою гробницу изображеніями этихъ геометрическихъ фигуръ.

Одно изобрѣтеніе планетарія служитъ уже доказательствомъ важности ученыхъ заслугъ Архимеда въ области теоретической и практической механики. Со времени Димитрія Поліоркета весь греческій міръ сталъ обнаруживать такой интересъ къ этой наукѣ, что самыя занятія ею считались необходимыми для каждаго образованнаго правителя или государственнаго человѣка. Архимедъ былъ между прочимъ и творцомъ статики, т. е. науки законовъ равновѣсія тѣлъ. Онъ первый созналъ значеніе положенія центра тяжести тѣлъ и развилъ теорію наклонной плоскости и винта. Кромѣ того онъ открылъ важный физическій законъ, что каждое тѣло, погруженное въ жидкость, теряетъ столько же своего вѣса, сколько вѣситъ масса вытѣсненной жидкости, и воспользовался этимъ закономъ для изслѣдованія началъ статики. Нѣкоторыя другія его механическія изобрѣтенія были упомянуты нами при описаніи роскошнаго корабля, выстроеннаго по приказанію Гіерона II (стр. 483.). Во время своего пребыванія въ Египтѣ, Архимедъ сдѣлалъ еще нѣкоторыя важныя усовершенствованія въ гидравлическомъ искусствѣ, хотя сомнительно, чтобы онъ былъ изобрѣтателемъ такъ называемаго архимедова винта, особаго механизма для поднятія воды. Но уже одно то, что это изобрѣтеніе было рилисано ему, служитъ лучшимъ доказательствомъ всеобщей привычки считать его самымъ изобрѣтательнымъ механикомъ всей древности.

Архимедъ остается безспорно первымъ, даже почти единственнымъ великимъ механикомъ древности, хотя и до и послѣ него было нѣсколько ученыхъ, пріобрѣтшихъ извѣстность въ этой области знанія. Только одинъ изъ нихъ, Геронъ Александрійскій, расширилъ теоретическую сторону науки, всѣ же остальные занимались исключительно усовершенствованіемъ ея практическихъ сторонъ. Геронъ и его учитель Ктесибій сдѣлали нѣкоторыя важныя изобрѣтенія въ физикѣ, какъ, напримѣръ, сифонъ, водяной органъ и названный по имени изобрѣтателя героновъ фонтанъ.

Вторымъ геометромъ древности послѣ Архимеда считается ученикъ его Аполлоній изъ города Перги въ Памфиліи, жившій въ Пергамѣ и Александріи. Вмѣстѣ съ Архимедомъ и Эвклидомъ онъ считается однимъ изъ величайшихъ математиковъ древности, оказавъ ученію о коническихъ сѣченіяхъ столь же важныя услуги, какъ Архимедъ прикладной математикѣ, а Эвклидъ чистой математикѣ, ариѳметикѣ и нѣкоторымъ частямъ геометріи. Не исчисляя въ подробности его ученыхъ заслугъ, мы все-таки должны замѣтить, что величіе ума Аполлонія высказывалось не только въ его открытіяхъ и вычисленіяхъ, но и въ усовершенствованіи и распространеніи уже извѣстнаго и открытаго.

Величайшій изъ древнихъ астрономовъ Гиппархъ, уроженецъ Никеи въ Виѳиніи, жилъ во второмъ столѣтіи до р. Х., но, подобно Арату изъ города Соли, не принадлежалъ къ кружку александрійскихъ ученыхъ. Онъ провелъ боль-

шую часть жизни на островѣ Родосѣ, производя на этомъ островѣ свои астрономическія наблюденія и только на короткое время посѣтилъ Александрію. Важнѣйшія изъ его сочиненій не дошли до насъ; сохранились только два менѣе значительныя: каталогъ неподвижныхъ звѣздъ и комментарій на стихотворенія Арата, принадлежащій по всей вѣроятности къ юношескимъ произведеніямъ Гиппарха. Эвклидъ и Архимедъ не имѣли ни малѣйшаго понятія о плоской и сферической тригонометріи, т. е. о наукѣ измѣренія плоскостей и шарообразныхъ тѣлъ посредствомъ дѣленія ихъ на треугольники; изобрѣтателемъ этихъ двухъ частей геометріи былъ Гиппархъ. Кромѣ того онъ составилъ первыя таблицы движеній луны, первый постановилъ вѣрныя правила для вычисленія солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и изобрѣлъ методъ, посредствомъ котораго впослѣдствіи можно было опредѣлить съ достовѣрностью величину и разстоянія солнца и луны. Онъ основалъ свои наблюденія на произведенныхъ за сто лѣтъ до него наблюденіяхъ астронома Аристарха съ острова Самоса, считавшихся самыми вѣрными, но далеко оставилъ ихъ за собою относительно точности. Опираясь на наблюденія Аристарха, Гиппархъ оказалъ безсмертныя услуги времячисленію, опредѣливъ впервые истинную длину солнечнаго года. Изъ сравненія своихъ наблюденій съ наблюденіями Аристарха онъ сдѣлалъ одно изъ важнѣйшихъ открытій во всей астрономіи, открывъ такъ называемый законъ предваренія равноденствій или измѣненій въ видимомъ движеніи неподвижныхъ звѣздъ, которыя, сохраняя неизмѣнное свое положеніе относительно другъ друга, кажутся всѣ движущимися съ востока на западъ. При этомъ, не смотря на несовершенство инструментовъ, Гиппархъ достигъ такой точности въ опредѣленіи величины этого измѣненія, что самъ Лапласъ удивлялся его искусству. Только благодаря открытію Гиппарха можно было найти вновь звѣзды, положеніе которыхъ было опредѣлено нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, и такимъ образомъ дополнить науку, которая требуетъ для своего развитія точныхъ наблюденій въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій.

Кромѣ своихъ заслугъ въ области чистой астрономіи, Гиппархъ имѣлъ также огромное вліяніе на успѣхи историческихъ наукъ, землевѣдѣнія, этнографіи и торговли древняго міра. Онъ первый указалъ способъ опредѣлять съ точностью географическую широту и долготу какого-нибудь мѣста посредствомъ астрономическихъ наблюденій и этимъ сдѣлалъ возможною истинную картографію. Всѣ упомянутыя нами открытія и изобрѣтенія составляютъ только незначительную долю заслугъ, оказанныхъ Гиппархомъ астрономіи и землевѣдѣнію. По своему генію онъ стоитъ выше всѣхъ слѣдующихъ за нимъ астрономовъ до самаго Кеплера, и астрономія въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ оставалась безъ движенія на той высотѣ, на которую она была имъ поставлена.

ИСТОРІЯ РИМЛЯНЪ.

I. ВСТУПЛЕНІЕ.

1. Италія.

Съ самой глубокой древности Италіею назывался длинный и узкій полуостровъ, глубоко вдающійся въ Средиземное море. Длина этого полуострова, отъ южныхъ границъ Ломбардіи до южной его оконечности, составляетъ двѣсти десять нѣмецкихъ миль (около 1200 верстъ). Поэты называли Италію также Гесперіею и Авзоніею. Большая часть полуострова покрыта хребтами Апеннинскихъ горъ; немногія изъ его равнинъ представляютъ собою или чрезвычайно плодородныя мѣстности, какъ напримѣръ Кампанская равнина, вокругъ Неаполя и Капуи, или болота и сырыя луговыя низменности, какъ Понтинскія болота и такъ называемыя маремы Пизы, Ареццо и другихъ мѣстностей, или же имѣютъ характеръ бѣдныхъ водою и болѣе или менѣе пустынныхъ степныхъ равнинъ, каковы равнина Апуліи и римская Кампанья.

Апеннины, проходящія по всей длинѣ полуострова, не представляютъ собою одиночной цѣпи горъ, а состоятъ изъ одного главнаго хребта и множества побочныхъ отраслей, имѣющихъ различное направленіе и соединяющихся съ нимъ посредствомъ плоскихъ возвышенностей. Знаменитѣйшая гора Италіи, Везувій, не принадлежитъ къ этой горной системѣ, а подымается совершенно отдѣльнымъ вулканическимъ конусомъ среди Кампанской равнины. Высочайшія вершины Апенниновъ находятся въ средней части Италіи и составляютъ такъ называемые Абруццы, имѣющіе до шести тысячъ футовъ высоты и простирающіеся отъ горы Монте-Сибилла въ прежнихъ Папскихъ владѣніяхъ до Монте-Матезе въ бывшемъ Неаполитанскомъ королевствѣ. Здѣсь въ вершинѣ Монте-Корно, или Гранъ Сассо д'Италія, они достигаютъ наибольшей своей высоты (около 8,900 ф.).

Главный хребетъ Апеннинскихъ горъ тянется гораздо ближе къ восточному берегу полуострова, и потому всѣ рѣки, берущія свое начало на восточной его сторонѣ и впадающія въ Адріатическое море, гораздо незначительнѣе текущихъ

съ западнаго склона. Впрочемъ всѣ рѣки Италіи, за исключеніемъ одного По, очень невелики: Тибръ, длиннѣйшая изъ рѣкъ полуострова, по средней ширинѣ своего русла, равняется Майну и Мозелю, но далеко уступаетъ имъ по длинѣ своего теченія. Въ древности По назывался Падомъ (Padus); изъ притоковъ его важнѣе всѣхъ для исторіи древняго міра Тицинъ (нынѣшній Тичино) и Требія. Изъ прочихъ рѣкъ Италіи особенно замѣчательны Арнъ или Арно, Тибръ съ своими притоками Алліею (теперь Аія) и Аніо (теперь Тевероне), Лирисъ или Гарильяно, Вольтурнъ или Вольторно, Метавръ или Метро, Ауфидъ или Офанто, и Рубиконъ или Пизателло. Изъ итальянскихъ озеръ заслуживаютъ вниманія: Тразименское, нынѣ Лаго ди Перуджія, Фуцинское, теперь Лаго ди Челано, и Авернское и Лукринское, сохранившія свои древнія названія. — Берега Италіи довольно однообразны, представляясь на огромныхъ протяженіяхъ или низменными, или высокими и крутыми. Части моря, окружающія берега Италіи, назывались въ древности: Тирренскимъ, или Нижнимъ (все водное пространство, омывающее западный берегъ Италіи), Іонійскимъ и Адріатическимъ, или Верхнимъ морями.

Верхняя Италія, населенная первоначально галлами, въ древности не считалась принадлежащею къ Италіи; составляя, по мнѣнію древнихъ, часть сосѣдней съ нею Галліи, она называлась цизальпинскою Галліею (т. е. Галліею по сю сторону Альповъ). Гористая полоса земли, лежащая вокругъ Генуэзскаго залива и занимаемая теперь Генуэзскою провинціею и графствомъ Ниццою, носила въ древности имя Лигуріи.

Въ Средней Италіи находилась Этрурія, называвшаяся также Тусціей, или Тирреніей, соотвѣтствовавшая почти всей нынѣшней Тосканѣ, но простиравшаяся къ югу до самаго Тибра. Далѣе къ югу, по лѣвому берегу нижняго Тибра, лежалъ Лаціумъ, а къ востоку до самаго Рубикона простиралась Умбрія, занимавшая собою часть нынѣшней Романьи и провинцій Урбино и Перуджія. Страна между Умбріею и Адріатическимъ моремъ, или нынѣшняя Анконская мархія, называлась Піценумъ. Между Піценумомъ, Умбріею, Лаціумомъ, Кампаніей и Адріатическимъ моремъ, отъ средняго Тибра до верхнихъ частей Ауфида, лежалъ Самніумъ, заключавшій въ себѣ Абруццы, неаполитанскія провинціи Молизе и Принчипато-Ультеріоре и небольшую часть прежнихъ Папскихъ владѣній.

Въ Нижней Италіи, или Великой Греціи (стр. 120) находилась Кампанія, нынѣшняя Терра ди Лаворо, граничившая къ сѣверу съ Лаціумомъ и занимавшая все пространство между Самніумомъ и Тирренскимъ моремъ. Съ противоположной стороны Самніума при Адріатическомъ морѣ лежала Апулія, обнимавшая собою провинціи Капитанату и Бари. Отъ Солернскаго залива до Тарента простиралась Луканія, соотвѣтствующая нынѣшнимъ Принчипато-Читеріоре и Базиликатѣ. Бруттія заключала въ себѣ нынѣшнюю Калабрію; подъ именемъ же Калабріи древніе разумѣли теперешнюю провинцію Терра д'Отранто, называя ее Япигіею, или Мессапіей.

Три важнѣйшіе острова Италіи, Сицилія, Сардинія и Корсика, носили тѣ же имена и въ древности.

2. Происхожденіе древнѣйшаго населенія Италіи.

Происхожденіе древнѣйшихъ народовъ Италіи, какъ и вообще всѣхъ народовъ глубокой древности, не можетъ быть опредѣлено съ достовѣрностью. Полагаютъ, что большая часть изъ нихъ принадлежала къ такъ называемой пеласгической или греко-латинской отрасли индо-европейской семьи народовъ, составляя одну племенную группу съ древними греками (стр. 79.). Верхняя Италія еще въ глубокой древности была заселена галльскими или кельтическими народами. Древнѣйшіе обитатели ея, лигуры, жившіе на территоріи нынѣшней Генуи и Ниццы, и венеты, занимавшіе берегъ Адріатическаго моря, не принадлежали къ этому племени, хотя происхожденіе ихъ не-

извѣстно. Точно также мы не знаемъ, къ какой отрасли народовъ отнести умбровъ и опиковъ, принадлежащихъ безспорно къ самымъ древнимъ племенамъ полуострова. Первые изъ нихъ обитали въ названной по ихъ имени части Средней Италіи, послѣдніе, называвшіеся также осками и авзонами, въ Кампаніи и на южныхъ границахъ Лаціума. Къ этому племени причисляются и сосѣдніе съ латинами вольски и эквы. Этруски тоже не принадлежали къ греко-латинской отрасли народовъ и, повидимому, находились въ племенномъ родствѣ съ альпійскимъ народомъ ретійцами, которыхъ не должно смѣшивать съ однимъ кельтическимъ народомъ того же имени (стр. 470.). Впрочемъ эти скудныя данныя такъ же мало объясняютъ ихъ племенное отношеніе къ различнымъ отраслямъ кавказскаго племени, какъ и дошедшіе до насъ остатки ихъ языка.

Изъ всѣхъ древнѣйшихъ племенъ Италіи, имена которыхъ сохранились до нашего времени; только этруски, латины и самнитскіе народы имѣютъ важное значеніе для всемірной исторіи.

II. ИСТОРІЯ ИТАЛІИ

ДО ОСНОВАНІЯ РИМА.

---

1. Общія замѣчанія.

Римскій народъ образовался только въ восьмомъ вѣкѣ до р. X. изъ сліянія латиновъ, этрусковъ и самнитовъ; но еще задолго до основанія Рима эти три народа достигли извѣстной степени цивилизаціи, и уже за нѣсколько столѣтій до упомянутаго событія, вся Италія, отъ подошвы Альповъ до земли лукановъ, представляла собою одну изъ наиболѣе воздѣланныхъ странъ въ Европѣ. Мы имѣемъ только самыя смутныя свѣдѣнія объ этой ранней эпохѣ процвѣтанія Италіи, а немногія дошедшія до насъ извѣстія и остатки архитектурныхъ памятниковъ того времени, подобно пеласгическимъ преданіямъ и циклопическимъ стѣнамъ грековъ, бросаютъ лишь слабый свѣтъ на исторію этой первобытной эпохи. Для исторіи Италіи до основанія Рима нѣтъ никакихъ данныхъ; всѣ наши извѣстія о состояніи ея въ эту эпоху доказываютъ только существованіе довольно развитой цивилизаціи и нѣкоторой степени благосостоянія. Даже особенности этой образованности извѣстны намъ не вполнѣ и только въ общихъ чертахъ.

По всей вѣроятности, первобытными обитателями Италіи были племена такъ называемой пеласгической или греко-латинской отрасли народовъ, переселившіяся на полуостровъ съ востока. Можно предполагать, что впослѣдствіи другіе переселенцы того же племени проникли чрезъ Адріатическое море въ Италію и утвердились тамъ, въ то время какъ съ сѣвера вторглись на полуостровъ кельты и другія племена. Нѣкоторые изъ этихъ разноплеменныхъ народовъ еще въ глубокой древности достигли высокой степени цивилизаціи, подчинившейся вліянію греческой образованности сосѣднихъ колоній южной Италіи. Это обстоятельство, а быть можетъ, и единство происхожденія были причиною значительнаго сходства этихъ племенъ съ греками. Этою же догадкою, при недостаткѣ положительныхъ и опредѣленныхъ данныхъ, мы можемъ объяснить себѣ рѣзкія различія, существовавшія между древнѣйшими народами полуострова, не смотря на ихъ взаимное сходство.

Три важнѣйшіе древніе народа Италіи, этруски, латины и самниты, дѣлились каждый на нѣсколько самостоятельныхъ городовъ и волостей, составлявшихъ

между собою болѣе обширныя конфедераціи; повидимому, всѣ эти народы имѣли нѣкоторые общіе праздники и жертвоприношенія, указывающіе на существованіе между ними извѣстной, хотя и весьма слабой, политической связи.

2. Этруски.

Этруски, извѣстные также подъ именемъ тусковъ и тирренцевъ, но сами называвшіе себя разена, до основанія Рима владѣли всею страною до Тибра и даже до предѣловъ Кампаніи. Сосѣднія пеласгическія племена и основанныя въ Нижней Италіи греческія колоніи имѣли на нихъ сильное вліяніе и содѣйствовали распространенію между ними греческаго языка, религіи, нравовъ и искусствъ; вліяніе это было такъ велико, что изслѣдователямъ часто трудно отличить древнегреческія произведенія искусствъ отъ позднѣйшихъ этрусскихъ. Дошедшіе до насъ памятники цивилизаціи этого народа относятся большею частью къ той эпохѣ, когда греческій элементъ сталъ уже обнаруживать на нее свое вліяніе. Къ важнѣйшимъ изъ этихъ памятниковъ принадлежатъ такъ называемыя эвгубинскія таблицы, или семь мѣдныхъ досокъ, изъ которыхъ пять покрыты съ обѣихъ сторонъ этрусскими, а двѣ латинскими надписями. Онѣ были найдены близъ города Эвгубіо, древняго Игувіума, въ Анконской мархіи, и безспорно принадлежатъ къ той эпохѣ, когда уже существовалъ Римъ. До сихъ поръ, не смотря на всѣ старанія ученыхъ, не могутъ разобрать ихъ текста; вообще изъ всего этрусскаго языка намъ извѣстно съ достовѣрностью значеніе только двухъ словъ. Второй знаменитый памятникъ этрусской древности, филистинскіе рвы, относятся къ гораздо древнѣйшей эпохѣ, предшествовавшей основанію Рима. Они находятся въ окрестностяхъ Адріи и состоятъ изъ остатковъ большихъ каналовъ и рвовъ, служившихъ для предотвращенія разливовъ По и осушенія болотъ. При устьѣ. Но также находятся слѣды земляныхъ насыпей, которыми этруски предохраняли отъ наводненій сосѣднія мѣстности и, засыпая болота, увеличивали пространство годной для обработки земли. Къ остаткамъ этрусской архитектуры принадлежатъ и нѣкоторыя развалины, напримѣръ развалины Волатерръ, нынѣшней Вольтерры въ Тосканѣ, также безспорно относящіяся къ эпохѣ предшествовавшей основанію Рима. Въ этомъ городѣ существуютъ еще довольно хорошо сохранившіеся остатки очень древней городской стѣны съ двумя воротами, имѣвшей около семи верстъ въ окружности и сложенной изъ огромныхъ кусковъ камня. Такія же громадныя и прочно построенныя стѣны сохранились и отъ этрусскихъ городовъ Клузіума, Кортоны, Арреціума (Ареццо), Перузіи (Перуджія), Вольсиніевъ (Больсена) и другихъ. Въ Клузіумѣ стояла еще построенная въ видѣ лабиринта гробница царя Порсенны, казавшаяся, по словамъ римскихъ писателей, дворцомъ фей и, между прочимъ, заключавшая въ себѣ пять пирамидъ въ 150 футовъ высоты и 70 футовъ ширины и длины каждая. Не смотря на то, что эти извѣстія древнихъ писателей, очевидно, преувеличены, существованіе въ Клузіумѣ громадной гробницы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ Тарквиніяхъ (недалеко отъ нынѣшняго Корнето) находятся громадныхъ размѣровъ подземные своды (катакомбы), въ Фіезоле (древнихъ Фезулахъ) сохранились еще развалины городской стѣны и колоссальнаго театра; другія мѣстности Этруріи также заключаютъ въ себѣ остатки древнихъ каналовъ, стѣнъ и зданій.

Многія изъ названныхъ нами развалинъ принадлежатъ къ эпохѣ, предшествовавшей основанію Рима, и служатъ лучшимъ доказательствомъ, что этруски еще въ глубокой древности достигли болѣе высокой степени образованности и матеріальнаго благосостоянія, чѣмъ какими пользовалась Этрурія впослѣдствіи, во все время владычества римлянъ. Но объ этой эпохѣ до насъ дошли слишкомъ скудныя свѣдѣнія, на основаніи ихъ мы не можемъ прослѣдить ходъ развитія этой цивилизаціи и воспроизвести исторію этрусковъ. Извѣстія эти могутъ дать намъ только общее понятіе о тогдашнемъ состояніи Этруріи. Величественность названныхъ нами развалинъ городовъ, гидравлическихъ сооруженій и произведеній искусствъ, наконецъ то обстоятельство, что нынѣшніе тосканцы гордятся славою и величіемъ древнѣйшихъ обитателей своей страны, въ новѣйшее время

много способствовали распространенію преувеличенныхъ и ложныхъ понятій о степени развитія этрусской цивилизаціи. Всѣ эти заблужденія разсѣялись только въ послѣднія десятилѣтія, вслѣдствіе болѣе близкаго знакомства съ этрусскими древностями.

Все общественное устройство этрусковъ основывалось, какъ и въ древнѣйшихъ государствахъ Востока, на преобладаніи одной касты, члены которой, лукумоны, составляли высшее и жреческое сословіе націи. Одни лукумоны пользовались личною свободою и принимали участіе въ управленіи, составляя касту патриціевъ, которая присвоила себѣ право истолковывать, по извѣстнымъ признакамъ, волю боговъ и господствовала надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ страны, находившимся у нея въ крѣпостной зависимости. Такимъ образомъ общественное устройство этрусковъ было аристократическо-іерархическое. Каждый городъ составлялъ отдѣльное государство и владѣлъ нѣсколькими подвластными ему мѣстечками (пригородами). Правленіе находилось въ рукахъ всей жреческой аристократіи города, избиравшей изъ среды своей пожизненнаго царя; у этрусковъ царское достоинство никогда не было наслѣдственнымъ. Царь наблюдалъ за исполненіемъ рѣшеній, принятыхъ сенатомъ патриціевъ и жрецовъ, предводительствовалъ на войнѣ войскомъ, созывалъ собранія господствующаго сословія и руководилъ ими, предсѣдательствовалъ на всѣхъ празднествахъ и религіозныхъ церемоніяхъ и рѣшалъ маловажныя тяжебныя дѣла. Знаками его достоинства были: пурпуровая одежда, золотой вѣнецъ, скипетръ, украшенный изображеніемъ орла, особенныя кресла, называвшіяся у римлянъ курульскими, и, всегда сопровождавшій царя, ликторъ, имѣвшій въ рукахъ связку палокъ и сѣкиру.

Конфедерація этрусковъ состояла изъ двѣнадцати городовъ; вообще цифра двѣнадцать играетъ у этого народа чрезвычайно важную роль и встрѣчается почти во всѣхъ его учрежденіяхъ, вѣроятно, потому, что этруски покланялись двѣнадцати главнымъ божествамъ. До основанія Рима всѣхъ этрусскихъ конфедерацій было три. Одна изъ нихъ составляла союзъ городовъ собственной Этруріи. Изъ городовъ этой послѣдней конфедераціи знаменитѣйшими были: Клузіумъ (Кіузи), Перузія (Перуджія), Кортона, Арреціумъ (Ареццо), Волатерры (Вольтерра) Тарквиніи, Вольсиніи (Больсена), Цере и Веіи. Союзныя собранія происходили въ храмѣ богини Вольтумны, недалеко отъ Вольсиніевъ. Въ составъ этрусской конфедераціи Верхней Италіи, памятниками искусствъ которой были филистинскіе рвы и эвгубинскія таблицы, входили: Фельсина или Бононія (нынѣшняя Болонья), Верона, Мантуя, Адрія, Игувіумъ и другіе города. Южная конфедерація этрусковъ обнимала собою Кампанію, со столицею Капуею и городами Помпеею, Геркуланомъ и Ателлою. Вскорѣ по основаніи Рима этруски хотѣли образовать четвертую конфедерацію, но этому помѣшали господствовавшіе на морѣ карѳагеняне, возрастаніе могущества греческихъ колоній въ Нижней Италіи и вторженія галловъ въ Италію съ сѣвера. Конфедераціи этрусковъ имѣли цѣлью защищаться общими силами противъ внѣшнихъ враговъ. Взаимная связь между ними была очень слаба, каждый городъ союза, какъ совершенно самостоятельное государство, могъ даже заключать отдѣльные союзы, если только цѣль ихъ не противорѣчила главнымъ основаніямъ конфедераціи. Дѣла, касавшіяся всей конфедераціи, обсуждались въ общемъ союзномъ собраніи депутатовъ отъ каждаго изъ городовъ союза. Они рѣшались по большинству голосовъ, но если предпринимался общій походъ, то кажется, что каждый городъ могъ, по своему желанію, отказаться отъ участія въ немъ. Главнокомандующимъ надъ войскомъ союза во время войны избирался одинъ изъ лукумоновъ двѣнадцати городовъ союза; знакомъ его достоинства была свита изъ дѣнадцати ликторовъ, по одному отъ каждаго города.

Этруски покланялись двѣнадцати главнымъ божествамъ, которымъ въ болѣе отдаленной древности приносили даже человѣческія жертвы. Основанія религіознаго ученія этрусковъ, составляя тайну жреческой аристократіи, оставались совершенно неизвѣстными народу, такъ же какъ и значеніе всѣхъ религіозныхъ церемоній. Подобно религіямъ народовъ Востока, ученіе ихъ находилось въ тѣсной связи съ народными преданіями о сотвореніи міра. Религія и богослуженіе этрусковъ, въ которыхъ предсказанія играли главную роль, отличались своимъ мрачнымъ характеромъ. По словамъ ихъ древней легенды, вышедшій изъ земли кар-

ликъ, Тагасъ, научилъ этрусковъ узнавать будущее и волю боговъ по внутренностямъ приносимыхъ въ жертву животныхъ, по полету птицъ и молніи. Эти предсказанія и гаданія составляли высшую мудрость этрускаго народа. Древнія книги, происхожденіе которыхъ, по словамъ жрецовъ, восходило до миѳической эпохи, заключали въ себѣ правила для гаданій, описаніе богослужебныхъ обрядовъ и іерархическое государственное право этрусковъ. Вся духовная дѣятельность этрускаго народа основывалась на этой неподвижной, завѣщанной предками, мудрости. Этруски никогда не жили самостоятельною умственною жизнью и не могли развить ни одной науки, хотя и занимались врачебнымъ искусствомъ и астрономіею, и при помощи послѣдней установили у себя правильное времясчисленіе. Римляне заимствовали у нихъ всю свою религіозную мудрость, нѣкоторыя изъ государственныхъ учрежденій, большую часть религіозныхъ и общественныхъ церемоній, музыку и многія другія національныя особенности; даже изображенія римскихъ цифръ этрускаго происхожденія.

Искусство этрусковъ, немногія остатки котораго сохранились до насъ, во многомъ отличается отъ искусства древняго Египта и другихъ жреческихъ государствъ. Уцѣлѣвшія до нашего времени сооруженія ихъ, подобно египетскимъ, были дѣломъ народа, находившагося въ крѣпостной зависимости у одной касты, считавшейся благородною; но всѣ они, за исключеніемъ гробницы въ Клузіумѣ, имѣли цѣлью увеличеніе благосостоянія всей массы населенія, а не служили для удовлетворенія тщеславія и любви къ блеску немногихъ, какъ пирамиды, обелиски и безчисленные храмы Египта. Они состояли въ укрѣпленіяхъ, различныхъ сооруженіяхъ для осушенія почвы и предохраненія ея отъ наводненій, въ устройствѣ гаваней и пр. Искусство этрусковъ отличается отъ египетскаго еще тѣмъ, что оно не оставалось неподвижнымъ, но было доступно различнымъ усовершенствованіямъ, вызваннымъ сношеніями съ греками; большинство сохранившихся до нашего времени остатковъ этруской живописи и ваянія заключаетъ въ себѣ такую примѣсь греческихъ элементовъ, что часто невозможно отличить ихъ отъ подобныхъ же чисто греческихъ произведеній. Этруски даже часто изображали на своихъ сосудахъ миѳы и преданія грековъ.

Плодородная почва, обрабатываемая крѣпостнымъ населеніемъ, цвѣтущая торговля и морскіе разбои доставляли огромныя богатства господствующей кастѣ. Морскіе разбои сдѣлались у этого народа постояннымъ ремесломъ и малу по малу такъ усилились, что имя этрусковъ или тирреновъ сдѣлалось также страшно въ западной половинѣ Средиземнаго моря, какъ впослѣдствіи въ его восточной части имя киликійскихъ пиратовъ. Все это окончательно развратило господствующую касту и подкопало самыя основанія ея владычества. Жреческая аристократія этрусковъ и безъ того уже издавна выказывала склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ, варварскимъ и кровопролитнымъ играмъ цирка, восточной роскоши въ домашнемъ быту, пляскѣ и музыкѣ. Народъ этотъ, подчиненный развратной аристократіи, погибъ не отъ ударовъ какого-нибудь могущественнаго внѣшняго врага, но вслѣдствіе внутренняго разложенія и недостатковъ своихъ коренныхъ учрежденій. Паденію его содѣйствовали еще тѣсныя сношенія съ греками, внесшія много чуждыхъ элементовъ въ искусство, науку и весь строй жизни этрусковъ, а строго іерархическая система управленія, по самому существу своему, не допускала въ себѣ никакихъ преобразованій, соотвѣтствовавшихъ потребностямъ того времени. Энергія этрусковъ ослабѣла еще прежде, чѣмъ Римъ достигъ могущества, которое могло быть опасно для его сосѣдей. Только въ періодъ римскихъ царей этрускій народъ былъ опаснымъ сосѣдомъ для молодаго государства, впослѣдствіи же онъ является весьма слабымъ въ сравненіи съ съ прочими итальянскими народами. Этруски подчинились римскому сенату прежде латиновъ и самнитовъ и своимъ паденіемъ открыли путь владычеству римлянъ.

---

3. Латины.

Латины или латинцы населяли береговую полосу земли, простирающуюся отъ нижняго Тибра до Понтинскихъ болотъ. Они раздѣлены были на тридцать республикъ, государственныя учрежденія и федеративное устройство которыхъ очень походили на этрусскія. Отдѣльныя общины имѣли такія же, хотя не столь строгія іерархическія учрежденія, взаимная связь ихъ была также слаба и союзныя собранія пользовались столь же ограниченною властью. Существованіе у нихъ кастоваго быта и господство жрецовъ подтверждаются развалинами громадныхъ построекъ, имѣющихъ много сходства съ этрусскими по способу кладки камней, и возможныхъ только въ жреческихъ государствахъ. Изъ болѣе значительныхъ городовъ страны, расположенныхъ всегда на возвышенностяхъ и имѣвшихъ родъ цитаделей, знаменитѣе другихъ была Альба-Лонга, на Альбанской горѣ.

О латинахъ сохранились только миѳы и преданія, на основаніи которыхъ невозможно составить себѣ понятія объ ихъ исторіи въ эпоху, предшествовавшую основанію Рима. Впрочемъ, всѣ извѣстія и уцѣлѣвшіе еще остатки латинской архитектуры служатъ доказательствомъ изумительнаго процвѣтанія древняго Лаціума. Можно сказать положительно, что ни въ какую другую эпоху страна эта не была такъ густо населена и не представляла картины такого благосостоянія, какъ въ этотъ древнѣйшій до-историческій періодъ своего существованія. Даже впослѣдствіи, когда могущественные римляне сосредоточили въ Лаціумѣ сокровища завоеванныхъ ими богатѣйшихъ земель тогдашняго міра, положеніе страны все-таки оставалось далеко позади того цвѣтущаго состоянія, къ которомъ она находилась въ глубокой древности. Въ эпоху римскаго величія Лаціумъ представлялъ собою только картину громаднаго богатства немногихъ фамилій, рядомъ съ которымъ еще сильнѣе бросалась въ глаза нищета развращеннаго простаго народа и безчисленнаго множества рабовъ; въ до-историческую же эпоху Лаціума высокое благосостояніе было разлито по всей странѣ и между всѣми ея жителями. Въ той мѣстности, которую теперь занимаютъ понтинскія болота, представляя собою пространство земли годное только для пастбища и заражающее воздухъ окрестной страны, находилось около двадцати трехъ многолюдныхъ мѣстечекъ. Болото это, имѣющее около шести нѣмецкихъ миль въ длину, благодаря трудолюбію латиновъ было превращено въ плодородныя поля, подобно тому, какъ этруски своими каналами и плотинами первые сдѣлали обитаемыми болота Ломбардіи. Множество латинскихъ мѣстечекъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ римскихъ историковъ, даетъ намъ право заключить о чрезвычайной населенности этого небольшаго пространства земли. Чтобы питать столь густое населеніе, почва должна была быть воздѣлана какъ настоящій садъ, а уже одно это обстоятельство можетъ служить доказательствомъ, что, еще до основанія Рима, Лаціумъ, вмѣстѣ съ значительною частью остальной Италіи, принадлежалъ къ числу самыхъ цвѣтущихъ странъ Европы.

4. Самнитскіе народы.

Весь горный хребетъ Апеннинъ, отъ границъ Этруріи до самой южной оконечности Италіи, и нѣкоторыя изъ прилегающихъ къ нему мѣстностей, были населены нѣсколькими незначительными народами. Большая часть изъ нихъ принадлежала, по всей вѣроятности, къ одному и тому же племени, и потому мы будемъ называть всѣхъ ихъ самнитами, по имени наиболѣе извѣстнаго изъ нихъ народа. Къ нимъ относятся: самниты, сабины, вестины, марсы, марруцины, пелигны, герники, френтаны, гирпины и пиценты. Къ самнитскимъ народамъ принадлежатъ также луканы; бруттійцы же, занявшіе въ четвертомъ вѣкѣ до нашей эры южную оконечность Италіи, образовались изъ поселившихся тамъ бѣглыхъ наемниковъ и рабовъ разнаго происхожденія. Народъ, населявшій Кампанію на время существованія Рима, произошелъ

отъ смѣшенія древнѣйшихъ обитателей этой страны, авзоновъ и осковъ, съ самнитами, отнявшими Кампанію у этрусковъ.

Первыми родоначальниками самнитовъ, первобытную родину которыхъ нужно искать въ дикихъ Абруцкихъ горахъ, былъ одинъ воинственный горный народъ. Потомки этого народа долгое время сохраняли основныя черты своего національнаго характера, хотя часть его, со времени завоеванія Кампаніи, начала уже терять простые нравы своихъ предковъ. Пиценты и смѣшанное населеніе Кампаніи рано впали въ изнѣженность, а луканы сдѣлались совершенно разбойничьимъ племенемъ. Самниты, сабины, марсы, марруцины и пелигны никогда не теряли своей воинственности и любви къ свободѣ, сохранивъ въ продолженіе всей римской исторіи эти особенности самнитскаго характера. Изъ самнитскихъ народовъ сабины долѣе всѣхъ сохраняли древнюю простоту нравовъ въ первоначальной ея чистотѣ и строгости.

Государственныя учрежденія, нравы и весь бытъ самнитскихъ народовъ заслуживаютъ истиннаго удивленія. Еще древніе греки воздавали имъ должную хвалу и, видя сходство самнитскаго быта съ дорическими учрежденіями и главными положеніями системы пиѳагорейцевъ, предполагали между ними существованіе внутренней связи и единства происхожденія. Всѣ учрежденія самнитовъ основывались, какъ у этрусковъ, на преобладаніи аристократіи и жрецовъ; но самнитская аристократія не была окружена толпами крѣпостныхъ, а богослуженіе, не завися нисколько отъ произвола жреческаго сословія и содержавшихся въ тайнѣ знаній, опредѣлялось древними постановленіями и правилами, заключавшимися въ особыхъ книгахъ. Гнетъ аристократіи не могъ быть слишкомъ чувствителенъ еще и потому, что роскошь была совершенно неизвѣстна самнитамъ, домашняго рабства между ними почти не существовало, а взаимныя нужды тѣсно соединяли ихъ другъ съ другомъ.

Главными занятіями самнитовъ были земледѣліе и скотоводство. Въ связи съ ними, какъ и у латиновъ, находилась религія и національные праздники, самыми знаменитыми изъ которыхъ были происходившіе въ Курахъ (Cures). Особые жрецы, называвшіеся братствомъ земледѣлія (fratres arvales), кромѣ исполненія своихъ жреческихъ обязанностей, занимались земледѣліемъ, не только какъ предметомъ относящимся къ религіи, но и въ научномъ отношеніи. Всѣ религіозныя церемоніи и народныя празднества имѣли цѣлью поддерживать правительственный надзоръ надъ воздѣлываніемъ почвы, и сознаніемъ религіозныхъ обязанностей возбуждать дѣятельность земледѣльца и охранять древнюю простоту нравовъ. Весь народъ, не исключая и самыхъ знатныхъ, воздѣлывалъ землю своими руками, и потому земледѣліе достигло у самнитовъ такой же высокой степени совершенства, какъ и у латиновъ. Замѣчательно, что сельское хозяйство, составлявшее вмѣстѣ съ юриспруденціею чисто національную науку итальянцевъ, еще въ самой глубокой древности было однимъ изъ главнѣйшихъ занятій жителей Италіи. Римляне утверждали даже, что винодѣліе возникло впервые у сабинянъ. Скотоводство также было доведено самнитами до высокой степени совершенства и держалось на этой высотѣ въ продолженіе всей древней исторіи, такъ что и позднѣйшій Римъ выписывалъ рогатый скотъ, муловъ и свиней преимущественно изъ самнитскихъ горъ. Земледѣліе было у самнитовъ общимъ ремесломъ всего народа, и потому въ странѣ ихъ почти не встрѣчалось городовъ; населеніе сосредоточивалось въ многочисленныхъ деревняхъ, а немногіе города, построенные въ самыхъ неприступныхъ мѣстностяхъ, служили только убѣжищами на случай непріятельскихъ вторженій. Трудолюбивые самниты не оставили невоздѣланнымъ ни одного клочка земли въ своей гористой странѣ. Все пространство горы Матезе (Monte Matese),—теперь большую часть года покрытое снѣгомъ и остающееся необработаннымъ со времени самнитовъ, благодаря трудолюбію этого счастливаго и окрѣпшаго въ трудахъ народа,—было обращено въ пашни или искусственные луга и питало чрезвычайно густое населеніе. Эти успѣхи экономическаго развитія легко объясняются простотою нравовъ и умѣренностью самнитовъ, ихъ врожденною любовью къ труду и внутреннею связью земледѣлія со всѣми учрежденіями и національнымъ бытомъ. Даже горные лѣса находились подъ надзоромъ общественныхъ властей, такъ какъ самнитамъ было извѣстно ихъ вліяніе на климатъ. Гористая и превосходно воздѣланная область самнитовъ, лежавшая подъ

яснымъ небомъ Италіи, соединяла въ себѣ всѣ преимущества самыхъ богатыхъ дарами природы странъ; неудивительно, что Самніумъ былъ населенъ чрезвычайно густо, тѣмъ болѣе, что, по самнитскимъ законамъ невоздѣланная земля часто распредѣлялась между жителями для обработки. Чрезмѣрнаго увеличенія населенія не могло быть благодаря одному древнему священному обычаю. Когда слѣдовало опасаться излишка его, назначалось празднованіе такъ называемой священной весны, состоявшее въ торжественномъ обѣтѣ принести черезъ двадцать лѣтъ въ жертву или выпустить на волю весь родившійся въ этотъ годъ скотъ и выслать на поселеніе въ отдаленныя земли всѣхъ молодыхъ людей, которые достигнутъ къ тому времени двадцатилѣтняго возраста. Такъ же странны, но въ то же время мудры были постановленія относительно браковъ, заключавшихся подъ надзоромъ общественныхъ властей. Въ извѣстныя времена собирали всѣхъ юношей, подвергали ихъ тщательному испытанію, и тѣмъ, которые были найдены лучшими, предоставлялся свободный выборъ невѣстъ; остальнымъ жены назначались общественною властью. Такимъ образомъ, бракъ служилъ средствомъ поощренія юношей къ дѣятельности, а съ другой стороны, всѣ молодые люди получали женъ, которыя должны были помогать имъ въ земледѣльческихъ работахъ и управлять ихъ домашнимъ хозяйствомъ.

О произведеніяхъ искусствъ этого простаго и дѣйствительно свободнаго народа почти ничего не говорится у древнихъ писателей, и на всемъ пространствѣ его родины не встрѣчается ни однѣхъ развалинъ колоссальныхъ построекъ, въ родѣ оставленныхъ этрусками. Зато впослѣдствіи строгіе нравы и духъ умѣренности самнитовъ вызвали особое направленіе позднѣйшей римской литературы. У грековъ, въ особенности въ городахъ дорическаго племени или имѣвшихъ учрежденія, основанныя на ученіи Пиѳагора, правила общественной жизни и описанія простыхъ нравовъ предковъ передавались юношеству въ стихахъ. Точно также и отъ самнитовъ перешелъ къ римлянамъ кодексъ строгой житейской морали, развившійся у послѣднихъ въ особый родъ поэзіи. Древніе самниты, преимущественно храбрые сабины, войдя въ тѣсное соединеніе съ римлянами, своими чистыми нравами, нравственностью, религіозностью и справедливостью доставили послѣднимъ уваженіе и могущественное вліяніе между прочими народами Италіи. Даже для римлянъ позднѣйшей эпохи, бывшихъ отчасти ихъ потомками, они служили образцами простоты и честности, такъ что выраженіе «сабинская добродѣтель» вошло даже въ пословицу и очень часто упоминается у римскихъ поэтовъ.

Между самнитскими общинами или кантонами также существовала федеративная связь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно похожая на ту, которую мы видѣли у латиновъ и этрусковъ; но связь эта никогда не была такъ слаба, какъ у двухъ послѣднихъ племенъ. Отдѣльные народы, на которые распадалось племя самнитовъ, почти совершенно не были соединены другъ съ другомъ; общины каждаго народа составляли между собою особые союзы, только изрѣдка принимая въ нихъ другихъ своихъ одноплеменниковъ. Но и въ этомъ состояніи раздробленности вполнѣ выказывалась энергія самнитовъ и прочность узъ, соединявшихъ отдѣльныхъ членовъ каждаго народа; не смотря на свое разъединеніе, самнитскіе народы всегда оказывали страшное сопротивленіе своимъ внѣшнимъ врагамъ.

III. ПЕРВАЯ ЭПОХА

ИСТОРІИ РИМСКАГО НАРОДА.

1. Введеніе.

Немногія дошедшія до насъ извѣстія объ этрускахъ, латинахъ и самнитахъ доказываютъ, что въ Италіи, въ эпоху предшествовавшую основанію Рима, образованность была распространена гораздо повсемѣстнѣе, чѣмъ во всѣ послѣдующіе вѣка древности. Въ эти первобытныя времена на сѣверѣ и въ срединѣ Апеннинскаго полуострова возникли три различные центра образованности; ко времени основанія Рима, при содѣйствіи греческихъ колоній, образовался еще четвертый центръ на югѣ. Этруски занимали все пространство отъ Піемонта и Тироля до Тибра, а впослѣдствіи водворились и въ Кампаніи. Раздѣленные на три конфедераціи, ломбардскую, тосканскую и кампанскую, они, подобно жреческимъ государствамъ древняго Востока, тѣсно соединяли съ религіею понятіе о политической мудрости. Достигнувъ въ наукахъ и искусствахъ значительной технической ловкости, этруски старались примѣнить ее къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей жизни и этимъ положили основаніе развитію свободнаго народа. Латины своимъ прилежаніемъ и трудолюбіемъ превосходно воздѣлали теперь пустынные, низменные берега южной части бывшей Церковной Области, покрыли ее городами и развили въ ней торговлю. Наконецъ, горные народы, называемые нами общимъ именемъ самнитовъ, не только довели земледѣліе въ горахъ Средней Италіи до такого же совершенства, но и осуществили идеалъ демократическаго государства, правительство и религіозныя вѣрованія котораго основывались на семейной жизни, простотѣ нравовъ и земледѣліи. Къ этимъ туземнымъ цивилизаціямъ Средней Италіи, имѣвшимъ другъ на друга вліяніе, присоединилась еще цивилизація греческихъ колоній, покрывавшихъ всѣ берега южной Италіи, начиная съ Кампаніи. Новыя поселенія, быстро разбогатѣвшія торговлею, искусствомъ и наукою и достигшія высокой степени процвѣтанія въ первую эпоху существованія Рима, внесли новые элементы въ туземную образованность Италіи и оживили ее энергіею греческаго духа.

Три древнія конфедераціи Италіи, тѣсно связанныя единствомъ религіи и общими празднествами, въ то же время взаимно уравновѣшивались одна другою.

Каждая изъ нихъ была богата внутренними силами, а связь, соединявшая отдѣльные города и общины, была слишкомъ слаба, чтобы доставить одной конфедераціи преобладаніе надъ другими. Этотъ порядокъ вещей измѣнился, когда, вслѣдствіе основанія города Рима, образовалась колонія, возникшая изъ всѣхъ трехъ національностей и соединившая въ себѣ всѣ лучшіе ихъ элементы. Новое государство получило совершенно отличную организацію, съ самаго начала стало обнаруживать воинственное направленіе и должно было сдѣлаться опаснымъ для всѣхъ трехъ конфедерацій. Причину быстраго развитія могущества Рима и наконецъ достиженія имъ владычества надъ всѣмъ полуостровомъ нужно искать въ указанномъ нами политическомъ положеніи Италіи.

Вновь основанный городъ лежалъ не въ горахъ, подобно городамъ самнитовъ, а въ равнинѣ, по близости горъ. Это обстоятельство при самомъ его основаніи дало ему значеніе, совершенно отличное отъ значенія другихъ латинскихъ городовъ; сверхъ того, будучи основанъ выходцами изъ Лаціума, онъ имѣлъ то преимущество, что находился подъ защитою латинской конфедераціи. Раннія связи Рима съ сосѣднимъ горнымъ народомъ самнитовъ поддерживали въ юномъ государствѣ энергію и воинственность. Съ другой стороны новое поселеніе, занимая берега Тибра, находилось въ непосредственномъ соприкосновеніи съ этрусками и заимствовало отъ нихъ все, что во вновь образующемся государствѣ могло внушить почтеніе къ преобладающему сословію. Послѣднее, подражая жреческой аристократіи этрусковъ, искусно воспользовалось суевѣріемъ народа, чтобы придать государственному устройству болѣе твердыя основанія, не допуская въ то же время развиться вполнѣ преобладанію сословія жрецовъ. Римъ заимствовалъ отъ этрусковъ религію со всѣми ея обрядами, первоначальное государственное устройство и всѣ внѣшніе знаки власти и царскаго достоинства,—пурпуровую тогу, золотой вѣнецъ, скипетръ съ орломъ, такъ называемое курульское кресло и свиту ликторовъ съ пуками палокъ и сѣкирами, носимыми подъ мышкою. Изъ всѣхъ древнихъ государствъ Италіи одинъ Римъ въ первыя столѣтія своего существованія подчинился монархической власти, хотя устройство его съ самаго начала приняло республиканскій характеръ. У самнитовъ не было и помину о царяхъ; въ латинскихъ и этрусскихъ городахъ только отъ времени до времени становились во главѣ государства цари или такъ называемые диктаторы, потому что аристократія никогда не допускала утвержденія единовластія. Римляне признавали право наслѣдственное на ряду съ избирательнымъ, прибѣгая къ послѣднему только тогда, когда дѣйствительное благо государства требовало другаго правителя, вмѣсто несовершеннолѣтнихъ дѣтей предшествовавшаго царя. Юное римское государство, образовавшееся на границахъ трехъ главныхъ народовъ Италіи и перенявшее ихъ обычаи и устройство, вслѣдствіе благопріятныхъ ему обстоятельствъ съ самаго начала заняло положеніе, которое доставило ему почетное мѣсто между сосѣдними народами и открыло впослѣдствіи путь къ преобладанію надъ ними.

Народонаселеніе Рима образовалось изъ слiянія этрусковъ, латиновъ и самнитовъ; первые составляли большинство патриціевъ или благороднаго сословія римскаго государства, послѣдніе два народа образовали преимущественно земледѣльческій классъ, отличавшійся энергіею и простотою нравовъ. Если бы даже поэтическія преданія, въ которыхъ сохранилась древнѣйшая исторія Рима, и не указывали намъ на такое происхожденіе его жителей, то оно все-таки подтверждалось бы уже тѣмъ, что городъ этотъ былъ основанъ на границѣ трехъ древнѣйшихъ государствъ Италіи, въ разсказахъ о которыхъ видны характеристическія черты позднѣйшихъ римлянъ. Это сліяніе трехъ народовъ было совершенно естественно и осуществленіе его не представляло такихъ затрудненій, какъ, напримѣръ, слитіе іоническаго и дорическаго населенія во многихъ греческихъ колоніяхъ, уже по одному тому, что у всѣхъ этихъ народовъ были общія жертвоприношенія и празднества. Вообще, религія и государственное устройство ихъ, не смотря на различіе въ частностяхъ, имѣли много общаго и вполнѣ годились для римлянъ, которые, основывая свое государство, заимствовали лучшія учрежденія своихъ сосѣдей. Наконецъ, на такое же происхожденіе указываетъ и языкъ римлянъ. Хотя ни одинъ изъ уцѣлѣвшихъ древнихъ памятниковъ Рима не восходитъ до временъ римскихъ царей, однако нельзя не согласиться, что въ рим-

скомъ языкѣ замѣтны два коренные элемента: одинъ, сродный съ греческимъ, другой—чуждый ему. Послѣдній принадлежитъ, повидимому, тремъ древнѣйшимъ народамъ Средней Италіи, первый, сходный съ древне-этолійскимъ нарѣчіемъ или съ древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ формъ греческаго языка, указываетъ на первоначальное сродство самнитовъ и латиновъ съ греками. Присутствіе древнегреческаго элемента въ языкахъ древней Италіи объясняется еще вліяніемъ греческихъ поселеній. Подобное явленіе представляетъ англійскій языкъ, образовавшійся изъ смѣшенія стариннаго французскаго языка съ англо-саксонскимъ, вслѣдствіе завоеванія Англіи норманнами.

Такимъ образомъ римскій народъ, обладавшій неизвѣстною до того въ исторіи способностью усвоивать себѣ всѣ годные для него чуждые элементы, соединилъ въ себѣ въ одно цѣлое всѣ три вида древнѣйшей итальянской образованности и, вмѣсто прежнихъ латинской, этрусской и самнитской конфедераціи, создалъ національное единство и могущество одного имѣвшаго военную организацію и все сосредоточившаго въ себѣ города.

2. Преданіе объ основаніи Рима.

Достовѣрная исторія древней Италіи начинается для насъ только съ основанія Рима, но и первые вѣка существованія римскаго государства, въ отношеніи отдѣльныхъ событій, должны быть отнесены къ миѳической эпохѣ. Только въ концѣ втораго вѣка послѣ основанія Рима начинается положительная и связная исторія его. Для разъясненія всѣхъ предшествовавшихъ событій нужно обращаться къ остроумнымъ догадкамъ, основаннымъ на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ или риторическихъ и поэтическихъ разсказахъ позднѣйшихъ писателей. Мы не можемъ положиться на одни народныя преданія объ основаніи Рима, въ которыхъ трудно отличить истину отъ поэтическаго вымысла, хотя и нельзя совершенно отвергать, какъ чистыя выдумки, дошедшія до насъ въ видѣ легендъ извѣстія объ этомъ событіи. Древнѣйшая римская исторія, не смотря на свою сказочную оболочку, имѣетъ такое же важное значеніе, какъ и разсказъ о послѣдующихъ историческихъ періодахъ, потому что римляне позднѣйшей эпохи считали ее вполнѣ достовѣрною. Баснословныя преданія о первыхъ временахъ Рима составляли для римлянъ, связавшихъ свою религію, государственную жизнь, военное устройство, литературу и искусство съ этими поэтическими легендами, такую же важную часть ихъ исторіи, какъ и вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о послѣдующей судьбѣ и предпріятіяхъ ихъ народа. Такимъ образомъ миѳы и преданія римлянъ получили для всей послѣдующей исторіи этого народа значеніе, почти непонятное въ нашъ прозаическій вѣкъ. Римляне, подобно грекамъ, искали въ этомъ дошедшемъ до нихъ циклѣ преданій начало всѣхъ сколько-нибудь важныхъ сторонъ своей національной жизни: ихъ художники заимствовали оттуда большую часть сюжетовъ своихъ произведеній, а поэты смотрѣли на него какъ на главный источникъ національной поэзіи; государственные люди и ораторы Рима, говоря передъ народомъ и сенатомъ, преимущественно обращались къ этимъ преданіямъ, наконецъ образованіе юношества основывалось точно такъ же на легендахъ о первыхъ временахъ Римскаго государства, какъ и на извѣстіяхъ позднѣйшей достовѣрной исторіи. Для насъ они имѣютъ важность уже потому одному, что, не зная ихъ, мы не поймемъ многаго въ сочиненіяхъ, художественныхъ произведеніяхъ и религіозной жизни римлянъ.

Преданія римлянъ соединяли древнѣйшую исторію Лаціума съ разсказами грековъ о древнѣйшей эпохи ихъ жизни. По ихъ словамъ толпа аркадянъ подъ предводительствомъ Эвандра переселилась въ Лаціумъ, гдѣ основала колонію на одномъ изъ семи холмовъ Рима. Такъ какъ аркадяне, считавшіеся остаткомъ древнихъ пеласговъ или однимъ изъ самобытныхъ древнихъ народовъ (стр. 129), играли роль въ древнѣйшей исторіи Рима, то къ разсказу о первыхъ основателяхъ Рима присоединились и преданія о полубогѣ Геркулесѣ, являющемся въ греческихъ миѳахъ освободителемъ древняго міра отъ всевозможныхъ чудовищъ. Юная аркадская колонія много терпѣла отъ страшнаго великана Какуса, пока не явился въ Лаціумъ Геркулесъ и не убилъ его. Въ благодарность за это

Эвандръ и его соотечественники стали воздавать ему божескія почести. Въ связи съ возникновеніемъ римскаго народа находятся также сказанія грековъ о Троянской войнѣ и ея герояхъ, составлявшія главный источникъ ихъ поэзіи и искусства и оставившія глубокіе слѣды въ понятіяхъ позднѣйшихъ эпохъ. Преданіе говоритъ, что троянецъ Эней, по разрушеніи Трои, бѣжалъ съ толпою соотечественниковъ и, послѣ многолѣтнихъ странствованій, достигъ береговъ Лаціума, гдѣ въ то время господствовалъ Латинъ, котораго преданіе выдаетъ то за сына бога Фавна и одной нимфы, то за сына Одиссея и Цирцеи. Латинъ дозволилъ троянскому герою поселиться въ его странѣ и даже выдалъ за него дочь свою, Лавинію. Вслѣдствіе того вспыхнула война съ Турномъ, царемъ сосѣднихъ рутуловъ, которому незадолго передъ тѣмъ была обѣщана отцомъ Лавинія. Въ этой кровопролитной войнѣ Латинъ лишился жизни, а Эней, наслѣдовавъ его престолъ, основалъ городъ, названный имъ въ честь его жены Лавиніумомъ. Турнъ, соединившійся противъ него съ Мезенціемъ, царемъ этрусскаго города Царэ, былъ убитъ въ сраженіи; та же участь постигла и Энея, удостоившагося послѣ смерти божескихъ почестей отъ своихъ подданныхъ. Мезенцій палъ вскорѣ по смерти Энея отъ руки Юла или Асканія, сына и преемника послѣдняго.

Асканій основалъ впослѣдствіи новую столицу Альбу Лонгу на скатѣ Албанской горы. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ господствовали его преемники, которыхъ въ позднѣйшую эпоху насчитывали до четырнадцати. Послѣдній изъ нихъ, Нуміторъ, былъ низвергнутъ съ престола своимъ младшимъ братомъ, Амуліемъ. Оставивъ своего брата въ живыхъ, похититель престола лишилъ жизни единственнаго его сына и принудилъ его дочь, Рею Сильвію, поступить въ число жрицъ Весты, которыя должны были оставаться безбрачными. Вслѣдствіе того Амулію нечего было опасаться законныхъ наслѣдниковъ престола. Далѣе преданіе говоритъ, что Рея Сильвія родила отъ бога войны, Марса, двухъ сыновей-близнецовъ, Ромула и Рема, основателей города Рима, и за нарушеніе обѣта безбрачія была утоплена въ рѣкѣ Аніо. Дѣти ея, по приказанію Амулія, тотчасъ послѣ рожденія, были брошены въ Тибръ въ корзинѣ, которая была прибита водою къ корнямъ фиговаго дерева, гдѣ ихъ нашла волчица, пришедшая къ рѣкѣ утолить жажду. Животное принесло плачущихъ дѣтей въ свое логовище и питало ихъ своимъ молокомъ, пока главный пастухъ Амулія, Фаустулъ, случайно открывъ пещеру, не взялъ ихъ къ себѣ. Онъ принесъ ихъ въ свой домъ, гдѣ жена его, Акка Лауренція, воспитала ихъ какъ родныхъ дѣтей. Возмужавъ, братья-близнецы своею отвагою въ битвахъ съ разбойниками и дикими звѣрями пріобрѣли такую извѣстность между пастухами страны, что вскорѣ ихъ стали избирать предводителями во всѣхъ предпріятіяхъ. Постоянныя удачи придали имъ еще болѣе храбрости и дерзости. Однажды они поссорились съ пастухами Нумитора, которые при этомъ захватили Рема и привели его къ Нумитору для наказанія. Нумиторъ почувствовалъ сильное волненіе при видѣ молодаго человѣка, какъ бы предугадывая его происхожденіе, а пришедшій туда же Фаустулъ подтвердилъ его догадки. Вскорѣ и Ромулъ возвратился къ своему дѣду и юноши рѣшились во что бы то ни стало отмстить позоръ своего дома. Съ помощью своихъ товарищей они овладѣли укрѣпленнымъ жилищемъ Амулія, умертвили похитителя престола и возстановили въ Альба-Лонгѣ власть своего дѣда.

Нумиторъ подарилъ внукамъ значительное пространство земли на берегу Тибра, около того самаго мѣста, куда ихъ прибило водою, и позволилъ имъ основать тамъ городъ. По прибытіи туда съ своими товарищами, между ними завязался споръ: каждый изъ братьевъ хотѣлъ считаться настоящимъ основателемъ и владѣтелемъ города и дать ему свое имя. Наконецъ, они согласились предоставить богамъ рѣшеніе спора и, ставъ на двухъ холмахъ, ожидать, кому боги покажутъ знаки своего благоволенія. Цѣлыя сутки прошли въ тщетномъ ожиданіи; наконецъ, Ремъ первый увидѣлъ шесть коршуновъ, летѣвшихъ по направленію отъ сѣвера къ югу, но вскорѣ за тѣмъ со стороны Ромула показались двѣнадцать другихъ коршуновъ. Между братьями снова возникъ жаркій споръ: одинъ основывался на томъ, что первый увидѣлъ благопріятную примѣту, другой на числѣ видѣнныхъ имъ птицъ. Сподвижники ихъ раздѣлились между ними, и дѣло дошло до боя, кончившагося вслѣдствіе неравенства силъ въ пользу Ро-

мула, который приступилъ къ основанію города, заложивъ его на лѣвомъ берегу Тибра, на Палатинскомъ холмѣ. По этрускому обычаю, употреблявшемуся при основаніи городовъ, онъ обозначилъ пограничную черту города, проведя вокругъ холма борозду плугомъ, въ который были впряжены корова и быкъ. По этой чертѣ новый городъ былъ окруженъ валомъ и рвомъ. Досадуя на свое несчастіе, Ремъ, въ насмѣшку надъ Ромуломъ, перепрыгнулъ черезъ это ничтожное укрѣпленіе и былъ за то убитъ братомъ.

Такимъ образомъ городъ Римъ былъ основанъ латиномъ, съ соблюденіемъ этрускихъ обрядовъ. Самую древнюю часть его составлялъ такъ называемый Палатинскій холмъ, одна изъ семи возвышенностей, вошедшихъ мало-номалу, съ расширеніемъ Рима, въ городскую черту. Днемъ основанія города римляне считали двадцать первое апрѣля, празднуя въ этотъ день Палилію или праздникъ Палесы, древне-италіянской богини пастуховъ. Древніе писатели не сходятся въ своихъ указаніяхъ на годъ основанія Рима. Опредѣлить его съ точностью нѣтъ никакой возможности вслѣдствіе небрежности, съ которою въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ передавались въ Римѣ извѣстія о событіяхъ первыхъ столѣтій его существованія, и по причинѣ запутанности и неопредѣленности тогдашняго лѣтосчисленія. Этруски имѣли уже вѣрное времясчисленіе, и римскій народъ, быть можетъ, тотчасъ же перенялъ его; но впослѣдствіи у римлянъ, въ продолженіе многихъ столѣтій, былъ въ употребленіи лунный годъ, который время отъ времени посредствомъ прибавки одного мѣсяца, приводился въ соглашеніе съ солнечнымъ годомъ — вставка эта зависѣла отъ произвола первосвященника. Вслѣдствіе того во времясчисленіе должны были вкрасться неправильности, которыхъ нельзя опредѣлить съ точностью, и потому никакъ нельзя отнести отдѣльныя указанія на событія къ извѣстнымъ, равнымъ другъ другу годамъ. Изъ различныхъ опредѣленій года основанія Рима наиболѣе употребительно сдѣланное римскимъ ученымъ Варрономъ и принятое почти во всѣхъ современныхъ историческихъ сочиненіяхъ. По исчисленію Варрона, годомъ основанія Рима былъ 754 годъ до р. X.

3. Ромулъ.

Разсказы римлянъ о періодѣ господства у нихъ царей дотого подробны, что указываютъ не только имена и главныя дѣянія послѣднихъ, но даже число лѣтъ ихъ царствованій. Не смотря на это, они все-таки основываются только на преданіяхъ или извѣстіяхъ, хотя и заключающихъ въ себѣ историческую истину, но въ такомъ разукрашенномъ и искаженномъ видѣ, что рѣшительно невозможно отличить ее отъ вымысловъ. Поэтому мы должны принимать эти разсказы въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, и довольствоваться тѣмъ, что въ нихъ по крайней мѣрѣ можно прослѣдить въ общихъ чертахъ состояніе римскаго государства и главный ходъ его развитія. Въ историческихъ преданіяхъ о временахъ царей нельзя не замѣтить, что Римъ въ первый періодъ своего существованія имѣлъ много сходства съ древнѣйшими государствами азіатскихъ и восточно-европейскихъ народовъ. Мы видѣли въ исторіи Востока, что почти во всѣхъ странахъ образуются сперва государства, всѣ граждане которыхъ распадаются на касты или наслѣдственныя сословія, а касты жрецовъ и благородныхъ не только сосредоточиваютъ въ себѣ всю власть, но въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ препятствуютъ дальнѣйшему развитію умственной жизни народа. Къ такимъ первобытнымъ государствамъ принадлежалъ и древній Римъ; его исторія составляетъ часть исторіи древнѣйшей эпохи Италіи, которую мы, въ главныхъ чертахъ, изложили выше. Только къ концу періода царей римскій народъ перешелъ къ другой формѣ государственной жизни, послѣдующее развитіе которой составляетъ настоящую его исторію.

Первоначальное населеніе Рима было смѣшаннымъ и принадлежало къ тремъ главнымъ народамъ древней Италіи, на границахъ которой, въ самомъ углу Лаціума, былъ основанъ городъ. Преданіе говоритъ, что Ромулъ для увеличенія числа жителей города съ самаго начала открылъ у себя убѣжище всѣмъ

изгнанникамъ и бѣглецамъ сосѣднихъ народовъ, предоставляя имъ права гражданства. Первоначальное населеніе города, судя по разсказамъ о происхожденіи Ромула и этрускихъ обрядахъ, совершавшихся при основаніи Рима, состояло изъ латиновъ и этрусковъ. На примѣсь третьяго элемента указываетъ легенда о похищеніи сабинокъ. Преданіе говоритъ, что сосѣдніе народы отказывались вступать въ бракъ съ римлянами, состоявшими изъ разноплеменнаго сброда всякихъ искателей приключеній, и что потому Ромулъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ устроилъ въ честь боговъ празднество съ торжественными играми и пригласилъ на него жителей сосѣднихъ городовъ Куръ, Ценины, Крустумеріи и Антемны, населенныхъ сабинами и латинами. Они явились въ большомъ числѣ съ женами и дочерьми. Среди празднества римляне, по знаку Ромула, напали на своихъ гостей и отняли у нихъ дочерей, которыя на слѣдующій же день сдѣлались женами своихъ похитителей. Ближайшимъ послѣдствіемъ подобнаго нарушенія гостепріимства была война съ латинскими городами, окончившаяся для римлянъ весьма счастливо. Ромулъ завоевалъ непріятельскіе города и принудилъ ихъ жителей переселиться въ Римъ.

Но едва миновала эта опасность, какъ началась новая война съ сабинами, проникшими подъ предводительствомъ Тита Тація, царя города Куръ, до самыхъ стѣнъ Рима. Они устроили передъ городомъ укрѣпленный лагерь, изъ котораго Ромулъ тщетно старался ихъ выбить. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, произошло рѣшительное сраженіе у подошвы занятаго сабинами Капитолійскаго холма, гдѣ впослѣдствіи находился форумъ или торговая площадь Рима. Въ пылу сраженія похищенныя сабинки бросились между рядами враговъ, умоляя ихъ, какъ своихъ мужей, отцовъ и братьевъ, прекратить бой изъ состраданія къ нимъ. Имъ удалось примирить сражающихся, заключившихъ между собою договоръ, по которому Куры и Римъ составили одну конфедерацію. Построивъ себѣ новый городъ на Капитолійскомъ и Квиринальскомъ холмахъ, противъ римлянъ, поселившихся на Палатинскомъ холмѣ, сабины образовали отдѣльную самостоятельную общину, подъ управленіемъ Тита Тація и сената изъ ста членовъ, составлявшую вооруженный союзъ съ Римомъ. Часть форума, лежавшая между обоими городами и называвшаяся впослѣдствіи компиціумъ, служила мѣстомъ общихъ сходокъ и совѣщаній обѣихъ общинъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, по смерти Тита Тація, подданные его, признавъ своимъ царемъ Ромула, слились съ римлянами въ одну общину. Отъ поселенія сабиновъ и слiянія ихъ съ жителями Рима преданіе производитъ названіе квиритовъ (т. е. жителей Куръ), часто употреблявшееся впослѣдствіи вмѣсто имени римлянъ, и названіе Квиринальскаго холма.

Ромулъ велъ также счастливыя войны съ нѣкоторыми этрусскими городами и, по словамъ преданія, покорилъ сосѣдній городъ Веіи. Но не одни войны и сраженія составляютъ содержаніе поэтическихъ сказаній о первомъ царѣ Рима; преданіе приписываетъ ему и введеніе первыхъ началъ римскаго государственнаго устройства. По основаніи Рима, Ромулъ, какъ говоритъ легенда, учредилъ правительственное мѣсто, состоявшее изъ ста сенаторовъ, число которыхъ, послѣ присоединенія сабиновъ, было увеличено до двухъ сотъ и подъ предсѣдательствомъ царя управляло государствомъ. Члены его назывались patres, или отцами, потомки ихъ образовали сословіе патриціевъ, или римскую аристократію, въ противоположность плебеямъ, или простому народу, находившемуся подъ владычествомъ царя и благороднаго сословія. Такимъ образомъ Ромулъ былъ основателемъ римской аристократіи, и ему же приписываютъ образованіе втораго сословія или всадниковъ, составлявшаго впослѣдствіи средину между аристократіею и народомъ. По словамъ преданія, онъ ввелъ дѣленіе римлянъ на трибы и куріи, раздѣливъ весь народъ на три трибы, а каждую изъ нихъ на десять курій. Наконецъ, Ромулъ постановилъ, чтобъ каждый плебей избралъ себѣ патриція, къ которому онъ долженъ былъ обращаться, какъ къ своему защитнику. Патрицій этотъ назывался его патрономъ, а самъ онъ кліентомъ послѣдняго. Взаимныя отношенія ихъ, переходившія на ихъ потомковъ, состояли въ томъ, что патронъ былъ обязанъ защищать своего кліента противъ всѣхъ притѣсненій, а кліентъ долженъ былъ почитать патрона, какъ отца.

Въ такомъ видѣ представляетъ преданіе возникновеніе существовавшихъ

впослѣдствіи въ Римѣ общественныхъ отношеній. Но, по самому характеру человѣческихъ учрежденій, подобныя отношенія не могли быть созданы вдругъ и однимъ человѣкомъ. Ходъ исторіи и сличеніе первоначальнаго устройства Рима съ состояніемъ трехъ древнѣйшихъ народовъ Италіи служатъ доказательствомъ, что эти учрежденія, приписываемыя преданіемъ какъ всегда одному лицу, образовались сами собою и постепенно. Въ наше время ученые, стараясь глубокомысленными и остроумными розысканіями опредѣлить настоящее устройство римскаго государства въ первыя времена его существованія, пришли къ воззрѣніямъ совершенно различнымъ отъ тѣхъ, которыя лежатъ въ основаніи легендарной исторіи Рима. Многіе частные резуль таты этихъ изслѣдованій не могутъ считаться вполнѣ достовѣрными, но, на основаніи ихъ, можно положительно сказать, что первоначальное государственное устройство римлянъ въ общихъ чертахъ было слѣдующее.

Древній Римъ имѣлъ такое же устройство, какъ этрусскіе, латинскіе и самнитскіе города. Жители его, подобно гражданамъ всѣхъ первобытныхъ государствъ, раздѣлялись на касты и состояли изъ аристократіи и подчиненнаго ей крѣпостнаго сословія. Аристократы, называвшіеся патриціями или патронами, соединяли въ своихъ рукахъ всю силу и власть и составляли сословіе жрецовъ. Простой народъ или кліенты, находившійся въ наслѣдственной крѣпостной зависимости у первыхъ, былъ лишенъ свободы, не принималъ никакого участія въ государственномъ управленіи, а принадлежалъ отдѣльнымъ семействамъ патриціевъ, бывшихъ ихъ представителями передъ государствомъ. Кліенты обработывали землю патриціевъ, владѣвшихъ всей землей въ государствѣ, платили имъ опредѣленныя подати и исполняли для нихъ еще другія повинности. Кромѣ упомянутыхъ нами двухъ кастъ, въ Римѣ весьма рано образовалось еще третье сословіе, носившее названіе плебеевъ и представлявшее собою средній классъ въ современномъ значеніи этого слова. Вѣроятно, оно произошло отъ потомковъ жителей сосѣднихъ городовъ, которые, пользуясь правомъ убѣжища, провозглашеннымъ Ромуломъ, переселились въ Римъ. Плебеи занимались не только земледѣліемъ, какъ патриціи и ихъ кліенты, но и городскими ремеслами; они долгое время не принимали участія въ государственномъ управленіи, но пользовались личною свободою и составляли отдѣльное сословіе, совершенно чуждое прочимъ.

Государственное устройство и управленіе Рима вполнѣ соотвѣтствовали этрусскимъ. Сенатъ, состоявшій изъ патриціевъ, или, другими словами, выборные жреческой аристократіи управляли государственными дѣлами. Царь, избираемый изъ этой жреческой аристократіи, былъ только главою сената, приводилъ въ исполненіе его рѣшенія, предсѣдательствовалъ въ судѣ и при богослуженіи, а во время войны предводительствовалъ войскомъ. Относительно всадниковъ, извѣстно только, что къ концу періода царей они являются сословіемъ занимавшимъ мѣсто между патриціями и плебеями. Раздѣленіе гражданъ на трибы и куріи касалось только патриціевъ и ихъ кліентовъ, основываясь, вѣроятно, на происхожденіи римлянъ отъ трехъ различныхъ національностей. По крайней мѣрѣ названія трехъ трибъ: рамны, тиціи и луцеры, ученые объясняютъ тѣмъ, что рамны представляли собою латиновъ, тиціи (отъ имени Тита Тація) сабиновъ, а луцеры (имя, быть можетъ, одного происхожденія со словомъ лукумонъ) этрусковъ. Впрочемъ, трибы Ромула отличаются отъ трибъ позднѣйшей эпохи какъ числомъ, такъ и основаніями дѣленія. Вѣроятно, древнѣйшее раздѣленіе на трибы служило въ главныхъ чертахъ основаніемъ военнаго устройства. Раздѣленіе же на куріи положительно имѣло связь съ богослуженіемъ и отчасти походило на нынѣшнее раздѣленіе на приходы.

4. Нума Помпилій.

По свидѣтельству древнихъ римскихъ героическихъ пѣсней, Ромулъ окончилъ жизнь свою страннымъ образомъ. Однажды, въ то время какъ онъ поучалъ собравшійся народъ, солнце внезапно затмилось, ночная темнота покрыла землю и началась сильная буря; пораженные ужасомъ граждане разбѣжались во всѣ

стороны. Когда гроза прошла и небо прояснилось, народъ сталъ тщетно искать Ромула; онъ былъ взятъ на небо своимъ отцомъ, богомъ войны Марсомъ, какъ вскорѣ за тѣмъ сообщилъ испуганнымъ римлянамъ одинъ изъ сенаторовъ, которому Ромулъ явился во снѣ и, разсказавъ всѣ подробности происшествія, объявилъ, что будетъ управлять своимъ народомъ подъ именемъ бога **Квирина**. Это преданіе хотѣли объяснить догадкою, что Ромулъ былъ умерщвленъ сенатомъ, распустившимъ для сокрытія своего преступленія слухъ о сопричтеніи царя къ сонму боговъ; но достовѣрная исторія не можетъ основываться на одномъ преданіи, и стремленіе искать въ послѣднемъ исторической истины не въ состояніи привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

По смерти Ромула, которую относятъ къ 717 году до р. Х., сенатъ не выбралъ новаго царя, а захватилъ въ свои руки управленіе государствомъ. Но, по истеченіи одного года междуцарствія, по словамъ преданія, угнетенный народъ потребовалъ себѣ царя, и сенатъ долженъ былъ исполнить его желаніе. При избраніи новаго правителя возникъ споръ о томъ къ какой націоналности римской или сабинской долженъ принадлежать новой царь; рѣшено бѣло, что избирать царя будутъ римскіе патриціи, но что царемъ долженъ быть избранъ сабинскій патрицій. Такимъ образомъ въ 716 году до р. Х. римскимъ царемъ сдѣлался **Нума Помпилій**, зять Тита Тація.

Преданіе приписываетъ этому царю совершенно другія заслуги, чѣмъ его предшественнику; сообразно съ воинственнымъ характеромъ римлянъ, восхваляя въ другихъ царяхъ по преимуществу храбрость, воинственный духъ и страсть къ завоеваніямъ, оно не говоритъ ни объ одномъ военномъ предпріятіи Нумы Помпилія, а превозноситъ его, какъ установителя священныхъ обрядовъ и порядка. Нума считается Моисеемъ, Миносомъ или Ликургомъ римлянъ, и легенда отзывается о немъ съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и объ этихъ лицахъ. Его мудрыя государственныя и религіозныя учрежденія такъ удивляли потомство, что оно старалось найти въ нихъ связь съ ученіемъ знаменитѣйшаго мудреца древней Итали и приписывало имъ сверхъестественное происхожденіе. Пиѳагоръ жилъ спустя полтораста лѣтъ послѣ Нумы, но у позднѣйшихъ римлянъ и самнитовъ все-таки существовало преданіе о томъ, что онъ былъ учителемъ Нумы. Еще распространеннѣе было вѣрованіе въ тѣсную дружбу Нумы съ нимфою **Эгеріею**, которая диктовала ему мудрые законы, прославившіе его имя и переданные имъ римлянамъ, какъ божественное откровеніе. Это преданіе согласуется гораздо менѣе съ простотою воззрѣній и быта самнитскаго народа, сильно привязаннаго къ древнимъ обычаямъ, чѣмъ чудесныя сказанія о Миносѣ, Ликургѣ съ бытомъ и направленіемъ духа древнихъ грековъ. Подъ управленіемъ Нумы, какъ и при Ромулѣ, юное римское государство окрѣпло внутри, при послѣднемъ вслѣдствіе войнъ и сліянія съ сильными сабинами, а при первомъ вслѣдствіе мудрыхъ учрежденій, законовъ и введенія богослуженія, соотвѣтствовавшаго земледѣльческому быту патриціевъ и ихъ кліентовъ.

Нума Помпилій установилъ порядокъ и обряды богослуженія, раздѣлилъ жрецовъ на восемь классовъ и опредѣлилъ обязанности каждаго изъ нихъ. Во главѣ всего жреческаго сословія онъ поставилъ коллегію такъ называемыхъ **понтифексовъ**, бывшею подчиненною сенату верховною консисторіею римлянъ, подъ главнымъ наблюденіемъ первосвященника (**Pontifex maximus**,) или верховнаго жреца. Онъ учредилъ еще званіе **фламиновъ** или трехъ главныхъ жрецовъ Рима, завѣдывавшихь богослуженіемъ Юптера, Марса и Квирина, четырехъ **весталокъ**, или жрицъ Весты, двѣнадцати жрецовъ, называвшихся **саліями** и охранявшихъ священные щиты Марса, такъ называемыхъ **феціаловъ**, которые должны были наблюдать за исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ при начатіи войны и заключеніи мира, наконецъ извѣстное число **авгуровъ**, или жрецовъ гадателей и названное уже нами (стр. 529) самнитское братство земледѣлія; съ особенною заботливостью изложивъ эту часть своего законодательства, онъ уже на ней основывалъ всѣ прочія свои установленія. Раздавъ завоеванные Ромуломъ земли, Нума для большаго обезпеченія собственности, учредилъ богослуженіе Термину, или богу границъ. Преданіе приписываетъ ему же исправленіе календаря, составленіе котораго у римлянъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, также и у насъ, было тѣсно связано съ религіозными обря-

дами. По словамъ преданія Нума ввелъ также обычай открывать въ продолженіе войны обѣ противоположныя двери храма бога Януса и затворять ихъ во время мира. Янусъ, изображавшійся двуликимъ, былъ древнѣйшимъ божествомъ латиновъ, но значеніе его объясняется учеными различно. Преданіе говоритъ, что храмъ его былъ построенъ еще прежде Ромула и находился на границѣ между жилищами римлянъ и сабиновъ, поселенныхъ на Квиринальскомъ и Капитолійскомъ холмахъ.

5. Туллъ Гостилій и Анкъ Марцій.

По кончинѣ Нумы (673 до р. X.), какъ и по смерти Ромула, наступило непродолжительное междуцарствіе сената. Послѣ того избранъ былъ царемъ Туллъ-Гостилій, дѣдъ котораго при Ромулѣ переселился изъ одного латинскаго города въ Римъ, гдѣ вступилъ въ бракъ съ Герсиліею, самою знатною изъ похищенныхъ сабинокъ. Туллъ Гостилій былъ воинственнымъ правителемъ, и потому царствованіе его служило богатымъ источникомъ для поэтическаго вдохновенія позднѣйшихъ временъ. Самая важная изъ его войнъ, кончившаяся совершеннымъ покореніемъ города Альба-Лонги, дотого изукрашена преданіемъ, что описаніе ея у позднѣйшихъ римскихъ историковъ представляется настоящею героическою поэмою, въ родѣ Иліады Гомера. Исторически достовѣрно только то, что въ правленіе этого царя Альба-Лонга вошла въ составъ римскаго государства, а жители ея переселились въ Римъ. Разсказы о самой войнѣ имѣютъ характеръ чистаго вымысла; по нѣкоторымъ даннымъ можно даже предполагать, что Альба-Лонга была разрушена не римлянами, а другими латинскими народами, и что вслѣдствіе того жители ея добровольно переселились въ Римъ. Объ этой войнѣ существуетъ слѣдующее преданіе.

Вслѣдствіе неизвѣстныхъ событій Римъ былъ вовлеченъ въ войну съ своею метрополіей Альба-Лонгой, царями которой были тогда сперва Клуилій, а потомъ Меттъ Фуффецій. Первый за трусость и нерѣшительность былъ умерщвленъ своими воинами въ самомъ началѣ войны, преемникъ же его былъ вскорѣ принужденъ враждебными дѣйствіями городовъ Веіевъ и Фиденъ войти въ переговоры съ римскимъ царемъ. Преданіе говоритъ, что жители Веіевъ и Фиденъ рѣшились оставить римлянъ и альбанцевъ воевать въ продолженіе нѣкотораго времени другъ съ другомъ и, когда они ослабѣютъ въ борьбѣ, напасть на нихъ соединенными силами. Это заставило царей Рима и Альба-Лонги заключить миръ. При личномъ свиданіи они положили соединить свои народы въ тѣсный братскій союзъ и, выбравъ съ каждой стороны трехъ воиновъ, рѣшить поединкомъ, который изъ двухъ народовъ долженъ подчиниться другому. Случилось, что бойцами были избраны съ каждой стороны три брата, находившіеся въ близкомъ родствѣ между собою. Трое албанцевъ, Куріаціевъ, были двоюродными братьями своихъ противниковъ, Горацievъ, мать которыхъ была албанка и родная сестра матери Куріацievъ. Кромѣ того одна изъ сестеръ Горацievъ была даже просватана за одного изъ Куріацievъ.

Въ виду обоихъ войскъ, шестеро бойцовъ выступили другъ противъ друга, и каждый изъ Куріацievъ напалъ на ближайшаго къ себѣ по возрасту Горація. Сперва палъ старшій изъ Горацievъ, вскорѣ послѣ него былъ убитъ и второй, и альбанцы уже торжествовали, когда третій Горацій своею хитростью и ловкостью рѣшилъ бой въ пользу римлянъ. Притворясь бѣгущимъ, онъ разъединилъ своихъ противниковъ и, замѣтивъ, что они слѣдуютъ за нимъ въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, обратился противъ ближайшаго, убилъ сперва его, а потомъ одного за другимъ и его братьевъ. Гордый своей побѣдой, юный герой возвращался въ Римъ, сопровождаемый ликующимъ войскомъ. У городскихъ воротъ стояла его сестра, невѣста одного изъ Куріяцievъ. При видѣ брата, одѣтаго въ воинскіе доспѣхи ея жениха, она пришла въ отчаяніе и прокляла его. Разгнѣванный Горацій схватилъ мечъ и пронзилъ имъ свою сестру. За такое преступленіе онъ былъ подвергнутъ суду, приговорившему его къ смерти; но народное собраніе, къ которому онъ апеллировалъ, во вниманіе къ услугамъ, оказаннымъ имъ отечеству, уничтожило приговоръ. Чтобы не оставить запальчиваго юношу

ненаказаннымъ, его присудили къ позорному наказанію, которому подвергались только военноплѣнные. Онъ долженъ былъ пройти съ обнаженною головою подъ изображавшимъ ярмо шестомъ, который держали поперекъ дороги.

Счастливо окончивъ войну съ албанцами, Туллъ Гостилій обратился противъ жителей Фиденъ и Веіевъ. Меттъ Фуффецій послѣдовалъ за нимъ на войну въ качествѣ его подчиненнаго, но тайно соединился съ непріятелемъ, чтобы освободиться отъ римскаго ига. Не рѣшаясь во время сраженія привести въ исполненіе свое коварное намѣреніе, онъ при самомъ началѣ битвы отступилъ на возвышенность, чтобы, смотря по исходу сраженія, перейти на ту или другую сторону. При видѣ этого римлянами овладѣлъ страхъ, и они навѣрное сдѣлались бы жертвою вѣроломства албанцевъ, если бы Туллъ Гостилій не объявилъ своимъ войскамъ, что отступленіе албанцевъ было совершено по его приказанію, съ цѣлью обойти непріятеля. Когда побѣда склонилась на сторону римлянъ, Меттъ Фуффецій, чтобы скрыть свое намѣреніе, бросился на бѣгущаго непріятеля. Туллъ Гостилій сдѣлалъ видъ, что обманутъ этою хитростью, но на другой день страшно наказалъ измѣнниковъ. Созвавъ оба войска, безъ оружія, подъ предлогомъ раздачи наградъ, онъ приказалъ римлянамъ взять съ собою мечи, спрятавъ ихъ подъ одеждою. Когда войска собрались, Туллъ Гостилій внезапно приказалъ окружить албанцевъ и объявилъ имъ, что Альба Лонга, какъ вертепъ измѣнниковъ, должна быть сравнена съ землею, Меттъ Фуффецій въ наказаніе за вѣроломство будетъ привязанъ къ хвостамъ четырехъ лошадей и разорванъ на части, а всѣ албанцы переселены въ Римъ. Такъ была разрушена Альба Лонга, а жители ея переведены въ новый городъ, гдѣ имъ былъ данъ для жительства Целійскій холмъ (Cœlius).

Туллъ Гостилій велъ также счастливыя войны съ жителями Фиденъ, Веіевъ и съ сабинами. Но счастье оставило его, какъ говоритъ преданіе, за то, что онъ разгнѣвалъ боговъ своимъ пренебреженіемъ къ обрядамъ ихъ богослуженія. Предвозвѣстниками божескаго гнѣва были сначала каменный дождь, заразы и другія явленія, и наконецъ тяжкая болѣзнь, постигшая его самого. Тогда онъ съ новымъ рвеніемъ обратился къ забытымъ религіознымъ обязанностямъ, но однажды, заклиная таинственными обрядами Юпитера, сдѣлалъ ошибку, и разгнѣванное божество поразило его молніею вмѣстѣ съ женою и дѣтьми (640 до р. Х.).

Преемникомъ его былъ избранъ Анкъ Марцій, сынъ дочери Нумы Помпилія. Преданіе говоритъ, что, слѣдуя по стопамъ своего дѣда, онъ возвратилъ прежній блескъ богослуженію, находившемуся въ пренебреженіи при Туллѣ Гостиліи. Царствованіе его не было однако исключительно мирнымъ, подобно правленію Нумы; онъ принадлежалъ скорѣе къ числу царей, отличавшихся воинскими доблестями и завоеваніями, и большую часть своего царствованія провелъ въ войнахъ съ латинами. Подчинивъ себѣ албанцевъ, римляне такъ усилились, что, не принадлежа къ національной конфедераціи латиновъ, изъявляли притязанія на одно изъ первыхъ мѣстъ между городами Лаціума. Анкъ Марцій разбилъ войско латиновъ, взялъ у нихъ нѣсколько городовъ, а жителей отвелъ въ Римъ и поселилъ на Авентинскомъ холмѣ. Имъ были завоеваны и другіе города, какъ, напримѣръ, Фидены, поддерживаемые сначала Альба Лонгою, а потомъ Веіями; послѣдній городъ испыталъ также нѣсколько пораженій и долженъ былъ уступить римлянамъ землю около устья Тибра, гдѣ Анкъ Марцій заложилъ Остію, сдѣлавшуюся гаванью Рима. Въ его царствованіе римляне впервые утвердились на правомъ берегу Тибра; Анкъ Марцій построилъ первый мостъ черезъ рѣку и укрѣпилъ холмъ Яникулумъ, лежавшій на противоположномъ берегу Тибра.

6. Тарквиній Старшій.

Со смертью Анка Марція (617 до р. Х.), измѣнился порядокъ престолонаслѣдія, существовавшій до тѣхъ поръ по условію между римлянами и соединенною съ ними сабинскою колоніею, и на престолъ вступилъ этрускъ, Луцій Тарквиній Старшій или Древній (Priscus). По преданію, онъ родился въ этрусскомъ городѣ Тарквиніяхъ и происходилъ со стороны отца отъ одной знат-

ной коринөской фамиліи, переселившейся въ Этрурію, вѣроятно, вслѣдствіе распространенія между этрусками греческаго языка, цивилизаціи и нравовъ. Отецъ Тарквинія, **Демаратъ**, принадлежавшій къ знатной фамиліи Бакхіадовъ въ Коринөѣ, по словамъ преданія, былъ изгнанъ Кипселомъ изъ отечества (стр. 136) и съ несмѣтными сокровищами переселился въ Тарквиніи, сопровождаемый многочисленной свитой, въ которой находились многіе коринөскіе живописцы и ваятели. Здѣсь онъ вступилъ въ бракъ съ этрускою, принадлежавшей къ аристократической кастѣ, и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, **Аrунса** и **Лукумона**, которымъ далъ въ одно и тоже время этруское и греческое образованіе. По смерти его, все его огромное богатство перешло къ младшему сыну, Лукумону; старшій сынъ умеръ еще при жизни отца. Лукумонъ переселился изъ Тарквиніевъ въ Римъ, потому что въ Этруріи путь къ власти былъ прегражденъ ему, какъ чужеземцу, и супруга его **Танаквила**, обладавшая даромъ прорицанія, предсказала ему, что у римлянъ его ожидаютъ самыя высокія почести. Въ Римѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ хорошій пріемъ, Лукумонъ перемѣнилъ свое этруское имя на римское Луція и принялъ, по мѣсту своего рожденія, прозваніе Тарквинія. Обворожививъ римлянъ умомъ, богатствомъ и ловкостью, онъ былъ назначенъ Анкомъ Марціемъ опекуномъ малолѣтнихъ сыновей послѣдняго, а по смерти царя избранъ сенатомъ въ его преемники.

Этотъ полу-греческій, полу-этрусскій царь велъ много счастливыхъ войнъ съ латинами, этрусками и сабинами; при немъ римляне достигли еще большаго величія, чѣмъ при Анкѣ Марціѣ. Но гораздо важнѣе было вліяніе его на внутреннее устройство города Рима и его жителей. Большая часть введенныхъ имъ учрежденій носятъ на себѣ слѣды этрусскаго происхожденія. Судя по описаніямъ, сооруженія его напоминаютъ собою филистинскіе рвы и развалины стѣнъ этрусскихъ городовъ. Онъ устроилъ громадныхъ размѣровъ клоаки или водосточныя трубы, для осушенія форума и нѣкоторыхъ другихъ частей города, обвелъ городъ стѣною изъ плитняку, выравнявъ большое пространство на вершинѣ Капитолійскаго холма, заложилъ на немъ фундаментъ огромнаго храма, оконченнаго только вторымъ его преемникомъ, превратилъ форумъ или долину между Палатинскимъ и Квиринальскимъ холмами въ рыночную площадь и мѣсто народныхъ собраній, и наконецъ построилъ большой циркъ (circus maximus), или зданіе для большихъ общественныхъ игръ. Игры эти были также этрусскимъ обычаемъ, введеннымъ имъ въ Римъ, и по своимъ особенностямъ и вліянію никакъ не могутъ быть сравниваемы съ греческими играми: у грековъ общественныя игры были не только любимѣйшимъ народнымъ увеселеніемъ, но считались однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ жизни народа, и побѣда на нихъ считалась высшею почестью; итальянскіе народы, напротивъ того, только на скачку и ристаніе на колѣсницахъ смотрѣли какъ на игры, приличныя свободному человѣку, а борьбу и другія гимнастическія упражненія предоставляли гладіаторамъ, т. е. рабамъ или наемникамъ низкаго происхожденія, дѣлавшимъ изъ этого особое ремесло. Зрѣлище такихъ боевъ и великолѣпныхъ процессій, соединенныхъ съ общественными играми, доставляли итальянскимъ народамъ такое же удовольствіе, какъ и грекамъ, но въ отличіе отъ послѣднихъ, они никогда не оказывали почестей и знаковъ уваженія лицамъ, удовлетворявшимъ ихъ любопытство. Точно то же было съ театральными представленіями. Такая противоположность въ характерѣ двухъ народовъ проистекала отъ различія всего устройства ихъ гражданскаго быта: преобладаніе жрецовъ, рабство и другія общественныя отношенія, находившіяся въ связи съ учрежденіемъ кастъ и имѣвшія послѣдствіями рѣзкое отличіе сословій и ихъ правъ, долго удерживались между итальянцами, тогда какъ у грековъ они изчезли еще въ древнѣйшія времена. У итальянцевъ увеселенія народа носили на себѣ аристократическій отпечатокъ, у грековъ они съ самаго начала сдѣлались учрежденіями, имѣвшими цѣлью общее сближеніе, гдѣ всѣ, принимавшіе въ нихъ участіе, какъ простые зрители или дѣйствующія лица, считались равноправными членами одной націи.

Само собою разумѣется, что сооруженія, воздвигнутыя Тарквиніемъ Прискомъ, подобно сооруженіямъ этрусковъ, не могли быть исполнены безъ принужденнаго труда простаго народа, и потому правленіе Тарквинія должно было быть очень тягостнымъ для нисшихъ сословій Рима. Достовѣрно неизвѣстно, ка-

кими внутренними событіями было ознаменовано его царствованіе. Говорятъ, между прочимъ, что, вслѣдствіе возрастанія населенія города, онъ увеличилъ одною сотнею число фамилій, имѣвшихъ право засѣдать въ сенатѣ и принимать участіе въ управленіи, и увеличилъ также число сенаторовъ до трехъ сотъ. Слѣдовательно, онъ возвелъ въ патриціи сто плебейскихъ фамилій. Ему приписываютъ также увеличеніе и преобразованіе сословія всадниковъ, только въ это время получившаго значеніе средняго сословія, занимающаго мѣсто между патриціями и плебеями. Извѣстія древнихъ писателей о войнахъ Тарквинія Приска противорѣчатъ одни другимъ; вообще достовѣрнымъ кажется только то, что и этотъ царь расширилъ могущество римлянъ на счетъ латинскихъ, самнитскихъ и этрусскихъ городовъ.

По поэтическому разсказу преданія, Тарквиній умеръ насильственною смертью. Когда ему минуло восемьдесятъ лѣтъ, сыновья Анка Марція составили противъ него заговоръ, ненавидя его какъ похитителя престола и убѣжденные въ томъ, что если онъ проживетъ еще нѣсколько лѣтъ, то утвердитъ обладаніе престоломъ за своимъ семействомъ. Двое подкупленныхъ ими убійцъ переодѣлись дровосѣками, чтобы имѣть возможность носить при себѣ топоры, не возбуждая подозрѣнія, и, завязавъ нарочно ссору передъ царскимъ дворцемъ, потребовали впуска къ царю для рѣшенія спора. Явившись къ нему, они воспользовались благопріятною минутою и умертвили его (578 г. до р. Х.).

7. Сервій Туллій.

Сыновья Анка Марція не достигли своей цѣли, потому что, какъ говоритъ преданіе, царица Танаквила не потеряла присутствія духа, услыхавъ о внезапной смерти Тарквинія. Она велѣла запереть ворота дворца и объявить собравшемуся въ большомъ числѣ народу, что Тарквиній не убитъ, а только раненъ и до выздоровленія передалъ управленіе царствомъ зятю своему, Сервію Туллію. Заговорщики бѣжали изъ Рима, а Сервій Туллій продолжалъ управлять нѣкоторое время именемъ Тарквинія и потомъ силою удерживалъ за собою престолъ, пока весь народъ добровольно не призналъ его царемъ.

Мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о происхожденіи и юности Сервія Туллія, а то, что говоритъ о нихъ сказаніе, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. По словамъ преданія, одна знатная латинка или этруска попала въ плѣнъ къ римлянамъ и, сдѣлавшись рабою въ домѣ царя, родила подъ чудесными предзнаменованіями сына, которому дали имя Сервія Туллія. Необыкновенныя явленія, часто повторявшіяся въ его дѣтствѣ, доказывали, что онъ рожденъ для великихъ дѣлъ, такъ напримѣръ, однажды, когда онъ спалъ, огненное сіяніе освѣтило его голову. Танаквила, обладавшая даромъ прорицанія, сильно привязалась къ Сервію Туллію и воспитывала его вмѣстѣ съ своими собственными сыновьями. Тарквиній также полюбилъ его за храбрость и ловкость, которыми Сервій Туллій отличался еще въ юности, выдалъ за него свою дочь Тарквинію, а въ послѣдніе годы своего царствованія позволилъ ему даже принять участіе въ управлени государствомъ.

Войны не составляли самой важной стороны царствованія Сервія Туллія, пріобрѣвшаго славу лучшаго и самаго знаменитаго изъ римскихъ царей. Ему приписываютъ однако значительное расширеніе римскаго государства. По преданію, онъ покорилъ послѣ двадцатилѣтней войны этрусскій городъ Веіи, а по другимъ извѣстіямъ, весь этрусскій народъ и принудилъ его признать надъ собою преобладаніе римлянъ. Хитростью подчинилъ онъ римскому вліянію латиновъ и отчасти сдѣлалъ Римъ главою латинскаго союза. Собранія этого союза происходили въ округѣ Альба-Лонги, у источника, посвященнаго богинѣ Ферентинѣ. Сервій Туллій заключилъ съ латинами договоръ, по которому былъ воздвигнутъ общій храмъ на Авентинскомъ холмѣ, заселенномъ при Анкѣ-Марціѣ латинами. Хотя послѣ того собранія латиновъ и происходили на прежнемъ священномъ мѣстѣ, но самое основаніе этого храма было уже началомъ гегемоніи Рима.

Главное значеніе Сервія Туллія основывается на законахъ и учрежденіяхъ, введенныхъ имъ въ Римѣ. Въ его правленіе начинаетъ обнаруживаться вліяніе

на римлянъ латинскихъ и греческихъ нравовъ, какъ при Тарквиніи этрусскихъ. Съ его царствованія греческая религія и образованность стали все болѣе и болѣе водворяться въ Римѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилось сознаніе въ необходимости замѣнить древнія наслѣдственныя учрежденія положительными законами, болѣе соотвѣтственными духу времени и перемѣнѣ, происшедшей въ составѣ народонаселенія. Правленіе Сервія Туллія составляетъ начало совершенно новой эпохи, со вступленіемъ его на престолъ оканчиваются собственно первобытныя времена Рима, а развитіе и гражданская свобода заступаютъ мѣсто кастоваго быта и соединеннаго съ нимъ рабства народа. Въ римскихъ сказаніяхъ Сервій Туллій представляется творцомъ и основателемъ позднѣйшаго социальнаго устройства Рима, точно такъ, какъ Нума Помпилій учредителемъ и организаторомъ римскаго богослуженія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Сервію Туллію были приписаны многія изъ установленій позднѣйшей эпохи, но по характеру римскихъ историческихъ сочиненій невозможно отличить новое отъ стараго и съ достовѣрностью опредѣлить тогдашнее состояніе Рима.

Самая важная перемѣна въ государственномъ устройствѣ, связанная съ именемъ Сервія Туллія, состояла въ раздѣленіи гражданъ по имуществу. Вслѣдствіе такой реформы въ Римѣ, какъ и въ Аѳинахъ по введеніи законодательства Солона, могущество старинной аристократіи было уничтожено, а государственная жизнь получила новое, до того времени совершенно неизвѣстное, основаніе. Этою мѣрою, если только она и другія узаконенія находившіяся съ ней въ связи дѣйствительно принадлежали Сервію Туллію, онъ подготовилъ торжество республиканскимъ формамъ. Сервій Туллій началъ съ того, что далъ плебеямъ или свободному сословію гражданъ, мало по малу образовавшемуся въ Римѣ, правильное устройство и организацію, раздѣливъ его по округамъ на отдѣленія или цехи, число которыхъ неизвѣстно съ точностью. Эти округи или цехи, называвшіеся трибами, заключали въ себѣ только плебеевъ; патриціи имѣли свое особое дѣленіе, существовавшее еще гораздо прежде и приписываемое Ромулу. Вслѣдствіе того плебеи образовали множество корпорацій или цеховъ, изъ которыхъ каждая имѣла своего представителя, трибуна, а римскій народъ раздѣлился на два сословія патриціевъ или аристократію и плебеевъ или простолюдиновъ. Только впослѣдствіи дѣленіе на трибы было перенесено на весь народъ, какъ на патриціевъ, такъ и на плебеевъ.

Сервій Туллій ввелъ также новое раздѣленіе для всего римскаго народа, не обращая никакого вниманія на сословныя различія, а основываясь только на различіи имущества. Онъ раздѣлилъ весь народъ на шесть классовъ и каждый классъ на нѣсколько центурій. Въ составъ перваго класса входили всѣ граждане, владѣвшіе имуществомъ по крайней мѣрѣ въ сто тысячъ ассовъ (около 2,300 руб. сер.), для втораго класса опредѣлялось нормою имущество въ семьдесятъ пять тысячъ ассовъ, для третьяго въ пятьдесятъ, для четвертаго въ двадцать пять, а для пятаго въ двѣнадцать тысячъ пятьсотъ ассовъ; шестой классъ заключалъ въ себѣ владѣвшихъ меньшимъ имуществомъ или неимѣвшихъ никакого состоянія. Подраздѣленіе классовъ на центуріи было сдѣлано съ двоякою цѣлью: оно служило основаніемъ дѣленія римскаго народа, какъ войска, на отряды, и, какъ гражданъ, на корпораціи, имѣвшія извѣстную долю участія въ управленіи. Важнѣйшею стороною этого раздѣленія было то, что отдѣльные классы состояли не изъ одинаковаго числа центурій, и въ этомъ собственно заключается сущность реформы, приписываемой Сервію Туллію. Первый классъ состоялъ изъ восьмидесяти центурій тяжело вооруженной пѣхоты, къ нему было присоединено еще не раздѣленное по имуществу сословіе всадниковъ, которое Сервій Туллій умножилъ причисленіемъ къ нему богатыхъ плебеевъ и раздѣлилъ на восемнадцать центурій. Второй, третій и четвертый классы состояли каждый изъ двадцати центурій пѣхоты; изъ нихъ центуріи втораго класса были тяжело вооруженными, а прочія представляли собою переходъ къ легкой пѣхотѣ. Пятый классъ дѣлился на тридцать центурій легковооруженной пѣхоты. Шестой классъ составлялъ только одну центурію, распадавшуюся на три отдѣла, акценсовъ или велатовъ, пролетаріевъ и капитеценсовъ. Акценсы (т. е. причисленные) или велаты (т. е. завернутые или одѣтые только въ военный плащъ) состояли изъ владѣльцевъ имущества отъ тысячи пятисотъ до двѣнадцати тысячъ пятисотъ ассовъ, не имѣли

никакого оружія и, слѣдуя за войскомъ въ качествѣ резерва, для замѣны павшихъ или раненныхъ, сражались ихъ оружіемъ. Къ отдѣлу пролетаріе въ *принадлежали* владѣльцы *имущества отъ трехъ сотъ* семидесяти пяти *до* тысячи пяти сотъ ассовъ; имя это обозначало тѣхъ, которые были еще въ состояніи возростить потомство (proles) или тѣхъ, которые не доставляли государству никакой другой непосредственной пользы, кромѣ произведенія дѣтей и увеличенія чисала гражданъ. Они принимали участіе въ войнѣ только въ крайней необходимости, но съ третьяго столѣтія до р. Х. обязанность къ военной службы была распространена и на нихъ. Наконецъ капитеценсы (т. е. цѣнимые только по числу головъ) состояли изъ всѣхъ гражданъ, имущество которыхъ не доходило до трехъ сотъ семидесяти пяти ассовъ; они были освобождены отъ военной службы и только черезъ двѣсти лѣтъ, подобно пролетаріямъ, стали призываться къ оружію. Причисливъ къ первому классу восемнадцать центурій сословія всадниковъ, Сервій Туллій присоединилъ къ первымъ четыремъ классамъ еще четыре центуріи, также безъ всякаго отношенія къ имуществу; онъ образовалъ одну центурію изъ плотниковъ, и по одной центуріи оружейниковъ, горнистовъ и трубачей, присоединивъ ихъ къ центуріямъ четырехъ первыхъ классовъ. Такимъ образомъ всѣхъ центурій было сто девяносто три, распредѣленныхъ такъ, что первый классъ заключалъ въ себѣ девяносто девять центурій, второй, третій и четвертый по двадцати одной, пятый тридцать, и шестой одну центурію.

Раздѣленіе на классы повѣрялось черезъ каждыя пять лѣтъ введенною Сервіемъ Тулліемъ переоцѣнкою имуществъ, называвшейся цензомъ (кадастръ). Пятилѣтіе между двумя цензами называлось луструмъ; къ концу его народъ въ полномъ вооруженіи собирался на Марсовомъ полѣ, лежавшемъ передъ городомъ, гдѣ каждый гражданинъ, послѣ торжественной очистительной жертвы, объявлялъ царю цифру своего движимаго и недвижимаго имущества. На этомъ же полѣ собирались иногда граждане для рѣшенія государственныхъ дѣлъ, въ которыхъ народъ имѣлъ право участвовать. Эти народныя собранія или комиціи назывались комиціями центурій (comitia centuriata), потому что граждане обсуждали на нихъ вопросы и подавали голоса по центуріямъ. Комиціямъ принадлежало право избирать высшихъ должностныхъ лицъ, объявлять войну, заключать миръ и утверждать или отвергать законы, предлагаемые сенатомъ. Граждане каждой центуріи рѣшали между собою по большинству голосовъ, какое мнѣніе должна подать ихъ центурія; потомъ собирались общіе голоса ста девяноста трехъ центурій и большинство ихъ рѣшало вопросъ. На ряду съ комиціями центурій существовали комиціи курій и трибъ, имѣвшія какъ простыя сословныя собранія гораздо менѣе значенія. Комиціи курій имѣли болѣе значительныя права и касались другихъ сословій, завѣдывая предметами, относящимися до религіи, въ томъ числѣ дѣлами по усыновленію и завѣщаніямъ; на нихъ же лежала обязанность торжественно передавать избраннымъ комиціями центурій должностнымъ лицамъ imperium или военную власть. Поэтому они какъ бы утверждали выборы народнаго собранія.

Вникая въ распредѣленіе ста девяноста трехъ центурій между отдѣльными классами, легко убѣдиться, что Сервій Туллій, если только онъ дѣйствительно былъ творцомъ этого новаго устройства, подобно Солону въ Аѳинахъ, противопоставилъ исключительному до тѣхъ поръ господству благороднаго сословія аристократію богатыхъ. Весь послѣдній классъ составлялъ только одну центурію и, слѣдовательно, имѣлъ одинъ голосъ, первый же классъ въ соединеніи съ восемнадцатью центуріями всадниковъ заключалъ въ себѣ болѣе половины всѣхъ центурій и голосовъ, и такимъ образомъ богатая часть гражданъ имѣла преобладающее вліяніе на законодательство, избраніе должностныхъ лицъ и внѣшнія дѣла. Впрочемъ введеніе комицій центурій не уничтожало значенія древней аристократіи; патриціи, владѣя въ то время почти всею поземельною собственностью, сохранили свое преобладаніе и при новомъ устройствѣ. Сервій Туллій не замѣнилъ аристократію или господство благородныхъ тимократіею или господствомъ капиталистовъ, а только, подобно Солону, искусно слилъ обѣ эти формы государственнаго устройства. Конечно, продолжавшее существовать преобладаніе аристократіи основывалось уже не на рожденіи, а только на случайномъ соединеніи богатства съ родовыми преимуществами, но и это должно было скоро измѣниться,

потому что въ свободномъ народѣ богатство не можетъ удержаться исключительно въ одномъ сословіи. Наконецъ, для правильнаго пониманія государственной реформы, произведенной Сервіемъ Тулліемъ, надо еще замѣтить, что посредствомъ ея обязанности въ отношеніи къ государству были согласованы съ правами. Военная служба и подати отбывались по центуріямъ, а какъ центуріи перваго класса состояли изъ гораздо меньшаго числа гражданъ, чѣмъ центуріи остальныхъ классовъ, то очевидно, что пользовавшіеся большими правами члены высшихъ классовъ платили большую часть податей. Кромѣ того, какъ тяжело вооруженные, они должны были болѣе тратить на пріобрѣтеніе полнаго вооруженія, потому что въ Римѣ каждый гражданинъ былъ обязанъ самъ покупать себѣ оружіе. Составляя самую отборную часть войска, они чаще другихъ выступали въ походы, тогда какъ граждане остальныхъ классовъ или совсѣмъ не участвовали въ войнахъ, или принимали въ нихъ только слабое участіе. Такимъ образомъ и военныя предпріятія и внутреннее управленіе были ввѣрены лучшей и образованнѣйшей части гражданъ, а масса простаго народа имѣла на нихъ только самое незначительное вліяніе.

Сервій Туллій, которому римляне позднѣйшей эпохи приписывали эти реформы въ государственномъ устройствѣ, пользовался у нихъ такою же славою, какъ Солонъ у аѳинянъ; его считали великимъ законодателемъ, положившимъ основаніе государственному устройству, продолжавшему существовать до періода императоровъ. Намъ кажется, что заслуги аѳинскаго законодателя гораздо положительнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ заслуги Сервія Туллія. Важная реформа Солона не подлежитъ никакому сомнѣнію, тогда какъ, судя по свойству дошедшихъ до насъ извѣстій о древнѣйшей римской исторіи, можно предполагать, что, быть можетъ, реформы въ государственномъ устройствѣ Рима вводились постепенно и были приписаны потомствомъ Сервію Туллію только потому, что онъ осуществилъ большую часть ихъ, или же потому, что въ его царствованіе римляне достигли болѣе законнаго и свободнаго государственнаго устройства. По духу своему, законодательство Сервія Туллія, уничтожая существенныя права монархической власти, было неосуществимо безъ республиканской формы правленія. Основываясь на этомъ, нѣкоторые писатели утверждали, что Сервій Туллій имѣлъ намѣреніе ввести республику.

Сервій Туллій имѣлъ только двухъ дочерей, называвшихся Тулліями. Онъ выдалъ ихъ замужъ за братьевъ своей жены, сыновей Тарквинія Приска, Луція Тарквинія, получившаго впослѣдствіи прозваніе Гордаго, и Арнуса-Тарквинія. Дочери Сервія Туллія, точно такъ же, какъ и ихъ мужья, рѣзко отличались другъ отъ друга характеромъ и направленіемъ. Сервій Туллій, по словамъ преданія, соединилъ въ этихъ бракахъ противоположные характеры, въ надеждѣ, что они будутъ взаимно умѣрять другъ друга. Жестокосердый, способный на всякое преступленіе Луцій Тарквиній былъ женатъ на доброй и скромной старшей Тулліи, а кроткій, честный и прямодушный Арунсъ Тарквиній на младшей ея сестрѣ, настоящей фуріи. Послѣдняя, ненавидя своего мужа и желая сдѣлаться царицей, вступила въ связь съ буйнымъ и честолюбивымъ Луціемъ Тарквиніемъ. Арунсъ и старшая Туллія были умерщвлены братомъ и сестрою, которые, совершивъ преступленіе, вступили между собою въ бракъ. Наскучивъ ждать смерти Сервія Туллія и опасаясь, быть можетъ, что онъ лишитъ ихъ престола, они рѣшились умертвить отца и вступили въ заговоръ съ недовольною частью патриціевъ. Условившись съ заговорщиками, Тарквиній, украшенный знаками царскаго достоинства, явился въ сенатъ, большая часть членовъ котораго участвуя въ заговорѣ, тотчасъ же провозгласила его царемъ. Не страшась угрожавшей ему опасности, Сервій Туллій, не медля, поспѣшилъ въ сенатъ. Лишь только онъ обратился къ своему зятю, упрекая его въ государственной измѣнѣ, послѣдній кинулся на слабаго старца и сбросилъ его съ лѣстницы. Тяжело раненый, Сервій Туллій былъ вынесенъ нѣсколькими простолюдинами, но на дорогѣ былъ умерщвленъ посланными за нимъ слугами Тарквинія. Получивъ извѣстіе о счастливомъ окончаніи дѣла въ сенатѣ, Туллія поспѣшила въ колесницѣ къ сенатскому зданію, чтобы привѣтствовать своего мужа царемъ. На возвратномъ пути, случайно поѣхавъ по улицѣ, гдѣ лежалъ трупъ ея отца, она приказала переѣхать черезъ него. Безчеловѣчная дочь возвратилась домой въ колесницѣ и одеждѣ, обрызганной кровью отца. Такъ умеръ Сервій Туллій (534 г. до р. Х.).

8. Тарквиній Гордый.

Молодой Тарквиній, если только справедливъ предшествующій разсказъ, достигъ престола тѣмъ же путемъ, какимъ мелкіе средневѣковые итальянскіе владѣтели овладѣвали обыкновенно верховною властью въ своемъ родномъ городѣ. Не удивительно, что, подобно имъ, власть его опиралась на военной силѣ, произволѣ и жестокости. Римляне заклеймили его прозваніемъ Гордаго (Superbus). Хотя всѣ разсказы о немъ не противорѣчатъ истинѣ, но нельзя опровергнуть и того, что исторія его, въ особенности же его изгнанія, чрезвычайно странна и неправдоподобна.

Въ противоположность Сервію Туллію, Тарквиній Гордый старался отстранить народъ отъ только что пріобрѣтеннаго имъ участія въ государственномъ управленіи и возвратить его въ состояніе прежняго рабства. Онъ тотчасъ же уничтожилъ данное плебеямъ устройство со всѣми ихъ правами, какъ малы они ни были, самовольно наложилъ подати на богатѣйшихъ плебеевъ и принудилъ бѣднѣйшихъ нести барщину. Насиліе Тарквинія не ограничилось однимъ этимъ сословіемъ, патриціи также испытали гнетъ его деспотическаго управленія. Онъ уменьшилъ составъ сената, что легко было сдѣлать, потому что сенаторы назначались царями, и ни разу не созывалъ для совѣщанія остальныхъ. Оградивъ себя отъ гнѣва недовольныхъ тѣлохранителями или наемнымъ войскомъ, онъ изгналъ и казнилъ многихъ знатныхъ патриціевъ, образовалъ тайный совѣтъ, никогда не обращался къ сенату или народу, а совѣщался только съ своими друзьями у себя во дворцѣ. Онъ былъ почти недоступенъ для своихъ подданныхъ, поощрялъ доносы, наушничество и присвоивалъ себѣ имущество всѣхъ осужденныхъ, пользуясь имъ для упроченія своей беззаконной власти.

Хитростью и силою старался Тарквиній совершенно подчинить себѣ всѣхъ союзниковъ Рима, очень ловко воспользовавшись положеніемъ Рима между городами латинскаго союза. Одинъ изъ самыхъ знатныхъ жителей Ариціи, Турнъ Гердоній, старавшійся воспрепятствовать замысламъ тирана и съ успѣхомъ противившійся ему, долженъ былъ поплатиться жизнію за любовь къ родинѣ: обвинивъ Гердонія въ государственной измѣнѣ, Тарквиній склонилъ жителей Ариціи приговорить его къ смерти. Отстраняя такимъ способомъ опасныхъ противниковъ, какъ въ Лаціумѣ, такъ и Римѣ, Тарквиній старался достигнуть своей цѣли чрезъ сближеніе съ нѣкоторыми лицами. Въ особенности помогалъ ему въ этомъ Октавій Мамилій, вліятельный тускуланецъ, за котораго онъ выдалъ свою дочь. Тарквиній дѣйствительно успѣлъ подчинить себѣ латиновъ. При немъ было постановлено, что глава римскаго народа на ежегодныхъ союзныхъ празднествахъ долженъ совершать жертвоприношеніе на Албанскомъ холмѣ отъ имени латиновъ; обычай этотъ, продолжавшій существовать во всѣ послѣдующія времена, торжественно освящалъ пріобрѣтенное насиліемъ преобладаніе Рима. Съ тѣхъ поръ даже римскіе легіоны стали составляться не только изъ римлянъ, но и изъ союзныхъ латинскихъ войскъ. Впрочемъ, достиженіе преобладанія надъ латинами не было для Тарквинія такъ трудно, какъ это кажется съ перваго взгляда; судя по разсказамъ о постоянно счастливыхъ войнахъ предшествовавшихъ царей и въ особенности о завоеваніяхъ Сервія Туллія, могущество Рима во время управленія послѣднихъ царей было весьма значительно, а замѣтное ослабленіе его тотчасъ по изгнаніи царей не можетъ служить мѣриломъ его состоянія въ предшествовавшую эпоху.

Достигнувъ преобладанія надъ латинами, Тарквиній сталъ стремиться къ новымъ завоеваніямъ, чтобы еще болѣе увеличить свое могущество. Побѣдивъ сначала вольсковъ и занявъ ихъ страну, онъ основалъ въ ней нѣсколько колоній и привезъ съ собою въ Римъ несмѣтную добычу и множество плѣнныхъ. Послѣ того онъ обратился противъ латинскаго города, Габіевъ, за то, что послѣдній противился признать рѣшеніе союзнаго собранія, подчинившаго латиновъ владычеству римскаго царя. Нѣсколько лѣтъ Тарквиній тщетно старался овладѣть хорошо укрѣпленнымъ городомъ, но наконецъ овладѣлъ имъ съ помощью измѣны.

Событіе это сильно изукрашено преданіемъ. По словамъ легенды, сынъ Тарквинія, Секстъ Тарквиній, съ согласія отца своего явился предъ стѣнами Габіевъ и умолялъ принять его въ городъ, увѣряя, что отецъ подвергъ его позорному наказанію за одинъ маловажный проступокъ; онъ успѣлъ обмануть жителей, показавъ въ подтвержденіе своихъ словъ раны, которыя онъ самъ нанесъ себѣ. Своими частыми и удачными вылазками, предпринимаемыми съ незначительными отрядами, Секстъ Тарквиній скоро пріобрѣлъ довѣріе габійцевъ, такъ какъ, по заранѣе заключенному условію, отецъ его отдавалъ ему въ жертву аттакованныя имъ римскія войска. Постоянныя удачи молодаго человѣка съ каждымъ днемъ увеличивали довѣріе къ нему жителей, которые стали поручать ему многочисленные отряды и наконецъ назначили главнокомандующимъ. Но, не смотря на все свое вліяніе, Секстъ Тарквиній не могъ склонить на свою сторону часть габійскихъ войскъ и отворить римлянамъ городскія ворота. Не зная что дѣлать, онъ отправилъ посла за совѣтомъ къ отцу. Послѣдній, не довѣряя послу, повелъ его въ садъ, сталъ сбивать въ присутствіи его самыя высокія маковыя головки и потомъ отпустилъ, не давъ никакого отвѣта. Понявъ намекъ своего отца, Секстъ приказалъ подъ различными предлогами умертвить или изгнать знатнѣйшихъ гражданъ Габіевъ и, съ помощью конфискованныхъ имуществъ ихъ, пріобрѣлъ въ народѣ значительное число приверженцевъ; завладѣвъ такимъ образомъ властью, онъ передалъ городъ въ руки римлянъ. Этотъ разсказъ слишкомъ ясно указываетъ на переходъ преданія отъ одного народа къ другому, и мы можемъ прямо указать на его источникъ. Онъ, очевидно, состоитъ изъ двухъ сказаній, часто повторяемыхъ въ сочиненіяхъ грековъ и занесенныхъ ими къ римлянамъ. Первое— подражаніе разсказу о томъ, какъ Зопиръ помогалъ персидскому царю, Дарію Гистаспу, овладѣть Вавилономъ (стр. 67). Другое же заимствовано изъ разсказа Геродота о томъ, какъ владѣтель Коринѳа, Періандръ, просилъ однажды друга своего, милетскаго тирана, указать ему лучшій способъ утвердить свое господство, и тотъ, вмѣсто отвѣта, вырвалъ въ присутствіи посланнаго самые высокіе колосья и бросилъ ихъ въ сторону.

Разсказы о другихъ войнахъ Тарквинія не такъ баснословны. Нѣтъ сомнѣнія, что своими завоеваніями онъ пріобрѣлъ много сокровищъ и значительно усилилъ могущество свое, хотя нельзя вѣрить свидѣтельствамъ преданія, что число его войскъ простиралось иногда до семидесяти тысячъ человѣкъ, и другимъ извѣстіямъ о его войнахъ. Разсказы о сооруженіи имъ громадныхъ зданій и основаніи новыхъ городовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру всякаго деспотическаго воинственнаго царя. Колоніи его имѣли ту же цѣль, къ которой всегда стремились римляне, основывая впослѣдствіи города, и которую преданіе приписываетъ даже Ромулу. Они не составляли, подобно греческимъ колоніямъ, самостоятельныхъ государствъ, тотчасъ же отдѣлявшихся отъ метрополіи, а оставались въ постоянной зависимости отъ Рима. Учрежденіе ихъ имѣло двоякую цѣль: будучи укрѣпленными мѣстами въ странѣ подвластнаго народа, колоніи должны были обезпечивать за завоевателями обладаніе послѣднею, или же давать средства къ пропитанію излишку народонаселенія Рима.

Капитолійскій храмъ былъ самымъ величественнымъ изъ всѣхъ сооруженій Тарквинія. Онъ былъ заложенъ еще при Тарквиніи Старшемъ и, безъ сомнѣнія, постройка его продолжалась также въ царствованіе Сервія Туллія. Тарквиній Гордый окончилъ это громадное зданіе, заставляя работать надъ нимъ простой народъ и покрывая расходы на сооруженіе деньгами изъ своей богатой военной добычи. Положительно извѣстно, что храмъ этотъ и вообще всѣ сооруженія Тарквиніевъ Старшаго и Младшаго были въ этрускомъ стилѣ и что надъ возведеніемъ ихъ трудились этруские художники. Достовѣрно также, что Капитолійскій храмъ, состоявшій собственно изъ соединенія трехъ храмовъ, посвященныхъ Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ, былъ предназначенъ для греческаго богослуженія, ораспространившагося около того времени по всей Италіи. До насъ не дошло подробнаго описанія храма, а уцѣлѣвшіе остатки его слишкомъ незначительны.

Не смотря на все могущество и блескъ своего царствованія, Тарквиній не могъ удержаться на престолѣ и палъ жертвою общей ненависти своихъ подданныхъ. Введенный имъ военный деспотизмъ возбуждалъ ненависть не только патриціевъ, утратившихъ всякое вліяніе, и народа, утомленнаго принудительными

работами и постоянными войнами, но и большей части его собственнаго семейства. До какой степени вооружилъ противъ себя всѣхъ Тарквиній деспотизмомъ и угнетеніями видно, между прочимъ, изъ того, что во всѣхъ сосѣднихъ городахъ, еще не покорившихся деспоту, находились римскіе изгнанники, и что послѣдній свой походъ онъ предпринялъ только для того, чтобы успокоить раздраженный обязательною работою народъ надеждою на добычу. Когда нужно было достигнуть какой-нибудь деспотической цѣли, онъ не щадилъ даже своихъ родныхъ, умертвилъ своего зятя, чтобы завладѣть его богатствомъ, и велѣлъ убить одного изъ сыновей послѣдняго. Другой племянникъ его, Луцій Юній Брутъ, не только былъ оставленъ въ живыхъ, но и получилъ вскорѣ самое важное мѣсто въ войскѣ и при дворѣ своего дяди. Чтобы придать болѣе интереса разсказу о его жизни, преданіе воспользовалось однимъ случайнымъ обстоятельствомъ. Такъ какъ слово брутъ (brutus) имѣетъ равносильное значеніе съ словами глупый и слабоумный, то легенда повѣствуетъ, что племянникъ Тарквинія спасъ свою жизнь, только представившись слабоумнымъ и заслуживъ названіе Брута. Разсказъ этотъ опровергается уже тѣмъ, что Тарквиній не могъ сдѣлать первымъ должностнымъ лицемъ въ своемъ царствѣ человѣка, котораго считалъ слабоумнымъ; Брутъ же при паденіи Тарквинія былъ главнымъ начальникомъ надъ всадниками и принадлежалъ къ тайному совѣту царя.

Изгнаніе Тарквинія и его сыновей было дѣломъ одной изъ боковыхъ линій царскаго дома. Племянникъ его, Брутъ, вступивъ въ заговоръ съ Луціемъ Тарквиніемъ Коллатиномъ, внучатнымъ племянникомъ Тарквинія Приска, родственниками его жены и нѣсколькими патриціями, выжидалъ только благопріятнаго случая для изгнанія деспота. Удобный случай представился наконецъ, когда царь со всѣмъ войскомъ отправился на продолжительное время въ походъ противъ сильно укрѣпленнаго города Ардей и назначилъ Брута своимъ намѣстникомъ въ Римѣ. Ближайшимъ же поводомъ къ осуществленію переворота было гнусное насиліе, совершенное однимъ изъ сыновей Тарквинія, Секстомъ. Поступокъ его, хотя и разукрашенный преданіемъ, не покажется невѣроятнымъ всякому, знакомому съ исторіей мелкихъ итальянскихъ властителей въ средніе вѣка, и помнящему всю силу страстей какого-нибудь Цезаря Боржіо или Эццелино и множество примѣровъ дерзкой наглости подобныхъ людей. Однажды Секстъ, увлеченный порывомъ дикой страсти, тайно отправился изъ лагеря въ мѣстечко Коллацію, правителемъ или феодальнымъ владѣтелемъ котораго былъ его двоюродный братъ Луцій Тарквиній Коллатинъ, оставившій тамъ при отправленіи въ походъ красавицу жену свою, Лукрецію. Секстъ изнасиловалъ Лукрецію, угрожая въ случаѣ отказа въ его требованіяхъ умертвить ее, и, положивъ подлѣ ея трупъ задушеннаго раба, опозорить ея память въ глазахъ любимаго мужа и всего свѣта. Достигнувъ своей цѣли, онъ возвратился въ лагерь, а обезчещенная Лукреція сама лишила себя жизни. Позднѣйшие писатели, смотря на исторію какъ на средство для оживленія патріотизма, создали изъ этого происшествія прекрасную драматическую картину. Они даже выставили гнусный поступокъ Секста Тарквинія, бывшій только простымъ поводомъ къ приведенію въ исполненіе заговора, настоящею причиною изгнанія Тарквиніевъ. По ихъ разсказамъ, Лукреція призвала къ себѣ мужа и отца, которые явились въ сопровожденіи Брута, Публія Валерія Публиколы и другихъ знатныхъ римлянъ. Лукреція, одѣтая въ траурное платье, разсказавъ имъ о случившемся, объявила свое твердое намѣреніе не пережить стыда, потребовала отъ присутствующихъ мести и, нѣжно простившись съ отцомъ и мужемъ, пронзила себя кинжаломъ. Сбросивъ тогда личину слабоумія, Брутъ поднялъ окровавленный кинжалъ, и, слѣдуя его воззванію, всѣ поклялись надъ тѣломъ Лукреціи отмстить Сексту и не допустить, чтобы родъ Тарквиніевъ когда-нибудь господствовалъ въ Римѣ. Они тотчасъ же перенесли тѣло Лукреціи на торговую площадь Коллаціи и безъ труда уговорили жителей этого города отпасть отъ Тарквинія и присоединиться къ Бруту для освобожденія Рима. Послѣ того тѣло было перевезено въ Римъ. Услыхавъ объ этомъ происшествіи, собравшійся народъ единогласно рѣшилъ изгнать Тарквиніевъ, уничтожить навсегда царское достоинство и установить республику. Царь, тотчасъ по полученіи извѣстія о происшедшемъ, поспѣшившій въ Римъ, нашелъ ворота города запертыми, а граждан вооруженными и готовыми отстаивать свою

свободу. Возвратившись въ свой лагерь подъ Ардеей, онъ и здѣсь нашелъ войско въ открытомъ возстаніи. Въ то время какъ Тарквиній отправился въ Римъ, Брутъ поспѣшилъ въ лагерь и склонилъ войско къ единодушному возстанію противъ деспота. Приблизившись къ лагерю, Тарквиній былъ встрѣченъ угрозами и удалился съ своимъ семействомъ въ этрусскій городъ Церэ.

Такъ повѣствуетъ преданіе объ изгнаніи Тарквиніевъ. Достовѣрно одно, что Брутъ, Коллатинъ и Валерій Публикола стояли во главѣ заговора патриціевъ и руководили возстаніемъ. Извѣстно также, что двое изъ нихъ, Брутъ и Валерій, не смотря на всѣ затрудненія, успѣли привести въ исполненіе свое намѣреніе, тогда какъ Коллатинъ выказалъ при этомъ свою слабость и неспособность. Установленіе новой формы правленія и дальнѣйшія дѣйствія Брута и Валерія для защиты Рима и только что достигнутой свободы противъ Тарквинія и его союзниковъ находятся въ самой тѣсной связи съ событіями слѣдующей эпохи, и потому изложеніе ихъ относится къ слѣдующему отдѣлу римской исторіи. Изгнаніе Тарквинія, праздновавшееся римлянами съ особымъ торжествомъ ежегодно двадцать четвертаго февраля, произошло въ 509 г. до нашего лѣтосчисленія, и слѣдовательно, господство въ Римѣ царей, по общепринятому времясчисленію, продолжалось двѣсти сорокъ пять лѣтъ.

IV. ИСТОРІЯ

ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

1. Первые два года республики.

Источниками, изъ которыхъ позднѣйшіе римляне почерпали исторію первыхъ временъ республики, какъ и въ предшествовавшемъ періодѣ, служили все еще изустныя преданія и героическія поэмы, переходившія изъ рода въ родъ. Разсказы объ этой эпохѣ представляютъ для исторіи такъ же мало твердыхъ основаній, какъ и преданія о времени царей, но они даютъ возможность уяснить себѣ, какимъ образомъ Римъ достигъ высшей степени своего могущества, и прослѣдить, въ главныхъ чертахъ, постепенное развитіе его государственныхъ учрежденій.

Замѣчательное государственное устройство Рима, выработанное постепенно, какъ все великое, создаваемое самою природою, было достигнуто, подобно англійской конституціи, цѣною крови и борьбой. Начало республики было для Рима скорѣе шагомъ назадъ, чѣмъ впередъ. Изгнаніе царей было дѣломъ аристократической партіи, находившейся въ родствѣ съ боковою линіею царскаго дома. Она желала замѣнить существовавшую до тѣхъ поръ монархическую форму правленія исключительнымъ господствомъ аристократіи и отчасти возстановить старинное кастовое управленіе патриціевъ. Послѣдняя цѣль не могла осуществиться вполнѣ; чтобы обезопасить себя отъ нападеній изгнанной царской фамиліи, римскіе патриціи должны были, подобно англійскимъ баронамъ, привлечь на свою сторону народъ и для того даровать плебеямъ извѣстныя права. Они предоставили народу только самое необходимое, такъ что измѣненія въ государственномъ управленіи касались собственно однихъ патриціевъ. Монархическое правленіе было превращено въ аристократическое, а наслѣдственная власть царя въ господство двухъ ежегодно избиравшихся правителей; выгоды, пріобрѣтенныя народомъ, ограничивались только возстановленіемъ народныхъ собраній по центуріямъ и тѣмъ, что вожди революціи, какъ и великіе предводители первой французской революціи, стараясь привязать народныя массы къ новой формѣ правленія, раздѣлили между ними имущество низвергнутой династіи. Все имущество семейства Тарквинія было конфисковано и раздѣлено между плебеями; только часть его, объявленная государственною собственностью, была посвящена богу Марсу и назначена мѣстомъ собраній римскаго народа, подъ именемъ Марсова Поля. Конечно, новое аристократическо-республиканское правленіе, по естественному ходу вещей, рано или поздно должно было имѣть послѣдствіемъ постепенное пріобрѣтеніе плебейскими семействами правъ аристократіи и превращеніе этой формы правленія въ чистую демократію.

Царская власть не была уничтожена, а только преобразована. Она была ввѣрена двумъ лицамъ, на годовой срокъ. Эти высшіе представители государства, избиравшіеся ежегодно въ собраніи центурій, имѣли почти всѣ знаки царскаго достоинства и даже двѣнадцать общихъ ликторовъ. Правители эти назывались консулами, отъ слова consultare, такъ какъ консулы приглашали сенатъ

приступать къ обсужденію и рѣшенію дѣлъ. Консулы пользовались такою же властью, какъ и прежніе цари, но, вслѣдствіе раздѣльности и непродолжительности своей власти, не могли быть опасными для свободы гражданъ. Съ другой стороны учрежденіе консульства представляло ту выгоду, что исполнительная власть республики была гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то нибыло другомъ государствѣ того времени. Сенатъ, какъ и во времена царей, составлялъ высшее правительственное мѣсто; число его членовъ уже въ самомъ началѣ было увеличено до трехсотъ назначеніемъ въ сенаторы нѣкоторыхъ всадниковъ плебейскаго происхожденія.

Первыми двумя консулами были Луцій Юній Брутъ и Луцій Тарквиній Коллатинъ. Послѣдній, принадлежа къ фамиліи Тарквиніевъ, возбудилъ подозрѣніе народа и по совѣту своего товарища вскорѣ добровольно оставилъ Римъ. На его мѣсто былъ избранъ Публій Валерій, получившій впослѣдствіи за свои дѣйствія въ пользу плебеевъ прозваніе Публиколы, т. е. друга народа. Весь этотъ разсказъ имѣетъ видъ интриги, помощью которой Брутъ, въ интересахъ плебеевъ, доставилъ Публію Валерію мѣсто консула. Вслѣдъ за избраніемъ Публія Валерія, въ Римѣ составился заговоръ. Часть знатныхъ гражданъ, болѣе приверженная къ строгой монархической формѣ правленія, чѣмъ къ новой республикѣ, поддерживала тайныя сношенія съ изгнаннымъ царемъ. Къ приверженцамъ царской власти принадлежало много молодыхъ людей знатнѣйшихъ римскихъ фамилій. Они составили заговоръ и въ числѣ заговорщиковъ находились оба сына Брута. Дѣйствія ихъ скоро обнаружились, и всѣ участники были захвачены. Заговорщикокъ должны были судить консулы, которымъ предоставленъ былъ въ первыя времена республики уголовный судъ, впослѣдствіи предоставленный только народному собранію. Они осудили заговорщиковъ на смерть и тотчасъ велѣли приступить къ исполненію приговора. Позднѣйшіе ораторы и историки Рима, для оживленія патріотизма своихъ современниковъ, пользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что между участниками заговора находились сыновья одного изъ консуловъ, и представили картину казни въ самомъ разукрашенномъ видѣ. Знатнѣйшіе юноши—такъ говорится въ позднѣйшихъ римскихъ сочиненіяхъ—были казнены предъ лицомъ консуловъ, но ничто такъ не поразило присутствовавшихъ, какъ видъ обоихъ сыновей, умерщвленныхъ въ глазахъ отца и по его приказанію. Брутъ, какъ истинный патріотъ, нисколько не колеблясь, велѣлъ привести въ исполненіе приговоръ и спокойно смотрѣлъ на лившуюся кровь своихъ сыновей.

Послѣ неудачи сдѣланнаго въ его пользу заговора, царь Тарквиній старался возвратить утраченную власть помощью внѣшнихъ союзовъ и своимъ вліяніемъ побудилъ города Веіи и Тарквиніи поддерживать его войскомъ. Эта война подала поводъ къ сказаніямъ, схожимъ съ легендами о мессенскихъ войнахъ (стр. 143 и 144). Рѣшительное сраженіе было дано при лѣсѣ Арсіи, на границѣ Лаціума и Этруріи. Римскимъ войскомъ начальствовали Брутъ и Валерій, а непріятельскимъ царь Тарквиній и его сынъ Арунсъ. При самомъ началѣ сраженія, послѣдній замѣтилъ Брута, главнаго виновника изгнанія Тарквиніевъ. По украшеннымъ театральными эффектами разсказамъ объ этой войнѣ, Арунсъ устремился на Брута, который съ такою же яростію бросился на встрѣчу ненавистнаго врага, и между ними произошелъ упорный поединокъ, кончившійся тѣмъ, что оба противника ранили другъ друга копьями и замертво упали съ коней. Побѣда осталась нерѣшенною; римляне побѣдили на правомъ, враги ихъ на лѣвомъ крылѣ. Но и эти войска союзниковъ обратились ночью въ бѣгство, когда какой-то богъ закричалъ имъ изъ лѣса, что римляне останутся побѣдителями.

Преданія объ этой войнѣ и послѣдующихъ событіяхъ принадлежатъ къ числу сказаній, придававшихъ въ глазахъ позднѣйшихъ римлянъ особую привлекательность ихъ исторіи. По возвращеніи въ Римъ, Валерій вскорѣ навлекъ на себя подозрѣніе въ стремленіяхъ къ царской власти, потому что не тотчасъ же созвалъ народъ для избранія на мѣсто Брута новаго консула и выстроилъ себѣ на вершинѣ одного холма укрѣпленный дворецъ. Узнавъ объ этомъ, онъ велѣлъ снести начатое сооруженіе и выстроить новый дворецъ у подошвы холма, а потомъ разсѣялъ распространившійся слухъ о его намѣреніяхъ, созвавъ, къ общему удивленію, народное собраніе и предложивъ на немъ двѣ демократическія зако-

нодательныя мѣры, которыя были немедленно приняты. Эти постановленія, по обычаю римлянъ обозначать законы именемъ предложившаго ихъ, названныя законами Валерія, опредѣляли смерть каждому, кто будетъ стремиться къ достиженію престола или займетъ общественную должность помимо назначенія народа, и предоставляли каждому плебею, обвиненному въ уголовномъ преступленіи, важное право подавать аппеляцію въ комиціи трибъ. Послѣ того Валерій созвалъ центуріи для избранія новаго консула на мѣсто Брута и, по окончаніи года, былъ вторично назначенъ консуломъ.

2. Война съ Порсенной и смерть Тарквинія.

Между тѣмъ изгнанный Тарквиній успѣлъ склонить къ войнѣ противъ Рима могущественнаго царя этрусскаго города Клузіума, Порсенну. Разсказы объ этой войнѣ совершенно баснословны; но, судя по всему, можно сказать съ достовѣрностью, что Клузіумъ и его глава были могущественнѣе всѣхъ прочихъ этрусскихъ городовъ. Объ этомъ положительно свидѣтельствуютъ не только преданія, но и дошедшія до насъ описанія сооруженій Порсенны. По всѣмъ вѣроятіямъ, тогдашнее могущество жителей Клузіума находилось въ связи съ вторженіемъ галловъ въ Верхнюю Италію. Говорятъ, что во времена Тарквинія Старшаго толпы галловъ, перейдя Альпы, поселились въ Верхней Италіи, часть которой и осталась съ тѣхъ поръ населенною этими племенами. Въ это время они уничтожили города и государства самой сѣверной изъ трехъ этрусскихъ конфедерацій (стр. 526), и мало-по-малу распространились до самой подошвы Апеннинovъ. Бѣжавшіе этруски могли найти защиту и пристанище только у своихъ братій въ собственной Этруріи. Изъ всѣхъ городовъ этрусскаго союза Средней Италіи, Клузіумъ, по своему мѣстоположенію, представлялъ лучшее убѣжище для изгнанниковъ. Вслѣдстіе того городъ этотъ сталъ гораздо населеннѣе и могущественнѣе, чѣмъ прежде, а съ другой стороны, чтобы быть въ состояніи противостоять вторженіямъ галловъ, онъ нуждался въ воинственномъ и энергическомъ правителѣ. Этимъ весьма просто объясняется могущество и значеніе какъ Клузіума, такъ и тогдашняго его повелителя Порсенны.

Порсенна выступилъ противъ Рима, овладѣлъ Яникуломъ, частью города по сю сторону Тибра и оттѣснилъ римскія войска въ городъ. Римъ навѣрно погибъ бы, еслибъ не геройскій подвигъ трехъ юношей, изъ которыхъ наиболѣе прославился Горацій Коклесъ. Они стали у входа на мостъ черезъ Тибръ и удерживали непріятеля, преслѣдовавшаго бѣгущихъ римлянъ, до тѣхъ поръ, пока не была сломана часть моста. Прежде чѣмъ были сняты послѣднія бревна, двое юношей спаслись по нимъ; Горацій же удерживалъ непріятеля еще нѣкоторое время, и за тѣмъ, бросившись въ рѣку, счастливо достигъ берега, не смотря на градъ стрѣлъ, которымъ его осыпали враги. Хотя городъ и былъ спасенъ геройствомъ Горація Коклеса, но Порсенна, обложивъ его со всѣхъ сторонъ, отрѣзалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, чтобы изнурить римлянъ голодомъ. Вскорѣ въ Римѣ сталъ ощущаться недостатокъ въ продовольствіи, но всѣ усилія осажденныхъ были безуспѣшны вслѣдствіе перевѣса непріятельскихъ силъ. Одинъ молодой человѣкъ, Кай Муцій, по прозванію Сцевола, т. е. лѣвша, рѣшился геройскимъ подвигомъ спасти родной городъ. Съ дозволенія консуловъ и сената онъ отправился переодѣтый въ непріятельскій лагерь, съ намѣреніемъ убить Порсенну. Неузнанный никѣмъ, онъ вошелъ въ царскую палатку, гдѣ Порсенна занимался тогда съ своимъ секретаремъ; но, къ несчастью, не зная царя, закололъ его собесѣдника, котораго по лучшему платью принялъ за Порсенну. Схваченный, Муцій сохранилъ столько присутствія духа, что, когда Порсенна угрожалъ ему смертью на кострѣ, тотчасъ же самъ положилъ правую свою руку на близъ стоявшую жаровню и сжегъ ее, чтобы показать непріятелю свое презрѣніе къ смерти. Удивленный Порсенна даровалъ ему свободу, а Сцевола, какъ бы въ благодарность за это, объявилъ ему, что кромѣ его еще триста молодыхъ римлянъ сговорились сдѣлать то же, что не удалось ему. Это такъ устрашило Порсенну, что онъ предложилъ римлянамъ начать перего-

воры и вскорѣ за тѣмъ заключилъ съ ними миръ. Мирныя условія, предписанныя Порсенной, были очень тягостны. Римляне обязывались уступить ему часть своихъ владѣній, выдать свое оружіе, признать царя своимъ повелителемъ и дать ему въ заложники десять юношей и столько же дѣвицъ изъ знатнѣйшихъ фамилій. Порсенна же изъ одного великодушія отказался поддерживать Тарквинія, за котораго предпринялъ весь походъ. Такой образъ дѣйствій долженъ казаться непонятнымъ и необъяснимымъ, но не слѣдуетъ забывать, что разсказы объ этой эпохѣ составляютъ не достовѣрную исторію, а только поэтическія сказанія народа. Въ заключеніе описанія этой войны преданіе представляетъ намъ еще третій примѣръ римскаго мужества и патріотизма. Десять дѣвъ, находившихся заложницами у Порсенны, бѣжали отъ него подъ предводительствомъ Клеліи, переплыли Тибръ и счастливо достигли роднаго города. Но въ этомъ случаѣ сенатъ и консулы строгимъ исполненіемъ условій договора также показали примѣръ благородства римлянъ и выдали бѣглянокъ Порсеннѣ, который однакожъ, изъ уваженія къ ихъ геройству, даровалъ имъ свободу.

Несчастная война, вслѣдъ за тѣмъ предпринятая Порсенной противъ латинскаго города Ариціи, лишила его всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ войнѣ съ Римомъ, и уничтожила преобладаніе Клузіума. Напротивъ того, римляне пріобрѣли въ это время значительное число людей, способныхъ носить оружіе; многіе этруски, спасшіеся послѣ пораженія Порсенны при Ариціи, искали убѣжища въ Римѣ, и тогда же прибылъ въ Римъ съ пятью тысячами своихъ кліентовъ одинъ изъ знатнѣйшихъ сабинскихъ патриціевъ, Аттій Клавзъ, поссорившійся со своими соотечественниками. Получивъ здѣсь гражданство со всѣми правами патриція, онъ перемѣнилъ свое имя на Аппія Клавдія и сдѣлался родоначальникомъ знаменитаго рода, игравшаго важную роль въ римской исторіи.

Оставленный Порсенною, Тарквиній обратился къ латинскому городу Тускулуму, которымъ правилъ зять его, Октавій Мамилій, и получилъ помощь не только отъ тускуланцевъ, но и отъ всѣхъ прочихъ государствъ латинскаго союза. Судя по всѣмъ разсказамъ о войнѣ римлянъ съ латинами, послѣдніе не столько заботились о возвращеніи изгнаннаго царя въ Римъ, сколько оспаривали у этого города преобладаніе его въ латинскомъ союзѣ. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ другихъ стычекъ, споръ былъ рѣшенъ сраженіемъ при озерѣ Региллѣ (496 до р. Х.); римляне остались побѣдителями и черезъ нѣсколько лѣтъ заключили миръ, по которому возстановлено было равенство между латинами и римлянами. Обѣ стороны поклялись на вѣчныя времена никогда не вести между собою войнъ и не пропускать чрезъ свои владѣнія враговъ, положили вести общія войны подъ предводительствомъ то одной, то другой стороны, дѣлить добычу на равныя части и предоставлять взысканіе долговъ судебнымъ учрежденіямъ того мѣста, гдѣ живетъ должникъ. Царь Тарквиній, оставленный латинами, удалился въ греческую колонію Кумы, въ Кампаніи, гдѣ вскорѣ за тѣмъ и умеръ.

3. Внутренняя исторія Рима, отъ учрежденія республики до назначенія народныхъ трибуновъ.

Внутреннія волненія, подъ вліяніемъ которыхъ, среди упорной борьбы, выработалось мало-по-малу все устройство римскаго государства, начинаютъ обнаруживаться уже въ первые годы республики. Впрочемъ въ началѣ споръ между патриціями и плебеями не касался самаго устройства государства, а только примѣненія законодательства, въ особенности же законовъ о долгахъ. Во время первыхъ безпорядковъ сенатъ удачно избѣжалъ опасности, назначивъ диктатора. Происхожденіе диктатуры чисто латинское. У латиновъ, какъ у этрусковъ, всякій разъ, когда при затруднительныхъ обстоятельствахъ чувствовалась необходимость царской власти, изъ среды аристократіи избирался на болѣе или менѣе продолжительное время правитель государства. Избранный такимъ образомъ царь назывался у латиновъ диктаторомъ. Въ первые годы республики Римъ находился иногда въ такомъ положеніи, и тогда избирался облеченный царскою властью правитель государства, тоже носившій названіе диктатора, но не имѣв-

шій права удерживать свою власть болѣе полугода. Въ греческихъ республикахъ случалось также нѣчто подобное, и избранный на время царь носилъ тамъ названіе эсимнета. Такимъ эсимнетомъ былъ Питтакъ Митиленскій (стр. 113). Въ Римѣ диктаторъ назначался сначала сенатомъ, а впослѣдствіи консулами. Передъ диктаторомъ, въ знакъ его достоинства и власти, шли двадцать четыре ликтора. За нимъ, по степени власти, слѣдовалъ magister equitum, т. е. начальникъ всадниковъ, какъ въ Греціи, въ Этолійскомъ союзѣ (стр. 492). Въ началѣ онъ избирался сенатомъ, а впослѣдствіи народомъ или самимъ диктаторомъ; извѣстно, что онъ не былъ только главнымъ начальникомъ всадниковъ, но въ чемъ именно заключались его обязанности, мы не знаемъ.

Первый диктаторъ, Титъ Ларцій, былъ избранъ, спустя почти десять лѣтъ послѣ изгнанія Тарквинія, когда масса плебеевъ, обремененная долгами, отказалась идти на войну противъ соединившихся съ Тарквиніемъ латиновъ. Страхъ предъ неограниченною властью диктатора тотчасъ же смирилъ непокорный духъ плебеевъ, и войско безъ всякаго сопротивленія отправилось въ походъ. Но этимъ зло не было уничтожено, вскорѣ послѣдовалъ новый взрывъ неудовольствія народа и это повторялось нѣсколько разъ. Причина зла заключалась въ томъ, что огромныя богатства патриціевъ, не смотря на войны, продолжали постоянно увеличиваться, благодаря тому, что за нихъ трудились дома кліенты, и что сами патриціи, присвоивъ себѣ исключительное право пользованія принадлежавшими государству землями, привыкли наконецъ смотрѣть на нихъ какъ на свою собственность. Для нихъ и ихъ кліентовъ военная служба была, какъ во времена рыцарства для христіанскаго дворянства и его вассаловъ, пріятнымъ препровожденіемъ времени, забавою, соотвѣтствовавшей еще грубой энергіи господствовавшаго класса. Плебеи находились совершенно въ другомъ положеніи. Находясь на войнѣ, они теряли время, необходимое для обработки своихъ полей, и въ продолженіе военныхъ дѣйствій лишались необходимаго для своего содержанія дохода. Военная служба исполнялась безплатно, и потому плебеи должны были въ одно и то же время проживать свое достояніе и продолжать вносить поземельную подать. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было обремененіе бѣдныхъ плебеевъ долгами, что было особенно тягостно въ то время, когда Римъ и его небольшой округъ не имѣли ни торговли, ни рудниковъ, и, при недостаткѣ благородныхъ металловъ, всякій обѣднѣвшій житель могъ пріобрѣтать звонкую монету только подъ самыми тяжелыми условіями. Проценты составляли тогда по крайней мѣрѣ двѣнадцать со ста, въ первыя времена надо было платить даже проценты на проценты. Хуже всего было то, что законы о долгахъ отличались строгостью и приводились въ исполненіе съ чрезвычайною суровостью, потому что судьи принадлежали обыкновенно къ семействамъ заимодавцевъ. Должникъ, не имѣвшій средствъ уплатить долга, отвѣчалъ не только всѣмъ своимъ имуществомъ, но и своею личностью, или другими словами, заимодавецъ овладѣвалъ, въ видѣ залога, имуществомъ должника и имъ самимъ, приводилъ его въ оковахъ въ свой домъ и принуждалъ отбывать барщину, пуская по міру его семейство. Такой гражданинъ, терявшій на время личную свободу, назывался въ Римѣ **nexus** (связанный). До уплаты долга заимодавцу онъ былъ его рабомъ, но въ то же время сохранялъ всѣ гражданскія права. Если долгъ не могъ быть уплаченъ работою, должника по судебному приговору объявляли дѣйствительнымъ рабомъ (addictus), при чемъ онъ терялъ часть своихъ гражданскихъ правъ.

Вслѣдствіе такихъ стѣснительныхъ общественныхъ отношеній и законовъ, большая часть домовъ патриціевъ сдѣлались настоящими долговыми тюрьмами, гдѣ томилось въ цѣпяхъ множество плебеевъ, отданныхъ на произволъ своихъ кредиторовъ и изнуряемыхъ тяжелыми работами. Такое положеніе отъ времени до времени должно было приводить римскій народъ въ отчаяніе. Богатые плебеи и чужеземная аристократія, съ которыми патриціи обращались такъ же, какъ венеціанская знать съ поземельнымъ дворянствомъ, пользовались недовольною и возмутившеюся толпою для пріобрѣтенія правъ, приносившихъ мало пользы послѣдней, но доставившихъ мало-по-малу богатымъ фамиліямъ, не принадлежавшимъ къ сословію патриціевъ, мѣсто наравнѣ съ коренною римскою аристократіею. Такимъ образомъ аристократическое устройство Рима становилось по немногу демократическимъ, и подлѣ аристократіи, происшедшей изъ прежней касты

патриціевъ, возникло новое дворянство, отнимавшее все болѣе и болѣе правъ у первой. Борьба эта придаетъ особенный характеръ внутренней исторіи Рима, въ первомъ вѣкѣ по изгнаніи царей. Но, для яснаго пониманія этой эпохи, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Римъ, въ противоположность другимъ государствамъ того времени, часто принималъ въ себя родственныя племена и совершенно сливалъ ихъ обычаи со своими. Послѣ всякаго завоеванія только третья часть покоренныхъ земель оставлялась въ пользованіи туземцевъ, изъ остальныхъ двухъ третей половина поступала въ составъ государственныхъ имуществъ, другая же отдавалась римскимъ гражданамъ, которые отправлялись туда въ качествѣ переселенцевъ и оставались римскими гражданами, не смотря на перемѣну мѣста жительства. Одно это обстоятельство должно было способствовать проникновенію въ римскій бытъ иностранныхъ элементовъ. Переселеніе во времена царей въ Римъ или его окрестности цѣлыхъ городскихъ общинъ и племенъ способствовало не только усвоенію римлянами чужихъ нравовъ, но и увеличенію сословія плебеевъ и слiянію ихъ съ иностранными фамиліями, доставившими ему большую самостоятельность и умножившими его силы. Вѣроятно, въ этомъ и заключалась одна изъ главнѣйшихъ причинъ постепеннаго измѣненія государственнаго устройства, такъ какъ бѣдные плебеи, давшіе къ тому первый поводъ, едва ли бы могли сами по себѣ привести въ исполненіе начатое ими дѣло.

По окончаніи латинской войны, народъ не получилъ ожидаемыхъ облегченій въ законахъ о долгахъ. Должниковъ преслѣдовали съ прежнею строгостью, а лишь только обнаруживалось неудовольствіе обманутаго народа, его тотчасъ же старались занять и отвлечь новыми войнами. Какъ скоро оканчивалась одна изъ этихъ войнъ съ вольсками, сабинами и аурунками, безпорядки снова возобновлялись, становясь постоянно опаснѣе; правительство встрѣчало все болѣе и болѣе сопротивленія, и волненіе достигло до высшей степени, когда (495 до р. Х.) одинъ изъ консуловъ, Аппій Клавдій, противопоставилъ недовольству народа свойственную его роду гордую наглость, а другой, Публій Сервилій, горячо принялъ сторону угнетенныхъ. Дѣло дошло до возстанія въ городѣ, которое прекратилось только тогда, когда сенатъ отправилъ консула Сервилія на войну противъ вольсковъ и облегчилъ на время похода положеніе должниковъ. Въ слѣдующемъ году народъ опять отказался отъ военной службы и сенатъ призналъ необходимымъ назначить диктаторомъ Марка Валерія, который успокоилъ народъ обѣщаніями. Возвратившись по окончаніи войны въ Римъ, Валерій не могъ ничего сдѣлать въ пользу плебеевъ, потому что патриціи не хотѣли ни въ чемъ уступить народу. Вслѣдствіе того произошло открытое возстаніе; плебеи, находившіеся въ войскѣ, не хотѣли возвращаться въ городъ, отдѣлились отъ патриціевъ и рѣшились основать свою отдѣльную общину въ другомъ мѣстѣ. Избравъ предводителемъ Луція Сицинія, они расположились въ трехъ тысячахъ шагахъ отъ города на возвышенности, названной впослѣдствіи священною горою (494 до р. Х.), рѣшившись основать тамъ городъ и управляться своими собственными законами. Они учредили у себя шумный и имѣвшій военный характеръ родъ правленія, очень сходный съ устройствомъ, введеннымъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ во время крестьянской войны южно-германскими крестьянами, тюрингскими и мюнстерскими анабаптистами.

Для устраненія разрыва, патриціи согласились сдѣлать нѣкоторыя уступки. Преданіе говоритъ, что въ началѣ плебеи, убѣжденные нѣкоторыми умѣренными патриціями, согласились возвратиться въ Римъ, и передаетъ это событіе въ слѣдующемъ поучительномъ разсказѣ. Любимый народомъ патрицій, Мененій Агриппа, уговорилъ плебеевъ возвратиться, разсказавъ имъ басню о томъ, какъ однажды различныя части человѣческаго тѣла составили заговоръ противъ желудка за то, что тотъ съѣдалъ все одинъ, и какъ послѣдствіемъ того была смерть всего тѣла. Словомъ, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, заключенъ былъ договоръ, и плебеи покинули свой укрѣпленный лагерь на священной горѣ, тогда же посвященной ими Юпитеру и названной его именемъ. Что было постановлено касательно главнаго вопроса, т. е. долговъ, намъ неизвѣстно; вѣроятно, прежніе законы о долгахъ были оставлены въ своей силѣ, а долговыя обязательства неимущихъ уничтожены и заключенные въ темницахъ должники освобождены. Гораздо важнѣе было то, что плебеи получили большее вліяніе на государственныя

дѣла, пріобрѣвъ право защиты противъ злоупотребленій патриціевъ у особо избранныхъ изъ среды ихъ должностныхъ лицъ, называвшихся народными трибунами. Въ началѣ трибуновъ было только два, но впослѣдствіи число ихъ постепенно возрасло до десяти; они считались неприкосновенными, и всякій, кто поднималъ на нихъ руку, былъ осуждаемъ на изгнаніе. Обязанности ихъ заключались въ защитѣ передъ сенатомъ и консулами правъ своего сословія и отдѣльныхъ его членовъ; они присутствовали въ засѣданіяхъ сената, гдѣ хотя и не принимали участія ни въ совѣщаніяхъ, ни въ подачѣ голосовъ, но словомъ veto (т. е. запрещаю) могли объявлять недѣйствительнымъ каждое рѣшеніе сената. Сверхъ того, они пользовались важнымъ правомъ собирать комиціи трибъ или такія народныя собранія, въ которыхъ подача голосовъ производилась поголовно, безъ всякихъ различій происхожденія и богатства, и гдѣ потому имѣла перевѣсъ масса народа. Наконецъ, народные трибуны могли запрещать призывъ плебеевъ на войну и сборъ податей на военныя издержки. Такъ какъ трибуны были неприкосновенными и имѣли право брать каждаго подъ свое покровительство, то сенатъ и консулы не могли, какъ прежде, подавлять возбужденное самими трибунами сопротивленіе плебеевъ, арестуя и наказывая его виновниковъ.

Настоящая сила этихъ должностныхъ лицъ развилась только мало-по-малу; значеніе ихъ было такъ велико, что со времени ихъ учрежденія почти вся внутренняя исторія Рима вращается около народныхъ трибуновъ. Это будетъ для насъ понятнѣе, если мы обратимъ вниманіе на слѣдущія существенныя обстоятельства. Въ Римѣ и во всѣхъ древнѣйшихъ итальянскихъ государствахъ, какъ и у древнихъ грековъ, самодержавіе народа лежало въ основаніи всего государственнаго устройства, и потому переходъ отъ монархіи къ республикѣ у обоихъ народовъ могъ совершиться безъ сильнаго переворота. Но самодержавіе народа въ Римѣ, какъ и въ Спартѣ, было только кажущимся. Во времена царей законодательная власть находилась въ рукахъ выборныхъ изъ патриціевъ, считавшихъ народомъ только свое сословіе. Къ концу этого періода законодательная власть, окончательные приговоры въ судебныхъ дѣлахъ и избраніе въ высшія должности перешли въ руки народа, но пользованіе этимъ правомъ было значительно ограничено тѣмъ, что голоса подавались по куріямъ или центуріямъ. Въ куріальныхъ комиціяхъ всѣ вопросы рѣшались патриціями и ихъ кліентами, а въ центуріальныхъ большинство голосовъ принадлежало богатству. Кромѣ того, оба собранія не могли созываться безъ согласія сената, собирались подъ предсѣдательствомъ одного изъ сенаторовъ и находились во власти авгура, т. е. жреца изъ патриціевъ, предсказывавшаго по священнымъ знакамъ благоволеніе или гнѣвъ боговъ. Большинство плебеевъ, привыкшее къ военной дисциплинѣ, не имѣло почти никакого вліянія на государственное управленіе и законодательство.

Этотъ порядокъ измѣнился, когда плебеи въ лицѣ народныхъ трибуновъ пріобрѣли себѣ такихъ же представителей, какихъ имѣли патриціи въ консулахъ. Комиціи трибъ, созывавшіяся этими плебейскими властями, вначалѣ занимались только плебейскими дѣлами, но потомъ все болѣе и болѣе расширяли свою власть; долгое время онѣ состояли изъ однихъ плебеевъ и, при учрежденіи трибуната, были совершенно независимы уже по одному тому, что могли происходить безъ всякихъ предзнаменованій, т. е. безъ вліянія жрецовъ-патриціевъ.

Въ одно время съ трибунатомъ или вскорѣ были учреждены еще другія плебейскія власти, такъ называемые плебейскіе эдилы. Они завѣдывали полиціею, наблюдали за торговлею и были помощниками трибуновъ.

1. Коріоланъ.

Введеніе трибуната было первымъ шагомъ къ уничтоженію старинныхъ преимуществъ аристократіи, и плебеи пріобрѣли съ этой важной перемѣною политическое значеніе. Знатнѣйшія изъ плебейскихъ фамилій, не имѣвшія права на консульство и засѣданіе въ сенатѣ, стали теперь открыто бороться за достиженіе этихъ правъ и, противопоставляя силѣ патриціевъ вліяніе народныхъ трибуновъ, одерживали одну побѣду за другою. Старинная аристократія мало-по-малу теряла

всю свою власть. Уже черезъ три года по учрежденіи трибуната плебеи присвоили себѣ право верховнаго суда (491 до р. X.), когда молодой патрицій, **Кай-Марцій Коріоланъ**, вздумалъ воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ народа и отнять у него всѣ вновь пріобрѣтенныя имъ права.

Неудачная попытка Коріолана, кромѣ своего вліянія на обнаруженіе первыхъ симптомовъ борьбы, начавшейся по учрежденіи трибуната между народомъ и привиллегированнымъ сословіемъ, получила еще большее историческое значеніе, благодаря тому, что потомство, а въ особенности позднѣйшіе историки и ораторы, всегда пользовались этимъ событіемъ для возбужденія патріотизма народа и нагляднаго представленія картины добродѣтели ихъ предковъ. Поступки Коріолана и образъ дѣйствій народа и патриціевъ въ отношеніи къ нему выставлялись ими какъ блистательный примѣръ настроенія духа и мужества древнихъ римлянъ. Разсказъ о Коріоланѣ, гдѣ во всемъ блескѣ является твердость и энергія, съ которыми обѣ партіи римскаго народа отстаивали или требовали свои права, сдѣлался для потомковъ какъ бы завѣтомъ предковъ, переходившимъ отъ отца къ дѣтямъ, изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Кай Марцій отличился въ войнѣ съ вольсками, покоривъ ихъ главный городъ Коріолы, за что и получилъ прозваніе Коріолана. Вскорѣ послѣ того онъ сталъ во главѣ партіи энергическихъ патриціевъ, съ цѣлью произвести реакцію и уничтожить трибунатъ. По его совѣту, заговорщики воспользовались господствовавшимъ въ то время голодомъ и дороговизной; и когда, по распоряженію сената, привезенъ былъ въ Римъ хлѣбъ, Коріоланъ употребилъ всѣ усилія, чтобы доставленные запасы достались только патриціямъ и ихъ кліентамъ. Народъ, трибунами котораго были тогда люди рѣшительнаго характера, взволновался, а трибуны потребовали Коріолана въ комицію трибъ для отвѣта. Онъ отказался повиноваться этому приказанію, дерзко насмѣхаясь надъ угрозами трибуновъ; но, когда волненіе народа достигло крайнихъ предѣловъ, собравшуюся надъ его головой бурю уже нельзя было отвратить. Тщетно его приверженцы представляли въ комицію трибъ просьбы и напоминали о его великихъ заслугахъ; большинство народа признало Коріолана виновнымъ и осудило на изгнаніе.

Коріоланъ отправился въ Анціумъ къ своему другу, царю вольсковъ, предложилъ ему свои услуги противъ римлянъ и былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Вторая часть разсказа о Коріоланѣ, имѣя также характеръ поучительнаго разсказа для римскаго юношества, явно должна была служить другой цѣли. Какъ въ первой были драматически изображены взаимныя отношенія римскаго народа и сената, такъ въ пѣсняхъ и преданіяхъ о союзѣ Коріолана съ вольсками самымъ трогательнымъ образомъ представляется римскому юношеству обязанности человѣка и гражданина. По этимъ разсказамъ Коріоланъ выступилъ съ вольсками въ походъ, покорилъ всѣ подвластные Риму латинскіе города и осадилъ самый Римъ. Расположившись лагеремъ у воротъ города, онъ сталъ опустошать поля плебеевъ, оставляя нетронутыми помѣстья патриціевъ. Въ Римѣ господствовали неурядица и взаимное недовѣріе. Сенатъ не могъ собрать войска противъ Коріолана, потому что плебеи думали, что, выведенные изъ города, они будутъ преданы своему злѣйшему врагу. Когда уже не оставалось, повидимому, никакихъ средствъ для спасенія города, обѣ партіи рѣшились прибѣгнуть къ милосердію Коріолана. Приговоръ объ его изгнаніи былъ отмѣненъ куріями и трибами, и нѣкоторые изъ наиболѣе уважаемыхъ гражданъ города отправились въ непріятельскій лагерь, чтобы отъ имени народа склонить его къ примиренію и убѣдить удалиться отъ Рима. Коріоланъ соглашался на это только подъ условіемъ, чтобы вольскамъ были отданы всѣ отнятые у нихъ города, а всѣмъ изгнаннымъ изъ Рима гражданамъ было дозволено возвратиться въ городъ; для принятія предложенныхъ имъ условій онъ далъ римлянамъ тридцати-трехъ дневный срокъ. Срокъ прошелъ, а римляне все еще не могли согласиться между собою, принять или отвергнуть эти условія. Новое посольство, состоявшее изъ десяти почетнѣйшихъ сенаторовъ, возвратилось въ городъ съ позоромъ, отвергнутое Коріоланомъ. Онъ оставался непоколебимъ и на другой день, когда къ нему явились изъ города жрецы, думавшіе подѣйствовать на него именемъ религіи.

Казалось, свобода и могущество Рима были навсегда потеряны, какъ вдругъ спасительницами города явились женщины. Мать Коріолана, Ветурія, его жена

Волумнія и дѣти, въ сопровожденіи благороднѣйшихъ матронъ, отправились въ непріятельскій лагерь. Коріоланъ, отказавшій просьбамъ пословъ своего отечества и мольбамъ жрецовъ, не устоялъ, когда мать, жена и дѣти бросились передъ нимъ на колѣни, убѣждая всѣмъ дорогимъ его сердцу пощадить своихъ согражданъ. «Мать! воскликнулъ онъ со слезами на глазахъ: — возьми же вмѣсто меня свое отечество; Римъ спасенъ, но сынъ твой погибъ.» На другой день Коріоланъ снялъ осаду и заключилъ миръ, смягчивъ нѣсколько первоначальныя условія, но вольски все-таки удержали часть завоеванныхъ ими земель. О дальнѣйшей судьбѣ Коріолана сохранились два различныхъ преданія, сходныхъ однако въ томъ, что оба они, какъ и весь разсказъ о Коріоланѣ, заключаютъ въ себѣ политическо-моральное нравоученіе и представляютъ Коріолана наказаннымъ за его проступокъ. По одному преданію, онъ, глубоко уважаемый вольсками, дожилъ среди нихъ до глубокой старости, не переставая однако жаловаться на то, какъ тяжело старцу жить на чужбинѣ. По другому же разсказу, Коріоланъ, уступивъ мольбамъ женщинъ и пожертвовавъ выгодами своихъ новыхъ согражданъ Риму, былъ убитъ раздраженными вольсками или, подобно Ѳемистоклу (стр. 194), колеблясь между своими чувствами и обязанностью, съ отчаянія умертвилъсебя.

5. Внутренняя исторія Рима отъ смерти Коріолана до учрежденія децемвирата.

Во время смутъ, возбужденныхъ Коріоланомъ, патриціи, не смотря на всѣ свои усилія, должны были уступить народу право верховнаго суда, но эта неудача была для нихъ только предвѣстницею многихъ другихъ. Между обоими сословіями вспыхнули распри, имѣвшія слѣдствіемъ еще большее расширеніе правъ плебеевъ. Плебеи пожелали имѣть свою часть при раздѣлѣ завоеванныхъ земель, треть которыхъ отбиралась обыкновенно у покоренныхъ жителей и обращалась въ собственность государства, но въ дѣйствительности раздѣлялась между патриціями, такъ какъ лица, которымъ поручалась раздача земель въ пользованіе, принадлежали къ тому же сословію, и потому фамиліи патриціевъ могли легко присвоивать себѣ эти земли или пользованіе ими. Они прямо брали эти земли въ собственность, или платили за нихъ государству ничтожную десятину, стараясь при этомъ такъ перепутать свои собственныя помѣстья съ арендными землями, что ихъ почти нельзя было отличить другъ отъ друга, а государство получало самый ничтожный доходъ отъ своихъ поземельныхъ имуществъ. Такимъ образомъ римскій народъ былъ совершенно устраненъ отъ пользованія плодами своихъ войнъ, неся на себѣ только тягости послѣднихъ. Неудивительно, что плебеи, пріобрѣтя съ учрежденіемъ трибуната новую силу, поспѣшили прежде всего уничтожить эту несправедливость. Первый вопросъ объ этомъ предметѣ былъ однако поднятъ не трибунами, а однимъ изъ патриціевъ.

Патрицій Спурій Кассій Висцеллинъ, уже два раза бывшій консуломъ, во время втораго своего консульства заключилъ съ латинами миръ, о которомъ было говорено выше. Онъ еще прежде заслужилъ любовь плебеевъ своими, хотя и неудачными, попытками возстановить во время голода прежнія цѣны на хлѣбъ. Въ свое третье консульство (486 до р. Х.) Кассій предложилъ первый аграрный или поземельный законъ, о дарованіи плебеямъ участія въ пользованіи государственными землями. Предложеніе это было возобновляемо потомъ много разъ, и происходившія отъ того каждый разъ волненія составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ римской исторіи до самаго паденія республики. Сенатъ, раздраженный поступкомъ консула, измѣнившаго интересамъ своего сословія, рѣшился погубить его помощью самаго народа и лишилъ его расположенія массъ, обѣщавъ дать плебеямъ часть государственныхъ земель и обвинивъ Кассія въ намѣреніи воспользоваться любовью народа для достиженія царской власти. Плебеи были тѣмъ легче обмануты, что честолюбіе Кассія было всѣмъ извѣстно; не довѣряя консулу, они ничего не сдѣлали для его спасенія, когда, обвиненный въ измѣнѣ, онъ былъ призванъ къ суду куріальныхъ комицій.

Преданный въ руки своихъ враговъ, Кассій былъ приговоренъ къ смерти и подвергся позорной казни. Домъ его былъ разрушенъ среди проклятій народа.

Послѣ печальнаго конца предпріятія Кассія, патриціи, въ особенности же фамилія Фабіевъ, съумѣли помощью террора, интригъ и войнъ устранить новыя притязанія плебеевъ. Наконецъ (въ 473 до р. Х.) трибунъ Генуцій потребовалъ, чтобы всѣ консулы, носившие это званіе со времени Кассія, были призваны къ суду народа за неисполненіе даннаго тогда сенатомъ обѣщанія. Первыми были призваны консулы предшествовавшаго года. Патриціи старались всѣми силами воспрепятствовать этому, но старанія ихъ остались безуспѣшными, и консулы были бы навѣрное осуждены, еслибъ трибунъ Генуцій не былъ умерщвленъ въ ночь, наканунѣ суда, и народъ не разошелся по домамъ, пораженный вѣстью о его смерти. Впрочемъ смерть защитника правъ народа только подлила масло въ огонь, отсрочивъ развязку на непродолжительный срокъ; за то, когда вопросъ этотъ возникъ снова, плебеи, какъ и слѣдовало ожидать, стали дѣйствовать гораздо настойчивѣе.

Въ самый годъ смерти Генуція явился на мѣсто его новый защитникъ народа, такой же непримиримый врагъ патриціевъ, но дѣйствовавшій счастливѣе своего предшественника. Публій Волеронъ, въ предшествовавшихъ войнахъ начальствовавшій отрядомъ, во время приготовленій къ новому походу, былъ разжалованъ консулами въ простые воины. Онъ отказался повиноваться, и, когда консулы приказали ликторамъ арестовать его, призвалъ на помощь своихъ согражданъ и вмѣстѣ съ ними не только обратилъ въ бѣгство ликторовъ, но принудилъ самихъ консуловъ удалиться съ форума и искать спасенія въ зданіи сената. Нѣкоторые изъ патриціевъ, лучше другихъ понимавшіе опасность своего положенія, боялись употребить противъ него силу и уговорили сенатъ не обращать вниманія на это дѣло. Черезъ нѣсколько недѣль Волеронъ былъ избранъ въ народные трибуны на слѣдующій годъ.

Въ своей новой должности, въ которую онъ былъ избранъ и на другой годъ, Волеронъ не предъявлялъ никакихъ особенныхъ требованій, даже невозобновлялъ предложеній Генуція, а, по примѣру трибуновъ прежнихъ лѣтъ, хлопоталъ только о расширеніи правъ плебеевъ вообще. Такъ онъ предложилъ, чтобы трибуны и эдилы избирались не въ центуріальныхъ комиціяхъ, а въ комиціяхъ трибъ, т. е. чтобы на избраніе этихъ представителей плебеевъ не имѣли вліянія богатые и аристократы. Трибуны и эдилы, подобно прочимъ должностнымъ лицамъ, избирались до того времени въ центуріальныхъ собраніяхъ и утверждались потомъ куріями патриціевъ. Въ первыхъ господствовали богатые, въ послѣднихъ аристократы. Обѣ комиціи находились подъ предсѣдательствомъ консуловъ и могли собираться только по призыву сената, а засѣданія ихъ были открываемы только по совершеніи гаданій (ауспицій), т. е. религіозныхъ обрядовъ, вполнѣ зависѣвшихъ отъ сената. Въ комиціяхъ же трибъ всѣ дѣла рѣшали одни плебеи, не испрашивая ни воли боговъ, ни позволенія сената, ни утвержденія курій. Не останавливаясь на этомъ, Волеронъ потребовалъ, чтобы комиціямъ трибъ было даровано право обсуждать и рѣшать не только дѣла однихъ плебеевъ, но и всѣ вопросы, касавшіеся цѣлаго государства.

Не смотря на сопротивленіе сената, предложеніе Волерона было принято, и съ того времени начинается цѣлый рядъ преобразованій, мало-по-малу совершенно измѣнившихъ аристократическое устройство Рима. Плебеи, представители и вожди которыхъ были поставлены законами Волерона въ полную независимость отъ аристократіи, могли обсуждать теперь всѣ государственные вопросы. Хотя ихъ рѣшенія, или, какъ они назывались у римлянъ, плебисциты, не имѣли силы законовъ безъ утвержденія сената и курій, но уже одно право разсуждать о государственныхъ дѣлахъ имѣло для плебеевъ важное значеніе. Путь былъ открытъ, и трибуны пріобрѣли такую обширную власть, что патриціи не могли болѣе разсчитывать на сохраненіе своихъ преимуществъ.

Завоевавъ такимъ образомъ поприще для своей политической дѣятельности и проложивъ себѣ дорогу къ важнѣйшимъ преимуществамъ, плебеи прежде всего озаботились уничтоженіемъ остатковъ старинныхъ кастовыхъ разграниченій, препятствовавшихъ развитію римскаго общества. Такъ, напримѣръ, до тѣхъ поръ законы и формы судопроизводства составляли тайну патриціевъ, почерпавшихъ

юридическія знанія изъ устныхъ преданій и таинственныхъ жреческихъ книгъ, неизвѣстныхъ народу. Эту тайну слѣдовало разоблачить и ограничить вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ обширную власть консуловъ, бывшихъ верховными судьями. Наконецъ, вмѣстѣ съ послѣдними остатками господства жрецовъ и кастовыхъ учрежденій, нужно было уничтожить и старинный законъ, запрещавшій браки между патриціями и плебеями. Понятно, что для достиженія всего этого надо было составить новый кодексъ или, другими словами, нѣчто въ родѣ конституціи.

Первый шагъ къ тому былъ сдѣланъ въ 462 г. до р. Х. трибуномъ Терентилломъ Арсою, предложеніе котораго было причиною волненій, потрясавшихъ государство въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Сначала патриціи успѣли задержать на время развязку, но на слѣдующій годъ всѣ трибуны возобновили свои требованія съ такой настойчивостью и энергіею, что объ отказѣ имъ уже нельзя было и думать (454 г). Изъ патриціевъ особенно ревностно противоборствовали стремленіями плебеевъ Луцій Цинциннатъ, образецъ честнаго, умѣреннаго и трудолюбиваго римскаго аристократа стараго покроя, и его сынъ Цезонъ Квинкцій. Подъ предводительствомъ ихъ патриціи испробовавъ противъ насилія трибуновъ всѣ средства, прибѣгнули къ помощи древняго оракула Рима, такъ называемымъ книгамъ Сивиллы, хранившихся въ Капитоліи, угрожали виновникамъ безпорядковъ мнимымъ гнѣвомъ боговъ и наконецъ затѣяли войну съ вольсками и эквами. Все было напрасно; трибуны потребовали, чтобы Цезонъ Квинкцій представилъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ компціи трибъ. Ни просьбы его отца, ни его собственныя, ни мольбы патриціевъ не могли спасти Цезона, такъ что онъ счелъ за лучшее бѣжать изъ государства, не ожидая окончанія процесса. При самомъ началѣ процесса, чтобы не быть арестованнымъ, онъ представилъ за себя поручителей, которые послѣ его бѣгства принуждены были къ уплатѣ пени. Отецъ Цезона вознаградилъ ихъ за это, но самъ обѣднѣлъ до такой степени, что у него остался только небольшой клочокъ земли. Въ этомъ имѣніи онъ прожилъ очень долго въ совершенномъ удаленіи отъ дѣлъ, занимаясь по старинному римскому обычаю, вмѣстѣ съ своими кліентами, обработкою почвы, между тѣмъ сынъ его съ толпой подобныхъ себѣ изгнанниковъ произвелъ нападеніе на Римъ, во время котораго былъ убитъ. Вскорѣ Цинциннатъ былъ оторванъ отъ своихъ сельскихъ занятій и призванъ снова въ Римъ, для занятія мѣста консула. Въ этой должности онъ тщетно напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы остановить бурю, угрожавшую владычеству патриціевъ. Тотъ же исходъ имѣли въ слѣдующемъ году и старанія его преемниковъ, потерпѣвшихъ кромѣ того пораженіе въ войнѣ съ эквами. Сенатъ прибѣгнулъ наконецъ къ диктатурѣ и вручилъ это званіе старику Цинциннату, снова удалившемуся въ свое помѣстье. Преданіе рисуетъ по этому случаю поэтическую картину нравовъ древняго Рима; по словамъ легенды, послы сената, пришедшіе объявить Цинциннату объ его избраніи, нашли его въ полѣ, проводящаго борозду плугомъ. Безъ сомнѣнія, этому разсказу нельзя вполнѣ вѣрить, потому что трудно представить себѣ, чтобы человѣкъ, управлявшій государствомъ и руководившій всѣми дѣлами, самъ исполнялъ всѣ ничтожныя работы въ своемъ помѣстьѣ и обработывалъ поля своими руками. Цинциннатъ, какъ говоритъ преданіе, принялъ пословъ въ торжественной аудіенціи, перемѣнивъ свое рабочее платье на тогу или оффиціальный костюмъ римлянъ. Онъ тотчасъ согласился на сдѣланное ему предложеніе, сталъ, какъ диктаторъ, во главѣ войска, разбилъ эквовъ и черезъ шестнадцать дней снова сложилъ съ себя диктаторское достоинство.

Постоянное сопротивленіе патриціевъ приносило имъ такъ мало пользы, что въ самый разгаръ борьбы съ трибунами, требовавшими новой конституціи (457 до р. Х.), они должны были согласиться на удвоеніе числа послѣднихъ, что не только еще болѣе обезпечивало защиту каждаго плебея, но и придало новую силу и значеніе всей коллегіи трибуновъ. Черезъ годъ были отданы плебеямъ государственныя земли на Авентинскомъ холмѣ, и въ то же время постановлено, что сенатъ долженъ принимать на обсужденіе плебисциты, при чемъ трибунамъ предоставлено право защищать ихъ. Наконецъ патриціи согласились на требованіе общаго для обоихъ сословій законодательства (454 до р. Х.) и послали въ Аѳины трехъ сенаторовъ для изученія тамошняго государственнаго устройства. По возвращеніи ихъ, черезъ два года, были изданы наконецъ и самые законы.

6. Децемвиратъ.

Составленіе новыхъ законовъ было возложено на коммисію изъ десяти патриціевъ, названную децемвиратомъ (451 до р. Х.), которой вмѣстѣ съ тѣмъ было поручено и управленіе государствомъ; это было совершенно въ порядкѣ вещей и всегда имѣло мѣсто при составленіи законовъ въ греческихъ государствахъ. Для удовлетворительнаго исполненія своего порученія, децемвиры, конечно, должны были быть поставлены въ полную независимость отъ вліянія всякихъ властей; вслѣдствіе того до окончанія своихъ занятій они были облечены верховною властью, и даже должность трибуновъ была уничтожена на это время. Предоставленная децемвирамъ власть была раздѣлена между ними такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ пользовался ею поочереди въ продолженіе десяти дней и имѣлъ при себѣ, въ видѣ внѣшняго ея знака, двѣнадцать ликторовъ. Трибуны требовали сначала, чтобы половина децемвировъ была избрана изъ плебеевъ, но, послѣ непродолжительныхъ споровъ, право это было предоставлено однимъ патриціямъ.

Главною цѣлью и главнымъ результатомъ новаго законодательства было сліяніе обоихъ сословій римскаго народа, все еще продолжавшихъ существовать одно подлѣ другаго, какъ двѣ враждебныя касты. Это было достигнуто тѣмъ, что раздѣленіе гражданъ на трибы, по мѣсту ихъ жительства, прилагавшееся до того времени къ однимъ плебеямъ, было распространено и на патриціевъ. Трибы, число которыхъ мало-по-малу возрасло впослѣдствіи до тридцати пяти, со времени учрежденія децемвирата стали обнимать собою весь римскій народъ, какъ прежнее дѣленіе на центуріи. Вмѣсто центуріальныхъ комицій, законодательными собраніями сдѣлались вслѣдствіе законодательства децемвировъ комиціи трибъ. Въ послѣднихъ голоса собирались поголовно, безъ всякихъ священныхъ предзнаменованій и безъ всякаго отношенія къ богатству и происхожденію; такимъ образомъ этою реформою римское государство было окончательно преобразовано на демократическихъ началахъ. Всѣ особенности кастоваго быта были уничтожены, и Римъ составляетъ съ этихъ поръ уже одну нераздѣльную націю, а не два враждебныя государства, какъ это было прежде. Римскія учрежденія со времени этой реформы стали походить на аѳинскія или на учрежденія другихъ демократическихъ государствъ Греціи, тогда какъ прежнее состояніе государства въ главныхъ чертахъ напоминало собою только самое древнее политическое устройство грековъ. Кліентство хотя и удержалось, но со времени децемвировъ оно начинаетъ исчезать и терять характеръ вассальной или крѣпостной зависимости, а принимаетъ видъ покровительства и защиты бѣдныхъ знатными и богатыми. Старинный кастовый законъ, запрещавшій браки между патриціями и плебеями, подтвержденный новымъ законодательствомъ, былъ отмѣненъ черезъ шесть лѣтъ по изданіи послѣдняго.

Въ государственномъ устройствѣ, установленномъ самими децемвирами или тотчасъ послѣ нихъ, комиціи трибъ сдѣлались настоящимъ законодательнымъ собраніемъ римскаго народа; они избирали лицъ во всѣ второстепенныя должности, напримѣръ, трибуновъ, эдиловъ и учрежденныхъ впослѣдствіи квесторовъ, или казначеевъ, удержавъ за собою и нѣкоторую часть судебной власти. Центуріальныя собранія избирали въ консулы и другія высшія должности, учрежденныя впослѣдствіи, заключали миръ, объявляли войну и судили, какъ высшая инстанція, всѣ уголовныя преступленія. Куріи назначали избранныхъ центуріями лицъ въ военныя должности и утверждали заключенія центуріальныхъ комицій, но съ этого времени утвержденіе это обратилось въ одну пустую форму, такъ что впослѣдствіи, вмѣсто тридцати курій, собирались только представлявшіе ихъ тридцать ликторовъ, для выполненія формальности.

Могущество, пріобрѣтенное комиціями трибъ, могло легко повести къ господству простаго народа. Чтобы ослабить вліяніе его, трибы были раздѣлены на городскія и деревенскія; въ первыхъ большинство членовъ были ремесленники, во вторыхъ—землевладѣльцы. Городскихъ трибъ было всего четыре, а число сель-

скихъ возрасло въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій до тридцати одной. Въ городскія трибы отъ времени до времени включали всѣхъ гражданъ, не владѣвшихъ имуществомъ, не обращая вниманія на мѣсто ихъ жительства. Такимъ образомъ въ комиціяхъ трибъ было только четыре голоса, принадлежавшія лицамъ, не имѣвшимъ собственности. Такія же мѣры были приняты и впослѣдствіи, когда дано было право голоса цѣлымъ городамъ и народамъ Италіи. Для новыхъ гражданъ не образовывали новыхъ трибъ, а распредѣляли ихъ между старыми, въ которыхъ голоса ихъ не имѣли ни какого значенія.

По законодательству децемвировъ, сенатъ не испыталъ никакихъ перемѣнъ и сохранилъ всю свою прежнюю силу. Значеніе его впрочемъ никогда не увеличивалось и не уменьшалось вдругъ въ значительной степени, но всегда измѣнялось мало-по-малу, соотвѣтственно общему ходу дѣлъ. Сенаторы назначались консулами, но когда, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ децемвировъ, была учреждена новая должность цензоровъ, право пополнятъ сенатъ было передано имъ. Въ сенатъ получили наконецъ доступъ и плебеи, и это учрежденіе утратило свой первоначальный аристократическій характеръ. Народъ, не избирая самъ сенаторовъ, имѣлъ все-таки косвенное вліяніе на эти выборы, назначая цензоровъ, которымъ было постановлено въ обязанность избирать въ сенаторы самыхъ лучшихъ гражданъ. Кромѣ того, уже давно установился обычай, что сенаторами назначались по истеченіи года своей службы всѣ квесторы, должность которыхъ считалась первой ступенью къ другимъ высшимъ должностямъ. Въ первыя времена республики, когда сенатъ пользовался наибольшей властью, онъ имѣлъ право объявлять войну и заключать миръ, собиралъ войско, рѣшалъ о необходимости избрать диктатора, назначалъ налоги, управлялъ и распоряжался государственными имуществами и отдавалъ войску или отнималъ у него военную добычу. Впослѣдствіи сенатъ, хотя и подъ контролемъ народа, сохранилъ право наблюдать надъ религіозными обрядами, опредѣлять намѣстниковъ провинцій и военачальниковъ, хранить и расходовать общественныя суммы, право судебной власти въ Италіи, разрѣшенія всѣхъ непредвидѣнныхъ случаевъ, пріема иноземныхъ и назначенія римскихъ пословъ. Онъ опредѣлялъ также время народныхъ собраній и подготовлялъ предстоящіе къ разрѣшенію въ нихъ вопросы. Наконецъ, сенатъ имѣлъ право въ опасныя для государства минуты облекать высшихъ должностныхъ лицъ, на время, неограниченною властью.

Таковы были въ главнѣйшихъ чертахъ перемѣны, испытанныя римскимъ государствомъ вслѣдствіе законодательства децемвировъ. Отдѣльные законы ихъ, относившіеся до гражданскаго права, не составляютъ предмета всемірной исторіи, а касаются только частной исторіи римскаго права; поэтому, не останавливаясь на нихъ, мы прямо перейдемъ къ исторіи самихъ децемвировъ. Въ первый годъ отправленія своей должности всѣ децемвиры дѣйствовали превосходно. Новое законодательство было уже почти окончено; но въ концѣ года децемвиры объявили, что законы должны быть дополнены по крайней мѣрѣ на одну шестую часть, и что для этого необходимо продлить власть децемвирата. Предложеніе это было принято безъ всякихъ затрудненій. Собраніе центурій избрало подъ предсѣдательствомъ А п п і я К л а в д і я, бывшаго душой децемвировъ, десять новыхъ децемвировъ на половину изъ патриціевъ и плебеевъ. Въ числѣ первыхъ былъ избранъ и Аппій Клавдій. Впослѣдствіи законы, написанные новыми децемвирами, были вмѣстѣ съ законодательствомъ ихъ предшественниковъ начертаны на двѣнадцати каменныхъ доскахъ, почему они и называются обыкновенно з а к о н а м и д в ѣ н а д ц а т и т а б л и ц ъ.

Аппій Клавдій, мнѣніе котораго раздѣляли и всѣ остальные децемвиры, находившіеся совершенно подъ его вліяніемъ, имѣлъ въ виду не пополненіе законовъ, но замышлялъ о введеніи въ Римѣ олигархіи, въ которой онъ надѣялся играть главную роль. Стремленіе это стало обнаруживаться въ самыхъ первыхъ дѣйствіяхъ новыхъ правителей. Каждый изъ децемвировъ являлся не иначе, какъ въ сопровожденіи двѣнадцати ликторовъ, у которыхъ въ связкахъ прутьевъ (fasces) находились и сѣкиры, какъ во времена царей, хотя во второмъ году республики, по предложенію Валерія Публиколы, было запрещено даже консуламъ носить передъ собою въ чертѣ города этотъ ужасный знакъ верховной судебной власти надъ жизнью и смертью. Сверхъ того, новые децемвиры уничтожили, въ

самомъ началѣ своего владычества, послѣднее средство, которымъ граждане могли защищать себя отъ произвола децемвировъ, запретивъ апелляціи на приговоръ одного децемвира къ прочимъ его товарищамъ. Такимъ образомъ граждане были лишены защиты противъ власти децемвировъ, которые на второй годъ сдѣлались совершенными деспотами. Въ концѣ года они уже безъ всякаго избранія удержали власть въ своихъ рукахъ и сдѣлались настоящими тиранами.

Такое незаконное правительство, все болѣе и болѣе впадавшее въ терроризмъ и не имѣвшее для своей защиты вооруженной силы, не могло продержаться долгое время. Оно еще до истеченія года было низложено войсками, собранными имъ для отраженія набѣга эквовъ и сабиновъ. Войска, предводительствуемыя нѣкоторыми изъ децемвировъ и терпѣвшія отъ излишней жестокости, были разбиты во всѣхъ сраженіяхъ. Когда же тираны приказали постыдно умертвить за либеральный образъ мыслей Сицинія Дентата, спасшаго своей необыкновенною храбростью честь римскаго оружія, волненіе войска достигло своихъ крайнихъ предѣловъ. Между тѣмъ Аппій Клавдій, остававшійся въ городѣ, въ то время, какъ въ лагерѣ ежеминутно ожидали бунта, совершилъ еще гнуснѣйшій поступокъ, чѣмъ умерщвленіе Сицинія. Онъ влюбился въ Виргинію, дѣвушку необыкновенной красоты, дочь храбраго солдата Виргинія и невѣсту Ицилія, прославившагося прежде въ званіи народнаго трибуна. Отправляясь на войну, отецъ поручилъ ее своему близкому родственнику. Аппій Клавдій для удовлетворенія своей страсти прибѣгнулъ къ постыдной клеветѣ. По его наущенію одинъ изъ его кліентовъ явился передъ судомъ и объявилъ Виргинію своею бѣглою рабыней. Аппій Клавдій присудилъ выдать ему Виргинію, которую немедленно и отвели бы силой въ его домъ, если бы этому не помѣшалъ женихъ ея, Ицилій. Это насиліе возбудило въ народѣ волненіе и сладострастный тиранъ, отмѣнивъ свой первый приговоръ, приказалъ Виргиніи отправиться въ домъ одного ея родственника и тамъ дожидаться до слѣдующаго дня возвращенія отца, но въ тоже время послалъ въ лагерь увѣдомить своихъ товарищей, чтобы они задержали Виргинія. Послѣдній уже успѣлъ узнать о случившемся и поспѣшилъ въ Римъ. Тогда Аппій Клавдій прибѣгнулъ къ другому средству: съ помощью лжесвидѣтелей, онъ объявилъ несчастную дѣвушку рабою своего кліента, не смотря на всѣ старанія ея отца и родственника доказать противное. Напрасно Виргиній въ отчаяніи обращался къ народу, Аппій Клавдій приказалъ ликторамъ употребить въ дѣло силу. Народъ испугался, а Виргиній, потерявъ надежду спасти свою дочь, рѣшился избавить ее отъ стыда цѣною ея жизни. Выпросивъ у тирана позволеніе сказать ей передъ разлукой нѣсколько словъ, онъ ввелъ ее въ ближнюю мясную лавку и, схвативъ ножъ, умертвилъ на мѣстѣ.

Толпа была поражена ужасомъ, увидя несчастную смерть Виргиніи, и предводительствуемая Виргиніемъ и Ициліемъ съ яростью бросилась на ликторовъ Аппія Клавдія, который самъ принужденъ былъ бѣжать въ храмъ. Сенатъ, созванный однимъ изъ его товарищей, высказался противъ народа. Возстаніе народа по всей вѣроятности было бы подавлено, еслибъ Виргиній съ Ициліемъ не поспѣшили къ войскамъ и не склонили солдатъ въ свою пользу. Подъ ихъ предводительствомъ войска явились въ Римъ и заняли Авентинскій холмъ. Римскій народъ опять раздѣлился на два враждебныхъ лагеря. Сенатъ отправилъ къ войскамъ депутацію, которую они не приняли, объявивъ, что готовы вести переговоры только съ тѣми двумя сенаторами, которые одни противились деспотизму децемвировъ. Сенаторы эти были Луцій Валерій Потитъ, внукъ Валерія Публиколы, и Маркъ Горацій Барбатъ. Каждый изъ отрядовъ войска избралъ себѣ въ предводители по десяти трибуновъ, и подъ ихъ начальствомъ двинулся съ Авентинскаго холма на Священную гору. Сначала, не смотря на всѣ угрозы, патриціи хотѣли защищать децемвиратъ, но Валерій и Горацій отказались быть посредниками между народомъ и сенатомъ, пока не будетъ уничтожена незаконная власть. Узнавъ, что народъ готовится къ окончательному отпаденію отъ Рима, патриціи наконецъ уступили, согласившись уничтожить децемвиратъ. Войско снова возвратилось на Авентинскую гору и подъ предсѣдательствомъ верховнаго жреца избрало десять народныхъ трибуновъ, въ томъ числѣ Виргинія и Ицилія. Вновь избранные трибуны вступили въ переговоры съ сенатомъ, по ихъ предложенію было возстановлено прежнее государственное устрой-

ство, но съ тѣмъ новымъ условіемъ, чтобы всѣ постановленія комицій трибъ имѣли полную силу закона.

По уничтоженіи децемвирата, Валерій и Горацій, избранные въ консулы, обратили какъ это, такъ и многія другія важныя для плебеевъ постановленія, въ положительные законы, представивъ ихъ на утвержденіе народныхъ собраній. По этимъ такъ называемымъ вторымъ законамъ Валерія, постановленія комицій трибъ стали обязательными для всего римскаго народа. Тогда же было навсегда запрещено назначать такихъ должностныхъ лицъ, на которыхъ нельзя было бы апеллировать къ народу, и за нарушеніе этого правила постановлена смертная казнь. Аппій Клавдій и одинъ изъ его товарищей, бывшій покорнымъ орудіемъ всѣхъ его злодѣяній, были призваны на судъ народнаго собранія. Оба они умерли въ темницѣ; остальные децемвиры были изгнаны изъ Рима (449 г. до р. Х.).

V. ОТЪ УНИЧТОЖЕНІЯ ДЕЦЕМВИРАТА

ДО ОКОНЧАТЕЛЬНАГО УРАВНЕНІЯ ПРАВЪ ПАТРИЦІЕВЪ И ПЛЕБЕЕВЪ.

---

1. Внутреннія событія въ Римѣ до первой войны съ галлами.

Законодательство двѣнадцати таблицъ и послѣдовавшее за тѣмъ дозволеніе браковъ между патриціями и плебеями уничтожили непреодолимую преграду, съ давнихъ поръ раздѣлявшую римскій народъ на два кастообразныя сословія. Съ этихъ поръ нельзя было уже и думать объ устраненіи полнаго гражданскаго равенства обоихъ сословій, которое стало мало-по-малу осуществляться, хотя и не безъ упорнаго сопротивленія патриціевъ. Плебеямъ и ихъ трибунамъ безъ всякаго кровопролитія и особенныхъ насилій удалось отнять у патриціевъ одни преимущества за другими. Они шли шагъ за шагомъ по проложенному пути, пока наконецъ не образовалось въ Римѣ совершенно новое государственное устройство, не смотря на сохраненіе прежнихъ народныхъ подраздѣленій и нѣкоторыхъ изъ ихъ правъ. Впрочемъ, преобразованія въ государственномъ устройствѣ были въ такой же тѣсной связи съ личнымъ характеромъ трибуновъ, какъ и развитіе аѳинской демократіи съ характерами Клистена, Перикла и другихъ государственныхъ людей Аѳинъ. Въ первые годы римской республики трибунами руководили совершенно иныя побужденія и стремленія, чѣмъ впослѣдствіи. Трибуны позднѣйшей эпохи трудились только для себя, а ихъ предшественники для всего своего сословія. Въ этомъ и заключается причина, почему въ эпоху, слѣдовавшую за уничтоженіемъ всѣхъ преимуществъ касты патриціевъ и пріобрѣтеніемъ плебеями общихъ законодательныхъ правъ, самъ народъ никогда не производилъ никакихъ сильныхъ волненій, кромѣ обыкновенныхъ уличныхъ безпорядковъ, нераздѣльныхъ съ самымъ существованіемъ республики. Богатыя плебейскія фамиліи образовали изъ себя новую аристократію, которая имѣла общіе съ плебеями сословные интересы, съ одной стороны побуждавшіе ее стремиться къ пріобрѣтенію новыхъ правъ, а съ другой препятствовавшіе ей составлять въ народѣ партіи въ свою пользу и преслѣдовать свои личные выгоды.

Первымъ шагомъ, сдѣланнымъ плебейскою аристократіею для уравненія своихъ правъ съ правами древнихъ патриціевъ, было измѣненіе формы консульства. Въ 445 году, когда были дозволены браки между обоими сословіями, плебеи съ такою настойчивостью стали требовать права быть избираемыми въ консулы, что патриціи, будучи не въ состояніи противиться ихъ домогательствамъ, уступили имъ, но придумали средство спасти по крайней мѣрѣ наружную форму и видъ, чтобы впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, снова возвратить себѣ утраченныя преимущества. Постановлено было, что на слѣдующій годъ центуріи изберутъ, вмѣсто двухъ консуловъ, шесть *военныхъ трибуновъ* или *военачальниковъ съ консульскою властью*, и что оба сословія будутъ имѣть право на это званіе. Въ послѣдующія восемьдесятъ лѣтъ были назначаемы то военные трибуны, то консулы, смотря потому плебеямъ или па-

триціямъ благопріятствовали обстоятельства. Число военныхъ трибуновъ съ консульскою властью часто измѣнялось и колебалось между тремя, четырьмя, шестью и восемью; ихъ почти никогда не выбирали поровну изъ патриціевъ и плебеевъ, патриціямъ часто удавалось даже устроивать дѣло такъ, что всѣ военные трибуны принадлежали къ ихъ сословію, и только два раза большинство составляли плебеи. Патриціи старались всѣми средствами отстаивать свои права, но усилія ихъ все-таки остались напрасными; разъ допущенные къ занятію высшихъ должностей въ государствѣ, плебеи неминуемо должны были достигнуть наконецъ и самаго консульства.

Предвидя это, патриціи стали мало-по-малу отнимать у консуловъ нѣкоторыя изъ ихъ обязанностей и образовали новую должность, доступную только имъ однимъ. Они учредили сперва цензуру или должность ц е н з о р а. Сообразно обычаю, перешедшему къ римлянамъ отъ сабиновъ, цензорамъ было поручено наблюденіе за нравами гражданъ, военною дисциплиною, назначеніемъ податей и администраціею. Главная ихъ обязанность заключалась въ оцѣнкѣ имущества гражданъ, находившейся въ тѣсной связи не только со всею финансовою системою государства, но и съ подраздѣленіемъ на центуріи и основанномъ на немъ участіи каждаго въ государственномъ управленіи. Соединеніе этой важной обязанности цензора съ наблюденіемъ за нравами легко объясняется тѣмъ, что древняя религія и нравственность были самыми твердыми опорами республики, гдѣ государственная жизнь не превратилась еще, какъ у насъ, въ особый механизмъ, и гдѣ не было ни установленныхъ формъ, ни писанныхъ законовъ. Впрочемъ надзоръ за нравами, возложенный на цензоровъ, былъ собственно надзоръ не за нравственностью гражданъ, въ нашемъ смыслѣ этого слова, а касался только того, что мы называемъ особенностями національнаго характера, старинными нравами и наслѣдственными понятіями объ отношеніяхъ и обязанностяхъ частной жизни. Учрежденіе цензорства было вызвано не однимъ только споромъ о сословныхъ преимуществахъ, но и естественнымъ ходомъ событій, такъ какъ консулы, обращая все свое вниманіе на эти сословныя распри, часто находились въ невозможности предпринимать столь важныя государственныя мѣры, какъ поголовная перепись и оцѣнка имуществъ или такъ называемый цензъ (стр. 541). Обязанности консуловъ становились постоянно многосложнѣе вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ и возраставшей запутанности внутренней жизни государства. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что цензъ и всѣ сопряженныя съ нимъ обязанности были отдѣлены отъ консульства и подчинены вѣдѣнію особыхъ должностныхъ лицъ; учрежденіе этой новой должности, какъ и вся исторія развитія римскаго государства, служитъ доказательствомъ, что въ Римѣ всегда заботились о примѣненіи государственнаго устройства къ измѣнившимся обстоятельствамъ времени. Точно такъ же естественно казалось и то, что эта важная обязанность была возлагаема только на лицъ, занимавшихъ передъ тѣмъ консульскую должность, и, слѣдовательно, оставалась сначала доступною только патриціямъ.

Цензоровъ, какъ и консуловъ, было два; вмѣстѣ съ послѣдними они избирались въ центуріальныхъ комиціяхъ черезъ каждыя пять лѣтъ, потому что въ каждый изъ такихъ промежутковъ времени непремѣнно производился цензъ. Въ началѣ они оставались въ этой должности въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ сряду, но это было противно недовѣрчивому духу народа, и уже черезъ девять лѣтъ по учрежденіи цензуры былъ изданъ законъ, по которому цензоры не могли занимать своей должности долѣе восемнадцати мѣсяцевъ. Впослѣдствіи сроки ихъ избранія перестали соблюдаться такъ строго, и часто, не ожидая истеченія пятилѣтія, народное собраніе назначало новыхъ цензоровъ. Немедленно по вступленіи въ должность, цензоры приступали къ исполненію главной своей обязанности и, собравъ народъ на Марсовомъ полѣ, производили перепись имуществу гражданъ и соединенный съ нею смотръ военнымъ силамъ республики. Всѣ граждане являлись вооруженные и по очереди объявляли цензорамъ свое имущество, послѣ чего ихъ снова вносили въ податной реестръ, смотря потому улучшилось или ухудшилось ихъ состояніе послѣ предшествовавшаго ценза. Каждый долженъ былъ объявить подъ присягою свое имя, возрастъ и мѣсто жительства, имя и возрастъ своей жены, число дѣтей, рабовъ, пространство своихъ имѣній и количество скота. За ложное показаніе лишали имущества и свободы. Не явившійся

на цензъ терялъ права гражданства. Изъ собранныхъ отмѣтокъ цензоры составляли податной реестръ и списокъ гражданъ по классамъ, центуріямъ и трибамъ. Кромѣ ценза, они завѣдывали управленіемъ и отдачею въ аренду государственныхъ имуществъ и наблюдали за устройствомъ большихъ дорогъ, водопроводовъ и вообще за всѣми общественными сооруженіями.

Право надзора за сохраненіемъ старинныхъ нравовъ и образа мыслей придавало цензорамъ тѣмъ болѣе силы и почета, чѣмъ менѣе должность ихъ, подобно консульской, походила на военную власть. Они справлялись объ образѣ жизни и репутаціи каждаго частнаго лица и имѣли право, для искорененія всѣхъ вредныхъ для семейной и государственной жизни проступковъ и привычекъ, подвергать позорнымъ наказаніямъ гражданъ всѣхъ классовъ. Они могли исключать изъ сената недостойныхъ членовъ, но только на пять лѣтъ, потому что новые цензоры имѣли право вновь допустить ихъ въ число сенаторовъ. Тѣми же правами пользовались сенаторы и относительно всадниковъ. Желая наказать гражданина, не принадлежавшаго къ числу всадниковъ или сенаторовъ, они переводили его изъ болѣе знатной трибы въ менѣе почетную. Такъ называемыя сельскія трибы, заключая въ себѣ зажиточную и образованную часть народа, пользовались большимъ почетомъ (стр. 562), тогда какъ четыре городскія состояли изъ неимущихъ и вольноотпущенныхъ. Гражданинъ послѣдняго класса наказывался совершеннымъ исключеніемъ изъ списка трибъ и центурій, что вело за собою потерю всѣхъ дѣйствительныхъ гражданскихъ правъ и произвольное обложеніе податью. Такіе граждане, называвшіеся эраріями или церитами, по истеченіи пяти лѣтъ опять могли получить свои прежнія права отъ новыхъ цензоровъ. Старинные нравы долгое время охранялись въ Римѣ съ такою же строгостью, какъ и въ Женевѣ въ продолженіе трехъ столѣтій, съ тою только разницею, что у римлянъ надзоръ былъ чисто гражданскій, а въ Женевѣ существовалъ и духовный судъ, наблюдавшій за сохраненіемъ въ прежнемъ видѣ религіи, нравственности и домашней жизни. Пока надзоръ цензоровъ согласовался съ внѣшнимъ состояніемъ государства, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своей первоначальной цѣли; но съ перемѣною обстоятельствъ народъ сталъ считать надзоръ за нравами одною изъ второстепенныхъ обязанностей цензорской должности. Сами цензоры, избиравшіеся въ прежнія времена по преимуществу изъ людей безукоризненныхъ и испытанныхъ, стали пользоваться своею властью для того, чтобы мстить своимъ врагамъ и притѣснять частныхъ лицъ.

Вскорѣ по учрежденіи цензуры, въ Римѣ произошло событіе, хотя и неимѣвшее важныхъ послѣдствій, но ясно доказывающее, что патриціи старались всевозможными средствами запугать возникавшее честолюбіе новой плебейской аристократіи. Въ 440 г. до р. Х., во время голода, богатый плебейскій всадникъ, Спурій Мелій, рѣшился помочь своимъ согражданамъ, терпѣвшимъ большой недостатокъ, и, приказавъ закупить въ Этруріи хлѣбъ, роздалъ его безплатно или по умѣренной цѣнѣ бѣднымъ. Это доставило ему многихъ приверженцевъ въ народѣ, но въ то же время возбудило зависть и подозрѣніе патриціевъ. Въ городѣ распространился возбужденный патриціями, или возникшій случайно, слухъ, что Мелій стремится къ царской власти, старается для этой цѣли пріобрѣсти расположеніе большинства толпы раздачею хлѣба и скрываетъ въ своемъ домѣ запасъ оружія. Сенатъ провозгласилъ престарѣлаго Цинцинната диктаторомъ, и когда Мелій, приведенный къ нему, былъ освобожденъ народомъ, начальникъ конницы (magister equitum), Сервилій Агала, бросился въ толпу и въ глазахъ ея умертвилъ обвиняемаго.

Всѣ подобныя мѣры могли принести только временную пользу. Однажды начатое уравненіе новой аристократіи со старою шло впередъ своимъ путемъ, и знатныя плебейскія фамиліи отнимали все болѣе и болѣе преимуществъ у патриціевъ. Слѣдующій шагъ къ полному уравненію правъ сословій состоялъ въ допущеніи плебеевъ въ квестурѣ, или къ тому званію, послѣ котораго можно было непосредственно достичь высшихъ государственныхъ должностей. Квесторы управляли государственною казною, вели счетъ доходамъ и расходамъ государства, продавали военную добычу, были представителями сената предъ чужеземными послами, продовольствовали ихъ на государственный счетъ и распоряжались покупкою для нихъ обыкновенныхъ подарковъ. Обязанности ихъ были

весьма обширны и требовали огромнаго механическаго труда, что заставило ихъ содержать множество писцовъ и счетчиковъ. Съ каждымъ увеличенiемъ государства, кругъ ихъ дѣятельности долженъ былъ становиться обширнѣе, а ходъ дѣлъ усложняться. Поэтому число квесторовъ, которыхъ сначала было всего два, возрасло постепенно до двадцати, а при Цезарѣ даже до сорока. Прежде квесторы назначались всегда консулами и считались ихъ подчиненными. Но уже черезъ два года по уничтоженiи децемвирата консульская власть была сильно ослаблена тѣмъ, что должность квесторовъ была изъята изъ-подъ вѣдѣнiя консуловъ и сравнена съ прочими должностями, ежегодно замѣщаемыми народомъ. Спустя двадцать или тридцать лѣтъ (421 до р. Х.), когда число квесторовъ было увеличено до четырехъ, плебеи настояли на допущенiи ихъ и въ эту должность.

2. Внѣшнiя событiя до войны съ Веiями.

Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствiй перемѣнъ, произведенныхъ въ государственномъ устройствѣ децемвиратомъ и законами Валерiя, было быстрое расширенiе римскаго государства и поразительное увеличенiе его внутреннихъ силъ. Возрастанiе могущества плебейской аристократiи и возникшее вслѣдствiе того соревнованiе между ею и патрицiями много содѣйствовали развитiю патрiотическаго духа римлянъ и успѣху ихъ внѣшнихъ предпрiятiй. Со времени этой государственной реформы, каждый патрицiй могъ только храбростью, твердостью, честностью и умомъ прiобрѣсти и удержать за собою положенiе въ обществѣ, которое прежде обусловливалось однимъ происхожденiемъ; всѣ эти добродѣтели развивались и войнами, которыхъ въ одинаковой степени жаждали и плебеи и патрицiи, потому что только военныя заслуги открывали путь къ высшимъ почестямъ. Патрицiи въ особенности любили войны, во время которыхъ они только и чувствовали себя безопасными отъ притязанiй трибуновъ и возбужденнаго ими народа, и надѣялись удержать за собою наслѣдственное обладанiе почетными должностями въ государствѣ. Поэтому сенатъ того времени и является намъ во всемъ величiи своей славы, окруженный почетомъ и уваженiемъ, а полководцы изощряютъ всѣ свои дарованiя, понимая, что только однѣ ихъ заслуги дадутъ имъ возможность удержать свое значенiе въ государствѣ. Съ своей стороны плебейская аристократiя старалась вдвойнѣ заслужить довѣрiе своихъ согражданъ, чтобы вытѣснить съ почетныхъ мѣстъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ уже была власть; вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была стремиться и къ прiобрѣтенiю богатствъ, чтобы и въ этомъ отношенiи не уступать патрицiямъ.

Такимъ образомъ завоевательное направленiе, съ этого времени постоянно обнаруживаемое римлянами и подъ конецъ приведшее ихъ ко всемiрному владычеству, находилось въ тѣсной связи съ раздорами и борьбою, среди которыхъ получило свое развитiе государственное устройство Рима. И то и другое сильно содѣйствовали возведенiю Рима на ту степень внутренней силы и внѣшняго могущества, которая сдѣлалась предметомъ удивленiя для потомства. Эта двойственная дѣятельность римскаго народа придала особую прелесть и оригинальный характеръ исторiи первыхъ вѣковъ его существованiя. Всякiй разъ, когда внѣшнiе враги угрожали государству, оба сословiя прекращали свои распри и старались превзойти другъ друга воинскою доблестью. Ихъ сила, питаемая постоянными внутренними распрями, была гибельна для непрiятеля; но съ окончанiемъ войны опять начинались внутреннiя волненiя и борьба партiй, заставлявшая всѣхъ гражданъ быть постоянно дѣятельными и бдительными даже среди мира и непозволявшая никому предаваться праздности.

Геройскiй духъ римлянъ, лучше всякихъ матерiальныхъ и оборонительныхъ средствъ, охранялъ и обезпечивалъ за ними всѣ ихъ завоеванiя. Но и въ матерiальныхъ средствахъ не было недостатка, какъ это видно въ особенности въ устройствѣ римскихъ колонiй, начало которыхъ восходитъ еще къ первымъ годамъ существованiя Рима. Греки, отдѣляя отъ себя свои колонiи при самомъ основанiи, должны были основывать ихъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ; на-

противъ того, римскіе граждане, образовывавшіе эти поселенія, никогда не переставали быть частью римскаго государства и римскими гражданами, и потому римляне чрезвычайно неохотно и рѣдко основывали колоніи внѣ Италіи. Такимъ образомъ съ увеличеніемъ римской территоріи умножалось и число римскихъ гражданъ, безъ чрезмѣрнаго возрастанія населенія самого города. Римскія колоніи имѣли сверхъ того и военное значеніе, обезпечивая за государствомъ обладаніе завоеванными странами. Жители ихъ, состоя какъ римскіе граждане въ тѣсной связи съ своею метрополіею, были въ одно и тоже время, подобно всѣмъ римлянамъ, и воинами и гражданами. Побуждаемые своими собственными интересами подавлять всякое возстаніе побѣжденныхъ, они не требовали никакихъ издержекъ со стороны государствъ, не получая ничего, кромѣ земель, раздававшихся имъ при основаніи колоніи.

Благоразуміе, руководившее римлянами при учрежденіи ихъ колоній, и удивительное умѣніе ихъ примѣняться къ обстоятельствамъ выказываются также въ устройствѣ и постепенномъ развитіи ихъ военныхъ учрежденій. Впрочемъ, чтобы не прерывать изложенія постепеннаго развитія римскаго государственнаго устройства, мы будемъ говорить объ этомъ нѣсколько ниже, а теперь скажемъ только нѣсколько словъ о войнахъ, веденныхъ римлянами въ періодъ времени отъ паденія децемвировъ до завоеванія Веій. Сабины были совершенно покорены послѣ двѣнадцатилѣтней войны консуломъ Маркомъ Гораціемъ, бывшимъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Луціемъ Валеріемъ, главнымъ виновникомъ изгнанія децемвировъ, а гористая страна ихъ обращена въ римскую провинцію. На какихъ условіяхъ они подчинились римскому владычеству, намъ неизвѣстно; мы знаемъ только, что прошло полтораста лѣтъ, прежде чѣмъ они опять взялись за оружіе противъ римлянъ и были снова побѣждены послѣдними. Въ самый годъ оканчанія войны съ сабинами, Луцій Валерій нанесъ пораженіе эквамъ. Послѣдніе еще нѣсколько лѣтъ продолжали войну, кончившуюся принятіемъ части ихъ въ союзъ, заключенный римлянами съ латинами; земли другихъ эквовъ были отданы римскимъ и латинскимъ поселенцамъ. Такую же участь испытали въ это время и вольски. Къ концу пятаго столѣтія до р. Х. римскія владѣнія простирались на востокъ до восточной границы Сабинума и Фуцинскаго озера, или Лаго ди Челано; сѣверная же граница римскихъ владѣній проходила все еще въ очень близкомъ разстояніи отъ города Рима. Съ этой стороны успѣхамъ римскаго оружія мѣшали этрускіе города Капена, Фалеріи и Веіи, и потому послѣ покоренія эквовъ и вольсковъ римляне прежде всего обратились противъ нихъ.

3. Послѣдняя война съ Веіями.

Война съ Веіями, которою начались военныя дѣйствія Рима, имѣетъ троякое значеніе. Счастливый исходъ ея сдѣлалъ для римлянъ доступными Этрурію и сѣверъ Италіи; разсказы о ней принадлежали къ важнѣйшимъ преданіямъ римлянъ позднѣйшей эпохи, возбуждая въ послѣднихъ энтузіазмъ къ своей національной исторіи, и получили для потомства значеніе достовѣрной исторіи, не смотря на то, что они сильне украшены вымыслами. Наконецъ въ войнѣ съ Веіями римскій сенатъ впервые выказалъ свое умѣнье соединять интересъ преобладающихъ классовъ, войну и завоеванія съ интересами мира, подчиненныхъ классовъ и заботами о доставленіи послѣднимъ средствъ къ жизни. На этомъ умѣньи основывалось отчасти позднѣйшее вліяніе Рима, и потому война съ Веіями, хотя и веденная противъ одного только города, имѣетъ особенно важное значеніе.

Сначала Римъ занималъ между этрусскими городами такое же почетное мѣсто, какъ и въ Лаціумѣ, но впослѣдствіи римляне утратили его вмѣстѣ съ воспоминаніями объ этрусскомъ происхожденіи ихъ города. Лежащіе вблизи отъ города Рима Веіи составляли оплотъ противъ дальнѣйшаго распространенія римскихъ владѣній; массивныя стѣны защищали ихъ отъ всякихъ нападеній, предпринимаемыхъ безъ военныхъ машинъ или продолжительной осады, возможной только постоянному и состоящему на жалованьѣ войску. Постоянныя возобновле-

нія войнъ между Веіями и Римомъ были неизбѣжны. Но Веіи были древнимъ государствомъ, приходившимъ въ упадокъ, Римъ, напротивъ того, представлялъ собою недавно основанное, юное, сильное государство, постоянно возраставшее, благодаря своей внутренней силѣ и своему воинственному направленію, находившееся въ такихъ же отношеніяхъ къ народамъ Италіи, какъ Спарта къ греческимъ государствамъ, съ тою только разницею, что Римъ не держался нѣкоторое время, подобно Спартѣ, въ оборонительномъ положеніи, а съ самаго начала выступилъ на поприще завоеваній. Къ несчастію для города Веій, къ тому времени, какъ Римъ постепенно превращался въ военно-аристократическое государство, изъ трехъ этрусскихъ конфедерацій, отъ которыхъ они, какъ отъ родственныхъ державъ, могли ожидать дѣятельной помощи, двѣ уже не существовали, а третья была не въ состояніи поддерживать ихъ противъ общаго врага. Ломбардскій союзъ этрусковъ былъ давно уже завоеванъ гальскими ордами, вскорѣ послѣ того подчинился самнитамъ и кампанскій, а въ то самое время, какъ римляне осадили Веіи, галлы уже вторглись или готовы были вторгнуться въ собственную Этрурію.

При началѣ послѣдней войны съ Веіями Римъ употребилъ вышеупомянутую мѣру; которая, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, должна была сдѣлать его войско самымъ страшнымъ во всей западной Европѣ. Тогда (405 г. до р. Х.) въ первый разъ назначено было жалованье всей пѣхотѣ, принимавшей участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, тогда какъ прежде, во времена царей, получала плату только гвардія, да и по изгнаніи царей войско или вовсе не получало денежнаго вознагражденія, или только частью и единовременно. Немногочисленная и состоявшая изъ достаточныхъ гражданъ конница стала получать жалованье уже гораздо позже. Эта важная мѣра придала римскимъ ополченіямъ еще большій перевѣсъ надъ войсками остальныхъ итальянскихъ государствъ, чѣмъ само воинственное направленіе, господствовавшее въ Римѣ. Каждый римлянинъ могъ теперь безъ всякаго ущерба для своихъ домашнихъ занятій отлучаться на войну чаще и на болѣе продолжительное время, войску была дана возможность оставаться въ походѣ и въ продолженіе зимы и держать въ осадѣ городъ нѣсколько лѣтъ сряду, а отъ этой возможности зависѣлъ и самый успѣхъ войны съ Веіями.

Послѣдняя война противъ Веій, продолжавшаяся десять лѣтъ (съ 405 до 396 г. до р. Х.), замѣчательна въ военномъ отношеніи въ особенности потому, что въ ней римляне въ первый разъ вели правильную осаду большаго города. Жители Веій, будучи не въ состояніи противиться римлянамъ въ открытомъ полѣ, заперлись въ своихъ исполинскихъ стѣнахъ и, какъ разсказываютъ, цѣлыхъ десять лѣтъ выдерживали осаду. Продолжительность осады, какъ и все разсказываемое объ отдѣльныхъ событіяхъ этой войны съ Веіями, составляетъ прикрасы дошедшаго до насъ преданія, въ которомъ никакъ нельзя отличить исторической истины отъ вымысла. Вообще въ римскихъ лѣтописяхъ эта осада описывается точно такъ же, какъ мессенскія войны въ историческихъ сочиненіяхъ грековъ, здѣсь какъ и тамъ мы не имѣемъ никакой возможности освободить преданіе отъ облекающаго его поэтическаго покрова. Римскія сказанія о завоеваніи и разрушеніи Веій живо напоминаютъ намъ эпическія описанія троянской войны, и кажется, что десятилѣтній срокъ осады и нѣкоторые другіе эпизоды ея легко объясняются тѣмъ, что глазамъ потомства Веіи представлялись римскою Троею, а разрушеніе ихъ было сравниваемо съ паденіемъ Трои.

Приступивъ къ правильной осадѣ въ третьемъ году войны, римляне устроили вокругъ города насыпь, оградивъ ее отъ разрушенія деревянною стѣною; съ этой насыпи они производили нападенія на городскія стѣны и на стоявшихъ на нихъ непріятелей. Съ наступленіемъ осени, видя безуспѣшность всѣхъ своихъ нападеній, римляне рѣшились въ первый разъ перезимовать въ походѣ. Вскорѣ однако удачная вылазка жителей Веій уничтожила всѣ осадныя работы римлянъ: осаждающіе были отбиты, деревянныя сооруженія ихъ насыпи сожжены, и сама насыпь сравнена съ землею. Успѣхъ жителей Веій ободрилъ сосѣднихъ капенатовъ и фалисковъ (жителей города Фалерій) и побудилъ ихъ взяться за оружіе и подать помощь своимъ соотечественникамъ. Это замедлило на нѣсколько лѣтъ возобновленіе осады, и война продолжалась для римлянъ съ перемѣннымъ счастіемъ, пока наконецъ въ началѣ послѣдняго года ея, капенаты и фалиски не нанесли имъ

ужаснаго пораженія, которое, повидимому, должно было имѣть самое дурное вліяніе на исходъ войны. Сенатъ принужденъ былъ употребить всевозможныя усилія для окончанія войны и поручилъ ея веденіе диктатору. Въ эту должность былъ избранъ патрицій Маркъ Фурій Камиллъ, передъ тѣмъ уже нѣсколько разъ командовавшій войсками.

Счастливое окончаніе войны Камилломъ было поэтически разукрашенно легендою. Въ преданіи исторія войны съ Веями является въ связи съ возведеніемъ одного гидравлическаго сооруженія, оконченнаго около того времени, и паденіе Веій, какъ и Трои, ставится въ зависимость отъ предсказанія. На Албанскомъ озерѣ, въ Лаціумѣ, былъ въ это время устроенъ отводный каналъ для орошенія близъ лежащихъ плодородныхъ низменностей и предохраненія окрестностей отъ наводненій. Преданіе слѣдующимъ образомъ связало это сооруженіе съ событіями описываемой войны. Незадолго до окончанія послѣдней, римляне были сильно встревожены внезапно и необыкновенно сильною прибылью воды въ Албанскомъ озерѣ, вышедшемъ изъ своихъ холмистыхъ береговъ. По этрусскимъ религіознымъ понятіямъ, всѣ необыкновенныя явленія природы считали они предзнаменованіями боговъ и потому обратились съ вопросомъ къ дельфійскому оракулу. Послѣдній подтвердилъ слова однаго плѣннаго этрускаго гадателя, объявившаго имъ, что по опредѣленію судьбы Веіи не могутъ быть никѣмъ завоеваны, пока Албанское озеро не перестанетъ заливать свои берега, но что, какъ скоро воды этого озера достигнуть моря, долженъ пасть и самъ Римъ. Вслѣдствіе того римляне немедленно приступили къ проведенію отводнаго канала, чтобы предотвратить разлитіе озера и распредѣлить отводимую каналомъ воду по всей низменности. Такимъ образомъ предсказаніе исполнилось въ пользу римлянъ.

Принявъ начальство надъ римскимъ войскомъ, Камиллъ разбилъ въ рѣшительной битвѣ капенатовъ и фалисковъ и послѣ этой побѣды снова приступилъ къ осадѣ Веій. Окруживъ городъ окопами, онъ приказалъ вырыть подземный ходъ въ цитадель Веій и подвести его подъ самый храмъ Юноны. По окончаніи этой подземной галереи, Камиллъ спустился въ нее съ небольшимъ числомъ воиновъ, приказавъ всѣмъ остальнымъ войскамъ двинуться на приступъ. Жители Веій, незная о существованіи подземнаго хода, бросились къ стѣнамъ для отраженія непріятеля; въ храмѣ Юноны остался только царь съ жрецами для принесенія жертвы богамъ и узнанія ихъ воли. Римляне, стоявшіе подъ поломъ, услышавъ рѣшеніе жрецовъ, что побѣда останется за тѣмъ народомъ, граждане котораго первые принесутъ въ жертву богинѣ только что заколотое животное, тотчасъ же вышли изъ засады и, умертвивъ присутствовавшихъ, принесли жертву богинѣ. Овладѣвъ цитаделью и городомъ, они отперли ворота своимъ соотечественникамъ. Грабя и убивая, проникли побѣдители въ городъ и захватили тамъ несмѣтную добычу. По возвращеніи въ Римъ Камиллъ праздновалъ свой тріумфъ съ невиданнымъ до тѣхъ поръ великолѣпіемъ; но, въѣхавъ въ городъ на колѣсницѣ, запряженной четырьмя бѣлыми конями, на что имѣли право только Юпитеръ и богъ солнца, онъ оскорбилъ обоихъ боговъ, и, подобно Агамемнону, долженъ былъ испытать большое несчастье для искупленія погибели Веій. Побѣжденные жители Веій вскорѣ по завоеваніи ихъ города были отведены въ Римъ. Вслѣдствіе покоренія Веій увеличилось народонаселеніе Рима, обогатившагося добычею, взятою въ древнемъ и богатомъ городѣ. Но для римлянъ всего важнѣе было увеличеніе римской территоріи присоединеніемъ одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей Италіи и уничтоженіе главнаго оплота Этруріи, препятствовавшаго имъ подчинить себѣ эту страну. Вслѣдъ за паденіемъ Веій подчинились римскому игу капенаты и фалиски.

Предъ завоеваніемъ Веій, Камиллъ обѣщалъ дельфійскому богу десятую часть добычи, но не сообщилъ о томъ войску. Когда, по возвращеніи войскъ, жрецы объявили, чтобъ каждый, подъ страхомъ божественнаго гнѣва, отдалъ десятую часть своей добычи, большинство воиновъ, уже не имѣя ея въ рукахъ, сильно разгнѣвалось на полководца, который своимъ молчаніемъ ввелъ ихъ въ столь тяжкій грѣхъ. Вскорѣ послѣ этого Камиллъ рѣшительно перешелъ на сторону аристократіи и сталъ энергически дѣйствовать противъ плебеевъ и ихъ трубуновъ. Трибуны воспользовались тѣмъ, что Камиллъ на доставшуюся ему долю добычи великолѣпно украсилъ свой домъ, что въ то время было еще большою рѣдкостью

въ Римѣ, и обвинили его передъ народомъ въ утайкѣ значительной части добычи, принадлежавшей государству. Камиллъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы признать своимъ судьею ненавистный ему народъ, и добровольно удалился въ изгнаніе. Проходя въ послѣдній разъ мимо воротъ своего роднаго города, онъ со злобою въ душѣ просилъ боговъ, чтобы они дали вскорѣ почувствовать неблагодарному городу его отсутствіе.

4. Первая война римлянъ съ галлами.

Подчиненію римлянамъ всей Италіи, первый шагъ къ которому составляетъ покореніе Веій, много способствовали галлы, вскорѣ послѣ того проникшіе до самаго Рима. Сначала это вторженіе варваровъ грозило большою опасностью римскому государству, подъ конецъ Римъ не только вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ ними, но увеличилъ свое могущество и сталъ считаться съ тѣхъ поръ спасителемъ и защитникомъ Италіи отъ варваровъ. Толпы галловъ, какъ уже сказано выше (стр. 549), вторглись въ Верхнюю Италію еще во времена римскихъ царей и, уничтоживъ ломбардскую конфедерацію этрусковъ, стали мало-по-малу подвигаться далѣе къ югу. Къ концу пятаго столѣтія до р. Х., вскорѣ по подчиненіи самнитами кампанско-этрусской конфедераціи, толпы галловъ перешли Аппенины, въ намѣреніи окончательно водвориться въ собственной Этруріи. Въ 391 г. до р. Х. они подъ предводительствомъ Бренна напали на городъ Клузіумъ, который обратился съ просьбою о помощи къ Риму.

Римляне отправили въ Клузіумъ трехъ пословъ, изъ знатной фамиліи Фабіевъ, для переговоровъ съ галлами. Послѣдніе, не соглашаясь ни на что, требовали отъ жителей Клузіума уступки части ихъ владѣній, объявили Фабіямъ, что право ихъ заключается въ силѣ ихъ оружія, и что міръ принадлежитъ храбрымъ. Война продолжалась. Римскіе послы поступили при этомъ весьма легкомысленно, принявъ участіе въ вылазкѣ жителей Клузіума, во время которой одинъ изъ нихъ даже убилъ одного галльскаго вождя. Бреннъ послалъ нѣсколькихъ изъ своихъ воиновъ въ Римъ требовать выдачи пословъ, такъ явно нарушившихъ международное право. Римскій сенатъ предоставилъ рѣшеніе дѣла народу, который не только отказалъ галламъ въ требуемомъ удовлетвореніи, но даже назначилъ Фабіевъ военными трибунами съ консульскою властью. По полученіи извѣстія объ этомъ, Бреннъ тотчасъ же двинулся противъ Рима. Къ несчастью для римлянъ, Камилла, единственнаго человѣка, который, какъ оказалось впослѣдствіи, могъ съ успѣхомъ бороться противъ галловъ, не было тогда въ Римѣ; онъ жилъ въ рутульскомъ городѣ, Ардеѣ, куда добровольно удалился изъ своего отечества. Трое Фабіевъ и ихъ товарищи по военному трибунату выступили противъ галловъ съ войскомъ изъ сорока пяти или, вѣроятнѣе, только изъ двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ, и дали имъ сраженіе при рѣкѣ Алліи (390 до р. Х.). Римляне потерпѣли такое пораженіе, что остатокъ ихъ войска, будучи отрѣзанъ отъ Рима, принужденъ былъ искать убѣжища въ покинутыхъ Веіяхъ. Съ этихъ поръ годовщина сраженія при Алліи считалась у римлянъ однимъ изъ несчастныхъ дней (dies nefasti).

Военные трибуны въ своей безразсудной горячности не позаботились ни о принятіи мѣръ для защиты города, ни о прикрытіи пути отступленія на случай пораженія. Римъ не былъ даже достаточно снабженъ съѣстными припасами, чтобы выдержать осаду, и тотчасъ послѣ сраженія сдѣлался бы добычею дикихъ галловъ, еслибъ послѣдніе не предались грабежу и пьянству. Такимъ образомъ прошелъ цѣлый день, прежде чѣмъ Бреннъ могъ воспользоваться своею побѣдою. Это спасло римлянъ. О защитѣ города, лишеннаго народонаселенія, способнаго къ войнѣ, нельзя было и думать, и большая часть жителей разбѣжалась по окрестнымъ городамъ. Однако же, пользуясь этимъ временемъ, римляне заняли Капитолій людьми способными носить оружіе и снабдили его припасами. Подойдя къ Риму, галлы, нашли ворота не занятыми и городъ совершенно опустѣлымъ; только восемьдесятъ почтенныхъ старцевъ, не желая, по словамъ преданія, пережить паденіе своего роднаго города, сидѣли на форумѣ. Они пали подъ уда-

рами варваровъ, а самый городъ былъ разграбленъ и почти весь выжженъ. Галлы нѣсколько разъ нападали на Капитолій, но тщетно, и потому часть ихъ осталась въ Римѣ, чтобы голодомъ принудить къ сдачѣ гарнизонъ Капитолія, а другіе бросились грабить Лаціумъ.

Между тѣмъ многіе изъ бѣжавшихъ римлянъ и этрусковъ собрались въ стѣнахъ покинутыхъ Вейи и избрали своимъ предводителемъ римлянина Цедиція. Другая толпа бѣглецовъ искала спасенія въ Ардеѣ, и отсюда вмѣстѣ съ гражданами этого города подъ предводительствомъ Камилла стала производить нападенія на бродившія по окрестностямъ хищныя орды галловъ. Цидецій и Камиллъ постоянно одерживали верхъ въ стычкахъ съ ихъ отдѣльными толпами и это все болѣе и болѣе увеличивало довѣріе римлянъ къ своему мужеству и военному счастью. Между тѣмъ галлы, осаждавшіе Капитолій, вошли въ переворы съ осажденными, соглашаясь за извѣстную сумму денегъ отступить отъ города. Римскіе же отряды, сражавшіеся съ бродячими толпами ихъ соотечественниковъ, ввѣрили свою судьбу Камиллу, упросивъ его принять на себя начальство съ званіемъ диктатора и вести ихъ противъ галловъ, находившихся въ Римѣ.

До сихъ поръ всѣ разсказы о галльской войнѣ довольно правдоподобны; но съ этой минуты они начинаютъ походить скорѣе на эпическую поэму, прославляющую героевъ древности, чѣмъ на истинную и правдоподобную исторію, и добраться въ нихъ до истины нѣтъ возможности. По словамъ преданія, Камиллъ не хотѣлъ принять диктаторскаго достоинства безъ дозволенія сената. По этому было рѣшено испросить согласіе находившихся въ Капитоліи сенаторовъ. Смѣлый юноша, Понцій Коминій, взялся исполнить это опасное порученіе, тайно проникнуть въ окруженный врагами Капитолій и принести оттуда разрѣшеніе сената.

Переплывъ Тибръ, онъ взобрался на гору, называемую Тарпейскою скалою и, получивъ желанное назначеніе сената, счастливо возвратился къ Камиллу. На слѣдующее утро галлы замѣтили его слѣды и рѣшились проникнуть въ Капитолій тѣмъ же путемъ. Дождавшись ночи, въ глубокой тишинѣ, стали взбираться на гору; и одинъ изъ нихъ уже коснулся вершины скалы, какъ вдругъ посвященные Юнонѣ гуси капитолійскаго храма, испуганные шорохомъ, начали кричать. Крикъ ихъ разбудилъ консулара Марка Манлія, носившаго прозваніе Капитолина, потому что онъ имѣлъ домъ въ Капитоліи. Поспѣшивъ на крикъ, онъ столкнулъ взбиравшихся на верхъ галловъ и такимъ образомъ, благодаря его бдительности и храбрости, римляне были спасены отъ внезапнаго нападенія въ то самое мгновеніе, когда враги уже вступали въ цитадель.

Если дѣйствительно благоволеніе судьбы и геройство одного римлянина такъ чудесно содѣйствовали спасенію города, предназначеннаго для всемірнаго владычества, то и послѣднее дѣйствіе этой драмы не такъ невѣроятно, какъ иногда утверждали. Галлы, будучи тѣснимы голодомъ, заразою и римскими войсками, находившимися внѣ города, и, кромѣ того, получивъ извѣстіе о вторженіи венетовъ въ ихъ землю, рѣшились удалиться изъ Рима. Но и римляне, находившіеся въ Капитоліи, много терпѣли отъ недостатка припасовъ. Камиллъ не могъ съ достаточною быстротою собрать разсѣянныхъ по Лаціуму римлянъ и вести ихъ къ Риму. Поэтому между осаждавшими и осажденными начались переговоры о количествѣ денегъ, которыми должно было купить отступленіе первыхъ. Наконецъ римляне рѣшились заплатить галламъ тысячу фунтовъ золота, которые и были переданы Бренну на форумѣ однимъ изъ тогдашнихъ военныхъ трибуновъ, Сульпиціемъ; но галлы, вѣшая золото, употребляли невѣрные вѣсы, и когда Сульпицій сталъ протестовать противъ этого, Бреннъ бросилъ свой тяжелый мечъ вмѣстѣ съ перевязью на чашку вѣковъ, сказавъ: «горе побѣжденнымъ!» Въ это самое мгновеніе, по словамъ преданія, явился Камиллъ, подошедшій съ своимъ войскомъ къ городскимъ воротамъ. Какъ диктаторъ, онъ объявилъ договоръ, заключенный безъ его согласія, недѣйствительнымъ и велѣлъ отвѣчать галльскому царю, что римляне покупаютъ свою свободу не золотомъ, а мечемъ. На улицахъ Рима завязался бой, и галлы были вытѣснены за городъ; настигнутые на слѣдующій день во время бѣгства римлянами, они были большею частью перебиты.

По удаленіи галловъ между римлянами возникъ споръ о застройкѣ вновь выжженнаго города. Большая часть жителей не хотѣла возстановленія Рима, предпочитая переселиться въ покинутые Веіи; но Камиллъ и большинство патриціевъ не допустили, чтобы новая держава унизилась именемъ, потерявшимъ блескъ. Для достиженія этой патріотической цѣли они искусно воспользовались суевѣріемъ народа. Случайно услышанное при собраніи голосовъ въ сенатѣ слово было принято за изъявленіе божественной воли, и народъ покорился опредѣленію судьбы. Черезъ годъ городъ былъ вновь отстроенъ безъ всякаго вниманія къ красотѣ и порядку; о поспѣшности, съ которой производились постройки, можно было судить по множеству узкихъ и кривыхъ улицъ, продолжавшихъ существовать до великаго пожара, истребившаго въ царствованіе Нерона большую часть Рима.

5. Отъ возстановленія города Рима до начала политической дѣятельности Лициніи Столона.

Римъ еще не успѣлъ возникнуть изъ своихъ развалинъ, какъ былъ принужденъ вести войны съ нѣкоторыми отпавшими отъ него сосѣдними государствами. Латины, вольски и герники сдѣлали попытку воспользоваться тогдашнею слабостью римскаго государства и разорвать соединявшую ихъ съ нимъ связь. Вскорѣ они были снова покорены Камилломъ и нѣкоторыми другими полководцами, а война съ внѣшними непріятелями возвысила довѣріе къ собственнымъ силамъ и духъ народа, и вскорѣ Римъ, какъ бы перерожденный, снова воспрянулъ съ юными силами.

Возникшія послѣ изгнанія галловъ внутреннія распри по поводу преобразованія государственнаго устройства не препятствовали развитію римскаго могущества. Причиною тогдашнихъ раздоровъ было не злоупотребленіе властью, какъ при паденіи децемвировъ, и не стремленіе знатныхъ плебеевъ къ равенству съ патриціями, какъ это часто бывало прежде, а всеобщая нужда, бывшая слѣдствіемъ галльской войны. Неизбѣжное возвышеніе налоговъ, возстановленіе разрушенныхъ жилищъ, поправка опустошенныхъ полей и необходимость пріобрѣтать вновь рабочія орудія и скотъ, вовлекли большую часть народа въ долги; корыстолюбивые богачи изъ патриціевъ и плебеевъ пользовались этими денежными затрудненіями, и должники были принуждены испытывать на себѣ всю строгость и жестокость римскихъ законовъ. Спаситель Капитолія Манлій Капитолинъ принялъ живое участіе въ несчастныхъ, освободилъ многихъ заключенныхъ за долги, ссудивъ имъ деньги безъ процентовъ, и, какъ говорятъ, истратилъ на это все свое состояніе. Онъ пошелъ еще далѣе и предложилъ, чтобы для погашенія долговъ была продана часть государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ Манлій сталъ идоломъ народа и ужасомъ всѣхъ богатыхъ и знатныхъ. Они стали приписывать ему измѣнническіе замыслы и успокоились не раньше, какъ заключивъ его въ темницу; но грозное настроеніе умовъ въ народѣ заставило сенатъ вскорѣ освободить его.

Это сдѣлало Манлія еще опаснѣе для плебейской и патриціанской аристократіи; съ этихъ поръ онъ, говорятъ, дѣйствительно сталъ питать революціонные замыслы, въ которыхъ его обвиняли прежде, и началъ стремиться къ царской власти. Патриціи и богатые плебеи обвиняли его въ государственной измѣнѣ, и народные трибуны формально повторили это обвиненіе въ центуріальныхъ комиціяхъ. Манлій могъ бы, подобно Камиллу, избѣжать предстоявшаго ему справедливаго наказанія, удалившись добровольно въ изгнаніе; но онъ пренебрегъ кознями своихъ враговъ и остался въ Римѣ. Попросивъ четырехсотъ гражданъ, освобожденныхъ имъ отъ тюремнаго заключенія, свидѣтельствовать въ его пользу передъ центуріями, онъ указалъ на спасенный имъ Капитолій, на раны, покрывавшія его грудь, на почетные подарки, пріобрѣтенные имъ на войнѣ, на оружіе, захваченное у побѣжденныхъ непріятелей, и дѣйствительно достигъ того, что народъ отказался обвинить его. Онъ или формально былъ оправданъ, или трибуны подъ какимъ-нибудь предлогомъ отложили рѣшеніе дѣла и распустили цен-

туріи. Но это не спасло его. Черезъ нѣсколько дней было созвано другое собраніе центурій при менѣе благопріятныхъ для Манлія обстоятельствахъ или, что гораздо вѣроятнѣе, враги обвинили его передъ комиціями курій. Манлій былъ приговоренъ къ смерти и, согласно предписанному въ законѣ наказанію за намѣреніе насильственно разрушить существующее государственное устройство, былъ низвергнутъ съ Тарпейской скалы, а жилище его сравнено съ землею (383 до р. Х.).

Нельзя сказать положительно, были ли справедливы взведенныя на Манлія обвиненія или нѣтъ. По другимъ разсказамъ, онъ даже собиралъ въ своемъ домѣ злоумышленниковъ, овладѣлъ съ помощью своихъ приверженцевъ Капитоліемъ и такимъ образомъ сдѣлался виновнымъ въ открытомъ возстаніи противъ республики. Одинъ позднѣйшій историкъ повѣствуетъ также, что Манлій не былъ осужденъ на смерть, а по внушенію враговъ его, былъ низвергнутъ со скалы однимъ предателемъ.

6. Законы Лицинія и ихъ ближайшія послѣдствія.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Манлія опять возгорѣлась старинная борьба между патриціями и плебеями и была рѣшена окончательно въ пользу послѣднихъ. Толпа, всегда чуждая пониманію истиннаго величія души, въ разсказѣ объ этой борьбѣ приписала главному двигателю ея побужденія, свойственныя только слабымъ и низкимъ натурамъ.

Кай Лициній Столонъ, знатный плебей, былъ женатъ на Фабіи, младшей дочери патриція Марка Фабія Амбуста, а старшая сестра ея была за патриціемъ Сервіемъ Сульпиціемъ. Разсказываютъ, что однажды, посѣтивъ свою сестру, мужъ которой былъ въ то время военнымъ трибуномъ съ консульскою властью, Фабія была уязвлена блескомъ и почетомъ окружавшимъ ея сестру, какъ жену одного изъ высшихъ сановниковъ республики. Она стала подстрекать своего мужа стремиться къ достиженію такого же блеска и успокоилась, только получивъ отъ него обѣщаніе затмить ея сестру еще высшимъ блескомъ и почетомъ консульскаго достоинства.

Оставивъ въ сторонѣ этотъ разсказъ, мы можемъ ограничиться тѣмъ фактомъ, что Лициній Столонъ былъ знатный плебей, женатый на дочери патриція, обладавшій всѣми качествами, необходимыми для консула и пользовавшійся такимъ уваженіемъ народа, что могъ надѣяться быть избраннымъ въ консулы, какъ только достоинство это сдѣлается доступнымъ для плебеевъ. Такой человѣкъ долженъ былъ вдвойнѣ чувствовать несправедливость недопущенія плебеевъ къ занятію первой должности въ государствѣ. Соединившись съ другимъ плебеемъ, Луціемъ Секстіемъ Латераномъ, онъ рѣшился добиться уничтоженія этого запрещенія и нѣкоторыхъ другихъ привиллегій патриціевъ, доставилъ себѣ и своему другу (376 до р. Х.) званіе народныхъ трибуновъ и обезсмертилъ свое имя, начавъ долголѣтнюю и непрерывную политическую борьбу съ патриціями, надъ которыми наконецъ одержалъ полную побѣду. Оба они десять лѣтъ сряду были избираемы въ трибуны и съ неутомимымъ рвеніемъ стремились къ достиженію предположенной цѣли, не смотря на самое упорное сопротивленіе патриціевъ, а въ началѣ даже и восьмерыхъ изъ своихъ товарищей. Въ этой борьбѣ обѣ стороны истощили всѣ законныя средства, допускавшіяся государственнымъ устройствомъ Рима при спорахъ между сенатомъ и народомъ. Лициній и его товарищи въ продолженіе четырехъ лѣтъ мѣшали избранію консуловъ и военныхъ трибуновъ, но все-таки не могли достигнуть цѣли, вслѣдствіе сопротивленія своихъ товарищей. Когда наконецъ между трибунами установилось единодушіе, сенатъ думалъ отсрочить необходимую уступку, провозгласивъ диктаторомъ Камилла и объявивъ войну; но настойчивость и рѣшимость народныхъ трибуновъ помѣшали этой войнѣ и принудили диктатора отказаться вскорѣ отъ своей должности. Послѣ того былъ избранъ въ диктаторы Публій Манлій, а вслѣдъ за нимъ снова Камиллъ; но ничто не могло поколебать мужества трибуновъ, сенатъ долженъ былъ уступить, и предложенія Лицинія получили силу законовъ (366 г. до р. Х.).

Законовъ Лицинія было три; первымъ изъ нихъ всѣмъ должникамъ были дарованы трехлѣтній срокъ и тройная отсрочка для уплаты долговъ, и сверхъ того было постановлено, что вся сумма уже уплаченныхъ процентовъ должна быть вычтена изъ капитала. Въ ту эпоху обыкновенные проценты составляли двѣнадцать на сто, а звонкая монета отдавалась всегда на весьма короткіе сроки; поэтому постановленія перваго закона Лицинія были чрезвычайно выгодны для простаго народа. По второму закону Лицинія всѣ граждане получили право на пользованіе государственными имуществами, но съ тѣмъ только, чтобы каждый изъ нихъ получалъ не болѣе 500 югеровъ. Это постановленіе дало возможность многимъ изъ средняго сословія взять въ пользованіе землю, съ которой они должны были платить извѣстную подать, но обработка которой все-таки доставляла имъ средства улучшить благосостояніе своихъ семействъ. Наконецъ третьимъ закономъ Лицинія запрещалось избирать впредь военныхъ трибуновъ вмѣсто консуловъ, и открывался плебеямъ доступъ къ консульской должности. Впрочемъ разрѣшеніе это имѣло значеніе только для богатыхъ, знатнѣйшихъ и способнѣйшихъ изъ плебеевъ. Въ слѣдующемъ же году избранъ былъ консуломъ плебей, Луцій Секстій Латеранъ.

Стараясь спасти все, что можно, изъ своихъ привиллегій, патриціи настояли на томъ, что высшая судебная и полицейская власти была отдѣлена отъ консульства, и учреждены для того новыя должности, доступныя только имъ однимъ. Такъ возникли (366 до р. Х.) званія претора и патриціанскихъ или курульскихъ эдиловъ; эти двѣ должности уступали важностью только консульству, а въ позднѣйшее время отъ всякаго, желавшаго сдѣлаться консуломъ, требовалось, чтобы онъ занималъ предварительно ихъ. Установленіе преторства было собственно учрежденіемъ званія третьяго консула. Поэтому въ первое время претору въ знакъ его достоинства были даны шесть ликторовъ, такъ какъ у обоихъ консуловъ вмѣстѣ ихъ было двѣнадцать. Преторъ былъ товарищемъ консуловъ по занятіямъ, избирался, наравнѣ съ ними, въ центуріальныхъ комиціяхъ, съ соблюденіемъ тѣхъ же религіозныхъ церемоній, и въ отсутствіе консуловъ заступалъ ихъ мѣсто.

Хотя веденіе гражданскаго судопроизводства составляло обязанность претора, но и впослѣдствіи оно считалось входящимъ въ кругъ дѣятельности консуловъ, такъ что они нерѣдко измѣняли рѣшенія претора, вслѣдствіе апелляцій тяжущихся. Учрежденіе преторства было вызвано не сознаніемъ его необходимости, а только борьбою патриціевъ съ плебеями; но если бы даже оно и было результатомъ одного желанія увеличить число должностей, согласно требованіямъ времени, то все-таки нельзя не согласиться, что должность эта была учреждена какъ нельзя болѣе кстати. Отдѣленіе судопроизводства отъ администраціи было вполнѣ современно и необходимо, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія и быстраго развитія гражданскихъ отношеній. Сообразно съ обстоятельствами римляне измѣняли и основные законы гражданскаго судопроизводства. При вступленіи въ должность преторъ излагалъ свои возрѣнія и основанія, которыми онъ намѣревался руководствоваться въ судопроизводствѣ; эти ежегодные эдикты преторовъ содѣйствовали мало-по-малу установленію извѣстной юридической нормы. Такимъ образомъ положительные законы, безъ всякихъ рѣзкихъ измѣненій, были болѣе или менѣе систематическимъ образомъ приспособляемы къ успѣхамъ и потребностямъ времени. Конечно, это открывало обширное поле для произвола; но предоставленная преторамъ власть приводить въ порядокъ законы устраняла медленность и рутину, легко развивающіяся при установившихся однажды навсегда юридическихъ формальностяхъ и способствовала быстротѣ дѣлопроизводства, которою отличалась вся государственная жизнь римлянъ. Число преторовъ постепенно возрастало: вмѣсто одного съ 242 г. до р. Х. стали избираться два, съ 227 г. до р. Х. четыре, впослѣдствіи шесть и наконецъ десять преторовъ.

Тоже сознаніе потребностей времени и тотъ же тактъ въ удовлетвореніи имъ выказывается и въ учрежденіи должности курульскихъ эдиловъ. Возрастаніе народонаселенія давало чувствовать необходимость энергической полиціи, и потому была учреждена высшая полицейская должность курульскихъ эдиловъ. При этомъ римляне дѣйствовали такъ же благоразумно и своевременно, какъ и англійскій парламентъ, когда нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, не

смотря на чрезвычайное недовѣріе націи къ полицейскому вліянію правительства, онъ все-таки успѣлъ поставить государственнаго секретаря внутреннихъ дѣлъ во главѣ столичной полиціи, чтобы ввести въ нее единство. Впрочемъ главнымъ побужденіемъ къ учрежденію должности курульскихъ эдиловъ, какъ и къ учрежденію преторства, не было сознаніе необходимости этой должности, а другое обстоятельство. Плебейскіе эдилы отказались однажды распоряжаться нѣкоторыми публичными играми, разрѣшенными сенатомъ, поэтому въ должность эдиловъ было избраны нѣсколько патриціевъ, и должность ихъ впослѣдствіи была сохранена. Съ тѣхъ поръ на эдиловъ была возложена обязанность распоряжаться играми, учреждаемыми правительствомъ. Въ позднѣйшее время стало обычаемъ, чтобы сами эдилы давали ихъ на свой счетъ; это былъ лучшій способъ пріобрѣсти любовь народа и тѣмъ проложить себѣ путь къ преторству или консульству. Многіе изъ нихъ совершенно разорялись, вслѣдствіе огромныхъ издержекъ, сопряженныхъ съ этою должностью, что было такимъ же злоупотребленіемъ, какъ происходящіе въ Англіи изъ того же источника чрезмѣрные расходы при парламентскихъ выборахъ. Курульскіе эдилы кромѣ завѣдыванія играми имѣли и другія обязанности. Въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ каждаго лустра (пятилѣтія), когда не было цензоровъ, подъ наблюденіемъ эдиловъ находились всѣ общественныя зданія, водопроводы и улицы, они представляли объ нихъ отчетъ цензорамъ, и на основаніи сдѣланныхъ послѣдними распоряженій завѣдывали сооруженіями большихъ дорогъ, водопроводовъ, портиковъ, храмовъ и т. д. Кромѣ того они наблюдали за торговлею, общественными увеселительными мѣстами, трактирами, за чистотою и порядкомъ на улицахъ и площадяхъ. Въ какихъ отношеніяхъ находились они къ плебейскимъ эдиламъ, мы рѣшительно не можемъ опредѣлить; но извѣстно, что въ Римѣ было всегда по два плебейскихъ и по два курульскихъ эдила.

Кромѣ двухъ вновь учрежденныхъ должностей, патриціи удержали за собою цензорство и должности жрецовъ, но и это продолжалось не долго; за первою побѣдою плебеевъ послѣдовали вскорѣ и другія. Тотчасъ же по учрежденіи курульскихъ эдиловъ плебеи получили доступъ къ этой должности, черезъ двадцать восемь лѣтъ по достиженіи ими консульства (338 г. до р. X.), патриціи должны были допустить ихъ къ цензорству, а два года спустя къ преторству; наконецъ, не далѣе какъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того плебеи достигли и званія верховнаго жреца (302 г. до р. X.).

Къ этому времени относится преданіе о самопожертвованіи Марка Курція, не имѣющее собственно никакого значенія въ римской исторіи и приводимое нами здѣсь только потому, что событіе это часто упоминается. Вслѣдствіе землетрясенія на форумѣ образовалась пропасть; жрецы объявили, что она закроется только тогда, когда римляне бросятъ въ нее самую драгоцѣнную для нихъ вещь, и что это пожертвованіе обезпечитъ навѣки существованіе государства. Молодой патрицій Маркъ Курцій вызвался для спасенія своего отечества броситься въ пропасть, такъ какъ для Рима драгоцѣннѣе всего были мужество и патріотизмъ его гражданъ. Исполнивъ торжественные обряды, онъ въ полномъ вооруженіи выѣхалъ на конѣ на форумъ и въ виду народа бросился въ пропасть, которая тотчасъ закрылась.

VI. ИСТОРІЯ РИМА

ОТЪ УРАВНЕНІЯ ПРАВЪ ПАТРИЦІЕВЪ И ПЛЕБЕЕВЪ ДО НАЧАЛА ПУНИЧЕСКИХЪ ВОЙНЪ.

---

1. Характеръ римской жизни въ эту эпоху вообще.

Когда вмѣстѣ съ уравненіемъ правъ обоихъ сословій исчезли послѣдніе остатки кастоваго быта, а знатные и способные плебеи получили участіе въ управленіи государствомъ, въ Римѣ мѣсто прежняго сословія патриціевъ, еще долго сохранившаго свою сословную гордость, заняло новое дворянство. Эта новая аристократія, въ отличіе отъ прежней патриціанской называемая сенаторскою, состояла изъ постепенно вымиравшихъ старинныхъ фамилій и изъ семействъ людей, возвысившихся собственными заслугами; такимъ образомъ она не была, какъ аристократія, вѣчно неизмѣнно замкнутою кастою, а составляла постоянно обновляющійся кружокъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ государствѣ и ихъ потомковъ и пользовалась поэтому любовью и уваженіемъ народа. Этой-то аристократія Римъ былъ обязанъ своимъ величіемъ и могуществомъ: большая часть именъ, блистающихъ въ лѣтописяхъ римской исторіи, принадлежитъ плебеямъ, прославившимся на войнѣ; новая аристократія такъ же энергически, какъ и прежняя, старалась удерживать стремленія честолюбцевъ, и только великія заслуги могли открыть послѣднимъ доступъ въ ея ряды.

Въ Римѣ кастовый бытъ былъ вытѣсненъ не промышленнымъ классомъ гражданъ, а новою аристократіею, заступившею мѣсто прежней. Это обстоятельство, въ соединеніи съ господствовавшимъ съ самаго начала воинственнымъ направленіемъ римлянъ, должно было придать особенный характеръ всей римской жизни. Въ Римѣ нельзя было пріобрѣсти никакого значенія торговлею или промышленностью, а еще менѣе умственною дѣятельностью; всѣ стремленія государственной жизни обращались преимущественно къ земледѣлію, къ развитію и систематизаціи гражданскаго права и къ войнамъ. Поэтому мы не должны удивляться, что на ряду съ внутренними распрями лѣтописи римской исторіи повѣствуютъ о непрерывныхъ внѣшнихъ войнахъ, и что время, слѣдовавшее за уравненіемъ политическихъ правъ обоихъ сословій, подобно первой половинѣ христіанскихъ среднихъ вѣковъ, было по преимуществу эпохою рыцарства. Этотъ періодъ рыцарства начинается съ учрежденія республики, достигаетъ высшей точки своего развитія полтораста лѣтъ спустя и, составляя настоящую героическую эпоху римской исторіи, продолжается до второй пунической войны, т. е. до начала втораго столѣтія до р. Х. Періодъ этотъ былъ временемъ самаго полнаго и чистаго развитія истинно національнаго характера римлянъ, и потому прежде чѣмъ коснуться самаго хода событія этихъ среднихъ вѣковъ Рима, необходимо бросить взглядъ на состояніе и жизнь тогдашняго общества и механизмъ римскаго военнаго устройства.

По изгнаніи царей, Римъ сдѣлался наслѣдственно-аристократическимъ государствомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Добродѣтели замѣчательнѣйшихъ людей того времени были только отдѣльными рѣзкими проявленіями общаго

характеристическаго духа эпохи. Небольшое число патриціевъ—землевладѣльцевъ, которыхъ можно сравнить съ дворянствомъ южной Шотландіи шестнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ, составляло ядро государства и полагало всю свою славу не въ богатствѣ и роскоши, а въ многочисленности и привязанности своихъ кліентовъ. Цари стремились къ этрусской пышности, аристократія патриціевъ противопоставляла этому стремленію простоту внѣшней жизни и умѣла весьма искусно поддерживать ненависть къ царской власти рѣзкимъ контрастомъ нравовъ монархической и республиканской эпохъ. То же самое явленіе повторилось въ новѣйшее время при Кальвинѣ и Безѣ между французскими реформатами и сдѣлалось политическимъ догматомъ въ женевской и голландской республикахъ, когда и самое устройство церкви изъ монархическаго сдѣлалось республиканскимъ.

Спартанская простота и строгость жизни сохранились и тогда, когда старинная наслѣдственная аристократія должна была мало-по-малу уступить мѣсто новымъ фамиліямъ, потому что римское государство имѣло чисто военный характеръ; основаніями всего національнаго быта были: война, земледѣліе и простота всѣхъ отношеній жизни, только любовь къ отечеству, мужество и военные подвиги считались заслугами и могли доставить общее уваженіе. Относительно обычаевъ римское общество продолжало идти по однажды проложенному пути. Чѣмъ болѣе Римъ преобразовывался въ совершенно новое государство и принималъ чисто воинственный характеръ, тѣмъ рѣшительнѣе становилось преобладаніе самнитскихъ нравовъ надъ этрусскими и латинскими, господствовавшими въ эпоху царей. При послѣднихъ царяхъ, судя по величественнымъ сооруженіямъ Тарквиніевъ, въ Римѣ начали уже распространяться искусства и нѣкоторая роскошь; въ первыя же времена республики жизнь сдѣлалась гораздо проще и грубѣе. Это особенно замѣтно въ періодъ времени между вторженіемъ галловъ и началомъ пуническихъ войнъ. Римскій народъ, обѣднѣвъ и усилившись въ одно и то же время, вслѣдствіе разрушенія города и постоянныхъ войнъ, возвратился къ древней простотѣ жизни, и весь бытъ его принялъ грубый и воинственный характеръ.

Не имѣя тогда ни рудниковъ, ни торговли, ни промышлености, римляне были очень бѣдны. Впрочемъ мы привыкли представлять ихъ бѣдность въ слишкомъ идиллическомъ свѣтѣ и вѣрить буквально разсказамъ о Цинциннатѣ, Куріѣ Дентатѣ, Фабриціѣ и Регулѣ. Это не согласуется уже съ самымъ раздѣленіемъ народа на классы при Сервіи Тулліи и опровергается нѣкоторыми дошедшими до насъ подробностями о частной жизни римлянъ въ древнѣйшую эпоху. Въ Римѣ тогда уже начинали развиваться промышленость, торговля и извѣстная степень роскоши. Постройки Тарквинія и проведенныя впослѣдствіи дороги заставляютъ предполагать существованіе въ Римѣ значительнаго числа искусныхъ ремесленниковъ. Намъ извѣстно еще, что въ первые годы республики римлянки носили пурпуровыя платья съ золотою обшивкою, а законами двѣнадцати таблицъ было даже запрещено господствовавшее въ то время обыкновеніе сожигать вмѣстѣ съ мертвыми принадлежащія имъ золотыя украшенія. Еще за сорокъ лѣтъ до сожженія Рима галлами, вошло въ обычай раздавать золотые вѣнки въ видѣ почетной награды за храбрость, слѣдовательно, римляне стали награждать побѣдителей золотомъ гораздо прежде, чѣмъ греки, хотя послѣдніе обладали золотыми рудниками, и вслѣдствіе своего близкаго сосѣдства съ Востокомъ и ранняго развитія торговли были гораздо богаче золотомъ. Римъ сталъ вести торговлю весьма рано, но она не могла быть очень значительна, воинственное направленіе всей государственной жизни отвлекало отъ занятія ею всѣхъ богатыхъ и знатныхъ, а дѣятельность прочихъ классовъ населенія была поглощаема преимущественно земледѣліемъ. Торговое сословіе Рима состояло почти исключительно изъ иностранцевъ,—латиновъ и этрусковъ, поселившихся въ римскихъ владѣніяхъ. Впрочемъ уже съ самаго начала своей исторіи римляне придавали значеніе торговлѣ и уже въ первый годъ республики былъ заключенъ торговый трактатъ съ Карѳагеномъ, который былъ возобновляемъ два или три раза въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій. Постоянные доходы сосударства состояли изъ налоговъ на движимое и недвижимое имущество гражданъ, таможенныхъ пошлинъ, податей съ государственныхъ имуществъ, отданныхъ въ безсрочное пользованіе частнымъ лицамъ, и арендной платы съ помѣстій, оставшихся въ непосредственномъ владѣніи государства и отдаваемыхъ въ аренду на срокъ. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ ис-

точниковъ дохода, существовалъ еще одинъ чрезвычайный—военная добыча. Государственные расходы съ самаго начала были въ Римѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Греціи. Въ греческихъ государствахъ почти не было никакихъ издержекъ на администрацію, только въ однихъ Аѳинахъ граждане получали вознагражденіе за засѣданіе въ народномъ собраніи и судахъ, и пританы обѣдали на государственный счетъ. Въ Римѣ же высшія должностныя лица, хотя и не получали жалованья, но были снабжаемы на счетъ государства всѣмъ необходимымъ и могли, не опасаясь отвѣтственности, обогащаться на счетъ другихъ. Кромѣ того, ведя непрерывныя войны и постоянно распространяя свое владычество, не представлявшее въ началѣ никакихъ особенныхъ выгодъ, Римъ долженъ былъ издерживать громадныя суммы. Поэтому нужно было содержать и множество второстепенныхъ чиновниковъ (такъ называемыхъ apparitores), которые всѣ получали отъ государства жалованье, назначались волею высшихъ сановниковъ и, мѣняясь вмѣстѣ съ ними, почти ежегодно должны были стараться обогатиться, прежде чѣмъ ихъ патронъ оставитъ свою должность, или даже дѣлиться съ нимъ доходомъ своихъ мѣстъ. Значительная часть военной добычи также попадала въ руки должностныхъ лицъ. Самое обвиненіе Камилла въ томъ, что онъ употребилъ на украшеніе своего дома часть добычи, взятой въ Веіяхъ, служитъ доказательствомъ, что и въ то время этотъ способъ обогащенія былъ довольно обыкновененъ и что безкорыстіе, которымъ славились нѣкоторые другіе герои Рима, уже и тогда составляло исключеніе.

Еще въ первую эпоху существованія города огромныя суммы тратились римлянами на возведеніе общеполезныхъ сооруженій, какъ, напримѣръ, водопроводовъ, клоаковъ и большихъ дорогъ. Эти важнѣйшіе памятники римскаго величія, заслуживающіе гораздо большаго удивленія, чѣмъ всѣ великолѣпныя зданія Египта и индійскіе подземные храмы, отличались столько же своею полезностью, сколько и громадностью издержекъ на ихъ сооруженіе. Въ этомъ отношеніи римляне превзошли даже грековъ. «Римляне», говоритъ одинъ греческій писатель, «съ удивительнымъ благоразуміемъ умножили искусствомъ выгоды естественнаго положенія ихъ города. Основывая городъ, грекъ полагаетъ, что сдѣлалъ все, что нужно, избравъ плодородную мѣстность и хорошую гавань, украсивъ свой городъ красивыми зданіями и снабдивъ его укрѣпленіями; римлянинъ же при постройкѣ своихъ городовъ заботится преимущественно о томъ, что грекъ оставляетъ всегда безъ вниманія: онъ моститъ улицы, сооружаетъ водопроводы и прорываетъ каналы для стока нечистотъ. Большія дороги римляне проводятъ также, не щадя трудовъ и издержекъ, срывая для этого цѣлые холмы и засыпая землею пропасти».

Дороги и водопроводы римлянъ въ особенности заслуживаютъ нашего вниманія, потому что именно въ описанную нами эпоху были воздвигнуты сооруженія, послужившія образцами всѣхъ подобныхъ построекъ во всѣ позднѣйшія эпохи Рима. Знаменитѣйшая римская дорога была проложена въ 312 году до р. Х. богатымъ патриціемъ, Аппіемъ Клавдіемъ, и по имени своего строителя называется Аппіевою дорогою (via Appia). Она вела изъ Рима въ кампанскій городъ Капую, но впослѣдствіи была продолжена съ одной стороны до Сицилійскаго пролива, а съ другой до города Брундузія (Бриндизи), откуда обыкновенно переправлялись моремъ въ Грецію. При Аппіи Клавдіи государственные доходы значительно возвысились вслѣдствіе завоеваній и могли доставить необходимыя средства для проложенія этой дороги и сооруженія гигантскаго водопровода. Издержки на эти сооруженія не могли слишкомъ обременить государственной казны, а напротивъ того, доставили гражданамъ случай обогатиться, и Аппій Клавдій, завѣдывавшій этими постройками, исполненіемъ ихъ заслужилъ признательность своихъ согражданъ, показавъ въ то же время жителямъ Италіи величіе Рима и стяжавъ себѣ безсмертную славу. Аппіева дорога была такъ хорошо построена, что до сихъ поръ не имѣетъ ничего себѣ подобнаго и представляетъ самый лучшій памятникъ величія Рима. По сохранившимся до нашего времени остаткамъ этой дороги можно видѣть, что она далеко оставляла за собою громадныя стѣны древнихъ этрусскихъ городовъ, не уступая имъ въ прочности и превосходя ихъ своимъ протяженіемъ. Полотно дороги было такъ широко, что на ней могли свободно разъѣхаться двѣ повозки. Фундаментъ ея со-

стоялъ изъ камней отъ четырехъ до пяти футовъ въ длину и ширину, связанныхъ другъ съ другомъ цементомъ. Всѣ камни были обтесаны въ одинаковую форму и сложены такъ искусно, что почти невозможно было замѣтить ихъ кладки; они составляли превосходную каменную подстилку, сверху покрытую щебнемъ. Въ извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга на ней находились дорожные столбы, камни для того чтобы садиться на лошадь, и гостиницы. Обѣ стороны ея были мало-по-малу застроены гробницами, которыя, подобно всѣмъ своимъ памятникамъ, древніе римляне ставили всегда на большихъ дорогахъ. Благодаря этому обыкновенію, дороги ихъ не страдали такимъ однообразіемъ, какъ наши, развлекали и поучали путешественника, возбуждая въ немъ удивленіе къ всемірному могуществу Рима. Въ эту эпоху дороги строились еще непосредственно самимъ государствомъ, подъ наблюденіемъ цензоровъ, эдиловъ и подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ; впослѣдствіи же постройки сдавались съ торговъ какому-нибудь предпринимателю, а для работъ на нихъ употребляли солдатъ и жителей провинцій, обязанныхъ нести эту натуральную повинность. Другое громадное сооруженіе, воздвигнутое Аппіемъ Клавдіемъ, былъ самый древній изъ римскихъ водопроводовъ. До Аппія Клавдія жители Рима довольствовались нѣсколькими источниками и фонтанами и даже мутною водою Тибра. Водопроводъ Аппія доставлялъ въ Римъ свѣжую воду болѣе чѣмъ съ десяти верстъ разстоянія; онъ представлялъ собою непрерывную и прочную каменную постройку, которая почти вся находилась подъ землею, за исключеніемъ небольшаго пространства, гдѣ водопроводъ былъ поддерживаемъ арками.

Въ древнѣйшую эпоху римской исторіи все дѣлалось для блага и славы государства, а не для увеличенія блеска частной жизни. Деньги, получаемыя съ военной добычи и податей покоренныхъ народовъ, были употребляемы на общественныя сооруженія, имѣвшія опредѣленную цѣль и доставлявшія пользу всему государству, а подобныя сооруженія должны были требовать огромныхъ суммъ; поэтому разсказы о бѣдности и простотѣ жизни знатныхъ римскихъ фамилій древнѣйшей эпохи, не смотря на всю свою преувеличенность, довольно правдоподобны. Разсказы о громадныхъ процентахъ, которые патриціи брали съ плебеевъ, также служатъ подтвержденіемъ нашихъ словъ; наконецъ, мы знаемъ, что римляне стали чеканить монету только со временъ Пирра, а до того времени у нихъ находились въ обращеніи латинскія, этрусскія и греческія деньги. Образъ жизни и нравы были просты въ высшей степени. Общественныя зданія составляли рѣзкій контрастъ съ частными жилищами, которыя по свидѣтельству римскихъ писателей, до временъ Пирра, строились изъ дерева или имѣли деревянныя крыши.

Простота эта долгое время поддерживалась всѣмъ складомъ римской жизни; но въ особенности содѣйствовали тому безпрерывныя войны. У римлянъ, постоянно ведшихъ войны, каждый гражданинъ былъ воиномъ, а сенаторы и всѣ высшіе сановники избирались изъ заслуженныхъ военачальниковъ. Поэтому лагерные нравы съ самаго начала получили перевѣсъ надъ стремленіями къ роскоши, начинавшими обнаруживаться при послѣднихъ царяхъ; а всемогущій примѣръ высшаго класса имѣлъ благодѣтельное вліяніе на низшія сословія. Только женщинамъ дозволялась нѣкоторая роскошь въ частной жизни, мужчины же сдѣлались еще грубѣе и суровѣе въ галльскихъ и самнитскихъ войнахъ, которыя вспыхнули вскорѣ послѣ Лицинія Столона и продолжались нѣсколько десятковъ лѣтъ. Земледѣліе и военная служба были главными занятіями римлянина и считались единственными почетными отраслями дѣятельности. Война сдѣлалась для римлянъ тѣмъ же, чѣмъ была для народовъ среднихъ вѣковъ охота, т. е. игрою, вошедшею въ привычку, развлеченіемъ, потребностью, основанною на обычаѣ, условіяхъ всего быта и соотвѣтствовавшею господствовавшему духу той эпохи. Охотой нельзя было заняться на густо населенной и прекрасно воздѣланной территоріи римскаго государства, и потому она не могла сдѣлаться страстью, какъ у сѣверныхъ народовъ. Патріотизмъ и любовь къ славѣ заставляли каждаго римлянина, по окончаніи войны, желать новаго похода. Даже самое увеличеніе числа рабовъ, вслѣдствіе войнъ, не имѣло сначала вреднаго вліянія на духъ и нравы римскаго народа. Рабы, употребляемые преимущественно для земледѣльческихъ работъ и занимавшіеся ими вмѣстѣ съ своимъ господиномъ и

его семействомъ, находились тогда въ совершенно другихъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ, чѣмъ впослѣдствіи. Кромѣ того народы, съ которыми римляне вели тогда войны, находились съ ними въ гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ, и эта связь должна была придавать самому рабству болѣе мягкій характеръ. Римляне и итальянцы, собственно говоря, считали себя однимъ народомъ; нравы ихъ не представляли особенно рѣзкихъ отличій, и многіе изъ плѣнныхъ были тогда освобождаемы безденежно или выкупаемы своими родственниками и друзьями.

Семейная жизнь въ Римѣ была гораздо благороднѣе и чище, чѣмъ въ Греціи. Она была чисто самнитскою, т. е. сельскою, строго нравственною и умѣренною. Прежде знатные римляне, исключая сенаторовъ, жили преимущественно въ своихъ имѣніяхъ, пріѣзжая въ городъ только на время, и возвращались назадъ по окончаніи своихъ дѣлъ. Дѣти жили у отца или по сосѣдству, точно также какъ и кліенты, находившіеся къ своему патрону въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и первые. Отецъ былъ не только главою, но господиномъ и владыкою всего семейства, и государство не вмѣшивалось рѣшительно ни во что, происходившее въ нѣдрахъ семейства. Отецъ, не подвергаясь никакой отвѣтственности, могъ бросить своего новорожденнаго ребенка, присвоить себѣ все имущество сыновей, трижды продавать ихъ въ рабство и даже лишать ихъ жизни. Подобное право, какъ покажется съ перваго взгляда, должно было повести за собою самую страшную тиранію, но на дѣлѣ естественное чувство бываетъ всегда гораздо могущественнѣе и, находя себѣ пищу, гораздо лучше всякаго закона и всякаго покровительства законовъ. Хотя въ Римѣ и встрѣчались иногда случаи злоупотребленія родительскою властью, но вообще они были очень рѣдки, а въ древнѣйшую эпоху семейная власть имѣла то преимущество, что дѣлала почти ненужными суды и писанные законы. Имѣя много рабынь, исполнявшихъ всѣ домашнія работы, жена римлянина не вмѣшивалась вовсе во многія отрасли домашняго хозяйства, которыя у насъ лежатъ непремѣнно на обязанности самой хозяйки. Римскія женщины не были, подобно греческимъ, удалены отъ всякой общественной и государственной жизни и ограничены однимъ семейнымъ и домашнимъ кругомъ. Имъ не было чуждо и общее мужское образованіе, которое у грековъ было доступно только гетерамъ, или публичнымъ женщинамъ; потому исторія римской образованности, въ противоположность греческой, представляетъ намъ примѣръ сильнаго вліянія женщинъ на развитіе націи. Замужняя римлянка имѣла очень почетное положеніе въ обществѣ, была образована и принимала участіе въ общественной жизни мужчинъ. Расторженіе брака, не смотря на всю легкость его для мужчины, было въ описываемую нами эпоху чѣмъ-то неслыханнымъ.

Серьезнымъ, суровымъ и практическимъ римлянамъ была совершенно чужда исполненная веселости и чувственныхъ наслажденій жизнь грековъ; за то они были свободны и отъ той геніальной легкомысленности, которая обнаруживается во всѣхъ проявленіяхъ греческой жизни и выказывается даже у спартанцевъ въ распущенности ихъ женщинъ и слабости брачныхъ узъ. Настоящими національными развлеченіями римлянъ были конскія скачки и военныя игры, начало которыхъ восходитъ, повидимому, до самыхъ отдаленныхъ временъ; напротивъ того все, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ искусству и технической ловкости, вначалѣ было имъ совершенно чуждо. Отъ этрусковъ, находившихъ удовольствіе въ неблагопристойныхъ тѣлодвиженіяхъ и жестахъ мимовъ и танцевъ, римляне переняли какъ это развлеченіе, такъ, по всей вѣроятности, и игры кладіаторовъ, впрочемъ еще неизвѣстныя имъ въ описываемую нами эпоху. Игры эти вполнѣ соотвѣтствовали грубому характеру римлянъ и потому, тотчасъ по своемъ появленіи въ Римѣ, сдѣлались, вмѣстѣ съ травлями звѣрей, любимымъ развлеченіемъ народа. Но и здѣсь, точно такъ же какъ въ танцахъ и введенныхъ впослѣдствіи театральныхъ представленіяхъ, первобытныя національныя воззрѣнія сохранили всю свою силу, и всякій, являвшійся въ этихъ зрѣлищахъ дѣйствующимъ лицомъ былъ предметомъ всеобщаго презрѣнія (стр. 538). Музыка римлянъ была шумная или веселая и никогда не испытывала значительныхъ усовершенствованій. Нѣкоторыя торжественныя жертвоприношенія, совершавшіяся съ аккомпаниментомъ музыки, постоянно сопровождались неистовыми плясками и прыганьемъ. Употребительныя на пирахъ пѣніе и игра на флейтѣ

никогда не подвергались такимъ усовершенствованіямъ, какъ греческая музыка. За то у римлянъ съ самаго начала сталъ распространяться самый низкій родъ роскоши, роскошь стола, такъ что въ описываемую нами эпоху для ограниченія ея принуждены были издать особый законъ.

3. Римское военное устройство.

Подобно организаціи спартанской и македонской фаланги, организація военныхъ силъ Рима была первоначально въ самой тѣсной связи съ національными нравами и учрежденіями; но и въ ней обнаруживается то же самое свойство національнаго римскаго характера, которое было единственною причиною возвеличенія Рима надъ всѣми прочими народами древности. Это свойство заключалось въ природномъ умѣньѣ римскаго народа съ одной стороны удерживать какъ можно долѣе свои старинные нравы и учрежденія, а съ другой чрезвычайно искусно сливать съ ними всѣ лучшія учрежденія другихъ народовъ, такъ что даже по окончаніи второй пунической войны Римъ, безпрестанно преобразовываясь, всегда оставался однимъ и тѣмъ же. Это свойство римскаго характера выказывается и во всѣхъ частяхъ римскаго военнаго устройства, усовершенствованіе котораго введеніемъ чужеземныхъ учрежденій должно тѣмъ болѣе заслуживать нашего вниманія, что вначалѣ вооруженіе и подраздѣленіе войска находилось въ самой тѣсной связи съ государственнымъ правленіемъ, системою налоговъ и всѣмъ складомъ народной жизни.

Въ древнѣйшую эпоху римское войско представляло собою картину самнитскаго равенства въ соединеніи съ самнитскою аристократіею. Кромѣ консула, или главнокомандующаго, только его легаты, или ближайшіе помощники и военные трибуны или второстепенные военачальники (полковники), имѣли постоянное военное званіе (чинъ) и были офицерами въ нашемъ смыслѣ этого слова; всѣ прочіе начальники занимали свои мѣста только на время одного похода, и до самаго окончанія второй пунической войны нерѣдко случалось, что человѣкъ, бывшій одинъ годъ центуріономъ (сотникомъ), на слѣдующій годъ занималъ послѣднюю ступень въ военной іерархіи. Конечно, на практикѣ и тутъ принимались въ соображеніе продолжительность службы и прежнія заслуги, а впослѣдствіи установилось настоящее производство въ военные чины на вакансіи и за отличіе, но назначеніе всѣхъ второстепенныхъ начальниковъ вполнѣ зависѣло отъ консула, поручавшаго это военному трибуну, безъ всякаго контроля со стороны сената и народнаго собранія. Легаты избирались консуломъ и утверждались сенатомъ. Назначеніе военныхъ трибуновъ было предоставлено сначала консуламъ, а съ 311 года до р. Х. консуламъ и народному собранію. Въ римскомъ войскѣ званіе военнаго трибуна было чрезвычайно важно, и потому на эти мѣста избирались извѣстные и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ граждане; многіе изъ нихъ бывали передъ тѣмъ народными трибунами, эдилами, преторами, консулами, и всѣ уже были сенаторами или назначались въ сенатъ цензорами, по окончаніи похода.

Каждый римскій гражданинъ былъ воиномъ и обязанъ былъ нести военную службу отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ. Римскіе граждане составляли то, что мы называемъ постояннымъ войскомъ, хотя и не находились на непрерывной дѣйствительной службѣ, какъ это было впослѣдствіи. Военная служба считалась весьма почетною и потому при сборѣ войска въ него назначались только самые честные люди, а преступники и лишенные чести исключались изъ его рядовъ. Войско раздѣлялось на легіоны, численный составъ которыхъ съ теченіемъ времени мѣнялся. Можно полагать, что въ древнѣйшую эпоху легіонъ состоялъ изъ трехъ тысячъ, а въ позднѣйшія времена заключалъ въ себѣ отъ 4,200 до 6,000 человѣкъ. Около 350 года до р. Х. всѣ военныя силы Рима, кромѣ латинскихъ войскъ, состояли изъ десяти легіоновъ, въ 4,200 человѣкъ пѣхоты и 300 всадниковъ каждый. Это громадное для того времени войско, благодаря своему духу и внутренней энергіи, казалось еще вдвое сильнѣе, потому что состояло изъ людей, которые сражались за свои интересы, отчасти даже добровольно

становились въ ряды, изъ которыхъ весьма многіе могли тотчасъ же занять должности начальниковъ, а нѣкоторые даже сдѣлаться полководцами.

Въ древнѣйшую эпоху въ составъ легіона, заключавшаго въ себѣ три тысячи человѣкъ, входило по тысячѣ человѣкъ изъ каждой трибы патриціевъ, дѣлившихся въ свою очерь на сотни. Отсюда произошли и названія трибунъ, т. е. предводитель трибы, и центурія, или сотня. Послѣ того составъ легіона былъ вполнѣ согласованъ съ приписываемымъ Сервію Туллію раздѣленіемъ народа на классы.

Впослѣдствіи раздѣленіе легіона и порядокъ расположенія его въ битвѣ подвергались многимъ измѣненіямъ, подробный разборъ которыхъ повелъ бы насъ слишкомъ далеко. Вообще можно замѣтить, что первоначальное устройство легіона, состоявшаго преимущественно изъ тяжело вооруженной пѣхоты, представляло много сходства съ македонскою фалангою (стр. 284); впослѣдствіи же легіонъ состоялъ изъ трехъ главныхъ массъ тяжело вооруженной пѣхоты, называвшихся гастатами, принципами и тріаріями, составлявшихъ какъ бы три боевыя линіи и вступавшихъ въ бой одни за другими въ томъ порядкѣ, въ какомъ они у насъ поименованы. Что касается роли, которую играли въ легіонѣ легко вооруженные и всадники, раздѣленія легіона въ различныя времена на манипулы, когорты и центуріи и соотвѣтствовавшей тому дѣленію іерархіи военныхъ чиновъ, все это составляетъ предметъ не всеобщей исторіи, а особенной науки, военной исторіи. Достаточно будетъ замѣтить, что вооруженіе римлянъ было гораздо лучше вооруженія греко-македонскихъ войскъ. Они имѣли длинные щиты, гораздо лучше закрывавшіе тѣло, и пилумъ, или копье, которымъ можно было дѣйствовать какъ пикою и какъ метательнымъ дротикомъ; главные недостатки греко-македонской фаланги заключались въ малой подвижности и однообразіи ея состава и вооруженія воиновъ, римскій же легіонъ въ случаѣ необходимости легко могъ дѣлиться на свои составныя части: каждая когорта и манипулъ составляли отдѣльное цѣлое и могли сражаться особо. Наконецъ римляне всегда приспособляли свое военное устройство къ обстоятельствамъ и времени, оставаясь при этомъ вѣрными своему національному характеру, что можно видѣть какъ въ раздѣленіи войскъ и въ численномъ составѣ легіона, такъ и въ вооруженіи, походномъ порядкѣ и диспозиціи войскъ во время сраженія. Сражаясь съ новымъ врагомъ или въ непривычной для нихъ мѣстности, римляне приспособляли все устройство своей арміи, не исключая даже вооруженія, къ обстоятельствамъ, или заимствовали отъ непріятеля особенности, дававшія ему перевѣсъ надъ ними.

Расположеніе лагеря римлянъ, ихъ осадное искусство, правила ихъ военной дисциплины и жалованье войскъ не составляютъ предмета всемірной исторіи. Мы ограничимся только общею замѣткою о жалованьѣ и объ инженерномъ искусствѣ у римлянъ. Оклады жалованья солдатъ и офицеровъ указываютъ на существованія у римлянъ такого же отношенія между простымъ солдатомъ и офицеромъ, пѣхотинцемъ и всадникомъ, какое мы видимъ въ національныхъ войскахъ аѳинянъ и спартанцевъ и въ ополченіяхъ періода рыцарства. Центуріонъ или сотникъ получалъ только вдвое, а трибунъ вчетверо больше солдатъ; простой всадникъ получалъ три четверти оклада трибуна или одною третью больше центуріона; такимъ образомъ римляне считали своихъ всадниковъ за настоящихъ рыцарей. Познакомившись съ греками и ихъ успѣхами въ математикѣ и военномъ искусствѣ, римляне усовершенствовали и свое инженерное искусство. Впрочемъ они уже и прежде стали прилагать принципы науки къ военному дѣлу, и мы должны считать вымышленнымъ разсказъ одного писателя позднѣйшей древности, что обыкновенный способъ расположенія и укрѣпленія лагеря былъ введенъ въ римскихъ войскахъ только со времени войны съ Пирромъ, когда римляне овладѣли однажды греческимъ лагеремъ. Римляне уже въ раннюю эпоху имѣли въ своихъ войскахъ особыхъ инженеровъ, которые завѣдывали разбивкой лагерей и осадными работами. При каждомъ корпусѣ римскихъ войскъ ихъ находилось по двѣ центуріи, подъ начальствомъ лучшихъ офицеровъ, и хотя занятія ихъ не были чисто научными, ограничиваясь только практическимъ приложеніемъ межеваго искусства, но все таки достовѣрно, что римляне уже весьма рано сдѣлали значительные успѣхи въ этомъ искусствѣ и въ примѣненіи его къ потребностямъ военнаго дѣла.

3. Войны съ галлами въ Верхней Италіи.

Первыя войны героическаго вѣка римлянъ были ведены ими съ галльскими племенами, поселившимися въ Верхней Италіи, производившими оттуда безпрестанные набѣги на Этрурію и Лаціумъ и проникавшими иногда до Кампаніи и Апуліи. Въ этихъ войнахъ являются первые римскіе герои, составлявшіе для позднѣйшихъ римлянъ идеалы храбрости и рыцарской чести, подобно тому, какъ у средневѣковыхъ христіанскихъ народовъ Артуръ, Роландъ, Сидъ, Танкредъ, Готфридъ Бульонскій и другіе. Сказанія объ этихъ римскихъ герояхъ составляли въ древности самый любимый предметъ поэзіи позднѣйшихъ эпохъ, подобно разсказамъ о рыцаряхъ среднихъ вѣковъ у христіанскихъ народовъ. Оба эти героическіе періода имѣютъ между собою еще то сходство, что позднѣйшіе римляне смотрѣли на своихъ древнихъ героевъ какъ на главныя опоры своего всемірнаго могущества, точно такъ же какъ христіанскіе народы считали своихъ героевъ защитниками религіи и поборниками образованности.

Характеръ римскаго героическаго періода сложился подъ вліяніемъ описанной нами борьбы сословій. Соревнованіе патриціевъ и плебеевъ должно было быть тѣмъ сильнѣе, что старинное дворянство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всегда пользовалось предпочтеніемъ народа и, слѣдовательно, плебею, желавшему возвыситься, необходимо было обратить на себя вниманіе особенно блистательными заслугами. Масса всегда уважаетъ преимущества происхожденія, если только они сопровождаются заслугами. Во всѣхъ республикахъ, неимѣющихъ исключительно торговаго и промышленаго характера и не отдающихъ предпочтеніе одному богатству, народъ гораздо рѣже забывалъ долгъ благодарности къ великимъ людямъ. Патриціи также не могли и не должны были отставать въ геройствѣ отъ плебеевъ, и исторія того времени представляетъ намъ цѣлый рядъ суровыхъ воиновъ, отличавшихся своимъ патріотизмомъ, простотою и безкорыстіемъ, такъ что имена многихъ изъ нихъ обратились впослѣдствіи въ пословицу. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: диктаторъ Камиллъ, Титъ Манлій Торкватъ, Кай Сульпицій Лонгъ, Маркъ Аврелій Корвъ, Квинтъ Фабій Максимъ Рулліанъ и его сынъ, Фабій Максимъ Гургъ, Публій Деціій Мусъ, одноименные съ нимъ сынъ его и внукъ, два Луція Папиріи Курсора, Квинтъ Публій Филонъ, Манлій Курій Дентатъ и Кай Фабриційй Лусциній.

Набѣги галловъ, бывшіе причиною продолжительной войны съ ними римлянъ, начались около 30 лѣтъ спустя по разореніи Рима и продолжались 12 лѣтъ (съ 360 по 348 годъ до р. Х.). Въ самомъ началѣ ихъ, по словамъ римскаго героическаго сказанія, происходило единоборство, напоминающее разсказы о Роландѣ и оправдывающее сдѣланное нами сравненіе той эпохи и ея преданій съ цвѣтущимъ временемъ христіанскаго рыцарства и его поэтическихъ сказаній. Юноша Титъ Манлій Торкватъ вступилъ въ единоборство съ галльскимъ великаномъ, дерзко вызывавшимъ римскихъ героевъ сразиться съ нимъ. Въ виду обоихъ войскъ, Титъ отважно вышелъ навстрѣчу исполину варвару, сразился съ нимъ и, убивъ своего страшнаго противника, снялъ съ него и надѣлъ на себя его золотое ожерелье. Этимъ онъ пріобрѣлъ для себя и своихъ потомковъ прозвище Торквата (отъ латинскаго слова torques — ожерелье). Нѣсколько лѣтъ спустя, К а й С у л ь п и ц і й Л о н г ъ одержалъ блистательную побѣду надъ однимъ галльскимъ отрядомъ, а вскорѣ послѣ этой побѣды М а р к ъ В а л е р і й К о р в ъ убилъ на единоборствѣ другаго галльскаго героя, получивъ при этомъ прозвище Корвъ (corvus — воронъ), потому что во время поединка на его шлемъ сѣлъ воронъ и ударами крыльевъ помогалъ ему въ битвѣ.

4. Первая война съ Самнитами.

Въ Верхней Италіи галлы давно уже уничтожили всѣ слѣды прежняго цвѣтущаго состоянія этой страны и опустошили своими набѣгами даже небольшія государства, лежавшія между ихъ владѣніями. Нижняя Италія страдала отъ безпрерывныхъ войнъ греческихъ колоній между собою и опустошительныхъ набѣговъ полудикихъ луканцевъ. Кромѣ того государства этой части Италіи нерѣдко должны были вступать въ борьбу съ Сиракузами и Карѳагеномъ. Средняя Италія сохраняла еще тогда свой прежній блескъ и могущество, благодаря плодородію Кампаніи, остаткамъ мало-по-малу исчезнувшаго впослѣдствіи трудолюбія латиновъ и торговлѣ этрусковъ, но въ особенности постоянно возраставшему величію воинственныхъ, дѣятельныхъ и энергическихъ земледѣльцевъ римлянъ. Въ то время какъ римскій народъ вступалъ въ періодъ юношескаго развитія своихъ силъ, масса сосѣднихъ ему самнитскихъ народовъ сохраняла еще все свое старинное могущество и неиспорченность нравовъ. Распространясь по Нижней и части Средней Италіи, самнитское племя распалось на множество народовъ, изъ которыхъ многіе въ описываемую нами эпоху уже успѣли одичать или ослабѣть и лишиться своей энергіи. Къ послѣднимъ принадлежали полудикіе и жадные до грабежей луканцы и обитатели Кампаніи, которые, выйдя изъ Самніума, покорили эту страну, но, подъ вліяніемъ климата и роскошнаго плодородія своей новой отчизны, утратили прежнюю энергію и простоту нравовъ своего племени. Коренные же самниты, обитавшіе на суровомъ горномъ хребтѣ, во внутренности полуострова, наслаждались еще всѣми благами земледѣльческой и пастушеской жизни и своихъ древнихъ національныхъ учрежденій, сохраняя первобытную простоту своихъ нравовъ. Этотъ-то храбрый и сильный горный народъ вступилъ съ римлянами въ борьбу, продолжавшуюся съ небольшими промежутками 50 лѣтъ и доставившую послѣднимъ преобладаніе и надъ этою сильнѣйшею частью народонаселенія Италіи. Превосходя римлянъ своею многочисленностью и пространствомъ владѣній, самниты не уступали своимъ противникамъ въ военныхъ способностяхъ и мужествѣ. Если бы исходъ войнъ зависѣлъ отъ обладанія одними этими преимуществами, то, по всей вѣроятности, самниты вышли бы побѣдителями изъ этой борьбы и достигли бы владычества надъ Италіею. Къ несчастію, между народами самнитскаго племени никогда не существовало связи, которая соединяла бы ихъ въ одно политическое тѣло; различіе въ образѣ жизни и нравахъ, съ теченіемъ времени, еще болѣе затруднило образованіе такой связи, такъ что и коренные самниты составляли не одно государство, какъ римляне, а конфедерацію самостоятельныхъ кантоновъ. Римляне имѣли передъ ними еще другое преимущество, которое скорѣе чѣмъ что-нибудь доставило имъ перевѣсъ надъ противниками. Постоянная борьба за реформы въ государственномъ устройствѣ и возникшія вслѣдствіе ея общественныя отношенія имѣли своимъ результатомъ такое развитіе всѣхъ внутреннихъ силъ государства, какого мы не видимъ ни у одного изъ народовъ тогдашней Италіи.

Поводъ къ войнѣ римлянъ съ самнитами былъ данъ тогдашними владѣтелями Кампаніи. Почти ровно за сто лѣтъ передъ тѣмъ, толпы самнитовъ отняли городъ Капую и часть Кампаніи у древнихъ обитателей этой страны, осковъ, и повелителей ихъ, этрусковъ. Эти самниты, какъ и поселившіеся тамъ въ средніе вѣка норманны, составляя только незначительную часть населенія, были однако полными обладателями страны и вели въ ней рыцарскій образъ жизни. Здѣсь они скоро переродились и утратили отличительныя черты національнаго характера самнитовъ. Поселившись въ жаркой и плодоносной Кампаніи, часть ихъ, подчиняясь вліянію исполненнаго нѣги климата и разслабляющей нервы роскоши, впала въ слабость и распутство, другая же совершенно одичала въ военной службѣ, для которой они нанимались къ грекамъ и карѳагенянамъ въ Сициліи, изъ страсти къ грабежамъ и хищничеству. Вслѣдствіе этого они, конечно, тотчасъ же совершенно разъединились съ своими собратіями въ нагорномъ Самніумѣ, тѣмъ болѣе, что и съ самаго начала между ними вспыхнула даже вражда, когда

самниты стали распространяться до предѣловъ Кампаніи и пытались покорить издревле жившія на границахъ Самніума племена авзоновъ. Одно изъ этихъ небольшихъ племенъ, сидицины, призвало къ себѣ на помощь кампанскихъ самнитовъ изъ Капуи; капуанцы обѣщали имъ свою помощь, но въ то же время обратились къ Риму, чтобы въ союзѣ съ этимъ могущественнымъ государствомъ найти себѣ защиту противъ превосходныхъ силъ и завоевательныхъ стремленій своихъ горныхъ собратьевъ. Римляне, незадолго передъ тѣмъ заключившіе союзный договоръ съ самнитами, боялися вступить въ союзъ съ народомъ, собиравшимся воевать съ ихъ союзниками. Они обѣщали подать помощь только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы кампанцы признали надъ собою ихъ господство и тѣмъ самымъ дали римлянамъ право и обязанность принять ихъ сторону. Кампанцы согласились на это требованіе и формальнымъ договоромъ признали себя римскими подданными. Тогда Римъ потребовалъ отъ самнитовъ, чтобы они прекратили враждебныя дѣйствія противъ государства, недавно признавшаго надъ собою власть римскаго народа. Самниты не только отвергли такое требованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и объявили заключенный съ кампанцами договоръ нарушеніемъ мира. Тогда въ Кампанію двинулись съ двумя арміями оба римскіе консула Маркъ Валерій Корвъ и Авлъ Корнелій Коссъ.

Такъ въ 343 году до р. Х. началась первая самнитская война, продолжавшаяся три года. Валерій Корвъ нанесъ вскорѣ самнитамъ пораженіе; товарищъ же его, сдѣлавъ важную ошибку, подвергнулъ свое войско величайшей опасности и спасся отъ совершенной гибели только геройствомъ одного изъ своихъ военныхъ трибуновъ. Позволивъ заманить себя слишкомъ далеко въ горы, онъ былъ окруженъ въ долинѣ непріятелемъ и могъ пробиться не иначе, какъ съ потерею большей части своихъ войскъ, такъ какъ самниты занимали всѣ окружающія высоты. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, Публій Децій Мусъ Старшій рѣшился пожертвовать собою и занялъ съ тысячью шестью стами человѣкъ одну изъ высотъ, господствовавшихъ надъ непріятельскою позиціею, чтобы, отвлекая собою главныя силы самнитовъ, дать консулу время выбраться изъ долины. Децій до самаго вечера сражался съ превосходными силами самнитовъ. Дождавшись ночи, онъ пробился чрезъ непріятеля, соединился со спасеннымъ имъ войскомъ и склонилъ консула немедленно напасть на самнитовъ, неожидавшихъ внезапнаго нападенія. Послѣдніе были разбиты въ правильной битвѣ, и такимъ образомъ Децій не только спасъ римское войско отъ совершенной гибели, но и доставилъ ему побѣду надъ врагами. За это онъ получилъ отъ сената и народа великолѣпные почетные подарки и занялъ въ народной исторіи и пѣсняхъ мѣсто на ряду съ Сцеволой, Цинциннатомъ, Манліемъ Капитолиномъ, Камилломъ и другими героями. Скоро послѣ того, Валерій Корвъ одержалъ около Суессулы блестящую побѣду, доставившую ему безсмертную славу: онъ овладѣлъ лагеремъ самнитовъ, истребилъ или разогналъ все ихъ войско и захватилъ, какъ говорятъ, до 40,000 непріятельскихъ щитовъ.

Не смотря на эти блестящія побѣды Валерія и римлянъ, самниты далеко еще не были побѣждены; напротивъ того, на слѣдующій годъ они явились столько же могущественными и столь же настойчивыми, какъ и прежде. Война продолжалась бы еще нѣсколько лѣтъ, если бы угрожающее положеніе, принятое латинами, и жестокіе законы о долгахъ, послужившіе поводомъ къ возстанію части римскихъ войскъ, не принудили римлянъ заключить миръ. Избранный въ диктаторы, Валерій Корвъ потушилъ это возстаніе своею умѣренностію; вскорѣ послѣ того заключенъ былъ съ самнитами мирный договоръ, по которому послѣдніе обязались заплатить извѣстную сумму деньгами и хлѣбомъ, но не теряли одного вершка своей земли. Имъ было даже предоставлено право подчинить себѣ сидициновъ, не смотря на то, что римляне начали войну именно съ цѣлью помѣшать имъ въ этомъ, что было для нихъ особенно важно, такъ какъ земля сидициновъ отдѣляла Кампанію отъ Лаціума.

5. Латинская война и политическое положеніе подчиненныхъ Риму итальянскихъ народовъ.

По договору съ самнитами Римъ предоставилъ сидициновъ ихъ собственной участи, но латины, которые сначала принимали участіе въ самнитской войнѣ какъ союзники римлянъ, продолжали военныя дѣйствія отдѣльно, желая изгнать самнитовъ изъ своего близкаго сосѣдства. Они соединились съ сидицинами, кампанцами, вольсками и аурунками, и вслѣдствіе того должны были разъединиться съ Римомъ, если бы даже прежде и не думали о расторженіи этого союза, ставившаго ихъ въ зависимость отъ римлянъ. Соединившись съ этими народами, они послали въ Римъ торжественное посольство для объявленія сенату, что существовавшія до сихъ поръ отношенія между Римомъ и Лаціумомъ должны быть измѣнены такъ, чтобы обѣ стороны составили одно федеративное государство, въ которомъ половина сенаторовъ и должностныхъ лицъ должна была состоять изъ латиновъ. Такимъ образомъ Римъ сдѣлался бы только главнымъ городомъ Лаціума, вмѣсто того чтобы попрежнему господствовать надъ цѣлою страною, какъ глава союза.

Римская гордость не могла помириться съ этою мыслью, и вопросъ этотъ долженъ былъ быть рѣшенъ оружіемъ. Въ Кампанію были тотчасъ же посланы двѣ арміи подъ начальствомъ консуловъ, Тита Манлія Торквата и Публія Деція Муса Старшаго, гдѣ уже латины и ихъ союзники встрѣтились съ самнитами. Послѣдніе, какъ кажется, тотчасъ же соединились съ римлянами, и у подошвы В е з у в і я (340 г. до р. Х.) произошла рѣшительная битва. Сраженіе это болѣе всякой другой побѣды упрочило могущество римлянъ и сдѣлало имя ихъ грознымъ для всѣхъ итальянскихъ народовъ. Поэтому римляне и восхваляли такъ консуловъ, командовавшихъ войсками въ этой битвѣ, и прославили ихъ имена въ своихъ народныхъ разсказахъ о герояхъ прежняго времени. Оба они считались впослѣдствіи идеалами самопожертвованія и любви къ отечеству и образцами римскаго мужества и дисциплины. Ихъ подвиги служили ораторамъ и писателямъ позднѣйшаго времени однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ воспламенять энергію народа. Если преданія объ этихъ событіяхъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій служили къ достиженію такой высокой цѣли, то, оставивъ въ сторонѣ всѣ критическія изслѣдованія, мы должны принимать и передавать ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, и какъ смотрѣли на нихъ современники и ближайшее потомство.

По словамъ преданія, консулъ Манлій Торкватъ, тотъ самый юноша, который убилъ галльскаго великана за нѣсколько дней до сраженія, подъ опасеніемъ смертной казни запретилъ вступать въ единоборство съ непріятелемъ. Одинъ непріятельскій военачальникъ, встрѣтясь во время рекогносцировки съ сыномъ Манлія Торквата, въ насмѣшку предложилъ ему вступить съ нимъ въ единоборство. Отважный юноша принялъ вызовъ и, убивъ противника, съ торжествомъ возвратился въ лагерь; но отецъ его приказалъ исполнить надъ нимъ опредѣленную казнь и такимъ образомъ принесъ въ жертву единственнаго своего сына, чтобы показать войску примѣръ слѣпаго повиновенія законамъ, безъ котораго Римъ никогда бы не достигъ такого военнаго величія. Такую же славу какъ Манлій Торкватъ, показавшій римлянамъ примѣръ любви къ отечеству, пріобрѣлъ и Децій Мусъ своею добровольною смертью. Говорятъ, что оба консула слышали во снѣ предвѣщаніе о томъ, что въ предстоящемъ сраженіи, въ жертву преисподнимъ богамъ, должны погибнуть съ одной стороны войско, а съ другой одинъ изъ предводителей. Чтобы обратить это предсказаніе въ пользу римлянъ, они дали другъ другу обѣщаніе, что тотъ изъ нихъ, войска котораго первыя начнутъ колебаться въ сраженіи, немедленно долженъ принести себя въ жертву богамъ ада. Въ самомъ началѣ сраженія крыло, которымъ начальствовалъ Децій, начало отступать, и Децій тотчасъ же исполнилъ свое обѣщаніе. Попросивъ главнаго жреца произнести надъ нимъ предсмертное напутствіе, онъ надѣлъ сенаторскую тогу, сталъ на свой мечъ и, покрывъ голову, громко произнесъ предсказываемое

ему заклинаніе, которымъ *онъ приносилъ себя* и непріятельскіе легіоны въ очистительную жертву богамъ ада. Потомъ онъ бросился въ ряды латиновъ и палъ пронзенный стрѣлами. Подобный обычай посвящать себя въ жертву, существовавшій и у этрусковъ, по всей вѣроятности, произошелъ отъ обыкновенія приносить въ жертву людей, встрѣчающагося также у кельтическихъ народовъ, финикіянъ и карѳагенянъ. Обычай этотъ уже весьма рано исчезъ въ Италіи подъ вліяніемъ греческихъ воззрѣній на жизнь, но поступокъ Деція былъ однимъ изъ все еще повторявшихся проявленій его. Существованіе этого обычая обусловливалось господствовавшею и у древнихъ евреевъ идеею объ искупительной жертвѣ. Для этого избирался самый лучшій или чистый предметъ, который и приносился въ жертву для блага и спасенія прочихъ. Побѣда осталась за римлянами; сраженіе было очень кровопролитное, какъ всѣ вообще битвы, гдѣ сражались римляне, почти всегда вступавшіе въ рукопашный бой на мечахъ, — едва четвертая часть латинскаго войска ушла съ поля битвы.

Латины скоро оправились отъ этого пораженія и дали у Трифанума еще одну битву, но и тутъ были опять побѣждены римлянами. Могущество ихъ было окончательно уничтожено, а вслѣдствіе того распался и союзъ латиновъ. Нѣкоторые латинскіе и кампанскіе города тотчасъ же покорились римлянамъ, другіе продолжали сопротивляться имъ нѣкоторое время. Война длилась еще два года и окончилась совершеннымъ покореніемъ всего Лаціума. Римскій сенатъ опредѣлилъ латинамъ и кампанцамъ различную участь. Граждане одного государства должны были переселиться, а земли ихъ розданы римскимъ поселенцамъ, жители другаго были перемѣшаны съ римлянами, нѣкоторымъ городамъ даны были съ различными ограниченіями права римскаго гражданства, и только немногіе получили послѣднее вполнѣ. Такимъ образомъ римляне умѣли раздѣлить интересы этихъ двухъ племенъ, даровавъ имъ неодинакія права. Возможность возстановленія союза, съ древнѣйшихъ временъ существовавшаго въ Лаціумѣ, была навсегда предотвращена тѣмъ, что римляне запретили собранія латинскихъ сеймовъ, не дозволили латинамъ владѣть недвижимою собственностью внѣ округа своего города и, обративъ большую часть ихъ земель въ государственныя, раздѣлили ихъ между своими поселенцами.

Съ этого времени всѣ силы Лаціума находились въ полномъ распоряженіи Рима. Латинскія войска, входившія прежде въ составъ римскихъ легіоновъ, хотя и были отдѣлены отъ нихъ, но, не имѣя все-таки значенія самостоятельныхъ отрядовъ, сдѣлались простыми вспомогательными отрядами подвластныхъ народовъ. Съ покоренія Лаціума начинаются войны римлянъ за обладаніе всею Италіею. Чтобы не прерывать разсказа объ этой борьбѣ римлянъ съ самнитами, этрусками, греками въ Нижней Италіи и галлами въ Верхней, слѣдуетъ объяснить здѣсь тѣ отношенія, въ которыя стали къ Риму покоренные имъ народы Италіи.

Народы древняго міра, въ противоположность народамъ новѣйшаго времени, только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ дѣлали порабощенныя ими племена равноправными членами государства. Римляне, до самой эпохи имперіи, продолжали поддерживать нѣкоторое различіе политическихъ правъ между покоренными ими народами Италіи и жителями подвластныхъ имъ странъ. Послѣдніе всегда считались покоренными народами, тогда какъ итальянцы пользовались нѣкоторою свободою и самостоятельностью. Разница эта обнаруживалась и въ самомъ названіи завоеванныхъ частей государства, только земли, лежавшія внѣ Италіи, назывались **провинціями**. Въ эпоху всемірнаго владычества Рима, все населеніе государства раздѣлялось на три категоріи: провинціяловъ, итальянцевъ и собственно римскихъ гражданъ. Первые, за исключеніемъ колоній и нѣкоторыхъ городовъ, не пользовались никакими конституціонными правами и были подчинены римскимъ намѣстникамъ. Итальянцы же, за исключеніемъ жителей немногихъ городовъ, на которыхъ римляне смотрѣли какъ на обыкновенныхъ подданныхъ, имѣли нѣкоторыя конституціонныя учрежденія и права. Конституціонныя преимущества эти не были однако одинаковы для всѣхъ; римскій сенатъ отличался искусствомъ разъединять угнетенные итальянскіе народы, даруя имъ неодинаковыя политическія и гражданскія права.

Латины съ самаго начала были почти сравнены съ римскими гражданами. Они были освобождены отъ нѣкоторыхъ повинностей, которыя несли другія наці-

ональности Италіи, и управлялись своими законами и должностными лицами, которыхъ сами же избирали изъ своей среды; эти должностныя лица считались римскими гражданами уже по своей должности. Всякій латинъ, переселившійся въ Римъ, оставивъ въ своемъ городѣ одного сына, и слѣдовательно, обладавшій такимъ состояніемъ, которое можно было раздѣлить, получалъ право римскаго гражданства, точно такъ же какъ и всякій обвинившій передъ судомъ въ измѣнѣ римскаго чиновника; наконецъ, всякій латинъ, явившійся въ Римъ во время ценза и объявившій свое имя и имущество, былъ тотчасъ же вносимъ въ списокъ гражданъ; часто подавали въ комиціяхъ свой голосъ и всѣ присутствовавшіе при этомъ латины. Преимущества эти, составлявшія всѣ вмѣстѣ такъ называемое латинское право (jus latinum), были предоставлены не всѣмъ латинскимъ городамъ и даже пользовавшіеся этимъ правами латины не имѣли еще многихъ другихъ правъ римскаго гражданина: они не имѣли надъ своими дѣтьми той власти, которая была предоставлена римлянамъ, не могли быть усыновляемы послѣдними и вступать въ равноправный бракъ съ римлянами; находясь въ военной службѣ, они могли быть наказываемы розгами, тогда какъ законъ запрещалъ бить римскаго солдата иначе, какъ палкою. Впрочемъ, римскій сенатъ ограничилъ мало-по-малу и эти преимущества латиновъ, съ избыткомъ перевѣшивавшіяся тягостью военной службы, которая ложилась на латиновъ болѣе, чѣмъ на римскихъ гражданъ. Они не имѣли голоса въ совѣщаніяхъ о мирѣ и войнѣ, а были все-таки обязаны выставить войска государству, которое вело безпрерывныя войны. Это было тѣмъ тягостнѣе для латиновъ, что, раздѣляя съ римлянами труды и опасности войны, они не имѣли никакого участія въ ихъ славѣ, такъ какъ всѣ успѣхи приписывались собственно римскимъ войскамъ, хотя латины, не уступавшіе имъ въ храбрости и вооруженные точно такъ же, какъ они, составляли иногда половину или три четверти всей численности римскихъ войскъ.

Остальные италіянскіе народы, по большей части получившіе отъ римлянъ еще болѣе ограниченныя права, чѣмъ латины, были также раздѣлены между собою неравномѣрностью своихъ правъ. Одни изъ нихъ добровольно покорились римскому народу, другіе же были подчинены силою безусловно или на извѣстныхъ условіяхъ. Отъ этого зависѣлъ и объемъ дарованныхъ имъ Римомъ правъ. Всѣ они дѣлали впослѣдствіи попытки свергнуть съ себя это иго, но были снова подчинены римлянами и получили отъ нихъ тѣ же самыя права уже какъ милость. Впрочемъ, римляне были настолько благоразумны, что предоставляли покореннымъ ими народамъ Италіи возможно большія права, такъ какъ они занимали извѣстное мѣсто въ системѣ военныхъ силъ Рима. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ сабины, получили всѣ права римскихъ гражданъ, другіе же, напримѣръ часть амбровъ, заключили съ Римомъ договоръ, предоставлявшій обѣимъ сторонамъ почти одинаковыя права, или же, считаясь союзниками римлянъ, пользовались болѣе или менѣе ограниченными правами; наконецъ, бруттійцы и луканцы должны были подчиниться унизительнымъ условіямъ и служить въ римскихъ войскихъ не солдатами, а исполнять при нихъ различныя грязныя работы. Такимъ образомъ и италіянскіе народы были совершенно разъединены другъ отъ друга разнообразіемъ своихъ правъ и отношеній къ Риму; римскія учрежденія и законы вводились между ними не насильственно, а мало-по-малу. Италіянскіе народы не латинскаго происхожденія, подчинившіеся римлянамъ на основаніи договоровъ, назывались союзниками. Отношенія ихъ къ Риму, опредѣляемыя договорами, составляли такъ называемое италіянское право (jus italicum). Но такъ какъ договоры эти, заключавшіеся при разныхъ обстоятельствахъ, были чрезвычайно разнородны, то названіе это не обозначаетъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ юридическихъ отношеній, а обнимаетъ собою совокупность чрезвычайно разнородныхъ правъ. Вообще, союзниками на италіянскомъ правѣ назывались государства, которыя не имѣли правъ римскаго гражданства и должны были помогать римлянамъ на войнѣ войсками и деньгами, но не платили поземельной подати и не управлялись римскими намѣстниками, какъ другія завоеванныя земли внѣ Италіи или такъ называемыя провинціи, а имѣли свои законы и избранныхъ изъ своей среды должностныхъ лицъ. Повидимому, эти народы имѣли совершенно самостоятельное управленіе, но въ дѣйствительности они терпѣли не менѣе латиновъ. Римскій сенатъ часто издавалъ относительно ихъ чрезвычайно строгія повелѣнія,

исполняемыя мѣстными начальствами съ такою же суровостью, какъ и римскими намѣстниками. Римскіе вельможи, проѣзжая чрезъ ихъ земли, позволяли себѣ всякаго рода насилія и злоупотребленія, и никто не смѣлъ оказать имъ сопротивленія, отчасти потому, что обвиняемые, пользовавшіеся силою и вліяніемъ въ государствѣ, могли надѣлать имъ много вреда, отчасти же и потому, что въ случаѣ внутреннихъ раздоровъ или распрей съ сосѣдями, народы эти должны были прибѣгать къ сенату и исполнять безприкословно рѣшенія его и посылаемыхъ отъ него судей. Вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляемая такъ называемымъ итальянскимъ правомъ свобода отъ платежа податей далеко не вознаграждала за потери, испытанныя ими при подчиненіи ихъ римлянамъ. Римляне всегда завладѣвали частью покоренной земли, отдавая ее какъ государственную собственность въ аренду, или раздѣляя между римскими поселенцами. Такимъ образомъ, отобравъ себѣ подать на вѣчныя времена, они легко могли освобождать итальянскіе народы отъ платежа поземельной подати. Какъ мы уже сказали выше, положеніе многихъ итальянскихъ народовъ въ римскомъ войскѣ было гораздо хуже, чѣмъ положеніе латиновъ; однако нѣкоторые изъ итальянскихъ народовъ пользовались различнаго рода преимуществами передъ послѣдними. Въ отношеніи гражданскихъ правъ всѣ итальянцы имѣли повидимому нѣкоторыя общія съ римлянами привилегіи.

Положеніе греческихъ городовъ Нижней Италіи по покореніи ихъ римлянами изложено будетъ ниже при разсказѣ о подчиненіи ихъ Риму. Въ заключеніе необходимо объяснить отношеніе къ Риму итальянскихъ городовъ, носившихъ названія муниципій, префектуръ и колоній. Муниципіи были свободные города, освобожденные отъ платежа поземельной подати, имѣвшіе свое самостоятельное управленіе и пользовавшіеся вполнѣ или съ нѣкоторыми ограниченіями правами римскаго гражданства. Префектурами назывались города, въ которыхъ судебная власть или даже все управленіе находилось въ рукахъ назначеннаго изъ Рима префекта. Въ первомъ случаѣ, не смотря на ограниченіе своей юрисдикціи, они находились въ такомъ же положеніи, какъ муниципіи. Во второмъ же случаѣ они были лишены всякой самостоятельности и находились въ такомъ же положеніи, какъ и римскія провинціи. Это даетъ ясное понятіе о различіи правъ, которыми пользовались подвластные Риму итальянскіе города. То же самое видимъ мы и въ муниципіяхъ. Казалось бы, что города, пользовавшіеся одинаковыми правами и самостоятельнымъ управленіемъ, могли составлять между собой союзы для достиженія общихъ цѣлей; но этого никогда не было. Хитрый сенатъ и руководимый имъ народъ римскій умѣли установить и въ нихъ чрезвычайное разнообразіе взаимныхъ отношеній и интересовъ. Не всѣ муниципіи пользовались вполнѣ правами римскаго гражданства; граждане нѣкоторыхъ изъ нихъ участвовали въ римскихъ народныхъ собраніяхъ, имѣли въ нихъ право голоса и даже доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, тогда какъ граждане другихъ не пользовались въ Римѣ этими высшими политическими правами и должны были довольствоваться болѣе или менѣе ограниченными личными правами римскихъ гражданъ. Впослѣдствіи, въ нѣкоторыхъ муниципіяхъ были введены вполнѣ или отчасти римскіе законы и правительственныя формы, а въ другихъ оставлены въ силѣ прежніе законы. Впрочемъ большинство изъ нихъ устроили городское управленіе по образцу римскаго. Граждане ихъ были раздѣлены на сословія, такъ же какъ и римляне. Во главѣ управленія стояли два дуумвира, на подобіе римскихъ консуловъ, и кромѣ того существовали должности цензоровъ, эдиловъ, квесторовъ и народныхъ трибуновъ, также сенаты и народныя собранія.

Колоніи, которыхъ до начала пуническихъ войнъ считалось въ Италіи тридцать, а по другимъ свѣдѣніямъ, до пятидесяти трехъ, были также поставлены къ римскому правительству въ отношеніе, чрезвычайно выгодное для послѣдняго. Онѣ раздѣлялись на римскія и латинскія, смотря по тому, были ихъ обитатели римляне или латины. Всѣ колоніи, основанныя въ Италіи римлянами, отличались отъ греческихъ тѣмъ, что были основаны не вновь, а на мѣстѣ городовъ, изъ которыхъ были изгнаны прежніе жители. Онѣ имѣли такое же устройство, какъ и большая часть муниципій, управлялись сенатомъ, народнымъ собраніемъ, дуумвирами, цензорами и народными трибунами, и составляли какъ бы маленькій Римъ. Одинъ изъ знатнѣйшихъ жителей колоніи постоянно засѣдалъ въ римскомъ

сенатѣ и былъ тамъ представителемъ ихъ интересовъ. Колонисты римскаго происхожденія имѣли права римскаго гражданства, но важнѣйшимъ изъ нихъ, правомъ голоса въ народныхъ собраніяхъ пользовались только тогда, когда оно было даруемо имъ въ видѣ исключенія. Напротивъ того, каждый римскій колонистъ, по возвращеніи своемъ въ Римъ, тотчасъ же вступалъ въ пользованіе всѣми правами гражданства. Впрочемъ колоніи за дарованныя имъ земли должны были платить подати и были обязаны военною службою. Такимъ образомъ колоніи, неся на себѣ все бремя римскаго гражданства и пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми почетными преимуществами его, были прикованы къ Риму и находились въ совершенной зависимости отъ него. Въ числѣ такихъ римскихъ поселеній были и такъ называемыя приморскія колоніи, къ которымъ, между прочимъ, принадлежала Остія, лежавшая при устьѣ Тибра. Эти морскія колоніи были поселенія въ приморскихъ городахъ, граждане которыхъ, избавленные отъ службы въ римскомъ войскѣ, должны были содержать гарнизоны въ этихъ городахъ и служить во флотѣ.

6. Вторая самнитская война.

Черезъ пятнадцать лѣтъ по окончаніи первой войны римлянъ съ самнитами, оба эти народа снова взялись за оружіе другъ противъ друга и начали упорную войну, продолжавшуюся двадцать два года. Не смотря на свое мужество и настойчивость, самниты все-таки не могли побѣдить римлянъ, потому что имъ не доставало единства, послѣдовательности и умѣнья дѣйствовать по заранѣе составленному плану, и кромѣ того они не могли довѣрять своимъ союзникамъ. Напротивъ того, римлянами руководилъ сенатъ, никогда не терявшій присутствія духа и всегда съ успѣхомъ приводившій въ исполненіе свои политическіе планы, а союзники ихъ, войсками которыхъ командовали римскіе же начальники, безпрекословно исполняли ихъ приказанія. Вторая самнитская война имѣетъ для насъ важность еще потому, что римляне въ этой продолжительной и опасной борьбѣ съ однимъ изъ храбрѣйшихъ народовъ Италіи пріобрѣли болѣе искусства и ловкости въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ во всѣ свои предшествовавшія войны. Не вдаваясь въ подробное изложеніе событій этой войны, мы ограничимся только важнѣйшими изъ нихъ и укажемъ на обстоятельства, способствовавшія упроченію и распространенію римскаго могущества.

Поводами къ этой войнѣ послужили основаніе одной римской колоніи, которая, очевидно, должна была служить передовымъ укрѣпленіемъ противъ самнитовъ, и распри между римлянами и жителями города Палеополя (въ Кампаніи), созниками самнитовъ (326 г. до р. Х.). Палеополь, нынѣшній Неаполь, покоренный римлянами въ самомъ началѣ войны, былъ первымъ греческимъ городомъ, подпавшимъ подъ римское владычество. Самниты казались до того опасными римлянамъ, что послѣдніе начали войну съ ними не обыкновеннымъ образомъ, а избрали въ диктаторы одного изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ героической эпохи Рима, Луція Папирія Курсора Старшаго. Онъ считалъ необходимымъ дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и, уѣзжая на короткій срокъ въ Римъ, приказалъ начальнику конницы, Квинту Фабію Максиму Рулліану, ни подъ какимъ предлогомъ не вступать въ битву. Но Рулліанъ не былъ въ состояніи противиться искушенію и, давъ самнитамъ сраженіе, одержалъ блистательную побѣду. Папирій Курсоръ хотѣлъ по примѣру Манлія Торквата наказать ослушника по всей строгости римскихъ военныхъ законовъ, но принужденъ былъ помиловать его вслѣдствіе настроенія умовъ въ войскѣ и просьбъ сената и народа. Вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ одержалъ вторую побѣду, заставившую самнитовъ просить мира. Опасаясь раздражать этотъ энергическій народъ и понимая, что нѣкоторыя сенаторскія фамиліи, въ особенности же молодежь, смотрѣли на эту опасную войну только какъ на средство достигнуть почестей и славы, Папирій, какъ проницательный, прямой и честный человѣкъ, согласился заключить миръ, удовольствовавшись тѣмъ, что самниты признали превосходство римлянъ и заплатили денежную пеню. Умѣренность диктатора, которому они предоставили

опредѣлить условія, внушила имъ полное довѣріе къ нему. Но римскій сенатъ, не желая мира, согласился только заключить перемиріе на одинъ годъ.

По истеченіи этого срока война возобновилась и была ведена Квинтомъ Фабіемъ Максимомъ Рулліаномъ, назначеннымъ консуломъ, съ такимъ успѣхомъ, что самниты вторично должны были просить мира. Тяжелыя требованія, предъявленныя сенатомъ, принудили самнитовъ къ отчаянной и продолжительной борьбѣ, которую они вели съ настойчивостью вполнѣ заслуживающею нашего удивленія. Во главѣ своей арміи они поставили сына Гереннія, Понція, который какъ и отецъ его, славился своимъ греческимъ философскимъ образованіемъ, талантами истиннаго полководца и храбростью, соединенною съ благоразуміемъ и хитростью. Въ 321 году до р. Х., на пятый годъ войны онъ жестоко отмстилъ римлянамъ за отказъ самнитамъ въ просимомъ ими мирѣ. Распустивъ ложный слухъ, онъ завлекъ обоихъ римскихъ консуловъ, Тита Ветурія и Спурія Постумія, въ засаду, гдѣ находились главныя силы самнитовъ; консулы вдались въ обманъ, углубились въ горы и безпечно расположились въ долинѣ, замыкавшейся съ обоихъ концовъ ущельями, называемыми, по имени одного сосѣдняго, самнитскаго города, Кавдинскими ущельями. Заманивъ туда римлянъ, Понцій хотѣлъ однимъ ударомъ уничтожить все ихъ войско. Придя въ эту долину, римляне съ ужасомъ увидѣли себя окруженными главными силами самнитовъ, которыя по ихъ предположенію должны были находиться въ другомъ мѣстѣ. Тѣснимое превосходными силами самнитовъ, римское войско не могло никуда двинуться. Въ этомъ безвыходномъ положеніи консулы были принуждены сдаться со всѣмъ своимъ войскомъ, состоявшимъ отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ.

Самниты были въ большомъ затрудненіи, не зная, какъ воспользоваться своимъ успѣхомъ. Римскіе историки, описывая это событіе и переговоры между Понціемъ и римлянами, влагаютъ въ уста римскихъ парламентеровъ и отца Понція, бывшаго совѣтникомъ своего сына, воззрѣнія свои на взаимныя отношенія обоихъ народовъ. Они говорятъ, что этотъ старецъ, жившій въ сосѣднемъ Кавдіумѣ, совѣтовалъ своему сыну перебить всѣхъ захваченныхъ римлянъ или отпустить ихъ безъ всякихъ условій. Мы не знаемъ, насколько достовѣренъ этотъ разсказъ, но только Понцій не принялъ совѣта своего отца, а выбралъ самый худшій образъ дѣйствій. Онъ заключилъ съ консулами договоръ, оставшійся неисполненнымъ послѣдними, какъ вынужденный самыми стѣсненными обстоятельствами, и подвергнулъ римское войско позору, который долженъ былъ принудить римлянъ употребить всѣ усилія, чтобы отмстить за оскорбленную честь. По этому договору римляне обязывались очистить всѣ самнитскія владѣнія, уничтожить основанныя тамъ колоніи и жить съ самнитами въ мирѣ, какъ съ независимымъ народомъ. Получивъ обратно оружіе и лошадей, римское войско было отпущено, пройдя подъ составленнымъ изъ трехъ кольевъ игомъ; только шесть сотъ всадниковъ должны были остаться у самнитянъ въ качествѣ заложниковъ.

Извѣстіе о пораженіи въ Кавдинскихъ ущельяхъ и возвращеніе побѣжденнаго и обезчещеннаго войска распространили въ Римѣ такой же ужасъ, какъ и пораженіе при рѣкѣ Алліи. Весь городъ одѣлся въ трауръ, всѣ дѣла остановлены, консулы должны были сложить свое званіе и на мѣсто ихъ былъ назначенъ диктаторъ. Сенатъ призналъ заключенный договоръ недѣйствительнымъ по несоблюденію формальности, такъ какъ договоръ этотъ былъ заключенъ безъ содѣйствія фециала, т. е. одного изъ жрецовъ, который долженъ былъ, по римскому обычаю, совершать религіозныя церемоніи при заключеніи мира (стр. 535). Основываясь на этомъ, римскій сенатъ отказался принять этотъ договоръ, и выдалъ самнитамъ тѣхъ, которые заключили его. Говорятъ, что консулъ Постумій, бывшій главнымъ виновникомъ этого несчастія, первый же и предложилъ принять эту мѣру; онъ, его товарищи и другія лица, подписавшія договоръ, были немедленно отправлены въ оковахъ въ Кавдіумъ и выданы самнитскому полководцу, который тотчасъ же отослалъ ихъ обратно. Такимъ образомъ сенатъ достигъ своей цѣли, возстановивъ упадшій духъ обезчещеннаго войска. Постумій же, по словамъ преданія, позаботился о томъ, чтобы это рѣшеніе не показалось нарушеніемъ слова и не устрашило бы народъ при возобновленіи войны. Въ то время какъ римскій фециалъ выдавалъ его самнитамъ, Постумій объявилъ, что теперь онъ болѣе не римлянинъ, а самнитскій рабъ, толкнулъ фециала ногой и

тѣмъ самымъ оскорбилъ священную личность римскаго посла и жреца. Не смотря на всю нелѣпость этой сказки; римскіе историки приводятъ ее въ доказательство того, что римляне имѣли, повидимому, причину начать снова войну. По словамъ этихъ историческихъ писателей, честь римлянъ была самымъ блистательнымъ образомъ возстановлена на слѣдующій годъ послѣ Кавдинскаго пораженія. Консулъ Квинтъ Публилій Филонъ нанесъ самнитамъ близъ Кавдинскихъ ущелій сильное пораженіе, а другой консулъ, Луцій Папирій Курсоръ, овладѣлъ апулійскимъ городомъ Луперіею, захватилъ находившихся въ немъ римскихъ заложниковъ и оружіе, разбилъ наголову подъ стѣнами этого города самнитское войско и загладилъ кавдинскій позоръ римлянъ тѣмъ, что заставилъ пройти подъ игомъ всѣхъ захваченныхъ въ этомъ городѣ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ находился и самъ Понцій.

Война продолжалась еще шестнадцать лѣтъ, не смотря на множество пораженій, по словамъ римскихъ историковъ, испытанныхъ самнитами. Римляне въ то время утвердились въ Апуліи по другую сторону Апенниновъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что разсказы объ отдѣльныхъ событіяхъ этой кровопролитной войны сильно преувеличены. Если дѣйствительно происходило столько сраженій, какъ говорятъ римскія лѣтописи, и въ сраженіяхъ этихъ оставалось иногда на полѣ битвы отъ двадцати до тридцати тысячъ человѣкъ, то трудно предположить, чтобы сенатъ, всегда понимавшій свои выгоды, могъ заключить съ самнитами такой выгодный для нихъ миръ. Въ 304 году до р. Х. былъ заключенъ договоръ, по которому самниты хотя и отказались отъ господства надъ латинами и союза съ нѣкоторыми незначительными одноплеменными имъ народами, но не потеряли ни малѣйшаго клочка своихъ владѣній.

Миръ этотъ доставилъ римлянамъ, сенатъ которыхъ всегда спокойно и настойчиво стремился къ своимъ цѣлямъ, возможность окончить предпріятія, начатыя ими во время этой войны. Апулія была окончательно покорена еще во время войны, точно такъ же какъ и поселившееся въ Кампаніи племя авзоновъ, отпавшее отъ Рима во время самнитской войны. Не довольствуясь этимъ, римляне умертвили большую часть авзоновъ и, обративъ остальныхъ въ рабство, совершенно истребили этотъ народъ (314 г. до р. Х.). Во время самнитской войны завязалась также кровопролитная борьба и съ этрусками, которые, вѣроятно, вслѣдствіе частыхъ набѣговъ галловъ на ихъ земли, долгое время не вмѣшивались въ событія, совершавшіяся въ Средней Италіи, но въ тринадцатый годъ самнитской войны рѣшились взяться за оружіе и воспользоваться затруднительнымъ, повидимому, положеніемъ римлянъ.

Прошло цѣлыхъ два года, прежде чѣмъ различныя этрусскія государства, могли согласиться между собою, и когда наконецъ войска ихъ вышли въ походъ они быстро сокрушились въ борьбѣ съ могуществомъ римлянъ и своею собственною слабостью. Слабый союзъ этрусковъ никакъ не могъ устоять противъ государства, которое съ чисто военнымъ единствомъ и аристократическою твердостью управляло союзниками, какъ своими гражданами и подданными. Этруски начали войну нападеніемъ на римскую колонію Сутріумъ. Сраженіе, данное имъ консуломъ Квинтомъ Эмиліемъ Барбулою, осталось нерѣшеннымъ. Этруски осадили послѣ того Сутріумъ. Одинъ изъ консуловъ, избранныхъ въ слѣдующемъ году, Квинтъ Фабій Максимъ Рулліанъ, посланный противъ нихъ, не испугался превосходства ихъ силъ. Онъ проложилъ себѣ путь чрезъ густой циминскій нагорный лѣсъ въ Этрурію, напалъ на союзныхъ этрусковъ и разбилъ не только ихъ, но и соединившихся съ ними умбровъ. Въ одномъ только этомъ сраженіи римляне убили и взяли въ плѣнъ около шестидесяти тысячъ непріятелей. Если этруски и умбры дѣйствительно потерпѣли такое ужасное пораженіе, то это должно приписать единственно тому, что они безразсудно выставили противъ отборной части римскихъ войскъ, предводительствуемой искуснѣйшими полководцами, свое необученное и небывавшее никогда въ дѣлѣ ополченіе. Послѣдствія такого безразсудства легко можно было предвидѣть. Умбры въ томъ же году покорились римлянамъ на весьма тягостныхъ условіяхъ, а этрусскій союзъ совершенно распался, какъ это всегда бывало съ нимъ по пораженіи, и въ концѣ второй самнитской войны отдѣльныя государства его заключили съ Римомъ перемиріе.

Въ продолженіе второй самнитской войны подняли противъ Рима оружіе герники, эквы, марсы и другіе незначительные горные народы, но были всѣ по-

бѣждены римлянами. Покоривъ ихъ, римляне обошлись съ нѣкоторыми изъ нихъ подружески, чтобы привязать ихъ къ Риму, и наказали со всею строгостью другихъ, чтобы сдѣлать ихъ безвредными.

7. Третья самнитская война.

Черезъ шесть лѣтъ по окончаніи второй самнитской войны вспыхнула въ 298 году до р. Х. третья, по поводу событій въ Луканіи. Самниты начали войну съ луканцами и вели ее такъ счастливо, что самостоятельности Луканіи угрожала большая опасность. Это было совершенно противно видамъ римской политики; римляне приняли сторону луканцевъ, потребовали отъ самнитовъ очищенія почти уже завоеванной ими страны и, получивъ отказъ, тотчасъ же послали туда свое войско. Новая война могла быть тѣмъ болѣе опасною и трудною для римлянъ, что почти въ то же время возстали жители Апуліи, этруски, умбры и галлы противъ Рима. Первые три народа заключили союзъ съ самнитами, а галлы, еще прежде служившіе наемниками въ этрусскихъ войскахъ противъ римлянъ, начали теперь войну по собственному побужденію, такъ какъ римляне, утвердившись незадолго передъ тѣмъ въ умбрскихъ и этрусскихъ Аппенинахъ, препятствовали ихъ хищническимъ набѣгамъ на Среднюю Италію.

Союзъ самнитовъ съ этрусками, умбрами и жителями Апуліи былъ впрочемъ не такъ опасенъ, какъ это казалось съ перваго взгляда, потому что римляне еще въ самомъ началѣ вспыхнувшей войны владѣли уже всѣми горными проходами, которые вели изъ страны самнитовъ въ земли ихъ союзниковъ. Но зато война съ коренными самнитами можетъ считаться самою ужасной изъ всѣхъ войнъ, веденныхъ Римомъ. Съ самаго начала она приняла свирѣпый характеръ: римляне начали и окончили ее безчеловѣчными поступками и систематическимъ опустошеніемъ страны; они точно такъ же свирѣпствовали въ Самніумѣ, какъ адскія колонны французской республики въ Вандеѣ, предавая огню богатые села и города, какъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія войска Лудовика XIV въ Пфальцѣ. Въ третьей самнитской войнѣ предводителемъ самнитовъ является тотъ же Понцій, на ряду съ которымъ прославился своими талантами Геллій Эгнацій.

Самою рѣшительною эпохою этой войны былъ 295 годъ до р. Х., хотя и послѣ того нѣсколько лѣтъ продолжались военныя дѣйствія. Римляне избрали на этотъ годъ консулами обоихъ своихъ великихъ полководцевъ, Квинта Фабія Максима Рулліана и Публія Деція Муса Младшаго, потому что война начала принимать опасный для Рима оборотъ. Самниты съ одной стороны завладѣли Кампаніей, а съ другой стороны, соединились за Апеннинами съ этрусками, умбрами и галлами. Вскорѣ по вступленіи въ свою должность, консулы двинулись противъ соединенныхъ непріятельскихъ войскъ и сошлись съ ними при умбрскомъ городѣ Сентинумѣ. Но между союзниками господствовало тайное недовѣріе другъ къ другу и, къ счастью для римлянъ, незадолго передъ битвою этрусскія войска, получивъ извѣстіе объ опустошеніяхъ, производимыхъ въ Этруріи однимъ римскимъ отрядомъ, должны были поспѣшить на защиту своего отечества. Битва была чрезвычайно упорною, и побѣда долгое время оставалась нерѣшенною. Находившаяся подъ начальствомъ Деція часть римскаго войска была уже отброшена и пришла въ такой безпорядокъ, что Децій счелъ необходимымъ послѣдовать примѣру своего отца и принесть себя въ жертву богамъ ада, чтобы возстановить мужество своихъ воиновъ. Своею смертью онъ исторгъ побѣду изъ рукъ враговъ, и въ то же время подоспѣла помощь, присланная его товарищемъ Фабіемъ. Самниты были разбиты наголову, потерявъ двадцать тысячъ человѣкъ убитыми и восемь тысячъ плѣнными. Вся же потеря римлянъ простиралась только до 8 тысячъ человѣкъ. Огромный уронъ союзниковъ и смерть знаменитаго ихъ полководца, Геллія Эгнація, убитаго въ сраженіи вмѣстѣ съ цвѣтомъ самнитской арміи, повлекли за собою расторженіе союза. Набѣги галловъ и военныя дѣйствія въ Этруріи и Самніумѣ продолжались еще нѣсколько лѣтъ, но сообщенія между землями союзниковъ были прерваны, и вскорѣ послѣ того этрусскія города поспѣшили заключить съ Римомъ отдѣльные мирные трактаты. Этруріе и

Умбрія были покорены навсегда; нѣкоторые отдѣльные города и округи возставали иногда противъ ненавистнаго имъ Рима, но всѣ эти возстанія только облегчали римлянамъ основаніе колоній и совершенное порабощеніе страны.

Совершенно другія послѣдствія имѣла эта война для самнитовъ. Это свободное, энергическое и славившееся простотою своихъ нравовъ племя долго и упорно отстаивало свою независимость. Потому война въ Самніумѣ сдѣлалась въ послѣдніе годы еще ужаснѣе и безчеловѣчнѣе, чѣмъ въ началѣ. Лучшими римскими полководцами были въ то время Луцій Папирій Курсоръ Младшій и Курій Дентатъ. Предвидя конецъ борьбы, самниты все-таки продолжали геройски защищать свое отечество, производя безпрестанные набѣги на владѣнія римлянъ и даже вступая въ правильныя битвы съ послѣдними. Не смотря на множество пораженій, они снова вступали въ бой съ непріятелемъ, и римляне достигли своей цѣли не прежде, какъ опустошивъ одинъ за другимъ всѣ округи и мѣстности Самніума. Уцѣлѣвшіе самниты подчинились наконецъ римскому владычеству подъ разными условіями (290 г. до р. Х.). Въ послѣдней битвѣ, въ которой римскими войсками командовалъ Квинтъ Фалій Максимъ Гургъ при содѣйствіи своего знаменитаго отца Рулліана, былъ взятъ въ плѣнъ римлянами славный полководецъ Понцій. Говорятъ, что его привезли въ Римъ, водили тамъ по улицамъ въ цѣпяхъ, а потомъ отрубили ему голову. Случай этотъ, если только онъ справедливъ, доказываетъ, какъ далеко удалились римляне отъ духа чистаго рыцарства, который одинъ можетъ заставить насъ взглянуть безъ глубокой ненависти на народъ, дѣлающій изъ бойни людей свое ремесло.

8. Событія между третьей самнитской и тарентскою войнами.

Покореніемъ самнитовъ было положено самое прочное основаніе римскому владычеству въ Италіи. Тотчасъ по окончаніи самнитской войны были подчинены сабины, вѣроятно, помогавшіе самнитянамъ: они получили права римскаго гражданства, но безъ дозволенія участвовать въ комиціяхъ. Въ это время владѣнія римлянъ простирались на сѣверѣ до границъ галльскихъ владѣній, а на югѣ до греческихъ колоній въ Нижней Италіи. Поэтому римляне должны были начать войну прежде всего съ этими двумя народами, и военныя дѣйствія открылись первоначально въ Верхней Италіи.

Однимъ изъ поводовъ къ этой войнѣ было то обстоятельство, что близкое сосѣдство римскихъ военныхъ колоній мѣшало галламъ продолжать разбойничьи набѣги на Среднюю Италію, съ другой же стороны, и большинство этрусскихъ городовъ стремилось свергнуть съ себя римское иго. Въ 285 г. до р. Х. возстали жители Вольсиніевъ и сдѣлали попытку завладѣть чрезвычайно важнымъ для Рима городомъ Аpоціумомъ, при чемъ имъ оказали помощь и сосѣднія племена галловъ. Римская архія, подъ начальствомъ Курія Дентата, разбила ихъ на голову и вторглась въ страну галльскаго народа сеноновъ. Принудивъ ихъ покорится, Курій Дентатъ основалъ въ ихъ странѣ колонію Сесу (нынѣшнюю Синигалью), сдѣлавшуюся важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Основаніе этой колоніи такъ устрашило боіевъ, галльское племя, жившее къ сѣверу отъ сеноновъ, что они заключили союзъ противъ Рима съ сенонами, жителями Вольсиніевъ и другими этрусскими городами. Высланное противъ нихъ войско потерпѣло полное пораженіе, оставивъ на мѣстѣ битвы до 13,000 человѣкъ (283 г. до р. Х.). Консулъ Публій Корнелій Долабелла отмстилъ за это пораженіе опустошительнымъ вторженіемъ въ землю сеноновъ. Онъ разорилъ ихъ страну, перерѣзалъ всѣхъ жителей мужескаго пола, а женщинъ и дѣтей отвелъ въ рабство. Изъ владѣній сеноновъ Долабелла отправился въ Этрурію и, разбивъ здѣсь въ двухъ сраженіяхъ союзниковъ, принудилъ этрусковъ просить мира. Миръ этотъ былъ дарованъ имъ на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ, потому что римляне вели въ то время опасную войну въ Нижней Италіи, требовавшую сосредоточенія тамъ всѣхъ силъ. Этруски остались по видимому независимыми, но неизвѣстно положительно, какія они приняли на себя обязательства. Впослѣдствіи, когда римляне опять могли дѣйствовать свободно,

этруски безъ всякаго труда были окончательно покорены, потому что этотъ лишенный всякаго единства и изнѣженный народъ никакъ не могъ противиться энергіи и мужеству римлянъ.

9. Тарентская война и совершенное покореніе Нижней и Средней Италіи.

Греческія колоніи Нижней Италіи, съ давнихъ поръ страшно терпѣвшія отъ нападеній сиракузскихъ тирановъ и разбоевъ луканцевъ и брутійцевъ, наконецъ вынуждены были просить помощи у своихъ соотечественниковъ въ собственной Греціи. Въ 345 г. до р. Х. прибылъ въ Италію приглашенный тарентинцами спартанскій царь, Архидамъ III, сынъ знаменитаго Агесилая, и въ продолженіе семи лѣтъ воевалъ съ луканцами, пока не былъ убитъ въ одномъ сраженіи. По смерти его тарентинцы обратились къ эпирскому царю, Александру I (стр. 486); но и этотъ искатель приключеній былъ убитъ въ одномъ изъ своихъ походовъ противъ луканцевъ (325 до р. Х.). Есть извѣстіе, впрочемъ ничѣмъ не подтверждающееся, что Александръ воевалъ съ самнитами и заключилъ противъ нихъ союзъ съ римлянами. Двадцать лѣтъ спустя явился изъ Греціи въ Нижнюю Италію искать приключеній сынъ спартанскаго царя, Клеонимъ, также приглашенный тарентинцами противъ тѣснившихъ ихъ луканцевъ (стр. 489). Приведя съ собою пять тысячъ греческихъ наемниковъ и набравъ въ Италіи еще новыя толпы искателей приключеній, онъ присоединилъ ихъ къ тарентинскому войску и, благодаря численному перевѣсу своихъ войскъ, заставилъ луканцевъ просить мира. Изъ страсти къ грабежу, онъ соединился потомъ съ своими прежними противниками, овладѣлъ хитростью богатымъ греческимъ городомъ Метапонтомъ и, поселившись въ немъ, предался тамъ, какъ Димитрій Поліоркетъ въ Аѳинахъ, самому неистовому распутству. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился грабить островъ Коркиру. Черезъ годъ Клеонимъ снова возвратился въ Нижнюю Италію, разграбилъ и разорилъ Мессапію и даже покорилъ городъ Турій, но, какъ говорятъ, былъ разбитъ призванными на помощь римлянами подъ начальствомъ консула Марка Эмилія Павла и принужденъ отступить. Потомъ онъ отправился въ Верхнюю Италію и, высадившись въ окрестностяхъ нынѣшней Венеціи, разорилъ ихъ, но былъ прогнанъ жителями къ своимъ кораблямъ и отправился обратно въ Грецію.

Греческія колоніи Нижней Италіи смотрѣли съ тѣхъ поръ на римлянъ, проникшихъ въ Мессапію вслѣдствіе набѣга Клеонима, какъ на своихъ истинныхъ друзей, нѣкоторыя изъ нихъ даже приняли къ себѣ римскіе гарнизоны. Если бы греческіе города Нижней Италіи дѣйствовали единодушнѣе и образовали между собою союзъ, то, безъ сомнѣнія, они не нуждались бы въ чужой помощи; но, оставаясь всегда разъединенными и постоянно враждуя между собою, они были жертвою разбойническихъ набѣговъ брутійцевъ и луканцевъ и становились самою легкою добычею того, кто нападалъ на нихъ или являлся къ нимъ на помощь. Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ греческія колоніи Нижней Италіи во время покоренія Самніума римлянами были разрушены или находились въ состояніи страшнаго упадка. Самымъ цвѣтущимъ и могущественнымъ греческимъ городомъ Нижней Италіи былъ тогда Т а р е н т ъ, богатство котораго было причиною развращенія нравовъ его жителей. Впрочемъ и этотъ городъ, какъ видно изъ частыхъ просьбъ о помощи у греческихъ владѣтелей, уже тогда лишился всѣхъ своихъ внутреннихъ силъ. По покореніи римлянами почти всей Средней Италіи, Тарентъ вступилъ съ послѣдними въ борьбу, окончившуюся, какъ и слѣдовало ожидать, потерею его независимости.

Историки древности утверждаютъ, что еще прежде, но когда именно—неизвѣстно, тарентинцы заключили съ римлянами договоръ, по которому послѣдніе обязались не заходить на своихъ военныхъ корабляхъ восточнѣе мыса Лацинія (теперь capo della Colonna), т. е. не входить въ Тарентскій заливъ. Хотя извѣстіе это и не вполнѣ достовѣрно, но все-таки этотъ любопытный фактъ имѣетъ важное значеніе для опредѣленія относительнаго могущества на морѣ римлянъ и тарентинцевъ, указывая, что морскія сношенія римлянъ были гораздо обширнѣе, чѣмъ

это предполагали сами римскіе писатели. Какъ бы то ни было, но тарентинцы должны были опасаться за свою свободу, когда близъ лежащія греческія колоніи для защиты отъ луканцевъ и брутійцевъ пригласили къ себѣ римскіе гарнизоны, и потому весьма вѣроятно, что послѣ третьей самнитской войны тарентинцы дѣйствительно старались возбуждать противъ римлянъ возстанія въ Самніумѣ и Луканіи. Такимъ образомъ между Римомъ и Тарентомъ вспыхнула война, давно подготовленная ходомъ предшествующихъ событій. Поводомъ къ этой войнѣ было слѣдующее. Въ числѣ прочихъ колоній, принявшихъ къ себѣ римскіе гарнизоны, былъ и Турій, расположенный на берегу Тарентскаго залива. Сообщеніе между Туріемъ и Римомъ было только моремъ, и сношенія между этими городами поддерживались десятью римскими военными кораблями. Повидимому, тарентинцы сначала не обращали вниманія на появленіе римскихъ судовъ въ ихъ водахъ. Въ Тарентской республикѣ господствовала самая крайняя демократія, и въ послѣднее время настроеніе народа становилось все враждебнѣе и враждебнѣе къ римлянамъ. Этимъ воспользовался одинъ изъ демагоговъ и увлекъ своихъ согражданъ къ нападенію на римскіе корабли. Воспламененные его рѣчью, тарентинцы снарядили маленькую эскадру, напали на римскіе корабли, завладѣли однимъ изъ нихъ, потопили четыре и выгнали остальные изъ залива. Послѣ того демократическое правительство отправило въ Турій войско, которое ворвалось въ городъ при содѣйствіи народной партіи, и изгнали аристократовъ, по настоянію которыхъ былъ принятъ римскій гарнизонъ. Римляне были отпущены невредимыми, а имущество изгнанной аристократіи раздѣлено между народомъ.

Римъ, какъ и всегда, былъ очень радъ имѣть поводъ овладѣть Тарентомъ, богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ городомъ Нижней Италіи, и отправилъ туда съ самыми грозными требованіями посольство, во главѣ котораго находился Луцій Постумій. Между прочимъ сенатъ требовалъ отъ тарентинцевъ возвращенія изгнанныхъ ими турійскихъ аристократовъ, вознагражденія ихъ за конфискованное имущество и выдачи римлянамъ тарентскихъ гражданъ, бывшихъ виновниками нарушенія мира. Тарентскія власти сначала не рѣшались ввести въ народное собраніе римскихъ пословъ, предвидя, что могутъ произойти непріятности. Дѣйствительно, когда римскіе послы явились въ собраніе, народъ не позволилъ имъ сказать ни одного слова, и какой-то простолюдинъ позволилъ себѣ противъ нихъ дерзкую выходку, встрѣченную одобрѣніемъ и рукоплесканіями всѣхъ присутствовавшихъ. Глубоко оскорбленные этимъ, римляне тотчасъ же послали противъ Тарента войско подъ начальствомъ консула Луція Эмилія Барбулы (281 г. до р. X.).

Государственное устройство Тарента походило тогда на аѳинское временъ Клеона или Стратокла (стр. 214), но нравы были еще испорченнѣе, чѣмъ въ Аѳинахъ. Ослѣпленные и изнѣженные тарентинцы, призывавшіе еще прежде на помощь къ себѣ Александра и Клеонима, теперь снова, чтобы спасти себя, прибѣгнули къ средству, которое только увеличило зло. Всѣ убѣжденія болѣе благоразумныхъ гражданъ, что нельзя избавиться отъ бѣды, накликая на себя еще большую опасность, разбились о малодушіе и трусость народа, и собраніе рѣшило просить помощи у эпирскаго царя Пирра. Это приглашеніе было принято имъ съ такимъ же безразсудствомъ, съ какимъ оно было сдѣлано тарентинцами. Онъ обманулся безсовѣстными преувеличеніями пословъ, утверждавшихъ, что Тарентъ соединился съ мессапійцами, луканцами и самнитами и въ состояніи выставить до двадцати тысячъ конницы и трехъ сотъ пятидесяти тысячъ пѣхоты. Съ какимъ безстыдствомъ лгали послы, можно видѣть изъ того, что вся нынѣшняя Калабрія имѣла тогда не болѣе одного милліона жителей, а для того, чтобы выставить поголовное ополченіе въ 350,000 ч., было необходимо населеніе по крайней мѣрѣ въ 4 или 5 милліоновъ. Впрочемъ Пирръ и не думалъ объ этотъ; онъ занимался военнымъ дѣломъ какъ ремесломъ, и по своему странному и причудливому характеру часто бросался отъ одного предпріятія къ другому. Въ то время онъ мечталъ о покореніи Македоніи (стр. 491), но, отчаяваясь въ успѣхѣ этого предпріятія отказался отъ него, когда противники его, Птолемей Кeравнъ, Антигонъ Гонатъ и Антіохъ Сотеръ, чтобы избавиться отъ него, предложили ему свою помощь для похода въ Италію. Птолемей далъ денегъ, Антигонъ корабли

для переѣзда, Антіохъ ссудилъ его девятью тысячами наемниковъ и пятидесятью военными слонами.

Прежде всего Пирръ послалъ въ Тарентъ три тысячи эпиротовъ подъ начальствомъ милона, а вслѣдъ за нимъ своего канцлера, ѳессалійца Кинеаса, опытнаго государственнаго человѣка, принадлежавшаго къ числу придворныхъ греческихъ философовъ изящной школы того времени. Вскорѣ послѣ того онъ и самъ прибылъ въ Италію съ двадцатипятитысячнымъ войскомъ (281 г. до р. Х.), но, явившись въ Тарентъ, тотчасъ же увидѣлъ, что былъ обманутъ пустыми обѣщаніями. Ему пришлось даже прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы заставить тарентинцевъ взяться за оружіе; но малодушный народъ сталъ покидать городъ толпами, какъ только Пирръ принялся серьезно набирать войско и обучать его. Смѣнивъ по настоянію Кинеаса предводителя своихъ войскъ и пустивъ въ цитадель войска Милона, тарентинцы очутились совершенно во власти эпирскаго царя, а отказавшись отъ всѣхъ предложеній римскаго консула Эмилія, были страшно стѣснены послѣднимъ. При появленіи Пирра римляне были вынуждены снять начатую ими осаду города, но зато приняли всѣ мѣры, чтобы не допустить луканцевъ и самнитовъ принять участіе въ войнѣ.

Царь эпирскій началъ войну опустошеніемъ всѣхъ греческихъ городовъ, не захотѣвшихъ присоединиться къ нему, и въ самыхъ заносчивыхъ выраженіяхъ предложилъ римлянамъ, которые (въ 280 г. до р. Х.) выслали противъ него войско подъ начальствомъ консула Публія Валерія Левина, свое посредничество для рѣшенія ихъ спора съ Тарентомъ. Левинъ отвѣчалъ на его посланіе совершенно въ римскомъ духѣ. Смѣясь надъ безразсудною хвастливостью Пирра, онъ объявилъ ему, что не можетъ допустить вмѣшательства чужеземца въ дѣла Италіи и что Римъ рѣшаетъ свои споры только оружіемъ. Повидимому, Пирръ дѣйствительно считалъ римлянъ невѣждами въ военномъ искусствѣ и сильно удивился, познакомившись съ ихъ вооруженіемъ, эволюціями, устройствомъ лагеря, и не замѣтивъ нигдѣ слѣдовъ варварства. Оба войска встрѣтились при Гераклеѣ на Сирисѣ. Левинъ проигралъ это сраженіе, какъ говорятъ, потому, что въ этой битвѣ римляне впервый разъ увидѣли военныхъ слоновъ; вѣроятнѣе же, что сраженіе было проиграно потому, что Пирръ имѣлъ превосходную и многочисленную кавалерію, въ которой римляне всегда чувствовали недостатокъ. Недешево однако досталась эта побѣда и Пирру: онъ потерялъ въ этотъ день не менѣе 4,000 человѣкъ. Напрасно предлагалъ онъ плѣннымъ римлянамъ вступить въ его службу, ни одинъ изъ нихъ не согласился измѣнить отечеству.

Пирръ превосходно воспользовался своею побѣдою. Онъ заставилъ нерѣшительныхъ грековъ всѣхъ занятыхъ римлянами городовъ, исключая Ревія, прогнать отъ себя римскіе гарнизоны, быстро соединился потомъ съ отрѣзанными отъ Тарента луканцами и самнитами, перешелъ Аппенины и неожиданно явился въ Кампаніи. Но у него не было одного изъ важнѣйшихъ качествъ великаго полководца—пониманія характера тѣхъ народовъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, и дарованій непріятельскихъ военачальниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ безъ сравненія ниже Ганнибалла, который былъ непобѣдимъ потому, что понималъ съ перваго же взгляда своего противника. Какъ мало зналъ онъ римлянъ, предполагая, что будетъ въ состояніи послѣ битвы при Гераклеѣ пополнить свое войско плѣнными римлянами и латинами, какъ дѣлалъ это прежде съ греческими наемниками! Явившись въ Кампанію, онъ хотѣлъ заставить находившіеся въ тѣсномъ союзѣ съ Римомъ города Капую и Неаполь передаться на его сторону, не сообразивъ того, что оба эти города были въ самой непримиримой враждѣ съ союзниками его, самнитами. Понятно, что при такомъ незнаніи людей и положенія дѣлъ всѣ его труды должны были остаться безплодными. Проникнувъ во внутренность Лаціума, Пирръ приблизился уже къ Риму на разстояніе семи нѣмецкихъ миль, какъ вдругъ внезапно былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ римскимъ войскомъ, возвращавшимся изъ Этруріи. Онъ тотчасъ же рѣшился отступить чрезъ Кампанію въ Тарентъ и расположилъ войска на зимнихъ квартирахъ въ подвластныхъ ему греческихъ городахъ.

Не обладая достаточнымъ числомъ крѣпостей и не имѣя ни одного надежнаго союзника, Пирръ долженъ былъ вести продолжительную и трудную войну.

Познакомившись хорошо съ римлянами, онъ, какъ человѣкъ безпокойный и нетерпѣливый, не чувствовалъ никакой охоты продолжать ее и, предвидя скорый недостатокъ въ деньгахъ, сдѣлалъ попытку склонить римлянъ къ миру. Съ этою цѣлью посланъ былъ въ Римъ Кинеасъ, который старался расположить сенатъ къ миру, предлагая безвозмездно освободить римлянъ, значительное число которыхъ находилось въ плѣну у эпиротовъ и которымъ угрожало рабство въ отдаленныхъ краяхъ. За это онъ требовалъ только признанія независимости союзныхъ съ Пирромъ итальянскихъ государствъ, на что римляне могли согласиться безъ особеннаго для себя ущерба. Кинеасъ, котораго одинъ изъ древнихъ писателей сравниваетъ съ Демосѳеномъ, умѣлъ представить свои предложенія въ такомъ выгодномъ свѣтѣ и такъ искусно привлечь на свою сторону римскихъ вельможъ, что сенатъ уже началъ колебаться и склоняться въ пользу мира. Это противорѣчило однако одному изъ политическихъ принциповъ, которому постоянно слѣдовали древніе римляне и слѣдуютъ правительства новаго Рима—никогда и ни въ чемъ не дѣлать уступокъ. Соблюденіемъ этого правила и въ настоящемъ случаѣ Римъ былъ обязанъ члену одной фамиліи, которая всегда отличалась своею непоколебимою стойкостью, упорно защищала всѣ права патриціевъ и теперь въ первый и, быть можетъ, единственный разъ сдѣлалась популярною. Старикъ Аппій Клавдій, тридцать лѣтъ тому назадъ занимавшій должность цензора, убѣдилъ сенатъ держаться старинныхъ принциповъ римской политики. Этотъ человѣкъ, представлявшій собою живой образецъ твердости, стойкости, строгости и простоты жизни древнихъ римскихъ патриціевъ, узнавъ о переговорахъ съ Пирромъ, приказалъ принести себя въ сенатъ, который онъ уже давно не посѣщалъ по дряхлости и слѣпотѣ. Произнесенная имъ въ сенатѣ рѣчь была полнѣйшимъ выраженіемъ римской гордости, и такъ сильно подѣйствовала на слушателей, что сенатъ въ тоже засѣданіе рѣшился отказать Пирру. Слова, сказанныя Кинеасомъ по возвращеніи его къ Пирру, даютъ намъ такое же высокое понятіе о гордости и достоинствѣ правителей Рима, какъ и самый подвигъ слѣпаго Аппія Клавдія. Кинеасъ, привыкшій имѣть дѣло только съ властями греческихъ республикъ, увидѣлъ въ Римѣ республику, сенатъ которой составлялъ самый рѣзкій контрастъ съ ничтожными греческими правителями той эпохи. Исполненный удивленія передъ этимъ государствомъ, онъ, какъ говорятъ, сказалъ Пирру, что «римскій сенатъ показался ему собраніемъ царей.»

Освобожденіе плѣнныхъ было такъ важно для римлянъ, что они отправлили къ Пирру трехъ наиболѣе уважаемыхъ людей, которые могли дать царю самое высокое понятіе о характерѣ, военныхъ талантахъ и опытности римскихъ полководцевъ. Посольство это состояло изъ Кая Фабриція Луscина, одержавшаго передъ самымъ появленіемъ Пирра въ Италіи славную побѣду надъ луканцами и завладѣвшаго союзнымъ съ ними Туріемъ, Квинта Эмилія Папа, принудившаго боіевъ къ миру, и Публія Корнелія Долабеллы, покорившаго и истребившаго сенонскихъ галловъ. При этомъ случаѣ Пирръ прибѣгнулъ къ средству, которое почти всегда имѣло успѣхъ у греческихъ полководцевъ и даже царей той эпохи, но на этотъ разъ попытки его склонить подкупомъ въ свою пользу главу посольства, Фабриція, не имѣвшаго никакихъ другихъ драгоцѣнностей, кромѣ серебряной солонки и серебряной же чаши для жертвоприношеній, остались безуспѣшными. Фабрицій съ благородною гордостью возвратилъ даже дорогой подарокъ, присланый ему Пирромъ, въ знакъ личнаго уваженія къ нему. Одинъ греческій анекдотистъ разсказываетъ, что Пирръ, желая потомъ испытать присутствіе духа Фабриція, приказалъ неожиданно подвести къ нему слона, и что Фабрицій съ усмѣшкой отвѣчалъ царю, что онъ такъ же мало боится слона, какъ и соблазняется предложенными ему деньгами. Анекдотъ этотъ слишкомъ недостоинъ Пирра и не можетъ считаться ничѣмъ другимъ какъ вымысломъ писателей, для которыхъ исторія служитъ только средствомъ для риторическихъ упражненій. Разсказъ этотъ пусть и останется достояніемъ риторовъ и живописцевъ, часто бравшихъ его сюжетомъ для своихъ описаній и картинъ. Впрочемъ римское посольство къ Пирру не имѣло никакого успѣха.

О продолженіи войны мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія; намъ извѣстно только, что вскорѣ послѣ переговоровъ, въ 279 г. до р. Х., произошла при апулійскомъ городѣ Аскулумѣ вторая битва между Пирромъ и римлянами.

Предводимые консуломъ Публіемъ Сульпиціемъ и товарищемъ его Публіемъ Деціемъ Мусомъ, сыномъ и внукомъ полководцевъ, прославившихся своимъ самопожертвованіемъ, римляне потерпѣли пораженіе. Какъ дорого стоила Пирру эта побѣда—можно судить по тому, что по разсказамъ историковъ, послѣ битвы у него вырвались слѣдующія слова: «еще одна такая побѣда и я погибъ.» Онъ потерялъ не менѣе 15,000 человѣкъ и въ томъ числѣ лучшихъ своихъ военачальниковъ. Не ожидая себѣ сильной поддержки отъ союзниковъ и не предвидя возможности получить подкрѣпленія изъ Греціи, въ которую опустошительнымъ потокомъ вторгнулись орды галловъ (стр. 470), тогда какъ римляне очень легко пополняли убыль въ своихъ войскахъ, Пирръ старался не только избѣгать третьей битвы, но вообще и прекратить самую войну. Поэтому онъ съ радостью принялъ приглашеніе сиракузянъ, звавшихъ его въ Сицилію на помощь противъ Кареагенъ. Передъ своимъ выступленіемъ Пирръ, какъ кажется, нигдѣ не встрѣчался съ римлянами, но отпустилъ всѣхъ бывшихъ у него плѣнныхъ безъ всякаго выкупа. Основываясь на одномъ изъ многихъ анекдотовъ, которыми всегда искажается исторія человѣчества въ угоду ищущимъ развлеченія празднолюбцамъ, Пирръ поступилъ такъ великодушно по слѣдующей причинѣ; впрочемъ позднѣйшие писатели древности украсили этотъ разсказъ такими несообразностями и противорѣчіями, которыя уже одни доказываютъ, что событие это вымышлено и не можетъ принадлежать достовѣрной исторіи. Разсказываютъ, что придворный врачъ или какой-то другой приближенный Пирра послалъ Фабрицію, который былъ консуломъ въ годъ отступленія эпиротовъ изъ Италіи, письмо съ предложеніемъ отравить царя за извѣстную сумму. Фабриций тотчасъ же отправилъ это письмо къ Пирру, который въ благодарность за то освободилъ всѣхъ римскихъ плѣнниковъ.

Оставивъ въ Италіи только необходимое для занятія тарентской цитадели число войскъ, подъ начальствомъ Милона, Пирръ отправился въ Сицилію, гдѣ и пробылъ три года. Римляне превосходно воспользовались временемъ его отсутствія, покорили этрусковъ, возставшихъ во время войны съ Пирромъ, совершенно стѣснили самнитовъ, луканцевъ и брутійцевъ, и завладѣли многими греческими колоніями. Союзники Пирра стали просить его возвратиться въ Италію для ихъ спасенія. Онъ былъ самъ очень радъ предлогу покинуть Сицилію, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ предпріятій очутился въ такомъ же положеніи, какъ прежде въ Италіи. По прибытіи, въ 275 г. до р. Х., къ Таренту, онъ имѣлъ еще армію изъ 23,000 человѣкъ, но большая часть ея стояла изъ новобранцевъ. Римляне тотчасъ же послали двѣ арміи: одну подъ начальствомъ консула Манія Курія Дентата въ Самніумъ, другую съ консуломъ Корнеліемъ Лентуломъ въ Луканію. Увеличивъ свое войско тарентинцами способными носить оружіе, Пирръ выступилъ противъ первой арміи, былъ разбитъ на голову у Беневента и потерялъ почти всю свою армію; въ тоже время Лентулъ нанесъ пораженіе луканцамъ. Не будучи болѣе въ состояніи держаться въ Италіи, Пирръ бѣжалъ въ Грецію, гдѣ спустя нѣсколько лѣтъ былъ убитъ въ одномъ сраженіи. Онъ оставилъ въ Тарентѣ подъ начальствомъ Милона гарнизонъ, который вскорѣ по его смерти принужденъ былъ сдаться на капитуляцію и получилъ свободный выходъ, оставивъ тарентинцевъ на произволъ римлянъ. Тарентъ лишился своего флота, долженъ былъ срыть часть своихъ укрѣплений и принять къ себѣ римскій гарнизонъ.

Луканцы, брутійцы, самниты и другія возставшія племена были покорены вскорѣ послѣ отступленія Пирра. Остальные независимые греческие города Нижнѣй Италіи были также принуждены отворить свои ворота побѣдителямъ. Ихъ участь была различна: большинство изъ нихъ сохранило свои прежніе законы и учрежденія, потому что римляне мѣняли учрежденія завоеванныхъ народовъ только въ случаѣ крайней необходимости, но всѣ они должны были платить дань, выставлять свою молодежъ въ ряды римскаго войска и помогать послѣднему въ завоеваніяхъ, не раздѣляя ни славы, ни выгодъ его побѣдъ. Покореніемъ греческихъ городовъ, въ половинѣ третьяго вѣка до р. Х., было окончено порабощеніе Средней и Нижней Италіи. Для римлянъ завладѣніе полуостровомъ отъ южныхъ границъ Ломбардіи до Мессинскаго залива было началомъ всемірнаго могущества, для Италіи же вмѣстѣ съ римскимъ владычествомъ начался періодъ ея упадка.

Съ этихъ поръ Римъ распоряжается силами Италіи какъ своими собственными и съ помощью ихъ достигаетъ громаднаго величія, а итальянскія государства, не исключая и Лаціума, лишенныя самостоятельной жизни, начинаютъ приходить въ упадокъ и запустѣніе, теряя множество людей въ завоевательныхъ войнахъ Рима. Но и для римлянъ совершенное покореніе Италіи имѣло вредныя послѣдствія: съ этого времени начинаетъ исчезать между ними сельскій и воинственный бытъ и распространяется греческая роскошь.

Перемѣна въ характерѣ римлянъ была весьма значительна и происходила отъ того, что съ покореніемъ Нижней Италіи они вошли въ постоянныя сношенія съ испорченными греками обоихъ береговъ Іоническаго моря и Сициліи. До сихъ поръ римляне имѣли дѣло только съ народами, бытъ которыхъ имѣлъ много общаго съ римскимъ и потому не могъ имѣть на него слишкомъ вреднаго вліянія. Римскій народъ образовался изъ слiянія этрусковъ, латиновъ и самнитовъ, подъ вліяніемъ учрежденій и обычаевъ которыхъ сложился весь римскій бытъ. Народы эти, вмѣстѣ съ кампанцами и другими малочисленными племенами, покоренными римлянами, принимались въ римское войско и совершенно перерождались въ римлянъ, или предоставлялись сами себѣ и управлялись сами собою. Въ первомъ случаѣ они усвоивали себѣ воинственно-сельскіе нравы римлянъ, во второмъ же не имѣли никакого вліянія на послѣднихъ. Совершенно другія послѣдствія повлекло за собою покореніе Нижней Италіи. Въ войнѣ съ греческими торговыми городами римляне получили такую огромную добычу, какую не представлялъ имъ ни одинъ ихъ покоренныхъ ими до сихъ поръ итальянскихъ народовъ, кромѣ этрусковъ. Въ греческихъ военно-плѣнныхъ пріобрѣли они рабовъ, перенявшихъ на Востокѣ искусство нравиться своимъ господамъ раболѣпнымъ исполненіемъ всѣхъ ихъ прихотей; кромѣ того жители греческихъ городовъ, не исключая и высшихъ классовъ, представляли собою толпу негодяевъ, втиравшихся въ знатныя римскія фамиліи и вносившихъ съ собою развратъ. Все это должно было имѣть чрезвычайно вредное вліяніе на нравственный характеръ римлянъ, основывавшійся не на моральныхъ принципахъ, а на національныхъ привычкахъ. И какъ быстро совершилась эта перемѣна къ худшему въ духѣ и обычаяхъ римлянъ! Въ нѣсколько лѣтъ жители богатыхъ городовъ обѣихъ Калабрій были не только покорены, но ограблены и обращены въ рабство подъ предлогомъ наказанія за неоднократныя попытки къ возстанію. Привыкши къ чувственнымъ наслажденіямъ, греки перенесли свои порочныя наклонности и восточную роскошь къ римлянамъ, которые, быстро обогатившись насиліемъ, стремились насладиться благами жизни. Въ то же время, вслѣдствіе порабощенія луканцевъ и брутійцевъ въ Римѣ сильно увеличилось число рабовъ, грубость которыхъ римляне укрощали строгостью, скоро пріучившей ихъ къ жестокости.

Эти немногія замѣтки показываютъ, что, съ распространеніемъ римскаго владычества въ Нижней Италіи, самнито-римскіе нравы сильно измѣнились. Впрочемъ въ римскихъ преданіяхъ сохранились еще разсказы о М. К. Дентатѣ и полководцѣ, прославившемся въ первую пуническую войну, Атиліи Регулѣ,— герояхъ, которые по простотѣ и твердости могутъ сравняться съ Цинциннатомъ и Фабриціемъ. Говорятъ, что Регулъ владѣлъ всего семью югерами земли и просилъ однажды сенатъ уволить его отъ службы, на томъ основаніи, что управитель его умеръ и остановка въ сельскихъ работахъ привела семейство его въ крайность. О Куріи Дентатѣ разсказываютъ, что онъ встрѣтилъ самнитскую депутацію, явившуюся просить его быть патрономъ самнитовъ, сидя передъ своимъ домомъ на деревянной скамьѣ и ужиная рѣпою, которую онъ самъ испекъ въ золѣ. По словамъ того же преданія, онъ отказался отъ подарковъ, присланныхъ ему самнитами, сказавъ, что ему гораздо пріятнѣе быть патрономъ богача, чѣмъ самому владѣть богатствами. Подобные разсказы, которымъ, конечно, нельзя вѣрить буквально и которые кромѣ того искажались въ устахъ народа и подъ перомъ позднѣйшихъ риторовъ, встрѣчаются впослѣдствіи гораздо рѣже и могутъ служить доказательствами перемѣны, совершившейся въ національномъ характерѣ римлянъ послѣ покоренія ими Италіи. Хотя древніе самнитскіе нравы сохранялись еще въ сельскомъ населеніи долгое время послѣ того, какъ городской бытъ совершенно измѣнился, но направленіе, принятое римскою жизнью, уже никогда не мѣнялось. Напротивъ того, войны съ карѳагенянами вскорѣ потрясли еще

сильнѣе основанія римскаго національнаго характера. Въ теченіе тридцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за покореніемъ Италіи, война съ Карѳагеномъ доставила римлянамъ огромный флотъ, не смотря на то, что они никогда не были морскою и торговою націею. Въ эту войну римляне ограбили богатѣйшую страну тогдашняго міра, африканскій берегъ, принадлежавшій Карѳагену. Въ лицѣ карѳагенянъ они ограбили народъ, который былъ обязанъ своимъ благосостояніемъ торговлѣ или искусному потворству прихотямъ другихъ народовъ, и поэтому захватили у нихъ множество предметовъ, до того времени совершенно неизвѣстныхъ въ Италіи. Число африканцевъ, взятыхъ въ плѣнъ въ одинъ только годъ этой войны и отведенныхъ въ Римъ рабами, составляло пятую часть римскихъ гражданъ. Уже одно появленіе такого множества рабовъ, совершенно чуждыхъ имъ по языку и образу жизни и привыкшихъ на родинѣ къ жестокости, должно было имѣть сильное вліяніе на нравы и обычаи римлянъ. Съ ними нужно было обращаться совершенно иначе, чѣмъ съ итальянскими военноплѣнными, которые до тѣхъ поръ были единственными рабами римлянъ. Къ этому присоединилось еще огрубѣніе нравовъ, которое было естественнымъ послѣдствіемъ двадцати трехлѣтней войны съ ненавистнымъ и совершенно чуждымъ врагомъ, и вліяніе произвола, которому предавались войска, стоявшія въ непріятельской землѣ, и полководцы и намѣстники, посылаемые въ завоеванныя города Сициліи. Все это въ продолженіе жизни цѣлаго поколѣнія, должно было оказывать такое же вредное дѣйствіе на тогдашнія римскія войска, какое имѣло на закаленныя, до тѣхъ поръ глубоко презиравшія всякую роскошь, французскія войска и ихъ полководцевъ — преобладаніе Франціи въ Италіи и Германіи въ концѣ прошлаго столѣтія.

VII. ИСТОРІЯ

КАРѲАГЕНА И СИЦИЛІИ ДО ПЕРВОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

---

1. Главныя событія древнѣйшей исторіи Карѳагена.

Первымъ народомъ, съ которымъ римляне вели войну внѣ Италіи, были карѳагеняне; владѣнія ихъ простирались къ западу отъ Киренаики и обнимали собою нынѣшній Тунисъ, Триполи и берегъ Алжиріи. Самъ Карѳагенъ лежалъ на берегу Тунисскаго залива, на мѣстѣ нынѣшней Мерсы, въ 3-хъ нѣмецкихъ миляхъ къ сѣверо-западу отъ города Туниса. Онъ былъ колоніею финикіянъ, почему римляне и называли жителей его п у н н а м и. Основанный почти за 900 лѣтъ до р. Х. (стр. 56.), Карѳагенъ своею торговлею и промышленостью мало-по-малу превзошелъ всѣ другія финикійскія колоніи и сдѣлался могущественнѣйшимъ торговымъ городомъ западной половины древняго міра. Въ половинѣ втораго вѣка до р. Х., городъ Карѳагенъ, по римскимъ извѣстіямъ, имѣлъ пять нѣмецкихъ миль въ окружности, 700,000 жителей и до трехсотъ подвластныхъ ему колоній. Конечно, извѣстія римскихъ писателей были очевидно преувеличены, для того, чтобы возвысить побѣду римлянъ надъ карѳагенянами, но и возможность подобныхъ преувеличеній доказываетъ высшую степень процвѣтанія Карѳагена въ послѣднее время его самостоятельности.

Карѳагенъ представлялъ собою исключеніе изъ всѣхъ финикійскихъ колоній, потому что при самомъ своемъ основаній поставилъ себя въ совершенно другія отношенія къ метрополіи, чѣмъ всѣ остальныя финикійскія поселенія. Эти послѣднія не были торговыми городами, какъ колоніи грековъ, или крѣпостями и военными постами, какъ поселенія римлянъ, но составляли простыя торговыя факторіи на чужомъ берегу и большею частью исчезали вмѣстѣ съ своею метрополіею. Карѳагенъ же былъ основанъ одной боковою линіею тирской владѣтельной фамиліи, вслѣдствіе возникшей между ея членами ссоры, и потому съ самаго начала былъ въ гораздо меньшей зависимости отъ метрополіи, чѣмъ прочія колоніи. Онъ поддерживалъ однако постоянныя сношенія со своею метрополіею Тиромъ, признавалъ знаменитый храмъ этого города своею главною національною святыней и посылалъ туда ежегодно дары, но по мѣрѣ расширенія своего владычества на морѣ, становился больше и больше независимымъ. Своею самостоятельностью карѳагеняне были обязаны преимущественно тремъ благопріятнымъ для нихъ обстоятельствамъ. Всѣ событія на Востокѣ, гибельныя для Финикіи, обратились въ пользу карѳагенянамъ: нападенія сирійскихъ и вавилонскихъ царей побудили множество жителей Тира переселиться въ Карѳагенъ, а когда города собственной Финикіи были окончательно порабощены вавилонянами, ассиріянами и потомъ персами, колоніи на крайнемъ западѣ, повиновавшіяся до тѣхъ поръ своимъ метрополіямъ, присоединились къ Карѳагену. Вторымъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ увеличенію могущества карѳагенянъ, были отношенія ихъ къ Италіи; они съ самаго начала вели обширную торговлю съ этою страною и уже весьма рано стали заботиться объ усиленіи своихъ военныхъ средствъ, для того, чтобы

сдерживать тирренскихъ пиратовъ и обезопасить себя отъ соперничавшихъ съ ними греческихъ торговыхъ городовъ въ Сициліи и Нижней Италіи. Наконецъ увеличенію ихъ могущества способствовало основаніе множества колоній въ чужихъ странахъ и необходимость содержать въ нихъ войска, которыя, конечно, можно было употребить и для защиты самаго Карѳагена и для всѣхъ войнъ съ другими народами.

Къ этимъ выгодамъ, зависѣвшимъ отъ общаго положенія дѣлъ и хода событій, слѣдуетъ присоединить еще чрезвычайное плодородіе карѳагенской почвы и превосходство ея обработки. Климатъ собственныхъ владѣній Карѳагена или нынѣшняго Туниса весьма умѣренъ, и даже въ горахъ зимніе холода бываютъ такою рѣдкостью, что богатые тунисцы должны доставать ледъ изъ Сициліи. Страна эта, окруженная песчаными берегами, пересѣкается лѣсистыми отраслями Атласскихъ горъ и, при тщательномъ орошеніи, холмистая поверхность ея становится въ высшей степени плодородною; большая часть горныхъ долинъ еще болѣе удобна для земледѣлія; самыя окрестности древняго Карѳагена и нынѣшняго Туниса составляютъ одну изъ плодоноснѣйшихъ мѣстностей земнаго шара. Дѣйствительно, карѳагенская земля и особенно окрестности города были воздѣланы такъ хорошо, что по своей превосходной обработкѣ и густотѣ населенія эти окрестности могли сравняться съ богатѣйшими мѣстностями Голландіи и Ломбардіи или съ окрестностями Лондона и другихъ европейскихъ столицъ, отличающихся своимъ плодородіемъ и старательной эксплуатаціей почвы. По дошедшимъ до насъ описаніямъ римлянъ, окрестности Карѳагена представлялись однимъ огромнымъ обильно орошеннымъ и превосходно обработаннымъ садомъ, который весь былъ покрытъ прелестными дачами. Нельзя вполнѣ довѣрять словамъ одного римскаго писателя, утверждающаго, что карѳагенскія поля давали сто пятидесятое зерно, но положительно извѣстно, что карѳагеняне были знакомы съ раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ и занимались имъ какъ наукою. За 500 лѣтъ до р. X., карѳагенянинъ Магонъ написалъ такое превосходное сочиненіе о земледѣліи, что 400 лѣтъ спустя римскій сенатъ, вообще мало интересовавшійся науками, приказалъ перевести это сочиненіе на латинскій языкъ.

Исторію карѳагенянъ удобнѣе всего можно раздѣлить на три отдѣла. Первый изъ нихъ обнимаетъ собою древнѣйшую эпоху до начала войнъ съ греческими колоніями въ Сициліи или до пораженія при Гимерѣ, въ 480 году до р. X. Второй отдѣлъ, заключающій въ себѣ время отъ 480 г. до р. X. до войнъ съ римлянами, былъ періодомъ высшаго развитія торговли и могущества Карѳагена. Наконецъ третій обнимаетъ собою время такъ называемыхъ пуническихъ войнъ или трехъ войнъ съ Римомъ, окончившихся гибелью Карѳагена. Ни для одного изъ этихъ трехъ періодовъ мы не имѣемъ достовѣрныхъ источниковъ, потому что всѣ сочиненія карѳагенскихъ писателей погибли, а греческіе и римскіе писатели говорятъ о карѳагенянахъ только мимоходомъ, дѣлая средоточіемъ своего разсказа Римъ или греческую Сицилію. Такимъ образомъ, карѳагенская исторія извѣстна намъ единственно настолько, насколько она касается исторіи этихъ двухъ народовъ.

Сначала Карѳагенъ находился въ зависимости и отъ сосѣднихъ африканскихъ владѣтелей и отъ своей метрополіи, и потому исторія первыхъ временъ Карѳагена, касается преимущественно утвержденія его самостоятельности. Въ началѣ карѳагеняне платили туземцамъ дань, но потомъ отказались отъ платежа ея, вслѣдствіе того начался рядъ войнъ, въ которыхъ карѳагеняне больше и больше распространяли свои владѣнія на счетъ африканскихъ кочующихъ ордъ. Они уже рано стали высылать поселенцевъ, которые мало-по-малу заняли главные пункты африканскаго берега на западѣ и на востокѣ. Они дѣлались все независимѣе отъ своей метрополіи и въ то же время распространяли свое могущество, принимая къ себѣ новыхъ переселенцевъ изъ Финикіи и соединяясь съ другими финикійскими колоніями на западѣ. За пятьсотъ или шестьсотъ лѣтъ до р. X. началось завоеваніе и заселеніе карѳагенянами европейскихъ странъ. Они подчинили себѣ Балеарскіе острова, Мальту и Эльбу и основали колоніи въ Сардиніи, Сициліи, Корсикѣ и на южномъ берегу Испаніи. Вслѣдствіе того могущество карѳагенянъ возрасло до такой степени, что въ первый же годъ римской республики (если только извѣстіе это справедливо) они уже заключили съ римлянами договоръ, въ которомъ оба эти

народа отъ имени своихъ союзниковъ опредѣлили взаимныя торговыя сношенія Италіи и Африки. Говорятъ, что въ это же время кареагеняне совершили ученыя экспедиціи для изслѣдованія береговъ Африки. О войнахъ, веденныхъ ими въ первый періодъ ихъ исторіи въ Сициліи, Сардиніи и Корсикѣ, можно совсѣмъ не упоминать, потому что онѣ не имѣли никакого всемірнаго историческаго интереса.

Въ концѣ перваго періода, Кареагенъ уже сдѣлался могущественнымъ и цвѣтущимъ торговымъ городомъ. Предводители кочевыхъ африканскихъ ордъ, бывшіе сначала ихъ феодальными владыками, сдѣлались теперь ихъ вассалами. Кареагену нечего было опасаться возстанія этихъ бродячихъ племенъ, благодаря его умѣнью постоянно поддерживать между ними распри; напротивъ того, онъ пользовался ими на войнѣ какъ превосходными всадниками, а въ мирное время находилъ у нихъ выгодный сбытъ для своихъ товаровъ. Многочисленныя колоніи, основанныя по берегамъ кареагенянами и финикіянами, были посредниками торговли съ внутреннею Африкою, доставляя огромные доходы государству. Изъ этихъ городовъ вывозились и водившіеся тогда въ сѣверо-западной Африкѣ слоны, которыхъ тамъ умѣли, такъ же какъ и въ Индіи, дѣлать ручными и пріучать къ войнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кареагеняне утвердились и на итальянскихъ островахъ и вели съ жителями ихъ такую же прибыльную торговлю, какъ и съ обитателями полуострова. Далѣе они одни въ западной Европѣ занимались торговлею африканскими невольниками, золотымъ пескомъ, слоновою костью и другими товарами внутренней Африки. Чтобы помѣшать усиленію въ итальянскихъ водахъ предпріимчивыхъ фокейцевъ (стр. 112), поселившихся сначала на островѣ Корсикѣ, кареагеняне соединились съ этрусками и прогнали фокейцевъ въ Массилію. Греческія колоніи въ Сициліи старались однако вытѣснить кареагенянъ съ своего острова и лишить ихъ торговаго преобладанія во внутреннихъ частяхъ острова, но всѣ ихъ усилія оставались безплодными вслѣдствіе ихъ внутреннихъ несогласій и превосходства силъ Кареагена. Хотя кареагеняне иногда и терпѣли неудачи въ борьбѣ съ греками, но междоусобія грековъ и частыя революціи въ ихъ городахъ всегда доставляли врагамъ ихъ случай возвратить потерянное.

Во второмъ періодѣ кареагенской исторіи театромъ всѣхъ событій дѣлается Сицилія. Кареагеняне, достигшіе тогда вершины своего могущества, стали домогаться исключительнаго господства на этомъ плодородномъ и богатомъ островѣ, и потому вступили въ борьбу съ тамошними греками, именно съ сиракузянами, стремившимися къ той же цѣли. Въ то время Римъ не успѣлъ еще поработить итальянскіе народы, и Кареагенъ могъ бы подчинить себѣ не только Сицилію, но и всѣ берега Средиземнаго моря, если бы этому не воспрепятствовали особенности его государственнаго устройства и судьба. Политическія учрежденія Кареагена рѣшительно не годились для внѣшнихъ предпріятій и не были разсчитаны для войны и завоеваній,—судьба не благопріятствовала кареагенянамъ въ той же мѣрѣ, въ какой она была благосклонна къ Риму. Кареагенянамъ пришлось бороться съ греками въ періодъ полнаго развитія силъ греческаго народа, когда опасности, грозившія послѣднимъ со стороны Кареагена и Персіи, водворили между ними единодушіе, и когда они могли всегда ожидать помощи изъ собственной Греціи. Не смотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, кареагеняне не думали отказываться отъ своего намѣренія завоевать Сицилію. Они также спокойно смотрѣли на истребленіе войскъ, посылаемыхъ ими въ Сицилію, какъ на гибель плодовъ своихъ торговыхъ спекуляцій, и за свое золото покупали себѣ новыхъ солдатъ точно такъ же, какъ покрывали убытки неудачныхъ спекуляцій прибылью другаго торговаго оборота. Знаменитое пораженіе, которое кареагеняне подъ предводительствомъ Гамилькара потерпѣли при Гимпрѣ (480 г. до р. X.) стоило имъ цѣлой арміи; изъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, сражавшихся тамъ съ жителями Агригента и сиракузянами подъ начальствомъ Гелона и Гіерона I, половина была перебита, а другая отведена въ рабство (стр. 189).

Послѣ этой ужасной битвы, кареагеняне больше полувѣка не предпринимали ни одной значительной экспедиціи въ Сицилію и только во время пелопоннесской войны снова сдѣлали попытку покорить себѣ греческіе города Сициліи. Войну эту мы разскажемъ впослѣдствіи, потому что событія втораго и третьяго

періода карѳагенской исторіи могутъ быть изложены только въ связи съ исторіею Сициліи и Рима. Но, для пониманія этихъ событій, необходимо сказать напередъ нѣсколько словъ о внутреннемъ состояніи Карѳагена.

2. Государственное устройство и состояніе образованности Карѳагена.

Карѳагеняне вывезли съ собою изъ Тира готовое государственное устройство, гдѣ вся власть находилась въ рукахъ неограниченнаго царя, окруженнаго жрецами и аристократическими фамиліями. Эта азіатская форма правленія не могла долго удержаться у карѳагенянъ, которые, подобно грекамъ, достигли благосостоянія только своимъ трудолюбіемъ и могли поддерживать его единственно своею дѣятельностью. Кромѣ того, по своему положенію и торговымъ сношеніямъ они постоянно имѣли передъ глазами примѣръ греческихъ государствъ, которыя, въ противоположность восточнымъ народамъ, всегда мѣняли свои учрежденія сообразно духу и потребностямъ времени. Карѳагеняне послѣдовали ихъ примѣру и въ своихъ учрежденіяхъ и законахъ воспользовались греческой выдумкой. Въ Карѳагенѣ, какъ и во всѣхъ греческихъ государствахъ, царская власть и привилегіи аристократіи были очень скоро уничтожены. Переворотъ этотъ не могъ совершиться безъ участія простаго народа, который получилъ новыя, довольно значительныя права; въ Карѳагенѣ образовалась смѣшанная форма правленія, составившаяся изъ аристократическаго, олигархическаго и демократическаго элементовъ. Политическое устройство Карѳагена извѣстно намъ только по отрывочнымъ извѣстіямъ грековъ и римлянъ, которые смотрѣли съ предубѣжденіемъ на особенности другихъ народовъ. Для насъ невозможно поэтому описать и опредѣлить въ точности всѣ подробности карѳагенскаго устройства. Если мы будемъ судить о карѳагенской конституціи, оставивъ въ сторонѣ воззрѣнія римлянъ и грековъ и довольствуясь одними дошедшими до насъ фактами, то никогда не будемъ имѣть о ней достаточно яснаго и полнаго понятія. Примѣръ венеціанской республики представляетъ лучшее доказательство того, какъ трудно вполнѣ уяснить себѣ искуственное политическое устройство умно управляемаго торговаго государства. Такимъ образомъ мы должны ограничиться только краткими замѣтками объ этомъ предметѣ.

Государственное управленіе сосредоточивалось въ Карѳагенѣ въ рукахъ сената, число членовъ котораго неизвѣстно, правительственнаго собранія изъ 100 человѣкъ, составлявшаго коммиссію сената или совершенно самостоятельное учрежденіе, и, наконецъ, двухъ избираемыхъ царей или консуловъ, которыхъ карѳагеняне называли суффетами. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Карѳагенѣ, по примѣру греческихъ государствъ, принимало участіе въ управленіи дѣлами и народное собраніе, но взаимныя отношенія и кругъ дѣйствій всѣхъ этихъ учрежденій намъ неизвѣстны въ точности. По всей вѣроятности, народное собраніе имѣло право объявлять войну и заключать миръ, утверждать составленные сенатомъ договоры и издавать общіе законы; впрочемъ оно созывалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда суффеты были въ чемъ нибудь несогласны съ сенатомъ. Рѣшенія народнаго собранія имѣли силу положительнаго закона и не нуждались въ утвержденіи сената. Наконецъ нужно еще замѣтить, что, въ противоположность обычаю грековъ, у которыхъ и въ демократическихъ республикахъ только немногіе имѣли право голоса въ народномъ собраніи, — въ Карѳагенѣ рѣшительно всякій могъ свободно говорить противъ сената и суффетовъ, и весьма многіе пользовались этимъ правомъ. Но, не смотря на это, въ карѳагенскомъ народномъ собраніи господство никогда не принадлежало простому народу, какъ часто бывало въ Греціи. Карѳагеняне были народъ серьезный и мрачный, отличавшійся суровостью съ подвластными имъ племенами, робостью въ несчастіи, необузданностью въ гнѣвѣ и упорствомъ въ однажды принятыхъ ими рѣшеніяхъ. Въ такомъ народѣ демагоги не могли имѣть успѣха, а льстецы и остряки не могли производить на народъ такого впечатлѣнія, какъ въ Аѳинахъ; напротивъ того, карѳагеняне не легко разставались съ своими старинными учрежденіями и, привыкнувъ къ послушанію, охотно повиновались своимъ властямъ.

Столь же мало знаемъ мы о правахъ сената и отношеніяхъ его къ совѣту ста и суффетамъ. Вѣроятно, совѣтъ ста былъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ и завѣдывалъ управленіемъ города; но во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ огромную власть. Сенатъ, члены котораго, повидимому, избирались пожизненно изъ старинныхъ и богатыхъ фамилій, занимался вмѣстѣ съ суффетами текущими дѣлами, подвергалъ предварительному обсужденію новые законы и управлялъ иностранными дѣлами. Суффеты избирались также на всю жизнь. Какъ вообще бываетъ во всѣхъ торговыхъ государствахъ, они избирались изъ богатѣйшихъ фамилій, но при этомъ всегда обращалось вниманіе и на ихъ происхожденіе и репутацію. Подобно спартанскимъ царямъ и римскимъ консуламъ первыхъ временъ республики, они завѣдывали всѣми дѣлами, но власть ихъ была однако не совсѣмъ одинакова съ властью первыхъ. Не смотря на свое подчиненіе сенату, они пользовались такою самостоятельностью, что въ случаѣ разногласія между ними и сенатомъ созывалось народное собраніе. Кромѣ того они пользовались огромнымъ вліяніемъ въ городѣ, отличаясь этимъ отъ спартанскихъ царей, власть которыхъ съ учрежденіемъ эфората обусловливалась въ мирное время только ихъ личными качествами. Но зато спартанскіе цари были всегда полководцами и пользовались на войнѣ неограниченною властью, между тѣмъ суффеты только въ крайнихъ случаяхъ и по особымъ постановленіямъ народнаго собранія назначались командовать войскомъ, продолжая зависѣть отъ сената.

Другимъ важнымъ органомъ карѳагенскаго правительства была такъ называемая греками пентархія (правленіе пяти), состоявшая изъ пяти членовъ. О ней мы имѣемъ еще менѣе свѣдѣній, чѣмъ о сенатѣ, суффетахъ и совѣтѣ ста. Достовѣрно извѣстно только то, что члены ея занимали почетное мѣсто въ системѣ карѳагенскаго правительства, назначали членовъ совѣта ста и сами свободно избирали себѣ новыхъ сочленовъ, вмѣсто выбывшихъ. Мы не знаемъ положительно, имѣли ли они въ своихъ рукахъ преимущественно наблюденіе за чистотою нравовъ, какъ это предполагали нѣкоторые, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что карѳагеняне, подобно жителямъ Массиліи (стр. 127), обращали на этотъ предметъ гораздо болѣе вниманіе, чѣмъ большинство греческихъ государствъ, и что пентархи въ этомъ отношеніи могутъ быть сравнены съ римскими цензорами. Во всякомъ случаѣ въ торговомъ государствѣ, которое съ демократическими формами соединяло строго аристократическое направленіе, и гдѣ, какъ въ Венеціи, небольшое число богатыхъ фамилій оспаривали власть другъ у друга, свобода могла быть поддерживаема только энергическою высшею полицейскою властью, тѣмъ болѣе, что Карѳагенъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами. Пентархи составляли такимъ образомъ родъ политической инквизиціи. Въ послѣднее время существованія Карѳагена, они въ соединеніи съ совѣтомъ ста присвоили себѣ такую обширную власть, передъ которою должны были склониться и сенатъ и народное собраніе. Они дѣйствовали такъ же строго какъ и венеціанская инквизиція, но наказанія ихъ были еще безчеловѣчнѣе, чего и слѣдовало ожидать отъ африканскаго государства, основаннаго финикіянами.

Политика карѳагенянъ въ отношеніи къ покореннымъ народамъ представляетъ также много сходства съ венеціанскою, душею которой былъ одинъ только личный интересъ. Этими народами они управляли съ такимъ своекорыстіемъ, что на вѣрность ихъ никогда нельзя было положиться. Поэтому, не смотря на свой перевѣсъ на морѣ, карѳагеняне въ борьбѣ противъ Рима располагали гораздо меньшими силами, потому что римляне умѣли примѣрять побѣжденныхъ со своимъ владычествомъ.

Армія карѳагенянъ состояла преимущественно изъ наемныхъ войскъ; о вооруженіи всѣхъ гражданъ, какъ это дѣлалось въ Римѣ, никто и не думалъ. Войска ихъ и экипажи кораблей, за исключеніемъ незначительнаго числа природныхъ карѳагенянъ, состояли большею частью изъ греческихъ и кампанскихъ наемниковъ и изъ войскъ покоренныхъ народовъ: ливійцевъ, нумидійцевъ, мавровъ и другихъ африканцевъ, а со времени завоеванія Галліи и Испаніи и изъ жителей этихъ странъ. Въ случаѣ нужды вооружали и рабовъ. Конечно, такое войско держалось въ повиновеніи только самыми жестокими наказаніями, и даже съ начальниками ихъ, хотя они были карѳагенскіе граждане, правительство обходилось съ такою же строгостью и жестокостью, вполнѣ понимая, что всякій честолюбецъ

могъ привлечь къ себѣ подобныя войска и обратить ихъ противъ карѳагенской аристократіи. Хитрость карѳагенской политики обнаруживается полнѣе всего въ обращеніи съ греческими наемниками. Карѳагеняне вполнѣ понимали превосходство грековъ въ военномъ дѣлѣ и потому пользовались храбростью и военными дарованіями греческихъ военачальниковъ и солдатъ точно такъ же, какъ они заимствовали у грековъ государственныя учрежденія. Но при этомъ они были весьма осторожны и, принимая ихъ на службу только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, распускали какъ можно скорѣе. Лучшую часть ихъ войска составляли нумидійцы, которые какъ легко вооруженные всадники далеко превосходили римскую конницу. Отличнымъ войскомъ считались и балеарцы, хотя ихъ было не много; это были лучшіе пращники въ древности, не рѣдко рѣшавшіе въ качествѣ застрѣльщиковъ и авангарднаго войска исходъ битвы. Важную часть войска составляли и военные слоны, для дрессированія которыхъ въ окрестностяхъ Карѳагена было устроено особое заведеніе въ родѣ нашихъ конскихъ заводовъ. Что касается морской силы карѳагенянъ, то въ легкости постройки своихъ кораблей и быстротѣ движеній они превосходили даже греческіе морскіе города Сициліи. Карѳагенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государствъ древности, которыя впервые примѣнили математику и механику къ военному искусству и кораблестроенію; въ западной части Средиземнаго моря онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Родосъ на Востокѣ.

Религія и нравы карѳагенянъ были и остались восточными. Ваалъ и Молохъ, національныя божества ихъ предковъ, пользовались такимъ же ужаснымъ почитаніемъ, какъ нѣкогда у дикихъ жителей Ханаана, и правительство пользовалось этимъ грубымъ идолопоклонствомъ, чтобы посредствомъ суевѣрія ободрять народъ. Во время опасности или въ благодарность бога за побѣду имъ приносили въ жертву красивѣйшихъ дѣтей во всемъ городѣ, а иногда и отборныхъ плѣнниковъ. Строжайшій законъ запрещалъ родителямъ всѣ наружные знаки горести. Въ 300 г. до р. Х., когда Агаѳоклъ Сиракузскій угрожалъ Карѳагену, сенатъ приказалъ принести въ жертву не менѣе 200 дѣтей самыхъ знатныхъ гражданъ. Не удивительно, что при существованіи такой безчеловѣчной религіи, правительство карѳагенское отличалось жестокостью и варварствомъ, и что нравственное состояніе этого народа, не смотря на строгое наблюденіе за чистотою нравовъ, находилось всегда на самой низкой ступени. Карѳагеняне прославились своимъ коварствомъ и недобросовѣстностью до такой степени, что выраженіе «пуническая вѣрность» обратилось у древнихъ римлянъ въ пословицу. У нихъ господствовали грубѣйшая безнравственность и самые неестественные пороки.

Въ наукахъ Карѳагенъ никогда не могъ достичь высокаго значенія, потому что направленіе этого народа было односторонне практическое, и только интересы торговли были душею государства и краеугольнымъ камнемъ его политики. Хотя вслѣдствіе сношеній съ греками карѳагеняне и познакомились съ болѣе глубокимъ философскимъ образованіемъ, но оно было достояніемъ весьма немногихъ личностей. Литература Карѳагена состояла почти исключительно изъ сельско-хозяйственныхъ, географическихъ и историческихъ сочиненій. Всѣ эти сочиненія погибли, и мы не можемъ судить о достоинствѣ ихъ; извѣстно намъ только, что римскіе писатели о сельскомъ хозяйствѣ предпочитали сочиненія карѳагенскихъ агрономовъ всѣмъ подобнымъ произведеніямъ грековъ. Еще менѣе успѣховъ оказали карѳагеняне въ искусствѣ, такъ что для удовлетворенія всѣхъ художественныхъ потребностей они должны были обращаться къ грекамъ.

3. Исторія Сициліи и Карѳагена отъ битвы при Гимерѣ до Діонисія Старшаго.

Изъ всѣхъ греческихъ городовъ Сициліи имѣютъ значеніе во всемірной исторіи только одни Сиракузы, владѣвшіе, вмѣстѣ съ Карѳагеномъ, Киреною и Массиліею, всею торговлею Запада и составляющіе центръ, вокругъ котораго вращается вся исторія сицилійскихъ грековъ. Послѣ временъ Гіерона I и брата его Трасибула, до которыхъ мы довели разсказъ объ исторіи Сиракузъ (стр. 125),

въ городахъ Сициліи возникаютъ внутреннія безпокойства и начинается постоянная война между ними. Во время пелопоннесской войны, аѳиняне два раза вмѣшивались въ эти распри (въ 247 и 415 гг. до р. X.), и мы уже объяснили выше (стр. 216, 223, 225—231), какое вліяніе имѣли эти экспедиціи на исходъ пелопоннесской войны.

Послѣ печальнаго окончанія втораго похода аѳинянъ въ Сицилію, та же самая Сегеста, которая прежде призывала аѳинянъ противъ Селинунта, обратилась къ Карѳагену. Хитрые карѳагеняне думали воспользоваться тѣмъ, что греки, занятые пелопоннесской войной, были не въ состояніи подать помощь своимъ сицилійскимъ братьямъ. Они вызвались быть посредниками между Селинунтомъ и Сегестою. Когда селинунтцы, разсчитывая на союзъ съ Сиракузами, отклонили это предложеніе, карѳагеняне тотчасъ же отправили въ Сегесту отрядъ изъ 5800 человѣкъ, а на слѣдующій годъ (409 до р. X.) послали въ Сицилію войско приблизительно въ сто тысячъ, подъ начальствомъ суффета Ганнибала, сына Гиско. Войско это, къ которому пристало еще множество всякаго сброду, производило на островѣ ужасныя опустошенія. Селинунтъ былъ взятъ и подвергся страшному наказанію за свою геройскую защиту. Перерѣзавъ 16,000 человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, карѳагеняне отвели въ рабство пять тысячъ жителей и сожгли самый городъ. Помощь, посланная Сиракузами, явилась слишкомъ поздно. Такую же участь испытала и Гимера, гдѣ за семьдесятъ одинъ годъ передъ тѣмъ карѳагеняне подъ начальствомъ Гамилькара, прадѣда Ганнибала, потерпѣли совершенное пораженіе. Ганнибалъ, по взятіи и разореніи Гимеры, приказалъ выбрать изъ плѣнниковъ три тысячи человѣкъ и принесъ ихъ въ жертву за своихъ предковъ. Сиракузяне предоставили Гимеру ея участи; полководецъ ихъ Діоклъ, предвидя близость взятія города, вернулся домой съ своимъ войскомъ. Во время этого похода Ганнибалъ ограничился только разореніемъ этихъ двухъ цвѣтущихъ городовъ и, не думая о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, возвратился въ Африку.

Еще до опустошительнаго похода Ганнибала, въ Сиракузахъ произошелъ значительный переворотъ. Во время осады города аѳинянами (стр. 226) демократическіе принципы получили такой перевѣсъ, что предводитель народной партіи Діоклъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ главою противной партіи, Гермократомъ, и произвелъ большія перемѣны въ государственномъ устройствѣ (442 г. до р. X.). Діоклъ не былъ истиннымъ демагогомъ и всѣ произведенныя имъ реформы ограничивались только возстановленіемъ и улучшеніемъ старинныхъ законовъ и учрежденій. Единственнымъ нововведеніемъ было постановленіе о томъ, чтобы должности въ государствѣ замѣщались по жребію. Это было сдѣлано въ угоду простаго народа. Главною его цѣлью было, какъ кажется, введеніе безпристрастнаго суда и сохраненіе чистоты нравовъ. Его законы отличались крайней строгостью, а введенный имъ надзоръ за нравами былъ гораздо бдительнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ торговаго государства. Постановленія Діокла были отчасти приняты и другими сицилійскими городами. Въ Сиракузахъ эти законы и учрежденія оставались до самаго владычества Рима почти безъ всякихъ измѣненій, и сиракузяне такъ уважали память Діокла, что построили въ честь его храмъ, гдѣ ему покланялись какъ герою. Не смотря на все это, онъ не могъ водворить въ Сиракузахъ тишины и спокойствія. Противникъ его, Гермократъ, сначала посланный съ вспомогательнымъ флотомъ въ Грецію, но потомъ отрѣшенный отъ этой должности и изгнанный изъ отечества, (стр. 230), возвратился въ Сицилію, собралъ вокругъ себя войско, укрѣпился на развалинахъ Селинунта и по смерти Діокла сдѣлалъ попытку возвратиться силою въ свой родной городъ. Онъ поплатился за это жизнью, а сиракузяне лишились въ одно и то же время отличнаго полководца и энергическаго, разсудительнаго государственнаго человѣка, и притомъ въ такихъ обстоятельствахъ, когда и тотъ и другой были имъ необходимы.

Въ 407 году до р. X. карѳагеняне послали въ Сицилію новое войско подъ предводительствомъ Ганнибала и его двоюроднаго брата, Гамилькона, сына Ганнона. Цѣлью этой экспедиціи былъ богатый и роскошный Агригентъ, находившійся тогда въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. При приближеніи врага жители Агригента пригласили въ свою службу спартанца Дексиппа, находившагося въ то время въ Гелѣ, метрополіи Агригента, съ двумя тысячами тремя стами наемниковъ, и въ самомъ началѣ осады получили также помощь отъ Сиракузъ,

Гелы и Камарины. Но все это было напрасно, потому что существованіе огромной массы городскихъ жителей зависѣло отъ правильнаго подвоза съѣстныхъ припасовъ, а къ тому же между ними нашлись предатели, которые только дожидались удобнаго случая воспользоваться угрожавшимъ голодомъ для своихъ предательскихъ цѣлей. Когда сиракузскій транспортный флотъ былъ захваченъ непріятелемъ, подкупленные наемники объявили, что они не могутъ держаться въ продолженіе зимы и ушли изъ города; большая часть жителей бѣжала за ними. Агригентъ сдѣлался добычею свирѣпыхъ кареагенскихъ войскъ. Они перебили всѣхъ оставшихся жителей, даже тѣхъ, которые укрывались въ храмахъ, разграбили городъ и опустошили окрестности. Множество драгоцѣнныхъ статуй и картинъ, которыми такъ славился городъ, были отвезены въ Кареагенъ.

Участь Агригента навела такой ужасъ на прочихъ жителей острова, что многіе сицилійцы изъ страха бѣжали въ Италію или въ Сиракузы. Этимъ настроеніемъ умовъ воспользовались два талантливые жителя Сиракузъ, тиранъ Діонисій I и другъ его, историкъ Филистъ, для того, чтобы низвергнуть правительство своего города и захватить власть въ свои руки. Представившись друзьями народа, они обвинили въ предательствѣ начальниковъ войска, посланнаго на помощь Агригенту, и возстановили простой народъ противъ сиракузскихъ аристократовъ, которыхъ тоже обвинили въ тайныхъ предательскихъ сношеніяхъ съ кареагенянами. Планъ ихъ удался какъ нельзя лучше. Народъ согласился отставить прежнихъ полководцевъ и выбрать новыхъ, которые, какъ выразился хитрый Діонисій, не были бы богаты и знатны, какъ прежніе, и не презирали бы народъ. Въ число новыхъ полководцевъ попалъ и Діонисій, принадлежавшій по своему происхожденію къ самому низшему слою народа, отличившійся своею храбростью въ войнахъ съ кареагенянами и имѣвшій преданнаго совѣтника въ другѣ своемъ Филистѣ. Діонисій уже прежде пользовался расположеніемъ простаго народа, и для того чтобы достигнуть верховной власти, ему нужно было только увеличить число своихъ приверженцевъ между гражданами и собрать толпу наемниковъ, которые зависѣли бы отъ него. Перваго онъ достигъ тѣмъ, что убѣдилъ народъ возвратить своихъ изгнанниковъ. Такимъ образомъ, онъ привлекъ въ Сиракузы всѣ безпокойныя головы, которыя при Гермократѣ хотѣли силою овладѣть городомъ и по своемъ возвращеніи, пылая злобою и местью къ господствовавшей партіи, присоединились къ Діонисію. Наконецъ, сами сиракузяне назначили его начальникомъ наемныхъ войскъ, подъ командою Дексиппа отступившихъ изъ Агригента въ Гелу и принятыхъ въ сиракузскую службу. Діонисій тотчасъ же отправился въ Гелу и, явившись тамъ также другомъ народа, обвинилъ богатыхъ жителей въ аристократическихъ замыслахъ и конфискованнымъ у нихъ имуществомъ заплатилъ недоданное войску жалованье, обѣщая удвоить его, если оно согласится служить не городу, а лично ему. Открывъ себѣ такимъ образомъ путь къ самовластію, онъ возвратился въ Сиракузы, всякими неправдами ввелъ подозрѣніе на своихъ сотоварищей и своими рѣчами все болѣе и болѣе разгорячалъ и завлекалъ народъ. По наущенію Діонисія, одинъ преданный ему человѣкъ изъ простаго народа предложилъ избрать его полководцемъ съ неограниченною властью и удвоить жалованье наемникамъ. Народъ тотчасъ же принялъ это предложеніе, а Діонисію недоставало только тѣлохранителей, чтобы сдѣлаться настоящимъ тираномъ; онъ умѣлъ достигнуть и этого, увѣривъ народъ, что ему угрожаютъ опасные замыслы его враговъ (406 г. до р. X.).

4. Діонисій Старшій.

Съ этой минуты Діонисій, которому было всего 25 лѣтъ, сдѣлался военнымъ правителемъ Сиракузъ. Впослѣдствіи онъ старался упрочить свою власть, вступивъ въ брачный союзъ съ могущественною фамиліею Гермократа и постоянно выставляя себя другомъ народа. Онъ удерживалъ за собою власть въ продолженіе 38 лѣтъ и сдѣлался рѣшительно необходимъ для Сициліи при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Одинъ знаменитый англійскій писатель, излагавшій исторію древней Греціи съ строго аристократической точки зрѣнія и удивлявшійся въ республи-

кахъ преимущественно тиранамъ, выставляетъ Діонисія превосходнѣйшимъ правителемъ древности и доходитъ въ своихъ похвалахъ до смѣшнаго. Конечно, о правленіи Діонисія нельзя судить на основаніи строгихъ правилъ морали, но тѣмъ не менѣе чувство наше возмущается противъ мнѣнія англійскаго историка. Какъ бы то ни было, факты доказываютъ, что Діонисій управлялъ Сиракузами съ большимъ благоразуміемъ и твердостью, показалъ себя превосходнымъ полководцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ очень живое участіе въ умственной дѣятельности грековъ.

Достигнувъ своей цѣли въ Сиракузахъ, Діонисій употребилъ всѣ старанія, чтобы какое-нибудь сильное государство признало его правителемъ главнаго города Сициліи, и рѣшился сдѣлать кареагенскую политику опорою своего могущества. Для этого онъ пожертвовалъ городомъ Гелою. Отправившись на помощь къ ней съ сильнымъ войскомъ, онъ простоялъ передъ нею двадцать дней въ совершенномъ бездѣйствіи, потомъ позволилъ кареагенянамъ разбить себя и отдалъ въ ихъ руки Гелу. Поведеніе его вызвало въ Сиракузахъ возстаніе, во время котораго жена его испытала такое жестокое поруганіе отъ простаго народа, что сама лишила себя жизни. Діонисій поспѣшилъ въ Сиракузы съ своими наемниками, подавилъ возмущеніе, и потомъ заключилъ съ кареагенянами миръ, по которому послѣдніе обезпечили за нимъ обладаніе Сиракузами, получивъ за это треть Сициліи (405 г. до р. Х.). Послѣ того онъ укрѣпилъ городъ и гавань и населилъ преданными ему иностранцами Сиракузы и ихъ окрестности, опустѣвшіе вслѣдствіе внутреннихъ безпокойствъ. Энергически подавляя всѣ покушенія противъ своей власти, онъ покорилъ и сосѣдніе города, въ самое короткое время собралъ средства для войны съ Кареагеномъ, улучшилъ устройство военныхъ кораблей и осадныхъ машинъ и создалъ флотъ изъ трехъ сотъ кораблей. Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ и нововведеніяхъ онъ не терялъ своей популярности, пріобрѣтая себѣ угнетеніемъ одной партіи привязанность другой и прибѣгая къ жестокости только въ тѣхъ случаяхъ, когда она была необходима для достиженія его цѣли. При возведеніи одного изъ городскихъ укрѣпленій онъ умѣлъ даже возбудить въ народѣ усердіе, напоминающее собою возведеніе аеинскихъ стѣнъ во времена Өемистокла (стр. 190); шестьдесятъ тысячъ человѣкъ работало надъ этою постройкою, Діонисій поощрялъ ихъ подарками и убѣжденіями, самъ работалъ вмѣстѣ съ ними, и въ какіе-нибудь двадцать дней была возведена каменная стѣна въ три четверти нѣмецкой мили въ длину.

Въ это время большая часть кареагенскаго войска въ Сициліи была истреблена заразою и Діонисій воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы начать войну съ кареагенянами. Кареагенскій сенатъ началъ дѣлать громадныя приготовленія къ войнѣ; Діонисій также усилилъ свое войско, насколько было возможно, такъ что въ эту войну численность войскъ съ обѣихъ сторонъ, не считая флота, простиралась иногда отъ 200 до 300 тысячъ человѣкъ. Изъ наемниковъ, составлявшихъ войско обоихъ противниковъ, особенно заслуживали вниманіе самниты, незадолго передъ тѣмъ поселившіеся въ Кампаніи (стр. 125) и игравшіе важную роль въ исторіи Нижней Италіи и Сициліи, съ тѣхъ поръ какъ они явились въ качествѣ наемнаго войска въ колоніяхъ этихъ странъ. Они служили то кареагенянамъ, то грекамъ, но чаще всего и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, помогали возвышаться однимъ тиранамъ, низлагая другихъ, были готовы за деньги на всякое предпріятіе и рѣзко отличались отъ другихъ наемниковъ своею хищностью и безсовѣстностью. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ войны (397 и 396 г. до р. Х.) счастье такъ благопріятствовало кареагенянамъ, что они успѣли покорить почти всю Сицилію и наконецъ осадили Сиракузы. Діонисій потерялъ всякую надежду на спасеніе и уже съ крайнимъ трудомъ поддерживалъ свою власть и защищалъ городъ, какъ вдругъ война приняла другой оборотъ. Въ кареагенскомъ войскѣ появилась страшная зараза, похищавшая людей тысячами. Діонисій превосходно воспользовался несчастіемъ противниковъ, зажегъ непріятельскій флотъ, окружилъ ихъ лагерь со всѣхъ сторонъ и довелъ до такой крайности, что кареагенскій полководецъ долженъ былъ войти въ тайные переговоры съ Діонисіемъ. Тиранъ позволилъ ему бѣжать со всѣми находившимися при войскѣ кареагенскими гражданами; Гимильконъ заплатилъ ему за это значительную сумму и предоставилъ судьбѣ все остальное войско, которое тотчасъ же сдалось сиракузянамъ. Извѣстіе о поступкѣ

Гимилькона произвело общее возстаніе между подвластными Карѳагену африканскими народами, войска которыхъ такъ постыдно были проданы. Они свергли съ себя карѳагенское иго и осадили самый Карѳагенъ, но, не имѣя ни единства, ни хорошихъ полководцевъ, вскорѣ были опять покорены. Въ слѣдующіе четыре года войны противники не встрѣчались въ открытомъ полѣ, потому что заняты были другими предпріятіями: Діонисій покореніемъ греческихъ городовъ въ Сициліи и Нижней Италіи, а карѳагеняне усмиреніемъ своихъ африканскихъ подданныхъ. Когда карѳагеняне, въ 392 г. до р. Х., послали въ Сицилію новое войско, Діонисій, предпочитая вѣрныя выгоды скораго заключенія мира неизвѣстности исхода долгой войны, отдалъ карѳагенянамъ всѣ тѣ части полуострова, которыя онъ призналъ за ними по договору, заключенному въ 405 г., а самъ получилъ за это клочекъ земли, жители котораго должны были по упомянутому договору оставаться независимыми.

Для содержанія его многочисленныхъ войскъ война была необходима, потому, тотчасъ по заключеніи мира, Діонисій обратился противъ греческихъ городовъ Нижней Италіи, къ покоренію которыхъ онъ уже приготовился заранѣе. Онъ послѣдовалъ въ этомъ правилу своей политики—употреблять оружіе только тогда, когда всѣ другія средства окажутся недѣйствительными. Для распространенія своего вліянія на эти города, онъ, по смерти своей жены, предложилъ сначала жителямъ Регіума, а потомъ жителямъ Локры отдать ему въ замужество одну изъ своихъ гражданокъ. Первые послали ему весьма дерзкій отказъ, вторые предложили дочь одной изъ знатнѣйшихъ своихъ фамилій. Чтобы такимъ же способомъ упрочить свое положеніе и въ Сиракузахъ, онъ въ то же самое время женился на одной сиракузянкѣ, сестрѣ знаменитаго Діона, принадлежавшаго къ одной изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ фамилій города; Діонъ оказалъ важныя услуги тирану, какъ человѣкъ имѣвшій обширныя связи и пользовавшійся уваженіемъ у всѣхъ грековъ. Тотчасъ по окончаніи второй карѳагенской войны, Діонисій напалъ на греческія государства Нижней Италіи. Они составили противъ него союзъ, но въ то же время подверглись нападенію хищныхъ луканцевъ. Діонисій вполнѣ достигъ своей цѣли и обнаружилъ здѣсь ту сторону своего характера, которую выказывалъ постоянно, если только обстоятельства не вынуждали его дѣйствовать иначе. Онъ всегда питалъ чувство благодарности къ своимъ друзьямъ и доказалъ это, подаривъ Локрамъ одинъ изъ завоеванныхъ имъ городовъ. Онъ всегда былъ кротокъ съ побѣжденными; это доказывается тѣмъ, что онъ отпустилъ безъ всякаго выкупа десять тысячъ плѣнныхъ изъ союзнаго войска непріятеля и заключилъ выгодный миръ почти со всѣми завоеванными имъ городами. Но зато вѣроломная жестокость, съ которую онъ обошелся съ городомъ Регіумомъ, составляетъ страшную противоположность съ помянутыми поступками его. Заключивъ съ жителями этого города договоръ, по которому они обязались выдать ему всѣ свои корабли, и овладѣвъ ихъ флотомъ, онъ тотчасъ напалъ на нихъ снова и не только отмстилъ имъ за нанесенное ему прежде оскорбленіе, обративъ всѣхъ жителей въ рабство, но сдѣлалъ еще изъ этого денежную спекуляцію. Предложивъ каждому изъ шести тысячъ рабовъ выкупиться за сумму около двадцати двухъ руб., онъ вынудилъ гражданъ Регіума отдать ему скрытыя ими сокровища. Противорѣчіе между этою жестокостью и великодушными поступками Діонисія—почти въ то же самое время давшаго свободу десяти тысячамъ грековъ, — быть можетъ, объясняется тѣмъ, что онъ сдѣлалъ послѣднее единственно изъ тщеславія. Дѣло въ томъ, что онъ желалъ пріобрѣсти славу между своими соплеменниками въ собственной Греціи, старался великолѣпіемъ и блескомъ затмить на олимпійскихъ играхъ предшественниковъ своихъ, Гелона, и Гіерона и около этого времени послалъ въ Олимпію одного изъ своихъ братьевъ, чтобы доставить ему награду въ поэзіи и скачкѣ на колесницахъ. Братъ его явился туда съ великолѣпными конями, окруженный величайшимъ блескомъ. Діонисій отправилъ съ нимъ лучшихъ актеровъ, чтобы стихотворенія его были прочтены какъ можно лучше. Но все было напрасно; его жалкіе стихи были освистаны, а рѣчь, сказанная ораторомъ Лисіемъ, противъ тирана, дотого раздражила народъ, что онъ въ порывѣ ярости изорвалъ великолѣпные шатры сиракузскаго посольства. Неудача не испугала Діонисія: впослѣдствіи онъ, говорятъ, купилъ за огромную сумму письменный столъ Эсхила, отчего впрочемъ его драматическія

произведенія не сдѣлались лучше. Только незадолго передъ смертью, онъ былъ обрадованъ тѣмъ, что одна изъ его трагедій получила премію на поэтическомъ состязаніи въ Аѳинахъ, но и этимъ удовольствіемъ онъ былъ, очевидно, обязанъ дорогимъ подаркамъ и дружескимъ отношеніямъ своего шурина Діона съ Платономъ и другими философами.

Зато въ политическихъ предпріятіяхъ счастье постоянно благопріятствовало Діонисію. Онъ распространилъ свое владычество не только въ Нижней Италіи, но даже и на противоположномъ берегу Адріатическаго моря, гдѣ приказалъ занять нѣкоторые иллирійскіе острова, для наблюденія за иллирійскими разбойниками. Карѳагеняне боялись нарушить заключенный съ нимъ миръ, и Діонисій безпрепятственно господствовалъ въ моряхъ Италіи, освобожденныхъ имъ въ то время отъ этрусскихъ пиратовъ. Преслѣдуя ихъ однажды, онъ завладѣлъ чрезвычайно древнимъ этрускимъ храмомъ, въ которомъ нашелъ до 500 талантовъ (около 700,000 руб. сер.); это дало ему средства для новаго предпріятія противъ Карѳагена.

На эти деньги онъ усилилъ свое войско и сдѣлалъ попытку отнять у карѳагенянъ часть ихъ владѣній въ Сициліи. Въ этой войнѣ, продолжавшейся всего одинъ годъ (383 до р. Х.), карѳагеняне испытали сначала жестокое пораженіе, потерявъ при этомъ убитыми десять тысячъ человѣкъ и главнокомандующаго Магона. Но вскорѣ молодой сынъ Магона возстановилъ поколебавшееся значеніе Карѳагена, одержавъ такую блистательную побѣду, что Діонисій долженъ былъ просить мира, признать прежнія границы карѳагенскихъ владѣній и уплатить имъ часть военныхъ издержекъ. Четвертая война вспыхнула нѣсколько лѣтъ спустя и имѣла такой же результатъ.

Въ послѣдніе годы правленія Діонисія Сиракузы снова достигли такого же цвѣтущаго состоянія, въ какомъ находились нѣкогда въ блестящее царствованіе Гелона. Если обращать вниманіе только на матеріальное благосостояніе Сициліи въ правленіе Діонисія и оправдывать употребленныя имъ средства блистательнымъ успѣхомъ, то, конечно, нельзя не удивляться и не восхвалять его дальновидности и энергіи; но дошедшіе до насъ разсказы о его насильственныхъ и беззаконныхъ поступкахъ вполнѣ оправдываютъ приговоръ, который произноситъ надъ нимъ большинство упоминавшихъ о немъ писателей древности. Признавая за нимъ всѣ качества энергическаго, умнаго и неутомимо дѣятельнаго правителя, они называютъ его ни начто не обращавшимъ вниманія эгоистомъ и человѣкомъ, способнымъ прибѣгнуть изъ политическихъ видовъ ко всякой жестокости. Греческіе и римскіе писатели приводятъ множество болѣе или менѣе правдоподобныхъ разсказовъ, въ которыхъ изображаются обѣ стороны его характера, давшія поводъ къ такимъ противорѣчащимъ сужденіямъ объ этомъ человѣкѣ. Изъ нихъ извѣстнѣе всего, по балладѣ Шиллера, разсказы о Дамонѣ и Финтіи или, какъ называетъ ихъ другой писатель, Меросѣ и Селинунтіи. Разсказывается множество анекдотовъ, въ которыхъ изображается постоянный страхъ тирана и контрастъ между внутреннимъ состояніемъ его души и окружавшимъ его наружнымъ блескомъ. По этимъ анекдотамъ, въ которыхъ во всякомъ случаѣ правдоподобна мысль о постоянномъ недовѣріи и опасеніяхъ тирана,—Діонисій укрѣпилъ свой дворецъ, мѣнялъ каждую ночь свою спальню, не допускалъ къ себѣ никого, не приказавъ обыскать его предварительно, и позволялъ брить себя только своей родной дочери. Чаще всего повторяется анекдотъ о томъ, что когда одинъ изъ его придворныхъ, Дамоклъ, назвалъ его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, Діонисій приказалъ посадить его за столъ, покрытый роскошными яствами и обращаться съ нимъ, какъ съ царемъ; но въ тоже время велѣлъ повѣсить надъ его головою, на конскомъ волоскѣ, обнаженный мечъ. Онъ не довѣрялъ даже своимъ дѣтямъ. Постоянною благосклонностью Діонисія пользовался только шуринъ его, Діонъ, который оказалъ ему большія услуги, какъ дипломатъ и политикъ, и былъ для него чрезвычайно полезенъ по своимъ обширнымъ связямъ. Тиранъ ничего такъ не боялся, какъ дружбы и согласія между своими приближенными, и потому еще любилъ особенно Діона, что послѣдній, какъ истый аристократъ, держалъ всѣхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя. Филистъ, помогавшій Діонисію достигнуть власти, горячій приверженецъ монархическихъ идей и также вполнѣ безкорыстно преданный ему и его военной системѣ управленія, какъ преданъ былъ Наполеону какой-нибудь Гурго или Монтолонъ, былъ изгнанъ

изъ Сиракузъ за то, что любилъ общество и наслажденія жизни. Свою преданность къ тирану Филистъ доказалъ цѣлою своею жизнью и тѣмъ, что въ изгнаніи написалъ исторію, которая должна была увѣковѣчить славу того же Діонисія, поступившаго съ нимъ съ такою неблагодарностью. Объ отношеніяхъ Діонисія къ Платону и другимъ членамъ пиѳагорейскаго союза было уже подробно сказано выше (стр. 344).

Діонисій сдѣлался жертвою своего поэтическаго тщеславія. Получивъ извѣстіе о своей литературной побѣдѣ въ Аѳинахъ, онъ устроилъ праздникъ, продолжавшійся девятнадцать дней, во время котораго умеръ отъ пьянства (368 г. до р. Х.). Сынъ его, Діонисій II, безпрепятственно наслѣдовалъ власть своего отца.

5. Діонисій Младшій и Тимолеонъ.

Хотя Діонисій II и не былъ лишенъ природныхъ способностей, но отецъ его, смотрѣвшій на сына такъ же недовѣрчиво, какъ и на всѣхъ своихъ приближенныхъ, не допускалъ его до участія въ государственныхъ дѣлахъ и даже не далъ ему никакого образованія. Діонисій II выросъ внутри дворца, среди женщинъ и рабовъ, вдали отъ всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей. Тамъ, молодой человѣкъ, скучая отъ недостатка болѣе дѣльныхъ занятій, занимался разными ребячествами и столярнымъ мастерствомъ, пріучился пьянствовать и по смерти своего отца прямо изъ дѣтской вступилъ на престолъ. Дядя его, Діонъ, человѣкъ съ философскимъ образованіемъ и принципами, сдѣлавшись наставникомъ Діонисія, хотѣлъ исправить ошибку его отца, но при этомъ самъ сдѣлалъ ошибку. Онъ думалъ разомъ сдѣлать философомъ молодаго человѣка, привыкшаго къ ребяческимъ и чувственнымъ удовольствіямъ, хотѣлъ сдѣлать его приверженцомъ блистательной системы пиѳагорейцевъ, которые пытались тогда преобразовать міръ по своимъ идеальнымъ принципамъ и сдѣлали неудачную попытку осуществить свои политическіе планы при Діонисіи I (стр. 345). Діонъ окружилъ его людьми пиѳагорейскаго союза и призвалъ ко двору философа Платона, но всѣ его старанія были безуспѣшны (стр. 346). Діонисій поссорился съ Діономъ и его собратіями по союзу, наскучивъ опекою своего дяди и ничего не понимая въ ученіи пиѳагорейцевъ, совершенно не соотвѣтствовавшемъ его характеру. Онъ даже изгналъ изъ Сиракузъ властолюбиваго философа и его товарищей, когда Филистъ и другіе царедворцы его отца дали ему письмо Діона къ карѳагенскому послу и доказали, что Діонъ хочетъ поступить съ нимъ такъ же, какъ 30 лѣтъ тому назадъ Лисандръ съ Агесилаемъ. Мѣсто Діона занялъ Филистъ, человѣкъ чрезвычайно практическій, державшійся воззрѣній киренаиковъ и руководившійся въ политикѣ тѣмъ убѣжденіемъ, что строгая и энергическая военная монархія, сдерживающая въ границахъ аристократовъ и богатыхъ и опирающаяся на народъ и войско, составляетъ самую лучшую форму правленія. Вмѣсто пиѳагорейцевъ, Діонисія окружили теперь киренайскіе философы; самъ онъ вовсе не былъ философомъ и никогда не старался усвоить себѣ философскихъ принциповъ, но любилъ разговоры о философскихъ предметахъ и, подобно всѣмъ греческимъ тиранамъ, стремился пріобрѣсти славу покровителя литературы и искусства. Для этого онъ поддерживалъ переписку съ Платономъ, оставившимъ Сиракузы вскорѣ по изгнаніи Діона, и впослѣдствіи опять пригласилъ его къ своему двору.

Между тѣмъ Діонъ, которому Діонисій оставилъ доходы съ его огромныхъ помѣстій, жилъ въ Греціи съ царскою пышностью и, разъѣзжая повсюду, умѣлъ до такой степени расположить въ свою пользу общественное мнѣніе во всѣхъ греческихъ государствахъ, что въ Спартѣ былъ принятъ въ число спартіатовъ. Конечно, Діонисій не могъ равнодушно смотрѣть на происки дяди; онъ конфисковалъ его имѣнія, и всѣ старанія Платона примирить дядю съ племянникомъ остались безуспѣшны. Наконецъ Діонъ собралъ небольшое войско и возвратился въ Сицилію съ намѣреніемъ свергнуть своего племянника съ престола. Онъ могъ отчасти разсчитывать на успѣхъ своего предпріятія, потому что Діонисій и Фи-

листъ управляли Сиракузами съ чрезвычайною строгостью и изгнали изъ города нѣсколько тысячъ гражданъ. Правда, только двадцать пять человѣкъ изъ этихъ изгнанниковъ присоединились къ Діону, потому что остальные не раздѣляли нисколько его аристократическихъ убѣжденій, но такой талантливый и извѣстный человѣкъ, какъ Діонъ, долженъ былъ имѣть приверженцевъ въ Сиракузахъ и могъ ожидать успѣха отъ блеска своего имени. Притомъ воззванія къ свободѣ почти всегда имѣли дѣйствіе на грековъ и производили между ними волненіе. Кромѣ того, онъ вступилъ въ союзъ съ карѳагенянами и получилъ отъ нихъ помощь. Діонисій выказалъ при этомъ всю нерѣшительность и трусость своего характера, но настоящая причина его паденія заключалась не въ образѣ его тогдашнихъ дѣйствій, какъ думаютъ многіе, а въ указанныхъ нами обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что онъ передалъ все управленіе дѣлами Филисту, который обладалъ значительными военными талантами. Въ то время какъ Діонисій и Филистъ находились на флотѣ, Діонъ, къ которому присоединились многіе города, подвластные Сиракузамъ, произвелъ нечаянное нападеніе на этотъ городъ и овладѣлъ имъ. Онъ снова снабдилъ оружіемъ гражданъ, обезоруженныхъ Діонисіемъ, и прогналъ наемныя войска тирана въ крѣпость. Черезъ недѣлю явились въ Сиракузы Діонисій и Филистъ и соединились съ гарнизономъ крѣпости. Въ то же время прибылъ туда съ 10 кораблями другой изгнанникъ, Гераклидъ, и сталъ во главѣ демократической партіи, одинаково враждебной Діону и его племяннику; но для изгнанія послѣдняго онъ рѣшился соединиться съ аристократами. Борьба за обладаніе несчастнымъ городомъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока Филистъ, проигравъ одну морскую битву, не былъ взятъ въ плѣнъ и преданъ ужасной смерти. Послѣ того, Діонисій упалъ духомъ и, поручивъ защиту цитадели сыну своему Аполлократу, бѣжалъ съ своими сокровищами въ Италію (356 г. до р. Х.). Немедленно по удаленіи его съ театра войны, между обѣими, до тѣхъ поръ соединенными, партіями вспыхнула вражда. Гераклидъ, какъ отличный морякъ, имѣлъ на своей сторонѣ матросовъ и кромѣ того многочисленныя толпы простаго народа; онъ выгналъ Діона изъ города, но не могъ защитить буйныя толпы народа отъ крѣпостнаго гарнизона, и когда Аполлократъ сдѣлалъ вылазку и произвелъ въ городѣ страшное опустошеніе, жители снова призвали только что изгнанныхъ аристократовъ. Діонъ спасъ городъ и принудилъ гарнизонъ цитадели къ отступленію; желаніе его однако не было исполнено, онъ не былъ поставленъ во главѣ управленія одинъ, а долженъ былъ раздѣлить власть съ Гераклидомъ. Вскорѣ онъ отдѣлался отъ своего противника убійствомъ, но въ непродолжительномъ времени и самъ испыталъ ту же участь (355 г. до р. Х.).

Насильственная смерть этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей представляетъ разительный примѣръ и слабости человѣческой природы, и нравственной испорченности тогдашнихъ аѳинянъ. Діонъ былъ приверженцемъ благородныхъ принциповъ пиѳагорейской и платонической философіи, слѣдовалъ имъ въ жизни настолько, насколько они могли соединиться съ царскимъ блескомъ, и до тѣхъ поръ въ своей частной жизни всегда являлся человѣкомъ благороднымъ, великодушнымъ и безкорыстнымъ. Достигнувъ власти, онъ долженъ бы былъ доказать на дѣлѣ свой благородный образъ мыслей, противодѣйствуя порокамъ своихъ согражданъ только законными средствами; но вмѣстѣ того, чтобы ввести соотвѣтствовавшее его идеямъ государственное устройство, онъ рѣшился убить своего противника. Еще ужаснѣе были обстоятельства смерти его самого, потому что въ нихъ выказывается лицемѣріе и злоупотребленіе философскаго образованія и фанатизма. Аѳинянинъ Каллиппъ, членъ пиѳагорейскаго союза, былъ другомъ Діона; они были почти не разлучны, вмѣстѣ мечтали и философствовали, вмѣстѣ руководили экспедиціею для освобожденія Сиракузъ, и при въѣздѣ Діона въ городъ, Каллиппъ ѣхалъ рядомъ съ нимъ. По умерщвленіи Гераклида, Каллиппъ пріобрѣлъ полное довѣріе Діона, начавшаго играть роль царя и по его порученію развѣдывалъ настроеніе умовъ въ городѣ. Но втайнѣ онъ самъ стремился къ власти и воспользовался своимъ занятіемъ, чтобы расположить къ себѣ наемныя войска и устроить заговоръ противъ Діона. Когда его тайные происки были открыты, лицемѣръ, чтобы успокоить испуганныхъ женщинъ семейства Діона, не задумался принести ложную клятву, которую онъ произнесъ съ таинственными церемоніямъ передъ какимъ-то мистическимъ божествомъ пиѳагорейцевъ. Онъ достигъ этими

своей цѣли и умертвилъ своего друга въ тотъ самый день, когда совершался праздникъ въ честь этого божества.

Каллиппъ удерживалъ власть въ своихъ рукахъ тринадцать мѣсяцевъ; по изгнаніи его, въ Сиракузахъ начались смуты и анархія, господствовавшія уже почти во всѣхъ сицилійскихъ городахъ. Одинъ военный деспотъ, смѣнялъ другаго, пока наконецъ, въ 346 г. до р. Х., Діонисій не возвратился изъ Италіи и неожиданнымъ нападеніемъ не завладѣлъ Сиракузами. Онъ занялъ городъ войсками, ввелъ снова прежнюю тиранію и принудилъ аристократическую партію искать убѣжища у Гикета, владѣтеля города Леонтинъ. Гикетъ вытѣснилъ Діонисія изъ одной части города, такъ что во власти послѣдняго осталась только крѣпость и небольшой островъ передъ гаванью. Рѣшившись воспользоваться смутами въ Сиракузахъ и другихъ городахъ Сициліи, карѳагеняне послали туда сильное войско и флотъ подъ начальствомъ Магона. Это заставило немногихъ остававшихся въ Сиракузахъ аристократовъ и жителей нѣкоторыхъ другихъ сицилійскихъ городовъ прибѣгнуть съ просьбою о помощи къ метрополіи Сиракузъ, Коринѳу.

Коринѳяне исполнили эту просьбу тѣмъ охотнѣе, что это выводило городъ ихъ изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ находился вслѣдствіе вражды между членами одной изъ знатнѣйшихъ фамилій. Тимолеонъ изъ восторженной любви къ свободѣ убилъ своего роднаго брата, стремившагося къ единовластію, и поссорился вслѣдствіе того съ своимъ семействомъ. Мнѣнія гражданъ раздѣлились: одни хвалили его поступокъ, другіе осуждали Тимолеона. Его-то коринѳяне и послали въ Сицилію съ небольшимъ числомъ волонтеровъ, семью стами наемниковъ и десятью кораблями, для того, чтобы удалить его почетнымъ образомъ изъ города и дать средство освобожденіемъ Сициліи возвратить себѣ уваженіе родственниковъ и всѣхъ благородныхъ гражданъ. По прибытіи Тимолеона въ Сицилію (345 г. до р. Х.), обстоятельства совершенно перемѣнились; могущественный Гикетъ, опасаясь потерять свое вліяніе вслѣдствіе вмѣшательства коринѳянъ, соединился съ карѳагенянами. Тимолеону удалось однако проникнуть въ Сиракузы и овладѣть тремя изъ пяти кварталовъ города; два другіе оставались во власти Діонисія и Гикета, а гавань была занята карѳагенскимъ флотомъ. Гикетъ хотѣлъ тотчасъ же впустить въ городъ карѳагенское войско, но привелъ этимъ въ ужасъ владѣтелей прочихъ городовъ Сициліи, понимавшихъ опасность, которая угрожала бы имъ, если бы важнѣйшій городъ Сициліи попалъ въ руки карѳагенянъ. Поэтому всѣ они перешли на сторону Тимолеона. Не желая добровольно подвергать свое отечество владычеству чужеземцевъ, Діонисій заключилъ съ Тимолеономъ капитуляцію (343 до р. Х.). Ему дозволено было безпрепятственно удалиться изъ города, взявъ свои драгоцѣнности, но за то онъ долженъ былъ дать обѣщаніе отправиться въ Коринѳъ и жить тамъ частнымъ человѣкомъ до конца жизни. Условія капитуляціи были худо выполнены: Діонисій былъ отправленъ въ Коринѳъ на дрянномъ транспортномъ кораблѣ, а доходы его были такъ ограничены, что онъ съ самаго начала сталъ нуждаться въ средствахъ и кончилъ жизнь свою въ нищетѣ. Это было тѣмъ несправедливѣе, что самъ Діонисій, изгнавъ дядю своего Діона, не уменьшалъ его доходовъ съ помѣстій царствовавшей фамиліи до тѣхъ поръ, пока онъ не сталъ готовиться къ нападенію на Сиракузы. Въ Коринѳѣ Діонисій, какъ говорятъ, предался своей прежней страсти къ вину и до того опустился, что сдѣлался предметомъ всеобщаго осмѣянія и умеръ въ этомъ жалкомъ положеніи.

По удаленіи Діонисія, положеніе Тимолеона все еще было очень затруднительно. Не смотря на присылку изъ Коринѳа нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ подкрѣпленія, онъ былъ гораздо слабѣе Гикета и карѳагенянъ, соединившихся вмѣстѣ; по всей вѣроятности, ему пришлось бы еще долго бороться за освобожденіе Сиракузъ, если бы не трусость карѳагенскаго полководца, начавшаго безъ всякой причины подозрѣвать своего союзника Гикета въ измѣнѣ. Вполнѣ убѣжденный въ предполагаемой измѣнѣ, Магонъ прекратилъ военныя дѣйствія и возвратился съ своимъ флотомъ въ Карѳагенъ, гдѣ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ самоубійству, чтобы избѣжать наказанія за свою трусость; тѣло его было все-таки распято на крестѣ. По отплытіи карѳагенянъ, Тимолеону уже не трудно было освободить Сиракузы. Чтобы изгладить всякое воспоминаніе о тиранніи, онъ приказалъ срыть до основанія цитадель, и объявилъ жителямъ,

что намѣренъ, послѣ окончательной побѣды надъ врагами, ввести полную демократію. Сиракузы, какъ и многіе другіе города Сициліи, сильно опустѣли вслѣдствіе продолжительной войны, и Тимолеонъ для войны съ карѳагенянами долженъ былъ набрать многочисленное наемное войско. Чтобы быть въ состояніи платить имъ жалованье, онъ приказалъ продать всѣ не нужныя художественныя произведенія и пустые дома и сталъ предпринимать настоящіе разбойничьи набѣги на владѣнія корѳагенянъ въ Сициліи.

Между тѣмъ карѳагеняне собрали восьмидесяти тысячную армію, состоявшую почти изъ однихъ африканцевъ, испанцевъ, галловъ и лигуровъ. Едва эти толпы, при которыхъ находилось только весьма небольшое число карѳагенскихъ гражданъ, высадились въ Сициліи, Тимолеонъ двинулся имъ на встрѣчу не больше какъ съ двѣнадцатью тысячами войска, ударилъ на нихъ врасплохъ въ ту минуту, когда они переправлялись черезъ рѣку Кримисеъ, и нанесъ имъ полное пораженіе (340 до р. Х.). Эта побѣда, одержанная съ такимъ незначительнымъ войскомъ, объясняется тѣмъ, что проливной дождь поднялъ въ рѣкѣ воду и затруднилъ переправу карѳагенянъ, но еще болѣе—огромнымъ различіемъ въ качествахъ войскъ. Карѳагенское войско состояло изъ массы грубыхъ новобранцевъ, между которыми было не болѣе десяти тысячъ регулярныхъ и опытныхъ солдатъ. Войска Тимолеона не только не уступали своимъ числомъ этой единственной годной для правильнаго сраженія части карѳагенской арміи, но и превосходили ее военными качествами. Тимолеонъ, подобно Діонисію и Діону, велъ войну не съ ополченіемъ гражданъ, а съ греческими наемниками, воспитанными въ школѣ Эпаминонда и Ификрата и имѣвшими, не смотря на всю грубость, свои понятія о чести и славѣ. Если Филиппъ II въ это самое время мечталъ о покореніи Персидскаго царства съ сорока тысячнымъ войскомъ изъ грековъ и македонянъ, а Александръ началъ войну съ персами даже меньше, чѣмъ съ тридцати пяти тысячнымъ войскомъ, то и небольшое число подобныхъ войскъ могло смѣло сразиться съ карѳагенянами, въ шесть разъ превосходившими ихъ своею численностью. Въ сраженіи при Кримиссѣ карѳагенское войско было частію уничтожено, частію совершенно разсѣяно. Такъ называемый священный отрядъ карѳагенянъ, состоявшій изъ двухъ тысячъ пятисотъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ гражданъ, послѣ упорнаго сопротивленія былъ весь истребленъ; десять тысячъ человѣкъ другаго карѳагенскаго войска было убито, пятнадцать тысячъ взято въ плѣнъ, остальные въ безпорядкѣ бѣжали къ берегу.

Испуганный карѳагенскій сенатъ возложилъ всѣ свои надежды на Гискона, сына Ганнона, единственнаго человѣка, понимавшаго военное дѣло, но незадолго передъ тѣмъ изгнаннаго изъ зависти. Онъ былъ опять вызванъ въ Карѳагенъ и съ наскоро сформированнымъ войскомъ посланъ въ Сицилію. Впрочемъ карѳагеняне думали только о скорѣйшемъ заключеніи мира; они уже начали въ то время переговоры съ Тимолеономъ и хотѣли воспользоваться славою и военными дарованіями Гискона только для того, чтобы выговорить себѣ болѣе выгодныя условія. Миръ былъ заключенъ въ томъ же году на условіяхъ очень выгодныхъ для сицилійцевъ. Карѳагеняне удержали за собою свои владѣнія въ Сициліи, но должны были отказаться отъ всякой мысли о господствѣ надъ греческими городами и дать обѣщаніе никогда не поддерживать на островѣ ни одного тирана.

По заключеніи мира Тимолеонъ обратился противъ тирановъ, утвердившихся почти во всѣхъ городахъ Сициліи, противъ этрусскихъ пиратовъ, опустошавшихъ берега, и шаекъ кампанскихъ наемниковъ, утвердившихся въ окрестностяхъ Этны и дѣлавшихъ оттуда хищническіе набѣги во внутренность страны. Кампанскіе наемники были истреблены, этруски лишились своихъ кораблей, тираны одинъ за другимъ побѣждены и казнены ужаснымъ образомъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и Гикетъ, отданный Тимолеономъ вмѣстѣ съ своимъ невиннымъ семействомъ, на жертву демократической ярости сиракузскаго народа. Возстановивши свободу сицилійскихъ городовъ, Тимолеонъ составилъ изъ нихъ союзъ, главою котораго сдѣлалъ Сиракузы, и населилъ опустѣлые города новыми переселенцами, толпами прибывавшими изъ Греціи. Истребивъ враговъ цивилизаціи и снова приведя островъ въ цвѣтущее состояніе, онъ занялся наконецъ преобразованіемъ государственнаго устройства Сиракузъ, съ помощью двухъ человѣкъ, приглашенныхъ имъ для этого изъ Коринѳа. Въ Сиракузахъ была введена

демократія, но въ соединеніи съ древними дорическими учрежденіями и обычаями, одно возстановленіе которыхъ, по мнѣнію Тимолеона, могло упрочить ея существованіе. Введя такимъ образомъ демократію, онъ оставался еще нѣсколько времени во главѣ управленія. Тимолеонъ властвовалъ въ сущности такъ же неограниченно, какъ Діонисій и Діонъ, но самодержавіе его было не замѣтно, потому что онъ предоставилъ полное дѣйствіе закону. Наконецъ онъ совсѣмъ удалился отъ дѣлъ и поселился въ великолѣпно устроенномъ имѣніи, подаренномъ ему сиракузянами. Живя частнымъ человѣкомъ, онъ продолжалъ сохранять свое прежнее вліяніе на дѣла; смерть его (337 г. до р. X.) была почтена торжественными играми, которыя съ тѣхъ поръ ежегодно праздновались въ память ему.

Возстановивъ демократію и пріобрѣтя себѣ безсмертную славу освободителя Сициліи и основателя греческой гражданской свободы, Тимолеонъ все-таки не достигъ желанной цѣли—возстановить съ помощью своихъ учрежденій свободу всей Сициліи; даже въ Сиракузахъ все сдѣланное имъ сохранялось очень не долго и по смерти его исчезло. Учрежденія его могли держаться только до тѣхъ поръ, пока во главѣ государства стоялъ человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, потому что по своему неразвитію и нравственному развращенію жители Сиракузъ не могли обойтись безъ монархической власти; наконецъ политическое положеніе всей Сициліи требовало непремѣнно, чтобы во главѣ государства стоялъ энергическій полководецъ, поддерживаемый сильнымъ и постояннымъ войскомъ. Законодательными мѣрами точно такъ же нельзя было возвратить такой богатый торговый городъ, какъ Сиракузы, къ простотѣ и строгости нравовъ дорическаго быта, какъ нельзя было и остановить развитіе цивилизаціи, которая сдѣлала сицилійцевъ такими изнѣженными. Тимолеонъ не понималъ духа демократіи, ожидая отъ этой формы государственнаго устройства того, что можетъ дать только аристократія или олигархія. Государства, въ которыхъ вмѣсто патріотизма господствуетъ себялюбіе, могутъ быть спасены только тогда, когда во главѣ ихъ станетъ энергическій человѣкъ, который будетъ управлять народомъ съ отеческой или деспотической властью. По смерти Тимолеона, потребность въ монархической власти вызвала въ Сиракузахъ сначала военный деспотизмъ Агаѳокла, а потомъ отеческое правленіе Гіерона II.

6. Агаѳоклъ Сиракузскій.

По смерти Тимолеона, въ Сиракузахъ возникли новыя смуты. Аристократія и народъ вскорѣ опять стали во враждебныя отношенія другъ къ другу, а извнѣ государство было тѣснимо, на западѣ кароагенянами, на востокѣ хищными бругтійцами. Противъ первыхъ нужно было быть всегда на сторожѣ, хотя они и не предпринимали новой войны въ послѣднее десятилѣтіе, послѣдніе же безпрестанно нападали на союзные Сиракузамъ города Нижней Италіи, грабили суда и опустошали владѣнія самихъ сиракузянъ. Сиракузы, какъ и всѣ другіе города Сициліи и Великой Греціи, никакъ не могли обходиться безъ наемнаго войска и, слѣдовательно, представляли весьма легкую добычу для честолюбія всякаго ловкаго и счастливаго полководца. Всѣ греческія республики этихъ странъ страдали отъ постоянныхъ раздоровъ партій, взаимной вражды гражданъ и насилій наемныхъ войскъ и ихъ предводителей, такъ что трудно сказать, какое зло было болѣе: тогдашняя ихъ независимость, сопровождавшаяся смутами, грабежами и убійствами, или спокойствіе, водворившееся между ними послѣ покоренія ихъ римлянами. Такъ трудно судить о человѣческомъ счастіи по однимъ наружнымъ явленіямъ!

Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Тимолеона, нѣкоторые предпріимчивые люди ввели въ Сиракузахъ олигархическое правленіе. Они старались упрочить свою власть страхомъ и предавали казни всякаго, кто только противился имъ. Такое правительство, конечно, не могло обойтись безъ наемныхъ войскъ. Дѣйствительно, олигархи содержали многочисленное войско и занимали его походами, предпринимаемыми отъ времени до времени въ Калабрію. Въ этихъ войскахъ находился и Агаѳоклъ, сынъ одного регійскаго горшечника, пріобрѣвшій мало-по-малу огромное значеніе и въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ

бывшій замѣчательнѣйшей личностью сицилійской и карѳагенской исторіи. Онъ началъ свое поприще въ Сиракузахъ, гдѣ былъ сначала наемникомъ; здѣсь онъ пошелъ той дорогой, которую охотно выбираютъ себѣ честолюбивые молодые люди безъ богатства и связей. Своей лестью, угодливостью и съ помощью женщинъ онъ пріобрѣлъ себѣ покровителя, который, какъ полководецъ и одинъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ города, былъ ему очень полезенъ. Агаѳоклъ вскорѣ достигъ важнаго мѣста въ войскѣ и пріобрѣлъ огромное состояніе, женившись на вдовѣ своего покровителя. Найдя себѣ въ Сиракузахъ приверженцевъ, онъ свергнулъ олигарховъ, но не могъ долго удержаться на ихъ мѣстѣ и былъ изгнанъ съ своею партіею изъ города. Въ это смутное время искусный и предпріимчивый полководецъ, въ родѣ Агаѳокла, всегда могъ имѣть случай отличиться. Сначала онъ отправился искать счастья въ Кротонъ, потомъ вступилъ въ службу къ тарентинцамъ, но въ обоихъ городахъ навлекъ на себя подозрѣніе въ стремленіи къ власти, и, наконецъ, послѣ вторичнаго изгнанія олигарховъ изъ Сиракузъ, возвратился туда вмѣстѣ съ другими бѣглецами. Съ этого времени Агаѳоклъ сталъ разыгрывать роль демократа и сдѣлался такъ опасенъ для другихъ партій, что онѣ покушались даже на его жизнь, и онъ снова принужденъ былъ оставить городъ. Тогда, собравъ вокругъ себя своихъ приверженцевъ и наемниковъ, онъ напалъ на городъ, гдѣ по прежнему происходила борьба партій. Наконецъ народъ, утомленный вѣчными безпокойствами, потребовалъ его возвращенія, и аристократы должны были уступить. Агаѳоклъ возвратился въ Сиракузы и, какъ предводитель народной партіи, сталъ во главѣ правленія, съ титуломъ полководца и блюстителя спокойствія (317 г. до р. X.).

Съ этого времени Агаѳоклъ сталъ стремиться къ упроченію своей власти и для того рѣшился избавиться отъ всѣхъ тѣхъ, которые по своему богатству и происхожденію пользовались въ городѣ вліяніемъ и уваженіемъ. Онъ приказалъ своимъ солдатамъ перебить всѣхъ членовъ прежняго правительства, которыхъ обвинилъ въ измѣнѣ отечеству, а ихъ помѣстья раздѣлилъ между народомъ и войскомъ. Не останавливаясь на этомъ, онъ изгналъ или умертвилъ всѣхъ приверженцевъ прежняго правительства, ихъ родственниковъ и всѣхъ тѣхъ, чьи богатства могли служить для удовлетворенія корыстолюбія его наемниковъ. Число погибшихъ такимъ образомъ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ, около шести тысячъ человѣкъ было изгнано. Сдѣлавшись полнымъ властелиномъ Сиракузъ, Агаѳоклъ былъ такъ увѣренъ въ привязанности къ нему простаго народа и многочисленныхъ наемныхъ войскъ, что не считалъ нужнымъ, по примѣру Діонисія Старшаго, присвоивать себѣ титулъ государя, заводить тѣлохранителей и до такой степени затруднять къ себѣ доступъ. Но зато ему угрожала большая опасность извнѣ. Жители Агригента, Мессины и Гелы, испуганные счастливыми попытками Агаѳокла распространить свое владычество и на другіе города Сициліи, соединились другъ съ другомъ и, пригласивъ къ себѣ сиракузскихъ изгнанниковъ, объявили Агаѳоклу войну. Въ тоже время они послали къ спартанцамъ просить у нихъ предводителя: имѣя передъ глазами примѣръ Агаѳокла и другихъ предводителей сицилійскихъ войскъ, они опасались своихъ собственныхъ военачальниковъ и ожидали, что присланный къ нимъ изъ Греціи полководецъ окажетъ такія же услуги острову, какъ Тимолеонъ. Спартанцы послали къ нимъ Акротата, дѣда извѣстнаго развратника того же имени (стр. 490). Онъ былъ вполнѣ достоинъ своего внука и по прибытіи въ Агригентъ предался совершенно чувственнымъ наслажденіямъ. Приказавъ умертвить своего соперника, предводителя сиракузскихъ изгнанниковъ, онъ навлекъ на себя смертельную вражду не только сицилійскихъ эмигрантовъ, но и самихъ агригентцевъ, былъ низложенъ ими и принужденъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Это совершенно избавило Агаѳокла отъ опасности, потому что противники его, лишенные предводителя, струсили и черезъ посредничество Гамилькара, начальника карѳагенскаго войска въ Сициліи, заключили съ нимъ договоръ, по которому всѣ города, не принадлежавшіе Карѳагену, были объявлены независимыми, но должны были признать надъ собою гегемонію Сиракузъ.

Агаѳоклъ блистательнымъ образомъ обнаружилъ теперь свои правительственныя способности, угадавъ во время намѣренія карѳагенянъ и принявши противъ нихъ надлежащія мѣры. Карѳагенскій сенатъ, начавшій тогда снова стре-

миться къ распространенію своего владычества въ Сициліи, былъ очень недоволенъ миромъ, заключеннымъ между агригентцами и Агаѳокломъ при посредничествѣ Гамилькара: онъ предалъ послѣдняго жестокому наказанію за то, что Гамилькаръ совершенно противъ интересовъ Карѳагена содѣйствовалъ упроченію могущества Сиракузъ. Агаѳоклъ воспользовался этимъ миромъ, чтобы подчинить себѣ какъ можно больше владѣній, усмирить своихъ враговъ и приготовиться къ предстоящей войнѣ съ карѳагенянами. Онъ собралъ огромные военные запасы и увеличилъ свое войско до такихъ размѣровъ, что становится непонятно, какимъ образомъ Сиракузы могли содержать такія громадныя военныя силы. Кромѣ значительной собственно сиракузской милиціи и войскъ подвластныхъ и союзныхъ городовъ, онъ нанялъ еще тринадцать тысячъ наемниковъ, въ числѣ которыхъ было до трехъ тысячъ всадниковъ. Чтобы сохранить между греками единство, необходимое для предстоящей войны съ Карѳагеномъ, и упрочить свое владычество, Агаѳоклъ приказалъ истребить всѣхъ своихъ противниковъ; кровь лилась ручьями. Онъ всячески преслѣдовалъ и гналъ сиракузскихъ изгнанниковъ и всѣхъ противниковъ его партіи въ сицилійскихъ городахъ. Наконецъ, въ 311 г. до р. Х., вспыхнула война между Сиракузами и Карѳагеномъ.

Въ Сицилію отправился карѳагенскій флотъ изъ ста тридцати военныхъ кораблей съ дессантомъ изъ 14 тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ собственно карѳагенскихъ гражданъ было только двѣ тысячи. Начальникъ этого войска, называвшійся, какъ и прежній карѳагенскій военачальникъ Сициліи, Гамилькаромъ, умноживъ свою армію сицилійскими наемниками и войсками союзниковъ, выступилъ въ походъ съ 40 тысячами пѣхоты и пятью тысячами всадниковъ. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ Агаѳокла, но потомъ въ одной битвѣ онъ былъ разбитъ на голову и потерялъ 7000 человѣкъ. Вслѣдствіе этого пораженія всѣ подвластные ему города отпали, такъ что за нимъ остались только Сиракузы. Положеніе его было самое отчаянное; по всей вѣроятности, онъ погибъ бы, если бы не придумалъ весьма умнаго и смѣлаго средства спасенія. Онъ рѣшился предпринять походъ въ Африку, чтобы напасть на карѳагенянъ въ ихъ собственной странѣ, пока войска ихъ будутъ заняты въ Сициліи. Опытъ доказалъ справедливость его разсчетовъ.

Такой огромный и сильно укрѣпленный городъ, какъ Сиракузы, могъ выдержать осаду всей карѳагенской арміи. Войско, съ которымъ Агаѳоклъ пустился въ это смѣлое предпріятіе, состояло, за исключеніемъ небольшаго сиракузскаго отряда, изъ наемниковъ греческаго, самнитскаго и галльскаго происхожденія, т. е. изъ людей, готовыхъ слѣдовать за нимъ повсюду. Съ такими воинами можно было смѣло разсчитывать на побѣду въ странѣ, жители которой были изнѣжены продолжительнымъ миромъ и потому сдѣлались неспособными къ войнѣ. Кромѣ того можно было надѣяться, что африканскіе подданные Карѳагена воспользуются случаемъ сбросить съ себя тяжелое иго и принудятъ своихъ властителей отозвать войска изъ Сициліи. Наконецъ, въ африканскихъ владѣніяхъ карѳагенянъ непріятельское войско могло не только найти обильныя средства для своего содержанія, но и удовлетворить вполнѣ своей страсти къ грабежу и хищничеству. Агаѳоклъ до послѣдней минуты не говорилъ никому о своемъ намѣреніи и сдѣлалъ всѣ приготовленія къ походу съ тою дьявольскою послѣдовательностью и энергіею, какую обнаруживалъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Греческіе писатели, по своему національному характеру не придававшіе большаго значенія нравственнымъ принципамъ, прославляютъ мудрость Агаѳокла въ этомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ порицаютъ его жестокость. И теперь, какъ всегда, онъ не разбиралъ средствъ для достиженія своей цѣли. Для поддержанія спокойствія въ городѣ на время своего отсутствія, онъ передалъ управленіе городомъ и начальство надъ оставшимися тамъ войсками брату своему, Антандру, и сформировалъ сиракузскій отрядъ, который долженъ былъ отправиться съ нимъ въ Африку, изъ людей, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ города, для того, чтобы имѣть въ нихъ ручальства за вѣрность высшихъ классовъ сиракузскаго населенія. Деньги, необходимыя на издержки этого похода, онъ собралъ, отнявъ сиротскія деньги, приношенія, хранившіяся въ храмахъ, золотыя украшенія знатныхъ женщинъ и заключивъ насильственный заемъ у сиракузскихъ купцовъ. Сдѣлавъ это, Агаѳоклъ созвалъ народъ и, описавъ ему печальное поло-

женіе Сиракузъ, объявилъ, что будетъ защищать городъ до послѣдней капли крови, но не принуждаетъ никого покоряться этому рѣшенію, а напротивъ того проситъ всѣхъ несогласныхъ съ его мнѣніемъ удалиться изъ города. Такимъ образомъ онъ очистилъ городъ отъ своихъ враговъ, но немедленно послалъ убійцъ въ погоню за богатѣйшими изъ нихъ и завладѣлъ забранными ими сокровищами.

Нѣкоторое время счастье очень благопріятствовало Агаѳоклу. Онъ посадилъ свои войска на шестьдесятъ кораблей и благополучно достигъ открытаго моря, обманувъ бдительность непріятельскаго флота, крейсировавшаго передъ гаванью. Избѣжавъ его преслѣдованія, онъ безпрепятственно высадился на африканскій берегъ (310 г. до р. X.) и тотчасъ же приказалъ сжечь свои суда, чтобы отнять у войска всякую надежду на спасеніе бѣгствомъ и предоставить ему выборъ только между побѣдою и смертью. Агаѳоклъ высадился въ окрестностяхъ Карѳагена, которыя, какъ мы уже сказали выше, по необыкновенному плодородію почвы и превосходной ея обработкѣ походили на окрестности нынѣшняго Лондона. Получивъ извѣстіе о неожиданномъ появленіи непріятеля, карѳагеняне наскоро собрали сорока трехъ тысячную армію; но, къ несчастью для Карѳагена, въ сенатѣ давно уже господствовали раздоры, которые были тогда для карѳагенянъ опаснѣе внѣшняго врага. Во главѣ двухъ политическихъ партій въ Карѳагенѣ находились двѣ знатнѣйшія фамиліи, издавна враждовавшія между собою. Они не забыли своей вражды и въ эту трудную для государства минуту и заставили сенатъ вмѣсто одного главнокомандующаго назначить двухъ, по одному изъ каждой партіи; другими словами, сенатъ заботился о томъ, чтобы полководцы наблюдали одинъ за другимъ, и упустилъ изъ виду главную цѣль — пораженіе непріятеля. Войска, подъ начальствомъ Ганнона и Бомилькара, выступили противъ сиракузской арміи, состоявшей всего изъ четырнадцати тысячъ человѣкъ, и дали ей сраженіе, въ которомъ побѣда уже клонилась на сторону карѳагенянъ, какъ вдругъ смерть Ганнона совершенно измѣнила ходъ битвы. Бомилькаръ, стремившійся къ единовластью, рѣшился воспользоваться смертью своего противника для своихъ собственныхъ цѣлей и, разсчитывая что смуты, которыя возникнутъ въ Карѳагенѣ послѣ пораженія будутъ для него гораздо полезнѣе побѣды, распорядился такъ, что войска его потерпѣли совершенное пораженіе. Карѳагенскій сенатъ или, вѣрнѣе, пентархи и совѣтъ ста, управлявшіе государствомъ, выказали при этомъ твердость и хитрость, достойную правительства венеціанской республики. Они очень хорошо знали, чего желалъ Бомилькаръ, но рѣшились не выказывать ему своихъ подозрѣній, чтобы не довести его до крайности. Сформировавъ новое войско, подъ предводительствомъ другихъ полководцевъ, они вызвали пять тысячъ человѣкъ изъ Сициліи и рѣшились отложить свою месть надъ Бомилькаромъ до окончанія войны. Для того, чтобы ободрить суевѣрный народъ, они послали богатые дары въ главный храмъ своей метрополіи Тира, велѣли принести въ жертву ея Молоху двѣсти человѣкъ дѣтей и до того напугали народъ мщеніемъ главнаго божества, что триста гражданъ, приносившіе прежде въ жертву вмѣсто своихъ дѣтей чужихъ, теперь добровольно пожертвовали своими собственными.

Послѣ побѣды надъ Бомилькаромъ, дѣла Агаѳокла на нѣсколько времени приняли весьма хорошій оборотъ, не только въ Африкѣ, но и въ Сициліи. Гамилькаръ, сдѣлавшій нападеніе на Сиракузы, былъ отбитъ и въ то же время получилъ приказаніе отъ сената отправить въ Африку 5 тысячъ человѣкъ. Черезъ нѣсколько времени при одной изъ вылазокъ, сдѣланной жителями Сиракузъ, онъ не только потерпѣлъ еще разъ большой уронъ, но и самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Между тѣмъ Агаѳоклъ, занявъ всѣ окрестности Карѳагена и завладѣвъ почти всѣми значительными городами его области, расположился на высотахъ, окружающихъ столицу. Онъ нанесъ карѳагенянамъ еще одно пораженіе, но обезславилъ свою побѣду, обманувъ безстыднымъ образомъ тысячу греческихъ наемниковъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ. Когда греки, освободившись изъ плѣна, заняли одно укрѣпленіе, онъ убѣдилъ ихъ сдаться, обѣщая имъ прощеніе, но вмѣсто того приказалъ перерѣзать ихъ всѣхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Агаѳоклъ показалъ примѣръ мастерскаго обмана: онъ послалъ одного изъ своихъ довѣренныхъ лицъ къ египетскому полководцу Офеллу, который, покоривъ Кирену (стр. 476.), отложился

отъ египетскаго царя, — съ предложеніемъ соединиться съ нимъ для покоренія Карѳагена, обѣщая уступить ему потомъ все завоеванное въ Африкѣ. Не подозрѣвая обмана, Офеллъ явился къ нему съ отличнымъ войскомъ въ 10 тысячъ человѣкъ, расположился лагеремъ рядомъ съ Агаѳокломъ и былъ убитъ имъ; его солдатамъ, какъ настоящимъ наемникамъ, было все равно кому служить, если только имъ давали хорошее жалованье, и потому всѣ они перешли на службу къ Агаѳоклу. Въ то же время, когда Агаѳоклъ обманулъ киренейскаго узурпатора, и Бомилькаръ рѣшился привести въ исполненіе давно задуманный планъ овладѣть Карѳагеномъ, но поплатился жизнью за свою дерзкую попытку. Будучи тогда (308 до р. X.) главнокомандующимъ, онъ распустилъ всѣ войска, кромѣ четырехъ съ половиною тысячъ человѣкъ, на которые могъ совершенно полагаться, и бросился съ ними въ Карѳагенъ, приказавъ рѣзать всѣхъ своихъ противниковъ, но, подавленный гражданами, поплатился мучительною смертью за свою измѣну.

Принявъ, по умерщвленіи Офелла, титулъ царя, Агаѳоклъ все дальше и дальше распространялъ свои завоеванія въ карѳагенской землѣ и уже завладѣлъ почти всѣми африканскими владѣніями Карѳагена, когда положеніе дѣлъ въ Сициліи заставило его покинуть Африку и лишило всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ многими годами. Сицилійскіе города составили противъ него союзъ, а карѳагенскій флотъ, господствовавшій на морѣ, заперъ входъ въ сиракузскую гавань. Агаѳоклъ оставилъ въ Африкѣ сына своего, А р х а г а т а, и поспѣшилъ въ Сицилію (307 г. до р. X.), гдѣ между тѣмъ союзъ уже распался, и агригентцы были разбиты его войсками. По прибытіи въ Сицилію онъ самъ совершилъ нѣсколько удачныхъ предпріятій противъ враждебныхъ ему городовъ и, съ помощью этрусскихъ кораблей, одержалъ даже побѣду надъ карѳагенскимъ флотомъ, блокировавшимъ Сиракузы. Но это былъ послѣдній проблескъ счастья, и съ этой минуты постоянныя неудачи начинаютъ преслѣдовать Агаѳокла. Одинъ изъ сиракузскихъ изгнанниковъ, Д и н о к р а т ъ, собравъ вокругъ себя другихъ бѣглецовъ, снова возстановилъ союзъ городовъ и вскорѣ выступилъ противъ тирана съ превосходными силами. Онъ выгналъ Агаѳокла изъ только что завоеванныхъ городовъ и угрожалъ самимъ Сиракузамъ. Въ это же самое время погибло и африканское войско. Архагатъ, производя отдѣльные набѣги, раздробилъ свое войско, и оно было разбито по частямъ карѳагенянами, у которыхъ явились теперь отличные полководцы, Г а н н о н ъ, Г и м и л к о н ъ и Г а с д р у б а л ъ. Наконецъ Архагатъ съ остаткомъ своего войска былъ оттѣсненъ въ Тунисъ и окруженъ тамъ со всѣхъ сторонъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Агаѳоклъ счелъ за нужное возвратиться въ Африку, но передъ отъѣздомъ водворилъ спокойствіе въ Сиракузахъ одною изъ тѣхъ жестокостей, какія были обыкновеннымъ его средствомъ. Любя самъ пиры, онъ рѣшился воспользоваться тѣмъ, что вино всегда развязываетъ языкъ, для того чтобы узнать образъ мыслей каждаго. Пригласивъ на прощальный пиръ своихъ приближенныхъ, которые по этому способу оказались людьми подозрительными, онъ призвалъ еще нѣсколько сотъ другихъ гражданъ и приказалъ своимъ наемникамъ перебить всѣхъ присутствующихъ.

По пріѣздѣ въ Африку Агаѳоклъ нашелъ свое войско въ отчаянномъ положеніи. Запертые со всѣхъ сторонъ и отрѣзанные отъ всякихъ подвозовъ продовольствія, войска умирали съ голоду. Солдаты были ободрены его прибытіемъ, и Агаѳоклъ хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, но былъ разбитъ на голову. Лишившись послѣдней надежды онъ думалъ только о своемъ собственномъ спасеніи и ни мало не заботясь о чести, войскѣ и своихъ дѣтяхъ, бѣжалъ ночью, оставивъ сыновей и войско на произволъ судьбы. Агаѳоклъ благополучно спасся, но сыновья его были умерщвлены разъяренными солдатами (360 г. до р. X.). Остатокъ постыдно обманутаго имъ войска раздѣлился на двѣ части: одна изъ нихъ заключила съ карѳагенянами договоръ, по которому одни поступали на службу къ карѳагенянамъ, а другіе были отправлены въ Сицилію. Остальные продолжали еще нѣкоторое время защищаться, но потомъ попались въ плѣнъ и были обращены въ рабство.

Въ Сициліи Агаѳоклъ снова прибѣгнулъ къ неслыханнымъ злодѣйствамъ, чтобы добыть деньги, необходимыя для поддержанія своего владычества; безъ

всякаго сомнѣнія, онъ долженъ бы былъ уступить своему противнику Динократу, имѣвшему въ своемъ распоряженіи двадцати-трехъ-тысячное войско, если бы и послѣдній не выказалъ явнаго стремленія къ самовластію и этимъ не отдалилъ отъ себя большей части своихъ приверженцевъ. Агаѳоклъ изъявилъ готовность отказаться отъ власти и вступилъ въ переговоры объ этомъ, требуя только нѣкоторыхъ городовъ, какъ необходимаго ручальства за свою безопасность; но, не согласившись съ послѣднимъ, воспользовался этимъ, чтобы подорвать вліяніе своего противника. Онъ распустилъ слухъ, что Динократъ одинъ виноватъ въ томъ, что Сиракузы еще не получили свободы, потому что, стремясь сдѣлаться главою государства, не обращаетъ никакого вниманія на общее благо, тогда какъ онъ уже давно готовъ отказаться отъ власти. Потомъ онъ заключилъ съ карѳагенянами миръ, по которому уступилъ имъ всѣ города, находившіеся прежде въ ихъ власти, и за то получилъ отъ нихъ 200,000 мѣръ хлѣба и около 400 тысячъ руб. на наши деньги (по другимъ свѣдѣніямъ только половину этого). Этотъ миръ доставилъ ему три важныя выгоды: онъ отдѣлался отъ своего главнаго врага, получилъ деньги на жалованье своимъ наемникамъ и вывелъ Сиракузы изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ они находились во время войны, когда непріятельскій флотъ, заперевъ гавань, прекратилъ всякій подвозъ припасовъ. Послѣ того онъ со всѣми своими силами двинулся противъ Динократа, войско котораго состояло большею частью изъ сиракузскихъ изгнанниковъ и отчасти было уже привлечено Агаѳокломъ на свою сторону. Передъ самымъ началомъ битвы около двухъ тысячъ изъ нихъ перешли къ Агаѳоклу, остальные были разбиты и въ числѣ семи, а по другимъ свѣдѣніямъ четырехъ тысячъ человѣкъ положили оружіе, надѣясь на обѣщаніе полной амнистіи, данное Агаѳокломъ. Но едва они были обезоружены, какъ Агаѳоклъ приказалъ окружить ихъ и всѣхъ перерѣзать. Это было одно изъ ужаснѣйшихъ злодѣйствъ, какія только извѣстны исторіи. Динократъ вскорѣ послѣ того примирился съ Агаѳокломъ, который, сдѣлавшись его другомъ, ввѣрилъ его начальству часть своихъ войскъ, такъ какъ Динократъ, передавши ему города своихъ прежнихъ союзниковъ, уже не могъ болѣе ничего предпринять противъ тирана.

Съ этого времени Агаѳоклъ, царствовавшій еще шестнадцать лѣтъ, не нуждался болѣе въ жестокости и является кроткимъ правителемъ. Это не мѣшало ему однако предпринимать по прежнему походы или, вѣрнѣе, набѣги въ Нижнюю Италію и другія страны, чтобы имѣть средство содержать и занимать своихъ наемниковъ. Онъ былъ военнымъ искателемъ приключеній или атаманомъ разбойниковъ въ большихъ размѣрахъ, но по крайней мѣрѣ имѣлъ столько мужества, что и не желалъ казаться чѣмъ-нибудь другимъ. Не заботясь нисколько о наружномъ блескѣ и величіи, Агаѳоклъ даже на самой высшей степени своего могущества не покидалъ своихъ прежнихъ привычекъ, говорилъ въ народномъ собраніи грубыя шутки, ходилъ по городу безъ свиты и тѣлохранителей, никогда не стыдился своего низкаго происхожденія и часто даже напоминалъ о немъ, гордясь тѣмъ, что сдѣлался властителемъ города единственно благодаря своимъ личнымъ заслугамъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ сталъ готовиться къ новому походу въ Африку, потому что не могъ забыть неудачи своей первой экспедиціи. Утвердивши за собою пріобрѣтенное имъ царство, онъ назначилъ преемникомъ любимаго своего сына, А г а ѳ о к л а М л а д ш а г о. Но власть, добытая кровью и злодѣяніями, не могла быть прочною, и онъ самъ передъ смертью долженъ былъ испытать на себѣ, что посѣвъ преступленій можетъ дать только одну жатву несчастія. Его завистливый внукъ, сынъ Архагата, котораго Агаѳоклъ оставилъ въ Африкѣ на жертву ярости войска, умертвилъ сначала своего дядю, а потомъ и дѣда (289 г, до р. Х.). Агаѳоклъ дожилъ до семидесяти двухъ лѣтъ, процарствовавъ двадцать восемь. Его внукъ былъ убитъ вскорѣ послѣ него тѣмъ же самымъ человѣкомъ, который по его приказанію умертвилъ его дѣда.

7. Сицилія и Карѳагенъ отъ Агаѳокла до первой пунической войны.

По смерти Агаѳокла, Сицилія сдѣлалась театромъ новыхъ смутъ и войнъ, въ которыхъ главную роль играли наемники этого тирана и воспитанные въ его школѣ полководцы. Сиракузы были постоянно терзаемы внутренними распрями партій и подчинялись то одному, то другому военному деспоту; такую же участь испытывали и другіе города острова. Карѳагеняне старались, для своихъ видовъ, поддерживать и усиливать господствовавшія повсюду смуты. Кампано-самнитскіе наемники Агаѳокла, распущенные послѣ его смерти, на возвратномъ пути домой завладѣли городомъ Мессеною, перебили всѣхъ его жителей мужескаго пола, пригласили къ себѣ еще другихъ смѣльчаковъ и подъ именемъ мамертинцевъ, т. е. сыновъ бога войны Мамерса или Марса, основали республику морскихъ разбойниковъ, которая производила такіе же разбои, какъ въ новѣйшее время Варварійскія владѣнія Алжиръ, Тунисъ и Триполи, и дѣлала безпрестанные набѣги во внутренность острова. Въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ во всѣхъ городахъ Сициліи царствовали междоусобія и распри, пока наконецъ Сиракузы, раздѣлившіяся въ то время на три партіи и осажденныя карѳагенянами, не призвали къ себѣ на помощь эпирскаго царя Пирра. Послѣдній, какъ уже было сказано выше (стр. 600), весьма охотно принялъ это приглашеніе и былъ встрѣченъ съ восторгомъ какъ въ Сиракузахъ, такъ и во всей Сициліи. Онъ успѣлъ примирить враждующія партіи, соединилъ въ союзъ значительнѣйшіе города острова, собралъ такимъ образомъ весьма многочисленное войско и такъ счастливо дѣйствовалъ съ нимъ противъ карѳагенянъ, что они лишились всѣхъ своихъ городовъ въ Сициліи. Къ несчастію, Пирръ былъ не болѣе какъ простой солдатъ и искатель приключеній; онъ оказался человѣкомъ чрезвычайно непостояннымъ и нерѣшительнымъ въ своихъ предпріятіяхъ, не умѣлъ, какъ Агаѳоклъ, привязать къ себѣ полководцевъ и солдатъ разнохарактернаго сицилійскаго войска и соединять свои насильственныя дѣйствія съ послѣдовательностью и благоразумною умѣренностью. Черезъ два года, онъ уже поссорился съ подчинившимися ему мелкими сицилійскими владѣтелями, приказалъ одного изъ нихъ умертвить и жестоко оскорбилъ остальныхъ; послѣ того почти всѣ города острова отложились отъ него и пристали къ карѳагенянамъ или къ мамертинцамъ. Съ одними своими эпиротами онъ уже не могъ бороться съ этими многочисленными и могущественными врагами, изъ которыхъ одни мамертинцы могли выставить въ поле 10 тысячъ человѣкъ. Воспользовавшись первымъ благовиднымъ предлогомъ, онъ возвратился въ Италію, пробывъ въ Сициліи два года (275 г. до р. X.).

Безпокойства и междоусобныя распри въ Сиракузахъ и въ другихъ городахъ Сициліи были неизбѣжны, потому что шаткость внутренняго состоянія этихъ государствъ, сосѣдство мамертинцевъ и угрожавшія силы карѳагенянъ дѣлали необходимымъ содержаніе наемнаго войска. По удаленіи Пирра, въ Сициліи опять начались раздоры и переходы отъ большей или меньшей свободы къ военному деспотизму. При такихъ обстоятельствахъ карѳагеняне весьма легко достигли опять своего прежняго могущества. Наконецъ, (369 г. до р. X.), одному талантливому полководцу, Гіерону II, потомку знаменитаго Гелона, за 200 лѣтъ передъ тѣмъ царствовавшему въ Сиракузахъ, удалось не только завладѣть Сиракузами, но и удержать за собою обладаніе городомъ. Въ молодости онъ принималъ участіе въ походахъ Пирра противъ карѳагенянъ, и когда демократическое правительство Сиракузъ поссорилось съ войскомъ, онъ былъ провозглашенъ войскомъ главнокомандующимъ и ворвался съ нимъ въ городъ. Прославившись многими подвигами храбрости и соединяя въ себѣ всѣ достоинства государственнаго человѣка съ талантами полководца, онъ легко могъ удержать за собою и начальство надъ войскомъ и управленіе городомъ. Несмотря на то, что Гіеронъ сдѣлался главнокомандующимъ съ помощью мятежа и насильственно овладѣлъ

правленіемъ, его кроткое и ласковое обращеніе съ гражданами такъ расположило ихъ въ его пользу, что они охотно утвердили выборъ войска. Гіеронъ понялъ, что всѣ безпорядки послѣднихъ десяти лѣтъ происходили отъ наемниковъ, оставшихся послѣ Агаѳокла, и отъ того, что обыкновенно во время отсутствія войска одна изъ партій начинала поднимать голову и дѣйствовать противъ главнокомандующаго и войска, какъ противъ непріятелей. Поэтому онъ съ самаго начала принялъ мѣры къ уничтоженію этихъ двухъ источниковъ смутъ и для того вступилъ въ тѣсныя сношенія съ Лептиномъ, человѣкомъ, пользовавшимся одинаково сильнымъ вліяніемъ и уваженіемъ у гражданъ и у войска, женился на его дочери и всегда передавалъ ему управленіе дѣлами, когда ему самому приходилось отлучаться изъ города. Чтобы избавиться отъ прежнихъ безпокойныхъ наемниковъ, онъ въ одной изъ битвъ съ мамертинцами расположилъ свое войско такимъ образомъ, что наемники подверглись нападенію всего непріятельскаго войска и почти всѣ были истреблены. Вслѣдъ затѣмъ Гіеронъ сформировалъ новое войско изъ способныхъ гражданъ и наемниковъ, которые были вполнѣ ему преданы и не привыкли, какъ прежніе, предписывать государству законы.

Вскорѣ послѣ того онъ нанесъ мамертинцамъ такое пораженіе, что они должны были отказаться отъ набѣговъ во внутренность страны и удовольствоваться морскими разбоями. Въ благодарность за это жители Сиракузъ и ихъ союзники провозгласили его царемъ. Побѣда Гіерона поставила мамертинцевъ въ очень затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что незадолго до того они лишились весьма могущественнаго союзника. За десять лѣтъ передъ тѣмъ, граждане города Регіума, лежавшаго на другомъ берегу Мессинскаго пролива, опасаясь Пирра, просили у римлянъ гарнизона и получили 4 тысячи кампанскихъ самнитовъ подъ командою римскаго военачальника; но послѣдніе, перебивъ и разогнавъ жителей, соединились съ своими соотечественниками, владѣвшими Мессеною. Пока продолжалась война съ Пирромъ и Тарентомъ, римскій сенатъ не обращалъ вниманія на это преступленіе, но въ 271 г. до р. Х. послалъ туда войско, которое завладѣло Регіумомъ и возвратило его прежнимъ жителямъ, которые стали теперь въ полную зависимость отъ римлянъ. Такимъ образомъ римляне не только завладѣли городомъ, откуда они всегда могли переправиться въ Сицилію, но и лишили мессенскихъ мамертинцевъ союза, безъ котораго они не могли бороться противъ Сиракузъ. Самостоятельности ихъ угрожала еще большая опасность: Гіеронъ велъ въ это время переговоры съ карѳагенянами о союзѣ, и они не могли и думать о сопротивленіи соединеннымъ силамъ обоихъ государствъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи они раздѣлились на двѣ партіи: большая часть обратилась за помощью въ Римъ, остальные вступили въ переговоры съ карѳагенскимъ полководцемъ Ганнономъ, явившимся въ Сицилію съ многочисленнымъ войскомъ, и отдали свою крѣпость подъ его защиту. Римскій сенатъ долгое время колебался, согласно ли будетъ съ достоинствомъ и честью римскаго народа подать помощь разбойникамъ и убійцамъ, но, получивъ извѣстіе о занятіи карѳагенянами Мессенской цитадели, оставилъ въ сторону нравственныя сомнѣнія и, покорившись политической необходимости, немедленно отправилъ на помощь мамертинцамъ войско подъ начальствомъ консула Аппія Клавдія Каудекса. Одинъ изъ его легатовъ, не смотря на присутствіе карѳагенскаго флота, переправился съ небольшимъ отрядомъ черезъ проливъ, счастливо достигнулъ Мессены и убѣдилъ мамертинцевъ хитростью заставить карѳагенянъ удалиться изъ цидатели. Хитрость удалась и цитадель была занята римскимъ гарнизономъ.

Появленіе римлянъ въ Мессенѣ и союзъ ихъ съ мамертинцами грозили Гіерону такою опасностью, что онъ тотчасъ же рѣшился заключить союзъ съ карѳагенянами. Карѳагенскія и сиракузскія войска двинулись къ Мессенѣ. Между тѣмъ Аппій Клавдій съ частью своего войска переправился въ Сицилію и, сообразивъ, какъ опасно допустить непріятеля обложить городъ, напалъ на Гіерона, войска котораго еще не успѣли соединиться съ карѳагенскими, и нанесъ ему пораженіе. Гіеронъ возвратился въ Сиракузы, предчувствуя окончательную раз-

вязку войны или объясняя себѣ высадку римскихъ войскъ хитростью карѳагенянъ, которые могли допустить ихъ въ Мессену, желая погубить его самого.

По удаленіи сиракузскихъ войскъ Аппій Клавдій напалъ на карѳагенянъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Такимъ образомъ вспыхнула, въ 264 году до р. Х., первая война между Римомъ и Карѳагеномъ, продолжавшая двадцать три года и называвшаяся у римлянъ, вмѣстѣ съ двумя слѣдующими, Пуническою.

VIII. ВРЕМЯ ПУНИЧЕСКИХЪ ВОЙНЪ.

1. Первая пуническая война.

Начавъ первую пуническую войну двойною побѣдою при Мессенѣ, консулъ Аппій Клавдій двинулся вслѣдъ за тѣмъ въ сиракузскія владѣнія и опустошилъ ихъ. Преемники его, консулы слѣдующаго года, продолжая эти опустошенія, заставили Гіерона заключить миръ, который имѣлъ для римлянъ тѣмъ большую цѣну, что карѳагеняне, господствуя на морѣ, легко могли воспрепятствовать подвозу провіанта римскому войску. Гіеронъ удержалъ за собою Сиракузы и значительныя владѣнія, вступилъ въ союзъ съ римлянами, отпустилъ безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ и заплатилъ контрибуцію. Оставаясь вѣрнымъ и благоразумнымъ союзникомъ римлянъ въ продолженіе всей войны, онъ доставилъ имъ своимъ отпаденіемъ отъ карѳагенянъ тѣмъ большую выгоду, что его прежніе союзники остались въ Сициліи совершенно одни. Первымъ важнымъ предпріятіемъ римлянъ, по заключеніи мира съ Гіерономъ, была осада большаго и сильно укрѣпленнаго Агригента, главнаго военнаго пункта карѳагенянъ въ Сициліи. Онъ былъ обороняемъ Ганнибаломъ, сыномъ Гискона, съ пятидесятью тысячами карѳагенскаго войска, къ которому присоединилось еще 25 тысячъ вооруженныхъ гражданъ. Но самая многочисленность этого войска едва не сдѣлалась причиною его гибели; окруживъ Агригентъ со всѣхъ сторонъ, римляне отрѣзали такимъ образомъ подвозъ къ нему съѣстныхъ припасовъ. Посланное на помощь осажденнымъ 56-тысячное войско, по неспособности своего предводителя Ганнона, потерпѣло сильное пораженіе и доставило осажденнымъ только ту выгоду, что дало имъ возможность выйти изъ города, въ то время, когда римляне преслѣдовали разбитаго непріятеля. Одни граждане не могли отстоять города противъ многочисленнаго римскаго войска, и Агригентъ, послѣ семимѣсячной осады, очутился во власти римлянъ (262 г. до р. Х.). Городъ подвергся всѣмъ ужасамъ разграбленія, а всѣ его жители были проданы въ рабство.

Видя, что они не могутъ вести продолжительной борьбы съ карѳагенянами иначе, какъ поколебавъ ихъ могущество на морѣ, римляне рѣшились употребить всѣ усилія для сооруженія флота и достигли того, что въ 60 дней онъ уже могъ выйти въ море. Они предпринимали тогда въ первый разъ морскую войну съ народомъ, главнымъ занятіемъ котораго было уже издавна судоходство. Одно только тогдашнее несовершенство морскаго военнаго искусства можетъ объяснить побѣду римлянъ, правительство которыхъ не имѣло до того времени ни малѣйшаго понятія о морскомъ дѣлѣ, надъ карѳагенянами, первыми мореходцами древности. Впрочемъ нельзя не принять въ соображеніе и того обстоятельства, что въ римскомъ флотѣ находилось много грековъ изъ покоренной ими Великой Греціи и жителей другихъ береговыхъ странъ Италіи. Еще въ томъ же году, когда вышелъ въ море вновь построенный флотъ (260 г. до р. Х.), римляне одержали морскую побѣду надъ карѳагенянами, благодаря новому изобрѣтенію своего консула Кая Дуиллія, которое привело въ замѣшательство начальника карѳагенскаго флота. Видя, что его корабли по своей неповоротливости никакъ не могутъ сравняться съ карѳагенскими, Дуиллій нашелъ средство лишить непріятеля

всѣхъ его выгодъ, обративъ морское сраженіе въ сухопутное. Онъ снабдилъ всѣ римскіе корабли абордажными мостами и во время сраженія, внезапно набросивъ ихъ на непріятельскія суда, при помощи римскаго войска легко одержалъ побѣду надъ необученнымъ карѳагенскимъ экипажемъ. Но главная причина пораженія карѳагенянъ, застигнутыхъ врасплохъ, заключалась въ совершенной непривычкѣ ихъ къ абордажу, такъ какъ до того времени морскія сраженія состояли только въ томъ, что одинъ корабль старался потопить своего противника, ударившись въ него. Въ позднѣйшихъ морскихъ сраженіяхъ къ абордажу стали прибѣгать рѣже, и наконецъ онъ совершенно вышелъ изъ употребленія. Дуилій потопилъ четырнадцать непріятельскихъ кораблей, захватилъ тридцать одинъ, перебилъ до трехъ тысячъ человѣкъ и взялъ въ плѣнъ до семи тысячъ.

Въ слѣдующіе годы война продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ, но перевѣсъ былъ большею частію на сторонѣ римлянъ. Однако, не смотря на всѣ свои успѣхи, они наконецъ увидѣли, что продолжительная война будетъ для нихъ гораздо обременительнѣе, чѣмъ для карѳагенянъ, и потому, чтобы скорѣе покончить дѣло, рѣшились напасть на непріятеля въ его собственной странѣ (256 г. до р. Х.). Съ перваго взгляда насъ можетъ поразить, что осторожные римляне рѣшились подвергнуть свои войска всѣмъ опасностямъ войны въ неизвѣстныхъ странахъ, не страшныхъ только какому-нибудь Агаѳоклу съ его удальцами; но, вѣроятно, римскій сенатъ имѣлъ самыя подробныя свѣдѣнія объ управленіи, характерѣ и настроеніи умовъ подчиненныхъ карѳагенянамъ африканскихъ народовъ и о предпріятіи Агаѳокла. Начальство надъ войскомъ, отправленнымъ въ Африку, было ввѣрено консуламъ Луцію Манлію Вульсону и Марку Атилію Регулу. Въ Сициліи они посадили на 330 кораблей 140,000 солдатъ и матросовъ и, выйдя въ море, вскорѣ должны были вступить въ битву съ 350 карѳагенскими судами, на которыхъ находилось до 150,000 войска. Чтобы не потерпѣть пораженія, вслѣдствіе быстроты и подвижности карѳагенскихъ судовъ, римляне построили свои корабли въ сплошную массу, которую трудно было разорвать непріятелю, и такимъ образомъ принудили карѳагенянъ нападать массою же и сражаться какъ на сушѣ. Страшный бой почти 700 кораблей и 300,000 человѣкъ, единственный во всей исторіи древняго міра, не кончился однако ничѣмъ, потому что карѳагеняне, потерпѣвъ небольшія потери, отступили, разсчитывая впослѣдствіи аттаковать римлянъ по частямъ. Но и это не удалось карѳагенянамъ; римляне счастливо высадились на карѳагенскій берегъ и, вытащивъ на землю свои корабли, окружили ихъ валомъ и рвомъ. Вслѣдъ за тѣмъ они взяли сильно укрѣпленный городъ Клупею, къ югу отъ мыса Бона, и двинулись далѣе вглубь страны. Карѳагеняне были такъ мало приготовлены къ этому смѣлому предпріятію римлянъ, что даже не имѣли достаточно войска, если не для нападенія на нихъ, то по крайней мѣрѣ для прегражденія имъ дальнѣйшаго пути. Вскорѣ по высадкѣ консулъ Манлій, безъ малѣйшей помѣхи со стороны карѳагенянъ, возвратился съ большею частью кораблей и войска въ Сицилію, взявъ съ собою множество захваченнаго имъ скота и двадцать тысячъ плѣнныхъ. Регулъ съ 40 кораблями и 15,500 человѣкъ остался въ Африкѣ.

Видя, что предпріятіе римлянъ разсчитано на продолжительный срокъ, карѳагеняне перевезли изъ сицилійской арміи 5,500 человѣкъ и вооружили кромѣ того новое войско, поручивъ главное начальство надъ нимъ тремъ полководцамъ: Гасдрубалу, Бостару и Гамилькару. Эти военачальники поступили въ высшей степени неблагоразумно, давъ сраженіе въ мѣстности, совершенно несоотвѣтствовавшей ихъ тактикѣ, и потерпѣли сильное пораженіе. Нумидійцы, которыхъ Регулъ сумѣлъ привлечь на свою сторону, толпами переходили къ римлянамъ. Карѳагенскіе полководцы принуждены были наконецъ очистить Тунисъ, по своему положенію представлявшій большія удобства для нападенія на Карѳагенъ, и съ минуты на минуту ждали осады столицы. Въ этомъ опасномъ положеніи карѳагенскій сенатъ показалъ такую же благородную твердость, какъ и римскій послѣ высадки и первой побѣды Пирра. Регулъ предложилъ карѳагенянамъ миръ, но подъ условіями, которыя съ этого времени всегда предлагались римлянами. Онъ потребовалъ отъ карѳагенянъ признанія надъ собою римскаго владычества, платежа ежегодной дани, выдачи римлянамъ всѣхъ военныхъ кораблей, кромѣ одного, и уступки Сициліи и Сардиніи. Такія требованія римляне могли заявлять впослѣдствіи какому-нибуть Филиппу III македонскому, Антіоху III сирійскому и другимъ вполнѣ

побѣжденнымъ владѣтелямъ, трепетавшимъ за свое собственное существованіе. Но условія, предлагаемыя азіатскимъ царямъ и ихъ придворнымъ, не могли быть приняты кареагенскимъ сенатомъ, представителемъ могущественной аристократіи, которая для поддержанія своей власти надъ народомъ должна была всегда выказывать передъ нимъ твердость и энергію. Своими требованіями Регулъ довелъ непріятеля до крайности и заставилъ его предпринять такія мѣры, какихъ прежде не могли вынудить у кареагенянъ никакія опасности. Кареагенская аристократія ввѣрила силы своего государства чужестранцу, спартанцу Ксантиппу, не задолго передъ тѣмъ прибывшему въ Кареагенъ съ греческими наемниками и болѣе опытному въ обширныхъ стратегическихъ планахъ, чѣмъ всѣ туземные полководцы. Ксантиппъ скоро показалъ Регулу свое превосходство надъ нимъ и пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу, окончивъ однимъ ударомъ войну въ Африкѣ. Но по принципамъ кареагенской политики онъ, какъ иностранецъ, не могъ командовать войсками за предѣлами государства и потому былъ отпущенъ тотчасъ по окончаніи войны въ Африкѣ. Это нисколько не уменьшило его заслугъ, и онъ возвратился въ отечество со славою побѣдителя римлянъ. Заманивъ Регула въ самое невыгодное для римлянъ, при ихъ вооруженіи, мѣсто, Ксантиппъ построилъ свое войско такимъ образомъ, что непріятель не могъ надѣяться даже на спасеніе. Все римское войско было истреблено, за исключеніемъ двухъ тысячъ человѣкъ, уцѣлѣвшихъ какимъ-то чудомъ и удалившихся въ Клупею, и пяти сотъ, захваченныхъ въ плѣнъ (255 г. до р. Х.). Въ числѣ послѣднихъ находился и Регулъ. Остатокъ римскаго войска продержался въ Клупеѣ до появленія къ нему на выручку римскихъ кораблей, одержавшихъ при этомъ случаѣ побѣду надъ кареагенянами.

Въ томъ же году страшная буря истребила 270 римскихъ кораблей, и такимъ же образомъ погибли два года спустя болѣе 150 судовъ. Но римскій сенатъ, не отступая ни передъ какими трудностями и не падая духомъ ни отъ какихъ потерь, всякій разъ съ тою же энергіею снаряжалъ новый флотъ и набиралъ въ береговыхъ городахъ Италіи и Сициліи новыхъ матросовъ. Въ Сициліи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ побѣда переходила то на ту, то на другую сторону, пока наконецъ Луцій Цецилій Метеллъ не разбилъ (250 г. до р. Х.) кареагенянъ на голову при Панормѣ, истребивъ, какъ говорятъ, до 20 тысячъ непріятелей. Это пораженіе заставило кареагенскій сенатъ отправить пословъ въ Римъ просить мира или по крайней мѣрѣ размѣна плѣнныхъ. Съ посольствомъ былъ отправленъ Регулъ, въ той надеждѣ, что онъ будетъ дѣятельно поддерживать кареагенянъ. Но образъ его дѣйствій въ этомъ случаѣ прославилъ его еще болѣе, чѣмъ всѣ военные подвиги. Регулъ сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ римскихъ героевъ и память о немъ осталась для римлянъ навсегда священною; жизнь его перешла въ народныя преданія и была такъ украшена поэтическими вымыслами, что во многихъ изъ этихъ легендъ очень трудно отыскать историческую истину. Къ такимъ преданіямъ принадлежатъ, кромѣ приведенныхъ выше (стр. 599) анекдотовъ о бѣдности Регула, разсказы объ образѣ его дѣйствій во время кареагенскаго посольства и о его смерти. Говорятъ, что еще въ Кареагенѣ онъ долженъ былъ дать клятву, что вернется въ неволю, если переговоры не увѣнчаются успѣхомъ. Но вмѣсто того, чтобы склонять римскій сенатъ къ миру или по крайней мѣрѣ къ размѣну плѣнныхъ, Регулъ, какъ истый римлянинъ, побуждалъ своихъ соотечественниковъ отвергнуть всѣ предложенія кареагенянъ и продолжать войну, говоря, что силы кареагенянъ должны истощиться раньше римскихъ и что между плѣнными кареагенянами находятся личности, которыя по своимъ способностямъ и вліянію могутъ оказать важныя услуги своему отечеству. Сенатъ послѣдовалъ совѣту Регула и никакія просьбы жены, дѣтей и друзей послѣдняго не могли заставить его нарушить клятву и остаться въ Римѣ. Мы не можемъ опредѣлить съ точностью справедливость этого разсказа, но достовѣрно извѣстно, что патріотизмъ и чувства чести и правды, приписываемые Регулу, были вообще свойственны всѣмъ римлянамъ того времени и что національная гордость и любовь къ отечеству преобладали въ нихъ надъ всякими частными интересами. Кареагеняне предали Регула ужасной казни: его подвергнули сначала страшнымъ истязаніямъ, посадили потомъ въ ящикъ, усаженный внутри гвоздями, и уморили въ немъ голодомъ и мученіями. Такая ужасная казнь человѣка, своимъ патріотизмомъ разрушившаго всѣ надежды кареагенянъ на миръ и желанный

размѣнъ знатныхъ карѳагенскихъ плѣнныхъ, довольно правдоподобна, потому что отъ африканскихъ государстъ, а тѣмъ болѣе отъ такого народа, какъ карѳагеняне, можно было ожидать и не такой жестокости.

Война продолжалась послѣ того девять лѣтъ, съ еще большимъ напряженіемъ силъ и настойчивостью съ обѣихъ сторонъ, и была особенно гибельна для приморскихъ греческихъ и латинскихъ городовъ и морскихъ колоній римлянъ (стр. 591.). На послѣднихъ лежала обязанность поставлять матросовъ въ римскіе флоты, погибавшіе одинъ за другимъ и всегда замѣняемые новыми. Число римскихъ кораблей, погибшихъ послѣ неудачнаго предпріятія Регула, простиралось болѣе чѣмъ до семисотъ. Вспомнивъ какія многочисленныя войска были выставляемы въ эту войну обѣими сторонами, какихъ громадныхъ средствъ требовало вооруженіе флотовъ и содержаніе войскъ, и какое множество воиновъ погибло въ эту войну, мы должны столько же удивляться населенію и богатству Италіи, какъ и могуществу Карѳагена. Впрочемъ, событія послѣднихъ десяти лѣтъ войны ясно показываютъ, что силы обоихъ государствъ начинали уже истощаться. Въ продолженіе этого времени обѣ стороны ограничивались войною въ Сициліи, гдѣ, вслѣдствіе битвы при Панормѣ, Карѳагенъ лишился всѣхъ своихъ владѣній, кромѣ двухъ укрѣпленныхъ городовъ, Лилибея и Дрепанума, около которыхъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сосредоточивались всѣ военныя дѣйствія. Тщетно осаждали ихъ римляне; они потеряли при этомъ много людей и потерпѣли (249 г. до р. Х.) при Дрепанумѣ сильное пораженіе. Консулъ Публій Клавдій Пульхеръ рѣшился напасть на карѳагенскій флотъ въ самой гавани. Напрасно всѣ его подчиненные предостерегали его отъ опаснаго предпріятія, ссылаясь на предвѣщанія, которыя по народнымъ повѣрьямъ ясно показывали, что боги не благопріятствовали его намѣреніямъ. Ничто не могло остановить Пульхера. Передъ началомъ битвы римляне рѣшились вопросить волю боговъ посредствомъ священныхъ куръ, по большей или меньшей прожорливости которыхъ жрецы заключали о счастливомъ или несчастномъ исходѣ дѣла. Куры даже не прикоснулись къ зернамъ, но и на это консулъ не обратилъ никакого вниманія и велѣлъ бросить куръ въ море, сказавъ: «не хотятъ ѣсть, такъ пусть пьютъ». Онъ жестоко поплатился за свое упрямство и, разбитый на голову, потерялъ по крайней мѣрѣ 93 корабля и 20 тысячъ человѣкъ. Тотчасъ послѣ этого пораженія вооруженъ былъ новый флотъ, посланный въ Сицилію подъ начальствомъ товарища Клавдія Луція Юнія Пулла; флотъ этотъ, за исключеніемъ 2 кораблей, потерпѣлъ совершенное крушеніе, римлянамъ пришлось отложить на время морскую войну и уступить карѳагенянамъ первенство на морѣ.

Въ годъ, слѣдовавшій за консульствомъ Клавдія Пульхера и Юнія Пулла, главное начальство надъ карѳагенскими войсками было ввѣрено человѣку, которому даже самые враги его оказывали величайшее уваженіе. Гамилькаръ Барка, отецъ великаго Ганнибала и послѣ него величайшій карѳагенскій полководецъ, ведя войны въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ, опустошилъ весь берегъ Италіи отъ самой южной ея оконечности до города Кумъ въ Кампаніи и дѣйствовалъ въ Сициліи съ такимъ искусствомъ, которому не могли противостоять ни храбрость, ни тактика римскихъ войскъ. Рѣшительныхъ сраженій не было, но силы обоихъ государствъ истощились до такой степени, что оба они уже не могли продолжать войны. Римъ, очевидно, былъ въ опасности обезсилѣть раньше своего противника и потому рѣшился на послѣднее чрезвычайное усиліе: снова вступить съ карѳагенянами въ борьбу на морѣ и тѣмъ принудить ихъ къ окончанію войны. Но римская казна была истощена, а итальянскіе приморскіе города были до того разорены продолжительною войною и грабежами карѳагенянъ, что уже нельзя было ожидать отъ нихъ снаряженія и вооруженія новаго флота. Сенатъ прибѣгнулъ къ патріотизму римскихъ гражданъ, и римская аристократія, проникнутая любовью къ отечеству, пожертвовала сумму на сооруженіе новаго флота, подъ условіемъ, что она будетъ возвращена ей только въ такомъ случаѣ, если побѣда останется за Римомъ. Государство пріобрѣло такимъ образомъ новый флотъ изъ 200 большихъ военныхъ кораблей (242 г. до р. Х.). Карѳагеняне, не ожидавшіе отъ римлянъ такого усилія, снарядили поспѣшно свой флотъ и отправили его подъ начальствомъ Ганнона въ Сицилію, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ кораблями и войскомъ Гамилькара и уже подъ главнымъ начальствомъ послѣдняго дѣйствовать про-

тивъ непріятеля. Но соединенію кароагенянъ помѣшалъ начальникъ римскаго флота консулъ Кай Лутацій Катулъ. Онъ поплылъ на встрѣчу Ганнону и, встрѣтясь съ нимъ при Эгатскихъ островахъ, лежащихъ у западной оконечности Сициліи, принудилъ непріятеля вступить въ битву. Римляне одержали рѣшительную побѣду: до пятидесяти кароагенскихъ кораблей было потоплено и около 70 съ 10 тысячнымъ экипажемъ захвачено въ плѣнъ. Ганнонъ за свое пораженіе былъ распятъ.

Кароагеняне все еще не падали духомъ, хотя силы ихъ были совершенно истощены, и подвозъ провіанта войскамъ, находившимся въ Сициліи, легко могъ быть отрѣзанъ непріятельскимъ флотомъ. Приходилось просить мира или, собравъ послѣднія силы, еще разъ попытать счастіе. Рѣшеніе этого вопроса кароагеняне предоставили человѣку, который до тѣхъ поръ велъ войну такъ же энергично, какъ искусно; они уполномочили его, по собственному усмотрѣнію, продолжать или окончить войну. Сознавая очень хорошо, что Лутацій Катулъ, послѣ такой блестящей побѣды, захочетъ воспользоваться славою окончанія войны и будетъ осмотрительнѣе Регула, Гамилькаръ Барка рѣшился просить мира. Онъ вступилъ въ переговоры съ римскимъ военачальникомъ и добился отъ него такихъ выгодныхъ условій, что римляне сначала даже отказывались утвердить ихъ. По условіямъ этого мира, заключеннаго въ 241 г. до р. Х., кароагеняне должны были уступить римлянамъ всѣ свои владѣнія въ Сициліи, возвратить всѣхъ плѣнныхъ и заплатить контрибуцію. Миръ этотъ, расширившій римскія владѣнія за предѣлы Италіи,—что повлекло за собою важныя перемѣны во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ Рима,—оканчиваетъ собою чисто итальянскій періодъ римской исторіи.

2. Время между первою и второю пуническими войнами.

Уступивъ свои сицилійскія владѣнія, кароагеняне очутились въ весьма затруднительномъ положеніи, потому что римляне, одержавъ перевѣсъ надъ Гіерономъ и подчинивъ своему господству весь островъ, каждую минуту могли высадить въ Африку многочисленное войско. Воспрепятствовать внезапной высадкѣ римлянъ въ Африку, уже два раза причинявшей кароагенянамъ большія потери, было бы трудно, даже если бы послѣдніе удержали господство на морѣ. Разстояніе между обѣими странами такъ незначительно, что въ ясную погоду изъ Сициліи можно невооруженнымъ глазомъ видѣть африканскій берегъ. Потеря Сициліи нанесла также очень чувствительный ударъ и торговлѣ кароагенянъ; очевидно, что взаимныя отношенія обоихъ народовъ не могли быть прочными и неминуемо должны были привести къ новой войнѣ, даже если бы политика римлянъ и не была завоевательною. До сихъ поръ Кароагенъ, какъ торговое государство, начиналъ только войны, которыя были совершенно неизбѣжны или же могли способствовать развитію его торговли; потеря Сициліи заставила его искать новыхъ рынковъ для своей торговли. Кароагеняне думали найти ихъ въ Испаніи и вслѣдствіе того были вовлечены въ новую войну съ Римомъ. Еще до начала этой войны, въ Кароагенѣ вспыхнули внутреннія междоусобія, которыми воспользовались римляне, чтобы среди мира сдѣлать завоеванія въ ущербъ своему новому союзнику.

Кароагенскія войска состояли почти исключительно изъ наемниковъ, принадлежавшихъ къ самымъ различнымъ народностямъ, а это всегда грозило государству двойною опасностью. Съ одной стороны на эти разнохарактерныя толпы, набранныя по большей части изъ полудикихъ иноземцевъ, нельзя было полагаться въ войнѣ съ римлянами, а съ другой—всякое уменьшеніе или непоступленіе въ срокъ государственныхъ доходовъ могло повлечь за собою возстаніе войскъ, что и случилось тотчасъ по окончаніи первой пунической войны. Кароагенскіе наемники, переведенные, по уступки Сициліи, въ Африку, потребовали, кромѣ невыплаченнаго жалованья, еще особенныхъ наградъ, обѣщанныхъ имъ въ минуту опасности Гамилькаромъ Баркою. Получивъ отказъ на свои чрезмѣрныя требованія, вся масса наемниковъ, въ числѣ болѣе 20 тысячъ человѣкъ, взбунтовалась. Напрасно сенатъ, стараясь подавить возстаніе, послалъ для переговоровъ

съ ними Гискона, болѣе другихъ карѳагенскихъ полководцевъ пользовавшагося ихъ уваженіемъ. Двое честолюбцевъ, кампанецъ Спендій и африканецъ Матосъ, сумѣли помѣшать принятію всѣхъ миролюбивыхъ предложеній карѳагенянъ и были избраны возмутившимися наемниками въ предводители.

Война, возгорѣвшаяся внутри карѳагенскаго государства, продолжалась четыре года (съ 241 по 237 г. до р. X.) и была тѣмъ опаснѣе для Карѳагена, что къ наемникамъ присоединилось еще нѣсколько покоренныхъ карѳагенянами племенъ. Наемники дѣйствовали сначала съ большимъ успѣхомъ; завистливый карѳагенскій сенатъ не рѣшался послать противъ нихъ единственнаго способнаго полководца, Гамилькара Барку, и поручилъ ему начальство надъ войскомъ только тогда, когда положеніе стало отчаяннымъ. Выступивъ противъ наемниковъ, Гамилькаръ одержалъ надъ ними побѣду, но вскорѣ затѣмъ былъ запертъ ими въ своемъ собственномъ лагерѣ и поставленъ въ такое опасное положеніе, что едва ли бы избѣжалъ гибели, если бы на его сторону не перешелъ съ 2 тысячами человѣкъ одинъ знатный нумидіецъ, служившій прежде подъ его начальствомъ и обѣщавшій ему даже руку своей дочери. Наемники опять были разбиты на голову, и Гамилькаръ очень искусно далъ войнѣ другое направленіе, обѣщавъ и даровавъ полное прощеніе всѣмъ, которые тотчасъ положатъ оружіе.

Война съ наемниками грозила также нарушеніемъ мира съ римлянами, потому что карѳагеняне блокировали берега Африки и захватывали всѣ корабли, шедшіе туда изъ Италіи. Римляне воспротивились этому, и карѳагеняне должны были уступить. Римскій сенатъ выказалъ однако столько благоразумія, что не показалъ опаснаго примѣра подачею помощи возмутившимся наемникамъ; напротивъ того, онъ даже выказалъ въ этомъ дѣлѣ карѳагенянамъ свое дружественное расположеніе, воспретивъ всѣмъ римскимъ гражданамъ доставлять наемникамъ какіе бы то ни было припасы. Вслѣдъ за тѣмъ карѳагеняне снова стали въ очень натянутыя отношенія къ Риму, который, какъ всегда, не пожертвовалъ собственными интересами несвоевременному великодушію. Во время войны съ карѳагенскими наемниками вспыхнуло также возстаніе наемныхъ войскъ въ Сардиніи; карѳагенскій сенатъ, занятый опаснымъ бунтомъ дома, долженъ былъ предоставить островъ его собственной судьбѣ, тѣмъ болѣе, что въ то же время между Гамилькаромъ Баркою и однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ второстепенныхъ полководцевъ возникло несогласіе, грозившее еще большею опасностью, чѣмъ самая война съ наемниками. Наемники въ Сардиніи, не будучи въ состояніи справиться съ жителями острова, обратились съ просьбою о помощи къ римлянамъ, но послѣдніе, увѣренные, что Карѳагенъ падетъ въ африканской войнѣ съ наемниками, надѣялись, не подвергаясь упреку въ несправедливости, овладѣть вскорѣ Сардиніею и потому не исполнили этой просьбы. Впрочемъ карѳагенскому сенату вскорѣ удалось примирить обоихъ полководцевъ, и они употребили всѣ свои усилія для скорѣйшаго окончанія возстанія. Тогда римляне, подъ предлогомъ что островъ уже покинутъ карѳагенянами, рѣшились овладѣть Сардиніею прежде, чѣмъ Карѳагенъ успѣетъ покончить африканскую войну, и не только не испугались приготовленій карѳагенянъ къ отправкѣ туда войска, но даже прямо объявили эти мѣры явнымъ нарушеніемъ мира. Они принудили карѳагенскій сенатъ, занятый еще африканскою войною, уступить имъ островъ и дать обязательство выплатить значительную сумму денегъ (238 г. до р. X.). Война съ наемниками продолжалась еще нѣсколько времени съ такимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, что греческій историкъ Полибій называетъ ее самою жестокою изъ всѣхъ извѣстныхъ ему войнъ. Однажды Матосъ и Спендій изувѣчили и зарыли живыми въ землю всѣхъ своихъ плѣнныхъ, числомъ до 700. Вслѣдствіе того Гамилькаръ также приказалъ умерщвлять плѣнныхъ и, какъ говорятъ, вскорѣ послѣ того велѣлъ предать смерти болѣе 40 тысячъ человѣкъ, захваченныхъ имъ въ плѣнъ. Эта кровопролитная война длилась еще нѣсколько времени и прекратилась только тогда, когда большинство наемниковъ было истреблено или подчинено.

Въ продолженіе двухъ слѣдующихъ десятилѣтій по заключеніи новаго договора между Римомъ и Карѳагеномъ оба государства старались о пріобрѣтеніи себѣ новыхъ владѣній въ другихъ странахъ: Римъ въ Верхней Италіи и Илліріи, Карѳагенъ въ Испаніи. Римляне овладѣли въ 327 г. до р. X. островомъ

Корсикою и тогда же начали иллирійскую войну, которая привела ихъ въ первый разъ въ соприкосновеніе съ собственной Греціей и доставила имъ вліяніе на ту сторону Адріатическаго моря. Иллирійцы, жившіе на восточномъ берегу этого моря (стр. 79), вскорѣ по смерти Александра Великаго достигли, благодаря постояннымъ ссорамъ греческихъ государствъ и конфедерацій и слабости эпирскаго царства, значительнаго могущества и при царѣ Агронѣ значительно расширили предѣлы своихъ владѣній. Это былъ народъ грубый, жившій разбоями, къ которымъ пріучили его счастливые походы Агрона. Иллирійцы тѣмъ сильнѣе пристрастились къ такому роду жизни, что по смерти Агрона страною управляла жена его, Тевта, какъ опекунша своего сына, слѣдовавшая не требованіямъ политики, а только своимъ минутнымъ побужденіямъ и желаніямъ. Въ ея правленіе разбои иллирійцевъ грозили опасностью каждому кораблю и всему прибрежью Адріатическаго моря. Жители Эпира и Акарнаніи, не уступавшіе иллирійцамъ въ наклонности къ разбою, съ радостью соединились съ послѣдними, и приморскіе города восточнаго берега Италіи терпѣли страшныя потери отъ этихъ пиратовъ. Римляне отправили къ Тевтѣ пословъ, но переговоры окончились ссорою между высокомѣрною царицею и однимъ изъ римскихъ уполномоченыхъ; раздраженная этимъ Тевта приказала убить посла на возвратномъ пути. Такое нарушеніе международнаго права было поводомъ къ войнѣ римлянъ съ иллирійцами (229 г. до р. Х.). Тевта имѣла въ послѣднее время удачу въ нѣсколькихъ предпріятіяхъ, предпринятыхъ ею по совѣту грековъ, поселившихся на далматскомъ островѣ Фаросѣ, но съ появленіемъ римскаго флота, она была покинута всѣми своими союзниками. Одинъ изъ этихъ грековъ, ея главный совѣтникъ и намѣстникъ одной изъ провинцій, Димитрій Фаросскій, извѣстный своею предпріимчивостью и отсутствіемъ убѣжденій, сдѣлался предателемъ. Важнѣйшія гавани Иллиріи сдались римлянамъ, и Тевта на второй же годъ войны должна была просить мира. Онъ былъ заключенъ на очень тяжкихъ для нея условіяхъ. Тевта обязалась платить римлянамъ ежегодно дань, отказалась отъ плаванія на военныхъ судахъ далѣе опредѣленнаго пункта, уступила островъ Корциру (Керкиру), который былъ объявленъ находящимся подъ римскимъ покровительствомъ, и лишилась значительной части своихъ владѣній, доставшейся Димитрію въ награду за его измѣну. Еще важнѣе для римлянъ было уваженіе, пріобрѣтенное ими въ глазахъ грековъ побѣдою надъ иллирійской царицей. Она поставила Корциру и нѣкоторые другіе города иллирійскихъ береговъ въ такое же зависимое отношеніе къ римлянамъ, въ какомъ прежде находился къ нимъ Гіеронъ Сиракузскій. Этолійцы, ахейцы и другіе греки, которымъ, благодаря побѣдамъ римлянъ, уже нечего было опасаться разбоевъ иллирійцевъ, выразили римлянамъ свою признательность самою глупою лестью и такимъ образомъ обнаружили побѣдителямъ свою собственную слабость. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда римляне заняты были другою войною, иллирійцы снова принялись за свой прибыльный промыселъ. Преимущественно занимался имъ Димитрій, заключившій въ то же время тѣсный союзъ съ царемъ македонскимъ, Антигономъ Досономъ, и тѣмъ самымъ сдѣлавшійся вдвое опаснѣе римлянамъ, которымъ грозила въ то время новая война съ Карѳагеномъ. Въ 219 г. до р. Х. они послали въ Иллирію войско, подъ начальствомъ консула Луція Эмилія Павла, которому удалось прогнать непріятелей. Потерявъ свое царство, Димитрій отправился въ Македонію, гдѣ онъ, какъ увидимъ ниже, пользовался гибельнымъ вліяніемъ на преемника Антигона Досона, Филиппа III.

Тотчасъ по окончаніи первой иллирійской войны, римляне покорили Верхнюю Италію или Цизальпинскую Галлію, которая, какъ населенная галлами, не причислялась къ Италіи. Римляне поступили съ завоеванною страною точно такъ же, какъ съ Сициліею и Сардиніею, т. е. какъ со своею провинціею. Страна эта, въ которой когда-то процвѣтала этрусская образованность, была заселена тогда множествомъ грубыхъ народовъ, большею частью кельтическаго или галльскаго племени, очень слабо соединенныхъ между собою, занимавшихся почти исключительно скотоводствомъ и время отъ времени дѣлавшихъ разбойничьи набѣги на сосѣднія, болѣе цивилизованныя страны. Народы эти, конечно, не могли отважиться на борьбу съ хорошо устроеннымъ военнымъ государствомъ, какимъ былъ Римъ, и, помня опыты прежнихъ войнъ съ римлянами, сорокъ пять лѣтъ

оставались въ покоѣ. Поводъ къ новой войнѣ былъ данъ однимъ изъ римскихъ демагоговъ. Кай Фламиній Непотъ, опиравшійся въ продолженіе всей своей политической дѣятельности на народъ, рѣшился въ 232 г., будучи народнымъ трибуномъ, обезпеченіемъ участи массы бѣдныхъ гражданъ, расположить ихъ въ свою пользу и съ этою цѣлью провелъ законъ о раздѣлѣ между римскими колонистами земель, отнятыхъ нѣкогда у сеноновъ (стр. 593). Эти земли, объявленныя по завоеваніи ихъ государственною собственностію, были съ того времени отдаваемы въ аренду сосѣднимъ галламъ подъ выгонъ скота. Вслѣдствіе закона Фламинія галлы лишились этой полосы земли, а по близости ихъ границъ поселилось такъ много римскихъ гражданъ, что они не безъ основанія стали опасаться за свою независимость. Галлы приготовились къ войнѣ и, черезъ шесть лѣтъ по раздѣленіи сенонской земли, рѣшились напасть на римлянъ въ ихъ собственной территоріи. Для этого похода соединились не только всѣ цизальпинскіе народы, но и гезаты, одинъ изъ народовъ Трансальпинской Галліи. Только два народа Верхней Италіи приняли, благодаря искусству римскихъ агентовъ, сторону римлянъ и воспрепятствовали переходу своихъ соплеменниковъ чрезъ Апеннины. Вѣсть о приближеніи галловъ произвела въ Римѣ всеобщій ужасъ, потому что съ одной стороны въ памяти народа была еще жива битва при Алліи и ея послѣдствія (стр. 572), а съ другой—война съ грубыми народами обѣщала римлянамъ гораздо болѣе потерь, чѣмъ выгодъ. Сенатъ рѣшился собрать всѣ силы государства и, чтобы привести въ ясность число вооруженныхъ людей, которое, въ случаѣ опасности, могло бы быть выставлено противъ галловъ, приказалъ произвести перепись годному къ войнѣ населенію всей покоренной Италіи. Перепись эта сохранилась до нашего времени и даетъ вѣрное мѣрило для опредѣленія тогдашняго населенія Италіи. Изъ нея мы съ удивленіемъ видимъ, что, не смотря на завоевательныя войны римлянъ въ Средней Италіи, опустошительную войну съ Пирромъ и первую пуническую, стоившую еще такъ недавно римлянамъ двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, Нижняя и Средняя Италія могли выставить до 700,000 человѣкъ пѣхоты и 70,000 конницы. Впрочемъ, изъ всѣхъ этихъ громадныхъ силъ противъ галловъ была выставлена только одна пятая часть.

Первое римское войско, встрѣтившееся съ галлами, было разбито на голову, но вскорѣ непріятель былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе. Окруживъ со всѣхъ сторонъ главныя силы галловъ въ одной болотистой мѣстности Этруріи, римляне принудили ихъ къ рѣшительному бою. Въ этой битвѣ галлы сдѣлали все, что можно было ожидать отъ самыхъ опытныхъ войскъ и полководцевъ, но приспособленные только къ ударамъ и худо закаленные мечи ихъ не могли устоять противъ римскихъ, которыми легко можно было и рубить и колоть, а узкіе и не прочные щиты плохо защищали галловъ отъ метательныхъ копій римлянъ. Къ тому же лучшая часть союзнаго войска галловъ, гезаты, не могли быть введены въ дѣло, потому что съ заносчивостью настоящихъ дикарей они сбросили съ себя одежду, чтобы сражаться нагими, слишкомъ поздно догадавшись, что подобныя выходки могли быть умѣстны въ войнѣ только съ такими полудикарями, какъ ихъ соплеменники, а не съ римскими войсками. Галлы потерпѣли полное пораженіе, потерявъ до 40,000 человѣкъ убитыми (225 г. до р. Х.). Послѣдствіемъ этого пораженія было то, что нѣкоторые изъ галловъ тотчасъ же покорились римлянамъ; остальные были подчинены въ слѣдующіе за тѣмъ годы, Каемъ Фламиніемъ Непотомъ, назначеннымъ консуломъ, и однимъ изъ превосходнѣйшихъ римскихъ полководцевъ, Маркомъ Клавдіемъ Марцелломъ. Въ 222 г. до р. Х., Марцеллъ, вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ, консуломъ Каемъ Корниліемъ Сципіономъ, взялъ основанный галлами и сильно укрѣпленный ими городъ Медіоланъ (нынѣшній Миланъ) и довершилъ этимъ покореніе Верхней Италіи. Римляне поступили съ завоеванною землею по своему всегдашнему обыкновенію, т. е. обратили ее въ римскую провинцію и, чтобы держать въ повиновеніи жителей, поселили въ ней своихъ колонистовъ. Такимъ образомъ были основаны колоніи Мутина (нынѣшняя Модена), Кремона и Плаценція (нынѣшняя Піяченца).

Въ то время какъ римляне покоряли Верхнюю Италію и становились твер-

дой ногой въ Иллиріи, кареагеняне также пріобрѣли поддержку своему могуществу новыми завоеваніями. Послѣднія оказались вскорѣ для кареагенянъ гораздо полезнѣе, чѣмъ для римлянъ ихъ ненадежныя пріобрѣтенія. Мысль вознаградить завоеваніемъ отдаленныхъ странъ потерю близкой къ Африкѣ Сициліи принадлежала проницательному Гамилькару Баркѣ, который предвидѣлъ неизбѣжность второй войны съ Римомъ. Онъ хотѣлъ отыскать для кареагенянъ новыя средства къ веденію войны и предупредить непріятелей нападеніемъ на нихъ съ той стороны, съ которой они всего менѣе могли ожидать появленія враговъ. Для этой цѣли Гамилькаръ избралъ Испанію или нынѣшнюю Испанію и Португалію. Полуостровъ этотъ, называвшійся въ древности Иберіею, былъ сначала населенъ двумя различными племенами: кельтами и иберами. Кельты были покорены иберами и, за исключеніемъ немногихъ чистыхъ племенъ, слились съ ними въ одинъ народъ. Иберійскіе народы, по мнѣнію новѣйшихъ ученыхъ, не принадлежали, подобно кельтамъ, къ индо-германской группѣ, а составляли особую группу кавказскаго племени. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были: лузитанцы, занимавшіе большую часть сѣверной Португаліи и распространившіеся къ востоку до Испаніи, кантабры на сѣверномъ берегу Испаніи, къ Бискаіи и сѣверной части Бургоса, васконы въ Наваррѣ и кильтиберы, обитавшіе во внутренности Испаніи и, вѣроятно, происшедшіе отъ смѣшенія кельтовъ съ иберами. Иберы смѣшались съ различными народами, переселившимися впослѣдствіи въ Испанію и Португалію, и такимъ образомъ совершенно исчезли. Единственный чистый остатокъ ихъ — баски, живущіе въ Бискаіи и Наваррѣ. Число ихъ не превышаетъ 500,000. Догадки о происхожденіи басковъ отъ иберовъ основываются на томъ, что иберійскія названія городовъ и мѣстъ, встрѣчающіяся въ письменныхъ памятникахъ древности, объясняются только языкомъ басковъ, который въ свою очередь рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ языковъ и не имѣетъ съ ними ничего общаго.

Иберійскіе народы въ первый разъ получаютъ значеніе въ исторіи со времени Гамилькара Барки и войнъ кареагенянъ въ Испаніи, потому что покореніе ихъ послужило поводомъ ко второй пунической войнѣ, а страна ихъ сдѣлалась главнымъ театромъ всѣхъ военныхъ дѣйствій. Кареагеняне и прежде имѣли обширныя владѣнія въ Иберіи; еще до первой пунической войны они покорили почти всю нынѣшнюю Андалузію, но вслѣдствіе войны съ римлянами должны были вывести оттуда всѣ свои войска и предоставить страну самой себѣ. По окончаніи войны съ наемниками кареагенскій сенатъ, подстрекаемый Гамилькаромъ Баркою, снова обратилъ свое вниманіе на Испанію. Потеря Сициліи требовала вознагражденія: нужно было набирать вновь войска, содержать флотъ и распространять торговлю. Кареагенъ не могъ избѣжать новой войны съ Римомъ, слѣдовательно, предусмотрительность Гамилькара и его вліяніе, давшее ему возможность, съ согласія сената, привести въ исполненіе свой планъ, были спасеніемъ для кареагенянъ. Въ 237 г. до р. Х. Гамилькаръ Барка былъ посланъ съ войскомъ въ Испанію и въ продолженіе цѣлыхъ девяти лѣтъ дѣйствовалъ тамъ съ особеннымъ счастіемъ. Проникнувъ во внутрь страны, онъ покорилъ большую часть иберійскихъ народовъ, но въ особенности старался утвердить господство кареагенянъ въ Андалузіи, которая могла доставить средства для снаряженія кораблей и войска, и въ Эстремадурѣ, гдѣ находились богатѣйшіе серебряные рудники. Вскорѣ онъ увидѣлъ однако, что по мѣрѣ своего углубленія во внутрь Испаніи, предпріятіе становилось труднѣе, потому что способъ веденія войны только затруднялъ завоеваніе страны. Экспедиціи его походили скорѣе на разбойничьи набѣги, чѣмъ на правильныя военныя дѣйствія; не имѣя никакихъ средствъ, Гамилькаръ долженъ былъ поддерживать войну войною, такъ какъ предпріятіе его должно было, не стоя ничего кареагенянамъ, доставить имъ еще средства для другой войны. Грабежи и опустошенія, производимые кареагенянами, довели туземцевъ до отчаянія, и Гамилькаръ долженъ былъ заплатить жизнью за свою жестокость; его постигла въ Испаніи та же участь, которая нѣсколько вѣковъ спустя была приготовлена германцами римскому полководцу Вару. Нѣкоторыя племена соединились противъ Гамилькара и избрали своимъ предводителемъ искуснаго вождя, Орисона, употребившаго противъ кареагенянъ ту же хитрость, къ которой, впослѣдствіи, прибѣгнулъ Германъ въ Германіи. Обманувъ

кароагенскаго полководца и, воспользовавшись его довѣріемъ, онъ погубилъ Гамилькара съ большею частью его войска (228 г. до р. Х.). Но иберы не сумѣли извлечь, подобно германцамъ, выгоды изъ своей побѣды.

Кароагенское войско выбрало на мѣсто Гамилькара зятя его Гасдрубала, и сенатъ утвердилъ это избраніе; нѣкоторые историки увѣряютъ, что сенатъ согласился на это только по принужденію народа, преданнаго фамиліи Барки. Но и изъ прежнихъ войнъ кароагенянъ видно, что начальство надъ войскомъ и вліяніе на народъ были наслѣдственными въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ; кромѣ того фактъ этотъ объясняется и самымъ устройствомъ кароагенскихъ войскъ. Почти всѣ они состояли изъ наемниковъ и содержались обыкновенно добычею или получали лучшее содержаніе, смотря по искусству и счастью своихъ начальниковъ; такимъ образомъ войска принадлежали скорѣе отдѣльнымъ полководцамъ, чѣмъ государству, и начальство надъ ними, даже при отсутствіи партій внутри государства, могло легко оставаться наслѣдственнымъ въ одной и той же фамиліи. Получивъ подкрѣпленіе изъ Кароагена, Гасдрубалъ одержалъ побѣду надъ Орисономъ, распространилъ господство своего отечества до рѣки Эбро и своимъ умомъ, кротостью и гуманностью успѣлъ надолго утвердить его за кароагенянами. Его образъ дѣйствій и бракъ съ дочерью одного изъ иберійскихъ владѣтелей пріобрѣли ему такое расположеніе туземцевъ, что они даже провозгласили его царемъ. Изъ всѣхъ дѣйствій Гасдрубала ясно видно, что онъ хотѣлъ основать въ Испаніи для себя и своего рода особое государство, хотя изъ патріотизма и благоразумія онъ пользовался своимъ вліяніемъ и богатствомъ только для блага своего отечества. Чтобы довершить мало-по-малу покореніе всей Испаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ установить болѣе удобныя сношенія съ Африкою, онъ заложилъ большую приморскую крѣпость съ хорошею гаванью. Съ этою цѣлью онъ основалъ, въ одной изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей Европы, городъ Новый Кароагенъ, нынѣшнюю Картахену, сдѣлавшійся крѣпостью, торговымъ портомъ, арсеналомъ, главною военною квартирою и складомъ всѣхъ военныхъ запасовъ кароагенянъ. Въ короткое время городъ этотъ до того возвысился, что могъ соперничать съ самимъ Кароагеномъ и заставилъ трепетать за свою свободу и торговлю поселившихся на испанскихъ берегахъ греческихъ поселенцевъ, въ особенности жителей Сагунта. Послѣдніе обратились къ римлянамъ, заключили съ ними союзъ и съ помощью ихъ вынудили кароагенянъ дать обѣщаніе не переводить войскъ за рѣку Эбро и отказаться отъ всякихъ покушеній на независимость греческихъ колоній въ Испаніи.

Когда Гасдрубалъ былъ убитъ на охотѣ однимъ рабомъ, въ отмщеніе за смерть своего господина (221), войско показало новый примѣръ своеволія, избравъ своимъ предводителемъ сына Гамилькара Барки, Ганнибала, еще при шуринѣ своемъ Гасдрубалѣ занимавшаго въ войскѣ второе послѣ него мѣсто. Сенатъ опять согласился утвердить выборъ солдатъ. Ставъ во главѣ войска, Ганнибалъ, которому тогда едва исполнилось двадцать шесть лѣтъ, тотчасъ высказалъ свои огромныя военныя способности и вскорѣ привелъ въ исполненіе все то, чего не успѣли окончить его отецъ и шуринъ. Въ полтора года онъ покорилъ всю Испанію до рѣки Эбро, исключая Лузитанской земли и города Сагунта (нынѣшняго Мурвіедро), и направилъ всѣ пріобрѣтенныя обоими его предшественниками силы противъ Рима. Между тѣмъ положеніе дѣлъ было чрезвычайно невыгодно для римлянъ. Незадолго передъ тѣмъ римляне покорили Верхнюю Италію и только что послали флотъ для вторичнаго усмиренія Иллиріи. Еслибъ миръ продлился еще нѣсколько лѣтъ, господство римлянъ на иллирійскихъ берегахъ и Адріатическомъ морѣ утвердилось бы окончательно, и они могли бы, обративъ всѣ свои силы на Испанію, вытѣснить кароагенянъ изъ этой страны въ Африку, точно такъ же, какъ прежде вытѣснили ихъ изъ Сициліи. Но Ганнибалъ не хотѣлъ дожидаться этой минуты: чтобы предупредить римлянъ, онъ поспѣшилъ овладѣть богатымъ и могущественнымъ Сагунтомъ, напасть на нихъ въ Италіи и, уничтоживъ ихъ могущество, спасти владычество Кароагена. Мы бы впали въ большую ошибку при оцѣнкѣ тогдашнихъ событій, если бы повѣрили мнимой ненависти къ римлянамъ всего дома Барки и извѣстному анекдоту о Гамилькарѣ, который, будто-бы отправляясь въ Испанію вмѣстѣ съ своимъ девятилѣтнимъ сыномъ Ганнибаломъ, заставилъ его поклясться предъ жертвенни-

комъ боговъ въ вѣчной ненависти къ римлянамъ. Дѣятельность Гамилькара въ Испаніи и Ганнибалла въ Италіи не проистекала изъ одной страсти, а была дѣломъ дальновидной политики.

Городъ Сагунтъ, какъ и всѣ колоніи, основываемыя въ странѣ, населенной грубыми и воинственными народами, находился въ постоянной враждѣ съ своими сосѣдями. На этомъ-то обстоятельствѣ Ганнибалъ и основалъ планъ дѣйствій противъ Сагунта и римлянъ. Возбудивъ ссору между жителями Сагунта и однимъ изъ союзныхъ Карѳагену испанскихъ народовъ, онъ посовѣтовалъ послѣднему пожаловаться на жителей Сагунта Карѳагену и получилъ отъ сената порученіе отправиться на помощь къ союзникамъ. Вопреки прямому смыслу только что заключеннаго передъ тѣмъ договора съ римлянами, Ганнибалъ рѣшился воспользоваться порученіемъ сената для завоеванія Сагунта. Съ перваго взгляда можетъ показаться удивительнымъ чрезвычайное могущество, которымъ пользовалась въ Карѳагенѣ фамилія Барки: три члена ея, одинъ за другимъ, достигаютъ почти царской власти, начинаютъ опасную войну въ отдаленныхъ отъ столицы странахъ и увлекаютъ самую осторожную республику къ самымъ энергическимъ и поспѣшнымъ мѣрамъ. Но мы перестанемъ удивляться, припомнивъ, что управленіе Карѳагеномъ находилось въ рукахъ аристократіи, состоявшей изъ членовъ знатныхъ древнихъ фамилій и разбогатѣвшихъ купцовъ. Изъ первыхъ особенно возвышалась фамилія Барки, остальныя были обязаны ей новымъ источникомъ обогащенія. Они видѣли, что эта фамилія лишила греческія колоніи выгодной торговли съ Испаніей, и заранѣе льстили себя надеждою, что Ганнибалъ откроетъ карѳагенскимъ кораблямъ доступъ въ Галлію и Италію, точно такъ же какъ отецъ его открылъ имъ Испанію. Жители Сагунта обратились съ просьбою о помощи къ римлянамъ, которые отправили въ Испанію пословъ, чтобы напомнить карѳагенскому полководцу объ условіяхъ договора, заключеннаго между обоими государствами, и заставить Ганнибала снять уже начатую осаду Сагунта. Но Ганнибалъ очень искусно обманулъ римлянъ и, продержавъ нѣкоторое время въ Испаніи явившееся вслѣдъ за тѣмъ второе посольство, отослалъ его карѳагенскому сенату. Убѣжденный, что Карѳагенъ, одержавъ побѣду, не уступитъ пріобрѣтенныхъ имъ выгодъ, Ганнибалъ довелъ Сагунтъ до отчаяннаго положенія. И дѣйствительно онъ не ошибся въ разсчетѣ: сенатъ не обратилъ никакого вниманія на представленія римскихъ пословъ, и Сагунтъ, которому Римъ помогалъ только однимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ, долженъ былъ покориться карѳагенянамъ. Жители Сагунта выказали во время осады рѣдкую стойкость: такое искусство и мужество въ защитѣ и такое презрѣніе къ смерти въ минуту погибели не рѣдки только въ Испаніи, гдѣ мы встрѣчаемъ примѣры ихъ въ древности при защитѣ Нуманціи и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, а въ новѣйшее время при осадѣ Сарагоссы. Въ продолженіе цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ жители Сагунта сопротивлялись карѳагенскому войску, численность котораго, хотя и преувеличенная историками, простиралась до 150 тысячъ человѣкъ. Когда стѣны города пали, жители защищали развалины ихъ до тѣхъ поръ, пока не были воздвигнуты новыя. Когда же и эти не могли болѣе защитить Сагунта, то множество гражданъ бросилось, вмѣстѣ съ своими сокровищами, на огромный костеръ, разведенный посреди рыночной площади, остальные заперлись съ женами и дѣтьми въ своихъ домахъ и зажгли ихъ. Карѳагеняне страшно отмстили имъ: всѣ оставшіеся въ живыхъ мужчины были изрублены, а женщины и дѣти отданы въ рабство солдатамъ (осенью 219 г. до р. Х.). Ганнибалъ нашелъ въ Сагунтѣ такія сокровища, что могъ покрыть ими огромные расходы на приготовленія къ походу въ Италію. Завоеваніе Сагунта заставило римлянъ объявить карѳагенянамъ войну, начавшуюся весною 218 г. до р. Х. и извѣстную подъ именемъ второй пунической войны.

3. Вторая пуническая война до битвы при Каннахъ.

Въ продолженіе цѣлой зимы по завоеваніи Сагунта готовился Ганнибалъ къ походу въ Италію и двинулся съ войскомъ изъ Новаго Карѳагена, прежде чѣмъ римскіе послы, отправленные въ Карѳагенъ для объявленія войны, успѣли вернуться въ Римъ. Онъ разсчиталъ очень вѣрно, что римляне могутъ быть побѣждены только въ Италіи. Ихъ могущество опиралось преимущественно на итальянскіе города и земли, и какъ скоро отношенія Рима къ его итальянскимъ подданнымъ были бы поколеблены, онъ могъ бы такъ же мало располагать своими силами, какъ и Карѳагенъ въ случаѣ появленія непріятельскаго войска въ Африкѣ и возмущенія подвластныхъ народовъ. Кромѣ того Ганнибалъ могъ надѣяться привлечь на свою сторону часть итальянцевъ, и такимъ образомъ не только ослабить силы Рима, но и обратить ихъ противъ римлянъ. Для вторженія въ Италію, Ганнибалъ долженъ былъ, вмѣсто скорѣйшаго и удобнѣйшаго морскаго пути, избрать несравненно труднѣйшій, берегомъ, черезъ Галлію, такъ какъ въ то время ни одна гавань на итальянскомъ берегу не была доступна карѳагенскимъ кораблямъ. Еще зимою онъ нѣсколько разъ посылалъ начальниковъ отрядовъ и пословъ въ южную Францію и Піемонтъ, къ различнымъ галльскимъ народамъ, для переговоровъ съ ними о пропускѣ черезъ ихъ земли карѳагенянъ и развѣдыванія дорогъ и горныхъ проходовъ черезъ Альпы. При переходѣ черезъ границу Испаніи, войско Ганнибала состояло, по словамъ историковъ, изъ 50 тысячъ пѣхоты, 9 тысячъ конницы и 37 слоновъ. Другое войско, въ 15 тысячъ, Ганнибалъ оставилъ подъ начальствомъ своего брата Гасдрубала въ Испаніи, сверхъ того, 11 тысячъ, подъ начальствомъ Ганнона, расположились въ Пиринейскихъ горахъ для охраненія ихъ проходовъ.

Переходъ Ганнибала изъ Новаго Карѳагена черезъ Испанію, южную Францію и Альпы въ Италію принадлежитъ къ величайшимъ предпріятіямъ, извѣстнымъ исторіи. Переходъ этотъ черезъ самыя негостепріимныя страны и владѣнія полудикихъ, воинственныхъ народовъ, предпринятый безъ картъ и точнаго знанія мѣстностей, по которымъ приходилось идти, былъ счастливо совершенъ въ пять мѣсяцевъ. Уже въ Испаніи войско Ганнибала было задержано нѣкоторыми племенами восточной части полуострова, въ одной части Франціи оно должно было пролагать себѣ путь оружіемъ, а въ Альпахъ ему пришлось терпѣть отъ холодовъ и снѣговъ, преодолѣвать страшныя трудности перехода черезъ горный хребетъ, чрезъ который тогда еще не было дорогъ, и въ то же время сражаться съ сильными горнымм народами, нападавшими на карѳагенское войско и преслѣдовавшими его. Мы не станемъ описывать пути Ганнибала, потому что время изгладило всѣ слѣды этого похода, да и самыя свойства этихъ странъ до того измѣнились, что ученые не сходятся въ своихъ мнѣніяхъ о мѣстахъ, черезъ которыя проходили карѳагеняне. Въ послѣднее время очень многіе ученые занимались изслѣдованіями пути Ганнибала черезъ Альпы, но до сихъ поръ еще не извѣстно, переходилъ ли онъ черезъ малый Сенъ-Бернардъ, Монъ-Женевръ или черезъ какой-нибудь другой проходъ французско-сардинскихъ Альпъ. Трудности, съ которыми былъ сопряженъ переходъ карѳагенянъ черезъ земли враждебныхъ народовъ въ Испаніи, черезъ Пиринеи, Францію и альпійскіе снѣга и ущелья, можно лучше всего видѣть изъ того, что Ганнибалъ въ продолженіе перехода отъ Пиринеевъ къ Ронѣ потерялъ 13 тысячъ человѣкъ, а отъ Роны до итальянской подошвы Альповъ—20 тысячъ, и достигъ Италіи только съ 26 тысячами, т. е. менѣе чѣмъ съ половиною своего войска. Изъ взятыхъ въ походъ слоновъ часть погибла во Франціи и въ Альпахъ, остальные въ Верхней Италіи.

Въ Римѣ и не предполагали возможности перехода, предпринятаго Ганнибаломъ, а съ самаго начала рѣшились перенести войну въ Африку и Испанію. Одинъ изъ консуловъ, Титъ Семпроній Лонгъ, поплылъ со сто шестидесятью военными кораблями и 26 тысячами войска въ Сицилію, чтобы оттуда произвести высадку въ Африку, другой консулъ, Публій Корнелій Сципіонъ, съ 24 тысячами отправился моремъ же въ Испанію, третье войско, со-

стоявшее изъ 19 тысячъ было послано подъ предводительствомъ претора въ Верхнюю Италію, для наблюденія за только что покоренными галлами. Сципіонъ плылъ, по обыкновенію древнихъ, вдоль береговъ и уже достигъ Массиліи (Марселя) въ то самое время, какъ Ганнибалъ готовился перейти Рону. Узнавъ объ этомъ, Сципіонъ тотчасъ же отправился съ своимъ войскомъ на встрѣчу непріятелю, чтобы воспрепятствовать его переправѣ, но не настигъ Ганнибала, потому что кареагенскій полководецъ, предувѣдомленный о приближеніи римскаго войска, ускорилъ свое движеніе и обогналъ римлянъ на три дня пути. Гнаться за нимъ было невозможно; пославъ часть войска, подъ предводительствомъ своего брата, Кнея Корнелія Сципіона, въ Испанію, Сципіонъ посадилъ остальное войско на суда и поспѣшилъ съ нимъ въ Верхнюю Италію, чтобы вмѣстѣ съ расположеннымъ тамъ отрядомъ напасть на кареагенянъ, какъ только они спустятся съ Альпъ. Онъ встрѣтился съ Ганнибаломъ у низовьевъ Тицина, нынѣшняго Тичино. Оба полководца съ нетерпѣніемъ ожидали боя: Сципіонъ разсчитывалъ на него, чтобы удержать отъ союза съ кареагенянами галловъ, которые годъ тому назадъ черезъ пословъ просили Ганнибала о вторженіи въ ихъ землю, а Ганнибалъ желалъ вступить въ сраженіе до прибытія къ Сципіону подкрѣпленій изъ Рима, чтобы тѣмъ легче одержать побѣду. Счастіе благопріятствовало кареагенскому полководцу, онъ разбилъ римлянъ и заставилъ ихъ отступить за рѣку По. Часть галловъ тотчасъ же вступила въ союзъ съ кареагенянами.

Побѣдоносное появленіе кареагенскаго войска въ только что завоеванной землѣ итальянскихъ галловъ распространило въ Римѣ величайшій ужасъ; сенатъ немедленно воротилъ назадъ посланнаго въ Африку втораго консула. Семпроній, находившійся еще въ Сициліи, поспѣшно отправился съ своимъ войскомъ моремъ въ сѣверную Италію и, высадившись на берегъ, соединился съ своимъ товарищемъ при рѣкѣ Требіи. Сгарая желаніемъ отличиться, онъ требовалъ боя. Сраженіе произошло при той же рѣкѣ и окончилось совершеннымъ пораженіемъ обоихъ консуловъ, потерпѣвшихъ огромную потерю убитыми. Побѣда эта доставила Ганнибалу возможность стать твердою ногою въ Верхней Италіи и побудила всѣ галльскіе народы присоединиться къ нему. Римскій народъ, пораженный извѣстіемъ о побѣдѣ Ганнибала, не потерялъ однако энергіи, а напротивъ того спѣшилъ вооружаться и готовиться къ отпору. Сенатъ сформировалъ новое войско, выслалъ корабли для охраненія береговъ Сициліи, Сардиніи и Италіи, и устроилъ военные магазины въ нѣкоторыхъ пунктахъ сѣверной части Средней Италіи. Ганнибалъ съ своей стороны также не оставался въ бездѣйствіи. Послѣ своей второй побѣды, онъ расположился на зимнихъ квартирахъ, рѣшившись, съ наступленіемъ весны, вторгнуться какъ можно скорѣе въ Этрурію. Къ этому особенно побуждали его отношенія къ дикимъ галльскимъ племенамъ, которыя не желали подчиниться никакому порядку, не выказывали никакого сочувствія къ войнѣ, веденной во имя совершенно чуждыхъ имъ интересовъ, а еще менѣе были склонны продовольствовать кареагенское войско на своей землѣ и на собственный счетъ. Когда они стали выражать свое неудовольствіе, Ганнибалъ принужденъ былъ удалиться, чтобы не лишить себя ихъ помощи. Поэтому, еще до конца суроваго времени года, онъ двинулся въ Этрурію, куда римляне послали уже двѣ арміи, подъ начальствомъ двухъ новыхъ консуловъ: Кнея Сервилія Гемина и Кая Фламинія Непота (217 г. до р.Х.).

Въ то время изъ Верхней Италіи вели въ Этрурію три дороги. Одна изъ нихъ была для Ганнибала слишкомъ далека, другую занималъ Сервилій, третью Фламиній, и потому Ганнибалъ выбралъ четвертый путь, черезъ одну изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстностей Италіи. Этотъ переходъ стоилъ ему большихъ потерь и самъ онъ лишился отъ воспаленія одного глаза, но зато встрѣтился сначала съ тѣмъ изъ консуловъ, побѣда надъ которымъ была легче и вдобавокъ встрѣтилъ только его одного. Это былъ консулъ Фламиній, который, будучи народнымъ трибуномъ, провелъ, въ ущербъ аристократамъ, законъ о раздѣлѣ земель сеноновъ. Въ продолженіе всей своей жизни онъ былъ врагомъ знатныхъ фамилій, постоянно отличался упорною борьбою съ ними, и былъ обязанъ своимъ консульскимъ достоинствомъ только внушенному этой борьбой расположенію къ нему простаго народа. Не имѣя дарованій главнокомандующаго, онъ не могъ

бороться съ такимъ искуснымъ полководцемъ, какъ Ганнибалъ. Большая часть предводителей отрядовъ въ римскомъ войскѣ принадлежала къ знатнѣйшимъ фамиліямъ и, слѣдовательно, на ихъ безусловное повиновеніе волѣ главнокомандующаго нельзя было разсчитывать. Кромѣ того, боясь, чтобы аристократы ауспиціями и другими церемоніями, вполнѣ зависѣвшими отъ сената, не воспрепятствовали назначенію своего заклятаго врага главнокомандующимъ войскомъ, Фламиній, при принятіи консульскаго достоинства, пренебрегъ исполненіемъ обычныхъ религіозныхъ обрядовъ и этимъ возбудилъ даже въ простомъ народѣ неблагопріятные толки о себѣ и своемъ предпріятіи. Наконецъ Фламиній, человѣкъ въ высшей степени горячій и нетерпѣливый, долженъ былъ дѣйствовать противъ чрезвычайно хитраго и осторожнаго Ганнибалла. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, мы поймемъ страшное пораженіе Фламинія у Тразименскаго озера (Лаго-ди-Перуджіа). Ганнибалъ совершенно окружилъ и истребилъ почти все войско своего врага. Фламиній съ большею частью войска палъ въ битвѣ, остальные римляне были взяты въ плѣнъ (217 г. до р. Х.).

Одержавъ эту побѣду въ разстояніи только нѣсколькихъ переходовъ отъ Рима, Ганнибалъ все-таки не рѣшился напасть на самый городъ; онъ зналъ хорошо силы римлянъ и понималъ, что даже самый счастливый исходъ нападенія не имѣлъ бы для него никакихъ выгодныхъ послѣдствій. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы направиться къ Риму, онъ поворотилъ въ Умбрію, а оттуда, черезъ земли марсовъ, марруциновъ и пелигновъ, въ Апулію, въ Нижней Италіи, чтобы, согласно своему плану, возбудить къ войнѣ противъ римлянъ покоренные ими итальянскіе народы. Римляне прибѣгли тогда къ мѣрѣ, которую употребляли только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ: они избрали диктатора. Такъ какъ причиною всѣхъ несчастій римлянъ была излишняя горячность консуловъ послѣднихъ годовъ и теперь все зависѣло отъ умѣнья воспользоваться обстоятельствами, то римляне избрали диктаторомъ престарѣлаго, опытнаго и благоразумнаго Квинта Фабія Максима, прозваннаго впослѣдствіи за свою чрезвычайную осторожность Кунктаторомъ (т. е. медлителемъ). Онъ нашелъ вѣрное средство обезсилить Ганнибала: не вступая въ открытый бой съ своимъ противникомъ, но постоянно слѣдуя за нимъ, пользуясь каждымъ его неудачнымъ шагомъ и стараясь лишить его войско продовольствія, Квинтъ Фабій утомилъ Ганнибала переходами. Способъ веденія войны, выбранный Кунктаторомъ, поставилъ Ганнибала въ самое затруднительное положеніе. Карѳагенскій полководецъ думалъ ослабить Римъ рядомъ пораженій и отторгнуть отъ него Италію. Квинтъ Фабій помѣшалъ ему осуществить этотъ планъ. Не смотря на всѣ рѣчи и прокламаціи, въ которыхъ Ганнибалъ увѣрялъ, что явился въ Италію только для освобожденія ея отъ римскаго ига, итальянскіе народы не отпадали отъ Рима. Итакъ Ганнибалъ до новой значительной побѣды надъ римлянами не могъ ожидать пріобрѣсти себѣ союзниковъ въ Италіи; но ни самъ онъ, ни нетерпѣніе римскаго войска не могли вынудить Фабія Максима вступить въ рѣшительный бой съ карѳагенянами. Даже побѣда, одержанная въ его отсутствіе нетерпѣливымъ начальникомъ всадниковъ Мануціемъ Руфомъ и увеличившая увѣренность и нетерпѣніе народа и войска, не поколебала твердо принятаго имъ рѣшенія. Черезъ шесть мѣсяцевъ Фабій долженъ былъ сложить съ себя диктаторскую власть, которая по римскимъ законамъ не могла продолжаться болѣе полугода; но сенатъ приказалъ двумъ консуламъ, принявшимъ отъ Фабія командованіе войсками, не отступать отъ системы бывшаго диктатора. Такъ прошелъ, безъ рѣшительной битвы, почти цѣлый годъ, и римляне достигли цѣли, къ которой стремились при избраніи Фабія: Ганнибалу не удалось пріобрѣсти довѣрія итальянцевъ, онъ долженъ былъ разсчитывать только на собственныя свои силы и, будучи поставленъ въ необходимость поддерживать войну грабежемъ, съ каждымъ днемъ становился болѣе и болѣе ненавистнымъ именно тѣмъ, которыхъ хотѣлъ привлечь на свою сторону.

На слѣдующій годъ (216 г. до р. Х.) консулами и начальниками войска были избраны Кай Теренцій Варронъ и Луцій Эмилій Павелъ. Павелъ по своему характеру какъ нельзя болѣе подходилъ къ настоящему положенію дѣлъ, напротивъ того выборъ въ консулы легкомысленнаго Варрона былъ важною ошибкою римлянъ. Римскія войска были чрезвычайно усилены, для того

чтобы дать наконецъ при первомъ удобномъ случаѣ генеральное сраженіе; но на него можно было отважиться не иначе, какъ съ большою осмотрительностью и только при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Войско обоихъ консуловъ состояло изъ 80 тысячъ пѣхоты и 6 тысячъ всадниковъ, тогда какъ у Ганнибала было только 40 тысячъ пѣхоты и 10 тысячъ конницы. Вникнувъ въ тогдашнее положеніе дѣлъ и здраво обсудивъ ихъ, Эмилій Павелъ не хотѣлъ легкомысленно подвергать опасности пораженія послѣднее войско, которое съ готовностью снарядила Италія, изнуренная частыми римскими наборами и продолжительными опустошеніями Ганнибала. Онъ рѣшился держаться еще нѣкоторое время системы Квинта Фабія. Но Варронъ, не желая оставаться въ бездѣйствіи во главѣ такого блестящаго войска, требовалъ боя и тѣмъ надѣлалъ своему товарищу болѣе хлопотъ, чѣмъ самъ Ганнибалъ. Хитрый карѳагенянинъ, всегда хорошо понимавшій характеръ своихъ противниковъ, съумѣлъ воспользоваться безразсудною дерзостью и неблагоразуміемъ Варрона. Такъ какъ консулы ежедневно очередовались въ главномъ начальствованіи надъ войскомъ, то Ганнибалъ и предложилъ римлянамъ бой въ тотъ день, когда главнокомандующимъ былъ Варронъ. Послѣдній принялъ вызовъ. Битва эта, происходившая въ Апуліи, при Каннахъ, въ мѣстности, очень удобной для дѣйствія карѳагенской конницы, окончилась страшнымъ пораженіемъ римлянъ. Ганнибалъ, конница котораго была гораздо лучше и многочисленнѣе римской, расположилъ свое войско съ удивительнымъ искусствомъ, прекрасно воспользовался разнохарактерностью составлявшихъ его войско народовъ и разнообразіемъ ихъ вооруженія и тѣмъ лишилъ римлянъ выгоды, которую могла имъ представить ихъ вдвое многочисленнѣйшая пѣхота. У римлянъ было убито болѣе 50 тысячъ, какъ въ самомъ сраженіи, такъ и тотчасъ послѣ него, множество умерло потомъ отъ ранъ и до 10 тысячъ было взято въ плѣнъ. Между убитыми находился и консулъ Эмилій Павелъ, нехотѣвшій пережить этого несчастнаго дня и павшій въ битвѣ съ непріятелемъ. Товарищъ его Варронъ избѣжалъ общей участи. Потеря Ганнибала простиралась до шести, а по другимъ источникамъ, до восьми тысячъ человѣкъ.

Битва при Каннахъ сопровождалась всѣми послѣдствіями, которыхъ только можно было ожидать отъ такого страшнаго пораженія. Едва распространилась вѣсть о побѣдѣ карѳагенянъ, какъ самниты и почти всѣ народы и земли южной Италіи отпали отъ римлянъ и предложили свои услуги Ганнибалу. Однако жестокій ударъ, постигшій римлянъ при Каннахъ, не сломилъ ихъ могущества. Ганнибалъ хотя и воспользовался своимъ счастіемъ, но все-таки остался чужимъ для народовъ полуострова; итальянцы не были связаны между собой никакими общественными узами, а на итальянскихъ грековъ нельзя было полагаться, и день побѣды при Каннахъ принесъ карѳагенскому полководцу болѣе славы, чѣмъ выгодъ. Съ другой стороны, образъ дѣйствій римлянъ, не смотря на испытанное ими несчастіе, отличался тою же твердостью и спокойствіемъ, которыя не разъ спасали ихъ въ минуты величайшей опасности. Собравъ остатки своего войска, въ числѣ 10 тысячъ, они избрали для сформированія новыхъ войскъ диктатора, призвали въ ряды всю молодежь Рима и Лаціума и, взявъ изъ храмовъ издавна висѣвшіе въ нихъ побѣдные трофеи, вооружили ими 8 тысячъ рабовъ. Чтобы успокоить и воодушевить простой народъ, римскій сенатъ рѣшился даже прибѣгнуть къ жестокимъ, давно забытымъ человѣческимъ жертвамъ и приказалъ зарыть живыми въ землю на городской площади четырехъ плѣнныхъ. Главное же средство къ спасенію заключалось въ томъ, что римляне, послѣ битвы при Каннахъ, не вступали съ карѳагенянами въ открытый бой, но всячески старались отнять у непріятеля всѣ средства къ веденію войны, отыскивая въ то же время въ Сициліи и Испаніи новыя силы для борьбы. Такимъ образомъ въ слѣдующіе годы война приняла совершенно другой характеръ. Театромъ военныхъ дѣйствій сдѣлались Сицилія и Испанія; въ Италіи же римляне не отваживались ни на одинъ рѣшительный шагъ, утомляя Ганнибала незначительными стычками. Они всячески старались тѣснить и безпокоить его, жестоко наказывали отпадавшіе и вновь покоряемые ими города и земли, а въ тѣхъ изъ нихъ, которые еще колебались, ставили свои гарнизоны, дѣлая такимъ образомъ невозможными всѣ попытки къ возстаніямъ.

4. Испанія и Сицилія во время второй пунической войны.

Въ Верхней Италіи и Сициліи дѣла римлянъ находились въ то время не въ лучшемъ положеніи; только въ Испаніи счастіе благопріятствовало римскому оружію. Въ Верхней Италіи преторъ, посланный дли покоренія Цизальпинской Галліи, погибъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ, вскорѣ послѣ битвы при Каннахъ, въ Сициліи же римляне лишились своего вѣрнаго союзника. При помощи Гіерона, самаго надежнаго союзника, какого когда-либо имѣли римляне, они отражали всѣ нападенія карѳагенскаго флота. Чтобы помочь римлянамъ хлѣбомъ и деньгами, Гіеронъ предложилъ имъ большую часть скопленныхъ имъ сокровищъ. Сынъ его, Гелонъ, старался напротивъ того разорвать тягостный союзъ съ римлянами, который въ сущности былъ подчиненіемъ, и склонился на сторону карѳагенянъ. Ссора между отцомъ и сыномъ не имѣла еще никакихъ послѣдствій, какъ вдругъ оба они умерли одинъ вскорѣ за другимъ, и маленькое сиракузское государство досталось сыну Гелона, Гіерониму, рано развращенному юношѣ, который вступилъ на престолъ четырнадцати лѣтъ отъ роду (215 г. до р. X.). Совѣтниками молодаго государя еще покойнымъ дѣдомъ его были назначены три одинаково негодныхъ и жестокихъ человѣка. Двое изъ нихъ принадлежали къ карѳагенской партіи, а третій, Трасонъ, былъ преданъ римлянамъ. Самъ Гіеронимъ нисколько не заботился о политикѣ, занимаясь охотнѣе вещами совсѣмъ другаго рода: онъ предавался чувственнымъ удовольствіямъ, съ самовластіемъ деспота преступая всякое благоразуміе, и искалъ только блеска и великолѣпія, между тѣмъ какъ его дѣдъ жилъ почти частнымъ человѣкомъ и не держалъ ни гвардіи, ни двора. Составлявшіе карѳагенскую партію совѣтники царя постарались прежде всего избавиться отъ Трасона и, обвинивъ его въ заговорѣ, по ложному свидѣтельству одного преступника, удалили отъ участія въ управленіи. Послѣ того они вступили въ союзъ съ Ганнибаломъ, который отправилъ въ Сицилію самыхъ искусныхъ пословъ. Двое изъ нихъ, сиракузскіе уроженцы, Гиппократъ и Эпикидъ, съумѣли пріобрѣсти огромное вліяніе на молодаго царя, думавшаго только объ удовлетвореніи своихъ прихотей, женившагося на публичной женщинѣ и окружившаго себя самою подлою придворною сволочью. Они уговорили безразсуднаго юношу вступить въ союзъ съ карѳагенянами и принять участіе въ войнѣ, но на тринадцатомъ мѣсяцѣ своего царствованія Гіеронимъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ тѣлохранителей, который, совершивъ убійство, призвалъ сиракузянъ къ возстановленію республики. Граждане послѣдовали его призыву, но возстановленіе свободы было только поводомъ къ безпорядкамъ и борьбѣ карѳагенской партіи съ римскою. Нѣсколько честолюбивыхъ людей хотѣли воспользоваться этимъ и стать во главѣ правленія, но возбудили возстаніе простаго народа, въ которомъ и правый и виноватый одинаково падали жертвами самой дикой ярости и жестокости. На окровавленныхъ трупахъ водворилась безсмысленная демократія, которая, какъ и вездѣ, повела къ военному деспотизму. Наконецъ Гиппократъ и Эпикидъ посредствомъ новой кровавой революціи достигли верховной власти и утвердили ее за собою при помощи простаго народа и наемныхъ войскъ.

Тотчасъ послѣ смерти Гіеронима римляне послали противъ новой республики лучшаго изъ всѣхъ своихъ тогдашнихъ полководцевъ, Марка Клавдія Марцелла. Сначала онъ вступилъ въ переговоры, но когда возвышеніе Эпикида и Гиппократа уничтожило всякую надежду на союзъ Сиракузъ съ Римомъ, Марцеллъ подступилъ съ войскомъ къ городу и началъ осаду (214 г. до р. X.). Карѳагеняне отправили на помощь Сициліи войска, и римляне впутались въ новую тяжелую войну, одновременно съ которой они должны были воевать въ Италіи съ Ганнибаломъ и съ присоединившимися къ нему городами. Въ продолженіе цѣлаго года Марцеллъ тщетно осаждалъ Сиракузы (213 до р. X.). Естественное положеніе города, его сильныя и искусно расположенныя укрѣпленія и изобрѣтенія математика Архимеда, которому осада Сиракузъ доставила безсмертную славу,—все это дѣлало взятіе города совершенно невозможнымъ. Марцеллъ

былъ вынужденъ снять осаду и, ограничившись одною блокадою, пытался взять городъ измѣною, но его сношенія съ недовольными сиракузянами были открыты, и восемьдесятъ гражданъ, изобличенныхъ въ измѣнѣ, заплатили за нее своею жизнью. Марцеллъ продолжалъ осаду Сиракузъ еще цѣлый годъ, безъ всякой надежды на успѣхъ, потому что не могъ отрѣзать отъ города подвоза съѣстныхъ припасовъ изъ Карѳагена, и только новая измѣна и особенно счастливое стеченіе обстоятельствъ дали ему наконецъ возможность овладѣть городомъ (212 г. до р. Х.). Сиразузы были отданы на разграбленіе солдатамъ, но не по жестокости и грубости римскаго полководца, а единственно изъ одной политики. Онъ велѣлъ щадить жителей, но многіе изъ нихъ, не смотря на его приказаніе, сдѣлались жертвою разъяренныхъ римскихъ солдатъ. Въ числѣ убитыхъ находился, къ великому прискорбію Марцелла, и Архимедъ, который, независимо отъ своихъ военныхъ качествъ, отличался кротостью, благороднымъ образомъ мыслей и любовью къ наукамъ и образованію. Разсказываютъ, что когда римскіе солдаты ворвались въ городъ, Архимедъ былъ дотого углубленъ въ свои математическія занятія, что даже не замѣтилъ происходившаго на улицахъ. Одинъ изъ грабившихъ Сиракузы солдатъ ворвался въ его комнату, въ то самое время, когда ученый чертилъ на пескѣ какую-то математическую фигуру. Математикъ только успѣлъ закричать солдату: «не затопчи чертежа», и въ ту же самую минуту былъ заколотъ имъ. Добыча римлянъ при взятіи Сиракузъ, какъ увѣряютъ, превосходила даже добычу, захваченную ими впослѣдствіи въ центрѣ всемірной торговли—Карѳагенѣ. Завоеваніе Сиракузъ важно и для исторіи искусствъ, потому что изъ этого города было привезено въ Римъ очень много художественныхъ произведеній. Съ паденіемъ Сиракузъ покорилась римлянамъ и остальная часть Сициліи.

Въ то самое время, какъ Сицилія была навсегда отторгнута отъ Карѳагена, война въ Испаніи также приняла повидимому совершенно другой оборотъ. Кней Корнелій Сципіонъ, при самомъ началѣ второй пунической войны, посланный съ флотомъ и войскомъ въ Испанію, и братъ его, Публій Корнелій Сципіонъ, который на слѣдующій годъ привелъ къ нему вспомогательныя войска, дѣйствовали чрезвычайно счастливо противъ карѳагенянъ и ихъ союзниковъ, которыми командовали братья Ганнибала, Гасдрубалъ и Магонъ. Еще въ самомъ началѣ войны Сципіоны покорили всю страну между Пиринеями и рѣкою Эбро, утвердили господство римлянъ на морѣ и, какъ силою оружія, такъ и кротостью, миролюбіемъ и великодушіемъ, склонили многія племена къ союзу съ Римомъ. Цѣлыя шесть лѣтъ продолжалась въ Испаніи кровопролитная война, какъ между самими туземцами, такъ и между римлянами и карѳагенянами. Но мелкія подробности этой войны не входятъ въ кругъ всеобщей исторіи, для которой важенъ только ихъ результатъ. Римляне пріобрѣли перевѣсъ на сушѣ и на морѣ, а усилія карѳагенянъ спасти Испанію истощили всѣ ихъ средства, точно такъ же, какъ прежде Римъ истощилъ свои силы въ борьбѣ съ Ганнибаломъ за Италію, а вслѣдствіе того Ганнибалъ не получалъ изъ Карѳагена почти никакой помощи ни деньгами, ни кораблями, ни войскомъ. Въ самый годъ покоренія Марцелломъ Сициліи, римлянамъ угрожала потеря всѣхъ ихъ завоеваній въ Испаніи. Положившись на своихъ союзниковъ, оба Сципіона рѣшились каждый на отдѣльное предпріятіе и, потерявъ большую часть своихъ войскъ, сами лишились жизни. Неожиданнымъ спасителемъ и возстановителемъ римскаго владычества въ Испаніи явился всадникъ Марцій, котораго римское войско, по смерти обоихъ полководцевъ, избрало предводителемъ. Марцій сдѣлалъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать въ такомъ затруднительномъ положеніи. Онъ не только остановилъ успѣхи карѳагенянъ, но своими незначительными побѣдами вновь пробудилъ въ римлянахъ прежнюю самоувѣренность, такъ что могъ передать своему преемнику, присланному изъ Рима, хорошо дисциплинированное и бодрое войско. Новый полководецъ, Кай Клавдій Неронъ, не выказалъ однако въ Испаніи тѣхъ талантовъ, которые обнаружилъ впослѣдствіи, въ борьбѣ съ Ганнибаломъ. Поэтому римляне рѣшились искать человѣка болѣе рѣшительнаго и предпріимчиваго и нашли его въ сынѣ и племянникѣ обоихъ павшихъ въ Испаніи Сципіоновъ. Главное начальство надъ войсками въ Испаніи было ввѣрено двадцатичетырехъ лѣтнему юношѣ, Публію Корнелію Сципіону Старшему,

пріобрѣвшему впослѣдствіи такую громкую славу подъ именемъ Африканскаго. Не смотря на свою молодость, онъ уже соединялъ въ себѣ всѣ достоинства солдата и полководца съ искусствомъ народнаго оратора и обходительностью человѣка, который хочетъ возвыситься посредствомъ народа. Онъ изучилъ военное дѣло въ первые походы пунической войны и уже отличился въ битвѣ при Тицинѣ спасеніемъ своего отца, а при Каннахъ—величайшимъ присутствіемъ духа. Назначеніе его главнокомандующимъ въ Испаніи было принято римскимъ народомъ съ криками радости (210 г. до р. X.).

Прибывъ въ Испанію, Сципіонъ рѣшился ознаменовать свое появленіе дѣломъ, которое даже въ случаѣ неудачи должно было доставить ему великую славу, а именно внезапнымъ нападеніемъ на Новый Карѳагенъ. Карѳагенскія войска были расположены въ отдаленныхъ частяхъ Испаніи, полководцы ихъ дѣйствовали неединодушно и довѣряли безусловно туземцамъ, отъ которыхъ имѣли заложниковъ въ Новомъ Карѳагенѣ. Неожиданное взятіе этого города было двойною потерею для карѳагенянъ: съ одной стороны они были отрѣзаны отъ береговъ, а съ другой, овладѣвъ заложниками туземныхъ племенъ, римляне могли побудить испанцевъ отложиться отъ Карѳагена. Эти-то соображенія и заставили, вѣроятно, Сципіона напасть на Новый Карѳагенъ. Открывъ этотъ планъ только своему другу, Каю Лелію, начальнику флота, Сципіонъ двинулся туда ускореннымъ маршемъ, и прежде чѣмъ слухъ о его приближеніи дошелъ до карѳагенскихъ отрядовъ, онъ уже стоялъ передъ застигнутымъ врасплохъ городомъ. Открывъ со стороны моря одно мѣсто, которое было по временамъ доступно, и сдѣлавъ второй приступъ, онъ овладѣлъ Новымъ Карѳагеномъ. Городъ этотъ, заключая въ себѣ всѣ магазины, арсеналы и верфи карѳагенскихъ владѣній въ Испаніи и служа средоточіемъ всей торговли между Испаніею и Карѳагеномъ, доставилъ побѣдителямъ несмѣтную добычу. Совершивъ это удачное предпріятіе, Сципіонъ поставилъ своею главною цѣлью отвлечь испанскіе народы отъ союза съ Карѳагеномъ и склонить ихъ на свою сторону. Онъ обошелся съ заложниками чрезвычайно дружелюбно и, пославъ часть ихъ на родину, обѣщался отпустить и остальныхъ, какъ только ихъ соплеменники изъявятъ согласіе на союзъ съ Римомъ. Подобными мѣрами ему удалось привязать къ себѣ многія изъ туземныхъ племенъ, и вскорѣ часть ихъ уже сдѣлалась его союзниками. Приготовивъ такимъ образомъ завоеваніе Испаніи, Сципіонъ направилъ всѣ свои силы противъ карѳагенскихъ полководцевъ. Вступивъ въ рѣшительную битву съ братомъ Ганнибала, Гасдрубаломъ, Сципіонъ нанесъ ему такое страшное пораженіе (лѣтомъ 209 г. до р. X.), что принудилъ его вскорѣ совершенно оставить Испанію и направиться черезъ Пиринеи и Альпы въ Италію, чтобы съ тѣми войсками, которыя ему удалось собрать, поспѣшить на помощь брату (208 г. до р. X.). Въ слѣдующіе два года по удаленіи Гасдрубала, Сципіонъ, побѣдивъ и остальныхъ непріятельскихъ полководцевъ, заставилъ ихъ почти совершенно очистить полуостровъ, подавилъ два возстанія испанскихъ племенъ и подчинилъ большую часть страны римскому владычеству. Покоренные испанцы такъ удивлялись Сципіону, что послѣ побѣды надъ Гасдрубаломъ привѣтствовали его именемъ царя. Окруженный славою, далеко превосходившею славу другихъ полководцевъ его времени, Сципіонъ, осенью 206 г. до р. X., оставилъ поприще своихъ славныхъ подвиговъ и съ тріумфомъ возвратился въ Римъ.

5. Война съ Ганнибаломъ отъ битвы при Каннахъ до битвы при Метаврѣ.

Не смотря на то, что множество итальянскихъ народовъ перешло на сторону Ганнибала, положеніе его было очень затруднительно. Не получая никакого подкрѣпленія изъ отечества, безъ всякой посторонней помощи, онъ съумѣлъ продержаться въ Италіи цѣлыхъ тринадцать лѣтъ одними своими великими талантами и собственными силами. Этимъ онъ стяжалъ себѣ въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, которые судятъ о человѣкѣ по его заслугамъ, а не по счастью и успѣху его дѣйствій, гораздо большую славу, чѣмъ Александръ Македонскій завоеваніемъ міра. Отъ

своихъ соотечественниковъ, изъ Африки, Ганнибалъ не получалъ почти никакого подкрѣпленія. Только разъ, тотчасъ послѣ битвы при Каннахъ, пришло къ нему вспомогательное войско въ 4 тысячи человѣкъ, подъ предводительствомъ Бомилькара; всѣ же другіе предназначавшіеся ему въ помощь войска и корабли были отсылаемы въ Испанію въ то самое время, когда уже готовились къ отплытію въ Италію. Даже Бомилькаръ былъ отосланъ въ Сицилію, вскорѣ послѣ своего отплытія въ Италію. Что побуждало карѳагенянъ оставлять безъ помощи своего великаго полководца, остается для насъ, не смотря на войну въ Испаніи, совершенно непонятнымъ. По общепринятому мнѣнію, враждебная дому Барковъ партія, во главѣ которой стояла фамилія Ганнона, постоянно препятствовала посылкѣ всякой помощи Ганнибалу; но такое сильное и продолжительное вліяніе Ганноновъ на управленіе государствомъ трудно согласить съ постояннымъ начальствомъ Ганнибала надъ войсками въ Италіи и двухъ его братьевъ въ Испаніи. Для насъ гораздо понятнѣе, почему Карѳагенъ такъ слабо поддерживалъ Ганнибала на морѣ: онъ не успѣлъ еще возстановить вполнѣ своего флота, потеряннаго въ первую пуническую войну. Ганнибалъ былъ вынужденъ самъ выискивать средства для своихъ предпріятій и поддерживать войну войною; но обстоятельства сложились такъ, что въ продолженіе столькихъ лѣтъ онъ могъ вести ее лишь съ величайшимъ трудомъ. Сначала большая часть итальянцевъ перешла на его сторону, но, не смотря на все свое раздраженіе противъ Рима, они скоро увидѣли все неудобство пребыванія въ странѣ чуждыхъ имъ войскъ, которыхъ должны были содержать на собственный счетъ, а римляне не замедлили воспользоваться этимъ неудовольствіемъ. Къ тому же отношенія итальянцевъ къ Ганнибалу были совсѣмъ другія, чѣмъ отношенія римскихъ союзниковъ къ главному начальнику римскаго войска. Послѣдніе уже издавна привыкли къ безпрекословному повиновенію, между тѣмъ какъ карѳагенскіе союзники находились къ Ганнибалу въ совершенно новыхъ отношеніяхъ и, имѣя дѣло съ чужеземнымъ полководцемъ, понимали очень хорошо, что составляютъ его опору и что онъ до извѣстной степени долженъ быть къ нимъ снисходителенъ.

Послѣ битвы при Каннахъ, Ганнибалъ прошелъ черезъ землю самнитовъ въ Кампанію, гдѣ народная партія тотчасъ же отворила ему ворота Капуи. Въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ онъ расположился зимовать и тѣмъ причинилъ себѣ много вреда, потому что нравственная испорченность жителей городовъ Кампаніи заразила собою и его войска. Вслѣдствіе изнѣженной и роскошной жизни въ Капуѣ, они значительно ослабѣли въ силахъ и въ числѣ. Въ началѣ слѣдующаго года (215 до р. Х.) римляне выказали тотъ же самый тактъ въ распознаваніи вещей и людей, который такъ часто виденъ въ исторіи ихъ государства. Имъ нуженъ былъ человѣкъ, который бы могъ снова пробудить упавшій духъ войска, и они нашли такую личность въ одномъ изъ преторовъ предшествовавшаго года, Маркѣ Клавдіи Марцеллѣ, который, послѣ битвы при Каннахъ, дѣйствовалъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ чрезвычайно искусно и умно, а при вылазкѣ изъ кампанскаго города Нолы отбилъ Ганнибала, нанеся ему большой уронъ. Давъ Марцеллу 6 легіоновъ войска, римляне возвели его въ званіе проконсула или вице-консула, а на слѣдующій годъ утвердили его, въ одно время съ осторожнымъ Фабіемъ Максимомъ Кунктаторомъ, въ званіи консула и послали въ Сицилію, гдѣ онъ командовалъ войскомъ три года и покорилъ весь островъ. По возвращеніи его въ Римъ они вновь избрали его консуломъ, по окончаніи консульства оставили проконсуломъ во главѣ отдѣльнаго войска, а по прошествіи еще года снова избрали въ консулы. Клавдій Марцеллъ оправдалъ возложенныя на него надежды: уже въ началѣ 215 г. до р. Х. онъ далъ сраженіе, въ которомъ разбилъ Ганнибала. Въ этомъ сраженіи карѳагенскій полководецъ впервые потерпѣлъ значительное пораженіе и лишился нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ; это тѣмъ болѣе ободрило римлянъ и возвысило славу Марцелла, что послѣ битвы на сторону римлянъ перешло 1200 нумидійскихъ и испанскихъ всадниковъ. На слѣдующій годъ Марцеллъ нѣсколькими смѣлыми предпріятіями въ Италіи снова возстановилъ упавшее уваженіе къ римлянамъ, между тѣмъ какъ въ то же время ходъ дѣлъ въ Сициліи и Испаніи сдѣлалъ безплодными всѣ успѣхи Ганнибала. Въ слѣдующемъ 213 г. до р. Хр. въ Италіи не произошло ничего замѣчательнаго, потому что большая часть римскаго войска, подъ начальствомъ Марцелла, осаждала

Сиракузы, а Ганнибалъ былъ преимущественно занятъ осадою Тарента. Оба города покорились въ 212 г. до р. Х. своимъ непріятелямъ, но римскій гарнизонъ все-таки удержалъ за собою Тарентскую крѣпость. Въ то время какъ Ганнибалъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы принудить ее къ сдачѣ, римляне напали на Кампанію и начали осаду столицы ея Капуи. Ганнибалъ послалъ къ ней на помощь одного изъ своихъ военачальниковъ, Ганнона, который однако былъ отбитъ съ значительнымъ урономъ. Тогда, чтобы заставить римлянъ снять осаду Капуи, Ганнибалъ двинулся самъ въ Кампанію. Онъ былъ такъ счастливъ, что въ короткое время почти совершенно уничтожилъ въ Луканіи и Апуліи два римскихъ отряда, одинъ въ 8, а другой въ 18 тысячъ, которыми командовали очень плохіе полководцы. Обѣ эти побѣды заставили осаждавшее Капую римское войско съ приближеніемъ Ганнибала засѣсть за укрѣпленіями своего лагеря, не вступая въ открытое сраженіе противъ карѳагенскаго полководца. Ганнибалъ нѣсколько разъ пытался нападать на римлянъ, но ему не удалось выманить послѣднихъ изъ ихъ укрѣпленнаго лагеря.

Чтобы заставить ихъ выйти оттуда и снять осаду города, Ганнибалъ рѣшился напасть на самый Римъ (211 г. до р. Х.). Онъ также мало надѣялся овладѣть городомъ врасплохъ, какъ и взять его приступомъ, понимая, какими великими силами духа и воинскими способностями обладалъ римскій народъ, въ которомъ каждое должностное лице было вмѣстѣ съ тѣмъ и военачальникомъ, образовавшимся въ школѣ войны, а каждый гражданинъ закаленнымъ въ бояхъ воиномъ. Поэтому, послѣ битвы при Каннахъ, онъ отвергъ предложеніе своихъ полководцевъ идти на Римъ и въ этомъ случаѣ превзошелъ ихъ благоразуміемъ, хотя одинъ изъ нихъ Магарбалъ и упрекнулъ его въ томъ, что, умѣя побѣждать, онъ не умѣетъ пользоваться побѣдою. Когда Ганнибалъ приблизился съ своимъ войскомъ къ Риму и въ 3 тысячахъ шаговъ отъ него расположился лагеремъ, въ городѣ распространился паническій страхъ, который не заставилъ однако римлянъ ни рѣшиться на сраженіе, ни снять осаду Капуи. Сенатъ велѣлъ только отрядить отъ тамошняго корпуса 15 тысячъ лучшаго войска, и по соглашенію съ обоими консулами принялъ нужныя мѣры къ оборонѣ. Разсказываютъ даже, что въ то время случайно производилась продажа съ аукціона части того поля, на которомъ расположился лагеремъ Ганнибалъ, и что цѣна земли нисколько не понизилась отъ этого. Если этотъ фактъ и справедливъ, то онъ могъ быть вызванъ искуственно сенатомъ, какъ средство успокоить гражданъ, страхъ которыхъ, при появленіи Ганнибала, уже достаточно доказывается вошедшимъ въ пословицу выраженіемъ (Ганнибалъ передъ вратами города). Разсказываютъ еще, будто Ганнибалъ, узнавъ о приведенномъ фактѣ, велѣлъ продать съ аукціона своимъ солдатамъ имущество римскихъ мѣнялъ. Но этотъ разсказъ годится только въ собраніе анекдотовъ, если только карѳагенскій полководецъ не хотѣлъ пошутить такимъ образомъ надъ хвастовствомъ римскаго сената. Ганнибалъ запасся продовольствіемъ только на 10 дней и, увидавъ, что цѣль его появленія передъ стѣнами Рима не достигнута, воротился въ Кампанію, а оттуда отправился въ Луканію и Бруттію. Обезсиленная голодомъ Капуя принуждена была сдаться римлянамъ и за свое отпаденіе и упорство была наказана ими самымъ жестокимъ образомъ. Семьдесятъ знатнѣйшихъ гражданъ были казнены, триста другихъ заключены въ темницу, остальные проданы въ рабство или разсѣяны по латинскимъ городамъ; самый городъ былъ вновь заселенъ отпущенниками и другими простолюдинами и отданъ подъ неограниченную власть префекта, а его обширная и плодоносная территорія обращена въ государственную собственность.

Въ продолженіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ (210 по 280 г. до р. Х.), какъ Ганнибалъ, такъ и римляне напрягали всѣ усилія, чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Римляне, выставившіе около двадцати пяти легіоновъ, должны были, теряя множество людей, производить постоянные наборы; война ложилась тяжелымъ временемъ на нихъ самихъ и на ихъ италъянскихъ подданныхъ, и, казалось, приближалась минута, когда послѣдніе откажутся доставлять римлянамъ средства къ веденію войны. Съ другой стороны, и Ганнибалъ, у котораго оставалось уже очень немного войска, только съ большимъ трудомъ могъ держаться между итальянцами, потому что римлянамъ удалось различными сред-

ствами снова переманить на свою сторону часть его союзниковъ, и многіе города, занятые кареагенянами, выдали ихъ непріятелямъ. Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ римскимъ главнокомандующимъ оставался Клавдій Марцеллъ; разбитый нѣсколько разъ Ганнибаломъ, по прежнему остававшимся непобѣдимымъ въ открытомъ полѣ, онъ однако иногда одерживалъ верхъ и надъ нимъ. Марцеллъ не только поддерживалъ честь римскаго оружія, но и способствовалъ болѣе всѣхъ другихъ римскихъ полководцевъ постепенному отпаденію отъ Ганнибала большей части занятыхъ имъ въ Италіи городовъ и земель. Въ 208 г. до р. Х. Клавдій Марцеллъ былъ убитъ, благодаря одной изъ тѣхъ мастерскихъ стратегическихъ диверсій, съ помощью которыхъ Ганнибалу всегда удавалось превосходно пользоваться характеромъ непріятельскихъ полководцевъ. Поставленный въ пятый разъ во главѣ войска въ качествѣ консула, Марцеллъ, горя нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ, былъ наведенъ Ганнибаломъ на засаду и увлекъ за собою товарища своего Криспина. Безрасудно отважившись вступить въ бой, онъ былъ убитъ, а его товарищъ смертельно раненъ.

Не смотря на то, что смерть Марцелла была для Ганнибала большимъ счастіемъ, онъ находился въ незавидномъ положеніи. Имѣя весьма ограниченное число союзниковъ, онъ терпѣлъ недостатокъ въ деньгахъ и военныхъ припасахъ и съ своимъ, относительно малочисленнымъ войскомъ, едва могъ держаться въ Италіи. Все это заставило его вызвать къ себѣ изъ Испаніи брата своего Гасдрубала. Послѣдній отправился въ Италію тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ десять лѣтъ тому назадъ шелъ Ганнибалъ, и прошелъ черезъ Галлію и Альпы гораздо скорѣе и съ меньшими трудностями. Узнавъ о приближеніи Гасдрубала, римляне сосредоточили всѣ свои силы для предстоявшей имъ двойной борьбы. Они довели Италію почти до отчаянія и только съ трудомъ и самыми жестокими мѣрами навербовали свои войска. Весною 207 г. до р. Х. Гасдрубалъ явился въ Верхней Италіи. Римляне немедленно отправили противъ него одного изъ своихъ консуловъ, Марка Ливія Салинатора, въ то время какъ другой, Кай Клавдій Неронъ, долженъ былъ направиться въ Нижнюю Италію, чтобы занять Ганнибала и помѣшать ему соединиться съ братомъ. Клавдій Неронъ неутомимо преслѣдовалъ кареагенскаго полководца и не только достигъ предположенной цѣли, но своею смѣлостью предотвратилъ даже опасность, грозившую со стороны Верхней Италіи. Ему удалось перехватить письмо Гасдрубала, въ которомъ послѣдній просилъ брата двинуться на соединеніе съ нимъ въ Умбрію. Клавдій Неронъ точасъ рѣшился выйти незамѣтно съ частью своего войска изъ лагеря, отправиться форсированнымъ маршемъ въ Умбрію, соединиться тамъ съ своимъ товарищемъ и, сосредоточивъ противъ непріятеля превосходныя силы, разбить одного брата прежде, чѣмъ другой успѣетъ получить извѣстіе о его прибытіи. Этотъ смѣлый шагъ римскаго консула рѣшилъ въ Италіи судьбу обѣихъ воюющихъ сторонъ. Выйдя ночью изъ лагеря съ 7 тысячами отборныхъ солдатъ, Клавдій Неронъ невѣроятно быстро достигъ умбрійскаго города Сены, вблизи котораго были расположены войска Марка Ливія и Гасдрубала. Приблизившись къ нимъ очень осторожно, онъ вступилъ въ римскій станъ, незамѣченный непріятелемъ. Чтобы кареагенскій полководецъ не догадался о его прибытіи, Клавдій не приказалъ раскидывать ни одной новой палатки, но размѣстилъ свое войско по всему лагерю. Однако Гасдрубалъ не былъ обманутъ этою хитростью. Еще въ Испаніи онъ замѣтилъ, что, когда въ римскомъ лагерѣ находились два военачальника равнаго званія, вечерняя заря игралась два раза. Поэтому, онъ въ первый же вечеръ догадался о прибытіи Клавдія Нерона, но и самая эта догадливость была гибельна для Гасдрубала и его отечества. Не будучи въ состояніи объяснить неожиданнаго появленія другаго консула иначе, какъ пораженіемъ Ганнибала, онъ думалъ спасти свое войско быстрымъ отступленіемъ, но былъ настигнутъ римлянами и вынужденъ дать сраженіе, котораго могъ бы избѣжать еще нѣсколько дней, оставаясь въ лагерѣ до полученія извѣстія отъ Ганнибала или до прибытія его самого.

Это важное сраженіе, происходившее при рѣкѣ Метаврѣ, близъ нынѣшняго Фоссомброне, окончилось пораженіемъ кареагенянъ. Какъ въ расположеніи своихъ войскъ, такъ и въ управленіи ходомъ битвы Гасдрубалъ выказалъ себя искуснымъ полководцемъ и уже одерживалъ верхъ, какъ вдругъ совершенно не-

обыкновенное движеніе Клавдія Нерона вырвало у него изъ рукъ побѣду. Гасдрубалъ палъ на полѣ битвы, сдѣлавъ все, чего можно требовать отъ искуснаго полководца въ подобномъ положеніи; войско его было совершенно истреблено: пятьдесятъ шесть тысячъ легло на мѣстѣ, остальные пять тысячъ взяты въ плѣнъ. Римляне купили побѣду потерею 8 тысячъ человѣкъ. Въ первую же ночь послѣ сраженія Клавдій Неронъ отправился назадъ въ свой собственный лагерь и совершилъ этотъ походъ еще скорѣе, пройдя 45 нѣмецкихъ миль въ шесть дней. Такимъ образомъ онъ былъ въ отсутствіи всего 14 дней. Къ счастію для римлянъ, Ганнибалъ въ продолженіе всего этого времени и не подозрѣвалъ о происходившемъ. Еслибъ движеніе Клавдія Нерона было ему извѣстно, онъ поспѣшилъ бы за консуломъ или постарался бы овладѣть его лагеремъ. Итакъ не умъ Клавдія Нерона и не храбрость римлянъ рѣшили исходъ войны, а сама судьба, которая, казалось, хотѣла возвысить Римъ и унизить Карѳагенъ. Она, по выраженію Эсхила, сломала коромысло вѣсовъ и наклонила чашу. Преданіе говоритъ, что Клавдій Неронъ, подобно какому-нибудь новозеландцу, послалъ отрубленную голову Гасдрубала его брату, и что, взглянувъ на нее, Ганнибалъ воскликнулъ: «я узнаю въ этой головѣ судьбу Карѳагена.» Справедливъ ли этотъ анекдотъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ достовѣрно, что, послѣ потери Испаніи и Сициліи, уничтоженіе значительнаго карѳагенскаго войска должно было разрушить всѣ надежды Ганнибалла. Тѣмъ удивительнѣе, что, сосредоточивъ всѣ свои силы въ самой южной части Италіи, онъ продержался непобѣжденнымъ еще цѣлые четыре года и въ продолженіе всего этого времени не только находилъ возможность пополнить свое войско, но и содержать его въ этой очень небогатой средствами странѣ. Если бы насъ спросили, въ какую эпоху своей жизни Ганнибалъ представляется намъ наиболѣе великимъ: тогда ли, когда онъ покорялъ Испанію и прокладывалъ новый путь черезъ землю дикихъ галловъ, взбирался на недоступныя войску Альпы, проходилъ Италію и грозилъ самому Риму, или въ то тяжелое время, когда онъ, по смерти своего брата, оставленный всѣми, въ продолженіе четырехъ лѣтъ держался въ углу Италіи, и, отозванный въ Африку, долженъ былъ видѣть, какъ одинъ бой уничтожилъ всѣ плоды его побѣдъ,— мы, не задумавшись, укажемъ на послѣднюю эпоху. Тотъ, кто не падаетъ въ несчастіи и даже въ ту минуту, когда противъ него вооружается сама судьба, кто твердо стоитъ до конца и смѣло разстается съ жизнью, тотъ кажется намъ высшимъ идеаломъ человѣчества.

6. Послѣдніе годы второй пунической войны.

Послѣ битвы при Метаврѣ Ганнибалъ воротился въ Бруттію и съ этого времени ограничился только оборонительными дѣйствіями, тщетно ожидая помощи изъ Карѳагена. Римляне не нападали на него; довольствуясь наблюденіемъ за нимъ, они наказали въ это время всѣ отпавшіе отъ нихъ народы, довершили покореніе опустѣвшей Италіи и въ 206 г. до р. Х. подчинили себѣ луканцевъ, послѣднихъ союзниковъ карѳагенскаго полководца. Лѣтомъ слѣдующаго года въ Верхней Италіи появился съ четырнадцати тысячнымъ вспомогательнымъ войскомъ братъ Ганнибала, Магонъ, но не смотря на то, что къ нему прибыло вскорѣ еще около 7 тысячъ человѣкъ, онъ не могъ ни предпринять ничего важнаго, ни соединиться съ своимъ братомъ, находившимся на противоположномъ концѣ Италіи. Римляне же рѣшились перенести войну въ Африку и тѣмъ заставили Ганнибала и Магона покинуть Италію для защиты своего собственнаго отечества.

Борьба въ Африкѣ, окончившая черезъ 17 лѣтъ продолжительную и кровопролитную войну между Римомъ и Карѳагеномъ, находится въ тѣсной связи съ характеромъ и семейными отношеніями Сципіона Старшаго. Положеніе этого человѣка въ исторіи римскаго народа совершенно новое явленіе, и только подробное его изслѣдованіе можетъ указать намъ настоящія его причины и объяснить то огромное вліяніе, которое имѣлъ характеръ Сципіона на окончаніе второй пунической войны и слѣдовавшія за нею событія внѣшней и внутренней исторіи Рима. Со временъ Сципіона Старшаго и отчасти также съ появленія на полити-

ческомъ поприщѣ Марка Клавдія Марцелла, неуступавшаго Сципіону кротостью, образованіемъ и военными талантами, между римлянами становится замѣтнымъ то вліяніе, которое необходимо должны были имѣть на нихъ знакомство съ греками и распространеніе римскаго государства за предѣлы Италіи. Почти до первой пунической войны римляне имѣли дѣло только съ итальянцами и потому, для управленія своимъ государствомъ, не нуждались ни въ чужеземной правительственной мудрости, ни въ чужихъ обычаяхъ, и вполнѣ могли довольствоваться своимъ древнимъ, національнымъ военнымъ искусствомъ и правовѣдѣніемъ. Но, когда они вступили, въ Нижней Италіи и Сициліи, въ постоянныя сношенія съ утонченными греками, ихъ природныя условія и одна сила оказались недостаточными, и римляне почувствовали потребность въ болѣе кроткихъ нравахъ и греческой наукѣ. Это болѣе утонченное образованіе и соединенные съ нимъ искусства и нравы привились только въ немногихъ семействахъ, какъ напримѣръ въ фамиліяхъ Марцелла и Сципіона. Но этимъ немногимъ лицамъ противилась остальная, большая часть римской аристократіи, такъ что для поддержанія и увеличенія своего значенія въ государствѣ, они должны были обратиться къ народу и всѣми мѣрами стараться о пріобрѣтеніи популярности. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что вслѣдствіе причиненнаго войною и завоеваніями неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ нѣкоторыя фамиліи, а въ числѣ ихъ родъ Сципіона, сильно возвысились надъ остальною частью аристократіи. Сенатъ мало-по-малу раздѣлился на покровителей и покровительствуемыхъ, и такимъ образомъ аристократія сохранилась только по виду, въ дѣйствительности превратившись въ олигархію. Если одна какая-нибудь часть этой олигархіи хотѣла противодѣйствовать другой, она должна была искать опоры въ народѣ, или, другими словами, обращаться къ демагогіи, столь обыкновенной въ демократическихъ государствахъ Греціи, но до того совершенно чуждой Риму.

Вотъ тѣ отношенія, которыми обусловливались образъ дѣйствій и значеніе Сципіона Старшаго и его фамиліи. Сципіонъ былъ первый римлянинъ, который путемъ демагогіи достигъ почти той монархической власти, какою пользовались въ Аѳинахъ Периклъ и другіе государственные дѣятели. По примѣру Сципіона шли тайно тою же дорогой и другіе аристократы Рима, пока Марій не пошелъ по ней совершенно открыто, а Цезарь не достигъ этимъ путемъ единодержавія. Уже и прежде семейство Сципіона имѣло значительное вліяніе на государственныя дѣла, раздѣляя его со многими другими родами; но съ начала второй пунической войны оно возвышается надъ всѣми прочими аристократическими фамиліями Рима. Съ этого времени Сципіоны надолго овладѣваютъ почти всѣми высшими должностями и въ большей части случаевъ становятся во главѣ важнѣйшихъ государственныхъ предпріятій. Уже въ самомъ началѣ этой войны два первыя сраженія были даны Ганнибалу однимъ изъ Сципіоновъ. Не смотря на ихъ несчастный исходъ, Сципіону вмѣстѣ съ его братомъ было поручено начальство надъ войсками въ Испаніи, и оба они въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ командовали тамъ римскимъ войскомъ. Когда собственная неосторожность Сципіоновъ погубила и ихъ самихъ, и войско, на мѣсто ихъ былъ назначенъ не тотъ, кто спасъ остатки арміи, но сначала человѣкъ такой же знатной фамиліи Клавдіевъ, а вслѣдъ за тѣмъ опять членъ фамиліи Сципіоновъ, Сципіонъ Старшій Африканскій, не смотря на то, что ему было всего 24 года. Конечно, этотъ юноша имѣлъ заслуги, но его главная заслуга состояла въ томъ, что онъ принадлежалъ къ одному изъ знатнѣйшихъ и могущественныхъ родовъ. Его первое появленіе въ Испаніи совершенно походило на начало общественной дѣятельности Алкивіада въ Аѳинахъ. Въ продолженіе всего пребыванія Сципіона на полуостровѣ, онъ походилъ скорѣе на царя или владѣтельнаго князя, чѣмъ на гражданина и должностнаго человѣка республики. Его подвиги въ Испаніи доставили ему сочувствіе и довѣріе народа въ Римѣ. Но еще болѣе сдѣлало Сципіона идоломъ народа уваженіе послѣдняго къ его фамиліи и его льстивое, утонченное и разсчитанно-дружеское обращеніе съ нимъ. Этими качествами онъ былъ обязанъ греческому образованію, усвоенному имъ вмѣстѣ съ греческими привычками.

Въ 206 г. до р. Х. онъ возвратился въ Римъ при радостныхъ кликахъ народа, съ твердымъ намѣреніемъ искать консульства и перенести войну въ Африку. Уваженію, которымъ пользовался Сципіонъ, завидовали многіе изъ его вра-

говъ, принадлежавшихъ къ древней аристократіи; они боялись его, какъ демагога и человѣка съ безграничнымъ честолюбіемъ. Но вражда ихъ еще болѣе, чѣмъ заслуги Сципіона, способствовала тому, что народъ предпочелъ его всѣмъ прочимъ соискателямъ и избралъ консуломъ. Такъ какъ Сципіонъ намѣревался сдѣлать театромъ войны Африку, то враги его устроили, что товарищемъ его былъ назначенъ человѣкъ, который, будучи верховнымъ жрецомъ (pontifex maximus) не могъ, по римскимъ законамъ, оставлять Италію. Большинство сената, предписывавшаго консуламъ образъ дѣйствія, высказывалось рѣшительно противъ намѣренія Сципіона, но было вынуждено уступить преобладанію этого человѣка и его фамиліи. Сенатъ позволилъ ему отправиться въ Сицилію, а оттуда, съ флотомъ и войскомъ, которое онъ успѣетъ собрать по личному своему вліянію, переправиться въ Африку. Только этого и нужно было Сципіону. Его родственныя связи, вліяніе на народъ и покровительство, которое онъ и члены его фамиліи могли оказывать не только отдѣльнымъ лицамъ, но даже цѣлымъ покореннымъ государствамъ, доставляли Сципіону гораздо больше могущества, чѣмъ званіе консула. Едва явился онъ въ Сицилію, какъ по одному его призыву стали стекаться къ нему со всѣхъ сторонъ толпы охотниковъ, а покоренныя итальянскія государства поспѣшили снарядить и отдать въ его распоряженіе свои корабли.

Въ Испаніи Сципіонъ имѣлъ сношенія съ двумя нумидійскими владѣтелями и основывалъ на этомъ планъ своего африканскаго похода. Нумидійскіе народы, находившіеся въ вассальной зависимости отъ Карѳагена, и ихъ предводители, подобно всѣмъ номадамъ, живущимъ грабежами, не имѣли никакого понятія о чести и совѣсти. Сципіонъ расположилъ къ себѣ нумидійскаго владѣтеля Масиниссу, отличавшагося храбростью, удивительными способностями и честолюбіемъ, и когда племянникъ послѣдняго попалъ въ плѣнъ къ римлянамъ, Сципіонъ богато одарилъ плѣнника и отослалъ его къ дядѣ, выказавъ при этомъ свою прямоту, отвагу и вообще нѣкоторое сходство въ харатерѣ съ Масиниссою, которое необходимо должно было привлечь нумидійскаго владѣтеля на его сторону. Черезъ нѣсколько времени Масинисса встрѣтился съ Сципіономъ въ Испаніи и обѣщалъ ему отстать отъ союза съ Карѳагеномъ. Другой нумидійскій владѣтель, Сифаксъ, былъ человѣкъ низкій, руководившійся одними подлыми побужденіями. Его Сципіонъ привлекъ на свою сторону лестью и возбуждая его корыстолюбіе. Полагаясь на гостепріимство, котораго не нарушаютъ самые коварные номады, Сципіонъ отправился безъ вооруженной свиты въ Африку, къ Сифаксу, встрѣтился при его дворѣ съ своимъ бывшимъ противникомъ въ Испаніи, сыномъ Гискона, Гасдрубаломъ, и даже раздѣлилъ съ нимъ обѣдъ и ночлегъ, чтобы такою мнимою довѣрчивостью привлечь къ себѣ нумидійскаго владѣтеля. Этою мастерски разсчитанною, льстивою и притворною дружбой Сципіонъ вполнѣ достигъ своей цѣли: Сифаксъ заключилъ съ нимъ союзъ, но карѳагеняне снова привлекли его на своюсторону, прибѣгнувъ къ средству, которое точно также было разсчитано на его корыстолюбіе и чувственность. Сифаксу еще прежде нравилась прекрасная дочь Гасдрубала, Софонисба, уже давно помолвленная за Масиниссу; карѳагенскій сенатъ отдалъ ее, безъ вѣдома ея отца, за Сифакса. Говорятъ, что Софонисба, не смотря на любовь къ Масиниссѣ, согласилась на этотъ бракъ изъ патріотизма. Масинисса рѣшился отмстить за оскорбленіе и воспользовался этимъ поводомъ къ отпаденію отъ Карѳагена. Но, что не одинъ этотъ поступокъ карѳагенянъ побудилъ его къ союзу съ римлянами, видно изъ того, что онъ еще прежде заключилъ условіе съ Сципіономъ. Лишь только римляне высадились на африканскій берегъ, какъ къ нимъ присоединился Масинисса. Онъ былъ очень полезенъ Сципіону, потому что карѳагеняне и Сифаксъ выставили такое многочисленное войско, что безъ его помощи Сципіону было бы очень трудно справиться съ врагомъ въ открытомъ полѣ.

Передъ послѣднею рѣшительною минутою борьбы положеніе Рима и Карѳагена было почти одинаково. Магонъ и Ганнибалъ находились на римской территоріи, а Сципіонъ на карѳагенской; оба государства опирались преимущественно на покоренные ими народы, и каждое изъ нихъ вступило въ союзъ съ подданными другаго. Сципіонъ склонилъ къ отпаденію Масиниссу, Магонъ возбуждалъ въ Этруріи заговоры, грозившіе опасностью Риму. Понявъ всю затруд-

нительность своего положенія римляне, по окончаніи консульства Сципіона, приняли никогда неслыханное до тѣхъ поръ рѣшеніе оставить Сципіону начальство надъ войскомъ до окончанія войны, а товарищу его поручили въ Этруріи аресты и слѣдствія. Мѣра эта заставила главнѣйшихъ заговорщиковъ бѣжать изъ Италіи и помѣшала осуществленію ихъ замысла. Въ продолженіе всего своего консульства и большую часть слѣдующаго года (204 до р. Х.) Сципіонъ былъ занятъ приготовленіями къ войнѣ и только въ концѣ лѣта 204 г. до р. Х. переправился въ Африку. Высадившись счастливо на африканскій берегъ и расположившись укрѣпленнымъ лагеремъ, онъ въ продолженіе зимы искусно занималъ кароагенянъ переговорами, а въ началѣ весны, благодаря счастью или, вѣрнѣе, неосторожности кароагенянъ, ему удалось одержать надъ ними значительный перевѣсъ. Кароагеняне, не смотря на гибельные пожары, часто истреблявшіе ихъ лагери, продолжали устраивать ихъ по прежнимъ образцамъ, безъ всякаго порядка и изъ первыхъ попавшихся матеріаловъ. Это обстоятельство подало Сципіону мысль зажечь ихъ лагерь и во время пожара напасть на непріятельское войско. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Соединенное войско кароагенянъ и Сифакса было разсѣяно, а окрестности лагеря разграблены римлянами; вскорѣ послѣ того Сципіонъ разбилъ и второе кароагенское войско, уже въ открытомъ полѣ. Только послѣ этого втораго пораженія кароагенскій сенатъ, хотя и очень неохотно, рѣшился вызвать изъ Италіи Магона и Ганнибала, т. е. сосредоточить всю войну въ Африкѣ. Между тѣмъ Сципіонъ двинулся къ самому Кароагену, пославъ Масиниссу, съ частью римскаго войска, противъ Сифакса, удалившагося въ свои владѣнія. Сифаксъ былъ разбитъ въ схваткѣ конницы и попался въ руки Масиниссы, который покорилъ затѣмъ всѣ владѣнія своего врага. Софонисба была также взята въ плѣнъ, и Масинисса женился на ней. Сифаксъ, по приказанію Сципіона, былъ отвезенъ въ Римъ и вскорѣ умеръ въ плѣну, а Софонисба подверглась самымъ мелочнымъ преслѣдованіямъ прославленнаго героя. Она отдала свою руку побѣдителю мужа потому, что въ этомъ бракѣ видѣла единственное средство спасти свою жизнь и своимъ вліяніемъ на новаго мужа быть полезною роднинѣ. Но Сципіонъ счелъ за нужное воспротивиться этому браку, предвидя, какою опасностью грозилъ онъ Риму, и приказалъ Масиниссѣ выдать свою новую жену римлянамъ, такъ какъ по договору они одни имѣли право рѣшать судьбу военноплѣнныхъ. Масинисса повиновался, но не выдалъ своей жены, а съ вѣдома или безъ вѣдома Сципіона, далъ ей яду. Смерть спасла Софонисбу отъ рабства. Такъ два человѣка, почти обоготворенные ораторомъ Цицерономъ, самымъ ужаснымъ образомъ жертвовали политической необходимости всѣми человѣческими чувствами. Въ награду за убійство жены, Масинисса удостоился отъ римлянъ нѣкоторыхъ почестей и получилъ владѣнія Сифакса.

Въ высшей степени неохотно, медленно и съ печальнымъ предчувствіемъ исполнилъ Ганнибалъ приказаніе вернуться изъ Италіи. Осенью 203 г. до р. Х. онъ счастливо высадился на берегъ своей родины, которой не видалъ въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ, и былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ кароагенскихъ войскъ. Его прибытіе поправило дѣла кароагенянъ. Довѣріе народа къ Ганнибалу было такъ велико, что къ нему собралось множество охотниковъ, значительно усилившихъ его войско. Однако кароагенскій полководецъ долго еще не рѣшался помѣряться съ противникомъ въ открытомъ полѣ и потому, въ продолженіе всей зимы, дѣйствовалъ противъ Масиниссы, у котораго отнялъ часть его владѣній. Весною и лѣтомъ слѣдующаго года Ганнибалъ, хотя и обратился противъ Сципіона, но уклонялся отъ рѣшительной битвы, стараясь добиться возможности начать переговоры и заключить миръ на условіяхъ не слишкомъ тяжелыхъ. Сципіонъ былъ непрочь начать переговоры, тѣмъ болѣе, что въ Римѣ консулы уже въ продолженіе цѣлаго года искали случая отнять у него начальство надъ войсками и вмѣстѣ съ тѣмъ честь окончанія войны. Такимъ образомъ дѣло дошло до заключенія перемирія и предварительныя статьи договора были уже подписаны, когда кароагенскіе демократы одержали въ сенатѣ верхъ и легкомысленно отказали въ утвержденіи этихъ статей. Рѣшительная битва была неизбѣжна, и войска двинулись другъ противъ друга. Хотя желаніе обоихъ полководцевъ заключить миръ и повело къ новымъ переговорамъ и даже личному сви-

данію между ними, но Сципіонъ предложилъ такія условія, на которыя Ганнибалъ никакъ не могъ согласится. Оба полководца разстались и начали готовиться къ битвѣ; на слѣдующій день (19 октября 202 г. до р. X.) произошло сраженіе, извѣстное подъ именемъ битвы при Замѣ. Счастіе измѣнило великому карѳагенскому полководцу, до сихъ поръ остававшемуся непобѣдимымъ во всѣхъ рѣшительныхъ сраженіяхъ. Ганнибалъ напрягалъ всѣ силы своего великаго таланта, чтобы одержать побѣду, но встрѣтилъ въ Сципіонѣ достойнаго противника. Онъ былъ разбитъ Сципіономъ на голову и потерялъ большую часть своего войска, свыше 20 тысячъ человѣкъ убитыми и почти столько же плѣнными. Но и послѣ этой несчастной битвы Ганнибалъ выказалъ свои удивительныя способности мастерскимъ отступленіемъ съ остаткомъ своего войска къ Адрумету. Отсюда онъ поспѣшилъ въ Карѳагенъ, который оставилъ тридцать пять лѣтъ назадъ мальчикомъ и куда возвратился теперь заслуженнымъ, но несчастнымъ полководцемъ. Изъ всѣхъ услугъ, оказанныхъ имъ Карѳагену, одною изъ величайшихъ было то, что онъ употребилъ всѣ средства, чтобы склонить своихъ соотечественниковъ къ миру, хотя ясно сознавалъ, что рано или поздно самъ долженъ будетъ сдѣлаться его жертвою.

Карѳагеняне согласились, хотя и неохотно, на условія, предписанныя Сципіономъ и въ слѣдующемъ году (201 г. до р. X.) утвержденныя римскимъ народомъ. По этому миру карѳагеняне должны были: отказаться отъ всѣхъ своихъ владѣній внѣ Африки, испрашивать позволенія римлянъ на каждую войну, которую они захотятъ вести въ самой Африкѣ, отдать имъ всѣхъ своихъ плѣнныхъ, перебѣжчиковъ, боевыхъ слоновъ и всѣ свои корабли, кромѣ десяти, признать Масиниссу нумидійскимъ царемъ, выплатить римлянамъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, въ опредѣленные сроки, всѣ издержки войны и дать сто заложниковъ. Такой договоръ долженъ былъ свести Карѳагенъ съ высоты первоклассной державы на степень зависимаго отъ Рима африканскаго государства и мало-по-малу привести къ гибели. Ганнибалъ предвидѣлъ все это очень ясно; но прочіе карѳагеняне, — что было характеристично въ такомъ торговомъ государствѣ, какъ Карѳагенъ,—придавали всего болѣе важности тѣмъ статьямъ договора, которыя касались уплаты денегъ. Они смотрѣли очень спокойно на то, какъ отвозили на римскихъ кораблями ихъ слоновъ и сжигали ихъ корабли въ виду карѳагенской гавани; но когда въ сенатѣ зашла рѣчь о средствахъ достать сумму, которую слѣдовало уплатить Риму, всѣ принялись горевать и жаловаться. При этомъ Ганнибалъ иронически засмѣялся и, когда его стали укорять въ этомъ, сказалъ, что имъ слѣдовало бы плакать тогда, когда жгли ихъ корабли и запретили вести войну. Онъ ясно видѣлъ, что Карѳагену не избѣжать войны съ нумидійцами и другими африканскими народами, хотя и не могъ предвидѣть главнаго, того, что Масинисса, самый страшный врагъ карѳагенянъ, доживетъ, къ ихъ несчастію, до глубокой старости. По условіямъ мира, Масинисса получилъ всю Нумидію и, какъ любимецъ фамиліи Сципіона, могъ постоянно оскорблять ненавистную ему сосѣднюю республику. Возвратившись въ Римъ, Сципіонъ былъ встрѣченъ съ такимъ тріумфомъ, какого еще никогда не видали въ Римѣ, и получилъ отъ государства прозваніе Африканскаго.

Ганнибалъ выказалъ себя великимъ и во время мира, обнаруживъ такія же способности въ управленіи государствомъ, какъ и на войнѣ. Онъ употребилъ всѣ свои силы, чтобы произвести необходимыя реформы въ устройствѣ и управленіи республики. Не смотря на все противодѣйствіе аристократіи, онъ достигъ своей цѣли, былъ избранъ въ суффеты, сломилъ слишкомъ усилившуюся власть совѣта и привелъ финансы государства въ такой порядокъ, что уже въ десятый годъ по заключеніи мира карѳагеняне были въ состояніи уплатить римлянамъ разомъ всю контрибуцію. Но Ганнибалъ не могъ устоять, когда аристократы, для его низложенія, прибѣгли къ помощи римлянъ, которые согласились сдѣлаться орудіемъ противной ему партіи. Они обвинили Ганнибала въ тайныхъ сношеніяхъ съ царемъ сирійскимъ Антіохомъ III, который въ то время приготовлялся къ войнѣ съ римлянами и принудили его искать въ бѣгствѣ спасенія отъ грозившей ему гибели (195 г. до р. X.). Онъ отправился черезъ Финикію въ Сирію, къ тому царю, приготовленія котораго къ войнѣ съ Римомъ послужили предлогомъ для его изгнанія,

7. Исторія Греціи отъ Арата до подчиненія Филиппа III Македонскаго.

Второю пуническою войною римляне утвердили свое владычество на западѣ тогдашняго міра. Они владѣли не только всей нынѣшней Италіей и большей частью Испаніи, но, въ силу договора съ карѳагенянами и опираясь на подчиненнаго имъ союзника Масиниссу, держали въ покорности и берега Африки. Ихъ войска, консулы и сенаторы жаждали войны, славы и добычи, и потому естественно, что Римъ обратилъ теперь вниманіе на Востокъ и началъ думать о покореніи греческихъ земель и государствъ. Это заставляетъ насъ снова обратиться къ исторіи Греціи, разсказанной нами до битвы при Селласіи (222 г. до р. X.).

Битва эта снова доставила македонянамъ первенство въ Греціи. Спарта была совершенно ослаблена, а изъ двухъ сильнѣйшихъ государствъ тогдашняго времени, этолійскаго и ахейскаго союзовъ, первое заключало въ себѣ почти одну только Этолію, а послѣднее находилось въ зависимости отъ Македоніи. Еще въ самый годъ битвы при Селласіи умеръ Антигонъ Досонъ, и ему наслѣдовалъ находившійся до того времени подъ его опекой двоюродный братъ его, Филиппъ III, молодой человѣкъ, соединявшій въ себѣ всѣ качества, необходимыя для правителя, но дурно воспитанный и рано испорченный. Онъ обладалъ прекрасными способностями ума, большой храбростью, предпріимчивымъ духомъ, чувствомъ собственнаго достоинства, и возбуждалъ во всѣхъ чрезвычайную симпатію къ себѣ. Прекрасная натура эта была еще въ юности развращена однимъ изъ тѣхъ подлыхъ придворныхъ, которыхъ въ описываемое время развилось такое множество въ греческихъ государствахъ. Вскорѣ по вступленіи Филиппа на престолъ, ко двору его явился изгнанный римлянами Димитрій Фаросскій (стр. 631) и своими злыми и предательскими совѣтами вовлекъ Филиппа въ коварную и ошибочную политику, изъ которой молодой царь впослѣдствіи не могъ найти выхода. Во второй годъ его правленія возгорѣлась между этолійцами и ахейцами война, извѣстная подъ именемъ этолійской или войны союзниковъ. Въ нее былъ вовлеченъ и молодой царь македонскій. Этолійцы произвели въ Пелопонесѣ страшныя опустошенія; ахейцы, во главѣ которыхъ все еще стоялъ одинаково несчастный и неспособный Аратъ, не могли справиться съ непріятелями. Филиппъ вступился за своихъ союзниковъ, одержалъ надъ этолійцами побѣду и, вторгнувшись въ ихъ землю и опустошивъ ее, своею жестокостью впервые обнаружилъ темную сторону своего характера, образовавшуюся отъ ранняго обладанія царскою властью и совѣтовъ дурныхъ людей. Эта опустошительная война окончилась черезъ три года миромъ (217 г. до р. X.), къ которому склонилъ Филиппа Димитрій Фаросскій, старавшійся вовлечь его въ войну съ римлянами. По этому миру обѣимъ враждующимъ сторонамъ были возвращены ихъ прежнія владѣнія.

Цѣль Димитрія вскорѣ была достигнута, Филиппъ рѣшился отнять у римлянъ Иллирію и для того вступилъ въ сношенія съ Ганнибаломъ; но медленность въ дѣйствіяхъ мѣшала успѣху переговоровъ. Ганнибалъ уже при самомъ вступленіи въ Италію предлагалъ ему союзъ, но Филиппъ послалъ къ нему уполномоченнаго только черезъ нѣсколько времени послѣ битвы при Каннахъ. Когда наконецъ союзъ состоялся, Филиппъ былъ сбитъ съ толку невѣрными извѣстіями и тѣмъ, что римляне перехватили одно изъ его посольствъ. Римляне съумѣли удержать его отъ перехода въ Италію посылкою флота для наблюденія за нимъ и заключеніемъ союза съ этолійцами. Союзъ этотъ далъ поводъ къ новой войнѣ между этолійцами и Филиппомъ, въ которой сторону македонянъ приняли ахейцы, а сторону этолійцевъ—спартанцы и царь Атталъ I (211 по 204 г. до р. X.). Война эта доставила римлянамъ ту пользу, что, разжигая вражду греческихъ народовъ и истощая силы воюющихъ, удержала Филиппа отъ перехода въ Италію. Когда наконецъ между царемъ македонскимъ и этолійцами былъ заключенъ миръ, римляне, помирившись съ Филиппомъ, признали его, разсчитывая сначала одолѣть карѳагенянъ, чтобы потомъ лишить самостоятельности совершенно обезсилѣвшихъ грековъ.

Греція находилась въ то время въ самомъ несчастномъ положеніи. Аѳиняне, съ трудомъ влачившіе свою печальную независимость, обратились въ низкихъ льстецовъ, торговавшихъ своимъ униженіемъ. Этолійцы думали только объ однихъ грабежахъ и опустошеніяхъ. Спартанцы сдѣлались добычею разбойничьихъ атамановъ. Даже ахейскій союзъ не могъ спасти гибнущей Греціи, не смотря на то, что воглавѣ его стоялъ въ это время очень способный человѣкъ. Аратъ, доставившій ахейскому союзу мѣсто первенствующаго государства въ Греціи, затмилъ свою прежнюю славу тщеславіемъ и неспособностью, и умеръ въ 214 г. до р. Х. Филиппа обвиняли въ отравленіи старика, который былъ невыносимъ ему своимъ вліяніемъ и упрямствомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ мѣсто Арата занялъ Филопеменъ, еще юношею выказавшій при Селласіи свои военные таланты (стр. 503) и обладавшій тѣми талантами, которыхъ недоставало его предшественнику. Человѣкъ честный, какихъ, къ сожалѣнію, въ тогдашней Греціи было очень немного, онъ отличался проницательностью, силою и неутомимой дѣятельностью. Съ 208 г. до р. Х., когда онъ въ первый разъ былъ избранъ стратегомъ ахейскаго союза, Филопеменъ занималъ это мѣсто восемь разъ и своими военными предпріятіями вновь доставилъ союзу даже большее противъ прежняго значеніе. Еще въ первую свою стратегію, тактическими упражненіями и перемѣною вооруженія онъ оживилъ ахейцевъ, едва осмѣливавшихся выступать на войну, новой жизнью и такой энергіей, что они черезъ восемь мѣсяцевъ, могли сразиться со спартанцами и даже одержали надъ ними блистательную побѣду.

Въ то время, какъ во главѣ ахейцевъ сталъ искусный правитель, въ Спартѣ, напротивъ того, предводители разбойничьихъ шаекъ одинъ за другимъ садились на престолъ и держались на немъ подъ защитою политики иноземныхъ государствъ, руководившихся въ этомъ случаѣ тѣми же соображеніями, по которымъ въ новѣйшее время такъ долго поддерживались европейскими державами африканскія разбойничьи государства и до сихъ поръ поддерживается Турція. По смерти Клеомена III власть надъ Спартою перешла въ руки простолюдина Ликурга, державшагося противъ нападеній сосѣднихъ государствъ хищническими набѣгами. По смерти его вступилъ на престолъ другой человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, Маханидъ. Узурпаторъ этотъ былъ чудовищемъ, какихъ мало знаетъ исторія; звѣрски обращаясь съ своими подданными, онъ разбоями держалъ въ постоянномъ страхѣ города ахейскаго союза, противъ котораго его поддерживали этолійцы, потому что находили это выгоднымъ для себя по своимъ отношеніямъ къ Филиппу. Филопеменъ разбилъ Маханида въ первомъ же сраженіи, которое онъ далъ, будучи стратегомъ, и этою побѣдою пріобрѣлъ уваженіе, которымъ впослѣдствіи постоянно пользовался между ахейцами. Въ этой битвѣ палъ Маханидъ, пораженный рукою самого Филопемена, и около четырехъ тысячъ человѣкъ изъ его разбойничьей шайки (207 г. до р. Х.). Но къ несчастью, своею побѣдою Филопеменъ помогъ достичь власти еще гораздо худшему тирану. Ахейское войско, угрожавшее послѣ этой битвы городу Спартѣ, было отбито третьимъ предводителемъ спартанскихъ разбойничьихъ шаекъ, Набисомъ: собравъ вокругъ себя всякую сволочь, онъ захватилъ власть въ свои руки. Для уплаты своимъ наемникамъ и обогащенія ихъ, Набисъ приказалъ умертвить или изгнать изъ города всѣхъ богатыхъ людей, заставивъ ихъ сначала страшными истязаніями открыть ему мѣста, гдѣ они спрятали свои сокровища. Вскорѣ онъ пошелъ и дальше. Заключивъ формальный союзъ съ критскими морскими разбойниками, онъ окружилъ городъ Спарту новыми стѣнами и укрѣпленіями и за уступку себѣ извѣстной части добычи открылъ въ этомъ городѣ безопасный притонъ всѣмъ разбойникамъ и ворамъ Пелопоннеса. Цѣлые пятнадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ власть находилась въ рукахъ Набиса, онъ грабилъ сосѣднія страны и, смотря по собственной выгодѣ, воевалъ то съ римлянами противъ Филиппа, то заодно съ ними противъ римлянъ.

Вскорѣ по вызвышеніи Набиса, римляне окончили войну съ карѳагенянами и обратили свое оружіе съ большею, относительно прежняго, энергіею противъ Филиппа. По заключеніи мира Филиппъ поступалъ вообще необдуманно. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь временемъ, готовиться къ отраженію грозившей ему со стороны Рима опасности и соединить всѣ греческіе города въ одинъ союзъ противъ римлянъ, онъ, своею страстью къ завоеваніямъ, оскорблялъ то тотъ,

то другой народъ и вызывалъ ихъ на новые раздоры. Вмѣсто того, чтобы обратить всѣ свои силы на образованіе хорошаго сухопутнаго войска, онъ старался увеличить свой флотъ, и вслѣдствіе того былъ вовлеченъ въ опасныя войны съ главными морскими державами Востока. Филиппъ воевалъ съ царями Египта и Пергама, съ родосцами и малоазійскими городами, опустошилъ владѣнія аѳинянъ, разсорился съ этолійцами и, по словамъ одного греческаго писателя, замѣнилъ дѣйствовавшее *прежде между-народное право правиломъ рыбъ, по* которому большая рыба пожираетъ меньшую. Нельзя однако отрицать, что въ то время онъ выказалъ себя искуснымъ полководцемъ и на морѣ, и на сушѣ. Всѣми этими войнами рѣшились воспользоваться римляне, чтобы уничтожить своего стариннаго врага, и въ самый годъ окончанія второй пунической войны искали только предлога для нападенія на македонскаго царя. Когда Родосъ, Аѳины и царь Пергама прислали къ римскому сенату посольство съ просьбою о помощи, онъ многозначительно и высокомѣрно отвѣтилъ имъ, что позаботится о спокойствіи Азіи. Окончивъ всѣ нужныя приготовленія къ войнѣ, они отправили въ Македонію посла, который принялся за свое мнимое посредничество съ нахальствомъ, ясно обличавшимъ желаніе римлянъ начать войну.

Въ мартѣ слѣдующаго года (200 до р. Х.) послѣдовало формальное объявленіе войны. Могущество Филиппа было очень значительно и распространялось на всѣ части Греціи; поэтому римляне въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ войны имѣли очень мало успѣха. Къ тому же продовольствіе римскаго войска и возможность вторженія его въ Ѳессалію и Македонію зависѣли отъ участія въ этомъ дѣлѣ самихъ грековъ, а они не чувствовали расположенія къ римлянамъ. Для Рима нуженъ былъ теперь человѣкъ, который бы зналъ характеръ грековъ, умѣлъ бы задѣть ихъ чувствительную струну и тѣмъ привлечь ихъ на сторону римлянъ. Такого человѣка римляне нашли въ Т и т ѣ К в и н к ц і и Ф л а м и н и н ѣ, не исправлявшемъ до того времени никакой другой должности, кромѣ квесторской, и выбраннымъ консуломъ на третій годъ войны (198 до р. Х.). Фламининъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, подобно Сципіону Африканскому Старшему, усвоили себѣ греческіе нравы и образованіе; обратившись въ полугрека, онъ не сохранилъ въ своемъ характерѣ ни одной римской черты, кромѣ властолюбія. Понимая очень хорошо, что никакъ не слѣдуетъ прибѣгать къ силѣ не во время, Фламининъ рѣшился дѣйствовать другими средствами: онъ представился другомъ грековъ и, искусно льстя ихъ національному тщеславію, пользовался ихъ слабостями. Дѣйствуя такимъ образомъ, Фламининъ добился того же самаго, чего достигъ Сципіонъ въ Испаніи подобными же средствами: онъ отвлекъ отъ Филиппа большую часть греческихъ государствъ и тѣмъ далъ войнѣ другой оборотъ. Уже въ первый годъ своего начальства надъ войсками онъ заставилъ Филиппа предложить переговоры. Желая снискать себѣ славу окончанія македонской войны, Фламининъ воспользовался для этой цѣли предложеніями Филиппа. Онъ разсчитывалъ, что если его друзьямъ удастся устроить такъ, чтобы ему оставили начальство надъ войсками и на слѣдующій годъ, то онъ можетъ настаивать на предложенныхъ Филиппу тяжелыхъ условіяхъ, которыхъ македонскій царь не могъ принять; въ противномъ же случаѣ рѣшился заключить миръ на условіяхъ, предложенныхъ Филиппомъ. Фламинину удалось первое и война возобновилась. Судя по тогдашнимъ обстоятельствамъ, въ исходѣ нельзя было сомнѣваться. Филиппъ былъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ римлянами и ихъ союзниками родосцами, Атталомъ, этолійцами, ахейцами и другими государствами, и чтобы склонить Набиса на свою сторону, вынужденъ былъ уступить Аргосъ этому разбойнику, который вскорѣ послѣ того оставилъ своего союзника и перешелъ на сторону Фламинина. Но Филиппъ безстрашно пошелъ на встрѣчу опасностямъ, грозившимъ ему со всѣхъ сторонъ, и тѣмъ вполнѣ заслужилъ удивленіе потомства. Рѣшительный бой произошелъ при К и н о к е ф а л а х ъ, группѣ скалъ близъ ѳессалійскаго города Скотуссы (197 г. до р. Х.). Филиппъ былъ разбитъ и потерялъ множество людей, но осторожно отступилъ съ поля сраженія и съ большимъ умомъ повелъ переговоры. Заботясь о собственной славѣ, и желая скорѣйшаго заключенія мира по причинѣ предстоявшей войны съ Антіохомъ III сирійскимъ, Фламининъ не предложилъ Филиппу болѣе тяжелыхъ условій и послѣдній согласился на всѣ его требованія. Онъ отдалъ римлянамъ

свой флотъ, отказался, подобно карѳагенянамъ, отъ права веденія войны, заплатилъ значительную сумму денегъ, далъ въ заложники своего сына и призналъ независимость всѣхъ греческихъ государствъ.

8. Событія на Востокѣ до подчиненія царя Антіоха III и этолійцевъ.

Вскорѣ послѣ побѣды надъ македонскимъ царемъ, римлянамъ представился случай распространить свое владычество въ Азіи и Египтѣ. Какъ слабы были въ то время государства Востока, можно видѣть изъ описаннаго выше состоянія ихъ (стр. 465). Блистательный успѣхъ, съ которыми римляне вмѣшивались въ дѣла Востока, объясняется почти самъ собою.

Ослабѣвшими и изнѣженными египтянами управлялъ съ 221 г. до р. Х. Птолемей IV Филопаторъ, человѣкъ, слѣдовавшій только своимъ страстямъ и сдѣлавшійся поэтому простымъ орудіемъ разныхъ негодяевъ, подъ руководствомъ которыхъ онъ переходилъ отъ одного постыднаго дѣла и отъ одного развратнаго чувственнаго наслажденія къ другому, и даже умертвилъ отца, мать, брата и сестру. Государствомъ правили его низкая любовница, Агаѳоклея, ея подлый братъ, Агаѳоклъ, и Сосибій, человѣкъ, не уступавшій Агаѳоклу въ жестокости и порочности, но по крайней мѣрѣ соединявшій съ злодѣйствомъ энергію и ловкость. Войсками командовалъ сначала очень искусный предводитель, вступившій въ египетскую службу этоліецъ, Теодотъ; но, глубоко оскорбленный египтянами, онъ перешелъ во время войны на сторону сирійцевъ. Такимъ образомъ въ Египтѣ того времени мы не видимъ элементовъ, составляющихъ настоящую силу и опору государства; за то въ деньгахъ не было недостатка, и хитрые правители страны имѣли возможность при тогдашнемъ положеніи греческихъ государствъ всегда найти себѣ союзниковъ. По смерти Птолемея IV (204 г. до р. Х.) на престолъ вступилъ пятилѣтній сынъ его, Птолемей V Эпифанъ. Борьба за регентство во время малолѣтства новаго государя сопровождалась цѣлымъ рядомъ ужасовъ. Одинъ регентъ низвергалъ другаго, а александрійскій народъ игралъ въ этомъ случаѣ ту же роль, какую при подобныхъ обстоятельствахъ всегда играетъ народъ восточныхъ столицъ: онъ былъ и орудіемъ, и жертвою насилія. Достигнувъ наконецъ совершеннолѣтія, юный царь пошелъ по стопамъ своего отца. Въ его царствованіе возможность сопротивленія внѣшнимъ врагамъ точно также обусловливалась только деньгами, отношеніями греческихъ государствъ и вѣрностью искуснаго этолійскаго полководца, Скопаса, поступившаго въ египетскую службу. Птолемей умеръ, какъ и большая часть Птолемеевъ, насильственною смертью (181 г. до р. Х.), а при его преемникахъ повторялись тѣ же безпорядки и мерзости, которые сдѣлались дѣломъ обыкновеннымъ въ Египтѣ съ царствованія его отца. Къ тому же римляне, которымъ по смерти Птолемея IV, досталась главная опека надъ его малолѣтнимъ сыномъ, мало-по-малу стали обращаться съ Египтомъ какъ съ покоренною землею. Это началось еще при Птолемеѣ IV, когда война съ Сиріей подала римлянамъ поводъ къ рѣшительному вмѣшательству въ египетскія дѣла.

Въ царствованіе Птолемеевъ IV и V Сиріей управлялъ Антіохъ III, царствовавшій съ 223 по 187 г. до р. Х. и за свои завоеванія въ восточной Азіи получившій прозваніе Великаго. Будучи предпріимчивѣе и сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, кромѣ Селевка I, онъ снова возвысилъ уже глубоко упавшую монархію Селевковъ и возстановилъ ее въ прежнихъ границахъ; но война съ римлянами была ему не по силамъ. Первые годы его царствованія прошли въ борьбѣ съ возмутившимися противъ него намѣстниками Персіи, Мидіи и Малой Азіи и въ войнахъ съ египтянами за Палестину и Финикію, которыя онъ опять хотѣлъ присоединить къ Сиріи. Ему удалось подавить намѣстниковъ, но въ войнѣ съ египтянами онъ потерпѣлъ, при Рафіи, полное пораженіе (217 г. до р. Х.). Послѣ того онъ совершилъ счастливый походъ въ восточную Азію и воротился оттуда въ то самое время, какъ въ Египтѣ умеръ Птолемей Филопаторъ. Смерть Птолемея и безпорядки, возникшіе по поводу опеки

надъ его молодымъ преемникомъ, показались Антіоху прекраснымъ случаемъ расширить предѣлы Сиріи на счетъ Египта. Для этой цѣли онъ заключилъ союзъ съ Филиппомъ III македонскимъ, который также хотѣлъ воспользоваться такимъ выгоднымъ положеніемъ дѣлъ. Въ то время, какъ Филиппъ завоевывалъ занятые египтянами приморскіе города Ѳракіи и Малой Азіи, Антіохъ овладѣлъ Финикіею и Палестиною. Но, когда начальство надъ египетскими войсками перешло въ руки этолійца Скопаса, онъ только съ трудомъ могъ удерживать за собою завоеванныя земли и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ долженъ былъ вести войну, не позволявшую ему направить свои силы на болѣе важныя предпріятія. Въ это самое время съ Филиппомъ начали войну римляне, а ихъ союзникъ, Атталъ III пергамскій, распространилъ свое владычество въ Малой Азіи. Антіохъ поступилъ бы всего благоразумнѣе и великодушнѣе, если бы, не слѣдуя внушеніямъ узкой и эгоистической политики, обратилъ всѣ свои силы противъ Аттала и тѣснѣе соединился съ Филиппомъ. Но онъ позволилъ римскимъ агентамъ отклонить себя отъ войны съ Атталомъ и въ сношеніяхъ съ римлянами принималъ на себя видъ такого же, какъ и они, врага Филиппа. Только тогда, когда война римлянъ съ Филиппомъ приняла невыгодный оборотъ для послѣдняго, Антіохъ обратилъ все свое вниманіе на переднюю Азію и Европу и слишкомъ поздно заключилъ миръ съ Египтомъ (198 г. до р. Х.). Хотя послѣ этого онъ и завоевалъ часть Малой Азіи, но тѣмъ самымъ сталъ въ непріязненныя отношенія къ римлянамъ, потребовавшимъ отъ него возвращенія Египту Финикіи и Палестины и освобожденія малоазійскихъ городовъ. Вмѣсто того, чтобы предупредить римлянъ и немедленно начать съ ними войну, Антіохъ допустилъ занять себя дипломатическими переговорами и провелъ около трехъ лѣтъ въ однихъ приготовленіяхъ. Въ это время прибылъ къ нему Ганнибалъ. Его приняли очень дружелюбно, но совѣтамъ его не хотѣли слѣдовать, потому что открытому и прямому уму воина трудно было ладить съ греко-сирійской придворной челядью. Во время пребыванія Ганнибала въ Эфесѣ, при дворѣ Антіоха, явилось туда новое посольство изъ Рима. Въ числѣ пословъ, какъ говорятъ, находился и Сципіонъ Африканскій Старшій. Такимъ образомъ въ Эфесѣ еще разъ могли свидѣться два величайшіе полководца своего времени. Но достовѣрность этого факта очень сомнительна, и намъ неизвѣстно даже, дѣйствительно ли Сципіонъ находился при посольствѣ. Такъ неточны подробности разсказовъ о самыхъ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ, и все-таки люди строятъ свое историческое знаніе на анекдотахъ! Въ то же самое время обратились къ Антіоху съ просьбою о помощи этолійцы, глубоко оскорбленные римлянами, съ которыми у нихъ возникъ споръ изъ-за одной статьи македонско-римскаго договора, признававшей независимость всѣхъ греческихъ государствъ. Не сознавая всей невыгоды связей съ такимъ грубымъ, разбойничьимъ народомъ, Антіохъ заключилъ съ нимъ союзъ и былъ окончательно вовлеченъ въ открытую войну съ римлянами, которой до сихъ поръ всячески старался избѣгнуть.

Война между Антіохомъ и римлянами началась зимою 192 г. до р. Х., уже послѣ того, какъ этолійцы открыли военныя дѣйствія въ Греціи. Антіохъ переправился съ своими войсками въ Европу и тотчасъ же завоевалъ островъ Эвбею. Но онъ дѣлалъ ошибку за ошибкою. Вмѣсто того, чтобы стараться всѣми мѣрами склонить на свою сторону македонскаго царя, онъ оскорбилъ его своими переговорами и такимъ образомъ побудилъ подать помощь римлянамъ; и вмѣсто того, чтобы скорѣе двинуться впередъ и еще до прихода римскихъ войскъ занять всѣ мѣста, гдѣ послѣдніе могли высадиться или найти подкрѣпленіе, онъ завелъ переговоры съ незначительными городами, помощь которыхъ не могла имѣть для него значенія, не во время сталъ справлять въ Халкидѣ, на Эвбеѣ, свою свадьбу съ одной молодой гречанкою и за празднествами долго ничего не дѣлалъ. Между тѣмъ римское войско, подъ начальствомъ консула М а н н і я А ц и л і я Г л а б р і о н а, переправилось въ Грецію (161 г. до р. Х.), соединилось съ войсками Филиппа и завоевало всю Ѳессалію. Понявъ слишкомъ поздно, какъ безплодно было потеряно имъ дорогое время въ Халкидѣ, Антіохъ поспѣшно переправилъ свои войска на материкъ. Здѣсь онъ неожиданно былъ обманутъ этолійцами, которые избрали его своимъ военачальникомъ, но увидя, что нечего будетъ грабить, вмѣсто всего своего войска выставили въ минуту опасности только четыре тысячи человѣкъ. Антіохъ

занялъ сильную позицію у Термопилъ и рѣшился уклоняться отъ сраженія до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ изъ Азіи подкрѣпленія. Но планъ его былъ разрушенъ находившимся въ римскомъ войскѣ легатомъ Маркомъ Порціемъ Катономъ Старшимъ. Онъ счастливо велъ нѣсколько лѣтъ горную войну съ возставшими народами Испаніи и воспользовался теперь пріобрѣтенною въ ней опытностью; пробравшись черезъ гору, занятую Антіохомъ, Катонъ лишилъ Антіоха всѣхъ выгодъ этой позиціи. Главныя силы римлянъ напали вслѣдъ за тѣмъ на сирійское войско и почти совершенно истребили его. Самъ Антіохъ бѣжалъ въ Азію, а этолійцы поспѣшили выйти изъ своего затруднительнаго положенія, вступивъ въ переговоры съ римлянами.

По истеченіи срока своего консульства, Глабріонъ былъ вынужденъ, вліяніемъ Сципіоновъ, сложить съ себя начальство надъ войскомъ, которое должно было продолжать въ Азіи войну съ Антіохомъ. Могущественная фамилія Сципіоновъ хлопотала о томъ, чтобы на слѣдующій 190 г. до р. Х. былъ выбранъ консуломъ Луцій Корнелій Сципіонъ, хотя никто не признавалъ за нимъ большихъ способностей. Когда же сенатъ хотѣлъ поручить веденіе войны не ему, а его товарищу, то Сципіоны съумѣли воспрепятствовать этому тѣмъ, что братъ консула, побѣдитель Ганнибала, обѣщался сопровождать Луція въ качествѣ легата. Сципіонъ тотчасъ согласился дать этолійцамъ перемиріе на шесть мѣсяцевъ и, обезпечивъ себя въ вѣрности царя Филиппа, переправился съ своимъ войскомъ черезъ Геллеспонтъ. Между тѣмъ римскій флотъ встрѣтился съ флотомъ Антіоха и, превосходя его числомъ кораблей, разбилъ его въ двухъ сраженіяхъ. Напрасно старался Антіохъ, посредствомъ переговоровъ, избѣжать грозившей ему гибели. Сципіонъ предложилъ ему такія тяжелыя условія, что сирійскій царь предпочелъ еще разъ испытать счастье. Рѣшительная битва произошла при лидійскомъ городѣ Магнесіи, у Сипильской горы (190 г. до р. Х.), хотя въ ней не приняли участія ни Ганнибалъ, ни Сципіонъ Африканскій. Послѣдній незадолго передъ тѣмъ захворалъ, а Ганнибалъ былъ посланъ въ Финикію для снаряженія флота. Антіохъ былъ разбитъ и добровольно принялъ отвергнутыя прежде условія мира: ему нечего было больше дѣлать, потому что римляне уже заняли нѣсколько важнѣйшихъ пунктовъ въ Малой Азіи и вступили въ союзъ съ Эвменомъ II пергамскимъ, родосцами и царемъ Прусіемъ I виѳинскимъ. Къ тому же сирійское войско было такъ же мало пріучено къ войнѣ и дисциплинѣ, какъ нѣкогда войско, выставленное Даріемъ противъ Александра. Поэтому Антіоху оставалось ожидать участи Дарія. По заключенному съ римлянами договору, онъ уступилъ имъ всѣ земли по сю сторону Тавра или всю Малую Азію, обязался уплатить въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ около двадцати милліоновъ рублей серебромъ, отдать римлянамъ всѣ военные корабли и военныхъ слоновъ и выдать карѳагенянина Ганнибала, вмѣстѣ съ нѣсколькими греческими эмигрантами.

Во время переговоровъ о мирѣ и непосредственно затѣмъ, когда римскіе коммиссары раздѣляли уступленныя Антіохомъ земли и опредѣляли свои отношенія къ азіатскимъ союзникамъ, — впервые было формально объявлено Востоку начало всемірнаго господства Рима. Римляне являлись на востокѣ владыками, повелителями и судьями всего свѣта. Выраженіе «Антіохъ пересталъ царствовать» при самомъ началѣ войны часто встрѣчается въ рѣчахъ и прокламаціяхъ римскихъ полководцевъ. Въ новѣйшее время точно также выражался о враждебныхъ ему государяхъ и народахъ Бонапартъ, похожій въ этомъ на римлянъ и заимствовавшій отъ нихъ это выраженіе, вмѣстѣ со многимъ другимъ. Почти всѣ государства Азіи признали господство римлянъ, точно также какъ въ новѣйшее время большинство европейскихъ правительствъ съ покорностью склонилось предъ императоромъ французовъ. Царь Антіохъ, владѣнія котораго простирались тогда отъ Сиріи до самаго Инда, отправилъ въ Римъ торжественное посольство просить, чтобы сенатъ милостиво предписалъ такія условія договора, какія признаетъ за лучшія; царь пергамскій Эвменъ II даже лично явился въ новую столицу міра, чтобы вымолить себѣ расположеніе владыкъ міра; отъ прочихъ малоазійскихъ государствъ и городовъ также явились въ Римъ послы, чтобы съ покорностью ожидать приказаній римлянъ; Прусій и жалкій царь Египта, еще до побѣды надъ Антіохомъ, держали себя въ отношеніи къ Риму совершенными вассалами. От-

нятыя у Антіоха страны римляне раздѣлили, повидимому, великодушно, но въ дѣйствительности очень хитро и эгоистично. Расширять предѣлы маленькихъ государствъ, усиливать незначительныхъ владѣтелей и тѣмъ легче держать ихъ въ зависимости и ставить ихъ въ такія взаимныя отношенія, которыя бы постоянно возбуждали зависть и раздоры, — вотъ главныя основанія политики римлянъ въ отношеніи къ побѣжденнымъ народамъ; той же политики слѣдовали римляне и при новомъ устройствѣ Малой Азіи. Такъ, напримѣръ, царю Эвмену и родосцамъ, господствовавшимъ въ то время на моряхъ Востока, римляне дали въ награду за помощь, оказанную ими въ сирійской войнѣ, новыя земли на материкѣ Малой Азіи; но въ то же время они понимали очень хорошо, что черезполосность владѣній Пергама и Родоса будетъ впослѣдствіи порождать между ними безконечные раздоры и, слѣдовательно, дастъ возможность постоянно вмѣшиваться въ дѣла враждующихъ сторонъ.

Луцій Корнелій Сципіонъ былъ встрѣченъ въ Римѣ съ тріумфомъ и получилъ прозваніе **Азіатскаго**. Изъ двухъ консуловъ слѣдущаго года (189 г. до р. Х.) одинъ, **Маркъ Фульвій Нобиліоръ**, былъ посланъ противъ этолійцевъ, а другой, **Кней Манлій Вульсонъ**, въ Малую Азію. Вульсонъ не удовольствовался порученнымъ ему раздѣленіемъ земель и, чтобы обогатиться и пріобрѣсти себѣ славу, началъ въ Галатіи войну съ галлами, разбойничьимъ народомъ, находившимся въ такихъ же отношеніяхъ къ прочимъ малоазіцамъ, какъ этолійцы къ европейскимъ грекамъ. Побѣдить этотъ народъ было однако легче, чѣмъ этолійцевъ, потому что, раздѣленный на четыре отдѣльныя общины, онъ не имѣлъ никакого единства. Галлы были побѣждены Манліемъ и вмѣстѣ съ царями Каппадокіи и Пафлагоніи, приславшими имъ вспомогательныя войска, принуждены заключить миръ. Манлій, захватившій вмѣстѣ съ своими солдатами награбленныя галлами сокровища, заключилъ съ этимъ народомъ миръ на очень выгодныхъ условіяхъ, взявъ съ него обѣщаніе навсегда отказаться отъ хищническихъ набѣговъ.

Между тѣмъ другой консулъ, Маркъ Фульвій Нобиліоръ, велъ гораздо болѣе трудную войну въ Этоліи. Вспомнивъ горную природу этой страны и грубые нравы ея обитателей и обративъ вниманіе еще на то обстоятельство, что въ азіатскихъ земляхъ все зависѣло отъ одного человѣка, а въ Этоліи каждая деревня представляла родъ независимой республики, мы поймемъ, что положеніе Фульвія было гораздо труднѣе, чѣмъ его товарища, и что онъ не могъ надѣяться побѣдить этолійцевъ, не истребивъ ихъ до послѣдняго человѣка. Поэтому Фульвій обратилъ свои силы противъ эпирскаго города Амбракіи, принадлежавшаго въ то время этолійцамъ и наполненнаго драгоцѣнностями и разнаго рода произведеніями искусствъ. Заставивъ городъ сдаться послѣ долгой осады, Фульвій вознаградилъ себя и своихъ солдатъ всѣмъ, что только можно было забрать въ городѣ сколько-нибудь цѣннаго; а горнымъ жителямъ, у которыхъ взять было нечего, онъ предложилъ довольно сносный миръ. И въ этомъ случаѣ римляне послѣдовали той же политикѣ, на которой основали свое владычество надъ народами всего міра. Чтобы поддерживать и возбуждать раздоры, они раздѣлили землю на мельчайшія владѣнія и щадили слабыхъ, чтобы тѣмъ легче держать въ страхѣ сильныхъ. Этолійцы были совершенно разорены тяжелою контрибуціей, всѣ не этолійскія мѣстечки отдѣлены отъ ихъ союза; сами этолійцы разъединены, а незначительная до тѣхъ поръ Акарнанія, находившаяся съ ними въ постоянной враждѣ, расширена въ ущербъ давнишнимъ врагамъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію событій, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ покореніе Македоніи и Греціи, мы должны обратить вниманіе на судьбу человѣка, который палъ жертвою заключеннаго съ Антіохомъ III мира и, еще ранѣе въ своемъ собственномъ отечествѣ, едва не погибъ отъ ненависти партій и римскаго властолюбія. Когда римляне потребовали отъ Антіоха выдачи Ганнибала, карѳагенянинъ по совѣту царя бѣжалъ и сначала отправился на островъ Критъ, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, а потомъ переселился къ царю виѳинскому Прусію I. Онъ жилъ у него нѣсколько лѣтъ и руководилъ его предпріятіями противъ Эвмена II, царя пергамскаго. Хотя виѳинскій царь пользовался благосклонностью римлянъ, но Ганнибалу, со времени его бѣгства отъ Антіоха, уже нечего было опасаться, и римляне оставили его въ покоѣ при дворѣ своего по-

корнаго союзника, пока не явился въ Виоинію, въ качествѣ римскаго посла, Титъ Квинкцій Фламининъ. Онъ обезчестилъ римское имя недостойнымъ и безполезнымъ преслѣдованіемъ славнаго кареагенянина и, воспользовавшись трусостью виоинскаго царя, довелъ великаго человѣка до самоубійства. Полагаясь на Прусія, Ганнибалъ не удалился изъ столицы Виоиніи при появленіи римскаго посла; но царь, боясь Фламинина и въ надеждѣ заслужить его благосклонность, съ полною готовностью сдѣлался постыднымъ орудіемъ его ненависти. Послѣ перваго же свиданія съ Фламининомъ Прусій послалъ солдатъ окружить жилище Ганнибала. Ганнибалъ уже давно принялъ свои мѣры, чтобы не попасть въ руки враговъ и не сдѣлаться жертвою тщеславія какого-нибудь знатнаго римлянина или презрительной гордости народа. Когда шестидесяти-четырехлѣтній старецъ увидѣлъ, что бѣгство уже невозможно, онъ принялъ ядъ, который всегда имѣлъ при себѣ (183 г. до р. X.). Греческіе и римскіе писатели приводятъ, какъ замѣчательное стеченіе обстоятельствъ, что въ одинъ годъ съ Ганнибаломъ умерли двое величайшихъ современниковъ: побѣдитель его Сципіонъ Африканскій Старшій и ахейскій полководецъ Филопеменъ.

9. Покореніе Греціи и Македоніи.

Миръ, заключенный Фламининомъ съ Филиппомъ III (197 г. до р. X.) былъ чрезвычайнымъ бѣдствіемъ для Греціи и навсегда уничтожилъ ея свободу. По этому миру всѣ государства, находившіяся подъ властью Филиппа, были объявлены независимыми и такимъ образомъ вновь возбуждены раздоры во всей Греціи. Легкомысленные греки были обмануты хитрымъ Фламининомъ, который старался воспользоваться ихъ тщеславіемъ для своихъ цѣлей. Изъ Македоніи онъ отправился въ Коринеъ, гдѣ въ то время праздновались истмійскія игры, и тамъ, при огромномъ стеченіи народа провозгласилъ самымъ эффектнымъ образомъ свободу всѣхъ греческихъ городовъ и племенъ. Обрадованные своимъ призрачнымъ счастьемъ, безразсудные греки предались безмѣрной радости, славили великодушіе римлянъ и осыпали своего мнимаго освободителя такими знаками благодарности и похвалами, что натискъ восторженнаго народа едва не стоилъ ему жизни. Такъ легко можно было обмануть этотъ народъ! Что объявленіе независимости было не совсѣмъ честно, видно изъ дѣйствій Фламинина тотчасъ по заключеніи мира. Онъ оставилъ въ завоеванныхъ городахъ римскіе гарнизоны и вмѣсто того, чтобы изгнать тирана Набиса изъ занятаго имъ незадолго предъ тѣмъ Аргоса, ясно далъ почувствовать свое желаніе, чтобы за Набисомъ было оставлено его новое владѣніе. Только изъ боязни утратить видъ освободителя, роль котораго онъ такъ старательно игралъ, Фламининъ черезъ нѣсколько времени принудилъ тирана оставить Аргосъ, но, доведя Набиса до крайности, снова обратился къ своей всегдашней вѣроломной политикѣ. Всѣ надѣялись, что Фламининъ освободитъ Спарту отъ страшнаго деспота. Вмѣсто того, онъ, видя въ Набисѣ полезное для римлянъ орудіе, оставилъ за нимъ всѣ его владѣнія, отнявъ у него только Аргосъ и приморскіе города Лаконіи.

Изъ Спарты Фламининъ отправился въ Аргосъ, для присутствованія на немейскихъ играхъ, или, вѣрнѣе, для того, чтобы и тамъ явиться мнимымъ освободителемъ Греціи (195 г. до р. X.). Еще до отъѣзда своего изъ Греціи, онъ два раза собиралъ депутатовъ всѣхъ греческихъ государствъ, чтобы они признали въ немъ своего повелителя. Сначала онъ устроилъ свое судилище въ фокидскомъ городѣ Элатеѣ и здѣсь, при огромномъ стеченіи народа, предъ лицемъ всей Греціи, рѣшалъ внутреннія дѣла греческихъ государствъ. Грустное явленіе для обоихъ народовъ! Для грековъ, судившій ихъ римлянинъ и лежавшій у его ногъ народъ были предвѣстниками близкаго рабства, а римлянъ подобное униженіе цѣлаго народа пріучило къ заносчивому владычеству надъ дружественными государствами. На народномъ собраніи, созванномъ Фламининомъ въ Коринеѣ, римскій полководецъ разыгралъ другую роль. Говоря по-гречески передъ огромной толпой народа, онъ побуждалъ грековъ къ единству и благодарности къ Риму и просилъ свободы для всѣхъ римлянъ, захваченныхъ въ плѣнъ во вторую пуническую войну

и проданныхъ въ рабство въ Грецію. Греки съ величайшею готовностью исполнили его просьбу и, растроганные притворнымъ участіемъ къ нимъ своего владыки, проливали слезы умиленія; Фламининъ также плакалъ. Какая печальная сцена притворства съ обѣихъ сторонъ! Изъ Коринѳа, сопровождаемый радостными кликами толпы, Фламининъ объѣхалъ всю Грецію; возвратившись въ Римъ, онъ три дня праздновалъ свой тріумфъ, при чемъ выставилъ на показъ 18 тысячъ фунтовъ серебра и около 4 тысячъ ф. золота въ слиткахъ, не считая денегъ, множества захваченнаго въ добычу оружія, произведеній искусствъ и драгоцѣнностей, и провелъ по улицамъ, предъ глазами своихъ согражданъ, множество римлянъ, освобожденныхъ имъ изъ греческаго рабства. Эффектъ этихъ сценъ подѣйствовалъ на римскій народъ; блескъ, которымъ Фламининъ окружалъ себя въ Греціи, удержался и въ Римѣ, и съ этого времени мнимый освободитель грековъ сталъ раздѣлять съ Сципіонами популярность между тѣми людьми, которые вносили въ Римъ греческіе нравы и образованность и тѣмъ губили національный характеръ своего народа.

По уходѣ римскихъ войскъ, Набисъ сначала не нарушалъ спокойствія въ Греціи. Когда же этолійцы, недовольные римско-македонскимъ миромъ, произвели новые безпорядки, Набисъ поднялся опять, стараясь возвратить отнятые у него приморскіе города. Ахейцы выслали противъ него Филопемена, но ему не удалось низложить втораго тирана Спарты, подобно первому. Филопеменъ одержалъ побѣду, но не могъ смирить Набиса, который получилъ отъ этолійцевъ около тысячи человѣкъ подкрѣпленія. Предводитель этого вспомогательнаго отряда, А л е к с а м е н ъ, счелъ самымъ выгоднымъ для этолійскаго союза воспользоваться случаемъ и навсегда присоединить къ союзу Спарту. По его мнѣнію, этого можно было достигнуть только удаленіемъ Набиса, и онъ, выступивъ вмѣстѣ съ нимъ въ походъ, приказалъ своимъ этолійцамъ убить его (192 г. до р. Х.). Но вмѣсто того, чтобы тотчасъ же объявить спартанцамъ свободу и предложить имъ союзъ съ этолійцами, Алексаменъ отдалъ ихъ городъ на жертву пришедшей съ нимъ толпы хищниковъ, а самъ занялся исключительно отыскиваніемъ накопленныхъ тираномъ сокровищъ. Спартанцы вооружились, убили Алексамена и большую часть его спутниковъ, остальныхъ выгнали изъ города; затѣмъ, ожидая кровавой мести этолійцевъ, они немедленно приступили къ ахейскому союзу.

Въ слѣдующіе годы римляне были заняты войною съ царемъ Антіохомъ и этолійцами. Они не имѣли возможности вмѣшиваться въ дѣла Пелопоннеса, и казалось, что ахейцы, союзъ которыхъ распространился на весь Пелопоннесъ, получатъ господство надъ всѣмъ полуостровомъ. Но, побѣдивъ сирійскаго царя и навсегда обезопасивъ себя отъ этолійцевъ, римляне чрезвычайно хитро старались ослабить ахейскій союзъ и посѣять раздоры между греками. Сами греки представляли къ этому множество случаевъ. Когда ахейцы, сильно тѣснимые отпавшими отъ ихъ союза мессенцами, обратились черезъ своего стратега къ римлянамъ, послѣдніе не только не подали имъ помощи, но отвѣчали, что они будутъ также равнодушно смотрѣть, если, кромѣ мессенцевъ, отъ нихъ отпадутъ аргосцы, лакедемоняне и коринѳяне. Когда же вскорѣ затѣмъ возникъ споръ между спартанцами и ахейцами и обѣ стороны обратились къ римлянамъ, сенатъ далъ имъ двусмысленный отвѣтъ, еще болѣе усилившій раздоры. Такой образъ дѣйствій римлянъ, явно имѣвшій цѣлью уничтоженіе ахейскаго союза, заставилъ лицъ, стоявшихъ во главѣ его, обратить всѣ усилія, для поддержанія значенія и могущества своего государства. Въ 183 г. до р. Х. Филопеменъ двинулся противъ отпавшихъ мессенцевъ, оттѣснилъ ихъ, но при этомъ самъ попался въ плѣнъ. Выдача его, конечно, могла бы доставить мессенцамъ выгодный миръ, но олигархи, въ рукахъ которыхъ находилось правленіе, не заботились о мирѣ. Не спросясь народа, они рѣшились умертвить страшнаго противника и немедленно исполнили свое рѣшеніе. Восьмидесятилѣтній старикъ былъ отравленъ. За злодѣйствомъ не замедлило послѣдовать и мщеніе. Л и к о р т ъ, одинъ изъ способнѣйшихъ людей, управлявшихъ въ послѣднее время союзомъ, избранный въ стратеги на мѣсто погибшаго Филопемена, побѣдилъ и усмирилъ мессенцевъ; они были принуждены выдать виновниковъ злодѣянія и снова присоединиться къ союзу.

Между тѣмъ и Филиппъ, царь македонскій, снова поссорился съ римлянами, вслѣдствіе образа дѣйствій римскаго сената: не смотря на услуги, оказанныя

Филиппомъ римлянамъ во время послѣдней войны ихъ съ Антіохомъ, сенатъ при всякомъ удобномъ случаѣ давалъ македонскому царю чувствовать его новую зависимость. Филиппъ очень хорошо понималъ свое положеніе и принялъ благоразумныя мѣры, чтобы выпутаться изъ него: онъ привелъ въ порядокъ финансы и все управленіе своего государства, хорошо обучилъ войско и воспользовался тогдашнимъ состояніемъ сосѣднихъ странъ, Ѳракіи и Ѳессаліи, для распространенія своего могущества. Римляне, которымъ такимъ образомъ онъ становился гораздо опаснѣе, старались всѣми мѣрами противодѣйствовать ему, поддерживая его враговъ, охотно выслушивая ихъ несправедливыя жалобы, и всякій разъ, когда они принимали на себя посредничество, рѣшая дѣло противъ Филиппа. Все это заставило наконецъ Филиппа взяться за оружіе. Чтобы выиграть время, онъ еще разъ послалъ въ Римъ своего втораго сына, Димитрія, который прежде жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ заложникомъ и пользовался расположеніемъ римскихъ аристократовъ. Димитрій взялся за дѣло такъ искусно, что склонилъ сенатъ заключить съ Македоніей миръ на очень выгодныхъ условіяхъ; но, воротясь назадъ, онъ сталъ выказывать слишкомъ большое сочувствіе къ римлянамъ и гордиться расположеніемъ къ себѣ сената и этимъ возбудилъ подозрѣніе въ отцѣ. Старшій братъ его, Персей, человѣкъ, характеръ котораго не уступаетъ въ трагичности характерамъ Атрея и Ричарда III англійскаго, всячески старался усилить подозрѣнія отца и такъ искусно умѣлъ разставить сѣти, что отецъ и братъ попали въ нихъ и погибли. Изъ ненависти къ римлянамъ, Филиппъ опрометчиво убилъ своего лучшаго сына и, убѣдившись потомъ въ его невинности, проклялъ и лишилъ наслѣдства Персея. Снѣдаемый раскаяніемъ и скорбью, онъ ожесточился, сталъ прибѣгать къ самымъ крутымъ мѣрамъ и подъ конецъ жизни сдѣлался бичемъ своего народа. По смерти его на престолъ вступилъ злодѣй Персей, отстранившій, при содѣйствіи врача своего отца, однаго родственника, назначеннаго Филиппомъ въ преемники (179 г. до. р. X.).

Вступивъ на престолъ, Персей пошелъ по стопамъ отца, не обладая ни однимъ изъ его хорошихъ качествъ. Первыя правительственныя распоряженія обнаружили его ненависть или по крайней мѣрѣ открытое нерасположеніе къ римлянамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенную неспособность и безтактность. Въ самомъ ли дѣлѣ хотѣлъ онъ напасть на римлянъ, или только готовился встрѣтить ихъ нападеніе, неизвѣстно: достовѣрно одно, что Эвменъ II пергамскій, желая избавиться отъ опаснаго соперника въ передней Азіи и Греціи, всѣми силами старался возбудить римлянъ къ войнѣ съ македонянами, и что римляне первые выступили въ походъ. Чтобы обвинить Персея, Эвменъ представилъ въ Римъ цѣлый списокъ противозаконныхъ поступковъ македонскаго царя (173 г. до р. X.), но въ Римѣ война уже давно была рѣшена. Персей дѣлалъ ошибку за ошибкою; вмѣсто того, чтобы поскорѣе окончить начатыя его отцомъ приготовленія къ войнѣ и предупредить римлянъ, онъ упустилъ время и потомъ изъ скупости не рѣшился даже принять помощь, которую ему предлагали за небольшія деньги царь иллирійскій, Генцій, и жившій на сѣверъ отъ Дуная, смѣшанный съ германцами, галльскій народъ, бастарны. Сторону Персея приняли также и всѣ греки, но вслѣдствіе ихъ испорченности и множества лицъ, которыя въ каждомъ городѣ явно были орудіемъ римлянъ, сочувствіе ихъ не имѣло большаго значенія. Такимъ образомъ Персей вступалъ въ борьбу съ неравными силами; и римляне могли надѣяться на вѣрный успѣхъ. Тѣмъ не менѣе они прибѣгли къ средствамъ, которыя не дѣлаютъ имъ чести и съ этого времени все болѣе и болѣе начинаютъ входить у нихъ въ употребленіе. Римскій посолъ, Квинтъ Марцій Филиппъ, почти въ то самое время, когда война уже начиналась, напомнилъ Персею о дружбѣ своего отца съ македонскимъ царскимъ домомъ и, обманувъ этимъ царя, уговорилъ его остановить приготовленія къ войнѣ; впослѣдствіи онъ открыто хвастался въ римскомъ сенатѣ своимъ обманомъ. «Слыша о такомъ новомъ родѣ политики, противномъ древнимъ римскимъ нравамъ, старѣйшіе сенаторы,» по словамъ одного римскаго историка, «сомнительно покачивали головами; но большинство сената обратило больше вниманія на пользу, чѣмъ на честь и право, и потому одобрило поступокъ Марція». Подобный образъ дѣйствій бросаетъ чрезвычайно дурной свѣтъ на тогдашнюю римскую аристократію; точно также и въ высланномъ противъ Персея войскѣ уже проявляется тотъ

духъ, который съ этого времени начинаетъ укореняться въ римскихъ солдатахъ. Войско это состояло не изъ однихъ только заслуженныхъ солдатъ и военачальниковъ, но къ нему пристало и много волонтеровъ, увлеченныхъ, по словамъ римскаго историка Ливія, примѣромъ тѣхъ, которые обогатились въ войнахъ съ Филиппомъ и Антіохомъ.

Война началась въ 171 г. до р. Х. У Персея былъ только одинъ союзникъ, ѳракійскій владѣтель Котисъ; хотя македонскій царь и разсчитывалъ на помощь Греціи, но она была раздѣлена почти на столько же маленькихъ государствъ, сколько въ ней было городовъ, и трусливые греки, не смотря на всю свою ненависть къ римлянамъ, при самомъ началѣ войны отстали отъ союза съ Персеемъ. Римляне, напротивъ того, были въ союзѣ съ родосцами, царями каппадокійскимъ и пергамскимъ и обладали достаточными средствами, чтобы отклонить отъ всякаго участія въ этой войнѣ и грековъ и царя Иллиріи. Въ началѣ однако счастье улыбнулось было Персею. Весь первый походъ римлянъ былъ безуспѣшенъ, потому что начальствовавшій надъ войскомъ консулъ Публій Лициній Крассъ своими грабежами испортилъ духъ солдатъ и неслыханными притѣсненіями раздражилъ противъ себя ѳессалійцевъ и беотійцевъ. Впослѣдствіи онъ даже былъ приговоренъ за то къ денежной пенѣ. Во второй и третій годъ войны римское войско также тщетно пыталось проникнуть изъ Ѳессаліи во внутренность Македоніи. Но къ счастью римлянъ, Персей не умѣлъ извлечь выгоды изъ своего положенія и невоспользовался ни недовольствомъ грековъ, ни талантами своего союзника Котиса, ни пораженіемъ одного римскаго корпуса въ Иллиріи, ни готовностью иллирійскаго царя придти къ нему на помощь со всѣмъ своимъ войскомъ. Послѣдній просилъ у Персея 300 талантовъ субсидіи (около 40,000 руб. сер.), и Персей уже послалъ ему эту сумму, но, снова получивъ довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ, воротилъ посланнаго съ деньгами. Та же скупость лишила его и другихъ выгодъ. По его призыву, бастарны прислали ему 20 тысячъ войска; но когда пришелъ срокъ уплаты имъ жалованья, Персей сталъ затягивать дѣло, и они воротились домой. Переговоры съ Эвменомъ, находившимся въ то время въ разладѣ съ римлянами, также не кончились ничѣмъ, вслѣдствіе скупости македонскаго царя.

Неуспѣшность военныхъ дѣйствій въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ была слѣдствіемъ перемѣнъ въ самомъ Римѣ. Нѣсколько знатныхъ фамилій, получивъ перевѣсъ надъ прочими, захватили въ свои руки всѣ высшія должности и веденіе войны и обратили ихъ въ средство для поддержанія своей собственной роскоши. Весьма естественно, что это должно было имѣть вредное вліяніе на предпріятія государства; примѣръ полководцевъ дѣйствовалъ заразительно на войско, которое предалось необузданности и страсти къ грабежу. Такое положеніе дѣлъ не могло однако долго продолжаться. Когда война, въ которой въ прежнее время могъ начальствовать каждый извѣстный гражданинъ, слишкомъ затянулась, общественное мнѣніе снова пріобрѣло такую силу, что ему нельзя было противиться. Рѣшено было поручить предводительство войсками человѣку, уже прежде выказавшему свое искусство. Аристократіи трудно было противиться такому рѣшенію, потому что человѣкъ, котораго ставили во главѣ войска принадлежалъ къ господствовавшей въ Римѣ фамиліи Сципіоновъ. Фамилія эта распоряжалась одно время всѣми важнѣйшими дѣлами республики, такъ что, исключая одной войны съ Филиппомъ, всѣ значительныя войны были окончены Сципіонами или ихъ родственниками. Захватить въ свои руки и веденіе войны съ Персеемъ было для Сципіоновъ очень не трудно, потому что въ продолженіе всего неудачнаго хода войны, взоры народа постоянно обращались на одного человѣка, принадлежавшаго къ ихъ фамиліи, который уже и прежде самымъ блистательнымъ образомъ выказалъ въ войнѣ съ лигурами свои военные таланты, обладалъ твердостью характера и пользовался достаточнымъ уваженіемъ и вліяніемъ, чтобы увеличить войско и возстановить въ немъ дисциплину. Это былъ Луцій Эмилій Павелъ, сынъ консула того же имени, павшаго въ битвѣ при Каннахъ, отъ котораго онъ отличался прозваніемъ Македонскаго; онъ былъ шуриномъ Сципіона Африканскаго и отцемъ прославившагося впослѣдствіи полководца, который, будучи усыновленъ сыномъ Сципіона, принялъ его имя и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи римскаго народа, подъ именемъ Сципіона Африканскаго Младшаго. Поль-

зуясь вліяніемъ и имѣя въ своемъ распоряженіи лучшее войско и болѣе матеріальныхъ средствъ, чѣмъ его предшественники, Эмилій Павелъ, избранный въ консулы на 168 г. до р. Х., далъ македонской войнѣ совершенно иной оборотъ. Но, не смотря на его военный талантъ и силу характера, быстрый успѣхъ его побѣдоноснаго похода слѣдуетъ приписать не столько его искусству, сколько тому уваженію, которымъ онъ пользовался въ Римѣ, его фамильному вліянію и многочисленности его войска. Прибывъ въ Грецію, Эмилій обошелъ непріятеля и заставилъ его отступить въ Македонію, къ городу Пиднѣ. Оставалось только принудить къ открытому бою робкаго и хитраго царя, до тѣхъ поръ всячески уклонявшаго отъ рѣшительной битвы. Эмилію Павлу удалось достигнуть своей цѣли и это составляетъ его главную заслугу въ войнѣ съ Македоніею. Исходъ сраженія, даннаго при Пиднѣ такимъ опытнымъ, осторожнымъ и храбрымъ полководцемъ, какъ Эмилій, не могъ быть сомнителенъ: Персей потерпѣлъ страшное пораженіе. Заботясь болѣе о деньгахъ, чѣмъ о чести, онъ бѣжалъ съ своими сокровищами на островъ Самотракію. Здѣсь, ввѣрившись одному критянину, обѣщавшему перевезти его во Ѳракію, онъ былъ преданъ имъ римлянамъ и не имѣлъ даже достаточной силы духа, чтобы добровольно окончить свою несчастную жизнь. Персей былъ привезенъ въ Римъ и послѣ четырехъ лѣтняго плѣна умеръ въ Альба Лонгѣ.

Оставленные своимъ царемъ, македоняне должны были покориться побѣдителю. Всѣ города отворили ему свои ворота. Въ отношеніи новопокореннаго государства римляне, какъ всегда, руководились только своими собственными выгодами. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на положеніе и потребности жителей, они выдавали свое иго за свободу, жестокость за великодушіе, а новое устройство государства за начало счастливѣйшей для македонянъ эпохи. Манифестъ, обнародованный при этомъ случаѣ римскимъ сенатомъ, доказываетъ, что въ римскихъ прокламаціяхъ было столько же правды, сколько и въ оффиціальныхъ циркулярахъ и газетахъ новѣйшаго времени. «Прежде всего, было сказано въ прокламаціи, Македонія объявляется страной свободной. Пусть знаетъ міръ, что римское оружіе направлено къ одной только цѣли: доставить томящимся въ рабствѣ народамъ свободу, а народамъ свободнымъ вѣчное и вѣрное обезпеченіе ихъ свободы. Страхомъ своего имени Римъ принуждаетъ царей къ кроткому и справедливому управленію государствами, и всякая попытка съ ихъ стороны поднять оружіе противъ Рима неминуемо повлечетъ за собою покореніе ихъ самихъ и объявленіе ихъ народовъ свободными. Римскій сенатъ, заботясь о благосостояніи Македоніи, призналъ за лучшее образовать изъ нея четыре свободныхъ государства. Дань, которую съ этого времени Македонія будетъ платить Риму, составитъ только половину того, что она платила прежде своимъ царямъ. Золотые и серебряные рудники не будутъ разработываться, а государственныя имѣнія не поступятъ ни въ чье пользованіе, такъ какъ македонскія должностныя лица сдѣлали бы ихъ только источникомъ собственнаго обогащенія и раздора. Римъ могъ бы пользоваться рудниками и государственными имуществами, только отдавая ихъ на откупъ; но въ такомъ случаѣ откупщики легко могли бы получить вліяніе на управленіе государствомъ и повредить свободѣ Македоніи.» Вотъ какою маскою старался римскій сенатъ скрыть отъ міра свою безпощадную эгоистическую политику въ отношеніи къ побѣжденнымъ народамъ. Если мы взглянемъ пристальнѣе на его распоряженія относительно Македоніи, то увидимъ, что подъ этими прекрасными словами и мнимо свободными благодѣтельными формами скрывалась самая страшная тиранія. Точно то же можно легко замѣтить и въ отношеніяхъ римлянъ ко всѣмъ прочимъ покореннымъ народамъ. Какъ бы для огражденія республиканскаго устройства, которое римляне вводили въ Македоніи, всѣ македоняне, когда либо занимавшіе высшія мѣста въ государственномъ управленіи или въ военной и морской службѣ, слѣдовательно всѣ государственные люди страны и лица, пользовавшіяся вліяніемъ, а также и всѣ богатыя семейства, были принуждены, подъ страхомъ смертной казни, оставить отечество и переселится въ Италію. Этою мѣрою римляне поставили въ бѣдственное положеніе нѣсколько тысячъ невинныхъ людей и лишили страну всѣхъ людей, которые были способны управлять ею и знали ея нужду. Римскій сенатъ образовалъ изъ Македоніи четыре отдѣльныя республики; неудовольствовавшись такимъ искуственнымъ раздѣленіемъ народа, имѣвшаго одинаковые нравы и обычаи, онъ запретилъ всякія торговыя сношенія

и браки между гражданами новыхъ республикъ, чтобы предотвратить возможность всякаго общаго возстанія противъ Рима. Хотя пониженіе налоговъ на половину и казалось съ перваго взгляда большимъ благодѣяніемъ для Македоніи, но теперь она должна была нести всѣ издержки содержанія четырехъ правительствъ, вмѣсто прежняго одного. Прекращеніе всякихъ сношеній и торговли дѣлало ея положеніе еще затруднительнѣе. Такимъ образомъ всѣ эти знаки расположенія Рима и вся его заботливость въ дѣйствительности были для македонянъ гораздо невыгоднѣе, чѣмъ окончательное обращеніе страны въ римскую провинцію. Когда черезъ двадцать лѣтъ четыре македонскія республики, послѣ возстанія, были обращены въ одну римскую провинцію и наказаны возстановленіемъ прежнихъ отношеній и налоговъ, это наказаніе было для македонянъ несравненно большимъ счастіемъ, чѣмъ прежняя свобода. Устройство, данное Римомъ македонскому государству, съ самаго начала не было разсчитано на продолжительное существованіе и только должно было служить переходомъ къ обращенію Македоніи въ римскую провинцію.

Съ Иллиріей, покоренной послѣ побѣды надъ Персеемъ, римляне поступили точно также, но бѣдствія этой страны были еще сильнѣе, потому что свободныя учрежденія достались народу совершенно грубому и разбойническому, не имѣвшему никакого понятія о политической свободѣ. Для наказанія эпиротовъ, перешедшихъ наконецъ на сторону Персея, сенатъ велѣлъ Эмилію Павлу предпринять противъ нихъ не набѣгъ, въ родѣ французскихъ рацціи въ Алжирѣ, а настоящій походъ съ систематическимъ грабежомъ. Собравъ въ семидесяти эпирскихъ городахъ все находившееся въ нихъ золото и серебро, Павелъ раздѣлилъ его между солдатами и отвелъ въ рабство до 150 тысячъ жителей. Такъ же жестоко, или по крайней мѣрѣ такъ же безчувственно и произвольно поступали римляне и съ другими народами. Эвменъ II, царь пергамскій, увидѣвшій во время войны, что избранный имъ путь ведетъ къ гибели и что интересы восточныхъ государствъ неразрывно связаны съ существованіемъ македонской монархіи, былъ наказанъ за то всевозможными оскорбленіями. Римляне, всячески вредя ему въ Азіи, возвысили въ ущербъ ему виеинскаго царя Прусія, какъ нѣкогда возвысили Эвмена, желая повредить Филиппу и Персею. Родосцы, которые также старались поддержать Македонію, подверглись еще худшей участи, не смотря на то, что для умилостивленія раздраженнаго сената казнили всѣхъ своихъ согражданъ, говорившихъ въ пользу Персея. Послы ихъ были допущены въ сенатъ только послѣ долгихъ и униженныхъ просьбъ, съ ними обращались какъ съ преступниками, не смотря на то, что при входѣ въ сенатъ они съ рыданіями бросились на колѣни и покорно перенесли всѣ униженія. Родосцы должны были, въ наказаніе, отказаться отъ Ликіи и Каріи; но они такъ боялись худшей участи, что униженно благодарили римлянъ за такое милостивое обращеніе. Впрочемъ жалкіе цари и народы Греціи и Малой Азіи едва ли заслуживали другой участи. Своими раздорами и подлою лестью они сами ставили себя въ такое презрѣнное и зависимое положеніе: напримѣръ, цари пергамскіе и аѳиняне старались превзойти другъ друга въ низкопоклонствѣ, а Прусій виеинскій дошелъ до того, что разъ, подобострастно поздравляя сенатъ съ побѣдой надъ Персеемъ, публично назвалъ себя вольноотпущенникомъ римскаго народа.

Всего печальнѣе было положеніе грековъ, потому что во всѣхъ ихъ государствахъ находились люди честолюбивые и корыстные, которые помогали римлянамъ и старались сгубить своихъ согражданъ для собственнаго возвышенія. Послѣ побѣды надъ Персеемъ римляне уже не признавали независимости Греціи и слѣдовали въ отношеніи къ этому несчастному народу самой коварной политикѣ. Ихъ коммисары дѣйствовали крайне произвольно и, по выраженію историка Ливія, сообразовались не съ правомъ или виною, но единственно съ политическими убѣжденіями отдѣльныхъ гражданъ. Въ Этоліи, Акарнаніи, Беотіи, по наговорамъ негодяевъ, старавшихся вытѣснить лучшихъ гражданъ, многіе жители были схвачены, какъ приверженцы Персея, и отведены въ Италію. Точно также поступили коммиссары и въ городахъ Ахейскаго союза; но здѣсь они по крайней мѣрѣ соблюдали еще нѣкоторыя формальности. Въ этомъ союзѣ особеннымъ значеніемъ пользовались Ликортъ и его партія, въ которой важную роль игралъ сынъ Ликорта, историкъ Полибій. Ихъ противники, во главѣ которыхъ стоялъ продажный Калликратъ, воспользовавшись тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ для собствен-

наго возвышенія, обвинили передъ римскими коммисарами знатнѣйшихъ гражданъ союза въ измѣннической перепискѣ съ Персеемъ и условились съ коммисарами объ уничтоженіи своихъ противниковъ. Двое изъ коммисаровъ явились въ народное собраніе союза со спискомъ тысячи ахеянъ, имена которыхъ были выбраны ими изъ составленнаго Калликратомъ еще большаго списка, и обвинили ихъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Персеемъ. Во время возникшихъ по этому поводу жаркихъ преній одинъ изъ обвиняемыхъ, бывшій стратегъ Ксенонъ, проговорился, что онъ, не зная за собой такихъ замысловъ, готовъ доказать свою невинность передъ всякимъ судомъ, будетъ ли то въ Ахаіи или въ Римѣ. Коммисары ухватились за эти слова и потребовали, чтобы всѣ обвиняемые отправились для своего оправданія въ Римъ. По прибытіи въ Италію, они были задержаны какъ заложники, разосланы по городамъ и подвергнуты надзору государственной полиціи. Въ числѣ нихъ находились самые благородные, безкорыстные и наиболѣе уважаемые дѣятели ахейскаго союза и, между прочимъ, Ксенонъ и Полибій. Не смотря на всѣ просьбы ахейцевъ, ихъ продержали въ Италіи семнадцать лѣтъ. Эти несправедливости ожесточили ахейцевъ, слишкомъ слабыхъ, чтобы сопротивляться, но и слишкомъ гордыхъ, чтобы повиноваться. Только семнадцать лѣтъ спустя, оставшіеся въ живыхъ триста человѣкъ были отпущены въ отечество (151 г. до р. X.).

Возвращеніе ихъ еще болѣе усилило ненависть ахейцевъ къ Риму и окончательно погубило Грецію. Въ то время во всѣхъ государствахъ ея наибольшимъ вліяніемъ пользовались приверженцы Рима; послѣ побѣды надъ Персеемъ, всѣ народы отъ Египта и Сиріи до Испаніи и Нумидіи преклонились передъ Римомъ: при такомъ положеніи дѣлъ чего могла ожидать отъ своего возстанія слабая Греція, раздѣленная на множество маленькихъ государствъ и партій. Вездѣ господствовало недовольство и негодованіе противъ Рима, но въ то же время несогласіе и полнѣйшее разъединеніе; коммисары, время отъ времени отправляемые изъ Рима въ Грецію, пользовались этими раздорами, чтобы усилить броженіе. Малѣйшая искра могла причинить пожаръ. Искрой этой сдѣлалась вражда Калликрата съ Меналкидомъ, не уступавшихъ одинъ другому въ корыстолюбіи, подлости и честолюбіи.

До возвращенія трехсотъ, Калликратъ и Меналкидъ управляли союзомъ вмѣстѣ; но подкупленные двумя спорившимися между собою городами, они поссорились при дѣлежѣ взятки. Вслѣдствіе броженія умовъ, произведеннаго возвращеніемъ трехсотъ, общественное мнѣніе открыто возстало противъ Калликрата и Меналкида; и въ то же время они сами такъ же открыто вооружились другъ противъ друга. Меналкидъ, занимавшій въ предшествовавшемъ году должность стратега, былъ обвиненъ Калликратомъ въ попыткѣ оторвать отъ союза свой отечественный городъ, Спарту. Искусство и ловкость обвинителя подвергли Меналкида большой опасности, и онъ спасся только тѣмъ, что подкупилъ тремя талантами (около четырехъ тысячъ руб. сер.) своего преемника, стратега Діея. Послѣдній помогъ ему оправдаться, но самъ подвергся упрекамъ въ злоупотребленіи властью и долженъ былъ опасаться формальнаго обвиненія въ лихоимствѣ. Чтобы отклонить отъ себя общее вниманіе, онъ рѣшился вовлечь союзъ въ споръ съ Спартой. Спартанцы, неохотно примкнувшіе къ ахейскому союзу, уже два раза отдѣлялись отъ него, но каждый разъ ихъ снова принуждали къ соединенію. Въ послѣдній разъ они постановили условіемъ своего присоединенія къ союзу, чтобы ни одинъ спартанецъ, обвиняемый въ преступленіи противъ союза, не подлежалъ суду союзнаго трибунала, и это ограниченіе было утверждено римскимъ сенатомъ. Діей объявилъ, что утвержденіе сената подложное, поспѣшно двинулся съ небольшимъ отрядомъ къ Спартѣ и потребовалъ выдачи двадцати четырехъ гражданъ. Послѣдніе были для виду приговорены спартанцами къ смерти, но бѣжали въ Римъ и просили защиты и помощи у сената. Туда же послали своихъ депутатовъ Спарта и союзъ: первая—своего уроженца, бывшаго стратега Меналкида, а послѣдній Калликрата и Діея (150 г. до р. X.).

На несчастье ахейцевъ, Калликратъ умеръ во время дороги, въ ту минуту, когда онъ, своими связами въ Римѣ могъ въ первый и единственный разъ принести пользу союзу. Сенатъ, выслушавъ обѣ стороны, объявилъ, что пошлетъ уполномоченныхъ разобрать дѣло на мѣстѣ. По возвращеніи въ Грецію, Діей и

Меналкидъ возстановили своихъ сограждан другъ противъ друга, и ахейцы, по совѣту своего стратега Дамокрита, рѣшились, не ожидая приговора сената, взяться за оружіе (149 г. до р. Х.). Не обративъ вниманія на предостереженіе римлянъ, они напали на спартанцевъ и цѣлые два года держали ихъ въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Въ концѣ втораго года явился въ Пелопоннесъ посолъ римскаго сената, Аврелій Орестъ, и объявилъ народному собранію въ Коринѳѣ, что, по рѣшенію римскаго сената, не только Спарта, но и всѣ прочія, не коренныя ахейскія, государства, какъ Коринѳъ, Аргосъ и другія, отдѣляются отъ союза и объявляются самостоятельными. Это рѣшеніе привело ахейцевъ въ совершенное бѣшенство: народъ бросился на бывшихъ при этомъ спартанцевъ, умертвилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и заковалъ въ цѣпи остальныхъ, не пощадивъ даже тѣхъ, которые укрылись въ домѣ римскаго посла. Между тѣмъ наступило время выбора въ стратеги, и стратегомъ былъ избранъ заклятый врагъ римлянъ, Критолай (148 г. до р. Х.). Критолай, вмѣстѣ съ Діеемъ, болѣе и болѣе поджигалъ ахейцевъ, не смотря на то, что въ то время римляне снова покорили возставшую недавно Македонію. Одинъ смѣлый авантюристъ, Андрискъ, выдалъ себя въ Македоніи за Филиппа, сына Персея, почему онъ и извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Лже-Филиппа; воспользовавшись всеобщимъ смятеніемъ и недовольствомъ, онъ задумалъ, при помощи ѳракійскихъ владѣтелей, достигнуть царской власти. Планъ его удался, онъ овладѣлъ всей Македоніей и угрожалъ даже Ѳессаліи (150 г. до р. Х.). Войско, высланное противъ него въ слѣдующемъ году, подъ начальствомъ претора Ювенція Тальны, было разбито имъ въ открытомъ полѣ. Тогда посланъ былъ противъ Андриска преторъ Квинтъ Цецилій Метеллъ, который повелъ войну такъ счастливо, что за скорое окончаніе ея получилъ прозваніе Македонскаго. Разбивъ Андриска въ двухъ сраженіяхъ, Метеллъ прогналъ его во Ѳракію, гдѣ онъ былъ схваченъ однимъ изъ ѳракійскихъ владѣтелей и выданъ римлянамъ (148 г. до р. Х.).

Первыя удачи Андриска и современная имъ война римлянъ съ карѳагенянами до того ослѣпили ахейцевъ и ихъ неблагоразумныхъ вождей, что они увлекались все болѣе и болѣе. Римляне не обратили вниманія на оскорбленіе, нанесенное Оресту, и поступали мягче прежняго. Но Критолай возбудилъ союзъ къ войнѣ противъ Спарты, и когда новый римскій посолъ старался уладить дѣло мирно, ахейскій стратегъ не только парализировалъ всѣ его усилія, но и оскорбилъ его самого. Тогда римляне поручили консулу слѣдующаго года, Луцію Муммію, человѣку чрезвычайно грубому и необразованному, переправиться съ войскомъ въ Грецію и довершить ея покореніе (147 г. до р. Х.). Еще до прибытія Муммія, благородный Метеллъ, уже оканчивавшій войну съ Андрискомъ, старался всѣми силами освободить ахейцевъ отъ вліянія демагоговъ и совѣтовалъ имъ быть благоразумнѣе. Но на его доводы ахейцы не обратили никакого вниманія и нахально оскорбили его посла. Тогда Метеллъ двинулся съ своимъ войскомъ въ Пелопоннесъ и въ Локридѣ встрѣтился съ Критолаемъ, который призвалъ къ оружію всѣ государства ахейскаго союза и, привлекши на свою сторону беотійцевъ, собралъ подъ своимъ начальствомъ многочисленное войско. Ахейскій стратегъ проникъ уже до самыхъ Термопилъ и могъ бы совершенно спокойно ожидать тамъ Метелла. Но вмѣсто того, чтобы защищать это мѣсто, онъ, съ приближеніемъ римлянъ, отступилъ въ безпорядкѣ назадъ, былъ настигнутъ ими у локридскаго города Скарфеи и потерпѣлъ постыдное пораженіе. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ неизвѣстно какимъ образомъ. Мѣсто его занялъ его предшественникъ Діей, столь же легкомысленный, какъ и Критолай, и его соотечественниками овладѣлъ не во время энтузіазмъ къ свободѣ. Вмѣсто того, чтобы заключить миръ съ кроткимъ Метелломъ, медленно подвигавшимся дальше за Мегару и вездѣ поступавшимъ очень снисходительно, ахейцы рѣшились на крайнія мѣры, для успѣшнаго выполненія которыхъ у нихъ не было ни достаточнаго мужества, ни силы. Они вооружили двѣнадцать тысячъ рабовъ, принудили богатыхъ гражданъ сдѣлать большія денежныя пожертвованія, призвали къ защитѣ отечества все юношество и съ яростью напали на тѣхъ, кто предлагалъ имъ миръ. Когда ахейскія войска готовы были выступить въ походъ, Муммій высадился въ Греціи (146 г. до р. Х.). Не смотря на то, Діей съ своимъ наскоро собраннымъ войскомъ рѣшился вступить на Коринѳскомъ перешейкѣ въ бой съ римлянами, войско которыхъ со-

стояло изъ двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ и было вдвое сильнѣе греческаго. Битва окончилась совершеннымъ пораженіемъ ахейцевъ. Все ихъ юношество пало подъ ударами римскихъ солдатъ, а Діей бѣжалъ и потомъ оправился. Оставленный имъ Коринѳъ былъ занятъ Мумміемъ и подвергся страшной участи: все мужеское населеніе города было умерщвлено, женщины и дѣти проданы въ рабство, а самый городъ разграбленъ и потомъ сожженъ. Муммій еще до пожара приказалъ собрать множество произведеній искусствъ, чтобы отвезти ихъ въ Римъ. Впрочемъ онъ сдѣлалъ это вовсе не изъ любви къ изящному, а только изъ желанія украсить ими, по тогдашнему обыкновенію, свое тріумфальное шествіе въ Римъ. Какъ мало былъ развитъ въ немъ эстетическій вкусъ, видно изъ того, что лучшія произведенія онъ продалъ съ публичнаго торга, а купцевъ, принявшихъ на себя перевозку остальныхъ въ Италію, обязалъ условіемъ замѣнить новою каждую вещь, которая разобьется или потеряется отъ кораблекрушенія. Множество прекраснѣйшихъ произведеній греческаго искусства, издавна собранныхъ въ богатомъ Коринѳѣ, погибло въ пламени и въ волнахъ на пути въ Италію, или же было разсѣяно въ Римѣ и его окрестностяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были пріобрѣтены пергамскими царями, лучшими цѣнителями искусства, чѣмъ Муммій. Когда они, во время бывшаго въ Коринѳѣ аукціона, предложили за одну картину около 30,000 руб. сер., грубый консулъ былъ приведенъ въ такое изумленіе, что удержалъ картину за собою, объясняя себѣ высокую цѣну ея присутствіемъ въ ней какой-нибудь сверхъестественной силы.

Подобно Коринѳу были разграблены и разрушены и нѣкоторые другіе греческіе города. Вся Греція была обращена въ римскую провинцію, подъ именемъ Ахаіи, при чемъ однако, по римскому обычаю, отдѣльные государства и города сохранили свое собственное управленіе. Уничтоживъ вездѣ демократическія учрежденія и запретивъ отдѣльнымъ городамъ заключать союзы, римляне ввели въ нихъ родъ муниципальнаго управленія, какое было въ средневѣковыхъ городахъ. Вся страна была обложена опредѣленною данью. Точно такъ же дѣйствовалъ въ Македоніи и Метеллъ, отправившійся туда тотчасъ по прибытіи Муммія въ Грецію.

10. Третья пуническая война.

По общепринятому мнѣнію, Карѳагенъ былъ разрушенъ въ томъ же году, въ которомъ Греція была обращена въ римскую провинцію, но, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, между этими событіями прошло два года. Впрочемъ точное опредѣленіе года паденія Карѳагена важно только для однихъ ученыхъ. По послѣднему мирному договору карѳагеняне не могли вести никакой войны безъ позволенія римлянъ. Пользуясь вслѣдствіе того пятидесятилѣтнимъ миромъ, Карѳагенъ снова достигъ высокой степени благосостоянія, но на его несчастье соединились три обстоятельства, которыя снова низвергли его съ этой высоты и довели до окончательной гибели. Въ римскомъ сенатѣ происходила борьба двухъ партій, въ которую былъ вовлеченъ и Карѳагенъ. Часть римской знати, во главѣ которой стояли Сципіоны, защищала чужеземные нравы и обычаи, которые, при распространеніи римской республики до самой Греціи, проникли оттуда въ Римъ. Эти люди стремились къ тому, чтобы римскія національныя особенности и развитіе перешли въ общее всемірное образованіе, и старались такимъ путемъ достигнуть популярности и преобладающаго вліянія. Другая партія, вождемъ которой былъ Маркъ Порцій Катонъ Старшій, стремилась противопоставить вторженію новой образованности и чужеземныхъ обычаевъ древній римскій духъ и національный характеръ и такимъ образомъ остановить то движеніе, которое, съ расширеніемъ римскаго владычества, необходимо должно было привести римлянъ и къ новымъ формамъ жизни. Эта борьба раздвоила сенатъ и, какъ всякій горячій политическій споръ, охватила все, въ томъ числѣ и дѣла Карѳагена. Тогда партія, ненавидѣвшая карѳагенянъ, не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не уничтожила окончательно этотъ народъ. Второю причиною третьей пунической войны былъ раздоръ въ самомъ Карѳагенѣ. Вскорѣ по изгнаніи Ганнибала, въ карѳагенскомъ

сенатѣ образовались три враждебныя между собою партіи: римская, — во главѣ которой стоялъ Ганнонъ Великій и его фамилія, — искала спасенія страны въ полной преданности Риму; нумидійская, — предводимая Ганнибаломъ Псаромъ, — ожидала спасенія отъ Масиниссы и демократическая, — съ Гамилькаромъ, прозваннымъ Самнитскимъ, и Карталономъ во главѣ, — хотѣла защищать государство одними собственными его силами и свободными учрежденіями. Безпрерывная борьба этихъ трехъ партій должна была ослабить карѳагенское государство и ускорить торжество его враговъ. Всего больше она была полезна Масиниссѣ: его властолюбіе, продолжительная жизнь и сильное вліяніе въ Римѣ были третьею главною причиною послѣдней войны карѳагенянъ съ Римомъ. При самомъ началѣ третьей пунической войны Масинисса, не смотря на свои восемьдесять девять лѣтъ, обладалъ еще неутомимой энергіей и физической силой.

По изгнаніи Ганнибала, Масинисса началъ захватывать по частямъ принадлежавшія Карѳагену земли, и такъ какъ карѳагеняне не смѣли, безъ позволенія Рима начинать ни одной войны, то послѣ такого захвата они должны были обращаться къ римлянамъ, которые постоянно оправдывали Масиниссу, придумывая какой-нибудь законный предлогъ. Наконецъ онъ вздумалъ овладѣть самымъ плодороднымъ и наиболѣе населеннымъ участкомъ карѳагенской земли. Карѳагеняне обратились къ римлянамъ съ настоятельной просьбой о заступничествѣ, но дѣло было затянуто сенатомъ до тѣхъ поръ, пока Масинисса не достигъ своей цѣли; только тогда отправилось въ Карѳагенъ посольство, для изслѣдонія дѣла. Въ этомъ посольствѣ находился и Катонъ Старшій. Увидѣвъ собственными глазами, какъ разбогатѣлъ снова Карѳагенъ, въ рукахъ котораго все еще находилась всемірная торговля, Катонъ ужаснулся. Притомъ карѳагеняне воспротивились подчинить свое право, ясно и опредѣлительно выраженное въ мирномъ договорѣ со Сципіономъ, крайне подозрительному третейскому рѣшенію римскихъ пословъ. Катонъ возвратился въ Римъ, глубоко оскорбленный и исполненный ненависти къ карѳагенянамъ (157 г. до р. Х.), и съ этого времени постоянно стремился въ римскомъ сенатѣ къ уничтоженію африканской республики. Главнымъ оружіемъ послужило ему цвѣтущее состояніе непріязненнаго государства и опасность, будто бы грозившая отъ того римлянамъ. Неутомимая энергія Катона въ преслѣдованіи его цѣли изображается римскими писателями въ двухъ анекдотахъ, за достовѣрность которыхъ нельзя, конечно, ручаться. Говорятъ, что однажды Катонъ принесъ въ сенатъ нѣсколько фигъ и, когда сенаторы удивлялись ихъ свѣжести, сказалъ: «Знаете ли, что прошло не болѣе трехъ дней, какъ ихъ сорвали въ Карѳагенѣ. Такъ незначительно пространство, отдѣляющее насъ отъ нашего смертельнаго врага». Говорятъ еще, что будто бы всѣ свои рѣчи въ сенатѣ, каковъ бы ни былъ ихъ предметъ, Катонъ всегда оканчивалъ словами: «а все-таки я полагаю, что Карѳагенъ необходимо разрушить». Противъ этого мнѣнія дѣйствовала въ сенатѣ партія Сципіоновъ, полагавшая, что Карѳагенъ слѣдуетъ поддерживать для самихъ римлянъ, потому что иначе чувство безопасности ослабитъ ихъ. Партіи Катона удалось склонить на свою сторону большинство римской знати, и по возвращеніи его изъ Африки сенатъ ждалъ только повода къ войнѣ съ Карѳагеномъ. При тогдашней борьбѣ партій въ Карѳагенѣ, найти его было не трудно.

Въ 151 г. до р. Х. демократической партіи удалось изгнать изъ Карѳагена друзей и приверженцевъ Масиниссы. Нумидійскій царь вступился за изгнанниковъ и послалъ въ городъ двухъ своихъ сыновей, чтобы заставить карѳагенянъ къ отмѣнѣ прежняго рѣшенія. Но они не только не впустили къ себѣ сыновей своего давнишняго врага, но даже погнались за ними и убили нѣсколько человѣкъ изъ ихъ свиты. Тогда Масинисса возобновилъ войну съ карѳагенянами, и въ самомъ началѣ, разбивъ ихъ въ одномъ сраженіи, поставилъ въ очень затруднительное положеніе. Въ это время у Масиниссы случайно находился усыновленный внукъ Сципіона Старшаго, Публій Корнелій Сципіонъ Эмиліанъ, прозванный впослѣдствіи также Африканскимъ. Онъ хотѣлъ примирить враждующія стороны, но всѣ усилія его остались тщетными, потому что ни одна сторона не хотѣла дѣлать уступокъ. Война продолжалась, но карѳагеняне вели ее такъ несчастливо, что лишились всего своего войска, состоявшаго болѣе чѣмъ изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, и наконецъ должны были со-

гласиться на требованіе Масиниссы возвратить изгнанныхъ и уплатить ему очень значительную сумму. Не смотря на то, римляне объявили эту войну нарушеніемъ мира и произвели по всей Италіи наборъ, не объясняя противъ кого направлено это войско. Кареагеняне были въ страшномъ положеніи; у нихъ не оставалось болѣе войска, а Масинисса стоялъ еще передъ воротами Кареагена. Испуганные граждане употребляли всѣ мѣры для отвращенія опасности. Чтобы сложить вину въ войнѣ съ Масиниссой на Карталона, Гасдрубала и другихъ вождей демократической партіи, они приговорили ихъ къ смерти, отправили пословъ въ Римъ и изъявили готовность дать всякаго рода удовлетвореніе. Мнѣнія римскаго сената раздѣлились; онъ давалъ неопредѣленные отвѣты и посольства безпрестанно переѣзжали изъ Кареагена въ Римъ и обратно (150 г. до р. X.). Въ это время передалась Риму Утика, самый большой и богатѣйшій послѣ Кареагена городъ на африканскомъ берегу; успѣхъ войны казался уже такимъ несомнѣннымъ, что партія Катона одержала верхъ, и война была рѣшена (149 г. до р. X.).

Вести войну было поручено двумъ консуламъ Манію Манилію и Луцію Марцію Цензорину. Они немедленно переправились съ восьмидесяти четырехъ тысячнымъ войскомъ въ Сицилію, чтобы оттуда отплыть въ Утику. Сенатъ приказалъ имъ не кончать войны, пока Кареагенъ не будетъ разрушенъ, не входить ни въ какіе переговоры и не обращать вниманія ни на какія извѣстія о заключеніи мира. Въ то время какъ консулы спѣшили снарядить экспедицію къ отплытію изъ Сициліи, сенатъ съ притворнымъ дружелюбіемъ принялъ посольство Кареагена. Оно объявило, что кареагеняне готовы безусловно исполнить всѣ требованія римлянъ. На это сенатъ отвѣчалъ, что заключитъ съ ними миръ на снисходительныхъ условіяхъ, если они представятъ заложниками триста дѣтей изъ знатнѣйшихъ фамилій города и обяжутся исполнить всѣ требованія консуловъ. Но въ то же время сенатъ тайно извѣстилъ консуловъ, чтобы они ни въ чемъ не отступали отъ первоначальной инструкціи. Кареагеняне исполнили требованіе римскаго сената, хотя и не вѣрили его обѣщаніямъ; они привезли своихъ дѣтей консуламъ, находившимся въ то время еще въ Сициліи. Консулы отослали этихъ заложниковъ въ Римъ, а привезшимъ ихъ кареагенскимъ посламъ велѣли ожидать дальнѣйшихъ приказаній въ Утикѣ. Тамъ римляне потребовали, чтобы кареагеняне отдали имъ все свое оружіе, корабли и военные снаряды. Несчастный народъ согласился и на это. Когда кареагеняне такимъ образомъ обезоружили сами себя, консулы потребовали, чтобы Кареагенъ былъ срытъ до основанія, а жители переселились на другое мѣсто, въ двухъ миляхъ пути отъ берега. Такого требованія посольство кареагенское не ожидало, но консулы положительно объявили, что оно неизбѣжно. Послы не осмѣлились сами передать эту вѣсть народу; и когда она была объявлена кареагенскимъ сенатомъ, въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Исполненный ярости, народъ предалъ истязаніямъ и умертвилъ пословъ и всѣхъ тѣхъ, кто совѣтовалъ выдать римлянамъ заложниковъ и оружіе, безжалостно мучилъ до смерти находившихся въ Кареагенѣ итальянцевъ и громко требовалъ мщенія и войны.

Кареагенскій сенатъ въ тотъ же день объявилъ войну римлянамъ. Это была борьба отчаянія съ римской жаждой къ грабежу и разрушенію; кареагеняне были доведены до крайности коварными поступками римлянъ, а съ другой стороны только алчность и смертельная вражда могли собрать подъ римскіе орлы такое необыкновенно сильное войско: оно состояло изъ лучшихъ воиновъ, потому что, въ надеждѣ славы и добычи, на эту войну стремились всѣ способные носить оружіе граждане Рима и союзныхъ государствъ. Въ Кареагенѣ всѣ классы и сословія соединились для отчаянной защиты: всѣмъ рабамъ была дана свобода, Гасдрубалъ, бѣжавшій по произнесеніи надъ нимъ приговора, былъ возвращенъ и привелъ собранное имъ двадцати-тысячное войско; площади и храмы города были превращены въ оружейныя мастерскія; всѣ жители принялись за работу и трудились день и ночь, женщины отдавали свои волоса на канаты, по недостатку другихъ матеріаловъ. Огромное римское войско шло по слѣдамъ кареагенскихъ пословъ и, вскорѣ по прибытіи къ Кареагену, начавъ осаду города, совершенно неожиданно встрѣтило упорное сопротивленіе. Гасдрубалъ раскинулъ передъ самымъ городомъ укрѣпленный лагерь, а городскія стѣны защищало все населеніе города подъ главнымъ начальствомъ другаго Гасдрубала. Всѣ нападенія рим-

лянъ оставались безуспѣшными и, когда наконецъ они рѣшились взять городъ штурмомъ, они были отбиты съ большимъ урономъ. Консулы были принуждены снять осаду и, отступивъ, расположились лагеремъ въ небольшомъ разстояніи отъ города. Но и здѣсь, при каждомъ нападеніи карѳагенянъ, они терпѣли постыдныя пораженія, и нѣсколько разъ имъ грозила величайшая опасность, такъ что все войско легко могло бы погибнуть, если бы его не спасло благоразуміе и искусство Сципіона Африканскаго Младшаго, командовавшаго нѣсколькими когортами въ качествѣ военнаго трибуна. Въ продолженіе всего перваго года войны римляне терпѣли неудачи и карѳагеняне стали ободряться. Римляне не были счастливѣе и въ слѣдующемъ году, подъ начальствомъ новаго консула Луція Кальпурнія Пизона. Не рѣшаясь нападать ни на самый Карѳагенъ, ни на войско Гасдрубала, римляне занялись осадою нѣсколькихъ карѳагенскихъ укрѣпленныхъ городовъ, но могли овладѣть только однимъ изъ нихъ. Въ началѣ этого года (148 до р. Х.) умеръ Масинисса, и все нумидійское царство, согласно его желанію, было раздѣлено между его тремя сыновьями Миципсой, Гулуссой и Мастанабаломъ. Причины несчастнаго хода войны были тѣ же самыя, какъ въ недавней борьбѣ съ Персеемъ; исходъ обѣихъ войнъ былъ также одинаковъ. По прошествіи двухъ лѣтъ римляне, убѣдившись въ совершенной неспособности консуловъ, поставили во главѣ войска человѣка, который пользовался полнымъ довѣріемъ, достаточно доказалъ свои способности, былъ любимъ войскомъ, и, по значенію своей фамиліи въ Римѣ, легко могъ привести въ движеніе всѣ силы государства. Народъ повелительно требовалъ, чтобы на слѣдующій годъ былъ избранъ въ консулы Публій Корнелій Сципіонъ Африканскій Младшій, сынъ Павла Эмилія Македонскаго, усыновленный сыномъ Сципіона Африканскаго Старшаго. Выбора этого добивалась вся фамилія Сципіоновъ и всѣ ихъ приверженцы. Самъ противникъ этой партіи, Катонъ, до того убѣдился изъ опыта двухъ послѣднихъ лѣтъ въ необходимости возвысить этого юношу, что однажды въ сенатѣ примѣнилъ къ нему стихъ Гомера: «Разумомъ свѣтелъ лишь онъ; другіе блудящія тѣни». Такимъ образомъ Сципіонъ, не достигнувъ еще узаконеннаго возраста, былъ избранъ консуломъ и назначенъ главнымъ начальникомъ африканской арміи. Весною 147 г. до р. Х. онъ отправился въ Африку и прежде всего старался возстановить въ войскѣ дисциплину. Какъ и прежде, въ войнѣ съ Персеемъ, вслѣдствіе слабости начальниковъ, постоянныхъ неудачъ и страсти къ грабежу, дисциплина почти совершенно исчезла въ римскомъ войскѣ. Послѣ того Сципіонъ мало-по-малу окружилъ городъ, устроилъ для своего войска сильно укрѣпленный лагерь и, соорудивъ крѣпкую дамбу, отрѣзалъ карѳагенянъ отъ гавани. Такъ прошло цѣлое лѣто; зимою онъ разсѣялъ и уничтожилъ отдѣльные непріятельскіе отряды, бродившіе въ окрестностяхъ города и доставлявшіе жителямъ съѣстные припасы.

Весною слѣдующаго года (146 до р. Х.) Сципіонъ снова открылъ дѣйствія противъ города. Сначала онъ взялъ штурмомъ часть города, прилегавшую къ гавани, а потомъ ворвался и въ самый Карѳагенъ, не укрѣпленный съ этой стороны. Сципіонъ направился прежде всего на крѣпость, но, чтобы достигнуть ея, онъ долженъ былъ цѣлыхъ шесть сутокъ пробиваться черезъ три улицы, которыя вели къ ней. Карѳагеняне защищали свой городъ съ тѣмъ отчаяніемъ, съ какимъ въ новѣйшее время испанцы отстаивали противъ французовъ Сарагоссу. Римляне принуждены были брать приступомъ домъ за домомъ, улицу за улицей, потерпѣли очень значительный уронъ и, чтобы достигнуть цитадели, должны были сжечь цѣлую часть города. Когда наконецъ они приблизились къ крѣпости, изъ нея вышли депутаты и просили пощады укрывшимся въ ней пятидесяти тысячамъ мужчинъ и женщинъ. Сципіонъ согласился на ихъ просьбу, но исключилъ изъ помилованія всѣхъ перебѣжчиковъ. Ворота цитадели были отворены и обреченные гибели девять сотъ человѣкъ, съ вождемъ своимъ Гасдрубаломъ и нѣкоторыми другими карѳагенянами, отступили въ стоявшій на скалѣ храмъ Эскулапа. Тамъ герои эти защищались еще нѣсколько времени: но когда Гасдрубалъ тайно оставилъ ихъ и вымолилъ себѣ у Сципіона помилованіе, они сами зажгли храмъ и всѣ погибли въ пламени. Жена Гасдрубала, предпочитая смерть рабству, бросилась съ двумя дѣтьми въ самую середину пламени. Городъ сдѣлался добычею пожара и горѣлъ семнадцать дней. Во все это время римскіе солдаты

грабили пылавшіе дома и уводили въ рабство несчастныхъ жителей, старавшихся спасти себя или свое имущество. Немногіе священные сосуды и художественныя произведенія, оставшіеся не переплавленными въ оружіе и военные снаряды, были отняты у солдатъ. Первые Сципіонъ отправилъ въ Римъ, а вторыя по справедливости возвратилъ сицилійскимъ городамъ, изъ которыхъ они были прежде похищены. Всѣ зданія, пощаженныя пламенемъ, были разрушены по приказанію Сципіона, и съ тѣхъ поръ Карѳагенъ долго представлялъ одну груду развалинъ. Разсказываютъ, что при взглядѣ на пылающій городъ Сципіонъ заплакалъ и проговорилъ слова Гомера:

„Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя,
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама."

Въ гибели Карѳагена онъ предвидѣлъ будущую судьбу своего отечества. Все, что только осталось въ живыхъ отъ карѳагенскаго населенія, вымерло вскорѣ затѣмъ въ рабствѣ. О судьбѣ Гасдрубала древніе историки сообщаютъ различныя извѣстія: по ихъ разсказамъ, онъ лишилъ себя жизни, узнавши, что долженъ будетъ сопровождать въ оковахъ тріумфальное шествіе Сципіона, или же, дѣйствительно украсивъ этотъ тріумфъ, умеръ въ плѣну. На развалинахъ Карѳагена коммисары римскаго сената произнесли страшное проклятіе всякому, кто вздумаетъ возобновить городъ. Карѳагенская область была объявлена римскою провинціею и главнымъ городомъ ея сдѣлана Утика.

11. Лузитанская и нумантинская война.

Едва прошло десять лѣтъ послѣ паденія карѳагенской республики, какъ и большая часть народовъ Испаніи лишилась своей независимости. Еще со времени второй пунической войны Испанія считалась владѣніемъ Рима. Она раздѣлена была на двѣ провинціи, и два намѣстника, посылаемые туда ежегодно, пользовались своими мѣстами для пріобрѣтенія себѣ добычи, славы и права на тріумфъ на счетъ не покоренныхъ еще иберійскихъ племенъ. Съ другой стороны, отъ времени до времени отпадали отъ римлянъ нѣкоторые уже покоренные народы и нерѣдко необходимо было отправлять въ Испанію болѣе многочисленныя войска подъ начальствомъ одного изъ консуловъ. Такимъ образомъ, эти почти непрерывныя войны происходили частью отъ того, что римская аристократія считала управленіе провинціями средствомъ къ пріобрѣтенію славы и обогащенію, частью же отъ самаго свойства всѣхъ полудикихъ, склонныхъ къ грабежамъ и войнѣ, горныхъ племенъ, покорить которыя было трудно, а удерживать въ повиновеніи еще труднѣе. Уже вскорѣ по окончаніи второй пунической войны, большая часть испанскихъ народовъ, покоренныхъ Сципіономъ, свергнула съ себя римское иго, и Катонъ Старшій, бывшій тогда консуломъ (195 г. до р. Х.), пріобрѣлъ себѣ громкую славу въ борьбѣ съ ними. Съ того времени римляне почти постоянно были заняты войною съ испанскими народами, сдѣлавшуюся превосходною школою для ихъ военачальниковъ и воиновъ.

Къ самымъ мужественнымъ и вмѣстѣ самымъ опаснымъ по своему хищничеству изъ этихъ народовъ принадлежали л у з и т а н ц ы, обитавшіе между рѣками Таго и Миньо, отъ Атлантическаго океана до внутренности Испаніи. Этотъ воинственный народъ почти не занимался скотоводствомъ и ненавидѣлъ земледѣліе, находя, что гораздо удобнѣе грабить своихъ сосѣдей, чѣмъ работать самому. Лузитанцы не прекратили своихъ хищническихъ набѣговъ даже и тогда, когда окрестными странами овладѣли римляне. Въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтей, римляне старались предохранить пограничныхъ жителей своего государства отъ этихъ набѣговъ, истребляя всѣ вторгавшіяся въ ихъ владѣнія шайки лузитанцевъ. Но лузитанцы не прекращали своихъ набѣговъ, и римляне должны были сами произвести вторженіе въ ихъ страну. Въ 152 г. до р. Х. они въ первый разъ рѣшились на это предпріятіе. Попытка ихъ удалась, и нѣкоторыя лузитанскія племена принуждены были сдѣлать видъ, что покорились. Но уже на

слѣдующій годъ почти весь этотъ народъ снова вторгнулся въ римскіе предѣлы. Выступившій противъ нихъ римскій намѣстникъ, Сервій Сульпицій Гальба, потерпѣлъ страшное пораженіе и лишился почти всего своего войска. На слѣдующій годъ (150 г. до р. Х.) онъ вторгнулся въ Лузитанію въ одно и то же время съ двухъ сторонъ; лузитанцы не были приготовлены къ такому двойному нападенію римлянъ, и нѣкоторыя племена ихъ поспѣшили изъявить свою покорность. Гальба понималъ очень хорошо, что эта покорность была только средствомъ удалить римскія войска и что они начнутъ снова свои хищническіе набѣги. Не обманувшись предложеніемъ лузитанцевъ, онъ однако согласился на него, чтобы потомъ имѣть предлогъ истребить это племя грабителей. Принявъ изъявленіе ихъ покорности съ притворнымъ дружелюбіемъ и дѣлая видъ, что считаетъ причиною ихъ грабежей не отвращеніе отъ работы и дикость нравовъ, а только бѣдность ихъ страны, онъ предложилъ лузитанскимъ посламъ отвести ихъ народу лучшія мѣста для жительства. Они согласились, и Гальба, выманивъ нѣсколько тысячъ ихъ изъ горъ, отвелъ ихъ тремя отрядами въ отдаленныя мѣстности, уговорилъ сложить оружіе и потомъ велѣлъ своимъ солдатамъ перерѣзать всѣхъ безъ исключенія.

Это неслыханное вѣроломство и жестокость имѣли всегдашнія послѣдствія подобнаго образа дѣйствій. Соплеменники умерщвленныхъ начали страшную войну, которая, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, должна была быть такъ же гибельна для римлянъ, какъ и для лузитанцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ повела къ возстанію всѣхъ прочихъ горскихъ племенъ, отъ Галиціи до Каталоніи. Лузитанцы нашли себѣ предводителя въ одномъ изъ своихъ соотечественниковъ, Виріатѣ, который отличался смѣлостью, мужествомъ и дарованіями истиннаго полководца, зналъ какъ нельзя лучше мѣстность, умѣлъ искусно пользоваться ею и противопоставилъ римскимъ войскамъ остроумно придуманную систему войны, вполнѣ соотвѣтствовавшую театру военныхъ дѣйствій и привычкамъ лузитанцевъ. Виріатъ принадлежалъ къ числу немногихъ спасшихся бѣгствомъ отъ бойни Гальбы. Простой пастухъ и охотникъ, какъ всѣ лузитанцы, онъ уже прежде прославился смѣлыми набѣгами и сдѣлался идеаломъ пастуха и разбойника, какъ въ новѣйшее время Гаучо Росасу въ Буэносъ-Айресѣ. Воспламенивъ мщеніемъ своихъ соплеменниковъ, Виріатъ скоро собралъ вокругъ себя значительную часть лузитанскихъ племенъ, признавшихъ его своимъ предводителемъ, и возбудилъ къ возстанію противъ римлянъ и многіе другіе народы.

Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ Виріатъ съ своими нестройными толпами наносилъ безпрерывныя пораженія опытнымъ римскимъ войскамъ. Онъ истомлялъ ихъ переходами съ мѣста на мѣсто, обманывалъ самымъ коварнымъ образомъ, нападалъ на нихъ изъ засадъ или заманивалъ притворнымъ бѣгствомъ въ опасныя мѣста и уничтожалъ цѣлыя войска, никогда не испытывая самъ пораженія. Къ концу этихъ четырехъ лѣтъ вліяніе его и возбужденное имъ возстаніе распространились до Гвадалькивира на югѣ и до Эбро на востокѣ; владѣнія римлянъ и ихъ союзниковъ были безпрестанно опустошаемы, и Виріатъ внушалъ такой ужасъ, что даже въ Римѣ для набора новыхъ войскъ необходимо было употребить насиліе. Это заставило римлянъ прибѣгнуть къ тѣмъ необыкновеннымъ мѣрамъ и усиліямъ, которыя они принимали во всѣхъ своихъ войнахъ когда онѣ слишкомъ затягивались. Они отправили намѣстникомъ въ Испанію Кая Лелія, прозваннаго Мудрымъ, и въ то же время избрали одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ полководцевъ консуломъ и главнокомандующимъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Виріата. Квинтъ Фабій Максимъ Эмиліанъ, сынъ Луція Эмилія Павла, принятый по усыновленію, подобно брату своему Сципіону Африканскому Младшему, въ другое семейство и перемѣнившій свою фамилію на фамилію этого семейства, былъ избранъ консуломъ на 145 г. до р. Х. и отправленъ въ Испанію съ девятью легіонами. Лелій, прибывшій туда еще прежде новаго консула, одержалъ первую побѣду надъ Виріатомъ и вытѣснилъ его изъ большей части римской Испаніи. Фабій сначала не могъ ничего сдѣлать; во время одной изъ его отлучекъ войско было разбито Виріатомъ, и онъ не рѣшался цѣлый годъ предпринимать ничего важнаго противъ непріятеля. Однако на слѣдующій годъ и ему удалось разбить лузитанцевъ въ генеральномъ сраженіи. Впрочемъ эта побѣда не принесла римлянамъ никакой пользы, потому что вслѣдъ за тѣмъ

Виріатъ снова поднялъ жителей римской Испаніи, и война распространилась по всей внутренности полуострова до Наварры. Римскій сенатъ принужденъ былъ, въ 143 г. до р. Х., снова отправить въ Испанію два войска, изъ которыхъ одно, подъ начальствомъ опытнаго воина, консула Квинта Цицелія Метелла Македонскаго, имѣло назначеніе усмирить горскія племена на сѣверѣ полуострова, а другое, подъ командою претора, Квинта Помпея, отразить лузитанцевъ. Ц. Метеллъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ римскихъ полководцевъ того времени, дѣйствительно одержалъ много побѣдъ надъ враждебными Риму племенами и воспрепятствовалъ соединенію ихъ съ Виріатомъ, но никакъ не могъ покорить ихъ и принудить къ миру. Въ то время, какъ главная армія дѣйствовала на сѣверѣ безъ рѣшительнаго успѣха, на западѣ Помпей, допустивъ Виріата обмануть себя, потерпѣлъ такое страшное пораженіе, что римляне должны были измѣнить планъ войны и обратить свои главныя силы противъ Виріата, а для подкрѣпленія ихъ отправить въ Испанію новое войско.

Въ 142 г. до р. Х. главнымъ начальникомъ въ Испаніи былъ назначенъ консулъ Квинтъ Фабій Максимъ Сервиліанъ. Онъ одержалъ рѣшительный перевѣсъ надъ непріятелемъ, своею древне-римскою строгостью распространилъ ужасъ между отпавшими народами и пробудилъ въ Римѣ надежду, что будетъ въ состояніи окончить продолжительную и кровопролитную войну. На этомъ основаніи ему оставили начальство и на слѣдующій годъ, но скоро надежда эта рушилась, потому что Виріатъ умѣлъ парализировать всѣ его успѣхи. Хитрый вождь лузитанцевъ употребилъ противъ Фабія Максима свои обычныя средства. Онъ напалъ неожиданно на римлянъ, разбилъ ихъ и, преслѣдуя бѣгущее войско, загналъ его въ одно изъ лузитанскихъ ущелій, точно такъ же, какъ нѣкогда самниты заперли войско Постумія въ Кавдинскихъ ущеліяхъ. Виріатъ, во власти котораго находилось тогда цѣлое римское войско, воспользовался своимъ счастьемъ съ необыкновенною умѣренностью и исполнилъ то, что совѣтовалъ своему сыну самнитъ Гереній (стр. 593.). Отъ него зависѣло теперь уничтожить однимъ ударомъ все римское войско, но онъ предпочелъ отпустить его, потребовавъ только обѣщанія не тревожить лузитанцевъ въ ихъ собственной землѣ, и обѣщавъ съ своей стороны удерживать своихъ соплеменниковъ отъ хищническихъ набѣговъ на римскія владѣнія. Заключивъ съ Виріатомъ миръ на этомъ условіи, Фабій возвратился съ войскомъ домой, а договоръ этотъ былъ утвержденъ римскимъ народомъ (141 г. до р. Х.). Кровопролитная война, столь позорная для римлянъ, окончилась, по видимому, къ обоюдному удовольствію враждовавшихъ сторонъ, но не прошло и года, какъ миръ былъ снова нарушенъ самымъ вѣроломнымъ образомъ, и нарушенъ римскимъ сановникомъ, принадлежавшимъ къ одной изъ фамилій, державшихъ въ рукахъ своихъ управленіе государствомъ и почти совершенно развращенныхъ честолюбіемъ и роскошью. Квинтъ Сервилій Цепіонъ, названный братъ Фабія Максима, былъ отправленъ на его мѣсто правителемъ Испаніи, но вслѣдствіе мира, заключеннаго съ Виріатомъ, обманулся въ своей надеждѣ на военную славу. Онъ объявилъ миръ, заключенный его братомъ, договоромъ, наносящимъ позоръ римскому имени, и старался своими письмами склонить сенатъ къ нарушенію его. Сенатъ сначала устыдился измѣнить клятвамъ и позволилъ только своему намѣстнику, тайно и какъ частному лицу, сдѣлать нападеніе на лузитанцевъ; но Цепіонъ не отступалъ отъ своихъ домогательствъ, и сенатъ, давъ наконецъ согласіе на формальное нарушеніе мира, такимъ образомъ сдѣлался участникомъ въ козняхъ своего намѣстника. Это постыдное вѣроломство аристократіи, хвалившейся при каждомъ случаѣ римскою честностью и вѣрностью, нисколько не удивляетъ насъ; мы уже знаемъ изъ описанія послѣднихъ событій греческой исторіи, какъ велико было въ Римѣ, въ началѣ его всемірнаго владычества, развращеніе всѣхъ нравственныхъ понятій, и видѣли множество примѣровъ безграничнаго своеволія римскихъ вельможъ.

Не ожидая отъ римлянъ такого подлаго поступка, Виріатъ, тотчасъ по заключеніи мира распустилъ своихъ воиновъ и отъ того не былъ готовъ встрѣтить оружіемъ внезапное нападеніе Цепіона. Успѣвъ наскоро собрать небольшое войско, онъ чрезвычайно искусно избѣгалъ битвы до тѣхъ поръ, пока къ нему не подоспѣли на помощь всѣ его силы. Такимъ образомъ Цепіонъ, думавшій на-

пасть на непріятеля врасплохъ и легко истребить его, обманулся въ своей надеждѣ. Онъ рѣшился прибѣгнуть къ убійству, и самъ Виріатъ помогъ ему въ исполненіи этого замысла. Храбрый вождь лузитанцевъ, не допустившій покорить себя нечаяннымъ нападеніемъ посреди мира, вообразивъ, что римляне убѣдились наконецъ въ его непобѣдимости, самъ предложилъ имъ миръ. Цепіонъ притворно согласился на это предложеніе и потребовалъ, чтобы Виріатъ прислалъ въ римскій лагерь уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ; Виріатъ отправилъ къ нему трехъ своихъ друзей. Чувства долга и чести невозможно требовать отъ разбойниковъ по ремеслу, какими были лузитанцы, не смотря на все мужество, обнаруженное ими въ борьбѣ за свою независимость, а Цепіонъ по собственному опыту зналъ, что въ низкихъ душахъ благородное чувство безсильно передъ обольщеніями корысти. Онъ подкупилъ подарками и обѣщаніями пословъ Виріата, которые умертвили своего друга во время сна (140 г. до р. Х.). По совершеніи своего злодѣянія, они явились въ римскій лагерь, гдѣ вѣроломный полководецъ наградилъ ихъ по заслугамъ. Правда, онъ не отнялъ у нихъ подаренныхъ имъ прежде подарковъ, но для исполненія обѣщаннаго отправилъ ихъ въ римскій сенатъ, который съ насмѣшкою отказалъ ихъ требованіямъ и безъ стыда, открыто объявилъ имъ, что онъ радуется, что ему удалось обманомъ перехитрить обманщиковъ. При вѣсти объ убійствѣ своего вождя, лузитанцы пришли въ ярость и оказали ему самыя блистательныя почести; по обычаю тогдашнихъ испанскихъ народовъ, они почтили память своего героя многочисленными жертвами и торжественными играми, на которыхъ двѣсти паръ бойцевъ должны были сражаться на смерть другъ съ другомъ. Но, не смотря на всю свою храбрость, они не могли вознаградить своей утраты. Отдѣльныя племена, которыхъ Виріатъ умѣлъ держать въ своемъ подчиненіи безъ царскаго титула и законныхъ правъ вождя, отпали тотчасъ послѣ его смерти, и римлянамъ скоро удалось разбить лузитанцевъ и оттѣснить ихъ въ горы.

На сѣверѣ Испаніи по смерти Виріата война разгорѣлась еще сильнѣе, и въ продолженіе многихъ лѣтъ заняла собою все вниманіе, и всѣ силы римлянъ. Здѣсь, въ нынѣшней Старой Кастиліи, постоянно боролись съ римлянами возбужденные Виріатомъ ареваки и другіе народы, основавшіе выше нынѣшняго города Соріи, близъ истоковъ Дуэро, укрѣпленный и почти неприступный городъ Нуманцію. Послѣ того какъ римлянамъ, еще до смерти лузитанскаго вождя, удалось ослабить и подчинить себѣ большую часть народовъ, мѣстомъ соединенія которыхъ была Нуманція, Квинтъ Помпей Руфъ (повидимому тотъ самый, который не задолго до того начальствовалъ римскими войсками противъ Виріата) пытался окончить войну вѣроломствомъ. Онъ принудилъ нумантинцевъ (140 г. до р. Х.) къ мирному договору, по которому они обязались выдать перебѣжчиковъ и уплатить извѣстную сумму денегъ, но, недовольствуясь однимъ словеснымъ обѣщаніемъ и клятвою, заставилъ ихъ подтвердить всѣ статьи трактата особеннымъ письменнымъ договоромъ, который долженъ былъ идти на утвержденіе сената и потому заключалъ въ себѣ еще болѣе тяжкія условія. Но едва исполнили они съ своей стороны условія словеснаго договора, какъ римляне отказались отъ выполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ. Нумантинцы отправили посольство къ римскому сенату, но Помпей отрекся отъ своего словеснаго договора, не смотря на показанія римлянъ, присутствовавшихъ при заключеніи договора и призванныхъ послами въ свидѣтели. Сенатъ не обратилъ никакого вниманія на такое наглое нарушеніе права со стороны своего уполномоченнаго, и война снова началась, сопровождаемая тѣми же явленіями, какъ и борьба съ Виріатомъ. Нуманція, заключавшая въ стѣнахъ своихъ не болѣе восьми тысячъ защитниковъ, сопротивлялась въ продолженіе многихъ лѣтъ всей арміи римлянъ. Римскіе намѣстники и консулы съ войсками въ 30 и 40 тысячъ терпѣли постыдныя пораженія. Консулъ Кай Гостилій Манцинъ (137 г. до р. Х.), запертый съ двадцатью тысячнымъ войскомъ нумантинцами, просилъ мира, но получилъ отъ непріятелей отвѣтъ, что они не имѣютъ болѣе довѣрія къ вѣроломнымъ римлянамъ и согласны вести переговоры только съ Тиберіемъ Семпроніемъ Гракхомъ, который состоялъ при войскѣ квесторомъ и былъ извѣстенъ имъ, какъ и отецъ его, за честнаго человѣка. Гракхъ дѣйствительно заключилъ выгодный договоръ; нумантинцы, требовавшіе только, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, предоставили запертымъ римлянамъ свободный выходъ, когда

послѣдніе согласились признать ихъ независимость. Но сенатъ не утвердилъ этого договора и прибѣгнулъ къ той же уловкѣ, которую двѣсти лѣтъ тому назадъ пытался употребить противъ самнитовъ Понцій (стр. 593): онъ объявилъ, что договоръ обязателенъ только для консула Гостилія, а никакъ не для римскаго народа, и въ оковахъ отправилъ его въ Нуманцію. Нуманцы отвергли эту постыдную уловку, какъ отвергнулъ ее нѣкогда Понцій, со всѣмъ презрѣніемъ, котораго она заслуживала; сенатъ же не наказалъ виновниковъ отвергнутаго имъ позорнаго договора, и не далъ ни удовлетворенія, ни вознагражденія тѣмъ, которые положились на римскую честность.

Въ слѣдующіе два года война приняла оборотъ очень неблагопріятный для римлянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ войскахъ обнаружился сильный безпорядокъ и неповиновеніе. Оказалось, что съ врагами невозможно справиться обыкновенными средствами, и побѣдитель всего тогдашняго міра сенатъ принужденъ былъ, для покоренія незначительной Нуманціи, снова прибѣгнуть къ Сципіону Африканскому Младшему, который пріобрѣлъ огромное вліяніе по окончаніи третьей пунической войны. Народъ, для котораго онъ сталъ кумиромъ со времени разрушенія Карѳагена, считалъ его однаго способнымъ положить конецъ этой продолжительной и позорной борьбѣ. Для избранія его въ консулы нужно было, какъ и прежде во время третьей пунической войны, уничтожить сначала законъ, препятствовавшій его избранію, и такимъ образомъ торжественно сознаться, что Римъ бѣденъ даровитыми людьми. Сципіонъ пользовался въ Римѣ и въ союзныхъ городахъ и государствахъ такимъ громаднымъ вліяніемъ, что своими средствами, какъ частный человѣкъ, могъ бы выставить и содержать войско; соединяя дарованія великаго полководца со всею образованностью своего времени, онъ обладалъ умѣньемъ примѣнять къ государственнымъ дѣламъ свое образованіе и знанія. Естественно, что такой человѣкъ могъ найти для войны съ Нуманціею совершенно иныя средства, чѣмъ его предшественники. Не смотря на все это, Сципіонъ принужденъ былъ съ отличнымъ шестидесяти-тысячнымъ войскомъ простоять два года (134 и 133 г. до р. X.) подъ стѣнами незначительнаго города, и когда онъ наконецъ взялъ его скорѣе голодомъ, чѣмъ осаднымъ искусствомъ и силою оружія, передъ нимъ открылось зрѣлище еще болѣе ужасное, чѣмъ то, при которомъ онъ присутствовалъ въ Карѳагенѣ. Нумантинцы доказали міру еще блистательнѣе, чѣмъ карѳагеняне, что въ состояніи совершить любовь къ свободѣ и отчаяніе даже тамъ, гдѣ исчезла всякая надежда на побѣду. Голодъ былъ для нихъ болѣе ужаснымъ врагомъ, чѣмъ римляне, но они выказали такую энергію, что подъ конецъ питались человѣческимъ мясомъ; обезсилѣвъ отъ голода и потерявъ наконецъ всякую возможность защищаться, они все-таки не покорились превосходнымъ силамъ враговъ, но предпочли умертвить себя вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, предоставивъ побѣдителямъ одинъ опустѣлый городъ. По словамъ одного римскаго историка: «они пріобрѣли себѣ славу храбрѣйшаго и, не смотря на всѣ перенесенныя ими страданія, счастливѣйшаго народа, потому что доказали своимъ союзникамъ ненарушимую вѣрность, безъ всякой поддержки, въ продолженіе многихъ лѣтъ сопротивлялись народу, повелѣвавшему войсками вселенной, и, побѣжденные наконецъ величайшимъ изъ полководцевъ своего времени, не оставили побѣдителю ничего, чѣмъ онъ могъ торжественно доказать міру свою побѣду». Сципіонъ праздновалъ въ Римѣ свой кровавый тріумфъ, не влача за собою ни плѣнныхъ, ни добычи, потому что изъ всѣхъ жителей Нуманціи въ живыхъ остался только одинъ человѣкъ, денегъ и золота они никогда не имѣли, а оружіе свое уничтожили передъ смертью (133 г. до р. X.). Сенатъ далъ побѣдителю прозваніе Нумантинскаго.

12. Всемірное владычество и характеръ римской жизни въ періодъ пуническихъ войнъ.

Новое всемірное государство, основанное въ этомъ періодѣ Римомъ, нисколько не походило на три древнѣйшія всемірныя монархіи: Ассиро-Вавилонскую, Персидскую и Греко-Македонскую. Въ нихъ всѣ покоренныя страны были совершенно слиты съ господствующимъ государствомъ, за весьма малыми исклю-

ченіями потеряли свою національную жизнь и были подчинены управленію одинаковому для всѣхъ частей. Напротивъ того, римскія провинціи, присоединяемыя къ государству одна за другой, собственно говоря, оставались отдѣльными странами, которыя большею частью сохраняли безъ всякихъ измѣненій свои права и учрежденія, имѣли особые законы и были подчинены только верховному управленію римскихъ намѣстниковъ. Это разнообразіе законовъ и учрежденій и происходившая отъ того запутанность, особенно въ судопроизводствѣ всего римскаго государства, кажется великимъ зломъ для насъ, слишкомъ привыкшихъ въ новѣйшее время къ единству и однообразію; но такое неравенство, встрѣчавшееся во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ Греціи и Рима, никогда не вредило единству общихъ мѣръ, потому что всѣ границы римскихъ областей исчезали, когда того требовали высшія политическія соображенія.

При учрежденіи каждой новой провинціи, римляне прежде всего старались разъединить отдѣльныя составныя части прежняго самостоятельнаго государства, сообразно съ ихъ различными интересами, и возстановленіемъ партій уничтожить прежнее единство. Всѣ тѣ, которые при занятіи страны римлянами, измѣняли прежнимъ своимъ повелителямъ или согражданамъ, получали преимущества: если это были вольные города, то область ихъ увеличивалась, а если подданные неограниченнаго властителя, то имъ предоставлялось самостоятельное существованіе или значительное уменьшеніе налоговъ, иногда и совершенное освобожденіе отъ нихъ. Напротивъ того, города и народы, обнаружившіе въ борьбѣ съ римлянами твердость и вѣрность своему правительству, теряли свои прежнія права, были подчиняемы произволу римскаго намѣстника и его свиты, и должны были принять къ себѣ римскихъ откупщиковъ податей, которые, подобно всѣмъ римскимъ должностнымъ лицамъ, смотрѣли на свои должности какъ на источникъ доходовъ для удовлетворенія своего корыстолюбія и страсти къ наслажденіямъ. Такимъ образомъ, въ римскихъ провинціяхъ находились какъ собственно подданные Рима, такъ и муниципіи, префектуры, римскія колоніи, такъ называемые города латинскаго права (стр. 589) и еще общины, имѣвшія иное устройство. Единственныя выгоды, которыя пріобрѣтали обыкновенно побѣжденные народы отъ подчиненія своего римлянамъ, состояли въ введеніи хорошихъ законовъ или въ улучшеніи существовавшихъ. Римляне были народъ по преимуществу занятый матеріальнымъ, реальнымъ и практическимъ, къ тому же они не имѣли никакихъ другихъ истинно національныхъ или свойственныхъ только имъ однимъ умственныхъ занятій, кромѣ наукъ о земледѣліи, правильномъ домашнемъ хозяйствѣ, о правѣ и объ отношеніяхъ, возникшихъ изъ ихъ искусственно образовавшагося устройства. Эти науки довели они до высокой степени совершенства, чему болѣе всего содѣйствовало то обстоятельство, что военная служба и государственное управленіе, — или, другими словами, употребленіе войны для пріобрѣтенія себѣ добычи, славы и вліянія и пользованіе государственной службой для своихъ частныхъ цѣлей,—были единственными стремленіями высшихъ классовъ общества. Процвѣтавшая въ Римѣ наука правовѣдѣнія должна была содѣйствовать улучшенію законодательства покоренныхъ народовъ, и это вполнѣ доказываютъ введенныя римлянами въ отдѣльныхъ провинціяхъ узаконенія, о которыхъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія; къ сожалѣнію, провинціи большею частью лишались и этого единственнаго преимущества римскаго владычества, вслѣдствіе способа, которымъ римскіе намѣстники приводили въ исполненіе эти законы. При вступленіи своемъ въ должность, римскіе намѣстники, подобно преторамъ въ Римѣ (стр. 576), издавали эдикты, которымъ подчинялось все существовавшее законодательство; большая часть ихъ смотрѣла на ввѣренныя имъ провинціи, какъ на средства удовлетворенія своей жадности и честолюбія, и очень часто право должно было уступать произволу откупщиковъ податей, противъ которыхъ рѣдко можно было найти защиту и покровительство, потому что они, какъ знатные римскіе граждане, имѣли вліяніе на распредѣленіе высшихъ должностей въ Римѣ, и отъ того намѣстники обращались съ ними съ крайнею осторожностью и уваженіемъ. Намѣстники провинцій назывались преторами и проконсулами. Въ началѣ избиралось ежегодно извѣстное число преторовъ, изъ которыхъ двоимъ предоставляема была судебная власть въ Римѣ, другіе были отправляемы намѣстниками въ провинціи. Но съ половины 2-го вѣка до р. Х. вошло въ обычай

оставлять въ Римѣ всѣхъ преторовъ на первый годъ ихъ избранія съ порученіемъ имъ судопроизводства, и только въ слѣдующемъ году отправлять ихъ намѣстниками въ провинціи съ званіемъ пропреторовъ (т. е. вице-преторовъ). Сверхъ того и консулы, по истеченіи срока своей должности, получали обыкновенно въ управленіе провинціи и носили названіе проконсуловъ; впрочемъ это названіе носили также консулы, которымъ предоставлялось на слѣдующій годъ начальство надъ войскомъ, тогда какъ по закону оно должно было оканчиваться вмѣстѣ съ консульствомъ. Намѣстниковъ сопровождали квесторы, завѣдывавшие финансовою частью; изъ ежегодно избираемыхъ квесторовъ одни всегда оставались въ городѣ для наблюденія за тамошними дѣлами, другие отправлялись въ провинціи, а третьи сопровождали войско въ походахъ, въ качествѣ военныхъ казначеевъ.

Съ обращеніемъ Верхней Италіи, Сициліи, Сардиніи, Испаніи, Македоніи, Греціи и карѳагенской Африки въ римскія провинціи, измѣнились и всѣ отношенія общественной жизни римскаго народа, достигшаго съ покореніемъ этихъ земель всемірнаго владычества. Когда Римъ изъ воинственнаго государства сдѣлался завоевательнымъ, вмѣсто древней аристократіи утвердилось господство нѣсколькихъ олигархическихъ фамилій, которыя, желая обратить народъ въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей, старались придать государственному устройству демократическія формы. Прежде, цѣлью общихъ стремленій народа было поддержаніе древнихъ нравовъ и сознанія нравственнаго превосходства надъ сосѣдями, слѣдовательно, господство и національное первенство, а не богатство и обладаніе. Военное устройство находилось въ связи съ поземельнымъ владѣніемъ и земледѣліемъ, которыя считались единственными основами всего государственнаго быта; каждый гражданинъ былъ воиномъ, но его служба прекращалась тотчасъ послѣ побѣды надъ непріятелемъ, а съ новымъ походомъ онъ опять становился въ ряды. Правда, эти постановленія сохранялись по формѣ и въ позднѣйшее время, но такъ какъ постоянныя войны безпрерывно требовали новыхъ войскъ, то мало-по-малу всѣ рядовые и большая часть второстепенныхъ военачальниковъ сдѣлались солдатами по ремеслу. Они оставляли военную службу только тогда, когда переселялись куда-нибудь какъ колонисты, но и въ этомъ случаѣ очень часто отказывались отъ земледѣлія, какъ отъ слишкомъ тяжелаго занятія, и спѣшили снова въ ряды. Римскіе солдаты были въ то же время и гражданами и подавали голоса въ народныхъ собраніяхъ, потому полководцы начали заискивать расположенія войска, а постоянная приверженность такого большаго числа гражданъ къ человѣку, подъ начальствомъ котораго они совершили какой-нибудь замѣчательный походъ, имѣла множество дурныхъ послѣдствій. Вслѣдствіе того произошла перемѣна и въ духѣ войска, дѣйствовавшая гибельно на ходъ войны. Солдаты привыкли считать лагерь своимъ отечествомъ, а начальниковъ своимъ правительствомъ. Послѣдніе не заботились болѣе о снисканіи себѣ уваженія своихъ согражданъ, а старались только своими дѣйствіями противъ непріятеля и въ его странѣ пріобрѣсти себѣ богатства и посредствомъ солдатъ упрочить свое вліяніе въ Римѣ; дисциплина въ войскѣ ослабѣла, а непріятели и союзники предоставлялись въ жертву грабежамъ и насиліямъ, потому что полководцы и военачальники думали только о своемъ обогащеніи и о пріобрѣтеніи любви своихъ солдатъ. Вотъ отъ чего со времени первой пунической войны, всѣ предпріятія первыхъ римскихъ войскъ, высылаемыхъ противъ непріятеля, были неудачны, и римляне терпѣли постыдныя пораженія до тѣхъ поръ, пока не поручали войска человѣку, который по своему вліянію и значенію въ государствѣ не нуждался ни въ какомъ искусственномъ средствѣ для пріобрѣтенія или поддержанія любви солдатъ.

Очень натурально, что при подобномъ способѣ веденія войны, страсть къ грабежу овладѣла римлянами. Впрочемъ хищничество римскихъ солдатъ и жестокость, съ которою они поступали въ непріятельской странѣ, были не только слѣдствіемъ упадка военной дисциплины, но и соотвѣтствовали всему направленію, которому издавна слѣдовалъ Римъ, и находились въ связи съ національными нравами; они обнаруживались уже прежде и только усились еще болѣе при упадкѣ дисциплины. Вообще война влечетъ за собою самыя неутѣшительныя послѣдствія, а большая или меньшая жестокость зависитъ отъ національнаго характера,

времени и обстоятельствъ. Но звѣрскіе поступки римскихъ войскъ были только частью слѣдствіями заранѣе принятой и послѣдовательно развивавшейся системы дѣйствій. Войску внушалась неукротимая ненависть ко всѣмъ городамъ и народамъ, оказывавшимъ упорное сопротивленіе, а что это бывало уже и прежде, чѣмъ римляне окончательнымъ покореніемъ Италіи сдѣлали первый шагъ къ основанію своего всемірнаго владычества, доказываетъ образъ дѣйствій ихъ въ войнахъ съ самнитами, авзонами и другими народами. Даже полководцы, отличавшіеся благороднымъ образомъ мыслей и образованностью, какъ Клавдій Марцеллъ, позволяли своимъ солдатамъ грабить самые богатые города и заставляли собственно для себя привозить въ Римъ множество драгоцѣнностей и произведеній искусствъ. Современники его и полководцы послѣдующей эпохи поступали еще хуже. Римъ былъ разукрашенъ непріятельскимъ оружіемъ и памятниками побѣдъ, и каждый полководецъ, желавшій, при вступленіи въ Римъ, удостоиться такихъ же почестей, долженъ былъ допускать грабежи.

Такое стремленіе было гибельно для греческаго искусства, потому что утвердился несчастный обычай отнимать художественныя произведенія у тѣхъ странъ, гдѣ они были созданы, гдѣ ихъ понимали и цѣнили и гдѣ съ ними связаны были воспоминанія прежней жизни, и переносить въ видѣ обыкновенныхъ украшеній въ городъ, въ которомъ не весь народъ, какъ въ греческихъ городахъ, а только нѣкоторыя семейства такъ называемаго высшаго общества могли оцѣнить ихъ. Правда, Римъ владѣлъ и прежде этрусскими и кампанско-самнитскими художественными произведеніями, но во время пуническихъ войнъ онъ сдѣлался, по выраженію одного греческаго историка, «вслѣдствіе скопленія украшеній, награбленныхъ во всѣхъ городахъ и странахъ, блистательнѣйшимъ мѣстопребываніемъ бога войны.» Изъ завоеванныхъ городовъ Нижней Италіи, Сициліи и Греціи лучшія произведенія искусства были перевезены въ Римъ, гдѣ они пошли на украшеніе не только храмовъ и общественныхъ площадей, но и частныхъ домовъ и загородныхъ виллъ. Съ этихъ поръ искусство перестало пользоваться общимъ уваженіемъ и ограничилось только Римомъ и нѣкоторыми другими мѣстами. Изъ странъ, гдѣ его цѣнили и могли понимать по достоинству, оно было перенесено туда, гдѣ въ немъ могли знать толкъ лишь немногія отдѣльныя лица, и обратилось въ орудіе тщеславія, свѣтской образованности и гордости завоевателя, тогда какъ прежде служило только общимъ и чисто національнымъ, религіознымъ, поэтическимъ и политическимъ чувствамъ и воззрѣніямъ.

Покоренныя страны были бы счастливы, если бы онѣ должны были доставлять римлянамъ только свои художественныя произведенія и національныя сокровища, но всемірно-завоевательный народъ уже и въ это время наложилъ руку на имущество, благосостояніе и честь отдѣльныхъ лицъ, находившихся подъ его военнымъ господствомъ. Еще въ половинѣ втораго вѣка до р. Х. римскіе чиновники и вельможи позволяли себѣ всякаго рода насилія не только въ непріятельскихъ странахъ, но даже въ провинціяхъ и такъ называемыхъ союзныхъ государствахъ. Какъ жестоко поступали римляне, видно между прочимъ изъ того, что въ 171 г. до р. Х. послы обѣихъ испанскихъ провинцій съ колѣнопреклоненіями умоляли сенатъ, чтобы онъ не дозволялъ обращаться съ союзниками хуже, чѣмъ съ врагами. Управленіе провинціями сдѣлалось для римлянъ лучшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію богатствъ и упроченію своего положенія въ Римѣ. Намѣстники и чиновники не только наживались сами на счетъ жителей провинцій, но еще поддерживали вымогательства знатныхъ гражданъ, бравшихъ на откупъ сборъ податей и имѣвшихъ на нихъ огромное вліяніе по своимъ связямъ въ Римѣ. Часто они прямо соединялись съ этими откупщиками, систематически обирали бѣдныхъ жителей провинцій и, выжавъ у нихъ всѣ наличныя деньги, принуждали ихъ дѣлать займы за огромные проценты, отчего большая часть поземельной собственности перешла мало-по-малу въ руки заимодавцевъ. Многіе даже не стыдились смотрѣть сквозь пальцы на дѣйствія разбойничьихъ шаекъ или заключать съ ними формальныя условія, для полученія своей доли въ добычѣ. Кто не могъ пріобрѣсти себѣ намѣстничества, тотъ прибѣгалъ къ другому средству: съ помощью своихъ друзей онъ добивался отъ сената, не имѣя никакой опредѣленной должности, чего-то въ родѣ нашей казенной подорожной и, какъ лице, ѣдущее по государственной надобности, могъ требовать для себя и

своей свиты великолѣпнаго угощенія, лошадей, необходимыхъ для путешествія, и дорогихъ подарковъ. Даже рабовъ и отпущенниковъ знатныхъ римлянъ необходимо было осыпать почестями и подарками для пріобрѣтенія ихъ благосклонности. Чиновники и вельможи обкрадывали и самое римское государство. Откупщики податей не рѣдко добивались того, что правительство отдавало имъ подати ниже ихъ дѣйствительной цѣнности, или посредствомъ своихъ связей выпрашивали себѣ, подъ разными предлогами, уменьшенія откупной суммы и разсрочки платежей, что доставляло выгоды только имъ, а не плательщикамъ. Большую часть государственныхъ имуществъ захватили въ свое владѣніе знатные граждане, присоединяя къ своимъ частнымъ помѣстьямъ цѣлыя полосы сосѣднихъ государственныхъ земель, и такимъ образомъ составили себѣ громадныя помѣстья. Правда, сенатъ часто принималъ строгія мѣры противъ этихъ и другихъ злоупотребленій, а отдѣльныя лица старались уничтожать безчинства вельможъ въ провинціяхъ, обвиняя ихъ передъ судомъ; но все это помогало только на время. Подобныя попытки не могли имѣть успѣха, потому что корень зла заключался не въ развратѣ отдѣльныхъ личностей, а въ духѣ и направленіи времени.

Италія страдала не менѣе провинцій; она лишилась тогда своего древняго благосостоянія и была приведена на нѣсколько столѣтій въ состояніе запустѣнія. Страна обнищала отъ безпрерывныхъ войнъ, которыя уменьшили народонаселеніе и влекли за собой постоянное повышеніе налоговъ. Это дало возможность римскимъ вельможамъ увеличить свои помѣстья дешевыми покупками мелкихъ сосѣднихъ имѣній. Во вторую пуническую войну, многія мѣстности Италіи были опустошены непріятелями или обращены въ государственныя имущества и отняты у прежняго населенія въ наказаніе жителей за присоединеніе къ Ганнибалу. Овладѣвъ этими землями, знатнѣйшіе изъ римлянъ образовали изъ нихъ такъ называемыя латифундіи (latifundia), т. е. помѣстья, которыя по ихъ обширности можно сравнить только съ графствами и княжествами; но что всего хуже, владѣтели этихъ земель употребляли для обработки ихъ тысячи рабовъ. Послѣдніе заступили тогда мѣсто свободнаго сельскаго населенія, и Италія того времени сдѣлалась очень похожею на современную Вестъ-Индію съ ея неграми-невольниками. Обращеніе съ рабами было въ высшей степени возмутительно и не мало содѣйствовало совершенному искаженію національнаго римскаго характера. Сами рабы были полудикари, какъ, напримѣръ, уроженцы Сардиніи и Корсики, которыхъ ловили на родинѣ, какъ дикихъ звѣрей, и приводили на продажу въ Римъ, или принадлежали къ глубоко упавшимъ азіатскимъ и греческимъ племенамъ, заражавшимъ римскій народъ своимъ наслѣдственнымъ развратомъ. Обхожденіе съ ними было такъ же унизительно для человѣчества, какъ и обхожденіе съ нынѣшними неграми-невольниками; на нихъ смотрѣли какъ на особую породу домашнихъ животныхъ и цѣнили только по ихъ денежной стоимости, а многіе римскіе вельможи сдѣлали даже изъ нихъ промыселъ, разводя рабовъ, какъ какихъ-нибудь домашнихъ животныхъ: они покупали ихъ дѣтьми, выкармливали, какъ куръ или жеребятъ, и потомъ продавали съ барышемъ. Впрочемъ употребленіе невольничьяго труда не ограничивалось однимъ земледѣліемъ; вообще вся домашняя прислуга состояла изъ людей, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ или купленныхъ, и даже воспитаніе юношества ввѣрялось рабамъ. Въ прежнія времена римлянинъ раздѣлялъ свои дѣтскія игры съ кліентами, а въ болѣе зрѣломъ возрастѣ смотрѣлъ на нихъ, какъ на товарищей своихъ трудовъ; теперь же римскій юноша выросталъ среди грубой челяди, привыкалъ къ жестокости и властолюбію и пріобрѣталъ привычку презирать человѣческое достоинство, что впослѣдствіи и обнаруживалъ самымъ возмутительнымъ и отвратительнымъ образомъ въ управленіи своими рабами и въ обращеніи съ покоренными народами.

Весь бытъ римскаго народа измѣнился вслѣдствіе завоевательной политики государства и пріобрѣтенія всемірнаго владычества. Богатства цѣлаго міра стали стекаться въ Римъ, и съ этихъ поръ, вмѣстѣ со всѣми пріобрѣтеніями, науками и искусствами прежнихъ временъ, служили римлянамъ для того же, для чего служили прежде повелителямъ Сиріи, Пергама и Египта. Съ ними проникли въ новую всемірную столицу и чуждые нравы, наслажденія и пороки. Какъ велики были сокровища, привозимыя тогда въ Римъ изъ завоеванныхъ земель, можно

видѣть по отчетамъ о добычѣ, захваченной въ различныхъ войнахъ, даже не принимая въ соображеніе тѣхъ поборовъ, которымъ постоянно подвергались провинціи. Такъ, напримѣръ, Павелъ Эмилій, по окончаніи македонской войны, доставилъ въ государственное казначейство восемь милліоновъ руб. сер. чистыми деньгами и, сверхъ того, привезъ съ собою множество награбленныхъ драгоцѣнностей и до четырехъ сотъ огромныхъ золотыхъ вѣнцовъ. Въ его время обыкновенные доходы римскаго государства были такъ значительны, что, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, оставалось еще 726,000 фунтовъ серебра и 92,000 фунтовъ золота; къ этому должно еще прибавить 775,000 фунтовъ чрезвычайныхъ доходовъ. Такія громадныя средства позволяли римлянамъ устроивать праздники и воздвигать колоссальныя зданія, ничѣмъ неуступавшія архитектурнымъ постройкамъ древнихъ греческихъ государствъ. Общественныя зданія этого періода своимъ величіемъ и великолѣпіемъ превосходятъ зданія всѣхъ предшествовавшихъ періодовъ. По образцу дороги Аппія, но съ значительными улучшеніями, были построены въ Италіи новыя военныя дороги, изъ которыхъ знаменитѣе всѣхъ были дороги Фламинія и Эмилія. Первая была построена павшимъ въ битвѣ при Тразименскомъ озерѣ Каемъ Фламиніемъ Непотомъ, во время его цензорства (220 г. до р. Х.), и вела изъ Рима въ Ариминумъ (нынѣшнее Римини) въ Умбріи, а вторая была проведена консуломъ Маркомъ Эмиліемъ Лепидомъ, въ 187 г. до р. Х., и вела изъ Плаценціи (Пьяченца) черезъ Бононію (Болонья) въ Ариминумъ. Лѣтъ черезъ сорокъ, по окончаніи послѣдняго пути, римляне начали устроивать въ своемъ городѣ болѣе прочную мостовую и проводить по всѣмъ окрестностямъ Рима дороги въ родѣ макадамовскихъ; о значительности подобнаго предпріятія лучше всего можно судить по тому, какъ трудно и въ настоящее время устроивать порядочныя мостовыя даже въ большихъ городахъ. Еще знаменитѣе этихъ построекъ были работы, исполненныя (184 г. до р. Х.) Маркомъ Порціемъ Катономъ Старшимъ, во время его цензорства, вмѣстѣ съ его товарищемъ Луціемъ Валеріемъ Флаккомъ. Они употребили до 1½ милліона руб. сер. на очищеніе подземныхъ каналовъ въ Римѣ, осушили и вымостили болотистыя мѣста въ городѣ, построили на торговой площади громадную базилику или помѣщеніе для суда, провели черезъ террачинскія болота военную дорогу, а около Формієвъ (въ окрестностяхъ нынѣшней Мола ди Гаэта) для проложенія дороги пробили цѣлую гору.

Между тѣмъ, какъ подобное употребленіе сокровищъ, стекавшихся въ Римъ и возбуждающихъ наше удивленіе, доставляло пользу обитателямъ Италіи, даже до позднѣйшей эпохи древняго міра, другой способъ употребленія ихъ, напротивъ того, унизителенъ для человѣчества. Празднества и игры, на которыя шла большая часть награбленныхъ и завоеванныхъ богатствъ, отличались преимущественно грубостью, жестокостью и чрезмѣрной роскошью и представляютъ намъ картину народа, масса котораго, по своимъ потребностямъ и удовольствіямъ, рѣзко отличается отъ низшихъ классовъ греческой націи. У грековъ народъ находилъ наслажденіе въ искусствахъ, облагороживающихъ человѣка и развивающихъ въ массахъ чувство гуманности; у римлянъ же зрѣлища убійствъ и жестокостей служили любимою забавою народа, поэзія и искусства обращены были на служеніе невѣжеству, а изящное составляло только второстепенный элементъ или случайную примѣсь въ этихъ національныхъ увеселеніяхъ. Игры гладіаторовъ и битвы звѣрей, введенныя въ Римѣ во время пуническихъ войнъ, встрѣтили такое сочувствіе, что сдѣлались съ тѣхъ поръ любимымъ развлеченіемъ народа. Игры состояли изъ битвъ на жизнь и смерть между гладіаторами, т. е. рабами или свободными простолюдинами, которые составили себѣ ремесло изъ этого занятія. Римляне переняли, вѣроятно, ихъ отъ этрусковъ, у которыхъ онѣ устраивались въ честь умершихъ; игры эти встрѣчаются, какъ древній, національный обычай, и у иберійскихъ народовъ, которые при похоронахъ своихъ знаменитыхъ людей заставляли сражаться на жизнь и смерть не только рабовъ, но даже воиновъ изъ благороднѣйшихъ фамилій. Эти варварскія потѣхи были для римлянъ тѣмъ же, чѣмъ для грековъ гимнастика, театръ и музыкальныя празднества. Римское общество по своей страсти къ нимъ стоитъ даже гораздо ниже кровожадныхъ среднихъ вѣковъ, когда кровь и убійство на турнирахъ были только случайными явленіями, а не составляли преднамѣренной цѣли всей забавы. На

прасно старались нѣкоторые аристократы ввести въ употребленіе сценическія представленія, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы они могли чередоваться съ этими кровавыми зрѣлищами; попытка ихъ не удалась, потому что благородная цѣль театра никогда не была понята низшими классами римскаго народа и ремесло актера считалось презрѣннымъ и приличнымъ только рабамъ. Напротивъ того, страсть къ играмъ гладіаторовъ и звѣринымъ травлямъ все болѣе и болѣе усиливалась; высшіе сановники ничѣмъ не могли болѣе заслужить себѣ расположеніе народа, какъ устройствомъ для него подобныхъ игръ, и вскорѣ только и стали думать о томъ, какъ бы превзойти другъ друга роскошью и великолѣпіемъ публичныхъ игръ. Такъ, напримѣръ, побѣдитель этолійцевъ могъ выжать у этого бѣднаго народа только незначительное количество денегъ, но тѣмъ не менѣе далъ игры съ великолѣпною травлею пантеръ и львовъ и выставкою чрезвычайно разнообразнаго собранія рѣдкостей. Этимъ онъ возбудилъ соревнованіе Сципіона Азіатскаго, устроившаго еще болѣе блистательныя игры, продолжавшіяся десять дней, и для которыхъ азіатскіе цари и города должны были прислать ему деньги. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ нашли необходимымъ запретить особымъ закономъ употреблять на общественныя игры болѣе извѣстной суммы денегъ, но зла этого нельзя было уничтожить никакимъ закономъ, и оно осталось бичемъ всѣхъ покоренныхъ странъ, потому что лица, дававшія игры, принуждали расплачиваться за нихъ жителей провинцій, или потомъ, въ качествѣ намѣстниковъ, вознаграждали себя на ихъ счетъ за издержки по устройству игръ. Эти насилія въ провинціяхъ и вредное вліяніе на духъ и нравственность народа не были единственными вредными послѣдствіями народныхъ забавъ подобнаго рода; они служили также средствомъ для пріобрѣтенія расположенія массы гражданъ. Въ Римѣ политическое вліяніе основывалось въ одно и то же время на матеріальномъ бѣдствіи жителей провинцій и на нравственной порчѣ римскихъ гражданъ, что и повело, вмѣстѣ съ раздачею дароваго хлѣба и денегъ, къ размноженію лѣниваго и продажнаго народа; все это приманивало сельское населеніе въ городъ, гдѣ, само собою разумѣется, оно также развращалось. Такимъ образомъ, въ то самое время, какъ распространеніе латифундій стѣсняло земледѣліе въ малыхъ размѣрахъ и уменьшало свободное сельское населеніе, вслѣдствіе новаго положенія, въ которое стала бѣднѣйшая часть городскаго населенія, исчезли и послѣдніе слѣды сельской честности и чистоты нравовъ.

Другимъ гибельнымъ слѣдствіемъ римскихъ завоеваній была роскошь въ частной жизни, распространившаяся вмѣстѣ съ общественной. Она могла развиться въ Римѣ тѣмъ легче и скорѣе, что тамъ, какъ и между народами германскаго племени, женщины имѣли большое вліяніе на общественную жизнь (стр. 568.). Къ концу періода пуническихъ войнъ, онѣ до такой степени отдалились отъ прежней простоты и пристрастились къ нарядамъ, что въ 195 г. до Р. Х. произвели открытое возстаніе для того, чтобы добиться отмѣны закона о роскоши, изданнаго въ 177 г. по настоянію народнаго трибуна Оппія. По закону Оппія, римской женщинѣ не дозволялось носить на себѣ болѣе унціи золота, надѣвать пестраго наряда и ѣздить въ колесницѣ по Риму и его окрестностямъ въ непраздничные дни. Римскія женщины упросили двухъ народныхъ трибуновъ предложить уничтоженіе этого закона и не давали отдыха консуламъ и преторамъ, требуя принятія этого предложенія; въ продолженіе нѣсколькихъ дней онѣ тысячами сходились къ мѣсту, гдѣ происходило народное собраніе, и успокоились только тогда, когда достигнули своей цѣли. Тщетно неутомимый поборникъ простоты римскихъ нравовъ, Катонъ, употреблялъ всѣ усилія для противодѣйствія распространенію роскоши; напрасно во время своего цензорства приказывалъ предметы роскоши, превышавшіе узаконенное количество, вносить въ податные списки въ десять разъ дороже ихъ стоимости, и такимъ образомъ взыскивать съ нихъ несравненно большую пошлину: въ то время, какъ и всегда, нельзя было ни законами, ни насильственными запрещеніями, измѣнить направленіе, уже принятое обществомъ.

Съ этимъ направленіемъ и съ измѣненіемъ всѣхъ отношеній римскаго народа, въ началѣ его всемірнаго владычества, было тѣсно связано чрезмѣрное обогащеніе небольшой части населенія, постоянно увеличивавшаяся нищета массъ и, какъ неизбѣжное послѣдствіе этого, размноженіе и усиленіе ростовщичества.

Отдѣльныя лица и фамиліи обладали въ Римѣ огромными богатствами, несмѣтными помѣстьями и цѣлыми полками рабовъ, и по своему чрезвычайному вліянію и значенію, которое имѣла ихъ благосклонность для всѣхъ покоренныхъ народовъ, составляли какъ бы княжескія и владѣтельныя фамиліи. Напротивъ того, большинство гражданъ, не принадлежавшихъ къ этимъ избраннымъ счастливцамъ, было обременено неоплатными долгами, а тяжесть налоговъ, алчность намѣстниковъ и корыстолюбіе откупщиковъ препятствовали всякому развитію благосостоянія въ провинціяхъ. Строгіе законы противъ должниковъ, въ первое время республики доведшіе народъ до отчаянія, были мало-по-малу смягчены народными трибунами, и въ первое время по учрежденіи трибуната даже не слышно было о ростовщичествѣ и бѣдствіяхъ, причиняемыхъ имъ народу. Но, когда награбленныя богатства всего міра стали стекаться въ Римъ и роскошь съ неудержимою силою начала подчинять себѣ все, недостатокъ въ деньгахъ и притѣсненія ростовщиковъ снова стали тяготѣть надъ всѣми классами народа. Ростовщики нашли прекрасное средство избавляться отъ наказаній, опредѣленныхъ закономъ за ростовщичество, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять право взыскивать долги: каждый, отдававшій свои деньги въ ростъ, прикрывался именемъ латина, потому что этотъ народъ не былъ подчиненъ дѣйствію римскихъ законовъ. Хотя правительство и прекратило вскорѣ это злоупотребленіе, издавъ законъ, по которому латины, при взысканіи долговыхъ претензій съ римскихъ гражданъ подчинялись всѣмъ постановленіямъ, обязательнымъ для римскихъ гражданъ въ ихъ сношеніяхъ между собою; но и эта мѣра не помогла, потому что ее можно было обойти различными средствами, а при господствующей страсти къ роскоши и при крайнемъ неравенствѣ состояній, существовавшемъ тогда въ Римѣ, денежныя затрудненія были слишкомъ часты и слишкомъ тягостны, чтобы тотъ, кому приходилось терпѣть отъ нихъ, не сдѣлался какимъ-нибудь образомъ жертвою ростовщиковъ.

Для совершенно яснаго пониманія всего показаннаго, необходимо принять въ соображеніе взглядъ римлянъ на торговлю, отношеніе ея къ народу и государству, и, сверхъ того, значеніе сословія римскихъ всадниковъ. Ни греки, ни римляне не имѣли правильнаго современнаго взгляда на торговлю и, считая промышленость и торговлю неизбѣжнымъ зломъ, а не средствомъ, которымъ можетъ сглаживаться общественное неравенство, старались пособить неравенству состояній только искусственными средствами, какъ, напримѣръ, прощеніемъ долговъ и аграрными законами. У римлянъ торговля, считавшаяся занятіемъ неприличнымъ, перешла вся въ руки иностранцевъ. Сверхъ того, всѣ капиталы, собранные поборами, пріобрѣтенные въ видѣ военной добычи, ростовщичествомъ, откупами и банкирскими дѣлами, сосредоточивались въ рукахъ римскихъ всадниковъ и тѣхъ вельможъ, которые не хотѣли ни расточать своихъ капиталовъ, ни обращать ихъ въ недвижимое имѣніе. Весьма естественно, что вслѣдствіе того установилась, какъ и въ наше время, тѣсная связь между денежной аристократіею и аристократіею рожденія. Это необходимо должно было повести за собою увеличеніе ростовщичества и откупныхъ притѣсненій, тѣмъ болѣе, что государственная власть вмѣсто того, чтобы служить посредникомъ между должникомъ и заимодавцемъ, перешла въ руки богатыхъ и почти всегда дѣйствовала только въ пользу заимодавца и откупщика. Первый принадлежалъ къ правительственному классу, а второй былъ тѣсно связанъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что было принято за правило пополнять сенатъ преимущественно изъ сословія всадниковъ. Сословіе всадниковъ, вмѣстѣ съ частью правительственной аристократіи составляло классъ римскихъ капиталистовъ и въ періодъ пуническихъ войнъ было по преимуществу денежнымъ сословіемъ государства. Оно болѣе и болѣе забирало въ свои руки и подчиняло своему вліянію все благосостояніе, промыслы, торговлю и провинціи государства, совершенно также, какъ въ нашихъ фабричныхъ городахъ внѣшнее благосостояніе населенія зависитъ отъ владѣльцевъ фабрикъ и ихъ банкировъ. По мѣрѣ того, какъ главная масса капиталовъ переходила въ ихъ руки, они пріобрѣтали все болѣе и болѣе вліянія на судьбу націи и на правительство; по своему соціальному положенію, составляя середину между аристократіею и народомъ, они давали перевѣсъ той сторонѣ, которой держались. Выгоднымъ положеніемъ своимъ они пользовались вообще только для того, чтобы обогащаться,

вопреки всѣмъ законамъ государства. Всадники брали на откупъ во всѣхъ провинціяхъ государственные налоги, взимавшіеся, по римской системѣ управленія, не самимъ государствомъ, а предоставляемые частнымъ лицамъ за опредѣленную сумму. Кромѣ того за извѣстныя суммы они брали на себя постройку общественныхъ зданій, дорогъ и водопроводовъ, давали въ займы покореннымъ владѣтелямъ и городамъ деньги, которыя собирали съ нихъ же и брали у нихъ въ залогъ имущества, взыскивая страшные проценты. Для составленія необходимыхъ капиталовъ, всадники образовали между собою большія общества, очень похожія на наши акціонерныя компаніи. Этимъ способомъ всадники мало-по-малу забрали себѣ большую часть наличныхъ денегъ въ государствѣ, и такъ какъ въ ихъ рукахъ находились всѣ важнѣйшія предпріятія и капиталы, то очевидно, что всѣ капиталисты имѣли одинаковый съ ними интересъ; такимъ образомъ они пріобрѣли огромное вліяніе, обратившееся въ настоящую тиранію. Въ качествѣ денежной аристократіи, они располагали всѣми средствами и находились въ связи съ правительственной аристократіей, поэтому тягаться съ ними было невозможно, и хотя иногда удавалось подвергнуть ихъ законнымъ наказаніямъ за возмутительныя несправедливости и обманы, отъ которыхъ часто страдало государство, но въ большей части случаевъ это оказывалось невозможнымъ.

Изъ всего сказаннаго видно, какимъ извращеннымъ и пагубнымъ путемъ пошло римское государство; какъ ни сильно однако страдало оно уже въ это время отъ язвъ, которыя впослѣдствіи были причиною его гибели, но двѣ главныя опоры его существованія оставались тверды и непоколебимы. Опоры эти были религія и значеніе сената или, выражаясь точнѣе, суевѣрный страхъ передъ множествомъ боговъ и искусство, съ которымъ правители государства умѣли пользоваться этимъ страхомъ. Въ этомъ отношеніи недостатокъ умственнаго движенія у римлянъ, составляющій ихъ характеристическую особенность отъ грековъ, и незначительное участіе низшихъ классовъ въ образованіи высшихъ были очень выгодны для государства. Зная, какъ глубоко коренится суевѣріе у итальянцевъ, сенатъ искусно пользовался ихъ благочестіемъ и суевѣріемъ для выгодъ государства или для извѣстныхъ государственныхъ цѣлей, но при этомъ умѣлъ уничтожать всякую попытку честолюбія жрецовъ, прикрываясь авторитетомъ государственной власти. Это можно доказать многими примѣрами. Такъ, при концѣ второй пунической войны, сенатъ серьозно разсуждалъ о камняхъ и травахъ, которые, по существовавшимъ религіознымъ обычаямъ, должны были употреблять жрецы при церемоніяхъ, сопровождавшихъ заключеніе мира. Когда же, вскорѣ послѣ того, вспыхнула война съ Антіохомъ III, сенатъ, для быстроты дѣйствій обошелся безъ обычныхъ религіозныхъ обрядовъ, но, не желая возбуждать противъ себя общественнаго мнѣнія, притворился, что дѣло кажется ему опаснымъ и требующимъ обсужденія, и тайно условился съ жрецами, чтобы они дали на его вопросъ благопріятный отвѣтъ, не спрашивая согласія народа. Когда при началѣ этой войны Сципіонъ Африканскій Старшій, по политическимъ соображеніямъ, вздумалъ замедлить движеніе войска, онъ не хотѣлъ объяснить настоящихъ причинъ, заставлявшихъ его дѣйствовать такимъ образомъ, но воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поддержать въ народѣ страхъ къ богамъ и уваженіе къ жрецамъ. Принадлежа къ сословію салійскихъ жрецовъ, Сципіонъ объявилъ, что долженъ остановиться, потому что, по древнимъ религіознымъ книгамъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ продолженіе праздниковъ, посвященныхъ богу войны, ни одинъ салійскій жрецъ не смѣлъ путешествовать. Правители римскаго народа вовсе не смотрѣли серьозно на эти предразсудки, и Фабій Максимъ Кунктаторъ не побоялся сказать однажды во всеуслышаніе, что ауспиціи ничто иное, какъ государственныя машины, и потому бываютъ всегда благопріятны, когда хотятъ предпринять что-нибудь, и не благопріятны, когда желаютъ помѣшать чему-нибудь. Но большинство римской аристократіи не обнаруживало своихъ мыслей и поддерживало ненарушимо благотворное дѣйствіе національной религіи и ея церемоній на духъ народа. Всякая же возможность пріобрѣтенія жрецами излишней власти предупреждалась особенностями государственнаго устройства и самого жреческаго сословія. Какъ ни сильно связывала религія отдѣльныя лица, но она все-таки была подчинена сенату и народному собранію, и если возникалъ споръ

о религіозныхъ церемоніяхъ или о правахъ различныхъ жрецовъ, то дѣло въ послѣдней инстанціи рѣшалось не судомъ жрецовъ, а сенатомъ и народнымъ собраніемъ.

Подобно тому, какъ религія и ея постановленія сохранялись у римлянъ гораздо лучше и дѣйствовали на римскій народъ сильнѣе, чѣмъ исказившееся въ тоже время греческое богослуженіе на грековъ, такъ и нравы итальянцевъ были несравненно чище греческихъ. Особенно великими являются римляне и жители Италіи своимъ единствомъ въ отношеніи къ иностранцамъ, воинственная суровость ихъ представляется въ особенно благопріятномъ свѣтѣ при сравненіи ихъ съ низостью грековъ, ихъ завистью другъ къ другу, безпрерывными междоусобіями и съ готовностью продать отчизну и друзей тому, кто платитъ дороже, или жертвовать ими своимъ мелкимъ страстямъ и недостойнымъ желаніямъ. Какъ великъ, какъ поразителенъ своею внутреннею силою является римскій народъ, въ сравненіи съ вѣчнымъ разъединеніемъ грековъ, съ ихъ нелѣпымъ тщеславіемъ, раболѣпною лестью всякому, у кого находилась въ рукахъ власть или отъ кого они надѣялись получить какія нибудь выгоды! И какъ могъ этотъ народъ устоять противъ народа римскаго, который противопоставлялъ его малодушію — мужество, его разъединенію — единство правительственныхъ мѣръ, и живую силу — его мертвому военному механизму, пружины котораго были испорчены произволомъ и насиліемъ! Въ Азіи мы видимъ такое же зрѣлище. Восточныя государства ненавидѣли другъ друга и, находясь въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ, уже тѣмъ самымъ представляли римлянамъ легкую добычу. Гибельный духъ мести и еще болѣе гибельная зависть не допустила эти города и народы соединиться противъ Рима, когда онъ грозилъ всѣмъ имъ одинаковою участью; напротивъ того, они часто призывали на помощь въ своихъ междоусобіяхъ тѣхъ самыхъ, которые искали ихъ гибели. Какъ печально было положеніе тогдашнихъ азіатскихъ государствъ, можно видѣть изъ того, что даже такой отличный правитель, какъ Антіохъ III, былъ занятъ цѣлые годы возмущеніемъ брата и одного изъ своихъ министровъ, и, начавъ наконецъ войну съ римлянами, какъ будто ослѣпленный судьбою, дѣлалъ ошибку за ошибкой! Могъ ли онъ съ своими войсками, набранными изъ всѣхъ народовъ Азіи и Греціи, устоять противъ чисто-національнаго войска римлянъ, которое образовалось на войнѣ и билось со всякимъ за славу своей націи, какъ за свою собственную честь!

Всѣ эти народы, какъ азіатскіе, такъ и греческіе, потеряли, вмѣстѣ съ своею самостоятельностью, и всякое значеніе для человѣчества; только Аѳины, даже въ эпоху своего порабощенія, сохраняли вліяніе на общество и на его развитіе. Когда торговля аѳинянъ перешла въ Александрію, Родосъ и Византію, они избрали главною задачею своей жизни занятія наукою и искусствомъ, и потому городъ ихъ оставался средоточіемъ всѣхъ свободныхъ искусствъ; не смотря на все процвѣтаніе царскихъ ученыхъ заведеній въ Александріи, Антіохіи и Пергамѣ, философія, краснорѣчіе, теорія искусства и другія отрасли свободной умственной дѣятельности по прежнему являлись во всемъ своемъ блескѣ только въ Аѳинахъ. Городъ этотъ оставался, до позднѣйшей эпохи древности, главною школою не только греческаго, но и римскаго общества, и такимъ образомъ сохранилъ за собою въ литературномъ мірѣ то мѣсто, которое утратилъ въ политикѣ. Такое великое значеніе Аѳинъ, совершенно независѣвшее отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, было бы непонятно для насъ, если бы мы упустили изъ виду главную черту характера древнихъ грековъ, которые, вмѣстѣ съ самой сильной наклонностью къ чувственнымъ наслажденіямъ, ощущали такую же сильную потребность въ умственномъ образованіи. Образъ жизни и учрежденія новѣйшихъ народовъ позволяютъ предаваться самостоятельному мышленію только нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ немногочисленныхъ классовъ, и потому у нихъ легко исчезаютъ всѣ нравственные принципы и всякая внутренняя жизнь; напротивъ того, древніе, государственная жизнь которыхъ основывалась на живомъ умственномъ общеніи гражданъ, никогда не могли утратить вполнѣ способности мышленія, и потому, даже въ состояніи упадка, всегда сохраняли духовные интересы и потребности. Такимъ образомъ Аѳины оставались средоточіемъ образованности для всего греческаго міра и тогда, когда пали нравственно и политически. Вскорѣ они, вмѣстѣ съ Марселью, сдѣлались главною школою римскихъ государственныхъ людей и

тѣмъ пріобрѣли еще большее значеніе. Съ распространеніемъ между римлянами греческой цивилизаціи, Аѳины стали настоящимъ центромъ образованности, науки и искусства. Они сохранили это значеніе во всѣ послѣдующія эпохи древности, и, когда древняя литература пришла повсюду въ упадокъ, она процвѣтала въ Аѳинахъ по прежнему, даже до 6-го вѣка по р. Х. Эта цвѣтущая аѳинская образованность не была ни теологическою, какою она сдѣлалась съ распространеніемъ христіанства въ Александріи, ни чисто-софистическою, какъ въ Антіохіи, ни подготовкою къ адвокатурѣ, чѣмъ она была во всѣхъ городахъ Запада и даже въ самомъ Римѣ, но настоящею универсальною образованностью, на сколько допускалъ это духъ древняго міра и характеръ позднѣйшихъ столѣтій.

Обращаясь отъ разсмотрѣнія особенностей духа и быта римскаго народа къ изслѣдованію перемѣнъ, происшедшихъ собственно въ государственной жизни римлянъ, мы увидимъ и здѣсь всеизмѣняющее вліяніе распространенія ихъ господства. Вмѣсто касты патриціевъ, владычествовавшей надъ подчиненными ей гражданами и потомъ раздѣлившей свою власть съ аристократіею заслугъ, преобладающее вліяніе въ государствѣ получило одно богатство; но еще важнѣе, по своимъ послѣдствіямъ, было то, что эта перемѣна въ правахъ и отношеніяхъ римскаго народа способствовала возникновенію въ Римѣ демагогіи и доставила нѣсколькимъ фамиліямъ громадную силу и вліяніе въ государствѣ, такъ что на мѣсто аристократіи явилась настоящая олигархія. Начальство надъ войскомъ во время войны не было уже, какъ прежде, только средствомъ отличиться своими заслугами и заслужить тѣмъ уваженіе и любовь народа; въ войнѣ стали видѣть только способъ обогащенія и старались обратить подчиненныхъ военачальниковъ и солдатъ въ своихъ приверженцевъ. Сверхъ того, одного знанія законовъ, соединеннаго съ практическою опытностью и образованіемъ, не было достаточно для участія въ государственномъ управленіи; необходимо было еще имѣть значительное состояніе, дававшее возможность привязать къ себѣ народъ подарками и великолѣпными играми, и многостороннее образованіе съ адвокатскою ловкостью, чтобы не потеряться въ запутанности всѣхъ отношеній римскаго государства и заинтересовать своими планами избалованный и подверженный самымъ противоположнымъ вліяніямъ народъ. Фамиліи, принявшія тогда первыми отлично приспособленную къ этой цѣли греческую образованность и владѣвшія огромными богатствами, пріобрѣли господствующее положеніе; прочія же фамиліи стали отъ нихъ въ зависимость, и государственное устройство превратилось въ настоящую олигархію. Эти господствовавшія фамиліи, борясь другъ съ другомъ, искали себѣ опоры въ демагогіи и каждый, желавшій составить противъ нихъ оппозицію, долженъ былъ итти тѣмъ же путемъ; такимъ образомъ тогдашнее римское государство вступило на такой путь, который, какъ нѣкогда въ Греціи, необходимо долженъ быть повести наконецъ къ междоусобнымъ войнамъ и монархіи. Впрочемъ значеніе, пріобрѣтенное народными собраніями, доставило и народнымъ трибунамъ такой вѣсъ, какого они никогда прежде не имѣли. Они могли бы даже возвыситься надъ сенатомъ и сдѣлатся господствующею властью въ государствѣ, если бы число ихъ, около половины 5-го вѣка до Р. Х., не было увеличено до десяти; по закону же только единогласное рѣшеніе трибуновъ имѣло силу, а такъ какъ очень рѣдко можно было вполнѣ согласить между собою собраніе изъ десяти человѣкъ, то и власть, которую они могли бы пріобрѣсти при тогдашнихъ обстоятельствахъ своимъ единодушіемъ, исчезла сама собою.

Вслѣдъ за возникновеніемъ въ Римѣ олигархіи, вспыхнула между господствующими фамиліями вражда, обусловливавшаяся характеристическими особенностями той эпохи и, вслѣдствіе того, представляющая особенную занимательность и поучительность. Часть римской аристократіи видѣла, что греческіе нравы и образованность, проникшіе въ Римъ вмѣстѣ съ греческою роскошью и изнѣженностью, могутъ совершенно измѣнить характеръ націи, и что фамиліи, принявшія ихъ, не только пріобрѣли перевѣсъ, но и воспользовались доставляемыми этою образованностью средствами для утвержденія своей популярности и упроченія своего положенія съ помощью демагогіи. Люди, понимавшіе какъ велико было это зло, старались противодѣйствовать ему общими силами и поддерживать древне-римскій національный характеръ; они то и составили особую партію. Противъ нихъ возстала другая часть олигархическихъ фамилій, кото-

рая, по принятому ею направленію, требовала перехода къ общей всемірной цивилизаціи и думала упрочить свое вліяніе посредствомъ своей образованности и популярности. Обѣ стороны, какъ это обыкновенно бываетъ при борьбѣ партій, бросились въ самыя рѣзкія крайности; одни старались уничтожить основной характеръ римскаго народа и простоту самнитско-римскихъ нравовъ водвореніемъ чуждыхъ обычаевъ, другіе вдались въ противоположную крайность, и стали поддерживать военное варварство. Такимъ образомъ споръ сдѣлался и политическимъ и философскимъ вмѣстѣ, съ одной стороны вращаясь на поддержаніи или уничтоженіи древнихъ, строго аристократическихъ принциповъ, а съ другой принявъ видъ борьбы образованности противъ варварства, утонченности греческой жизни противъ направленія всей народной дѣятельности. Во главѣ партіи, стремившейся къ поддержанію древнихъ нравовъ и обычаевъ, стали Фабій Максимъ Кунктаторъ и Маркъ Порцій Катонъ Старшій; поборниками новаго направленія и образованности были Маркъ Клавдій Марцеллъ и фамиліи Сципіоновъ, Павла Эмилія и Фламининовъ. Сущность воззрѣній обѣихъ партій обнаруживается въ противоположности характеровъ и стремленій двухъ знаменитѣйшихъ вождей ихъ Сципіона Африканскаго Старшаго и Марка Порція Катона; вслѣдствіе того необходимо познакомиться ближе съ этими личностями, какъ главнѣйшими представителями духа, гоподствовавшаго въ ихъ эпоху.

Характеръ и политическое значеніе Сципіона Африканскаго Старшаго были уже ясно обозначены въ историческомъ разсказѣ о событіяхъ пуническихъ войнъ (стр. 646.). Правда, что необыкновенныя дарованія и возвышенный характеръ его заставляютъ предполагать, что преобладающее вліяніе его основывалось на его личныхъ заслугахъ; но, при тщательномъ изслѣдованіи окажется, что онъ достигъ своей цѣли гораздо болѣе значеніемъ въ Римѣ своей фамиліи и могуществомъ аристократической партіи, къ которой принадлежалъ, чѣмъ своими собственными блистательными талантами. Образъ его дѣйствій въ послѣдніе дни его жизни можетъ служить лучшимъ доказательствомъ преобладающаго вліянія его и его фамиліи. Противники старались погубить его, обвинивъ передъ народомъ въ лихоимствѣ; взведенное на него обвиненіе состояло въ томъ, что онъ будто бы взялъ съ Антіоха III деньги за заключеніе выгоднаго мира. Сципіона призвали въ народное собраніе, какъ нарочно, въ самый день годовщины битвы при Замѣ. Вмѣсто того, чтобы защищаться, Сципіонъ сказалъ народу: „Въ этотъ самый день я разбилъ Ганнибала и карѳагенянъ, а потому считаю неприличнымъ вести процессъ. Сегодня я не буду вступать въ пренія съ моими врагами, а немедленно отправлюсь въ Капитолій благодарить боговъ, даровавшихъ мнѣ возможность, какъ при Замѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, спасать отечество и уничтожить его враговъ. Кто думаетъ также, какъ я, тотъ пусть послѣдуетъ за мною, и мы вмѣстѣ попросимъ боговъ, чтобы они всегда посылали римской республикѣ людей, которые могли бы избавлять ее отъ опасностей.“ Народъ послушался возванія Сципіона и оставилъ его обвинителей передъ пустыми скамьями. Если въ этомъ смѣломъ поступкѣ, увѣнчанномъ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, и высказывается благородная самоувѣренность и достоинства Сципіона, то въ немъ можно также замѣтить и слишкомъ часто встрѣчающееся въ это время мнѣніе знаменитыхъ людей Рима, что заслуги, оказанныя государству, даютъ право поступать по произволу и смотрѣть на государство какъ на частное имущество. Вслѣдъ за тѣмъ Сципіонъ отправился въ свое помѣстье, и когда вскорѣ потомъ его призвали снова на судъ народа, онъ не явился подъ предлогомъ болѣзни. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ (въ 183 до Р. Х.). Братъ его Луцій Сципіонъ Азіатскій, обвиненный въ томъ же преступленіи, подвергся нападкамъ партіи Катона: его обвинили въ томъ, что онъ былъ подкупленъ Антіохомъ и приговорили къ значительной денежной пенѣ, на уплату которой конфисковали часть его имѣнія. Это однако не помѣшало ему вскорѣ послѣ того пріобрѣсти значительныя богатства азіатскихъ владѣтелей, къ которымъ онъ отправленъ былъ посломъ, и, по возвращеніи, дать блистательныя игры народу. Поступокъ этотъ, а также и то обстоятельство, что Луцій Сципіонъ, не смотря на свою неспособность, получилъ начальство въ войнѣ противъ Антіоха, вполнѣ доказываютъ огромное значеніе и могущество всей фамиліи Сципіоновъ; его поведеніе и угнетенія, посредствомъ которыхъ римскіе вельможи обогащались на

счетъ провинцій, ясно доказываютъ, что римская республика уже тогда управлялась немногими фамиліями и нѣсколькими личностями, оказавшими заслугами отечеству. Какъ глубоко коренилось это въ измѣнившемся духѣ того времени, лучше всего доказываетъ перевѣсъ, пріобрѣтенный Титомъ Квинкціемъ Фламининомъ надъ Сципіономъ Старшимъ. Фламининъ еще болѣе Сципіона усвоилъ себѣ греческій характеръ; онъ былъ тщеславнѣе, нравственно развращеннѣе, опытнѣе его во всѣхъ мелочныхъ дипломатическихъ уловкахъ и, пойдя еще далѣе по новому направленію, пріобрѣлъ въ послѣдніе годы жизни Сципіона еще большее, чѣмъ послѣдній, вліяніе на народъ и на партію нововводителей.

Своею борьбою за древне-римскіе нравы противъ новыхъ обычаевъ и образованности, Маркъ Порцій Катонъ старшій пріобрѣлъ себѣ имя, славу, и такое значеніе въ исторіи, какого никогда не доставили бы ему его другія заслуги. Жизнь его, какъ частнаго человѣка, представляетъ только черты жестокости и озлобленія; но совершенно въ другомъ свѣтѣ представляется она, если смотрѣть на Катона какъ на представителя древне-римскаго національнаго характера, основаннаго на самнитскихъ воззрѣніяхъ и бытѣ. Вся жизнь Катона была борьбою древнихъ національныхъ принциповъ противъ новыхъ, вторгавшихся извнѣ нравовъ и воззрѣній, и онъ являлся такимъ же противникомъ Фламининовъ, всей фамиліи Сципіона Африканскаго и Павла Эмилія, какимъ не задолго до него былъ Фабій Максимъ Кунктаторъ относительно Марка Клавдія Марцелла и Сципіона Старшаго. Какъ человѣкъ энергическій, рѣзкій и рѣшительный, отличавшійся суровою внѣшностью, онъ слишкомъ сильно увлекался тѣмъ враждебнымъ озлобленіемъ, которое вызываетъ въ каждомъ человѣкѣ упорная борьба за мнѣнія и принципы, и долженъ былъ выносить гнуснѣйшія клеветы со стороны тѣхъ, которые предоставляли міру идти своимъ путемъ, лишь бы только они могли дѣлать все, что угодно. Характеръ его представляетъ еще ту особенно интересную сторону, что въ немъ мы находимъ многія черты древнѣйшаго итальянскаго народнаго характера, поразительно сходныя съ чертами національнаго характера новѣйшихъ итальянцевъ. Подобная личность во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интересна съ исторической точки зрѣнія, являясь живымъ изображеніемъ духа, господствовавшаго до времени Катона, и наглядно представляя собою природныя черты національнаго характера цѣлой страны.

Кто въ чрезвычайной живости и горячности, съ которыми Катонъ боролся противъ новыхъ принциповъ и приверженцевъ ихъ, не узнаетъ господствующей черты характера современнаго итальянца, который приходитъ въ бѣшенство, когда бываетъ чѣмъ нибудь затронутъ! Кто не знаетъ также, что въ Италіи чаще всего встрѣчается странное соединеніе самаго низкаго корыстолюбія съ безграничнымъ равнодушіемъ къ матеріальнымъ благамъ? Соединеніе этихъ же самыхъ качествъ мы видимъ въ Катонѣ. Въ единственномъ, дошедшемъ до насъ сочиненіи Катона «о земледѣліи и домашнемъ хозяйствѣ,» онъ самъ прямо высказываетъ мысль, что выгода и пріобрѣтеніе составляютъ, по его мнѣнію, важнѣйшую цѣль въ жизни, и что по этому онъ вполнѣ сочувствуетъ порядочному человѣку, который старается обогатить себя торговлею. Хотя при этомъ онъ и объявляетъ ремесло ростовщика не позволительнымъ и безчестнымъ, но самъ въ продолженіе всей своей жизни никогда не считалъ дурнымъ торговать рабами, и изъ корыстолюбія унижалъ человѣчество до того, что, для размноженія своихъ рабовъ и вызвышенія ихъ цѣнности, прибѣгалъ къ такимъ же средствамъ, какія обыкновенно употребляются съ овцами и лошадями. Не смотря на страшное корыстолюбіе, онъ былъ истиннымъ образцомъ умѣренности и простоты. Въ то время какъ большая часть римскихъ намѣстниковъ провинцій позволяла себѣ самую постыдную роскошь, не останавливаясь ни передъ какими притѣсненіями и подлостями, Катонъ, въ бытность свою проконсуломъ Сардиніи, отказывался даже отъ такихъ удобствъ и удовольствій, которыми могъ бы пользоваться совершенно законно; такъ, напримѣръ, онъ ходилъ изъ однаго города въ другой пѣшкомъ и въ сопровожденіи только одного слуги. Третьею, чисто итальянскою чертою характера Катона было его чистосердечное, вполнѣ искреннее суевѣріе, которое до такой степени владѣло имъ, что онъ совершенно серьозно совѣтуетъ въ своемъ сочиненіи употреблять, въ случаѣ тѣлесныхъ поврежденій, симпатическія лекарства и даже настоящую абракадабру. Онъ отличался еще большею общежи-

тельностью и веселость, доходившею иногда до неприличныхъ и грубыхъ шутокъ, — два свойства, также составляющія отличительныя черты народнаго характера древнихъ отъ новѣйшихъ итальянцевъ. Катонъ соблюдалъ всѣ правила гостепріимства и дружбы съ сосѣдями, возстановилъ въ своемъ помѣстьѣ древній итальянскій обычай общихъ обѣдовъ и часто давалъ веселые и задушевные пиры, въ которыхъ принимали участіе и старики и юноши, и на которыхъ сосѣди засиживались съ нимъ далеко заполночь, дружески болтая и выбирая себѣ самаго веселаго предсѣдателя пиршества. Лѣтомъ общество располагалось въ прохладномъ мѣстѣ, зимою гдѣ нибудь на солнце или собиралось вокругъ огня. На своихъ пирахъ собесѣдники Катона оставались вѣрны правиламъ древней самнитской воздержанности, и пили вино умѣренно изъ небольшихъ стакановъ. Такъ обходился Катонъ не только съ своими деревенскими сосѣдями, но и съ своими кліентами; въ то время, какъ другіе знатные римляне его времени начали обращаться съ ними какъ съ подданными, Катонъ продолжалъ держаться старыхъ обычаевъ, двозволяя своимъ кліентамъ принимать участіе въ своихъ удовольствіяхъ, былъ для нихъ отцомъ и другомъ, и даже на старости взялъ себѣ въ жены дочь однаго изъ нихъ.

Какъ въ этой простотѣ жизни, въ живости и общительности, въ этой доброй и веселой страсти римскаго помѣщика, даже во времена Катона, выказываются древне-самнитскіе нравы и обычаи, такъ, напротивъ того, въ его обращеніи съ рабами и въ его походахъ видны жестокость и суровость, которыя также можно считать чертою римскаго характера, но которыя кажутся особенно рѣзкими въ сравненіи съ кротостью какого-нибудь Клавдія Марцелла или Сципіона Африканскаго. Однажды, въ Испаніи, Катонъ велѣлъ, по древнему жестокому обычаю, перебить до 600 перебѣжчиковъ, выданныхъ ему однимъ изъ покоренныхъ народовъ. Тамъ же онъ совершенно хладнокровно велѣлъ разрушить до четырехсотъ мѣстечекъ. Такъ свирѣпо могъ поступать человѣкъ, душа котораго никогда не была доступна голосу музъ, какъ души Сципіоновъ. Чрезмѣрное тщеславіе Катона составляетъ также черту древне-римскаго характера, рѣзко выдающуюся въ людяхъ, которые, подобно Катону, были обязаны своею властью и значеніемъ не вліянію своихъ фамилій, а личнымъ заслугамъ, или, подобно Марію и Цицерону, происходили изъ какого-нибудь муниципальнаго города и, какъ люди новые, должны были пріобрѣтать себѣ положеніе въ обществѣ и почетъ особенными заслугами. Эта черта, представляющаяся смѣшною и непріятною, особенно въ характерѣ Цицерона, высказывается во многихъ дошедшихъ до насъ анекдотахъ о Катонѣ; истинны они или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ совершенно согласуются со всею жизнью этаго человѣка. Наконецъ въ военномъ поприщѣ Катона видна та безмѣрная строгость, съ которой вели войну римляне древнѣйшей эпохи. Во всѣхъ своихъ походахъ онъ самъ подавалъ своимъ солдатамъ примѣръ добросовѣстнаго исполненія обязанностей воина, раздѣляя съ ними всѣ труды и опасности, и отказывая себѣ во всѣхъ удобствахъ, которыми могъ бы пользоваться какъ начальникъ.

Этотъ истый римлянинъ стараго закала старался всѣми силами и настойчивостью своего ума противодѣйствовать нововведеніямъ, грозившимъ наводнить всю римскую жизнь. Особенно энергически дѣйствовалъ онъ во время своего цензорства, въ 184 г. до р. Х. Знатные римляне пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать его избранію въ цензоры, боясь и не безъ основанія неумолимой строгости, съ которой онъ будетъ возстановлять древніе обычаи. Онъ и самъ, при выборахъ въ эту должность, торжественно объявилъ съ ораторской трибуны, что республика нуждается въ полномъ очищеніи. Въ другой разъ Катонъ сказалъ народу, что онъ похожъ на стадо барановъ, которое позволяетъ вести себя куда угодно, что, выбирая на почетныя мѣста однихъ и тѣхъ же людей, онъ самъ навязываетъ себѣ властителей, что онъ думаетъ только о своихъ ближайшихъ потребностяхъ, и что римская республика не въ состояніи устоять долгое время, когда въ ней будутъ платить за лакомую рыбу дороже, чѣмъ за рабочаго быка. Катонъ достигъ своей цѣли и былъ избранъ въ цензоры вмѣстѣ съ другимъ представителемъ древне-римской партіи, Луціемъ Валеріемъ Флаккомъ. Въ соединеніи съ нимъ, онъ пользовался предоставленною ему властью съ такою строгостью и суровостью, что ему дали впослѣдствіи прозвище

цензорія. Многіе изъ его поступковъ очень просто объясняются постоянной борьбой, злобою и раздраженіемъ; такъ, напримѣръ, онъ изгналъ изъ сената Манилія за то, что онъ, въ присутствіи взрослой дочери, поцѣловалъ свою жену, и вычеркнулъ Сципіона Азіатскаго изъ списка всадниковъ по ненависти къ нему и его фамиліи. Впрочемъ большая часть того, что онъ дѣлалъ какъ цензоръ, обнаруживаетъ въ немъ человѣка, стремившагося къ поддержанію колебавшагося духа римскаго народа. Не смотря на все свое желаніе, онъ не могъ возстановить древней строгости нравовъ и обычаевъ, потому что развратъ пустилъ уже слишкомъ глубокіе корни; пользуясь только правомъ ограниченія, онъ употреблялъ его съ крайнею строгостью. Катонъ обложилъ высокою пошлиною всѣ предметы роскоши, заставилъ разрушить частныя зданія, воздвигнутыя римскими вельможами на общественной землѣ, отнялъ у подрядчиковъ общественныхъ работъ большую часть присвоенныхъ ими себѣ выгодъ, возвысивъ откупныя суммы при отдачѣ на откупъ государственныхъ налоговъ и т. п. Но обѣ партіи римской аристократіи дѣйствовали другъ противъ друга съ такою враждою и ненавистью, что Титъ Квинкцій Фламининъ, съ помощію приверженцевъ роскоши, вытребовалъ у сената уничтоженіе контрактовъ, заключенныхъ Катономъ съ подрядчиками, и черезъ нѣкоторыхъ смѣлыхъ трибуновъ успѣлъ приговорить Катона къ пенѣ въ два таланта, не смотря на то, что прежде народъ шумными рукоплесканіями привѣтствовалъ начало бережливаго цензорства Катона. Кто въ этомъ успѣшномъ стремленіи защитниковъ распространившихся злоупотребленій, даже въ одной попыткѣ ихъ уничтожить мудрыя мѣры Катона, не узнаетъ безграничнаго произвола и могущества личностей и фамилій, смотрѣвшихъ на государство, какъ на свою собственность, и не пойметъ, какъ велико было зло, которое старался исцѣлить Катонъ! Къ чему же могли служить всѣ наказанія и законы, когда духъ времени и вліяніе быстраго перехода отъ бѣдности и простоты жизни къ богатству и роскоши были несравненно могущественнѣе всякой силы, которую имъ могли противопоставить люди въ родѣ Катона или Фабія Максима Кунктатора, сохранившіе еще во всей чистотѣ черты истиннаго древне-римскаго характера, и когда все, составляющее сущность направленія извѣстной эпохи, никогда не подчиняется никакой власти въ государствѣ! Оттого и борьба Катона противъ новаго порядка вещей не могла имѣть никакихъ результатовъ. Онъ могъ только, въ качествѣ цензора, противодѣйствовать беззаконной власти какого-нибудь римскаго должностнаго лица, или какъ преторъ, консулъ и полководецъ подавать собою примѣръ, или, въ союзѣ съ своими друзьями, приносить жалобы въ судъ на притѣсненіе провинцій, осыпать самыми злыми насмѣшками греко-азіатскую испорченность нравовъ, или же наконецъ сто разъ повторять римскому народу, что раболѣпство, пресмыкающихся передъ нимъ азіатскихъ царей, ихъ придворные обычаи, лукавое обхожденіе и основанное на немъ искусство ловкихъ подкуповъ также опасны для Рима, какъ и могущество Карѳагена. Впрочемъ, какъ ни сильно боролся онъ противъ всего чужаго, но на старости самъ началъ уклоняться отъ прежнихъ своихъ идей, и въ преклонныхъ уже лѣтахъ принялся за изученіе, прежде столь ненавистной для него, греческой литературы, слѣдовательно, рѣшился наконецъ идти путемъ нововведеній. Катонъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что римская республика, раскинувшись на огромное пространство, требовала такой системы управленія, для которой уже было не достаточно однихъ самнитскихъ нравовъ и преданій и слабой латинской образованности.

IX. ОТЪ ПОЯВЛЕНІЯ

НА ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПОПРИЩѢ ОБОИХЪ ГРАКХОВЪ ДО СМЕРТИ СУЛЛЫ.

---

1. Волненія, возбужденныя Гракхами.

Въ то время какъ Сципіонъ Африканскій Младшій воевалъ съ нумантинцами, въ Римѣ начался рядъ переворотовъ, окончившихся сто лѣтъ спустя учрежденіемъ монархіи. Это обильное послѣдствіемъ движеніе было возбуждено тѣмъ самымъ Тиберіемъ Семпроніемъ Гракхомъ, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, въ званіи квестора при консулѣ Манцинѣ (стр. 673), заключилъ договоръ съ Нуманціею, такъ постыдно отвергнутый сенатомъ. Съ отцовской стороны онъ принадлежалъ къ знатной плебейской фамиліи и былъ близкимъ родственникомъ фамиліи Сципіоновъ: мать его, благородная Корнелія, была дочерью старшаго Сципіона Африканскаго, а сестра, Семпронія, женою младшаго Сципіона Африканскаго. Это родство было для Тиберія Гракха и его дѣятельности далеко не такъ важно по значенію, которое придавали ему связи его съ первыми римскими фамиліями, какъ потому, что посредствомъ его онъ усвоилъ себѣ всѣ преимущества греческой образованности, которыми отличалась фамилія Сципіоновъ передъ всѣми римскими вельможами. Воспитаніемъ и образованіемъ Тиберій Гракхъ былъ обязанъ преимущественно своей матери, одной изъ образованнѣйшихъ римскихъ женщинъ, имѣвшей такое огромное вліяніе на развитіе своихъ сыновей, что историки часто называютъ ее не собственнымъ ея именемъ, а матерью обоихъ Гракховъ.

Причины волненій, вызванныхъ Тиберіемъ Гракхомъ и возобновленныхъ по его смерти братомъ его, Каемъ Гракхомъ, скрывались въ правительственномъ и политическомъ состояніи тогдашняго римскаго общества. Лица и семейства, сосредоточившія въ своихъ рукахъ управленіе, пали такъ низко, что потеряли большую часть уваженія, необходимаго аристократіи для поддержанія ея достоинства. О монархической формѣ правленія, къ которой наконецъ должно было привести Римъ подобное положеніе дѣлъ, въ то время никто не думалъ; напротивъ того, во многихъ фамиліяхъ, принимавшихъ какое-нибудь участіе въ управленіи, господствовалъ во всей силѣ республиканскій духъ, еще болѣе усилившійся подъ вліяніемъ греческой литературы. За то въ Римѣ стали обнаруживаться стремленія воспользоваться демократическимъ элементомъ въ государственномъ устройствѣ, чтобы съ помощью его, путемъ реформъ, положить предѣлъ распространенію общаго разврата. Необходимо было подумать о томъ, какъ бы замѣнить испорченные соки общества здоровыми и, для блага всего народа, доставить болѣе вліянія еще неиспорченной части его. Какимъ образомъ слѣдовало привести это въ исполненіе — рѣшить было очень трудно. Лучшіе люди изъ господствовавшихъ фамилій думали спасти республику слѣдующими средствами: не допускать сосредоточенія владѣнія землями и могущества въ небольшемъ числѣ фамилій, доставить неимущимъ гражданамъ собственность и работу и тѣмъ уменьшить число

тѣхъ, которые по своей бѣдности были доступны подкупу и оттого имѣли чрезвычайно вредное вліяніе въ народныхъ собраніяхъ, наконецъ сравнить въ правахъ съ римлянами итальянцевъ, составлявшихъ главную часть римскаго войска и обремененныхъ большими налогами и повинностями, чѣмъ остальные римскіе подданные.

Мы не въ состояніи сказать, было ли это исполнимо или нѣтъ; но во всякомъ случаѣ многіе лучшіе и благороднѣйшіе дѣятели изъ знатнѣйшихъ фамилій, въ томъ числѣ и Тиберій Гракхъ, считали это дѣло возможнымъ, и реформа Гракха, столь важная по своимъ послѣдствіямъ, истекала именно изъ этого убѣжденія. Вглядываясь пристальнѣе въ положеніе тогдашняго общества, мы видимъ, что вопіющія злоупотребленія римской аристократіи были особенно стѣснительны въ слѣдующихъ трехъ отношеніяхъ, послужившихъ прямымъ поводомъ къ волненіямъ, возбужденнымъ Гракхами. Злоупотребленія перваго рода состояли въ отвратительномъ обращеніи господствующаго класса въ Римѣ съ итальянцами. Римскіе вельможи, даже не занимавшіе никакой должности, дозволяли себѣ въ итальянскихъ союзническихъ городахъ величайшія насилія и самыя наглыя требованія. Жители этихъ городовъ, имѣвшіе отчасти право голоса въ народныхъ собраніяхъ, съ жадностью пользовались всякимъ случаемъ, чтобы мстить властолюбивой аристократіи, вслѣдствіе того всякое движеніе, вызванное какимъ-нибудь трибуномъ, было вдвойнѣ опасно, потому что оно легко могло распространиться по всей Италіи. Вторымъ поводомъ къ волненіямъ, возбужденнымъ Гракхами, былъ способъ пользованія римскими государственными имуществами. Съ давняго времени часть завоеванныхъ земель была раздаваема поселенцамъ и солдатамъ, нерѣдко перепродававшимъ свое имущество въ другія руки; другая часть отдавалась по распоряженію цензора въ аренду черезъ каждые пять лѣтъ и такимъ образомъ предоставлялась всегда въ пользованіе однѣмъ знатнымъ фамиліямъ; наконецъ, третью часть, содержавшую въ себѣ только невоздѣланныя земли, могъ брать во владѣніе всякій желающій, съ платежемъ опредѣленной подати. При Лициніи Столонѣ (стр. 574) былъ изданъ законъ, по которому никто не имѣлъ права владѣть болѣе 500 югеровъ государственныхъ земель, законъ, имѣвшій явною цѣлью воспрепятствовать знатнымъ фамиліямъ, въ рукахъ которыхъ находились высшія должности, слѣдовательно и всѣ средства присвоить себѣ государственную собственность, захватывая земли республики. Но запрещеніе не повело ни къ чему, и римская аристократія мало-по-малу завладѣла большею частью государственныхъ земель. Это было чрезвычайно невыгодно для республики, терявшей, при взиманіи податей, огромныя суммы, потому что владѣльцы, подъ всевозможными предлогами, заводили споры о количествѣ податей, а съ другой стороны трудно было опредѣлить цѣнность этихъ земель, наконецъ вслѣдствіе недостатковъ древней администраціи, бывали даже случаи, что государственной собственности невозможно было отличить отъ частной. Эти злоупотребленія при пользованіи государственными имуществами сопровождались еще гораздо худшимъ послѣдствіемъ, послужившимъ третьимъ и самымъ важнѣйшимъ поводомъ къ волненіямъ, произведеннымъ Гракхами. Римскіе вельможи не только обращали большую часть своихъ помѣстій въ луга, увеличивая такимъ образомъ скотоводство въ ущербъ земледѣлію, но и предоставили оба эти занятія исключительно рабамъ. Оттого и большинство населенія Италіи состояло изъ рабовъ. Вслѣдствіе образованія множества большихъ помѣстій, ничтожные остатки свободнаго сельскаго населенія находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи, не имѣя никакихъ средствъ улучшить свое состояніе трудомъ, и потому при всякомъ удобномъ случаѣ старались переселяться въ Римъ, гдѣ они получали большею частью содержаніе на счетъ государства. Даже многіе изъ солдатъ и поселенцевъ, надѣленные землями, обремененные долгами и подвергаясь разнымъ притѣсненіямъ, теряли свои земли и перебирались въ Римъ. Такимъ образомъ большое стеченіе народа въ Римѣ грозило тѣмъ, что народное собраніе обратится въ орудіе демагоговъ. Малочисленность и бѣдственное положеніе итальянскаго сельскаго населенія, увеличеніе числа рабовъ и употребленіе ихъ вмѣсто свободныхъ работниковъ до такой степени поразительно, что, по увѣренію самого Гракха, путешествіе его по Италіи болѣе всего остальнаго побудило его произвести движеніе, вызванное имъ въ бытность его народнымъ трибуномъ.

Съ твердою рѣшимостью исправить всѣ эти злоупотребленія возобновлені-

емъ аграрныхъ законовъ Лицинія Столона, Тиберій Гракхъ, не достигши еще 30 лѣтняго возраста, заставилъ избрать себя народнымъ трибуномъ на 133 г. до р. Х. Дальновиднѣйшіе изъ аристократовъ оказали ему свое содѣйствіе, и между тѣми, которые согласились на его избраніе, особенно отличаются три человѣка, пользовавшихся большимъ вліяніемъ и далеко нерасположенныхъ къ демагогіи— тесть Гракха, Аппій Клавдій, бывшій прежде консуломъ и цензоромъ и носившій почетный титулъ перваго сенатора, pontifex maximus или верховный жрецъ римскій, Публій Лициній Крассъ Муціанъ, и тогдашній консулъ, Публій Муцій Сцевола, принадлежавшій къ знаменитѣйшимъ юристамъ своего времени. По мнѣнію ихъ и всѣхъ тѣхъ, которые желали дѣйствительнаго исправленія зла, Тиберій Гракхъ являлся поборникомъ древне-римскихъ нравовъ и постановленій. Но зато большей части высшаго сословія реформа его казалась самымъ опаснымъ нововведеніемъ, лишавшимъ его всѣхъ постепенно пріобрѣтенныхъ имъ преимуществъ. Такимъ образомъ Гракхъ съ самаго начала долженъ былъ предвидѣть, что ему придется выдержать упорную борьбу со всѣми пользовавшимися выгодами существовавшаго порядка. Конечно, реформу эту можно было провести только съ помощью народа; но сильно ошибется тотъ, кто вообразитъ, что совершить преобразованіе было легко только потому, что оно было выгодно для большинства народа. Хотя со времени паденія господства патриціевъ, народное собраніе мало-по-малу и захватило въ свои руки почти все судопроизводство и большую часть администраціи, но въ дѣйствительности участіе его въ управленіи государствомъ было очень не велико: римскимъ народнымъ собраніемъ управляли лица, которыя, не будучи въ состояніи провести что-нибудь въ сенатѣ, обращались къ народу и пользовались его интересами, какъ предлогомъ для достиженія своихъ цѣлей; другими словами, народъ постоянно находился подъ властью оппозиціонной части аристократіи, и, слѣдовательно, участіе его въ управленіи помогало только аристократическимъ партіямъ въ достиженіи ихъ цѣлей. Пока это не преступало извѣстныхъ границъ, римскій народъ пріобрѣталъ отъ соперничества аристократическихъ фамилій такія же выгоды, какія извлекаетъ англійскій народъ изъ дѣйствій столь же своекорыстной парламентской оппозиціи. Все это измѣнилось при Гракхахъ, потому что и они и ихъ соперники вышли изъ предѣловъ законности. Вслѣдствіе того и движеніе, возбужденное Гракхами, имѣло рѣшительное вліяніе на позднѣйшія волненія и междуусобія, преимущественно потому, что обѣ аристократическія партіи своими дѣйствіями уничтожили существовавшія между господствующими классами и народомъ отношенія, вызвавъ настоящую демократію, зависѣвшую отъ крайнихъ демагоговъ, и такимъ образомъ возбудивъ почти столѣтнюю страшную борьбу, разрушительное дѣйствіе которой отозвалось на всемъ пространствѣ республики. Увидѣвъ, что революція неизбѣжна и что достигнуть цѣли нравственными и законными средствами невозможно, обѣ партіи стали оправдывать средства цѣлью и низвергли преграду, воздвигнутую ихъ предками для охраненія порядка въ государствѣ.

Вотъ общее направленіе и конечный результатъ волненій, произведенныхъ Гракхами. Что касается ихъ частностей, то очевидно, что Тиберій Гракхъ сначала и не думалъ ни о какихъ насильственныхъ и принудительныхъ мѣрахъ, а тѣмъ менѣе о возбужденіи революціи. Руководимый своими благородными побужденіями, онъ выступилъ примирителемъ, стараясь обезпечить интересы аристократіи и, улучшая положеніе бѣднѣйшихъ классовъ народа, заботился о томъ, чтобы какъ можно менѣе повредить выгодамъ богатыхъ, и только впослѣдствіи сопротивленіе послѣднихъ заставило его обратиться къ демагогіи и насиліямъ; напротивъ того, братъ его, взявшійся снова за это дѣло, съ самаго начала пошелъ путемъ революціи. Тиберій Гракхъ не требовалъ полнаго и безусловнаго возобновленія закона Лицинія, но вмѣсто того сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: ни одинъ гражданинъ не долженъ имѣть болѣе 500 югеровъ государственныхъ земель; если онъ владѣлъ большимъ количествомъ, то могъ удержать по 250 югеровъ на каждаго изъ взрослыхъ сыновей; все прочее количество государственной земли онъ долженъ былъ возвратить, получая вознагражденіе изъ государственнаго казначейства за постройки, находившіяся на землѣ, и за всѣ сдѣланныя имъ улучшенія почвы. Далѣе Тиберій Гракхъ предлагалъ постановить, чтобы на будущее время владѣлецъ государственныхъ земель имѣлъ въ числѣ своихъ па-

харей и пастуховъ положенное число свободныхъ людей, а государственныя земли, отобранныя у богатыхъ, были раздѣлены между бѣднѣйшими гражданами; для этого онъ предлагалъ избирать ежегодно двухъ коммиссаровъ, которые не только завѣдывали бы дѣлежомъ земель, но и наблюдали за тѣмъ, чтобы измѣненный такимъ образомъ законъ Лицинія снова не пришелъ въ забвеніе, подобно всѣмъ законамъ, не нравившимся господствующему классу.

Гракхъ, согласно требованію закона, обнародовалъ свое предложеніе за 17 дней до народнаго собранія, въ которомъ оно должно было обсуживаться, и встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны большинства членовъ сената, старавшихся навлечь на него подозрѣніе въ желаніи захватить верховную власть въ свои руки. Изъ рѣчей, произнесенныхъ имъ для поддержанія своего предложенія въ народномъ собраніи, сохранились нѣкоторые отрывки, ясно доказывающіе, что въ началѣ намѣреніе его было превосходно, хотя по всему замѣтно, что для выполненія его онъ не составилъ себѣ строгого обдуманнаго плана. Въ рѣчахъ его видно желаніе расположить къ себѣ какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ: однимъ онъ говорилъ о великодушіи и любви къ отечеству, другимъ указывалъ возможность избавиться отъ нищеты и униженія. «У дикихъ звѣрей Италіи,» сказалъ онъ между прочимъ, «есть берлоги и логовища для отдохновенія, а люди, бившіеся на жизнь и смерть за славу Италіи, лишены всего, кромѣ воздуха и дневнаго свѣта, да и тѣми пользуются только потому, что отнять ихъ нѣтъ возможности. Безъ крова и пристанища странствуютъ они по своей землѣ съ женами и дѣтьми. Полководцы насмѣхаются надъ ними, призывая ихъ сражаться за домашнихъ боговъ и гробы своихъ отцовъ, потому что между ними врядъ ли найдется даже одинъ, который владѣлъ бы гробницею своихъ родныхъ или хоть собственнымъ домашнимъ жертвенникомъ. Эти люди сражаются и умираютъ только для доставленія другимъ богатства, славы и наслажденій; они покорили вселенную и называются ея властителями, а сами не имѣютъ и клочка земли.» Представивъ предложеніе свое народу, Гракхъ встрѣтилъ неожиданно оппозицію со стороны своихъ товарищей. Трибунъ Маркъ Октавій тотчасъ же остановилъ его предложеніе, а такъ какъ по римскому закону veto каждаго трибуна рѣшало дѣло, то народное собраніе должно было разойтись безъ подачи голосовъ. Съ этой минуты начались волненія, которыя могъ предвидѣть всякій дальновидный человѣкъ. Народъ шумѣлъ; Октавій и другіе противники предложенія Гракха упорствовали въ своемъ сопротивленіи, не смотря на всѣ усилія Тиберія. Тогда Гракхъ воспользовался предоставленнымъ ему правомъ и объявилъ своимъ эдиктомъ такъ называемое justitium, т. е. остановку дѣйствій всего государственнаго механизма до тѣхъ поръ, пока не будетъ подвержено подачѣ голосовъ его предложеніе: этимъ эдиктомъ запрещалось всѣмъ должностнымъ лицамъ исправленіе ихъ обязанностей подъ страхомъ наказанія. Въ то же время Гракхъ запечаталъ входъ въ зданіе, гдѣ находилась государственная казна. Потомъ онъ представилъ народу новое предложеніе, въ которомъ требовалъ безусловнаго примѣненія и выполненія закона Лициніева, съ устраненіемъ всѣхъ предложенныхъ имъ прежде вознагражденій. Богатые съ своей стороны выставили своихъ отпущенниковъ и клiентовъ, чтобы силою принудить Гракха къ уступкамъ; дѣло дошло до открытой схватки на площади, и Гракхъ принужденъ былъ для безопасности всегда носить при себѣ кинжалъ. Когда снова собрался народъ, Октавій повторилъ свой протестъ, приказавъ въ то же время унести урны, въ которыя, при подачѣ голосовъ, каждый гражданинъ бросалъ свою дощечку. Не добившись никакого рѣшенія, Гракхъ принужденъ былъ снова распустить народъ, но съ той минуты выступилъ уже настоящимъ главою партіи. На всѣхъ стѣнахъ и общественныхъ зданіяхъ были прибиты прокламаціи, въ которыхъ требовалось, чтобы онъ продолжалъ начатое имъ дѣло въ пользу бѣднѣйшихъ гражданъ, и съ тѣхъ поръ самъ онъ сталъ выходить изъ дому не иначе, какъ въ сопровожденіи трехъ или четырехъ тысячъ человѣкъ.

Оставался еще одинъ исходъ: сенатъ могъ поправить дѣло, уступивъ немногое, чтобы удержать за собою остальное. Этого желало большинство аристократовъ, и Гракха уговорили обратиться къ сенату, чтобы сдѣлать возможнымъ какое-нибудь соглашеніе. Но большинство лицъ, владѣвшихъ государственными имуществами, не соглашалось уступить изъ нихъ ни малѣйшей доли и, обнару-

живъ свою непримиримую злобу къ Гракху, принудило его опять обратиться къ народу. Здѣсь противникомъ его явился тотъ же Октавій, и Гракхъ ухватился за средство, которое хотя и помогло ему въ ту минуту, но зато дало его врагамъ опасное оружіе противъ него: онъ подговорилъ народъ къ смѣщенію своего товарища и нарушилъ тѣмъ законъ о неприкосновенности трибуновъ, ограждавшій его отъ притѣсненій исполнительной власти, находившейся въ рукахъ сената. Гракхъ объявилъ собравшемуся народу, что необходимо смѣстить его или Октавія, потому что они были совершенно противоположнаго мнѣнія о столь важномъ для народа предметѣ. Но прежде чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, онъ старался убѣжденіями и просьбами склонить своего товарища къ уступкѣ. Октавій упорствовалъ, былъ смѣщенъ и съ трудомъ спасъ свою жизнь отъ ярости озлобленнаго народа. Это устрашило всѣхъ прочихъ, никто не осмѣлился послѣдовать примѣру Октавія, и предложенный законъ не только прошелъ безъ всякаго противорѣчія, но немедленно назначена была коммисія для приведенія его въ исполненіе; членами ея были: самъ Тиберій Гракхъ, тесть его Аппій Клавдій и меньшой братъ его, К а й С е м п р о н і й Г р а к х ъ.

Достигнувъ желанной цѣли, многіе приверженцы Тиберія Гракха оставили городъ, по случаю наступленія времени жатвы; противники же его остались, ожидая болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Сенатъ, подобно всякой партіи, имѣющей въ своихъ рукахъ власть и лишающейся ея противъ воли, не зналъ что дѣлать отъ бѣшенства, стараясь только всѣми зависящими отъ него средствами помѣшать исполненію закона. Съ этою цѣлью онъ прибѣгнулъ, по всегдашнему обыкновенію всѣхъ глупыхъ приверженцевъ старины, даже къ мелочнымъ оскорбленіямъ и тѣмъ, безъ всякой нужды, еще болѣе ожесточилъ своихъ противниковъ. Такъ, напримѣръ, онъ отказалъ тремъ названнымъ членамъ коммисіи во всѣхъ почестяхъ, принадлежащихъ членамъ прочихъ правительственныхъ коммисій, и назначилъ имъ изъ государственнаго казначейства на ежедневное содержаніе шесть сестерцій (около тридцати копѣекъ серебромъ), но этимъ еще болѣе возвысилъ въ глазахъ народа коммиссаровъ, которые во время своихъ путешествій по Италіи были встрѣчаемы повсюду съ восторгомъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, сенатъ какъ бы отказывался отъ званія высшаго, правительственнаго мѣста и унижался до степени простой партіи. Такъ какъ тотчасъ по принятіи закона многіе изъ приверженцевъ Гракха, по случаю наступленія жатвы, удалились изъ города, то Тиберій долженъ былъ подумать о мѣрахъ къ усиленію своей партіи и о противодѣйствіи сенату. Онъ привлекъ на свою сторону народъ, объявивъ, что жизнь его находится въ опасности, и представивъ цѣлый рядъ предложеній о законахъ, которые намѣревался провести. Между прочимъ онъ предложилъ, чтобы судьи, которые по требованію народа судили государственныхъ преступниковъ и до сихъ поръ были избираемы изъ сенаторовъ, избирались на половину изъ всадниковъ; этимъ закономъ Гракхъ надѣялся привлечь на свою сторону одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ классовъ римскаго населенія. Около этого времени умеръ Атталъ III, царь пергамскій, завѣщавшій свои владѣнія римскому народу; Гракхъ воспользовался и этимъ случаемъ, чтобы еще болѣе повредить аристократической партіи: онъ предложилъ раздѣлить сокровища пергамскаго царя между бѣднѣйшими гражданами для того, чтобы они могли пріобрѣсти себѣ все необходимое для обрабатыванія участковъ, полученныхъ ими по новому аграрному закону. Кромѣ того онъ хотѣлъ предложить, чтобы доставшееся римской республикѣ царство пергамское было подчинено вѣдѣнію не сената, а народа, и намѣревался также потребовать сокращеніе срока военной службы. Всѣ подобныя предложенія Тиберія Гракха, грозя потрясти самыя основанія тогдашней аристократіи, оправдываютъ опасенія знатнѣйшихъ гражданъ, такъ же какъ и старанія ихъ помѣшать избранію его въ трибуны на слѣдующій годъ.

Дѣйствительно, Тиберій Гракхъ предложилъ себя въ трибуны и на слѣдующій годъ. Когда приступили къ выборамъ, на площади произошла такая схватка, что необходимо было распустить народное собраніе, созванное опять на слѣдующій день. Дѣло Тиберія Гракха начало принимать очень дурной оборотъ: аристократы употребляли всѣ усилія, чтобы повредить ему, большинство его приверженцевъ находилось еще въ своихъ помѣстьяхъ, многіе же изъ гражданъ перестали довѣрять ему. Понимая очень хорошо затруднительность своего положе-

нія, Тиберій Гракхъ оставался цѣлый вечеръ на площади, объясняя присутствовавшимъ тамъ толпамъ гражданъ, какой опасности онъ подвергался; масса бѣдняковъ, изъявивъ готовность охранять и защищать его, проводила его до дому и осталась тамъ на стражѣ до слѣдующаго утра. Гракхъ собралъ къ себѣ ночью своихъ друзей, на всякій случай условился съ ними о знакѣ, который будетъ служить сигналомъ къ рукопашному бою, и принялъ необходимыя мѣры, чтобы приверженцы его еще ночью заняли въ Капитоліи, гдѣ должно было происходить народное собраніе, такія мѣста, откуда они могли съ успѣхомъ напасть на своихъ противниковъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго утра народъ собрался въ Капитоліи, а сенатъ въ находившемся по близости храмѣ. Огромное большинство сенаторовъ рѣшило, что при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ государство можетъ быть спасено только энергическими дѣйствіями, и вслѣдствіе того консулу Муцію Сцеволѣ дано было полномочіе принять мѣры къ спасенію республики, не стѣсняясь существующими законами. Но Муцій Сцевола, самъ горячо поддерживавшій сначала предложенія трибуна, не хотѣлъ сдѣлаться орудіемъ противниковъ его, возстававшихъ противъ справедливыхъ и необходимыхъ преобразованій, и объявилъ, что не воспользуется этимъ полномочіемъ, а будетъ дѣйствовать только законными средствами. Отказъ его возбудилъ довольно основательное подозрѣніе враговъ Гракха въ сенатѣ, что избраніе ненавистнаго имъ человѣка состоится, и они рѣшились дѣйствовать сами собою. Во главѣ ихъ находился тогда Публій Корнелій Сципіонъ Назика, дальній родственникъ Сципіона Африканскаго, бывшій въ то время верховнымъ жрецомъ въ Римѣ и однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ. Человѣкъ корыстолюбивый, сластолюбивый, аристократъ до фанатизма, онъ не задумался выступить противъ высшихъ сановниковъ республики и присвоить себѣ ихъ власть, будучи только верховнымъ жрецомъ и не занимая никакой должности, которая давала бы ему право дѣйствовать такимъ образомъ. Онъ объявилъ, что такъ какъ консулъ, по излишней заботливости о законности, ведетъ республику къ погибели, то онъ, какъ честный человѣкъ, считаетъ себя обязаннымъ принять мѣры къ спасенію ея. Не обращая вниманія на запрещеніе консула, онъ бросился съ своими приверженцами изъ храма и поспѣшилъ въ народное собраніе.

Между тѣмъ на форумѣ происходило страшное волненіе: богатые были прогнаны силою, для того, чтобы одни бѣдные могли рѣшить избраніе; одинъ изъ сенаторовъ, державшій сторону Гракха и принесшій извѣстіе о происходившемъ въ сенатѣ, еще болѣе увеличилъ тревогу и замѣшательство. При этомъ извѣстіи Гракхъ показалъ себѣ на голову, чтобы дать понять народу объ опасности, грозившей его жизни; но враги его объявили, что, дѣлая этотъ знакъ, онъ требовалъ у народа царской діадемы. Посреди этого безпрерывно возраставшаго смятенія, появился Сципіонъ Назика съ своею свитою, къ которой примкнули толпы кліентовъ и слугъ и граждане, изгнанные изъ народнаго собранія. Онъ повелъ свою армію противъ народа, не приготовленнаго къ такому неожиданному нападенію. Толпа разсѣялась; Гракхъ обратился въ бѣгство, но упалъ и былъ убитъ. Вмѣстѣ съ нимъ погибли и многіе изъ его партіи; все число убитыхъ простиралось до 300. Сенатъ объявилъ незаконную власть, захваченную Сципіономъ Назикою и его единомышленниками, и совершенное ими кровопролитіе дѣйствіями, вынужденными необходимостью и потому законными. Но народъ былъ до того озлобленъ, что сенатъ былъ принужденъ укрыть Сципіона Назику отъ мести, пославъ его на время въ Азію. Сципіонъ отправился туда и болѣе не возвращался въ Римъ. Съ безпримѣрною яростью торжествовалъ сенатъ свою побѣду. Трупъ Гракха былъ преданъ постыдному поруганію и брошенъ въ Тибръ, вмѣстѣ съ трупами прочихъ гражданъ, убитыхъ въ Капитоліи; по порученію сената одинъ изъ консуловъ слѣдующаго года, Публій Попиллій Лена, съ неслыханною жестокостью преслѣдовалъ друзей несчастнаго трибуна и предалъ смерти большую часть изъ нихъ. Но, не смотря на всѣ эти преслѣдованія, мысль Гракха не умерла; являлись новые вожди, и раздоръ между обѣими партіями, демократическою, которой собственно принадлежала верховная власть, и аристократическою, въ рукахъ которой находилось управленіе и законодательная иниціатива,—еще болѣе усилился, а озлобленіе первой возрасло до крайнихъ предѣ-

ловъ. Оттого сенатъ и не осмѣлился отмѣнить аграрный законъ и распустить коммисію, на которую возложено было его исполненіе.

Вскорѣ по смерти Гракха возвратился изъ нумантинскаго похода Сципіонъ Африканскій Младшій и усилилъ аристократическую партію, объявивъ себя рѣшительно противъ своего умершаго зятя и выразивъ полное сочувствіе сенату. Въ то же время коммисары, исполнители аграрнаго закона, встрѣтили не только большія препятствія своему дѣлу со стороны сената и всѣхъ должностныхъ лицъ, изъ которыхъ одни думали, что имъ досталось слишкомъ мало земли, а другіе, что отведенная имъ земля дурнаго качества; сверхъ того возникли процессы о присвоеніи государственныхъ имуществъ, и такимъ образомъ многіе граждане совсѣмъ не получили своей доли поземельнаго надѣла. Недовольные обратились къ Сципіону, подъ начальствомъ котораго большая часть изъ нихъ служила въ Испаніи, и онъ старался вырвать все дѣло изъ рукъ коммисаровъ. Но вслѣдствіе этого распредѣленіе земель пріостановилось, и Сципіонъ навлекъ на себя общее неудовольствіе, такъ что самъ сталъ опасаться за свою жизнь. Однажды утромъ его нашли мертвымъ въ постели (129 г. до р. Х.). Умеръ ли онъ естественною смертью или насильственною—осталось неизвѣстнымъ; современники приписывали его смерть друзьямъ Гракха, многіе утверждали даже, что жена Сципіона, сестра Гракховъ, несчастная въ супружествѣ съ нимъ, знала объ его убійствѣ.

Событія эти снова пріостановили на нѣсколько лѣтъ распредѣленіе участковъ; этимъ временемъ воспользовался сенатъ, чтобы исключить изъ народнаго собранія всѣхъ итальянцевъ, успѣвшихъ внести себя въ списки гражданъ и поддерживавшихъ всѣ мѣры, подобныя предложеннымъ Тиберіемъ Гракхомъ. Число ихъ было очень значительно, потому что на это злоупотребленіе никогда не обращали вниманія. Сенату удалось добиться постановленія народнаго собранія объ изгнаніи изъ Рима всѣхъ итальянцевъ. Одинъ изъ консуловъ слѣдующаго года, Маркъ Фульвій Флаккъ, другъ Гракховъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы отмѣнить этотъ законъ и даже доставить право гражданства еще большему числу итальянцевъ, но сенатъ удалилъ его изъ Рима, поручивъ ему веденіе незначительной войны въ Галліи; тогда же былъ отправленъ квесторомъ въ Сардинію младшій Гракхъ. Итальянцы не безъ основанія сочли удаленіе обоихъ своихъ защитниковъ за объявленіе войны и стали придумывать средства, какъ бы въ случаѣ необходимости добиться даже силою исполненія обѣщаній, данныхъ имъ Фульвіемъ Флаккомъ и Каемъ Гракхомъ. Они тайно соединялись для того, чтобы дѣйствовать сообща, и устроили свои совѣщанія въ лежавшемъ близъ Рима городѣ Фрегеллахъ. Римскіе законы противъ всѣхъ политическихъ обществъ были чрезвычайно строги, и сенату нуженъ былъ только человѣкъ, который бы взялъ но себя исполненіе этихъ законовъ, не стѣсняясь человѣколюбіемъ и чувствомъ справедливости. Выборъ палъ на претора, Луція Опимія, которому поручено было произвести слѣдствіе и наказать итальянцевъ. Онъ началъ дѣйствовать съ страшною жестокостью: приказалъ казнить многихъ заговорщиковъ и, чтобы устрашить прочіе города, разрушилъ до основанія Фрегеллы. Безпощадная свирѣпость господствующей аристократіи, казалось, снова водворила миръ въ Римѣ и въ Италіи, но, не смотря на наружное спокойствіе, броженіе умовъ возрастало, и тѣмъ значительно облегчало всякую попытку поднять опять вопросъ о раздѣлѣ земель. При такомъ настроеніи умовъ возвратились въ Римъ Фульвій Флаккъ и Кай Гракхъ: первый счастливо окончилъ свою войну, а Гракхъ оставилъ должность свою въ Сардиніи, безъ позволенія, и когда аристократы потребовали его къ суду, въ народѣ распространилось такое волненіе, что судьи не осмѣлились произнести надъ нимъ приговоръ. Послѣ этого онъ сталъ домогаться трибуната на слѣдующій годъ (123 г. до р. Х) и получилъ его.

При тогдашнихъ обстоятельствахъ этотъ трибунатъ обѣщалъ быть чрезвычайно бурнымъ; самъ Кай Гракхъ и мать его, предостерегавшая сына отъ участи брата, чувствовали, что только насильственными мѣрами можно было произвести реформы въ государственномъ устройствѣ. Кай Гракхъ, сдѣлавшійся трибуномъ почти въ томъ же возрастѣ, какъ и братъ его, по своему характеру былъ гораздо живѣе его, наклоннѣе къ насильственнымъ мѣрамъ, и съ самаго начала увлекся личными отношеніями; законъ и государственное устройство были для него предметами второстепенной важности, и въ этомъ отношеніи онъ состав-

лялъ совершенную противоположность Тиберію Гракху. Революціонныя мѣры слѣдовали одна за другой, и хотя Кай Гракхъ въ нравственномъ отношеніи и не заслужилъ ни одного серьезнаго упрека, но дѣйствіями его управляло честолюбіе и вражда партій. Впрочемъ и сенатъ, не смотря на то, что завѣдывалъ, какъ высшее правительственное мѣсто, управленіемъ всемірною державою, руководствовался въ борьбѣ съ нимъ еще худшими принципами и побужденіями, считая точно также дозволенными всѣ средства.

Первыя предложенія Кая Гракха, получившія силу закона, имѣли характеръ частной мести и были чисто демагогическими. Онъ уговорилъ народъ объявить, что сенатъ не имѣетъ и не имѣлъ никогда права поручать кому-либо преслѣдованіе римскихъ гражданъ безъ судебнаго приговора; законъ этотъ былъ направленъ противъ Попиллія Лены, который былъ настолько благоразуменъ, что тотчасъ по принятіи его добровольно удалился изъ Рима. Потомъ Кай Гракхъ постановилъ, чтобы солдаты не покупали себѣ одежды сами, какъ это всегда водилось прежде, а получали бы на то деньги изъ государственной казны. Сверхъ того, благодаря его содѣйствію, каждому гражданину даровано было право получать ежемѣсячно извѣстное количество хлѣба изъ государственныхъ магазиновъ, по цѣнѣ, на одну шестую ниже продажной. Кая Гракха упрекали не безъ основанія, что онъ первый былъ виновникомъ того, что праздный столичный народъ сталъ существовать на счетъ провинцій. Другіе предложенные имъ законы грозили ниспроверженіемъ всѣхъ существовавшихъ государственныхъ учрежденій. До тѣхъ поръ въ центуріальныхъ комиціяхъ голоса подавали сначала центуріи первыхъ классовъ; но такъ какъ первые голоса обыкновенно имѣли вліяніе на подачу слѣдующихъ, то Гракхъ совѣтовалъ народу постановить, чтобы каждый разъ очередь подачи голосовъ была назначаема по жребію. Потомъ, чтобы доказать всѣмъ гражданамъ, что не сенатъ, а народъ былъ настоящимъ повелителемъ государства, Гракхъ велѣлъ перемѣстить трибуну, на которой стояли предсѣдательствующее должностное лицо и ораторъ народнаго собранія, такимъ образомъ, чтобы глаза ихъ были обращены не въ ту сторону, гдѣ сидѣли сенаторы, а туда, гдѣ находился народъ. По его настоянію, былъ также снова подтвержденъ и приведенъ въ исполненіе аграрный законъ его брата. Расположивъ къ себѣ народъ всѣми этими дѣйствіями, онъ заставилъ избрать въ консулы на слѣдующій годъ одного изъ своихъ друзей, Кая Фаннія Страбона; потомъ снова добился для себя трибуната, хотя вторичное избраніе въ трибуны на слѣдующій же годъ было противозаконно, и подобная попытка стоила жизни его брату. Кай Гракхъ убѣдилъ народъ сдѣлать для него исключеніе, чтобы дать ему возможность осуществить предположенныя имъ преобразованія.

Во время своего втораго трибуната (122 г. до р. Х.) Кай Гракхъ преслѣдовалъ аристократію еще энергичнѣе. Онъ отнялъ у сената одно изъ его важнѣйшихъ правъ, и въ то же время привлекъ на свою сторону сословіе, въ рукахъ котораго находились всѣ денежныя средства государства, проведя законъ, по которому члены коммисіи, судившіе преступленія противъ государства, были избираемы не изъ сенаторовъ, какъ прежде, а изъ всадниковъ. Прибѣгнувъ къ хитрости, сенатъ успѣлъ однако лишить своего грознаго противника значительной доли его вліянія; Кай самъ повредилъ себѣ, хотя и справедливой, но неблагоразумной съ его стороны мѣрой. Сенатъ привлекъ на свою сторону другаго трибуна, Марка Ливія Друза Старшаго, и уговорилъ его затмить своего товарища въ глазахъ народа другими, еще болѣе демагогическими проэктами законовъ, которые, какъ само собой разумѣется, впослѣдствіи всѣ были уничтожены сенатомъ. Кромѣ того самъ Кай Гракхъ высказалъ свое намѣреніе предоставить всѣмъ италъянскимъ союзникамъ право римскаго гражданства и тѣмъ возбудилъ противъ себя не только большинство городскаго населенія, но даже консула Фаннія и другихъ лицъ, до тѣхъ поръ употреблявшихъ въ его пользу свое вліяніе на народъ. При этомъ случаѣ онъ еще болѣе повредилъ себѣ тѣмъ, что въ то время, когда италъянцы спѣшили въ городъ къ нему на помощь, а Фаннiй требовалъ ихъ насильственнаго удаленія, онъ обѣщалъ имъ свое покровительство, но потомъ не посмѣлъ открыто принять ихъ сторону. Тогда онъ окончательно потерялъ репутацію человѣка энергическаго, которому никто не могъ противиться. Напротивъ того, Ливій Друзъ, поддерживаемый се-

натомъ, провелъ различныя постановленія, имѣвшія цѣлью привлечь на его сторону народъ, удовлетворить требованія союзниковъ, и лишившія его соперника большинства его приверженцевъ. По предложенію Друза, было постановлено: основать двѣнадцать новыхъ колоній для вспоможенія бѣднымъ гражданамъ, освободить отъ поземельнаго налога всѣхъ, получившихъ участки по аграрному закону Гракха, и сравнять относительно наказаній солдатъ союзниковъ съ римскими гражданами, находящимися въ войскѣ (стр. 589). Съ своей стороны Кай Гракхъ, для поддержанія своей колебавшейся популярности, предложилъ приступить къ устройству дорогъ, постройкѣ общественныхъ зданій и другихъ публичныхъ работъ, и этимъ привлекъ на свою сторону множество капиталистовъ, подрядчиковъ, предпринимателей и работниковъ. Онъ еще прежде говорилъ объ основаніи новыхъ колоній, а теперь, черезъ одного изъ своихъ товарищей, сдѣлалъ предложеніе, о которомъ до тѣхъ поръ никто еще не думалъ, основать колонію внѣ Италіи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ Карѳагенъ. Возстановленіе этого города, преданнаго проклятію, необходимо должно было повредить ему и его партіи. Сенатъ безъ сопротивленія утвердилъ все, что было необходимо для основанія этой первой колоніи внѣ предѣловъ Италіи, и даже самъ предложилъ назначить Кая Гракха и его друзей Марка Фульвія Флакка и Рубрія коммисарами республики, для наблюденія за устройствомъ этой колоніи; при этомъ онъ имѣлъ въ виду удалить ихъ на время изъ Рима и, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, лишить ихъ силы и вліянія съ помощью Ливія Друза. Друзъ снова принялся дѣлать предложенія, которыя были гораздо привлекательнѣе всѣхъ законодательныхъ проэктовъ Кая Гракха, а такъ какъ постоянная поддержка сената облегчала ему осуществленіе его предложеній, то естественно, что привязанность народа мало-по-малу переходила на того, кто давалъ и могъ дать болѣе. Конечно, сенату не дѣлаетъ чести, что онъ поддерживалъ одного трибуна для того, чтобы низвергнуть другаго, и потомъ, по достиженіи своей цѣли, снова отказаться отъ всѣхъ уступокъ.

Подобными средствами сенатъ успѣлъ до такой степени потрясти значеніе Кая Гракха, что консуломъ на слѣдующій годъ былъ избранъ суровый и жестокій аристократъ, Опимій, и что самъ Кай Гракхъ, къ концу года домогавшійся трибуната въ третій разъ, не смотря на всѣ свои усилія, потерпѣлъ совершенную неудачу. Между тѣмъ Кай Гракхъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Фульвіемъ Флаккомъ, оставался членомъ обѣихъ коммисій, изъ которыхъ одна завѣдывала раздѣленіемъ государственныхъ имуществъ, а другая основаніемъ африканской колоніи. Во время отсутствія обоихъ друзей, отправившихся въ Африку для устройства новой колоніи, сенатъ распустилъ слухъ о разныхъ чудесныхъ знаменіяхъ, выражавшихъ негодованіе боговъ противъ возстановленія Карѳагена, а одинъ изъ трибуновъ, преданный аристократамъ, предложилъ народу отмѣнить постановленіе объ учрежденіи этой колоніи. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Гракхъ и Фульвій поспѣшили въ Римъ, чтобы отстоять свое предложеніе, а вслѣдъ за ними толпами ринулись въ городъ ихъ приверженцы: шумъ, волненіе и безпорядокъ господствовали на площади. Этого только и желала аристократія; основываясь на прежнихъ дѣйствіяхъ Гракха, допустившаго изгнать своихъ италянскихъ друзей, она предполагала, что у него не достанетъ мужества, если дѣло дойдетъ до крайности. Дѣйствительно, она не ошиблась. Въ этотъ день, когда долженъ былъ рѣшиться вопросъ о карѳагенской колоніи, консулъ Опимій занялъ самыя выгодныя мѣста въ Капитоліи своими вооруженными приверженцами. Гракхъ также вооружилъ свою партію, но, не смотря на очевидную неизбѣжность столкновенія, объявилъ, что не желаетъ, чтобы дѣло дошло до открытаго столкновенія. Сенатъ съ своей стороны искалъ только малѣйшаго благовиднаго предлога, чтобы имѣть нѣкоторое право уполномочить Опимія дѣйствовать вооруженной силой. Предлогомъ послужила смерть одного консульскаго ликтора, случайно задавленнаго въ огромной толпѣ народа. Тогда сенатъ далъ консулу ту же власть, какая нѣкогда была дана имъ Сципіону Назикѣ противъ Тиберія Гракха, а отъ Опимія можно было ожидать такого же энергическаго и безпощаднаго исполненія воли сената, какъ и отъ Сципіона Назики.

Вскорѣ послѣ такого рѣшенія сената, сильный дождь заставилъ народное собраніе разойтись. Опимій приказалъ Гракху и Фульвію явиться къ нему на

слѣдующій день, чтобы дать отчетъ въ убійствѣ ликтора. Оба они для охраненія своихъ жилищъ окружили ихъ на ночь огромными толпами своихъ приверженцевъ, съ которыми рано утромъ отправились на Авентинскую гору. Фульвій былъ готовъ вступить въ сраженіе, но Гракхъ, желая войти въ переговоры съ противниками, два раза посылалъ своего парламентера въ собраніе сената. Въ первый разъ Опимій прогналъ посланнаго, а во второй приказалъ посадить въ тюрьму и потомъ поспѣшно двинулся съ своими вооруженными людьми на Авентинскую гору. Здѣсь онъ велѣлъ объявить помилованіе всѣмъ, кто положитъ оружіе, назначивъ въ то же время цѣну за головы предводителей. Долгое время противники оборонялись съ удивительнымъ упорствомъ, но когда нѣсколько изъ нихъ было убито, вся толпа разсѣялась. Фульвій скрылся въ домъ одного изъ своихъ друзей, но былъ преданъ имъ и казненъ. Гракхъ бѣжалъ въ священную рощу за Тибръ и тамъ велѣлъ умертвить себя одному изъ своихъ рабовъ. Сенатъ приказалъ бросить въ Тибръ трупы обоихъ предводителей и прочихъ убитыхъ, конфисковалъ ихъ имущество и запретилъ родственникамъ ихъ носить трауръ. Приверженцы Гракха, оставшіеся въ живыхъ, были преданы суду и, если вѣрить дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, слѣдствіе окончилось казнью слишкомъ трехъ тысячъ человѣкъ (121 г. до р Х.). Подобная жестокость побѣдившей партіи повлекла за собою ожесточенную вражду между аристократіею и народомъ, богатыми и бѣдными. Злодѣйство побѣдителей перешло всякіе предѣлы; наглость и нравственную развращенность тогдашней римской олигархіи можно сравнить только съ безстыдствомъ людей, правившихъ Франціею во времена Людовика XV. Само собою разумѣется, что большая часть постановленій обоихъ Гракховъ снова была отмѣнена или, по крайней мѣрѣ, оставлена безъ всякаго примѣненія.

2. Югуртинская война.

Шестилѣтняя война, которую, вскорѣ по прекращеніи волненій, возбужденныхъ Гракхами, римляне начали съ Югуртою, внукомъ Масиниссы, имѣетъ гораздо болѣе значенія по своимъ отношеніямъ къ внутреннему состоянію Рима, чѣмъ по своимъ послѣдствіямъ, состоявшимъ въ расширеніи римской провинціи Африки, чрезъ присоединеніе Нумидіи; она обнаружила всему свѣту безнравственность и пороки римской аристократіи. Между всѣми послами, полководцами и другими дѣятелями этой войны являются только два честныхъ человѣка: Метеллъ и Марій; всѣ прочіе отличались только своею наглостью и злоупотребленіемъ ввѣренною имъ властью.

Масинисса и его преемники въ дѣйствительности были только кліентами Катоновъ и Сципіоновъ, которымъ они были обязаны увеличеніемъ своего государства, и югуртинская война возникла именно вслѣдствіе этой подчиненности. По смерти Масиниссы три его сына, Миципса, Гулусса и Мастанабалъ, раздѣлили между собою нумидійское царство; двое послѣднихъ умерли въ томъ же году, и такимъ образомъ вся Нумидія очутилась во власти старшаго изъ сыновей Масиниссы. Миципса усыновилъ сына Мастанабала, Югурту, и, видя, что онъ пользовался расположеніемъ Сципіона Африканскаго Младшаго, передъ своею смертью назначилъ его однимъ изъ своихъ наслѣдниковъ, раздѣливъ Нумидію на равныя части между нимъ и своими сыновьями, Адгербаломъ и Гіемпсаломъ (119 до р. Х.). Югурта отличался замѣчательными военными дарованіями, но съ самаго начала обнаруживалъ такое коварство, такую постоянную и сдержанную хитрость, такое презрѣніе ко всѣмъ божественнымъ и человѣческимъ законамъ, что невозможно смотрѣть на него безъ удивленія и ужаса. Но изумленіе наше уменьшится, когда мы вспомнимъ, что Югурта былъ африканскій владѣтель, а страшныя свойства властителей этой части свѣта сдѣлались намъ слишкомъ извѣстны въ позднѣйшее время. Гораздо удивительнѣе, что Югурта приводилъ въ исполненіе свои коварные замыслы, нисколько не страшась римлянъ, обѣщавшихъ Миципсѣ обезпечить владѣнія его сыновей. Онъ зналъ очень хорошо свойства римской аристократіи и вообще людей, участвовалъ вмѣстѣ съ

римлянами въ нумантинской войнѣ и тамъ изучилъ вполнѣ всѣ пороки своего времени и тогдашняго римскаго общества.

Вскорѣ по смерти своего дяди Югурта велѣлъ умертвить Гіемпсала и захватилъ принадлежавшую ему часть нумидійскаго царства. Потомъ онъ вторгнулся съ войскомъ во владѣнія другаго своего двоюроднаго брата, вытѣснилъ его изъ большей части его областей и также бы умертвилъ его, если бы Адгербалъ не спасся бѣгствомъ и не отправился въ Римъ просить защиты у сената. Но партія Югурты была сильнѣе справедливости, и несчастный изгнанникъ не могъ добиться возстановленія своихъ правъ. Большинство сенаторовъ рѣшило отправить въ Нумидію, для раздѣла царства между Югуртою и Адгербаломъ, коммисію, во главѣ которой былъ поставленъ извѣстный уже намъ Опимій; онъ и его товарищи, подкупленные Югуртою, назначили ему лучшую половину царства. Но не прошло еще и года, какъ Югурта снова напалъ на своего двоюроднаго брата, разбилъ его и заперъ въ городѣ Циртѣ, гдѣ Адгербалъ надѣялся защищаться до тѣхъ поръ, пока его не выручитъ посредничество римлянъ. Сенатъ отправилъ къ Югуртѣ трехъ пословъ, но онъ увѣрилъ ихъ, что Адгербалъ самъ замышлялъ умертвить его и что онъ былъ вынужденъ начать войну для собственной защиты. Въ то же время онъ съ удвоенною энергіею приступилъ къ осадѣ Цирты. По вторичной, настоятельной просьбѣ Адгербала явилось въ Нумидію второе римское посольство; но, когда оно прибыло туда, Адгербалъ уже доведенъ былъ до крайности и, не будучи въ состояніи болѣе защищаться, сдался, полагаясь на уваженіе къ имени Рима и заключивъ съ Югуртою предварительный договоръ, обезпечивавшій ему личную безопасность. Но едва отдался онъ въ руки своего врага, какъ былъ умерщвленъ по его приказанію (112 г. до р. Х.). Римское посольство, во главѣ котораго находился одинъ изъ развратнѣйшихъ людей того времени, Маркъ Эмилій Скавръ, возвратилось въ Римъ еще прежде совершенія этого злодѣянія. Когда извѣстіе объ умерщвленіи Адгербала дошло до Рима, сенатъ, большинство членовъ котораго было подкуплено Югуртою, старался откладывать это дѣло какъ можно долѣе и, быть можетъ, успѣлъ бы въ своемъ намѣреніи, если бы Кай Меммій, избранный на слѣдующій годъ трибуномъ, не объявилъ, что представитъ все это дѣло народному собранію. Тогда только сенатъ, для сохраненія чести римскаго имени, рѣшился наказать Югурту и приказалъ только что избранному въ консулы, Луцію Калпурнію Пизону Бестіи, отправиться съ войскомъ въ Нумидію (112 г. до р. Х.).

Этотъ первый полководецъ въ югуртинской войнѣ открываетъ собою длинный рядъ негодяевъ, злоупотреблявшихъ самымъ наглымъ образомъ ввѣренною имъ властью. Маркъ Эмилій Скавръ, сопровождавшій его въ качествѣ легата и раздѣлявшій съ нимъ всѣ выгоды его гнусныхъ продѣлокъ, былъ его главнымъ помощникомъ. Характеръ и жизнь этого человѣка представляютъ намъ лучшій образецъ нравственной испорченности тогдашнихъ римскихъ аристократовъ, которая въ первый разъ обнаружилась во всей полнотѣ во время югуртинской войны. Скавръ былъ человѣкъ съ большими дарованіями, чрезвычайно твердый и способный, одно время считался главнымъ лицемъ въ сенатѣ и отличался такимъ глубокимъ знаніемъ правъ, что его можно назвать величайшимъ юристомъ того времени; но при этомъ жадность и корыстолюбіе, стремленіе къ почестямъ и власти, гордость и мстительность подавляли въ немъ всякое нравственное чувство. Онъ принадлежалъ къ древней обѣднѣвшей фамиліи, занимался сначала торговлею, а потомъ сдѣлался продажнымъ адвокатомъ и, посредствомъ пронырства и кляузъ, успѣлъ присвоить себѣ столько наслѣдствъ, что однажды въ публичномъ засѣданіи суда одинъ гражданинъ, указывая на проходившую мимо похоронную процессію, воскликнулъ во все услышаніе: «Скавръ, вотъ несутъ покойника въ могилу, посмотри, на удастся ли тебѣ присвоить себѣ и его наслѣдство.» Подкупомъ добился онъ консульства, но исполнялъ эту должность съ такою славою, что энергія и твердость, обнаруженныя имъ въ это время, его истинно римскій духъ и неуклонное стремленіе къ цѣли представляютъ намъ характеръ того времени съ самой выгодной его стороны. Напротивъ того, всѣ нравственныя его качества и образъ дѣйствій въ югуртинской войнѣ выставляютъ намъ также ясно и понятно другую сторону этого характера. Правда, въ

борьбѣ Югурты съ Адгербаломъ онъ еще устоялъ противъ искушенія, но, отправившись въ походъ вмѣстѣ съ Кальпурніемъ, сдѣлался главнымъ виновникомъ постыдныхъ обмановъ, которые дозволяли себѣ консулъ и первый сенаторъ въ ущербъ своему народу. Какъ только рѣшена была война, Югурта отправилъ посольство въ сенатъ и получилъ отъ него отвѣтъ, что во всемъ долженъ безусловно подчиниться римлянамъ. На этомъ объявленіи Скавръ, Кальпурній и другія лица, подкупленныя Югуртою, основали свои надежды извлечь посредствомъ лжи и обмановъ всевозможныя выгоды изъ своего положенія. Они взяли съ Югурты огромную сумму денегъ и обѣщали ему за то прощеніе, съ тѣмъ, чтобы онъ для вида выдалъ себя и свое войско римлянамъ. Югурта повиновался и заключилъ очень выгодный миръ. Договоръ этотъ былъ бы утвержденъ сенатомъ, если бы одинъ изъ тогдашнихъ трибуновъ, Кай Меммій, не отличался необыкновенною энергіей и твердостью характера. Онъ обратился къ народу и разоблачилъ передъ нимъ позорные поступки аристократіи; по его настоянію, было рѣшено произвести слѣдствіе и потребовать Югурту въ Римъ, гдѣ онъ долженъ былъ отдать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Югурта явился; Меммій сталъ допрашивать его въ народномъ собраніи, но другой трибунъ, подкупленный Югуртою, запретилъ царю отвѣчать, и такимъ образомъ народное собраніе должно было разойтись, не смотря на громкое негодованіе народа. Вскорѣ затѣмъ Югурта, полагаясь на продажность римскихъ фамилій, управлявшихъ въ то время государствомъ, велѣлъ измѣннически умертвить въ самомъ Римѣ сына дяди своего Гулуссы, объявившаго притязанія на Нумидію. Тогда сенатъ велѣлъ ему немедленно оставить Римъ; но съ какимъ убѣжденіемъ возвратился Югурта въ свое царство, лучше всего доказываютъ слова, сказанныя имъ своей свитѣ: «Римская республика продается за деньги, и нужно только, чтобы у кого-нибудь ихъ нашлось достаточное количество, чтобы купить ее» (110 г. до р. Х.). Война снова вспыхнула, но при испорченности римской аристократіи характеръ ея не могъ измѣниться. Консулъ С п у р і й П о с т у м і й А л ь б и н ъ, получившій главное начальство надъ войскомъ, по своему неискусству или по продажности затягивалъ войну и, вынужденный по разнымъ обстоятельствамъ возвратиться въ Римъ, передалъ начальство своему брату, А в л у П о с т у м і ю А л ь б и н у, опозорившему имя римлянъ. Думая только о томъ, какъ бы овладѣть городомъ, гдѣ хранилась царская казна, Авлъ упустилъ изъ виду все остальное и погубилъ себя и свое войско. Сначала Югурта подкупомъ отвлекъ у него часть его войска, потомъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ и принудилъ къ такому позорному договору, какого не заключалъ еще ни одинъ римлянинъ. Авлъ долженъ былъ со всѣмъ своимъ войскомъ пройти подъ игомъ и въ теченіе десяти дней очистить Нумидію. По полученіи извѣстія объ этомъ, консулъ поспѣшилъ въ провинцію Африку, но нашелъ войско въ такой распущенности, что не могъ рѣшиться ни на какое предпріятіе.

Между тѣмъ въ Римѣ трибуны предложили составить коммисію изъ трехъ членовъ, для производства слѣдствія и наказанія всѣхъ лицъ, подкупленныхъ Югуртою. Виновные трепетали, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе это очевидно было принято не столько изъ любви къ справедливости, сколько вслѣдствіе вражды партій и желанія ослабить власть ненавистной аристократіи. Впрочемъ самый главный виновникъ, Скавра, своею необыкновенною ловкостью успѣлъ не только избавиться отъ наказанія, но даже попалъ въ члены этой коммисіи и потомъ сдѣлался ея предсѣдателемъ. Еще прежде, взявъ деньги съ Югурты, онъ умѣлъ устроить дѣло это такимъ образомъ, что противъ него не было никакихъ уликъ, но, не смотря на это, онъ, по всей вѣроятности, сдѣлался бы, подобно остальнымъ, жертвою озлобленнаго народа, еслибы не успѣлъ, благодаря своей смѣлости и хитрости, попасть въ слѣдователи и гибелью своихъ соучастниковъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Скавръ произвелъ слѣдствіе съ величайшею строгостью и осудилъ на изгнаніе множество знатнѣйшихъ людей, въ томъ числѣ Опимія и соучастника своего Кальпурнія. Самъ онъ не только избѣжалъ всякаго наказанія, но даже не потерпѣлъ ничего въ своей послѣдующей политической карьерѣ, не смотря на то, что трибунъ Меммій, въ то самое время, когда Скавръ производилъ слѣдствіе, открыто обвинялъ его въ народномъ собраніи, какъ участника во всѣхъ этихъ преступленіяхъ и наглыхъ обманахъ. Такимъ образомъ

Скавръ служитъ печальнымъ доказательствомъ истины словъ Маккіавелли, что политическое величіе и слава римлянъ никогда не основывались на нравственныхъ началахъ, которыя, по самому свойству государственныхъ учрежденій, никогда не могутъ быть вѣрнымъ мѣриломъ достоинствъ государственнаго человѣка. Впрочемъ въ возвышеніи подобныхъ личностей мы должны признать или благопріятное для римской республики вмѣшательство судьбы, или вѣрный политическій тактъ римскаго народа и сената, потому что Римъ то подчинялся руководству Катона, Метелла и подобныхъ имъ личностей, характеръ которыхъ основывался на добродѣтели, то, нуждаясь для своего блага преимущественно въ людяхъ, способныхъ къ дѣлу, находилъ превосходныхъ дѣльцовъ въ Скаврѣ и ему подобныхъ. Такого рода явленія обнаруживаются всегда въ свободныхъ и конституціонныхъ государствахъ: привилегіи однихъ сдерживаютъ въ границахъ другихъ, одна партія другую, даже одна безнравственность противодѣйствуетъ другой. Вотъ отъ чего насъ не должно удивлять, что Скавръ, не смотря на всю свою испорченность, оставался одною изъ главныхъ опоръ аристократіи, впослѣдствіи былъ даже цензоромъ и вторично былъ подкупленъ въ войнѣ съ Митридатомъ понтійскимъ, а когда его обвинили въ этомъ, онъ, благодаря своей смѣлости, искусству и притворному чувству собственнаго достоинства, былъ совершенно оправданъ, тогда какъ соучастники его опять осуждены.

Въ то самое время какъ Авлъ Постумій опозорилъ свое отечество, въ Римѣ былъ избранъ консуломъ племянникъ Метелла Македонскаго, Квинтъ Цецилій Метеллъ,—одна изъ лучшихъ личностей между тогдашней аристократіей,—который далъ войнѣ совершенно другой оборотъ. Метеллъ долгое время не могъ предпринять ничего важнаго противъ Югурты, потому что прежде всего долженъ былъ возстановить дисциплину въ войскѣ и снова пріучить его къ военнымъ упражненіямъ; приведя все въ порядокъ, онъ разбилъ нумидійскаго царя въ одномъ значительномъ сраженіи и съ званіемъ проконсула сохранилъ начальство надъ войскомъ и на слѣдующій годъ (108 г. до р. X.). Метеллъ вполнѣ оправдалъ возложенныя на него надежды и, побѣдивъ Югурту, получилъ отъ римскаго народа названіе Нумидійскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ окончилъ бы войну, если бы ему оставили еще нѣкоторое время начальство надъ войскомъ; но онъ принадлежалъ къ аристократіи и долженъ былъ поплатиться за ошибки своего сословія. Негодованіе народа противъ всѣхъ низостей, обанруженныхъ слѣдствіемъ, производившимся подъ руководствомъ Скавра, было слишкомъ велико, и массы смотрѣли подозрительно на всѣхъ людей высшаго класса. Честолюбцамъ, стремившимся занять ихъ мѣсто, очень легко было теперь достигнуть своей цѣли; имъ стоило только воспользоваться господствующимъ настроеніемъ умовъ. Метеллъ только что выгналъ Югурту изъ Нумидіи и началъ успѣшно войну противъ сосѣдняго мавританскаго царя, Бокха, къ которому бѣжалъ Югурта, какъ легатъ его, Кай Марій, навлекъ на него подозрѣніе народа и былъ назначенъ на его мѣсто. Марій, принадлежавшій по своему происхожденію къ самому низшему классу римскихъ гражданъ, умѣлъ внушить народу мысль, что Метеллъ съ намѣреніемъ длитъ войну, для того, чтобы, по обыкновенію большей части аристократовъ, остаться долѣе въ роскошной странѣ и надѣлить богатствами своихъ друзей и родственниковъ. Народъ повѣрилъ клеветамъ Марія, избралъ его консуломъ на 107-й г. до р. X. и поручилъ ему главное начальство въ войнѣ противъ Югурты, не смотря на то, что сенатъ только что передъ тѣмъ рѣшилъ предоставить Метеллу начальство надъ войскомъ и на слѣдующій годъ.

Марій велъ войну съ большимъ успѣхомъ, но съ нимъ случилось почти то же, что онъ самъ сдѣлалъ съ Метелломъ: одинъ изъ его подчиненныхъ, впослѣдствіи столь знаменитый Луцій Корнелій Сулла, отнялъ у него славу окончанія этой опасной войны. Марій нѣсколько разъ разбивалъ обоихъ царей и на второй годъ своего командованія довелъ ихъ до такого положенія, что Бокхъ предложилъ ему вступить въ переговоры; римскій полководецъ согласился, но, не имѣя дипломатическихъ способностей, поручилъ это дѣло своему ловкому и изворотливому квестору. Марій очень хорошо понималъ, что успѣшное окончаніе войны зависитъ преимущественно отъ хитрыхъ предложеній, тонкихъ уловокъ, обольщенья подчиненныхъ и т. п.; мастеръ на все это и лучше всякаго другаго умѣвшій проложить себѣ путь въ лабиринтѣ африканскаго коварства и вѣроломства,

Сулла былъ отправленъ Маріемъ къ Бокху. Онъ привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ придворныхъ Бокха и такъ запугалъ его самаго, въ то же время льстя ему надеждою на увеличеніе его владѣній, что мавританскій царь согласился заключить миръ и выдать Югурту; Бокхъ самъ привезъ въ оковахъ нумидійскаго царя въ римскій лагерь. Такъ окончилъ Марій югуртинскую войну (106 г. до р. Х.), но аристократія употребила всѣ свои усилія, чтобы поставить заслуги Суллы выше заслугъ полководца, который къ великой досадѣ долженъ былъ раздѣлить славу съ своимъ квесторомъ.

Относительно завоеванной земли, римляне послѣдовали своей обыкновенной политикѣ: они не тотчасъ обратили ее въ провинцію, а ввели въ ней учрежденія, которыя мало-по-малу пріучили нумидійцевъ къ иноземному владычеству и къ мысли, что они римскіе подданные. Часть Нумидіи была отдана Бокху, остальная раздѣлена между мелкими владѣтелями, сдѣлавшимся римскими вассалами. Югурта былъ привезенъ Маріемъ въ Римъ, гдѣ онъ въ цѣпяхъ сопровождалъ его тріумфальный въѣздъ, и потомъ былъ преданъ позорной казни: сначала его выставили на показъ народу, а потомъ отдали на поруганіе солдатамъ Марія, которые вырвали у него серьги вмѣстѣ съ ушами и позволяли себѣ всякаго рода неистовства. Римляне поступили съ нимъ точно такъ же, какъ нѣкогда карѳагеняне съ Регуломъ, бросивъ послѣ всѣхъ истязаній въ темницу, гдѣ онъ черезъ шесть дней умеръ голодною смертью.

3. Война съ кимврами и тевтонами.

Вскорѣ по окончаніи войны съ Югуртою, Марій явился спасителемъ римскаго народа, когда Риму сталъ угрожать съ сѣвера врагъ гораздо опаснѣе нумидійскаго царя. Вслѣдствіе того онъ сдѣлался самымъ вліятельнымъ лицемъ въ государствѣ, и потому необходимо вникнуть подробнѣе въ его характеръ и частности его жизни. Съ одной стороны Кай Марій былъ настоящимъ типомъ древняго римлянина, но съ качествами прежнихъ патриціевъ онъ соединялъ низкія и мелочныя побужденія выскочки, отличаясь коварствомъ, жестокостью и свирѣпостью, которыми инстинктивно руководствуется всякій сильный и необразованный умъ въ своемъ стремленіи къ достиженію внѣшнихъ цѣлей. Онъ родился въ деревнѣ, по близости латинскаго города Арпинума, гдѣ отецъ его былъ земледѣльцемъ стариннаго закала. Семейство его пользовалось большимъ уваженіемъ въ своей мѣстности и принадлежало къ числу кліентовъ фамиліи Метелловъ. Молодой Марій рано вступилъ въ военную службу и былъ взятъ подъ покровительство фамиліей Метелловъ; но скоро понявъ, что знатные патроны не позволятъ ему возвыситься, онъ отдалился отъ нихъ и рѣшился пробиться собственными силами. Еще въ нумантинской войнѣ Марій выказалъ столько мужества и таланта, что тогда же Сципіонъ Африканскій Младшій угадалъ въ немъ будущаго полководца. Избранный вскорѣ послѣ того народнымъ трибуномъ, онъ въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности доказалъ своему патрону и всей аристократіи, что прошло время, когда терпѣливо переносили гордость патриціевъ во уваженіе ихъ заслугъ. Въ бытность свою трибуномъ Марій издалъ постановленіе, уничтожившее вліяніе аристократіи на рѣшенія народныхъ собраній, и при этомъ дѣйствовалъ съ такою энергіею, что, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны своего прежняго патрона, хотѣлъ заключить его въ тюрьму. Не смотря на уваженіе къ нему народа за подобный образъ дѣйствій, онъ потерпѣлъ неудачу при выборахъ въ должность эдила; но тогда же убѣдился, что, для своего возвышенія, ему необходимо употреблять тѣ же средства, которыми пользовалась аристократія. Явившись вслѣдъ затѣмъ кандидатомъ на должность претора, онъ сталъ сыпать деньгами, и, не смотря на всѣ препятствія, подкупомъ достигъ своей цѣли (117 г. до р. Х.). Съ этого времени онъ сдѣлался и остался на всегда другомъ народа и заклятымъ врагомъ аристократіи. Мы уже сказали выше, какимъ образомъ онъ добился консульства и главнаго начальства надъ войскомъ въ Африкѣ. Теперь обратимся къ разсказу о новой войнѣ, въ которой Марій игралъ главную роль.

Эту войну онъ велъ съ народами, до тѣхъ поръ неизвѣстными римлянамъ даже по имени.

Въ 114 г. до р. Х. два народа, носившіе имя кимвровъ и тевтоновъ и отличавшіеся исполинскимъ ростомъ, страшною силою, дикимъ мужествомъ и необыкновеннымъ вооруженіемъ, появились въ восточной части Альповъ, угрожая Италіи своимъ опустошительнымъ вторженіемъ. Всѣ ученыя изслѣдованія о началѣ и причинахъ этого переселенія народовъ не повели ни къ какому положительному результату, потому что греки и римляне, сообщившіе намъ свѣдѣнія о кимвро-тевтонской войнѣ, имѣли весьма неточныя понятія о состояніи сѣвера, его населеніи и языкахъ, а данныя ихъ могутъ служить основаніями только для простыхъ догадокъ. Даже вопросъ о томъ, были ли кимвры и тевтоны кельтами или германцами, не рѣшенъ положительно; но послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, хотя нельзя отрицать того, что къ нимъ присоединились и толпы кельтовъ. Повидимому первый толчокъ къ этому переселенію цѣлыхъ народовъ былъ данъ на востокѣ отъ Эльбы, и смѣшанная масса скандинавовъ и другихъ германцевъ пришла въ движеніе, распространившееся оттуда къ западу и югу. Во время прохода ихъ черезъ Галлію и римскія страны, къ нимъ присоединились гельветы, тектосаги, амброны и другія орды кельтовъ. Они вторгнулись въ предѣлы римской республики въ двухъ пунктахъ. Одна часть ихъ двинулась въ Провансъ и Лангедокъ, гдѣ римляне утвердились еще въ 125 г. до р. Х.; другая бросилась въ Норикумъ, граничившій съ сѣвера Дунаемъ, а съ запада Инномъ, жители котораго съ давнихъ поръ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ римлянами, признавая ихъ своими союзниками и покровителями.

При извѣстіи о вторженіи этихъ дикихъ народовъ въ Норикумъ, римскій сенатъ послалъ противъ нихъ войско, подъ начальствомъ одного изъ консуловъ 113 г. до р. Х., Кнея Папирія Карбона, который при городѣ Нореѣ (въ нынѣшней Штиріи) потерпѣлъ жестокое пораженіе, распространившее ужасъ во всей Италіи. Но побѣдители не двинулись на югъ, какъ того опасались римляне, а по неизвѣстнымъ причинамъ обратились назадъ и потомъ вторглись въ Швейцарію и Францію. Когда же въ 109 г. до р. Х. они появились во Франціи, римляне высылали противъ нихъ нѣсколько армій подъ начальствомъ консуловъ, но всѣ эти войска терпѣли пораженія и нерѣдко бывали совершенно истребляемы. Варвары наводили ужасъ на римскихъ солдатъ своимъ громаднымъ ростомъ, силою, непоколебимою твердостью своего строя и особенною манерою сражаться. Послѣдняя состояла въ томъ, что варвары окружали валомъ пространство, иногда болѣе чѣмъ на протяженіе полу-мили, и, ставя въ эти окопы свой обозъ, превращали такимъ образомъ всякую битву въ осаду крѣпости; при томъ они совершенно не знали чувства страха, помогающаго выигрывать битвы. Опасность, которою эти воинственныя племена угрожали государству, была тѣмъ значительнѣе, что лучшіе римскіе полководцы были заняты тогда югуртинскою войной. Консулы Квинтъ Сервилій Цепіонъ и Кней Манлій Максимъ въ 106 и 105 г. до р. Х. своимъ образомъ дѣйствій увеличили еще грозившую Риму опасность. Цепіонъ, совершенно въ духѣ римской аристократіи того времени, грабилъ галловъ и ихъ храмы, вмѣсто того, чтобы готовиться къ войнѣ съ этими народами и болѣе заботиться о поддержаніи дисциплины въ войскѣ, Максимъ дѣйствовалъ вообще очень неискусно; оба полководца, поссорившись между собою, напали на непріятеля порознь и потерпѣли такое страшное пораженіе, что всѣ римскія войска въ Галліи были совершенно уничтожены. Впрочемъ варвары дали римлянамъ время собраться съ силами и выставить новое войско; вмѣсто того, чтобы немедленно вторгнуться въ Италію, они обратились въ другія страны Галліи и Испаніи, опустошая все на пути, и по прошествіи двухъ лѣтъ снова возвратились къ римскимъ границамъ.

Тотчасъ послѣ пораженія 105 г., въ Римѣ избрали консуломъ Марія, въ то время находившагося еще въ Нумидіи, и поручили ему веденіе кимвро-тевтонской войны. Довѣріе къ этому человѣку и страхъ передъ варварами были такъ велики, что при этомъ случаѣ были обойдены два закона, по которымъ нельзя было избирать никого въ консулы во время его отсутствія и до истеченія десяти лѣтъ послѣ перваго консульства. Такъ какъ войну нельзя было кончить ранѣе 4-хъ лѣтъ, то консульство было передано Марію на все это время (104 до 101 г.

до р. Х.), и даже враги его аристократы подали голоса въ его пользу. Пользуясь временемъ, когда варвары опустошали Испанію и отдаленныя части Галліи, Марій обучалъ свое войско, занимая его въ то же время полезными работами; между прочимъ онъ прорылъ большой каналъ для осушенія вредныхъ болотъ на нижней Ронѣ. Наконецъ на третій годъ его командованія надъ войскомъ (102 г. до р. Х.) варвары снова появились въ предѣлахъ государства и даже въ двухъ различныхъ пунктахъ разомъ. Тевтоны и амброны вторгнулись въ римскую Галлію, а кимвры двинулись къ востоку вдоль подошвы Альповъ, стараясь пробраться въ Италію черезъ Тироль и долину Адижа. Марій остался въ Галліи, а товарищъ его, Квинтъ Лутацій Катулъ, былъ отправленъ съ войскомъ противъ кимвровъ. Марій не тотчасъ же вступилъ въ битву съ приближавшимся непріятелемъ, но заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ на Ронѣ, стараясь уничтожить въ своихъ воинахъ чувство страха, которое варвары внушали римлянамъ видомъ и страшною манерою сражаться. Не обращая вниманія на насмѣшки враговъ, постоянно подходившихъ къ лагерю, и на ропотъ своихъ солдатъ, Марій не вступалъ въ открытую битву, но спокойно выжидалъ минуты, когда можно будетъ съ успѣхомъ напасть на непріятеля. Подобно всѣмъ варварамъ, тевтоны вскорѣ утомились ожиданіемъ и, оставивъ у себя въ тылу римскій лагерь, съ полной самоувѣренностью двинулись къ границѣ Италіи. Марій слѣдовалъ за ними по пятамъ и, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, напалъ на нихъ со всѣмъ своимъ войскомъ при Аквѣ Секціи (нынѣшній Э, въ Провансѣ) (102 г. до р. Х.). Въ два дня онъ побѣдилъ одинъ за другимъ оба народа, не смотря на ихъ мужество въ битвѣ, въ которой наконецъ приняли участіе даже женщины. Большая часть ихъ была истреблена.

Между тѣмъ Лутацій Катулъ дѣйствовалъ безуспѣшно противъ кимвровъ въ Тиролѣ. Римскій народъ предоставилъ ему, по окончаніи года, начальство надъ войскомъ, съ званіемъ проконсула; главнокомандующимъ былъ назначенъ Марій. Послѣдній двинулся изъ Галліи на Адижъ и соединился съ Катуломъ, но здѣсь съ нимъ случилось то же, что и при окончаніи югуртинской войны: онъ вторично долженъ быть раздѣлить съ Суллою славу окончанія кимвро-тевтонской войны. Сулла служилъ въ Галліи подъ начальствомъ Марія въ званіи легата и военнаго трибуна, но со времени югуртинской войны между обоими полководцами возникло сильное соперничество, превратившееся въ открытую войну, когда Сулла обнаружилъ въ Галліи замѣчательныя военныя дарованія, потому что Марій стоялъ во главѣ народной партіи, а его соперникъ принадлежалъ къ аристократіи. Сулла оставилъ Марія и присоединился къ Катулу, не отличавшемуся большими военными способностями. Когда вскорѣ по соединеніи Марія съ Каттуломъ произошла битва, рѣшительный ударъ былъ нанесенъ непріятелю не войсками главнокомандующаго, а Катуломъ, который пользовался совѣтами и указаніями Суллы; самъ Марій долженъ былъ сознаться, что онъ съ своими войсками содѣйствовалъ только окончательному истребленію непріятеля, разбитаго другими. Римляне приписывали побѣду надъ кимврами искуснымъ распоряженіямъ и движеніямъ, придуманнымъ и выполненнымъ Суллою, а это еще болѣе усилило вражду между полководцами. Битва эта происходила близъ Вероны (101 до р. Х.); римляне взяли въ плѣнъ до 60 тысячъ непріятелей, всѣ остальные были перебиты. Взятіе въ плѣнъ такого множества варваровъ имѣло очень вредное вліяніе на республику, тѣмъ болѣе, что къ концу войны число всѣхъ плѣнныхъ простиралось до ста тысячъ. Обращенные въ рабство и разсѣянные по всей Италіи, они грубостью своею не только испортили нравы народа, но и увеличивали опасность въ случаѣ возмущеній рабовъ, не разъ вспыхивавшихъ въ это время. Послѣднее возмущеніе рабовъ было подавлено только послѣ трехлѣтней правильной войны (103—100 г. до р. Х.).

4. Новыя волненія въ Римѣ.

По окончаніи кимвро-тевтонской войны снова вспыхнула вражда между аристократіею и народомъ, и въ Римѣ завязалась борьба, все болѣе и болѣе усиливавшаяся и превратившаяся наконецъ въ настоящую междоусобную войну. Движеніе это было вызвано нравственнымъ состояніемъ римскаго общества и недостатками тогдашняго государственнаго устройства, но оно приняло еще большіе размѣры подъ вліяніемъ личностей нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей той эпохи и самихъ обстоятельствъ. Немногія фамиліи, сосредоточивавшія въ рукахъ своихъ власть, пользовались ею какъ средствомъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей; всадники владѣли большею частью наличныхъ капиталовъ, и хотя имѣли мало прямаго участія въ управленіи, но оказывали большое вліяніе на борьбу между господствующимъ классомъ и управляемыми, склоняясь то на ту, то на другую сторону; наконецъ народъ почти совершенно обнищалъ и служилъ только орудіемъ всякому, кто умѣлъ льстить ему или подавалъ надежду на пріобрѣтенія и забавы. Тогдашняя эпоха, подобно XVII вѣку въ Англіи и XVIII во Франціи, была временемъ постоянныхъ безпокойствъ и волненій, которыя тщетно старался остановить Сулла, сдѣлавшійся впослѣдствіи главою государства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что раздѣлъ государственныхъ земель былъ бы однимъ изъ лучшихъ средствъ для прекращенія зла, потому что тогда безпокойныя головы были бы подъ благовиднымъ предлогомъ удалены изъ Рима, а опустѣлыя земли Италіи населились бы опять свободными земледѣльцами. Но земли эти находились въ рукахъ господствовавшаго класса, который упорно удерживалъ за собою обладаніе ими, и на несчастье Рима всѣ тѣ, которые со времени Кая Гракха до единовластія Суллы являлись защитниками народа, руководствовались такими же дурными побужденіями, какъ и олигархи. Самый замѣчательный изъ нихъ, Марій, очевидно, не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана и никогда не былъ способенъ стать во главѣ партіи; онъ доказалъ это передъ окончаніемъ кимвро-тевтонской войны (въ 100 г.), при наступленіи своего шестаго консульства, обнаруживъ не твердость, а одно только упорство. Всякая перемѣна, исходившая отъ него или отъ его приверженцевъ, могла имѣть только вредныя послѣдствія. Уже первый шагъ его на высшемъ политическомъ поприщѣ былъ ознаменованъ мѣрою, до крайности опасною, разрушительною по своимъ послѣдствіямъ и приведшею римское государство къ военному деспотизму. При первомъ избраніи своемъ въ консулы и главнокомандующіе въ югуртинской войнѣ, Марій старался формировать себѣ войска преимущественно изъ гражданъ шестаго или низшаго класса, до тѣхъ поръ освобожденнаго отъ военной службы; прочимъ же гражданамъ, никогда несоглашавшимся быть слѣпыми орудіями своихъ начальниковъ, онъ съ намѣреніемъ давалъ возможность уклоняться отъ службы.

Внутреннія волненія, *начавшіяся во время* кимвро-тевтонской войны и достигшія полнаго своего развитія въ шестое консульство Марія, были, независимо отъ общаго политическаго и нравственнаго состоянія римскаго общества, вызваны преступленіями и низостями, обнаруженными во время слѣдствія о подкупахъ Югурты. Ударъ, нанесенный этимъ слѣдствіемъ аристократіи, и поддержка, оказанная всѣми честными гражданами народнымъ трибунамъ, возставшимъ противъ подобныхъ злоупотребленій, побудили нѣсколькихъ предпріимчивыхъ людей, въ слѣдующее десятилѣтіе, выступить еще энергичнѣе противъ сената и возстановить противъ него народъ. Сенатъ лишенъ былъ нѣкоторыхъ важныхъ правъ, и трибуны съ успѣхомъ преслѣдовали аристократовъ. Впрочемъ сами трибуны были не лучше своихъ развращенныхъ противниковъ, руководясь въ своихъ дѣйствіяхъ не правомъ и справедливостью, или истинною заботливостью, а только своими личными интересами. Подобно аристократіи, злоупотреблявшей правительственною властью для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, большая часть людей, выставлявшихъ себя демократами, стремилась къ тому же, посредствомъ могущества, заключавшагося въ народномъ трибунатѣ. Для этой цѣли они пользовались слабою стороною римскаго государственнаго устрой-

ства—неестественностью общественныхъ отношеній и между самими римскими гражданами и между государствомъ и итальянскими союзниками: бѣдные граждане требовали принадлежащаго имъ по праву участія въ пользованіи государственными землями, а союзники заявляли совершенно справедливое требованіе участвовать въ управленіи государствомъ, которому они были главною опорою. Масса римскаго населенія и жители Италіи доставляли каждому искусному трибуну, который хотѣлъ добиться чего-нибудь, сильную поддержку и страшную силу, и уже одно имя аграрныхъ законовъ и итальянскихъ союзниковъ со времени Кая Гракха было страшилищемъ аристократіи. Такимъ образомъ обѣ партіи старались превзойти одна другую своекорыстными стремленіями. Самъ Кай Гракхъ, подобно англійскому министру Вальполю, исключенному въ прошедшемъ столѣтіи изъ парламента за наглый подкупъ, не постыдился во всеуслышаніе сказать народу, что всѣ римскіе государственные люди, не исключая его самого, старались дѣйствовать гораздо болѣе въ свою пользу, чѣмъ въ пользу націи; но Гракхъ оставлялъ за собою то преимущество, что цѣлью его дѣйствій были честь и слава, тогда какъ другіе государственные люди добивались только денегъ.

Эта борьба обѣихъ партій особенно интересна потому, что какъ аристократы, такъ и большая часть предводителей народной партій, соединяли съ возмутительнымъ эгоизмомъ самыя блистательныя дарованія и такую заботливость о возвеличеніи римскаго имени и о собственной славѣ, что были способны на величайшіе подвиги. Борьба эта достигла сильнѣйшаго развитія вслѣдствіе того, что Марій, благодаря двумъ послѣднимъ войнамъ, сдѣлался важнѣйшимъ лицемъ въ государствѣ, а такъ какъ этотъ человѣкъ по своему рожденію и образованію, по своимъ симпатіямъ и натурѣ принадлежалъ къ простолюдинамъ, то возвышеніе его, вмѣстѣ съ господствовавшимъ тогда настроеніемъ народной массы и союзниковъ, должно было придать такое значеніе и силу дѣйствіямъ народныхъ трибуновъ, какихъ они еще никогда не достигали прежде. Марій содѣйствовалъ этому перевороту тѣмъ, что, для достиженія въ шестой разъ консульства, соединился съ двумя самыми крайними демагогами, какіе когда-либо встрѣчались въ римской исторіи, и вслѣдствіе того получилъ рѣшительное преобладаніе въ государствѣ. Самъ онъ не раздѣлялъ принциповъ этихъ людей и вообще не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій и плановъ, а подчинялся только внушеніямъ своего корыстолюбія и безграничнаго честолюбія. Командуя войскомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, онъ не былъ въ состояніи отвыкнуть отъ деспотизма и произвола, какъ и всякій, кто пользовался когда-нибудь правомъ безусловно повелѣвать другими. Люди, съ которыми соединился Марій, были Луцій Апулей Сатурнинъ и Кай Сервилій Главція. Сатурнинъ во время своего квесторства велъ себя такъ, что ему невозможно было и думать о высшихъ должностяхъ; поэтому онъ и принялъ на себя роль демагога и, успѣвъ однажды добиться избранія въ трибуны (на 102 и 101 г. до р. X.), своею трибунскою властью сильно стѣснялъ сенаторскую партію. Желая быть избраннымъ въ трибуны въ третій разъ, онъ соединился съ Маріемъ и Главціею. Главція, преслѣдовавшій нѣкогда въ званіи трибуна ненавистную ему аристократію, занималъ въ то время должность претора. На сторонѣ его и Сатурнина было большинство народа, и конечно въ союзѣ съ такимъ вліятельнымъ человѣкомъ, какъ Марій, они могли ласкать себя надеждою на пріобрѣтеніе еще большей и дѣйствительно страшной власти. Соединившись съ Сатурниномъ и Главціею, Марій достигъ консульства, но оно сдѣлалось могилою его славы, потому что въ продолженіе его государство испытывало сильнѣйшія потрясенія, а Марій рѣшительно былъ неспособенъ руководить гражданскими волненіями. Онъ былъ плохой ораторъ, приходилъ въ замѣшательство именно въ то время, когда ему болѣе всего были нужны ловкость и присутствіе духа, и возбуждалъ противъ себя насмѣшки и ненависть своею завистью ко всякому таланту, образованности и краснорѣчію.

Сатурнинъ доставилъ Марію консульство, но самъ не былъ снова избранъ въ трибуны и потому прибѣгнулъ къ насилію и убійству: въ день выборовъ десяти трибуновъ на слѣдующій годъ, онъ велѣлъ умертвить одного изъ избранныхъ, а Главція занялъ ночью Капитолій, открылъ тамъ на слѣдующее утро народное собраніе и, посреди страшнаго шума, заставилъ избрать своего друга на мѣсто убитаго. Трибунъ, избранный такимъ образомъ, могъ держаться только

демагогіею и возбужденіемъ безпорядковъ (100 до р. X.), и дѣйствительно въ народномъ собраніи ежедневно происходили сцены самыхъ страшныхъ насилій. Сатурнинъ предложилъ рядъ самыхъ вредныхъ законовъ и успѣлъ провести нѣкоторые изъ нихъ. По одному изъ этихъ предложеній было рѣшено выдавать народу изъ общественныхъ магазиновъ хлѣбъ ниже рыночныхъ цѣнъ, и такимъ образомъ праздныя толпы стали кормиться на счетъ государства. Другое предложеніе касалось обезпеченія участи тѣхъ, которые служили подъ начальствомъ Марія и, слѣдовательно, составляли главную опору его власти: Сатурнинъ предложилъ отдать гражданамъ, сражавшимся противъ кимвровъ и тевтоновъ, нѣкоторые участки земли въ Италіи, Греціи и Сициліи. Третье предложеніе еще болѣе увеличило могущество и вліяніе Марія: онъ получилъ неслыханное преимущество — въ каждой изъ устроенныхъ имъ колоній давать тремъ человѣкамъ права римскихъ гражданъ. Потомъ, чтобы еще болѣе оскорбить сенатъ и сокрушить его власть, Сатурнинъ, ссылаясь на древнее, но никогда еще не исполнявшееся постановленіе, по которому всякое рѣшеніе народа могло имѣть законную силу и безъ утвержденія сената, заставилъ сенатъ принять на себя обязательство утверждать рѣшеніе народнаго собранія въ теченіе пяти дней и, что было еще тяжелѣе, подтвердить клятвою это обстоятельство. Первымъ слѣдствіемъ новаго закона было изгнаніе Метелла Нумидійскаго, смертельно ненавидимаго всѣми тремя демагогами: вѣрный своему характеру, Метеллъ одинъ изъ всѣхъ сенаторовъ, отказался дать эту клятву и, по приговору народнаго собранія, былъ изгнанъ изъ Италіи.

Сатурнинъ думалъ, что этими мѣрами онъ расположитъ къ себѣ народъ и удержитъ за собою трибунатъ, а консуломъ на слѣдующій годъ сдѣлаетъ Главцію. Марій, также имѣвшій притязаніе на седьмое консульство, подъ конецъ дѣйствовалъ повидимому не совсѣмъ согласно съ ними. Сатурнинъ и Главція, намѣреваясь въ случаѣ необходимости поддержать свои притязанія силою, окружили себя толпами вооруженныхъ отпущенниковъ; не смотря на то, Главція испыталъ неудачу на консульскихъ выборахъ. Тогда онъ рѣшился прибѣгнуть къ тому же средству, которымъ Сатурнинъ достигъ своей цѣли въ предшествовавшемъ году, т. е. велѣлъ открыто на площади умертвить одного изъ избранныхъ. Потомъ онъ и Сатурнинъ вооружили свои толпы, чтобы занять ими Капитолій. Этотъ открытый мятежъ привелъ въ ужасъ всѣхъ лучшихъ гражданъ, возвратилъ сенату необходимую силу и далъ ему справедливое основаніе прибѣгнуть къ средствамъ, предоставленнымъ ему римскимъ государственнымъ устройствомъ въ случаяхъ крайней опасности: онъ приказалъ консуламъ, не стѣсняясь существующими законами, принять всѣ необходимыя мѣры для спасенія республики. Такимъ образомъ Марій противъ воли очутился во главѣ аристократической партіи и увидѣлъ себя въ необходимости содѣйствовать гибели своихъ прежнихъ друзей и союзниковъ. Онъ старался спасти ихъ медленностью, но когда подъ начальство его и его товарища собрались всѣ лучшіе граждане, то аристократы, самымъ энергическимъ изъ которыхъ опять явился тотъ же Скавръ, заставили его дѣйствовать рѣшительнѣе. Капитолій былъ осажденъ, и вскорѣ толпа принуждена была сдаться по недостатку съѣстныхъ припасовъ. Главція былъ убитъ по взятіи Капитолія, а Сатурнина и другихъ предводителей Марій велѣлъ запереть въ одномъ изъ общественныхъ зданій, не для того, чтобы помѣшать ихъ бѣгству, а для того, чтобы оградить ихъ отъ ярости сенаторской партіи и дать имъ случай ускользнуть. Но аристократы не дались въ обманъ и, овладѣвъ, подъ предводительствомъ Скавра, этимъ зданіемъ, перебили всѣхъ заключенныхъ. Слѣдовало бы ожидать, что сенатъ уважитъ въ этихъ людяхъ правительственный санъ, которымъ они были облечены; но когда же озлобленная борьбою партія обращаетъ вниманіе на права и на честь государства, если дѣло идетъ о подавленіи ненавистныхъ противниковъ. Аристократы торжествовали эту побѣду съ такимъ же страстнымъ увлеченіемъ и варварствомъ, какъ нѣкогда побѣду надъ Гракхами; одинъ изъ сенаторовъ, Кай Рабирій, не постыдился даже велѣть принести себѣ голову Сатурнина и выставить ее у себя во время пира. Всѣ попытки нѣкоторыхъ трибуновъ примирить враждебные интересы партій были рѣшительно отвергнуты сенаторскою партіею. Одного изъ этихъ трибуновъ, предложившаго возстановленіе аграрнаго закона Гракха, обвинили въ томъ, что онъ имѣлъ статую Сатурнина, и заставили

его сложить съ себя званіе трибуна и удалиться въ ссылку. Одинъ миролюбивый и безукоризненный въ своихъ поступкахъ преторъ былъ преданъ суду за нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ въ похвалу Сатурнину, обвиненъ въ оскорбленіи республики и также осужденъ на изгнаніе. Тотчасъ же послѣ этой побѣды былъ возвращенъ изъ ссылки Метеллъ, главный противникъ побѣдителя кимвровъ и тевтоновъ, самый благородный и твердый, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый гордый изъ олигарховъ.

Въ послѣднее консульство Марія, его собственное поведеніе и побѣда противниковъ лишили его почти всей силы и вліянія и навлекли на него подозрѣніе обѣихъ партій; вслѣдствіе того онъ удалился на нѣсколько лѣтъ отъ общественной дѣятельности и, оставивъ Римъ и Италію, совершилъ путешествіе по Азіи. Въ то время соперникъ его Сулла достигъ высоты своего могущества, былъ назначенъ преторомъ, не бывъ прежде эдиломъ, какъ это было установлено для соблюденія постепенности въ должностяхъ, и въ новомъ званіи своемъ далъ народу такія великолѣпныя игры, какихъ не бывало еще въ Римѣ (93 г. до р. X.). Въ два слѣдующіе года Сулла былъ преторомъ въ Азіи и, въ качествѣ посредника между царями и народами, разыгрывалъ тамъ роль повелителя. По возвращеніи его изъ Азіи, вспыхнувшая тогда союзническая война доставила ему прекрасный случай выказать въ самомъ блистательномъ свѣтѣ свои воинскія дарованія и снискать себѣ расположеніе войска, которое потомъ въ другой войнѣ онъ умѣлъ привлечь совершенно на свою сторону. Марій, также явившійся дѣйствующимъ лицемъ въ этой войнѣ, скоро долженъ былъ уступить мѣсто Суллѣ.

5. Союзническая война.

Возмущеніе итальянскихъ союзниковъ, принявшее видъ правильной войны, было вызвано суровыми законами, которые, во время возбужденныхъ Гракхами волненій, были изданы для воспрепятствованія внесенію итальянцевъ въ списки римскихъ гражданъ и недопущенія ихъ къ участію въ народныхъ собраніяхъ. Строгость эта нравилась бѣднѣйшей части гражданъ столько же, сколько и аристократіи, потому что масса народа извлекала выгоды изъ права подачи голосовъ и не желала раздѣлять его съ другими. Въ 95 г. до р. X. новый законъ, проведенный консулами Луціемъ Лициніемъ Крассомъ и Квинтомъ Муціемъ Сцеволою, еще болѣе затруднилъ внесеніе итальянцевъ въ списки римскихъ гражданъ; въ то же время было положено произвести слѣдствіе, которое грозило потерею политическихъ правъ многимъ, уже давно считавшимся римскими гражданами. Законъ этотъ произвелъ очень неблагопріятное впечатлѣніе и взволновалъ всю Италію. Знатнѣйшіе граждане итальянскихъ городовъ стали устроивать совѣщанія и заключили между собою тайные союзы. Черезъ три года волненіе приняло такіе опасные размѣры, что римскій сенатъ нашелся вынужденнымъ расположить въ окрестностяхъ Рима войско для наблюденія за итальянцами. Въ слѣдующемъ (91 до р. X.) году народный трибунъ, Маркъ Ливій Друзъ Младшій, сынъ соименнаго ему трибуна, сокрушившаго вліяніе Кая Гракха, своимъ образомъ дѣйствій подалъ поводъ къ возстанію.

Ливій Друзъ имѣлъ несчастную мысль удовлетворить въ одно и то же время обѣ стороны, и, какъ это всегда бываетъ въ попыткахъ примирить политическія партіи, навлекъ на себя всеобщую вражду. Онъ думалъ помочь бѣднымъ раздачею хлѣба и земель, и въ то же время уменьшить безпокойный городской народъ основаніемъ новыхъ колоній, а для удовлетворенія сенаторскихъ фамилій измѣнить законъ Кая Гракха объ избраніи судей, изслѣдовавшихъ государственныя преступленія, не изъ сенаторовъ, а изъ сословія всадниковъ. Друзъ предложилъ избирать судей поровну изъ обоихъ сословій, а для вознагражденія за это всадниковъ допустить въ сенатъ триста человѣкъ изъ ихъ сословія. Эти предложенія вовлекли Ливія Друза въ самую жестокую борьбу со всѣми тремя сословіями. Не смотря на то, онъ провелъ свои предложенія, но тѣмъ погубилъ самого себя. Исполненіе его законовъ было возможно только путемъ насилія, а прибѣгнуть къ нему Друзъ никакъ не могъ рѣшиться. Онъ взялся за другое средство, но увє-

личилъ только зло и умножилъ число своихъ враговъ. Желая вознаградить деньгами тѣхъ, кто потерпѣлъ убытки отъ его аграрнаго закона, онъ сталъ чеканить монету нисшаго достоинства и совершенно разстроилъ всѣ торговые и денежные обороты. Его прежняя популярность исчезала съ каждымъ днемъ; но онъ слишкомъ поздно замѣтилъ, что идетъ по ложному пути и долженъ подумать о средствахъ предупредить опасность, грозившую ему со всѣхъ сторонъ. Для этого онъ собралъ вокругъ себя многочисленную толпу поселянъ, которые должны были постоянно окружать его, и старался расположить въ свою пользу итальянскихъ союзниковъ обѣщаніемъ предложить законъ о дарованіи всѣмъ итальянцамъ правъ римскаго гражданства. Глава народа марсовъ, Квинтъ Помпедій Силонъ, предложилъ ему явиться въ Римъ съ десяти тысячнымъ войскомъ и уничтожить его противниковъ; но вмѣсто того, чтобы погубить ихъ, Ливій Друзъ предупредилъ ихъ объ угрожавшей имъ опасности. Сенатъ же не былъ такъ разборчивъ и совѣстливъ: онъ или самъ велѣлъ умертвить Ливія Друза, или допустилъ его убійство, потому что запретилъ всякое слѣдствіе о немъ. Разъ вечеромъ на Ливія Друза, возвращавшагося съ площади съ небольшою свитою, напало нѣсколько убійцъ, и онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ отъ полученныхъ имъ ранъ. Тотчасъ по смерти Друза, сенатъ уничтожилъ всѣ его законы, подъ тѣмъ предлогомъ, что при принятіи ихъ не было обращаемо вниманія на ауспиціи. Сверхъ того было произведено строжайшее слѣдствіе противъ друзей убитаго трибуна, и въ особенности противъ участниковъ въ переговорахъ его съ предводителями союзниковъ. Многіе знатные римляне были объявлены прикосновенными къ дѣлу и изгнаны изъ Италіи.

Тогда долго сдерживаемое неудовольствіе итальянцевъ разразилось открытымъ возстаніемъ (91 г. до р. Х.). Большая часть туземныхъ племенъ Италіи, во главѣ ихъ самниты и марсы, подняли оружіе противъ Рима; только латины, этруски и умбры не приняли участія въ этомъ движеніи. Возставшіе народы соединились между собою и положили составить, по образцу римской республики, сенатъ изъ 500 депутатовъ отъ различныхъ народовъ, съ тѣмъ, чтобы передать ему управленіе союзомъ, во главѣ котораго должны были стоять два консула и двѣнадцать преторовъ. Такимъ образомъ, оставивъ совершенно мысль о пріобрѣтеніи правъ римскаго гражданства, они основали новое государство, которое должно было занять мѣсто римскаго. Городъ пелигновъ Корфиній, лежавшій близь нынѣшняго Пополи, въ сѣверной части бывшихъ Неаполитанскихъ владѣній, былъ избранъ столицею государства и мѣстопребываніемъ правительства и названъ Италикою. Эта рѣшимость итальянцевъ угрожала Риму величайшею опасностью, потому что войска, готовившіяся теперь напасть на него, составляли до сихъ поръ сильнѣйшую часть его арміи и слѣдовательно противъ Рима поднималось его собственное оружіе. Единственное средство избавиться отъ гибели заключалось въ томъ, чтобы отдѣлить отъ союза какъ можно болѣе народовъ, и съ этою цѣлью было признано за лучшее немедленно дать части итальянцевъ права римскаго гражданства, чтобы не подвергать опасности могущество и самое существованіе древней столицы Италіи. Вслѣдствіе того при самомъ началѣ войны было объявлено, что народы, не приступившіе къ союзу, могутъ пользоваться правомъ римскаго гражданства. Такимъ образомъ Римъ склонилъ на свою сторону латиновъ, умбровъ и этрусковъ хотя два послѣдніе народа уже начинали волноваться. Изъ нихъ и изъ галльскихъ и лигурійскихъ племенъ Верхней Италіи, оставшихся также вѣрными и получившихъ за то (90 г. до р. Х.) право латиновъ, римляне составили себѣ войско для борьбы съ возставшими народами.

Лучшими полководцами итальянцевъ были: марсъ Квинтъ Помпедій Силонъ, луканецъ Лампоній и самниты: Понцій Телезинъ, Марій Эгнацій, Апоній Мотулъ, Титъ Афраній, Веттій Катонъ и нѣкоторые другіе, національность которыхъ достовѣрно неизвѣстна. Союзническая война, носившая также, по имени сильнѣйшаго изъ союзныхъ народовъ, названіе марсійской войны, продолжалась три года и была ведена съ обѣихъ сторонъ съ величайшимъ мужествомъ и стойкостью. Въ ней принимали участіе всѣ знаменитѣйшіе полководцы Рима — Марій, Сулла и Кней Помпей Страбонъ, отецъ знаменитаго Помпея. Болѣе всѣхъ отличился Сулла, напротивъ того, Марій не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій. Сначала итальянцы всюду имѣли перевѣсъ, и только черезъ годъ римлянамъ удалось одержать побѣду

подъ предводительствомъ консула Луція Юлія Цезаря. Послѣ того счастье склонялось то на ту, то на другую сторону, цѣлыя страны Италіи было опустошены и въ войнѣ этой погибло, какъ говорятъ, до 300 тысячъ человѣкъ. Наконецъ римляне должны были прибѣгнуть къ тому, съ чего бы имъ слѣдовало начать: они дали всѣмъ свободнымъ народамъ Италіи право гражданства. Тогда возставшіе народы заключили миръ (88 г. до р. Х.); только самниты и луканцы не положили оружія и продолжали нѣкоторое время кровопролитную и опустошительную войну, до тѣхъ поръ, пока Сулла не истребилъ (82. г. до р. Х.) послѣднихъ остатковъ ихъ войскъ.

6. Начало первой междоусобной войны.

Союзническая война имѣла чрезвычайно важное вліяніе на внутреннее состояніе римскаго государства, не только потому, что съ дарованіемъ итальянцамъ правъ гражданства внезапно увеличилось въ чрезвычайныхъ размѣрахъ масса тѣхъ, которые составляли народное собраніе, но и потому еще, что въ этой войнѣ Сулла въ первый разъ пріобрѣлъ себѣ средства, которыя впослѣдствіи дали ему возможность захватить въ свои руки власть. Побѣды, одержанныя имъ въ то время, снискали ему уваженіе народа; обращеніе его съ солдатами, искусство, сообразно съ обстоятельствами, прилагать къ дѣлу и устранять строгую римскую дисциплину, поборы, которые онъ дозволялъ своимъ солдатамъ, удовольствія и потѣхи, которыми онъ забавлялъ ихъ послѣ трудовъ похода, наконецъ его личное участіе въ ихъ забавахъ, — все это вмѣстѣ сдѣлало его кумиромъ солдатъ. Впослѣдствіи, во время мира, онъ воспользовался этими преимуществами такъ, какъ ни одинъ изъ римскихъ полководцевъ, и тѣмъ впервые доказалъ всѣмъ народамъ, что въ такомъ государствѣ, которое постоянно должно было вести войну, войско рѣшаетъ обыкновенно участь всѣхъ междоусобій. Истина эта, подтвержденная опытомъ всѣхъ вѣковъ, обнаруживалась во всѣ позднѣйшія эпохи исторіи римской республики. Свобода Рима была также уничтожена войскомъ, какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ свобода Милана и Флоренціи, а въ наше время республиканская конституція Франціи. Тоже самое видѣли мы и въ исторіи Сиракузъ. Если Карѳагенъ составлялъ исключеніе изъ общаго правила, такъ это зависѣло отъ того, что тамошняя аристократія имѣла обыкновеніе держать войско въ отдаленіи и распускать его по окончаніи каждой войны; вообще же внутреннія волненія въ Карѳагенѣ были также рѣдки, какъ и въ Венеціи.

Заслуги Суллы въ союзнической войнѣ были такъ очевидны для всѣхъ, преданность солдатъ къ нему такъ велика, что на сорокъ девятомъ году жизни онъ почти единогласно былъ избранъ консуломъ, и въ тоже время содѣйствовалъ избранію въ товарищи себѣ Квинта Помпея Руфа, принадлежавшаго къ одной съ нимъ партіи. Годъ его консульства (88 г. до р. Х.) одинъ изъ важнѣйшихъ во всей римской исторіи, потому что въ этомъ году вспыхнула первая междоусобная война въ Римѣ. Римляне готовились тогда къ войнѣ противъ Митридата Великаго, царя понтійскаго, Сулла добивался начальства надъ войскомъ и сенатъ исполнилъ его желаніе; но престарѣлый и честолюбивый Марій, завидуя своему ненавистному сопернику, старался склонить народное собраніе къ тому, чтобы оно, слѣдуя примѣру югуртинской войны, не стѣснялось рѣшеніемъ сената и предоставило ему главное начальство въ войнѣ противъ Митридата. Для достиженія этой цѣли онъ соединился съ Публіемъ Сульпиціемъ Руфомъ, однимъ изъ самыхъ неистовыхъ народныхъ трибуновъ, какіе только бывали въ Римѣ. До своего трибуната, Сульпицій былъ человѣкомъ самымъ благонамѣреннымъ и безукоризненнымъ по своему характеру и принадлежалъ къ аристократической партіи; намъ неизвѣстно, вслѣдствіе чего онъ вдругъ перемѣнилъ свои убѣжденія и присоединился къ противной партіи. Сдѣлавшись трибуномъ, онъ сталъ съ ожесточеніемъ преслѣдовать своихъ прежнихъ друзей и организовалъ противъ нихъ настоящее демократическое войско. Сульпицій взялъ къ себѣ на жалованье три тысячи бандитовъ, собралъ около себя до

600 молодыхъ людей, которыхъ назвалъ анти-сенатомъ, и никогда не появлялся безъ сопровожденія этой дикой орды. Онъ старался также склонить на свою сторону и новыхъ итальянскихъ гражданъ, внесенныхъ тогда въ списки и стекавшихся въ Римъ въ огромномъ числѣ. Сенатъ постановилъ, чтобы они не были распредѣляемы по существовавшимъ уже 35 трибамъ, а составили бы восемь новыхъ трибъ; тутъ было явное намѣреніе лишить ихъ всякаго вліянія. Новыя восемь трибъ подавали каждый разъ голосъ подъ самый конецъ и потому тогда только имѣли вліяніе на рѣшеніе народнаго собранія, когда прежнія 35 не могли согласиться между собой. Сульпицій предложилъ уничтожить новыя трибы и распредѣлить итальянцевъ по старымъ.

Это предложеніе вызвало въ Римѣ сильнѣйшія волненія и смуты. Тысячи новыхъ гражданъ находились въ городѣ; между ними и частью старыхъ римскихъ гражданъ вспыхнула открытая война, и обѣ стороны почти ежедневно вступали въ битвы на улицахъ и площадяхъ Рима. Между тѣмъ партія Сульпиція, къ которой примкнули Марій и его друзья, пріобрѣтала болѣе и болѣе силы, и съ каждымъ днемъ становилось очевиднѣе, что предложеніе будетъ наконецъ принято. Тогда консулъ Помпей Руфъ вызвалъ въ Римъ товарища своего Суллу, вербовавшаго въ Кампаніи солдатъ для похода въ Азію, и оба консула, по соглашенію съ сенатомъ, для воспрепятствованія подачѣ голосовъ, прибѣгнули къ такой мѣрѣ, которая принималась въ крайнихъ случаяхъ: они остановили на нѣсколько дней теченіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Сульпицій нисколько не испугался этого, а тотчасъ же рѣшился принудить консуловъ къ отмѣнѣ изданнаго эдикта. Онъ отправился съ своими толпами на площадь, гдѣ въ храмѣ Кастора собрался сенатъ, окружилъ зданіе и, получивъ отказъ на свое требованіе, велѣлъ своимъ спутникамъ напасть на безоружный сенатъ. Консулы и сенаторы обратились въ бѣгство. Помпею Руфу удалось спастись, но сынъ его, женатый на дочери Суллы, былъ умерщвленъ буйною толпой. Сулла спасся отъ своихъ преслѣдователей, укрывшись въ домѣ своего врага Марія и давъ для спасенія своей жизни клятву отмѣнить эдиктъ. Онъ выполнилъ свою клятву и тотчасъ же объявилъ объ отмѣнѣ эдикта, но сдѣлалъ это только потому, что иначе ему было бы невозможно удалиться изъ города и присоединиться къ своему войску, которое не окончило еще войну съ союзниками. Тогда Сульпицій провелъ свое предложеніе и заставилъ назначить Марія предводителемъ войска въ войнѣ противъ Митридата.

Прямымъ слѣдствіемъ побѣды Сульпиція и Марія надъ Суллою было подчиненіе римлянъ въ первый разъ чисто военному деспотизму; съ тѣхъ поръ съ небольшими перерывами они должны были переносить отъ своихъ полководцевъ то же самое, чему уже давно подвергались всѣ покоренные народы. Объявивъ своимъ солдатамъ, что въ Римѣ насиліе замѣнило право, уваженіе къ консуламъ исчезло, и что прежніе граждане поставлены ниже новыхъ, Сулла призывалъ ихъ двинуться съ нимъ на Римъ для возстановленія законнаго порядка. Увѣренный въ привязанности и довѣріи солдатъ, онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ воспользовался глубокимъ суевѣріемъ римлянъ и съ помощью разныхъ предзнаменованіи легко успѣлъ склонить войско на свою сторону. Хотя знатнѣйшіе изъ военачальниковъ оставили его, но зато въ лагерь явились его товарищъ и многіе изгнанные граждане и сенаторы, которыхъ Марій и Сульпицій хотѣли умертвить, напавъ на нихъ и разграбивъ ихъ дома. Сенатъ, находившійся въ ихъ власти, чтобы удержать Суллу отъ исполненія его намѣренія, отправилъ на встрѣчу къ нему депутатовъ, но онъ съ презрѣніемъ прогналъ ихъ, быстро двинулся къ Риму, осадилъ его, какъ непріятельскую крѣпость, и вступилъ въ него по трупамъ гражданъ. На городскихъ улицахъ онъ встрѣтилъ мужественный отпоръ со стороны своихъ противниковъ, но, составляя безпорядочную толпу, они были побѣждены и разсѣяны. Напрасно Марій призвалъ тогда на битву рабовъ, обѣщавъ имъ свободу; они не послушались его призыва, и Сулла овладѣлъ городомъ.

Созвавъ на слѣдующее утро народъ, Сулла предложилъ ему нѣсколько законовъ, которые, конечно, были приняты безъ сопротивленія, потому что онъ предлагалъ ихъ, окруженный шестью легіонами. О коренныхъ преобразованіяхъ пока нельзя было и думать: партія Марія была еще слишкомъ сильна и провести ихъ

можно было только посредствомъ новой или формальной проскрипціи, а приступить къ нимъ мѣшала война съ Митридатомъ. Сулла удовольствовался отмѣною законовъ Сульпиція и заставилъ народъ постановить, что на будущее время ни одинъ законъ не можетъ быть представленъ народу безъ предварительнаго разсмотрѣнія сенатомъ, а подача голосовъ въ народномъ собраніи должна производиться не по трибамъ, какъ прежде, а по центуріямъ. Даже своей мести Сулла не могъ удовлетворить вполнѣ; война съ Митридатомъ не позволяла ему медлить, и онъ долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что заставилъ сенатъ объявить двѣнадцать главныхъ предводителей противной партіи, въ томъ числѣ Марія и Сульпиція, внѣ закона и оцѣнить ихъ головы. Изъ всѣхъ сенаторовъ одинъ престарѣлый авгуръ Квинтъ Муцій Сцевола, отецъ извѣстнаго консула, незадолго до начала союзнической войны предложившаго законъ противъ италіянцевъ, противился требованіямъ Суллы относительно Марія и на угрозы Суллы отвѣчалъ: «Ты можешь сколько угодно хвастаться толпами, которыми ты окружилъ зданіе сената (Курія), можешь грозить мнѣ смертью, но никогда не заставишь меня, ради нѣсколькихъ капель крови, текущей еще въ моихъ старыхъ жилахъ, объявить врагомъ отечества человѣка, спасшаго отъ погибели этотъ городъ и всю Италію.» Осужденные спаслись бѣгствомъ, за исключеніемъ Сульпиція, выданнаго однимъ изъ его рабовъ и потомъ умерщвленнаго. Сулла велѣлъ выставить его голову на площади противъ трибуны ораторовъ. Марій спасся отъ своихъ преслѣдователей, послѣ многихъ почти романическихъ приключеній. Успѣвъ съ неслыханными усиліями пробраться къ морю, онъ былъ снова прибитъ бурею къ берегу, блуждалъ нѣсколько дней на кампанскихъ берегахъ по полямъ и лѣсамъ и, найдя опять корабль для отъѣзда изъ Италіи, былъ вторично высаженъ на берегъ экипажемъ, страшившимся наказанія. Послѣ того онъ нѣкоторое время скрывался въ болотахъ, гдѣ его отыскали и привезли въ Минтурну. Правители этого города рѣшили предать его смертной казни и, не находя никого для исполненія своего приговора, поручили это одному кимврскому всаднику. Когда онъ вошелъ въ тюрьму, Марій встрѣтилъ его словами: «Ты осмѣливаешься умертвить Марія?» Громовой голосъ и грозный взглядъ Марія до того устрашили кимвра,что онъ не въ состояніи былъ исполнить своего обѣщанія.Вскорѣ послѣ этого Марій убѣжалъ изъ тюрьмы и отплылъ въ Африку. Дорогою недостатокъ въ водѣ заставилъ его пристать къ берегамъ Сициліи, гдѣ онъ былъ схваченъ врасплохъ; Марій едва спасся, лишившись шестнадцати человѣкъ изъ своей свиты. Когда наконецъ онъ достигъ карѳагенской гавани, римскій намѣстникъ Африки велѣлъ ему немедленно удалиться изъ этой провинціи. Разсказываютъ, хотя достовѣрность этого происшествія подлежитъ сомнѣнію, что посолъ намѣстника нашелъ Марія посреди развалинъ Карѳагена и услыхалъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Скажи своему господину, что ты видѣлъ Марія, сидящаго на развалинахъ Карѳагена!» Послѣ этого Марій жилъ на маленькомъ островкѣ близъ африканскихъ береговъ до тѣхъ поръ, пока перемѣна обстоятельствъ не позволила ему возвратиться въ Римъ.

Между тѣмъ Сулла удалился съ своимъ войскомъ въ Азію. Онъ оставилъ Римъ при обстоятельствахъ, далеко неблагопріятныхъ для него; до самаго отъѣзда его, общественное мнѣніе было до такой степени вооружено противъ него, что многіе изъ рекомендованныхъ имъ кандидатовъ на правительственныя должности не были выбраны народомъ. Даже одинъ изъ консуловъ слѣдующаго года, Луцій Корнеллій Цинна, принадлежалъ къ противной партіи. Впрочемъ въ то время, какъ и всегда, Сулла полагался на свое счастье, и удовольствовался тѣмъ, что взялъ съ Цинны клятвенное обѣщаніе не измѣнять его постановленій и вообще не предпринимать ничего противъ него. Еще до отъѣзда Суллы изъ города вспыхнуло волненіе. Бывшій товарищъ его по консульству, Помпей Руфъ, былъ умерщвленъ и обстоятельства этого убійства заставляли ожидать новой междоусобной войны. Помпей Руфъ былъ назначенъ проконсуломъ и долженъ былъ принять начальство надъ войскомъ, которымъ до того времени командовалъ Кней Помпей Страбонъ и которое было занято усмиреніемъ нѣкоторыхъ, еще не покоренныхъ союзниковъ. Но едва Помпей Руфъ принялъ главное начальство, какъ былъ умерщвленъ солдатами. Помпей Страбонъ только для виду выказалъ свое негодованіе, но не велѣлъ произвести никакого слѣдствія и

немедленно принялъ опять начальство; этимъ онъ навлекъ на себя сильное подозрѣніе въ участіи въ этомъ преступленіи. Вслѣдъ за тѣмъ въ самомъ Римѣ обнаружилась сильная распря между Цинною и товарищемъ его, Кнеемъ Октавіемъ, и Цинна нарушилъ свою клятву еще прежде, чѣмъ Сулла успѣлъ отправиться съ войскомъ противъ Митридата. Какъ ни грозны были подобныя явленія, но Сулла не обратилъ на нихъ вниманія и предоставилъ Римъ борьбѣ партій (87 г. до р. Х.), а самъ отправился съ войскомъ въ Грецію и Азію, откуда возвратился въ Италію только по прошествіи четырехъ лѣтъ.

Причиною ссоры между обоими консулами и ихъ партіями было то же самое, чѣмъ не задолго до того трибунъ Сульпицій произвелъ въ городѣ такое сильное волненіе. Черезъ одного изъ трибуновъ Цинна возобновилъ предложеніе Сульпиція о томъ, чтобы новые итальянскіе граждане были распредѣлены по старымъ трибамъ. Его товарищъ и вся аристократическая партія всѣми силами противодѣйствовали ему; оба консула окружили себя вооруженными толпами и на площади происходили ежедневныя схватки. Наконецъ Цинна потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ съ шестью народными трибунами къ одному изъ трехъ отрядовъ войска, собранныхъ тогда въ Италіи. Начальниками этихъ отрядовъ были: Помпей Страбонъ, Квинтъ Цецилій Метеллъ Пій, сынъ Метелла Нумидійскаго, и преторъ Аппій Клавдій. У Клавдія нашелъ себѣ убѣжище Цинна и былъ принятъ со всевозможными почестями, хотя въ то же самое время противники его въ Римѣ требовали въ народномъ собраніи, чтобы онъ былъ смѣщенъ, а на его мѣсто назначенъ Луцій Корнелій Мерула. Это было сигналомъ къ междоусобной войнѣ. Цинна призвалъ къ себѣ на помощь итальянскихъ союзниковъ, собралъ большое войско и пригласилъ Марія возвратиться въ Италію. Марій явился, собралъ около себя множество приверженцевъ и, соединившись съ Цинною, принялъ главное начальство надъ войскомъ. Оба они тотчасъ же двинулись къ Риму и осадили городъ четырьмя отрядами; двумя изъ нихъ командовали они сами, а два другіе находились подъ начальствомъ Квинта Серторія, человѣка благороднаго и отличнаго полководца, и Кнея Папирія Карбона, отличавшагося только своею низостью и совершенною бездарностью.

Для отвращенія опасности сенатъ призвалъ на помощь Помпея Страбона съ его войскомъ. Помпей былъ искусный полководецъ, но положиться на него не было никакой возможности, а какъ человѣкъ и гражданинъ онъ былъ презираемъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ его современниковъ. Онъ долго медлилъ отвѣчать сенату, потому что колебался между тою и другою партіею, и, рѣшившись наконецъ принять сторону аристократіи, двинулся къ Риму, окруженному со всѣхъ сторонъ врагами. Близъ города произошло кровопролитное сраженіе, которое осталось нерѣшеннымъ. Вскорѣ послѣ того большая часть войска Помпея погибла отъ болѣзней, а самъ онъ былъ убитъ молніею. Тогда единственною надеждою сената остался Метеллъ Пій. Онъ расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Рима, а консулъ Октавій у воротъ города съ войсками, набранными въ самомъ Римѣ. На несчастье аристократовъ, въ городѣ скоро сталъ ощущаться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и солдаты Октавія, недовѣрявшіе своему полководцу, начали цѣлыми толпами перебѣгать къ Метеллу; но онъ не принималъ ихъ въ свой лагерь и они переходили къ непріятелю. Наконецъ въ самомъ войскѣ Метелла вспыхнулъ мятежъ; солдаты оставили его и онъ въ отчаяніи бѣжалъ въ Африку. Тогда сенату не оставалось другаго исхода, какъ заключить капитуляцію съ своими смертельными врагами. Цинна потребовалъ прежде всего, чтобы его смѣщеніе съ консульства было объявлено недѣйствительнымъ. Мерула немедленно сложилъ съ себя свое званіе, и Цинна снова былъ признанъ консуломъ. Его просили только щадить жизнь гражданъ; онъ согласился, но никакъ не хотѣлъ подтвердить своего обѣщанія клятвою. Марій, присутствовавшій при этихъ переговорахъ, какъ будто не принималъ въ нихъ никакого участія: во все продолженіе ихъ онъ не произнесъ ни одного слова, но на лицѣ его нельзя было не замѣтить злобы и желанія мести, которыми была исполнена его душа. Вслѣдъ за тѣмъ, когда побѣдоносное войско вступало въ городъ, онъ самымъ наглымъ образомъ осмѣялъ законы римскаго государства. Сначала Марій объявилъ, что, находясь внѣ закона, онъ не смѣетъ вступить въ городъ, пока не будетъ отмѣ-

ненъ народомъ приговоръ, произнесенный противъ него въ предшествовавшемъ году, но потомъ, не ожидая рѣшенія наскоро собраннаго народа, въѣхалъ въ городъ во время самой подачи голосовъ.

Вступленіе побѣдителей распространило повсюду ужасъ и ознаменовалось убійствами; особенно Марій обнаружилъ свою ненасытную жажду мщенія. Онъ окружилъ себя разбойничьею шайкою изъ 4-хъ тысячъ рабовъ, которые съ кровожаднымъ рвеніемъ предупреждали всѣ повелѣнія своего вождя. Эти полудикія толпы страшно неистовствовали въ городѣ, не щадя ни возраста, ни пола, и злодѣйствовали до того, что самъ Цинна, возмущенный ихъ преступленіями, рѣшился уничтожить ихъ; разъ ночью, онъ велѣлъ солдатамъ своимъ напасть на нихъ и всѣхъ перебить. Впрочемъ убійства не прекратились, а продолжались еще пять сутокъ. Какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ городахъ Италіи, приверженцы аристократической партіи терпѣли самыя жестокія преслѣдованія. Нѣсколько тысячъ римскихъ гражданъ, въ числѣ которыхъ находились знаменитѣйшіе, образованнѣйшіе и благороднѣйшіе люди Рима, были умерщвлены тогда. Октавій, одинъ изъ консуловъ, былъ убитъ по повелѣнію Цинны, во всѣхъ знакахъ консульскаго достоинства, а другой, Мерула, бѣжалъ отъ своихъ преслѣдователей въ храмъ божества, жрецомъ котораго онъ былъ, и тамъ лишилъ себя жизни у подножья жертвенника. Безпощадною жестокостью довелъ Марій до самоубійства бывшаго своего товарища въ кимврской войнѣ, Лутація Катула; напрасно многіе умоляли его пощадить жизнь этого человѣка, сердце Марія было недоступно милосердію, и Катулъ самъ лишилъ себя жизни. Марій велѣлъ умертвить Марка Антонія, величайшаго оратора своего времени, и выставить его голову сначала на одномъ изъ своихъ пиршествъ, а потомъ передъ ораторской трибуной въ народномъ собраніи. Большая часть приверженцевъ Суллы, находившихся тогда въ Италіи, погибла; самъ Сулла, по требованію Марія, былъ объявленъ врагомъ отечества. Но и самые ревностные друзья Суллы не могли дѣйствовать въ его пользу лучше его враговъ. Система террора, ознаменовавшая возвращеніе Марія, страшная свирѣпость, выказанная имъ на 70-ти лѣтнемъ возрастѣ, и жестокость, съ которою онъ дѣйствовалъ преимущественно противъ всѣхъ людей образованныхъ и отличавшихся утонченными нравами, заставили всѣхъ лучшихъ гражданъ прибѣгнуть къ Суллѣ. Къ нему обратились теперь всѣ, вѣрившіе еще въ возможность сохраненія древняго государственнаго устройства. Къ тому же ни Марій, ни Цинна не были способны стоять во главѣ государства; оба они умѣли только повелѣвать и убивать, а для поддержанія государства необходимы было новыя учрежденія. Цинна и Марій сами назначили себя консулами на слѣдующій годъ (88 г. до р. Х.), но вскорѣ по вступленіи ихъ въ должность, извѣстія и побѣдахъ, одержанныхъ Суллою надъ Митридатомъ, привели въ трепетъ ихъ партію. Къ несчастью для нея, единственный человѣкъ, который, какъ полководецъ, могъ бы еще помѣриться съ Суллою, престарѣлый Марій, умеръ на семнадцатый день своего седьмаго консульства.

7. Событія въ Азіи отъ смерти Антіоха III до окончанія войны между Митридатомъ IV и Суллою.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разсказу о дальнѣйшихъ событіяхъ первой междоусобной войны, намъ необходимо бросить взглядъ на состояніе греческихъ государствъ Востока, потому что тамъ создалъ себѣ Сулла могущество, которое дало ему средства побѣдить своихъ противниковъ въ Римѣ и достигнуть единовластія. Въ продолженіе послѣдняго столѣтія греческія государства въ Азіи становились все въ большую и большую зависимость отъ Рима. Внутреннее состояніе этихъ государствъ осталось совершенно такимъ же, какимъ было во времена Антіоха III. Поэтому во всемірной исторіи нѣтъ надобности упоминать о всѣхъ событіяхъ и происшествіяхъ, въ которыхъ состояніе это выражалось внѣшнимъ образомъ; мы должны указать только нѣкоторые главные факты, свидѣтельствующіе объ упадкѣ греческихъ царствъ въ Азіи, и, сверхъ того, обратить вниманіе

на два государства, снова достигшія цвѣтущаго состоянія и снова получившія нѣкоторое временное значеніе.

Въ Сиріи за Антіохомъ III слѣдовалъ длинный рядъ царей, подъ управленіемъ которыхъ, вслѣдствіе споровъ за престолонаслѣдіе, господства временщиковъ, безумнаго произвола царей, недостатка въ деньгахъ, возстанія іудеевъ и возраставшаго могущества пареянъ, государство болѣе и болѣе клонилось къ упадку и уменьшалось въ своемъ объемѣ. Римляне обращались съ этими царями, какъ съ своими вассалами, а около половины послѣдняго столѣтія до р. X. обратили всю эту страну въ римскую провинцію. Между тѣмъ въ сирійскомъ царствѣ, не смотря на дурныхъ правителей, постоянныя внутреннія волненія и безпрерывныя нападенія извнѣ, сохранились еще богатство и промышленость, а впослѣдствіи, когда, по уничтоженіи римской республики, внутреннія силы Рима оживили и отдаленныя области имперіи, въ Сиріи, также какъ и въ прочихъ провинціяхъ, промышленость и торговля снова достигли цвѣтущаго состоянія.

Во время распаденія сирійскаго царства евреи, находившіеся въ рабствѣ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, снова, на короткое время, возвратили свою самостоятельность. Со времени возвращенія ихъ изъ плѣна, не смотря на ихъ подчиненіе другимъ народамъ, для нихъ наступили счастливыя времена. Давно уже переставъ заниматься исключительно однимъ земледѣліемъ, они обратили свою дѣятельность преимущественно на промышленость и торговлю и распространились по всей Азіи. Въ Александріи и Киренѣ они составляли значительную часть населенія, своею ловкостью и бережливостью пріобрѣли огромное значеніе для торговли всего царства и вслѣдствіе того пользовались покровительствомъ лучшихъ изъ Птолемеевъ. Тогда произошло то же самое, что въ наше время, когда ихъ перестали угнетать и преслѣдовать: еврейская нація почувствовала, что для того, чтобы вполнѣ воспользоваться выгодами благосостоянія, ей необходимо отказаться отъ своей народной замкнутости, мѣшавшей ея развитію, и усвоить себѣ образованіе сосѣднихъ народовъ. Александрійскіе евреи сдѣлались полу-греками, и въ самой Палестинѣ, даже между лицами, имѣвшими притязаніе на званіе верховныхъ жрецовъ, находились очень многіе, старавшіеся согласить религіозные идеи и обряды своего народа съ греческими и вообще подчинить политикѣ все относящееся до религіи. Этому стремленію нанесъ сильный ударъ Антіохъ IV, царь сирійскій, подданными котораго были евреи и который вздумалъ заставить ихъ перемѣнить вѣру; онъ хотѣлъ силою произвести перемѣну, которая могла совершиться только сама собою и въ теченіе извѣстнаго времени. Этимъ онъ снова возбудилъ фанатизмъ еврейскаго народа и вызвалъ религіозную войну, имѣвшую весьма важныя послѣдствія для Палестины и Сиріи. Впрочемъ религія была сначала только поводомъ къ насиліямъ сирійскаго царя, которыя онъ совершалъ болѣе изъ корысти и желанія отмстить евреямъ за ихъ сопротивленіе.

Антіохъ IV, царствовавшій съ 176 по 164 г. до р. X., до вступленія своего на престолъ, жилъ нѣкоторое время въ Римѣ и тамъ въ кругу высшаго общества усвоилъ себѣ нравы и пороки, испортившіе его прекрасный отъ природы характеръ и сдѣлавшіе его бичемъ подвластныхъ ему народовъ. Въ римѣ онъ привыкъ къ неумѣреному употребленію вина и впослѣдствіи въ состояніи опьяненія доходилъ до безумія, хотя нельзя отрицать, что въ своемъ нормальномъ состояніи онъ обнаруживалъ мощную энергію и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокую проницательность и знаніе людей. Даже грабя храмы, (что преимущественно и сдѣлало его имя ненавистнымъ евреямъ и христіанамъ), онъ руководствовался не одной корыстью и страстью къ роскоши, а, какъ это можно заключить по многимъ другимъ его предпріятіямъ и правительственнымъ мѣрамъ, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ той идеи, что для государства будетъ полезнѣе, если большія денежныя суммы не будутъ изъяты изъ обращенія въ видѣ священныхъ сокровищъ, составляющихъ мертвый капиталъ. Антіохъ возбудилъ противъ себя евреевъ и массу народа разграбленіемъ іерусалимскаго храма, который, подобно всѣмъ храмамъ древности, былъ вмѣстѣ торговымъ банкомъ и сберегательною кассою для вдовъ и сиротъ. Со времени разграбленія храма, евреи постоянно выказывали ему свою глубокую ненависть, и, однажды, получивъ ложное извѣстіе о его смерти, напали даже на приверженцевъ сирійскаго правительства; онъ отплатилъ имъ

тѣмъ же и произвелъ страшную рѣзню въ Іерусалимѣ. Евреи, принадлежавшіе къ сирійской партіи, и льстецы, имѣвшіе большое вліяніе на Антіоха, воспользовались упорствомъ народа и вытребовали у царя новыя повелѣнія относительно водворенія въ государствѣ религіознаго единства, а исполненіе этихъ постановленій повело къ новымъ жестокостямъ и притѣсненіямъ. Сначала евреи уступили силѣ обстоятельствъ, но звѣрство сирійскихъ чиновниковъ, доведя народъ до отчаянія, вынудило его къ сопротивленію и возстанію. Такимъ образомъ именно въ то время, когда евреи стали равнодушнѣе къ религіи своихъ отцевъ и начали усвоивать себѣ греческіе нравы и образованіе, гнетъ сирійскаго владычества пробудилъ въ нихъ новую ревность къ національной религіи, и преслѣдованія сирійцевъ спасли народъ іудейскій и его государство отъ конечнаго разложенія. Намѣстники и полководцы Антіоха страшно неистовствовали подъ предлогомъ выполненія законовъ своего повелителя объ установленіи общей государственной религіи: огромныя пространства были обращены въ пустыни, сокровища храма и частныхъ людей разграблены, и люди свободные преданы всевозможнымъ истязаніямъ или обращены въ рабство. Несчастные евреи убѣдились наконецъ, что при открытомъ сопротивленіи имъ не будетъ хуже, чѣмъ при безусловномъ повиновеніи, и одинъ мужественный священникъ воспользовался настроеніемъ народа, чтобы возбудить его къ возстанію.

Священникъ Матаѳія взялся за оружіе, когда его хотѣли принудить принести жертву языческимъ богамъ; убивъ одного сирійскаго начальника, онъ ушелъ въ горы и собралъ вокругъ себя толпу предпріимчивыхъ людей. Вслѣдъ затѣмъ сирійскіе воины напали на нѣсколько сотъ евреевъ, укрывшихся въ пещерѣ для празднованія субботы; въ этотъ день евреи не брали въ руки оружія и были всѣ перебиты. Матаѳія воспользовался этимъ страшнымъ событіемъ, чтобы одушевить своихъ соотечественниковъ къ борьбѣ за вѣру (176 г. до р. Х.). Обстоятельства благопріятствовали распространенію возстанія, возбужденнаго Матаѳіею; фанатизмъ и вновь воскресшая любовь къ отечеству вдохнули въ евреевъ такое мужество, какого они никогда необнаруживали со временъ Давида, и Маккавеи, какъ называли Матаѳію и его потомковъ, основали свободное іудейское царство и династію, которая стала процвѣтать въ то самое время, когда все болѣе и болѣе падала династія Селевкидовъ. Самъ Матаѳія недолго пережилъ свои первые успѣхи; онъ умеръ черезъ годъ послѣ возстанія. Сынъ его, Іуда Маккавей, котораго онъ назначилъ своимъ преемникомъ, палъ въ битвѣ нѣсколько лѣтъ спустя (161 до р. Х.) послѣ очень успѣшной войны противъ Сиріи. Два другіе сына Матаѳіи, оставшіе послѣ смерти Іуды во главѣ освобожденнаго народа, Іонаѳанъ (отъ 161—143 до р. Х.) и Симонъ (143—135 до р. Х), не только удержали за собою пріобрѣтенныя ими преимущества, но и воспользовались, какъ нельзя лучше, спорами Селевкидовъ о престолонаслѣдіи. Сынъ Симона, Іоаннъ Гирканъ (135—107) достигъ даже того, что царь сирійскій призналъ его независимымъ властителемъ Палестины. Сынъ и преемникъ Іоанна Гиркана, Аристовулъ I (107—105) принялъ царскій титулъ, тогда какъ его предшественники не носили никакого титула. Но уже съ Іоанномъ Гирканомъ начала ослабѣвать энергія рода Маккавеевъ и охладѣла ревность евреевъ къ національной вѣрѣ. Споры за обладаніе престоломъ, возстанія, восточное высокомѣріе царей, ненавист и преслѣдованіе сектъ составляютъ главныя черты позднѣйшей исторіи Маккавеевъ, и царство іудейское мало-по-малу подпало точно также, какъ и всѣ другія восточныя государства, подъ владычество римлянъ.

По заключеніи мира между римлянами и Антіохомъ III, Малая Азія распалась на множество мелкихъ государствъ, сдѣлавшихся послѣ постояннаго соперничества и междоусобій, легкою добычею римлянъ. Важнѣйшія изъ этихъ государствъ были Виѳинія, Пергамъ, Родосъ и Понтъ. Правители Виѳиніи, раболѣпствуя передъ римлянами, въ дѣйствительности давно уже перестали быть царями. Не только Прусій I, жившій во время войны ихъ съ Персеемъ, но и сынъ его Прусій II и внукъ Никомедъ II, были самыми низкими льстецами римлянъ. Никомедъ достигъ престола отцеубійствомъ и, отличаясь жестокостью и деспотизмомъ, еще менѣе могъ возвысить свою фамилію и свой престолъ во мнѣніи народовъ, а тогда только одно общественное мнѣніе и могло обезпечивать азіатскимъ царямъ ихъ независимость отъ римлянъ. Казалось, что сынъ его, Ни-

комедъ III, въ началѣ хотѣлъ преслѣдовать ту же цѣль, какъ и могущественный соперникъ римлянъ Митридатъ IV Понтійскій, но вскорѣ потомъ онъ оставилъ ее и сталъ розыгрывать въ отношеніи къ римлянамъ ту же самую роль, какъ и его предшественники. Онъ оставилъ, по завѣщанію, свое царство римлянамъ, и съ тѣхъ поръ Виѳинія исчезаетъ изъ исторіи (75 до р. X.).

Гнусное раболѣпство пергамскихъ царей передъ римскимъ народомъ, хитрость и ловкость, съ которыми они пользовались милостью и покровительствомъ своихъ повелителей для своего возвышенія на счетъ сосѣдей, обратились почти въ пословицу. Правда, владѣтели Пергама сохранили при этомъ, преимущественно передъ всѣми азіатскими правителями, свою древнюю славу какъ покровители науки, искусства и промышлености; но это не могло спасти ихъ царство отъ общей участи всѣхъ греко-азіатскихъ государствъ. Наконецъ пергамское царство стало быстро клониться къ паденію, когда съ Атталомъ III, преемникомъ дяди своего Аттала II, власть перешла къ человѣку, который, не наслѣдовавъ отъ своихъ предшественниковъ ни ума, ни любви ихъ къ наукѣ и искусству, отличался только своимъ мрачнымъ, жестокимъ и почти безумнымъ характеромъ. Атталъ III подозрѣвалъ вездѣ измѣну, велѣлъ умертвить большую часть членовъ своего семейства, и передъ смертью назначилъ наслѣдниками своего царства римлянъ (133 до р. X.). Событіе это произошло въ самый разгаръ волненій, возбужденныхъ въ Римѣ Гракхами, и такое совпаденіе дало одному изъ туземцевъ поводъ къ попыткѣ освободить своихъ соотечественниковъ отъ иноземнаго владычества и захватить въ свои руки власть. Аристоникъ, какъ звали этого претендента, былъ побочный сынъ одного изъ послѣднихъ пергамскихъ царей и отъ того римляне смотрѣли на него съ презрѣніемъ, но по понятіямъ азіатцевъ онъ имѣлъ точно такія же права на престолъ, какъ и законный сынъ царя. Такъ смотрѣли на него пергамцы, единодушно принявшіе его сторону и поддерживавшіе его нѣсколько лѣтъ противъ союзниковъ Рима—царей Виѳиніи, Понта и Каппадокіи. Войско, высланное противъ него римлянами въ 131 г. до р. X., было разбито на голову; но и онъ потерпѣлъ пораженіе на слѣдующій же годъ, когда противъ него выступилъ консулъ Маркъ Перперна. По взятіи въ плѣнъ Аристоника, римляне должны были вести войну еще цѣлый годъ, потому что большая часть городовъ не хотѣла признавать ихъ владычества. Наконецъ, по подчиненіи ихъ, Пергамъ былъ объявленъ римскою провинціею и получилъ названіе Азіи.

Новая провинція Азія, распространявшаяся все болѣе и болѣе и наконецъ обнявшая собою всю Малую Азію, терпѣла болѣе всѣхъ другихъ провинцій отъ притѣсненій намѣстниковъ и откупщиковъ, которыя, какъ мы уже говорили выше, составляли общее бѣдствіе всѣхъ римскихъ провинцій. Поборы ихъ въ Малой Азіи важны не только для характеристики римскаго владычества, но имѣли непосредственное вліяніе на страшную борьбу, которую велъ съ римлянами Митридатъ VI понтійскій. Поэтому мы должны сказать о нихъ нѣсколько подробнѣе. Малая Азія была отдана въ жертву притѣсненіямъ римскихъ должностныхъ лицъ, преимущественно передъ другими провинціями, вслѣдствіе процвѣтанія ея торговли и скопленія несмѣтныхъ богатствъ во многихъ ея храмахъ, резиденціяхъ и торговыхъ городахъ. Чѣмъ значительнѣе было богатство, тѣмъ сильнѣе были притѣсненія, и злополучные малоазійцы не могли и думать объ облегченіи своей участи, потому что тѣ же самые всадники, которые прежде въ званіи откупщиковъ производили притѣсненія, со времени Гракховъ засѣдали въ судѣ, разбиравшемъ дѣла по управленію провинціями. Такимъ образомъ имъ приходилось терпѣть болѣе другихъ провинцій отъ того главнаго недостатка римскаго законодательства, что отправленіе правосудія въ Римѣ было не должностью, а привиллегіею, или, другими словами, отъ того, что тамъ господствовала вмѣстѣ аристократія рожденія, таланта и богатства, надъ которою не было никакой власти, которая, какъ мы видимъ это въ Англіи, не дозволяла бы имъ уклоняться отъ прямаго пути. Несчастные малоазійцы страдали подъ римскимъ владычествомъ еще болѣе, чѣмъ страдаютъ они въ наше время подъ управленіемъ турецкихъ намѣстниковъ. Турки находятся постоянно подъ страхомъ наказаній и не всегда могутъ скрыть свое хищничество отъ высшихъ начальниковъ, сосѣдей и преемниковъ; напротивъ того, римлянинъ при печальномъ состояніи государственнаго

устройства и администраціи своего отечества былъ увѣренъ въ сохраненіи за собою награбленныхъ имъ сокровищъ и въ полной безнаказанности. Даже римляне, болѣе кроткіе и справедливые, чѣмъ большинство намѣстниковъ, управляя какою нибудь провинціею, въ самое короткое время составляли себѣ огромное состояніе. Ни одинъ изъ нихъ не могъ оградить своихъ подчиненныхъ отъ угнетенія и лихоимства откупщиковъ; если когда нибудь римскій чиновникъ осмѣливался вооружиться противъ этихъ кровопійцъ, то ему рано или поздно приходилось непремѣнно платиться за свое вмѣшательство. Печальнымъ доказательствомъ этого можетъ служить благородный Публій Рутилій Руфъ. Будучи, въ 121 г. до р. Х., квесторомъ одного мало-азійскаго намѣстника, Рутилій соединился съ нимъ для искорененія произвола и притѣсненій римскихъ откупщиковъ и капиталистовъ. Ему удалось помѣшать ихъ преступному ремеслу и доставить облегченіе своей провинціи. Но сословіе всадниковъ никогда не простило это Руфу, и отомстило ему черезъ 28 лѣтъ. Въ 93 г. до р. Х. капиталисты взвели на него обвиненіе въ лихоимствѣ, выступили лже-свидѣтелями и тѣмъ вѣрнѣе могли погубить его, что судьями были люди изъ ихъ же сословія, защищавшіе свои собственные интересы. Самый благородный, чистый и строгій человѣкъ своего времени пострадалъ отъ печальнаго состоянія римскаго судоустройства и былъ изгнанъ изъ отечества. Но мало-азійскіе города не забыли всего того, что сдѣлалъ для нихъ Руфъ; они приняли его съ необыкновенными почестями и одинъ изъ знаменитѣйшихъ между ними, Смирна, предложилъ ему права гражданства.

Родосцы, по смерти Александра Великаго захватившіе въ свои руки почти всю торговлю восточной части Средиземнаго моря, снова лишились своего значенія подъ верховнымъ владычествомъ Рима. Римляне, воспользовавшись ими въ борьбѣ противъ Филиппа III и Антіоха III, впослѣдствіи старались всячески притѣснять ихъ и уничтожить ихъ могущество. Съ этою цѣлью они возвысили островъ Делосъ, объявивъ его вольнымъ портомъ (портофранка) и этимъ весьма скоро достигли своей цѣли: Делосъ сдѣлался тѣмъ же, чѣмъ до тѣхъ поръ былъ Родосъ, т. е. средоточіемъ торговли Эгейскаго моря, а родосцы потерпѣли отъ этого такія значительныя потери, что ихъ пошлины и портовые сборы въ короткое время уменьшились въ шесть разъ противъ прежняго.

Между всѣми мало-азійскими государствами самымъ важнымъ въ исторіи всемірнаго владычества римлянъ былъ Понтъ, но значеніе его зависѣло не отъ его положенія и государственнаго устройства, и не отъ современныхъ событій, а исключительно отъ личности одного человѣка, Митридата VI, царя понтійскаго, и потому скоро исчезло. Цари Каппадокіи, Пафлагоніи и Понта были счастливѣе другихъ мало-азійскихъ властителей; благосостояніе ихъ, упроченное цвѣтущимъ состояніемъ греческихъ торговыхъ городовъ, находившихся въ ихъ владѣніяхъ, и усвоеніемъ греческихъ нравовъ и учрежденій, продолжало развиваться, въ то время какъ надъ другими государствами, ихъ сосѣдями, тяготѣло уже во всей своей силѣ владычество римлянъ. Впрочемъ Каппадокія и Пафлагонія пришли также въ зависимость отъ Рима. Напротивъ того, Понтъ не только сохранилъ свою самостоятельность, но при Митридатѣ VI сдѣлался на короткое время даже господствующею державою на Востокѣ. Родъ царей понтійскихъ происходилъ изъ глубокой древности (стр.467), но могущество ихъ возрасло только тогда, когда стали приходить въ упадокъ царства виѳинское и пергамское. При Митридатѣ V, помогавшемъ римлянамъ противъ Аристоника, оно было значительно увеличено; въ награду за свою услугу Митридатъ получилъ отъ нихъ не только часть Фригіи, но и позволеніе занять Пафлагонію, на которую онъ имѣлъ законныя притязанія. Конечно вскорѣ послѣ этого римляне воспользовались малолѣтствомъ Митридата VI и распрею его съ матерью, чтобы снова присоединить къ себѣ обѣ страны.

Митридатъ VI или Великій, наслѣдовавшій отцу своему въ 124 г. до р. Х., считается обыкновенно величайшимъ изъ государей, но мы можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ только на столько, на сколько сила характера, энергія, хитрость и другія свойства хорошаго правителя заслуживаютъ по восточнымъ понятіямъ такой похвалы. Отецъ его былъ умерщвленъ по наущеніямъ его матери; убійство матери было однимъ изъ первыхъ дѣйствій молодаго Митридата, который не могъ выносить ея властолюбія, и по смерти ея, какъ мститель

за смерть отца, принялъ названіе Эвпатора (рожденнаго отъ благороднаго отца). Жена его, вскорѣ послѣ брака, также сдѣлалась жертвою его ревности. Съ самаго начала Митридатъ выказалъ необыкновенныя умственныя и физическія способности, глубокій политическій тактъ и удивительное умѣнье пользоваться обстоятельствами, словомъ всѣ свойства великаго восточнаго монарха; но въ продолженіе всей своей жизни онъ былъ также не разборчивъ относительно средствъ, какъ при убійствѣ своей матери.

Въ самомъ началѣ своего царствованія Митридатъ задумалъ расширить предѣлы своего государства. Обстоятельства вполнѣ благопріятствовали осуществленію его плана. Римляне вели безпрерывныя и опасныя войны или были заняты внутренними безпокойствами; сирійское царство, вслѣдствіе распрей за престолонаслѣдіе, распалось на нѣсколько независимыхъ областей; обращенный въ римскую провинцію Пергамъ и находившіяся въ полной зависимости отъ римлянъ Виѳинія и Каппадокія терпѣли страшныя притѣсненія отъ корыстолюбивыхъ римскихъ вельможъ; наконецъ Великая и Малая Арменія, образовавшіяся изъ сирійскихъ провинцій послѣ побѣды римлянъ надъ Антіохомъ Великимъ, не имѣли притязаній на Малую Азію, но понимали всѣ выгоды союза съ Митридатомъ, чтобы противопоставить оплотъ дальнѣйшему распространенію римскаго владычества. Въ такомъ же положеніи находились и парѳяне, распространившіе свое господство отъ Евфрата до Инда. Митридатъ могъ помышлять объ основаніи новой азіатской имперіи и потому еще, что умѣлъ воспользоваться всѣми изобрѣтеніями и учрежденіями грековъ и оживить греческимъ духомъ варварскую энергію своего народа. Первыя его стремленія были направлены не противъ Рима; прежде всего онъ старался подчинить себѣ всѣ варварскіе народы, жившіе на берегахъ Чернаго моря, и основанныя между ними греческія колоніи для того, чтобы стать во главѣ этихъ городовъ и образовать изъ варваровъ могущественную державу подъ владычествомъ грековъ. Греки, обитавшіе по сѣвернымъ и восточнымъ берегамъ Чернаго моря и постоянно терпѣвшіе отъ хищническихъ племенъ южной Россіи и Кавказа, съ радостью видѣли распространеніе въ ихъ сосѣдствѣ понтійскаго царства, которое получило греческое устройство и тѣмъ уже обезпечивало имъ покровительство противъ враждебныхъ племенъ, а Митридатъ предоставилъ имъ тѣ же права, которыми со времени его дѣда пользовались греческія колоніи въ Малой Азіи (стр. 468). Такимъ образомъ Митридатъ присоединилъ къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ еще другое царство, простиравшееся отъ восточной границы Понта вокругъ Чернаго моря до Ѳракіи и получившее названіе Босфорскаго, отъ Босфора Киммерійскаго, на берегахъ котораго находились оба главные города его Пантикапея и Фанагорія (стр. 115).

Распространивъ свое владычество на восточныхъ и сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, Митридатъ обратился къ югу и западу, надѣясь подчинить себѣ и Малую Азію. Послѣднее предпріятіе его было гораздо труднѣе первыхъ, потому что здѣсь ему приходилось имѣть дѣло съ царствами, устроенными по греческому образцу и въ тоже время предстояло войти въ непріязненныя столкновенія съ римлянами. Прежде всего Митридатъ напалъ на Пафлагонію и Каппадокію, завоевалъ часть первой, умертвилъ малолѣтняго капподокійскаго царя, сына своей родной сестры, и захватилъ себѣ его наслѣдство. Но римляне вступились за эти страны, и Митридатъ, хотя и владѣлъ тогда громаднымп сухопутными и морскими силами, все-таки согласился предоставить это дѣло рѣшенію коммисін, присланной изъ Рима. По ея требованію онъ освободилъ Каппадокію, но вслѣдъ затѣмъ умѣлъ воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что римляне, занятые союзнической войной, не могли отправить значительнаго войска въ Азію. Въ союзѣ съ зятемъ своимъ, Тиграномъ II, царемъ Великой Арменіи, онъ въ короткое время занялъ Каппадокію, Виѳинію, Фригію и всѣ прочія области Малой Азіи (89 г. до р. Х.). Римскіе намѣстники и полководцы выставили противъ него свои войска, но Митридатъ разбилъ и разсѣялъ ихъ; потому что, хотя его собственныя войска и состояли изъ смѣшенія всевозможныхъ народовъ, но во главѣ ихъ находились только одни греческіе военачальники. Изнуренные римскимъ владычествомъ туземцы также поддерживали его, а города съ восторгомъ отворяли ему ворота; только Магнезія на Сипилѣ и островъ Родосъ остались вѣрны римлянамъ и защищались до послѣдней крайности. Сдѣлавшись обладателемъ Малой

Азіи, Митридатъ воспользовался озлобленіемъ жителей противъ римлянъ. Сначала онъ велѣлъ посадить на осла одного изъ римскихъ полководцевъ, Манія Аквилія, возбудившаго къ себѣ сильную ненависть своими поборами и военнымъ деспотизмомъ, возить его по всѣмъ главнѣйшимъ городамъ Малой Азіи и наконецъ залить ему горло растопленнымъ золотомъ. Потомъ Митридатъ устроилъ своего рода сицилійскія вечерни, приказавъ въ назначенный день перебить всѣхъ римлянъ, жившихъ въ малоазійскихъ городахъ. Это повелѣніе было исполнено жителями съ большою готовностью и стоило жизни отъ 80-ти до 150-ти тысячамъ римлянъ (88 г. до р. X.).

Митридатъ завладѣлъ также всѣми островами Эгейскаго моря, кромѣ Родоса, и отправилъ съ войскомъ и флотомъ въ Грецію лучшаго полководца своего, Архелая, чтобы предупредить римлянъ, которые готовились тогда начать противъ него войну. Архелай овладѣлъ прежде всего Аѳинами; когда они выслали къ нему на встрѣчу посольство, онъ добровольно уступилъ имъ нѣкоторые изъ завоеванныхъ острововъ, подарилъ захваченныя на островѣ Делосѣ священныя сокровища и, отправивъ съ этими сокровищами въ Аѳины одного изъ аѳинскихъ пословъ, философа Аристіона, далъ ему для прикрытія двѣ тысячи человѣкъ. Съ помощью этихъ солдатъ Аристіонъ утвердилъ свое господство въ городѣ и заключилъ тѣсный союзъ съ Митридатомъ. Сдѣлавъ Аѳины своею главною квартирою, Архелай велѣлъ объявить свободу всей Греціи. Беотія, Ахаія и Спарта тотчасъ же соединились съ нимъ для борьбы противъ Рима, и уже власть Митридата грозила распространиться на прочіе города Греціи и Македонію, когда появился Сулла и остановилъ успѣхи войскъ Митридата (87 г. до р. X.).

8. Сулла и Митридатъ VI.

Уничтоживъ своихъ враговъ въ Римѣ, Сулла поспѣшно посадилъ свое войско на корабли и поплылъ съ нимъ прямо къ Аѳинамъ. Высадившись на берегъ, онъ началъ осаду этого города, который Архелай защищалъ такъ искусно, что защита эта можетъ назваться величайшимъ военнымъ подвигомъ знаменитаго понтійскаго полководца. При осадѣ и взятіи Аѳинъ Сулла поступалъ съ крайнею жестокостью и не пощадилъ имущества ни боговъ, ни простыхъ смертныхъ. Онъ не задумался разграбить храмы дельфійскій и олимпійскій и другія греческія святилища, и, чтобы взять скорѣе Аѳины, велѣлъ опустошить прекрасную увеселительную рощу Академіи и всѣ памятники въ окрестностяхъ города, казавшіеся всему міру священными и неприкосновенными со времени Платона и Аристотеля. Пять разъ Сулла безуспѣшно водилъ свои войска на приступъ, и только послѣ шестаго приступа городъ очутился въ его рукахъ. Неистовство римскихъ солдатъ не имѣло предѣловъ: правда, Сулла пощадилъ великолѣпные памятники искусства, находившіеся въ городѣ, но тѣмъ съ большимъ остервенѣніемъ свирѣпствовали его хищныя и кровожадныя толпы противъ гражданъ; въ Пиреѣ же онъ самъ велѣлъ сжечь всѣ зданія и даже знаменитый аѳинскій арсеналъ, художественное произведеніе, возбуждавшее общее удивленіе. Жителей города постигла бы вѣроятно еще худшая участь,если бы нѣкоторые аѳиняне, изгнанные прежде изъ отечества за свою преданность римлянамъ, не вымолили имъ пощады. Потерявъ Аѳины, Архелай отступилъ въ Беотію. Очень хорошо понимая, что ему съ его варварскими ордами невозможно бороться съ римскимъ войскомъ, предводимымъ Суллою, онъ не хотѣлъ вступать съ нимъ битву, но товарищъ его, Таксиллъ, былъ другаго мнѣнія и при Херонеѣ заставилъ его дать сраженіе, окончившееся ихъ пораженіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ вторично разбитъ при Орхоменѣ. Въ послѣднемъ сраженіи счастье благопріятствовало сначала Митридату; войска Суллы начали отступать и онъ былъ бы непремѣнно разбитъ, еслибы не успѣлъ во время ободрить ихъ. Соскочивъ съ коня, онъ вырвалъ знамя изъ рукъ знаменосца и одинъ бросился на встрѣчу непріятелю, закричавъ бѣжавшимъ солдатамъ; «я предпочитаю смерть бѣгству; и когда васъ спросятъ потомъ, гдѣ вы измѣнили вашимъ полководцамъ, отвѣчайте: и при Орхоменѣ.» Пристыженные солдаты остано-

вились, сомкнули свои ряды, ринулись снова на непріятелей и одержали рѣшительную побѣду.

Сулла получилъ такое высокое мнѣніе о воинскихъ способностяхъ Архелая, что во многихъ случаяхъ выказывалъ ему особенное уваженіе; воспользовавшись расположеніемъ римскаго полководца, Архелай, у котораго послѣ двукратнаго пораженія уцѣлѣлъ только флотъ, заключилъ миръ, выгодный для своего повелителя. Ему помогло еще то обстоятельство, что Цинна и Марій, получивъ перевѣсъ въ Римѣ, стали жестоко преслѣдовать приверженцевъ Суллы, и тогда же отправили въ Грецію войско подъ предводительствомъ консула Люція Валерія Флакка, которому поручили вести войну противъ Митридата вмѣсто смѣщеннаго Суллы. Архелай предложилъ своему противнику оставить Малую Азію за Митридатомъ, обѣщавъ для борьбы съ партіею Марія помощь деньгами, войскомъ и кораблями. Не смотря на исключительное положеніе, въ которомъ находился Сулла, онъ имѣлъ еще настолько національной гордости, чтобы отвергнуть подобный договоръ. Архелай согласился на другія условія, весьма выгодныя для Суллы. Хитрый Митридатъ, понимавшій, что предстоящая междоусобная война между Суллою и его противниками вскорѣ доставитъ ему благопріятный случай къ новымъ завоеваніямъ, далъ полномочіе своему полководцу окончить войну на какихъ бы то ни было условіяхъ. Архелай обѣщалъ отъ имени своего государя, что занятыя имъ Виѳинія, Каппадокія и Галатія будутъ возвращены ихъ прежнимъ владѣтелямъ, а Пафлагонія и провинція Азія отданы въ распоряженіе римлянъ, и что сверхъ того самъ Сулла получитъ 2,000 талантовъ (около 2 ½ мил., руб. сер.,) и семьдесятъ военныхъ кораблей. По заключеніи мира, Сулла двинулся къ Геллеспонту, чтобы оттуда перебраться въ Малую Азію. Митридатъ медлилъ выполненіемъ договора, ожидая битвы между Суллою и азіатскимъ войскомъ приверженцевъ Марія и надѣясь извлечь изъ нея выгоду для себя, но вскорѣ онъ принужденъ былъ согласиться на договоръ, еще менѣе выгодный, потому что въ нѣкоторыхъ странахъ Малой Азіи вспыхнули противъ него возстанія, а легатъ Суллы, Луцій Лициній Лукуллъ, появился на Геллеспонтѣ съ флотомъ, собраннымъ въ Родосѣ, Египтѣ и другихъ странахъ, для переправы римскаго войска въ Малую Азію.

Суллѣ предстояло тогда сразиться еще съ римскимъ войскомъ, отправленнымъ противниками его въ Азію. Войско это находилось сначала подъ командою Валерія Флакка, избраннаго консуломъ по смерти Марія, но такъ какъ онъ не отличался военными талантами, то въ легаты ему назначили развратнаго и безнравственнаго Кая Флавія Фимбрія, пользовавшагося репутаціею искуснаго полководца. Видя, что его начальникъ дѣлаетъ ошибку за ошибкою, онъ рѣшился воспользоваться его неспособностью, чтобы свергнуть его и самому занять его мѣсто. Недовольство солдатъ, озлобленныхъ противъ Флакка за его строгость и начавшихъ перебѣгать къ Суллѣ, обнаружившееся въ Ѳессаліи, облегчило Фимбрію достиженіе его цѣли. Напавъ однажды на консула и умертвивъ его, онъ объявилъ себя предводителемъ войска и съ тѣхъ поръ искусно и счастливо велъ войну съ Митридатомъ. Самъ царь едва не попался къ нему въ плѣнъ. Онъ принудилъ Митридата укрыться въ одномъ маленькомъ приморскомъ городкѣ, и, окруживъ его съ сухаго пути, просилъ легата Суллы, Лукулла, стоявшаго по близости съ своимъ флотомъ, запереть гавань; но Лукуллъ не хотѣлъ ни принять посла Фимбріи, ни помочь ему покончить войну съ Митридатомъ и такимъ образомъ далъ царю возможность бѣжать. Вскорѣ послѣ того былъ заключенъ миръ между Суллою и Митридатомъ, и Сулла тотчасъ же обратился противъ Фимбріи, съ войскомъ котораго онъ уже вступилъ въ переговоры. Ставъ лагеремъ подлѣ самаго войска Фимбріи, онъ всевозможными уловками сталъ переманивать къ себѣ солдатъ своего противника, потребовавъ въ то же время, чтобы Фимбрія сложилъ съ себя незаконно присвоенное имъ начальство. Фимбрія отвѣчалъ, что самъ Сулла, какъ объявленный внѣ закона, не имѣетъ права начальствовать надъ римскимъ войскомъ. Оба согласились рѣшить дѣло битвою, но войска Фимбріи отказались сражаться противъ своихъ согражданъ. Напрасно употреблялъ онъ все свое краснорѣчіе, чтобы побудить ихъ къ сраженію; они толпами стали переходить къ Суллѣ, и Фимбрія принужденъ былъ приступить къ переговорамъ. Сулла не хотѣлъ и слышать ни о какихъ условіяхъ, соглашаясь только оставить

своему противнику жизнь; Фимбрія же, присвоивши себѣ званіе полководца, ни за что не хотѣлъ возвращаться такъ постыдно къ частной жизни и предпочелъ окончить свою жизнь самоубійствомъ. Онъ исполнилъ свое намѣреніе съ твердостью, рѣшимостью и спокойствіемъ, достойными лучшаго человѣка (84 г. до р. X).

Сулла передалъ начальство надъ легіонами Фимбрія одному изъ своихъ легатовъ, поручивъ ему возстановить на престолѣ царей Виѳиніи и Каппадокіи. Самъ же прошелъ по всей провинціи Азіи, чтобы наказать жителей за отпаденіе ихъ отъ Рима и умерщвленіе поселившихся между ними римлянъ. Сулла поступилъ съ нею, какъ съ страною завоеванною, и Малая Азія никогда уже не могла выйти изъ того бѣдственнаго положенія, въ которое онъ повергнулъ ее. Города, храмы и общественныя зданія были опустошены, и несчастные жители не только должны были доставлять солдатамъ Суллы роскошное содержаніе, двойной комплектъ одежды и ежедневное жалованье $3^1/_2$ руб. сер. на каждаго рядоваго и и почти втрое болѣе на каждаго военачальника, но и выплатить за пять лѣтъ подати, въ количествѣ около 26 милліоновъ руб. Чтобы уплатить такую громадную сумму, нѣкоторые города были принуждены занять деньги у римскихъ капиталистовъ и заплатить за то неслыханные проценты, уплата которыхъ навсегда уничтожила благосостояніе страны.

9. Сулла властитель Рима.

Въ то время, какъ Сулла опустошалъ войною Грецію и Малую Аізю, Италія испытывала всѣ ужасы междоусобной распри и тысячи людей приносились въ жертву мщенію и корыстолюбію партій. Кто хотѣлъ спасти себя, тотъ долженъ былъ бѣжать къ Суллѣ или къ немногочисленному войску, находившемуся еще въ Италіи и непризнававшему власти новыхъ тирановъ. Число сенаторовъ, перешедшихъ къ Суллѣ, было такъ велико, что онъ могъ составить изъ нихъ полный анти-сенатъ. Но болѣе всего помогла ему неистовая ярость его противниковъ и ихъ система управленія; они дѣйствовали въ его пользу лучше, чѣмъ бы могъ дѣйствовать самъ Сулла или его друзья. Партія Марія позволила даже консулу Валерію Флакку провести законъ, по которому заимодавцы имѣли право требовать отъ своихъ должниковъ только четвертую часть занятой у нихъ суммы. Впрочемъ исключительно употреблявшіяся въ началѣ насильственныя мѣры, которыя никогда не были одобряемы Цинною, прекратились со смертью Марія; но произволъ господствовалъ по прежнему. Партія Марія была тѣмъ сильнѣе встревожена извѣстіями о побѣдахъ Суллы, что, по смерти Марія и Фимбріи, у нихъ не оставалось ни одного человѣка, способнаго командовать войскомъ. Цинна, стоявшій во главѣ партіи и бывшій консуломъ четыре года сряду (87—84 г. до р. X.), умеръ вскорѣ по высадкѣ Суллы въ Италію; изъ прочихъ же вождей съ Суллою и его полководцами не могли соперничать ни Кней Папирій Карбонъ, бывшій, по смерти Валерія Флакка, два года товарищемъ Цинны, ни оба консула 83 г. до р. X., ни Кай Марій Младшій, заступившій ихъ мѣсто въ товариществѣ Папирія Карбона и наслѣдовавшій отъ своего отца только жестокость и суровость. Единственный способный человѣкъ изъ этой партіи, Серторій, не пользовался почти никакимъ вліяніемъ.

При извѣстіи о предстоявшемъ возвращеніи Суллы, Цинна немедленно принялъ необходимыя мѣры, чтобы встрѣтить его по ту сторону Адріатическаго моря и недопустить до переправы въ Италію. Онъ собралъ войско и уже намѣревался посадить его на суда въ Анконѣ, какъ вдругъ между его солдатами вспыхнулъ мятежъ, во время котораго онъ былъ убитъ (84 г. до р. X.). Управленіе дѣлами перешло тогда въ руки совершенно неспособнаго товарища его по консульству, Кнея Папирія Карбона, который ни въ какомъ уже случаѣ не въ состояніи былъ исполнить того, что не удалось Циннѣ. Собранное войско состояло большею частью изъ ненадежной, не привыкшей къ дисциплинѣ толпы, а всѣ мѣры, принятыя партіею Марія, никуда не годились. Въ началѣ слѣдующаго года (83 г. до р. X.) Сулла высадился въ Брундузіумѣ. Онъ привелъ съ собою не болѣе 40 тысячъ человѣкъ, но солдаты его были закалены въ походахъ и питали къ нему

безграничную преданность. Множество знатныхъ римлянъ примкнули къ нему или тотчасъ же по высадкѣ или вскорѣ потомъ, и въ короткое время большинство сената собралось въ его лагерѣ. Квинтъ Цецилій Метеллъ Пій, сынъ Метелла Нумидійскаго, и, впослѣдствіи сдѣлавшійся столь знаменитымъ, Маркъ Лициній Крассъ собрали войско въ Африкѣ, куда они бѣжали отъ преслѣдованій Марія и Цинны, и поспѣшили съ нимъ на помощь къ Суллѣ. Лициній Лукуллъ, братъ соименнаго ему легата Суллы, и Кней Помпей, сынъ Помпея Страбона, получившій впослѣдствіи названіе Великаго, точно также набрали войска въ Италіи и привели ихъ къ Суллѣ. Помпей, не смотря на то, что ему было только 23 года, обнаружилъ такія блестящія способности, что Сулла оказывалъ ему предпочтеніе передъ самыми знаменитыми военачальниками. Вообще всѣ талантливые полководцы находились на сторонѣ Суллы, между тѣмъ какъ тогдашніе консулы, Луцій Корнелій Сципіонъ, сынъ Сципіона азіатскаго, и Кай Норбанъ Флаккъ, не отличаясь ни искусствомъ, ни мужествомъ, не могли даже разсчитывать на преданность своихъ войскъ. Вскорѣ по высадкѣ Суллы, Норбанъ былъ разбитъ и потерялъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Сципіона же хитрый Сулла задерживалъ разными переговорами такъ долго, что успѣлъ отвлечь отъ него солдатъ и переманить ихъ на свою сторону. Но, не смотря на эти побѣды, Сулла не могъ тотчасъ же двинуться къ Риму, потому что большинство итальянцевъ принадлежало къ противной партіи; ему приходилось бороться съ ними, а между тѣмъ противники его успѣли выставить противъ него новыя войска. Полтора года длилась борьба и въ теченіе этого времени большая часть итальянскихъ земель была жертвою опустошеній, убійствъ, пожаровъ и грабежей.

Въ слѣдующемъ (82 г. до р. X.) консулами были избраны Папирій Карбонъ и Марій Младшій. Противъ П. Карбона, который долженъ былъ защищать Этрурію и Умбрію, Сулла отправилъ Метелла и другихъ полководцевъ, а самъ выступилъ противъ Марія, задумавшаго остановить его движеніе на Римъ. Карбонъ былъ разбитъ на голову и бѣжалъ въ Африку, Сулла же напалъ на Марія близъ латинскаго города Сакрипорта, нанесъ ему рѣшительное пораженіе, велѣлъ перебить большую часть его войска и принудилъ его отступить поспѣшно къ Пренестѣ, гдѣ онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ Сулла двинулся къ Риму, гдѣ не задолго передъ тѣмъ, при извѣстіи о пораженіи Марія, были перебиты всѣ его приверженцы. Городъ безъ всякаго сопротивленія отворилъ свои ворота побѣдителю, но Сулла скоро оставилъ его, чтобы помѣшать своимъ противникамъ освободить Пренесту. Предпріятіе это удалось ему вполнѣ. Въ то же время другое войско, составленное изъ самнитовъ и луканцемъ, спѣшило къ Риму подъ предводительствомъ Понція Телезина, Лампонія и Гутты, чтобы снова вырвать этотъ городъ изъ рукъ приверженцевъ Суллы. Узнавъ объ этомъ, Сулла немедленно возвратился въ Римъ, настигъ непріятельское войско еще передъ городскими воротами и тотчасъ же вступилъ съ нимъ въ битву. Въ продолженіе всей войны ему не случалось ни разу выдерживать такого упорнаго и кровопролитнаго сраженія. Сначала счатье повидимому благопріятствовало его врагамъ; правое крыло Суллы, которымъ онъ самъ командовалъ, было приведено въ замѣшательство и оттѣснено назадъ, и онъ, по всей вѣроятности, проигралъ бы сраженіе, если бы Крассъ, командовавшій другимъ крыломъ, не выказалъ себя искуснымъ полководцемъ и не вырвалъ у непріятеля побѣды смѣлымъ движеніемъ своего отряда. Съ обѣихъ сторонъ кровь лилась рѣкою. Послѣ этой послѣдней и рѣшительной битвы, Сулла сталъ дѣйствовать съ безпощадною жестокостью. Созвавъ сенатъ въ храмъ богини Беллоны, онъ велѣлъ привести въ близъ лежащее зданіе шесть тысячъ плѣнныхъ самнитовъ и кампанцевъ и перебить ихъ всѣхъ, въ то самое время какъ онъ дѣлалъ сенату строгій выговоръ. «Не развлекайтесь этими воплями,» сказалъ онъ, какъ увѣряютъ, сенату, когда раздались стоны безоружныхъ плѣнниковъ; «это нѣсколько негодяевъ, которыхъ я велѣлъ проучить.» Влѣдствіе побѣды надъ итальянцами Пренеста должна была сдаться; Сулла велѣлъ совершенно хладнокровно перебить всѣхъ жителей, способныхъ носить оружіе, вмѣстѣ съ самнитскимъ гарнизономъ города, въ числѣ 12 тысячъ человѣкъ. Молодой Марій самъ умертвилъ себя при сдачѣ города.

Все это служило только прелюдіей къ тому, что вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ

Сулла для того, чтобы ввести и упрочить предположенныя имъ перемѣны. Онъ намѣревался изъ формъ древняго государственнаго устройства образовать новое, душою котораго была бы сильная аристократія, а чтобы сдѣлать ее непоколебимою, Сулла, не стѣсняясь ничѣмъ, рѣшился уничтожить все, что противорѣчило его планамъ или не вполнѣ соотвѣтствовало новому порядку вещей. Подобную мысль въ новѣйшее время имѣли Робеспьеръ, Сен-Жюстъ и Кутонъ, съ тою только разницею, что они думали найти опору новаго государственнаго устройства въ толпахъ, а Сулла, для поддержки своихъ учрежденій, искалъ ея въ высшемъ классѣ общества и старался доставить ему перевѣсъ убійствами и кровью. Человѣкъ, какъ Сулла, усвоившій себѣ всю образованность и испорченность своего вѣка, стоявшій на той недосягаемой высотѣ счастія, гдѣ все божественное и человѣческое, жизнь тысячи людей, всѣ ихъ знанія, мнѣнія и вѣрованія казались ничтожными и достойными презрѣнія, человѣкъ, который все видѣлъ, всѣмъ насладился и усталъ отъ всего, который, стоя во главѣ ста двадцати тысячнаго, а можетъ быть и вдвое сильнѣйшаго войска, не пощадилъ въ Греціи и Малой Азіи ни одного святилища, купался въ потокахъ крови и смотрѣлъ безъ сожалѣнія на страшныя бѣдствія, имъ причиненныя,—такой человѣкъ конечно былъ способнѣе Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона дать грядущимъ поколѣніямъ новыя формы государственнаго устройства, пожертвовавъ для этого цѣлымъ поколѣніемъ, которое не могло отрѣшиться отъ своего прошедшаго. Подобно названнымъ нами дѣятелямъ французской революціи, онъ объявлялъ открыто и вовсеуслышаніе, что всѣ враги новаго, замышляемаго имъ порядка вещей должны умереть, и, выполняя свои намѣренія, также мало отступалъ отъ своихъ словъ, какъ и французскіе террористы.

Вскорѣ по избіеніи пренестинцевъ, Сулла собралъ римскій народъ и объявилъ ему, что рѣшился для общаго блага предпринять перемѣны въ государственномъ устройствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ истребить всѣхъ своихъ враговъ и враговъ народа. Затѣмъ онъ велѣлъ прибить на площадяхъ проскрипціонные списки; въ которые внесены были имена всѣхъ, обреченныхъ имъ на смерть. За убійство кого--нибудь изъ внесенныхъ въ эти списки была обѣщана каждому награда въ два таланта (около 3000 руб. сер.), рабу дозволялось убивать своего господина, сыну—отца. Имѣніе проскриптовъ перешло къ новому повелителю Рима и все ихъ потомство было объявлено исключеннымъ отъ всякихъ общественныхъ должностей; но, что было всего возмутительнѣе, сыновья осужденныхъ сенаторовъ, лишаясь наслѣдства и всѣхъ преимуществъ своего сословія, должны были нести всѣ его повинности, тогда какъ члены всякой сенаторской фамиліи несли ихъ потому только, что пользовались нѣкоторыми преимуществами. Такая жестокая мѣра была еще не слыхана въ Римѣ. Всѣ ужасы, совершенные аристократами во времена Гракховъ или какимъ нибудь Сатурниномъ, Сульпиціемъ и Маріемъ, были ничтожны въ сравненіи съ дѣйствіями Суллы; никогда еще ни одному римлянину не приходило въ голову торжественно осудить на смерть всю массу своихъ противниковъ, отобрать у нихъ имущества и обогатить на ихъ счетъ разбойниковъ и убійцъ. Сулла впервые ввелъ въ употрбленіе эти страшныя мѣры, разрушившія между римлянами всѣ взаимныя отношенія, основанныя на довѣріи; но къ несчастью, образъ его дѣйствій нашелъ себѣ слишкомъ ревностныхъ подражателей въ послѣдующихъ узурпаторахъ и императорахъ римскихъ. Впослѣдствіи онъ увеличилъ почти вдвое проскрипціонные списки, обнародованные въ первый день, и при составленіи ихъ дѣйствовалъ точно такъ же, какъ поступали во время французской революціи со списками эмигрантовъ. Жертвами проскрипцій сдѣлались не только всѣ, поднявшіе оружіе противъ Суллы, но та же участь постигла и совершенно невинныхъ, и между прочимъ каждаго, кто обнаруживалъ сочувствіе къ осужденному или оказывалъ ему покровительство. Разбойники и убійцы, бывшіе орудіями Суллы, пользовались проскрипціями для внесенія въ списки своихъ кредиторовъ и личныхъ враговъ. Сдѣлавшійся впослѣдствіи столь извѣстнымъ, Катилина, передъ тѣмъ убившій своего брата, чтобы избѣжать наказанія, велѣлъ внести и его въ списокъ проскриптовъ. Такимъ же образомъ погибли нѣкоторые изъ приверженцевъ Суллы. Самъ онъ смотрѣлъ на все это совершенно равнодушно: уничтоженіемъ всѣхъ противниковъ онъ думалъ приготовить прочное основаніе для своихъ новыхъ учрежденій,—что же значило для него если бы погибло тысячъ 10 человѣкъ больше или меньше. Принципы, которыми онъ руководствовался, и безпощадное упорство, съ которымъ онъ при-

лагалъ ихъ къ дѣлу, ясно видны, какъ въ образѣ его дѣйствій во время этихъ сценъ убійства, такъ и въ многознаменательныхъ словахъ, произнесенныхъ имъ по одному случаю. Онъ выказывалъ холодную и обдуманную жестокость какого нибудь африканскаго владѣтеля негровъ и давалъ аудіенціи въ то самое время, какъ головы проскриптовъ валялись у ногъ его; и когда, однажды, одинъ изъ сенаторовъ спросилъ его когда окончатся казни, онъ совершенно хладнокровно отвѣчалъ, что и самъ еще не знаетъ, и тотчасъ же велѣлъ обнародовать новый списокъ проскриптовъ. Число умерщвленныхъ, вслѣдствіе проскрипцій Суллы, достовѣрно неизвѣстно, но, по приблизительному исчисленію, число всѣхъ гражданъ, погибшихъ во то время отъ проскрипцій и въ междоусобной войнѣ, простиралось до 100 тысячъ; число же первыхъ полагаютъ въ 40 тысячъ и между ними 2,600 всадниковъ, 90 сенаторовъ и 15 человѣкъ, бывшихъ нѣкогда консулами.

Умертвивъ нѣсколько тысячъ своихъ согражданъ безъ всякаго на то права, по одному произволу, Сулла старался придать дальнѣйшимъ своимъ дѣйствіямъ видъ законности и для того заставилъ провозгласить себя диктаторомъ, соединяя съ этимъ званіемъ понятіе, котораго оно никогда прежде не имѣло. Онъ велѣлъ избрать себя не на шесть мѣсяцевъ и не для одной какой-либо опредѣленной правительственной цѣли (какъ это бывало всегда при назначеніи диктаторовъ), а на неопредѣленное время и для произвольнаго преобразованія государственнаго устройства. Даже самый способъ избранія былъ совершенно необыкновенный. До тѣхъ поръ былъ избранъ не сенатомъ, а народомъ, одинъ только диктаторъ, Фабій Максимъ Кунктаторъ, послѣ битвы при Тразименскомъ озерѣ. Это послужило примѣромъ, и народу было предписано слѣдующее: Сулла избирается диктаторомъ на такой срокъ, какой понадобится ему для введенія новой правительственной организаціи, и ему предоставляется полномочіе дать государству такіе формы и законы, какіе онъ признаетъ самыми лучшими. Этою неограниченною властью Сулла воспользовался для введенія аристократическаго устройства, на сколько оно соотвѣтствовало его воззрѣніямъ. Онъ не думалъ сначала провозглашать себя неограниченнымъ властелиномъ Рима и основать монархію, потому что страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ была въ немъ сильнѣе честолюбія, а честь сдѣлаться тираномъ, по его мнѣнію, не стоила сопряженныхъ съ нею трудовъ и опасностей. Но, чтобы въ случаѣ нужды придать своимъ повелѣніямъ болѣе силы, онъ образовалъ для себя родъ кліентовъ и тѣлохранителей изъ десяти тысячъ рабовъ, принадлежавшихъ вельможамъ, подвергшимся проскрипціи, и привязалъ ихъ неразрывными узами къ своей судьбѣ тѣмъ, что не только освободилъ ихъ, но далъ имъ еще права гражданства, часть конфискованныхъ имѣній, и назвалъ ихъ по своей фамиліи корнеліанцами. Самъ Сулла принялъ въ это время прозвище Феликса, т. е. счастливаго, приписывая всѣ свои успѣхи не достоинствамъ своимъ, а одному только счастью.

Монтескьё приписалъ Суллѣ намѣреніе насильно возвратить римскій народъ къ его древнимъ нравамъ, но очевидно, что онъ оказалъ ему этимъ слишкомъ много чести, потому что если бы дѣйствительно Сулла имѣлъ это намѣреніе, то конечно началъ бы свои преобразованія съ самого себя, а не предавался бы до конца жизни сладострастью и всѣмъ чувственнымъ наслажденіямъ. Сулла никогда и не думалъ о возстановленіи древняго государственнаго устройства; напротивъ того, онъ хотѣлъ основать новую аристократію и сдѣлать навсегда невозможнымъ демократію. Разумѣется, онъ старался связать свои учрежденія съ древними формами государственнаго устройства и вообще удержать изъ стараго все, что было возможно. Законы, посредствомъ которыхъ онъ стремился достигнуть своей цѣли и которые по имени его были названы законами Корнелія, были такъ же мудры, какъ жестоки мѣры, которыми онъ хотѣлъ приготовить для нихъ почву. Нѣтъ сомнѣнія, что было бы гораздо лучше, если бы онъ понялъ, что не аристократія, а только хорошо устроенная конституціонная монархія представляла собою форму правленія, наиболѣе соотвѣтствовавшую потребностямъ тогдашнихъ римлянъ. Возобновленіе званія диктатора, которое уже болѣе ста лѣтъ, казалось, совсѣмъ вышло изъ употребленія, было несравненно страннѣе, чѣмъ основаніе монархіи, потому что диктатура его была тираніею и военнымъ деспотизмомъ, а такое насильственное господство, водворившееся однажды, могло служить заразительнымъ примѣромъ для каждаго предпріимчиваго полководца.

Желая придать аристократіи болѣе силы и могущества, Сулла лишилъ народныхъ трибуновъ ихъ прежняго вліянія, постановивъ, чтобы въ эту должность избирались только одни сенаторы, по принятіи этого званія навсегда лишавшіеся права занимать какую-нибудь другую должность. Кромѣ того онъ ограничилъ veto трибуновъ опредѣленными случаями и поставилъ его въ зависимость отъ рѣшенія сената. Самый сенатъ, значительно уменьшившійся во время бурь междоусобной войны, онъ усилилъ назначеніемъ въ него трехъ сотъ новыхъ членовъ изъ сословія всадниковъ. Сулла увеличилъ также и число должностныхъ лицъ; квесторовъ—до двадцати, преторовъ—до восьми, а верховныхъ жрецовъ и авгуровъ—до пятнадцати. Далѣе онъ постановилъ правиломъ, чтобы при раздачѣ должностей соблюдалась извѣстная постепенность, и пополненіе состава коллегіи верховныхъ жрецовъ, перешедшее въ послѣднее время къ народу, предоставилъ по прежнему ея собственному избранію. Подобными мѣрами онъ думалъ уничтожить вліяніе нѣкоторыхъ фамилій и возстановить снова могущество аристократіи, превратившейся въ олигархію. Онъ старался также положить предѣлъ притязаніямъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вельможъ, издавъ постановленіе, по которому сенатъ только въ присутствіи опредѣленнаго числа членовъ имѣлъ право пріостанавливать дѣйствіе законовъ. По той же причинѣ онъ запретилъ полководцамъ и намѣстникамъ начинать войну безъ дозволенія сената, что прежде случалось довольно часто. Сулла возвратилъ сенату право суда, отнятое у него со времени Кая Гракха, и въ то же время издалъ строгія постановленія противъ злоупотребленій судебною властью. Онъ старался также ослабить тиранію римлянъ надъ провинціями и союзными государствами и вообще связать интересы ихъ жителей съ интересами господствующей аристократіи, чтобы тѣмъ дать ей еще болѣе возможности держать въ зависимости народныя массы въ Римѣ и денежную аристократію всадниковъ. Сюда относятся между прочимъ изданные имъ законы противъ лихоимства и подлоговъ. Для возвышенія глубоко упавшей нравственности римлянъ, онъ установилъ особыми законами строгія наказанія противъ нарушенія супружеской вѣрности, отравленія, лжесвидѣтельства, поддѣлки документовъ и монеты и другихъ преступленій. Какъ превосходны были подобныя постановленія и лежавшія въ основаніи ихъ намѣренія, такъ вредны были два другихъ закона. Однимъ изъ нихъ подтверждались его распоряженія относительно имуществъ и потомства проскриптовъ, и слѣдовательно значительное число гражданъ навсегда устранялось отъ занятія правительственныхъ должностей. Другимъ —было положено основать въ Италіи нѣсколько колоній, и въ нихъ переселить на счетъ государства, въ награду за ихъ заслуги, всѣхъ гражданъ (въ числѣ 120 тысячъ), служившихъ нѣкогда подъ начальствомъ Суллы. Для выполненія этой послѣдней мѣры, Сулла велѣлъ истребить и изгнать изъ ихъ жилищъ жителей городовъ и областей, обнаружившихъ враждебное расположеніе къ нему.

Сулла не достигъ цѣли, къ которой были направлены его реформы, потому что не могъ измѣнить духа времени, а собственный его примѣръ наносилъ такой вредъ, котораго не искупали всѣ предпринятыя имъ перемѣны. Лучшіе изъ его законовъ совсѣмъ не были приведены въ исполненіе или оставались въ силѣ не долгое время, тогда какъ начатыя имъ проскрипціи и конфискаціи имуществъ производились впослѣдствіи въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Гибельные примѣры его и его друзей не только еще болѣе развратили нравы, но и парализировали всѣ законы, имѣвшіе цѣлью очищеніе общественной нравственности, а чрезмѣрная расточительность и распутство, которымъ предавался онъ самъ и всѣ его окружающіе, сдѣлали невозможнымъ задуманное имъ возстановленіе настоящей аристократіи и должны были только содѣйствовать образованію новой олигархіи. Съ тѣхъ поръ, по примѣру Суллы и его друзей, всякій, кому удавалось достигнуть высшихъ должностей, окружалъ себя такою же пышностью, которую ввелъ въ употребленіе Сулла. Долги и зависимость однѣхъ фамилій отъ другихъ снова стали распространяться между аристократіею, постоянно увеличиваясь, по мѣрѣ умноженія должностныхъ лицъ, вслѣдствіе закона Суллы о должностяхъ. Еще при жизни Суллы, его друзья Лукуллъ, Помпей, Крассъ, Метеллъ и другіе образовали новую олигархію. Самъ онъ пользовался такою неограниченною властью, какой до него не достигалъ еще ни одинъ римлянинъ, а всемогущее вліяніе, предоставленное имъ своему служителю, Х р и с о г о н у, было

для римлянъ прелюдіей того владычества отпущенниковъ и наперсниковъ, которое сто лѣтъ спустя достигло такого страшнаго развитія при императорахъ.

Сулла удерживалъ предоставленную ему чрезвычайную власть въ продолженіе двухъ лѣтъ (81 и 80 г. до р. Х.): въ первый годъ онъ велѣлъ избрать двухъ консуловъ, которые были совершенно подчиненными ему лицами, а во второй самъ былъ и диктаторомъ и консуломъ, назначивъ себѣ товарищемъ Метелла Пія. На третій годъ (79 до р. Х.) онъ не только отказался отъ консульства, но совершенно неожиданно сложилъ съ себя диктаторскую власть; утомленный нравственно и физически, онъ стремился только къ покою и наслажденіямъ и могъ оставить дѣла съ полною увѣренностью, что никто не осмѣлится измѣнить ни одной буквы въ его постановленіяхъ, и что если только ему вздумается, онъ во всякое время можетъ захватить себѣ прежнюю власть. Противниковъ, которые могли бы помѣряться съ нимъ силами, у него болѣе не оставалось: всѣ они были совершенно уничтожены въ первые два года его диктаторства, бѣжавъ послѣ пораженія ихъ войска въ Сицилію, Африку и Испанію. Бѣжавшіе въ Испанію, которыми начальствовалъ Серторій, были разбиты однимъ изъ легатовъ Суллы и принуждены скрыться въ отдаленной части полуострова. Впрочемъ Папирію Карбону, Кнею Домицію Агенобарбу, зятю Цинны, и другимъ противникамъ Суллы удалось собрать въ Сициліи и Африкѣ до 20 тысячъ человѣкъ и привлечь на свою сторону одного изъ значительныхъ нумидійскихъ владѣтелей, Гіарба. Противъ нихъ Сулла отправилъ своего любимца Помпея, доставивъ ему еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ случай заслужить себѣ общее уваженіе и сдѣлаться съ той минуты однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ исторіи. Сулла, считавшій себя больше баловнемъ судьбы, чѣмъ великимъ человѣкомъ, оказывалъ Помпею предпочтеніе передъ всѣми своими полководцами, потому что въ самыхъ первыхъ подвигахъ его замѣтилъ ту же благосклонность судьбы, которая во времена его собственной юности отдала ему въ руки Югурту и покрыла его такою славою въ войнѣ съ кимврами. Конечно, вникнувъ глубже во всѣ обстоятельства, мы не найдемъ ничего удивительнаго въ томъ, что Помпей уже на двадцать третьемъ году жизни могъ играть такую значительную роль. Во время союзнической войны отецъ его, Кней Помпей Страбонъ, истребилъ почти всѣхъ пиценовъ и водворилъ въ ихъ странѣ новое поселеніе, которое съ того времени считало себя чѣмъ-то въ родѣ кліентовъ его и его фамиліи. Сверхъ того разными постыдными средствами онъ составилъ себѣ громадное богатство и тѣмъ далъ своему сыну возможность еще болѣе утвердить свое наслѣдственное вліяніе. По смерти Цинны, молодой человѣкъ, не занимая никакой общественной должности, составилъ себѣ въ Пиценумѣ особый отрядъ, привлекъ къ себѣ остатки войска своего отца, и съ этою собственно имъ созданною силою пошелъ на встрѣчу къ Суллѣ. Дорогою онъ наткнулся на консула Сципіона, который, лишившись своихъ войскъ, перешедшихъ къ Суллѣ, составилъ себѣ новую армію; переманивъ отъ него и это войско, Помпей присоединилъ его къ своему. Разбивъ потомъ Папирія Карбона, думавшаго преградить ему путь, онъ наконецъ благополучно соединился съ Суллою. Сулла былъ до такой степени восхищенъ подвигами молодаго человѣка, что при первой же встрѣчѣ привѣтствовалъ его императоромъ,—почетнымъ титуломъ, который давался очень рѣдко и только отличнѣйшимъ полководцамъ. Съ тѣхъ поръ Сулла выказывалъ всегда чрезвычайное расположеніе къ Помпею, чему, можетъ быть, содѣйствовало и то, что изъ всѣхъ окружавшихъ Суллу этотъ молодой человѣкъ изъявлялъ наибольшую готовность исполнять всѣ насильственныя мѣры своего начальника. Послѣ того Помпей продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ междоусобной войнѣ въ Италіи и былъ отправленъ Суллою противъ его враговъ, бѣжавшихъ въ Сицилію и Африку. Помпей разбилъ и взялъ въ плѣнъ Папирія Карбона; но онъ обезчестилъ себя, подвергнувъ самому недостойному униженію, а потомъ и смертной казни, этого человѣка, который нѣкогда передъ судомъ спасъ его состояніе. Изъ Сициліи Помпей отправился въ Африку, для веденія войны противъ Домиція и Гіарба. Во главѣ шести легіоновъ ему не трудно было побѣдить обоихъ враговъ, всѣ силы которыхъ онъ уничтожилъ однимъ ударомъ. Двадцати четырехлѣтній Помпей (81 г. до р. Х.) возвратился въ Римъ, ослѣпленный счастьемъ, увѣнчанный побѣдою и гордый сознаніемъ, что Сулла преимущественно ему обя-

занъ былъ утвержденіемъ своего владычества. Съ этого времени Сулла перестал. довѣрять ему и дружба ихъ стала охладѣвать, хотя хитрый диктаторъ остерегался возстановить противъ себя молодаго человѣка, умѣвшаго до такой степени привязать къ себѣ войско.

Сложивъ съ себя диктаторскую власть, Сулла удалился отъ дѣлъ и отправился въ свое кампанское помѣстье. Здѣсь онъ предался вполнѣ необузданной чувственности и сладострастью. Распутство его было причиною отвратительной болѣзни, которая черезъ годъ послѣ его отрѣченія окончила его жизнь мучительною смертью. Преемникомъ его славы и главою аристократической партіи сдѣлался Кней Помпей Великій, обязанный ему первымъ своимъ счастьемъ и которому онъ самъ былъ обязанъ частью своихъ побѣдъ.

КОНЕЦЪ 1-ГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

I. Восточные народы.

II. Народы Греко-Римскаго періода.

ИСТОРІЯ ГРЕКОВЪ.

ИСТОРІЯ РИМЛЯНЪ.